КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ЯНВАРЬ

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ЯНВАРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20-го января 1882 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1882 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ I. 1882 г.

Январь.

Февраль.

Мартъ.

Богданъ Хмелницкій
Гетманъ

Кіевъ, его судьба и значеніе

съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569).

При изученіи исторіи Кіева и всей юго западной Руси мы находимъ въ дошедшихъ до насъ источникахъ значительный пробѣлъ. Съ того времени, какъ кончились свѣдѣнія южныхъ лѣтописей въ исходѣ XIII столѣтія и до появленія новаго цикла лѣтописныхъ и архивныхъ извѣстій во второй половинѣ XVI вѣка, исторію южной Руси мы привыкли или обходить молчаніемъ, или, что гораздо хуже для исторической истины, очерчивать судьбы ея нѣсколькими штрихами, состоящими изъ общихъ мѣстъ и догадокъ, выдаваемыхъ за историческую характеристику, основанную будто бы на фактическихъ данныхъ.

Одно изъ такихъ общихъ мѣстъ, установившихся съ конца XVI столѣтія и, вслѣдствіе частаго повторенія, сдѣлавшихся общепринятымъ историческимъ убѣжденіемъ, составляетъ то мнѣніе, будто послѣ Батыева нашествія Кіевъ былъ превращенъ въ развалины, кіевская область совершенно опустѣла и перестала принимать какое-бы то ни было участіе въ политической и культурной жизни Руси. Опираясь на это общее положеніе и желая объяснить себѣ происхожденіе населенія, существовавшаго въ краѣ, по свидѣтельству историческихъ источниковъ конца XVI столѣтія, многіе историки пытались объяснить дѣло гипотезами болѣе или менѣе тенденціозными, не лишенными смѣлости, но къ несчастію не основанными ни на какихъ фактическихъ данныхъ. Такъ съ одной стороны Погодинъ предположилъ, что населеніе южной Руси будто поголовно убѣжало отъ татарскаго нашествія на сѣверъ, (замѣтимъ, гораздо болѣе юга пострадавшій отъ монголовъ) и мѣ-

сто его заняло новое племя, спустившееся съ Карпатъ на днѣпровскія равнины, причемъ переселеніе цѣлыхъ народныхъ массъ произошло будто ни для кого незамѣтно и не оставило никакого слѣда въ бытописаніи. Съ другой стороны пробѣломъ историческихъ свѣдѣній воспользовались польскіе писатели: Грабовскій, Шайноха и другіе и, настаивая на мысли мнимаго запустѣнія края, колонизовали его польскими выходцами, забывая при томъ пояснить, почему эти выходцы, пришедшіе будто-бы съ береговъ Вислы, представляютъ въ XVI вѣкѣ сплошную массу съ характеромъ русской, а не польской народности. Туманъ историческій, сгущаясь все болѣе и болѣе отъ частаго повторенія вымысловъ и фантастическихъ прикрасъ, сталъ сбивать съ пути и такихъ писателей, которые должны были-бы отличать въ данномъ случаѣ тенденціозность польскихъ писателей и нѣсколько болѣе критически относиться къ прошлому своей родины. Въ этомъ отношеніи, полагаю, достаточно указать, какъ на образецъ увлеченія чуждою исторической истины теоріею, на введеніе въ „исторію возсоединенной Руси" г. Кулиша.

Между тѣмъ, вглядѣвшись безъ предъубѣжденія въ тѣ немногія, но точныя историческія свѣдѣнія, какія дошли до насъ о судьбѣ южной Руси съ XIII по XVI столѣтіе, мы не можемъ не признать, что общепринятое мнѣніе о запустѣніи ея въ это время есть не болѣе какъ историческій миражъ. Батыево разореніе есть послѣднее постигшее Кіевъ бѣдствіе, записанное древними русскими лѣтописями; затѣмъ, послѣ долгаго перерыва, въ XVI столѣтіи, путешественники, посѣщавшіе Кіевъ или писавшіе о немъ: Герберштейнъ, Гваньини, Ляссота, Гейденштейнъ и пр., описываютъ развалины, загромоздившія нагорную часть Кіева, и сожалѣютъ объ упадкѣ величія этого, нѣкогда знаменитаго, города. Уже съ исхода XVI вѣка мы замѣчаемъ у лѣтописцевъ стремленіе связать и сопоставить оба факта, какъ причину и послѣдствіе. Стремленіе это выражается у составителей лѣтописныхъ сводовъ дополненіями и приставками совершенно произвольныхъ подробностей къ исторіи Батыева погрома. Въ древнѣйшемъ извѣстіи о взятіи Кіева Батыемъ, записанномъ въ ипатской лѣтописи, указано только разрушеніе десятинной церкви, своды которой обрушились подъ тяжестью столпившагося на нихъ народа; затѣмъ о разрушеніи города нѣтъ вовсе упоминаній; говорится лишь, что изъ Кіева Батый прошелъ по Волыни, разрушилъ нѣсколько городовъ, другіе миновалъ или не успѣлъ взять и, по совѣту плѣннаго боярина Дмитрія, не оста-

навливаясь на пути, поспѣшилъ ворваться въ Венгрію, чтобы захватить эту страну въ расплохъ, а въ обратномъ пути его указываются грабежи, причиненные татарами въ сѣверной части волынскаго Полѣсья. Несомнѣнно, страна, лежавшая на западъ отъ Днѣпра, пострадала отъ орды въ весьма слабой степени, сравнительно, напримѣръ, съ разореніемъ земель ростовской или рязанской; между тѣмъ никому изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ и историковъ не приходитъ въ голову утверждать, что земли эти запустѣли вслѣдствіе Батыева погрома; происходитъ же это лишь потому, что о послѣдующей судьбѣ тѣхъ земель позднѣйшіе составители лѣтописныхъ сводовъ и историки находили цѣлый рядъ послѣдовательныхъ сказаній въ дошедшихъ до нихъ лѣтописяхъ, между тѣмъ какъ свѣдѣній такихъ о кіевской землѣ не имѣли и позднѣйшее запустѣніе города пытались объяснить послѣднимъ, извѣстнымъ имъ, бѣдственнымъ событіемъ. Такъ въ лаврентіевскомъ лѣтописномъ спискѣ, дошедшемъ до насъ въ редакціи конца XIV столѣтія, въ той части его, которая составлена уже не въ кіевской землѣ, а въ ростовской, вмѣсто обстоятельнаго и исполненнаго подробностей разсказа ипатской лѣтописи, помѣщена краткая только замѣтка, но къ ней прибавлено нѣсколько фразъ объ ограбленіи церквей и поголовномъ истребленіи жителей Кіева. Составитель густинскаго списка, не смотря на то, что пользовался при составленіи своего свода ипатскимъ спискомъ, не ограничился его извѣстіями, но прибавилъ къ нимъ нѣсколько фразъ о разореніи города: „татаре изсѣкше людей безъ числа, а прочихъ связанныхъ въ плѣнъ поведоша, а градъ Кіевъ огнемъ и монастырѣ всѣ запалиша". Воскресенскій сводъ дополняетъ эту картину разоренія еще болѣе печальными подробностями; по его словамъ: „иные (жители) бѣжаша въ дальные страны, иные-же крыяхуся въ пещерахъ земныхъ и въ горахъ и въ лѣсѣхъ". Наконецъ Кіевскій Синопсисъ, сводя разсѣянные въ лѣтописяхъ легендарные наросты, изображаетъ слѣдующую картину: „татаре всея Россіи стольный и во всей подсолнечной славный царственный градъ Кіевъ взяша, церкви божественныя разориша, городъ и мѣсто огнемъ сожегоша, людей иныхъ посѣкоша, а иныхъ плѣниша и все государство кіевское ни во что обратиша". Затѣмъ слѣдуетъ подробный разсказъ о разореніи окончательномъ кіево-печерскаго монастыря и храма. Такимъ образомъ, посредствомъ постоянныхъ наростовъ и украшеній, къ концу XVII столѣтія составилась полная картина разоренія Кіева

и запустѣнія кіевской области, освобождавшая писателей отъ дальнѣйшаго разсказа о ея судьбѣ, что было-бы для нихъ весьма затруднительно за отсутствіемъ источниковъ. Успокоившись на томъ, что объ исторіи пустыни писать нечего, лѣтописцы и историки свободно переходили изъ Кіева къ исторіи великаго княженія владимірскаго и московскаго и продолжали разсказъ, пользуясь источниками лѣтописными, уцѣлѣвшими въ сѣверо-восточной Руси. По разъ проложенному пути пошли дальнѣйшіе историки и установилось мнѣніе, что въ теченіи трехъ столѣтій о южной Руси, запустѣвшей и какъ бы изчезнувшей, слѣдуетъ умалчивать, такъ какъ полагать должно, что все это время она не могла оправиться отъ погрома.

Къ счастью, однако, составители лѣтописныхъ сводовъ были слишкомъ добродушны и владѣли слишкомъ слабыми критическими пріемами для того, чтобы тенденціозно провести придуманную гипотезу. Пользуясь краткими, доходившими до нихъ замѣтками о кіевской землѣ, они добросовѣстно вносили ихъ въ свои своды, не замѣчая противурѣчія, въ которомъ замѣтки эти находились съ сказаніемъ о Батыевомъ разореніи. Постараемся свести хотя нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ съ половины XIII по конецъ XIV столѣтія, чтобы убѣдиться, насколько картина запустѣнія Кіева и его области не подтверждается даже тѣми источниками, которые подали поводъ къ ея возникновенію.

Исторія всей второй половины XIII столѣтія пространно описана въ концѣ ипатской лѣтописи: мы не только не усматриваемъ въ разсказѣ этой лѣтописи признаковъ запустѣнія юго-западной Руси, но, напротивъ того, можемъ прослѣдить постепенный ростъ могущества галицко-волынскаго княжества подъ управленіемъ Даніила Романовича и его ближайшихъ наслѣдниковъ. Но сверхъ исторіи этого княжества, ипатская лѣтопись сообщаетъ въ данное время весьма интересныя извѣстія о земляхъ: подольской, болоховской, потетеревской, звягельской (двѣ послѣднія входили въ составъ кіевской области) и т. д., добровольно подчинившихся монголамъ и состоявшимъ въ зависимости отъ хановъ на весьма льготныхъ условіяхъ. Собственно о кіевской области лѣтопись говоритъ мало, такъ какъ область эта не входитъ въ районъ, избранный лѣтописцемъ, но по нѣсколькимъ намекамъ видно, что Кіевъ не былъ превращенъ въ пустыню. Подъ 1250 г. разсказано пребываніе Даніила Романовича на пути въ орду въ выдубецкомъ монастырѣ, а подъ 1257-мъ упоминается о намѣ-

реніи Даніила завоевать съ помощью литовцевъ Звягель и Кіевъ. Изъ помѣтокъ занесенныхъ въ густинскій сводъ, мы видимъ, что съ 1243—1249 г. Кіевъ находился подъ властью Ярослава Всеволодовича на основаніи ярлыка, полученнаго имъ отъ хана; затѣмъ на томъ-же основаніи владѣли Кіевомъ Александръ Ярославичъ (1249—1263) и Ярославъ Ярославичъ (1263—1271). Въ XIV столѣтіи таже лѣтопись называетъ кіевскихъ князей: Ѳеодора (1331—1362), Владиміра Ольгердовича (1362—1392), Скиргайла Ольгердовича (1392—1396) и Іоанна Борисовича (1396—1399).

Относительно состоянія города и украшавшихъ его церквей въ данное время мы находимъ весьма точныя свѣдѣнія. Кіево-печерскій монастырь и церковь его продолжали существовать въ XIII и XIV столѣтіяхъ: такъ подъ 1274 годомъ густинская и воскресенская лѣтописи занесли фактъ посвященія архимандрита кіево-печерскаго Серапіона въ епископы во Владиміръ. Подъ 1289 годомъ, при описаніи похоронъ волынскаго князя Владиміра Васильковича, упоминается другой архимандритъ кіево-печерскій—Агапитъ. Третій архимандритъ того-же монастыря, Давидъ, извѣстенъ какъ духовникъ второй жены Ольгерда. Въ концѣ XIV столѣтія мы имѣемъ свѣдѣнія о погребеніи въ кіево-печерскомъ монастырѣ многихъ знатныхъ лицъ: нареченнаго митрополита Діонисія (1385 г.), князя Іоанна (Скиргайла) Ольгердовича (1396 г.) и князя Владиміра Ольгердовича. Въ 1399 году кіево-печерскій монастырь, откупаясь отъ орды Темиръ-Кутлука, напавшей на Кіевъ, далъ татарамъ „окупу 30 рублевъ". Такія-же данныя можно привести и о сохранности кіево-софійскаго храма: въ 1280 году въ соборѣ кіевскомъ погребенъ былъ митрополитъ Кириллъ, скончавшійся въ Переяславѣ суздальскомъ. Въ 1288—1289 годахъ митрополитъ Максимъ рукополагалъ „въ святѣй Софіи въ Кіевѣ" Іакова въ епископы владимірскіе и Тарасія—въ ростовскіе. Замѣтимъ притомъ, что послѣдній изъ нихъ до рукоположенія своего былъ игуменомъ въ кіевскомъ богословскомъ монастырѣ. Съ 1375 по 1380 г. и потомъ съ 1382 по 1390 г. въ Кіевѣ, на митрополичьемъ дворѣ, у св. Софіи, жилъ непризнанный въ Москвѣ Дмитріемъ Ивановичемъ митрополитъ Кипріянъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ никоновская лѣтопись описываетъ его второй пріѣздъ въ Кіевъ: „пришедъ въ Кіевъ на свое мѣсто митропольское въ соборной церкви кіевской, матери всѣмъ церквамъ русскимъ. И пріятъ былъ митрополитъ отъ всѣхъ со многою честью и сретоша его далече отъ града со кресты и князи, и боляре, и вель-

можи и народы мнози съ радостью..... и пребываше Кипріянъ митрополитъ въ кіевскихъ странахъ..... и вси послушаху и чествоваху его". Въ 1396 году, за нѣсколько дней до своей кончины, кіевскій князь Скиргайло пировалъ „на митрополичьемъ дворѣ, у святой Софьи", у намѣстника Ѳомы. Полагаемъ, что приведенныхъ фактовъ достаточно для того, чтобы устранить положеніе о совершенномъ запустѣніи края и города.

Но если мы обратимъ вниманіе на степень развитія политическаго могущества и значенія Кіева въ XIII столѣтіи, то мы должны признать несомнѣнный политическій упадокъ кіевской области. Упадокъ этотъ былъ результатомъ событій, предшествовавшихъ монгольскому нашествію; причины его заключались въ той продолжительной борьбѣ, которую вели упорно въ теченіи XII столѣтія разныя вѣтви русскаго княжескаго рода за обладаніе кіевскимъ столомъ, съ которымъ связано было представленіе о старшинствѣ и гегемоніи на Руси. Ни одна изъ княжескихъ вѣтвей не успѣла упрочиться въ кіевской области, постоянныя же ихъ распри не дозволили самой землѣ выработать сколько нибудь правильный общественный строй. Убѣдившись въ невозможности прочно овладѣть Кіевомъ и основать на этомъ владѣніи свое главенство, князья вступаютъ на новый политическій путь: они стремятся унизить Кіевъ и перенести понятіе о старшинствѣ въ русской землѣ въ другіе, новые центры. Мало по малу около новыхъ средоточій государственной силы и дѣятельности группируются разрозненныя земли, нѣкогда подвластныя великимъ князьямъ кіевскимъ. Между ними первое мѣсто по могуществу занимаютъ: Владиміръ на Клязьмѣ и прикарпатскій Галичъ; затѣмъ—на второмъ планѣ: Новгородъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Черниговъ, Рязань. Каждый изъ этихъ городовъ притягиваетъ къ себѣ болѣе или менѣе обширную территорію, къ Кіеву-же тянетъ только его коренная незначительная область—„русская земля" въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Это древнее достояніе первыхъ кіевскихъ князей заключалось въ тѣсныхъ границахъ, опредѣлявшихся теченіемъ рѣкъ Случи, Припяти, Днѣпра и Роси. Между тѣмъ какъ съузилась территорія области и, вмѣстѣ съ съ тѣмъ, падало ея политическое значеніе, князья старались ускорить это паденіе, нанося древнему политическому центру Руси все болѣе и болѣе тяжелые удары. Въ раздраженіи борьбы они не щадятъ ни спорной области, ни ея стольнаго города. Среди княжескихъ междоусобій Кіевъ подвергся два раза разоренію го-

раздо болѣе тяжелому, по словамъ современныхъ лѣтописей, чѣмъ позднѣйшее разореніе Батыево. Такъ въ 1169 году Мстиславъ Андреевичъ, во главѣ многочисленной рати, посланной Андреемъ Боголюбскимъ и его союзниками, овладѣлъ Кіевомъ и предалъ его разграбленію; три дня суздальцы и черниговцы грабили и жгли церкви и дома и хватали жителей въ полонъ. Въ 1203 году князь Рюрикъ Ростиславичъ, оспаривавшій кіевскую область у Романа галицкаго, раздраженный предпочтеніемъ, оказаннымъ кіевлянами его сопернику, овладѣлъ Кіевомъ съ помощью половцевъ и отдалъ городъ и церкви на разграбленіе, а жителей въ полонъ своимъ союзникамъ. Конечно, послѣ этихъ ударовъ, должно было оскудѣть богатство Кіева и быстро понизилось его политическое значеніе.

Въ этомъ состояніи политическаго безсилія кіевская область прожила XIII-е и большую половину XIV-го столѣтій. Она не только потеряла значеніе первенствующаго, старшаго княженія, но, среди раздробившихся русскихъ областей, занимала мѣсто второстепенное, незамѣтное. Но въ XIV столѣтіи въ судьбѣ Руси случился новый историческій поворотъ, начертавшій и для Кіева новую политическую роль на новомъ поприщѣ. Въ это время разъединенныя, ослабѣвшія русскія земли начинаютъ вновь объединяться въ болѣе крупные и прочно связанные политическіе организмы. Стремленіе это происходитъ одновременно на двухъ закраинахъ русскаго міра: между тѣмъ какъ въ сѣверо-восточной Руси, благодаря настойчивой и предусмотрительной политикѣ владимірскихъ и московскихъ великихъ князей, возникаетъ новое сильное русское государство, юго-западныя русскія земли находятъ точку опоры въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ 1362 году, вслѣдствіе побѣды, одержанной Ольгердомъ Гедиминовичемъ надъ тремя татарскими темниками, Кіевъ вмѣстѣ съ подольскою землею переходитъ безъ сопротивленія со стороны мѣстнаго населенія подъ власть великихъ князей литовскихъ, успѣвшихъ уже до того времени объединить подъ своею державою княжества: полоцкое, туровское, брянское, черниговско-сѣверское и волынское, и вскорѣ послѣ занятія Кіева овладѣвшихъ Смоленскомъ. Такимъ образомъ многочисленныя русскія земли оказались вновь соединенными въ предѣлахъ быстро развившагося русско-литовскаго государства. Государство это состояло изъ двухъ элементовъ, разнородныхъ въ этнографическомъ, религіозномъ, бытовомъ и культурномъ отношеніяхъ. Инородческое племя,

положившее начало государству и выдвинувшее изъ своей среды княжескую династію, оказалось, послѣ объединенія западно-русскихъ земель этою династіею, слабѣйшимъ и въ количественномъ, и въ культурномъ отношеніяхъ. Занимая менѣе $^1/_{10}$ доли всей территоріи великаго княжества литовскаго, литовцы не обладали ни развитою культурою, ни письменностью, ни выработанными формами общественнаго быта, ни историческою государственною традиціею. Между тѣмъ, вошедшія въ составъ литовскаго государства, русскія земли, составлявшія болѣе $^9/_{10}$ всего его пространства, принесли съ собою старую общественную культуру, выработанную продолжительною историческою жизнью и почерпавшую постоянно новыя силы въ христіанствѣ, единственномъ тогда проводникѣ высшихъ формъ развитія. При взаимномъ воздѣйствіи обоихъ національныхъ началъ, несомнѣнно—литовское должно было подчиниться русскому, заимствовать его цивилизацію и занять въ общемъ государствѣ второстепенное мѣсто. Дѣйствительно въ XIV столѣтіи, подъ руководствомъ Гедимина и Ольгерда, жизнь великаго княжества литовскаго и слагается въ этомъ направленіи. Русскія области получили, благодаря объединенію, гарантіи для спокойнаго развитія своей внутренней жизни. Литовскіе князья не только не стѣсняютъ этого развитія, но съ удивительнымъ политическимъ тактомъ и безпристрастіемъ поддерживаютъ его и постепенно подчиняются его культурному вліянію, сознавая, что государство ихъ можетъ развиться, опираясь лишь на русское народное начало. Уже во второмъ поколѣніи русское вліяніе охватываетъ княжескую семью: многочисленные сыновья Гедимина принимаютъ крещеніе по православному обряду, вступаютъ въ родственныя связи съ русскими князьями, живутъ въ русскихъ областяхъ, гдѣ усваиваютъ себѣ языкъ, бытъ, понятія, традиціи и письменность русскаго населенія. Гедиминовичи считаютъ свой родъ вступившимъ во всѣ права русскаго княжескаго рода и примѣняютъ къ себѣ всѣ понятія о княжеской власти и ея отношеніяхъ къ землѣ, выработанныя потомками Владиміра Святаго; русскій языкъ становится языкомъ разговорнымъ и оффиціальнымъ при ихъ дворѣ; на немъ пишутъ грамоты и производятъ судъ не только въ русскихъ, но и въ коренныхъ литовскихъ земляхъ. Православіе распространяется мирнымъ путемъ, незамѣтно, среди литовцевъ; еще при Гедиминѣ въ новооснованной имъ столицѣ—Вильнѣ возникаютъ православныя церкви. Ольгерда окружаетъ православная семья и духовенство и

онъ основываетъ и надѣляетъ помѣстьями православныя церкви. Такимъ образомъ западная Русь, окрѣпнувъ въ политическомъ отношеніи при починѣ литовской народности, пріобщала послѣднюю къ своей цивилизаціи путемъ мирнаго распространенія своей культуры. Къ несчастію, этотъ естественный ходъ развитія слагавшагося западно-русскаго государства встрѣтилъ неожиданную преграду вслѣдствіе внѣшней, политической комбинаціи. Сынъ и наслѣдникъ Ольгерда, великій князь Ягайло, вступивъ въ бракъ съ наслѣдницею польскаго престола, Ядвигою, сталъ королемъ польскимъ. Новое государство отвлекло его вниманіе отъ Литвы и вскорѣ этотъ слабохарактерный потомокъ Гедимина подчинился всецѣло вліянію окружившей его новой среды. Находясь подъ ея давленіемъ, онъ видоизмѣнилъ свои отношенія къ литовскимъ своимъ подданнымъ и намѣтилъ по отношенію къ нимъ то направленіе внутренней политики, котораго потомъ держались всѣ его потомки. Направленіе это состояло въ стремленіи передѣлать государственный строй и убѣжденія жителей великаго княжества литовскаго на подобіе того строя, который выработала польская историческая жизнь. Ягайло считаетъ своею задачею водвореніе въ Литвѣ католичества, польскаго общественнаго порядка, основаннаго на сословной дворянской исключительности, польскихъ юридическихъ установленій, и, наконецъ, пріобщенія къ польской народности жителей великаго княжества литовскаго. Конечно задача эта была невозможна и неисполнима, но подъ вліяніемъ грубаго фанатизма Ягайло рѣшился связать съ ея выполненіемъ призваніе своей династіи; всѣ усилія его потомковъ не могли конечно сдѣлать невозможнаго—измѣнить національныя черты многочисленной и культурной народной группы, но они затормозили ея естественное развитіе, извратили нормальный ростъ и заставили истратить на самозащиту въ внутренней борьбѣ всѣ лучшія силы народнаго духа. Первыя усилія Ягайло обратилъ на области населенныя литовскимъ племенемъ и составлявшія его вотчинное непосредственное владѣніе; не ожидая постепеннаго перехода ихъ въ христіанство при мирномъ вліяніи православія, онъ поспѣшилъ крестить литовскихъ язычниковъ по обряду римскому и назначилъ католическую іерархію въ литовскія епархіи; затѣмъ привилегіею 1400 года онъ объявилъ, что земли эти онъ присоединяетъ навсегда къ польской коронѣ и дворянамъ литовскихъ областей жалуетъ права дворянъ польскихъ подъ условіемъ, что пожалованіе его будетъ относиться лишь къ лицамъ, принявшимъ

католичество. Въ пользу дворянъ католиковъ онъ отказывался отъ своего верховнаго права на находившуюся въ ихъ пользованіи поземельную собственность и снималъ съ нихъ всѣ феодальныя обязательства, вытекавшія изъ литовскаго строя, оговариваясь формально, что льготы эти не будутъ относиться къ послѣдователямъ восточнаго обряда. Затѣмъ, переходя къ русскимъ областямъ великаго княжества литовскаго, онъ потребовалъ отъ удѣльныхъ князей присяги на вѣрность себѣ и коронѣ польской послѣ кончины великаго князя Витовта, котораго онъ вынужденъ былъ признать правителемъ Литвы, и сталъ дѣлить русскія области на католическія епархіи и назначать въ нихъ католическихъ епископовъ, въ надеждѣ, что жители, привлекаемые льготами и сословнымъ интересомъ, вскорѣ обратятся къ римской церкви.

Руси литовской такимъ образомъ стала угрожать опасность со стороны собственнаго правительства, попавшаго теперь подъ вліяніе чуждаго народнаго начала и рѣшившагося проводить свои воззрѣнія безъ всякаго вниманія на національныя, историческія и бытовыя особенности народонаселенія. Русскія области, сознавая наступавшую опасность, стараются отстоять свои національныя начала, отклоняя по возможности стремленія правительства къ объединенію ихъ съ Польшею и отстаивая свои бытовыя особенности. Во главѣ русской реакціи становятся обрусѣвшіе князья Гедиминова рода и, опираясь на сочувствіе своихъ областей, отстаиваютъ самостоятельность литовско-русскаго государства и отклоняютъ введеніе въ немъ польскаго общественнаго строя. Между тѣмъ какъ усилія Ягайла и его наслѣдниковъ опираются на Вильно, весьма рано сдѣлавшееся средоточіемъ административно-полонизаторской дѣятельности правительства, русская партія сосредоточивается въ Кіевѣ и находитъ во всѣхъ слояхъ народонаселенія кіевской области прочную поддержку своимъ стремленіямъ. Представители русской партіи особенно дорожатъ кіевскимъ удѣломъ, и кіевская земля получаетъ значеніе твердыни русской народности. Значеніе это въ борьбѣ съ польско-латинскимъ вліяніемъ она занимаетъ въ исходѣ XIV столѣтія и удерживаетъ за собою до окончательнаго рѣшенія въ южной Руси спорнаго вопроса въ пользу русской народности въ половинѣ XVII ст. Главная задача борьбы остается постоянно неизмѣнною, но мѣняются ея средства и составъ общественныхъ элементовъ, выступавшихъ на защиту своей народности, сообразно съ понятіями и условіями

времени. Борьбу начинаютъ обрусѣвшіе князья литовско-русскаго происхожденія, продолжаютъ ее представители церкви и завершаютъ народныя массы, сгрупировавшіяся подъ знаменемъ козачества. Во всѣхъ трехъ фазисахъ борьбы Кіевъ и его область составляютъ надежную точку опоры для поборниковъ русскаго народнаго начала.

Мы попытаемся, насколько позволяютъ скудные источники, сгруппировать факты, относящіеся къ первому періоду этого народнаго призванія нашего города, такъ какъ два другіе момента борьбы гораздо болѣе изслѣдованы и для уясненія ихъ существуетъ значительное количество цѣльныхъ и давно приведенныхъ въ извѣстность источниковъ.

Первымъ кіевскимъ удѣльнымъ княземъ послѣ присоединенія его къ великому княжеству литовскому былъ одинъ изъ старшихъ сыновей Ольгерда, Владиміръ. Князь этотъ былъ родоначальникомъ извѣстнаго своею преданностью русской народности и православію рода Олельковичей. О тридцатилѣтнемъ княженіи въ Кіевѣ самаго Владиміра до насъ дошло весьма мало свѣдѣній, что впрочемъ естественно, такъ какъ болѣе продолжительная, первая половина его княженія относится къ тому еще времени, когда русская народность не подвергалась опасности со стороны правительства великихъ князей литовскихъ. Владиміръ Ольгердовичъ не принималъ участія въ распряхъ, волновавшихъ Гедиминовичей въ другихъ областяхъ великаго княжества, и очевидно преданъ былъ исключительно интересамъ своей земли. Изъ дошедшихъ до насъ извѣстій видно, что онъ заботился весьма ревностно о судьбѣ православной церкви; кромѣ дарственныхъ и подтвердительныхъ грамотъ въ пользу разныхъ церквей, находившихся въ предѣлахъ кіевской области, онъ извѣстенъ вмѣшательствомъ въ дѣло объ устройствѣ русской митрополіи. Желая возстановить митрополичью каѳедру въ Кіевѣ, Владиміръ Ольгердовичъ призналъ и постоянно поддерживалъ митрополита Кипріяна, не признаннаго Дмитріемъ Ивановичемъ въ Москвѣ, и такимъ образомъ первый споспѣшествовалъ реальному возстановленію кіевской митрополіи; во время смутнаго періода, случившагося послѣ смерти московскаго митрополита Алексія, когда за русскую митрополію спорило нѣсколько лицъ, рукоположенныхъ патріархомъ, кіевскій князь постоянно признавалъ митрополичій санъ за Кипріяномъ, жившимъ въ Кіевѣ, и устранилъ одного изъ

претендентовъ — Діонисія, задержавъ его въ Кіевѣ, гдѣ онъ и скончался.

Послѣ возведенія на польскій престолъ Ягайла, послѣдній, желая примѣнить къ Руси задуманные имъ планы, обращаетъ особенное вниманіе на Кіевъ и старается заручиться согласіемъ брата, княжившаго здѣсь; въ теченіи трехъ лѣтъ (1387—1389) онъ три раза присылалъ кіевскому князю для подписи грамоты, заключавшія въ себѣ обязательство вѣрности „regi, reginae et regno Poloniae“. Но очевидно подписи этихъ грамотъ мало обезпечивали вѣрность кіевской земли, потому, что уже три года спустя правитель Литвы — Витовтъ пошелъ войною на кіевскаго князя, выставляя какъ причину похода то обстоятельство, что Владиміръ, „бывши въ Кіевѣ, не всхоте покоры учинити и челомъ ударити“. Въ 1392 году Витовтъ занялъ кіевскіе пригороды: Овручъ и Житомиръ, отклонилъ предложеніе мира, сдѣланное ему Владиміромъ, и перевелъ его въ ничтожный и отдаленный копыльскій удѣлъ, передавъ кіевское княженіе Скиргайлу Ольгердовичу. Владиміръ Ольгердовичъ уступилъ Кіевъ не безъ борьбы, онъ отправился искать помощи въ другомъ центрѣ русскаго міра —у Василія Дмитріевича московскаго. Но современныя политическія отношенія не позволяли послѣднему принять подъ свою защиту кіевскаго князя и Владиміръ долженъ былъ смириться; онъ дожилъ вѣкъ въ Копылѣ и только останки его возвратились въ городъ, съ которымъ онъ былъ тѣсно связанъ при жизни,—онъ былъ похороненъ въ кіево-печерской лаврѣ. Впрочемъ эта первая попытка искать поддержки для кіевской Руси въ Руси московской глубоко запала въ память Ягайлы и его потомковъ и сдѣлала въ глазахъ ихъ подозрительными родъ Владиміра Ольгердовича: шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ его смерти, когда его внуки Симеонъ и Михаилъ Олельковичи обратились къ великому князю Казимиру Ягайловичу съ требованіемъ раздѣла между ними кіевской земли, на правахъ вотчины, Казимиръ отказалъ имъ въ этомъ. Онъ заявилъ, что Олельковичи потеряли вотчинное право на Кіевъ, ибо „дѣдъ вашъ, князь Володимеръ, бѣгалъ на Москву и тѣмъ пробѣгалъ отчизну свою Кіевъ“.

Преемникомъ Владиміра Ольгердовича на кіевскомъ столѣ былъ родной братъ Ягайлы—Скиргайло Ольгердовичъ, въ крещеніи по православному обряду носившій имя Іоанна. Князь этотъ связанъ былъ съ Ягайломъ тѣснѣйшею личною дружбою и оказалъ ему много услугъ на военномъ и дипломатическомъ попри-

щахъ; владѣя обширнымъ удѣломъ въ кривичской землѣ: Полоцкомъ, Минскомъ и т. д., Скиргайло былъ по убѣжденіямъ, привычкамъ и симпатіямъ всецѣло преданъ русскому народонаселенію, которое и признавало его своимъ представителемъ. О преданности ему русскихъ жителей великаго княжества свидѣтельствуютъ всѣ источники: Длугошъ говоритъ, что „русскіе въ высшей степени преданы Скиргайлу, какъ своему единовѣрцу“, Стрыйковскій замѣчаетъ, что князь этотъ „болѣе старался объ умноженіи святыни по греческому обряду, нежели объ распространеніи вѣры католической, потому что съ первоначальнаго возраста онъ воспитывался среди русскихъ“. Польскіе и нѣмецкіе источники упоминаютъ имя его съ эпитетомъ „Schismaticus“, между тѣмъ какъ русская лѣтопись называетъ его „чюдный, добрый князь Скиргайло“.

Послѣ вступленія на польскій престолъ, Ягайло, предвидя сопротивленіе своимъ планамъ въ русскихъ областяхъ и разсчитывая какъ на личную преданность себѣ Скиргайла, такъ и на популярность его на Руси, рѣшился употребить его орудіемъ своей политики и въ 1388 году, не безъ долгаго колебанія, назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Событія не позволяютъ намъ судить, насколько Скиргайло оправдалъ-бы разсчетъ короля; во всякомъ случаѣ, въ теченіи четырехлѣтняго управленія его литовскимъ княжествомъ, мы не встрѣчаемъ ни одного факта, свидѣтельствующаго о томъ, чтобы онъ измѣнилъ свои отношенія къ русской народности и популярность его на Руси нисколько не уменьшается. Вскорѣ впрочемъ свой постъ намѣстника Скиргайло долженъ былъ уступить болѣе сильному сопернику. Двоюродный братъ его Витовтъ Кейстутовичъ заявилъ свои притязанія на великое княженіе литовское. Витовтъ имѣлъ въ виду совершенно самостоятельный образъ дѣйствія, не согласный ни съ видами короля Ягайла, ни съ направленіемъ представителей русской партіи. Если съ одной стороны онъ стремился къ обособленію великаго княжества литовскаго отъ Польши и снисканію ему полной политической самостоятельности, то съ другой онъ считалъ необходимымъ прекращеніе раздробленія государства на удѣлы и замѣну ихъ управленіемъ старостъ и намѣстниковъ, назначаемыхъ великимъ княземъ и зависимыхъ отъ него непосредственно. Послѣднее направленіе нарушало сложившіяся на Руси привычки и тѣ стремленія отдѣльныхъ русскихъ земель къ областной автономіи, которыя нахо-

дили для себя удовлетвореніе въ удѣльной обособленности. Послѣ долгихъ усилій Витовтъ, опираясь на сочувствіе коренныхъ литовскихъ земель, на помощь ордена крестоносцевъ, для которыхъ выгодно было разъединеніе Литвы и Польши, и болѣе всего на личныя выдающіяся дарованія, успѣлъ одолѣть Скиргайла, дѣйствія котораго были въ значительной степени парализированы подозрительностью короля, изъявшаго изъ-подъ его управленія многія области и города и отдавшаго ихъ въ управленіе польскимъ воеводамъ. Но Витовтъ сознавалъ, что онъ можетъ утвердиться на великомъ княженіи литовскомъ лишь въ томъ случаѣ, если уступками успѣетъ снискать симпатію или по меньшей мѣрѣ нейтралитетъ русской части населенія; потому, побѣдивъ Скиргайла, онъ заключилъ съ нимъ договоръ, по условіямъ котораго, въ вознагражденіе за уступку великаго княженія, онъ передалъ ему въ удѣлъ кіевскую область, въ обладаніи которою русская партія видѣла достаточную гарантію для своихъ интересовъ. Дѣйствительно около Скиргайла въ Кіевѣ стала сосредоточиваться вся западная Русь; области и города присылали ему грамоты съ изъявленіемъ преданности и вѣрности. Кіевъ сдѣлался центромъ Руси, съ которымъ великій князь литовскій долженъ былъ считаться и принимать во вниманіе его интересы при установленіи общаго направленія своей политики. Впрочемъ княженіе Скиргайла въ Кіевѣ продолжалось не долго; въ 1396 г. онъ, послѣ пира у митрополичьяго намѣстника, отправился на охоту за Днѣпръ, заболѣлъ, вѣроятно отъ простуды, и скончался на канунѣ Рождества Христова. Молва приписывала его смерть отравѣ. Съ большимъ торжествомъ и горемъ похоронили его кіевляне въ кіево-печерской лаврѣ, у гроба преподобнаго Ѳеодосія.

Послѣ смерти Скиргайла Витовтъ не дозволилъ никому изъ русско-литовскихъ князей утвердиться въ кіевскомъ удѣлѣ и рѣшился управлять имъ непосредственно черезъ своихъ намѣстниковъ. Первымъ такимъ намѣстникомъ или воеводою кіевскимъ былъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ и довѣренныхъ сподвижниковъ Витовта, Іоаннъ Альгимунтовичъ князь Гольшанскій. Объ управленіи первыхъ кіевскихъ воеводъ и объ отношеніяхъ, въ какихъ они стали къ мѣстному населенію, не сохранилось извѣстій. Очевидно, что подъ зоркимъ надзоромъ Витовта и его намѣстниковъ, кіевская область теряетъ на время значеніе средоточія русской партіи и, замѣстившій Скиргайла, представитель этой партіи, младшій изъ Ольгердовичей, Свидригайло, долженъ былъ

передвинуть ея центръ въ другія русскія области, которыми онъ владѣлъ поочередно. Сопротивленіе Руси Витовту, во главѣ котораго стоялъ Свидригайло, попеременно опирается на земли сѣверскую, волынскую и наконецъ сосредоточивается въ вотчинныхъ удѣлахъ Свидригайла: Витебскѣ и Полоцкѣ. Историческіе источники молчатъ о Кіевѣ до самой кончины Витовта, случившейся въ 1430 году, послѣ которой, вмѣстѣ съ преобладаніемъ русской партіи въ великомъ княжествѣ литовскомъ, возвращается и политическая роль старѣйшему изъ русскихъ городовъ.

Послѣдніе годы Витовтъ провелъ въ упорной борьбѣ и съ престарѣлымъ польскимъ королемъ Ягайломъ за обособленіе Литвы въ качествѣ самостоятельнаго независимаго королевства, и съ представителемъ русскаго начала, Свидригайломъ, стремившимся занять великокняжескій столъ и доставить господство въ государствѣ русскому удѣльному строю. Лишь только онъ скончался, Ягайло передалъ должность намѣстника въ великомъ княжествѣ литовскомъ Свидригайлу, разсчитывая, что постоянный антагонистъ Витовта не пойдетъ по пути своего предшественника и будетъ служить покорнымъ орудіемъ въ рукахъ Ягайла для утвержденія въ Литвѣ его политическихъ стремленій. Одновременно съ назначеніемъ Свидригайла поляки заняли землю подольскую и потребовали уступки Волыни; но оказалось, что, ведя многолѣтній споръ съ Витовтомъ, Свидригайло не имѣлъ въ виду потери самостоятельности своего отечества и уступокъ въ пользу Польши. Онъ еще рѣзче, чѣмъ его предшественникъ, сталъ стремиться къ разрыву съ Польшею: посылалъ посольства и вступалъ въ сношенія съ иностранными государствами отъ имени великаго княжества литовскаго, заключалъ договоры отъ своего имени, исключая отъ участія въ нихъ Ягайла, и рѣшительно воспротивился уступкѣ областей требуемыхъ поляками. Когда пришло въ Вильно извѣстіе, о томъ, что поляки измѣною овладѣли Каменцемъ и заняли подольскую землю, Свидригайло пришелъ въ неописанную ярость, арестовалъ короля Ягайла, находившагося тогда въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ его совѣтниками, и отпустилъ ихъ только тогда, когда сдѣланы были распоряженія о возвратѣ Подоліи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправился на Волынь защищать ее отъ посягательствъ поляковъ и, послѣ продолжительной кампаніи, заставилъ короля снять осаду Луцка и отступить въ Польшу. Въ походѣ этомъ приняли участіе многіе князья, сановники и контингенты русскихъ земель. Въ числѣ ихъ мы встрѣ-

чаемъ и кіевскаго воеводу Юршу, который затворился въ луцкомъ замкѣ и стойкостью защиты болѣе всего повліялъ на удачный исходъ кампаніи.

Поведеніе Свидригайла конечно раздражило въ высокой степени польскихъ совѣтниковъ Ягайлы; не будучи въ состояніи смѣнить его при томъ сочувствіи, какимъ пользовался литовскій князь въ западной Руси, они постарались отдѣлаться отъ него путемъ заговора. Въ 1432 году отправлено было въ Литву посольство для заключенія договора съ Свидригайломъ, но, въ сущности, оно имѣло другія, тайныя инструкціи. Польскіе послы вступили въ переговоры съ дворянами литовскими, принявшими католичество и получившими за то многія льготы отъ короля польскаго. Во главѣ организованнаго ими заговора стали: родственникъ жены короля, князь Семенъ Гольшанскій и братъ Витовта, Сигизмундъ Кейстутовичъ, князь стародубскій, внушавшій довѣріе полякамъ какъ ревностный католикъ. Заговорщики напали неожиданно въ городѣ Ошмянѣ на Свидригайла, полонили его семью и дворъ и провозгласили отъ имени Ягайла великимъ княземъ Сигизмунда Кейстутовича. Самъ Свидригайло спасся бѣгствомъ въ Полоцкъ и призвалъ на помощь русскихъ князей. Въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ великое княжество литовское роспадается на двѣ части, согласно племенному составу своихъ жителей: коренныя литовскія земли признаютъ власть Сигизмунда, всѣ русскіе князья и области стоятъ подъ знаменемъ Свидригайла. Оба великіе князья вступаютъ въ упорную борьбу; но Свидригайло, располагавшій безъ сравненія большими силами, лишенъ былъ и политическаго такта и военныхъ способностей, въ слѣдствіе этого онъ терпѣлъ одно пораженіе за другимъ и, наконецъ, въ рѣшительной битвѣ у Вилькомира былъ разбитъ на голову. Болѣе 10 удѣльныхъ князей русскихъ пало на полѣ сраженія или попало въ плѣнъ; русскія области и города: Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ сдались побѣдителю и литовско-польская католическая партія, казалось, окончательно восторжествовала. Въ эту тяжелую минуту Свидригайло и остатки его партіи нашли убѣжище въ Кіевѣ, который вмѣстѣ съ Волынью и остались вѣрны до конца своему представителю. Попытка Сигизмунда овладѣть Кіевомъ была успѣшно отражена кіевлянами и ихъ воеводою Юршею и обѣ земли въ теченіи пяти лѣтъ не признавали надъ собою власти этого великаго князя литовскаго. Это неопредѣленное положеніе прекратилось въ 1440 году смертью Сигизмунда Кейсту-

товича, погибшаго вслѣдствіе заговора, составленнаго волынскими князьями Чарторыйскими, кіевляниномъ Скобейкомъ и нѣкоторыми изъ литовскихъ вельможъ. Послѣ смерти Сигизмунда призванъ былъ на великокняжескій престолъ малолѣтній Казимиръ Ягайловичъ. Управлявшій отъ имени послѣдняго, виленскій воевода Янъ Гаштолдъ счелъ необходимымъ упрочить власть новаго великаго князя широкими уступками въ пользу русской партіи въ великомъ княжествѣ. Среди уступокъ этихъ на первомъ планѣ положено было возстановить кіевскій удѣлъ подъ управленіемъ князя, вполнѣ преданнаго русской народности. Въ 1440 году кіевское княженіе получилъ въ удѣлъ Олелько (Александръ), сынъ смѣщеннаго нѣкогда Витовтомъ Владиміра Ольгердовича. Князь этотъ, остававшійся понынѣ на незначительномъ копыльскомъ удѣлѣ, былъ тѣмъ не менѣе самымъ виднымъ представителемъ русской партіи какъ по происхожденію, такъ и по личному вліянію. Женатъ онъ былъ на Анастасіи, дочери великаго князя московскаго, Василія Дмитріевича и, происходя изъ одной изъ старшихъ линій Ольгердовичей, могъ оспаривать по династическимъ счетамъ права на великокняжескій столъ у потомковъ Ягайлы. Дѣйствительно, послѣ смерти Витовта многіе русскіе князья предлагали избрать его великимъ княземъ литовскимъ. Этотъ несостоявшійся выборъ навлекъ на Олелька Владиміровича сильное гоненіе: послѣ вилькомирской битвы Сигизмундъ Кейстутовичъ, зорко слѣдившій за всѣми русскими князьями, приказалъ схватить его и заточилъ въ темницу вмѣстѣ съ женою и двумя сыновьями, гдѣ онъ и томился въ заключеніи, въ теченіи пяти лѣтъ, до смерти Сигизмунда; освободившись изъ плѣна, онъ вслѣдъ за тѣмъ получилъ свой вотчинный кіевскій удѣлъ. По свидѣтельству современниковъ, князь этотъ отличался выдающимся умомъ, стойкостью и храбростью и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Во время княженія въ Кіевѣ онъ оказалъ огромную услугу русской церкви, предотвративъ первую попытку церковной уніи. Въ 1441 году, митрополитъ Исидоръ, возвращаясь изъ флорентскаго собора, заѣхалъ въ Кіевъ съ цѣлью провозгласить здѣсь унію; но кіевляне, увидѣвъ его „въ кардинальской одеждѣ, оттуда изгнаша его“. Какъ извѣстно, такая-же участь постигла Исидора и въ Москвѣ, и Казимиръ Ягайловичъ, уступая представленіямъ князя Олелька, призналъ власть новопоставленнаго въ Москвѣ митрополита Іоны надъ русскими эпархіями, находившимися въ предѣлахъ ~~великаго~~ княжества ли-

товскаго. Заботы Олелька о кіевской митрополіи видны изъ единственной грамоты его, дошедшей до насъ; въ ней онъ обезпечиваетъ неприкосновенность доходовъ кіевской митрополіи и освобождаетъ отъ княжескаго суда жителей митрополичьихъ помѣстій.

Въ 1455 г. скончался Олелько Владиміровичъ, „князь и наслѣдственный панъ кіевской земли", принявши предъ смертью монашество, какъ гласила надгробная надпись на памятникѣ, воздвигнутомъ надъ его гробомъ въ кіево-печерской лаврѣ. Но этой именно наслѣдственности въ кіевской области за родомъ Олелька не желали признать потомки Ягайла. Когда два сына Олелька: Симеонъ и Михаилъ, обратились къ великому князю съ заявленіемъ желанія раздѣлить между собою кіевскую вотчину, то Казимиръ Ягайловичъ воспротивился этому; онъ не призналъ Кіева вотчиною Олельковичей и далъ его лишь въ пожизненный ленъ старшему изъ братьевъ, Симеону, предоставляя Михаилу на правахъ вотчины Копыль и Слуцкъ.

Симеонъ Олельковичъ отличался, подобно предкамъ своимъ, преданностью православію и русской народности; притомъ, обладая военными дарованіями и храбростью, онъ оказалъ важныя услуги кіевскому княжеству, отражая съ большимъ успѣхомъ нападенія крымской орды, наносившей въ XV столѣтіи самые тяжелые удары кіевской области и разорившей въ нѣсколько пріемовъ стольный ея городъ. Во внутреннихъ отношеніяхъ великаго княжества литовскаго Симеонъ Олельковичъ занимаетъ то положеніе, которое возлагали на него и семейныя его традиціи, и занимаемый имъ постъ кіевскаго удѣльнаго князя,—онъ является постояннымъ поборникомъ и представителемъ русскихъ народныхъ интересовъ. Современникъ его, великій князь Казимиръ Ягайловичъ, отличался совершенною безхарактерностью: вступивъ на польскій престолъ, онъ находился постоянно подъ вліяніемъ двухъ противуположныхъ теченій и поддавался всегда тому изъ нихъ, которое непосредственно его окружало: въ Литвѣ онъ приносилъ присягу въ томъ, что сохранитъ неприкосновенно территорію великаго княжества и не будетъ принуждать его жителей къ уніи съ Польшею; вслѣдъ затѣмъ, переѣзжая въ Польшу, онъ давалъ совершенно противуположныя обязательства и подтверждалъ ихъ также клятвами и грамотами. Литовцамъ онъ обѣщалъ возвратить Подоліе, захваченное поляками; полякамъ клялся присоеди-

нить къ коронѣ Волынь и Подляхію. Конечно, ни того ни другого обѣщанія онъ не исполнилъ и, легкомысленно поддерживая взаимныя претензіи, пререканія и раздраженіе обѣихъ сторонъ, усиливалъ напряженное состояніе въ обоихъ государствахъ, которыя готовы были ежеминутно прибѣгнуть къ оружію для возстановленія своихъ правъ. Такъ какъ Казимиръ большую часть времени проживалъ въ Польшѣ, то положеніе Литвы было обыкновенно болѣе тревожное; русскіе князья и вельможи опасались постоянно, чтобы ихъ великій князь не сдѣлалъ подъ вліяніемъ поляковъ такихъ уступокъ, которыя будутъ грозить опасностью самобытности русскихъ областей. Желая выйти изъ неопредѣленнаго положенія, они рѣшились настоять на томъ, чтобы Казимиръ или безотлучно жилъ въ Литвѣ, или поручилъ управленіе великимъ княжествомъ намѣстнику. Два раза отправляются къ Казимиру посольства изъ Литвы (1456—1461 г.) и оба раза, заявляя указанное требованіе, предлагаютъ въ качествѣ намѣстника кіевскаго князя Симеона Олельковича; оба раза Казимиръ отклонилъ предложеніе, но значеніе Олельковича смутило его; онъ постановилъ принять мѣры для того, чтобы унизить этотъ родъ, стоявшій уже въ лицѣ трехъ поколѣній во главѣ русскаго движенія, и съ этою цѣлью рѣшился отнять у него главную его опору—кіевское княженіе, для чего выжидалъ лишь удобнаго случая.

Между тѣмъ Симеонъ Олельковичъ, охраняя свою область отъ татаръ, заботился не менѣе о народной святынѣ, какъ и о безопасности страны. Еще съ 1416 года кіево-печерская лавра лежала въ развалинахъ; въ этомъ году Эдигей съ крымскими татарами взялъ и разрушилъ Кіевъ; въ числѣ другихъ зданій, татары пожгли и печерскій монастырь и ограбили и разорили въ немъ успенскую церковь; храмъ этотъ пришелъ въ запустѣніе. Симеонъ Олельковичъ, сознавая значеніе этой древнѣйшей кіевской святыни для всего русскаго міра, озаботился ея возстановленіемъ; онъ обновилъ успенскую церковь „едва не отъ основанія воздвигши“, „украсилъ ее иконнымъ писаніемъ и обогатилъ златомъ, и сребромъ, и сосуды церковными“. Это былъ послѣдній подвигъ послѣдняго русскаго удѣльнаго князя кіевской области. Въ 1470 году, кончена была постройка успенской церкви, а въ 1471 г. подъ сводами ея почилъ „умершій по христіански Симеонъ Александровичъ Олельковичъ, наслѣдственный панъ земли кіевской“, какъ значилось на надгробной надписи, вырѣзанной на его гробницѣ.

Смертью Симеона воспользовался Казимиръ Ягайловичъ для того, чтобы устранить Олельковичей изъ Кіева: онъ не передалъ княженія ни брату его Михаилу, ни сыну Василію, но рѣшилъ, что впредь Кіевъ будетъ состоять подъ управленіемъ воеводъ, назначаемыхъ великимъ княземъ; въ качествѣ перваго воеводы и посланъ былъ Мартынъ Яновичъ Гаштолдъ, сынъ бывшаго опекуна Казимира. Извѣстіе о новомъ распорядкѣ ихъ земли привело кіевлянъ въ крайнее смущеніе; они не впустили въ городъ новаго воеводу, „яко не токмо не князь бѣ, но болѣе яко ляхъ бѣ". Затѣмъ кіевляне отправили посольство къ королю, прося назначить правителемъ Кіева Михаила Олельковича, или другого князя православной вѣры, заявляя, что они готовы скорѣе всѣ умереть, или искать другого государя, чѣмъ повиноваться литвину римской вѣры. Король, находившійся тогда въ Вильнѣ, подъ вліяніемъ пановъ литовской католической партіи, остался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи. Гаштолдъ отправленъ былъ на воеводство съ литовскимъ войскомъ и долженъ былъ начать свое управленіе съ того, что взялъ приступомъ главный городъ своей области. Кіевляне, „принуждены бывша" оружіемъ королевскаго войска, должны были подчиниться присланному воеводѣ.

Впрочемъ удаленіемъ Олельковичей изъ Кіева не была ни подавлена окончательно русская княжеская партія, ни устранено значеніе Кіева, какъ главной поддержки этой партіи. Еще два раза городъ этотъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ послѣднихъ попытокъ русскихъ князей къ возстановленію правъ народнаго начала, все болѣе и болѣе отстраняемаго польско-литовскимъ правительствомъ.

Первая попытка относится къ 1482 году и однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ ея является князь Михаилъ Олельковичъ. Во время смерти брата Симеона, князь этотъ находился въ Великомъ Новгородѣ, въ качествѣ намѣстника Казимира, куда вызванъ былъ партіею Борецкихъ, для противудѣйствія политикѣ Іоанна III. Узнавъ о смерти брата, онъ поспѣшилъ разстаться съ Новгородомъ и отправился въ Кіевъ; но прибылъ сюда слишкомъ поздно: Гаштолдъ владѣлъ уже кіевскимъ замкомъ и управлялъ областью. Скрѣпя сердце, князь Михаилъ направился въ свой копыльскій удѣлъ, но сознаніе обиды, нанесенной его роду, глубоко запало въ его сердце; между тѣмъ все теченіе дѣлъ въ великомъ княжествѣ возбуждало общее недовольство русскихъ князей, результатомъ котораго былъ обширный заговоръ, со-

ставленный въ ихъ средѣ. Руководителями заговора источники называютъ двухъ внуковъ Владиміра Ольгердовича кіевскаго, князей Θедора Ивановича Бѣльскаго и Михаила Олельковича копыльскаго, а также родственника королевскаго по матери, одного изъ князей Гольшанскихъ. Цѣль заговора не вполнѣ согласно обозначена въ источникахъ: русская лѣтопись утверждаетъ, что князья имѣли намѣреніе отторгнуть отъ Литвы значительную часть русскихъ земель, прилегавшихъ къ восточной границѣ великаго княжества, и подчинить ихъ великому князю московскому, другіе источники приписываютъ заговорщикамъ намѣреніе посягнуть на жизнь Казимира, третіе предполагаютъ, что по видимому составляетъ самую правдоподобную догадку, что князья имѣли въ виду овладѣть особою Казимира, заставить его отказаться отъ велико-княжескаго стола и возвести на его мѣсто Михаила Олельковича. Въ 1481 году заговоръ предположено было привести въ исполненіе: князь Θедоръ Бѣльскій, празднуя свою свадьбу, пригласилъ на празднество Казимира; здѣсь, во время пира, заговорщики должны были овладѣть его особою. Случайно, за нѣсколько дней до осуществленія, заговоръ былъ открытъ, слуги Бѣльскаго арестованы и подъ пыткою дали показанія, компрометировавшія князей. Узнавъ объ арестѣ своихъ слугъ, князь Федоръ Бѣльскій вскочилъ ночью съ постели и, полуодѣтый, бросился на коня и ускакалъ за московскій рубежъ. Менѣе счастливы были другіе заговорщики: князья Гольшанскій и Михаилъ Олельковичъ были арестованы и заключены въ темницу въ кіевскомъ замкѣ; надъ ними произведенъ судъ, вѣроятно въ глубокой тайнѣ, потому что ни одного документа, относящагося къ процессу, не сохранилось ни въ подлинникѣ, ни въ копіи. По приговору суда, утвержденному великимъ княземъ, оба подсудимые были приговорены къ смертной казни, которая и приведена была въ исполненіе. Въ Кіевѣ, на лобномъ мѣстѣ, передъ воротами кіевскаго литовскаго замка, 30 августа 1482 года, кіевляне увидѣли обезглавленный трупъ одного изъ представителей излюбленнаго ими княжескаго рода, котораго нѣкогда они призывали, какъ своего отчича, на княжескій столъ своей земли.

Послѣдняя попытка реакціи русскихъ князей противъ польско-литовскаго направленія вспыхнула въ 1508 году подъ руководствомъ князя Михаила Львовича Глинскаго. Этотъ князь происходилъ изъ знатнаго татарскаго рода, переселившагося въ Русь и принявшаго крещеніе еще при великомъ князѣ Витовтѣ. Имѣ-

нія, пожалованныя князьямъ Глинскимъ и выслуженныя ими въ теченіи цѣлаго столѣтія у господарей литовскихъ, были весьма обширны и богаты; большая часть ихъ расположена была въ княжествѣ кіевскомъ и въ земляхъ, тянувшихъ къ кіевской области, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, сверхъ того многія волости Глинскихъ лежали въ бассейнѣ Припяти и далѣе за Припятью въ Бѣлой и Черной Руси. Въ XV столѣтіи родъ Глинскихъ распадался уже на нѣсколько вѣтвей и многіе его представители занимали важныя областныя должности намѣстниковъ или старостъ, по большей части въ земляхъ кіевской и сѣверской. Такъ документы того времени упоминаютъ князей Глинскихъ: Богдана Федоровича, намѣстника путивльскаго, Ивана Борисовича, намѣстника черниговскаго, Григорія Борисовича, намѣстника овручскаго, Михаила Ивановича и его 5 братьевъ, господарскихъ дворянъ въ волковыскомъ повѣтѣ и т. д. Но, среди всѣхъ вѣтвей княжескаго рода Глинскихъ, знатностью и богатствомъ найбольше отличались три брата Львовичи: Василій, Иванъ и Михайло; послѣднему и суждено было занять видную роль въ исторіи своей родины. По способностямъ и образованію, князь Михаилъ превосходилъ далеко современное ему общество: всю молодость онъ провелъ за границею, вначалѣ занимаясь науками, потомъ состоя на службѣ у разныхъ иноземныхъ государей. Поочередно онъ перебывалъ въ Саксоніи, при дворѣ германскаго императора Максимиліана, въ Испаніи и Италіи. За границею онъ пріобрѣлъ репутацію даровитаго военнаго человѣка, участвуя въ кампаніяхъ: итальянской, на службѣ у императора, и фрисландской, на службѣ у саксонскаго курфирста Альбрехта. На родину князь Михаилъ возвратился уже человѣкомъ не молодымъ и сразу занялъ видное положеніе въ средѣ литовско-русскихъ вельможъ; по родственнымъ связямъ, симпатіямъ, вѣрѣ и происхожденію онъ примкнулъ къ русской княжеской группѣ и на услугу русскому дѣлу рѣшился посвятить свои дарованія и вліяніе. Первый разъ мы его встрѣчаемъ во главѣ многочисленной группы русскихъ князей: Олельковичей, Гольшанскихъ, Мстиславскихъ и т. д. Послѣ смерти Казимира Ягайловича, при выборѣ его преемника, русскіе князья, желая предъупредить сліяніе вновь въ одномъ лицѣ управленія польскою короною и великимъ княжествомъ литовскимъ и зная, что въ Польшѣ будетъ избранъ Іоанъ Альбрехтъ Казимировичъ, поспѣшили возвести на великокняжескій столъ его младшаго брата, Александра, и такимъ образомъ добились обособленія Литвы отъ Польши. Этотъ

искусный политическій шагъ, равно какъ и способности и образованіе Глинскаго сразу сблизили его съ новоизбраннымъ великимъ княземъ. Александръ пожаловалъ князя Михаила въ званіе дворнаго маршала и сталъ постоянно пользоваться во всѣхъ дѣлахъ его совѣтомъ и слѣдовать его взглядамъ. Вліяніе свое Глинскій направилъ къ укрѣпленію русской партіи и членамъ ея сталъ доставлять значеніе, должности, помѣстья и вліяніе. Литовская католическая партія, привыкшая при Казимирѣ искать опоры и находить ее въ Польшѣ, смотрѣла съ неудовольствіемъ на то, какъ русскіе мало по малу оттискали ее изъ литовской рады, овладѣвали должностями и землями въ великомъ княжествѣ; сторонники ея пытались протестовать противъ новаго теченія, требуя несмѣняемости административныхъ чиновниковъ, но протестъ ихъ оказался безплоднымъ; тогда они обратили все свое раздраженіе на Глинскаго и стали его заподозрѣвать и обвинять въ измѣнѣ. Они упрекали его то въ желаніи постепенно захватить власть въ великомъ княжествѣ и потомъ, усилившись, присвоить себѣ великокняжескій столъ, то указывали на его связи въ кіевской землѣ, на преданность ему жителей этой области и утверждали, что онъ стремится къ возстановленію въ свою пользу самостоятельнаго кіевскаго княжества, независимаго отъ Литвы, то наконецъ подозрѣвали, что Глинскій имѣетъ намѣреніе передать всю литовскую Русь во власть великаго князя московскаго. Но, пока живъ былъ Александръ, ропотъ противъ Глинскаго раздавался лишь сдержанно или, въ случаѣ болѣе рѣзкихъ обвиненій, подвергалъ обвинителей немилости великаго князя. Такъ, когда въ 1506 году, послѣ смерти кіевскаго воеводы, князя Дмитрія Путятича, должность эта передана была, по совѣту Михаила Глинскаго, его брату князю Ивану Львовичу, то самый упорный изъ противниковъ Михаила, троцкій воевода Янъ Забрезинскій, обвинилъ его въ явной подготовкѣ къ обособленію русскихъ земель. Основать впрочемъ своего предположенія на точныхъ доказательствахъ обвинитель не могъ и самъ былъ лишенъ троцкаго воеводства, которое передано было одному изъ друзей Глинскаго. Но въ 1507 году обстоятельства внезапно и круто измѣнились; великій князь Александръ тяжело заболѣлъ и Глинскій, возвратившись изъ похода, въ которомъ одержалъ блистательную побѣду надъ татарами, засталъ его при смерти. Немедленно послѣ кончины Александра на престолъ литовскій вступилъ его младшій братъ Сигизмундъ, воспитанный и проведшій всю молодость въ Польшѣ; онъ конечно сблизился съ партіею

враждебною Глинскому и сталъ дѣйствовать въ направленіи противуположномъ своему предшественнику: русскіе люди должны были уступить мѣста и вліяніе литовцамъ-католикамъ, и, въ случаѣ ихъ жалобъ, имъ отвѣчали подозрѣніями въ измѣнѣ и въ неблагонадежности. Такъ въ 1507 году князь Иванъ Глинскій былъ лишенъ безъ вины кіевскаго воеводства въ пользу литвина Юрія Монтовтовича и на жалобу князя Михаила Заберезинскій отвѣтилъ обвиненіемъ его въ государственной измѣнѣ. Глинскій потребовалъ суда, но никакими средствами не могъ его добиться у великаго князя, знавшаго, что Заберезинскій не имѣетъ доказательствъ въ подтвержденіе своего обвиненія. Тогда только Глинскій сознаяъ, что путемъ законнымъ русскіе не успѣютъ добиться не только причитающейся имъ доли вліянія въ великомъ княжествѣ, но и обыкновенной справедливости суда, и рѣшился прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ Василіемъ Ивановичемъ московскимъ и, заручившись его помощью, рѣшился отторгнуть отъ Литвы ея русскія области. Весною 1508 года онъ поднялся съ братьями и небольшимъ вооруженнымъ отрядомъ въ окрестности Гродна, захватилъ и приказалъ казнить своего главнаго врага, Заберезинскаго, и направился, медленно подвигаясь къ востоку, на встрѣчу московской рати, зазывая на помощь все русское населеніе края и предлагая ему отложиться отъ Литвы; въ тоже время онъ отправилъ брата Василія съ такими-же предложеніями въ Кіевъ. Жители кіевскаго княжества встрѣтили Василія Глинскаго радушно. Узнавъ, что попытка Глинскихъ клонится къ возстановленію самостоятельнаго русскаго княжества, города отворяли ему ворота, земяне являлись въ его лагерь и приносили присягу. Знаменитый староста черкасскій и каневскій, Остафій Дашкевичъ, соединился съ нимъ во главѣ ополченія своихъ повѣтовъ. Кіевляне полагали, что пришло время, когда городъ ихъ опять станетъ главою обширнаго русскаго княжества. Къ несчастью, обаяніе это продолжалось не долго; другія русскія земли отнеслись далеко не съ такимъ сочувствіемъ къ попыткѣ возстановить народное дѣло. Въ сѣверозападной Руси Михаилъ Глинскій встрѣтилъ или равнодушіе, или враждебное настроеніе: въ земляхъ этихъ преобладало сословіе земянъ (т. е. мелкихъ дворянъ, обязанныхъ государству военною службою), которое давно уже свыклось съ мыслью о всевозможныхъ сословныхъ благахъ, которыя низольются на него при развитіи въ Литвѣ польскаго

права. Земяне сѣверозападнаго края не были воодушевлены, подобно кіевскимъ, національнымъ стремленіемъ и предпочли сословныя выгоды отъ ожидавшейся уніи съ Польшею возстановленію народной политической самобытности; они остались глухи къ призыву Глинскаго или отнеслись къ нему враждебно, а между тѣмъ, по тогдашней организаціи государства, они составляли главную военную силу края. Князья, сочувствовавшіе Глинскому и нѣкогда поддерживавшіе его стремленія, оказались изолированными, многіе скрылись, другіе рѣзко повернули на сторону правительства; только немногіе второстепенные князья: Друцкіе и Лигвеновичи-Мстиславскіе, имѣли достаточно мужества, чтобы стать на сторону предпріятія, успѣхъ котораго становился весьма сомнительнымъ. Между тѣмъ московская помощь медлила приходомъ, а съ другой стороны приближался Сигизмундъ съ сильною польскою арміею. Глинскій послѣ нѣсколькихъ безъуспѣшныхъ переходовъ, увидѣлъ, что дѣло его проиграно; вмѣстѣ съ братьями и болѣе скомпрометированными сторонниками, онъ отступилъ въ предѣлы великаго княжества московскаго.

Такъ кончилась послѣдняя попытка княжеской Руси, предпринятая въ защиту своего народнаго дѣла. Очевидно, княжеское сословіе было безсильно въ этой борьбѣ; его сословныя понятія, удѣльно-федеративные идеалы были въ то время уже анахронизмомъ, они не обнимали интересовъ всего населенія и не могли его подвинуть на борьбу за общее народное дѣло. Княжеская партія сталкивалась съ интересами или съ равнодушіемъ другихъ сословныхъ группъ и оказалась для своего времени немощною. Первый актъ борьбы западной Руси съ польскимъ вліяніемъ, веденный подъ стягомъ русско-литовскихъ князей, былъ проигранъ. Но въ нѣдрахъ кіевской области, стойко поддерживавшей до конца этотъ стягъ, скрывались зародыши новыхъ общественныхъ силъ, которымъ суждено было вступить въ борьбу съ большимъ успѣхомъ въ послѣдующую эпоху.

Разсмотримъ составъ и отношенія разныхъ общественныхъ группъ въ кіевской области въ разсматриваемое нами время, укажемъ на характеръ и условія самой территоріи и мы найдемъ въ этихъ данныхъ объясненіе дальнѣйшаго политическаго значенія Кіева и его области.

Послѣ присоединенія къ Литвѣ кіевскаго княжества, предѣлы его нѣсколько видоизмѣнились и раздвинулись, частью вслѣдствіе присоединенія къ Кіевщинѣ порубежныхъ округовъ сосѣднихъ княжествъ, частью вслѣдствіе колонизаціи южныхъ степей,

двигавшейся медленно, но упорно внизъ по Днѣпру. Съ конца XIV до половины XVI столѣтія границы кіевскаго княжества могутъ быть приблизительно очерчены въ трехъ направленіяхъ. На западѣ оно отдѣлялось отъ земли брацлавской, т. е. отъ той части Подолія, которая осталась подъ властью великихъ князей литовскихъ, „Чернымъ Шляхомъ". Такъ назывался путь, пролегавшій по водораздѣльной линіи между бассейнами южнаго Буга съ одной стороны, Роси и Припяти съ другой; по этому пути обыкновенно врывались въ юго-западную Русь татаре, избиравшіе эту дорогу во избѣжаніе переправъ и болотъ. Отъ „Чернаго шляха" граница переходила на русло рѣки Случи въ окрестности города Любара и совпадала съ ея теченіемъ вплоть до ея впаденія въ Припять, отдѣляя кіевскую землю отъ волынской. Далѣе отъ устья Случи сѣверная граница кіевскаго княжества на нѣкоторомъ пространствѣ шла по теченію Припяти и затѣмъ переходила на сѣверный берегъ этой рѣки, захватывая здѣсь обширный мозырскій повѣтъ, и опять возвращалась къ Припяти не вдалекѣ отъ ея впаденія въ Днѣпръ. Отъ устья Припяти Днѣпръ составлялъ восточную границу Кіевщины на небольшомъ только пространствѣ: она переходила на лѣвую его сторону и охватывала въ низовьяхъ Десны и вдоль по теченію ея притока Остра—повѣтъ остерскій.—Съ южной стороны границы кіевской области постоянно колебались и потому не могутъ быть установлены даже приблизительно. Когда въ началѣ XV столѣтія Витовтъ осилилъ на время татаръ, предѣлы Кіевщины быстро раздвинулись и достигли береговъ Чернаго моря. Витовтъ немедленно оградилъ эти новыя южныя границы рядомъ крѣпостей и поселеній: вдоль по Днѣпру онъ возстановилъ и укрѣпилъ Каневъ, основалъ Черкасы, Кременчугъ, Мишуринъ Рогъ, таможню на островѣ Тавани. Затѣмъ на берегу моря была построена крѣпость Дашовъ (Очаковъ) и устроена гавань на отнятой у татаръ стоянкѣ Хаджи-бей (на мѣстѣ нынѣшней Одессы). При устьѣ Днѣстра, противъ генуезской крѣпости Монкастро (Аккермана), воздвигнутъ былъ новый литовскій замокъ, а нѣсколько выше по Днѣстру построена крѣпость Тягинь (Бендеры). Сверхъ того въ степи упоминаются крѣпости и замки: Караулъ, Гербедеевъ, Упскъ, слѣдовъ и мѣстоположенія которыхъ невозможно опредѣлить.—Но эти широкія границы, начертанныя для Кіевщины Витовтомъ, исчезли чрезъ полъ-вѣка послѣ его смерти подъ напоромъ крымской орды. Основатель ея могущества, ханъ Менгли-Гирей, воспользовав-

шись вялостью и нерадѣніемъ Казимира Ягайловича, разрушилъ дѣло Витовта; онъ овладѣлъ возникшими крѣпостями и, уничтоживъ ихъ, опустошилъ страшными набѣгами всю кіевскую область, на сѣверныхъ же берегахъ Чернаго моря онъ расположилъ кочевья подвластной ему ногайской орды. Между этими кочевьями и заселенною частью кіевскаго княжества образовалось обширное, почти пустынное пространство, пролегавшее отъ береговъ Роси до пороговъ и средняго теченія Ингула; на этомъ пространствѣ велась постоянная партизантская война между удальцами татарскими и русскими и подъ прикрытіемъ послѣднихъ медленно и постепенно выдвигалась въ степь южнорусская колонизація изъ кіевской области.

Къ сѣверу отъ Роси страна, не смотря на татарскіе набѣги, была заселена и правильно устроена. Подъ властью кіевскаго удѣльнаго князя, кромѣ стольнаго города его земли, находились многочисленные кіевскіе пригороды: Овручъ, Житоміръ, Звенигородъ, Переяславль, Каневъ, Черкасы, Остеръ, Чернобыль, Мозырь. Большинство названныхъ пригородовъ возникли еще до XIII столѣтія и вмѣстѣ съ Кіевомъ достались Литвѣ, другіе, какъ Мозырь, Остеръ и Переяславль присоединены были къ кіевскому княженію отъ сопредѣльныхъ русскихъ княжествъ уже послѣ литовскаго завоеванія; нѣкоторые, какъ Черкасы и Чернобыль, возникли по иниціативѣ литовскихъ князей.—Пригороды эти, въ разсматриваемый періодъ времени, носятъ названіе „замковъ господарскихъ“ и получаютъ важное административное значеніе; удѣльный кіевскій князь назначалъ въ нихъ правителей, носившихъ названіе намѣстниковъ, державцевъ или старостъ. Намѣстникъ княжескій управлялъ не только городомъ, въ которомъ находился господарскій замокъ, но и обширнымъ территоріальнымъ округомъ, который тянулъ къ замку. Округи, на которые распадалось кіевское княженіе, носили названіе „повѣтовъ“ [1]). Всѣ жители повѣта, къ какой-бы сословной категоріи ни принадлежали, были подчинены намѣстнику въ военномъ, судебномъ и

---

[1]) Терминъ „повѣтъ“ возникъ вѣроятно отъ того, что намѣстникъ созывая жителей своего округа „на военную потребу“, призывая ихъ въ судъ или сообщая имъ административныя распоряженія, „повѣщалъ“ ихъ или „давалъ имъ вѣсти“, какъ тогда выражались офиціально. Для разсылки „вѣстей“ староста располагалъ особыми „замковыми слугами“ или такъ называемыми „путными боярами“, которые по его приказанію „ѣздили въ путь“ развозили „вѣсти“.

административномъ отношеніяхъ, несли по его распоряженію извѣстныя въ пользу князя повинности и давали намѣстнику извѣстныя дани. Удѣльный князь оставлялъ за собою верховную власть, выражавшуюся въ подчиненіи ему намѣстниковъ, въ правѣ верховнаго предводительства на войнѣ контингентами всѣхъ повѣтовъ, въ правѣ аппеляціи къ нему отъ суда намѣстниковъ и, наконецъ, въ исключительномъ правѣ раздачи въ пользованіе поземельной собственности. Когда кіевское княжество было переименовано въ воеводство и удѣльныхъ князей замѣнили кіевскіе воеводы, то вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушено было административное единство кіевской земли. Великій князь вошелъ во всѣ права бывшаго князя удѣльнаго и самъ сталъ назначать старостъ въ замки кіевскаго княжества; старосты замковъ господарскихъ оказались въ прямой зависимости отъ особы великаго князя, который ихъ назначалъ и смѣнялъ, судилъ и контролировалъ; такимъ образомъ связь пригородовъ съ главнымъ городомъ области изчезла и каждый повѣтъ сталъ независимою отъ Кіева единицею областнаго управленія. Кіевскій воевода оказался, съ другимъ только титуломъ, равноправнымъ съ намѣстниками пригородовъ, административнымъ чиновникомъ, и отличался отъ нихъ только тѣмъ, что подъ властью его находился болѣе богатый городъ съ его непосредственнымъ округомъ и что, по причинамъ, не разгаданнымъ для насъ, два сѣверные повѣта: мозырскій и чернобыльскій, остались въ зависимости отъ него въ военномъ отношеніи; жители этихъ повѣтовъ обязаны были ходить на войну не подъ начальствомъ своего старосты, а „при воеводѣ кіевскомъ, якъ ихъ обошлетъ".—Такимъ образомъ при замѣнѣ князей воеводами кіевская земля потеряла связь административную, объединявшую ея повѣты, распалась на нѣсколько независимыхъ отъ главнаго города областей, но понятіе объ историческомъ единствѣ земли сохранилось какъ въ сознаніи жителей, такъ и въ отношеніи къ нимъ правительства. Еще Витовтъ, упраздняя кіевское княженіе, выдалъ его жителямъ „право добровольное христіанское", т. е. уставную грамоту, обезпечивавшую ихъ права и опредѣлявшую отношеніе къ нимъ великокняжеской власти. Права эти и отношенія были одинаковы для всѣхъ повѣтовъ кіевскаго княжества и въ числѣ ихъ было обязательство со стороны великаго князя—раздавать намѣстничества въ кіевскихъ пригородахъ и поземельную собственность въ предѣлахъ кіевскаго княжества исключительно только уроженцамъ этой

области [1]). Уставная грамота Витовта подтверждалась потомъ много разъ его наслѣдниками: Казимиромъ, Александромъ, Сигизмундомъ и послужила основаніемъ, объединявшимъ жителей кіевской земли, послѣ того, какъ разрушена была внѣшняя связь отдѣльныхъ ея частей.

Изъ текста этой грамоты, данной всей землѣ кіевской, равно какъ изъ грамотъ болѣе частныхъ Витовта и его преемниковъ, опредѣляются и взаимныя отношенія жителей страны между собою, и распредѣленіе ихъ на общественныя группы.—Послѣ установленія новаго литовскаго распорядка въ кіевской землѣ общественный строй ея значительно измѣнился, сравнительно съ тѣмъ, какимъ онъ былъ при удѣльныхъ русскихъ князьяхъ: основнымъ принципомъ новаго порядка вещей служило то положеніе, что вся земля принадлежитъ государству и состоитъ въ распоряженіи князя, который раздаетъ ее въ пользованіе частнымъ лицамъ, въ видѣ временнаго условнаго владѣнія, подъ условіемъ исполненія извѣстной государственной службы. Такъ какъ государство прежде всего заботилось о томъ, чтобы обезпечить и организовать свои военныя силы, то исполненіе военной повинности составляло первое и важнѣйшее условіе землевладѣнія. Земельная собственность была раздѣлена на опредѣленные участки, такъ называемыя „службы"; каждая служба заключала 10 литовскихъ волокъ (199 десятинъ) и то лице, которое получало землю въ пользованіе, обязано было, по каждому призыву князя или его намѣстника, доставлять съ каждой „службы" одного вооруженнаго воина. Лица, получавшія на такихъ условіяхъ землю, назывались „земянами" и составляли классъ землевладѣльческій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, военное сословіе края. Земяне могли владѣть землею лично, во все время, пока исполняли возложенную на нихъ повинность, но, если они оказывали важныя услуги и снискивали расположеніе князя, имъ давалось право передачи своей земли по наслѣдству на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ сами ею владѣли; въ такомъ случаѣ служба ихъ называлась „выслугою" или „отчиною". Впрочемъ „выслуга" могла быть передана только прямымъ наслѣдникамъ земянина или же постороннимъ лицамъ по завѣщанію, но отчуждать ее при жизни, мѣнять, дѣлить, отказывать въ пользу церкви и т. п. выслужившій ее земянинъ не могъ безъ разрѣшенія князя.

---

[1]) „А волости кіевскія—Кіяномъ держати, а иному никому. А городки кіевскіе, въ нашой воли: Кіяномъ будемъ давати, кому ся будетъ годити".

Уже съ XIV столѣтія слагается такимъ образомъ въ кіевской землѣ классъ землевладѣльцевъ; въ XV и XVI столѣтіяхъ количество раздаваемыхъ князьями выслугъ все болѣе и болѣе умножается и образуется многочисленное военное сословіе, связанное съ областью и происхожденіемъ, (такъ какъ, по уставной грамотѣ Витовта, князья обязаны были службы и выслуги въ кіевской землѣ раздавать исключительно уроженцамъ этой земли), и землевладѣніемъ, и мѣстомъ постояннаго жительства. Классъ этотъ впрочемъ былъ неравномѣрно распредѣленъ на территоріи кіевскаго княжества: въ сѣверной, лѣсной его полосѣ земяне были весьма многочисленны и отчины въ этой мѣстности были разобраны весьма рано; всѣ болѣе древніе и богатые роды земянскіе помѣщались въ этой территоріи; жалованныя грамоты на свои земли они выслужили „на великихъ князьяхъ“: Витовтѣ, Казимирѣ и Александрѣ, или получили ихъ отъ кіевскихъ князей Олельковичей. Такъ въ повѣтахъ: мозырскомъ, овручскомъ, чернобыльскомъ, въ сѣверныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго мы встрѣчаемъ въ теченіи многихъ поколѣній представителей всѣхъ знатныхъ и богатыхъ земянскихъ родовъ кіевской земли [1]). Совершенно другое отношеніе встрѣчаемъ въ южныхъ, черноземныхъ и степныхъ повѣтахъ: въ черкаскомъ, каневскомъ, въ южныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго; здѣсь земяне или вовсе не берутъ службъ и выслугъ, или берутъ ихъ весьма неохотно; только въ началѣ XVI столѣтія мы встрѣчаемъ въ каневскомъ повѣтѣ нѣсколько выслугъ земянскихъ, и то онѣ принадлежатъ земянамъ, имѣвшимъ главныя отчины и постоянно жившимъ въ кіевскомъ Полѣсьи, и едва можемъ назвать 2—3 рода земянъ, поселившіеся во всей степной полосѣ княжества [2]).—Наконецъ, въ двухъ самыхъ южныхъ повѣтахъ: звенигородскомъ и переяславскомъ земянъ вовсе не было; правда, оба эти повѣта были

---

[1]) Вотъ перечень болѣе выдающихся земянскихъ родовъ въ Кіевщинѣ: въ мозырскомъ повѣтѣ: Обухи, Балакиры, Еськовичи, Лозки, Костюшковичи, Леньковичи, Служки; въ чернобыльскомъ и кіевскомъ: Кмитичи, Проскуры, Горностаи, Сурины, Заморенки, Полозовичи, Дашковичи, Тыши, Волчковичи, Лемеши; въ овручскомъ и житомирскомъ: Немировичи, Дедовичи, Ельцы, князья Сенскіе, Халецкіе, Щеневскіе, князья Капусты, Тышковичи, Стрыбели, Вороны, Прежовскіе, Корчевскіе и т. д.

[2]) Въ описаніи господарскихъ замковъ 1552 года въ каневскомъ повѣтѣ названо только нѣсколько земянскихъ отчинъ, принадлежавшихъ: Дашковичамъ, Служкамъ, Балакирамъ, Ельцамъ, князьямъ: Капустамъ, Глинскимъ и Корецкимъ; въ черкасскомъ-же повѣтѣ были только два земянскіе роды: Морозовичи и князья Домонты-Черкашенины.

въ XV столѣтіи совершенно опустошены татарами, замки разорены и князья перестали даже посылать намѣстниковъ въ эти опустѣвшія области. Причина неравномѣрнаго распредѣленія земянъ заключалась какъ въ самыхъ условіяхъ землевладѣнія, такъ и въ современномъ экономическомъ положеніи края. Южные повѣты, подверженные постояннымъ татарскимъ набѣгамъ не могли представить удобной почвы для прочнаго установленія хозяйства, а между тѣмъ военная служба съ земли была гораздо тягостнѣе, земяне должны были проводить большую половину времени то въ походахъ, въ погонѣ за татарами, то въ караулахъ или такъ называемой „полевой сторожѣ" на стоянкахъ, устроенныхъ украинными старостами въ степи, для предъупрежденія набѣговъ.

Съ другой стороны степныя черноземныя пространства, представлявшія одну изъ лучшихъ мѣстностей для земледѣлія, при тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ не обѣщали богатаго дохода; хлѣбъ не составлялъ предмета вывозной торговли и хлѣбопашествомъ занимались только въ размѣрахъ необходимыхъ для собственнаго прокормленія; напротивъ, хозяйство въ лѣсныхъ округахъ изобиловало всѣми продуктами вывозной торговли. Пересматривая дошедшія до насъ описи имѣній, составленныя даже въ XVI столѣтіи, мы видимъ, что главными статьями поземеньнаго дохода признавались „борти" и вообще продукты пчеловодства, „бобровыя гоны" и вообще мѣха, затѣмъ рыбная ловля и продукты лѣснаго хозяйства. Не удивительно потому, что земяне позаботились главнымъ образомъ занять земли въ Полѣсьи, относительно безопасныя отъ татарскихъ набѣговъ и дававшія болѣе цѣнные въ то время предметы для сбыта.

Кромѣ сословія земянъ въ кіевской землѣ находимъ еще другое сословіе, обязанное также нести военную службу. Сословіе это носило названіе „бояръ" и составляло какъ бы переходъ отъ земянъ къ сословіямъ мѣщанскому и крестьянскому; бояре по всему вѣроятію были потомки бывшихъ княжескихъ дружинниковъ. Въ концѣ удѣльнаго періода на Руси дружинники стремятся поселиться въ мѣстахъ своего пребыванія и не переходить вслѣдъ за каждымъ княземъ изъ области въ область; они предпочитаютъ, оставаясь въ данномъ княжествѣ, поступать на службу къ тому князю, который овладѣетъ областью. Такимъ образомъ дружина привязывается къ землѣ, а не къ лицу, т. е. становится „земскою". Въ литовское время за земскими дружинниками сохраняется названіе „бояръ"; они приписаны къ госпо-

дарскимъ замкамъ, въ районѣ которыхъ владѣютъ поземельною собственностью, по большей части весьма не значительною, и обязаны нести военную службу не только полевую, но и гарнизонную въ самой крѣпости и отбывать разнаго рода повинности, какъ въ пользу государства, такъ и въ пользу намѣстника. Они отличались отъ земянъ тѣмъ, что служба ихъ, гораздо болѣе тяжелая, не находилась въ зависимости отъ количества земли, бывшей въ ихъ пользованіи, но возлагалась на нихъ въ силу того, что они принадлежали къ боярскому сословію. Съ конца XV вѣка, когда окончательно утвердилось земянское сословіе, оно мало по малу не только превзошло бояръ знатностью и богатствомъ, но и подчинило ихъ себѣ въ значительной степени; подчиненіе это выразилось въ томъ, что въ случаѣ, если земельные участки, принадлежавшіе боярамъ, находились въ селахъ розданныхъ земянамъ, то князья и ихъ намѣстники уступали въ пользу послѣднихъ свою военную, а въ послѣдствіи и судебную власть надъ боярами, или, какъ тогда выражались, бояре обязаны были „служити и послушными быти“ земянину, а, въ случаѣ неповиновенія, должны были оставить свою землю и съѣхать прочь, сохраняя за собою лишь движимое имущество.

Вся остальная масса сельскихъ жителей составляла категорію крестьянъ или „людей“, какъ ихъ тогда называли, и если они жили на земляхъ „замковыхъ“, т. е. государственныхъ, то назывались „людьми служилыми“, а если земли, обработываемыя ими, розданы были земянамъ, то они и сами опредѣлялись терминомъ „люди панскіе и земянскіе“. Какъ тѣ, такъ и другіе лично были свободны и имѣли право перехода съ мѣста на мѣсто; поселяясь на данной землѣ, они обязаны были нести извѣстную долю натуральныхъ повинностей и давать опредѣленныя дани деньгами и натурою въ пользу владѣльца земли, сообразно съ договоромъ и установившимся обычаемъ; многіе изъ нихъ притомъ владѣли собственною землею, составляя категорію такъ называемыхъ „данниковъ“, и обязаны были давать государству съ земли своей дань, въ качествѣ подати. Дань эту, взимавшуюся по большей части натурою, правительство уступало въ пользу земянъ, обязанныхъ, въ такомъ случаѣ, сообразно съ количествомъ дохода отъ данниковъ, усиливать контингенты, доставляемые ими на войну. Во всякомъ случаѣ большинство крестьянъ сидѣло не на своей землѣ и пользовалось лишь свободою перехода. Эта свобода въ Кіевщинѣ была весьма заманчива; между тѣмъ, какъ въ населен-

ной части княженія умножалось народонаселеніе и постепенно тяжелѣе становились условія пользованія землею, въ южной полосѣ много было незанятой земли и она, за рѣдкими исключеніями, не была даже de jure роздана въ частное владѣніе; крестьянину слѣдовало только подняться съ мѣста, перейти за Рось и поселиться на пустоши, чтобы пользоваться землею безусловно и безконтрольно и развести богатое хозяйство. Современные документы свидѣтельствуютъ, что такіе переселенцы дѣйствительно пользовались своимъ положеніемъ: „пашутъ, гдѣ хотятъ и сколько хотятъ", говоритъ описаніе одного замка; „уставичне въ каневскихъ уходахъ живутъ на мясѣ, на рыбѣ, на меду и сытятъ тамъ собе медъ яко дома", свидѣтельствуетъ другой такой-же документъ.—Благоденствіе это впрочемъ доставалось не безъ риска: крестьяне, разводившіе въ степи хозяйство, находились подъ постояннымъ страхомъ татарскаго набѣга и, очевидно, должны были думать о защитѣ и организовать ее, если хотѣли обезпечить свой трудъ и свое пребываніе въ степи. Въ этомъ отношеніи они нашли опору, поддержку и руководство въ представителяхъ мѣстнаго управленія—въ старостахъ украинныхъ замковъ какъ Кіевщины, такъ и сопредѣльной съ нею Брацлавщины. Старосты хмѣльницкіе, брацлавскіе, винницкіе и особенно каневскіе и черкаскіе берутъ на себя иниціативу въ дѣлѣ организаціи крѣпкой военной силы изъ народонаселенія, поставленнаго, изъ-за экономическихъ своихъ выгодъ, въ необходимость самозащиты. Старосты эти относятся къ пришлому и все болѣе и болѣе умножающемуся народонаселенію, какъ къ единственному средству защитить свои повѣты, охранить свои замки и возстановить русскую колонизацію въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ. Почти при полномъ отсутствіи земянъ въ этихъ округахъ, малочисленные бояре и мѣщане рѣдкихъ городовъ конечно не могли составить сколько нибудь значительнаго военнаго ополченія; недостатокъ этотъ пополняли стремившіеся въ плодоносныя степи „люди". Уже съ конца XV столѣтія въ источникахъ появляется упоминаніе объ образованіи изъ этихъ „людей" новаго сословія въ южныхъ степяхъ Кіевщины;—появляется новый терминъ, заимствованный у татаръ—„козаки". Подъ нимъ не разумѣются ни мѣщане, ни бояре; это сословіе состоитъ изъ людей свободныхъ, но въ большинствѣ бездомныхъ, ищущихъ занятія и осѣдлости. Встрѣчаются козаки въ городахъ въ услуженіи у бояръ и мѣщанъ, упоминаются и такіе, которые имѣли

уже свои дома; одни изъ нихъ ходятъ на низъ Днѣпра на звѣриный и рыбный промыселъ и ведутъ торговлю продуктами этихъ промысловъ, другіе занимаются хлѣбопашествомъ и разводятъ пасѣки, третіе промышляютъ угономъ лошадей и захватомъ добычи у татаръ. Старосты не только не противудѣйствуютъ переходу населенія въ южные повѣты, но, напротивъ, поощряютъ его, облагая лишь самыми льготными пошлинами всѣ козацкія промыслы и занятія. Такъ, жившіе въ Черкасахъ козаки не несутъ никакихъ повинностей, а только за право пользованія рыбною и звѣриною ловлею или другимъ промысломъ на всемъ пространствѣ обширнаго староства (въ низъ по Днѣпру до пороговъ, а также по Орели, Самарѣ, Ворсклѣ, Тясьмину и обоихъ Ингулахъ) платятъ „колядки" по 6 грошей въ годъ и косятъ 2 дня въ годъ сѣно—„толокою, за стравою и за медомъ" старосты.— Въ Каневѣ старосты признавали собственностью козаковъ всякую добычу, захваченную ими въ татарской землѣ, подъ условіемъ, что незначительная часть ея должна быть отдана въ подарокъ старостѣ и т. п. При такихъ отношеніяхъ болѣе энергическіе и предпріимчивые сельскіе люди изъ сѣверной Кіевщины стремились постоянно въ степь и въ каневскомъ и черкасскомъ староствахъ быстро формировались свободныя, воинственныя, козацкія „околицы", доставлявшія вооруженныя „роты" для походовъ на татаръ. Съ начала XVI столѣтія предпріимчивые старосты украинскіе: Остафій Дашковичъ, Михаилъ и Дмитрій Вишневецкіе, Лянцкоронскій, кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій, находятъ возможнымъ, опираясь на козацкія ополченія, перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ татаръ. Въ степной Кіевщинѣ, подъ охраною сформировавшихся козацкихъ ополченій, колонизація становится смѣлѣе; новые выходцы изъ кіевскаго Полѣсья не ограничиваются уже староствами каневскимъ и черкаскимъ, а занимаютъ новыя мѣста; съ одной стороны вновь заселяется поднѣпровская часть бывшаго переяславскаго княжества и пріобщается къ козачеству, съ другой народонаселеніе двигается въ опустѣлый въ XV столѣтіи повѣтъ звенигородскій и образуетъ поселенія въ никому не подвѣдомственныхъ и никѣмъ неуправляемыхъ пустыряхъ между Тясьминомъ, Синюхою и Росью; заселяются обширныя пространства, такъ называемые „грунты уманскій и звенигородскій", въ которыхъ только въ концѣ XVI столѣтія правительство оффиціально признаетъ существованіе поселеній и лишь въ началѣ XVII назначаетъ коммиссію для

осмотра края и опредѣленія его пространства.—Такимъ образомъ съ конца XV столѣтія въ Кіевщинѣ зарождается новое военное и землевладѣльческое сословіе, сформировавшееся на основаніяхъ равноправности между его членами и внесшее въ свой бытъ старые принципы вѣчеваго строя. Сословію этому предназначено было въ скоромъ времени вступиться за національныя права Кіевской Руси, упорно за нихъ бороться и выиграть дѣло, проигранное раньше привилегированными сословіями страны.

Кромѣ перечисленныхъ сословій: земянъ, бояръ, крестьянъ и, выдѣлявшихся изъ среды послѣднихъ, козаковъ, въ Кіевщинѣ было еще сословіе мѣщанское. Какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и во всѣхъ пригородахъ кіевской земли, жители ихъ составляли особенныя городскія общины, отличавшіяся правами, повинностями и устройствомъ своимъ отъ другихъ жителей края. Но не вездѣ община городская пользовалась въ равной степени независимостью и обязанности, лежавшія на ней, не вездѣ были одинаковы; въ большинствѣ пригородовъ община городская была въ полной зависимости отъ старостъ, находилась подъ ихъ „присудомъ“ и обложена была довольно тяжелыми повинностями: на мѣщанъ возлагалась обязанность нести военную службу какъ полевую, такъ и гарнизонную, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они обложены были многочисленными податями и данями въ пользу правительства и намѣстниковъ. — Другое положеніе было мѣщанской общины въ самомъ городѣ Кіевѣ: еще великій князь Витовтъ обезпечилъ ея права особою грамотою, которая, къ несчастью, не дошла до насъ и вѣроятно погибла во время разоренія кіевскаго замка Менгли—Гиреемъ. Въ 1494 году, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ этого разоренія, ее возобновилъ великій князь Александръ Казимировичъ, а въ 1499 онъ пожаловалъ городу Кіеву новую грамоту, обезпечивавшую самоуправленіе жителей по магдебургскому праву, которымъ разрѣшалось имъ пользоваться въ полномъ его объемѣ, безъ всякихъ исключеній, наравнѣ съ жителями стольнаго города Вильна. Въ силу этой грамоты, кіевскіе мѣщане становились независимыми и неподсудными мѣстному воеводѣ; городомъ управляли двѣ выборныя коллегіи подъ предсѣдательствомъ выборнаго-же войта; городскіе промыслы, торговля и занятія были или вовсе освобождены отъ пошлинъ, или обложены умѣренною и точно опредѣленною въ грамотѣ податью въ пользу государства и воеводы; сверхъ того кіевскіе мѣщане получили право безпошлинной торговли во всѣхъ зем-

ляхъ и городахъ великаго княжества литовскаго. Обязанности, возложенныя на общину состояли въ томъ, что мѣщане должны были по призыву воеводы ѣздить въ погоню за татарами, держать полевую сторожу на татарскихъ шляхахъ и „отправовати оборону и сторожу" въ кіевскомъ замкѣ.

Подъ охраною названныхъ привилегій городская община быстро развилась, пріобрѣла значительныя богатства и силу. Съ незапамятныхъ временъ, благодаря своему удобному географическому положенію, Кіевъ служилъ центромъ обширной торговли: складочнымъ мѣстомъ продуктовъ вывоза со всего днѣпровскаго бассейна съ одной стороны, и предметовъ привоза торговли цареградской и восточной съ другой [1]). Это значеніе торговаго центра Кіевъ удерживаетъ въ описываемое время. Въ Кіевъ направлялись многочисленные караваны сухимъ путемъ и водою изъ крымской орды и изъ Царьграда; первые переправлялись черезъ Днѣпръ у Тавани, слѣдовали по большей части сухимъ путемъ вдоль Днѣпра до Черкасъ или Канева, здѣсь перегружались на „комяги" и достигали такимъ образомъ Кіева. Царьградскіе товары отправлялись изъ Хаджибея, а послѣ разрушенія его Менгли-Гиреемъ въ 1490 году, изъ генуэзскаго Монкастра (Аккермана) и, слѣдуя по степи черезъ мосты, построенные на Бугѣ Витовтомъ, доставлялись въ Кіевъ. Благодаря указаніямъ современныхъ актовъ, мы можемъ указать хотя нѣкоторые товары, привозимые этими караванами; это были—шелковыя и парчевыя восточныя ткани, „камка александрійская на золоте", восточные ковры, шелкъ, восточныя издѣлія изъ кожи: «сафьянъ, тижмы и тебенки» и восточныя пряности: перецъ, „дзиндзиверъ" шафранъ и т. п. Тѣми-же путями изъ Кіева отправлялись караваны на востокъ; они везли мѣха бобровъ, лисицъ, горностаевъ, куницъ, бѣлокъ и т. п., готовыя шубы, „шлыки" и колпаки; затѣмъ издѣлія кіевскихъ оружейныхъ мастеровъ: луки, стрѣлы, сагайдаки, сѣдла и т. п. Сверхъ того черезъ Кіевъ прохо-

---

[1]) Не говоря о многочисленныхъ указаніяхъ на обширную торговлю Кіева съ Царьградомъ и дальнимъ востокомъ въ удѣльное время, укажемъ только на свидѣтельства о районѣ кіевской торговли, въ гораздо болѣе древнее время, доставляемыя намъ монетными кладами, находимыми въ Кіевѣ и его области. Въ этомъ отношеніи довольно указать на большой кладъ римскихъ монетъ времени Антониновъ, найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Чернобылѣ, на такой-же кладъ монетъ, чеканенныхъ въ Антіохіи, III—IV ст., открытый въ 1875 году въ самомъ Кіевѣ, и на нѣсколько кіевскихъ кладовъ съ монетами Саманидскими IX—X столѣтій.

дили караваны съ „коштовными“ товарами изъ Москвы въ Турцію и Крымъ и обратно. Въ предѣлахъ кіевской земли купеческіе караваны пользовались покровительствомъ и охраною властей: старосты остерскіе, черкаскіе и каневскіе и воеводы кіевскіе снабжали ихъ вооруженнымъ конвоемъ, оберегавшимъ купцевъ отъ нападеній татаръ въ степи, и получали за то отъ каравана опредѣленные обычаемъ и грамотами подарки. Кромѣ этой обширной внѣшней торговли, склады которой находились въ Кіевѣ, въ силу особой на то привилегіи, пожалованной городу в. к. Александромъ, Кіевъ представлялъ богатый рынокъ и для внутренней торговли: здѣсь находились склады соли, привозимой изъ береговъ Чернаго моря и расходившейся потомъ по всему великому княжеству литовскому, рыбы, доставлявшейся съ „низу“ и „съ верху“ Днѣпра, воску, меду, хлѣба и т. п. Торговая дѣятельность Кіева привлекала въ этотъ городъ многочисленныхъ иноземцевъ; уже въ XV столѣтіи въ Кіевѣ существовала многолюдная армянская колонія, члены которой владѣли домами и лавками въ городѣ и землями въ кіевскихъ повѣтахъ; сверхъ того въ XV-же вѣкѣ въ Кіевѣ имѣли торговый дворъ генуезцы и проживали многочисленные торговцы: турецкіе, татарскіе, московскіе, греческіе, молдаванскіе и польскіе.

Торговля не составляла впрочемъ единственнаго занятія кіевскихъ горожанъ; разнообразныя ремесла развиты были среди городского населенія. Въ XV уже столѣтіи документы указываютъ на многочисленные цехи, состоявшіе подъ присудомъ кіевскаго магистрата, въ числѣ ихъ поименованы слѣдующіе: „кравцы, кушнеры, шевцы, постригачи, золотари, лучники, стрѣльники, сѣдельники, ковали, конвисары, винники, хлѣбницы, перекупники, рыболовы, плотники, цырульники“. Между ними особенно славились золотари, металлическія издѣлія которыхъ находили обширный сбытъ во всей Руси и Литвѣ, и стрѣльники, стрѣлы которыхъ, кованныя изъ желѣза и обдѣланныя въ древка съ орлиными перьями, составляли одинъ изъ предметовъ сбыта въ Крымъ; Михалонъ Литвинъ сохранилъ извѣстіе, что за 10 такихъ стрѣлъ татаре давали обыкновенно въ обмѣнъ возъ соли.

Вслѣдствіе богатой торговли и производительности рано чувствуется потребность въ постоянныхъ знакахъ цѣнности. Уже съ XIV столѣтія въ Кіевѣ находился монетный дворъ; до насъ дошли монеты кіевскаго чекана, носящія имена князей: Владиміра Ольгердовича, Витовта и Казимира; деньги эти чеканились, какъ кажется, по образцу генуезскихъ монетъ города Кафы и очевидно

возникли изъ-за потребности облегчить торговыя сношенія съ Крымомъ; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на лицевой сторонѣ изображенія и надписи христіанскія, на оборотѣ же тамги и надписи татарскія.

Самостоятельность, обезпеченность и богатство кіевской городской общины доставляютъ ей первенствующее значеніе въ землѣ. Кіевскіе воеводы относятся съ уваженіемъ къ ея правамъ и привилегіямъ и, въ случаѣ попытки нарушить ихъ, получаютъ строгіе выговоры и напоминанія отъ великихъ князей; земяне кіевской области тяготѣютъ къ городу, пріобрѣтаютъ въ его чертѣ дома, роднятся съ знатными мѣщанскими семействами и нерѣдко переходятъ въ мѣщанское сословіе, и обратно—встрѣчаемъ частые случаи, когда богатые мѣщане пріобрѣтаютъ куплею или на основаніи княжеской жалованной грамоты земли и „службы“ и становятся въ ряды земянъ; встрѣчаются такіе роды, какъ Крикуновичи, Криницкіе, Шавулы, Мелешкевичи, которые появляются поочередно то въ качествѣ земянъ, то въ рядахъ кіевскаго мѣщанства. Въ началѣ XVI столѣтія, когда польскія понятія объ исключительности дворянскаго сословія проникаютъ въ среду русскихъ земянъ и когда появляется у нихъ желаніе установить внѣшніе признаки своего родоваго достоинства, земяне кіевской земли находятся въ весьма затруднительномъ положеніи: они не владѣютъ потомственными гербами, подобно польскому дворянству, и употребляютъ лишь печати съ начальными буквами своихъ именъ и прозвищъ; оказывается зато, что единственное сословіе края (кромѣ княжескихъ родовъ), владѣвшее выработанными геральдическими знаками, было кіевское мѣщанство; ихъ фамильныя клейма и печати и послужили матеріаломъ для установленія дворянской туземной геральдики въ южной Руси послѣ люблинской уніи 1569 года.

Вообще, обозрѣвая сословія, на которыя распадалось народонаселеніе кіевской области въ данную эпоху, мы не можемъ не замѣтить общей черты въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: сословія не отдѣляются рѣзко другъ отъ друга, сливаются и смѣшиваются между собою на всѣхъ пунктахъ; понятія о потомственности и незыблемой наслѣдственности правъ и сословныхъ преимуществъ не существуетъ; старыя вѣчевыя преданія о равноправности всѣхъ жителей земли продолжаютъ господствовать среди всѣхъ слоевъ населенія и довольно свободно укладываются въ литовскій распорядокъ, который открываетъ самый широкій

просторъ для личныхъ дарованій и личныхъ заслугъ. Такъ земяне, хотя и представляютъ сословіе землевладѣльческое, стремящееся установить потомственно свои права на землю, но оно далеко еще не упрочилось въ этомъ направленіи: земянинъ, не исполнявшій службы, привязанной къ землѣ, находившейся въ его пользованіи, терялъ эту землю, хотя бы она и составляла выслугу его предковъ; онъ обязанъ былъ переуступить ее другому лицу, способному исполнять службу; пріобрѣтателемъ являлось нерѣдко лице, принадлежавшее до того времени къ другому сословію[1]) и становилось послѣ пріобрѣтенія въ ряды земянъ. Уступки эти совершались вполнѣ, законно съ разрѣшенія князя или его намѣстника. Земянинъ, оставившій свою землю и службу, свободно переходилъ въ сословіе мѣщанское или боярское, или отправлялся искать счастья въ козачествѣ. Мѣщане точно также, по смыслу княжескихъ грамотъ, могли во всякое время оставить свою общину, переселиться въ другой городъ или перейти въ другое сословіе. Мы уже указали на то, что переходъ въ козачество крестьянъ былъ совершенно нормальнымъ явленіемъ, но такой переходъ былъ не единственнымъ возможнымъ выходомъ изъ крестьянскаго сословія: въ грамотѣ, данной великимъ княземъ Александромъ на имя кіевскаго воеводы, князя Дмитрія Путятича, послѣднему предписано, чтобы онъ не воспрещалъ магистрату зачислять въ мѣщане всѣхъ тѣхъ людей „митрополичихъ, воеводиныхъ, панскихъ и земянскихъ", которые, проживая въ Кіевѣ и въ селахъ кіевскаго повѣта, занимаются торговлею или ремесломъ. Такимъ образомъ кіевская городская община, притягивая въ свой составъ и знатныхъ земянъ, и промышленниковъ изъ крестьянскаго сословія, являлась центромъ, въ которомъ сливались всѣ сословныя категоріи кіевской земли и фактически устанавливалась между ними земская равноправность.

Постараемся теперь собрать разрозненныя черты для того, чтобы составить себѣ понятіе о физіономіи самого города въ описываемое время.

Въ разные періоды своего историческаго существованія центръ города Кіева передвигался въ различныя мѣстности, сооб-

---

[1]) Такъ напримѣръ бояринъ Зубрикъ пріобрѣтаетъ у путивльскаго князя земли въ черкаскомъ повѣтѣ и становится черкаскимъ земяниномъ; такъ кіевскій мѣщанинъ Ходыка-Криницкій пріобрѣтаетъ громадную поземельную собственность въ переяславскомъ повѣтѣ и занимаетъ самое видное мѣсто среди его земянъ; такъ „козакъ звенигородецъ" Дмитрій Базановскій, владѣетъ селами въ грунтѣ звенигородскомъ и т. д.

разно съ историческими условіями его быта. Въ древнѣйшее время извѣстнаго намъ существованія города, еще вѣроятно въ до-княжескую эпоху, центръ городской жизни помѣщался правдоподобно на нынѣшней Оболони и на окаймляющихъ ее взгорьяхъ; въ этой по крайней мѣрѣ мѣстности найдены понынѣ древнѣйшіе монетные клады и языческія кладбища. Послѣ того, какъ Кіевъ сдѣлался центромъ обширнаго государства, князья устроили крѣпость на вершинѣ горъ, господствующихъ надъ Подоломъ. Княжескій дворецъ, лучшія церкви и частные дома расположены были на такъ называемой „Горѣ", у подошвы которой разстилался торговый городъ „Подолье". Великій князь Ярославъ раздвинулъ предѣлы верхняго города, включивъ въ его составъ загородное поле; онъ „осыпа" этотъ „великій Кіевъ—великимъ валомъ" и устроилъ въѣзжія Золотыя Ворота. Послѣ Ярослава нагорная часть Кіева не разширялась дальше намѣченныхъ имъ предѣловъ и вѣроятно оскудѣла среди княжескихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ, не разъ обрушивавшихся на старый княжескій стольный городъ. Литовскіе князья, овладѣвъ Кіевомъ, устроили центръ своего управленія на новомъ мѣстѣ; они выбрали для своего жительства одну изъ горъ, стоящихъ отдѣльно отъ всего нагорнаго кряжа, и потому болѣе безопасную отъ нападеній; гора эта, названная впослѣдствіи Киселевкою, по имени послѣдняго польскаго воеводы, обитавшаго на ней, Адама Киселя, находилась между старымъ нагорнымъ городомъ и торговымъ Подоломъ. Здѣсь былъ построенъ „литовскій замокъ", въ которомъ жили Олельковичи и гдѣ, въ 1374 году, кіевскій воевода Мартинъ Гаштолдъ принималъ венеціанскаго посла, Амвросія Кантарини. Изъ словъ послѣдняго мы знаемъ, что замокъ этотъ былъ срубленъ изъ дерева и что внутри его ограды находился домъ воеводы, но подробнаго описанія его мы не имѣемъ. Замокъ этотъ въ 1482 году былъ взятъ Менгли-Гиреемъ и совершенно разрушенъ, а жившій въ немъ въ то время кіевскій воевода Иванъ Ходкевичъ уведенъ въ плѣнъ, въ которомъ и скончался. Новый замокъ построенъ былъ на мѣстѣ стараго только въ первомъ десятилѣтіи XVI вѣка; для постройки его вызваны были „добродеревцы зъ верху", т. е. жители кіевскаго Полѣсья, слывшіе хорошими плотниками. Замокъ этотъ занималъ всю вершину горы Киселевки, стѣны его были срублены изъ прочнаго дерева и укрѣплены столбами; распадались онѣ на 133 участка или „городни", каждую городню городили земяне или жители извѣстныхъ

волостей, и каждая волость или отдѣльное лице, строившее городню, имѣло право къ внутренней сторонѣ ея примкнуть постройку для храненія своихъ пожитковъ и для собственнаго помѣщенія во время осады. На стѣнахъ выдавались 15 башень—башни были шестиугольныя, каждая въ 3 этажа, и каждый этажъ снабженъ былъ бойницами; въ двухъ башняхъ помѣщались въѣзжія ворота: одни были обращены на сѣверъ, противъ горы Щекавицы, и назывались „Воеводиною брамою“, другія на югъ, противъ горы Клинецкой и носили названіе „брамы Драбской“. Небольшая площадка передъ этими воротами, находившаяся внѣ замковыхъ укрѣпленій, на уступѣ горы, составляла лобное мѣсто, на которомъ приводились въ исполненіе смертные приговоры. На одной изъ башень замка помѣщались большіе городскіе часы, которыми кіевляне очень дорожили. Для наблюденія надъ ними и для ихъ починки назначено было особое жалованье, довольно значительное для того времени (15 копъ грошей и 5 локтей французскаго сукна); жалованье это получалъ обыкновенно одинъ изъ замковыхъ пушкарей (артилеристовъ), умѣвшій обращаться съ механизмомъ часовъ. На внутренней площади замка тѣснились многочисленныя постройки: здѣсь былъ домъ воеводы, ротмистра, командовавшаго гарнизономъ, 30 домовъ, въ которыхъ помѣщались солдаты; затѣмъ здѣсь-же находился „шпихлеръ“, въ которомъ сберегали порохъ, ядра, пули, свинецъ и т. п., и „шопа“, въ которой хранилась крѣпостная артилерія, состоявшая (въ 1545 г.) изъ 17 пушекъ и около 100 гаковницъ. Кромѣ этихъ зданій въ замкѣ находилось 3 православныя церкви, въ томъ числѣ важнѣйшая, по преимуществу „замковая церковь св. Николая“, и одна католическая каплица, имѣвшая вѣроятно значеніе домовой церкви воеводы, если послѣдній былъ католикомъ. Сверхъ того болѣе знатныя лица изъ числа земянъ и мѣщанъ добивались постоянно возможности имѣть свои дома въ замкѣ: здѣсь мы встрѣчаемъ домъ пана войта, домъ пана Горностая, пана Ходыки и т. п. У подножія замка простирался Подолъ, застроенный неровными и тѣсными улицами, въ которыхъ кипѣла торговая и промышленная жизнь горожанъ. Всѣ дома были деревянные, невзрачные и плохіе, по свидѣтельству Кантарини [1]); принадлежали они мѣщанамъ, земянамъ, духовенству и служилымъ людямъ. Среди Подола находился также и армянскій кварталъ съ

[1]) Pan Martin fece mi dare un alloggiamento, assai cattivo, secondo il paese. (Библ. иностр. писат. о Россіи,—изд. Семенова, стр. 135).

своею церковью и генуезскій торговый дворъ. Старый городъ въ концѣ XV столѣтія пришелъ въ запустѣніе. Два раза въ теченіи этого столѣтія онъ подвергался татарскому разоренію: въ 1416 сподручникъ Тамерлана, Эдигей, овладѣвъ городомъ, ограбилъ его и сжегъ; не успѣлъ еще городъ оправиться подъ управленіемъ Олельковичей, какъ въ 1482 году „перекопскій царь Менгли-Гирей „Кіевъ взя и огнемъ сожже". Послѣ этого удара старый городъ не подымался уже изъ развалинъ до половины XVII столѣтія. Еще въ концѣ XVI вѣка кіевскій воевода, князь Константинъ Острожскій, вкопалъ около церкви св. Софіи, „на горѣ, межи валы", столбъ и зазывалъ на слободу „на оное мѣсто, здавна пустое, людей вшелякого стану вѣры христіанское"; среди опустѣвшаго, нѣкогда великокняжескаго города, по словамъ Герберштейна, Гвагнини и Гейденштейна, виднѣлись лишь „слѣды церквей и опустѣвшихъ монастырей и зданій". Ляссота, видѣвшій Кіевъ въ 1594 году, нашелъ въ верхнемъ городѣ тоже запустѣніе; среди развалинъ уцѣлѣли лишь церкви св. Софіи и св. Михаила и небольшая церковь на Золотыхъ Воротахъ. Видъ этихъ развалинъ, возбуждая въ путешественникахъ соболѣзнованіе о паденіи нѣкогда великолѣпнаго города, и подалъ поводъ къ утрированнымъ разсказамъ о кіевскомъ разореніи. Такъ Ляссота невольно, подъ вліяніемъ непосредственнаго впечатлѣнія, рисуетъ слѣдующую картину: „Кіевъ былъ очень укрѣпленъ на обширномъ пространствѣ и украшенъ великолѣпными церквями и зданіями, какъ можно судить объ этомъ по древнимъ развалинамъ, равно и по валу, охватывавшему городъ, и простиравшемуся, какъ говорятъ, на *девять миль (?)* въ окружности". Конечно такія преувеличенныя картины, дававшія впослѣдствіи тему для разсказовъ о мнимомъ запустѣніи Кіева послѣ Батыева погрома, относились только къ нагорной части Кіева и свидѣтельствовали лишь о бѣдствіи, постигшемъ городъ въ 1482 году, и о томъ, что центръ городской жизни и дѣятельности передвинулся теперь въ другую часть города.

Кромѣ указанныхъ нами сторонъ общественной и народной жизни Кіева въ разсматриваемую нами эпоху, мы должны въ заключеніе обратить вниманіе на религіозное значеніе Кіева, которое не только не ослабѣло, но было въ значительной степени возстановлено въ теченіи указаннаго времени.

Въ половинѣ XIII столѣтія религіозное значеніе Кіева нѣсколько поколебалось по причинѣ политическаго его упадка. Ми-

трополиты кіевскіе, вслѣдствіе развитія болѣе могущественной государственной жизни въ сѣверо-восточной Руси, равно какъ и вслѣдствіе возникновенія многихъ новыхъ епископскихъ каѳедръ на сѣверѣ, должны были обратить на этотъ край особенное вниманіе; они значительную часть времени жили во Владимірѣ на Клязьмѣ, а въ началѣ XIV столѣтія и вовсе туда переселились, изрѣдка только посѣщая свою митрополичью столицу и управляя кіевскою церковью посредствомъ намѣстниковъ. Послѣ присоединенія кіевской области къ Литвѣ, какъ литовскіе великіе князья, такъ и удѣльные князья кіевскіе стремятся къ возстановленію митрополіи на прежнемъ мѣстѣ. Уже Владиміръ Ольгердовичъ успѣлъ на время достигнуть этой цѣли, пригласивъ въ Кіевъ митрополита Кипріяна, непринятаго въ Москвѣ; послѣ его смерти великій князь Витовтъ рѣшился возстановить самобытность кіевской митрополіи и подчинить ей православныя епархіи въ великомъ княжествѣ литовскомъ; онъ не призналъ жившаго въ Москвѣ митрополита Фотія и, созвавъ въ 1414 году девять православныхъ епископовъ западной Руси на помѣстный соборъ въ Новгородокъ-Литовскій, предложилъ имъ избрать отдѣльнаго кіевскаго митрополита [1]). Выборъ этотъ состоялся и на кіевскую митрополичью каѳедру вступилъ Григорій Цимвлакъ. Впрочемъ возстановленіе митрополіи утвердилось не сразу; въ теченіи пятидесяти лѣтъ послѣ выбора Цимвлака замѣчаемъ колебаніе: кіевская митрополія то объединяется съ московскою, то управляется отдѣльнымъ іерархомъ. Причина этого колебанія заключается въ опасеніи православныхъ жителей западной Руси, чтобы отдѣльные кіевскіе митрополиты, находясь подъ давленіемъ своего правительства, не приняли церковной уніи съ Римомъ и не подчинились папѣ, такъ какъ къ тому именно времени относилась первая попытка уніи, провозглашенная на флорентинскомъ соборѣ;

---

[1]) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Витовтъ мотивировалъ свое предложеніе собору въ грамотѣ, изданной имъ къ православнымъ жителямъ великаго княжества литовскаго: „извѣщаемъ всѣхъ русскихъ, состоящихъ въ послушаніи кіевской митрополіи, что мы издавна усмотрѣли, что митрополія эта управляется не въ должномъ порядкѣ, но съ дня на день все болѣе и болѣе ослабѣваетъ и скудѣетъ; уже въ наше правленіе нѣкоторые митрополиты управляли ею не такъ, какъ слѣдовало по старинѣ; они собирали церковные доходы и увозили ихъ за границу; ризницы, казну и св. мощи изъ здѣшнихъ церквей они отнимали и увозили въ чужую страну (перечисляются мощи и церковные предметы); да и кто можетъ перечислить, сколь многочисленные сборы золота и серебра они нагромоздили и сколь значительные убытки причинили кіевской церкви.“

Тѣ-же мотивы приводитъ и густынская лѣтопись (стр. 353).

въ силу этого опасенія кіевскіе князья Олельковичи, дорожившіе болѣе всего возстановленіемъ кіевской митрополіи, оставляютъ свое стремленіе и заботятся о признаніи власти московскаго митрополита. Не смотря на ихъ сопротивленіе, въ 1458 году рукоположенъ былъ уніатскимъ константинопольскимъ патріархомъ Исидоромъ его ученикъ, болгаринъ Григорій, въ кіевскіе митрополиты и явился въ Литву съ намѣреніемъ, подъ покровительствомъ Казимира Ягайловича, принять въ управленіе митрополію; но нерасположеніе православныхъ жителей в. к. литовскаго къ уніи было столь сильно, что правительство не было въ силахъ установить власть новаго митрополита. Источники не сохранили свѣдѣній о дѣятельности Григорія: правдоподобно онъ проживалъ при княжескомъ дворѣ и не вступалъ въ управленіе митрополіею. Въ Кіевѣ имя этого митрополита умалчивали; такъ напримѣръ, помѣчая фактъ обновленія кіево-печерской лавры въ 1470 году, еще при жизни Григорія, и лѣтопись, и надгробная надпись Симеона Олельковича упоминаютъ, что событіе это случилось „при королѣ Казимирѣ и при архимандритѣ Іоаннѣ", но имени митрополита не упоминаютъ. Въ 1472 году Григорій умеръ въ Новогродкѣ-Литовскомъ и избранный на его мѣсто въ 1474 году смоленскій епископъ Михаилъ возстановилъ окончательно кіевскую митрополію и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонилъ попытки ввести унію, испросивъ посвященіе у константинопольскаго патріарха. За Михаиломъ слѣдуетъ уже непрерывный рядъ кіевскихъ митрополитовъ до конца XVI вѣка, управлявшихъ православною западно-русскою церковью и признававшихъ себя въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Великіе князья литовскіе: Казимиръ, Александръ и Сигизмундъ не стѣсняютъ независимости ихъ духовной власти; напротивъ того, цѣлымъ рядомъ грамотъ подтверждаютъ полную свободу церковнаго управленія, гарантируютъ и точно опредѣляютъ независимость митрополичьяго суда въ дѣлахъ, касавшихся религіознаго ученія и правильнаго устройства семейныхъ отношеній, а также неприкосновенность поземельной собственности митрополичьей и церковной. Представители православной церкви по собственной иниціативѣ безпрепятственно собираютъ помѣстные соборы, производятъ выборы высшихъ духовныхъ сановниковъ и т. д. Кіевъ становится вновь центромъ религіозной жизни западной полосы Россіи и сообщаетъ церковному устройству свойственныя древней христіанской церкви черты чисто соборнаго управленія: мі-

ряне получаютъ право голоса въ выборѣ епископовъ и право участія въ засѣданіяхъ соборовъ; образуются церковныя братства для охраненія чистоты православнаго ученія и наблюденія за нравственною жизнью какъ мірянъ, такъ и духовныхъ лицъ, не исключая епископовъ. Чувствуя себя живыми членами церкви, православные жители западной Руси проникнуты глубокою къ ней любовью и искреннимъ религіознымъ чувствомъ; черты эти явственно видны въ исторіи всѣхъ кіевскихъ церквей и духовныхъ учрежденій. Татарское разореніе, два раза въ теченіи XIV столѣтія обратившее въ развалины Кіевъ и большинство кіевскихъ церквей, не уничтожило святыни, находившей прочную поддержку послѣ каждаго удара въ готовности всего народонаселенія нести всевозможныя жертвы въ пользу ея возстановленія. Такъ кіевская печерская обитель, возобновленная Симеономъ Олельковичемъ послѣ погрома 1416 года и вновь разрушенная въ 1482, весьма скоро возстановляется усиліями духовенства и содѣйствіемъ всѣхъ кіевлянъ. Уже въ 1522 году архимандритъ Игнатій получилъ грамоту отъ великаго князя Сигизмунда, въ которой подтверждались древнія права монастырской общины; великій князь освобождаетъ ее вполнѣ отъ всякой зависимости отъ кіевскихъ воеводъ и признаетъ право на управленіе общиною исключительно за архимандритомъ; послѣдняго должны выбирать „старцы, совмѣстно съ князьями, панами и земянами кіевской земли", великій же князь даетъ обязательство не утверждать другого архимандрита, кромѣ кандидата представленнаго ему избирателями. Обитель кіево-печерская быстро оправляется отъ претерпѣннаго ею разоренія; вслѣдствіе отказовъ, получаемыхъ постоянно путемъ дарственныхъ записей и духовныхъ завѣщаній, поземельныя владѣнія общины достигаютъ громадныхъ размѣровъ: во всѣхъ повѣтахъ кіевскаго княженія кіево-печерскій монастырь владѣетъ многочисленными землями и угодьями, въ остерскомъ же повѣтѣ большая часть земли составляетъ его собственность. Вскорѣ владѣнія этой обители, пользовавшейся громаднымъ уваженіемъ въ западной Руси, простираются далеко за предѣлы кіевской области, монастырь получаетъ въ даръ земли и имѣнія на сѣверномъ берегу Припяти: въ Бѣлой Руси и Литвѣ, въ повѣтахъ: слуцкомъ, логойскомъ, глускомъ, бобруйскомъ, могилевскомъ и виленскомъ, и становится однимъ изъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества литовскаго.

Усердіе православныхъ къ благосостоянію церкви не ограничивается кіево печерскою обителью,—дарственныя записи и отказы имущества распредѣляются и между другими кіевскими церквами и монастырями. Между ними первое мѣсто занимаетъ кіевскій пустынно-николаевскій монастырь. Объ обители этой мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній до начала XV столѣтія и не знаемъ, кѣмъ и когда она была основана; но съ 1411 года, когда мы встрѣчаемъ первое о ней точное извѣстіе, она быстро возрастаетъ и пользуется особенною любовью князей, воеводъ и земянъ кіевской земли. И великіе князья Казимиръ и Александръ, и кіевскіе православные воеводы Юрій Монтовтовичъ и Андрей Немировичъ, и всѣ почти знатные земянскіе роды кіевской земли: князья Глинскіе, Дашковичи, Тышковичи, Полозовичи, Горностаи, Лозки и т. д. наперерывъ отказываютъ въ пользу этого монастыря имѣнія, земли, угодія, села и разнаго рода имущество. Онъ владѣетъ помѣстьями во всѣхъ повѣтахъ кіевскаго княжества и занимаетъ послѣ кіево-печерской обители первое мѣсто какъ по богатству, такъ и по уваженію къ нему кіевлянъ. Религіозное настроеніе жителей кіевской области въ XV столѣтіи выразилось не только въ заботахъ объ устройствѣ церковной іерархіи, о церковностроительствѣ и обезпеченіи церковнаго достоянія; оно глубоко проникло въ убѣжденія, руководило поступками какъ общественной, такъ и повседневной, частной жизни кіевлянъ. Всѣ грамоты, записи, документы носятъ въ слогѣ и выраженіяхъ признаки неподдѣльнаго глубокаго религіознаго чувства. Настроеніе это выразилось въ XV столѣтіи еще тѣмъ важнымъ для характеристики общества признакомъ, что два новыя лица были причтены къ лику святыхъ, вслѣдствіе сложившагося о ихъ дѣятельности народнаго убѣжденія въ современномъ обществѣ.

Первый изъ нихъ принадлежалъ къ знатному княжескому роду—это былъ князь Ѳедоръ Даниловичъ Острожскій. Жизнь этого князя протекла среди военныхъ подвиговъ какъ въ отечествѣ, такъ и внѣ его предѣловъ. Первое упоминаніе о немъ относится къ 1386 году, когда великій князь Витовтъ и король Ягайло утвердили въ его владѣніи княжества: острожское, заславское и корецкое на Волыни. Затѣмъ въ первой четверти XV столѣтія князь Ѳедоръ Острожскій появляется въ числѣ сподвижниковъ Сигизмунда Корибутовича, ходившаго по порученію Витовта съ сильнымъ русскимъ ополченіемъ въ Чехію на подмогу

гусситамъ. Въ теченіи восьми лѣтъ (1422—1430) онъ примималъ весьма дѣятельное и видное участіе въ геройской борьбѣ чеховъ со всѣми силами германской имперіи; [1]) но въ 1430 году онъ долженъ былъ возвратиться на родину, вслѣдствіе важныхъ событій, происходившихъ тогда въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ этомъ году скончался Витовтъ и возгорѣлась борьба между Ягайломъ, желавшимъ присоединить къ Польшѣ спорныя русскія области, и Свидригайломъ, отстаивавшимъ достояніе литовскаго княжества. Въ борьбѣ этой князь Ѳедоръ Острожскій принялъ самое дѣятельное участіе; на долю его пришлось защищать или скорѣе возвратить занятую уже поляками подольскую землю. Несмотря на превосходство польскихъ силъ, благодаря энергіи и дѣятельности князя Ѳедора, цѣль эта была въ значительной степени достигнута: онъ успѣлъ отстоять все южное Подоліе до Буга и Мурахвы, образовавшее впослѣдствіи такъ называемую Брацлавщину, и даже временно овладѣлъ Каменцемъ. Дѣльнѣйшимъ его успѣхамъ помѣшала подозрительность Свидригайла, отозвавшаго его изъ Подоліи. Тѣмъ не менѣе, три года спустя, князь Ѳедоръ является опять въ числѣ многихъ другихъ русскихъ князей на защиту Свидригайла въ его борьбѣ съ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ. Но когда русскіе князья потерпѣли рѣшительное пораженіе у Вилькомира, престарѣлый князь Ѳедоръ Острожскій почувствовалъ, что энергія его сокрушена вмѣстѣ съ тѣмъ народнымъ русскимъ дѣломъ, которому онъ служилъ всю жизнь и которому теперь, какъ казалось, нанесенъ былъ окончательный ударъ. Онъ рѣшился удалиться отъ міра и искать успокоенія въ тиши монастыря. Прибывъ въ Кіевъ въ печерскую обитель, князь Ѳеодоръ Даниловичъ, „оставивъ прелесть міра сего и княжескую славу, взявъ на себя святое иночество, и такъ подвизався крѣпко, угождаючи Богу ажъ до смерти, душу свою всяко украшаючи, Господеви въ руцѣ отдалъ“. Онъ „сподобился

---

[1]) Пребыванію князя Ѳедора Даниловича въ Чехіи военное искусство въ южной Руси обязано было весьма важнымъ нововведеніемъ: княземъ этимъ усвоенъ былъ изобрѣтенный чешскими таборитами новый военный строй, названный по ихъ имени „таборомъ“. Строй этотъ состоялъ въ томъ, что войско двигалось во время похода какъ бы въ подвижной крѣпости, составленной изъ нѣсколькихъ рядовъ повозокъ: благодаря изобрѣтенію этого строя предводитель таборитовъ, славный Янъ Жижка, одержалъ много блистательныхъ побѣдъ надъ нѣмцами. Перенесенный въ южную Русь Ѳеодоромъ Острожскимъ „таборъ“ былъ впослѣдствіи усвоенъ козаками, которымъ онъ доставилъ не одну побѣду надъ турками, татарами и поляками.

стать превыше въ сонмѣ святыхъ отцевъ печерскихъ", гдѣ по нынѣ почиваютъ его нетлѣнныя мощи.

Другой святитель, причтенный къ лику святыхъ, былъ кіевскій митрополитъ Макарій. Въ 1495 году избранный въ митрополиты изъ архимандритовъ виленскаго троицкаго монастыря, св. Макарій, получивъ благословеніе константинопольскаго патріарха, отправился въ 1497 году въ Кіевъ, чтобы принять въ управленіе свою каѳедру. Онъ уже достигъ предѣловъ кіевской земли, проѣхалъ Мозырь и направился оттуда къ Кіеву, но на переправѣ черезъ Припять у села Скриголова его застигъ загонъ татарской орды, ворвавшейся тогда въ кіевское Полѣсье, и митрополитъ былъ убитъ хищниками. Тѣло его перевезено въ Кіевъ, гдѣ мощи его почиваютъ по нынѣ въ кіево-софійскомъ соборѣ.

Вотъ тѣ черты быта кіевской области, какія можно было собрать въ весьма скудныхъ историческихъ источникахъ даннаго времени. Конечно, по дошедшимъ до насъ источникамъ составить подробной и полной картины не возможно, но историческій матеріалъ, по нашему мнѣнію, достаточенъ для того, чтобы признать, что въ описываемую эпоху Кіевъ съ своею областью не представлялъ полнаго запустѣнія, ожидавшаго иноземныхъ колонистовъ, но, напротивъ, принималъ дѣятельное участіе въ исторической жизни западной половины Россіи, по большей части руководилъ развитіемъ этой жизни и, во всякомъ случаѣ, занималъ въ ея теченіи весьма почетное мѣсто.

В. Антоновичъ.

Южно-русскіе архіереи

въ XVI—XVII в. *).

Извѣстно, что конецъ XVI вѣка въ исторіи южно-русской церкви, т. е. время непосредственно предшествовавшее введенію уніи, характеризуется поразительнымъ упадкомъ чистоты нравовъ въ средѣ высшаго южно-русскаго духовенства. Между пред-

---

*) Подъ этимъ заглавіемъ авторъ предлагаемой статьи располагаетъ представить на страницахъ нашего изданія рядъ бытовыхъ очерковъ изъ жизни южно-русскаго высшаго духовенства въ XVI и XVII ст. Съ помощью такихъ очерковъ намъ яснѣе представится тогдашнее неестественное положеніе южно-русской церкви и рѣзче очертится значеніе уніи, какъ очистительнаго клапана или какъ болѣзненнаго нарыва, открывшаго истокъ для скоплявшихся вѣками нечистыхъ соковъ въ церковно-общественномъ организмѣ. Путемъ долгихъ и тяжкихъ страданій южно-русскій народъ вырабатывалъ потомъ въ себѣ сознаніе неестественности союза, къ которому онъ приведенъ былъ силою исторической судьбы, и необходимости сплотиться въ одно цѣлое съ другою, давно оторванною и не менѣе его страдавшею частію обще-русскаго организма. Глядя съ этой точки зрѣнія на событія избираемой авторомъ эпохи и сферы, намъ нечего смущаться предъ густотою самыхъ темныхъ красокъ, какими судебные акты и извѣстія частныхъ лицъ рисуютъ намъ явленія того времени въ такой сферѣ, которую мы привыкли считать высшею и болѣе свободною отъ недостатковъ, а разсматривая эти явленія въ общемъ тогдашнемъ государственномъ и общественномъ строѣ, во многихъ изъ нихъ мы усмотримъ скорѣе проявленія общаго недуга, нежели личной слабости и порока. Такими въ особенности представляются намъ эти безпрерывные „гвалтовные наѣзды“ и страсть къ самоуправству, отъ которой, по словамъ автора, не свободны были и лучшіе изъ православныхъ южно-русскихъ іерарховъ. Въ тѣ времена всеобщаго безправія, полнаго безсилія королевской власти, такъ рѣзко обозначившагося въ правленіи Сигизмунда III, отсутствія власти административной, слабости власти общественной, самому правому и спокойному человѣку что оставалось дѣлать, какъ не прибѣгать къ помощи внѣшней силы для огражденія своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ? Тѣмъ болѣе позволительнымъ казался такой способъ въ тѣхъ случаяхъ, когда попираемы

ставителями тогдашней православной іерархіи можно указать немало лицъ, обладавшихъ блестящимъ образованіемъ и разносторонней ученостью, но весьма трудно найти между ними людей, нравственныя качества которыхъ строго соотвѣтствовали бы высотѣ ихъ пастырскаго служенія. Обыкновенно это явленіе объясняютъ тогдашней системой замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей въ православной іерархіи. Древній обычай свободнаго избранія клиромъ и народомъ лицъ, достойныхъ занятія высшихъ церковныхъ должностей, къ началу XVI в. почти совсѣмъ вышелъ изъ практики и былъ замѣненъ простой рекомендаціей претендента со стороны особенно-знатныхъ духовныхъ или свѣтскихъ сановниковъ. Польскіе же короли, унаслѣдовавъ отъ литовскихъ великихъ князей право утвержденія избранныхъ кандидатовъ, съ теченіемъ времени распространили это право до того, что, не прибѣгая къ избранію, сами назначали на высшія іерархическія мѣста въ южно-русской церкви, кого хотѣли. Послѣ короля Сигизмунда-Августа, особенно сильно злоупотреблялъ этимъ правомъ Стефанъ Баторій, назначившій однажды (правда, по ошибкѣ) архимандритомъ минскаго православнаго монастыря явнаго католика [1]). Его преемникъ Сигизмундъ III, именуя себя „верховнымъ подавцею столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ", также неограниченно пользовался правомъ раздачи по своему усмотрѣнію православныхъ епископій и монастырей лицамъ шляхетскаго сословія, оказавшимъ какія-нибудь услуги республикѣ [2]), или же иногда просто вносившимъ за это въ ко-

---

были права церкви и ни во что ставились королевскія и сеймовыя опредѣленія. Такимъ способомъ и въ такихъ обстоятельствахъ, при величайшемъ изъ кіевскихъ іерарховъ Петрѣ Могилѣ, игуменъ Антоній Мужиловскій съ 500 вооруженныхъ „подгорнулъ подъ его власть св. Софію, отбивши замки, лѣта нароженія Божого 1633 іюля 12". Во всякомъ случаѣ въ самоуправствѣ отдѣльнаго лица трудно разобраться между печальною необходимостью и личнымъ стремленіемъ, между порокомъ общимъ и частнымъ. Тоже должно сказать и объ этихъ непрерывныхъ „позвахъ", которые обнаруживаютъ, по видимому, въ тогдашнемъ духовенствѣ одну лишь страсть къ сутяжничеству. Ихъ вызывали непрерывныя правонарушенія въ самой безобразной и насильственной формѣ, а усиливали и поддерживали судебныя „волокиты", тянувшіяся, какъ показываетъ одинъ изъ процессовъ львовскаго ставропигіальнаго братства, по 150 и болѣе лѣтъ. Ред.

[1]) Акты Зап. Россіи, т. III, № 110.

[2]) Такъ, напр., изъ актовъ Литовской Метрики (Зап. кн. 77, л. 111) видно, что по кончинѣ полоцкаго архіепископа Аѳанасія Терлецкаго король Сигизмундъ, грамотою своею отъ 16 февраля 1592 г., предоставилъ полоцкую епархію *ротмистру* Богдану Селицкому въ награду за *военные его подвиги*. Вступивъ въ монашество, онъ принялъ имя Наѳанаила и былъ послѣднимъ православнымъ владыкою на полоцкой каѳедрѣ.

ролевскую казну извѣстную денежную сумму; подобная же система, какъ извѣстно, употреблялась польскимъ правительствомъ при раздачѣ старостствъ, королевскихъ имѣній и другихъ бенефицій. Такъ какъ православныя епархіи въ южной Руси и большинство монастырей обладали значительными имѣніями, пожалованными имъ древними князьями русскими, великими князьями литовскими и другими благочестивыми лицами, то отсюда понятно стремленіе шляхтичей, часто изъ знатныхъ русскихъ фамилій, всякими путями пріобрѣтать королевскія жалованныя грамоты на извѣстныя епископіи или архимандритства, причемъ пріобрѣвшій могъ передать свое право другому лицу за извѣстное вознагражденіе [1]). Конечно, при такомъ способѣ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей почти вовсе не было обращаемо вниманіе на нравственныя качества претендента, на его призваніе и подготовку къ пастырскому служенію; отчего нерѣдко случалось, что въ составъ южно-русской іерархіи, вопреки каноническимъ постановленіямъ, попадали, напр., второженцы, какъ Онисифоръ Дѣвочка, митрополитъ кіевскій, и даже лица, совершившіе убійства и другія уголовныя преступленія, какъ Тимоѳей Злоба, архимандритъ супрасльскій, и др. Получивъ королевскую грамоту, шляхтичи не особенно спѣшили принимать посвященіе въ церковный санъ: иногда они по нѣскольку лѣтъ управляли пожалованными имъ епархіями или монастырями, оставаясь въ свѣтскомъ званіи и нося титулъ *нареченныхъ* владыкъ или архимандритовъ, и часто нужны были со стороны митрополита чрезвычайныя понудительныя мѣры, въ родѣ неблагословенной грамоты или жалобы королю, чтобы заставить подобныхъ своевольцевъ принять посвященіе [2]). Нѣкоторые вступали въ управ-

---

[1]) См. напр., такую переуступочную запись Станислава Жолковскаго, намѣстника староства белзскаго, владимірскому епископу Мелетію Хребтовичу въ 1580 году, въ которой Жолковскій заявляетъ, что, получивъ отъ короля Стефана Баторія жалованную грамоту на епископію владимірскую, онъ уступилъ свое право Мелетію Хребтовичу, который за эту уступку „ему *досыть учинилъ*". Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I. т. 1, № 24.

[2]) Для примѣра укажемъ на шляхтича Марка Жоравницкаго, который съ 1561 по 1567 годъ, т. е. до самой своей смерти, управлялъ луцкой епархіей, оставаясь въ мірскомъ состояніи, а также на его преемника Ивана Борзобогатаго-Красенскаго, который лишь на четвертомъ году своего управленія епархіей, да и то вынужденный крайними мѣрами митрополита, принялъ посвященіе подъ именемъ Іоны. Ibidem, стр. XXV—XXVI.

леніе епархіями и монастырями, имѣя живыхъ женъ, и посвятившись не разводились съ ними, но продолжали вести прежнюю семейную жизнь; такъ въ 1585 году галицко-русскіе православные дворяне упрекали митрополита Онисифора Дѣвочку въ томъ, что, благодаря его небреженію о порядкахъ церковныхъ, на епископскихъ каѳедрахъ сидятъ такія лица, которые „съ жонами своими кромъ всякаго стыда живутъ и дѣтки плодятъ, а въ монастырехъ честныхъ, вмѣсто игуменовъ и братьи, игумены съ жонами и дѣтми живутъ и церквами святыми владѣютъ и рядятъ: съ крестовъ великихъ малые чинятъ и собѣ поесы и ложки и сосуды злочестивые къ своимъ похотемъ справуютъ, изъ ризъ—саяны, съ петрохилевъ брамы“ [1]). Въ другой разъ, въ 1592 году, львовское братство доносило патріарху константинопольскому Іереміи, что епископы—холмскій Діонисій Збируйскій и пинскій Леонтій Пельчицкій „со женами живутъ, еще же и перемышльскій владыка (Михаилъ Копыстенскій) со женою на епископство възведенъ“ [2]).

Нечего и говорить, что, выросшіе и воспитанные въ нравахъ и привычкахъ тогдашней дворянской среды, южно-русскіе владыки, вопреки иноческимъ своимъ обѣтамъ, и въ новомъ званіи нисколько не измѣняли прежняго образа жизни; напротивъ, привлеченные въ большинствѣ случаевъ къ духовному сану богатствами церковныхъ имѣній, они въ своемъ частномъ быту старались во всемъ походить на знатныхъ пановъ и подобно имъ вели праздную, роскошную и веселую жизнь, ничѣмъ въ своихъ поступкахъ не отличаясь отъ богатыхъ мірянъ. А нравы тогдашняго шляхетно-русскаго общества были таковы, что самый снисходительный моралистъ не могъ бы отнестись къ нимъ иначе, какъ съ строгимъ порицаніемъ. Извѣстно, что XVI вѣкъ вообще характеризуется рѣзкимъ переломомъ въ общественномъ быту литовско-русскаго государства. То было время, когда Литва, благодаря начавшемуся еще раньше сближенію съ западной Европой, сдѣлала блестящіе успѣхи въ развитіи своей гражданственности, выразившіеся въ расширеніи промысловъ и торговли, умноженіи и укрѣпленіи городскихъ общинъ, улучшеніи благосостоянія частныхъ лицъ, распространеніи образованности и проч. Естественно, что всѣ эти культурныя перемѣны въ соціальномъ строѣ произвели сильныя измѣненія въ понятіяхъ, нравахъ и

[1]) Акты зап. Россіи. т. III, № 146.

[2]) Ibidem, т. IV, № 33.

обычаяхъ если не всего западно-русскаго общества, то по крайней мѣрѣ въ средѣ высшихъ его сословій. Рядомъ съ усвоеніемъ новыхъ понятій и формъ европейской цивилизованной жизни, въ обществѣ западно-русскихъ дворянъ быстро изчезала простота и патріархальность старыхъ предковскихъ обычаевъ и соединенная съ нею строгость и чистота нравовъ. Въ этомъ отношеніи гибельнѣе всего вліяло на общественные нравы юго-западной Руси сближеніе съ Польшей, гдѣ въ средѣ высшей шляхты, а особенно при дворѣ тогдашнихъ польскихъ королей, нравственная распущенность достигла высшаго развитія. Литовско-русскіе писатели XVI в. единогласно жалуются на упадокъ нравовъ въ современномъ имъ обществѣ, а въ позднѣйшихъ редакціяхъ литовскаго Статута замѣчается все большее усиленіе строгости по отношенію къ цѣлому ряду преступленій, о коихъ въ первой редакціи Статута совсѣмъ не упоминается. Наиболѣе распространенными пороками тогдашняго общества были: пьянство, разнаго рода противосемейныя преступленія, тайныя убійства при помощи ядовъ и отравы [1]), поединки и особенно склонность къ самоуправству, выражавшаяся въ отнятіи собственности, буйствахъ и убійствахъ. Общая нравственная распущенность коснулась и высшаго католическаго духовенства, которое въ то время въ Литвѣ и Польшѣ, какъ и во всей западной Европѣ, необузданно предавалось страсти къ обогащенію, заботилось лишь о суетѣ мірской и утопало въ разнаго рода пресыщеніяхъ и открытомъ развратѣ, что̀ и способствовало болѣе всего быстрому распространенію здѣсь реформаціи. По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ актовъ виленской капитулы, развратъ въ средѣ столичнаго литовско-католическаго духовенства дошелъ до такой степени, что загородныя дачи и фольварки виленскихъ канониковъ и даже прелатовъ сдѣлались чуть не публичными домами, а въ 1629 г. виленская капитула, стараясь хоть чѣмъ-нибудь удержать отъ распутства своевольное духовенство, вынуждена была изгнать изъ предѣловъ епархіи всѣхъ развратныхъ женщинъ [2]). Въ то же время, когда реформаціонное движеніе появилось въ Литвѣ и Польшѣ, оно наглядно обнаружило нравственную несостоятельность католическаго духовенства и отсутствіе въ немъ искренности вѣры и твердости убѣжденій. Извѣстно, что въ первое

---

[1]) По свидѣтельству современныхъ польско-литовскихъ писателей, порокъ этотъ былъ занесенъ въ Польшу и Литву королевой Боной, италіанкой, и ея дворомъ.

[2]) Jaroszewicz, Obraz Litwy, III, 10 и 161.

время духовенство оказалось безсильнымъ для борьбы съ новымъ движеніемъ и само подчинилось ему. Не говоря о низшемъ клирѣ, члены котораго охотно женились и переходили въ протестантизмъ, извѣстны случаи, когда прелаты и бискупы (какъ, напр., кіевскій бискупъ Пацъ) легко измѣняли своему долгу и становились вѣроотступниками. Съ другой стороны, тѣ изъ лицъ высшаго католическаго духовенства, которые выступали на борьбу съ реформаціей, почти всегда обнаруживали грубое безразличіе въ выборѣ къ тому средствъ и пріемовъ, сплошь и рядомъ прибѣгали къ возмутительнымъ насиліямъ и при случаѣ не гнушались тайными убійствами своихъ противниковъ.

Тѣ-же пороки и въ тѣхъ же формахъ мы встрѣчаемъ и въ жизни представителей высшаго православнаго духовенства того времени. Современникъ, постриженецъ Аѳона, Іоаннъ Вишенскій не находитъ достаточно выразительныхъ словъ, когда обличаетъ современныхъ ему владыкъ, архимандритовъ и игуменовъ въ любостяжательствѣ, сребролюбіи, корыстолюбіи, въ пьянствѣ, чревоугодіи и другихъ пресыщеніяхъ; тѣ-же обличенія повторяются почти всѣми южно-русскими писателями того времени. Развратъ среди высшаго южно-русскаго духовенства, правда, не доходилъ до такой степени или, по крайней мѣрѣ, не совершался такъ открыто, какъ то бывало у католическихъ каноииковъ и прелатовъ; но тѣмъ не менѣе сохранилось нѣсколько судебныхъ актовъ XVI—XVII в., изъ которыхъ видно, что и южно-русскіе пастыри были не совсѣмъ чужды этому грѣху. Такъ, въ 1594 году луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій формально на судѣ былъ обвиняемъ въ изнасиловаеіи нѣкоей „дѣвки" Палажки (о чемъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ), а въ одной актовой луцкой книгѣ мы находимъ декретъ духовнаго митрополичьяго суда по дѣлу объ архимандритѣ жидичинскаго монастыря Никодимѣ Мокосіи Шибинскомъ, обвиненномъ въ убійствѣ, растратѣ монастырскихъ имѣній и наконецъ въ томъ, что онъ, разогнавъ братію, „в монастыре своемъ наложницъ ховалъ и съ ними справу Богу и людемъ добрымъ мерзкую мевалъ" [1]). Говорить-ли о слабости вѣры у тогдашнихъ православныхъ архіереевъ, о шаткости и непостоянствѣ ихъ религіозныхъ убѣжденій, о слабомъ развитіи сознанія ими пастырскаго долга, когда исторія введенія въ южной Руси церковной уніи представляетъ живую картину легкомысленнаго

[1]) Книга гродская Луцкая 1627 года, л. 350.

равнодушія большей части тогдашнихъ южно-русскихъ іерарховъ къ вопросу объ истинности того или другаго христіанскаго исповѣданія и преступной рѣшимости ихъ „для лакомства нещасного" и ради „дочасныхъ пожитковъ сегосвѣтныхъ" предать самыя завѣтныя вѣрованія своей паствы! А затѣмъ, когда введеніе уніи встрѣтило извѣстное противодѣйствіе со стороны православныхъ, то уніатскіе владыки, подражая своимъ католическимъ собратьямъ, выказали такое же возмутительное безразличіе въ выборѣ средствъ для борьбы и съ тѣмъ же безсердечіемъ и жестокостью пускали въ ходъ и ложные доносы, и открытое насиліе, и покушенія на жизнь противниковъ посредствомъ отравы, и тайныя убійства. И благо, еслибы еще этотъ бездушный фанатизмъ могъ быть оправданъ искренностью убѣжденія въ правотѣ своего дѣла, такъ вѣдь о большинствѣ ревнителей уніи и этого нельзя сказать.

Но самыми распространенными среди высшаго южнорусскаго духовенства пороками нужно признать тѣ, которые были наиболѣе господствующими и въ современномъ имъ обществѣ: то были—склонность къ самоуправству, выражавшаяся въ безпрестанныхъ наѣздахъ на имѣнія сосѣдей и сопряженныхъ съ этимъ безчинствахъ, буйствахъ и грабежахъ, и—страсть къ нескончаемымъ тяжбамъ. Отъ перваго изъ этихъ пороковъ рѣшительно не были свободны даже лучшіе изъ православныхъ іерарховъ XVI—XVII в. Владѣя громадными средствами, получаемыми изъ церковныхъ имѣній, южнорусскіе владыки содержали многочисленные отряды слугъ, гайдуковъ и ратныхъ людей, вооружали ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, даже пушками, и часто лично предводительствовали ими въ наѣздахъ, разбояхъ, грабежахъ, штурмомъ брали и отнимали чужія имѣнія, мѣстечки и села, и въ свою очередь часто выдерживали въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ и монастыряхъ правильныя осады со стороны такихъ же самоуправцевъ. Случалось, что они отказывались иногда подчиняться невыгоднымъ для нихъ распоряженіямъ правительства и въ такихъ случаяхъ, при помощи своихъ людей, силой отражали посылаемыя противъ нихъ по приказу короля повѣтовыя ополченія [1]). А въ промежутки между этого рода военными занятіями владыки разъѣзжали по гродамъ и трибуналамъ, заносили въ судовыя книги свои протестаціи, манифестаціи, позвы

---

[1]) См. Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. 1, т. I, стр. XXIII.

и апеляціи, требовали возныхъ, являлись на „*рочки*“ [1]), подвергались „*банниціямъ*“, сносили ихъ и снова навлекали новыя и т. д. Такимъ образомъ знаменитый Іоаннъ Вишенскій былъ совершенно правъ, когда обличалъ современныхъ ему владыкъ въ томъ, что они, „вмѣсто правила, книжного чтенія и изученія закона Господня, день и ночъ *надъ Статутомъ* и лжею (т. е. сочиненіемъ апеляцій и репротестацій) весь вѣкъ свой упражняются“ [2]). Свидѣтельство Вишенскаго вполнѣ подтверждается судебными документами того времени. Всякій, напримѣръ, кому случалось знакомиться съ актовыми книгами, хранящимся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, безъ сомнѣнія былъ поражаемъ обиліемъ судебныхъ процессовъ, которые велись тогдашними русскими духовными сановниками; иной разъ кажется, будто гродскіе и земскіе суды того времени ничѣмъ другимъ и не занимались, какъ исключительно процессами православнаго духовенства. И нельзя не замѣтить, что въ веденіи большей части этихъ процессовъ видна знающая и искусная рука, навыкшая къ юридической практикѣ и при случаѣ не чуждая казуистическихъ фортелей. Оно и понятно, если вспомнить, что нѣкоторые изъ православныхъ владыкъ въ предшествовавшій, мірской періодъ своей жизни занимались про-

---

[1]) *Рочками* назывались сессіи тогдашнихъ судовъ, а суды тогда были двухъ родовъ: *гродскіе* въ городахъ, открытые для всѣхъ въ теченіи всего года, и *земскіе*, открывавшіе свои засѣданія въ повѣтахъ три раза въ годъ, по тогдашнему *рокъ*, откуда и названіе *рочки*. *Банниціею* называлось опредѣленіе суда гродскаго или земскаго, которымъ извѣстное лице объявлялось лишеннымъ покровительства законовъ. При отсутствіи въ то время административной или иной власти, которая могла бы заставить подсудимаго явиться въ судъ или выполнить его рѣшеніе, банниціи употреблялись какъ единственное побудительное для сего средство, а не какъ мѣра наказанія за извѣстное преступленіе. По тогдашнимъ порядкамъ и правамъ подвергшійся банниціи рисковалъ своею безопасностію и даже имуществомъ и жизнью, такъ какъ всякій, изъ побужденій корысти, мести или просто своевольства, могъ произвести надъ нимъ какое угодно насиліе, даже просто убить его, не подвергаясь за то преслѣдованію суда и наказанію. Впрочемъ банниціи скоро утратили свое значеніе и какъ мало ихъ пугались, лучшимъ примѣромъ можетъ служить извѣстный въ польской исторіи коронный стражникъ первой половины XVII ст. Самуилъ Лащъ, который, по свидѣтельству Ерлича, получивъ 236 банницій и 37 инфамій, сшилъ изъ нихъ или подшилъ *ферезію* и въ такомъ костюмѣ явился въ королевскій дворецъ, возбудивъ тѣмъ лишь удивленіе короля такой находчивости и не подвергшись наказанію за такое наругательство надъ закономъ. Правда, впослѣдствіи король, Владиславъ IV лишилъ Лаща за новыя его буйства и насилія должностей, староствъ и имѣній, но для приведенія въ исполненіе королевскаго декрета понадобилось объявить поголовное ополченіе и кіевскій воевода Тышкевичъ во главѣ 12,000 ополченцевъ шелъ выселять Лаща изъ его имѣнія Макарова.

[2]) Акты Ю. и З. Р. т. 2, стр. 226.

фессіонально адвокатурой; такъ о холмскомъ епископѣ Діонисіи Збируйскомъ упомянутый выше Іоаннъ Вишенскій свидѣтельствуетъ, что онъ, до вступленія въ духовное званіе, „коли въ Луцку жилъ, Саксономъ и Майдебурскимъ правомъ свое черево кормилъ."[1]) Поэтому многіе изъ упомянутыхъ процессовъ между одними и тѣми-же лицами тянулись по нѣскольку лѣтъ, восходили по аппеляціи на рѣшеніе трибунала и часто прекращались лишь за смертью одного изъ тяжущихся. Нечего и говорить о томъ, какой богатый матеріалъ для исторіи южнорусской церкви вообще и для характеристики нравовъ высшаго духовенства XVI и XVII в. въ частности представляютъ судебные акты того времени, относящіеся къ означеннымъ процессамъ и сохранившіеся въ огромномъ количествѣ въ книгахъ кіевскаго центральнаго архива. Достаточно намѣтить извѣстное іерархическое лице того времени и выбрать изъ актовыхъ книгъ всѣ касающіяся его жалобы, протестаціи, судебныя рѣшенія, чтобы въ результатѣ получилась рельефная картина нравовъ и быта высшихъ церковныхъ сановниковъ данной эпохи. А матеріаловъ такъ много, что невольно затрудняешься ихъ выборомъ. Для означенной цѣли можно было-бы съ одинаковымъ удобствомъ воспользоваться, напримѣръ, судебными процессами Ѳеодозія Лозовскаго, епископа холмскаго, взявшаго штурмомъ епископскій замокъ и соборную церковь въ г. Владимірѣ и впослѣдствіи утвердившагося на этой каѳедрѣ; Марка Жоравницкаго, нареченнаго владыки луцкаго, или его преемника Іоны Красенскаго, умершаго баннитомъ, и многихъ другихъ. Но изъ цѣлаго ряда личностей этого типа я останавливаю свой выборъ на судебныхъ актахъ, относящихся къ біографіи человѣка, получившаго впослѣдствіи печальную извѣстность по дѣятельному участію въ проведеніи брестской уніи, — разумѣю Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго и острожскаго, въ жизни котораго всего рельефнѣе обрисовываются типическіе пороки владыкъ того времени. Я не имѣю, впрочемъ, въ виду представить здѣсь полную біографію этого въ своемъ родѣ замѣчательнаго человѣка, хотя, замѣчу мимоходомъ, подобный трудъ былъ-бы весьма желателенъ, а при богатствѣ изданныхъ по настоящее время историческихъ документовъ онъ къ томуже легко выполнимъ. Біографическій элементъ войдетъ въ мой очеркъ лишь настолько, насколько даютъ матеріаловъ избранные мною источники и насколько это окажется нужнымъ

---

[1]) Тамъ-же стр. 231.

для указанной частной задачи. Такъ, дѣятельности Терлецкаго по проведенію церковной уніи я совсѣмъ не намѣренъ касаться, а буду обращать преимущественное вниманіе на его частныя дѣла и отношенія, насколько указанія о нихъ сохранились въ актовыхъ книгахъ, при чемъ съ большею относительно подробностью изложу тѣ судебные процессы, которые представляютъ особенно важный интересъ для моей цѣли.

I.

Кириллъ Семеновичъ Терлецкій происходилъ изъ обѣднѣвшей отрасли нѣкогда знатнаго русско-шляхетскаго рода, имѣвшаго свои помѣстья въ перемышльскомъ повѣтѣ. Правдоподобно родиной его можно считать пинскую область въ Полѣсьѣ, гдѣ онъ въ г. Пинскѣ былъ первоначально священникомъ замковой церкви св. Дмитрія, при чемъ, по свидѣтельству І. Вишенскаго, былъ такъ небогатъ, что въ качествѣ слуги „только дячка за собою волочилъ, которому кермашами пирожными заплату чинилъ.“ Въ 1576 г., по смерти пинскаго епископа Макарія Евлашевскаго, Кириллъ Терлецкій, по жалованной грамотѣ короля Стефана Баторія, „яко человѣкъ цнотливый, во всякихъ справахъ духовныхъ статечный и въ писмѣ наученый,“ былъ возведенъ въ санъ епископа пинскаго и туровскаго, [1]) откуда въ 1585 г. былъ переведенъ на епископію луцкую и острожскую. О болѣе раннемъ періодѣ жизни Терлецкаго, главное же о его образованіи, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, хотя, судя по его последующей дѣятельности, необходимо заключить, что онъ обладалъ кое-какимъ богословскимъ [2]) и юридическимъ образованіемъ, пріобрѣтеннымъ, какъ кажется, путемъ начитанности, чему много помогали его блестящія способности, восполнявшія недостаточность его школьнаго образованія. [3]) Обращаясь къ нравственной характеристикѣ личности Терлецкаго, нужно отмѣтить прежде всего, какъ наиболѣе выдающіяся черты его характера, хитрость,

---

[1]) Акты Западн. Р. т. III, № 65.

[2]) Въ жалованной королевской грамотѣ Терлецкому упоминается, что Кіевскій митрополитъ Іона рекомендовалъ его королю какъ человѣка „в писмѣ святомъ добрѣ научоного“.

[3]) О „*значительномъ*“ образованіи, какое приписываетъ Терлецкому авторъ „Литовской Церк. Уніи“ г. Кояловичъ, не можетъ быть рѣчи уже по тому одному, что, какъ достовѣрно извѣстно, Терлецкій не былъ знакомъ съ латинскимъ языкомъ, исключительнымъ органомъ тогдашняго школьнаго образованія.

изворотливость и склонность къ проискамъ; не даромъ одинъ изъ современниковъ Кирилла охарактеризовалъ его мѣткимъ прозвищемъ „*райскаго змія*“ и *коварной лисицы.*“ [1]) Далѣе, это былъ человѣкъ безмѣрно честолюбивый, раздражительный и мстительный до жестокости. Въ своей частной жизни онъ рѣшительно не отличался свойственными его сану добродѣтелями и, какъ увидимъ ниже, ему были вполнѣ присущи всѣ пороки того вѣка. Современные южно-русскіе лѣтописцы и историки заклеймили память этого человѣка рядомъ позорнѣйшихъ преступленій. Такъ неизвѣстный авторъ „Перестороги“, а за нимъ составители „Книги о единой вѣрѣ,“ густынской лѣтописи и другіе единогласно свидѣтельствуютъ о сребролюбіи Терлецкаго, о его невоздержаніи, чужеложствѣ, убійствахъ и „иныхъ симъ подобныхъ выступкахъ“, о коихъ „мало не весь свѣтъ вѣдалъ“; въ частности же обвиняютъ его въ убійствѣ какого-то Филиппа маляра и попа Стефана, въ преступной связи съ невѣсткой, женой брата, въ дружбѣ съ ворами и дѣланіи фальшивой монеты и проч. Нѣсколько раньше порочность Терлецкаго вызвала противъ себя обличенія даже изъ отдаленнаго востока, со стороны южно-русскаго монаха аѳонской горы, Іоанна Вишенскаго. Вотъ тѣ обвиненія, которыя бросилъ ему открыто, предъ лицемъ всей Руси, этотъ знаменитый современникъ его и строгій ревнитель чистоты нравовъ въ своемъ окружномъ посланіи къ высшему южно-русскому духовенству: „пощупайся только въ лысую голову, ксенже бискупе луцкій, колко еси за своего священства живыхъ мертво къ Богу послалъ: одныхъ—сѣканою, другихъ—водотопленою, третихъ—огнепалною смертію отъ сея жизни изгналъ. Такъ розумѣю, ижъ (что) помятаешъ, ваша милость, всѣхъ тыхъ, если схочешъ покаятелное исповѣди правду отригнути. Вспомяни и *Филиппа маляра* многопѣняжного: камо тые румяные золотые по его неволномъ отходѣ осталися и въ чіемъ нынѣ везеню седятъ [2])“?

Подобныя же обвиненія часто повторялись и послѣдующими историками и, казалось, репутацію Терлецкаго можно было считать прочно установившеюся въ исторіи. Но въ послѣднее время,

---

[1]) Въ 1595 г. митрополитъ Мих. Рагоза въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю Острожскому, такъ выразился о Терлецкомъ: „найболѣе же благоволите в. м. беречься того *райскаго змія* и *коварной лисицы*, о которомъ я говорилъ вашей милости.“ Апокризисъ, стр. 25—26. и Опис. Кіево-Соф. Собора м. Евгенія, приложеніе № 14, ст. 63.

[2]) Акты Ю. и З. Р. т. II, стр. 230.

и притомъ въ одномъ изъ наиболѣе цѣнныхъ сочиненій по исторіи южнорусской церкви, сдѣлана была попытка обѣлить этотъ печальный образъ одного изъ виновниковъ уніи и представить его „достойнѣйшимъ между западнорусскими епископами того времени": попытка эта была сдѣлана г. Кояловичемъ въ его книгѣ „Литовская церковная унія". „Провѣряя, говоритъ онъ, безпристрастною историческою критикою всѣ общепринятыя извѣстія о порочности Кирилла, мы никогда не признавали ихъ вѣрными. Преувеличенія и ненависть въ нихъ слишкомъ явны и не подтверждаются никакими оффиціальными памятниками того времени" [1]) Исходя изъ этого соображенія, г. Кояловичъ весьма рѣшительно отвергаетъ всѣ неблагопріятныя для памяти Терлецкаго извѣстія его современниковъ, объясняя ихъ злобой его недоброжелателей или, по отношенію къ позднѣйшимъ историкамъ, ошибочнымъ перенесеніемъ на него дѣяній, совершенныхъ его предшественникомъ, Іоной Красенскимъ. Не будемъ входить въ споръ съ почтеннымъ историкомъ. Задача нашего изслѣдованія иная и пріемы, какъ увидитъ читатель, другіе. Положительныхъ доказательствъ въ пользу Терлецкаго г. Кояловичъ не представляетъ, а факты говорятъ противное его умозаключеніямъ. Очень можетъ быть, что нѣкоторыя изъ приписываемыхъ Терлецкому преступленій (какъ напр., дѣланіе фальшивой монеты, кровосмѣшеніе) взведены на него и незаслуженно, подъ вліяніемъ злобы за его измѣну православію; но на немъ тяготѣетъ такая масса обвиненій, что однимъ этимъ предположеніемъ никакъ нельзя обѣлить его, а тѣмъ болѣе поставить его въ рядъ „достойнѣйшихъ" іерарховъ того времени. Не одинъ Терлецкій измѣнилъ тогда православію, однако ни о комъ изъ подобныхъ ренегатовъ современники не передаютъ такихъ позорящихъ извѣстій, хотя сподвижникъ Терлецкаго, Ипатій Потѣй, несравненно энергичнѣе его преслѣдовалъ православныхъ и занималъ болѣе видное мѣсто въ уніатской партіи. Притомъ же, такъ называемые г. Кояловичемъ „оффиціальные памятники", если таковыми считать судебные акты того времени, не только въ главныхъ чертахъ подтверждаютъ извѣстія современниковъ о порочной жизни Терлецкаго, но, какъ увидимъ ниже, свидѣтельствуютъ сверхъ того о цѣломъ рядѣ другихъ, еще болѣе тяжкихъ, его преступленій. Конечно, не всегда обвиненія и на судѣ бываютъ вполнѣ добросовѣстны. Но судеб-

---

[1]) Кояловичъ, т. I, стр. 209.

ные акты того времени тѣмъ и драгоцѣнны, что въ нихъ съ равнымъ безпристрастіемъ заносились какъ данныя обвиненія, такъ равно и доказательства защиты; поэтому, при изложеніи болѣе важныхъ процессовъ Терлецкаго, я постараюсь передавать и сущность судебныхъ преній, если онѣ сохранились, и такимъ образомъ читатель самъ будетъ поставленъ какъ бы въ положеніе судьи даннаго дѣла.

Луцкая епархія, править которою былъ призванъ Кириллъ Терлецкій, была одною изъ самыхъ богатыхъ въ юго-западной Руси. Ей принадлежали четыре мѣстечка и тридцать четыре селенія, изъ коихъ нѣкоторыя мѣстечки имѣли укрѣпленные замки съ пушками, гаковницами и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Вступивъ въ управленіе всѣмъ этимъ богатствомъ, владыка зажилъ по обычаю магнатовъ того времени: его окружала многочисленная толпа бояръ и слугъ, въ числѣ которыхъ находился и молодой князь Флоріанъ Гедройть, потомокъ нѣкогда знаменитаго литовскаго рода; сундуки въ его „коморахъ" были переполнены „шатами златоглавыми, сукнами фалендышевыми, аксамитами и едвабами, мѣхами куньими и собольими" [1]); въ его кладовыхъ постоянно хранился неистощимый запасъ, цѣлыми бочками, мальвазіи, рейнскаго и другихъ напитковъ [2]), а въ луцкомъ замкѣ всегда былъ наготовѣ многочисленный и хорошо вооруженный отрядъ гайдуковъ, услугами которыхъ владыка пользовался довольно часто и притомъ не противъ однихъ только татаръ. Сверхъ того Терлецкій окружилъ себя многочисленной родней, которую онъ тотчасъ же вызвалъ изъ Полѣсья и Подгорья въ помощь себѣ по управленію церковными имѣніями. Такъ при немъ жила его родная дочь Ганна, выданная имъ впослѣдствіи замужъ за Ивана Велятицкаго, писаря земскаго пинскаго. Одинъ изъ его родственниковъ, Иванъ Терлецкій, былъ урядникомъ въ с. Терем-

---

[1]) См. въ I т. Актовъ Ю. и З. Россіи (№ 128) опись части имущества Терлецкаго, отданной имъ на храненіе пинскому мѣщанину Гр. Крупѣ, съ обозначеніемъ стоимости каждаго предмета. Если перевести тогдашнюю монету на нынѣшнюю, то окажется, что общая цѣнность всей этой части его имущества, вмѣстѣ съ долговыми расписками разныхъ лицъ, простиралась на сумму свыше 22,000 рубл. Любопытно, что въ числѣ должниковъ Терлецкаго мы встрѣчаемъ здѣсь и такихъ магнатовъ, какъ князь Острожскій, воевода кіевскій и др.

[2]) См. осмотръ возныхъ кладовыхъ Терлецкаго въ Луцкѣ. Архивъ Юго-зап. Р., ч. 1, т. I, № 76.

номъ, принадлежавшемъ епископіи луцкой; другой—Прокопъ управлялъ м. Фалимичами. Въ такой же должности, какъ кажется, состоялъ и двоюродный братъ владыки, Василій Григорьевичъ Терлецкій, владѣлецъ нѣскольких селъ въ повѣтѣ перемышльскомъ. Но самымъ довѣреннымъ лицемъ владыки, такъ сказать его правой рукой, былъ родной его братъ Ярошъ Терлецкій, котораго онъ держалъ при себѣ неотлучно въ замкѣ луцкомъ и всегда посвящалъ его въ самыя сокровенныя свои намѣренія. У этого же Яроша была жена Марина Богухваловна Туровна, о которой тогда злые языки говорили, будто бы владыка съ нею „въ чужоложствѣ мѣшкаетъ" [1]).

Не прошло и года по вступленіи Терлецкаго въ управленіе новой епархіей, какъ въ судебныхъ актахъ того времени встрѣчаются уже жалобы разныхъ лицъ на слишкомъ рѣшительныя его дѣйствія. Дѣло въ томъ, что новый владыка нашелъ свою епископію въ самомъ жалкомъ видѣ: одни изъ церковныхъ имѣній были совершенно опустошены, другія присвоены разными лицами, крестьяне отовсюду разогнаны и пр. Одно изъ такихъ имѣній, именно м. Жабче, оказалось въ незаконномъ пользованіи старостича луцкаго, Марка Жоравницкаго. Вмѣсто того, чтобы возстановить нарушенное право владѣнія при помощи суда, Терлецкій поступилъ проще: онъ послалъ отрядъ своихъ гайдуковъ, которые, изгнавъ незаконныхъ владѣльцевъ, овладѣли имѣніемъ и силою подчинили его власти епископа. Подробности этого наѣзда, изложенныя въ жалобѣ Жоравницкаго, по ихъ грубости поразительны даже для того вѣка. Отрядъ Терлецкаго, по своей численности, простирался свыше 1000 человѣкъ; въ составъ его входили, кромѣ архіерейскихъ слугъ, гайдуковъ и крестьянъ, множество татаръ, венгровъ, сербовъ и волоховъ, съ пушками, гаковницами, полгаками [2]), ружьями и топорами. Отрядомъ предводительствовалъ братъ владыки, Ярошъ Терлецкій, а помощниками его были клирошане капитулы луцкой. Нападеніе сдѣлано было ночью, „праве на свѣтаню". Такъ какъ м. Жабче имѣло укрѣпленный замокъ, то нападавшіе осадили его со всѣхъ сторонъ и, устроивъ шанцы, открыли стрѣльбу и вообще принялись штурмовать его по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Самого Жаровницкаго въ то время не было въ имѣніи, но здѣсь гостили его сестры, которыя, заслышавъ пальбу, укрылись

[1]) Акты зап. Россіи т. 4, стр. 210.

[2]) Особый видъ ружья.

со страху въ отдаленную комнату дома, окруживъ себя женской прислугой. Между тѣмъ осаждавшіе ворвались въ замокъ и потомъ во дворъ, гдѣ началась дикая оргія убійствъ и грабежа. Нѣкоторые вломились въ домъ, ограбили его, раздѣли до нага перепуганныхъ женщинъ и многихъ изнасиловали. Къ счастью, сестры жалобщика успѣли къ тому времени тайно уйти изъ замка и укрылись въ сосѣднемъ имѣніи [1]). Жоравницкіе два раза подавали въ судъ жалобу объ этомъ насиліи, но король Стефанъ Баторій принялъ епископа подъ свое покровительство, оправдалъ его и самыя жалобы въ актовыхъ книгахъ приказалъ уничтожить [2]).

Не менѣе строго поступилъ Терлецкій и съ подчиненнымъ своимъ, Саввой, священникомъ Фалицкимъ, который, будучи урядникомъ въ одномъ изъ церковныхъ имѣній, причинилъ владыкѣ какіе-то убытки и выпустилъ изъ подъ ареста убійцу Ивана Малышка, который умертвилъ слугу епископскаго Морочка. За это владыка приказалъ схватить нераспорядительнаго священника вмѣстѣ съ женой и дѣтьми и посадить ихъ въ тюрьму, гдѣ и морилъ ихъ голодомъ и холодомъ болѣе шестнадцати недѣль, имущество же ихъ велѣлъ отобрать въ свою пользу [3]). Тесть священника, шляхтичъ Вижовскій, позвалъ было за это Терлецкаго къ суду; но, два года спустя, Савва помирился съ владыкой и представилъ въ судъ подписку о прекращеніи дѣла.

Скоро, однако, времена перемѣнились. Покровитель Терлецкаго, король Стефанъ Баторій умеръ и на польскій престолъ вступилъ Сигизмундъ III, покровитель будущей уніи. Наступило время, когда Терлецкій не только опасался нападать на другихъ, но ему самому приходилось постоянно защищаться отъ преслѣдованій и оскорбленій, коимъ съ того времени все чаще стали подвергаться лица православнаго духовенства со стороны королевскихъ сановниковъ католическаго исповѣданія. Такъ въ 1590 г. дворянинъ и королевскій секретарь Броневскій сдѣлалъ вооору-

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. I, т. I, №№ 51 и 52.

[2]) Кромѣ этого дѣла, въ актахъ Люблинскаго трибунала мы находимъ еще жалобу, относящуюся къ 1586 г., шляхтича Александра Вороны-Боронынскаго на Кирилла Терлецкаго объ отнятіи у него грунта, урочища Завальнаго, и „о позбиванье паробковъ его дворныхъ и о порубанье плуговъ его“ (Кн. Трибунала 1591 г. справа 45). Трибунальскій судъ предоставилъ Воронѣ-Боротынскому позвать владыку къ духовному суду, рѣшеніе котораго намъ неизвѣстно.

[3]) Арх. Югозап. Россіи, ч. I, т. I, № 56.

женный наѣздъ на принадлежавшее луцкой епископіи м. Филимячи и заграбилъ находившееся тамъ церковное и архіерейское имущество [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Терлецкому пришлось вынести упорную вражду со стороны луцкаго старосты Александра Семашка, потомка древней русской фамиліи, незадолго предъ тѣмъ перешедшаго въ католичество и потому со всею яростью ренегата преслѣдовавшаго православнаго епископа. Такъ какъ луцкая соборная церковь Іоанна Богослова и епископскій дворъ находились въ верхнемъ замкѣ луцкомъ, состоявшемъ въ завѣдываніи старосты, то Семашко имѣлъ возможность дѣлать на каждомъ шагу притѣсненія Терлецкому и его клиру. Такъ въ одно время онъ у входа въ замокъ поставилъ отрядъ гайдуковъ, приказавъ имъ брать мыто за право входа въ церковь съ духовенства и народа, а въ праздникъ пасхи 1591 года и совсѣмъ не пустилъ въ замокъ никого изъ духовенства, кромѣ одного епископа, вслѣдствіе чего въ соборной церкви въ тотъ день не было совершено богослуженіе; самъ же староста, будучи навеселѣ, проводилъ время въ притворахъ церковныхъ, гдѣ заводилъ танцы и игры, а гайдукамъ приказалъ для развлеченія стрѣлять въ куполъ и крестъ церкви [2]). Въ другой разъ онъ не пропустилъ въ замокъ строительныхъ матеріаловъ, приготовленныхъ Терлецкимъ для починки церкви; а вслѣдъ затѣмъ возбудилъ лично противъ епископа судебное преслѣдованіе, какъ противъ нарушителя общественнаго спокойствія, за то, что будто бы тотъ во время судебныхъ засѣданій входилъ въ замокъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, что̀ было строго запрещено закономъ [3]). Сверхъ того староста постоянно вмѣшивался въ духовную юрисдикцію епископа и бралъ подъ свою защиту духовныхъ лицъ, подвергаемыхъ имъ наказанію, при чемъ однажды, во время разбора жалобы одного священника, когда Терлецкій, отстаивая свое право юрисдикціи надъ подвластнымъ ему духовенствомъ, упрекалъ жаловавшагося священника въ порочной жизни, то староста въ присутствіи суда, публично заявилъ, что онъ знаетъ немало грѣховъ и за самимъ епископомъ, при чемъ, обратившись къ адвокату священника, шепнулъ: „ска-

---

[1]) Архивъ Югоз. Россіи, ч. I, т. I, № 67. Жалоба объ этомъ Терлецкаго 1590 г., октября 4.

[2]) См. жалобу объ этомъ Терлецкаго — тамъ же № 70.

[3]) Тамъ-же, № 73.

жи, что къ владыкѣ приводили развратную женщину" [1]). Нѣсколько лѣтъ продолжались эти преслѣдованія епископа со стороны старосты. Терлецкій не разъ обращался съ жалобами въ суды гродскій и трибунальскій, которые иногда постановляли рѣшенія въ его пользу; но это нисколько не останавливало своевольнаго старосту, дѣйствовавшаго, какъ кажется, въ данномъ случаѣ не безъ воли польскаго правительства, разсчитывавшаго быть можетъ посредствомъ подобныхъ преслѣдованій поколебать въ Терлецкомъ вѣрность его православно-пастырскому долгу и приготовить въ его лицѣ покорное орудіе для замышляемаго тогда церковнаго переворота. И точно, честолюбивый владыка не былъ способенъ долѣе переносить тѣхъ униженій, какимъ иногда подвергалъ его самоуправный староста. Онъ обратился къ князю Константину Острожскому и браславскому воеводѣ князю Яну Збаражскому съ просьбой примирить его съ Семашкомъ, и тѣ взяли на себя заботу уладить всѣ возникшія между противниками несогласія. Въ іюнѣ 1592 года Терлецкій и Семашко явились въ гродскій владимірскій судъ и подали заявленіе о томъ, что они навсегда уничтожаютъ возникшія между ними тяжбы и взаимныя обвиненія [2]). Съ этихъ поръ староста дѣйствительно прекратилъ прежнія преслѣдованія епископа, за то послѣдній становится открытымъ другомъ и поборникомъ уніи.

Примирившись со старостой и заручившись снова расположеніемъ польскаго правительства, Кириллъ Терлецкій не имѣлъ болѣе побужденій сдерживать буйные порывы своей широкой натуры, и съ этого времени въ актовыхъ книгахъ безпрестанно встрѣчаются самыя разнообразныя жалобы на своеволіе епископа.

Прежде всего Терлецкій задумалъ отобрать церковное имѣніе м. Фалимичи, которое присвоилъ было королевскій секретарь Мартинъ Броневскій въ то время, когда епископъ былъ занятъ тяжбой съ луцкимъ старостой. Онъ вооружилъ своихъ слугъ и, поручивъ начальство надъ ними своему зятю Ивану Велятицкому, ночью 27 ноября 1592 послалъ ихъ въ Фалимичи. Здѣсь въ то время проживалъ пріятель Броневскаго, шляхтичъ воеводства люблинскаго, Петръ Гижовскій. Во время штурма онъ былъ тяжело раненъ пулей и ему отрубили кисть правой руки. Когда его, истекавшаго кровью, привели къ Терлецкому, послѣдній не

---

[1]) Тамъ же, № 75.

[2]) Тамъ же, № 79.

только воспретилъ допустить къ нему фельдшера для подачи необходимой помощи, но еще приказалъ посадить несчастнаго шляхтича въ тюрьму, гдѣ голодомъ и холодомъ морилъ его въ теченіи 12-ти недѣль, приказывая по временамъ истязать его въ своемъ присутствіи. Когда Гижовскій получилъ свободу, онъ позвалъ епископа къ суду. Защитительная рѣчь повѣреннаго Терлецкаго, произнесенная во время судебныхъ преній по этому дѣлу, можетъ служить прекраснымъ образцемъ діалектическихъ ухищреній южно-русскихъ софистовъ XVI вѣка. Терлецкому хотѣлось всячески уклониться отъ подсудности по этому дѣлу свѣтскому суду, и вотъ его адвокатъ, при помощи ссылокъ и на конституціи польскихъ королей, и на правила св. отецъ, силился доказать, что епископъ, какъ особа духовная, можетъ подлежать только духовному суду, при чемъ некомпетентность свѣтскаго суда въ рѣшеніи уголовныхъ проступковъ духовныхъ лицъ онъ доказывалъ слѣдующимъ софизмомъ: кара, опредѣленная закономъ за уголовныя преступленія, можетъ быть приведена въ исполненіе надъ духовнымъ лицемъ не прежде, какъ по снятіи съ него духовнаго сана, а это послѣднее дѣйствіе принадлежитъ всецѣло духовной власти; слѣдовательно, свѣтскій судъ, произнося надъ духовнымъ лицемъ приговоръ по уголовному дѣлу, тѣмъ самымъ вторгается какъ-бы въ предѣлы юрисдикціи духовнаго суда. Гродскій судъ, однако, не согласился съ доводами софиста-адвоката и призналъ дѣло Гижовскаго съ Терлецкимъ себѣ подсуднымъ; но по аппеляціи обвиняемаго оно было перенесено въ трибуналъ и дальнѣйшая судьба его не извѣстна [1]).

Дѣло Гижовскаго не было еще окончено, какъ противъ Кирилла Терлецкаго возбуждено было обвиненіе, представляющее по своей чрезвычайности, быть можетъ, единственный примѣръ въ лѣтописяхъ уголовныхъ проступковъ высшаго православнаго духовенства. Нѣкто Адамъ Закревскій, слуга шляхтича Циминскаго, явился 2-го февраля 1594 г. въ гродскій владимірскій судъ и занесъ слѣдующую жалобу на Терлецкаго. Посылалъ-де его наканунѣ панъ Циминскій въ с. Копыловъ къ пану Подорецкому за полученіемъ долга на большую сумму. Возвращаясь назадъ, Закревскій взялъ съ собою „швачку“ своей госпожи, дѣвку Палажку, которую пани Погорецкая „позычала на потребу свою“. Такъ какъ въ пути ихъ застигла ночь, то они заѣхали въ м.

[1]) Жалоба Гижовскаго и судебное разбирательство ея находятся въ гродскихъ владимірскихъ книгахъ 1592 и 1594 г., л. 404 и 56.

Фалимичи, церковное имѣніе луцкой епископіи, гдѣ и остановились ночевать у одного крестьянина Ювка Петрашенята. Поздно ночью, когда уже всѣ спали, сюда неожиданно явился въ пьяномъ видѣ и съ большимъ числомъ слугъ самъ его милость владыка луцкій, проживавшій въ то время въ любимомъ имъ фалимичскомъ замкѣ. Онъ началъ бранить за что-то Закревскаго, отобралъ у него „торбу“ съ деньгами, лошадь, возъ съ упряжью и разнымъ имуществомъ и приказалъ отправить все это въ свой дворъ; затѣмъ онъ взялъ съ собою дѣвку Палажку, привелъ ее къ себѣ въ замокъ и, запершись съ нею „въ коморѣ“, изнасиловалъ ее, послѣ чего приказалъ слугамъ посадить ее въ погребъ, откуда она, улучивъ удобную минуту, въ туже ночь убѣжала во Владиміръ, гдѣ и встрѣтилась съ Закревскимъ.—Въ виду чрезвычайности жалобы, судъ въ тотъ же день отрядилъ для провѣрки ея возныхъ, которые подвергли Палажку допросу и она лично подтвердила все вышесказанное, представивъ имъ на то свои вещественныя доказательства; когда же возные выразили подозрѣніе, не была-ли то „прирожоная кровь“, то Палажка подъ присягой подтвердила, что это подлинные знаки насилія, совершеннаго надъ ней его милостью владыкой луцкимъ [1]).

На другой день въ тотъ же гродскій владимірскій судъ явился и Кириллъ Терлецкій и занесъ въ книги свой протестъ противъ обвиненія, взведеннаго паномъ Циминскимъ чрезъ посредство своихъ слугъ, называя его жалобу наглой клеветой, разсчитанной на то, чтобы лишить его, владыку, добраго имени. 14-го марта того же года обѣ стороны были позваны въ судъ для производства слѣдствія. Такъ какъ по закону Палажка, какъ особа нешляхетскаго званія, не могла быть обвинительницей шляхтича, то на судѣ въ роли обвинителя долженъ былъ явиться ея помѣщикъ Циминскій. Терлецкій прибылъ на судъ съ своимъ повѣреннымъ Андреемъ Дахновичемъ, лучшимъ изъ тогдашнихъ адвокатовъ луцкихъ, тѣмъ самымъ, который защищалъ его по дѣлу съ Гижовскимъ. Такъ какъ въ актовыхъ книгахъ, къ счастью, сохранился подлинный протоколъ судебныхъ преній по настоящему дѣлу, то въ виду особой важности процесса мы приведемъ важнѣйшіе доводы, представленные сторонами за и противъ обвиненія.

Предварительно обѣ стороны, по требованію суда, лично дали присягу въ томъ, что не подкупали и не нанимали свидѣте-

---

[1]) Архивъ Юго Зап. Р. ч. 1, т. 1, № 94 и 95.

лей по настоящему дѣлу. За тѣмъ повѣренный Циминскаго потребовалъ, чтобы и Палажка, какъ обвинительница, была допущена къ такой же присягѣ, но судъ отказалъ ему въ этомъ требованіи. Тогда повѣренный Терлецкаго заявилъ, что владыка, прежде чѣмъ приступить къ доказательствамъ своей невинности, требуетъ, чтобы Циминскій, какъ не имѣющій въ мѣстномъ повѣтѣ земельной собственности, представилъ за себя, согласно статуту, надежнаго поручителя, такъ какъ обвиняемый не удовлетворится однимъ оправданіемъ со стороны суда, въ которомъ онъ заранѣе увѣренъ, но сверхъ того намѣренъ привлечь Циминскаго къ отвѣтственности за безчестіе и клевету. Противъ этого Циминскій возразилъ, что онъ находитъ неумѣстнымъ требованіе противной стороны относительно поручительства, потому что обвиненіе возбуждено не имъ, а его служанкой, отъ имени которой онъ, въ качествѣ ея господина, обязанъ по закону искать на судѣ удовлетворенія, такъ какъ она, будучи простаго званія, лишена права сама сдѣлать это; притомъ же всѣмъ извѣстно, что онъ владѣетъ родовымъ имѣніемъ с. Шкленемъ, на что и представилъ суду надлежащіе документы. На это повѣренный обвиняемаго замѣтилъ, что владыка считаетъ себя оклеветаннымъ не со стороны Палажки, противъ обвиненія которой, какъ лица простаго званія, онъ, будучи знатнымъ шляхтичемъ, по закону не обязанъ оправдываться, а со стороны Циминскаго; ибо, допустивъ даже справедливость обвиненія, трудно предположить, чтобы потерпѣвшая, простая служанка, могла, никѣмъ не руководимая, являться въ суды, заносить протестаціи, требовать возныхъ и исполнять другія законныя формальности. Ясно, что она дѣйствовала при помощи и по подговору своего господина. Что же касается вопроса объ осѣдлости, то обвинитель напрасно указываетъ на яко-бы принадлежащее ему с. Шклень, такъ какъ, вопервыхъ, это имѣніе записано имъ своей женѣ, а во вторыхъ—оно находится въ другомъ повѣтѣ, луцкомъ. Судъ объявилъ, что онъ признаетъ достаточными доказательства Циминскаго относительно его осѣдлости въ воеводствѣ волынскомъ, и, удаливъ стороны, приступилъ къ допросу представленныхъ ими свидѣтелей.

На другой день, въ присутствіи многочисленной публики, судъ возобновилъ засѣданіе по тому же дѣлу, причемъ Циминскій, въ дополненіе къ даннымъ произведеннаго уже слѣдствія, представилъ копіи жалобъ и заявленій, своевременно учиненыхъ потерпѣвшей Палажкой въ судахъ: гродскомъ, бурмистровскомъ и

войтовскомъ, и сверхъ того присяжныя показанія двухъ „вѣрныхъ", производившихъ по порученію войтовскаго суда дознаніе и видѣвшихъ знаки насилія „на кошули у тое-то Палажки". Послѣ этого судъ приказалъ сторонамъ приступить къ преніямъ по существу дѣла. Тогда повѣренный владыки, возражая противъ дѣйствительности самого предмета обвиненія, представилъ слѣдующія соображенія: а) нельзя предположить, чтобы Циминскій могъ довѣрить полученіе значительной суммы долга отъ п. Подорецкаго своему шинкарю Закревскому; б) невѣроятно, чтобы Закревскій, имѣя при себѣ большія деньги, рѣшился выѣхать въ путь противъ ночи и остановиться для ночлега въ имѣніи владыки, зная о непріязненныхъ отношеніяхъ послѣдняго къ его пану, тѣмъ болѣе, что по пути ему раньше встрѣчалось с. Хоболтово, гдѣ онъ съ большею безопасностью могъ бы переночевать; в) допустивъ, что все случилось подлинно такъ, какъ разсказано въ жалобѣ, спрашивается: какая была нужда владыкѣ, лицу столь почтенному, собственой особой вторгаться ночью въ домъ своего подданнаго? развѣ онъ не могъ-бы приказать слугамъ отправиться туда и привести къ нему Палажку? г) какимъ образомъ могло случиться, что Палажка, убѣжавъ будто-бы изъ погреба владыки, ушла не домой, а въ г. Владиміръ, гдѣ въ это время находился уже и Закревскій? Наконецъ повѣренный обвиняемаго представилъ въ судъ трехъ свидѣтелей: п. Томаша Шимковича Шкленскаго, живущаго въ одномъ селѣ съ Циминскимъ, его боярина Ивана Лазкевича и п. Евфима Оцовскаго, которые по совѣсти показали, что Палажка—вовсе не дѣвка, а что она около трехъ лѣтъ уже находится въ замужествѣ и дѣтей имѣетъ, причемъ Лазкевичъ заявилъ, что онъ эту Палажку изъ своего дома и замужъ выдалъ за крестьянина п. Циминскаго. На основаніи этихъ данныхъ повѣренный Терлецкаго просилъ судъ признать настоящее обвиненіе клеветой, посредствомъ которой Циминскій хотѣлъ отомстить владыкѣ за то, что послѣдній неоднократно заставлялъ его, путемъ судебныхъ декретовъ, возвращать захваченныя имъ церковныя земли, причемъ Циминскому приходилось уплачивать значительные штрафы; что онъ и раньше неоднократно пробовалъ обвинять владыку въ вымышленныхъ преступленіяхъ: въ укрывательствѣ воровъ-цыганъ [1]), въ грабежѣ 500 золотыхъ и

[1]) Кстати, не этотъ-ли случай послужилъ поводомъ къ тому, что современники Терлецкаго обвиняли его „в обцованю съ злодѣями, которые волы до кухни его вожили"? Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти въ актовыхъ книгахъ слѣдовъ этого дѣла.

проч., но затѣмъ самъ отказывался отъ своихъ обвиненій. Въ заключеніе адвокатъ Терлецкаго обратилъ вниманіе суда на отсутствіе въ обвиненіи Циминскаго прямыхъ и ясныхъ доказательствъ, а всѣ сомнительные случаи судъ обязанъ по закону истолковать въ пользу обвиняемаго.

На эти возраженія повѣренный обвинителя представилъ слѣдующія объясненія: а) фактъ посылки Закревскаго за долгомъ къ п. Подорецкому Циминскій доказываетъ представленіемъ суду подлиннаго письма Подорецкаго, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ его о посылкѣ денегъ чрезъ Закревскаго; б) Закревскій не остановился ночевать въ Хоболтовѣ, а заѣхалъ въ Филимичи—во-первыхъ, потому что Фалимичи лежатъ на самой дорогѣ, а Хоболтовъ въ полмилѣ отъ нея; во вторыхъ, имѣя при себѣ большія деньги и ѣдучи съ дѣвушкой, онъ опасался остаться ночевать въ Хоболтовѣ, гдѣ въ корчмахъ собираются по ночамъ и пьянствуютъ подозрительные люди; в) относительно возраженія: какая была нужда владыкѣ лично врываться въ домъ своего подданнаго и самому похищать Палажку?—обвинитель напомнилъ, что владыка былъ въ то время очень пьянъ и, вѣроятно, плохо сознавалъ, что дѣлалъ; г) что касается встрѣчи Палажки съ Закревскимъ на другой день во Владимірѣ, то она естественно объясняется тѣмъ, что Закревскій, послѣ того какъ былъ ограбленъ владыкой въ Фалимичахъ, въ ту-же ночь отправился въ городъ, чтобы занести въ судъ жалобу, куда утромъ для той же цѣли явилась и Палажка, убѣжавъ изъ заключенія. Относительно замужества Палажки, Циминскій, отвергая показанія свидѣтелей противной стороны, какъ имѣвшихъ противъ него личныя неудовольствія, сослался на свидѣтельство самой Палажки, которая, будучи спрошена судомъ, лично показала, что она Лазковича, выдавшаго будто-бы ее замужъ, никогда не знала, мужа никогда не имѣла и оставалась дѣвицей до того дня, когда владыка обезчестилъ ее, чтó она готова подтвердить и присягой. Возражая далѣе на замѣчаніе противной стороны, будто защита владыки болѣе доказательна, чѣмъ обвиненіе его противника, повѣренный Циминскаго замѣтилъ, что такъ какъ владыка несомнѣнно богаче и знатнѣе его повѣрителя, то поэтому ему „все дей не трудно и все снадне (легко) приходитъ“. Притомъ же весьма трудное дѣло доказывать на судѣ подлинность подобныхъ настоящему преступленій, которыя всегда совершаются скрытно и тайно, тѣмъ болѣе что данный проступокъ совершенъ владыкой въ своемъ имѣніи: не могутъ же свидѣтельство-

вать противъ противъ него собственные его слуги и подданные, а еслибы и согласились, то по закону ихъ показанія не могутъ имѣть никакой силы. По его мнѣнію, главный свидѣтель въ настоящемъ дѣлѣ — это сама потерпѣвшая, которую судъ и обязанъ допустить къ присягѣ и показанію. А что владыка ссылается на постановленіе статута, по которому онъ будтобы не обязанъ оправдываться противъ обвиненія со стороны лица простаго званія, то это постановленіе относится лишь къ тѣмъ случаямъ, когда нѣтъ вещественныхъ уликъ совершеннаго преступленія, а въ настоящемъ дѣлѣ значеніе такихъ уликъ имѣютъ кровавые знаки насилія. Поэтому онъ настаиваетъ, чтобы потерпѣвшая была спрошена на судѣ, оставляя за собой право въ другомъ мѣстѣ и въ другое время доказать, что „его милости пану владыкѣ не естъ новина такіе и тымъ подобные выступки пополнять (совершать).“

Обмѣнявшись еще нѣсколькими неважными замѣчаніями, стороны прекратили пренія, послѣ чего судъ объявилъ слѣдующее рѣшеніе: имѣя въ виду, что его милость владыка луцкій свидѣтельствомъ лицъ извѣстныхъ и вѣры годныхъ и другими способами явно доказалъ свою невинность, а панъ Циминскій не представилъ достаточныхъ доказательствъ въ пользу своего обвиненія, ссылаясь главнымъ образомъ на показаніе своей служанки, со стороны которой голословный оговоръ особы знатной, духовной и шляхетскаго званія по закону не можетъ имѣть никакой силы, судъ объявляетъ владыку вполнѣ оправданнымъ отъ взведеннаго противъ него обвиненія. — Циминскій заявилъ недовольство этимъ рѣшеніемъ и потребовалъ аппеляціи въ трибуналъ, а Терлецкій въ свою очередъ заявилъ, что онъ намѣренъ преслѣдоватъ судомъ Циминскаго за безчестіе и клевету; вслѣдствіе чего судъ назначилъ обѣимъ сторонамъ срокъ для перенесенія ихъ дѣла въ трибуналъ. [1])

Чтобы не нарушать порядка предметнаго въ изложеніи, я позволю себѣ забѣжать нѣсколько впередъ. Дѣло это почему-то тянулось еще девять лѣтъ и лишь въ маѣ 1603 года, когда потерпѣвшей Палажки не было уже въ живыхъ, состоялось наконецъ трибунальское опредѣленіе, которымъ декретъ владимірскаго гродскаго суда относительно Терлецкаго былъ

---

[1]) Архівъ Юго-зап. Россіи, ч. і. т. I. №№ 98—100

утвержденъ, но въ искѣ его къ Циминскому за безчестье было отказано. [1])

Таковы сущность и рѣшеніе изложеннаго процесса. Было-ли въ дѣйствительности совершено Терлецкимъ приписываемое ему преступленіе, или же онъ въ этомъ случаѣ явился лишь жертвой низкой интриги—для меня это вопросъ второстепенный и потому я вполнѣ предоставляю его рѣшеніе усмотрѣнію читателя, для характеристики же вѣка совершенно достаточно уже того, что одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей церковной іерархіи нѣсколько лѣтъ публично выступаетъ въ столь унизительномъ процессѣ и это нисколько не смущаетъ его самого, не колеблетъ его служебнаго и общественнаго положенія, не лишаетъ благосклонности короля, не нарушаетъ его личныхъ отношеній. Но еслибы кто-либо, отрицая виновность Терлецкаго, сталъ объяснять дѣйствія его обвинителей побужденіями религіозной мести и злобы на епископа за его измѣну православію, тому, въ интересахъ исторической правды, я долженъ противупоставить, что а) изъ судебныхъ актовъ не видно, чтобы обвинитель Терлецкаго шляхтичъ Янъ Циминскій былъ лицемъ православнымъ, и въ такомъ случаѣ самъ Терлецкій въ своей защитѣ, вѣроятно, не преминулъ-бы указать на религіозные мотивы, руководившіе обвинителемъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ сослался лишь на ссоры и тяжбы съ Циминскимъ за церковныя имѣнія; б) не нужно забывать, что въ февралѣ 1594 года, когда началось это дѣло, всѣ продолжали еще считать Терлецкаго лицемъ православнымъ; по крайней мѣрѣ спустя полгода послѣ этого, 27 іюля того-же года, онъ еще участвовалъ въ сокальскомъ съѣздѣ православныхъ епископовъ и на него здѣсь было возложено порученіе отправиться къ королю съ просьбой о защитѣ православія отъ притѣсненія католиковъ, [2]) извѣстная же поѣздка Терлецкаго въ Римъ къ папѣ относится къ концу слѣдующаго 1595 года; в) нужно знать, что Циминскій, вчиная настоящее дѣло, подвергалъ себя очень серьезной опасности: по литовскому Статуту лице, возбудившее противъ кого-либо ложное обвиненіе, само подлежало той карѣ, какая опредѣлялась закономъ за преступленіе, служившее предметомъ обви-

---

[1]) Кн. Главнаго Трибуьана Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1603 г., справа 555.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. I, т. I, № 109.

ненія, т. е. въ данномъ случаѣ лишенію жизни. — Покойный проф. Иванишевъ, также отвергавшій дѣйствительность приписываемаго Терлецкому преступленія, ссылался на оправдательное рѣшеніе суда по этому дѣлу. Но я полагаю, что, послѣ изложенныхъ мною подробностей процесса, ссылка на оправдательное рѣшеніе суда не можетъ имѣть никакой доказательной силы, такъ какъ для всякаго ясно, что при тогдашнемъ порядкѣ судопроизводства, когда въ дѣлахъ, касавшихся шляхтичей, показанія лицъ недворянскаго званія немогли быть принимаемы судомъ, Терлецкій, или всякій другой шляхтичъ на его мѣстѣ, несомнѣнно былъ-бы оправданъ и въ томъ случаѣ, когда-бы дѣйствительно совершилъ подобное преступленіе. Весьма знаменательно, что люблинскій трибуналъ не согласился подвергнуть Циминскаго наказанію за клевету, какъ того добивался Терлецкій, тогда какъ это было-бы лучшимъ средствомъ окончательно смыть позоръ, нанесенный репутаціи владыки обвиненіемъ Циминскаго. А не нужно забывать, что въ то время, когда трибуналъ постановлялъ свое рѣшеніе по этому дѣлу, т. е. въ 1603 году, само правительство польское не могло не быть заинтересовано возстановленіемъ добраго имени Терлецкаго, какъ одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей уніатской партіи.

Дѣло о Палажкѣ не было еще окончено, когда въ томъ же 1594 г. на Терлецкаго была подана со стороны шляхтича Якима Обуховича жалоба о томъ, что епископъ, воспользовавшись смертью жены Обуховича и отсутствіемъ въ то время его самого, неизвѣстно по какому праву забралъ все движимое имущество жалобщика и даже присвоилъ его домъ въ Луцкѣ. [1]) Окончаніе этого дѣла, тянувшагося многіе годы, намъ не извѣстно. Въ томъ же году сосѣдка Терлецкаго по имѣнію, шляхтянка Смыковская жаловалась, что владыка, самъ своею особой, съ отрядомъ до 200 человѣкъ своихъ пріятелей, слугъ, бояръ и другихъ людей, конныхъ и пѣшихъ, съ гаковницами, полгаками и другимъ оружіемъ, напалъ на ея земли въ с. Смыковѣ, выгналъ законныхъ владѣльцевъ, послѣ чего, согнавъ до ста плуговъ своихъ крестьянъ, приказалъ перепахать прежнія межи и присоединилъ отнятыя земли къ своимъ имѣніямъ. [2]) Каковы были по-

---

[1]) Книга Луцк. земская 1597. г., л. 625.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. I т. I, № 103.

слѣдствія этой жалобы, на это въ актовыхъ книгахъ указаній не находится. Весьма вѣроятно, что судъ, по волѣ правительства польскаго, не далъ хода этой жалобѣ, такъ какъ Терлецкій былъ занятъ въ то время приготовленіями къ важному государственному дѣлу, именно къ отъѣзду въ Римъ къ папѣ; по крайней мѣрѣ въ іюлѣ слѣдующаго 1595 г. послѣдовало открытое распоряженіе короля Сигизмунда III о томъ, что всѣ судебныя дѣла, касающіяся епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя, отправленныхъ къ папѣ по государственному дѣлу, должны быть пріостановлены. [1])

Едва успѣлъ Терлецкій возвратиться изъ Рима, какъ у него начался процессъ съ архимандритомъ жидичинскаго николаевскаго монастыря Григоріемъ (въ монашествѣ Гедеономъ) Балабаномъ, продолжавшійся до самой смерти владыки луцкаго. Главной причиной непріязненныхъ отношеній между ними служило давнее стремленіе Терлецкаго получить въ свою власть жидичинскій монастырь съ его значительными имѣніями. Нужно замѣтить, что богатства этого монастыря и раньше не разъ служили яблокомъ раздора между православными владыками. Такъ въ 1570 г. жидичинскимъ монастыремъ завладѣлъ Іона Красенскій, епископъ луцкій, который въ теченіе десятилѣтняго управленія имъ успѣлъ такъ сильно раззорить его казну и имѣнія, что король Стефанъ Баторій въ 1580 г. приказалъ князю Константину Острожскому отобрать у Іоны монастырь и передать въ управленіе Өеофану Греку, епископу мегллинскому. Но Іона рѣшился воспротивиться королевской волѣ и однажды, собравъ отрядъ вооруженныхъ людей, выгналъ Өеофана и снова овладѣлъ монастыремъ. Тогда король приказалъ старостѣ луцкому, князю Александру Пронскому, вторично водворить Өеофана въ жидичинскомъ монастырѣ, изгнавъ узурпатора. Первое нападеніе князя Пронскаго Красенскій успѣлъ отразить силою, встрѣтивъ его отрядъ ружейными выстрѣлами; но когда Пронскій вторично подступилъ подъ монастырь съ увеличеннымъ отрядомъ и съ пушками, Іонѣ пришлось бѣжать, послѣ чего король объявилъ его баннитомъ [2]). Но и Өеофанъ не долго управлялъ жидичинскимъ монастыремъ: въ слѣдующемъ 1585 г. монастырь этотъ силою былъ отнятъ у него львовскимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, успѣвшимъ потомъ выхлопотать

---

[1]) Тамъ-же, № 110.

[2]) Арх. Югозап. Россіи, ч. I, т. I, стр. XXVII—XXVIII.

себѣ и королевскія привилегіи на архимандрію жидичинскую. Самъ Гедеонъ, впрочемъ, не долго пользовался своимъ правомъ и въ 1589 г. уступилъ его своему племяннику Григорію Балабану, бывшему прежде королевскимъ коморникомъ, каковая передача была утверждена грамотой Сигизмунда III. Что за личность былъ этотъ Григорій, можно видѣть отчасти изъ слѣдующаго случая: однажды въ имѣніи жидичинскомъ сгорѣло монастырское гумно съ хлѣбомъ. Подозрѣвая въ поджогѣ Ѳеофана Грека, епископа Меглинскаго, Григорій Балабанъ искалъ случая отомстить ему, и когда однажды Ѳеофанъ, отправляясь съ письмами патріарха Іереміи къ владимірскому епископу Мелетію Хребтовичу, остановился ночевать въ м. Чернеховѣ, имѣніи кіевскаго судьи Іосифа Немирича, сюда неожиданно прибылъ съ толпой слугъ Григорій Балабанъ, схватилъ нечаявшаго бѣды епископа, жестоко избилъ его, отнялъ бывшія при немъ деньги и имущество, затѣмъ отвелъ его въ дворъ Немирича и просилъ посадить его въ тюрьму, какъ поджигателя. Ѳеофанъ началъ было дѣло въ судѣ по этому поводу, но скоро прекратилъ его, получивъ отъ львовскаго епископа Гедеона въ удовлетвореніе за побои, нанесенные его буйнымъ племянникомъ, полтораста червоныхъ золотыхъ [1]).

Такой то человѣкъ теперь оказался ближайшимъ сосѣдомъ Терлецкаго, такъ какъ жидичинскій монастырь находился почти въ самомъ предмѣстьи Луцка. Какъ извѣстно, ссоры между львовскимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ и луцкимъ владыкой, и главнымъ образомъ за жидичинскій монастырь, начались задолго до этого времени. Еще въ 1589 г. ихъ судилъ по этому дѣлу патріархъ константинопольскій Іеремія, ставшій на сторону Терлецкаго [2]). Послѣ того, какъ Гедеонъ Балабанъ въ іюлѣ 1595 года торжественно разоблачилъ продѣлку Терлецкаго съ бланками, врученными ему православными епископами на сокальскомъ съѣздѣ, и громко протестовалъ противъ замышляемой тогда уніи,—отношенія къ нему Терлецкаго сдѣлались еще враждебнѣе. Ненависть къ своему врагу Терлецкій, какъ видно, перенесъ и на его племянника, тѣмъ болѣе что Григорій Балабанъ, находясь въ близкомъ сосѣдствѣ, имѣлъ возможность слѣдить за

---

1) Тамъ же, № 65. Мировая сдѣлка Ѳеофана съ Гедеономъ, при посредничествѣ митрополита и другихъ епископовъ.

2) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 21.

каждымъ шагомъ Терлецкаго и доносить обо всемъ своему родственнику. Отсюда легко могло зародиться въ Терлецкомъ стремленіе всякими средствами освободиться отъ непріятнаго сосѣда и при этомъ кстати подчинить себѣ жидичинскій монастырь съ его богатствами. И вотъ въ актовыхъ книгахъ мы находимъ жалобу Григорія Балабана о двукратномъ покушеніи на его жизнь со стороны владыки луцкаго.

Первое покушеніе совершилось такимъ образомъ. Въ мартѣ 1595 г. Григорію Балабану было доставлено однимъ изъ священниковъ капитулы луцкой письмо, присланное изъ Рима Терлецкимъ и Потѣемъ и адресованное на имя львовскаго владыки, Гедеона. Григорій Балабанъ долго не рѣшался принять это письмо, а тѣмъ болѣе отказывался вскрыть его; но посланецъ Терлецкаго съумѣлъ возбудить его любопытство, намекнувъ, что письмо безъ сомнѣнія должно заключать въ себѣ интересныя новости изъ Рима,—и Балабанъ рѣшился, наконецъ, распечатать его. Едва онъ поднесъ письмо къ свѣчѣ, чтобы разобрать подпись, какъ его вдругъ обдало какою-то пылью („порохомъ") и онъ внезапно впалъ въ обморокъ. Къ счастью, при немъ случился его братъ, который бывалъ въ чужихъ земляхъ и зналъ, что тамъ подобные ядовитые порошки часто посылаются въ письмахъ и даются инымъ способомъ, причемъ ему извѣстны были нѣкоторыя противоядія, при помощи которыхъ и удалось спасти Григорія отъ явной смерти. А затѣмъ случайно пріѣхалъ на богомолье въ монастырь князь Константинъ Острожскій и, найдя Балабана больнымъ, помогъ ему своими лѣкарствами [1]).

Не успѣлъ Балабанъ оправиться послѣ этого случая, какъ совершена была вторичная попытка отравить его. 23-го апрѣля того же года, въ то время, когда Балабанъ сидѣлъ съ гостями во своемъ домѣ въ монастырѣ жидичинскомъ, къ нему пришли слуги Терлецкаго, не задолго предъ тѣмъ возвратившіеся изъ Рима: портной Василій Коростель и пѣвчій Павелъ. Войдя въ комнату и прокричавъ громко привѣтствіе: „вашей милости наша служба!"—они подошли къ Балабану и протянули ему руки.

---

[1]) Книга гродск. Владимірская 1595 г., л. 106 (Документъ напечатанъ въ Архивѣ Югозап. Россіи, ч. I, т. I, № 116). Кстати, благодаря лишь этому случаю, для насъ сохранилось и самое письмо Терлецкаго и Потѣя объ ихъ пребываніи въ Римѣ, такъ какъ Балабанъ, при своей жалобѣ, занесъ въ актовыя книги и это письмо, послужившее орудіемъ для его отравленія.

Наученный горькимъ опытомъ, осторожный Балабанъ не сразу подалъ имъ свою руку, а распросивъ, кто они и зачѣмъ пришли, сказалъ: „вы были въ Италіи и потому хорошо знаете италіанскіе обычаи: такъ поцѣлуйте же прежде свои руки, а потомъ уже я буду здороваться съ вами". Слуги Терлецкаго махнули руками мимо своихъ устъ, послѣ чего Балабанъ довѣрчиво поздоровался съ ними пожатіемъ рукъ и сталъ подчивать ихъ медомъ. Выпивъ и самъ, Балабанъ вытеръ ротъ рукою. „Тотчасъ, жаловался онъ, я обомлѣлъ и почувствовалъ необыкновенную слабость: ядъ и отрава изъ руки вошли въ уста и распространились во мнѣ; я измѣнился въ лицѣ, сталъ блѣденъ, а по тѣлу у меня появились желтыя пятна". Его полумертвымъ вынесли изъ комнаты; слуги Терлецкаго тотчасъ бѣжали. На другой день больнаго осматривалъ возный и донесъ уряду, что нашелъ его едва живымъ, а на тѣлѣ его видѣлъ желтыя пятна величиною съ таляръ; возный свидѣтельствовалъ также слюну больнаго, которая была столь густа, что тянулась непрерывной нитью длиннѣе человѣческаго роста [1]).—Балабанъ долго болѣлъ послѣ этого случая, а выздоровѣвъ, позвалъ на судъ Кирилла Терлецкаго, обвиняя его въ двукратномъ покушеніи на его жизнь. Дѣло это разсматривалось въ луцкомъ гродскомъ судѣ почему-то лишь три года спустя послѣ совершенія преступленія, причемъ судъ съ явнымъ пристрастіемъ и вопреки справедливости принялъ сторону Терлецкаго, отказавшись, согласно настоянію послѣдняго, приступить къ разспросу свидѣтелей подъ тѣмъ предлогомъ, что истецъ и отвѣтчикъ, будучи лицами духовными, должны подлежать духовному, а не свѣтскому суду. Недовольный этимъ рѣшеніемъ, Балабанъ аппеллировалъ въ трибуналъ, но его дѣло и тамъ не было рѣшено [2]).

Послѣ этого Терлецкій открыто и настойчиво началъ преслѣдовать Григорія Балабана. Не успѣвъ отравить, онъ задумалъ выгнать его изъ жидичинскаго монастыря, воспользовавшись, какъ предлогомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что Балабанъ все еще продолжалъ оставаться лицемъ свѣтскимъ. Съ этой цѣлью Терлецкій въ августѣ того-же 1596 года посылалъ своему про-

---

[1]) Жалоба Балабана и осмотръ его вознымъ—Архивъ Югозап. Россіи, ч. I, т. I, № 117.

[2]) Судебное преніе по жалобѣ Балабана на Терлецкаго объ отравленіи—книга гродск. Луцкая 1599 г., л. 422.

тивнику оффиціальнымъ порядкомъ, т. е. чрезъ вознаго, „напоминальный листъ", въ которомъ требовалъ, чтобы Балабанъ, какъ человѣкъ свѣтскій, не смѣлъ долѣе оставаться въ жидичинскомъ монастырѣ и управлять монастырскими имѣніями, или, въ крайнемъ случаѣ, чтобы онъ поспѣшилъ явиться къ нему, какъ своему владыкѣ, для принятія установленнаго посвященія въ санъ духовный [1]). Хотя Балабанъ, получивши этотъ листъ, велѣлъ возному передать, что-де владыкѣ нѣтъ до него никакого дѣла, но, желая, однако, отнять у Терлецкаго предлогъ къ дальнѣйшему вмѣшательству въ его управленіе монастыремъ, онъ рѣшился принять посвященіе, тѣмъ болѣе, что и митрополитъ кіевскій Рагоза не разъ напоминалъ ему о томъ-же. Для этого Балабанъ немедленно отправился къ своему дядѣ, львовскому епископу Гедеону, и принялъ отъ него рукоположеніе въ санъ архимандрита подъ именемъ Гедеона же, послѣ чего владыка львовскій, желая укрѣпить права своего племянника на жидичинскій монастырь, явился въ гродскій владимірскій судъ и лично внесъ въ актовыя книги новую переуступочную запись на означенный монастырь, въ коей отрекся навсегда въ пользу своего родственника даже отъ титула архимандрита жидичинскаго [2]).

Но это мало упрочило положеніе молодаго Балабана. Два мѣсяца спустя, въ октябрѣ 1596 г. происходило засѣданіе извѣстнаго брестскаго собора по дѣлу объ уніи. На этомъ соборѣ партіей уніатскихъ епископовъ, съ митрополитомъ Рагозой во главѣ, торжественно провозглашено было отлученіе тѣмъ изъ членовъ высшаго православнаго духовенства, которые не согласились на принятіе уніи, причемъ эти лица были объявлены лишенными духовнаго сана. Въ частности, такому отлученію въ числѣ прочихъ подверглись и оба Балабаны. Это было какъ нельзя болѣе на руку Терлецкому. Воспользовавшись соборнымъ опредѣленіемъ, онъ побудилъ митрополита немедленно обратиться къ королю съ ходатайствомъ о приведеніи въ исполненіе стариннаго постановленія Сигизмунда Августа, по которому лица, преданныя церковному отлученію, лишались права владѣть церковными имѣніями, причемъ прежде всего обратилъ вниманіе короля на жидичинскій монастырь. Слѣдствіемъ этого былъ королевскій универсалъ отъ 24 декабря того же года на имя луцкаго ста-

---

[1]) Кн. гродск. Луцкая 1596 г. л. 585 на обор.

[2]) Кн. гродск. Владимірск. 1596 г., л. 336.

рости Александра Семашка, въ коемъ король, ссылаясь на постановленіе брестскаго собора касательно церковнаго отлученія обоихъ Балабановъ, приказывалъ старостѣ немедленно отобрать отъ Григорія Балабана жидичинскій монастырь со всѣми его землями и имуществомъ и присоединить его, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, къ замку луцкому. Любопытно, что въ этомъ универсалѣ Григорій Балабанъ постоянно именуется „свѣтскимъ человѣкомъ", причемъ указывается, что онъ и церковному отлученію подвергся главнымъ образомъ будто бы за то, что, не смотря на частыя напоминанія со стороны своихъ старшихъ, „взять на себе посвященія не хочетъ, але, свѣтскимъ будучи, отъколько лѣтъ въ томъ манастыру мешкаетъ" [1]). Очевидно, что Терлецкій и Рагоза, а чрезъ нихъ и правительство польское, не хотѣли признать законнымъ посвященіе, которое Григорій Балабанъ несомнѣнно принялъ въ августѣ того же года отъ рукъ своего дяди, владыки львовскаго.

Получивъ королевскій универсалъ, Семашко чрезъ вознаго немедленно увѣдомилъ объ этомъ Балабана, приказавъ ему въ теченіе 12-ти недѣль оставить монастырь и вывезти оттуда свое частное имущество. Срокъ этотъ приходилъ къ концу, а Балабанъ и не думалъ исполнять приказанія старосты. Между тѣмъ нужно замѣтить, что отношенія къ нему старосты издавна были враждебны. Такъ еще въ 1591 г. Балабанъ жаловался въ судъ на Семашка о насильственномъ вторженіи въ жидичинскій монастырь, о присвоеніи монастырскихъ доходовъ, о побояхъ и грабежѣ; [2]) въ другой разъ мы находимъ жалобу Балабана о томъ, что староста, питая къ нему давнюю злобу за недопущеніе присвоить монастырскія земли, чинилъ противъ него угрозы, обѣщая лишить его жизни и проч. [3]). Подобныя преслѣдованія продолжались до тѣхъ поръ, пока Балабанъ не выхлопоталъ себѣ въ 1593 г. заручный королевскій листъ, въ коемъ предписывалось Семашку оставить Балабана въ покоѣ, подъ закладомъ 2000 копъ грошей литовскихъ, въ случаѣ нарушенія имъ этого предписанія. Понятно послѣ этого, съ какою готовностью Семашко вступилъ въ союзъ съ Терлецкимъ для борьбы противъ ихъ общаго врага, архимандрита жидичинскаго. Потерявъ на-

---

[1]) Книга гродск. Луцкая 1595—1597 г., л. 86.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи ч. I, т. I. № 71.

[3]) Книга земск. Луцкая 1597 г., л. 550.

дежду вытѣснить его изъ монастыря законнымъ путемъ, союзники прибѣгли къ обыкновенному въ то время средству—насилію. Для этого они собрали многочисленный отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, изъ бояръ, слугъ и гайдуковъ старосты, а равно изъ слугъ и подданныхъ владыки, вооружили его надлежащимъ образомъ и, подъ предводительствомъ урядниковъ грода луцкаго и нѣкоторыхъ своихъ пріятелей, послали его въ жидичинскій монастырь. Это было въ ночь съ 20 на 21 августа 1597 года. Подъѣхавъ къ монастырю и окруживъ его со всѣхъ сторонъ, отрядъ по данному сигналу разомъ открылъ ружейную пальбу и съ крикомъ бросился на монастырскія стѣны. Проломавъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ частоколъ и отбивши ворота, хищники толпой ринулись во дворъ, гдѣ немедленно обступили архимандричій домъ и открыли частую стрѣльбу по немъ, другіе же начали отбивать двери и окна. Балабанъ и нѣсколько человѣкъ ночевавшихъ у него гостей спали въ то время. Разбуженные необычайнымъ шумомъ, всѣ они въ испугѣ выбѣжали чернымъ ходомъ на дворъ, чтобы узнать, что случилось. Увидя, что весь дворъ наполненъ вооруженными людьми и понявъ всю опасность своего положенія, Балабанъ, пользуясь темнотою ночи, бросился по лѣстницѣ на крышу главной монастырской церкви; его примѣру послѣдовали растерявшіеся со страху гости и нѣсколько человѣкъ слугъ. Нападавшіе не сразу замѣтили, куда дѣвался архимандритъ. Онъ былъ уже высоко на церкви, когда въ толпѣ вдругъ раздалось: „онъ Балабанъ! бый. забый!"—и ему въ слѣдъ пущено было нѣсколько выстрѣловъ. Пуля одного изъ нихъ ранила его въ ногу, а его слугу въ руку. Наконецъ, подъ градомъ выстрѣловъ, бѣглецы достигли шеи церковнаго купола („бани") и тамъ укрылись.

Не видя возможности лично схватить Балабана, нападавшіе принялись грабить и уничтожать все, что попадалось имъ подъ руки. Прежде всего они отбили двери церковныя и, забравшись въ церковь, пограбили все, что нашли: деньги, серебро, золото, иконы съ ризами, свѣчи, облаченія и проч. Отсюда бросились въ домъ архимандрита, гдѣ похитили: шкатулку съ деньгами и документами, книги, посуду, оружіе и дорогія сѣдла, платье, бѣлье и проч. Не перечисляя всего заграбленнаго имущества Балабана, я назову лишь такіе предметы, присутствіе которыхъ сколько нибудь рисуетъ домашній бытъ южно-русскаго духовенства того времени; такъ, въ числѣ прочихъ вещей, въ домѣ архимандрита

были похищены: „мережа одна, неводовъ два, заячихъ сѣтей три, тетерячихъ двѣ, куропатвенныхъ чотыри“; кромѣ того: „котелъ броварный одинъ, бань двѣ, котловъ горѣлчаныхъ два“ [1]). Затѣмъ были разграблены монастырскія кладовыя, гдѣ, въ числѣ другихъ предметовъ, было взято: „меду присного колодъ шесть, солоду пшеницкого мартового мацъ дванадцать, а житного и зъ ячменемъ солодовъ—шесть, *солонины* полтевъ сорокъ, *сала*—тридцять, вялыхъ осетровъ десять и рыбъ сухихъ полтораста, и иншихъ рыбъ немало; пива пшеницкого у пивници бочокъ пять, меду пять бочокъ, росходного пива бочокъ дванадцать, вина полъ-куфы, горилки бочка“ и пр. Такому же грабежу подверглись скотный и птичій дворы, откуда было уведено штукъ до 80-ти рогатаго скота, лошади и разная домашняя птица, въ числѣ которой упоминаются „журавливъ осмь выхованныхъ, заправленыхъ, зъ пирьми бѣлыми“,—указаніе, что южно-русскіе монахи и въ то время, какъ и теперь, любили вскармливать эту птицу. Затѣмъ грабители забрались въ монастырскій садъ, гдѣ разорили пасѣку, а также „щепы грушевыя и яблоневыя добрыя о килька-десять поломили, попсовали, а въ виногради все вино выламали, витоптали, овощи—груши, яблука потрясли и попсовали; рыбу изъ сажавокъ одну зловили, а другую безводя поморили“ и проч. Цѣлыхъ пять дней продолжался открытый грабежъ монастырскаго имущества, причемъ даже хлѣбъ съ монастырскихъ полей былъ свезенъ на гумна старосты и его помощниковъ [2]).

Между тѣмъ въ теченіи всего этого Балабанъ съ своими людьми сидѣлъ на церкви, окруженный внизу толпой гайдуковъ, которые, принявъ лѣстницы, день и ночь стерегли плѣнниковъ и для развлеченія время отъ времени стрѣляли въ куполъ церковный. Не разъ пріѣзжали сюда возные и урядники гродскіе и требовали отъ имени старосты, чтобы Балабанъ, не сопротивляясь королевской волѣ, сошелъ внизъ и уступилъ имъ монастырь, грозя, въ случаѣ дальнѣйшаго его упорства, взорвать порохомъ

---

[1]) *Баня*—снарядъ для перегонки водки. Читая это, невольно вспоминаешь то мѣсто изъ посланія I. Вишенскаго, гдѣ онъ обличая тогдашнее высшее духовенство въ роскошной и сластолюбивой жизни, говоритъ: „горѣлки пропущаные курите, пиво троякое превыборное варите и въ пропасть несытнаго чрева вливаете, сами и съ гостьми-своими просыщаетесь“ и пр.

[2]) Жалоба Гедеона Балабана—книга гродск. Владимірская 1597 г., л. 602. Книга Луцкая земск. того же года. л. 187, 206, 208, 219.

церковь, на которой онъ укрывался. Но Балабанъ настаивалъ лишь, чтобы они вывели изъ монастыря толпу своевольцевъ, и рѣшительно отказывался уступить кому бы то ни было монастырь, ссылаясь на то, что онъ управляетъ имъ на основаніи „королевскаго привилегія“ и по уполномочію своего дяди и потому считаетъ послѣднее королевское распоряженіе основаннымъ на недоразумѣніи, въ которое очевидно король былъ введенъ старостой и владыкой луцкими. Наконецъ, потерявъ надежду сломить упорство архимандрита, урядники обратились къ монастырской братіи съ требованіемъ сдать монастырь на имя старосты, что́ послѣдними безпрекословно было исполнено. Трудно сказать, какъ долго Балабанъ просидѣлъ бы еще на церкви, еслибы не вмѣшался въ это дѣло его братъ Θеодоръ. Онъ пригласилъ изъ другого повѣта возныхъ и пріѣхалъ съ ними въ жидичинскій монастырь, гдѣ они и составили протоколъ о томъ раззореніи, какое нашли здѣсь, послѣ чего толпа грабителей удалилась и злосчастный архимандритъ могъ, наконецъ, спуститься изъ своего страннаго заключенія, просидѣвъ въ немъ почти пять сутокъ. Монастырь, однако, остался въ рукахъ урядниковъ старосты.

Торжество Семашка и Терлецкаго было непродолжительно: спустя двѣ недѣли послѣ того, Балабанъ, при помощи брата, въ свою очередь собралъ вооруженный отрядъ, неожиданно напалъ съ нимъ на жидичинскій монастырь и овладѣлъ имъ вооруженною рукою, изгнавъ оттуда старостинскаго урядника [1]). А вслѣдъ за тѣмъ онъ занесъ въ земскій луцкій судъ жалобу на Александра Семашка и его помощниковъ—Кирилла Терлецкаго и многихъ другихъ, принимавшихъ участіе въ наѣздѣ и ограбленіи жидичинскаго монастыря, причемъ, въ подтвержденіе своей жалобы, представилъ донесенія возныхъ, видѣвшихъ слѣды монастырскаго разоренія и свидѣтельствовавшихъ раны, нанесенныя архимандриту въ то время, когда онъ уходилъ на церковь. 10-го октября 1597 г. происходило судебное разбирательство по жалобѣ Балабана. Главныя возраженія обвиняемыхъ заключались въ слѣдующемъ: они указывали, что Балабанъ, какъ лице преданное церковному проклятію на брестскомъ соборѣ, долженъ считаться, наравнѣ съ баннитами, лишеннымъ покровительства законовъ; что онъ, будучи свѣтскимъ, самовольно и самозванно присвоилъ санъ архимандрита, не бывъ никѣмъ по-

---

1) Кн. гродск. Луцк. 1597 г. л. 695.

священъ въ тотъ санъ, а потому не имѣетъ права вести искъ о монастырскомъ имуществѣ, и что, наконецъ, никакого наѣзда на жидичинскій монастырь никѣмъ не было совершено, а было лишь со стороны старосты отобраніе этого монастыря, согласно королевскому распоряженію, причемъ Балабанъ, сопротивляясь волѣ короля, спрятался съ своими слугами на церкви, предварительно заготовивъ тамъ для себя продовольствіе, а также оружіе и веревки. Судъ не принялъ, однако, во вниманіе этихъ возраженій и приказалъ сторонамъ перейти къ дальнѣйшимъ преніямъ по существу обвиненія. Обвиняемые продолжали настаивать на прежнихъ своихъ заявленіяхъ и потребовали перенесенія ихъ дѣла въ надворный королевскій судъ или въ трибуналъ. Но тутъ въ самомъ составѣ суда произошелъ разладъ: судья и подсудокъ разошлись въ оцѣнкѣ законности этого требованія, и дѣло на этотъ разъ не было окончено [1]). Тогда Балабанъ возобновилъ свою жалобу въ гродскомъ луцкомъ судѣ, гдѣ въ іюнѣ 1599 г. происходило ея разбирательство. Но и здѣсь повторилась та-же исторія: обвиняемые протестовали противъ подсудности дѣла гродскому суду и требовали аппеляціи въ трибуналъ; судъ уважилъ ихъ требованіе и передалъ это дѣло на рѣшеніе люблинскаго трибунала [2]).

Между тѣмъ въ сентябрѣ 1599 г. Балабанъ принесъ въ луцкій гродскій судъ новую жалобу на Терлецкаго, въ коей, перечисляя всѣ прежнія свои обиды и притѣсненія со стороны послѣдняго, жаловался, что онъ не имѣетъ покоя вслѣдствіе безпрестанныхъ угрозъ Терлецкаго лишить его здоровья и имущества; что не задолго предъ тѣмъ, когда онъ однажды находился въ полѣ при своихъ жнецахъ, его замѣтилъ проѣзжавшій мимо владыка, остановился и послалъ къ нему своихъ слугъ, которые, подъѣхавъ ближе, бранили его „соромными и ущипливыми словами“ и между прочимъ сказали: „счастливъ ты, что теперь на полѣ людей много, а то заснулъ бы ты здѣсь на вѣки, какъ Гулевичи недавно позасыпали! [3]). Однако знай, что рано или поздно тебя постигнетъ такая же участь; не только ты самъ, но

---

[1]) Кн. земск. Луцкая 1597 г., л. 389, 399, 407, 416 и др.

[2]) Кн. гродск. Луцк. 1599 г., л. 537, 585, 587, 624, 640 и др.

[3]) Намекъ на случившееся незадолго предъ тѣмъ возмутительное убійство трибунальскаго депутата Демьяна Гулевича и его родственниковъ изъ побужденій личной мести.

и все имущество твое въ рукахъ пана нашего будетъ" [1]). Узнавъ объ этомъ, Терлецкій немедленно внесъ въ гродскія книги свой протестъ, объявляя жалобу противника клеветой, измышленной съ цѣлью лишить его добраго имени, и жалуясь, что напротивъ Балабанъ постоянно злоумышляетъ на его жизнь и здоровье [2]).

Въ то же время Терлецкій съ успѣхомъ пользовался и другимъ средствомъ для борьбы съ своимъ противникомъ: онъ постоянно жаловался на него королю, въ чемъ ему охотно содѣйствовалъ его пріятель, староста, съ своей стороны доносившій на Балабана. Результатомъ этого было то, что король въ декабрѣ 1597 г. выдалъ Терлецкому жалованную грамоту на жидичинскій монастырь, приказавъ старостѣ немедленно ввести его во владѣніе новой бенефиціей. Получивъ же донесеніе о вторичномъ захватѣ Балабаномъ монастыря, король особымъ универсаломъ обратился ко всѣмъ обывателямъ волынскаго воеводства, приказавъ имъ содѣйствовать старостѣ въ отобраніи у Балабана жидичинскаго монастыря и передачѣ его Терлецкому. Скоро послѣ того Александръ Семашко умеръ. Его преемникъ не разъ пытался исполнить королевское повелѣніе, но не имѣлъ успѣха: Балабанъ рѣшительно отказывался оставить монастырь, соглашаясь явиться по этому дѣлу въ задворный королевскій судъ. Напрасно также Сигизмундъ III угрожалъ ему инфаміей (лишеніемъ чести) и штрафомъ въ 10,000 копъ, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства: Балабанъ оставался непреклоненъ. Тогда въ іюнѣ 1599 г. послѣдовалъ королевскій декретъ, по коему Балабанъ былъ объявленъ баннитомъ, т. е. лишеннымъ покровительства законовъ; но и это не заставило его покориться. Наконецъ въ августѣ 1600 г. король осудилъ его на изгнаніе изъ отечества, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ почему то отмѣнилъ свой декретъ или, вѣрнѣе, отсрочилъ его исполненіе, позвавъ Балабана въ свой королевскій судъ въ ближайшее засѣданіе сейма. Состоялся ли этотъ судъ и какое послѣдовало на немъ рѣшеніе, объ этомъ я не нашелъ указаній въ актовыхъ книгахъ. Достовѣрно лишь извѣстно одно, что Терлецкому до самой смерти не удалось получить въ свои руки жидичинскій монастырь и изгнать оттуда своего противника. Балабанъ до конца своей жизни оставался жидичинскимъ архимандритомъ, признаваемый въ этомъ званіи

---

[1]) Кн. гр. Луцкая 1599 г., л. 663.

[2]) Тамъ же, л. 714.

и польскимъ правительствомъ[1]). Мало того, ему удалось даже возмѣстить убытки, понесенныя имъ во время наѣзда въ 1597г. на монастырь бывшаго старосты, когда Балабану пришлось спасаться на церкви,—такъ какъ люблинскій трибуналъ рѣшилъ, наконецъ, это дѣло и притомъ въ его пользу. Рѣшеніе это послѣдовало лишь въ іюнѣ 1608 года: ни Александра Семашка, ни самого Терлецкаго, ни большинства участниковъ наѣзда не было уже въ живыхъ; изъ числа 22-хъ лицъ, поименованныхъ въ жалобѣ Балабана, на трибунальскій судъ въ качествѣ отвѣтчиковъ были позваны всего два лица: вмѣсто умершаго владыки, его братъ Ярошъ Терлецкій и нѣкто шляхтичъ Ѳеодоръ Свищовскій. Перваго, какъ не участвовавшаго въ наѣздѣ, судъ призналъ свободнымъ отъ отвѣтственности, но предоставилъ Балабану право требовать съ имущества умершаго владыки Кирилла Терлецкаго удовлетвореніе за причиненные ему послѣднимъ убытки; что же касается Свищовскаго, отказавшагося явиться къ разбирательству дѣла, то судъ за неявку объявилъ его пожизненнымъ баннитомъ, а за грабежъ монастыря присудилъ взыскать съ имущества осужденнаго въ пользу жалобщика крупную сумму 6,120 золотыхъ польскихъ.

Въ то время, когда Кириллъ Терлецкій велъ упорную борьбу съ архимандритомъ жидичинскимъ и измышлялъ всевозможныя средства къ тому, чтобы вытѣснить его изъ монастыря, противъ него самого было возбуждено новое позорное обвиненіе. Въ генварѣ 1597 года шляхтичъ Ѳеодоръ Шемковичъ-Шклинскій занесъ жалобу о томъ, что владыка, получивъ отъ него денежный долгъ и выдавъ надлежащую квитанцію, удержалъ у себя именной бланкъ долговой записи Шимковича подъ предлогомъ, будто онъ сгорѣлъ или былъ украденъ слугой, а впослѣдствіи продалъ этотъ бланкъ врагу Шимковича, гродскому владимірскому писарю Станиславу Кандыбѣ, который, подложно написавъ въ немъ вымышленное долговое обязательство на сумму 200 копъ грошей литовскихъ, представилъ его въ судъ и взы-

---

[1]) Это обстоятельство, равно какъ и явно благосклонное отношеніе къ нему короля, даетъ основаніе предполагать, что Балабанъ, приблизительно около 1600 г., принялъ унію. По крайней мѣрѣ его преемникъ по архимандріи жидичинской, Никодимъ Шибинскій, былъ несомнѣнно уніатомъ.

сказъ съ жалобщика означенную сумму [1]). Дальнѣйшій ходъ этого процесса, къ сожалѣнію, не извѣстенъ.

Спустя полгода послѣ того, своевольному владыкѣ неожиданно самому пришлось стать жертвою насилія со стороны своевольцевъ, въ числѣ которыхъ находились самыя близкія ему лица. Въ сентябрѣ 1597 года, когда Терлецкій, отнявъ незадолго предъ тѣмъ у Балабана жидичинскій монастырь, поѣхалъ въ Варшаву хлопотать о выдачѣ жалованной грамоты на жидичинскую архимандрію, противъ него былъ составленъ заговоръ со стороны его сосѣдей и давнихъ враговъ, земянъ Костюшковичей-Хоболтовскихъ и Яковицкихъ, къ которымъ присоединился зять Терлецкаго, извѣстный уже намъ Иванъ Велятицкій, вмѣстѣ съ своей женой Ганной Кирилловной. Этотъ буйный шляхтичъ и раньше не разъ ссорился съ своимъ тестемъ, отнималъ у него имѣнія, присвоилъ однажды 12 барокъ съ хлѣбомъ, отправленныхъ Терлецкимъ въ Гданскъ для продажи. Теперь онъ открыто перешелъ на сторону его враговъ, готовый на самыя рѣшительныя противъ него дѣйствія. Прежде всего Костюшковичи и Яковицкіе, вооруживъ своихъ людей, напали на епископское имѣніе м. Фалимичи, овладѣли тамошнимъ замкомъ, забрали находившіяся тамъ пушки и военные припасы и все найденное здѣсь имущество перевезли въ свои имѣнія. Зная, что владыка долженъ былъ самъ скоро пріѣхать въ Фалимичи, заговорщики задумали напасть на него и, если окажется возможнымъ, лишить его жизни. Для этого они разставили по дорагамъ развѣдчиковъ для наблюденія за проѣздомъ Терлецкаго, а сами устроили засаду у плотины, при въѣздѣ въ Фалимичи, и спрятавъ здѣсь вооруженныхъ людей, стали ждать своего врага. На другой день, лишь только архіерейскій экипажъ взъѣхалъ на плотину, заговорщики выскочили изъ-за засады и встрѣтили его градомъ ружейныхъ выстрѣловъ, при чемъ самого Терлецкаго опасно ранили въ ногу и убили подъ нимъ лошадь. Слугамъ архіерейскимъ съ трудомъ удалось защитить своего владыку отъ дальнѣйшей опасности и, повернувъ назадъ, они увезли его изъ-подъ выстрѣловъ и укрылись съ нимъ въ ближайшемъ крестьянскомъ дворѣ. Но заговорщики не хотѣли оставить въ покоѣ свою жертву и, окруживъ дворъ, принялись обстрѣливать его со всѣхъ

---

[1]) Кн. Земск. Луцкая 1597 г., л. 44.

сторонъ. Раненный и истекавшій кровью владыка принужденъ былъ искать болѣе надежнаго убѣжища въ другомъ мѣстѣ пока слуги его, при помощи подоспѣвшихъ на мѣсто происшествія сосѣднихъ крестьянъ, успѣли прогнать своевольную толпу. На другой день раненнаго владыку осматривалъ возный и нашелъ его лежавшимъ въ крестьянской хатѣ въ Фалимичахъ; платье на немъ было во многихъ мѣстахъ прострѣлено, а на лѣвой ногѣ зіяла свѣжая „кривавая" рана; многіе изъ архіерейскихъ слугъ также оказались раненными.

Выздоровѣвъ, Терлецкій позвалъ къ суду своихъ зложелателей и въ томъ числѣ—зятя и родную свою дочь, обвиняя ихъ въ посягательствѣ на его жизнь съ цѣлью овладѣть его маетностями [1]).

Помимо того, Терлецкій уничтожилъ написанное имъ еще въ 1595 году духовное завѣщаніе и взамѣнъ его составилъ новое, по которому устранилъ ихъ отъ участія въ наслѣдствѣ по его смерти. „Вѣдаютъ, писалъ онъ въ завѣщаніи, почтивые люди, што ся мнѣ дѣяло отъ нихъ (зятя и дочери) и дѣеть, якъ добродѣйство мое мнѣ отдали и заплатили: на горло мое стояли, кровь мою разливалъ панъ зять мой, стреляючи самъ зъ ручницы на мене,—нехай онымъ Богъ заплатить!" [2]). Чѣмъ кончилось начатое Терлецкимъ судебное дѣло о покушеніи на его жизнь—не извѣстно; но спустя нѣсколько лѣтъ онъ примирился съ своими бывшими врагами и возвратилъ зятю и дочери отнятое было у нихъ право на участіе въ наслѣдствѣ по его смерти.

Въ 1598 году, въ самый разгаръ тяжбы Терлецкаго съ жидичинскимъ архимандритомъ, противъ него было возбуждено новое тяжкое обвиненіе, о которомъ неоднократно упоминаетъ авторъ „*Пересторои*",—въ убійствѣ и утопленіи священника Стефана Добринскаго. Обстоятельства этого неслыханнаго между христіанскими пастырями злодѣянія представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Стефанъ Добринскій былъ священникомъ въ спасскомъ черничцкомъ монастырѣ, находившемся въ самомъ предмѣстьѣ Луцка, Черничахъ, имѣніи князя Константина Острожскаго. Это былъ весьма популярный человѣкъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ

---

[1]) Кн. гродск. Луцк. 1597 г., л. 577, и такая же книга 1599 г., л. 550.

[2]) Археограф. Сборникъ, т. I, стр. 218.

народѣ. Онъ присутствовалъ на брестскомъ соборѣ 1596 года и его имя мы встрѣчаемъ въ числѣ лицъ, подписавшихъ соборный актъ и давшихъ здѣсь торжественный обѣтъ стоять крѣпко за вѣру православную и всѣми силами противодѣйствовать распространенію уніи [1]). За это онъ, въ числѣ другихъ ревнителей православія, былъ преданъ проклятію со стороны уніатскаго синода и объявленъ лишеннымъ священническаго сана [2]). Живя въ черчицкомъ монастырѣ, подъ защитой могущественнаго князя Острожскаго, Стефанъ Добринскій смѣло и открыто боролся противъ уніи и, пользуясь огромнымъ вліяніемъ среди православнаго населенія, оказывалъ сильное противодѣйствіе замысламъ уніатской партіи. Когда Кириллъ Терлецкій принялся въ Луцкѣ обращать православныя церкви въ уніатскія, то луцкіе горожане, лишенные своихъ православныхъ пастырей, всѣ, по словамъ автора „Перестороги", „обернулись" къ черчицкому священнику „и тамъ у него набоженства заживати почали". Этого не могъ простить о. Стефану владыка луцкій и, со свойственною ему неразборчивостью въ средствахъ къ достиженію задуманной цѣли, готовился прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, чтобы только избавиться отъ вреднаго сосѣда.

Однажды, въ началѣ декабря 1597 года, Стефанъ Добринскій былъ по дѣламъ въ Луцкѣ, гдѣ, между прочимъ договорилъ какого то кузнеца Павла подковать ему лошадь. Многіе видѣли кахъ о. Стефанъ, въ сопровожденіи кузнеца, поздно вечеромъ 13-го декабря отправился пѣшкомъ въ свой монастырь, но потомъ оказалось, что онъ не возвращался домой и вообще съ той поры какъ его самого, такъ равно и бывшаго съ нимъ Павла кузнеца и слѣдъ простылъ. Когда слухъ о таинственномъ исчезновеніи о. Стефана распространился въ Луцкѣ, то многіе—сначала шепотомъ, а далѣе все громче—стали называть виновникомъ его гибели Кирилла Терлецкаго: говорили, что священникъ былъ убитъ слугами владыки и тѣло его утоплено въ рѣкѣ; но толки эти были довольно неопредѣленны и дѣло о гибели Добринскаго грозило уже быть преданнымъ вѣчному забвенію. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Но весною, когда рѣка Стырь вскрылась, случайно были найдены тѣла погибшихъ: сначала Павла кузнеца подъ Луцкомъ, а въ апрѣлѣ всплыло тѣло и самого о. Стефана въ нѣсколькихъ верстахъ ниже, подъ с. Маловшами.

[1]) Архивъ Юго-Зап. Р. ч. I. т. I, стр. 529.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. IV, стр. 149.

Случай этотъ разомъ возбудилъ полузабытые толки народа о виновникѣ гибели священника. Нашлись лица, которыя открыто обвиняли въ этомъ дѣлѣ владыку луцкаго, называли по именамъ слугъ Терлецкаго, совершившихъ убійство священника, передавали подробности преступленія. Тогда братъ погибшаго священника шляхтичъ Николай Добринскій, собравъ ходившіе въ народѣ слухи и основываясь на показаніяхъ крестьянъ черничцкаго монастыря, занесъ въ судъ жалобу на владыку луцкаго, обвиняя его въ убійствѣ и утопленіи своего брата Стефана. Но въ рукахъ обвинителя долгое время небыло достаточныхъ уликъ противъ Терлецкаго, какъ виновника преступленія, такъ какъ единственными свидѣтелями убійства священника могли быть только слуги епископа, которые не имѣли побужденій или боялись его выдать. Многіе, возмущенные совершеннымъ злодѣяніемъ, всѣми мѣрами старались содѣйствовать открытію его виновниковъ. Въ числѣ такихъ лицъ были слуги и урядники князя Острожскаго, дѣйствовавшіе въ этомъ случаѣ, вѣроятно, не безъ воли своего патрона. Съ помощію хитрости и даже насилія, имъ удалось однажды увезти изъ города нѣкоторыхъ слугъ Терлецкаго, на которыхъ молва указывала, какъ на свидѣтелей преступленія, и передать ихъ въ руки обвинителя, который не замедлилъ представить ихъ въ судъ, какъ очевидцевъ и участниковъ убійства и утопленія его брата. Показанія этихъ лицъ сразу пролили яркій лучъ свѣта на это темное дѣло. Вотъ, для примѣра, показаніе архіерейскаго дьяка Демяна, которое дышетъ такой живостью и непосредственностію, что не можетъ быть передано иначе, какъ подлинными его словами: „милъ (имѣлъ) давній вазвь (ненависть) владыка луцкий на попа черничцкого и заказовалъ, абы жаденъ (никто) у него не бывалъ и сакраменту не приймовалъ, и мене неразъ посылалъ, которыи тамъ хожували, абымъ я описывалъ. И часу одного в декабру, в року прошлымъ, здамися (кажется) дня осмого, на свято Миколы руского, панъ владыка луцкий в пятницю, поздно, не вимъ отъкуль до Луцка приехалъ, и назавтрее в суботу сказано ему, же (что) тутъ попъ спаский черничцкий есть в месте (въ городѣ). Онъ заразъ послалъ мене и другого хлопця Мартинка, абысьмы того попа вышпекговали (выслѣдили). И мы его вышпекговавши, бо на тотъ часъ до коваля до Луцка приходилъ, и скоро есмо пану владыце дали знаты, заразъ послалъ Войтеха кухара, Василя Коростеля, Вижкгу венгрина и мы з Мартинкомъ хлопцемъ

шли есмо за ними. Тамъ же, догонивши того попа с ковалемъ противко церкви Воскресения Христова, мовили есмо попови, абы до владыки шолъ. А было то година въ ночъ. Тотъ попъ пьяный былъ и не хотивъ ити; оны его, яко пьяного, узяли и вели берегомъ Глушца, мимо двора пана воеводы Киевского, на гору, дирею, до замку. Тамъ же кгды (когда) его привели, оддали его до рукъ владыце, на покой до него. Тамъ же намъ тылко двомъ хлопятамъ до избы ити не казано, одно они, што его привели, зостались и избу замкнули, а намъ никому поведати казали (т. е. приказали никому не разсказывать). А потомъ не вимъ, што се з нимъ дияло. Тылко жъ назавтрее, в недилю, кгды руморъ (молва) межи людми почалъ быти, же попъ згинулъ, и ему самому сказано у столу (за обѣдомъ), владыка реклъ: „ото проклятство Берестейское и молитвы наши его побили!" а потомъ самъ реклъ: „ахъте мни! ахъте мни! Люди змовятъ, же (что) владыка попа втопивъ!" [1]).

Въ октябрѣ 1598 года Кириллъ Терлецкій былъ позванъ въ луцкій гродскій судъ для участія въ производствѣ судебнаго разслѣдованія по дѣлу объ убійствѣ священника Добринскаго. Самъ владыка не явился въ судъ, а прислалъ вмѣсто себя повѣреннаго, славившагося тогда въ Луцкѣ адвоката Войтеха Станишевскаго. Не приступая къ производству слѣдствія, повѣренный Тарлецкаго заявилъ, что его кліентъ не намѣренъ оправдываться по возбужденному противъ него обвиненію передъ свѣтскимъ судомъ, такъ какъ не признаетъ его компетентности въ настоящемъ дѣлѣ, а что онъ, какъ особа духовная, считаетъ себя подсуднымъ единственно суду духовному, предъ которымъ готовъ будетъ представить доказательства своей невинности. Тогда между сторонами возгорѣлся жаркій споръ о „форумѣ", т. е. о подсудности даннаго дѣла гродскому суду. Адвокатъ Терлецкаго, основываясь на тѣхъ соображеніяхъ, что въ данномъ случаѣ особа духовная обвиняется въ убійствѣ особы, принадлежавшей къ тому же сословію, что установленная закономъ кара за убійство не можетъ быть исполнена надъ духовнымъ лицемъ прежде, чѣмъ оно подвергнется со стороны духовныхъ властей лишенію церковнаго сана,—доказывалъ, что свѣтскій судъ не только не компетентенъ въ рѣшеніи настоящаго дѣла, но даже не долженъ производить разслѣдованіе о немъ, въ подкрѣпленіе чего защитникъ ссылался на краковскій статутъ короля Сигизмунда

[1]) Книга гродск. Луцк. 1598 г., л. 415.

I. Противъ этого обвинитель Добринскій возразилъ, что въ данномъ случаѣ какъ судъ, такъ и стороны должны руководствоваться не правами и статутами „коронными“ т. е. собственной Польши, а правомъ Волынскимъ, которое учитъ, что всѣ сословія, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, отъ князей и до лицъ низшаго стана, должны быть судимы однимъ правомъ, по силѣ котораго всѣ уголовные проступки подлежатъ юрисдикціи суда гродскаго или земскаго; что церковному суду духовныя лица должны подлежатъ лишь по такимъ преступленіямъ, которыя касаются области вѣры, т. е. нарушенія ими церковныхъ законовъ или обязанностей пастырскаго сана, а въ данномъ случаѣ владыка обвиняется въ преступномъ дѣяніи, которое должно быть отнесено къ разряду общихъ, а никакъ не церковныхъ проступковъ; что наконецъ, задача настоящаго суда состоитъ пока не въ разрѣшеніи самаго существа даннаго дѣла, а лишь въ производствѣ судебнаго слѣдствія, которое одинаково необходимо, будетъ ли дѣло рѣшаться въ свѣтскомъ, или въ духовномъ судѣ. Выслушавъ эти „контроверсіи“, судъ объявилъ, что онъ присоединяется къ доводамъ обвинителя, и приказалъ сторонамъ приступить къ производству самаго слѣдствія. Защитникъ обвиняемаго не хотѣлъ подчиниться этому рѣшенію и потребовалъ перенесенія дѣла въ трибуналъ, но судъ отказалъ ему въ этомъ требованіи, какъ незаконномъ. Тогда повѣренный Терлецкаго торжественно протестовалъ „*о гравамен*ъ“, т. е. что его кліентъ терпитъ якобы насиліе въ своихъ правахъ, и затѣмъ оставилъ мѣсто судебнаго засѣданія. Судъ нашелъ возможнымъ и безъ его присутствія приступить къ производству слѣдствія. Тогда обвинитель Добринскій принесъ обычную присягу въ томъ, что онъ не нанималъ и не подкупалъ представленныхъ имъ свидѣтелей, послѣ чего эти послѣдніе были допрошены въ присутствіи суда. Къ сожалѣнію, мы лишены возможности знать ихъ показанія, такъ какъ по обычаямъ тогдашняго судопроизводства свидѣтельскія показанія не были вносимы въ судебные протоколы, а записывались отдѣльно и затѣмъ въ запечатанныхъ конвертахъ вручались сторонамъ для представленія въ тотъ судъ, на рѣшеніе котораго восходило самое дѣло.[1]).

Дальнѣйшій ходъ этого любопытнаго процесса не вполнѣ извѣстенъ. Восходилъ ли онъ обычнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе высшей судебной инстанціи, т. е. люблинскаго трибунала, или

---

[1]) Книга гродск. Луцк. 1598 г. л. 265.

былъ переданъ на рѣшеніе духовнаго суда, объ этомъ въ судебныхъ актахъ кіевскаго архива не имѣется свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ ни тамъ, ни здѣсь онъ не получилъ окончательнаго рѣшенія, такъ какъ спустя два года дѣло объ убійствѣ чернчицкаго священника было перенесено Добринскимъ на рѣшеніе варшавскаго сейма, происходившаго въ началѣ 1600 года. Въ то же самое время православные обыватели рѣчи-посполитой позвали на сеймовый судъ Терлецкаго и его сподвижника по введенію уніи Ипатія Потѣя, обвиняя ихъ въ вѣроотступничествѣ и въ самовольномъ подчиненіи южнорусской православной церкви папѣ римскому, а также въ томъ, что, не взирая на опредѣленіе брестскаго православнаго собора о низложеніи и церковномъ отлученіи обоихъ названныхъ владыкъ, они продолжаютъ оставаться въ епископскомъ санѣ и вопреки всѣмъ церковнымъ и гражданскимъ законамъ, пользуются церковными имѣніями. [1]).

О томъ, что происходило на варшавскомъ сеймѣ, мы находимъ свѣдѣнія въ извѣстной „Перестрогѣ", историко-полемическомъ сочиненіи начала XVII вѣка. По словамъ автора „Перестороги", дѣло Добринскаго было назначено еще къ разсмотрѣнію предшествовавшаго сейма 1598 года, но „за зволокою" не было тогда разсмотрѣно и вмѣстѣ съ другими церковными „справами" отложено до слѣдующаго сейма. Въ виду этого Николай Добринскій обратился къ православнымъ депутатамъ отъ воеводства волынскаго, отправлявшимся на сеймъ, съ просьбой настоять, чтобы дѣло объ убійствѣ Терлецкимъ его брата было наконецъ разсмотрѣно сеймомъ и чтобы король „обачилъ справы того, который унѣю чинитъ и зводитъ." Дѣйствительно, при самомъ почти закрытіи своихъ засѣданій сеймъ приступилъ къ разсмотрѣнію жалобы Добринскаго совмѣстно съ дѣломъ по обвиненію Терлецкаго и Потѣя относительно уніи. По словамъ „Перестороги," уніатскіе архіереи съ видомъ угнетенной невинности „удались" подъ защиту своего всегдашняго покровителя, короля Сигизмунда III, съ представленіемъ, что вотъ-дескать, милостивый господарь, совершается „новая и неслыханая рѣчъ: овечки на пастырей жалуются и насъ за пастырей своихъ не признаваютъ, а мы почувалися, же-смо ничого такого не учинили, для чого вряды и достоинства наши духовные маемо тратити" и т. под. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ депутатовъ, членъ православнаго братства

[1]) Позовы Терлецкаго и Потѣя на сеймовый судъ—кн. гродск. Луцк. 1599—1600 г., л. 411 и 412.

львовскаго, произнесъ длинную обвинительную рѣчь, въ которой между прочимъ укорялъ уніатскихъ архіереевъ, что они ожесточенно преслѣдуютъ ревнителей православія, проливаютъ кровь, совершаютъ убійства, „о чомъ свѣдѣтства полные книги в судѣхъ знайдешъ," и этимъ такъ успѣли устрашить многихъ, что тѣ боятся открыто ратовать за свою вѣру, справедливо опасаясь, что бы ихъ „не поткала бѣда, якъ Стефана попа, котораго в Луцкой рѣцѣ утоплено за тое, ижъ противъ васъ (уніатовъ) стояти обѣцался и оповѣдался. И мѣщаномъ львовскимъ и виленскимъ, церковному братству, и тежъ берестейскимъ мѣщаномъ дали еще ся знати: вѣдаетъ то ихъ хребетъ и мѣшокъ, и попъ ихъ Павло в Берестью, якъ есте в темницѣ смродливой его мордовали, и иншимъ побожнымъ священникомъ головы и бороды есте пообголѣвали. И самого отца Никифора, великого протосингела, в заточеніе отпровадивши, уморили; и Стефана Зизания, дидаскала школного и казнодѣю (проповѣдника), обезчестнили есте и на его здоровье такъ есте ся важили, ажъ черезъ коминъ (печная дымовая труба) вытиснувшися, утекъ з Вилна." [1]) Въ общемъ интересъ возбужденнаго противъ Терлецкаго и Потѣя обвиненія касательно уніи былъ такъ великъ, что, можно думать, совершенно заслонилъ вниманіе сейма отъ другаго, сравнительно меньшей важности дѣла — объ убійствѣ священника. Не извѣстно даже, состоялось-ли какое либо сеймовое рѣшеніе по этому дѣлу. Можно предполагать, что польское правительство всѣми мѣрами постаралось замять это дѣло, столь сильно компрометировавшее одного изъ главныхъ дѣятелей уніятской партіи; по крайней мѣрѣ въ королевской грамотѣ отъ 16 марта 1600 г., выданной въ подтвержденіе сеймоваго декрета по жалобѣ православныхъ на уніатскихъ архіереевъ, ничего не упоминается о дѣлѣ Добринскаго.

Насколько доказательнымъ представляется обвиненіе Терлецкаго въ убійствѣ чернчицкаго священника, объ этомъ пусть судитъ самъ читатель. Съ своей же стороны напомнимъ, что это убійство составляетъ не единственное преступленіе подобнаго рода, приписываемое луцкому епископу: современники обвиняли его сверхъ того въ убійствѣ какого-то Филиппа маляра „многопѣняжного" съ цѣлью присвоенія его „румяныхъ золотыхъ", въ чемъ будто-бы Терлецкій формально былъ уличенъ предъ лицемъ

1) Акты Зап. Россіи, т. IV, л. 221—225.

князя Константина Острожскаго [1]), а знаменитый Іоаннъ Вишенскій, какъ мы видѣли, обличалъ луцкаго владыку, что онъ кромѣ того и многихъ другихъ „живыхъ мертво къ Богу послалъ: однихъ сѣканною, другихъ—водотопленою, третихъ—огнепалною смертью".

Въ началѣ 1600 года Кириллъ Терлецкій ѣздилъ въ Пинскъ хоронить свою тетку, жену какого-то Андрея Терлецкаго, и пробылъ тамъ съ мѣсяцъ. Когда онъ возвратился домой, его ожидала здѣсь новая непріятность и при томъ со стороны одного изъ многочисленныхъ его родственниковъ, которыхъ онъ пріютилъ возлѣ себя, раздавъ имъ въ управленіе церковныя имѣнія. Въ его отсутствіе шляхтичъ Иванъ Терлецкій, какъ кажется, двоюродный братъ епископа, подалъ на него въ гродскій судъ жалобу слѣдующаго содержанія: скоро послѣ занятія епископской каѳедры, луцкій владыка вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ярошемъ, „частыми и густыми" просьбами и выгодными обѣщаніями склонили его, Ивана Терлецкаго, къ тому, что онъ, продавъ свою маетность въ перемышльскомъ повѣтѣ, пріѣхалъ съ семействомъ въ Луцкъ и вмѣстѣ съ сыномъ Яномъ поступилъ на службу къ Кириллу Терлецкому, выговоривъ за то плату: 60 золотыхъ польскихъ, платье изъ ѳалендышоваго сукна и лисій мѣхъ на шубу—ежегодно. Владыка сдѣлалъ его управляющимъ въ церковномъ имѣніи с. Теремномъ, и Иванъ Терлецкій въ теченіе семи лѣтъ усердно исполнялъ свою должность. Но однажды, въ маѣ 1597 г., Кириллъ Терлецкій, разсердившись за что-то, приказалъ отобрать у него все движимое имущество и прогналъ съ должности. Въ другой разъ владыка пришелъ въ столь ужасную ярость, что, забывъ страхъ Божій и свой санъ духовный, поносилъ его, стараго человѣка, бранными „неучтивыми" словами, собственной рукой вырвалъ ему бороду, сбилъ съ ногъ и безчеловѣчно билъ его ногами въ грудь, „съ которого удареніа (жаловался потерпѣвшій) заразъ кишки по-за шкурою надолъ пошли и теперъ межи удомъ на нозе висятъ, съ чого и хромота на ногу левую сталасе". Избитаго и окровавленнаго Ивана Терлецкаго въ свое время свидѣтельствовалъ возный и оффиціально удостовѣрилъ передъ урядомъ, что дѣйствительно видѣлъ у него бороду вырванную, рану въ пахѣ лѣвой ноги, „съ которое кишки надолъ пошли", и дру-

---

[1]) Акты Зап. Россіи т. IV, стр. 210.

гихъ ранъ „синихъ, битыхъ“ не мало; хромота же у него осталась потомъ навсегда. Объ этихъ побояхъ Иванъ Терлецкій хотѣлъ было жаловаться на епископа, но послѣдній „перепросилъ“ его и снова принялъ къ себѣ на службу. А затѣмъ въ январѣ 1600 года владыка, „взявши передъ себе якийсь злый умыселъ, безъ дання причины слушное“, снова прогналъ жалобщика, не заплативъ за пять лѣтъ условленнаго жалованья и вообще неразсчитавшись съ нимъ такъ, „якъ ся доброму и бачному пану належало и годило“; когда же Иванъ Терлецкій сталъ требовать удержанную плату, то владыка, вмѣсто „нагороды“, „золжилъ его и злаялъ словами неучтивыми, стану его духовному непристойными“ [1]).

Лишь только Кириллъ Терлецкій узналъ объ этой жалобѣ, какъ тотчасъ внесъ въ гродскія книги свою „репротестацію“, въ которой писалъ, что родственникъ его Иванъ Терлецкій, пропивъ свою родовую маетность въ перемышльской землѣ, пѣшо и голо прибрелъ на Волынь и впросился къ нему на службу, но продолжалъ и здѣсь пьянствовать и вслѣдствіе этого дурно исполнялъ порученную ему обязанность. За это владыка не разъ лишалъ его службы и даже хотѣлъ однажды предать суду за растрату церковнаго добра, но, снисходя къ его просьбамъ и обѣщаніямъ исправиться, снова принялъ къ себѣ, помогалъ воспитывать его дѣтей и всѣми мѣрами старался удерживать его отъ пьянства и распутной жизни. Вмѣсто благодарности за всѣ эти милости и благодѣянія, Иванъ Терлецкій, вступивъ въ товарищество съ врагами епископа, взвелъ на него позорную клевету. будто владыка нанесъ ему какіе то побои и удержалъ жалованье. Возмущенный такимъ поступкомъ своего родственника, Кириллъ Терлецкій заявлялъ въ своей репротестаціи, что онъ не хочетъ оставить безъ наказанія столь дерзкое посягательство на его честь и доброе имя и намѣренъ позвать на судъ какъ самого Ивана Терлецкаго, такъ равно и его подустителей [2]).

Дѣло не дошло, однако, до суда. Спустя полгода Иванъ Терлецкій примирился съ владыкою и внесъ въ гродскія книги „ревокаціонную“ запись объ уничтоженіи прежней своей жалобы, объясняя, что онъ тогда написалъ ее „съ подущеня злыхъ людей“, враговъ епископа, увѣрившихъ его, будто владыка, бывши

---

1) Книга гродск. Луцк. 1599 и 1600 г., л. 399 и 400.

2) Тамъ-же, л. 421.

въ Римѣ, отрекся тамъ отъ православной вѣры и потому-де его родственики обязаны разорвать всякія связи съ нимъ, какъ съ вѣроотступникомъ; что владыка жаловался на него общимъ ихъ родственникамъ, живущимъ на Подгорьи, въ перемышльской землѣ, и тѣ не одобрили поступка Ивана Терлецкаго и убѣждали его извиниться передъ невинно оскорбленнымъ владыкою, „яко старшимъ въ ихъ дому"; что онъ и самъ теперь сожалѣетъ о своемъ „необачномъ и нерозсудномъ" поступкѣ, и не желая, чтобы его „никчемная" жалоба въ глазахъ стороннихъ людей, особливо же непріятелей владыки, въ чемъ либо „дотыкала доброй славѣ его милости", онъ торжественно „касуетъ и уморяетъ" ее и предоставляетъ владыкѣ право исхлопотать надлежащее разрѣшеніе на то, чтобы она была даже вычеркнута изъ судебныхъ книгъ. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ 1601 году Кириллъ Терлецкій выпросилъ у короля спеціальную грамоту, въ которой повелѣвалось старостѣ луцкому „вымазать" въ судебныхъ книгахъ жалобу Ивана Терлецкаго, чтобы о ней на будущее время не осталось никакого помину [1]).

Послѣдніе годы жизни Кирилла Терлецкаго прошли въ ссорахъ и тяжбахъ съ луцкимъ старостой Николаемъ Семашкомъ, отецъ котораго Александръ, также староста луцкій, былъ сначала злымъ врагомъ Терлецкаго, а впослѣдствіи, примирившись, сталъ его пріятелемъ и вмѣстѣ съ нимъ предпринималъ походы противъ архимандрита жидичинскаго. Что послужило поводомъ этой ссоры—не исвѣстно, но только съ конца 1602 года Николай Семашко начинаетъ систематичести притѣснять епископа и его клиръ, и эти притѣсненія во многомъ напоминаютъ тѣ, какимъ подвергался Терлецкій раньше со стороны его отца. Сначала Семешко отнялъ одно за другимъ епископскія имѣнія с. Ставокъ и Тровщину и самоуправно продалъ ихъ въ чужія руки. Когда владыка и луцкое соборное духовенство обратились съ жалобой по этому поводу къ королю, Семешко сталъ притѣснять ихъ въ самомъ епископскомъ дворѣ, который вмѣстѣ съ соборной церковью Іоанна Богослова находился, какъ извѣстно, въ верхнемъ замкѣ луцкомъ, гдѣ старостѣ принадлежали права и власть комменданта крѣпости. Прежде всего онъ приказалъ разобрать и обратить на дрова „цвинтаръ" или заборъ, которымъ былъ ограж-

---

[1]) Книга гродск. Луцкая 1598—1600 г., л. 300. Такая же книга 1602—1603 г., л. 24.

денъ церковный дворъ, затѣмъ велѣлъ отбить замки у „светлицъ“ архіерейскихъ, забрать оттуда всѣ столы и „лавы“ и употребить ихъ на постройку моста черезъ крѣпостной ровъ при въѣздѣ въ замокъ, а самыя свѣтлицы обратить въ конюшни для своихъ лошадей. Все это (жаловался владыка) было сдѣлано старостой не для чего иного, какъ только „ку взгардѣ (уничиженію) и соромотѣ моей“. Терлецкій заготовилъ было для починки церкви лѣсные матеріалы и сложилъ ихъ въ своемъ дворѣ, а староста приказалъ употребить ихъ на дрова для своей кухни; съ тою-же цѣлью онъ приказалъ разобрать капитальную постройку надъ входомъ въ „склепы“ архіерейскіе, гдѣ хоронились тѣла умершихъ епископовъ. [1]) Нѣсколько разъ Терлецкій жаловался лично королю на эти опустошенія и только въ мартѣ 1605 года ему удалось выхлопотать королевскій листъ, которымъ предписывалось старостѣ: возвратить отнятыя имъ церковныя имѣнія, на свой счетъ возобновить раззоренный епископскій дворъ, вознаградить владыку и соборное духовенство за причиненные имъ убытки и потери и впредь не дѣлать имъ никакихъ притѣсненій. [2]) Послушался-ли Семешко королевскаго приказанія — не извѣстно, но только съ тѣхъ поръ Терлецкій не жаловался на него больше.

Испытавъ столько огорченій, старый владыка хотѣлъ какъ-нибудь поразвлечься и, вѣроятно, съ этой цѣлью въ 1604 году предпринялъ одну изъ тѣхъ отважныхъ экспедицій, какія онъ съ такой смѣлостью и постоянной удачей совершалъ въ болѣе былые годы. Въ іюлѣ того-же года сосѣдъ Терлецкаго по имѣнію, шляхтичъ Гойскій, жаловался, что владыка издавна чинилъ ему „шкоды и кривды великіе“: отнималъ земли, нарушалъ межи, выпасывалъ его поля и т. под. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, онъ учинилъ еще слѣдующее: въ одинъ воскресный іюльскій день, когда Гойскаго не было дома, а его крестьяне с. Угринова были въ церкви, владыка, „не маючи поваги на день святый недилный, яко особа духовная, который повиненъ зъ себе прикладъ давати,“ собралъ вооруженную толпу своихъ слугъ и крестьянъ, часть ихъ оставилъ въ засадѣ за валомъ, надъ ставомъ с. Угринова, а другой части приказалъ согнать изъ своихъ имѣній нѣсколько сотъ головъ скота и умышленно нагнать ихъ на поля угриновскія, гдѣ дозрѣвали хлѣба Гойскаго и его крестьянъ. Лишь только увидѣли это угри-

---

[1]) Кн. Гр. Владим. 1604. г. л. 356

[2]) Книга Гр. Владимірск. 1605 г., л. 138.

новскіе крестьяне, они тотчасъ оставили церковную службу и бросились толпой защищать свои поля. Но въ это время скрытые въ засадѣ вооруженные слуги Терлецкаго ударили имъ въ тылъ и быстрымъ натискомъ разсѣяли врага, причинивъ ему немалую потерю въ раненыхъ и избитыхъ, а сами безпрепятственно принялись до конца истреблять посѣвы. Три дня спустя эта военная эволюція была повторена въ той же формѣ, но на этотъ разъ подъ личнымъ предводительствомъ самого владыки. При этомъ повторительномъ нашествіи, бѣдные угриновскіе крестьяне даже и не пытались защищать свои трудовыя нивы. [1])

Это былъ послѣдній подвигъ Терлецкаго въ этомъ родѣ. Владыка переживалъ старческій періодъ своей жизни и часто болѣлъ, а спустя три года (въ маѣ 1607 г.) онъ умеръ, пробывъ въ санѣ епископа 30 съ небольшимъ лѣтъ. Если предположить, что Терлецкій вступилъ на епископскую каѳедру по крайней мѣрѣ въ сороколѣтнемъ возрастѣ, то продолжительность всей его жизни нужно принять въ 70 съ лишнимъ лѣтъ.

Мѣсяца за полтора до своей смерти Терлецкій написалъ свой „тестаментъ" или духовное завѣщаніе. Готовясь къ послѣднему разсчету и мысленно обозрѣвая свою мятежную жизнь, старый грѣшникъ не могъ не испытывать душевной тревоги и ужаса предъ наступавшей для него вѣчностью и вотъ что писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи: „рахуючи в зуполности смысла реестра сумненя (совѣсти) своего, а споминаючи тяжкие грѣхи мои, которыми Творца и Збавителя моего завжды ображалъ есмь, прошу Его святое Бозское милости, абы, не паметаючи злостей моихъ, не входилъ зо мною въ судъ и не выконывалъ надо мною грозного и страшного справедливого декрету своего, але по невымовному милосердю своему святому, въ которомъ я надѣю (надежду) мою покладаю, былъ милостивъ души моей грѣшной" [2]).

Въ томъ же завѣщаніи Терлецкій распредѣлилъ остававшееся послѣ него богатое наслѣдство между своими родственниками. Брату своему Ярошу онъ завѣщалъ недвижимую собственность, имѣнія въ брестскомъ и пинскомъ повѣтахъ: с. Дубую, Корсуни, Гридковичи съ приселками, Тевковичи, Мотолы и Рѣчицу; въ послѣднемъ, какъ найболѣе близкомъ къ Луцку, былъ устроенъ

---

[1]) Жалоба Гойскаго и свидѣтельство вознаго— книга гр. Луцк. 1604 г.,л. 261.

[2]) Книга гр. луцкая 1608 г., л. 481. То-же дух. завѣщаніе Терлецкаго, съ большими ошибками, было напечатано въ I т. „Археографич. Сборника".

„коштовный“ дворецъ и здѣсь чаще всего проживалъ владыка. Относительно зятя и дочери Терлецкій писалъ въ своемъ завѣщаніи, что хотя раньше и лишилъ было ихъ права на наслѣдство, но впослѣдствіи, смягченный ихъ покорностью и уступая ходатайству „зацныхъ людей“, онъ, какъ отецъ, „отпустилъ сердцемъ то все, чемъ оны его были образили“ и отписалъ имъ всю свою богатую движимость: „готовыхъ грошей немалые сумы, золото, серебро, клейноты (драгоцѣнности), перла (жемчугъ), шаты и футра соболіе, рысіе и иные, ковры и килимы“, мѣдную и оловяную посуду, лошади, экипажи, „стрѣльбу“, т. е. ружья и пушки, и проч. Сверхъ того Велятицкимъ достались векселя на большія денежныя суммы, которыя были „винни“ епископу многіе мѣщаны, купцы—христіане и евреи и знатные шляхтичи, изъ числа коихъ, напр., долгъ жмудскаго каштеляна Нарушевича простирался на крупную сумму 14,000 червонцевъ. Всѣ эти долги были обезпечены залогами соотвѣтственной стоимости: землями, имѣніями или цѣнными вещами. Кромѣ названныхъ наслѣдниковъ, ни о комъ изъ остальныхъ членовъ многочисленной родни Терлецкаго въ его завѣщаніи не упоминается.

Кириллъ Терлецкій завѣщалъ похоронить себя „учтиво, соборомъ, звычаемъ закону греческого хованья тѣлъ епископскихъ“, въ соборной луцкой церкви Іоанна Богослова, при гробахъ его предмѣстниковъ, владыкъ луцкихъ. На сорокоустъ и для раздачи бѣднымъ онъ назначилъ 200 золотыхъ, „абы убогіе помочными были своими молитвами до Господа Бога о отпущенье грѣховъ“ его; сверхъ того онъ завѣщалъ 150 золотыхъ на постройку церкви въ луцкомъ успенскомъ женскомъ монастырѣ. Этимъ и ограничились его пожертвованія на дѣла благотворительности и нужды церковныя, тогда какъ всѣ другіе уніатскіе архіереи (напр. Ипатій Потѣй) обыкновенно записывали въ своихъ „тестаментахъ“ крупныя суммы на этотъ предметъ.

Заканчивая этимъ настоящій очеркъ, напомнимъ читателю то, что сказали въ началѣ. Мы не имѣли въ виду писать обстоятельной біографіи Кирилла Терлецкаго, какъ историческаго дѣятеля. Наша задача состояла въ томъ, чтобы, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, въ большей части не бывшихъ доселѣ извѣстными, представить по возможности въ живомъ, конкретномъ видѣ черты быта и нравовъ высшаго южнорусскаго духовенства избранной нами эпохи. Для этого намъ казалось удоб-

нѣе всего воспользоваться біографическими матеріалами, относящимися къ дѣятельности Терлецкаго, такъ какъ въ жизни этого человѣка всего рельефнѣе обрисовываются типическія черты быта и нравовъ владыкъ того времени. Можно, конечно, допустить извѣстную долю преувеличенія въ тѣхъ многочисленныхъ и тяжкихъ судебныхъ обвиненіяхъ, какимъ подвергался Терлецкій въ свое время, но нѣтъ основаній подвергать сомнѣнію ихъ относительную достовѣрность. Притомъ же, намъ хотѣлось показать, что порочность Терлецкаго не должна быть разсматриваема исключительно какъ выраженіе испорченности его воли и необузданности его мятежной натуры, но что въ значительной части порочность эта обусловливалась всѣмъ строемъ современнаго ему общества. Особенность положенія тогдашнихъ южнорусскихъ архіереевъ въ томъ именно и состояла, что они, внѣ круга своихъ спеціально-церковныхъ обязанностей, ничѣмъ не выдѣлялись изъ рядовъ того сословія, изъ среды котораго прямо и непосредственно восходили на епископскія каѳедры: подобно всѣмъ шляхтичамъ, они владѣли имѣніями, покупали, продавали, брали и сами отдавали ихъ въ залогъ, отправляли всѣ земскія и общественныя обязанности, участвовали въ сеймахъ, трибуналахъ и „посполитыхъ рушеніяхъ“,—однимъ словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ были и считались такими же шляхтичами, какъ и остальные ихъ братья, только „духовного стану“. Весьма естественно, поэтому, что и въ своемъ частномъ быту южнорусскіе архіереи ничѣмъ не отличались отъ своихъ пасомыхъ, такъ что къ нимъ вполнѣ можетъ быть приложима извѣстная пословица, только въ переиначенномъ видѣ: „каковъ приходъ, таковъ и попъ“.—Безспорно, что, для избѣжанія упрековъ въ нѣкоторой односторонности настоящаго очерка, намъ слѣдовало бы, рядомъ съ біографическими чертами, рисующими частную жизнь Кирилла Терлецкаго, представить такія же черты изъ жизни и дѣятельности другихъ южнорусскихъ архіереевъ избранной эпохи, благо актовыя книги даютъ вполнѣ достаточные для того матеріалы; но это можетъ послужить предметомъ будущихъ нашихъ работъ подобнаго же рода.

Орестъ Левицкій.

Люди Старой Малороссіи *).

I. ЛИЗОГУБЫ

Лизогубы были уроженцы переяславскаго мѣстечка Глемязова [1]). Тамъ жилъ козакъ Кондратъ Ивановичъ Лизогубъ, котораго два сына—Иванъ и Яковъ, вступивъ въ ряды козачьяго войска, приняли живое участіе въ гетманскихъ междоусобицахъ, начавшихся въ Малороссіи вслѣдъ за смертью Богдана Хмельницкаго. Способности обоихъ братьевъ скоро выдвинули ихъ изъ рядоваго козачества въ старшину: Иванъ Лизогубъ уже въ 1661 г. былъ уманскимъ полковникомъ [2]), а Яковъ—поставленъ былъ отъ Сомка каневскимъ полковникомъ въ 1662 году [3]). Яковъ Лизогубъ оставался каневскимъ полковникомъ и при Брюховецкомъ, отъ котораго ѣздилъ въ 1667 г. посланцомъ въ Москву [4]). Послѣ смерти Брюховецкаго, младшій Лизогубъ сталъ сторонникомъ Дорошенка, отъ котораго посланъ былъ на лѣвый берегъ Днѣпра, уговаривать народъ—приставать къ Дорошенку [5]) Въ 1674 г. Дорошенко,

---

*) Начало настоящихъ очерковъ было напечатано въ Русск. Архивѣ 1875 и 1876 гг. и въ Историческ. Вѣстн. 1880 г.

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, XI, 162 и духовное завѣщаніе Якова Лизогуба 1698 г.

[2]) Акты Ю. З. Р., VII, 333. Въ этомъ же году Иванъ Лизогубъ былъ „нобилитованъ“, какъ видно изъ грамоты Яна Казиміра, приложенной къ дѣлу о родѣ Лизогубовъ (Арх. Черниг. Двор. Депут. Собран.) Нобилитація дана была за то, что Иванъ Л—бъ „показывалъ неустрашимый духъ свой мужественный, защищая при всякомъ разѣ собственною грудью, цѣлость республики во время возмущенія козаковъ, съ великою славою на перерывъ предъ другими, храброю рукою оныхъ поражая, устилалъ поле сраженія ихъ трупами, служа полковникомъ.....“

[3]) Лѣтоп. Самовидца изд. 1878 г., 68. Акты Ю. З. Р., V, 125.

[4]) Т. Ж., V, 159. Въ эту поѣздку Яковъ Л—бъ былъ пожалованъ отъ царя—дворянствомъ „за многія службы“.

[5]) Т. Ж., IX, 161 и 181.

убоявшись той популярности, которую Лизогубъ заслужилъ межъ козаками праваго берега Днѣпра, лишилъ его вліятельнаго полковничьяго уряда, назначивъ генеральнымъ есауломъ. Можетъ быть поэтому, а можетъ и вслѣдствіе того, что Лизогубъ сталъ убѣждаться въ неспособности Дорошенка стать во главѣ гетманщины, низложенный полковникъ рѣшилъ перейти на сторону Самойловича. Рѣшеніе это было поддержано тогдашнимъ переяславскимъ полковникомъ Дмитріемъ Раичемъ, который незадолго передъ тѣмъ тоже покинулъ Дорошенка. Еще въ началѣ 1673 г. Раичъ посылалъ къ Лизогубу одного грека переговорить, что нужно переходить на сторону Самойловича. Лизогубъ раичеву посланцу отвѣчалъ: „приходятъ де на ихъ сторону лихіе времена; разволокутъ ихъ турскіе люди всѣхъ!—И онъ де Яковъ со всѣмъ городомъ Каневомъ, желаетъ—какъ бы ему отъ Дорошенка отлучиться и быть подъ его царскаго величества рукою" [1]).—Но Лизогубу хотѣлось перейти подъ царскую руку именно съ городомъ Каневомъ, чтобы сохранить при себѣ полковничій урядъ. Поэтому и Самойловичу Лизогубъ переказывалъ, что передаться къ нему онъ хочетъ вмѣстѣ съ Каневомъ, а это можно сдѣлать—лишь въ виду царскаго войска, которое могло бы въ случаѣ нужды, защитить его, Л—ба, отъ Дорошенка.—„Если де ему съ городомъ Каневымъ отъ Дорошенка отлучиться", говорилъ Лизогубъ, „а помочи имъ не будетъ—и Дорошенко всѣми силами его, Якова, доступитъ и мученію паче всѣхъ человѣкъ предастъ и домъ разоритъ, потому что въ свойствѣ (онъ, Л—бъ, съ Дорошенкомъ). Радъ бы онъ, Яковъ, совсѣмъ своимъ домомъ и пожитки на сторону царскаго величества, за Днѣпръ перейти, да—славу свою утеряетъ: тутъ де онъ—начальнымъ знатнымъ человѣкомъ и всѣ тое стороны люди его слушаютъ" [2]). Черезъ годъ послѣ этихъ переговоровъ Самойловичъ пришелъ въ Каневъ съ царскимъ войскомъ и—Яковъ Лизогубъ передался на сторону правобережнаго гетмана и на вѣрное подданство царю крестъ цѣловалъ [3]).

Но у Самойловича не было силы вернуть Лизогубу каневское полковничество; поэтому онъ могъ предложить новому своему стороннику лишь переселеніе на правый берегъ Днѣпра, съ правомъ поселиться гдѣ захочетъ. Въ это же время оставилъ Доро-

---

[1]) Тамъ-же, XI, 158.

[2]) Тамъ-же, 165.

[3]) Тамъ-же, 371—374.

шенка и другой его полковникъ—Федоръ Кандиба, изъ Корсуня. Лизогубъ и Кандиба вмѣстѣ оставили правый берегъ и направились со всѣми своими пожитками и стадами, въ Конотопъ, гдѣ и стали заводить себѣ новыя хозяйства, на „вольныхъ“ и „пустовскихъ“ земляхъ. По разсказу старожиловъ нач. XVIII в., Лизогубъ „не мѣючи гдѣ подѣться съ товаромъ“ (рогатымъ скотомъ) сталъ искать свободныхъ земель—между селами Сосновкою и Мал. Самборомъ. Старожилы послѣдняго разсказывали въ 1723 г., что село ихъ за Хмельницкаго было—большое, имѣвшее и земель много, „а якъ настали чигиринскія войны (1674—76 г.) то одно, за переходами военными великороссійскихъ людей подъ Чигиринъ, а другое—за оскудѣніемъ дровъ, люди—изъ того села на трактѣ великомъ лежачого—поросходились и осталось въ М. Самборѣ только семнадцать хатъ и—грунта̀ ихъ того часу запустѣли“. Вотъ на эти то „пустовскія поля“ и обратилъ свое вниманіе Яковъ Лизогубъ, „ибо въ то время пустовскія поля помежнымъ жильцамъ занимать было кому хотя вольно“, какъ разсказывали тѣ-же старожилы. Столѣтній старецъ конотопскаго села Поповки Грицько Вертѣй разсказывалъ въ 1730 г., что лѣтъ за пятьдесятъ передъ тѣмъ, пахалъ онъ разъ ниву свою за Сосновкою и—подъѣхалъ къ нему верхомъ покойный Яковъ Лизогубъ, требуя показать „вольный гдѣ пляцъ незайманый, для займы себѣ сѣножати“. И онъ, Вертѣй указалъ ему на пустыя земли въ урочищѣ Перелазкѣ, которыя Лизогубъ тогда же занялъ и плугами оборалъ. Перегнавши сюда стада свои, Лизогубъ сталъ тамъ и поля̀ распахивать. Другой старожилъ добавилъ, что Лизогубъ часто и самъ наѣзжалъ на новые свои земли, ставилъ на могилѣ свой „наметъ“ (палатку), и распоряжалъ на мѣстѣ свое хозяйство; а могила, гдѣ ставился наметъ, съ тѣхъ поръ и зовется—лизогубиною могилой, пояснили другіе старожилы [1]). Степное хозяйство нуждалось въ лѣсахъ и водяныхъ мельницахъ; тѣ и другія Лизогубъ тогда же сталъ скупать по берегамъ Сейма, около Конотопа [2]). Занявъ часть малосамборскихъ земель, Лизогубъ скоро пріобрѣлъ себѣ здѣсь и сосѣда—стараго своего товарища по службѣ у Дорошенка и будущаго гетмана—Мазепу. Извѣстно, что Мазепа былъ у Дорошенка ротмистромъ его „надворной корогвы“ (тѣлохранителей). Въ 1773 г. Дорошенко послалъ Мазепу въ Крымъ—отвезти Хану въ подарокъ

[1]) Рукоп. нашей б—ки.

[2]) Обозр. Румянцовск. Описи, 230 и друг.

нѣсколько плѣнныхъ запорожцевъ; на дорогѣ, Мазепа былъ захваченъ запорожскимъ отрядомъ и приведенъ въ Сѣчь; здѣсь запорожцы хотѣли было его убить, но по заступничеству тогдашняго кошеваго Сѣрка, смерть замѣнена была заключеніемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Мазепа выкупленъ былъ у запорожцевъ Самойловичемъ и принятъ былъ въ число гетманскихъ „дворянъ“. Скоро за тѣмъ Самойловичъ надѣлилъ новаго своего дворянина и маетностью, давъ ему село Мал. Самборъ, гдѣ и сталъ Мазепа заводить свое хозяйство. Достатки будущаго гетмана въ это время были настолько малы, что по словамъ его сосѣдей,—у него не было и четырехъ паръ воловъ, чтобы запречь самому свой плугъ, и онъ, „пока не ожился“, велѣлъ своему старостѣ „спрягаться“ съ Иваномъ Охрѣменкомъ, малосамборскимъ козакомъ, и—распахалъ вмѣстѣ съ нимъ, четыре „лана“ около земель, занятыхъ передъ тѣмъ Лизогубомъ. У Мазепы неставало иногда сѣна и тогда онъ покупалъ его у сосѣда своего Лизогуба. Прежняя совмѣстная служба у Дорошенка и новое сосѣдство по малосамборскимъ землямъ очень пригодились Лизогубу впослѣдствіи.

Въ Конотопѣ Лизогубъ оставался до 1687 года; въ этомъ году онъ пошелъ съ Самойловичемъ, въ числѣ прочихъ войсковыхъ товарищей, въ крымскій походъ. Какъ извѣстно, на этомъ походѣ—у Коломака Самойловичъ былъ низложенъ; въ низложеніи этомъ и Лизогубъ принималъ, повидимому, не малое участіе, потому что вслѣдъ за избраніемъ Мазепы Лизогубъ тутъ же на походѣ, получилъ черниговское полковничество, ставшее вакантнымъ послѣ Григорія Самойловича, лишеннаго уряда вмѣстѣ съ отцомъ. Мазепа видѣлъ въ Лизогубѣ человѣка уже опытнаго не только въ военномъ дѣлѣ, но и въ тѣхъ интригахъ, безъ которыхъ новому гетману нельзя было обойтись, утверждая за собою такъ нежданно полученную булаву.—На возвратномъ пути изъ-подъ Коломана, Лизогубъ выпросилъ себѣ у новаго гетмана село Сосновку, около котораго онъ занялъ раньше „пустовскія земли“ въ урочищѣ Перелазкѣ [1]). Желая привлечь стараго полковника въ число своихъ сторонниковъ, Мазепа далъ въ 1688г. единственному сыну Якова Лизогуба, Ефиму, сначала урядъ генеральнаго хорунжаго, а потомъ—и три села: Погребки, Хижки и Крапивную. Въ 1689 г. Лизогубъ ходилъ съ гетманомъ въ чи-

---

[1]) Универсалъ Лизогубу на Сосновку, подписанъ Мазепою 17 августа 1687 г., въ Ромнѣ.

слѣ прочихъ полковниковъ, во второй крымскій походъ, по возвращеніи изъ котораго Мазепа раздалъ старшинѣ множество маетностей, такъ какъ козаки были недовольны этимъ неудавшимся походомъ (собственно за то, что недокончена была осада Перекопа и козакамъ не удалось поживиться въ немъ добычею) и гетману необходимо было приласкать старшину. Щедрѣе другихъ надѣленъ былъ при этомъ Лизогубъ, получившій два большихъ села, Слабинъ и Бѣгачъ, и шесть приселковъ: Шестовицу, Зопотинку, Козороги, Андреевку, Гнилушу и Соколовку.—Въ томъ же 1689 г. Мазепа ѣздилъ въ Москву, куда бралъ съ собою и Лизогуба, въ числѣ четырехъ старѣйшихъ полковниковъ.

На урядѣ черниговскаго полковника Яковъ Лизогубъ особенно отличился въ 1696 г., при взятіи Азова, гдѣ онъ былъ наказнымъ гетманомъ. Служба козаковъ при осадѣ Азова подробно описана Гордономъ въ его дневникѣ; при этомъ Гордонъ хвалитъ и расторопность Лизогуба. Но интересно, что малороссійскія лѣтописи взятіе Азова приписываютъ прямо одному Лизогубу; такъ черниговская лѣтопись говоритъ объ этомъ: „Петръ Алексѣевичъ, царь московскій, ходилъ подъ Азовъ другій разъ и взялъ его, за поводомъ и отвагою Якова Лизогуба полковника черниговскаго, который то Лизогубъ казалъ козакамъ своимъ засыпати фосу ровно зъ валомъ и—взялъ его“ [1]). Впрочемъ и самъ Петръ В. оцѣнилъ заслуги Лизогуба по осадѣ Азова: извѣщая патріарха о взятіи этого города, царь хвалилъ и Лизогуба, „мужа искуснаго въ добродѣтели и въ военныхъ трудахъ“ [2]).

Взятіемъ Азова Лизогубъ кончилъ военную свою службу, будучи въ то время уже глубокимъ старикомъ. Послѣдніе два года жизни Лизогубъ прожилъ на покоѣ, въ полковомъ своемъ городѣ Черниговѣ. Здѣсь, лѣтомъ 1698 г., написалъ онъ свое завѣщаніе. Начинается оно такъ: „Яко всему христіанскому народови есть вѣдомъ праведный вырокъ (слово) Божій, ижъ хто колвекъ родится на сей временный свѣтъ, мусить (долженъ) умѣрати, такъ и я, его царского пресвѣтл. величества войска запорожского чернѣговскій полковникъ Яковъ Кондратовичъ Лизогубъ, о томъ досконале и завше (всегда) на мыслѣ моей, иле (тѣмъ

---

[1]) Черниг. лѣтоп. по списку нашей б—ки.

[2]) Устряловъ, Истор. Петра В., II, 288.

болѣе) въ нынѣшнихъ лѣтехъ шендивыхъ (преклонныхъ) маючи подходячій терминъ смертельный, отъ которого нѣхто есть вольнымъ, овшемъ подлугъ его святого праведного вывоку бозского, подлѣгати мусить оной, теди умислилемъ теперъ, еще при здоровю, моемъ, добра (имѣнія) мои працею (трудомъ) набутіе такъ рухоме (движимыя) яко и лежачіе (недвижимыя) за живота своего распорядити и дѣтей моихъ, дочокъ и внуковъ, хто чого зъ нихъ годенъ есть, слушне (надлежаще) оными добрами подѣлити и уконтентовати порядкомъ". Черниговскія свои имѣнія: Слабинъ, Шестовицу, Золотинку, Козороги, Гнилушу, Андреевку, и рыбныя ловли Лизогубъ завѣщалъ сыну Ефиму, съ условіемъ чтобы онъ „при женѣ моей, а своей матцѣ единокупно жилъ, абы еи, матки своей, ни въ чомъ, ховай Боже, не раздражалъ и не квилячи, повольность сыновскую противъ ней оказовалъ такъ властне, якъ надлежитъ, тоесть жебы оную чтивъ, шанувавъ и поважавъ и во всемъ слухалъ". При этомъ старый полковникъ совѣтовалъ сыну—подѣлить въ свое время, внуковъ такимъ образомъ, чтобы старшему—Андрею достались конотопскія и кролевецкія имѣнія, а младшимъ Якову и Семену,—черниговскія. Болѣе всего заботился Яковъ Лизогубъ о своемъ внукѣ Яковѣ, какъ видно своемъ любимцѣ, напоминая сыну, чтобы тотъ какъ нибудь „не задѣлилъ Якова внука подстаршаго". Самъ дѣдъ завѣщалъ этому внуку особо с. Бѣгачъ и разные небольшіе „грунта", но съ тѣмъ, чтобъ надъ этимъ имѣніемъ жена его, полковника, была „головою", а „онъ, Яковъ внукъ, вѣдая то, что будетъ хозяиномъ этихъ имѣній, старался бы заслужить милость и ласку своей бабы, которую бы чтилъ, шановалъ и поважалъ какъ мать и даже больше того"....

Дочерямъ своимъ, „сколько ихъ есть", Лизогубъ оставлялъ по 500 золотыхъ (золотой=20 коп.), а остальныя деньги поручалъ женѣ, чтобъ она сама уже подѣлила ихъ межъ дѣтьми, когда и какъ захочетъ. Исключеніе было сдѣлано для одной только дочери Марьи: „дочкѣ моей старшей Маріи съ мужемъ ея Степаномъ Бутовичемъ, нынѣшнимъ седневскимъ сотникомъ, за ихъ ко мнѣ упреймую зычливость (искреннюю пріязнь) а особенно за устройство моего хозяйства, отписываю два сельца—Солоновку и Боромыки, если на то будетъ милость ясневельможнаго п. гетмана" [1]). Серебро свое въ вещахъ Лизогубъ завѣщалъ—подѣлить на всѣхъ дѣтей,

[1]) Солоновка и Боромыки принадлежали къ числу полковыхъ маетностей и, завѣщая ихъ дочери своей, Лизогубъ надѣялся, что гетманъ подтвердитъ волю завѣщателя—особымъ своимъ универсаломъ.

добавивъ только, что „роструханъ милостиваго царскаго жалованья еще за живота моего, Якововому сыну, а моему правнуковѣ, далемъ на память собѣ. Корабликъ вѣсомъ въ шесть гривенъ и еще роструханъ какой добрый или коновку, отписую ясневельможному его милости п. гетману, милостивому моему добродѣеви". Не забылъ полковникъ и дальнихъ своихъ родичей: сродниковъ моихъ, живущихъ въ бѣдности въ м. Глемязовѣ, поручаю женѣ моей—надѣлить ихъ скотомъ рогатымъ, давъ каждому по три и по четыре головы, чтобы помнили меня. „За душу свою, для отправленія сорокоустовъ и для вписанія имени своего въ суботники", Лизогубъ назначилъ въ церкви кіевскія—печерскую и софійскую и въ черниговскую борисоглѣбскую—по сто червонцевъ, въ елецкій монастырь, гдѣ завѣщалъ похоронить себя—тысячу золотыхъ (т. е. 200 р.) и затѣмъ на разные другіе монастыри и церкви: по 20 р. на монастыри и по 10 талеровъ (6 р.) на церкви; да бѣднымъ завѣщалъ раздать—200 рублей. Въ заключеніе Лизогубъ проситъ жену—точно исполнить послѣднюю его волю относительно распредѣленія „худобы", которую онъ собралъ за долговременную свою службу Войску Запорожскому, причемъ „не разъ приходилось ему и кровь свою проливать".

Исполнителями посмертной своей воли, кромѣ жены, Лизогубъ назначилъ—генеральнаго обознаго Василія Борковскаго и геральнаго бунчучнаго Ивана Скоропадскаго, „которыхъ устне о томъ просилося, такъ и теперь симъ моимъ тестаментомъ прошу и злецаю (поручаю) ихъ милостемъ, чтобы они высокимъ своимъ разсмотрѣніемъ сіе мое распоряженіе поправили и чего бы не потрафилъ—якъ леговати (завѣщать) съ добръ моихъ, то чтобы ихъ милости яко выскій розумъ маючіе, ведлугъ уваги своей (по своему усмотрѣнію) дѣтей моихъ какъ надлежитъ поименованными добрами подѣлили, а они, дѣти мои, должны исполнить волю ихъ милостей. Тутъ же прошу ихъ милостей, чтобы они по смерти моей, какъ жену, такъ и дѣтей имѣли въ особливомъ своемъ призрѣніи".

Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ завѣщанія, Лизогубъ, предоставляя Борковскому и Скоропадскому—измѣнить его завѣщаніе по ихъ усмотрѣнію, былъ конечно увѣренъ, что душеприказчики не станутъ перемѣнять его воли, но за то довѣріе, которое оказывалъ имъ старый ихъ товарищъ, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ отнесутся къ осиротѣлой семьѣ. Вниманіе это главнымъ образомъ должно было выразиться въ предстательствѣ Борковскаго и Ско-

ропадскаго у гетмана за остававшагося сына и трехъ внуковъ, за йхъ дальнѣйшую судьбу, за предоставленіе имъ хорошихъ урядовъ въ войскѣ.... Написавъ завѣщаніе лѣтомъ 1698 г,, Яковъ Лизогубъ въ томъ же году и умеръ. Сынъ его Ефимъ вмѣстѣ съ отцовскими имѣніями унаслѣдовалъ и отцовскій урядъ: вслѣдъ за смертью стараго Лизогуба, Мазепа поставилъ черниговскимъ полковникомъ Ефима Лизогуба, который до этого времени сохранялъ урядъ хорунжаго.

Ефимъ Лизогубъ извѣстенъ лишь тѣмъ, что женатъ былъ на дочери Петра Дорошенка. Интересный разсказъ объ этой женитьбѣ переданъ самимъ Яковомъ Лизогубомъ, который говоритъ, что онъ хотѣлъ женить сына на падчерицѣ бездѣтнаго Дмитрія Раича, славившагося своимъ богатствомъ, и что на эту женитьбу согласенъ былъ и Раичъ. Но въ старой Малороссіи былъ такой обычай, что высшая старшина женила своихъ сыновей неиначе какъ съ вѣдома гетмана; поэтому Яковъ Лизогубъ, сговорившись съ Раичемъ, заявилъ о своемъ намѣреніи Дорошенку. Послѣднему сватовство это не понравилось: онъ нашелъ, что какъ только Лизогубъ женитъ сына на падчерицѣ Раича, то онъ и самъ перейдетъ на правый берегъ Днѣпра, гдѣ жилъ Раичъ, и съ нимъ „многіе люди въ соединеніи будутъ и оттого будетъ смятеніе". Посовѣтовавшись съ митрополитомъ Тукальскимъ, Дорошенко отвѣчалъ Лизогубу: „напрасно де онъ съ Дмитрашкомъ (Раичемъ) о свойствѣ ссылку чинитъ; они (Раичи) де люди богатые и будутъ имъ (Лизогубомъ) гордить и въ свойствѣ ему съ нимъ быть не пристойно; знатно (должно быть) де онъ (Лизогубъ) его, Дорошенка, не смѣетъ (просить выдать его дочь за своего сына) потому что (онъ, Дорошенко) гетманъ, и онъ де Дорошенко имъ, Яковомъ, и сыномъ гордить не будетъ и у него Дорошенка, дочь есть. И взявъ его, Якова, за руку, говорилъ: пусть де онъ Яковъ будетъ сватомъ Дорошенку, а не Дмитрашку. И велѣлъ ему, Якову, сына своего прислать и дочь его Дорошенкову имать въ скорыхъ часѣхъ. И онъ, Яковъ убоясь его Дорошенка, не отговариваясь ничѣмъ, сына своего на его Дорошенковой дочери женилъ" [1]).

Ефимъ Лизогубъ оставался черниговскимъ полковникомъ, какъ и отецъ, тоже до смерти, кажется въ 1705 г. О немъ мы знаемъ очень мало; общественная дѣятельность Ефима Л—ба не

---

[1]) Акты Ю. З. Р. XI, 163.

оставила ровно никакихъ слѣдовъ. Какъ видно, онъ исключительно занятъ былъ своими маетностями, которыя, сколько могъ, пріумножалъ, пользуясь своею полковничьей властью [1]).

Ефимъ оставилъ трехъ сыновей: Андрея, Якова и Семена, которые всѣ три были настолько замѣтными людьми въ малороссійскомъ обществѣ первой половины XVIII в., что о каждомъ изъ нихъ можно сказать особо.

Старшій изъ нихъ—Андрей Ефимовичъ Л—бъ получилъ въ наслѣдство маетности конотопскія и кролевецкія, т. е. Сосновку, Крапивную, Хижки, Погребки и всѣ тѣ лѣса и мельницы, которые пріобрѣтены были между Конотопомъ и Сеймомъ, еще дѣдомъ его. Женитьбою на дочери стародубскаго полковника Миклашевскаго, Андрей пріобрѣлъ еще раньше, при жизни отца, особыя маетности. Уже въ универсалѣ 1694 г. читаемъ, что Мазепа „респектомъ знатныхъ услугъ полковника стародубскаго Мик. Миклашевскаго и хоружаго генеральнаго Ефима Лизогуба, надалъ зятю перваго, а послѣдняго сыну—Андрею Лизогубу, село Старое Почепище“. Получивъ эту маетность, Андрей Л—бъ туда и перебрался, чтобы подъ защитою вліятельнаго тестя, начать устройство собственнаго хозяйства, пока дойдетъ чередъ до наслѣдства.—Стародубскій полкъ въ это время заселенъ былъ еще не густо и пріобрѣтеніе въ немъ земель не особенно было затруднительно, особенно для полковничьяго зятя. Поэтому Лизогубъ, недовольствуясь Почепищемъ, сталъ скупать тамъ земли, на которыхъ поселилъ слободу Лизогубовку и хуторъ Дадеровскій.

Въ стародубскомъ полку Лизогубъ пріобрѣталъ земли пока живы были отецъ и тесть. А когда умеръ сначала отецъ, а потомъ убитъ былъ тесть, Мазепа немедленно измѣнилъ отношенія свои къ Андрею Л—бу: Миклашевскій былъ убитъ весною 1706 г., а осенью того же года Мазепа отнялъ у Андрея—с. Ст. Почепъ, объясняя въ своемъ универсалѣ, что „за время управленія стародубскимъ полкомъ Миклашевскаго, всѣ села, какія принадлежали къ ратушѣ города Почепа, розданы державцамъ; оставалось едва ли не послѣднее село Ст. Почепъ, но и то отдано было Андрею Л—бу, по настоятельнымъ просьбамъ его тестя, и что, вслѣдствіе такой раздачи ратушныхъ селъ, населеніе г. Почепа окончательно обнищало“. Поэтому гетманъ нашелъ нужнымъ с. Ст. Почепъ возвратить почепской ратушѣ, чтобы „почепскіе жители

---

[1]) Обозрѣніе Румянц. Описи, 36.

на своихъ одержалися осѣдлостяхъ и свои недостатки привели до полности"; а универсалъ, данный передъ симъ Андрею Л—бу на с. Ст. Почепъ, гетманъ „касуетъ", приказывая, чтобы Лизогубъ уступилъ то село безъ всякаго возраженія [1]). Такъ Мазепа дѣлалъ очень часто: пока отецъ и тесть Андрея Л—ба были живы, онъ находилъ возможнымъ награждать его не смотря на то, что за Андреемъ никакихъ службъ не было; какъ только нужные Мазепѣ люди умирали, онъ немедленно отбиралъ у ихъ родичей то, что̀ давалъ прежде. Старое Почепище возвращено было впрочемъ Андрею Л—бу Скоропадскимъ, вслѣдъ за измѣною Мазепы, въ ноябрѣ 1708 г., но не надолго: 9 іюля 1709 г. Скоропадскій подарилъ почепскую сотню Меншикову, который тогда все отнялъ у Лизогуба: и Почепище, и поселенныя имъ слободы [2]).

Потерявъ почепскія имѣнія, Андрей Лизогубъ переселился въ Конотопъ. Отсюда онъ и управлялъ своими маетностями (Погребками, Хижками, Сосновкою и Крапивною), которыя достались ему по смерти его отца. Управленіе заключалось главнымъ образомъ въ увеличеніи земель посредствомъ разныхъ насилій. При этомъ наиболѣе страдали козаки, у которыхъ Лизогубъ сначала отнималъ земли, а потомъ и хозяевъ ихъ „версталъ" въ крестьяне. Дѣлалось это такимъ образомъ: козакъ бралъ въ долгъ у Лизогуба деньги, на какую нибудь крайнюю нужду, или „напивалъ" въ долгъ въ шинкѣ его, а въ обезпеченіе долга отдавалъ въ залогъ свою землю; если долгъ въ срокъ не уплачивался, то должникъ выдавалъ волей неволей Лизогубу на заложенную землю купчую запись. Козакъ с. Погребковъ Григорій Шкуренко разсказываетъ, что какъ задолжалъ онъ Лизогубу 50 золотыхъ (10 р.) то послѣдній говорилъ ему: дай мнѣ „въ арештъ" грунта свои, а я буду ждать долга, пока спроможешься съ деньгами.—Я и отдалъ, продолжаетъ Шкуренко, Лизогубу свой грунтикъ, но „не во владѣніе, а въ застанову" (въ залогъ); а какъ насталъ срокъ платежа уплаты, сталъ я просить Лизогуба подождать—пока продамъ свой скотъ, который нарочно выготовилъ для продажи. А Лизогубъ—задержалъ меня въ своемъ дворѣ и держалъ двѣ недѣли, требуя отдачи долга.—Со слезами просилъ я Лизогуба—отпустить меня домой, такъ какъ жена моя въ то время лежала „на смертной постелѣ", обѣщая скоро и долгъ уплатить.

---

[1]) Черниг. Губ. Вѣд. 1853 г., № 34.

[2]) Т. ж.

Но Лизогубъ тогда же вмѣстѣ съ своимъ „господаремъ" оцѣнилъ мой грунтикъ и насильно послалъ меня къ конотопскому соборному попу, говоря: иди къ попу и какъ попъ будетъ писать—будь при томъ!—Попъ написалъ купчую, но безъ свидѣтелей съ моей стороны и безъ объявленія купчей въ ратушѣ. Тогда Лизогубъ отпустилъ меня домой, а вслѣдъ за мною прислалъ слугу своего, чтобъ я выходилъ изъ своего двора.—Такъ п. Лизогубъ и завладѣлъ моимъ грунтомъ, хотя я ему и деньги потомъ носилъ.....

Обезземеливъ такимъ образомъ козака, Лизогубъ уже безъ труда „версталъ" его затѣмъ въ крестьяне: сначала онъ принималъ такого козака къ себѣ—подсосѣдкомъ, поселяя его въ томъже дворѣ, который передъ тѣмъ у него же отнималъ; а потомъ—принуждалъ подсосѣдка отбывать повинности наравнѣ съ крестьянами, угрожая въ противномъ случаѣ—выгнать изъ двора. Если у козака была семья, ему трудно было подниматься съ нею, чтобы идти куда-нибудь „на слободу"; онъ и оставался съ обязательствомъ уже—отбывать „панщину". При этомъ козакъ зналъ еще и то, что ставъ „подданнымъ", онъ уже не будетъ ходить въ походы, да, кромѣ того, будетъ избавленъ и отъ многихъ другихъ общественныхъ повинностей, отъ которыхъ будетъ его отстаивать новый панъ, защищая свою рабочую силу.

Такимъ образомъ переводилъ Лизогубъ въ крестьянъ и козаковъ с. Сосновки, гдѣ земель у него было много, а рабочихъ—мало. Но здѣсь онъ встрѣтилъ сначала отпоръ со стороны сосновскаго атамана Ивана Величка, который донесъ гетману, что Лизогубъ производитъ убыль въ его козакахъ „верстаніемъ" ихъ въ крестьяне. Скоропадскій написалъ Лизогубу—не трогать козаковъ. Приказъ гетмана имѣлъ значеніе въ этихъ случаяхъ, лишь на первое время, пока возвращенные изъ крестьянъ козаки не становились снова въ то положеніе, когда ихъ опять можно было обратить въ подсосѣдковъ... Но Лизогубъ былъ обиженъ дерзостью сосновскаго атамана и рѣшился ему отмстить. У Величка земля была—купленная у сосновскаго козака Дениса Шостаченка. Купилъ Величко у Шостаченка усадьбу и пахатное поле въ 1702 г. и владѣлъ ими лѣтъ десять спокойно. Но сошелся онъ какъ то въ „арендѣ" (корчмѣ) съ сыномъ Дениса Шостаченка, и тотъ сталъ доказывать, что купля Величка была неправильная и онъ долженъ возвратить землю ему, Шостаченку, сыну продавца. Возникъ споръ, за разрѣшеніемъ котораго обѣ сто-

роны обратились къ конотопскому сотнику. Но пока состоялся судъ, Шостаченко отправился къ Лизогубу и выдалъ ему купчую на спорную землю, зная, что это будетъ лучшій способъ отнять у Величка продажу своего отца. Получивъ купчую на землю, которою Величко владѣлъ болѣе десяти лѣтъ уже, Лизогубу нужно было прогнать Величка, такъ какъ послѣдній не хотѣлъ уступать землю добровольно. Лизогубъ употребилъ силу: „не терпѣлъ я такой муки", пишетъ въ своей жалобѣ Величко, „и будучи на турецкой каторгѣ въ плѣну, какую пришлось терпѣть отъ него, п. Лизогуба!—приковалъ онъ меня за шею къ дымовой трубѣ („до комена грубного") и душилъ („пурилъ") дымомъ недѣль семь, да еще въ самую рабочую пору... Хвалился и застрѣлить меня... А потомъ забралъ дворъ и пашню мою, а я принужденъ былъ—уходить и скитаться въ полтавскомъ полку лѣтъ тринадцать..." Въ этихъ скитаніяхъ Величко прослышалъ наконецъ, что вмѣсто гетмана, стала въ Глуховѣ править дѣлами коллегія, которая будто бы не только принимаетъ жалобы на пановъ, но и разрѣшаетъ эти жалобы справедливо... Величко вернулся въ Сосновку и прямо отправился въ свою хату; но Лизогубъ прислалъ своего старосту и—Величко изъ хаты былъ удаленъ. Величко обратился къ своему полковнику (нѣжинскому), но такъ какъ Лизогубъ былъ бунчуковымъ товарищемъ, то судить его могъ только гетманъ; а такъ какъ гетмана въ это время не существовало, то жалоба Величка была передана тогдашнимъ „правителямъ" генеральной канцеляріи. По жалобѣ Величка поручено было произвести слѣдствіе одному изъ канцеляристовъ, который долженъ былъ рѣшить—чья купчая на земли Шостаченка крѣпче, Величка или Лизогуба?—Лизогубъ сталъ доказывать, что купчая Величка составлена подложно и что объясненіе Величка, что купчую эту писалъ умершій сосновскій дьякъ Василій—не справедливо, причемъ сослался на учениковъ умершаго дьяка—сосновскаго священника и новаго дьяка, которые учились писать у Василія и „на его руку". Для сличенія почерковъ, найдено было у одного козака, писанное умершимъ дьякомъ завѣщаніе, съ которымъ и сличена была купчая Величка, „по лѣтерахъ, силлябахъ, дикціяхъ и строфахъ, чи сходны лѣтери зъ лѣтерами?—Теди, не мало слова зъ словами не были сходны, поневажъ того старого дьяка на духовницѣ—старый и характеръ, а купчая Величкова здается не давно писана, хочай давній годъ (1702) въ ней написанъ". Такимъ образомъ купчая

Величка признана была подложною. Величко долженъ былъ навсегда отказаться отъ тѣхъ земель, которыя несомнѣнно проданы были ему Шостаченкомъ, потому что послѣ этой продажи, Величко болѣе десяти лѣтъ прожилъ на этихъ земляхъ безъ всякихъ возраженій со стороны сына продавца. Трудно было селянамъ бороться съ Лизогубомъ, который, хорошо понимая безсиліе тогдашней власти, зналъ, что насилія его останутся безнаказанными.—Въ мѣетностяхъ Лизогуба ни козакъ, ни крестьянинъ не смѣли продавать своихъ земель кому нибудь другому, какъ только ему, Лизогубу. Такъ водилось вообще въ маетностяхъ сильныхъ пановъ; но Лизогубъ умѣлъ этотъ обычай усилить еще прямымъ запрещеніемъ для своихъ сосѣдей покупать земли въ его маетностяхъ. Въ этомъ отношеніи мы встрѣтили очень интересный документъ 1707 г., по которому извѣстный Кочубей, бывшій тогда генеральнымъ судьею, запрещаетъ козакамъ и крестьянамъ глуховскаго села своего Ярославца брать въ залогъ земли у жителей с. Погребковъ, принадлежавшаго Лизогубу [1]). Вотъ этотъ документъ. „Вамъ, якъ козакамъ, такъ и посполитымъ людемъ села моего Ярославца, даю приказъ симъ моимъ писаніемъ, кто бы колвекъ вамъ мѣлъ зъ людей погребскихъ якій колвекъ грунтъ, либо поле або гай (лѣсъ) въ заставу пускать, потребуючи себѣ у васъ грошей, абысте потай (безъ вѣдома) тамошнего старшого (разумѣется старшій—поставленный отъ Лизогуба) яко то старостиного дозволеня и освѣдченя, албо войтового, не въ кого ниякого грунта не важилися пріймовати и грошей своихъ позичати (давать въ долгъ), але за дозволенемъ и освѣдченемъ старшого тое чините, яко въ каждомъ городѣ и селѣ такій звичай есть для своего пожиткованя; бо донесено мнѣ, же (что) нѣкоторіи назвишъ (выше названные, т. е. жители с. Погребковъ) гроши забравши, отъ своего застановленного грунту, прочъ уходятъ, зачимъ ежели потай отъ сего часу такую заставу хто пріиметъ, не označ —

Кромѣ „скупли“ козачьихъ земель, Лизогубъ богатѣлъ еще занимаясь и торговлею; торговалъ онъ преимущественно быками,

[1]) Большинство своихъ земельныхъ отчужденій козаки и крестьяне производили такимъ образомъ, что сначала земли эти отдавали въ залогъ, а потомъ, не имѣя средствъ выкупить эти земли, выдавали уже на нихъ купчія.

[2]) Частн. архивъ.

которыхъ сначала выпасывалъ на крапивянскихъ своихъ степяхъ, а потомъ гонялъ ихъ въ Данцигъ, гдѣ былъ главный тогдашній рынокъ этого товара. Впрочемъ данцигскіе торговцы и сами пріѣзжали за быками въ Малороссію, которая и тогда славилась своимъ „украинскимъ“ скотомъ [1]).

Конотопскія свои богатства Лизогубъ увеличилъ преимущественно за время своего сотничества въ Конотопѣ. Пробывъ около пяти лѣтъ (1714—19) конотопскимъ сотникомъ, Лизогубъ до того тѣснилъ своихъ сотнянъ разными вымогательствами и поборами, что, не смотря на поддержку брата своего Якова, бывшаго въ то время генеральнымъ бунчучнымъ, былъ отставленъ отъ уряда [2]). Остальное время своей жизни Лизогубъ прожилъ въ Конотопѣ, гдѣ онъ построилъ каменную церковь рождества Богородицы—теперешній соборъ.

Умеръ Андрей Лизогубъ въ 1737 г., оставивъ четырехъ дочерей, мужья которыхъ долго спорили между собою, пока не подѣлились тестевскими богатствами. Болѣе всѣхъ задерживалъ дѣло раздѣла Валькевичъ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ глуховскихъ канцеляріяхъ. Остальные наслѣдники пожаловались въ сенатъ, откуда въ концѣ 1746 г. полученъ былъ указъ „о высылкѣ въ самой скорости въ Петербургъ генер. есаула Петра Валькевича по дѣлу съ Журавковою о духовной Андрея Лизогуба и о посылкѣ туда всего дѣла, въ генеральной и судовой канце-

---

[1]) Вотъ одинъ изъ документовъ, знакомящій съ этою торговлею. „Року 1708, мѣс. июля 13 дня. Мы Якубъ Шолцъ и Матіашъ Дембровскій, жителѣ, купцѣ и резники Кдавскіе, чинимо вѣдомо симъ нашимъ облѣкомъ, ижесмо взяли у его мил. п. Андрея Лизогуба, значного товарища войскового, жителя конотопскаго, торгомъ въ боргъ (въ долгъ) воловъ тридцять, цѣною каждый волъ по десять талярей безъ золотого (5 р. 80 к.). А до тихъ же воловъ взялисмо еще на мыто грошей талярей 60 зполна, якіе то гроши, должніе за воли и позиченніе на мыто, всѣ—потому будуть червоніе уво Гданску, тоею цѣною маемо сеей зимы знову на Вкраину и въ Конотопъ пригостивши (пріѣхавши) сами всю тую сумму ему, п. Лизогубовѣ, червоными отдати конечне“.

[2]) Поводомъ къ удаленію Л—ба отъ уряда была, какъ кажется, растрата „покуховнаго сбора“; въ универсалѣ 1719 г. Скоропадскій пишетъ: „по розыску п. Григорія Яснопольскаго и п. Леонтія Лащинскаго показалося, что бывшій сотникъ конотопскій п. Андрей Лизогубъ въ покуховныхъ грошахъ, тамъ въ г. Конотопѣ до скарбу войскового збираючихся, не далъ слушного выводу, куда оніе и на що рострачены, а доводне тое явилося, же шафарѣ (сборщики) всегда по его сотницкому велѣнію, помянутіе гроши на росходи видавали, которимъ бивало онъ, п. сотникъ бувшій, отказуетъ (отвѣчаетъ) же нехто иншій за рострачене тыхъ грошей, але онъ самъ мѣвъ отвѣтовати“.

ляріяхъ находящагося“ [1]). Сенатъ назначилъ особую коммисію для раздѣла лизогубовскихъ имѣній, которая наконецъ и кончила это дѣло въ 1748 г. При этомъ почепскія имѣнія (Лизогубу они были возвращены послѣ паденія Меншикова) достались Ивану и Антону Тимофеевичамъ Журавкамъ и Алексѣю Покорскому, зятю Якима Кулябки, а конотопскія и кролевецкія—тому же Покорскому и остальнымъ наслѣдникамъ: Кулябкамъ, Кулаковскимъ, Будлянскимъ и Требинскимъ.

Второй сынъ Ефима—Яковъ былъ замѣтнѣе другихъ братьевъ своею болѣе чѣмъ пятидесятилѣтнею войсковою службою. Службу эту онъ началъ еще при дѣдѣ, у котораго былъ любимѣйшимъ внукомъ и который вѣроятно рекомендовалъ его гетману; есть извѣстіе, что Мазепа въ 1694 г. посылалъ Якова Ефимовича Лизогуба въ Москву, съ какимъ-то порученіемъ къ царю. Въ это время онъ только что окончилъ ученіе въ кіевской академіи [2]) и былъ еще не женатъ, что не мало заботило дѣда, который по этому поводу въ ноябрѣ 1694 г. писалъ сыну: „милый сыну мой, пане хорунжій генеральный! какъ только установится санный путь и милый вашъ сынъ, а мой внукъ Яковъ отправится въ Москву, по указу рейментарскому, тѣмъ временемъ начни высматривать по людяхъ такую семью, съ которой могли бы мы соединиться истинною пріязнью по законному супружеству внука нашего. Старайся такъ, чтобы по возвращеніи внука изъ Москвы дѣло это можно было немедленно начать и кончитъ. Я и самъ душевно радъ бы помогти этому дѣлу и, не смотря на старость, готовъ искать „панну“ въ какомъ знатномъ домѣ для милаго пріятеля; но самъ знаешъ, что тутъ (т. е. около Чернигова) не могу я ничего успѣть, потому что и людей нѣтъ и нѣтъ такой панны, чтобы подходила и подъ мысль внука и подъ нашу достойность. Поэтому старайся ты самъ поставить сына „въ станъ малженскій“; а дастъ Богъ, что дѣло это свершится „актомъ весельнымъ“, то я не оставлю внука своего дѣдовскою ласкою и ручаюсь, что у него не будетъ недостатковъ и будетъ на чемъ жить, только бы внукъ былъ разуменъ да не лѣнился около хозяйства заняться. Да не только Яковъ не бу-

---

1) Записки Марковича II, 239.

2) Говоримъ объ ученіи Якова Еф—ча Л—ба въ кіевской академіи на томъ основаніи, что въ своихъ письмахъ онъ часто примѣшивалъ латинскія слова и выраженія, чѣмъ щеголяли только кіевскіе академисты.

детъ лишенъ моей ласки, въ чемъ свидѣтельствуюсь своимъ дѣдовскимъ словомъ, но и Семену, меньшему, наготовлено уже „пожитье, только бы возрастилъ его Богъ“ [1]).

Въ жены Якову Лизогубу выбрана была дочь переяславскаго полковника Мировича, который по свойству съ Мазепою щедро былъ надѣленъ маетностями, а потому и дочь его была не изъ послѣднихъ невѣстъ въ Малороссіи.—Женившись, Яковъ Л—бъ проживалъ въ доставшемся ему Седневѣ, пока не попалъ въ число генеральной старшины, по выбору Скоропадскаго въ 1717 г. На этомъ урядѣ Лизогубъ оставался незамѣтнымъ лицомъ до смерти Скоропадскаго; а когда послѣдній умеръ и „правленіе дѣлъ“ въ Малороссіи поручено было генеральной старшинѣ подъ главенствомъ Полуботка, Лизогубъ сталъ однимъ изъ „правителей“. Впрочемъ, въ борьбѣ съ Вельяминовымъ Лизогубъ принималъ только пассивное участіе, стараясь по возможности держаться въ сторонѣ. Но когда Полуботокъ съ Савичемъ и Чарнышемъ вызваны были въ Петербургъ, Лизогубу пришлось по необходимости стать во главѣ правленія вмѣстѣ съ Жураковскимъ. Положеніе его въ это время было довольно трудное: Жураковскій принадлежалъ къ числу сторонниковъ Полуботка и, за отбытіемъ послѣдняго въ Петербургъ, старался елико возможно дѣйствовать въ направленіи своего патрона. Очень нерѣдко Лизогубу приходилось выслушивать отъ Жураковскаго упреки за излишнюю осторожность, ради которой Л—бъ часто уклонялся отъ участія въ тѣхъ дѣлахъ, которыя по мнѣнію его могли возбудить неудовольствіе Вельяминова. Однако-же, когда осенью 1723 г. назначенъ былъ Румянцевъ для повѣрки на мѣстѣ жалобъ старшины на Вельяминова, Лизогубъ дѣйствовалъ за одно съ Жураковскимъ во всѣхъ тѣхъ распоряженіяхъ, которыми старшина хотѣла скрыть отъ Румянцева разъединеніе свое съ народомъ. Пріѣхавъ въ Малороссію въ концѣ ноября, Румянцевъ нашелъ нужнымъ удалить отъ „правленія дѣлъ“ какъ Жураковскаго, такъ и Лизогуба; оба они отвезены были на судъ къ царю въ Петербургъ, за единомысліе съ Полуботкомъ. Судъ этотъ кончился, какъ извѣстно, указомъ 8 февраля 1725 г., причемъ большинство обвиненныхъ въ протестѣ противъ учрежденія малороссійской колле-

---

[1]) Изъ архива Н. А. Маркевича. Архивъ этотъ вошелъ теперь въ составъ Румянцевскаго Музея.

гія поселено было въ Петербургѣ („жить имъ безвыѣздно въ С.-Петербургѣ"). Въ числѣ поселенныхъ былъ и Лизогубъ. Жилъ онъ въ Петербургѣ пять лѣтъ (1724—28), пока не возстановлено было въ Малороссіи гетманство. Поставленный въ гетманы Апостолъ пріѣхалъ въ Москву въ февралѣ 1728 г. и прожилъ до октября, предъявляя правительству разныя ходатайства по возстановленію въ Малороссіи прежнихъ порядковъ; хлопоталъ при этомъ новый гетманъ и о томъ, чтобы правительство утвердило ту генеральную старшину, которую выбрали въ Глуховѣ полковники вслѣдъ за поставленіемъ Апостола въ гетманы. Но верховный совѣтъ не утвердилъ глуховскихъ выборовъ и назначилъ персоналъ генеральной старшины по своему усмотрѣнію [1]), при чемъ генеральнымъ обознымъ, вмѣсто избраннаго въ Глуховѣ Галагана, назначенъ былъ Яковъ Лизогубъ. Очень вѣроятно, что Головкинъ, распоряжавшійся всѣмъ этимъ дѣломъ, сдѣлалъ этотъ выборъ на основаніи личнаго знакомства своего съ Лизогубомъ за время поселенія его въ Петербургѣ, причемъ могъ убѣдиться, что этотъ человѣкъ будетъ безпрекословнымъ исполнителемъ распоряженій правительства.

Двадцать лѣтъ оставался Лизогубъ на урядѣ генеральнаго обознаго, не оставивъ, повидимому, никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности, кромѣ того, что за все это время хорошо уживался съ цѣлымъ рядомъ правителей, которые вѣдали дѣлами Малороссіи отъ смерти Апостола до избранія Разумовскаго.

Во время путешествія императрицы Елизаветы въ Кіевъ, между старшиной возникла мысль о возстановленіи гетманства, которую поддержалъ Алексѣй Разумовскій. Повидимому послѣдній далъ указанія въ Глуховѣ о присылкѣ ко двору депутатовъ для ходатайства по этому дѣлу, причемъ назвалъ и лицъ, которыя должны были ѣхать депутатами. Въ числѣ этихъ лицъ, кромѣ Ханенка и Гудовича, былъ указанъ и Яковъ Лизогубъ [2]). Осенью 1745 г. депутаты были уже въ Петербургѣ и жили тамъ почти два года, пока данъ былъ указъ сенату о дозволеніи быть въ Малороссіи гетману; но депутатовъ не отпустили домой и послѣ этого указа и продержали ихъ въ Петербургѣ до конца 1749 г. [3])

---

[1]) Записки Марковича, I, 246 и 304.

[2]) Тамъ-же, II, 225

[3]) Подробности четырехлѣтняго пребыванія Лизогуба съ товарищами въ Петербургѣ см. у Васильчикова, семейство Разумовскихъ I, 67--99.

Только что стали депутаты собпраться домой, какъ Лизогубъ заболѣлъ: 20 декабря онъ „былъ посѣщенъ параличною болѣзнью". Ожидать выздоровленія товарища—депутатамъ было некогда и они, оставивъ около больнаго трехъ человѣкъ изъ своей свиты, отправились въ Москву. При Лизогубѣ оставлены были: „швагеръ" (братъ жены) обознаго—Дмитрій Мировичъ, сотникъ Степанъ Лукомскій и экономъ генеральной артиллеріи Кирилъ Бѣлоровскій, причемъ имъ дана была отъ депутатовъ подробная инструкція, что́ дѣлать на случай выздоровленія или смерти обознаго. Въ инструкціи между прочимъ было сказано: „ежели-бы (чего Боже еще не дай) пришло ему г. обозному животъ свой окончити здѣсь въ С.-Петербургѣ, то какъ самъ онъ, будучи сперва при крайней слабости, намъ объявилъ свою волю—погребсти его тутъ же съ пристойнымъ персонѣ его обрядомъ и на поминовеніе его по нѣкоторимъ церквамъ, раздать по нѣсколько денегъ, какъ здѣсь водится. То же все чинить вамъ съ повелѣнія г. вицеадмирала Александра Ивановича Головина, яко свойственнаго ему г. обозному, и съ совѣту г. маіора при адмиралѣтейской колегіи Василія Ивановича Войникова, за которымъ въ замужествѣ родная его г. обознаго племянница Тетіяна Андреева дочь Лизогубовна, которые обнадежили насъ, что всякое вамъ наставленіе чинить изволятъ".

Чрезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Ханенка и Гудовича въ Москву, Мировичъ съ товарищами 8 января писали имъ о ходѣ болѣзни Лизогуба: „Божескою помощію его вельможность началъ обмогаться, а именно: совершенно и здравымъ языкомъ разговариваетъ, а при разговорѣ ежеденно объявляетъ свою скуку, что въ Москву не ѣдетъ скоро, а желаетъ, получа ослабу, какъ скорѣе возможно отъѣхать. Лѣвою ногою всею чувствуетъ и мало наступаетъ; и егда сидитъ на ложку (кровати) либо на креслѣ, на которомъ по комнатѣ его возимъ, бываетъ—лѣвую ногу самъ сгибаетъ и держитъ; а лѣвою рукою всего отъ позавчерашнего дня началъ чувствовать—точію самъ собою ежели его не подоймутъ и не опустятъ, ни ложиться, ни встать, ни двигнуться еще не можетъ. Егдаже въ лѣвой кулши (бедрѣ) объявилъ боль, то по наставленію доктора г. Синопеа (Синопеуса) сухою припаркою получаетъ облегченіе; ранки двѣ были на лѣвомъ стегнѣ величиною какъ противъ копѣйки сребраной и тѣ ранки толко мало еще не загоены; горячесть извнутра хотя еще не вовся, такмо по болшой части выведена; апетиту и єствію въ него еще мало и нынѣ; только въ томъ жалится и обявляетъ, что лѣвій бокъ

ввесь болить не безъ прикрости; однакожъ тотъ боль г. докторъ признаваетъ добрымъ знакомъ ко оздравленію и ничимъ того болю неусмираетъ, которой г. докторъ съ лѣкаремъ прилѣжно его смотрятъ по своей профессіи и ежедневно бываютъ". Но черезъ двѣ недѣли положеніе больнаго сильно измѣнилось къ худшему; 23 января Мировичъ съ товарищами извѣщали Ханенка и Гудовича, что здоровье обознаго стало совсѣмъ плохо: „нынѣ его вельможность сталъ слабъ, что въ силу великую можна, егда станетъ что̀ говорить, рѣчей дослышаться; только жъ все чувствуетъ и разсужденія доброго. Повторно исповѣдь и причастіе таинъ божественныхъ принялъ; потомъ же и маслосвятіе соборомъ отправлено, на исходъ души канонъ читанъ и отъ него со всякимъ вниятіемъ слышанъ. И тое все отправлено съ его добраго званія и волѣ. Докторскихъ лѣкарствъ никакихъ (дней будетъ сѣмъ) не принимаетъ и ежели водою натуралною пожелаетъ закропиться (освѣжиться) то съ великою трудностію проколтнуть можетъ; а нынѣ уже и не можетъ. И по всему видимо, что жизнь его зѣло близка къ смерти. А якое писмо до его высокорейхсъ графского сіятелства Алексѣя Григорьевича (Разумовскаго) отъ его вельможности написано и его рукою закрѣпленное, его вельможность просилъ, дабы тое надписанное въ конвертѣ писмо его сіятелству сами ваши высокородіи вручить изволили".—На другой день послѣ этого письма Яковъ Лизогубъ умеръ и похороненъ въ невской лаврѣ. Въ письмѣ своемъ Алексѣю Разумовскому, писанному за два дня до смерти, обозный просилъ заступничества дѣтямъ: вашего высокорейхсъ графского сіятелства чрезъ сіе нижайше прошу—оставшихся по моемъ отъ сея жизни отшествіи, наслѣдниковъ моихъ Григорія и Илію и унука Якова Лизогубовъ, яко вѣрныхъ подданныхъ ея импер. величества въ службѣ ея жъ дѣйствително обрѣтающихся, въ высокой содержатъ милости, какъ и мене надъ заслуги мои содержать изволили; и въ якихъ своихъ нуждахъ вашему сіятелству они свое нижайшее поднесутъ прошеніе, яко милостивій отецъ высокомилостиво за оными ходатайствовать и предстательствовать соблагоизволите".

Изъ дѣтей Якова Лизогуба ни одинъ не выдѣлился изъ массы тѣхъ богатыхъ наслѣдниковъ, которые, получивъ обширныя маетности, поселялись въ нихъ и затѣмъ не искали уже никакихъ доходныхъ урядовъ. Поэтому и извѣстій объ этихъ людяхъ осталось очень мало, такъ какъ они не принимали почти участія

въ общественной жизни, мирно пользуясь достатками, нажитыми дѣдами и отцами.

Среднiй сынъ Якова Л--ба—Илья дослужился до полковничьяго чина русской службы, но остался такъ-же неизвѣстнымъ, какъ и другiе его братья. Замѣтенъ онъ былъ одною только своею женитьбою, такъ какъ первую жену онъ выбралъ не изъ мѣстнаго общества, а изъ „смоленской шляхты.“ Малороссiйскiе паны познакомились съ смоленскою шляхтою посредствомъ браковъ, еще съ конца XVII в., такъ какъ младшiй сынъ гетмана Самойловича—Яковъ былъ женатъ на смоленской шляхтянкѣ—Аннѣ Швейковской. Изъ смоленской шляхты--изъ фамилiй Корсаковъ, Храповицкихъ и Энгельгардтовъ--выбрали себѣ женъ и всѣ три сына гетмана Апостола. Невѣсты изъ смоленской шляхты имѣли ту особенность передъ мѣстными невѣстами, что малороссiйскiе женихи получали за смолянками въ приданое — „крѣпостныхъ“ крестьянъ, которыми малороссiйское шляхетство очень дорожило, пока не получило возможности имѣть своихъ крѣпостныхъ. Илья Лизогубъ первымъ бракомъ былъ женатъ на Татьянѣ Ивановнѣ Рачинской, за которою въ приданое также получилъ крѣпостныхъ крестьянъ, какъ видно изъ слѣдующей „заручной челобитной“ 1748 г. „Бьетъ челомъ вдова Федора Иванова дочь стольника и ротмистра Ивановская жена Ильина сына Рачинскаго, обще съ дѣтьми своими смоленскою шляхтою, мы Самойло, Николай и Денисъ Ивановы дѣти Рачинскiе—въ прошломъ 1744 г. мы Федора—дочь свою, а мы Самойла, Николай и Денисъ—сестру свою родную Татьяну Иванову дочь Рачинсковну—выдали замужъ малороссiйскихъ войскъ за бунчука товарища за Илью Лизогуба Яковлева сына, а въ приданое за нею въ то время кромѣ платья, указной части людей и крестьянъ не дано. А нынѣ мы по общему согласiю—дали ей Татьянѣ Лизогубовой и дѣтямъ ея въ вѣчное владѣнiе, въ приданое бѣльскаго уѣзда юрьевской волости крѣпостныхъ своихъ крестьянъ на вывозъ изъ земли и изъ деревни Брагина Константина Федорова, изъ деревни Мартынова—Павла Терентѣева и т. д. (всего дано было мужчинъ—5 и женщинъ 7) и вышеписанныхъ вывозныхъ крестьянъ обоего полу ей, сестрѣ нашей, содержать на своихъ собственныхъ земляхъ и владѣть ими вѣчно—и дабы повелѣно было сiе наше челобитье въ полковую черниговскую канцелярiю принять и записать въ книгу для вѣдома и владѣнiя ей, сестрѣ нашей Татьянѣ Лизогубовой и дѣтямъ ея.“

Повидимому приданое въ 12 крестьянъ было не настолько значительно, чтобы искать его путемъ брака; однакожъ мы имѣемъ свѣдѣнія, что малороссійскіе богачи, владѣя сотнями дворовъ „посполитыхъ крестьянъ“, очень охотно покупали по два, по три человѣка крестьянъ „крѣпостныхъ“. Такъ охотно ихъ покупалъ напр. графъ Гаврила Рагузинскій, у котораго посполитыхъ крестьянъ было болѣе 1000 дворовъ. Покупали крестьянъ рѣдко у русскихъ помѣщиковъ, а больше—у той же смоленской шляхты, которая, не имѣя иногда средствъ чѣмъ и самой прокормиться, не говоря уже о крестьянахъ, сбывала послѣднихъ въ Малороссію—и семействами, и по одиночкѣ. чтобы затѣмъ на вырученныя деньги купить хлѣба. Такъ въ 1735 г. мелкіе смоленскіе шляхтичи привезли на продажу въ Стародубъ нѣсколько семействъ своихъ крестьянъ, чтобы имѣть за что—купить хлѣба; крестьянъ этихъ купилъ гр. Гаврила Рагузинскій и заплатилъ за »бабу съ двумя дѣтьми«—13 рублей, за „двухъ хлопцовъ“—11 р., за „двухъ крестьянъ да жонку одну“—25 р.

Третій сынъ Ефима Яковлевича—Семенъ Лизогубъ былъ женатъ на Иринѣ Скоропадской, дочери гетмана отъ перваго его брака съ дочерью черниговскаго полковаго обозного Никифора Каленикова. Не смотря на такую близость къ гетману, и этотъ сынъ генеральнаго обознаго—цѣлую жизнь остался бунчуковымъ товарищемъ. Причиною такого равнодушія со стороны Скоропадскаго къ зятю, была повидимому вторая жена гетмана—извѣстная Настасья Марковна, которая могла выхлопотать полковничьи уряды—брату Андрею и зятю Чарнышу (женатому на ея дочери отъ перваго брака съ Голубомъ), но препятствовала Скоропадскому удѣлить какой нибудь урядъ для мужа своей падчерицы.—Настасья Марковна видѣла въ Семенѣ Лизогубѣ опаснаго претендента на наслѣдство стараго гетмана и по возможности старалась оттѣснить и падчерицу, и мужа ея—отъ своей семьи. По смерти Скоропадскаго, споръ за его наслѣдство—между гетманшей и Семеномъ Лизогубомъ—сейчасъ же и возникъ; Настасья Марковна старалась затянуть дѣло о дѣлежѣ наслѣдства и тянула его безпрепятственно пять лѣтъ.—Когда въ 1727 г. разрѣшено было выбрать преемника Скоропадскому, то поэтому случаю отправлены были въ Москву депутаты „съ благодарственными челобитными“. Въ число депутатовъ выбранъ былъ и Семенъ Лизогубъ. Узнавъ объ этомъ и боясь, что Лизогубъ станетъ въ Москвѣ жаловаться, вдова Скоропадскаго по-

спѣшила послать къ нему племянника Марковича съ предложеніемъ мировой; при этомъ она предлагала Лизогубу только третью часть недвижимыхъ имѣній умершаго гетмана, да и то не прежде своей смерти. Лизогубъ требовалъ половину маетностей и 10 т. червонцевъ [1]). Дѣло не сладилось. Лизогубъ обратился было къ новоизбранному гетману Апостолу за помощью въ раздѣлѣ тестевскаго имѣнія, надѣясь, что по своей враждѣ къ Марковичамъ, гетманъ охотно возмется за это дѣло; но трудно было спорить съ ловкой Настасьей Марковной, которая, сама поѣхавъ въ Москву въ 1728 г., задарила тамъ вліятельныхъ людей и всѣми мужниными имѣніями пользовалась до своей смерти. Когда же Скоропадская умерла, Лизогубъ обратился къ дочери ея Ульянѣ Толстой и потребовалъ всѣхъ маетностей, находившихся въ черниговскомъ полку и 20 т. рублей деньгами. Но въ это дѣло опять вмѣшался Яковъ Марковичъ и помирилъ наслѣдниковъ на томъ, что Лизогубъ согласился получить черниговскія маетности и часть одежды, болѣе дорогой, а отъ денегъ отказался. Поэтому раздѣлу Лизогубъ получилъ села Буровку, Выхвостовъ, Дроздовицу, Ваганичи и разные хутора, всего около 600 дворовъ [2]). Вмѣстѣ съ отцовскимъ наслѣдствомъ у Семена образовалось богатство, мало чѣмъ уступавшее богатству его современниковъ—Андрея и Якова Полуботковъ, богаче которыхъ въ то время не было пановъ въ Малороссіи. Не долго только пришлось Лизогубу пользоваться этими богатствами; черезъ четыре года послѣ полученія тестевскихъ имѣній, онъ умеръ въ польскомъ походѣ въ 1734 г., въ Гродно, гдѣ былъ и погребенъ „въ Кляшторѣ Базиліановъ, при пушечной и дробной стрѣльбѣ, съ церемоніей“.

Семенъ Лизогубъ оставилъ четырехъ сыновей, которые казалось могли бы удовольствоваться отцовскими богатствами. Но богатствъ этихъ казалось все еще мало и козаки лизогубовскихъ маетностей сильно терпѣли отъ насилій этихъ самихъ Лизогубовъ. Два козака с. Буровки—Мужука и Лозовой жаловались въ 1742 г., что отцовъ ихъ взялъ къ себѣ въ услуженіе еще гетманъ Скоропадскій, а по смерти гетмана, и наслѣдники его стали требовать „послушанія“ отъ нихъ уже, жалобщиковъ. Когда умеръ Семенъ Лизогубъ, Мужука и Лозовой, пользуясь тѣмъ случаемъ,

---

[1]) Записки Марковича I, 234.

[2]) Т. Ж., I, 345 и 318.

что въ 1737 г., въ виду войны, русское правительство распорядилось—пополнить козацкіе полки посполитыми крестьянами,—выбились изъ лизогубовскаго подданства и стали по прежнему служить козацкую службу. Для полной безопасности отъ притязаній Семена Лизогуба, получившаго на свою часть Буровку, Мужука и Лозовой выхлопотали себѣ въ Глуховѣ и указъ Румянцева о своемъ дѣйствительномъ козачествѣ. Но Семену Семеновичу Лизогубу жаль было выпускать изъ рукъ эти двѣ семьи, которыя уже были почти совсѣмъ заполонены въ крестьянство, а теперь ускользали изъ „подданства". Лизогубъ поспѣшилъ захватить все имущество Мужуки и Лозоваго въ свои руки, а матерей ихъ „посадя въ колодки, мучилъ съ пристрастіемъ". Мужука и Лозовой поѣхали жаловаться въ сенатъ, по распоряженіи котораго произведено было слѣдствіе „о козачествѣ" жалобщиковъ. Изъ Глухова слѣдствіе поручили произвести капитану Аристову и черниговскому судьѣ Тимофею Сенютѣ, но послѣдніе „дружа и норовя Лизогубу, дозволили ему забрать, писали Мужука и Лозовой, и достальное наше имѣніе, а крѣпости на купленныя земли и реестры что̀ онъ Лизогубъ у насъ позабиралъ—пожитковъ лошадей, скота и грунтовъ,—взяли къ себѣ слѣдователи и по означенному нашему челобитью никакой резолюціи не учинили и крѣпость не возвратили. А прошлого 1741 г. октября 15, онъ же, Лизогубъ, по согласію показаннаго судьи Сенюты, продолжаетъ одинъ изъ жалобщиковъ, меня Мойсея Лозоваго, взялъ изъ козачьяго нашего двора къ себѣ насильно, въ домъ свой, привлекая въ подданство и понынѣ держитъ у себя въ домѣ, скованнаго въ кандалахъ и въ работѣ мучитъ, требуя, чтобъ я на все свое имѣніе и грунты далъ ему Лизогубу крѣпость".

Въ заключеніе приводимъ родословный списокъ Лизогубовъ, хотя вѣроятно во многомъ не полный, но тѣмъ не менѣе достаточно уясняющій фамильныя отношенія этого стариннаго малороссійскаго рода къ таковымъ же другимъ.

---

1. *Кондратъ Ивановичъ Лизогубъ*, козакъ м. Глемязова.
2. *Иванъ*, полковникъ Уманскій 1661. 1
3. *Яковъ*, полковникъ Каневскій 1662—74; эсаулъ генер. Дорошенка 1674; полковникъ Черниговскій 1687—1698. . 1
4. *Пелагея*. М. *Иванъ Гладкій*, сотникъ Лепляевскій 1673 . 2

5. *Ефимъ*, хорунжій генер. 1688—98; полковникъ черниговскій 1698—1705. Ж. *Любовь Петровна Дорошенко* . . 3
6. *Марья*. М. *Степанъ Бутовичъ*, эсаулъ генеральный. . 3
7. *Домникія*. М. *Андрей Федоровичъ Кандиба*, судья генеральн. 3
8. *Дочь*. М. *Степанъ Томара*, полковникъ переяславскій. . 3
9. *Андрей*, сотникъ конотопскій 1715—19; бунчуковый товар. 1737. Ж. *Прасковья Михайловна Миклашевская* . . 5
10 *Яковъ*, бунчучный генер. 1717—29; обозный генер. 1729—49; † 24 января 1749. Ж. *Федора Ивановна Мировичъ* . 5
11. *Семенъ*, бунчук. товарищъ 1715—34. Ж. *Ирина Ивановна Скоропадская* 5
12. *Антонъ*, бунчук. товарищъ † 1725 9
13. *Евдокія*. М. 1, *Якимъ Кулябка*, бунчук. товар. 1725; 2, *Григорій Стороженко*, сотникъ иченскій 9
14. *Марья*. М. *Петръ Валькевичъ*, эсаулъ генер. . . . 9
15. *Елена*. М. 1, *Иванъ Пиковецъ*, сотникъ лукомскій 1750; 2, *Славуй Требинскій*, сербъ 9
16. *Татьяна*. М. 1, *Тимофей Лукьяновичъ Журавка;* 2, *Балтазаръ Ланкау*, капитанъ; 3, *Василій Ивановичъ Войниковъ*, майоръ 1748 9
17. *Иванъ*. Ж. *Анна Михайловна Корсакъ* 10
18. *Григорій*, бунчук. товар. 1751 10
19. *Илья*, бунчук. товар. 1744 полковникъ. Ж. 1, *Татьяна Ивановна Рачинская;* 2, *Катерина Яковлевна Якубовичъ*. Жилъ въ жениномъ с. Липовомъ, роменск. у. Имѣнія: Липовое—71, Ясеновка—26, Березовка—26, Олава—10, х. Боровицкій—6, Коренецкая—6, Кр. Колядинъ—2, Пѣсковъ—112, Скугары—17, Велички—20, Рудня Гуковская—112, Мысы—23, Козлы—12, Седневъ—15 и проч. Всего 561 кр. м. и ж. 10
20. *Дочь*. М. *Михаилъ Сергѣевичъ Солонина*, сотникъ остерскій 1729 10
21. *Марья*. М. *Лаврентій Владиміровичъ Борозднa*, бунчук. товар. 1720—54. 10
22. *Елена*. М. *Иванъ Демьяновичъ Бутовичъ*, бунч. товар. . 10
23. *Константинъ*, бунчук. товар. 1746—72. Ж. *Агафья Ивановна Новицкая*. Имѣнія: Полуботки, Пѣвцы, Ивашковка, Дроздовица, Ст. Гута и д. Александровская . . 11
24. *Василій*. Имѣнія: Слабинъ, Шестовица, Друцкіе, Яновка, Ладинка, Золотинка, Козороги, Гнилуша, Жеведъ, Ан-

древка, Велички, Тарасовичевскіе и Процковскіе, Гута, Антоновичи, Шибириновка 11

25. *Семенъ*, бунчук. товар. Ж. *Анна Антоновна Танская.* Имѣнія: Буровка, Выхвостовъ, Невкля, Ловинь. . . 11

26. *Иванъ*, бунчук. товар. Имѣнія: Семаки, Пересажъ, Петрики, Высокинь, Осерѣйки, Зубахи, Каменское . . 11

27. *Яковъ*, бунчук. товарищъ 17

28. *Иванъ*, р. 1762, коллежскій ассесоръ 1805. Ж. *Анна Васильевна Дунина-Борковская.* Имѣнія: Седневъ, Куликовка, Займище, Невкля, Бурковка (Сосницк. у.) Дуниновка (Золотон. у.) 27

Ал. Лазаревскій.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи)

1643—1651 г.

Въ рукописномъ отдѣленіи института имени Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 224 хранится рукопись, заключающая въ себѣ, въ числѣ другихъ историческихъ матеріаловъ, дневникъ, составленный въ половинѣ XVII столѣтія польскимъ дворяниномъ, Станиславомъ Освѣцимомъ; дневникъ этотъ по количеству, обстоятельности и подробности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній можетъ быть причисленъ къ важнѣйшимъ источникамъ для исторіи козацко польскихъ столкновеній, случившихся въ половинѣ XVII столѣтія. Польскіе историческіе писатели, составлявшіе монографіи объ этомъ событіи (Шайноха, Кубаля и др.), пользовались извѣстіями Освѣцима, заимствуя изъ его дневника многіе факты и характеристики, но самый текстъ рукописи понынѣ не былъ изданъ. Желая восполнить этотъ пробѣлъ въ исторіографіи южно-русскаго края, мы предлагаемъ въ возвожно точномъ переводѣ всѣ тѣ отрывки изъ записокъ Освѣцима, которые относятся къ исторіи юго-западной Руси, оставляя въ сторонѣ всѣ извѣстія дневника, относящіеся къ дѣламъ исключительно польскимъ, къ событіямъ, происходившимъ въ западной Европѣ и къ личнымъ и семейнымъ отношеніямъ автора. Не будемъ обременять изданія слишкомъ объемистымъ матеріаломъ, не имѣющимъ непосредственной связи съ исторіею южно-русскаго края. Для характеристики предлагаемаго матеріала мы считаемъ необходимымъ сказать предварительно нѣсколько словъ о біографіи автора записокъ, на основаніи данныхъ, находящихся въ самомъ же дневникѣ, а также предпослать краткое описаніе рукописи, изъ которой извлечены предлагаемые отрывки.

Составитель дневника, Станиславъ Освѣцимъ, происходилъ изъ зажиточнаго дворянскаго семейства, владѣвшаго нѣсколькими помѣстьями въ краковскомъ воеводствѣ и въ Червоной Руси. Въ ранней молодости онъ поступилъ въ военную службу, участвовалъ въ нѣсколькихъ военныхъ походахъ, затѣмъ вышелъ въ отставку и проводилъ время то въ путешествіяхъ за границу, въ теченіи которыхъ онъ посѣтилъ въ нѣсколько пріемовъ: Турцію, Германію, Голландію, Францію и Италію, то на службѣ при дворѣ короля, Владислава IV. Онъ исполнялъ самыя многоразличныя функціи, по преимуществу же, пользуясь репутаціею опытнаго и ученаго педагога, онъ занималъ должность воспитателя молодыхъ магнатовъ (Конецпольскихъ); обязанность эту онъ исполнялъ вѣроятно съ большимъ успѣхомъ, судя потому, что король Владиславъ IV назначилъ его въ 1646 году будущимъ воспитателемъ своего сына; но судьба не дозволила Освѣциму занять эту должность, такъ какъ будущій его питомецъ скончался, не достигнувъ возраста, въ которомъ онъ долженъ былъ поступить подъ руководство педагога. Находясь на службѣ при дворахъ магнатовъ: Конецпольскихъ и Любомирскихъ, Освѣцимъ не ограничивался исключительно педагогическими занятіями; по временамъ онъ исполнялъ должности секретаря, начальника двора и просто придворнаго, приглашаемаго для сопровожденія мецената въ путешествіи и для его „компаніи“.—Изъ числа лицъ, у которыхъ принималъ службу Освѣцимъ, онъ особенно былъ близокъ съ великимъ гетманомъ коронным, Станиславомъ Конецпольскимъ, котораго дружбою, уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ онъ постоянно пользовался, и при которомъ онъ долго занималъ должности начальника его двора и интимнаго секретаря. Гетманъ Конецпольскій проживалъ постоянно, въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни, на границахъ Украины, отражая набѣги татаръ и наблюдая надъ поведеніемъ козаковъ, частыя возстанія которыхъ заставляли польское правительство и въ особенности гетмановъ зорко слѣдить за ними. Въ резиденціяхъ Конецпольскаго, въ Бродахъ и въ Барѣ, проживалъ съ нимъ вмѣстѣ и Освѣцимъ. Онъ составлялъ вмѣстѣ съ Конецпольскимъ проекты по дѣламъ внѣшней и внутренней политики для представленія королю; сопровождалъ его въ поѣздкахъ, предпринимаемыхъ по служебнымъ и частнымъ дѣламъ, и велъ его обширную корреспонденцію.—Служебныя занятія Освѣцима не мѣшали ему принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ въ качествѣ дворянина:

онъ посѣщалъ сеймы и сеймики и отправлялся въ военные походы вмѣстѣ съ дворянами своего воеводства въ тѣхъ случаяхъ, когда призывалось на войну поголовное шляхетское ополченіе.

Среди своей многосторонней дѣятельности, Освѣцимъ почти ежедневно заносилъ въ свой дневникъ всѣ сколько нибудь выдававшіеся факты общественной жизни, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ или участникомъ или которые доходили до его свѣдѣнія путемъ обширной переписки, веденной какъ лично имъ, такъ и тѣми лицами, при которыхъ онъ исполнялъ обязанности секретаря; уцѣлѣвшая, къ несчастью далеко не въ полномъ видѣ, часть этаго дневника сохранилась въ рукописи, изъ которой мы извлекаемъ предлагаемые отрывки.

Фоліантъ, въ составъ котораго вошла рукопись Освѣцима, представляетъ большой томъ въ 1251 нумерованныхъ страницъ, но первыхъ 180 страницъ въ немъ недостаетъ. Рукопись эта представляетъ сборникъ отрывковъ, соединенныхъ въ одну книгу неизвѣстнымъ лицемъ, повидимому въ концѣ XVII столѣтія; въ составъ его вошли записки и замѣтки нѣсколькихъ лицъ, писанныя разными почерками XVII столѣтія частью на польскомъ, частью на латинскомъ языкахъ. Въ началѣ сборника однимъ почеркомъ записаны два дневника о дѣйствіяхъ двухъ польскихъ посланниковъ, отправлявшихся въ Турцію: Красинскаго въ 1636 году (стр. 181—208) и Мясковскаго въ 1640 г. (стр. 281—378); чистые листы, остававшіеся между обоими дневниками, частью (стр. 209—253) были исписаны въ концѣ XVII столѣтія (1691—1696) другимъ, позднѣйшимъ почеркомъ; неизвѣстный собственникъ фоліанта наполнилъ эти страницы всевозможными летучими замѣтками, сеймовыми и надгробными рѣчами, стихами и т. п., остальныя страницы (254—282) остались чистыми.

Только съ 383 страницы начинается дневникъ Освѣцима, который и продолжается до конца рукописи. Дневникъ этотъ писанъ двумя различными почерками, отличными отъ почерковъ первой половины рукописи и чередующимися между собою соотвѣтственно самому содержанію рукописи: однимъ почеркомъ, принадлежащимъ, по всему вѣроятію, самому Освѣциму, записаны на польскомъ языкѣ всѣ извѣстія, относящіяся какъ къ его частной жизни, такъ и къ событіямъ общественнымъ и политическимъ, происходившимъ въ предѣлахъ речи посполитой; другимъ почеркомъ внесены на латинскомъ языкѣ многочисленныя извѣстія, почерпнутыя изъ корреспонденцій о событіяхъ, происходившихъ

за границами польскаго государства, а также подлинные акты и письма, которые составитель счелъ нужнымъ переписать для своихъ записокъ въ качествѣ оправдательныхъ документовъ; этотъ второй почеркъ принадлежитъ вѣроятно писцу, которому Освѣцимъ поручалъ списывать копіи съ рукописей, бывшихъ въ его распоряженіи.

Къ несчастью, дневникъ Освѣцима раньше, чѣмъ поступилъ во владѣніе лица ,сохранившаго его въ составленномъ имъ сборникѣ, подвергся значительнымъ изъянамъ и многія части его были утеряны прежними владѣльцами: въ немъ недостаетъ ни начала, ни конца, въ серединѣ также утеряны значительные отдѣлы. Въ дневникѣ уцѣлѣли только слѣдующіе годы: 1643, 1644, 1645. 1646, 1647, часть 1650 (январь, февраль и мартъ) и весь 1651; этотъ небольшой промежутокъ времени занялъ 868 страницъ in folio, записанныхъ сжатымъ почеркомъ.

Извлекая изъ дневника Освѣцима только тѣ извѣстія, которыя относятся къ южной Руси, мы сохранимъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они расположены въ самой рукописи, причемъ, только въ видѣ краткаго перечня, укажемъ содержаніе опускаемыхъ нами отрывковъ текста.

В. А.

1643 г.

Въ началѣ помѣщены многочисленныя извѣстія, полученныя отъ корреспондентовъ гетмана Конецпольскаго, у котораго Освѣцимъ находился въ то время на службѣ; замѣтки о личныхъ дѣлахъ автора, и копіи рапортовъ, полученныхъ гетманомъ отъ его подчиненныхъ; въ числѣ послѣднихъ, списана копія изъ слѣдующаго письма [1]).

Копія письма отъ его милости пана Николая Зацвилиховскаго, коммисара войска его королевской милости запорожскаго къ его милости, пану кастелляну краковскому, писаннаго изъ Трехтымирова 16 августа 1643 года [2]).

Сегодня я возвратился въ Трехтымировъ отъ князя его милости [3]), куда я ѣздилъ, какъ о томъ я уже доносилъ вашей милости, по причинѣ вторженія орды въ наши границы; появившись неожиданно, орда произвела большія опустошенія какъ въ имѣніяхъ князя, такъ и въ помѣстьяхъ вашей милости, въ области между Хороломъ и Сулою. Не сомнѣваюсь, что объ убыткахъ, причиненныхъ вашей милости, панъ Гульчевскій не замедлитъ представить отчетъ. Орда появилась въ числѣ 4000 человѣкъ, подъ предводительствомъ Умерли-аги и двухъ его сыновей. Князь его милость, какъ я докладывалъ уже въ предыдущемъ письмѣ, имѣлъ уже свой отрядъ на готовѣ; онъ присоединилъ къ нему слугъ и

---

[1]) Стр. рукописи 422—423.

[2]) Николай Зацвилиховскій носитъ титулъ „коммисара войска запорожскаго“; должность эту учредилъ Конецпольскій послѣ усмиренія имъ козацкаго возстанія, вспыхнувшаго въ 1638 году подъ предводительствомъ Остряницы. Коммисаръ, назначаемый гетманомъ изъ польской шляхты, долженъ былъ управлять козаками вмѣсто выборнаго козацкаго гетмана (или „старшаго“, какъ его именовало польское правительство). Первымъ коммисаромъ назначенъ былъ Петръ Комаровскій, котораго смѣнилъ Зацвилиховскій. Письмо адрессовано Конецпольскому, соединявшему, по установившемуся обычаю, должности: великаго короннаго гетмана и костелляна краковскаго.

[3]) Это извѣстный впослѣдствіи князь Еремія Михайловичъ Вишневецкій, жившій въ то время въ Лохвицѣ.

людей вашей милости и регестровыхъ козаковъ переяславскаго полка и успѣшно съ ними подвизался между Ревцемъ (sic) и Псломъ, за Сулою. Татаре, узнавъ, что противъ нихъ двигается войско, хотя оно находилось еще въ двухъ миляхъ отъ нихъ, отправили впередъ свой кошъ съ ясыромъ и добычею и оставили позади „заставу" въ 700 лошадей подъ начальствомъ Байранъ-Кази, старшаго сына Умерли-аги. Этотъ Байранъ-Кази по приказанію своего отца управлялъ всѣмъ войскомъ, потому что отецъ, хотя и находился при отрядѣ, но былъ уже очень старъ и слѣпъ. Князь его милость быстро стянулъ часть своего войска и разгромилъ татарскую заставу. Байранъ-Кази, раненный выстрѣломъ, попалъ въ плѣнъ и много отборныхъ татарскихъ воиновъ легло въ этомъ сраженіи; затѣмъ пошли въ погоню за уходившимъ кошемъ и гнались за нимъ на разстояніи двухъ миль. Татаре, убѣгая, обезглавили многихъ плѣнниковъ, остальныхъ-же принуждены были бросить; нѣсколько десятковъ татаръ захвачены въ плѣнъ. Четыре дня спустя послѣ этого погрома Байранъ-Кази умеръ въ Лохвицѣ отъ раны. Отправляясь послѣ сраженія въ обратный путь, князь оставилъ отрядъ въ 200 человѣкъ для погребенія погибшихъ въ бою и для захвата въ плѣнъ отстававшихъ отъ коша татаръ; они привели съ собою трехъ плѣнниковъ, со словъ которыхъ явствуетъ, что въ погоню за остатками бѣжавшей орды отправился изъ-за московскаго рубежа отрядъ въ 3,000 человѣкъ, который принялся разъискивать бѣглецовъ въ лѣсахъ и болотахъ. Словомъ, по благословенію Господа, враги не только не успѣли угнать плѣнныхъ и увезти добычи, но и сами едва-ли возвратятся домой изъ похода. Врага этого разгромили счастливо съ Божьею помощью августа 6-го дня.

Въ рукописи слѣдуетъ извѣстіе объ отправкѣ въ Турцію посланника Бѣгановскаго и списаны копіи данныхъ ему грамотъ и инструкцій. Затѣмъ Освѣцимъ помѣстилъ дневникъ своего путешествія съ гетманомъ Конецпольскимъ изъ Бара въ Гадячь и обратно. Дневникъ этотъ [1]) выписываемъ цѣликомъ, какъ богатый матеріалъ для исторической топографіи края, не лишенный по временамъ и цѣнныхъ историческихъ извѣстій, пропуская лишь многочисленныя извѣстія объ иностранныхъ событіяхъ, которыя Освѣцимъ вписывалъ изъ получаемыхъ корреспонденцій, во время остановокъ, случавшихся на пути.

Сентября 21. Вслѣдствіе рѣшенія его милости пана краковскаго, желавшаго посѣтить и обревизовать свои украинныя по-

---

[1]) Стр. рукописи 433—460.

мѣстья, мы выѣхали изъ Бара. Ночевали въ трехъ миляхъ, въ мѣстечкѣ Межировѣ, принадлежащемъ къ барскому староству.

22. Проѣхавъ 4 мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ Красномъ, принадлежащемъ его милости пану старостѣ калусскому.

23. Проѣхавъ 2 мили, отдыхали въ селѣ Торкахъ. Въ двухъ миляхъ оттуда ночевали въ мѣстечкѣ Тульчинѣ.

24. Ночевали въ Александровѣ, мѣстечкѣ, принадлежащемъ его милости (Конецпольскому).

25. Выѣхавъ изъ Александрова, мы, въ 1½ мили остановились отдыхать, въ мѣстечкѣ его милости (Конецпольскаго)—Новогродѣ. Здѣсь получено было извѣстіе отъ лазутчика нашего, Стефка, о томъ, что буджацкая орда стоитъ въ степи, готовясь выступить въ походъ. Получивъ это донесеніе, его милость отправилъ немедленно гонца къ е. м. пану старостѣ винницкому съ распоряженіемъ, чтобы онъ придвинулся къ нему съ тѣмъ войскомъ, которое находилось въ лагерѣ у села Плоскаго. Самъ его милость панъ гетманъ выѣхалъ утромъ слѣдующаго дня изъ Новгорода; проѣхавъ добрую милю, онъ отдохнулъ въ своемъ мѣстечкѣ Жабокричѣ, и, пообѣдавъ въ немъ, отправился въ дальнѣйшій путь; проѣхавъ, не останавливаясь въ своей слободѣ на урочищѣ Крикливомъ, онъ прибылъ къ ночи въ свое мѣстечко Марковку, отстоящее въ 2 миляхъ отъ Жабокрикъ и въ одно отъ Крикливаго.

27. Двинувшись изъ Марковки послѣ ранняго обѣда, мы расположились лагеремъ въ разстояніи большой мили отъ нея, у мѣстечка и слободы Вербки, принадлежащихъ его милости; сюда собрались по приказанію гетмана въ количествѣ болѣе 1000 всадниковъ тѣ люди, которые поселены въ украинныхъ городахъ, принадлежащихъ его милости, для охраны ихъ отъ татарскихъ набѣговъ; того же числа поздно вечеромъ прибылъ къ намъ и его милость панъ староста винницкій съ своею конницею, оставивъ обозъ въ лагерѣ у Плоскаго.

30. Лазутчики, которыхъ гетманъ отправилъ было въ разныя стороны для собранія точныхъ свѣдѣній, возвратились съ вѣстью, что враги, освѣдомившись о нашей дѣятельности и готовности дать отпоръ, отказались отъ своего намѣренія произвести набѣгъ на королевскія владѣнія. Потому его милость отдалъ приказаніе войску возвратиться въ лагерь у Плоскаго, самъ же отправился въ предпринятую поѣздку; онъ остановился ночевать въ мили отъ лагеря, въ своемъ мѣстечкѣ, Чечельникѣ.

Октября 1. Выѣхавъ рано изъ Чечельника, мы проѣхали 3 мили и ночевали въ Новогродѣ, гдѣ и прожили затѣмъ нѣсколько дней.

5. Мы отправились изъ Новогрода въ дальнѣйшій путь въ Украину, по дорогѣ проѣзжали слѣдующія мѣстечка: въ разстояніи одной мили Тростянецъ, въ одной мили дальше—Четвертиновка, въ одной мили отъ нея—Ладыжинъ, гдѣ мы и ночевали. Мѣстечко это многолюдно, расположено надъ рѣкою Бугомъ.

6. Въ одной мили отъ Ладыжина—Бубновка; проѣхавъ отъ нея полъ мили, мы обѣдали въ Айсынѣ у его милости пана старосты винницкаго, у котораго мы прогостили весь слѣдующій день.

8. Въ полъ мили отъ Айсына мѣстечко Кислякъ, полъ мили дальше Гинча, въ одной мили оттуда—Рахны—затѣмъ въ одной мили Грудокъ.

9. Въ трехъ миляхъ дальше—Оратовка, затѣмъ въ одной мили Животовъ, гдѣ мы остановились для отдыха и ночлега.

10. Въ одной мили—село Войтовцы, три мили дальше мѣстечко Тетіевъ, гдѣ мы отдыхали и ночевали.

11. Въ трехъ миляхъ отъ Тетіева мѣстечко Ставище, тамъ устроенъ былъ отдыхъ и ночлегъ.

12. Въ двухъ миляхъ отъ Ставищъ урочище Колодежа, называемое иначе Налевайкова Крыница; въ двухъ миляхъ отсюда мѣстечко Косовата—здѣсь мы остановялись на отдыхъ и ночлегъ.

13. Въ четырехъ миляхъ отъ ночлега—мѣстечко Стеблевъ на рѣкѣ Роси, оно принадлежитъ къ корсунскому староству; мы остановились для отдыха и ночлега.

14. Отправившись послѣ обѣда изъ Стеблева, мы, проѣхавъ одну милю, достигли къ ночи города Корсуня, староства, принадлежащаго его милости пану хорунжему коронному; здѣсь мы прожили нѣсколько дней. Во время этой остановки запорожскіе козаки чигиринскаго полка принесли жалобу его милости пану гетману на своего полковника [1]), пана Закржовскаго, о томъ, что они терпятъ отъ него большія обиды и притѣсненія, которыми нарушаются права ихъ рыцарскаго сословія. Когда дѣло это разъяснилось передъ судомъ гетмана и передъ всѣми нами, полковникъ былъ отставленъ отъ должности, но не подвергся болѣе

[1]) По распоряженію Конецпольскаго съ 1638 года всѣ козацкіе полки состояли подъ управленіемъ полковниковъ не выборныхъ, а назначаемыхъ гетманомъ изъ числа польскихъ шляхтичей.

тяжелому наказанію изъ вниманія къ великимъ заслугамъ, которыми онъ раньше отличился. На его мѣсто его милость назначилъ чигиринскимъ полковникомъ пана Кречовскаго.

18. Пріѣхалъ посолъ отъ силистрійскаго паши по нѣкоторымъ дѣламъ къ его милости; на слѣдующій день ему назначена была аудіенція и онъ былъ отправленъ; того-же числа и мы выѣхали изъ Корсуня; проѣхавъ двѣ мили, ночевали въ Осетровѣ, называемомъ иначе Сахновкою; поселеніе это расположено на берегу Роси у Сахнова моста.

20. Въ одной мили отъ ночлега мы отдыхали въ мѣстечкѣ Березковцахъ, называемомъ также Вольскаго Воля, лежащемъ на рѣкѣ Роси; корсунскій полковникъ, панъ Забокрицкій, котораго резиденція здѣсь находится, угощалъ насъ весьма радушно. Мы ночевали въ двухъ миляхъ дальше, въ мѣстечкѣ Мліевѣ, гдѣ мы провели и весь слѣдующій день.

22. Мы проѣхали мѣстечко Орловецъ, лежащее въ двухъ миляхъ отъ ночлега, затѣмъ, проѣхавъ еще двѣ мили, мы отдыхали въ мѣстечкѣ, называемомъ Баклый. Послѣ обѣда мы проѣзжали лежащее въ двухъ миляхъ отъ Баклыя, на рѣкѣ Серебрянкѣ, мѣстечко-слободу Константиновъ и въ одной мили отъ него мы остановились на ночлегъ въ мѣстечкѣ Тасьминѣ, которое недавно основалъ на рѣкѣ того-же имени, въ качествѣ слободы, его милость (Конецпольскій); здѣсь устроенъ громадныхъ размѣровъ прудъ, разливающійся на пространствѣ двухъ миль.

23. Проѣхавъ три большія мили по татарскому шляху среди дикой и пустынной мѣстности, мы достигли мѣстечка Жаботына, расположеннаго на рѣчкѣ Жаботинкѣ; здѣсь остановились для отдыха и ночлега.

24. Проѣхавъ двѣ большія мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ Медвѣдовкѣ, послѣдней слободѣ, принадлежащей его милости въ этой области.

27. Въ полу мили отъ ночлега мы проѣзжали длинные мосты, построенные на болотахъ, которыя на весьма большомъ пространствѣ простираются здѣсь рядомъ съ русломъ рѣки Тасьмина; пробѣжавъ въ этотъ день пять миль, мы ночевали въ мѣстечкѣ Черкасахъ, расположонномъ на берегу Днѣпра. Здѣсь живетъ козацкій черкасскій полковникъ.

28. Переправившись послѣ обѣда черезъ Днѣпръ и проѣхавъ три мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ, называемомъ Арклый, при-

надлежащемъ къ черкасскому старосту; здѣсь ночью выпалъ первый снѣгъ весьма обильный.

29. Въ пяти миляхъ оттуда мы ночевали въ мѣстечкѣ Горошинѣ, лежащемъ на берегу рѣки Сулы, владѣніи его милости князя Ереміи Вишневецкаго. Его милость панъ гетманъ, по причинѣ глубокаго снѣга и холоднаго вѣтра, остановился на ночлегъ въ трехъ миляхъ отъ Арклыя въ мѣстечкѣ князя Вишневецкаго —Боромлѣ.

30. Проѣхавъ большихъ шесть миль по дикимъ полямъ, мы ночевали въ городѣ Хоролѣ, владѣніи князя Вишневецкаго, расположенномъ на рѣкѣ Хоролѣ.

31. Проѣхавъ четыре большія мили, мы поспѣли къ обѣду въ городъ Миргородъ, лежащій на рѣкѣ Хоролѣ и состоящій въ державѣ [1]) его милости (Конецпольскаго). Здѣсь мы прожили 12 дней.

Ноября 13. Выѣхавъ послѣ обѣда изъ Миргорода, мы ночевали въ четырехъ миляхъ отъ него въ мѣстечкѣ Рашавкѣ, на рѣкѣ Пслѣ, владѣніи его милости (Конецпольскаго).

14. Въ двухъ миляхъ дальше мы ночевали въ Гадячѣ, состоящемъ въ державѣ и подъ управленіемъ его милости. Здѣсь мы провели и слѣдующій день.

16. Проѣхавъ двѣ мили, мы миновали село Березовую Луку на рѣкѣ Хоролѣ, и въ двухъ миляхъ отъ него остановились для отдыха и ночлега въ мѣстечкѣ Бискахъ.

17. Проѣхавъ двѣ мили, мы пріѣхали къ обѣду въ городъ Лохвицу, расположенный между рѣками Лохвицею и Сулою, въ которомъ въ то время находилась резиденція его милости князя Вишневецкаго; онъ выѣхалъ на встрѣчу пану гетману и пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ. Мы прогостили у него слѣдующій день.

19. Въ трехъ миляхъ отъ Лохвицы, мы ночевали въ мѣстечкѣ Чернухахъ, въ домѣ пана Мясковскаго.

20. Ночевали въ четырехъ миляхъ отъ Чернухъ въ мѣстечкѣ Пирятинѣ.

21. Въ полумили отъ Пирятина мы переправились черезъ рѣку Оржицу и, проѣхавъ еще $2^1/_2$ мили, ночевали въ мѣстечкѣ Чумхакѣ, принадлежащемъ его милости (Конецпольскому).

---

[1]) „Державою" называлось государственное имѣніе, отданное частному лицу въ пожизненное владѣніе, съ обязанностью уплачивать въ казну отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ дохода.

22. Въ двухъ миляхъ отъ Чумхака мы отдыхали въ селѣ Ташани и затѣмъ проѣхавъ еще 4 мили, мы прибыли въ городъ Переяславль, староство его милости, гдѣ прожили болѣе недѣли по причинѣ дѣлъ его милости.

Декабря 3. Послѣ того какъ его милость покончилъ дѣла, ради которыхъ пріѣхалъ въ Переяславль, мы двинулись въ дальнѣйшій путь и, проѣхавъ одну милю ночевали въ Трехтымировѣ. Нѣкогда здѣсь было мѣстечко, но оно разрушено нашими войсками во время войны съ своевольными козаками, возстававшими многократно противъ рѣчи посполитой, такъ какъ во время бунтовъ Трехтымировъ составлялъ центръ для ихъ сборищъ. Теперь здѣсь осталось лишь небольшое сельце, расположенное вдоль самаго берега Днѣпра и крѣпостца, обнесенная полисадами, въ которой живетъ коммисаръ рѣчи посполитой, назначенный, послѣ усмиренія козацкаго своеволія, начальникомъ реестровыхъ козаковъ, оставшихся въ послушаніи рѣчи посполитой; обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы сдерживать реестровыхъ козаковъ военною дисциплиною, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зорко слѣдить за тѣми, которые покушались бы вчинать какія либо своеволія и бунты. Здѣсь мы провели слѣдующій день.

5. Проѣхавъ пять большихъ миль по великой степи, мы ночевали въ мѣстечкѣ Каралыкѣ, расположенномъ на рѣкѣ того же имени.

6. Въ трехъ миляхъ отъ Каралыка мы отдыхали въ мѣстечкѣ Ольшанкѣ и ночевали въ одной мили дальше въ Рокитной.

7. Изъ Рокитной четыре мили до города и староства, Бѣлой Церкви, гдѣ мы ночевали. Такъ какъ здѣсь тогда квартировала хоругвь его милости пана краковскаго [1]), то всѣ товарищи съ челядью выѣхали на встрѣчу его милости. Мы провели здѣсь слѣдующій день.

---

[1]) Панъ краковскій есть тотъ же Конецпольскій, соединявшій должности: гетмана и кастеляна краковскаго; по установившемуся обыкновенію, въ титулѣ слово „кастелянъ“ обыкновенно опускалось въ неоффиціяльной рѣчи. Хоругвью назывался отрядъ конницы, состоявшій изъ 20—25 „товарищей“, т. е. дворянъ, записавшихся на службу и получавшихъ жалованіе, въ счетъ котораго товарищи обязаны были содержать каждый 3 солдата, не дворянъ, такъ называемыхъ „шереговыхъ“ или „челядь“, которые входили вмѣстѣ съ товарищами въ строй хоругви. Если хоругвь получала жалованье не отъ правительства, а отъ частнаго лица, то носила имя этого лица, какъ и въ данномъ случаѣ.

9. Мы проѣхали три мили въ мѣстечко Ружинъ и затѣмъ еще двѣ мили въ Билиловку.

10. Въ трехъ миляхъ отъ Билиловки мы проѣзжали мѣстечка Губинъ и Збаражъ, расположенныя на двухъ противуположныхъ берегахъ одного пруда; затѣмъ, проѣхавъ еще три мили, мы ночевали въ городѣ Прилукѣ.

11. Въ трехъ миляхъ отъ Прилуки мы отдыхали въ городѣ и староствѣ Винницѣ.

12. Проѣхавъ три мили, встрѣтили мѣстечко Браиловъ, а затѣмъ еще въ одной мили—мѣстечко Межировъ, въ которомъ ночевали.

13. Отсюда, проѣхавъ три мили, мы къ обѣду достигли Бара; въ путешествіи этомъ мы провели цѣлыхъ 12 недѣль.

1644 г.

Начало года занято подробнымъ описаніемъ похода Конецпольскаго противъ Татаръ и отчетомъ о сраженіи съ ними у Охматова.—Эту часть дневника выписываемъ цѣликомъ [1]).

Января 17. Его милость панъ краковскій давно уже получалъ многочисленныя предостереженія и достовѣрныя извѣстія какъ отъ господаря волошскаго, такъ и отъ своихъ лазутчиковъ о томъ, что татарскій ханъ готовится ворваться изъ Крыма въ государство короля его милости; потому онъ разослалъ приказанія хоругвямъ, квартировавшимъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, чтобы они передвинулись въ Украину на указанныя мѣста. Самъ гетманъ двинулся изъ Бара въ сопровожденіи своего двора и тѣхъ ихъ милостей, которыхъ полученныя извѣстія заставили вооружиться на услугу рѣчи посполитой. Ночевалъ гетманъ въ Межировѣ.

18. Мы ночевали въ Винницѣ, куда пріѣхалъ панъ Кутновскій, драгоманъ и интимный секретарь господаря волошскаго; онъ въ 24 часа совершилъ путь изъ Яссъ, чтобы сообщить вновь предостереженіе о томъ, что враги совершенно готовы къ походу.

19. Мы ночевали въ Комаровѣ у паніи Кропивницкой, жены брацлавскаго подсудка.

20. Проѣхавъ четыре большія, украинскія мили, мы ноче-

---

[1]) Стр. рукописи 485—523.

вали въ мѣстечкѣ Илинцахъ у князя Корецкаго, гдѣ насъ очень радушно принималъ его слуга, панъ Стоковскій.

21. Также радушно угощалъ насъ въ Кальникѣ (въ 2 миляхъ отъ Илинецъ) панъ Сосинскій. Здѣсь мы промедлили два дня, ожидая болѣе точныхъ извѣстій.

23. Въ двухъ миляхъ отъ Кальника мы прошли мѣстечко Балабановку и въ одной мили отъ него остановились въ мѣстечкѣ Княжа Крыница, принадлежащемъ князю Федору Четвертинскому. Не успѣли мы еще расположиться, какъ получено было извѣстіе (впрочемъ не достовѣрное) о приближеніи непріятеля; потому, не медля, мы двинулись впередъ и, пройдя двѣ мили, миновали мѣстечко Ваховую Греблю и полъ мили дальше мѣстечко Жубриху, лежащее на рѣкѣ Тыкичѣ; затѣмъ, пройдя еще полъ мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ Бузовкѣ, имѣніи его милости князя Доминика (Заславскаго).

24. Въ Бузовкѣ панъ краковскій прожилъ нѣсколько дней, расположивъ вблизи все войско. Панъ Голдаковскій, одинъ изъ управляющихъ украинными помѣстьями, прислалъ въ лагерь двухъ крымскихъ татаръ. Одинъ изъ нихъ—Мегметъ-Скирту, родомъ изъ окрестностей Перекопа, уже три года тому назадъ вышелъ изъ Крыма и находился на службѣ въ Очаковѣ у Мустафы-Кіяи; другой Куляй, родомъ изъ села Мангута, оставилъ Крымъ пять лѣтъ тому назадъ и служилъ также въ Очаковѣ у Шабанъ-аги. Они показали, что они пойманы на рѣкѣ Телигулѣ, куда ходили добывать дрова. Они слышали, будто большой отрядъ крымскихъ татаръ выступилъ изъ Крыма подъ начальствомъ перекопскаго бея, который разгнѣванъ сильно тѣмъ, что у него угнали 4,000 лошадей; но они будто возвратились назадъ. Они сообщили также, что татарамъ бѣлгородскимъ и очаковскимъ запрещено подъ угрозою смертной казни выходить въ походъ и потому они вовсе и не собираются. Относительно буджацкихъ татаръ они ничего не знали: ни объ ихъ числѣ, ни о томъ, переправилась ли часть ихъ на нашу сторону (Днѣстра).

Того же дня панъ коммисаръ войска запорожскаго прислалъ въ лагерь также пойманнаго татарина—Мехомета, родомъ изъ Сулнака, котораго поймали на Ирклеѣ; четыре недѣли тому назадъ онъ поступилъ на службу къ повару султана Нуредина; по словамъ его, онъ ходилъ съ товарищемъ добывать дрова вблизи своего отряда; отрядъ Нуредина состоялъ только изъ 150 всадниковъ, все-же остальное войско отправилось въ Польшу;

онъ не знаетъ количества татаръ, вышедшихъ изъ Крыма, но утверждаетъ, что они увели съ собою всѣхъ лучшихъ лошадей и кобылицъ въ походъ, ибо получили приказъ выступать поголовно. Начальниками похода состоятъ: Тугай-мурза—бей перекопскій и Темиръ-ага, казначей султана Нуредина; калаузомъ всего войска (т. е. проводникомъ) назначенъ Гумеръ-ага, такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ мѣстнотью этой страны. Войско отправилось по приказанію хана; Перекопскій бей имѣетъ намѣреніе, въ случаѣ, если Днѣпръ покрытъ льдомъ, переправиться на сю сторону, въ противномъ же случаѣ сдѣлать набѣгъ на той сторонѣ.

26. Во вторникъ панъ краковскій получилъ извѣстіе въ Бузовкѣ о приближеніи татаръ; для предостереженія войска онъ приказалъ выстрѣлить изъ пушки; но такъ какъ извѣстіе не было вполнѣ достовѣрно, то войско въ этотъ день не тронулось изъ своихъ квартиръ; оно выступило въ походъ только ночью съ вторника на среду. Пройдя четыре мили по страшному холоду, мы на разсвѣтѣ остановились въ мѣстечкѣ Ставищахъ, ожидая болѣе точныхъ извѣстій. О полученіи таковыхъ, равно какъ и о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ будетъ сообщено ниже подробно, при описаніи сраженія съ татарами.

30. Послѣ долгаго ожиданія, наконецъ мы дождались прихода татаръ и съ Божьею помощью одержали надъ ними побѣду. Подробности ея изложены въ слѣдующей запискѣ:

Подлинная записка о побѣдѣ, одержанной кастелляномъ краковскимъ, гетманомъ великимъ коронньмъ 30 января подъ Ахматовымъ и Вороннымъ надъ войскомъ татарскимъ, бывшимъ подъ начальствомъ Тугай-бея перекопскаго и Муфтаза-аги.

Гетманъ получилъ увѣдомленіе отъ своего слуги, котораго онъ посылалъ къ хану требовать удовлетворенія за набѣгъ татарскій, совершенный на заднѣпровіи въ прошломъ году, о томъ, что ханъ имѣетъ враждебныя намѣренія противъ державы его королевской милости и что онъ собирается двинуться въ походъ лично, не выжидая обычнаго времени года и не обращая вниманія на строгій запретъ, полученный изъ Царьграда, немедленно послѣ бейрама, который приходился 8 декабря. Гетманъ отправилъ изъ лагеря къ Днѣпру часть войска подъ начальствомъ князя Вишневецкаго, поручивъ ему зорко слѣдить за движеніями непріятеля на обоихъ берегахъ Днѣпра. Другую часть войска, расположенную въ брацлавскомъ воеводствѣ, онъ поручилъ, по

причинѣ болѣзни воеводы брацлавскаго, гетмана польнаго короннаго, пану старостѣ винницкому, поручивъ ему наблюденіе надъ шляхами: Кучманомъ и Чорнымъ. Затѣмъ гетманъ довелъ до свѣдѣнія короля о предстоящей опасности и оповѣстилъ все войско приказомъ, чтобы оно было на готовѣ къ походу и чтобы товарищи не отлучались отъ своихъ хоругвей, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ публиковалъ универсалы въ гродскихъ урядахъ, предостерегая жителей объ опасности и совѣтуя имъ вести себя предъусмотрительно и осторожно; затѣмъ отправлены были письма къ тѣмъ панамъ, которые обыкновенно доставляли свои милиціи въ помощь королевскому войску, приглашая ихъ принять участіе въ предстоящей кампаніи. Когда стали приходить новыя извѣстія какъ отъ лазутчиковъ, такъ и изъ Запорожья отъ бѣглыхъ плѣнныхъ о томъ, что татарскія войска уже двинулись въ походъ, отправлено было приказаніе къ хоругвямъ расположеннымъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, чтобы они къ 27 числу декабря прибыли въ Винницу. Пока собирались отряды войска и отдыхали послѣ поспѣшнаго перехода, 13 января лазутчики принесли извѣстіе о томъ, что ни ханъ, ни султанъ (Калга) не пойдутъ лично, но что они отправили въ походъ всю крымскую силу и даже ханскій дворъ (вовсе не оставивъ въ Крыму гарнизона), подъ начальствомъ Тугай-бея перекопскаго, Мустаза-Аги и Умерли-Аги, пользовавшихся въ Крыму репутаціею самыхъ храбрыхъ и дѣльныхъ воиновъ. Они уже 3 января заняли переправу черезъ Днѣпръ у Тавани. Ханъ уклонился отъ похода потому, какъ онъ утверждалъ, что онъ не могъ притянуть къ нему ногайцевъ ни Большой орды, прикочевавшей отъ Астрахани, ни Малой; ногайцы отказались отъ похода, утверждая, что они опасаются нападенія калмыковъ на свои кочевья и, по приказанію турецкаго султана, должны оберегать Азовъ; притомъ ханъ не желалъ отправляться въ походъ, чтобы явно не дѣйствовать вопреки запрету турецкаго султана, передъ которымъ онъ отправку войска представилъ въ такомъ видѣ, будто оно послано не для войны съ Польшею, а лишь для возврата стадъ, угнанныхъ козаками; кажется впрочемъ, что самая важная причина, заставившая хана и султана (Калгу) воздержаться отъ похода, заключалась въ томъ, что они не довѣряли себѣ и не желали подвергаться риску попасть въ безславіе и немилость турецкаго султана и предпочли поручить дѣло тѣмъ лицамъ, которыхъ почитали болѣе себя мужественными и распорядительными.

Итакъ татарскіе предводители направились, какъ выше было сказано, къ переправѣ у Тавани, но не нашли здѣсь возможности перейти на другой берегъ Днѣпра, ибо средина рѣки не замерзла, а ледъ держался широкою полосою только у береговъ. Они пытались однако переплыть рѣку, но дѣло кончилось лишь тѣмъ, что они искалѣчили множество лошадей, ибо, переплывъ русло, они не могли взобраться на ледъ, окаймлявшій противуположный берегъ.

Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ гонецъ отъ чигиринскаго полковника, находившагося въ то время вмѣстѣ съ полкомъ своимъ на Запорожьи, и присланы два плѣнные татара, захваченные Забускимъ, отправленнымъ для развѣдокъ изъ Запорожья. Всѣ они согласно показывали, что орда, не успѣвши переправиться въ Тавани, пыталась также тщетно искать переправы у Каиры и на Носаковскомъ перевозѣ и, наконецъ, двинулась вверхъ по Днѣпру къ Кучкасову.

Еще раньше полученія этихъ извѣстій, панъ гетманъ двинулся изъ Бара 17 января, въ сопровожденіи пана подчашія короннаго, начальниковъ артиллеріи: Арцишевскаго и Гродзицкаго, пановъ: Сѣраковскаго, Хоинскаго и многихъ другихъ, по большей части молодежи, возвратившейся недавно изъ службы военной за границею, и охотно предложившей свое участіе въ кампаніи для услуги его королевской милости. Узнавъ отъ лазутчиковъ, что непріятель намѣренъ ворваться Чернымъ шляхомъ, гетманъ назначилъ сборный пунктъ для войска у мѣстечекъ, расположенныхъ близко другъ отъ друга: Бузовки, Жубрихи, Зеленаго Рога и Вороннаго; собравшись въ этой мѣстности 23 января, войско съ нетерпѣніемъ ожидало появленія врага.—Другая часть войска, стоявшая у Днѣпра, подъ начальствомъ князя Вишневецкаго, сосредоточилась, по приказанію гетмана, въ имѣніи того-же князя—мѣстечкѣ Мошнахъ, откуда наблюдали оба берега Днѣпра; туда прибылъ панъ кастелянъ кіевскій (Александръ Пясечинскій) съ хоругвями, квартировавшими въ черниговскомъ воеводствѣ, и стянулъ свои полки панъ коммисаръ войска запорожскаго. Получивъ извѣстіе о томъ, что орду видѣли между лѣсомъ Болтысомъ и Лебединомъ, и полагая, что татаре пойдутъ по той дорогѣ, по которой ворвался было четыре года назадъ султанъ Калга подъ Корсунь, князь Вишневецкій передвинулся изъ Мошенъ въ Корсунь. Панъ гетманъ придвинулся также въ ту сторону, желая преградить путь татарамъ, и 27 янва-

ря, на разсвѣтѣ, пришелъ въ Ставища. Здѣсь получено было извѣстіе отъ князя Вишневецкаго и отъ пана коммисара войска запорожскаго о томъ, что къ нимъ пріѣхалъ сотникъ чигиринскаго полка, отправленный изъ Запорожья съ извѣстіемъ, что орда, выждавъ два дня въ Кучкасовѣ, пока ледъ не окрѣпъ, переправилась черезъ Днѣпръ; сотникъ на пути своемъ наткнулся на нее у верховьевъ Саксагани и на Ингульцѣ и чуть было не попалъ въ плѣнъ; онъ утверждалъ, что 23 января онъ видѣлъ лично, какъ орда направилась къ Ингулу. Гетманъ понялъ это движеніе, такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ топографіею той мѣстности, и остановился въ Ставищахъ, ожидая дальнѣйшихъ вѣстей о движеніи непріятеля. Вслѣдъ за тѣмъ получено извѣстіе отъ корсунскаго подстаросты, что орду видѣли за Лебединомъ на берегу рѣки Выси; сообщеніе это обрадовало всѣхъ насъ, выжидавшихъ съ нетерпѣніемъ непріятеля и опасавшихся, чтобы онъ не возвратился за Днѣпръ и не пошелъ по Муравской дорогѣ.

Въ теченіи двухъ дней разъѣзды наши ничего новаго не сообщали. Гетманъ послалъ приказъ князю Вишневецкому, чтобы онъ съ своимъ войскомъ шелъ по направленію къ Бояркѣ, затѣмъ 29 января онъ отправилъ для рекогносцировки королевскаго ротмистра, пана Шемберка, съ нѣсколькими десятками всадниковъ: волоховъ и (польскихъ) татаръ; съ ними отправился по приказанію черниговскаго воеводы (Мартина Калиновскаго) его слуга, панъ Суловскій, отлично знающій ту мѣстность и всѣ ея урочища. Отрядъ этотъ на Царскомъ Бродѣ, на рѣкѣ Тыкичѣ, встрѣтилъ бѣгущую стражу, которая сообщила о наступленіи орды. Панъ Шемберкъ послалъ извѣстіе объ этомъ гетману, но самъ остался въ полѣ, желая добиться болѣе точнаго указанія и, если возможно, возвратиться съ языкомъ [1]); дѣйствительно ожиданіе его не обмануло: ему удалось ночью подойти къ татарамъ и вблизи самого ихъ коша захватить двухъ языковъ; уже за полночь онъ доставилъ ихъ въ Ставища. Изъ разспросовъ языковъ мы получили достовѣрныя свѣдѣнія какъ о числѣ ихъ войска, такъ и о его начальникахъ, совершенно согласныя съ прежними извѣстіями. Гетманъ немедленно приказалъ готовиться войску, отправилъ два подъѣзда слѣдить за непріятелемъ, извѣ-

---

[1]) „Языкомъ“ называли перехваченнаго изъ непріятельскаго войска солдата, у котораго распрашивали о числѣ и движеніяхъ враговъ.

стилъ князя Вишневецкаго о томъ, чтобы онъ шелъ къ Ахматову, и самъ туда-же поспѣшно направился.

30 января, въ субботу, на разсвѣтѣ мы двинулись со Ставищъ; день былъ теплый, погода ясная и веселая смѣнила бывшіе до того сильные вѣтры и морозы, что сочтено было нашими хорошимъ предзнаменованіемъ. Войско выступило съ большою охотою, благодаря которой, среди поспѣшности похода, произвело смятеніе. Панъ гетманъ, давъ распоряженіе о порядкѣ распредѣленія войска и табора и поручивъ наблюденіе полковникамъ, самъ съ пріятелями и дворомъ своимъ отправился къ передовому отряду; на пути онъ послалъ слугу своего, пана Хмелецкаго, къ пану старостѣ винницкому (Одрживольскому), который, въ качествѣ старшаго полковника, управлялъ таборомъ, съ порученіемъ наблюдать за порядкомъ табора и построить въ боевой порядокъ охранявшія его хоругви, слишкомъ растянувшіяся по дорогѣ; исполняя это распоряженіе, винницкій староста приказалъ хоругвямъ стать въ строй впереди табора, но онѣ, предполагая, что непріятель уже показался, увлекаемыя излишнею охотою къ битвѣ и не понявъ приказанія и намѣреній гетмана, а также не ожидая окончательной команды, бросились впередъ съ большимъ крикомъ, сами не зная на кого. Гетманъ, находившійся въ передовомъ отрядѣ, услышавъ шумъ, остановился, стараясь разгадать его причину; когда мы увидѣли хоругви, мчавшіяся съ большимъ крикомъ, всѣ мы съ гетманомъ бросились къ нимъ, полагая, что враги напали съ боку. Узнавъ, что вся тревога произошла по ошибкѣ, гетманъ выразилъ порицаніе войску за его легкомысліе, но, не желая смущать солдатъ въ виду предстоящаго сраженія, похвалилъ ихъ отвагу, хотя и неумѣстную, и напомнилъ имъ, что впредь они должны вести себя осторожнѣе и не бросаться безъ гетманскаго приказанія. Затѣмъ онъ лично вновь построилъ войско и мы двинулись въ дальнѣйшій путь.

Когда мы прошли уже половину дороги въ Ахматовъ, прибѣжалъ гонецъ отъ пана Олдаковскаго, шедшаго впереди съ отрядомъ гетманскихъ людей, съ извѣстіемъ, что онъ уже имѣлъ стычку съ татарами и что орда подступаетъ къ Ахматову; вскорѣ потомъ п. Олдаковскій прислалъ татарскаго языка; который подтвердилъ это извѣстіе; онъ притомъ сообщилъ: что бей перекопскій также захватилъ языка, у котораго распрашивалъ о гетманѣ и его войскѣ; плѣнникъ сказалъ, что гетманъ располагаетъ двумя

войсками, услышавъ это, бей повѣсилъ носъ, но когда плѣнникъ сказалъ, что оба наши войска вмѣстѣ менѣе трети татарскаго, онъ развеселился; затѣмъ бей рѣшилъ остановиться на мѣстѣ, отдохнуть, хорошо покормить лошадей и на слѣдующій день на разсвѣтѣ ударить на насъ. Войско тѣмъ охотнѣе продолжало путь, но, когда мы уже подошли къ Ахматову, внезапно опустился густой туманъ, покрывшій насъ почти мракомъ ночнымъ; враги однако увидѣли наше войско, построенное въ таборѣ, и оно показалось имъ очень большимъ и грознымъ; впрочемъ этотъ таборъ столько-же смутилъ непріятеля, сколько и намъ причинилъ затрудненія, ибо когда войско прошло мѣстечко, частью въ обходъ полемъ, частью по льду и по крутизнамъ, таборъ и артиллерія должны были переправляться по плохой плотинѣ въ мѣстечкѣ, что заняло очень много времени. Наконецъ войско наше расположилось у Ахматова; въ тоже время кошъ татарскій расположился у Вороннаго, по ту сторону рѣчки Тыкича. По причинѣ тумана и трудной переправы нельзя было тотчасъ атаковать непріятеля, но пока артиллерія и таборъ переправлялись, всадники герцомъ (т. е. въ разсыпную, по одиночкѣ) сражались съ татарами, при чемъ много ихъ было убито и много взято въ плѣнъ.

Между тѣмъ гетманъ построилъ войско въ боевой порядокъ: чело онъ сдалъ въ управленіе пану старостѣ винницкому, на правомъ крылѣ помѣстилъ людей пана воеводы краковскаго (Станислава Любомирскаго), на лѣвомъ пана воеводы черниговскаго и князя Корецкаго, въ центрѣ расположилъ главный корпусъ арміи: свой полкъ гетманскій подъ начальствомъ хорунжія короннаго, полкъ польнаго гетмана (Николая Потоцкаго) подъ начальствомъ воеводича брацлавскаго (Казановскаго), и отряды: старосты каменецкаго и старосты снятинскаго; всѣ они добивались мѣста впереди, въ чемъ и не получили-бы отказа, если бы не предстояла необходимость образовать резервъ, къ которому присоединены были также отряды: князя конюшія короннаго, старосты калускаго и пановъ Немиричей. Часть артилеріи, подъ начальствомъ пана Гродзицкаго поставлена на правомъ крылѣ, впереди ея пѣхота подъ начальствомъ королевскаго капитана Кохана, а позади половина табора подъ начальствомъ п. Волинскаго; бокъ табора прикрывалъ полкъ драгунъ, подъ начальствомъ Денгоффа; на лѣвомъ крылѣ точно также расположена была артилерія, пѣхота и другая половина табора, подъ начальствомъ п. Бржухан-

скаго, прикрывали-же ее отряды п. Гродзицкаго и другихъ. Наконецъ сзади строй былъ замкнутъ 500 гетманскихъ драгунъ и четырьмя сотнями козаковъ, съ пушками на краяхъ линіи.

Между тѣмъ непріятели, горя нетерпѣніемъ узнать наше расположеніе, переправились черезъ рѣчку и напали на охотниковъ, которые, не смотря на запретъ, выскакивали къ нимъ изъ рядовъ; они должны были отступить передъ татарами; на выручку имъ гетманъ послалъ свой полкъ подъ начальствомъ старосты винницкаго, который быстро прогналъ татаръ съ большимъ урономъ; за послѣдними ихъ отрядами ротмистры королевскіе Ковальскій и Вѣтровскій, съ своими хоругвями, гнались до самаго коша и безъ значительной потери возвратились назадъ.

Въ это время сталъ подыматься закрывавшій насъ туманъ, какъ-бы по Божьему изволенію; рѣшено было двинуть все войско въ аттаку; но въ ту минуту прибѣжалъ къ гетману королевскій ротмистръ п. Маркъ Гдешинскій, посланный отъ кастелляна кіевскаго, князя Вишневецкаго, и отъ коммисара войска запорожскаго, съ просьбою подождать ихъ прибытія и назначить мѣсто въ строю для ихъ отрядовъ. Когда туманъ нѣсколько разсѣялся, они увидѣли нашъ таборъ, но не узнали его, и, полагая, что наткнулись на непріятельское войско, обнажили оружіе и съ большимъ крикомъ бросились къ табору. Услышавъ крикъ и полагая въ свою очередь, что приближаются татаре, обогнувъ наше войско и очутившись позади его, мы стали обращать хоругви назадъ, и начальникъ артиллеріи, панъ Гродзицкій, приказалъ на нихъ направить пушки. Только приблизившись къ табору, они узнали насъ, и наши также, услышавъ звукъ трубъ и бубновъ, сообразили, что приближается другая половина нашего-же войска подъ начальствомъ князя Вишневецкаго; гетманъ, не имѣя времени подробно заняться распредѣленіемъ вновь прибывшихъ отрядовъ, помѣстилъ всѣ на лѣвомъ крылѣ. Въ то-же время прибыли также съ противоположной стороны гетманскіе люди изъ Мліева и другой отрядъ, подъ начальствомъ пана Калискаго, съ береговъ Днѣстра.

Послѣ привѣтствій, гетманъ, не желая долго оттягивать сраженія, двинулъ войско къ переправѣ; заставши здѣсь часть непріятельской конницы, онъ приказалъ немедленно аттаковать ее пану Чарнецкому, поручику хоругви краковскаго воеводы, пославъ подъ его командою нѣсколько хоругвей гусаръ безъ копій;

они напали на татаръ съ такимъ азартомъ, что разсѣяли ихъ, не дозволивъ даже опомниться.

Не менѣе храбро двинулись на лѣвомъ крылѣ кіевскій кастеллянъ и князь Вишневецкій; но такъ какъ переправа была тѣсна, то первоначальный строй они должны были видоизмѣнить и панъ воевода черниговскій перешелъ съ лѣваго крыла на правое. Лишь только переправились, они двинулись столь стремительно на врага, что онъ не устоялъ; собственно сражались только тѣ изъ нашихъ, которые имѣли болѣе быстрыхъ коней. Задніе отряды бѣжали быстро въ слѣдъ за передними, оставивъ позади таборъ, двигавшійся въ большомъ порядкѣ, къ которому примкнулъ также таборъ козацкій; они съ завистью взирали на участіе переднихъ рядовъ въ сраженіи. Непріятель оказалъ весьма слабое сопротивленіе и почти сразу обратился въ бѣгство; войско наше преслѣдовало его на протяженіи нѣсколькихъ миль, устилая трупами поле и угоняя многихъ въ плѣнъ; многіе татаре, побросавъ все, даже лошадей, бѣжали пѣшкомъ въ лѣсъ; остальные спаслись, благодаря только темнотѣ наступившей ночи.

Съ перваго взгляда видно было, что главная причина слабости татаръ состояла въ томъ, что лошади ихъ были крайне изнурены; плѣнники разсказывали, что они шли въ теченіи 45 дней по выгорѣвшей степи и притомъ во время сильнѣйшихъ морозовъ; лошади ихъ до того ослабѣли, что, если-бы оставалось еще хотя два часа дня, ни одинъ человѣкъ не спасся-бы бѣгствомъ. Въ погоню за разбитыми врагами отправленъ панъ коммисаръ войска запорожскаго съ отрядомъ въ 5,000 человѣкъ, чтобы преслѣдовать и уничтожить остатки орды по мѣрѣ возможности. Но татаре переправились черезъ Синюю Воду (здѣсь множество ихъ погибло, ибо ледъ обломался подъ передними рядами, которые потонули; задніе-же переправились по ихъ трупамъ какъ по плотинѣ) и въ степи раздѣлились на три отряда: одинъ направился къ Днѣпру, другой къ Очакову, третій въ буджацкія степи; наши, утомивши своихъ лошадей, не могли гнаться за ними, такъ какъ они не знали, который отрядъ нужно было преслѣдовать.

Трудно разсчитать, сколько татаръ убито было въ битвѣ; тѣхъ, которые пали въ началѣ сраженія, сами татаре снесли въ мельницу и въ нѣсколько домовъ и сожгли; тѣхъ-же, которые погибли во время погони, считать было затруднительно. Плѣнныхъ

было множество какъ у гетмана, такъ и у всѣхъ пановъ, имѣвшихъ свои отряды; ихъ ни у кого не отымали. Гетманъ могъ-бы уничтожить всю орду, если-бы дозволилъ ей пройти далѣе внутрь страны и распустить загоны; въ такомъ случаѣ онъ могъ легко уничтожить кошъ и затѣмъ по одиночкѣ истреблять загоны, но онъ предпочелъ охранить гражданъ отъ разоренія и прогнать врага отъ самаго рубежа государства, чѣмъ приготовить для него худшую гибель. Впрочемъ и постигшее ихъ пораженіе достаточно чувствительно, за что воздадимъ хвалу Господу, оказавшему покровительство нашему оружію. Не оправдалась польская поговорка, что трудно поразить татарина у входа въ государство—легко-же у выхода, когда онъ обремененъ добычею; теперь случилось наоборотъ: побѣда была одержана, по милости Божьей, храбростью королевскаго войска не внутри государства, а на самомъ его порогѣ.

Татаре плѣнные на допросахъ показали слѣдующія подробности. Самъ ханъ и султанъ Калга имѣли первоначально намѣреніе отправиться въ походъ, но потомъ, изъ опасенія турецкаго султана, остались въ Крыму; они призвали къ оружью всѣхъ татаръ, которые собирались въ походъ весьма охотно; такъ какъ въ то время года лошади ихъ не находились дома, а въ стадахъ, то они должны были первоначально отправиться пѣшкомъ къ стадамъ, везя съ собою сѣдла на возахъ. Состояли татаре подъ начальствомъ лучшихъ крымскихъ вождей: Тугай бея перекопскаго, Муртазы-аги и Гумеръ-аги, который служилъ калаузомъ (проводникомъ) всего войска, какъ человѣкъ, знающій отлично географическое расположеніе нашихъ областей. Когда орда достигла Жолтыхъ Водъ, начальники пересмотрѣли войско, и всѣхъ тѣхъ, у кого не было хорошихъ лошадей и вооруженія, отправили обратно въ Крымъ, оставивши лишь 20,000 отборной конницы. Начальники татарскіе имѣли слѣдующія инструкціи отъ хана: 1) не подходить къ Бѣлгороду (Аккерману), изъ опасенія, чтобы многіе татаре не сбѣжали въ ту область изъ за нежеланія возвращаться въ Крымъ; гдѣ тогда свирѣпствовалъ голодъ; 2) избѣгать сраженія съ польскимъ войскомъ и ограничиться лишь такимъ количествомъ добычи, которая могла-бы вознаградить татаръ за тѣ стада, которыя недавно угнали у нихъ запорожскіе козаки, и, получивъ это удовлетвореніе, немедленно возвращаться домой. Въ походѣ принимали участіе многіе мурзы и другія знатныя лица, а именно: Ахметъ-мурза, командовавшій

отрядомъ въ 2000 людей, Темиръ-Ага, казначей султана Нуредина Ибасъ-Азуликъ, братъ хана, Ширинъ-мурза и пять его братьевъ Инджуитъ-мурза и семь его братьевъ, 10 родныхъ братьевъ Джантимиръ-бега, братъ Мехметъ-аги—Шаколы-мурза съ шестью родственниками, Чельзуитъ-мурза съ семью братьями и много другихъ мурзъ, наконецъ, весь дворъ хана.—Изъ малой ногайской орды было 800 человѣкъ; это тѣ ногайцы, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ бѣжали подъ предводительствомъ одного мурзы въ крымскіе предѣлы, въ то время, когда ихъ орда подчинилась московскому правительству. Изъ буджацкой орды было 300 человѣкъ, которые пришли позже всѣхъ.

Тѣ же плѣнные татаре разсказали, что, послѣ выхода изъ Крыма, они въ теченіи двухъ мѣсяцевъ находились въ походѣ, и бейрамъ праздновали на пути; черезъ Днѣпръ они переправились въ Кучкасовѣ. За сутки до сраженія они знали о приближеніи нашего гетмана съ войскомъ, но рѣшились дать битву и не отступать, не испробовавши силъ; потому они и не отпускали въ сторону загоновъ. Однако въ самый день сраженія они его не ожидали, но имѣли намѣреніе этотъ день посвятить отдыху, и только на слѣдующее утро атаковать нашу армію, вопреки вышеприведенной ханской инструкціи. Наконецъ они показали, что въ первой стычкѣ съ герцовниками участвовало только 500 татаръ, но во второй стычкѣ, у мельницы, сражался отрядъ въ 6000 человѣкъ.

Затѣмъ въ рукописи слѣдуетъ подробный перечень польскаго войска и приводятся цифры солдатъ, бывшихъ въ каждомъ отрядѣ, и имена знатныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ. Сумма всего польскаго войска достигала цифры 19,130 человѣкъ при 22 пушкахъ; въ томъ числѣ „войска запорожскаго“ 4,000 человѣкъ и польской стражи при коммисарѣ и полковникахъ козацкихъ 650 человѣкъ. Изъ числа контингентовъ, доставленныхъ частными лицами, самый многочисленный—3,000 человѣкъ, принадлежалъ князю Еремiѣ Вишневецкому.

Февраля 6. Одержавъ вышеописанную счастливую побѣду надъ татарами, мы возвратились въ Баръ.

Остальная часть дневника за 1644 годъ посвящена Освѣцимомъ описанію его поѣздокъ съ гетманомъ изъ Бара въ Броды, изъ Бродовъ въ Краковъ, по случаю церемоніи погребенія королевы, и въ отпускъ домой, въ краковское воеводство, по личнымъ дѣламъ.

1645 годъ занятъ описаніемъ поѣздки вмѣстѣ съ Конецпольскимъ на сеймъ въ Варшаву и, затѣмъ, поѣздки въ Парижъ, куда Освѣцимъ ѣздилъ съ порученіями отъ короля, по случаю сватовства и вторичнаго королевскаго брака.

1646 г.

Января 20 [1]). Въ это время татаре, собравшіеся въ походъ еще въ концѣ осени, не находя возможности ворваться въ предѣлы нашего государства, вслѣдствіе готовности къ отпору нашего войска, направились во владѣнія московскія, гдѣ произвели значительныя опустошенія. Гетманъ польный, воевода брацлавскій (Николай Потоцкій), опасаясь, чтобы они на обратномъ пути не опустошили заднѣпровской Украины, расположилъ коронное войско на перепутьи, на муравской дорогѣ; но намѣреніе его не увѣнчалось успѣхомъ по причинѣ сильныхъ морозовъ, вслѣдствіе которыхъ войско его понесло чувствительныя потери, что явствуетъ изъ слѣдующаго письма, писаннаго имъ къ краковскому кастелляну (гетману Конецпольскому) изъ Ахтырки 19 января.

„Я доносилъ вашей милости нѣсколько разъ въ теченіи моего похода объ извѣстіяхъ, которыя я получалъ о движеніи непріятелей, теперь-же вкратцѣ сообщу о результатѣ нашихъ трудовъ. Лишь только небо дозволило мнѣ переправиться черезъ Днѣпръ, я сталъ наблюдать за движеніями врага, угрожавшаго въ равной мѣрѣ какъ московскимъ, такъ и нашимъ границамъ, и ускорилъ свой походъ, сообразуясь съ полученными извѣстіями и желая вмѣстѣ и охранить границы государства, и пріобрѣсти добрую славу, пользуясь воодушевленіемъ войска и тѣхъ ихъ милостей, которыя въ большомъ количествѣ поспѣшили на услугу Рѣчи Посполитой. На пути я получилъ извѣстіе, что враги ворвались въ московскіе предѣлы и уже въ теченіи трехъ недѣль опустошаютъ окрестности Путивля, Бѣльска (Бѣлгорода?), Курска и комаринскую волость. Опасаясь, чтобы, въ случаѣ неудачи въ московскомъ государствѣ, они не вздумали поживиться на нашъ счетъ, я направился на муравскую дорогу и сталъ зорко наблюдать, ожидая обратнаго ихъ шествія. Когда московскія власти извѣстили меня объ отступленіи татаръ, я двинулся изъ Ахтырки на Мерлу, желая перехватить ихъ у Рогозянки; но, когда я сталъ помышлять о движеніи изъ Мерла на муравскую дорогу, случился столь сильный морозъ и пошли такіе холода, что не было никакой возможности тронуться съ мѣста; между тѣмъ татаре прошли мимо нашей стоянки въ 2½ миляхъ. Множество людей и лошадей погибло отъ мороза, такъ что всѣ почти наши люди пострадали

---

[1]) Стр. рукописи 825—828.

отъ неблагопріятнаго климата. Испытавъ такое нерасположеніе неба, я долженъ былъ съ большимъ горемъ, простоявъ безъ воды два дня на Мерлѣ, отступить назадъ и распредѣлить войска на зимнія квартиры, принявъ мѣры, чтобы отряды шли въ порядкѣ, не притѣсняя жителей. На сколько могу сообразить, бѣдствіе, постигшее московскія области, было предназначено свыше, ибо Господь и ихъ лишилъ храбрости, вслѣдствіе чего они не сразились съ врагомъ, хотя хвалились многочисленнымъ войскомъ, и намъ не дозволилъ оказать имъ помощи; когда ко мнѣ пріѣзжали ихъ гонцы съ извѣщеніями, я спрашивалъ ихъ, почему они не отражаютъ татаръ; они указывали, какъ на единственную причину, на отсутствіе распорядительности. Орда вышла изъ московскихъ предѣловъ обремененная добычею; полагаю однако, что мало ею воспользуется, ибо лошади ихъ сильно падали, и много плѣнниковъ погибло отъ морозовъ; татаре угоняли въ плѣнъ людей, скота-же вовсе не трогали, и его слѣдовъ не замѣчено было на пути, куда они проходили. Захваченные татарскіе языки передавали, что они вовсе не ожидали непріязненныхъ дѣйствій со стороны нашего войска, ибо ханъ, отправляя ихъ въ походъ, обезпечилъ ихъ въ этомъ отношеніи, называя короля своимъ братомъ и воспретивъ имъ касаться малѣйше нашихъ границъ. По словамъ того-же языка, татаръ было въ походѣ 30,000. Наше войско было очень храбро настроено и многочисленно, какъ это видно изъ справки, которую прилагаю при семъ для свѣдѣнія вашей милости, съ поименованіемъ лицъ, по охотѣ присоединившихся къ войску. Что-же дѣлать, если Господу неугодно было предать въ наши руки враговъ! Въ числѣ другихъ отличился готовностью къ военной службѣ панъ хорунжій коронный (Александръ Конецпольскій, сынъ гетмана), принявшій охотно на себя значительную долю моихъ трудовъ среди столь тяжелой стужи; надѣюсь что онъ будетъ и впредь процвѣтать на славу своего рода и въ утѣшеніе вашей милости. Описавъ чистосердечно наши бѣдствія, утѣшаюсь лишь тѣмъ, что враги не причинили никакого вреда государству короля его милости и уразумѣли, что королевское войско всегда готово отразить ихъ нападеніе; они будутъ помнить храбрость нашего войска, находившагося въ пустынѣ и, если прежде опасались испытаннаго королевскаго счастія и извѣстной распорядительности вашей милости, то впредь еще больше будутъ бояться, увѣрившись, что королевское войско оберегаетъ границы даже на муравской дорогѣ.—Кромѣ языковъ, о которыхъ я сообщилъ, во-

лохи князя Вишневецкаго поймали одного черкеса и 10 татаръ, посланныхъ съ грамотою султана Нуредина къ царю московскому; содержаніе грамоты состоитъ въ томъ, что султанъ требуетъ дани за 10 лѣтъ и угрожаетъ, въ случаѣ неполученія ея, вновь предпринять набѣгъ черезъ 40 дней, когда лошади его отдохнутъ."

Затѣмъ слѣдуетъ справка о числѣ войска, участвовавшаго въ походѣ въ количествѣ 14,500 человѣкъ, съ распредѣленіемъ его на отряды, и перечень лицъ, доставившихъ свои контингенты; въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ князь Еремія Вишневецкій, явившійся во главѣ отряда въ 4000 человѣкъ.

Остальная часть дневника за 1646 годъ заключаетъ слѣдующія свѣдѣнія: приведенъ текстъ пасквиля, напечатаннаго іезуитами противъ извѣстнаго историческаго писателя, каменецкаго епископа, Павла Пясецкаго, и отвѣтъ послѣдняго на этотъ пасквиль. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе торжества при бракосочетаніи короля. 11 марта записано извѣстіе о смерти гетмана Конецпольскаго, описаны его похороны и внесены надгробныя рѣчи, сказанныя разными лицами; затѣмъ Освѣцимъ передаетъ содержаніе политическихъ плановъ, составленныхъ Конецпольскимъ относительно завоеванія Крыма и устройства козаковъ, и цѣликомъ приводитъ секретную записку, посланную гетманомъ королю по этому поводу. Дальше сообщено о назначеніи великимъ коронным гетманомъ Николая Потоцкаго, при чемъ приводится составленный на него пасквиль; затѣмъ описана коронація королевы и засѣданія собравшагося сейма, заставившаго короля отказаться отъ задуманной имъ войны съ Турціею.

Изъ извѣстій, записанныхъ подъ 1647 годомъ, болѣе подробно разсказано дѣло о сочиненіи аріанина Шлихтинга, въ которомъ авторъ оспаривалъ догматъ Св. Тройцы; за изданіе этой книги онъ былъ заочно приговоренъ къ смертной казни, лишенію чести и конфискаціи имущества, всѣмъ-же аріанамъ приказано закрыть школы и училища и истребить типографіи. Потомъ слѣдуетъ дѣло князя Януша Радзивилла, обвинявшагося въ томъ, будто онъ приказалъ опрокинуть крестъ, стоявшій на его землѣ. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о смерти королевича и о предзноменованіяхъ, предвѣщавшихъ ее.

1648 и 1649 года не сохранились въ рукописи; 1650-го года уцѣлѣла только частица, за то весь 1651 посвященъ весьма подробному описанію войны съ Хмельницкимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЬБОМЪ М. А. МАКСИМОВИЧА.

„Что-бъ за жизнь была безъ пѣсенъ,
Безъ поэзіи святой!“

М. Максимовичъ.

Въ нашей журналистикѣ нерѣдко встрѣчались и встрѣчаются жалобы на невниманіе наше къ извѣстнымъ дѣятелямъ литературы. Съ другой стороны—объ этихъ дѣятеляхъ иногда появляются такія мелочи во многихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, что, читая, ихъ, невольно подумаешь: „ну, это для затычки свободной страницы.“ Намъ не хотѣлось-бы впадать ни въ ту, ни въ другую крайность. Удѣляя самое живое вниманіе характернымъ подробностямъ о жизни нашихъ писателей, мы постараемся группировать ихъ въ нѣчто связное и цѣльное.

Въ настоящій разъ мы хотимъ остановить вниманіе читателя на альбомѣ М. А. Максимовича (1804—1873). Не знаемъ, были-ли подобные альбомы у его товарищей по университету, но самъ онъ, добродушный, романтикъ по натурѣ и по времени, не могъ обойтись безъ альбома. Онъ даже придавалъ ему большое значеніе; это видно, во 1-хъ, изъ того, что онъ далеко не всѣмъ своимъ знакомцамъ удѣлялъ мѣсто въ немъ („*dedié à l'amitié*“—сказано въ немъ на заглавномъ листкѣ), а, во 2-хъ, изъ того, что Максимовичъ, начавъ его въ 1824 году, не разставался съ нимъ почти до самой смерти своей.

Два слова о внѣшности альбома. Это небольшая книжка въ 68 разноцвѣтныхъ листковъ, въ 16 долю, въ родѣ альманаховъ 20-хъ годовъ, но слишкомъ обрѣзанная и глядящая какой-то „*кургузой*“, по выраженію одного изъ вкладчиковъ ея. Переплетенная въ сафьянъ, съ золотымъ обрѣзомъ, вся уже сильно изветшавшая, она самимъ видомъ своимъ показываетъ, что владѣлецъ ея часто

носилъ ее въ своемъ карманѣ. Листки альбома украшены 15-ю рисунками, которые несомнѣнно имѣли въ свое время многоразличное значеніе—историческое, символическое, сердечное; между рисунками встрѣчаются и портреты, къ сожалѣнію, не подписанные.

Составъ альбома—стихи, проза, оригинальные и переводные, выписки, подписи, даже рецепты. Вкладчики избирали себѣ въ немъ мѣсто по произволу. Мы, конечно, не станемъ передавать всего содержанія альбома во всей его прихотливой безпорядочности, а остановимся только на пьесахъ наиболѣе интересныхъ и имѣющихъ *историко-литературное* значеніе; при этомъ мы будемъ приводить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ необходимыми поясненіями; въ такомъ видѣ статья наша можетъ получить значеніе матеріаловъ для біографіи достойнаго писателя и человѣка.

Альбомъ начинается въ 1824 году. Въ это время мы видимъ Максимовича въ Москвѣ; онъ уже кандидатъ физико-математическаго факультета, но добровольно записывается еще въ медицинское отдѣленіе и въ то-же время издаетъ „*зоологію*", по Окену. Книга эта обратила на него вниманіе ученаго міра, доставила ему дружбу кн. Одоевскаго (1803—1869) и профессора М. Г. Павлова (1793—1840). Кн. Одоевскій написалъ на книгу Максимовича лестную рецензію, самъ отыскалъ его въ кандитатскихъ нумерахъ стараго зданія московскаго университета и ввелъ его въ литературный кружокъ свой. Соотвѣтственно характеру книги Максимовича, князь первый написалъ ему въ альбомъ пьесу слѣдующаго содержанія:

„ОДИССЕЕВЪ КОНЬ".

„Вы, вѣрно, знаете, друзья мои, милаго, простодушнаго Каллинона. Знаете, какимъ слабоуміемъ, истинно-завиднымъ въ наше время, одарила его природа. Вы, вѣрно, помните, что̀ сдѣлалъ онъ, захотѣвши предаться Морфею: какъ положилъ подъ голову глиняный сосудъ; какъ сосудъ показался ему жесткимъ; какъ, чтобы сдѣлать свое изголовье годнымъ къ употребленію, онъ вздумалъ набить его соломою.

„Про этого самаго Каллинона я нашелъ странное сказаніе въ одной древней рукописи; ученые коментаторы увѣряютъ, что она подложная, но чего они не выдумаютъ! Рукопись, вопреки всѣмъ этимъ господамъ, утверждаетъ, что мой герой находился въ числѣ тѣхъ воиновъ, которые были засажены старикомъ Одиссеемъ въ деревянную лошадь предъ Троею.

„Отяготѣвъ отъ даровъ Вакховыхъ, Каллинонъ безпечно потягивался на самомъ мѣстѣ желудка въ огромномъ чревѣ.

„Какъ душно и темно теперь на свѣтѣ!“ говоритъ онъ своему товарищу.

— Не вѣкъ здѣсь быть!—отвѣчалъ ему воинъ—придетъ время, и мы выйдемъ отсюда; приготовляй оружіе...

„Выйдемъ? Куда?“

— На свѣтъ! въ Трою!

„И—кто тебѣ сказалъ объ этомъ!“—возразилъ Каллинонъ, засмѣявшись; „я давно уже смотрѣлъ во всѣ стороны и теперь твердо увѣрился, что и Греція, и Троя, и цѣлый свѣтъ, все здѣсь, въ этомъ желудкѣ; и больше ничего не существуетъ и существовать не можетъ“....

„Вы, смѣетесь, друзья мои, рѣчи простодушнаго Каллинона, но берегитесь! Смотрите, какъ смѣхъ вашъ расшевелилъ Каллиноновъ нашего времени, какъ грозно выглядываютъ они на васъ изъ своихъ желудковъ, въ которые спрятались съ головой и съ ногами.“

Не имѣя подъ рукою журналовъ двадцатыхъ годовъ, мы не можемъ опредѣлить, на какія литературныя лица намекаетъ эта бойкая пьеска кн. Одоевскаго Въ собраніи его сочиненій (Спб. 1844) мы ея не встрѣчаемъ. По привычкѣ ли, или въ знакъ особой дружбы къ Максимовичу, кн. Одоевскій вписалъ свою притчу въ альбомъ красными чернилами.

Въ то-же самое время, рядомъ съ пьеской кн. Одоевскаго, тѣми-же красными чернилами, вписаны слѣдующіе три отрывка, которые мы относимъ, по внимательномъ сличеніи почерка, профессору М. Г. Павлову:

„Ничто, ничто не утопаетъ
Въ рѣкѣ катящихся вѣковъ:
Душа героевъ вылетаетъ
Изъ позабытыхъ ихъ гробовъ
И наполняетъ бардовъ струны
И на тирановъ шлетъ народные перуны“.

(Греческая пѣснь, 4-я строфа).

„Все во вселенной—и цѣль, и къ лучшему высшему средство“ (Θеодицея).

„Volenti nil difficile (мой девизъ)“.

Къ литературному кружку кн. Одоевскаго принадлежалъ В. П. Титовъ (бывшій потомъ посломъ въ Константинополѣ); онъ въ томъ же году помѣстилъ въ альбомѣ переводъ девятой оды

Горація, съ подписью: „дек. 30,1824, Лондонъ № 12 (конечно—гостинница московская). Максимовичъ въ это время лежалъ больной, возвратившись изъ своей ботанической экскурсіи по московской губерніи.

„КЪ ТАЛІОРХУ".

(Изъ Горація: „Vides ut alta"... etc.).

Смотри: бѣлѣетъ вдалекѣ
Соректъ, снѣгами покровенный,
Лѣса, подъ игомъ ихъ согбенны;
И воды мразъ сковалъ въ рѣкѣ.
Умѣримъ хладъ! мы дровъ разложимъ груды.
Четырехлѣтнее вино, о царь пировъ,
Лей изъ сабинскаго сосуда!
Оставимъ прочее на произволъ боговъ.
Рекутъ—и бурный вѣтръ мгновенно
На морѣ стихнетъ разъяренный:
Не заколышется ни дубъ, ни кипарисъ.
Заутра будетъ что съ тобою,
Извѣдывать страшись.
Какимъ ни будешь днемъ ты награжденъ судьбою,
День новый прибылью считай!
О, юноша! не презирай
Ни нѣжныя любви, ни пѣсней; наслаждайся,
Доколѣ свѣжъ цвѣтъ жизни твой
И старость далека съ угрюмой сѣдиной.
На полѣ марсовомъ, въ ристалищахъ являйся;
Вдали таящейся младой красы внимай
Шептанье тихое, въ полночный часъ условной;
Прислушивай ея измѣнникъ—смѣхъ... срывай,
Въ залогъ любви, кольцо съ руки легко упорной!"

(Напомнимъ читателямъ, что позднѣйшій переводъ этой же оды Горація они могутъ встрѣтить въ книгѣ А. Фета „Оды Горація" (Спб. 1856, стр. 10); а по сличеніи съ подлинникомъ могутъ убѣдиться въ относительномъ достоинствѣ переводовъ).

Около той-же поры познакомился съ Максимовичемъ И. В. Кирѣевскій и ввелъ его въ домъ матери своей, А. П. Елагиной (1789—1877). Максимовичъ до конца жизни своей вспоминалъ съ величайшимъ наслажденіемъ объ этомъ домѣ—

„Республикѣ привольной
У красныхъ у воротъ",

объ этой женщинѣ, такъ радушно и достойно согрѣвавшей молодыя дарованія во всѣхъ видахъ искусства и науки. Скоро Максимовичъ тамъ „пришелся ко двору", и А. П. Елагина постоянно считала его однимъ изъ ближайшихъ друзей своихъ.

Въ февралѣ 1825 года, предъ новой поѣздкой Максимовича по московской губерніи, А. П. Елагина вписала ему на память, на первой страницѣ альбома, стихотвореніе Жуковскаго:

„Друзья! *прости*—словцо святое"!

Оно тогда еще не было напечатано и было новинкой для Максимовича и радостнымъ знакомъ теплаго чувства. Мы не приводимъ его здѣсь, такъ какъ оно было уже напечатано въ 1859 г. въ „Русской Бесѣдѣ" и вошло въ позднѣйшія собранія стихотвореній Жуковскаго (въ изд. 1878 г., т. 1, стр. 221).

Съ легкой руки А. П. Елагиной, московскія дамы явились самыми усердными вкладчицами въ альбомъ Максимовича и до конца жизни его они остались искренними его почитательницами. Успѣхъ Максимовича въ дамскомъ обществѣ понятенъ всѣмъ, кто зналъ его лично; для другихъ-же скажемъ, что онъ, при доброй, любящей душѣ своей, былъ „соловей рѣчи и соловей неумолкаемый". Любили его и товарищи, и чуть ли не всѣ знавшіе его, особенно такіе впечатлительные, восторгавшіеся люди, какимъ былъ, напр., С. Е. Раичъ (1792—1855), родной братъ кіевскаго митрополита Филарета (скон. 1857 г.) и наставникъ въ русской словесности многихъ извѣстныхъ писателей (въ томъ числѣ А. Н. Муравьева). Раичъ въ 1825 г. написалъ въ альбомѣ Максимовича слѣдующее стихотвореніе:

АМЕЛА (Viseum album)

Есть растенье на землѣ,
Но земля въ роскошномъ лонѣ
Отреклась его питать,
И—бездомное—на клёнѣ,
Иль на дубѣ вѣковомъ
Пріютясь, цвѣтетъ и зрѣетъ
И пернатымъ сладкій плодъ
На вѣтвяхъ своихъ лелѣетъ.

***

Есть созданья на землѣ—
Чада высшаго рожденья,—
Часто имъ пріюту нѣтъ
У дѣтей роскошныхъ тлѣнья;
Всѣмъ просторно на земли;
Лучшимъ въ мірѣ—въ мірѣ тѣсно...
Чада Божьи, не роптать!
Домъ вашъ тамъ—въ дали небесной!"

Пьеска Раича намекала на судьбу самого Максимовича, который два года по окончаніи курса не получалъ никакого мѣста, да и потомъ читалъ лекціи за *ректора* Двигубскаго *безмездно*. Четыре послѣдніе стиха пьесы Раича Максимовичъ повторялъ очень часто, особенно въ послѣдніе годы своей горькой жизни.

1825-й годъ является самымъ обильнымъ въ альбомѣ по стихамъ и рисункамъ. Наиболѣе усердной вкладчицей явилась нѣкая А....ра Ш....ва (Шаликова?): она вписала нѣсколько пьесъ, въ стихахъ и въ прозѣ, нарисовала цвѣты и вышила шелками на бумагѣ вѣтку клубники; къ этой работѣ прибавила и стихи:

„Вотъ вышита клубника вамъ
И—неискусною рукою.
Природѣ трудно подражать
И то́ изображать иглою,
Что на увлаженной землѣ
Согрѣто солнца теплотою,
Росло и зрѣло на стеблѣ
И украшало лугъ собою.
Но здѣсь она не для красы,
Здѣсь вышита съ желаньемъ,
Чтобы въ свободные часы
Служила вамъ воспоминаньемъ".

Къ ея рисунку (Розы) Надеждинъ приписалъ слѣдующіе прекрасные четыре стиха, которыми постоянно восхищался Максимовичъ, какъ ботаникъ и поэтъ:

„Цвѣты, поэзія луговъ,
Поэзія, цвѣты пустынной дебри нашей,
Вы изо всѣхъ земныхъ даровъ
Свѣжей, роскошнѣе и краше".

Извѣстныя писательницы той поры, сестры Г.... (Готовцевы) тогда-же внесли въ альбомъ по стихотворенію. Наталія Г. писала:

„Лучъ ясный играетъ на свѣтлыхъ водахъ,
Но тьма подъ сіяньемъ и холодъ въ волнахъ,
Младыя ланиты румянцемъ горятъ;
Но черныя думы духъ юный мрачатъ.

*
* *

Есть думы о прежнемъ,—ихъ ядъ роковой
Всю жизнь отравляетъ мертвящей тоской;
Ничто не утѣшитъ, ничто не страшитъ,
Не радуетъ радость, печаль не крушитъ.

*
* *

На срубленной вѣткѣ такъ вянетъ листокъ,
Напрасно въ дубровѣ шумитъ вѣтерокъ
И красное солнце льетъ радостный цвѣтъ,—
Листокъ зеленѣетъ, а жизни въ немъ нѣтъ!“—

Пьеса, какъ видите, отзывается излишней субъективностію, въ духѣ той поры, когда любили распѣвать о грусти сердца, о разочарованіи жизнью и проч. Болѣе кстати для альбома и съ бóльшимъ поэтическимъ чувствомъ писала другая Г., Марія:

„Какъ поздней осенью послѣдніе цвѣты
Задумчивой душѣ весну напоминаютъ;
Какъ пурпурной зари живыя красоты
Еще блестящій день глазамъ изображаютъ;
Какъ древней надписи нестертыя черты
Утраченную жизнь изъ гроба вызываютъ:
Такъ книги памятной священные листы
Разрозненныхъ друзей вездѣ соединяютъ
И блага лучшія и лучшія мечты
Въ бывалыхъ призракахъ отрадно воскрешаютъ“.

Кромѣ писателей и ученыхъ, у Максимовича много было искреннихъ друзей въ ряду безвѣстныхъ его знакомыхъ или товарищей, съ которыми сходился онъ по душевному сродству и съ которыми долго поддерживалъ занимательную и теплую переписку. Изъ нихъ нѣкто Ясновскій написалъ, между прочимъ, слѣдующія строки, характеризующія самого Максимовича:

„И я, другъ мой, великость человѣка полагаю въ обыкновенной жизни, не удаленной отъ вѣчнаго направленія всего частнаго. Дай руку, пойдемъ въ общій путь жизни и расходясь будемъ всегда вмѣстѣ“.

Но Максимовичъ умѣлъ внушать уваженіе и дружбу не только постороннимъ лицамъ, но и роднымъ своимъ, обыкновенно всегда требовательнымъ и почти всегда неблагодарнымъ. Въ этомъ смыслѣ для характеристики Максимовича любопытны строки матери его, которую посѣтилъ онъ въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ:

„Пишу, мой другъ, тебѣ въ альбомъ сердечное мое желаніе, чтобы ты былъ всегда здоровъ и доволенъ собой самимъ, людьми и своею судьбою, и думалъ, что счастіе свое найдешь не въ столицѣ, но на своей родинѣ, въ кругу семейства и въ присутствіи матери твоей, которая полагаетъ въ тебѣ *все свое утѣшеніе и сердечную отраду*. Вотъ, милой мой Мишель, все, чего я желаю тебѣ и о чемъ прошу Бога“.

Позднѣе—приписалъ отецъ Максимовича на той-же страницѣ:

„Всѣхъ благъ и счастія въ мірѣ желаетъ доброму сыну нѣжно любящій отецъ А. М—чъ“.

Въ 1826 г. А. Бюргеръ (издатель впослѣдствіи журнала „Радуга“) вписалъ въ альбомъ переводъ свой изъ Клопштока, а А. Г. Ротчевъ (ум. 1873)—переводъ съ арабскаго; опускаемъ первый, какъ совершенно слабый, и приводимъ второй, какъ болѣе любопытный:

„СЪ АРАБСКАГО“.—

Клянусь коня волнистой гривой
И брызгомъ искръ его копытъ:
Что голосъ Бога справедливой
Надъ міромъ скоро прогремитъ.

*
* *

Клянусь вечернею зарею
И утра блескомъ золотымъ:
Онъ семь небесъ своей рукою
Одно воздвигнулъ надъ другимъ!

*
* *

Не Онъ-ли яркими огнями
Зажегъ сей безпредѣльный сводъ?
И Онъ-же легкими крылами
Парящихъ птицъ хранитъ полетъ!

*
* *

Когда-же пламенной струею
Сверкаютъ гордо небеса:
Надъ озаренною землею
Не Бога-ли блеститъ краса?

*
* *

Безъ вѣры въ Бога—мимо, мимо
Промчится радость бытія!
Пошлетъ-ли Онъ огонь безъ дыма
И дымъ пошлетъ-ли безъ огня?!

Въ 1827 г. Максимовичу посчастливилось открыть и поддержать дарованіе сестеръ Тепловыхъ; онъ печаталъ ихъ стихи въ журналахъ, въ своихъ изданіяхъ и былъ ихъ опорою во всѣхъ невзгодахъ жизни. Молодыя дарованія не остались непризнательными своему другу-покровителю, постоянно и благодарно къ нему писали и нѣсколько пьесокъ внесли въ альбомъ его. Вотъ стихотвореніе Серафимы Тепловой, относящееся къ 1829 году:

„EX UNGUE LEONEM".

„На память отъ меня цвѣтокъ
Примите *Ноготокъ.*
Онъ не краса поры весенней
И не любимый гость земли;
Но въ пору, какъ падетъ послѣдній листъ осенній,
На югъ взовьются журавли,
Когда и розы здѣсь не станетъ,
Когда и лилія увянетъ,
Онъ на землѣ еще цвѣтетъ
Подъ теплымъ солнцемъ, одинокой.....
И самой осенью глубокой
Онъ вамъ меня напомянетъ".

Чувство благодарности долгой, сердечной, выраженное такъ кротко и скромно, доказываетъ добрую душу и поэтическое чутье Максимовича.

Въ томъ-же году встрѣчаемъ въ альбомѣ стихи Шевырева (1806—1864), съ которымъ Максимовичъ сошелся въ домѣ Елагиной. Въ наше время всѣ согласны, что у Шевырева не было поэтическаго таланта, но ему удавались нѣкоторыя стихотворенія, которыя нравились Баратынскому и Пушкину. Слѣдующая пьеса его также одно изъ лучшихъ его произведеній:

„МЫСЛЬ“.

„Падетъ въ нашъ умъ чуть видное зерно
И зрѣетъ въ немъ, питаясь жизни сокомъ;
Но придетъ часъ—и выростетъ оно
Въ созданіи иль подвигѣ высокомъ,
И разовьетъ красу своихъ раменъ,
Какъ пышный кедръ на высотахъ Ливана:
Не подточить его червямъ временъ,
Не смыть корней порывамъ океана,
Не потрясти и бурямъ вѣковымъ
Его главы, увѣнчанной звѣздами,
И не стереть потокамъ дождевымъ
Его коры, исписанной лѣтами.
Подъ нимъ идутъ неслышною стопой
Полки вѣковъ—и падаютъ державы,
И племена смѣняются чредой
Въ тѣни его благословенной славы;
И трупы царствъ подъ нимъ лежатъ безъ силъ,
И новыя растутъ для новыхъ цѣлей,
И милліонъ оплаканныхъ могилъ,
И милліонъ веселыхъ колыбелей.
Подъ нимъ и тотъ уже давно истлѣлъ,
Во чьей главѣ зерно то сокрывалось,
Отколь тотъ кедръ родился и созрѣлъ,
Подъ тѣнью чьей потомство воспиталось“...

Къ концу 1829 г., собираясь издать альманахъ свой »Денницу«, Максимовичъ усердно приглашалъ къ сотрудничеству въ ней, между прочими, братьевъ Кирѣевскихъ. Младшій изъ нихъ, Петръ, отправлялся въ это время за границу и не могъ сотрудничать, а въ альбомѣ Максимовича написалъ, какъ любитель пѣсенъ народныхъ, четыре строчки въ подражаніе малороссійской пѣсни и подписался: *Петрусь Кир*...

„Свиснувъ козакъ на коня:
Зоставайтесь, господа!
Я пріѣду, якъ не згину
Черезъ три года“.

Брата его, Ивана Васильевича, тогда 23 лѣтняго юношу, Максимовичъ убѣдилъ написать для „Денницы“ обозрѣніе рус-

ской словесности за 1829 годъ, и такимъ образомъ одинъ изъ первыхъ призналъ силу мысли въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Статья Кирѣевскаго возбудила шумъ и толки; Пушкинъ находилъ ее „краснорѣчивою и полною мыслей". Но въ альбомѣ Максимовича мы встрѣчаемъ только скромный слѣдъ И. В. Кирѣевскаго:

„Есть двѣ надежды: одна якорь, другая—парусъ; ищите послѣднюю, забудьте о первой".

И въ альманахѣ, и въ альбомѣ находимъ новую пьеску Серафимы Тепловой; скромная пьеска эта навлекла однако бурю на Максимовича, на Теплову и на цензора С. Н. Глинку, потому только, что кому-то вздумалось увидѣть въ ней обращеніе къ повѣшенному Рылѣеву:

„Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена,—
О, вѣрь, о, вѣрь, что надъ тобою
Стонъ скорби слышала волна!

—

О, вѣрь, что надъ тобой почило
Прощенье, миръ, а не укоръ;
Что не страшна твоя могила
И не постыденъ твой позоръ!

Сестра Тепловой, Надежда, встрѣчая въ 1831 г. день рожденія Максимовича, вписала въ альбомѣ свой привѣтъ:

„Немногіе изъ нашихъ дней
Имѣютъ свѣтлыя значенья:
Веселый свадьбы юбилей,
День имянинъ, но всѣхъ милѣй
День нашего *рожденья*.

—

Вамъ каждый вашъ означенъ годъ:
Вы мыслили, вы жили;
Пусть *этотъ* годъ вамъ принесетъ,
Что вамъ мечты сулили:
Зеленый миртовый вѣнокъ,
И лавръ благоуханный,
И вами пламенно-желанный
Покоя свѣжій уголокъ".

Въ томъ-же году Языковъ помѣстилъ въ альбомѣ пьеску, которая высказываетъ взглядъ его на собственную музу (она не вошла въ собраніе его стихотвореній, 1858 г., но—помнится—была напечатана Максимовичемъ въ „Парусѣ“ 1859 года):

„Свобода странно воспитала
Мою поэзію: она
Ее пристрастно поливала
Струями славнаго вина;
Сама, нетрезвыми руками,
Ее прямила—и порой
Благоуханными устами
Съ нея сдувала прахъ земной:
Я благодаренъ горделиво
Ей за радушные труды—
И самъ я вижу—и не диво—
Что пьяны вызрѣли плоды“.

Если не больше поэзіи, то гораздо больше сердечности въ отношеніяхъ къ Максимовичу встрѣчаемъ въ слѣдующихъ строкахъ женскаго сердца, написанныхъ въ 1832 году, на той страницѣ, гдѣ помѣщены строки матери и отца Максимовича:

„Я избрала листокъ, освященный рукою родителей вашихъ; желаю исполненія ихъ желаній. И если, по словамъ ихъ, вы должны искать и найдете счастіе *только на родинѣ*, то пусть *хотя листокъ этотъ* будетъ напоминать о *дняхъ*, проведенныхъ вами на чужбинѣ. Марія“.

Трудно придумать болѣе нѣжное и скромное сердечное признаніе. Самый выборъ мѣста и подчеркнутыя слова говорятъ о глубокости чувства. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасный мотивъ для трогательнаго стихотворенія.

Счастіе служебное улыбнулось однако Максимовичу и въ Москвѣ: въ августѣ 1833 года онъ былъ избранъ въ ординарные профессора московскаго университета, не смотря на нѣкоторыя интриги. Посѣтившіе его по этому поводу М. Г. Павловъ и Н. И. Надеждинъ, не заставъ его дома, написали ему въ альбомѣ, первый:

„Съ профессорствомъ радушно поздравляемъ
И вмѣстѣ съ симъ здоровымъ быть желаемъ“.

А второй представилъ въ стихахъ почти исторію избранія, которую мы можемъ объяснить только на половину:

23 АВГУСТА 1833 г.

Пріятную несемъ тебѣ молву:
Въ дупло сову,
Въ конюшню рыжака загнали!
Теперь забудь свои печали,
Будь бодръ и оживись!
Той—перья ощипали,
А съ этого посбили рысь".

Здѣсь подъ *совою* разумѣется Двигубскій, уволенный тогда отъ службы, подъ *рыжакомъ* И. И. Давыдовъ.

Мы уже говорили о сердечности отношеній многихъ пріятелей Максимовича; вотъ въ доказательство еще строки одного изъ ближайшихъ друзей его, Андрея Велинскаго; онѣ написаны въ то время, когда Максимовичъ былъ назначенъ къ переводу изъ Москвы въ Кіевъ, профессоромъ и ректоромъ новооткрываемаго университета:

„Два друга подобны двумъ созвѣздіямъ: когда одно является въ пучинѣ небесъ, другое спѣшитъ сопровождать. Имя твое да будетъ всегда спутникомъ моего".

Тогда-же Надежда Теплова, поднося цвѣты ему на дорогу, написала въ альбомѣ:

„Цвѣты прелестные Эдема
Поминка неба на земли;
Примите ихъ, они эмблема
Невинности, святой любви,
Сердечнаго воспоминанья;
Взгляните, какъ цвѣтутъ они,
Какъ ароматно ихъ дыханье!
Мое желанье и мольба:
Непостоянная судьба
Да не разлучитъ васъ съ мечтами;
Пусть съ вами радости живутъ
И съ сими милыми цвѣтами
Неувядаемо цвѣтутъ
Въ долинѣ жизни передъ вами".

Въ Кіевѣ Максимовича посѣтилъ въ октябрѣ 1835 г. Надеждинъ, возвращенный изъ ссылки. Надеждинъ только теперь узналъ, что любимая имъ особа, за которой онъ такъ тосковалъ въ ссылкѣ,

вышла за-мужъ. На память этого, Надеждинъ оставилъ въ альбомѣ Максимовича слѣдующее недоконченное четырехстишіе:

„Все прекрасно, я сказалъ—
И домой свой путь направилъ!
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ . . . . !"

Подъ 1835 годомъ встрѣчаемъ стихотвореніе, написанное неизвѣстной намъ женской рукою:

„Счастливъ, кто отъ хлада лѣтъ
  Сердце сохранилъ,
Кто безъ ненависти свѣтъ
  Бросилъ и забылъ,
Кто дѣлитъ съ душой родной
  Втайнѣ отъ людей
То, что презрѣно толпой,
  Или чуждо ей".

Лѣтомъ 1836 года Максимовичъ путешествовалъ въ Крыму; здѣсь онъ съѣхался съ знаменитымъ Иннокентіемъ, съ которымъ былъ сердечно друженъ и велъ частую переписку; Иннокентій оставилъ слѣдъ и въ альбомѣ, впрочемъ весьма скромный:

„Южный берегъ Крыма. Ялта. Іюня 18, 1836. А. И."

Тогда-же, въ Керчи, Д. В. Давыдовъ (?) написалъ:

„Двѣ стороны моего характера: получеркесъ, полурыцарь. Я любилъ природу и свободу, какъ азіятецъ нагорный, а женщинъ—какъ паладинъ; не достаетъ надписи ободка, она: (и при этомъ въ альбомѣ сдѣланы сургучемъ двѣ стороны его печати, которыя уже до того истерлись, что ничего нельзя разобрать)."

Отъ 1837 г. сохранилась въ альбомѣ строка:

„Жуковскій. Кіевъ 1837, 8 октября".

Жуковскій въ это время сопровождалъ цесаревича (нынѣ почившаго Царя-Освободителя) въ его путешествіи по Россіи. Съ Максимовичемъ онъ былъ знакомъ еще раньше, содѣйствовалъ его переводу въ Кіевъ и потомъ сотрудничалъ въ его „Кіевлянинѣ".

Поэзія слова чередовалась въ альбомѣ съ поэзіей сердца; вотъ что было написано въ 1838 г. неизвѣстнымъ намъ лицемъ:

„Любезный Михаилъ Александровичъ, не забывайте ту Лизу, которую вы такъ ласкали".

И вслѣдъ за тѣмъ другой рукой прибавлено:

„И ту Соню, которую такъ часто въ центръ губъ цѣловали".

Подобныя нѣжныя, добрыя отношенія возбуждалъ къ себѣ Максимовичъ не только въ милыхъ представительницахъ прекраснаго пола, но почти во всякомъ, кто съ нимъ близко сходился. Лѣтомъ 1839 г. познакомился съ нимъ въ Кіевѣ Бенедиктовъ и вотъ какое свѣтлое впечатлѣніе вынесъ онъ изъ этого краткаго свиданія:

„Благословляя съ вами встрѣчу,
Благодарю и славлю рокъ,
И съ вами прожитый часокъ
Я въ сердцѣ золотомъ отмѣчу!
Когда мнѣ долгъ твердитъ: „спѣши",
Я долженъ въ даль мой путь направить,
Но я на память вамъ оставить
Готовъ, повѣрьте, полъ-души.
Что-бъ ни назначила судьбина
Потомъ въ удѣлъ душѣ моей—
Я знаю: эта половина
Была-бъ довольнѣй и свѣтлѣй!"

Затѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, вовсе не было вкладовъ въ альбомъ: въ эти годы Максимовичъ былъ тяжело боленъ, такъ что въ 1840 г. подалъ въ отставку и поселился въ своей уединенной усадьбѣ, на Михайловой Горѣ, въ золотоношскомъ уѣздѣ, надъ Днѣпромъ. Въ сентябрѣ 1842 года пріѣздъ Надеждина въ Кіевъ вызвалъ сюда и Максимовича для свиданія съ другомъ. Въ эту пору встрѣчаемъ въ альбомѣ строки А. П. Хвостовой, долго жившей и скончавшейся въ Кіевѣ; о ней желательно бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ какія существуютъ въ нашей литературѣ. Мы знаемъ только, что она была урожденная Хераскова (род. 1767), племянница поэта М. М. Хераскова, въ замужествѣ была за Дм. Сем. Хвостовымъ, скончалась въ 1853 году. Въ литературѣ она извѣстна особенно своею книгою „Каминъ и Ручеекъ" (Спб. 1796), которая достигла трехъ изданій, была переведена три раза на французскій, и по разу на нѣмецкій и англійскій языки [1]). Одинъ изъ почитателей Хвостовой, кн. Бѣлосельскій, написалъ громкую надпись къ ея портрету, въ которой между прочимъ читаемъ:

„Grâces! Vous n'ètes plus trois seules....
Et vous, Muses, vous voilà dix".

---

[1]) О другихъ ея сочиненіяхъ см. Варш. Дневникъ. 1881, № 179.

Вигель нѣсколько разъ говоритъ о ней въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ и эти отзывы желчнаго Вигеля весьма замѣчательны по своему почтительному тону. Отсылая любопытныхъ къ книгѣ Вигеля, обращаемся къ альбомнымъ строкамъ А. П. Хвостовой:

„Мнѣ 80 лѣтъ. Время затоптало всѣ розумичныя способности мои, и жизнь, какъ перегорѣлый уголекъ, едва тлѣется въ разрушающемся бытіи моемъ; но я чувствую еще, что я жива, потому что могу любить и помнить. Не забывайте и вы старуху Хвостову“.

Гораздо затѣйливѣе и курьезнѣе выдался въ томъ же году Юрій Бартеневъ, писавшій въ альбомѣ такъ:

„Братъ Максимовичъ! На кого потратишъ сердце, къ тому какъ то душа особенно стремиться; Пожалуй, Любезной, повернись ко мнѣ *всемъ* отверзеніемъ любящихъ твоихъ способностей, удовлетвори моему вождедѣванію, я хочу тебя, тебя всего, тебя до выгрѣбу; словомъ: хочу дружбы твоей, единенія тѣснаго, о которомъ чистое, оплатонизованное разумѣніе твое совершенно знаетъ; вотъ чего я хочу, вотъ о *чѣмъ* и пишу въ кургузомъ альбомѣ твоемъ. Dixi“.

Этотъ латинистъ, занимавшій нѣкогда видное мѣсто при кн. А. Н. Голицынѣ, не вполнѣ однако владѣлъ русскою грамотою, какъ видитъ читатель изъ приведенныхъ немногихъ строкъ.

Въ 1843 г. прекраснымъ тонкимъ почеркомъ писало лицо, которое долго считалось невѣстой Максимовича (Ольга Зайцова, скоро потомъ умершая):

„Съ душою, исполненною святыни, взялась я за перо, чтобы вписать вамъ на памятномъ листкѣ пару словъ. Чувство преданности къ вамъ такъ глубоко во мнѣ, что невольно въ памяти вкоренился милый образъ вашъ. Я не выражаю всѣхъ ощущеній, но скажу, что они превышаютъ многое. „Гдѣ много чувствъ, тамъ мало словъ“—вотъ девизъ всего прекраснаго, всего высокаго въ душѣ! Питаюсь отрадною мечтою, что, перелистывая альбомъ, вы прочтете эти строки и хотя на мигъ вспомните обо мнѣ. Ольга З...... Кіевъ 1843, окт. 22“.

И вслѣдъ затѣмъ тою же рукою, но только шпилькой, слегла проведено: „*12 час. полночь*“.

Максимовичъ въ это время опять читалъ лекціи въ университетѣ, по найму, и готовъ былъ снова поступить на службу, но ему назначили преемника, и онъ долженъ былъ снова уда-

литься въ свою убогую усадьбу, и вѣроятно по этой причинѣ семейное счастіе его не состоялось тогда-же.

Въ 1844 году, дядя Максимовича, Е. Ѳ. Тимковскій (впослѣдствіи членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, скonч. 1875), уѣзжая въ Петербургъ, написалъ въ альбомѣ свои прощальныя строки:

„Волею непостижимаго Промысла, оставляю мою родину на вѣки; но ваша родственная дружба ко мнѣ пребудетъ навсегда лучшимъ залогомъ моей приверженности къ ней и къ вамъ особенно".

Этотъ дядя Максимовича дѣйствительно любилъ и цѣнилъ его: онъ велъ съ нимъ постоянную дружескую переписку, ходатайствовалъ о немъ, помогалъ ему деньгами безъ возврата, присылалъ подарки и проч.

Въ слѣдующемъ году профессоръ А. И. Селинъ, послѣ перваго знакомства съ Максимовичемъ въ Кіевѣ, оставляетъ въ альбомѣ свое почтительное впечатлѣніе:

„Помню, съ какимъ наслажденіемъ бесѣдовалъ я съ Наумомъ въ ранніе годы моей юности; не забуду мгновеній, проведенныхъ съ вами на родинѣ вашей.

„Властителя природы вижу въ художникѣ, жреца священнаго—въ ученомъ, творца нравственнаго человѣка и божественныхъ его дѣяній—въ женщинѣ".

Послѣднія строки намекаютъ на сестру Максимовича, его питомицу, весьма даровитую и симпатичную.

Въ 1847 г. встрѣчаемъ стихи Жуковскаго, подъ которыми *подписалась* Марія Кирѣевская:

„Что ни пошлетъ судьба—все пополамъ!
Безъ робости, дорогою одною,
Въ душѣ добро и вѣра къ небесамъ,
Идти—тебѣ впередъ, намъ за тобою;
Лишь *вмѣстѣ-бы*; лишь только-бъ *за одно*,
Лишь-бы *одна*, въ *одинъ часъ* намъ могила;
Что-жь впрочемъ здѣсь ни встрѣтить—все равно!
Я въ томъ за всѣхъ и руку приложила".

И точно, на этомъ листѣ, вклеенномъ въ альбомъ, была положена крошечная ручка, съ раздвинутыми пальцами, и вся она аккуратно обведена чернильною чертою. Но самые стихи написаны рукою Жуковскаго—это мы положительно утверждаемъ,

очень хорошо зная его почеркъ. Въ изданіи сочиненій Жуковскаго (1878) эта пьеска помѣщена въ I томѣ (стр. 434); но приводимая нами копія отличается нѣкоторыми варіантами и пунктуаціею, которые заслуживаютъ вниманія, какъ принадлежащіе самому поэту.

Тогда-же докторъ В. А. Караваевъ вписываетъ въ альбомъ рецептъ глазныхъ капель, которыя были такъ необходимы и такъ полезны ослабѣвшему зрѣнію Максимовича.

Въ 1851 г. Максимовичъ посѣтилъ своего другаго дядю И. Ѳ. Тимковскаго (бывшаго нѣкогда директоромъ новгородъ-сѣверской гимназіи), жившаго въ своемъ помѣстьѣ Турановкѣ, глуховскаго уѣзда. Дядя набросалъ въ его альбомъ нѣсколько апоѳеегмъ, на русскомъ, малорусскомъ и латинскомъ языкахъ, въ стихахъ и въ прозѣ; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

„Спереди—блаженъ мужъ, да сзади—вскую шаташася.
„Не будь правдивъ вельми, ни мудръ излишне.
„Сила правду на водѣ пишетъ.
„Много дива по свѣту, а дома лучше.

„Мы обмануты бываемъ
Часто мнѣніемъ своимъ,
Утро мудростью встрѣчаемъ,
Днемъ же глупости творимъ".

„Горе вамъ, фарисеи, лицемѣры, дуросвѣты!
„Вороги твои—„нехай" и „абыякъ".
„Память цвѣтетъ на могилѣ, а правда на дѣтяхъ.
„Лучше смолчать, какъ сказать; то послѣдняя наука".

Въ 1852 г. Максимовичъ снова посѣтилъ его, и онъ опять пишетъ въ альбомѣ:

„Неотдѣлимо на умѣ и сердцѣ у меня, что я родился и взросъ на южной полосѣ Малороссіи, у благодатныхъ береговъ Днѣпра; живу на сѣверномъ краю ея и чувствую гнетущія стужи отъ свѣта. Стихійно приходитъ часто на мысль—увидѣть Кіевъ, Каневъ, Черкасы и родину, небо и землю моихъ предковъ. Но будетъ ли такъ расположено нынѣшнее владѣніе Згарью, чтобы я могъ тамъ, хоть на недѣлю времени, подышать свободно... Илья Тимковскій".

Желаніе почтеннаго старца не сбылось: онъ заболѣлъ и скончался (1853), успѣвъ не задолго до смерти составить драгоцѣн-

ныя историческія записки о И. И. Шуваловѣ, московскомъ университетѣ, о своемъ воспитаніи и времени [1]).

Засимъ, почти 20 лѣтъ, не встрѣчаемъ въ альбомѣ ни одной строки: страсть къ альбомамъ въ 50-хъ годахъ уже вообще ослабѣла, кромѣ того въ 1853 году Максимовичъ женился, и жизнь семейная, съ ея заботами и радостями, невольно заставила и его забыть о своемъ альбомѣ. И только въ 1871 г. полувѣковой юбилей литературной дѣятельности его снова вызвалъ на сцену альбомъ, въ которомъ вписались тогда Михаилъ Погодинъ, попечитель Антоновичъ, профес. Гр. Е. Щуровскій—лица, наиболѣе близкія Максимовичу, наиболѣе согрѣвавшія его послѣдніе годы своимъ вниманіемъ и заботами о немъ.

Въ 1872 г. Максимовичъ посѣтилъ въ послѣдній разъ Москву и Петербургъ, и въ альбомѣ встрѣчаемъ подписи: Василій Тимковскій, Ап. Майковъ, Н. Барсуковъ... Майковъ, издавшій тогда свой переводъ „Слова о Полку Игоревѣ", написалъ въ альбомѣ:

„Руководителю моему въ незнаемой землѣ за Игоремъ Сѣверскимъ—на память".

Въ Москвѣ встрѣтился съ нимъ въ первый разъ академикъ Я. К. Гротъ и тогда же писалъ намъ объ этой встрѣчѣ:

„Въ короткое пребываніе Максимовича въ Петербургѣ мы не успѣли познакомиться; узнавъ, что онъ въ Москвѣ, гдѣ я былъ проѣздомъ, я поспѣшилъ къ нему и засталъ его поправляющимся отъ болѣзни, которая задержала его въ Бѣлокаменной. При мнѣ навѣстилъ его Лебединцевъ (П. Г.). Какое пріятное впечатлѣніе произвели они на меня! Какой симпатическій человѣкъ Максимовичъ! У него я встрѣтилъ еще малороссійскаго уроженца Маслова, который пріѣхалъ совѣтоваться съ нимъ о біографіи Шевченка. Любопытно мнѣ было прослушать оживленные толки объ этомъ, мало извѣстномъ мнѣ, поэтѣ".

Мы приводимъ эту выписку, какъ новое доказательство того, что Максимовичъ до конца жизни обладалъ рѣдкимъ даромъ возбуждать къ себѣ сердечное сочувствіе и что къ совѣтамъ его постоянно прибѣгали люди всѣхъ возрастовъ.

Давніе друзья его—московскія дамы—встрѣтившія его съ неизмѣнною любовію и выслушивавшія теперь его скорбныя тихія рѣчи о тернистомъ пути его, съ замѣчательнымъ мастер-

---

[1]) См. ихъ въ Москвитянинѣ 1851 г., № 9 и 10; 1852 г., №№ 17, 18 и 20; послѣднія перепечатаны въ исправленномъ видѣ въ Р. Архивѣ 1874, кн. 1, стр. 1377.

ствомъ и нѣжнымъ женскимъ тактомъ избрали для его альбома нѣсколько стиховъ изъ Хомякова; одна изъ нихъ, О. Ѳ. Кошелева, написала въ видѣ напутствія и какъ завѣтъ отъ друга—поэта, уже умершаго:

„Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты:
Спасайся-жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы".

Другая—Д. А Беклемишева,—въ словахъ того же Хомякова, нашла весьма милое обращеніе, которое такъ близко подходило къ Максимовичу, такъ удачно выражало впечатлѣніе отъ встрѣчи съ нимъ:

„Твоей молитвы гимнъ прекрасный,
Твоихъ страданій тихій гласъ,
Все жизнью свѣтлой, мыслью ясной,
Чаруя, оживило насъ".

Это была послѣдняя встрѣча Максимовича съ его московскими друзьями и это—послѣдніе поэтическіе вклады въ его альбомъ: 10 ноября 1873 г. Максимовичъ скончался въ своемъ уединенномъ помѣстьѣ. Семейство и друзья его принесли ему еще одинъ вкладъ—соорудили на могилѣ его прекрасный надгробный памятникъ; а почитатели его таланта предприняли изданіе его сочиненій.

Всею своею литературною дѣятельностію Максимовичъ вполнѣ осуществилъ тотъ идеалъ ученаго, который однажды развилъ въ своей бесѣдѣ преосв. Іаковъ, архіепископъ нижегородскій († 1850); онъ говорилъ: „Честное служеніе наукѣ есть подвигъ евангельскій, ибо оно безкорыстно и требуетъ труда; а трудъ есть ангелъ-хранитель, прогоняющій всѣ пороки, рождаемые праздностью; наука же не даетъ суетнымъ мыслямъ глубоко вкореняться въ душу. Ученые—то-же, что монахи: тѣснымъ путемъ идутъ они".

Признавая въ Максимовичѣ *перваго* дѣятеля на полѣ изученія кіевской старины (послѣ митрополита Евгенія), мы считаемъ нравственнымъ долгомъ отдать ему *первому* честь въ новомъ изданіи—„Кіевской Старинѣ". И намъ и другимъ, вѣроятно, не разъ прійдется возвращаться къ его памяти, и потому считаемъ умѣ-

стнымъ привести здѣсь указанія на статьи, доселѣ посвященныя его имени.

1. Статьи, появившіеся о немъ до его кончины, почти всѣ перечислены въ составленномъ нами біографическомъ и историко-литературномъ очеркѣ, подъ заглавіемъ „М. А. Максимовичъ“, Спб. 1872, приложеніе, стр. XIX. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить:

2. „Михайлова Гора“, Кіевлянинъ 1871 г., №№ 85 и 86.

3. Юбилей М. А. Максимовича, Кіевъ. 1871. перв. и второе изданіе, Спб. 1872.

4. „Труды Максимовича для русской филологіи и словесности“, статья Н. М. въ Филологическихъ запискахъ за 1871 г., вып. 5—6,

5. О 50-ти лѣтнемъ его юбилеѣ: Иллюстрація 1871 г. № 46, съ портретомъ М—ча; Голосъ № 255-й, Моск. Вѣдом. № 201; Народ. Школа № 5.

6. Некрологи: Нов. Время 1873 г., № 24; Петерб. Листокъ, № 231; Извѣстія Географ. Общества 1874 г., № 5, стр. 280.

7. Письмо Д. В. Давыдова къ нему—въ Сочин. Давыдова, М. 1860, ч. III, стр. 169.

8. Письма къ нему Богородскаго, Кіевлянинъ 1881, № 93.

9. Въ настоящее время печатается обширное собраніе писемъ къ нему Погодина въ Сборникѣ II отдѣленія Импер. Академіи Наукъ.

10. Некрологи его: Кіевлянинъ 1873, №№ 137, 138.

11. Вѣстникъ Европы 1874 № 3, ст. М. Драгоманова.

12. Русскій Архивъ 1874, № 12, біографическій очеркъ Н. Чаева, стр. 1055.

13 Сборникъ Отдѣленія Р. Языка и Словесности, т. XI, № 3, стр. 13—18 (1875 г.), А. Никитенко.

14. Памятникъ Максимовичу. Послѣдніе дни его. Портреты въ его помѣстьѣ. Библіотека,—Кіевлянинъ 1875, № 108 (См. также 1877, № 65).

15. Альбомъ сестры его, Кіевлянинъ 1881, № 236.

16. Отзывъ о немъ О. М. Бодянскаго въ книгѣ „О происхожденіи славянскихъ письменъ“, М. 1855, стр. LXXII.

17. Въ книгѣ проф. А. А. Котляревскаго „Библіологическій опытъ о древней русской письменности“, Воронежъ 1881, стр. 43, 76, 158, 160, 165 и 166.

18. О новомъ изданіи „Сочиненій Максимовича“ (Кіевъ 1876—1880) намъ извѣстны статьи: въ Кіев. Унив. Извѣстіяхъ 1877,

№ 7, стр. 254, въ Кіевлянинѣ 1877, №№ 5 и 129; въ Сѣверн. Вѣстникѣ 1877, № 25, статья Н. И. Костомарова.

Издателямъ сочиненій Максимовича можемъ указать еще на двѣ статьи его, доселѣ незамѣченныя:

19. Рецензія на соч. Двигубскаго, въ Сѣв. Пчелѣ 1829, № 131 (при этомъ уяснимъ мѣсто его рецензіи на физику М. Г. Павлова, Сѣв. Пч. 1833, №№ 192 и 207).

20. Рецензія на книгу «Піитическая Игрушка», Моск. Телеграфъ 1830, ч. I, с. 194, подпись: „—*ховъ*"; это—псевдонимъ Максимовича.

21. Въ заключеніе напоминаемъ его статью «*Воспоминаніе о пребываніи въ Москвѣ Мицкевича*", хранящуюся въ Моск. Обществѣ Любителей Россійской Словесности, гдѣ статья лежитъ безъ движенія *двадцатъ одинъ годъ* (съ 1859 г.). Весьма желательно было бы видѣть ее поскорѣе напечатанною хоть гдѣ-нибудь, чтобы можно было потомъ помѣстить ее въ „Собраніи сочиненій Максимовича", издаваемыхъ *въ пользу его сиротъ*.

С. Пономаревъ.

Конотопъ.
5 ноября, 1881 г.

Посмертный разсказъ о. Антонія Ковальскаго.

(Къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи 1855 года).

Авторъ этого разсказа, о. Антоній Ковальскій, священствовалъ въ с. Мироновкѣ, кіевской губерніи, каневскаго уѣзда, и умеръ въ 1875 году. Онъ очевидецъ происшествій, о которыхъ говоритъ, и самъ является много пострадавшимъ въ описываемое имъ время. Его разсказъ простъ, богатъ фактами, чуждъ всякихъ сентенцій и выводовъ. Тѣмъ онъ и дорогъ. Разсказъ лишь отчасти касается волненія крестьянъ, но главнымъ образомъ рисуетъ то трудное, мучительное положеніе, въ которое попалъ самъ авторъ и другіе священники охваченной волненіемъ мѣстности, благодаря весьма печальному и, какъ увидитъ читатель, невольному недоразумѣнію со стороны прихожанъ. Такъ называемыя волненія крестьянъ происходили тогда, въ 1855 году, въ нѣсколькихъ уѣздахъ кіевской губерніи; авторъ разсказа говоритъ только о томъ, что происходило въ районѣ его благочинія и что касалось его и потерпѣвшаго съ нимъ духовенства.

Въ основѣ волненій описываемаго авторомъ времени лежали наболѣвшее въ крестьянахъ до послѣдней крайности чувство крѣпостнаго гнета и рѣшительное стремленіе ихъ выбиться изъ-подъ него на волю, идя въ этомъ случаѣ, какъ казалось многимъ изъ нихъ, на призывъ самого Царя. Поводомъ къ такому стремленію послужило своеобразное пониманіе Высочайшаго манифеста 14 декабря 1854 года, въ которомъ выражалась увѣренность, что всѣ сыны Россіи „*съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ*“ станутъ на защиту отечества. Что первое броженіе возникло отсюда, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но оно должно было совершить свой кругъ, свой внутренній процессъ, чтобы явиться потомъ въ извѣстной формѣ. Лабораторія народнаго чувства и мысли не доступна для насъ и мы не можемъ съ точностью опредѣлить, какъ народъ отъ помятутыхъ словъ манифеста дошелъ до мысли о собственной свободѣ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ искалъ отвѣта на вопросъ, чѣмъ и какъ откликнуться на призывъ Царя. Единичныя мнѣнія, высказывавшіеся на разные лады то тамъ, то здѣсь, переходили въ массу народную, обращались, перерабатывались въ ней. Вспомнилось уцѣ-

лѣвшее неясное преданіе о козачествѣ... Въ какой другой формѣ украинскій народъ могъ проявить свою готовность помочь Царю?—Вѣрный и преданный Ему, но неспособный витать въ области однихъ чувствованій, какъ бы возвышенны они ни были, и не зная, какъ отъ слова перейти къ дѣлу, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ Царь зналъ о его рѣшимости стать на помощь, а въ народѣ каждый выступаетъ самъ собою. Отсюда это поголовное настойчивое желаніе каждаго крестьянина записаться въ козаки, даже просто въ какой-нибудь списокъ, но съ тѣмъ, чтобы всѣ такіе списки посылались... Царю. Этого добивались крестьяне отъ священниковъ, причетниковъ и просто писарей, за это деньги платили, а при отказѣ дѣлали угрозы и разныя оскорбленія. Пока прошла свой кругъ эта первая опредѣленная мысль, созрѣла другая. Кто записался въ козаки, тотъ, значитъ, будетъ служить Царю и слѣд. не долженъ болѣе работать помѣщику. Мысль воплощалась въ слово, отъ слова переходили къ дѣлу: волновались, не шли на барщину; но являлось усмиреніе, наказаніе. Въ одномъ мѣстѣ утихали, въ другомъ поднимались. Слова превращались въ слухи, слухи облетали большія пространства, видоизмѣнялись, переиначивались, пока не явился слухъ, потомъ убѣжденіе, что и указъ на вольность отъ Царя пришелъ. Но указа не читаютъ... Гдѣ же онъ?—У священниковъ, въ церквахъ. Вѣдь не давно „правила *инвентарныя*“ имъ отдали при всѣхъ, и они сперва читали, потомъ перестали читать. Кто же виноватъ теперь, что указа не читаютъ?—Паны-помѣщики. Ихъ прямой интересъ: они подкупили священниковъ. Надо истребовать, вымолить у священниковъ указъ,—не отдадутъ,—силою взять. И вотъ толпами собираются къ священникамъ крестьяне и требуютъ несуществующаго указа на вольность, ищутъ его въ церквахъ, въ числѣ бумахъ, въ евангеліяхъ и пр. и проч. Тѣ не могутъ дать, чего нѣтъ; эти не вѣрятъ. Раздраженіе ростетъ, священниковъ держатъ въ арестѣ, водятъ отъ села до села, ругаются, грозятъ, бьютъ, подвергаютъ истязаніямъ, пока не наступаетъ кровавая развязка.—*Л—въ.*

Въ одной изъ послѣдующихъ книжекъ „Кіевской Старины“ мы надѣемся помѣстить еще одинъ такой разсказъ священника—очевидца, а затѣмъ полный очеркъ крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи 1855 г., основанный на офиціальныхъ свѣденіяхъ и дополненный личными наблюденіями (въ уѣздахъ васильковскомъ, таращанскомъ, каневскомъ и сквирскомъ) того лица, которому мы обязаны сообщеніемъ настоящаго разсказа и которое само было представителемъ духовной власти въ дѣлѣ умиротворенія мятущагося народа. *Ред.*

Въ 1855 году я былъ благочиннымъ церквей 4-го округа каневскаго уѣзда. Округъ мой состоялъ изъ селъ—Выграева, Сытниковъ, Самородни, Сотниковъ, Корниловки, Бровахъ, Сахновки, Нетеребки, Гарбузина, мѣстечка Корсуна (2-хъ церквей—спасской и

ильинской) и села Мироновки. Всѣ эти села, кромѣ Мироновки, принадлежали свѣтлѣйшему князю Павлу Петровичу Лопухину, Мироновка-же, гдѣ я священствовалъ, принадлежала графу Константину Владиславовичу Браницкому.

Возмущеніе крестьянъ въ 1855 году въ кіевской губерніи началось въ *сквирскомъ уѣздѣ* [1]), *въ селѣ Березнѣ*; оттуда стало распространяться въ таращанскій и каневскій уѣзды. Въ каневскомъ уѣздѣ волненія оказались сперва въ мѣст. Медвинѣ и селѣ Карапишахъ; въ послѣднемъ прихожане продержали своего священника Гавріила Яворскаго въ церкви цѣлый день, требуя выдачи имъ грамоты о своей вольности, съ золотыми печатями.

О волненіи крестьянъ въ с. Карапишахъ я узналъ частно, на страстной недѣлѣ, во вторникъ. Въ среду, выходя изъ церкви по окончаніи утрени, вижу—на церковномъ погостѣ стоятъ человѣкъ 50 моихъ прихожанъ съ хозяйственными орудіями (сокирами, цѣпами и т. п.); когда я съ ними поровнялся, они преградили мнѣ дорогу. Я смекнулъ въ чемъ дѣло, но дабы не показать вида, что догадался, я обратился къ нимъ съ такимъ упрекомъ: „развѣ вамъ мало было поста, что вы теперь собираетесь говѣть?“ Они отвѣчали: „мы говѣли уже; но пришли по другому дѣлу,—просить васъ, чтобы вы выдали намъ указъ на вольность“. Я отвѣчалъ, что указа на вольность въ церкви нѣтъ. Долго еще мнѣ пришлось говорить имъ, что такихъ указовъ нѣтъ нигдѣ, и, казалось, удалось разувѣрить. Всѣ пошли изъ погоста, а я отправился домой. Но не прошло минутъ десять, какъ все подворье мое было уже полно людей; я къ нимъ вышелъ и началъ говорить, что „это до добра не доведетъ; вы знаете, что экономъ мнѣ недоброжелатель; узнавши о вашемъ сборищѣ у меня, донесетъ своему начальству, а то далѣе отрепортуетъ и мнѣ выйдетъ плохо“. Они обѣщали призвать сюда эконома. Чрезъ небольшое время пріѣхалъ подъ арестомъ экономъ и мы всѣ пошли въ церковь. Здѣсь я читалъ инвентарныя правила; но крестьяне симъ недовольствовались и начали шушукать въ церкви. Во избѣжаніе безчинія въ церкви, я благословилъ читать часы и они разошлись; остались только одни говѣльщики.

Послѣ сего, ни въ праздникъ Пасхи, ни послѣ праздника ничего мнѣ прихожане не напоминали про указъ и барщину от-

---

[1]) Невѣрно: въ сквирскій уѣздъ волненіе перешло изъ васильк. уѣзда. П. Л—въ.

работывали исправно; списки впрочемъ писали и посылали въ Кіевъ; но въ сихъ спискахъ не было ничего противнаго,—писали, что въ случаѣ надобности, всѣ согласны идти на защиту поголовно.

Въ Корсунскомъ имѣніи, до праздника Пасхи (до 27 марта), незамѣтно было никакого волненія. На свѣтлой недѣлѣ начали уже въ нѣкоторыхъ селахъ собираться крестьяне толпами —толковать про вольность, писать списки, посылать ихъ въ Кіевъ и разсылать нарочныхъ въ другія имѣнія для разспроса; но возмущенія еще не поднимали, требованія помѣщичьи выполняли, къ священникамъ не привязывались. Волненіе въ имѣніи князя Лопухина началось собственно съ ѳоминой недѣли—съ „проводъ", и первоначально оказалось въ селѣ Бровахахъ.

По смерти священника села Бровахъ Леонтія Григоровича, умершаго 22 февраля 1855 года, приходъ броваxскій порученъ мною въ наблюденіе священнику села Корниловки Димитрію Подгаецкому, который, отслуживши въ ѳоминъ понедѣльникъ панихиды въ своемъ приходѣ, во вторникъ пріѣхалъ въ Бровахи для той-же цѣли и здѣсь засталъ уже на служеніи новорукоположеннаго въ село Сахновку священника Іосифа Гордіевскаго. Послѣ литургіи священникъ Подгаецкій и Гордіевскій пошли на общее кладбище отпѣвать панихиды; оттуда вдовая священница попросила ихъ отпѣть панихиду въ ея домѣ и пригласила на обѣдъ, на который были приглашены и прихожане. Народа собралось довольно. Когда прихожане подпили, то начали спрашивать священника Подгаецкаго, гдѣ указъ на ихъ вольность, по томъ просили идти въ церковь и выдать имъ сей указъ. Къ счастію, въ это самое время принесли крестить дитя; священникъ Подгаецкій, видя, что крестьяне къ нему сильно пристаютъ, упросилъ св. Гордіевскаго крестить дитя здѣсь, въ домѣ священника, а самъ, улучивши время, когда крестьяне, собравшись въ кучу, толковали между собою, вышелъ изъ дому другими дверями на токъ (гумно) и чрезъ огородъ и леваду ушелъ лѣсомъ домой, въ Корниловку, на разстояніи трехъ верстъ. Побѣга его крестьяне не замѣтили до тѣхъ поръ, пока уже воспріемники вышли и объявили, что дитя окрестилъ священникъ молодой, а корниловскій священникъ давно ушелъ домой. Нѣкоторые крестьяне бросились догонять его, но не догнали; къ священнику-же молодому не привязывались. Когда свящ. Подгаецкій пришелъ въ Корниловку, то въ его приходѣ не слышно было еще никакого возмущенія.

Бровахскіе крестьяне, догонявшіе Подгаецкаго, прибывъ сюда, взволновали и его прихожанъ. На другой день рано собрались на дворъ священника нѣсколько прихожанъ; нѣкоторые вошли въ домъ и просили священника выдать имъ указъ на вольность. Священникъ на первый разъ успѣлъ убѣдить ихъ, что такого указа нѣтъ въ церкви, и они разошлись по домамъ. На слѣдующій день крестьяне опять пришли къ священнику и уже настоятельно требовали идти въ церковь и выдать имъ указъ. Священникъ принужденъ былъ идти; читалъ манифестъ касательно ополченія и инвентарныя правила, но они тѣмъ не довольствовались. Въ это самое время пріѣхалъ въ Корниловку помощникъ пристава Заграйскій. Узнавши о волненіи крестьянъ, онъ пошелъ въ церковь и сталъ увѣщевать ихъ, но они сказали: „мы теперь васъ слушать не будемъ“ и просили его удалиться изъ церкви, что онъ и исполнилъ. Между тѣмъ какъ помощникъ пристава разговаривалъ съ крестьянами, священникъ Подгаецкій успѣлъ какъ-то выйти изъ церкви, чрезъ пономарню, перелѣзъ чрезъ ограду, потомъ сѣлъ на повозку съ вышедшимъ помощникомъ пристава и уѣхалъ въ Корсунь. Крестьяне, видя себя обманутыми, по выходѣ изъ церкви, заперли ее и ключи отдали не старостѣ церковному, а стороннему человѣку. Потомъ всѣ двинулись въ село Гарбузинъ, гдѣ застали уже на дворѣ священническомъ много крестьянъ, состязающихся съ своимъ священникомъ и домогающихся выдачи указа на вольность. Священникъ (Михаилъ Кудревичъ) сперва говорилъ съ своими прихожанами строго и не хотѣлъ идти съ ними въ церковь, но они насильно одѣли его и повели въ церковь; тутъ заставляли его читать разные прежніе манифесты и пробыли вообще въ церкви до полудня. Въ полдень, узнавши, что въ мѣстечкѣ Таганчѣ собираются крестьяне таганчскаго имѣнія, положили идти туда и вести съ собою своего священника. Священникъ ушелъ было въ домъ и заперся; но крестьяне выломали дверь, взяли его насильно, сняли сапоги и повели босаго въ Таганчу [1]), забравъ въ мѣшки всѣ бумаги изъ церкви.

Между тѣмъ въ селахъ Выграевѣ, Сытникахъ, Сотникахъ, Самороднѣ крестьяне также начали собираться къ священникамъ

---

[1]) М. Таганча, канев. уѣзда, въ 20 верстахъ отъ Корсуни, принадлежало полковнику Августу Осиповичу Понятовскому. Въ Таганчу вели священниковъ крестьяне изъ нѣсколькихъ селъ, получивши въ ночь предъ тѣмъ свѣдѣніе, что туда прибыла коммисія по усмиренію волненія. П. Л—въ.

и требовать выдачи имъ указа на вольность. 6-го апрѣля священники села Выграева Іоаннъ Загродскій и Сытниковъ Іоаннъ Чернодубравскій прислали ко мнѣ репорты о волненіи въ ихъ приходахъ. Надобно знать, что предъ тѣмъ былъ указъ консисторіи, чтобы въ случаѣ волненія крестьянъ въ какомъ-либо приходѣ, священники этихъ приходовъ должны репортовать благочинному, а благочинный долженъ немедленно являться туда для увѣщанія. Нарочному, принесшему репорты, я словесно сказалъ, что завтра рано буду въ тѣхъ приходахъ; и на другой день рано поѣхалъ одинъ, одною лошадью, безъ погонщика. Около с. Яновки узнаю, что въ Таганчѣ возмущеніе, и что тамъ былъ благочинный Николай Дашкевичъ и воротился уже домой. Благочинный Дашкевичъ, священникъ с. Яновки, мой зять, сестра моя родная за нимъ. Я заѣхалъ въ Яновку; но не успѣлъ разспросить подробно о возмущеніи таганскомъ, какъ пріѣхали туда командированные для умиротворенія крестьянъ: законоучитель бѣлоцерковской гимназіи и благочинный, свящ. Петръ Лебединцевъ, состоящій при генералъ-губернаторѣ подполковникъ Аѳанасьевъ и совѣтникъ кіевскаго губернскаго правленія Янкуліо, въ сопровожденіи пристава Саара. Благоч. Дашкевичъ разсказалъ имъ подробно про таганское дѣло; при семъ и я объявилъ, что въ моемъ вѣдомствѣ, въ селѣ Корниловкѣ, уже началось возмущеніе крестьянъ. Г. Аѳанасьевъ просилъ благ. Дашкевича сейчасъ поѣхать въ Таганчу; и когда тотъ отказывался неимѣніемъ лошадей, то Аѳанасьевъ просилъ меня дать свою лошадь благоч. Дашкевичу [1]), а мнѣ предложилъ ѣхать въ Корсунъ съ становымъ приставомъ Сааромъ и тамъ, разузнавши подробно, донесть ему, въ Таганчу, или явиться лично. Я оставилъ Сытники и Выграевъ, куда намѣревался ѣхать изъ дому, а поѣхалъ въ Корсунъ съ пр. Сааромъ. Тамъ, въ домѣ священника Тимоѳея Стрижевскаго, засталъ священника с. Корниловки Димитрія Подгаецкаго, который подробно разсказалъ о волненіи крестьянъ въ Бровахахъ и Корниловкѣ. Главное корсунское экономическое управленіе кн. Лопухина, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, извѣстило меня, что въ с. Гарбузинѣ крестьяне взяли своего священника и повели въ Таганчу, а потому просило меня поѣхать въ Гарбузинъ для

---

[1]) Благочинный Дашкевичъ остался все-же дома, не совѣтуя и намъ ѣхать въ Таганчу, явился туда утромъ слѣдующаго дня и тамъ былъ задержанъ крестьянами. П. Л—въ.

подробнаго разузнанія. На другой день, рано, діаконъ м. Корсуна Яковъ Костецкій вызвался ѣхать со мною въ Гарбузинъ на его лошадяхъ, и мы съ нимъ поѣхали; но только что выѣхали на дорогу, идущую изъ Гарбузина въ м. Таганчу, какъ увидѣли, что по той дорогѣ идетъ толпа народа. Приблизясь къ идущимъ, мы спросили, куда они идутъ. Тѣ отвѣчали, что вчера прихожане корниловскіе пришли къ нимъ въ Гарбузинъ, взяли ихъ священника и повели въ Таганчу, забрали и бумаги изъ церкви, а они будто идутъ выручать своего священника. Мы не поѣхали уже въ Гарбузинъ, а направились къ Таганчѣ. Пріѣхавши въ деревню Кичинцы, узнали, что священника Кудревича вечеромъ привели въ Кичинцы, гдѣ онъ переночевалъ въ коморѣ у крестьянина, а сегодня повели его въ Таганчу. Въѣзжая въ Таганчу по улицѣ, гдѣ сходятся дороги изъ с. Голяковъ и Мельниковъ, видимъ толпу крестьянъ и между ними священниковъ—с. Сытниковъ Чернодубравскаго и с. Гарбузина Кудревича, сидящихъ порознь одинъ отъ другаго. Когда мы приблизились, священники начали кричать къ намъ, прося защиты, и хотѣли подойти къ намъ, но ихъ не пустили, а намъ сказали: „ѣдьте, куда ѣдете, а то и вамъ будетъ такая-же честь.“ Поѣхали мы далѣе и когда въѣхали въ мѣстечко, то ужаснулись, увидѣвъ здѣсь больше народа, чѣмъ бываетъ во время ярмарки; все народъ мужескаго пола, пѣшій. Въѣхавши на средину мѣстечка, я спросилъ: „есть-ли тутъ чиновники изъ Кіева и гдѣ они квартируютъ?“ Мнѣ отвѣчали, что есть и что они ночевали въ трактирѣ. Я всталъ съ повозки, а діаконъ поѣхалъ къ тамошнему діакону. Я шелъ между народомъ и здоровался, но никто не отвѣчалъ мнѣ. Вошелъ я въ комнату, гдѣ былъ подполковникъ Аѳанасьевъ; онъ стоялъ у окна, глядѣлъ на площадь—на народъ, слезы были на его глазахъ. Онъ не замѣтилъ моего прихода. Сейчасъ-же вошли въ комнату съ площади о. Петръ Лебединцевъ и г. Янкуліо и начали спрашивать меня, что слышно въ Корсунѣ. Я объявилъ, что въ Корсунѣ пока все благополучно, но въ сосѣднихъ селахъ сильное возмущеніе и что двухъ священниковъ моего вѣдомства привели крестьяне въ Таганчу. Когда я началъ просить пособія освободить ихъ, г. Аѳанасьевъ сказалъ мнѣ на это: „мы сами въ опасности, и мнѣ непріятности дѣлали крестьяне; мы сами придумываемъ средства, какъ-бы убраться въ Корсунъ“. Потомъ прибавилъ: „вы, какъ можно скорѣе, старайтесь убраться отсюда, ибо здѣсь опасность большая и для васъ; только не унывайте, ибо не сегодня, то завтра прій-

дутъ войска для усмиренія, Если можно, пойдите къ мѣстному священнику и скажите ему отъ насъ, чтобы онъ ушелъ изъ дому и до времени схоронился" [1]).

Я вышелъ изъ трактира, но не успѣлъ пройти десяти шаговъ, какъ толпа народа окружила меня, стиснула и начала кричать: „берить его, вяжить его, винъ все знае, винъ насъ продавъ, уже сёмый годъ, якъ винъ за насъ забравъ гроши отъ панивъ; пристаньте до него лучше, винъ отдасть наше добро; винъ команда всихъ попивъ". Я спросилъ: „какое добро?" Тутъ посыпались на меня всякаго рода ругательства; называли меня христопродавцемъ, кровопійцею, панскимъ попыхачемъ. Трудно выразить всѣ хулы, какими порицали меня въ сіе время. Я сильно испугался, особенно, когда натискомъ ударили меня въ спину такъ сильно, что я упалъ-бы, если-бы не былъ въ толпѣ. Я спрашивалъ окружавшихъ меня крестьянъ, изъ какихъ они селъ; говорю: „можетъ быть вы меня неузнали?" Тутъ поднялся опять крикъ: „вяжить его, душить, винъ насъ продавъ, ёму паны очи золотомъ позалывалы". Я просилъ ихъ умолкнучь, дабы узнать, чего имъ собственно отъ меня хочется. Тутъ изъ толпы народа выходитъ большой, рыжій человѣкъ; онъ взялъ меня за руку и крикнулъ толпѣ: „молчать!" Немного утишились. Державшій меня за руки говорилъ мнѣ: „пиши до священникивъ, щобъ вони отдали намъ наше добро". Я спросилъ: „какое добро?" Но чуть я проговорю слово, какъ вдругъ опять подымается крикъ: „лучше ёго берить, не жалуйте!" Я увѣрялъ, божился, клялся, чѣмъ только могъ, что такого указа, какого они требуютъ, нѣтъ въ церквахъ; но моя божба ничего не помогала, а еще больше ихъ раздражала. Вижу, что это не шутка; я началъ говорить имъ: „какъ же я могу писать къ вашимъ священникамъ, когда я нахожусь въ неволѣ, и у меня нѣтъ ни бумаги, ни пера, ни чернилъ?" Вдругъ выходитъ человѣкъ небольшаго роста, (какъ я послѣ узналъ, это былъ крестьянинъ с. Корниловки, Корнилій Самуйловичъ Кудликъ, онъ же Заиченко, грамотный и состоялъ писаремъ въ экономической конторѣ), вынимаетъ изъ кармана чернильницу, перо и бумагу и даетъ мнѣ. Я спросилъ: „куда я буду писать?" Одинъ кричитъ: „нашему священнику", другой— „нашему" и т. д. Но тотъ рыжій человѣкъ крикнулъ, все держа

---

[1]) Этого священника прихожане держали предъ тѣмъ два дня въ церкви. П. Л.

меня за руки: „куды хочь пиши, а до насъ пидемъ, то самъ намъ выдасы изъ церкви наше добро". Я спросилъ: „а ты-же изъ какого села?" Онъ отвѣчалъ: „изъ Бровахъ". При сихъ словахъ я еще больше испугался и отъ испугу упалъ-бы, но меня такъ стиснули, что я стоялъ, какъ столбъ. Село Бровахи находится въ концѣ каневскаго уѣзда, въ концѣ корсунскаго имѣнія и въ концѣ моего благочинія, въ большомъ черномъ лѣсу, и отъ села сего очень мало сообщенія съ другими селами; посему я опасался туда идти, ибо думалъ, что какъ меня туда поведутъ, то тамъ, хотя и войско прійдетъ, не скоро дадутъ мнѣ защиту. Поэтому я всячески старался отклонять отъ того, чтобъ туда меня вели, и началъ говорить: „хотя къ вамъ и пойдемъ, то ничего въ вашей церкви не найдемъ. У васъ и за жизни вашего священника не было порядку въ церкви, а теперь тѣмъ болѣе". Къ счастью моему, кто-то изъ толпы народа крикнулъ: „нема чого ити въ нашу церкву. Димитрій якъ утикавъ на проводы, то забравъ вси бумаги важнійши изъ нашои церкви, то наше добро въ корниловскои церкви". Тутъ поднялся крикъ: „ведимъ его въ Корниловку". Я при сихъ словахъ немного обрадовался.

Когда все это происходило со мною, вижу—ѣдутъ Аѳанасьевъ, Янкуліо и о. Петръ Лебединцевъ, а съ ними два жандарма. Двое разсыльныхъ разгоняли толпу, я насильно вырвалъ у того рыжаго человѣка руки, поднялъ обѣ вверхъ и кричалъ, прося помощи; но тѣ, на чью помощь я могъ разсчитывать, сами были въ большомъ страхѣ; они посмотрѣли на меня и уѣхали въ Корсунъ.

Тогда люди начали еще горше меня тиснуть и пихать въ спину, ругаясь самыми срамными словами. Подступили ко мнѣ новые люди, требовали писать къ ихъ священнику и давали мнѣ бумагу; я молчалъ, а они толкали меня подъ бока кулаками. Наконецъ рѣшили идти; я проговорилъ, что у меня есть лошадь. При семъ посыпались новыя ругательства, толпа народа разступилась и меня повели тою дорогою, которою я въѣзжалъ въ Таганчу. За мною ринулась вся толпа. Не много прошли, вижу—на встрѣчу мнѣ ведутъ священника с. Гарбузина Михаила Кудревича. Поровнявшись, мы остановились. Я говорилъ тѣмъ, что вели этого священника: „вы говорили, что идете выручать его, а теперь насмѣхаетесь надъ нимъ". Вдругъ выбѣгаетъ изъ той толпы человѣкъ и съ размаху бьетъ меня по шеѣ; но рыжій не далъ больше бить меня и сказалъ: „бийте свого, а съ

симъ мы знаемъ, що зробить, якъ не выдасть намъ указа". Тутъ немного постояли и рѣшили обоихъ насъ вести въ Корниловку, только не вмѣстѣ, дабы не сговаривались. Около о. Кудревича шли гарбузинскіе люди, а около меня изъ разныхъ селъ; рыжій постоянно шелъ около меня.

Вышли изъ м. Таганчи въ лѣсъ; тамъ были перекрестныя дороги: вижу, по ней идутъ двѣ женщины; я узналъ, что это моя родная сестра, жена свящ. Дашкевича, и ея дочь. Они узнали меня и остановились, встали съ повозки и хотѣли подойти ко мнѣ, но ихъ отпихнули и не допустили. Спрашивала сестра: „гдѣ мой мужъ?" Я отвѣчалъ: „не знаю, не видѣлъ." А одинъ человѣкъ отвѣчалъ: „твого благочиннаго повели въ Мартыновку, твій ще въ чести—поихавъ повозкою, а цей нехай иде, якъ собака, пишки." Свящ. Кудревичъ спросилъ мою сестру, нѣтъ-ли у нихъ хлѣба. Погонщикъ вынулъ кусокъ хлѣба и далъ. Сестра и я заплакали и разошлись.

Насъ повели далѣе. Свящ. Кудревичъ ослабъ и не могъ идти скоро; его повели торною дорогою, а меня по окраинѣ дороги. Я шелъ-бы скоро, но караульные около меня не позволяли; шло впереди человѣкъ десять и сзади меня тоже человѣкъ десять; шли гуськомъ, я среди ихъ. Если я хотѣлъ ступить шире и идти шибче, передній караульный спиной пихалъ меня назадъ, а задній караульный пихалъ въ спину. Я шелъ какъ арестантъ, и такъ меня вели до деревни Кичинецъ на разстояніи 8 верстъ.

Проходимъ чрезъ Кичинцы, женщины и дѣти выходили изъ домовъ, ругали меня, плевали, бросали щепками и соромъ. Подойдя къ корчмѣ, остановились, поджидая свящ. Кудревича. Предлагали мнѣ пить водку, но я не пилъ. Изъ нихъ никто не пилъ водки, кромѣ Кудлика (грамотнаго); онъ былъ очень пьянъ. Здѣсь присоединился къ караулу моему новый человѣкъ — молодой и слѣпой на одинъ глазъ. Только-что начали отходить отъ корчмы, какъ слѣпой ударилъ меня палкою по спинѣ, приговаривая: „отдай, проклятый, наше добро, не мучь насъ"; хотѣлъ ударить другой разъ, но рыжій не позволилъ. Изъ Таганчи шли лѣсомъ, потому не видно было, сколько идетъ народа. Изъ Кичинецъ до Корниловки шли полемъ подымаясь на гору, оглянулся я и ужаснулся, увидѣвши сколько народу—больше пяти сотъ.

Въ Корниловкѣ остановились около церкви. Я сѣлъ на ступенькахъ и началъ говорить: „люди добрые, намъ всѣмъ въ церковь нѣтъ чего идти: будетъ только безпорядокъ и шумъ;

изберите человѣкъ десять и пойдемъ. Я вамъ покажу всѣ бумаги, ищите себѣ вашего указа." На мое предложеніе согласились, въ церковь вошло немного людей. Я взялъ эпитрахиль и приказалъ старостѣ церковному вынести изъ ризницы всѣ бумаги; староста вышелъ съ бумагами; тогда въ церковь вошелъ и Кудликъ (писарь), сильно пьяный. Всякую бумагу я перелистывалъ и отлагалъ въ сторону; нашелся одинъ манифестъ, такъ чисто сохраненный, какъ-бы сейчасъ изъ типографіи. Увидѣвши этотъ манифестъ, Кудликъ громко закричалъ: „есть наше добро!" На его крикъ набѣжало людей полная церковь. Кудликъ взялъ манифестъ: „ни, це не воно, це о новорожденномъ изъ царскои фамиліи." Послѣ, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: „наше добро въ Евангеліяхъ." Поднялся крикъ: „шукайте тамъ." Я вошелъ въ алтарь, взялъ Евангеліе и началъ перелистывать; Кудликъ стоялъ съ одной стороны престола, а съ другой — другой человѣкъ и смотрѣли. Осмотрѣли одно Евангеліе и другое. Кудлику пьяному стало трудно стоять и онъ говоритъ: „мабуть наше добро схована пидъ престоломъ, пиднимить одежду." Я ему отвѣчалъ: „сего я не могу для тебя сдѣлать — разоблачать св. престолъ." Стоявшій на сѣверныхъ вратахъ слѣпой крикнулъ на меня: „якъ ты сміешь нашого благородного человика Корнилія Самуиловича называть *ты*; ты его не стоишь; перепроси въ нашихъ очахъ." Поднялся шумъ въ церкви, я испугался; но Кудликъ отозвался: „я имъ прощаю, воны ще не знають, що я за человікъ." Вижу—входитъ въ алтарь человѣкъ пожилой и говоритъ мнѣ: „О. благочинный, не шукайте нашого добра тутъ. О. Димитрій, якъ утикавъ изъ церкви, то взявъ наше добро, бо бачили у іого за пазухою бумагу." Услышавши это, люди подняли крикъ въ церкви, вытащили того человѣка изъ церкви, начали бить кулаками и ногами, приговаривая: „а чому-жъ ты не сказавъ сего тоди?" Рыжій входитъ въ алтарь и говоритъ мнѣ: „нема чого тутъ намъ сидить, ходимъ въ гарбузинску церковь." Я закрылъ св. престолъ, снялъ епитрахиль и пошелъ изъ церкви. Св. Кудревичъ сидѣлъ подъ колокольнею. Направились идти въ Гарбузинъ.

Въ Корниловкѣ жилъ лѣсничій—капитанъ; когда шли мимо его квартиры, онъ вышелъ и началъ увѣщевать народъ не дѣлать замѣшательствъ. Человѣкъ нѣсколько погналось за нимъ и онъ ушелъ въ квартиру.

Пришли въ Гарбузинъ (на разстояніи 3-хъ верстъ отъ Корниловки), а шли такимъ-же порядкомъ, какъ изъ Таганчи (я—подъ

карауломъ). Около церкви вышла жена священника Кудревича съ груднымъ младенцемъ, мать священника съ хлѣбомъ, падали предъ людьми на колѣни, плакали, прося не мучить меня и ея мужа. Люди не обращали на слезныя ихъ просьбы никакого вниманія, а еще смѣялись. Въ дверяхъ церкви стоялъ заштатный священникъ, отецъ мѣстнаго священника, Лука Кудревичъ. Церковь была отворена. Я вошелъ въ церковь. На аналоѣ лежали эпитрахиль и ризы, приготовленные священникомъ; я надѣлъ ризы и вошелъ въ алтарь. Толпа народа вошла за мною въ церковь и закричала: „теперь мы пропали! хто давъ ризы?" Старосту церковнаго вытолкали въ шею изъ церкви. Я сталъ предъ престоломъ, взялъ Евангеліе и началъ читать. Въ церкви происходили шумъ, крикъ и даже ругательства—зачѣмъ меня впустили въ церковь и дали ризы? Нѣсколько человѣкъ входили въ алтарь, просили и требовали, чтобы я сбросилъ ризы и вышелъ къ нимъ. Я не отвѣчалъ на ихъ слова, а читалъ Евангеліе. Священникъ—старикъ стоялъ на клиросѣ; къ нему не привязывались. Пришелъ въ церковь не скоро и свящ. Михаилъ Кудревичъ, но не долго сидѣлъ,—обомлѣлъ и его отнесли на рукахъ въ домъ. Слѣпой нѣсколько разъ вбѣгалъ въ алтарь, хватался за ризы и хотѣлъ снять съ меня. Я держался, и онъ уходилъ съ ругательствами и похвалками на меня. Я подозвалъ къ себѣ заштатнаго священника и просилъ его (дьячекъ ушелъ въ гарбузинскій монастырь) замѣнить отсутствующаго дьячка при служеніи вечерни, которую я располагалъ тотчасъ начать, причемъ просилъ его пѣть протяжно. Священникъ—старикъ согласился и пошелъ на клиросъ. Пономарь, тоже заштатный, Ѳедоръ Радзивиловскій, глубокій старикъ, взялся прислуживать мнѣ въ алтарѣ. Начали вечерню, отправляли какъ можно медленнѣе; люди въ церкви смолкли, шуму не было; людей сначала было много, а послѣ меньше. Я замѣтилъ, что караулъ стоялъ около церкви подъ окошками, и у иконостаса—на сѣверныхъ и южныхъ вратахъ. Вратъ царскихъ я не отворялъ и кадилъ только около престола, а на средину церкви не выходилъ. Такъ отправлена была вечерня; отслужили и утреню, тропари пѣли, какъ на Свѣтлое Воскресеніе. Когда утреня приходила къ концу, меня занимало, что я буду дѣлать дальше? меня обнималъ страхъ. Ноги у меня подгибались, руки тряслись; присѣсть было не на чемъ, стулья и скамейки повынесли. Я пригласилъ старика Кудревича и просилъ пособлять еще при чтеніи акаѳистовъ Спаси-

телю и Божіей Матери. Въ это время заштатный пономарь Радзивиловскій успѣлъ принесть мнѣ секретно просфоры и вино; сперва за нимъ не присматривали, а послѣ начали слѣдить. Въ Гарбузинѣ жилъ землемѣръ экономическій (Толкуновъ), мнѣ знакомый. Я написалъ секретно записку карандашемъ и вложилъ оную за галстукъ Радзивиловскому, чтобы онъ отнесъ землемѣру. Въ запискѣ я просилъ послать кого-нибудь въ сосѣдній монастырь, дабы пріѣхалъ духовникъ исповѣдать меня, ибо со мною по временамъ дѣлалось дурно. Заштатный свящ. Кудревичъ былъ въ запрещеніи богослуженія, а молодой сынъ его былъ больной. Вскорости Толкуновъ прислалъ мнѣ отвѣтъ, что никто изъ іеромонаховъ не соглашается ѣхать исповѣдывать меня,— боятся возбужденныхъ крестьянъ, и при семъ извѣстилъ, что солдаты уже идутъ въ Корсунъ. По прочтеніи акаѳист въ, старикъ священникъ попросился идти отдохнуть, а я присѣлъ на полу предъ престоломъ; тихонько входитъ въ алтарь какой-то человѣкъ и, полагая, что я дремлю, схватилъ ризы, бывшія на мнѣ, и хотѣлъ снять, но я удержалъ. Послѣ этого я всталъ и началъ читать молитвы ко св. Причащенію.

Среди народа начался сперва шумъ, а далѣе разговоръ; караульнымъ принесли ужинъ и они сѣли ужинать около клироса. Мнѣ было уныло и тяжело на сердцѣ; я ослабъ, потъ катился съ меня, ноги подкосились и я упалъ; сторожевые вбѣжали въ алтарь и хотѣли меня поднять, но я самъ приподнялся. На стукъ набѣжало много людей въ церковь, а слѣпой вбѣжалъ въ алтарь, схватилъ за ризы и нахально тянулъ меня изъ алтаря; я взялъ въ руки Евангеліе, слѣпой увидѣлъ и оставилъ меня; только идучи изъ алтаря, осыпалъ меня ругательствами и проклятіями.

Вѣрный слуга, пономарь Радзиволовскій съумѣлъ приготовить мнѣ подризникъ, поручи и поясъ. Подъ горнимъ мѣстомъ была скамеечка; пользуясь случаемъ, когда сторожевые вздремнули, я одною рукою поднялъ эпитрахиль и ризы на себѣ, а другою набросилъ на себя подризникъ на ряску. Эту мою находчивость замѣтилъ караульный чрезъ окно алтарное, сейчасъ вбѣжалъ въ церковь, потревожилъ лежавшихъ на сѣверныхъ и южныхъ вратахъ, и тутъ-же завелся между ними споръ и чуть не дошло до драки за то, какъ они допустили мнѣ облачиться во все священническое облаченіе.

Около того времени пришелъ въ церковь землемѣръ Толкуновъ съ своимъ семействомъ и просилъ меня отслужить акаѳистъ

Божіей Матери и молебенъ великомученику Георгію. Я сему случаю очень былъ радъ, чтобы мнѣ не спать и неунывать. Пригласили старика священника Кудревича и я служилъ какъ можно медленнѣе. Спросилъ я сего господина, скоро ли будетъ разсвѣтать. Онъ отвѣчалъ, что чрезъ полчаса. Тогда-же входятъ два человѣка—старика: вошли въ церковь безъ всякаго уваженія ко храму Божію, поздоровались съ караульными и спрашиваютъ: „ащо ничого не помагаеться? не отдае добра? говорятъ, що голякивскій пипъ отдавъ своимъ парахвіанамъ добро, а наше и всихъ насъ и васъ сей благочинный сховавъ пидъ престоломъ въ сотницки церкви и тамъ вси попы присягли не выдавать нашого добра [1]); але возьмимся до нёго лучше, винъ розришить клятьбу и выдасть наши указы". Землемѣръ при семъ глупомъ разсказѣ засмѣялся. Крестьяне это замѣтили и насильно выгнали его изъ церкви съ семействомъ.

Начало свѣтать; я позвалъ Радзивиловскаго пономаря, благословилъ ему звонить и звонить долго, а литургію обѣщалъ начать позже. Время до начатія литургіи я провелъ въ чтеніи Евангелія. Послѣ проскомидіи я опасался выходить съ кадиломъ на церковь, а кадилъ одинъ алтарь; выходя изъ алтаря для малаго входа, я увидѣлъ, что людей было довольно въ церкви и стояли всѣ чинно, на большомъ входѣ я уже кадилъ всю церковь. По окончаніи литургіи (которую я, въ сей разъ, служилъ съ такимъ чувствомъ и благоговѣніемъ, какъ никогда не служилъ во все время моего священства), я раздробилъ просфоры и, раздавая антидоръ, христосовался со всѣми, какъ на праздникъ Воскресенья Христова; послѣ просилъ ихъ забыть все, что происходило между нами недобраго. Но разоблачаться я не думалъ, не довѣряя имъ, и не хотѣлъ выходить изъ церкви; вдругъ сотскій подноситъ мнѣ записку, писанную становымъ приставомъ Деркачевымъ, въ которой строго предписывалось сотскому удерживать крестьянъ отъ ихъ нахальства и нелѣпыхъ претензій къ священникамъ подъ сильною отвѣтственностію. Я прочиталъ записку и отдалъ сотскому. Въ это время нѣсколько человѣкъ—стариковъ вошли въ алтарь съ благоговѣніемъ, положили по земному поклону, испросили у меня благословенія и просили разоблачиться и выходить изъ церкви, обѣщаясь и клянясь не дѣлать мнѣ никакихъ непріятностей. Я повѣрилъ ихъ клятвѣ, разоблачился и вышелъ изъ цер-

[1]) На самомъ дѣлѣ здѣсь священники моего благочинія выполняли присягу на вѣрность и подданство Государю Императору Александру Николаевичу.—*Авт.*

кви, меня провожали и просили благословенія; я ихъ увѣщевалъ и просилъ забыть все прошедшее. Но вдругъ, чуть я вышелъ изъ погоста церковнаго, какой-то старикъ, въ грязной свитѣ, ухватилъ меня за рясу и ударилъ по шеѣ. Отъ внезапнаго испугу, удара, а всего больше отъ усталости, я упалъ на землю и обомлѣлъ; народъ испугался, принесли воды, облили мнѣ рясу и немного привели въ чувство. Я опомнился, но не былъ въ силахъ идти, и сидѣлъ на землѣ, въ грязи. Я еще не совсѣмъ опомнился, какъ опять кто то ударилъ меня ногою въ спину такъ сильно, что я упалъ животомъ на землю и опять обомлѣлъ; подняли меня на рукахъ и замѣтно испугались, ибо стала тишина въ народѣ,— никто не говорилъ ничего. Смотрятъ, пріѣзжаетъ верхомъ человѣкъ (послѣ оказалось изъ с. Сотниковъ); вся толпа къ нему, долго что то говорили тихо; верховой поѣхалъ обратно, а народъ обратился опять ко мнѣ, взяли меня подъ руки и начали вести, не дорогою, а полемъ рабочимъ. Куда вели, я сперва не зналъ. Я просилъ отступить отъ меня, чтобы я шелъ самъ; но слѣпой опять явился, ударилъ меня кулакомъ по спинѣ и сказалъ: „тутъ тоби буде аминь (смерть.“) Вели меня все въ гору; я задыхался и спотыкался, случалось, и падалъ; народъ смѣялся. Вышли на гору; тогда я узналъ, что мы около доревни Кичинецъ. Слышу, говорятъ: „поведимъ его, да покупаемъ въ ставу; винъ подужчае“; но одинъ изъ толпы выходитъ и говоритъ: „ему вода не страшна, винъ рыбалка, уміе плавать добре“. Говорившій былъ житель с. Бровахъ, Петръ Канобасъ; по мастерству онъ былъ рѣщикъ, дѣлалъ иконостасъ въ мироновскую церковь и потому зналъ меня.—Постоявши немного на горѣ, опять пошли полемъ, а куда, я не спрашивалъ. Только показалось село, я сейчасъ узналъ, что это Корниловка. „А що радостно тоби стало, якъ побачивъ Корниловку? не радій, не будешь бачиться съ своею ріднею“ [1]). Тутъ-же другой подхватилъ: „ему родня буде сю ничь—булава, а постеля—сыра земля“. Подошли къ селу не дорогою, а чрезъ огородъ, пришли къ одному хозяину. Я истомился, не могъ далѣе идти и сѣлъ на землѣ подъ хатою. Хозяинъ вынесъ мнѣ свитку, положилъ окого меня и просилъ прилечь (хозяинъ назывался Волкъ). Я легъ и тотчасъ уснулъ, и уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Долго-ли я спалъ, не скажу; только послышался крикъ. Я проснулся, открылъ глаза и вижу: около меня женщины съ кіями.

---

[1]) Села Корниловки священникъ Подгаецкій—двоюродный братъ моей жены; при немъ жили двѣ его сестры.—*Авт.*

Женщинъ было около десяти и одна тотчасъ же ударила меня по спинѣ „истыкомъ“ [1]). Поднялся крикъ: „чоловики (мужья) тоби блажять, а мы не будемъ миловати тебе, проклятый; ты нашъ збавитель (губитель), ты насъ мучишь, ты насъ продавъ“—приговариваютъ и бьютъ меня то по головѣ, то по спинѣ; сняли съ меня сапоги, рясу, облили водою, на голову насыпали земли; мужчины смотрятъ и ничего не говорятъ имъ. Потомъ немного успокоились и начали совѣтоваться, что со мною далѣе дѣлать? Одни говорятъ: „посадить въ сажъ—къ свиньямъ;“ другіе: „посадить въ яму, гдѣ на зиму хоронятъ картофель и гдѣ лѣтомъ много жабъ“, третьи говорили: „посадить въ колодезь“, и много еще выдумывали, какъ одна женщина—большаго росту и немолодая—громко крикнула: „беримъ ёго та пидемъ въ переваги зъ нымъ“ [2]) и при сихъ словахъ схватила меня за ноги и потянула по землѣ—по кочкамъ. Я обомлѣлъ и не помнилъ, что со мною дѣлали. Отрезвили меня опять водою, обливши рясу на мнѣ и измаравши грязью; кровь лилась у меня изъ носа и ушей. Придя въ себя, я замѣтилъ, что лежалъ не далеко церкви, подъ частоколомъ, на улицѣ. Какъ меня туда перенесли, я не помню. Около меня теперь не было крестьянъ, только стояла женщина, не изъ простыхъ. Сперва я не узналъ ее, такъ у меня въ глазахъ потемнѣло; а послѣ узналъ, что это вдовая священница, сестра двоюродная моей жены. Я сѣлъ подъ частоколомъ; начали собираться опять люди, сперва мужчины, а потомъ женщины; чрезъ частоколъ дѣти сыпали мнѣ на голову землю и всякую гадость, а женщины начали дѣлать надо мною разныя издѣвательства и насмѣшки. Меня томилъ голодъ и жажда. Жена дьячка принесла мнѣ въ мисочкѣ борщу; одна женщина подбѣжала и разлила. Староста церковный принесъ мнѣ въ ведрѣ березоваго соку; подбѣжали женщины, сокъ выпили, а ведро загадили. Вижу—ѣдетъ воловая подвода и на ней кто-то лежитъ; это былъ свя-

---

[1]) Родъ лопатки для очистки земли на плугѣ.

[2]) Перевага или перевѣшиваніе—дѣтская игра. Она состоитъ въ томъ, что двое мальчиковъ или дѣвочекъ, взявъ длинную доску и положивъ ее поперекъ толстаго бревна или просунувъ чрезъ плетень такъ, чтобы серединой она опиралась на плетень, садятся по краямъ доски и попеременно то подымаясь отъ земли, то опускаясь внизъ, качаются и какъ-бы перевѣшиваютъ другъ друга. Въ шутку подростки пробуютъ положить кого-нибудь изъ своей среды вмѣсто доски; но далѣе шутки такая продѣлка, конечно, не идетъ. Бабы задумали замѣнить доску благочиннымъ, авторомъ разсказа, а онъ былъ очень длиненъ и, что называется, поджаристый. Въ этомъ и высшее озлобленіе и юморъ національный.

Ред.

щенникъ с. Гарбузина Кудревичъ—полумертвый. Для чего они его сюда привезли?—Для одного посмѣянія; онъ и не вставалъ съ повозки. Немного спустя привезли дьячка изъ села Бровахъ Максима Григоровича и принесли мѣшокъ бумагъ, взятыхъ изъ бровахской церкви, положили эти бумаги предо мною и приказывали искать между ними ихъ указа; я отказался, но велѣлъ дьячку пересматривать всякую бумагу, въ виду всѣхъ. Между бумагами нашлись вѣнчики раззолоченные; увидѣли женщины и закричали отъ радости: „оце наша грамота, зъ золотыми печатьми; бачь, де цей проклятый, нашъ христопродавець, зховавъ". Я при семъ засмѣялся. Замѣтивши это, женщины схватили меня за ноги и поволокли по дорогѣ, въ колючки. Дьячекъ Григоровичъ хотѣлъ меня защитить, тогда одинъ человѣкъ схватилъ его за волоса и, поваливши, такъ сильно ударилъ о землю, что тотъ обомлѣлъ; всѣ испугались, вскорости принесли воды и освѣжили его; онъ подползъ къ частоколу, гдѣ я сидѣлъ, и легъ, меня-же бросили въ колючкахъ. Начали любопытствовать вѣнчиками, которыхъ былъ цѣлый листъ. Староста церковный, доброй души человѣкъ, началъ имъ объяснять, что это вѣнчики, которые полагаются на умершихъ. Тутъ слѣпой подбѣгаетъ (его долго не было), схватилъ за волосы старосту и повалилъ на землю; послѣ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ за ноги и, при пособіи другихъ, приволокъ меня на прежнее мѣсто подъ частоколъ. Голова у меня закружилась, я не могъ сидѣть и прилегъ; онъ схватилъ меня за бороду, поднялъ мнѣ голову и посадилъ; гдѣ взялась женщина (говорили, что слѣпаго жена) съ большою палкою и ударила меня по головѣ. Я руками хотѣлъ закрыть голову, меня схватили за руки и кричали: „убій за собаку, де винъ udовавъ те добро, що виграевскій дякъ возивъ по всихъ попахъ" [1]). Какой-то молодой человѣкъ выступилъ изъ толпы и началъ просить, чтобы меня не мучили; женщины кулаками прогнали его далеко. Я сидѣлъ и какъ собака смотритъ на убивающаго ее, такъ я смотрѣлъ пристально на женщинъ, стоявшихъ предо мною съ палками. Какими словами они меня ругали, нельзя выразить. Жена поручика, сестра свящ. Подгаецкаго, женщина пожилая, пришла на позоръ сей и начала увѣщевать ихъ не дѣлать такихъ безчиній и посмѣяній,—ее прогнали съ безчестіемъ.

Послышался въ далекѣ лошадиный топотъ. Всѣ туда обратили взоры; пріѣхалъ верховой. Вся толпа бросилась къ нему; что

---

[1]) Возилъ онъ одинъ консисторскій указъ по благочинію.—*Авт.*

тамъ было говорено, мнѣ неизвѣстно, только послѣ сего свиданія всѣ впали въ какое-то уныніе. Женщины начали расходиться. Я принялъ дерзновеніе и началъ говорить къ нимъ: „идите да варите ужинъ для гостей“. „Для якихъ гостей?“ спрашивали меня. Я отвѣчалъ: „и я вашъ гость, а еще, можетъ быть, и другіе будутъ (я разумѣлъ здѣсь солдатъ)“. Женщины разошлись, а мужчины остались.

Въ такихъ истязаніяхъ прошелъ цѣлый день; одна благодать Божія меня укрѣпляла! Уже солнце начало заходить за лѣсъ и послышался звонъ въ гарбузинскомъ монастырѣ. Крестьяне начали креститься. Послышался звонъ и въ Корсунѣ. Ко мнѣ подходитъ нѣсколько человѣкъ, просятъ благословить ихъ, просятъ идти служить. Это было въ субботу. Но я сильно ослабъ, съ трудомъ всталъ. Принесли воды—я умылся, рясу вычистили, принесли сапоги, а шляпы не было (у хозяина Волка осталась). Дьячекъ броваxскій лежалъ больной; пономарь Волошинъ уѣхалъ въ Корсунъ,—не съ кѣмъ было служить. Привели грамотнаго мальчика крестьянскаго. Я пошелъ въ церковь, людей собралось полная церковь. Началась всенощная. Мальчикъ опытный, хорошо читалъ и пѣлъ; люди стояли чинно и молились. На утрени, на 9-й пѣснѣ, послышался на колокольнѣ необыкновенный звонъ,—какъ-бы на какую тревогу. Я послалъ старосту узнать; возвратившись, онъ сказалъ мнѣ тихо: „ратники вошли“. Я при семъ извѣстіи какъ-бы вновь родился; люди всѣ побѣжали изъ церкви и начался опять необыкновенный звонъ. По окончаніи утрени, остались въ церкви только грамотный мальчикъ, староста и поручикъ Гарасименко. Я сталъ совѣтоваться съ ними, что мнѣ теперь дѣлать? они совѣтовали не выходить изъ церкви. Я полагалъ, что солдаты или ратники пришли въ с. Корниловку; но узнаю, что рота солдатъ пришла въ Корсунъ, а сюда пріѣхалъ разсыльный съ извѣстіемъ. Долго я стоялъ въ раздумьѣ; входятъ человѣкъ около десяти и требуютъ, чтобы я шелъ къ нимъ на дворъ. Я думалъ не идти; но они сказали: „поведемъ по неволі“ и я пошелъ. Людей было многое множество; уже смерклось, гулъ отъ говору по лѣсу раздавался страшно; крикъ женщинъ и плачь дѣтей—все это придавало ужасъ всѣмъ, и особенно мнѣ. Только-что я показался предъ толпою, такъ и закричали: „звяжимъ ёго, або спутаймо, а то винъ одъ насъ утиче“. Я спросилъ: „куда вы думаете идти?“ они отвѣчали: „мы то знаемъ, куда“. Но не очень уже занимались, повидимому, мною,

и я началъ ихъ уговаривать, чтобы они оставили худую мысль—идти противъ войска, а чтобы смирились и послали отъ себя понятыхъ въ Корсунъ просить прощенія; то же говорилъ и поручикъ Гарасименко (онъ изъ крестьянъ, былъ отданъ въ солдаты еще въ 1807 году). При сихъ словахъ, внезапно схватили меня за руки, поворотили спиною, связали поясомъ и поручили какому-то человѣку Кузьмѣ меня караулить. Гдѣ взялся рыжій (его долго не было) и говоритъ мнѣ ласково: „вы знаете, що у насъ уже все начальство нове, управляющимъ уже Петро Кукла (крестянинъ изъ Выграева), секретаремъ—Корнилій Самуйловичь. Князя завтра не буде, не буде и Бирона (управляющаго). А вамъ доступъ на добру волю; якъ пидете зъ нами, то даруемъ жизнь; а не пидете, то поведемъ силою и завтра повисимо на тимъ шпили, що, якъ у князя балъ, то вывишують флагъ". Я спросилъ: „да куда-же съ вами идти?". „Мы знаемъ, куда пидемъ", отвѣчали. „Если на добро, то я согласенъ",—отвѣчалъ я. Вдругъ послышался крикъ: „то мы зле думаемъ?" и на меня посыпались кулаки со всѣхъ сторонъ и по спинѣ, и по головѣ, и въ животъ. Я содрогнулся. Поручикъ Гарасименко, стоя около меня, крикнулъ: „меня бейте и убейте; я кровь за васъ проливалъ, а его не бейте, онъ невиновенъ предъ вами; онъ за васъ Богу молился". Слова сего старика воина сильно подѣйствовали; сейчасъ заговорили: „берить его, Несторъ Гарасимовичъ до себе, пидкріпить его, а мы будемъ радиться, що робить". Я обрадовался и пошелъ съ поручикомъ въ домъ священника. Не успѣлъ я закусить, какъ входятъ три человѣка въ домъ и требуютъ, чтобы я шелъ къ людямъ. Поручикъ вытолкалъ ихъ изъ дому; но чрезъ минутъ пять уже вошло въ домъ человѣкъ нѣсколько и нахально требовали, чтобы я шелъ къ людямъ. Я взялъ кусокъ хлѣба и заплакалъ, жена поручика дала мнѣ и сала; я попрощался со всѣми ими и пошелъ.

Была ночь темная; дулъ вѣтеръ, народъ шумѣлъ, гулъ страшный раздавался по всему селу и по лѣсу.

(Окончаніе будетъ).

Архивъ Малороссiйской Коллегiи

при Харьковскомъ Университетѣ.

Въ послѣднiе годы въ русской ученой литературѣ поднятъ вопросъ о необходимости устройства въ провинцiяхъ центральныхъ архивовъ, съ цѣлью ихъ научной разработки. Надъ этимъ вопросомъ особенно много работалъ Н. В. Калачевъ, управляющiй центральнымъ архивомъ Министерства Юстицiи въ Москвѣ. Благодаря его-же старанiямъ въ Петербургѣ учрежденъ Археологическiй Институтъ для приготовленiя ученыхъ архивистовъ и, кромѣ того, подъ его предсѣдательствомъ, при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенiя учреждена особая коммисiя для правильнаго и единообразнаго веденiя архивнаго дѣла въ Россiи. Н. В. Калачевъ ожидаетъ особенной пользы отъ устройства въ разныхъ мѣстностяхъ отечества ученыхъ архивовъ и историческихъ обществъ. „Польза эта, по его словамъ, заключается не только въ поощренiи, которое будетъ дано означенными архивами и обществами разработкѣ отечественной исторiи, но вмѣстѣ съ тѣмъ— въ возвышенiи въ средѣ народа какъ образованiя вообще, такъ и любви къ своей родинѣ и, въ особенности, къ своей мѣстности, которую такъ сильно развиваетъ наглядное изученiе ихъ исторiи и памятниковъ“ (т. IV-й Сборника государственныхъ знанiй: Архивы, ихъ государственное значенiе). Въ виду подобной высокой пользы отъ провинцiальныхъ научныхъ архивовъ, нельзя не пожелать скорѣйшаго осуществленiя мысли г. Калачева о распространенiи у насъ хранилищъ подобнаго рода, по крайней мѣрѣ въ такихъ центрахъ науки, какъ университетскiе города. Это тѣмъ болѣе желательно, что до сихъ поръ наша интеллигенцiя совершенно равнодушно относилась къ какимъ бы то ни было древлехранилищамъ.

На нашемъ югѣ, напримѣръ, можно сказать, вовсе почти нѣтъ частныхъ хранилищъ письменной и печатной старины, собираемыхъ ея любителями. Даже общественныхъ архивовъ старыхъ дѣлъ, существующихъ съ спеціально-научной цѣлью, у насъ всего одинъ: мы разумѣемъ центральный архивъ юго-западнаго края, состоящій при кіевскомъ университетѣ въ завѣдываніи особой археографической коммисіи. Въ Одессѣ, правда, есть также крайне интересный архивъ, но онъ, къ сожалѣнію, составляетъ недоступную для постороннихъ собственность одного лица, хотя, по всей справедливости, ему слѣдовало-бы сдѣлаться общимъ достояніемъ. Это часть запорожскаго архива, пріобрѣтеннаго г. Скальковскимъ изъ екатеринославскаго губернскаго правленія. Конечно, нельзя не быть признательнымъ г. Скальковскому за сохраненіе упомянутаго архива, который, не попади въ его руки, очень легко могъ-бы погибнуть, какъ погибло много малороссійскихъ архивовъ при разнаго рода присутственныхъ мѣстахъ; при всемъ томъ нельзя не пожелать, чтобы онъ, хотя въ будущемъ, перешелъ въ завѣдываніе какого либо ученаго общества [1]). Г. Харьковъ до послѣдняго времени также не имѣлъ историческаго архива. Но въ 1879 г. вслѣдствіе моего доклада, историко-филологическое общество, состоящее при университетѣ, возбудило вопросъ о пріобрѣтеніи архива старыхъ дѣлъ, находившагося въ г. Черниговѣ при губернскомъ правленіи. Подлежащее вѣдомство, къ которому харьковскій университетъ обращался съ просьбой о передачѣ ему упомянутаго архива для научной разработки, изъявило полное свое согласіе на такую передачу. Въ томъ-же году архивъ былъ перевезенъ мною изъ Чернигова и сданъ харьковскому университету.

Переданный университету архивъ носитъ названіе Архива Малороссійской Коллегіи. Въ составъ его вошли дѣла Генеральной Войсковой Канцеляріи, состоявшей при малороссійскихъ гетманахъ почти со времени присоединенія Малороссіи къ Россіи, и затѣмъ дѣла собственно Малороссійской Коллегіи, которая существовала съ 1722 по 1727 г. и потомъ съ 1764 по 1786 г. Кромѣ того тамъ-же есть часть дѣлъ черниговскихъ полковой канцеляріи и гродскаго суда. Первоначально упомянутый архивъ

---

[1]) Остальная часть архива Сѣчеваго, какъ говорятъ, хранится въ Петербургѣ при Военномъ Министерствѣ, куда онъ отправленъ былъ генер. Текелли. Очень желательно, чтобы кто либо изъ интересующихся южно-русской стариной навелъ справки на мѣстѣ о существованіи и положеніи этого архива.

находился въ г. Глуховѣ, какъ резиденціи гетмановъ и мѣстопребываніи Малороссійской Коллегіи. По закрытіи послѣдней въ 1786 г. архивъ ея, вмѣстѣ съ дѣлами генеральной войсковой канцеляріи, былъ переведенъ въ Черниговъ, въ учрежденный тогда „губернскій архивъ", переименованный впослѣдствіи въ архивъ губернскаго правленія. Въ томъ-же 1786 г. были переданы въ черниговскій губернскій архивъ рѣшенныя дѣла черниговской полковой канцеляріи и гродскаго суда, закрытыхъ при учрежденіи намѣстничествъ (см. Топографич. Описаніе черниговск. намѣстничества, составл. въ 1786 г. Шафонскимъ, ч. 1, стр. 135) [1]).

Размѣръ поступившаго въ вѣденіе харьковскаго университета архива довольно значителенъ, но опредѣлить его количествомъ дѣлъ невозможно, такъ какъ при архивѣ имѣются описи только части дѣлъ. Вѣсъ дѣлъ всего около 600 пудовъ, а если разложить дѣла въ одинъ рядъ, высотой въ полулистъ бумаги, то они займутъ пространство длиной въ 120 саженъ.

Этотъ архивъ уже тронутъ рукой изслѣдователя. Въ теченіи столѣтняго его нахожденія въ Черниговѣ покой его, вѣроятно, тревожили еще съ прошлаго вѣка разнаго рода любители старины и лица, собиравшія матеріялы для исторіи Малороссіи, въ родѣ Теплова и т. п. А что имъ пользовались разные изслѣдователи съ начала нынѣшняго столѣтія, это положительно извѣстно. Такъ, къ упомянутому архиву обращались за матеріалами южно-русскіе историки Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ. Первый упоминаетъ объ архивѣ черниговскаго губернскаго правленія въ числѣ источниковъ для своей исторіи Малороссіи (изд. 3-е т. 1-й стр. X). Второй, хотя и не упоминаетъ въ своей исторіи объ этомъ источникѣ, но, что онъ работалъ въ архивѣ, это видно изъ его статьи „Черниговъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніи", помѣщенной въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 годъ. Затѣмъ черниговскимъ архивомъ пользовались: бывшій предсѣдатель кіевской временной

---

[1]) Нѣкоторые изъ ученыхъ, какъ мнѣ приходилось читать, смѣшиваютъ архивъ Малорос. Коллегіи съ знаменитой Румянцевской Описью Малороссіи, и думаютъ, что она именно передала харьковскому университету. Но это не вѣрно. Послѣдняя хранится въ г. Черниговѣ при тамошнемъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Къ сожалѣнію, надо сказать, что нѣкоторыя книги ея уже изчезли послѣ того, какъ опись была взята изъ Казенной Палаты и передана на храненіе въ Стат. Комитетъ.

археографической коммисіи М. Судіенко, издавшій два тома »Матеріаловъ по отечественной исторіи«, извлеченныхъ изъ дѣлъ этого архива; архіепископъ Филаретъ, авторъ историко статистическаго описанія черниговской епархіи; А. М. Лазаревскій, авторъ прекраснаго изслѣдованія по исторіи малорусскаго крестьянства, доставившій много мѣстнаго историческаго матеріала въ разные спеціальные журналы, и любитель старины, врачъ С. Д. Носъ, состоящій нынѣ на службѣ въ г. Люцинѣ, витебской губ. Авторъ настоящей замѣтки также работалъ въ архивѣ и опыты своихъ трудовъ помѣщалъ въ особомъ прибавленіи къ Черниговскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ за 1877 и 1878 годы.

Какъ извѣстно, много дѣлъ изъ черниговскаго архива перешло въ руки частныхъ лицъ. Намъ сообщалъ г. Лазаревскій, что часть дѣлъ попала даже въ Москву въ румянцевскій музей; туда дѣла были переданы замлевладѣльцемъ полтавской губ. Лукашевичемъ, вмѣстѣ со всѣми матеріалами библіотеки историка Маркевича, пріобрѣтенными Лукашевичемъ.

Хотя часть дѣлъ и ускользнула изъ нашего архива, но можно утѣшаться тѣмъ, что это главнымъ образомъ были дѣла, касавшіяся внѣшней исторіи Малороссіи, т. е. исторіи событій, которыя только однѣ и интересовали нашихъ прежнихъ историковъ. Да, кромѣ того, если дѣла *извлекали* историки, то они, конечно, не преминули внести болѣе интересное изъ почерпнутыхъ такимъ образомъ фактовъ въ свои изслѣдованія. Собственно-же для внутренней, бытовой исторіи юга, доселѣ у насъ не разработанной, хотя и болѣе важной, нежели исторія событій, упомянутый архивъ представляетъ неоцѣненный, единственный въ своемъ родѣ источникъ. Мы не можемъ здѣсь перечислить всего богатства этого архива, такъ какъ нѣтъ ни одной бытовой стороны въ прошломъ, которая не отразилась-бы въ его дѣлахъ. Скажемъ только, что въ немъ найдетъ для себя много любопытнаго и историкъ, и филологъ, и статистикъ, и экономистъ, и этнографъ, и юристъ, интересующійся исторіей права.

Къ сожалѣнію, описываемый архивъ до сихъ поръ не открытъ для занятій и вообще не приведенъ въ порядокъ. Правда, городскимъ обществомъ отведено помѣщеніе для архива вблизи университета, но не совсѣмъ удобное, такъ какъ въ одной и той-же залѣ должны помѣститься и архивъ, и музей техническаго общества. Правда, однимъ изъ мѣстныхъ сахарныхъ заводчиковъ (г. Харитоненко), вслѣдствіе просьбы Н. В. Калачева, принимаю-

щаго живое участіе въ судьбѣ архива, пожертвовано 2000 руб. на предварительную разборку дѣлъ и устройство шкафовъ. Но въ будущемъ положеніе архива остается не обезпеченнымъ, такъ что врядъ-ли вскорѣ начнется правильная разборка дѣлъ, не говоря уже объ ихъ разработкѣ. Архивъ не имѣетъ и, при отсутствіи средствъ, не можетъ имѣть постояннаго архиваріуса; изъ оффиціальныхъ ученыхъ или изъ частныхъ лицъ здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который высказывалъ бы особенное желаніе работать въ архивѣ; университетъ много лѣтъ не имѣетъ даже профессора русской исторіи, который, по одному своему положенію, былъ-бы обязанъ заботиться о разборѣ и разработкѣ архива или лично, или посредствомъ привлеченія къ этому дѣлу студентовъ.

По моему мнѣнію, архивныя дѣла въ относительно небольшихъ архивахъ, каковъ настоящій, должны быть разбираемы по отдѣльнымъ предметамъ, для удобства разработки ихъ, и чѣмъ частнѣе предметъ и дробнѣе группы дѣлъ, тѣмъ лучше. Между тѣмъ лице, присланное отъ археологическаго института для предварительнаго ознакомленія съ архивомъ, работавшее въ теченіи нынѣшняго лѣта, разбило дѣла каждаго отдѣльнаго тюка лишь на три большія группы—дѣла собственно историческія, юридическія и экономическія, т. е. на такія общія группы, которыя очень мало могутъ облегчить изслѣдователя. Но за то упомянутымъ лицемъ составленъ списокъ болѣе интересныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ. Надо надѣяться, что этотъ списокъ будетъ помѣщенъ въ Трудахъ археологическаго института. Послѣ такой предварительной работы предстоитъ еще большой трудъ—разбить дѣла на мелкія группы по отдѣльнымъ предметамъ и составить имъ подробную опись, что, конечно, потребуетъ новыхъ расходовъ. Желательно, чтобы кто-нибудь изъ состоятельныхъ лицъ, раздѣляющихъ мысль историка, что *„уваженіе къ своему прошлому есть первый признакъ цивилизованнаго человѣка“*, оказалъ дальнѣйшую поддержку этому возникающему у насъ учрежденію.

П. Ефименко.

Послѣ составленія настоящей замѣтки появилось въ газетѣ „Новое Время“ разъясненіе г. Рагозина, разбиравшаго архивъ Малороссійской Коллегіи, по порученію Археологическаго Инсти-

тута, въ которомъ онъ говоритъ, что въ настоящее время въ архивѣ хранится едва 20-я часть того, что заключалъ въ себѣ черниговскій губернскій архивъ (изъ 478 тыс. дѣлъ сохранилось лишь 30 тыс.), остальное неизвѣстно гдѣ находится.

По этому поводу считаю необходимымъ заявить, что часть дѣлъ черниговскаго губернскаго архива была передана въ Кіевъ и Полтаву, какъ видно изъ того, наприм., что знаменитая Румянцевская Опись Малороссіи хранилась по частямъ и въ Черниговѣ, и въ Кіевѣ, и въ Полтавѣ. Затѣмъ, часть старыхъ дѣлъ оставлена мною въ Черниговѣ въ архивѣ губернскаго правленія (наприм. дѣла новгородъ-сѣверскаго намѣстничества, дѣла, касающіяся первой или второй турецкой кампаніи, веденной при Екатеринѣ 2-й). Этихъ дѣлъ я не могъ перевезти въ Харьковъ по недостатку суммы, отпущенной университетомъ и историко-филологическимъ обществомъ на перевозку архива и потому еще, что мнѣ было поручено взять собственно дѣла бывшей Малороссійской Коллегіи. Наконецъ, остальная часть дѣлъ погибла въ той половинѣ архива черниговскаго губернскаго правленія, которая находилась не при самомъ губернскомъ правленіи, а въ отдаленномъ зданіи, извѣстномъ подъ именемъ мазепинскаго дворца, что на валу. Это зданіе совершенно приспособлено для разложенія и уничтоженія архивныхъ дѣлъ. Оно состоитъ изъ трехъ этажей, въ которыхъ въ лѣтнее время обнаруживается три различныхъ климата. Въ нижнемъ, подвальномъ этажѣ—холодный и необыкновенно сырой, въ среднемъ—умѣренный и въ верхнемъ, состоящемъ изъ чердака подъ желѣзной крышей, необыкновенно жаркій. Все, что попадало въ нижній этажъ, до такой степени проникалось сыростью, что изъ связокъ можно было выжимать воду. Если-же дѣла оттуда переносились для просушки въ верхній этажъ, то они вскорѣ засыхали и принимали видъ бурыхъ плитокъ, совершенно похожихъ на плитки татарскаго чаю. Говорятъ, что въ прежнее время въ нижнемъ этажѣ хранились именно старыя дѣла (разумѣется, невозвратно погибшія); въ мое же время тамъ находились лишь дѣла недавно упраздненныхъ административныхъ присутственныхъ мѣстъ.

Въ виду такихъ и подобныхъ изчезновеній старыхъ дѣлъ желательно-бы, чтобы были приведены въ извѣстность всѣ мѣста, гдѣ хранятся старыя дѣла и чтобы остатки прежнихъ архивовъ были сосредоточены въ нашихъ центрахъ просвѣщенія, въ университетскихъ городахъ.

П. Е.

Библіографія.

I.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ И СТАТЕЙ ПО ИСТОРІИ ЮЖНОЙ РОССІИ ЗА 1881 Г.

Считаемъ излишнимъ оговариваться, что предлагаемый библіографическій указатель не имѣетъ претензіи на полноту даже и въ намѣченной имъ сферѣ. Наша цѣль будетъ достигнута, если мы укажемъ наибольшее число сочиненій и статей за прошлый годъ, относящихся къ исторіи и этнографіи южной Россіи, и вызоветъ дополненія и поправки спеціалистовъ по этому предмету. Указатель составленъ въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ, если они извѣстны, или-же сочиненій, если неизвѣстны ихъ авторы.

Авсѣенко В. Г.—Школьные годы,—отрывки изъ воспоминаній (Историческій Вѣстникъ, Апрѣль, 1881 г.). Здѣсь говорится о Кіевскомъ Университетѣ въ 1860-хъ годахъ.

Александровичъ М. Н.—Остерскій уѣздъ. Выпускъ 1. Историческое описаніе. Часть 1. До окончанія смутъ въ Восточной Украйнѣ (1669 г.). Кіевъ. 1881.

Амвросій Келембетъ, архіепископъ тобольскій и сибирскій, какъ проповѣдникъ (Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., № 12 и слѣд.).

Антоновичъ В. Б.—О произведеніяхъ Т. Г. Шевченка, касающихся историческихъ событій (газета »Трудъ«, 1881 г., № 10).

Антоновъ В., свящ.—Кіево-Печерская Ольгинская церковь (Кіевскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 34 и 35).

Аполлосъ Терешкевичъ, слободско-украинскій епископъ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 21).

Архимандритъ Августинъ Полонскій, 1791—1865 г. (Тамъ же, № 11).

Багалѣй.—Исторія Сѣверской Земли до половины XIV вѣка (Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1881 г., №№ 2—10).

Балабушевичъ В.—Каменецкій столбъ (Литовскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., №№ 24 и 25).

Бартошевичъ Ю.—Князь Курбскій на Волыни (Историческій Вѣстникъ, Сентябрь, 1881).

Бахталовскій Г.—Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Кишиневъ. 1881. (Изъ Кишиневскихъ Епарх. Вѣдомостей).

Березинъ В.—Описаніе рукописей почаевской лавры. Кіевъ. 1881.

Beseda na jarmarku w Źaszkowi Sawy iz Monastyrisez chrystyjanynom iz Humanszyny. Ukrainec iz Humania. Krakow. 1881.

Биберштейнъ Г.—Народныя преданія въ Подоліи. Каменецъ-Подольскъ. 1881.

Богоявленскій М.—Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ кіевскій. Историческая монографія (Литовскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 № 34 и слѣд.).

Брикнеръ А. Г.—Путешествіе Императрицы Екатерины въ Могилевъ въ 1780 году (Русскій Вѣстникъ, августъ и Сентябрь, 1881 г.).

Будиловичъ А.—Порядокъ образованія недвижимой собственности церковной въ Западной Россіи (Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ, 1881 г., №№ 3, 4, 6 и 8).

Великановъ А. С.—Развѣдки о доисторическихъ временахъ Русь-славянскаго народа. Москва. 1881.

Веселовскій А.—1) Южно-русскія былины. С.Петербургъ. 1881 г., 2) Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. III—V. С.Петербургъ. 1881.

Владиміровъ А.—О введеніи русскаго языка въ богослуженіе католической и протестантской церкви въ сѣверо-западномъ краѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ, 1881 г.).

Гаврилковъ М. протоіерей:—Письма о штундизмѣ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 1 и 2).

Ганицкій М.—Бессарабская Старина (Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., №№ 1, 3 и 4).

Гаркави А. Я.—Русь и русское въ средневѣковой еврейской литературѣ. С.Петербургъ 1881.

Гербель Н. В.—1) Игорь князь сѣверскій. Переводъ слова о Полку Игоревѣ. Изданіе 6-е. С.Петербургъ. 1881., 2) Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородко (въ Нѣжинѣ). С.Петербургъ 1881., 3) Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова. Украинская дума. Стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, октябрь, 1881 г.).

Гиляревскій А. К.—Русскій паломникъ Барскій. Изслѣдованіе. (Русскій Архивъ, 1881 г., т. 1).

Гладкій В. О.—Осипъ Ивановичъ Гладкій, кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи 1789—1866 г. Біографическій очеркъ. (Русская Старина, 1881 г., т. 1).

Годовой отчетъ о составѣ и дѣятельности историческаго общества Нестора Лѣтописца за 1880 годъ. Кіевъ. 1881.

Голубевъ С. Т.—Нѣсколько новыхъ данныхъ относительно поѣздки Мелетія Смотрицкаго на Востокъ и перехода его въ унію (газета »Кіевлянинъ«, 1881 г., №№ 6, 9 и 11).

Голубинскій Е.—Исторія русской церкви. Томъ 1. Періодъ первый, кіевскій или до-монгольскій. Вторая половина тома. Москва. 1881.

Горжковскій Маріанъ.—Monumenta ruthenica. Краковъ. 1881.

Григоровичъ. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени (въ 29 т. Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. С.Петербургъ 1881).

Григоровичъ П.—Нѣсколько историческихъ свѣдѣній о модрынской свято-покровской церкви, люблинской губерніи (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 12).

Де-Пуле М. Θ.—Къ исторіи украинофильства (Русскій Вѣстникъ, мартъ 1881).

Ефименко А.—Малорусскій языкъ въ народной школѣ (журн. »Слово«, январь, 1881).

Ждановъ И.—Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. Кіевъ 1881.

Залѣсскій Брониславъ. Żywot księcia Adama Jerzego Czartoryskiego. T. 1 Poznań. 1881.

Знаменскій П. В.—Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Казань. 1881.

Зотовъ В.—Исторія всемірной литературы въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, харатеристикахъ и образцахъ. Томъ III: литература Франціи, Румыніи и Славянскихъ земель. С.Петербургъ. 1881. Здѣсь на послѣднемъ мѣстѣ помѣщенъ обзоръ »русинской литературы«.

И. Х.—Изъ записокъ Юліана—Урсина Нѣмцевича о Костюшкѣ. (Русскій Архивъ, 1881 г., т. 1).

Иловайскій Д.—Вопросъ о народности руссовъ, болгаръ и гунновъ. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Мартъ, 1881).

Истоминъ М. П.—О князьяхъ Всеволодѣ и Игорѣ Ольговичахъ (Кіевлянинъ, 1881 г., № 6).

Корженевскій І.—Состояніе варшавской епархіи подъ управленіемъ преосвященнаго Іоанникія (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 13).

Костомаровъ Н. И.—1) Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка. С.Петербургъ. 1881. 2) Малорусское слово (Вѣстникъ Европы, январь, 1881); 3) Украинофильство (Русская Старина, февраль, 1881); 4) По вопросу о малороссійскомъ словѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ, 1881); 5) Еще по поводу малорусскаго слова Московскимъ Вѣдомостямъ (тамъ же, апрѣль); 6) »Изъ поѣздки въ Батуринъ въ 1878 г. (газета »Порядокъ«, 1881 г., въ одномъ изъ апрѣльскихъ №).

Котляревскій А. А.—1) Библіологическій опытъ о древней русской письменности. Введеніе. Воронежъ, 1881., 2) Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ

временъ, сочиненіе И. Е. Забѣлина. Т. 1 и 2. М. 1876—79 г. Критическая оцѣнка. Кіевъ. 1881., 3) Рѣчь объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній (Газета »Трудъ«, 1881 г., № 8).

Крамаренко І.—1) Пребываніе преосвященнаго Іереміи въ Переяславѣ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 5. Допол., 2) Свято-Троицкая церковь въ м. Великихъ Будищахъ, полтавской епархіи, зѣньковскаго уѣзда (тамъ же, № 9).

Крашевскій.—Безумная (Szalona). Повѣсть изъ жизни соціалистическаго кружка, мѣсто дѣйствія и сходки котораго происходятъ въ Кіевѣ на Подолѣ. Переводъ, съ польскаго. С.Петербургъ. 1881.

Крыжановскій Е. М.—Князь В. А. Черкаскій и холмскіе греко-уніаты (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 18).

Крыловъ.—Драма страстей Христовыхъ (Вѣстникъ Европы, мартъ и апрѣль 1881).

Кулишъ П. А.—Поэтъ Шевченко въ полномъ разцвѣтѣ,—изъ воспоминаній П. А. Кулиша (газета „Трудъ", 1881 г., № 6).

Ластивка Е.—Ганна, поэма—былиця. Кіевъ. 1881.

Левицкій И. С.—1., Бурлачка. Повисть І. Левицького. Кіевъ. 1881., 2. Прыятелі (въ альманахѣ „Луна" на 1881 годъ, ч. 1. Кіевъ. 1881); 3., Шевченкова могила (тамъ-же).

Линейкинъ (псевдонимъ).—Гимназическая переписка, собранная бывшимъ инспекторомъ татаровской гимназіи Иваномъ Линейкинымъ, съ дополненіями, почерпнутыми изъ юридической практики судебнаго слѣдователя Петра Линейкина. Кіевъ. 1881.

Лукьяновичъ П.—Къ вопросу объ острожской школѣ XVI вѣка (Волынскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., № № 23—27).

Луна (эхо). Украіньськый Альманахъ на 1881 р. Частына перша. Выданне Л. В. Ильвицького, Кіевъ. 1881.

М. Н.—Дополнительныя свѣдѣнія о Гавріилѣ Бодони, впослѣдствіи митрополитѣ кишиневскомъ (Херсонскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № № 13 и 14).

Маврицкій В. А.—Штундисты (Православное Обозрѣніе, февраль и мартъ, 1881 года).

Макарій м. московскій.—Исторія русской церкви. Т. Х. Москва. 1881. Этотъ томъ заключаетъ, между прочимъ, исторію западно-русской митрополіи въ борьбѣ съ уніею, подъ гнетомъ уніатскихъ митрополитовъ.

Макушевъ.—1. Чтенія о старопольской письменности. Варшава. 1881 г., 2. Южно-русскія сказанія по рукописи библіотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ (Журн. Минист. Народ. Просвѣщенія, май, 1881 г.).

Малышевскій И. И.—1. Рецензія на исторію русской церкви Е. Е. Голубинскаго, удостоенная Академіей Наукъ большой золотой медали (въ Запискахъ Академіи Наукъ), 2. Село Будаевка (Кіевскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 46—47).

Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи (Екатеринославскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 1 и 2).

Матеріалы для исторіи полтавскаго духовнаго училища (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 21).

Матусякъ С.—Historya Polska w opowiadaniu ludu Kraków, 1881.

Махно А. и М.—Сборникъ малороссійскихъ узоровъ, Кіевъ. 1881 г.

Милюковъ А. П.—Встрѣча съ Гоголемъ,—отрывокъ изъ воспоминаній (Истор. Вѣстникъ, январь, 1881 г.).

М. Е.—О древнѣйшемъ существованіи русской народности въ Галиціи, въ губерніяхъ люблинской, сѣдлецкой и другихъ мѣстностяхъ Привислянскаго края (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 2).

Мозговой В. Г.—Очеркъ кіевской губерніи. Кіевъ. 1881.

(Продолженіе будетъ).

II.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Историческіе Матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 1, издалъ редакторъ неоффиціальной части „Кіескихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ А. А. Кіевъ 1882.

Въ послѣднее время неоффиціальная часть „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ приняла характеръ гораздо болѣе интересный и полезный, чѣмъ обыкновенно имѣютъ губернскія вѣдомости. Новая редакція „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ съумѣла отнестись къ своему дѣлу не какъ къ формальной и скучной обязанности, а какъ къ изданію, которое въ скромныхъ рамкахъ губернскаго листка можетъ собрать и сгруппировать многія данныя, весьма цѣнныя для всесторонняго изученія той области, оффиціальнымъ органомъ которой изданіе должно служить. Въ числѣ другихъ рубрикъ, назначенныхъ для сохраненія научнаго матеріала, относящагося къ губерніи, редакція предназначила мѣсто и для историческаго матеріала, который извлекала изъ той части архива губернскаго управленія, которая не вошла въ опись и потому недоступна или съ трудомъ доступна для изслѣдователей мѣстной старины. Извлекая постепенно изъ кучи полуистлѣвшихъ дѣлъ отдѣльныя связки, редакторъ печаталъ ихъ въ извлеченіяхъ или in extenso, иногда передавая въ своемъ изданіи только краткое содержаніе бумагъ, стараясь сохранить отъ гибели „всѣ крупицы историческаго матеріала“, попадавшіеся ему при поискахъ въ архивѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ извлеченій этихъ собралось столько, что издатель нашелъ возможнымъ составить изъ нихъ небольшой сборникъ, который и вышелъ отдѣльно подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Документы и извлеченія изъ дѣлъ не сгруппированы по сюжетамъ и связаны между только собою общностью территоріи и единствомъ источника, изъ котораго они извлечены; по времени они всѣ относятся ко второй половинѣ прошлаго столѣтія. Большинство дѣлъ и актовъ относятся къ исторіи кіевскихъ монастырей и духовенства, кіевскаго городскаго хозяйства, кіевской губернской администраціи, а такъ-же къ пограничнымъ отношеніямъ съ польскимъ государствомъ, котораго границы въ прошломъ столѣтіи примыкали близко къ городской чертѣ Кіева. Сверхъ перечисленныхъ дѣлъ, нѣкоторые документы относятся къ отдѣльнымъ событіямъ, имѣвшимъ болѣе или менѣе важный интерессъ для края. Такъ мы встрѣчаемъ: цѣлый очеркъ дѣйствій русскихъ властей, направленныхъ къ тому, чтобы обезопасить польскую границу отъ вторженія гайдамакъ (1752 г.), описаніе голода, постигшаго кіевскую область въ 1799 г., и мѣръ, предпринятыхъ для облегченія голодавшихъ, свѣдѣнія о скотскомъ падежѣ, открывшемся въ чертѣ города въ 1790 г., и т. д.

Среди документовъ историко-статистическаго характера, встрѣчаемъ интересныя свѣдѣнія о переписи евреевъ, произведенной въ кіевской губерніи въ 1792 году, съ указаніями на занятія и происхожденіе еврейскаго населенія (которое передвигалось въ Кіевщину частью изъ Польши, частью изъ Бѣлоруссіи, принадлежавшей тогда уже къ Россіи). Вообще все еврейское населеніе губерніи въ тогдашнемъ ея составѣ не достигало цифры 1000 человѣкъ (въ томъ числѣ въ городѣ Кіевѣ только 73 души) и по большей части „упряжнялось въ мастерствѣ“.

Нѣсколько документовъ относятся къ разнымъ отраслямъ мѣстной промышленности: есть намеки на шелководство, винодѣліе, приготовленіе варенья, которое выписывалось изъ Кіева въ большомъ количествѣ къ „Высочайшему двору“, и т. д.

Конечно, всѣ эти свѣдѣнія не представляютъ особенно крупныхъ историческихъ данныхъ, но мы не можемъ не выразить глубокой признательности скромному губернскому листку за сохраненіе хотя разрозненныхъ, но весьма цѣнныхъ бытовыхъ историческихъ чертъ, которыя несомнѣнно найдутъ себѣ мѣсто при составленіи общаго очерка жизни въ XVIII столѣтіи нашего города и области.

Остерскій уѣздъ Вып. 1-й. Историческое описаніе. ч. 1-я. До окончанія смутъ въ Восточной Украйнѣ. 1669 г. М. Н. Александровича. Кіевъ. 1881. 8° 109 стр.

Передъ нами книжка, принадлежащая автору, печальная кончина котораго въ Кіевѣ въ прошломъ году, еще на свѣжей памяти тѣхъ, кто его зналъ. Митрофанъ Николаевичъ Александровичъ былъ безспорно очень даровитый человѣкъ; но част;ю личный характеръ, а частію та среда, въ которой проходила его общественная дѣятельность, препятствовали полезному выраженію дарованій умершаго.—Литературныя занятія покойный Александровичъ началъ, сколько помнится, сотрудничествомъ въ „Основѣ“, гдѣ онъ помѣщалъ небольшіе, но исполненные наблюдательности

этнографическіе очерки, подписываясь подъ ними Митромъ Олельковичемъ. Отвлеченный впослѣдствіи отъ литературы общественною дѣятельностью, Александровичъ, кажется, ничего уже болѣе не печаталъ до изданія, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, книжки, заглавіе которой приведено выше. Изъ заглавія видно, что умершій авторъ имѣлъ въ виду представить системное и подробное описаніе той мѣстности, которой посвящена была большая половина его общественой дѣятельности. Уже по началу работы видно, что авторъ приступилъ къ ней послѣ обстоятельнаго знакомства съ литературой предмета, не только печатной, но и рукописной, архивной.

Историческое описаніе уѣзда авторъ начинаетъ съ IX в., объясняя, что по своему положенію территорія остерскаго уѣзда долженствовала быть поприщемъ историческихъ событій, какъ пограничье сначала трехъ великихъ княжествъ древней Руси: Кіева, Переяслава и Чернигова, а потомъ польско-литовскаго королевства, московскаго царства и татаръ. Главный интересъ книжки Александровича заключается въ совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ въ печати, свѣдѣніяхъ о заселеніи остерскаго уѣзда въ нач. XVI и нач. XVII в. При этомъ авторъ приводитъ въ подлинникахъ люстраціонныя описи Остра и его староства: 1552, 1616, 1622, 1628 и 1633 гг. Эти описи заключаютъ въ себѣ въ высшей степени интересныя подробности какъ о времени возникновенія отдѣльныхъ поселеній, составлявшихъ остерское староство, такъ и объ отношеніяхъ ихъ жителей къ польскому панству. Съ помощью напечатанныхъ въ книжкѣ Александровича матеріаловъ, исторія народнаго быта Малороссіи лѣваго берега Днѣпра восполняется положительными данными тамъ, гдѣ до настоящаго времени приходилось имѣть дѣло большею частью съ одними лишь догадками. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ—откуда взяты имъ приводимыя люстраціонныя описи, за исключеніемъ одной—1552 г., взятой изъ Литовской Метрики. Можно догадываться, что оттуда-же заимствованы и остальныя описи; но такъ какъ мы до сихъ поръ не имѣемъ полнаго описанія Литовской Метрики, хранящейся въ сенатскомъ архивѣ и почему то забытой Археографической Коммиссіей, то догадка наша такъ и должна остаться догадкой.

Описывая тѣ историческія событія, которыя касаются территоріи остерскаго уѣзда, авторъ представляетъ обстоятельный разсказъ о послѣднемъ вторженіи поляковъ въ восточную Малороссію—о походѣ Яна Казиміра 1663—64 г., сообщая при этомъ особенно интересныя подробности объ осадѣ Глухова. При описаніи глуховской осады, мѣстные историки обыкновенно кратко говорятъ о какой-то особенной храбрости генер. судьи Животовскаго, который, задержавъ короля пять недѣль подъ Глуховымъ, далъ тѣмъ возможность собраться русскимъ войскамъ, которыя затѣмъ и заставили поляковъ поспѣшно уходить изъ Малороссіи. Не болѣе подробностей сообщено о глуховской осадѣ и Костомаровымъ въ его „Руинѣ“. Между тѣмъ болѣе двадцати лѣтъ уже, какъ изданы гр. Брёлемъ—Платеромъ въ его

сборникѣ „Памятниковъ“ [1]) подробныя свѣдѣнія какъ объ осадѣ Глухова, такъ и вообще о походѣ Яна Казиміра, заключающіяся въ частныхъ письмахъ нѣкоторыхъ изъ участниковъ похода, писанныхъ къ одному изъ Любомирскихъ [2]). Письма эти ни словомъ не упоминаютъ о Животовскомъ, приписывая неудачу глуховской осады распорядительности одного Дворецкаго (кіевскаго полковника). который, по тѣмъ-же письмамъ, былъ и начальникомъ глуховскаго гарнизона.—Дворецкій родомъ былъ острянинъ, что и подало поводъ Александровичу распространиться объ осадѣ Глухова. Во всякомъ случаѣ, книжка Александровича впервые сообщаетъ на русскомъ языкѣ обстоятельныя свѣдѣнія о послѣдней попыткѣ поляковъ уничтожить дѣло Богдана Хмельницкаго.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы наслѣдники умершаго автора описанія остерскаго уѣзда сохранили тотъ матеріалъ, который былъ имъ собранъ для продолженія такъ обстоятельно начатой монографіи.

Памятная книжка кубанской области, изданная 1881 года.—Составилъ дѣйствительный членъ кубанскаго областнаго статистическаго комитета Е. Д. Фелицынъ. Екатеринодаръ, 1881.—Изданіе статистическаго комитета.

Названная книга занимаетъ почетное мѣсто среди лучшихъ изданій русскихъ статистическихъ комитетовъ какъ по разносторонности содержанія, такъ и по обработкѣ предлагаемаго матеріала. Составитель ея, Е. Д. Фелицынъ, извѣстенъ русскимъ археологамъ и антропологамъ какъ составитель прекрасной археологической карты кубанской области, которую онъ представилъ на антропологическую выставку въ Москвѣ въ 1879 г., и какъ дѣятельный членъ 5-го археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ.

Среди многочисленныхъ статей статистическаго и справочнаго характера, при составленіи памятной книжки кубанской области отведено мѣсто и для историческихъ изслѣдованій. Такъ, при статистическомъ описаніи городовъ: Екатеринодара, Ейска, Темрюка и Майкопа разсказана исторія ихъ основанія и постепеннаго развитія, затѣмъ помѣщена статья г. Кравцова «*Наказные атаманы бывшаго кавказскаго линейнаго козачьяго войска*», содержащая краткія біографіи и характеристики атамановъ; наконецъ въ составъ книжки вошла весьма обстоятельная и подробная статья г.І. Бентковскаго: «*Заселеніе Черноморія—матеріалы для колонизаціи сѣвернаго Кавказа*». Статья эта, составленная главнымъ образомъ по архивнымъ источникамъ, сообщаетъ весьма точныя, подтвержденныя

---

[1]) Zbiór Pamiętników do dziejów polskich. Wydał Wl. St. hr. de Brocl-Flater. Warszawa. 1858—59. 4 ре тома.

[2]) Томъ 4-й, стр. 133—158.

статистическими цифрами данныя о постепенномъ приливѣ южно-русскаго населенія въ кубанскую область послѣ того, какъ ногайцы выселились изъ нея къ берегамъ Каспійскаго моря. Первые поселенцы, занявшіе кубанскую область, были козаки бывшаго запорожскаго войска, которымъ императрица Екатерина II пожаловала для поселенія земли между рѣками Кубанью и Еею, грамотою 30 іюня 1792 года переименовавъ запорожцевъ въ „черноморское войско". Уже 25 августа 1792 года первый отрядъ запорожцевъ, около 4000 человѣкъ, высадился въ Тамани подъ начальствомъ войскового полковника Саввы Билого: за нимъ послѣдовалъ кошевой атаманъ Захаръ Чепига, зимовавшій въ ханскомъ городкѣ на рѣкѣ Еи и впослѣдствіи (1794 г.) основавшій кошъ черноморскаго войска на Кубани (нынѣшній Екатеринодаръ), и войсковой писарь Тимофей Котляревскій. Вообще въ теченіи трехъ лѣтъ (1792—1795) въ кубанскую область переселилось 17,000 душъ мужескаго пола; въ томъ числѣ были и остатки запорожской общины и бужскіе козаки, сформированные Потемкинымъ во время второй турецкой войны, и, наконецъ, многочисленные крестьяне изъ намѣстничествъ: екатеринославскаго, кіевскаго, черниговскаго, харьковскаго, воронежскаго и новгородъ-сѣверскаго, бѣжавшіе отъ крѣпостнаго права и, подъ видомъ бывшихъ козаковъ, примкнувшіе къ новымъ поселеніямъ и вошедшіе въ составъ черноморскаго войска съ согласія козаковъ и ихъ старшинъ. Въ этомъ отношеніи особенно усердно заботился объ успѣшномъ ходѣ колонизаціи войсковой судья Антонъ Головатый, давшій императрицѣ на прощальной аудіенціи обѣтъ отъ имени войска: „воздвигнуть грады, населить села и сохранить безопасность предѣловъ". Въ теченіи цѣлаго года онъ оставался въ новороссійскомъ краѣ, на рѣкѣ Слободзеи, и отправлялъ на Кубань постоянно новыя партіи переселенцевъ.

Послѣ прибытія въ пожалованную имъ область, черноморцы основали городъ Екатеринодаръ, въ которомъ, кромѣ общественныхъ зданій и частныхъ домовъ, выстроили 40 куреней по образцу запорожской сѣчи, для козаковъ бездомныхъ и холостыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ разныхъ урочищахъ края основали 40 куренныхъ селъ (переименовенныхъ впослѣдствіи въ станицы). Не смотря на бѣдствія, постигшія переселенцевъ въ первые годы пребыванія ихъ на новыхъ мѣстахъ: неурожаи, падежи скота и эпидемическія болѣзни, похитившія до 15% населенія, приливъ новыхъ охотниковъ, записывавшихся въ войско, былъ столь значителенъ, что количество черноморцевъ не только не уменьшалось, но, напротивъ безпрестанно усиливалось. По сохранившимся даннымъ статистической переписи, народонаселеніе области въ 1802 году достигло уже цыфры 33,000 душъ. Но не смотря на этотъ постоянный приростъ народонаселенія, количество его было далеко не достаточно какъ для защиты границы вдоль Кубани отъ нападенія горцевъ, въ чемъ и состояла главная задача службы черноморскаго войска, такъ и для успѣшнаго водворенія земледѣльческаго хозяйства въ обширной области, заключавшей площадь въ 30,000 квадратныхъ верстъ. На пространствѣ всей области народонаселеніе было

столь жидко, что въ среднемъ выводѣ приходился почти 1 только житель на каждую квадратную версту и каждое куренное село владѣло по среднему разсчету 80,000 десятинъ землм. Потому, уже съ первыхъ годовъ XIX столѣтія, и мѣстныя областныя власти и высшее начальство хлопочутъ о перелесеніи въ Черноморскую землю малоземельныхъ козаковъ и крестьянъ изъ малороссійскихъ губерній. Въ 1880 гогу, по иниціативѣ войсковаго атамана, Федора Бурсака, и по ходатайству херсонскаго генералъ-губернатора, герцога Ришельё, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на переселеніе изъ малороссійскихъ губерній въ Черноморье 25,000 душъ мужескаго пола; въ слѣдующеиъ году новые переселенцы стали прибывать въ Черноморье и были распредѣлены по куренямъ. Въ теченіи трехъ лѣтъ, 1809—1811 г. число переселенцевъ явившихся изъ Малороссіи для усиленія контингента Черноморскаго войска, достигло цифры 41,500 душъ обоего пола. Очевидно, что результаты переселенія оказались весьма выгодными какъ для самихъ переселенцевъ, такъ и для усиленія производительныхъ силъ области и для умноженія доставляемаго ею военнаго контингента, потому что въ 1820 году главнокомандующій кавказскою арміею, генералъ Ермоловъ, получившій въ управленіе и черноморское войско, немедленно вступилъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи новаго переселенія малоземельныхъ козаковъ чернигговской и полтавской губерній въ землю войска черноморскаго. Въ томъ же году послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе о добровольномъ переселеніи 25,000 малоземельныхъ козаковъ изъ малороссійскаго генералъ-губернаторства. Самое переселеніе началось въ слѣдующемъ году и продолжалось въ теченіи пяти лѣтъ (1821—1825); оно усилило народонаселеніе области новыми 48,000 душъ обоего пола. Въ 1831 году главнокомандующій кавказскою арміею, графъ Паскевичъ, вошелъ съ новымъ ходатайствомъ о разрѣшеніи третьяго переселенія въ размѣрѣ равномъ двумъ первымъ, но неблагопріятныя для переселенія условія —неурожай и холера, свирѣпствовавшіе въ 1831 году, заставили отложить исполненіе этого ходатайства. Оно было возобновлено графомъ Воронцовымъ и, вслѣдствіе исходатайствованнаго имъ разрѣшенія, въ 1848 году послѣдовало новое и послѣднее переселеніе въ землю войска черноморскаго 2,000 семействъ изъ губерній черниговской, пелтавской и харьковской, доставившее контингентъ въ 5,000 душъ мужскаго пола и, вѣроятно, столько-же женскаго. Такимъ образомъ вслѣдствіе четырехъ послѣдоватэльныхъ колонизацій, привлекавшихъ жителей въ нынѣшнюю Кубанскую область цѣлыми массами, а также вслѣдствіе постоянной спорадической эмиграціи людей, искавшихъ въ этой области убѣжища отъ крѣпостнаго права, и образовался главный элементъ ея народонаселенія, превратившій въ теченіи 90 лѣтъ пустынныя кочевья ногайцевъ въ область населенную, культурно-воздѣланную, обладающую нынѣ двумя портовыми городами и постоянно развивающую земледѣльческую производительность, благодаря выгоднымъ услевіямъ климата и почвы и трудолюбію южно-русскаго населенія, вспахавшаго плугомъ почву, долго попираемую лишь копытами стадъ кочевниковъ.

Главные факты колонизаціи, вкратцѣ намѣченные нами, въ статьѣ г. Бентковскаго разсказаны весьма подробно и подтверждены многочисленными статистическими таблицами о состояніи народонаселенія страны въ различные моменты его существованія и прироста, а также многочисленными документами, которые подробно излагаютъ мѣры, принимавшіяся властями для регулировки переселенія и устройства переселенцевъ.

Гальшка княгиня Острожска, оповѣдане историчне, д-ра Из. Шараневича, у Львовѣ, 1880 г.

Профессоръ львовскаго университета, г. Исидоръ Шараневичъ, извѣстенъ давно въ русской исторіографіи, какъ одинъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ тружениковъ на полѣ южно-русской исторіи. Кромѣ принадлежащаго ему капитальнаго труда „Исторіи Галицко-Володимірской Руси до 1453 года", г. Шараневичъ издалъ понынѣ много монографій и изслѣдованій о галицко-русской исторіи, между ними важнѣйшія: „Критическій взглядъ на исторію карпатскихъ народовъ"; „Критическій разборъ ипатской лѣтописи"; „Изслѣдованія о стародавнемъ Львовѣ и Галичѣ"; „Очеркъ внутренняго состоянія Галицкой Руси въ XV столѣтіи" и т. д. Всѣ труды г. Шараневича отличаются основательнымъ изученіемъ источниковъ, критическими пріемами, стоящими на уровнѣ современной исторической науки, и яснымъ логическимъ изложеніемъ. Такими-же качествами отличается и послѣдняя монографія, изданная редакціею львовскаго „литературнаго и ученаго" журнала „Заря". Сюжетомъ монографіи послужила судьба извѣстной княжны Гальшки Ильиничной Острожской, внучки знаменитаго гетмана Константина Ивановича и племянницы славнаго въ исторіи южной Руси поборника православія, кіевскаго воеводы князя Константина-Василія Константиновича. Братъ послѣдняго, князь Илья Константиновичъ, староста брацлавскій и винницкій, скончался въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ громадное состояніе единственной наслѣдницѣ—дочери своей, Гальшкѣ (Елисаветѣ). Обширныя помѣстья, принадлежавшія молодой княжнѣ, и были причиною бѣдствій, преслѣдовавшихъ ее въ теченіи всей жизни. Вдова князя Ильи—Беата Костелецкая, руководившаяся исключительно эгоистическими разсчетами, воспитывая дочь, постаралась лишить ее всякой самостоятельности и сдѣлать совершенно пассивнымъ орудіемъ для того, чтобы не выпускать изъ своихъ рукъ опеки надъ дочерью и управленія ея обширными помѣстьями. Между тѣмъ, уже съ 13-ти лѣтняго возраста Гальшки, многочисленные женихи стали добиваться ея руки; мать употребляла всевозможныя усилія для того, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, при чемъ по отношенію къ болѣе знатнымъ, пускала въ ходъ всевозможныя, иногда весьма сложныя, интриги, опираясь главнымъ образомъ на покровительство короля Сигизмунда Августа. Наконецъ, дѣло сватовства кончилось самымъ неожиданнымъ образомъ: одинъ изъ жениховъ, князь Дми-

трій Федоровичъ Сангушко, получившій было согласіе матери и, вслѣдъ за тѣмъ, отказъ, рѣшился добиться брака какими-бы то ни было средствами. Опираясь на дружбу и помощь дяди невѣсты, князя Василія Константиновича, князь Дмитрій Сангушко овладѣлъ, частью хитростію, частью силою, острожскимъ замкомъ и повѣнчался съ Гальшкою, не смотря на протестъ матери. Но княгиня Беата не считала свое дѣло проиграннымъ; она принесла жалобу королю, который кассировалъ бракъ, какъ насильственный и приговорилъ князя Сангушка къ потерѣ чести, имущества и къ смертной казни. За исполненіе этого приговора взялись многочисленные польскіе друзья Беаты, въ числѣ которыхъ были многіе соискатели руки ея дочери. Чувствуя грозу, князь Сангушко бѣжалъ вмѣстѣ съ женою за границу, но за нимъ направилась погоня. Въ чешскомъ мѣстечкѣ Лысой бѣглецовъ нагнали воевода Мартинъ Зборовскій съ сыномъ, братья Гурки и другіе польскіе паны, и послѣ долгихъ звѣрскихъ истязаній, продолжавшихся въ теченіи нѣсколькихъ дней, убили князя Сангушка въ городѣ Яромирѣ. Княжна Гальшка, искренно привязавшаяся къ погибшему мужу, была возвращена матери. Опять начался новый періодъ сватовства и опять княгиня Беата противудѣйствовала женихамъ всевозможными интригами. Въ числѣ жениховъ выступаютъ на первомъ планѣ два самые дѣятельные гонители князя Сангушка: Мартинъ Зборовскій и Лука графъ Гурка; послѣдній, заручившись покровительствомъ короля, успѣлъ повѣнчаться въ придворной королевской церкви съ Гальшкою, не смотря на то, что княжна заявляла о своемъ несогласіи вступать въ бракъ; немедленно послѣ вѣнца, молодая убѣжала къ матери и обѣ княгини, послѣ разныхъ странствованій, нашли убѣжище въ львовскомъ Доминиканскомъ монастырѣ. Но и здѣсь онѣ не долго наслаждались спокойствіемъ: спустя 4 года послѣ вѣнчанія, графъ Лука Гурка явился во Львовъ съ королевскимъ приказамъ львовскому старостѣ о выдачѣ ему жены. Когда-же княжна отказалась отправиться къ насильно навязанному ей мужу, то графъ Гурка вмѣстѣ со старостою осадили монастырь и стали бросать въ ограду его бомбы; нѣсколько разъ пытались взять его приступомъ, наконецъ, перерѣзали водопроводныя трубы и жаждою принудили осажденныхъ къ сдачѣ. Между тѣмъ оказалось, что княгиня Беата приняла мѣры другого рода. Пока гр. Гурка осаждалъ монастырь, туда пробрался по призыву княгини Беаты, переодѣвшись нищимъ, князь Симеонъ Олельковичъ: княгиня Беата перевѣнчала его съ дочерью, вытребовавъ предварительно у зятя запись, по которой онъ предоставлялъ тещѣ въ пожизненное владѣніе всѣ имѣнія жены. Когда, послѣ сдачи монастыря, графъ Гурка вступилъ въ него, оказалось, что уже 6 дней, какъ жена его была повѣнчана съ другимъ. Начался безконечный процессъ гражданскій, уголовный и духовный, который затянулся до самой смерти графа Луки Гурки. Въ теченіи всего этого времени жертвою процесса оказалась невѣста. Графъ Гурка, овладѣвъ ею, впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла, заточилъ ее въ тюрму, въ одномъ изъ своихъ замкомъ въ окрестности Познани, и продержалъ въ темницѣ 14 лѣтъ; только послѣ его смерти, несчастная Гальшка

выдана была ея дядѣ, князю Костантину Острожскому, и поселилась въ Острогѣ; но печальная судьба не прошла для нея даромъ: она страдала постоянною меланхоліею, переходившею по временамъ въ припадки помѣшательства, и, девять лѣтъ спустя послѣ своего освобожденія скончалась, отказавъ свои имѣнія дядѣ и его сыновьямъ.

Всѣ указанные факты разсказаны г. Шараневичемъ весьма живо и картинно, и обставлены точными ссылками на весьма тщательно разработанные имъ источники. Весьма хорошіе эпизоды разсказа составляютъ прекрасныя историко-топографическія описанія городовъ Львова и Острога въ половинѣ XVI столѣтія. Весь очеркъ оканчивается любопытною главою, въ которой разсказана исторія послѣднихъ князей Острожскихъ, дѣтей и внуковъ князя Константина, и судьба громадныхъ, принадлежавшихъ имъ имѣній.

А.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

а) Хмельницкій въ представленіи Кромвеля.

Въ числѣ рукописей, хранящихся въ институтѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 113 находится записная книга, принадлежавшая неизвѣстному намъ лицу, вписывавшему въ нее въ половинѣ XVII столѣтія историческіе отрывки изъ прочтенныхъ книгъ и рукописей, документы, рѣчи, письма и т. п. Среди многихъ другихъ статей и замѣтокъ составитель желалъ внести въ свою книгу ходившую по рукамъ грамоту Кромвеля къ Хмельницкому, но, къ несчастью, списалъ только (на 831 страницѣ книги) первыя три строки, содержавшія титулъ или обращеніе, самой же грамоты или письма не переписалъ, по неизвѣстной причинѣ. Уцѣлѣвшія три строчки открываютъ совершенно новый и въ высокой степени любопытный фактъ сношеній Кромвеля съ Хмельницкимъ; но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ другихъ указаній—на время, предметъ и продолжительность этихъ сношеній. Тѣмъ не менѣе уцѣлѣвшія строки до того наглядно обрисовываютъ взглядъ Кромвеля на значеніе Богдана Хмельницкаго, что мы рѣшаемся предложить ихъ вниманію любителей отечественной исторіи, интересующихся данною эпохою. Вотъ это оригинальное обращеніе:

Theodatus Chmielnicki, Dei gratia generalissimus ecclesiae Graecorum, imperator omnium cosacorum Zaporoviensium, terror et exstirpator nobilitatis Poloniae, fortalitiorumque expugnator, exterminator sacerdotum Romanorum, persecutor ethnicorum, Antechristi et Iudaeorum.

(Богданъ Хмельницкій, Божіею милостью генералиссимусъ грековосточной церкви, вождь всѣхъ козаковъ запорожскихъ, гроза и искоренитель польскаго дворянства, покоритель крѣпостей, истребитель римскаго священства, гонитель язычниковъ, антихриста и іудеевъ).

б) Властная гетманша.

Власть гетмановъ малороссійскихъ была вообще весьма значительна. Исключительныя обстоятельства доводили ее до широкихъ размѣровъ, давали ей высшія прерогативы. Было время, когда Хмельницкій велъ сношенія съ сосѣдними державами, въ качествѣ независимаго владѣтеля, принималъ ихъ пословъ, отправлялъ своихъ и ни одна держава не находила такого его положенія ненормальнымъ,—имѣлъ пословъ даже отъ своего короля въ ту пору, когда еще не порвалъ съ нимъ всѣхъ связей. Вообще же гетманъ былъ полновластный пожизненный правитель страны, по избранію народа, въ лицѣ войска запорожскаго, не ограниченно и безотчетно распоряжавшійся ея силами, средствами и всѣмъ достояніемъ. Онъ объявлялъ походы, заключалъ миръ, имѣлъ право жизни и смерти, каралъ и миловалъ, жаловалъ чины и маетности.

Правительскую свою волю гетманы выражали обыкновенно въ формѣ универсаловъ, которые исходили отъ нихъ непосредственно и скрѣплялись ихъ подписью.

Власть свою гетманъ могъ передать временно тому или другому лицу изъ войсковой старшины, которое въ такихъ случаяхъ титуловалось наказнымъ гетманомъ. Случаевъ, когда гетманъ могъ-бы передавать свою власть женѣ, пообычаямъ „*Войска Запорожского*", повидимому быть не могло. А между тѣмъ такой случай былъ и гетманская власть была передана женѣ никѣмъ другимъ, какъ самимъ Богданомъ Хмельницкимъ. Въ одномъ старинномъ перечнѣ грамотъ и универсаловъ, данныхъ густынскому монастырю на маетности, мы нашли слѣдующее упоминаніе объ универсалѣ *гетманши: „1655 году іюля 22 дня. Унѣверсалъ отъ гетмановой Богдановой Хмельницкой Анны, приказуючій обывателямъ прилуцкимъ, въ грунта бы до монастыря отъ княжатъ Вишневецкихъ наданные и унѣверсаломъ малжонка* (мужа) *еи, гетмана Хмельницкаго конфирмованніе, не втручалися и жадныхъ бы перешкодъ не чинили, подъ виною тисячи талярей до скарбу войскового и подъ суровымъ каранемъ. Виправилъ игуменъ Іосифъ Ѳеодоровичъ*". Былъ-ли этотъ универсалъ единичнымъ случаемъ, или же бывали и другіе случаи выдачи универсаловъ, хотя-бы тою-же Анною Хмельницкою,—рѣшить трудно. Тѣмъ не менѣе выдача и одного универсала *гетманшею*—фактъ очень интересный, указывающій на то значеніе, которымъ пользовалась третья жена Богдана

Хмельницкаго—Анна Никифоровна, урожденная Золотаренкова, такъ какъ универсалъ 22 іюля 1655 г. былъ выданъ ею [1]).

Интересно было бы найти самый универсалъ. Земельные документы густынскаго монастыря хранятся, сколько мы знаемъ, въ архивѣ черниговской казенной палаты, вмѣстѣ съ такими-же документами другихъ монастырей.

Ал. Лазаревскій.

в) Петръ I въ Русской Равѣ въ 1698 году.

Помѣщенный ниже разсказъ принадлежитъ современнику и участнику описываемаго событія, русскому (т. е. червонорусскому воеводѣ Яну-Станиславу Яблоновскому, изъ записокъ котораго онъ извлеченъ. Записки эти хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Института Оссолинскихъ во Львовѣ (№ 437) и обнимаютъ собою только 3 года: 1698—1700. Отрывокъ, о пребываніи Петра Великаго въ Червоной Руси, сообщаемъ въ точномъ переводѣ.

Русскій царь Петръ, по условію съ королемъ, хотя совершенно неожиданно для насъ, явился въ Раву на обратномъ пути изъ Вѣны. Мѣстечко это лежитъ въ 5 миляхъ отъ Львова, въ воеводствѣ белзскомъ; принадлежитъ роду Глоговскихъ. Оба монарха условились встрѣтиться въ этомъ мѣстѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Извѣстно всѣмъ, что царь Петръ возъимѣлъ безпримѣрное дотолѣ въ Россіи желаніе посѣтить чужіе края. Съ этою цѣлью онъ снарядилъ большое посольство, во главѣ котораго находился французъ Лефортъ (послѣдователь Кальвина), бывшій нѣкогда учитель фехтованія и выдвинутый царемъ на мѣсто перваго министра. Другой посланникъ, товарищъ Лефорта, былъ русскій—канцлеръ Головинъ. Ихъ окружала свита, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 200 лицъ; самъ царь находился среди свиты подъ именемъ простаго дворянина и для виду даже прислуживалъ посланнику, хотя и свои, и иностранцы хорошо знали, кто скрывается подъ принятымъ incognito; но государю угодно было стать товарищемъ и даже слугою посланниковъ. Отправившись кораблемъ изъ Архангельска, посольство высадилось прежде всего въ Пилявѣ, въ Пруссіи брандебургской (т. е. восточной). Здѣсь устроилось свиданіе царя съ Фридрихомъ, электоромъ брандебргскимъ, и оба монарха гостили вмѣстѣ въ Кенигс-

---

[1]) Соч. Максимовича, I, 430.

бергѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ то именно время, когда подъ Варшавою происходили совѣщанія избирательнаго сейма. Изъ Кенигсберга царь писалъ настоятельныя письма къ штатамъ рѣчи постолитой и къ примасу, поддерживая кандидатуру Августа, курфирста саксонскаго, и даже угрожая войною, въ случаѣ, если-бы избранъ былъ сеймомъ его соискатель, герцогъ Конти. Это послужило основаніемъ дружбы и довѣрія, установившихся между царемъ и королемъ Августомъ.

Русское посольство вмѣстѣ съ царемъ Петромъ отправилось въ дальнѣйшій путь и, посѣщая многія земли и государства, странствовало въ теченіи $2^1/_2$ лѣтъ. Оно объѣхало Данію, Англію, Голландію. Въ амстердамскомъ портѣ царь самъ занимался плотничествомъ при постройкѣ корабля; оттуда онъ отправился въ Вѣну, желая потомъ посѣтить Венецію и Римъ. Но во время пребыванія въ Вѣнѣ, гдѣ императоръ Леопольдъ принималъ царя съ величайшими почестями, послѣдній получилъ извѣстіе о сильномъ возмущеніи противъ него, произшедшемъ въ Москвѣ, которое подавилъ весьма удачно Шереметьевъ; однако царь, не зная послѣдняго обстоятельства, рѣшился лично поспѣшить, черезъ Польшу и Литву, для укрощенія мятежа. Бросивъ свиту и багажъ, онъ вмѣстѣ съ Лефортомъ и Головинымъ, на десяти простыхъ повозкахъ, нанимая лошадей отъ города до города, даже не взявъ для себя коляски, пріѣхалъ въ Краковъ, а оттуда въ Раву.

Отецъ мой [1]) въ то время, ожидая пріѣзда короля во Львовъ, призвалъ туда своего товарища, гетмана польнаго короннаго, Феликса Потоцкаго, и многихъ сенаторовъ, пановъ и военныхъ чиновниковъ. Вдругъ къ нему явился саксонскій офицеръ съ собственноручнымъ письмомъ короля Августа, извѣщавшимъ о неожиданномъ пріѣздѣ царя въ Раву. Король писалъ, что постарается удержать царя, и приглашалъ гетмана пріѣхать для свиданія съ нимъ.—Любопытство и желаніе видѣть царя въ Польшѣ, особенно такого царя, котораго называли чудомъ среди монарховъ, заставили пановъ гетмановъ поторопиться; мы собрались поспѣшно и прилично. Случилось это въ 1698 году, послѣ праздника св. Іоанна (т. е. послѣ 24 іюня). За $^1/_4$ мили передъ Равою гетманы и сопровождавшіе ихъ паны сѣли на верховыхъ лошадей, ихъ окружилъ отрядъ отборной конницы до полуторы тысячи. На рынкѣ города Равы мы увидѣли королевскія палатки, примыкавшія къ еврей-

---

[1]) Станиславъ Яблоновскій, гетманъ великій коронный.

скимъ домамъ, въ которыхъ квартировали царь и король. Король ожидалъ насъ въ палаткѣ и, поговоривъ немного съ отцомъ моимъ, сказалъ: „Мой гость немного своенравный, потому пойду спрошу: много-ли лицъ онъ пожелаетъ принять вмѣстѣ съ вашею милостію?“ Возвратившись, король сказалъ, что царь желаетъ видѣть только гетмановъ и сенаторовъ; потому пригласили насъ только 8 человѣкъ (меня въ качествѣ русскаго воеводы) и король провелъ насъ частнымъ ходомъ чрезъ заднюю улицу въ домъ, гдѣ царь остановился. Отецъ мой сказалъ привѣтственную рѣчь по польски, благодарилъ за честь, оказанную посѣщеніемъ королю и всей рѣчи посполитой, и вспомнилъ о древней дружбѣ и союзѣ между обоими государствами. Во время этой рѣчи царь какъ-будто нѣсколько отстранялся. когда-же мой отецъ кончилъ рѣчь, онъ быстро подошелъ и сказалъ: „благодарю *вашей милости, шосьте брата моего Августа королемъ обрали*“ [1]; затѣмъ онъ увѣрялъ насъ въ дружбѣ своей къ полякамъ. Вслѣдъ затѣмъ король пригласилъ царя и всѣхъ насъ присутствовавшихъ къ обѣду, приготовленному въ другомъ домѣ. Въ срединѣ стола сидѣли король и царь; послѣдній съ лѣвой стороны, потому—что онъ все таки настаивалъ на своемъ incognito. Затѣмъ возлѣ короля мой отецъ и всѣ мы, польскіе сенаторы; возлѣ царя его посланники, а за ними саксонскіе генералы. За обѣдомъ случилось три происшествія: первое—всѣ мы до пьяна напились; второе—царь приказалъ принести драгунскій барабанъ и исполнилъ на немъ всѣ сигналы такъ искусно, какъ не съумѣлъ-бы исполнить ни одинъ музыкантъ въ арміи. Виновникомъ третьяго происшествія былъ панъ Потоцкій, тогда стражникъ коронный, а впослѣдствіи воевода белзскій; разсердившись за то, что его не допустили къ царю и не пригласили къ столу (хотя та же участь постигла и моихъ братьевъ, обознаго и хорунжаго коронныхъ), онъ побилъ пана Пребендовскаго, управлявшаго въ то время дворомъ королевскимъ. Его насилу успокоили тѣмъ, что допустили его послѣ обѣда въ царскую комнату.

Цѣлую недѣлю прожили мы на глазахъ у обоихъ монарховъ, наши-же собственные глаза были слишкомъ слабы для того, чтобы прозрѣть дѣла, занимавшія вѣнценосцевъ; они очень секретно, безъ вѣдома рѣчи посполитой, трактовали тогда о тяжелой войнѣ со Швеціею и обязались дѣйствовать совмѣстно. Для того,

---

[1]) Подчеркнутыя слова въ подлинникѣ по русски—оставлены безъ перемѣны.

чтобы прикрыть свои переговоры благовиднымъ предлогомъ, король пригласилъ однихъ только гетмановъ, будто на тайное совѣщаніе, мнѣ-же предоставилъ честь быть на этой конференціи въ качествѣ переводчика, знающаго французскій и русскій языки. На совѣщаніи король жаловался царю на германскаго императора за то, что онъ, безъ вѣдома своихъ союзниковъ, подписалъ предварительныя условія мира съ Турціею въ Карловичѣ, весьма для насъ тягостныя, именно условіе, по которому каждому признавалось право на тѣ области, которыми онъ владѣлъ; между тѣмъ мы не завладѣли никакою турецкою областью, а турки сохраняли Каменецъ. Затѣмъ онъ спросилъ царя, какія инструкціи онъ далъ своимъ уполномоченнымъ въ Карловичѣ: подписать-ли трактатъ совмѣстно съ императоромъ, принявъ это условіе, или продолжать войну съ турками въ случаѣ, если императоръ, отставши отъ союзниковъ, заключитъ трактатъ только отъ своего имени?—Царь отвѣтилъ: „хотя указанный пунктъ для меня не вреденъ, ибо я овладѣлъ славнымъ приморскимъ городомъ Азовомъ и двумя турецкими крѣпостями, расположенными на Днѣпрѣ: Асланъ-керменомъ и Кизикъ-керменомъ, однако, ради любви къ брату моему Августу и ради интересовъ рѣчи посполитой, я готовъ продолжать войну съ турками, хотя-бы императоръ и заключилъ отдѣльный миръ безъ нашего участія." Все это говорилъ онъ, согласившись предварительно съ королемъ, для того, чтобы скрыть условленную войну противъ Швеціи, предполагая вести ее безъ согласія рѣчи посполитой. Кончилъ онъ рѣчь свою увѣреніемъ, что онъ останется вѣрнымъ союзникомъ речи посполитой и братомъ и другомъ короля Августа и т. п. Такимъ образомъ мы, поляки, не имѣли и тѣни подозрѣнія относительно шведской войны и заключеннаго съ королемъ по этому поводу союза, пока дѣло это не разразилось два года спустя.

Между тѣмъ мы провели цѣлую недѣлю среди пьянства и маневровъ саксонскаго войска, котораго отъ 7 до 8,000 кавалеріи и пѣхоты король собралъ подъ Равою. Оба монарха забавлялись ежедневно маневрами и потомъ сильно пили. Царь, одѣтый въ простое сѣрое платье, страшно бѣгалъ по полямъ во время маневровъ. Однажды въ толпѣ на него нечаянно натолкнулся лошадью конюшій польнаго гетмана, Феликса Потоцкаго. Царь немедленно ударилъ его нагайкою. Тогда конюшій (не знаю, узналъ ли онъ лице или нѣтъ) обнажилъ саблю; то-же сдѣлали его товарищи и быстро бросились на него. Царь бѣжалъ отъ нихъ, пока

кто-то, узнавъ его, не крикнулъ: „остановитесь, это царь". Царь прибѣжалъ запыхавшись къ королю, возлѣ котораго стояли мы съ отцемъ, и сказалъ моему отцу: „*Твои Ляхи хотилы мене розрубаты!*" [1]). Отецъ мой хотѣлъ немедленно произвести слѣдствіе и наказать виновныхъ; но царь остановилъ его, утверждая, что онъ первый кого-то ударилъ; вѣроятно онъ не желалъ придавать дѣла огласкѣ. Моего отца царь полюбилъ чрезмѣрно и повторялъ ему нѣсколько разъ: „еслибы ты былъ моимъ подданнымъ, то я бы уважалъ тебя и выслушивалъ, какъ отца". Меня всегда называлъ „*сусидомъ*" по поводу Бѣлой Церкви [2]), и ради этой чести я долженъ былъ пить вмѣстѣ съ нимъ водку, пока отъ нея не заболѣлъ. Наконецъ, кончивши частные переговоры съ королемъ, царь уѣхалъ въ королевской коляскѣ, въ сопровожденіи своихъ тележекъ, направляясь черезъ Литву въ Москву, а гетманы возвратились во Львовъ, ожидая прибытія туда короля.

г) Осиротѣлые колокола.

Осенью минувшаго года, въ Черниговѣ сдѣлана слѣдующая случайная находка. Во дворѣ чиновника Терлецкаго, по воздвиженской улицѣ, находящемся между домомъ Кранца и садомъ Оришкевича, рыли погребъ и на глубинѣ трехъ съ половиною аршинъ открыли три старые колокола. Форма ихъ не представляетъ ничего особеннаго, надписей на нихъ нѣтъ никакихъ. Вѣсъ большаго изъ колоколовъ около двухъ пудовъ. Колокола значительно повреждены: у того уши отбиты, у другого языки, или кольца нѣтъ. Замѣтно, что они были въ огнѣ, и уши ихъ немного повреждены отъ этого. Всѣ колокола покрыты внутри мѣдною окисью.

Первый изъ колоколовъ найденъ лежащимъ ва боку, а два остальные, въ разстояніи полъ аршина отъ него, найдены стоящими почти вмѣстѣ одинъ съ другимъ. Не далеко отъ нихъ найдены и два желѣзные языка. Внутри и вокругъ колоколовъ значительное количество золы и древеснаго угля; ниже этого глина—материкъ, выше, до трехъ съ половиною аршинъ, черная насыпная земля.

---

[1]) Въ подлинникѣ по русски—слова оставлены безъ измѣненія.

[2]) Авторъ былъ старостою бѣлоцерковскимъ, слѣдовательно староство его прилегало къ тогдашнимъ границамъ Россіи. Слово ,,сусидомъ" въ текстѣ по русски.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это колокола церковные, т. е. принадлежали когда-то какой-то церкви; но какой именно и какъ они попали въ землю на такую глубину?—Смотря на планъ бывшей черниговской крѣпости архитектора Дитерихштейна, мы можемъ отмѣтить, что мѣсто, гдѣ найдены колокола, находилось въ сѣверо-западномъ углу крѣпости, около крѣпостнаго вала, недалеко отъ западныхъ крѣпостныхъ воротъ. Но въ этомъ мѣстѣ на планѣ не обозначено никакой церкви, а значатся вообще въ бывшей черниговской крѣпости только слѣдующія церкви: 1) соборная преображенская, 2) архангело-михайловская на востокъ за соборомъ; 3) каѳедральный каменный монастырь съ архіерейскимъ домомъ (нынѣ борисоглѣбскій теплый соборъ) и 4) каменная церковь великомученицы Варвары (нынѣ церковь Екатерины).

Между тѣмъ по лѣтописямъ значится, что въ черниговскомъ замкѣ, т. е. крѣпости болѣе ранняго времени, была церковь деревянная во имя князя *Михаила* и болярина его *Ѳеодора* и что она пользовалась ругою московскаго правительства съ 1500 года [1]), т. е., со времени подчиненія черниговскаго княжества московскому государству, а слѣдовательно и построена раньше 1500 г. По описи 1766 года значится: „въ замку (въ Черниговѣ) церковь деревянная во имя черниговскихъ чудотворцевъ кн. Михаила и болярина его Ѳеодора“ [2]). По епархіальному-же списку всѣхъ церквей г. Чернигова и числа пвихожанъ ихъ, за 1770 годъ, церкви кн. Михаила и болярина его Ѳеодора уже вовсе нѣтъ [3]). Когда-же именно церковь эта могла уничтожиться или сгорѣть такъ, что даже не позаботились взять изъ пепла колокола и они оставались до настоящаго времени въ землѣ?

Галятовскій, въ „Скарбницѣ“[4]), разсказывая о томъ, какъ поляки въ 1611 году взяли обманомъ Черниговъ и сожгли острогъ его, пишетъ слѣдующее: „Черниговъ од Горностая (региментара польскаго войска) спаленный былъ и през многіе лѣта пустый заставалъ.... По Горностаю въ 12 лѣтъ почали зпову до Чернигова люде збиратися и будуватися“.

Сгорѣла-ли деревянная церковь, въ честь черниговскихъ мучениковъ князя Михаила и болярина его Ѳеодора, еще во время

---

[1]) Черн. Епарх. Изв. за 1863 г. ч. неоф. стр. 340.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibid. p. 351.

[4]) Ibidem. p. 67.

погрома „*ласкаваго пана*“ Горностая, и въ числѣ другихъ была потомъ вновь отстроена и существовала еще въ 1766 г., на что указываетъ опись церквей этого года, или она погибла отъ пламени 1766—1770 г., остается неизвѣстнымъ для насъ.

Когда-бы ни случилось это, съ достовѣрностію полагать можно, что мѣсто храма, которому принадлежали найденные колокола, находилось долго въ запустѣніи и получило наслоеніе земли, а впослѣдствіи, при уравненіи мѣстности, еще болѣе засыпано землею, особливо въ то время, когда разрывали валъ черниговской крѣпости. Отъ того такъ глубоко подъ землею и остались колокола.

Какъ-бы то ни было, мѣста всѣхъ прежде бывшихъ въ Черниговѣ церквей хорошо извѣстны. извѣстно одно только мѣсто бывшей деревянной церкви черниговскихъ мучениковъ князя Михаила и болярина его Θеодора, и никто изъ старожиловъ не знаетъ, чтобы на мѣстѣ, гдѣ найдены колокола, была когда-нибудь церковь, и никто не знаетъ мѣста, гдѣ была церковь въ честь черниговскихъ мучениковъ. Найденные колокола, окруженные слоемъ золы и угля, какъ кажется намъ, и открываютъ то мѣсто, гдѣ была церковь въ честь князя Михаила и болярина его Θеодора.

К.

д) Скоромная водка.

1809 года 12 ноября изъ духовной консисторіи молдавской митрополіи разослано было предписаніе: „подтвердить всѣмъ благочиннымъ и священникамъ, дабы они отнынѣ впредь никакъ не дерзали служить на винѣ, продаваемомъ жидами, ниже покупать отъ жидовъ никакихъ напитковъ; а притомъ объявляли-бы въ церквахъ, чтобы христіане остерегались отъ напитковъ, продаваемыхъ жидами: ибо доказано, что они оскверняютъ напитки, продаваемые ими христіанамъ, запрещенными веществами, какъ напримѣръ: *мѣстами* (или плодомъ), что родильницы послѣ младенцовъ выбрасываютъ, и другими скверностями, каковыя найдены въ сосудахъ (бочкахъ), которые отъ нихъ проданы съ дрождьями виноградными“.

Особеннаго впечатлѣнія не произвело это предписаніе; о немъ въ Бессарабіи забыли: тамъ каждый хозяинъ, владѣтель ви-

ноградяаго сада, имѣлъ свое вино и изъ виноградныхъ выжимокъ выкуривалъ свою водку. Но вотъ Бессарабія присоединена къ Россіи; помѣщики получили исключительное право выдѣлывать и продавать водку. Это право они переуступали арендаторамъ евреямъ и евреи со всею свойственною имъ страстностью накинулись на водочный гешефтъ. Въ казенныхъ имѣніяхъ, въ городахъ правительство предоставляло водочное право откупщикамъ, которыми были преимущественно евреи. Никто не только не имѣлъ права выдѣлывать водки, но и покупать внѣ предѣловъ откупа или аренды. Откупщики и арендаторы врывались въ дома, производили обыски, печатали погреба. Тогда-то возникъ своеобразный народный протестъ среди крестьянъ нынѣшняго аккерманскаго уѣзда, гдѣ особенно было развито виноградарство.—Въ с. Таракліи заложили церковь; закладку нужно было, по обычаю народному, вспрыснуть. Арендаторъ отпустилъ водки *въ горшкѣ*.

Не будемъ пить, проклятый жидъ оскоромилъ водку, замѣтилъ кто-то изъ людей, собравшихся на закладку.

— Неправда, сказала баба, державшая чарку.

— Да въ этомъ горшкѣ жидъ мясо варилъ.—Дѣло было въ Петровку, 21 іюня 1813 года.

— Вотъ по краямъ горшка видны куски мяса. Развѣ не видишь, глупая баба?

— Да мы давно уже примѣчаемъ, что нашъ арендаторъ съ умысломъ въ постные дни скоромитъ всѣ напитки, отозвался церковный староста.

Въ тотъ же день отвезли горшокъ съ водкой въ Аккерманъ къ цинутному протопу.

— Жалуемся вамъ, а вы, панотче, донесите, куда слѣдуетъ. Можно-ли жидамъ ругаться такъ надъ нашею вѣрою?

— Да, и у насъ вотъ аккерманскій откупщикъ *евреинъ* запечаталъ погребъ у отца благочиннаго. Донесу обо всемъ этомъ архіерею, сказалъ протопопъ.

„Поступокъ аккерманскаго откупщика послѣдовалъ въ противность *мнѣнію*, учиненному по имянному повелѣнію бывшимъ бессарабскимъ господиномъ гражданскимъ губернаторомъ и кавалеромъ Скарлатомъ Дмитріевичемъ Стурзою, и сообщенному генваря 14 дня 1813 года, при отношеніи къ его высокопреосвященству святѣйшаго правительствующаго синода члену и ексарху Гавріилу митрополиту, коего *мнѣнія* въ 7 пунктѣ между прочимъ сказано: „священникъ или діяконъ не свободны держать вино или

другіе напитки въ домахъ своихъ для продажи: ибо сіе право одному только помѣщику принадлежитъ; но вино изъ собственныхъ своихъ виноградовъ и другой напитокъ, для собственнаго своего дому, а не для продажи, можетъ держать безъ всякаго препятствія со стороны помѣщика. Таковое отношеніе къ священникамъ и діяконамъ должны блюсти и арендаторы вотчины. Свободно также священнику или діякону, когда не будетъ имѣть своихъ виноградовъ, покупать вино или другіе напитки, откуду хочетъ, собственно для своего дому, а не для другихъ". Поэтому „бессарабскаго областнаго правительства 1-й департаментъ строго приказалъ откупщикамъ, дабы они священникамъ и діяконамъ отнюдь не дѣлали никакихъ притѣсненій и не препятствовали имъ имѣть для домашняго ихъ обихода все дозволенное помянутымъ пунктомъ".

Съ погреба аккерманскаго благочиннаго печати, наложенныя откупщикомъ, были сняты; а народъ православный вынужденъ былъ, по прежнему, пить еврейскую водку—скоромную!

1-е января 1882 г.
Кишиневъ.

Notus.

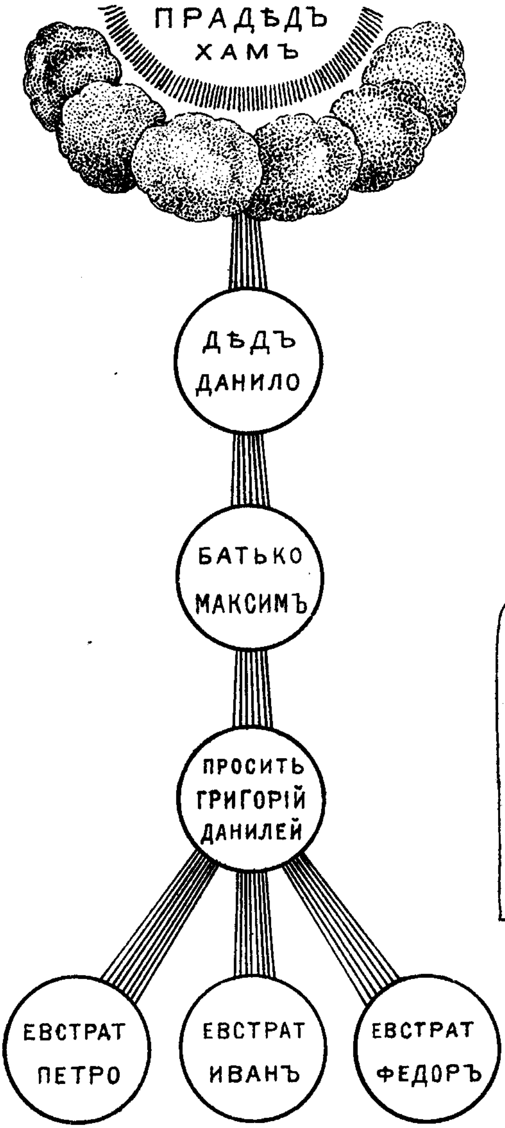
е) Процессъ стариннаго церковнаго суда, выраженный въ малорусскихъ междометіяхъ.

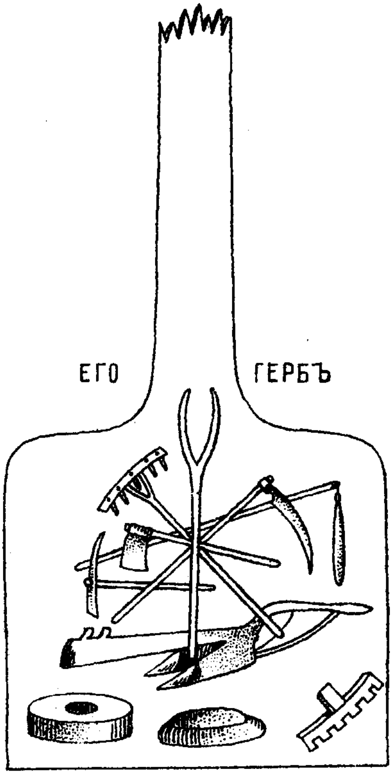
Прошлое нашего церковнаго суда пользуется, какъ это всѣ знаютъ, не совсѣмъ хорошею репутаціею. Консисторская судная процедура оставила по себѣ не лестные слѣды въ историческомъ преданіи... Извѣстенъ курьезный комментарій термина *докладъ*, примѣняемый вообще къ прежнему русскому суду и въ особенности—къ консисторскому. Не мѣшаетъ здѣсь вспомнить этотъ комментарій:

Докладъ — канцеляріи,
Окладъ — секретарю,
Кладъ — члену,
Ладъ — отвѣтчику,
Адъ — истцу.

Въ дополненіе къ этому историко-бытовому, юридически-грамматическому курьезу сообщаемъ другой подобный. Въ немъ посредствомъ характерныхъ, звучныхъ малорусскихъ междометій выражена исторія жертвы—какого-нибудь сельскаго священника

Родословная и доказательство Хама
ДАНИЛЕЯ КУКСЫ
потомственые





ГЕРБЪ

или дьячка, имѣвшаго несчастіе попасть въ горнило прежняго церковно-суднаго процесса. Начинается дѣло съ *тихонькаго* „доношенія" отца благочиннаго и кончается *громкимъ* ниспаденіемъ жертвы въ преисподняя какого-нибудь монастыря—на »черныя работы"... Вотъ эта старинная звукоподражательная церковно-судная послѣдовательность:

Благочинный — *шу-шусть* въ правленіе!
Правленіе — *тарáхъ* до архіерея!
Архіерей — *бебéхъ* въ консисторію!
Консисторія — *ге--гéпъ* въ монастырь!..

Это бытовое преданіе мы записали въ Кишиневѣ, со словъ рѣдкаго знатока стариннаго южнорусскаго быта—Л. С. *Радкевича*. Онъ владѣетъ богатѣйшимъ запасомъ всевозможныхъ народно-бытовыхъ анекдотовъ, и съ нѣкоторыми изъ нихъ намъ еще не разъ прійдется знакомить читателей „Кіевской Старины". Уроженецъ Подоліи, воспитанникъ подольской духовной семинаріи, взятый за тѣмъ въ Петербургъ—въ придворную пѣвческую капеллу и получившій здѣсь прекрасное музыкальное образованіе, перешедшій наконецъ на службу въ Каменецъ и проходившій здѣсь многоразличныя должности какъ по гражданскому, такъ и по духовному вѣдомству,—Л. С. Радкевичъ, при природномъ своемъ юмористическомъ талантѣ, имѣетъ за собою продолжительный и разнообразнѣйшій жизненный опытъ, и его *воспаминанія*, которыя онъ давно уже началъ писать, представятъ собою любопытнѣйшіе историко-бытовые эскизы...

Левъ Мацѣевичъ.

ж) Забавная родословная.

(Рисунокъ и стихи).

Помѣщаемое ниже стихотвореніе по многимъ признакамъ принадлежитъ концу XVIII или вѣрнѣе началу XIX ст. и относится къ разряду памятниковъ весьма распространенной въ это и болѣе раннее время обличительной малорусской литературы. Оно сообщено намъ А. М. Лазаревскимъ, а имъ получено отъ одного изъ черниговскихъ его знакомыхъ, которымъ случайно найдено въ одномъ изъ тамошнихъ архивовъ, если не ошибаемся, въ

„дѣлѣ" о дворянскихъ правахъ какого-то рода. Стихотвореніе представляетъ собою ѣдкую сатиру на нарождавшуюся тогда уже изъ посполитства мелкую чиновную буржуазію, не уходившую далѣе своего русла, но выбивавшуюся изъ узкой своей тропы на дворянскую стезю, къ привилегированному дворянскому положенію, посредствомъ нехитраго ученья и полученія чина регистратора (*евстрата*) съ помощію подарковъ и подкуповъ. Стихотвореніе писано, или переписано безъ знаковъ препинанія и занимаетъ двѣ страницы обыкновеннаго листа, а на первой его страницѣ помѣщенъ прилагаемый здѣсь отдѣльно рисунокъ, представляющій краткую генеалогію измышленнаго рода и гербъ въ видѣ лопаты со всѣми принадлежностями быта крестьянскаго рабочаго класса. Мы удерживаемъ и оригинальное заглавіе стихотворенія и отчасти его орѳографію.

„Доказательства Хама Данилея Куксы потомствены.

Да вжежъ наши дворяне гербы посилають,
А що я бувъ дворянинъ, то то й не знають.
Я надумався й соби пѣсеньку спивати
И дворянство по свойму гербу доказати.
Онъ у мене гербъ якій—въ деревянімъ цвити,
Що ни в кого не було в остерськімъ повити:
Лопата написана держаломъ у гору
(Побачивши, скаже всякъ, що воно безъ спору),
У середыни грабли, вила и сокира,
Якими було роблю, хоть якая сквира;
Такжеципомъ молотывъ, скажу правду матку,
Що ажъ скинешъ було шапку;
Взявши косу на плечи, ходивъ въ косовицю,
А щобъ не голодный бувъ, бравъ и молодицю,
Якъ же витеръ, то бижу до млина из поля,
Бо й худоба тамъ моя,—отъ мини неволя!
Далижъ трохи, якъ розживсь, той годи робыти,
А надумавсь отдати въ школу свои дѣти.
Якъ вивчились, въ судъ упхавъ—учиця писати,
Да вже того й гляди—гостинци давати,
Щоб воны такъ, якъ люде, *Евстраты* *) получили,

*) Чины калѣзкии регистрат.

Бо мене розумные на те паны вчили,
Хочъ було и имъ даси борошна потроху,
А инколи, якъ уродить, той чвертку гороху.
Якъ винницю поставивъ, ставъ гнаты горилку
И за купця у Остеръ отдавъ свою дивку,
Зъ казенного мужика зробывся я паномъ
И дворянство доказавъ, хоть уже й недаромъ.
А дали сыны мои стали вси Евстраты,
За старшого взявъ дочку з маіорскои хаты:
Защожъ мене неговать, за що волочити,
Коли стали панами ужей мои диты?
Кажуть, що я у вынници робити не буду,
Сталось лихо на старость, не знаю видкуду;
Греблю до Жуковки зробывъ черезъ воду,
Да й тутъ сказалы, що я мужикъ зроду.
Нехай же й такъ, що паномъ мини не буваты;
Дайте ридъ свий до конца спершу росказаты.

Якъ стари вики бували,
Якъ прадидъ мий бувъ,
Его вси Хамомъ звали,
Дай самъ того я не забувъ;
И дидъ у мене бувъ Данило,
Ни що було ему не мило,
Якъ тилько у млини сидить,
А батько мій Максимъ звався
И Данилеемъ прозивався,
Чого и я хочу просить—

Щобъ я хамовимъ бувъ внукомъ,
И Данилеемъ прозивавсь,
Щобъ такъ горилку пивъ кубкомъ,
Якъ батько мій впивавсь,
Щобъ минѣ добре пани зробыли,

И такъ щобъ гербъ мій утвердили,
Якъ есть въ гаи столитній дубъ,
Щобъ гербовимъ Хамомъ звався,
Щобъ бильше биди не сподивався
И щобъ нихто не бравъ зачубъ.

з) *Къ портрету Хмельницкаго.*

Выступая съ изданіемъ, посвященнымъ всецѣло исторіи южно-русскаго народа, мы сочли найболѣе сообразнымъ съ цѣлями его, въ видѣ перваго приложенія, представить вниманію нашихъ читателей найлучше обставленный образъ того лица, которому принадлежитъ первенствующая роль въ судьбахъ южно-русскаго народа и которому теперь вся Россія воздвигаетъ памятникъ въ древнемъ Кіевѣ, матери градовъ русскихъ, гдѣ приносилъ онъ благодарную молитву Господу Богу за побѣду надъ врагами, подготовившую соединеніе двухъ разрозненныхъ половинъ великаго нынѣ русскаго народа.

Готовилась фототипія портрета;—она не удалась и вмѣсто нея приходится предложить фотографію, правда болѣе отвѣчающую цѣлямъ археологическимъ и стоющую гораздо дороже, но имѣющую нѣкоторыя другія неудобства. Не наша въ томъ вина: таковы мѣстныя средства, а другихъ подъискать мы не могли за крайне позднимъ разрѣшеніемъ изданія.

Переходя къ самому портрету, скажемъ, что прилагаемый фотографическій снимокъ сдѣланъ съ старинаго подлинника, обязательно сообщеннаго намъ В. В. Тарновскимъ изъ его богатой коллекціи всякаго рода памятниковъ южно-русской старины, которые собраны имъ съ достойною уваженія любовію, съ затратою большихъ денежныхъ средствъ и хранятся въ его имѣніи, Качановкѣ, борзен. уѣз., черниг. губерніи.

Подлинникъ портрета, по свѣденіямъ, несомнѣнности которыхъ мы не могли провѣрить, находился въ субботовской церкви, построенной Хмельницкимъ; оттуда онъ попалъ въ сосѣдній медвѣдовскій монастырь, изъ него въ монастырь кіево-выдубицкій и уже отсюда перешелъ къ нынѣшнему его владѣльцу. Какъ-бы ни было, подлинникъ происхожденія давняго и во всякомъ случаѣ не позднѣе конца XVII в. Писанъ на холстѣ масляными красками. Вышина его 1 арш. 9 в., и ширина 1 арш. 3½ в. Работа нѣсколько простая, но тщательная. Собственно это даже не портретъ въ строгомъ смыслѣ, а картина, на которой любимый гетманъ представленъ со всѣми знаками его достоинства, власти и славы. Хмельницкій изображенъ въ сравнительно молодые годы его жизни: художникъ или не имѣлъ подъ рукою другаго образца, или не хотѣлъ нарушать основной цѣли своего изображенія,

рисуя гетмана-батька нѣсколько старымъ, осунувшимся, какимъ мы видимъ его на другихъ портретахъ и гравюрахъ.

Но прежде объ этихъ портретахъ, а потомъ о нашей картинѣ.

Въ былое время, сравнительно даже весьма недавнее, портреты Хмельницкаго составляли предметъ благодарной памяти весьма распространенный. Гетманъ, *„свободивій церковь Божію и отечество отъ враговъ и оныхъ до основанія поколебавій"*, встрѣчался, въ большихъ и малыхъ изображеніяхъ, не только въ частныхъ домахъ, но и въ церквахъ. Покойный М. А. Максимовичъ видѣлъ еще въ 1834 г. прекрасный портретъ Хмельницкаго, во весь ростъ, въ кіево-печерской лаврѣ, на сѣверной стѣнѣ великой церкви, подлѣ мощей митрополита Михаила; но въ этомъ-же году портретъ былъ замазанъ, по поводу Высочайшаго повелѣнія объ устраненіи изъ церквей вообще изображеній не святыхъ лицъ. Съ того, кажется, времени портреты Хмельницкаго начали рѣдѣть, пока не стали достояніемъ любителей. Тѣмъ не менѣе и теперь находится еще значительное число ихъ, какъ писанныхъ масляными красками, такъ и гравированныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ XVII-му вѣку. Вотъ они-то и требуютъ особаго изслѣдованія. Но печатныя свѣдѣнія объ этихъ портретахъ такъ кратки и недостаточны, что нужно сначала собрать матеріалы. Къ этому мы приглашаемъ тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые обладаютъ или свѣденіями о портретахъ, или самыми портретами, предлагая въ свою очередь имѣющіяся у насъ свѣденія.

Отмѣтимъ прежде всего весьма цѣнный портретъ Хмельницкаго масляными красками, XVII в., бывшій у М. А. Максимовича. Объ этомъ пишетъ намъ извѣстный библіографъ нашъ С. И. Пономаревъ, видѣвшій этотъ портретъ не разъ, за достоинства-же его ручаются намъ вкусъ и пониманіе такого знатока южно-русской старины, какимъ былъ М. А. Максимовичъ. Къ сожалѣнію, ничего болѣе пока объ этомъ портретѣ сказать не можемъ и ждемъ обстоятельныхъ о немъ свѣденій.

Интересно было-бы получить болѣе подробныя свѣденія о другомъ портретѣ Хмельницкаго, писанномъ масляными красками и относящемся также къ XVII в., о которомъ упоминаетъ польскій журналъ Kłosy (томъ XXIV, № 604). Вотъ это упоминаніе: „w galeryi Krόla Stanisława zachowywał się z natury wizerunek (Bohdana Chmielnickiego) w połowie figury, olejno malowany, w pąsowej czapce, z dwoma piόrami, w *delii* futrzanéj téjże barwy, w białym bogatym na żupanie pasie, trzymającego w prawéj ręce buławę

ozdobną, jako znak godności hetmana Ukrainy, lewą ściskającego rękojeść szabli.—Obraz ten z galeryi Królewskiey przeszedł w posiadanie Tomasza Swięckiego, autora „Starożytnej Polski", a teraz znajduje się w zbiorach K. Wł. Wójcickiego" [1]).

(Въ картинной галлереѣ короля Станислава сохранялось изображеніе съ натуры въ половинѣ фигуры Богдана Хмельницкаго, писанное масляными красками,—въ красной шапкѣ съ двумя перьями, въ мѣховой *киреи* того-же цвѣта, держащаго въ правой рукѣ разукрашенную булаву, какъ знакъ достоинства гетмана Украины, лѣвою рукою сжимающаго рукоятку сабли.—Портретъ этотъ изъ королевской галлереи картинъ перешелъ къ Ѳомѣ Свѣнцицкому, автору „Starożytnej Polski", а въ настоящее время находится въ коллекціи К. В. Войцицкаго).

Гравированныхъ портретовъ Хмельницкаго въ Словарѣ Ровинскаго (стр. 171) перечислено—16-ть; но описаніе ихъ сдѣлано до того кратко, что трудно разобрать, къ какому времени относятся гравюры, названныя подъ №№ 2, 4, 5, 11 и 13—16. Повидимому, наиболѣе интересный портретъ представляетъ гравюра, такъ описанная у него подъ № 1: „поясн. G. Hondius Sculp. Р. очень рѣдк. у Мюсаера 10 ф.". Эта гравюра есть, между прочимъ, въ собраніи В. В. Тарновскаго. Судя по внѣшности этого портрета, она *вполнѣ* сходна съ только что приведеннымъ описаніемъ портрета, о которомъ говорятъ Kłosy. На этой гравюрѣ имѣется слѣдующая подпись: „*Bohdan Chmielnicky Exercitus S. R. M-tis Zaporohscensis Praefectus.* Guilh Hondius sculpsit Genadi at. MDCLI". Кругомъ герба, сдѣланнаго на гравюрѣ вверху лѣвой стороны—русскія буквы: „Б. Х. Г. В. Е. К. М. За". Изъ подписи такимъ образомъ видно, что гравюра сдѣлана за шесть лѣтъ до смерти Хмельницкаго и, очень можетъ быть, что сдѣлана на основаніи того портрета, о которомъ говорятъ Kłosy, такъ какъ описаніе одежды, приведенное этимъ журналомъ, вполнѣ сходится съ тою одеждою, въ которой изображенъ Хмельницкій и на гравюрѣ Хондіуса. Послѣдняя важна и въ томъ отношеніи, что несомнѣнно она служила прототипомъ наиболѣе извѣстныхъ русскихъ *печатныхъ* портретовъ Хмельницкаго, въ томъ числѣ напр. приложенныхъ къ книгамъ Бантышъ-Каменскаго и Ригельмана. Во всѣхъ этихъ портретахъ выглядываетъ изъ подъ шапки даже и тотъ клокъ *чуба*, который ясно видѣнъ на гравюрѣ Хондіуса. Гравюра портрета Хмельницкаго 1683 г., описанная у Ровинскаго подъ № 3, представляетъ черты лица совсѣмъ уже другія и нужно полагать, что эта гравюра, помѣщенная въ книгѣ Ellogii di Capit. illustr., сдѣлана по рисунку фантастическому.

---

[1]) Замѣтка эта сдѣлана по поводу помѣщенія въ томъ-же номерѣ журнала портрета Хмельницкаго работы Матейко.

Въ собраніи А. М. Лазаревскаго, котораго указаніями и свѣденіями на этотъ разъ мы пользуемся, имѣется снимокъ съ гравюры, какъ полагать надо, той самой, которая у Ровинскаго, показана подъ № 11. Надпись на ней: „Boguslaus Chmielnicki Cosacorum dux generalis". Гравюра по внѣшнимъ признакамъ принадлежитъ также XVII вѣку. Портретъ поясной; Хмельницкій изображенъ въ шапкѣ безъ перьевъ; булавы также нѣтъ; руки опущены. Едва-ли не фантазіею рисовальщика изображенъ и этотъ портретъ.

Болѣе свѣденій о портретахъ Хмельницкаго на этотъ разъ представить не можемъ, потому переходимъ къ тому портрету, снимокъ съ котораго предъ глазами читателя.

У ногъ Богдана Хмельницкаго изображена à vol d'oiseau система рѣкъ, орошающихъ Украину: Днѣпръ, съ притоками, Днѣстръ и Бугъ, а лежащими на берегахъ этихъ рѣкъ булавами (собственно, должны-были быть изображены не булавы, а перначи, какъ знаки полковничьяго достоинства) отмѣчены казацкіе полки, находившіеся подъ управленіемъ гетмана. У каждой булавы надпись обозначаетъ названіе полка. На низовьяхъ Днѣпра изображена палатка, съ воткнутыми у входа ея бунчукомъ и булавою. Палатка эта изображаетъ Сѣчь Запорожскую; булава и бунчукъ могутъ быть приняты, какъ атрибуты власти кошеваго; но, быть можетъ, живописецъ имѣлъ въ виду этими знаками гетманской власти припомнить, что выборъ въ гетманы Богдана Хмельницкаго состоялся именно въ Запорожьѣ весною 1648 года. Перечень полковъ заставляетъ предполагать, что композиція портрета должна быть отнесена не ко времени, близкому Хмѣльницкому, а къ болѣе позднему, когда козачество сосредсточилось на лѣвой сторонѣ Днѣпра и было почти совсѣмъ вытѣснено изъ правой, т. е. по крайней мѣрѣ къ концу XVII столѣтія. Къ такому предположенію приводятъ слѣдующія данныя: въ числѣ полковъ названы: 1) лубенскій, возникшій уже въ гетманство Выговскаго 1659 года, вмѣсто бывшаго при Хмельницкомъ кропивянскаго; 2) стародубскій, учрежденный гетманомъ Брюховецкимъ въ 1663 г., и 3) богуславскій, возникшій только въ 1685 и теряющійся въ 1712 г., во время попытки Самуся и Палія возстановить козачество на правой сторонѣ Днѣпра. Какъ стародубскій, такъ и богуславскій полки не существовали при Хмельницкомъ. Сверхъ того въ перечнѣ полковъ есть ошибки, которыя могли быть сдѣланы только въ то время, когда изгладилось ясное

воспоминаніе о состояніи Украины при Хмельницкомъ; такъ на берегу Днѣстра названы два полка: подольскій и могилевскій, составлявшіе постоянно одинъ полкъ подольскій съ полковымъ городомъ Могилевомъ; за то пропущены, существовавшіе нѣкоторое время при Хмельницкомъ, полки: лисянскій, паволоцкій, овручскій, звягельскій, брагинскій, гадячскій и ичанскій.

На предлагаемомъ портретѣ Хмельницкаго, фигура гетмана окружена нѣсколькими группами и эмблемами. По правую руку гетмана виднѣется группа козаковъ, идущихъ съ распущенными знаменами; группа состоитъ изъ 23 человѣкъ, отвѣчающихъ 23 полкамъ, обозначеннымъ булавами на картѣ. Впереди группы выступаетъ войсковой „*довбышъ*", ударяющій въ лежащіе передъ нимъ 2 котла, замѣнявшіе въ козацкомъ войскѣ барабаны. Надъ этою группою въ медальонѣ читается слѣдующая надпись въ 12 строкъ: »*Бонданъ. Зіновіи. Хмельницкіи. Малой—Росіц. войскъ. Запорожкіхъ. козацкіхъ. гетманъ свободівий. церковъ. Божію. и отечество отъ враговъ. о нихъ до основанія поколѣбавій вѣчно да славится: Преставися. 1657 года: Августа 17 числа, погребенъ Суботовѣ полку Чегринскомъ*".

По лѣвую руку гетмана, у ногъ его помѣщена группа, состоящая изъ трехъ поляковъ; одинъ изъ нихъ упалъ на колѣни, всѣ три выпустили изъ рукъ сабли и изображаютъ жестами и выраженіемъ лица (на сколько оно видно въ рисункѣ) страхъ, смущеніе и безпокойство. Подъ этою группою слѣдующая подпись въ 4 строки: „*А Ляхамъ такъ страшно, что гдѣ либо повѣютъ вѣтри, вси яко Хмилницкій идетъ разумѣютъ*".

Надъ группою поляковъ изображена гетманская палатка, охраняемая двумя сторожевыми козаками съ мушкетами и осѣненная многочисленными знаменами и бунчуками, водруженными за нею; черезъ открытую портьеру палатки видѣнъ внутри ея войсковой писарь (вѣроятно, Иванъ Выговскій), сидящій на креслѣ у стола и внимательно пишущій—грамоту или универсалъ. На горѣ, возвышающейся сзади за палаткою, на второмъ планѣ, виднѣется каменное одноэтажное зданіе съ башнею на одномъ крылѣ,—можетъ быть субботовскій каменный домъ Богдана Хмельницкаго. Наконецъ еще выше, на одномъ уровнѣ съ медальономъ противуположной стороны, среди арматуры, составленной изъ знаменъ, пушекъ, сабель и булавъ, изображенъ „гербъ войска запорожскаго"—козакъ съ мушкетомъ на плечѣ.

Такова композиція портрета—картины. Самые анахронизмы въ ней доказываютъ сильнѣйшее желаніе неизвѣстнаго творца представить Хмельницкаго въ такомъ видѣ, чтобы память о немъ не ослабѣвала въ народѣ. Достойны вниманія заключительныя слова приведенной выше надписи на медальонѣ: „*вѣчно да славится*“. Не мѣшаетъ и нынѣшнему времени помнить эти глубоко правдивыя слова.

Мы не сопровождаемъ приложенія никакимъ другимъ текстомъ, въ видѣ какой либо монографіи о Хмельницкомъ. Такая монографія не можетъ быть дѣломъ краткаго времени, да едва ли въ ней и есть надобность послѣ блестящей монографіи знаменитаго исторіографа нашего Н. И. Костомарова. Къ ней и отсылаемъ желающихъ за подробностями о жизни и подвигахъ Хмельницкаго, суть-же его дѣлъ обозначена здѣсь, на портретѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

въ 1882 году

будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей** и съ пересылкою **шесть рублей 50 коп.** Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета Св. Владиміра, въ Кіевѣ.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4, и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова),

Каждая книжка **Извѣстій**, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣденіи посвященныхъ Университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которые распредѣляются въ такомъ порядрѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III—*физико-математическій*; отдѣлъ IV—*медицинскій*; отдѣлъ V—*научная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности учебныхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій*. Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, составляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

6. Смѣсь: корреспонденціи и другія сообщенія касательно текущей жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

7. Справочный отдѣлъ и объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	*Съ доставкою.*	*Съ пересылкою.*
Годъ	10 р. — к.	11 р. 50 к.	12 р. — к.
Полгода	6 ,, — ,,	7 ,, — ,,	7 ,, 50 ,,
Четверть года . .	3 ,, — ,,	3 ,, 50 ,,	4 ,, — ,,
Мѣсяцъ	1 ,, 25 ,,	,, ,, — ,,	1 ,, 50 ,,

Подписка принимается въ конторѣ редакціи при Книжномъ Магазинѣ **В. А. Сыхра**, по Екатеринославской улицѣ № 1-й, въ Харьковѣ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Издатель **В. А. Сыхра**.

Редакторъ **А. П. Шимковъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

„ХУДОЖЕСТВЕННАГО ЖУРНАЛА"

съ приложеніемъ

„ХУДОЖЕСТВЕННАГО АЛЬБОМА",

въ которомъ принимаютъ участіе слѣдующіе художники: *И. Айвазовскій, А. Боголюбовъ, М. Боткинъ, П. Брюлловъ, В. Верещагинъ, В. Васнецовъ, Е. де-Вилье, Е. Волковъ, И. Крамской, баронъ М. П. Клодтъ, Н. Кузнецовъ, Л. Лагоріо, К. Лемохъ, В. Маковскій, В. Масаловъ, А. Мещерскій, Г. Мясоѣдовъ, В. Полѣновъ, И. Прянишниковъ, И. Рѣпинъ, К. Савицкій, В. Суриковъ, К. Трутовскій, И. Шишкинъ, Шишковъ и Шарлемань.*

Программа журнала заключается въ слѣдующемъ: 1) **Беллетристическій отдѣлъ.** Повѣсти, разсказы, сцены и т. п., по преимуществу изъ жизни русскихъ художниковъ. Біографіи художниковъ (въ повѣствовательной формѣ), а также и замѣчательныхъ дѣятелей въ искусствѣ. 2) **Критическій отдѣлъ.** Критическія статьи по искусству. Художественный фельетонъ. Рецензіи и критическія замѣтки, касающіяся, какъ художественныхъ произведеній, такъ равно и книгъ по искусству. 3) **Смѣсь.** Теоретическія и практическія указанія и совѣты какъ художникамъ, такъ и любителямъ. Обзоръ дѣятельности русскихъ художественныхъ обществъ и

школъ существующихъ въ Россіи. Разныя мелкія замѣтки, извѣстія и слухи. 4) **Послѣдняя страница.** Справочный отдѣлъ, въ который входятъ, по преимуществу, отвѣты на вопросы публики и художниковъ. 5) **Приложеніе. „ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ".**

„Художественный Альбомъ" состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) картинъ и портретовъ въ форматѣ журнала и 2) картинъ въ форматѣ большаго альбома.

Рисунки и портреты въ „Художественномъ Журналѣ" исполняются посредствомъ **фототипіи, фотогравюры и гравюры на мѣди** (офортъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ форматѣ большой книги отъ трехъ до четырехъ листовъ.

Годовые подписчики получаютъ журналъ съ приложеніемъ, которое состоитъ изъ 24 оригинальныхъ рисунковъ, портретовъ и **отдѣльнаго большаго альбома**, который данъ будетъ въ видѣ преміи; полугодовые же подписчики получатъ журналъ съ рисунками и портретами, но безъ преміи.

„Художественный Альбомъ" (**ПРЕМІЯ**) 1881 г. состоитъ изъ трехъ большихъ картинъ, величиной 1 аршинъ на 3/4 арш.

Первый листъ — Крахъ банка. Картина В. Маковскаго.

Второй листъ — Утро стрѣлецкой казни. Картина В. Сурикова.

Третій листъ — Подъ липами. Картина В. Каульбаха.

Иногородніе подписчики для пересылки премій— **„Художественнаго Альбома"** за 1881 г., благоволятъ дослать 50 коп. марками. Подписчики Петербурга и Москвы, когда будетъ объявлено о выходѣ премій, могутъ получать въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени", а въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, на Кузнецкомъ.

«Художественный Альбомъ» (премія) въ 1882 году будетъ выходить по третямъ.

Количество премій или большихъ картинъ **„Художественнаго Альбома"** будетъ зависѣть отъ количества подписчиковъ; но во всякомъ случаѣ всѣхъ премій будетъ выдано не менѣе **трехъ** и не болѣе **пяти**.

Первый листъ альбома выйдетъ вмѣстѣ съ январскимъ нумеромъ.

ОФОРТЪ И. И. ШИШКИНА.

Величина этого офорта **одинъ аршинъ $2^1/_2$ вершка** вышины и $^3/_4$ **аршина** ширины.

Офортъ этотъ печатается въ Берлинѣ, въ знаменитой мастерской Л. Беккера. Чтобы судить о трудности вполнѣ художественнаго выполненія этого громаднаго офорта, мы должны указать на то обстоятельство, что г. Беккеръ взялся исполнить этотъ офортъ при печатаніи его не болѣе двадцати экземпляровъ въ сутки.

Иногородные подписчики на 1882 г. для полученія преміи— **„Художественного Альбома“** по третямъ благоволятъ добавлять къ подписной цѣнѣ **1 руб. 50 коп.** Эту же сумму должны добавлять и тѣ изъ городскихъ подписчиковъ Москвы и Петербурга, которые пожелаютъ получить премію съ доставкою на домъ .

Цѣна **„Художественнаго Журнала“** съ приложеніями и съ **„Художественнымъ Альбомомъ“** остается та-же. Съ пересылкою н доставкою на годъ:

6 рублей и на полгода 4 рубля; съ пересылкою за границу 8 рублей. Съ пересылкою премій 7 рублей 50 копѣекъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, на углу Невскаго и Троицкаго (подъѣздъ съ Троицкаго), д. Ростовцева, кв. № 24; въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, на Невскомъ д. № 58, и Мамонтова, на б. Садовой, д. № 12 и въ эстампныхъ: Фельтена и Беггрова, на Невскомъ; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, на Никольской; Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту и въ эстампныхъ: Даціаро, на Кузнецкомъ и Осберга, на Петровкѣ.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи: Петербургъ, уголъ Невскаго и Троицкаго, домъ Ростовцева.

Редакторъ издатель **Н. Александровъ.**

Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ модъ и рукодѣлій

„ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ“

на 1882 годъ.

(годъ третій.)

„ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ“ будетъ издаваться въ 1882 г. по той-же программѣ какъ и въ 1881 г. Объемъ каждаго нумера журнала состоитъ не менѣе 32 стр.

ОБЪ ИЗДАНІИ „ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННАГО ВѢСТНИКА“ въ 1882 году.

Съ будущаго 1882 года «Церковно-Общественный вѣстникъ» превращается въ **ПОЛУЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ** и будетъ выходить аккуратно черезъ день; исключая времени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее его интересовать

въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Рядомъ съ вопросами о духовенствѣ, и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политичесвихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашимъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Цертовно-Общественный Вѣстникъ» наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающемся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» въ 1882 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія «**Календарь для духовенства**», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, мы имѣемъ въ виду, помѣстить **собраніе узаконеній**, относящихся какъ къ организаціи, такъ и къ разнообразнымъ правамъ и обязанностямъ духовенства, заимствуя ихъ, частію изъ «Полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи», частію изъ дѣйствующаго «Свода Законовъ», а равно и изъ другихъ источниковъ.

При «календарѣ» будетъ приложенъ также подробный **адресъ-календарь** лицъ служащихъ по духовному вѣдомству, преосвященныхъ архіереевъ, начальствующихъ и учащихъ въ духовныхъ заведеніяхъ и пр.

Условія подписки на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» тѣ-же какъ и въ предыдущіе годы, т. е. на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля, на три мѣсяца 2 рубля 50 копѣекъ, на мѣсяцъ 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 рублей—Отдѣльные **№ №** по 10 копѣекъ.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: «въ редакцію «Церковно-Общественнаго Вѣстника», мъ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 3, кв. 5.

Объявленія для напечатанія въ газетѣ принимаются въ конторѣ редакціи въ размѣрѣ 10 коп. за мѣсто занимаемое строкой петита. За разсылку отдѣльныхъ объявленій взимается по 5 руб. съ тысячи.

Редакторъ-издатель **А. И. Поповицкій.**

Журналъ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца, книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе журнала *съ пересылкою внутри Имперіи и доставкою въ С.-Петербургѣ* **шесть рублей**; съ пересылкою за границу **восемь рублей**.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просимъ обращаться съ требованіями исключительно по слѣдующему адресу: **въ редакцію журнала »Странникъ«, въ С.-Петербургѣ** (Невскій просп., д. № 105 кв. № 1).

Редакторы-издатели:

А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.

"ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ"

въ **1882** году.

будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе **„Православнаго Собесѣдника"** на 1882 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: **съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи.**

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается въ Казани, въ Редакціи „Православнаго Собесѣдника", при Духовной Академіи.

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

издаваемыя при „Православномъ Собесѣдникѣ" съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1882 г. два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна »**Извѣстій**« для мѣстъ и лицъ **другихъ епархій** и **другихъ вѣдомствъ:** а) отдѣльно отъ »Православнаго Собесѣдника« **четыре** руб., б) а для

выписывающихъ и »Православный Собесѣдникъ« **три** руб. Всего за оба изданія **десять** руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также въ редакціи «Православнаго Собесѣдника».

„ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

въ 1882 году

будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ.

Православное обозрѣніе, учено-литературный журналъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библіографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и заграничныхъ, выходитъ **ежемѣсячно** книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна съ пересылкою **7 рублей**. Подписка принимается въ Москвѣ, у редактора журнала священника при церкви ѲеодораСтудита, у Никитскихъ воротъ, **П. Преображенскаго** и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородніе благоволятъ адресоваться исключительно такъ: въ редакцію Православнаго Обозрѣнія въ Москвѣ.

Просимъ обратить **особенное вниманіе**: желая облегчить пополненіе церковныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства и Министерства Народнаго Просвѣщенія, для коихъ „Православное Обозрѣніе" рекомендовано учебнымъ начальствомъ, редакція „Православнаго Обозрѣнія" находитъ возможнымъ доставить подписчикамъ это изданіе за 1876, 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 гг., по слѣдующимъ **пониженнымъ цѣнамъ** для выписывающихъ его за одинъ какой либо годъ—**пять** руб. за два года—**семь** руб. за три—**десять** руб., за четыре—**тринадцать** руб., за пять лѣтъ—**пятнадцать** руб. съ пересылкою.

Редакторъ Свящ. **П. Преображенскій.**

ВЪ 1882 ГОДУ
ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться

по прежде утвержденнымъ программамъ:

1, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Церковная, по преимуществу мѣстная, *газета.* Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ оффиціальный**: Высочайшіе манифесты и повелѣнія, синодальные указы и правительственныя распоряженія, относящіяся къ Кіевской епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неоффиціальный:** мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и до-

стопримѣчательные письменные памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2, Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально*. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію Слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3, Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей и никакъ не въ видѣ сырыхъ матеріаловъ. При журналѣ **будутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима** и **Августина.**—Изъ твореній бл. Іеронима въ слѣдующемъ 1882 г. будутъ издаваться его **толкованія на ветхозавѣтныя книги**; изъ твореній бл. Августина—его твореніе **о градѣ Божіемъ.**

Такимъ образомъ изданія Кіевской духовной академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1, своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе,—„Епархіальныя Вѣдомости"); 2, *религіозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе"), и 3, научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи").

„Епархіальныя Вѣдомости" будутъ выходить *два раза* въ мѣсяцъ, въ 8 долю, *не менѣе двухъ листовъ*. „Воскресное Чтеніе" будетъ выходить *еженедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, въ два столбца, *не менѣе одного листа въ недѣлю*. „Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ, изъ коихъ отъ 3 до 4 листовъ будутъ заняты переводомъ твореній блаж. Іеронима и Августина и не менѣе 7—оригинальными статьями. Изъ годоваго изданія „Трудовъ" составятся: **одинъ томъ** твореній **бл. Августина**, **одинъ томъ** твореній бл. **Іеронима и три тома** статей, съ особымъ счетомъ страницъ.

Цѣна *за годъ* съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.;

IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ »Южнаго Края« и телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи »Южнаго Края« и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обозрѣніе. IX. Внѣшія корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебнаа хроника. XII. Критика и библіографія. XIII. Смѣсь. XIV, Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружпаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: *въ Азовѣ, Александровскѣ, Ахтыркѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бирючѣ, Бахмутѣ, Валкахъ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Зѣньковѣ, Зміевѣ, Изюмѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Константиноградѣ, Кременчугѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кутаисѣ, Лебединѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Нѣжинѣ, Новочеркаскѣ, Новомосковскѣ, Одессѣ, Острогѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Поти, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таганрогѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Ялтѣ.*

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція позаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород. .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается только, съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й при „Публичной библіотикѣ“ А. А. Іозефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Издатель **А. А. Іозефовичъ.**

Редакторъ **А. Н. Стояновъ.**

ческія телеграммы. 3) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. 4) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. 5) Фельетонъ: въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. 6) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный и метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. 7) Прибавленіе къ „Оренбургскому Листку“

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеніямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкою и пересылкой.

Для оренбургскихъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписныхъ денегъ.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ Оренбургъ, въ редакцію газеты „**Оренбургскій Листокъ**“, Перовская улица, домъ № 33, близь театра, при типо-литографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго—Мировицкаго.

Редакторъ-издатель **Ив. Евфимовскій—Мировицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Тамбовскія Губернскія Вѣдомости“
1882 года.

«Тамбовскія Губернскія Вѣдомости» будутъ издаваться въ 1882 году по слѣдующей програмѣ, разрѣшенной правительствомъ:

I. Часть оффиціальная. II. Отдѣлъ неоффиціальный.

Программа неоффиціальнаго отдѣла:

1. Правительственныя распоряженія. Придворныя извѣстія. Телеграммы. Статьи о предметахъ внутренняго управленія и внѣшней политики, а также о выдающихся явленіяхъ и потребностяхъ мѣстной общественной жизни; вопросы городскаго благоустройства.

2. *Мѣстная хроника.* Текущія событія въ г. Тамбовѣ и въ губерніи. Корреспонденціи и извѣстія изъ различныхъ мѣстъ губерніи. Свѣдѣнія и матеріалы, касающіеся мѣстнаго края: историческіе, географи-

ческіе, топографическіе, археологическіе и проч. Статьи о сельскомъ хозяйствѣ, урожаѣ, промыслахъ, торговлѣ, фабрикахъ, ярмаркахъ, рынкахъ, состоявшихся торговыхъ и другихъ обществахъ. Некрологи извѣстстныхъ въ губерніи лицъ. Извѣстія (былевые очерки) изъ прошлой жизни губерніи.

3. *Внутренній отдѣлъ*, посвященный обозрѣнію важнѣйшихъ событій въ Россіи, имѣющій общій и одинаковый интересъ для всѣхъ.

4. *Внѣшнія извѣстія*, посвященные обозрѣнію выдающихся событій иностранной жизни.

5. *Разныя извѣстія*. Полезныя и интересныя извлеченія изъ журналовъ и газетъ; общеполезныя свѣдѣнія изъ жизни, наукъ и искусствъ.

6. *Справочный отдѣлъ*. Метеорологическія и календарныя свѣдѣнія. Биржевыя извѣстія. Движенія желѣзныхъ дорогъ.

Неоффиціальный отдѣлъ будетъ занимать **цѣлый особый печатный листъ**. Газета будетъ печататься только **на хорошей бѣлой бумагѣ** и выходить по прежнему три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, за исключеніемъ дней праздничныхъ и послѣ праздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ	На полг.	На 3 м.	На 1 м.
Съ доставкою на домъ въ Тамбовѣ	5 р.	3 р.	2 р. — к.	„ р. 75 к.
Съ пересылкою	6 р.	4 р.	2 р. 50 к.	1 р. — к.

Отдѣльные №№ газеты продаются въ редакціи по 10 коп.

Подписка принимается въ редакціи „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", у всѣхъ уѣздныхъ исправниковъ и городскихъ головъ тамбовской губерніи.

Редакторъ неоффиц. отдѣла **Мих. Григоровскій**.

ВЪ ЕКАТЕРИНОГРАДѢ
издается
„КУБАНЬ"

газета общественная, литературная и политическая

Срокъ выхода въ свѣтъ газеты — отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю, въ размѣрѣ одного газетнаго листа средняго формата. Въ экстренныхъ случаяхъ будутъ выходить особыя прибавленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для городскихъ подписчиковъ		для иногороднихъ	
съ доставкою на годъ	6 р.	съ пересылкою на годъ	7 р.
на полгода	3 р. 50 к.	на полгода	4 р.

для служащихъ допускается разсрочка.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи на Красной улицѣ, при типографіи Н. Г. Мойсеенко, куда просятъ адресовать статьи, письма и мелкія сообщенія.

Редакторъ-издатель **Н. Г. Мойсеенко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ФЕВРАЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1882 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ФЕВРАЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20-го февраля 1882 года.

Кіевская Академія и ея студенты

(1697—1702 г.).

ПАНЫ ХОДЫКИ,

ВОРОТИЛЫ ГОРОДСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ ВЪ КІЕВѢ

въ XVI—XVII ст.

Въ исходѣ XV вѣка городъ Кіевъ получилъ отъ великаго князя литовскаго Александра Казимировича уставную грамоту, дававшую мѣщанамъ полный самосудъ и самоуправленіе по магдебургскому праву, а также предоставлявшую кіевской общинѣ многія льготы и привиллегіи, которыя поощряли развитіе городской торговли и промышленности. Благосостояніе города, и до того значительное, вслѣдствіе выгоднаго въ торговомъ отношеніи его географическаго положенія, должно было значительно возвыситься; благодаря самостоятельности городской общины, ея самоуправленію и полученнымъ льготамъ, мѣщане должны были получить значительный просторъ дѣйствія, обезпеченность труда и легкость сбыта его продуктовъ; можно было ожидать развитія города во всѣхъ отношеніяхъ и полнаго процвѣтанія городской общины. Ожиданія эти однако не вполнѣ оправдались. Правда, торговля оживилась, капиталы умножились, многіе мѣщанскіе роды разбогатѣли, стали пріобрѣтать поземельныя владѣнія и переходить въ сословія: земянское, а послѣ 1569 года въ шляхетское; но богатство и значеніе были достояніемъ только немногихъ избранныхъ. Новыя льготы не отозвались плодотворно на поднятіи уровня благосостоянія всей массы городскаго населенія; образовалась городская аристократія, кружокъ, тѣсно связанный интересомъ и заботившійся лишь о расширеніи своего богатства и вліянія; кружокъ этотъ не только не обращалъ вниманія на нужды болѣе бѣдныхъ согражданъ, но, напротивъ, употреблялъ всевозможныя мѣры для того, чтобы, захвативъ въ свои руки городскія должности и опираясь на авторитетъ городскаго

уряда, эксплуатировать остальное народонаселеніе. Причина этого ненормальнаго явленія въ жизни кіевской городской общины лежала не исключительно въ эгоистическихъ инстинктахъ и побужденіяхъ къ захвату лицъ, успѣвшихъ выдвинуться въ передовые ряды; стремленія къ наживѣ находили богатую почву въ самомъ устройствѣ городскаго самоуправленія. Магдебургское право, по статьямъ котораго должно было управляться и судиться кіевское мѣщанство, представляло кодексъ, сложившійся въ другое время, среди другаго племени и при другихъ историческихъ условіяхъ; его юридическія понятія, формы городскаго суда и самоуправленія могли быть въ полнѣ примѣнимы къ быту саксонскихъ городовъ X—XI столѣтій, гдѣ сложилось и магдебургское право, какъ результатъ понятій и нуждъ своего времени и своей страны, но право это не имѣло ничего общаго съ русскими городами вообще, развивавшимися на другихъ началахъ, стремившимися къ порядку вѣчевому, а не коллегіальному, и слѣдовавшими въ обычномъ правѣ другимъ юридическимъ понятіямъ и воззрѣніямъ. Не вытекая изъ мѣстныхъ потребностей, не выработавшись на мѣстной почвѣ, магдебургское право представляло юридическую почву незнакомую, непонятную для жителей русскихъ городовъ и, притомъ, весьма часто противурѣчившую ихъ убѣжденіямъ и взглядамъ; право это оставалось для нихъ чуждымъ кодексомъ, истиною чисто формальною,—мертвою, хотя обязательною буквою, не согласною съ тѣми понятіями о юридической правдѣ, какія сложились въ мѣстныхъ воззрѣніяхъ и привычкахъ. Случилось то, что бываетъ обыкновенно въ странахъ, управляемыхъ по законоположеніямъ заимствованнымъ, не выросшимъ на данной почвѣ; формальная истина противуполагалась правдѣ по народному пониманію и, никѣмъ не считаясь дѣйствительно правдивою, послужила лишь оружіемъ въ рукахъ дѣльцовъ, пожелавшихъ воспользоваться ею для личныхъ выгодъ, во вредъ массѣ, которой навязана была эта чуждая ей юридическая норма, уснащенная безконечнымъ количествомъ статей и параграфовъ, мало понятныхъ и еще менѣе симпатичныхъ.

Для того, чтобы воспользоваться такого рода положеніемъ юридическихъ отношеній, конечно, каждое лице, желавшее поживиться и стать въ ряды городской аристократіи, должно было представлять извѣстный, мало привлекательный нравственный образъ; для этого необходимо было отречься отъ народныхъ воззрѣній и народной морали,—отказаться отъ правилъ совѣсти, при-

нести все нравственное свое достоинство въ жертву личному интересу и стремленію къ наживѣ, искать точки опоры внѣ своей общины, постоянно враждебно настроенной къ кружку своихъ заправителей, въ силахъ внѣшнихъ, чуждыхъ или враждебныхъ ей, и только при такихъ условіяхъ можно было, пользуясь то буквою писаннаго закона, то внѣшними связями, то солидарностью между собою членовъ небольшаго кружка знатныхъ сотоварищей, производить всевозможныя дѣйствія, правда, весьма выгодныя для усиленія богатства и значенія дѣльцевъ, но далеко не отвѣчавшія ни законамъ даже азбучной справедливости, ни интересамъ всей городской общины.

Понятно, что стать въ ряды на такихъ началахъ зарождавшейся городской аристократіи труднѣе было туземнымъ, старожилымъ кіевскимъ мѣщанамъ, которыхъ родственныя связи, пріобрѣтенныя отъ своей среды понятія и привычка къ уваженію общественнаго мнѣнія согграждавъ, значительно сдерживали; препятствій этихъ не существовало для инородцевъ и для лицъ, примкнувшихъ къ мѣщанству изъ другихъ сословій края; тѣ и другіе поступали въ составъ городской общины исключительно съ цѣлью захватить должности, скопить состояніе и потомъ бросить вскормившій ихъ городъ для того, чтобы продолжать карьеру на болѣе выгодномъ поприщѣ. Дѣйствительно, пересматривая дошедшія до насъ документы XVI столѣтія, мы среди городской знати встрѣчаемъ множество именъ иноземныхъ: литовцевъ, поляковъ, армянъ, грековъ, крещенныхъ татаръ, а также лицъ, приписавшихся къ городу изъ сословій земянскаго и боярскаго. Коренные кіевскіе мѣщане, составлявшіе значительное большинство кіевскаго населенія, находятся въ постоянной борьбѣ съ кружкомъ пришельцевъ, но кіевляне дѣйствуютъ гораздо менѣе солидарно и болѣе застѣнчиво; они менѣе способны на интригу, менѣе нахальны и потому имъ рѣдко удается выдвинуть своего кандидата въ войты или райцы. Между тѣмъ пришельцы исключительно лишь заняты тѣмъ, чтобы держать городское управленіе въ своихъ рукахъ; для этого они пускаютъ въ ходъ всевозможныя средства: роднятся съ болѣе богатыми кіевлянами и такимъ образомъ увлекаютъ ихъ въ свою партію, другихъ склоняютъ обѣщаніями доли въ своихъ выгодахъ, на иныхъ вліяютъ связями съ воеводою и застращиваютъ авторитетомъ королевской власти, съ которою они будто находятся въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ ихъ противники, наконецъ, стараются поселить

раздоръ и личныя ссоры среди старожиловъ и такимъ образомъ ослабить ихъ силы.

Какъ эпизодъ, характеризующій всѣ вышенамѣченныя явленія въ жизни кіевской городской общины XVI—XVII столѣтій, мы представляемъ разсказъ, извлеченный изъ документовъ, хранящихся частью въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, частью въ кіевскомъ центральномъ архивѣ. Это разсказъ о судьбѣ знатной мѣщанской семьи, составившей въ Кіевѣ колосальное для того времени состояніе и выдвинувшей изъ среды своей трехъ кіевскихъ войтовъ. Семья эта, по мѣрѣ того, какъ перемѣнялось ея положеніе въ обществѣ, носила разныя фамильныя названія, въ городѣ-же, въ періодъ своего преобладанія, носила прозвище: *Ходыки*.

Въ началѣ XVI столѣтія среди бояръ, приписанныхъ къ мозырскому замку, жила семья Кобызевичей. Родъ Кобызевичей былъ татарскаго происхожденія: предокъ ихъ Кобызъ [1]) находился въ числѣ татарскихъ плѣнниковъ, поселенныхъ Витовтомъ въ окрестности Мозыря и приписанныхъ имъ къ числу замковыхъ слугъ. Съ теченіемъ времени Кобызевичи крестились и вошли въ составъ мозырскаго боярства, пріобрѣвъ небольшую боярскую землю: „третину земли Боковскіе, фольварокъ Пашковщину и Чортковщину, а въ нихъ 4 волокъ поля“. Земля эта возлагала на владѣльцевъ обязанность военной службы и не подлежала дѣлежу между сонаслѣдниками; поэтому, когда представителями семьи въ началѣ XVI вѣка оказались два родные брата, Федоръ и Иванъ, то староста мозырскій отдалъ землю во владѣніе старшему брату Федору, младшій-же, Иванъ, получилъ только половину движимаго наслѣдства и долженъ былъ искать занятія на сторонѣ, почему отправился въ Кіевъ. Не знаемъ, какимъ промысломъ онъ занялся здѣсь, но въ теченіи 30 лѣтъ онъ разбогатѣлъ, купилъ домъ на Боричевомъ Току и оставилъ сыну обезпеченное состояніе. Сынъ этотъ Устимъ, принявшій новую фамилію „Фицъ“, занималъ уже одну изъ важныхъ магистратскихъ должностей—райцы и державъ отъ города въ арендѣ „мѣстскіе корчмы“, т. е. городскіе шинки. Въ 1578 году Устинъ Фицъ-Кобызевичъ умеръ безпотомственно.

---

[1]) Слово *Кобызъ* или Кобузъ по татарски означаетъ музыкальный инструментъ, заимствованный у нихъ впослѣдствіи козаками подъ именемъ *кобзы*.

Между тѣмъ какъ Иванъ и Устинъ Кобызевичи богатѣли въ Кіевѣ, представитель другой вѣтви ихъ рода, Федоръ, оставался на родинѣ, въ мозырскомъ повѣтѣ. Обстоятельства его были далеко не блестящи; судьба надѣлила его весьма многочисленною семьею; у него было 10 душъ дѣтей: 8 сыновей и двѣ дочери, и его небольшая боярская вотчина оказалась недостаточною для содержанія семейства. Федоръ Кобызевичъ долженъ былъ искать новыхъ средствъ для усиленія своихъ доходовъ. Возложивъ обязанность военной службы и завѣдываніе боярскимъ помѣстьемъ на старшихъ сыновей, онъ перебрался съ младшими дѣтьми въ Мозырь. Здѣсь онъ пріобрѣлъ дворъ съ маленькимъ участкомъ „поля на косогорѣ“ и лавку въ городскомъ рынкѣ и занялся торговлею. Въ 1569 году умеръ Федоръ Кобызевичъ, и многочисленная его семья приступила къ дѣлежу наслѣдства; но братья и сестры не могли уладить дѣла миролюбиво и потому обратились къ мозырскому старостѣ, пану Федьку Балакиру, съ просьбою распредѣлить между ними отцевское имущество. По рѣшенію старосты, послѣдовавшему 8-го февраля 1569 г., состоялся дѣлежъ на слѣдующихъ основаніяхъ: боярская поземельная вотчина досталась старшему изъ братьевъ Кузьмѣ, находившемуся въ то время въ походѣ, лавка и дворъ въ Мозырѣ отданы другому брату Лазарю, приписавшемуся уже давно къ мозырскимъ мѣщанамъ и завѣдывавшему торговлею еще при жизни отца; Лазарь уплатилъ при этомъ въ пользу братьевъ и сестеръ излишекъ стоимости доставшейся ему собственности; затѣмъ въ пользу незамужней сестры Авдотіи, выдѣлено было, въ качествѣ приданнаго 39 копъ грошей литовскихъ [1]), остальными-же деньгами и движимымъ имуществомъ должны были подѣлиться поровну 6 остальныхъ братьевъ, 1 сестра замужняя и мать ихъ, вдова Федора Кобызевича, Зоня. Изъ движимаго имущества староста выдѣлилъ один полный мужескій костюмъ и полный наборъ оружія и приказалъ эти вещи оставить „при дому для господарской службы“. Когда сонаслѣдники приступили къ дѣлежу остальной движимости, то оказалось, что на долю каждаго пришлось лишь слѣдующее: по 1 копѣ и $6^1/_2$ грошей денегъ, по одной серебряной ложкѣ, по двѣ оловянныя тарелки („цыні: одна миса и 1 талеръ“), по одному мѣдному котлу, по саблѣ, сѣдлу и сагайдаку; сверхъ того каждый изъ сонаслѣдниковъ получилъ по одному коню, волу, коровѣ и свиньѣ и по 2 овцы.

---

[1]) Копа равняется $7^1/_2$ руб.

Получивъ скудныя доли своего наслѣдства, молодые Кобызевичи должны были немедленно подумать объ устройствѣ своей будущей судьбы. Трое изъ нихъ: Василій, Федоръ и Іовъ рѣшились отправиться искать счастья въ Кіевѣ, гдѣ на первое время разсчитывали найти поддержку въ лицѣ своего двоюроднаго брата, тогда уже магистратскаго райцы—Устина Фица-Кобызевича. Планъ этотъ предложилъ братьямъ старшій изъ выселявшихся Василій. Это былъ человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ энергіи, предпріимчивости и находчивости: онъ рѣшился во что бы то ни стало сдѣлать карьеру и добиться значенія и богатства. Для достиженія своей цѣли Василій Кобызевичъ намѣренъ былъ не разбирать средствъ и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, не стѣсняясь ни моралью, ни совѣстью; онъ чувствовалъ, что при такихъ нравственныхъ данныхъ онъ найдетъ въ Кіевѣ широкое поприще для дѣятельности и съ полною увѣренностью устремился на это поприще. Оставляя родной городъ, онъ хотѣлъ скопить возможно большую сумму въ запасъ для начала будущихъ оборотовъ; всѣ три брата продали съ этою цѣлью доставшуюся на ихъ долю движимость, но вырученная сумма оказалась слишкомъ ничтожною и потому Василій принялъ мѣры для ея увеличенія. Заручившись согласіемъ матери, онъ отправился въ домъ, принадлежавшій отсутствующему брату Кузьмѣ, взломалъ двери его „свѣтлицы“ и присвоилъ себѣ все его имущество: деньги, одежду, оружіе, скотъ и т. д. Между прочими вещами Кузьма, перечисляя впослѣдствіи въ жалобѣ убытки, указываетъ на то, что у него были взяты даже два десятка стрѣлъ, которыя „коштовали копу и четыре гроши литовскіе“. Продавъ все захваченное, Василій немедленно вмѣстѣ съ братьями „подъ присудъ замку Кіевского зъѣхалъ“ и отмалчивался потомъ на всѣ жалобы брата, до смерти послѣдняго, и не являлся въ судъ мозырскаго староства, не смотря на многократные вызовы.

Въ Кіевѣ братья Кобызевичи были радушно приняты родственникомъ. Богатый, пріобрѣвшій значеніе и вліяніе, но бездѣтный Устинъ Фицъ радъ былъ на старости лѣтъ обществу лицъ, связанныхъ съ нимъ кровными узами; онъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы доставить братьямъ выгодныя занятія и долю въ торговыхъ предпріятіяхъ. Но медленное, постепенное приращеніе благосостоянія было не по нраву Василію Кобызевичу, мечтавшему о быстрой и блестящей карьерѣ. Въ теченіи нѣсколь-

кихъ лѣтъ, промышляя службою у богатыхъ купцовъ, то мелочною торговлею, то отдачею въ ростъ небольшихъ своихъ денегъ, Василій Кобызевичъ выжидалъ случая, который позволилъ бы ему повести дѣла въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Случай такой доставило ему общественное бѣдствіе. Съ 1569 года въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Литвѣ и южной Руси свирѣпствовалъ голодъ; въ 1571 году урожай былъ обильный, но вдругъ лѣтомъ случился во время цвѣтенія хлѣба трехдневный морозъ, уничтожившій всѣ надежды на новый сборъ; осенью хлѣба вовсе не было. По свидѣтельству лѣтописей, въ Полѣсьи, на Волыни, въ Подоліи и Литвѣ люди умирали и вообще сильно страдали отъ голода; въ началѣ слѣдующаго года отъ истощенія, гнилой и нездоровой пищи появилось во многихъ мѣстностяхъ „моровое повѣтріе“ (чума). Зараза коснулась и Кіева, хотя не въ особенно сильныхъ размѣрахъ. Въ числѣ жертвъ, пострадавшихъ отъ моровой язвы, было богатое семейство купцовъ Митковичей. Митковичи принадлежали къ числу кіевскихъ старожилыхъ мѣщанъ и уже въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній вели богатую торговлю сукномъ и тканями; имъ принадлежало нѣсколько „крамныхъ коморъ“ (т. е. лавокъ) въ рынкѣ, нѣсколько домовъ въ городѣ и за городомъ, большіе склады сукна и различныхъ тканей и т. д. На фамильной печати Митковичей красовались эмблема ихъ торговли—два „локтя“, лежащіе крестообразно, и двѣ букви: Ѳ. М. въ воспоминаніе предка. Ѳедора Митковича, положившаго основаніе торговой фирмѣ. Въ 1572 году надъ этою семьею разразилась бѣда: въ теченіи нѣсколькихъ дней чума, посѣтившая ихъ домъ, унесла отца—Митка (Дмитрія) Богдановича, мать Татьяну Кругликовну, четырехъ дочерей и сына, а также многихъ слугъ и челядниковъ; изъ многочисленной семьи остались въ живыхъ только молодая дѣвушка Пося (Евфросинія) и малолѣтній братъ ея Федоръ Митковичъ. Прежде чѣмъ прошла паника, поразившая городъ при появленіи чумы, прежде чѣмъ магистратъ успѣлъ принять мѣры для охраненія имущества Митковичей и назначить опеку надъ оставшимися дѣтьми, Василій Кобызевичъ уже воспользовался положеніемъ ихъ семьи. Онъ предложилъ Посѣ свои услуги для того, чтобы временно завѣдывать торговыми дѣлами, не побоялся посѣщать домъ, пораженный чумою, отъ котораго бѣжали друзья и родственники Митковичей, и постепенно сблизился и подружился съ дѣтьми. Не прошло и мѣсяца со времени катастрофы, постигшей Митковичей, какъ сосѣди узнали, что наслѣдница ихъ

обвѣнчалась съ новымъ своимъ прикащикомъ. Василій Кобызевичъ, немедленно послѣ брака, обратился въ магистратъ съ просьбою поручить ему и его женѣ, какъ ближайшимъ родственникамъ, опеку надъ малолѣтнимъ Федоромъ и его имуществомъ; магистрату ничего не оставалось, какъ принять это предложеніе, и такимъ образомъ Василій сталъ представителемъ одной изъ самыхъ крупныхъ торговыхъ фирмъ въ Кіевѣ. Изъ распоряженія магистрата по этому поводу мы узнаемъ, что братья Кобызевичи носили уже тогда новую фамилію, данную имъ въ видѣ клички въ Кіевѣ, именно фамилію „Ходыкъ", и магистратъ выдаетъ распоряженіе о врученіи опеки „славетному Василію Кобызевичу Ходыкѣ". Въ послѣдствіи всѣ три брата подписываются исключительно этою послѣднею фамиліею, вѣроятно желая предать забвенію свое первоначальное, не знатное происхожденіе.

Въ теченіи одинадцати лѣтъ Василій Ходыка управлялъ безконтрольно добромъ Митковичей [1]) и, помимо половины имущества, принадлежавшей по наслѣдству его женѣ, скопилъ изъ торговыхъ оборотовъ значительныя суммы. Сверхъ того, онъ пріобрѣлъ значеніе и огромное вліяніе въ городѣ: онъ породнился или вошелъ въ сдѣлки со всѣми болѣе вліятельными членами маги-

[1]) Въ 1582 году Федоръ Митковичъ достигъ совершеннолѣтія и потребовалъ у Ходыки возврата своего имущества и отчета за время опеки; но Василій Ходыка отказалъ въ томъ и другомъ, и магистратъ, состоявшій изъ друзей, родственниковъ и союзниковъ Ходыки, до того вяло относился къ жалобамъ Митковича, усложнялъ формальности и путался въ казуистическихъ отвѣтахъ Ходыки, что, годъ спустя, Митковичъ предпочелъ покончить дѣло съ зятемъ миромъ и принять всѣ предложенныя имъ условія. Сдѣлка состоялась на слѣдующихъ условіяхъ: Ходыка выдѣлилъ Митковичу по своему усмотрѣнію половину отцевскаго имущества, Митковичъ-же выдалъ ему квитанцію, въ которой призналъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и принималъ обязательство, подъ опасеніемъ штрафа въ 1500 копъ грошей, никогда не заявлять претензіи и не требовать отчета за время опеки. Перечень предметовъ, составившихъ долю Митковича, сохранился и мы приведемъ изъ него извлеченіе для характеристики обстановки, въ которой жили зажиточные кіевскіе мѣщане XVI столѣтія. Федоръ Митковичъ получилъ во владѣніе въ 1583 году: „два дома: одинъ въ рынку и одинъ на Болоню (Оболони), двѣ крамныя коморы въ рынку, готовыхъ денегъ 544 копы грошей литовскихъ, векселей разныхъ лицъ на 98 копъ грошей, серебра: кубковъ позлотистыхъ 4, кубковъ срибныхъ 5, ложекъ позлотистыхъ 12, поясъ кованый серебряный 1; одежды: шубъ 5 (2 соболія, 2 лисія, одна бѣличья), суконъ и жупановъ 7, всѣ съ позлотистыми пуговицами, ковры восточные 2, —посуды: цини (оловяной): мисъ и полумисковъ 10, талеровъ (т. е. тарѣлокъ) 36, конвей 3, фляшъ 2,—мѣди: котелъ медосытный великій 1, котловъ побеляныхъ 7, медница 1, панвей медяныхъ 6,—оружіе: конь, сѣдло, панцеръ, 2 сагайдаки, лукъ, стрѣлы" и т. д. (слѣдуетъ перечень разныхъ мелочей), наконецъ товаровъ въ складѣ на 300 копъ грошей литовскихъ.

страта и заручился такими связями, при которыхъ всякое затѣянное имъ дѣло рѣшалось по его волѣ, было ли оно спорно или даже явно беззаконно. Вліяніе свое Ходыка направилъ къ тому, чтобы вывести въ люди своихъ родственниковъ, но еще болѣе къ тому, чтобы всякими правдами и неправдами увеличивать собственное состояніе. Теперь онъ намѣчаетъ новую цѣль для своихъ стяжаній: свое вліяніе и средства онъ стремится употребить на пріобрѣтеніе поземельной собственности, которая дала бы ему возможность занять видное мѣсто въ рядахъ „шляхты" кіевской земли, получившей послѣ люблинскаго сейма 1569 года громадное политическое значеніе и привилегированное положеніе въ краѣ.

Въ 1583 году Василій Ходыка засѣдалъ уже въ магистратѣ въ качествѣ „райцы". Большая часть членовъ верховной городской коллегіи была съ нимъ связана родствомъ или общностью интересовъ: братъ его Федоръ женатъ былъ на внукѣ войта, Василія Черевчея, рядомъ съ нимъ сидѣли: райцы Мартынъ Жолнеръ, женатый на сестрѣ Ходыки, Федорѣ, Гаврило Рай и Федоръ Левоновичъ, породнившіеся тоже съ Ходыкою, хотя степени ихъ родства документы не указываютъ; остальные члены магистрата или находились въ кумовствѣ съ нимъ, или, подобно бурмистру Стефану Крывковичу, состояли его должниками. Не удивительно, что члены магистрата по тѣмъ или инымъ причинамъ поддерживали постоянно во всѣхъ дѣлахъ Ходыку и составляли прочную точку опоры для дальнѣйшихъ его предпріятій. Вслѣдствіе того, что польскій строй общества, введенный *de jure* послѣ люблинской уніи, не успѣлъ еще прочно установиться и только постепенно вытѣснялъ понятія, привычки и обычаи, сложившіяся въ литовское время, въ юридическихъ отношеніяхъ царствовалъ въ краѣ значительный безпорядокъ; разныя судебныя учрежденія не установили еще точныхъ границъ своего вѣдомства и каждое считало себя компетентнымъ въ дѣлахъ, выходившихъ по смыслу новоустановленнаго закона за районъ его подсудности; такимъ хаотическимъ положеніемъ дѣлъ и пользовались ловкіе люди для того, чтобы получать выгодныя для себя судебныя рѣшенія, въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ они пользовались протекціею или вліяніемъ, даже въ такихъ дѣлахъ, которыя не были подсудны данному учрежденію. Положеніемъ этимъ воспользовался и Василій Ходыка для пріобрѣтенія поземельной собственности. Мы увидимъ, что большинство дѣлъ, касавшихся захвата имъ помѣстій у разныхъ лицъ, онъ умѣлъ направить въ судъ магистратскій, въ бла-

гопріятномъ рѣшеніи котораго онъ былъ вполнѣ увѣренъ. Но прежде, чѣмъ Ходыка выступилъ на это поприще, онъ позаботился о томъ, чтобы обезпечить за собою право владѣть земскою собственностью, а это право, по литовскому статуту, признавалось исключительно за лицами дворянскаго происхожденія. Не оставляя занятія торговлею и должности райцы магистрата, онъ началъ собирать документы, о своемъ будто-бы дворянскомъ происхожденіи. Такъ, въ 1586 году, онъ невѣдомыми путями владѣлъ уже свидѣтельствомъ, выданнымъ будто еще въ 1568 году литовскимъ гетманомъ, Григоріемъ Александровичемъ Ходкевичемъ (умершимъ въ 1569 г.), въ томъ, что „земянинъ господарскій повѣту овруцкого, Василей Ходычичъ-Кобызевичъ, отбылъ службу военную въ два коня“, [1]) и кіевскій магистратъ посвидѣтельствовалъ достовѣрность этого документа. Три года спустя, въ 1589 г., у него является уже другой, гораздо болѣе важный документъ,— онъ предъявляетъ королевскую привилегію, которая гласила, что, по представленію гетмана Яна Замойскаго, сеймъ призналъ „кіевскихъ жителей“: Василія, Федора и Іова Ходыкъ-Кобызевичей потомственными дворянами за услуги, оказанныя ими при покойномъ королѣ Стефанѣ Баторіѣ во время московской войны, въ которой они принимали будто участіе на свой счетъ. Хотя братья Ходыки въ продолженіе московской кампаніи (1579—1581 г.) не отлучались изъ города и занимались торговлею, хотя документъ, заявленный Ходыкою былъ весьма сомнительнаго достоинства, магистратъ призналъ его безъ всякаго колебанія дѣйствительнымъ.

Запасаясь постепенно документами, которые должны были со временемъ открыть ему доступъ въ шляхетство, Василій Ходыка сталъ пріобрѣтать и поземельную собственность: въ 1586 году онъ купилъ у шляхтича Гулевича село Криничи, „въ четырехъ миляхъ отъ замку кіевского“, и съ того времени сталъ именоваться Ходыкою-Криницкимъ, а впослѣдствіи сынъ его подписывался просто Федоромъ Криницкимъ, положивъ такимъ образомъ начало новому дворянскому роду. Подробности о пріобрѣтеніи Ходыкою Криничъ не сохранились въ документахъ, но о способѣ пріобрѣтенія слѣдующаго помѣстія—Юревичъ мы имѣемъ весьма характеристическія данныя. Село Юревичи издав-

---

[1]) Изъ предидущей біографіи Ходыки мы знаемъ, что въ 1568 году онъ былъ бояриномъ, не земяниномъ, жилъ въ Мозырѣ, не въ овруцкомъ повѣтѣ, и не носилъ вовсе еще фамиліи Ходыки.

на принадлежало въ качествѣ „выслуги" старому роду земянъ кіевскихъ—Суринамъ. Въ 1579 году два брата Сурины: Гордей и Потей продали это имѣніе кіевскому мѣщанину Ваську Крывковичу, который и владѣлъ имъ спокойно до 1593 года; но въ этомъ году Василій Ходыка рѣшился овладѣть имъ тѣмъ или другимъ способомъ. Затѣявъ ссору съ Крывковичемъ, поводъ которой намъ неизвѣстенъ, Ходыка съ толпою вооруженныхъ слугъ напалъ на домъ Крывковича въ Юревичахъ, овладѣлъ имъ и посадилъ самого Крывковича въ тюрьму, находившуюся при квартирѣ кіевскаго подвоеводія, Яна Аксака. Всѣ протесты Крывковича оставались тщетными, такъ какъ Аксакъ, подкупленный Ходыкою, не внималъ его жалобамъ, кіевскій-же воевода, князь Константинъ Острожскій, проживалъ на Волыни: только послѣ 14 недѣль заточенія Крывковичъ успѣлъ освободиться изъ тюрмы и немедленно принесъ жалобу на насиліе, причиненное ему Ходыкою; но предсѣдательствующій въ судѣ, тотъ-же Аксакъ, опираясь на свидѣтельскія показанія членовъ кіевскаго магистрата, нашелъ, что жалоба Крывковича о нападеніи на его домъ и самовольное лишеніе свободы, совершенная ложь, и приговорилъ Крывковича за клевету къ уплатѣ штрафа въ 20 копъ грошей литовскихъ въ пользу Ходыки. Крывковичъ апеллировалъ на это рѣшеніе въ трибуналъ, куда между прочимъ представилъ свидѣтельство отъ кн. Константина Острожскаго въ томъ, что Аксакъ поступалъ въ его дѣлѣ пристрастно. Но у Ходыки, какъ оказазалось, была рука и въ трибуналѣ, дѣло по апелляціи затянулось на дѣсятки лѣтъ. Ходыка скоплялъ между тѣмъ приговоры къ штрафамъ въ свою пользу, высчитывалъ отъ нихъ проценты и насчитывалъ судебныя издержки, пока наконецъ утомленный и разорившійся Крывковичъ не согласился покончить дѣла миромъ. Въ 1607 году онъ призналъ за собою обязательство уплатить въ пользу Ходыки 120 копъ грошей литовскихъ и выдалъ на эту сумму закладную запись на село Юревичи; три года спустя кончился срокъ закладной записи, Крывковичъ оказался несостоятельнымъ плательщикомъ и Юревичи, по приговору кіевскаго земскаго суда, были признаны потомственною собственностью Ходыки. Пока продолжалось дѣло съ Крывковичемъ, Ходыка купилъ еще одно имѣніе, село Шульжинцы, въ двухъ миляхъ отъ Кіева надъ Днѣпромъ, и оттягалъ часть земель, принадлежавшихъ кіевскому кириловскому монастырю, сопредѣльныхъ съ его владѣніями.

Всѣ эти пріобрѣтенія составляли впрочемъ лишь мелочи въ сравненіи съ крупнымъ дѣломъ, которое намѣтилъ Василій Ходыка, засѣдая въ качествѣ райцы въ магистратѣ, и которое рѣшился преслѣдовать съ свойственною ему настойчивостью; оно должно было, правда не безъ большихъ усилій и препятствій, доставить ему въ собственность столь обширныя владѣнія, какими могли располагать лишь потомки удѣльныхъ князей. Дѣло это заключалось въ пріобрѣтеніи имѣній басанскаго и быковскаго и требуетъ болѣе подробнаго разъясненія.

Еще въ концѣ XV столѣтія, послѣ окончательнаго опустошенія южной части кіевскаго княженія Менгли-Гиреемъ въ 1482 г., переяславскій повѣтъ представлялъ одну изъ областей болѣе всего пострадавшихъ отъ татарскаго погрома; повѣтовый городъ и его замокъ были разрушены татарами; народонаселеніе или уведено въ рабство, или бѣжало въ сѣверную часть Кіевщины; на протяженіи всего повѣта оставались только рѣдкіе хутора и пасѣки, селъ не было вовсе. Оставшуюся впустѣ землю долго никто не хотѣлъ брать ни за службу, ни въ выслугу. Наконецъ въ 1503 г. великій князь Александръ грамотою, данною на имя кіевскаго воеводы, князя Дмитрія Путятича, пожаловалъ всю сѣверную половину переяславскаго повѣта, лежавшую по Трубежу и Супою, въ качествѣ выслуги, дворянину своему Дашку Ивановичу, котораго сынъ, извѣстный своими подвигами черкаскій и каневскій староста Остафій Дашковичъ, прочною организаціею фармировавшагося тогда козачества создалъ надежный оплотъ для отраженія татарскихъ набѣговъ, и далъ быстрый ходъ новой колонизаціи южныхъ частей Кіевщины, а вмѣстѣ и собственныхъ переяславскихъ „выслугъ“, въ которыхъ „на грунтахъ басанскомъ и быковскомъ“ вскорѣ явилось 2 мѣстечка: Басань и Быковъ и 9 селъ [1]). Обширныя имѣнія эти, по смерти Остафія Дашковича, перешли къ старшей племянницѣ его по сестрѣ, Духнѣ, вышедшей замужъ за земянина Стефана Дублянскаго въ 1530 г., сынъ котораго Григорій, по причинѣ большихъ долговъ, продалъ, въ 1578 году, эти вотчины разбогатѣвшему кіевскому мѣщанину (изъ крещеныхъ татаръ) Андрею Кошколдовичу, зятю кіевскаго войта Василія Черевчея. Когда между тестемъ и зятемъ послѣ этой покупки возникъ споръ и Черевчей потребовалъ отъ Кошколдовича возврата

---

[1]) Старая Басань, Марковъ, Юрковъ, Павловъ, Максимовъ, Брегинцы, Кулажинъ, Карпиловка и Воронковъ.

какихъ-то векселей, выданныхъ 11 лѣтъ назадъ еще Григоріемъ Дублянскимъ на имя кіевскаго войта Семена Мелешкевича, пріобрѣтенныхъ впослѣдствіи Черевчеемъ и заставившихъ главнымъ образомъ Дублянскаго продать свои имѣнія, то, по позву Черевчея противъ Кошколдовича, кіевскій магистратъ снарядилъ для разбора дѣла коммисію, которая состояла изъ райцевъ: Гаврила Рая, Василія *Ходыки* и Леона Федоровича. Райцы потребовали отъ Кошколдовича документы, на основаніи которыхъ онъ владѣлъ Басанью и Быковымъ, и когда документы были представлены, они не отдали ихъ Кошколдовичу, требуя, чтобы онъ прежде удовлетворилъ претензію Черевчея, а на протесты Кошколдовича отвѣчали побоями, во время самаго засѣданія, и заключеніемъ его въ тюрьму, въ которой продержали нѣсколько мѣсяцевъ. Хотя, по жалобѣ Кошколдовича къ кіевскому воеводѣ князю Константину Острожскому, назначенная, по ходатайству сего послѣдняго, отъ короля особая коммисія, разсмотрѣвъ дѣйствія магистрата, приговорила райцевъ къ уплатѣ 4,000 золотыхъ штрафа за обиды, нанесенныя Кошколдовичу, и воевода приступилъ было уже ко взысканію этой суммы изъ имущества виновныхъ; но неожиданно, потерпѣвшій заявилъ, что онъ вслѣдствіе посредничества „зацныхъ пановъ и добродѣевъ“ отказывается отъ полученія присужденной ему суммы. Оказалось, что въ промежуткѣ Василій Ходыка далъ дѣлу совершенно неожиданный оборотъ: съ одной стороны онъ припряталъ документы, отнятые у Кошколдовича въ магистратѣ, и пріобрѣлъ у Черевчея право на векселя, составлявшіе главную причину спора, съ другой—успѣлъ сблизиться съ Кошколдовичемъ и женить на его единственной дочери и наслѣдницѣ, Богданѣ, своего брата Федора. Затѣмъ попеременно, то оказывая на него вліяніе, какъ на близкаго родственника, то угрожая нескончаемымъ процессомъ, вслѣдствіе захваченныхъ документовъ и векселей, онъ довелъ Кошколдовича постепенно къ заключенію сдѣлки, въ силу которой послѣдній за возвратъ векселей и обязательство, данное Ходыкою не подымать процесса, а также оказывать постоянную помощь своему брату Федору, переуступалъ ему всѣ свои права на имѣнія басанское и быковское и оставлялъ за собою лишь право владѣнія ими до смерти. Въ 1592 году Кошколдовичъ умеръ и Василій Ходыка предъявилъ свои права на пріобрѣтенныя имѣнія. Вдова Кошколдовича, Палагея Черевчіевна, и дочь его, Богдана Ходыкова, признали подлинность предъявленной имъ уступочной записи. Такимъ образомъ Василій Ходыка-Криницкій сталъ

самымъ богатымъ шляхтичемъ-землевладѣльцемъ кіевскаго воеводства. Теперь онъ переуступилъ свое мѣсто въ магистратѣ и свои торговыя дѣла брату своему Федору, самъ-же, проживая по большей части въ Басани и Переяславлѣ, занялся устройствомъ и округленіемъ своего имущества. Съ этою цѣлію прежде всего онъ перезывалъ въ свои села крестьянъ изъ разныхъ полѣсскихъ имѣній и велъ по этому поводу нескончаемыя тяжбы съ ихъ бывшими владѣльцами: Лозками, Тышами, Ратомскими и т. д. Замѣтивъ, что остерское староство врѣзывается клиномъ въ его владѣнія, онъ съ вооруженнымъ отрядомъ, занялъ мѣстечко Дѣвицу, избилъ, ограбилъ и прогналъ старостинскихъ слугъ и урядниковъ, и присоединилъ мѣстечко къ своимъ владѣніямъ, не смотря на продолжительную тяжбу съ остерскими старостами. Получая изъ своихъ помѣстій значительные доходы, онъ сталъ сосѣдямъ шляхтичамъ занимать крупныя суммы подъ залогъ имѣній и, при неустойкѣ плательщиковъ, отбиралъ ихъ имѣнія въ свое владѣніе, за суммы, далеко не отвѣчавшія ихъ стоимости; такъ онъ пріобрѣлъ: села Варевичи и Рыжки отъ Харленскихъ, Бугаевку и Давидковичи отъ Солтановъ и т. п. Въ самомъ городѣ Кіевѣ, сверхъ трехъ домовъ, доставшихся ему по наслѣдству отъ Митковичей и отъ двоюроднаго его брата Устина Фица, Василій Ходыка-Криницкій выстроилъ большой домъ на улицѣ, соединявшей рынокъ съ Днѣпромъ, и другой въ оградѣ замка; сверхъ того онъ пріобрѣлъ въ разныхъ частяхъ города 10 дворовъ, на которыхъ настроилъ „халупъ для куничниковъ“ (т. е. наемныхъ помѣщеній), 6 сѣножатей на „кіевскомъ Болонью“, нѣсколько садовъ на Кудрявцѣ и т. д.

Впрочемъ всѣмъ этимъ добромъ Василій Ходыка не сразу могъ владѣть совершенно спокойно; темные пути, которыми онъ пріобрѣлъ басанское и быковское имѣнія, возбудили сомнѣніе въ законности этого владѣнія и раздражили инстинкты стяжанія нѣсколькихъ предпріимчивыхъ соперниковъ, отъ притязаній которыхъ Ходыка отдѣлался лишь съ крайними усиліями, благодаря своей неистощимой настойчивости и изворотливости. Первымъ такимъ соискателемъ явился королевскій секретарь, Захарій Еловицкій. Въ 1596 году онъ выпросилъ у короля жалованную грамоту на Басань и Быковъ, какъ на помѣстья, составлявшія выслугу Дашковичей и послѣ прекращенія ихъ рода не подлежавшія отчужденію безъ королевскаго разрѣшенія; но Ходыка не допустилъ Еловицкаго къ владѣнію имѣніемъ и въ теченіи возникшаго процесса успѣлъ столь прочно обставить свои права на спорныя имѣ-

нія, что самъ король въ 1605 году кассировалъ свою жалованную грамоту и взамѣнъ ея выдалъ Еловицкому другую на имѣнія въ остерскомъ повѣтѣ.

Пока Василій Ходыка велъ процессъ съ Еловицкимъ, права на Басань и Быковъ предъявилъ новый, совершенно неожиданный соискатель, опиравшійся на права почти фантастическія, но тѣмъ не менѣе, причинившій Ходыкѣ гораздо больше хлопотъ и безпокойства. Новый этотъ соперникъ, называвшій себя княземъ Юріемъ Семеновичемъ со Сквира Рожыновскимъ-Половцемъ, выдвинутъ былъ кіевскимъ подвоеводіемъ, Яномъ Аксакомъ, мирволившимъ нѣкогда Ходыкѣ, но теперь съ завистью смотрѣвшимъ на его неимовѣрный успѣхъ.

Янъ Аксакъ, кіевскій подвоеводій, впослѣдствіи судья земскій кіевскій, представлялъ типъ весьма близкій къ Василію Ходыкѣ. Происходя изъ захудавшаго земянскаго рода, владѣвшаго лишь небольшимъ сельцомъ Путиловщиною въ овруцкомъ повѣтѣ, онъ упорно, не разбирая средствъ, всю жизнь скоплялъ имущество и оставилъ дѣтямъ въ собственность 4 мѣстечка съ замками и 15 селъ въ воеводствахъ кіевскомъ и волынскомъ. Карьерою своею Аксакъ былъ обязанъ главнымъ образомъ своимъ юридическимъ познаніямъ и способностямъ. О немъ установилось мнѣніе, какъ о самомъ опытномъ знатокѣ судопроизводства по литовскому статуту, и современники высказываютъ наивно въ похвалу Яну Аксаку то, что онъ умѣлъ всякій приговоръ такъ обставить, что его не рѣшался кассировать ни трибуналъ, ни королевскій задворный судъ, хотя-бы онъ явственно противурѣчилъ справедливости. Исполняя обязанности кіевскаго подвоеводія и судьи, Аксакъ, опираясь на свою репутацію первокласснаго юриста, всегда готовъ былъ, конечно за соотвѣтственное вознагражденіе, покривить душею, оправдать виновнаго и обвинить праваго, примѣръ чему былъ выше представленъ въ дѣлѣ Ходыки съ Крывковичемъ; но, не ограничиваясь посулами, Аксакъ сталъ самъ высматривать сомнительныя дѣла и подставлять лицъ для вчинанія исковъ, если при этомъ онъ ожидалъ сколько нибудь крупной для себя прибыли. Зная отлично пріемы и юридическія данныя своего бывшаго кліента, Василія Ходыки, Аксакъ рѣшился вступиться въ дѣло покупки имъ басанскаго и быковскаго имѣній, въ полной увѣренности, что такъ или иначе онъ изъ этого дѣла извлечетъ для себя барышъ. Обдумавъ обстоятельства дѣла, онъ выдвинулъ

подставное лице, именовавшее себя княземъ Юріемъ Половцемъ-Рожыновскимъ.

Въ кіевскомъ княженіи съ весьма давняго времени существовалъ родъ князей Половцевъ со Сквира Рожыновскихъ. По фамильному преданію этого рода, онъ происходилъ отъ половецкаго хана Тугорхана (тестя Святополка II Изяславича), сынъ котораго Карыманъ переселился въ русскую землю, принялъ крещеніе подъ именемъ Льва и получилъ обширный удѣлъ въ кіевскомъ княжествѣ, будто еще отъ Владиміра Мономаха. Трудно рѣшить, на сколько было достовѣрно это фамильное преданіе князей со Сквира Половцевъ-Рожыновскихъ; несомнѣнно однако то, что въ XIV и XV столѣтіяхъ этотъ родъ владѣлъ обширными землями въ кіевскомъ княжествѣ, на которыя получилъ подтвердительныя грамоты отъ князей: Владиміра Ольгердовича и Олелька Владиміровича. Земли эти лежали частью около самаго Кіева, частью-же распредѣлялись по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Одна большая половина земель ихъ находилась между рѣками: Стугною, Тетеревомъ и Росью, вдоль по басейнамъ рѣкъ: верхняго Ирпеня, Раставицы и Каменки, и центромъ этой части, а равно резиденціею князей Половцевъ былъ ими-же основанный замокъ Сквиръ (нынѣ городъ Сквира). Другая также обширная половина ихъ владѣній находилась на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ повѣтахъ остерскомъ и переяславскомъ, между рѣками: нижнимъ теченіемъ Десны, Сновью, Остромъ и Удаемъ; центромъ этой половины владѣній былъ замокъ Рожыновъ, лежавшій въ остерскомъ повѣтѣ. Къ этой половинѣ владѣній князей Половцевъ со Сквира Рожыновскихъ принадлежали города: Нѣжинъ, Басань и Быковъ съ окружавшими ихъ грунтами и селами. Татарское разореніе, постигшее Кіевщину въ концѣ XV столѣтія, легло всею своею тяжестью на имѣнія князей Половцевъ: замки ихъ были разграблены и разрушены, села разорены, народонаселеніе угнано въ полонъ или бѣжало, словомъ, по выраженію грамоты великокняжеской: „помѣстія ихъ вельми спустошали отъ недруговъ нашихъ“. Два послѣдніе представителя рода, князья: Михайло Юрьевичъ и сынъ его, Яцко Михайловичъ напрасно пытались, „не литуючи здоровья и маетностей“, отражать нападенія хищниковъ; они были почти совершенно разорены и числились лишь de jure владѣльцами обширныхъ земель, не приносившихъ имъ теперь никакой дѣйствительной пользы. Въ 1536 году умеръ князь Яцко Михайловичъ, поручая опеку надъ своими дѣтьми и иму-

ществомъ своимъ пріятелямъ, земянамъ кіевскимъ: Ивану Немиричу и Юрію Скобейку. Въ дошедшемъ до насъ его духовномъ завѣщаніи онъ проситъ опекуновъ заложить немногія, остававшіяся въ окрестности Кіева свои помѣстья, а деньги употребить на выкупъ сына Демьяна, попавшаго въ татарскую неволю, и на обезпеченіе другаго малолѣтняго сына Семена, въ заключеніе-же, какъ-бы предчувствуя скорое прекращеніе своего рода, онъ отказываетъ, въ случаѣ бездѣтной кончины своихъ дѣтей, все остававшееся имущество Ивану Немиричу. Не знаемъ, возвратился-ли князь Демьянъ Половецъ изъ плѣна, но во всякомъ случаѣ какъ онъ, такъ и братъ его, Семенъ, скончались безпотомно, потому что 30 лѣтъ спустя послѣ смерти князя Яцка, сынъ Ивана Немирича—Іосифъ, предъявилъ великому князю Сигизмунду Августу завѣщаніе Яцка съ просьбою передать ему права на всѣ владѣнія вымершаго рода князей Половцевъ. Такъ какъ заявленіе Немирича послѣдовало до люблинской уніи, когда дѣйствовало еще литовское право по отношенію къ землевладѣнію, то требованіе его не было удовлетворено; имѣнія вотчинныя и выслуженныя, въ случаѣ прекращенія рода владѣльцевъ, должны были поступить въ государственную собственность; на этомъ основаніи имѣнія князей Половцевъ-Рожыновскихъ были частью приписаны къ господарскимъ староствамъ, частью розданы, въ качествѣ службъ, новымъ лицамъ, въ томъ числѣ незначительная доля и Іосифу Немиричу.

Всю эту давно уже минувшую и забытую исторію вспомнилъ, около 1600 года, Янъ Аксакъ и рѣшился сдѣлать изъ нея оружіе противъ Ходыки. Онъ ознакомился съ документами и генеалогіею послѣднихъ представителей рода князей Половцевъ и рѣшился воскресить его. Замокъ Рожыновъ и окружавшее его мѣстечко были приписаны еще въ 1568 году къ остерскому староству; въ числѣ другихъ жителей мѣстечка было нѣсколько боярскихъ семействъ, несшихъ службу въ пользу остерскаго замка и, по мѣсту жительства, называвшихся боярами Рожыновскими. Одинъ изъ этихъ бояръ: Юрій Семеновичъ Рожыновскій въ 1592 году оказался причастнымъ къ козацкому возстанію Косинскаго и за эту вину остерскій староста, Ратомскій, конфисковалъ его боярскую отчизну. Возвратившись въ Остеръ, Юрій Рожыновскій долженъ былъ въ качествѣ „рукодайнаго слуги“ поступить въ услуженіе къ старостѣ. Конечно, положеніе его было далеко не блестящее; между тѣмъ случайное созвучіе его фамиліи и

отчества обратили вниманіе Аксака, по совѣту котораго, вѣроятно въ отсутствіи Ратомскаго, Юрій Рожыновскій взломалъ двери въ комору, гдѣ хранился архивъ старостинскій, и похитилъ всѣ хранившіеся въ немъ документы, относившіеся къ роду князей Половцевъ-Рожыновскихъ и къ ихъ имѣніямъ, и сбѣжалъ съ ними въ Кіевъ. Здѣсь онъ передалъ документы Аксаку и, выдавая себя за сына князя Семена Яцковича Половца-Рожыновскаго, поручилъ Аксаку хлопотать о возстановленіи своихъ правъ на наслѣдственныя имѣнія своихъ предковъ. Въ 1602 году Аксакъ и Рожыновскій заключили формальный договоръ, по которому Аксакъ обязывался на свой счетъ „доходить" имѣній, растраченныхъ опекунами мнимаго отца Рожыновскаго, послѣдній-же, не имѣя возможности „ложить великихъ коштовъ и накладовъ, для своего убожества", уступаетъ Аксаку половину „дойденнаго" имущества. Вооружившись этою сдѣлкою, Аксакъ велъ одновременно искъ и противъ остерскаго старосты Ратомскаго, и противъ Василія Ходыки, требуя возвращенія своему кліенту наслѣдства князей Половцевъ-Рожыновскихъ; онъ предъявлялъ въ поддержаніе иска грамоты князей Владиміра Ольгердовича-Олелька Владиміровича, завѣщаніе князя Яцка Михайловича Половца и документы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что кліентъ его есть дѣйствительно Юрій Семеновичъ Рожыновскій.

Какъ ни было сомнительно родство послѣдняго съ князьями Половцами, дѣло въ рукахъ столь опытнаго дѣльца, какъ Аксакъ, становилось грознымъ для его противниковъ. Дѣйствительно, пользуясь тѣмъ, что староста Ратомскій, принявшій горячее участіе въ дѣлѣ перваго лже-Димитрія, находился въ отсутствіи изъ староства, Аксакъ успѣлъ выиграть дѣло во всѣхъ инстанціяхъ и въ 1606 году вступилъ во владѣніе замкомъ Рожыновымъ и окружавшими его селами и засчиталъ эти имѣнія въ свою долю, въ пользу-же мнимаго князя Половца обязался возвратить имѣнія быковское и басанское. Онъ повелъ дѣло съ Ходыкою такъ, что, не вникая въ правильность покупки имъ имѣній у Кошколдовича и не оспаривая правъ прежнихъ владѣльцевъ, доказывалъ, что самъ Остафій Дашкевичъ владѣлъ этими имѣніями неправильно и что отецъ его получилъ жалованную на нихъ грамоту только потому, что великій князь Александръ не зналъ, что пустынныя въ то время земли принадлежали по праву князьямъ Половцамъ-Рожыновскимъ, предкамъ его кліента. Встрѣтивъ сильнаго и опаснаго противника въ лицѣ Аксака, Ходыка употребилъ всѣ

силы для защиты; онъ и доказывалъ несостоятельность генеалогіи Рожыновскаго, и выхлопоталъ изъ литовской метрики копіи документовъ Дашкевичей, и наконецъ, несмотря на всевозможные приговоры, не допускалъ противника къ фактическому владѣнію имѣніями, причемъ онъ находилъ опору въ протекціи кіевскаго воеводы, князя Константина Острожскаго, не любившаго Аксака и считавшаго его злостнымъ казуистомъ и лихоимцемъ. Сообразивъ положеніе дѣла, не нуждаясь притомъ болѣе въ своемъ кліентѣ, такъ какъ остерскія волости уже находились въ его рукахъ, Аксакъ, желая отдѣлаться вмѣстѣ и отъ Ходыки, и отъ Рожыновскаго, присовѣтовалъ послѣднему, вмѣсто продолжительнаго и безплоднаго процесса, удовлетвориться небольшимъ, но дѣйствительнымъ вознагражденіемъ. Слѣдуя его совѣту, мнимый князь Половецъ-Рожыновскій уступилъ въ началѣ 1605 года за нѣсколько сотъ копъ грошей свои притязанія на Басань и Быковъ переяславскому старостѣ, князю Янушу Константиновичу Острожскому, сыну кіевскаго воеводы. Такимъ образомъ Ходыка лишился важнѣйшей своей опоры и пріобрѣлъ могущественнаго противника. Немедленно, въ 1605 году, князь Янушъ Острожскій занялъ съ помощью вооруженнаго отряда Басань и Быковъ и на жалобу Василія Ходыки отвѣтилъ встрѣчнымъ искомъ. По совѣту Аксака, вмѣсто того, чтобы доказывать свои права на спорныя имѣнія, князь Острожскій напалъ на самую слабую сторону Ходыки: онъ обвинилъ его въ незаконномъ присвоеніи себѣ шляхетскаго званія, за что тотъ по закону долженъ былъ подлежать конфискаціи имущества; притомъ кн. Острожскій утверждалъ, что если-бы Ходыка даже и могъ доказать дворянское происхожденіе, то онъ потерялъ дворянскія права, такъ какъ въ теченіи многихъ лѣтъ живя въ городѣ, занимался торговлею и отдавалъ деньги въ ростъ. Ходыка долженъ былъ предъявить документы, доказывавшіе его дворянство; онъ и представилъ вышеупомянутыя свидѣтельства: гетмана Ходкевича 1568 года и короля Стефана 1589 г., но, въ виду столь сильныхъ противниковъ, какъ князь Острожскій и Аксакъ, онъ не осмѣлился показать сомнительныхъ, вѣроятно, подлинниковъ, а представилъ лишь копіи, посвидѣтельствованныя кіевскимъ магистратомъ, утверждая, что подлинныя грамоты сгорѣли въ 1600 году во время пожара, истребившаго въ замкѣ домъ Ходыки, въ которомъ хранились будто всѣ его документы. Къ копіямъ этимъ Ходыка присоединилъ свидѣтельство, выданное ему кіевскимъ войтомъ Яцкомъ Балыкою

и всѣмъ магистратомъ, въ томъ, что, хотя онъ и велъ нѣкоторое время торговлю, но не занимался ею лично, а поручалъ ея веденіе факторамъ, со времени-же полученія грамоты о дворянствѣ въ 1589 году и вовсе ее оставилъ.

Среди юридическихъ препирательствъ процессъ затягивался все дальше и дальше, а между тѣмъ переяславскія помѣстья находились во владѣніи князя Острожскаго. Для Ходыки важнѣе всего было получить возможность завѣдыванія ими, и для того, чтобы достигнуть этой цѣли, въ 1607 году онъ предложилъ князю Острожскому кончить дѣло миромъ. Обѣ стороны согласились на слѣдующія условія: Ходыка продалъ князю Янушу свои права на басанское и быковское имѣнія, получилъ въ задатокъ 3,000 золотыхъ, а остальную сумму долженъ былъ получить при окончательномъ совершеніи крѣпостнаго акта; между тѣмъ, впредь до его совершенія, князь Острожскій возвратилъ ему имѣнія для приведенія въ порядокъ движимаго имущества. Получивъ обратно помѣстья, Василій Ходыка сталъ оттягивать подъ разными предлогами совершеніе продажной записи, пока въ 1608 году не умеръ кіевскій воевода князь Константинъ Острожскій. По смерти отца, князь Янушъ Константиновичъ былъ постоянно занятъ то раздѣломъ волынскихъ имѣній съ братомъ, то сенаторскими обязанностями въ качествѣ краковскаго кастелляна; онъ проживалъ постоянно то въ столицѣ, то въ Острогѣ и сталъ мало заботиться о переяславскихъ помѣстьяхъ. Ходыка воспользовался этимъ положеніемъ, не совершилъ вовсе продажной записи и даже отказался возвратить задатокъ. Послѣдніе 8 лѣтъ жизни Василій Ходыка прожилъ относительно спокойно: онъ повыдавалъ многочисленныхъ своихъ дочерей замужъ, частью за богатыхъ мѣщанъ, частью за дворянъ кіевскаго воеводства, и заботился главнымъ образомъ о выплатѣ имъ приданнаго, всю-же поземельную собственность, умирая въ 1616 году, отказалъ единственному сыну Федору Васильевичу, который подписывался уже Крыницкимъ, а не Ходыкою. Федоръ этотъ, отличавшійся безпокойнымъ нравомъ и склонностью къ самоуправству, встрѣчается въ многочисленныхъ тяжебныхъ дѣлахъ до 1640 года. Громадное наслѣдство онъ еще увеличилъ новыми пріобрѣтеніями, по большей части захваченными насильно. Впрочемъ это большое состояніе, пріобрѣтенное не трудомъ, а темными средствами, оказалось непрочнымъ; козацкая гроза, поднявшаяся въ 1648 году, захватила всю территорію, на которой помѣщались маетности пановъ Крыниц-

кихъ и уничтожила безслѣдно ихъ благосостояніе; Быковъ и Басань вошли, въ качествѣ сотенныхъ мѣстечекъ, въ составъ переяславскаго козачьяго полка, а внуки Василія Ходыки-Крыницкаго должны были искать убѣжища на Волыни и проживать тамъ на весьма скудныя средства.

О братьяхъ Василія Ходыки и потомствѣ ихъ до насъ, къ сожалѣнію, дошло гораздо менѣе документовъ, чѣмъ объ основателѣ знатности ихъ рода. Постараемся извлечь, на сколько дозволяютъ дошедшія до насъ свѣдѣнія, данныя о судьбѣ другихъ представителей рода Ходыкъ, остававшихся въ средѣ кіевскаго мѣщанства. Когда Василій Ходыка пріобрѣлъ переяславскія помѣстья, онъ передалъ свою городскую торговлю брату Федору, успѣвшему еще раньше подъ его покровительствомъ скопить довольно значительное состояніе. Федоръ Ходыка, уступавшій брату въ способностяхъ, не отличался отъ него ни нравственными качествами, ни пріемами въ достиженіи практическихъ цѣлей. Занимая должность кіевскаго райцы, онъ постепенно разширялъ свои связи и вліяніе въ кружкѣ городской аристократіи и въ началѣ XVII столѣтія сталъ добиваться избранія въ войты. Впрочемъ достичь этого избранія было не легко: войтомъ кіевскимъ съ 1592 года былъ представитель партіи старожилыхъ мѣщанъ, Яцко Балыка, котораго, при нормальномъ теченіи дѣлъ въ теченіи 18 лѣтъ не могли сдвинуть съ мѣста приверженцы Ходыки. Но съ конца XVI столѣтія борьба мѣщанскихъ кіевскихъ партій осложнилась весьма важнымъ вопросомъ, имѣвшимъ широкое значеніе для жизни всего края,—это былъ вопросъ о введеніи церковой уніи, горячо покровительствуемой польскимъ правительствомъ. Лишь только унія была превозглашена на брестскомъ соборѣ, она немедленно отразилась на жизни Кіева; этотъ городъ, вмѣщавшій въ себѣ важнѣйшіе храмы и святыни православныя и бывшій мѣстомъ пребыванія православнаго митрополита, необходимо было уніятамъ завоевать для упроченія своего дѣла; не удивительно поэтому, что усилія іерарховъ, подписавшихъ унію, и поддерживавшаго ихъ правительства въ самомъ-же началѣ устремились къ тому, чтобы овладѣть кіевскими церквами и духовными учрежденіями. Уже съ 1597 года встрѣчаемъ распоряженія: объ отнятіи кіевской архимандріи у ревностнаго поборника православія, архимандрита Никифора Тура, о передачѣ митрополичьихъ и монастырскихъ имѣній въ распоряженіе принявшаго унію митрополита Михаила Рогозы и его

пріемника Ипатія Потея, о передачѣ уніятамъ кіевскихъ церквей и монастырей и т. д. Но распоряженія эти долго оставались безъ послѣдствій: кіевское какъ бѣлое, такъ и монашествующее духовенство не признало уніи и не хотѣло подчиниться власти уніятскихъ митрополитовъ; попытки овладѣть церквами были отражены при помощи кіевскаго населенія, дружно поддерживавшаго свое духовенство; правительству необходимо было прежде опереться на какую-нибудь вліятельную партію въ городѣ и попытаться провести съ ея помощью задуманное дѣло. Оно и обратилось къ кружку городской аристократіи, состоявшему по преимуществу изъ лицъ пришлыхъ, не связанныхъ ни происхожденіемъ, ни солидарностью убѣжденій съ массою жителей и готовому служить всякому направленію изъ-за удовлетворенія личнаго корыстолюбія и честолюбія. Главнымъ представителемъ этого кружка въ данное время былъ райца Федоръ Ходыка, давно уже ожидавшій удобнаго случая для того, чтобы съ помощью правительства усилить свое вліяніе въ городѣ; онъ сразу заявилъ себя горячимъ поборникомъ уніи и вѣрнымъ слугою правительства и не переставалъ подстрекать какъ уніятскаго митрополита, такъ и польскаго воеводу къ примѣненію строгихъ мѣръ для проведенія насильно задуманной религіозной перемѣны.

Между тѣмъ заботы правительства о введеніи уніи, равно какъ и начавшіяся смуты крестьянскія и козацкія, дѣлали положеніе края все болѣе и болѣе тревожнымъ. Среди неудовольствія народонаселенія, крутыя дѣйствія польскаго правительства и покровительствуемыхъ имъ партій вызывали все болѣе и болѣе рѣзкія вспышки въ народныхъ массахъ. Собиралась медленно гроза, которая должна была разразиться черезъ сорокъ лѣтъ страшною катастрофою; но для людей такого закала, какъ Ходыка, будущее страны было безразлично; обыкновенно люди безпринципные, стремящіеся къ удовлетворенію исключительно личнаго интереса, сосредоточиваютъ все свое вниманіе и всю дѣятельность на сегоднешнимъ днѣ, о будущемъ они не думаютъ; чѣмъ болѣе общее положеніе общества смутно и тревожно, тѣмъ съ большимъ удобствомъ они бросаются на поживу. Среди накопившагося раздраженія и въ городѣ, и въ кіевской области, въ 1609 году назначенъ былъ кіевскимъ воеводою человѣкъ рѣшительный и крутой по характеру, но весьма распорядительный, энергичный и пользовавшійся репутаціею опытнаго администратора и искуснаго полко-

водца. То былъ Станиславъ Жолкевскій. Федоръ Ходыка умѣлъ снискать его милость, выставляя своихъ противниковъ—войта Балыку и поддерживавшую его городскую партію людьми злонамѣренными, склонными къ смутамъ и бунту, ищущими популярности и потому мирволящими незаконнымъ инстинктамъ городской черни. Между прочимъ было два дѣла, въ которыхъ войтъ и магистратъ пассивнымъ поведеніемъ навлекли на себя неодобреніе властей: одно изъ нихъ состояло въ бездѣйствіи городского уряда въ вопросѣ о передачѣ православныхъ церквей уніятамъ, и даже въ косвенной поддержкѣ православнаго духовенства, другое—въ томъ, что магистратъ уклонялся отъ расходовъ на возобновленіе укрѣпленій кіевскаго замка. Въ виду смутнаго положенія края, на сеймѣ 1607 г. постановлено было вновь отстроить и укрѣпить въ Кіевѣ замокъ и воеводѣ поручено было возложить расходы на жителей воеводства, главнымъ же образомъ на богатую городскую общину; но ни народонаселеніе, ни магистратъ не желали расходовать своей казны на постройку укрѣпленій, возведеніе которыхъ конечно они не считали для себя особенно желательнымъ Оба дѣла сразу поставили магистратъ въ холодныя отношенія къ воеводѣ и послужили вмѣстѣ съ тѣмъ точками сближенія между нимъ и Федоромъ Ходыкою и его партіею.

Между тѣмъ, надѣясь на поддержку новаго воеводы, уніатское духовенство рѣшилось дѣйствовать смѣлѣе. Уже нѣсколько лѣтъ проживалъ въ Кіевѣ уполномоченный оффиціалъ уніятскаго митрополита Потея, нѣкто Антоній Грековичъ. Въ 1605 году, Грековичъ, бывшій тогда еще діакономъ, подлежалъ духовному суду за какой-то скандалъ, „ексцессъ", совершенный въ стѣнахъ монастыря. Вѣроятно онъ и поплатился-бы за свой проступокъ, еслибы Потей, въ виду его преданности уніи, не защитилъ его своимъ покровительствомъ. Вскорѣ милость къ нему Потея усилилась до того, что, быстро повышая въ должностяхъ своего любимца, онъ, наконецъ, сдѣлалъ его своимъ оффиціаломъ и поручилъ ему важное дѣло—отнять у православныхъ въ Кіевѣ церкви и монастыри. Въ первое время порученіе это оказалось весьма труднымъ; Грековичъ успѣлъ завладѣть, и то не безъ большихъ препятствій, однимъ только выдубицкимъ монастыремъ и, постоянно встрѣчая отказъ духовенства и ропотъ жителей, не зналъ, что дальше предпринять. Но послѣ назначенія воеводою Жолкевскаго, онъ заручился поддержкою свѣтскаго уряда и рѣшился поступать энергичнѣе. Въ воскресенье, на первой недѣлѣ великаго поста, въ

1610 году, когда всѣ приходскіе священники города собрались для совершенія соборомъ церковной службы въ храмѣ святой Софіи, туда явился съ конвоемъ Грековичъ; онъ предъявилъ грамоту Потея, назначавшую его митрополичьимъ намѣстникомъ и, когда духовные не согласились признать его, онъ выгналъ ихъ изъ церкви, принялъ храмъ въ свое вѣденіе и опечаталъ его. Дѣйствія эти возбудили въ народѣ страшное негодованіе: находившіеся въ церкви: войтъ Яцко Балыка, бурмистры Матвѣй Мачоха и Денисъ Мартыновичъ, а также другіе члены магистрата, протестовали противъ поступка Грековича, объявили, что городъ не признаетъ его духовной власти, и съ угрозами удалились изъ церкви. Въ тотъ-же день вечеромъ толпа народа собралась у выдубицкаго монастыря и изъ среды ея одинъ изъ козаковъ выстрѣлилъ изъ мушкета въ Грековича; послѣдній едва успѣлъ спастись, выбѣжавъ изъ монастырской ограды и укрывшись на берегу Днѣпра. Духовенство, магистратъ, православные дворяне кіевскаго воеводства и находившіеся въ Кіевѣ козаки подали жалобы на Грековича въ гродскій судъ о насиліи и буйствѣ въ церкви; съ своей стороны Потей жаловался на духовенство и на членовъ магистрата за самоуправство, и послѣднихъ упрекалъ въ томъ, что они состоятъ въ сношеніяхъ съ козаками и подстрекаютъ ихъ къ бунту; въ доказательство Потей предъявилъ письмо, полученное кіевскимъ подвоеводіемъ отъ козацкаго гетмана, Григорія Тискиневича, въ которомъ послѣдній угрожалъ „оного ростригу (Грековича), еслибы умыслу своего отмѣнити не мѣлъ, гдѣжъ колвекъ здыбавши, якъ пса убити". Начался продолжительный процессъ, исходъ котораго намъ неизвѣстенъ, но до конца его не дожилъ кіевскій войтъ Яцко Балыка. Въ 1613 году должность войта была уже вакантною и за нее вступили въ борьбу двѣ сильныя партіи: большинство мѣщанъ выбрало одного изъ сыновей послѣдняго войта—Дениса Балыку [1]), но воевода настоялъ на утвержденіи не его, а кандидата меньшинства—Федора Ходыки. Впрочемъ положеніе новаго войта въ магистратѣ было не особенно удобно; большинство райцевъ и бурмистровъ принадлежали къ числу его противниковъ и городское населеніе вообще относилось къ нему враждебно. Немедленно послѣ своего

[1]) Яцко Балыка оставилъ 4 сыновей: Александра, Созона, Дениса и Богдана; послѣдній составилъ весьма интересныя записки о своемъ участіи въ московскомъ походѣ 1612 года, которыми вскорѣ подѣлимся съ читателями „Кіевской Старины".

назначенія, Ходыка поднялъ вопросъ о постройкѣ замка на городской счетъ, но представители цеховъ и городскихъ корпорацій отказались отъ участія въ этомъ дѣлѣ; въ то-же время выдвинуто было другое, совершенно противуположное предложеніе, и магистратъ, согласившись съ нимъ, показалъ, что идетъ не по одной съ паномъ войтомъ дорогѣ. Дѣло въ томъ, что послѣ занятія Грековичемъ софійскаго храма православные лишены были соборной церкви; желая восполнить этотъ недостатокъ, магистратъ рѣшилъ возобновить древнюю каменную церковь Успенія Пресвятой Богородицы, развалины которой находились въ рынкѣ (на Подолѣ). Церковь эта построена была еще при кіевскихъ князьяхъ, но въ 1482 году ее сожгли татаре. Магистратъ, цехи, богатые граждане и „поспольство" приняли участіе въ сборѣ денежныхъ средствъ и усердно принялись за дѣло подъ руководствомъ архитектора, италіянца Севастіяна Брачи, жившаго уже давно въ Кіевѣ [1]), „а дозорцею той работы былъ панъ Созонъ Балыка, упрошоный отъ всего мѣста". Отстройка началась 13 мая, а 1 октября была уже окончена. Войтъ совершенно устранился отъ этого общаго городскаго дѣла и не переставалъ хлопотать о постройкѣ замка, но только послѣ трехлѣтнихъ усилій, благодаря безпрестаннымъ настояніямъ воеводы, успѣлъ наконецъ начать ее. Въ 1616 году подъ его руководствомъ принялись планировать гору Уздыхальницу, господствовавшую надъ замкомъ [2]), но вскорѣ работа эта была прекращена и Ходыка долженъ былъ отказаться на время отъ должности войта. Въ 1618 году Жолкевскій получилъ должность канцлера и мѣсто его на кіевскомъ воеводствѣ занялъ чело-

---

[1]) Дочь Севастіяна Брачи была замужемъ за Богданомъ Балыкою.

[2]) Замокъ находился на горѣ *Киселевкѣ*, которая господствовала надъ Подоломъ со стороны нынѣшняго флоровскаго монастыря, а гора *Уздыхальница*—лежащая противъ *Киселевки*, находится нынѣ по правую сторону андреевскаго спуска. Въ ту пору она была значительно выше, а понижена частію тогда-же, частію въ позднѣйшее время, особливо въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ генералъ-губернаторство Бибикова. Свѣдѣнія о постройкѣ успенской церкви и о планировкѣ Уздыхальницы заимствованы изъ неизданной кіевской лѣтописи Ильи Кощаковскаго. Вотъ что говоритъ лѣтопись о послѣднемъ сооруженіи: „Року 1616 при воеводѣ кіевскомъ Станиславѣ Жолковскомъ, старанемъ и коштомъ пановъ мещанъ кіевскихъ: пана войта на тотъ часъ Федора Ходыки и бурмистра Матвея Мачохи и всего поспольства мѣста Кіева, копали гору Уздыхальницу, которая стоитъ предъ замкомъ кіевскимъ; а выкопали полшеста сажня у звышъ, а нашли тамъ печерку трохъ саженей у гору, и вширь сажень; тамъ нашли горщикъ порожній и написано на стѣнѣ имя: Павелъ; знать, же то колись былъ пустелникъ".

вѣкъ болѣе мягкій и терпимый—Ѳома Замойскій; притомъ въ томъже году Кіевъ, благодаря политическому такту Петра Сагайдачнаго, подчинился вліянію козацкаго гетмана; одновременно съ этими событіями въ городѣ произведены были новые выборы и должность войта занялъ, въ качествѣ представителя народной партіи, Семенъ Мелешкевичъ.

Пока живъ былъ Сагайдачный и пока надъ православною и народною партіею въ Кіевѣ простиралось его покровительство, мы не находимъ въ документахъ упоминаній о Федорѣ Ходыкѣ. Но послѣ смерти славнаго козацкаго гетмана, когда польское правительство нашло возможнымъ возвратиться къ продолженію въ Кіевѣ насильственныхъ мѣръ противъ православія, онъ опять является на сцену въ прежней роли пособника и рачителя правительственныхъ заботъ о разширеніи уніи. Уже въ концѣ 1621 года Ходыка вновь занимаетъ должность войта и начинаетъ исправленіе своего уряда жалобою королю на кіевскихъ мѣщанъ въ томъ, что они уклоняются отъ обязанности „прикладатися до муниціи замка", очевидно, онъ продолжаетъ прежнюю тактику, подымая старый вопросъ о возведеніи и содержаніи кіевскихъ укрѣпленій на счетъ города; точно также отнесся онъ и къ другому щекотливому вопросу—о передачѣ уніятамъ кіевскихъ православныхъ церквей. Исполнить это намѣреніе теперь было значительно труднѣе, чѣмъ во время занятія софійскаго собора Грековичемъ. Теперь, благодаря дѣятельности Сагайдачнаго, возстановлена была церковная православная іерархія; притомъ православіе пріобрѣло многочисленныхъ и усердныхъ защитниковъ въ усилившемся козачествѣ. Опасность рѣзкихъ мѣръ испыталъ на себѣ самъ Грековичъ. Въ 1618 году онъ предъявилъ королевскую грамоту, выданную еще въ 1612 г., о подчиненіи михайловскаго златоверхаго монастыря уніятскому митрополиту, и собирался овладѣть имъ насильно, но 15-го февраля на Звѣринцѣ былъ задержанъ квартировавшими тамъ козаками и „противъ Выдубицкаго монастыря подъ ледъ посаженъ воды пити" [1]).

Наученный опытомъ Грековича, Ходыка медлилъ исполненіемъ передачи церквей уніятамъ, выжидая удобныхъ для того обстоятельствъ; наконецъ таковыя по его мнѣнію представились въ 1624 году. Въ концѣ предъидущаго года погибъ въ Витебскѣ подъ ударами выведенныхъ имъ изъ терпѣнія мѣщанъ, гонитель

[1]) Также изъ лѣтописи Ильи Кощаковскаго.

православія Іосафатъ Кунцевичъ; смерть его вызвала въ польско-католическомъ обществѣ страшное раздраженіе и побудила правительство къ крайне репрессивнымъ мѣрамъ противъ православія. Желая воспользоваться удобною минутою и оказать правительству услугу, соотвѣтственную его настроенію, Федоръ Ходыка рѣшился покончить дѣло передачи церквей въ Кіевѣ. Въ сопровожденіи бурмистровъ, райцевъ и мѣщанъ своей партіи и какого-то священника Ивана Юзефовича, перешедшаго въ унію, онъ отправился опечатывать православныя церкви. Но оказалось, что въ средѣ кіевскихъ мѣщанъ страхъ передъ правительственною реакціею, грозно и жестоко покаравшею Витебскъ, былъ слабѣе преданности своей церкви и своей народности. Ходыку окружила толпа мѣщанъ и квартировавшихъ въ городѣ козаковъ; среди нареканій и попрековъ войтъ и его товарищи были схвачены: священнику Юзефовичу отрубили голову, войтъ-же Федоръ Ходыка раздѣлилъ участь Грековича,—его также бросили въ Днѣпръ „воды пити".

Послѣ трагической смерти Федора Ходыки осталось три сына его: Іосифъ, Иванъ и Андрей. Свѣдѣнія о нихъ въ архивныхъ источникахъ весьма скудны и разрознены, но, хотя до нѣкоторой степени, даютъ характеристику ихъ дѣятельности: всѣ три брата продолжаютъ играть въ городѣ видную роль и слѣдуютъ направленію отца, они постоянно находятся въ рядахъ той, слабой числомъ, но сильной поддержкою польскаго правительства городской аристократической партіи, которая стремилась къ проведенію антинаціональныхъ цѣлей среди кіевскаго городскаго населенія. Братья Ходыки являются не только, подобно отцу, поборниками уніи, они, по примѣру большинства дворянъ кіевской земли, стараются примкнуть къ господствовавшей народности, усваивая себѣ ея національныя характеристическія черты. Всѣ дошедшіе до насъ акты, составленные Ходыками, даже въ оффиціальныхъ сношеніяхъ ихъ съ магистратомъ, писаны по польски, а не по русски, всѣ подписи ихъ, въ качествѣ райцевъ и свидѣтелей также на польскомъ языкѣ. Данныя, собранныя нами о судьбѣ ихъ, заключаются въ слѣдующихъ немногихъ свѣдѣніяхъ, которыя мы перечислимъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1631 году всѣ три брата занимали должности райцевъ въ магистратѣ, что видно изъ процесса, который они вели съ

своимъ двоюроднымъ братомъ Федоромъ Васильевичемъ Крыницкимъ, пограбившимъ у нихъ лошадей и возы съ товарами въ своемъ имѣніи Басани, а также изъ подписей ихъ на купчихъ крѣпостяхъ, совершенныхъ въ этомъ году.

Въ 1637 году Іосифъ Ходыка занималъ уже должность кіевскаго войта, а братъ его Андрей—должность райцы; имя Ивана не упоминается среди членовъ магистрата. Вскорѣ потомъ умеръ Іосифъ Ходыка и на его мѣсто избранъ былъ войтомъ Самуилъ Мехидовичъ, но въ 1644 г., и этотъ войтъ скончался и король Владиславъ IV грамотою, данною 18-го мая, утвердилъ кіевскимъ войтомъ Андрея Ходыку. Выбирая его изъ числа 4 кандидатовъ, предложенныхъ магистратомъ, король слѣдующимъ образомъ мотивируетъ оказанное имъ предпочтеніе: „потвержаемъ Андрея Ходыку, сына славетнаго негды Федора Ходыки, войта кіевскаго, добре намъ и мѣсту заслуженнаго мужа, который, противъ бунтовъ козацкихъ крѣпко стоячи при достоинствѣ нашемъ господарскомъ, горломъ запечатовалъ, а брата родного зошлого негды Іосифа Ходыки, войта также кіевскаго, добре урядъ справуючаго“. Притомъ король указываетъ на опытность Андрея Ходыки, которую онъ пріобрѣлъ, „засѣдаючи зъ молодыхъ лѣтъ своихъ на вряде помененного мѣста Кіева“. Въ дальнѣйшемъ текстѣ грамоты король поручаетъ новому войту: „бунтовникамъ и шкодливымъ замишкомъ въ мѣстѣ нашомъ Кіевѣ вчасно забѣгати, и выкротныхъ и непослушныхъ въ войтовскомъ присуду водлѣ права карати“. Инструкцію эту усердно исполнялъ Андрей Ходыка до 1648 года, пока не вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго. Не сообразивъ послѣдствій и не предугадавъ его размѣровъ, Ходыка продолжалъ усиленно преслѣдовать въ городѣ лицъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи козакамъ и принималъ строгія мѣры противъ мѣщанъ „зуфалыхъ“ (непокорныхъ). Между тѣмъ событія слѣдовали съ поразительною быстротою и вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что на этотъ разъ козацкое движеніе восторжествуетъ; кіевское населеніе стало заявлять все болѣе и болѣе свое сочувствіе движенію и козаки приближались къ городу. Положеніе войта и его партіи сдѣлалось весьма труднымъ. Нѣкоторые члены магистрата, жаловался впослѣдствіи Андрей Ходыка, составили заговоръ противъ войта и рѣшились не только лишить его уряда, но даже отнять имущество и самую жизнь. Долгое время войтъ принужденъ былъ скрываться и, наконецъ, въ на-

чалѣ 1649 года, онъ подписалъ отреченіе отъ должности и письменно призналъ незаконными всѣ свои дѣйствія въ теченіе четырехлѣтняго управленія городомъ. Мѣсто войта занялъ представитель народной партіи—Богданъ Сомковичъ.

Въ 1651 году, послѣ берестецкой битвы и занятія Кіева Радзивилломъ, появляется еще разъ Андрей Ходыка и спѣшитъ возбудить искъ противъ лицъ, заставившихъ его отречься отъ должности; но съ удаленіемъ польскаго войска, онъ изчезаетъ навсегда изъ города. Имущество, скопленное мѣщанскою вѣтвью рода Ходыкъ, разсѣялось также безслѣдно, какъ и имѣнія, захваченныя ихъ родственниками Крыницкими. Ходыки должны были оставить Кіевъ вмѣстѣ съ тѣмъ иноземнымъ правительствомъ, въ угоду которому они попирали интересы своихъ согражданъ. Дальнѣйшая судьба ихъ рода намъ неизвѣстна, но въ рядахъ кіевскаго мѣщанства послѣ 1651 года имени Ходыкъ болѣе не встрѣчается.

В. Антоновичъ.

Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши

ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ РАЗДѢЛОВЪ.

Поставивъ заглавіе статьи, прежде чѣмъ дать слово автору оной, считаемъ нужнымъ по поводу ея сказать отъ себя нѣсколько словъ. Предлагаемая статья, по намѣренію автора, должна быть руководящею или пояснительною къ тѣмъ дорогимъ и доселѣ неизвѣстнымъ документальнымъ свѣдѣніямъ о состояніи народнаго образованія въ періодъ раздѣловъ Польши на обширныхъ пространствахъ Украйны, Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіи и Литвы, Подлясья и Холмщины, съ которыми онъ намѣренъ познакомить читателей «Кіевской Старины», въ видѣ подлинныхъ донесеній и отчетовъ тогдашнихъ инспекторовъ или ревизоровъ школьныхъ. Но, помимо этой ближайшей и, такъ сказать, случайной цѣли, она имѣетъ самостоятельное, весьма важное значеніе. Она даетъ намъ глубоко задуманный и съ точки высшаго взгляда освѣщенный очеркъ той системы общественнаго образованія и воспитанія, которая создана была въ Польшѣ въ эпоху ея политической агоніи въ прямыхъ видахъ возрожденія отчизны, которая представляетъ собою первый въ Европѣ опытъ перехода народнаго образованія отъ вольной профессіи подъ опеку государства и въ разрядъ его задачъ, была примѣнена на всемъ протяженіи польско-русскихъ областей и вмѣстѣ съ ними перешла къ намъ и нами принята и поддержана.... По этой системѣ воспитались цѣлыя поколѣнія въ сѣверо и юго-западномъ краѣ нашемъ, по ней многіе годы слагалось здѣсь умственное и политическое настроеніе открытыхъ для нея сферъ, ею пропитаны были всѣ вновь зарождавшіяся подъ вліяніемъ событій симпатіи и стремленія интеллигентной массы, она проникала во всѣ изгибы строя общественнаго, отпечатлѣвалась на всемъ складѣ и характерѣ жизни, ея духъ царилъ и тогда, когда измѣнились ея формы. Помѣщаемая статья обнимаетъ эту систему въ ея основаніяхъ, открываетъ ея идею, духъ и характеръ, чего мы не имѣемъ относительно послѣдующихъ господствовавшихъ у насъ системъ образованія. О другихъ сторонахъ и качествахъ настоящаго изслѣдованія представляемъ судить самимъ читателямъ,—мы-же сочли нужнымъ сказать эти нѣсколько словъ лишь съ цѣлію предупредить читателя о значеніи статьи и отношеніи, какое она имѣетъ къ программѣ журнала. Только ознакомившись по ней

съ системой національнаго польскаго образованія, господствовавшею долгое время на территоріи сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, мы можемъ уяснить и правильно оцѣнить въ ихъ прошломъ многія явленія внѣ сферы народнаго образованія и тѣмъ болѣе въ самой этой сферѣ, равно проникнуться сознаніемъ необходимости и желаніемъ собрать уцѣлѣвшія свѣденія о состояніи у насъ образованія въ такой періодъ, о которомъ мы почти или совсѣмъ ничего не знаемъ, а собравъ ихъ постепенно, произвести потомъ правильную группировку и оцѣнку. Уважаемый авторъ статьи полагаетъ солидное начало такому дѣлу и мы глубоко признательны ему какъ за поднятіе такого первостепенной важности вопроса въ исторіи нашего недавняго прошлаго, такъ и за твердую и широкую его постановку. Ждемъ обѣщанныхъ имъ «визитъ» и «рапортовъ»; всѣхъ-же, кому вѣдомы и доступны такіе и подобные имъ матеріалы, просимъ подѣлиться ими съ читателями «Кіевской Старины».

Ред.

Въ судьбахъ русскаго народа, входившаго въ составъ польской рѣчи посполитой, одна изъ самыхъ видныхъ ролей принадлежитъ безъ сомнѣнія школамъ. Это были тѣ могучія орудія ассимиляціи русскаго народа съ польскимъ, которыя неизмѣнно и вѣрно дѣлали свое дѣло, не смотря на бурю потрясающихъ политическихъ событій, не смотря на отчаянное противудѣйствіе цѣлямъ ихъ со стороны духовенства, запорожья и простаго народа, не смотря на могущественное заступничество со стороны русскаго царства. Польскія школы поглотили сперва древніе русскіе княжескіе роды, потомъ дворянство, высшее духовенство, измѣнили сельское духовенство, мѣщанъ [1]). Новый духъ и бытъ руководящихъ классовъ неизбѣжно вліялъ на бытъ остальнаго, простаго народа. Благодаря преимущественно школамъ, Польша вернула Россіи древнее достояніе ея, Русь сѣверо и юго-западную, только въ видѣ нищаго духомъ и тѣломъ, невѣжественнаго и забитаго крестьянства, которое смутно представляло свое родство съ вели-

---

[1]) Конечно, уважаемый авторъ не отвергаетъ въ этомъ дѣлѣ значенія и другихъ историческихъ факторовъ, каковы: система внутренней, въ своемъ родѣ международной политики въ Польшѣ, со временъ городельской и люблинской уніи, унія церковная съ орудіями ея распространенія, соціальное подчиненіе массы русскаго населенія польскому землевладѣльческому классу, отношенія экономическія, строго-общественныя и семейныя, особливо смѣшанные браки въ высшихъ классахъ, на что указывалъ еще авторъ „*Перестороги*“ (Акты зап. Рос. т. IV). *Ред.*

кимъ сѣверно-русскимъ населеніемъ и предстало въ такомъ складѣ своего быта, своихъ симпатій и антипатій, что русское правительство вынуждено было употреблять и доселѣ употребляетъ чрезвычайныя усилія для измѣненія этого быта, а русскіе публицисты принуждены время отъ времени напрягаться въ доказательствахъ того, что „это край русскій, русскій, русскій"....

Школа—лучшій и найболѣе надежный другъ семьи и общества, церкви и государства. Но она можетъ быть найболѣе злымъ и найболѣе опаснымъ врагомъ ихъ. Не смотря на потерю въ сѣверо и юго-западномъ краѣ высшихъ, руководящихъ классовъ, Россія получила въ нихъ болѣе прочную опору, чѣмъ какую вѣками создала себѣ въ нихъ Рѣчь Посполитая, опору въ національности и церковномъ обрядѣ народа, и если бы мы сознавали могущественную силу школы, какъ сознавала ее польская Рѣчь Посполитая, намъ не пришлось-бы видѣть потрясающихъ событій въ этомъ краѣ, искуственныхъ средствъ къ обрусѣнію его, не пришлось-бы теряться въ доказательствахъ о національности „этого края", не пришлось-бы смущаться пугаломъ (дѣйствительнымъ, или мнимымъ) сепаратизма. Къ сожалѣнію, вышло наоборотъ: созданныя и одушевленныя послѣднимъ напряженіемъ Польши школы въ сѣверо и юго-западномъ краѣ продолжали существовать и даже получать поддержку до 1831 года! Затѣмъ всѣ онѣ разомъ закрыты, и медленно, туго, съ боязнію появлялись вмѣсто ихъ русскія учебныя заведенія, а низшія, сельскія школы казались невозможными до самаго 19 февр. 1861 года....

Исторія польскаго общественнаго образованія раздѣляется на два періода—первымъ раздѣломъ Польши. До 1773 года оно было дѣломъ свободной профессіи, католическая церковь успѣла соединить въ своихъ рукахъ всѣ нити его, наложить на него печать свою; съ этого-же года оно строго подчиняется государству, становится гражданскимъ, національнымъ. То, что извѣстно русской публикѣ о просвѣщеніи въ Польшѣ, относится почти исключительно къ первому періоду его. Учебники исторіи русской литературы теребятъ этотъ періодъ на всѣ лады, чтобы опредѣлить характеръ южно-русскаго просвѣщенія въ XVI и XVII в. и объяснить значеніе его въ тогдашней литературѣ сѣверно-русской. Насколько въ самомъ началѣ своемъ наука исторіи русской литературы раздувала значеніе польскаго образованія для Россіи, такъ что Гречъ называетъ XVII вѣкъ „польскимъ періодомъ" въ исторіи просвѣщенія Россіи и даже Ѳеофана Прокоповича относитъ

къ „польскимъ писателямъ Россіи“, настолько нынѣшніе изслѣдователи исторіи русской литературы умаляютъ это значеніе его, сводя его къ іезуитскимъ школамъ и относясь къ нему съ презрительною улыбкою. Наши учебники и руководства ничего не знаютъ о борьбѣ іезуитскихъ школъ съ стариннымъ представителемъ образованія въ Польшѣ — краковскою академіей, открытою въ 1401 году, по образцу парижскаго и англійскихъ, а не итальянскихъ университетовъ. Эта почти двухвѣковая борьба была не менѣе ожесточенная, чѣмъ борьба іезуитовъ съ школами диссидентовъ, и сопровождалась всѣми пріемами іезуитства: обличеніями въ неправомысліи и безвѣріи, пасквилями, уличными свалками и т. п. Въ основаніяхъ этой борьбы заключается объясненіе многихъ противуположностей, которыя такъ поражаютъ насъ въ польскомъ характерѣ XVII вѣка. Не іезуиты, но краковская академія, не смотря на свой упадокъ, поддерживала въ Польшѣ связь съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Тогда какъ іезуитское образованіе сполна проникнуто было практическимъ характеромъ, стремленіемъ къ господству надъ совѣстью и чувствомъ населенія, традиціи краковской академіи, даже во времена полнаго ослабленія ея, держали ее преимущественно на интересахъ науки и въ связи съ своими прототипами, на которые она указывала соотечественникамъ, искавшимъ высшаго образованія. Въ учрежденіи южно-русскихъ училищъ того времени, особенно кіевской академіи, странно сошлись оба эти теченія тогдашней польской образованности. Отсюда внутреннее противурѣчіе и несостоятельность ихъ.

Въ половинѣ XVII вѣка въ Польшѣ появляется малочисленная и скромная по виду духовная община, такъ-же поставившая своею задачею общественное образованіе. Король Владиславъ IV, такъ много сдѣлавшій для южно-руссовъ возстановленіемъ православной кіевской митрополіи, поддержкой плановъ Петра Могилы, покровительствомъ народа, вызвавъ въ Польшу эту общину, не обманулся въ своихъ надеждахъ на нее. Піаристы сразу обнаружили въ своихъ школахъ стремленія, рѣзко расходившіяся съ іезуитскими. Далеко уступая іезуитскимъ школамъ въ численности, въ широтѣ курса и въ богатствѣ, піаристскія школы, своими учебными планами, своими методами преподаванія и задачами обученія, болѣе соотвѣтственными потребностямъ просвѣщенія, скоро пошатнули громадное зданіе іезуитской образованности. Съ реформою, произведенною въ піарскихъ школахъ *Конарскимъ* (въ 1740 г.), звѣзда іезуитской образованности закатилась въ Польшѣ

Ея не могли поддержать появившіяся на помощь ей съ конца XVII вѣка базиліанскія училища. Учрежденный съ тою же цѣлію въ отношеніи къ русскому народу, съ какою орденъ іезуитовъ установленъ былъ въ католическомъ мірѣ, возбужденномъ реформаціей, базиліанскій орденъ въ самомъ началѣ своемъ поставленъ былъ въ тѣсныя отношенія съ іезуитами. Намѣренія папства, выраженныя въ учрежденіи уніи, не допускали самостоятельности въ учрежденіи базиліанскихъ школъ и требовали близкой опеки надъ ними. Поэтому базиліанскія школы не имѣли оригинальности и всегда находились въ хвостѣ іезуитскихъ школъ.

Школы въ Польшѣ учреждали и другіе монашескіе ордена, какъ то: бенедиктины, миссіонеры, цистерны, каноники регулярные, доминикане, театины, тринитары, коммунисты, реформаты; но онѣ были весьма незначительны, то открывались, то закрывались, и не имѣли вліянія на ходъ образованія въ Польшѣ.

Школы диссидентовъ, въ томъ числѣ и православныя, преслѣдуемыя религіознымъ фанатизмомъ, существовали не долго (исключая академію кіевскую). Однѣ протестанскія школы удержались до раздѣла Польши.

Всѣ эти школы, различаясь между собою количествомъ классовъ и учебныхъ предметовъ, имѣли одинъ основной типъ, грамматико-риторическій, къ которому, смотря по средствамъ, прибавляли еще: математику, иногда философію, право, или богословіе. Полный составъ школъ, учреждаемыхъ краковскою академіей (filia academia cracoviensis), былъ слѣдующій: *грамматика*, *риторика*, *математика*, *философія* и *право*. Въ самой академіи за этимъ курсомъ слѣдовали факультеты: *богословскій*, *философскій*, *медицинскій* и *юридическій*. Въ іезуитскихъ школахъ было пять классовъ: *инфима*, *грамматика*, *синтаксисъ*, *риторика* и *поэзія*. Въ іезуитскихъ коллегіяхъ за этимъ курсомъ слѣдовали: *философіа* и *богословіе*. Въ іезуитской виленской академіи были факультеты: *философскій* и *богословскій*, впослѣдствіи и *юридическій*. Піарскія школы, до реформы Конарскаго, имѣли одинъ типъ и состояли изъ семи классовъ: *pro forma* или *parva infima*, *infima maior*, *грамматика*, *синтаксисъ*, *поэзія*, *риторика* и *философія*. Въ каждой пятиклассной и въ піарскихъ семикласныхъ школахъ курсъ каждаго класса продолжался одинъ годъ и учителя были классные. Въ іезуитскихъ коллегіяхъ философіи (этика, физика, логика, метафизика и математика) обучали три года, богословію четыре года.

Всѣ эти школы подвѣдомственны были только тому учрежденію, которое устроило ихъ. По старинному праву, краковская академія открывала свои филіи, или принимала подъ свое покровительство школы, по желанію частныхъ лицъ—ихъ устроителей. Эти школы носили названіе *академическихъ*. Орденскими школами завѣдывали *провинціалы* каждаго ордена.

Всѣхъ такихъ школъ въ Польшѣ, ко времени перваго раздѣла ея, было около 116, именно: академическихъ 10, іезуитскихъ 67, піарскихъ 27, протестантскихъ 5 и базиліанскихъ 7 (въ *Бучачѣ*, *Умани*, *Любарѣ*, *Шарогродѣ*, въ *Вильнѣ*, *Владимірѣ*, *Жировицахъ*) [1]. Изъ этого числа школъ не меньше половины приходилось на русскія области Польши [2]).

Ни краковская академія, ни монашескія ордена не заботились начальнымъ обученіемъ и не имѣли въ своемъ вѣдѣніи ни одной первоначальной школы. Это обученіе сполна принадлежало приходскому духовенству и устроено было сообразно приходскимъ нуждамъ его. Такія школы первоначально устроялись при главныхъ церквахъ или соборныхъ (fara) и назывались *фарными*. Въ нихъ обучали латинскому языку и порядкамъ католическаго богослуженія, съ цѣлію приготовлять органистовъ, которымъ въ прежнее время открыта была дорога и къ духовному сану. По образцу этихъ школъ открывались, по милости благодѣтелей, школы и въ нѣкокорыхъ приходахъ. Лукашевичъ (1, 455) насчитываетъ ихъ въ 1740 году до 1500, но безъ всякихъ основаній. Ко времени перваго раздѣла Польши ихъ оказалось въ Малопольшѣ 60, въ Великопольшѣ 45 и, судя по многимъ даннымъ, особенно по школьнымъ рапортамъ и визитамъ послѣдующаго времени, ихъ было въ цѣлой Польшѣ не болѣе 400. Въ русскихъ

---

[1]) *Historya szkół w Koronie i w Wielkiem Ks. Litewskiem, od najdawniejszych czasów aż do roku 1794 r. Przez Józefa Lukaszewicza.* IV *t. Poznań 1851 r.* Трудъ обширный и весьма добросовѣстный, но безъ надлежащей критики, особенно во второмъ томѣ, въ которомъ означается реформа, произведенная Конарскимъ въ піарскихъ школахъ, а затѣмъ особою коммиссіей въ цѣломъ составѣ школъ.

[2]) Въ это число школъ не входятъ такъ называемыя *Studia*, съ курсомъ философіи и богословія, называемыя еще *новиціаты*, для приготовленія молодыхъ людей, получившихъ образованіе, къ поступленію въ монашескій орденъ. Такихъ *студій* базиліане имѣли въ эту пору 11, именно: въ Вильнѣ, Львовѣ, Лавровѣ, Свержнѣ, Полоцкѣ, Жировицахъ, Витебскѣ, Владимірѣ, Луцкѣ, Жидичинѣ и въ Холмѣ.—Не входятъ въ это число школъ и духовныя семинаріи (seminarium) для приготовленія приходскихъ священниковъ. Изъ всѣхъ попытокъ основать отдѣльную семинарію для уніатовъ удалось только холмскому епископу *Рыллу*, который открылъ семинарію въ Холмѣ въ 1760 г.

(православныхъ и уніатскихъ) приходахъ въ это время повсюду почти видимъ при церквахъ школы, въ которыхъ церковный *дякъ* обучаетъ охотниковъ чтенію и пѣнію церковному. Въ XVIII вѣкѣ это были послѣднія и единственныя убѣжища русской народности въ Польшѣ, а потому простой народъ и низшее, сельское духовенство чрезвычайно дорожили ими и не жалѣли на поддержку ихъ своихъ приношеній хлѣбомъ, зерномъ и т. п., тѣмъ болѣе, что при школѣ въ это время пріючивались и нищіе, калѣки, сироты.

Но если о первомъ періодѣ польскаго общественнаго образованія мы получаемъ недостаточныя свѣдѣнія, то о второмъ періодѣ его въ русской литературѣ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Что извѣстно ей о реформѣ народнаго образованія, послѣдовавшей за первымъ раздѣломъ Польши и долженствовавшей между прочимъ окончательно ассимилировать въ Польшѣ русскую народность? Что извѣстно ей о дѣятельности „*эдукаціонной избы*" варшавскаго герцогства, закрѣпившей за польскимъ общественнымъ образованіемъ начала, выработанныя этою реформою, и завѣщавшей созданному Россіей Царству Польскому опредѣленный типъ польскаго національнаго образованія, ставшій школьнымъ культомъ поляковъ? Что мы знаемъ о противудѣйствіи этому культу въ самомъ польскомъ обществѣ, со стороны польскихъ славянофиловъ, не мало вліявшемъ на возникновеніе событій 1831 года? Этотъ культъ руководилъ и учебною реформою маркиза Велепольскаго....

Между тѣмъ, реформа учебныхъ заведеній въ Польшѣ и вообще этотъ второй періодъ польскаго общественнаго образованія успѣлъ перевоспитать поляковъ въ сѣверо и юго-западномъ краѣ, господствуя въ немъ до самаго 1831 года, и не безслѣдно прошелъ въ исторіи русскихъ учебныхъ заведеній. Одинъ изъ близкихъ друзей и совѣтниковъ молодаго императора Александра I, сынъ Адама Чарторыйскаго, главы польскихъ реформаторовъ временъ раздѣловъ Польши, не мало вліялъ на систему преобразованія русскихъ учебныхъ заведеній при учрежденіи въ Россіи министерства народнаго просвѣщенія, и, если сравнить тогдашніе протоколы, записки, журналы и самую организацію учебныхъ заведеній съ уставами польской коммисіи народнаго просвѣщенія 1783 года, то окажется не мало заимствованій изъ нихъ.

Намѣреваясь познакомить читателей „Кіевской Старины" съ состояніемъ учебныхъ заведеній въ сѣверо и юго-западномъ краѣ

въ періодъ раздѣловъ Польши по рапортамъ визитаторовъ ихъ, нигдѣ еще не напечатаннымъ [1]), считаемъ нужнымъ предварительно сообщить свѣдѣнія объ учебной организаціи въ Польшѣ того времени или о послѣдовавшей тогда реформѣ общественнаго образованія [2]).

Въ 1773 году въ католическихъ странахъ произошло событіе, давшее сильный толчекъ правительственнымъ заботамъ объ общественномъ образованіи. Это было уничтоженіе іезуитскаго ордена. Послѣ іезуитовъ оставались огромные капиталы, поземельныя владѣнія, зданія, назначенныя на содержаніе учебныхъ заведеній. Нужно было распорядиться этимъ наслѣдствомъ, нужно было подумать о дальнѣйшей судьбѣ іезуитскихъ школъ, составлявшихъ большинство почти въ каждой изъ этихъ странъ. Стали появляться первые проекты ближайшей опеки государства надъ общественнымъ образованіемъ и общаго типа учебныхъ заведеній.

Въ Польшѣ это событіе совпало съ другимъ событіемъ, потрясшимъ ее до основанія, именно съ первымъ раздѣломъ ея.

---

[1]) Одинъ изъ этихъ рапортовъ, именно: *Ks. Szczepana Hołowczyca Rapotr wizyty generalnej południowo-wschodnich wydziałów szkolnych.... w roku 1782*, напечатанъ въ *Archivum do dziejów literatury i oświaty w Polsce.* Краковъ 1877 г. т. I, стр. 21—70.

[2]) Источниками этихъ свѣдѣній служили для насъ:

а) *Ustanowienie kommissyi nad edukacią młodzi narodowej szlacheckiej dozormającej. W Warszawie 24 października 1773 r.*

б) *Mowa w dzień rocznicy otwarcia towarzystwa do ksiąg elementarnych na sessyi dnia 7 marca 1778—1786 r. Przez Ks. S. Piramowicza. Warszawa.* Эти рѣчи Пирамовича, бывшаго секретаремъ коммисіи просвѣщенія и означеннаго общества, а на самомъ дѣлѣ душею обоихъ этихъ центральныхъ учрежденій, были публичными отчетами о ходѣ реформы общественнаго образованія и служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для объясненія побужденій и цѣлей, вообще смысла преобразованій. Онѣ печатались ежегодно отдѣльными брошюрами. Одна изъ рѣчей, именно 1780 года, принадлежитъ піаристу Поплавскому, члену того-же общества.

в) *O rosporządzeniu i wydoskonaleniu edukacyi obywatelskiej. Projekt podany.... kommissyi edukacyi w marcu 1774 r*; напечатано *w Warszawie 1775 r.*; 184 стр. in 8°. Принадлежитъ тому-же піаристу Поплавскому. Проектъ Поплавскаго легъ въ основу уставовъ коммисіи просвѣщенія, въ составленіи которыхъ авторъ проекта принималъ съ Пирамовичемъ самое дѣятельное участіе.

г) *Przepisy dla rektorów, prefekta, dyrektorów, na szkoły wojewodzkie i do szkół parafijalnych. Warszawa 1776 r.*

д) *Ustawy kommissyi edukacyi narodowej dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rrzeczypospolitej przepisane. W Warszawie 1783 r.* in fol. 64 стр.

Въ одномъ и томъ-же мѣсяцѣ (августѣ) появились и булла Климента XIV объ уничтоженіи іезуитскаго ордена, и опредѣленіе сейма объ *„уступкѣ“* сосѣднимъ государствамъ значительныхъ областей. И прежде, со времени поселенія б. польскаго короля Станислава Лещинскаго въ Парижѣ, съ огромнымъ дворомъ, привлекавшимъ изъ Польши множество посѣтителей, особенно со времени реформы піарскихъ школъ, произведенной воспитанникомъ этого двора Конарскимъ, въ Польшѣ раздавались голоса противъ іезуитскаго образованія и вообще противъ существующаго устройства школъ. Кружокъ піаристовъ дружно работалъ въ направленіи и духѣ новыхъ идей о воспитаніи, распространявшихся по Европѣ, надъ разрушеніемъ іезуитской риторики, метафизики, „альваровскихъ“ методовъ, толковалъ о *правѣ натуры* и морали, какъ основаніяхъ для воспитанія человѣка, составлялъ учебники. Локкъ, Кондильякъ и Гельвецій найболѣе приходились по душѣ польскимъ мыслителямъ. Съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ при дворѣ установился цѣлый кругъ новыхъ людей, въ которомъ подвергалось осмѣянію все іезуитское и вмѣстѣ съ нимъ все старое, начиная отъ кунтушей. Какъ въ средѣ аристократіи гордо поднимали напудренныя головы свои маркизы, доморощенные Вольтеры и т. п., такъ въ средѣ духовенства обращали на себя вниманіе свои Кондильяки, аббаты философы, по-

---

текста и нѣсколько листовъ съ образцами рапортовъ, распредѣленіемъ учебныхъ предметовъ по классамъ, по днямъ и часамъ и т. п.

Въ русскомъ переводѣ этотъ уставъ (не въ полномъ видѣ) напечатанъ въ *Сборникѣ административныхъ постановленій Царства Польскаго, вѣдомства нар. просвѣщенія*. Т. I, 1868 г. Варшава.

Въ дополненіе къ уставу коммисія просвѣщенія издала еще: *Przepis dla dyrektorów*, и особо *dla professorów*, а въ 1787 г. *Powinności nauczyciela, mianowicie zaś w szkołach parafialnych i sposoby ich dopełnienia. Warszawa.* 211 стр. и 13 стр. предисловія. Это послѣднее (безъ сомнѣнія и первыя два) наставленіе составлено Пирамовичемъ.

е) *Wizyty* и *Rapporta* о состояніи учебныхъ заведеній того времени, хранящіяся въ варшавскомъ центральномъ архивѣ, которымъ мы пользуемся благодаря просвѣщенному вниманію старшаго предсѣдателя варшавской судебной палаты, т. с. Герарда.

Изъ сочиненій по этому предмету можно указать только на *Historya szkoł*— Лукашевича. Изложеніе этого періода заключается во второмъ т. стр. 166—492, съ восторженными похвалами реформѣ.

Упомянемъ еще о напечатанномъ въ 1878 г. въ Варшавѣ *Dawne wychowanie szkolne* (въ Польшѣ), *przez Jana Zaruskiego*—только для того, чтобы предостеречь читателя отъ этой компиляціи, переполненной собственными измышленіями, лживыми цифрами и крайне пристрастными сужденіями автора.

кончившіе съ „предразсудкомъ“, принявшіе духовный костюмъ и обѣтъ безженства единственно ради всецѣлаго посвященія себя наукѣ. И въ прежнее время, начиная еще съ короля Іоанна-Казиміра, появлялись хотя и робкіе голоса о шаткости польскаго общественнаго и государственнаго строя, о шляхетской разнузданности, угнетенномъ и бѣдномъ положеніи низшихъ классовъ, въ особенности крестьянъ и т. п. Теперь, въ виду тяжкаго удара и грозной опеки со стороны трехъ сильныхъ державъ, всѣ голоса соединились въ напряженныхъ поискахъ за панацеей отъ всѣхъ золъ, за средствомъ поддержать и укрѣпить государство, восторжествовать надъ политикою сосѣднихъ державъ. Быстро всѣ сошлись въ убѣжденіи, что главною причиною всѣхъ золъ была прежняя система воспитанія, что отнынѣ государство, доселѣ считавшее школу постороннимъ для себя, частнымъ и свободнымъ занятіемъ, должно взять ее въ исключительное свое вѣдѣніе и въ основу всѣхъ своихъ улучшеній положить правильное образованіе. Тотъ-же сеймъ, который утвердилъ *„уступку“* значительныхъ областей сосѣднимъ державамъ, по предложенію литовскаго подканцлера Хребтовича, постановилъ: учредить особую коммиссію (министерство) для завѣдыванія какъ всѣмъ имуществомъ по-іезуитскимъ, такъ и всѣми учебными заведеніями въ краѣ, *„не исключая ни одного“*. Предсѣдателемъ этой коммиссіи сеймъ назначилъ виленскаго епископа князя *Игнатія Массальскаго*, членами: плоцкаго епископа князя *Понятовскаго* (дядю короля), гнѣзненскаго воеводу *Сулковскаго*, подканцлера литовскаго *Іоакима Хребтовича*, писаря литовскаго *Игнатія Потоцкаго*, генерала *Адама Чарторыйскаго*, ордината *Андрея Замойскаго* и старосту копаницкаго *Понинскаго*. Это были люди различныхъ партій политическихъ, но слывшіе за самыхъ образованныхъ въ средѣ аристократіи и, исключая перваго, третьяго и послѣдняго, которые готовы были ловить въ мутной водѣ рыбу, за самыхъ преданныхъ интересамъ Польши [1]). Изъ среды всѣхъ этихъ членовъ найболѣе выдѣлялся всецѣлымъ посвященіемъ себя

---

[1]) До 1793 г. коммисія не получала для себя самой подробнаго устава. Такой уставъ составленъ былъ членомъ этого сейма, извѣстнымъ въ Польшѣ математикомъ, краковскимъ профессоромъ *Яномъ Снядецкимъ*, при сотрудничествѣ ректора виленскаго университета *Тогобута*, и утвержденъ сеймомъ. Этотъ уставъ напечатанъ въ исторіи Лукашевича, т. II, стр. 169—180, въ примѣчаніи. Весьма любопытнымъ коментаріемъ къ нему служатъ письма самого Снядецкаго изъ Гродна къ своимъ пріятелямъ (*Listy Jana Śniadeckiego. Poznań 1878 г.*).

трудамъ коммисіи, 24 лѣтній Игнатій Потоцкій. Хилый, болѣзненный, онъ рано сталъ было мечтать о посвященіи себя на служеніе церкви; но домашній учитель его, эксъ-іезуитъ *Григорій Пирамовичъ*, отклонилъ его отъ этого намѣренія и убѣдилъ посвятить себя покровительству и реформѣ образованія въ Польшѣ. Игнатій Потоцкій является потомъ во главѣ всѣхъ начинаній и важнѣйшихъ дѣлъ коммисіи. Въ польской литературѣ онъ признается душею всей дѣятельности коммисіи (Лукаш. 11, 257). На самомъ дѣлѣ душею коммисіи и самого Потоцкаго былъ секретарь ея, тотъ-же домашній учитель и другъ Потоцкаго, эксъ-іезуитъ Пирамовичъ [1]), принадлежавшій къ той новой религіозной школѣ, которая примиряла христіанство съ философіей Локка и Кондильяка (сенсуализмъ). Преданный до энтузіазма идеѣ возрожденія Польши, безпредѣльно вѣрившій въ силу новыхъ идей, въ возможность быстраго созданія „новыхъ людей", необыкновенно дѣятельный, даровитый, пылкій, Пирамовичъ постоянно стоялъ за спиною своего друга, постоянно выдвигалъ его впередъ для вліянія въ аристократическихъ сферахъ въ пользу всѣхъ проэктовъ коммисіи, авторомъ которыхъ былъ по преимуществу онъ самъ. Впослѣдствіи, при измѣнившемся составѣ коммисія, когда по выраженію Снядецкаго, „одни изъ членовъ ея скучали (въ засѣданіяхъ), другіе, занятые иною службою, не могли удѣлить своего вниманія для такой важной отрасли государственнаго управленія, а третьи присутствовали только для вида (dla figurowania) [2]), Пирамовичъ одинъ съ своимъ другомъ аристократомъ несъ на себѣ трудъ коммисіи просвѣщенія.

Для пріема и устройства имущества, оставшагося послѣ іезуитовъ, сеймъ назначилъ двѣ коммисіи, одну для Короны, другую для Литвы. Понятно, что это были коммиссіи, огромныя по числу

---

[1]) Пирамовичъ род. во Львовѣ въ 1735 г. Онъ происходилъ отъ русскихъ родителей, обучался у іезуитовъ и самъ сталъ іезуитомъ, но скоро почувствовалъ къ своему ордену глубокое отвращеніе. Братъ его Михаилъ Пирамовичъ былъ кіевскимъ каноникомъ и оффиціаломъ; онъ хлопоталъ объ устройствѣ въ Житомірѣ уніятской духовной семинаріи, для которой пожертвовалъ двѣсти тысячъ злотыхъ, а король подарилъ мѣсто подъ постройку зданій; но событія 1789 года на Волыни и послѣдовавшіе затѣмъ раздѣлы Польши остановили это дѣло въ самомъ началѣ. Григорій Пирамовичъ написалъ много педагогическихъ сочиненій, имѣвшихъ большое значеніе въ польской литературѣ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы встрѣтимся ниже. Умеръ въ 1801 году въ Куровѣ, въ должности пробоща куровскаго и каноника каменецкаго.

[2]) *Listy Jana Śniadeckiego*, стр. 16.

членовъ. Въ составъ ихъ втерлось много такихъ лицъ, которыя искали случая поправить свое состояніе, разстроенное послѣдними событіями или слишкомъ широкою жизнію. По повѣркѣ имущества, оказалось, что представители іезуитовъ, въ ожиданіи своей участи, не ушли изъ Польши съ пустыми руками: наличныя суммы, серебро и драгоцѣнности большею частію изчезли, вѣковыя лѣса вырублены или запроданы, многія земельныя угодья и поля оказались въ чертѣ другихъ владѣній. Но гораздо больше іезуитовъ причинили ущербъ этому имуществу, предназначенному служить основнымъ и пока исключительнымъ фондомъ для расходовъ по устройству общественнаго образованія, эти сами коммисіи и во главѣ ихъ самъ предсѣдатель коммисіи просвѣщенія, епископъ Массальскій, съ членомъ ея Сулковскимъ. Коммисіи должны были обезпечить по-іезуитскія имущества такимъ образомъ: хранившіяся въ разныхъ рукахъ суммы раздать желающимъ магнатамъ и шляхтичамъ за опредѣленный вѣчный процентъ, подъ залогъ ихъ имѣній, а имѣнія, по оцѣнкѣ ихъ, отдать въ вѣчную аренду. Началось грабительство этихъ денегъ и имѣній самими членами коммисій (rozdawniczych), полученіе большихъ суммъ подъ залогъ разоренныхъ или не стоющихъ имѣній, полученіе земель за ничтожную аренду и безъ всякой гарантіи въ уплатѣ ея. Однихъ капиталовъ разграблено такимъ образомъ болѣе семи милліоновъ злотыхъ. Одинъ Сулковскій взялъ 584,658 злотыхъ, и эти деньги пропали! Епископъ Массальскій истратилъ гораздо больше [1]). Оставшіеся при школахъ іезуиты, не получая содержанія, бросили занятія, школы закрылись, ученики разбѣжались.

Но это грабительство государственнаго эдукаціоннаго имущества, такъ быстро смѣнившее благородные порывы къ возрожденію государства посредствомъ образованія, эта мрачная картина разоренія тѣхъ средствъ, на которыхъ главнымъ образомъ опиралась дѣятельность коммисіи просвѣщенія, не остановили и не ослабили намѣреній другихъ дѣятелей этой коммисіи, хотя во главѣ ея продолжалъ оставаться тотъ-же Массальскій, а также и многихъ частныхъ лицъ. Ходили разныя теоріи и планы устройства учебныхъ заведеній. Болѣе и болѣе оживлялись піаристы и одерживали верхъ началами своихъ школьныхъ преобразованій.

---

[1]) *Historya szkół*—Лукашевича, т. II, стр. 189—248. Впослѣдствіи Массальскій былъ повѣшенъ въ Варшавѣ, на улицѣ, возмутившеюся чернію, по подозрѣнію въ продажности непріятелямъ Польши.

Въ коммисію просвѣщенія стали поступать письменныя сообщенія о необходимости поспѣшить преобразованіемъ учебныхъ заведеній и самые проекты реформы ихъ. Изъ нихъ всего болѣе обратилъ на себя общее вниманіе проектъ, поданный въ мартѣ 1774 года піаристомъ Поплавскимъ, бывшимъ учителемъ и префектомъ варшавскихъ піарскихъ школъ. Это было упомянутое нами сочиненіе его: *O porzorządzeniu i wydoskonaleniu edukacyi* (*объ организаціи и улучшеніи обученія*), напечатанное въ слѣдующемъ году. Поплавскій развиваетъ въ немъ тѣ начала, какія уже проводились въ піарскихъ школахъ со времени Конарскаго. Признавая всю прежнюю систему только драпировкою образованія, прикрывавшею внутреннюю пустоту и распущенность, онъ требуетъ дѣйствительнаго воспитанія и усовершенствованія физическаго и нравственнаго. Чтобы стать дѣйствительнымъ, воспитаніе должно быть какъ можно болѣе *естественнымъ* и основываться на изученіи *естества* (*jestestwo*—модное въ то время слово въ польскомъ ученомъ кругѣ), т. е. наукъ естественныхъ, математики, науки о правѣ натуры и о естественной нравственности. Греческій языкъ, преподававшійся во всѣхъ прежнихъ школахъ, онъ находитъ излишнимъ, латинскій—полезнымъ по свѣдѣніямъ, заключающимся въ сочиненіяхъ римскихъ писателей, и по историческимъ причинамъ. Изученіе новѣйшихъ языковъ, французскаго и нѣмецкаго, считаетъ полезными въ быту. Изученіе религіи въ объемѣ курса прежнихъ школъ находитъ совершенно излишнимъ и замѣняетъ его воспитаніемъ въ духѣ общей религіозной идеи, оставляя только самыя элементарныя свѣдѣнія о христіанской религіи, необходимыя для присутствованія при главныхъ богослуженіяхъ и при исполненіи важнѣйшихъ обрядовъ, и какъ можно болѣе требуетъ заботъ о моральномъ руководствѣ воспитанниковъ. Въ преподаваніи рѣшительно требуетъ замѣнить латинскій языкъ польскимъ и все направленіе образованія строго сообразовать съ благомъ отечества. Эту идею Поплавскій прилагаетъ къ высшимъ, среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ и къ частнымъ училищамъ, и проэктируетъ сообразные съ нею новые курсы и порядки въ каждомъ изъ этихъ училищъ [1]). Въ концѣ своего проекта онъ обращается съ горячимъ словомъ ко всему народу польскому. Онъ говоритъ (между прочимъ): „присмотрись только и

[1]) Между прочимъ онъ предлагалъ открыть четыре университета: въ Познани, Калишѣ, Острогѣ и Вильнѣ, и въ каждомъ сельскомъ приходѣ школу.

разсуди, есть ли совѣщаніе въ сеймахъ, есть ли справедливость въ судахъ? какова исполнительность высшаго правительства и чиновниковъ? Многосложна наша конституція, но мало въ ней благодѣтельныхъ установленій. Вмѣсто свободы—своеволіе, благородство—въ почетномъ имени, добродѣтель и заслуга—не только въ забвеніи, но и въ пренебреженіи. Страна—безъ войска, народъ—безъ уваженія, отечество—безъ сыновъ, собственность—безъ свободы и увѣренности, обширныя поля—безъ обработки, обширныя провинціи—безъ населенія! Откуда-же этотъ упадокъ, это несчастіе? Слѣдствіе не бываетъ безъ причины, а плодъ безъ сѣмени. Если станешь постепенно и вѣрно идти отъ причины къ причинѣ, то придешь къ несомнѣнному убѣжденію, что всѣ эти потери и страшныя послѣдствія произошли отъ пороковъ въ цѣломъ строѣ нашего общественнаго управленія".

„Что преимущественно служитъ источникомъ зла, то прежде всего нужно и поправлять. Ты согрѣшилъ, несчастный народъ, установленіемъ дурнаго управленія, ты и терпѣлъ отъ него; устройствомъ надлежащаго управленія ты поднимешь твое благополучіе и станешь высоко счастливымъ. *Къ этому ничто не приведетъ тебя такъ вѣрно и успѣшно, какъ надлежащее народное образованіе и воспитаніе*".

Этотъ сильный голосъ простаго ксендза произвелъ большое впечатлѣніе въ цѣломъ польскомъ обществѣ. Онъ заглушилъ всѣ другіе голоса, тѣсно совпалъ съ убѣжденіями главныхъ дѣятелей коммисіи просвѣщенія и самого короля, и задача учебной реформы рѣшена была быстро и окончательно. Заманчивая картина естественности воспитанія, возстановленія счастья въ цѣлой странѣ, побѣда надъ политикою сосѣднихъ державъ, находившихъ нужнымъ обезсилить Польшу, льстила всѣмъ партіямъ. Противные голоса, не имѣя силы краснорѣчія Поплавскаго, довольствовались ворчаніемъ по угламъ или отрывочными и тощими фразами [1]). Какимъ образомъ исторія подготовила поляковъ къ увлеченію философіей Локка и

---

[1]) Изъ другихъ тогдашнихъ проектовъ напечатаны были: 1) *Edukacya obywatelska, przez A. K. Warszawa 1774 r.* 186 стр. Авторъ этого проекта, піаристъ *Адольфъ Каменскій*, совѣтуетъ не дѣлать крутаго перелома въ системѣ образованія и соблюсти постепенность. Онъ настаиваетъ на необходимости основать школу по философіи съ древними языками, хотя въ курсъ его входятъ и естественныя науки съ самою модною въ то время изъ *наукъ*—„*правомъ натуры*", и требуетъ, чтобы устроенъ былъ особый классъ философіи съ преподаваніемъ: логики, психологіи, онтологіи, космо-

Кандильяка, какимъ образомъ изъ прежней пылкой поклонницы и любимой дочери папскаго Рима встала теперь поклонница верховнаго права натуры, обезличивающаго христіанство и подчиняющаго церковь служенію политическимъ и патріотическимъ задачамъ, мы не будемъ объ этомъ говорить. Но несомнѣнно, что глубокое потрясеніе въ цѣлой странѣ и тяжкій ударъ, нанесенный самолюбію шляхты раздѣломъ,—съ одной стороны, съ другой пропасть, раскрывшаяся предъ глазами поляковъ, были причиною того быстраго вихря идей, который привелъ ихъ въ заколдованный рай и закрѣпилъ въ немъ мечты ихъ. Политика и школа заключили между собою священный союзъ въ стремленіи къ одной и той-же цѣли, съ полной увѣренностью въ скоромъ и прочномъ исполненіи ея.

Впечатлѣніе, произведенное проэктомъ Поплавскаго, высоко поставило піаристовъ въ общественномъ мнѣніи. Они стали ближайшими сотрудниками коммисіи просвѣщенія по устройству новой учебной организаціи; ихъ школы должны были прежде всего осуществить идею реформы, представить новыя программы, методы, учебники и т. п. Тѣмъ временемъ возстановлялись закрытыя іезуитскія школы, выбирались охочіе и способные изъ бывшихъ іезуитовъ и назначались на должности учителей; базиліанскіе монахи привлечены къ большему участію въ общественномъ образованіи и въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣланы наслѣдниками школьныхъ іезуитскихъ зданій подъ условіемъ содержать школы; разыскивались и призывались *академики* (учившіеся въ краковской академіи) для занятія учебныхъ должностей, особенно въ средѣ католическихъ священниковъ. Чтобы успѣшнѣе возстановить школы и пока установить въ нихъ какой-нибудь порядокъ, постепенно обновляя и упрочивая его, коммисія просвѣщенія прежде всего раздѣлила всю тогдашнюю Польшу на десять учеб

логіи и т. п. Способамъ изложенія мыслей онъ совѣтуетъ учить только тогда, когда самая мысль ученика будетъ уже достаточно содержательною и прочною, такъ что обученіе краснорѣчію въ проектѣ его относится къ послѣднему классу. Каменскій даетъ между прочимъ совѣтъ учредить „Общество для изданія учебниковъ", пригласивъ къ нему лучшія силы. 2) *Sposob edukacyi w XV listach opisany, ktore do kommissyi edukacyi narodowej od bezimiennego autora były przesyłane. R. P. 1775* 244 стр. Авторъ, писарь коронный *Францишекъ Бѣлинскій*, сильно нападаетъ на всегдашнее увлеченіе Польши иностраннымъ воспитаніемъ и въ послѣднее время французскимъ. Проектъ Бѣлинскаго, заключая въ себѣ мало оригинальности относительно самаго устройства учебныхъ заведеній, заботится преимущественно о приготовленіи хорошихъ учителей и гувернеровъ для дѣтей и объ уваженіи къ національнымъ началамъ.

ныхъ округовъ (wydziałów): въ каждомъ изъ этихъ округовъ назначила одно учебное заведеніе окружнымъ (szkoły wydziałowe), прочія назвала подокружными (szkoły podwydziałowe), сельскія—приходскими (parafialne). Ректоръ окружной школы поставленъ былъ во главѣ цѣлаго округа, проректоръ подокружной школы имѣлъ въ своемъ ближайшемъ вѣдѣніи находившіяся въ районѣ ея школы сельскія [1]. Такими округами и окружными школами были назначены: 1) *великопольскій*—въ Познани, 2) *малопольскій*—въ Краковѣ, 3) *мазовецкій*—въ Варшавѣ, 4) *волынскій*—въ Кременцѣ, 5) *украинскій*—въ Винницѣ, 6) *піарскій*—обнимавшій школы піаристовъ, разбросанныя по цѣлой Польшѣ. Эти шесть округовъ носили общее названіе коронныхъ. Прочіе четыре назывались литовскими и были слѣдующіе: 7) *литовскій*—въ Гроднѣ, 8) *русскій*—въ Новогрудкѣ, 9) *полѣсскій*—въ Брестѣ литовскомъ и 10) *жмудскій*—въ Крожахъ. Всѣхъ окружныхъ и подокружныхъ школъ было 70, считая въ томъ числѣ и піаристскій конвиктъ подъ Варшавой. Ректоры окружныхъ школъ обязаны были заботиться о пріисканіи кандидатовъ на учительскія мѣста и о руководствѣ какъ ихъ, такъ и бывшихъ учителей въ подготовкѣ къ новому курсу и способу обученія.

За этими заботами послѣдовали заботы о приготовленіи учебниковъ, на основаніи предположенныхъ учебныхъ плановъ. Предстоялъ трудъ огромный. Сразу замѣнить въ цѣломъ преподаваніи и изученіи латинскій языкъ польскимъ, когда доселѣ не было даже польской грамматики, предупредить въ школахъ появленіе той варварской смѣси словъ польскихъ съ латинскими, которая въ то время господствовала во всѣхъ польскихъ канцеляріяхъ, составить польскую учебную терминологію и т. д., все это требовало соединенія многихъ и опытныхъ рукъ и работы продолжительной. Коммисія просвѣщенія воспользовалась совѣтомъ піариста Адольфа Каменскаго и учредила общество для изданія учебниковъ (*Towarzystwo elementarne*, иначе *Towarzystwo do ksiąg elementarnych*). Предсѣдателемъ этого общества назначенъ былъ Игнатій Потоцкій, секретаремъ Пирамовичъ. Главный контингентъ членовъ его давали піаристы,

---

[1]) Коммисія просвѣщенія удержала старыя названія среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Словомъ *школа* (schola) обозначался собственно классъ. *Школа*—училище съ однимъ классомъ (элементарное), а всякое учебное заведеніе, имѣющее болѣе одного класса, называлось *школами*; имѣющее не менѣе трехъ классовъ именовалось *школами высшими* (szkoły wyzsze).

изъ которыхъ особенно дѣятельными были: Поплавскій, Копчинскій, Клюкъ и др. Въ составѣ этого общества появился тогда еще молодой, прославившійся блестящими успѣхами своими въ наукахъ въ Римѣ, уроженецъ Волыни *Гуго Колонтай*, каноникъ краковскій; онъ сразу выдвинулся своими высокими дарованіями, необыкновенною энергіей и непоколебимою вѣрою въ возможность быстраго обновленія всего строя государственнаго посредствомъ реформы образованія. Впослѣдствіи это былъ одинъ изъ самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей Польши и противниковъ политики сосѣднихъ государствъ. Ему главнымъ образомъ принадлежитъ *„конституція 3-го мая"*. Когда Польша окончательно уже погибала, когда всѣ видные дѣятели ея или сложили оружіе для мирной жизни, или искали теплаго пріюта при новыхъ дворахъ, онъ одинъ оставался неукротимымъ съ своею вѣрою въ воскресеніе Польши, въ силу новой школы польской и свою вѣру завѣщалъ послѣдующимъ вождямъ ея [1]). Общество торжественно открыто было 7 марта 1776 года, въ присутствіи короля, многихъ магнатовъ и поборниковъ учебной реформы. Пирамовичъ произнесъ восторженную рѣчь: онъ говорилъ преимущественно на тему, что „вся надежда государства—Рѣчи Посполитой—въ направленіи воспитанія молодежи". На учебники и руководства онъ указывалъ въ этой рѣчи, какъ на главныя основы и орудія школы и къ дѣлу ихъ привязывалъ весь смыслъ и духъ реформы. Съ этихъ поръ *„Общество для изданія учебниковъ"* становится главнымъ дѣятелемъ по исполненію реформы. Коммисія просвѣщенія, члены которой мало знакомы были съ техникой школы, охотно уступила обществу всю учебную и воспитательную часть и скоро превратилась въ бюрократическое учрежденіе, которое такъ громилъ Снядецкій въ своихъ письмахъ къ Колонтаю [2]). Всѣ проекты, инструкціи, уставы и наставленія, приготовляемыя обществомъ, разсматривались въ коммисіи просвѣщенія и издаваемы были отъ ея имени.

Общество объявило на составленіе учебниковъ конкурсъ, а само преимущественно занялось разработкою уставовъ и подроб-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи изъ многочисленныхъ сочиненій его выдаются: *Listy do Stanisława Małachowskiego i Thadeusza Czackiego*, о предметахъ политики и образованія. Krakow 1842. 4 тома; *O stanie oświecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta* III. *Poznań 1841; Uwagi o Księstwie Warszawskiem. Warszawa 1808 r.*

[2]) Listy Jana Śniadeckiego, стр. 14—51.

ныхъ наставленій о преподаваніи и воспитаніи. Въ томъ-же 1776 году оно приготовило, а коммисія издала *Przepis dla rektorów, prefekta, dyrektorów, na szkoły wojewodskie i do szkół parafialnych* (*Наставленіе для ректоровъ, префекта, директоровъ для школъ воеводскихъ и приходскихъ*), опредѣляющій общія отношенія и задачи главныхъ органовъ воспитанія въ школахъ. Въ 1777 г. Чарторыйскій осмотрѣлъ всѣ школы на Украйнѣ и Подоліи. Въ слѣдующемъ году въ первый разъ осмотрѣны были всѣ школы визитаторами, назначенными коммисіей изъ среды членовъ общества для изданія учебниковъ [1]). Въ 1781 году коммисія просвѣщенія издала выработанный Пирамовичемъ *Projekt ustaw dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczy pospolitej* (*Проэктъ устава академій и другихъ школъ въ областяхъ Рѣчи Посполитой*) и предписала, чтобы съ началомъ учебнаго 178½ г. ученіе во всѣхъ школахъ открыто было по новымъ планамъ. Въ то-же время Колонтай командированъ былъ въ Краковъ для лучшаго руководства преобразованіемъ академіи. Въ 1782 года коммисія командировала четырехъ членовъ „Общества изданія учебниковъ", для осмотра всѣхъ учебныхъ заведеній и для соображеній на мѣстѣ, насколько въ каждомъ изъ нихъ примѣненъ учебный планъ и насколько этотъ планъ соотвѣтствуетъ своему назначенію на дѣлѣ. Визитаторы (между которыми былъ и Пирамовичъ, осматривавшій школы на Подлясьѣ и въ Бѣлоруссіи [2]), ректоръ виленской академіи *Почобутъ* (іезуитъ, извѣстный въ свое время астрономъ) и Колонтай, въ качествѣ ректора краковской академіи, составили, по порученію коммисіи просвѣщенія, особую коммисію подъ предсѣдательствомъ Игнатія Потоцкаго для разсмотрѣнія результатовъ этой ревизіи. „Въ теченіи шести недѣль, ежедневно по нѣсколько часовъ", по словамъ Пирамовича (въ рѣчи 7 мар. 1783 г.), эта коммисія въ полномъ засѣданіи разсматривала всѣ подробности ревизіи, исправила и пополнила первоначальный проэктъ устава, который, по разсмотрѣніи его въ полномъ засѣданіи коммисіи просвѣщенія, изданъ былъ въ 1783 году (*Ustawy kommissyi edukacyi narodowej dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczy pospolitej przepisane* (*Правила, предписанныя коммисіею народнаго образованія для академій*

---

[1]) Объ этихъ двухъ осмотрахъ упоминается въ рѣчи Пирамовича 7 мар. 1777 г.

[2]) Визитаторомъ школъ украинскихъ и волынскихъ былъ въ это время Кс. Головчицъ; о визитѣ его мы упомянули выше. Отчетъ Пирамовича доселѣ не отысканъ. Предполагается, что это долженъ быть одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ отчетовъ.

и всѣхъ школъ Рѣчи Посполитой). Такимъ образомъ, насколько быстро рѣшены были общія основанія реформы и направленіе образованія, настолько медленно и осторожно подвигалась разработка самой системы обученія, и окончательная регламентировка этой системы послѣдовала только послѣ тщательной повѣрки ея на самомъ дѣлѣ. Такъ заботились реформаторы о томъ, чтобы каждое правило и каждое явленіе въ школьной жизни вполнѣ проникнуты были направленіемъ и духомъ реформы.

Въ рѣчи своей 7 марта 1786 года, Пирамовичъ, коснувшись существовавшаго въ нѣкоторыхъ польскихъ кругахъ недовольства новымъ обученіемъ въ школахъ, говорилъ: „кто хочетъ судить о дѣйствіяхъ, намѣреніяхъ и духѣ коммисіи просвѣщенія, тотъ долженъ судить объ этомъ только послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и на основаніи утвержденныхъ ею положеній. За этотъ документъ мы отвѣчаемъ". Пирамовичъ выражаетъ увѣренность, что отечество наградитъ ихъ похвалою за принятую систему образованія. Дѣйствительно, поляки доселѣ съ гордостью указываютъ на этотъ уставъ и выражаютъ несомнѣнное убѣжденіе, что если бы три державы не вмѣшались во внутреннія дѣла Польши и не прекратили самого существованія ея, новая система образованія скоро и вѣрно обновила бы все государство и высоко поставила бы его въ Европѣ. Послѣдуемъ совѣту Пирамовича и разсмотримъ не только уставъ, но и всѣ дополненія къ нему.

Общею задачею образованія уставъ полагаетъ нравственное и физическое воспитаніе учащихся.

Академіи краковская и виленская именуются *главными школами* (Szkoła główna) и каждая заключаетъ въ себѣ четыре факультета: богословскій, философскій (съ математическими науками), медицинскій и юридическій. Всѣ дѣла главной школы рѣшаются въ совѣтѣ, состоящемъ подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ предсѣдателей коллегій, заслуженныхъ профессоровъ, ординарныхъ или дѣйствительныхъ (aktualnych) профессоровъ и „имѣющихъ степень профессора". Этому совѣту подчиняются и всѣ школы, находящіяся въ краѣ (въ Коровѣ—краковскому, въ Литвѣ—виленскому), для ревизіи которыхъ онъ избираетъ изъ среды своихъ членовъ *визитаторовъ*, на два года, наблюдая главнымъ образомъ за точнымъ исполненіемъ въ школахъ установленій коммисіи просвѣщенія и единствомъ духа и направленія ихъ. Для непосредственнаго наблюденія за преподаваніемъ въ главной школѣ и для рѣшенія вопросовъ, вызываемыхъ состояніемъ его

учреждены двѣ коллегіи—наукъ физическихъ (медицыны, естествознанія, математики) и моральныхъ (богословія, философіи, исторіи, литературы и права), изъ всѣхъ преподавателей соотвѣтственныхъ предметовъ. Коллегіи разсматриваютъ также ученыя сочиненія и присуждаютъ ученыя степени. Предсѣдатель коллегіи обязанъ посѣщать лекціи профессоровъ по предметамъ ея. Ректоръ главной школы избирается на четыре года—особымъ, оригинальнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ всѣхъ профессоровъ и изъ депутатовъ отъ студентовъ всѣхъ факультетовъ и даже отъ учениковъ (!) школы, состоявшей при главной школѣ. Ректору поэтому предоставлены и особыя полномочія: онъ былъ судьею всѣхъ профессоровъ, учителей и всѣхъ служащихъ въ округѣ главной школы; онъ имѣлъ право по своему усмотрѣнію устранить отъ должности каждаго профессора и учителя, лишить его жалованья, уволить учителя безъ права поступленія вновь на учительскую службу. Предсѣдатели коллегій избираемы были совѣтомъ также на четыре года. Профессорскій кругъ составляли: *заслуженные* профессоры, окончившіе срокъ на пенсію (за видный срокъ—всего шестнадцать лѣтъ службы!),—они пользовались отъ главной школы квартирою, получали двѣ трети послѣдняго своего содержанія, состояли непремѣнными членами совѣта и коллегій и могли, если бы пожелали, быть вновь назначены къ преподаванію; *ординарные* профессоры, ихъ *товарищи*, избираемые для помощи профессорамъ въ преподаваніи, и *вице-профессоры*, заступающіе въ необходимыхъ случаяхъ мѣсто профессоровъ. Всѣ профессоры избираются совѣтомъ по конкурсу. Кандидаты представляютъ сочиненія по предмету, на который объявленъ конкурсъ; мѣсто предоставляется тому, чье сочиненіе окажется лучшимъ. Ректоръ, предсѣдатели коллегій и профессоры утверждаются въ своихъ должностяхъ коммисіей просвѣщенія. Выборъ ректора коммисія могла кассировать по своему усмотрѣнію.

Главная школа должна была служить не только образовательнымъ центромъ своего округа, но и ученымъ учрежденіемъ, обязаннымъ распространять науки въ цѣломъ краѣ, поддерживать ихъ на высотѣ, которой онѣ достигли въ Европѣ, для чего издавать ученыя сочиненія, учреждать публичныя лекціи и публичныя ученыя засѣданія, производить ученыя изслѣдованія въ краѣ, сноситься съ заграничными академіями и т. п. Главная школа, говоритъ Пирамовичъ въ своей рѣчи 1783 года, будетъ

вмѣстѣ и ученою академіей, по подобію заграничныхъ, и прибавляетъ: „между заграничными и нашими академіями будетъ та разница, что наши будутъ служить исключительно пользѣ отечества".

Какимъ-же образовательнымъ и ученымъ интересамъ главнымъ образомъ должна служить главная школа? Что именно она должна поставить центромъ образованія и мѣрою учености? „Науку о природѣ", отвѣчаетъ Пирамовичъ въ той-же рѣчи, объясняя главную мысль организаціи главныхъ школъ. Онъ сильно нападаетъ на противниковъ этой науки и глубоко вѣритъ въ могущественную силу ея. „Естественная исторія, говоритъ онъ, одною рукою указываетъ намъ на Творца, возбуждая къ Нему почтеніе, удивленіе и благодарность, другою—на способы пользованія этими дарами для нуждъ, удобства и удовольствія разумнаго существа (jestestwa)... Если она еще многое не открыла въ природѣ, то это для того, чтобы поумѣрить (zatamować) слишкомъ смѣлые порывы человѣческаго ума къ постиженію высшихъ тайнъ, обнаружить слабость его и посредствомъ ограниченія излишняго любопытства побудить его употреблять свои силы и время на добываніе своего счастья изъ тѣхъ свѣдѣній, которыми она надѣлила его въ достаточной для этого мѣрѣ.... Наука о природѣ, которая, преимущественно предъ всѣми науками, въ самой высокой степени усовершенствовала открытія древняго и новаго міра, освобожденная отъ заблужденій, такъ долго связывавшихъ искренность ея, эта наука, заключающая въ себѣ *физику*, *химію*, *естественную исторію* и *математику*, станетъ давать изъ своего лона неизмѣримыя богатства на пользу цѣлаго края и каждаго человѣка. *Наука права*, въ неразлучномъ товариществѣ съ политикой и общественной экономіей, озаренная свѣтомъ здраваго разсудка и предводительствуемая наукою о *правѣ натуры* и нравственности (obyczajów), стряхнетъ съ себя ту мерзость, которую набросили на нее дикія понятія и обычаи грубыхъ вѣковъ, а также невѣжественные, прямо противные естестественной правдѣ пріемы, существующіе подъ именемъ права (prawności). Въ изученіи божественныхъ таинъ и откровеній (въ природѣ), при руководствѣ основаній вѣры, безбожіе будетъ посрамлено, побѣждено и потеряетъ силу сбивать философію съ истиннаго пути. Религія, поставленная въ своемъ дѣйствительномъ (!) видѣ, освѣщая умъ высшимъ свѣтомъ, даетъ сердцу самыя сильныя побужденія къ добродѣтели,—скрѣпляя узы общественности, удерживаетъ людей въ предѣлахъ обязан-

ностей ихъ,—дѣлая ихъ вѣрными своему долгу, приводитъ къ неизмѣнному счастью. Эти виды, прибавляетъ ораторъ, управляли всѣми нашими усиліями, при разсужденіи о томъ предметѣ, о которомъ мы сказали" *(объ организаціи учебной части въ главной школѣ)*.

Польскіе школьные реформаторы черпали такимъ образомъ свои идеи изъ первыхъ источниковъ. Не естественныя науки, которыя въ то время отнюдь не предъявляли подобныхъ претензій, а философскія мечтанія, сулившія свѣту новую породу людей, скорое обновленіе всего міра, управляли воззрѣніями ихъ. Дѣлаемъ польскимъ реформаторамъ честь и соглашаемся, что они не были слѣпыми подражателями Базедова, воспитательная система котораго быстро распространялась тогда въ Германіи и обѣщала сдѣлать людей добродѣтельными и мудрыми безъ всякаго труда и напряженія, полагаясь единственно на природу. Нѣтъ, они *самостоятельно* опирались на Руссо. Аббатъ Кондильякъ пособилъ польскимъ аббатамъ-реферматорамъ выдти съ этою основою на гладкую дорогу. „Духъ человѣческій есть продуктъ природы; въ природѣ присутствуетъ и дѣйствуетъ Богъ". Этими двумя основными положеніями философіи Кондильяка польскіе реформаторы вполнѣ достигали своихъ цѣлей: удовлетворяли старое, ревнивое чувство вѣры, которое іезуиты въ Польшѣ только разжигали и фонатизировали, а не просвѣщали и укрѣпляли, и тѣмъ успѣшнѣе прививали на польской почвѣ идею естественнаго развитія, какъ лучшаго средства скоро получить новыхъ людей и обновить государство. Оставалось только обратить всѣ усилія на *направленіе* образованія и воспитанія.

Мы именно сомнѣваемся, чтобы польскіе роформаторы, сосредоточивая университетскую науку на физическихъ предметахъ и на естественной нравственности, имѣли въ виду прямую ученую разработку этихъ предметовъ и приложеніе ея къ тѣмъ „дарамъ природы, которыми Творецъ надѣлилъ Польшу", какъ выражается Пирамовичъ въ той-же рѣчи. Безъ сомнѣнія отдѣльныя личности, подобно Снядецкому, Сташицу и др., понимали значеніе этихъ наукъ въ прямомъ смыслѣ. Быть можетъ даже цѣлый составъ профессоровъ краковской главной школы глядѣлъ на эти науки глазами Снядецкаго, ненавидѣвшаго Канта за его „критику чистаго разума". Но тотъ-же Снядецкій, въ своихъ письмахъ, о которыхъ мы уже не разъ упоминали, впадаетъ въ сильное раздраженіе при одномъ воспоминаніи о коммисіи просвѣщенія, за

ея нерадѣніе и небрежность въ отношеніи къ научнымъ потребностямъ краковской главной школы, особенно по предметамъ естественныхъ наукъ, за преслѣдованіе профессоровъ, преданныхъ своему дѣлу, за измѣну ея ею-же изданнымъ уставамъ, за назначеніе лицъ, негодныхъ къ дѣлу, за тормозъ всѣхъ дѣлъ, за то, что коммисія просвѣщенія совсѣмъ иного ожидала отъ главной школы, а не спокойнаго служенія наукѣ. Не можемъ не привести нѣсколько выписокъ изъ этихъ писемъ. По поводу протеста отъ имени всѣхъ профессоровъ краковской главной школы противъ дѣйствій коммисіи просвѣщенія, въ 1788 г., Снядецкій пишетъ: „мы всѣ, исполняя свои обязанности, спокойно ожидаемъ рѣшенія, отъ котораго для многихъ изъ насъ будетъ зависѣть, продолжать-ли службу или бросить ее. Таково уже несчастное назначеніе въ Польшѣ академіи, что самыя старательныя заботы ея не могутъ доставить корпораціи ея ни вниманія, ни довѣрія; заботятся гораздо болѣе о преслѣдованіи честныхъ тружениковъ, чѣмъ о поддержкѣ и поощреніи ихъ" (стр. 8). Упоминая объ увольненіи коммисіей безъ всякой причины профессора Богдановича и о назначеніи ею, по собственному усмотрѣнію, на должность предсѣдателя физической коллегіи никуда негоднаго Тщцинскаго, чѣмъ оскорблены были всѣ профессоры, онъ въ отчаяніи восклицаетъ: „далъ бы Богъ, чтобы Рѣчь Посполитая дала другое какое-либо назначеніе учебнымъ суммамъ, когда ихъ употребляютъ на униженіе труда и заслуги и на прямой ущербъ наукѣ и краю" (стр. 11). „Ты самъ, пишетъ онъ Колонтаю, найлучше знаешь, что коммисія просвѣщенія то какъ-будто спитъ, то работаетъ, но всегда извращая то, что установила, и не держась настоящей и твердой системы въ своихъ работахъ. Уже три года мы испытываемъ на себѣ крайнюю нерегулярность ея; касса ея не только нерегулярно отпускаетъ жалованье, но даже не удостоиваетъ отвѣтомъ; не знаю, что дальше будетъ. Нужно установить законы, чтобы сдѣлать коммисію болѣе дѣятельною, но не такъ смущающею людей своими противурѣчіями и постояннымъ нарушеніемъ своихъ уставовъ, какъ то было доселѣ [1]). Неустойчивость въ законахъ, доселѣ бывшая заразою и даже характеромъ польскаго правительства, никогда не привяжетъ талантливыхъ людей къ дѣлу обра-

[1]) Выше мы уже упоминали, что на гродненскомъ сеймѣ Снядецкій добился утвержденія устава для самой коммисіи, имъ составленнаго.

зованія. Эта неустойчивость извратила все, что было въ нашей академіи хорошо устроено, и такъ глубоко, что если не наступитъ еще одна прочная реформа, именно относительно трехъ сотъ тысячъ (положенныхъ на содержаніе ея), расходуемыхъ ежегодно, то можно сказать, что большая половина этой суммы погибла и обращена во вредъ наукамъ и образованію" (стр. 17). Часто упоминая о своихъ долгихъ и тщетныхъ просьбахъ и стараніяхъ исходатайствовать необходимую сумму на пріобрѣтеніе математическихъ инструментовъ, „совершенно необходимыхъ для лекцій", Снядецкій восклицаетъ: „измучила меня эта медленность и это недовѣріе" (стр. 34). То-же самое было, по его словамъ, съ другими снарядами, о которыхъ ходатайствовала главная школа. Инструментовъ и пособій по другимъ предметамъ, о которыхъ ходатайствовалъ совѣтъ, коммисія не пріобрѣла; ботаническій садъ оставался въ запущеніи; клиника отдана была по распоряженію коммисіи въ синекуру любимцу нѣкоторыхъ членовъ ея, какому-то ксендзу Мирошевскому, который поселился въ ней съ комфортомъ и, „ничего не дѣлая и не умѣя дѣлать", широко тратилъ средства ея на содержаніе себя, цѣлаго штата прислуги при себѣ, своихъ собакъ, лошадей, чѣмъ глубоко возмущены были всѣ профессоры (стр. 39—44). Снядецкій завѣряетъ, что „въ цѣломъ краѣ установилось мнѣніе, что коммисія ни о чемъ не заботится по нерадѣнію" (przez leniwstwo). Члены коммисіи позволяли себѣ писать ректору главной школы оскорбительныя письма; профессоры назначаемы были не по выбору, а по протекціи лицъ, служащихъ въ коммисіи; такъ-же точно производилась раздача окладовъ, прибавокъ и т. п. „Профессоры были того мнѣнія, что коммисія поступаетъ съ академіей, какъ со стадомъ скота" (стр. 49). Протесты совѣта и ходатайства оставались безъ вниманія. Ко времени втораго раздѣла Польши цѣлый совѣтъ рѣшился занести въ сеймъ жалобу на дѣйствія коммисіи (что Снядецкій и сдѣлалъ на гродненскомъ сеймѣ).

Мы увѣрены, что между коммисіей и главною школою существовало только простое недоразумѣніе: послѣдняя хлопотала исключительно въ интересѣ науки, тогда какъ коммисія заботилась главнымъ образомъ о направленіи и духѣ, во имя котораго предпринята была реформа. Не академіи съ ихъ наукою, но среднія и низшія школы, выпускающія главный контингентъ молодыхъ силъ для края, были главнымъ предметомъ заботъ коммисіи. Къ нимъ мы и перейдемъ.

Мы сказали, что школы раздѣлены были на окружныя и подокружныя. Это раздѣленіе основывалось преимущественно на недостаткѣ учителей. Въ окружныхъ школахъ было положено шесть классовъ, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ, исключая пятаго класса, курсъ котораго былъ двухгодичный. Въ подокружныхъ школахъ полагалось три класса, каждый съ двухгодичнымъ курсомъ, и предметы преподаванія положены были въ нихъ тѣ-же самые и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ школахъ окружныхъ. Въ окружныхъ школахъ штатъ былъ слѣдующій: ректоръ, префектъ, шесть учителей, проповѣдникъ и два учителя иностранныхъ языковъ; въ подокружныхъ: проректоръ, три учителя, проповѣдникъ и учители иностранныхъ языковъ. Въ окружной школѣ въ первомъ и второмъ классѣ, а въ подокружной въ первомъ классѣ учители были классные, въ прочихъ классахъ предметные.

Въ *уставѣ* намѣчены были лишь самыя общія опредѣленія каждаго курса. Въ дополненіе къ уставу коммисія издала наставленія (Przepisy) для учителей съ болѣе подробнымъ изложеніемъ предметовъ преподаванія, но преимущественно со стороны воспитательной. Учебники издавались медленно. Поэтому, какъ подтверждаютъ и школьные рапорты, составъ программъ на дѣлѣ далеко не всюду былъ одинаковъ. Представимъ основныя начала ихъ.

Въ *первомъ классѣ* положено было проходить: грамматику (склоненія и спряженія), ариѳметику (до дробей), нравственность (обязанности дѣтей въ отношеніи къ родителямъ, учителямъ и товарищамъ), начатки географіи и естественной исторіи. Всякія письменныя упражненія, кромѣ чистописанія, запрещены были для этого класса. Упражненія изустныя требовалось преимущественно сосредоточивать на выговорѣ, который долженъ быть „громкимъ, ровнымъ, выразительнымъ и приличнымъ (przyzwoity).

Во *второмъ классѣ*—продолженіе тѣхъ-же наукъ: грамматика съ общими правилами синтаксиса, ариѳметика до тройнаго правила, по естественной исторіи оканчивается ботаника, по нравственности объ отношеніи слугъ къ панамъ своимъ и обратно, о добрыхъ и дурныхъ поступкахъ [1]); по географіи не указанъ предѣлъ для этого класса.

---

[1]) Учебникъ нравственности для этихъ двухъ классовъ составленъ и изданъ прежде всѣхъ другихъ—тѣмъ-же піаромъ Ант. Поплавскимъ, проектъ котораго о реформѣ школъ имѣлъ найбольшій успѣхъ. Это была книжечка въ 92 стр., изданная въ

То-же самое положено было пройти въ первомъ классѣ подокружныхъ школъ.

Далѣе учители раздѣлялись по предметамъ, точнѣе—по группамъ предметовъ, которые они преподавали.

Учитель краснорѣчія (wymowy) въ III, IV и V классахъ продолжалъ съ учениками *грамматику* и занималъ ихъ переводами латинскихъ авторовъ; въ VI классѣ преподавалъ *краснорѣчіе* и *поэзію*. Учебникомъ по грамматикѣ служила: *Grammatyka dla szkół narodowych przez X. Onufrego Kopczyńskiego, zawierająca prawidła języka polskiego i łacińskiego.* (*Грамматика для народныхъ школъ кс. Онуфрія Копчинскаго, содержащая правила польскаго и латинскаго языка*). Въ первый разъ она напечатана была въ 1778 г. и тотъ часъ предписана къ употребленію въ школахъ. Это была не только первая грамматика польскаго языка, но и первая проба присвоенія польскому языку того мѣста, которое занималъ доселѣ въ польскихъ школахъ языкъ латинскій. Въ отношеніи къ общему духу и характеру новой учебной системы, это была попытка не только отнять у латинской грамматики значеніе дрессировки мысли, пріученія къ труду, и низвести латинскій языкъ въ разрядъ другихъ, живыхъ языковъ, изучаемыхъ для обыкновенныхъ практическихъ потребностей, но и отнять это значеніе у грамматики вообще, направивъ ее преимущественно на матеріальную, а не формальную сторону языка. По словамъ Копчинскаго, грамматика его имѣетъ основою общую грамматику, или природу (natura) языка, а „природный и единственный способъ изученія всякаго языка есть слушаніе, чтеніе и повтореніе его". На этомъ основаніи онъ помѣстилъ въ своей грамматикѣ только тѣ правила, которыя свойственны каждому языку. Конечно, что такимъ образомъ первая польская учебная грамматика вышла крайне скуднымъ и поверхностнымъ руководствомъ къ изученію этого языка, лишивъ его оригинальности и самобытности. Но что должно было въ такой грамматикѣ остаться отъ латинскаго языка, въ особенности послѣ знаменитаго Альвара [1]), на которомъ глав-

---

первый разъ въ 1776 году подъ заглавіемъ: *Nauka moralna dla szkół narodowych na klassę I i II.* Всѣ статьи имѣютъ характеръ простыхъ наставленій. Все основывается на *правѣ натуры*, которая производитъ и потребности, и соотвѣтственныя имъ обязанности. Наставленія ученикамъ занимаютъ 24 стр., въ остальной части изложены наставленія учителямъ о преподаваніи этой науки.

[1]) *Emmanuelis Alvari e societate Jesu de institutione Grammatika, libri tres.* Изданій этой грамматики было много десятковъ.

нымъ образомъ покоилось зданіе іезуитскаго школьнаго образованія! Учители, воспитанники прежнихъ школъ, засыпали коммиссію просвѣщенія возраженіями противъ этой грамматики. Копчинскій писалъ опроверженія, объясненія [1]), въ концѣ которыхъ въ сущности выходило, что этихъ недоумѣній и возраженій не было бы, если бы учители знакомы были съ новою философіей и съ логикою Кондильяка! Изученіе польскаго языка въ грамматикѣ Копчинскаго идетъ сравнительно съ латинскимъ и первый служитъ цѣлію, второй пособіемъ. Такимъ образомъ латинскій языкъ не составлялъ отдѣльнаго предмета изученія. Въ наставленіяхъ (przepisy) учителямъ коммисія предписывала кромѣ того въ преподаваніи грамматики „первѣе всего заботиться объ отечественномъ языкѣ, а потомъ о латинскомъ" и наблюдать, чтобы дѣти на лекціяхъ говорили „чистымъ польскимъ языкомъ". „Отселѣ, прибавляетъ наставленіе, ученики въ школахъ будутъ говорить попольски" (а не полатыни, какъ было дотолѣ). Не меньшій, но умный и благодѣтельный переворотъ произведенъ и въ наукѣ краснорѣчія. Наставленіе учителямъ выясняетъ различіе между красторѣчіемъ и риторикой и доказываетъ, что риторика можетъ пособить, но не сдѣлаетъ краснорѣчивымъ. „Краснорѣчіе не должно быть краснословіемъ (krasomówstwo). Нужно хорошо изучить движенія, управляющія человѣческимъ сердцемъ, которое нужно возбуждать, склонять, побѣждать". Наставленія особенно предостерегаютъ учителей отъ упражненія учениковъ въ диспутахъ, опугнахъ, доказательствахъ и опроверженіяхъ, данныхъ положеній и т. п. іезуитскихъ школьныхъ пріемовъ краснорѣчія. Къ сожалѣнію учебникъ въ этомъ новомъ духѣ вышелъ только въ 1792 г. [2]), когда въ цѣломъ краѣ уже окончательно рушился всякій порядокъ. Учителямъ все время предоставлено было въ этой наукѣ руководствоваться частными наставленіями Квинтилліана и Лонгина и образцами изъ Цицерона, Тита Ливія,

---

[2]) Эти объясненія Копчинскаго напечатаны у Лукашевича т. II, стр. 456—464 въ примѣчаніи.

[1]) Это было сочиненіе самого Пирамовича: Wymowa i poezyia dla szkół narodowych pierwszy raz wydana. W Krakowie 1792 г. 403 стр. Разсылая его по школамъ, коммисія просвѣщенія отзывалась о немъ, какъ о „прекрасно составленномъ и во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчающемъ своему назначенію". Учебникъ Пирамовича пользуется въ польской учебной литературѣ большою славою и, вмѣстѣ съ Грамматикой Копчинскаго, принятъ былъ въ школахъ Варшавскаго Герцогства и Царства Польскаго.

Тацита, Фенелона и Роллена, а также—что было тоже новостью—изъ „отечественныхъ ораторовъ". Для поэзіи также не было учебника до 1792 года. Наставленія учителямъ требовали составлять (zbierać) свои руководства „по Аристотелю, Горацію, Виду, Боало, Дюбоа, Риппеню и Фенелону". Требовалось сообщать ученикамъ только общія свѣдѣнія о стихосложеніи и не терять времени на занятія частными стихотворными формами, которыя въ іезуитскихъ школахъ составляли главную статью поэтическихъ упражненій. Требовалось дать понятіе прежде о польскомъ стихосложеніи, потомъ о латинскомъ и при разборѣ образцовъ указывать „сходство между Виргиліемъ и Тассомъ, между Гораціемъ и Кохановскимъ и т. д.". Письменныя упражненія, задаваемыя на домъ (zabawy domowe), должны были состоять въ составленіи разсказовъ и писемъ различнаго рода. Предписывалось также заохочивать учениковъ составлять стихи, но не принуждать ихъ къ тому.

Учитель нравственности и права преподавалъ: *нравственность* (nauka obyczajòw), *право натуры*, *право политическое*, *экономію*, *исторію* и *географію*. Всѣ эти науки вмѣстѣ, по мысли коммисіи просвѣщенія, должны были имѣть одну основу—природу человѣка, одинъ общій предметъ—справедливость и одну цѣль—усвоить ученику основаніе и духъ естественной правды въ личныхъ поступкахъ, въ общественномъ устройствѣ, въ политикѣ и въ исторіи. Впереди очевидно должна была идти наука о естественномъ правѣ (prawo natury). До конца этого періода коммисія не издала учебника по этому предмету, если не считать: *Nauka prawa przyrodzonego, politycznego, ekonomiki politycznej i prawa narodów* (*Наука о правѣ естественномъ и политическомъ, политическая экономія и право международное*), изданной въ 1785 году въ Вильнѣ профессоромъ главной школы Стройновскимъ и назначенной для студентовъ, а не для учениковъ. По отрывочнымъ опредѣленіямъ этой науки въ уставѣ и въ наставленіяхъ учителямъ трудно составить себѣ понятіе о полной системѣ этой науки въ школахъ. Въ школьныхъ рапортахъ (отчетахъ) о ходѣ преподаванія говорится объ этой наукѣ вскользь, или туманно и неопредѣленно, въ формѣ разсужденія о пользѣ и значеніи этой науки, того или другого предмета въ ней и т. п., такъ что нѣтъ возможности составить себѣ программу занятій и бесѣдъ учителя съ учениками. Въ рапортѣ петроковскихъ школъ, считавшихся между лучшими піарскими школами, за 1784 г., говорится объ этой нау-

кѣ нѣсколько опредѣленнѣе, чѣмъ въ другихъ, просмотрѣнныхъ нами: „естественнымъ правомъ называется все то, что предписываетъ человѣку внутренній инстинктъ и здравый умъ, указывая ему, что для него полезно, что вредно, дабы, повинуясь этимъ указаніямъ, онъ могъ сдѣлать себя счастливымъ. Естественное право получило свое начало отъ вѣчнаго права—самой премудрости Божіей. Изъ разсматриванія состава человѣка и душевной дѣятельности его ясно видно, что онъ имѣетъ въ себѣ все то, что нужно для познанія естественныхъ правъ и для пользованія ими". Эти права и правила пользованія ими даны человѣку самимъ Богомъ. Эти права и правила, „это Божіе распоряженіе въ себѣ человѣкъ познаетъ посредствомъ внутренняго вдохновенія (natchnienia) и таинственнаго побужденія своей воли къ добру". Это опредѣленіе въ устахъ учителя—монаха естественно вызывало сомнѣніе въ необходимости искупленія человѣчества отъ первороднаго грѣха и самой откровенной религіи. О первомъ учитель умалчиваетъ (естественное право не признавало его), о второй онъ замѣчаетъ: „поелику природный умъ самъ собою не могъ установить приличныхъ *обрядовъ богослуженія*, то отсюда слѣдуетъ, что естественная религія сама по себѣ недостаточна и нужна религія откровенная". Просто и ясно! Широкое поле для мечтаній учителя, широкая дорога для „природныхъ" потребностей и симпатій ученика! На этомъ-то основаніи долженствовала быть построена и наука *о нравственности*. Кромѣ учебника для перваго и втораго классовъ, тотъ-же Поплавскій издалъ, уже въ 1787 году, учебникъ для третьяго класса: *Moralna nauka dla szkół narodowych na trzecią klassę pierwczy raz wydana. W Krakowie 1787 r.* Она содержитъ въ себѣ трактатъ о личныхъ поступкахъ каждаго человѣка, или объ общихъ отношеніяхъ къ товарищамъ (добродѣтели и пороки). Для дальнѣйшихъ классовъ вовсе не было руководства [1]). По рапортамъ нужно полагать, что болѣе или менѣе общими предметами въ дальнѣйшихъ занятіяхъ этою наукою служили обязанности каждаго человѣка въ отношеніи къ самому себѣ и къ другимъ людямъ; о собственности, ея происхожденіи, разныхъ способахъ пріобрѣтенія, о духовномъ завѣщаніи, о просрочкахъ

[1]) Піаристы напечатали въ 1788 году для своихъ школъ французскій текстъ съ польскимъ сочиненія: *La veritable politique de Qualité.* Varsovie. 1788. Эта книжка не была распространена въ другихъ училищахъ.

и т. п.; объ общественности и обязанностяхъ въ отношеніи къ ней. Къ этому прибавляли иные о христіанскихъ добродѣтеляхъ въ отношеніи къ самому себѣ, ближнимъ и къ Богу. Объясненія сопровождались переводами изъ латинскихъ авторовъ о разныхъ добродѣтеляхъ, причемъ, конечно, въ большей части школъ эти переводы служили альфою и омегою нравственныхъ наставленій. Преимущественно переводили изъ Цицерона: *de officiis*, *de prudentia*, *de justicia*, *de fortitudine*, а также нравственные отрывки изъ Овидія и Виргилія. Если принять во вниманіе, что латинскій языкъ вообще поставленъ былъ въ школахъ своею матеріальною, а не формальною стороною, то приходится удивляться, какимъ образомъ реформаторы разсчитывали создать изъ учениковъ „новую породу людей“ по нравственнымъ наставленіямъ Цицерона, Овидія, Виргилія. Въ высшемъ классѣ наука нравственности сливалась съ наукою *права политическаго и экономіей*. Уставъ ограничивается только слѣдующимъ замѣчаніемъ о преподаваніи этого предмета. „Въ наукѣ права нужно быть какъ можно осмотрительнѣе, дабы всѣ начала его основаны были на правѣ естественномъ и строжайшей справедливости и дабы молодые умы подготовлены были къ пониманію *недостатковъ въ законахъ каждой страны и способовъ усовершенствованія законодательствъ* (przygotowywać umysty młodzi do postrżegania w szczególnyh ustawach każdego kraju ich niedostatki i upatrywania sposobów wydoskonalenia prawodawstwa (!). Наставленія учителю ограничиваются изложеніемъ значенія этой науки и направленія въ преподаваніи ея. Онѣ придаютъ главную силу общимъ разсужденіямъ о достоинствѣ такой или иной политики, доказательствамъ, что „всѣ почти неурядицы, заблужденія, анархія происходятъ отъ *незнанія* своихъ правъ и обязанностей“, что „ничего нѣтъ проще и легче политики правды“ и т. п. Учитель обязывается всячески и ежеминутно оберегать эту *политику правды*, основанную на правѣ естественномъ, подвергая съ учениками критикѣ всѣ политическія событія въ краѣ. „Такъ, поясняетъ наставленіе. когда появится новое постановленіе, учитель будетъ разбирать его на основаніи правилъ (политики правды); когда онъ услышитъ о какой-либо несправедливости, покажетъ, откуда она произошла и какъ вредна для всѣхъ; когда случится говорить о какомъ-либо правительствѣ, долженъ показать, въ чемъ оно не согласуется съ счастьемъ народа“ и т. п. Изъ этихъ наставленій можно видѣть, что главными пунктами ея были: понятіе объ управленіи

въ государствѣ, назначеніе правительства, обязанности его (на основаніи естественнаго права)—обезпеченность собственности и правъ каждаго гражданина, счастье всѣхъ и каждаго, обязанности гражданъ—исполненіе законовъ (praw), уплата податей и т. п. Усердіе, способности и благоразуміе учителя должны были составить по этимъ указаніямъ планъ цѣлой науки. Въ лучшихъ школахъ показывается пособіемъ для учителя по этому предмету: *Essais sur divers sujets interresants de politique*—Ваттера. Въ нѣкоторыхъ школахъ находимъ, вслѣдъ за трактатами о взаимныхъ обязанностяхъ правительства и гражданъ, трактатъ о политикѣ международной, который состоялъ изъ чтенія и разбора договоровъ, начиная съ вестфальскаго и оканчивая версальскимъ (или и далѣе). Затѣмъ знакомили учениковъ съ организаціей Рѣчи Посполитой польской (король, сенатъ, шляхта, сеймы, финансы, войско и т. п.), по книгѣ піариста Скшетульскаго: *O samowładności rządu w narodzie polskim* (1785 г.).—Наука *экономіи* должна была познакомить учениковъ съ обязанностями человѣка въ отношеніи къ дому и хозяйству (powinnosci człowieka w rządzie domowym, gospodarskim). Въ наставленіи учителю эта наука представляется благодѣтельною для края, въ которомъ хозяйство находилось въ первобытномъ состояніи, шляхта тратила свои средства на разгульную жизнь, ремесла и производства были въ младенчествѣ отъ пренебреженія къ нимъ въ шляхетскомъ сословіи. Но учителю не дана даже общая программа этой науки и только внушалось „тѣмъ временемъ собирать, что найдетъ лучшаго по этому предмету для нашего края", да рекомендовалось водить учениковъ къ ремесленникамъ для ознакомленія ихъ съ разными орудіями, ихъ назначеніемъ, способомъ производства и т. п.,—въ лавки, гдѣ продается одежа, разная посуда, мебель и т. п.,—на базары для ознакомленія съ цѣнами на зерновый хлѣбъ, причинами повышенія и паденія цѣнъ на него и т. п. Преподаваніе исторіи и соединенной съ него географіи требовалось соединять съ чтеніемъ источниковъ. Всеобщая исторія оканчивалась паденіемъ западной римской имперіи. Польская исторія преподаваема была по книгамъ: *Widok królestwa polskiego*—Бѣлинскаго, а потомъ по *Historya xiążąt i królów polskich*—Ваги. Лучшіе учители у піаровъ сначала читали съ учениками лѣтопись Кромера, потомъ *Historya narodu polskiego*—Нарушевича (начинается введеніемъ христіанства въ Польшѣ, оканчивается домомъ піастовъ) и затѣмъ переходили къ учебнику ксендза

Ваги.—Главною цѣлью исторіи наставленія (przepisy) полагаютъ „обученіе добродѣтелямъ и нравственности".

Учитель физики также соединялъ въ своихъ рукахъ нѣсколько наукъ, каковы: *огородничество*, *земледѣліе*, наука *о сохраненіи здоровья*, *естественная исторія*, *физика*, *химія* и наконецъ *исторія искусствъ и ремеслъ*, особенно о строительномъ искусствѣ. Эти науки шли въ такомъ порядкѣ: въ III классѣ преподавалось *огородничество*, при чемъ читаемы и переводимы были отрывки о томъ-же предметѣ изъ латинскихъ авторовъ. Въ IV классѣ проходили *земледѣліе* съ такими-же статьями изъ латинскихъ авторовъ. Обѣ эти науки должны были служить „введеніемъ въ физику". Въ V классѣ (двухгодичномъ) положена была: *физика*, *минералогія*, *ботаника* и наука *о сохраненіи здоровья*. Первая, вторая и четвертая также сопровождались чтеніемъ латинскихъ авторовъ. Требовалось также ознакомить учениковъ съ зоологіей, но только желающихъ. Въ VI классѣ оканчивалась *физика* и проходилась химія и *исторія искусствъ и ремеслъ*. Послѣдняя требовала отъ учениковъ письменныхъ упражненій (разсказовъ, писемъ и даже разсужденій) „о болѣе любопытныхъ предметахъ". При совершенномъ недостаткѣ учебниковъ и программъ (кромѣ зоологіи, изд. въ 1789 г., ботаники, изд. въ 1785 г. и физики, о которыхъ см. у Лукашевича т. II, стр. 454 и 455), уставъ не преминулъ указать и для этихъ предметовъ статьи (wypisy) изъ римскихъ авторовъ, которыя учители съ учениками должны были переводить на лекціяхъ, въ особенности изъ Плинія. Изъ искусствъ преимущественное вниманіе обращалось на постройки и подъ громкимъ именемъ архитектуры сообщались свѣдѣнія объ общихъ требованіяхъ постройки жилищъ, сараевъ и т. п. Относительно ремеслъ, учитель долженъ былъ прибѣгать къ тому-же способу обученія, какой рекомендованъ учителю права по части экономіи, именно—посѣщенію съ учениками мастерскихъ, базаровъ и т. п. Что касается физики, то наставленіе учителю, въ ожиданіи выхода задуманнаго коммисіей учебника (Губе, директоръ варшавскаго кадетскаго корпуса вызвался составитъ ее, но медлилъ и едва издалъ первую часть ея въ 1792 году), даетъ такой совѣтъ: „чтобы восполнить недостатокъ содержанія физики (brak w materyach fizycznych), учитель поставитъ для себя правиломъ—сообщать ученикамъ то, что наиболѣе полезнаго открыли въ природѣ *великіе философы* (wielcy filozofowie)"(!), и какъ во всѣхъ наукахъ естественныхъ, такъ въ частности и въ

физикѣ совѣтуетъ учителю не входить въ то, что мало извѣстно ему и останавливаться только на свѣдѣніяхъ ему извѣстныхъ, обращая вниманіе учениковъ на практическую пользу этихъ свѣдѣній и „тѣмъ самимъ дѣлая эту науку полезною"

Учитель математики преподавалъ: въ III и IV кл. *геометрію*, въ IV и V *алгебру*, въ VI *тригонометрію* и *логику*. Преподаваніе геометріи требовалось примѣнять къ практическимъ цѣлямъ, для чего ходить съ учениками за городъ для измѣреній. Въ преподаваніи логики, по мнѣнію наставленія учителямъ, „немного потребуется времени на изложеніе основныхъ правилъ, но приложеніе этихъ правилъ должно быть постоянное, въ каждомъ практическомъ случаѣ". Направленіе этой науки достаточно опредѣляется руководствомъ, которое рекомендуетъ для нея уставъ,—логикой Кондильяка, хотя она не была переведена на польскій языкъ до 1802 года. Учители пользовались ею преимущественно въ обработкѣ, сдѣланной піаристомъ Казиміромъ Нарбутомъ и напечатанной въ первый разъ въ 1766 г. (*Loika*—Kaz. Narbuta).

Языки французскій и нѣмецкій были обязательными. Греческій языкъ конечно не былъ положенъ ни обязательнымъ, ни необязательнымъ.

Наконецъ *религія*, которой долженъ былъ обучать *проповѣдникъ* (kaznodzieja). Соотвѣтственно новымъ идеямъ, она перемѣщалась съ классной каѳедры на церковную. То, что приписывалось въ то время праву натуры, конечно дѣлало излишнимъ обученіе религіи откровенной, потому-что нельзя-же было вводить ее въ кругъ учебныхъ предметовъ ради однихъ обрядовъ, для которыхъ она появилась, по словамъ петроковскаго учителя-піариста, выражавшаго общее убѣжденіе реформаторовъ. Только признаніе первороднаго грѣха и догмата объ искупленіи ведетъ за собою цѣлую систему истинъ, не похожихъ на естественныя свѣдѣнія и требующихъ изученія. Одна религіозная мораль, на которую сведено было тогда христіанство (сколько и теперь къ тому попытокъ подъ видомъ благочестія и добродѣтели!), достаточно могла быть внушена богослуженіемъ и проповѣдію.—Въ польскихъ школахъ разсматриваемаго времени классное обученіе религіи полагалось только для I и II классовъ. Оно производилось въ праздничные и воскресные дни предъ литургіей по получасу и ограничивалось обученіемъ: символу вѣры, молитвѣ Господней, ангельскому поздравленію Богоматери, десяти заповѣдямъ, заповѣдямъ церковнымъ и таинствамъ. Послѣ обѣда въ тѣ-же дни ученики

слушали чтеніе изъ священной исторіи. Вотъ и все обученіе! За то всѣ ученики должны были ежедневно въ 7 часовъ утра собираться въ костелъ на литургію и каждый мѣсяцъ исповѣдываться!

Вотъ курсъ, которому предназначено было обновить молодыя поколѣнія Польши и возродить польское государство къ новой жизни. Это курсъ, выражаясь языкомъ нашего времени, реальный. Существенное отличіе его отъ современнаго намъ реализма заключается въ господствѣ идеи надъ фактомъ, отвлеченной теоріи надъ явленіемъ. Въ основѣ этой системы лежитъ, проходя по всему строю ея, не индукція—основное орудіе естественныхъ наукъ, но тотъ-же старый, такъ злоупотребляемый іезуитами силлогимъ, дедукція. Это система идей о природѣ, полученныхъ путемъ умозрѣнія и имѣющихъ слишкомъ отдаленныя и поверхностныя отношенія къ дѣйствительной природѣ Сенсулизмъ на христіанской почвѣ превратился въ натурализмъ, вселившій Бога въ природу и покланявшійся ей,—поэтическій, мечтательный, обнаружившій много прекрасныхъ, благородныхъ порывовъ, но еще больше горькихъ заблужденій (мистическія секты). Живая, пылкая натура поляковъ, съ своею традиціонною порывистою преданностью религіи, въ виду своеволія шляхты, составлявшей главную опору общественной и государственной жизни, въ виду извращенія религіи іезуитами, обратившими ее въ роскошную декорацію и подавшими руку шляхетской распущенности, эта натура, чувствуя, какъ шатается и быстро уходитъ подъ ногами ея традиціонная почва, легко увлеклась ученіемъ, которое было въ то время едва ли не самымъ искреннимъ и чистымъ въ своихъ стремленіяхъ и задачахъ и обѣщало сохранить самое дорогое достояніе ея—государство и религію [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что реформаторы польской школы, рѣшаясь замѣнить всѣ существовавшія дотолѣ системы образованія одною и сдѣлать ее обязательною для всѣхъ, исключительною, открывая первый примѣръ въ Европѣ государственной школы, должны были взвѣсить всю важность своей задачи и послѣдствія ея. Нужно отдать имъ справедливость: они старались сдѣлать свой курсъ гораздо болѣе серьезнымъ, чѣмъ тѣ легкомысленныя си-

---

[1]) Въ Польшѣ никогда не прививалась философія и не было самостоятельныхъ философскихъ системъ. Приведенные длиннымъ ходомъ событій въ эту философскую сферу, поляки остались въ ней надолго. Попытки самостоятельной философіи оказались только результатами и развѣтвленіями этой сферы (Товіанскій).

стемы обновленія человѣчества, которыя быстро распространялись тогда въ Германіи. Но тѣмъ не менѣе голоса́, въ родѣ го́лоса Адольфа Каменскаго и Бѣлинскаго (см. выше въ примѣчаніи), вниманіе къ смыслу оппозиціи, въ рядахъ которой могли быть и люди серьезные, показавшіе свои заслуги въ наукѣ, какъ напр. ректоръ виленскаго университета Почобутъ [1]), могли бы вывести польскихъ реформаторовъ на болѣе прямую дорогу. Извращеніе іезуитами классическаго міра было глубоко; нравственныя результаты школьной системы ихъ были весьма печальны; эти результаты сильно вліяли на весь гражданскій бытъ, и всѣ католическіе государства соединились въ требованіи уничтоженія іезуитскаго ордена. Если и въ наше время, сто лѣтъ спустя послѣ этого событія, многіе мучатся призракомъ іезуитизма при одномъ имени классицизма, то что-же было въ цѣлой Европѣ тотъ-часъ послѣ прекращенія двухвѣковаго плѣна у іезуитовъ? Что было въ Польшѣ въ тотъ историческій моментъ, когда предъ нею съ одной стороны раскрылась бездна, въ которую толкали ее іезуиты, какъ увѣрены были тогда всѣ благомыслящіе люди ея, съ другой стороны быстро очистилось поле, занимаемое этимъ чорнымъ воинствомъ? Свѣжія тяжкія раны страны требовали быстрой помощи, изъ Европы приливали идеи, обѣщавшія не только быстрое излеченіе, но и полное обновленіе государства въ слѣдующемъ-же поколѣніи. Пылкая натура не выдержала: стыдъ предъ потомками, стыдъ предъ Европою, опасность окончательной погибели порѣшили дѣло, основа и направленіе школьной реформы принята быстро, порывисто. Въ роковой моментъ поляки поторопились...

Послѣдствіемъ торопливости были внутреннія противурѣчія новой учебной системы, которыя должны были дать послѣдствія, противуположныя возбужденнымъ ею надеждамъ.

Стараясь поставить свою систему возможно серьёзнѣе, реформаторы ввели въ нее цѣлую фалангу предметовъ. Даже при найлучшихъ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ эта многопредметность могла скорѣе подавить и ослабить, нежели оживить и развить молодые умы, и дать имъ желанный реформою просторъ.

---

[1]) По свидѣтельству Колонтая (Лукаш. т. II, стр. 264 въ примѣчаніи), Почобутъ, оставаясь ректоромъ до конца этого періода, никогда не сочувствовалъ реформѣ и никогда не исполнялъ ея всецѣло.

Отъ этихъ многообразныхъ свѣдѣній получается просторъ скорѣе для воображенія и чувства, чѣмъ для молодаго ума. При недостаткѣ системы и основательности, возбужденіе молодыхъ умовъ ведетъ къ претензіямъ на знанія и всестороннія свѣдѣнія, что далеко болѣе приноситъ вреда, чѣмъ пользы, обществу и государству.

Въ дѣйствительности этотъ вредъ долженъ былъ простираться далеко. Не говоря о крайнемъ обремененіи учителей многочисленными предметами, которое могло подавлять даже найлучшихъ изъ нихъ, учители, которыми располагала новая школа, и учебныя средства ея были почти противоположны успѣху реформы. За весьма рѣдкими исключеніями, которыя достигались путешествіемъ за границу, новыя школы наполнены были старыми учителями. Благая рѣшимость открыть учительскія семинаріи могла быть исполнена только въ 1786 году. Открыты были учительскія семинаріи при университетахъ: краковскомъ на 16 воспитанниковъ, виленскомъ на 8 воспитанниковъ. Но до конца разсматриваемаго періода семинаристы отличались отъ студентовъ только тѣмъ, что получали на свое содержаніе учительскія стипендіи; посѣщая избранные ими факультеты на ряду со всѣми студентами, они не слушали ни педагогики, ни методики, не было даже школы для практики ихъ. Дѣятельность Поплавскаго, какъ руководителя краковскихъ стипендіатовъ, ограничена была только наблюденіемъ за квартирою и общимъ столомъ ихъ и за исправностью факультетскихъ ихъ занятій. Піаристы, имѣвшіе свою, хотя и скромную учительскую семинарію, выславъ въ Краковъ и Вильно своихъ кандидатовъ, скоро возвратили ихъ оттуда и предпочли продолжать образованіе ихъ въ собственной семинаріи и за границей [1]). Проэктированный для семинаріи трехлѣтній курсъ на дѣлѣ замѣненъ былъ такимъ образомъ четырехлѣтнимъ, факультетскимъ, и первые учители, „спеціально" приготовленные къ своей службѣ, стали появляться въ школахъ только съ 1790 года, когда по цѣлому краю начинался уже послѣдній безпорядокъ. Въ теченіи всего этого періода только въ піарскихъ школахъ и въ нѣсколькихъ другихъ, облагодѣтельствованныхъ мѣстнымъ покровительствомъ (напр. краковская, виленская, кременецкая), собирались „академики", любившіе свой

---

[1]) Лукашевичъ т. II, стр. 268, въ примѣчаніи.

кружокъ и ненавидѣвшіе старыхъ учителей. Въ остальныхъ школахъ преобладали или исключительно учили старые пробощи и заматорѣлые на Альварѣ іезуиты. Всего типичнѣе выступала эта система въ школахъ базиліанскихъ, продолжавшихъ пользоваться учителями изъ *студій* и *новиціатовъ*. Въ 1782 году, т. е. спустя годъ послѣ разсылки во всѣ школы проекта новаго устава съ предписаніемъ точно сообразоваться съ изложеннымъ въ немъ курсомъ ученія и росписаніемъ учебныхъ предметовъ, визитаторъ школъ, участникъ реформы, ксендзъ Головчицъ такъ отзывается объ уманскихъ базиліанахъ: „на собраніяхъ всего болѣе я занимался съ ними (ректоръ, префектъ, учители) чтеніемъ уставовъ коммисіи. Цѣлый уже годъ лежатъ у нихъ эти уставы, а они доселѣ не знаютъ, что въ нихъ написано. Я долженъ былъ употребить при этомъ и убѣжденія. и угрозы“ [1]). Визитаторы въ теченіи всего этого періода, тщательно описывая всѣ стороны школьнаго быта, о преподаваніи отзываются неопредѣленно и уклончиво: „исполняется по уставу коммисіи“, на лекціяхъ ученики „отвѣчали (popisywali się) хорошо“,—общія всѣмъ визитаторскимъ рапортамъ выраженія.

Что касается учебныхъ пособій, которыхъ такую массу предполагаетъ эта многочисленность естественныхъ предметовъ, то, кромѣ учебниковъ, появлявшихся уже къ концу этого періода, мы не видимъ въ школахъ почти ничего, исключая самыхъ простыхъ геометрическихъ приспособленій для измѣреній полей и въ нѣкоторыхъ съ десятокъ инструментовъ для математики, физики и химіи. Не одна скудость матеріальныхъ средствъ препятствовала коммисіи снабжать школы пособіями. „Нѣсколько сотъ тысячъ, говоритъ Слядецкій [2]), бросается (коммиссіей) на фабрики; стыдно жалѣть нѣсколькихъ тысячъ на инструменты, существенно необходимые для преподаванія“. Если такъ было съ университетами, то, понятно, что было со школами. Обыкновенный пріемъ занятій во всѣхъ, даже лучшихъ школахъ, было чтеніе и объясненіе учебника, потомъ заучиваніе его. - При недостаткѣ учебника, болѣе способный и образованный учитель бралъ въ руки иностранное пособіе, переводилъ ученикамъ выбранные отрывки, тѣ записывали ихъ и заучивали. Найболѣе

---

[1]) *Archivum do dziejów literatury i oświaty w Polsce*. Краковъ. 1877 годъ. т. I, стр. 49.

[2]) *Listy J. Śniadeckiego*, стр. 34.

общимъ въ этомъ случаѣ было чтеніе классическихъ писателей, отрывки изъ которыхъ и цѣлые трактаты ученики заучивали то въ латинскомъ подлинникѣ, то въ польскомъ переводѣ, который дѣлали въ классѣ. Настойчивое указаніе наставленія учителямъ, дабы отнюдь не требовать отъ учениковъ заучиванія на память того, чего они не поняли, очевидно понято было учителями своеобразно: про заучиваніе сплошь и рядомъ говорится въ школьныхъ рапортахъ.

Не можетъ также не поражать это рѣшительное отрицаніе образовательнаго значенія классическихъ писателей и вмѣстѣ съ тѣмъ обращеніе къ нимъ за свѣдѣніями естественными и поученіями нравственными,—эта ботаника и минералогія по Плинію, это земледѣліе и огородничество по Овидію и Горацію, хотя бы и Катону, — эта мораль, долженствовавшая возродить общество и государство, по римскимъ стоикамъ и эпикурейцамъ! Если бы даже это была временная уступка старымъ учителямъ, не владѣвшимъ живыми языками, но хорошо владѣвшимъ латинскимъ языкомъ, или неизбѣжная дань шляхтѣ, въ огромномъ большинствѣ скучавшей за іезуитами и враждовавшей противъ новой школы, на половину мирившейся съ нею на Виргиліѣ, Гораціѣ, Цицеронѣ и т. п., то и тогда оставалось-бы отложить надежды на „обновленіе"...

Но чѣмъ ближе къ основаніямъ учебнаго курса, тѣмъ глубже противурѣчія его съ главною его задачею. Что могло принести Польшѣ право натуры и основанная на немъ добродѣтель? Ничего больше, кромѣ тѣхъ-же, только на новый ладъ, произвола и распущенности, противъ которыхъ она направлена была. Ученіе объ инстинктахъ, какъ откровеніи божества въ природѣ человѣка, о здравомъ смыслѣ, какъ сознаніи этихъ инстинктовъ, о довлѣемости ихъ для счастья человѣка—въ своемъ конечномъ результатѣ имѣетъ только грубое развитіе своего *я*, самопоклоненіе, упругія эгоистическія отношенія, которыя только разрушаютъ и общественность, и государственность, а не укрѣпляютъ ихъ. Съ этимъ самомнѣніемъ, такъ легко воспламеняющимся, 14—16-лѣтній юноша принимается трактовать о „политикѣ правды", подвергать критикѣ, по указаніямъ этой политики правды, всѣ законы своей страны, всѣ распоряженія своего правительства, всѣ общественныя явленія, высказывая свои мнѣнія въ классѣ точно на сеймѣ, ищетъ „неправды" въ законодательствахъ другихъ государствъ, строитъ идеалъ польскаго государства и

т. д., съ полнымъ убѣжденіемъ, по внушенію самой коммисіи просвѣщенія, что „нѣтъ ничего проще и легче политики правды"!..

Далѣе, эта система прямо противурѣчила тому пылкому патріотизму, который возбудилъ ее для своего блага. Нельзя дѣйствительно не сочувствовать всею душою той глубокой печали, которою поражались лучшіе люди Польши, при взглядѣ на ея внутреннія болѣзни и раны. Нельзя не отдать полнаго уваженія этимъ благороднымъ заботамъ объ исправленіи мѣстнаго зла. Но что-же давала новая школа, эта политика правды, основанной на правѣ натуры, эта естественная нравственность съ общими добродѣтелями? Она давала, такъ сказать, общечеловѣковъ, всемірныхъ гражданъ, съ пренебреженіемъ относившихся ко всему національному, самобытному, имѣющему право на уваженіе со стороны другихъ народовъ. На этихъ началахъ, идеалъ отечества долженъ былъ складываться не по дѣйствительнымъ условіямъ и нуждамъ его, но по отвлеченнымъ стремленіямъ, слишкомъ удаленнымъ отъ всего того, чѣмъ дѣйствительно болѣла и чѣмъ дѣйствительно могла-бы оздоровѣть страна. Чѣмъ глубже и сильнѣе укрѣпляются такіе идеалы, тѣмъ тяжелѣе для страны послѣдствія ихъ. Польскіе школьные реформаторы такъ и поступили; они съ особенною заботою, съ большею чѣмъ къ подробностямъ учебной программы, отнеслись къ воспитанію учениковъ въ духѣ и направленіи этой системы.

Послѣдуемъ и мы за ними и разсмотримъ эту воспитательную систему.

(Окончаніе будетъ).

Поляки и русины.

(Къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній).

Въ бытовой исторіи южно-русскаго народа есть область отношеній, достойныхъ особеннаго вниманія изслѣдователя старины. Это—отношенія южно-руссовъ къ полякамъ. Политическая судьба этихъ двухъ народностей, весьма близкихъ и родственныхъ, заключающая въ себѣ что-то роковое, провиденціальное, какъ для нихъ самихъ, такъ и для *третьяго*—старшаго члена этой великой славянской группы—великорусса, достаточно разработана и извѣстна. Но бытовое, внутреннее ихъ взаимоотношеніе еще ждетъ разработки и освѣщенія, на основаніи частныхъ изслѣдованій тѣхъ или другихъ сторонъ ихъ совмѣстной жизни. Въ высшей степени было-бы интересно прослѣдить это бытовое взаимоотношеніе поляковъ и южно-руссовъ съ временъ древнѣйшихъ.

Мы дѣлаемъ попытку положить начало такого рода изслѣдованіямъ или очеркамъ. Людей, болѣе насъ свѣдущихъ, приглашаемъ продолжить начатое нами, пояснить или поправить насъ, вообще сказать больше и лучше, чѣмъ мы можемъ. Въ претензіи ни въ какомъ случаѣ мы не будемъ;—выиграетъ одна лишь исторія. А исторія намѣчаемыхъ нами отношеній и любопытна, и поучительна. Оговариваемся: мы удаляемся въ область исторіи, не касаясь настоящихъ отношеній.

Для южно-русса полякъ былъ вообще *ляхомъ*, иногда *ляшкомъ*, въ смыслѣ уменьшительномъ, шутливомъ, саркастическомъ,—по временамъ *ляшурою*, въ смыслѣ увеличительномъ, тонѣ бранномъ, сердитомъ; для поляка—южно-руссъ всегда былъ только *русинъ*, развѣ съ прибавленіемъ *pies*, или другаго ласкающаго слова. Эти названія сами по себѣ, безъ всякихъ измѣненій или приставокъ къ нимъ, опредѣляли національно-практическое различіе двухъ род

ственныхъ народовъ. Тотъ и другой терминъ заключалъ уже въ себѣ, какъ данныя, норму отношеній одного народа къ другому, и особый образъ ихъ взгляда одного на другаго. Названія: *ляхъ* и *русинъ* опредѣляли собою двоякій *народный типъ*, никогда не смѣшивавшійся одинъ съ другимъ и не могшій, *при существованіи основныхъ своихъ чертъ*, взаимно уничтожить одинъ другаго. Различіе, полагаемое этимъ типомъ, рѣзко раздѣляло и раздѣляетъ оба народа на два этнографическіе стана и нѣсколько напоминаетъ собою то различіе, которое выражено древнею поговоркою: *не прикасаются жидове самаряномъ*. Интересно найти черты этого различія, этой *неприкасаемости* двухъ народныхъ типовъ, насколько онѣ проявились и запечатлѣлись въ историческомъ преданіи. Здѣсь прежде всего представляется вопросъ, какъ черты эти выразились въ народномъ словесномъ творчествѣ. Между южно-русскими пѣснями есть много такихъ, гдѣ рисуются бытовые взгляды одной народности на другую, съ разнообразныхъ сторонъ, даже до отношеній любовныхъ. Такъ напр. въ одной пѣснѣ говоритъ *русинка:*

„Не тупай, не тупай, ляшку, ногою:
Не ляжу, не ляжу, спати зъ тобою,
А хоть и ляжу,—не поцілую,
До свого серденька не примилую....

А въ другой представляется говорящею уже *полька:*

А ты—русинъ, а я—полька,
Не торкайся до камзолька!...

А сколько есть народныхъ анекдотовъ, шутокъ, пословицъ, въ которыхъ такъ или иначе представляется ляхъ въ воззрѣніяхъ южно-русса! Въ свою очередь и въ области польскаго народнаго творчества есть много свидѣтельствъ о томъ, какъ смотрѣли поляки на южно-руссовъ въ народно-бытовомъ отношеніи *). Едва-ли не самымъ древнѣйшимъ памятникомъ въ такомъ рядѣ надо считать извѣстную поговорку, идущую по крайней мѣрѣ съ XVI в., обращавшуюся въ устахъ обоихъ народовъ и дошедшую до насъ въ двухъ текстахъ—русскомъ и польскомъ:

Якъ свѣтъ свѣтомъ
Не буде русинъ ляху братомъ.
Jak świat światem
Nie będzie rusin polakowi bratem.

---

*) Вотъ именно такіе памятники народнаго творчества, особливо незаписанные, неизвѣстные, представляютъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для уясненія историческибытовыхъ взаимоотношеній того и другаго народа, и мы просимъ какъ почтеннаго автора настоящей статьи, такъ и другихъ, владѣющихъ запасомъ такихъ памятниковъ, сообщать оные намъ для помѣщенія на страницахъ нашего изданія. *Ред.*

Есть старинный сборникъ *Пословицъ польскихъ*, составленный іезуитомъ *Григоріемъ Кнапскимъ*, съ различными, очень любопытными къ нимъ комментаріями. Тамъ можно найти много указаній на предметъ, о которомъ у насъ теперь рѣчь[1]).—Выходя изъ области народной литературы, укажемъ на старинныя польскія *„казáня“* (проповѣди), какъ на богатую сокровищницу народныхъ польскихъ воззрѣній на русиновъ и обратно. Эти казанья, по обычаю того времени, изобиловали анекдотами, шутками, остротами—и вотъ здѣсь-то подчасъ и запечатлѣвались, сюда вносились самыя рельефныя проявленія воззрѣній одного народа на другой. Польская проповѣдь XVII и первой половины XVIII в. замѣняла собою то, что у насъ теперь зовется *публицистикой*, и представляла возможность „казнодзѣямъ“ — ораторамъ касаться всевозможныхъ сторонъ политической и общественно-бытовой жизни. Когда мы занимались изслѣдованіемъ проповѣдей характернѣйшаго польскаго „казнодзѣя“ XVII в. іезуита *Ѳомы Млодзяновскаго*, то находили у него много мѣстъ, гдѣ говорится о полякахъ и русинахъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ и проводятся параллели между этими народностями, бывшими тогда подъ одной польской Короной. Намъ припоминается теперь одно мѣсто изъ Млодзяновскаго, гдѣ онъ, выставляя на видъ то, что праздникъ пасхи называется у поляковъ *Wielká-noc* (великая ночь), а у русиновъ *Великъ-день*, дѣлаетъ поэтому поводу нѣкоторые политическіе намеки и съ грустью говоритъ о національной розни обоихъ народовъ. Ибо, замѣчаетъ онъ, что у поляковъ *ночь*, то у русиновъ *день*.—Переходя отъ національныхъ отношеній къ *соціальнымъ*, встрѣчаемъ уже другую бытовую терминологію. Послѣ того, какъ всѣ древне-русскіе, княжескіе и дворянскіе роды, съ Чарторыйскими, Сапѣгами, Тышкевичами во главѣ, перешли въ католичество и совсѣмъ ополячились, а русскаго помѣщика замѣнилъ польскій, для русина ляхъ былъ большею частію *паномъ*, а потому и встрѣчаемъ постоянно такое сопоставленіе въ народной литературѣ: *ляшки-панки;* для поляка русинъ опять таки вообще былъ *хлопомъ*. Если въ національномъ отношеніи, при всемъ различіи народнаго типа, все-таки предполагалась и бывала въ дѣйствительности *терпи-*

---

[1]) Полное заглавіе труда Кнапскаго таково: *Thesaurus latino-polono-graecus*, три тома. Томъ третій называется: *Thesauri polono-latino-graeci adagia* и заключаетъ въ себѣ *польскія пословицы*, сравненныя съ русинскими, латинскими, греческими и друг. Этотъ томъ есть въ кишиневской семинарской библіотекѣ. *Л. М.*

мость между двумя сторонами, двумя этнографическими лагерями, все-таки оказывалась возможность солидарности между ними и нѣкоторыхъ соглашеній, то соціальная терминологія уже ясно указываетъ на очевидный симптомъ образовавшейся *вражды* между двумя народностями. Полякъ всегда изъявлялъ притязаніе на *панство*, на господство надъ русиномъ—*хлопомъ* и этимъ возбуждалъ въ послѣднемъ ненависть, всасываемую съ молокомъ матери. Въ полякѣ всегда преобладала аристократическая тенденція, въ русинѣ-же всегда билась демократическая жилка. Полякъ, особенно шляхтичъ считалъ для себя приличными только военныя, *рыцарскія* занятія. Онъ уклонялся отъ труда промышленнаго, земледѣльческаго. Эту уклончивость отъ полевой, земледѣльческой работы раздѣляли и польскія женщины. И бѣда приходилась русину, если какъ-нибудь доставалась ему въ жены полька. Вотъ какъ изображаетъ такой супружескій союзъ народная пѣсня:

Бида польку спокусила,
Выйшла полька за русина.
Русинъ каже: »ходимъ жаты«,
Полька каже: »ляжмо спати«.
Пишла полька въ поле жати,
Та забула серпа взяти.
Серпъ узяла, хлибъ забула,
Таки полька дома була.

Свивши себѣ гнѣздо на Руси, польское шляхетство предоставило торговлю и промышленность жидамъ, а всякія *черныя работы* возложило на русиновъ—*хлоповъ*, а *хлопъ* и въ самой Польшѣ назывался *быдломъ*, т. е. трактовался на равнѣ съ домашнимъ скотомъ. Мыслящіе изъ поляковъ еще въ старыя времена предвидѣли дурной конецъ отъ праздной жизни шляхты и отъ притѣсненія хлоповъ. Таковъ былъ упомянутый нами Млодзяновскій. Вотъ напр. что доворитъ онъ въ одной своей проповѣди: „Панове шляхта сдѣлали для себя всѣ дни *недѣлей* (воскресеньемъ)“, которая на польскомъ языкѣ называется такъ отъ *недѣланія*; ибо дѣлать, работать въ этотъ день не годится „Иностранцы упрекаютъ насъ за то, что наша шляхта вѣчно въ праздности... Вѣдь вы слышали слѣдующіе стишки:

Nobiles poloni
Equites boni;

Gens bellicosa,
Sed otiosa[1]).

Проводя такимъ образомъ время постоянно въ праздности, шляхта и сдѣлала для себя всѣ дни *недѣлей*. Не хочу я упрекать въ этомъ шляхетскій народъ, но все-таки настаиваю на своемъ, именно, что шляхта сдѣлала для себя всѣ дни *недѣлей*. Какъ-же это? Нужно позаимствовать науки и у инфимистовъ.—Милые инфимисты, какъ по латыни *недѣля* (воскресенье)? Инфимисты отвѣчаютъ: *dies Dominicus*, до слова значитъ: *панскій день*. И такъ *недѣля* это панскій день. А поѣдь-ка, хлопъ, на торгъ, на мельницу, а иногда и по дрова, вѣдь это *недѣля*, день панскій, *день панщины*; въ понедѣльникъ будешь орать (пахать), во вторникъ молотить, и такъ день за днемъ—все *день панскій*, день панщины. А вѣдь такое положеніе дѣлъ не можетъ нравиться Господу Богу... Ибо хлопы суть только подданные, а не рабы, невольники. Нужно имѣть въ виду, чтобы таковое обращеніе съ ними не надоѣло уже имъ слишкомъ... *Sapienti sat*!"—Да, оно надоѣло, оно не могло не надоѣсть, въ особенности русинамъ, при ихъ національной и вѣроисповѣдной розни съ поляками. Унижаемый и оскорбляемый въ качествѣ *хлопа* русинъ сдѣлался по отношенію къ поляку—*пану* сначала *козакомъ*, а потомъ и *гайдамакомъ*. *Козакъ*—это былъ представитель *выдѣлявшагося* изъ южнорусскаго народа *рыцарства*, въ противовѣсъ рыцарству или шляхетству польскому, для защиты народной чести и свободы... *Гайдамакъ*—это уже былъ представитель *поголовнаго* народнаго возстанія противъ угнетателей—пановъ и ихъ сподручниковъ—жидовъ. Козачество и гайдамачество русинское и подрѣзало корни польскаго государства. Такимъ образомъ, *соціальныя* бытовыя отношенія поляковъ и русиновъ подготовили политическое паденіе Польши, а религіозныя притѣсненія первыми послѣднихъ довершили оное. Значеніе русиновъ въ составѣ польскаго государства было очевидно, какъ и ихъ рознь съ поляками. Явилась мысль для упроченія государственнаго единства *ополячить* русиновъ. Избранъ для этого путь, по тогдашнимъ понятіямъ казавшійся наиболѣе дѣйствительнымъ, именно путь объединенія *въ вѣрѣ*. Но вмѣсто единенія, мира, согласія возникла вражда и ненависть

---

[1]) „Благородные поляки—прекрасные всадники; народъ воинственный, но праздный".

религіозная, завязалась ожесточенная борьба на жизнь и смерть. Въ этотъ періодъ образовались особые бытовые термины, выражавшіе взаимныя отношенія сторонъ въ этой области. Со стороны поляковъ пошли въ ходъ бранныя слова: *отщепенцы*, *схизматики*. Польскіе іезуиты особенно были щедры на эти попреки и раздували пламя религіозной вражды. Млодзяновскій бросалъ ими направо и налѣво. Такъ, въ своей проповѣди на праздникъ св. дѣвъ, объясняя евангельскую притчу *о десяти дѣвахъ*, онъ говоритъ между прочимъ: „между этими десятью дѣвами были, вѣроятно, польки, литовки, прусачки, а также дѣвы изъ другихъ польскихъ земель; ибо, дѣйствительно, есть между ними и мудрыя, и глупыя. Св. писаніе не докладываетъ намъ, къ какой собственно странѣ принадлежали тѣ десять дѣвъ, и поэтому даетъ свободу думать, что тамъ были дѣвы изъ всякихъ странъ. Все таки однако приличнб будетъ спросить: были-ль между ними и *русскія по вѣрѣ?* Glossa отвѣчаетъ: не было! Но вѣдь и между русскими есть, положимъ, глупыя, но есть же и мудрыя: почему-же онѣ не искали Господа?—Потому что онѣ *схизматички*. Вотъ что говоритъ Глосса: *Exierunt obviam Sponso et Sponsae, id est concordaverunt voluntati sponsi et matris Ecclesiae*[1]). Да, кто не послушенъ св. костёлу, тотъ не пойдетъ на встрѣчу Іисусу Христу"! Вотъ какими инсинуаціями тогдашніе польскіе политическіе мудрецы подготовляли государственное единство Польши! Они стали проповѣдывать и насильственно навязывать *русинамъ унію*, которая, по мысли этихъ мудрецовъ, имѣла быть только переходнымъ мостомъ къ *католичеству* и за тѣмъ къ *ополяченію*, т. е. къ потерѣ не только вѣры, но и языка. Противясь *уніи*, русинъ сталъ защищать вѣру отцовъ, какъ *благочестіе*. Равнодушный до тѣхъ поръ къ *польской вѣрѣ*, онъ сталъ постепенно впитывать въ себя ненависть къ *уніатамъ* и *католикамъ*. Во времена гайдамачества эта ненависть достигла поражающихъ размѣровъ. При нѣкоторомъ равенствѣ силъ, двѣ народности, составлявшія одинъ государственно-общественный организмъ, могли бы совершенно уничтожить другъ друга. Кажется, что къ этому періоду ихъ взаимоотношеній должно относить, правда, не возникновеніе, но пол-

---

[1]) Вышли на встрѣчу Жениху и Невѣстѣ, т. е. подчинились волѣ Жениха и Матери-Церкви.

ную популяризацію бытовыхъ терминовъ: *psia wiara, psia krew!* съ переводомъ для отвѣта: *собача вира, собача кровъ!* Поражающее своимъ сопоставленіемъ извѣстное присловье: *панъ, жидъ та собака—все вира однака!* принадлежитъ несомнѣнно этому времени. Понятное дѣло, что при такихъ взаимоотношеніяхъ двухъ главныхъ столповъ польскаго государства, оно не могло дольше существовать. Русинъ долженъ былъ оставить поляка—угнетателя. Онъ рѣшился отойти жить къ другому брату, съ которымъ разлучила его когда-то давно злая судьбина. И онъ отошелъ, въ полной надеждѣ, что этотъ единовѣрный братъ не погубитъ его вѣры и языка. Онъ отошелъ и вотъ, вмѣсто *русина*, *называемый уже то *малоруссомъ*, то *южноруссомъ*, то *черкасомъ* или *черкешаниномъ*, а то и просто *хохломъ*, онъ подперъ своей головой московское царство, помогъ ему превратиться въ *Россійскую Имперію* и въ концѣ концовъ поспособствовалъ ему *покоритъ подъ ноги* и третьяго брата, прежняго своего пана. Гордый полякъ жестоко былъ наказанъ за свое презрѣніе къ меньшему брату. Польша была разорвана на части. Но чтò-же? Національную государственную корону полякъ потерялъ, а панская корона ему все-таки оставлена. Надъ русиномъ ему все таки предоставили быть паномъ! Австрія предоставила ему быть паномъ въ Галиціи, а Россія въ западной и юго-западной своей части. Отношенія соціальныя не измѣнились и національныя остались въ прежнемъ видѣ. Правобережные русины, отошедшіе къ московскому брату и думавшіе найти у него защиту отъ поляка-пана-брата, принуждены были сложить новую печальную *пѣсню рабства* и не на рѣкахъ вавилонскихъ, а на своихъ родныхъ рѣкахъ, ручейкахъ и пригоркахъ... Вотъ начало этой пѣсни про новую *польскую панщину* подъ скипетромъ Россіи:

Була, була Польща, та стала Вкраина;
Не одбуде сынъ за батька, а батько за сына!

Полякъ по прежнему тѣшилъ себя фантомомъ аристократизма и по прежнему питалъ презрѣніе къ русину — плебею, хлопу, *гречкосію*..., даже больше: онъ какъ будто вымещалъ на русинѣ паденіе Польши и покореніе себя москалемъ. Онъ по прежнему удалялся производительнаго труда, по прежнему считалъ только себя *рыцаремъ* по природѣ, которому одному прилично носить оружіе....

Сова сову плодитъ,
Мечта мечту родитъ....

Полякъ, оставался все тѣмъ-же паномъ и ему мечталась старая Польша въ прежнемъ *шляхетскомъ* видѣ и въ прежнемъ пространствѣ—*отъ моря до моря*. Явилось возстаніе 1830 года... Полякъ велъ себя еще какъ истый старо-польскій панъ, полный сознанія своихъ старыхъ правъ надъ русиномъ; но и чувства послѣдняго не измѣнились. Вотъ къ этой-то эпохѣ и относится одно не записанное преданіе о двухъ письменныхъ памятникахъ, живо рисующее подогрѣтыя вновь чувства поляковъ и русиновъ. Это преданіе мы разскажемъ въ такомъ видѣ, какъ оно сообщено намъ однимъ почтеннымъ любителемъ и знатокомъ южно-русской старины[1].

Дѣло происходило въ Каменцѣ-Подольскомъ. Въ одно утро на всѣхъ главныхъ улицахъ города, на болѣе видныхъ мѣстахъ, появились афиши. На каждой изъ нихъ, на большомъ листѣ бѣлой бумаги, большими буквами были написаны по-польски слѣдующіе стихи:

Ty polaku,
Stôj w szyszaku
Z orężem do boju!
Ty, rusinie,
Sk..... synie.
Z widłami—do gnoju!

Очевидно, что это было дѣло польскихъ рукъ, въ насмѣшку надъ русскими и для возбужденія духа въ полякахъ. Преданіе прибавляетъ: идутъ по улицѣ два поляка и видятъ афишу. „Co to? Co to? Czytaj!“ —говоритъ одинъ другому. Начинаютъ читать: „Ty, polaku, stój w szyszaku z orężem do boju“.... O, jak to slicznie, panie, „z oręzem do boju“! O, tak, tak!—Coż to dalej?—„Ty, rusinie, sk..... synie, z widłami do gnoju!“—O, jak to do ładu napisano! O, tak, tak tym szelmam rusinam i trzeba“!... Въ городѣ толки, насмѣшки надъ русскими! Поляки высоко стали поднимать головы. Пасквиль попалъ въ тактъ съ ихъ задушевными историческими чувствами и мечтами. Призывъ на бой, напоминаніе о столь драгоцѣнной привиллегіи стоять съ оружіемъ въ рукахъ и защищать свой гоноръ такъ льстило ихъ рыцарскимъ идеаламъ! Съ другой стороны, обреченіе измѣнника—русина на черныя и самыя низкія работы такъ согласовалось съ ихъ давнишнимъ аристократическимъ презрѣніемъ къ хлопу, къ мужику! И вотъ, во

---

[1]) Ѳедоромъ Владим. *Яцимирскимъ* въ Кишиневѣ.

всемъ Каменцѣ волненіе, возбужденіе.... Русскимъ досадно, стыдно, неловко. Какъ тутъ быть? Сейчасъ-же стали вездѣ срывать пасквильные листы, донесли губернатору. Начали разыскивать, кто писалъ и наклеивалъ афиши.... Но все это ни къ чему не привело. А впечатлѣніе отъ пасквиля росло все больше и больше.... Составился совѣтъ изъ русскихъ представителей разныхъ вѣдомствъ. Совѣтовались, совѣтовались и порѣшили, что нужно отомстить не иначе, какъ *тѣмъ-же самымъ способомъ*, т. е. отвѣтить на стихи стихами-же и этимъ сгладить впечатлѣніе, сбить спѣсь полякамъ. Въ совѣтѣ предложили написать тому—другому изъ среды его-же членовъ и другихъ лицъ. Явилось нѣсколько отвѣтовъ, стали читать: нѣтъ, все какъ-то вяло, безжизненно, не мѣтко.... Тогда представитель семинаріи сказалъ: „есть у насъ одинъ семинаристъ, онъ любитъ писать стихи и пишетъ бойко—остро. Не предложить ли ему? Авось онъ отвѣтитъ, какъ слѣдуетъ". Согласились. Призвали семинариста. Фамилія его была, кажется, *Гербановскій*. Предложили ему,—говорятъ: такъ и такъ.... Тотъ согласился написать отвѣтные стихи, но только не иначе, какъ *по малороссійски*. „Ничего, пиши и по малороссійски", сказали ему, только чтобъ вышло хорошо. Написалъ. Приноситъ. Читаютъ:

Ты, поляку,
Цілуй въ с....
Русина и грека!
Гляди жъ себе,
Буде зъ тебе....
Стій, свине, зъ далека!

На пасквиль вышелъ пасквиль, только болѣе рѣзкій, настоящій хлопскій, мужицкій, плебейскій, демократическій. Многимъ въ совѣтѣ онъ не понравился, особенно архіерею.... Но обсудили и нашли, что онъ какъ-разъ кстати, что лучшаго въ данномъ случаѣ и желать нельзя. Рѣшено—расклеить его по всѣмъ улицамъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ былъ наклеенъ польскій пасквиль. И вотъ, опять таки по тому-же комментарію, рано утромъ паны нечаянно натыкаются на новую афишу. Co to? Znów coś napisano. Czytaj! Czytaj! To już coś po russku.... A nu, nu—czytaj. И они начинаютъ разбирать по слогамъ, какъ говорится *сылябизовать*: „Ты, по-ля-ку, ці-луй въ...." To coś kiepśko, czart wie co.... To pewnie jakiś *knysz* napisał.... И они ушли со злобой. Читаютъ другіе, третьи и т. д. Къ вечеру контръ-пасквиль произвелъ свое дѣйствіе и прежняго возбужденія среди поляковъ, прежняго

поднятія головъ какъ не бывало.... То было время обоюднаго возбужденія, раздраженія, взаимной страстности въ отношеніяхъ между двумя издревле враждующими народностями. Этимъ и объясняется циничность выраженій въ обоихъ пасквиляхъ. Но для исторіи все интересно знать.... Интересно и это слово: *грека*. Оно цѣликомъ выхвачено изъ живаго преданія, или недавнихъ сравнительно актовъ и указываетъ на рознь вѣроисповѣдную. Вмѣсто „православной вѣры“ говорили „греческой“ и православнаго величали грекомъ. „А нутежъ, нуте, лучше того грека“...., приговаривалъ уніатскій оффиціалъ Мокрицкій, когда въ 1766 г., по его приказанію, въ м. Корсунѣ били нещаднымъ боемъ одного православнаго священника, сказавшаго о себѣ, что онъ вѣры греческой, и не желавшаго принять уніи. Характерно и это слово: *кнышъ*, т. е. поповичъ, котораго поляки считаютъ авторомъ русскаго пасквиля. Они хорошо чуяли, что отъ поповичей, отъ дѣтей церковническихъ, главнымъ образомъ идетъ, какъ и прежде шла, нравственная защита народности русинской противъ всяческихъ ея враговъ и притѣснителей. Не даромъ поэтому къ поповичамъ этимъ поляки были особенно непріязненны. Не даромъ поэтому въ извѣстномъ польскомъ *проэктѣ* прошлаго вѣка объ искорененіи русинской народности въ Украйнѣ, особенныя репрессіи предполагались противъ священниковъ и ихъ сыновей—*поповичей*. Это былъ интеллигентный слой южно-русскаго народа, не оторвавшійся отъ него, бывшій за одно съ нимъ....

И такъ къ 30 годамъ еще вполнѣ, во всей неприкосновенности, сохранялись взаимныя отношенія и чувства поляковъ и русиновъ, выработанныя прошлымъ тяжелымъ временемъ ихъ совмѣстной политической жизни—подъ польской Короной.

Изъ ближайшаго къ этому времени сохранился слѣдующій характерный разсказъ и относящійся къ нему нописанный памятникъ. Дѣйствіе происходитъ въ Украйнѣ. Въ воскресный день въ одномъ селѣ шла „служба Божа“. Въ церкви присутствовалъ мѣстный панъ-экономъ. При выходѣ крестьянъ отъ обѣдни, онъ остановилъ ихъ у крыльца колокольни для какихъ-то внушеній. Долго длились нотаціи. Вышелъ священникъ, но его путь былъ прегражденъ столпившимся народомъ. Поглядѣлъ онъ на пана въ сѣромъ кунтушѣ, съ гладкими и свѣтлыми металлическими пуговицами, и на понуро стоявшихъ вкругъ него крестьянъ, поднялъ глаза къ небу и произнесъ такую краткую рѣчь: „украсивъ Богъ небо звіздами, а землю людями, а ляха *гудзями* (пуговицами)“.

Народъ разступился при видѣ священника и тотъ спокойно пошелъ домой.

Взаимныя отношенія поляковъ и русиновъ на родной землѣ сихъ послѣднихъ не измѣнялись еще долгое время. Нѣкоторую перемѣну въ нихъ должны были произвести такъ называемыя инвентарныя правила, введенныя въ управленіе генералъ-губернатора Бибикова и по его мысли. При объявленіи этихъ правилъ произошли два слѣдующіе извѣстные намъ случая, а что они говорятъ, понятно будетъ всякому. Въ одномъ селѣ кіевской губерніи, послѣ объявленія ихъ, мѣстный помѣщикъ, желая порисоваться предъ прибывшей коммисіею (исправникъ, предводитель дворянства и благочинный) своимъ патріотизмомъ, вздумалъ при выходѣ своихъ крестьянъ изъ церкви, сказать имъ по поводу событія *нѣсколько словъ*. Но лишь только онъ въ заключеніе затянулъ хриплымъ и ненатуральнымъ голосомъ продолжительное ура, какъ кто-то изъ толпы прокричалъ: *„на свою голову“*! Въ другомъ мѣстѣ исправникъ-полякъ желалъ поглумиться надъ старикомъ священникомъ, потребовавъ отъ него произнесенія приличной случаю проповѣди, но попалъ въ просакъ, какъ и полякъ-помѣщикъ со своими якобы вѣрноподданническими чувствами, всю фальшъ которыхъ понималъ простой мужикъ. Малообразованный, никогда ничего не писавшій священникъ робкимъ голосомъ сказалъ то, что подсказало ему сердце: „благочестивые прихожане! Какъ нѣкогда Господь избавилъ евреевъ отъ работы египетскія, такъ нынѣ Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій Государь нашъ Императоръ избавляетъ васъ отъ работы ляхамъ“. Народъ молчалъ, не смѣя выразить своихъ чувствъ; коммисія (тотъ-же составъ съ придачею становаго) смутилась. Священникъ почтительно обратился къ предсѣдателю со словами: „ваше благородіе! извольте читать“ (самыя т. е. правила).

„Правила“ не измѣнили положенія дѣла и, по многимъ причинамъ, весьма мало облегчили тяжелый яремъ русина-крестьянина. Господствующій полякъ распоряжался, какъ прежде, народомъ, въ народѣ-же возникли толки, недоразумѣнія, волненія, тяжело отразившіяся на его-же спинѣ. Въ находящемся у насъ дневникѣ священника Фоки Струтинскаго есть очень интересныя объ этомъ свѣденія и мы не замедлимъ подѣлиться ими съ читателями „Кіевской Старины“.

Отношенія двухъ народностей, державшіяся все это время на почвѣ соціальной, обострялись до крайности и ближайшимъ

свидѣтелямъ этихъ отношеній можно было опасаться трагической ихъ развязки. Украинскій народъ свое положеніе подъ русскою державою считалъ не естественнымъ и ждалъ ему конца; по мѣстамъ онъ хранилъ оружіе дѣдовъ и прадѣдовъ, и вѣрилъ, и открыто выражалъ, что настанетъ время, когда оно пригодится... Оружіе было отобрано въ 1849 г. случайно, при отобраніи онаго у пановъ, которымъ Кошутъ внушалъ много не сбывшихся надеждъ. Паны вымещали и эту неудачу на хлопахъ—русинахъ, а они, не зная своего прошлаго, въ недоумѣніи вопрошали: „за що насъ Царь въ неволю ляхамъ отдавъ“?

„Кіевскія народныя волненія“ 1855 г. легли всею своею тяжестію вмѣсто панскихъ на поповскія плечи, по особому недоразумѣнію; но поголовное стремленіе въ народѣ къ давно вымершему козачеству и то ожесточеніе, съ какимъ незлобивые пасомые старались муками и пытками исторгнуть у своихъ пастырей несуществовавшій указъ о вольности, ясно показали, что народъ не можетъ сносить далѣе двойнаго вѣковаго ярма.

1861 г. положилъ конецъ напряженнымъ до крайности отношеніямъ поляковъ и русиновъ и открылъ имъ возможность забыть старые счеты, устроить новый *modus vivendi*, положить начало новымъ отношеніямъ и новымъ чувствамъ. Какъ обозначились и въ чемъ выразились эти новыя отношенія, объ этомъ надѣемся со временемъ сказать свое слово.

Л. Мацѣевичъ.

Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей.

(Литературный памятникъ второй половины XVIII вѣка).

Стихотворное произведеніе подъ этимъ заглавіемъ мы имѣемъ въ трехъ неполныхъ спискахъ. Одинъ изъ нихъ, заключающій меньше половины сохранившагося текста „Разговора", найденъ г. П. Ефименкомъ въ рукописномъ сборникѣ второй половины XVIII вѣка, писанномъ, судя по одному заключающемуся въ немъ прошенію дьяка коропской школы, 1761 года, въ глуховской сотнѣ, нынѣшней черниговской губерніи. Другіе же два списка, болѣе полные, но все таки безъ окончанія и съ пропускомъ въ серединѣ, хранятся въ Румянцевскомъ Музеѣ, куда они поступили вмѣстѣ съ другими бумагами И. Е. Бецкаго. Изъ нихъ одинъ относится тоже ко второй половинѣ XVIII вѣка, а другой сдѣланъ въ 1833 году. Впрочемъ, разница между послѣдними двумя списками состоитъ только въ томъ, что въ древнѣйшемъ спискѣ не сохранилось начала „Разговора", которое, надо полагать, утрачено уже послѣ снятія втораго списка, въ которомъ сохранилось это начало. Затѣмъ, новѣйшій списокъ представляетъ изъ себя буквальное воспроизведеніе древняго, съ нѣкоторыми искаженіями и значительными промахами противъ него. Копіистъ 1833 года до того рабски слѣдовалъ своему оригиналу, что не обратилъ вниманія на путаницу въ пагинаціи его и переписалъ его въ безпорядкѣ, перенесши середину въ конецъ, а конецъ въ середину. По видимому, переписчикъ признавалъ этотъ „Разговоръ" законченнымъ, между тѣмъ какъ по тщательномъ разсмотрѣніи его оказывается, что онъ дошелъ до

насъ безъ конца[1]). Но этотъ позднѣйшій списокъ важенъ замѣтками И. Е. Бецкаго о происхожденіи и судьбѣ рукописи.

О происхожденіи и судьбѣ списковъ Румянцевскаго Музея И. Е. Бецкій говоритъ слѣдующее: „сочиненіе получено было мною отъ В. Т. Анастасевича съ слѣдующею надписью: „копія списана для г. Домонтовича и послана 29 іюля 1833. Къ митрополиту Евгенію послалъ выписку изъ оной о Шереметевѣ; онъ въ отвѣтѣ своемъ называетъ ее прелюбопытною". Сочиненіе это получено было г. Анастасевичемъ въ проѣздъ его изъ Вильны обратно въ С.-Петербургъ чрезъ *Смѣлое* (полтавской губ., роменскаго уѣзда). Должно думать, писано въ царствованіе Елизаветы, послѣ 1739-хъ годовъ, кои явно упоминаются прошедшими".

Бецкій придавалъ этому „Разговору" большое значеніе и хотѣлъ издать его въ своемъ альманахѣ „Молодикъ", выходившемъ въ 1843—1844 годахъ. „Самъ Нарушевичъ, писалъ онъ,— столь важнѣйшія имѣвшій сокровища для своей исторіи, часто ссылается на современныя съ описываемыми имъ событіями пѣснотворенія. У насъ-же и рудникъ едва начатъ. Есть множество списокъ различныхъ въ журналахъ, въ этомъ кладбищѣ русской прошедшей жизни... Доказано древнѣйшими примѣрами, что исторія началась стихами и что первые историки были поэты; всякій народъ начинаетъ свою исторію пѣснями, сочиненными задолго до принятія письма и изображающими событія; всякое племя имѣетъ своихъ баяновъ, какъ греки имѣли своего Омира. Сѣверные исторіографы и теперь прибѣгаютъ къ помощи рунъ и сагъ. Въ семъ отнощеніи найпаче малороссійская исторія достопамятна; пѣсни до сихъ поръ не всѣ изданы". Но желаніе Бецкаго издать „Разговоръ" не увѣнчалось успѣхомъ. Начальникъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи Дубельтъ, имѣвшій сильное давленіе на тогдашнюю цензуру и литературу, на цензурномъ спискѣ этого „Разговора" написалъ слѣдующее: „Если-бы я былъ цензоръ, то не допустилъ-бы къ напечатанію, потому что тутъ обида Россіи, обида и Малороссіи: первая дѣлаетъ глупые вопросы, вторая хвастаетъ, какъ старая баба и наконецъ—сердце ея изнемогаетъ отъ нашего ига!??"

---

[1]) Краткія свѣдѣнія объ этихъ спискахъ „Разговора" сообщены въ „Историческомъ Вѣстникѣ", за май 1881 г., стр. 199—200.

Къ удивленію, самъ г. Бецкій не замѣтилъ спутанности пагинаціи и текста „Разговора“, который вслѣдствіе этого доходитъ, мѣстами, до положительной темноты и безсмыслицы. Г. Дубельтъ увидѣлъ въ этомъ „Разговорѣ“ что-то нескладное и неладное и понялъ это въ дурную сторону, будто-бы сердце Малороссіи, по ея словамъ, изнемогаетъ отъ нашего, т. е. великорусскаго ига. Въ самомъ дѣлѣ, въ обоихъ румянцевскихъ спискахъ „Разговора“ онъ заканчивается выраженіемъ какой-то глубокой скорби со стороны Малороссіи,—скорби, которую можно принять за скорбь о потерѣ Малороссіей своей самостоятельности. Вотъ какъ она плачется здѣсь на свою участь:

Глаза имѣя, безъ глазъ стоимъ оцѣпенѣвъ,
Безъ рукъ кажемся храбри, прежде руки имѣвъ.
Уже и лица наша потупились, слезы
Падаютъ колеблющись и колѣна дрожа,
Изнемогаютъ сердца каменемъ утѣснена.

Послѣднія слова, подчеркнутыя Дубельтомъ, онъ и понялъ въ смыслѣ сѣтованія Малороссіи на московское будто-бы иго. А между тѣмъ они суть не что иное, какъ только продолженіе стихотворнаго плача Малороссіи по поводу смерти любимаго ея гетмана Богдана Хмельницкаго, оторванное отъ естественнаго своего начала и поставленное не кстати въ самомъ концѣ рукописи, гдѣ оно имѣетъ какой-то неопредѣленный, загадочный смыслъ.

Возстановивъ естественный порядокъ и смыслъ рукописи, мы, напротивъ, не находимъ въ „Разговорѣ“ ничего обиднаго ни для Россіи, ни для Малороссіи: первая спрашиваетъ Малороссію объ ея происхожденіи, историческихъ судьбахъ и заслугахъ ея для Россіи; вторая разсказываетъ свою исторію и перечисляетъ заслуги свои, оказанныя русскому народу и государству. Вотъ краткое содержаніе „Разговора“.

Малороссія ведетъ свой родъ отъ древнихъ козаровъ (хазаръ) и разсказываетъ, что она сначала управлялась своими вождями, потомъ подчинилась польскимъ королямъ, а наконецъ добровольно отдалась подъ власть россійскихъ государей и оказывала, и оказываетъ имъ важныя услуги. Послѣдовательная исторія Малороссіи ведется только съ 1506 года, съ гетманства Леслава Ляцкоронскаго. За нимъ слѣдовали: Венжикъ Хмельницкій, поразившій въ 1534 году крымскую орду подъ Заславлемъ; Свирговскій, одержавшій надъ турками 14 побѣдъ; Богданко, разбившій въ 1576

году на голову крымскихъ татаръ; Шахъ, побившій въ 1577 году молдаванъ, и Петръ Конашевичъ, взявшій городъ Кефу и сражавшійся съ турками подъ Хотиномъ. Всѣ эти гетманы дѣйствовали въ согласіи съ поляками и имѣли общіе съ ними интересы. Но попытки поляковъ привесть козаковъ къ западной церкви и обложить ихъ данью вызвали цѣлый рядъ козацкихъ возстаній, подъ предводительствомъ Наливайка, Тараса Трясилы и др. Упомянувъ кратко объ этихъ возстаніяхъ, Малороссія съ подробностію касается эпохи Богдана Хмельницкаго, перечисляетъ всѣ его побѣды надъ поляками: на Желтыхъ Водахъ, подъ Корсуномъ, Пилявцами, Збаражемъ, Жванцемъ и въ другихъ мѣстахъ, восписываетъ похвалу этому гетману и оплакиваетъ его кончину. Послѣ Богдана Хмельницкаго Малороссія входитъ въ общую жизнь Россіи; она не хочетъ уже говорить о своихъ подвигахъ, которые совершаются теперь на глазахъ самой Россіи и потому должны быть извѣстны ей; но Великороссія желаетъ отъ самой Малороссіи слышать правдивый разсказъ о послѣдующей ея судьбѣ. Малороссія исполняетъ ея желаніе и разсказываетъ объ отраженіи польскаго короля Яна Казиміра отъ Глухова при гетманѣ Брюховецкомъ (1664 г.), о побѣдѣ того-же Брюховецкаго надъ Яблоновскимъ подъ Бѣлой-Церковью (1665 г.), о пораженіи татаръ переяславскимъ полковникомъ Думитрашкомъ надъ Ташлыкомъ (1674 г.), о сожженіи очаковскаго уѣзда козаками (1690 г.), объ осадѣ Очакова (1692 г.) и вообще о сторожевой службѣ козаковъ противъ татарскихъ набѣговъ. Особенное сочувствіе высказываетъ Малороссія къ бѣлоцерковскому полковнику Семену Палѣю, борзенскому уроженцу, который съ охотнымъ отборнымъ войскомъ своимъ оберегалъ границы русскія отъ татарскихъ набѣговъ. Онъ ходилъ въ Бендерщину и въ Бѣлогородчину (Аккерманъ), посылалъ своихъ козаковъ въ Буджакъ, дважды добывалъ Очаковъ и при этомъ однажды ворвался въ крѣпость на плечахъ самихъ турокъ. Схваченный коварно поляками и сосланный въ Магдебургъ, онъ бѣжалъ оттуда, поразилъ поляковъ подъ Фастовомъ и обратилъ въ бѣгство польскаго полковника Рустича. Въ 1695 году всѣ малороссійскіе, слободскіе и запорожскіе козаки участвовали въ походѣ Бориса Петровича Шереметева противъ татаръ и турокъ, взяли четыре каменные города, плѣнили множество турокъ, разорили Кази-Керменъ и Муберенъ и въ 1696 году много содѣйствовали взятію Азова. Подъ Азовомъ было козацкаго войска пятнадцать тысячъ, подъ начальствомъ полковниковъ гадячскаго Михаила Бо-

роховича, лубенскаго Леона Свѣчки, прилуцкаго Димитрія Горленка и черниговскаго Якова Лизогуба, который былъ въ то время наказнымъ гетманомъ. Въ то-же время запорожскій атаманъ Яковъ Чалый съ малымъ числомъ козаковъ ходилъ по морю и взялъ восемь турецкихъ кораблей. Черезъ 37 лѣтъ послѣ взятія Азова, т. е. 1733—4 г., полковникъ Галаганъ разбилъ приверженцевъ *ex*-короля польскаго Лещинскаго подъ Солодковцами, а въ 1735—1739 годахъ козаки участвовали въ осадѣ Очакова и Хотина.

Перечисливши всѣ эти подвиги и заслуги козаковъ въ хронологическомъ порядкѣ, Малороссія хотѣла оглянуться назадъ и припомнить заслуги престарѣлаго Палѣя во время полтавской битвы 1709 года. По этому поводу Великороссія укоряетъ свою собесѣдницу измѣной Мазепы. Малороссія отвѣчаетъ:

...Измѣна тогда не всей меня была,
Отъ одного Мазепы толко произойшла,
Съ коимъ никогда о томъ не соглашалась я,
Естли-же сіе меня не можетъ оправдить,
И буди то, что онъ былъ, станешь вѣкъ твердить,
То вспомни ты сама всѣхъ измѣнниковъ своихъ.

Затѣмъ слѣдуетъ перечень всѣхъ этихъ измѣнниковъ, къ числу коихъ въ „Разговорѣ“ отнесены: стрѣльцы, князь Василій Голицынъ, сосланный въ Сибирь за взятый ими отъ татаръ подкупъ (1689 г.), Шереметевъ, отданный во время чудновской битвы поляками татарамъ въ неволю (1660 г.), въ которой пробылъ больше 20 лѣтъ, Лопухинъ, казненный Петромъ I по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, графъ Петръ Андреевичъ Толстой, Шеинъ, не подавшій козакамъ помощи въ сраженіи ихъ съ татарами на Черной Долинѣ въ 1736 году, генералъ-адмиралъ и кабинетъ-министръ Андрей Остерманъ, оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ, канцлеръ Михайло Головкинъ, коммерцъ-коллегіи президентъ Менгденъ и др. Въ противоположность этимъ русскимъ якобы измѣнникамъ, Малороссія указываетъ, за послѣднее время, на Разумовскихъ, оказавшихъ важныя услуги русскимъ государямъ:

Знаешь-ли Разумовскихъ, родившихся во мнѣ?
Какъ Елисаветѣ одинъ изъ тѣхъ услужилъ,
Какъ и Екатеринѣ другой вѣрность открылъ?

На этомъ и прерывается „Разговоръ“ по имѣющимся у насъ спискамъ его, очевидно составленный не ранѣе царствованія Екатерины II.

Большая часть историческихъ свѣдѣній, заключающихся въ „Разговорѣ“, заимствована авторомъ изъ „Краткаго описанія Малороссіи“, составленнаго неизвѣстнымъ авторомъ около 1734 года [1]); но есть и такія свѣдѣнія, которыя или несогласны съ извѣстіями „Краткаго описанія“, или представляются совершенно новыми. Несогласно съ „Краткимъ описаніемъ Малороссіи“ авторъ „Разговора“ говоритъ о происхожденіи козаковъ отъ козаровъ или хазаръ и представляетъ неудачныя битвы Богдана Хмельницкаго съ поляками подъ Берестечкомъ и Бѣлою-Церковью въ благопріятномъ для козаковъ свѣтѣ. Новыми являются свѣдѣнія о Семенѣ Паліѣ, ворвавшемся въ Очаковъ на плечахъ турковъ, о подвигахъ Якова Чалаго подъ Азовомъ въ 1696 году, географическія подробности о пораженіи полковникомъ Галаганомъ поляковъ подъ Солодковцами въ 1734 году, а также свѣдѣнія о посылкѣ, въ царствованіе Анны Іоанновны, избранныхъ козаковъ въ Пруссію для обученія воинскому искусству, объ участіи козаковъ въ осадѣ Очакова и Хотина въ 1735—1739 годахъ и проч.

Но главный интересъ разсматриваемаго „Разговора“, по намѣренію его автора, состоялъ не въ сообщеніи новыхъ свѣдѣній, а въ группировкѣ уже извѣстныхъ и освѣщеніи ихъ опредѣленною мыслію.

Уже само „Краткое описаніе Малороссіи“, легшее въ основу нашего „Разговора“, не есть собственно хроника, но задается опредѣленною историческою мыслію. „Строго говоря, *Краткое описаніе Малороссіи*, пишетъ его издатель, нельзя назвать хроникой или лѣтописью, т. е. погодной запиской о прошлыхъ событіяхъ; скорѣе это краткая систематическая исторія Малороссіи съ эпохи великокняжеской до 30-хъ годовъ XVIII вѣка, хотя и изложенная по годамъ. Составленіе ея указываетъ на тотъ любопытный моментъ въ исторіи общественнаго развитія въ южной Руси, когда здѣсь періодъ лѣтописанія приходилъ къ концу, и въ средѣ болѣе образованныхъ слоевъ малороссійскаго общества явилась потребность въ систематически связной исторіи края. Первой попытки удовлетворить эту потребность нельзя не видѣть въ замѣчательномъ для своего времени трудѣ гадяцкаго

---

[1]) Оно издано въ книгѣ: „Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ, съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ „Хмельницкой“, „Краткаго описанія Малороссіи“ и „Собранія историческаго“. Кіевъ. 1878.

полковника Григорія Грабянки, человѣка ученаго и книжнаго, близко знакомаго съ малороссійскимъ и польскимъ лѣтописаніемъ. Составляя около 1710 года свою „Исторію о презѣльной брани", онъ предпослалъ ей введеніе „о началѣ проименованія козаковъ, отъ коего рода и племени, купно-же и древнѣйшихъ ихъ дѣйствіяхъ", послѣ чего слѣдуетъ у него сказаніе, „како Малая Россія подпаде лядскому игу", начинающееся отъ стараго Владиміра и междоусобія его сыновей. Но Грабянка не съумѣлъ до конца выдержать роли историка: съ эпохи Богдана Хмельницкаго его исторія болѣе и болѣе впадаетъ въ тонъ лѣтописи. Можетъ быть поэтому, а вѣрнѣе вслѣдствіе разбросанности и многорѣчивости, трудъ Грабянки не вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ земляковъ, желавшихъ имѣть связную исторію своей родины. И въ отвѣтъ на эти требованія явилось „Краткое описаніе Малороссіи". Основная мысль этого сочиненія — поставить собственно козацкій періодъ исторіи Малороссіи въ непосредственную связь съ эпохой болѣе ранней—великокняжеской. Эта мысль, помимо содержанія, видна уже въ самомъ заглавіи „Краткаго описанія", гдѣ неизвѣстный историкъ Малороссіи ставитъ себѣ задачей показать, „какъ оная, послѣ самодержавія великаго князя Владиміра, была подъ польскимъ владѣніемъ, и какъ нескоро послѣ того, по изгнаніи изъ оной ляховъ гетманомъ Зиновіемъ Богданомъ Хмельницкимъ, приведена подъ высокодержавную руку государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, самодержца всероссійскаго", и проч. Исходя изъ этой мысли и въ виду цѣлей преимущественно систематизаціи, автору „Краткаго описанія" не было нужды собирать историческія свѣдѣнія, подобно своему предшественнику, „зъ розныхъ лѣтописцовъ и изъ діаріушовъ и самобитныхъ старожиловъ свидѣтельствъ": воспользовавшись довольно обстоятельнымъ трудомъ Грабянки, онъ выбралъ изъ него все, что считалъ болѣе важнымъ въ исторіи Малороссіи, и передалъ это въ формѣ простаго и чрезвычайно сжатаго, но яснаго разсказа, доведя изложеніе событій по 1734 годъ. Что „Краткое описаніе" есть компиляція или, вѣрнѣе, выборка изъ лѣтописи Грабянки, въ этомъ легко убѣдиться, сличивъ эти сочиненія между собою; но, нужно отдать справедливость, компиляція эта составлена весьма искусно, такъ что представляетъ гораздо болѣе стройности и цѣлостности, чѣмъ ея оригиналъ. Языкъ „Описанія" гораздо болѣе приближается къ русскому литературному языку XVIII вѣка, нежели

въ другихъ малороссійскихъ лѣтописяхъ; въ немъ нѣтъ подражательности польско-латинскому стилю, какая замѣчается въ лѣтописи Величкн, и оно совершенно чуждо вычурности и церковно-славянской риторики лѣтописи Грабянки. Собственно въ немъ отброшена многорѣчивость послѣдней и принято только фактическое ея содержаніе, отчего „Описаніе", будучи по объему вдвое меньше лѣтописи Грабянки, немного уступаетъ въ полнотѣ содержанія своему оригиналу... Не смотря на множество фактическихъ и хронологическихъ ошибокъ, „Краткое описаніе Малороссіи", благодаря краткости и ясности своего изложенія, вполнѣ, какъ видно, пришлось по вкусу современникамъ и вскорѣ получило широкое и довольно разнообразное употребленіе. Такъ, историкъ Малороссіи Н. Маркевичъ свидѣтельствуетъ, что гетманъ Разумовскій приказалъ сдѣлать съ этой хроники копію, оригиналъ которой онъ подарилъ потомъ академіи наукъ. Копія впослѣдствіи находилась въ яготинской библіотекѣ князя Василія Николаевича Рѣпнина, а имъ получена по наслѣдству отъ матери его, княгини Варвары Алексѣевны, урожденной графини Разумовской, родной внуки гетмана. Этимъ же спискомъ пользовался и самъ Н. Маркевичъ, постоянно называя его въ своихъ ссылкахъ „лѣтописью гетмана Разумовскаго". Вслѣдъ затѣмъ, въ 1777 году, членъ Вольнаго Россійскаго Собранія при московскомъ университетѣ Василій Григорьевичъ Рубанъ издалъ свою „Краткую лѣтопись Малыя Россіи", будто-бы полученную имъ отъ преосвященнаго Георгія Конисскаго; но эта лѣтопись есть не что иное, какъ буквальный почти списокъ „Краткаго описанія". Небольшая разница между ними замѣчается въ томъ, что языкъ лѣтописи Рубана новѣе и чище, и кромѣ того нѣкоторыя событія (напр. войны Хмельницкаго) переданы болѣе сжато, иныя-же дополнены по другимъ записямъ; но для насъ ясно, что эти, чисто стилистическія, впрочемъ, измѣненія должны быть приписаны кіевскому полковнику, впослѣдствіи канцлеру и свѣтлѣйшему князю, Александру Андреевичу Безбородку, который, какъ видно изъ предисловія, дополнилъ лѣтопись Рубана изложеніемъ событій съ 1734 по 1776 годъ, а также составилъ „Изъявленіе образа правленія въ Малой Россіи" и приложилъ списокъ гетмановъ и другихъ старшинъ. Спустя 16-ть лѣтъ послѣ изданія лѣтописи Рубана, та-же самая хроника „Краткое описаніе" послужила основой и для другаго историческаго сочиненія о Малороссіи, изданнаго въ 1788 году въ Парижѣ Шереромъ,

подъ заглавіемъ: "Annales de la Petite Russie". Между прочимъ, этой хроникѣ суждено было войти, хотя отчасти, въ составъ одного изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ малороссійской исторической письменности — лѣтописи Самовидца. Это случилось въ половинѣ прошлаго вѣка. Одинъ изъ переписчиковъ лѣтописи Самовидца, желая округлить ее, списалъ изъ „Краткаго описанія" начало, гдѣ разсказывается о событіяхъ въ Малороссіи до войнъ Хмельницкаго, приточилъ къ лѣтописи Самовидца въ видѣ историческаго введенія къ ней, и продолжилъ эту лѣтопись, прерывающуюся 1702 годомъ, разсказомъ о событіяхъ по 1734 годъ, списавъ его изъ того-же „Описанія". Въ такомъ видѣ одинъ изъ списковъ лѣтописи Самовидца попалъ въ руки Бодянскаго, который при изданіи лѣтописи слѣдовалъ этому списку преимущественно [1]).

Авторъ „Разговора Великороссіи съ Малороссіей", очевидно, тоже принадлежалъ къ числу почитателей „Краткаго описанія Малороссіи"; но онъ не ограничился лишь заимствованіемъ историческаго матеріала изъ этого описанія и восполненіемъ его изъ доступныхъ ему источниковъ, а повелъ дѣло далѣе, подчинивъ этотъ матеріалъ опредѣленной, тенденціозной мысли и придавъ ему посильную литературную отдѣлку.

Мы уже знаемъ, что основною мыслію „Краткаго описанія Малороссіи" было поставить собственно козацкій періодъ исторіи Малороссіи въ непосредственную связь съ эпохой болѣе ранней—великокняжеской. Эта-же мысль отражается и на разсматриваемомъ нами „Разговорѣ"; но ближайшею, непосредственною задачею его было показать исконныя родственныя связи Малороссіи съ Великороссіей, существовавшія уже при первыхъ русскихъ князьяхъ, которыя временно нарушены были польскимъ владычествомъ надъ Малороссіей, но тѣмъ не менѣе всегда побуждали послѣднюю возсоединиться съ Великороссіей, а по возсоединеніи оказывать ей и русскимъ государямъ важныя услуги. Отсюда самъ собою слѣдуетъ выводъ, что Малороссія заслуживаетъ полной признательности и справедливости со стороны Великороссіи. Ближайшимъ поводомъ къ составленію „Разговора" могла быть перемѣна правительственныхъ отношеній къ

[1]) Лѣтопись Самовидца съ приложеніями, Кіевъ, 1878 г., предисловіе стр. III—VIII.

Малороссіи, послѣдовавшая со смертію Елизаветы Петровны, когда Екатерина II задумала уничтожить гетманское достоинство въ Малороссіи и сравнять послѣднюю съ Великороссіей и въ другихъ отношеніяхъ. Изъ „Разговора" видно, что на Малороссію теперь стали уже смотрѣть довольно косо, какъ на авантюристку, переходившую отъ одного государства къ другому, которая присоединилась къ Россіи только по необходимости, вслѣдствіе крайняго истощенія своихъ силъ въ борьбѣ съ врагами, и подъ владычествомъ Россіи запятнала себя измѣною въ лицѣ Мазепы. Чины малороссійскіе считались ниже соотвѣтствующихъ чиновъ великорусскихъ, да и самая Малороссія признавалась какъ бы вассальною страною по отношенію къ Великороссіи. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ началѣ царствованія Екатерины II нѣкоторые изъ малорусскихъ архіереевъ жаловались на приниженіе малорусскихъ духовныхъ лицъ предъ великорусскими въ это время. Въ 1763 году бѣлгородскій епископъ Іоасафъ Миткевичъ писалъ одному полтавскому пріятелю своему слѣдующее: „Бѣда да горе! всѣ теперъ малороссіяне вездѣ въ крайнемъ презрѣніи; самые честные люди остаются съ нашыхъ, а въ Тферъ, а въ Владиміръ промованы, которіи еще и недавно монахами съ русскихъ, однакъ добріе люде и достойные. Сіе по прочетѣ прошу сожечъ; а я разсуждая теперъ пребѣдное отчества состояніе, плачу и воздыхаю. Господи помилуй" [1]. Въ виду такихъ обстоятельствъ, авторъ „Разговора", какъ малорусскій патріотъ, старается доказать историческими фактами, что Малороссія искренно и чистосердечно присоединилась къ московскому государству и оказала ему громадныя услуги, что на нее не должно падать нареканіе за измѣну Мазепы, какъ единичнаго лица, которому не сочувствовала Малороссія, и что подобныхъ Мазепѣ измѣнниковъ своимъ государямъ въ самой Великороссіи было гораздо больше, чѣмъ въ Малороссіи. А какъ добровольно присоединившаяся къ московскому государству и постоянно остававшаяся ему вѣрною, она имѣетъ права на нѣкоторыя своеобразныя особенности, унаслѣдованныя отъ прежнихъ временъ, и на равенство съ Великороссіей въ чинахъ. Вотъ какъ отвѣчаетъ Малороссія Великороссіи въ „Разговорѣ":

---

[1]) Нѣсколько страницъ изъ хроники южнорусской епархіальной жизни въ прошломъ вѣкѣ, въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей", 1880 г., т. II, стр. 344.

Не тебѣ, государю твоему поддалась,
При которыхъ ты съ предковъ своихъ и родилась.
Не думай, чтобъ ты сама была мой властитель,
Но государь твой и мой общій повелитель.
А разность наша есть въ приложенихъ именахъ.
Ты Великая, а я Малая живемъ в смежнихъ странахъ.
Что-жъ я Малой называюсь, а ты Великой,
То какъ тебѣ, такъ и мнѣ ни мало не дико.
Ибо твои предѣлы пространнѣе моихъ,
А мои обширностями поменше твоихъ...
Такъ мы с тобою равни и одно составляемъ
Одному, не двумъ государямъ присягаемъ,—
Почему почитаю тебя равну себѣ.
Не говори: какъ обществу поддалась и тебѣ!
Самодержецъ твой и мой шлетъ тебя я меня,
Одинъ онъ отзываетъ изъ походу шля,
А не ты республикою повелѣваешь мною.
Ничѣмъ не умаленна царемъ я предъ тобою,
Оставленна также я при своихъ чинахъ всѣхъ,
Обнадежена и впредь милостію тѣхъ.

Послѣднія слова даютъ понять, что „Разговоръ" составленъ до упраздненія гетманскаго достоинства, съ отказомъ Разумовскаго отъ гетманства въ 1764 году. Это отчасти подверждаетъ и самый языкъ „Разговора", по словамъ Бецкаго, значительно „омоскалившійся", который на этомъ пути занимаетъ середину между „Краткимъ описаніемъ Малороссіи" 1734 года и „Краткою лѣтописью Малыя Россіи" Рубана, 1777 года.

Въ видахъ публицистическихъ, авторъ придалъ своему „Разговору" литературную форму и отдѣлку. „Разговоръ", очевидно, писанъ лицомъ, получившимъ образованіе въ южно-русскихъ школахъ прошлаго вѣка и, можетъ быть, въ кіевской академіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ силлабическія вирши „Разговора", также нѣкоторые излюбленные южно-русскими школьниками сюжеты, попадающіеся въ „Разговорѣ", наконецъ и самая литературная форма этого произведенія. Послѣ появленія тоническаго стихосложенія Ломоносова, силлабическія вирши продолжали употребляться только въ южнорусскихъ школахъ и употреблялись здѣсь приблизительно до 1767 года[1]). Здѣсь, съ легкой руки Ѳеофана Прокопо-

[1]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кіевской академіи" отъ начала ея до преобразованія въ 1819 году", въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акадаміи", за іюль, 1866 г., стр. 330.

вича, седмая элегія Овидія въ 1-й книгѣ его Tristium передѣлывалась южнорусскими стихотворцами на разные лады[1]). Подобную передѣлку той-же самой элегіи мы встрѣчаемъ и въ „Разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей", влагаемую здѣсь въ уста козаковъ, оплакивавшихъ смерть Богдана Хмельницкаго. Самая форма произведенія,—разговоръ или діалогъ, тоже очень нерѣдко встрѣчается въ южнорусской школьной литературѣ. Такъ, мы встрѣчаемъ въ XVIII вѣкѣ, между произведеніями южнорусскихъ ученыхъ: „Разговоръ гражданина съ селяниномъ да дьячкомъ или пѣвцомъ" и „Разговоръ гражданина съ тектономъ или древодѣлемъ" Ѳ. Прокоповича, Діалогъ двухъ учениковъ предъ Елизаветою Петровною въ 1744 году, Діалогъ пастырей, писанный послѣ 1750 года, Разговоръ священника съ іеромонахомъ объ ожидаемомъ улучшеніи быта духовенства, послѣ 1775 года[2]), Стихотворный сатирическій разговоръ кіево-печерскихъ монаховъ, 1 мая, 1786 года, по поводу предстоявшаго отобранія монастырскихъ имуществъ въ казну[3]), и др. По своему строю и складу, „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей" ближе всего подходитъ къ разговорамъ Ѳеофана Прокоповича и отчасти къ „Разговору священника съ іеромонахомъ", отличаясь отъ нихъ только стихотворнымъ размѣромъ. Что-же касается содержанія и характера, то въ этомъ отношеніи нашъ „Разговоръ" стоитъ гораздо выше означенныхъ разговоровъ Ѳ. Прокоповича и „Разговора священника съ іеромонахомъ" и можетъ быть поставленъ рядомъ съ замѣчательнымъ по своему времени драматическимъ произведеніемъ кіевской академіи, подъ заглавіемъ „Милость Божія", 1728 года. Послѣдняя пьеса написана по поводу возшествія на престолъ Петра II и возстановленія гетманскаго достоинства въ лицѣ Даніила Апостола и съ благоговѣніемъ воспоминаетъ Богдана Хмельницкаго, какъ идеальную личность въ козацкой исторіи[4]). Равнымъ образомъ и „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей", пробѣгая всю почти исторію Малороссіи, съ особливою внимательностію и любовію останавливается на эпохѣ Богдана Хмельницкаго и ставитъ его въ центрѣ мало-

---

[1]) Тамъ-же за январь, 1867 г., стр. 101. См. мои „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.", 1881 г., стр. 17.

[2]) „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.", 1881 г., стр. 26 и др.

[3]) Изданъ въ „Русской Старинѣ" за 1880 годъ.

[4]) „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка" 1880 г., стр. 51 и слѣд.

русской исторіи. Сходенъ нѣсколько и анализъ чувствъ дѣйствующихъ лицъ въ обѣихъ пьесахъ. Но авторъ „Разговора" писалъ уже его не на школьной скамьѣ и присматривался къ дѣламъ внутренней политики Россіи не изъ-за школьныхъ стѣнъ, а болѣе близко и непосредственно. Очень можетъ быть, что онъ и самъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ воинскихъ дѣлахъ, о которыхъ въ первый разъ сообщаются свѣдѣнія въ его „Разговорѣ".

Передаемъ самый текстъ „Разговора", насколько онъ сохранился, съ подстрочными примѣчаніями къ нему, допустивъ въ ореографіи его, въ мѣстахъ потребныхъ, *ы* вм. господствовавшаго *и*.

Н. Петровъ.

Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею.

Великороссія. Кто ты такова родомъ, откуду взялася?
Скажи, скажи начало, съ чего произвелася?

Малороссія. Отъ древнихъ казаровъ родъ веду и начало [1]),
Названій сперва было у меня немало;
Ибо, по полунощныхъ разсѣянна странахъ,
Въ готскихъ, жмудскихъ и другихъ слыла я именахъ.

В.-Р. И нынѣ какъ зовешся—обяви точно мнѣ,
Подъ кимъ прежде жила, иль кто подлежалъ къ тебѣ?

М.-Р. Отъ разсѣяній Малой Россіею слыву [2]),
Издавна своими было вождами живу
И неприятелямъ многимъ сопротивлялась,
Силно, храбро и бодро съ ними сражалась,
Потомъ къ полскимъ королямъ стала ужъ надлежать,
А оттуда отдалась другихъ царей искать.

---

[1]) О казарскомъ происхожденіи козачества довольно любопытную статью г. Изопольскаго помѣстилъ Виленскій сборникъ Atheneum, издав. г. Крашевскимъ. См. »Исторію Новой Сѣчи«, А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 г., ч. 1, стр. 23.

[2]) О производствѣ названія Россіи отъ »россѣянія« см. »Синопсисъ« Иннокентія Гизеля, Кіевъ, 1678 г., лист. 7.

В.-Р. Кому послѣ в защиту себя привернула
И кому повѣкъ ужо служить присягнула?
М.-Р. Россійскаго Государя предъ всѣми почла,
Ему доброволно себя вѣчно предала
В.-Р. Зачимъ было тебѣ отъ Полши отдиляця,
Зачимъ другому государю предаваця?
Видно, что не можешъ при одномъ долго служить,
Рвешся толко туда и сюда переходить;
Одна самоволность тебя к тому доводитъ,
Которая ненависть к тебѣ другихъ родитъ.
М.-Р. Сего вправду сказать ты не можетъ про меня,
Будто по самоволности перехожу я:
Но видя толь славнаго россійскаго царя,
Поддаласъ ему вѣчно, на турковъ несмотря,
Кои много разъ ко мнѣ дары присылали
И поддачи моей имъ всемѣрно желали.
Я-жъ христианскаго государя предпочла,
Ему в защищеніе повѣкъ себя дала;
Ибо тамъ силы мои много истощались,
Когда поляки злобно надо-мною здѣвались,
Почему здѣсь я уже на вѣкъ утвержденна,
Силною рукою отъ враговъ будучи спасенна.
В.-Р. Такъ ты толко видно тѣмъ вздумала поддаця,
Что не могла своею тамъ силою защищаться,
А не по усердію и вѣрности прямой,
И сидя спокойно ползуешся толко мной?
М.Р. Усердіе мое и вѣрность видишь явну,
Доброволну поддачу почетъ за вещь главну,
Чего ежелибы во мнѣ вправду не было,
Войско бы мое себя ему не поддало,
Но искало-бъ въ защиту свою власти другой.
Вспомни, чтò представила я выше предъ тобой!
И сего не можешь промолвить ты устами,
Будто одними живу твоими трудами;

Ибо в мирно толко время спокойно сижу,
А в воинское и своихъ всѣхъ силъ не щажу.
В.-Р. Да гдѣ и какіе твои силы и сколко?
М.-Р. Войска моего щитается нынѣ столко,
Что можно сто иль болше еще тысячь набрать.
Ежели просто толко числомъ полки щитать,
Но имѣю десять весма доволныхъ полковъ [1]),
Кои изъ самихъ лучшихъ состоятъ козаковъ.
А о мѣстѣ и качествѣ спрашивать странно,—
Оно въ своихъ предѣлахъ стройно и пространно.
В.-Р. Есть ли экзерциція воинская у нихъ,
И были-ль гдѣ в походахъ и именно в какихъ,
Кто надъ оними былъ и естъ комендиръ главной,—
Представъ, буди знаешь ты, свой видъ какой явной.
М.-Р. Хотя экзерциціи далной у мене нѣтъ,
Однакъ к воинскимъ дѣламъ привыкла з давнихъ лѣтъ
И неутомимой храбростію своей
Притупила непріятелскихъ много мечей.
Про проворство-жъ мое воинское в походѣ
Скажу тебѣ, что было в трицять пятомъ годѣ.
Анны императрици послѣдовалъ указъ
Выбрать изъ козаковъ сто для пробы одинъ разъ
И отослать онихъ до пруского короля,
Чтобъ обучить военной регули немедля,
Дабы из того лучше было можно усмотрѣть,
Какихъ козацкая храбрость есть въ себѣ примѣтъ,
Кои за одинъ годъ такъ остро обучены,
Что когда в Санктъ-Питербурхъ были приведены
И предъ самимъ Государыни оной лицемъ
Регулу воинскую оказали во всемъ;

---

[1]) Въ 1776 году были слѣдующіе 10 полковъ: стародубскій, черниговскій, кіевскій, нѣжинскій, прилуцкій, переяславскій, лубенскій, гадячскій, миргородскій и полтавскій. См. »Изъясненіе настоящаго образа правленія Малыя Россіи«, при »Краткой лѣтописи Малыя Россіи«, Рубана, 1777 года.

То Государыня при многихъ тамъ господахъ
Дивуясь, изволила откриться в сихъ словахъ:
Доволна-бъ я была,
Когда-бъ гвардія моя такъ явится могла.
И такъ онимъ козакамъ награжденіе давъ,
Къ Глухову означенны (х) при указѣ пославъ [1]).
Бросили козаковъ учить регули съ поръ тѣхъ,
Разсуждая, что природна храбрость у нихъ всѣхъ.
За той же Государыни на четвертой годъ (1739)
Минихъ, ненавидя малороссійской народъ,
Когда на вопросъ отъ Ея Величества данъ
Злобно похулить вздумалъ всѣхъ малороссіянъ,
То притомъ другой фелтмаршалъ Лессій обличилъ
Оную Миниха неправость и обявилъ,
Что малороссійской народъ во всомъ усердній,
Россійскому государству нелестно верній
И въ сопротивленіяхъ воинскихъ такъ открытъ,
Что никто себя тамъ по вѣрности нещадитъ [2]).
В.-Р. С нетерпеливостію жду отъ тебя отвѣта,—
Бывала-ль въ походахъ и которого лѣта!
Скажи мнѣ и про своихъ началниковъ главнихъ!
А стройность твою уже вижу въ видахъ явнихъ.

---

[1]) Въ полномъ собраніи законовъ россійской имперіи мы не нашли такого указа.

[2]) О неблагопріятныхъ отзывахъ Миниха насчетъ козаковъ см. »Исторію Россіи«, Соловьева, т. XX, стр. 98, 117 и др. По словамъ-же Географическаго Словаря (ч. II, стр. 18), »нѣсколько тысячъ человѣкъ (запорожскихъ козаковъ) ходили въ 1736 году съ фельдмаршаломъ графомъ Лассіемъ въ Крымъ и чинило арміи вспоможеніе при завоеваніи Перекопа, Козлова и ханской столицы Бахчисарая. За что фельдмаршалъ храбрые ихъ поступки при дворѣ такъ выхвалилъ, что имъ присланы были отъ Ея Величества, вмѣстѣ съ милостивою грамотою, одинъ большой и четыре малыхъ штандарта, съ государственнымъ гербомъ, бунчукъ, обшитый золотою парчею, серебрянная позолоченная булава для кошеваго и другіе позолоченные серебряные и каменьями осыпанные знаки, также знатная сумма денегъ въ подарокъ«. См. Исторію Новой Сѣчи А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 г., т. II, стр. 101.

М.-Р Тысяча пятьсотъ шестого года
Первой гетманъ мой былъ сенаторскаго рода
Леславъ Ляцкоронскій. Сей когда мною управлялъ
Многократно съ козаками турковъ побиждалъ.
Двацять восѣмъ лѣтъ спустя Венжикъ Хмелницкій былъ:
Сей гетманъ подъ Заглавемъ орду мною поразилъ,
Которая какъ многочисленна ни была,
Храбрости однакъ моей одолѣть не могла.
Послѣ сорока лѣтъ потомъ гетманъ Свѣрговскій,
С которымъ вмѣстѣ былъ и господаръ волоскій,
Одержалъ надъ турками четырнадцать побѣдъ,
Побивъ и плѣнныхъ много погнавъ за собою вслѣдъ.
Году тысяча пятьсотъ семъдесятъ шестого
Гетманъ Богданко татаръ крымскихъ плѣнилъ много,
А осталныхъ тамже наголову побилъ всѣхъ,
Повоевавъ разорилъ в татарскихъ странахъ тѣхъ [1]).
В.-Р. Знаю ужъ, что началники твои гетманы.
Скажи еще признаки (про знаки) и кимъ прежъ имъ даны,
О побѣдахъ также, естли болше имѣла,
Скажи, надъ кимъ и съ какимъ при комъ гдѣ успѣла!
М.-Р. Я въкратцѣ выше сего обявила тебѣ,
Много распространять не хотѣла о себѣ
И тѣмъ побѣдъ своихъ пропустила не мало;
Но когда хочешъ слушать, скажу и начало.

---

[1]) О первыхъ гетманахъ здѣсь сказано на основаніи »Краткаго описанія Малороссіи« 1734 г. Мы приводимъ изъ него соотвѣтствующія мѣста по кіевскому изданію 1878 года. »И въ року 1506 первий былъ гетманъ войскъ запорозскихъ изъ фамилии сенаторской именуемый Прецлавъ Лянцкоронскій. Сей многократно землю турецкую съ козаками щастливо воевалъ... 1534. Послѣ того былъ гетманомъ запорожскимъ козакъ Венжикъ Хмелнѣцкий и побылъ великую орду под Заславямъ на Волинѣ. 1574. Опослѣ же, при королѣ полскомъ Генрикѣ французѣ, былъ гетманъ запорожскій Свѣрговскій, который з Иванею, господаремъ волоскимъ, по 14 щастливихъ имъ войнахъ на турковъ, на остатокъ от турковъ в Волохахъ убитъ зосталъ со всѣмъ войскомъ. 1574. Послѣ былъ гетманъ Богданко. Сей повоевалъ Кримъ«. (стр. 212 и сл.).

Козаки издавна воинскими дѣлами
Бывали весма храбри своими полками.
На крѣпкой тотъ городъ Цариградъ наступали,
Турковъ и татаръ безчисленно поражали,
Самоволно ходили в помочь царствамъ инимъ,
Безъ платежа служили королевствамъ другимъ,
По воинской охотѣ себе не щадили,
Рѣки переплавали, моря преходили.
Одна та к принятію великихъ нуждъ гнала,
Одна та войной прославлятся понуждала,
Не могла терпѣть и лѣта моя живна кровь,
Чтобъ не послать куда на брань своихъ козаковъ.
Да и сами они нарѣкали на меня,
Если когда скрою войну, в дому ихъ держа.
С великимъ стремленіемъ бѣжали сражаться,
В несказаннія труды горѣли вдаватся,
За отечество, вѣру и вѣрность всѣ бились.
В многихъ опасностяхъ безстрашни находились.
„Доставь, доставь, небо, предковъ нашихъ цѣлость намъ!
Доставь,—кричали,—чтобъ мы не служили врагамъ“!
Россія Малая в цѣлости своей зовусь,
За сыновъ своихъ з непріятелями в кровь бьюсь.
Сыновя мои вѣрни пребудутъ в вѣкъ при мнѣ,
Додержатъ до конца добру храбрость при себѣ
Самопалы, обухи, луки, колчаны стрѣлъ
И списы—оружіе ихъ было из давнихъ временъ.
Тѣмъ однѣмъ предѣлы свои прежь защищали,
С тѣмъ однѣмъ и вдаль к непріятелю ступали.
А о множествѣ толь храбрыхъ козаковъ моихъ
Напомню тебѣ то, что̀ нѣкто сказалъ про нихъ.
Когда салтанъ турецкій объ нихъ спрашивать сталъ,
Именемъ всего общества одинъ отвѣчалъ:
„У насъ что лоза или байракъ, то и козакъ“.
Ибо в малыхъ куреняхъ жили по сту, двѣстѣ
И поболше козаковъ согласно всѣ вмѣстѣ,

Коихъ упражненіе состояло въ войнѣ.
Гнали непріятелей звнутръ себя и внѣ
И такимъ образомъ славились побѣждая,
Богатились, воински добычи взимая.
В тысяча пятьсотъ пятомъ году татаръ збили,
Огнемъ и мечемъ всю землю ихъ поразили.
До тѣхъ поръ козаки с выборними своими
Продолжали брань кровну з землями чужими.
Потомъ Стефанъ Баторій король полскій славній
Привелъ козаковъ еще в лучшій строй и главный;
Ибо чрезъ годъ гетмана над ними поставилъ,
Волности вновь надалъ и прежніе доставилъ,
И прислалъ ему арматы, бунчукъ з булавою
И всякіе воинскіе припасы з корогвою,
Учредивъ тожъ по гетманѣ обозныхъ судей,
Асауловъ, здѣлавъ порядокъ в ихъ странѣ всей,
Опредѣливъ также и полковниковъ в полкахъ,
Привилегіями ствердилъ въ вѣчныхъ временахъ.
При семъ королѣ первій гетманъ опредѣленъ,
Кой в исчисленіи краткомъ выше обявленъ.
На тысячу миль Азію повоевали,
Тогда и Трапезонъ в турковъ козаки взяли
И подъ Константинополемъ с своими браты
Побрали тожъ добычи многія богаты.
А при гетманѣ Шаху (1577 года) молдавцовъ побили,
Такъ что все ихъ войско в крайней бѣдѣ стѣснили.
Гетманъ Петръ Канашевичъ Кефу городъ досталъ
И многихъ плѣнныхъ своихъ отъ турковъ назадъ взялъ.
Онъ же и подъ Хотѣню такъ ихъ преодолѣлъ,
Что из всего войска едва полкъ остался цѣлъ [1]).

---

[1]) О гетманахъ со времени Стефана Баторія, упоминаемыхъ въ »Разговорѣ«, въ »Краткомъ описаніи Малороссіи« говорится слѣдующее: »При Стефанѣ-же Баторіи королѣ полскомъ, в томъ же 1576 году, козаки въ лучшій порядокъ устроени, который, ради ихъ мужества, поставилъ самъ имъ гетмана, давъ имъ коруговъ, бунчукъ и булаву и печать съ гербомъ, то есть рицеръ с самопаломъ,

Видишъ, какъ сильна я войскомъ своимъ была
Прежде, и какъ подъ полскою короною жила!
Сего обявленія храбрости отъ меня
Довольно уже, думаю, будетъ для тебя.
В.-Р. Ахъ, какъ ты скучна! уже-ль тебѣ говорить лѣнь?
Для сихъ забавъ пожалуй, проводи со мною день!
М.-Р. Достанется и ночи, какъ загремлю войною.
Храбрость моя пространна,—бодрствуй толко со мною!
Я тебе къ той точкѣ привела своею рѣчью,
Какъ жила подъ Полщею з Запорожской Сѣчю
И на войнахъ была з своими козаками,
Побѣждая и обладая городами.
А нынѣ обявлю ужъ со славой то время,
Какъ сложивъ зъ себя ляховъ несносное бремя,
Воевала с ними и з другими народы,
Проходя многотрудно горы, поля, воды;
Покажу и причину, зачимъ отдалилась;
Представлю, что не без обиды съ нею билась.
Начали ляхи к западной церквѣ приводить,
Несносни дани налагать, за недачу-жъ бить;
Козацкихъ дѣтей в котлахъ тирянско варили,
Женамъ сосцы отрѣзовали и мертвили [1]).

на головѣ колпакъ перекривленый, и рогъ при боку... Да тотъ же король Баторій и старшину войсковую у нихъ учредилъ: обозныхъ, судей, писарей, асауловъ, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ... В то время козаки, напавши в Азию, на 1000 миль повоевали, Трапезонтъ взяли и изсѣкли, Синопъ до фундаменту опровергли и под Константинополемъ користи побрали (стр. 214)... Да въ томъ же 1577 году былъ гетманъ запорожскій... Шахъ, при которомъ козаки... многіе бѣды волохамъ нападками дѣлали... Петръ Конашевичъ Сагайдачный гетманомъ отозвался, который съ козаками Кафу, турецкій городъ надъ моремъ (нынѣ Ѳеодосія), звоевалъ и, многихъ християнъ оттуду свободивши, съ богатими користми вернулся... Року 1621 Сагайдачный паки учиненъ гетманомъ, который..., собравши 6000 реестровихъ козаковъ, ходилъ съ ляхами подъ Хотѣнь на турка, котораго тамъ и побѣдили« (стр. 215—216).

[1]) Соотвѣтствующее мѣсто въ »Краткомъ описаніи Малороссіи« читается такъ: поляки »великую свободу козакамъ отняли и тяжкие и вымыслные подати

И что толко ко озлобленію вздумать могли,
Производили въ дѣло: грабили домы, жгли.
Для того за такое нарушеніе церквей
И страшное мученіе козацкихъ дѣтей,
Выбравъ гетманомъ Тараса надъ собой всѣми,
Сыграли войну подъ Переясловомъ с тѣми,
Гдѣ поляковъ побито премногое число;
Не мало тожъ и в полонъ въ мою страну пришло [1]).
До тогожъ за трицять одинъ годъ в полскихъ странахъ
Гетманъ Наливайко Слуцкъ и Могилевъ сжегъ въ прахъ
И безмѣрное побилъ тамъ множество ляховъ,
Приводившихъ къ западу восточныхъ козаковъ [2]),
Кои с тѣхъ поръ начало к войнѣ возимѣли,
На ляховъ с полками своими зашумѣли.
Почему тѣ со мною то лестно примирались,
То опять, нарушая миръ, дратся вновь рвались.
И какъ ни начинали жестокую войну,—
Поражали козаки силу ихъ не одну.
По переясловской войнѣ десятъ лѣтъ спустя,
Ляхи козаковъ войною погубить всѣхъ хотя,
Не толко успѣху в мысляхъ не получили,
Но и сами еще себя тамъ погубили;
Ибо в прежестокомъ вимерзли всѣ морозѣ
И с лошадей падая погибли в обозѣ [3]).

наложили необычно, церквы и образы церковные жидамъ распродали, дѣтей козацкихъ въ котлахъ варили, жонкамъ перси деревомъ витискали и протчая« (стр. 218).

[1]) »1628. Ради великихъ тягостей и озлобленій не токмо козакамъ, но и церквамъ русскимъ, отъ поляковъ творимыхъ, повставши козаки на ихъ, обрали гетмана Тараса и, учинивши съ ляхами баталію подъ Переясловомъ, множество ихъ побили и примирились«. Тамъ-же, стр. 217.

[2]) »За тую ж унѣю (1594) взявшись потомъ противъ ляховъ, гетманъ запорожский Наливайко съ козаками Слуцкъ и Могилевъ спалилъ и ляховъ многихъ спалилъ«. Тамъ же, стр. 215.

[3]) »Въ томъ року 1638 собралися—били козаки с Полторакожухомъ гетманомъ на Мерлѣ, но тамъ розбѣглися, послихавши о приходѣ князя Вишневец-

А при свободители всей Малой Россіи
Какъ славно пораженны были ляхи сіи!
Храбрій тотъ Хмелницкій козаковъ предводитель
Много разъ оставался надъ ними побѣдитель.
Онъ отдалилъ отъ Полши всю козаковъ силу,
Окружилъ ляховъ войскомъ спреды и стылу.
Тамъ отъ ревучого треску стогнала земля,
Пала на мѣстѣ не одна тысяча етеня.
Звукъ огненныхъ оружій давалъ эхо лѣсамъ,
Стался густой дымъ в поляхъ по полскимъ головамъ;
Рвы, долины ровнялись съ холмами, горами,
Наполненны были кровавими рѣками.
А кои имѣли щастіе в живихъ остатъся,
Начали всѣ отъ страху въ бѣгство обращатся.
Почему тогда Потоцкій гетманъ коронный,
Ободряя всякой полкъ свой пѣшій и конный,
Принуждалъ къ сопротивленію козакамъ тѣмъ:
Стыдно, говорилъ, не защищать себя намъ всѣмъ.
И хотя ляхи оправиться опять рвались,
Однакъ какъ снопи при силнихъ мечахъ валялись.
Причемъ преужасному дожду быть случилось,
Итакъ все ружье ихъ огненно помочилось.
Симъ образомъ поляки главно пораженни,
Такъ что всѣ ужъ къ послѣдней бѣдѣ приведенни.
Сынъ Потоцкого, два рази раненъ стрѣльбою,
Палъ с лошадѣ и умеръ на829 ономъ же бою.
Обозъ ихъ разграбленъ, протчіе побраны в плѣнъ.
Одна толко мертвихъ осталась на поляхъ тѣнь,
Да Грешинскій, которий по щастію убѣжалъ,
Но и тотъ отъ козаковъ много ранъ тамъ досталъ [1]).

кого. Однакожъ тогда и безъ войны поляковъ многое число погибло от жестокихъ морозовъ«. Тамъ-же, стр. 218.

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о битвѣ надъ Желтыми Водами, 1648 г. »По веснѣ гетманъ коронный и каштелянъ Павелъ Потоцкій командировалъ сына своего Стефана въ 6,000 ляховъ полемъ, а Барабаша, учинивши за присягою гетманомъ

Потомъ того-жъ шестьсотъ сорокъ осмого году
Ляхи, ваявъ еще своего много народу,
Собрались подъ Корсуномъ съ армѣею другой,
Гдѣ услишавъ о славной козацкой силѣ той,
Стали было отъ страху проломомъ уходить,
Чтобъ и другой арміи также не погубить.
Но козаки приспѣвъ ляховъ с лошадей збили
А пѣхоту полску такъ крѣпко воспятили,
Что поляки и нехотя зсѣдши съ лошадей
Войну имѣли с козаками нѣсколко дней,
Гдѣ побити на голову многіе изъ нихъ,
И обозъ также ввесь тамъ бѣдно разграбленъ ихъ.
Здѣсь козаки, при помочѣ кримскаго хана,
Плѣнили Потоцкого полского гетмана
И другого Калѣновского въ полонъ взяли,
Причемъ и полководцовъ много тежъ побрали [1]).

запорожскимъ, въ 6,000 реестровихъ козаковъ водою днѣпровою при жолнѣрахъ нѣмецкихъ, зовемыхъ гусария, на Запорожье виправилъ ловить тамъ и разгромить Хмелницкого... Но Хмелницкій вишолъ з луговъ въ поле на Жолтые Воды, первѣ послалъ Ганджу до реестровыхъ козаковъ къ Днѣпру перемовлять ихъ на свою сторону и перемовилъ, где заразъ Барабаша Хвилонъ Джеджелѣй сkололъ сонного, а потомъ и всю старшину ихъ и лядскихъ полковниковъ то побили, то потопили, и из драгунѣею нѣмецкою, ляхамъ измѣнившею, до Хмелницкаго пришли. И такъ, когда генералъ сынъ Потоцкого наспѣлъ съ войскомъ своимъ до Жолтихъ Водъ, тотъ часъ баталѣя сдѣлалась и прогнаны ляхи къ Княжимъ Байракамъ, где Потоцкій убитъ зосталъ, а с нимъ и комѣсаръ казацкій, и войско его иное въ полонь взято..., а иныхъ посѣчено съ помощию татаръ«. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 220. Но здѣсь ничего не говорится о Грешинскомъ, упоминаемомъ въ »Разговорѣ«.

[1]) »Того жъ року (1648), якъ собралися гетмани полскіе, самъ Потоцкій коронній и Калѣновскій полный, съ войскомъ полскимъ отъ Стеблева, за милю будучи къ Корсуну, и начали битися съ козаками и татарами«. Обманутые ложнымъ извѣстіемъ о приближеніи большихъ силъ татарскихъ и козацкихъ, они пошли было на проломъ и заведены провожатымъ козакомъ въ долины, яруги и болото. »Когда ляхи одни на гору ступали, а другие въ болото входили, тогда Хмелницкій вдарилъ на нихъ и обозъ разгромилъ весь, и ихъ посѣкши, козаки користи забрали, гетмановъ-же обѣихъ съ прочими панами полскими взяли татаре въ полонь«. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 220—1.

Заставляла поляковъ кровна побѣда та
Просить у козаковъ оставшимся живота.
В томже годѣ тотъ-же гетманъ Зѣновій Богданъ
Подъ Пилявцами городомъ имѣлъ с ними брань,
Гдѣ онъ с четирма тисячами козацкихъ силъ
Да татаръ столко жъ ужасно ляховъ поразилъ.
Шестъдесятъ тысячъ рядовихъ поляковъ пало,
А и знатнаго шляхетства также не мало [1]).
Страхъ и трепетъ Хмельницкій полского народа,
Побѣдилъ ихъ и подъ Збаражемъ того-жъ года,
Онъ же и подъ Зборовомъ далъ себя славно знать,
Вѣчно будутъ ляхи тотъ проиграшъ вспоминать.
Во время ужасного бою на мѣстѣ томъ,
В пророчество бѣды полякамъ, ударилъ громъ.
И когда трѣскучіе облака наступили,
То и знамена и корогви ихъ разбили.
Не было пищи имъ, ни корму ихъ лошадямъ,
Для того всѣхъ оныхъ отогнали къ козакамъ,
А сами по неволѣ той пѣши остались,
Не бились уже, но жизни отчаевались.
Ибо окопалъ ихъ Хмелницкій округъ валомъ
И стѣснилъ войско оныхъ в одномъ мѣстѣ маломъ,
Такъ что послѣдній конецъ приходилъ имъ уже.
Поѣли бывшіе съистние припаси всѣ,
Почему здѣлался великой голодъ у нихъ:
Начали ляхи искать у полѣ костей гнилихъ;
З жадностію ѣли мясо смраднихъ лошадей;
Ловили для пищи кошекъ, собакъ и мишей.

---

[1]) »Да того жъ 1648 року, сентеврия послѣдныхъ чиселъ, под Пѣлявкою городкомъ страшная война была съ превеликою ляховъ бѣдою, где шестдесятъ тысячъ ляховъ пановъ, а слугъ и пахолковъ ихъ стройно шесть тисячъ, ружейныхъ втрое противъ того числа, Хмелницкій съ козаками и съ 4000 татаръ при Карачѣ бею Мурзѣ, побѣдивши, однихъ порубилъ, другихъ прогналъ«. Тамъ-же, стр. 222.

За одну песю лапку другъ зъ другомъ въ кровь билиеь.
Страшно и жалко смотрѣть было, какъ живились:
За маленкую криху (по другому списку — *крису*) на поединокъ шли,
Одну оную на тисящния части влекли;
Инии-жъ жарку землю кусали зубами,
С конскимъ навозомъ рвали оную устами [1]).
Смотри, до чего храбрость козацка привела!
Разсуждай, какъ Полща отъ ней стѣснена была!
Но сего недоволно,—скажу еще много,
Что было ей того-жъ году сорокъ осмого.
Козаки подъ Берестечкомъ с помочю татаръ
Вступили с ляхами в силной сраженія жаръ,
Гдѣ славны ротмистри с полковникомъ Стаднѣцкимъ
И прочие знатнѣйшіе побити Хмелницкимъ.
Знатнѣйшихъ число до пятисотъ простиралось,
А рядовихъ всѣхъ нѣсколко тысячъ считалось.
Одинъ же тотъ годъ и подъ Бѣлу-Церковь водилъ,
Одинъ тотъ-же ляховъ и тамъ силно поразилъ.
Хмелницкого предводителство и тамъ было,
Хмелницкого щастіе и тамъ войнѣ помогло.
Онъ безстрашно и горячо вступилъ въ брань с ними,
Розбилъ тожъ все ихъ войско полками своими.

---

1) »Ханъ кримскій съ ордою самъ до Хмелницкаго пришолъ въ 1649 року, съ которымъ когда войско козацкое совокупилось под Збаражемъ, то и поляки, виведши полки, обози свои валомъ обнесли. Однако въ окопѣ многіе отъ стрѣлбы козацкой пропали, чего ради тѣснѣйше другіе вали здѣлали себѣ и потомъ еще узшіе, далѣе же конѣ свои за окопъ къ козакамъ вигнали, а на остатокъ для стѣсненія ихъ самъ Хмелницкій велѣлъ окопать вкругъ валомъ, где поляки, по истощаніи живности, съ голоду конские мяса и собачие и кошечие и миши ѣли, землю спеклую кусали зубами; тамъ козаки ляховъ облеженцовъ, близко къ нимъ приходячи, неисповѣдимо ругали и укоряли по-своему«. Поляки дали тайно знать о своемъ положеніи королю, который съ 20,000 отборнаго войска уже приближался къ Збаражу. »Но Хмелницкій, туда съ комонникомъ и с татарами пошедши противъ короля и нечаянно вдаривши на обозъ под Зборовонъ, первѣе пѣхоту, раздѣлившуюся въ маршѣ, а потомъ конницу людскую посѣкъ«. Тамъ-же, стр. 224—225.

Мертвыми тѣлами поля были покрити,
Тысячи самихъ знатнѣйшихъ ляховъ побити,
Чего и Воловичъ главній ихъ не избѣжалъ,
Силною рукою ввесь изсѣченъ мертвъ на землю палъ.
Стенаніе раненыхъ отдавала земля,
Шумѣла горячой побитихъ кровю кипя.
Тамъ солнечніе лучи тупо проходили,
Густыя тѣни тѣлъ мертвыхъ холми покрыли;
Поля багряннымъ были залиты всѣ блескомъ,
Рвались лѣса козацкимъ огненнымъ трескомъ;
Усугублялъ облаки тамъ густой дымъ с огнемъ;
Грозилъ еще козакъ ляхамъ кровавымъ мечемъ,
Рвался, ярился или самому в конецъ пасть,
Иль до остатку избить всю области ихъ часть;
Свивалась пѣна бѣлымъ клубкомъ въ устахъ его,
Казала еще громъ на ляха врага того,
Искалъ онъ по вертепамъ, пропастямъ земнымъ, рвамъ,
Хотѣлъ и память истребить к вѣчнымъ временамъ[1]).
Такимъ убѣжденни будучи ляхи страхомъ,
Даби не пошла вся земля ихъ въ конецъ прахомъ,
Слезно козаковъ начали о мирѣ просить,
Обѣщая имъ всѣ волности возстановить,
Почему Хмелницкій со всѣмъ козацкимъ зборомъ
И заключилъ с ними миръ с онимъ договоромъ.
Но и слѣдуючему лѣту понеже опять
Лестніе ляхи стали козаковъ утѣснять
И препятствовали сыну его во всю мочь
Взять за себя волоского (вар. молдавского) господаря дочь;

[1]) Здѣсь говорится о битвахъ козаковъ съ поляками подъ Берестечкомъ и Бѣлою-Церковію, происходившихъ не въ 1648 году, какъ значится въ «Разговорѣ», а въ 1651 году. Битвы эти были несчастны для козаковъ; но «Разговоръ» умалчиваетъ объ этомъ и даже, вопреки всѣмъ источникамъ, представляетъ козаковъ побѣдителями. Ничего подобнаго нѣтъ въ «Краткомъ описаніи Малороссіи», которымъ авторъ «Разговора» преимущественно пользовался въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія.

Для того Хмелницкій, с татарами согласясь,
Мечемъ порубилъ ляховъ, с Калѣновскимъ сразясь,
Которій полской оной короны тотъ гетманъ
На семъ страшномъ сраженіи также смерти преданъ,
И Собецкій староста Красноставскій скончался
Побижденъ и убитъ, какъ силно ни опирался.
Калѣновскому татаринъ голову срубилъ,
На копьи принесъ и Хмелницкому сообщилъ.
А Самуилъ, синъ Калѣновского гетмана,
Побѣжавъ отъ козаковъ и крымского хана,
Утонулъ в Бубновки, на мосту обвалился,—
Такъ погубивъ жизнь, с оними и не сразился.
Здѣсь ни одинъ изъ ляховъ не остался в живихъ,
Пали всѣ на Батозѣ в немощахъ силъ своихъ [1]).
По той побидѣ нѣсколко времени спустя
Побиты и под Жванцемъ, сами побить хотя [2]).

---

[1]) «По веснѣ (1652 г.) Хмелницкій... повелѣлъ войску в поле выходить и послалъ къ молдавскому господарю, требуя по уговору дочери его сину своему в жену, инакоже грозя въ 100,000 войска прийти къ нему въ гостину; чего ради волохи всѣ, боясь разоренія землѣ своей, настояли на своего господаря, дабы не отрѣкалъ Хмелницкого сыну дочери своей, и хвалились самого его, естли того не учинитъ, видать. Господарь же тайно послалъ къ королю полскому, просячи препятствия, и потому Калѣновский, гетманъ полный, притяглъ, сталъ на Батозѣ с войскомъ конницѣ 6,000, а регулярной пехоти 3,000, кромѣ охотного, и заступили дорогу Хмелницкому до Волохъ; куда къ Калѣновскому и братъ его, в Нѣжинѣ квартировавший, прибилъ съ войскомъ... Тогда жъ, какъ сошлися козаки и татаре съ ляхами, тотъ часъ козаки и нехотя ударили на обозъ лядский, а татаре на войско лядское, которое, не вѣдая козаковъ, опановавшихъ обозъ ихъ, туда обратилися; ажъ козаки, запаливши обозъ ихъ, противу нихъ бросились, а тутъ рѣка Бугъ. И такъ ляховъ всѣхъ висѣкли, въ томъ числѣ и самого гетмана Калѣновскаго, котораго и голову до Хмелницкого на копьи принесено, и Собецкого старосту красноставского; прочіихъ же избѣгшихъ посполство, изволѣкая от болота, убивали нещадно, а сынъ Калѣновскаго въ Бубновцѣ, бѣжа мостомъ, обвалився, утонулъ; иныхъ же многочисленныхъ татаре были-побрали, но и сихъ Хмелницкій, мстячись за Берестецкое надъ козаками немилосердіе, всѣхъ велѣлъ порубать». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 234—235.

[2]) «Въ 1653 году король знову похотѣлъ самъ ити войною на Хмелницкого, котораго съ войскомъ увидячи онъ Богданъ Хмелницкий под Жванецъ, скуд-

Такимъ образомъ они в безмѣрной страхъ пришли,
Чтобъ къ послѣдней бѣдѣ козаки не привели:
Бросили жилища свои пусты в городахъ,
Разбѣжались всѣ по пустиняхъ, горахъ (вар. поляхъ) и рвахъ
И мертвія тѣла, кои уже сотлѣли,
Вигребали, какъ звѣри, отъ гробовъ и ѣли.
»Жрѣте тлѣнны человѣческія приправи!
Кричали козаки,—всѣ вы ляхи лукави!
Такимъ кушанемъ кормить васъ давно достойно!
Не умѣли вы нами управлять спокойно.
Зачимъ было вѣру нашу ламать стараться?
Зачимъ било над нами явно издѣваться?
Для того-ль мы с войскомъ своимъ жили под вами,
Чтобъ пожитки наши грабили вы з жидами [1]).
Дадѣте отвѣтъ за тиранския мученя,
Отмститъ еще болше небо за озлобления.
Уже-лъ вамъ не ставало пищи, чѣмъ жизнь прожить,
Что начали и дѣтей нашихъ в котлахъ варить?
Вспомнѣте, сколко вы с нами миръ заключали!
Представте-жъ, какъ скоро и часто нарушали!
Лесть ваша одна съ злобою дѣйствовала во всемъ.
Хотѣли истребить насъ, смучить, побить мечемъ.
Справедливость однако наша побѣдитель,
Предсталъ намъ Хмелницкій, общій нашъ свободитель.
Пребудетъ память его у насъ к роди родовъ,
Пребудетъ во вѣкъ и слава, храбрость козаковъ.

ное на все мѣсто, пустилъ вѣсти, что будто-бы, не вѣдая о смерти сыновей, ѣдетъ въ Волощину своимъ въ помощъ; которому путь воспящая, король сталъ на Жванцѣ. Куда какъ Хмелницкій, нечаянно съ ханомъ пришедши, обступили полское войско, такъ оное въ тѣснотѣ отъ голоду изнемогать стало, отчего изъ 15,000 пѣхоты полской толко 4,000 осталось, и конного многое число отъ меча и голода пропало«. Тамъ-же, стр. 238.

[1]) Доселѣ текстъ »Разговора« сохранился въ спискахъ Румянцевскаго Музея и г. Ефименка: слѣдующія-же страницы найдены колько въ спискѣ г. Ефименка.

Защита ваша правда не отъемлется вамъ,
Послѣдуетъ всегда погибель нашимъ врагамъ.
Толко ушъ полно вамъ сили наши в страхъ истощать!
Найдемъ державу, которая будетъ защищать.
Утѣснялъ Булканъ троянъ,—вступился Аполлонъ.
Злилась Юнона на Енея, вожда троянъ;
Однако онъ отъ Венери к обидѣ не данъ.
Свирѣпъ Нептунъ хотѣлъ отнять Улиссовъ животъ,
Но Минерва вступила за него въ кривавій потъ.
Поидетъ солнце прежде отъ запада на востокъ,
Нежель мы преступимъ, ужъ давъ, оной свой зарокъ.
Воды в рѣкахъ своихъ скорѣе назадъ потекутъ,
Нежель воини наши себя вамъ предадутъ.
Звѣзды на землѣ прежде крѣпко утвердятся,
Земледѣлцы на небѣ съ сохою населятся,
Вода вспламенится, отъ огня пойдутъ воды,
Нежель обратимся к вамъ въ вѣчние роди»[1].
Затѣмъ, какъ Хмелницкій от Полши вовся отсталъ,
Салтанъ турецкій Османа-агу прислалъ,
Дабы со всѣмъ войскомъ своимъ ему поддался,
К полскому королю вѣчно не возвращался,
И в знакъ милости чрезъ того-жъ Османа-агу
Прислалъ ему саблю, булаву и корогву[2].

В.-Р. Ты же про турковъ говорила со мною,
Скажи, кто еще хотѣлъ обладати тобою?

М.-Р. Не разъ и не два должно-бъ про нихъ еще сказать;
Ибо премного тѣ старались меня склонять.

---

[1]) »Въ елегіи Овидій славній ромскій стихотворецъ, посланъ будучи в силку и ідучи моремъ, окруженъ волнами, такимъ образомъ написалъ въ книгѣ 1 своей, въ елегіи 2, стих. 5—10, гдѣ сию рѣчь проводилъ онъ к Августусу Цесарю, которимъ сосланъ билъ, также жалуяся на друга своего въ 1 книгѣ, в елегіи стих. 1—4«. Примѣч. автора.

[2]) »Того-жъ року (1650) Асманъ—ага, от турецкого султана чаушъ, присланный къ Хмелницкому, привезъ шаблю, хоруговъ и булаву, совѣтуя ему съ Украиною, отъ полского короля отступивъ, подклонится под турецкую область«. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 229.

Да и крымскому хану хотѣлось мною владѣть,
И другимъ думалось то склонить, то одолѣть.
Однакъ ни на ково изъ всѣхъ оnихъ не смотря,
Хмелницкій созвавъ войско свое и ободря,
Російскому Государю себя извѣстилъ,
Ему со всею Украиною поддалъ и покорилъ
И предъ россійскимъ бояриномъ Бутурлиномъ
В Переясловлѣ тогда-жъ присягнулъ вѣчно в томъ.
Алексѣй Михайловичъ, самодержецъ главній,
Доброволной поддачи видя мой знакъ явній,
Монаршую грамоту волностямъ доставилъ,
Всѣ прежние статьи утвердилъ и возставилъ [1]).
И такъ, когда Россіи надлежать ужъ стала,
Покажу, какъ и при ней храбра прежде бывала.

В.-Р. Знаешъ-ли, с кимъ говоришь, иль ты забиваешъ?
Вить я Россия! Зачимъ меня пропущаешъ?
Для чего не придаешь мнѣ точно подачу
И отнимаешь у меня свою удачу?
Будто къ другой Россіи, не ко мнѣ принадлежишь,
И при мнѣ, будто без меня, войнами гримишъ!

М.-Р. Знаю, что ты Россія, да и я такъ зовусь.
Что ты пугаешь меня? Я и сама храбрусь.
Не тебѣ, Государю твоему поддалась,
При которыхъ ты съ предковъ своихъ и родилась.
Не думай, чтобъ ты сама была мой властитель,
Но государъ твой и мой общій повелитель.
А разность наша есть в приложенихъ именахъ.
Ты Великая, а я Мала живемъ в смежнихъ странахъ.

---

[1]) »Присланъ ближній бояринъ и дворецкій Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ иними боярами и столниками и дворянами до гетмана Хмелницкаго и всего войска для постановленія статей и съ обѣщаниемъ великой милости государевой. И тогда Хмелницкий со всею старшиною, приехавъ въ Переяславль, на Богоявление Господне 1654 года, позволилися быть всѣ обще под единовѣрнимъ монархомъ всероссійскимъ..., на чемъ и присяги учинили«, и проч. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 239.

Что-жъ я малой называюсь, а ты великой,
То какъ тебѣ, такъ и мнѣ нимало не дико.
Ибо твои предѣлы пространнѣе моихъ,
А мои обширностями поменше твоихъ.
Уже-ль гора собою надо мной обладаетъ?
Нѣтъ, нѣтъ! но какъ сей (?), такъ та къ тому принадлежитъ.
Такъ мы с тобою равни и одно составляемъ,
Одному, не двумъ государямъ присягаемъ,—
Почему почитаю тебя равну себѣ.
Не говори: какъ обществу, поддалась и тебѣ!
Самодержецъ твой и мой шлетъ тебя и меня,
Одинъ онъ отзываетъ изъ походу шля,
А не ты республикою повелѣваешь мною.
Ничѣмъ неумаленна царемъ я предъ тобою,
Оставленна также я при своихъ чинахъ всѣхъ,
Обнадежена, и впредь милостію тѣхъ.
А ты при своихъ достоинствахъ пребываешь,
Кои отъ того-жъ Государя получаешь.
И такъ не можешь и въ семъ всю меня обидѣть;
Какъ бы ни тщилась чины мои ненавидѣть;
Отъ ково ты получаешь, и я отъ того.
Не достанетъ толко у насъ с тобою одного
Того, что чины твои инако зовутся,
А мнѣ также инимъ названиемъ даются.
Но сіе-ль для тебя можетъ казаться странно?
Обойди умомъ всѣ государства пространо,
Во всякомъ почти найдешь различие в чинахъ...[1])

Здѣсь слѣдуетъ небольшой перерывъ въ спискахъ „Разговора". Малороссія должна была разсказывать Великороссіи о заслугахъ, оказанныхъ Богданомъ Хмельницкимъ русскому госудатству. Въ имѣющихся у насъ спискахъ мы имѣемъ только

[1]) На этомъ прерывается списокъ г. Ефименка. Дальнѣйшій текстъ »Разговора« изложенъ по спискамъ Румянцевскаго Музея.

окончаніе этого разсказа, которое заключаетъ въ себѣ плачъ по умершемъ Богданѣ Хмельницкомъ и прославленіе его подвиговъ.

Какъ Геркулесъ древный пройшол бы с войскомъ скори,
Широкій и пространній путь для всѣхъ далъ бы тамъ,
Кровной побѣдой грозил-бы тамошнимъ жильцамъ:
Но ниже слѣдовало ити туда ему.
Ни онъ старался нанесть войну свѣту всему,
А билсь столко с непріятелми такими,
Коихъ ко обществу своему узналъ злими.
Мужъ имени и чина того достойнѣйшій
Побѣждать враговъ, нежель вступать, былъ скорѣйшій.
Гетманъ многоразсудный, бодрый и дерзновенній,
Скоропостижный въ трудахъ, нуждахъ невтомленій,
Ко всякимъ злоключеніямъ воинскимъ обикшій,
Холодъ, жаръ и нужды вдобь носить первѣйшій
И протчія многотрудныя неспокойства;
Испыталъ трудовъ различныхъ перемѣнъ свойства
Мало радилъ о себѣ, толко-бъ всѣмъ угодилъ,
Общество-бъ и отечество цѣло сохранилъ:
Первой на войну, послѣдней сходилъ с оной [1]),
Дрался, боролся своей храброй обороной.
По многихъ наконецъ славнихъ воинскихъ дѣлахъ
Умеръ, оставивъ память и по днесь в козакахъ.
Печаль, жалость в послѣдніе роди незабвенна
Казалась тогда всѣмъ вѣкъ быть неумаленна.
Слезили осиротѣвшіе мои дѣти,
Являлы другъ другу печалніе привѣты,
Оплакивали з жалосты неутѣшимой,
Не чаяли никакой отрады любимой,

---

[1]) »Краткое описаніе Малороссіи« такъ характеризируетъ Хмельницкаго: »мужъ по прямому имени гетманъскаго достойный, дерзновенный, многоразсудный, бодрый и трудолюбивый, всякое злоключеніе, и холодъ, и жаръ, и голодъ, и прочіе неспокойства и хлопоти легко терпѣть приобикшій и о себѣ какъ-бы пренебрегшій, толко-бы обществу угодилъ; первій на баталію, послѣдный по баталіи исходилъ« (стр. 249).

Не думали себѣ ужь быть отцу такому,
Не мыслили, чтобъ такъ удавалось другому.
»Пала уже вся надежда наша,—кричали,—
Не воскреснетъ защита, вѣчно потеряли.
Вселюбезній отче нашъ, любезній!
Чего-ль дождали мы, чтобъ ты намъ лилъ токъ слезній?
Отче нашъ любезній, вселюбезній отче нашъ!
Уже-ль оставшихся сыновъ своихъ врагамъ дашь?
Отецъ нашъ вселюбезній, любезній нашъ отець!
Уже-ль хищнымъ волкамъ попустишь кроткихъ овецъ?
Любезній нашъ отець, отець нашъ любезнѣйшій!
Уже-ль будеть намъ без тебя гонитель злѣйшый?
Не страшенъ былъ ни одинъ супостатъ при тебѣ,
Нынѣ-жь боимся многихъ оставшіесь в себѣ.
Уже-ль стануть менять насъ за хлѣбъ, соль и воду,
Какъ то было от ляховъ намъ одного году?
Когда-бъ естли-бъ не ты нами храбро управлялъ,
И память-бы нашу непріятель давно скончалъ.
Пробудись в радость намъ хоть на малое время!
Ощутись, встань, облегчи тоски нашей бремя,
Посмотри хоть собравшихся дѣтей своихъ всѣхъ,
Взглянь еще хотя послѣдній разъ уже на тѣхъ,
Которія утѣшенія не имѣють,
Какъ овцы заблудши по пастырѣ жалѣють!
Они не для того всѣ вмѣсто собрались,
Дабы с тобою отцемъ своимъ на-вѣкъ прощались,
Но чтобъ руководствовалъ ты, какъ прежде, имъ,
Казал-бы, училъ, ка́къ противиться врагамъ злымъ.
Молви хоть одно, отче любезній, намъ слово!
Вотъ все войско твое пришло, слушать готово!
Собери его вмѣсто, защищай, охраняй,
Покровителствуй, милосердуй и соблюдай,
Поднимись, естли ручей слезъ нашихъ жалѣешь!

Иль ты уже любви к намъ прежней не имѣешь?
Взведись, естли отчаянным хочешь пособить,
Встань, естли оставленныхъ желаешь ободрить!
Да! завтре устанетъ, завтре ободритъ, утѣшитъ насъ!
Прерывалъ хлипмющими словами общества гласъ.
Не такъ, видно, заснулъ онъ, чтобъ встать уже к намъ могъ.
Встанетъ разви, какъ затрубитъ при послѣдкѣ рогъ.
Тогда ушь сберемся къ отцу своему с полками
И тогда разви разговоримсь с нимъ и онъ с нами.
А нынѣ послѣднiй свой долгъ отдадимъ ему,
Которой вѣкъ незабвенъ будетъ войску всему.
Но ахъ! всѣ силы наши превосходитъ печаль, —
Не можемъ и тѣла твоего несть отсель вдаль.
Мы бы хоть на оное со страдою смотрѣли,
Желали-бъ, чтобъ тебя пред собою вѣкъ имѣли.
Грозила-бъ еще и тѣнь твоя нашимъ врагамъ,
Боялся-бъ непрiятель при ней приступить к намъ.
Ахъ, отче! оставилъ дѣтей осиротѣлыхъ,
Оставилъ в уныніи бывшихъ тобой смѣлыхъ.
Всѣ веселія утѣхи отсель насъ минуютъ!
Пособи! вотъ уже враги с нами воюютъ,
Напустятъ грусти, скуки, скорби и гоненія.
Отврати намъ непріятелей нападенія!
Вотъ всадятъ насъ в разженного мѣдного вола.
Скончай мученія наши, дай радость, что была!
Мы на тебя глядя вздохъ тяжкій испущаемъ,
От тебе спасенія своего ожидаемъ:
Оставившаго спящаго тревожимъ, будимъ,
Трудившагось, потѣвшаго еще томимъ, трудимъ.
Не отступимъ отъ ногъ твоихъ, ходившихъ с нами!
Пробудись и води насъ прежними стезями!
Заблудимъ безъ тебя, разбредемся разно овцы.
Не встаешь, пастырь? поразятъ насъ миродомцы,

Ищезнеть слава наша, бывшая при тебѣ.
Увялъ цвѣтъ нашъ, увянетъ с тѣмъ и храбрость у себѣ.
Которыхъ многіе прежъ ужасались страны,—
И от малыхъ полковъ будуть уже попраны.
Оставилъ полководецъ, отсталъ, пошолъ вождь прочь,
Не устоитъ безъ тебя одна уже наша мочь.
Которіе в сраженія смѣло входимъ было,
Тѣхъ сіе нещастіе нынѣ в робость впред ввело.
Ну, куда ити намъ без тебя и что начать?
Потерявъ голову, можно-ль ногами ступать?
Глаза имѣя, без глазъ стоимъ оцепенѣвъ;
Безъ рукъ кажемся храбры, прежде руки имѣвъ.
Уже и лица наша потупились слезя,
Падаютъ колеблющись и колѣна дрожа,
Изнемогаютъ сердца каменемъ утѣснена,
Пронзенна грудь, терзается духъ уязвленій,
Недоумѣваетъ умъ, страхъ мысль ужасаетъ,
Борущуюсь отраду скорбь одоливаетъ;
Проходитъ сквозь кости кровь з густотою смѣшена,
Поднимаетъ кожу, кипитъ в глазамъ червлена;
Встаютъ бурны вѣтры, рвутъ волосы нашихъ главъ;
Блѣднѣетъ видъ, даетъ перемѣны весь составъ.
Лишились мы отца, предводителя войны,
Остались осиротѣлы ужъ дѣти одни.
Коихъ его щастіе вскормило, взрастило,
Тѣхъ мнѣ нещастіе судбою вѣк поразило!«
Симъ образомъ дѣти мои плакались надъ нимъ,
Давали вопль, стенаніе по всѣмъ полкамъ своимъ,
Одни казали жалость явными слезами;
Другіе в слихъ спивали, зѣвая устами;
Инніе с необычнымъ шумомъ голосили;
Нѣкоторіе по грудямъ сами себя били.
Часть в скрытомъ мѣстѣ лѣла токъ жалостныхъ ручей;

Часть предъ всѣмъ обществомъ рѣки пущала с очей:
Часть от задумчевости такъ окамѣнѣла,
Что какъ нѣма стоя и гласу не имѣла,
А казала толко в лицѣ знаки различны,
Безкровны, почернѣлы, робки, необычны.
Протчіе стоя над мертвымъ тѣломъ кричали:
Одинъ былъ у насъ отецъ, и того стеряли!
Во всемъ томъ напослѣдокъ ставъ полками стройно,
Проводили гробъ со всею старшиною достойно;
Несли с Чигирина с церемонѣею войсковой,
Погребли въ Субботовѣ въ каменной церкви той,
Которую самъ от себя онъ соорудилъ [1])
.... ещо тамъ положенъ быть ствердилъ.
Козаки, отвращая ту печаль помалу,
Стали приходить опять к своему началу
И къ различнымъ войнамъ вновь приготовлялись,
Прежную храбрость себѣ доставить старались.
Но полно, думаю, свои силы представлять!
А намирена на Хмелницкомъ всю рѣчь скончать.
В.-Р. Куда, право, ты каковъ имѣешь нравъ чудній!
Хочешь, чтобъ тебя просилъ ввесь зборъ многолюдній!
Приведши в самой жаръ, тутъ меня оставляешь.
Болше говорила, в меншомъ изнемогаешь.
Не облѣнись рѣчи до нашихъ временъ довесть,
Чтобъ достовѣрніе я могла правду почесть!
Я бы такъ уже, чемъ ближе до насъ доходитъ,
Яснѣе понимать стала, что слухъ мнѣ родитъ.
М.-Р. Доволно мнѣ казалось до тѣхъ довесть временъ,
Какъ россійскому цару Хмелницкій покоренъ,
И какую оказивалъ онъ вѣрность ему,

---

[1]) »Умершаго Хмелницкого тѣло старшина и чернь съ войсковою церемоніею и с сожаленіемъ проводили изъ Чигрина въ Субботовъ и тамъ въ церквѣ каменной, от самого его ж сооруженной, в неделю погребли«. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 249.

Войскомъ своимъ обществу угождая всему.
А послѣ ево что происходило во мнѣ,
Спроси подругъ своихъ, тѣ обявлятъ тебѣ.
Ибо когда сюда стала надлежать,
С кимъ и какъ воевала—могутъ и оны знать.
В.-Р. Не томи-жъ меня ссылкой, отсылая к моимъ!
Я и сама знаю, что всякъ пристрастенъ к своимъ.
Они про храбрость твою хоть и знаютъ точь в точь.
Однакъ свою болше прославлять станутъ мочъ,
А твоей не изяснятъ силы совершенно,
Пропустятъ, можетъ быть, в тебѣ незабвенно.
И такъ не можно вовсе положится на нихъ.
Скажи еще, пожалуй, сама мнѣ про своихъ!
Ни прекословить не буду, ниже не вѣрить,
Справедливою стану все мѣрою мѣрить.
М.-Р. Докуку твою тѣмъ болѣе признаю милой,
Чимъ меншь могу остатся в славѣ своей силой;
Почему и не хотя продолжу еще рѣчь,
Представлю и далную воинскую свою сѣчь.
Прибылъ под Глуховъ король полскій Казимиръ Янъ,
Минуя протчіихъ, какъ былъ Бруховецкій гетманъ,
Которого чрезъ пять недель сряду доставалъ
И на жестокость зимы не смотря воевалъ.
Но козаки, выскочивъ из города сего,
В скоромъ времени одолѣвъ силу его,
Порубили, плѣнили, разграбили обозъ,
А осталное войско храбро прогнали сквозь.
Былъ тогда судя генералній Животовскій.
Онъ командовалъ, онымъ прогнанъ король полскій.
Такимъ образомъ король города не доставъ,
Бежалъ со стыдомъ, войска не мало потерявъ [1]).

[1]) »Въ 1664 годѣ Янъ Казимѣръ, король полскій, прибывши под Глуховъ зимою, чрезъ 5 недель тамъ затворившихся съ Животовскимъ, судіею генералнымъ, козаковъ крѣпко подкопами и гранатами доставалъ; но козаки, противясь и на одпоръ исходя, многочисленныхъ ляховъ и нѣмцовъ ихъ убивали«. Услышавъ о

Тотъ-же гетманъ Бруховецкій годъ потомъ спустя,
Калмыковъ с казаками в войски совокупя,
Подъ Бѣлу Церковь противъ поляковъ самъ ходилъ,
Гдѣ Яблонского армію силно побѣдилъ,
Которой какъ ни казалось великъ и силой золъ,
С малымъ числомъ шляхты насилу в Полщу ушолъ [1]).
Полковникъ переясловскій Дмитрашко потомъ
Побѣдилъ многихъ татаръ, возвратился съ торжествомъ,
Кой посланъ от Самойловича гетмана,
И не мала команда была ему дана.
Тамъ на четыри мили пестрѣли в даль поля,
Лежали побитіе непріятелей тѣла.
А которіе из нихъ осталися в живыхъ,
Забраны всѣ в неволю от козаковъ моихъ [2]).
За того-жъ гетмана на четвертой потомъ годъ
Козаки поступали на турецкій народъ.
Тогда под Чигириномъ былъ ужасной туркамъ страхъ:
Гнали ихъ, мертвили, истребляли память в прахъ,—
И такое ужасное сраженіе было,
Какого в тотъ вѣкъ нѣгдѣ случиться не могло.
Под самимъ везиромъ двохъ лошадей убили,

приближеніи московскихъ войскъ и гетмана Бруховецкаго, »король съ под Глухова уступилъ съ великимъ войска урономъ, на котораго тотъ-часъ козаки з города устремително наскакивая, осталцовъ поляковъ били и людей разграбляли«. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 262.

[1]) «Еще гетманъ Бруховецкій, 1000 колмыковъ затягъ, съ козаками под Бѣлую-Церковъ ходилъ року 1665, съ которыми Яблонский, послѣ Чернецкаго рейментаръ, многократную войну дѣлалъ, послѣди же, уронивъ много знатныхъ товарищей, въ Полшу помаршировалъ.» Тамъ же стр. 264.

[2]) »Въ Маи (1674) Самуйловичъ гетманъ командировалъ съ 20,000 войска Думитрашка, полковника переяславскаго, съ двумя полками великороссійскими и съ 15 арматами подъ Смѣлую, где, когда новый салтанъ съ 20,000-ми орды и съ Андрѣемъ Дорошенкомъ многолюднымъ под Орловцемъ тайно на полки гадяцкій, уманскій и торговицкій напали, Думитрашко, почувши о стрелбѣ и тудажъ приспѣвши, татаръ и Дорошенка над Ташликомъ такъ поразили, что трупомъ на четире милѣ поле услали, а прочиихъ живыхъ побрали«. Тамъ же, стр. 277.

А рядовыхъ турковъ безчислено побили.
Не щитая, какъ бились ружейною палбою,
Дрались и руками, какъ на кулачномъ бою.
Непріятелей войска такъ мало осталось,
Что едва в третей части оного щиталось.
Почему премногихъ тѣ втерявъ своихъ людей,
Богатства запасы и подемныхъ лошадей,
Ничего уже инного въ спасеніе не ждали,
Токмо что в свою землю безчестно бежали[1]).
Послѣ-жъ десяти лѣтъ то дѣйство произвели.
Что очаковскій уѣздъ ввесь козаки сожгли,
Разорили плачевно тамошнихъ людей всѣхъ,
Плѣнили бѣдствено кто ни былъ зъ жителей тѣхъ[2])
Чрезъ два года опять подъ Очаковъ ходили,
Гдѣ жилля многихъ татаръ вовся попалали;
Брали скотъ и самихъ ихъ поражали мечемъ;
Били женъ и младенцевъ не щадили ни в чемъ[3]).
Козаки, собравшися, ходили в сѣхъ годахъ
Для защищенія границъ своихъ в дикихъ степахъ
И чтобъ оберегать и освобождать кристіянъ
От нападенія и плѣненія бусурманъ,

---

[1]) 1678 года московскія и малороссійскія войска, послѣ неуспѣшной осады Чигирина, отступили къ Днѣпру, »при великомъ от неприятеля наступленіи, и толко двѣ милѣ за два дни вошли и во вторникъ при Днѣпрѣ окопалися, за которыми тотъчасъ прійшовши, вейзѣръ и ханъ и Хмелниченко (Юрій Хмельницкій) цѣлую неделю ихъ доставали, хотячи обозъ съ вождами взять, Но тамъ наставлениемъ гетманскимъ такую баталію съ турками свели, якая въ сей вѣкъ нѣгде не случается, и подъ самымъ вейзѣромъ, прі убѣйствѣ безчисленныхъ турковъ, коней двухъ убили; где, кромѣ стрелбы, и рукопашъ козаки съ ними билися, чего для они принуждены от войскъ россійскихъ назадъ съ ненаградимымъ убыткомъ уступить до Чигирина, оттуда же и далѣе какъ найскорѣе во свояси чуть у третей части войскъ бюсурмавскихъ ушли«. Тамъ же, стр. 284—285.

[2]) »Въ року 1690-мъ войско козацкое ходило под Очаковъ, где жилля попалили и обиды татарамъ подѣлали«. См. »Краткое описаніе Малоросіи«, стр. 289.

[3]) »Въ року 1692-мъ .. войско городовое и компанiя знову подъ Очаковъ пошедши, посады сожгли и з яссіромъ пришли«. Тамъ же, стр. 291.

Коихъ отбивали от татаръ силной рукой,
Отпущали ихъ в отечество сами собой,
И малыми людми на оныхъ нападая,
Розбивая татаръ, многихъ побѣждая,
И на томъ бою плѣнивъ немалое число,
Гнали в Москву и въ Полщу, куда ближе было.
Ибо ляхи видя, что войной не успѣли,
С россійскимъ государемъ миръ тогда имѣли.
За что велику себѣ милость получала
И жалованя много отъ монарховъ брала [1]).
Здѣсь и о Палѣю вспомянуть не премину,
Кой гналъ непріятелску партію не одну.
Полковникъ тотъ бѣлоцерковскій Семенъ Палѣй,
Родомъ изъ Борзны, казалъ ревность Россіи всей.
Онъ охотное войско при себѣ имѣя,
Прогонялъ от Россіи не одного злодѣя
И выборнымъ войскомъ не толко не допущалъ,
Чтобъ татары и с Россіи и Полщу воевалъ,

[1]) »По заднѣпрскомъ гетманѣ Могилѣ король Собецкій устроилъ гетманомъ Самуся, а въ которомъ году—неизвѣстно, и далъ ему привилеи и клейноты, плату же войску и з скарба папѣжского, и резидовалъ Самусь в Вѣнницѣ на Поднѣстру. Въ тѣхъ городахъ многіи, прибравши къ себѣ охотныхъ козаковъ запорожцовъ или городовыхъ и подѣлавшись ватагами то полководцами, безъ указу, своею охотою, ради защишенія християнъ от нападенія бѣсурманского и для обороны границъ, го дикихъ степахъ, на обѣихъ сторонахъ Днѣпра татаръ съ людми, въ Полшѣ и Россіи набранными, поворочающихъ разбивали, отбивая конѣ ихъ и оружье себѣ, а христянъ плѣненныхъ въ землѣ ихъ и въ отчества отпущали и проводили; ездячи же на тѣхъ пустоширокихъ степахъ, иногда звѣриннымъ мясомъ кормилися, а иногда толокна толко да сухарей толченымъ в сутки разъ вкушали, съ великимъ от татаръ опасеніемъ, не имѣя ни дороги, ни слѣда, и конямъ ржати не допущая, и безъ огня, будто звѣры, по тернахъ и комышахъ кормилися и пути свои, порознившися, теряли, но паки познавая оніе в день по солнцу и кряжахъ земныхъ и могилахъ, ночью же по звѣздахъ, вѣтрахъ и рѣчкахъ, сходилися и, тако высмотрѣвши татаръ, нечаянно малымъ людомъ великія ихъ купы разбивали и живыхъ въ Москву или въ Полшу (кому куда способнѣе) отвозили, получая за то милость монаршую«. Между сими ватажками былъ и Семенъ Палѣй. Тамъ-же, стр. 289—290.

Но въ Бендерщину ходилъ еще самъ собою
И въ Бѣлогородчину (Аккерманъ) ступалъ к тому-жъ бою,
И на Буджаки посылалъ козаковъ своихъ.
Хотѣлося татарскихъ силъ ему не однихъ,
С которыхъ многіе и разорялъ главно,
Покорялъ городы и побѣждалъ всѣхъ славно.
Да и Очаковъ дважды доставалъ с удачей,
Бралъ иногда от жилцовъ тѣхъ искупъ с наддачей,
А иногда всѣ богатства забиралъ въ ономъ,
Что роздавалъ на войско с турецкимъ урономъ.
Такъ малое число козаковъ при немъ было,
Коихъ множество турковъ одолѣть не могло,
Воинское искуство ему пособляло,
Храбрость и щастіе славу побѣды давало.
Причемъ одножды такую смѣлость возимѣлъ,
Что на янычарахъ какъ-бы на лошадяхъ сѣлъ
И такимъ образомъ в саму крѣпость ввалился,
Гдѣ сѣдя на самихъ ихъ плечахъ с ними бился
И яничаръ многое число вырубилъ, збилъ,
И самого салтана чуть было не плѣнилъ.
Зачимъ турки, войну ту проклиная страшну,
Засыпали оную городскую башню,
Которой янычарми Палѣй в Очаковъ вдрался
И сидя тогда на ихъ плечахъ с ними-жъ сражался,
И поныне под самою крѣпостю башня та
Палѣева зовется, гдѣ туркамъ страсть была.
А однажды сражаясь с татарскими силы,
И самаго ихъ хана козаки плѣнили.
Гдѣ мой-же Патѣй былъ главный предводитель.
Онъ оставался над ними главной побидитель.
Почему татары миръ с нуждой заключали
И великіе ему дары присылали.
Потомъ поляки, благодѣянія забывъ
И всѣ услуги его в забвеніе пустивъ,

Взяли оного въ Майбургъ коварнымъ обманомъ.
И такъ в сылку сосланъ былъ коронным гетманомъ,
Гдѣ ему вѣрной его слуга лошадь поддалъ.
И такъ онъ вырвавсь в железахъ къ своимъ прибѣгалъ.
Почему гетманъ тотъ, желая его достать,
Выправилъ на него полскихъ гусаровъ опять,
С коими нимецка пѣхота шла,
Да и алтилерія тамже с ними была.
Но Палѣй над Хвастовомъ всѣхъ оныхъ поразилъ,
Побилъ, прогналъ и немалое число плѣнилъ.
За что поляки, разгнѣванны необычно,
Отправили войско на Палѣя вторично,
Гдѣ такъ остались они побѣждены,
Что и тысячней с мѣста не ушолъ спасеній.
Заграбили тамже козаки ввесь обозъ ихъ,
Великими добычми богатили своихъ.
А Рустичъ полковникъ, видя таку свирѣпость,
В Менжелѣевку бѣжалъ—былъ первіе въ крѣпость.
Потомъ с оной тихонко чрезъ валъ спустился
И такъ у Полщу убежалъ, от козаковъ свободился.
Тотъ-же Палѣй после того на четвертой годъ
Собравъ кіевского полку козацкой народъ,
С полковникомъ ихъ Очаковъ другой разъ досталъ.
И с переяславскимъ тожъ какъ на нихъ воевалъ,
По нѣсколво партій турецкого войска збилъ
И триста человѣкъ турковъ живыхъ полонилъ,
Коихъ знаменами ихъ в Батуринъ пригнали [1]).
Такимъ образомъ с туркомъ козаки играли.

---

[1]) Семенъ Палѣй, родимецъ борозенскій, оженився за Днѣпромъ въ Фастовѣ и держа при себѣ войско охотное, не токмо не допущалъ ордѣ Полщу и Россію воевать, но и самъ ходя и посылая жолнѣровъ на Бу(д)жаки и Бѣлагородчину, села татарскіе и Очаковъ разорялъ, и где нападали на него татаре, онъ мужественно ихъ побѣждалъ съ великою християнскою ползою: единожды же самого ими командующого салтана взялъ, и тогда татаре, примиряяся с нимъ, знатными

Черезъ годъ потомъ всѣ малороссійскіе полки,
Слободскіе и запорожскіе козаки,
С Борисомъ Петровичемъ Шереметовымъ ставъ,
Побѣдили турковъ, на оныхъ силно напавъ.
Взяли каменніе четыре ихъ города,
Сами-жъ в себѣ остались без далного вреда.
Началниковъ тамошнихъ турецкихъ над Днѣпромъ
И янчаровъ многихъ взяли жъ в городѣ томъ.
Подѣлили богатство всей арміи своей,
Побрали женъ, забрали также ихъ дѣтей.
Пригнали в Россію Великую и Малу
И подчинили всѣхъ къ россійскому началу.
А Кази-Керминъ (Кизи-Керменъ) с основаніемъ разорили,
И Муберенъ тожъ городъ совсѣмъ спустошили [1]).

дарами обсылали аго. Утишив же Заднѣпре, ожился былъ какъ удѣлный панъ, и располагая войско свое по Полѣсю, десятины с пасѣкъ и индукту почитай со всей оной Украины, даже до Днѣстра и Случи, на себе взималъ. Потомъ ляхи, запомнѣвши Палѣевыхъ благодѣяній, обманою взяли были его и въ Малборгъ заслали. Но онъ и оттуда, на подведеннаго коня всѣвши, къ своимъ въ кайданахъ прибѣглъ; за чимъ гетманъ коронный выправилъ на него гусарское войско съ пѣхотою нѣмецкою и полскою под Фастовъ при арматѣ съ гранатами. Но Палѣй какъ сокрилъ войско свое въ лѣсахъ, самъ затворился въ городѣ, и какъ подступили к нему поляки, такъ войско оное з поля на лядскій обозъ, а Палѣй з города на шанцѣ ихъ ударивши, принудилъ ихъ же миръ з собою учинить и съ стыдомъ прочъ пойти... Еще потомъ на Палѣя и друговъ его полковниковъ ординовали ляхи рейментара Рустича съ великимъ войскомъ, въ которомъ и высокородныи панове были ради отбирания своихъ маетностей. Тогда Самусь, вмѣсто Палѣя, на войну не пошовшаго, съ войскомъ его Палѣевымъ и съ полковниками Абазиномъ и Искрою и иными пошедши, под Бердичевомъ оныхъ ляховъ збилъ и в замокъ манджалѣевскій вгналъ, где принужденъ Рустичъ, оставя свое войско козакамъ на зарѣзъ и весь обозъ на жакъ, з муру спустуится и съ недоумѣніемъ о животѣ прочъ бѣжать». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 290—291. Но въ «Описаніи» нѣтъ разсказовъ о томъ, какъ Палѣй въѣхалъ въ Очаковъ на янычарахъ, и о другомъ походѣ его на Очаковъ съ полковниками кіевскимъ и переяславскимъ. Кажется, авторъ «Разговора» воспользовался здѣсь устнымъ преданіемъ о Паліѣ и самъ лично провѣрилъ его въ Очаковѣ.

[1]) «1695 года Борисъ Петровичъ Шереметевъ съ разными великороссійскими и слободскими полками, тазже и Мазепа со всѣми полками городовыми и

Въ году-жъ тысяча шестьсотъ девяносто шестомъ,
Какъ въ ужаспомъ сраженіи козаки были томъ,
Они с туркомъ въ Озовѣ (Азовѣ) невтомимо бились,
В страшномъ огнѣ на непріятеля валились,
Казали государу вѣрность и прислугу,
Достать городы пособляли другъ другу;
Палили тамъ своя ружя безпрерывно,
Хватали турецкіе партіи отрывно.
При вреву россійскихъ бомбъ, свой огонь давали:
Мечемъ вооружены, враговъ устрашали;
Схватывались с копіями на градскія онія стѣны.
Не искали в кровныхъ трудахъ перемѣны
И турковъ убивали не толко стрѣлбою,
Но и безчисленныхъ ихъ хватали рукою.
Громъ, туча, трескъ ужасной казался тогда и стукъ.
Вирывали знамена ихъ силою из рукъ
И бросали оніе в свое войско с валу.
Великую тѣхъ силу збивали помалу
Зацепляли *пали* канатами водными,
Сворачивали с валу силами своими,
Разбивали, ломали каменныхъ стѣнъ заборъ,
Ступали неровной в болшой еще задоръ,
Такимъ образомъ в городъ пролазъ учинили.
В которой одни другихъ ввалится тѣснили.
Почему турки, видя своей палбы неуспѣхи,
Зажигали с порохомъ цѣліе уже мѣхи
И бросалы за стѣны на упадъ козаковъ,
Изрыли близ валу и глубокой там же ровъ.
Но и то козаковъ воспятить не могло:
Вели ихъ до побѣды весело.

охотними и низовими козаками, четиры турецкіе городы каменные над Днѣпромъ в спасовъ мясопустъ взяли и началниковъ и янчаровъ съ людми и женами и дѣтми и съ богатствомъ въ Великую и Малую Россію забрали, а Казикерменъ и Муберекъ до фундамента разорили. Тамъ-же, стр. 293.

И такъ турки чалмами в нуждѣ замахали
И, знамена наклонивъ, мира просить стали:
»Помилуй, россійской государь побидитель!
Даруй оставшимся животъ, будь нашъ свободитель!
Обще просимъ,—кричали,—с монархией цѣлой.
Доволно для тебя хвалъ, превосходишь насъ силой!«
Почему, при полученіи милости той,
Здали со всею аммуницею городъ свой:
Отдали всѣ бывшіе припасы, богатства,
Мечетніе и городовіе изрядства.
Пятнаднать тысячъ моего войска было здесь.
Которой къ Лизогубу надлежалъ корпусъ ввесь.
Черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ тотъ
В воинскомъ семъ дѣйствіи проливалъ трудовъ потъ.
Онъ то время будучи гетманомъ наказнымъ,
В прислугу отечеству учинился способомъ разнымъ:
Управлялъ, показывалъ примеръ самъ собою,
При великороссійскихъ слылъ и в своемъ бою.
И с какимъ стремленіемъ твои рвались полки,
С толикою ревностью и мои бились козаки.
Гдѣ з Лизогубомъ были знатнѣйшіе в войнѣ
Три полковники, командующіе во мнѣ,—
Михайло Бороховичъ гадяцкой полковникъ,
Леонъ Свѣчка лубенской такой-же чиновникъ,
Прилуцкій полковникъ Горленко Димитрій,
Всѣ сіи отбывали турковъ проэктъ хитрій.
Государь, видя вѣрность с усердіемъ моихъ,
Пятнаднать тысячъ рублевъ роздалъ на рядовыхъ,
А знатнѣйшимъ сотникамъ і полковымъ старшинамъ
По пятнадцати червонцовъ указалъ и самъ.
Полковники-жъ з Лизогубомъ болшъ награждены,
Соболями и денгами обогащенны [1]).

[1]) «1696 года... виправился повторно под Азовъ его царское величество государь Петръ Алексѣевичъ съ множайшими войсками и запасомъ стройно, куда повелѣлъ и малороссійскаго войска 15000 ступать, которое тотчасъ гетманъ вы-

Напомяну еще, какъ турковъ корпусъ не малый
Розбилъ атаманъ запорозкій Яковъ Чалый.
С малымъ числомъ козаковъ онъ по морю ходилъ,
Восѣмъ кораблей взялъ, самыхъ ихъ много плѣнилъ [1]).
А чрезъ тридцать семь лѣтъ по сраженіи ономъ
С какимъ отошли ляхи отъ меня урономъ!
Ибо какъ въ Полщѣ баталѣя учинилась
И подъ Солодковцами моя часть сразилась,
То партизанты Ля(е)щинского прогнаты прочь,
Не могли управится, употребя всю мочь.
И все войско полское отъ козаковъ збито,
Такъ что поля на десять верстъ было покрыто,
По которымъ мертвіе и тѣла лежали,
Кои какъ снопы все пространство устилали.
А особливую заслуживаетъ хвалу
Галаганъ полковникъ, оказавшійся въ войну ту.

правилъ, опредѣлилъ над ними командира чернѣговскаго полковника Якова Лизогуба и съ нимъ полковниковъ: гадяцкаго Михайла Бороховича, прилуцкаго Димитрия Горленка и лубенскаго Леона Свѣчку... Когда изъ города турки выпоромъ а и с поля орда на козацкій обозъ шкодливо нападать стали, тогда козаки, нѣмецкихъ подкоповъ и штурмовъ не дожидаясь, сами дерзновенною охотою чрезъ валъ азовскій съ турками великій бой вщинали и цѣлый день в огнѣ страшномъ на неприятеля валячися, прислугу свою государю являли тамъ, з оружжя палячи непохибно и с конями на стѣну скачучи, не токмо турковъ стрелбою, но и зручъ ламали и убивали, хоругви ихъ хватали и, канатами водними за палѣ градскіе закідая, з валу оные ворочали, и въ городъ диру дѣлали, и на диру тую одни пред другуми въ городъ ввалитись тщились и заохочивали себе. А такъ турки, не могучи козаковъ оружиемъ отбить, мѣшкаки съ порохомъ, приправляя огонь, за стѣны кидали и козаковъ обжигали; потомъ ровъ глубокій въ городѣ близъ штурму ископали на упадъ козакамъ. Но ни мѣшки, ни ровъ не помогли туркамъ; козаки бо, когда турецкій блякавзъ 17 іюля подкопали, и оного ночю доставши, четире орматы тамъ и прочего взяли, тогда турки рано, увидѣвши сіе, также и тое, что еще они-жъ смѣлѣе собираются въ великіе партіи и, нещадя себе, силно нападать на городъ начинаютъ, предъ очима его царского величества, оня 18 іюля замахали шапками и, хоругви наклонивши, стали на миръ взывать и милость у государя просить, что и получили». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 294—5.

[1]) О Чаломъ ничего не сказано въ «Краткомъ описаніи Малороссіи». Что въ 1696 г. онъ былъ кошевымъ атаманомъ, объ этомъ см. «Исторію Новой Сѣчи» А. Скальновскаго, 2 изд. 1846 г., т. II, стр. 133.

Онъ своимъ полкомъ протчіихъ славою превосходилъ,
Страшилище и грозу полякомъ наводилъ[1]).
Укрощали козаки турковъ тожъ свирѣпость,
Когда доставали и Очаковъ ихъ крѣпость.
Тогда какъ похулилъ моихъ преданность Минихъ,
Помниш-ли, какъ оправдалъ Лессій сихъ невинныхъ?
Да и подъ Хотѣню козаки бодрость и вѣрность
Возобновляли прежню храбру свою древность.
Не думай, что не могу похвалится славою.
Какъ и з шведами была война подъ Полтавою,
Гдѣ славной тотъ мой, хотя дряхлъ уже былъ, Палѣй
Грозилъ непріятелской шведской арміи всей[3]).
В.-Р. Ага, такой-то в тебѣ храбрости примѣта,
Что измѣнила ты около того лѣта!
М.-Р. Ахъ, ахъ! куда какая спесь и строптивость нрава!
Естли опомнишся, не останешся права.

---

[1]) «Король полскій Августъ Вторый въ 1733 году умерлъ, и того ради, къ воспященію умысла короля Станѣслава Лѣщинскаго (францкому королю тестя) и къ усмиренію многихъ поляковъ—партизонтовъ, а къ возведенію на тронъ Августово сына Фридерика, командированы от ея величества государини императрицы войска великороссійскіе и малороссійскіе въ Полщу, где оные войска и зимовалы на 1734 годъ и далѣй; а надъ малороссійскимъ войскомъ и надъ бунчуковыми былъ въ томъ походѣ главнымъ командиромъ обозный генеральный Яковъ Ефимовичъ Лизогубъ... Да тогда-жъ зимою еще пошли многіе полки великороссійскіе и малороссійскіе, съ полковникомъ прилуцкимъ Галаганомъ, при князѣ Алексѣи Шаховскомъ, въ полскую сторону для разоренія маетностей партизантовъ или конфедератовъ короля Станѣслава, и имѣли съ ляхами баталію и побѣдили ихъ; тамъ Галаганъ мужественно показался». Тамъ-же, стр. 316—7. Но въ «Описаніи» нѣтъ подробностей и мѣста сраженія.

[2]) Объ отзывѣ Миниха относительно козаковъ см. выше. Объ участіи козаковъ во взятіи Хотина въ 1739 году см. «Исторію Россіи», Соловьева, т. XI, стр. 156—157. См. «Исторію Новой Сѣчи», Скальковскаго, 1846 г., т. II, стр. 105 и 109.

[3]) «1709 року напередъ указомъ государевимъ Палѣя з Сѣбѣра сискано и милость къ нему показано, который удостоился видѣть побѣду над шведами под Полтавою и самъ тамже на конѣ, хотя уже поддерживанный, ездилъ, побуждая войско, дабы непріятелю сламанному не дали ободритись (вар. обозрѣтись), пока весма ослабѣютъ и сдадутся». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 301.

Ты сама обѣщалась ужъ мнѣ вѣрить,
Непрекословить и праведной мѣрой мѣрить.
А за чимъ опять злобной начинаешъ задоръ,
Вступаешь в ненавистной и враждебной вновь споръ?
Вовся несправедливо язвишь и обидно.
Тебѣ-бъ и думать такъ про меня, право, стыдно.
Ибо измѣна тогда не всей меня была —
Отъ одного Мазепы толко произойшла,
С коимъ никогда о томъ не соглашалась я.
Естли же сіе меня не можетъ оправдить
И буди то, что онъ былъ, станешь вѣкъ твердить;
То вспомни ты сама всѣхъ измѣнниковъ своихъ
И разныхъ государственныхъ преступниковъ злыхъ!
Ты одного такого с жаждой нашла во мнѣ,
А я легко видѣла сто подобныхъ въ тебѣ.
А естли еще стрѣлцовъ и другихъ мѣлкихъ счесть,
То и к болшимъ порокамъ могу тебя довесть.
И то ты поступаешь; менѣ-жъ двохъ сотъ лѣтъ еще нѣтъ,
Какъ поддалась, да такихъ не видишь во мнѣ примѣтъ.
И буди не знаешь иль забыла родъ связныхъ
Измѣнниковъ своихъ и преступниковъ разныхъ,
Кои казненны во вѣчной ссылки по смерть жили,
Разжалованы и под карауломъ были;
То я здесь-же пред тобою счислять стану,
Представлю, какъ было, и скажу без-обману.
Кои противъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичевъ в змѣни обличенъ
И князь Василій Голицынъ на Сибирь сосланъ,
Потому что когда былъ противъ татаръ посланъ,
Воротился назадъ празденъ, Перекопъ оставилъ,
Что̀ онъ здѣлалъ для татаръ, обрадовавшись вдругъ,
Какъ скоро поднесли ему червонцовъ бурдюгъ,
Въ которомъ сверху толко добри лежали

А в средину ложніе в обманъ наполняли [1]).
Да и Шереметевъ что получивъ,
Когда россійскому государю изминивъ?
Не отъ самихъ-ли ляховъ отданъ былъ в неволю,
Гдѣ болшь двадцати лѣтъ проплакалъ свою долю!
Коего какъ самого, такъ и войско его
Держали татаре во утѣсненіи всего.
Ибо бояринъ оной великороссійской,
Какъ напалъ на него и козаковъ ханъ крымской
И поляки, то с ними усовѣтовался онъ,
Чтобъ войско россійское ис Кіева вывесть вонъ
И ляховъ туда пустить, а козаковъ бы всѣхъ,
Бывшихъ при себѣ, выдать татарамъ в мѣстахъ тѣхъ.
Какой Шереметовой измѣны не стерпѣвъ,
Цицюра наказній мой гетманъ, кой сколко зрѣвъ,
Какъ начали уже татарскому народу
Отдавать всѣхъ козаковъ за хлѣбъ, соль и воду,
Почему, оставивъ его, сквозь татаръ пробились
И такъ от нихъ хотя с урономъ свободились·
Дали-жъ Шереметева ляхамъ тѣмъ,
Что не вдоволствовалъ ихъ в договорѣ своемъ:
Ибо не токмо не могъ впустить въ Кіевъ ляховъ,
Но недопущенъ туда и самъ от козаковъ.
Такимъ образомъ хотѣлъ онъ моихъ погубить,

---

[1]) «Въ року 1689 повторно на Кримъ князь Василій Василіевичъ Голицинъ и гетманъ Мазепа и боярини — Шейнъ, Долгоруковъ, Змѣевъ, Шереметевъ и Шепелевъ, съ обоенародними войскамп пошедши, под Самарю въ априлѣ стали», а отсюда пришли подъ Перекопъ. Но татаре, «вдавшися до хитростей, когда войска начали под Перекопъ шанцами приступати,...—мира искаяя, поступили князю Голицину искупъ и ложными червонцами, въ бурдюги насипанными, его обманули, сверху толко добрими прикривши. И тако все войско, хотя съ трудомъ, однакъ охотно, ради користи и славы, Криму достигшее, принуждено от стѣнъ градскихъ съ жалемъ и руганіемъ на гетмана отступить, который мусѣвъ пред войско виехать и, его невинность показівая, лагодне ихъ укротить». Бояре за измѣну были казнены и Голицынъ на Сибирь сосланъ. Тамъ-же, стр. 288—289.

Но самъ попалъ в неволю, какъ вздумалъ измѣнить [1]).
Что-бъ россійскіе наши цари здѣлали с нимъ,
Если-бъ не татарамъ, но достался бъ тогда имъ?!
Но сего недоволно: еще былъ злой навѣтъ,
Пребывъ толко послѣ сего пятдесятъ осмь лѣтъ.
И вспомни, и кого и за что Петръ первій казнилъ,
Какъ с иностранныхъ землей в отечество прибылъ!
Не Лопухина-ль и другихъ сверстниковъ того?
Не за измѣну-ль противъ Величества Его?
Свидителемъ чему Скоропадскій мой гетманъ,
Бывшій с полковниками своими тогда тамъ,
Кой с Москвы за государомъ ѣздилъ в Питербургъ,
Отъ кого с милостію отпущенъ обратно в мой кругъ [2]).

---

[1]) «Юрій Хмелницкій, учинивши на Кодачку совѣтъ съ бояриномъ Василіемъ Васильевичемъ Шеромотьевимъ ступать войною в Полщу, въ року 1660, сам Гончарихою особенно, а бояринъ з Цюцюрою, наказнимъ гетманомъ, на Котелню пошли, намѣревая оба подъ Львовомъ сойтись». Но король польскій и ханъ крымскій неожиданно «напали на великороссіанъ и козаковъ под Чудновомъ и Слободищами и, побѣдивши, многихъ осадили. Где Хмелницкій, въ особности будучи, многократно бой дѣлалъ. Видя-же неприятелскую силу великую и умножающуюсь, смирился пред ляхами; а Шереметевъ, не во время познавши, что напрасно съ гетманомъ порознился, по долгомъ своемъ и нуждномъ и холодномъ и безводномъ съ Цюцюрою облежении, утрактовалъ съ поляками, чтобъ козаковъ, при немъ сущихъ, выдать татарамъ, войско россійское съ Киева виведши, ляховъ туда впустить и прочая. Якой неправости не терпя Цюцюра, — ибо уже начали татарамъ за хлѣбъ, за соль, за воду козаковъ отдавать, — оставивъ Шереметьева, и хотя съ потеряниемъ войска своего, сквозь татаръ пробился. Тогда убо Шереметевъ, какъ не возмоглъ статей мирнихъ въ дѣло привесть, понеже князь Барятинскій, въ Кіевѣ съ войскомъ обрѣтаясь, не токмо ляхамъ, но ему Шереметеву не далъ и близко до Кіева приступить, — а таки ляхи, его атаковавши, живого самого и войско его в награжденіе татарамъ отдали, у которыхъ въ неволѣ онъ Шереметевъ болше дванадцяти лѣтъ сидѣлъ; офѣцеровъ-же его для окупу себѣ поляки оставили». Тамъ-же, стр. 256—257.

[2]) «Возвратясь з Франціи, его царское величество государь Петръ Алексѣевичъ въ 1718 году билъ въ Москвѣ со всѣмъ дворомъ его монаршимъ, когда сужено Лопухина и другихъ казнено за измѣну, куда и гетманъ Скоропадскій съ полковникомъ чернѣговскимъ Павломъ Полуботкомъ, да съ лубенскимъ полковникомъ-же Андреемъ Марковичемъ и съ писаромъ войсковимъ Семеномъ Савичемъ и

А чрезъ десять потомъ лѣтъ кто подъ караулъ взятъ
И кого велено из твоихъ в сылку послать?
Не графъ-ли Петръ Андреевичъ Толстой прозывался?
Не тотъ-ли за преступленіе туда попался? [1])
Въ тысяча семьсотъ тридцать шестомъ году потомъ,
Какъ козаки в сраженіи съ татарами были томъ,
Кое происходило на Черной Долинѣ,
По перемѣнной с обохъ сторонъ судбинѣ
Гдѣ многихъ тѣхъ прежъ мои было порубили,
Потому когда татаре себя укрѣпили,
То оныхъ запорозскихъ козаковъ прогнали.
У слободскихъ полкахъ премногихъ погубляли,
Куда бывшій в тебѣ Шеинъ генералъ посланъ былъ,
Чтобъ россійску партію ту отъ татаръ прикрылъ;
Но понеже, могучи, онъ помочи не далъ,
То суди сама, не в змѣну-ль чрезъ то попалъ
И не в вѣчніе-ли былъ салдаты осужденъ [2])?

прочими ездилъ до государя, а зъ Москви онъ-же гетманъ зъ старшиною ездилъ за государемъ до Санктъ-Петербурга для повиданія строения онаго, — и съ милостію монаршою отпущены». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 304.

[1]) 1721 года «напередъ, по взятіи старого Толстого съ товарищи за караулъ и въ ссилку, велено и сыну его, полковнику нѣжинскому, сехать з Малой Россіи на житло въ Великую Россію». Тамъ же, стр. 311—312.

[2]) О сраженіи у Черной Долины извѣстно слѣдующее: въ 1736 году, во время крымскаго похода, бывшій кошевой Иванъ Малашевичъ съ охотниками окруженъ былъ татарами у Черной Долины (урочише Черная Долина, нынѣ станція на перекопской почтовой дорогѣ, днѣпровскаго уѣзда), но не только спасся самъ со многими козаками, но еще и сотни плѣнныхъ татаръ—ногайцевъ къ Миниху представилъ. См. «Исторію Новой Сѣчи», А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 года, ч. II, стр. 95. Но едва-ли была какая-либо измѣна со стороны Шеина, хотя онъ и могъ подвергнуться какому-либо штрафу или наказанію отъ вспыльчиваго и опрометчиваго Миниха. Въ 1742 году послѣднему ставили въ вину, между прочимъ, и то обстоятельство, что онъ, въ «свою при арміи бытность не токмо съ меньшими россійскими офицерами, и многажды и безъ суда, не по достоинству офицерскому, въ штрафахъ поступалъ, но и на штабъ-офицеровъ солдатской штрафъ налагалъ; и въ первомъ перекопскомъ походѣ нѣкоторыхъ изъ старыхъ шляхетскихъ фамилій россійскихъ полковниковъ, ругаясь, подъ ружье ставилъ, и такъ

Но и еще не ввесь зборъ такимъ в тебѣ сочиненъ.
Напомню тебѣ генерала-адмирала
И кабинетъ-министра, коего ты знала,
Андрея Остермана, графа бывшаго тежъ;
Напомню фелтмаршала въ годки тѣжъ,
Но сего помилованного уже оставлю.
Левенволда-жъ оберъ-гофъ-маршала представлю!
Спрошу тебя,—гдѣ Михайло Головинъ дѣвался,
Тотъ, которій еще канцлеромъ твоимъ щитался!
Гдѣ Мейгденъ комерцъ-колежской президентъ бывшой?
Да гдѣ и с тѣми развѣ в чести прежде жившій,
Кой дѣйствителній статской былъ уже совѣтникъ?
Не здѣлался-ль и сей помянутымъ причетникъ?
И не всѣ-ли оны в измѣнѣ обличены?
Не всѣ-ль къ смертной казни были осуждены
За погрѣшность противъ государева лица
И зъ государственнія многія воровства?
Но всемилостивѣйша однакъ Елисаветъ,
Что присудилъ—было тѣмъ ввесь генералѣтетъ,
По милосердію изволила то унять
И вмѣсто смертной казни вѣчно в сылку сослать[1]).

ихъ предъ всею арміею водилъ, изъ нихъ-же нѣкоторыхъ и скованныхъ держалъ; свойственниковъ-же своихъ и адгерентовъ не по ихъ достоинству производилъ«. См. Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи, т. XI, манифестъ 22 генваря 1742 г., стр. 572.

[1]) Свѣдѣнія объ этихъ измѣнникахъ основаны исключительно на высочайшемъ манифестѣ императрицы Елизаветы Петровны отъ 22 генваря, 1742 года, объ отмѣнѣ смертной казни приговореннымъ къ оной генеральнымъ судомъ государственнымъ преступникамъ Остерману, Миниху, Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темирязеву, изобличеннымъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ къ устраненію отъ наслѣдія императорскаго всероссійскаго престола императрицы Елизаветы Петровны и къ доставленію онаго потомству принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской. Генеральный судъ положилъ всѣхъ этихъ государственныхъ преступниковъ казнить смертію, «а именно: Остермана колесовать, Миниха четвертовать, а Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темирязеву отсѣчь головы, а движимыя и недвижимыя ихъ имѣнія взять» на государыню. Но императрица Елизавета Петровна всемилости-

Вотъ, смотри! однымъ ты меня попрекнула разъ,
А я сколко сосчитаю твоихъ къ царямъ уразъ!
Мазепу толко твердишь, а своихъ забыла,
Недавно тысячкыми глаза заслѣпила.
Ибо одного легче помнить и усмотрѣть,
Многими-жъ глаза можно помрачить, какъ глядѣть.
Упомяну противъ того славной в себѣ:
Знаешь-ли Разумовскихъ, родившихся во мнѣ, —
Какъ Елисаветѣ одинъ изъ тѣхъ услужилъ,
Какъ и Екатеринѣ другой вѣрность открылъ?...

вѣйше «указала ихъ отъ той приговоренной смертной казни освободя, сослать въ заточеніе, а именно: Андрея Остермана въ Березовъ, Миниха въ Пелымъ, Головкина въ Германгъ, Менгдена въ колымской острогъ, Левенвольда къ Соли-Камской, Темирязева въ ссылку въ Сибирь, въ которыя мѣста, какъ его Остермана, такъ и прочихъ женъ, ежели похотятъ, отпустить-же съ мужьями, а всѣ ихъ собственныя движимыя и недвижимыя имѣнія взять» на ее—государыню. См. Полное собраніе законовъ Росс. Имперіи, т. XI, стр. 567 и слѣд.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(*въ извлеченіи*)

1643—1651 г.

(*Продолженіе*).

1650 г.

Начало года посвящено описанію засѣданій сейма, собравшагося въ Варшавѣ, при чемъ записано слѣдующее извѣстіе о посольствѣ, явившемся на сеймъ отъ Хмельницкаго [1]).

Января 6. Прибыли въ Варшаву послы отъ войска Запорожскаго. Присылка ихъ была давно обѣщана: ихъ ожидали и, наконецъ, надежду уже потеряли. Вмѣстѣ съ послами возвратился стольникъ варшавскій, Станиславъ Гульчевскій, который посланъ былъ къ козакамъ по настоянію Хмельницкаго, для того, чтобы присутствовать при составленіи переписи войска запорожскаго въ количествѣ 40,000, согласно статьямъ договора, заключеннаго подъ Зборовымъ. Пословъ козацкихъ было пять: первымъ былъ Максимъ Несторенко, старый и заслуженный въ ихъ войскѣ козакъ, отъ всей души ненавидящій ляховъ, что онъ многократно доказалъ, особенно-же при взятіи Кодака. Послѣ долгой осады гарнизонъ этой крѣпости сдался, полагаясь на слово и торжественную присягу Несторенка, обѣщавшаго сохранить сдавшимся жизнь и имущество; но онъ слова не сдержалъ и присягу нарушилъ, ибо, когда солдаты разошлись уже по селамъ, онъ напалъ на нихъ, однихъ отдалъ въ тяжелую неволю, другихъ жестоко перебилъ. Другой посолъ былъ Яськo Войченко изъ Крылова; третій—Иванъ Креховецкій, писарь войска запорожскаго; четвертый—Нагнитъ изъ Черкасъ; пятый—Щербина изъ Канева.

---

[1]) Стр. рукописи 1017—1019.

7 числа. Вышеупомянутые козацкіе послы изложили порученное имъ въ частной аудіенціи у короля и отъ имени своего гетмана передали вновь составленный, согласно съ условіями зборовскаго договора, регистръ войска запорожскаго. Составленіе этого регистра было лучшимъ доказательствомъ искренности и повиновенія Хмельницкаго, а также гарантіею хотя кое какого замиренія. Большинство пановъ нашихъ, опытныхъ въ политикѣ, были убѣждены, что Хмельницкій не имѣлъ желанія и, еслибы даже желалъ, то не былъ въ состояніи исполнить этого условія, до того казалось труднымъ изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ возставшихъ хлоповъ столь малое число признать козаками, всѣхъже остальныхъ вновь обратить въ крѣпостное состояніе. Однако въ этомъ дѣлѣ онъ выказалъ столько ума и сообразительности (мы это признать должны), что умѣлъ совершить то, что обѣщалъ, хотя дѣло всѣмъ казалось невозможнымъ. Книга, въ которой списаны регистры, форматомъ въ листъ и довольно толстая, ибо столько именъ и фамилій должно было занять много мѣста. Такъ какъ вся книга для скораго прочета неудобна и по своему объему и потому, что вся написана русскимъ письмомъ, то послы, для удобства короля и другихъ лицъ, которымъ необходимо было ознакомиться съ дѣломъ, представили краткое извлеченіе, скрѣпленное гербовою печатью и подписью Хмельницкаго, заключающее въ себѣ перечень полковъ и сотень съ обозначеніемъ количества козаковъ въ каждой.

Въ рукописи приложена копія этого перечня; мы ее не помѣщаемъ, потому что полный регистръ былъ уже напечатанъ покойнымъ О. М. Бодянскимъ въ 1875 году. Въ перечнѣ Освѣцима общая цыфра козаковъ выставлена 40,477.

Затѣмъ въ рукописи слѣдуетъ описаніе засѣданій сейма, дневникъ путешествія Освѣцима въ Венецію и обратно и описаніе пріема московскаго посольства, пріѣхавшаго въ Варшаву 16 Марта. Дневникъ продолжается только до 1 апрѣля, остальные 9 мѣсяцевъ 1650 года утеряны и продолженіе начинается только съ 24 января 1651 года.

1651 г.[1]).

Января 24. Вчера выѣхалъ изъ Львова кастеллянъ краковскій, гетманъ великій коронный (Николай Потоцкій); передъ выѣздомъ онъ получилъ письма отъ ротмистра Мазовецкаго, от-

[1]) Дневникъ за 1651 годъ занимаетъ страницы рукописи 1088—1250.

правленныя 28 декабря минувшаго года изъ Турціи. Мазовецкій еще осенью отправленъ былъ въ качествѣ агента въ Турцію и ему поручено было стараться отклонить турокъ отъ союза съ Хмельницкимъ, убѣдить Порту, чтобы она не допустила брака Тимофея на дочери господаря и попытаться выхлопотать оффиціальный приказъ татарамъ, для удержанія ихъ отъ войны. По сообщенію его въ упомянутомъ письмѣ, турки не довольны союзомъ татаръ съ козаками, но не могутъ ему воспрепятствовать, такъ какъ силы ихъ заняты войною съ Венеціею, почему они должны смотрѣть сквозь пальцы на эту дружбу и притворно ее разрѣшать; они также сильно не одобряютъ предполагаемый бракъ и отправили приказъ господарю молдавскому, чтобы онъ не отдавалъ дочери въ супружество бунтовщику; вообще всѣ дѣйствія турокъ въ пользу Хмельницкаго предпринимаются лишь для того, чтобы выиграть время, ибо въ настоящемъ они не имѣли-бы возможности сопротивляться его могуществу. Мазовецкій прислалъ притомъ вполнѣ вѣрное извѣстіе, что Хмельницкій, желая привлечь хана къ участію въ предпріятіи относительно женитьбы сына (на свадьбу-же онъ не желалъ отправляться безъ оружія), жаловался ему черезъ своихъ пословъ, будто мы, нарушая статьи договора, нападаемъ на него и готовимъ ему гибель. Но посольство это возвратилось съ неблагопріятнымъ отвѣтомъ, ибо ханъ нашелъ невозможнымъ для себя прійти ему въ помощь со всѣмъ своимъ войскомъ, такъ какъ силы его были значительно ослаблены потерею людей и лошадей, какъ во время осенней экскурсіи въ Волощину, такъ и вслѣдствіе сраженія съ калмыками, случившагося зимою; онъ совѣтовалъ Хмельницкому не выступать изъ своихъ границъ и выдержать натискъ до весны, забавляя ляховъ посольствами и напоминаніями о заключенномъ договорѣ; въ случаѣ крайности онъ обѣщалъ прислать въ помощь 12,000 орды, весною-же явиться со всѣми своими силами.

Въ то-же время король получилъ предостереженіе отъ императора о томъ, что изъ числа солдатъ, распущенныхъ послѣ водворенія мира въ имперіи, 4,000 отборныхъ воиновъ поступили на жалованье къ Хмельницкому, и что они намѣрены вторгнуться въ Польшу со стороны Спижской земли, поднять тамъ крестьянское возстаніе въ горахъ, и затѣмъ напасть на Краковъ и попытаться такимъ образомъ развлечь наши силы.

Въ это-же время, какъ это обыкновенно случается во время войны, заразы и другихъ общественныхъ бѣдствій, стали рас-

пространяться различные неблаговидные слухи и подозрѣнія на счетъ разныхъ особъ, въ томъ числѣ и на счетъ князя Вишневецкаго. Завистливые люди утверждали, будто онъ, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ враги лишили его всѣхъ помѣстій, обращался съ просьбою о займѣ значительной суммы къ Ракочію (князю семиградскому), тайному врагу нашего отечества и неизмѣнному союзнику Хмельницкаго, и предлагалъ ему отдать въ залогъ своего сына [1]).—Удивительно злословіе коварныхъ людей! Будто сынъ столь знатнаго и славнаго вельможи, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ отечествѣ, единственное украшеніе своего рода, зѣница ока своего отца, могъ быть отданъ подъ залогъ денежной суммы явному врагу отечества! Будто князь Вишневецкій лишенъ былъ въ отечествѣ друзей и родственниковъ, которые-бы не отказали ему въ помощи. Вѣдь мы видѣли, что многіе, совершенно ему посторонніе люди, не связанные съ нимъ узами родства, руководимые лишь уваженіемъ къ его славѣ и заслугамъ, представляли въ его распоряженіе и пользованіе свои дома и помѣстья. Поводомъ къ этимъ толкамъ злонамѣренныхъ людей послужило, между прочимъ, то обстоятельство, что князь, получивъ отъ короля порученіе нанять 700 людей для предстоящей войны, отказался отъ этого и возвратилъ полномочіе; князь поступилъ такимъ образомъ потому, что онъ хотѣлъ отрядъ этотъ доставить на службу Рѣчи-Посполитой на свой счетъ и не желалъ отдавать въ наемъ собранной имъ милиціи. Поступокъ этотъ былъ перетолкованъ людьми, привыкшими вмѣшиваться въ чужія дѣла, и послужилъ основаніемъ приведенныхъ подозрѣній и сплетенъ.

Февраля 12. Въ Украйнѣ собиралась страшная гроза. Хмельницкій, не успѣвши устроить брака своего сына въ Волощинѣ, по причинѣ препятствій, встрѣченныхъ имъ со стороны нашего войска, рѣшился силою осуществить свое намѣреніе и возобновить съ нами войну, расторгнувъ договоръ, скрѣпленный присягою и отстранивъ коммисію, назначенную для разсмотрѣнія этого дѣла; болѣе заслуженные козаки высказывали однако въ тайнѣ, что они удовлетворены королемъ, что Хмельницкій посягаетъ на то, что ему не слѣдуетъ и долженъ самъ нести отвѣтственность за свое предпріятіе, они-же готовы отстать отъ него, лишь бы пользоваться спокойствіемъ.

---

[1]) Будущаго польскаго короля—Михаила.

Желая обезпечить себя, Хмельницкій всѣми силами хлопоталъ о томъ, чтобы ханъ далъ ему вспомогательное войско и чтобы онъ самъ принялъ участіе въ походѣ. Но такъ какъ ханъ не могъ лично явиться по вышеизложеннымъ причинамъ, то отправилъ въ походъ своего брата, султана Нуредина, съ 10,000 отрядомъ, давъ ему притомъ тайный наказъ избѣгать сраженій и состоять лишь въ качествѣ стражи при Хмельницкомъ, въ случаѣ-же большой опасности немедленно о томъ извѣстить его, обѣщая, въ такомъ случаѣ, двинуться на помощь со всею ордою съ наступленіемъ весны. Полагаясь на это обѣщаніе и на вспомогательный отрядъ султана Нуредина, Хмельницкій выступилъ изъ Чигрина 16 февраля и направился въ Баръ. За недѣлю до его выступленія поднялась вся почти Украйна—взрослые и малолѣтніе, старые и молодые, помышляя объ истребленіи насъ, не думая вовсе о предположенной коммисіи и желая лишь предупредить соединеніе нашихъ войскъ. Но въ этомъ отношеніи надежда ихъ не оправдалась, ибо польный коронный гетманъ Калиновскій, которому поручено было въ то время главное начальство надъ войскомъ (великаго гетмана, Николая Потоцкаго, король удержалъ при себѣ подъ предлогомъ необходимости пользоваться его совѣтами, но правдоподобнѣе, какъ носились слухи, потому, что не довѣрялъ его распорядительности), совокупилъ все войско у Бара, какъ о томъ выше было сказано, и, узнавъ о томъ, что крестьяне возстаютъ въ Брацлавщинѣ и собираются въ отряды, рѣшился заблаговременно предупредить ихъ и не дозволить имъ соединиться. Онъ выступилъ 19 февраля изъ Бара по направленію къ Линцамъ, съ цѣлью преградить путь врагамъ, и того-же числа вечеромъ остановился въ мѣстечкѣ Станиславовѣ. Здѣсь онъ узналъ, что брацлавскій полковникъ Нечай, одинъ изъ главнѣйшихъ бунтовщиковъ, котораго козаки считали первымъ лицемъ послѣ Хмельницкаго, вопреки статьямъ договора, которыя воспрещали обѣимъ сторонамъ переходить пограничную черту, занялъ мѣстечко Красное, лежащее за назначенною чертою, и расположился въ немъ. Гетманъ Калиновскій воспользовался этимъ предлогомъ для нападенія и 20 февраля, въ понедѣльникъ на масляницѣ, выступилъ изъ Станиславова, отправивъ впередъ часть войска подъ начальствомъ брацлавскаго воеводы, Станислава Лянцкоронскаго. Послѣдній съ тремя козацкими хоругвями (старосты черкаскаго Киселя, старосты улановскаго Казимира Пьсечинскаго и Криштофа Корицкаго) неожиданно за-

хватилъ въ расплохъ врага, не помышлявшаго объ опасности, и, ворвавшись въ мѣстечко, привелъ козаковъ въ большое смятеніе. Нечай, бывшій въ то время на-веселѣ, когда его извѣстили о приходѣ войска, полагалъ, что въ Красное прибылъ съ козаками сотникъ Шпакъ изъ Мурахвы; потомъ, убѣдившись, что дѣло не шуточное, вскочилъ на коня, сталъ сражаться, какъ подобало храброму юнаку, и перначомъ своимъ подгонялъ козаковъ въ битву; но среди безпорядка и суматохи онъ не могъ организовать сопротивленія и, храбро защищаясь, палъ въ битвѣ самъ, а вмѣстѣ съ нимъ легло много козаковъ. Между тѣмъ болѣе знатные сотники: Гавратынскій, Красносельскій, братъ Нечая, Кривецкій, Степко [1]) и другіе съ значительнымъ количествомъ стрѣлковъ отступили въ замокъ. Хотя крѣпость эта была неприступна съ трехъ сторонъ, съ четвертой-же стороны охранялась прорубями, подѣланными во льду, гетманъ, желая сразу воспользоваться замѣшательствомъ непріятеля, приказалъ немедленно иноземной пѣхотѣ идти на штурмъ; но враги отбили приступъ съ успѣхомъ; затѣмъ польская конница, охотно спѣшившись, стала поддерживать въ штурмѣ отступившую пѣхоту и вбѣжала съ развернутыми знаменами на валы; но Провидѣнію угодно было иначе распорядиться и наши, не одержавъ успѣха, должны были продолженіе сраженія отсрочить до слѣдующаго дня. На разсвѣтѣ конница выстроилась въ боевой порядокъ, иностранному-же (наемному) войску, какъ пѣхотѣ, такъ и драгунамъ, гетманъ приказалъ опять идти на приступъ. Между тѣмъ враги ночью сожгли всѣ зданія, мѣшавшія защитѣ, и солдаты

[1]) Изъ „регистра войска запорожскаго“, составленнаго въ 1649 году и представленнаго королю въ 1650, мы знаемъ, что брацлавскій полкъ принадлежалъ къ числу болѣе многолюдныхъ и обширныхъ; въ немъ числилось 2,662 козака, и въ составъ его входило 22 сотни. Изъ числа лицъ, упоминаемыхъ въ разсказѣ Освѣцима, въ регистрѣ, кромѣ полковника Данила Нечая, въ сотнѣ брацлавской записаны были два брата его: Матвѣй и Иванъ. Погибшій въ Красномъ, вмѣстѣ съ братомъ Даниломъ, былъ Матвѣй, такъ какъ Ивана мы встрѣчаемъ впослѣдствіи (1654) въ званіи бѣлорусскаго полковника въ Быховѣ. Романъ Шпакъ былъ въ 1649 сотникомъ браиловскимъ, съ того-же времени очевидно перешелъ на сотничество въ Мурахву. Солтанъ Красносельскій уже въ 1649 году былъ, по всему вѣроятію, сотникомъ полковой брацлавской сотни; упоминаемый-же у Освѣцима Степко—это Степко Билоченко, сотникъ баглановскій. Василь Кривецкій и Грицько Кривенко числились въ 1649 году козаками брацлавской-же сотни. Въ селѣ Салинцахъ, райгородской сотни записанъ Василь Жидовчинъ,—можетъ-быть его разумѣетъ Освѣцимъ подъ именемъ Жидкевича; наконецъ Гавратынскаго мы не нашли въ регистрѣ брацлавскаго полка.

наши, по причинѣ усталости не имѣли успѣха, не смотря на то, что и кавалеристы польскіе, соскочивъ охотно съ лошадей, пѣшкомъ до поздняго вечера шли на валы на приступъ. Самъ гетманъ, цѣня мужество солдатъ и раздѣляя ихъ опасности, сошелъ съ коня и, поддерживая рѣшимость солдатъ, лично ходилъ на приступъ; даже конь его былъ раненъ выстрѣломъ. Во время штурма раненъ былъ полковникъ Денгофъ и многіе товарищи; нѣсколько офицеровъ и до 150 челяди и пѣхотинцевъ убиты. Наконецъ ночь раздѣлила сражавшихся и наши хоругви расположились вокругъ замка. Между тѣмъ козаки потеряли самоувѣренность и стали ночью перескакивать черезъ палисадъ, желая спастись бѣгствомъ; но это не удалось имъ и многіе сложили голову: шляхтичъ Гавратынскій, занимавшій у нихъ должность сотника, попалъ въ плѣнъ и потомъ былъ разстрѣлянъ въ Мурахвѣ; Жидкевичъ, писарь Нечая, также былъ взятъ въ плѣнъ, но онъ былъ впослѣдствіи освобожденъ. Степко палъ въ сѣчѣ, Красносельскій пропалъ безъ вѣсти, братъ-же Нечая и Кривенко погибли вмѣстѣ со многими другими во время штурма (второго дня). Гетманъ тотчасъ отправилъ однѣ хоругви въ погоню за убѣжавшими, другія-же послалъ въ замокъ, куда ворвавшись, онѣ изрубили всѣхъ остававшихся тамъ враговъ. Такъ счастливо кончилось это первое столкновеніе,

Февраля 23. Гетманъ сжегъ городъ и замокъ въ Красномъ и отправился въ Мурахву, зная, что тамъ собралоэь 2,000 козаковъ подъ начальствомъ сотника Шпака; но они, узнавъ о движеніи войска и не полагаясь на свои слишкомъ слабыя силы, заблаговременно отступили по направленію къ Днѣстру. Мѣщане и крестьяне изъ окрестныхъ селъ затворились въ городѣ и упорно защищались, не желая впустить нашего войска, но потомъ должны были отступить изъ города и затворились въ замкѣ, который очень сильно укрѣпили. На слѣдующій день осажденные сдались, выдали пушки и порохъ и принесли присягу, равно представили одного изъ среди себя, утверждая, что онъ былъ зачинщикомъ бунта; наконецъ они обратились къ гетману съ просьбою, чтобы онъ оставилъ гарнизонъ въ замкѣ для охраны отъ своевольныхъ людей, вслѣдствіе чего и былъ оставленъ отрядъ пѣхоты. Между тѣмъ войсковая челядь стала ходить въ замокъ, будто для покупки припасовъ, дѣйствительно-же солдаты принялись разбивать коморы, грабить провизію, медъ и другіе предметы. Гетманъ, желая вначалѣ-же пресѣчь этотъ безпорядокъ,

приказалъ, для примѣра другимъ, повѣсить пойманнаго на мѣстѣ преступленія одного солдата изъ отряда воеводы брацлавскаго (Лянцкоронскаго). Хотя распоряженіе это и раздосадовало воеводу, но онъ принужденъ былъ на этотъ разъ проглотить обиду въ молчаніи.

Февраля 27. Усмиривши жителей Мурахвы, на сколько это возможно было въ то время, войско двинулось въ Шаргородъ. Мѣщане этого города заблаговременно озаботились о своей безопасности, за два дня до прихода войска, они прислали къ гетману изъявленіе своей покорности и высказали готовность, какъ вѣрные королевскіе подданные, допустить войско въ городъ. Обѣщанія свои они дѣйствительно сдержали. Когда войско занимало въ теченіи нѣскольких дней квартиры въ Шаргородѣ, пріѣхала къ гетману депутація мѣщанъ изъ Черніевецъ съ заявленіемъ готовности выдать оружіе и принести присягу вѣрности; точто также поступили и другіе близлежащіе города.

Марта 1. Гетманъ рѣшилъ остановиться въ Шаргородѣ до конца зимы и распредѣлилъ квартиры для войска, но потомъ, по неизвѣстной причинѣ, перемѣнилъ намѣреніе и войско, не занявъ назначенныхъ квартиръ, выступило въ Черніевцы, гдѣ и остановилось на ночлегъ 2 марта.

Марта 3. Оттуда войско двинулось къ мѣстечку Стину, въ которомъ затворились козаки и крестьяне изъ разныхъ мѣстечекъ. Во время похода пріѣхали къ войску двое мѣщанъ изъ упомянутаго мѣстечка, посланные, какъ кажется, войтомъ безъ вѣдома черни; они просили мира отъ имени всѣхъ жителей и взялись проводить войско въ Стину. Но едва наши приблизились, изъ мѣстечка въ лежащіе на пути хутора выбѣжало множество хлоповъ, вооруженныхъ самопалами, луками и другимъ оружіемъ. При приближеніи войска они стали стрѣлять, произносить угрозы, преподносить кукиши и, забывъ всякое приличіе, выставлять заднія части тѣла. Довольно долго они защищали входъ въ хутора и въ нижній городъ; наконецъ нѣсколько козацкихъ [1]) хоругвей, бросившись впередъ съ рѣшимостью, прогнали хлоповъ въ городъ и овладѣли хуторами; съ другой стороны воевода брацлавскій, принявъ на-

---

[1]) Упоминаемыя въ составѣ польскаго войска козацкія хоругви не состояли изъ козаковъ; это были отряды легкой конницы польскаго войска, вооруженные по образцу козаковъ, почему и носили названіе хоругвей козацкихъ, въ противуположность тяжелой конницѣ, называвшейся: гусарами и панцырниками.

начальство надъ пѣхотою и частью конницы, атаковалъ нижній городъ и вскорѣ, съ Божьею помощью, заставилъ враговъ отступить въ городъ верхній. Послѣдній защищенъ неприступнымъ мѣстоположеніемъ и доступъ къ нему возможенъ лишь съ одной стороны. Потому хотя гетманъ и покушался взять его приступомъ, но не имѣлъ никакого успѣха; пальба изъ пушекъ также мало вреда наносила осажденнымъ; послѣдніе-же отказались рѣшительно сдаться и выдать свою старшину. Начались переговоры; осажденные предлагали дать для удовлетворенія войска 4,000 злотыхъ и просили гетмана не проливать ихъ крови, увѣряя, что они вѣрные подданные калусскаго старосты, пана Яна Замойскаго. Гетманъ, видя что невозможно ничего добиться силою, согласился принять такое доказательство ихъ покорности и удовлетворился лишь тѣмъ, что потребовалъ у нихъ присяги.

Марта 4. Послѣ принесенія присяги, изъ города прислали вмѣсто обѣщанныхъ 4,000 злотыхъ только 1,000. По опредѣленію общаго совѣта гетманъ отправилъ обратно эти деньги черезъ товарища хоругви брацлавскаго воеводы и отпустилъ назадъ тѣхъ хлоповъ, которые ихъ принесли.

Марта 5. Приказано было войску выступать въ Черніевцы, но въ одной лощинѣ вблизи города оставлены были въ засадѣ три хоругви. Когда войско наше удалилось, хлопы, ничего не опасаясь, вышли изъ города въ оставленный нами лагерь. Тогда хоругви выскочили изъ засады, отрѣзали хлоповъ отъ города и, бросившись на нихъ съ крикомъ: „Галла! Галла!"; перебили ихъ до 150. Въ тотъ-же день гетманъ послалъ полки князя воеводы русскаго (Іереміи Вишневецкаго) и пана хорунжія короннаго въ мѣстечко Ямполь. Они ночью захватили Ямполь въ расплохъ, перерѣзали поголовно всѣхъ жителей, мѣстечко сожгли и овладѣли богатою добычею. Между тѣмъ войско, отступивъ отъ Стины, расположилось на трехдневный отдыхъ въ Черніевцахъ.

Въ тотъ-же день кіевскій воевода, Адамъ Кисель [1]), назначенный коммисаромъ короля и Рѣчи Посполитой для обсужденія

---

[1]) Адамъ Кисель принадлежалъ къ древнему русскому дворянскому роду и былъ православный, вслѣдствіе этого польское правительство поручило ему сношенія съ Хмельницкимъ. Въ перепискѣ съ козацкимъ гетманомъ Кисель постоянно выставляетъ на видъ свое русское происхожденіе и даже примѣшиваетъ къ польскому тексту своихъ писемъ малорусскія слова и выраженія. Желая сохранить эти особенности рѣчи въ переводѣ, мы, въ письмѣ Киселя, будемъ подчеркивать и приводить въ выноскахъ слова подлинника.

всякихъ претензій обѣихъ сторонъ, обратилъ вниманіе на то, что гибель Нечая и многихъ козаковъ и нападеніе на нихъ гетмана, вѣроятно, сильно раздражатъ Хмельницкаго и вызовутъ месть съ его стороны, а потому рѣшился, хотя до нѣкоторой степени, успокоить его, указавъ, что причину къ столкновенію подали исключительно своевольные козаки. Съ этою цѣлью онъ написалъ къ Хмельницкому слѣдующее письмо:

Милостивый панъ гетманъ, мой любезный панъ и братъ! Отъ начала вселенной случается такъ, что среди пшеницы попадаются плевелы и часто рядомъ *съ церковью Божею* [1]) злой духъ устраиваетъ свою капеллу. Помазанникъ Божій, король его милость, прилагалъ постоянно и теперь прилагаетъ всѣ старанія для того, чтобы доставить спокойствіе своему государству; я *несчастный* [2]) со времени сейма, въ теченіи трехъ лѣтъ безпрестранно нахожусь въ разъѣздахъ и хлопотахъ, вслѣдствіе чего я совершенно потерялъ силы и здоровье; я постоянно нахожусь въ сношеніяхъ съ вашею милостью, моимъ милостивымъ паномъ и братомъ, желая снискать облегченіе угнетенному нашему отечеству и спасти отъ гибели послѣднюю горсть нашего русскаго народа. Ваша милость также не мало *печаловались* [3]) и трудились, какъ подобало вѣрному королевскому подданному и слугѣ, принесшему присягу, для того, чтобы потушить вспыхнувшій пожаръ. Между тѣмъ Нечай, которому нынѣ да оставитъ Господь его прегрѣшенія, привыкъ было безъ вѣдома вашей милости творить всякое зло: зазывать татаръ противъ соотечественниковъ, проливать кровь, избивать дворянъ. Такъ и въ послѣднее время онъ овладѣлъ артиллеріею въ Брацлавѣ, двинулся къ Линцамъ и напалъ на квартиры польскаго войска, понося письмами и на словахъ знатныхъ вождей и гетмановъ; потому, по справедливому изволенію Господа, онъ и нашелъ то, чего искалъ и получилъ награду по заслугамъ. Узнавъ объ этомъ столкновеніи и имѣя въ виду данное мнѣ порученіе о сохраненіи мира, я королевскимъ именемъ удержалъ польнаго гетмана и воеводу брацлавскаго отъ дальнѣйшаго движенія за пограничную черту и вашу милость извѣщаю о томъ, что коммисія, назначенная для умиротворенія, спокойно ожидаетъ начала своего дѣйствія, о чемъ и гетманъ польный извѣщаетъ вашу милость отдѣльнымъ письмомъ. Отправляя къ вашей милости это посланіе, отъ себя удостовѣряю васъ именемъ короля, *что миръ считаю ненарушеннымъ и что коммисія готова по прежнему приступить къ своимъ дѣйствіямъ* [4]). Когда она откроется, брацлавскій воевода предъявитъ въ ея засѣданіи *обидныя* [5]) письма и угрозы, присланныя ему Нечаемъ. Король его милость глубоко сожалѣетъ объ этомъ поступкѣ и о возникшей ссорѣ, но онъ увѣренъ, что все это случилось

---

[1]) Въ текстѣ: *„При костелѣ, а по нашему при церкви Божей“.* [2]) *„Неборакъ“.* [3]) *„Горовалъ“.*

[4]) *„Что миръ—миромъ и коммисія—коммисіею“.* [5]) *„Плюгавыя“.*

безъ вѣдома вашей милости, и пребываетъ къ вамъ по прежнему благосклоннымъ; онъ желаетъ, чтобы коммисія поскорѣе начала свои дѣйствія и счастливо довела ихъ до конца во избѣжаніе новыхъ вспышекъ и кровопролитія,—и чтобы собранныя военныя силы соединились противъ общаго врага, вмѣсто того, чтобы взаимно себя истреблять. Извѣщая объ этомъ вашу милость, прошу, чтобы вы изволили, согласно съ даннымъ обѣщаніемъ, назначить въ возможно скоромъ времени день съѣзда въ Паволочи. Мы будемъ ожидать въ Линцахъ. Всемогущій Богъ властенъ покончить въ одинъ часъ дѣло, которое мы не могли рѣшить въ теченіи года. Слѣдуетъ лишь обратиться къ Нему съ молитвою отъ всей души и благословеніе Его будетъ намъ ниспослано, враги-же наши не возрадуются отъ паденія нашего. Моля объ этомъ Господа, заключаю письмо мое просьбою о скоромъ и благосклонномъ отвѣтѣ. Гонцу своему я назначилъ срокъ возврата 12 марта (по римскому календарю) и если къ этому сроку не получу отвѣта, то долженъ буду самъ потерять всякую надежду на коммисію и миролюбивое окончаніе дѣла. Не дай того Господи! Вѣдь отъ этого зависитъ судьба святой нашей вѣры, судьба русскаго народа и пролитіе христіанской крови. При семъ случаѣ поручаю себя благосклонности вашей милости. Изъ Гощи, марта 3-го дня 1651 года. Кіевскій воевода (Адамъ Кисель).

Марта 6. Гетманъ собралъ совѣтъ для того, чтобы опредѣлить выборъ главной квартиры, такъ какъ нужно было на время пріостановить военныя дѣйствія, ибо вскорѣ ожидалась оттепель и необходимо нужно было дождаться прихода подкрѣпленій, сформированныхъ изъ вновь навербованныхъ солдатъ, о приближеніи которыхъ не было пока никакихъ извѣстій. На совѣтѣ рѣшили провести остатокъ зимы въ Винницѣ, какъ въ городѣ болѣе обширномъ. Въ это-же время король, предчувствуя угрожающую Рѣчи Посполитой опасность и не довѣряя прочности мира, заключеннаго съ бунтовщиками, нашелъ необходимымъ созвать сеймъ и потому къ 9 марта созвалъ сеймики во всемъ королевствѣ.

Между тѣмъ гетманъ, согласно съ постановленіемъ военнаго совѣта, выступилъ 6 марта изъ Черніевецъ въ Винницу. Войско направилось черезъ Мурахву и Красное и 10 марта остановилось на ночлегъ въ Сутискѣ. Въ ту-же ночь гетманъ отправилъ впередъ къ Винницѣ брацлавскаго воеводу съ его полкомъ на рекогносцировку; послѣдній узналъ на пути отъ захваченныхъ языковъ, что въ Винницѣ расположился въ качествѣ гарнизона кальницкій полковникъ Богунъ съ отрядомъ въ 3,000 козаковъ; вслѣдствіе этого онъ ускорилъ походъ, не смотря на очень глубокій снѣгъ. Такъ какъ козаки не поставили сторожеваго отряда за мостомъ, то наши ворвались въ предмѣстья неожиданно и если-бы

они шли въ большемъ порядкѣ, то безъ сомнѣнія захватили-бы городъ, подобно Красному. Когда хоругви наши приблизились къ городу, козаки замѣтили ихъ и какъ пѣшіе, такъ и конные вышли на встрѣчу на ледъ на рѣкѣ Бугѣ, гдѣ они заблаговременно надѣлали было кругомъ города прорубей. Проруби эти, высѣченныя нѣсколько дней назадъ, успѣли покрыться тонкимъ слоемъ льда и занесены были снѣгомъ и потому незамѣтны; козаки выстроились на льду позади ихъ. Брацлавскій воевода съ двумя хоругвями (пана Киселя и пана Мелешка) бросился на нихъ, не осмотрѣвъ мѣстности. Онъ и самъ попалъ въ прорубь, и оба ротмистра погибли, и много людей изъ обѣихъ хоругвей. Козаки взяли знамя воеводы и оба знамена хоругвей; изъ хоругви пана Киселя погибло семь товарищей, а изъ хоругви пана Мелешка три; притомъ много лошадей потонуло или погибло отъ выстрѣловъ. Хоругви отступили въ безпорядкѣ къ замку, который между тѣмъ заняли драгуны, и расположились вокругъ его укрѣпленій, гдѣ впрочемъ сильно страдали отъ выстрѣловъ козацкой артиллеріи. Затѣмъ уже отыскали брацлавскаго воеводу, который едва выкарабкался изъ проруби и лежалъ на льду, сильно избитый прикладами самопаловъ. Его уложили въ сани, чтобы согрѣть, и онъ отправилъ гонца къ гетману съ приглашеніемъ ускорить приходъ главнаго отряда.

Марта 11. Подъ вечеръ пришелъ съ войскомъ гетманъ и, расположивъ его въ опредѣленныхъ позиціяхъ, осадилъ городъ. Онъ однако не предпринималъ военныхъ дѣйствій, ожидая прихода артиллеріи; войско оставалось постоянно въ строю. Козаки, не довѣряя своимъ силамъ, въ полночь съ субботы на воскресенье зажгли городъ во многихъ мѣстахъ, сами-же затворились въ монастырѣ. Наши немедленно вступили въ городъ и, лишь только разсвѣло, пошли на приступъ, но козаки дѣятельно отстрѣливались изъ за полисада, такъ что бой длился цѣлый день въ воскресенье и слѣдующую ночь, съ небольшими перерывами.

Въ понедѣльникъ, когда наши стали готовиться къ новому штурму, козаки сомкнулись внутри второй линіи укрѣпленій, оставивъ первую линію полисада. Съ наступленіемъ ночи на нихъ повели приступъ со всѣхъ сторонъ при безпрестанной пальбѣ; но и они очень храбро защищались какъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, такъ и отбиваясь косами, дубинами и камнями; при этомъ съ обѣихъ сторонъ погибло много людей. Штурмъ продолжался до полуночи, пока наконецъ обѣ стороны не отправились на отдыхъ. Съ нашей стороны погибло до 20 охотниковъ и болѣе ста пѣхотинцевъ, между

прочими два поручика: панъ Либишовскій и панъ Холоневскій (изъ хоругвей князя Дмитрія Вишневецкаго и старосты калусскаго). Во вторникъ козаки вступили въ переговоры; они прислали къ гетману своихъ сотниковъ, которые предлагали дать въ качествѣ выкупа 4,000 воловъ и 50 бочекъ меду. Гетманъ потребовалъ, чтобы они кромѣ того выдали свои пушки и знамена и своего полковника Богуна. Они соглашались на первое, но выдать полковника или кого-либо изъ старшины отказались на отрѣзъ. Переговоры кончились тѣмъ, что они обязались возвратить взятыя у насъ знамена и удовлетворить убытки житомирскаго старосты, имущество котораго они было разграбили; въ удостовѣреніе сего они должны были дать заложниковъ, а также возвратить лошадей, взятыхъ у насъ въ стычкѣ у прорубей, или уплатить ихъ стоимость деньгами. Когда условія эти были заключены, они собирались выйти въ среду и требовали, чтобы войско наше очистило поле передъ монастыремъ. Войску нашему дѣйствительно приказано было отступить съ поля и укрыться въ замкѣ, а также въ улицахъ и среди домовъ въ городѣ, но оставаться въ строю. Предполагалось употребить слѣдующую хитрость: когда козаки выйдутъ изъ укрѣпленій, окружить ихъ въ полѣ со всѣхъ сторонъ и потребовать выдачи старшинъ и оружія, а если они не согласятся, разгромить ихъ окончательно. Но намѣреніе это не удалось исполнить; козаки, замѣтивъ-ли сами засаду или получивъ о ней предостереженіе, отказались выходить: возобновивъ переговоры, они потребовали отъ насъ заложниковъ (посланы были: панъ Залевскій и панъ Лыткевичъ) и дали намъ въ замѣнъ своихъ. При переговорахъ требовали, чтобы гетманъ со всѣмъ войскомъ отступилъ за милю отъ города, а когда онъ не согласился исполнить это условіе, прекратили переговоры, объявивъ, что всѣ готовы погибнуть въ бою. Дѣйствительно козаки немедленно пошли было на проломъ, но были съ большимъ урономъ отбиты. Тогда они отступили въ третюю черту фортификацій, укрѣпили ее и храбро въ ней засѣли; при этомъ часть лошадей своихъ они выгнали и когда челядь наша покушалась овладѣть ими, многихъ перестрѣляли. Наши окружили ихъ укрѣпленія валами и постоянно сторожили, но не могли отрѣзать ихъ отъ воды; громили осажденныхъ пушками и бросали въ ихъ станъ бомбы, но бомбы козаки успѣвали тушить и въ сущности мы ничего не могли имъ сдѣлать. Между тѣмъ войско наше выбилось изъ силъ, такъ какъ все время солдаты и лошадей не разсѣдлывали, и сами не оставляли оружія.

18 марта въ субботу обозный коронный (единственный сынъ польнаго гетмана) отправился въ Кальникъ на рекогносцировку съ частью войска, желая собрать точныя свѣдѣнія какъ о томъ, гдѣ находится Хмельницкій, такъ и о томъ, не подходитъ-ли какое подкрѣпленіе на выручку Богуну. Возвратился 20 числа въ четыре часа вечера безъ успѣха: дошелъ лишь до Липовца, лежащаго въ 5 миляхъ отъ Винницы; оттуда отправилъ по направленію къ Кальнику для развѣдокъ пана Кондрацкаго; но послѣдній, едва выступилъ въ поле, наткнулся на передовой козацкій отрядъ и замѣтилъ въ сторонѣ большое войско. Въ то-же время другіе козаки (полтавскаго полка) напали на нашихъ, расположившихся въ Липовцѣ, и привели ихъ въ немалое замѣшательство. Только выбѣжавъ въ поле, панъ обозный успѣлъ привести въ порядокъ хоругви, но всѣ разсѣдланныя лошади были потеряны; притомъ козаки, прежде чѣмъ напали на Липовецъ, заняли дорогу въ Кохановку и потому та часть отряда, которая сопровождала обозъ съ припасами, потерпѣла также значительный уронъ. Панъ Кондрацкій едва успѣлъ спастись, потерявъ много товарищей и солдатъ изъ разныхъ хоругвей (отправляясь въ разъѣздъ, онъ взялъ съ собою изъ каждой хоругви по 5 человѣкъ челяди). Панъ обозный привелъ нѣсколько человѣкъ захваченныхъ въ плѣнъ запорожскихъ козаковъ, которые показали, что Хмельницкій былъ въ Бѣлой Церкви и уже выступилъ оттуда на встрѣчу нашему войску. Въ виду этого извѣстія, гетманъ, считая свои силы недостаточными, рѣшился отступить въ какую-либо мѣстность болѣе удобную для продовольствованія войска, ибо ледъ на Бугѣ уже тронулся, а по сію сторону рѣки невозможно было найти фуража. Но прежде онъ хотѣлъ попытать счастья, не удасться-ли взять приступомъ осажденныхъ. Штурмъ начался съ разсвѣтомъ; козаки немедленно произвели вылазку, при чемъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ попало въ плѣнъ, они-же захватили двухъ нашихъ. Вообще козаки сражались храбро и съ каждой стороны пало до 20 человѣкъ. Пока продолжался штурмъ, нѣсколько часовъ послѣ восхода солнца, подоспѣлъ на выручку Богуну уманскій полковникъ (Іосифъ Глухъ) съ отрядомъ козаковъ въ 10,000 человѣкъ. Хотя о его приближеніи войско имѣло кое-какія извѣстія, но онъ появился неожиданно; козаки съ большимъ крикомъ заняли новый городъ и расположились въ немъ, отдѣленные отъ нашего войска только мостомъ на разстояніи одного выстрѣла изъ лука. Въ нашемъ войскѣ произошло страшное замѣшательство, солдаты не

слушали распоряженій и разорвали боевой строй; на трубахъ играли тревогу, что еще болѣе усиливало страхъ и смущеніе; наконецъ, наши, бросившись на лошадей, выбѣжали въ поле къ Якушинцамъ и здѣсь построились въ боевой порядокъ, часть-же хоругвей осталась на мѣстѣ прежней стоянки передъ фронтомъ монастыря, въ которомъ затворились козаки. Панъ воевода съ нѣсколькими десятками драгунъ и съ нѣсколькими козацкими хоругвями бросился къ мосту, за которымъ стоялъ непріятель и вступилъ съ нимъ въ перестрѣлку. Вся эта тревога была совершенно напрасна, хотя-бы они явились и въ большемъ количествѣ, ибо Бугъ уже тронулся и они не могли переправиться на нашу сторону. Но челядь, бывшая у обоза, не обративъ на это вниманія, бросивъ возы и лошадей, обратилась въ бѣгство; примѣру ихъ послѣдовали и товарищи изъ разныхъ хоругвей; между тѣмъ другіе, увидѣвъ, что возы оставлены безъ присмотра, бросились къ нимъ и свои стали грабить своихъ. Дѣло вышло очень похожее на пилявецкую битву, съ тою развѣ разницею, что пѣхота и часть хоругвей, оставшаяся въ строю, сомкнулись и въ порядкѣ отступили по направленію къ Бару. На прощанье козаки, выбѣжавъ на валы, провожали нашихъ обычными криками, прилагая къ ляхамъ разные оскорбительные эпитеты: „цыгане, бѣглецы, безмозглые, пилявчики! кричали они, *утикайте дальше за Вислу, не тутъ ваше діло!*“ ¹) Гетманъ былъ очень смущенъ по причинѣ этого безпорядка и слишкомъ поспѣшнаго отступленія; солдаты негодовали на него за отсутствіе распорядительности; они сами были страшно утомлены, лошади изнурены и въ заключеніе они лишились возовъ, запасныхъ лошадей, челяди, съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ. Въ большомъ смятеніи, усилившемъ самоувѣренность враговъ, отступило войско отъ Винницы, прекративъ осаду, и отправилось въ Баръ, куда пришло 24 числа.

Главною причиною смятенія и безпорядка нашего войска было соревнованіе и ссоры вождей, т. е. гетмана польнаго и брацлавскаго воеводы. Послѣдній желалъ распоряжаться независимо отъ гетмана; притомъ онъ хотѣлъ удержать у себя серебрянный перначъ Нечая, но долженъ былъ отдать его гетману, который выбранилъ его по этому случаю. Другой разъ они столкнулись въ Шарогродѣ: здѣсь, во время разговора, воевода упомянулъ о томъ, что онъ увѣщевалъ солдатъ повиноваться гет-

---

¹) Подчеркнутыя слова въ текстѣ написаны по-русски.

ману, но послѣдній, вспыливъ, отвѣтилъ: *„ваши увѣщанія имѣли столько-же вѣса, какъ этотъ кукишъ"*, причемъ онъ показалъ кукишъ воеводѣ. По истинѣ стыдно и позорно для вождей заниматься такими школьническими выходками! Воевода ничего не отвѣтилъ, но вышелъ изъ комнаты. Въ третій разъ гетманъ обругалъ воеводу, когда послѣдній попрекнулъ его въ томъ, что онъ въ письмахъ къ королю исключительно себѣ приписываетъ всякое успѣшное дѣйствіе.

Какъ образецъ безобразія, до котораго дошло войско вслѣдствіе этихъ ссоръ и неуваженія подчиненныхъ къ вождямъ, приведу одинъ грустный случай. Когда 18-го марта козаки очистили Прилуку, туда отправились для собранія фуража нѣсколько тысячъ войсковыхъ слугъ. На обратномъ пути, солдаты изъ полковъ гетманскаго и князя воеводы русскаго (Іереміи Вишневецкаго) ограбили солдатъ брацлавскаго воеводы. Утверждали, что зачинщикомъ безпорядка былъ какой-то товарищъ изъ хоругви князя Вишневецкаго. Брацлавскій воевода, требуя по этому поводу удовлетворенія у гетмана, попрекалъ указаннаго товарища; присутствовавшій при этомъ панъ Незабитовскій, поручикъ той роты, въ которой служилъ товарищъ, замѣтилъ воеводѣ: „ваша милость постоянно къ намъ придираетесь". Разговоръ обострился; наконецъ, воевода сказалъ пану Незабитовскому: *„тебѣ пристало скорѣе быть быкомъ, чѣмъ солдатомъ"*; панъ Незабитовскій отвѣтилъ на это: *„а тебѣ подобаетъ скорѣе быть козьимъ пастухомъ, нежели сенаторомъ"*. Воевода замолчалъ, а панъ Незабитовскій вышелъ. Разговоръ происходилъ въ присутствіи гетмана, но когда ему пожаловался воевода, то онъ не вступился за него и отвѣтилъ пословицею: *„гдѣ брѣютъ, тамъ и бьютъ"*; потому воевода чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ данномъ случаѣ болѣе гетманомъ, чѣмъ Незабитовскимъ.

Между тѣмъ по всему государству пронеслась молва о пораженіи брацлавскаго воеводы во время перваго приступа къ Винницѣ по льду у прорубей; его неосторожности приписывали гибель многихъ заслуженныхъ людей, о которыхъ сожалѣли многочисленные родственники и друзья. Чувства эти выразилъ кіевскій воевода (Адамъ Кисель) въ письмѣ къ кіевскому кастеляну, въ которомъ онъ порицалъ неосторожность, погубившую столько добрыхъ воиновъ и въ томъ числѣ его единственнаго брата [1]). Вотъ текстъ этаго письма:

---

[1]) Кастелянъ кіевскій Збигневъ Горайскій, къ которому адресовано это письмо, состоялъ членомъ коммисіи, назначенной подъ предсѣдательствомъ Адама Киселя для

Да вознаградитъ Богъ Вашу милость за сочувствіе, которымъ вы изволите утѣшать бозконечное горе, которое меня вгонитъ въ могилу. Единственный, дорогой братъ мой палъ въ битвѣ, подобно моему дѣду, прадѣду, прашуру, двумъ дядямъ и двумъ двоюроднымъ братьямъ; всѣ они легли въ боевыхъ могилахъ. Еслибы судьба позволила, слѣдовало бы мнѣ въ гробу замѣнить брата: онъ былъ въ нашемъ домѣ цвѣтущею розою, мѣжду тѣмъ какъ я представляю въ немъ тернъ изсохшій. Безбожные и завистливые люди, оклеветавшіе древнюю честь и славу нашего дома, были причиною тому, что братъ мой рѣшился устыдить ихъ, добровольно искалъ смерти и доказалъ нашу доблесть пролитіемъ собственной крови. Съ этою рѣшимостью онъ и отправлялся въ походъ и еслибы разрушенное здоровье не помѣшало мнѣ, я охотно раздѣлилъ-бы его участь; въ настоящее время отраднѣе пасть въ битвѣ, чѣмъ смотрѣть на то направленіе, къ которому склоняется судьба отечества. Мы отвергаемъ благоразумные совѣты, затѣяли гибельную войну, то и дѣло налегаемъ лишь на нашу храбрость, а кровавыя ея послѣдствія ежедневно у насъ предъ глазами. Прійдетъ, хотя слишкомъ поздно, время, когда вспомнятъ мои дружественныя увѣщанія. Увы! нѣкогда цѣнили болѣе одного гражданина, чѣмъ тысячу хлоповъ, нынѣ-же безумный духъ времени производитъ то, что хлопы, укрываясь за стѣнами, остаются невредимы, а сыны Короны, съ открытою грудью устремляясь на стѣны, погибаютъ смертью храброю, но безполезною и причиняющею большое горе отечеству. Впрочемъ я уже потерялъ все, что могъ потерять, и болѣе объ этомъ предметѣ писать не буду. О коммисіи и другихъ возложенныхъ на меня порученіяхъ я теперь и знать ничего не хочу; единственно о томъ молю Господа, чтобы онъ скорѣе дозволилъ мнѣ сомкнуть глаза послѣ того, какъ погибла единственная надежда моего дома. О кровавомъ наслѣдствѣ я заботиться не стану: Господь призритъ сироту, если отечество о немъ забудетъ; пусть утѣшаются наслѣдствомъ тѣ, которые послали жертву на гибель. Тяжелое горе не дозволяетъ мнѣ болѣе писать. Я распоряжусь о томъ, чтобы проводить отсюда остатки брата, погибшаго на глазахъ всего войска, и самъ, изнывая отъ горя, попрощаюсь съ этимъ краемъ.—Изъ Гущи.' Марта 23 дня, 1651 г.

Въ томъ-же письмѣ слѣдующая приписка:

Жена моего брата имѣетъ пожизненное право владѣнія на Черніевъ. Относительно черкаскаго староства я не только не претендую на Вашу милость, но, напротивъ искренно желалъ-бы, чтобы Ваша милость получили его предпочтительно передъ другими соискателями; староство это намъ досталось послѣ другихъ, естественно, къ другимъ оно должно перейти отъ насъ; для меня отраднѣе будетъ, если наслѣдство брата перейдетъ во владѣніе друга, чѣмъ оно досталосьбы врагу. Ни изъ Кіева, ни отъ двора королевскаго, ни отъ Хмельницкаго я не

переговоровъ съ козаками; погибшій въ битвѣ братъ Адама Киселя—Николай, староста черкаскій, былъ также членомъ этой коммисіи.

получаю никакихъ извѣстій; въ сношенія эти впередъ уже не хочу и не буду вмѣшиваться. Изъ словъ товарищей и слугъ покойнаго брата, которые сопровождали его останки, я сообразилъ, что въ войскѣ нашемъ дѣла идутъ плохо: Богуна еще не взяли, а ежедневно гибнетъ множество людей. Вообще затѣяли эту войну для истребленія лишь польской шляхты. Если Господь не помилосердствуетъ и ханъ съ ордою прійдетъ, тогда все погибло; вмѣсто того чтобы спасти потерянное, мы навлечемъ крайнюю опасность на всю Рѣчь Посполитую и останемся съ длинными ушами. Еще война не началась, а войско уже разстроено, лучшіе воины погибнутъ и пораженіе явится скорѣе, чѣмъ мы ожидали. Войско наше, какъ мнѣ сказали, малочисленно, подкрѣпленія неизвѣстно гдѣ находятся; если враги это замѣтятъ и окружатъ наши силы, то Господь одинъ знаетъ, какія могутъ быть послѣдствія.

Между тѣмъ польный гетманъ стоялъ въ Барѣ съ войскомъ сильно ослабѣвшимъ отъ неудачной осады Винницы и разграбленія обоза. Стѣсняясь въ средствахъ для прокормленія войска въ предѣлахъ одного барскаго староства, онъ распредѣлилъ отряды въ окрестныхъ волостяхъ, желая дать солдатамъ отдыхъ и возможность нѣсколько окрѣпнуть послѣ перенесенныхъ трудовъ; но быстрое появленіе врага не дозволило осуществить это намѣреніе. Брацлавскій воевода, отправляясь въ Хмельникъ, гдѣ ему назначена была гетманомъ квартира, встрѣтилъ на пути, въ Летичевѣ, гдѣ онъ ночевалъ 30 марта, извѣстія о движеніи непріятелей. Въ Летичевъ бѣжали изъ Новаго Константинова многіе жители, вслѣдствіе появленія татаръ и козаковъ. Желая собрать о нихъ болѣе точныя извѣстія, воевода отправилъ въ Константиновъ двѣ хоругви (пановъ Сапѣговъ и пана Янджула). Посланные достигли этого города въ полночь и съ большимъ крикомъ напали на хлоповъ (полковникомъ которыхъ былъ Крысенко) и татаръ, неожидавшихъ нападенія, расположившихся на ночлегъ безъ стражи и по большей части пьяныхъ. Эти немедленно пустились бѣжать, бросивъ свои знамена и лошадей какъ верховыхъ, такъ и вьючныхъ; убито ихъ немного, но гораздо больше потонуло въ Бугѣ; наши, захвативъ нѣсколько козаковъ, двухъ татаръ и до 20 татарскихъ лошадей, скоро отступили, опасаясь, чтобы непріятели не напали на нихъ, придя въ порядокъ. Послѣ отступленія нашихъ, непріятели лишь утромъ возвратились въ городъ, собрали оставшееся свое имущество, перерѣзали многихъ людей, городъ сожгли и отступили въ Хмельникъ, гдѣ расположились въ замкѣ и въ городѣ. Плѣнные показали, что въ этомъ отрядѣ было до 300 татаръ и нѣсколько тысячъ козаковъ. Наши хоругви нѣсколько разъ ходили на рекогносцировку къ Хемльнику, но имъ не удалось

болѣе захватить языка; враги стали осторожны; они сожгли постройки на нашей сторонѣ Буга и разрушили мостъ. Такимъ образомъ воевода вмѣсто Хмельника, долженъ былъ квартировать въ Летичевѣ, гдѣ отрядъ его сильно страдалъ отъ голода.

Апрѣля 3. Гетманъ, получивъ извѣстія съ разныхъ сторонъ о томъ, что враги, собравъ большія силы, быстро двигаются въ нашу сторону, предпочелъ ожидать ихъ въ болѣе удобномъ для защиты мѣстѣ, у Каменца. Потому онъ оставилъ въ Барѣ гарнизонъ: 300 человѣкъ нѣмецкой пѣхоты и 3 козацкія хоругви (брацлавскаго воеводы, каменецкаго старосты и пана Яскульскаго), остальнымъ-же полкамъ приказалъ двинуться на сборное мѣсто къ Зинькову. Оттуда онъ отправился въ дальнѣйшій путь и самъ съ своимъ полкомъ расположился въ Чернокозинцахъ, въ двухъ миляхъ отъ Каменца, остальные-же отряды размѣстилъ въ близъ лежащихъ волостяхъ. Полкъ брацлавскаго воеводы былъ отправленъ въ Гродокъ, гдѣ онъ сильно страдалъ отъ голода; здѣсь, въ ту ночь, когда войско заняло квартиры, задержанъ былъ разъѣздомъ лазутчикъ, посланный Богуномъ; онъ на допросѣ показалъ только то, что Богунъ отправилъ его изъ Винницы слѣдомъ за войскомъ, поручивъ узнать, гдѣ оно остановится и какъ будетъ расположено. Этого лазутчика отправили въ Гусятинъ, къ гетману.

Апрѣля 12. Сборище хлоповъ напало на Баръ; нѣмцы затворились въ замкѣ, а конныя хоругви отступили къ войску, не захвативши даже языка; они утверждали, что у враговъ огромныя силы. Гетманъ отправилъ 10 хоругвей для выручки осажденныхъ нѣмцевъ, но послѣдніе успѣли невредимо уйти изъ Бара, ибо хлопы, разграбивъ мѣстечко и не покушаясь на приступъ къ замку, пробывъ здѣсь лишь нѣсколько часовъ, ушли дальше. Гетманъ, негодуя на то, что хоругви безъ повода ушли изъ Бара, отдалъ поручиковъ, начальствовавшихъ ими, подъ военный судъ.

Апрѣля 13. Король ясно видѣлъ, что, вслѣдствіе произшедшаго столкновенія съ козаками, нечего уже думать о коммисіи, но слѣдуетъ принять мѣры для веденія войны; потому онъ поручилъ великому коронному гетману, кастеляну краковскому, собрать всѣ вновь навербованныя войска и расположиться лагеромъ у Владиміра. Желая подать примѣръ другимъ, онъ и самъ лично выѣхалъ въ Люблинъ, въ четвергъ, на свѣтлой недѣлѣ.

Апрѣля 23. Между тѣмъ гетманъ польный, видя наступленіе военнаго времени и узнавъ, что кастелянъ краковскій основалъ лагерь у Владиміра, приказалъ всѣмъ хоругвямъ собраться у Каменца, гдѣ онѣ расположились лагеремъ по сю сторону рѣки, около замка. Каждый сталъ по возможности запасаться провіантомъ, который пришлось покупать по неимовѣрно высокимъ цѣнамъ. Постоянно приходили извѣстія о томъ, что враги находятся уже въ сборѣ и вскорѣ подойдутъ, такъ что наши ожидали ихъ появленія ежеминутно. Такъ простояли въ лагерѣ цѣлую недѣлю; наконецъ собранъ былъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса: слѣдуетъ-ли враговъ ожидать у Каменца или постараться соединиться съ войскомъ великаго гетмана, собиравшимся у Владиміра. На совѣтѣ мнѣнія раздѣлились въ пользу обоихъ предположеній; гетманъ самъ долго колебался, опасаясь, чтобы отступленіе отъ Каменца не было истолковано въ дурную сторону; наконецъ онъ рѣшилъ двинуться въ королевскій лагерь, не избѣгая на пути стычекъ съ непріятелемъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Посмертный разсказъ о. Антонія Ковальскаго.

(Къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи 1855 года).

(Окончаніе).

Когда меня вели къ толпѣ, страхъ меня обнялъ такой, что я какъ-бы не живой шелъ. Пройдя немного, встрѣтили посланцевъ за мною. Когда я подошелъ къ толпѣ, то замѣтилъ, что у многихъ были въ рукахъ или за поясами топоры и долота. Сейчасъ мнѣ вопросъ: „ащо пидете зъ нами"? Я отвѣчалъ: „не пойду". Тутъ подошелъ ко мнѣ человѣкъ въ чистой одеждѣ, не старый, взялъ благословеніе и далъ рубль серебр., проговоривши: „помолитесь за мене Богу". Такіе и подобные возгласы повторялись многими другими. Вдругъ вся толпа направилась въ лѣсъ, по дорогѣ къ Сотникамъ; женщины подняли плачъ. Я безпрепятственно воротился съ церковнымъ старостою въ домъ священника.

Что теперь мнѣ предстояло дѣлать, я недоумѣвалъ; домой ѣхать? Боялся разстоянія;—35 верстъ и дорога лѣсомъ. Могъ я попасть въ руки или этихъ самихъ крестьянъ, или другихъ. Разсудилъ ѣхать въ Корсунъ. Пономарь воротился изъ Корсуна и далъ лошадей, а староста церковный повезъ меня проселочными дорогами. Пріѣхали въ Корсунъ на разсвѣтѣ. Смотримъ—солдаты. На площади, вблизи церкви, поставивъ ружья въ козлы, они отдыхали, какъ потомъ я узналъ, послѣ длиннаго и быстраго перехода. Я заѣхалъ къ священнику Стрижевскому; здѣсь засталъ о. Петра Лебединцева, о. Димитрія Подгаецкаго, свящ. Михаила Кудревича и свящ. с. Сытниковъ Іоанна Чернодубравскаго. Сего послѣдняго солдаты привезли наканунѣ съ собою, со всѣмъ его семействомъ, и это случилось такъ. Солдаты шли

изъ Кагарлыка въ Корсунъ и шли шибко. Это была резервная рота; къ ней свѣжо было прикомандировано около ста рекрутъ изъ смоленской и витебской губерній. Рекруты молодые и слабосильные, идя шибко, поустали. Мимоходомъ отрядили нѣсколько солдатъ въ с. Сытники, лежащее недалеко дороги, взять подводы подъ ослабѣвающихъ рекрутъ. Солдаты вошли въ село въ то самое время, когда крестьяне сытниковскіе водили св. Чернодубравскаго босаго по колючкамъ. Солдаты бросились отнимать священника. Произошла схватка: одного крестьянина солдатъ ранилъ штыкомъ, а одному солдату крестьянинъ пробилъ голову коломъ. Но вошла вся рота, крестьяне бѣжали, куда попало. Семь человѣкъ спрятались на колокольнѣ; ихъ арестовали и привели въ Корсунъ, а съ ними привезли измученнаго священника Чернодубравскаго съ семействомъ. Подполковникъ Аѳанасьевъ и совѣтникъ Янкуліо, узнавъ, что я прибылъ въ Корсунъ, позвали меня къ себѣ въ становую квартиру; я вкратцѣ разсказалъ про свое положеніе въ предшествовавшіе дни. Г. Аѳанасьевъ просилъ меня указать виновнѣйшихъ изъ крестьянъ; я объяснялся, что въ чужихъ приходахъ не знаю людей и указалъ только на Корнилія *Кудлика рыжаго*, Василія изъ Бровахъ и *слѣпаго* Никиту изъ Кичинецъ. Меня отпустили отдохнуть. О. Петръ Лебединцевъ, въ свою очередь, разспросивши меня обо всемъ, начертилъ рапортъ митрополиту Филарету.

Былъ недѣльный день, памятное 10-е апрѣля. Литургію въ спасской церкви совершалъ о. Петръ Лебединцевъ; огромная церковъ была полна народу. О. Петръ предполагалъ служить молебень соборнѣ и сказать проповѣдь; но Аѳанасьевъ отклонилъ его отъ сказыванія проповѣди, а на молебенъ неприлично было нѣкоторымъ изъ насъ, священниковъ, и выходить, ибо о. Кудревичъ, Чернодубравскій и я ходили въ туфляхъ: въ сапогахъ отъ боли нельзя было ходить. Литургія окончилась въ 11-ть часовъ; священниковъ, вынужденныхъ оставить свои дома и приходы, собралось здѣсь больше 10-ти; всѣ мы пошли къ священнику Стрижевскому на чай и закуску, куда изъ княжеской кухни прислано было все потребное. Не успѣли выпить по стакану чаю, какъ послышался около церкви барабанный бой на тревогу. Кто-то побѣжалъ къ церкви и, возвратившись, принесъ вѣсть, что пріѣхалъ козакъ экономическій и объявилъ, что отъ Сотниковъ идетъ въ Корсунъ огромная масса народа. Мы бросили чай и побѣжали къ церкви; смотримъ, по дорогѣ отъ Таганчи къ Корсуну

выступаютъ несмѣтныя толпы. Солдаты были на обѣдѣ въ помѣщичьихъ казармахъ; по окончаніи обѣда, они, по барабанному бою, прибѣжали и стали къ ружью. Въ ротѣ считалось 250 человѣкъ, изъ нихъ 60 новыхъ рекрутъ, не обмундированныхъ еще по военному и не державшихъ ружья въ рукахъ. Капитанъ Лопатьевъ не молодой, но ни разу не бывшій въ сраженіи, недоумѣвалъ, какъ роспорядиться; изъ солдатъ оказалось только семь бывшихъ въ венгерской кампаніи; офицеры молодые.

Совѣтовались, гдѣ лучше ихъ поставить. Шедшихъ къ Корсуну крестьянъ можно было считать тысячами. Что они думали, на что рѣшились, никто не зналъ. Мнѣ отданъ приказъ послать на колокольню причетника высматривать, много-ли идетъ людей и не имѣютъ-ли они при себѣ какихъ-нибудь орудій; съ тою-же цѣлію изъ становой квартиры посылались верховые. Причетникъ Евсевій Кротевичь съ колокольни кричалъ: „народу, якъ хмари"! да и намъ стало видно, что толпы его покрыли всю покатость горы. Страхъ обнялъ всѣхъ, священство совѣтовалось идти въ церковь и тамъ затвориться. Пошли; вдругъ священникъ корсунскій Стрижевскій отъ испугу обомлѣлъ, его освѣжили водою и рѣшили быть при военной командѣ.

Я находился при коммисіи, которую составляли: о. Петръ Лебединцевъ, подполковникъ Аѳанасьевъ и совѣтникъ Янкуліо. Меня уже не бралъ страхъ: я уже привыкъ къ мужицкимъ пріемамъ обращенія, а другимъ священникамъ все видимое казалось страшнымъ. Князь Лопухинъ прислалъ просить дать ему отрядъ солдатъ для защиты,—онъ опасался, что крестьяне изъ села Карашины чрезъ его садъ пробѣгутъ на островъ и нападутъ на его домъ. Ему отказано. Онъ прислалъ изъ своего склада 15 ружей, подъ разною оправою, для обороны. Одно ружье дано было и мнѣ, совсѣмъ безъ надобности, и я ложе отнялъ и отбросилъ, а стволъ оставилъ у себя. Всѣ мы, т. е. коммисія, священство, полиція и солдаты находились на площади предъ спасскою церковью. Сюда отъ базарной посреди мѣстечка площади шла широкая улица, спускавшаяся позади церкви къ острову, образуемому рукавами р. Роси, на которомъ расположены дворецъ и садъ князя Лопухина. На линіи площади, противуположной церкви, находился, на углу улицы и площади, большой двухъ-этажный домъ для княжескихъ музыкантовъ и пѣвчихъ, за нимъ становая квартира, а рядомъ домъ священника о. Тимоѳея Стрижевскаго. По всему выходило, что сюда направятся приближавшіеся крестьянъ

яне; тутъ мы ихъ и ждали. Между тѣмъ страхъ увеличивался между солдатами и между присутствующими часъ отъ часу. Солдатъ поставили за угломъ дома, гдѣ помѣщались музыканты и пѣвчіе княжескіе; съ улицы ихъ не видно было; оставалась открытою дорога, идущая на островъ, гдѣ жилъ князь Лопухинъ. Съ колокольни причетникъ Кротевичъ далъ знать, что крестьяне вошли уже въ мѣстечко и идутъ на базарную площадь. Скоро съ церковной площади можно было видѣть массы народа, двигавшіяся отъ базара къ церкви. Капитанъ Лопатьевъ строилъ солдатъ и замѣтно самъ робѣлъ. Приказъ былъ отданъ сперва на воздухъ стрѣлять для страха. Мы вышли на улицу. Исправникъ надѣлъ шинель на рукава и ходилъ какъ живой мертвецъ. Массы народа придвигались къ намъ все ближе. Впереди шли семь человѣкъ рядомъ и одинъ изъ нихъ несъ хлѣбъ въ рукахъ на бѣломъ платкѣ, это былъ крестьянинъ с. Выграева, по прозванію Святенко; въ другомъ ряду шло человѣкъ 12-ть и т. д., а послѣ уже шли въ безпорядкѣ. Подполковникъ Аѳанасьевъ, видя, что идутъ съ хлѣбомъ, пошелъ имъ на встрѣчу; съ нимъ вмѣстѣ пошли о. Петръ Лебединцевъ, совѣтникъ Янкуліо, исправникъ и капитанъ Лопатьевъ; слѣдовалъ за ними и я. Издали Аѳанасьевъ вскричалъ: „*на колѣни*"? всѣ люди пали на колѣни: онъ подошелъ къ нимъ ближе, на разстояніи 3-хъ саженъ, началъ ихъ спрашивать: „зачѣмъ пришли"? Они объявили, что пришли жаловаться за обиды отъ князя и что хотятъ быть вольными. Аѳанасьевъ требовалъ покорности, раскаянія, говорилъ, что никакой воли не будетъ, пригрозилъ тяжелымъ наказаніемъ. Разговоръ длился минутъ десять. Вдругъ съ правой стороны, въ толпѣ, кто-то, схватившись на ноги, поднялъ дубинку вверхъ и вскрикнулъ: „гикъ"! такой-же сигналъ сдѣланъ и на лѣвой сторонѣ, и мигомъ вся толпа поднялась на ноги и ринулась впередъ. Всѣ стоявшіе предъ ней, какъ-то: Аѳанасьевъ, Янкуліо, исправникъ, о. Петръ Лебединцевъ и я побѣжали за уголъ, проскакивая за солдатъ, которые, выдвигаясь впередъ, перегородили собою улицу отъ пѣвческаго корпуса до воротъ діакона Костецкаго. Крестьяне, подбѣжавъ къ солдатамъ, бросились на нихъ и стали отнимать ружья. Унтеръ-офицеръ скомандовалъ: „*пли*", но въ тоже мгновеніе надъ нимъ блеснулъ топоръ и онъ палъ замертво,—голова распалась надвое и мозги выпали. Между тѣмъ раздались выстрѣлы: толпа заколыхалась, мгновенно порѣдѣла, много человѣкъ повалилось на землю, иные

замертво, другіе отъ ранъ. Рядомъ съ унтеръ-офицеромъ лежалъ проколотый насквозь штыкомъ крестьянинъ. При видѣ убитыхъ и раненыхъ, при звукѣ выстрѣловъ, жужжаньи пуль, толпа бросилась бѣжать, куда попало. Выстрѣлы продолжались, хотя и на воздухъ; летѣли шапки вверхъ, спасался всякій, кто какъ могъ. Убѣгая, многіе говорили: *„се чортъ и бачивъ,—стриляють на живыхъ людей"*. Солдаты преслѣдовали бѣгущихъ, стрѣляя вверхъ. Но скоро ударили въ барабанъ отбой, и солдаты воротились на свое мѣсто. Тутъ выпустили рекрутъ и приказали бѣжать за уходившими крестьянами, ловить ихъ и приводить на позицію. Ловили большею частью раненныхъ. На позиціи сейчасъ связывали пойманнымъ руки назадъ, заковывали ноги въ желѣзныя путa и отправляли въ пѣвческій корпусъ, на второй этажъ. Здѣсь въ корпусѣ уже содержалось семь человѣкъ, приведенныхъ изъ с. Сытниковъ. Послѣ ухода крестьянъ насобирали кольевъ два воза, на нѣкоторыхъ изъ нихъ были насажены долота—въ родѣ пикъ; но сего незамѣтно было, когда крестьяне шли въ мѣстечко, ибо шли они тѣсно одинъ съ другимъ. Когда все окончилось, насчитали на мѣстѣ убитыхъ 11-ть, раненыхъ 23. Г. Аѳанасьевъ подозвалъ къ убитымъ меня и свящ. Подгаецкаго и сказалъ: „узнавайте, нѣтъ-ли здѣсь между убитыми вашихъ пріятелей". Я посмотрѣлъ и увидѣлъ, что тутъ лежитъ и тотъ *слѣпой*, что такъ много мучилъ меня. Свящ. Подгаецкій сказалъ, что это его прихожанинъ; посмотрѣлъ на другаго убитаго и говоритъ: „и это мой прихожанинъ, первый хозяинъ въ Корниловкѣ". (То былъ тотъ самый, что далъ мнѣ рубль сер. на молитвы). Кровь изъ убитыхъ лилась, лежали они въ безпорядкѣ. Я пошелъ къ діакону напиться воды; жена діакона даетъ мнѣ кій дубовый вершка $1^{1}/_{2}$ толщины—осмаленый. Г. Аѳанасьевъ, увидѣвъ этотъ кій у меня, взялъ себѣ для памяти. Вдругъ послышался съ колокольни крикъ причетника: „ловить, ловить Кудлика"! По указанію причетника, рекруты побѣжали въ огородъ, поймали Кудлика и привели его на площадь. Г. Аѳанасьевъ спросилъ меня, точно ли это Кудликъ? Я отвѣчалъ: „онъ"; тоже подвердилъ и св. Подгаецкій. Г. Аѳанасьевъ самъ вложилъ руку свою въ его карманы, вынулъ изъ нихъ кипу бумагъ, перо и чернильницу и передалъ становому приставу, самого-же Кудлика взялъ за волоса, привелъ къ лежащимъ убитымъ и наклонивъ его къ нимъ, проговорилъ: „это твоя работа, это ты ихъ кровь пролилъ". Сейчасъ Кудлика заковали по ногамъ и рукамъ и отвели въ корпусъ. Веревокъ и

путъ желѣзныхъ привезли изъ лавки цѣлый возъ. Послѣ сотскій привелъ съ десятскими и *рыжаго*, раненаго; онъ хотѣлъ скрыться у еврея въ сараѣ; его заковали по рукамъ и ногамъ. Вскорѣ десятскіе нашли еще одного убитаго, найденнаго въ мѣстечкѣ. Арестованныхъ было 53.

Г. Аѳанасьевъ пошелъ въ становую квартиру, туда позвали и меня; составили журналъ и мнѣ дали приказъ — вызвать въ Корсунъ причетниковъ изъ ближайшихъ селъ: на ночь составляли караулъ изъ солдата, причетника и десятскаго и разставляли на большихъ дорогахъ и въѣздахъ въ Корсунъ и для ночнаго обхода по мѣстечку. Для моей квартиры назначенъ караулъ изъ двухъ солдатъ [1]). Въ эти дни въ коммисіи полученъ доносъ отъ св. Чернодубравскаго, что дьячекъ сытницкой церкви Кириллъ Ѳедоровичъ—виновникъ возмущенія крестьянъ въ Сытникахъ. Приказано мнѣ представить сего дьячка и чрезъ десятскихъ онъ представленъ; но оказалось, что доносъ несправедливъ и дьячекъ освобожденъ былъ отъ ареста.

Въ тотъ-же день кн. Лопухинъ прислалъ за мной; я пошелъ; онъ разспрашивалъ о всемъ происходившемъ; разсказалъ, какъ онъ испугался, когда прошли чрезъ садъ его крестьяне изъ села Карашины, и какъ они, видя, что нельзя изъ сада переправиться чрезъ Рось въ мѣстечко, потому что всѣ лодки и баркасы были прикованы со стороны княжескаго дворца, ругали его и дѣлали разныя похвалки. Не окончился разсказъ князя, какъ входитъ въ его кабинетъ офицеръ, кажется, жандармскій. Онъ подалъ князю какія-то бумаги и при этомъ спросилъ: „считаете-ли себя безопаснымъ отъ домашней вашей прислуги“? Князь отвѣчалъ, что его прислуга вполнѣ предана ему. Офицеръ развернулъ какую-то бумагу, на которой были подписи крестьянъ м. Корсуна. Была-ли это жалоба, или одна изъ тѣхъ записей въ козаки, которыя составлялись тогда вездѣ, не знаю. Бумага передана была отъ губернатора и первымъ изъ подписавшихся тутъ былъ Несторъ Березовый. Князь оторопѣлъ, слезы показались на глазахъ и онъ плачевно сказалъ: „это первѣйшій мой камердинеръ“. Тутъ-же въ спискѣ были подписи и другихъ крестьянъ изъ княжеской прислуги.—Отпуская меня на квартиру, князь просилъ сдѣлать распоряженіе о погребеніи на его счетъ

[1]) Если это и было, то не болѣе, какъ для одной ночи съ 10 на 11-е апрѣля. *П. Л.*

убитаго унтеръ-офицера со всевозможной торжественностію. Тутъ-же отданъ приказъ княземъ его дворецкому—выдавать все нужное ястіе и питіе духовенству, которое собралось въ Корсунѣ въ числѣ 14 священниковъ.

Возвращаясь отъ князя, я замѣтилъ между солдатами и всѣми присутствующими новое смятеніе. Оказалось, что крестьяне селъ Сотниковъ, Выграева, Сытниковъ и Кичинецъ, бѣжавшіе изъ Корсуна послѣ побоища, встрѣтились на дорогѣ за мѣстечкомъ съ идущею въ Корсунъ толпой крестьянъ изъ м. Таганчи и другихъ селъ помѣщика Понятовскаго. Причетникъ, наблюдавшій на колокольнѣ за направленіемъ разбѣгавшихся, замѣтилъ этихъ крестьянъ, направлявшихся къ мѣстечку по той же дорогѣ, по которой двигались бѣжавшіе изъ Корсуна, и сдѣлалъ тревогу. Солдатъ начали опять ставить къ ружью. Сдѣлалась опять суматоха, стало страшнѣе прежняго. Но, къ счастью, обѣ толпы, постоявъ нѣкоторое время на горѣ, двинулись вмѣстѣ обратно къ с. Сотникамъ. Стало веселѣе, а особенно, когда къ вечеру пришелъ дивизіонъ уланъ изъ Умани.

Тѣло убитаго унтеръ-офицера было перенесено въ пожарную башню, что среди мѣстечка; гробъ убрали, какъ найлучше, я приставилъ двухъ причетниковъ для постояннаго чтенія псалтыри. Погребеніе происходило на 3-й день, во вторникъ. Выносъ въ спасскую церковь и отпѣваніе совершено о. Петромъ Лебединцевымъ соборнѣ съ 12 священниками; пѣли пѣвчіе князя, играла музыка его и военная; стеченіе народа было необыкновенное, провожалъ отрядъ солдатъ и была, по окончаніи погребенія, пальба изъ ружей. Тѣла убитыхъ крестьянъ, по распоряженію коммисіи, отвезены безъ всякаго церковнаго обряда за мѣстечко и погребены въ одной ямѣ, справа дороги въ Богуславль, въ урочищѣ, называемомъ *Фощанка.*

Въ то-же воскресенье, 10 апрѣля, поздно вечеромъ, пришла въ Корсунъ еще рота солдатъ. То были саперы изъ Триполья. Съ ними прибыли въ Корсунъ моя жена и сестра (жена бл. Дашкевича). Сестра моя видѣла, какъ вели мéня изъ Таганчи, дала знать о семъ моей женѣ и та поспѣшила въ Корсунъ. Въ полночь ходилъ я съ ефрейторомъ осматривать караулы. На заставѣ, по дорогѣ въ Корсунъ изъ Богуслава, задержанъ крестьянинъ, села Яблуновки житель, на верховой лошади, съ запасомъ сѣна и овса. Оказалось, что это одинъ изъ разсыльныхъ, которые разсылались тогда изъ всякаго села разузнавать, гдѣ что дѣлается. Въ

полночь-же посѣщалъ я арестованныхъ и раненыхъ. Одинъ изъ раненыхъ особенно страдалъ: двѣ пули прошли у него на сквозь чрезъ животъ и спину; онъ былъ почти въ безпамятствѣ: отъ нестерпимой боли разорвалъ животъ, внутренности вывалились, и такъ валялся на полу, пока не испустилъ духъ. Осматривая камеры, я предлагалъ раненымъ и арестованнымъ исповѣдываться. Многіе просили выполнить это таинство, и я послалъ двухъ священниковъ, какъ раньше сего о. Петръ Лебединцевъ. Исповѣдывались всѣ, не захотѣлъ одинъ только Кудликъ. При разбирательствѣ слѣдственною коммисіей оказались виновными болѣе прочихъ Кудликъ Корнилій, староста приписной церкви кичинской Георгій Шаблинъ (онъ-же Писмененко) и сынъ выграевскаго крестьянина Петра Кукли Григорій (грамотный); этотъ послѣдній скрылся и не отысканъ. Кромѣ ихъ, указали еще на другихъ не арестованныхъ и находившихся по домамъ. По распоряженію коммисіи всѣ были представлены въ Корсунъ; многіе были отпущены домой, изъ виновныхъ одни подвергнуты были наказанію розгами при полиціи, другіе отправлены въ таращанскую тюрьму. Въ послѣдствіи судъ уголовный рѣшилъ: шесть послать въ Сибирь на поселеніе, десять наказать по военному и разослать по тюрьмамъ въ другіе уѣзды на четыре года.

Въ понедѣльникъ пріѣхалъ въ Корсунъ священникъ села Выграева Іоаннъ Загродскій; молодой, слабый здоровьемъ, онъ явился совершенно изможденнымъ. Крестьяне выграевскіе взяли его дома, 10 апрѣля, тотъ-часъ послѣ обѣдни, и повели къ пруду; тутъ выбрали человѣка большаго ростомъ и поручили ему въ кафтанѣ и рясѣ купать священника въ прудѣ. До такой степени его измучили, что онъ чуть не утонулъ; полумертваго принесли на церковный погостъ и бросили; здѣсь онъ лежалъ до вечера, а потомъ взятъ въ домъ свой и едва приведенъ въ чувство.

Во вторникъ я поѣхалъ домой; меня уволили, но съ тѣмъ, чтобы въ среду опять я прибылъ въ Корсунъ. Затрудняло меня, какою дорогою ѣхать мнѣ домой: разнесся слухъ, что крестьяне поставили отъ себя нарочыхъ по дорогѣ, идущей изъ Корсуна въ Мироновку, дабы схватить меня, почему я съ женою поѣхалъ на м. Стеблевъ и Богуславъ, прибавивши болѣе пятнадцати верстъ пути. Пріѣхавши домой на разсвѣтѣ, застали дѣтей въ плачѣ, ибо разнесся слухъ, что меня крестьяне убили.

Сельскій сотскій, придя ко мнѣ, объявилъ, что крестьянинъ мироновскій Иванъ Собка въ субботу ночью, противъ воскре-

сенья, въ которое была стычка въ Корсунѣ, отвезъ какого-то ляшка, шедшаго пѣшкомъ изъ Кіева, въ Корсунъ и что сей ляшокъ хорошо заплатилъ Собкѣ за то, что тотъ своевременно доставилъ его въ Корсунъ. Позванный Иванъ Собка сознался, что возилъ какого-то человѣка въ Корсунъ и что, пріѣхавши въ Корсунъ, этотъ человѣкъ не захотѣлъ ѣхать по большой улицѣ, а приказалъ свернуть въ сторону, причемъ они ѣздили по глухимъ переулкамъ и въѣхали въ какой-то дворъ чрезъ проломъ въ плетнѣ. Это обстоятельство наводило меня на нѣкоторыя подозрѣнія и я донесъ объ немъ коммисіи въ Корсунъ. Было разслѣдованіе, но ничего не открылось, и человѣка того не отыскали, а подозрѣніе возникало изъ того, что, нанимая подводу у Ивана Собки, онъ говорилъ, что ему необходимо быть въ Корсунѣ въ воскресенье, ибо тамъ въ этотъ день будетъ что-то особенное. Сидѣлецъ въ мироновской корчмѣ Иванъ Куць тоже донесъ, что побилетный солдатъ изъ села Роскопинецъ въ корчмѣ распускалъ слухи, что воля крестьянамъ давнымъ давно дарована, но что начальство скрываетъ это отъ крестьянъ. Солдатъ этотъ былъ арестованъ, отосланъ въ Корсунъ и оттуда отправленъ въ Кіевъ въ острогъ.

Оказалось послѣ, что изъ Мироновки былъ нарочно отряжаемъ въ м. Таганчу крестьянинъ мироновскій Иванъ Лещенко, который слѣдилъ за мною, когда меня водили по селамъ; только онъ не былъ въ Корсунѣ, а привозившій въ Корсунъ ляшка былъ тамъ во время самой стычки.

Въ Корсунъ возвратился я въ среду ночью, спустя двѣ недѣли послѣ побоища. Во все это время повсюду въ окрестностяхъ разыскивали виновниковъ и участниковъ волненія. Ихъ арестовывали и доставляли въ Корсунъ и Таганчу. На этотъ разъ имѣла прибыть въ Корсунъ изъ Таганчи большая партія арестованныхъ. Мнѣ предложено было присутствовать при встрѣчѣ и пріемѣ ихъ дежурнымъ офицеромъ.

Тяжелое было это для меня зрѣлище. Когда стало извѣстно о приближеніи арестантовъ,—людей, а особенно евреевъ собралось за заставой безчисленное множество. Дежурный офицеръ и унтеръ-офицеръ вышли за мѣстечко, пошелъ съ ними и я. Арестованныхъ вели по той самой дорогѣ, по которой прежде шли бунтовщики. Впереди ѣхалъ уланскій офицеръ, за нимъ горнисты на лошадяхъ; далѣе отдѣленіе пѣшихъ солдатъ съ ружьями, въ полномъ вооруженіи; тутъ шли арестанты-крестьяне, всѣ почти

старики съ длинными сѣдыми бородами, закованные по ногамъ; впереди ихъ шелъ дьячекъ изъ села Мельниковъ Іоакимъ Левитскій (не закованный); вокругъ крестьянъ шли пѣшіе солдаты съ ружьями на перевѣсъ, потомъ ѣхали уланы съ обнаженными саблями, а за ними опять отрядъ пѣшихъ солдатъ и далѣе эскадронъ уланъ на лошадяхъ. При въѣздѣ въ мѣстечко горнисты протрубили маршъ. Подошли къ башнѣ; тутъ офицеръ, приведшій арестантовъ, всталъ съ лошади, вынулъ списокъ и по списку передавалъ приведенныхъ имъ; дежурный унтеръ-офицеръ принималъ и отправлялъ въ башню.

Еще болѣе тяжелый видъ имѣла произведенная вслѣдъ за симъ военно-полицейская экзекуція надъ виновными. Въ видахъ устрашенія и приведенія къ покорности всего населенія крестьянскаго предварительно вызвано было изъ ближайшихъ селъ (на разстояніи 50 верстъ) въ Корсунъ по два человѣка. Собралось множество народа. Виновнѣйшимъ опредѣлено было давать по 800 розокъ, другимъ по 600, инымъ по 500, но меньше 300 не было [1]). Всякаго наказываемаго клали на землю; два крестьянина держали: одинъ, сидя на головѣ, другой, на ногахъ; два солдата били; для перемѣны стояли еще по два солдата; били березиною тонкою; однако человѣкъ четырехъ понесли полумертвыми съ мѣста наказанія.

Горько было заблужденіе сихъ людей, тяжело ихъ наказаніе; но страшно подумать о томъ, что могъ-бы произвести разъяренный народъ, если бы не былъ остановленъ во-время и приведенъ къ повиновенію.

Дьячка села Мельниковъ Іоакима Левитскаго, арестованнаго по донесенію мѣстнаго священника и приведеннаго вмѣстѣ съ крестьянами изъ Таганчи, и дьячка села Сытниковъ Ѳедоровича, тоже арестованнаго по донесенію мѣстнаго священника, вскорѣ освободили, такъ какъ противъ нихъ не было ясныхъ уликъ.

Не участвовали въ семъ волненіи жители м. Корсуна и селъ: Нетеребки, Сахновки и деревни Набутова; ни одинъ человѣкъ не присталъ къ общему движенію. Объясняли это тѣмъ, и кажется правдоподобно, что, когда въ 1800 г. корсунское имѣніе переходило во владѣніе князя Лопухина и жители упомянутыхъ

---

[1]) Размѣры наказанія сильно преувеличены. П. Л—въ.

мѣстностей подняли бунтъ, то понесли такое наказаніе, что оно было въ памяти не только отцовъ, но и внуковъ.

Крестьяне корсунскіе, бывшіе 10 апрѣля въ церкви (а ими была полна церковь), тотъ-часъ по окончаніи литургіи разошлись по домамъ и не являлись ни во время стычки солдатъ, ни послѣ; всѣ они сидѣли по домамъ при своихъ семействахъ.

Замѣчательно: въ приходахъ, гдѣ волновались крестьяне и гдѣ притѣсняли священниковъ, во все время волненій не было ни одной требы; въ теченіи всего этого времени въ тѣхъ приходахъ не родилось ни одного дитяти, никто не умеръ и никто не требовалъ исповѣди.

Священники, надъ которыми производили издѣвательства ихъ прихожане, именно: села Сытниковъ Іоаннъ Чернодубравскій, с. Сотниковъ Рафаилъ Туробольскій, села Пишекъ Симеонъ Смирницкій, села Самородни Александръ Борлѣвичъ, села Выграева Іоаннъ Загродскій, села Корниловки Димитрій Подгаецкій и м. Корсуна Тимоѳей Стрижевскій--всѣ померли, почти преждевременно. Остаемся въ живыхъ, по милости Божіей, я и св. с. Гарбузина Михаилъ Кудревичъ; но и я уже по слабости здоровья уволенъ въ заштатъ.

Библіографія.

I.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ И СТАТЕЙ ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ ЮЖНОЙ РОССІИ ЗА 1881 Г.

(*Окончаніе*).

Народный календарь для южной Россіи на 1882 годъ. Харьковъ. 1882.

Незначный Борисъ.—Еврейскій кагалъ, организація еврейскихъ общинъ, ихъ могущество, способъ дѣйствій и т. д. по указаніямъ покойнаго Брафмана. Кіевъ. 1881 г.

Некрасова Е. С.—Изъ воспоминаній Вельтмана о времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ, 1881).

Носовичъ.—Дополненіе къ бѣлорусскому словарю, С.-Петербургъ. 1881.

Обычаи молдаванъ въ дни рождественскихъ святокъ и въ первый день новаго года (Кишиневскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 1).

Одинъ, или два были монастыря въ с. Четвертнѣ, луцкаго уѣзда, основанныхъ князьями Четвертинскими (Волынскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 25).

О Кирилловской церкви въ Кіевѣ (газета »Трудъ«, 1881 г., № 61).

Очеретяный Н.—Оповидання. Кіевъ 1881.

Пероговскій В.—Отрывокъ изъ исторіи г. Староконстантинова (Волынскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 3, 4, 6, 7, 9 и 10).

П. И. Өедонька.—Очеркъ изъ южнорусскаго быта (Вѣстникъ Европы, январь, 1881).

П—чъ Л.—Село Мокрецъ (Кіевскія Епархіальн. Вѣдомости, 1881 г., №№ 51—52).

Павловскій И. Д.—1) Симонія въ украинскомъ духовенствѣ первой четверти XVIII в. (Историч. Вѣстникъ, мартъ, 1881); 2) Консисторско-судныя мытарства,—къ біографіи протоіерея Андрея Прокоповича (тамъ-же, іюль); 3) Иванъ Ивановичъ Мартыновъ за время ученія его въ славенской дух. семинаріи (Полтавскія

Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 4); 4) О календаряхъ польскихъ, злостію вымышленныхъ (тамъ-же, № 7).

Петровъ Н. И.—1) Извѣстія церковно-археологическаго общества при кіевской дух. академіи за 1880 годъ. Кіевъ. 1881. 2) Отчетъ того-же общества за 1880 годъ. Кіевъ. 1881. 3) Миньятюры и заставки въ греческомъ евангеліи XI—XII в. и отношеніе ихъ къ мозаическимъ и фресковымъ изображеніямъ въ кіево-софійскомъ соборѣ. Кіевъ. 1881. (Изъ Трудовъ кіевской дух. академіи); 4) О степени самобытности украинской литературы (Кіевлянинъ, 1881 г., №№ 38, 39, 44, 52, 63, 64, 69 и 89); 5) Очерки изъ исторіи украинской литературы нынѣшняго вѣка (Историч. Вѣстникъ, августъ, сентябрь и октябрь, 1881).

Польскій колдунъ панъ Твардовскій. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Изданіе книгопродавца Прѣснова. Москва. 1881.

Пономаревъ А.—Рождественскіе обряды—мистеріи въ средніе вѣка (Странникъ, декабрь, 1881).

Пономаревъ С. И.—1) Историко-литературный календарь (въ Русскомъ Календарѣ на 1881 годъ, А. Суворина); 2) Письма Л. И. Боровиковскаго къ М. А. Максимовичу (Историческій Вѣстникъ, май, 1881); 3) Еще изъ писемъ м. Евгенія (Кіевлянинъ, 1881 г., № 92); 4) Кіевская старина и новина (тамъ-же, №№ 93, 236 и 272).

Порфирьевъ.—Исторія русской словесности. ч. II. Новый періодъ. Отдѣлъ I. Казань. 1881. Здѣсь дано сравнительно больше мѣста южнорусской литературѣ XVIII вѣка.

Потапенко И.—Новый. Изъ хроники южно-русскаго села (Дѣло, апрѣль, 1881 г.).

Потебня А. А.—Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Этимологическія и другія замѣтки. Варшава, 1881 г.

Прозоровскій Д.—1) Собраніе польскихъ и другихъ печатей, принадлежащее академіи художествъ. С.-Петербургъ. 1881. 2) Новый опытъ объяснительнаго изложенія Слова о полку Игоревѣ. С.-Петербургъ. 1881.

Прохоровъ В.—Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволенію В. Прохоровымъ. С.-Петербургъ. 1881. Рѣчь идетъ о скиѳахъ—славянахъ, населявшихъ нынѣшній югъ Россіи.

Прусское посольство въ Крымъ въ семилѣтнюю войну (Историч. Вѣстникъ, сентябрь, 1881).

Пчілка Олена.— Переклади зъ Гоголя. Кіевъ. 1881.

Пыпинъ А. Н.—1) Исторія славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича. 2 изданіе. 2 т. С.-Петербургъ. 1879—1881; 2) Малорусско-галицкія отношенія (Вѣстникъ Европѣ, январь, 1881).

Ровинскій Д.—Русскія народныя картинки, собранныя и описанныя Д. Ровинскимъ. С.-Петербургъ. 1881.

Розовъ А.—Отношенія православныхъ югозападной Россіи къ протестантамъ въ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка (Литовскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 15, 16, 21, 25 и др.).

Рудченкова Зинаида.—Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ гомельскомъ уѣздѣ, черниговской губ., и изданныхъ для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепіана.

Самоквасовъ Д. Я.—Вещественные памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи. Изъ протоколовъ антропологической выставки. Москва.

Сахаровъ В.—Очерки русской мистеріи въ ея представителяхъ (Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, октябрь, 1881).

Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра. Выписки I—III. Кіевъ. 1881. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: Исторія сѣверской земли до половины XIV столѣтія, Голубовскаго, и Вѣче въ кіевской области, Линниченка.

Семеновичъ Ст.—Начало уніи въ холмской епархіи (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 21).

Сементовскій Н.—Кіевъ, его святыня, древности, достопамятности и свѣдѣнія, необходимыя для его почитателей и путешественниковъ, и проч. 6-е исправленное и дополненное изданіе. Кіевъ. 1881.

Серафимовъ С.—Историческое описаніе херсонскаго успенскаго собора (Херсонскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 1, 3—5, 9, 15—18).

Смирновъ П.—Свят. Іоакимъ патріархъ московскій. Москва. 1881.

Собѣсскій.—О львовской русской гимназіи. 1881.

Соколовъ Н.—Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь въ г. Ченстоховѣ. Вильна. 1881.

Сокологорская Е.—Сборникъ древнеславянскихъ и южнорусскихъ народныхъ узоровъ. Кіевъ. 1881.

Спасовичъ В. Д.—Маркизъ А. Велепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ (Вѣстникъ Европы, февраль, май, іюнь и іюль. 1881).

Старицкій М.—1) Пісні і думи. Переклавъ Старицькій. Виданне Ильницького. Кіевъ. 1881.

Стасовъ.—О національности руссовъ арабскихъ писателей. С.-Петербургъ. 1881 г.

Стефановскій Т.—Матеріалы для біографіи царскаго духовника протоіерея Ѳеодора Дубянскаго (Черниговскія Епарх. Извѣстія, 1881 г., №№ 27—28).

Сулимовка въ Кіевѣ (Кіевлянинъ, 1881 г., №№ 247 и 248).

Сумцовъ Н.—О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ. 1881 г.

Т. Ал.—Василій Игнатьевичъ Пероговскій. Некрологъ (Кіевлянинъ, 1881 г., № 156).

Тарановскій Н. Г.—Кіевъ и его окрестности, съ топографическимъ планомъ города Кіева, 9 видами, 2 планами театровъ, адресъ-календаремъ и мѣсяцесловомъ на 1881 г. Кіевъ.

Тихомировъ Е.—Полтавскій бой. Историческій очеркъ. Москва. 1881.

Тихомировъ Н.—О составѣ западно-русскихъ такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей,—рукопись, удостоенная академіей наукъ преміи въ 500 р.

Толстой М. В., графъ.—Посмертныя записки іеромонаха кіево-печерской лавры о. Антонія (Русскій Вѣстникъ, май, іюнь и ноябрь, 1881).

Толстой Ю. В.—Записки о возсоединеніи греко-уніатскаго духовенства и народа въ Бѣлоруссіи и на Волыни съ православною церковію, Василія, архіепископа полоцкаго (Русскій Архивъ, 1881 г., т. II).

Томашенко.—О черноморскихъ готахъ. Вѣна. 1881.

Уваровъ А. С., графъ.—Каменный вѣкъ въ Россіи. Москва. 1881. Здѣсь рѣчь идетъ и о кіевскихъ пещерахъ, существовавшихъ задолго до христіанства.

Украинофильство и г. Костомаровъ (Русскій Вѣстникъ, апрѣль, 1881).

Украиньскимъ дітямъ. Кіевъ. 1881.

Уманецъ Ѳ. М.—Малороссіяне въ Польшѣ XVII вѣка (Историч. Вѣстникъ, сентябрь, 1881).

Фелицынъ.—Памятная книга Кубанской области. 1881.

Филевичъ И. П.—Забытый уголъ (о Холмской Руси. Историч. Вѣстникъ, май, 1881).

Хойнацкій А. Ѳ., протоіерей.—1) Святитель Михаилъ греческій, нетлѣнно почивающій въ нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Кіевъ. 2) Варлаамъ Шишацкій, архіепископъ могилевскій. Изъ исторіи 1812 года (Историч. Вѣстникъ, іюль, 1881); 3) Почаевская лавра подъ властію уніатовъ (Христіанское Чтеніе, 1881 г.).

Хорошуновъ Ѳ., свящ.—Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій. Историко-біографическій очеркъ (Русская Старина, 1881 г., т. 1).

Хрущовъ А. П.—Отрывки изъ дневника (Историч. Вѣстникъ, май, 1881).

Чапковскій А. Т.—Н. В. Гоголь. Воронежъ. 1881.

Чистовичъ И. А.—Уніатская церковь въ Россіи при императорѣ Николаѣ I (Православное Обозрѣніе, январь и апрѣль. 1881).

Шайноха К.—Ядвига и Ягайло, перев. съ 2-го полнаго изданія В. Чуйко. 2 т. С.-Петербургъ. 1881.

Шевченко Т. Г.—1) Батрачка. Повѣсть. С.-Петербургъ. 1881 г. 2)—Несчастный. Неизданнаая повѣсть Т. Г. Шевченка (Историческій Вѣстникъ, январь, 1881); 3)—Хустына (въ альманахѣ »Луна«, на 1881 годъ. Кіевъ. 1881);

4) Изъ неизданной повѣсти Т. Г. Шевченка (газета »Трудъ«, 1881 г., № 122 и приложенія 12, 17 и 29 декабря).

Щелковъ К. П. — Харьковъ (историко-статистическій опытъ). Харьковъ. 1881 г.

Щербина Ф.—Очерки южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ. Одесса 1881 г.

Эльцинъ.—Рѣчи звенигородскаго раввина Эльцина. Звенигородка. 1881.

Юго-западный общедоступный календарь на 1882 годъ. Кіевъ. 1881.

Южный Алексѣй.—На Днѣпровскихъ порогахъ и два дня у штундистовъ. Замѣтки путешественника (Вѣстникъ Европы, іюль, 1881).

Юшкевичъ.—Литовскія народныя пѣсни. Выпуски 3—4. Казань. 1881.

Яворовскій Н.—Подольская старина: посмертная легенда о князѣ Петрѣ Христіановичѣ Витгенштейнѣ (Подольскія Епарх. Вѣдомости, 1881, №№ 20 и 21. Дополненіе къ этой статьѣ—тамъ-же, № 35).

Яновскій И.—Мѣстечко Бѣлоцерковка и его приходъ. Историко-статистическій и эгнографическій очеркъ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 8 и 18).

Z. Z.—Яковъ-Іосифъ Лейбовичъ Франкъ. Изъ исторіи іудейства XVIII вѣка (Подольскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 33 и 34).

II.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Терскіе козаки съ стародавнихъ временъ.—Историческій очеркъ, соч. Ивана Попко. Выпускъ первый—Гребенское войско. С.-Петербургъ 1880 г.

Въ началѣ октября минувшаго года, терское козацкое войско праздновало 300 лѣтній юбилей своего существованія. Къ этому времени, одинъ изъ старыхъ и заслуженныхъ офицеровъ этого войска, генералъ Иванъ Попко, приготовилъ историческій очеркъ судьбы терскаго козачества. Г. Попко извѣстенъ уже въ литературѣ прекраснымъ и первымъ по времени очеркомъ быта черноморскихъ козаковъ, ихъ судьбы, устройства и этнографіи, изданнымъ еще въ 1858 году. Новый трудъ г. Попко составленъ съ полнымъ знаніемъ литературы своего предмета, и притомъ основанъ на многочисленныхъ рукописныхъ источникахъ, собранныхъ авторомъ въ архивахъ городовъ: Ставрополя, Кизляра, Астрахани, въ терскомъ войсковомъ архивѣ, въ рукописныхъ запискахъ Федюшкина и Буткова и т. д. Сверхъ того г. Попко близко и наглядно знакомъ съ мѣстностью притерекскаго края, съ его этно-

графіею и пользуется многими преданіями и воспоминаніями, уцѣлѣвшими въ памяти народа; этнографическій и бытовой матеріалъ въ значительной степени оживляетъ разсказъ и придаетъ изображаемымъ авторомъ картинамъ большую живость и рельефность. Собранный г. Попко матеріалъ оказался на столько обильнымъ и разсказъ его на столько подробенъ, что первый выпускъ сочиненія, составляющій впрочемъ весьма объемистый томъ, заключаетъ въ себѣ лишь исторію гребенскаго войска, т. е. одного только изъ десяти полковъ, входящихъ въ составъ терскаго козацкаго войска; исторію остальныхъ полковъ г. Попко обѣщаетъ разработать въ дальнѣйшихъ выпускахъ своего сочиненія, теперь-же, чтобы ознакомить читателя хотя въ общихъ чертахъ съ планомъ своего сочиненія, онъ предпослалъ исторіи гребенскаго войска «Вступительный очеркъ трехвѣковой жизни терскихъ козаковъ», въ которомъ намѣтилъ главные моменты его исторической жизни, указалъ его составныя части и время и обстоятельства возникновенія каждой изъ нихъ. Все терское войско составилось изъ 10 разновременно возникшихъ козацкихъ группъ, которыя носили слѣдующія названія: гребенское войско, терско-кизлярское войско, терско-семейное войско, моздоцкій полкъ, волгское войско, горскій полкъ, два владикавказскіе полки 1-й и 2-й и два сунжинскіе.

Древнѣйшее козацкое поселеніе на Кавказѣ составили *гребенскіе* козаки: явились они на Терекѣ и у подножія кавказскихъ горъ еще въ началѣ XVI столѣтія. Послѣ присоединенія великаго княжества рязанскаго къ московской державѣ, рязанскіе козаки, населявшіе Червленый Яръ и охранявшіе юго-восточные предѣлы княжества, опасаясь принудительнаго выселенія въ сѣверо-восточныя области государства, сѣли на струги, поднялись по Дону, переволоклись въ Волгу и приплыли къ устьямъ Терека; здѣсь они вошли въ сношенія съ кабардинскими владѣльцами и получили отъ нихъ для поселенія земли у подножія горной цѣпи. Послѣ подчиненія кабарды русскимъ царямъ, козаки гребенскіе зачтены были въ царскую службу: они нѣсколько разъ мѣняли мѣсто жительства, пока наконецъ не основались окончательно на лѣвомъ берегу Терека, гдѣ въ 1712 году они построили пять городковъ, существующихъ по нынѣ: Червленскій, Шадринскій, Новогладковскій, Старогладковскій и Курдюковскій.

Въ концѣ XVI столѣтія (1580) въ устьяхъ Терека появилась новая группа козацкаго населенія, это была часть волжскаго козачьего войска, почему-то опасавшаяся опалы на родинѣ и бѣжавшая по морю на югъ. Новые переселенцы построили у самаго устья Терека городокъ Трехстѣнный и поселились въ немъ, подъ именемъ *терскаго* козачьего войска. Впослѣдствіи Петръ Великій пытался передвинуть это поселеніе къ югу, но попытка его не увѣнчалась успѣхомъ. Въ 1736 году, послѣ возврата Персіи завоеванныхъ у нея областей, русскіе поселенцы, въ томъ числѣ и терскіе козаки, возвратились на прежнія мѣста жительства и заняли берега Терека отъ его устья до Кизляра; съ этого времени они и стали называться терскимъ-кизлярскимъ войскомъ.

Въ томъ-же 1736 году, для того чтобы сомкнуть цѣпь козацкихъ поселеній на Терекѣ—между терско-кизлярскимъ и гребенскимъ войсками организовано было правительствомъ новое козацкое войско, получившее названіе *терско-семейнаго*; для этой цѣли вызвана была изъ донской области одна тысяча козацкихъ семействъ и поселена въ трехъ новыхъ городкахъ. По другую восточную сторону поселеній гребенскихъ козаковъ въ 1763 году построено было небольшое укрѣпленіе на урочищѣ Мриздогъ (дремучій лѣсъ) и правительство приступило къ образованію вокругъ него новаго козачьего войска. Въ составъ его вошли въ значительномъ количествѣ выходцы изъ разныхъ горскихъ племенъ, къ которымъ присоединены были 350 козачьихъ семействъ, выведенныхъ изъ Дона, и 517—съ Волги, также 200 семействъ калмыковъ и 335 семействъ козацкой саратовской милиціи; всѣ эти разнородные элементы образовали *моздокскій* козачій полкъ.

Подвигая козацкія поселенія дальше въ томъ-же направленіи отъ востока къ западу, въ 1777 году, правительство переселило на средній Терекъ и на притокъ его—Малку, а также въ окрестности Пятигорска остававшихся еще на Волгѣ козаковъ, и образовало изъ нихъ 5 станицъ, которыя и составили новый отдѣлъ терскаго козачества подъ именемъ *волгскаго войска*; составъ этого войска усилился впослѣдствіи припискою нѣсколькихъ селъ, населенныхъ однодворцами и государственными крестьянами.

Въ 1824 году, генералъ Ермоловъ, желая увеличить козачій контингентъ на Кавказѣ, выдѣлилъ нѣсколько станицъ изъ состава моздокскаго и волгскаго полковъ и, присоединивъ къ нимъ 2 селенія осетинскія и 4 селенія малорусскія, выселившіяся по причинѣ малоземельности изъ уѣздовъ курской и воронежской губерній, образовалъ новый козачій полкъ *горскій*.

Всѣ шесть полковъ составляли отдѣльныя единицы въ военномъ и административномъ отношеніяхъ до 1832 года; тогда они, по представленію главнокомандующаго на Кавказѣ, графа Паскевича, были объединены подъ однимъ управленіемъ и получили общее названіе *кавказскаго линейнаго войска*. Впрочемъ послѣ этого преобразованія, козачество продолжало еще нѣкоторое время развиваться на Кавказѣ и колонизировать новыя пространства. Такъ въ 1837 году на верхнемъ Терекѣ поселены были два малороссійскіе полка, сформированнные въ 1831 году для дѣйствій противъ поляковъ и впослѣдствіи передвинутые на Кавказъ; они составили *1-й владикавказскій полкъ*, увеличивъ въ послѣдствіи свой составъ многочисленными переселенцами, бѣжавшими отъ крѣпостнаго права изъ губерній: черниговской, харьковской, полтавской, воронежской и др. Наконецъ, въ послѣднее уже время, съ 1845 по 1860 годъ, образовались три новые полка, занявшіе территорію между Владикавказомъ и Моздокомъ по рѣкамъ Камбилею и Сунжѣ. Эти полки образовались частью изъ семействъ, выведенныхъ изъ болѣе старыхъ козацкихъ поселеній, частью изъ приписанныхъ къ козачеству крестьянъ, солдатъ и т. д.

Вотъ вкратцѣ очеркъ колонизаціи сѣверовосточнаго Кавказа, подробное развитіе котораго г. Попко намѣренъ представить въ своемъ сочиненіи. Первая часть его—исторія гребенскаго полка выполнена весьма тщательно и удовлетворительно. Авторъ разсказываетъ подробно исторію поселенія гребенскихъ козаковъ, участіе ихъ какъ въ внутреннихъ смутахъ, бывшихъ въ Россіи въ XVII столѣтія, такъ и въ войнахъ, которыя вело на Кавказѣ русское правительство, затѣмъ представляетъ весьма интересный очеркъ распространенія среди гребенцевъ старообрядчества и разныхъ толковъ церковнаго раскола и даетъ весьма полную картину: управленія, служебныхъ обязанностей, хозяйства, промысловъ, быта, нравовъ, вооруженія, костюма и т. д. Несомнѣнно, книга г. Попки занимаетъ видное мѣсто среди историческихъ монографій, посвященныхъ областной русской исторіи и мы съ нетерпѣніемъ ждемъ дальнѣйшихъ выпусковъ столь хорошо начатаго предпріятія. Не можемъ, впрочемъ, не замѣтить, что книга г. Попки значительно выиграла-бы, если бы авторъ удержался отъ субъективнаго, нѣсколько тенденціознаго взгляда, вслѣдствіе котораго онъ по временамъ оцѣниваетъ съ точки зрѣнія современнаго публициста событія давно минувшихъ дней, происходившія въ другое время и при историческихъ условіяхъ, не примѣнимыхъ къ нашему времени и къ современнымъ намъ взглядамъ. По временамъ также авторъ склоненъ увлекаться историческими гипотезами, не основанными на точныхъ данныхъ, и очень упорно отстаиваетъ эти гипотезы, не смотря на отсутствіе фактической почвы; такова, по нашему мнѣнію, попытка автора связать происхожденіе козачества съ княжескими дружинами въ качествѣ двухъ непосредственно преемственныхъ явленій; между тѣмъ какъ явленія эти ни по времени существованія, ни по характеристическимъ чертамъ своимъ не представляютъ аналогіи. Во всякомъ случаѣ эти небольшія, чисто теоретическія, погрѣшности почти незамѣтны, благодаря живости разсказа, изобилію фактическаго матеріала и новизнѣ и высокому интересу содержанія книги.

Въ заключеніе г. Попка приложилъ къ своей книгѣ довольно объемистыя примѣчанія и весьма интересныя приложенія, состоящія изъ документовъ, извлеченныхъ имъ изъ архивовъ, которые констатируютъ разнообразныя данныя, относящіяся къ исторіи управленія, къ промысламъ, къ общественному хозяйству, статистикѣ народонаселенія и т. п. Наконецъ, въ числѣ приложеній мы находимъ 7 народныхъ гребенскихъ пѣсень историческаго и бытоваго содержанія и два патріотическія стихотворенія современнаго намъ поэта изъ гребенскихъ козаковъ, г. Парфенія Кулебякина.

В. А.

Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Петра Голубовскаго. Кіевъ, 1881 г.

Названное сочиненіе написано на тему, заданную историко-филологическимъ факультетомъ кіевскаго университета. Нельзя не признать выбора подобной темы очень удачнымъ. Изученіе удѣльнаго періода русской исторіи въ настоящее время подвинулось много впередъ сравнительно съ недалекимъ прошлымъ. Изложеніе Карамзина и Соловьева насъ не удовлетворяетъ болѣе. Теперь уже никто, подобно Карамзину, не разсматриваетъ Руси удѣльнаго періода, какъ единое государство со столицею Кіевомъ; мало по малу теряетъ свое значеніе и теорія исключительно родовыхъ отношеній, рельефно выраженная въ соч. Соловьева «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома». Все большее и большее право гражданства получаетъ теорія областная, которая въ удѣльно-вѣчевой Руси видитъ рядъ областей, связанныхъ единствомъ княжескаго дома, происхожденія, быта, но стремившихся и достигавшихъ внутренней автономіи. Фундаментъ для себя областная теорія нашла въ этнографической, представителями которой являются Ешевскій, Щаповъ, Костомаровъ. Въ результатѣ получились труды, представляющіе богатый вкладъ въ русскую историческую литературу: цѣлый рядъ областныхъ монографій— Костомарова, Иловайскаго, Корсакова, Зубрицкаго, Шаранѣвича; въ послѣднее время появилось также нѣсколько цѣнныхъ монографій—Антоновича «Очерки исторіи В. К. Литовскаго», Дашкевича «Болоховская земля», Никитскаго «Очерки изъ исторіи Новгорода и Пскова», Полежаева «Московское княжество въ I половинѣ XIV в.» Сюда же нужно отнести и трудъ г. Голубовскаго.

Источники по исторіи сѣверской земли довольно разнообразны, хотя очень отрывочны. Основнымъ источникомъ является лѣтопись въ разныхъ ея спискахъ и редакціяхъ; найбольше свѣдѣній доставляетъ такъ называемая ипатьевская лѣтопись, заключающая, какъ кажется, отрывки не дошедшей до насъ сѣверской. Раскопки въ черниговской губерніи г. Самоквасова даютъ богатый матеріалъ для характеристики погребальныхъ обрядовъ и культуры сѣверянъ; извѣстія арабскихъ и византійскихъ писателей не менѣе любопытны; кое-какія данныя доставляютъ и памятники словесности; современнымъ этнографическимъ матеріаломъ крайне затруднительно пользоваться по разбросанности его. Но не смотря на сравнительное обиліе матеріала до сихъ поръ не было ни одной сколько-нибудь удовлетворительной попытки написать исторію черниговской области; это тѣмъ болѣе удивительно, что она, сравнительно съ другими землями, отличалась особеннымъ характеромъ. Мы можемъ только указать на сочиненіе бывшаго профессора кіевскаго университета Домбровскаго «Очеркъ города Чернигова и его области въ древнее и новое время», совершенно не соотвѣтствующее своему заманчивому заглавію. Это—тощая брошюрка, передающая нѣкоторыя обще-извѣстныя лѣтописныя извѣстія. Гораздо больше значенія имѣетъ недавно вышедшее сочиненіе г. Иловайскаго «Исторія Рос-

сіи. Владимірскій періодъ», гдѣ одна глава посвящена исторіи черниговово-сѣверской земли; жаль только, что этотъ прекрасный очеркъ не достаточно полонъ и систематиченъ.

Такимъ образомъ книга г. Голубовскаго является весьма кстати. Вся она состоитъ изъ 12 главъ, изъ коихъ первыя двѣ посвящены вступленію общаго содержанія.

Въ 1-й главѣ, посвященной колонизаціи, г. Голубовскій старается доказать фактъ наступательнаго колонизаціоннаго движенія сѣверянъ на югъ къ черноморскому и азовскому побережьямъ и на сѣверо-востокъ въ область Муромы, Мери, радимичей и вятичей. Очень вѣроятна гипотеза о славянскомъ (собственно сѣверянскомъ) населеніи бассейна Дона, которое г. Голубовскій ставитъ въ связь съ бродниками—прототипомъ козачества. Не менѣе любопытны соображенія объ этнографическомъ сродствѣ населенія Тмуторакани съ населеніемъ Подесенья и Посемья. Въ слѣдующей главѣ г. Голубовскій на основаніи археологическихъ раскопокъ и арабскихъ писателей старается опровергнуть извѣстіе нашей лѣтописи о первоначальной дикости сѣверянъ, радимичей и вятичей. Оказывается, что рядомъ съ звѣроловствомъ существенную роль играло земледѣліе; процвѣтали гончарное, бондарное и столярное ремесла; торговля велась съ Новгородомъ, Византіей и отдаленнымъ востокомъ. Другихъ сторонъ внутренняго быта сѣверянъ г. Голубовскій къ сожалѣнію не касается. «Должно сознаться, говоритъ онъ, что по необходимости въ нашемъ сочиненіи мы должны были оставить два пробѣла, именно ничего не сказать о «религіи и бытѣ» сѣверянъ и выпустить «историко-топографическое описаніе» ихъ страны. Это произошло по недостатку научныхъ средствъ. Для очерка религіи сѣверянъ мы имѣемъ рѣдкія указанія, разсыпанныя по Губернскимъ и Епархіальнымъ Вѣдомостямъ черниговской губерніи, но собрать ихъ невозможно въ полномъ составѣ; притомъ сѣверяне занимали не одну черниговскую губернію, а курскую, часть харьковской и Подонье. Собрать матеріалъ изъ всѣхъ этихъ областей невозможно, какъ по недостатку времени, такъ и средствъ. *Извѣстія лѣтописи и арабскихъ писателей даютъ общія мѣста, которыя могутъ относиться ко всѣмъ славянамъ вообще.* Историко-топографическое изслѣдованіе, хотя и при существованіи матеріяла въ видѣ списковъ населенныхъ мѣстъ, книги «Большаго Чертежа» и т. д., невозможно было по неимѣнію подъ руками картъ». Мы признаемъ эти опущенія главнымъ недостаткомъ труда г. Голубовскаго, и при томъ ихъ не два, а нѣсколько больше. Не сказано ничего о городищахъ въ черниговской губ., которыя перечисляетъ г. Самоквасовъ въ приложеніи къ своему сочиненію «Древніе города Россіи»; нѣтъ характеристики погребальныхъ обрядовъ языческихъ сѣверянъ, между тѣмъ какъ богатѣйшія данныя по этому вопросу заключаются въ замѣчательной статьѣ г. Самоквасова «Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи»; не говоря уже объ извѣстіяхъ Ибнъ-Фоцлана, которыя также можно сюда пріурочить. Историко-топографическое описа-

ніе земли сѣверянъ могло быть исполнено тѣмъ легче, что начало такой работы положено трудами Погодина, Арцыбашева, Барсова. Желательно было-бы болѣе подробное изложеніе вопроса о предѣлахъ сѣверянскихъ поселеній и колонизаціи въ разныя эпохи существованія сѣверской земли. Мы полагаемъ, что въ этомъ отношеніи можно было-бы провести такія грани: 1) до половины XI ст., т. е. до обособленія Сѣверщины въ самостоятельное княжество, 2) до половины XIII ст., т. е. до татарскаго нашествія, когда центральнымъ пунктомъ являлись Подесенье и Посемье съ городами Черниговомъ и Новгородъ-Сѣверскомъ, 3) до половины XIV ст., когда значеніе Чернигова и Новгород-Сѣверска падаетъ, центръ исторической жизни переносится на сѣверъ въ Брянскъ, дробленіе княжествъ достигаетъ maximum'а своего развитія. Очень жаль также, что не сгруппированы хотя отрывочныя и немногочисленныя данныя о внутреннемъ бытѣ сѣверской земли въ періодъ удѣльный: о церковной іерархіи, храмостроительствѣ и т. д.

Очень любопытна 3-я глава, изображающая отношенія къ сѣверянамъ хозарскаго каганата. Конечно, не одни сѣверяне жили въ Хозаріи, но и другія славяно-русскія вѣтви; но несомнѣнно, что по своему географическому положенію сѣверяне находились въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ хозарамъ; нѣкоторые факты убѣждаютъ насъ, что сѣверянское населеніе въ видѣ оазисовъ сохранилось въ хозарской (тогда уже половецкой) землѣ даже въ XII в.

Слѣдующая 4-я глава названа «Христіанскимъ періодомъ», хотя въ соотвѣтствіи съ предъидущей ее лучше было-бы назвать «Кіевскимъ періодомъ» (до 1054 г,).

Въ слѣдующихъ 8 главахъ г. Голубовскій даетъ намъ очеркъ жизни, дѣятельности и историческаго значенія сѣверскихъ князей. Нельзя не признать этого очерка внѣшней политической исторіи очень удачнымъ. Характеристики написаны живо и смѣло; всѣ политическія комбинаціи, отдѣльные эпизоды объяснены болѣе или менѣе удовлетворительно. Таковы характеристики Олега и Давида Святославичей, Всеволода Ольговича и др. И здѣсь съ нѣкоторыми утвержденіями и объясненіями автора согласиться нельзя, но въ общемъ получается вѣрная картина событій. Заканчивается сочиненіе подпаденіемъ сѣверской земли подъ власть Литвы въ половинѣ XIV ст.

Въ концѣ концовъ нельзя не воздать должной благодарности автору за усердный и кропотливый трудъ, освѣтившій первые вѣка жизни лѣваго берега Днѣпра. Да будетъ оно началомъ послѣдующихъ трудовъ по исторіи лѣвобережной Украйны отъ XV—XVIII ст.

Д. Багалѣй.

Моравія и мадьяры съ половины IX до начала X вѣка К. Я. Грота. Спб. 1881. 436. Ц. 2 р.

Еще недавно авторъ означеннаго сочиненія издалъ свой первый трудъ: »Извѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ«, историко-этнографическое изслѣдованіе (Спб. 1880 г.), вызвавшее весьма подробныя замѣчанія со стороны г. Флоринскаго въ Журналѣ мин. нар. просв. (CCXIV и CCXV). Новый его трудъ, заглавіе котораго мы выписали выше, составляетъ диссертацію на степень магистра по славянской филологіи и пополняетъ обширную серію трудовъ по исторіи славянъ, изданныхъ въ послѣднее время учеными петербургскаго университета (гг. Успенскимъ, Соколовымъ, Флоринскимъ). Такимъ образомъ, въ видѣ этихъ трудовъ русская наука пріобрѣтаетъ весьма цѣнные вклады въ исторію славянства. Нельзя не порадоваться и не привѣтствовать такого дружнаго участія новыхъ силъ въ разработкѣ этой исторіи, все еще мало извѣстной у насъ, не смотря на позднѣйшія политическія отношенія наши къ южному славянству.

Новый трудъ г. Грота имѣетъ для »Кіевской Старины« иной интересъ. Въ немъ затрогиваются вопросы, близкіе къ исторіи кіевской земли въ ея древнѣйшій періодъ. Мы разумѣемъ вопросы о происхожденіи и переселеніи угровъ, занимающихъ видное мѣсто въ изслѣдованіи автора Укажемъ сначала общее содержаніе этого труда, а затѣмъ остановимся, на сколько позволяютъ размѣры библіографической замѣтки, на означенныхъ вопросахъ.

Разсматриваемое изслѣдованіе состоитъ изъ *четырехъ* обширныхъ главъ. *Первая* изъ нихъ представляетъ вступительный очеркъ, посвященный обзору судьбы средне—и нижне-дунайскихъ земель до начала IX вѣка; *вторая* даетъ очеркъ политическихъ отношеній на среднемъ Дунаѣ передъ мадьярскимъ погромомъ; *третья*—посвящена переселеніямъ мадьяръ до водворенія ихъ на среднемъ Дунаѣ; въ *четвертой* авторъ разсматриваетъ поселеніе мадьяръ на среднемъ Дунаѣ и Тиссѣ и ихъ торжество въ борьбѣ съ Моравіей и восточно-франкской державой. Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ общіе выводы о переворотѣ, произведенномъ мадьярами на среднемъ Дунаѣ. Къ книгѣ приложенъ указатель личныхъ и географическихъ именъ.

Понятно, что III-я глава, притомъ самая обширная (149—304 стр.), имѣетъ для насъ главный интересъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она представляется болѣе обработанною и болѣе полною. Прослѣдимъ результаты изслѣдованій автора въ этихъ вопросахъ.

Къ даннымъ, основаннымъ на толкованіи именъ »мадьяръ« и »угровъ« именами, передаваемыми древними греческими и латинскими писателями, и къ догадкамъ средневѣковыхъ историковъ авторъ относится скептически. Только съ конца IX в. онъ находитъ возможнымъ слѣдить за исторіею этого народа. Также

сомнѣвается онъ въ возможности удачно объяснить означенныя имена и найти ихъ корень и первоначальное значеніе. Но во всякомъ случаѣ корня имени »мадъяръ« всего естественнѣе, по его мнѣнію, искать или въ самомъ мадъярскомъ языкѣ, или въ другихъ родственныхъ уральскихъ нарѣчіяхъ финскаго языка. Имя-же »угры« несомнѣнно находится въ непосредственномъ родствѣ съ нашею „югрою« и »югричами« русскихъ лѣтописей, съ именемъ народа, къ которому принадлежали предки вогуловъ, остяковъ и ихъ родичей, и имѣетъ такую-же прямую связь съ нѣкоторыми географическими названіями въ предѣлахъ Россіи. Сравнительно-лингвистическими изслѣдованіями наука пришла уже довольно давно къ признанію финскаго, точнѣе восточно-финскаго (финно-уральскаго) происхожденія мадъяръ. Это положеніе стало съ нѣкоторыхъ поръ уже общепризнаннымъ и окончательнымъ ея достояніемъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дознано и существованіе въ мадъярскомъ языкѣ (кромѣ другихъ разнородныхъ элементовъ) значительныхъ элементовъ языка турецкихъ народностей, въ близкомъ сосѣдствѣ и подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ которыхъ когда-то очевидно жили угры. Турецко-татарскія черты въ языкѣ, исторіи и нѣкоторыхъ сторонахъ жизни мадъяръ сказываются на столько сильно, что есть ученые (Вамбери), считающіе мадъяръ, ихъ языкъ и древнюю культуру просто результатомъ смѣшенія финно-угорскихъ элементовъ съ турецко-татарскими. Еще въ средніе вѣка (съ XIII в.) предпринимались путешествія въ восточную Россію съ цѣлью изысканія слѣдовъ родины и родичей угровъ. Такъ, монахъ Юліанъ, отправленный королемъ Бѣлою IV, побывавъ въ Волжской Болгаріи, нашелъ народъ, говорившій на языкѣ, понятномъ для мадъяръ. Съ тѣхъ поръ не прекращались изслѣдованія въ этомъ направленіи; но только послѣ долгихъ усилій удалось восторжествовать этому мнѣнію надъ предположеніемъ о гунскомъ, турецкомъ и даже еврейскомъ происхожденіи мадъяръ. Необходимо также замѣтить, что въ XV вѣкѣ молва о существованіи на сѣверо-востокѣ Россіи племени, говорящаго на языкѣ сходномъ съ мадъярскимъ, была сильна въ Угріи при Матвѣѣ Корвинѣ, который собирался даже отправить людей для собиранія свѣдѣній объ этомъ народѣ, и что въ XVI в. извѣстный путешественникъ по Россіи, Герберштейнъ, въ описаніи »Московіи« сообщаетъ о землѣ Югаріи, изъ которой происходили будто-бы угры и въ которой говорятъ на языкѣ, понятномъ для мадъяръ.

Авторъ подробно слѣдитъ за всѣми перипетіями этого вопроса въ XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ, снабжая свои сопоставленія обстоятельнымъ указаніемъ на его литературу (стр. 155—167). Установивъ такимъ образомъ племенную связь мадъяръ съ древнею Югрою, и позднѣйшими, родственными ей, вогулами и остяками, авторъ, на основаніи цѣлаго ряда существующихъ данныхъ и мнѣній (при чемъ онъ признаетъ извѣстія венгерскихъ хронистовъ не заслуживающими вниманія), опредѣляетъ приблизительно древнія жилища мадъяръ по сосѣдству съ болгарами и башкирами); затѣмъ говоритъ объ ихъ древней культурѣ и образѣ жизни; на-

конецъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на переселеніяхъ мадъяръ на нижній Дунай и, между прочимъ, на пребываніи ихъ въ южныхъ степяхъ Россіи. Въ общей сложности это странствованіе по Россіи длилось едва-ли болѣе семи десятковъ лѣтъ.

Отвергнувъ свидѣтельство Анонима объ этомъ странствованіи, какъ позднѣйшую національную тенденцію, основанную на посторонних данныхъ (авторъ разбираетъ это въ особомъ примѣчаніи, стр. 181—184, а также 203—204), г. Гротъ останавливается главнымъ образомъ на извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго, Ибнъ-Даста (араб. писат. нач. X в.) и древней русской лѣтописи (Нестора), »не многія строки которой объ уграхъ, по его словамъ, имѣютъ для насъ все-таки первостепенное значеніе«. Въ извѣстіи Константина о мадъярахъ онъ видитъ отчасти хозарскій, отчасти славянскій источникъ.

Основываясь на общей связи событій, выходъ мадъяръ изъ ихъ прародины приходится отнести къ началу IX вѣка; а будучи полукочевымъ народомъ, они, подобно другимъ кочевникамъ, безъ особеннаго труда перемѣщались съ мѣста на мѣсто. Поводомъ-же къ такому передвиженію должно признать какой-либо внѣшній толчокъ, напр. напоръ съ востока турецкихъ племенъ, быть можетъ и печенѣговъ, кочевавшихъ уже тогда въ степяхъ между Волгой и Яикомъ, но также весьма вѣроятно, что выселеніе это могло произойти вслѣдствіе какого нибудь неизвѣстнаго намъ движенія или давленія русскихъ славянъ на финновъ (Ламанскій, Объ изуч. греко-славян. міра, Спб. 1871, 313). Путь ихъ лежалъ въ юго-западномъ направленіи и весьма вѣроятно, что самое движеніе совершилось при участіи сосѣднихъ имъ турецкихъ кочевниковъ (башкиръ и др.). Историческія свидѣтельства застаютъ угровъ уже въ южныхъ степяхъ Россіи, въ сосѣдствѣ съ хозарами, потомъ около днѣпровской Руси, на берегахъ Чернаго моря, и далѣе на юго-западъ. При этомъ авторъ разсматриваетъ извѣстія объ уграхъ К. Багрянороднаго, Ибнъ-Даста, Паннонскаго житія Константина философа и русской лѣтописи (о проходѣ угровъ мимо Кіева подъ 898 годомъ; въ другихъ мѣстахъ ея упоминается—о бѣлыхъ уграхъ, объ уграхъ черныхъ и Угорское подъ Кіевомъ). Эти извѣстія сообщаютъ свѣдѣнія о пребываніи мадъяръ на берегахъ Понта и ихъ набѣгахъ вплоть до нижняго Дуная (около половины IX вѣка). Извѣстіе русской лѣтописи о *прохожденіи* угровъ мимо Кіева показываетъ, что они оставили по себѣ у днѣпровской Руси воспоминаніе какой-то странствующей орды, прослѣдовавшей мимо и только *временно* располагавшейся кочевьями въ ея сосѣдствѣ. Путь, по которому двигались мадъяры (угры), авторъ обозначаетъ такъ: по Камѣ и Волгѣ на Оку и вверхъ по Окѣ къ верховьямъ Дона, по которому продолжая идти, они вступили во владѣнія хозаръ, съ которыми имѣли прежде торговыя связи. Страна, занятая мадъярами, называется у К. Багрянороднаго Лебедіей (авторъ указываетъ на сохранившіяся до сихъ поръ подобныя-же названія мѣстностей въ этомъ районѣ и здѣсь-же рѣчка Угринъ по Больш. Чертежу). Затѣмъ авторъ указываетъ

на вліяніе хозаръ и славянъ на бытъ мадъяръ. Вліяніе послѣднихъ отразилось преимущественно въ сферѣ внутренняго, домашняго и семейнаго быта; такъ, названія предметовъ, относящихся къ земледѣлію, заимствованы мадъярами у славянъ. Ибнъ-Дастъ разсказываетъ, напротивъ, о набѣгахъ мадъяръ на славянъ, плѣнниковъ которыхъ они вымѣнивали у грековъ на греческія матеріи и товары. Вліяніе хозаръ отразилось преимущественно на военномъ устройствѣ. Другія извѣстія сообщаютъ свѣдѣнія о набѣгахъ мадъяръ на берега Чернаго моря вплоть до Дуная. Наконецъ авторъ подробно разбираетъ свидѣтельства русскаго лѣтописца объ уграхъ, изъ которыхъ главное относится къ 898 г. и заключаетъ въ себѣ извѣстіе о передвиженіи всей мадьярской орды на западѣ, по вытѣсненіи ея изъ «Лебедіи» печенѣгами, причемъ онъ касается смысла лѣтописнаго указанія о бѣлыхъ и черныхъ уграхъ (во вступительномъ разсказѣ къ лѣтописи), опредѣляя его какъ *видовое* различіе одного и того-же народа, на что существуютъ указанія въ другихъ источникахъ (235—248).

Это переселеніе авторъ относитъ къ 80-мъ годамъ IX вѣка, признавая хронологическое показаніе русской лѣтописи совершенно невѣрнымъ (250). Относительно-же самаго разсказа лѣтописца объ этомъ передвиженіи онъ говоритъ такъ: «изъ этого свидѣтельства мы имѣемъ, кажется, право заключить, что мадъяры, по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть ихъ, на своемъ пути къ Дунаю были подъ Кіевомъ и стояли нѣкоторое время «вежами» неподалеку отъ него. По всей вѣроятности главная ихъ масса проходила черезъ Днѣпръ южнѣе, а отдѣльные отряды, предпринимая набѣги въ сторону, подходили и къ Кіеву». Но онъ признаетъ несостоятельность разсказа лѣтописи о дальнѣйшемъ странствованіи угровъ «черезъ горы великія», т. е. Карпаты. Какъ извѣстно, г. Иловайскій (Ист. Рос. II, 514—515), въ слѣдъ за Шлецеромъ (Несторъ, II, 236), производитъ названіе «угорьское» отъ «горы» и полагаетъ, что угры не могли быть вовсе подъ Кіевомъ.

Въ связи съ этимъ, авторъ касается нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ, какъ-то: соотвѣтствія года прохожденія угровъ подъ Кіевомъ съ показаніемъ К. Багрянороднаго, мнѣній объ угорскомъ происхожденіи Аскольда и Дира, направленіи дальнѣйшаго пути угровъ (къ устьямъ Дуная, а не черезъ Карпаты), о составныхъ элементахъ мадъярскаго языка на новыхъ жилищахъ мадъяръ и т. п.

Мы не станемъ слѣдить за дальнѣйшимъ изложеніемъ автора, такъ какъ оно выходитъ уже за предѣлы вопросовъ, составляющихъ предметъ изслѣдованія мѣстнаго изданія. Дальнѣйшей судьбѣ угровъ до начала X вѣка посвящена IV-я глава.

Утвердившись на среднемъ Дунаѣ, они наносятъ рѣшительный ударъ съ одной стороны Моравіи, а съ другой—нѣмцамъ. Но какъ ни тяжелъ былъ онъ для западной Европы вообще, для славянъ, по мнѣнію автора, онъ имѣлъ иное значеніе. Вся тяжесть мадъярскаго погрома обрушилась въ особенности на германскій міръ. Славяне-же, напротивъ, силою вещей должны были сблизиться съ мадъярами, такъ какъ одинаково-враждебныя отношенія къ западу дѣлали ихъ интересы

нѣкоторымъ образомъ общими. «Если мадьяры, говоритъ авторъ, своимъ вторженіемъ въ дунайскую равнину и поселеніемъ въ ней и нанесли глубокую рану славянамъ и стали для нихъ причиной многихъ бѣдствій и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ, за то своимъ своевременнымъ вмѣшательствомъ въ жестокую борьбу нѣмецкой народности съ дунайскими славянами и неизмѣримымъ вредомъ, нанесеннымъ Германіи и всему западу, они въ концѣ концовъ дали благопріятный оборотъ славянскому дѣлу на Дунаѣ въ IX вѣкѣ и надолго остановили дальнѣйшій ростъ политическаго, культурнаго и всякаго вообще преобладанія нѣмцевъ на среднемъ Дунаѣ, принимавшаго тогда уже весьма значительные размѣры и грозившаго великимъ и роковымъ для всего западнаго славянства несчастіемъ».

Таковъ заключительный выводъ автора по вопросу объ исторической роли угровъ въ ряду народныхъ переселеній въ западную Европу. Считаемъ необходимымъ повторить, что какъ по разсмотрѣннымъ нами вопросамъ, такъ и въ остальныхъ авторъ подкрѣпляетъ свои доводы множествомъ указаній на ихъ литературу и источники.

В. И.

Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высоч. соизволенію В. Прохоровымъ. Спб. 1881 г. Ц. 15 р.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько изданій, имѣющихъ цѣлью ознакомить съ внѣшнимъ бытомъ русскаго народа въ его историческомъ развитіи. Къ сожалѣнію до сихъ поръ ни одно изъ нихъ не представляетъ достаточной полноты и до сихъ поръ не доведено до конца. Настоящее изданіе представляетъ обширный выборъ предметовъ древности, добытыхъ путемъ раскопокъ, или снятыхъ съ другихъ памятниковъ. При томъ авторъ воспользовался и позднѣйшими разъисканіями, ставшими уже достояніемъ науки. Снимки сдѣланы отчетливо, а отчасти раскрашены. Правда, они выполнены не такъ изящно, какъ въ изданіи Стрекалова (Русскія одежды, 1876 г.), подходящемъ болѣе къ альбому, но гораздо лучше, нежели атласъ Погодина, составляющій приложеніе въ извѣстной его исторіи.

Изданіе г. Прохорова сопровождается обширнымъ текстомъ. Въ немъ разсмотрѣны: скиѳскіе памятники, славяно-русскія языческія могилы, курганы черниговской и кіевской губерніи, изображенія въ лицевыхъ минеяхъ (визант.) X вѣка, фрески на лѣстницѣ кіево-софійскаго собора, сборникъ Святослава XI вѣка, матеріалы русской одежды XII вѣка, матеріи. Изъ этого перечня видна уже вся неполнота и недостатокъ опредѣленной системы въ распредѣленіи и описаніи предметовъ внѣшняго быта; о нѣкоторыхъ авторъ дѣлаетъ обширныя выписки изъ того или другаго источника, о другихъ вовсе не упоминаетъ, а предоставляетъ догадываться читателю. Вообще текстъ изданія страдаетъ отрывочностью, а иногда и небрежностію въ изложеніи (напр. на стр. 27: «У славянъ былъ обычай сожигать покойника, а у финскихъ племенъ похоронять безъ сожженія» и т. п.).

В. И.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

СОБОРЪ ВМѢСТО СОБОРА.

(Къ исторіи кіевскихъ соборовъ).

Не многимъ изъ нынѣшнихъ жителей г. Кіева, переполненнаго, какъ и въ старые годы, разношерстнымъ людомъ, извѣстно, что на Подолѣ есть старая, очень старая церковь во имя Успенія Божіей Матери. Если-бы кому-либо изъ ея нынѣшнихъ прихожанъ, или вообще тѣмъ изъ кіевлянъ, которые видѣли и знаютъ ее, напомнить слова древняго сказанія о томъ, что стоитъ она въ рынкѣ,—это имъ показалось-бы очень страннымъ. Никакого тутъ рынка теперь нѣтъ: по сторонамъ не мало кабаковъ, противъ алтаря красные ряды, небольшая вокругъ площадь вся свободна. Изъ ряда другихъ церквей Кіево-Подола церковь успенская ничѣмъ не выдѣляется, если не считать того, что разъ въ году, въ день *Преполовенія*, т. е. когда проходитъ *половина* времени отъ Пасхи до Вознесенія, въ ней совершается торжественно, большею частію архіерейское богослуженіе и отсюда совершается крестный ходъ на Днѣпръ для водоосвященія. Еще недавно въ офиціальной перепискѣ она значилась „градскимъ" соборомъ и значится, кажется, и теперь; но какъ давно и по какому случаю она получила это названіе и значеніе, оставалось неизвѣстнымъ. А было время, когда успенская церковь была единственнымъ православнымъ соборомъ въ Кіевѣ и отъ того, конечно, времени идетъ ея названіе, какъ собора, ставшее нынѣ анахронизмомъ.

Когда и по какому случаю она стала *соборомъ*, объ этомъ сообщаются свѣденія въ статьѣ „*Паны Ходыки*", помѣщенной въ

началѣ этой книжки, но какъ приспособлена къ своему новому назначенію, о томъ сохранилось современное сказаніе ея-же священника Кирилла Ивановича, съ которымъ мы и хотимъ познакомить здѣсь нашихъ читателей. Эпизодъ этотъ изъ исторіи Кіева интересенъ по той энергіи, какую обнаружила кіевская городская община въ виду облегавшей ее со всѣхъ сторонъ уніи. Для полноты его мы приведемъ въ связь сказанія *„о церкви соборной мурованой, иже есть въ Кіевѣ, на Подолѣ, яко поправлена на старомъ фундаментѣ“*, съ свѣдѣніями о превращеніи ея въ соборную.

Уже потому, какъ глубоко теперь сидитъ успенская церковь въ землѣ, можно догадываться о ея древности. Названное нами современное сказаніе относитъ одно изъ ея освященій, но не постройку, къ XV в., упоминаетъ и о разореніи ея Менгли-Гиреемъ, вскорѣ послѣ того (1482 г.) послѣдовавшемъ, съ каковаго, вѣроятно, времени церковь эта находилась въ развалинахъ до втораго десятилѣтія XVI в. Подолъ изобиловалъ и въ ту пору церквами, въ большей части деревянными; о возобновленіи успенской церкви, лежавшей въ центрѣ Подола, никто не заботился. Требовалось особое испытаніе Божіе, въ видѣ своего рода чумы—римской уніи, чтобы заставить горожанъ возстановить церковь столь долго лежавшую въ запустѣніи и дать ей первенствующее въ городѣ значеніе. Тяжело было положеніе Кіева и его православныхъ жителей съ введеніемъ уніи. Уже съ перваго ея появленія въ 1596 г. Кіевъ лишился своего митрополита; оставшіеся вѣрными православію два епископа: Гедеонъ львовскій и Михаилъ перемышльскій умерли къ концу перваго десятилѣтія XVI в. и съ наступленіемъ втораго десятилѣтія на всемъ пространствѣ обширной кіевской митрополіи не было ни одного православнаго архипастыря. Православное населеніе повсюду стѣснено было до крайности въ своихъ исконныхъ правахъ, претерпѣвало жестокія, невыносимыя преслѣдованія. Повсюду церкви и монастыри переходили во власть уніатовъ, не выдерживало по мѣстамъ и священство, оставляя вѣру отцевъ, ради сквернаго прибытка, и народъ русскій на своей родной землѣ оставался безъ „службы Божіей“, безъ наученія вѣрѣ, безъ святыхъ таинъ и требъ. Та-же участь готовилась Кіеву. Уже отъ нѣсколькихъ лѣтъ къ богатѣйшимъ и древнѣйшимъ монастырямъ и церквамъ Кіева, къ св. Лаврѣ и св. Софіи, простирались жадныя и своевольныя уніатскія руки. Въ Кіевѣ преобладала не числомъ,

но богатствомъ и вліяніемъ польская партія. Намѣстникъ и войтъ тянули въ сторону правительства, всѣми средствами вводившаго унію. Кіевлянъ заставляли копать гору, строить зàмокъ себѣ-же на страхъ и гибель. Намъ, спокойно живущимъ теперь въ своей вѣрѣ, не понятны эти тревоги за вѣру и сила такого ощущенія. Не то было тогда. Начало надвигавшейся грозы разразилось „гвалтовнымъ“ отнятіемъ у православныхъ св. Софіи, среди торжественнаго служенія въ недѣлю православія, и позорнымъ изгнаніемъ изъ нея собравшагося со всего Кіева священства. Михайловскій монастырь стоялъ на очереди; церкви: десятинная, Спаса на Берестовѣ и св. Василія лежали въ развалинахъ.

Что оставалось дѣлать кіевлянамъ, гдѣ пріютиться имъ, гдѣ служить службу Божію въ тѣ великіе дни, когда она совершалась соборомъ всего священства и такъ торжественно? Иновѣріе торжествовало; шагъ за шагомъ оно все могло отнять и оставить древнее православіе ни съ чѣмъ.

Встрепевулась кіевская община: вспомнили церковь, „иже въ рынку на Подолѣ“, собрали деньги, испросили привиллегію короля (тогда и это нужно было), благословеніе патріарха (митрополита, епископовъ не было), устроили собственный дозоръ, пригласили строителя иностранца, родственника бурмистра, устранили войта Ходыку. Въ февралѣ или мартѣ потеряли св. Софію, въ половинѣ апрѣля „почали изъ фундаменту церковь Успенія Пречистой поправляти“, а къ половинѣ августа слѣдующаго года окончили и „почали служити, ажъ и до днесь“. Потерпѣвшему священству гарантирована безопасность „отъ мятежныхъ и бурливыхъ геретиковъ“, свобода отъ податей, наѣздовъ и постоя, независимость отъ военной силы и самого пана воеводы. Сказаніе, содержаніе котораго мы передали, вошло въ составъ двухъ лѣтописныхъ сборниковъ, писанныхъ въ Кіевѣ въ XVII столѣтіи: въ сборникъ Ильи Кощаковскаго, составленный около 1690 года и въ сборникъ, привадлежавшій семейству мѣщанъ Морозовъ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Оба рукописные варіанта весьма близки другъ къ другу и взаимно себя дополняютъ. Мы приводимъ текстъ этого мѣстнаго кіевскаго сказанія, исправленный посредствомъ сличенія обѣихъ рукописей.

„О церкви соборной мурованой, иже есть въ Кіевѣ, на Подолѣ, якъ поправлена на старомъ фундаментѣ“.

„З первого початку старого нигдѣ у кройникахъ (лѣтописяхъ) не обрѣтохомъ, токмо сей антиминсъ на томъ-же престолѣ

старомъ, сице подписаный: „осветися олтарь великого Бога и Спаса нашего Іісуса Христа, пресвятыя Богородицы честного Ея Успенія преосвященнымъ архіепископомъ и митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси Мисаиломъ при великомъ короли Казимери, и положонъ бысть здѣ, въ лѣто 6982 (1474) индикта 7, марта 30 дня, на паметь преподобного отца нашего Іоанна Лѣствинника.“ Из обычного всемогущего милосердія Спасителя нашего Бога, найпаче-же нынѣ, за нашихъ родовъ (sic) посети насъ благостію своею, аще и мало что отъ нашихъ исправленій, но помощь и молитвы святыхъ древнихъ богоносныхъ отецъ о насъ дѣйствоваша ко Богу и наше прошеніе не бысть тощно.—

За фортунного (счастливаго) панованя найяснейшого господаря и великого короля нашего Жигимонта, а за держанія воеводства кіевского велможного его милости пана Станислава Жолковскаго, а во отступленіи митрополитовъ кіевскихъ вдовствующи митрополіи кіевской, понеже они въ то время вси уклонишася во купе ку западу; мы-же оныхъ мерзость возненавидѣвше, наслажаемся пророческихъ словесъ, глаголющихъ: „отъ Сіона изыде законъ и слово Господне из Іерусалима, а не з Рима.“ Въ тоже время во освещенныхъ кѵръ патріарха констентенопольского Тимофея, а здѣ, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ всихъ обще живущихъ православныхъ христіанъ, сыновъ святыя восточныя церкви, присныхъ во вѣрѣ, найпаче пана войта, Деонисія Балыки, а по немъ наставшего войта пана Феодора Ходыки, а за бурмистра пана Созона, сына того-жъ войта Балыки, року 1613, месеца априля 15 дня, на паметь стятыхъ апостолъ: Трофима, Пуда, Аристарха, за привиліемъ найяснейшого господаря нашого, великого короля Жигимонта, а за благословенемъ вышмененого патріарха Тимофея, почали изъ фундаменту поправляти церковь святой Пречистое Успеніе соборную, стоячую в рынку мѣстѣ Кіевскомъ, внутри и з надворя, бо опала и ошарпалася была велми и розвалялася: верху всего не было; старый муръ по верхніе окна весь верхъ збивали и знову муровали; самую баню (куполъ) и тые 4 бани около—знову робили, бо прежде тыхъ малыхъ бань не было, толко было дощкамы покрыто. А поправлялъ тую церковь майстеръ з Влохъ (Италіи) Савостіанъ Брачу. Почали месеца мая 13 дня на Вознесеніе Господне: выношено все изъ церкви и вси обряды церковные; почали изъ середины робити з исподу и заробили болшую баню месеца сентебря 4 дня, на паметь святого мученика Вавилы. Тогожъ месеца 28 дня во второкъ поставили

крестъ на церкви, тойжъ таки, што и прежде былъ, але позлотили знову. Месеца октоврія 1 дня домуровали и остатней бани на рогу отъ Урмянское церкви. Тогожъ року декабря 5 дня, на память преподобного отца Саввы, почали служить всенощное и службу Божую и служили презъ всю зиму, же не лзѣ было зимою робить майстрамъ аж до недѣли Мироносицъ. И опять вси образы были выношены до Воскресенія Христова з церкви. И през тое лѣто робили и доробили за помочю Божиею месеца августа 14 дня, образы постановили и почали служити, аж и до днесь.

Обретохомъ въ кройнице, ижъ первей того сія Божественная церковь была изнищона и ободрона и все побрано: сребро, и злото, кресты, иконы полуплены и все попалено отъ поганого царя перекопского Менди-Гирия и отъ нечестивыхъ его агарянъ.

А былъ приставомъ и дозорцею до той роботы панъ Созонъ Балыка, упрошоный отъ всего мѣста.

Да не возмни нихто сихъ словъ ложно, но вѣруй, истинна бо есть все; и азъ недостойный во іереехъ—Кирило Ивановичъ, на тотъ часъ будучи мнѣ уставникомъ при той церкви, огледахъ все очима своими и написахъ достовѣрно.

А сама церковь ввышки отъ земли до самого верху болшей бани—30 локотъ и 3 локти и чтверть локтя.

А въ то время въ томъ-же богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ быша служители святыхъ церквей, священницы: Василей матеребозскій, Мина притискій, Іоаннъ воскресенскій, Никита спаскій, Климентей набережскій, Матвей доброникольскій, Михайло борисоглѣбскій, Климентей рождественскій и діяконъ Деміянъ. А вси тые вышейменненые священницы каждый недѣлю свою служили въ той церкви соборной святой Пречистое, за господаря короля Бога просили и за пана воеводу кіевского, и за ктиторовъ, и за всихъ православныхъ христіанъ; а оны за тое отъ господаря короля и отъ пана воеводы кіевского и отъ всихъ намѣстниковъ его тымъ были пожалованы тогда и в потомные часы, жебы отъ мятежныхъ и бурливыхъ на церковь Божю геретиковъ во вшелякомъ покою зоставали и мешкали и отъ вшелякихъ подачокъ, и наѣздовъ, и станцѣй (постоя) околичныхъ, и войскъ, и отъ самого пана воеводы, жебы были волны".

ПРАВОСЛАВНЫЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО УНІАТСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(*Къ исторіи сатановскаго монастыря подольской епархіи*).

Въ проскуровскомъ уѣздѣ подольской губерніи, на берегу рѣки Збруча, отдѣляющей русское Подоліе отъ австрійскаго, расположено мѣстечко Сатановъ. Въ двухъ верстахъ къ югу отъ мѣстечка находится древній свято-троицкій православный монастырь, называемый, по имени мѣстечка, сатановскимъ. Ни время его основанія, ни первоначальная исторія намъ неизвѣстны. Мы знаемъ только, что онъ существовалъ, уже въ 1600 году, затѣмъ въ 1707 имъ завладѣли уніаты и только послѣ 1793 года онъ былъ возвращенъ въ православіе. Такихъ монастырей и церквей, которые получили свое начало во времена повсемѣстнаго въ южной Руси господства православія, переведены были въ унію, пережили ея мятежную судьбу и потомъ снова возвратились въ нѣдра православія,—найдется не мало на обширномъ пространствѣ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края Россіи, даже Холмщины и Подлясья; одинъ лишь яблочинскій монастырь, лежащій въ послѣднемъ, никогда не былъ въ уніи. Извѣстна каменная церковь св. Николая въ Замостьѣ, издревле православная, потомъ бывшая церковью уніатскаго базиліанскаго монастыря и мѣстомъ засѣданій памятнаго въ лѣтописяхъ уніи замостскаго собора 1720 г., а съ 1875 г. ставшая опять православною. Были даже деревянныя церкви, срубленныя еще до уніи, т. е. 1596 г., и пережившія всѣ бури уніи до послѣдняго времени. Одна изъ такихъ церквей находилась еще въ 1865 г. въ с. Бабицахъ, люблинской губерніи, съ 1847 г. ставшая вновь православною, другая тамъ-же въ м. Тарногродѣ, остававшаяся въ 1865 и послѣдующіе годы въ уніи. Обѣ замѣнены потомъ каменными, послѣдняя не доживъ до православія лишь нѣсколькихъ лѣтъ.

Наши православныя обители рѣдко ведутъ свои лѣтописи. Ихъ записи и архивы однообразны и скучны, какъ и самая ихъ жизнь, въ большей части строго подвижническая, иногда очень простая и грубая съ такими-же пороками. Обители уніатскія, постепенно устроившія свой бытъ по образцу польскихъ кляшторовъ, входили въ большее соприкосновеніе съ міромъ; ихъ представители усваивали пріемы лучшаго обращенія, пробирались въ панскіе дома, собирали вообще обильную жатву и жили съ большимъ удобствомъ и большею свободою, чѣмъ православные

ихъ собраты. Въ обителяхъ уніатскихъ водка замѣнялась венгерскимъ, рыба мясомъ; иноки уніатскіе держали постъ по очереди—одинъ за всѣхъ, изощряя вкусъ свой въ венгерскомъ, точали басни въ родѣ той, какъ волкъ былъ обреченъ судомъ обиженныхъ имъ крестьянъ на монашескую пищу,—ѣсть лишь то, что въ водѣ, и какъ потомъ, вытащивъ свинью изъ болота и попавъ на тотъ-же судъ, оправдывался въ такихъ выраженіяхъ: „przepraszam, panowie, nigdy nie byłem zakonnikiem, nie wiedziałem, co to jest ryba"…. (т. е. извините, господа; никогда я не былъ монахомъ и не зналъ, что такое рыба); измышляли огромныя рюмки безъ подставокъ съ оригинальными надписями: dogodząc ludzie odjęli mi nogę; więc ja lepiej im dogodzę, gdy odbiorę u nich obie" (т. е. угождая мнѣ люди, лишили меня ноги; но я имъ лучше угожу, отобравъ у нихъ обѣ), вообще-же жили весело и игриво. Но и ихъ жизнь омрачаема была суровыми карами, способными напомнить сажаніе на колоду и „чепь" и нещадный бой ремнями и плетьми въ обителяхъ православныхъ. Таковы сатанинскія кляузуры сатановскаго монастыря.

Эти немногія свѣдѣнія мы сочли нужнымъ предпослать исторіи сатановскаго монастыря, которая извѣстна только за время пребыванія его въ уніи. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ уніатскихъ игуменовъ, управлявшихъ сатановскимъ монастыремъ, Модестъ Сильницкій, въ 1770 году возъимѣлъ мысль вести монастырскую лѣтопись; для этого онъ собралъ всѣ преданія какъ среди братіи, такъ и у окрестныхъ старожиловъ о предшествовавшей судьбѣ монастыря и записалъ ихъ въ книгу въ видѣ введенія; затѣмъ какъ онъ самъ, такъ и его преемники вносили въ эту книгу по годамъ всѣ событія, относившіяся какъ къ жизни монастыря, такъ и къ судьбѣ ближайшей области. Лѣтопись продолжалась до 1793 года, на которомъ и прекращается. Такимъ образомъ уцѣлѣли свѣдѣнія объ исторіи сатановской обители почти за цѣлое XVIII столѣтіе. Въ настоящее время лѣтопись эта хранится въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ (№ 2106); это небольшая книга in folio въ 56 листовъ сѣрой бумаги, писанная по польски нѣсколькими почерками конца XVIII вѣка и носящая слѣдующее заглавіе: „книга исторіи сатановскаго монастыря, ордена св. Василія, русской провинціи—сооружена 5 іюня, 1770 года" [1]).

1) Xięga historji monasteru Satanowskiego, Z. S. Bazylego w prowincji Ruskiej—roku 1770, die 5 miesiąca Czerwca sporządzona.

Между листами лѣтописи въ книгу вставлены циркуляры провинціаловъ базиліанскаго ордена, рукописныя ихъ письма и распоряженія, а также копіи монастырскихъ документовъ; вставки эти составляютъ 17 листовъ, такъ, что только остальные 39 заняты собственно лѣтописью. Мы передадимъ вкратцѣ ея содержаніе, такъ какъ сообщаемыя ею извѣстія, помимо мѣстнаго интереса, представляютъ бытовыя черты для характеристики отношеній, существовавшихъ въ краѣ въ прошломъ столѣтіи.

Въ 1770 году монахи помнили, что старая церковь, деревянная, находилась у подножія горы, на которой стоитъ нынѣшняя каменная церковь; она была разрушена только въ 1744 году за ветхостью; на куполѣ ея былъ вырѣзанъ „1600 рокъ". Отъ старой церкви остались лишь прилегавшія къ ней, высѣченныя въ скалѣ пещеры. Во время турецкаго господства въ Подоліи (1672—1699) монастырь не переставалъ существовать и къ этому времени относится первое уцѣлѣвшее въ памяти монаховъ имя игумена—это былъ Исаія Рудыка, скончавшійся въ 1701 году; семьдесятъ лѣтъ спустя монахи указывали еще въ монастырскомъ саду посаженную имъ яблоню. Преемникомъ его былъ Сильвестръ, утонувшій въ рѣкѣ Збручѣ, о чемъ еще въ 1770 году свидѣтельствовала надпись на каменномъ крестѣ, стоявшемъ на его могилѣ на монастырскомъ огородѣ. Послѣ смерти Сильвестра уніаты завладѣли монастыремъ и первымъ уніатскимъ игуменомъ былъ Варѳоломей Холодискій, сынъ приходскаго священника сатановскаго предмѣстія: „*святопокровскіе фольварки*". Во время одного изъ татарскихъ набѣговъ, отецъ Варѳоломея былъ обезглавленъ татарами въ церкви, во время отправленія литургіи; это обстоятельство потрясло сына и заставило его поступить въ монахи. Въ игуменство Холодискаго сатановскій монастырь посѣтилъ Петръ Великій. Возвращаясь изъ прутскаго похода, онъ гостилъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ сатановскомъ замкѣ у его владѣльца, великаго короннаго гетмана, Адама Сенявскаго. При посѣщеніи монастыря, царя встрѣтилъ весьма краснорѣчивою рѣчью іеромонахъ Іосифъ Чижевскій. Рѣчь его была прервана довольно страннымъ образомъ; къ оратору подкрался царскій шутъ, и обрѣзалъ ему бороду. Петръ babприкнулъ на шута и приказалъ вознаградить іеромонаха за обиду. Пострадавшій Чижевскій считался въ то время лучшимъ проповѣдникомъ базиліанскаго ордена; благодаря своему краснорѣчію, онъ имѣлъ большое вліяніе на гетмана Сенявскаго, у котораго

выхлопоталъ въ пользу сатановскаго монастыря дарственную запись на садъ, огородъ, 180 дней поля и 100 дней сѣнокоса (всего до 200 десятинъ), а также на право пользованія владѣльческимъ лѣсомъ.

Затѣмъ лѣтопись сообщаетъ, почти безъ всякихъ подробностей имена четырехъ игуменовъ: Леонтія Ординскаго родомъ изъ Гусятина, Моисея Стопчанскаго, служившаго долго въ чинѣ поручика въ панцырной хоругви Сенявскаго, на старости лѣтъ постригшагося въ монахи и внесшаго значительные вклады въ монастырскую кассу, Добржанскаго, изъ дворянъ теребовельской земли и Діонисія Вишньовскаго. Съ 1732 по 1762 годъ игуменомъ сатановскаго монастыря былъ Варлаамъ Савицкій, человѣкъ весьма дѣятельный и энергическій; на собранныя имъ пожертвованія построена была новая (понынѣ существующая) каменная церковь, оконченная въ 1744 году, затѣмъ выстроено новое каменное двухэтажное зданіе для монастыря, пріобрѣтено много церковной утвари, ризъ и т. д. Послѣ перехода Савицкаго игуменомъ въ первоклассный унеевскій монастырь, въ Сатановѣ былъ игуменомъ (1762—1765) Бонифатій Рыхловскій, но въ 1765 г. Савицкій уступилъ ему свое мѣсто въ Унеевѣ, а самъ возвратился въ Сатановъ, гдѣ и скончался въ 1766 году; погребенъ въ церкви у праваго клироса. Преемникомъ его былъ составитель лѣтописи Модестъ Сильницкій (1766—1771), успѣвшій впрочемъ записать за время своего игуменства только два болѣе крупныя событія: пожертвованіе въ пользу монастыря суммы въ 30,000 злотыхъ извѣстнымъ каневскимъ старостою, Николаемъ Потоцкимъ, и извѣстіе о чумѣ, свирѣпствовавшей въ Подоліи въ 1770 году. Зараза посѣтила и монастырь, въ которомъ жертвами ея пали 6 монаховъ и до 150 монастырскихъ крестьянъ. Послѣ перехода Сильницкаго въ Каменецъ, игуменомъ въ Сатановѣ былъ (1771—1772 г.) Анатолій Водлинскій; онъ очень подробно вносилъ въ лѣтопись описанія церковныхъ церемоній, циркуляры и распоряженія орденскаго базиліанскаго начальства, свѣдѣнія о пожертвованіяхъ, о посѣщеніяхъ монастыря знатными панами, о своихъ спорахъ съ управителями сатановскаго имѣнія и т. д.; но среди этихъ мелкихъ извѣстій мы не встрѣтили ничего особенно интереснаго. Преемникъ его Константинъ Улашевичъ (1772—1775) почти не оставилъ слѣда въ лѣтописи; послѣ его перехода игуменомъ въ люблинскій уніатскій монастырь, въ Сатановѣ сталъ игуменомъ Левъ Заславскій (1775—1777). При этомъ игуменѣ въ лѣтописи записанъ очень ха-

рактерный фактъ: на провинціальномъ съѣздѣ представителей базиліанскаго ордена рѣшено было избрать сатановскій монастырь мѣстомъ для вѣчнаго заточенія монаховъ, приговоренныхъ судомъ ордена къ погребенію за-живо; игуменъ внесъ въ лѣтопись копію присланной ему по этому поводу провинціаломъ инструкціи. Онъ долженъ былъ приготовить келью опредѣленныхъ размѣровъ въ концѣ монастырскаго корридора: устройство келіи, размѣры окна и желѣзной въ немъ решетки, устройство отхожаго отверстія въ стѣнѣ, составъ постели, одежды, бѣлья и пищи узниковъ опредѣлены въ ней съ кропотливою точностью. Вскорѣ оказалось, что келія была заказана не даромъ: въ 1775 году въ Сатановъ присланъ былъ, убѣжавшій изъ одного изъ уніатскихъ монастырей, іеромонахъ Филимонъ Витошинскій, впослѣдствіи арестованный и, по опредѣленію властей ордена, приговоренный къ пожизненному тюремному заключенію. 12 октября онъ былъ введенъ въ келію и, съ соблюденіемъ всѣхъ предписаній инструкціи, заживо похороненъ. Препровождая его въ келію, совершали погребальное богослуженіе и отпѣвали, какъ покойника; призванные игуменомъ каменьщики задѣлали двери кирпичною кладкою, оставивъ лишь маленькое отверстіе, черезъ которое узникъ долженъ былъ получать пищу и въ опредѣленные сроки исповѣдываться и причащаться. Изъ приложенной къ лѣтописи копіи приговора не видно, за какія проступки наказанъ былъ Витошинскій; въ приговорѣ указана только его самовольная отлучка изъ монастыря и прибавлена общая фраза о томъ, что вообще поведеніе его неисправимо („super incorrigibilitate vitae“). Послѣ акта погребенія, въ теченіи 18-ти лѣтъ лѣтопись умалчиваетъ о немъ совершенно; такъ какъ не внесено въ нее извѣстія ни о его смерти, ни о помилованіи, то можно предположить, что онъ дожилъ до 1793 года и, въ такомъ случаѣ, вѣроятно былъ освобожденъ при переходѣ края подъ власть русскаго правительства. Преемникомъ Заславскаго былъ игуменъ Амвросій Гнатовичъ (1777—1785), оставившій самыя подробныя замѣтки въ лѣтописи. Изъ помѣченныхъ имъ фактовъ болѣе интересны слѣдующіе: 1778 года произведенъ первый рекрутскій наборъ въ Галиціи (съ 1772 г. она присоединена была къ Австріи); въ томъ-же году 4 іюня громъ разрушилъ куполъ монастырской церкви; 1779 года сооружена серебрянная риза на образъ. Въ 1780 отлитъ новый колоколъ 38½ пудъ вѣсомъ; отливалъ его „мастеръ, людвисаръ (литейщикъ) въ Черномъ Островѣ, Василій Островскій“. Въ сентябрѣ того-же года саранча налетѣла

изъ-за Днѣстра и зарылась въ землю въ Подоліи. Въ октябрѣ появилась въ Волочискахъ чума, завезенная туда изъ Балты. Весною 1781 года саранча развилась, ее стали очень усиленно уничтожать, но новыя массы ея пришли изъ-за Днѣстра и покрыли поля слоемъ „толщиною въ полъ колѣна". Она улетѣла на западъ, но въ августѣ возвратилась и вновь зарылась въ землю. Въ томъ-же году польскій король Станиславъ выѣзжалъ въ Вишневецъ на Волыни на встрѣчу наслѣднику русскаго престола, великому князю Павлу Петровичу, проѣзжавшему въ Вѣну. Въ 1782 г. въ Австріи закрыты были женскіе монастыри. Записано наконецъ, что Іосифъ II посѣтилъ Галицію, проѣхалъ на границу въ Жванецъ и оттуда осматривалъ мѣстоположеніе и укрѣпленія Хотина.

Подъ 1782 годомъ помѣщена интересная замѣтка о смерти каневскаго старосты: это тотъ извѣстный Николай Потоцкій, староста каневскій, который такъ прославился неукротимымъ самодурствомъ, жестокостью и развратомъ. Многочисленныя разсказы о подвигахъ „пана каневского", какъ называетъ его народъ, остались по нынѣ въ памяти всѣхъ сословій югозападнаго края, особенно въ Каневѣ и его окрестностяхъ. Староста каневскій поочередно то затворялся въ одинъ изъ уніатскихъ монастырей, гдѣ предавался особаго рода богомолію, соединяя аскетизмъ, кощунство и развратъ, то переселялся въ каневскій замокъ, и, окружившись слугами шляхтичами и надворными козаками, проводилъ время въ оргіяхъ, среди которыхъ стрѣлялъ въ цѣль въ людей, топталъ народъ лошадью, душилъ евреевъ, укладывая ихъ въ видѣ сноповъ на возы и придавливая до смерти „рублемъ" (шестомъ) и т. д. Одно изъ любимыхъ развлеченій его состояло въ томъ, что онъ приказывалъ похищать дѣвушекъ, вечеромъ вѣнчался на нихъ, а на другой день приказывалъ бросать ихъ въ рѣку, зашивъ въ кожаный мѣшокъ. Одинъ изъ такихъ подвиговъ послужилъ основою для прекрасной народной пѣсни: „Бондаривна". Въ старости панъ каневскій сталъ помышлять о будущей жизни и щедростью въ пользу монастырей католическихъ и особенно базиліанскихъ старался искупить грѣхи своей жизни. Упомянутая замѣтка характеризуетъ отношеніе къ нему облагодѣтельствованнаго имъ уніатскаго духовенства. Вотъ его текстъ: „скончался ясневельможный Николай Потоцкій, воеводичь белзскій, кавалеръ мальтанскаго ордена, вельможа, отличавшійся неимовѣрною щедростью въ пользу монастырей, особенно нашихъ (т. е. уніатскихъ), находящихся въ Польшѣ. Отъ

его щедротъ и нашъ сатановскій монастырь получилъ значительную поддержку—капиталъ въ 30,000 злотыхъ. Вельможа этотъ, проживъ 76 лѣтъ, переселился въ вѣчность 13 дня апрѣля въ Почаевѣ, гдѣ онъ былъ неимовѣрно щедрымъ ктиторомъ и основателемъ монастыря. Всѣ ордена и монастыри, особенно-же наши, неимовѣрно о немъ сожалѣютъ и за его многочисленныя благодѣянія обязаны вѣчной благодарностью и должны неусыпно молиться о душѣ его. Погребенъ онъ въ Почаевѣ съ должнымъ благолѣпіемъ при стеченіи многочисленныхъ духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ двухъ епископовъ, украсившихъ своимъ присутствіемъ погребальную церемонію: луцкаго уніатскаго епископа е. м. Стецкаго, и латинскаго викарнаго епископа Качковскаго. Надгробныя рѣчи говорили священники: Порфирій Скарбекъ-Важинскій, бывшій генералъ базиліанскаго ордена, нынѣ архимандритъ жидичинскій и Іосафатъ Охоцкій, нареченный архимандритъ овручскій. Въ нашемъ монастырѣ, помимо поминальнаго богослуженія, обязательнаго какъ за ктитора, отправленъ былъ парастасъ и соборное служеніе всею братіею. Колокола неумолкаемо звенѣли въ теченіи цѣлой недѣли".

Послѣ перевода Гнатовича игуменомъ въ Мильчъ, въ Сатановѣ должность игумена занялъ Ипатій Кухальскій (1785—1788). Многочисленныя зависи, внесенныя имъ въ лѣтопись, посвящены почти исключительно подробностямъ его спора съ управляющимъ сатановскимъ имѣніемъ, только подъ 1786 годомъ помѣчена кончина генерала базиліанскаго ордена, Іосифа Моргульца, а подъ 1788 свѣдѣніе о взятіи Хотина русскими и австрійскими войсками. Въ заключеніе Кухальскій помѣстилъ польское двустишіе и латинскій къ нему комментарій слѣдующаго содержанія:

Dzban gdy wypił wieczorem, rano bolał Janek;
Wolałby sto wieczorów niźli jeden ranek.
Mihi hoc applicui P. Hypatius Kuchalski

(Ваня, выпивъ вечеромъ кувшинъ, утро проболѣлъ!
Предпочелъ-бы онъ сто вечеровъ утру одному.
Это я примѣняю къ себѣ—Ипатій Кухальскій).

Преемникомъ этого веселаго игумена былъ Онуфрій Тучанскій (1788—1793). При немъ, подъ 1793 годомъ, записано, что 4 апрѣля русскій капитанъ Ильинъ пріѣзжалъ въ монастырь приводить монаховъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ Екатеринѣ II,

а 16 іюня того-же года назначенъ былъ въ Сатановскій монастырь новый игуменъ Бенедиктъ Орачевскій. На етомъ извѣстіи и прекращается монастырская лѣтопись. **В. А.**

КОМПАНЕЙСКІЯ ИГОЛКИ.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщаемъ любопытный универсалъ, объявляющій полкамъ малороссійскимъ, что, въ силу Высочайшаго указа, монопольное право продажи иголокъ въ Малороссіи, подобно какъ и въ другихъ областяхъ государства, пожаловано товариществу рязанскихъ купцовъ: Томилина и Рюмина. Документъ выписанъ изъ подлинной книги генеральной войсковой канцеляріи за 1722 годъ;— сообщаемъ текстъ его съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

„Пану полковникови N, старшинѣ его полковой, сотникомъ и всѣмъ градскимъ и селскимъ урядникамъ, и кому-бы колвекъ вѣдати надлежало, симъ универсаломъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ принесена до насъ Монаршая, всепресвѣтлѣйшого Императорского Величества грамота з государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи, на имя еще покойного ясневельможного его милости пана гетмана Скоропадского писанная, з тимъ обявленіемъ, что Его Императорское Величество указалъ компанѣйщикамъ: Сидору Томилину и Панкрату Рюмину въ россійскомъ своемъ государствѣ, въ уѣздѣ рязанскомъ, или гдѣ похотятъ, розмножити иголний заводъ и оніе игли во всей Его Величества державѣ продавати одни; а другихъ з заграницы и з инших порубѣжныхъ мѣстъ отнюдъ не вивозити под запрещеніемъ взятя тихъ иголъ в казну и зверхъ того наложеніемъ великого штрафа. А поневаж помянутий компанѣйщикъ, Сидоръ Томилинъ, в государственную бергъ-коллегію подавалъ таковое доношеніе, что хоча именнимъ Его Императорского Величества указомъ запрещено игли з иностранныхъ государствъ привозити, однакъ многіе тотъ Императорскій Его Величества указъ презрѣвши, з Гданска и з Шлёнска [1]) и з протчіихъ порубѣжныхъ мѣстъ в Россію и через малороссійскіе города отъ Азова в черкаский городъ игли тайно привозять и въ продажу потребляют, от чего ихъ, компанѣйщиковъ, россійского дѣла игламъ продажи нѣтъ, и черезъ тое

---

[1]) Изъ Данцига и изъ Силезіи.

имъ немалая ест остановка и убитокъ, того ради Его Императорское Величество, яко повелѣлъ везде в государствѣ своемъ, и до насъ в Малую Россію одправити Монаршіе свои указы, чтобы такихъ иголъ разных чиновъ люде з зарубѣжа не привозили, но всеконечно покупали-бы оные россійского дѣла, в вѣдомѣ предречоныхъ компанѣйщиковъ будучого. Такъ мы, на мѣстцу гетманскомъ правленіемъ всяких россійских дѣлъ нынѣ вѣдаючые, довлетворачи тому премощнѣйшому Его Императорского Величества указовѣ, и по оному во всѣ полки надлежащіе наши унѣверсали одправивши, предлагаемъ симъ-же универсаломъ и в полкъ N. И вишеизображеннымъ монаршимъ указомъ всякимъ торговимъ и гандлями бавлячимъся людемъ, якіе в томъ полку N суть: з заграницъ иголъ от сего времени вивозити весма запрѣщаемъ, а вмѣсто оныхъ в Малую Россію ввозити-бъ и продавати игли россійского дѣла, которые дѣлаются на заводах више обявленыхъ компанѣйщиковъ. А хто з нихъ, торговниковъ, до сего настоящого указу вывозние з граници имѣетъ у себе игли, тимъ на спродане оныхъ даетъся сроку, в той-же Монаршой грамотѣ означонного, на полгода; ежели-жъ и в полгода будутъ неспроданы, то послѣ того сроку оніе игли торговимъ малороссійскихъ городовъ промишленникамъ вивезти за границу или тыхъ-же заводовъ компанѣйщикамъ: Томилину и Рюмину продати; самимъ засъ имъ, по вийстю полрочного сроку, отнюд уже чужосторонними иглами не торговать под штрафомъ. А если хто по нынѣшнему явиться впред в преступленіи, таковый всякъ, узнавши якую за тое себѣ непомислност и страту, не отговоруваъся невидѣніемъ оного указу; чого ради, абы панъ полковникъ N зараз в полку своемъ сей универсалъ наш везде опублѣковалъ и о собитыи выраженного в нем Монаршого Его Императорского Величества указу тщательное имѣлъ и подкомендной своей старшинѣ приказалъ имѣти должное прилѣжаніе, пилно жадаемъ. Данъ в Глуховѣ з войсковой енералной канцеляріи, августа 15 дня, року 1722.

Звышь менованный полковникъ и наказній гетманъ (Павелъ Полуботокъ) рукою власною (М. П.).

Войсковий енералний писар Семенъ Савичъ.

Василій Жураковский, асаулъ енералный“.

„ПОКРЫТКА".

Это имя въ нашемъ народѣ носитъ женщина, утратившая свою дѣвичью честь и которой вслѣдствіе того покрываютъ голову платкомъ, какъ и прочимъ замужнимъ женщинамъ. Не какъ о лицѣ хотимъ мы сказать здѣсь о „покрыткѣ", но какъ объ обычаѣ народномъ, который связанъ съ этимъ именемъ,—обычаѣ мудромъ, благодѣтельномъ, прежде повсемѣстномъ, теперь утрачивающемъ свою силу, отживающемъ свой вѣкъ, подъ вліяніемъ новыхъ измѣненій въ жизни народной.

„Покрытка", *„скрытка"*, *„накрытка"*—одинъ изъ обыкновенныхъ бытовыхъ терминовъ въ южнорусскомъ народѣ и ни въ комъ онъ не вызываетъ особаго осужденія или презрѣнія. Это не значитъ, что бы и самое явленіе, имъ обозначаемое, было обыкновенно и такъ сказать заурядно. Относительное цѣломудріе малороссіанокъ, строгость народныхъ воззрѣній на святость брачнаго союза и преступность всякихъ иныхъ отношеній двухъ половъ—слишкомъ извѣстны, чтобы объ нихъ говорить; но жизнь мирится съ случаями вольнаго и невольнаго увлеченія, беретъ виновныхъ, падшихъ, несчастныхъ подъ свою опеку и только отмѣчаетъ ихъ особымъ способомъ—„скрываньемъ" или „покрываньемъ", дабы отвратить другихъ отъ такого-же увлеченія, а самихъ виновныхъ отъ болѣе тяжкой вины и ея ужасающихъ послѣдствій.

Обычай, о которомъ говоримъ, требуетъ покрытія платкомъ головы той „дівчины", которая имѣла несчастье „прошкодить", „прогрішить", т. е. лишиться невинности. Это прежде всего знакъ того, что виновная въ потерѣ дѣвичьей чести недостойна носить названія дѣвушки и должна примкнуть къ разряду замужнихъ женщинъ, но подъ особымъ именемъ „покрытки". Коса—честь, краса дѣвушки, по народному воззрѣнію; и по Апостолу *„власы жены—слава ей"* [1]). И вотъ эта честь, краса и слава *„скрывается"*, по винѣ прогрѣшившей. Самый обрядъ „скрыванья" совершается скоро и просто. Въ селѣ не то, что въ городѣ: тутъ жизнь каждой и каждаго открыты для всѣхъ и каждый шагъ ихъ извѣстенъ. Когда станетъ извѣстнымъ, что какая-либо дѣвушка утра-

---

[1]) 1-е Корин., гл. II, ст. 15.

тила свою честь, двѣ или болѣе степенныя (пожилыя) женщины приходятъ къ ней и, объявивъ ей ея вину, тутъ-же „скрываютъ" ее, т. е. повязываютъ голову по замужнему [1]). Сила нравственнаго чувства и закона такъ велика, такъ глубоко пустила корни въ народѣ, что подъ вліяніемъ ихъ виновныя въ потерѣ своей невинности иногда сами спѣшатъ себя покрыть, прежде, чѣмъ исполнятъ это другіе. „Якъ прошкодила я", объясняла одна изъ такихъ своей подругѣ,—„сама себе покрыла".

Обычай этотъ оглашаетъ новое воздѣйствіе жизни и въ этомъ-то оглашеніи вся мудрая сила его къ предупрежденію дальнѣйшихъ послѣдстій преступленія.

Дѣвушка, или, по совершеніи обряда, „покрытка" не выдѣляется изъ семьи, или дома, гдѣ до того находилась; она продолжаетъ свою обычную жизнь и только называется покрыткою. Надъ ней посмѣются, ее при случаѣ попрекнутъ, не выйдетъ она на „улыцю", не пойдетъ на „вечерници", сама съ собой потужитъ, помучится стыдомъ и угрызеніями совѣсти и терпѣливо будетъ ждать того, что должно послѣдовать неизбѣжно. Ничто уже не предрасположитъ ее къ мысли о сокрытіи плода, а тѣмъ болѣе дѣтоубійствѣ. И то и другое становится для нея безцѣльнымъ, да и не можетъ она посягнуть на подобный рискъ;—за нею всѣ слѣдятъ, она оглашена въ своемъ поступкѣ, объ немъ предъувѣдомлено все село, какъ о совершившемся фактѣ. Ея пригнетенное положеніе заранѣе предрасполагаетъ въ ея пользу, привлекаетъ къ ней состраданіе, участіе. Стыдъ и нравственное угнетеніе не настигаютъ ее внезапно *въ моментъ родовъ,* — доводя до преступленія, но гораздо раньше, не въ такихъ тяжкихъ условіяхъ, потому сами собою притупляются, или смягчаются участіемъ—готовымъ ко времени родовъ. И второе слѣд. обстоятельство, вызывающее на преступленіе,—*безпомощность* также преграждается. Не то въ другихъ народностяхъ: подъ угнетающимъ давленіемъ беременности какъ часто видимъ гибель двухъ существъ, выкидыши и смерть роженицы! Благоговѣемъ предъ симъ мудрымъ обычаемъ! Благоговѣютъ предъ нимъ

[1]) Въ предѣлахъ поселенія южнорусскаго народа есть мѣстности, гдѣ повязываютъ головы и замужнія и не замужнія женщины, но неодинаково: какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ повязка чалмою,—по турецки, но у дѣвушекъ средина головы, *макушка,* открыта и волоса видны; когда „скрываютъ дівчину", то завязываютъ голову „пидъ листокъ", т. е. макушку головы также покрываютъ.

и сами „прогрѣшившія“ и, какъ сказано уже, сами добровольно подчиняются иногда его силѣ и дѣйствію.

Невольно припоминается намъ при этомъ картина подобнаго жизненнаго явленія, начерченная украинскимъ пѣснотворцемъ Т. Г. Шевченкомъ въ его поэмѣ „Катерина“ также просто, какъ просто оно проходитъ въ народной жизни.

.... Не счулася, та-й байдуже,
Катрусю накрыли!...

И потомъ

Не здужае Катерина,
Ледви, ледви дыше...
Вычуняла, та въ запичку
Дытыну колыше!...

(Кобз. стр. 26 и 27).

Обычай „скрыванья“, какъ и прочіе, съ поглощеніемъ живаго обычнаго права схоластикою, буквою суда, самъ собою падаетъ. Нельзя не пожалѣть о семъ. Чтобы понять мудрость и благодѣтельную силу этого обычая, надо присутствовать при судебно-медицинской криминалистикѣ. И теперь видится мнѣ торжественно-печальная нравственная исповѣдь одной провинившейся (себежскій уѣздъ, витсб. губ.), когда она повинялась во грѣхѣ и присутствующихъ при слѣдствіи молила: *„простите мене, добрі люди, простите“*, на всѣ четыре стороны кланяясь и у ногъ падая!

Ст. фонъ-Носъ.

ИЛІЯ ЧОВПИЛА, БѢСАМЪ ВЪ СЛУЖБУ ЗАПИСАВШІЙСЯ.

(Изъ области народныхъ суевѣрій).

Не знаемъ, уцѣлѣло-ли еще гдѣ-либо въ нашемъ народѣ древнее суевѣріе, считавшее возможнымъ войти въ ближайшее сношеніе съ нечистою силою и пріобрѣтать ея содѣйствіе цѣною записи во власть оной собственной души и тѣла. Нужда и безпомощность людская породили это дикое суевѣріе и держали его долго въ средѣ нашего, какъ и другихъ народовъ. Тамъ, гдѣ теперь и самый простой человѣкъ раскинетъ своимъ умомъ и поможетъ своей бѣдѣ, въ прежнее время не видѣли другаго средства, какъ записаться чорту съ душею и тѣломъ,—совершенный контрастъ *обѣтамъ* Богу и святымъ у людей вѣрующихъ.

Въ дѣтствѣ мы слышали, какъ неясное уже преданіе, разсказъ о фактѣ подобнаго суевѣрія. По этому преданію, желавшій пользоваться услугами сатаны, дѣлалъ себѣ надрѣзъ на мизинцѣ, своею кровію записывалъ на клочкѣ бумаги во власть его свою душу и тѣло или только душу, на срокъ или на всю вѣчность, выходилъ съ этой запиской на перекрестокъ или кладбище, призывалъ трижды имя бѣса и, бросая въ воздухъ записку, быстро уходилъ. Съ того момента, по повѣрью, все ему удавалось. что-бы онъ ни задумалъ.

Въ наше время фактъ подобнаго суевѣрія не привлекъ-бы вниманія даже урядника или иной сельской власти. Не то было лѣтъ сто назадъ или немного болѣе: о такихъ случаяхъ велась переписка, доходившая до высшихъ властей, виновные подвергались продолжительному суду и заключенію и тяжелымъ наказаніямъ. Извѣстны суровыя мѣры Петра I-го противъ чародѣйства, колдовства и вообще суевѣрій, даже вѣры въ ложныя чудеса,— простиравшіяся на лѣвобережную Украйну. Законодательство польское, дѣйствовавшее въ остальныхъ частяхъ южной Россіи, относилось къ такимъ явленіямъ народной жизни еще съ большею жестокостію: уличенные напр. въ колдовствѣ сожигались живьемъ и намъ извѣстны изъ архивныхъ дѣлъ два такіе случая изъ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Архивы лѣвобережные переполнены дѣлами о судившихся за суевѣрія. Вотъ отрывокъ изъ одного такого дѣла первой половины XVIII в.

„Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ святѣйшаго правительствующаго сvнода во обрѣтающуся въ Глуховѣ войсковую генеральную канцелярію.

По указу ея императорскаго величества святѣйшій правительствующій сvнодъ слушали доношенія преосвященнаго Рафаила, архіепископа кіевскаго о содержащемся въ полковомъ лубенскомъ секвестрѣ полковника лубенскаго Петра Апостола служителѣ Ильѣ Човпилѣ, записавшемся кровію своею князю бѣсовскому и всѣмъ бѣсомъ въ службу с душею и тѣломъ на тридесять лѣтъ, и пріобщенной с того его своеручнаго писма и произведеннаго ему въ полковомъ лубенскомъ судѣ о томъ допросу копіи, из коего допросу показуется, что онъ объономъ отвѣтствовалъ весма несправедливо. Приказали: онаго Илью Човпила из вышереченнаго полковаго суда, для надлежащаго в пополненіе с подобающимъ о показаніи самыя истинны увѣщаніемъ допроса, и по нему со всякимъ испытаніемъ изслѣдованія и учиненія, какъ святыхъ

ЗАПОРОЖСКОЕ РАСХИЩЕНІЕ.

(Двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли).

Извѣстно запорожское разсѣяніе, едва-ли извѣстно запорожское расхищеніе. Никто не можетъ назвать уничтоженіе Запорожья безвременнымъ: оно сослужило свою славную, вѣковую службу, но отжило свой вѣкъ, стало анахронизмомъ. Формы его быта не согласовались съ новымъ развитіемъ жизни, само оно утратило свой исключительный духъ; наступали событія, которыя самое существованіе его дѣлали излишнимъ. Оно должно было или измѣнить свой строй и бытъ, или быть уничтожено. Совершилось послѣднее, и нѣтъ въ томъ исторической ошибки или неправды. Иное дѣло судьба упраздненныхъ рыцарей и ихъ земель, упитанныхъ ихъ же кровію. Послѣдній сѣчевой атаманъ Калнишевскій попадаетъ въ Соловки и тамъ томится до глубокой старости, а Запорожье, какъ поется въ первой изъ помѣщаемыхъ пѣсенъ, плачется на него за свое разоренье и безсильное въ своей судьбѣ питаетъ надежду на короля Польши, также доживавшей послѣдніе годы свои. Разоренные въ своемъ гнѣздѣ сѣчевики разбрелись, куда могли и хотѣли — въ Украйну, Турцію и даже Австрію, а земли ихъ раздѣлили „паны сенатори, пребольшіи генерали", такъ что оставшіеся на мѣстѣ и вновь сформированные Потемкинымъ запорожцы, сослуживъ послѣднюю службу во вторую турецкую войну, не имѣли уже и клочка земли и съ немалымъ трудомъ выпросили себѣ пустынную и болотистую Тамань. На земли и не настолько свободныя, какъ бывшія запорожскія, всегда были охотники. Вкушеніе отъ казеннаго пирога, хищеніе не новость для насъ. Такъ было съ Бѣлоруссіею, такъ сталось и съ Запорожьемъ. Вскорѣ мы надѣемся представить болѣе обстоятельныя по этому предмету свѣдѣнія, а теперь приводимъ пѣсни, вѣрно воспроизводящія минувшую дѣйствительность.

I.

Та-же не світъ, та-же не світъ,
Та-же не світае,
Та хитрый москаль запорожську землю
А кругомъ объїзжае.

Та объіхавши запорожську землю,
Ставъ степъ межувати,
Ой ставъ городи, панськи слободи
По річкахъ сажати.

—

Ой обсадивши панськи слободи,
Та не буде владіти,
Ой очисте Кроль сюю Украину
А по саму линію.

—

Та летить крячокъ—по той бочокъ,
Та летячи кряче,
Та уже військо запорожське
На Калниша плаче.

II.

Ой з-підъ города Елисавета
Сизі орли вылітали,
Ой стали собиратись паны сенатори
Пребольшіи генерали.
Вони думали-гадали:
Ой якъ-бы намъ панамъ сенаторамъ
Запорожську землю взяти,
Ой якъ-бы намъ, ой якъ-бы намъ
Всі волости одибрати.
Ой якъ одибрали всі волости запорожськи
Зачали на планы ділиты.
Ой Січь мати, ой Січь мати,
Та въ Сiчи добре жити,
Ой тильки спати, спати та лежати
Та горілочку кружати. *)

Сообщ. **И. Манжура.**

---

*) Обѣ пѣсни записаны въ с. Богатой ново-москов. уѣзда, екатеринослав. губ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ПРИЛОЖЕНІЯ.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины" фототипный снимокъ съ старинной гравюры представляетъ намъ зданіе кіевской академіи и группу ея питомцевъ, — „спудеевъ", какъ они тогда назывались. На гравюрѣ не означены ни время, ни мѣсто ея изданія; но первое опредѣляется временемъ управленія академіею того лица, для котораго гравюра была предназначена и относится къ промежутку 1697—1702 г., а второе именемъ ея автора Иннокентія Щирскаго, лучшаго изъ кіевскихъ граверовъ XVII в., монаха ордена св. Василія В. [1]).

Эта драгоцѣнная въ археологическомъ отношеніи гравюра нѣсколько лѣтъ назадъ отыскана кіевскимъ каѳедральнымъ протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ на одной изъ старыхъ латинскихъ книгъ софійской библіотеки, которыхъ покоя, за ненадобностію ихъ, никто не тревожилъ, и въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ была фотографирована для любителей мѣстной старины; одинъ экземпляръ ея достался и церковно-археологическому музею при кіевской духовной академіи. Но фотографическій снимокъ не давалъ вполнѣ отчетливаго представленія обо всѣхъ деталяхъ гравюры; — потребовалось много усилій и осторожности, чтобы очистить гравюру отъ многолѣтнихъ наслоеній и получить ее въ настоящемъ ея видѣ.

Гравюра грубымъ способомъ была наклеена на толстой обложкѣ книги *in folio,* подъ заглавіемъ: *Arbor omnium opinionum moralium* (нѣчто въ родѣ нравственной философіи), составленной медіоланскимъ кармелитомъ XVII в. Кассіаномъ и посвященной тридентскому епископу Іосифу Виктору Альберти, а изданной въ Болоньѣ въ 1691 г. Появленіе на ней гравюры можно объяснять простою случайностью: кто-нибудь наклеилъ ее для лучшаго сбереженія; но можно допускать, что самъ Щирскій, поднося ректору тогдашней кіевской академіи, Петру Колачинскому, въ день его рожденія, указанное сочиненіе, имѣвшее вѣроятно, интересъ новости и авторитета въ наукѣ, приложилъ къ нему и гравированное имъ изображеніе академіи. Такъ думать остается, за неимѣніемъ какихъ-либо указаній на другое, самого-

---

[1]) Такъ назывались не одни уніатскіе, но и православные монахи XVII и XVIII ст:

ли Щирскаго, или инаго автора сочиненіе, къ которому эта гравюра была-бы приложена. Что гравюра изготовлена какъ подарокъ ко дню рожденія ректора, это прямо сказано въ подписи. Принадлежалъ-ли Щирскій къ составу академіи, неизвѣстно; но его близость къ ней и сочувствіе очевидны изъ всего содержанія гравюры и подписи на ней. Композиція гравюры довольно сложная и требуетъ нарочитаго разъясненія.

На первомъ планѣ въ гравюрѣ—группа студентовъ академіи, стоящихъ впереди новаго тогда, только что отстроеннаго Мазепою, зданія академическаго. Стоятъ они подъ знаменемъ, водруженнымъ на гербѣ ректора Колачинскаго, а знамя держитъ Паллада или Минерва—богиня мудрости. На обширномъ знамени, покрывающемъ собою академію, изображенія трехъ святыхъ, а вверху ихъ эмблемы отличающихъ каждаго изъ нихъ добродѣтелей и вмѣстѣ главныхъ христіанскихъ добродѣтелей. По срединѣ апостолъ Петръ, патронъ славнаго митрополита Петра Могилы, основателя академіи, съ лѣвой стороны преподобный Прокопій Декаполитъ, съ правой св. мученикъ Прокопій, — соименники и патроны тогдашняго ректора академіи Прокопія Колачинскаго. Надъ первымъ вѣнокъ съ видомъ скалы, обуреваемой волнами, и подписью: *non praevalebunt, не одолѣютъ*, — символъ вѣры, твердой, какъ каменная скала; надъ вторымъ—въ вѣнкѣ якорь, символъ надежды или упованія, съ надписью: *non movebor, не двинусь;* надъ третьимъ опять вѣнокъ, а въ срединѣ его пламя и простирающій къ нему руки человѣкъ, — эмблема всесогрѣвающей любви, съ надписью: *accedunt, dum extingvunt, приступаютъ пока не потушатъ.* Вверху знамени, Тройца святая, источникъ названныхъ добродѣтелей; внизу его двѣ надписи, указывающія на воинствующее положеніе академіи, боровшейся съ римскою куріею въ лицѣ Польши и уніи, и на ея безопасность подъ изображеннымъ знаменемъ. Справа значится: *Cur aquilas tollis! tollis quid Roma leones! зачѣмъ дразнить орловъ? зачѣмъ, о Римъ, будишь львовъ?* (т. е. эти молодыя, народныя силы въ лицѣ студентовъ, будущихъ воителей, во славу народа); слѣва слѣдуетъ: Tutior hoc Signo Mohila Pallas erit, т. е. подъ этимъ знаменемъ могилянская Минерва (академія, храмъ науки) будетъ безопаснѣе.

Находящаяся подъ картиной подпись объясняетъ ея назначеніе и происхожденіе и еще болѣе доказываетъ ея внутренній, глубоко-патріотическій замыселъ. Приведемъ ея текстъ, нѣсколько

поврежденный на самой гравюрѣ, но возстановленный нами по смыслу рѣчи и уцѣлѣвшимъ частямъ буквъ и словъ.

Labarum triumphale Triados, trino virtutum theologicarum choro, per divinissimos tutelares adumbrato illustre, sub signis Almae orthodoxae Kiiowo-Mohylanae Palladis militantibus praefixum, ac natales reverendissimi in Christo patris Procopii Kołaczyński ejusdem almi orthodoxi collegii rectoris emeritissimi intra ferias a divinctissimo suo nomini Innocentio Szczyrski, monacho O(rdinis) D(ivi) B(asilii) praesentatum.

Торжественное знамя Троицы, славное хоромъ трехъ богословскихъ добродѣтелей, осѣненнымъ божественными покровителями, водруженное впереди воинства, собраннаго подъ стягомъ православной кіево-могилянской Паллады—кормилицы, преподнесенное въ день рожденія высокоуважаемаго отца во Христѣ, Прокопія Колачинскаго, ректора этой православной коллегіи—кормилицы, преданнѣйшимъ ему Иннокентіемъ Щирскимъ, монахомъ ордена св. Василія.

Сказавъ все, что слѣдовало, подноситель, увлеченный своимъ презентомъ, его завѣтною основною мыслію, *злобою* такъ сказать тогдашняго дня, еще разъ возвращается къ излюбленному сюжету картины, спрашиваетъ и отвѣчаетъ слѣд.:

Quae vexilla micant? tonat et quis classica mavors?

Какія знамена развѣваются? Какой богъ войны подаетъ сигналъ на трубѣ?

Est labarum Triados, dant cui signa tua: Spes, Amor, Fides, referunt quas stemmate Divi.

Это знамя Тройцы, отмѣченное твоими символами, Богомъ вѣнчанными: Надеждою, Любовію, Вѣрою.

Sub quis Rossiadum proelia Pallas agit.

Подъ стягомъ ихъ сражается Россійская Паллада.

Это изображеніе поистинѣ народнаго и всенароднаго храма науки (академія тогда не была сословною, какъ теперь, но всесословною), это воспроизведеніе воинствующаго народа, отстаивающаго свою вѣру и самобытность и всю надежду и спасеніе свое полагающаго въ образованіи, освѣщаемомъ, согрѣваемомъ и укрѣпляемомъ христіанскими добродѣтелями, эти лучшіе его представители, его цвѣтъ, краса, надежда и утѣха, эти орлы и львы, которыхъ опасно затрогивать, эти типы, живьемъ выхваченные изъ народной жизни, эти питомцы матери-кормилицы и сама эта

Alma Mater—все это полно самаго высокаго интереса, самаго глубокаго смысла. Да, это вполнѣ живое и живущее учрежденіе, сознающее свою связь съ народомъ, свое назначеніе, свое положеніе, свою крѣпость и силу. И посмотрите, съ какимъ достоинствомъ и сознаніемъ своихъ силъ стоятъ эти спудеи и какъ отразились въ нихъ народное настроеніе и характеръ. Судить легче по первому изъ нихъ, болѣе очерченному, выдающемуся. Высокій, стройный, широкоплечій, поза нѣсколько искуственная, но граціозная: онъ отставилъ одну ногу впередъ, правую руку заложилъ за поясъ, придерживая платокъ, въ лѣвой держитъ отороченную барашкомъ шапку, едва способную прикрыть горячую голову; на немъ кунтушъ, какой носили тогда зажиточные классы, туго подвязанный поясомъ, сверху кирея, слегка накинутая, застегнутая на пряжки, голова высоко подстрижена, если даже не подбрита. И такъ у всѣхъ; у иныхъ—усы, а бороды, конечно, брились.

Зданіе?—Оно только-что отстроено, вмѣстѣ съ церковію, гетманомъ Мазепою: нижній этажъ каменный, верхній деревянный, въ обоихъ галлереи; крыша черепичная, на ней три башни. Нижній этажъ существуетъ и доселѣ, верхній снесенъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ, а въ замѣнъ его построенъ каменный съ прекрасною колоннадою, къ сожалѣнію, заложенною въ недавнее время для устройства помѣщенія библіотеки.

Настоящій снимокъ объясненной гравюры—фототипія, около половины величины оригинала.

зяйства и управленія. Хроника городскихъ событій и происшествій. V. *Статьи по части исторіи, статистики, педагогіи, этнографіи и другимъ отраслямъ человѣческаго знанія* VI. **Критика и библіографія.** VII. Отдѣлъ **„Среди газетъ и журналовъ“.** VIII. **Фельетонъ.** Очерки и разсказы беллетристическаго характера въ прозѣ и стихахъ. Обозрѣнія и статьи литературно-критическія. Рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Фельетонъ изъ мѣстной общественной жизни и мѣстныхъ событій и происшествій. IX. **Корреспонденціи.** X. **Политическія заграничныя новости,** заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. **Отдѣльныя статьи** по разнымъ вопросамъ иностранной политики. XI. **Телеграммы** международнаго телеграфнаго агентства, Гавасъ и собственныхъ корреспондентовъ. XII. **Судебная хроника** безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. XII. **Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника.** XIV. **Справочный отдѣлъ:** базарныя цѣны, приходъ и отходъ пароходовъ и поѣздовъ, зрѣлища и увеселенія; перечень дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ. XV. **Объявленія.**

Газета ВЫХОДИТЪ въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа три раза въ недѣлю: **по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ,** съ *ПРИЛОЖЕНІЯМИ ПО МѢРѢ НЕОБХОДИМОСТИ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Кіевѣ:	на годъ	**6** руб.	— коп.,	на полгода	**4** руб.
Безъ доставки	» » »	**4** »	**50** »	» ›	**3** »
Съ пересылкою иногороднимъ	» ›	**8** »	— »	» ›	**5** »

Пріемъ подписки и объявленій въ главной конторѣ редакціи, въ Кіевѣ, на Михайловской ул., въ д. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Кромѣ того, подписка принимается: въ **С.-Петербургѣ**—въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова.—Въ **Москвѣ:** въ отдѣл. варшавск. агентства Райхмана и Френдлера, малая Лубянка, д. Обидиной, при Славянской библ., въ центр. конторѣ объявленій, бол. Дмитровка, и въ конторѣ Плетникова. Москва, Софійка, церковн. домъ.—Въ **Парижѣ,** Agence Havas et C-ie—Place de la Bource 8, à Paris.—Въ **Варшавѣ,** аген. объявл. Райхманъ и Френдлеръ, Сенаторск., № 22.—Въ **Черниговѣ,** у гг. Кранца и Данюшевскаго, въ **Нѣжинѣ** у г. Куриленка, въ **Стародубѣ** у г. Неронова, въ **Харьковѣ** у г. Сыхры, въ **Екатеринославѣ** у г. Голубовскаго, въ **Полтавѣ** у г. Бойно-Родзевича, въ **Елисаветградѣ** у г. Н. К. Менчица, въ **Каменецъ-Подольскѣ** у г. Симоновскаго, въ **Житомірѣ** у г. Будкевича, въ **Немировѣ** у г. Шерра, въ **Тифлисѣ** въ главномъ агентствѣ газетъ г. Петрова.

Редакторъ-издатель **Г. Т. Корчакъ-Новицкій.**

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	Нт 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород. .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается только, съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й при „Публичной библіотикѣ“ А. А. Іозефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Издатель **А. А. Іозефовичъ.**

Редакторъ **А. Н. Стояновъ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„КІЕВЛЯНИНЪ“

на 1882 годъ.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ВЪ 1882 Г.

ВЪ УВЕЛИЧЕННОМЪ ФОРМАТѢ:

Редакція увеличивая форматъ „Кіевлянина“ до средняго формата столичныхъ газетъ, предполагаетъ расширить въ особенности отдѣлы корреспонденцій и беллетристики.

Для ГОДОВЫХЪ подписчиковъ ГОРОДСКИХЪ допускается разсрочка по третямъ или по соглашенію съ конторой „Кіевлянина“; ИНОГОРОДНІЕ годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, могутъ вносить: къ 1 января 4 руб., къ 1 апрѣля 3 руб., и къ 1 іюля 3 руб. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

3) *Общеполезныя свѣдѣнія* по сельскому и домашнему хозяйству и общедоступной медицинѣ.

4) Частныя объявленія.

Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, заботиться о полнотѣ мѣстнаго отдѣла, редакція неоффиціальной части, обѣщая съ своей стороны употребить всѣ усилія, чтобы придать этому отдѣлу возможно большій интересъ, обращается съ покорнѣйшею просьбою къ своимъ читателямъ помочь ей въ исполненіи этой задачи сообщеніемъ разныхъ свѣдѣній о мѣстной жизни.

Подписка принимается въ газетномъ столѣ губернскаго правленія.

Годовая плата съ пересылкою и доставкою 5 р. 40 к.

Желающіе получать *одну лишь неоффиціальную часть* платятъ за годовое изданіе съ пересылкою и доставкою три рубля пятьдесятъ коп., за полугодовое 2 р.; безъ пересылки и доставки: годовое 2 р. 50 к. и полугодовое 1 р. 50 к.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

МАРТЪ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1882 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

МАРТЪ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кiевъ, 19-го марта 1882 года.

Тысячелѣтіе Кіева.

> «И сѣде Олегъ, княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: «се буди *мати* градомъ русскимъ».

Это было въ 882-мъ году.

Значитъ, проходитъ ровно тысяча лѣтъ.

Такъ какъ Олегъ спустился къ горамъ кіевскимъ *по Днѣпру*, то начало княженія его въ Кіевѣ можно относить, приблизительно, къ маю мѣсяцу, вообще къ лѣтней порѣ. Вотъ когда совершится тысячелѣтіе Кіева, какъ *столицы*, какъ *матери* градовъ русскихъ.

Читатель, намъ хочется думать, что эта историческая годовщина возбудитъ васъ, чѣмъ-бы вы ни были заняты, и повѣетъ на васъ ощущеніемъ величія, святости, образованія, тяжелой борьбы и страданія. Судьбы Кіева—это нѣкоторымъ образомъ судьбы всей Россіи, преимущественно ея духовной жизни, и намъ кажется, что тысячелѣтіе Кіева должно быть праздникомъ не только кіевлянъ, но и всѣхъ русскихъ....

Пробѣгая мыслію прошедшее тысячелѣтіе Кіева, поражаясь обиліемъ и значеніемъ событій, въ немъ совершившихся, мы сознаемъ свое безсиліе представить полный и яркій историческій очеркъ ихъ. Нужны усилія многихъ, чтобы привести въ извѣстность и уяснить самыя событія.

Мы теперь представляемъ только простое оповѣщеніе о наступающемъ тысячелѣтіи и попытаемся сдѣлать лишь бѣглый очеркъ судебъ кіевскихъ, внимательно слѣдуя старѣйшимъ дѣятелямъ, изучавшимъ его исторію.

Оглядываясь на минувшее, невольно поражаемся прежде всего тѣмъ, какъ измѣнился Кіевъ, самая мѣстность его, въ теченіе тысячелѣтняго существованія. Гдѣ былъ лугъ и боръ, тамъ

городъ; гдѣ былъ городъ, тамъ поле; легли горы, встали бездны; устьевъ Почайны нѣтъ и слѣдовъ; самый Днѣпръ измѣнилъ свое русло; вѣка изгладили стѣны и башни, дворцы и храмы до самаго основанія. Остались только святыя пещеры, средина церкви Спаса на Берестовѣ, „Нерушимая Стѣна", гробница Ярослава, остатки Золотыхъ Воротъ... только тамъ вы вполнѣ можете переноситься въ вѣкъ Владиміра святаго и Ярослава мудраго. Всѣ остальные слѣды прежней жизни и величія Кіева можно только разгадывать, а отъ многаго уцѣлѣли одни лишь старыя имена...

Переходя къ жизни Кіева, мы невольно прежде всего останавливаемъ свой взоръ на его первыхъ князьяхъ, руководителяхъ его судебъ. Вотъ вѣщій, мудрый Олегъ: это нашъ первый *историческій* князь. Едва занявъ Кіевъ, онъ, словно вдохновенный, именуетъ его *матерію городовъ русскихъ.* И дѣйствительно, отъ этой матери произошла вся русская земля. Уже при его ближайшихъ преемникахъ—Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ, имя Кіева становится извѣстнымъ и грознымъ въ Хозаріи, Тмуторокани, у подножія Кавказа, на азіятскихъ берегахъ Чернаго моря и въ Дунайской Болгаріи. При удальствѣ и предпріимчивости Святослава, побѣда слѣдуетъ за побѣдой. Это сильно возвышаетъ народное чувство и внушаетъ уваженіе къ Кіеву, ибо изъ Кіева исходили такіе славные подвиги. При Святославѣ Кіевъ наполняется богатою и разнородною добычею. Владиміръ присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ Волынь и Галицію. Кіевъ становится центромъ управленія городовъ не только близкихъ, но и болѣе далекихъ. Принявъ христіанство, Владиміръ просвѣщаетъ имъ народъ свой, велитъ кіевлянамъ учить дѣтей грамотѣ, и народъ, уразумѣвъ просвѣтительное значеніе дѣйствій князя, величаетъ его *Краснымъ Солнышкомъ* русской земли. Чѣмъ сталъ Кіевъ во времена Владиміра, видимъ изъ словъ нѣмецкаго историка Титмара; въ своей хроникѣ подъ 1018 г. онъ говоритъ, что Кіевъ обширный и богатый городъ, что въ него во множествѣ стекаются иноземцы, что въ немъ болѣе 400 церквей и 8 рынковъ. Пусть это и преувеличенные разсказы торговцевъ—гостей кіевскихъ, но несомнѣнно то, что Кіевъ, какъ издавна торговое мѣсто, былъ уже городомъ обстроеннымъ и богатымъ, который обогащался еще и данью: одинъ Новгородъ ежегодно платилъ ему 2000 гривенъ. Ярославъ обнародываетъ первые на Руси писанные законы, разбиваетъ окончательно печенѣговъ и украшаетъ Кіевъ болѣе всѣхъ князей: онъ распространяетъ Кіевъ на югъ, воздвигаетъ Золотыя Ворота, закладываетъ

и освящаетъ софійскій храмъ, обводитъ городъ земляныхъ валомъ, каменными стѣнами, строитъ княжій дворъ, закладываетъ дѣтинецъ, полагаетъ основаніе народному книгохранилищу при софійскомъ соборѣ. При немъ сталъ заселяться Подолъ. Кіевъ развивается и хорошѣетъ такъ, что современникъ Ярослава, историкъ Адамъ Бременскій, называетъ Кіевъ соревнователемъ константинопольскаго скипетра.

Знаменательно, что въ христіанскомъ Кіевѣ первый князь получаетъ названіе *святаго*, а его преемникъ—имя *мудраго*: такимъ образомъ вѣра и мудрость какъ-бы подаютъ другъ другу руки, чтобы воспитывать Кіевъ. Всему старокіевскому добру полагаетъ *начало* св. вѣра; она даетъ тонъ всей послѣдующей жизни Кіева: лучшіе люди усердно приходятъ и поступаютъ въ его печерскую обитель; князья пріѣзжаютъ туда для душевнаго отдыха, для назиданія; игумены обители примиряютъ враждующихъ бояръ и князей; иноки пишутъ лѣтописи, переводятъ творенія св. отцевъ, составляютъ житія своихъ предшественниковъ; списки всѣхъ этихъ трудовъ расходятся во всѣ концы Руси, и такимъ образомъ печерскій монастырь является обильнымъ источникомъ народнаго просвѣщенія.

Много добраго возникаетъ и въ политической жизни княжества кіевскаго: княжескіе съѣзды, служилыя думы, общинныя вѣча, церковные соборы, выборное начало въ управленіи, словесный присяжный судъ, народное ополченіе. Всѣ другіе города развиваются по образцу Кіева: отъ него заимствуютъ они вѣру, законы, князей, служителей церкви, грамоту и языкъ книжный; по образцу его строютъ палаты, храмы, монастыри. Но къ великому горю, кіевская Русь не имѣетъ спокойнаго времени, чтобы окрѣпнуть и развиться окончательно. Скоро послѣ смерти Ярослава въ землѣ кіевской посѣялись и взросли усобицы, вслѣдствіе того, что кіевскіе князья дробили свою землю и отдавали города дѣтямъ въ удѣлы. Князья размножаются, начинаютъ ссориться и воевать другъ съ другомъ за распространеніе своихъ удѣловъ, за родовое старшинство, за титулъ великаго князя; золотой престолъ Кіева влечетъ ихъ неодолимо. Они сознаютъ, что въ Кіевѣ *столъ отень и дѣдень*, что это *старѣйшій городъ въ земли во всей*, что отсюда *есть пошла земля русская* и что сама земля эта называется Кіевомъ; но въ ослѣпленіи злобы и вражды не замѣчаютъ, какъ сами нищатъ мать земли родной, городъ дѣдовъ и отцевъ. Князья роднятся съ польскими и венгерскими королями, зовутъ ихъ къ себѣ

на помощь въ своихъ семейныхъ распряхъ... и платятъ имъ своими городами. Внутренніе раздоры открываютъ путь въ Россію дикимъ ордамъ половцевъ, а часто ихъ призываютъ и сами русскіе князья. Свои и чужіе какъ-бы наперерывъ ослабляютъ обширное и могущественное княжество кіевское и подготовляютъ паденіе Кіева.

«Не долго могъ онъ быть главою
И землю русскую стеречь».

Въ 1169 г. князья сѣверо-восточной Руси берутъ Кіевъ приступомъ и отдаютъ его войску на разграбленіе. Великимъ княземъ является князь владимірскій, и столицею Руси становится Владиміръ на Клязьмѣ.

Кіевъ столицею Руси пробылъ всего 286 лѣтъ. И въ теченіе ихъ какъ часто онъ терпѣлъ бѣды за бѣдами и едва выходилъ изъ своихъ развалинъ, какъ опять обращался еще въ горщія. Затѣмъ настаютъ гораздо болѣе тяжкія времена татарщины... Больно вспоминать, не только разсказывать, весь рядъ страданій Кіева отъ печенѣговъ, половцевъ, поляковъ, торковъ, берендѣевъ, монголовъ и самихъ русскихъ. Сколько разъ онъ былъ завоевываемъ, отбираемъ, опустошаемъ, сжигаемъ, разрушаемъ! Подлинно—*многострадальный, святой городъ!...*

И во время невзгоды татарской Кіевъ имѣетъ однако своихъ князей. Пало его политическое значеніе, другіе политическіе центры формируются на его глазахъ; но въ дѣлахъ вѣры онъ остается главою всѣхъ древне-русскихъ областей и, безсильный по внѣшней жизни своей, онъ остается сильнымъ своею вѣрою и сохраненными имъ началами древне-русской жизни. Незамѣтно и быстро растетъ рядомъ съ нимъ другая столица—юнаго могучаго государства литовскаго, съ которымъ Кіеву суждено было связать свою жизнь; но его вѣра, его языкъ, культура скоро превратили это государство и столицу въ чисто-русскія, православныя, и потомки Гедимина и Ольгерда замѣняютъ для Кіева потомковъ Владиміра св. Подъ покровомъ первыхъ, эти послѣдніе выдвигаютъ снова Кіевъ, какъ центръ исконной русской жизни, въ противовѣсъ польскимъ стремленіямъ, послѣ того, какъ Польша соединилась съ Литвою. Въ это время Кіевъ слишкомъ два вѣка, болѣе или менѣе спокойно, развиваетъ свою внутреннюю жизнь, но съ паденіемъ Литвы и усиленіемъ стремленій Польши слить съ собою коренныя русскія области, подавивъ ихъ вѣру и языкъ,—Кіевъ, едва отдохнувъ отъ борьбы съ востокомъ, на-

чинаетъ новую, тяжкую, кровавую борьбу съ западомъ, за право жить своею жизнію и вѣровать своею вѣрою. На защиту Кіева является козачество, братство; духъ народа увлекаетъ за собою представителей духовенства и власти. Кіевъ является великимъ поборникомъ православія и одерживаетъ побѣду съ честію. Онъ становится средоточіемъ народной дѣятельности и источникомъ духовнаго просвѣщенія Россіи. Богоявленское Братство показываетъ въ тогдашнемъ кіевскомъ обществѣ замѣчательную силу духовной самодѣятельности: братство заводитъ общественно-образовательную школу, съ цѣлію воспитанія духовныхъ пастырей церкви и защитниковъ православія; школа открываетъ свои двери для юношей всѣхъ званій, становится для нихъ училищемъ—и духовнымъ, и свѣтскимъ, и низшимъ, и среднимъ, и высшимъ,— и скоро пріобрѣтаетъ себѣ широкую извѣстность и благодарную славу въ народѣ.

Каково было значеніе Кіева уже въ XVI вѣкѣ, видно изъ словъ, которыя сказалъ крымскій ханъ польскому королю (кажется—Баторію): „Взойди я на кіевскія горы, такъ однимъ глазомъ я смотрѣлъ-бы оттуда на свой Бахчисарай, а другимъ на твой Краковъ“. Этому хану нельзя отказать въ смѣкалкѣ.

Но вотъ загорается война съ Польшею за самое право спокойнаго существованія, и послѣ трехъ блистательныхъ побѣдъ, Хмельницкій вступаетъ въ Кіевъ торжествующимъ освободителемъ его. При видѣ Кіева, плачутъ козаки... плачутъ закаленные рыцари, сколько отъ радости, видя его святыню и красу, столько отъ горя, что святыня его поругана, что краса его опозорена...

Наконецъ Кіевъ возвращается подъ крѣпкую руку единовѣрной Россіи и 17 января 1654 присягаетъ на вѣрноподданство престолу русскому. Еще прежде сего онъ даетъ Москвѣ первыхъ насадителей тамъ просвѣщенія, справщиковъ церковныхъ книгъ, устроителей церковныхъ порядковъ. Просвѣщеніе ростетъ, новыя силы приливаютъ изъ Кіева, сѣверъ и югъ Россіи связываются снова и начинается новая совмѣстная жизнь ихъ. Съ Петра Великаго положеніе и вліяніе Кіева постепенно и замѣтно ростетъ. Кіевскіе люди помогаютъ Петру въ преобразованіи Россіи, истолковываютъ народу понятія и цѣли правительства. Закаленные въ борьбѣ съ папствомъ, развившіе въ себѣ побѣдительную силу мысли, кіевскіе ученые сдерживаютъ русскихъ людей отъ слѣпаго увлеченія западною Европою, укрѣпляютъ народный русскій смыслъ, развиваютъ общественную логику. И какъ много-

численны эти борцы за православіе, эти проводники образованія! Одинъ списокъ ихъ занялъ-бы цѣлыя страницы. А сколько добра провели они по всей великой Россіи!...

Вѣра и наука идутъ объ руку въ Кіевѣ и въ позднѣйшіе годы. Въ 1834 г. въ немъ открывается университетъ и руководящей мыслію своею ставитъ слова: *„во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ“*. Люди, съ глубокимъ пониманіемъ естествовѣдѣнія, сохраняютъ невозмутимый свѣтъ вѣры; среди обителей встрѣчаются старцы, въ лицѣ которыхъ какъ-бы выглянули изъ отдаленныхъ вѣковъ первые печерскіе подвижники. *„Христіанинъ есмъ“*—можетъ сказать о себѣ Кіевъ, вспоминая послѣднее слово своего послѣдняго князя среди мученій татарскихъ.

И нынѣ, не смотря на всѣ перемѣны, Кіевъ, Кіевъ! какъ имя твое любезно сердцу русскому! Отъ береговъ Балтійскаго моря и до Камчатки нѣтъ мѣста, гдѣ-бы имя твое не наполняло благоговѣніемъ сердца христіанъ, истинныхъ дѣтей твоихъ. Святою вѣрою, разлившеюся изъ тебя, развилась, спаслась и утвердилась народная самобытность всего нашего отечества. Много на Руси славныхъ мѣстъ, но, по вліянію на весь народъ, не было и быть не можетъ равнаго тебѣ, святой и прекрасный Кіевъ!

И кромѣ этого, кромѣ твоей вѣковѣчной святыни, сколько еще другаго добра въ тебѣ, сколько сдѣлано тобою въ самые позднѣйшіе годы! Дома призрѣнія бѣдныхъ; рукодѣльныя школы; пріюты для дѣтей; пріюты для недостаточныхъ дѣвицъ; дешевыя квартиры и столовыя; общества пособія студентамъ, ученикамъ и ученицамъ; лѣчебницы; общины сестеръ милосердія; попечительство о слѣпыхъ; ночлежный домъ... Все это и многое другое, ясно свидѣтельствуя о прямомъ вліяніи Христовой вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ громко говоритъ намъ, что ты, святопрекрасный, остаешься вѣренъ своему названію *„матери“*.

Въ живомъ сочувствіи къ такой дѣятельности, кто не порадуется твоей тысячелѣтней годовщинѣ, кто не скажетъ отъ всей души: да благословитъ тебя Богъ постоянно развиваться въ чувствѣ любви къ ближнимъ и прослыть въ новомъ тысячелѣтіи твоей жизни матерію не *городовъ* только, но и *селъ* русскихъ, а главное—*матерію* бѣдныхъ и дѣтей!...

Одинъ изъ народа.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Давая мѣсто въ нашемъ изданіи слѣдующему предъ симъ заявленію одного изъ сотрудниковъ нашихъ, мы вполнѣ сочувствуемъ его глубоко патріотической мысли и желали бы ей полнаго и наилучшаго осуществленія.

Наступающее тысячелѣтіе Кіева, тысячелѣтіе его несомнѣннаго историческаго существованія и государственнаго значенія принадлежитъ къ тѣмъ великимъ историческимъ моментамъ нашей жизни, которые способны со дна души нашей поднять и всколебать наше народное чувство. Напряженный скептицизмъ, микроскопическая переверстка въ хронологіи лѣтописной не можетъ имѣть здѣсь мѣста; пока не утверждены наукою на нашемъ историческомъ пути новые хронологическіе знаки, мы въ правѣ по старымъ вести счетъ нашей исторической жизни, а нынѣшній годъ, какъ мы сказали, и есть тысячный годъ жизни Кіева въ качествѣ матери градовъ русскихъ.

Но не одно чувство будитъ въ насъ желаніе, что-бы этотъ годъ въ жизни первопрестольнаго Кіева былъ отмѣченъ особымъ торжествомъ; судьбы Кіева и его участіе въ общей жизни Россіи оправдываютъ голосомъ исторіи движеніе сердца. Исторія Кіева даетъ основаніе, внутреннее чувство—побужденіе къ тому, чтобы этотъ годъ не прошелъ незамѣченнымъ въ нашей жизни.

Праздновалось семисотлѣтіе Москвы (1847 г.), тысячелѣтіе Россіи (1862 г.), трехсотлѣтіе Сибири (1881 г.), праздновались столѣтніе юбилеи разныхъ нашихъ городовъ и разнолѣтніе юбилеи отдѣльныхъ лицъ. Ужели древнѣйшая столица Россіи, *мати градомъ русскимъ*, колыбель православія, купель крещенія всего народа русскаго,—славный, многострадальный Кіевъ лишенъ былъ-бы такой чести? - Не думаемъ, не вѣримъ.

Ни на минуту не сомнѣваемся, что праздникъ тысячелѣтія Кіева былъ бы по душѣ всѣмъ истинно русскимъ по всей Россіи, ободрилъ и поднялъ бы ихъ религіозное чувство, которое вотъ ужъ нѣсколько вѣковъ считаетъ Кіевъ *Іерусалимомъ земли русской*,

какъ и Царь-Освободитель назвалъ его, въ день своего коронованія, въ рескриптѣ кіевскому митрополиту. Духовное торжество Кіева произвело бы подъемъ народнаго духа и хотя на время ослабило бы матеріальное, разлагающее направленіе нашихъ дней.

Праздникъ тысячелѣтія Кіева возбудилъ бы умственную дѣятельность нашихъ историковъ, археологовъ, вдохновилъ бы нашихъ писателей и художниковъ, освѣжилъ бы наши періодическія изданія, отвлекъ бы умы отъ напрасныхъ словопреній, отъ праздныхъ мечтаній, отъ этого шатанія, низменныхъ помысловъ и чувствъ, далъ бы случай и побужденіе еще разъ подняться до высшей ступени народнаго самосознанія и дохнуть полною широкою русскою грудью... Словомъ: праздникъ государственнаго значенія Кіева могъ бы самъ имѣть значеніе государственное.

Мы поднимаемъ нашъ голосъ за осуществленіе этого праздника; но чувствуемъ, что голосъ нашъ слабъ, одинокъ и слишкомъ недостаточенъ. Мы надѣемся, что кіевское наше представительство приметъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и дастъ ему желаемое направленіе. Мы разсчитываемъ, что наши литературные органы, преимущественно газеты, соединятся въ одномъ съ нами чувствѣ благоговѣйнаго почтенія къ сѣдой древности Кіева, къ его тысячелѣтней жизни и дадутъ нашему заявленію необходимое и желаемое распространеніе. Мы даже просимъ тѣ изъ редакцій, которыя раздѣлятъ нашъ взглядъ на наступающій историческій моментъ, дать мѣсто нашему заявленію на страницахъ своихъ изданій,—въ какомъ угодно объемѣ и формѣ.

Скажемъ въ заключеніе всѣмъ, кто откликнулся бы на нашъ голосъ: не говорите—поздо. „На доброе дѣло не поздо никогда" и „лучше поздо, чѣмъ никогда". Времени довольно впереди,—мы хотимъ праздновать годъ, а не день или мѣсяцъ. Намъ кажется, что сентябрь былъ бы самымъ удобнымъ временемъ желаемаго празднества. Къ тому времени пройдутъ и выставка, и коронація, и лѣтнія экскурсіи ученыхъ, и знойныя работы трудящагося люда, и всякія прохладительныя путешествія и прогулки... Къ тому времени несомнѣнно поспѣетъ и столько ожидаемый памятникъ освободителю Кіева и всей тянувшей къ нему страны, Зиновію-Богдану Хмельницкому. Въ сентябрѣ храмовой праздникъ св. Софіи кіевской,—древнѣйшей кіевской и всероссійской святыни. Къ тому времени со всякими приготовленіями поспѣть можно.

Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши.

ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ РАЗДѢЛОВЪ.

(Окончаніе).

Идеи, управлявшія стремленіями и надеждами на скорое обновленіе человѣчества, не согласовались ни съ данными, которыми располагала наука, ни съ научными методами. Поэтому наука, не входила въ систему образованія, опиравшагося на эти идеи, какъ главное орудіе его, и должна была играть въ ней роль второстепенную. Развитіе умственныхъ силъ поставлено въ зависимость отъ простора и оживленія инстинктовъ природы, а потому средоточіемъ этой системы было воспитаніе. Наука должна была только возбуждать инстинкты природы и приводить ихъ въ сознаніе; воспитаніе должно было оживить ихъ, укрѣпить, дать имъ единство и направленіе дѣятельности. Наука казалась простою и легкою, воспитаніе считалось дѣломъ труднымъ, требующимъ большихъ усилій. Эти основанія разъясняютъ намъ недоразумѣнія между коммисіею просвѣщенія и главными школами, которыя и своимъ положеніемъ, и своими традиціями, и примѣромъ Европы тяготѣли къ наукѣ. Эти недоразумѣнія достаточно опредѣлились въ отношеніяхъ между краковскою академіей и *эдукаціонною дирекціей* Варшавскаго Герцогства, поставившей для себя священною задачею слѣдовать во всемъ примѣру своей предшественницы, коммисіи просвѣщенія, но болѣе энергически[1]).

---

[1]) Предсѣдателемъ *эдукаціонной дирекціи* былъ родной братъ Игнатія Потоцкаго Станиславъ Потоцкій, имѣвшій домашнимъ своимъ учителемъ того-же Пирамовича. Станиславъ Потоцкій былъ женатъ на дочери Адама Чарторижскаго, одного изъ ревностныхъ поборниковъ реформъ во время раздѣловъ. Ему наиболѣе обязаны своими успѣхами школы Варшавскаго Герцогства и Царства Польскаго до 1821 года.

Въ противоположность другимъ, умножавшимся тогда въ Европѣ школьнымъ системамъ, польскіе школьные реформаторы не только не обрѣзывали учебнаго курса до минимума, но напротивъ старались включить въ него возможно большее число наукъ, признанныхъ новыми идеями. Это множество наукъ не пугало ихъ, потому что не могло обременять учениковъ; назначеніемъ ихъ было захватить возможно большій кругъ инстинктовъ, чробы подвергнуть ихъ оживленію и все сосредоточить въ одномъ направленіи, приготовить для одной цѣли, которою было польское государство.

При такомъ значеніи воспитанія, понятно, что коммисія просвѣщенія, не слишкомъ торопясь подробнымъ изложеніемъ учебныхъ программъ и изданіемъ учебниковъ, употребитъ всѣ усилія для развитія и точнаго исполненія воспитательной системы. Къ этому главнымъ образомъ направляемы были всѣ средства, которыми располагала школа.

Въ этомъ отношеніи новыя идеи далеко опередили свой вѣкъ и во многомъ могли-бы служить поученіемъ и для нашего времени. Что сдѣлали для законодательства идеи Монтескьё и Беккаріи, то самое сдѣлали для воспитанія тогдашнія воспитательныя системы. Въ частныхъ, отдѣльныхъ ихъ положеніяхъ много глубокихъ поученій, прекрасныхъ правилъ, которыя слѣдовало-бы почаще напоминать нынѣшнимъ воспитателямъ; въ общемъ ихъ духѣ высокая человѣчность, но вмѣстѣ съ тѣмъ идеализація, возбуждающая порывистость и страстность, при этомъ непремѣнное условіе—быстрое практическое исполненіе, влекущее за собою нравственную драпировку, новое фарисейство. Воспитательная система польскихъ школьныхъ реформаторовъ заключаетъ въ себѣ всѣ показанныя достоинства, но и всѣ приведенные недостатки новаго воспитанія. Она прибавляетъ къ нимъ чрезвычайную тщательность и заботливость о всестороннемъ бытѣ учителей и учениковъ, о развитіи въ особенности чувства чести и достоинства и, въ противуположность прорывавшимся тогда коммунистическимъ попыткамъ, уваженія къ собственности, но отличается отъ нихъ нагроможденіемъ наблюдательныхъ порядковъ и крайне себялюбивыми практическими приложеніями. „Всемірные граждане“, создаваемые новымъ воспитаніемъ на западѣ, стремились ко всемірному благу, тѣ-же граждане, выростающіе на польской школьной системѣ, обязаны были заботиться

только о Польшѣ. Думалось, что легко втиснуть всемірнаго гражданина въ тѣсныя рамки Польши,—что легко разомъ поднять тогдашнюю Польшу на точку міровыхъ государственныхъ идеаловъ. Реформаторы не щадили къ тому никакихъ мѣръ и потому часто хватали черезъ край или удалялись въ сторону. Отсюда внутреннія противорѣчія въ воспитательной системѣ и ея несостоятельность. Остановимся на болѣе характеристическихъ чертахъ этой воспитательной системы.

Прежде всего, школы подвержены были строгому контролю. Проректоръ под-окружной школы обязанъ былъ въ теченіе каждаго учебнаго года посѣтить находящіяся въ районѣ этой школы элементарныя училища. Ректоръ окружной школы долженъ былъ осмотрѣть всѣ подъокружныя школы, а такъ-же и элементарныя, находящіяся въ округѣ его, въ теченіе октября и ноября. Визитаторъ академическій обязанъ былъ осмотрѣть всѣ окружныя, подъокружныя и по возможности элементарныя школы, составляющія округъ главной школы. Независимо отъ сего коммисія просвѣщенія назначала особыхъ визитаторовъ изъ среды своихъ членовъ и членовъ общества для изданія учебниковъ, которымъ поручала осмотръ нѣсколькихъ округовъ. Члены коммисіи имѣли право во всякое время, по собственному усмотрѣнію, осматривать каждую школу. Ревнителямъ и патронамъ просвѣщенія всегда открыты были школьныя двери. Наконецъ вся публика разъ въ году приглашаема была въ школу, на *публичный экзаменъ*, причемъ она пользовалась правомъ осмотра всей школы и ея дѣятельности, правомъ запросовъ, рѣчей, похвалъ, порицаній.

Въ каждой школѣ система наблюденія развита была до крайности. Можно сказать, что всѣ находились на каждомъ шагу подъ наблюденіемъ всѣхъ. Ректоръ былъ главою школы; свободный отъ уроковъ, онъ обязанъ былъ преимущественно наблюдать надъ исполненіемъ всѣми своихъ обязанностей. Префектъ, также свободный отъ уроковъ, долженъ былъ неотступно слѣдить за всѣмъ во время уроковъ, часто посѣщать классы для наблюденія, исполняютъ-ли учителя свои обязанности по уставу, каждый мѣсяцъ съ ректоромъ производить экзамены. Въ свою очередь учителя обязаны были наблюденіемъ надъ ректоромъ, или проректоромъ. Въ случаѣ уклоненія отъ своихъ обязанностей того или другаго, старшій лѣ-

тами службы учитель напоминаетъ ему объ этомъ. Когда личныя напоминанія не дѣйствуютъ, учитель дѣлаетъ виновному предостереженіе въ собраніи всѣхъ учителей. Если и за симъ ректоръ будетъ не исправенъ, старшій учитель предаетъ его суду совѣта учителей, опредѣленія котораго посылаютъ ректору главной школы. Ближайшее наблюденіе надъ учениками, кромѣ ректора, префекта и учителей, имѣютъ въ классѣ—*декуріоны*, въ квартирахъ *директоры*, тѣ и другіе избираемые изъ лучшихъ учениковъ. Директоръ, имѣя въ своемъ вѣдѣніи учениковъ разныхъ классовъ, имѣетъ право относиться къ учителю по дѣламъ уроковъ; въ случаѣ несогласія съ учителемъ, жалуется префекту и ректору, а при обидѣ со стороны этихъ послѣднихъ имѣетъ право жалобы на нихъ въ коммисію просвѣщенія.

Эта система взаимныхъ наблюденій, произведенная особенною заботливостью коммисіи просвѣщенія объ охранѣ дорогаго для ней дѣла, проникнута въ уставѣ добрыми намѣреніями единодушія, общей любви къ благу школы и общей заботы о немъ. Но сами служащіе были воспитанниками прежней воспитательной системы, на которую іезуиты имѣли большое вліяніе. Въ результатѣ добрыхъ намѣреній оказались частыя ссоры въ учебномъ составѣ, шпіонство, доносы, судебныя разбирательства и т. п. Въ этомъ отношеніи польская почва оказалась наиболѣе неблагопріятною для новыхъ идей.

Коммисія просвѣщенія, поспѣшно замѣщая учительскія должности лицами прежняго строя, хорошо понимала несоотвѣтствіе ихъ съ новымъ духомъ и задачами школы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко вѣруя въ силу новыхъ идей, она надѣялась на скорое перерожденіе учительскаго состава, когда онъ сполна будетъ введенъ въ духъ этихъ идей. „Всѣ почти несправедливости, заблужденія и неурядицы происходятъ отъ *незнанія* каждымъ своихъ правъ и обязанностей", говорится въ наставленіи учителю права и нравственности. Поэтому коммисія озаботилась подробнымъ изложеніемъ учительскихъ правъ и обязанностей. Эти права и обязанности изложены въ уставѣ и въ особой инструкціи. Какихъ послѣдствій ожидала коммисія просвѣщенія отъ своихъ правилъ и наставленій, это видно изъ рѣчи Пирамовича въ публичномъ собраніи 7 марта 1781 года, по случаю изданія проекта устава и наставленій, когда еще далеко было до учрежденія учительскихъ семинарій и до выпуска студен-

товъ главныхъ школъ, въ которыхъ преобразованія начаты съ 1780 года. Устраняя типъ прежняго учителя, Пирамовичъ мечтаетъ, что учитель, котораго приготовляетъ коммисія („którego kształcimy“) будетъ совершенною противоположностью ему. „Нашъ учитель это почтенный и просвѣщенный гражданинъ. Поставленный образованіемъ на высшую точку, онъ смотритъ на отечество, какъ на общую мать, которая, поручивъ ему для образованія своихъ дѣтей, получаетъ отъ него добрыхъ и полезныхъ сыновей. Все, что составляетъ личное счастье человѣка: здоровье, честь, добрая жизнь, здравый умъ, домашній порядокъ, любовь, пріязнь и почтеніе къ другимъ,— все, что составляетъ общественное благополучіе: равная ко всѣмъ и самая точная справедливость, защита края, достоинства гражданина, крѣпость убѣжденій, самое святое уваженіе къ чужой собственности, все это онъ ставитъ цѣлію своего призванія и своей службы. На физическія и нравственныя науки, о преподаваніи которыхъ онъ получилъ отъ высшей власти полную инструкцію, онъ смотритъ не иначе, какъ на средства къ тому, чтобы просвѣщенный и честный гражданинъ зналъ, какъ онъ долженъ поступать въ домашнемъ и гражданскомъ быту. Зная, что свойства его вліяютъ на душу ученика, онъ употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы самому прежде стать такимъ, какимъ хочетъ его видѣть. Онъ мыслитъ, говоритъ и поступаетъ такъ, чтобы его вліяніе на умъ и сердце молодаго питомца охраняло его отъ порчи и соблазна свѣта, отъ заразы заблужденій и подлости, отъ безпечности и пустой траты лѣтъ“.

Чтобы удобнѣе достигнуть этого идеала, коммисія просвѣщенія обратила учительскій кругъ въ особое сословіе въ государствѣ (stan akademicki), всецѣло посвященное своему призванію, на подобіе католическихъ орденовъ. Поступающій на учебную службу долженъ былъ отказаться отъ всякихъ другихъ занятій и носить особый костюмъ (suknia akademicka, на подобіе костюма ксендзовъ). Всѣ учителя непремѣнно должны были жить въ зданіи школы (безплатно), имѣть общій столъ (женатымъ дозволялось имѣть отдѣльный столъ, но жить они должны были въ томъ-же зданіи) и общую кассу: на пищу, прислугу, свѣчи и больницу. Касса хранилась у ректора, расходы производились по постановленіямъ совѣта *провизоромъ*, избираемымъ совѣтомъ изъ среды своихъ членовъ на

полгода. Въ кассу положено было высчитывать изъ жалованья каждаго учителя по 650 злотыхъ въ годъ. Это сословіе имѣло свой отдѣльный судъ, всѣ дѣйствія котораго покрыты были строгой тайной. Привлеченіе къ суду учителей производилъ ректоръ или проректоръ; послѣднихъ, а также и префекта подвергалъ суду, какъ мы уже сказали, старшій лѣтами службы учитель. Предварительно долженъ быть три раза прочитанъ въ собраніи всѣхъ служащихъ, исключая обвиняемаго, обвинительный актъ, составленный лицомъ, привлекающимъ къ суду. Затѣмъ приглашали обвиняемаго, которому ставились вопросные пункты и предоставлялось защищать себя. По окончаніи разбирательства, обвиняемый удалялся и присутствовавшіе подавали голоса письменно, на особыхъ карточкахъ, безъ подписи своей фамиліи, но обвинитель не имѣлъ при этомъ права голоса. Большинствомъ голосовъ опредѣлялось наказаніе виновному. Немедленному исполненію надъ виновнымъ подвергались приговоры: запрещеніе выхода изъ школьнаго дома или изъ квартиры въ теченіе положеннаго срока, лишеніе права голоса въ совѣтѣ на одинъ годъ (это послѣднее наказаніе неизбѣжно было для того, кто выдавалъ секретъ судебныхъ засѣданій), денежные штрафы за манкировку, именно: за выѣздъ безъ позволенія главной школы больше чѣмъ на шесть дней ректоръ платилъ дневное свое жалованье; проректоръ тоже платилъ за отъѣздъ больше чѣмъ на четыре дня; проректоръ и префектъ за небытность на экзаменѣ платили половину дневнаго жалованья; учитель, опоздавшій на урокъ на полчаса, платилъ полудневной окладъ, а на часъ—дневной. Эти штрафы распредѣлялись между тѣми изъ служащихъ, которые не были замѣчены въ манкировкѣ. Дальнѣйшія наказанія исполнялись только послѣ утвержденія протокола суда ректоромъ или совѣтомъ главной школы. Это были: лишеніе прибавки къ жалованью, лишеніе жалованья на срокъ (кромѣ части, поступающей въ кассу), лишеніе права голоса въ совѣтѣ на три года и болѣе, временное устраненіе отъ должности и совершенное увольненіе изъ учебнаго званія.

Учебная служба по времени вполнѣ была обезпечена. Ректоръ получалъ 1800 злотыхъ, учитель по 1200 злотыхъ. Это жалованье, по истеченіи шести лѣтъ службы, увеличивалось ежегодно на 100 злотыхъ, до 20 лѣтъ службы, когда оканчивался срокъ на пенсію.

Если по истеченіи 20 лѣтъ учитель выходилъ въ отставку, онъ получалъ названіе эмерита, получалъ отъ школы квартиру и двѣ трети своего содержанія, если-же онъ пожелалъ продолжать службу и былъ вновь утвержденъ въ ней, то къ послѣднему окладу его прибавляемо было 1000 злотыхъ и онъ получалъ названіе *заслуженнаго учителя*.—Ректоръ, проректоръ и префектъ избираемы были совѣтомъ учителей на 4 года и утверждались въ своей должности коммисіей просвѣщенія. Всѣмъ служащимъ въ школѣ предоставлено было исключительное право на особенныя занятія съ учениками за условленную съ родителями плату. Награды состояли главнымъ образомъ въ сокращеніи срока на пенсію и на званіе заслуженнаго, а также въ полученіи бенефицій и прелатуръ, т. е. доходовъ съ имѣній, составлявшихъ собственность церквей, которые правительство и епископы во множествѣ предоставили для этой цѣли въ распоряженіе коммисіи просвѣщенія. Часто такая бенефиція или прелатура приносила учителю въ пять и десять разъ больше, чѣмъ давало жалованье. Въ общемъ, если принять во вниманіе тогдашнія цѣны и кругъ потребностей, матеріальному положенію тогдашняго польскаго учителя позавидуютъ нынѣшніе учителя всей Европы.

Лишившіеся здоровья, при выходѣ въ отставку, получали, если прослужили меньше 10 лѣтъ, 400 злотыхъ; прослужившіе-же болѣе 10 лѣтъ получали 600 злотыхъ и при этомъ почти всегда бенефицію, въ которой могли поселиться на жительство.

За то учитель долженъ былъ сполна проникнуться тѣмъ идеаломъ, который онъ призванъ осуществить на ученикахъ. „Учитель, говоритъ инструкція, долженъ быть философомъ, ясно сознавать свое дѣло, знать основы человѣка, привычки, свойственную каждому возрасту воспріимчивость, понимать связь всѣхъ наукъ, быть чуткимъ, спокойнымъ, справедливымъ, заботливымъ о благѣ учениковъ и общемъ благѣ человѣческаго рода. Рѣшившись посвятить себя на это служеніе отечеству, хорошо взвѣсь принимаемыя на себя обязанности и свои силы, которыя ты посвящаешь ему. 1) Читай книги нравственнаго содержанія, которыя, основываясь на религіи, заповѣдующей любовь къ ближнимъ, какъ основаніе всѣхъ поступковъ, учили-бы любить всѣхъ людей и никому не причинять обиды, оскорбленія. 2) Читай книги о способѣ ученія, хорошія ру-

ководства по логикѣ, изъ которыхъ можешь узнать ходъ и связь мыслей человѣка. 3) Давай отчетъ самому себѣ о школѣ, разсуждай о твоихъ поступкахъ и обязанностяхъ. 4) Гораздо больше размышляй, чѣмъ читай." Въ этомъ духѣ продолжаются наставленія учителю о самоусовершенствованіи.

Всѣ свои силы и заботы учитель долженъ посвятить воспитанію ученика, для его „личнаго и общаго счастія". Учитель долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что „въ воспитаніи все отъ него зависитъ." По Кондильяку, главному учителю польскихъ школьныхъ реформаторовъ, духъ человѣка выростаетъ изъ ощущеній, всѣ духовные процессы, въ томъ числѣ комбинація идей и хотѣніе, должны быть разсматриваемы только какъ видоизмѣненныя ощущенія. Ощущенія, т. е. внѣшнее и внутреннее чувство ученика—вотъ сфера, которою главнымъ образомъ долженъ быть озабоченъ учитель, по требованію инструкціи. Возбуждать благородныя ощущенія, инстинкты, совершенствовать и направлять ихъ къ личному и отечественному благу, устранять дурные, вотъ къ чему должна быть сведена вся дѣятельность учителя и все преподаваніе его. Наставляя учителя въ томъ, какъ дѣйствовать на ученика примѣромъ и словомъ въ каждомъ случаѣ, *инструкція* въ особенности заботится о томъ, чтобы все преподаваніе и классное обученіе проникнуть воспитательнымъ духомъ и направленіемъ и каждую науку обратить въ строго воспитательное орудіе. Знаніе, свѣдѣніе само по себѣ не имѣетъ никакого значенія, если оно не служитъ всецѣло возбужденію добрыхъ инстинктовъ, къ утвержденію ученика во всѣхъ добродѣтеляхъ, необходимыхъ для его личнаго и общаго счастія. „Иначе, прибавляетъ инструкція, лучше вовсе не имѣть школьнаго образованія".

Въ частности, итструкція, намѣчая главнѣйшія части каждой науки, или только основные методы ея, внушаетъ:

Учителю математики „постоянно имѣть въ виду усовершенствованіе душевной дѣятельности въ отношеніи не только ясныхъ представленій въ понятіяхъ и сужденіяхъ, но также и передачи другимъ того, что извѣстно". Ему-же, какъ учителю логики, внушается: „изложеніе основныхъ правилъ логики не много потребуетъ времени; но приложеніе этихъ правилъ должно быть постоянное, неразлучное на практикѣ съ каждымъ дѣломъ", въ чемъ—дается подробное указаніе.

Учителю краснорѣчія предписывается „не выпускать изъ виду, что наука краснорѣчія обязана возбуждать и развивать добродѣтель, почтеніе и добрую жизнь“.

Учитель физики, химіи и естественной исторіи „долженъ соображать, чего въ нихъ остерегаться, съ чѣмъ и какъ обращаться“, ограничиваясь только такими свѣдѣніями, которыя „приносятъ прямую пользу, и тѣмъ дѣлая эту науку полезною“.

Учитель исторіи обязанъ помнить, что „главнѣйшая задача ея есть обученіе добродѣтели и добрымъ обычаямъ“. „Преподаваніе исторіи, не направленное къ воспитанію сердца, къ возбужденію любви къ добродѣтели, къ исправленію поступковъ,—преподаваніе, выставляющее предъ учениками величіемъ то, что было пустымъ дѣломъ, храбростью — что было насиліемъ, политикою — хитрость, ставящеѐ въ примѣръ то, что служитъ соблазномъ, такое преподаваніе исторіи заражаетъ сердце и даетъ молодому уму направленіе вредное для общественности“. Передавая событіе, учитель долженъ тутъ-же присовокупить похвалу или порицаніе“. „Напримѣръ, тотъ или другой монархъ *завоевалъ край:* сейчасъ нужно присовокупить, что завоевалъ несправедливо; не говори, что его политика восторжествовала, но скажи лучше, что онъ поступилъ вѣроломно, или обманулъ, или нарушилъ честное слово“. Этотъ оригинальный способъ преподаванія исторіи и особенная цѣль его, которую опасно было открыто называть въ публичныхъ инструкціяхъ, такъ какъ посланники сосѣднихъ державъ зорко слѣдили за всѣмъ, дѣлаются понятнѣе изъ слѣдующаго наставленія о томъже предметѣ въ уставѣ: учитель долженъ „отмѣчать въ дѣяніяхъ человѣческихъ все то, что несогласно съ справедливостью, человѣчностью, довѣріемъ и вѣрностью своему слову. Поэтому онъ никогда не долженъ называть политикой, т. е. искусствомъ правительства, ни богатырскимъ подвигомъ того, что было *хитростью, измѣною, подлостью, грабежемъ, насиліемъ, наѣздомъ, присвоеніемъ чужой собственности*“. Понятно, что дѣло идетъ о раздѣлѣ польскихъ областей. Это придаетъ своеобразный оттѣнокъ частымъ и порывистымъ упоминаніямъ въ уставѣ и инструкціи объ уваженіи къ чужой собственности, какъ одной изъ важнѣйшихъ добродѣтелей, которыя требуется внушать ученикамъ, и о хитрости, какъ объ одномъ изъ самыхъ дурныхъ свойствъ

Наибольшія надежды инструкція возлагаетъ, безъ сомнѣнія, на *право* и *мораль*. Въ подробностяхъ ея по этому предмету много прекрасныхъ правилъ, въ общемъ — черты духа, внутренняго расположенія, а не внѣшней обрядности, мягкость и теплое участіе— свойства, отличающія преобразовательныя идеи XVIII вѣка, но въ конечной цѣли и задачѣ та-же односторонность, составляющая общую болѣзнь польской школьной реформы и въ частности воспитанія. Наука морали обращается въ практическое руководство. Отъ учителя требуется „не обременять учениковъ пространными объясненіями нравственности, не ограничивать своихъ занятій поученіями... не откладывать нравственнаго обученія до назначенныхъ часовъ, но на каждомъ мѣстѣ, во всякое время и при каждомъ случаѣ обращаться къ нему, возбуждая учениковъ противъ какой-либо несправедливости и подлости, напротивъ увлекая ихъ примѣромъ должнаго поступка, справедливости". Тотъ-же пріемъ внушается и въ преподаваніи права, причемъ на урокахъ требуется: „говоря объ обязанностяхъ, подтверждать объясненія примѣрами, какъ это предписано въ наставленіяхъ о преподаваніи исторіи".

Дабы ученики никогда не оставались безъ надзора, вліянія добрыхъ примѣровъ и постояннаго нравственнаго руководства, коммисія просвѣщенія установила квартирное *директорство*. Въ этомъ учрежденіи, вызванномъ крайнею заботливостью реформаторовъ о воспитаніи учениковъ въ цѣляхъ и задачахъ новой системы, еще больше высказалась глубокая вѣра ихъ въ силу своихъ наставленій и крайній идеализмъ воспитанія. Не будемъ говорить о различіи этого учрежденія отъ прежней системы цензоровъ, центуріоновъ, декуріоновъ,—оно, конечно, устроено на совершенно новыхъ началахъ.

„Директоры" избираемы были изъ лучшихъ учениковъ двухъ старшихъ классовъ, а часто и четвертаго класса (въ подокружныхъ школахъ изъ втораго и третьяго классовъ). Каждая ученическая квартира ввѣрялась особому директору, который жилъ съ своими кліентами и не отлучался отъ нихъ, развѣ на лекціи въ школы. Квартиросодержатель и родители учениковъ обязаны были принять на себя содержаніе директора и кромѣ того послѣдніе давать ему плату. Коммисіею просвѣщенія издано подробное изложеніе обязанностей директоровъ (Przepis dla dyrektorów). „Директоры должны

помнить, что примѣръ ихъ будетъ служить для дѣтей самымъ сильнымъ побужденіемъ къ добру или злу. Что будетъ видѣть дитя на своемъ директорѣ, то легко будетъ усваивать, цѣнить, или оставлять безъ вниманія, считать зломъ.... Поэтому директоръ долженъ увлекать дѣтей примѣромъ своимъ къ опрятности, воздержности въ пищѣ и питіи, разсудительности и осторожности въ поступкахъ, терпѣнію въ неудачахъ, старанію въ наукахъ, любви къ труду, вѣрности слову и обѣщанію, вѣжливости къ равнымъ себѣ, почтенію къ старшимъ, снисхожденію къ меньшимъ, благодарности къ родителямъ и благодѣтелямъ, справедливости ко всѣмъ, благотворительности, почитанію и благодарности къ Богу" (§ 1). За этимъ общимъ опредѣленіемъ слѣдуютъ подробныя указанія разнообразныхъ ученическихъ обязанностей, дѣтскихъ поступковъ, свойствъ и расположеній, а также способовъ, при помощи которыхъ директоры успѣшнѣе могутъ пользоваться своимъ примѣромъ, наставленіями, объясненіями, замѣчаніями и наказаніями.

Директоръ обязанъ хорошо изучить каждаго изъ порученныхъ ему учениковъ, его „темпераментъ, состояніе здоровья, способности, характеръ, добрыя и дурныя свойства, безъ чего нельзя знать, какъ относиться къ нимъ" (§ 12). Для этого директоръ долженъ держать себя такъ, чтобы его кліенты совершенно свободно вели себя въ его присутствіи, что даетъ ему возможность „узнать желанія и склонности ихъ" (§ 2). Въ особенности онъ долженъ быть внимательнымъ къ привычкамъ ихъ, исправлять и направлять ихъ (§ 4). „Если дитя сдѣлаетъ какой-либо добрый поступокъ, директоръ тотъ-часъ долженъ похвалить его, даже поставить его въ примѣръ другимъ. Этимъ способомъ будетъ вкореняться въ сердцѣ чувство чести (punkt honoru), то благородное и приличное человѣку побужденіе, которое, имѣя основаніемъ самолюбіе, не позволяетъ ему унижать себя и позорить какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ другихъ. Чтобы не ослаблять и не убивать этого чувства, директоръ не долженъ дѣлать взысканій съ виновнаго при другихъ. Предъ посторонними онъ долженъ только объяснить, что въ поступкѣ достойно наказанія... Если ученикъ провинился словомъ или дѣломъ въ присутствіи другихъ, благоразумный директоръ долженъ выразить знакомъ или физіономіей, что онъ осуждаетъ его поступокъ, расправу-же произвести наединѣ" (§ 4). Ди-

ректоръ долженъ беречь ученика отъ дурнаго товарищества и дружбы; инструкція обращаетъ особенное вниманіе родителей и директоровъ на выборъ слугъ (каждому ученику дозволялось имѣть свою прислугу) (§ 6). Онъ не долженъ оставлять дѣтей безъ занятій или безъ опредѣленныхъ игръ и развлеченій и безъ надзора за ними (§ 7). Дѣйствуя на ученика предостереженіемъ, объясненіями, примѣромъ и убѣжденіемъ, директоръ долженъ постоянно обращать вниманіе его на плоды, происходящіе отъ его поступковъ для него самого, и дать ему на дѣлѣ почувствовать такіе плоды. Приводятся примѣры и даже формулы изреченій, въ которыхъ директоръ можетъ дать ученику почувствовать плоды его поступковъ. „Привыкаетъ дитя лгать, пускай на себѣ самомъ испытаетъ плоды лжи, именно, что *лжецу никто не вѣритъ.* Хочетъ ученикъ поиграть, проситъ позволенія, обѣщая приложить потомъ всѣ старанія къ приготовленію урока, директоръ можетъ сказать: *„кто трудится, долженъ послѣ труда отдохнуть и развлечься.—Развѣ я могу вѣрить твоимъ обѣщаніямъ и словамъ, когда ты столько разъ рѣшался обманывать меня?—Заслужи довѣріе — и я буду тебѣ вѣрить.—Какъ ты хотѣлъ, такъ люди и поступаютъ съ тобою.— Частая твоя ложь возбудила во мнѣ недовѣріе къ тебѣ и, можетъ быть, большую, чѣмъ слѣдуетъ, непріятную для тебя осторожность. — Убѣдись-же, что, причиняя другимъ обиду, самъ на себѣ несешь ее“* (§ 8). Директоръ будетъ пользоваться привязанностью и послушаніемъ со стороны дѣтей, если самъ будетъ обходиться съ ними „съ полною нѣжностью, справедливостью, осторожностью, вѣжливостью и любовію“. Строго запрещается ему въ отношеніяхъ къ своимъ кліентамъ „брань, порывистость, злость или мщеніе, употребленіе оскорбительныхъ словъ, прозвищъ, проклятій, побоевъ и насилій“ (§ 9). Директоръ долженъ строго выдерживать свое достоинство; „только-бы въ собственномъ примѣрѣ и поступкахъ не давалъ никакого соблазна (żadnej okazyi i zaczepki), легко тогда можетъ руководить дѣтей и управлять ими“ (§ 10). „Принявъ свою должность, директоръ тотъ-часъ долженъ смотрѣть на своихъ кліентовъ, какъ на собственныхъ дѣтей, имѣя къ нимъ отеческое сердце на самомъ дѣлѣ («jak na własne dzieci, okazując ojcowskie ku nim serce rzeczą samą») (§ 12). На директорѣ сполна лежитъ забота о пріученіи дѣтей ко всему домашнему порядку, чистотѣ и

приличіи въ цѣлой внѣшности ихъ, объ исправномъ приготовленіи ими уроковъ, о соблюденіи должнаго такта въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ къ нимъ отношеніе. Онъ долженъ также съ тѣмъ или другимъ изъ кліентовъ его „часто дѣлать визиты старшимъ, ровесникамъ, роднымъ, навѣщать больныхъ въ госпиталяхъ, оказывать съ нимъ помощь и утѣшеніе несчастнымъ“ (§ 13)...

Полагаемъ, что этихъ выписокъ достаточно для того, чтобы убѣдиться съ одной стороны въ крайней заботливости школы о воспитаніи и глубокой гуманности воспитательныхъ пріемовъ, съ другой стороны—въ крайней идеализаціи воспитанія и въ глубокихъ противурѣчіяхъ его. Всякій родитель и воспитатель нашего времени подпишется подъ этимъ гуманизмомъ и въ то-же время остановится въ недоумѣніи предъ цѣлою воспитательною системою. Крайняя идеализація, напрасная вѣра въ силу наставленій и предписаній выступаетъ со всею яркостью, когда просматриваемъ тогдашніе списки учениковъ и вѣдомости о директорахъ. Возрастъ учениковъ по этимъ спискамъ оказывается весьма разнообразнымъ, отъ 6 до 28 лѣтъ. Въ каждомъ классѣ лучшіе изъ учениковъ—меньшаго и средняго возраста. Огромное число директоровъ — въ возрастѣ отъ 14 до 16 и 17 лѣтъ, а не мало директоровъ, имѣвшихъ всего по 13 и 12 лѣтъ! И вотъ изъ какихъ отроковъ составляется воспитательный орденъ, который всецѣло долженъ посвятить себя своему призванію и въ точности выполнять идею воспитанія! Эта-то первая юность и отрочество обязывается проникнуться отеческими чувствами къ ученикамъ, хотя-бы и меньшимъ себя, „смотрѣть на нихъ, какъ на собственныхъ дѣтей, имѣть къ нимъ отеческое сердце на самомъ дѣлѣ“! Это-то дѣтство возводится въ священное учрежденіе, имѣющее право несогласія и апелляціи не только въ отношеніи къ учителямъ, но и къ префекту и къ ректору! Что могло быть плодомъ этого учрежденія, кромѣ извращенія чувства чести и собственнаго достоинства—того самаго чувства, о которомъ такъ тщательно и найболѣе заботится вся эта система! Что могло произойти въ цѣломъ поведеніи директоровъ и учениковъ, кромѣ яркихъ декорацій всѣхъ возможныхъ добродѣтелей, педантизма, самомнѣнія, напускнаго благородства! Не говоримъ о противурѣчіи въ самомъ основаніи нравственности, которая требуетъ воспитывать дѣтей на христіанской любви къ ближнимъ и къ Богу

и вмѣстѣ съ тѣмъ вкоренять въ сердцахъ ихъ то „чувство, которое имѣетъ основаніемъ самолюбіе".

Наконецъ—ученики, эта среда, на которую направлены всѣ эти напряженныя заботы о самоотверженіи и силѣ вліянія учительскаго состава, о направленіи всего преподаванія, о значеніи директоровъ, — этотъ матеріалъ, изъ котораго должна возникнуть новая порода людей, имѣющихъ преобразовать и спасти отечество. Послѣ сказаннаго о направленіи и духѣ преподаванія, о задачахъ института директоровъ, понятенъ типъ примѣрнаго ученика. Этотъ типъ окончательно обрисовывается въ изложеніи обязанностей учениковъ, заключающемся въ уставѣ (преимущественно въ главахъ 18, 19, 21, 24, 25) и въ инструкціяхъ ректорамъ, учителямъ и директорамъ.

Въ школы (среднія и высшія учебныя заведенія) принимались только шляхетскія дѣти. Какъ ни глубоко проникнуты были школьные реформаторы идеями равенства, но, до реформы государственнаго строя, должны были сдѣлать эту уступку закоренѣлому сословному предразсудку шляхты. Тѣмъ рѣшительнѣе однако была коммисія просвѣщенія въ своихъ требованіяхъ отъ учениковъ—будущихъ гражданъ, во имя отечества. Въ историческомъ характерѣ шляхты школьная система находила много полезнаго для своихъ цѣлей матеріала: гоноръ, честолюбіе, значеніе гражданина Рѣчи Посполитой и защитника отечества. Первый параграфъ спеціальной главы устава объ ученикахъ (18) внушаетъ новоприбылому, какъ первую обязанность, смотрѣть на себя, какъ на молодаго гражданина, который долженъ, „стремиться къ тому, чтобы стать гражданиномъ зрѣлымъ". Въ силу такого взгляда на ученика, послѣдній обставленъ всѣми гарантіями шляхетскаго права и гонора. Онъ имѣлъ право самъ о себѣ хлопотать, начиная съ записи себя въ число учениковъ до личныхъ жалобъ не только на директора, но и на учителей, префекта, даже на ректора (предъ визитаторомъ) (18, 4). Внушая учителю отвѣчать ученикамъ на урокахъ „вѣжливо, съ предупредительностью", уставъ напоминаетъ ему, что онъ „имѣетъ дѣло съ людьми разсудительными, хотя и дѣтьми" (14, 2). Въ наставленіяхъ всѣмъ служащимъ и директорамъ требуется особенно заботиться объ осторожности въ отношеніи къ чувству чести и собственнаго достоинства ученика.

При поступленіи въ школу, молодой шляхтичъ былъ освобожденъ отъ всякихъ формальностей: достаточно было явиться къ префекту и записаться въ число учениковъ, на всѣ предметы и классы, начиная съ перваго, или только на нѣкоторые предметы. Никакого экзамена при поступленіи въ школу не требовалось. Никакой платы за право ученія не полагалось. За неуспѣхъ въ наукахъ не полагалось исключеніе изъ школъ; шляхтичъ воленъ былъ сидѣть за скамьею, сколько ему угодно, лишь-бы велъ себя хорошо. Возрастъ для поступленія въ школу не былъ опредѣленъ: въ спискахъ встрѣчаемъ даже семи и шестилѣтнихъ дѣтей и въ то-же время въ одномъ съ ними классѣ видимъ пятнадцати и шестнадцати-лѣтнихъ. Въ старшихъ классахъ, наряду съ 14—15 лѣтними сидѣли двадцатисеми и двадцативосьми-лѣтніе. Удаленіе изъ школы допускалось, послѣ предувѣдомленія родителей, но „безъ оглашенія". Исключенія изъ школы допускались только за нѣкоторые нравственные проступки. Но и въ этомъ случаѣ, ученикъ былъ гарантированъ правомъ апелляціи къ визитатору и тѣмъ болѣе могъ расчитывать на успѣхъ своей апелляціи, что протоколъ совѣта школы объ исключеніи не подлежалъ немедленному исполненію, а представляемъ былъ предварительно на усмотрѣніе академическаго визитатора, или ректора главной школы, который могъ утвердить или отмѣнить это постановленіе совѣта школы (Уст. гл. 26, 11).

За это уваженіе къ достоинству гражданина, ученикъ обязанъ былъ всецѣло отдаться въ распоряженіе новой системы воспитанія. Непослушаніе начальникамъ и учителямъ считалось въ числѣ четырехъ грѣховъ (другіе три: воровство, пьянство и распущенность), въ случаѣ которыхъ либеральнымъ идеямъ повязывали глаза и молодаго гражданина сѣкли розгами (о семъ безъ опредѣленія числа ударовъ, гл. 26, 6—9). Самыми обыкновенными наказаніями, послѣ замѣчаній и выговоровъ, были также не идущія въ тактъ съ чувствомъ чести и самолюбіемъ, именно: стояніе въ классѣ на колѣняхъ, стояніе въ коридорѣ при проходѣ учениковъ съ таблицей въ рукахъ, на которой было написано: *лѣнивъ, неуживчивъ, непослушенъ и т. д.* Ученикъ обязанъ былъ учиться въ теченіе десяти мѣсяцевъ въ году безъ перерыва и не выѣзжать къ родителямъ ни на какіе праздники, кромѣ лѣтнихъ каникулъ, положенныхъ съ 29 іюля по 29 сентября (по новому стилю). Наканунѣ Рождества Хри-

стова уроки прекращались и возобновлялись на третій день праздника. Равнымъ образомъ ученіе прекращалось въ страстной четвергъ и возобновлялось на третій день пасхи. Родители видѣли въ этомъ распоряженіи неуваженіе къ религіи и, по старому обычаю, забирали дѣтей на праздники. Но коммисія просвѣщенія ревниво оберегала это требованіе: директорамъ, учителямъ и начальствующимъ предписывалось объяснять родителямъ благотворность этого порядка, а учениковъ за отъѣздъ на праздникъ положено было оставлять въ томъ-же классѣ на второй годъ безусловно, а за вторичный отъѣздъ не принимать въ тѣ-же школы.

Ежедневно въ семь часовъ утра всѣ ученики должны были присутствовать въ костелѣ на литургіи. Изъ костела расходились по классамъ. Ежедневно, кромѣ вторника и четверга, полагалось по четыре часовыхъ урока, отъ 8 до 10 и отъ 2 до 4 часовъ. Отъ 10 до 11 часовъ положены были необязательные предметы — иностранные языки. По вторникамъ и четвергамъ полагалось только утреннихъ два урока, и эти дни назывались поэтому рекреаціонными. Если въ одинъ изъ прочихъ четырехъ дней случится праздникъ, то въ слѣдующій рекреаціонный день уроки полагались и послѣ обѣда.

Въ квартирахъ каждый ученикъ долженъ былъ все время непремѣнно быть чѣмъ-нибудь занятъ. Послѣ приготовленія уроковъ и другихъ работъ, данныхъ учителями на домъ, ученики должны были заниматься своимъ домашнимъ хозяйствомъ: наблюдать за храненіемъ и выдачею съѣстныхъ припасовъ, непремѣнно чистить свое платье, обувь, стлать постель, содержать всѣ свои вещи и себя самихъ въ чистотѣ и опрятности, устраняя всякую роскошь въ одежѣ, равно какъ и скупость въ ней, ежедневно провѣтривать квартиру, сами должны (малые—съ директоромъ) ходить къ своимъ портнымъ, сапожникамъ и под., въ случаѣ необходимости заказать или починить платье, обувь и т. под., вообще должны были укрѣплять себя въ быту, свойственномъ мущинѣ, въ упражненіяхъ, закаливающихъ силу, и стыдиться въ себѣ „нѣжности и деликатности женской“ (niewieściej). По приведеніи въ порядокъ всѣхъ своихъ дѣлъ, ученики занимались играми по назначенію директора, или подъ предводительствомъ его отправлялись на базаръ, въ лавки, аптеки, мастерскія и

под., сообразно указаніямъ въ инструкціи для учителей экономіи, искусствъ и ремеслъ. Въ девять часовъ ложились спать.

Въ дни рекреаціонные, а такъ-же въ праздники, послѣ обѣда, всѣ ученики, во главѣ своихъ директоровъ, должны были отправляться на прогулку „безъ отговорки непогодой, развѣ префектъ отмѣнитъ". Прогулка происходила за-городомъ и состояла въ разнообразныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ префекта или учителя. „Эти упражненія, говоритъ уставъ (гл. 25, 2), должны служить для развитія крѣпости, гибкости, ловкости тѣла, мужества и отваги, и соотвѣтствовать цѣли. Таковы: игра въ мячъ, при которой нужно живо убѣгать и возвращаться; игра въ балонъ или большой мячъ, бросаніе камней въ воду, бѣгъ въ перегонку до назначеннаго мѣста, верховая ѣзда, измѣреніе огородовъ, полей, трудныхъ для приступа мѣстъ и т. п.". „Но наиболѣе предписываются *упражненія военныя*, которыя, развивая гибкость и ловкость тѣлесную, вмѣстѣ съ тѣмъ развиваютъ силу и крѣпость духа, вдохновляютъ чувствомъ чести" (глава 21, 3). „Свойственными шляхетской молодежи должны считаться упражненія, состоящія въ солдатской выправкѣ, въ штурмѣ и оборонѣ какого-либо мѣста, вообще научающія *военному строю, порядку и военному закону*. Ничто болѣе не помогаетъ возбужденію мужества, силы духа, благороднаго великодушія и стародавняго рыцарскаго духа, какъ эти упражненія молодежи. Юноши, надлежаще руководимые, научатся различать благородную отвагу отъ истиннаго мужества и храбрости, заранѣе убѣдятся въ той истинѣ (и приготовятся къ исполненію ея), что каждый гражданинъ во всѣхъ странахъ, особенно въ республикѣ (rzeczy pospolitej) долженъ быть солдатомъ, т. е. охранителемъ своего отечества, не глядящимъ вспять, но руководимымъ справедливостью и честью. Начальствующіе и руководящіе воспитаніемъ должны самымъ тщательнымъ образомъ предохранять молодежь въ этихъ играхъ и развлеченіяхъ отъ всякаго коварства, вѣроломства, притѣсненія и обиды слабыхъ сильными, отъ пустаго удальства, и строго наказывать за подобные поступки. Съ другой стороны, много поможетъ дѣлу, когда отважныхъ, безстрашныхъ, храбрыхъ, побѣдителей на играхъ и упражненіяхъ они будутъ открыто хвалить, не унижая другихъ, награждать ихъ вѣтками или вѣнками, ставить ихъ на челѣ другихъ во

время подобныхъ упражненій; когда будутъ при этомъ заохочивать учениковъ воспѣвать своего товарища (побѣдителя) въ стихахъ. Такое нераздѣльное, физическое и нравственное воспитаніе способно будетъ дать обществу почтенныхъ людей, а отечеству добрыхъ гражданъ" (гл. 25, 2).

Приходится сказать при этомъ, въ заключеніе нашего обозрѣнія системы среднихъ школъ: „а ларчикъ просто открывался!" Всѣ эти разсужденія о значеніи военныхъ упражненій для шляхетской молодежи, для развитія великодушія и рыцарства, сами собою падаютъ, при сравненіи ихъ съ наставленіемъ учителю сельской школы, воспитывавшей не гражданъ, но безправныхъ лицъ, въ строго крѣпостномъ духѣ;—ему внушалось коротко, лаконически—въ играхъ сельскихъ дѣтей соблюдать всѣ установленія, какія предписаны для среднихъ школъ. Эти разсужденія очевидно нужны были только для отвода глазъ зоркихъ наблюдателей—посланниковъ сосѣднихъ державъ, которыя не могли бы ожидать равнодушно (какъ это потомъ и случилось), пока вся страна превратится въ одинъ сплошной военный лагерь и все молодое поколѣніе, безъ различія сословій, въ сплошную армію. Къ сожалѣнію, нужно признать, что это именно было завѣтною мыслію тогдашнихъ школьныхъ реформаторовъ, это было отдаленною и конечною цѣлію системы ихъ. Наставленія учителю исторіи, права и морали относительно политики завоеваній, эти пылкія и настойчивыя внушенія возбуждать учениковъ противъ того, „что было хитростью, подлостью, насиліемъ, грабежомъ, наѣздомъ, присвоеніемъ чужой собственности", все это, въ соединеніи съ порывистостью заботъ о военныхъ упражненіяхъ, отравляло новую школьную систему въ самомъ источникѣ ея [1]): образованіе стало неразлучно съ задорной

---

[1]) Любопытны мотивы, къ которымъ прибѣгали впослѣдствіи для защиты этой системы и основной ея задачи поборники ея во времена Варшавскаго Герцогства, когда на вѣнскомъ конгрессѣ рѣшенъ былъ вопросъ объ учрежденіи Царства Польскаго. Въ организаціонномъ комитетѣ, учрежденномъ по этому случаю, поднялись сильныя нареканія на систему образованія за ея враждебность истинной религіи, за матеріализмъ, за солдатчину. Одинъ изъ членовъ этой коммисіи и тогдашнихъ министровъ, другъ главнаго представителя этой системы Станислава Потоцкаго, извѣстный своимъ напыщеннымъ краснорѣчіемъ Матусевичъ, отвергая упреки въ анти-религіозности и матеріализмѣ, о военныхъ упражненіяхъ учениковъ такъ от-

политикой и съ мечтами о возстановленіи Польши въ старыхъ границахъ...

Первоначально военныя упражненія, какъ и прочія игры, производились дѣйствительно подъ руководствомъ префектовъ. Забавно было это молодое воинство подъ командою ксендза-префекта! Странны были эти почтенные монахи-піаристы, наиболѣе ретиво упражнявшіе своихъ питомцевъ въ военныхъ „муштрахъ". Но скоро дѣло вышло на болѣе прямую дорогу: для военныхъ упражненій нанимаемы были отставные унтеръ-офицеры, появились деревянныя сабли, ружья, пушки, даже военная форма на ученикахъ, во время упражненій, устроялись примѣрныя сраженія, взятіе и оборона крѣпостей. Даже каневскіе базиліане, содержавшіе съ ничтожнымъ пособіемъ отъ коммиссіи просвѣщенія едва-ли не самую плохую въ цѣломъ краѣ школу, не нашли чѣмъ лучше встрѣтить прибывшаго въ 1787 году на свиданіе съ императрицею Екатериною II польскаго короля Станислава Понятовскаго, какъ выставкою своихъ учениковъ, сполна одѣтыхъ и вооруженныхъ по-солдатски. („Dziennik podróży króla Stanisława Augusta na Ukrainę" г. 1787.—*Дневникъ поѣздки короля Станислава Августа на Украйну 1787 г.*—

зывался: »польскій народный характеръ отличаютъ двѣ важныя черты: рыцарскій духъ и любовь къ отечеству. Онѣ не противны религіи и потому ихъ нужно укрѣплять. Рождаются для насъ новыя обязанности благодарности къ монарху, котораго справедливо можно назвать коронованнымъ ангеломъ. Чѣмъ-же мы отвѣтимъ ему на благодѣянія, если не *станемъ для него щитомъ, который могъ бы защищать его* (!). Нынѣшнее состояніе края таково, что неизбѣжно ведетъ его къ уменьшенію войска. Чтобы за этимъ не послѣдовалъ упадокъ военнаго духа, надлежитъ еще въ школахъ впаять его въ сердца молодежи и даже играмъ учениковъ давать рыцарскій характеръ, дабы всегда имѣть солдата, наименѣе обременительнаго для страны и наиболѣе приготовленнаго на случай нужды (do potczeby). Пускай будутъ на челѣ образованія обязанности добраго христіанина, но, вмѣстѣ съ правилами религіи, пускай оно проникается тѣмъ, что возбуждаетъ обязанности обывателя и солдата, словомъ—пускай девизомъ его будетъ: Богъ, отечество, слава«. (Изъ дѣлъ архива варшавскаго учебнаго округа 1815 г. Akta... ustaw organicznych № 1, vol. 1, lit. A). Предсѣдателемъ организаціонной коммисіи былъ Ланской, однимъ изъ членовъ Новосильцовъ.—Поборники школьной системы, завѣщанной временемъ реформы, успѣли отстоять ее для Царства Польскаго, но въ 1820 году она пала вмѣстѣ съ Станиславомъ Потоцкимъ, послѣ чего началось сильное броженіе въ краѣ.

Лукаш. 11, 327 и 328 въ примѣчаніи). Молодое войско, воспитанное въ новыхъ идеяхъ, гордое своимъ предназначеніемъ, рвалось сразиться съ врагами идеальнаго отечества. Такихъ враговъ въ то время Польша имѣла внутри себя гораздо больше, чѣмъ извнѣ. Молодое войско, особенно въ большихъ городахъ, такъ-же имѣло предъ собою живыхъ враговъ отечества. То была для нихъ главнымъ образомъ *Палестра*—пріютъ многочисленной, большею частію не окончившей курса шляхетской молодежи, практически обучавшейся канцелярской судебной казуистикѣ. Для школьниковъ палестранты были представителями дикой старины, противниками новаго духа, въ особенности послѣ того, какъ приготовленное, по порученію сейма 1776 г., однимъ изъ членовъ коммиссіи просвѣщенія, Андреемъ Замойскимъ, новое судебное уложеніе[1]) было отвергнуто послѣдующимъ сеймомъ, какъ неблаговременное. Вспомнимъ рѣзкій отзывъ Пирамовича объ этомъ старомъ польскомъ судопроизводствѣ (prawnictwo), какъ о мерзости, подъ которою скрыли истинное право „дикія понятія и обычаи грубыхъ вѣковъ“ (въ рѣчи 1783 г.). Визиты и школьные рапорты жалуются, что палестранты первые нападали; молодое войско принимало бой. Но вслѣдъ за тѣмъ на сторонѣ палестры появлялись толпы праздношатающихся молодыхъ шляхтичей—кунтушниковъ и городскихъ мѣщанъ, и бой принималъ такіе размѣры, что для прекращенія его часто требовалось содѣйствіе дѣйствительныхъ войскъ.

Новыя идеи сильно враждовали съ сословностью, съ привилегіями высшихъ классовъ и проповѣдывали равенство всѣхъ, братство. Школьные польскіе реформаторы не могли помириться съ старшиною, сдѣлавшею образованіе исключительною принадлежностью шляхты. Они хорошо понимали эту застарѣлую болѣзнь Польши, исключавшую всю массу мѣщанъ и крестьянъ изъ числа гражданъ—защитниковъ отечества. Въ кружкѣ этихъ реформаторовъ давно уже бродили мысли о надѣленіи мѣщанъ правами гражданства и даже объ освобожденіи крестьянъ, какъ наилучшемъ способѣ усилить организмъ Польши. Но они понимали, что шляхта составитъ необоримую стѣну противъ этихъ попытокъ и скорѣе

[1]) *Zbiór praw sądowych. Warszawa, r. 1788.*

разрушить Польшу, чѣмъ откажется отъ своихъ правъ, потому что, по убѣжденію ея, Польша—это она. Потому-то только робко, стороною высказывались тогда эти мысли. Реформаторы школы нашли средство, не трогая правъ шляхты, приложить могущественную силу школы ко всѣмъ низшимъ, безправнымъ классамъ, чтобы обратить ихъ въ надежныхъ защитниковъ отечества. Нужна была ловкость Пирамовичей, чтобы не возбудить въ шляхтѣ подозрѣнія и не уничтожить этого дѣла въ самомъ началѣ. Вотъ какъ объясняетъ идею сельской школы Пирамовичъ въ рѣчи своей 7 марта 1786 г., по случаю выхода въ свѣтъ перваго полнаго учебника для этихъ школъ[1]). „Въ составѣ и въ цѣломъ содержаніи этого учебника издатели руководились тѣмъ правиломъ, чтобы все направлено было къ истинному (?) просвѣщенію, которое опредѣляется потребностями народа и его обязанностями въ отношеніи къ своимъ панамъ, сельскому быту и къ самимъ себѣ. Если посполитые люди пойдутъ по указанію наукъ, назначенныхъ для нихъ, то они не могутъ стать иными, какъ только вѣрными краю и своимъ панамъ, старательными въ исполненіи своихъ обязанностей, справедливыми, полными любви и милосердія къ ближнимъ, любящими правду, трезвость, добрый домашній порядокъ и трудъ. Нѣтъ ничего желательнѣе, чтобы образованіе равномѣрно распространялось по всему краю и изливало свои благодѣянія на всѣ сословія народа. Ревность побуждаетъ распространять свѣтъ просвѣщенія во всѣхъ слояхъ, на которые Провидѣніе подѣлило человѣческій родъ. Высшіе классы, призванные къ управленію страною, имѣютъ свои науки, которыя должны руководить ихъ въ законодательствѣ и судѣ, возвышать души ихъ къ благородству, свойственному имъ по самому рожденію, укрѣплять въ нихъ сознаніе того, что они—опекуны и охранители страны, совѣтники и стражи отечества. Тѣ-же, которымъ свыше предопредѣлено посвящать свой трудъ на продовольствіе правителей и охранителей своихъ и воздѣлывать плоды земные для общей пользы и выгоды, или заниматься приготовленіемъ ремесленныхъ издѣлій и предметовъ, необходимыхъ для владѣтелей, землевладѣльцевъ и для всѣхъ тѣхъ, кто нуждается въ нихъ, тѣ найдутъ въ назначенныхъ для дѣтей ихъ наукахъ прав-

[1]) О немъ будетъ ниже

ственныя и физическія свѣдѣнія, соотвѣтственныя призванію ихъ. Осторожность всегда должна управлять рукою, которая берется раскрывать истину,—осторожность, основанная на ясномъ пониманіи обстоятельствъ и взглядовъ страны. Опасно было-бы вдругъ ниспровергать общее убѣжденіе. Истина должна приводить только къ добродѣтели и ни къ чему другому. Если-бы блескъ ея разомъ ударилъ на слабыя и неприготовленныя очи, то могъ-бы лишить ихъ и остатка свѣта, навсегда ослѣпить".

Приготовляя новую организацію для низшихъ школъ, коммисія просвѣщенія 1) тщательно развѣдывала, гдѣ имѣлись школьные фундуши и спѣшила взять ихъ въ свое вѣдѣніе; 2) при распредѣленіи по-іезуитскихъ костеловъ и зданій между епархіальными учрежденіями, она постановляла непремѣннымъ условіемъ содержаніе при нихъ первоначальныхъ школъ; 3) обращалась къ содѣйствію помѣщиковъ для учрежденія школъ въ имѣніяхъ ихъ; 4) открыла нѣсколько школъ на счетъ общихъ эдукаціонныхъ суммъ. По установленіи организаціи этихъ училищъ, названныхъ *парафіальными*, коммисія сдѣлала распоряженіе о воспрещеніи училищъ инаго типа и о немедленномъ закрытіи таковыхъ, если-бы онѣ гдѣ нибудь появились, о чемъ должны развѣдывать проректоры, ректоры и визитаторы школъ.

Уставъ постановилъ лишь самыя общія правила о *парафіальныхъ* школахъ (гл. 22). Въ развитіе этихъ правилъ издано было особое распоряженіе (Przepis) объ организаціи ихъ. Парафіальныя школы раздѣлялись на большія и меньшія (większe i mniejsze). Въ первыхъ положено было обучать: религіи, нравственности, чтенію и письму, счету, началамъ измѣренія, огородничеству, земледѣлію, сохраненію здоровья, леченію скота, сообщать свѣдѣнія о мѣстной торговлѣ, промыслахъ, ремеслахъ, хозяйственныхъ орудіяхъ, постройкахъ и т. п. „Въ меньшихъ школахъ, въ которыхъ обыкновенно учатся только сельскія дѣти, эти науки преподаются въ меньшемъ размѣрѣ, приспособительно къ мѣстнымъ потребностямъ" (глав. 22, 4). Для обученія этому курсу какъ въ большихъ, такъ и въ меньшихъ школахъ, положенія (Przepis) назначаютъ ни больше, ни меньше, какъ 12 лѣтъ! „А потому, говорятъ онѣ, дѣти должны начинать первое свое обученіе съ четырехъ и пяти лѣтъ, дабы въ семнадцать или восемнадцать лѣтъ они уже могли быть

приготовленными на службу отечества.“—Время ученія для деревенскихъ школъ назначается отъ св. Михаила до св. Войцѣха (29 сент. до 23 апр. по нов. ст.); въ городскихъ училищахъ тотъ-же срокъ, что и для „высшихъ школъ“.—Коммисія выражала желаніе, чтобы такія школы устроены были въ каждомъ городѣ и въ каждомъ сельскомъ приходѣ.

Но если могло быть обойдено затрудненіе съ предубѣжденіемъ шляхты, то какъ обойти его съ учителями? Какимъ образомъ не только надѣлить каждый приходъ учителями новаго духа, но и преобразить хотя нѣсколькихъ наличныхъ учителей—органистовъ по идеямъ Руссо и Кондильяка? Хотя коммисія просвѣщенія постановила учредить учительскіе институты въ Ловичѣ и въ Кѣльцахъ, хотя въ 1787 году примасъ Польши Михаилъ Понятовскій приступалъ къ учрежденію этихъ институтовъ на свой счетъ, а Пирамовичъ тогда-же составилъ планъ организаціи ихъ, но добросовѣстный Лукашевичъ[1]) сознается, что онъ нигдѣ не нашелъ какихъ-либо документовъ, доказывающихъ дѣйствительное существованіе этихъ институтовъ, хотя ему доступны были всѣ бумаги тогдашней коммисіи просвѣщенія и документы всѣхъ школъ. Коммисія просвѣщенія, издавая *Положеніе* (Przepis) о парафіальныхъ школахъ, хотя и выразила свой идеальный взглядъ на начальнаго учителя, однако благоразумно покорилась необходимости. „Коммисія народнаго просвѣщенія, говорится въ самомъ началѣ этого *положенія*, желала-бы, чтобы каждый, посвятившій себя учительству, прежде всего поступалъ на должность учителя парафіальной школы и, начиная съ этого перваго ступеня, постепенно восходилъ по лѣстницѣ учительской до самыхъ высшихъ степеней въ академіяхъ. Но, пока это осуществится, пока не устранено будетъ лож-

---

[1]) *Historya szkół* т. II, стр. 417 и 418. Не смотря на ясное указаніе Лукашевича, не смотря на то, что доселѣ не имѣется какихъ либо документовъ дѣйствительнаго существованія этихъ институтовъ, послѣдующіе польскіе историки и обозрѣватели этого періода доселѣ продолжаютъ утверждать, что институты не только существовали, но приносили краю ожидаемые отъ нихъ плоды, а г. *Заруцкій* (Dawne wychowanie w Polsce. 1878 г.) насчитываетъ десятокъ тысячъ школъ, появившихся будто-бы въ Польшѣ спустя всего пять лѣтъ послѣ открытія институтовъ!..

ное мнѣніе о низкомъ уровнѣ поста парафіальнаго учителя, пока не будутъ приготовлены для этихъ мѣстъ способные кандидаты, тѣмъ временемъ приходскіе священники поставятъ на эти мѣста такихъ лицъ, какихъ найдутъ способными" (§ 1 и 2). Первыя парафіальныя школы съ новымъ курсомъ могли появиться только въ 1786 году, такъ какъ въ 1785 году коммисія просвѣщенія издала первый учебникъ основнаго курса ихъ. Это былъ: Elementarz dla szkół parafialnych narodowych" (*Букварь для приходскихъ народныхъ школъ*), напеч. въ Краковѣ и заключающій въ себѣ: 1) *Обученіе чтенію и письму*, съ статьями для чтенія и наставленіями для учителя, состав. піаристомъ Копчинскимъ, 2) *Краткій катехизисъ*, 3) *Нравственныя наставленія* (nauka obyczajów), состоящія въ изложеніи общихъ обязанностей ученика и человѣка низшаго класса, составл. самимъ Пирамовичемъ, 4) *Счисленіе* (nauka rachunków), составл. піаристомъ Гавронскимъ и заключающее въ себѣ первыя четыре дѣйствія ариѳметики съ понятіями о мѣрѣ, вѣсѣ и т. п.[1]). По основному своему духу, по пріемамъ обученія, какъ и по составу своему, этотъ учебникъ такъ-же далеко отстоялъ отъ тогдашнихъ букварей, съ неизбѣжными въ нихъ нѣжными похвалами розгѣ, какъ желанные коммисіей просвѣщенія учители—отъ наличныхъ тогда сельскихъ органистовъ. Кромѣ того, этотъ учебникъ далеко не обнималъ собою всѣхъ предметовъ, положенныхъ въ курсѣ начальныхъ школъ и требовавшихъ для прохожденія его двѣнадцать лѣтъ. Пылкій Пирамовичъ, глубоко вѣрившій въ силу наставленій, рѣшился съ одной стороны восполнить учебникъ, съ другой стороны приготовить наличныхъ учителей къ исполненію мыслей коммисіи въ возможной полнотѣ ихъ. Съ этою цѣлію онъ составилъ: „Powinności nauczyciela, mianowicie zaś w szkołach parafialnych i sposoby ich dopełnienia", (Обязанности учителя, главнымъ образомъ въ приходскихъ школахъ и способы выполненія ихъ), сочиненіе напечатанное въ 1787 г. и предписанное коммисіей въ руководство для всѣхъ парафіальныхъ учителей.

Едва-ли какая либо педагогическая литература представитъ другое, такое же полное и всестороннее наставленіе начальному

[1]) О лицахъ, участвовавшихъ въ составленіи Букваря, упоминается въ рѣчи Пирамовича 7 мар. 1786 года.—*Nauka obyczajów*—Пирамовича издана была особо въ 1862 году редакціей варшавской *Gazety rolniczej*, служившей органомъ извѣстнаго тогда земледѣльческаго общества.

учителю, какое дастъ эта книга Пирамовича (13+211 стр. in 8). Это писалъ не только человѣкъ просвѣщенный, хорошо соображавшій всѣ, даже самыя мелкія подробности своей задачи и имѣвшій обширныя свѣдѣнія о предметѣ, но энтузіастъ, фанатикъ идеи, безпредѣльно преданный ей и безусловно вѣрившій въ силу ея, въ возможность для тогдашняго сельскаго учительскаго типа проникнуться духомъ ея и осуществить ее на крестьянскихъ дѣтяхъ, съ помощію только напряженія воли. Это не простое изложеніе наставленій, не рядъ спокойныхъ объясненій и указаній, но одна непрерывная педагогическая проповѣдь, горячая, идущая отъ сердца; авторъ направилъ все свое вниманіе на чувство и воображеніе учителя, онъ старается увлечь его, покорить, проникнуть духомъ своей идеи. Польская деревня представляется ему крѣпостническимъ раемъ, въ которомъ благодѣтельные паны сходятся въ благородномъ и самоотверженномъ служеніи счастью крестьянина и высоко ставятъ постъ сельскаго учителя,—учитель, просвѣщенный образецъ всѣхъ нравственныхъ достоинствъ, возлагаетъ на олтарь отечества всѣ свои силы,—крѣпостной человѣкъ, надѣленный всѣми добродѣтелями своего званія, охотно несетъ ихъ на службу своимъ панамъ и отечеству! Каждое положеніе и наставленіе въ отдѣльности проникнуто гуманностью, многія изъ нихъ глубоко педагогичны и приложимы къ сельской школѣ во всякое время и въ каждомъ мѣстѣ, не мало такихъ наставленій и правилъ, которыя слѣдовало бы зарубить каждому современному учителю начальной, особенно сельской школы; но всѣ онѣ вмѣстѣ, въ своемъ духѣ и направленіи, производятъ тяжелое впечатлѣніе напряженныхъ усилій позолотить польское крѣпостное ярмо, сдѣлать тѣло и душу крестьянина возможно лучшею машиною панскихъ выгодъ и политическихъ видовъ Польши. И здѣсь Пирамовичъ строитъ все свое педагогическое зданіе на *правѣ натуры*, въ которой сокрыта, по тогдашнему міровоззрѣнію, воля Божія, а натура крестьянъ—крѣпостное состояніе! „Божія воля, говоритъ онъ, предопредѣлила имъ такое состояніе"... Если бы авторомъ руководила дѣйствительно христіанская мысль, состраданіе къ угнетенному и приниженному классу, забота о воспитаніи человѣка—христіанина, который и въ неволѣ сознаетъ себя свободнымъ, сыномъ Божіимъ, тогда вся филиппика Пирамовича получила бы иное направленіе и иное освѣщеніе. Но это холодное

предопредѣленіе, эта воля натуры, дающая только обязанности и никакихъ *правъ*, освящающая рабство, это есть нѣчто единственное въ христіанскомъ педагогическомъ мірѣ, обнаруживающее всю страстность постороннихъ, политическихъ видовъ, орудіемъ которыхъ сдѣлана школа.

Безъ сомнѣнія, потребуется большое усиліе, чтобы воспитать учителя, способнаго исполнить эту задачу. Пирамовичъ хорошо зналъ человѣка и способы возбужденія его. Онъ сразу поднимаетъ учителя на такую высоту, на которой и у современнаго учителя закружилась бы голова. „Человѣкъ, призванный къ завѣдыванію парафіальною школою и къ обученію дѣтей въ деревняхъ и мѣстечкахъ, долженъ смотрѣть на свою службу, какъ на дѣло величайшей важности во всѣхъ отношеніяхъ. Задача призванія его состоитъ въ томъ, чтобы въ своемъ обученіи онъ обнялъ все, что составляетъ благо ввѣренныхъ ему учениковъ, какъ въ дѣтствѣ ихъ, такъ и въ дальнѣйшей жизни“. Для лучшаго уразумѣнія своихъ обязанностей, Парамовичъ требуетъ отъ учителя: 1) „прежде всего обращайся съ молитвою къ отцу свѣта Богу, чтобы Онъ подкрѣплялъ тебя въ твоихъ трудахъ и занятіяхъ, поддерживалъ твое усердіе и услаждалъ горечь“; 2) „употреби все усиліе, чтобы въ разговорахъ съ умными и опытными людьми почерпать для себя необходимыя для тебя свѣдѣнія, получать рѣшеніе твоихъ недоумѣній, какъ лучше поступать съ учениками во всѣхъ отношеніяхъ; 3) совѣтуетъ читать педагогическія книги, изъ которыхъ однако не указываетъ ни одной [1]), „а пока добудешь другія книги, читай эту,

[1]) На польскомъ (и на латинскомъ) языкѣ печатались въ то время преимущественно рѣчи при открытіи ученія въ высшихъ школахъ, на публичныхъ экзаменахъ, рѣчи профессоровъ при вступленіи въ должность и под., проэкты и уставы школьной организаціи и т. п. Общій педагогическій интересъ, но слишкомъ отдаленный для сельскаго учителя, имѣли слѣдующія книги: *Rozmowa filozofu z politykiem o trojakiem w Polsce młodzi wychowaniu*, 1756, графа Тарновскаго; *Rozmowa o celu i najpierwszym edukacyi końcu*, 1757,—произведеніе учениковъ піарскихъ школъ (конечно выправленное); *Przyaciel młodych*, 1781 г., перев. съ французскаго: *O edukacyi dzieci*, 1781, Локка, переводъ съ франц. изданія; *Adela i Theodor*, 1787,—письма о воспитаніи M-me de Gentis; *O publicznej edukacyi porównanej z prywatną*, 1789, *O domowym ćwiczeniu dzieci w naukach*, 1784, Ролленя, переводъ Толочки; *Spo-*

она достаточно поможетъ тебѣ въ твоей задачѣ, если ты будешь часто, внимательно совѣтоваться съ нею и повѣрять ею все твое поведеніе". Четвертое и пятое правило внушаетъ предварительно обдумывать каждый свой урокъ, всякое слово, поступокъ, движеніе и т. п. на урокахъ. Какъ учителямъ высшихъ школъ, такъ и начальному учителю въ особенности онъ внушаетъ болѣе всего размышленіе съ самимъ собою. Онъ даетъ ему даже формулу ежедневныхъ размышленій съ самимъ собою: „размышляй самъ съ собою ежедневно: волею Бога, любвеобильнаго Отца всѣхъ людей, я призванъ посвятить всѣ свои силы обученію дѣтей, чтобы сдѣлать ихъ людьми набожными, добродѣтельными, знающими въ своемъ хозяйствѣ, здоровыми и крѣпкими, вообще счастливыми. О, Боже, какъ велика, какъ похвальна задача моего служенія! Вижу, каковъ мой долгъ и мои обязанности".

Эти обязанности весьма сложны. Учитель долженъ хорошо знать тѣ предметы, которымъ будетъ обучать дѣтей; онъ долженъ имѣть ясное и полное пониманіе всѣхъ нуждъ селянина, или горожанина, каждой работы, каждаго ремесла и орудія, всякаго сельскаго производства, торговли, садоводства, земледѣлія, всѣхъ домашнихъ принадлежностей и т. п., и всему научить ученика, что нужно для его личнаго счастія и счастія отечества, отнюдь не выводя его за черту крѣпостнаго быта, дабы не возбудить противныхъ обязанностямъ его стремленій. Учитель—„все" для ученика. „Провидѣніе поставило его отцомъ и опекуномъ для дѣтей". Онъ долженъ имѣть къ ученикамъ: „любовь, отеческое сердце, заботливость, стараніе о благѣ ихъ". Онъ главный распорядитель ихъ не только въ школѣ, но и дома; онъ долженъ часто посѣщать ихъ дома и наблюдать, все-ли исполняютъ они по указаніямъ его, имѣютъ-ли необходимое платье, постель, здоровую пищу, провѣтривается-ли ежедневно изба, достаточно-ли родители даютъ имъ времени для прогулокъ и т. п., и, если-бы замѣтилъ неисправность за

---

sób zaszepienia w dzieciach obyczajów i nauk, podany rodzicom i tym, którzy się zatrudniają perwiastkowym ich przysposobieniem do tych dwoch zamiarów, 1787. Послѣднія два сочиненія ближе всѣхъ касаются интересовъ начальнаго учителя, но только образованнаго. Не упоминаемъ здѣсь о французскихъ перепечаткахъ того времени.

самими родителями, долженъ имъ замѣтить о томъ „наединѣ“ и т. п. „Но недостаточно умѣть исполнять обязанности учителя, нужно еще имѣть свойства и надлежащія качества сердца, воли и быта“. „Цѣлою своею жизнію и цѣлымъ своимъ бытомъ онъ долженъ давать дѣтямъ примѣръ набожности, почтенія, трезвости и чистоты“ и т. д., „въ словахъ, движеніяхъ, во всемъ поведеніи своемъ сохранять приличіе и достоинство, не придавая себѣ смѣшной манеры въ походкѣ, говорѣ“ и т. д. Если-бы учитель нашелъ необходимымъ наказать кого-либо изъ учениковъ, въ особенности обратиться къ тѣлесному наказанію (do chłosty i plag), онъ „долженъ предварительно дать понять провинившемуся и другимъ ученикамъ, что онъ вынужденъ взяться за розгу, заклинать ихъ и просить, чтобы не давали ему поводовъ къ тому“, долженъ наказывать „съ тяжелою скорбію“ (z umartwieniem), „пускай болѣетъ сердцемъ (ubolewa) надъ виновнымъ и ожидающимъ наказанія“. Подобные пріемы доброты учителю диктуются во всѣхъ другихъ положеніяхъ. Облегчая такимъ образомъ учителю исполненіе его задачи, Пирамовичъ не забываетъ главнаго рычага естественной нравственности, самолюбія и всюду обращается къ нему, какъ лучшему средству возбудить и укрѣпить энергію его. Всего болѣе онъ старается проникнуть его чувствомъ собственнаго достоинства, мыслію о высокой важности его призванія, о чемъ внушаетъ ему ежедневно размышлять и съ самимъ собою, черпая въ собственномъ чувствѣ и совѣсти главное утѣшеніе для себя. „Что за радость, что за утѣшеніе для того человѣка, которому собственная совѣсть даетъ доказательства того, что онъ своимъ стараніемъ и трудомъ содѣйствовалъ благу людей“! Онъ увѣряетъ также учителя—этого прежняго слугу приходскаго ксендза, униженно выпрашивавшаго на панскомъ дворѣ то кусокъ поля, то мѣрку *збожа*, подобострастно ловившаго улыбку панскаго *эконома*,—что „всѣ разумные и почтенные граждане, родители дѣтей, даже пастыри духовные, равно служащіе при панскомъ дворѣ, помѣщики и всѣ паны, зная, какою великою заботою о людскомъ благѣ занятъ учитель, будутъ имѣть службу и личность его въ почтеніи и уваженіи“.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ самой программы обученія по руководству Пирамовича, отмѣтимъ только болѣе характеристическія черты его.

Общею чертою наставленій по каждому предмету служитъ непремѣнное указаніе выгодъ этого предмета и занятій имъ для дѣтей и для родителей ихъ. Вмѣстѣ съ указаніемъ такихъ сторонъ, которыя мѣтко совпадаютъ съ нуждами сельскаго быта, Пирамовичъ въ каждомъ случаѣ выражаетъ и заботу о томъ, чтобы учитель не выступилъ за черту крѣпостнаго сословія и не возбудилъ въ дѣтяхъ стремленій къ тѣмъ понятіямъ и ощущеніямъ, которыя не свойственны ихъ „званію".

Обученіе чтенію и письму рекомендуется совмѣстное, что было цѣлымъ переворотомъ сравнительно съ прежнимъ *силлябизованіемъ.* Для чтенія требуется дѣлать строгій выборъ книгъ и статей, сообразно „званію" дѣтей и ихъ родителей. Всего лучше читать: „наставленія объ обязанностяхъ", изложенныя въ Букварѣ 1785 г., статьи религіозныя, а также „отрывки изъ священной исторіи, о хозяйствѣ, огородничествѣ, о нѣкоторыхъ болѣзняхъ людей и скота, о леченіи ихъ и т. п., ничего не сообщая при этомъ, что выше ихъ пониманія и состоянія". Для упражненій въ письмѣ полагается составленіе „просьбъ, документовъ и разсказовъ, краткихъ и ясныхъ, притомъ о такихъ дѣлахъ, которыя случаются или могутъ случиться въ деревняхъ и мѣстечкахъ, какъ напримѣръ нужда пойти съ просьбою во дворъ (къ помѣщику) или къ другимъ властямъ (сельскимъ). Толковый учитель долженъ дать имъ образцы на эти случаи. Смотря по времени и обстоятельствамъ хозяйственнымъ, пускай записываютъ, сколько на которомъ полѣ посѣяно, сколько и какого зерна собрано, умолочено, продано и под. Иногда прикажетъ имъ написать свойственныя ихъ возрасту и сословію письма, содержаніемъ которыхъ долженъ быть или спросъ о чемъ-нибудь, или донесеніе, или совѣтъ. Такимъ способомъ учитель сдѣлаетъ эту науку и полезною, и безупречною". „Грамотность, наставляетъ Пирамовичъ, тогда только была-бы вредною, когда крестьянинъ, считая себя грамотнымъ, пренебрегалъ-бы своими обязанностями, опускалъ-бы хозяйство, оставлялъ отцовское жилище, бросалъ-бы земледѣльческое, ремесленное или торговое сословіе и уносился-бы напраснымъ любопытствомъ въ чтеніе книжекъ, безполезныхъ для него". „Красивое письмо, заключаетъ онъ наставленіе, для этихъ людей не нужно, напрасно ушло-бы на это много времени и принужденія... Прикажетъ имъ только писать чисто, не пачкать бумагу".

При обученіи *счисленію,* требуется брать примѣры исключительно изъ крестьянскаго быта и особенно упражнять учениковъ въ составленіи реестровъ хозяйственныхъ предметовъ, для чего „брать у хорошихъ дворскихъ счетчиковъ образцы счетовъ зерноваго хлѣба и денегъ, по которымъ ученики должны составлять свои реестры".

Выгоды обученія *измѣренію* Пирамовичъ указываетъ въ томъ, что при немъ удобнѣе соразмѣрить количество посѣва и сбора и что знатока этого дѣла могутъ „взять во дворъ", такъ какъ помѣщики въ то время всюду приступали къ измѣренію своихъ полей. Обученіе должно было идти исключительно практическимъ способомъ. „Показавши ученикамъ инструменты и давши понятіе о каждомъ изъ нихъ, учитель выходитъ съ ними въ поля, огороды, на площади и на дѣлѣ показываетъ употребленіе ихъ и способы измѣренія". Въ школѣ ученики будутъ чертить эти инструменты, причемъ не должно заботиться о красотѣ рисунка: „черченіе хотя и неловкое будетъ для нихъ упражненіемъ (zabawa), для красивыхъ чертежей есть школы" (высшія). При измѣреніи требуется обучать мѣрамъ и вѣсамъ—краевымъ и пограничнымъ.

Наука о *постройкахъ* также производилась практическимъ или нагляднымъ способомъ. Учитель, объяснивъ ученикамъ, каковъ долженъ быть матеріалъ для построекъ, какъ его обработываютъ, складываютъ, заставляетъ дѣтей чертить сельскія строенія, также не заботясь „о красотѣ чертежа"; потомъ обходитъ съ дѣтьми деревню, указывая удобства или неудобства постройки того или другаго предмета, какъ-то: домовъ, сараевъ, крышъ, стѣнъ, оконъ, дверей и т. п., входитъ съ ними въ мельницы и т. д. „Но найболѣе принесетъ пользы, говоритъ Пирамовичъ, если ученики, во время работъ при костелѣ или на панскомъ дворѣ, будутъ присматриваться, какъ складно строятъ деревянныя зданія филипоны (русскіе раскольники) и горали" (жители карпатскихъ горъ). Пирамовичъ надѣется, что этимъ способомъ обученія школы будутъ доставлять деревнѣ и цѣлому краю „мельниковъ, пильщиковъ, бочарей, плотниковъ" и т. п.

Совершенно въ томъ-же духѣ и тѣмъ-же способомъ должно производиться обученіе: торговлѣ, промысламъ, земледѣлію и огородничеству, причемъ то-же внушается учителю „не говорить съ

учениками о такихъ предметахъ, которые не имѣютъ отношенія къ ихъ званію и средѣ.

Что касается *физическаго воспитанія,* то для него предписываются тѣ-же пріемы и способы, какіе положены для „высшихъ школъ“, тѣ-же прогулки, игры, тотъ-же „военный мунштръ“. Различіе только въ томъ, что при военныхъ упражненіяхъ не упоминается о возбужденіи чувства чести, рыцарскихъ доблестей и т. п., а требуется исключительно закаливать (hartować) силы учениковъ, съ употребленіемъ и нѣкоторыхъ особенныхъ пріемовъ, „свойственныхъ ихъ званію“, напр. „пріучать ходить босыми, безъ обуви, развѣ ужъ слишкомъ холодно, или болѣзнь случится, или приключится что-либо другое, требующее обуви“.

Нравственное воспитаніе, выходя изъ признанія крѣпостнаго состоянія Божіимъ предопредѣленіемъ, имѣло задачею всѣ добродѣтели, свойственныя этому званію, именно: „справедливость, любовь къ ближнему, милосердіе, терпѣніе, стыдливость, трезвость, повиновеніе закону, панамъ своимъ и всему высшему начальству“. Безъ сомнѣнія, при этомъ не упоминается ни о какомъ правѣ натуры крѣпостнаго человѣка. Если Пирамовичъ говоритъ иногда объ уваженіи къ самолюбію крестьянскихъ учениковъ, то, не имѣя для него опоры въ натурѣ крѣпостнаго человѣка, онъ часто самъ себѣ противурѣчитъ, напр. когда совѣтуетъ учителю „найболѣе употреблять тѣ наказанія, которыя пристыжаютъ виновнаго“. Нравственное воспитаніе ставилось выше всего и безусловно подчиняло себѣ всѣ прочія задачи школы. „Если-бы учитель, говоритъ Пирамовичъ, напрягалъ всѣ свои усилія къ достиженію этой цѣли (т. е. воспитанію учениковъ въ указанныхъ добродѣтеляхъ) и успѣвалъ въ ней, то хотя бы ему не удалось научить дѣтей чему-либо другому, онъ не имѣлъ-бы въ чемъ винить себя предъ Богомъ и людьми и былъ-бы достоинъ похвалы и награды“. Крестьянскія дѣти воспитываются въ добродѣтеляхъ иначе, чѣмъ шляхетскія. „Вся наука, говоритъ Пирамовичъ, должна состоять, выражусь такъ, въ заправѣ ихъ къ добру посредствомъ навыка“. Предлагаются разные способы этой заправы, состоящіе въ пользованіи разными случаями, чтобы дѣтей натолкнуть на доброе дѣло и отвлечь отъ порока. Большою новостью въ начальной школѣ являлось пѣніе свѣтскихъ пѣсенъ, замѣнявшихъ собою прежнее совершенствованіе въ пѣніи латинскихъ

стиховъ, литаній и т. п. Пирамовичъ находитъ, что пристойныя и веселыя пѣсни много помогаютъ воспитанію. Пѣсня развеселитъ, оживитъ, дастъ пріятное развлеченіе; „посредствомъ пѣсни можно даже влагать въ душу дѣтей набожность, любовь къ ближнему, охоту къ труду, разныя добродѣтели, отвращать отъ проступковъ, праздности и т. п.“

Проектъ парафіальной школы остался неисполненнымъ, — не потому, какъ думаютъ польскіе историки, что раздѣлъ Польши помѣшалъ исполненію его, но по неприложимости его на дѣлѣ. Кромѣ внутренняго противурѣчія, какое представляетъ система воспитанія идеальнаго крѣпостнаго человѣка, важнымъ препятствіемъ къ учрежденію школъ служило отсутствіе опредѣленныхъ средствъ къ существованію школы и учителя, разсчетъ исключительно на великодушіе и милость пановъ и ксендзовъ. Только по границамъ Пруссіи, успѣвшей въ это время, при помощи простаго практическаго способа (школьные эффораты и обязательность школьныхъ складокъ), быстро распространить школы по деревнямъ, стали появляться *парафіальныя* школы, содержимыя при костелахъ по старому типу. Достаточно заглянуть въ тогдашнія «wizyty», чтобы убѣдиться въ крайней фантастичности школьной статистики г. Заруцкаго (Dawne wychowanie szkolne w Polsce), насчитывающаго въ Польшѣ въ 1790 году 9,316 парафіал. школъ и 296,400 учащихся въ нихъ.

Намъ остается сказать о женскомъ образованіи. Но о немъ мы можемъ сказать не многое. Коммисія просвѣщенія оказалась совершенно безсильною въ преобразованіи воспитанія славившейся тогда въ цѣлой Европѣ польки. Тутъ всѣ старанія коммисіи разбивались о примѣры въ семействахъ даже самихъ членовъ ея, какъ напр. одного изъ наиболѣе видныхъ Адама Чарторыжскаго, жена котораго была извѣстною въ Европѣ красавицей и куртизанкой, или—въ домѣ предсѣдателя ея, епископа Массальскаго, племянница котораго, герцогиня де-Линь, обратила епископскій домъ въ пріютъ едва-ли не самой веселой жизни на Литвѣ и наиболѣе содѣйствовала растратѣ дядей ея огромныхъ суммъ изъ по-іезуитскихъ капиталовъ,—или жена даже самаго преданнаго учебной реформѣ Игнатія Потоцкаго, его брата Станислава Потоцкаго, бу-

дущаго продолжателя плановъ коммисіи... Широкимъ потокомъ разливалось въ высшихъ кругахъ тогдашней Польши модное воспитаніе, такъ тѣсно совпадавшее съ слабыми сторонами польской женщины, любившей веселиться и нравиться. Французскіе пансіоны, французскія гувернантки низвели все воспитаніе до умѣнья читать, писать, говорить по-французски, играть на клавикордахъ и гитарѣ, прелестно танцовать, всего-же болѣе—нравиться [1]). „Что сказать о женскомъ воспитаніи?—пишетъ Колонтай къ Малаховскому. Жалкое подражаніе намножило въ столицѣ пансіоновъ. Модѣ принесены въ жертву добрые обычаи; хорошій тонъ превратилъ благородныхъ паненокъ въ комедіантокъ, въ искусныхъ танцовщицъ... Мы трудимся надъ воспитаніемъ женщины только для того, чтобы она развлекала насъ и кружила намъ головы, нисколько не думая о томъ, чтобы она заботилась о нашемъ характерѣ и нашихъ обычаяхъ, чтобы она укрѣпляла въ насъ мужество и содѣйствовала доброму управленію..." Большинство шляхты продолжало держаться противоположной крайности, лишавшей женщину всякаго знакомства со свѣтомъ и дѣлавшей ее крайне не опытною и не твердою въ отношеніи къ соблазнамъ свѣта, именно—монастырскаго воспитанія. Главными воспитательными пріютами служили для этой части шляхты [2]) монастыри *визитокъ* и *сакраментокъ*. Въ 18 вѣкѣ является стремленіе къ воспитанію женщины низшихъ классовъ, чѣмъ занялись спеціально *шаритки* (сестры милосердія) и *фелиціанки*. Эта заботливость о бѣдныхъ классахъ сосредоточилась преимущественно на русскихъ областяхъ, на русской простой женщинѣ, начиная отъ границъ сплошнаго польскаго населенія, по которымъ расположены были школы шаритокъ (Холмъ, Бѣла, Бѣлостокъ). Въ половинѣ 18 вѣка появились *маріавитки*, съ спеціальною задачею обращенія евреекъ въ христіанскую вѣру; но онѣ поселились и развили свою дѣятельность исключительно въ Бѣлоруссіи, подъ руководствомъ ксендза Іосифа Турчиновича. Онѣ имѣли свои монастыри и школы: въ Минскѣ, Мстиславлѣ, Слонимѣ, Полоцкѣ, Оршѣ, Головчинѣ, Витебскѣ, Гроднѣ, Новогрудкѣ, Мозыри, Пинскѣ, Бобруйскѣ и др. На Волыни и Украйнѣ напротивъ не видимъ ни одного

---

[1]) Лукашевичъ, т. II, стр. 439.

[2]) Лукашевичъ, т. II, стр. 435, 436.

изъ этихъ пріютовъ,—монахини пугались казацкихъ бунтовъ и народнаго настроенія.

Коммисія просвѣщенія, не имѣя никакихъ средствъ къ учрежденію общественныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, ограничивалась заохочиваніемъ монахинь къ развитію учебной дѣятельности и подчиненіемъ всѣхъ частныхъ пансіоновъ вѣдѣнію ректоровъ окружныхъ школъ и визитаторовъ, постановивъ при этомъ, чтобы 1) содержаніе пансіоновъ разрѣшаемо было только способнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ благонадежнымъ дамамъ, 2) курсъ обученія составляли: чтеніе и письмо по-польски, счисленіе, ручныя работы, исторія, особенно отечественная, географія, религія и нравственность. Но визитаторы доносили, что нѣтъ возможности заставить содержательницъ подчиниться требованію коммисіи. Послѣдняя рѣшилась испробовать для успѣха женскаго образованія средство, съ помощію котораго Пруссія въ концѣ этого столѣтія успѣла сильно распространить первоначальныя школы, именно—*эффораты*, т. е. мѣстныя общества для содѣйствія успѣхамъ школъ, для ближайшаго надзора за ними и т. п. Дамскіе Эффораты—надѣялась коммисія—привлекутъ дамъ высшаго круга, измѣнятъ взгляды высшаго общества на воспитаніе женщины. Но эта рѣшимость пришла уже тогда, когда три державы направляли свои арміи для прекращенія въ Польшѣ всякихъ проектовъ и самаго бытія ея.

Надежды польскихъ реформаторовъ не исполнились: школа не спасла Рѣчь Посполитую отъ полнаго разрушенія. Поляки жалуются, что имъ не дали достроить начатое зданіе по уставамъ 1783 года и по конституціи 3-го мая; они выражаютъ полную увѣренность, что завершеніе этого зданія поставило-бы Польшу въ ряду самыхъ цвѣтущихъ государствъ Европы. Но учебные уставы, планы, наставленія, способы ихъ исполненія, цѣли и задачи воспитанія, ходъ и успѣхи его, словомъ, наиболѣе жизненный нервъ предположеннаго польскаго государства, полный и ясный обликъ идеальнаго зданія—на лицо: система, полная внутреннихъ противурѣчій, не могла внести единства въ разрозненныя и враждующія общественныя силы, напротивъ только увеличивала антагонизмъ ихъ; естественная, эгоистическая нравственность не могла примирить

двѣ враждующія народности, обуздать произволъ шляхты, поднять низшіе классы на степень живыхъ органовъ общества и государства; безсвязное нагроможденіе наукъ, съ ослабленіемъ образовательнаго элемента въ пользу узкаго, поверхностнаго практицизма, дрессировка воли подъ вліяніемъ возбужденнаго чувства и воображенія приводили не къ сознанію дѣйствительныхъ болѣзней и нуждъ общества и государства, но къ постройкѣ воздушныхъ замковъ, отвлеченнаго, призрачнаго отечества,—не къ дѣйствительному, спокойному и упорному труду надъ обновленіемъ народныхъ силъ, но къ мечтаніямъ о легкой возможности осуществить идеалъ сильнаго польскаго государства и къ постояннымъ нареканіямъ на препятствія извнѣ. Европа охотно уступитъ Польшѣ честь „перваго примѣра устройства отдѣльной государственной магистратуры надъ общественнымъ образованіемъ“ (министерства народнаго просвѣщенія) [1]) и перваго объединенія системы образованія въ государствѣ. Въ замѣнъ того Европа получаетъ отъ Польши первое доказательство того, какъ опасно обращать школу въ орудіе политическихъ видовъ.. Отдаемъ полную честь попыткамъ Польши приложить къ школѣ то, что было лучшаго въ воспитательныхъ идеяхъ XVIII вѣка, и распространить благо просвѣщенія на все свое населеніе. Понимаемъ всѣ трудности первой пробы этого важнаго дѣла и неизбѣжность увлеченій и ошибокъ, цѣнимъ усилія дѣятелей реформы. Польшѣ выпала трудная доля созидать эту реформу среди взволнованныхъ страстей цѣлаго края, среди грома пушекъ, глядя въ раскрытую предъ нею бездну... Тѣмъ глубже и ошибки! Тѣмъ непростительнѣе было-бы повторять эти ошибки, воздвигать на нихъ алтарь національнаго образованія, какъ это сдѣлано во времена Варшавскаго Герцогства и въ первые годы Царства Польскаго, указывать на эту реформу, какъ на извѣстный памятникъ національной дѣятельности, какъ это доселѣ видимъ въ польской литературѣ (и въ исторіи школъ—Лукашевича).

Въ частности, что обѣщала эта реформа въ виду долгой и упорной борьбы между двумя основными народностями бывшей Польши? То, что такъ рельефно представлено было извѣстнымъ

[1]) Это выраженіе взято нами изъ докладовъ Станислава Потоцкаго саксонскому королю—варшавскому герцогу и императору Александру I въ 1814 году. Эти доклады имѣются въ дѣлахъ архива варшавскаго учебнаго округа.

организаторомъ новой общественности въ Галиціи, гр. Голуховскимъ въ знаменитомъ его изреченіи: „мазуръ+русинъ=полякъ". Вы этомъ отношеніи польская, дореформенная старина была снисходительнѣе и благоразумнѣе просвѣтительной новизны. Реформа, безусловно исключающая всѣ другіе типы школы на всемъ пространствѣ Рѣчи Посполитой, не сдѣлала ни единой уступки въ пользу русской народности; народность, составлявшая половину государства, такъ ярко доказавшая преданность своимъ началамъ продолжительною и упорною борьбою съ нимъ, почеркомъ реформаторскаго пера уничтожена; реформа видитъ на ея мѣстѣ только поляка, громящаго политику русскаго царства въ отношеніи исконныхъ, родныхъ областей ея именемъ „хитрости, наѣзда, насилія, грабежа, присвоенія чужой собственности". Даже базиліане, наиболѣе соотвѣтственные слуги Рѣчи Посполитой, нашлись вынужденными вступить въ борьбу со школьною реформою. Если первоначальное невниманіе къ ней со стороны какихъ-нибудь уманскихъ, или каневскихъ базиліанскихъ монаховъ могло быть только послѣдствіемъ невѣжества, то дальнѣйшая оппозиція и распространеніе ея во всѣхъ базиліанскихъ школахъ должны были имѣть иной смыслъ. Оппозиція усилилась до того, что коммисія просвѣщенія угрожала закрыть всѣ базиліанскія школы, если они не будутъ исполнять уставы ея въ точности. Угроза подѣйствовала и въ 1785 году. Провинціалъ базиліанскій увѣдомилъ коммисію, что отселѣ базиліане будутъ исполнять эти уставы во всѣхъ отношеніяхъ[1]). Но и послѣ этого базиліане въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжали упорствовать. Не можетъ быть, чтобы эта оппозиція имѣла основаніемъ, какъ думаетъ Лукашевичъ, слѣпое пристрастіе къ Альвару и старой риторикѣ. Въ визитаторскихъ рапортахъ часто попадаются нареканія, что базиліане не хотятъ праздновать въ своихъ школахъ римско-католическихъ праздниковъ. Одинъ изъ числа первыхъ четырехъ визитаторовъ, посланныхъ отъ имени коммисіи просвѣщенія, Головчицъ, выражается о любарскихъ базиліанахъ, что они „портятъ своимъ греческимъ обрядомъ и соблюденіемъ своихъ праздниковъ единство (въ религіозномъ обученіи), указанное въ уставахъ коммисіи"[2]). Какъ въ той-же визитѣ, такъ и другихъ выражается

[1]) Historya szkół II, стр. 444 въ примѣчаніи.

[2]) Archivum do dziejów literatury i oswiaty w Polsce. 1877. Краковъ.

сожалѣніе, что хотя большинство базиліанскихъ учениковъ, а иногда и всѣ почти ученики ихъ римско-католики, но базиліане празднуютъ и свои праздники, что, по мнѣнію визитаторовъ, отнимаетъ много времени отъ науки. Съ 1789 г.,—года народныхъ волненій на Волыни, эти жалобы визитаторовъ прекращаются или выражаются мягче. Это уже не религіозная нетерпимость прежняго, стараго времени, но фанатизмъ политическій, который, предпочитая нравственность естественную, подчинилъ политическимъ видамъ и свою римско-католическую религію[1]). — Съ другой стороны, коммисія просвѣщенія не дала никакого мѣста въ школахъ русскому языку. Что въ русскихъ областяхъ Польши было въ то время стремленіе къ изученію своего языка и къ усвоенію общерусскаго литературнаго языка, это показываетъ изданіе въ Полоцкѣ (въ 1770 г.) и въ Почаевѣ (въ 1778) русской грамматики. Авторъ послѣдняго изданія, базиліанинъ Любовичъ, посвящая свою книгу: „Grammatyka rossyiska" извѣстному Адаму Чарторыжскому, владѣльцу обширнѣйшихъ имѣній на Волыни, говоритъ въ своемъ посвященіи, что русскій языкъ пользуется „особеннымъ вниманіемъ" при дворѣ этого князя. Авторъ изданнаго въ Варшавѣ въ 1825 году русско-польскаго словаря, Якубовичъ, въ предисловіи къ нему говоритъ, что у него имѣлась рукопись подъ заглавіемъ: *Начальная наука польская съ россійскою 1795 года.* Извѣстно такъ-же изданіе, напечатанное въ 1795 г. Микульскимъ: Łatwy sposób nauczenia się po rossyjsku i po polsku (Легкій способъ выучиться по-русски и по-польски).

Между тѣмъ, оставалось во всей силѣ постановленіе сейма 1764 года о томъ, чтобы сыновья русскихъ священниковъ (popowicze), не поступившіе до пятнадцатилѣтняго возраста на духовную службу или не записавшіеся въ ремесло, обращаемы были въ крѣпостные крестьяне мѣстнаго владѣльца—коллятора. Какая духовная служба возможна для пятнадцатилѣтняго мальчика? Легко-ли было переходить въ податное сословіе—ремесленника? Лука-

Т. I, стр. 47. Тамъ-же, см. отзывы Головчица объ этомъ предметѣ въ другихъ базиліанскихъ школахъ, подъ рубрикою: *Nabożeństwo*.

[1]) Базиліанскихъ школъ было въ это время 13, именно: въ югозападномъ краѣ 9: въ Барѣ, Бучачѣ, Умани, Каневѣ, Любарѣ, Овручѣ, Острогѣ, Шарогродѣ и Владимірѣ волынскомъ, въ сѣверозападномъ краѣ четыре: въ Вильнѣ. Жировицахъ, Березвечѣ и въ Борунахъ.

шевичъ признаетъ этотъ законъ „варварскимъ", но утѣшается тѣмъ, что онъ побудилъ священниковъ къ крайнимъ усиліямъ, чтобы дать своимъ сыновьямъ образованіе, и что новыя школы, особенно базиліанскія, наполнялись священническими сыновьями, которые потомъ поступали или въ священники, или въ канцеляріи, въ учители, или наконецъ въ частную службу (къ помѣщикамъ). Но неизвѣстный авторъ сочиненія: „Uwagi polityczne do prawideł religii i zdrowej filozofii zastosowane" (Варшава, 1789 г.) свидѣтельствуетъ, что послѣдствіемъ этого закона, „свойственнаго XI и XII, а не XVIII вѣку", была вражда священниковъ къ Польшѣ и бѣгство священническихъ сыновей „за границу", т. е. въ русское царство, „для избавленія отъ крѣпостнаго состоянія". Итакъ, одна часть единственной въ то время свободной русской молодежи (исключительно уніатская), поступая въ школы, принуждаема была въ нихъ чуждаться своего обряда и языка, чтобы потомъ окончательно потеряться въ канцеляріяхъ и панскихъ дворахъ, другая (преимущественно православная) предпочитала этому образованію бѣгство изъ родныхъ пепелищъ! Но стало затруднительнымъ для русскаго мальчика научиться даже грамотѣ. Коммисія просвѣщенія не успѣла распространить въ русскихъ областяхъ узаконеннаго ею типа парафіальныхъ училищъ; но она строго наблюдала посредствомъ визитаторовъ, дабы всѣ школы иного образца не были допускаемы. Церковныя школы, эти единственные пріюты русской народности въ краѣ, прекращали свое долговѣчное существованіе и свою послѣднюю поддержку русской народности! Становилось невозможнымъ въ цѣломъ краѣ научиться даже церковно-славянскому чтенію, чтобы церкви не оставались безъ богослуженія. Бунтъ на Волыни (1789 г.), испугавшій визитатора того времени до того, что онъ поспѣшилъ вернуться въ Краковъ, вѣроятно не даромъ заставилъ польскіе суды искать главныхъ виновниковъ его въ средѣ русскихъ священниковъ...

По визитѣ 1789 года мы и начнемъ знакомство съ школами, существовавшими въ южной Руси, т. е. на Украйнѣ, Подольи и Волыни, на пространствѣ отъ Холма до Винницы и Бара. Къ этому времени окончены почти всѣ приготовленія коммисіи просвѣщенія къ точному исполненію новыхъ уставовъ во всѣхъ школахъ. Визита 1789 г. полнѣе визитъ другихъ лѣтъ (визиты оканчиваются 1792 годомъ). 1789 годъ имѣлъ рѣшительное значеніе въ судьбѣ юго-западнаго края.

Е. Крыжановскій.

Люди Старой Малороссіи.

2. МИЛОРАДОВИЧИ.

Милорадовичи вышли въ Малороссію изъ Сербіи около 1713 г., въ числѣ трехъ братьевъ: Александра, Михаила и Гавріила. Случилось такъ: въ началѣ 1711 г., Петръ Великій, готовясь къ войнѣ съ турками, искалъ искусныхъ агентовъ между подчиненными Турціи славянами, для возбужденія послѣднихъ противъ мусульманъ. Однимъ изъ такихъ агентовъ вызвался быть сербъ Михаилъ Милорадовичъ. Въ отвѣтъ на предложеніе Милорадовича—служить царю, Головкинъ, въ письмѣ 3 марта 1711 г., отвѣчалъ, что царь, „познавъ искусство и вѣрность Милорадовича въ воинскихъ дѣлахъ противъ враговъ христіанскаго имени и св. креста, опредѣлилъ его полковникомъ христіанскихъ войскъ", при чемъ Милорадовичу послано было пятьсотъ червонцевъ, съ обѣщаніемъ, что если онъ успѣетъ „возбудить христіанъ къ брани противъ врага креста Христова, то получитъ высокую милость и награжденіе". Въ концѣ 1712 г. Милорадовичъ пріѣзжалъ въ Москву „отъ черногорскаго народа" за жалованьемъ для войны съ турками [1]), а въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ братьями, переѣхалъ въ Россію искать обѣщанныхъ „милостей", такъ какъ, по его словамъ, въ войнѣ съ турками онъ потерялъ все свое состояніе.

Въ это время Петръ Великій началъ уже вводить въ Малороссіи новые порядки, желая лишить гетманскую власть прежняго значенія и тѣмъ сдѣлать гетманщину на будущее время безопасною. Съ этою цѣлью, Царь старался полковничьи уряды замѣщать людьми по личному своему выбору, на вѣрную службу которыхъ онъ могъ-бы разсчитывать болѣе, чѣмъ на службу

[1]) Опись Сенатскаго Архива, Баранова, № 247.

людей мѣстныхъ, получавшихъ уряды отъ гетмана. Видя въ Милорадовичѣ человѣка способнаго, Царь рѣшилъ — дать ему полковничій урядъ въ Малороссіи, надѣясь, что бездомный выходецъ постарается заслужить эту милость. Хотя свободныхъ полковничьихъ урядовъ въ это время и не было, но тогдашній гадяцкій полковникъ Чарнышъ легко могъ быть смѣщенъ за свои насилія, на которыя давно уже жаловались его полчане. Затрудненіе было только въ томъ, что Чарнышъ былъ женатъ на падчерицѣ Скоропадскаго, котораго царю не хотѣлось обижать. Но когда умеръ генеральный судья Туранскій, царь приказалъ на мѣсто послѣдняго перевести Чарныша, а гадяцкое полковничество отдалъ Михаилу Милорадовичу.

Гадяцкіе полчане, терпѣвшіе уже передъ тѣмъ, въ продолженіи пяти лѣтъ, „несносныя кривды" отъ Чарныша, покорно приняли новаго полковника, хотя Чарнышъ попробовалъ было, чрезъ своихъ агентовъ, вооружать народъ противъ Милорадовича [1]. Скоро однакоже оказалось, что новый полковникъ, не заботясь объ устройствѣ „полковыхъ порядковъ", поставилъ себѣ исключительною цѣлью—личную наживу на счетъ полчанъ, для чего не стѣснялся никакими мѣрами. Встрѣтивъ сначала нѣкоторое противодѣйствіе въ своихъ насиліяхъ со стороны полковой старшины, Милорадовичъ постарался устранить послѣднюю отъ всякаго участія въ управленіи полкомъ, замѣняя, гдѣ нужно было, полковыхъ урядниковъ — своими слугами, тоже сербами. Извѣстный лѣтописецъ Григорій Грабянка, бывшій въ это время гадяцкимъ полковымъ судьею, писалъ гетману, что „съ назначеніемъ Милорадовича, всѣ слуги его въ дѣла судейскія вмѣшиваются и сами суды судятъ, а къ настоящему судьѣ и къ другой полковой старшинѣ запрещаютъ обращаться; сельскихъ урядниковъ кіями бьютъ, въ колодки забиваютъ и уряды отъ нихъ отнимаютъ. Теперь весь городъ нашъ въ большомъ смятеніи: полковничьи слуги толпами ходятъ съ кольями по рынку; хватаютъ людей, мучатъ ихъ, бросаютъ въ тюрьмы и держатъ тамъ пока не откупятся. А кто сталъ было жаловаться полковнику на своеволіе его слугъ, то тѣхъ „Милорадовичъ самъ за лобъ

[1] Вслѣдъ за назначеніемъ Милорадовича, „подписокъ" Чарныша ѣздилъ по гадяцкому полку, возбуждая козаковъ противъ Милорадовича: „дурніи козаки! для чого вы слухаете сего полковника (Милорадовича)—плута, цыгана, шалвѣра! — Сей такій, якъ и запорожци,—може и васъ съ собою за море запровадить, альбо за границу выведши, вѣчне запропастить"! Арх. генер. канц., № 369.

ворочаючи по двору и кіемъ бьючи немилостиво, примовляетъ, что и многимъ тутъ нужно дать знать себе"!

И дѣйствительно Милорадовичъ далъ знать себя гадяцкимъ полчанамъ.

Черезъ три года послѣ назначенія его полковникомъ, гадяцкіе полковые урядники писали Скоропадскому: „въ счастливое рейментарство ясневельможности вашей, по всѣмъ полкамъ старшина и народъ, оправившись послѣ шведской руины, благодарятъ Бога, великаго государя и вельможность вашу. Только мы, гадяцкіе полчане, несчастливы: едва стали мы приходить въ себя, послѣ разоренія жилищъ нашихъ шведами, какъ „затурбовалъ" насъ полковникъ своими строгостями; сталъ онъ отбирать на себя городскіе и старшинскіе доходы, отчего запустѣли въ полку ратуши, а потомъ отдалъ власть надъ полкомъ и судовое управленіе—слугамъ своимъ; а тѣ слуги чинятъ въ полку великія бѣдствія: козаковъ заставляютъ исполнять самыя низкія работы, позаѣзжали на смерть лошадей ихъ, бѣгая за добычами; разбиваютъ людей по дорогамъ и грабятъ по ярмаркамъ. И вотъ четвертый годъ ждемъ мы избавленія отъ этого ярма!—Теперь мы, полковые урядники, только носимъ титулы, а въ дѣйствительности не имѣемъ никакого значенія, такъ какъ полковникъ, уничтоживъ общіе для козаковъ и крестьянъ ратушные суды, сдѣлалъ судилищемъ свой полковничій домъ, въ которомъ и отправляетъ всякіе суды вмѣстѣ съ своими слугами, минуя насъ, старшину, чтобъ мы не мѣшали дотла обдирать безвинныхъ людей. И стало теперь у насъ такъ: что слуга—то и судья, а полковые есаулы—слуги да возницы! полковничій приказчикъ—полковникъ наказный. И разоряя такими порядками народъ, запрещаютъ еще и жаловаться, говоря, что никто уже насъ не можетъ оборонить. А когда мы, видя уничтоженіе козацкихъ вольностей и тяжкія полчанамъ обиды, отважились было просить полковника, чтобы пересталъ онъ мучить козаковъ, чтобы не позволялъ женѣ своей и сыну мѣшаться въ полковыя дѣла и называть старшину полковую и сотниковъ собаками, а старшинскихъ женъ — „нецнотами"; то на просьбу нашу получили такой отвѣтъ: „дамъ, говоритъ, фискаламъ—старшинѣ по триста кіевъ и какъ отобью кожу отъ костей, тогда скажу ѣхать къ государю съ жалобою"!—Получивши такой „суровый" отвѣтъ и потерявши уже всякую надежду на улучшеніе нашего горькаго положенія, рѣшились мы просить вашу ясневельможность избавить

насъ отъ такого тяжкаго ярма или дозволить подать жалобы царскому величеству, ибо не вѣдаемъ, что и чинить намъ далѣе. Часть полковой старшины и теперь уже оставила полковой городъ, не смѣя оставаться въ домахъ, гдѣ приходилось запираться и мѣсяца по два сидѣть, не видя свѣта, какъ только въ окно. Умилосердися, ясневельможный пане, и не дай отъ такой враждебной завзятости нашего полковника въ конецъ намъ разориться"! [1]).

Просьба эта осталась безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ гетманъ не имѣлъ власти судить поставленнаго царемъ полковника.

Однакоже Милорадовичъ, узнавъ объ этой жалобѣ, рѣшился принять мѣры, чтобы крѣпче утвердиться на мѣстѣ, и поѣхалъ въ Москву просить на свой урядъ царской грамоты. Зная, что гетманъ полученную имъ жалобу можетъ представить царю, Милорадовичъ пожелалъ заручиться свидѣтельствомъ мѣстнаго духовенства, въ которомъ послѣднее должно было опровергнуть обвиненія полковой старшины, заявивъ, напротивъ, о достоинствахъ своего полковника. Для этого Милорадовичъ самъ составилъ „благодарственный листъ" о томъ, что гадяцкіе полчане, будучи вполнѣ довольны своимъ полковникомъ, „чинятъ благодарствіе пресвѣтлѣйшему монарху за присылку такого расторопнаго и отважнаго „кавалера" [2]), добронравнаго, доступнаго и ко всѣмъ милостиваго полковника". Листъ этотъ Милорадовичъ послалъ сначала въ сотенные свои городки — въ Зеньковъ и Опошню, къ тамошнимъ протопопамъ, предлагая имъ, вмѣстѣ съ остальнымъ духовенствомъ, подписать тотъ листъ, при чемъ увѣрялъ ихъ, что такой точно листъ уже подписанъ гадяцкимъ протопопомъ и всѣми сотниками. Получивъ листъ съ подписями зеньковскихъ и опошанскихъ священниковъ, Милорадовичъ сталъ требовать подписей и отъ сотниковъ, изъ которыхъ многіе и подписались. Но гадяцкій протопопъ не только самъ отказался подписывать „благодарственный листъ", но и священникамъ своей протопопіи запретилъ. Съ послѣдними Милорадовичъ расправился самъ, заставивъ ихъ подписаться на „листѣ"—побоями и грабежомъ имущества, а на протопопа пожаловался кіевскому архіе-

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Михаилъ Милорадовичъ въ своихъ подписяхъ называлъ себя почему-то „македонскимъ кавалеромъ".

рею и „привелъ протопопа подъ запрещеніе, что отъ Богоявленія даже до Вознесенія не священнодѣйствовалъ, доколѣ при крестномъ цѣлованіи не выполнилъ воли полковника". Добывъ наконецъ желаемый „благодарственный листъ", Милорадовичъ отправился съ нимъ въ Москву и выхлопоталъ тамъ царскую грамоту, подтверждавшую за нимъ гадяцкое полковничество [1]). Такъ передаетъ современникъ Милорадовича подробности полученія имъ грамоты, добавляя, что, возвратившись съ этою грамотою въ Гадячъ, Милорадовичъ „сталъ еще больше гнать тѣхъ, кто не хотѣлъ подписываться на томъ листѣ. Самъ Милорадовичъ разсказывалъ одному изъ своихъ сотниковъ, что, кромѣ грамоты, просилъ онъ у гр. Головкина еще и денежнаго награжденія за свои потери въ турецкую войну, но канцлеръ отвѣчалъ: „имѣешь теперь гадяцкій полкъ—такъ съ него и наживайся себѣ!"

Обезпечивъ себя царскою грамотою, Милорадовичъ „учинился въ полку самовластителемъ, какъ-бы въ своей отчинѣ", не стѣсняясь уже ни чѣмъ въ своихъ преслѣдованіяхъ той старшины, которая не хотѣла вполнѣ подчиниться его произволу. Вотъ одинъ изъ случаевъ, какъ Милорадовичъ безпричинно оскорблялъ своихъ сотниковъ, разсказанный очевидцемъ: „въ нынѣшній походъ подъ Царицынъ, полковникъ, въ виду всего войска, избилъ полковаго сотника, Ивана Пиратинскаго, почтеннаго и всѣми уважаемаго старика, за то только, что борзая собака сотника на охотѣ перегнала полковничьихъ собакъ и поймала зайца. Пойманнаго зайца сотникъ хотѣлъ было поднести полковнику, но лишь только подошелъ къ нему, какъ тотъ, не давши ему и слова вымолвить, ударилъ сотника оловянною фляшкою въ спину, а затѣмъ сталъ бить его кулаками по головѣ. Сотникъ обратился было къ находившейся тутъ-же старшинѣ съ просьбою написать объ этомъ случаѣ протестъ, но Милорадовичъ закричалъ: „писали вы уже челобитную гетману, такъ я ту челобитную употребилъ, какъ самъ зналъ" (что срамно и пояснять),—„тоже будетъ и съ новою вашею жалобою!..." [2]) Убѣдившись, вѣроятно, этимъ доводомъ, Пиратинскій никакой жалобы и не подавалъ.

---

[1]) Этою грамотою, царь, подтверждая Милорадовичу чинъ полковничества гадяцкаго, „повелѣвалъ гетману, генеральной старшинѣ и полковникамъ—Милорадовича въ томъ чинѣ надлежащимъ образомъ имѣть, а гадяцкаго полка старшинѣ и козакамъ онаго почитать и всякое должное ему послушаніе отдавать и принадлежащими къ тому уряду маетностями и доходами владѣть". Черниг. Губ. Вѣд. 1855 г., № 51.

[2]) Арх. генер. канц., № 369.

Лишивъ полковую старшину всякаго значенія, Милорадовичъ сталъ распоряжаться козаками, какъ своими „подданными“, заставляя ихъ нести личную себѣ службу.—Такъ козаки полковой сотни жаловались, что загоняютъ ихъ понедѣльно—сторожить полковничій дворъ, чего прежде никогда не бывало, и заставляютъ при этомъ печи топить, дрова рубить, кони поить, воду таскать. Вдовъ козачьихъ также загоняютъ къ полковнику для всякой работы: бѣлье моютъ, посуду на кухнѣ чистятъ, хаты бѣлятъ и всякое дѣло дѣлаютъ, что прикажутъ, наравнѣ съ наемными работницами“[1].

Прибывъ въ гадяцкій полкъ бѣднякомъ, Милорадовичъ поставилъ главною себѣ цѣлью—нажиться. Въ этомъ отношеніи полковничьи уряды были самыми выгодными мѣстами для наживы, такъ какъ полковникъ всегда получалъ большіе доходы отъ одного полковаго суда, предсѣдательствуя въ которомъ, онъ опредѣлялъ по своему усмотрѣнію размѣръ „судовыхъ накладовъ“, которые взыскивались съ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ. Обыкновенно бывало такъ, что за всякое болѣе или менѣе важное преступленіе (разбой, кражу, прелюбодѣяніе) подсудимый отдавалъ на судей весь свой скотъ, а часто поступался и земельнымъ имуществомъ. Полковникъ дѣлилъ „вклады“ между полковыми урядниками, оставляя себѣ львиную часть. Кромѣ того полковники получали возможность пріобрѣтать отъ своихъ полчанъ земельные участки по низкой цѣнѣ, запрещая бѣднякамъ продавать ихъ участки другимъ, кромѣ его, полковника, лицамъ. При этомъ полковники впрочемъ старались по возможности давать этимъ покупкамъ хотя внѣшнюю законную форму. Но Милорадовичъ даже и этого не дѣлалъ: окруживъ себя слугами, выведенными изъ Сербіи, онъ открыто насильничалъ съ помощью этихъ слугъ надъ своими полчанами, ни чѣмъ не стѣсняясь. ~~Но~~ главною помощницею Милорадовича въ этихъ насиліяхъ была жена его, Ульяна Степановна, ~~энергичная личность которой рѣзко выдѣляется изъ современныхъ ей „паній“~~.

Милорадовичъ вышелъ изъ Сербіи вдовцомъ съ однимъ сыномъ, Степаномъ. Черезъ годъ послѣ полученія полковничества, онъ женился на дочери генеральнаго есаула Степана Бутовича—

---

[1]) Тамъ-же, № 754.

Ульянѣ. Между прочимъ браку этому предшествовали уже близкія отношенія между вѣнчавшимися, послѣдствіемъ которыхъ было то, что на пятомъ мѣсяцѣ послѣ брака Ульяна Степановна уже родила Милорадовичу сына, Николая. Не смотря на такое начало сближенія, Милорадовичъ нашелъ во второй женѣ ревностную помощницу въ заботахъ объ устройствѣ своего благосостоянія.

~~Ульяна Степановна~~ Это была женщина замѣчательной энергіи, при чемъ вся эта энергія направлена была къ одной стяжательности, для удовлетворенія которой она, какъ и мужъ, тоже не разбирала средствъ. Заботясь объ умноженіи своего благосостоянія, Ульяна Степановна распоряжалась въ полку, какъ хозяйка. На полковыя дѣла она имѣла такое вліяніе, что гадяцкая старшина просила гетмана, чтобы „пани полковница въ дѣла полковыя не вмѣшивалась, старшину не безчестила, судовъ не судила, декретовъ старшиною писанныхъ не уничтожала, указовъ своихъ по полку не разсылала и женъ ихъ не безчестила-бъ"[1]. См. Фамил. 476.

Получивъ отъ отца въ приданое слободку Бутовку (близъ Городни, черниговск. губ.), Ульяна Степановна сама распоряжала въ ней хозяйство изъ Гадяча, за 300 верстъ, письменно наставляя тамошняго своего старосту въ веденіи „господарства", и не упускала при этомъ никакихъ мелочей. Сохранившіяся ея письма къ бутовскому старостѣ хорошо рисуютъ дѣятельную полковницу. Въ одномъ изъ нихъ напр. полковница пишетъ: „Семене, слуга нашъ, пишешь ты, что городняне очень тѣснятъ нашихъ бутовскихъ людей, въ ихъ поляхъ[2]); поэтому крѣпко тебѣ приказываемъ не уступать городнянамъ и по возможности отбиваться отъ нихъ. Если случится, что наши люди застанутъ на своихъ поляхъ городнянъ, приказываемъ грабить ихъ лошадей и воловъ; да вообще дѣлай при этомъ такъ: если городняне заграбятъ у бутовчанъ десять лошадей,—ты заграбь у нихъ двадцать!—Да управляйся въ господарствѣ рачительнѣе: смотри за хоромами, перекрой конюшню и амбаръ, чтобы крыши не протекали.—Слышно намъ здѣсь, что свиней у тебя совсѣмъ мало

---

[1]) Тамъ-же, № 369.

[2]) Бутовка была поселена на земляхъ, отнятыхъ Бутовичемъ у жителей Городни, вслѣдствіе чего послѣдніе продолжали и въ это время спорить съ бутовскими слобожанами за отнятыя земли.

и то конечно отъ твоего нерадѣнія: какъ пригонятъ свиней съ поля, то вы сгоняете всѣхъ ихъ въ одну кучу и при этомъ свиньи ѣдятъ поросятъ. Ты долженъ досматривать, чтобъ этого не было. Если плохой свинарь попался, такъ прикажи войту, чтобы нанялъ хорошаго, за цѣну, какую и люди платятъ“.

Будучи такою рачительною хозяйкою, Ульяна Степановна требовала отъ слугъ безпрекословнаго исполненія своихъ приказаній и за малѣйшія провинности наказывала ихъ иногда съ ужаснымъ звѣрствомъ. Одинъ изъ ея „подданныхъ“, крестьянинъ с. Малыхъ Будищъ, Андрей Пугачъ, жаловался въ 1733 г. тогдашнему гадячскому полковнику Грабянкѣ, что отдалъ онъ малолѣтнюю свою дочь, Ефросинью, бывшей полковницѣ Ульянѣ на прокормленіе и услугу, ради своего убожества и вдовства, у которой полковницы та дочь его и жила лѣтъ семнадцать, безъ всякой платы, занимаясь тканьемъ ковровъ. Случилось, что въ этомъ году, лѣтомъ, въ отлучку Ульяны изъ дому, дочь пришла къ нему, отцу, въ гости; но не пробыла она у него и трехъ дней, какъ прибѣжали за нею слуги Милорадовички и взяли ее въ Гадячъ. И какъ только привезли дочь въ Гадячъ, продолжаетъ Пугачъ, Милорадовичка сейчасъ-же приказала тѣмъ слугамъ, положивши дочь его на полу, бить канчуками (нагайками) сначала по спинѣ и животу, а потомъ, раздвинувъ ноги, по прочимъ частямъ, сама-жъ Милорадовичка „черевиками“ очи ей выдавила и зубы повыбивала... Отъ такого безчеловѣчнаго истязанія изуродованная дочь его умерла на третій день. И хотя гадячскій намѣстникъ и запрещалъ священнику хоронить Ефросинью, пока не осмотрятъ ея гражданскія власти, однако тотъ священникъ, будучи подкупленъ Милорадовичкою, замученную Ефросинью похоронилъ...“[1]

Съ такою женою Милорадовичъ успѣшно устраивалъ свое благосостояніе.

„На рангъ“ гадяцкаго полковника принадлежали два мѣстечка: Комышная и Рашавка, которыя при Мазепѣ присоединены были къ „гадячскому замку“, (принадлежавшему „на булаву“ гетмановъ), а потомъ опять возвращены гадяцкимъ полковникамъ, при Чарнышѣ, по родству послѣдняго съ Скоропадскимъ. Крестьяне этихъ мѣстечекъ отданы были и Милорадовичу „въ послушаніе“.

---

[1]) Арх. генер. канц., № 402.

Жители Комышной и Рашавки, занимаясь преимущественно ремеслами, отличались своею зажиточностью; но уже Чарнышъ наложилъ было на нихъ руку, увеличивъ размѣръ прежнихъ повинностей, а Милорадовичъ, кромѣ того, привлекъ къ „послушанію“ и козаковъ, жившихъ въ его ранговыхъ маетностяхъ, хотя козаки были всегда свободны отъ „подданническихъ повинностей“, отбывая только воинскую службу.

Комышанскіе козаки жаловались гетману, что Милорадовичъ „лѣса ихъ рубитъ и пустошитъ самовольно, и то дерево на свои строенія употребляетъ, а ихъ принуждаетъ косить ему сѣно, орать, жать, молотить, и тѣ всѣ работы отбываютъ они полковнику, наравнѣ съ посполитыми“. — Посполитые комышанскіе терпѣли разумѣется еще больше: „они были замучены ежедневною панщиною, такъ что на свое хозяйство не оставалось и времени.“ „Ежегодно даемъ, писали Комышане, осенщину—отъ вола и отъ коня по 12 шаговъ (грошѣй) и по четверику овса; силою заставляютъ насъ покупать панскій сыръ, по 50 золотыхъ (20 к. ас.) за бочку, икру по полталера за 10 фунт., ягоды водочныя по гривнѣ за ведро“.—Тоже самое было и у рашавчанъ; но какъ послѣдніе были преимущественно ремесленники, то Милорадовичъ бралъ съ нихъ повинности натурою—тулубами, сапогами и прочими ихъ издѣліями.

Еще въ Сербіи Милорадовичъ занимался купеческимъ промысломъ[1]); тамъ онъ вѣроятно и пріобрѣлъ тотъ опытъ, который такъ легко и выгодно было ему прилагать къ дѣлу на гадяцкомъ полковничествѣ. Сынъ его, Степанъ, разсказываетъ о торговыхъ оборотахъ отца въ Гадячѣ, что съ октября 1715 по 1719 г. по всему гадяцкому полку шинковалась водка только его отца; при этомъ каждая куфа (бочка) продавалась по 20 р. и болѣе, а покупалась у глуховскаго войта по 12 рублей, а у другихъ и дешевле,—что отецъ бралъ также подряды на поставку водки въ Москву, по нѣскольку тысячъ ведеръ, что въ 1724 г., когда отецъ назначенъ былъ командиромъ малороссійскаго отряда, посланнаго въ сулацкій походъ, взялъ онъ съ собою 57 бочекъ водки и продалъ тамъ бочку по 140 рублей, да кромѣ того во-

---

[1]) Одинъ сербскій монахъ разсказывалъ въ 1721 г., что онъ пріѣхалъ въ Малороссію „по знаемости своей съ п. полковникомъ гадяцкимъ (т. е. Милорадовичемъ) въ Бухарештахъ, еще подъ часъ житія его тамъ купеческимъ способомъ“. Арх. генер. канц., № 191.

зилъ онъ туда-же для продажи табакъ, сало и масло. Въ 1725 г., туда-же выправлено было 30 бочекъ водки, которая продана была по той-же цѣнѣ. Торговалъ отецъ и волами, которыхъ ежегодно до самой смерти отправлялъ онъ въ Шліонскъ (Силезію) и въ Петербургъ партіями по пять и по шесть сотъ воловъ"[1]). Такихъ размѣровъ торговые обороты для того времени были очень значительны, при чемъ Милорадовичъ получалъ тѣмъ большіе барыши, что весь механизмъ этихъ оборотовъ производилъ онъ даровымъ трудомъ своихъ полчанъ. Посылая на Сулакъ водку, Милорадовичъ за вырученныя деньги приказывалъ накупать тамъ мѣстныхъ товаровъ—шелковъ, сафьяновъ и проч., которые затѣмъ раздавалъ насильно своимъ полчанамъ, для мелочной продажи. При этомъ онъ назначалъ товарамъ цѣну высшую противъ стоимости и продавецъ волей-неволей долженъ былъ платить за распроданный товаръ цѣну, назначенную полковникомъ. Для мелочной распродажи этихъ товаровъ, Милорадовичъ выбиралъ изъ своихъ крестьянъ—людей зажиточныхъ, которые-бы, на всякій случай, могли отвѣтить предъ нимъ и своимъ имуществомъ.

Приводимъ нѣсколько показаній тѣхъ крестьянъ, которымъ Милорадовичъ поручалъ распродажу своихъ товаровъ.

Григорій Моренецъ разсказываетъ, что Милорадовичъ поручалъ ему не разъ продавать шелкъ, цѣну которому назначалъ по десять золотыхъ за фунтъ, а онъ, Моренецъ, не могъ сбыть его и по два талера за фунтъ;[2]) за сафьянъ назначалъ цѣну по 5 рублей за „бунтъ“, а продавалъ Моренецъ по семи копъ (3 р. 50 к.) за бунтъ; цѣна рису назначена была по рублю за камень (50 фунт.), а продалъ; по талеру за камень. Да кромѣ того ѣздилъ онъ, Моренецъ, по приказу Милорадовича въ Крымъ за виномъ, на своихъ лошадяхъ и на своихъ же харчахъ, посыланъ былъ также въ „Шлёнскую дорогу“ два раза, и гонялъ туда по 200 быковъ, тоже на своихъ харчахъ и своими лошадьми, на что истратилъ 34 р. 73 к.

Андрей Туръ говоритъ, что Милорадовичъ принуждалъ его распродавать свои товары, при чемъ назначалъ имъ цѣны высшія противъ стоимости: шелкъ отданъ былъ полковникомъ по 1 р. 80 к.

---

[1]) Арх. генер. канц., № 4206.

[2]) Золотой=20 коп. асс., а талеръ=60 коп. асс. „Битый“ же талеръ ровняется серебряному рублю.

за фунтъ, а продавъ по 1 р.; за „бунтъ" сафьяна назначено было 5 р., а продавъ по 3 р. 50 к.; „китаю два тюма"—по 10 р., а продавъ по 7 р. Посылалъ полковникъ Тура и въ Крымъ—продавать тамъ его масло; а въ Крыму покупалъ онъ вино; а на дорожные расходы полковникъ денегъ не давалъ.

Семенъ Кириченко, козакъ м. Комышвой, отца котораго Милорадовичъ повернулъ въ посполитые, также точно распродавалъ полковничные товары, при чемъ приходилось полковнику уплачивать гораздо больше, чѣмъ выручалось отъ продажи. Да возилъ Кириченко въ Царицынъ и въ Крымъ водку и масло, на своихъ подводахъ, и не получалъ отъ полковника за то никакой платы.—Такими способами наживался Милорадовичъ на счетъ своихъ крестьянъ, которые кромѣ того платили ему „чиншъ" и отбывали усиленную „панщину".

Земельныя свои богатства Милорадовичъ пріобрѣталъ и увеличивалъ на счетъ козаковъ, у которыхъ безнаказанно отнималъ разнаго рода угодья. Какія насилія позволялъ себѣ при этомъ Милорадовичъ, примѣромъ можетъ служить исторія его съ козакомъ Балясвымъ. Въ 1720 г., Балясный устроилъ, съ позволенія гетмана, селитренный заводъ около м. Веприка и варилъ селитру два года свободно. Приготовился варить онъ селитру и на третій годъ, какъ неожиданно получилъ приказъ отъ полковницы (Милорадовичъ въ это время былъ въ Москвѣ) прекратить вареніе, такъ какъ она сама думаетъ устроить на томъ мѣстѣ, которое принадлежало Балясному, свою селитроварню. Балясный хотѣлъ было жаловаться въ Малороссійскую Коллегію (это было въ 1724 г.) но, припомнивъ, какъ много полковница поувѣчила людей, рѣшился терпѣть насиcиліе, „здоровья ради", и найдя удобное мѣсто, подъ с. Цѣпками, сталъ устраивать другой заводъ. Но Ульяна и здѣсь не позволила Балясному варить селитру, объявивъ, что право селитроваренія въ гадяцкомъ полку должно принадлежать одному полковнику. Балясный пробовалъ было просить полковницу не мѣшать ему варить селитру подъ Цѣпками, уступая за то уже отнятый веприцкій свой заводъ, но позволенія не получилъ. Тогда имѣя въ рукахъ позволеніе гетмана, подтвержденное и Коллегіей, Балясный сталъ варить селитру въ своемъ новомъ заводѣ, не обращая вниманія на запрещеніе. Вскорѣ затѣмъ возвратился въ Гадячъ и самъ Милорадовичъ. Призвавъ Балянаго къ себѣ, полковникъ предложилъ ему—или прекратить селитровареніе подъ Цѣпками, или уступить ему, Милорадовичу, веприцкій заводъ, выдавъ

уступочный актъ. Балясный согласился на послѣднее условіе и выдалъ полковнику актъ на веприцкій заводъ, оговоривъ, что уступаетъ одинъ заводъ, безъ буртовъ. Вслѣдъ затѣмъ Балясный умеръ, а Милорадовичъ отправился въ Сулацкій походъ. Пользуясь отсутствіемъ полковника, Балясный—сынъ пожаловался Вельяминову, описавъ, какъ у отца его отнятъ былъ веприцкій заводъ, на которомъ селитровареніе разрѣшено было Балясному—отцу самою Коллегіей. Въ отвѣтъ на жалобу Вельяминовъ спросилъ у гадяцкаго наказнаго полковника, варитъ ли Балясный селитру. Наказный Штишевскій отвѣчалъ, что ни Балясный - отецъ не варилъ послѣдніе годы, ни сынъ его не варитъ, „того ради, что полковникъ своею волею тотъ заводъ изволилъ занять на свою особу“.

Возвратившись изъ похода и узнавъ о поданной жалобѣ въ Коллегію, Милорадовичъ призвалъ Балясваго и приказалъ ему дополнить полученный отъ отца его на веприцкій заводъ актъ прибавкою объ уступкѣ и тамошнихъ буртовъ. Балясный не согласился. Затѣмъ Милорадовичу случилось быть въ м. Опошнѣ, гдѣ жилъ Балясный. Придравшись къ послѣднему, что тотъ не выѣхалъ къ нему на встрѣчу, полковникъ „приказалъ Балясваго оковать на арматѣ (пушкѣ) двумя цѣпями, въ самый праздникъ сошествія св. Духа, и велѣлъ держать подъ такимъ крѣпкимъ карауломъ, что и нужды ради человѣческой пускать не велѣлъ“. Отпустивъ наконецъ съ арматы Балясваго, Милорадовичъ снова сталъ требовать уступки веприцкихъ буртовъ; но Балясный не уступалъ. Желая добиться требуемой уступки, полковникъ приказалъ посадить Балясваго „на самой бездѣльной лошади и гналъ его передъ собою въ свой хуторъ, за 30 верстъ отъ Опошни. А пріѣхавъ въ хуторъ, держалъ Балясваго въ индичникѣ два дня, подъ тайнымъ карауломъ. Но Балясный все не соглашался на уступку буртовъ. Тогда Милорадовичъ отослалъ непокорнаго полчанина въ Гадячъ, гдѣ Балясваго снова приковали къ пушкѣ. Въ это время Милорадовичъ получилъ указъ Малороссійской Коллегіи ѣхать въ Глуховъ „для отвѣтствія противъ челобитчиковъ“ и—Балясный, изъ опасенія, былъ освобожденъ.

Въ Глуховъ однакожъ Милорадовичъ не поѣхалъ, отговариваясь болѣзнями. По возвращеніи изъ Сулацкаго похода онъ дѣйствительно сталъ болѣть и написалъ въ это время свое завѣщаніе, по которому всѣ свои гадяцкія имѣнія, городскіе дворы, мель-

ницы, хутора и разныя земли, назначилъ женѣ и сыну Николаю вмѣстѣ. Сыну Степану Милорадовичъ ничего не оставлялъ потому, что, какъ объяснилось въ завѣщаніи, онъ ему „досталъ маетность своимъ стараніемъ“ и кромѣ того выдѣлилъ уже часть, когда Степанъ женился.

Въ сентябрѣ 1726 г. Михайло Милорадовичъ умеръ. Имѣніями умершаго, на основаніи духовнаго завѣщанія, завладѣла вдова его вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ. Старшій сынъ Милорадовича —Степанъ въ это время жилъ въ с. Позникахъ (около Лохвицы), которое получилъ за женою отъ тестя своего, Михаила Гамалѣи, и которое утверждено было за нимъ, по старанію отца, и царскою грамотою.

Находя, что братъ Николай, какъ незаконный сынъ отца, не имѣетъ права на завѣщанное ему наслѣдство, Степанъ Милорадовичъ обратился въ генеральную канцелярію съ просьбою, чтобы вдова отца выдала ему часть отцовскаго наслѣдства. [1]) Но Ульяна Степановна поспѣшила помириться съ пасынкомъ; миръ со-

---

[1]) Приводимъ здѣсь перечень этихъ требованій. „Вѣдѣніе добръ отца моего, полковника гадяцкого Михаила Милорадовича, коликое число требую я отъ панеи, кромѣ того, що дѣтямъ моимъ легowано въ духовницѣ отческой.—Портретъ его императ. величества (Петра В.), отцу моему еще не жонатому пожалований.—Крестъ щирозлотний, зъ Македоніи вивезений.—Грамоту его импер. величества, даную на чинъ полковничества.—Писма его-жъ императ. величества, въ нашу сторону (въ Сербію) до отца писанніе.—Денегъ тысячу рублей.—Дворъ въ Гадячу, который еще не женившися отецъ мой мало бувъ не достровъ.—Два шинка, одинъ въ Гадячомъ, а другий въ с. Бабкахъ—Вѣлчуру лямпартовую, подшитую песками, зъ ґузиками болшими срѣбными позлоцаними, которие отецъ у мене взялъ.—Соболей паръ трохъ.—Шабель двѣ, которие отецъ изъ собою въ Гадячъ привезъ: една каменіями осажена, а другая сребромъ окована, турецкая.—Кубковъ два срѣбныхъ позлоцанихъ болшихъ и кружку сребраную позлоцаную болшую жъ, что привезъ зъ собою зъ Москвы.—Коней двое верховыхъ зъ кулбаками и рондами, а именно: тую кулбаку, что отецъ мой зъ Москви привезъ зъ собою, подъ срѣбро оправную и рондъ каменіемъ осажованной, а другую кулбаку зъ рондомъ, что гетманъ съ конемъ далъ.—Пистолѣтовъ паръ трохъ, пару французскихъ, а двѣ тулской роботы.—Флинту турецкую оправную подъ сребро и подъ позлоту.—Гвинтовку тулской работи.—Коней четверо стада покойнаго отца моего.—Кобылъ девять и дригантa (жеребца).—Воловъ 20, коровъ 10 и бугая.—Лисичихъ футеръ шлямовихъ завойковихъ двѣ жъ, съ тихъ лисицъ, что отецъ мой зъ Сулаку прислалъ.—Овецъ съ баранами 70.—Барсовъ два—коней верховихъ покрывать.—Алембикъ одинъ.—Казанковъ дворовыхъ три.—Винничнихъ казановъ два.—Тарѣлокъ цѣнованихъ 12 и полумисковъ 12. Селѣтри зъ обохъ заводовъ 2 куфи (бочки).—Жита осмачокъ—15, пшеницы 10, гречки—8 и овса—6. Стефанъ Милорадовичъ“. Архивъ генер. канцел., № 4206.

стоялся при посредствѣ тогдашняго Глуховскаго дѣльца Валькевича и Степанъ Милорадовичъ выдалъ мачихѣ обязательство „о нечелобитствованіи впредь объ отцовскихъ имѣніяхъ". Въ послѣдствіи Степанъ утверждалъ, что росписку эту онъ выдалъ „по своему чужестранству, въ невѣдѣніи малороссійкихъ правъ и порядковъ," при чемъ и былъ обманутъ мачихою. Однакоже дѣло этимъ и кончилось. Вдова Милорадовича скоро вышла вторично замужъ, за Петра Черныша, и продолжала владѣть имѣніями Милорадовича, болѣе двадцати лѣтъ, пока не явились новые претенденты на эти имѣнія, въ лицѣ сыновей Степана Милорадовича.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны, многіе сыновья малороссійскихъ пановъ стали начинать свою службу при дворѣ, поступая туда камеръ-лакеями. Мѣста эти получались вѣроятно при посредствѣ Алексѣя Разумовскаго, который не отказывалъ въ покровительствѣ своимъ землякамъ. Камеръ-лакеемъ при дворѣ началъ службу и старшій сынъ Степана Милорадовича—Петръ. Живя при дворѣ, Петръ Милорадовичъ имѣлъ возможность получить совѣты знающихъ людей относительно возможности начать новое дѣло объ имѣніяхъ дѣда съ его вдовою. Знающіе люди находили, что можно начать дѣло о незаконномъ рожденіи Николая Милорадовича и на этомъ основаніи можно и отобрать у него отцовскія имѣнія. Но такъ какъ право на этотъ споръ принадлежало жившему еще старшему брату Николая—Степану, то требовалось, чтобы послѣдній свое право на отысканіе отцовскаго наслѣдства передалъ сыновьямъ, что и было сдѣлано, съ помощью извѣстнаго по Литовскому Статуту „улиточнаго" акта. Заручившись этимъ актомъ, Петръ Милорадовичъ подалъ въ 1747 г., вмѣстѣ съ братьями, въ сенатъ челобитную, въ которой объяснялъ, что „дѣдъ ихъ, истцовъ, въ 1716 г., въ послѣднихъ числахъ іюля, по причинѣ своего вдовства, женился въ Малой Россіи на дочери генеральнаго есаула Бутовича, бывшей въ дѣвкахъ Ульянѣ, которая, живя съ дѣдомъ ихъ въ законномъ супружествѣ, тогожъ года въ декабрѣ противъ 6-го числа, то есть на пятомъ, по выходѣ своемъ въ замужество, мѣсяцѣ, родила не законно въ дѣвкахъ еще ею прижитаго сына Николая, который, будучи нынѣ въ совершенномъ возрастѣ, считается между бунчуковыми товарищами и пишется рода ихъ прозваніемъ Милорадовичемъ; а понеже о не законномъ рожденіи бабою ихъ Ульяною сына Николая извѣстно почти во всей Малой Россіи и таковые не законнорожденные въ число степенныхъ фамилій не пріемлются, того ради не законно-

рожденнаго сына Бутовичевны Николая отъ наслѣдія имѣній Михайла Милорадовича истцы просили „отрѣшить". Прося передать эту челобитную для рѣшенія въ генеральный судъ, истцы заявляли отводъ отъ участія въ рѣшеніи противъ есаула Валькевича, подскарбія Скоропадскаго и судьи Лысенка. Перваго Милорадовичи устраняли потому, что онъ, при рѣшеніи дѣла писаря генеральнаго суда Пиковца и бунчуковаго товарища Журавки, „обличенъ явнымъ плутовствомъ"; Скоропадскаго—потому, что „онъ Валькевичу другъ и одинъ съ другимъ при рѣшеніи дѣлъ, никогда не спорятъ и безъ взаимнаго согласія ничего не дѣлаютъ"; наконецъ Лысенка—на томъ основаніи, что „онъ по своему простосердечію, при рѣшеніи дѣлъ не споритъ, а соглашается съ сентенціею Валькевича и Скоропадскаго, о чемъ и сенату довольно извѣстно". Просьба Милорадовичей была во всемъ сенатомъ уважена и дѣло передано было для рѣшенія въ генеральный судъ. Взявъ отпускъ, Петръ Милорадовичъ пріѣхалъ въ Глуховъ хлопотать, чтобъ не было „волокиты", хотя сенатъ и повелѣлъ суду „учинить по челобитной Милорадовичей рѣшеніе безъ наималѣйшаго продолженія".

Въ концѣ января 1748 г. изъ суда посланъ былъ канцеляристъ Дембовскій „за сыскомъ отвѣтчицы Бутовичевны". Но отыскать Ульяну Степановну было не легко; прослыхавъ о челобитной дѣтей пасынка, она стала переѣзжать съ мѣста на мѣсто и „ѣздила болѣе ночью, а не днемъ", почему Дембовскій вернулся въ Глуховъ, не сыскавъ отвѣтчицы Милорадовичей. Судъ послалъ другаго канцеляриста, Леонтовича, приказавъ, „чтобъ онъ, гдѣ ее заслышитъ, туда и ѣхалъ", для врученія указа о вызовѣ къ суду на 7 марта. Отвѣтчица наконецъ найдена была въ Прилукѣ, въ домѣ племянника своего, Якова Тарновскаго, но оказалась больною. Судъ предложилъ ей прислать вмѣсто себя повѣреннаго; но Ульяна Степановна хотѣла дѣло затянуть... Петръ Милорадовичъ съ своей стороны настаивалъ на скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла, указывая на то обстоятельство, что онъ „за несвоевременную свою явку изъ отпуска ко двору, опасуется отвѣта". Судъ приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла безъ явки отвѣтчицы и допросилъ свидѣтелей о не законномъ рожденіи Николая. Нѣсколько свидѣтелей положительно утвердили, что Михайло Милорадовичъ женился на Ульянѣ Бутовичевнѣ въ

концѣ іюля 1716 г., а въ декабрѣ того-же года Ульяна родила сына Николая. На основаніи этихъ показаній, судъ въ іюлѣ 1748 г. рѣшилъ дѣло Милорадовичей тѣмъ, что Ульяна Степановна, какъ вышедшая замужъ вторично, должна быть лишена права на имѣніе перваго мужа, а сынъ ея Николай, какъ не законнорожденный, не имѣетъ права на наслѣдство Михайла Милорадовича и не долженъ зваться Милорадовичемъ. Отказалъ судъ только въ отобраніи отъ Ульяны Степановны села Козловки, которое она выхлопотала себѣ съ сыномъ, по смерти Милорадовича, за его службы; тутъ ужъ суду ничего нельзя было сдѣлать потому, что на Козловку Ульянѣ лично дана была царская грамота.

Генеральный судъ неправильно рѣшилъ это дѣло, такъ какъ и Ульяна Степановна и сынъ ея Николай имѣли законное право на имѣнія Михайла Милорадовича, на основаніи его духовнаго завѣщанія, о которомъ судъ ничего не сказалъ въ своемъ рѣшеніи. Лишенный не только имѣній, но и отцовскаго прозвища, Николай поѣхалъ было хлопотать о перевершеніи дѣла въ Петербургъ, но не имѣя тѣхъ знакомствъ, какія были у его племянника Петра, ничего повидимому не добился и безслѣдно гдѣ-то потерялся [1]).

Придворная служба Петра Милорадовича дала ему возможность вполнѣ устроить свое благосостояніе: сначала онъ получилъ черниговское полковничество, а потомъ, въ 1763 г., женился на правнукѣ извѣстнаго Павла Полуботка, за которою взялъ въ приданое половину Полуботковскихъ имѣній и сдѣлался однимъ изъ первыхъ богачей черниговскаго намѣстничества. Онъ умеръ въ глубокой старости въ 1798 г., въ лохвицкомъ своемъ селѣ Гамалѣевкѣ, гдѣ въ тамошней церкви и похороненъ.

Какъ только умеръ Михайло Милорадовичъ, младшій его братъ Гаврило немедленно отправился въ Москву — искать тамъ гадяцкаго полковничества. Гаврило Милорадовичъ выѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ Михайломъ; послѣдній награжденъ былъ полковничествомъ, а Гаврилу даны были въ Малороссіи два села: Нехаевка и Калюжинцы.

---

[1]) Въ дневникѣ Ханенка за 1749 г., во время пребыванія въ Петербургѣ, отмѣчено: „явился у насъ бывшаго полковника Милорадовича сынъ nothus Николай и о матери своей спрашивалъ“.

Ставъ „державцею“, Гаврило Милорадовичъ немедленно началъ тѣснить козаковъ, жившихъ въ его маетностяхъ, чтобы на счетъ ихъ увеличить свои богатства. При этомъ онъ производилъ такія-же насилія, какъ и братъ его надъ гадяцкими полчанами. Уже въ 1715 г. нехаевцы подали гетману длинный перечень тѣхъ обидъ, которыя имъ пришлось испытать отъ „полковника македонскаго“ въ первые-же годы его „державства“. Вотъ эти обиды:

1) Нестора Доценка, козака, тирански истязалъ за то, что купилъ ниву у мужика (крестьянина Милорадовича) еще прежде его державы; ниву отнялъ и не только денегъ не возвратилъ, но еще сковалъ его съ тѣмъ мужикомъ за ноги и держалъ такъ недѣлю, пока Доценко не откупился, давъ талеръ.

2) Ивана Осовика, козака, такъ избилъ, что тотъ нѣсколько недѣль пролежалъ, а билъ за то, что тотъ „изволеніемъ Божіимъ“ погорѣлъ; да еще требовалъ и корову.

3) Яцка Хоменка, козака, безъ всякой вины, билъ такъ, что кровь сквозь одежду выступала, а потомъ отнялъ у него лѣсъ и вырубилъ его на свои постройки.

4) У Хвеська Манджоса, крестьянина, отнялъ лѣсъ, стоившій золотыхъ 100; а пока не отнялъ, хотѣлъ Хвеська повѣсить, да только желѣзомъ оковалъ; и тотъ, не смогши носить на себѣ желѣза, долженъ былъ лѣсъ уступить, а самъ пошелъ въ другое село.

5) Ирину крестьянку тирански истязалъ и вѣшалъ за руки къ сволоку и за то только, что купила кварту водки у солдата (а не въ шинкѣ Милорадовича), и отслуживаетъ теперь Ирина свою вину уже другой годъ.

6) Дмитра Свинарчука „стремглавъ“ повѣсивши, по пятамъ такъ билъ, что недѣли три лазилъ на колѣняхъ, пока раны зажили; а билъ безъ всякой вины.

7) Пива наварилъ много бочекъ; только то пиво прокисло и стало никуда негоднымъ: не пили его не только люди, но и свиньи; а онъ, Милорадовичъ, приказалъ то пиво раздавать крестьянамъ; и—принимали то пиво съ плачемъ и тутъ-же, при старостѣ, вонъ выливали, а платили за пиво, что хотѣлъ [1]).

Получивъ эту жалобу, Скоропадскій написалъ Милорадовичу, чтобы онъ не обращался такъ „сурово“ съ людьми; но Милорадовичъ не признавалъ надъ собою власти гетмана, о чемъ ему

---

[1]) Арх. генер. канц., № 1018.

прямо и заявилъ. Не зная, что съ нимъ дѣлать, Скоропадскій писалъ въ 1718 г. царю: „полковники Василій Танскій и Гаврило Милорадовичъ, имѣя въ Украинѣ маетности, живутъ *ни подъ чіею командою, самовольно;* и того-бъ ради объ оныхъ сдѣлать опредѣленіе, подъ чьею командою имъ быть и кому ихъ, по челобитнымъ на ихъ въ разныхъ дѣлахъ, судить; а его де, гетмана, они не слушаютъ“ [1]). Не получивъ никакого разрѣшенія на свою просьбу и получая постоянныя жалобы на Гаврила Милорадовича, за его насилія, Скоропадскій рѣшился наконецъ произвести по этимъ жалобамъ слѣдствіе; для этого посланъ былъ, въ 1720 г., въ Нехаевку бунчуковый товарищъ Чуйкевичъ. Но Милорадовичъ не призналъ за гетманомъ права производить надъ нимъ слѣдствіе. Чуйкевичъ изъ Нехаевки донесъ Скоропадскому, что Милорадовичъ, „при не укротимой своей противъ козаковъ завзятости“, не допускаетъ его къ слѣдствію. Призвалъ Чуйкевичъ одного козака для очной ставки, а Милорадовичъ приказалъ того козака забить въ колодки; а когда я сталъ возражать, говоритъ Чуйкевичъ, то Милорадовичъ, „оказавши противъ меня свои сарказмы“, захватилъ всѣ мои бумаги и ушелъ къ себѣ домой. Видя, что производство порученнаго ему слѣдствія невозможно, Чуйкевичъ вернулся въ Глуховъ [2]). Послѣ этого Скоропадскій уже и не трогалъ „македонскаго кавалера“, который продолжалъ жить „ни подъ чіею командою“ и самовластвовать въ своихъ маетностяхъ, пока не умеръ братъ его Михайло. Гаврило Милорадовичъ переѣхалъ въ Россію, какъ и старшій братъ его вдовцомъ. Бывая въ Москвѣ, онъ тамъ высваталъ себѣ вторую жену, какую-то Прасковью Андреевну, „служительку отъ двора князя Меншикова“. Узнавъ о смерти брата Михайла, Гаврило Милорадовичъ отправился въ Москву вмѣстѣ съ женою, которая должна была ему помочь въ искательствѣ гадяцкаго полковничества. Но хлопоты о полковничествѣ оказались не легкими: около года пришлось жить Милорадовичу въ Москвѣ, пока наконецъ удалось ему выпросить у Меншикова гадяцкое полковничество.

Прослыхавъ объ этомъ искательствѣ, гадяцкіе полчане надѣялись, что только что поставленный гетманъ Апостолъ сможетъ отстранить Гаврила Милорадовича и дастъ возможность

---

[1]) Чтенія моск. общ. ист. и др. 1859, I, 282.

[2]) Арх. генер. канц., № 652.

гадячанамъ выбрать себѣ полковника „вольными голосами". Съ такою просьбою и обратились къ гетману гадяцкіе полковые урядники, какъ только Апостолъ провозглашенъ былъ гетманомъ. „Довольно натерпѣлись мы бѣдъ, писали они гетману, отъ Чарныша и Михайла Милорадовича, которые, наѣхавъ въ нашъ полкъ со стороны и желая съ другими „застарѣлыми" полковниками въ богатствѣ сравняться, прежде всего стали добывать себѣ „грунта", чѣмъ такъ стѣснили народъ, что чуть не пустъ остается нашъ полкъ теперь. А теперь слышно, что о гадяцкомъ полковничествѣ старается Гаврило Милорадовичъ; этотъ пожелаетъ тоже прежде всего нажиться, какъ видно и изъ писемъ его, которыя онъ сюда пишетъ. Скупитъ онъ послѣдніе грунта у людей и станетъ порабощать остальныхъ козаковъ для работъ на тѣхъ-же грунтахъ. А порядковъ никакихъ въ полку онъ намъ не устроитъ. Если Гаврило Милорадовичъ назначенъ будетъ полковникомъ, то должно быть прійдется и намъ, старшинамъ, уступать ему свои грунта, потому что козаки, какіе имѣли грунтики, уже распродали ихъ, а сами разошлись въ разныя мѣста; а въ полку скоро некому будетъ и войсковую службу отбывать". Въ заключеніе старшина просила гетмана—позволить гадяцкимъ полчанамъ выбрать полковника изъ среды себя вольными голосами. Исполнить эту просьбу Апостолъ не имѣлъ права; впрочемъ и заявлена она была поздно: вслѣдъ за подачею ея гетману, изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ полученъ былъ указъ о назначеніи гадяцкимъ полковникомъ Гаврила Милорадовича. При этомъ говорили, что полковничество выхлопотала Милорадовичу жена его черезъ Меншикова.

Вступивъ въ управленіе полкомъ, Гаврило Милорадовичъ скоро доказалъ на дѣлѣ, что опасенія полчанъ были вполнѣ основательны.

Въ началѣ 1728 г., гадяцкій судья Штишевскій писалъ гетману, что, противъ желанія полчанъ, присланъ въ Гадячъ полковникомъ Гаврило Милорадовичъ, не имѣющій ни заслугъ, ни способностей („кромѣ—что онъ двора князя Меншикова служительку за собою держитъ"); пріѣхавъ въ полкъ, онъ сейчасъ-же сталъ „затѣвать полчанамъ нестерпимыя обиды, здирства и побои". Затѣмъ Штишевскій перечисляетъ насилія Милорадовича,—какъ беретъ онъ взятки за судъ, отнимаетъ у козаковъ земли, рубитъ ихъ лѣса и проч. Донесеніе Штишевскаго подтверждали всѣ гадяцкіе полчане, подавшіе гетману особую жалобу, что

Милорадовичъ, „оставя правленіе полковыхъ дѣлъ, уѣхалъ въ ранговыя свои маетности и тамъ только тѣмъ и занимается, что однихъ полчанъ безмилосердно кіями бьетъ, а другихъ по тюрьмахъ и на арматахъ (пушкахъ) окованныхъ по нѣсколько недѣль истязуетъ“. Правду этой жалобы засвидѣтельствовали своими подписями, между прочими, и игумены двухъ гадяцкихъ монастырей. Впрочемъ Апостолъ и не сомнѣвался въ правдивости жалобъ, такъ какъ, имѣя свой домъ въ Сорочинцахъ, поблизу ранговыхъ маетностей Милорадовича—Рашавки и Комышной, онъ зналъ все, что тамъ дѣлается. Поѣхавъ вслѣдъ затѣмъ въ Москву, Апостолъ просилъ коллегію иностранныхъ дѣлъ защитить гадяцкихъ полчанъ отъ Милорадовича. А между тѣмъ изъ Гадяча приходили новыя жалобы, которыя гетманъ препровождалъ въ ту-же коллегію. Насилія Милорадовича были такъ явны, что Головкинъ наконецъ разрѣшилъ Апостолу произвести слѣдствіе по жалобамъ гадяцкихъ полчанъ, а потомъ въ іюлѣ 1728 г. распорядился, чтобы Милорадовича прислали въ Москву „для изслѣдованія показанныхъ отъ него козакамъ обидъ“ [1]). Произведенное по жалобамъ на Милорадовича слѣдствіе отослано было въ Москву чрезъ Штишевскаго, который долженъ былъ личными уликами еще болѣе подтвердить справедливость слѣдствія. Судъ надъ Милорадовичемъ въ Москвѣ тянулся около года; только въ іюнѣ 1729 г. гетманъ получилъ наконецъ указъ, что такъ какъ Милорадовичъ сознался въ своихъ преступленіяхъ, „того ради полковникомъ ему не быть, а жить ему, Милорадовичу, въ Нѣжинѣ и довольствоваться пожалованными маетностями—Нехаевкою и Калюжинцами“ [2]). Милорадовичъ однако-же поселился не въ Нѣжинѣ, а въ Калюжинцахъ, гдѣ, проживъ годъ, осенью 1730 г. умеръ [3]).

Гаврило Милорадовичъ оставилъ единственнаго сына — Антона, сыновья котораго были первыми предводителями дворянства въ глинскомъ уѣздѣ полтавской губерніи [4]).

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Матер. для отечеств. исторія, Судіенка, I, 17, 39, 59, 86.

[2]) Арх. генер. канц.

[3]) Вдова его вышла вторично замужъ за кн. Ивана Шаховскаго.

[4]) Родословная графовъ и дворянъ Милорадовичей. Каменецъ-Подольскъ. 1880. 8°. 13 стр.

Матеріалы для исторіи кіевской духовной академіи.

Кіевская академія не имѣетъ своей исторіи за время отъ преобразованія ея въ 1819 г., послѣ котораго она утратила свой вѣковой общеобразовательный и общесословный характеръ и стала спеціальнымъ, высшимъ духовнымъ учебнымъ заведеніемъ. Хотя въ 1869 году она торжественно и съ глубокимъ сочувствіемъ всей Россіи отпраздновала 50-ти лѣтній юбилей этого новаго своего существованія, хотя этотъ юбилей вообще возбудилъ въ средѣ академіи интересъ къ изученію родной старины и далъ толчокъ къ открытію при ней церковно-археологическаго общества и музея древностей, хотя, наконецъ, и послѣ юбилея прошла уже больше, чѣмъ десятилѣтняя давность; однако все-таки объ исторіи кіевской академіи, исторіи полной, систематической, до сихъ поръ ничего не слышно. Никто изъ современныхъ дѣятелей академіи не рѣшился еще спеціально погрузиться въ ея архивъ и вынесть оттуда хотя такой трудъ, какой сдѣлалъ для петербургской академіи г. Чистовичъ[1]), не говоря уже о такомъ, какимъ недавно почтилъ московскую академію воспитанникъ ея и нынѣшній почтенный ректоръ, о. протоіерей С. К. Смирновъ[2]). Правда, есть книжка покойнаго В. И. Аскоченскаго, посвященная исторіи новой кіевской академіи[3]). Но эта книжка представляетъ лишь внѣшній и бѣглый обзоръ академической жизни, притомъ доведенный только до 50-хъ

[1]) Исторія С.-Петербургской духовной академіи—сочиненіе *Иларіона Чистовича.* Спб. 1857 г.

[2]) Исторія Московской духовной академіи—до ея преобразованія (1814—1870). Москва, 1879 г.

[3]) Исторія Кіевской духовной академіи, по преобразованіи ея въ 1819 г.« Спб. 1863 г.

годовъ, и не можетъ идти въ сравненіе съ другимъ капитальнымъ его трудомъ, посвященнымъ старой кіевской академіи и извѣстнымъ подъ заглавіемъ: *Кіевъ, съ древнѣйшимъ его училищемъ—академіею*[1]). Составленный проф. И. И. Малышевскимъ ко времени юбилея кіевской академіи въ 1869 г. и тогда-же вышедшій очеркъ ея исторіи съ 1819 года написанъ, правда, рукою искусною, но основанъ не столько на изученіи первичныхъ источниковъ, сколько на обобщеніи хранящихся въ средѣ академіи мнѣній и преданій о характерѣ главныхъ руководителей ея въ это время. Почтенный во всякомъ случаѣ этотъ трудъ[2]) уважаемаго профессора, въ связи съ другимъ его, болѣе уже документальнымъ, трудомъ: *Дѣятельность митр. Евгенія въ званіи предсѣдателя конференціи кіевской духовной академіи,*[3]) — будетъ имѣть важное руководительное значеніе для будущаго прагматическаго историка кіевской академіи. Но все это болѣе матеріалы, или подготовительныя работы для исторіи академіи, а не сама желаемая исторія, которой давно-бы уже пора появиться на свѣтъ Божій, прежде всего—какъ желанному знаку любви современнаго академическаго поколѣнія къ старинѣ дорогаго для него учрежденія, затѣмъ—въ удовлетвореніе любознательности и въ поученіе новому студенчеству и наконецъ для опредѣленія и уясненія значенія кіевской академіи въ общемъ ходѣ русскаго просвѣщенія въ текущемъ столѣтіи. Прежніе академическіе дѣятели (пр. митр. Макарій Булгаковъ и Аскоченскій) засвидѣтельствовали свою любовь къ воспитавшему ихъ заведенію капитальными трудами по исторіи *старой* академіи—до 1819 г. Новымъ дѣятелямъ, для которыхъ академія съ 1819 г. тоже сдѣлалась уже *старою*, пора вспомнить любовно своихъ отошедшихъ въ область исторіи предшественниковъ. Это было-бы дѣломъ и сердечной дани *академическому братству*, которое, по самой идеѣ своей, должно помнить не только живыхъ, но и умершихъ своихъ членовъ и поминаетъ послѣднихъ и доселѣ ежегодной заупокойной молитвой 31-го

---

[1]) Вышелъ въ Кіевѣ—въ 1856 году, въ двухъ томахъ.

[2]) См. книгу: *„50-лѣтній юбилей Кіевской д. Академіи“*. Кіевъ. 1869 г.

[3]) См. въ *„Трудахъ Кіевской дух. Академіи“* 1867 года. Вышелъ и отдѣльной брошюрой.

декабря, по установленію еще приснопамятнаго *Петра Могилы*. Рядомъ съ этою умилительною памятію объ отшедшихъ въ вѣчность братьяхъ—дѣятеляхъ науки и просвѣщенія—еще большій интересъ получали-бы ученыя изслѣдованія ихъ жизни и трудовъ. Главнѣйшимъ источникомъ для желаемой исторіи кіевской академіи долженъ, конечно, послужить академическій архивъ: сюда существенно должно быть направлено вниманіе изслѣдователя прошлыхъ академическихъ судебъ. Но есть много матеріаловъ для этого и внѣ архива, и болѣе, можетъ быть, цѣнныхъ, чѣмъ матеріалы архивные, большею частію офиціальные, представляющіе дѣло только съ внѣшней формальной стороны. Болѣе интереса представила-бы академія внѣ офиціальныхъ рамокъ ея дѣятельности,—въ частномъ бытѣ ея служащихъ и студентовъ, въ судьбѣ и дѣятельности ея воспитанниковъ на различныхъ жизненныхъ путяхъ; но объ этомъ архивъ академическій очень мало или вовсе ничего не дастъ. Вотъ такіе-то матеріалы должны розыскивать и приводить въ извѣстность сами воспитанники академіи, гдѣ-бы кто изъ нихъ ни находился, чтобы подготовить побольше данныхъ для всесторонней исторіи своей Almae matris... И это должно дѣлать тѣмъ скорѣе и настойчивѣе, что представителей первыхъ курсовъ кіевской академіи почти вовсе не осталось. Есть-ли напр. еще въ живыхъ воспитанники перваго курса кіевской академіи, товарищи знаменитаго Иннокентія?! А между тѣмъ личныя воспоминанія воспитанниковъ—это лучшій матеріалъ для исторіи академіи... Но гдѣ эти воспоминанія? кто собиралъ ихъ?... Помнится, вскорѣ послѣ юбилея кіевской академіи, въ 1869 г., уважаемый нашъ библіографъ, С. И. Пономаревъ, котораго теплая душа отзывается на всякое выдающееся жизненное явленіе, не будучи воспитанникомъ кіевской академіи, приглашалъ всѣхъ ея воспитанниковъ собирать матеріалы для ея исторіи и присылать ихъ къ нему [1]). Чѣмъ кончилась попытка почтеннаго библіографа, мы не знаемъ; но тотъ-же юбилей навелъ и насъ на мысль—собирать матеріалы для исторіи кіевской академіи, и до сихъ поръ намъ удалось найти нѣкоторые цѣнные матеріалы, которыми время-отъ времени мы намѣрены дѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“.

[1]) Ст. *Кіевскія Еп. В.* 1870 г. №№ 5—6-й.

Пріобрѣтеніемъ этихъ матеріаловъ мы обязаны главнымъ образомъ семейству такого лица, о которомъ, по связи предметовъ, приходится сказать здѣсь нѣсколько словъ. Это также одинъ изъ воспитанниковъ кіевской академіи перваго ея курса, Александръ Ивановичъ Бѣлюговъ, товарищъ извѣстнаго проповѣдника Иннокентія. Онъ, по окончаніи академическаго курса въ 1823 г., былъ назначенъ въ Кишиневъ профессоромъ духовной семинаріи по классу физико-математическихъ наукъ, но скоро оставилъ духовно-училищную службу для гражданской. Сначала (въ 1826 г.) онъ поступилъ чиновникомъ въ столь извѣстный изъ біографіи Пушкина попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края и служилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, подъ начальствомъ хранителя и пѣстуна Пушкина, Ивана Никитича Инзова, ставшаго послѣднему *во отца мѣсто*, во время его изгнаннической жизни въ Кишиневѣ. Съ 1840-хъ годовъ Бѣлюговъ служилъ въ бессарабской палатѣ государственныхъ имуществъ, а за упраздненіемъ оной, вышелъ въ отставку и жилъ въ Кишиневѣ, на покоѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, получая пенсію. Умеръ онъ глубокимъ старикомъ въ 1878 г. Семейство Бѣлюговыхъ издавна пользовалось въ Кишиневѣ самымъ искреннимъ уваженіемъ и слыло здѣсь однимъ изъ наиболѣе интеллигентныхъ. Дочь Бѣлюгова, дѣвица Любовь Александровна, займетъ свѣтлую страницу въ исторіи просвѣщенія Бессарабіи: она первая основала въ Кишиневѣ на свои средства женскую гимназію и повела ее такъ хорошо, что земство взяло ее подъ свое вѣденіе, оставивъ въ ней начальницей Любовь Александровну, и теперь эта гимназія—*земская гимназія*. Смерть Любови Ал. Бѣлюговой (въ 1872 г.) была оплакана не одними ея родителями: на могилѣ ея кишиневское общество поставило памятникъ, а въ основанной ею гимназіи учредило стипендію ея имени. Съ Ал. Ив. Бѣлюговымъ намъ удалось познакомиться, къ сожалѣнію, только за годъ до его смерти. До конца жизни своей онъ интересовался своею родною академіею и въ день ея юбилея въ 1869 г. послалъ ей восторженную привѣтственную телеграмму [1]). Вдова Александра Ивановича, многоуважаемая Вѣра Егоровна, по нашей просьбѣ, передала въ наше распоряженіе письма слѣдующихъ лицъ къ ея мужу: 1) сту-

---

[1]) См. „*Пятидес. юбилей кіевской д. академіи*“, стр. 332.

дента петербургской духовной академіи *Луки Епифановича*—1818—1821 г., 2) инспектора кіевской академіи, архимандрита (впослѣдствіи архіепископа) *Смарагда*—1824—1825 г., 3) *Ивана Алексѣевича*, въ послѣдствіи *Иннокентія, Борисова*—1820—1825 г., 4) баккалавра кіевской академіи *Якова* (впослѣдствіи епис. *Іустина*) *Михайлова*—1823—1827 г., 5) учителя бѣлогородской семинаріи *Петра Иваницкаго*—1830—1831 г., 6) инспектора калужской д. семинаріи, игумена *Антонія (Жуминскаго)*—1830—1832 г., 7) академика *Юрія Венелина*—1832—1833 г., и 8) подполковника *Бородаевскаго*—1835—1836 г.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ писемъ мы сообщаемъ въ настоящій разъ письма *Иннокентія*, этого первенца кіевской академіи, перваго магистра перваго ея курса. Всѣхъ его писемъ шесть. Три писаны еще во время его студенчества въ кіевской академіи; три другія изъ Петербурга, гдѣ Иннокентій сначала былъ инспекторомъ семинаріи, а потомъ—баккалавромъ академіи. Студенческія письма Борисова показываютъ, что между нимъ и Бѣлюговымъ существовала во время ихъ студенческой жизни самая нѣжная, сердечная дружба. Первое письмо писано изъ *Минска*, куда авторъ ѣздилъ на каникулы 1820 г. Письмо это не представляетъ особаго интереса: въ немъ описывается дорога отъ Кіева до Минска, бывшая не безъ приключеній, рисуются картины береговъ Днѣпра и Березины, по поводу послѣдней вспоминается извѣстный эпизодъ отечественной войны; вообще письмо дышетъ молодымъ, еще пахнущимъ школой, краснорѣчіемъ, но въ немъ уже видѣнъ будущій великій ораторъ и стилистъ. Второе письмо 1821 года, писанное также изъ Минска въ Кіевъ, интересно лишь тѣмъ, что рисуетъ теплое отношеніе автора—студента къ академіи, не смотря на нѣкоторыя неудобства жизни въ ней, зависѣвшія „паче всего *отъ эконома*"... Третье письмо писано въ каникулы 1823 г., значитъ—уже по окончаніи Борисовымъ академич. курса; оно писано изъ Харькова; въ немъ Борисовъ открылся своему другу, что *далъ обѣщаніе поступить въ монашество* и радуется данному обѣщанію. Къ сожалѣнію, отъ этого письма остался только конецъ, а начало опять возвратилось къ автору—уже *Иннокентію*, въ Петербургъ, какъ это узнаемъ мы изъ письма 4-го, писаннаго въ 1824 г. въ Кишиневъ изъ Петербурга, гдѣ авторъ былъ уже инспекторомъ

семинаріи. Поступленіе въ монашество и начавшаяся служебная дѣятельность охладили нѣсколько пылъ дружескихъ чувствъ бывшаго студента Борисова, теперь уже *Иннокентія*, къ его товарищу, и онъ цѣлый годъ не писалъ Бѣлюгову. Бѣлюговъ, вмѣсто того, чтобы самому писать, послалъ Иннокентію первую половину его собственнаго прошлогодняго письма, какъ-бы въ улику измѣны чувствъ со стороны прежняго горячаго друга... Иннокентій понялъ такой пріемъ Бѣлюгова именно какъ слѣдствіе *„любви нѣжной*, но *раздраженной"*, и вотъ всѣми силами старается увѣрить друга, что онъ *тотъ-же*, преданный ему всѣмъ сердцемъ. Какъ ни задушевно это письмо, но видно, что жизненные интересы прежнихъ друзей разошлись. Для того, повидимому, чтобы опять соединить ихъ, Иннокентій дѣлаетъ тонкій намёкъ другу о поступленіи въ монашество... Пятое письмо послѣдовало скоро за предъидущимъ и было отвѣтомъ на откровенную бесѣду друга, заявившаго о своемъ не желаніи принять монашество. Иннокентій повидимому хвалитъ его за такое рѣшеніе; но въ сущности этотъ отказъ и былъ, вѣроятно, причиной, почему между прежними друзьями уже не могло быть прежнихъ отношеній... У Иннокентія были другіе идеалы... Онъ не безъ удовольствія пишетъ о своихъ связяхъ съ членами синода... Монашество, какъ по всему видно, онъ принялъ по твердо-обдуманному намѣренію, — безъ страха передъ нимъ... Въ этомъ случаѣ онъ совершенно отличенъ отъ другаго своего товарища и земляка *Якова Евдокимовича Михайлова*, впослѣдствіи *Іустина*. Письма этого послѣдняго къ Бѣлюгову, писанныя непосредственно послѣ принятія имъ монашества, полны самаго глубокаго трагизма... Иннокентій—это была натура болѣе крѣпкая, практическая. Шестое и послѣднее письмо писано чрезъ годъ, именно какъ-бы въ доказательство того, что между прежними друзьями разстояніе все болѣе и болѣе увеличивалось, вслѣдствіе установившейся у нихъ неодинаковости первѣйшихъ жизненныхъ интересовъ. На этомъ письмѣ и оборвалась переписка между бывшими задушевнѣйшими друзьями за студенческой скамьей. Между ними не нашлось новыхъ близкихъ точекъ соприкосновенія. Иннокентію хотѣлось имѣть друга, но уже не на почвѣ сердечныхъ отношеній, не на почвѣ прошлаго, юношескаго, а на почвѣ одинаковости стремленій въ будущемъ. На вопросъ Бѣлюгова: здоровъ-ли онъ, Иннокентій, съ понятнымъ

желаніемъ участія, рисуетъ предъ академическимъ товарищемъ состояніе своего *умственнаго* здоровья. Эта страница Иннокентіевскаго письма—есть драгоцѣнное автобіографическое показаніе. Она вводитъ насъ въ самую, такъ сказать, лабораторію тогдашней умственной жизни великаго русскаго богослова—мыслителя и проповѣдника, въ самую глубь его задушевныхъ думъ. Иннокентій въ это время перешелъ уже изъ семинаріи въ петербургскую академію—профессоромъ богословія и всецѣло погрузился въ мыслительную дѣятельность, въ умственное созерцаніе. Его пытливый умъ жаждалъ пищи. Начиная описывать это свое душевное состояніе, эту нравственную свою „скептику", онъ называетъ ее *болѣзнію ума своего;* но въ концѣ концовъ находитъ эту постоянную неудовлетворенность ума, это вѣчное стремленіе его къ истинѣ—самымъ *здоровымъ,* самымъ привлекательнымъ и желательнымъ для себя состояніемъ. Для насъ дорогъ этотъ свѣжій, могучій голосъ въ защиту правъ человѣческаго разума даже въ религіозной области. Правда, въ немъ видно нѣкоторое увлеченіе господствовавшими тогда идеями Шеллинга, какъ сознается и самъ Иннокентій. Но безъ увлеченій въ *процессѣ исканія* истины никогда не можетъ быть неостывающаго, всегда горячаго увлеченія и къ *самой истинѣ,*—положительной, уже найденной, откровенной... Безъ внутренней теоретической борьбы съ самимъ собою, — той борьбы, которую переживалъ Иннокентій и которую онъ описываетъ въ своемъ письмѣ,—безъ этой священной борьбы никогда не выходитъ крѣпкихъ умовъ, плодовитыхъ для человѣчества и церкви Божіей на землѣ. Приверженцы умственнаго застоя въ богословской области, къ которымъ отчасти принадлежалъ и положительный умъ митрополита Евгенія (на это намекаетъ и самъ Иннокентій въ письмѣ своемъ) упрекали Иннокентія въ *неологизмѣ.* Но если-бы въ средѣ властныхъ представителей русской церкви и вообще среди русскихъ богослововъ было побольше такихъ неологовъ, такихъ горячихъ поборниковъ и талантливыхъ работниковъ живой, творческой богословствующей мысли, — тогда не закралась-бы въ нашу церковно-богословскую область эта умственная апатія, эта приниженность, забитость мысли, и богословствующей, и проповѣдующей, это раболѣпство предъ рутиной, это мудрованіе сообразно съ обстоятельствами, „по стихіямъ міра", а не по Христу... Тогда не могло-бы быть противъ нашей

церкви и тѣхъ упрековъ въ недостаткѣ *духа мудрости,* какіе теперь раздаются на страницахъ газеты „Русь". Да, Иннокентій былъ великій геній отечественной церкви!

Помѣщаемыя теперь письма его представляютъ первые проблески его ума, таланта, стиля, краснорѣчія... Впрочемъ приглашаемъ самихъ читателей оцѣнить ихъ интересъ и значеніе.

Л. М.

I

ПИСЬМА ИВАНА АЛЕКСѢЕВИЧА (А ПОСЛѢ ИНОКЕНТІЯ) БОРИСОВА КЪ А. И. ВѢЛЮГОВУ.

1820—1825 г.

1).

Милой Сашинька!

Исполняя обѣщаніе, пишу къ тебѣ изъ Минска. Не знаю, съ чего начать? Описывать ли то, что я видѣлъ въ дорогѣ, или, не утомляя твоего воображенія бѣгомъ за нашею колесницею, прямо представить предъ него картину Минска. Послѣдняя пріятнѣе, но и перваго нельзя оставить. Наша дорога къ Минску едва не содѣлалась путемъ къ Стиксу, и твой другъ былъ, можетъ быть, на одинъ шагъ отъ Хароновой лодки. Не спрашивай, какъ это могло быть; я самъ горю нетерпѣніемъ разсказать тебѣ сіе. Слушай!—Отъ Кіева до Чернигова мы ѣхали такъ покойно, такъ весело, какъ только можно было намъ желать. Ласковый пріемъ черниговскихъ профессоровъ заставилъ насъ забыть, что мы въ дорогѣ. Отъ Чернигова мы еще имѣли двѣ или три хорошія станціи, доколѣ не свернули съ петербургскаго тракта. Вмѣстѣ съ нимъ удалилось отъ насъ спокойствіе. Дорога наша длинными пещаными отлогостями вела насъ къ Днѣпру.[1]) Днѣпръ здѣсь совсѣмъ не тотъ, что въ Кіевѣ. Утесистые, покрытые дремучимъ лѣсомъ и пескомъ берега издали грозятъ путнику. Необыкновенный разливъ воды придавалъ ужаса картинѣ. Между тѣмъ мы переправились благополучно, ѣхавъ паромомъ около 5 верстъ по

---

[1]) Въ подлинникѣ вездѣ пишется *Днепръ* чрезъ *е*.

большой дорогѣ. Слѣдующія станціи стоятъ всѣ на правомъ берегу Днѣпра. Какіе виды! Неопытные, мы любовались ими, незная, что насъ окружаютъ тысячи опасностей, изъ коихъ каждая можетъ быть гибельною. Такъ мы начали думать, когда на одной изъ станцій разсказали намъ, что шайка разбойниковъ, составившаяся въ продолженіи 1812, 13 и 14 годовъ, и доселѣ ограничивавшаяся нападеніемъ на однихъ беззащитныхъ, нынѣ съ ужаснымъ остервененіемъ грабитъ и разбиваетъ самыя почты. Сіи разсказы насъ смутили: но мы немного поуспокоились, когда Днѣпръ, теперь уже непріятный спутникъ—началъ отходить отъ нашей дороги. Спокойствіе сіе продолжалось не долго. Предъ нами, какъ предъ богатырями въ сказкѣ, опять рѣка Березинъ.[1]) Она не болѣе Десны, но ужаснѣе Днѣпра. Берега ея, особенно правой крутъ, лѣсистъ, дикъ и неприступенъ. Намъ надобно было ѣхать около 40 верстъ по ея берегу: но мы рѣшились тутъ же переправиться чрезъ нее, промѣнявъ почтовую дорогу на проселочную. Краткость пути и то, что послѣдняя была нарочно дѣлана для Государя, насъ соблазнили. Переѣздъ состоитъ изъ 40 верстъ, а мы при самомъ началѣ осмеркли. Я не суевѣръ: но желаю разсказать вамъ случай, встрѣтившійся намъ при переправѣ чрезъ Березинъ. Переправившись, начали впрягать лошадей: одна изъ нихъ, вырвавшись изъ рукъ ямщика, ушла въ воду и поплыла назадъ. Тремя лодками едва могли ее воротить. Можетъ быть, это было случайнымъ слѣдствіемъ упрямства сего животнаго: только послѣдующее показало, что это можно было почесть предвѣстіемъ. Мы ѣхали около 4 часовъ по берегу. Глубокіе пески, казалось, тянули назадъ нашихъ тощихъ коней. Унылый звонъ колокольчика умножалъ меланхолію; мы, какъ бы предчувствуя угрожающее намъ несчастіе, сидѣли молча, утѣшаясь тою мыслію, что удаляемся, какъ казалось, отъ береговъ Березина, на которые мы не могли взирать безъ ужаса. Вдругъ лѣсъ, насъ окружавшій, уступаетъ нашимъ взорамъ, мы видимъ себя на высокой горѣ, между двумя рѣками—Березиномъ и Днѣпромъ. Тѣни набережныхъ деревъ, отражаясь въ зеркальныхъ пучинахъ сихъ рѣкъ, кажется, стерегли сіе ужасное мѣсто. Одинъ видъ, при полночной тишинѣ, могъ устрашить безстрашнаго. Таковъ театръ нашей

---

[1]) Авторъ употребляетъ это имя въ мужескомъ родѣ: *Березинъ*, хотя ниже переходитъ и въ женское *Березина*.

опасности: вотъ она! Едва успѣли мы достигнуть средины сего ужаснаго мѣста, вдругъ сзади насъ раздается свистъ; изъ стремнины, прилегающей къ Днѣпру, выбѣгаетъ тройка и во весь опоръ скачетъ за нами! Я не могу описать вамъ того, что мы тогда чувствовали, пусть ваше воображеніе дополнитъ сіе. Скажу только, что сабля, вооружаясь коею я считалъ себя неприступнымъ, теперь выпала изъ моихъ рукъ. Едва-ли не таже участь постигла пистолетъ въ рукахъ Александра Андреевича.[1]) Опомнившись отъ страха, мы всѣ трое принялись гнать лошадей, и быстротѣ ихъ ногъ обязаны тѣмъ, что злодѣи, видя невозможность догнать, свернули въ бездну, изъ которой выбѣгли. Одна опасность миновалась: но кто могъ увѣрить насъ, что другая, ей подобная, не ожидаетъ на пути? Таковые расчеты заставили насъ, немедля, искать скораго убѣжища, которымъ содѣлалась лежащая въ сторонѣ деревня. Здѣсь бутылка добраго вина подкрѣпила наше малодушіе, и мы предались мечтаніямъ о случившемся съ нами. Что, естьлибы наши враги выбѣгли намъ на встрѣчу? Намъ не миновать-бы ихъ рукъ. Можетъ быть, сія ночь была бы послѣднею, и пучины Днѣпра служили бы для насъ могилою. Въ сихъ мрачныхъ мысляхъ мы продолжали путь, столь-же ужасный по мѣстоположенію. Приближаясь къ Бобруйской крѣпости, мы встрѣчены были новостію, увеличившею и оправдавшею наши опасенія. 10 человѣкъ изъ каторжныхъ работниковъ, коихъ присылаютъ въ сію крѣпость, ушли. Такихъ людей единственное убѣжище лѣсъ, а занятіе разбои, а мы путники: какъ же не бояться?—Въ семъ страхѣ достигли мы до Бобруйска. Сію крѣпость называютъ щитомъ средней Россіи. По сему не излишне будетъ сказать о ней нѣсколько словъ. Она стоитъ на правомъ берегу Березина, и съ сей стороны кажется неприступна. Съ другой—ограждена валами земляными, точно такъ, какъ печерская. Только она пространнѣе печерской; а теперь еще распространяется вверхъ по теченію рѣки на версту. Внутренность крѣпости наполнена каменными, огромными и прекрасными зданіями. Онѣ всѣ казенныя. Обыватели живутъ въ форштатахъ, которые окружаютъ со всѣхъ сторонъ крѣпость,

---

[1]) Кто былъ этотъ *Александръ Андреевичъ?* Въ одномъ письмѣ изъ Петербурга Иннокентій тоже вспоминаетъ его, уже какъ живущаго въ Петербургѣ, и называетъ его своимъ единственнымъ другомъ.—Мы склоняемся думать, что это былъ *Александръ А. Максимовичъ*, бывшій баккалавромъ кіевской академіи, а затѣмъ перешедшій въ Петербургъ на гражданскую службу.

разстояніемъ отъ нея на 1 версту. Въ сихъ форштатахъ стояла осадная французская армія, и по долговременномъ, безуспѣшномъ усиліи, принуждена была отступить. Отъ Бобруйска оставалось намъ еще 180 верстъ пути. Березинъ, кажется, преслѣдовалъ насъ. Мы ѣхали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на одинъ сажень отъ воды. Мѣсто перехода французской арміи, которое по разчетамъ нашихъ полководцевъ должно было послужить для нея общею могилою, и которое въ самомъ дѣлѣ содѣлалось такою для третьей части его (sic!) многочисленнаго войска, удовлетворяя нашему любопытству, ослабило, естьли не изгнало нашъ страхъ. Березина воды, кажется, совершенно забыли громъ войны, на нихъ раздававшійся. Едвали какая рѣка сравнится съ нею въ тихости теченія. Берега ея вообще унылы, дики и покрыты дремучими лѣсами. Они-то затрудняли болѣе переходъ для Наполеона, который безпрепятственно перешагивалъ Рейнъ, Ельбу, Гвадалквивиръ - въ сравненіи съ Березиной великаны. На семъ мѣстѣ нѣтъ никакого памятника, и, безъ указанія, трудно его узнать. Уже три года Березинъ разливается въ необыкновенной степени —какъ бы желая обмыть берега свои, упоенные кровью убитыхъ. Съ умиленіемъ мы проѣхали сіе мѣсто. Березина ушла отъ насъ въ право. Одинъ лѣсъ остался неотлучнымъ спутникомъ нашимъ до самаго Минска. Около 500 верстъ проѣхать лѣсомъ, нигдѣ не прерывающимся, всегда густымъ, не рѣдко занимающимъ самую дорогу—это составляетъ разительный контрастъ съ россійскими дорогами, гдѣ видишь себя непрестанно окруженнымъ желтѣющимися нивами, и ожидаешь лѣса, какъ пріятной защиты отъ палящаго солнца. Наконецъ, сквозь тысячи опасеній, мнимыхъ и дѣйствительныхъ страховъ, добрались мы до Минска, тому уже двѣ недѣли. Ласковый пріемъ заставляетъ забыть всѣ непріятности дороги. Городъ довольно хорошій, особенно садъ общественный. Онъ едвали не превосходитъ кіевскаго—разнообразностію. Жидовъ здѣсь столько, сколько ихъ нѣтъ во всѣхъ *нашихъ* губерніяхъ. Въ шабашъ городъ кажется пустынею. Каждый жидъ есть живая лавка. Вамъ стоитъ только сказать ему слово: и все, что угодно, предъ глазами. Мы имѣли довольно случаевъ видѣть ихъ услужливость и способность обманывать. Но для васъ это не новость. Приближающійся конецъ бумаги напоминаетъ о окончаніи письма: но заключить жидами не пріятно. Скажу еще нѣчто о себѣ. 7 или 8 мы примемъ обратный путь;—опять вступимъ въ длинную аллею опасностей. Представленіе ихъ такъ пугаетъ мое воображе-

ніе, что я желалъ бы не выѣзжать изъ Кіева. Естьли щастливо достигнемъ нашихъ пенатовъ; то вмѣстѣ съ тобою воскурю имъ фиміамъ; естьли-же.... воспоминаніе друга есть единственная жертва, коей я отъ тебя требую. До свиданія!—Цѣлую тебя.

Тебя любящій студентъ Борисовъ.

1820. Августа 3.

Моимъ любезнымъ номерантамъ засвидѣтельствуйте мое почитаніе. Ульяну Петровичу[1]) я имѣлъ намѣреніе писать особенно; но краткость времени, доказательствомъ и выраженіемъ коей служитъ сіе письмо, не допустили меня его исполнить. Дайте ему прочесть сіе письмо—а болѣе никому. Онъ добрый человѣкъ и искренній другъ.

Прощай, Сашичька!

2.

Любезный другъ!

Александръ Ивановичъ!

Пишу къ тебѣ не для того, чтобы занять тебя письмомъ симъ, но единственно въ томъ намѣреніи, чтобы исполнить данное при отъѣздѣ обѣщаніе писать къ тебѣ. А по сему не стану описывать того, что случалось съ нами въ дорогѣ, ни того, что мы видѣли въ Слуцкѣ, хотя то и другое стоило-бы Донкишотовыхъ мѣльницъ. Скажу только, что мы такую щастливую дорогу имѣли до Слуцка, что желали-бы и теперь найти ее таковою-же. Равнымъ образомъ въ Слуцкѣ семинарскіе экзамены заняли насъ такъ хорошо, что мы и не видѣли, какъ протекла цѣлая недѣля. Какъ пріятно и легко испытывать другихъ, и какъ трудно и скучно самому быть испытываему! Въ Минскѣ живемъ мы, кажется, болѣе двухъ недѣль; и думаемъ скоро выѣхать. Въ Кіевъ, естьли не будетъ задержекъ на дорогѣ, надѣемся прибыть, по крайней мѣрѣ, къ 15 августа. Какъ ни хорошо, говорятъ, въ гостяхъ, но дома лучше. Мы истину сей пословицы теперь испытываемъ на себѣ. Кажется-бы—не къ чему спѣшить въ Кіевъ—за дубовые столы, подъ визгъ колокольчика, а паче

---

[1]) Ульянъ Петровичъ *Пѣшковскій*—товарищъ Борисова и Бѣлюгова, поступившій въ академію изъ *послушниковъ*. Онъ вышелъ изъ академіи, некончивши курса; куда,—не знаемъ.

подъ благотворительную протекцію отца эконома: между тѣмъ я сейчасъ желалъ бы перенестись въ вашъ кругъ и сѣсть съ вами за бранныя скатерти академическія. Вѣрно, опасности дорожныя тревожатъ тебя,—скажешь ты. Правда, онѣ стоютъ того, чтобы объ нихъ позаботиться, а паче съ моимъ живымъ воображеніемъ, которое привыкло черное рисовать втрое чернѣйшимъ. Впрочемъ, на меня и то уже много наводитъ скуки, что я—не въ своемъ кругѣ, то есть академическомъ: онъ, при всѣхъ невыгодахъ, въ моихъ глазахъ имѣетъ какую-то особенную прелесть.

Я полагаю, что ко мнѣ есть письма, или отъ брата или отъ домашнихъ. Даю вамъ полное право ихъ взять и распечатать. Полагаю также, хотя не на вѣрное, что можетъ быть кто-либо изъ родныхъ, какъ они обѣщались въ письмѣ, пріѣдетъ въ Кіевъ на богомолье. Не нашедъ меня въ академіи и думая, что я не скоро пріѣду, онѣ могутъ рѣшиться на обратный путь, не дожидаясь меня. И такъ вы, естьли то нужно будетъ, постарайтесь увѣрить, что я скоро возвращусь.

Любящій тебя другъ Ив. Борисовъ.

1821, іюля 30 дня.

Приложенную при семъ записку доставьте Ульяну Петровичу. P.S. Моимъ любезнымъ землякамъ и Захару Ивановичу [1]) поклонитесь отъ меня.

3. [2])

....Всѣмъ господамъ сономерантамъ засвидѣтельствуйте отъ меня глубочайшее почтеніе.

Будь веселъ, милой Сашинька, будь веселъ до моего пріѣзда. Какъ жаль, что намъ доведется прожить вмѣстѣ съ тобою не болѣе полмѣсяца. По крайней мѣрѣ мы успѣемъ снова сблизить наши сердца, такъ что онѣ не разрознятся до послѣднихъ предѣловъ нашей жизни.

Я не сказалъ тебѣ, Саничька! что я далъ обѣщаніе поступить въ монашество. Я думалъ, что, увидѣвъ свѣтъ, пожалѣю о семъ. А теперь, увидѣвъ его, радуюсь. Прощай. Цѣлую тебя сто разъ. Кланяйся отъ меня всѣмъ знакомымъ. Естьли долго проживу здѣсь, то буду писать еще.

---

[1]) Товарищъ—Захаръ Ивановичъ *Трояновскій*.

[2]) Отъ этого письма сохранился только *конецъ*—по причинѣ, которую мы изложили выше—въ предварительной замѣткѣ.

4.

Санктпетербургъ. 1824 г., августа 17 дня.

Твердо вѣрю, любезный Александръ Ивановичъ, что между *нашими* сердцами существуетъ какое-то непостижимое сострастіе, хотя не могу объяснить, въ чемъ именно оно состоитъ и отъ чего происходитъ. За недѣлю предъ тѣмъ, какъ я получилъ отъ васъ письмо, у меня родилась непреодолимая охота писать къ вамъ. Только мое отсутствіе (я былъ въ Сергіевой пустынѣ) [1]) было причиною того, что я не осуществилъ моего желанія на самомъ дѣлѣ. Можетъ быть, уединеніе пустынной, при морѣ лежащей обители, заставившее невольно воспомянуть о всемъ прошедшемъ, миломъ для сердца;—можетъ быть, возвращеніе того времени года, въ которое я, бывши въ Харьковѣ, мечталъ о васъ,—можетъ быть, возвращеніе сердца въ то состояніе, въ которомъ я любилъ находить успокоеніе въ васъ;—можетъ быть и другое что... только сдѣлало то, что мое сердце почитало необходимостію излиться предъ вами въ своихъ чувствованіяхъ. Какъ досадовалъ я на медленность нашего возврата въ городъ тогда, когда всѣ скучали его скоростію! — Пріѣзжаю — и первый предметъ, представившійся моему взору, было полдюжины писемъ, лежащихъ на моемъ учебномъ столѣ. Вы не можете вообразить, съ какимъ удовольствіемъ, пробѣгая адресы, я замѣтилъ между ими новый, хотѣлъ сказать—неизвѣстный, нѣтъ! извѣстный, стократъ извѣстный почеркъ вашъ. Сердце мое такъ забилось при семъ случаѣ, какъ-бы я долженъ былъ тотчасъ итти къ отвѣту. Но оно еще сильнѣе забилось, когда со всѣмъ нетерпѣніемъ распечатавъ письмо ваше, я нашелъ пустой полулистъ, мало того пустой, наполненной такою колкою матеріею, каково должно быть для меня мое рукописаніе. Признаюсь, такъ писать свойственно только любви, любви нѣжной, но раздраженной, такой, какова ваша. Чѣмъ могъ-бы я оправдываться противъ себя самого? развѣ новою виною. Не хочу, раздраженный собственнымъ проступкомъ, даже осуждать себя. И судъ и осужденіе себѣ предоставляю вашей любви, той любви, которая умѣетъ цѣнить и вину и виновнаго. Болѣе говорить о семъ значило-бы не довѣрять ни себѣ, ни вамъ. Все, что я могу сказать въ семъ отно-

---

[1]) *Троицко-Сергіева пустыня*—въ 10-ти верстахъ отъ Петергофа. Основана въ 1734 г.

шеніи, состоитъ въ томъ, что я готовъ загладить мою вину чѣмъ вамъ угодно.

Изъ всего сказаннаго мною (какъ оно мало въ сравненіи съ тѣмъ, что я чувствую!) вы видите, что ваше время молчанія должно уступить времени глаголанія. Говорите, говорите, любезный Александръ Ивановичъ, все, что вамъ будетъ диктовать ваше сердце. Я весь для васъ ухо. Самъ не начинаю, и не могу начинать бесѣды съ вами потому, что для ней нуженъ будетъ не малый лоскутокъ бумаги, а цѣлая жизнь. Теперь хочу только увѣрить васъ, что я тотъ-же преданный вамъ всѣмъ сердцемъ, коего видали вы въ извѣстныя, незабытыя для меня, и можетъ быть для васъ минуты вашего сердечнаго уединенія или лучше сказать единства. Опишите все, что почтете нужнымъ раздѣлить съ тѣмъ, который почитаетъ васъ принадлежащимъ къ собственному своему существу. Я не замедлю отвѣчать вамъ тою же искренностію, тѣмъ же раздѣломъ съ вами *себя самого*.

Вашъ Иннокентій.

P.S. Что за восклицаніе съ словами: китайская миссія?

Я слышалъ, что вы намѣрены поступить въ монашество. Увѣдомте подробнѣе о семъ намѣреніи. Я хочу и долженъ вамъ сообщить многое касательно сего...

Василію Григорьевичу [1]) засвидѣтельствуйте мое искреннѣйшее и усерднѣйшее почтеніе. Я всегда вспоминаю о немъ съ удовольствіемъ.

Увѣдомте, чѣмъ кончились и кончились-ли ваши несогласія съ ректоромъ? [2])

5.

Санктпетербургъ. 1824. Сентября 26 дня.

Не вамъ однимъ, любезный Александръ Ивановичъ, не нравится новое мое имя, и со мною бываютъ минуты, когда я охотно бы промѣнялъ его на другое—прежнее. Но что дѣлать? Въ мірѣ много такихъ именъ, кои не по людямъ, ихъ носящимъ, или лучше—много такихъ людей, кои не по именамъ, которые они носятъ. Я почитаю себя въ числѣ первыхъ изъ сихъ людей. Не-

---

[1]) Вас. Гр. *Левчановскій*—товарищъ, поступившій вмѣстѣ съ Бѣлюговымъ профессоромъ въ кишин. семинарію.

[2]) Ректоромъ кишиневской семинаріи былъ въ то время извѣстный *Ириней Нестеровичъ*.

винность, выражаемая моимъ наименованіемъ, такъ далеко отъ меня, какъ востокъ отъ запада; только Тотъ, Кто удаляетъ отъ насъ въ такой-же мѣрѣ беззаконія наши, можетъ приблизить его ко мнѣ, — и тогда имя вѣрно столько-же бы понравилося вамъ, сколько, хотѣлъ было сказать, нравится именуемый,—теперь по видимому не нравится. Для успокоенія васъ довольно, что я въ отношеніи къ вамъ тотъ-же самый, какимъ вы нѣкогда меня видѣли, и признаюсь, что прежнее наименованіе, вами возобновленное, пробудило въ моей душѣ много такихъ чувствъ, какихъ давно въ ней не бывало, и какихъ я желалъ-бы имѣть гораздо чаще. Ахъ! Любезный Сашинька! для чего мы не всегда остаемся въ томъ возрастѣ, въ коемъ живемъ болѣе сердцемъ, нежели умомъ? Для чего намъ суждено проходить хладное училище опыта? — Но приговоры судьбы не отвратимы; будемъ повиноваться имъ и хладность настоящаго согрѣвать воспоминаніемъ прошедшаго.

Вы любопытствуете знать, что происходитъ со мною? Ничего необыкновеннаго. Живу, учу, учуся, исправляю, исправляюся,—и только. Друзей не имѣю, исключая Александра Андреича, и не надѣюсь скоро имѣть. Знакомыхъ довольно. Съ академистами ладимъ. Преосвящ. *Григорій* [1]) ко мнѣ весьма расположенъ, по крайней мѣрѣ такимъ кажется. Преосв. *Серафимъ* [2]) такъ-же, какъ я слышалъ, смотритъ на меня хорошо. Члены синода всѣ меня знаютъ; съ преосв. Іоною *у насъ* старая связь, еще сѣвская [3]). Вотъ вамъ и описаніе моихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Внутреннія я и самъ не совсѣмъ знаю. Непрестанныя развлеченія ужасно какъ разсѣваютъ. Одно утѣшеніе, что это развлеченіе должности, а не прихоти. Съ семинаріею своею, сколько можно судить, мы въ мирѣ; въ семинаристахъ нахожу къ себѣ и любовь и почтеніе, а это на моемъ мѣстѣ всего важнѣе [4]). Главное утѣшеніе въ моемъ одиночествѣ доставляютъ книги, коихъ я досталъ и достаю посредствомъ здѣшнихъ книго-

---

[1]) *Григорій Постниковъ*—епископъ ревельскій, тогдашній ректоръ с.-петербургской дух. академіи, впослѣдствіи петербургскій митрополитъ.

[2]) *Серафимъ*—тогдашній митрополитъ с.-петербургскій.

[3]) *Іона Павинскій*—архіепископъ тверской;—во время ученія Иннокентія въ орловской семинаріи, онъ былъ епископомъ орловскимъ и сѣвскимъ. Послѣ переведенъ въ Казань.

[4]) Иннокентій былъ въ это время инспекторомъ с.-петербургск. семинаріи.

продавцовъ изъ Германіи Но пристрастіе къ нимъ сопровождается новою невыгодою; отъ сей покупки я такъ сдѣлался, не смотря на значительное жалованье, нищъ, какъ вы только можете вообразить.

Благодарю васъ, что вамъ понравились разсужденія въ нашихъ „Опытахъ"[1]). Только онѣ не всѣ мои; среднее „о совѣсти" принадлежитъ Василію Яковлевичу[2]), и мнѣ, также какъ и вамъ, очень нравится. Жаль, что по окончаніи курса не выдали поправить. А болѣе жаль, что въ нихъ вкралось множество типографскихъ ошибокъ. При семъ случаѣ не могу не замѣтить, какъ люди вездѣ ищутъ своихъ-си. Безъ сомнѣнія, корректорами были наши товарищи-сочинители. Въ ихъ сочиненіяхъ нахожу почти все исправленнымъ; въ моихъ, на каждомъ пунктѣ, встрѣчаются грубыя погрѣшности, отъ коихъ иногда происходитъ безсмыслица.

Въ Христіанскомъ Чтеніи дѣйствительно я участвую по силамъ. Статья о бытіи Божіемъ*) и нѣкоторыя другія принадлежатъ мнѣ. Но я это говорю только для васъ; ибо хвастать такими бездѣлками стыдно.

Ректору вашему, по всей вѣроятности, здѣсь будетъ очень хорошо[3]). Преосвященный Димитрій[4]), безъ сомнѣнія, будетъ его и правою и лѣвою рукою. А съ такими руками много можно подѣлать. Касательно его будущаго преображенія предъ нами—вѣрю, ибо случалось уже видѣть здѣсь подобныя преображенія.

Вы почитаете пустыми происходившія у васъ размолвки. Нѣтъ, онѣ не совсѣмъ-то пусты. Объ нихъ писано было къ преосв. Димитрію, а отъ него перешло и къ преосв. Григорію. Только

---

[1]) Разумѣется книга: „*Собраніе опытовъ студентовъ Кіевской Академіи перваго курса*".

[2]) Вас. Як. *Орловъ*—товарищъ—остался въ академіи кіевской баккалавромъ. Аскоченскій въ своей „Исторія Кіевской Академіи" тоже приписалъ разсужденіе *о совѣсти* Борисову.

*) *Христ. Чтеніе*--1824. XIII, 144.

[3]) Архимандритъ *Ириней* былъ тогда вызванъ въ С.-Пет. „на чреду" и посвященъ послѣ въ епископы.

[4]) Это архіепископъ кишиневскій *Димитрій Сулима*. Онъ тогда присутствовалъ въ св. синодѣ. Онъ издавна былъ покровителемъ *Иринея*, какъ своего родственника.

добродушіе преосв. Димитрія сдѣлало ихъ пустыми. Впрочемъ это буди сказано для однихъ васъ.

Весьма хорошо вы сдѣлали, что отложили свое монашество. Время еще не уйдетъ, а между тѣмъ вы можете получше разсмотрѣть себя. Объ этомъ предметѣ мы съ вами поговоримъ въ послѣдствіи по-подробнѣе. Только прошу васъ, не увѣдомивши меня, не подавать просьбы.

Пишете ли вы въ Кіевъ и къ кому? У меня тамъ преисправный корреспондентъ Иванъ Дмитріевичъ[1]). Часто пишетъ и о. Смарагдъ. Прочихъ товарищей и я готовъ вмѣстѣ съ вами назвать спѣсивыми. Отвѣчая на ихъ письма, я даже просилъ ихъ писать; между тѣмъ до сихъ поръ не вижу ни пол-слова. Съ Михаиломъ Васильовичемъ[2]) мы напротивъ постоянно переписываемся. Любезная душа!

Столица наша по отъѣздѣ Государя какъ тѣло безъ души. Съ возвращеніемъ его будутъ представлены кандидаты на казанскую архіепископію. Думаютъ, что она достанется калужскому Филарету[3])

За секретъ: не пишетъ-ли чего обо мнѣ — есть-ли только и къ нему пишетъ — о. инспекторъ академіи къ Василію Григорьевичу?[4]) Естьли можете знать, то увѣдомте меня. Для меня это нужно по нѣкоторымъ причинамъ, о которыхъ вы узнаете послѣ.

По просьбѣ моей взять въ здѣшнюю академію недавно одинъ изъ прежнихъ моихъ товарищей семинарскихъ — Иродіонъ Ивановичъ Соловьевъ,[5]) взятъ изъ одного монастыря, въ которомъ онъ заключилъ было себя послѣ своего учительства послушникомъ.

6.

Санктпетербургъ, 1825. Іюля 10 дня.

Получивъ, любезный Сашинька, письмо твое, я долженъ былъ стыдиться самъ себя. Не смотря на краткость его, оно внятно

---

[1]) Ив. Дм. *Грузинъ*, товарищъ Иннокентія, оставленъ при академіи баккалавромъ. Но скоро вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Карпомъ*, тоже баккалавромъ, должны были оставить академію по настояніямъ митр. Евгенія.

[2]. Тоже по службѣ и землякъ — М. В. *Филиппов*ъ.

[3]) Досталась она упомянутому выше архіеп. *Іонѣ Павинскому*; а *Филаретъ Амфитеатровъ* (впослѣдствіи митр. кіевскій) получилъ Казань только по смерти Іоны — въ 1828 г.

[4]) Т. е. архим. *Смарагдъ* къ В. Т. *Левчановскому*.

[5]) Это впослѣдствіи столь извѣстный Кіеву ректоръ семинаріи и академіи архим. *Іеремія*, послѣ викарій кіевскій. Иннокентій ему покровительствовалъ съ начала до конца. Назначенный ректоромъ кіевской академіи, Иннокентій привезъ съ собою *Іеремію* инспекторомъ ея.

говорило мнѣ, что я премного виноватъ предъ вами. Такъ! я слишкомъ даже виноватъ. Напрасно бы я сталъ искать извиненія для себя въ занятіяхъ и другихъ мѣлочахъ. Онѣ извинили-бы меня предъ всякимъ, но не предъ вами. Хотя-бы я съ Августомъ управлялъ всею вселенною, и тогда, не пиша къ вамъ, былъ-бы не извинителенъ. Вотъ какъ я думаю!

Вы желаете знать по крайней мѣрѣ, здоровъ-ли я? Чувствую всю цѣну сего желанія и тѣмъ болѣе стыжусь. Здоровъ для тебя, любезный Сашинька, мало—здоровъ, безсмертенъ. Повѣришь-ли? — Одна изъ главныхъ причинъ, почему я не писалъ къ тебѣ, состоитъ въ томъ, что я могу не писать къ тебѣ долго, не опасаясь однакоже, чтобы ты осердился на меня. Къ другимъ въ семъ отношенія я бываю аккуратнѣе. Значитъ, я злоупотребляю твоимъ дружескимъ терпѣніемъ?—Такъ!—И когда я не злоупотреблялъ имъ? припомни! — Чувствую, что въ семъ случаѣ виноватый (я) нападаетъ на праваго (на себя): но что дѣлать? Развѣ не такъ бываетъ въ мірѣ человѣческомъ? — А мы развѣ не въ немъ? Будемъ говорить о томъ, что дѣлается; ибо мы иногда дѣлаемъ и то, о чемъ и не говоримъ.

Вашъ вопросъ: здоровъ ли я—заключаетъ въ себѣ множество вопросовъ. Есть-ли слушать даже обыкновенныхъ моралистовъ, то уже должно допустить два рода здоровья, тѣлесное и душевное. Но душа, по ихъ-же суду, слагается изъ ума и воли.

И такъ, здоровъ-ли я по уму?—Крайне не здоровъ. Вы знаете изъ обращенья со мною, что природа дала мнѣ пытливый умъ, который съ продолженіемъ времени сдѣлался еще пытливѣе. Сами можете судить, можно-ли быть здоровымъ, находясь подъ вліяніемъ безпокойнаго духа пытливости. Ахъ, любезнѣйшій Сашинька, для чего мы, люди, поставлены въ прискорбную необходимость давать самимъ себѣ отчетъ во всемъ томъ, что существуетъ, тогда какъ все существующее—и мы сами для себя—неразрѣшимая проблема! — Я говорю: неразрѣшимая! Ибо кто разрѣшитъ ее? И есть-ли надежда, чтобы кто разрѣшилъ? Что сказали въ разрѣшеніе ея великіе умы древняго и новаго міра?— Гдѣ-же искать успокоенія? Въ откровеніи. Такъ! Здѣсь успокоивается смиренное сердце, но бѣглый умъ? — Онъ равно невнятенъ, находится-ли въ училищѣ великаго откровенія—міра, или малаго—библіи. Тѣже недоумѣнія, которыя колебали его въ первомъ, срѣтятъ и во второмъ. Откровеніе дано для сердца, а не для ума, по крайней мѣрѣ не для ума философствующаго, или

что тоже—недовольнаго самимъ собою. Что-же дѣлать? Отказаться отъ умозрѣнія *безсердаго* ума и предаться *чаяніямъ* умнаго сердца?—Такъ присовѣтовалъ роду человѣческому мудрецъ кенигсбергскій. Но каково слѣдовать сему совѣту? Не тоже-ли, что выколоть себѣ глаза потому, что, смотря на предметы, можно споткнуться,—и взяться за посохъ—въ надеждѣ, что онъ предохранитъ отъ паденія? — Нѣтъ! Естьли человѣку суждено на сей землѣ не видѣть истины—такой, которая могла-бы успокоить его умъ, то я всегда лучше соглашусь съ Шеллингомъ теряться въ *безконечномъ*, нежели съ Кантомъ и ему подобными быть запертымъ, подобно птицѣ, въ клѣткѣ категорій и другихъ формъ.

Прости, любезный Сашинька, что я вдался въ такія мечты. Отъ избытка сердца невольно глаголютъ уста. Чувствую, что сей избытокъ хуже скудости иной. Но что дѣлать? Sic nati sumus!

Вы адресовались ко мнѣ — въ семинарію. Но я въ концѣ прошедшаго года оставилъ оную и баккалаврствую въ здѣшней академіи—по богословію. Къ нещастію моему, досталось мнѣ заниматься такою частію, которая еще болѣе разогрѣла во мнѣ охоту къ скептикѣ—полемикою. Слава Богу, что теперь я развязался съ сею скучною наукою. Писать на водѣ, или какъ говорили латиняне—laterem candidum navare [1]),—непріятно.

Съ 25 прошедшаго мѣсяца у насъ началось испытаніе и теперь продолжается. Ревизоромъ нашъ-же преосв. Григорій. Въ коммисіи духовныхъ училищъ давно идутъ совѣщанія касательно новаго преобразованія духовныхъ училищъ. Предполагаютъ перемѣнить многое. Вообще кругъ наукъ думаютъ сократить и понизить. По дѣломъ!—Мы слишкомъ просвѣщены!—Думаютъ перемѣнить магистерскіе кресты, сдѣлать новыя правила для испытанія студентовъ, не вдругъ по выходѣ изъ академіи давать пенсію—и тому подобное.

Преосв. Евгеній [2]) ко мнѣ довольно благосклоненъ. Я часто ѣзжу къ нему; служу съ нимъ и обѣдаю у него. Онъ благорасположенъ къ ученымъ; но ученіе наше кажется ему подозрительнымъ.

---

[1]) *Laterem candidum navare* — дѣлать кирпичъ бѣлымъ—или просто: *laterem lavare*—мыть кирпичъ—значитъ: *терять время напрасно, по пусту трудиться.*

[2]) Митр. кіевскій *Евгеній* тогда присутствовалъ въ св. синодѣ. Между прочимъ и онъ принималъ участіе въ вышеупомянутыхъ гоненіяхъ на духовное просвѣщеніе.

ОтецъИриней вашъ находится, кажется, подъ крестомъ, который присталъ къ нему болѣе Владиміра и Анны. Впрочемъ, не теряетъ надежды. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь *вытерпитъ* [1]).

Satis! Время итти на испытаніе.—Пиши чаще!

Странный случай!—письмецо сіе, которое я не думалъ никогда снова видѣть, опять въ моихъ рукахъ! Гг. почтмейстеры здѣшніе не разобрали, въ Кишиневъ-ли я посылаю его, или въ Кашинъ,—и оно воротилось. Что-жъ мнѣ еще сказать вамъ? Да, вы когда-то просили извѣщать васъ о Христ. Чтеніи. Оно окончится совершенно съ настоящимъ годомъ. Sic aetas tulit! Въ семъ году я помѣстилъ въ немъ своего *Кипріана — жизнь и его сочиненія. Покайтеся.* Думаю помѣстить, если пропуститъ цензура, *жизнь и характеръ апостола Павла.* Можетъ быть, рѣшусь отдать на жертву публики и нѣкоторыя проповѣди.

Tuus usque ad cineres [2]).

Василію Григорьевичу — почтеннѣйшему — усердное мое почтеніе.

(Помѣта Бѣлюгова: *получ. 20 іюня*).

---

[1]) Дѣйствительно, *Ириней* не скоро получилъ епископство, только въ 1826 г., а между тѣмъ былъ вызванъ въ Петербургъ еще въ 1824 г.—Назначенъ былъ въ Пензу.

[2]) То есть: *твой до гроба.*

Описаніе бѣдствія, постигшаго Умань и всю Украину въ 1768 году.[1])

Не смотря на относительно важное значеніе въ исторіи южно-русскаго края крестьянскаго волненія, разразившагося въ 1768 году такъ называемою «Коліивщиною», событіе это пока мало изслѣдовано и количество изданныхъ, поясняющихъ его историческихъ матеріаловъ весьма скудно. До настоящаго времени приведены въ извѣстность лишь нѣсколько разрозненныхъ документовъ, напечатанныхъ спорадически въ разнородныхъ повременныхъ изданіяхъ, нѣсколько народныхъ пѣсень, нашедшихъ мѣсто въ этнографическихъ сборникахъ и, наконецъ, нѣсколько польскихъ мемуаровъ, представляющихъ пока самый связный и цѣльный, хотя конечно односторонiй матеріалъ, такъ какъ составители, принадлежа къ заинтересованной и сильно пострадавшей сторонѣ, могли смотрѣть на данное событіе только съ точки зрѣнія исключительно субъективной. Изданные по нынѣ польскіе мемуары, числомъ пять, слѣдующіе:

1., *Липомана*. Бунтъ Гонты и Желѣзняка.
2., Павла *Младановича*. Уманская рѣзня.
3., *Тучапскаго*. Краткое описаніе уманской рѣзни.
4., Элеоноры *Кребсъ*. Автентическое описаніе уманской рѣзни.
5., Адама *Мощинскаго*. Записки, относящіяся къ польской исторіи за время королей Августа III и Станислава Августа.

Всѣ пять мемуаровъ изданы въ Познани; первые три въ 1851 году отдѣльною книжкою, записки Кребсъ также отдѣльною брошюрою еще въ 1840 году, наконецъ записки Мощинскаго въ 1863 году. Изъ нихъ въ переводѣ на русскій языкъ извѣстны только два: Тучапскаго (переводъ помѣщенъ въ приложеніи къ сочиненію г. Скальковскаго «Наѣзды гайдамакъ на западную Украину» и потомъ вторично въ «Основѣ») и Кребсъ (переводъ г. Ревы изданъ въ Кіевѣ отдѣльною книжкою въ 1879 г.):

---

[1]) Opisanie klęski Humańskiej i całej Ukrainy, w roku 1768 poniesionej.

Названные мемуары составлены были въ различное время и при различныхъ условіяхъ. Ближе всѣхъ по времени составленія къ описываемымъ событіямъ мемуаръ Тучанскаго; авторъ, если самъ и не былъ свидѣтелемъ событій, то во всякомъ случаѣ жилъ въ Украинѣ въ 1768 году и собралъ свои извѣстія отъ современниковъ и очевидцевъ. Младановичъ и Элеонора Кребсъ находились во время катастрофы въ самой Умани и спасены были отъ смерти крестьянами съ разрѣшенія Гонты,—но въ то время они были очень молоды и записки свои писали впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, по воспоминаніямъ. Липоманъ и Мощинскій составили свои записки еще гораздо позже, по расспросамъ у старожиловъ,—участниковъ и свидѣтелей событій, описываемыхъ ими, при чемъ Липоманъ пользовался рукописями Тучанскаго и Элеоноры Кребсъ.

Но этими изданными мемуарами не исчерпывается ихъ запасъ. Въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 163, хранится весьма интересный рукописный сборникъ, носящій слѣдующее заглавіе: «Исторія Польши, или важнѣйшія событія, случившіяся въ царствованіе свѣтлѣйшаго короля польскаго, Станислава Августа, съ 1768 по 1770 года».[1]) Въ составъ сборника вошли копіи всевозможныхъ документовъ, брошюръ, отчетовъ, записокъ и т. д. Въ томъ числѣ, на страницахъ 93—107, помѣщенъ мемуаръ, носящій вышеприведенное заглавіе.—Мемуаръ этотъ мы приводимъ въ возможно точномъ переводѣ. Онъ въ ряду другихъ имѣетъ, какъ намъ кажется, то достоинство, что написанъ во время самыхъ событій, подъ непосредственнымъ ихъ впечатлѣніемъ. Въ послѣднихъ строкахъ записки авторъ выражается въ настоящемъ времени и разсказываетъ то, что происходитъ во время самаго составленія разсказа. Можно точно утверждать, что мемуаръ написанъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1768 года, т. е. послѣ взятія Умани гайдамаками (19 іюня) и раньше усмиренія возстанія русскими войсками (6 августа).—Объ управленіи въ это время Желѣзняка въ Уманщинѣ авторъ говоритъ, какъ о фактѣ текущемъ, обязательномъ для жителей уманской волости. Судя по тому, что главный интересъ разсказа сосредоточенъ на судьбѣ уніатскаго духовенства, на разрушеніи уніатскихъ церквей и на участи, постигшей монаховъ базиліанскаго ордена, можно полагать, что анонимный составитель записокъ былъ уніатскій священникъ въ одномъ изъ 120 приходовъ, насильно обращенныхъ въ унію владѣльцемъ Уманщины—Силезіемъ Потоцкимъ. Вотъ текстъ «Описанія».

---

[1]) Dzieje Polski, czyli pszypadki znaczniejsze, za panowania najjaśniejszego Stanisława Augusta, króla Polskiego, W. X. L., zdarzone 1768—1770.

Это ужасное и горестное бѣдствіе началось и возникло въ Мотренинскомъ монастырѣ, вслѣдствіе безбожнаго поступка игумена этого монастыря, который, подговоривъ нѣсколько десятковъ запорожскихъ козаковъ, призвалъ ихъ къ себѣ въ качествѣ зачинщиковъ и возбудилъ къ бунту громады сосѣднихъ селъ. Онъ благословилъ ихъ истреблять, безъ угрызенія совѣсти, всѣхъ ляховъ, уніатовъ, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, а также евреевъ,—не исключая ни преклонныхъ стариковъ, ни малыхъ дѣтей, дозволивъ оставлять въ живыхъ только тѣхъ поляковъ и уніатовъ, которые обратятся въ дизунію (православіе). Получивъ благословеніе игумена, собранная имъ сволочь тронулась съ мѣста для осуществленія предпринятаго тиранскаго намѣренія. Къ нимъ немедленно примкнули въ большомъ количествѣ козаки и хлопы изъ окрестностей: Чигрина, Черкассъ, Смилы, Лысянки и Бѣлой церкви; они разбрелись по всей Украинѣ,—по мѣстечкамъ и селамъ, и принялись за убійства. Въ Лысянкѣ они опустошили монастырь францисканцевъ, однихъ ксендзовъ они повѣсили тутъ-же, другихъ, успѣвшихъ укрыться въ лѣсу, разъискивали съ помощью крестьянъ и убивали. Между тѣмъ дворяне и евреи со всей Украины бѣжали въ Умань, надѣясь спасти жизнь, укрывшись въ сильной уманской крѣпости. Узнавъ объ этомъ, гайдамаки стали всячески помышлять о томъ, чтобы произвести разбой въ Умани, однако не двинулись быстро къ этому городу, но стали мало по-малу появляться въ Уманьщинѣ, стараясь прежде снискать себѣ содѣйствіе крестьянъ, принадлежащихъ къ уманскому имѣнію. Однимъ они разсказывали, будто имѣютъ указъ русской Императрицы, разрѣшающій имъ безбожное предпріятіе; расположеніе другихъ снискивали то напитками, то обѣщаніемъ распредѣлить между крестьянами должности по управленію краемъ; они похвалялись, что не допустятъ болѣе польскимъ панамъ господствовать надъ крестьянами и утверждали: „мы всю Украину отнимемъ у Польши и захватимъ Волынь и Подоліе!“ Дѣйствія свои въ Уманьщинѣ гайдамаки начали съ села Ризаной: здѣсь они явились неожиданно, захватили жившихъ въ этомъ селѣ шляхтичей въ расплохъ и перебили ихъ вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и слугами; нѣсколькихъ шляхтичей, защищавшихся въ своихъ домахъ, они истребили огнемъ, сжегши дома. Затѣмъ они отправи-

лись въ мѣстечко Буки, отстоящее въ одной только мили отъ Ризаной. Въ то время въ Букахъ отправляли миссію священники базиліанскаго ордена; но крестьяне, узнавъ о волненіи, немедленно стали обнаруживать признаки бунта, осыпали монаховъ угрозами, перестали ходить въ церковь, слушать ихъ поученія и запретили дѣтямъ посѣщать проповѣди. Мѣстный приходскій священникъ тоже отшатнулся отъ уніи и сталъ поощрять къ бунту прихожанъ. Въ виду такого настроенія, базиліанскіе миссіонеры, не окончивъ миссіи, должны были въ бѣгствѣ искать спасенія.—Гайдамаки между тѣмъ разбрелись по всей Уманьщинѣ, разнося смерть и тиранство; изъ Буковъ они отправились въ Соколовку и другія близлежащія села, и убивали всѣхъ захваченныхъ поляковъ, въ томъ числѣ въ Соколовкѣ они умертвили пана Гиновскаго, русина, но уніатскаго исповѣданія. Такимъ образомъ они свирѣпствовали въ Уманьщинѣ въ теченіи пяти дней.

Раньше, чѣмъ эти бездѣльники приблизились къ Умани, оба полковника уманскихъ надворныхъ козаковъ, паны Обухъ и Магнушевскій, вышли на встрѣчу имъ, во главѣ вооруженнаго отряда конныхъ козаковъ, желая отразить отъ Умани этихъ убійцъ. Вѣроятно, они исполнили-бы это съ успѣхомъ, если-бы сотники, Гонта и Уласенко, остались вѣрны и не отказались-бы повиноваться полковникамъ; но упомянутые сотники вошли въ сношенія съ гайдамаками и согласились съ запорожцами, чтобы погубить Умань. Узнавъ, что гайдамаки выступили уже изъ Соколовки и грабятъ окрестности, сотники двинулись за ними, но не для того, чтобы разгромить ихъ, а единственно для того, чтобы соединиться съ ними. Гонта и Уласенко объявили полковникамъ, что не желаютъ болѣе оставаться подъ ихъ командою и присовокупили: „бѣгите, если хочете оставаться въ живыхъ; въ противномъ случаѣ погибнете, если не отъ руки гайдамаковъ, то отъ нашей!“ Лишь только полковники отъѣхали въ сторону отъ своего отряда, они наткнулись на засаду: въ лѣсу на нихъ напали семь человѣкъ разбойниковъ, укрывшихся тамъ, долго ихъ преслѣдовали и убили двухъ трубачей, не успѣвшихъ спастись бѣгствомъ вмѣстѣ съ полковниками.

Въ городѣ Умани постоянно принимались военныя предосторожности. Мѣры эти теперь еще болѣе были усилены въ виду

предстоящаго несомнѣнно нападенія. Городъ былъ достаточно снабженъ пушками, гранатами и вооруженнымъ гарнизономъ. Въѣздъ въ городъ былъ оставленъ открытымъ только въ одни ворота, всѣ-же другія ворота были заграждены палисадами и баррикадами извнутри; у воротъ и на валахъ кругомъ поставлены были пушки, а у бойницъ размѣщены были многочисленные стрѣлки: козаки, шляхтичи, мѣщане, слуги, студенты [1]), евреи и хлопы. Всѣ почти были хорошо вооружены, кромѣ евреевъ, у которыхъ не оказалось оружія; тѣмъ не менѣе и они въ большомъ количествѣ приняли участіе въ защитѣ города, вооружившись топорами, а также ножами и косами, которые придѣлали къ длиннымъ шестамъ. За день до появленія враговъ многіе паны, предчувствуя измѣну со стороны козаковъ, хотѣли уѣхать изъ города, чтобы избѣжать опасности, даже сами управляющія городомъ власти стали собираться въ путь; но евреи никого не выпустили и едва не убили пана губернатора: [2]) „погибайте вмѣстѣ съ нами, говорили они, если вы насъ по нынѣ вводили въ заблужденіе относительно безопасности!“

Гайдамаки стали атаковать городъ съ утра, часу въ одинадцатомъ. Желая начать приступъ, они бросились густою толпою къ воротамъ и попали неожиданно подъ выстрѣлы пушекъ; но артилеристы не узнали ихъ, и полагая, что это отрядъ своихъ козаковъ, не воспользовались этою ошибкою.—Тогда гайдамаки разсѣялись кругомъ всего города, зажгли предмѣстья и стали въ нихъ объискивать дома, винокурни и риги, разъискивая евреевъ и поляковъ и предавая ихъ смерти. Полъ-часа спустя на помощь гайдамакамъ явился Гонта съ своимъ отрядомъ и, поклонившись Максиму Желѣзняку, начальнику бунтовщиковъ, переѣхалъ на другую сторону города; соединивъ свои силы для кроваваго дѣла, они совмѣстно стали подготовлять приступъ. О, Господи! какой страхъ

---

[1]) Ученики базиліанскаго училища.

[2]) Губернаторами назывались управляющіе помѣщичьими имѣніями; въ качествѣ лица, заступавшаго пана, губернаторъ, кромѣ завѣдыванія хозяйствомъ, имѣлъ право суда гражданскаго и уголовнаго, съ правомъ смертной казни надъ крестьянами управляемаго имъ имѣнія. Если помѣстье было обширно и если владѣлецъ имѣлъ укрѣпленный замокъ и надворную милицію, то губернаторъ соединялъ должности коменданта крѣпости и главнаго начальника милиціи.

объялъ народъ, затворившійся въ городѣ, когда стало очевидно, что измѣнили уманскіе сотники. Нѣсколько разъ они приносили присягу на вѣрность и обѣщали, въ случаѣ нужды, защищать городъ хотя-бы съ опасностью жизни; ихъ усиленно упрашивали начальники, задобривая ихъ тысячами рублей, подарками и напитками; сами они постоянно выдавали себя преданными и вѣрными; нынѣ тѣ-же сотники нарушили присягу и заключили союзъ съ разбойниками для истребленія и погибели осажденныхъ. Страшному горю предавались какъ міряне, такъ особенно монахи и все духовенство, въ виду столь грозной опасности, столь богопротивнаго презрѣнія къ костеламъ, столь тяжелаго разоренія своего имущества и невозвратимой его потери.

Всѣ, находившіеся въ городѣ, приняли участіе въ защитѣ. Съ одиннадцати часовъ утра, лишь только началось нападеніе, до вечера и въ теченіе всей наступившей ночи не умолкала пушечная и ружейная пальба, продолжавшаяся до 10 часовъ слѣдующаго утра. Тѣ христіане, которые не сражались, проводили время въ молитвѣ въ костелѣ, въ церквахъ, въ храмѣ отцевъ базиліановъ; многіе исповѣдывались, другіе отправились крестнымъ ходомъ (процессіею) вокругъ города, сопровождая образъ Богородицы, находившійся въ базиліанскомъ костелѣ, котораго заступничество во многихъ случаяхъ было испытано. Когда несли этотъ образъ, даже невѣрующіе евреи со слезами и глубокими вздохами падали на землю и вознося къ образу руки, взывали: „спаси насъ, пресвятая Богородица!“ До двадцати лицъ евреевъ при этомъ изъявили желаніе креститься, что и было исполнено. Съ помощію Божіею и пресвятой Богородицы не допустили-бы до кровопролитія, еслибы сотникъ Гонта дьявольскою хитростью не смутилъ защищавшихся. Онъ, замѣтивъ храбрость бойцевъ, хотя и не составлявшихъ регулярнаго войска, но защищавшихся хорошо и, видя, что всѣ пушки исправно дѣйствуютъ, сталъ бѣгать вокругъ города и кричать: „сдавайтесь, ничего вамъ не сдѣлаемъ“! Вслѣдствіе этого въ городѣ произошло смятеніе: многіе кричали, что нужно положить оружіе. Отворили ворота и вышли на встрѣчу гайдамакамъ. Надѣялись, что жизнь будетъ спасена, были убѣждены, что въ этомъ отношеніи дана будетъ гарантія. Горькая ошибка! Лишь только оружіе было сложено и ворота добровольно отворены, часть гайда-

макъ бросилась съ одной стороны рубить палисады, другіе огромною толпою ворвались въ ворота и сразу принялись творить жестокости. Нужно-бы омочить перо не въ чернила, а въ горькія слезы, чтобы описывать то страшное пролитіе христіанской и еврейской крови, то опустошеніе храмовъ Господнихъ, тѣ богохульныя оскорбленія Господа и Его пресвятой Матери, которыя были совершены, когда убійцы ворвались въ городъ. Одни разсѣялись по улицамъ, площадямъ и домамъ, другіе у воротъ стали умерщвлять собравшихся тамъ. Войдя въ костелъ, они вывели оттуда на погостъ вѣрныхъ, пребывавшихъ въ молитвахъ, и стали ихъ варварски мучить и убивать. Тутъ были замучены: панъ Ржонжевскій, стольникъ брацлавскаго воеводства, съ женою, паны: Марковскій, скарбникъ Корженевскій, Лежинскіе, Завадзкій, Винницкій, Цесельскій, Томашевскій, писарь государственной таможни, и многіе другіе, почтенные и именитые шляхтичи, числомъ около 2000. Здѣсь погибъ панъ губернаторъ уманскій Младановичъ съ женою и дѣтьми; одну дочь его четыре раза поразили копьемъ [1]). Изъ церквей также вытаскивали людей и убивали. Во время этихъ убійствъ, въ костелѣ отцевъ базиліановъ служили обѣдню съ пѣніемъ; разъяренные палачи, вбѣжавъ въ костелъ, удержались до конца службы. Но когда кончилась обѣдня и прочтены были другія, прибавочныя молитвы, они сейчасъ принялись стрѣлять въ людей въ костелѣ, истязать, вытаскивать на дворъ и тамъ убивать. Ксендза ректора базиліанскаго ранили выстрѣломъ, потомъ стали его допрашивать о мѣстѣ храненія денегъ, отвели въ монастырь, тамъ кололи копьями, наконецъ на монастырскомъ дворѣ втолкнули въ канаву. Въ костелѣ они кололи вице-ректора и били его нагайками и дубинами. Отца закристіяна, миссіонера, раздѣли до одной рубахи и всего изранили и окровавили; потомъ всѣхъ троихъ связали, водили кругомъ рынка, истязали безъ милосердія побоями и посадили подъ стражу; но и тамъ не долго оставили; они вновь ихъ вывели на улицу и закололи до смерти; тѣла ихъ нѣсколько дней валялись на улицѣ не похороненными. Монастырь базиліановъ разграбили совершенно.

[1]) Извѣстіе это не справедливо: Гонтѣ удалось спасти двое дѣтей Младановича: дочь Элеонору (впослѣдствіи по мужу Кребсъ) и малолѣтняго сына Павла. Оба они составили впослѣдствіи описаніе какъ катастрофы уманской, такъ и собственнаго спасенія.

Многіе хлопы особенно настаивали на истребленіи базиліановъ и даже нѣкоторые мѣщане указывали студентовъ уніатовъ, побуждая разъяренныхъ убійцъ умерщвлять ихъ. Костелы, принадлежавшіе бѣлому духовенству, постигла таже участь. Приходскаго (католическаго) священника, послѣ всяческихъ истязаній, повѣсили. Св. дары разбросали, топтали, растирали руками, ѣли и клали въ свои трубки. Распятіе Іисуса Христа съ богохульными рѣчами повѣсили на веревкѣ. Образъ Богородицы кололи копьями, стрѣляли въ него, топтали, приговаривая: „пусть онъ васъ теперь защититъ, вчера вы таскались по городу, ожидая отъ него спасенія!“ Рѣзныя изъ дерева статуи святыхъ апостоловъ Петра и Павла они поставили у воротъ, обзывали ихъ конфедератами и стрѣляли въ нихъ; потомъ перенесли ихъ на болото, привязали къ нимъ цѣпи и съ кощунственными насмѣшками приглашали ихъ молотить грязь. Статую святаго Іоанна волокли по городу, привязавъ къ лошади, отрубили ей голову топоромъ и всю изрубили на куски. Всѣ образа и книги, латинскія и польскія изъ католическаго костела и русскія — изъ базиліанскаго, сожгли. Одѣвшись въ ризы ксендзовъ, ходили по улицамъ, по площади и заходили въ шинки, гдѣ напившись зазывали прохожихъ подходить къ нимъ подъ благословеніе или кощунствовали, представляя отправленіе миссы и другихъ церемоній и обрядовъ богослуженія. Однимъ словомъ: окончательно ограбили храмы, оставивъ въ нихъ лишь покойниковъ въ гробахъ. Затѣмъ опустошили весь городъ, роясь даже въ землѣ, чтобы разыскать спрятанныя деньги. Трудно исчислить всѣ совершенныя гайдамаками убійства: однихъ они разстрѣляли, другихъ искололи, третьихъ убивали топорами и дубинами, малыхъ дѣтей подкидывали на копья, беременнымъ женщинамъ распарывали животы. Крестьянамъ приказали совершать такія-же варварства въ селахъ и разыскивать дворянъ, укрывавшихся въ лѣсахъ, на поляхъ и въ степи, и тѣ очень усердно исполняли это приказаніе. Они жестоко мучатъ и убиваютъ тѣхъ крестьянъ и священниковъ русскихъ, которые, увлекаясь милосердіемъ, дали у себя пріютъ кому-либо изъ поляковъ, уніатовъ или евреевъ, или-же припрятали ихъ имущество. Уже многихъ священниковъ и простолюдиновъ постигла эта участь. Впрочемъ нѣкоторыхъ дѣвицъ и замужнихъ женщинъ, а также ихъ дѣтей и родственниковъ они пощадили: нѣсколько молодыхъ шлях-

тичей, учившихся въ школѣ, записали въ регистръ своего войска, предварительно крестивъ ихъ по своему обряду; многихъ дѣвицъ шляхетскихъ повѣнчали съ хлопами. Нѣсколько тысячъ убитыхъ труповъ вывезли за городъ и вблизи его бросили, не прикрывъ землею, на съѣденіе собакамъ. Въ самомъ городѣ колодезь въ 30 сажень глубиною наполнили трупами. Вообще страшно и вспомнить обо всѣхъ ужасахъ, страшно проходить у города живому человѣку: вездѣ опустошеніе, вездѣ валяются трупы; страшный смрадъ отъ ихъ разложенія заражаетъ окрестныя поля и лѣса. Они совершенно разграбили и опустошили какъ городъ, такъ и всю уманскую волость, причинили убытки на цѣлые милліоны и захватили несмѣтныя суммы денегъ.

Управившись такимъ образомъ, гайдамаки оставили гарнизонъ въ городѣ, главныя-же свои силы расположили лагеремъ за городомъ. Во всѣ мѣстечка и села они командировали по нѣсколько десятковъ козаковъ, которые продолжали тамъ производить убійства, отдали помѣстья въ управленіе хлопамъ, помѣщичія-же стада, лошади и пасѣки конфисковали. Отъ людей, бывшихъ въ ихъ лагерѣ и смотрѣвшихъ на преступный дѣлежъ ими добычи, я слышалъ, что они продолжительно мѣряли золото соусникомъ, а серебро огромною мѣдною чашкою; богатыя шелковыя платья рвали на тряпки, нагрузивъ ими предварительно цѣлые возы; лошадей согнали громадное стадо; коляски и кованные возы продавали по рублю, сабли-же и солдатскіе палаши иностранные торговцы покупали у нихъ за нѣсколько десятковъ грошей.

Максимъ Желѣзнякъ основалъ свою резиденцію въ уманскомъ замкѣ. Онъ отправилъ предписаніе ко всѣмъ священникамъ въ Уманьщинѣ, чтобы они отправлялись къ переяславскому епископу отрекаться отъ церкви Божіей (т. е. отъ уніи) и приносить присягу на благочестіе (т. е. православіе). Онъ объявилъ имъ, что если хотятъ сохранить жизнь и приходы, то должны запастись въ Переяславлѣ благословеніемъ епископа, его уставною грамотою и антиминсомъ. Одни по собственной охотѣ, другіе по принужденію послѣдовали уже этому приказанію и даже тѣ, которые не имѣли ни малѣйшаго желанія переходить въ благочестіе, боясь за свою жизнь, уѣхали уже въ Переяславль рукополагаться у заграничнаго епископа.

Между тѣмъ разбойники продолжаютъ свирѣпствовать въ Уманщинѣ; они пріѣхали въ маньковецкій базиліанскій монастырь, построенный въ лѣсу, и перебили въ немъ монаховъ. Вообще, по словамъ точнаго извѣстія, всѣхъ базиліянъ погибло 12, а именно: въ Умани 4, въ окрестности города 3, въ маньковецкомъ монастырѣ 2 и на дорогѣ въ Умань 3. Остальные монахи какъ маньковецкаго, такъ и уманскаго монастырей убѣжали въ лѣсъ, но, какъ носится слухъ, были тамъ перебиты. Говорятъ, что видѣли на дорогѣ трупъ монаха ордена камедуловъ. Крестьяне изъ Уманьщины бѣгутъ за границу. Вообще во всей Украинѣ господствуетъ страхъ и смятеніе.

Сказаніе о Бондаренкѣ по народнымъ преданіямъ.

Бондаренко принадлежалъ къ числу предводителей гайдамацкихъ отрядовъ, сформировавшихся въ 1768 году. Въ то время, когда главныя силы возставшихъ крестьянъ, подъ предводительствомъ Желѣзняка, двигались изъ Мотренинскаго монастыря на Умань, Бондаренко съ своимъ отрядомъ направился въ кіевское полѣсье. По дорогѣ онъ пытался было овладѣть Бѣлоцерковскою крѣпостью, но, встрѣтивъ сильный отпоръ со стороны гарнизона и артиллеріи, которою крѣпость была достаточно вооружена, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Миновавъ Бѣлую Церковь, онъ направился къ сѣверу, сталъ занимать села и мѣстечка, истреблять пановъ и жидовъ и возбуждать народъ къ возстанію. Такимъ образомъ достигъ онъ до мѣстека Макарова и овладѣлъ имъ; но здѣсь и кончились его подвиги. Въ Макаровѣ на Бондаренка наступила надворная милиція, отправленная противъ него владѣльцемъ Чернобыльскаго имѣнія, графомъ Ходкевичемъ; застигнутые въ расплохъ, гайдамаки были разсѣяны; многіе, въ томъ числѣ и Бондаренко, захвачены въ плѣнъ; они были доставлены въ Чернобыль, гдѣ, по приговору доминіальнаго суда, Бондаренко былъ казненъ смертью. Жители Чернобыля понынѣ указываютъ высокій курганъ, находящійся у выѣзда мѣстечка по дорогѣ въ село Залѣсье, на которомъ, по словамъ преданія, совершена была казнь; курганъ этомъ народъ называетъ «Бондаренковою могилою». Этотъ гайдамацкій предводитель былъ родомъ изъ села Грузкой, лежащаго въ 50 верстахъ къ западу отъ Кіева. Преданіе о немъ сохранилось довольно живо на его родинѣ и послужило сюжетомъ многочисленныхъ разсказовъ и пѣсень. Въ 1867 году одинъ изъ крестьянъ—старожиловъ села Грузкой, Иванъ Лобанъ, попытался свести сохранившіяся преданія въ одинъ связный разсказъ, который мы и предлагаемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ подъ пера составителя, позволивъ себѣ сдѣлать лишь самыя незначительныя и необходимыя стилистическія поправки. Конечно, разсказъ г. Лабана важенъ не фактическими историческими подробностями, которыхъ богатства и точности и нельзя ожидать отъ народнаго преданія; весь интересъ разсказа, какъ намъ кажется, заключается въ воспроизведеніи того образа гайдамачества, который запечатлѣлся въ народномъ представленіи. Бонда-

ренко, какъ типъ гайдамацкаго ватажка, не носитъ въ народномъ воспоминаніи характера кровожаднаго бандита или безпощаднаго грабителя; онъ, напротивъ того, является веселымъ, разгульнымъ, исполненнымъ юмора и добродушія удальцемъ, преклоняющимся передъ правилами народной морали и народныхъ приличій, уважающимъ земледѣльческій трудъ крестьянина и даже, по отношенію къ шляхтичамъ, болѣе склоннымъ мстить имъ насмѣшками и шутками, чѣмъ кровавою расправою. Вотъ текстъ этого оригинальнаго сказанія:

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, во времена царицы Екатерины, въ селѣ Грузкой, кіевскаго уѣзда, принадлежавшемъ тогда помѣщикамъ Харлинскимъ, жила вдова Бондариха. У нея былъ сынъ лѣтъ шестнадцати. Такъ какъ они не имѣли возможности вести хозяйство, то помѣщикъ взялъ сына въ услуженіе въ свой дворъ и опредѣлилъ его сторожемъ при кухнѣ. На его долю досталась очень тяжелая работа, которая въ равной мѣрѣ требовалась и въ праздничные дни и въ будни; притомъ за неисправность Бондаренко подвергался часто побоямъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ переносилъ свое тяжелое положеніе; но, наконецъ, терпѣніе его истощилось. Исполнившись злобы, онъ сказалъ себѣ: „дай Боже ноги, куда очи глядятъ, туда и дорога!“, тайно бѣжалъ съ помѣщичьяго двора и отправился на Украину искать себѣ пріюта. Здѣсь, вслѣдствіе нищенской обстановки своей, онъ не могъ поступить на работу къ зажиточному хозяину и потому присталъ къ ватагѣ гайдамаковъ Швачки и Желѣзняка. Среди нихъ, по словамъ нашихъ стариковъ, онъ нашелъ неразлучнаго товарища—Нечаенка и вскорѣ сдѣлался настоящимъ „лицаремъ и характерникомъ:“ онъ научился заговаривать оружіе, такъ что пуля его не брала.

Послѣ долгаго отсутствія, мать получила отъ него письмо съ обѣщаніемъ скораго посѣщенія, что онъ дѣйствительно и исполнилъ, какъ о томъ поется въ пѣсни:

Не захотивъ Бондаренко на Украйни жити,
Да пріїхавъ до Бышова жидивъ, ляхивъ бити;
Не багато винъ постоявъ на Бышевскомъ мости,
Да пріїхавъ до Грузькои до матери въ гости.

Бондаренко пріѣхалъ въ Грузьку съ своимъ отрядомъ, поклонился матери, привѣтствовалъ родственниковъ и занялъ квартиру въ домѣ приходскаго священника. Онъ немедленно сталъ распрашивать священника о помѣщикахъ,—которые заблаговременно бѣжали изъ села.

— Гдѣ, отче, помѣщики?

— Ихъ дома нѣтъ, пане атамане.

— Жаль, мнѣ слѣдовало ихъ поблагодарить за службу; но если ихъ нѣтъ, то, такъ и быть, принимаю „волю“ и отъ отсутствующихъ. Теперь, отче, благослови меня повеселиться на своей родинѣ.

Священникъ осѣнилъ его крестомъ.—Да благословитъ тебя, чадо, Господь на всякое дѣло благое!

Бондаренко поцѣловалъ крестъ и отвѣтилъ: спасибо, отче, за благое, а на зло я и самъ „потраплю“.—Кто-же, отче, живетъ теперь въ панскомъ дворѣ?

— Остались только шапаръ (ключникъ) Ярошъ и господыня (ключница) Марыська.

— Прекрасно! сказалъ Бондаренко и вышелъ къ своей ватагѣ.— Позовите ко мнѣ, хлопцы, говорилъ онъ, панскаго ключника!

Шапаръ пришелъ, снялъ шапку еще за воротами; о немъ доложили Бондаренку.

— Здоровъ бувъ, старый!

— Здоровъ, пане атамане! отвѣчаетъ шапаръ, дрожа какъ осиновый листъ.

— Что-же, ты узналъ меня?

— Узналъ, батьку!

— Прекрасно! теперь еще лучше познакомимся. Какъ-же тебѣ живется? Такъ какъ прежде?

— Какъ прежде.

— Ну, прекрасно! Не можешь-ли пока угостить насъ?

— Чѣмъ прикажете?

— Да что пожалуешь.—Пойдите, хлопцы, принесите, что онъ отпуститъ. Принесли изъ двора въ изобиліи напитковъ и съѣстного.

— Да ты, старый, кутишь, сказалъ Бондаренко: ты не разстраивай хозяйства, оставь еще кое-что къ моей свадьбѣ, вѣдь знаешь, что мнѣ нужно жениться? Ну, да теперь угости насъ!

Налилъ шапаръ чарку и поднесъ Бондаренку, но тотъ отклонилъ ее со словами: пей самъ прежде, а то, чего добраго, ты насъ околдуешь! Пошло затѣмъ угощеніе, но среди веселія вдругъ Бондаренко обратился къ шапару: что, старикъ! у тебя по прежнему много денегъ?

— „Нема!" отрывисто отвѣтилъ шапаръ.

— Не вѣрится, сказалъ Бондаренко. Хлопцы, крикнулъ онъ, поищите-ка пакли, окрутите ему руки, облейте смолою и зажгите!

Не успѣли еще хлопцы приступить къ старику, какъ онъ вскричалъ: „Постой, батьку! у меня есть кое-что заслуженное, не много, правда, да рублей сто старыми „карбованцями" наберется; сверхъ того я припряталъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ, полученныхъ изъ шинка!

— Заслуженными ты подѣлись со мною по правдѣ:—вѣдь служили мы оба и моя работа была тяжелѣе твоей. Что-же касается мѣдныхъ панскихъ денегъ изъ шинковъ, то они больно тяжелы и чтобы тебя облегчить, я пошлю за ними. Ступайте, сказалъ онъ двумъ дюжимъ гайдамакамъ и принесите столько мѣди, сколько подымете, за остальную-же купите боченокъ водки такой, чтобы четверо изъ васъ могли его принести сюда. Затѣмъ онъ обратился къ асауламъ и другимъ сельскимъ урядникамъ: зовите сюда всѣхъ нашихъ людей, я желаю съ ними возобновить знакомство.

Вскорѣ на дворъ священника пришло нѣсколько человѣкъ; къ нимъ вышелъ Бондаренко и поклонился: здоровы, молодци, мои стари знакоми!

Люди сняли шапки и поклонились.—Здоровъ, пане отамане!

— Откуда вы знаете, что я отаманъ?—А гдѣ вашъ панъ?

— Пана нѣтъ;—потому мы и знаемъ, что ты отаманъ.

— Значитъ, еслибъ паны исчезли, то всѣ были-бы козаками и атаманами.—Почему васъ такъ мало?

— Теперь жнива; люди въ полѣ убираютъ жито.

— Дѣло похвальное! пусть Богъ вамъ поможетъ! Собирайте хлѣбъ и свой и панскій. Что-бы ни случилось, даръ Божій не долженъ пропадать; хотя паны и не возвратятся,—хлѣбъ нуженъ будетъ.

Кто-то изъ толпы замѣтилъ, что маленькій панскій ребенокъ остался въ селѣ. Бондаренко услышалъ, приказалъ розыскать и

привести панича. Привели его вмѣстѣ съ бабою Царихою, которая пріютила его въ своей хатѣ.

— Чей это, бабо, мальчикъ у тебя? спросилъ Бондаренко.

— Панскій, батьку! отвѣтила баба, низко кланяясь.

— Правда! сказалъ Бондаренко, всматриваясь въ мальчика: хотя онъ родился въ моемъ отсутствіи, но и глаза у него большіе, и носъ орлиный, и весь онъ въ отца. Онъ погладилъ дитя по головкѣ, далъ ему пряникъ и сказалъ бабѣ: бери его въ свой домъ и береги. Затѣмъ обратился къ людямъ и проговорилъ съ грустью: берегите мальчика и приласкайте его, вѣдь будетъ-же онъ вашимъ паномъ. Затѣмъ встрепенулся и крикнулъ Ярошу: подавай, старикъ, водки и закусокъ, угощай людей!

Выпили, повеселѣли. Бондаренко вскорѣ поднялся и поклонился: прощайте, панове громадо!—прошу на завтра къ себѣ въ гости, теперь пора отдыхать.

На другой день Бондаренко приказалъ раскинуть палатки передъ домомъ священника, призвалъ шапаря и приказалъ ему доставить изъ панскаго двора водки, наливки, пива и закусокъ; затѣмъ потребовалъ къ себѣ ключницу Марысю,—ее привели.

— Здорова, старая вѣдьма!—узнала меня?

— Узнала, батьку! отвѣтила Марыся, низко кланяясь.

— Прекрасно! теперь еще лучше познакомимся! Ты вѣдь по старому за господыню?

— За господыню, батьку.

— Значитъ, въ твоемъ распоряженіи много домашней птицы! Идите-же, хлопцы, съ нею и возьмите сколько нужно къ обѣду: куръ, гусей и индюковъ, и ее приводите назадъ, мнѣ нужно будетъ поблагодарить ее за прежнюю дружбу. Затѣмъ онъ обратился къ асауламъ: ступайте по всему селу, зовите ко мнѣ на пиръ всѣхъ людей: стариковъ и парубковъ, старухъ и молодицъ, дивчатъ и мальчиковъ; просите, чтобы приходили въ праздничныхъ одеждахъ. Да призовите музыку, смотрите, чтобы была настоящая, *троиста:* скрипки, цымбалы и басъ.

По приглашенію люди со всего села сошлись къ Бондаренку; онъ вышелъ къ нимъ въ козацкой одеждѣ: въ плисовыхъ шараварахъ, въ синемъ жупанѣ, въ барашкой шапкѣ съ краснымъ атласнымъ верхомъ; вышелъ онъ изъ палатки и поклонился на всѣ стороны.

— Здорови булы, старые и молодые—сказалъ онъ. Узнали вы меня, своего стараго знакомаго?

— Узнали, батьку! отвѣтили люди съ поклономъ и поднесли ему хлѣбъ и соль.

— Спасибо за хлѣбъ, за соль! Жаль только, что межъ вами нѣтъ вашихъ пановъ! Что дѣлать?—выпьемъ за панское здоровье; они вѣдь трудились, чтобы приготовить намъ угощеніе.

Пошелъ пиръ горою, заиграла музыка. Бондаренко то двигался средь народа, угощая и упрашивая пить, то отплясывалъ съ молодицами. Въ пиру принимали участіе гайдамаки; Нечаенко танцовалъ безъ устали, припѣвая веселыя, охочія пѣсни. Бондаренко схватилъ мѣшокъ съ мѣдными деньгами; „гей, диты, сюда!“ крикнулъ онъ и въ толпу дѣтей посыпались гривны, пятаки, гроши и копѣйки. Дѣти хватаютъ, дерутся—кутерьма страшная. Бондаренко хохочетъ. Вдругъ онъ что-то вспомнилъ и обратился къ асауламъ: а гдѣ-же моя Марыся?—Есть, батьку! отвѣтили; она было сбѣжала, но мы ее поймали.

— Сбѣжала? значитъ, совѣсть ея не чиста; затворите-же ее въ „куну коло звиныци“[1]). Марысю заперли въ куну; Бондаренко зарядилъ пистолетъ холостымъ зарядомъ и направился къ колокольнѣ, въ сопровожденіи толпы народа. Пришли, отворили двери. „Ну, старая вѣдьма, сказалъ Бондаренко, приготовила ты мнѣ горячихъ „пляцковъ“ (сладкихъ лепешекъ) такихъ, какъ приготовляла для пановъ?

— Не приготовила, батьку атамане!—отвѣтила, дрожа всѣмъ тѣломъ Марыся.

Бондаренко выхватилъ пистолетъ, взвелъ курокъ: бахъ! и— Марыся упала, какъ мертвая, съ крикомъ: „Іезусъ—Марія, змилуй се наде мно!“

„Чи бачъ? вона вже и померла“,—сказалъ Бондаренко. Нужно ее воскресить,—заряжайте другой пистолетъ, да подавайте скорѣе. Марыся вскочила на ноги и вскричала: „помилуй, пане атамане!“

— „Воскресла и заговорила! слава тебѣ, Господи!—сказалъ Бондаренко, среди всеобщаго хохота, и приказалъ отвести Марысю въ

---

[1]) Родъ карцера, находившагося обыкновенно у колокольни приходской церкви, въ видѣ желѣзной скобы, которою виновнаго приковывали за руку.

панскій дворъ и уложить въ постель, чтобы она отдохнула „відъ переляку“. Затѣмъ принесли изъ панскаго погреба старый медъ и, угощаясь, пировали до заката солнца. Подъ вечеръ Бондаренко созвалъ хозяевъ и сказалъ имъ: веселіе—веселіемъ, а дѣло дѣломъ; погуляли мы сегодня, да люди толкуютъ о жнивахъ; а потому, чтобы не сказали, что Бондаренко помѣшалъ всѣмъ работать, завтра я прошу васъ лишь зайти съ утра ко мнѣ „на поправку“, а потомъ какъ кому угодно: по желанію—оставайтесь гулять, а кому необходимо—идите работать.

Затѣмъ, призвавъ Нечаенка, онъ снарядилъ его съ отрядомъ гайдамакъ въ походъ, приказавъ свозить къ себѣ всякое добро, но бѣдныхъ не трогать и избѣгать убійствъ. „До души намъ діла не мае“,—сказалъ онъ въ заключеніе. Нечаенко немедленно выступилъ въ походъ съ вооруженнымъ отрядомъ; Бондаренко-же приказалъ ключнику вновь приготовить угощеніе на слѣдующій день.

Съ утра сошлись люди и недоумѣваютъ, что имъ дѣлать. Вышелъ къ нимъ Бондаренко, поздоровался и спрашиваетъ: „а что, люди добрые, порѣшили, что будете дѣлать сегодня“? — „Нѣтъ, не порѣшили“! — „Такъ я вамъ посовѣтую: пусть съ каждаго двора одинъ человѣкъ идетъ на работу, остальные оставайтесь у меня въ гостяхъ“. Работники выступили впередъ; Бондаренко угостилъ ихъ прилично и отправилъ съ Богомъ на работу, обѣщавъ выслать имъ обѣдъ въ поле. Остальнымъ онъ задалъ такой-же пиръ, какъ на канунѣ.

Слѣдующаго дня возвратился изъ похода Нечаенко; привезъ онъ много добычи съ собою. Во главѣ его отряда шелъ странный санъ поѣздъ: четыре вола тащили сани, хотя дѣло было лѣтомъ, на саняхъ навалено было множество всякой живности: сало, масло и т. п.; среди узловъ и боченковъ повсюду торчали жерди, на которыхъ развѣшаны были колбасы; вѣнки изъ колбасъ украшали рога воловъ. За санями шли цѣлыя стада быковъ, коровъ, телятъ; затѣмъ везли мѣшки съ деньгами: тутъ было и золото, и серебро, и мѣдь.

Бондаренко взглянулъ на добычу и обратился къ гайдамакамъ: „спасибо, хлопцы! хорошо управились. Идите теперь, погуляйте на моей родинѣ“.—Гайдамаки отправились пить и плясать. Бондаренко между тѣмъ призвалъ свою мать и родственниковъ и сказалъ имъ: берите все это золото и серебро и уѣзжайте за Днѣпръ,

тамъ перемѣните свои фамиліи и живите мирно въ довольствіи. Здѣсь мнѣ не вѣчно можно будетъ распоряжаться, а когда меня не станетъ, бѣда обрушится на васъ. Такимъ образомъ онъ выселилъ весь свой родъ изъ села.

Между тѣмъ польское войско узнало о мѣстѣ остановки Бондаренка и въ Грузку отправленъ былъ отрядъ гусаръ, съ приказаніемъ взять Бондаренка и сжечь село. Про это нападеніе гусаръ и сказано въ пѣсни:

Наїхали гусары Грузьку палыти,
Бондаренко зъ Нечаенкомъ стали боронытн:
Нечаенко на дзвиныцю міхъ пороху тягне,
Бондаренко въ прави руци рушныцю готуе.
Ой якъ стреливъ Нечаенко—коника пидстреливъ,
Ой якъ стреливъ Бондаренко—гусарина встреливъ.
Ой рушилы гусаре зъ Грузькои втикати—
Бондаренко зъ Нечаенкомъ стали доганяти.

Гусары успѣли сжечь только одинъ дворъ въ концѣ села и отступили въ Макаровъ. Бондаренко послѣ того не долго уже оставался въ Грузкой; онъ раздалъ всѣ стада коровъ и быковъ—дѣвушкамъ на приданное, особенно щедро награждая тѣхъ, которыя понравились ему въ танцѣ; роздалъ замужнимъ все пріобрѣтенное въ добычу—ткани, одежды, мониста и выѣхалъ съ товарищами изъ Грузкой въ Макаровъ. Здѣсь онъ былъ взятъ въ плѣнъ козакомъ Щербиною [1]) изъ Корнина и потомъ казненъ въ Чернобилѣ.

Конецъ исторіи Бондаренка. Писалъ Иванъ Лобанъ изъ села Грузкой, 7 генваря 1867 года.

---

[1]) Имя Щербины народное преданіе сохранило вѣрно. Въ запискахъ Липомана сказано также, что начальникъ надворныхъ козаковъ, взявшихъ въ плѣнъ Бондаренка въ Макаровѣ, назывался Щербина и былъ родомъ изъ мѣстечка Корнина. За эту услугу Щербинѣ на сеймѣ было пожаловано дворянство, а также нѣкоторая сумма денегъ для покупки имѣнія.

Образцы
ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ*).

Въ 16 и 17 столѣтіяхъ гласное обсужденіе общественной дѣятельности и общественныхъ дѣятелей Малороссіи было не мыслимо, такъ какъ обличительной печати не было и въ поминѣ. Конечно, это не исключало диѳирамбовъ лицамъ, занимающимъ видное общественное положеніе.

Въ 16-мъ и первой половинѣ 17 вѣка общественные дѣятели, въ особенности духовныя власти, восхвалялись въ предисловіяхъ къ разнороднымъ изданіямъ, посвященнымъ этимъ лицамъ. Съ половины 17-го столѣтія появилась у насъ спеціальная литература панегириковъ, въ которыхъ воспѣвались добродѣтели, дѣйствительныя и мнимыя, сановныхъ людей—свѣтскихъ и духовныхъ. Максимовичъ, касавщійся этого рода литературы, радовался тому, что „вся эта безпредѣльная лесть, весь этотъ холодный, риторическій, стекляный блескъ ума и слова выражался панегиристами по польски и по латыни, а не языкомъ южнорусскимъ". Конечно, изслѣдователь языка и словесности можетъ утѣшаться подобнымъ обстоятельствомъ; но для изслѣдователя общественныхъ явленій оно едва-ли можетъ имѣть какое либо значеніе. Въ прошломъ столѣтіи литература панегириковъ продолжала развиваться, увеличивая изліяніе лести, въ особенности въ пѣснопѣніяхъ, посвященныхъ высшимъ правителямъ Малороссіи. Въ извѣстномъ панегирикѣ послѣднему гетману Кириллу Разумовскому, лесть доведена до геркулесовыхъ столбовъ. Въ этомъ панегирикѣ авторъ безъ зазрѣнія совѣсти рѣ-

*) Читано 5 ноября 1880 г., въ засѣданіи историко-филологическаго общества, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

шился доказывать происхожденіе сына простаго козака Разума отъ извѣстной аристократической фамиліи князей Ружинскихъ, на основаніи измышленныхъ имъ генеалогическихъ данныхъ. Явная ложь не только была терпима, но и принималось официально: такъ, въ указахъ Елизаветы Петровны, писанныхъ гетману Разумовскому, во главѣ другихъ титуловъ всегда ставилось—„высоко и благоурожденному гетману, такому-то".

Съ литературой малороссійскихъ панегириковъ, въ особенности конца 17-го вѣка, знакомитъ насъ, хотя отчасти, Максимовичъ въ своей статьѣ „Книжная старина южнорусская" (Полн. собр. соч., т. 3, стр. 708). Но, кажется, еще никто не обращалъ вниманія на существовавшую издавна въ Малороссіи обличительную литературу, появлявшуюся на свѣтъ Божій лишь въ письменной формѣ. Въ старой Малороссіи, какъ мы сказали, гласности въ печатной литературѣ не существовало. А между тѣмъ въ обществѣ проявлялась потребность дать общественную, гласную оцѣнку,—наложить, такъ сказать, штемпель—на факты, совершающіеся вокругъ, и на лица, отъ которыхъ исходятъ эти факты. Отъискивая выходъ, эта потребность и нашла его въ рукописныхъ обличительныхъ произведеніяхъ, которыя обращались по рукамъ въ разныхъ мѣстностяхъ и, вѣроятно, пользовались тамъ большею или меньшею популярностью. Такъ какъ эти обличенія составляли, такъ сказать, подпольную литературу, то они часто переходили за предѣлы приличій, принимали характеръ пасквилей, касаясь не только фактовъ общественной дѣятельности, но и нравственности, семейныхъ отношеній и чисто личныхъ чертъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ находила нужнымъ затрогивать рукописная обличительная литература; въ особенности въ болѣе позднихъ произведеніяхъ, въ эпоху уничтоженія самоуправленія и общественной самодѣятельности нашей родины, литература этого рода стала принимать личный характеръ.

Объ обличительной литературѣ въ Малороссіи въ первый разъ мы узнаемъ, кажется, по поводу подметныхъ писемъ или „пашквилей", направленныхъ противъ гетмана Мазепы. Первый пашквиль на Мазепу появился въ Кіевѣ въ 1690 году. Но по существу это былъ собственно безъимянный подметный доносъ, предназначавшійся правительству. Мазепа въ упомянутомъ пасквилѣ обвинялся въ продажѣ людей правобережной Украйны туркамъ, въ участіи въ

заговорѣ стрѣльцовъ и въ намѣреніи погубить государя. Въ составленіи пасквиля, по словамъ Маркевича, былъ заподозрѣнъ чернецъ Соломонъ, котораго пытали въ Москвѣ и казнили въ Батуринѣ „казнью жестокою, смертною". Не считая нужнымъ распространяться объ этомъ пасквилѣ, такъ какъ онъ напечаталъ въ Исторіи Малороссіи Маркевича (т. 4 стр. 145), переходимъ къ тѣмъ обличительнымъ произведеніямъ, которыя находятся у насъ въ рукахъ.

Вслѣдствіе слабаго развитія въ прошломъ столѣтіи книжной литературы и книжнаго дѣла, грамотные люди въ Малороссіи имѣли обыкновеніе заводить у себя тетради, въ которыя они вписывали болѣе интересовавшія ихъ разнородныя статьи изъ прочитанныхъ книгъ или изъ рукописныхъ-же сборниковъ; сюда-же вносились иногда и собственныя произведенія переписчиковъ. Такіе-же сборники велись еще и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ числѣ выписокъ, помѣщаемыхъ въ подобныхъ сборникахъ, можно встрѣтить стихотворенія, статьи историческія, духовнаго содержанія, медицинскія наставленія, юридическіе акты, письма и т. п. Тутъ-же попадаются и тѣ обличительныя произведенія, о какихъ мы говоримъ. Въ послѣднее время у меня было въ рукахъ три рукописные сборника: два я досталъ въ Черниговѣ, а третій полученъ изъ кіевской губерніи. Изъ числа черниговскихъ сборниковъ одинъ относится къ первымъ годамъ настоящаго вѣка, другой къ двадцатымъ или тридцатымъ годамъ нашего столѣтія, а кіевскій относится ко второй половинѣ прошлаго вѣка. Въ каждомъ изъ перечисленныхъ сборниковъ оказалось по одному обличительному произведенію. Изъ этого можно заключать, что обличительная литература у насъ была значительно развита и распространена.

Въ кіевскомъ сборникѣ находится стихотвореніе, обличающее злоупотребленія властей и сословные пороки вообще; оно имѣетъ такимъ образомъ болѣе общій характеръ, характеръ сатиры. Въ своей сатирѣ авторъ возвышается до признанія безотраднаго положенія своего „отчества", т. е. Малороссіи. Впрочемъ, онъ свое произведеніе, такъ сказать, иллюстрируетъ указаніемъ на злоупотребленія отдѣльныхъ лицъ и, такимъ образомъ, его стихотвореніе переходитъ въ личное обличеніе. Второе произведеніе касается одного лица, именно черниговскаго архіерея Виктора Садковскаго, и обличаетъ его слабости и пороки, касаясь, какъ общественной

дѣятельности, такъ и частной жизни святителя. Третье, самое позднее, состоитъ изъ короткихъ указаній на общественные и личные недостатки многихъ лицъ, составлявшихъ, такъ сказать, цвѣтъ черниговскаго общества.

Первое произведеніе, какъ видно изъ подписи подъ нимъ, написано 23 декабря 1764 года. Неизвѣстный авторъ его, обозначившій свое имя и фамилію только первыми буквами, К. З., называетъ себя сельскимъ учителемъ, человѣкомъ не чиновнымъ, и не подвергнутымъ также вѣдомству войта, т. е. не мѣщаниномъ. Судя по тому, что стихотворецъ обличаетъ главнымъ образомъ властей города Зѣнькова, можно думать, что онъ былъ житель тамошнихъ мѣстъ. Языкъ сатиры представляетъ замѣчательную смѣсь тогдашняго книжнаго русскаго языка съ народнымъ малороссійскимъ. Стихи нескладные и темные, на столько, что общее содержаніе нуждается во многихъ предварительныхъ поясненіяхъ. Редакція стихотворенія плохая, многія мѣста испорчены, по всей вѣроятности, вслѣдствіе того, что оно перешло чрезъ руки многихъ переписчиковъ.

Надобно сказать, что настоящая сатира появилась за нѣсколько мѣсяцевъ до прекращенія гетманскаго правленія въ Малороссіи, когда Разумовскій отказался отъ званія гетмана. Этотъ гетманъ въ послѣдніе годы своего правленія (именно въ 1761 году) издалъ универсалъ объ ограниченіи винокуренія въ Малороссіи. Нападеніемъ на указанную мѣру и начинаетъ авторъ свою сатиру. Авторъ сѣтуетъ на запрещеніе винокуренія крестьянамъ и находитъ, что отъ свободнаго производства водки посполитствомъ, т. е. народомъ, не было никакого вреда, тѣмъ болѣе, что въ народѣ не замѣчалось особаго расположенія къ пьянству, за исключеніемъ такихъ мѣстъ, какъ гг. Погаръ и Стародубъ и запорожской Сѣчи. По мнѣнію автора, лучше было-бы, если-бы сильные истребляли пороки вмѣсто того, чтобы запрещать производство горѣлки. Въ защиту автора, надобно сказать, что хотя упомянутое ранѣе распоряженіе гетмана относительно винокуренія издано, повидимому, съ благой цѣлью, съ цѣлью сохраненія лѣсовъ, сохраненія хлѣба и уничтоженія пьянства, но оно не достигало своей цѣли. Съ одной стороны, оно было несправедливо, потому что лишало извѣстныхъ правъ одни классы, не касаясь другихъ, и такимъ образомъ

вносило новую сословную привиллегію; крестьянамъ, мѣщанамъ, разночинцамъ и великороссіянамъ винокуреніе вовсе воспрещалось, а у помѣщиковъ, духовенства и козаковъ лишь нѣсколько ограничивалось въ размѣрахъ. Съ другой стороны, хотя, вслѣдствіе винокуренія, дѣйствительно истреблялись лѣса въ Малороссіи, но за то оно давало возможность земледѣльцу имѣть въ зимнее время отличный кормъ для скота, въ видѣ барды, и такимъ образомъ содѣйствовало развитію скотоводства. По словамъ старожиловъ, свободное винокуреніе и оптовая продажа вина, при малыхъ размѣрахъ его у козаковъ, не отражалась вредно на населеніи; „пьянства не было, было только постоянное питье понемножку и честованье". Историкъ нашей родины, Маркевичъ, приводитъ цѣлый рядъ аргументовъ противъ универсала Разумовскаго, считая его весьма стѣснительнымъ для тогдашней народной промышленности (т. 2-й, стр. 648). Такимъ образомъ, слова автора сатиры противъ запрещенія винокуренія у посполитыхъ людей нельзя считать неосновательнымъ обличеніемъ.

Далѣе авторъ сатиры намекаетъ на то, что водочныхъ промышленниковъ дѣлаютъ чиновными людьми. Здѣсь, конечно, заключается намекъ на произведенную въ 1763 году въ Малороссіи *вербунку* въ пикинеры, мысль о которой была подана Мельгуновымъ. При вербункѣ бѣднѣйшіе люди и „великіе опіяки" записывались въ рядовые, а грамотные шинкари и церковники становились ротмистрами и порутчиками. Но болѣе всего обличитель говоритъ о неправосудіи и взяточничествѣ въ судахъ, о господствѣ въ обществѣ людей порочныхъ и даже запятнанныхъ преступленіями, но располагающихъ матеріальными средствами, о выборѣ такихъ-же людей на административныя должности. Бѣлое духовенство, по словамъ обвинителя, не только не обличаетъ пороковъ и злоупотребленій властей, не искореняетъ въ народѣ предразсудковъ, въ родѣ *понедилкуваньня,* т. е. держанія поста по понедѣльникамъ, и воздержанія отъ работъ въ пятницу; оно, напротивъ, само погрязло въ любостяжаніи. Но особенно достается отъ автора черному духовенству: оно обвиняется въ объяденіи, пьянствѣ, развратѣ, роскоши, бродяжничествѣ и обдираніи монастырскихъ подсусѣдковъ, когда тѣ отходятъ на житье въ привольныя степи; сутяжничество и ябедничество въ судахъ также представляются, какъ пороки мо-

наховъ. Здѣсь-же описывается и то, какое впечатлѣніе произвело на монашество совершившееся въ тѣ годы распоряженіе правительства объ отобраніи вотчинъ отъ монастырей. Въ заключеніе, авторъ выражаетъ упованіе на Управителя солнца, луны, звѣздъ и земли, что онъ исправитъ все, жестоко наказавъ пороки, и что общественныя бѣдствія пройдутъ, подобно тому, какъ миновали смертельные удары крымскихъ татаръ. По всей вѣроятности, авторъ считаетъ желаннымъ посланникомъ небесъ новое русское правительство (въ лицѣ Екатерины 2-й), которое должно было внести въ общество свѣжую струю законности и поднять нравственность. Прежде нежели перейти къ самому произведенію, нельзя не остановиться на одномъ интересномъ словѣ, употребляемомъ авторомъ. Какъ видно, общество всегда придумываетъ для себя слова, которыя служили-бы ему пугаломъ; такія слова у послѣдующихъ поколѣній теряютъ свое ужасное значеніе, а иногда принимаютъ даже самый обыденный смыслъ. Подобнымъ словомъ, соотвѣтствующимъ позднѣйшимъ „вольнодумецъ, вольтеріанецъ“ было первоначально слово „натуралистъ“, которое означало атеиста и матеріалиста въ самомъ грубомъ смыслѣ послѣдняго слова.

Приводимъ самую сатиру.

„Милостивый государь.

Вѣдая вашу къ наукамъ охоту,
Посылаю отъ себе къ вамъ работу;
Она похожа какъ-бы на сатиру,
Только достойна-ли явиться міру?
Ежели она недостойна того виду,
Прошу не привести мене въ обиду:
Ежели якая дурна машкара
Здѣсь—содрать, бросить,—пусть счезнетъ, какъ мара.
Не знаю, съ чего панамъ запретить пристало,
Чтобъ люди не робили горѣлки нимало:
Или у нихъ толстые поспухаютъ брюхи,
Ежели наробятъ немягкои сивухи,
Или у нихъ въ корпусѣ умалится росту,
Какъ гнатиметь поспольство горѣлку не просту?
И предъ симъ всѣ посполу горѣлку робляли,
Равно люде хлѣбъ ѣли, а тѣ пановали.

Думають-ли, что и въ насъ такъ, какъ у Погарѣ,
Иной можетъ просидѣть съ виномъ дней три пары?
Или такъ, какъ въ Стардубѣ, закуска литвину,
Что съ похмѣлья за вино отдалъ-бы дитину
Хоть соборному дяку, хоть отцу Давиду?
Но ихъ хоть-бы кто не зналъ, то видно изъ виду.
Въ насъ до неи не така охота, какъ въ Сѣчи,
Гдѣ иной выхмелится на годъ всего двѣчи,
А которой безсилокъ, то только однажды,
И то въ страстну пятницю,—говорю безъ вражды.
Говорили-жъ, что жиды, народъ въ свѣтѣ гнусной,
Въ таковомъ дѣлѣ только неискусной;
Но не видно съ нихъ такихъ, не такъ поступаютъ,
Кто волею не беретъ—силой накидаютъ.
Хорошъ промыслъ, когда-бъ такъ усякому вольно,
Промышленниковъ такихъ было-бы довольно.
Такихъ еще становлятъ смотрѣть въ такомъ дѣлѣ:
Кто будетъ жить въ правду, кто будетъ смѣлый,
Кто будетъ по всему врагъ и въ дѣлѣ, и въ словѣ,
Всякой день ходить пьяный отъ людской крови,
Всего-жъ горшъ, когда будетъ шибеницѣ годный,
Смотри—придаютъ ему и чинъ благородный;—
Что хотя-бъ кто и схотѣлъ поискать росправы,
Такъ тотъ чортъ и въ судейской сидитъ-же на лавѣ.
Увы! отечество, отечество любезно,
Въ какой ты досталось часъ и горькой и слезной:
Было-ль тебѣ когда-нибудь тое на мысли,
Чтобъ тебе въ сіе время толь бѣды притисли!
Гдѣ твой мужественный духъ, гдѣ скора расправа?
Счезла, вмерла, пропала, мовъ съѣла иржава!
Теперь, якъ кто съ патрономъ да денегъ довольно,
Тому убить, и грабить, и разбивать вольно;
И всякимъ, какимъ схочетъ, торгомъ промышляти,
Былъ-бы хоть мало моторъ, та къ тому богатый.
Когда-жъ такой кто рѣчи схочетъ посумнѣтись,
Тому хоть однимъ окомъ въ Зѣнковъ присмотрѣтись:
Тутъ испервоначала выйдетъ панъ Розовскій,

А потомъ милостивецъ стрѣнетъ панъ Бурковскій,
Что накормили людей и хлѣбомъ и силью,
Не одного загнали съ дѣтьми въ богадѣльню,
Но и тамъ не дали жить съ покоемъ, безъ лиха,
Не осталось, съ чего спить и на сумку мѣха
Въ того руки острѣйши, нежель кохти въ чорта,
Въ того зубы бóльшіе, нежъ въ большóго хорта;
Хоть-бы радъ погладить или поцѣловати—
Тому нельзя не вколоть, тому треба вдрати.
Тотъ, якъ былъ въ Зенковѣ тамъ на долгій часъ паномъ,
Человѣкъ и со сто съѣлъ съ хатами, съ барканомъ.
Иль далѣ за рѣку Псёлъ, въ Сорочинецъ городъ,
Сколько тамъ въ слезахъ сыщешь самихъ сѣдыхъ бородъ!
Ни одного не сыщешь малого куточка,
Чтобъ гдѣ лиха не была великая бочка.
Но на такихъ жаль-не жаль, какъ-бы на природу,
Иль на атеистъ, что зло дѣлаютъ народу;
На такихъ жаль, что Бога и что правà знаютъ,
Но какъ *натуралисты* во всемъ поступаютъ:
Панъ сотникъ радуется, какъ ангелъ хранитель,
Какъ проявится гдѣ воръ иль дѣвства губитель:
До свѣта прибѣжитъ къ атаману поспѣшно,
Какъ уже гдѣ есть ловля, нѣби что потѣшно.
Добродѣю вѣрный: хлѣбъ, какъ Романъ прокрався,
Гдѣ Иванъ Чечекало зъ дѣвкою попався.
„Исполать де тебѣ, другъ, за такія вѣсти!
Малой, подай скорѣй стулъ—атаману сѣсти,
Да налей водки доброй по срѣбномъ стакану;
Будетъ обоимъ, братецъ, по нову каптану,
Какъ де тотъ уже въ смерку выломилъ тамъ стѣну,
А той, прощайте, Химцѣ народивъ дитину.
Но за сіе не треба великого датку:
Пусть обидва принесутъ рублей по десятку,
Да потомъ ихъ испросить: нѣтъ-ли чего горше?
Такъ въ тѣ поры можно взять съ нихъ еще и больше,
Ой, было-бъ что взять у нихъ—есть добры коровы!
А обидва плохіи, лишь робить здоровы;

А хоть-бы стали искать,—чи въ насъ не патрони—
Судья, писарь, асаулъ, хорунжій, обозный?
Для зачипу, искусныхъ воровъ выпускають
И, будто сами втекли, въ народъ разглашаютъ.
Для покупки лошадей, платья строевого,
Козакамъ нельзя продать грунту никакого;
Воровства-жъ или бою сотнику въ заплату,
Продать вольно имъ зъ грунтомъ и самую хату.
Говорилъ-бы и больше, но нѣту охоты;
Пусть имъ кули, порохъ и войсковы клейноты!
Попы молчатъ, какъ гости, будто и не знаютъ,
Только и дѣла, что акафисты читаютъ.
Но пущай-бы и тое съ трелями читали,
Но хоть-бы простой рѣчью въ томъ ихъ обличали.
Еще праздники кажутъ впередъ за седмицу,
Чтобъ люде приносили для просфиръ пшеницу;
Не такъ радъ нашъ батюшка середь тижня святу,
Какъ перепадетъ тоже, что отцу Кондрату.
Кадитъ, молитву дѣетъ, маетъ взоръ набожный,
А мыслитъ, какъ-бы вынесть карманъ не порожній.
Однимъ глазомъ въ параклисъ умильно взираетъ,
Другимъ въ блюдце, гдѣ деньги, быстро поглядаетъ;
Какъ у попа къ серебру жаръ воспламенится,
Ни кутьею, ни сытою не утолится;
Того не зритъ, какіе въ людяхъ забубони:
. . . . [1])
„Ой, я понедѣлкую и осталась мужа,
Не роблю и въ пятницю, бо була недужа“.
Чернецы еще трохи духовные люде,
Какъ они ужь знакомы—довольно съ нихъ буде.
Предъ симъ было въ подземныхъ пещерахъ кочуютъ,
Теперь и каменными избами бракуютъ,
За одно ужь добрыи—гордостью не пьяны,—
Хоть въ роскошахъ погрязли, какъ мѣлъ въ океанѣ;

[1]) Здѣсь одна строка пропущена.

Какъ заморить себе бѣдній, вийдетъ изъ кельѣ,
Въ силу мертвецъ за брухомъ дойдетъ до вечернѣ.
Не разсуждаютъ плотски, но мислятъ по духу,
На скрѣпленье стомаха пьютъ добре сивуху;
Гдѣ старецъ стоитъ соборной, въ начальной скважнѣ,
Рѣдькой да горѣлкою смердитъ на три сажнѣ.
То только держатъ они себѣ за святиню,
Чтобы украсить златомъ старую пустиню.
Ставлятъ въ иловахъ (?) часовнѣ и льютъ колоколи,
Тамъ-же нищъ мразомъ таетъ, не одѣнутъ, голій.
Въ суботу да въ недѣлю старцямъ по полушки,
А для своей болшъ рубля на всякій день душки;
Но не вездѣ такъ, лишъ гдѣ болшія користи,
Что иному въ годъ прійдетъ большъ рублей нежъ двисти.
Многи, однако, и тамъ щедро подаваютъ,
И ангельскія ризи въ полицю скидаютъ;
Къ чему не могу пристать, ниже иму вѣру,
Будто хлопцѣ ихъ крестятъ, только не чрезъ мѣру.
Есть у нихъ тѣ, что читаютъ за ихъ псалтири,
Бо въ соборного такихъ есть два, три, четири.
За внутреню пустиню имѣютъ Триполья,
Гдѣ отправляютъ добре свои богомолья,
Кои сильнѣйшіи, идутъ и къ Василькову [1]),
Потомъ возвращаются въ монастырь изнову,
Какъ из-за Іордана, зъ глубокой пустинѣ,
Полни плодовъ духовнихъ, полни благостини;
Иніи въ Римъ [2]) странствуютъ, той что на Подолѣ,
Но папѣстовъ виводятъ оттоль поневолѣ.
Якъ велитъ роздѣть чернецъ бѣдного съ кожуха,
Во имя Отца и Сина, говоритъ, и Духа.
Якъ ѣздитъ въ степъ, въ сусѣде, себѣ на погибель,
Мнитъ, я синъ обителѣ, треба чинить прибиль.

---

[1]) Триполье—мѣстечко, Васильковъ,—уѣздный городъ кіевской губерніи. Для лѣвобережныхъ это были заграничныя мѣста—въ предѣлахъ Польши. Тутъ были монастырскія имѣнія.

[2]) Не намекъ-ли на кіевскую академію и ея якобы неправославіе?

Адамъ столько не плакалъ, какъ они ридали,
Какъ изгнанье изъ отчинъ свое послихали,
Какъ де Адамъ былъ изгнанъ, но изгнанъ зъ женою,
Имъ сидѣть было въ кельи зъ едной бородою.
Тотъ имѣлъ въ своей власти вси полскіе звѣри,
Имъ было досталися одни книги сѣри.
Тотъ не изгнанъ, но загнанъ на земли пространство,
А имъ лишь было-бъ глядѣть въ церквѣ убранство.
Но сколько-же было плачу, сколько утрати,
Какъ велѣли изъ вотчинъ скотъ свой продавати:
Что стояло трохъ рублей, за таку скотину
Велѣли брать всего рубль и одну полтину.
За позовъ такъ держатся, какъ чорти за душу,
Въ росталь, снѣгъ, скрозь слёту, идуть какъ-бы у сушу;
Одинъ, знаю, и теперь лѣчитъ праву голень,
Что бѣгивалъ у Глуховъ, какъ до води олень;
Но тотъ уломилъ ногу, другой скосилъ очи,
Что сидѣлъ съ бумажками ноябрьскія ночи.
Но пущай би тотъ храмалъ, другой смотрѣлъ криво,
Чего-бъ уже язикомъ говорити лживо?
Еще у нихъ іерей есть Давидъ набожний,
А карманъ тридцать ябедъ лживыхъ не порожній.
Въ монастырѣ—дряхліе только да калѣки,
Всѣ жъ—гдѣ села, мелницѣ, гдѣ зъ хлѣбомъ засѣки;
Иль така заслужена и честна особа,
Что ужъ ей тамъ сидѣти крайне неподоба:
Тотъ уже въ манастирѣ молитви читаетъ,
То въ лавкахъ матерію, то чай покупаетъ:
„Что въ мене чай, такого ни въ самомъ Китаю,
Двацадцати водами одинъ наливаю,
Смотри-жъ какой травянистъ, какой де душистой,
Да и сахаръ, посмотри, самой канаръ чистой.
Еще одной покупкой тебѣ похвалюся,
Да нѣтъ ли какой порчи и самъ подивлюся:
Не матерьялъ, не квѣтъ, а какая плотина“.[1])

[1]) Плотность.

Какъ ви сами скажете:—изрядна люстрина?
—„Почему куповали вы тую люстрину?"—
„Сталъ мнѣ локоть въ два рублѣ и одну полтину,
Хотѣлъ было купити чего подороже,
Хлопець сказалъ, что и въ сей мнѣ будетъ пригоже.
Сей-же, только свѣтлѣйшей, бралъ Инокентій,
Сподѣюся, посилати комусь въ презенти;
Онъ поболшъ меня взялъ—аршиновъ пятнадцать,
А я себѣ, постаравшись, взялъ зъ лишкомъ двадцять".
Здаетця мнѣ, говорятъ въ пещерахъ святіи
Къ вамъ, соборніи чернци, въ слухъ слова такіи:
Хоть ваше вездѣ блещитъ сребро и злато,
Но намъ яснѣше наше пещерное блато.
Наши излежаліе власяніе ряси
Дороже, нежель ваши штофи и отласи.
Наши многошвеніи и худіе руби
Крѣпше, нежель въ васъ люстрина, бархати груби".
Сама ограда кричитъ, самий прахъ бездушной,
Келіи, колокольня, на вашъ уборъ бучний:
„Чуть вы, отци святіи, отъ ризъ, что на тѣлѣ,
По внутреннему виду равно не счернѣли".

Казалъ бы, какъ носится старинная мова,
Что подражаютъ князю подданни до слова:
Но въ насъ въ президенціяхъ вездѣ чинъ исправной
Найпаче же живетъ всякъ зъ насъ безобавной.
Всякой изъ насъ бережетъ только интереса,
А другое дѣлаетъ горшъ самого бѣса.
Одинъ только и važенъ нам первій да вторій,
А большъ многимъ не страшенъ уже ни которій.
Убійство, нападенье и всякое дѣло
Съ деньгами да съ патронами отправлять смѣло.
Бѣглой юристъ, какъ перомъ нѣчего не зможетъ,
Непорожнѣмъ карманомъ въ томъ себѣ поможетъ.
Хочъ учуетъ за вину далеку Камчатку,
Но если воръ лишь ставитъ денежную взятку,

Знаетъ, что наберетъ денегъ хоть и разбоемъ,
По всей моди чаетъ жить дома и съ покоемъ.
На что на иностраннихъ враговъ мечъ острити,
Когда внутреннимъ врагомъ попускати жити?
Лучше одного спасти изъ своихъ подданнихъ,
Нежели убити сто враговъ иностраннихъ—
Иначе нѣчимъ будетъ надѣлять калѣку,
Бо послѣдню старшина отойметъ копѣйку (?).
Ось слишно у насъ будутъ нови подкомори,
Когдабъ лишь съ нихъ по прежнему не били вори:
Какъ будутъ смотрѣть себѣ людьскои користи,
То хотя би и заразъ побравъ ихъ нечистый.
Лучше би пороки у сильныхъ истребляти,
Нежель робить горѣлку бѣднымъ запрещати.
Когда Богъ насъ милуетъ и казнитъ во свѣтѣ,
Можна въ поправки худа надежду имѣти:
Дѣлали предъ симъ бѣды крымскіе татари,
А теперъ минули ихъ смертніе удари.
Слонца, луни, звѣздъ, земли вѣрній Управитель
Исправитъ все и бѣдннхъ будетъ защититель,
Потрясетъ громомъ страшнимъ кругъ неба широкой,
И пороки всемѣрно накажетъ жестоко:
Казнь Божая, кажутъ намъ, ходитъ на костыляхъ,
Но догонитъ, хоть бы билъ кто отъ ней въ сто миляхъ.

Не громкая моя бѣдна коляда,
Полно лежать въ селѣ, ступай въ города;
Не очень робѣй, хоть не съищешь брата,
Требуютъ того слѣдуюши свята.
Ежели кто спроситъ: „что въ городъ погнало?"
Сказуй:—у селѣ користи мнѣ мало.—
Не Картезій философъ, не славній Виргилій,
Но селянинъ трудился въ неважномъ семъ дѣлѣ:
Ни умъ, ниже способность, но отъ самой скуки
Захотѣлъ писать сіе, перо взявши въ руки;

Кто я таковъ,—не пишу; така мнѣ примѣта:
Хотя не живъ чиновнимъ, не тягну до войта.

За сей пашколь, а не сатиру,
Наругательній всему міру,
Издателя висѣкти кнутомъ,
Въ справедливость прочимъ піитомъ;
Послѣ чрезъ ката предать огню,
Такой заплати достоинъ, мню.

Второе обличительное произведеніе имѣетъ также стихотворную форму и носитъ заглавіе: „Епитафія Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Черниговскому и Нѣжинскому Виктору". Оно, конечно, написано было въ годъ смерти этого архіерея, т. е. въ 1803 году. Авторъ его подписалъ свою фамилію—С. Крещеновскій. Изъ самаго стихотворенія видно, что это лицо было если не духовнаго званія, то, во всякомъ случаѣ, близкое къ духовной сферѣ. Произведеніе Крещеновскаго интересно тѣмъ, что оно раскрываетъ такую сторону дѣятельности и жизни Садковскаго, лица извѣстнаго въ исторіи малорусской іерархіи, о которой умалчивается въ другихъ источникахъ. Изъ источниковъ болѣе официальнаго характера (наприм. изъ Историко-статистическаго описанія черниговской епархіи Филарета, кн. 1 стр. 103 и изъ др.) извѣстно, что Викторъ Садковскій съ 1774 года, будучи игуменомъ Тупичевскимъ, служилъ при варшавскомъ посольствѣ, затѣмъ былъ намѣстникомъ кіевской митрополіи и вмѣстѣ съ тѣмъ архимандритомъ слуцкимъ и въ этомъ званіи, какъ завѣдывавшій многими церквами и монастырями польскаго королевства, далъ присягу на вѣрность королю и получилъ привиллегію. Но въ 1789 г., во время волненій въ провинціяхъ, населенныхъ малорусскимъ народомъ, заподозрѣнъ поляками въ возбужденіи православнаго населенія Польши противъ поляковъ и за это арестованъ и подвергнутъ тюремному заключенію. Послѣ второго раздѣла Польши, Садковскій наименованъ епископомъ минскимъ, а съ 1796 г. переведенъ въ Черниговъ, гдѣ „мирно почивъ 11 ноября 1803 года", погребенъ въ кафедральномъ ильинскомъ монастырѣ. Портретъ его украшается надписью: „Ар-

хіерея зришъ, который взятъ въ полонъ, премного пострадалъ за правду—свой законъ". Подобные факты, какъ страданіе за вѣру, хотя оно совершилось и не добровольно, а, такъ сказать, по долгу службы, и аттестація на портретѣ, могутъ подкупить историка въ пользу Виктора и побудятъ его составить лишь одно свѣтлое представленіе. Между тѣмъ обличительное произведеніе указываетъ на такую тѣневую сторону въ дѣятельности Садковскаго, которая значительно ослабляетъ обаяніе вышеприведенныхъ фактовъ. *) Въ предлагаемой эпитафіи Садковскій представляется лицомъ, довѣрявшимся во всемъ своимъ любимцамъ Юдѣ, или Юдицкому, докладчику Григорію и діякону Левонькѣ; эти лица заправляли ходомъ всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ: по ихъ указанію, посвящалъ Садковскій священниковъ, назначалъ ихъ въ духовныя правленія и т. п., а его любимцы брали съ назначаемыхъ взятки. Священническія мѣста давались людямъ недостойнымъ, простымъ ремесленникамъ и т. п. Съ своими любимцами святитель ѣлъ, пилъ и упивался; они же, послѣ его смерти, захватили все его имущество, состоявшее въ разнородныхъ напиткахъ и дорогихъ матеріяхъ. Наконецъ, Садковскій обвиняется въ сѣченіи какого-то Камлыкова, вѣроятно, сначала тоже любимца его, непочтившаго надлежащимъ образомъ Юдицкаго; при чемъ замѣчается, что послѣдствіемъ истязанія была смерть Камлыкова.

---

*) О строгости пр. Виктора Садковскаго, точнѣе, его раздражительности и суровыхъ наказаніяхъ,—наслѣдіи временъ прежнихъ, сохранились изустныя преданія, не придающія однако его личности никакихъ другихъ темныхъ качествъ. Его довѣріе къ своимъ приближеннымъ и злоупотребленіе этихъ послѣднихъ—слишкомъ обыкновенное явленіе, встрѣчающееся и въ позднѣйшее время, при томъ не въ одной духовной сферѣ. Значеніе эпитафіи сильно ослабляется «посланіемъ Виктора съ того свѣта», тѣмъ же авторомъ составленнымъ. Предпочитаніе кандидатовъ священства простыхъ, но вѣрующихъ и благоговѣйныхъ, такъ называемымъ ученымъ, но маловѣрнымъ и заносчивымъ, указываетъ на какое-то странное направленіе тогдашней черниговской семинаріи, не дающей почему-то и въ настоящее время достаточнаго числа священниковъ для черниговской епархіи. Отвѣтъ Виктора аналогиченъ съ мнѣніемъ о семъ же предметѣ, не рѣдко проводимымъ въ современной печати. Оба произведенія неизвѣстнаго пасквилянта, былъ ли то консисторскій ярыжка, или семинаристъ, способный писать *pro* и *contra*, имѣютъ значеніе болѣе, какъ памятники вообще тогдашней особаго рода литературы. *Ред.*

Епитафія высокопреосвященнѣйшему архіепископу черниговскому и нѣжинскому Виктору.

Кавáлеръ молодой и пожилой святитель
Се отлетѣлъ отъ насъ въ небесную обитель.
Востань, архіерей! востани, генералъ!
Се предстоитъ тебѣ Юдицкій совѣстьдралъ!
Онъ всѣ сокровища твои съ великой честью
Принесъ ужъ своему возлюбленному тестю,
Ключи съ печатью онъ отъ кладовыхъ твоихъ
Принесъ, чтобъ поручить другимъ съ рукъ въ руки ихъ.
Нѣтъ въ погребахъ вина, нѣтъ полпива въ бутылкахъ,
Ихъ отвезли туда-жъ, иль отнесли въ носилкахъ.
Атласъ, плисъ, бархатъ, штофъ, и съ водкою бадьи
Все вихремъ поднялось къ никольской попадьи.
Востань, архіерей! возьми ключи съ печатью
И будь Петромъ теперь, какъ Юда съ благодатью.
Послушай, что тебѣ на ухо говоритъ
Григорій, младый твой докладчикъ, фаворитъ:
„Востань, Архіерей! еще живи ты съ нами,
Еще не всѣхъ бродягъ мы сдѣлали попами,
Есть много конюховъ, портныхъ, чеботарей,
Которые могутъ служить у алтарей;
А богословамъ вить вездѣ мѣста открыты,
Они же могутъ быть и безъ поповства сыты...."
—Такъ любушки*), такъ, такъ! архіерей сказалъ
И въ исповѣди быть портному написалъ.
На завтра нашъ портной идетъ изъ церкви въ рясѣ,
А на предбудущъ день и чеботарь въ запасѣ,
И очередь давно ужъ конюху пришла,
А отъ Григорія ловушка не уйшла:
Портной далъ сто рублей, а конюхъ полтораста,
Сапожникъ приносилъ по пятдесятъ изчаста.
И такъ Григорію златой открылся вѣкъ,
Онъ полубогъ попамъ, не простый человѣкъ.
Какъ ѣдетъ въ дрожечкахъ, схватившись у боки,
Попы безъ шляпъ стоятъ, поклоны бьютъ глубоки,

*) Любимое выраженіе Садковскаго.

Но онъ летитъ, борзясь, какъ быстренькой соколъ,
И прилетѣлъ къ крыльцу, съ владыкой сѣлъ за столъ.
Тутъ вытянулъ пукалъ, и три, и пять до суха,
Сталъ такъ благовѣстить владыкѣ въ оба уха:
„Гаврило протопопъ, тотъ славный винокуръ,
Что часто возитъ къ намъ свиней, гусей и куръ,
Быть можетъ награжденъ палицей, скуфіею,
И въ дикастеріи за столъ сѣсть судіею".
И въ тотъ же самый часъ сей золотой оселъ,
Схвативъ всѣ почести, за столъ судейскій сѣлъ.
О, милые друзья, Григорій и Левонька!
Поймали Виктора за уши излегонька;
Такихъ чудъ не творилъ Илья и Елисей,
Какъ ради васъ творилъ владыка Викторъ сей.
Левонька, вспомни, какъ въ бѣдахъ ты былъ по уши,
Когда былъ на тебѣ чинокъ—полякъ, конюшій:
Когда пришлось тебѣ и съ кожею пропасть,
То ты умѣлъ свалить на Виктора напасть;
А Викторъ, чтобъ сіе скорѣй окончить дѣло,
Брякъ поляка тотчасъ въ діяконы на смѣло.
„О чудо веліе, кричитъ полякъ, на мнѣ:
Мнѣ быть діякономъ не снилось и во снѣ;
Что дѣлать мнѣ теперь, какъ надѣвать мнѣ ризу,
Откуду книгу честь—иль сверху или снизу?
Я выросъ въ римарствѣ, семъ ремеслѣ простомъ,
Къ чему-жъ годится мнѣ кадило со крестомъ?
Я знаю починять коляски и кареты,
И не могу входить въ церковные секреты.
Какой-же чортъ меня въ діяконы поджогъ?
О Юда, чтобъ тебя перуномъ побилъ Богъ!
Григорій! проклятъ ты съ Юдицкимъ буди, буди,
Вы сдѣлали мнѣ то, что не гожуся въ люди:
Теперь ни римарь я, ни конюхъ, ни полякъ,
А кто? Діяконъ?—Нѣтъ, изъ дураковъ дуракъ".
Ну! полно-же тебѣ, полякъ, сердиться столько;
Архіерейскихъ вить дѣтей бранить неловко:
Когда владыко самъ изволилъ ихъ женить,

Такъ смѣешь-ли ты ихъ злословить и бранить?
Владыко съ ними жилъ такъ, какъ живетъ братъ съ братомъ,
Любилъ ихъ какъ дѣтей, и былъ за ними сватомъ;
Они, бывало, съ нимъ и кушаютъ, и пьютъ,
Подъ пьяный вечерокъ, какъ по щекамъ не бьютъ,
Напали молодцы на пастыря святого,
Водили за носокъ, какъ старика слѣпого.
О Викторе! взгляни ты на своихъ дѣтей:
Они слезятъ, что ты ушелъ изъ ихъ когтей;
Когда-бъ пожилъ еще годокъ ты съ половиной,
Изъ благодарности они къ тебѣ единой
Женили-бъ и тебя, какъ оженилъ ты ихъ.
Они-бъ были сваты, а ты бы былъ женихъ!
Но видно, Камлыковъ на томъ заплакалъ свѣтѣ,
Что ты его въ своемъ сѣкъ больно кабинетѣ.
Не правда-ль, Камлыковъ, не правда-ль, милой другъ,
Что розокъ триста тамъ тебѣ всыпали вдругъ?
За что, скажи, за что? Иль говорить я буду:
За то, что не почтилъ проклятого Іуду,
За то ты сѣченъ былъ, за то ты пострадалъ,
Былъ въ ссилкѣ полгода и Богу духъ отдалъ.
Такъ, видно, Камлыковъ челомъ ударилъ Богу,
Богъ не стерпѣлъ—послалъ за Викторомъ смерть строгу;
Смерть повлекла его тотчасъ въ извѣстный путь,
Не разсмотрѣвъ, свою чѣмъ онъ украсилъ грудь.
Но гдѣ посадитъ Богъ его послѣ суда?
Пождите, Камлыковъ дастъ скоро знать сюда!..

Посланіе Виктора съ того свѣта.

Писатель молодой и стихотворецъ дерзкой,
Ты изострилъ на смерть мою языкъ свой мерзкой!
Почто коснулся ты умерша старика?
Я былъ тебѣ отецъ, моя тебя рука
Отъ бѣдъ избавила и вытащила съ грязи,
Устроила тебѣ, что ты живешь со съ князи.
Такъ ты благодаришь за хлѣбъ мою и соль?
Надъ мертвымъ сынъ отцомъ таку играетъ роль!

Непрощенны твои да будутъ наглы кости,
Что мертвыхъ ты костей съ одной коснулся злости!
Въ чемъ только погрѣшилъ я—Богу далъ отвѣтъ;
Я грѣшникъ не одинъ, во злѣ лежитъ весь свѣтъ.
Что не ученыхъ я больш постригалъ попами,
Тому ученые причиною вить сами.
„Я не хочу попомъ, рече ко мнѣ, студентъ,
Вели дать аттестатъ—быть льщусь юриспрудентъ.
Какъ мнѣ за похоронъ пирогъ брать, паляницу?
Я чистый дворянинъ, поѣду я въ столицу;
Не лучше-ль быть мнѣ тамъ хотя-бъ секретаремъ,
Чѣмъ тутъ на поминкахъ сидѣть съ пономаремъ"?
Итакъ учены всѣ разсѣялись по свѣту,
Кому-же въ церкви пѣть и въ ризу быть одѣту?
Послушай, мой сынокъ, что я тебѣ скажу:
Лишь только простака я рукоположу,
Мнѣ въ защищеніе сіи слова годятся:
Богъ буія избра, да мудри постыдятся.
Апостолы тогда не книжные были,
На рыбу волоки и постолы плели,
Однако-жъ мудрецовъ подъ ноги покорили
И дивныя дѣла одни они творили.
Въ простѣйшихъ Богъ живетъ воистину сердцахъ;
Некнижные въ себѣ имѣютъ Божій страхъ,
Со трепетомъ они всѣ въ церкви поступаютъ,
И хульныхъ никакихъ блеять словъ не дерзаютъ.
Учены кракаютъ: на свѣтѣ Бога нѣтъ—
Ну? какъ-же таковымъ въ церквахъ священныхъ пѣть?
Напрасно ты бранишь моихъ питомцевъ смѣло:
Въ имѣніи моемъ твое какое дѣло?
Кто мнѣ усерденъ былъ и жизнь мою хранилъ,
Тому я отъ любви свое все подарилъ;
Родни нѣтъ у меня, родня моя Юдицкій,
Оставилъ я ему, что въ домѣ есть пожитки.
Когда Григорію рублей десятковъ пять
Отъ чести кто дарилъ, скажи, кто виноватъ?
У свѣтскихъ больш даютъ,—и то считаютъ жарты,

Когда прокидають за ночь ста два у карты;
Оставь-же, юноша, шутить со старикомъ.
Совѣтъ мой: не пиши худенькихъ словъ нишкомъ,
Себя знай самого, о сотворенномъ кайся,
И къ мертвымъ болѣе уже не прикасайся.

Приведенный отвѣтъ Виктора съ того свѣта подписанъ буквами С. К., слѣдовательно, принадлежитъ тому-же автору, что и эпитафія.

Третье обличеніе написано прозой. Внѣшняя форма его—объявленіе о продажѣ новыхъ книгъ, будто-бы сочиненныхъ обличаемыми лицами. Эта форма придумана въ первый разъ не авторомъ настоящаго обличенія; онъ заимствовалъ ее у другихъ. Что подобныя-же формы обличенія существовали раньше, видно изъ указа сената отъ 24 января 1765 года, которымъ предписывалось „о созженіи разсѣянныхъ въ Москвѣ, подъ именемъ нѣкоторыхъ ругательныхъ сочиненій, состоящихъ въ каталогахъ на французскомъ и россійскомъ языкахъ, пасквилей, какъ чтенію недостойныхъ, публично, на площади, чрезъ палача". Наше обличеніе, или, вѣрнѣе сказать, пасквиль, написано въ Черниговѣ не позже тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Авторъ его не извѣстенъ; но можно предполагать, что имъ былъ Грембецкій, писавшій въ то время стихи, которые были распространены въ Черниговѣ и попадаются въ томъ самомъ сборникѣ, изъ котораго заимствовано настоящее обличеніе. По содержанію своему это произведеніе представляетъ обличеніе цѣлаго сонма административныхъ и частныхъ лицъ г. Чернигова,—первыхъ въ разнаго рода злоупотребленіяхъ, вторыхъ въ личныхъ недостаткахъ и порокахъ.

Объявленіе.

Безъ дозволенія начальства, въ Черниговѣ продаются новыя книги:

I.

1) Уроки строгости, самое обширное сочиненіе, съ разными новоизобрѣтенными способами, изданіе 16-е, сочиненіе Г. П. Милорадовича.

2) Опытъ супружескаго согласія, вѣрности и примѣрнаго благоразумія, съ разными картинами; сочиненіе С. Г. М.

3) Курсъ скораго обогащенія, сочиненіе совѣтника Ивана Павловича Масловича.

4) Продается совѣсть и честь за самую сходную цѣну. Спросить въ домѣ совѣтника Павла Фил. Боголюбова.

5) Езопъ девятаго на десять вѣку. Спросить Ивана Яковлевича Лизогуба.

6) Уголовное право, на изнанку вывороченное. Спросить у президента перваго департамента.

7) Школа злословія, старинное изданіе; сочиненіе Аграфены Племянниковой, урожденной Дурасовой.

8) Опытъ любви или воинъ селадонъ, сочиненіе полковника Зыбина.

9) Сочиненіе Телемахиды; сіе сочиненіе само по себѣ удивительно, какъ и обширностію сочинительницы, Настасіи Петровны Бутовичевой; раздается оное безденежно и каждодневно.

10) Карточный игрокъ, совершенно знающій карточную игру, ищетъ себѣ занятія; объ немъ спросить въ домѣ вдовы Стоинской.

II.

1) Продается чистая книга, въ которой можно писать, что угодно; спросить у префекта черниговской губерніи.

2) Школа кокетства, по которой въ краткое время можно получить большіе успѣхи; сочиненіе Маріи Кузьминишны Должиковой.

3) Законы и права разнаго званія людей, у Дубровы продаются и въ наймы отдаются.

4) Необходимо нуженъ человѣкъ, который-бы взялся на десять лѣтъ поставлять бѣлилы и румяны цѣлыми обозами; благоволятъ явиться для торгу въ домъ Варвары Шафонской.

5) Нуженъ женихъ не свыше 69 лѣтъ, не дальняго ума, какой-бы наружности и происхожденія ни былъ, только-бы имѣлъ большое богатство; благоволитъ явиться въ домъ Маркова.

Желающіе познакомиться съ издателемъ сего объявленія могутъ найти меня, отъ 10-ти до 3-хъ часовъ, на Казанской большой площади, близь церкви сего-же наименованія, подъ четырнадцатымъ столбомъ, по правую руку.

Приведенныя обличительныя произведенія указываютъ на существованіе у насъ издавна рукописной обличительной литературы,

которая вызывалась, съ одной стороны, господствомъ безнаказаннаго произвола въ средѣ правящихъ классовъ, съ другой стороны, потребностью, хотя письменно, оглашать передъ обществомъ этотъ произволъ, проявлявшійся въ различныхъ формахъ. Правда, въ произведеніяхъ этого рода иногда обличалось то, что, по современнымъ понятіямъ, не подлежитъ обличенію и суду общества, т. е. частная жизнь, какъ общественныхъ дѣятелей, такъ и частныхъ лицъ, и даже поведеніе женщинъ, стоявшихъ совершенно вдали отъ всякаго рода общественной дѣятельности. Но, съ какимъ-бы направленіемъ ни являлись эти рукописныя обличенія, они, во всякомъ случаѣ, имѣютъ большое значеніе для исторіи общества, такъ какъ, замѣняя собой современную гласность, они могутъ служить интереснымъ матеріаломъ для характеристики нравовъ, воззрѣній и потребностей всего стариннаго общества, въ томъ числѣ и самихъ обличителей. Въ виду указаннаго значенія подобныхъ произведеній, желательно, чтобы на собираніе ихъ было обращено вниманіе лицъ, интересующихся прошлымъ нашей родины.

П. Ефименко.

Библіографія.

Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи. Церкви и приходы XVIII ст. Вып. 1-й. Екатеринославъ. 1880. 8°. 573 стр.

Среди южной Россіи екатеринославская губернія представляетъ собою *мѣста новыя*, на которыхъ гражданская жизнь начинается лишь съ прошлаго вѣка. До того, вся территорія этой губерніи состояла почти исключительно, по выраженію старинныхъ актовъ, изъ „яловыхъ полей“, которыхъ хозяевами считались запорожскіе козаки и крымскіе татары. И тѣ и другіе не знали границъ своихъ владѣній, потому что при отсутствіи населенія и знать ихъ было незачѣмъ. Еще въ началѣ XVIII в. случалось, что во время мирныхъ отношеній между запорожцами и татарами, послѣдніе безпрепятственно кочевали съ своими табунами по южному берегу Орели, т. е. около границы настоящей полтавской губерніи; и запорожцы имъ въ этомъ не мѣшали, потому что степныхъ пастбищъ ужъ слишкомъ было много сравнительно съ потребностью населенія.

Заселеніе этихъ степей начато было запорожцами, которые съ начала XVIII в. стали устраивать, по берегамъ рѣчекъ, свои „зимовники“, служившіе первоначально пристанищемъ въ зимнее время для табуновъ. Изъ зимовниковъ современемъ стали возникать „слободы“, когда тѣснимое державцами малороссійское крестьянство не находило уже болѣе свободныхъ отъ „панскаго начала“ мѣстъ въ гетманщинѣ. Тогда изъ послѣдней народъ сталъ двигаться за Орель, какъ говорилось—въ Запорожье. Но это движеніе было не велико: какъ ни заманчивы были запорожскія слободы, по отсутствію въ нихъ всякаго „панскаго начала“,

но жизнь въ этихъ слободахъ подвергалась постоянной опасности отъ татарскихъ грабежей.

Дѣйствительное заселеніе запорожскихъ степей началось послѣ уничтоженія Запорожья (1775 г.), когда правительство стало раздавать здѣсь земли разнымъ служебнымъ людямъ „въ ранговую дачу и по чину особо“. Земли раздавались подъ условіемъ немедленнаго заселенія полученнаго участка „народомъ семейнымъ и осѣдлымъ, вольнымъ и свободнымъ, изъ мѣстъ дозволенныхъ и незапрещенныхъ“. Получивъ земли, владѣльцы „осаживали слободы“, зазывая къ себѣ поселенцевъ обѣщаніемъ разныхъ льготъ. Недостатка въ охотникахъ къ заселенію слободъ не было, крестьяне со всѣхъ сторонъ въ массѣ надвинулись въ эти слободы, разсчитывая найти здѣсь въ дѣйствительности тѣ льготы, въ обѣщаніи которыхъ конечно не скупились новые земельные собственники. Какъ только въ слободѣ поселялось нѣсколько десятковъ хатъ, собственникъ ея спѣшилъ устройствомъ церкви, такъ какъ при существованіи послѣдней, народъ селился въ слободѣ охотнѣе. Въ 1779 г. новороссійской губернской канцеляріи чиновникъ, губернскій секретарь Петръ Папчинскій получилъ себѣ въ ранговую дачу участокъ земли въ нѣсколько тысячъ десятинъ. Черезъ три года на этомъ участкѣ явилась уже слобода и въ началѣ 1782 г. Папчинскій писалъ въ славянское духовное правленіе: „по отдаленности слободы моей Петровской, состоящей саксаганскаго уѣзда на рѣчкѣ Мокрой-Сурѣ, отъ всѣхъ таковыхъ мѣстъ, гдѣ имѣются церкви (ибо самое ближайшее къ оной село Карнауховка разстояніемъ до 35-ти верстъ), дабы отвлечь нужду въ полученіи христіанскихъ требъ поселеннымъ въ оной людямъ, кои, будучи недавно выведены изъ Польши [1]) и другихъ позволенныхъ мѣстъ, не успѣли еще и нужнымъ домостроительствомъ обзавестьтся, возымѣлъ я намѣреніе своимъ коштомъ сострить въ той моей слободѣ деревянную церковь во имя св. ап. Петра и Павла, для которой лѣсные матеріалы всѣ уже въ заготовленіи, а также нѣкоторыя церковныя книги и священническія облаченія имѣются; для священника жъ съ церковнослужителями 120 десятинъ земли отмежевано, на которую и планъ въ надлежащее время представить имѣю. Въ той же слободѣ моей состоитъ нынѣ дѣйствительно въ поселеніи 47

---

[1]) Здѣсь подъ Польшей разумѣется теперешній юго-западный край Россіи.

дворовъ, да и впредь поселеньемъ людей пріумножить число оныхъ я намѣренъ; а сверхъ того, въ окружности моей слободы поселяются слободцы—отст. ротм. Бучивскаго, л.-гв. преображ. полка сержанта Ушакова, кинбургскаго драг. полка преміеръ-маіора Тутолмина, капитана Верменки, подпоруч. Сахновскаго и прочихъ помѣщиковъ, жители которыхъ могутъ безнужно отъ сей мною къ постройкѣ намѣреваемой церкви христіанскія требы получать; въ тѣхъ-же всѣхъ слободахъ въ поселеніи состоитъ кромѣ людей, до 100 дворовъ". Осенью 1784 г. церковь въ слободѣ Петровской была готова, а въ февралѣ слѣдующаго и освящена. Такъ быстро селились и устраивались и другія слободы.

Какъ ни щедро производилась раздача запорожскихъ степей, но свободныхъ земель все еще оставалось много. И на этихъ земляхъ селились слободы, безъ всякаго съ чьей-либо стороны разрѣшенія. Мѣстами для поселенія этихъ вольныхъ слободъ служили большею частью прежніе запорожскіе зимовники. Впослѣдствіи слободы эти объявлены были „государственными казенными слободами". Впрочемъ государственныя слободы селились и по распоряженію самаго правительства. Особенное стараніе о поселеніи ихъ прилагалъ азовскій губернаторъ Чертковъ, который болѣе другихъ потрудился въ дѣлѣ гражданскаго устроенія теперешней екатеринославской губерніи.

Первый выпускъ „Матеріаловъ" заключаетъ въ себѣ очерки возникновенія населенныхъ мѣстностей четырехъ уѣздовъ: екатеринославскаго, верхнеднѣпровскаго, новомосковскаго и павлоградскаго. Такъ какъ „Матеріалы" извлечены почти исключительно изъ консисторскихъ архивовъ, то помѣщенные въ нихъ очерки касаются преимущественно свѣдѣній о времени построенія въ слободахъ церквей. Другія свѣдѣнія о слободахъ очень коротки и состоятъ большею частью изъ общихъ мѣстъ. Неизвѣстный авторъ „Матеріаловъ" жалуется на бѣдность мѣстныхъ архивовъ, сообщая при этомъ слѣдующія не безъинтересныя свѣдѣнія о ихъ судьбѣ: „изъ разсмотрѣнныхъ и прочитанныхъ нами старинныхъ дѣлъ въ архивахъ консисторскомъ, древняго самарскаго монастыря и архіерейскаго дома ясно видимъ, что, по учрежденіи и открытіи, въ 1775 году, екатеринославской епархіи, подъ названіемъ Славенской и Херсонской, въ полтавскій крестовоздвиженскій монастырь, въ которомъ первоначально помѣщались каѳедра и епархіальная консисторія екатеринославскихъ епископовъ, въ теченіи 1776—78 гг., разновременно, при проме-

моріяхъ, съ подробными описями доставлены были изъ консисторій—кіевской и переяславской, воронежской и бѣлгородской—всѣ дѣла, справки и свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ поселенныхъ мѣстностяхъ и православныхъ приходахъ, кои, по географическому положенію своему, вошли въ первоначальныя границы новой екатеринославской епархіи. Но съ одной стороны, вслѣдствіе перенесенія екатеринославской епархіальной каѳедры, въ началѣ 1798 г., въ г. Новомиргородъ, а въ 1804 году — въ Екатеринославъ, многія изъ консисторскихъ епархіальныхъ дѣлъ, офиціальныхъ справокъ и документальныхъ свѣдѣній, при перевозкѣ ихъ изъ Полтавы въ Новомиргородъ и изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ, пропали, исчезли и улетучились безслѣдно; составленная въ Екатеринославѣ, въ 1807 г., по сему случаю коммисія ни къ чему не привела: виновниковъ растраты не указала, потерянныхъ бумагъ не отыскала и даже слѣдовъ преступленія не нашла. А съ другой стороны, по отдѣленіи изъ обширнѣйшей, по пространству своихъ предѣловъ, екатеринославской епархіи и по образованіи, въ сосѣдствѣ съ нею, новыхъ самостоятельныхъ епархій,—въ 1795 г. подольской и брацлавской, въ 1799 г. слободско-украинской и харьковской, въ 1803 г. полтавской и переяславской, въ 1813 г. кишиневской и хотинской и въ 1837 г. херсонской и таврической,—всѣ дѣловыя бумаги и письменные документы, касавшіеся мѣстностей, отъ екатеринославской епархіи отошедшихъ въ предѣлы новоучрежденныхъ епархій, разновременно переданы и отправлены изъ екатеринославской консисторіи въ консисторіи новыхъ епархій.

Наконецъ пресловутое Запорожье и новороссійскій край собою, своею судьбою и положеніемъ своихъ жителей, нѣкогда интересовали многихъ и привлекли къ себѣ вниманіе любителей русской старины. Было время, 1830—1840 годы, когда не только мѣстные антикваріи терпѣливо рылись въ пыли екатеринославскихъ архивовъ и извлекали оттуда интересныя и любопытныя свѣдѣнія о русской старинѣ, но пріѣзжали въ Екатеринославъ даже изъ далекихъ мѣстъ любознательные изыскатели древностей, долго жили здѣсь, внимательно разбирали архивы и уѣзжали отсюда съ большими запасами и пріобрѣтеніями. При разборѣ бумагъ екатеринославскихъ архивовъ—консисторскаго, архіерейскаго дома и самарскаго монастыря — ясно видно, что бумаги эти, перемѣшанныя и перебитыя, были уже во многихъ рукахъ и потерпѣли не малую убыль: на многихъ бумагахъ раз-

ныхъ годовъ и различныхъ связокъ имѣются помѣтки разныхъ рукъ со многими замѣчаніями, соображеніями и указаніями; во многихъ дѣлахъ, по существу своему весьма интересныхъ, вырваны цѣлыя бумаги, въ нѣкоторыхъ связкахъ нѣтъ полныхъ, цѣликомъ дѣлъ. Не удивительно послѣ сего, что въ мѣстныхъ архивахъ мы не находимъ обстоятельныхъ свѣдѣній о древнихъ знаменитыхъ и славныхъ въ Запорожьѣ городахъ, какъ наприм. Старая Самара, Старый Койдакъ, Романково и проч.

Такимъ образомъ краткость историческихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ „Матеріалахъ", объясняется тѣмъ небреженіемъ, въ какомъ издавна находятся наши провинціальные архивы. Не смотря однакожъ на эту краткость, „Матеріалы" представляютъ не мало интересныхъ свѣдѣній для исторіи колонизаціи и гражданскаго устроенія южной Россіи. Вообще дѣло разработки южнорусской церковной старины подвигается довольно успѣшно. Мы имѣемъ классическое описаніе харьковской епархіи, принадлежащее архіепископу Филарету (Гумилевскому), который напечаталъ въ этой книгѣ массу историческихъ документовъ, извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ. Другое описаніе—черниговской епархіи хотя принадлежитъ тому-же автору, но далеко уступаетъ первому какъ по краткости сообщаемыхъ свѣдѣній, такъ и по тѣмъ поспѣшнымъ выводамъ, которыми оно наполнено. Одна только полтавская епархія хранитъ до сихъ поръ глубокое молчаніе о своихъ минувшихъ судьбахъ. Даже такой извѣстный монастырь, какъ мгарскій (около Лубенъ), куда ежегодно приходитъ множество народа на поклоненіе мощамъ Аѳанасія сидящаго, по настоящее время не имѣетъ описанія. Книга Арандаренко, которой давно уже нельзя найти въ продажѣ, и отрывочныя статьи Максимовича—продолжаютъ оставаться единственными источниками для знакомства съ стариною полтавской епархіи.

Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ. Составилъ Ф. Добрянскій. Вильна. 1882.

Въ послѣдніе годы начинаютъ мало по малу появляться описанія рукописныхъ коллекцій, находящихся въ юго-западной Россіи. Доселѣ извѣстны были слѣдующія описанія мѣстныхъ коллекцій рукописей: 1) Описаніе рукописей церковно археологическаго

музея при кіевской дух. академіи, Н. Петрова, въ трехъ выпускахъ. Кіевъ 1875—1879 гг. 2) Описаніе рукописей черниговской дух. семинаріи, Лилѣева. С.-Петербургъ. 1880 г., и 3) Описаніе рукописей почаевской лавры, хранящихся въ библіотекѣ музея при кіевской дух. академіи, В. Березина. Кіевъ. 1881 г. Къ этимъ описаніямъ присоединилось въ настоящемъ году озаглавленное выше описаніе, представляющее значительный интересъ.

Въ рукописномъ отдѣленіи виленской публичной библіотеки, кромѣ документовъ историческаго и юридическаго содержанія, на языкахъ русскомъ, латинскомъ и польскомъ, находится въ настоящее время значительное количество рукописныхъ книгъ собственно литературнаго содержанія. Рукописи послѣдняго рода раздѣляются на два главные отдѣла: а) на рукописи иностранныя и б) рукописи церковно-славянскія и русскія. Второй изъ этихъ отдѣловъ и составляетъ собственно предметъ разсматриваемаго описанія.

Начало собиранія рукописей при виленской публичной библіотекѣ положено въ 1856 году, когда графомъ Е. П. Тышкевичемъ былъ основанъ музей древностей и при немъ образована Археологическая Коммисія. Въ отчетѣ музея за 1856 годъ показано уже 538 рукописей и 2077 древнихъ грамотъ, актовъ и автографовъ. Но послѣ преобразованія музея въ 1865 году и послѣ перехода управленія въ руки русскихъ людей, нѣкоторыхъ рукописей изъ числа 538, показанныхъ въ отчетѣ, не оказалось, а рукописей на церковно-славянскомъ языкѣ не было никакихъ. Собраніе собственно церковно-славянскихъ рукописей началось послѣ основанія въ 1865 году виленской публичной библіотеки и поддерживалось попечителями виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловымъ, П. Н. Батюшковымъ и особенно Н. А. Сергіевскимъ. При первомъ изъ нихъ поступило въ рукописное отдѣленіе библіотеки 80 церковно-славянскихъ рукописей, изъ которыхъ большая половина (45) доставлена гг. Рачинскимъ и Соколовымъ. По почину П. Н. Батюшкова составленъ и изданъ въ 1871 г. въ Вильнѣ г. Гильтебрандомъ первый выпускъ „Перечневой описи рукописей виленской публичной библіотеки“, въ которомъ описано 82 церковно-славянскія рукописи. Всѣ остальныя церковно-славянскія и русскія рукописи библіотеки, коихъ число доходитъ нынѣ до 329, поступили сюда уже при Н. А. Сергіевскомъ изъ литовской духовной семинаріи, наслѣдовавшей эти рукописи отъ жировицкаго монастыря, изъ супрасльскаго и витебскаго марковскаго монастырей и отъ част-

ныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, монастырскія рукописныя библіотеки, составляющія нынѣ главный фондъ рукописнаго отдѣленія виленской публичной библіотеки, еще до передачи ихъ сюда утратили многое изъ своихъ древностей. Особенно это нужно сказать о библіотекѣ супрасльскаго монастыря, на которую наложилъ свою руку извѣстный ученый каноникъ Бобровскій, бывшій профессоръ виленскаго университета. Благодаря его безпечности, потеряна для Вильны и лицевая пергаменная псалтирь 1397 года, принадлежавшая виленской свято-николаевской церкви и взятая Бобровскимъ для изученія и научнаго описанія. Но эта рукопись не погибла совершенно, какъ думаетъ, по видимому, составитель описанія, и находится въ настоящее время въ Варшавѣ, въ библіотекѣ графовъ Замойскихъ[1]).

Всѣ поступившія въ виленскую публичную библіотеку рукописи описателемъ ихъ раздѣлены на слѣдующіе разряды: 1) рукописи на пергаменѣ, 2) тексты св. писанія, 3) творенія св. отцовъ, 4) исторія, 5) богослуженіе, 6) смѣсь, и 7) рукописи на русскомъ языкѣ.

Между пергаменными рукописями библіотеки цѣльныхъ всего только три номера: мстижское евангеліе XIV в., бесѣды Григорія Двоеслова XIV в. и тріодь XV в.; остальные же 16 номеровъ—отрывки и между ними извѣстный отрывокъ изъ туровскаго евангелія XI вѣка. Изъ нихъ заслуживаетъ вниманія отрывокъ изъ сборника XVI в., подъ № 6-мъ, заключающій слово Иринея, епископа Палиньскаго (Ліонскаго?), рѣдко встрѣчаемое между славянскими рукописями.

Разрядъ текстовъ св. писанія заключаетъ 33 номера. Въ нихъ переводъ библіи, особенно книгъ ветхозавѣтныхъ, примыкаетъ къ семьѣ переводовъ западно-русскихъ, сдѣланныхъ съ вульгаты. Языкъ большинства этихъ книгъ—языкъ бѣлорусскій, Скорининскій, съ немалыми, впрочемъ, отличіями отъ печатнаго изданія переводовъ Скорины. Между рукописями книгъ ветхозавѣтныхъ сохранился также переводъ псалтири Скорины съ его предисловіемъ. Печатный экземпляръ пражскаго изданія этой книги, по свидѣтельству г. Каратаева, не дошелъ до насъ, что̀ придаетъ особенную важность этой рукописи. Книги новозавѣтныя, особенно дре-

---

[1]) См. рефератъ г. Сенмборовича о рукописной псалтири XIV в. въ трудахъ III археологическаго съѣзда въ Россіи. Кіевъ, 1878 г., т. II, стр. 147—150.

внѣйшія евангелія, носятъ слѣды болгарскаго происхожденія, въ позднѣйшихъ же замѣчаются слѣды вліянія западно-русскаго нарѣчія.

Въ отдѣлѣ „Твореній св. отцевъ" (20 №№) помѣщены творенія Василія Великаго, Григорія Богослова 16 словъ, съ толкованіями Никиты Ираклійскаго, Григорія Двоеслова, Григорія Синаита, аввы Дороѳея, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Іоанна Златоустаго, Кирилла Іерусалимскаго, Симеона Богослова и др. Большею частію рукописи этого отдѣла писаны еще до введенія уніи и поэтому, происходя изъ одного источника съ восточно—и южно-русскими рукописями того-же рода, въ сравненіи съ ними не представляютъ никакихъ отличій.

Гораздо своеобразнѣе отдѣлъ исторіи (39 №№), къ которому отнесены хронографы, палеи, четь-минеи и прологи, патерики, помянники и проч. Изъ нихъ нѣкоторые имѣютъ мѣстный историческій характеръ, а другіе носятъ на себѣ слѣды западнаго вліянія. Въ сборникѣ XVI в. (№ 103), къ похвальному слову Златоустаго на Зачатіе пресв. Богородицы, 9 декабря, сдѣлана замѣчательная прибавка, съ перечисленіемъ христіанскихъ народовъ: „Поистинѣ-бо, святая, кто тебе не славитъ? кто-ли не хвалитъ и молитъ? роцими-ли (римляне), или грецы, или болгаре, или роусь— новое Твое стадо, или римяне иовазноу (?) и веризи и алани, перси-же и перѳи, индии, еѳіопи, алмази ж и испруци, серпи (сербы) же, тарвати (харваты), самъ-же и искири, оуандили и евипиди (вандалы и гепиды), пач варди и власи, сарди-же и внятцы (венеціане), маравляне и различни словени, чуди-же и ѳилни (финны) и ини мнози языци" (стр. 216). Въ хронографѣ подъ № 109 есть, между прочимъ, не встрѣчающаяся въ другихъ хронографахъ статья о нѣкоемъ Совіи или объ обычаѣ литовцевъ сожигать тѣла умершихъ (стр. 249—250). Въ Четь-Минеѣ XVII в., подъ № 80-мъ, въ концѣ житія Кирилла философа, учителя славянскаго, читаемъ слѣдующую позднѣйшую прибавку: „потомъ, минувшимъ многимъ лѣтомъ, пришедъ Войтѣхъ, бискупъ латынскій у Муравъ и въ чехи и въ ляхи, вѣру русскую, науку и писмо отверже, латынскую ж вѣру и грамоту устави, а правовѣрные епископы и попы изсѣче, а иныхъ разогна, и иде у прускую землю, хотя ихъ у свою вѣру привести, и тамо вбіенъ бысть" (стр. 122). Въ помянникѣ или синодикѣ 1631 г., представляющемъ копію съ древняго пергаменнаго супрасльскаго помянника, дополненную позднѣйшими памятями, перечисляются

кіевскіе митрополиты, съ обозначеніемъ фамилій ихъ и годовъ кончины, а также епископы и различные саны (№ 89). Въ другомъ жировицкомъ помянникѣ XVIII вѣка (№ 91), послѣ поминовенія именъ усопшихъ, приложены аннотаціи или примѣчанія къ нимъ, съ историческими свѣдѣніями о поминаемыхъ лицахъ. Изъ этихъ аннотацій мы узнаемъ, напр., что уніатскій митрополитъ Іосифъ-Вельяминъ-Рутскій происходилъ „отъ родителей еретиковъ, которые незадолго передъ тѣмъ переселились изъ Москвы", что холмскій уніатскій епископъ Александръ-Августинъ Лодзяла будто-бы отравленъ былъ въ 1691 году „схизматиками черезъ одного монаха кіевскаго" и проч. (стр. 189—190). Въ нѣкоторыхъ анонимныхъ и псевдонимныхъ поученіяхъ есть довольно рѣзкія обличенія нравственнаго упадка высшаго духовенства передъ началомъ уніи и въ первые ея годы. „И въ насъ ставятъ митрополита по своей воли, а не по правиломъ св. отецъ; вчера съ псы по полю за заецомъ, а нынѣ святительская свершаеть, а не тако, какъ св. Василіе говоритъ: „дондеже вся степени священническія пройдетъ, тогда святитель бываетъ" (стр. 254). Въ другой рукописи дѣлается такое сопоставленіе древняго духовенства съ новымъ: „они (т. е. древніе) сильни словомъ и дѣломъ, сіи-же имѣніемъ и скотомъ и коньми и стады, селами и повары и красными трапезами, сластолюбія ядѣніемъ и питіемъ исполненны, и о сихъ точію днію и нощію бесѣдующе, а о словеснѣмъ стадѣ безсловесни суть, о немъ же имутъ слово воздати въ день онъ великій судный. Аще-ли кто вопрошаетъ ихъ о книгахъ, то отвѣщаютъ глаголюще: убози есмы, не имамы чимъ книгъ стяжати. Ходятъ же не яко убози, но ризы носяще свѣтлы и блещащеся, расширяюще воскрылія, или-же яко у телцовъ, иже на заколеніе упитанныхъ; ученикъ много, паче же поваровъ и поводящихъ множество, а другая-же студъ и глаголати, отъ многаго богатства окупники пріобрѣтоша извѣтомъ роботствія" (стр. 243). Много есть также въ историческомъ отдѣлѣ памятниковъ литературныхъ и историческихъ мѣстнаго происхожденія, какъ-то: житіе преподобной Евфросиніи полоцкой, страданіе литовскихъ мучениковъ — Іоанна, Антонія и Евстафія, слова Григорія Цимвлака и проч. Между послѣдними особеннаго вниманія заслуживаетъ „Григорія, архіепископа кіевскаго и всея Руси, слово похвалное иже у Фролентіи и у Костентіи собору галатомъ, италомъ и римляномъ и всѣмъ галатомъ" (стр. 226). Наконецъ, особую категорію повѣствовательно — историческихъ

сочиненій въ этомъ отдѣлѣ составляютъ сочиненія западнаго, католическаго происхожденія. Есть здѣсь хронографъ XVII в., особаго состава, въ которомъ заключаются свѣдѣнія о событіяхъ изъ исторіи разныхъ государствъ западной Европы и о папахъ, бывшихъ въ Римѣ (№ 110). Западный римско-католическій элементъ во времена уніи проникалъ замѣтно въ Четь-Минеи, прологи, патерики и т. п. Въ Четь-Минеяхъ (№ 81—82), писанныхъ въ XVII в. на бѣлорусскомъ нарѣчіи, есть много памятей католическихъ святыхъ, со сказаніями объ ихъ жизни, напр. „Мука пахоляти св. Семеона преденскаго (тридентскаго)", Іуара аквитанскаго, Авита вердюнскаго. Рукописный сборникъ XVII вѣка (№ 107) очень похожъ по своему составу на legenda aurea Іакова де-Варашне, speculum exemplorum и тому подобные католическіе сборники чудесъ и, вмѣстѣ со сказаніями восточныхъ патериковъ и собесѣдованій Григорія Двоеслова о жизни италійскихъ подвижниковъ, заключаетъ въ себѣ легендарные разсказы въ католическомъ духѣ, напр. разсказъ о чудѣ въ Бононіи и разсказъ какого-то монаха о хожденіи его въ „пекло" и о видѣнныхъ имъ тамъ мукахъ.

Отдѣлъ богослужебныхъ книгъ виленской публичной библіотеки, самый обширный по числу рукописей (121 №), вмѣстѣ съ тѣмъ есть одинъ изъ самыхъ характеристичныхъ. Большая часть богослужебныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ догматическую и обрядовую сторону исповѣданія, имѣетъ совершенно особенный мѣстный характеръ сравнительно съ такими же книгами восточной Руси. Въ этихъ книгахъ мы встрѣчаемся съ молитвами, обрядами и цѣлыми службами, частью цѣликомъ заимствованными изъ латинскихъ богослужебныхъ книгъ, частію передѣланными и измѣненными сообразно съ требованіями римско-католической церкви и, впослѣдствіи, уніи. Кромѣ службъ и обрядовъ, въ церковное чествованіе внесено также много святыхъ римской церкви, не признаваемыхъ греко-восточною церковію. Въ этомъ отношеніи рукописи виленской библіотеки представляютъ богатый матеріалъ для изученія тѣхъ особенностей и перемѣнъ, которыя во время уніи постепенно были вводимы въ богослуженіе православной церкви, и значительно могутъ восполнить тѣ свѣдѣнія о состояніи уніатскаго богослуженія, какія мы имѣемъ въ книгѣ свящ. А. Ѳ. Хойнацкаго: „Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ. Кіевъ, 1871". Изъ отдѣльныхъ рукописей этого отдѣла заслуживаютъ вниманія нѣкоторые нотные ирмо-

логіи, въ которыхъ встрѣчаются пѣсни и гимны, принадлежащіе болѣе западной церкви, чѣмъ восточной. Гимнъ Амвросія Медіоланскаго „Тебе Бога хвалимъ", вошедшій въ наши богослужебныя книги сравнительно въ недавнее время, находится въ большинствѣ ирмологіевъ виленской библіотеки. Въ нѣкоторыхъ попадаются и такіе гимны, какъ напр. знаменитый requiem „Dies irae", приписываемый Ѳомѣ Целако. Заслуживаютъ также вниманія нѣкоторые „чины исповѣданія", встрѣчающіеся и въ видѣ отдѣльныхъ рукописей, и въ сборникахъ службъ. Въ нихъ особенно любопытно перечисленіе грѣховъ, не встрѣчающееся даже въ старинныхъ печатныхъ уніатскихъ изданіяхъ. Въ одной общей минеѣ XVIII в. (№ 137) помѣщено „слово о збуреніи пекла", представляющее разговоръ Люцинера съ адомъ, въ стихотворной формѣ, на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Отдѣлъ „Смѣсь" (40 №№) заключаетъ въ себѣ различные сборники, кои авторъ описанія дѣлитъ на двѣ категоріи: сборники установившіеся съ опредѣленнымъ составомъ и содержаніемъ, какъ-то: Златоструи, Измарагды, Маргариты, Златыя Чепи и т. п., и сборники болѣе или менѣе случайнаго происхожденія и характера. Изъ сборниковъ второй группы заслуживаютъ вниманія сборникъ Іосафата Кунцевича (№ 261), состоящій изъ черновыхъ замѣтокъ и проповѣдей этого уніатскаго епископа; извѣстный переводъ латинской книги „Тайная Тайныхъ" (Secreta secretorum). Въ нѣкоторыхъ сборникахъ встрѣчаются сочиненія извѣстнаго уже намъ Григорія Цимвлака и Кирилла Туровскаго. Рукописные богогласники виленской публичной библіотеки только отчасти сходны съ извѣстнымъ богогласникомъ, изданнымъ уніатами въ почаевской лаврѣ; въ сущности, это—сборники духовныхъ, а иногда и мірскихъ народныхъ пѣсней, составленные совершенно самостоятельно.

Отдѣлъ рукописей на русскомъ языкѣ не великъ (57 №№) или, покрайней мѣрѣ, мало замѣчателенъ. Изъ рукописей этого отдѣла можно указать на „Книжку естествознанія", съ прибавленіемъ извѣстной таинственной книги Альберта Магнуса и Михаила Скотта; тоже извѣстный лечебникъ „Вертоградъ прохладный"; мнѣніе смоленскаго дворянства по вопросу о переходѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные, представленное Государю Императору Николаю Павловичу 4 февраля, 1849 г., чрезъ предводителя дворянства, князя М. Друцкаго-Соколинскаго; „О бѣлорусскомъ нарѣчіи въ могилевской губерніи", Ив. Носовича;

„Отрывки изъ литовской миѳологіи“, изъ рукописей К. фонъ-Шмита; Отчетъ о состояніи раскола въ нижегородской губерніи, Мельникова, 1854 г.; Письма высокопреосвященнаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго и Таврическаго (№ 321), и др.

При описаніи каждой отдѣльной рукописи, составитель Описанія раскрываетъ ея содержаніе, указываетъ отдѣльныя статьи ея, или-же только болѣе замѣчательныя, выписываетъ заглавія и начальный текстъ этихъ статей и часто передаетъ содержаніе болѣе интересныхъ статей, или же дѣлаетъ изъ нихъ точныя выписки. Мы не видимъ здѣсь указанія первоисточниковъ рукописей или отдѣльныхъ статей ихъ; не находимъ также указанія на соотвѣтствующіе памятники въ другихъ извѣстныхъ собраніяхъ рукописей, за небольшими развѣ исключеніями. Даже тождественныя статьи, встрѣчающіяся въ разныхъ рукописяхъ виленской публичной библіотеки, не указаны въ самомъ текстѣ Описанія и лишь отчасти только могутъ быть находимы по алфавитному указателю, приложенному въ концѣ Описанія. Но за это мы и не винимъ автора, не обладающаго такими научными средствами и эрудиціей, какія мы видимъ въ классическомъ „Описаніи рукописей синодальной библіотеки“ покойныхъ Горскаго и Новоструева. Намъ кажется, что авторъ „Описанія рукописей виленской публичной библіотеки“ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если-бы вовсе не дѣлалъ попытокъ къ опредѣленію происхожденія и важности извѣстныхъ рукописей или статей, такъ какъ эти попытки часто оказываются весьма неудачными. Вотъ нѣсколько примѣровъ. На стр. 110 излагается содержаніе слова о св. Іоаннѣ Богословѣ, „како словомъ навчи человѣка писати иконы“, какъ замѣчательнаго, между тѣмъ какъ это слово помѣщается въ печатномъ прологѣ. Излагая содержаніе „Исторіи скиѳійской“ Андрея Лызлова, авторъ Описанія не справился даже съ „Обзоромъ русской духовной литературы“ преосвященнаго Филарета черниговскаго и чуть-ли не считаетъ эту исторію новымъ откровеніемъ науки. Подъ 324 №, изложивъ кратко содержаніе комедіи „Тресотиніусъ“, авторъ Описанія замѣчаетъ о ней слѣдующее: „Очевидно, это одна изъ тѣхъ многочисленныхъ комедій, интермедій и т. п., которыя въ прошломъ столѣтіи въ изобиліи сочинялись и разыгрывались студентами академій“. А между тѣмъ это есть извѣстная комедія Сумарокова, направленная противъ „профессора элоквенціи, паче-же піитическихъ хитростей“, Василія Кириловича Тредіаковскаго.

Въ виду такихъ промаховъ Описанія, мы совѣтовали бы начинающимъ свою дѣятельность ученымъ съ осторожностію относиться къ собственнымъ замѣчаніямъ составителя Описанія и смотрѣть на это Описаніе, какъ на сырой только матеріалъ, требующій тщательной разработки.

Н. П.

Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь во имя св. Кирилла и Меѳодія въ г. Ченстоховѣ, св. Н. С—лова. Вильно. 1881 г.

Озаглавленная книжка, по словамъ ея автора, есть „первый трудъ историческаго описанія ченстоховской иконы Богородицы на русскомъ языкѣ“ и слѣдовательно служитъ выразителемъ поступательнаго движенія русской исторической науки въ такую область, которая доселѣ для нея была недоступна и невѣдома. Авторъ старался доказать и, на нашъ взглядъ, доказалъ несомнѣнно, что ченстоховская икона, находящаяся теперь въ ченстоховскомъ латинскомъ монастырѣ ордена паулиновъ или павликіанъ, есть достояніе православной церкви, а не католической, и находится, такъ сказать, лишь въ плѣну у латинянъ. Есть даже преданіе, которое связываетъ судьбу этой иконы съ судьбою города Кіева, что придаетъ книжкѣ о. С—ва еще большій интересъ въ нашихъ глазахъ. Вотъ въ общихъ чертахъ судьба этой иконы, по изслѣдованію автора разсматриваемой книжки:

Происхожденіе этой иконы преданіе приписываетъ евангелисту Лукѣ. Сначала она находилась будто-бы въ Іерусалимѣ, въ домѣ возлюбленнаго ученика Христова, Іоанна Богослова; но въ 66 году по Р. Хр., предъ грознымъ нашествіемъ Веспасіана и Тита на Іерусалимъ, вынесена была отсюда христіанами и поставлена въ Пеллѣ, городкѣ, расположенномъ между горами, въ одной пещерѣ, гдѣ вѣрующіе собирались для совершенія богослуженій. Въ 326 году св. царица Елена вывезла этотъ святой образъ изъ Палестины въ Константинополь, гдѣ въ V вѣкѣ дочь императора Аркадія, благочестивая Пульхерія, соорудила въ честь ея особый храмъ. Во времена иконоборства, супруга Льва IV исаврянина Ирина сохранила св. икону сама, взявъ ее изъ храма къ себѣ въ царскія палаты, и тамъ соблюдала ее у себя все время, заповѣдавъ приближеннымъ и единомышленнымъ съ нею

людямъ благочестно и неприкосновенно беречь святыню и въ послѣдующія времена. О дальнѣйшей же судьбѣ св. иконы сказанія расходятся. По однимъ сказаніямъ, ею благословили въ 988 году греческую царевну Анну, супругу равноапостольнаго князя Владиміра, при отправленіи въ новопросвѣщаемую россійскую страну, братья царевны Василій и Константинъ. Въ Кіевѣ она находилась въ великокняжеской церкви и считалась фамильною, родовою иконою блаженной княгини. Отсюда, въ X же вѣкѣ, икона перешла въ Галицію, въ белзское княжество, въ г. Белзъ или Безъ, Бѣльскъ, къ княжескому роду, владѣвшему белзскимъ замкомъ. Уніатъ Яковъ Суша прямо говоритъ, что св. образъ Богородицы, находящійся нынѣ въ Ченстоховѣ, посвященъ былъ г. Бѣльску или Белзу самимъ великимъ княземъ Василіемъ-Владиміромъ. По другимъ сказаніямъ, образъ Богородицы въ началѣ IX вѣка поднесенъ былъ греческимъ императоромъ Никифоромъ I Логоѳетомъ Карлу Великому, въ признательность за помощь въ войнѣ съ сарацинами, находился въ Аквигранѣ, въ надъ-рейнской провинціи, и переданъ былъ князю Льву Галицкому тоже въ благодарность за охраненіе западныхъ странъ отъ монголовъ, князь Левъ помѣстилъ св. икону въ своемъ белзскомъ или бѣльскомъ замкѣ, гдѣ она и оставалась до послѣдней четверти XIV вѣка. Каноникъ Н. Фелинскій въ своемъ „Описаніи св. иконы ченстоховской" говоритъ, что эта св. икона, послѣ 500-лѣтняго нахожденія ея въ Константинополѣ, проходила по многимъ мѣстамъ славянскихъ княжествъ, находилась въ Галичѣ, Болгаріи, Моравіи, Чехахъ и на Руси; „перенесли ее туда св. равноапостольные Кириллъ и Меѳодій", а впослѣдствіи, чрезъ семейныя родственныя связи, она досталась въ руки Опольскаго князя Владислава, который и перенесъ ее на ясную гору ченстоховскую. Иные-же говорятъ короче, что эту св. икону привезъ на Русь изъ Константинополя русскій князь Левъ, княжившій въ городѣ Львовѣ, и прямо поставилъ ее въ своемъ белзскомъ замкѣ. Авторъ книжки болѣе склоняется къ мнѣнію Фелинскаго о принесеніи св. иконы къ славянамъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Какъ-бы то ни было, ченстоховскій образъ Богоматери, попавши на Русь, долгое время находился въ г. Белзѣ, въ нынѣшнемъ жолковскомъ округѣ, въ сѣверо-восточномъ углу Галиціи. Въ XIV вѣкѣ Галиція перешла подъ власть польскаго короля Казиміра,—и этотъ Казиміръ, по сообщенію современныхъ лѣтописцевъ, „сотворилъ много зла православнымъ христіанамъ

и святыя церкви претворилъ въ латинское служеніе". Послѣ смерти Казиміра, галицкая Русь хотя стала на нѣкоторое время самостоятельнымъ княжествомъ; но княземъ ея поставленъ былъ нѣкто Ладиславъ или Владиславъ Опольскій, изъ православія перешедшій въ латинство и называвшійся „апостоломъ латинства", —вассалъ преемника Казимірова Людвика Венгерскаго. Послѣдніе изъ белзскихъ русскихъ князей никакъ не могли свыкнуться съ подчиненіемъ своего княжества польскому владычеству и, при помощи литовскихъ князей, часто поднимались противъ поляковъ и угровъ. Во время этой борьбы, белзскій замокъ, гдѣ находилась икона Богородицы, не разъ подвергался осадѣ и даже не разъ бывалъ взятъ поляками и уграми. При такихъ-то обстоятельствахъ, въ 1377 году, по взятіи замка, захвачена была изъ него св. икона и увезена въ городъ Львовъ, уже состоявшій въ полномъ владѣніи поляковъ. Наконецъ Ладиславъ или Владиславъ, утомленный въ борьбѣ съ православными галичанами, рѣшился совсѣмъ удалиться изъ Галиціи и поселиться въ своихъ давнихъ западныхъ областяхъ, въ велюнскомъ княжествѣ, болѣе спокойномъ для него по отсутствію тамъ роковой борьбы за вѣроисповѣданіе и народность. Предоставивъ Галицію исключительному господству Людвика Венгерскаго, онъ въ 1382 году отправился изъ Львова въ велюнскую область, въ Ополье, и взялъ съ собою образъ Богородицы. На пути въ Велюнь, онъ остановился у селенія Ченстохова и рѣшился совсѣмъ остаться въ этихъ мѣстахъ на постоянное жительство, а образъ Богоматери помѣстилъ въ ченстоховской приходской деревянной церкви, на мѣсто которой устроилъ каменный храмъ съ монастыремъ и вызвалъ туда изъ венгерскаго монастыря Ноштры 16-ть монаховъ павлиновъ, латинскаго ордена св. Павла пустынника. Такъ св. икона Богородицы поступила въ вѣдѣніе павликіанъ, у которыхъ съ тѣхъ поръ остается и понынѣ, именуясь отъ мѣстности Ченстохова ченстоховскою. Въ 1717 году эта икона коронована была по католическому обычаю и такимъ образомъ по наружному виду приняла католическій колоритъ. Въ 1872 году сооруженъ былъ въ Ченстоховѣ православный храмъ во имя св. Кирилла и Меѳодія, и въ немъ поставлена была въ 1878 году точная копія подлинной иконы Богородицы, напоминающая собою происхожденіе и судьбу этой св. иконы.

Къ тексту книжки о. Н. С-ва приложены примѣчанія, которыя занимаютъ болѣе двухъ третей ея. Изъ нихъ видно, что ав-

торъ долго и съ большимъ усердіемъ собиралъ всевозможныя свѣдѣнія о ченстоховской иконѣ Богоматери изъ латинскихъ, русскихъ и особенно польскихъ источниковъ, не пренебрегая иногда и свѣдѣніями, заимствованными изъ учебниковъ по исторіи, напр. Иловайскаго. Но нельзя сказать, чтобы всѣ эти свѣдѣнія и источники были критически провѣрены авторомъ и служили твердымъ основаніемъ для его текста. Такъ напр., изслѣдуя судьбу описываемой имъ иконы въ Палестинѣ и Цареградѣ, о. С-въ не касается исторіи другихъ иконъ Богородицы, приписываэмыхъ евангелисту Лукѣ, и возбуждаетъ въ читателѣ сомнѣніе, дѣйствительно ли это та самая икона, о пребываніи которой въ Цареградѣ говорятъ источники, или другая изъ многихъ съ именемъ евангелиста Луки, находящихся нынѣ въ православной и католической церквахъ. Не видно также твердыхъ основаній и для того, почему авторъ книжки присталъ къ мнѣнію каноника Феливскаго о привесеніи св. иконы къ славянамъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ одномъ изъ примѣчаній авторъ прямо называетъ переводную книжку Фелинскаго безграмотною, а въ текстѣ старается подтвердить мнѣніе этой брошюрки собственными доводами; но и эти доводы—чисто предположительнаго свойства и опираются чуть-ли не на желаніи автора оправдать посвященіе православной ченстоховской церкви во имя св. Кирилла и Меѳодія. По крайней мѣрѣ, слушая мнѣнія о появленіи иконы Богородицы въ Белзѣ или чрезъ кіевскихъ князей, или же чрезъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, мы болѣе расположены склониться къ первому изъ этихъ мнѣній, т. е. о прибытіи иконы въ Белзъ черезъ Кіевъ. Противъ этого мнѣнія авторъ говоритъ слѣдующее: „Весьма трудно вполнѣ согласиться и съ тѣмъ, что св. ченстоховская икона Богородицы появилась въ г. Белзѣ чрезъ св. князя Владиміра. Эта св. икона, по своей древности и святости, а также и по своему происхожденію изъ священной Палестины, вообще столь почтенна, что едва ли бы св. великій Князь или кто либо изъ дѣтей его рѣшился отпустить изъ стольнаго города Кіева, гдѣ, по самому положенію христіанства на Руси, особенно нуждались въ преимущественныхъ и древнихъ святыняхъ и, конечно, весьма дорожили ими. Если же и случились бы что либо подобное, то лѣтописцы, вообще столь чуткіе даже къ малѣйшимъ событіямъ въ жизни и исторіи князей и княжествъ, не преминули бы упомянуть объ этомъ, какъ упоминали о переходахъ и передачахъ другихъ наиболѣе важныхъ святыхъ иконъ изъ однихъ мѣстъ нахожденія ихъ въ другія, и

такимъ образомъ навсегда сохранили бы свѣдѣнія о св. иконѣ Богородицы, которою мы заняты. Но именно такихъ-то свѣдѣній ни у кого изъ лѣтописцевъ нашей страны не имѣется". На это замѣтимъ, что 1) нѣтъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о переходѣ изъ Кіева въ другіе города и другихъ иконъ Богоматери, напр холмской, тоже приписываемой евангелисту Лукѣ, 2) о переходѣ нынѣшней ченстоховской иконы изъ Кіева въ Белзъ не могло быть лѣтописныхъ свѣдѣній и потому, что въ Кіевѣ она была родовою великокняжескою иконою, а не общественнымъ достояніемъ, 3) что недостатокъ лѣтописныхъ извѣстій объ этой иконѣ восполняется болѣе поздними о ней свѣдѣніями, приводимыми авторомъ книжки, и 4) что въ кіево-кирилловской церкви, основанной въ XII в., и нынѣ есть и особо чтится древняя копія ченстоховской иконы Богоматери, которую можно считать отзвукомъ преданія о пребываніи когда-то этой иконы въ Кіевѣ. Мы, впрочемъ, не рѣшаемся твердо отстаивать мысль о пребываніи ченстоховской иконы Богоматери въ древнія времена въ Кіевѣ, и своими возраженіями хотѣли показать только непрочность основаній и выводовъ автора книжки.

Во всякомъ случаѣ, трудъ автора заслуживаетъ вниманія по своей добросовѣстности и полнотѣ матеріала, который не только даетъ возможность для критическаго разбора существующихъ мнѣній о происхожденіи ченстоховской иконы Богоматери, но и вообще освѣщаетъ исторію православія въ краѣ, котораго касается авторъ, говоря о мѣстопребываніи иконы.

Н. П.

Исторія русской церкви. Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Т. X. Спб. 1881 г.

Съ настоящаго X-го т. „Исторіи русской церкви", какъ поясняется въ предисловіи къ нему, историкъ вступаетъ въ третій періодъ ея, начинающійся съ учрежденія патріаршества въ 1589 г. и продолжающійся доселѣ. Это „періодъ самостоятельности русской церкви, который можно назвать также и періодомъ постепеннаго возсоединенія разрозненныхъ частей ея", а въ частности —„и періодомъ въ ней раскола, именующаго себя старообрядствомъ". Такимъ образомъ историкъ остается вѣренъ тому взгляду на ходъ исторической жизни русской церкви, который высказанъ

имъ въ первомъ томѣ, при построеніи общаго плана исторіи русской церкви. Этотъ взглядъ имѣетъ свое основаніе; довольно можетъ быть оправдана и та оригинальность его по отношенію къ третьему періоду исторіи русской церкви, что онъ начинается не съ вѣка реформы, а вѣкомъ ранѣе, и этимъ дается представленіе о болѣе близкой и существенной связи событій и явленій XVII вѣка съ событіями и явленіями послѣднихъ двухъ столѣтій, чѣмъ та, какую допускаетъ большинство другихъ нашихъ историковъ. Цѣлый третій періодъ раздѣляется далѣе на два частные періода или отдѣла, обнимающіе: а) время патріаршества и б) время синодальнаго управленія, а первый изъ нихъ еще на два частнѣйшіе отдѣла: первый съ 1589 до 1654 года, въ которомъ послѣдовало присоединеніе Малороссіи къ московскому государству, подготовившее и присоединеніе кіевской митрополіи къ московскому патріархату, а второй съ 1654 до 1721 года, въ которомъ учрежденъ св. Синодъ. Настоящій десятый томъ обнимаетъ только часть перваго частнѣйшаго отдѣла, а именно время отъ учрежденія патріаршества въ 1589 г. и начала уніи въ 1596 году до 1619—20 гг., т. е. до возстановленія московскаго патріаршества въ лицѣ патр. Филарета и возстановленія западно русской іерархіи въ лицѣ митр. Іова Борецкаго и др. Послѣ ряда предыдущихъ томовъ, новый томъ „Исторіи русской церкви" еще болѣе усиливаетъ слагающееся у читателя на основаніи всѣхъ ихъ представленіе о томъ, въ какой постепенности, съ теченіемъ вѣковъ, затѣмъ и десятилѣтій, наросталъ подъ руками историка матеріалъ историческій, возростало и усложнялось самое содержаніе церковной жизни, подлежавшее воспроизведенію въ его многотомномъ и многолѣтнемъ трудѣ. Для перваго періода исторіи русской церкви, обнимающаго время въ два съ половиною столѣтія (988 - 1240 г.) оказывалось достаточнымъ трехъ, сравнительно небольшихъ, томовъ. Для втораго періода —въ три съ половиною столѣтія (1240—1588 г.) потребовалось уже шесть томовъ и притомъ все болѣе и болѣе объемистыхъ. Теперь небольшой промежутокъ времени въ 25—30 лѣтъ далъ содержаніе цѣлому тому въ 500 страницъ. Такой же небольшой промежутокъ времени (1620 - 1654 г.) далъ еще болѣе обильное содержаніе уже вышедшему XI тому въ 628 стр.

Десятый томъ, о которомъ теперь рѣчь у насъ, начинается исторіею учрежденія патріаршества въ Россіи. Затѣмъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ тома въ первомъ изложена исторія московскаго патріаршества при патріархахъ Іовѣ, Гермогенѣ, Игнатіѣ и въ

междупатріаршество, заключаясь общимъ взглядомъ на состояніе церкви въ это время. Во второмъ, нѣсколько болѣе обширномъ, излагается исторія кіевской митрополіи въ борьбѣ съ уніею, подъ гнетомъ уніатскихъ митрополитовъ Михаила Рагозы, Ипатія Поцѣя и Вельямина Рутскаго, съ общимъ заключительнымъ взглядомъ на борьбу православія съ уніею въ данный періодъ.

Общепризнанныя достоинства громаднаго историческаго труда преосв. Макарія слишкомъ извѣстны, чтобы здѣсь еще говорить о нихъ, по поводу настоящаго X тома. Ближе интересующая насъ въ этомъ томѣ исторія западно-русской церкви или кіевской митрополіи въ то тяжелое и бурное время, какимъ было время съ 1596 по 1620 г., представлена здѣсь полнѣе и цѣлостнѣе, чѣмъ гдѣ-либо доселѣ. Историкъ соединяетъ и обобщаетъ здѣсь результаты цѣлаго ряда монографическихъ изслѣдованій и другихъ ученыхъ трудовъ и изданій, касающихся настоящаго времени, восполняетъ ихъ и новыми изысканіями, новыми болѣе точными или болѣе вѣрными разъясненіями, какъ относительно историческаго матеріала, такъ и относительно дѣйствующихъ лицъ и событій эпохи, благодаря, между прочимъ, близкому знакомству съ такими хранилищами памятниковъ, какъ виленская публичная библіотека и архивъ бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ при св. синодѣ. Видное мѣсто въ общей исторіи западно-русской церкви этого времени занимаютъ кіевскія событія. Роль Кіева въ начавшейся тогда напряженной борьбѣ православія съ уніею была нѣсколько особенною. Далеко не такъ доступенъ онъ былъ насильственнымъ дѣйствіямъ уніатской и латино-польской пропаганды, даже власти самого короля, ее поддерживавшаго, какъ Вильно, Новогродекъ, Минскъ, Львовъ и др. Блистательный отпоръ давали здѣсь затѣямъ пропаганды, а митрополиты уніатскіе, титулуясь кіевскими, не смѣли, вопреки желаніямъ, показать и глазъ сюда, не исключая самого Поцѣя, которому не удалось побывать здѣсь и на короткое время и котораго весь успѣхъ ограничился занятіемъ на унію полуопустѣлаго софійскаго собора и издавна принадлежавшаго митрополитамъ выдубицкаго монастыря. А относительно лавры сами король и папа нашлись вынужденными разстаться съ мыслію о много разъ обѣщанномъ и провозглашенномъ подчиненіи ея уніатскому митрополиту. Это болѣе независимое и смѣлое положеніе Кіева въ борьбѣ съ уніею и съ самою властію короля—фанатика объясняется и большею отдаленностью его отъ центровъ литовско-

польскаго государства и большею силою въ Кіевѣ многовѣчныхъ преданій родной вѣры и святыни исторической, и наконецъ еще тѣмъ, что здѣсь на защиту родной вѣры и религіозно-народной свободы, кромѣ другихъ общественныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ прочихъ городахъ и областяхъ, ближе и явственнѣе заявляла себя формирующаяся новая сила общенародной обороны въ лицѣ козачества. Благодаря такому болѣе независимому положенію Кіева въ борьбѣ съ уніатскою и латино-польскою пропагандою, сюда, еще съ первыхъ десятилѣтій XVII в., начинають приливать изъ другихъ мѣстностей юго западной и западной Руси и духовныя силы для борьбы съ пропагандою, имѣвшія затѣмъ развить свою дѣятельность и въ болѣе широкихъ интересахъ историческаго развитія церкви и страны, и въ частности въ интересахъ просвѣщенія, первоначально направленныхъ къ подкрѣпленію той-же борьбы съ пропагандою. Основалось въ 1615 г. кіевское богоявленское братство съ его школою, ставшею потомъ главою и для всего края, оказавшею великую услугу не ему только, но и дѣлу образованія всей Россіи въ вѣкъ реформы. Но здѣсь, въ связи съ сейчась сдѣланнымъ указаніемъ на подготовлявшееся уже съ даннаго времени сосредоточеніе въ Кіевѣ духовныхъ силъ для борьбы съ чуждою пропагандою, отмѣтимъ, въ заключеніе настоящей замѣтки, одно изъ знаменательныхъ общихъ явленій въ этой исторіи, констатируемыхъ историкомъ. Послѣ той закоснѣлости и распущенности, которыми характеризуется печальное состояніе церкви предъ временемъ уніи и о которыхъ такъ сильно горевалъ тогдашній попечитель церкви князь Острожскій, теперь, съ первыхъ десятилѣтій возникшей тяжкой церковно-общественной борьбы, ощущается настающій подъемъ нравственный, порывъ къ духовному обновленію, сказывающійся то въ подвигахъ благочестія людей простой, но глубокой вѣры, то въ трудахъ для просвѣщенія людей, болѣе развитыхъ, то наконецъ вообще въ стремленіи къ лучшему благоустройству церковному. Смѣло и съ надеждою, немного спустя, говорили объ этомъ лучшіе современники, какъ знаменитый Лаврентій Древинскій. Слѣдуетъ признать обнаруженіе подобныхъ явленій и въ уніатской сторонѣ, особенно со времени Вельямина Рутскаго, болѣе своихъ предмѣстниковъ сознававшаго, что не на внѣшней защитѣ короля и польскаго правительства должна покоиться вся надежда уніи, а что послѣдняя нуждается въ развитіи внутреннихъ духовныхъ силъ въ своей средѣ. И то, что дѣ-

лалось въ этомъ направленіи для уніи, дѣлалось не для нея одной, дѣлалось отчасти и для цѣлой среды, ее окружавшей. На этомъ знаменательномъ фактѣ сказывалось торжество исторіи или Высшей Силы, ею управляющей, и въ самыхъ потрясеніяхъ, постигающихъ народъ въ критическія эпохи, открывающей ему средства къ выходу на лучшій путь историческаго самовоспитанія и саморазвитія и дальнѣйшаго движенія его исторической жизни. Знаменателенъ и самый фактъ одновременности сильнаго потрясенія въ обѣихъ половинахъ Руси,—здѣсь уніею, тамъ самозванщиной и иноземнымъ вторженіемъ. Онъ указывалъ и на одинаковую потребность духовнаго обновленія въ ихъ обѣихъ и на потребность союза ихъ для выполненія предстоящей задачи общими силами и при взаимной помощи. Въ этомъ, быть можетъ, найболѣе общій историческій смыслъ событій того 25—30-лѣтняго момента нашей церковной исторіи, который составляетъ содержаніе X тома труда глубоко-ученаго и неутомимаго архипастыря-историка. Этимъ значеніемъ даннаго историческаго момента найболѣе освѣщается та ближайшая, внутренняя связь его и съ вѣкомъ реформы и дальнѣйшимъ временемъ до настоящаго включительно, по которой и можетъ быть съ указаннаго момента начатъ новый періодъ исторіи русской церкви, какъ именно и начинаетъ его историкъ.

М.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО НЕСТОРА-ЛѢТОПИСЦА ВЪ 1881 Г. [1])

Существующее въ Кіевѣ Общество Нестора-лѣтописца, особымъ публичнымъ собраніемъ въ одной изъ университетскихъ залъ, 14-го февраля с. г., праздновало девятую годовщину своего существованія и научной дѣятельности.

Въ исторіи Общества этотъ годъ будетъ отмѣченъ, какъ годъ тяжелой утраты. Въ теченіи этого года оно лишилось своего предсѣдателя и двухъ членовъ. Въ памяти членовъ сохранится надолго энергичное, живое слово его предсѣдателя, проф. А. А. Котляревскаго, которымъ онъ не разъ одушевлялъ собранія Общества и украшалъ скромныя годичныя его празднованія. Въ теченіе своего почти четырехлѣтняго служенія въ должности предсѣдателя Общества Нестора-лѣтописца, и ранѣе, Александръ Александровичъ Котляревскій много потрудился на пользу его, представивъ не мало интересныхъ сообщеній и обстоятельно отмѣчая движеніе исторической и филологической литературы въ Россіи и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Его заслуги на поприщахъ научномъ, литературномъ и преподавательскомъ признаны всѣми и оцѣнены съ полнымъ единодушіемъ [2]).

---

[1]) Читано въ формѣ отчета секретаремъ общества Н. П. Дашкевичемъ въ торжественномъ собраніи общества, 14 февраля 1882 г.

[2]) См. «Вѣстникъ Европы» 1881, № 11; «Миръ» 1881, № 1, «Журналъ минист. народнаго просвѣщенія» 1881, № 11; «Югъ» 1882, № 1; «Archiv f. Slavische Philologie» 1881; «Sbornik Slovansky» Ielinek'a 1881, str. 173—174, и цѣлый рядъ газетныхъ некрологовъ.

Кромѣ А. А. Котляревскаго, Общество Нестора еще два имени должно исключить изъ списка своихъ членовъ, именно: Андрея Николаевича Попова, секретаря московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ и Василія Игнатьевича Пероговскаго. Если въ первомъ понесла крупную утрату вообще русская историческая наука, то смерть послѣдняго представляетъ значительный ущербъ для исторіи мѣстной. Онъ тщательно собиралъ матеріалы для нея и написалъ цѣлый рядъ монографій по археологіи, исторіи и этнографіи Волыни. Къ сожалѣнію, эти монографіи были помѣщены въ мало распространенныхъ провинціальныхъ изданіяхъ — въ Волынскихъ Вѣдомостяхъ, Губернскихъ и Епархіальныхъ [1]). Конечно, статьи Пероговскаго не исчерпывали весь матеріалъ, не представляли строгой обработки его, но онѣ сообщали много интересныхъ данныхъ, въ томъ числѣ не изданные до того времени документы, списанные собирателемъ въ архивахъ. Да не останется достойный примѣръ Пероговскаго единственнымъ! Въ новоначавшемся періодическомъ изданіи, „Кіевская Старина", мы имѣемъ теперь свой мѣстный историческій органъ, могущій стать средоточіемъ трудовъ по южнорусской исторіи.

---

[1]) Вотъ списокъ извѣстныхъ намъ статей Пероговскаго: 1) «Городъ Староконстантиновъ, исторія его и настоящее состояніе» («Волынскія губ. вѣд.» 1867, №№ 105, 106, 108, 116—118 и 1868, №№ 3—7. Отд. оттискъ: Житомиръ, 1868; 155 и 3 стр. in—12°), 2) «Историческія воспоминанія о Волыни» («Волынск. губ. вѣд.» 1867, № 12. Отд. оттискъ—6 стр.), 3) «Анна-Алоизія, княжна острожская, вдова по воеводѣ виленскомъ, гетманѣ великаго княжества литовскаго, Янѣ-Карлѣ Ходкевичѣ, фундаторша іезуитскаго коллегіума въ Острогѣ» («Вол. губ. вѣд.» 1868, №№ 53—59, 62 и 63. Отд. оттискъ—Житомиръ, 1868, стр. 110 in—16°), 4) «Мѣстечко Берестечко и битва 1651 г.» («Вол. губ. вѣд.» 1869. Отд. оттискъ—стр. 63, in 16°), 5) «Городъ Заславъ» (Вол. губ. вѣд.» 1868; въ отд. отт. 28 стр. in—16°), 6) «Мѣстечка заславскаго уѣзда: Славута, Шепетовка, Судилковъ, Грицовъ, Бѣлогородка, Корница, Лабунь, и селенія: Городище, Полохова и Зѣлницы» («Вол. губ. вѣд.» 1868; въ отд. оттискѣ 31 стр. въ 16 д.), 7) «Новоградволынскъ» (въ отд. оттискѣ 26 стр. въ 12 д.), 8) «Городъ Дубно», 9) «Историческія и статистическія свѣдѣнія о Житомирѣ», 10) «Волынскія украинскія пѣсни», 11) «Изъ исторіи присоединенія на Волыни уніатовъ къ православію» и 12) «Историческій очеркъ волынской духовной семинаріи». — Краткое воспоминаніе о В. И. Пероговскомъ напечатано въ № 46 газеты «Трудъ» 1881 г.

Почтивъ память А. А. Котляревскаго сочувственными словами въ особомъ засѣданіи [1]), а также панихидой и посылкой вѣнка на гробъ его, въ Москву, Общество избрало въ должность предсѣдателя на трехлѣтіе съ 11 октября минувшаго года профессора университета св. Владиміра, В. Б. Антоновича. Въ члены совѣта общества, сверхъ числящихся въ немъ, избраны М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Ѳ. Я. Фортинскій, Н. П. Дашкевичъ и С. Т. Голубевъ; послѣдній вмѣстѣ съ тѣмъ вновь принялъ на себя должность казначея общества.

Въ 1881 году Общество пріобрѣло 1 почетнаго и 6 дѣйствительныхъ членовъ. Включеніемъ въ число почетныхъ членовъ львовскаго ученаго, каноника А. С. Петрушевича, Общество выразило свое уваженіе къ неустанной дѣятельности его по разработкѣ галицко-русской исторіи и къ многочисленнымъ, важнымъ трудамъ его въ этой области. Въ дѣйствительные члены избраны: И. М. Каманинъ и А. А. Андріевскій, занимающіеся изслѣдованіемъ архивныхъ матеріаловъ, и молодые ученые А. В. Стороженко, Д. И. Багалѣй, П. В. Голубовскій и И. А. Линниченко, заявившіе себя достойными вниманія научными работами.

Въ настоящее время Общество числитъ въ своемъ составѣ 75 членовъ, 12 почетныхъ и 63 дѣйствительныхъ; изъ нихъ иногородныхъ—33.

Въ научной дѣятельности Общества принимали участіе только члены, жительствующіе въ Кіевѣ и при томъ не отвлеченные занятіями въ другихъ ученыхъ обществахъ.

Въ собраніяхъ Общества вниманіе референтовъ сосредоточивалось преимущественно на вопросахъ и данныхъ русской исторической науки, при чемъ нѣкоторыя изъ сообщеній касались матеріаловъ, не подвергавшихся доселѣ изслѣдованію или бывшихъ не извѣстными.

Значительное количество чтеній относилось къ древне-русской исторіи.

Товарищъ предсѣдателя, И. И. Малышевскій, ознакомилъ Общество съ началомъ своего обширнаго труда „О брачныхъ союзахъ

---

[1]) Некрологъ А. А. Котляревскаго и поминальныя рѣчи напечатаны въ 10 № «Университетскихъ Извѣстій» и отдѣльною брошюрою, которая войдетъ во II-й выпускъ Чтеній Общества.

русскихъ княжескихъ фамилій съ иностранными владѣтельными фамиліями въ кіевскій періодъ нашей исторіи". По словамъ почтеннаго изслѣдователя, „въ тѣ начальные вѣка русской исторіи, когда нашъ Кіевъ многовѣчный былъ во главѣ городовъ русскихъ, а великій князь кіевскій во главѣ князей русскихъ, русскія княжескія фамиліи находились въ гораздо болѣе широкихъ семейныхъ союзахъ съ иностранными владѣтельными домами, чѣмъ то было потомъ... На этихъ союзахъ болѣе или менѣе отражались національныя, политическія, вѣроисповѣдныя и культурныя отношенія Руси къ другимъ націямъ и странамъ. Знакомство съ этими союзами можетъ, до нѣкоторой степени, въ извѣстныхъ случаяхъ, освѣщать для насъ черты семейнаго и нравственно-общественнаго быта среды, въ которой они слагались". Указанію на эти интересныя данныя до конца XI-го стол. и была посвящена рѣчь г. Малышевскаго.

Д. чл. П. В. Голубовскій подвергъ подробному разбору новую гипотезу г. Стасова о томъ, будто извѣстія Ибнъ-Фодлана о руссахъ не относятся собственно къ руссамъ. Г. Голубовскій призналъ невозможнымъ согласиться съ доводами г. Стасова и подтвердилъ свое мнѣніе цѣлымъ рядомъ фактовъ.

Д. чл. А. В. Стороженко предложилъ критическія замѣчанія на монографію преподавателя исторіи русскаго права въ московскомъ университетѣ г. Мрочекъ-Дроздовскаго: „Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды". Онъ указалъ на крупный недостатокъ этого труда, состоящій въ томъ, что авторъ сталъ разсматривать вопросъ объ оборотныхъ цѣнностяхъ и денежной системѣ въ древней Руси въ эпоху „Русской Правды", не разсмотрѣвши предварительно торговли и ея орудій въ эпоху, предшествовавшую „Русской Правдѣ". Менѣе важные промахи объясняются незнакомствомъ автора съ лучшими трудами по русской исторіи, а также и языкознанію. Г. Стороженко передалъ затѣмъ сущность сообщенія г. Усова, читаннаго 6 ноября минувшаго года, въ засѣданіи московскаго археологическаго общества, по вопросу о древнерусской денежной системѣ, и высказалъ мнѣніе, что, въ случаѣ подтвержденія гипотезы г. Усова еще нѣсколькими изслѣдованіями, она будетъ самымъ простымъ изъ всѣхъ существующихъ рѣшеній этого вопроса.

Съ этимъ мнѣніемъ не согласились д. чл. Ѳ. Я. Фортинскій и В. Б. Антоновичъ, отмѣтивъ неточности и натяжки въ объясненіи названій монетныхъ единицъ, предложенномъ г. Усовымъ.

Исторіи древней сѣверской земли было посвящено три сообщенія.—Д. чл. М. П. Истоминъ, въ своемъ очеркѣ „Князья Всеволодъ и Игорь Ольговичи въ Кіевѣ", старался показать, что въ сѣверской землѣ въ XII в. установилась болѣе прочная, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Руси (исключая, быть можетъ, суздальской области), связь между князьями и землей. Сѣверяне, въ особенности-же вятичи, были, по его мнѣнію, преданы своимъ князьямъ и почти всегда оказывали имъ сильную поддержку. Сѣверскіе князья являлись какъ-бы весьма состоятельными собственниками, и богатство было въ рукахъ ихъ орудіемъ для поддержанія притязаній ихъ. На сѣверскую землю они смотрѣли, какъ на наслѣдственный удѣлъ. Все это даетъ поводъ думать, что въ сѣверской землѣ княжеская власть достигла сравнительно значительнаго развитія; послѣднее подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что у нѣкоторыхъ князей этого рода, начиная съ самаго Олега, не разъ проглядываетъ высокое понятіе объ авторитетѣ княжеской власти. Въ Кіевѣ, гдѣ было развито вѣчевое начало, Олеговичи рано или поздно должны были столкнуться съ проявленіями общественныхъ стремленій. Такъ, дѣйствительно, и случилось, когда Всеволодъ Олеговичъ захотѣлъ ввести въ Кіевѣ право наслѣдованія великокняжескаго стола по завѣщанію. Результатомъ этихъ стремленій—съ одной стороны усилить свою власть, съ другой отстоять стародавній порядокъ—и была извѣстная катастрофа съ Игоремъ Олеговичемъ. Олеговичи Всеволодъ и Игорь являются, такимъ образомъ, одними изъ первыхъ князей, пытавшихся усилить княжескую власть и ограничить право вѣча.

Д. чл. Д. И. Багалѣй охарактеризовалъ внутренній строй сѣверской земли въ удѣльный періодъ (отъ половины XI до половины XIV стол.). Сѣверская земля стремилась, подобно другимъ областямъ, къ обособленію и къ удержанію самостоятельной вѣтви княжившаго дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ Святославичи постоянно пытались овладѣть кіевскимъ столомъ, что объясняется географическимъ положеніемъ сѣверской земли (близостью къ Кіеву), размноженіемъ рода Святослава и неясностью родовыхъ правъ претендентовъ на

Кіевъ. Постоянное тяготѣніе сѣверскихъ князей къ Кіеву препятствовало установленію обособленности этой земли. Еще болѣе ослабили ее неудачныя попытки князей ея утвердиться въ Галичѣ. Татарское нашествіе окончательно подорвало ея силы. Черниговъ и Новгородъ Сѣверскій отошли на второй планъ; па мѣсто ихъ возвысился Брянскъ, но онъ не обладалъ надлежащею силою и въ половинѣ XIV-го стол. подпалъ подъ власть Литвы; князья остальныхъ городовъ постепенно превратились въ служилыхъ московскихъ. Независимо отъ размноженія княжеской семьи, на ослабленіе княжеской власти вліяло непосредственно монгольское иго. Князья огрубѣли и стали почти атаманами разбойничьихъ шаекъ. Авторитетъ князей упалъ также вслѣдствіе усиленія вѣча въ татарское время. Сѣверское вѣче, мало чѣмъ проявлявшее себя до татарскаго нашествія, пріобрѣло послѣ него силу и мощь и начало успѣшно бороться съ княжескою властью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дошли до крайности раздробленіе и децентрализація, и это окончательно уничтожило силу земли [1]).

Товарищъ предсѣдателя И. И. Малышевскій разобралъ замѣтку г. Похилевича о мѣстоположеніи города Вщижа.

Секретарь Общества Дашкевичъ, въ сообщеніи о половецко-персидско-латинскомъ словарѣ 1303 г., изданномъ въ 1880 г. венгерскою академіею наукъ, представилъ выборку словъ, интересныхъ для исторіи иностраннаго элемента въ русскомъ языкѣ (въ частности въ малорусскомъ нарѣчіи). Уже здѣсь встрѣчается слово козакъ въ смыслѣ стража и т. п. По нѣкоторымъ словамъ можно судить о культурномъ вліяніи русской народности на половцевъ.

Остальныя сообщенія историческаго содержанія касались позднѣйшаго періода южно-русской исторіи.

Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ познакомилъ общество съ результатами своихъ изслѣдованій во Львовѣ и съ крайне интересными матерьялами, найденными имъ въ львовскихъ хранилищахъ рукописей. Имъ открытъ важный сборникъ лѣтописей XV и XVI столѣтій, а также списаны важные источники для исторіи позднѣй-

---

[1]) Очеркъ г. Багалѣя напечатанъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1881 г. и отдѣльно въ его книгѣ: »Исторія сѣверской земли до половины XIV столѣтія«, Кіевъ, 1882.

шаго времени. Въ южной Руси существовала очень долго, въ силу особенностей ея культуры, областная литература. Города, даже мѣстечки имѣли свои лѣтописи. Въ ряду ихъ лѣтопись Юзефовича займетъ видное мѣсто. Г. Антоновичъ сообщилъ также о серіи неизданныхъ мемуаровъ, принадлежащихъ перу князей Яблоновскихъ, занимавшихъ видные посты въ Рѣчи Посполитой *).

Д. чл. И. М. Каманинъ въ сообщеніи, составленномъ по документамъ здѣшняго центральнаго архива, о движеніи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ прошломъ столѣтіи (1765—1790), изложилъ слѣд. весьма интересные выводы: 1) возрастаніе еврейскаго населенія и уменьшеніе его зависѣли отъ политическихъ событій, происходившихъ въ краѣ; смуты вліяли на пониженіе количества евреевъ и наоборотъ; 2) вмѣстѣ съ тѣмъ приращеніе его совпадало съ тяжестью крестьянскихъ повинностей; оно было прямо пропорціонально имъ; 3) въ селахъ евреи занимались арендаторствомъ и шинкарствомъ; послѣднее являлось преобладавшимъ занятіемъ евреевъ и въ городахъ; торговля занимала второе мѣсто; всѣ легкія и прибыльныя ремесла также находились въ рукахъ евреевъ, на долю-же христіанъ выпадалъ тяжелый, бездоходный трудъ; 4) со времени переписи 1787 г. по 1873 годъ еврейское населеніе увеличилось почти въ 6 разъ, а христіанское только вдвое. Референтъ не нашелъ данныхъ для рѣшенія вопроса, произошло-ли самое увеличеніе евреевъ естественнымъ путемъ или чрезъ наплывъ ихъ изъ другихъ мѣстъ; во всякомъ случаѣ изъ наблюденія надъ числомъ раждающихся видно, что приращеніе еврейскаго населенія совершалось гораздо быстрѣе, чѣмъ возрастаніе христіанскаго **).

Д. чл. И. В. Лучицкій сообщилъ свѣдѣнія о „Румянцевской Описи" Малороссіи. Это одно изъ самыхъ интересныхъ и оригинальныхъ описаній поземельной собственности, съ которымъ не могутъ сравняться сохранившіяся заграницей. По Румянцовской Описи

[1]) Прочитанный въ засѣданіи общества г. Антоновичемъ въ русскомъ переводѣ отрывокъ изъ мемуаровъ Станислава Яблоновскаго, воеводы русскаго, повѣствующій о пребываніи Петра В. въ 1698 г. въ Галичинѣ, въ г. Русской Равѣ, напечатанъ въ № 1 »Кіевской Старины«.

[2]) Болѣе подробное изложеніе содержанія сообщенія г. Каманина, см. въ № 114 »Труда« 1881 г., а также въ газетахъ »Кіевлянинъ« и »Заря«.

можно возстановить передвиженіе земель за все время XVIII стол. и отчасти цѣны на землю. Въ Описи сохранились указанія и на способы, какими переходили земли изъ рукъ въ руки. Въ виду богатства матеріаловъ, заключающихся въ Описи, г. Лучицкій предложилъ на статистическомъ съѣздѣ въ Полтавѣ, въ іюнѣ минувшаго года, издать извлеченіе изъ нея въ видѣ особыхъ таблицъ. Для образца тѣхъ выводовъ относительно экономическаго строя, какіе могутъ быть сдѣланы на основаніи Описи, г. Лучицкій прослѣдилъ постепенное развитіе землевладѣнія въ золотоношскомъ уѣздѣ и указалъ на особую форму общиннаго землевладѣнія, тамъ существовавшую.

Нѣкоторыя изъ сообщеній относились къ исторіи русской словесности.

Д. чл. Д. И. Багалѣй въ своей статьѣ „Догадка объ авторѣ Слова о полку Игоревѣ“, старался установить *возможность* того предположенія, что въ сѣверской землѣ издавна существовала литературная дѣятельность. Развитіемъ такой мѣстной литературы объясняется, по его мнѣнію, появленіе тамъ „Слова о полку Игоревѣ“. Имя автора этого произведенія неизвѣстно, но можно установить съ большою вѣроятностью его происхожденіе. Основываясь на близкомъ знакомствѣ автора Слова со степью и кочевниками, со взаимными отношеніями южно-русскихъ князей, на его желаніи воспѣть *несчастный* походъ сѣверскаго князя, на его симпатіи къ Ольговичамъ, пользовавшимся на Руси недоброю славою, референтъ пришелъ къ заключенію, что авторъ Слова скорѣе всего могъ быть сѣверянинъ. Никто другой не могъ такъ вѣрно понять отношеній сѣверскихъ князей къ половцамъ. Слово всѣми силами ратуетъ противъ политики ихъ, которая не могла, или не умѣла, или не хотѣла возвыситься до идеи единства всей русской земли. Въ этомъ отношеніи взглядъ поэта-дружинника совершенно подходитъ къ воззрѣнію сѣверянина—Даніила паломника и одного проповѣдника, также по всей вѣроятности, сѣверянина. Подобный же взглядъ замѣтенъ въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, относящейся также къ Чернигову. Такимъ образомъ, дружинникъ (въ „Словѣ“), проповѣдникъ (въ проповѣди) и народъ (въ былинѣ) сошлись въ своемъ воззрѣніи на отношенія сѣверскихъ князей къ половцамъ.—Гипотеза

г. Багалѣя была встрѣчена въ засѣданіи общества цѣлымъ рядомъ возраженій.

Д. чл. В. Н. Малининъ представилъ сравнительное изслѣдованіе *житія св. Агапія и хожденія его въ рай*, по четыремъ спискамъ, изъ которыхъ доселѣ былъ извѣстенъ одинъ, по прологу XIII вѣка (см. Памятники старинной русской литературы, графа Кушелева-Безбородко, вып. III, стр. 134). Открытые списки распадаются на двѣ редакціи: полную, извѣстную по сборникамъ юго-славянской и русской редакціи (2 списка), и краткую, проложную, представляющую видимое сокращеніе первой. По своему характеру и содержанію житіе относится къ области тѣхъ-же легендъ востока, къ которымъ примыкаютъ житія св. Макарія и Зосимы, и составляетъ какъ-бы дополненіе послѣднихъ. Г. Малининъ имѣлъ въ виду въ своемъ сообщеніи объяснить составъ и происхожденіе легенды путемъ сопоставленія ея содержанія какъ съ однородными легендарными и апокрифическими сказаніями о раѣ, такъ и однородными воззрѣніями на рай и загробную жизнь.—Древность легенды доказывается упоминаніемъ о ней въ извѣстномъ посланіи Василія, архіепископа новгородскаго, спискомъ пролога XIII вѣка и очевиднымъ пользованіемъ ею на западѣ въ XII вѣкѣ [1]).

Д. чл. В. Б. Антоновичъ, по случаю двадцатилѣтія, исполнившагося со дня смерти Шевченка, посвятилъ особое чтеніе оцѣнкѣ историческаго значенія тѣхъ произведеній поэта, въ которыхъ описаны историческія событія. Высоко художественное возсозданіе минувшей жизни въ поэмахъ Шевченка обаятельно дѣйствовало на читавшую публику, которая готова была видѣть въ нихъ точное фактическое изображеніе историческихъ событій. Но нельзя отождествлять поэта съ историкомъ. У Шевченка встрѣчаемъ замѣчательную художественную обрисовку воспроизведенныхъ имъ эпохъ, характеръ которыхъ всегда вѣрно угаданъ поэтомъ; историческое изслѣдованіе подтвердило правдивость его картинъ и, безъ сомнѣнія, еще подтвердитъ многое въ нихъ въ будущемъ; но въ подробностяхъ немало неточностей и фактическихъ ошибокъ, происшедшихъ отъ того, что у поэта было немного историческаго матеріала; нужно

---

[1]) Статья г. Малинина появится въ »Трудахъ кіевской духовной академіи«.

удивляться, какъ онъ съумѣлъ предъугадать многое, что было установлено потомъ историческимъ изслѣдованіемъ на основаніи данныхъ, приведенныхъ позже въ извѣстность. Подобныя мелкія ошибки, въ которыхъ неповиненъ поэтъ, не имѣютъ значенія въ виду правдивыхъ историческихъ картинъ, мастерски нарисованныхъ поэтическою кистью художника [1]).

Въ качествѣ вступленія къ этому чтенію, покойный предсѣдатель А. А. Котляревскій предпослалъ нѣсколько словъ объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній [2]).

Древней исторіи славянства касалось сообщеніе д. чл. А. Д. Воронова о новооткрытомъ сборникѣ папскихъ писемъ, принадлежащемъ британскому музею. По мнѣнію г. Воронова, эти документы заимствованы непосредственно или посредственно изъ папскихъ регистровъ или книгъ, въ которыя съ древнихъ временъ вносились копіи всѣхъ офиціальныхъ декретовъ папскихъ. Тѣ изъ новооткрытыхъ документовъ, которые имѣютъ отношеніе къ исторіи славянства и преимущественно къ исторіи св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго, подтверждаютъ отрицаемый нѣкоторыми разсказъ пространнаго житія св. Меѳодія о гоненіи противъ него со стороны латино-нѣмецкаго духовенства и его заточеніи въ Швабіи, обогащаютъ этотъ разсказъ новыми подробностями. Самъ папа Стефанъ VI былъ виновникомъ разрушенія того дѣла, которое оберегали его предшественники; самъ папа уничтожилъ православно-славянскую церковь Моравіи и Панноніи и враждебно отнесся къ ея основателю [3]).

Д. чл. Ѳ. Я. Фортинскій высказалъ несогласіе съ предположеніемъ, что новоизданныя письма были заимствованы изъ регистровъ папской канцеляріи.

Во многихъ засѣданіяхъ Общества удѣлялось вниманіе обзору современнаго движенія исторической науки.

---

[1]) Изложеніе содержанія рѣчи г. Антоновича напечатано нами въ № 10 »Труда« 1881 г.

[2]) Рѣчь А. А. Котляревскаго напечатана въ № 8 »Труда« 1881 г.

[3]) Чтеніе А. Д. Воронова напечатано въ „Трудахъ Кіевской духовной академіи“ 1881 года, № 8, подъ заглавіемъ „Научное движеніе по вопросу о свв. Кириллѣ и Меѳодіи“.

Покойный предсѣдатель Общества, нынѣшній предсѣдатель В. Б. Антоновичъ и д. чл. В. С. Иконниковъ неоднократно сообщали о новыхъ книгахъ и статьяхъ по археологіи и русской исторіи. Секретарь Общества Дашкевичъ отмѣчалъ замѣчательнѣйшія явленія иностранной научной литературы, представлявшія интересъ для русской исторіи и исторіи русской словесности.

Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ остановилъ вниманіе Общества на рефератахъ тифлисскаго археологическаго съѣзда, выдававшихся новизною взглядовъ или фактовъ, по отдѣламъ первобытныхъ древностей, христіанскихъ искуствъ и художествъ и исторической географіи [1]).

Д. чл. В. С. Иконниковъ, въ особомъ засѣданіи, посвященномъ памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, прочелъ рѣчь объ успѣхахъ историко-филологическихъ наукъ въ его царствованіе.

Покойный предсѣдатель А. А. Котляревскій въ особыхъ рѣчахъ указалъ на заслуги въ русской литературѣ и наукѣ скончавшихся предъ тѣмъ писателей и ученыхъ: Ѳ. Б. Миллера, А. Ѳ. Писемскаго, Ѳ. М. Достоевскаго, проф. Колосова и Лешкова. Научная и литературная дѣятельность самого Котляревскаго была помянута въ обществѣ секретаремъ, а д. чл. А. В. Стороженко предложилъ собранію воспоминаніе о дѣятельности А. А. Котляревскаго, какъ профессора славяновѣдѣнія въ университетѣ св. Владиміра.

Сообщались по временамъ извѣстія объ археологическихъ находкахъ.

Такова была дѣятельность Общества Пестора въ истекшемъ году.

Главная задача Общества—поддержаніе взаимнаго научнаго общенія лицъ, заботящихся объ успѣхахъ исторической науки, и разработка вопросовъ, выдвигаемыхъ ею. Общество наше сдѣлало, что могло, въ предѣлахъ имѣющихся у него средствъ. Оно объединяло мѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ историческаго изслѣдованія.

---

[1]) Содержаніе доклада г. Антоновича изложено нами въ №№ 105 и 106 »Труда« 1881 г.

Многія работы членовъ были предназначены именно для Общества, а не являлись лишь случайнымъ вкладомъ. Многія сообщенія вызывали весьма оживленный обмѣнъ мыслей со стороны присутствовавшихъ членовъ и иной разъ весьма обстоятельныя дополнительныя замѣчанія.

Къ сожалѣнію, Общество не могло расширить своей дѣятельности научными предпріятіями, какъ-то: научными экскурсіями, раскопками, изданіемъ памятниковъ, историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ[1]) являлся въ этомъ случаѣ помѣхой.

Но Общество можетъ утѣшаться вниманіемъ, какое встрѣчаютъ его труды въ просвѣщенной публикѣ. Одной изъ задачъ его является распространеніе интереса къ изученію старины, въ широкомъ смыслѣ слова. Русская историческая наука можетъ быть силою, объединяющею общество: она равно дорога и равно интересна для всѣхъ. По словамъ нашего знаменитаго историка, исторія есть народное самопознаніе. Развитіе въ возможно большей степени такого самопознанія составляетъ конечную цѣль нашей науки и первое условіе процвѣтанія народной жизни. Если Общество наше поддерживаетъ, хотя-бы и въ скромныхъ размѣрахъ, интересъ къ отечественной исторіи и любовь къ родной старинѣ, то оно трудится не безслѣдно.

НЕОСУЩЕСТВИВШІЙСЯ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ НОВГОРОДЪ-СѢВЕРСКѢ.

(Два письма о немъ 1802—1803 г.)[2])

Помѣщаемыя здѣсь два письма по предмету учрежденія университета въ Новгородъ-Сѣверскѣ получены нами отъ одного изъ родственниковъ Ивана Ивановича Халанскаго, бывшаго сначала директоромъ новгородсѣверскаго училища, которое существо-

[1]) Въ настоящее время въ кассѣ общества состоитъ 419 р. 72 коп.

[2]) Письма эти съ необходимыми къ нимъ поясненіями обязательно сообщены намъ Н. В. Шугуровымъ.

вало въ этомъ городѣ до учрежденія гимназій, а потомъ съ образованіемъ гимназій — первымъ директоромъ новгородсѣверской гимназіи. При этомъ первое письмо есть подлинникъ, подписанный бывшимъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Куракинымъ и полученный отъ него Халанскимъ, а второе — исправленная Халанскимъ и подписанная имъ копія, которую Халанскій оставилъ у себя, отославъ подлинникъ письма по принадлежности кн. Куракину. Какой дальнѣйшій ходъ имѣла мысль объ учрежденіи университета въ Новгородсѣверскѣ, намъ неизвѣстно.

Едва-ли впрочемъ и могла имѣть большой ходъ эта странная мысль — учредить университетъ въ глухомъ городкѣ, бывшемъ губернскимъ безъ году недѣлю и лежавшемъ не вдалекѣ отъ Кіева, предназначеннаго для той-же цѣли высшимъ правительствомъ. Не сама эта мысль имѣетъ какое-либо значеніе въ исторіи мѣстнаго просвѣщенія, но то развитіе, какое давали ей два почтенные мужа того времени, печаловавшіеся по самой должности своей о нуждахъ народнаго образованія, одинъ — высшій администраторъ, другой—популярный въ свое время и въ своемъ мѣстѣ педагогъ. Оба они очень заняты мыслью объ университетѣ; но ни одного изъ нихъ не озабочиваетъ вопросъ, для кого нуженъ проэктируемый университетъ и откуда онъ могъ получать необходимый контингентъ питомцевъ. Въ обоихъ письмахъ ни слова о томъ, для какого района онъ предназначается, какъ велико пространство этого послѣдняго, его населеніе, каково положеніе въ немъ средняго и низшаго образованія, какое число среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и учащагося въ нихъ юношества, чѣмъ вызывается и вызывается-ли потребность въ высшемъ образованіи для данной мѣстности, и пр. и пр. По тогдашнимъ соціальнымъ условіямъ и воззрѣніямъ не могло быть и рѣчи о потрѣбностяхъ и благѣ всего населенія,—имѣлись въ виду лишь классы привилегированные; но насъ поражаетъ эта легкость, съ какою смотрятъ эти прожектеры на дѣло такой великой важности, какъ университетъ. Кн. Куракинъ желаетъ „проэктовъ полныхъ", но мѣру ихъ полноты едва-ли и самъ могъ-бы опредѣлить; директоръ Халанскій брался за вопросъ: „о наукахъ, языкахъ и о искусствахъ, о способѣ преподаванія" и пр., но потомъ самъ „обуялъ свою мысль", т. е. нашелъ ее пустою и не его касающеюся. Все сводится за тѣмъ на вопросы о средствахъ содержанія и устройства помѣщенія для университета. И

посмотрите, съ какимъ усердіемъ „состарѣвшійся" педагогъ, вооружившись чувствами благочестія и вѣрноподданства, силился подвести своего патрона подъ монастырь новгородъ-сѣверскій, съ цѣлію овладѣть его имуществомъ для осуществленія излюбленной мысли, и игнорируя даже архимандрита „*со словесностію*". Интересно и то, что многорѣчивый педагогъ въ пользу учрежденія университета въ Новгородъ-Сѣверскѣ не представилъ ничего, кромѣ свѣжаго воздуха и большой церкви.

I. Письмо малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Куракина къ директору новгородсѣверскаго училища Халанскому.

Милостивый государь мой, Иванъ Ивановичъ.

Относительно устроенія предполагаемаго вами университета въ Новгородкѣ-Сѣверскомъ, при изъясненіи вамъ искренней признательности, о дѣлѣ толико споспѣшествующемъ благу общему, покорно васъ, милостивый государь мой, прошу принять на себя трудъ, сочинивъ полные проэкты, съ расположеніемъ всѣхъ потребныхъ на содержаніе его издержекъ, и съ нужнымъ постановленіемъ въ немъ порядка, доставить ко мнѣ для дальнѣйшаго заключенія о средствахъ сіе намѣреніе исполнить. Между тѣмъ почитаю нужнымъ васъ увѣдомить, что плановъ и фасадовъ, снятыхъ вами съ домовъ Осипа Степановича [1]), я не получалъ.

Есмь впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ вашего высокоблагородія, милостиваго государя моего, покорный слуга кн. Алексѣй Куракинъ.

№ 3358. Полтава. Декабря 5 дня 1802 года.

II. Письмо Халанскаго къ кн. Ал. Б. Куракину.

(по титулѣ слѣдующее):

Представляя о сообщеніи мнѣнія вашего сіятельства графу Петру Васильевичу, г. министру народнаго просвѣщенія, чтобы учредить въ Новгородѣ-Сѣверскѣ университетъ, по случаю Высочайше даннаго указа правительствующему сенату въ 8-й день сен-

[1]) Вѣроятно—Судіенка. *Н. Ш.*

тября прошлаго 1802 года[1]), докладывалъ я вашему сіятельству объ одномъ только, извѣстномъ мнѣ съ лишкомъ через 14 лѣтъ моего служенія директоромъ, что положеніе сего города здоровое, выгоды хозяйственныя не нужны, а сверхъ сего и паче всего то преимущество, что по немноголюдному сему городу ни что не будетъ отвлекать учащихъ и учащихся отъ упражненія въ наукахъ, кои безъ сумнѣнія доставятъ просвѣщенныхъ гражданъ для всѣхъ родовъ службы и должностей общественныхъ. Ваше сіятельство, милостиво сіе одобривши, яко дѣло споспѣшествующее общему благу, изволили приказать мнѣ, сочинивъ полные проэкты съ расположеніемъ всѣхъ потребныхъ на содержаніе издержекъ и съ нужнымъ постановленіемъ въ немъ порядка, доставить къ вашему сіятельству, для дальнѣйшаго заключенія сіе намѣреніе исполнить. Вслѣдствіе чего я, какъ состарѣвшійся съ нетерпѣливымъ желаніемъ учрежденія университетовъ, дѣлалъ всѣ мои соображенія, дабы написать положеніе о наукахъ, языкахъ и о искусствахъ, о способѣ преподаванія, о времени окончанія ученія, объ испытаніяхъ и о другихъ необходимостяхъ: но прочитавши Высочайшій указъ правительствующему сенату, данный 24-го генваря сего года и при ономъ предварительныя правила народнаго просвѣщенія[2]), обуялъ я мою мысль; а посему и имѣю честь представить объ одномъ только выгоднѣйшемъ зданіи, яко первѣйшей и немаловажной по-

---

[1]) 8 сентября 1802 г. послѣдовалъ указъ сенату объ учрежденіи министерствъ (Собр. зак., т. XXVII, № 20. 406).

[2]) 24 января 1803 г. былъ данъ указъ сенату объ учрежденіи учебныхъ заведеній, съ назначеніемъ для каждаго губерній (Собр. зак. т. XXVII, № 20598), а 26 того-же января послѣдовалъ указъ объ устройствѣ училищъ, который вѣроятно разумѣлъ Халанскій, сдѣлавъ ошибку въ обозначеніи числа. Указомъ этимъ утверждались «предварительныя правила народнаго просвѣщенія», которыя приложены къ указу. Этими правилами опредѣляются четыре рода училищъ «для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія»: 1) училища приходскія (которыя должны были существовать въ каждомъ церковномъ приходѣ, или по крайней мѣрѣ одно на два прихода), 2) уѣздныя, 3) губернскія, или гимназіи и 4) университеты. Для университетовъ, кромѣ существовавшихъ въ Москвѣ, Вильно и Дерптѣ, и учреждавшихся въ С.-Петербургѣ, Казани и Харьковѣ, предназначались города: Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ Великій и «другіе, по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными» (Собр. зак., т. XXVII, № 20597).

требности, могущей быть удобнымъ способомъ къ учрежденію университета въ Новгородѣ-Сѣверскомъ. Для надлежащаго и выгоднаго помѣщенія университета потребно зданіе пространное, выгодное и прочное, на сіе нужна великая сумма денегъ, но время на построеніе онаго, на пріуготовленіе его такъ, чтобы оно могло быть для живущихъ въ немъ безвредно, болѣе всякой неисчетной суммы; а потому для сохраненія драгоцѣннаго времени докладываю, какъ вѣрноподданный моего государя императора, слѣдующее: благочестивые люди, отдавая монастырямъ свое богатство, хотѣли безъ сумнѣнія, чтобы оно было употреблено на благодѣтельныя заведенія. Великая Екатерина, знавши, что строгій монашескій чинъ долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ земныхъ попеченій, столь несообразныхъ съ его святостію, совершила намѣреніе Петра Великаго, отдавъ монастырскія деревни подъ начальство свѣтское, опредѣливъ достаточныя суммы для всѣхъ потребностей духовенства и для благолѣпія церквей, а прочіе доходы повелѣла употребить на успокоеніе престарѣлыхъ воиновъ и на содержаніе духовныхъ училищъ. Такимъ образомъ исполнилось съ одной стороны желаніе благочестивыхъ людей: но какъ учрежденіе университетовъ было и есть благочестивыхъ людей желаніе, то съ благоговѣніемъ почитая Высочайшее соблагоизволеніе, чтобы учредить тамъ университеты, гдѣ оныхъ еще нѣтъ, осмѣливаюсь для споспѣшествованія исполненію намѣреній правительства народнаго просвѣщенія мыслить, что можно испросить Высочайшую волю, дабы занять на университетъ находящійся въ Новгородѣ-Сѣверскѣ спасо-преображенскій монастырь, обращенный, за упраздненіемъ новгородско-сѣверской губерніи и бывшаго въ немъ дому архіерейскаго, въ первокласный. Положеніе сего монастыря на горѣ, при портовой рѣкѣ Деснѣ, самое здоровое; а что потребнѣе, какъ воспитывать сыновъ отечества въ здоровыхъ мѣстахъ, не отдаляя ихъ отъ мѣстъ своего рожденія, и жить имъ въ такихъ зданіяхъ, которыя многими лѣтами осушены? Монастырь, мною указываемый, довольно вашему сіятельству извѣстенъ, какъ равно и то, что онъ окруженъ садами, имѣетъ каменную ограду, внутри которой великолѣпный храмъ, Великою Екатериною созданный, но онъ отдѣланъ только вчернѣ, цѣною съ липнимъ семьдесятъ тысячъ рублей, въ коемъ да осчастливятся питомцы новгородско-сѣверскаго университета воспѣть по достоянію вѣчную па-

мять въ Бозѣ почивающей Великой Екатерины, основательницы народнаго просвѣщенія, и вкупѣ да пролiютъ теплыя свои молитвы ко Господу о продолженіи благоденственной жизни нынѣ царствующаго нашего государя императора, пекущагося о усовершенствованіи ихъ просвѣщенія, содѣлывающаго родителей ихъ благополучнѣйшими. Сверхъ сего великолѣпнѣйшаго храма имѣются еще двѣ каменныя теплыя церкви, начальничій домъ о двухъ этажахъ преогромный, каменныхъ тоже, не включая деревянныхъ флигелей, много, въ которыхъ живали монахи великимъ числомъ и не тѣсно, да особо каменное-же строеніе о двухъ этажахъ, которое было занимаемо духовною семинаріею, состоявшею изъ 8-ми классовъ, въ немаломъ числѣ учениковъ; но теперь, сіятельнѣйшій князь, во всемъ этомъ обширномъ устроеніи великаго числа зданій, вѣками устроенныхъ, дерзаю сказать, живетъ только одинъ архимандритъ, мужъ впротчемъ со словесностію, и съ нимъ монаховъ съ небольшимъ десять, которые весьма удобно могутъ быть перемѣщены съ ихъ достояніемъ въ рыхловскій пустынно-Николаевскій монастырь, также великимъ иждивеніемъ воздвигнутый; положеніе его не далѣе 50-ти верстъ отъ Новгорода - Сѣверска среди лѣсу, ему-же принадлежащаго, садовъ и при всѣхъ выгодахъ для пустынножительствующихъ. Коллежскій совѣтникъ Иванъ Халанскій.

Марта числа 1803 года. Новгородъ-Сѣверскій.

ДРЕВНІЙ СПОСОБЪ ПУБЛИКАЦІИ.

Часто возникающая, какъ для властей, такъ и для частныхъ лицъ, необходимость доводить о чемъ-либо до всеобщаго свѣдѣнія должна была издревле вызвать установленіе обычаемъ извѣстныхъ правилъ и формальностей для всенароднаго объявленія. Такою формальностью оказывается въ древней Руси „заповѣданіе“ или „закликаніе“, т. е. провозглашеніе, которое должно было происходить въ мѣстѣ наибольшаго скопленія народа, именно „на торгу“. Обычай этотъ, съ характеромъ обязательно-юридическимъ, былъ настолько общеизвѣстенъ еще въ XI в., что „Русская Правда“ находитъ излишнимъ дѣлать о немъ какія-либо поясненія, а упоминаетъ только мимоходомъ, какъ объ общепринятой предварительной формальности въ нѣко-

торыхъ случаяхъ. Этимъ способомъ публиковалось о потеряхъ: „Аще кто конь погубить, или оружіе, или портно (одежу), а *заповѣдаеть на торгу*, а послѣди познаеть въ своемъ градѣ, свое ему лицемъ взяти“ [1]); такъ-же объявляли и о бѣгломъ рабѣ: „Оже челядинъ крыется, а *закличють й съ торгу* [2]), а за три дни не выведуть его, а познають й въ третій день, то свой челядинъ пояти“.

Тотъ-же самый обычай упоминается позднѣе, въ литовскихъ статутахъ, но также безъ всякихъ поясненій. Здѣсь публичное объявленіе называется „заказомъ“ или „заповѣдью“. Въ статутѣ 1529 года, разд. XI, арт. 10, сказано: „Естли-бы отъ кого челядинъ втекъ, мужикъ або жонка неволная, а который-бы, ведаючы *черезъ заказъ або заповедь*, ижъ то чужая челядь бежитъ, вказалъ имъ дорогу, або хлеба далъ, або ихъ въ себе переховалъ,... тогда маеть тому, чия челядь, платити“. Статутъ 1566 года, повторяя то же правило (разд. XII, артик. 10), дополняетъ его (разд. XIII, арт. 5) особымъ постановленіемъ: „*Яко челядь невольная втеклая маетъ быти заповѣдана*“, гдѣ, между прочимъ, указано и мѣсто для такихъ публикацій: „Естьли-бы кто чію челядь въ себе ховалъ, а тотъ по колко кроть заповѣди (чинилъ) и *по торгу закликалъ*, оповѣдаючи ее“ и т. д. Такое-же постановленіе о заклинаніи на торгу находимъ и въ послѣднемъ статутѣ 1588 года, въ разд. XII, арт. 17. Такимъ образомъ мы видимъ, что статуты удерживали въ силѣ постановленія „Русской Правды“, но только по одному предмету публикацій, именно о бѣглыхъ невольникахъ. Извѣстно однако по памятникамъ, что тотъ-же способъ объявленія употреблялся и въ другихъ случаяхъ, напр. при основаніи слободъ, причемъ „заклнкали волю“. Такъ, при основаніи слободы на опустѣвшемъ въ XVI вѣкѣ Старомъ Кіевѣ, бывшій тогда воеводою кн. Константинъ Острожскій „казалъ волю обволати именемъ его королевское милости на летъ двадцать и чотири, до того столпъ поставити на месте горнемъ Киевскомъ около церкви святого Софея (sic)“ [3]). Преданія

---

[1]) Карамз. Списокъ, ст. 29.

[2]) Также, ст. 27. По изданію 1799 г. подчеркнутая фраза правильнѣе: «а закличеть на торгу» (стр. 35).—Ср. Карамзина Ист. Гос. Рос. (по изд. Эйнерлинга), т. II, стр. 31.

[3]) Актовая книга кіев. центр. архива № 8, листъ 206 на оборотѣ.

о такомъ способѣ объявленія объ основаніи слободъ въ XVIII вѣкѣ сохранялись еще недавно, и на основаніи ихъ г. Кулишъ говоритъ: „Обыкновенно осадчіе кликали кличъ въ разныхъ сборныхъ пунктахъ,—на *ярмаркахъ*, на переправахъ, на церковныхъ и монастырскихъ праздникахъ,—и переманивали къ себѣ народъ разными обѣщаніями. Есть преданіе изъ временъ заселенія Смѣлянщины, что князь Ксаверій Любомирскій велѣлъ окличникамъ провозглашать на ярмаркахъ, что кто придетъ къ нему съ чужой женою и чужими волами, онъ и такого не выдастъ, а за такого будетъ стоять" [1]).

Мало по малу, обычай объявленій „на торгахъ" исчезаетъ изъ законодательства, по крайней мѣрѣ такое объявленіе, сдѣланное частнымъ лицомъ, теряетъ свою обязательно-юридическую силу. Уже въ „Сводѣ правъ, по которымъ судился малороссійскій народъ", хотя упоминаются „публикаціи" о бѣглыхъ крѣпостныхъ (гл. XXVII, арт. 21, § 3), но публикаціи эти должны были совершаться черезъ посредство суда: „если-бы чии люде неволние бѣжали, а тотъ, отъ кого ушли, *въ судъ* объявилъ о нихъ для публикованія"; „кто же чиихъ бѣглихъ людей и неволнихъ, вѣдая объ нихъ *съ суда публикацію*, поймавъ задержитъ" (тамъ-же, арт. 20, § 1 и 2). Но въ практикѣ неофиціальной, въ области права обычнаго, закликаніе или, по позднѣйшей терминологіи, *выкликаніе* на *ярмаркахъ*, какъ способъ публикаціи, удерживалось до самаго послѣдняго времени, а можетъ быть мѣстами сохранилось еще и теперь. Считаю нелишнимъ привести упоминающій объ этомъ обычаѣ народный разсказъ, записанный мною въ с. Красномъ Кутѣ уманскаго уѣзда, интересный еще и по выраженному въ немъ взгляду на „справедливый" дѣлежъ находки.—Шли по дорогѣ мужикъ и беременная женщина, и нашли деньги: панъ потерялъ „велику силу" денегъ. Спустились въ ровъ и стали дѣлиться. Мужикъ разложилъ деньги на три кучки и говоритъ: „бери себѣ двѣ части, а мнѣ одна часть: можетъ мнѣ будетъ на счастье, можетъ тебѣ, а можетъ тому, что въ тебѣ,—такъ бери себѣ двѣ части, а мнѣ одна". Пришли они „*на ярмарокъ*", а тамъ паны *выкликають* (т. е. о потерѣ),—они и хотѣли сказать о находкѣ. Но слетѣлъ ангелъ съ неба и говоритъ: „Мол-

---

[1]) Записки о южной Руси, т. I, стр. 85.

чите! Я и самъ сказалъ бы, да потому молчу, что по правдѣ передѣлились".

Объявленія посредствомъ „выкликанія" на ярмаркахъ производились по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Я лично помню, какъ лѣтъ 25—30 назадъ этимъ способомъ, въ центральной части кіевской губерніи, помѣщики созывали рабочихъ для уборки хлѣба, если пространство засѣянныхъ „лановъ" превышало силы наличныхъ крѣпостныхъ имѣнія. При этомъ обыкновенно объявлялось, „за какой снопъ" сдается уборка,—денежная плата тогда вовсе еще не была въ ходу. Такой способъ вознагражденія за жатву употребляется мѣстами еще и теперь, только норма вознагражденія сильно понизилась: вмѣсто обычнаго прежде пятаго, шестого, а при хорошемъ урожаѣ четвертаго и иногда даже третьяго снопа, теперь считается хорошимъ вознагражденіемъ восьмой и девятый, а иногда плата за жатву падаетъ до $^1/_{12}$ и $^1/_{13}$ собраннаго.

Приведенныя нами свидѣтельства памятниковъ не содержатъ никакихъ указаній на самую процедуру закликанія. По недавнему обычаю происходило оно такъ: объявляющій о чемъ нибудь становился на возу, снималъ шапку и, вертя ее на рукѣ или на палкѣ надъ головой, громкимъ голосомъ троекратно произносилъ особую призывную формулу, съ цѣлью обратить на себя вниманіе „ярмаркующаго" народа, а потомъ уже сообщалъ сущность дѣла. Такая формула, хотя въ очень краткомъ видѣ, напечатана въ сборникѣ малорусскихъ пословицъ и поговорокъ М. Т. Симонова (Номиса, стр. 119 № 6124): „Эй миряне, шевці—кравці, крамарі—шапарі, сходи́ться, сходи́ться, рады послухати, табаки понюхати!" Обыкновенно, она была гораздо обширнѣе; привожу ее здѣсь, какъ она была записана Ѳ. Т. Панченкомъ въ кіевской губерніи, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ: „Коноводы, воловоды, люлешники, табашники, шилники, мылники, селяне, городяне, міщане, крамарі, шинкарі, дехтярі, торговці, покупці, шаповалы, коновалы, шевці, кравці, проіжжі, прохожі, домові, ярмаркові, миряне, жиды, цыгане,—добрі люде! А сходьтесь, сходьтесь, сходьтесь! Рады послухаете, табаки понюхаете, а я щось скажу!" Повторяя этотъ призывъ три раза, каждый разъ прибавляютъ, „Отò скажу, отò скажу!"

Существованіе такой формулы, которую удержать въ памяти могъ, конечно, не всякій, наводитъ на мысль, что для закликанія должны были быть своего рода спеціалисты; они были необходимы, когда объявленіе приходилось дѣлать женщинѣ или вообще лицу, необладающему зычнымъ голосомъ и замѣтной фигурою; не рѣдки бывали случаи, когда заинтересованное лицо не находило для себя приличнымъ дѣлать объявленіе непосредственно, напр. если это былъ помѣщикъ, священникъ и т. под. Памятники не даютъ намъ указаній о томъ, кто именно дѣлалъ провозглашенія отъ имени частныхъ лицъ. Власти имѣли для этого особыхъ герольдовъ, „бирючей". Такъ напримѣръ, въ лѣтописномъ разсказѣ о единоборствѣ въ 993 году русскаго „отрока" съ печенѣжскимъ богатыремъ на берегахъ Сулы говорится, что Владиміръ, получивъ вызовъ печенѣжскаго князя, „приде въ товары (лагерь), посла *биричи* по товаромъ, глаголя: нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ печенѣжиномъ?"[1]) На обязанности бирючей лежало, между прочимъ, и собираніе вѣча; въ новгородской лѣтописи, цитируемой Карамзинымъ[2]), подъ 1148 годомъ сказано: „Послаша подвойскіе и биричи..., повелѣ (Изяславъ) звонити вѣче". Въ статутовое время обязанность производства публикацій возлагалась на возныхъ, но публиковали они только постановленія и приговоры судовъ, въ помѣщеніи послѣднихъ. Исключеніе составляли только случаи убійства, о которыхъ возный, по освидѣтельствованіи трупа, публиковалъ *на рынкѣ* и въ другихъ мѣстахъ города. Кто дѣлалъ объявленія о бѣглыхъ невольникахъ, мы не знаемъ. Въ приведенномъ выше преданіи о слободахъ упоминается о какихъ-то *окличникахъ*. Желательно было бы получить отъ старожиловъ, хорошо помнящихъ ярмарочныя выкликанія, разъясненіе о томъ, кто именно производилъ ихъ, и не составляло-ли такое производство публикацій спеціальнаго занятія, въ видѣ особой профессіи?

Ив. Новицкій.

---

[1]) Полн. собр. лѣтоп., т. I, стр. 53.

[2]) Т. II, примѣч. 315.

ОДИНЪ ИЗЪ ПРОТЕСТОВАВШИХЪ.

Съ окончательнымъ уничтоженіемъ гетманства, которое сопровождалось назначеніемъ въ правители Малороссіи гр. Румянцева—въ 1765 году,—прекратила свое существованіе политическая автономія Малороссіи. Дѣло исторіи—безпристрастно оцѣнить, на сколько гетманство соотвѣтствовало своему назначенію, на сколько оно стремилось къ общему благу малороссійскаго народа, на сколько порядки и формы жизни послѣдующей эпохи были для Малороссіи сравнительно лучше, прогрессивнѣе и благодѣтельнѣе. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ до сихъ поръ остается открытымъ,—остается открытымъ, не смотря на то, что онъ былъ поставленъ къ рѣшенію болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Тогда онъ вызвалъ два противуположныхъ мнѣнія, высказанныхъ П. А. Кулишомъ и покойнымъ Максимовичемъ [1]). Пусть этотъ важный историческій вопросъ будетъ снова возбужденъ и поставленъ. Новая постановка можетъ вызвать и новыя рѣшенія, лучше прежнихъ обставленныя фактами.

При постановкѣ и рѣшеніи этого важнаго вопроса, нельзя не остановиться на одной любопытной сторонѣ его, которую я и дѣлаю предметомъ настоящей замѣтки. А именно, какъ отнесся малороссійскій народъ къ факту уничтоженія гетманства: принялъ-ли онъ радостно этотъ фактъ, или-же покорился ему, какъ печальной необходимости; были-ли протесты противъ уничтоженія гетманства и заявленія о необходимости его возстановленія; если были протесты и заявленія, то изъ какой среды они шли? Относительно этой стороны мы, къ сожалѣнію, также мало, или, точнѣе сказать, почти ничего не знаемъ, хотя и можно было-бы освѣтить ее нѣсколько при посредствѣ матеріала, скрывающагося въ нашихъ архивахъ.

---

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь предисловіе П. А. Кулиша къ Запискѣ члена малороссійской коллегіи Теплова »о непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи«. (См. Записки о южной Руси, Кулиша, т. 2-й, стр. 169) и отвѣтъ Максимовича въ статьѣ »О Григоріѣ Николаевичѣ Тепловѣ и его Запискѣ о непорядкахъ въ Малороссіи«, помѣщенной въ Русской Бесѣдѣ за 1858 г. Кн. IV, стр. 61; перепеч. въ сочиненіяхъ Максимовича, т. I, стр. 545—564.

Черезъ полтора года послѣ уничтоженія гетманства представился, такъ сказать, легальный поводъ всѣмъ малороссійскимъ сословіямъ, за исключеніемъ крестьянъ, высказаться въ пользу или противъ недавно уничтоженной формы управленія малороссійскимъ краемъ. Мы говоримъ о призывѣ въ началѣ 1767 года представителей отъ дворянства, горожанъ и козаковъ для участія въ выборѣ депутатовъ въ надѣлавшую столько шуму „коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія" и для составленія наказовъ депутатамъ, въ которыхъ требовалось заявить о нуждахъ и недостаткахъ какъ отдѣльныхъ сословій, такъ и всего общества. Какъ-же высказались представители разныхъ сословій Малороссіи въ своихъ наказахъ по вопросу, о которомъ идетъ рѣчь?

„Всѣ почти шляхетскіе наказы начинаются обращеніемъ ко временамъ присоединенія Малой Россіи къ державѣ русскихъ государей и просятъ подтвержденія старинныхъ правъ и привиллегій, удержанныхъ малороссійскимъ краемъ по переяславскому договору"[1]). Но эти просьбы выражались въ черезъ-чуръ общихъ фразахъ, въ родѣ слѣдующихъ: „всенижайше просимъ, дабы въ будущемъ новомъ уложеніи упомянутъ былъ и край малороссійскій, чтобъ оный, въ случаѣ касающихся дѣлъ, трактованъ былъ по своимъ правамъ, прежнимъ обычаямъ, по подтвержденнымъ пунктамъ"[2]). Надо думать, что, говоря о подтвержденіи договорныхъ пунктовъ, малороссійское шляхетство вмѣстѣ съ тѣмъ подразумѣвало и возстановленіе гетманскаго достоинства, безъ возстановленія котораго было немыслимо выполненіе пунктовъ. Только, кажется, одно нѣжинское шляхетство прямо рѣшилось просить объ избраніи гетмана. Но, какъ извѣстно, за эту рѣшимость многіе были арестованы и преданы суду. Замѣчательно, что сами-же паны выдавали начальству участниковъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ, наприм., когда въ деревню къ отставному генеральному подскарбію Якову Марковичу явился, съ цѣлью укрыться отъ преслѣдованія, тулигуловскій сотникъ Щигловскій, замѣшанный въ этой исторіи, то Марковичъ, какъ самъ пишетъ въ своихъ запискахъ, „представилъ его при старостѣ въ коллегію съ доношеніемъ моимъ"[3]).

---

[1]) »Малороссія въ 1767 году«. В. Авсѣенко. Кіевъ. 1864 г. стр. 36.

[2]) Тамъ-же, стр. 37.

[3]) Дневныя записки Якова Марковича М. 1859 г., ч. 2-я, стр. 410.

Городскія сословія не дѣлали даже и такихъ скромныхъ заявленій, какъ шляхетство; однако и тамъ находились отдѣльныя лица, которыя не видѣли ничего хорошаго въ предпріятіи правительства и враждебно высказывались противъ его начинаній, считая ихъ пустымъ нововведеніемъ. Такъ, въ г. Погарѣ войтъ Панасъ уговаривалъ жителей „новины не слушать и къ оной не склоняться и не смотрѣть ни на какіе сторонніе страхи, говоря, что новинѣ передъ стариною во многомъ стыдно и показаться,—новина-де того, что въ старину сдѣлано, не точію поправить, но и сдержать не можетъ“ [1]. Но вотъ козаки прилуцкаго полка не убоялись въ своемъ наказѣ прямо заявить себя сторонниками гетманскаго правленія: „въ Малой Россіи, говорятъ они, первый недостатокъ, что не имѣется гетмана. Того ради просятъ козаки у ея императорскаго величества, дабы повелѣно было въ Малой Россіи избрать гетмана вольными голосами“ [2]. Какой отвѣтственности были подвергнуты прилуцкіе козаки за это заявленіе—неизвѣстно. Недовольство отмѣной гетманства и мысль о возстановленіи гетманскаго званія продолжали проявляться между козаками и въ послѣдующіе годы, какъ показываетъ приводимый ниже эпизодъ [3].

Въ половинѣ прошлаго вѣка, въ выбельской сотнѣ [4], черниговскаго полку, былъ сотеннымъ асауломъ нѣкто Матвѣй Новикъ. По происхожденію онъ принадлежалъ къ выборнымъ козакамъ своей сотни, исправлялъ должность куреннаго атамана. Въ сотенные асаулы онъ попалъ въ награду за долговременную службу и за „сгодность“. Болѣе двадцати лѣтъ исполнялъ онъ „добропорядочно“ свои обязанности по асаульству. Наконецъ за старостью и калѣцствомъ попросился въ отставку. Отставка была дана Новику въ мартѣ 1768 года; а въ іюлѣ того-же года случилось съ старикомъ неожиданное приключеніе, которое окончилось для него очень печально, хотя могло кончиться и еще печальнѣе.

---

[1]) Малороссія въ 1767 году, стр. 22.

[2]) Тамъ-же, стр. 129.

[3]) Эпизодъ изложенъ по дѣлу, производившемуся въ малороссійской коллегіи въ 1768 г.

[4]) Село Выбли близь Чернигова, по дорогѣ на Нѣжинъ.

1 іюля утромъ Матвѣй Новикъ пришелъ на домъ къ выбельскому священнику Савичу и просилъ, чтобъ онъ дозволилъ школярамъ запѣть ему псальмы. Для пѣнія позвалъ въ домъ священника дьячка и „великороссійскаго" подлекаря Чепелева, который жилъ въ школѣ и былъ нанятъ другимъ дьячкомъ дьячковать вмѣсто него. Пропѣли одну псальму. Матвѣй Новикъ пригласилъ священника и подлѣкаря Чепелева въ шинокъ госпожи Полуботчихи. Пришли, выпили по чаркѣ, а вѣроятно, и не по одной. Новикъ, какъ человѣкъ бывалый, заводитъ рѣчь о своихъ старыхъ походахъ. Какъ-то дѣло доходитъ и до Малороссіи. Подвыпившій старикъ держитъ рѣчь въ такомъ родѣ.

— Лишилась Малороссія своей прежней вольности, и запорожцы немало утѣснены! А когда господинъ Скуропадскій будетъ гетманомъ[1]), но прежней вольности возстановлено не будетъ, то малороссійскіе козаки съ запорожцами—а можетъ быть призовутъ въ помощь и татаръ—ударятъ на москалей, при чемъ съ перваго Румянцева голову снимутъ.

— А гдѣ-же запорожцы и малороссійскіе козаки возьмутъ людей на уронъ?"—спросилъ хитрый подлекарь, который насторожилъ уши на эти рѣчи, и хотѣлъ повывѣдать что-нибудь и еще.

— Уронъ гдѣ взять—умѣютъ,—отвѣчалъ асаулъ.

Священникъ ничего не говорилъ, но слушалъ. Вышли изъ шинка. Чепелевъ пошелъ со священникомъ къ нему въ домъ. Онъ уже рѣшилъ воспользоваться пьяной откровенностью отставнаго асаула; но чтобъ воспользоваться ею, необходимо было втянуть въ дѣло священника. Ничего не могло выйти, если-бы священникъ,—единственный свидѣтель, вздумалъ отречься отъ того, что онъ слышалъ.

— А какъ вы думаете, и въ правду не можетъ-ли сдѣлаться это великое дѣло?—начинаетъ свой подходъ къ священнику подлекарь.

— Какъ знать!—простодушно отвѣчаетъ священникъ: можетъ быть, и подлинно сіе произойдетъ! Малороссіяне и запорожцы давно вели-

---

[1]) Мы не знаемъ, котораго изъ двухъ Скоропадскихъ, народная молва прочила въ гетманы: генеральнаго-ли асаула Ивана Михайловича, который былъ избранъ депутатомъ въ Москву, въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, или Якова, генеральнаго бунчучнаго. Вѣроятно, перваго.

кое притѣсненіе терпятъ; а при томъ-же запорожцы ни откуда инуда, какъ болѣе изъ людей малороссійскихъ, и какъ ихъ, запорожцевъ, дѣды, батьки и братья, такъ бабы, матки и вся родня состоятъ въ Малой Россіи.

Изъ этихъ рѣчей подлекарь Чепелевъ могъ понять, что священникъ неохотно вступилъ-бы въ роль свидѣтеля противъ Новика. Надо было его къ тому принудить. Чепелевъ наединѣ разсказалъ о рѣчахъ, которыя онъ слышалъ отъ асаула, другому дьячку и сообщилъ ему, что онъ хочетъ донести объ этомъ куда слѣдуетъ. Дьячекъ передалъ все священнику. Священникъ, видя, что дѣло получаетъ огласку, и укрывательство можетъ повлечь и для него крайне невыгодныя послѣдствія, сказалъ, что и онъ тѣ рѣчи Новика слышалъ.

Узелъ былъ завязанъ... За подлекарскимъ доносомъ тотчасъ-же воспослѣдовало соотвѣтствующее распоряженіе, и прикосновенные къ дѣлу были забраны и доставлены въ Глуховъ въ малороссійскую коллегію.

Показанія Чепелева бросали сильную тѣнь и на священника Савича. Поэтому священникъ, по видимому человѣкъ крайне робкій, заботился только о томъ, чтобы выгородить себя, обнаруживая полную готовность выдать Новика съ руками и ногами. Онъ подтверждалъ всѣ подлекарскія показанія и чтобы выставить рельефнѣе свою благонамѣренность, сдѣлалъ на Новика добавочный доносъ. Суть этого доноса заключалась въ слѣдующемъ. Когда асаула и священника везли вмѣстѣ въ Глуховъ, Новикъ нашелъ какъ-то случай, во время перемѣны лошадей, говорить съ священникомъ. Новикъ просилъ священника „не осиротить дѣтей“ и ничего противъ его, Новика, не показывать,—при этомъ онъ говорилъ, что самъ будетъ запираться во всемъ, если даже будутъ приводить къ присягѣ.

И дѣйствительно, асаулъ Новикъ запирался во всемъ. Старый воробей, умудренный своимъ многолѣтнимъ должностнымъ опытомъ, онъ не могъ не знать всей цѣны прекрасной формулы: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“. Но послѣ нѣсколькихъ допросовъ и увѣщаній, онъ наконецъ сознался во всемъ, оправдываясь тѣмъ, что былъ пьянъ. Онъ показалъ, что одна женщина, возвратившись въ Выбли изъ Глухова, разсказывала о томъ, какъ въ Глуховѣ народъ ожидаетъ пріѣзда господина Скоропадскаго, который пріѣдетъ гет-

маномъ¹). Все это женщина разсказывала публично, въ присутствіи многихъ людей, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, Новикъ. Всего-же остальнаго о запорожцахъ и о прочемъ онъ ни отъ кого не слыхалъ, а вымыслилъ все это самъ съ пьяна.

Дѣло это повергалось на Высочайшее разсмотрѣніе. По разсмотрѣніи послѣдовалъ слѣдующій указъ Екатерины II на имя Румянцева:

Секретно.

Графъ Петръ Александровичъ!

Присланный отъ васъ въ сенатъ отъ 5-го числа августа рапортъ и при томъ подлинное дѣло по доносу подлекаря Гаврили Чепелева о содержащихся въ Глуховѣ черниговскаго полку села Вибѣль отставномъ сотѣнномъ асаулѣ Матвѣе Новикѣ, попе Якове Савиче, дьячке Никите Андрѣеве и казацкой жене Палагѣе Толстаго, Мы разсматривали; изъ котораго оказалось, что асаулъ Новикъ говорилъ показанные по тому дѣлу дерзкіе слова, кои онъ вымыслилъ самъ собою, такъ какъ и самъ онъ наконецъ показалъ, что ни отъ кого никогда и ни гдѣ оныхъ словъ не слыхалъ, теми-жъ вымышленными имъ словами осмѣлился онъ и объ васъ, какъ о своемъ начальникѣ, говорить непристойныя слова, и что онъ-же показаннаго по дѣлу попа, яко свидѣтеля, уговаривалъ и склонялъ, чтобъ при слѣдствіи истинны на него не показывалъ. За которое его преступленіе по законамъ достоинъ онъ Новикъ, яко нарушитель между тамошнимъ народомъ спокойствія, тяжкому осужденію! Но поелику существо сихъ дерзкихъ словъ ничего иного въ себѣ не содержитъ, какъ одно самое пустое, да еще и вымышленное и збыться не могущее вранье, то сего ради отъ тяшкаго осужденія его Новика избавляемъ. А чтобъ однако-жъ сіе его вымышленное и дерзкое разглашеніе вовсе безъ наказанія оставлено не было, да и впредь бы онъ и ему подобные такихъ развращающихъ плевелъ вымышлять и разсказывать, равно и начальниковъ своихъ поносить не осмѣливались, повелѣваемъ за сіе вранье, вымыселъ и ложное сплетеніе учинить ему публичное наказаніе батоги, и послѣ сего изъ подъ караула свободить. Попъ Яковъ Савичъ, слыша отъ

¹) Вѣроятно, народъ ожидалъ возвращенія изъ Москвы Ив. М. Скоропадскаго, находившагося тамъ депутатомъ въ коммисіи для сочиненія проэкта новаго уложенія.

означеннаго асаула объявленныя дерзскія слова, объ оныхъ по долгу присяги своей, и такъ какъ человѣкъ свѣдущій законы, не донесъ! за что и дабы онъ впредь, буде иногда отъ кого услышитъ какіе непристойныя и дерзскія слова, доносилъ въ свое время безъ наималѣйшаго упущенія, посадить его подъ началъ въ монастырь на двѣ недѣли, и потомъ освободить. Дьячка Никиту Андрѣева, такъ-же и жонку Палагѣю изъ подъ караула освободить: ибо показанные на оную жонку отъ асаула Новика слова сами по себѣ ничего не значатъ. Показанной-же доноситель подлекарь Чепелевъ за правой его извѣтъ по справедливости заслуживаетъ награжденіе, которое ему имѣете учинить вы по вашему разсмотрѣнію.

Екатерина.

Сентября 3-го дня.
1768 года.
С.-Петербургъ.

Въ силу настоящаго повелѣнія, Матвѣй Новикъ былъ наказанъ батогами на площади въ городѣ Глуховѣ публично, съ барабаннымъ боемъ, а священникъ Савичъ отправленъ съ нарочнымъ компанейцемъ къ кіевскому митрополиту Арсенію, для исполненія назначеннаго ему наказанія.

П. Ефименко.

ИСКЛЮЧЕНІЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ЗА САМОВОЛЬНУЮ ОТЛУЧКУ.

Шевченко, передъ своимъ арестомъ въ 1846 году, состоялъ въ качествѣ рисовальщика при кіевской „Временной Коммисіи для разбора древнихъ актовъ", издававшей тогда мѣстныя „Древности", получая въ годъ 150 р. жалованья. Послѣ его ареста, состоялось такое журнальное постановленіе коммисіи:

„1847 марта 1 дня. Временная коммисія для разбора древнихъ актовъ, имѣя въ виду, что сотрудникъ коммисіи Шевченко безъ всякаго согласія коммисіи (sic) отлучился изъ Кіева и по коммисіи не занимается,—опредѣлили: исключить его изъ числа

сотрудниковъ коммисіи, съ прекращеніемъ производившагося ему жалованья по 12 руб. 50 коп. серебр. въ мѣсяцъ".

Подписи: Предсѣдатель К. Писаревъ.—Членъ коммисіи В. Чеховскій.—Членъ коммисіи Ал. Ставровскій.—Членъ коммисіи А. Селинъ.—Дѣлопроизводитель коммисіи Н. Иванишевъ.

Сообщилъ **Ив. Н.**

МѢСТОРОЖДЕНІЕ СЕМЕНА ПАЛІЯ.

Счастливый случай, при разборѣ склада бумажной рухляди въ мѣстечкѣ Красный Колядинъ (конотопскаго уѣзда, черниговской губерніи), въ домѣ Николая Николаевича Забѣлы, потомка извѣстнаго нѣжинскаго полковника, навелъ меня на судебный актъ, въ которомъ выясняется стоявшее въ туманѣ мѣсторожденіе столь виднаго въ украинской старинѣ лица, Семена (какъ значится, по акту, *Филиповича)* Палія.

И теперь вижу предъ собою любителя украинской старины, архіерея черниговскаго, Филарета Гумилевскаго, любимымъ героемъ котораго былъ Семенъ Палій. Сколько онъ трудовъ и поисковъ предпринималъ для уясненія родины Семена Палія! Въ бесѣдахъ со мною высокочтимый трудовникъ и изслѣдователь какими только предположеніями, соображеніями и догадками не задавался по занимавшему его долгое время вопросу! При одномъ свиданіи узнаешь, что „по всѣмъ имѣющимся доводамъ Палій долженъ быть родомъ остерскаго уѣзда, деревни Пуховки", при другомъ иное. Теряясь въ догадкахъ и предположеніяхъ, съ какимъ-бы восторгомъ встрѣтилъ онъ такой доказательный документъ, какъ приводимый здѣсь отрывокъ изъ судебнаго процесса—объ *отчистомъ* домѣ—брата Семена Палія, Ѳедора, съ Тимошемъ Шевцемъ. Вотъ подлинныя слова изъ этого документа, не оставляющія болѣе сомнѣнія въ мѣсторожденіи и отчествѣ славнаго украинскаго героя.

„Року тысяча шестсотъ девятдесятъ четвертого, мѣсяца ноеврія кг дня.

По злеценю его милости, пана Стефана Петровича Забѣли, полковника нѣжинского, на врядѣ нашомъ борзенскомъ, передо мною Та-

расомъ Тарасовичемъ Забѣлою, сотникомъ борзенскимъ, Петру Макаровичу отаману городовомъ, Кирилу Марковичу войту, Савѣ Даниловичу бурмистру. Постановившися очевисто *Федоръ Филиповичъ, его милости, пана Семена Пальв, рожоний братъ,* сполне зъ Тимошемъ Шевцемъ, *жители наши борзенскіе,* претендовали намъ о томъ свою праву: иж яко будучи они в заводѣ и алтернаціи промежду собою вышъ помененіе Федоръ Филиповичъ з онимъ Тимошемъ о *той отчистый ихъ над речкою Сорокою стоячий....*"

По этому поводу позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ вообще о нашихъ письменныхъ памятникахъ, собираніе и сбереженіе которыхъ такъ важно для исторіи южной Россіи.

Большой грѣхъ лежитъ на душѣ тѣхъ, которые не берегутъ рукописныхъ сокровищъ, нерѣдко валяющихся въ домашней рухляди, и хранящихъ въ себѣ подъ-часъ такія драгоцѣнныя свѣдѣнія, какихъ не найти въ офиціальныхъ хранилищахъ. Не въ однихъ казенныхъ, но и частныхъ архивахъ находятся массы документовъ, которые обнимаютъ собою всю внутреннюю минувшую жизнь нашу, свѣдѣнія о которой у насъ такъ бѣдны; топографію, экономическій бытъ, медицину народа, обычаи, обычный судъ, матеріалы для изученія украинскаго слова и проч, и проч. Съ упраздненіемъ старыхъ формъ жизни и вѣдавшихъ ее учрежденій, съ введеніемъ въ частности размежеванія—всѣ прежнія дѣла остались не нужными, и должны погибнуть безвозвратно, а съ ними и всѣ свѣдѣнія о внутренней нашей жизни прежняго времени. Опредѣляя многоразличное значеніе ихъ для исторіи по тѣмъ выводамъ и соображеніямъ, которыя черпаются изъ прочтенія ихъ, можно бы составить обширную статью. Сколько приносится жертвъ отъ богатыхъ, торговыхъ дѣятелей и прочихъ видныхъ людей на заурядные предметы, уже до-сыта пользующіеся дарами приношеній! Но объ образованіи капитала, о сборѣ пожертвованій на учрежденіе хранилища къ сбереженію историческихъ письменныхъ и другихъ памятниковъ, въ видахъ самоизученія въ прошедшей жизни, въ жизни нашихъ предковъ, со скорбію сказавши, нѣтъ и почину. Потому съ сердечною радостію примешь вѣсть, въ родѣ заявленной газетно въ прошломъ году, что почтенный цѣнитель старины и изслѣдователь, Гр. А. Милорадовичъ, беретъ на себя половину средствъ для уст-

ройства дома къ помѣщенію документовъ, куда заявляетъ желаніе передать и свои. На такое заявленіе сочувственно отозвался черниговскій городской голова В. М. Хижняковъ. Будемъ ожидать благаго начинанія! Мнѣ кажется, что починъ обыкновенной складчины и подписки, прошедшій по всей странѣ, далъ-бы соотвѣтственный капиталъ!

Ст. фонъ-Носъ.

ЛЕГЕНДА И ТРИ ПѢСНИ О СЕМЕНѢ ПАЛІѢ.

Приводимая легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ представляютъ намъ въ общихъ, особою фантазіею пріукрашенныхъ чертахъ—и свѣтлый образъ украинскаго рыцаря Семена Палія, вѣрно служившаго своей родинѣ и общему отечеству — Россіи въ памятный день полтавской битвы, и мрачную тѣнь Мазепы, какъ она отпечатлѣлась въ фантазіи и памяти народной, и взаимныя ихъ отношенія, и Паліеву опалу, и первоначальную близость Мазепы къ царю, и послѣднюю судьбу немногихъ увлеченныхъ имъ козаковъ. Для насъ драгоцѣнны эти общія черты двухъ выдающихся дѣятелей нашей исторіи, сохранившіяся на мѣстѣ бывшаго Запорожья. Любопытно это объясненіе народною фантазіею близости Мазепы къ царю и способа превращенія его въ царскаго отступника. Подъ конецъ 2-й пѣсни хронологическая вѣрность теряется въ памяти народной и она придвигаетъ Палія едва-ли не ко времени Екатерины II и послѣднихъ годовъ Запорожья. *Ред.*

ЛЕГЕНДА.

Мазепа якъ народивсь—то ёго хрестивъ Петро Первый. Отъ якъ гуляли хрестини, а тамъ и Семенъ Палій бувъ, то Семенъ Палій и каже: гляди, царю, бо сей Мазепа тебе з царства ссадить!—„Що ты кажешь!... озьмить ёго та завезить за Піскове море"! А те Піскове море, Богъ ёго святий знае, де воно вже, а переіхати, кажуть, можно тильки меделянами! [1]).

[1]) Порода собакъ. Указаніе на ѣзду на собакахъ въ мѣстѣ ссылки Палія.

Отъ якъ ставъ швецькій король підмовлять Мазепу, шобъ той йшовъ Петра Первого воювать, Мазепа й каже: якъ-же я піднімусь на ёго, то вінъ мені хрещений батько? (то, бачь, зна—шо гріхъ). А ты, каже швецькій король, піди у церкву, та на царськихъ вратахъ потопчи евангелію—будешь ты тоді проклятый,—тоді тобі не гріхъ. Мазепа послухавъ тай потоптавъ евангелію; за те-жъ теперъ ёго и звуть проклятымъ.

Отъ якъ зачали підійматись,—той с цеі стороны, а той с тіі, посідають Полтаву. А Петро Первый и жаліется: що якъ-бы хто одстоявъ Полтаву, то не пожалівъ-бы Богъ знае чого.—Э, кажуть ёму, Семенъ Палій—вінъ може одстояти. Подать ёго сюди!—Такъ вінъ, кажуть ёму, за Пісковимъ моремъ, треба меделянами іхать, не вистигне [1]). Виспівайте [2]), а я тутъ поки самъ одбиватимусь!—Заразъ метнулись—привозять ёго. А вінъ уже старый та сідый—аж трімтить [3]).—А що, каже, царю, не правда моя?—Отъ сіли, пообідали, Семенъ Палій и каже: піду я, на ёго військо подивлюсь. Та перекинувсь собакою тай побігъ у ёго лагері. А Мазепа та взявъ до себе джуру [4]) Семенового; то той джура побачивъ, тай каже: онъ, шось собака біга, то не спроста. А Мазепа каже: адже намъ істи хочется, такъ и ёму, хай біжить!—Отъ якъ Семенъ Палій все вже розглядівъ, чого ёму було треба, побігъ до своіхъ тай хвалится: трохи було мене джура мій не пізнавъ—та добре, шо я—якъ вчивъ ёго—одного ше слова не сказавъ. Та якъ взявъ стрілу, якъ пустивъ, а вона прямо у борщъ Мазепі.—Э, тікаймо, каже, бо вже старый собака тутъ!—Військо-жь лягло, а вони десь, кажуть, ажъ у Турцію подались, та тамъ одинъ одного й порізали!

Сл. Богатая, екатериносл. губ., новомосковск. уѣзда, на р Богатой и Орели, отъ старяка лѣтъ 90.

ПѢСНЯ 1-я.

Ой з-за гаю, гаю зеленого
  Та орелъ вилітае,
От тамъ же проклятый Мазепа—
  Та намстъ розбивае:
Шовковими все килимами
  Та столи застеляе,

---

[1]) Не поспѣетъ. [2]) Поспѣшайте. [3]) Трясется, дрожитъ. [4]) Слугу, оруженосца.

Та Семена, Семена Палія
  У гостоньки зазивае:
„Просю ж тебе, Семене Палію,
  Та на бенкетъ до себе“.
—Ой боюся, проклятый Мазепо,
  Щобъ ты мене не зрадивъ.
„Ой далебі, Семене Палію,
  А далебі не зрадю,
Ой я тебе, Семене Палію—
  На все добре порадю:
Ой ти будешь, Семене Палію,
  Королемъ королювати,
А я буду, Семене Палію,—
  Та царемъ царювати!“
—„Не достоінъ, проклятый Мазепо,
  Та царемъ царювати,
Ты достоінъ, проклятый Мазепо,—
  Въ ката въ стовпа постояти!“
Ой садовить та свои гайдуки—
  Тай усе по за стиллю,
А Семена, Семена Палія—
  Тай усе по ослонахъ.
Ой напуває та свои гайдуки
  Все медомъ солоденькимъ.
А Семена, Семена Палія—
  Все виномъ зелененькимъ,
Ой не много та Семенъ Палій,
  А не много випивши,
А буйною та головочкою—
  На скалню схилився.
Ой як крикне проклятый Мазепа
  Та на свои гайдуки:
Беріть, беріть Семена Палія
  Та все стиха підъ руки,
Ой узявши истиха підъ руки—
  А залийте в кайданы,
А заливши та у ті кайданы—

Закидайте въ темницю,
А я жъ хочу з королемъ швецькимъ
До царя на скалницю!
Ой змовивъ та Семенъ Палій
Та сидячи в темниці:
Ой брешешь, брешешь, проклятый Мазепо,
Та въ царя на скалниці!

Сл. Богатая, новом. уѣзда. Пѣлъ тотъ-же дѣдъ, и какъ поясненіе, разсказалъ предъидущее преданіе.

ПѢСНЯ 2-я.

Ой пьють, тай пьють та два козаченьки,
Вони пьють та гуляють,
Та вони съ собою Семена Палія
На охоту підмовляють.
Та поідьмо, Семене Палію,
На охоту изъ нами,
Бо вже не буде, Семене Палію,
Тобі зрізноньки надъ нами.
Та не вспівъ же та Семенъ Палій
Та меду вина напиться,
Ой поспішився проклятый Мазепа
До Палія примоститься.
Ой та беріте, хлопці Харшавці,
Семена Палія під руки,
Та забийте Семена Палія—
Та у кріпкі заліза,
Ой посадіте Семена Палія—
Та у темну темницю,
Та в залізную клітку,
За залізниі двери.
А як огляділась та наша цариця
Та не звечера в ранці:
Ой десь немае Семена Палія
В моему білому царстві.—
Ой дай же намъ, та наша цариця,
Тай двойное жалування—

И шей красну одежу:
Тоді можемъ знати, можемъ розіськати
Тай Семена Палія—
Ой Семена, Семена Палія—
Превеликаго лицаря.

Сл. Старая Водолага, харьк. губ. валковскаго уѣзда.

ПѢСНЯ 3-я.

Ой ты Семене, Семене Палію,
Ти преславный козаче,
За тобою, Семене Палію,
Та вся Украіна плаче.
Ой не такъ же тая Украіна—
А якъ город Полтава,—
Тамъ торгуе проклятый Мазепа
А виномъ зелененькимъ,
Та частуе Семена Палія
А кубочкомъ повненькимъ.
Баче, баче проклятый Мазепа,
Шо Семенъ Палій спився,
Вінъ своему коню вороному
Та на гривочку схилився.
Ой як крикне проклятый Мазепа
Та на своіхъ гайдарівъ:
Берітъ его, превражого сына,
Заливайте в кайданы,
Ой заливши ёго у кайданы,
Закидайте в темницю,
А закинувши ёго у темницю
Бийте з ружьивъ, пістолетівъ,
Шобъ Семена, Семена Палія—
Шобъ на світі було *нѣту*,

Сл. Банная,—противъ Святогорскаго монастыря, харьковск. губ., изюмскаго уѣзда. Записана отъ бабы.

Сообщ. **И. Манжура.**

ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ 1881 ГОДУ. *)

Это уже 42-й годъ существованія Общества. Къ концу этого года въ составъ Общества, состоящаго подъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, Государя Императора, входили: 17 почетныхъ членовъ, 4 должностные члена, 82 дѣйствительныхъ и 42 сотрудниковъ и корреспондентовъ,—всего 146 лицъ. Общество имѣло пять засѣданій, на которыхъ предложены были слѣдующіе матеріалы и статьи:

Н. Н. Мурзакевича: 1) Ходатайство французскаго негоціанта А. Антуана въ 1786 году у князя Потемкина-Таврическаго объ открытіи торговыхъ сношеній г. Херсона съ Марселью; 2) два письма генералъ-маіора Мих. Илар. Голенищева-Кутузова 1790 и 1791 годовъ; 3) Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ, новороссійскій колонизаторъ, и 4) Свѣдѣнія о Гавріилѣ Бодони, митрополитѣ—экзархѣ кишиневскомъ.

В. П. Юргевича—изъясненія: 1) Воспорской надписи царя Аспурга 301—309 понтійской эры, 5—13 по Р. Хр.; 2) надписи царя Асандра; 3) памятника Алемена, сына Агаѳоклова; 4) пяти надписей эллинскихъ и трехъ римскихъ, принадлежащихъ понто-евксинскому городу Томи, и 5) древне-греческой надписи, найденной въ 1881 году въ Херсонесѣ, посвященной Аристону, сыну Артина.

А. П. Чиркова—Описаніе строеній, бывшихъ въ херсонской крѣпости и адмиралтействѣ при состояніи ихъ съ 1806 по 1825 годъ, съ планомъ.

К. Е. Гемшельмана—фотографическіе снимки: 1) древней надписи, посвященной херсонитянину Аристону, сыну Артина, найденной 28 мая отчетнаго года; 2) императора Зинона о построеніи въ древнемъ Херсонѣ башни въ 512 году по Р. Хр. адмираломъ Діогеномъ.

---

*) Не установивъ еще непосредственныхъ сношеній для своевременнаго сообщенія ближайшихъ обстоятельныхъ свѣдѣній о дѣятельности Общества въ области мѣстной исторіи, мы ограничиваемся на этотъ разъ передачею такихъ свѣдѣній по отчету его за минувшій годъ, изданному отдѣльною брошюрою въ этомъ году въ Одессѣ. Вскорѣ мы представимъ свѣденія по отчетамъ другихъ нашихъ обществъ, дабы имѣть возможно полный очеркъ ученыхъ работъ, сгруппированныхъ въ отдѣльныхъ кружкахъ на пространствѣ южной Россіи. Желательно-бы имѣть свѣденія о хранилищахъ южнорусскихъ письменныхъ и другихъ памятниковъ древности; но это дѣло дальнѣйшаго времени. *Ред.*

А. К. Накко—Свѣдѣніе о находкѣ древняго глинянаго сосуда, выкопаннаго въ 1881 году около р. Бендеръ.

Г. И. Алексѣева—копія герба правителя екатеринославскаго намѣстничества Н. И. Синельникова, убитаго подъ Очаковомъ въ 1788 году.

О. Ф. Ретовскаго—Отчетъ о состояніи ѳеодосійскаго музея древностей въ 1880 году.

А. И. Недзѣльскаго—Заявленіе объ открытіи слѣдовъ древности херсонесскаго водопровода, идущаго къ нынѣшнему монастырю св. Владиміра, съ чертежомъ.

И. А. Китицына—Городъ Кобеляки, полтавской губерніи, нѣкогда числившійся въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ.

Священника І. Няга—Описаніе старинной молдавской церкви XVI в. въ м. Каушанахъ, кишиневской епархіи.

Г. И. Попандопуло—Планъ и фасадъ севастопольскаго путеваго дворца Екатерины II въ 1787 году.

М. П. Паризо—Планъ села свято-троицкаго и землянаго укрѣпленія при р. Бугѣ, насыпаннаго въ 1709 году шведскимъ королемъ Карломъ XII.

В. Н. Цикуленко—Актъ о находкѣ у села Троицкаго, что при устьѣ р. Тилигула, древней ольвійской амфоры съ гончарнымъ клеймомъ.

А. Н. Кудрявцева—Переводъ турецкой измаильской надписи 1209—1791 года.

Большая часть этихъ рефератовъ вошла въ составъ изданнаго въ 1881 году XII тома Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей", гдѣ помѣщено, между прочимъ, „Топографическое описаніе самарскаго николаевскаго монастыря, находящагося екатеринославской губерніи въ двухъ верстахъ отъ города Новомосковска", Чиркова.

Дѣятельность Общества въ отчетномъ году выразилась также въ археологическихъ изысканіяхъ и сохраненіи мѣстныхъ памятниковъ. Раскопки, произведенныя съ нѣкоторыми перерывами въ Херсонесѣ, доставивъ незначительное количество мѣдныхъ вещицъ и монетъ, увѣнчались весьма важной находкой. По случаю расчистки прямой улицы отъ приморской базилики съ востока на западъ къ новостроимому монастырскому собору, 28 мая открыто на бывшемъ

древнемъ городскомъ водопроводѣ мраморное подножіе статуи, поставленной нѣкогда здѣсь въ честь херсонитянина Аристона за разнообразныя, оказанныя имъ городу Херсонесу общественныя услуги, исчисленныя въ десяти изсѣченныхъ рельефно на камнѣ оливковыхъ вѣнкахъ, по примѣру, существовавшему въ Аѳинахъ. Надпись эта принадлежитъ времени римскаго императора Адріана (132—153 г. по Р. Х.), у котораго Аристонъ, между прочимъ, ходатайствовалъ о возстановленіи въ Херсонесѣ издревле бывшаго въ немъ самоуправленія. Аристоновъ памятникъ есть четвертый письменный мѣстный документъ, послѣ сказаній греческаго географа Страбона (глава 7), непосредственно касающійся города Херсонеса. Кромѣ того, въ находящемся неподалеку отъ херсонскаго монастыря виноградникѣ севастопольскаго жителя случайно открыты слѣды *водопровода*, въ древности снабжавшаго Херсонесъ прѣсною водою. Во время осады Корсуня (какъ называется Херсонесъ съ IX в. у русскихъ) кіевскимъ великимъ княземъ Владиміромъ I Святославичемъ, въ 988 году, этотъ водопроводъ, по указанію грека Анастаса, былъ перекопанъ, чѣмъ великій князь и вынудилъ жителей города сдаться. Съ конечнымъ разореніемъ Херсонеса литовскимъ княземъ Ольгердомъ въ 1398 году, водопроводъ забитъ; лишь его слабыя отрасли питали виноградники, существовавшіе до 1783 года, т. е. до начала заселенія Севастополя.

Въ вѣдѣніи Общества состоятъ музеи: одесскій, ѳеодосійскій и керченскій, и библіотека Общества.

Въ 1881 году въ библіотеку Общества поступило до 40 названій, а въ одесскій музей свыше 500 предметовъ. А затѣмъ, коллекціи общества представляютъ слѣдующую числимость: а) по библіотекѣ 4200; б) по музею—памятниковъ эллинскихъ, римскихъ, венеціано-генуэзскихъ, монголо-татаро-турецкихъ, отечественныхъ, литовско-польскихъ, инородныхъ, египетскихъ—2183, и монетъ, медалей, жетоновъ и знаковъ отличія 12757,—всего 21140. Въ ѳеодосійскій музей поступило въ 1881 году 152 предмета, кои съ прежними поступленіями доходятъ до 2378 №№.

На первой страницѣ Отчета помѣщенъ снимокъ съ серебряной монеты кіевскаго князя св. Владиміра (980—1015 г.).

Н. П.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ I томѣ „Кіевской Старины“, 1882 г.*)

*) Цифры указываютъ страницы тома.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ I. 1882 г.

Январь.

Февраль.

Мартъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Рисунки и портреты въ „Художественномъ Журналѣ“ исполняются посредствомъ **фототипіи, фотогравюры и гравюры на мѣди** (офортъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ форматѣ большой книги отъ трехъ до четырехъ листовъ.

Годовые подписчики получаютъ журналъ съ приложеніемъ, которое состоитъ изъ 24 оригинальныхъ рисунковъ, портретовъ и **отдѣльнаго большаго альбома**, который данъ будетъ въ видѣ преміи; полугодовые же подписчики получать журналъ съ рисунками и портретами, но безъ преміи.

„Художественный Альбомъ“ (**ПРЕМІЯ**) 1881 г. состоитъ изъ трехъ большихъ картинъ, величиной 1 аршинъ на $^3/_4$ арш.

Первый листъ — Крахъ банка. Картина В. Маковскаго.

Второй листъ — Утро стрѣлецкой казни. Картина В. Сурикова.

Третій листъ — Подъ липами. Картина В. Каульбаха.

Иногородные подписчики для пересылки премій — „**Художественнаго Альбома**“ за 1881 г., благоволятъ дослать 50 коп. марками. Подписчики Петербурга и Москвы, когда будетъ объявлено о выходѣ премій, могутъ получать въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, а въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, на Кузнецкомъ.

«**Художественный Альбомъ**» (премія) въ 1882 году будетъ выходить по третямъ.

Количество премій или большихъ картинъ „**Художественнаго Альбома**“ будетъ зависѣть отъ количества подписчиковъ; но во всякомъ случаѣ всѣхъ премій будетъ выдано не менѣе **трехъ** и не болѣе **пяти**.

Первый листъ альбома выйдетъ вмѣстѣ съ январскимъ нумеромъ.

ОФОРТЪ И. И. ШИШКИНА.

Величина этого офорта **одинъ аршинъ 2½ вершка** вышины и $^3/_4$ **аршина** ширины.

Офортъ этотъ печатается въ Берлинѣ, въ знаменитой мастерской Л. Беккера. Чтобы судить о трудности вполнѣ художественнаго выполненія этого громаднаго офорта, мы должны указать на то обстоятельство, что г. Беккеръ взялся исполнить этотъ офортъ при печатаніи его не болѣе двадцати экземпляровъ въ сутки.

Иногородные подписчики на 1882 г. для полученія преміи— „**Художественного Альбома**" по третямъ благоволятъ добавлять къ подписной цѣнѣ 1 руб. 50 коп. Эту же сумму должны добавлять и тѣ изъ городскихъ подписчиковъ Москвы и Петербурга, которые пожелаютъ получить премію съ доставкою на домъ.

Цѣна „**Художественнаго Журнала**" съ приложеніями и съ „**Художественнымъ Альбомомъ**" остается та-же. Съ пересылкою и доставкою на годъ:

6 рублей и на полгода 4 рубля; съ пересылкою за границу 8 рублей. Съ пересылкою премій 7 рублей 50 копѣекъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, на углу Невскаго и Троицкаго (подъѣздъ съ Троицкаго), д. Ростовцева, кв. № 24; въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени", на Невскомъ д. № 58, и Мамонтова, на б. Садовой, д. № 12 и въ эстампныхъ: Фельтена и Беггрова, на Невскомъ; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", на Никольской; Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту и въ эстампныхъ: Даціаро, на Кузнецкомъ и Осберга, на Петровкѣ.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи: Петербургъ, уголъ Невскаго и Троицкаго, домъ Ростовцева.

Редакторъ издатель **Н. Александровъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ

РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

въ 1882 году.

Подписка на 1882 г. (4-ый годъ изданія) открыта.

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

Варшава. Въ редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Русскій Филологическій Вѣстникъ выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (NN) отъ 10 до 15

листовъ каждая. (Двѣ книги (два NN) составляютъ томъ). Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому N журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) Педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о преподаваніи русскало языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности;

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: *въ Азовѣ, Александровскѣ, Ахтыркѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бирючѣ. Бахмутѣ, Валкахъ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Зѣньковѣ, Зміевѣ, Изюмѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Константиноградѣ, Кременчугѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кутаисѣ, Лебединѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Нѣжинѣ, Новочеркаскѣ, Новомосковскѣ, Одессѣ, Острогѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Поти, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Ромнахъ, Ростовѣ на-Дону, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таганрогѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Ялтѣ.*

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція позаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород. .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается только, съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й при „Публичной библіотинѣ" А. А. Іозефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Издатель **А. А. Іозефовичъ.**

Редакторъ **А. Н. Стояновъ.**

Кромѣ того, подписка принимается: въ **С.-Петербургѣ**—въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова.—Въ **Москвѣ:** въ отдѣл. варшавск. агентства Райхмана и Френдлера, малая Лубянка, д. Обидиной, при Славянской библ., въ центр. конторѣ объявленій, бол. Дмитровка, и въ конторѣ Плетникова. Москва, Софійка, церковн. домъ.—Въ **Парижѣ**, Agence Havas et C-ie—Place de la Bource 8, à Paris.—Въ **Варшавѣ**, аген. объявл. Райхманъ и Френдлеръ, Сенаторск., № 22.—Въ **Черниговѣ**, у гг. Кранца и Данюшевскаго, въ **Нѣжинѣ** у г. Куриленка, въ **Стародубѣ** у г. Неронова, въ **Харьковѣ** у г. Сыхры, въ **Екатеринославѣ** у г. Голубовскаго, въ **Полтавѣ** у г. Бойно-Родзевича. въ **Елисаветградѣ** у г. Н. К. Менчица, въ **Каменецъ-Подольскѣ** у г. Симоновскаго, въ **Житомірѣ** у г. Будкевича, въ **Немировѣ** у г. Шерра, въ **Тифлисѣ** въ главномъ агентствѣ газетъ г. Петрова.

Редакторъ-издатель **Г. Т. Корчакъ-Новицкій**.

Запросины до предплаты на малоруску часопись

„ДѢЛО",

выдавану во Львовѣ (въ Галичинѣ—Австрійской Имперіи).

Удостоившись Выс. призволу на допустъ нашои часописи „Дѣло" въ границѣ Россійской Имперіи, запрошуемо симъ письмомъ до предплаты на „Дѣло" зъ слѣдуючимъ рокомъ 1882.

„Дѣло" буде и въ р. 1882 выходити *два* разовъ въ тыждень, що середы и суботы въ великомъ листѣ печатномъ (in folio).

Головни отдѣлы „Дѣла" ось яки:

I. Вступни артикулы о справахъ, дотычачихъ малоруского народа.

II. Дописи зъ Галичины, Буковины, Угорщины и Украины.

III. Политичный перегдядъ всѣхъ европейскихъ державъ, зъ особеннымъ увзглядненьемъ славяньскихъ народовъ.

IV. Новинки и дробны вѣсти.

V. Литературни вѣсти и замѣтки.

VI. Послѣдни вѣсти политични и телеграммы.

VII. Фейлетонъ: литературни и наукови розвѣдки, критики, литературни и артистични перегляды малорускои литературы и штуки, повѣсти и оповѣдания.

Яко литературный додатокъ „Дѣла" выходитъ:

„Бібліотека повѣстій" подае передъ всѣмъ повѣсти зъ другихъ европейскихъ литаратуръ переложени на малорускій языкъ; однако тѣмъ не выключаються зъ програмы и оригинальни малоруски повисти.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

АПРѢЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ II. 1882 г.

Апрѣль.

Май.

Іюнь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

АПРѢЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія К. Н. Милевскаго. Крещатикъ, домъ Зейделя.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

АПРѢЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія К. Н. Милевскаго, Крещатикъ, домъ Зейделя.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го марта 1882 года.

Петръ Могила Архієп. Митрополитъ
Кієвскій Галицкій и всея Россіи

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Одинъ изъ давнихъ нашихъ ученыхъ (помнится, Венелинъ) выразился такъ: «это еще вопросъ, который Петръ произвелъ болѣе значительную реформу и болѣе заслуживаетъ имя *Великаго*—Петръ ли I-й или Петръ Могила?» Отзывъ парадоксальный, но не лишенный нѣкоторой доли правды. Петръ Великій и Петръ Могила—двѣ историческія величины, если не равныя, то во всякомъ случаѣ соизмѣримыя; ихъ можно сопоставлять между собою. Оба они знакомили Русь съ западнымъ просвѣщеніемъ, оба были люди идеи, съ тою энергіею и послѣдовательностію, съ тѣмъ пренебреженіемъ частныхъ отношеній и смѣлымъ устраненіемъ препятствій, стоящихъ на пути къ цѣли, однимъ словомъ—съ тѣми качествами, которыя всегда свойственны людямъ идеи. Можно сказать, что и исходный пунктъ дѣятельности у обоихъ Петровъ былъ одинаковъ: это сознаніе русской отсталости и невѣжества, ради коихъ Русь находится въ положеніи бѣдственномъ и приниженномъ и служитъ *притчею во языцѣхъ*. И лекарство для уврачеванія русскаго недуга у обоихъ Петровъ предполагалось одно и тоже, состоявшее въ томъ, чтобы на время пойти въ науку къ иноземцамъ. Оба Петра одинаково подвергались у современниковъ упрекамъ въ ксеноманіи, и одинаково упреки эти были несправедливы, ибо оба Петра, прежде всего и паче всего, добра хотѣли русской землѣ. Вотъ черты сходства; что же касается различія, то оно такъ велико и такъ очевидно, что распространяться о немъ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Главное и существенное различіе состоитъ конечно въ томъ, что Петръ Могила пересаживалъ на Русь латино-польское просвѣщеніе, а Петръ I-й—просвѣщеніе, выросшее на почвѣ протестантизма.

Мы далеки отъ мысли въ настоящей статьѣ представить біографію знаменитаго архипастыря; но, съ помѣщаемымъ въ настоящей книжкѣ *Кіевской Старины* портретомъ и facsimile Петра Могилы, хотимъ припомнить читателямъ лишь главныя черты его жизни и дѣятельности [1]).

Петръ Могила происходилъ изъ фамиліи молдавскихъ бояръ Могилъ и родился—должно полагать—21 декабря 1596 года. Родной дядя его по отцу, Іеремія, былъ господаремъ Молдавіи (1593—1607), а отецъ Симеонъ—господаремъ Валахіи (1601—1602) и потомъ Молдавіи (1607—1609). Оба эти господари отличались приверженностію къ православію, покровительствовали львовскому православному братству и присылали ему значительныя денежныя пособія на постройку братской церкви [2]). Гдѣ воспитывался Петръ Могила, мнѣнія различны; но болѣе вѣроятнымъ представляется, что онъ воспитывался во львовскомъ братскомъ училищѣ, гдѣ и могъ проникнуться тою горячностію къ православной вѣрѣ и неприязнію къ уніи, какими отличался впослѣдствіи. Вѣроятно также, что, по окончаніи обученія въ львовскомъ училищѣ, Могила слушалъ лекціи и въ заграничныхъ академіяхъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что Могила былъ отлично по тому времени образованъ и свободно владѣлъ латинскимъ и греческимъ языками. Бѣдствіе, разразившееся надъ господарскимъ домомъ Могилъ въ 1612 г. (когда Петру было 16 лѣтъ), заставило ихъ искать убѣжища въ Польшѣ, гдѣ они имѣли сильныя родственныя связи. (Двоюродныя сестры Петра Могилы, четыре дочери дяди его Іереміи, были въ замужествѣ за польскими аристократами: *Регина*—за княземъ Михаиломъ Вишневецкимъ, *Марія*—за Стефаномъ Потоцкимъ, *Катерина*—за княземъ Самуиломъ Корецкимъ, *Анна*—за Максимиліаномъ Пжерембскимъ и т. д.). Въ Польшѣ Петръ Могила сначала поступилъ-было въ военную службу и 24 лѣтъ отъ роду участвовалъ въ извѣстной битвѣ и побѣдѣ подъ Хотинымъ. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, благодаря, кажется, вліянію кіевскаго

---

[1]) При составленіи этого біографическаго очерка мы имѣли подъ рукою недавно вышедшій XI томъ *исторіи русской церкви* м. Макарія и еще не вышедшую въ свѣтъ диссертацію С. Т. Голубева о Петрѣ Могилѣ, часть которой напечатана въ журналѣ „Странникъ" на 1882 г.

[2]) Портреты этихъ господарей во весь ростъ, вышитые по канвѣ и осыпанные жемчугомъ, были на археологической выставкѣ III арх. съѣзда въ Кіевѣ; они составляютъ собственность одного монастыря въ Буковинѣ.

митрополита Іова Борецкаго, Петръ Могила рѣшился принять монашество и поступить въ кіево-печерскую лавру. На кіевскомъ соборѣ въ сентябрѣ 1627 г. Петръ является еще міряниномъ, а въ самыхъ послѣднихъ дняхъ года онъ былъ уже *кіево-печерскимъ архимандритомъ*. Ему было тогда 31 годъ. Въ санѣ кіево-печерскаго архимандрита Петръ Могила пробылъ около пяти лѣтъ. Къ первому году его архимандритства относится торжественное осужденіе *апологіи* Мелетія Смотрицкаго, состоявшееся въ присутствіи самого автора, на соборѣ въ день лаврскаго праздника, 15 августа 1628 года. Будучи печерскимъ архимандритомъ, какъ настоятель ставропигіальной лавры, Петръ Могила признавалъ надъ собою только номинальную власть константинопольскаго патріарха, но не былъ подчиненъ никому изъ русскихъ архіереевъ, занималъ среди русскаго духовенства самое почетное и независимое положеніе и титуловался *великимъ архимандритомъ*. Впрочемъ къ митрополиту кіевскому, Іову Борецкому, Петръ Могила относился съ сыновнимъ почтеніемъ, а Іовъ умирая (2 марта, 1631 г.) отказалъ Петру Могилѣ свои греческія и латинскія книги и сдѣлалъ его своимъ душеприкащикомъ, поручивъ ему достроить михайловскую колокольню и заботиться о кіево-братской школѣ. Совсѣмъ иныя были отношенія Петра Могилы къ преемнику Іова Борецкаго, митрополиту Исаіи Копинскому. Быть можетъ, Петръ Могила былъ увѣренъ въ томъ, что покойный митрополитъ желалъ имѣть своимъ преемникомъ именно его, Петра, а не кого другаго. Какъ бы то ни было, но въ избраніи на митрополію Исаіи Копинскаго, печерскій архимандритъ видѣлъ несправедливость и личную для себя обиду. Неудовольствіе П. Могилы высказалось во 1-хъ въ томъ, что онъ долго не пускалъ новаго митрополита въ михайловскій монастырь, замѣстивъ михайловское игуменство печерскимъ намѣстникомъ Филоѳеемъ Кизаревичемъ, въ 2-хъ въ томъ, что, оставивъ безъ вниманія братскую школу на Подолѣ, Петръ Могила задумалъ основать и дѣйствительно основалъ новое высшее училище въ лаврѣ, *для преподаванія свободныхъ наукъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ*. Лаврское училище съ широкою программою (грамматика, реторика, діалектика, ариѳметика, музыка, геометрія, астрономія, ѳеологія) существовало не болѣе двухъ лѣтъ. Петръ Могила смиловался надъ братскою школою и не сталъ

подрывать ее лаврскимъ училищемъ,—послѣ того какъ богоявленскіе братчики дали ему письменное удостовѣреніе, что онъ, *какъ старшій братъ, будетъ пожизненнымъ блюстителемъ и опекуномъ не только братскихъ школъ, но и братскаго монастыря, со всѣми ихъ имѣніями... съ тѣмъ, чтобы призванные имъ учителя всѣ неизмѣнно состояли подъ благословеніемъ цареградскаго патріарха.* Изъ этого удостовѣренія, писаннаго вѣроятно подъ диктовку Петра Могилы, видно, что братская школа становилась въ полную независимость отъ мѣстнаго митрополита; а этого только и нужно было властолюбивому печерскому архимандриту, для того, чтобы, согласно завѣщанію Іова Борецкаго, взять братскую школу подъ свое протекторство. Завѣдуя лаврскою типографіею и братскою школою, управляя обширною и богатою лаврою, *великій архимандритъ* и въ то время былъ уже болѣе сильнымъ и вліятельнымъ лицемъ, чѣмъ митрополитъ Исаія, *обнищавшій до зѣла* и едва втѣснившійся въ михайловскій монастырь, гдѣ, по его словамъ, не нашелъ даже *ни одного святительскаго епитрахиля.* Петру Могилѣ недоставало только митрополичьяго сана, для того, чтобы представительность положенія стала въ уровень съ его силою и вліятельностію. Скоро былъ полученъ и митрополичій санъ.

Въ 1632 г. 30 апрѣля скончался король Сигизмундъ III. На избирательный сеймъ, предшествующій выбору новаго короля, главнымъ духовнымъ посломъ изъ Кіева отправился печерскій архимандритъ, имѣвшій полномочія не только отъ всего духовенства, но и отъ самого митрополита. На сеймѣ печерскій архимандритъ горячо хлопоталъ въ пользу православной церкви и добился значительнаго расширенія ея правъ, но не забылъ и самого себя. Православная церковь получила права легальнаго существованія въ польскомъ государствѣ, которыхъ лишена была со времени брестскаго собора 1596 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло было поставлено такъ, что наличные православные владыки (на которыхъ польское правительство смотрѣло также, какъ напр. русское правительство смотритъ на архіепископа Антонія Шутова и его собратій) были игнорированы и каѳедры ихъ были сочтены вакантными. Петръ Могила конечно ничего не имѣлъ противъ такой постановки дѣла, ибо она была для него выгодна. Тутъ же на сеймѣ онъ избранъ православными дворянами (въ числѣ 49) кандидатомъ на кіевскую митрополію, былъ

утвержденъ новымъ королемъ Владиславомъ въ этомъ званіи, съ сохраненіемъ и кіево-печерской архимандріи, и поѣхалъ посвящаться во Львовъ. Почему во Львовъ, а не въ Кіевъ, догадаться не трудно. Въ Кіевѣ жилъ прежній митрополитъ Исаія, котораго привыкли уже считать за настоящаго митрополита, и многіе, въ томъ числѣ и самъ Исаія, были убѣждены, что онъ устраненъ только по честолюбію и проискамъ Петра Могилы, который, воспользовавшись обстоятельствами, исходатайствовалъ себѣ грамату на митрополію при живомъ митрополитѣ. Поэтому въ Кіевѣ, если бы здѣсь состоялось посвященіе Петра Могилы, могли произойти какія-либо демонстраціи и протестаціи со стороны приверженцевъ Исаіи и самого Исаіи. А послѣ Кіева оставался одинъ Львовъ, гдѣ могло совершиться посвященіе новаго митрополита съ подобающимъ благолѣпіемъ. Во Львовѣ имѣлъ пребываніе единственный православный епископъ, сохранившій свою каѳедру, Іеремія Тиссаровскій, титуловавшійся *экзархомъ константинопольскаго патріарха* и слѣд. имѣвшій право совершить посвященіе кіевскаго митрополита отъ имени вселенскаго патріарха. Къ назначенному сроку прибыли во Львовъ всѣ три православные епископа, хотя и уволенные отъ своихъ епархій: Авраамій (бывшій пинскій и туровскій), Исаакій (бывшій луцкій) и Паисій (бывшій холмскій) и множество православныхъ духовныхъ и мірянъ. Первое посвященіе (т. е. нареченіе) Могилы, по словамъ мѣстнаго лѣтописца, происходило въ среду на св. недѣлѣ, второе (вѣроятно въ санъ епископа) въ субботу, а третье (въ санъ митрополита) въ недѣлю проводную или Ѳомину, которая въ 1633 году приходилась 28 апрѣля. Посвященіе Петра Могилы совершилъ патріаршій экзархъ Іеремія Тиссаровскій съ тремя другими, названными выше, русскими епископами, въ великолѣпной, недавно оконченной церкви львовскаго ставропигіальнаго братства, на построеніе которой много жертвовала фамилія Могилъ. Новый митрополитъ прожилъ во Львовѣ около двухъ мѣсяцовъ и въ концѣ іюня отправился торжественно, съ преднесеніемъ ему креста, на свою каѳедру въ Кіевъ. Петру Могилѣ было отъ роду 36 съ половиною лѣтъ. Въ Кіевѣ многіе встрѣтили первосвятителя съ великою радостію; ему были поднесены два панегирика: одинъ отъ лавры, другой отъ Кіево-братскаго училища. Но не одни панегирики ждали Петра Могилу въ Кіевѣ; здѣсь ждали его и большія непріятности.

Самымъ появленіемъ своимъ въ Кіевѣ новый *упривилегированный* митрополитъ, по выраженію хроникера, *деградовалъ*, т. е. низлагалъ съ каѳедры стараго митрополита Исаію. Исаія не захотѣлъ добровольно подчиниться своей участи и рѣшился бороться съ сильнымъ соперникомъ. Могила съ своей стороны прибѣгъ къ крутымъ мѣрамъ. Онъ запретилъ или низложилъ поповъ, посвященныхъ Исаіею, а самого Исаію велѣлъ перевезти изъ михайловскаго монастыря въ лавру, чтобы старый митрополитъ былъ лишенъ возможности заявлять свои прошенія и жалобы гдѣ бы то ни было. Впрочемъ, спустя немного времени, неизвѣстно по какому побужденію, Петръ Могила выпустилъ изъ лавры стараго митрополита, который опять поселился въ михайловской обители и управлялъ ею до 10 августа 1635 года, когда выѣхалъ изъ нея уже навсегда. Поѣхалъ м. Исаія жаловаться королю на *кривды*, *шкоды* и *оппрессіи* со стороны Петра Могилы и его сторонниковъ, но желаемой «управы» не получилъ. 1 февраля 1637 г. соперничествующіе митрополиты встрѣтились въ Луцкѣ, въ домѣ мѣстнаго епископа, и сдѣлали попытку къ примиренію. Исаія *квитовалъ* Могилу *изо всѣхъ на него чиненныхъ протестацій*. Но едва соперники разстались, какъ Исаія передумалъ, опротестовалъ свой квитъ и занесъ этотъ протестъ въ гродскія книги владимірскія. Жилъ послѣ этого м. Исаія гдѣ-то въ глуши на Полѣсьѣ и ограничивался тѣмъ, что сообщалъ своимъ приверженнымъ монахамъ компрометирующія Могилу извѣстія. «Кіевскій-де митрополитъ Петръ Могила», писалъ Исаія въ лубенскій и прилуцкіе монастыри въ 1638 г., «вѣры хрестьянской нынѣ отпалъ, и благословенъ-де митрополитъ Петръ Могила отъ папы римскаго нынѣ въ великій постъ въ патріархи, будто быть патріархомъ христьянскія вѣры. А присегалъ-де онъ, Петръ Могила, королю и всѣмъ панамъ роднымъ и всѣмъ арцибискупамъ ляцкимъ, что ему хрестьянскую вѣру ученьемъ своимъ попрать» и т. д. Досадная борьба Петра Могилы съ слабымъ, но упорнымъ соперникомъ, не имѣвшимъ великодушія отказаться отъ власти, удержать которую былъ не въ состояніи, продолжалась до самой смерти Исаіи († 5 окт. 1640 г.). Были у Петра Могилы и другія непріятныя столкновенія—съ уніатами, съ непослушными монахами никольскаго пустыннаго монастыря и т. д.

Но, миновавъ эту *злобу дня*, обратимся къ свѣтлымъ и па-

мятнымъ для исторіи сторонамъ митрополичьей дѣятельности Петра Могилы. И здѣсь для порядка мы должны разсказать отдѣльно: о возсозданіи Петромъ Могилою православныхъ храмовъ, объ устройствѣ братскаго училища и объ изданіи нужныхъ и полезныхъ для церкви книгъ.

Въ силу королевской привилегіи Петръ Могила, хотя и съ трудомъ, взялъ изъ рукъ уніатовъ Софійскій соборъ, Выдубицкій монастырь, и другіе храмы. Но всѣ они были въ разоренномъ видѣ. Софійскій соборъ былъ не только пустъ внутри, но и стоялъ безъ крыши, и нѣкоторыя стѣны его обвалились. «*Взялъ отецъ Могила*, пишетъ отступникъ православія Саковичъ, *церковъ св. Софіи въ Кіевѣ отъ колико сотъ лѣтъ пусту сущу, а нынѣ такъ ее украсилъ, что отъ всѣхъ имать похвалу*». Выдубицкій монастырь въ 1635 г. перешелъ отъ уніатовъ въ руки Могилы также разореннымъ и опустошеннымъ, а въ слѣдующемъ году Могила могъ уже называть себя «*ктиторомъ* и *обновителемъ того святого монастыря выдубицкаго, по конечномъ запустѣніи и разрушеніи его отъ отступныхъ уніатъ*. Въ тоже время Могила воздвигъ изъ развалинъ находившуюся близи лавры церковь Спаса на Берестовѣ, построенную, по преданію, еще св. кн. Владиміромъ. Другую болѣе знаменитую церковь Владимірову—*десятинную*, нѣсколько вѣковъ лежавшую въ развалинахъ, отъ которой едва выдавалась на поверхность часть одной стѣны, митрополитъ велѣлъ раскопать въ 1635 г., открылъ подъ развалинами гробъ и въ немъ мощи св. князя Владиміра, и началъ было также возобновлять; но, не успѣвъ окончить самъ, завѣщалъ окончить по смерти своей, для чего и назначилъ тысячу злотыхъ. А третью древнѣйшую церковь, во имя св. Василія или трехъ святителей, отобранную у уніатовъ, митрополитъ приписалъ для обновленія и устроенія къ кіево-братскому училищному монастырю. Въ тоже время кіево-фроловскій монастырь былъ обновленъ и приведенъ въ добрый порядокъ игуменьею Агафіею Гуменицкою, *подъ протекціею и урядомъ духовнымъ* м. Петра Могилы. Всѣ такія постройки, особенно возобновленіе Софійскаго собора, требовали громадныхъ суммъ; и Могила употреблялъ для этого частію свои средства и средства лавры, частію пожертвованія другихъ, и наконецъ испрашивалъ милостыню у московскаго государя.

Другимъ предметомъ заботъ Могилы было кіево-братское учи-

лище, которое называлось то *школами,* то *гимназіею,* то *коллегіею,* и которому митрополитъ старался, но не успѣлъ исходатайствовать у короля имя *академіи.* На содержаніе училища Могила назначилъ два лаврскихъ имѣнія — Вишеньки и Гнидинъ и свой собственный фольваркъ Позняковщину, который купилъ за 4000 злотыхъ. Построилъ для училища въ братскомъ монастырѣ особую деревянную церковь во имя св. муч. Бориса и Глѣба, которая называлась *конгрегаціонною,* такъ какъ въ ней собиралась на молитву *конгрегація* воспитанниковъ. Для помѣщенія классовъ соорудилъ большое двухъэтажное зданіе; завелъ при училищѣ библіотеку, а для бѣдныхъ учениковъ учредилъ бурсу. О внутреннемъ устройствѣ училища при Петрѣ Могилѣ подробныхъ свѣденій не сохранилось; но несомнѣнно, что учебное дѣло было поставлено хорошо. *По истинѣ, въ школахъ учатъ хорошо,* заявлялъ самъ Петръ Могила. Для хорошаго ученья необходимъ хорошій составъ профессоровъ, и объ этомъ особенно радѣлъ Могила. Многіе профессора предварительно нарочито посылаемы были Могилою за границу для довершенія своего образованія въ заграничныхъ академіяхъ. Первымъ ректоромъ коллегіи былъ Исаія Трофимовичъ Козловскій, *докторъ богословія* и *премудрый богословіи учитель,* духовникъ Могилы. Затѣмъ упоминаются какъ ректоры коллегіи: Іосифъ Кононовичъ Горбацкій, Игнатій Оксеновичъ Старушичь, Иннокентій Гизель; въ числѣ профессоровъ были Сильвестръ Коссовъ, Софроній Почасскій и др. Ученики, вѣроятно обучаемые *высшимъ наукамъ,* именовались *студентами* и *спудеями.* Школьное дѣло настолько процвѣтало, что чрезъ нѣсколько лѣтъ Петръ Могила имѣлъ возможность отправить изъ своихъ питомцевъ *благообразныхъ иноковъ* и *добрѣ ученыхъ учителей* валашскому господарю и выражалъ желаніе оказать туже услугу московскому государю. Отеческія отношенія Петра Могилы къ школѣ всего лучше видны изъ предисловія къ изданной имъ книгѣ: *Анѳологіонъ—сирѣчь молитвы и поученія душеполезныя въ душевную пользу спудеевъ* и т. д. (24 мая 1636). «Постаравшись съ Божіею помощію (говорится въ предисловіи) при моихъ слабыхъ силахъ, на мои собственныя средства, обновить гимназію, т. е. школы въ Кіевѣ, отчасти уже бывшія въ упадкѣ и опустѣлыя, я снабжалъ васъ, снабжаю и до конца жизни не престану снабжать книгами, учителями, содержаніемъ бѣдныхъ

сотоварищей—студентовъ и прочими надобностями. Но мнѣ желательно также, чтобы въ этихъ школахъ не только преподавались *высшія науки*, а еще болѣе и выше всего посѣевалось и вкоренялось въ сердцахъ вашихъ благочестіе.... Я самъ рѣшился, какъ бы для отдохновенія отъ другихъ ежедневныхъ трудовъ и заботъ, взять на себя обязанность, чтобы въ весеннее цвѣтущее время вашему цвѣтущему дѣтскому и юношескому возрасту собрать на лугахъ богодухновенныхъ церковныхъ наукъ и св. писаній благоуханные цвѣты благочестивыхъ размышленій и умиленныхъ молитвъ, и вамъ, всему содружеству, т. е. конгрегаціи кіевскихъ школъ, въ въ знакъ отеческой любви, въ даръ принести,—что теперь и исполняю».—За свои труды и заботы по училищу Петръ Могила на первый разъ былъ довольно худо награжденъ. «*Въ то время,* сообщаетъ одинъ изъ позднѣйшихъ кіево-могилянскихъ воспитанниковъ—Гавріилъ Домецкій, *отъ неученыхъ поповъ и отъ козаковъ веліе было негодованіе: на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ дотуду не бывало, и спасалисъ? Было-хотѣли самого Петра Могилу и учителей до смерти побити: едва ихъ уговорили*». Еще тяжеле для Могилы, конечно, было то, что кіевскій воевода Янъ Тышкевичъ, горячій католикъ, вымещалъ на студентахъ свое нерасположеніе къ митрополиту и къ православію. Такъ въ 1640 г., въ отсутствіе митрополита изъ Кіева, студентъ Ѳеодоръ Гоголевскій былъ схваченъ, обвиненъ въ ночномъ буйствѣ и безъ суда и слѣдствія обезглавленъ. Это обстоятельство очень огорчило митрополита. Кіево-братской коллегіи митрополитъ былъ преданъ до смерти. Въ своемъ духовномъ навѣщаніи онъ отказалъ коллегіи 75000 злотыхъ по документамъ и 6000 наличными; всю свою библіотеку, хуторъ Позняковщину, всѣ свои дома, (пріобрѣтенные имъ вѣроятно въ Кіевѣ,) и разныя вещи. Отцовъ же коллегіатовъ митрополитъ просилъ, чтобы они кіевскую коллегію сохранили въ цѣлости, согласно съ фундаціею, а по душѣ его совершали богослуженіе каждую недѣлю въ четвергъ и ежегодно въ день его кончины.

Не мало потрудился Петръ Могила и для обогащенія церковной литературы, для изданія нужныхъ и полезныхъ церковныхъ книгъ. Для пособія священникамъ въ проповѣданіи издано было въ въ лаврѣ въ 1637 г. *Евангеліе учительное*, или собраніе поученій на всѣ годовыя недѣли и праздники,—патріарха константинополь-

скаго Каллиста. Это *евангеліе*, употребляющееся у насъ въ славянскомъ переводѣ издавна, напечатано было на западно-русскомъ языкѣ въ 1616 г. иноками виленскаго свято-духовскаго монастыря. Теперь Могила издалъ это *евангеліе* на общепонятномъ для народа языкѣ вновь и приложилъ отъ себя предисловіе, въ которомъ увѣщевалъ священниковъ, чтобы они какъ можно чаще читали то *евангеліе* и сами поучались изъ него и поучали народъ.

Для руководства священниковъ П. Могила издалъ также (къ концу 1646 г.) свой знаменитый *евхологіонъ, альбо молитвословъ или требникъ*, огромный фоліантъ въ 1529 страницъ. «Вѣдая несомнѣнно», пишетъ митрополитъ въ предисловіи, «что противники наши... называютъ нашихъ духовныхъ неучами и невѣждами въ совершеніи божественныхъ таинствъ и другихъ богослуженій, утверждаютъ, что Русь православная уклонилась въ ересь, не знаетъ ни числа, ни формы, ни матеріи, ни интенціи, ни обрядовъ божественныхъ таинствъ, не умѣетъ дать о нихъ отчета и въ совершеніи ихъ держится различнаго способа, я, потрудившись по силамъ моимъ о укрѣпляющемъ меня Іисусѣ, предпринялъ отнять такое тяжкое поношеніе противниковъ отъ православнаго причта св. россійской церкви. И, по благодати Божіей, не вотще потрудился, какъ можетъ видѣть каждый просвѣщенный и благочестивый читатель этой книги, названной *требникомъ*». Требникъ состоитъ изъ трехъ частей: въ первой помѣщены чинопослѣдованія всѣхъ семи таинствъ съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ соприкосновенныхъ чиновъ; во второй—чины различныхъ освященій, какъ то: освященія воды, церквей и церковныхъ вещей и т. д.; въ третьей—чины различныхъ молебновъ и молитвъ по разнымъ случаямъ—въ день пятдесятницы, въ день новолѣтія, и т. д. Кромѣ того находятся въ *требникѣ* объяснительныя статьи о значеніи того или другаго таинства, о поведеніи священника при томъ или другомъ чинопослѣдованіи и т. д. Всего помѣщено въ требникѣ П. Могилы до 126 чиновъ и статей. Источниками его были евхологіи греческіе, харатейные славянскіе требники и даже ритуалы римскіе.

Для всѣхъ православныхъ христіанъ Петръ Могила далъ весьма полезное руководство въ *катихизисѣ*, извѣстномъ подъ его именемъ. Въ тотъ вѣкъ вѣроисповѣдныхъ споровъ каждому православному приходилось часто сталкиваться съ латинами и протестан-

тами и нужно было твердо знать догматы своей вѣры, а для этого нужно было имѣть такое же точное изложеніе догматовъ православія, какое имѣли латины и протестанты для своихъ исповѣданій. Однимъ словомъ нуженъ былъ *православный катихизисъ*. Первые опыты составленія такой символической книги были неудачны. Катихизисъ Мелетія Смотрицкаго уклонился къ латинству; катихизисъ, изданный въ 1629 г. въ Женевѣ, подъ именемъ патріарха Лукариса, уклонился къ кальвинству. Зная, какой осторожности и обдуманности требуетъ изданіе символической книги для православной церкви, Петръ Могила, составивъ совмѣстно съ своимъ духовникомъ и *премудрымъ богословіи учителемъ*, Исаіею Трофимовичемъ Козловскимъ, *православное исповѣданіе*, подвергъ эту книгу публичному обсужденію спачала на соборѣ кіевскомъ (въ кіево-софійскомъ храмѣ, въ сентябрѣ 1640 г.), а потомъ на соборѣ ясскомъ 1643 г., и отправилъ на разсмотрѣніе всѣхъ восточныхъ патріарховъ. Книга *православнаго исповѣданія* хотя и была одобрена и утверждена подписомъ всѣхъ восточныхъ патіарховъ, но заложена, какъ говорится, *въ долгій ящикъ*, и напечатана въ первый разъ въ Амстердамѣ на греческомъ языкѣ въ 1662 г., много лѣтъ спустя послѣ смерти Петра Могилы. Не дождавшись возвращенія съ востока своей рукописи *православнаго исповѣданія*, Петръ Могила, чтобы удовлетворить вопіющей нуждѣ времени, издалъ въ печерской типографіи сокращеніе книги, подъ заглавіемъ: *собраніе короткой науки объ артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской*, спачала на польскомъ, а потомъ въ 1645 г. и на русскомъ языкѣ. Содержаніе и составъ *православнаго исповѣданія* Петра Могилы хорошо извѣстны всѣмъ получившимъ образованіе въ духовныхъ училищахъ, гдѣ эта книга еще въ недавнее время числилась какъ особый предметъ преподаванія.

Издавалъ Петръ Могила книги и для назидательнаго чтенія. Таковы сочиненія—Сильвестра Коссова Paterikon, abo zywoty s. s. ojcôw pieczarskich... 1635 г. и Аѳанасія Кальнофойскаго Τερατουργήμα, lubo cuda, ktòre były tak w samym swięto-cudotwornym Monastyru pieczarskim kiiowskim, jako y w obudwu s. pieczarach... 1638 г. Для второй изъ этихъ книгъ матеріаломъ послужили, между прочимъ, собственноручныя записки Петра Могила съ повѣствованіями о разныхъ чудесахъ и знаменіяхъ отъ святыхъ печерскихъ. Такъ какъ

обѣ книги, служащія къ прославленію печерской обители, изданы на польскомъ языкѣ, то должно думать, что издатель имѣлъ въ виду не однихъ только русскихъ и православныхъ читателей, а главнымъ образомъ поляковъ и латинянъ.

На польскомъ же языкѣ и очевидно съ тѣмъ же назначеніемъ издана другая книга Петра Могилы апологетическаго содержанія, направленная противъ сочиненія отступника отъ православія Кассіана Саковича, подъ заглавіемъ: Ἐπανόρθωσις abo perspectywa i objasnienie błędow, heresiey i zabobonów w grecko-ruskiey cerkwi dizunickiey... w Krakowie 1642. Отвѣтъ на это сочиненіе, если не составленный, то по крайней мѣрѣ проредактированный Петромъ Могилою, озаглавливается такъ: Λιθος albo kamień z praszczy prawdy cerkwie swiętey, prawosławney ruskiey na skruszenie faleczno-ciemney Perspectiwy od Kassiana Sakowicza wydaney, wypuczczony przez pokornego oyca Eusebia Pimina... 1644. Книга *Лиѳосъ* весьма объемистая и обстоятельная; характеръ полемики, какъ и въ *Перспективѣ*, желчный и бранчивый.—Много было задумано и другихъ важныхъ литературныхъ изданій Петромъ Могилою. Онъ хотѣлъ подарить русское общество *житіями святыхъ*,—трудомъ, который чрезъ полвѣка былъ исполненъ св. Димитріемъ ростовскимъ. Для сей цѣли Могила досталъ съ Аѳона греческій подлинникъ житій Метафраста и распорядился переводомъ ихъ на славянскій языкъ. Петръ Могила трудился надъ исправленіемъ текста славянской библіи и собиралъ уже деньги для новаго изданія ея, болѣе исправнаго, чѣмъ острожское, т. е. приступилъ къ предпріятію, которое осуществилось не ранѣе, какъ чрезъ сто лѣтъ, при императрицѣ Елизаветѣ.

Ранняя смерть пресѣкла начинанія Петра Могилы. Онъ скончался въ 4 часу ночи подъ 1 генваря 1647 года, ровно 50 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно, далеко не доживъ до нормальнаго предѣла человѣческой жизни. Въ умѣ, энергіи, широтѣ замысловъ и строгости жизни никто, даже самые враги никогда ему не отказывали. Отступникъ отъ православія Кассіанъ Саковичъ свидѣтельствуетъ о Могилѣ, что онъ *монастыри строитъ, и школы заводитъ, и много доброва народу въ странѣ своей дѣлаетъ. И если бы только схизму хотѣлъ оставить.., безъ всякаго размышленія не только митрополіи, но и патріаршескаго сана достоинъ бы быти.* Кіевскій лѣтописецъ Іерличь, видимо не расположенный къ Могилѣ при

его жизни, тѣмъ не менѣе свидѣтельствуетъ, что митрополитъ *жилъ на этомъ свѣтѣ богобоязненно, хорошо и трезво, и подвизался въ дѣлахъ благочестивыхъ, всегда заботясь о цѣлости церкви Божіей и оберегая свое стадо, хотя и не чуждался мірской славы.*

Въ русской литературѣ довольно много писано о Петрѣ Могилѣ. Нѣтъ ни одного учебника по русской исторіи вообще и въ частности по исторіи церкви и литературы, гдѣ бы не шла рѣчь о Петрѣ Могилѣ. Есть и спеціальныя изслѣдованія, напр. о *требникѣ* Петра Могилы, и въ особенности объ основанной имъ кіево-могилянской коллегіи. Личная жизнь Петра Могилы менѣе подвергалась изслѣдованію, хотя и объ этомъ есть не мало хорошихъ страницъ въ XI томѣ *исторіи* митр. Макарія (Спб. 1882 г.) и въ диссертаціи С. Т. Голубева. Но замѣчательно, что біографы Петра Могилы обращали преимущественное вниманіе на одинъ фактъ его жизни: именно на то, что Могила занялъ кіевскую каѳедру при живомъ митрополитѣ. Апологія Петра Могилы по этому обстоятельству составляетъ главную заботу его біографовъ; между тѣмъ какъ самъ Могила, думается намъ, вовсе не придавалъ этому дѣлу особенно важнаго значенія. Подобныя недоразумѣнія часто бываютъ съ историками. Карамзинъ, напр., очень совѣстится за Владиміра Мономаха, вѣроломно перебившаго половецкихъ заложниковъ, и едва находитъ возможнымъ оправдать его тѣмъ, что «вѣкъ извиняетъ человѣка»; между тѣмъ самъ Мономахъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи хладнокровно замѣчаетъ: *чадь Итлареву избиша*, и нисколько не думаетъ въ этомъ оправдываться. Въ такомъ же точно положеніи, кажется намъ, стоитъ и Петръ Могила по отношенію къ вопросу о *деградованіи* Исаіи Копинскаго. Внутренняя правда въ этомъ поступкѣ была на сторонѣ Петра Могилы, ибо онъ искалъ митрополіи, ради блага православной паствы, и получивъ митрополію, доказалъ, что былъ того достоинъ; что же касается до нарушенія внѣшней легальности, то это было такимъ ежедневнымъ и зауряднымъ въ Польшѣ явленіемъ, которое не могло никого ни возмущать, ни даже удивлять.

Менѣе было обращаемо вниманіе историками на внутреннюю духовную жизнь Петра Могилы; по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одной попытки охарактеризовать его міросозерцаніе, взгляды и убѣжденія. Между тѣмъ для такой характеристики имѣется не ли-

шенный значенія матеріалъ въ собственноручныхъ запискахъ Петра Могилы, которыя хранятся въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора и отчасти уже испорчены временемъ. Часть этихъ записокъ вошла въ составъ *Тератургимы* Кальнофойскаго; нѣсколько сказаній помѣщено въ *Кіевск. Епарх. Вѣдомостяхъ* 1861 г., небольшой отрывокъ въ *Литовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* 1881 г.; остальныя сказанія еще ждутъ издателя, а всѣ, какъ изданныя и неизданныя, ждутъ прилежнаго читателя и изслѣдователя. Вообще записки Петра Могилы не останавливали на себѣ вниманія изслѣдователей. О существованіи *записокъ* знали; иные, можетъ быть, и перелистывали ихъ въ рукописи, но ни читать, ни издавать ихъ не спѣшили. Какъ ни страннымъ кажется такое холодное отношеніе любителей старины къ запискамъ Петра Могилы, но оно легко объяснимо. Должно думать, что и тѣ немногіе, которые перелистывали ихъ, отходили отъ нихъ съ чувствіемъ неудовлетворенности. Отъ записокъ Могилы очевидно ждали чего-то большаго, лучшаго; онѣ казались слишкомъ простыми, наивными, суевѣрными, во всякомъ случаѣ не такими, какія подобало бы написать Могилѣ, быть можетъ даже роняющими его историческое значеніе. Но что́ дѣлать! Историческихъ дѣятелей мы должны брать такими, какими они были въ дѣйствительности, хотя бы эта дѣйствительность и не приходилась по нашему вкусу.

Содержаніе сказаній Петра Могилы, при всемъ ихъ разнообразіи, очень просто и однородно. Всѣ они представляютъ варіацію на одну тему, распадающуюся на два положенія, которыя можно выразить такъ: *и теперь еще есть святые подвижники въ православной церкви; и теперь еще совершаются Богомъ чудеса въ православной церкви, свидѣтельствующія объ ея истинности.* Эта тема не принадлежитъ исключительно одному Петру Могилѣ. Она обща тогдашней церковной литературѣ. Захарія Копыстенскій въ своей *Палинодіи* (часть 2, разд. 10, арт. 6) цѣлую главу посвящаетъ доказательству того, что *много святыхъ и чудотворныхъ у грековъ, у сербовъ, у болгаръ и у руссовъ сталося по одорваньюся латинниковъ отъ грековъ.* Очевидно, что эта тема выдвигалась впередъ самою жизнію и тогдашними отношеніями латинъ къ православнымъ. Разница между Копыстенскимъ и Могилою въ разработкѣ этой темы та, что Копыстенскій посвятилъ ей нѣсколько страницъ въ своемъ обширномъ сочиненіи и заимствовалъ примѣры изъ книгъ,

а Петръ Могила, такъ сказать, хронически занимался разработкою этой темы, заимствуя примѣры изъ текущей жизни, изъ личнаго опыта, изъ бесѣдъ съ иноками и набожными христіанами, несомнѣнно вѣруя въ дѣйствительность повѣствуемыхъ чудесъ, добросовѣстно стараясь *констатировать факты*, указать время, мѣсто, свидѣтелей и т. д. Для нашего времени Петръ Могила покажется, пожалуй, довольно легковѣрнымъ, а индѣ и суевѣрнымъ, но примемъ во вниманіе, что тогда былъ вѣкъ XVI, а нынѣ XIX.

Представляемъ нѣсколько разсказовъ изъ записокъ Петра Могилы на любимую имъ тему, расположивъ ихъ по двумъ рюбрикамъ: I., *о современныхъ подвижникахъ въ православной церкви.* II., *о современныхъ чудесахъ въ православной церкви.*

Думаемъ, что эти разсказы не лишены будутъ значенія для характеристики того, кто былъ ихъ тщательнымъ собирателемъ. Кромѣ того, всѣ эти сказанія писаны со словъ современниковъ и очевидцовъ и потому носятъ на себѣ тотъ колоритъ мѣста и временъ, который всегда присущъ подобнымъ разсказамъ.

I.,

О современныхъ подвижникахъ въ православной церкви.

Изъ жизни современныхъ подвижниковъ въ *запискахъ* Петра Могилы содержатся разсказы: о Леонтіѣ Карповичѣ, о схимникѣ Іезекіилѣ и о Григоріѣ Межигорскомъ.

О Леонтіѣ Карповичѣ.

Разсказывалъ намъ отецъ Исаія Трофимовичъ, іеромонахъ виленскаго братства, о своемъ архимандритѣ Леонтіѣ Карповичѣ слѣдующее: однажды въ виленскомъ общежитіи было такое безденежье, что оставалось въ братской сокровищницѣ всего ½ гроша. И созвавъ отецъ Леонтій братію, говорилъ такъ: «думаю, братіе, что такое оскудѣніе могло постигнуть насъ ради двухъ причинъ: или между нами есть святотатецъ, скрывающій свое частное стяжаніе, и за него Богъ караетъ всю братію, или Богъ искушаетъ насъ, дѣйствительно ли мы желаемъ быть ревнителями нищеты Христовой».

Тотъ же братъ Исаія разсказывалъ намъ, что авва Леонтій, если задумывалъ какое нибудь доброе дѣло и не находилъ сочувствія въ братіи, то говорилъ: *не отъ Бога ваши мысли*, и дѣлалъ, какъ задумалъ.

Еще: однажды молился авва Леонтій, по обыкновенію, съ затворенными дверями, и вотъ пришли братія и толкнувшись доложили аввѣ, что князь Богданъ Огинскій желаетъ съ нимъ видѣться. По неволѣ старецъ вышелъ (ибо князь былъ ктиторъ и великій благодѣтель обители), но прежде всплакнулъ, что ради угожденія человѣку ему приходится оставить молитву прежде конца.

Однажды тотъ же авва Леонтій, когда ему слѣдовало идти въ путь, по обычаю затворившись творилъ молитву утреннюю. А дорожный товарищъ его, мірянинъ Максимъ Смотрицкій, въ нетерпѣніи много разъ подходилъ къ окну келліи и говорилъ: *отче! пора въ путь;* наконецъ, соскучившись, поѣхалъ впередъ, ученика же старцева Іосифа наустилъ, чтобы онъ распорядился закладкою лошадей. Старецъ, кончивъ молитву, вышелъ изъ келліи и, увидавъ запряженныхъ лошадей, приказалъ ихъ распречь и кормить.—Дальнѣйшія строки рукописи испорчены; но конецъ разсказа таковъ, что старецъ, отправившись въ путь, увидалъ Максима плетущимся въ раскаяніи назадъ на поломанномъ возѣ и изрекъ слѣдующее нравоученіе: «Богъ да проститъ тя, чадо; но знай, что преслушаніе всегда такіе плоды даетъ, а молитва ничему не мѣшаетъ, а во всемъ помогаетъ».

Тотъ же авва имѣлъ обычай ежедневно совершать божественную литургію, а когда ему говорили, что не слѣдуетъ такъ часто приступать къ божественнымъ тайнамъ, что-бы не впасть въ небреженіе, старецъ отвѣчалъ: «кто часто выходитъ на солнечный свѣтъ, тотъ видитъ на себѣ и малую черноту, такъ равно и приобщающійся чаще божественнымъ тайнамъ яснѣе видитъ свои согрѣшенія». И еще: «на бѣломъ платкѣ и маленькая капля чернилъ очень замѣтна, а на черномъ и большая не видна. Такъ и человѣкъ, имѣющій чистую совѣсть, если впадетъ и не очень въ *большой* грѣхъ, тотчасъ придетъ въ чувство и покается, а человѣкъ съ нечистою совѣстію не скоро замѣчаетъ свое паденіе, не скоро и исправляется».

О Іезекіи скитскомъ старцѣ.

Въ 1600 году пришелъ изъ Греціи въ русскую землю монемвасійскій митрополитъ Іоасафъ и проживалъ въ монастырѣ уневскомъ. И пришелъ къ митрополиту изъ своего монастыря блаженный Іезекіиль скитскій ради благословенія. Митрополитъ съ радостію принялъ старца, ибо былъ мужъ весьма человѣколюбивый, и удержалъ старца на обѣдъ. Зная, что старецъ не ѣстъ ни масла, ни яицъ, митрополитъ захотѣлъ искусить его и приказалъ всѣ кушанья приготовить съ масломъ. Подали обѣдать. По благословеніи митрополитъ и всѣ присутствовавшіе стали кушать; старецъ же только ѣлъ хлѣбъ, а кушанья не касался. Митрополитъ спросилъ: «старче! почто не ѣшь?» Старецъ молча поклонился. Митрополитъ, поднявъ руку, благословилъ и сказалъ: «кушай, старче, благословляется тебѣ». Тогда старецъ съ великою поспѣшностію взялъ ложку и вкусилъ кушанья только разъ. Митрополитъ, видя, что старецъ положилъ ложку, опять сказалъ: «благословлено уже, чего ради не ѣшь, старче?« Старецъ вставъ поклонился и сказалъ: *что потребнѣ было для послушанія—исполнилъ: прочее прости мя, отче.* Митрополитъ, услышавъ этотъ многоразсудный отвѣтъ, похвалилъ старца и приказалъ подавать ему кушанья безъ масла.— Смотри, какъ мудръ былъ сей преподобный: и послушаніе исполнилъ, и воздержаніе сохранилъ.

Пришелъ однажды сей блаженный старецъ къ княгинѣ Корецкой, она же по обычаю радостно приняла его и стала угощать. Первыя два кушанья старецъ вкушалъ прилѣжно, такъ что присутсутствующіе дивились и пересуживали его; а послѣ третьяго блюда, когда стали подавать еще многія кушанья, старецъ совсѣмъ пересталъ ѣсть. Мальчикъ, пажъ княгини, говоритъ: кушай, отче! эти кушанья лучше прежнихъ. А старецъ отвѣщалъ: «я не ищу вкуса въ снѣдяхъ, а хочу только удовлетворить требованіе природы». И всѣ присутствующіе удивились и сказали: «вотъ истинный монахъ»! И всегда старецъ имѣлъ обычай не вкушать болѣе двухъ или изрѣдка трехъ снѣдей. И когда его просили кушать болѣе, отвѣчалъ: «болѣе уже будетъ дѣло объяденія, а не насыщенія».

Разсказъ Петра Могилы о томъ, какъ авва Іезекіиль обратилъ къ православію княгиню Анну Корецкую, напечатанъ въ *Кіев. Епарх. Вѣдомостяхъ* 1861 года, стр. 575.

О Григоріѣ межигорскомъ.

Въ 1620 г. четверо такъ называемыхъ *севрюковъ* (т. е. обитателей земли сѣверской) отправились для ловли звѣрей и рыбъ въ пустыню *Орельскую*. Тамъ они заблудились и проплутали двѣ седмицы и крайне проголодались, ибо оскудѣла у нихъ пища. И вотъ, когда они въ уныніи бродили по пустынѣ, Божіимъ произволеніемъ увидали они узенькую недавно протоптавшую тропинку, съ радостію пошли по ней, и нашли небольшую хату, надъ которой курился дымъ. Внутри хаты они нашли столъ, на которомъ стояли дикія груши въ меду,—небольшую печь, ископанную въ землѣ, гдѣ сушились груши, и небольшой горшокъ съ грушевымъ сокомъ. Увидавъ это, севрюки тотчасъ же пошли вонъ изъ хаты, съ ужасомъ думая, что набрели на разбойничій притонъ. Тѣмъ не менѣе два изъ нихъ спрятались съ одной, и два съ другой стороны хаты и, приготовивъ самопалы, ждали возвращенія разбойниковъ во свояси. И вотъ видять севрюки,—идетъ изъ пустыни мужъ святолѣпный, брадатый, долговолосый, въ одеждѣ сплетенной изъ лыкъ, длиною ниже колѣнъ и съ рукавами по локоть, въ лыковыхъ сапогахъ и въ лычаномъ наглавникѣ въ родѣ иноческаго подкапка; въ рукѣ у старца была сѣкира. Подошедъ къ своей кущѣ старецъ тотчасъ же духомъ познал, что тутъ есть люди, и побѣжалъ въ пустыню. Севрюки погнались за пустынножителемъ и стали кричать: *не бѣгай отъ насъ, человѣче Божій; мы христіане, сбившіеся съ пути.* Старецъ остановился, привѣтствовалъ гостей именемъ Божіимъ, пригласилъ ихъ въ свою кущу, угостилъ грушами. Вечеромъ пустынникъ вмѣстѣ съ гостями сталъ на молитву и приказалъ имъ слушать молитвы, смотря долу.

Но одинъ изъ севрюковъ не утерпѣлъ и взглянулъ на старца и увидалъ, что онъ стоитъ не на землѣ, а на воздухѣ, съ руками, простертыми къ небу.—На другой день чуть стало разсвѣтать, старецъ разбудилъ гостей, говоря: «вставайте! пора уже молиться Богу и вывесть васъ изъ пустыни». Дорогой старецъ распрашивалъ севрюковъ о церквахъ православныхъ, и о монастыряхъ печерскомъ и межигорскомъ, и объ архимандритѣ Печерскомъ Елисеѣ, живъ ли онъ (а онъ тогда еще былъ живъ). Старецъ шелъ впереди, а одинъ изъ этихъ козаковъ, идя позади, дѣлалъ отмѣтки на деревь-

яхъ, чтобы найти обратную дорогу къ старцу. Наконецъ чрезъ два дни старецъ вывелъ севрюковъ на прямую дорогу къ ихъ городу. На прощаньѣ севрюки стали умолять пустынника, чтобы онъ сказалъ имъ, кто онъ и откуда, и какъ зашелъ въ пустыню, и долго-ли живетъ въ пустынѣ. Старецъ, понуждаемый ими, неохотно разсказалъ слѣдующее: «я, чада, инокъ межигорскаго монастыря, и по дьявольскому прельщенію впалъ въ грѣхъ, а потомъ, благодатію Божіею, очувствовался и увидѣлъ свое паденіе. И пришелъ мнѣ въ сердцѣ помыслъ: *выдь изъ монастыря и иди въ пустыню и тамъ обрящешь покаяніе.* И принялъ я этотъ помыслъ за голосъ Божій, и пошелъ въ пустыню, и вотъ уже 13 лѣтъ живу здѣсь одинъ, питаясь плодами пустынными. А имя мое—грѣшный и непотребный рабъ Божій Григорій».—Спустя много времени эти севрюки съ нѣкоторыми благочестивыми людьми захотѣли опять отыскать раба Божія, подобнаго Павлу Өивейскому, и добрались до его кельи;—и нашли все, какъ и прежде,—и горшокъ съ грушами, но груши уже сгнили и были поклеваны птицами. И уразумѣли, что человѣкъ Божій ушелъ въ болѣе дальнюю пустыню, бѣгая похвалы человѣческой.—Все это четыре самовидца, оброчные монастырю печерскому, повѣдали братіямъ, отъ которыхъ и я слышалъ и записалъ во славу Бога, и донынѣ прославляющаго угодниковъ своихъ и являющаго блаженное житіе ихъ на пользу нашу, на утвержденіе православныя нашея восточныя вѣры.

Въ запискахъ П. Могилы есть также нѣсколько отрывковъ изъ монашескаго, такъ сказать, эпоса, которые взяты изъ современной иноческой жизни, но по тону и содержанію напоминаютъ сказанія древнихъ патериковъ. Мы озаглавимъ разсказы Петра Могилы по тому нравоученію, которое вытекаетъ изъ каждаго изъ нихъ.

1) Противъ запаздыванія къ богослуженію.

Разсказывалъ намъ Исаакій Борисковичъ, епископъ луцкій, слѣдующее: въ 1597 году при архимандритѣ печерскомъ Никифорѣ Турѣ, когда я былъ еще пономаремъ, совершалось всенощное бдѣніе на праздникъ преп. отца нашего Өеодосія печерскаго. Архимандритъ же не пришелъ къ началу службы, но медлилъ въ кельѣ, бесѣдуя съ князьями и благородными людьми. И вотъ мы—я и іерей

съ діакономъ—видимъ, что на архимандритскомъ мѣстѣ стоитъ мужъ благообразный и святолѣпный, лицемъ блѣдный, съ короткою бородою. Не домышлялись мы, кто это такой, но думали, что во всякомъ случаѣ это архимандритъ, пошли и поклонились ему, приняли благословеніе и поцѣловали руку его. И всю службу стоялъ на архимандричьемъ мѣстѣ сей мужъ, подобный св. Ѳеодосію, такъ какъ пишется на иконѣ,—и, когда діаконъ начиналъ кадить на поліелеѣ и на 9-й пѣсни, по обычаю благословлялъ. И вотъ, когда начали пѣть славословіе, пришелъ архимандритъ Никифоръ съ князьями и боярами. А мы, стоя въ алтарѣ, ужаснулись, говоря между собою: если теперь только пришелъ архимандритъ, то кто же всю ночь стоялъ на его мѣстѣ и отъ кого мы принимали благословеніе? Осмотрѣлись, а его уже нѣтъ. И тотчасъ мы уразумѣли, что это былъ самъ преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій, честь праздника его сохраняя и увѣряя насъ, что никогда не отступаетъ отъ насъ (на полѣ: *аще и лѣнивыхъ правителей имамы*). По окончаніи утрени разсказали мы архимандриту видѣнное, а онъ со слезами отвѣчалъ: «меня ради, чада, было это видѣніе, да навыкну, что архимандиту прежде всѣхъ подобаетъ быть на церковномъ правилѣ и на всякомъ дѣлѣ богодухновенномъ». И съ того времени архимандритъ Никифоръ началъ чаще бывать въ церкви и внимательнѣе наблюдать за собою.

2) Противъ чревоугодія.

При архимандритѣ Елисеѣ Плетенецкомъ былъ въ Лаврѣ печерской старецъ, именемъ Ѳеодосій, родомъ москвитинъ, большой подвижникъ. И вотъ ненавистникъ добра діаволъ, видя его постническіе подвиги и труды, вознамѣрился побѣдить его сластолюбіемъ, и вложилъ ему въ помыслъ, что не грѣхъ инокамъ ѣсть мясо, и такъ распалилъ его къ мясояденію, что старецъ говорилъ: *если не поьмъ мяса, умру, и буду осужденъ, какъ самоубійца.* Такимъ образомъ не познавъ діавольскаго искушенія и будучи побѣжденъ своимъ нетерпѣніемъ, старецъ приказалъ послушнику купить и приготовить мяса и поставилъ горшокъ на печи, чтобы съѣсть мясо, когда останется одинъ. Прошло два часа. Старецъ взялъ сосудъ съ мясомъ и открывъ ощутилъ великій смрадъ;—о чудо! сосудъ

былъ полонъ червями. Видѣвъ это, старецъ тотчасъ же пришелъ въ чувство, палъ на землю и просилъ у Бога прощенія, потомъ, показавъ братіи смрадное мясо, исповѣдалъ свое грѣхопаденіе.

3) Противъ корыстолюбія.

Разсказывали намъ братія св. Лавры печерскія, что однажды при архим. Елисеѣ Плетенецкомъ пришелъ къ нему келарь и сказалъ, какъ много хлѣбовъ раздается каждый день нищимъ. Архимандриту непріятно показалось такое иждивеніе, и вотъ онъ пошелъ въ келарню и, увидѣвъ множество нищихъ, еще болѣе огорчился, потому что наряду съ недужными было много и здоровыхъ. И приказалъ архимандритъ раздавать хлѣбы только недужнымъ, то есть слѣпымъ, хромымъ и подобнымъ, а здоровыхъ отпускать ни съ чѣмъ. Едва только успѣлъ архимандритъ возвратиться въ свою келью, какъ вдругъ, о чудо! пошелъ сильный градъ, и,—всѣ жита монастырскія въ окрестностяхъ лавры побилъ, истопталъ и съ землею смѣшалъ. И ничему не повредилъ этотъ градъ, кромѣ монастырскихъ нивъ. Съ тѣхъ поръ приказалъ старецъ невозбранно раздавать хлѣбъ всѣмъ просящимъ. И когда кто-либо изъ келарей возражалъ противъ этого, старецъ говорилъ: *дай, злой рабъ, требующимъ: обитель святая никогда не оскудѣетъ* [1]).

II.

О современныхъ чудесахъ въ православной церкви.

Захарія Копыстенскій, говоря въ своей *Палинодіи* о чудесахъ, подтверждающихъ истину православной церкви, обращаетъ особенное вниманіе на постоянныя или, по крайней мѣрѣ, періодически повторяющіяся чудеса, которыя всегда могутъ быть, такъ сказать, провѣрены современниками. Авторъ *Палинодіи* упоминаетъ о святомъ огнѣ, сходящемъ ежегодно въ пасхальную ночь на гробъ Спасителя, и египетскихъ мертвецахъ, которые выступаютъ изъ земли и лежатъ поверхъ ея отъ Пасхи до Пятьдесятницы, и о Лимносскомъ прахѣ, который выбрасывается ежегодно 6 августа.

---

1) Подобные же по содержанію разсказы сообщаются Петромъ Могилою изъ жизни аѳонскихъ монастырей Діонисіатскаго и Симеона Петрскаго.

Петръ Могила, архимандритъ *чудотворной* лавры печерской, видѣлъ неиссякаемый и постоянный источникъ чудесъ въ мощахъ св. угодниковъ печерскихъ и оставилъ много записей о такихъ чудесахъ. Эти записи распадаются на два рода: однѣ гласятъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ и вообще о чудесной помощи Божіей набожнымъ людямъ, съ вѣрою притекающимъ ко св. мощамъ; другіе—гласятъ о чудесныхъ наказаніяхъ Божіихъ тѣмъ невѣрамъ, которые относились къ мощамъ съ пренебреженіемъ и кощунствомъ и дерзали похищать частицы мощей. Всѣ эти записи напечатаны въ *Тератургимъ* Кальнофойскаго; потому мы и не будемъ здѣсь повторять ихъ.

Приведемъ въ заключеніе два разсказа о чудесахъ, заимствуемые Могилою изъ его личнаго опыта.

1) О благоуханіи отъ иконы.

Въ 1629 г. октября 27 случилось мнѣ быть въ городѣ Туровѣ. Изъ усердія къ Пресвятой Богородицѣ и къ чудотворной иконѣ ея, и по благословенію епископа Аврамія совершилъ я по утрени въ каѳедральной церкви молебное пѣніе; по совершеніи котораго поклонившись лобзалъ чудотворный образъ Пресвятой Богородицы. О чудо! такое благоуханіе ощутилъ я отъ иконы, что я думаю съ нимъ не сравнятся никакіе ароматы на землѣ. И не только тѣлесно я усладился, но и душа исполнилась неизреченнаго веселія. И тотчасъ я повѣдалъ это епископу и спросилъ, всегда ли бываетъ благоуханіе отъ иконы!—Благоуханія я никогда не ощущалъ, сказалъ епископъ, но вѣрно, что икона чудотворная, и разсказалъ о чудесномъ исцѣленіи своего брата іеромонаха Матвѣя.

2) О превращеніи воды въ вино.

Въ лѣто 1629, іюля, 15 въ день св. кн. Владиміра, пришлось мнѣ быть въ моей монастырской деревнѣ Рубежовкѣ, у слуги моего Станислава Третьяка. Тамъ я освятилъ новопостроенный имъ домъ, совершилъ по обычаю малое освященіе воды; жена же Третьякова, собравъ оставшуюся священную воду въ стеклянный сосудъ, сохра-

нила ее въ особомъ мѣстѣ. Прошелъ годъ. Посмотрѣвъ ту воду, Третьяки нашли ее превратившуюся въ вино и весьма удивились и прославили Бога. Случилось же мнѣ въ 1630, году 20 іюля, быть въ томъ же селѣ, и вотъ пришли ко мнѣ оба, Третьякъ и жена его, показывая сосудецъ съ водою и разсказывая, что та вода, которую я освятилъ въ прошломъ году на освященіе дома, превратилась въ вино. Я удивился, взялъ сосудецъ, понюхалъ, и ощутилъ что пахнетъ виномъ, вкусилъ и нашелъ, что это волосское вино. Удивившись еще болѣе, говорю имъ: «правда ли, что это вода превратилась въ вино; вѣдь это не вода, а волосское вино». Они же съ клятвою стали говорить, что въ нынѣшнемъ году мы у себя въ домѣ и вина не видали, а въ этомъ сосудѣ и вина никогда не бывало, и это не вино, а вода, которую ты оставилъ въ прошломъ году. А я, чтобы удостовѣрить дѣло при многихъ бывшихъ тогда людяхъ и братіяхъ, опять сказалъ имъ, угрожая клятвою св. отецъ: «говорите правду, не выдумываете ли небывальщину.» И они стали клясться великими клятвами, что дѣйствительно это вода, а не вино. И, слышавъ ихъ великія клятвы, я удостовѣрился и прославилъ Бога. А воду взялъ съ собою, и до нынѣ она у меня невредима, имѣетъ вкусъ и запахъ вина, какъ и тогда, не окисла, не измѣнилась ни вкусомъ, ни запахомъ. А записалъ я это для того, чтобы мы узнали, какъ многообразно Богъ показываетъ и въ сіи послѣднія времена силу своего пресвятаго Духа, дѣйствующую въ нашей восточной греческой церкви; отсюда очевидно, что вѣра наша истинна, ибо для удостовѣренія и утвержденія ея, а равно для посрамленія и искорененія всякаго зловѣрія и отступничества совершаются благодатію Божіею сіи преславныя и сверхъестественныя чудеса.

Для характеристики того времени не лишены значенія разсказы о чудесныхъ наказаніяхъ, постигшихъ иновѣрныхъ пановъ за принужденіе православныхъ крестьянъ работать и въ праздники.

Не правда ли, что по прочтеніи разсказовъ Петра Могилы нравственный образъ его рисуется нѣсколько въ иныхъ чертахъ, чѣмъ какъ мы привыкли представлять его доселѣ? Является предъ

нами не смѣлый реформаторъ, не двигатель просвѣщенія и искусный администраторъ, а прежде всего ревнитель православной вѣры, насквозь пропитанный тѣми представленіями, которые другой реформаторъ (Петръ Великій) не стѣсняясь называлъ уже *старческими бреднями.* Привлекателенъ или нѣтъ образъ Петра Могилы, рисующійся въ его *запискахъ,* но онъ вѣренъ съ дѣйствительностію. И по прочтеніи тѣхъ записокъ, мы признаемъ вполнѣ возможнымъ, что Петръ Могила на первыхъ порахъ своего монашества дѣйствительно *острою власяницею и желѣзнымъ ланцухомъ стискалъ и умерщвлялъ тѣло свое.*

Ф. Терновскій.

СОЦИНІАНСТВО

ВЪ ПОЛЬШѢ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

I.

Лишь только юго-западная Русь, объединенная въ XIV вѣкѣ подъ властью литовскихъ князей, нѣсколько оправилась послѣ тяжкаго удара, постигшаго ее со стороны монголовъ, и получила возможность спокойнаго развитія своей внутренней жизни, она снова вступаетъ въ близкія связи и сношенія съ западной Европой, прерванныя на нѣкоторое время монгольскимъ нашествіемъ. Литовское завоеваніе не только не препятствовало этимъ сношеніямъ, а скорѣе способствовало ихъ возобновленію, введя русскія земли въ непосредственное сосѣдство съ европейскими государствами. Сношенія эти прежде всего были торговыя. Извѣстно, что въ XIV в. Вильно, Полоцкъ, Могилевъ и другіе литовско-русскіе города имѣли постоянныя торговыя связи съ Ригой, Кролевцемъ (Кенигсбергомъ), Гданскомъ (Данцигомъ) и другими мѣстами Пруссіи; Львовъ, Галичъ, Перемышль и другіе города Червоной Руси издавна вели торговлю съ Венгріей, Силезіей и Чехіей; нѣсколько позже литовско-русскіе купцы ѣздили съ товарами въ Лейпцигъ, Франкфуртъ и въ другія мѣста сѣверной Германіи. Само собою разумѣется, что иноземные купцы въ свою очередь посѣщали литовско-русскіе города; такъ въ Кіевѣ въ XV ст. существовала многолюдная армянская колонія, здѣсь же имѣли торговый дворъ генуэзцы и проживали многочисленные торговцы: турецкіе, греческіе, молдаванскіе и польскіе. Въ Вильнѣ въ началѣ XVI в. часто проживали: греки, италіанцы и англичане, а нѣмцевъ ремесленниковъ и купцовъ было такъ много, что они имѣли въ городѣ даже особую улицу «нѣмецкую».

Кромѣ торговыхъ связей, Литва издавна находилась въ постоянныхъ политическихъ сношеніяхъ съ западными сосѣдями. Въ 1429 году въ Луцкѣ былъ отправленъ памятный съѣздъ европейскихъ государей, на которомъ, кромѣ литовскаго князя Витовта, присутствовали: польскій король Ягелло, германскій императоръ Сигизмундъ, датскій король Эрикъ VII, магистры прусскій и ливонскій, ханъ крымскій, господарь молдавскій, папскій легатъ и послы греческаго императора Іоанна Палеолога. На этомъ съѣздѣ обсуждались способы къ совмѣстному противодѣйствію угрожавшей въ то время всеобщей опасности со стороны возраставшаго могущества оттомановъ [1]). Особенно близки были сношенія Литвы съ Чехіей. Въ 1403 г. сюда пріѣзжалъ знаменитый сподвижникъ Іоанна Гусса, Іеронимъ Пражскій, а года два спустя, возвращаясь изъ Англіи, онъ снова посѣтилъ Литву и Русь и посѣялъ здѣсь сѣмена гусситскаго ученія, слѣды котораго остались до временъ реформаціи [2]). Когда начались гусситскія войны, чешскіе послы приглашали Витовта на престолъ Чехіи; вслѣдствіе этого въ 1424 году было отправлено въ Чехію на помощь гусситамъ многочисленное русское ополченіе, подъ начальствомъ князя Сигизмунда Корибутовича. Цѣлыхъ восемь лѣтъ русскіе оставались въ Чехіи и принимали дѣятельное участіе въ геройской борьбѣ чеховъ съ войсками нѣмецкаго императора, къ коей покрылъ себя военной славой доблестный южно-русскій князь Ѳеодоръ Острожскій.

Но болѣе всего западная Европа влекла къ себѣ литовско-русскихъ людей своими школами и просвѣщеніемъ. Еще въ 1379 году польская королева Ядвига, въ видахъ укрѣпленія задуманнаго при ней политическаго соединенія Литвы съ Польшею, заложила на свой счетъ при Пражскомъ университетѣ особый интернатъ для студентовъ литвиновъ и русскихъ, а въ 1409 г. такой же интернатъ (contubernium pauperum) учрежденъ былъ при краковской академіи [3]). По всему видно, что въ данномъ случаѣ поляки ста-

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ съѣздѣ можно найти въ хроникахъ Бѣльскаго и Стрыйковскаго.

[2]) На констанцскомъ соборѣ, во время суда надъ Іеронимомъ Пражскимъ, въ числѣ другихъ обвиненій, ему было поставлено въ вину и то, что въ бытность свою въ Литвѣ и *на Руси* онъ старался отторгнуть отъ католической церкви тамошнихъ жителей. Iaroszewicz, Obraz Litwy, t. II, p. 178—179.

[3]) Iaroszewicz, Obraz Litwy, t. II, p. 41.

рались воспользоваться для своихъ цѣлей уже существовавшимъ среди русскихъ и литовскихъ людей обычаемъ посылать своихъ сыновей для полученія образованія въ заграничныя школы. Не даромъ великій князь Казиміръ Ягайловичъ въ своей жалованной грамотѣ 1457 года, въ числѣ другихъ правъ и свободъ, дарованныхъ имъ русско-литовскому дворянству, счелъ нужнымъ предоставить имъ право свободнаго выѣзда въ чужія земли «для набывання лѣпшои фортуны а любо для цвиченя (обученія) въ учинкахъ рыцерскихъ» [1]). Этотъ фактъ ясно свидѣтельствуетъ о существованіи въ тогдашнемъ русско-литовскомъ обществѣ стремленія къ постоянному, живому общенію съ западно-европейскими народами, которое должно было еще болѣе усилиться со времени дарованія означеннаго права. Объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей конца XV и начала XVI в., князѣ Михаилѣ Глинскомъ, мы знаемъ, что онъ всю свою молодость провелъ за границей, вначалѣ занимаясь науками, а потомъ состоя на службѣ у разныхъ иноземныхъ государей: при дворѣ германскаго императора Максимиліана, саксонскаго курфирста Альбрехта, а также въ Испаніи и Италіи, и пріобрѣлъ тамъ репутацію даровитаго воина, участвуя въ кампаніяхъ италіанской и фрисландской. Таковъ же, безъ сомнѣнія, былъ и его ученый современникъ, «въ лекарскихъ наукахъ докторъ», Францискъ Скорина, напечатавшій въ 1517—1519 г. въ чешской Прагѣ свой знаменитый переводъ библіи на западнорусскій языкъ, «Богу ко чти и людемъ посполитымъ къ доброму навченю» [2]). Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе укоренялся въ средѣ литовско-русскаго дворянства обычай посылать своихъ дѣтей для образованія въ заграничные университеты или приглашать къ нимъ иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, учителей; такъ въ XVI вѣкѣ Радзивиллы, Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Кишки и др. учились за границей. Извѣстный ревнитель православнаго просвѣщенія, издавшій въ 1568—1569 г. въ своей заблудовской типографіи славянское «учительное евангеліе», гетманъ литовскій Григорій Ходкевичъ пригласилъ въ учители къ своимъ сыновьямъ Андрею и Александру саксонца Яна Миліуса, увѣнчаннаго поэта; другой Ходкевичъ, Янъ,

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. I, № 61.

[2]) Достойно вниманія, что первый *польскій* переводъ библіи былъ изданъ лишь въ 1561 г., т. е. почти полустолѣтіемъ позже изданія библіи *русской*.

староста Жмудскій, слушалъ науки въ Виттенбергѣ, Левъ Сапѣга—въ Лейпцигѣ [1]). Тотъ же обычай, безъ сомнѣнія, существовалъ и въ средѣ южнорусскихъ богатыхъ пановъ. Когда въ 1564 г. на Волыни поселился извѣстный московскій эмигрантъ, князь Андрей Курбскій, то, подъ вліяніемъ господствовавшаго здѣсь стремленія къ европейской образованности, самъ на старости лѣтъ принялся за изученіе латинскаго языка, а своего молодого родственника, князя Михаила Оболенскаго, уговорилъ оставить дома жену и дѣтей и отправиться сначала въ краковскую академію, а затѣмъ и въ Италію «совершенія ради въ вышнихъ наукахъ» [2]). Наконецъ, помимо цѣлей образовательныхъ, литовско-русскіе дворяне издавна любили ѣздить въ Германію, Швейцарію и въ другія мѣста Европы для поступленія на службу къ иноземнымъ дворамъ, а часто безъ всякихъ опредѣленныхъ цѣлей. Король Сигизмундъ Августъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ датскому королю, жалуется на эти безцѣльныя шатанія по чужимъ землямъ, говоря, что они приводятъ лишь къ проживанью состояній, растратѣ силъ и здоровья и къ внесенію въ отечество чужихъ обычаевъ [3]). Часто случалось, что подобные туристы и женились за границей на иноземкахъ.

Такія близкія связи и сношенія съ европейскими странами и народами имѣли своимъ естественнымъ послѣдствіемъ то, что въ общественный бытъ Литвы и югозападной Руси съ очень давняго времени начали проникать многія понятія и формы западно-европейской культуры и общественности. Съ особенной чуткостью воспринимались здѣсь всякаго рода религіозныя вольномыслія, которыя столь сильно волновали западную Европу въ XV и XVI столѣтіяхъ. Вотъ почему, когда въ концѣ первой четверти XVI в. въ Германіи и Швейцаріи возникло реформаціонное движеніе, оно нашло для себя въ Литвѣ и югозападной Руси вполнѣ приготовленную почву. Многіе литовско-русскіе дворяне учились въ Саксоніи и были слушателями Меланхтона и даже самого Лютера, другіе приглашали нѣмецкихъ учителей—протестантовъ. Кромѣ того, кружившаяся въ то время по всей Европѣ шляхта, возвращаясь въ отечество, привозила съ собой протестантскія сочиненія, которыя затѣмъ во мно-

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kościołow wyznania helweckiego w Litwie, p. 4.

[2]) Сказанія князя А. Курбскаго, т. II, стр. 155.

[3]) S. Augusti Epistolae, legationes et responsa, Leipsiae, p. 480.

жествѣ циркулировали и читались на расхватъ въ цѣлой Литвѣ и Руси. Чтобы положить предѣлъ широкому распространенію реформаціонныхъ идей въ подвластныхъ ему государствахъ, король Сигизмундъ I издалъ было въ 1541 году запрещеніе, чтобы никто изъ его подданныхъ не отваживался ввозить въ отечество сочиненія Лютера и его послѣдователей, а равно приглашать нѣмецкихъ учителей и посылать молодыхъ людей въ нѣмецкіе университеты; но въ Литвѣ эта мѣра не исполнялась: за литовскихъ дворянъ всегда заступался склонный къ реформаціи королевичъ Сигизмундъ-Августъ, изъ богатой виленской библіотеки котораго также расходились по рукамъ сочиненія Лютера, Меланхтона, Кальвина и др. [1]).

Не будемъ подробно слѣдить за успѣхами реформаціи въ Литвѣ: это не входитъ въ нашу задачу. Скажемъ только, что обнаружившееся въ первый разъ въ Вильнѣ въ 1539 г. реформатское вѣроученіе, благодаря главнымъ образомъ патронатству могущественнаго при дворѣ Сигизмунда-Августа князя Николая Радзивилла Чернаго, въ короткое время распространилось по всей Литвѣ и соединеннымъ съ нею русскимъ областямъ. Самые богатые и вліятельные литовско-русскіе роды, каковы: Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Вишневецкіе, Войны, Абрамовичи, Воловичи, Зѣновичи, князья Проискіе, Головчинскіе, Дорогостайскіе, Пузыны, Горскіе и др. приняли новое ученіе. Слѣдуя ихъ примѣру, и остальная литовско-русская шляхта, въ особенности католическая, охотно бросала вѣру предковъ и немедленно обращала въ своихъ имѣніяхъ костелы, а часто и православныя церкви, въ реформатскіе молитвенные дома, такъ что изъ 700 католическихъ приходовъ къ 1576 году осталось во всей Литвѣ не болѣе шести [2]), всѣ же остальные перешли въ протестантство. Разливъ новаго вѣроученія былъ такъ стремителенъ, что католическое духовенство оказалось безсильнымъ для борьбы и само подчинилось ему: не только ксендзы охотно нарушали обѣты безбрачія и становились кальвинскими пасторами, но даже прелаты и бискупы (какъ напр. жмудскій бискупъ Янъ Пяткевичъ и кіевскій Николай Пацъ) нерѣдко увеличивали собою ряды вѣроотступниковъ. Успѣхи новой вѣры среди православнаго южнорусскаго дворянства хотя

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kośc. wyznania helw. w Litwie, p. 4—9.
[2]) Ibidem p. 15—16.

и не достигли такихъ крайнихъ размѣровъ, но все же были очень значительны [1]). Такіе же быстрые успѣхи протестантизмъ имѣлъ и въ Польшѣ, гдѣ онъ появился первоначально въ Краковѣ около 1520 г., т. е. раньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ самой Саксоніи, и откуда онъ быстро распространился не только въ коренныхъ польскихъ провинціяхъ, но также и въ Руси Червоной, Подольи, Волыни и на Украйнѣ, находя себѣ адептовъ какъ въ средѣ католиковъ, такъ равно и среди православныхъ дворянскихъ родовъ [2]). Всѣ усилія правительства и высшаго католическаго духовенства задержать этотъ могучій потокъ, разлившійся по всему государству и угрожавшій смыть самое основаніе католической церкви въ Литвѣ и Польшѣ, не имѣли никакого успѣха. Тогда на помощь погибавшему католичеству были призваны іезуиты, и только ихъ искуснымъ усиліямъ, да еще желѣзной энергіи короля-фанатика Сигизмунда III, въ теченіе 45-лѣтняго своего царствованія упрямо преслѣдовавшаго одну вѣроисповѣдную политику, римская церковь въ Польшѣ была обязана своей побѣдой надъ иновѣріемъ. Но эта побѣда была пріобрѣтена слишкомъ дорогой цѣною: она внесла въ политическій организмъ Рѣчи-Посполитой сѣмена разложенія и привела ее сначала къ козацкимъ войнамъ и шведскому вторженію, а черезъ полтора вѣка и къ окончательной гибели польскаго государства.

II.

Церковная реформа Лютера и его послѣдователей далеко не удовлетворила всѣхъ тѣхъ, которые, отвергнувъ, подобно ему, внѣшній церковный авторитетъ, стремились установить разумное отношеніе къ предметамъ вѣры. Какъ извѣстно, основная идея реформаціи заключалась не въ переработкѣ идей христіанства, а лишь въ преобразованіи церкви и ея внѣшняго устройства. Первоначальной точкой отправленія для реформаторовъ служила критика цер-

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kośc. wyzn. helweckiego w Litwie, p. 13—17. Говоря о быстромъ распространеніи протестантства среди западнорусскаго и южнорусскаго населенія, мы разумѣемъ лишь дворянъ и отчасти мѣщанъ, но отнюдь *не простой народъ*, который всегда твердо держался отцовской вѣры и оставался въ сторонѣ отъ реформаціоннаго движенія.

[2]) Его же, Dzieje kośc. wyzn. helweckiego w Małej Polsce, стр. 20.

ковныхъ установленій римской куріи и рѣзкое порицаніе ея злоупотребленій, а не какія-либо догматическія разногласія съ католической церковью. Поэтому представители реформаціи преслѣдовали исключительно практически-религіозный интересъ и коснулись лишь нѣкоторыхъ, второстепенной важности, предметовъ христіанскаго вѣроученія, каковы: вѣра и дѣла, грѣхъ и оправданіе, церковь и таинства и т. п.; самую же внутреннюю сторону христіанства—догматы о единствѣ Бога, о троичности лицъ въ божествѣ, объ отношеніи Сына къ Отцу и другіе—они оставили не прикосновенными, ибо это не входило въ планъ практическихъ задачъ реформаціи и не подавало повода къ разсужденіямъ. Но явились смѣлые умы, которые, исходя изъ того же принципа критики установленій римской церкви, пошли другою дорогою и обратили главное вниманіе на внутреннюю сторону римскаго вѣроученія, на ея догматы и вѣроопредѣленія. Имъ казалось. что римская церковь испорчена не съ внѣшней только и практической стороны своего ученія, но главнымъ образомъ въ самыхъ основныхъ членахъ вѣры, отъ которыхъ собственно и зависитъ все остальное; что римская система вѣроученія, при всѣхъ ея діалектическихъ тонкостяхъ, полна злоупотребленій, и что истинной задачей реформаціи должно быть не видоизмѣненіе лишь старой церкви, а созиданіе новой. Опираясь на провозглашенный Лютеромъ принципъ религіозной свободы и отвергнувъ всякій авторитетъ въ дѣлахъ вѣры, эти мыслители рѣшились подвергнуть критикѣ самые догматы христіанскіе, руководствуясь единственно священнымъ писаніемъ и провѣряя ихъ человѣческимъ разумомъ, и здѣсь прежде всего подвергли отрицанію самый основной догматъ христіанства—о св. Тройцѣ, какъ недоступный человѣческому пониманію и требующій отъ человѣка безусловной вѣры. Таково было происхожденіе того ученія, которое въ исторіи извѣстно подъ именемъ *антитринитаріанства* (противутроичности). Родиной его считается Швейцарія и сосѣднія съ нею нѣмецкія земли, а основателемъ этого ученія былъ испанскій врачъ Михаилъ *Серветъ*, извѣстный въ исторіи медицины своимъ открытіемъ хода кровообращенія. Еще въ 1531 году онъ напечаталъ въ Базелѣ книгу *«De trinitatis erroribus»*, въ которой провозгласилъ, что догматъ о св. Тройцѣ есть злоупотребленіе римской церкви, ниспосланное Богомъ въ наказаніе человѣчеству. Болѣе

двадцати лѣтъ Серветъ пропагандировалъ свое ученіе въ Швейцаріи, Германіи, Франціи и Италіи, издалъ въ защиту его множество сочиненій, вступалъ въ полемику съ Кальвиномъ, но въ 1553 году былъ имъ схваченъ, преданъ суду за еретическій образъ мыслей и по приговору этого холоднаго фанатика сожженъ на кострѣ [1]).

Но судьба людей вовсе не рѣшаетъ судьбы принциповъ. Идеи Сервета, съ одной стороны, были усвоены весьма многими среди нѣмецко-голландскихъ анабаптистовъ, скоро придавшихъ имъ мистическую окраску; съ другой стороны, онѣ въ тоже время проникли въ Италію, которая по умственному развитію стояла тогда впереди всѣхъ европейскихъ странъ и въ которой среди высшихъ образованныхъ сословій, подъ вліяніемъ знакомства съ литературой древнихъ классическихъ народовъ, давно уже распространены были сѣмена философскаго невѣрія. Здѣсь ученіе Сервета было сочувственно принято гуманистами и другими свободными мыслителями, которые скоро выработали изъ него цѣльную религіозную доктрину съ преобладающимъ раціоналистическимъ направленіемъ. Въ числѣ этихъ свободныхъ мыслителей особенно выдавался Лелій *Социнъ*, патрицій г. Сіенны, родившійся въ 1525 году. Его отецъ былъ профессоромъ юридическихъ наукъ въ падуанскомъ университетѣ, противъ котораго въ то время было возбуждено обвиненіе въ томъ, что онъ служилъ долгое время средоточіемъ атеизма. Молодой Социнъ получилъ хорошее образованіе, зналъ латинскій, греческій, еврейскій и даже арабскій языки и былъ предназначенъ отцемъ къ юридической спеціальности. Изучая право и желая согласить основанія этой науки съ свящ. писаніемъ, Социнъ пришелъ къ выводу, что ученіе римской церкви во многомъ противорѣчитъ откровенію. Занятый этими вопросами и не смѣя открыто разсуждать о нихъ, Социнъ около 1546 образовалъ въ Венеціи тайный кружокъ свободныхъ мыслителей, состоявшій болѣе чѣмъ изъ сорока лицъ, въ числѣ коихъ были: Бернардъ Охинъ, Валентинъ Gentilis, Павелъ

---

[1]) Подробности казни Сервета возмутительны по своей жестокости. Въ продолженіи двухъ часовъ его жгли на медленномъ огнѣ, не смотря на его просьбы, ради Бога, подложить сухихъ дровъ или какимъ бы то ни было образомъ покончить пытку. Присутствовавшій при казни женевскій викарій Кальвина поминутно обращался къ страдальцу съ воззваніемъ: Crede in aeternum Dei Filium Iesum Christum! на что послѣдній непоколебимо отвѣчалъ: Ego credo Christum esse verum Dei Filium, *sed non aeternum.*

Альціатъ и другіе болѣе или менѣе извѣстные послѣдователи антитринитаріанскихъ идей Сервета. На сходкахъ и совѣщаніяхъ этого кружка и было окончательно выработано основное положеніе антитринитаріанства, т. е. отрицаніе ученія о св. Тройцѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ предвѣчнаго божества I. Христа и всего таинства искупленія. Но скоро римская инквизиція открыла дѣйствія этого кружка, и одни изъ его членовъ были преданы казни, другіе заключены въ тюрьму, а остальные бѣжали изъ Италіи. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Лелій Социнъ. Четыре года онъ скитался по разнымъ концамъ Европы, побывалъ въ Франціи, Англіи, Голландіи, Германіи, Швейцаріи и наконецъ въ 1551 году посѣтилъ Польшу, гдѣ, впрочемъ, не долго оставался, а возвратился въ Швейцарію и поселился въ Цюрихѣ. Здѣсь онъ занялся окончаніемъ прежнихъ и составленіемъ новыхъ своихъ богословскихъ трактатовъ, большая часть которыхъ была издана, однако, послѣ его смерти. Ученость Социна доставила ему дружбу и уваженіе образованнѣйшихъ людей того времени. Самъ Меланхтонъ, не смотря на свойственную ему религіозную нетерпимость, относился къ Социну съ большой расположенностью и въ 1557 г. просилъ за него германскаго императора Максимиліана II и польскаго короля Сигизмунда Августа, чтобы они исходатайствовали Социну позволеніе съѣздить на родину для устройства его частныхъ и фамильныхъ дѣлъ. Живя въ Швейцаріи, Социнъ часто сталкивался съ Кальвиномъ, который въ одномъ изъ своихъ писемъ весьма недвусмысленно пригрозилъ ему gravibus tormentibus, если онъ не будетъ воздерживаться открыто выражать свои еретическія мнѣнія. Социнъ не побоялся, однако, годъ спустя послѣ казни Сервета, обнародовать направленное противъ женевскаго реформатора сочиненіе, въ коемъ онъ рѣшительно оспаривалъ мнѣніе Кальвина о дозволительности преслѣдованія и казни еретиковъ. Остается непонятнымъ, какъ этотъ мрачный фанатикъ, «женевскій папа», простилъ подобную смѣлость. Около 1558 г. Лелій Социнъ вторично посѣтилъ Польшу, а оттуда свою родину, но скоро снова возвратился въ Цюрихъ, гдѣ и жилъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1562 году [1]).

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Л. Социнѣ можно найти въ соч. Bibliotheca Antitrinitariorum, Biblioth. Fratrum Polonorum и другихъ соцшіанскихъ сочиненіяхъ.

III.

Двукратное посѣщеніе Леліемъ Социномъ Польши не мало способствовало укорененію здѣсь антитринитаріанскаго ученія, сѣмена котораго занесены были сюда нѣсколько раньше. Еще въ первый свой пріѣздъ въ Польшу въ 1551 г. Социнъ нашелъ здѣсь, при дворѣ польской королевы Боны, италіанки, многочисленный кружокъ своихъ земляковъ, которымъ были уже извѣстны антитринитарныя идеи. Виднымъ человѣкомъ въ этомъ придворномъ кружкѣ былъ духовникъ королевы, итальянецъ Францискъ Лизманини (впослѣдствіи извѣстный антитринитарій), въ библіотекѣ котораго имѣлись сочиненія не только Лютера и Кальвина, но и нѣкоторыхъ италіанскихъ антитринитаріевъ, напр. Б. Охина. Проповѣдь тѣхъ же идей одновременно доходила сюда и изъ Голландіи, со стороны тамошнихъ анабаптистовъ, усвоившихъ ученіе Сервета. Сохранилось неясное извѣстіе о какомъ-то захожемъ голландскомъ анабаптистѣ Адамѣ Пасторисѣ (у другихъ онъ называется Spiritus Belga), который, будучи въ гостяхъ у одного знатнаго и ученаго краковскаго пана, пріятеля Лизманини, и случайно раскрывъ молитвенникъ, гдѣ встрѣтилъ молитвы, обращенныя особо къ каждому лицу св. Тройцы, смутилъ присутствовавшихъ вопросомъ: Tres-ne vos habetis Deos, o boni (трехъ-ли Боговъ имѣете, мои милые)? Между тѣмъ въ 1553 г. въ Женевѣ послѣдовала казнь Сервета. Его несчастный конецъ ясно показалъ антитринитаріямъ, кружившимся тогда по всей Европѣ, насколько они были безопасны даже въ протестантскихъ странахъ, не говоря уже о странахъ католическихъ, гдѣ за каждымъ ихъ шагомъ зорко слѣдила «священная» инквизиція и гдѣ многіе изъ нихъ успѣли поплатиться жизнію за свои вѣрованія. Спасаясь отъ преслѣдованій, выдающіеся представители антитринитаріанства безпрестанно разъѣзжаютъ въ это время по разнымъ концамъ Европы: Швейцаріи, Франціи, Британіи, Голландіи, Германіи, Венгріи и др., ища безопасности и въ то же время повсюду разсѣевая сѣмена своего ученія. Но ни одна страна въ тогдашней Европѣ не представляла для нихъ столь важныхъ удобствъ въ смыслѣ безопаснаго убѣжища, какъ польско-литовское государство. Польша еще съ давняго времени пріобрѣла въ Европѣ славу такого уголка, гдѣ всякій, кому по какимъ либо причинамъ

было тѣсно въ своемъ отечествѣ, могъ найти безопасное убѣжище, а иногда и радушный пріемъ. Ея столица—Краковъ, всесвѣтный тогдашній торговый рынокъ, видный пунктъ ганзейскаго союза, всегда былъ переполненъ тысячами чужеземцевъ изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Европы и Азіи. По этому, еще съ XII в., не было, можно сказать, въ Европѣ ересіарха или вообще религіознаго новатора, не было политическаго мечтателя или соціальнаго утописта, наконецъ не было того искателя приключеній, который бы не побывалъ въ Краковѣ. Въ концѣ XII вѣка въ Польшѣ нашла пріютъ уцѣлѣвшая горсть несчастныхъ изгнанниковъ, дѣтей веселаго Прованса, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ вальденсовъ или альбигойцевъ; сюда въ началѣ XIV ст. проникло изъ сосѣдней Чехіи и Силезіи ученіе мечтателя Дульцина, провозглашавшаго общность женъ и имуществъ, побудившее папу Іоанна XXII ввести въ Польшу для его истребленія священную инквизицію; здѣсь въ половинѣ того-же столѣтія проявилась секта бегвиновъ, а нѣсколько спустя сюда-же проникло и ученіе Виклефа. [1]) Наконецъ въ началѣ XIV вѣка въ Польшѣ и Литовской Руси распространяемо было самимъ Іеронимомъ Пражскимъ ученіе Гусса и нашло здѣсь многихъ послѣдователей; а когда въ 1517 г. въ Виттенбергѣ раздалось первое слово проповѣди Лютера о реформаціи, то въ Краковѣ оно было услышано раньше, чѣмъ во многихъ мѣстностяхъ самой Саксоніи. Сюда же, на эту обѣтованную страну свободы мнѣній и вѣротерпимости, обратили свои взоры и представители новой антитринитарной доктрины, гонимые съ одной стороны римской іерархіей, а съ другой—нетерпимостью нѣмецкихъ реформаторовъ. Правда, и въ Польшѣ, какъ мы упомянули, существовала съ давняго времени священная инквизиція, сжегшая на кострѣ еще въ 1539 г. одну краковскую мѣщанку за юдаизмъ; но это «благочестивое» учрежденіе, столь блистательно расцвѣтавшее среди романскихъ и отчасти германскихъ народовъ, рѣшительно не привилось на славянской почвѣ и, не смотря на энергію римской куріи, давало здѣсь чахлые плоды. Помимо своего несогласія съ духомъ націи и ея историческими традиціями, инквизиція кореннымъ образомъ про-

---

[1]) Ярошевичъ, Obraz Litwy, т. III, стр. 165; здѣсь читатель найдетъ ссылки на первоисточники.

тиворѣчила польскимъ понятіямъ о правахъ и вольностяхъ шляхетскаго сословія и потому всегда встрѣчала съ его стороны рѣшительное противодѣйствіе, окончившееся тѣмъ, что по конституціи 1552 года инквизиторы были совсѣмъ лишены права привлекать шляхтичей къ суду по дѣламъ вѣры. [1]) Наконецъ, нужно помнить, что италіанскіе антитринитаріи могли расчитывать въ Польшѣ на покровительство королевы Боны, вліяніе которой въ политическихъ дѣлахъ было всегда сильно, какъ при жизни мужа, такъ и въ царствованіе ея сына Сигизмунда - Августа. Вслѣдствіе такихъ благопріятныхъ условій, съ половины XVI в. начался широкій наплывъ въ Польшу антитринитаріевъ изъ Италіи, Швейцаріи, Франціи, Голландіи, Германіи и другихъ мѣстъ, не прекращавшійся затѣмъ въ теченіи цѣлаго столѣтія.

Въ Польшѣ и Литвѣ представители антитринитаризма нашли какъ нельзя болѣе благопріятную почву для ихъ дѣятельности: здѣсь они застали въ полномъ разгарѣ протестантское движеніе, успѣвшее уже пошатнуть господствующее положеніе римскокатолической церкви, но само еще колебавшееся въ выборѣ и предпочтеніи той или другой протестантской системы. Антитринитаріямъ оставалось лишь примкнуть къ общему реформаціонному движенію и подъ его покровомъ предпринять пропаганду своего вѣроученія. Не сразу они выдѣляются въ отдѣльную секту, но продолжаютъ нѣкоторое время идти объ руку съ кальвинистами, участвуютъ въ протестантскихъ съѣздахъ или соборахъ, помогаютъ имъ организоваться, стараясь, однако, придать организаціи кальвинизма направленіе въ духѣ идей антитринитаризма. Въ первый разъ антитринитаріи выступили открыто съ своимъ ученіемъ о св. Тройцѣ лишь въ 1556 г., на соборѣ польско-литовскихъ протестантовъ, бывшемъ въ Сецеминѣ, въ сандомирской области, гдѣ ихъ представитель Гонезіусъ старался доказать, что хотя Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, но Онъ ниже Отца, который только одинъ, поэтому, есть единый истинный Богъ. Въ 1558 г. на соборѣ пинчовскомъ туже доктрину проповѣдывалъ италіанецъ Юрій Бландрата, впослѣдствіи придворный врачъ короля Стефана Баторія; а на слѣдующемъ соборѣ въ 1561 г. французскій выходецъ Петръ Статоріусъ выступилъ съ новымъ

[1]) Тамъ-же, стр. 29 и 166—167.

ученіемъ о св. Троицѣ, въ духѣ іудейскаго монотеизма, при чемъ утверждалъ ненужность молитвъ къ другимъ лицамъ св. Троицы, кромѣ одного Бога Отца. Правда, ни одинъ изъ такихъ соборовъ не принялъ ученія антитринитаріевъ, но эта открытая проповѣдь привлекала къ нимъ все большее число новыхъ послѣдователей, между которыми скоро нашлись могущественные покровители новаго вѣроученія. Такъ въ 1562 г. антитринитаріямъ удалось привлечь на свою сторону знатнаго шляхтича Николая Олесницкаго, владѣльца г. Пинчова, бывшаго до того времени центромъ протестантскаго движенія въ Польшѣ. Онъ изгналъ отсюда кальвинистовъ и пригласилъ на ихъ мѣсто своихъ единовѣрцевъ, отдавъ въ ихъ распоряженіе находившійся въ Пинчовѣ храмъ, школу и типографію. Это былъ первый, такъ сказать, стратегическій пунктъ, съ котораго новое ученіе стало побѣдоносно распространяться во всѣ концы Польши и Литвы и гдѣ оно начало свою самостоятельную организацію. Антитринитаріи очень дорожили Пинчовомъ и называли его «purae veritatis nidum, a Deo electum». Они приложили всѣ мѣры къ процвѣтанію тамошней школы и дѣятельно пользовались предоставленной въ ихъ распоряженіе типографіей для распространенія своихъ сочиненій. Теперь они гораздо рѣшительнѣе стали выступать съ открытою пропагандою своего вѣроученія среди кальвинистовъ польскихъ, отъ которыхъ они пока существенно отличались лишь въ ученіи о св. Троицѣ и таинствѣ искупленія, сходясь съ ними въ остальныхъ догматахъ и церковныхъ обрядахъ. Они по прежнему посѣщаютъ протестантскіе соборы и поднимаютъ на нихъ горячія богословскія пренія, а въ 1565 году въ Петроковѣ, во время происходившаго тамъ сейма, они устроили публичный диспутъ съ кальвинистами. Диспутъ окончился тѣмъ, что кальвинисты объявили окончательный разрывъ съ антитринитаріями и запретили самое общеніе съ ними, какъ съ еретиками, подобными древнимъ Эвіону, Фотину, Павлу Самосатскому, Арію и другимъ. Къ этому ихъ и раньше побуждалъ неоднократно самъ Кальвинъ, одно изъ посланій котораго въ этомъ смыслѣ было напечатано въ Краковѣ въ 1562 г., на которое со стороны антитринитаріевъ послѣдовалъ рѣзкій отвѣтъ, составленный шляхтичемъ Яномъ Казановскимъ и напечатанный въ 1564 г. Независимо отъ этого, нѣкоторые кальвинисты, сильные при королевскомъ дворѣ, стали воз-

буждать правительство противъ антитринитаріевъ и даже предлагали изгнать ихъ изъ предѣловъ государства. Но этому воспротивились теперь сами католики, понимавшіе, что изгнаніе антитринитаріевъ могло быть полезно только протестантамъ, уничтоживъ тѣмъ существовавшій въ ихъ средѣ опасный расколъ, вредившій успѣхамъ реформаціи. Послѣ этого антитринитаріи увидѣли, что имъ нечего болѣе думать о союзѣ съ кальвинистами, а надобно собрать и объединить собственныя силы и организоваться въ секту совершенно самостоятельную. Съ этою цѣлью, начиная съ 1566 г., они стали созывать свои особые соборы; таковы были соборы въ Ланцутѣ, въ перемышльской области, и въ Скриннѣ [1]), въ сандомирской. Послѣдній отличался особеннымъ многолюдствомъ: однихъ пасторовъ и знатныхъ патроновъ собралось до 110 лицъ. Здѣсь были представители отъ всѣхъ антитринитаріанскихъ общинъ, существовавшихъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ. На этомъ соборѣ впервые предпринята была попытка къ соглашенію разногласій въ средѣ самыхъ антитринитаріевъ по вопросу о предвѣчномъ существованіи Сына Божія и другихъ догматахъ. Хотя такое соглашеніе и не было достигнуто, однако было постановлено: не нарушая согласія изъ-за разности мнѣній, продолжать изслѣдованіе спорныхъ вопросовъ въ духѣ братской любви и мира и прежде всего заняться исправленіемъ библіи и переводомъ ея на польскій языкъ. [2]) Переводъ этотъ былъ скоро оконченъ и изданъ въ Несвижѣ, въ 1570 году. Съ этого времени началась усиленная учено-литературная дѣятельность въ средѣ польско-литовскихъ антитринитаріевъ. Секта пріобрѣтаетъ нѣсколько новыхъ центровъ и между ними г. Раковъ въ сандомирск. области, скоро затмившій славу Пинчова; въ ея рукахъ находится множество видныхъ общинъ: въ Краковѣ, Люблинѣ, Вильнѣ и другихъ значительныхъ городахъ, много школъ и нѣсколько типографій. Цѣлый рядъ знатныхъ дворянскихъ фамилій становится въ ряды ея послѣдователей: Бонары, Фирлеи, Морштыны, Циковскіе, Олесницкіе, Филиповскіе, Ласоцкіе, Кишки и др. Многочисленныя протестантскія общины съ лучшими и наиболѣе учеными пасторами то и дѣло отрывались отъ кальви-

[1]) Нынѣ посадъ радомской губерніи, опоченскаго уѣзда.

[2]) Lubienicci, Historia Reformationis, Lib. III, p. 218. Freistadii, 1685.

низма и переходили въ новую секту. Словомъ сказать, во всемъ польско-литовскомъ государствѣ открылось движеніе въ пользу новаго вѣроученія, отчасти напоминающее по своей стремительности тотъ разливъ, съ какимъ недавно еще распространялась здѣсь реформація.

IV.

Но преуспѣвая въ ростѣ, антитринитаріанство было слабо внутреню и еще болѣе, чѣмъ протестантство, страдало недостаткомъ внутренней организаціи и отсутствіемъ строго выработанной системы вѣроученія. Какъ мы видѣли, новая секта слагалась изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Кромѣ италіанскихъ выходцевъ, придерживавшихся раціоналистической системы Лелія Социна и представлявшихъ собою *чистыхъ антитринитаріевъ*, въ Польшу нахлынули изъ Германіи и Голландіи многіе анабаптисты, усвоившіе ученіе Сервета и привнесшіе въ него многія мистическія черты ихъ прежнихъ вѣрованій. Они отличались отъ чистыхъ антитринитаріевъ нѣкоторыми особыми мнѣніями и составляли изъ себя *крайнюю* или *полужидовствующую* партію въ сектѣ. Изъ этихъ особыхъ мнѣній отмѣтимъ главнѣйшія: 1) что Сынъ Божій прежде всего былъ созданъ Богомъ изъ ничего и чрезъ него уже Богъ произвелъ міръ; 2) что Христу не должно воздавать божескаго поклоненія и призывать Его въ молитвахъ, такъ какъ Онъ не есть истинный Богъ, равный Богу Отцу; 3) вѣрованіе въ имѣющее открыться обновленіе всего міра, послѣ чего наступитъ тысячелѣтнее царство Христово, земное и чувственное, исполненное силы и величія, подобно мессіанскому царству іудеевъ, которые тоже должны войти въ это царство и соединиться съ христіанами; 4) мнѣніе о пользованіи властью и употребленіи оружія: въ то время, какъ партія чистыхъ антитринитаріевъ, исходя изъ новозавѣтныхъ принциповъ христіанской любви, кротости и братскаго равенства, объявляла недозволеннымъ для своихъ послѣдователей пользоваться властью и оружіемъ, т. е. занимать въ государствѣ правительственныя должности, вести войну и казнить преступниковъ,—представители крайней партіи энергично настаивали на противномъ, ссылаясь на ветхозавѣтныя представленія о Богѣ крѣп-

комъ и сильномъ, Царѣ и Судіи міра, имѣющемъ возвеличить свое царство и сокрушить враговъ его.—Кромѣ этихъ двухъ главныхъ партій, въ составѣ польско-литовскихъ антитринитаріевъ было много такихъ лицъ, которыя и по вступленіи въ секту продолжали придерживаться нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ вѣрованій — протестантскихъ, анабаптистскихъ и другихъ и настаивали на ихъ признаніи всѣми. Наконецъ мы должны обратить вниманіе на крайне интересный фактъ существованія въ то время въ Литвѣ своего *мѣстнаго* антитринитаріанства. Это литовско-русское антитринитаріанство, зародившееся здѣсь еще въ XV ст., первоначально проявилось, однако, не въ Литвѣ, а въ сѣверной Руси: въ Новгородѣ и Москвѣ, подъ именемъ ереси жидовствующихъ. Ересь эта [1]) заключала въ себѣ элементы жидовства, но также и элементы самороднаго раціонализма, очень сходнаго съ ученіемъ крайнихъ антитринитаріевъ. Подавленная суровыми казнями, ересь эта и въ XVI в. не разъ вспыхивала отдѣльными искрами и всякій разъ по возбужденію изъ Литвы; но въ половинѣ этого столѣтія она, съ не большими видоизмѣненіями, снова ожила въ ученіи московскихъ вольнодумцевъ: Матвѣя Башкина, игумена Артемія и особенно Ѳеодосія Косого, Вассіана, Игнатія и другихъ старцевъ. Преданные суду и заточенію, нѣкоторые изъ этихъ вольнодумцевъ успѣли бѣжать въ Литву и, очутившись на свободѣ, скоро разошлись по разнымъ дорогамъ, сообразно различію ихъ направленій. Болѣе умѣренный и разсудительный изъ нихъ, Артемій, удалился въ Слуцкъ къ князю Юрію Слуцкому и, живя подъ его покровительствомъ, скоро пріобрѣлъ репутацію ученаго защитника православія; другіе пристали къ протестантству. Но Ѳеодосій Косой и Игнатій съ нѣкоторыми сообщниками энергично выступили съ проповѣдью антитринитаріанства и притомъ въ смыслѣ его крайняго полужидовствующаго направленія. Ѳеодосій, напр., проповѣдывалъ монотеизмъ въ іудейской формѣ и ставилъ Моисеевы книги выше евангелія. Онъ отрицалъ таинство св. Троицы, божество Іисуса Христа, во-

---

[1]) Возникла она первоначально на почвѣ споровъ о платѣ за требоисправленіе. Разрывъ паствы съ пасомыми *de facto* повелъ къ отверженію іерархіи, затѣмъ и всей внѣшней стороны въ христіанствѣ и наконецъ къ измѣненію ученія объ Іисусѣ Христѣ и св. Троицѣ; но теоретическую основу подвелъ жидъ Схарія, прибывшій изъ Кіева. *Ред.*

площеніе, искупленіе, всѣ таинства, призываніе святыхъ, преданія церкви и писанія св. отцевъ, отвергалъ іерархію и монашество, обряды называлъ идолослуженіемъ, иконы—идолами, храмы—кумирницами, и проч. Отвергая церковную власть, Өеодосій и его послѣдователи отвергали и всякую мірскую власть, утверждая, что не нужно ни царей, ни властей гражданскихъ и воинскихъ, ни самой войны, ни господъ, ни рабовъ, ни податей, ибо все это не совмѣстно съ понятіемъ о христіанствѣ, какъ братскомъ союзѣ людей; не нужно почитать родителей, ибо одинъ у всѣхъ отецъ—Богъ; не слѣдуетъ презирать чужія вѣры, ибо всѣ вѣры равны и всѣ люди одинаковы предъ Богомъ: татары, евреи, нѣмцы и всѣ другіе народы. Өеодосіане требовали, чтобы ихъ послѣдователи дѣлали имъ матеріальныя приношенія за ихъ духовный разумъ, слѣдуя примѣру первыхъ христіанъ, полагавшихъ свои имѣнія у ногъ апостоловъ.

Не смотря на абсурдность, крайнюю рѣзкость и даже нѣкоторую грубость своей проповѣди, өеодосіане очень скоро пріобрѣли громадное число послѣдователей во всей Литвѣ и югозападной Руси. Тайна быстраго распространенія ученія Өеодосія заключается именно въ томъ, что сѣмена этого ученія давно уже существовали въ Литвѣ въ томъ мѣстномъ литовско-русскомъ антитринитаріанствѣ, о которомъ было упомянуто раньше. Вотъ почему и польскій иноземный антитринитаризмъ, проникнувъ въ Литву и западную Русь, распространился и первоначально утвердился здѣсь именно въ формѣ крайняго полужидовствующаго направленія, съ которымъ скоро слились и сами өеодосіане съ своими послѣдователями.

Такое разномысліе мнѣній и направленій въ польско-литовскомъ антитринитаріанствѣ не могло долго продолжаться, такъ какъ оно угрожало самому существованію секты, нуждавшейся въ объединеніи своихъ силъ въ виду напора внѣшнихъ враговъ. Это прекрасно сознавали сами антитринитаріи, и вотъ со времени скринскаго собора 1567 года въ ихъ средѣ оказалось сильное движеніе въ пользу объединенія различныхъ партій секты и примиренія существовавшихъ между ними разногласій. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала представителямъ партіи чистыхъ антитринитаріевъ, старѣйшей и наиболѣе многочисленной, имѣвшей свои общины въ краковской, люблинской, сандомирской, самборской, перемышльской и другихъ областяхъ Малой Польши и Червоной Руси. Въ числѣ

этихъ общинъ особеннымъ значеніемъ пользовались пинчовская и потомъ раковская общины. Здѣсь находились лучшія антитринитаріанскія школы и типографіи, здѣсь жили ученѣйшіе представители секты и отсюда распространялись по всей Польшѣ, Литвѣ и даже западно-европейскимъ странамъ антитринитаріанскія сочиненія. Естественно было ожидать, что партія, располагающая такими силами, рано или поздно должна была достигнуть преобладанія надъ остальными, тѣмъ болѣе, что она продолжала получать новыя подкрѣпленія извнѣ, въ лицѣ постоянно прибывавшихъ изъ Италіи ученыхъ антитринитаріевъ.

Въ числѣ этихъ выходцевъ явился наконецъ человѣкъ, которому суждено было стать преобразователемъ антитринитаріанской секты и дать ей свое имя: то былъ Фавстъ *Социнъ*, родной племянникъ Лелія Социна (1539—1604). Съ дѣтства воспитанный въ началахъ новаго ученія, молодой Социнъ рано долженъ былъ бѣжать изъ отечества вслѣдствіе тѣхъ гоненій, какимъ подверглась вся ихъ фамилія, подозрѣваемая въ ереси. Онъ нашелъ, правда, дружескій пріемъ при дворѣ флорентинскаго герцога, Франциска Медичи; но когда умеръ его дядя, Лелій Социнъ, завѣщавшій ему свои рукописи, то молодой Фавстъ, вопреки всѣмъ настояніямъ расположеннаго къ нему герцога, оставилъ его дворъ и твердо рѣшился посвятить себя дѣлу, начатому его дядей. Въ 1574 году онъ уѣхалъ въ Швейцарію и, поселившись въ Базелѣ, съ жаромъ предался изученію богословскихъ наукъ. Послѣ нѣсколькихъ странствованій по разнымъ мѣстамъ Европы, Фавстъ Социнъ прибылъ въ 1579 г. въ Польшу, гдѣ и жилъ до конца своей жизни. Познакомившись съ польскими антитринитаріями, онъ даже въ пинчовской и раковской общинахъ нашелъ примѣсь мнѣній и обычаевъ кальвинскихъ и сразу не сошелся съ ними, а поселился въ *Лукдавицахъ*, близъ Кракова, и скоро предпринялъ жаркую полемику съ представителями крайней полужидовствующей антитринитаріанской партіи, какъ самой раскольнической въ сектѣ. Болѣе двадцати лѣтъ Социнъ велъ энергическую борьбу съ представителями разныхъ оттѣнковъ антитринитаризма въ Польшѣ и Литвѣ, устраивалъ частые диспуты съ ними, издавалъ множество полемическихъ и символическихъ сочиненій и наконецъ таки добился того, что одни изъ его противниковъ пристали къ его мнѣніямъ, другіе уда-

лились въ Венгрію и Трансильванію, гдѣ съ тѣхъ поръ надолго утвердилось полужидовствующее антитринитаріанство, остальные, наконецъ, сошли со сцены, потерявъ своихъ послѣдователей. Такимъ образомъ въ Польшѣ къ концу XVI вѣка окончательно утвердилось чистое антитринитаріанское ученіе, возведенное Фавстомъ Социномъ на степень опредѣленной и послѣдовательно развитой доктрины, получившей впослѣдствіи отъ имени своего преобразователя названіе *социніанства;* самъ же Социнъ и его послѣдователи называли себя *unitarii* [1]) или *fratres poloni* (польскіе братья), а въ народѣ и въ устахъ послѣдователей другихъ исповѣданій они всегда слыли подъ именемъ *аріанъ.*

Въ чемъ же состояла социніанская доктрина?

Въ послѣдній годъ своей жизни Социнъ занялся составленіемъ катихизиса, оконченнаго уже послѣ его смерти, въ которомъ кратко изложилъ сущность своей доктрины [2]). При чтеніи этой книги, становится понятнымъ, почему не только католики, но даже протестанты не иначе какъ съ ужасомъ выражались о «безбожной, нечестивой» ереси социніанской, считая ее хуже язычества, и почему экземпляръ социніанскаго катихизиса, посвященный, въ 1609 г. англійскому королю Якову I, впослѣдствіи, именно въ 1653 г., по рѣшенію парламента, былъ публично сожженъ въ Англіи рукою палача. Дѣйствительно, хотя социніане любили называть себя *истинными, избранными христіанами,* возстановителями чистой, первобытной христіанской истины, но въ ихъ догматикѣ отъ христіанства осталось не много больше одного названія. Въ основаніе своей доктрины

---

[1]) Буквально: единобожники или единоличники, т. е. признававшіе изъ трехъ лицъ св. Троицы лишь одно лице Бога Отца.

[2]) Катихизисъ этотъ былъ оконченъ раковскимъ социніанскимъ пасторомъ Валентиномъ Смальціемъ (Smalcius) и изданъ въ 1605 г. въ Раковѣ на польскомъ языкѣ. Въ 1609 г. онъ былъ переведенъ на латинскій яз. и изданъ съ посвященіемъ Якову I, королю англійскому. Тотъ же Смальцій перевелъ этотъ катихизисъ на нѣмецкій языкъ и издалъ въ Раковѣ въ 1608 г., посвятивъ его Виттенбергскому университету. Это обстоятельство вызвало настоящій переполохъ среди протестантскихъ профессоровъ. Послѣ долгихъ разсужденій, было поставлено ими: составить опроверженіе на социніанскій катихизисъ, чтобы молчаніемъ не дать повода торжествовать социніанамъ. Съ того времени появился цѣлый рядъ ученыхъ опроверженій со стороны протестантскихъ богослововъ. Самый же этотъ катихизисъ былъ впослѣдствіи многократно издаваемъ на языкахъ польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и голландскомъ, съ различными сокращеніями и дополненіями.

социніане ставили провозглашенное еще нѣкогда Виклефомъ положеніе, что Богъ не требуетъ, чтобы люди вѣровали въ то, чего они не въ состояніи понимать; поэтому хотя источникомъ социніанскаго вѣроученія объявлялось единственно священное писаніе, но высшимъ критеріумомъ его признавался разумъ человѣческій. Затѣмъ собственно догматическое ученіе социніанъ заключалось въ слѣдующихъ главнѣйшихъ чертахъ. Одинъ Богъ, отецъ Господа І. Христа, Богъ Израилевъ. І. Христосъ по своей природѣ былъ обыкновенный человѣкъ, получившій свое бытіе въ извѣстное историческое время, хотя и зачатый отъ Духа св. и рожденный Маріею Дѣвою. Но такъ какъ Христосъ принесъ съ неба людямъ волю Божію, запечатлѣвъ истинность ея своею почти божескою праведностью, чудесами и самою смертью, то воскрешенный Богомъ, онъ получилъ божескую власть на небѣ и на землѣ и сдѣлался навѣки истиннымъ Сыномъ Божіимъ. Духъ же святой есть не личность, а только сила Божія. Всѣ остальные христіанскіе догматы о лицѣ І. Христа, именно: о Его божеской природѣ и предвѣчномъ существованіи, о Его участіи въ твореніи міра, о таинствѣ воплощенія и проч. были отрицаемы социніанами. Точно также они отрицали христіанское ученіе объ искупительной жертвѣ, принесенной Христомъ за грѣхи людей, утверждая, что такое ученіе не только ошибочно, но и опасно тѣмъ, что отнимаетъ у человѣка побужденіе къ нравственному самоусовершенствованію и можетъ служить какъ-бы нѣкоторымъ попустительствомъ къ грѣху. Миссія Христа, по ученію социніанъ, единственно состояла въ томъ, что Онъ былъ посредникомъ въ заключеніи новаго завѣта между Богомъ и людьми и объявилъ людямъ путь ко спасенію въ исполненіи воли Божіей. О человѣкѣ социніане учили, что онъ созданъ смертнымъ, но вѣруя во Христа и исполняя волю Божію, онъ становится участникомъ безсмертной жизни въ будущемъ вѣкѣ, когда всѣ вѣрные будутъ жить на небѣ въ качествѣ сыновъ Божіихъ. Человѣкъ одаренъ свободной волей, которой онъ не лишился и послѣ грѣхопаденія. Существованіе первороднаго грѣха и вообще порчу нравственной природы человѣка чрезъ грѣхопаденіе первыхъ людей социніане совсѣмъ отрицали. Съ особенной силой они отвергали ученіе Кальвина о предопредѣленіи, а въ противность Лютеру учили, что одна вѣра безъ добрыхъ дѣлъ не ведетъ ко спасенію. Далѣе социніане

отвергали: священное преданіе, призываніе святыхъ, почитаніе иконъ, вообще всю внѣшнюю церковную обрядность и наконецъ всѣ таинства. Правда, они совершали причащеніе или, какъ они называли, «вечерю Господню» (coenam Domini), но считали это простымъ религіознымъ обрядомъ, установленнымъ въ воспоминаніе смерти Христовой, не связывая съ нимъ никакой духовной силы и значенія. Точно также они признавали крещеніе, но разсматривали его какъ простой внѣшній обрядъ и съ особенною силою вооружались противъ мнѣнія о томъ, что въ крещеніи совершается духовное возрожденіе человѣка. Сверхъ того, социніане совершали крещеніе только надъ взрослыми, исходя изъ того соображенія, что крещеніе есть внѣшній обрядъ, посредствомъ котораго человѣкъ сознательно и открыто исповѣдуетъ свою вѣру въ Бога, а такое сознаніе, какъ и самая вѣра, не возможны со стороны ребенка, не умѣющаго отличить правой руки отъ лѣвой.

Такимъ образомъ догматическая часть социніанскаго ученія представляетъ, какъ мы видѣли, чистѣйшій *раціонализмъ*, хотя и основанный на евангеліи. Въ своемъ ученіи о церкви социніане хотя и признавали начальствующихъ: сеньеровъ, пресвитеровъ и даже епископовъ, но не соединяли съ этими должностями никакого іерархическаго значенія, а одно дисциплинарное: заботиться о порядкѣ церковномъ и служить нуждамъ церкви, особенно нуждамъ бѣдныхъ. Учить же въ церкви, по ихъ мнѣнію, можетъ всякій, кто обладаетъ чистотою нравственной жизни и способенъ къ учительству; для этого не требуется никакого особеннаго призванія. Въ противоположность ортодоксальной исключительности протестантскихъ конфессій, социніанскій катихизисъ выгодно отличается характеромъ терпимости и снисходительности къ инымъ, несогласнымъ съ нимъ, религіознымъ мнѣніямъ и установленіямъ. Такъ, самый основной догматъ социніанства о единоличности Божіей излагается въ такой мягкой формѣ, которая исключаетъ всякую нетерпимость къ ученію объ этомъ предметѣ другихъ христіанскихъ исповѣданій. «Свойства Божіи, говорится въ катихизисѣ, дѣлятся на два разряда: одни—знаніе которыхъ безусловно необходимо для спасенія, и другія—знаніе коихъ весьма полезно ко спасенію. Свойства перваго рода: единство Божіе, вѣчность, правосудіе, премудрость и всемогущество. Свойства втораго рода: главное изъ нихъ—знать,

что въ существѣ Божіемъ только одно лице. Хотя же вообще въ христіанствѣ вѣруется, что не только Отецъ, но и Сынъ и Духъ св. суть лица въ томъ же существѣ Божіемъ, но вѣрующіе такъ ошибаются и невѣрно понимаютъ нѣкоторыя мѣста свящ. писанія». Еще яснѣе эта терпимость проглядываетъ въ социніанскомъ ученіи о церкви. Здѣсь проводится мысль, что человѣкъ можетъ спастись, живя въ общеніи съ какимъ угодно обществомъ христіанскимъ, если только онъ исповѣдуетъ спасительное ученіе; ибо всякій, кто содержитъ спасительное ученіе, тѣмъ самымъ уже находится въ истинной Церкви Христовой. Точно также въ отдѣлѣ ученія о крещеніи встрѣчается вопросъ: «Что нужно думать о тѣхъ, которые совершаютъ крещеніе надъ младенцами? Отвѣтъ: хотя они въ этомъ случаѣ заблуждаются, но не слѣдуетъ, однако, осуждать ихъ, будто они въ нѣкоторомъ родѣ суть идолопоклонники, особенно, если они живутъ по заповѣдямъ Христовымъ и не преслѣдуютъ другихъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніями. Ибо царствіе Божіе состоитъ не въ этихъ внѣшностяхъ, но въ правдѣ, мирѣ и радости о Духѣ святомъ». Такая терпимость къ религіознымъ мнѣніямъ другихъ христіанъ являлась, впрочемъ, логическимъ послѣдствіемъ того основнаго социніанскаго положенія, по которому для человѣка считалось обязательнымъ вѣрить лишь въ то, что онъ считалъ разумнымъ и справедливымъ.

Въ отдѣлѣ нравственнаго ученія социніанскій катихизисъ предписывалъ обыкновенныя правила христіанской нравственности, основанныя на евангельскихъ заповѣдяхъ и Моисеевомъ десятословіи. Оригинальная сторона этого ученія заключалась лишь въ социніанскихъ предписаніяхъ касательно празднованія седмаго дня и вопроса о пользованіи властью и употребленіи оружія. По первому предмету социніане учили, что Христосъ не установлялъ замѣны дня субботняго днемъ воскреснымъ, и апостолы не отмѣнили субботы, которую и сами праздновали; но такъ какъ и воскресеніе (dies dominica) было празднуемо съ древнѣйшихъ временъ христіанства, то каждому предоставляется въ этомъ отношеніи полная свобода. По вопросу о правѣ пользованія властью социніане, въ видѣ какъ-бы уступки, допускали, что, такъ какъ всякая власть отъ Бога, то поэтому истиннымъ христіанамъ не предосудительно нести обязанности правительственныя, только бы не вопреки законамъ и заповѣдямъ Христовымъ. Но за то они горячо вооружались противъ

права пользованія оружіемъ, разумѣя подъ этимъ веденіе войны и право смертной казни. Противъ послѣдняго социніане возставали особенно энергично и на основаніи самыхъ разнообразныхъ аргументовъ рѣшительно отнимали это право у христіанскихъ правительствъ, какъ противное основнымъ заповѣдямъ Божіимъ. Они доказывали, что смертная казнь рѣзко противорѣчитъ духу христіанской любви и братской снисходительности къ проступкамъ ближнихъ и приводили въ примѣръ Христа, отказавшагося осудить на смерть явную блудницу, ссылались на евангельское выраженіе: «всѣ, поднявшие мечъ, отъ меча погибнутъ», прибѣгали къ силлогизму, что такъ какъ человѣкъ созданъ по образу Божію, то слѣдовательно, предавая преступника казни, власть посягаетъ какъ-бы на образъ Божій; наконецъ провозглашали, что смертная казнь есть въ сущности не что иное, какъ замаскированный видъ мести, а евангеліе предписываетъ христіанину скорѣе перенести новую обиду отъ врага, нежели прибѣгать къ возмездію, хотя бы оно и было обставлено извѣстными юридическими формальностями. Эта проповѣдь гуманности, безъ сомнѣнія, не мало должна была способствовать успѣху социніанской пропаганды, особенно среди южнорусскаго населенія, которое никогда не отличалось расположенностью къ этому страшному роду наказанія.

Разсматривая человѣческія отношенія исключительно съ точки зрѣнія евангельскихъ принциповъ любви и братскаго равенства, социніанство, казалось бы, не должно было оставить безъ вниманія такого явнаго попранія этихъ принциповъ, какимъ всегда и вездѣ былъ институтъ рабства или закрѣпощенія одного сословія въ пользу другихъ. Дѣйствительно, вопросъ о правѣ истинныхъ христіанъ имѣть подданныхъ или рабовъ былъ возбуждаемъ въ средѣ социніанъ еще въ 70-хъ годахъ XVI в. и, какъ кажется, рѣшался партіею чистыхъ антитринитаріевъ въ отрицательномъ смыслѣ. По этому вопросу происходилъ однажды диспутъ между польскимъ социніанскимъ пасторомъ Якубомъ Калиновскимъ и представителемъ полужидовствующаго антитринитаріанства Симеономъ Буднымъ. Послѣдній издалъ въ 1583 г. одно сочиненіе, въ которомъ старался доказать что христіанину не предосудительно имѣть подданныхъ и рабовъ, лишь бы только онъ богобоязненно пользовался ихъ ус-

лугами (bogobojnie ich używał) [1]). Такой взглядъ былъ совершенно въ духѣ ветхозавѣтно-іудейскихъ понятій о соціальныхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, въ катихизисѣ социніанскомъ мы не находимъ никакихъ указаній о взглядахъ самого Социна на этотъ вопросъ. Можно думать, что социніане находили практически неудобнымъ выступить рѣшительно съ своимъ ученіемъ о правѣ содержать рабовъ, такъ какъ это ученіе должно было поколебать самую основу соціальнаго строя въ тогдашней Польшѣ.

Кромѣ проповѣди гуманности, были въ социніанствѣ и другія привлекательныя черты, которыя особенно должны были располагать къ нему образованную часть дворянскаго сословія: это прежде всего—заботы социніанъ о школахъ и образованіи. Лишь только гдѣ-либо основывалась новая социніанская община, первое, о чемъ заботились ея сеньеры, было: постройка молитвеннаго дома и школы и снабженіе послѣдней хорошими учителями. Быть можетъ, никто въ Польшѣ не сдѣлалъ такъ много для образованія въ XVI и XVII вѣкахъ, какъ именно социніане. Но за то ни въ одномъ исповѣданіи не было столько ученыхъ сеньеровъ или пасторовъ и такихъ образованныхъ учителей, какъ у социніанъ же. Вотъ почему къ нимъ часто перебѣгали ученѣйшіе протестантскіе пасторы. Изъ множества социніанскихъ школъ особенно славилась раковская, основанная въ 1602 году и скоро возведенная на степень академіи. Слава объ учености ея профессоровъ, вызванныхъ изъ разныхъ странъ Европы, и объ успѣшности ихъ преподаванія распространилась повсюду, такъ что въ короткое время число учениковъ въ раковской академіи достигло тысячи человѣкъ, изъ коихъ около трехсотъ принадлежали къ шляхетскому сословію. Въ числѣ ихъ были не одни дѣти изъ социніанскихъ семействъ, но и молодые шляхтичи изъ католиковъ, протестантовъ и даже православныхъ изъ южной Руси. Въ раковской академіи практиковалось прекрасное правило, чтобы всякій ученикъ, какого-бы званія онъ ни былъ, изучалъ сверхъ общеобразовательныхъ предметовъ еще и какое-либо ремесло. Это весьма цѣнилось родителями средняго класса и особенно трудолюбивымъ и предпріимчивымъ населеніемъ самого Ракова. Вообще исторія раковской общины крайне интересна: она даетъ наглядное понятіе о характерѣ и направленіи социніанской

---

[1]) A. Jocher, Obraz Literatury i nauk w Polsce, II, 262 и 546.

секты, ибо здѣсь она достигла наиболѣе полнаго своего обнаруженія. Основанный въ 1569 г., среди песчаныхъ пустырей, Раковъ [1]) былъ заселенъ разновѣрцами и преимущественно антитринитаріями, которымъ покровительствовалъ владѣлецъ города Янъ Сенинскій. Пользуясь предоставленной имъ полной свободой, сектанты, сильные духомъ братства и свойственнымъ всякой религіозной корпораціи воодушевленіемъ, энергично взялись за дѣло, и въ короткое время новая колонія стала цвѣтущимъ и многолюднымъ городомъ, съ прекрасными домами, отлично обработанными полями и огородами, съ развитой торговлей, ремеслами, промыслами и фабриками. Съ 1575 года здѣсь появляется типографія, для нуждъ которой заводится значительная бумажная фабрика. Съ открытіемъ академіи Раковъ вступаетъ въ періодъ высшаго своего процвѣтанія и съ этого времени окончательно пріобрѣтаетъ значеніе главной, какъ-бы центральной социніанской общины. Социніане усвоиваютъ ему громкое названіе «*сарматскихъ Аѳинъ*», указывающее на высокое развитіе здѣсь научной и литературной дѣятельности.

Кромѣ Ракова, социніане имѣли въ разныхъ мѣстахъ Польши и Литвы множество и другихъ общинъ, коихъ они въ началѣ XVII в. насчитывали до 150-ти; но мы не будемъ перечислять ихъ, а перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о распространеніи и судьбѣ социніанства въ собственно русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой, и особенно на Волыни и Украйнѣ.

V.

Мы уже упомянули, что въ Литвѣ и прилегавшей къ ней западной Руси проповѣдь антитринитаріанства во второй половинѣ XVI вѣка шла одновременно съ двухъ сторонъ: въ Бѣлоруссіи и другихъ западно-русскихъ мѣстностяхъ ученіе это было распространяемо московскими выходцами ѳеодосіанами и ихъ дружиной, а изъ внутренней Литвы такая же пропаганда шла со стороны польскихъ и другихъ захожихъ антитринитаріевъ. Проповѣдь ѳеодосіанъ, совершаемая русскими людьми и на русскомъ языкѣ, имѣла

[1]) Нынѣ это самое бѣдное и жалкое мѣстечко Радомской губерніи, опа[illegible]вскаго уѣзда, съ одно-классной школой и ничтожнымъ числомъ учащихся. Глядя на песчаныя пустыри Ракова и его лачуги, трудно повѣрить, что здѣсь нѣкогда кипѣла торговля и процвѣтали науки. Отъ прежняго благосостоянія Ракова остался лишь заброшенный, опустѣлый костелъ, одиноко стоящій на сугробахъ песчаныхъ. *Ред.*

необыкновенный успѣхъ среди западно-русскаго населенія. Одинъ изъ тогдашнихъ православныхъ апологетовъ (Зиновій Отенскій) съ прискорбіемъ признается, что еретики пріобрѣли многихъ послѣдователей не только изъ людей небоящихся Бога и грѣхолюбивыхъ, но и богобоязненныхъ и смиренныхъ, въ числѣ коихъ были даже православные священники и другія духовныя лица. «По истинѣ, восклицаетъ онъ, какъ Магометъ развратилъ своимъ ученіемъ востокъ, Лютеръ западъ, такъ Ѳеодосій Литву!» Но и заносное антитринитаріанство имѣло неменьшій успѣхъ въ Литвѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ оно пріобрѣло здѣсь могущественнаго патрона въ лицѣ каштеляна виленскаго, Яна Кишки, богача, владѣвшаго 70-ю мѣстечками и 400-ми селами. Это былъ потомокъ старинной литовско-русской фамиліи, получившій заграницей блестящее образованіе [1]) и женатый на дочери князя Константина Острожскаго. Сдѣлавшись усерднымъ послѣдователемъ антитринитаріанства, Кишка собиралъ у себя учителей этой секты, отдавалъ имъ находившіяся въ его имѣніяхъ протестантскія и даже католическія и православныя церкви, созывалъ соборы, устраивалъ школы и заводилъ типографіи, въ коихъ съ 1574 года начали во множествѣ издаваться антитринитаріанскія сочиненія. Таковы были типографіи: въ Лозкахъ (ошмянскаго уѣзда, виленск. губ.), Любчѣ (новогрудск. уѣзда, минской губ.), Заславѣ (минскаго уѣзда) и въ Несвижѣ [2]) (слуцк. уѣзда, минской губ.), гдѣ въ 1570 г. былъ напечатанъ социніанскій переводъ библіи, совершенный при главномъ участіи извѣстнаго социніанскаго ученаго Симеона Буднаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ могущественныхъ средствахъ пропаганды антитринитаріанство съ поразительной быстротой охватило всю Литву и западную Русь и причинило немалый ущербъ православію въ этихъ странахъ. О размѣрахъ этого ущерба мы можемъ отчасти судить по одному свидѣтельству извѣстнаго іезуита Петра Скарги, который въ своемъ сочиненіи о Брестскомъ соборѣ 1596 года, упрекая православныхъ за дружбу съ аріанами, говоритъ, что эти мнимые друзья, а на самомъ дѣлѣ волки, въ одномъ новогрудскомъ воеводствѣ отняли до 650 православныхъ церквей

---

[1]) Янъ Кишка былъ ученикомъ и восторженнымъ почитателемъ извѣстнаго Кастальона, которому онъ по его смерти поставилъ богатый монументъ. Bibliotheca Antitrinitariorum, p. 82.

[2]) Послѣдній городъ находился въ числѣ имѣній князей Радзивилловъ.

и упразднили въ нихъ службу Божію, и что изъ 600 дворянскихъ фамилій этого воеводства едвали осталось *шестнадцать* такихъ, которые ушли отъ еретической новокрещенской, т. е. антитринитаріанской, заразы. Конечно, въ словахъ Скарги есть извѣстная доля преувеличенія; но что православіе несло въ Литвѣ большія потери со стороны антитринитаріанской пропаганды, это фактъ несомнѣнный. Кромѣ новогрудскаго воеводства, тоже самое можно сказать о воеводствахъ: брестскомъ, въ коемъ раньше и быстрѣе всего распространилась секта, минскомъ, виленскомъ, витебскомъ и другихъ мѣстностяхъ западно-русскаго края.

Мы сказали уже, что въ Литвѣ антитринитаріанство первоначально утвердилось въ формѣ его крайняго или полужидовствующаго направленія, почвой для котораго служили издавна таившіяся здѣсь сѣмена мѣстнаго раціоналистически-жидовствующаго вольномыслія, оживленнаго проповѣдью ѳеодосіанъ. Но съ конца XVI в. оно и здѣсь постепенно смѣняется чистымъ социніанствомъ, на сторону котораго одинъ за другимъ переходятъ выдающіеся вожаки секты, наприм. Симеонъ Будный, Мартинъ Чеховичъ и др. При этомъ наблюдается слѣдующее любопытное явленіе: въ то время, какъ въ Польшѣ, южной Руси и другихъ мѣстностяхъ реформа Фавста Социна способствовала лишь большему укрѣпленію и распространенію секты, въ литовской Руси замѣчается какъ будто обратное явленіе. Въ XVII вѣкѣ антитринитаріанство далеко не имѣло здѣсь такой силы, какъ въ предшествовавшемъ столѣтіи, и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже встрѣчаются о немъ извѣстія. Раньше всего социніанство исчезаетъ въ Бѣлоруссіи. Долѣе всего держится оно въ предѣлахъ Вильны и Новогрудка; но и здѣсь въ одномъ лишь Любчѣ социніанская община удерживается до 1655 года, остальныя же гораздо раньше прекращаютъ свое существованіе: несвижская около 1586 года, лозская также въ концѣ XVI ст., а въ Новогрудкѣ социніанская община была закрыта въ 1618 году, по распоряженію короля Сигизмунда III. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ другихъ причинъ, способствовавшихъ упадку социніанства въ Литвѣ, много значила смерть могущественнаго покровителя секты Яна Кишки (въ 1592 г.) и переходъ его богатыхъ помѣстій къ членамъ католическихъ и протестантскихъ фамилій; но нельзя отрицать и того, что вообще новое, чисто раціоналистическое на-

правленіе антитринитаріанской секты пришлось не по духу западно-русскому и особенно бѣлорусскому населенію. За то здѣсь съ особеннымъ успѣхомъ въ это же время прививается и распространяется церковная унія.

VI.

Изъ Литвы и Бѣлоруссіи перейдемъ въ южную Русь и поищемъ здѣсь слѣдовъ социніанства.

Широкою волною прошло по южной-Руси реформаціонное движеніе и надолго оставило въ ней слѣды въ видѣ порожденнаго имъ религіознаго вольномыслія и всякаго разновѣрія. «Поеретичѣли вси обитальницы Малой-Россіи и отъ Бога далече устранишася, къ невѣрію и зложитію припрагше, егда на латинскую и мірскую мудрость ся полакомили! Овъ бо зовется папежникъ, овъ засъ нынѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста (т. е. евангеликъ-кальвинисть), овъ засъ нововыкрещенный (антитринитарій), овъ засъ суботникъ (жидовствующій)»,— такъ въ самомъ началѣ XVII в. жаловался русскій постриженецъ Аѳона Іоаннъ Вишенскій въ своихъ посланіяхъ ко всѣмъ православнымъ жителямъ Малой-Россіи, одно изъ которыхъ онъ такъ и адресуетъ: «Тобѣ, народу русскому, въ роздѣленыхъ сектахъ и вѣрахъ розмаитыхъ мешкаючому!» [1]).

Оставимъ въ покоѣ «папежниковъ» и «евангелистовъ», а прослѣдимъ лишь за «нововыкрещенцами» и «суботниками» въ Малой Россіи и прежде всего станемъ искать ихъ на родинѣ Іоанна Вишенскаго, въ Руси Галицкой, которая раньше другихъ русскихъ земель подпала культурному польскому вліянію. Говоря о польскомъ антитринитаріанствѣ, мы упоминали, что раньше и прочнѣе всего оно утвердилось въ областяхъ Малой Польши: краковской, люблинской и особенно сандомирской, въ коей находились начальные центры секты, Пинчовъ и потомъ Раковъ. А въ ближайшемъ и непосредственномъ сосѣдствѣ съ этимъ очагомъ польскаго антитринитаріанства и находились именно земли Червоной Руси: львовская, перемышльская, саноцкая, галицкая и холмская. Естественно по этому предположить, что антитринаріанство проникло сюда очень рано, т. е. не позже 50-хъ годовъ XVI в. Въ слѣдующемъ десяти-

[1]) См. Посланія Іоанна Вишенскаго во 2 т. Актовъ Ю. и З. Россіи.

лѣтіи антитринитаріи устраивали даже здѣсь свои съѣзды или соборы: таковъ былъ соборъ 1566 года, происходившій въ Ланцутѣ, въ перемышльской области. Кромѣ Ланцута, извѣстны еще антитринитаріанскія общины въ Бучацѣ (въ галицкой области) и въ Крыловѣ (въ холмской) [1]. Но лучшимъ свидѣтельствомъ ранняго существованія антитринитаріанской пропаганды и именно среди *православно-русскаго* галицкаго населенія служитъ одинъ крайне любопытный литературный памятникъ, получившій свое происхожденіе въ Галиціи: мы говоримъ о знаменитомъ *Письмѣ половца Ивана Смеры* къ великому князю Владиміру святому. По свидѣтельству социніанскихъ писателей, сохранившихъ для насъ текстъ этого письма, хотя и въ латинскомъ переводѣ, оно было будто-бы найдено около 1567 г. русскимъ діакономъ Андреемъ Колодынскимъ (впослѣдствіи антитринитаріемъ) въ русской церкви св. Спаса, въ области перемышльской, не подалеку отъ древняго Самбора, гдѣ похороненъ славный русскій князь Левъ. Подлинникъ этого письма, будтобы, былъ начертанъ на мѣдныхъ доскахъ желѣзными буквами на болгарскомъ или древнеславянскомъ языкѣ [2], съ котораго діаконъ Андрей сдѣлалъ южнорусскій и польскій переводы, списки которыхъ ходили между польско-русскими антитринитаріями XVI и XVII ст. и сохранялись нѣкоторыми ихъ писателями. Подложность письма давно доказана русской наукой [3], но отъ этого оно нисколько не теряетъ своего историческаго интереса, какъ литературный памятникъ южнорусскаго антитринитаріанскаго движенія въ XVI в., представляющій многія любопытныя данныя относительно исторіи секты и ея пропаганды среди южно-русскаго населенія, въ интересахъ которой совершенъ и самый подлогъ памятника. Вымышленный авторъ этого письма половецъ Иванъ Смера, придворный врачъ и риторъ князя Владиміра, былъ

---

[1]) О нихъ упоминается въ запискахъ Эразма Отвиновскаго, антитринитаріанскаго писателя конца XVI и начала XVII в. См. у Андрея Венгерскаго Slavoniae Reformatiae Lib. IV, p. 524—530.

[2]) Социніанскій писатель XVII в. Сандъ приводитъ даже строку facsimile подлинника этого письма, состоящую изъ ряда знаковъ, похожихъ на греческія буквы, изъ которыхъ однако не возможно сложить какое-либо слово. Facsimile это приведено также и въ исторіи Карамзина.

[3]) Объ этомъ, между прочимъ, см. прекрасное изслѣдованіе проф. кіев. духовн. акад. И. И. Малышевскаго, помѣщенное въ іюньской и іюльск. книгахъ „Трудовъ Кіев. Академіи“ за 1876 годъ.

посланъ, будтобы, въ 980 году въ Грецію для изслѣдованія вѣры и состоянія тамошнихъ христіанъ. Послѣ долгихъ и трудныхъ странствованій по европейскимъ и азіатскимъ владѣніямъ греческаго императора, половецъ Смера достигъ наконецъ Александріи, гдѣ нашелъ какихъ-то совершеннѣйшихъ христіанъ, по вѣрѣ и нравамъ совсѣмъ отличныхъ отъ остальныхъ грековъ. Плѣнившись обычаями и ученіемъ этихъ христіанъ, нашъ посолъ принялъ ихъ вѣру и самъ вступилъ въ ихъ общество; узнавши же, что Владиміръ тѣмъ временемъ принялъ вѣру отъ грековъ, Смера рѣшился никогда не возвращаться на Русь, а написалъ будтобы князю вышеупомянутое письмо. Въ письмѣ этомъ описываются весьма привлекательными чертами нравы и обычаи совершеннѣйшихъ александрійскихъ христіанъ, подъ видомъ которыхъ составители письма старались изобразить современныхъ имъ антитринитаріевъ. Это честные и благочестивые люди, богословы (т. е. говорящіе о Богѣ), которыхъ другіе народы называютъ народомъ святымъ, Божіимъ и новымъ Израилемъ. Они выше всего любятъ миръ и тишину и суть подлинно какъ-бы ангелы Божіи. У нихъ есть не мало молитвенныхъ домовъ христіанскихъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ идоловъ, а только столы и скамьи; сюда они ежедневно, по повелѣнію Божію, сходятся для наученія и молитвы—передъ восходомъ и потомъ послѣ заката солнца, иногда также въ третій и девятый часы дня. Далѣе въ письмѣ излагается догматическое ученіе этихъ необыкновенныхъ христіанъ, которое во всемъ оказывается сходнымъ съ ученіемъ антитринитаріевъ и именно полужидовствующаго направленія, преимущественно распространеннаго тогда среди южно-русскихъ сектантовъ. Но эти честные и благочестивые христіане терпятъ тяжкія преслѣдованія со стороны грековъ, подъ видомъ которыхъ составители письма разумѣли отчасти православныхъ, а больше, кажется, современныхъ имъ католиковъ, дѣйствительно преслѣдовавшихъ тогдашнихъ антитринитаріевъ. Греки эти, хотя и велятъ называть себя новымъ Израилемъ, но нравами болѣе похожи на аспидовъ и василисковъ. Они хитры, надменны, ложь могутъ выдать за дѣло справедливое, подражая въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ римскимъ ученіямъ и учрежденіямъ. Своимъ коварствомъ они стараются завлечь простыхъ людей въ свои синагоги и церкви. Они приказываютъ, чтобы въ ихъ роскошныя, хотя и созданныя

насиліемъ, божницы люди собирались для служенія идоламъ съ ѳиміамомъ и свѣчами и всякаго рода яственными жертвами, послѣ чего они оскверняются объяденіемъ, топаютъ ногами, плещутъ руками, издаютъ разноголосое пѣніе на подобіе музыки и ведутъ себя до такой степени безстыдно, что нельзя ни говорить, ни писать объ этомъ; сверхъ того они велятъ, чтобы по смерти ихъ были почитаемы и славимы на вѣчныя времена ихъ изображенія. А тѣхъ благочестивыхъ христіанъ нечестивые греки приневоливаютъ служить себѣ, платить дань и причиняютъ имъ многія другія обиды; по этому первые собираются въ укрытыхъ мѣстахъ, въ гробахъ, въ горахъ, лѣсахъ, говоря, что избѣгаютъ нечестиваго рабства, причемъ пророчествуютъ о скорой гибели надменныхъ грековъ, равно и тѣхъ, которые усвоятъ ихъ вѣру и обычаи. Въ числѣ этихъ пророчествъ достойно особеннаго вниманіе одно, долженствовавшее, по мысли составителей письма, относиться именно съ самимъ антитринитаріямъ: это пророчество о возстаніи въ послѣднемъ поколѣніи славянскаго народа судей и обличителей грековъ, которыхъ они будутъ называть псами, сочинителями басенъ, лжецами и обманщиками, а сами, по призванію отъ Бога, обратятся къ изслѣдованію всѣхъ писаній себѣ во спасеніе. Путь ихъ будетъ тяжелъ среди богатыхъ грековъ и другихъ одноправныхъ съ ними людей. Но гонители скоро увидятъ свой позоръ и гибель и идолы ихъ войдутъ въ притчу у чужихъ народовъ. А судьба гонимыхъ измѣнится къ лучшему; ибо въ лицѣ ихъ послѣднее поколѣніе славянскаго народа соединится съ великою ревностью для похвалы и исповѣданія единаго Бога израилева, который освободитъ свой вѣрующій народъ отъ грѣховъ его. Съ нимъ и послѣдній іудейскій родъ познаетъ вмѣстѣ съ прочими народами ученіе Христа и получитъ спасеніе, потому что покорится волѣ Бога своего. Тогда-то для тѣхъ истинныхъ христіанъ настанетъ время наслѣдовать всякую честь и власть за свое ученіе и образъ жизни, какъ то указывается въ древнѣйшемъ писаніи. Письмо заключается убѣжденіемъ, чтобы Владиміръ не принималъ обычаевъ и вѣры греческой (въ другихъ спискахъ прибавлено: и римской).

Нужно замѣтить, что письмо половца Смеры не есть единственный памятникъ, свидѣтельствующій о попыткахъ тогдашнихъ сектантовъ вести пропаганду своего ученія при помощи сочиненій

и книгъ на русскомъ языкѣ. Въ тоже самое время составлялись и издавались такія же книги въ Литвѣ, при содѣйствіи главнымъ образомъ извѣстнаго антитринитаріанскаго писателя и учителя Симеона Буднаго, о которомъ есть извѣстіе, что въ молодости онъ исповѣдывалъ православіе. Еще въ бытность свою кальвинскимъ пасторомъ, Будный издалъ въ 1562 г. въ Несвижѣ на русскомъ языкѣ *кальвинскій катихизисъ*, назначая его «для простого народа русского и для христіанскихъ дѣтокъ рускихъ» [1]). Посвящая изданіе дѣтямъ князя Радзивилла, издатель выражаетъ радость, что въ новооснованной несвижской типографіи начинаютъ печататься книги на издавна славномъ и далеко распространенномъ языкѣ славянскомъ и поставляетъ въ честь молодымъ князьямъ, чтобы они, изучая языки чужеземные, любили и свой родной. Въ томъ же году Будный издалъ другое, уже съ скрытыми антитринитаріанскими тенденціями, сочиненіе на русскомъ языкѣ: «*Оправданіе грѣшнаго человѣка предъ Богомъ*», посвятивъ его Евстафію Воловичу, маршалку и писарю великаго княжества литовскаго. Сверхъ того, въ предисловіи къ катихизису Будный обѣщалъ выпустить скоро другое болѣе полное изданіе этой книги и напечатать новую «*О крещеніи и вечери Сына Божія*». Кромѣ несвижскихъ изданій Буднаго, существовали и другія сектантскія изданія на русскомъ языкѣ, изъ коихъ до нынѣ извѣстны, напр. *духовныя пѣсни* (всѣхъ 50), переведенныя съ нѣмецкаго [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что рукописныхъ антитринитаріанскихъ сочиненій существовало немалое количество. Объ одной изъ такихъ рукописей мы будемъ имѣть случай говорить нѣсколько ниже, при обзорѣ пропаганды антитринитаріанской секты на Волыни. Разставаясь же съ галицкимъ антитринитаріанствомъ, о которомъ вообще сохранились крайне скудныя извѣстія, припомнимъ одинъ, съ перваго взгляда весьма странный упрекъ, какой сдѣлали въ 1585 г. галицкорусскіе православные дворяне тогдашнему кіевскому митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ. Исчисливъ въ своемъ посланіи всѣ обиды и притѣсненія, какимъ подвергалось въ Галиціи православіе отъ иновѣрцевъ, они прибавляютъ: «а што еще ктому порубання крестовъ святыхъ, побрання звоновъ кгволи (въ

---

[1]) Катихизисъ этотъ былъ потомъ изданъ вторично, въ Вильнѣ, въ 1584 г.

[2]) Пѣсни эти напечатаны въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и др. россійскихъ 1846 г. № 1.

угоду) *жидамъ?* И еще ваша милость и листы отворенные (т. е. открытые) противу церкви Божое *жидомъ на помощь даешъ*, къ потѣсѣ имъ и къ большому оболженю закону нашого и къ жалю нашому» [1]). Кто были эти жиды, открыто нападавшіе на православныя церкви въ Галиціи и лишавшія ихъ крестовъ, колоколовъ и другой утвари, и притомъ съ открытыми митрополичьими листами въ рукахъ? Не были-ли то жидовствующіе антитринитаріи, которые дѣйствительно во многихъ мѣстахъ отнимали иногда у православныхъ церкви и обращали ихъ въ свои молитвенные дома, лишая ихъ при этомъ крестовъ, иконъ и вообще всей обстановки отвергаемой ими церковной обрядности; причемъ они дѣйствовали не по одному праву сильнаго, а на основаніи признаваемаго польскими законами права свѣтскаго патронатства въ дѣлахъ вѣры, по которому, напр., помѣщики сплошь и рядомъ отнимали находившіяся въ ихъ имѣніяхъ православныя церкви и отдавали ихъ уніатамъ. При такомъ предположеніи станетъ хотя отчасти понятнымъ отношеніе къ означеннымъ дѣйствіямъ митрополита Онисифора Дѣвочки, который вообще отличался крайнимъ нерадѣніемъ къ дѣламъ церкви, за что и былъ низложенъ патріархомъ Іеремією, по желанію православныхъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Орестъ Левицкій.

---

[1]) Акты Зап. Россіи, III, № 146.

КНЯЗЬЯ РУЖИНСКІЕ.

(*Памяти М. А. Максимовича*).

Генеалогическая и біографическая сторона русской исторіи, особенно западнорусской, до сихъ поръ такъ мало еще разработана, что даже спеціалисты подчасъ становятся втупикъ въ хаосѣ разнорѣчивыхъ показаній, невольно впадаютъ въ ошибки, смѣшивая и отождествляя лица въ сущности различныя, приписывая одному то, что относится совсѣмъ къ другому. Такое смѣшеніе ведетъ иногда къ анахронизмамъ, къ перестановкѣ во времени историческихъ фактовъ, а тѣмъ самымъ и къ невѣрному ихъ освѣщенію. Такимъ образомъ, точное установленіе генеалогическихъ и біографическихъ фактовъ, повидимому мелочныхъ и не имѣющихъ самостоятельнаго значенія, получаетъ и общій историческій интересъ, подобно тому, какъ полуистершаяся древняя монета даетъ иногда возможность окончательно принять или отвергнуть извѣстіе, представлявшееся для однихъ несомнѣннымъ историческимъ фактомъ, а для другихъ— только легендой.

Точныя свѣдѣнія о князьяхъ Ружинскихъ, родѣ вообще небогатомъ исторически-замѣчательными личностями, представляютъ именно такого рода интересъ. Появляются эти князья въ исторіи лишь на короткое время, въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, и такъ же быстро исчезаютъ безъ слѣда; выдвинувшаяся отрасль рода вымираетъ, богатыя ея владѣнія переходятъ въ чужія руки, а прочія вѣтви рода, хотя и не бѣдныя представителями, худаютъ и теряются въ массѣ мелкопомѣстной или и совсѣмъ беземельной шляхты. Но въ этомъ родѣ есть одинъ князь, имя котораго тѣсно связано съ весьма важнымъ фактомъ южнорусской исторіи: по словамъ нашихъ лѣтописцевъ и

историковъ, при гетманѣ князѣ Ружинскомъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ была введена первоначальная организація козачества, игравшаго въ этой исторіи такую видную роль. Самая однако личность этого дѣятеля до сихъ поръ не выяснена, и мы въ настоящемъ очеркѣ постараемся указать, по крайней мѣрѣ, ея вѣроятное положеніе въ генеалогіи рода,—въ ряду другихъ свѣдѣній объ этомъ родѣ и его представителяхъ.

Послѣднее слово въ литературѣ вопроса о гетманѣ Ружинскомъ принадлежитъ покойному М. А. Максимовичу. Когда былъ изданъ кіевскою археографическою комиссіею первый томъ актовъ о козакахъ (Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 1863 г.),—Максимовичъ напечаталъ нѣсколько писемъ къ предсѣдателю комиссіи, М. В. Юзефовичу, по поводу вступительной статьи В. Б. Антоновича къ этимъ актамъ. Эта статья, первая по времени въ ряду изслѣдованій по исторіи югозападной Руси, положившихъ прочное начало ученой репутаціи г. Антоновича, не могла однако не обладать и нѣкоторыми недостатками, какіе носятъ въ себѣ вообще *первые* труды, эти, такъ сказать, корректурные оттиски начинающаго писателя; авторъ главнѣйшимъ образомъ обратилъ вниманіе на изложеніе своей теоріи происхожденія козачества [1]) и на соотвѣтственную ей новую группировку фактовъ,—за то мѣстами была слаба детальная ихъ провѣрка. Эти-то фактическіе недосмотры и составляли попреимуществу предметъ возраженій Максимовича, въ числѣ ихъ и неточность относительно времени гетманства Ружинскаго, а слѣдовательно и реформъ въ козацкомъ устройствѣ. Максимовичъ былъ сильнѣе всего именно въ фактахъ и любилъ по каждому частному вопросу изъ извѣстнаго ему матеріала (а зналъ онъ и помнилъ замѣчательно много) выжимать уже все, до послѣднихъ мелочей, подбирая послѣднія иной разъ въ такихъ источникахъ, которые, казалось-бы, не содержатъ по данному предмету ни одной іоты. Не его, конечно, бывала вина, если иногда, вмѣсто точнаго рѣшенія, приходилось ограничиваться догадками по недостаточности самаго ма-

[1]) Главную суть статьи составляетъ сближеніе общины козацкой съ общиной древнерусской, всенародной. Если теорія эта и не представлялась *вполнѣ* доказательною, то она во всякомъ случаѣ указывала новый путь, окончательно устраняя прежнее „баснословіе“, выводившее козаковъ отъ козаръ, черкассовъ и т. п., какъ выводили когда-то Литву отъ Палемона, какъ продолжаютъ еще, несмотря на всѣ усилія г. Иловайскаго, выводить Русь отъ варяговъ.

теріала; отчасти такъ было и на этотъ разъ относительно Ружинскихъ, совершенно затемненныхъ разногласіями лѣтописцевъ, какъ современниковъ, такъ еще болѣе позднѣйшихъ компиляторовъ. Только новые матеріалы, частію съ тѣхъ поръ изданные вполнѣ, частію только описанные въ кіевскомъ центральномъ архивѣ [1]), позволяютъ теперь нѣсколько вѣрнѣе возстановить генеалогію Ружинскихъ, а тѣмъ опредѣлить и степень возможнаго ихъ участія въ козацкой исторіи.

Нѣкоторыя лѣтописи, какъ напримѣръ Грабянки, Самовидца (во введеніи къ ней), исторія Руссовъ, за ними Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ,—а изъ нихъ всѣхъ бралъ свои данныя и г. Антоновичъ въ той статьѣ,—начинаютъ рядъ козацкихъ гетмановъ съ Прецлава Лянцкоронскаго и съ 1506 года, за нимъ ставятъ Димитрія Вишневецкаго и Евстафія Ружинскаго, а тогда Венжика Хмельницкаго съ 1534 годомъ; нѣкоторые даютъ болѣе опредѣлительныя мѣста Вишневецкому (1512—1514) и Ружинскому (1514—1534). Максимовичу не трудно было доказать, что здѣсь анахронизмъ: дѣятельность Вишневецкаго по современнымъ свидѣтельствамъ относится лишь къ половинѣ XVI вѣка, смерть къ 1564 г., слѣдовательно и Ружинскаго Евстафія нужно было искать *послѣ* этого времени; Максимовичъ дѣйствительно и отыскалъ его въ 1569 г., на службѣ у черкасскаго старосты, кн. Михайла Вишневецкаго, а потомъ въ Кіевѣ, воеводскимъ намѣстникомъ, съ 1575 по 1581 годъ [2]). Оказывалось, что Евстафій и не гетманъ, хотя, конечно, возможно, что въ службѣ при черкасскомъ старостѣ и при кіевскомъ воеводѣ, которые имѣли тоже *своихъ* козаковъ, онъ и былъ при какомъ нибудь случаѣ предводителемъ ихъ отряда. Мы имѣемъ теперь возможность указать и первоначальный источникъ хронологической ошибки: нѣкоторые южнорусскіе хронисты-компиляторы, пользуясь польскими источниками, въ томъ числѣ и Гваньини, вслѣдъ за извѣстіями 1516 г. помѣщали взятый оттуда же краткій гео-

[1]) До сихъ поръ изданы архивомъ двадцать двѣ описи актовыхъ книгъ, по архивному списку №№ 1—12, 14, 16 и 18—25; изъ нихъ описи 1, 4, 5, 8, 9 и 10 составлены покойнымъ К. Е. Козловскимъ, съ котораго и началось ихъ изданіе; № 11—А. П. Свидницкимъ; № 14—Л. В. Ильницкимъ; № 19 и 25—А. Т. Бѣлоусовымъ; № 22—24—Г. В. Донцовымъ; остальные мною. При дальнѣйшихъ ссылкахъ я буду указывать № описи и листъ подлинной книги, гдѣ помѣщенъ цитируемый актъ.

[2]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, (Кіевъ, 1876 г., т. I. Стр. 277—316: „Письма о козакахъ“.

графическій и историческій обзоръ козачества; такъ напр. Лукомскій, въ своемъ «Собраніи историческомъ», говоритъ, послѣ извѣстій 1516 г., о географіи сѣчевыхъ окрестностей, «точними словами Гвагниновыми»: «въ тѣ жъ времена дѣлали они (т. е. козаки) полякамъ великія безъ сомнѣнія прислуги, яко же они издревле били воини храбріи и туркамъ и татарамъ всегда страшніи, найпаче же при своихъ гетманахъ: при князѣ Дмитріи Вишневецкомъ, при козачіихъ вождахъ—при Бирулѣ, при Темрювѣ Пятигорцѣ, при *Александрѣ*, при *Михайлѣ* и при *Евстафіи* князяхъ *Ружинскихъ, старостахъ черкасскихъ*, при Прецлавѣ Лянцкоронскомъ, а особливо при Зборовскомъ, при *князѣ Ружинскомъ* (sic), при Косѣнскомъ, при Иванѣ Свѣрговскомъ и при иныхъ своихъ гетманахъ» [1]). Перечень этотъ, заключáя въ себѣ лица дѣйствительныя, историческія (Бируля—ошибка вм. Бирута), не имѣетъ однако ни малѣйшей претензіи на хронологическую послѣдовательность, такъ какъ тѣ же лица упоминаются и позже, и не въ томъ порядкѣ; но относительно собственно Ружинскихъ, которыхъ здѣсь поименно перечислено три, сдѣлано столько же и ошибокъ. Такъ какъ вслѣдъ за этимъ приводятся два извѣстія 1518 и 1528 годовъ, гдѣ упоминается, безъ фамиліи, черкасскій староста Евстафій (т. е. *Дашковичъ*), а компилятору извѣстенъ былъ по другимъ источникамъ Евстафій Ружинскій, то онъ смѣшалъ оба лица, перенесъ Ружинскаго за полвѣка назадъ, гдѣ онъ и пребывалъ по всѣмъ «исторіямъ», пока не извлекъ его оттуда Максимовичъ. Точно также понятна ошибка объ Александрѣ и Михайлѣ: компиляторъ имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи одинъ княжескій родъ, и еще эти два лица, тоже съ княжескимъ титуломъ, но безъ фамиліи: не долго думая, онъ свелъ ихъ въ родство. На самомъ же дѣлѣ это родные братья князья *Вишневецкіе*; старшій изъ нихъ, Михайло Александровичъ, впослѣдствіи кіевскій каштелянъ, упоминается въ званіи черкасскаго старосты въ 1569—1576 гг., — при немъ-то и служилъ въ Черкасахъ Евстафій Ружинскій [2]), а меньшой, Александръ Александровичъ, получилъ староства черкасское и каневское послѣ брата и владѣлъ ими въ 1581—1593 гг. [3]). Такимъ образомъ, этотъ

[1]) Лѣтопись Самовидца, по кіевскому изданію, стр. 332.

[2]) Жизнь кн. Курбскаго, т. I, стр. 22, 24.—Архивъ югозап. Россіи, ч. V, т. I, стр. 69 и 71.

[3]) Архивъ ю.-з. Рос., ч. III, т. I, стр. 55—57; ч. V, т. I, стр. 71, 84—86 и 541.

quasi-лѣтописный текстъ, съ тремя именами гетмановъ Ружинскихъ, разрѣшается только въ прежнее недоумѣніе, безсознательно выразившееся и у самого компилятора въ томъ, что рядомъ съ ними оставилъ онъ еще и четвертаго Ружинскаго, безыменнаго.

Въ одномъ изъ актовъ, по поводу которыхъ писалъ Максимовичъ свои «Письма», упоминается подъ 1585 г. гетманъ князь Михайло Ружинскій [1]); конечно, свидѣтельство современнаго урядоваго документа, въ которомъ притомъ же эта личность не является ни заинтересованной стороной, ни объектомъ интереса чьего бы то ни было, не могло подвергаться сомнѣнію. Принимая его въ списокъ гетмановъ, Максимовичъ попытался опредѣлить его генеалогическое мѣсто; встрѣтивъ въ числѣ Ружинскихъ одновременно два лица этого имени, онъ затруднялся было, къ которому пріурочить гетманство. Въ спискѣ волынскихъ дворянъ владимірскаго повѣта, присягавшихъ въ 1569 г. на люблинскую унію, упомянуто шесть лицъ этого рода: къ присягѣ явились лично *Михайло* и Дмитрій *Ивановичи* и заявили при этомъ, что братъ ихъ князь Григорій служитъ у князя Романа, воеводы брацлавскаго (т. е. Сангушка), и «держитъ урядъ его королевское милости въ Рѣчицѣ», т. е. состоитъ тамъ подстаростою или намѣстникомъ [2]), а другой братъ, князь Остафій, служитъ черкасскому старостѣ князю Михайлу Вишневецкому и ѣдетъ съ нимъ къ королю въ Люблинъ; князь же Стефанъ Ружинскій заявилъ при присягѣ, что братъ его князь *Михайло* на ту пору осѣдлости не имѣетъ, всю часть свою заставилъ [3]) и поѣхалъ къ пріятелямъ въ Польшу [4]). Максимовичъ очень удачно усмотрѣлъ предшествовавшее этимъ шести лицамъ поколѣніе Ружинскихъ въ князьяхъ Роговицкихъ или Ероговицкихъ, упомянутыхъ въ описаніи волынскихъ замковъ 1545 года [5]): его навела

---

[1]) Архивъ ю.-з, Рос., ч. III, т. I, стр. 16.

[2]) Князь Романъ Сангушко, кромѣ должности Брацлавскаго воеводы, былъ еще старостой Житомирскимъ и „державцей" Рѣчицкимъ.

[3]) Застава—особый видъ залога недвижимости, при которомъ, вмѣсто платежа процентовъ, въ пользованіе кредитора передавалось само закладываемое имущество, впредь до выкупа; застава была залогомъ безсрочнымъ, такъ что на право выкупа не вліяла давность, но самый выкупъ могъ производиться только въ извѣстные періодическіе сроки (чаще всего каждые три года), опредѣленные въ первоначальномъ договорѣ; при невыкупѣ въ срокъ, собственникъ не терялъ своего права, но могъ приступить къ выкупу только снова по истеченіи такого же промежутка времени, и т. д.

[4]) Жизнь кн. Курбскаго, т. I, стр. 20, 22, 23.

[5]) Памятники, изд. кіев. коммисіей, т, IV, отд. II, стр. 23, 41, 110.

на мысль принадлежность этой нигдѣ болѣе не встрѣчающейся фамиліи имѣнія Ружина и упоминаніе въ числѣ ея представителей князя Ивана, соотвѣтствующаго отчеству четырехъ выше упомянутыхъ братьевъ; отсюда онъ опредѣлилъ, что князья Стефанъ и Михайло были по отцу Федоровичи. «Я вижу теперь [1]), говоритъ Максимовичъ, что не Михайло Ивановичъ Ружинскій, человѣкъ семейный и степенный, а этотъ другой, бездомовный Михайло Ружинскій, ѣздившій къ своимъ пріятелямъ въ Польшу, отправился впослѣдствіи козаковать на Запорожье и былъ тамъ гетманомъ въ 1585—1588 годахъ» [2]). Догадка эта казалась очень вѣроятной и могла бы быть признана за доказанную, если бы только нашлось указаніе, что именно «этотъ» Михайло Федоровичъ появлялся когда нибудь въ Днѣпровской Украинѣ. Но теперь мы имѣемъ актъ 1606 года о раздѣлѣ имѣнія Ружина между сонаслѣдниками, позволяющій намъ возстановить съ большею точностію генеалогію Ружинскихъ. Въ актѣ этомъ говорится: «тотъ померъ справеный и розмероный есть на три части, водлугъ трохъ давныхъ продковъ братий рожоныхъ князевъ Ружинскихъ, которыхъ именами звано Иванъ, Василий а Ѳедоръ» [3]),—это тѣ именно имена, съ какими за шестьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ упомянуты Роговицкіе, чѣмъ и оправдывается догадка относительно ихъ Максимовича. Напрасно только самое имя считалъ онъ за описку или ошибку: это такое же прозваніе по мѣстности, какъ и Ружинскіе; послѣднее произошло отъ имѣнія Ружина, въ тогдашнемъ владимірскомъ повѣтѣ, а первое—по имѣнію Роговичамъ, въ повѣтѣ луцкомъ, которое принадлежало имъ же [4]); деревня эта существуетъ и въ настоящее время, въ южной части владимирскаго уѣзда, относившейся тогда къ Луцку. Въ числѣ потомковъ этихъ трехъ братьевъ, въ линіи Федора, встрѣчаемъ Александра и Григорія Михайловичей, т. е. признанный за гетмана по своей «бездомовности» Михайло Федоровичъ былъ на самомъ дѣлѣ человѣкомъ одомашнившимся, женился на Раинѣ Стакорской и оставилъ потомство; съ другой стороны «семейный и степенный» Ми-

---

[1]) Максимовичу былъ извѣстенъ данный актъ еще въ рукописи, и въ одной своей болѣе ранней статьѣ онъ поставилъ въ число гетмановъ кн. Михайла *Ивановича* Ружинскаго. Собр. соч., т. I, стр. 242.

[2]) Собр. соч., т. I, стр. 300—301.

[3]) Архивъ ю.-з. Рос., ч. VI, т. I, стр. 315—316.

[4]) Памятники, т. IV, отд. II, стр. 110.

хайло Ивановичъ передалъ въ наслѣдство своимъ тремъ сыновьямъ прибавочное отчество «Бурдиновичей», мало говорящее въ пользу его степенности, такъ какъ польское слово «burda» означаетъ ссору, драку, свалку, и поэтому прозваніе «Бурдинъ» всего вѣрнѣе будетъ перевести «Забіякой». Не искать ли намъ, по этому признаку, гетмана въ князѣ Михайлѣ Ивановичѣ?

Но въ актахъ кіевскаго архива мы находимъ еще одно лицо того же имени, именно Михайла *Евстафьевича* Ружинскаго,—лицо наиболѣе и единственно соотвѣтствующее искомому гетману Ружинскому: по службѣ отца—онъ урожепецъ и постоянный житель Поднѣпровья; князья Кирикъ и Николай, братъ которыхъ, по Папроцкому, былъ гетманомъ,—его родные братья; наконецъ, въ томъ самомъ актѣ, гдѣ онъ названъ по отчеству, хотя не говорится о его гетманскомъ достоинствѣ, за то сказано ясно, что онъ дѣлалъ одинъ наѣздъ, «маючи помочниками зъ собою бояръ и подданныхъ его милости (кн. Януша Острожскаго) Сапоговскихъ и Рублевскихъ о колко сотъ, а особливо *своихъ козаковъ,* людей незнаемыхъ, гультаевъ людзныхъ, которыхъ право посполитое ховати боронить, а онъ *ихъ при собе обецне переховываетъ*» и т. д. Отсюда ясно, что гетманомъ былъ именно «этотъ» Михайло, и генеалогическія отношенія извѣстныхъ намъ пока двадцати шести лицъ изъ рода Ружинскихъ выясняются вполнѣ.

Представляемъ эту генеалогію въ слѣдующей схемѣ, гдѣ цифры *передъ* каждымъ именемъ идутъ по порядку, а *послѣ* каждаго имени—указываютъ число, подъ которымъ значится отецъ.

1. Неизвѣстный по имени, въ началѣ XVI вѣка.
2. Иванъ, упоминается въ 1545 г. . . . . 1.
3. Василій, † до 1545; жена его Настасія . . . . . 1.
4. Федоръ, † до 1545; жена его Василиса (?) . . . 1.
5. Григорій Ивановичъ, упом. въ 1569 г. . . . . . . 2.
6. Остафій Ивановичъ, упом. въ 1569—1586; . . . 2.
7. Михайло Ивановичъ, упом. въ 1569; . . . . . . 2.
8. Дмитрій Ивановичъ, упом. въ 1567 и 1569 . . . 2.
9. Адамъ Григорьевичъ, упом. въ 1600—1625 . . . 5.
10. Михайло Евстафьевичъ, гетманъ, упом. въ 1585—1588. 6.
11. Николай Евстафьевичъ, упом. въ 1588—1591; жена Галжбета Касперовна . . . . 6.

12. Кирикъ Евстафьевичъ, упом. въ 1577—1598; жена его Ядвига, во 2-мъ бракѣ кн. Чорторыйская . . . 6.
13. Романъ Кириковичъ, упом. съ 1600, † 1610; жена Софія Карабчевская, во 2-мъ бракѣ Ходкевичева . . 12.
14. Настасья-Томила, † ранѣе 1611 г. . . . . 12.
15. Елена, въ замужествѣ за Угровецкимъ, упом. въ 1609—1611 . . . . 12.
16. Янъ Михайловичъ Бурдиновичъ, упом. въ 1606 . . 7.
17. Иванъ Михайловичъ Бурдиновичъ, упом. въ 1606 . 7.
18. Григорій Михайловичъ Бурдиновичъ, упом. въ 1606 7.
19. Стефанъ Федоровичъ, упом. въ 1569. . . . . . 4.
20. Абрамъ Федоровичъ, † до 1569; жена Катерина Духовна. 4.
21. Михайло Федоровичъ, упом. въ 1569; жена Раина Стакорская . . . . 4.
22. Александръ Федоровичъ, † до 1569; . . . . . . 4.
23. Иванъ Стефановичъ, упом. въ 1606—1611; . . . 19.
24. Александръ Михайловичъ, упом. въ 1606 . . . . 21.
25. Григорій Михайловичъ, упом. въ 1606; . . . . . 21.
26. Богданъ (Михайловичъ?), упом. въ 1575; † 1576 . 7 или 21?

Большая часть этихъ лицъ прожила безвѣстно, и сказать о нихъ нечего; лишь нѣкоторые изъ нихъ принимали большее или меньшее участіе и въ жизни общественной, а потому заслуживаютъ болѣе подробнаго упоминанія.

Князь *Адамъ Григорьевичъ* (№ 9) записался въ члены Львовскаго православнаго братства около 1600 года, потомъ проживалъ на Украинѣ, у своего двоюроднаго племянника Романа, отдавшаго ему въ пользованіе имѣніе Вчерашнее, принималъ участіе въ его наѣздахъ на сосѣдей, а потомъ ходилъ съ нимъ же на Москву, къ Тушинскому вору; возвратясь оттуда въ 1610 г., онъ жилъ на Волыни, въ Ружинѣ, какъ видно изъ того, что еще въ 1625 г. однажды здѣсь собирался копный судъ на которомъ присутствовали и всѣ «паны» Ружинскіе, по жалобѣ крестьянина «урожоного князя Адама Ружинского» [1]).

Князь *Дмитрій Ивановичъ* (№ 8) былъ полковникомъ отряда кн. Сангушко, въ походѣ противъ Москвы 1567 г., при гетманѣ Григоріѣ Ходкевичѣ, и участвовалъ въ битвахъ при Чашникахъ и Иваняхъ [2]).

---

1) Архивъ, ю.-з. Рос, ч. VI, т. I, стр. 350, 454.

2) Niesiecki, Korona Polska, т. III изд. (1740), стр. 898.

О князѣ *Евстафіѣ Ивановичѣ* (№ 6) было уже говорено выше; достовѣрныя извѣстія о немъ сводятся къ слѣдующему: въ 1569 г. онъ служитъ у Черкасскаго старосты; въ 1575, какъ говоритъ Максимовичъ на основаніи рукописныхъ документовъ Межигорскаго монастыря, онъ уже въ Кіевѣ, воеводскимъ намѣстникомъ; здѣсь же мы видимъ его и въ 1581 г., но вскорѣ онъ оставляетъ эту должность, такъ какъ уже въ 1582 г. намѣстникомъ названъ Григорій Мацевичъ, а послѣ (съ 1585) занимаетъ ее князь Матушъ Воронецкій, извѣстный своимъ самоуправствомъ и постоянными раздорами съ кіевской лаврой, съ мѣщанами, а потомъ и съ запорожскими козаками. Въ послѣдній разъ встрѣчаемъ кн. Евстафія въ 1586 г., когда онъ, будучи опекуномъ земянина Корчовскаго, участвовалъ, вмѣстѣ съ другими опекунами, въ ограбленіи опекаемаго [1]).

Князь *Николай Евстафьевичъ* (№ 11) встрѣчается въ актахъ 1588—1591 гг., какъ владѣлецъ переданныхъ ему братомъ Кирикомъ имѣній, Паволочи, Котельни, Ружина, Иргачова и другихъ; слѣдовательно, владѣнія Ружинскихъ занимали тогда сѣверную часть нынѣшняго Сквирскаго уѣзда и прилегающую мѣстность Житомирскаго; отсюда же мы видимъ, что здѣшній Ружинъ вовсе не былъ родовымъ имѣніемъ Ружинскихъ, какъ это думали прежде [2]), а только преобразованъ ими въ городъ и переименованъ, прежнее же названіе этой мѣстности было Счербовъ или Щербовъ [3]); названіе Иргачова сохранилось только въ народномъ преданіи [4]), теперь же это село Рогачи въ сквирскомъ уѣздѣ. Жена кн. Николая названа въ актахъ Галжкою Касперовною, а въ одной позднѣйшей грамотѣ Елисаветою, что впрочемъ не составляетъ противорѣчія, такъ какъ послѣднее имя въ тогдашнемъ языкѣ имѣло также форму «Галжбета» (ср. польское Elżbieta), откуда и Галжка; нужно однако замѣтить, что текстъ этой грамоты, приводимой Похилеви-

---

[1]) Курбскій, т. I, стр. 20—23.—Опись № VIII, листы 4 на оборотѣ, 10, 108, 174.

[2]) Niesiecki, т. III, стр. 897.—Похилевичъ, Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губ., стр. 209, смѣшивая князей Ружинскихъ съ князями Половцами-Рожиновскими, выморочное наслѣдство которыхъ подало поводъ къ тяжбамъ и подлогамъ въ актахъ XVI и начала XVII вѣка, пріурочиваетъ къ Ружину даже и ихъ. Объ этомъ дѣлѣ см. въ статьѣ В. Б. Антоновича „Паны Ходыки" въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины", стр. 248 и слѣд.

[3]) Опись № XVIII, л. 102 на об.—Bracławszczyzna (въ сборникѣ Kwiaty i Owoce, wyd. Trusiewicz, K., 1870), стр. 295.

[4]) Похилевичъ, стр. 246.

чемъ въ переводѣ, по его обыкновенію безъ указанія источника, очень сомнителенъ, такъ какъ она называетъ князя Николая Ружинскаго, подъ 1591 годомъ, «кіевскимъ воеводою», какимъ никогда ни одинъ Ружинскій не былъ, а былъ на ту пору—да задолго раньше и послѣ—князь Константинъ Константиновичъ Острожскій [1]); но дѣйствительно въ этомъ году кн. Николаю даны были «за военныя заслуги» пустыя земли, гдѣ вскорѣ возникло м. Романовка [2]).

Князь *Михайло Евстафьевичъ* (№ 10) гетманъ козацкій, упоминается въ этомъ званіи въ концѣ 1585 г.; года полтора спустя, весною 1587, мы встрѣчаемъ его на границахъ Волыни, жителемъ села Рублевки (теперь Врублевка новградволынскаго у.), которое онъ арендовалъ у волынскаго воеводы, князя Януша Константиновича Острожскаго; отсюда онъ дѣлалъ иногда наѣзды на сосѣдей, какъ напр. на село Колодежную, съ участіемъ своихъ козаковъ (выписка изъ акта приведена выше), причемъ захватилъ силою двадцать четыре крестьянскихъ семьи со всѣмъ имуществомъ и переселилъ въ другое имѣніе Острожскаго, Сапогово (имя это сохранилось только въ названіи рѣчки Сапоговки); скоро впрочемъ кн. Михайло поссорился со своимъ патрономъ, выселился въ наслѣдственную Паволочь, а отсюда даже наѣзжалъ на имѣнія самого Острожскаго. Сь конца 1587 г., въ мѣстныхъ актахъ мы его не встрѣчаемъ, а потому очень вѣроятно, что именно его слѣдуетъ видѣть въ томъ гетманѣ Ружинскомъ, который былъ во Львовѣ съ козаками въ слѣдующемъ году [3]). Въ томъ же самомъ году, вмѣстѣ съ братомъ Кирикомъ, онъ оказывается и на Запорожьи. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ писалъ тогда крымскому султану Казы-Гирею: «Прежде, какъ былъ на крымскомъ юртѣ Исламъ-Гирей, то мы послали рать свою большую на Донъ и Волгу, со многими воеводами а идти было имъ съ Муратъ-Гиреемъ царевичемъ на Исламъ-Гирея царя, за его неправды. Да и на Днѣпръ за пороги къ князю Кирику и къ князю Михайлу Ружинскимъ, къ атаманамъ (т. е. ихъ обоихъ считаютъ атаманами, что́, по тогдашней московской

---

[1]) Опись № VIII, л. 328.—№ IX, л. 24.—Похилевичъ, стр. 189.

[2]) Baliński i Lipiński Starożytna Polska, т. II, стр. 524. — Семеновъ, Геогр.-статист. словарь, т. IV, стр. 314.—Moraczewski, Starożytności Polskie, т. II, стр. 368.

[3]) Опись № VIII, лл. 114 на об., 227 на об., 280, 303.—Архивъ ю.-з. Рос., ч. III, т. I, стр. 16.—Т. VI, т. I, стр. 170—174.—Зубрицкій, Хроника мѣста Львова, стр. 213.

номенклатурѣ, могло означать и гетмана), и къ черкасамъ, послали мы головъ Лихарева и Хрущова, велѣли имъ идти со всѣми черкасами на Крымъ. Но когда услыхали мы, что ты воцарился, то походъ отложили, и послали къ тебѣ языка, татарина, котораго прислали къ намъ съ Днѣпра головы Лихаревъ и Хрущовъ и князья Ружинскіе [1]).

Князь *Кирикъ Евстафьевичъ* (№ 12) чаще другихъ упоминается въ современныхъ источникахъ, и потому имѣемъ о немъ болѣе свѣдѣній, хотя данныя собственно актовыя относятся больше къ его частной жизни, чѣмъ къ дѣятельности общественной. За свои военныя заслуги онъ получилъ отъ короля Стефана «урочище Котельню», что было потомъ подтверждено и сеймомъ 1581 г.; впрочемъ, князь Кирикъ не бѣденъ былъ и раньше: такъ можно судить по крайней мѣрѣ потому, что ему случалось покупать дорогія для того времени вещи, а продавцы ихъ оказывали ему кредитъ; онъ не торопился однако уплачивать свои долги [2]). Получивши Котеленское имѣніе, онъ не разъ прибѣгалъ къ обычному въ то время способу «округленія границъ»—къ наѣздамъ и захвату сосѣднихъ земель; бо̀льшая часть упоминающихъ о немъ документовъ заключается въ жалобахъ на него сосѣдей, которые, въ свою очередь, прибѣгали къ самозащитѣ, а иногда самоуправству, представляя тѣмъ поводы къ жалобамъ со стороны Ружинскаго. Во все время съ 1583 по 1590 г. (за болѣе раннее время, а равно за десятилѣтіе 1591—1600 книгъ кіевскаго воеводства не сохранилось) не прекращаются спорныя дѣла о границахъ, о захватѣ земель, мельницъ, скота, объ уводѣ крестьянъ, о обоюдныхъ насиліяхъ надъ слугами и крестьянами сосѣда; владѣльцы помельчe, каковы были здѣсь напр. Котлубаи, владѣвшіе Ильяшевымъ и Волынецкимъ грунтомъ, Стрижовскіе, которымъ принадлежало Вербовое, а по другимъ извѣстіямъ и самый Щорбовъ [3]),—не были въ

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Рос., т. VII, стр. 319. Въ слѣдующемъ году предводителемъ запорожскаго похода на Крымъ является уже атаманъ Кулага, убитый при разграбленіи Козлева (Евпаторіи). Тамже, 320.

[2]) Въ духовномъ завѣщаніи Брацлавскаго каштеляна Василія Загоровскаго, 1577 г., читаемъ: „Мнѣ князь Кирикъ Ружинскій за ланцухъ мой сто золотыхъ польскихъ, то есть сорокъ копъ грошей, описавшися подъ добрымъ словомъ квитомъ своимъ, *одъ часу немалого* виненъ зосталъ“. Архивъ ю.-з. Рос., ч. I, т. I, стр. 76, 77.

[3]) Bracławszczyzna, стр. 295.

силахъ выдерживать эту ежедневную войну, и избавлялись отъ нея только продажею своихъ имѣній кому-либо изъ болѣе сильныхъ сосѣдей: ими руководило то-же стремленіе, какое вынуждало нерѣдко свободныхъ земледѣльцевъ записываться за господъ въ крестьяне [1]). Но другіе выдерживали борьбу не безъ успѣха, опираясь на свое богатство, связи, вооруженную челядь, отражали силу силою, и сами захватывали земли Ружинскихъ; таковы были здѣсь: Берестейскій воевода Гаврило Горностай, владѣлецъ Лещина и Тулина; Матвѣй Немиричъ, предокъ извѣстныхъ Юрія и Стефана,— ему принадлежала Ивница; Фридрихъ Тышкевичъ, владѣвшій Коднею; владѣлецъ Ловкова Богданъ Стрыбыль и др. [2]). Имѣнія Горностая Ружинскій пытался присвоить себѣ сполна, утверждая, что они входятъ въ составъ полученнаго имъ пожалованія и переданы ему вмѣстѣ съ Котельней королевскими комиссарами; этотъ споръ повелъ къ назначенію новой комиссіи для отвода границъ, и мы встрѣчаемъ слѣды ея, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго Станислава Жолкевскаго, еще въ 1597 году [3]). Въ ряду актовъ встрѣчаемъ нелишенныя интереса, хотя отрывочныя, указанія, что князь Кирикъ дѣйствовалъ и въ Поднѣпровьѣ: къ нему, вмѣстѣ съ княземъ Михайломъ, обращалось «за пороги» московское правительство въ 1588 году; съ нимъ вели дѣло о насиліяхъ съ его стороны каневскіе бояре; на связи его съ козаками указываетъ и упоминаніе козацкаго сотника Дашка, «подданого князя Кирика Ружинского зъ Заволоча», не говоря уже о братѣ-гетманѣ; возможно, что и Кирикъ былъ съ козаками во Львовѣ въ 1588 г., такъ какъ имя его встрѣчаемъ въ числѣ членовъ Львовскаго братства; а именно въ это время онъ отсутствовалъ изъ Укра-

---

[1]) Авторъ только что цитированной статьи, придерживаясь общепринятаго у польскихъ писателей мнѣнія (недавно снова внесеннаго и въ русскую литературу прежнимъ его противникомъ П. А. Кулишомъ) о колонизаціи югозападной Руси помѣщиками, и преимущественно крупными, повторяетъ нѣсколько разъ, что мелкіе владѣльцы сбывали имъ свои имѣнія подъ вліяніемъ разорявшихъ ихъ татарскихъ набѣговъ; но акты показываютъ, что сосѣдство сильнаго пана становилось à la longue разорительнѣе татарскихъ нашествій: послѣднія повторялись изрѣдка, тогда какъ крупный сосѣдъ притѣснялъ ежедневно, такъ сказать хронически, и поневолѣ приходилось уступать ему свои земли, въ виду той неутѣшительной дилеммы, какую выражаетъ мѣстная поговорка: „або дай,—або выдеру"....

[2]) Всѣ упомянутыя имѣнія находятся по сосѣдству съ Котельней, въ юговосточномъ углу Житомирскаго уѣзда.

[3]) Опись № VIII, л. 99; № I, лл. 27, 33.

ины, и жалобы по дѣламъ занесены его женою [1]); если предположить, что онъ уѣзжалъ тогда на сеймъ, то вѣроятно княгиня Ядвига не преминула бы упомянуть объ этомъ, какъ упоминаетъ она о подобномъ обстоятельствѣ въ другое время [2]). Взаимныя отношенія его съ козаками скоро стали впрочемъ очень недружелюбны; въ 1597 г. козацкій гетманъ Матвей Шаула писалъ къ нему изъ Кіева съ упреками за враждебное положеніе, припоминалъ прежнюю службу козаковъ Ружинскимъ, просилъ посредничества для примиренія козаковъ съ преслѣдовавшимъ ихъ короннымъ гетманомъ Станиславомъ Жолкевскимъ, обѣщая вѣрную и дѣятельную по прежнему службу за порогами; но нѣсколько раньше этого письма вышелъ изъ Кіева-же полковникъ Сасько для разоренія имѣній Ружинскаго. Кирикъ Евстафьевичъ, бывшій со своимъ отрядомъ впереди польскаго войска, напалъ на козаковъ врасплохъ, захватилъ многихъ въ плѣнъ и казнилъ изъ нихъ болѣе пятидесяти; Жолкевскій былъ видимо возмущенъ этимъ поступкомъ: «я, замѣчаетъ онъ, не считая убитыхъ въ сраженіи, уберегъ свои руки отъ ихъ крови; я предпочолъ бы лечить заражонные члены, чѣмъ отсѣкать; впрочемъ, прибавляетъ онъ въ извиненіе, не диво и князю Ружинскому: и всю эту землю (т. е. мѣстныхъ земянъ), а его въ особенности проняли козаки до живого» [3]). Князь Кирикъ и по своимъ мѣстнымъ связямъ, и по военной опытности, и по значительности находившихся въ его распоряженіи военныхъ средствъ, былъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ противниковъ козакамъ въ тогдашней войнѣ. Такъ, видя недостатокъ артиллеріи при Жолкевскомъ, онъ обѣщалъ ему десятка полтора орудій со всѣми боевыми снарядами [4]). Ему въ значительной степени обязаны поляки быстрымъ окончаніемъ войны; къ его приходу въ кіевское воеводство, дѣла были въ такомъ положеніи: одинъ изъ козацкихъ отрядовъ, Наливайка, былъ нѣсколько разъ разбитъ Жолкевскимъ, деморализованъ и, въ отступленіи изъ брацлавскаго воеводства въ Кіевщину, постоянно уменьшался въ числѣ; Лобода съ Саськомъ занималъ Бѣлую Цер-

---

[1]) Опись № VIII, л. 160 на об.—Архивъ ю.-з. Рос., ч. III, т. I, стр. 58.—Опись № VIII, лл. 335, 359 на об.—Соловьевъ, т. VII, стр. 319.

[2]) Опись № IX, л. 5 на об.

[3]) Listy Stanisława Żołkiewskiego, Краковъ, 1868, стр. 74, 75.

[4]) „Swoich kilkunastu dział obiecał, do ktorych powiada że ma dostatki wszystkie“ Тамже, стр. 72.

ковь, а Шаула, при которомъ была вся козацкая артиллерія, подвигался изъ Могилевскаго края къ Кіеву. Узнавъ о пораженіи Наливайка, Лобода побоялся ожидать наступленія поляковъ, двинулся тоже къ Кіеву; но едва присоединились къ нимъ свѣжія силы, едва получили они артиллерію, челны и съѣстные припасы (то и другое было заготовлено Шаулою еще въ Пропойскѣ и Быховѣ), козаки пріободрились, провозгласили Шаулу гетманомъ, Сасько, какъ мы видѣли, былъ отряженъ къ Паволочи, а главныя силы выступили для занятія вновь Бѣлой Церкви и навстрѣчу Наливайку. Ружинскому приказано было отъ Жолкевскаго итти впередъ осторожно, провѣдывать о козакахъ и ждать главныхъ силъ въ Паволочи; но князь Кирикъ, разбивъ Саська, подступавшаго со стороны Каменки (рѣчка въ нынѣшнемъ Васильковскомъ уѣздѣ), поспѣшилъ воспользоваться своимъ успѣхомъ и быстрымъ движеніемъ опередивъ козаковъ, занялъ Бѣлую Церковь, представлявшую для того времени немаловажную крѣпость. Мы находимъ его здѣсь уже 28 марта, а соединенныя козацкія силы,—къ нимъ прибылъ уже и Наливайко, у котораго также оставалось нѣсколько пушекъ и пожалованное въ 1594 г. запорожцамъ эрцгерцогомъ Максимиліаномъ знамя,—всего до 7000 человѣкъ, подступили къ городу только 2 апрѣля. Они стали было приступать къ крѣпости, но и они, и Ружинскій—знали о приближеніи Жолкевскаго. Обезпеченный этимъ, Ружинскій сдѣлалъ смѣлую и успѣшную вылазку, во время которой козаки хотя и ворвались было другими воротами въ городъ, но онъ успѣлъ ихъ выбить оттуда. Къ приходу на другой день Жолкевскаго, козаки отступили отъ города и двинулись къ Триполью, окруживъ себя по обыкновенію «таборомъ» изъ пяти рядовъ повозокъ, вооруженнымъ слишкомъ двадцатью пушками. Жолкевскій преслѣдовалъ ихъ издали до вечера, и только узнавъ отъ перебѣжчиковъ о смутахъ между козаками, рѣшился на нападеніе. Онъ приписываетъ себѣ побѣду, и дѣйствительно, козаки понесли большія потери: Сасько былъ убитъ, Шаулѣ ядромъ оторвало руку, и на его мѣсто гетманомъ избранъ Наливайко, хотя тоже раненый; но изъ того, что таборъ остался неразорваннымъ, и козаки могли продолжать на всю ночь отступленіе, тогда какъ поляки не только не рѣшились на немедленное преслѣдованіе, а даже, переночевавъ на мѣстѣ битвы, отошли назадъ къ Бѣлой Церкви, оставивъ козаковъ

безпрепятственно переправляться за Днѣпръ,—изо всего этого видна нерѣшительность исхода. Если таковъ оказался онъ въ открытомъ полѣ, то тѣмъ труднѣе было бы полякамъ, если бы Ружинскій, согласно данному ему приказанію, ожидалъ въ Паволочи, а козаки заняли Бѣлую Церковь, которую самъ Жолкевскій называетъ недурнымъ замкомъ, а при хорошемъ гарнизонѣ—неприступнымъ [1]).

Мы ограничиваемся однимъ этимъ эпизодомъ козацкой войны 1596 года, такъ какъ не имѣемъ указаній на участіе въ ней раньше или позже кого либо изъ Ружинскихъ. Но и здѣсь мы уже убѣдились, что популярность князя Кирика въ своемъ краѣ была имъ заслужена; не даромъ Жолкевскій называетъ его владѣнія «вѣдомыми слугами этихъ странъ» [2]). На него расчитывало польское правительство и обращалось къ нему, de jure частному человѣку, наряду съ должностными лицами; такъ въ 1594 году, когда опасались татарскаго нападенія, Жолкевскій разослалъ листы канцлера Замойскаго о добываніи вѣстей тремъ лицамъ: князю Булыгѣ, намѣстнику Бѣлоцерковскому, Яну Даниловичу, тогда уже (?) старостѣ Корсунскому, и—князю Ружинскому; послѣдній, впрочемъ, и не дожидая приглашенія, извѣщалъ о движеніяхъ татаръ около Очакова [3]). Точно такъ же, въ 1597 г., къ нему въ Котельню пріѣзжаютъ съ Запорожья козаки съ вѣстями, а онъ ихъ немедленно сообщаетъ лицу должностному, именно каменецкому старостѣ Якову Потоцкому; передаетъ ему о междоусобіяхъ между козаками, о вооруженномъ столкновеніи между партіей мира, остававшейся за порогами, и партіей непокорной, которая выходила подъ начальствомъ Метлы «на волость», т. е. въ заселенныя мѣста, противъ пановъ; въ этомъ столкновеніи Метла былъ убитъ, а сообщникъ его Гедройць пойманъ и арестованъ; непокорные заняли всѣ дороги и не пропускаютъ на Запорожье припасовъ; смирившіеся же просятъ назначенія имъ гетмана отъ короля и увоза съ Запорожья артиллеріи, болѣе ста орудій, присутствіе которой способствуетъ своевольству [4]); и т. д. Князь Кирикъ не занималъ никакой посто-

---

[1]) Listy St. Żołk., стр. 69—80.

[2]) Listy Żołk., стр. 73: „Kniaż Roziński, ktòri tu majętnaści swe, sługi wiadome tich kraiòw, przijaczieli w tem kraiu ma“.

[3]) Listy Ż., стр. 52.

[4]) Listy Ż., стр. 86—87.

янной должности въ своемъ земствѣ, но мѣстное дворянство возлагало на него обязанности, свидѣтельствующія объ особенномъ довѣріи: такъ во время безкоролевья послѣ смерти Баторія, онъ былъ избранъ каптуровымъ судьей кіевскаго воеводства [1]); его избирали депутатомъ на сеймы, сколько мы знаемъ, въ 1590 г. [2]), а также въ 1598, когда онъ назначенъ былъ отъ сейма въ число комиссаровъ для разграниченія кіевскаго воеводства отъ повѣта мозырскаго [3]). Это послѣднее точное о немъ упоминаніе; кажется, вскорѣ онъ умеръ: въ началѣ 1602 г. Котеленскимъ имѣніемъ владѣетъ уже его сынъ, упоминается о наслѣдствѣ [4]), а въ непродолжительномъ времени и вдова его, княгиня Ядвига, оказывается уже въ новомъ замужествѣ, за княземъ Юріемъ Чарторыйскимъ. Въ тождествѣ личности, помимо именъ, насъ убѣждаютъ позвы къ суду княгини Ядвиги Ружинской, а потомъ, по тѣмъ же самымъ дѣламъ, Ядвиги Чарторыйской, и другого отвѣтчика, Романа Кириковича Ружинскаго [5]).

Князь *Романъ Кириковичъ*, (№ 13) которому Нѣсецкій придаетъ еще второе имя Яна, родился, судя по показанію о возрастѣ, въ какомъ онъ умеръ,—въ 1575 г.; въ январѣ 1602 г. онъ названъ королевскимъ ротмистромъ, а потому мы полагаемъ, что именно онъ, а не отецъ его, тогда уже глубокій старикъ, участвовалъ въ молдавскомъ походѣ Яна Замойскаго, въ сраженіи 14 октября 1600 г. съ воеводою Мигаломъ или Михаиломъ [6]); за этотъ-то, вѣроятно,

---

[1]) Опись № VIII, лл. 221, 223 на об.—Въ Польшѣ со смертью короля, и до избранія новаго, прекращалось обычное теченіе юстиціи, и суды пріостанавливали свою дѣятельность. Судъ по возникавшимъ въ это время преступленіямъ поручался особо въ каждомъ воеводствѣ избраннымъ на время безкоролевья судьямъ, которые назывались каптуровыми депутатами.

[2]) Опись № IX, л. 5 на об.

[3]) Volumina legum (по изд. 1859), т. II, стр. 372.

[4]) Опись № IX, лл. 33, 62.

[5]) Опись № IX, лл 69 на об., 92 на об., 93, 94.—Здѣсь обнаруживается ошибка какой-то рукописи, цитируемой Нѣсецкимъ, будто *дочь* князя Кирика была за однимъ изъ Чарторыйскихъ; этотъ князь Юрій Ивановичъ должно быть тотъ самый, который впослѣдствіи былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Андреевнѣ Вишневецкой.—Ср. Niesiecki, Kor. Pol., т. I (1728 г.), стр. 370.—Дочерей же у князя Кирика было двѣ: одна, Настасья, иначе Томила, умерла незамужнею, а другая Елена, была за Угровецкимъ. Опись № X, л. 310;—№ XI, л. 130; № XII, л. 266, 282.

[6]) Въ дизлокаціи войскъ, писанной самимъ Замойскимъ, упомянутъ князь Ружинскій, но безъ означенія имени.—Ambroży Grabowski, Starożytności Polskie, т. I, стр. 109.

походъ онъ получилъ новое пожалованіе изъ королевскихъ земель [1]. По актовымъ даннымъ, кн. Романъ является такимъ же самоуправнымъ магнатомъ, какимъ былъ и его отецъ, и точно такъ же ведетъ постоянные споры съ сосѣдями.

Собираясь въ 1608 году въ походъ въ московское государство, на помощь тушинскому самозванцу, Романъ Кирикович, вѣроятно, въ надеждѣ на будущую добычу, надѣлалъ массу долговъ, а всѣ свои имѣнія пораздавалъ въ аренду или заставу, оставляя въ непосредственномъ распоряженіи жены, княгини Софіи изъ Карабчевскихъ, одну только Паволочь съ окрестными селами. Два другіе города были отданы въ заставу: Ружинъ пану Криштофу Кевличу, а Котельня—львовскимъ купцамъ Торосовичамъ. Кромѣ ихъ мы насчитываемъ еще пятнадцать различныхъ лицъ, у которыхъ находились въ 1605—1610 годахъ имѣнія Ружинскихъ въ заставѣ и частію въ арендѣ. Но и помимо заставниковъ, встрѣчаемъ въ актахъ еще многихъ кредиторовъ князя Романа, долги которыхъ не имѣли спеціальныхъ обезпеченій; число ихъ, по дошедшимъ до насъ остаткамъ процессовъ, простирается до шестнадцати, кромѣ упомянутыхъ семнадцати, владѣвшихъ имѣніями. Эти же самые документы позволяютъ намъ опредѣлить предѣлы владѣній князя Романа и степень ихъ заселенности въ первые годы XVII вѣка. Подраздѣляясь на три волости, Ружинскую, Паволочскую и Котеленскую, имѣнія эти занимали смежныя части нынѣшнихъ уѣздовъ бердичевскаго, сквирскаго и житомирскаго. Большая часть упоминаемыхъ въ актахъ селеній сохранилась донынѣ подъ тѣми же именами [2], а о дальнѣйшемъ движеніи колонизаціи въ этой мѣстности въ XVII вѣкѣ мы можемъ судить по инвентарю 1683 года тѣхъ же самыхъ волостей, перешедшихъ въ полномъ составѣ въ

---

[1]) Опись № IX, л. 83; годъ 1602.—Здѣсь впервые упоминается жена Романа, Софья Карабчевская.

[2]) Приводимъ перечень имѣній Романа Ружинскаго, упоминаемыхъ въ актахъ того времени: Верховня, Войтовцы, Волица на Чортовой рудѣ, Волица Минцова (теперь Миньковцы), Волица Янинкаго иначе Лебединыя Озера (Лебединцы), Воля Маркова (часть с. Сокольчи), Воля Орановская (Гарановка), Вчорайше, Галчинъ, Жерделевъ (Жерделв); Жидовцы, Иргачовъ (Рогачи), Карабчевъ, Котельня, Красноселка Лозовики, Лыицы, Макаровка, Недзгурцы (Малыя Низгурцы), Озераны, Опариисы (Парыисы), Оранского слобода, Оршинмицы, Паволочъ, Погребища, Попельна, Радогоща, Романовка, Ружинъ, Саворды, Ставища, Харлеевка, Чернявка, Чорнишовка, Ягнятинъ. Описи № IX—XII, passim.

родъ Конецпольскихъ. Этотъ инвентарь составленъ при передачѣ имѣній Яну Александру Конецпольскому, по смерти Станислава, каштеляна краковскаго [1]).

Князь Романъ и передъ московскимъ походомъ сидѣлъ дома мало. Вскорѣ по возвращеніи изъ Молдавіи встрѣчаемъ его въ числѣ ротмистровъ квартянаго [2]) войска, которое собиралъ Жолкевскій противъ вторгнувшихся въ Подолье татаръ, осенью 1605 года. Когда часть этого войска въ слѣдующемъ году образовала «рокошъ», т. е. организованное возстаніе противъ Сигизмунда III, подъ предводительствомъ краковскаго воеводы Зебржидовскаго,—Ружинскій остался вѣренъ королю и принималъ дѣятельное участіе въ преслѣдованіи рокошанъ, особенно въ битвѣ подъ Гузовомъ, 6 іюля 1607 года. Затѣмъ, какъ передаетъ очевидецъ Маскевичъ, князь Романъ около полугода оставался безъ дѣла, во все время стоянки войска подъ Завихостомъ. Когда войска стали расходиться отсюда, одни домой, другіе въ Волощину, на помощь претенденту на тамошній престолъ, сыну прежняго господаря Іереміи, Константину, Ружинскій, во главѣ значительнаго коннаго отряда, отправился ко второму Лжедимитрію, находившемуся въ то время въ Орлѣ. Съ Ружинскимъ было, по словамъ Маскевича, тысяча человѣкъ, а по хроникѣ Буссова, (приписываемой также Мартину Беру), четыре тысячи [3]). Ружинскій, не смотря на молодыя лѣта (33 года), пользовался большою извѣстностью, какъ военный, да кромѣ того являлся, въ сравненіи съ другими начальниками прибывшихъ къ Лжедимитрію польскихъ отрядовъ, знатнымъ магнатомъ, а потому легко получилъ главное начальство надъ войсками «царика», устранивъ командовавшаго ими до того времени Мѣховецкаго. Князь Романъ оправдалъ свою репутацію полководца, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилъ необузданное самовластіе, а въ жестокости далеко пре-

[1]) Архивъ ю.-з. Рос., ч. VI, т. 1, Приложеніе, стр. 153.

[2]) Пожизненные владѣльцы коронныхъ имѣній, старосты и державцы, имѣли право пользоваться только тремя четвертями дохода съ нихъ; послѣднюю четверть (quarta) должны были вносить въ казну, и деньги эти обращались на жалованіе войску, которое потому и называлось квартянымъ, въ отличіе отъ посполитаго рушенья, служившаго безъ жалованья, и войскъ надворныхъ, содержимыхъ частными лицами.

[3]) Дневникъ Маскевича у Устрялова, „Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ“ (по изд. 1834 г.), т. V, стр. 4, 14, 27.—Беръ (Буссовъ), тамже, т. I (1831 г.), стр. 134.—Бутурлинъ, „Ист. смутнаго времени“, т. II, стр. 109.—Rerum Rossicarum Scriptores exteri, т. I, стр. 82; Петрей, тамже, стр. 216.

взошелъ своего отца, казнившаго всѣхъ попавшихся ему въ руки козаковъ Наливайка и Лободы. Мѣховецкій, первый приставшій къ Самозванцу и даже, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, подавшій ему мысль назваться Димитріемъ, очевидно, долженъ былъ пользоваться значительнымъ вліяніемъ и послѣ передачи начальства Ружинскому. Послѣдній, раздраженный какимъ-то противорѣчіемъ Мѣховецкаго, собственноручно убилъ его въ самозванцевой ставкѣ [1]). Двинувшись изъ Орла, войска Самозванца, въ числѣ которыхъ было до 7000 полковъ и до 8000 козаковъ, встрѣтились съ царскою ратью подъ селомъ Каменкою, между Орломъ и Болховымъ. Начальники служившаго Шуйскому нѣмецкаго отряда, Ламсдорфъ, Бергъ и фонъ-Ааленъ вошли въ сношенія съ Ружинскимъ, предлагая перейти на сторону Лжедимитрія, но передъ битвой перепились и не успѣли склонить своихъ подчиненныхъ къ выполненію задуманнаго ими плана. Именно нѣмецкій отрядъ сдержалъ въ первый день сраженія натискъ войскъ Лжедимитрія и прикрылъ отступленіе царской рати. Озлобленный Ружинскій, заподозривъ здѣсь предумышленную измѣну, отдалъ приказъ впредь не оставлять въ живыхъ ни одного нѣмца. На другой день, 24 апрѣля 1608 г., преслѣдуемыя Ружинскимъ къ Болхову царскія войска обратились въ бѣгство; Ламсдорфъ только теперь предложилъ своимъ передаться; большинство не согласилось, опасаясь за участь оставшихся на Москвѣ своихъ семействъ, и за Ламсдорфомъ послѣдовало только двѣсти человѣкъ. Несмотря на то, что они явились въ лагерь Самозванца добровольно, предлагая свои услуги, Ружинскій приказалъ ихъ всѣхъ перерубить, что и было буквально исполнено запорожцами. Вслѣдствіе болховской побѣды, Самозванцу былъ открытъ свободный путь къ Москвѣ, и въ концѣ іюня онъ расположился близъ города, при томъ селѣ, которое дало ему съ тѣхъ поръ имя тушинскаго вора. Передавать здѣсь о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, впродолженіе полуторагодовой стоянки Самозванца въ Тушинѣ, полагаемъ излишнимъ, такъ какъ событія эти болѣе или менѣе общеизвѣстны. Намъ достаточно только упомянуть, что во все это время главное руководство дѣйствіями тушинцевъ принадлежало князю Роману. Его военныя способности на столько признавались всѣми, что распоряженіямъ его одинаково

---

[1]) Kobierzycki, Hist. Vlad., стр. 90.—Устряловъ, т. V, стр. 183.—Бутурлинъ, на основаніи дневника Яна Сапѣги, т. II, стр. 110.

подчинялись и превосходившій его знатностью рода князь Адамъ Вишневецкій, и приведшій къ «царику» изъ Польши семитысячный отрядъ кіевскій каштелянычъ Янъ-Петръ Сапѣга, и самовольный Лисовскій, и козаки, и наконецъ самъ Самозванецъ. Личное вліяніе и значеніе князя Романа хорошо сознавало и правительство царя Василія. Въ одной вѣстовой отпискѣ смоленскихъ лазутчиковъ, въ 1609 году, замѣтно отразилось общественное мнѣніе того времени о Ружинскомъ: «И теперь много пріѣхало съ-подъ Москвы купцовъ, сказуютъ, што воръ хочетъ побѣжати, и *боитца Ружинскаго исъ козаками*» [1]). Въ перемирномъ договорѣ царя Шуйскаго съ поляками, заключенномъ въ іюлѣ 1608 г. содѣйствіе Самозванцу со стороны поляковъ выставлено главнымъ упрекомъ, причемъ поименно упомянуты только Ружинскій и, на второмъ уже мѣстѣ, Адамъ Вишневецкій [2]). Наконецъ и самъ король Сигизмундъ III, вступивъ въ предѣлы государства московскаго и желая привлечь къ себѣ многочисленныя польскія силы, находившіяся въ тушинскомъ станѣ, отправилъ туда послами нѣсколькихъ пановъ, именно перемышльскаго каштеляна Стадницкаго, брацлавскаго старосту Скумина и Андрея Казановскаго [3]). Привезенное ими королевское посланіе къ шляхтѣ было адресовано на имя Ружинскаго, и съ нимъ велись всѣ переговоры, втайнѣ отъ Самозванца, который замѣтилъ наконецъ, что отъ него что-то скрываютъ, и рѣшился обратиться съ прямымъ вопросомъ къ князю Роману. Послѣдній согласился уже съ другими панами бросить царика и перейти въ королевскій лагерь, и потому не видѣлъ необходимости дольше стѣсняться съ надоѣвшимъ ему грубымъ, невѣжественнымъ и циническимъ авантюристомъ. Отвѣтъ князя Самозванцу былъ болѣе чѣмъ непочтителенъ, князь пригрозилъ даже побить его булавою [4]), — недаромъ царикъ

---

[1]) Акты Ист., т. II, стр. 202.

[2]) Бутурлинъ, т. II, приложенія, стр. 68 и 69.

[3]) Маскевичъ въ „Сказ. совр.", т. V, стр. 25. — Буссовъ называетъ другія имена; по его словамъ, послами, кромѣ Стадницкаго, были: Зборовскій (? Borusski; у Устрялова, т. I, стр. 157, — Збаражскій), Людвигъ Вейгеръ (у Устрялова, ошибочно, Мейеръ) и какой-то ротмистръ панъ Мартинъ (у Устр. Манчинъ).

[4]) Буссовъ, а за нимъ и Петрей, такъ передаютъ слова Ружинскаго: „Rosinski..., itzt aber truncken und voll war, fuir mit unbescheodenen Schelten und Dräuen herauss und sprach: du moscowiterscher Huren-Sohn, dräuete ihm auch mit der Belawen zu schlagen. Was begehrestu zu wissen, was die Gesandten bey mir zu verrichten haben. Der Teufel weiss, wer du bist ? Wir Polen haben so lange unser Blut umb deinentwillen vergossen, aber unsere Besoldung noch nie bekommen". R. R. Scriptores exteri, т. I, стр. 97, Петрей, почти буквально, также, стр. 227.

опасался его и прежде. Растерявшійся Самозванецъ бѣжалъ въ Калугу, а Ружинскій отправился съ войскомъ въ королевскій лагерь подъ Смоленскъ. Впрочемъ, не пришлось уже ему стяжать здѣсь новыхъ лавровъ: къ веснѣ онъ заболѣлъ и умеръ 8 апрѣля 1610 года. Тѣло его привезено было въ Кіевъ, вѣроятно, участвовавшимъ въ его походѣ княземъ Адамомъ Ружинскимъ, и торжественно погребено при доминиканскомъ монастырѣ, что нынѣ церковь Петра и Павла при духовной семинаріи. Еще въ 1613 году боевые товарищи князя Романа ходатайствовали передъ королемъ о вознагражденіи его вдовы за понесенные имъ труды и расходы, которые, какъ мы видѣли выше, далеко превышая его наличныя средства, вовлекли его въ весьма значительные долги и заставили роздать въ чужія руки почти всѣ свои имѣнія [1]).

Впрочемъ, княгиня Софья, оставаясь дома и соревнуя, вѣроятно, военной славѣ своего мужа и желая показать себя вполнѣ его достойною, устроила грандіозный даже для того времени наѣздъ на сосѣднее имѣніе князей Корецкихъ, мѣстечко Черемошну [2]). Пригласивъ въ главные распорядители арендатора Ружина пана Криштофа Кевлича, а при немъ арендатора Котельни Бондзынскаго, она собрала вооруженный отрядъ изъ бояръ и крестьянъ всѣхъ своихъ имѣній, заручилась помощью отъ князя Адама Ружинскаго и разныхъ сосѣднихъ владѣльцевъ, какъ напр. Адама Олизара, бѣлоцерковскаго подстаросты князя Дмитрія Васильевича Булыги, пана Завиши, Вильги, кіевскаго гродскаго судьи Михайла Силы Новицкаго, Олбрихта Брестскаго и др.,—всего у нея составилось до шести тысячъ человѣкъ. Съ этимъ отрядомъ [3]), «съ великой арматой, съ пищалями, пушками, ружьями, мушкетами, сагайдаками, съ копьями, рогатинами, и инымъ войнѣ надлежащимъ оружь-

---

[1]) Виленскій Археогр. Сб., т. V, стр. 156.—Князь Адамъ въ концѣ 1609 г. былъ еще на Москвѣ, равно какъ и сосѣдъ князя Романа, владѣлецъ Коростышева, Адамъ Олизаръ-Волчковичъ; но къ началу 1611 г. оба они оказываются уже дома, на Украинѣ. Опись № XI, лл. 113 на об., 348 на об., 362 на об.; № XII, лл. 13 на об. 59 на об., 202.

[2]) Теперь деревня Черемошна Бердичевскаго уѣзда; не слѣдуетъ смѣшивать съ селомъ Черемошнымъ, того же уѣзда.

[3]) Дальнѣйшее изложеніе составляетъ *дословную* передачу акта, только съ замѣною нѣкоторыхъ неудобопонятныхъ словъ, съ опущеніемъ мѣстъ чисто дѣлового характера и, быть можетъ, съ невольнымъ распространеніемъ на весь разсказъ того тона, какимъ въ подлинникѣ проникнута большая его часть.—См. Архивъ ю.-з. Рос., ч. VI, т. 1, стр. 349—352.

емъ, конно и пѣшо, оружно, съ знаменами, бубнами, трубами и литаврами, обычаемъ вражескимъ, на городъ и замокъ, силой, насильемъ, нежданно, негаданно, съ великими силами наступивъ и наѣхавъ, первѣе всего тѣмъ всѣмъ войскомъ замокъ и городъ вокругъ обступивши, пушки, пищали, армату на городъ и замокъ направивъ, а въ трубы, литавры и бубны ударивъ, и крикъ учинивши великій, изъ пушекъ, пищалей и ружей стрѣлять почали; а послѣ, ударивши штурмомъ на городъ и замокъ, до самаго вечера, языческимъ вражескимъ свычаемъ, великой навальностью добывали. А городъ и замокъ великою силой добывши, въ мѣстечкѣ и замкѣ мужчинъ всѣхъ и женщинъ, безъ всякой пощады, безъ Божьяго страха, жестоко, безжалостно, съ женами, съ дѣтьми побили, стрѣляли, посѣкли, замучили и поранили; а городъ и замокъ разграбивъ, языческимъ, вражескимъ свычаемъ, до корня спалили, и ни во что повернули». Немногіе оставшіеся въ живыхъ жители были уведены отрядомъ княгини Ружинской. Очевидно, она чувствовала за собой большую силу, если рѣшилась нападать на такого могущественнаго сосѣда, какимъ былъ князь Іоахимъ Богушевичъ Корецкій, сильный еще и связями жены, урожденной Ходкевичевой.

Смерть мужа мало имѣла вліянія на отношенія княгини къ своимъ сосѣдамъ; замѣчаемъ только, что она постепенно перессорилась со своими сподвижниками по походу на Черемошну, и въ актахъ встрѣчаются указанія на разнаго рода насилія и самоуправства ея въ отношеніи этихъ самыхъ лицъ. Такъ она захватила имѣніе Михайла-Силы Новицкаго Селезеновку, продолжала распри съ Корецкими, съ Фридрихомъ и Евстафіемъ Тышкевичами и многими другими лицами; въ свою очередь бѣлоцерковскій подстароста, князь Янъ Курцевичъ-Булыга, собравъ крестьянъ изъ сс. Петуховъ и Булыжиной Волицы надъ р. Камсницею, ограбилъ ея имѣніе Романовку. Изъ наѣздовъ княгини Софьи выдается за это время грандіозная порубка дубравъ литовскаго надворнаго подскарбія Остафія Тышкевича въ имѣніяхъ Черленой и Мошковцахъ; княгиня насылала сюда изъ Котельни каждый разъ по нѣскольку сотъ подводъ за лѣсомъ, такъ что осматривавшій мѣсто порубки возный насчиталъ болѣе ста тысячъ пней дубовъ и березъ. Въ другой разъ княгиня устроила наѣздъ для захвата лещанскихъ земель кіевскаго подкоморія Самуила Горностая, собравши отрядъ въ 1800

человѣкъ, а въ тоже время Горностай на ея котелянскихъ земляхъ заграбилъ до десяти тысячъ копенъ хлѣба. Объ одномъ крупномъ наѣздѣ княгини, именно о разрушеніи укрѣпленнаго замка Нехворощи, находимъ въ актахъ только неопредѣленное упоминаніе [1])

Въ непродолжительномъ времени княгиня Софья, оставшись единственной владѣтельницей мужнихъ имѣній, вступила въ новый весьма выгодный бракъ, съ виленскимъ каштеляномъ Іеронимомъ Ходкевичемъ. Подъ этимъ новымъ именемъ, а чаще подъ однимъ титуломъ «виленской пани», еще долгое время является она въ актахъ, то призываемая къ суду за долги перваго мужа, то по разнымъ сдѣлкамъ объ имѣніяхъ, то снова въ жалобахъ сосѣдей на ея самоуправства и наѣзды.

Съ Романомъ Кириковичемъ кончается поселившаяся на Украинѣ отрасль Ружинскихъ, да и мелкопомѣстные волынскіе представители этого рода больше намъ не попадаются въ актахъ. Разъ только встрѣчаемъ неясное упоминаніе о какой то княжнѣ Ружинской, бывшей въ замужествѣ за сыномъ московскаго выходца Нецевича; ея сыновья служили въ польскихъ войскахъ во время войнъ Богдана Хмельницкаго, и въ 1653 г. волынское дворянство ходатайствовало о дарованіи имъ индигената [2]).

Генеалоги выводятъ родъ Ружинскихъ отъ Гедимина; Папроцкій предкомъ ихъ считалъ Коріата Гедиминовича, но Окольскій, а за нимъ и Нѣсецкій, родоначальникомъ ихъ признаютъ другого Гедимановича, Наримунта. Окольскій ссылается на свидѣтельство надгробныхъ памятниковъ Ружинскихъ, видѣнныхъ имъ въ Кіевѣ, будто бы въ доминиканскомъ костелѣ; но мы знаемъ, что они были православными, даже Романъ, впослѣдствіи перешедшій въ католичество, вписанъ въ число членовъ Львовскаго братства [3]); да и цитируемый Нѣсецкимъ Кобержицкій говоритъ прямо, что Романъ Ружинскій первый и послѣдній изъ своего «зараженнаго схизмою»

---

[1]) Опись № X, лл. 40, 95, 235; № XI, лл. 128 на об., 170, 227 на об., 283, 327 на об.; № XII, лл. 25, 87 на об., 160, 221 на об., 236, 248, 386.

[2]) Архивъ ю.-з. Рос., ч. II, т. I, стр. 453, 454.

[3]) Памятники, т. III, отд. I, стр. 91.

рода перешелъ въ католицизмъ [1]) Это, впрочемъ, не устраняетъ вѣрности показанія Окольскаго о генеалогическомъ указаніи на памятникахъ; князь Романъ самъ подписывался въ разнаго рода бумагахъ 1602, 1603 и 1608 г. «Романъ Кириковичъ». [2]) Наримунтомъ называетъ его и находившееся съ нимъ въ московскомъ походѣ войско, уже послѣ его смерти [3]), а въ приводимомъ Кобержицкимъ письмѣ его изъ того же похода передѣлано «z litewska» и самое имя: Remand Narymundowicz. Однако всѣ эти свидѣтельства не вполнѣ достаточны, чтобы признать происхожденіе Ружинскихъ отъ Гедимина, хотя княжеское ихъ достоинство не подлежитъ сомнѣнію: не стали бы понапрасну титуловать ихъ князьями современники, еще въ пору ихъ безвѣстности, да притомъ такіе, какъ напримѣръ князья Острожскіе, у которыхъ они вдобавокъ состояли на службѣ. Но выводить свои роды, за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ, отъ владѣтельныхъ князей литовскихъ, стало лестно и безопасно съ той именно поры, когда пресѣклась литовская династія Ягеллоновъ на польскомъ престолѣ; рѣшались на это, впрочемъ, тѣ только роды, представители которыхъ успѣли выдвинуться въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ своею дѣятельностію и своимъ богатствомъ, а слѣдовательно и вліяніемъ. Такъ, кажется, произвели въ свои предки Корибута Гедиминовича князья Вишневецкіе и Збаражскіе [4]); такъ могъ поступить и Романъ Ружинскій, изъ предковъ котораго ни одинъ не называлъ себя Наримунтовичемъ,—благодаря лишь той извѣстности и состоянію, какія успѣли пріобрѣсти его дѣдъ, дядя-гетманъ и особенно отецъ. Если бы родъ его продолжился, да украсился еще нѣсколькими именами государственныхъ сановниковъ (dygnitarzy),—навѣрно нашлись-бы услужливые панегиристы, которые, для прославленія патроновъ, для назиданія потомству и для вящшаго затемненія и безъ того запутанныхъ древнихъ сказаній, не замедлили бы провести послѣдовательную генеалогію отъ Гедимина и до тѣхъ трехъ братьевъ, которыхъ

[1]) Historia Vladislai Poloniae principis (1655), стр. 232.

[2]) Опись № XVIII, лл. 106, 107 на обор., 110.

[3]) Виленскій Археогр. Сборн., т. V, стр. 156.

[4]) Нѣкоторые новѣйшіе польскіе изслѣдователи, разобравъ несостоятельность генеалогіи Вишневецкихъ отъ Корибута, склонны видѣть въ нихъ князей самозванныхъ, вышедшихъ изъ земянскаго рода Денисковъ-Мокосѣевъ. См. статью Бартошевича въ „Encyklopedia powszechna“, Стадницкаго „Synowie Gedymina“, также Стецкаго „Wołyń“, т. II.—Что Вишневецкіе не Гедиминовичи, въ этомъ, послѣ названныхъ работъ, трудно сомнѣваться; но объ ихъ дѣйствительномъ происхожденіи есть нѣкоторыя основанія думать и иначе, чѣмъ думаютъ упомянутые авторы.

мы встрѣчаемъ впервые подъ именемъ Роговицкихъ. Но князь Романъ умеръ бездѣтнымъ, и генеалоги стараго времени получили возможность добросовѣстно оставить пробѣлъ, пополнять который не беремся и мы.

Нашъ генеалогическій очеркъ рода Ружинскихъ повидимому оконченъ; говоримъ: повидимому, такъ какъ остается еще одно лицо съ этой фамиліей у генеалоговъ и историковъ, котораго мы не коснулись. Это князь *Богданъ Михайловичъ* Ружинскій. По Папроцкому, было въ его время четыре князя этого рода: Михаилъ, а у него три сына: Кирикъ, Николай и Богданъ, гетманъ низовыхъ козаковъ, «mąż serca wielkiego»,—хотя авторъ и не сообщаетъ, въ чемъ именно выразилось величіе души этого мужа. «Сказаніе Папроцкаго о четырехъ князьяхъ Ружинскихъ принято въ исторію, какъ сказаніе современника», замѣчаетъ Максимовичъ [1]). Но изъ приведенныхъ нами данныхъ видно, что въ этомъ сказаніи заключается невѣрность, такъ какъ князь Михайло былъ не отцомъ Кирика и Николая, а братомъ; о князѣ же Богданѣ въ документахъ не находимъ пока никакого указанія. Тѣмъ не менѣе, существованіе этого лица подтверждается и другими источниками. Нѣсецкій, ссылаясь на близкое по времени сочиненіе Пашковскаго, упоминаетъ, что одинъ изъ Ружинскихъ [2]), предводительствуя козаками, сдѣлалъ набѣгъ на Крымъ и взялъ Асламъ-Керменъ, одну изъ крѣпостей, выстроенныхъ турками на берегахъ и островахъ Днѣпра близъ Тавани, т. е. нынѣшняго мѣстечка Каховки, днѣпровскаго уѣзда, таврической губерніи, для прегражденія козакамъ выхода въ низовья Днѣпра и въ Чорное море. Этотъ Ружинскій по имени здѣсь не названъ, но у другого современника, Бѣльскаго, тотъ же самый походъ въ Крымъ, въ 1575 году, приписанъ гетману Богданку, не называемому по фамиліи, который *впослѣдствіи* былъ убитъ подъ Асламъ-городкомъ [3]). Вполнѣ согласно съ Бѣльскимъ выра-

---

[1]) Собр. соч. т. I, стр. 298.

[2]) Korona Polska, т. III, стр. 898.—Paszkowski, Dzieje Tureckie i utarczki kozackie z Tatary (1616 г.), стр. 21.

[3]) Разсказавъ о татарскомъ набѣгѣ 1575 года на Волынь, Бѣльскій добавляетъ: „Lecz kozacy tym czasem nie próżnowali y wpadszy za Przekop z wodzem swym *Bogdankiem* (który *potem* pod Assemgrodkiem zginął) welkie Tatarom szkody poczynili, y także brali, palili, y nikogo nieżywili, nawet dzieci małe na pale wbiiali ale nie stało za nasze“. Kronika Polska, стр. 722.

жаются и южнорусскія лѣтописи болѣе поздняго времени [1]). Если бы и затѣмъ еще оставалось для насъ какое-нибудь сомнѣніе о тождествѣ гетмана Богданка съ неизвѣстнымъ Пашковскому по имени Ружинскимъ, то оно разрѣшается вполнѣ современнымъ документальнымъ указаніемъ на письмо, посланное въ тоже время московскимъ правительствомъ на Запорожье, къ князьямъ Кирику и Михайлу Ружинскимъ [2]). Тѣмъ болѣе кажется страннымъ, что въ сохранившихся актовыхъ книгахъ кіевскаго воеводства 1580-хъ годовъ объ этомъ лицѣ не упоминается ни однимъ словомъ, и мы позволяемъ себѣ высказать слѣдующее предположеніе: Папроцкій указываетъ намъ о Богданѣ Ружинскомъ, вопервыхъ, что онъ былъ братомъ Кирика и Николая, и вовторыхъ, что онъ былъ гетманомъ козацкимъ; оба эти признака вполнѣ совмѣщаются и въ личности князя Михайла Остафьевича. Если принять во вниманіе, что въ ту пору употребленіе двойного имени было довольно распространено, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что оба имени, Михайла и Богдана, принадлежатъ одному и тому же лицу, подобно тому, какъ Константинъ Константиновичъ Острожскій имѣлъ второе имя Василія, какъ дочь князя Кирика Ружинскаго, Настасья называлась также Томилою, какъ еще гораздо позже Хмельницкій носилъ двойное имя Зиновія-Богдана.

Мы остановились на имени князя Богдана потому главнымъ образомъ, что съ его личностью южнорусскія лѣтописи, а за ними и историки, связываютъ фактъ первоначальнаго упорядоченія южно-

---

[1]) Сто лѣтъ спустя, кошевой Сѣрко, въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ хану крымскому, говоритъ: „Року 1575 Богданко съ козаками Кримъ воевалъ и плюндровалъ“. Величка, т. II, стр. 380.—У Грабянки, стр. 21: „Вскорѣ (1575) козаки воздали имъ и за сіе (т. е. татарамъ за набѣгъ), егда внедше за Перекопъ въ вожемъ своимъ Богданкомъ, такожде огнемъ и мечемъ повоеваша“; также, стр. 260: „Року 1576 былъ гетманъ запорожскій Богданко; сей воевалъ Кримъ“.—Послѣднія слова буквально повторены въ „Краткомъ Описаніи Малороссіи“, но подъ годомъ 1574, въ кіевскомъ изданіи Лѣтописи Самовидца, стр. 214.—Лукомскій въ „Собраніи Историческомъ“ еще ближе передаетъ слова Бѣльскаго, ссылаясь при этомъ на Гваньини: „Тогожъ 1575 года козаки татарамъ туто на Подоліи ними учиненую обиду отмстили. Ходили они съ гетманомъ своимъ Богданкомъ за Перекопъ и, въ Кримъ впадши, многіе шкоды татарамъ подѣлали. Кримъ разорили, жилля ихъ сожигали, татаръ, женъ и дѣтей ихъ не щадя, кого ни попадали, всѣхъ мертвили, токмо гетмана своего Богданка, который подъ Асламъ-городкомъ убитъ, потеряли. Однако сами съ великою добичею возвратились въ Украину благополучно“. Также, стр. 349.

[2]) Соловьевъ, Ист. Р., т. VII, стр. 361. Изд. 2-е, 1861 г.

русскаго козачества польскимъ правительствомъ, именно королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Фактъ этотъ, насколько онъ можетъ быть утвержденъ или отвергнутъ, заслуживаетъ, по своей важности, особаго и подробнаго разсмотрѣнія; но оно выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи, и потому мы заканчиваемъ ее тѣми генеалогическими о нихъ свѣденіями и соображеніями, которыя на этотъ разъ преимущественно имѣлись нами въ виду.

И. П. Новицкій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОТЕРПѢВШАГО

во время крестьянскихъ волненій 1855 г.

1855 годъ былъ двадцатымъ годомъ моего священства. Приходъ мой былъ село Малая Березна, сквирскаго уѣзда, кіевской губерніи. Въ этомъ году послѣдовала кончина Императора Николая І-го. Всѣ служащіе и помѣщики, ближайшіе къ уѣздному г. Сквирѣ, были вызваны туда для выполненія присяги на вѣрность Императору Александру II. Приставъ 1-го стана, послѣ присяги въ сквирскомъ соборѣ, возвращаясь въ свой станъ, въ первомъ селѣ онаго, созвалъ мѣстныхъ крестьянъ и привелъ ихъ къ присягѣ. Какъ извѣстно, крестьяне, по закону, въ такихъ случаяхъ не были допускаемы къ присягѣ,—присягали только лица свободныхъ сословій. Неопытный приставъ немедленно былъ вызванъ въ Сквиру, гдѣ ему разъяснили неправильность его дѣйствій, и хотя подобный случай болѣе не повторялся, но онъ отразился на послѣдовавшихъ вскорѣ волненіяхъ крестьянъ, о которыхъ я хочу говорить.

Слухъ о принесенной въ одномъ изъ селъ присягѣ сталъ извѣстнымъ въ другихъ селахъ и заставилъ многихъ крестьянъ ждать присяги, которой быть не могло. Самый слухъ о семъ, по необычности дѣла, не могъ не занимать крестьянъ, не будить въ нихъ толковъ, быть можетъ, желаній и надеждъ. Въ с. Березнѣ, гдѣ я священствовалъ, крестьяне также ждали пристава и приведенія къ присягѣ на вѣрность новому Царю. Ожиданіе ихъ усугубилось, когда мною были приведены къ присягѣ здѣсь же въ Березнѣ священно и церковно служители моего благочинія. Мѣсяцъ спустя дѣйствительно пріѣзжаетъ въ Березну приставъ, требуетъ къ себѣ въ квартиру 12-ть домохозяевъ и мнѣ, мѣстному священнику, пред-

лагаетъ привести ихъ къ присягѣ. Призванные подумали, что будутъ присягать на вѣрность Царю; но были очень смущены, не слыша въ присягѣ имени Царя, а только извѣстное обѣщаніе показывать сущую истину по дѣлу, о которомъ будутъ спрашиваемы. Еще болѣе смутились они и обидѣлись, когда приставъ тутъ же послѣ присяги обратился къ нимъ съ такими словами: «а знаете вы рябу кобылу, что недавно украдена у такого-то хозяина»? Производилось обыкновенное дознаніе объ украденной лошади, никогда ничего, кромѣ безпокойства и потери времени, ни свидѣтелямъ, ни хозяину не приносящее. На этотъ разъ оно сдѣлало нѣчто большее. Приставъ уѣхалъ со звонкомъ, крестьяне разошлись. Уходя иные ворчали: «се такого ца свѣтѣ не було—на рябу кобылу присягать»! .

Съ того времени мои прихожане не разъ выражали свою досаду на распоряженіе мѣстной власти и вмѣстѣ на меня. Они говорили: «развѣ мы не люди у нашего Царя? Всѣ паны, и попы, и жиды Царю присягали, а намъ не дали присяги! Мы на смѣхъ на рябу кобылу присягали». Этимъ меня постоянно упрекали, когда начались ихъ волненія, и не вѣрили никакимъ моимъ словамъ и убѣжденіямъ.

Приблизились дни страстной седмицы. Праздникъ Благовѣщенія совпалъ съ великою пятницею. По многолюдству села Березны, говѣльщиковъ на этотъ день было очень много. Заутреня отошла съ вечера. Утромъ, какъ только взошло солнце, сами прихожане, не дожидая моего распоряженія, зазвонили къ обѣдни, и я, не подозрѣвая ничего худаго, пошелъ въ церковь и началъ литургію. До того времени я не слыхалъ ни о какихъ безпорядкахъ, начавшихся въ средѣ крестьянъ въ разныхъ мѣстахъ, а мои прихожане провѣдали, что въ сосѣднемъ селѣ Логвинѣ крестьяне уже держатъ своего священника подъ арестомъ около церкви, припуждая его объявить имъ ихъ «добро», какъ называли тогда вездѣ крестьяне ожидаемую ими свободу свою отъ панщины.

Послѣ обѣдни пріѣхалъ ко мнѣ исправникъ и поразилъ меня новостію, что во многихъ сосѣднихъ селахъ, въ томъ числѣ въ с. Логвинѣ моего благочинія, волнуются крестьяне. Онъ требовалъ, чтобы и я ѣхалъ съ нимъ въ Логвинъ для убѣжденія тамошнихъ крестьянъ. Я тотчасъ поѣхалъ. Это было въ страстный пятокъ. Въ

Логвинѣ мы подъѣхали къ церкви около двухъ часовъ по полудни; здѣсь застали священника и всѣхъ его прихожанъ. Какъ только послѣдніе увидѣли насъ, то сказали исправнику: «спасыби вамъ, пане, що вы привезли намъ сего батюшку; онъ намъ объявитъ наше добро». Исправникъ началъ ихъ бранить, называя ихъ бунтовщиками; одинъ изъ среды крестьянъ грубо отвѣтилъ; тотъ вспылилъ и ударилъ грубіяна по лицу. Тогда всѣ закричали противъ исправника, схватили его, положили въ его же экипажъ и проводили за село, а насъ повели въ домъ священника и начали принуждать объявить имъ волю ихъ, которая, по ихъ словамъ, давно уже будто бы дана Царемъ, но которую священники, сговорившись съ помѣщиками, утаиваютъ отъ нихъ. Много времени прошло въ безплодныхъ тяжкихъ переговорахъ. Никакое слово убѣжденія не дѣйствовало. Наступила ночь. Волненіе не прекращалось, число возмутившихся болѣе и болѣе умножалось. Не видя конца ихъ приставаньямъ и успѣха моимъ убѣжденіямъ, я просилъ старшихъ изъ крестьянъ, чтобы мнѣ дозволили заснуть на дворѣ, успокоиться и приготовиться къ утреннему богослуженію. Мнѣ дозволили, а къ своему священнику болѣе и болѣе приступали, требуя своего «добра».

Вышедши на дворъ, я отъ своего кучера узналъ, что въ домѣ помѣщика ночуютъ исправникъ и приставъ, и не смотря на страшную темноту и даль, рѣшился огородами пробраться къ помѣщику. Идя въ темнотѣ, я неоднократно спотыкался и падалъ въ яму, а болѣе всего терпѣлъ отъ собакъ, которыя изорвали на мнѣ одежу. Въ домѣ помѣщика дѣйствительно засталъ я исправника и пристава съ разсыльными. Объявивъ имъ о нашемъ беззащитномъ положеніи, я просилъ ихъ ѣхать въ домъ священника для вразумленія крестьянъ, но они отказались содѣйствовать намъ въ ночное время. Не успѣлъ я кончить, какъ прибѣжала сюда жена священника, въ страхѣ и трепетѣ, обливаясь слезами. Она также просила о защитѣ ея мужа, говоря, что крестьяне грозятъ ему топоромъ, если онъ не объявитъ имъ указа объ ихъ волѣ. Но пошла и она ни съ чѣмъ, долго плача и рыдая о своей беззащитности. Я остался ночевать въ домѣ помѣщика и цѣлую ночь просидѣлъ, не раздѣваясь и раздумывая о томъ, какъ мнѣ быть и что ждетъ меня на утро. Я могъ бы легко ночью возвратиться домой, но жаль

мнѣ было оставлять сосѣда-священника въ рукахъ взволнованной черни, а къ тому же и лошади мои содержались подъ арестомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ застала меня великая суббота. Только начало разсвѣтать, я въ нерѣшимости пошелъ къ усадьбѣ священника и тутъ на меня обрушилась бѣда. Волновавшаяся чернь только и ожидала моего появленія и встрѣтила меня съ крикомъ и бранью: «такъ ты до пана на пораду ходивъ! ты жаловался на насъ! ты думаешь, что мы пановъ боимся; мы теперь сами паны и тебя принудимъ объявить намъ нашу волю». Потомъ старшій изъ крестьянъ сказалъ: «панове громада! попы насъ еще долго морочить будутъ; поведемъ ихъ въ Ольшанку,—пусть они сами узнають, что тамъ уже народъ вольный». Впрягли моихъ лошадей и насильно повезли насъ по дорогѣ къ Бѣлой Церкви. Ко мнѣ съ священникомъ посадили 2-хъ сторожей, а сами, т. е. всѣ почти Логвинскіе крестьяне слѣдовали за нами пѣшкомъ. Такимъ порядкомъ мы прослѣдовали около 10 верстъ, какъ догналъ насъ приставъ съ четырьмя вооруженными разсыльными. Одинъ изъ послѣднихъ, подскакавъ къ моей повозкѣ, ударилъ плетью сторожа, правившаго моими лошадьми, приказывая ѣхать скорѣе, чтобы уйти отъ слѣдовавшей за нами толпы крестьянъ; но тѣ, увидѣвъ это, бросились къ намъ и, окруживъ насъ, подняли гвалтъ и крикъ: «такъ се насъ бьють!» Нѣкоторые порывались бить разсыльныхъ, но большинство стало кричать: «вертайся назадъ!—назадъ поповъ, додому! тамъ мы зъ ными расправимся по своему». И въ слѣдъ за этимъ поворотили моихъ лошадей, и мы поѣхали обратно въ Логвинъ. Приставъ съ разсыльными слѣдовалъ издали за нами. Вдругъ онъ опять погналъ лошадей и, когда проѣзжалъ мимо насъ, то священникъ Логвинскій перескочилъ съ моей повозки на его повозку. Приставъ и священникъ умчались, оставивъ меня въ рукахъ разъяренной толпы. Тогда подбѣгаетъ ко мнѣ крестьянинъ Олѣйникъ, схватываетъ меня за шею, однимъ взмахомъ бросаетъ на землю и начинаетъ наносить мнѣ удары своею палкою. Онъ подозрѣвалъ, что я подговорилъ ихъ священника уйти отъ нихъ и, продолжая бить меня, кричалъ въ изступленіи: «я твій катъ (палачъ); не выпущу тебе живымъ, поки не отдаси намъ нашего добра». Но тутъ одинъ изъ крестьянъ сжалился надо мною, вырвалъ меня изъ рукъ Олѣйника и защитилъ отъ дальнѣйшихъ побоевъ.

Этотъ же самый крестьянинъ еще два раза потомъ освобождалъ меня отъ рукъ того же Олѣйника. Вдругъ вижу,—на мою повозку садится душъ 15 крестьянъ и давай дубьемъ бить моихъ лошадей и крикомъ понуждать ихъ бѣжать скорѣй. По нескладному говору можно было догадаться, что крестьяне задумали догнать пристава, но молодыя лошади мои не привыкли къ подобной тяжести; неистовый крикъ еще болѣе пугалъ ихъ и онѣ не пошли съ мѣста, сколько ихъ ни били; притомъ самая повозка не вынесла чрезмѣрной тяжести и затрещала. Тогда лошадей отпрягли и двое верховыхъ поскакали впередъ. Тотъ же Олѣйникъ принуждалъ меня тянуть повозку; но я, измученный его побоями, упалъ и не могъ подняться. Меня подняли, и Олѣйникъ, толкая меня въ шею, понуждалъ идти. Такъ тащили меня верстъ 10; крики и ругательства не прекращались, надо мной издѣвались самымъ непристойнымъ образомъ, то и дѣло упрекали въ побѣгѣ священника и утайкѣ ихъ добра. Впереди насъ шелъ какой-то кацапъ (великороссъ) и до самаго села, не умолкая, кричалъ: «бей ихъ, бей ихъ! попы аршинники» и проч. Пристава съ священникомъ догнали уже въ Логвинѣ. Лошадей моихъ совершенно загнали. Священникъ успѣлъ скрыться въ одной сельской избѣ; но его скоро отыскали и привели въ его домъ. Наконецъ и меня измученнаго и избитаго приволокли сюда же. Тутъ былъ исправникъ; видя меня въ крайнемъ изнеможеніи, онъ распорядился положить меня въ постель и послалъ разсыльнаго за цырюльникомъ. Тотъ нашелъ необходимымъ открыть мнѣ кровь; но я уже послѣ того ничего не помнилъ.

Въ такомъ положеніи застала меня пасхальная ночь. Около 12 часовъ обозвала меня служанка священника: «тутъ, говоритъ, какіе то люди сильно стучатъ въ дверь со двора, что дѣлать: пускать ли ихъ, или нѣтъ?» Я сказалъ ей впустить, навѣрное зная, что они и сами насильно вломились бы въ комнату. Оказалось, что то были мои прихожане. Узнавъ о моемъ заключеніи въ Логвинѣ, они пришли выручить меня, чтобы имъ не быть безъ священника въ свѣтлый праздникъ. Хотя я былъ совершенно разслабленъ и, имѣя руку на перевязи, не могъ самъ ни подняться съ постели, ни одѣться; но прихожане мои помогли мнѣ въ томъ и другомъ. Бывшіе тутъ же логвинскіе люди съ негодованіемъ говорили имъ: «берить, берить свого попа, а мы своему и сами раду дамо» (упра-

вимся). Въ слѣдъ затѣмъ они повели своего священника въ церковь къ заутрени, а я съ своими прихожанами отправился домой.

Меня не радовала моя мнимая свобода; мои спутники все о чемъ то шептались. Я спросилъ ихъ: «можетъ быть, и вы тоже замышляете, что и логвинскіе?—то лучше было не выручать меня, пусть бы я терпѣлъ отъ чужихъ». Они отвѣчали: «не бойтесь, батюшка! мы того не сдѣлаемъ; но вы сами читали свидѣтельство, данное громадѣ березнянской въ томъ, что она не приставала къ гайдамакамъ». [1])

Въ такихъ и подобныхъ переговорахъ мы приблизились къ р. Роси. Ночь тогда была такъ темна, что не можно было отличить воды отъ земли. Рось находилась въ полномъ разливѣ и только плескъ волнъ отъ сильнаго вѣтра давалъ знать о близости воды.— Посадили меня съ однимъ крестьяниномъ въ *човенъ* (челнъ) или просто корыто, отчалили отъ берега и пустили на «*Божу волю*». Какъ мы ѣхали и какъ переѣхали Рось, я уже не помнилъ отъ страха, и очнулся, когда наша ладья ударилась о камень. Я выпрыгнулъ изъ нея и дошелъ до берега по колѣна въ водѣ. На берегу ожидала нашего прибытія новая партія моихъ прихожанъ. Лишь только я ступилъ на землю, мнѣ предложили идти прямо въ церковь. Тутъ я засталъ уже полное праздничное освѣщеніе и множество своихъ прихожанъ; но не многихъ узнавалъ,—такими страшными они мнѣ казались. О, ночь пасхальная! Таинственная ночь!.. Было уже около часу по полуночи и я, имѣя на перевязи правую руку, съ трудомъ началъ пасхальную заутреню. Пѣли «Христосъ воскресе»! Пѣли радостныя, божественныя пѣсни; но радость праздничная далека была отъ меня, и будто камень лежалъ у меня на сердцѣ. Семейство мое, зная о моемъ заключеніи въ Логвинѣ и послышавъ вдругъ звонъ колоколовъ, страшно перепугалось, но узнавъ о моемъ освобожденіи, обрадовалось. Напрасно.

Литургисать я не могъ. Отслужилъ часы и «пасхи» освятилъ. Вышли изъ церкви, разговѣлись не какъ въ прежніе годы. Первый день Пасхи прошелъ спокойно, по крайней мѣрѣ никакіе тревожные слухи не безпокоили меня. На другой день, послѣ литургіи, пріѣхалъ ко мнѣ своякъ мой, священ. Бобровницкій, чтобы вмѣстѣ со мною ѣхать къ нашему родственнику въ село Любчу, таращан-

[1]) Къ сожалѣнію, авторъ разсказа не поясняетъ, что это за свидѣтельство.—*Ред.*

скаго уѣзда, на крестины; но я, считая неблаговременнымъ въ такое тревожное время оставлять приходъ, не поѣхалъ и о. Капитону отсовѣтовалъ. Оказалось послѣ, что меня уже сторожили мои прихожане и все равно не выпустили бы изъ прихода. Къ вечеру приходилъ ко мнѣ прихожанинъ съ извѣстіемъ, что въ корчмѣ весь почти приходъ. Узнаю,—злостная молва между ними противъ меня, что я ихъ всѣхъ продалъ въ рабство, утаивъ ихъ свободу, и—недоброе противъ меня замышляютъ. Священ. Бобровницкій и жена моя совѣтовали мнѣ уѣхать изъ дому.

На третій день Пасхи была также литургія; прихожане удалились изъ церкви, я сталъ разоблачаться въ алтарѣ; вдругъ отъ клироса послышался мнѣ плачъ. Я выглянулъ изъ алтаря и увидѣлъ плачущими брата моего діакона Зосиму и грамотнаго прихожанина Петра Замарюку. На вопросъ мой, чего они плачутъ, братъ показалъ мнѣ на отворенную въ церкви дверь и я, взглянувши, увидѣлъ, что весь народъ около церкви. Съ замираніемъ сердца, окончивъ молитвы, я вышелъ изъ церкви, поздравилъ прихожанъ съ праздникомъ и спросилъ: «чего вы, люди добрые, тутъ ждете?»—«А щожъ, хиба мы не таки, якъ люди»?—былъ ихъ отвѣтъ. «Въ другихъ селахъ добрые священники уже объявили людямъ царскую волю, а вы, батюшка, мовчите. Объявите намъ наше добро, и мы вамъ спасибо скажемъ, будемъ вамъ работать, будемъ вамъ послушны; а не захочете сдѣлать намъ добро, то мы васъ принудимъ и домой уже васъ не пустимъ». Всѣ мои увѣщанія и увѣренія, что я не скрываю отъ нихъ того, чего они требуютъ, но что указа о волѣ нигдѣ нѣтъ, что ихъ люди недобрые обманываютъ и только сдѣлаютъ ихъ несчастными за неповиновеніе помѣщикамъ и властямъ, ни къ чему не повели; голосъ мой былъ заглушенъ громомъ укоризнъ и ругательствъ.

Съ того времени до самой Ѳоминой недѣли я не видѣлъ уже своего дома, ночь и день находясь подъ дождемъ, снѣгомъ и стужею, будучи моримъ голодомъ и холодомъ.

Священникъ о. Капитонъ Бобровницкій, видя, что меня уже взяли и домой не пускаютъ, скорѣе выѣхалъ изъ Березны. Жена моя прислала для меня обѣдъ въ церкви, но разъяренная толпа не дозволила мнѣ покушать, говоря: «мы тебе примусимо голодомъ явить намъ добро наше». Нѣкоторые изъ толпы продолжали: «вотъ въ Ябло-

новкѣ (село васильковскаго уѣзда), тамъ старенькій священникъ объявилъ уже своимъ прихожанамъ волю и далъ имъ такую бумагу за церковною печатью, а бумагу ту, послѣ проводъ, люди повезутъ къ губернатору». Я утверждалъ, что это ложь и обманъ, что этого нѣтъ и быть не можетъ.—«Брешц вже самъ, отвѣчали мнѣ, а оно такъ есть, истинная правда! Гдѣ только священники хорошіе, тамъ уже люди стали вольны; а тебе паны (помѣщики) закупили, ты и отдавъ всіхъ въ неволю. Ты еси царскій брехунъ (т. е. лжешь именемъ Царя, искажаешь, утаеваешь его слова),—нашъ ворогъ и непріятель! Ты насъ запропастывъ, не давъ намъ присяги на вѣрность Царю».—Опять говорили: «будетъ тебѣ, какъ тому Дибичу [1]); чего, чего онъ не имѣлъ отъ Царя: честь, кресты, людей, деньги, и всего того было ему мало. Измѣнилъ Царю и—пропалъ.—Такъ и тебѣ будетъ: люди тебѣ работаютъ, кормятъ тебя, ты получаешь жалованье, но тебѣ еще мало, ты и нашу волю продалъ панамъ и взялъ за то отъ нихъ полкорца карбованцовъ. Не добрый и тебѣ конецъ будетъ!»—Все это слышано было мною не одинъ разъ, повторялось на разные лады. Что могъ я, избитый, измученный, сказать въ свое оправданіе, въ опроверженіе нелѣпыхъ басней, къ вразумленію людей? Лишь только я заикнусь—они мнѣ: «а ты насъ на рябу кобылу до присяги приводивъ?!»...

Прошелъ день, настала ночь; меня заперли въ колокольнѣ вмѣстѣ съ крестьянами-старожами.—Утромъ разсыльный привезъ мнѣ бумаги изъ сквирскаго духовнаго правленія. Я долженъ былъ читать въ слухъ всѣхъ здѣсь находящихся; между бумагами былъ указъ о панихидѣ по покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. «Вотъ видите, говорю, указъ! Надо его исполнить; пойдемъ, люди добрые, въ церковь, Богу помолимся за покойнаго Царя». Долго спорили они между собою. одни соглашались пустить меня въ церковь, другіе были противнаго мнѣнія,—наконецъ сговорились и дозволили. Чтобы болѣе быть на свободѣ, я сказалъ причетникамъ пѣть медленно пасхальные часы, а потомъ панихиду, такъ что это продолжалось до трехъ часовъ. Нетерпѣніе крестьянъ возрасло до

---

[1]) Въ народѣ такъ и осталось убѣжденіе, что извѣстный фельдмаршалъ графъ Дибичъ измѣнилъ въ польскую кампанію. Занесено оно, конечно, мѣстными солдатами, бывшими въ кампаніи, и поводомъ къ нему служило одно лишь не русское происхожденіе графа. Скорая смерть его отъ холеры объяснялась принятіемъ яда.—*Ред.*

того, что они стали шумѣть въ церкви и, подступая ко мнѣ все ближе и ближе, требовали прекратить служеніе. Я не внималъ имъ. Вдругъ нѣсколько человѣкъ схватили меня за руки, сняли съ меня облаченіе, въ бѣшенствѣ свалили меня на полъ и поволокли изъ церкви. Идущіе за мною наступали мнѣ на волосы, иные пѣли: «святый Боже», какъ надъ покойникомъ. Жена моя, услыхавъ, что меня хотятъ вести куда то изъ села, пришла на погостъ церковный съ дѣтьми. Увидѣвъ дѣлаемыя мнѣ поруганія, она начала плакать, дѣти подняли крикъ и вопль. Тутъ одна крестьянка, съ неподдѣльнымъ къ нимъ состраданіемъ, обращаясь къ дочери моей, говоритъ: «не плачьте, сердце, панно! Нехай тильки батюшка вашъ отдасть людямъ тую грамоту, що самъ Царь написавъ и, умочивши свою руку въ золото, до неи приложивъ,—то люди зновъ будуть батюшку вашого жаловать, а не то, то уже и въ село его не привезуть». Крестьяне же, что несли меня, говорили: «мы его за селомъ на камени убьемъ». При видѣ жены, дѣтей, сердце мое рвалось на части. Я недоумѣвалъ, что будетъ со мной,—ждалъ смерти, творилъ мысленно молитву. Вдругъ меня подняли высоко и бросили въ возъ *драбинякъ* безъ всякой постилки. На осяхъ были колеса безъ ободьевъ съ одними лишь спицами. Это нарочно придумали для меня. Такъ и повезли по дорогѣ въ село Сквирку. Запряженные волы шли своимъ обычнымъ шагомъ; все почти мужеское населеніе моего прихода слѣдовало за возомъ. На дорогѣ два раза дѣлали привалъ, садились вокругъ воза, кушали «пасхи» и другія пасхальныя яства, а мнѣ говорили: «вотъ мы ѣдимъ, а ты съ голоду здохнешь за твою кривду, что ты намъ дѣлаешь». Такъ прослѣдовали мы чрезъ деревню Городище и селеніе Сквирку. Тамъ и здѣсь выбѣгали смотрѣть люди «*на злотника попа, що продавъ свою громаду*» [1]), и поражали меня всевозможными укорами и ругательствами. Слѣдуя чрезъ Сквирку, я замѣтилъ на земляномъ валу (тутъ есть остатки какихъ то укрѣпленій) множество людей, окружившихъ одного человѣка. Погонщикъ воловъ, на которыхъ меня везли, на запросъ мой объяснилъ мнѣ, что то мѣстные крестьяне записываются въ козаки, а священникъ ихъ ушелъ съ прихода.

Мы пріѣхали въ село Яблоновку, васильковскаго уѣзда, куда собственно и везли меня.

---

¹) „Злотникъ"—золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Все почти село,—мужчины и женщины были въ сборѣ около корчмы. Всѣ радовались и торжествовали свою волю; они громко говорили, что свободны уже отъ панщины. Былъ четвертый день праздника—среда. Въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, въ этотъ день была уже барщина: мужчины отправлялись въ поле съ ралами и боронами обсѣменять панскіе «ланы». Теперь Яблоновцы не шли уже на барщину съ этого именно дня, у нихъ въ рукахъ была уже грамота объ ихъ свободѣ...

Смотря на ликующихъ Яблоновцевъ, мои прихожане, завидуя ихъ счастью, усилили надо мною свои ругательства, а я, сидя на воловомъ возу, на позоръ своихъ и мѣстныхъ людей, желалъ бы лучше сквозь землю провалиться. Но что мнѣ оставалось дѣлать, слыша нестерпимыя издѣвательства и брань? Одинокій, беззащитный среди разъяренной толпы слѣпаго народа, оставленный на произволъ своихъ истязателей, которые вотъ уже два дня морятъ меня голодомъ, безсонницею и всегдашнимъ понужденіемъ говорить къ нимъ, я не выдержалъ и горестно заплакалъ; но плачь мой еще больше ожесточилъ ихъ и удвоилъ ругательства. Въ это время подходитъ ко мнѣ діаконъ села Сквирки, котораго я давно замѣтилъ въ народѣ, и голосомъ убѣжденія и состраданія говоритъ мнѣ: «О. Благочинный! пожалѣйте себя; довольно съ васъ, вы уже не похожи на себя; объявите имъ ихъ добро, пусть болѣе не мучатъ васъ!»—«Какое добро?»—спросилъ я. Онъ отвѣчалъ: «дайте имъ грамоту объ ихъ вольности». Услышавъ такія слова отъ діакона, мои и яблуновскіе прихожане съ новою яростію бросились на меня, настоятельно требуя грамоты, существованіе которой въ глаза доказывалъ мнѣ діаконъ.—Отошелъ діаконъ, подступилъ гвардеецъ, мѣстный житель, отставной унтеръ-офицеръ. «Батюшка, говоритъ, что это вы морочите бѣдныхъ людей? Я служилъ 25 лѣтъ въ самомъ царскомъ дворцѣ и точно знаю, что указъ о вольности еще три года назадъ тому вышелъ. Гдѣ вы его дѣвали, нечто съ блинами съѣли?» Я взялъ его за руку и, чуть не цѣлуя, говорилъ ему: «Яковъ Петровичъ! (такъ называли его всѣ и я за ними) на что вамъ смущать слѣпой народъ? Вы бы лучше его уговорили, успокоили; они бы вамъ болѣе всего повѣрили»; но онъ съ гнѣвомъ и грубостію противъ меня стоялъ на своемъ. Это еще болѣе увѣрило крестьянъ, что грамота царская существуетъ, и тогда еще

болѣе обрушилась на меня злоба моихъ прихожанъ. Они въ недоумѣніи начали спрашивать другъ друга, что дѣлать имъ, какія мѣры употребить, чтобы понудить меня объявить имъ ихъ «добро».

Въ эти тяжкія для меня минуты, я началъ просить торжествующихъ Яблоновцевъ показать мнѣ свою грамоту, которою они хвалились предъ моими прихожанами, и они принесли мнѣ листъ бумаги весь исписанный,—однако въ руки мнѣ не дали, а только съ благоговѣніемъ два человѣка, предо мною, развернувъ, держали. Пробѣжавъ мысленно написанное, я, при всемъ моемъ горѣ, не могъ не засмѣяться. Тогда они начали меня просить, чтобы я прочиталъ ихъ грамоту; но я, бывъ много опечаленъ ихъ насмѣшками надъ собою и недовѣріемъ, отказался читать, и они пошли искать грамотнаго изъ крестьянъ. а грамотные по селамъ были въ то время великая рѣдкость.

Чрезъ нѣкоторое время привели къ моему возу какого то полуграмотнаго, развернули предъ нимъ листъ, что прежде мнѣ показывали, и окруживъ нѣсколькими пальцами начальныя слова, заставили его читать. Тотъ читалъ по словамъ каждое слово. Грамота начиналась: «Мы, крестьяне графа Браницкаго, какъ по настоящее время работали панщину, такъ и впредь будемъ работать— мы и наши дѣти....» и прочее въ такомъ родѣ. Какъ только услышали крестьяне о панщинѣ, то, какъ ни худо читалъ грамотѣй, съ разу поняли смыслъ грамоты и всѣ въ одинъ голосъ закричали: «не треба, не треба намъ такои грамоты!» и начали бранить и проклинать отсутствующаго писаку за его обманъ. Писака однако былъ себѣ на умѣ; онъ, очевидно, такъ соображалъ: отказаться писать, — побьютъ, писать, чего хотятъ, — можно подъ отвѣтъ попасть; а не дурно и лишнюю гривну заработать. И онъ писалъ, что взбрело ему на умъ. Писалъ одно, читалъ другое. Тутъ всякія выписки, правила, фразы, пѣсни, присказки; никакой связи, никакого смысла, одно только глумленіе и обманъ. Успокоившись немного, Яблоновцы пробовали слушать далѣе. Дали приказъ чтецу, тотъ пошелъ по складамъ: «въ царскихъ титулахъ переносовъ не дѣлай»... Далѣе подобная жъ безсмыслица; всего не помню. Какъ только прочитано слово «титулы», всѣ закричали: «яки то шкатулы? на врага намъ шкатулы! на що намъ панщина? мы уже съ нею попрощались. Мы его просили написать,

что мы вольны отъ пановъ и панщины проклятой, а онъ опять насъ и нашихъ дѣтей закабалилъ. Мы ему такому-то сыну по двѣ гривны отъ души заплатили, а онъ вотъ что написалъ!» И при этомъ, обратившись къ моимъ прихожанамъ, сказали: «спасибо вамъ, что вы съ своимъ священникомъ къ намъ пришли и такимъ случаемъ мы обманъ свой познали. А то мы хотѣли завтра эту самую бумагу нести въ Кіевъ къ губернатору, чтобы онъ утвердилъ ее своею властію».

Когда я заглянулъ еще разъ въ бумагу, то увидѣлъ на концѣ подпись мѣстнаго священника Ан. Руткевича и церковныя печати, одну сургучную и четыре накопченныя... Стали искать сочинителя бумаги и нашли его въ смежномъ селеніи Сквиркѣ, гдѣ онъ, какъ упомянуто выше, сидя на валу, мѣстнымъ жителямъ подобную же написалъ бумагу. То былъ мѣщанинъ г. Сквиры, а фамиліи его не помню. Его привели, раздѣли и подвергли жестокому наказанію, прогнавъ его по военному чрезъ строй: били безъ милости толстыми палками.

Наказавъ сего обманщика, послали за своимъ священникомъ, который своею подписью и печатями утвердилъ такое насиліе.

Священникъ, осьмидесятилѣтній старецъ, въ страхѣ и трепетѣ предсталъ на судъ обманутыхъ имъ прихожанъ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ и меня держали, и когда я обратился къ нему, почему онъ, по іерейской своей совѣсти, не объявилъ своимъ прихожанамъ, что никакой грамоты царской объ ихъ свободѣ не было и не убѣдилъ ихъ не слушать клеветниковъ, распускающихъ ложные о томъ слухи, но своимъ подписомъ и печатьми способствовалъ къ большему возбужденію темнаго и безграмотнаго народа, и не только своихъ, но и чужихъ прихожанъ ввелъ въ заблужденіе, то онъ съ плачемъ объяснялся, что его страшными угрозами, даже лишеніемъ жизни принудили подписать и утвердить печатями сказанную бумагу. Прихожане яблоновскіе, познавъ свой обманъ и, видя, что ихъ надежда на «добро» рушилась, съ озлобленіемъ повели съ площади своего священника. И мои прихожане пришли въ уныніе и даже къ той мысли, что слухи объ ихъ свободѣ должны быть ложны. Они рѣшили провесть ночь въ Яблоновкѣ и возвратиться домой; большая часть ихъ тотчасъ же удалилась, а только четыре человѣка остались ночевать около меня на площади подъ возомъ. Остав-

шіеся, имѣя обильные запасы съѣстнаго, стали ужинать, но мнѣ не предложили. Со вторника отъ литургіи (а это уже была ночь противъ четверга) я ничего не вкушалъ и отъ голода, безсонницы и цѣлодневныхъ досадъ и оскорбленій приходилъ въ изнеможеніе.

Въ четвергъ утромъ привезли меня на конной подводѣ въ Березну, но въ домъ не пускали, а заключили по прежнему въ колокольню, пока соберется и разсудитъ о мнѣ «громада».

Тутъ я узналъ, что жена моя, не считая себя безопасною въ Березнѣ и не надѣясь на мое возвращеніе, въ чемъ ее увѣрили мои прихожане, забравши дѣтей, бѣжала въ Сквиру, въ темную, дождливую ночь, на искалѣченныхъ въ Логвинѣ лошадяхъ и надломанной повозкѣ, съ крестьянскимъ мальчикомъ, пастухомъ ягнятъ. Всю ночь странствовала перепуганная моя семья и едва съ разсвѣтомъ, съ великою бѣдою, добралась до Сквиры. На дорогѣ, въ лѣсу, она встрѣтила родственника нашего, о. Капитона Бобровницкаго, скрывавшагося здѣсь отъ своихъ прихожанъ, и съ нимъ прибыла въ городъ. Здѣсь ихъ пріютилъ о. Филиппъ Руткевичъ, и принялъ горячее участіе при лѣченіи тяжко заболѣвшей здѣсь жены моей, питалъ и, сколько можно, утѣшалъ несчастное мое семейство.

Въ Березнѣ въ это время начиналось уже настоящее народное волненіе.

Прихожане мои, оставивъ меня въ колокольнѣ, начали на дворѣ неизвѣстную для меня раду; въ это время послышался со стороны говоръ массы народа:—это Логвинскіе прихожане, предводительствуемые извѣстнымъ уже крестьяниномъ Иваномъ Олѣйникомъ, привели сюда своего священника, а послѣ нихъ прибыли, также съ священникомъ, и крестьяне с. Антоновки. Вся площадь около церкви была запружена мѣстными и пришедшими людьми.

Сидя въ колокольнѣ, я услышалъ страшный и знакомый мнѣ голосъ Олѣйника. Онъ кричалъ: «Вы, Березнянская громада, хочь велика, та дурна (глупа); до сего часу не могли справиться съ своимъ попомъ. Отъ давайте его мені, я не стану съ нимъ паньkаться (церемониться).» Вывели меня: со страхомъ предсталъ я предъ своего палача. Поднимая свою палку, онъ неестественнымъ голосомъ закричалъ: «доки ты будешъ морочить бідный народъ»? И, схвативъ меня за грудь, такъ сдавилъ, что чуть меня не уду-

шилъ. Потомъ закричалъ: «роздіньте его, сниміть съ него чоботы»! Я трое сутокъ не снималъ съ себя одежи и обуви. Бросились снимать безъ снисхожденія, безъ жалости и съ такимъ остервененіемъ, что повредили мнѣ правую ногу, которая, хотя и была излѣчена мною, но впослѣдствіи болѣзнь возобновилась и я и понынѣ постоянно ею страдаю. Раздѣвъ меня со смѣхомъ и разными поношеніями (издѣвались и мущины и женщины), навязали на меня веревку и сперва водили меня по колючимъ растеніямъ, которыми заросла густая панская усадьба, а искалѣчивъ меня до крови, повели къ рѣкѣ, съ которой недавно сошелъ ледъ, и держали въ водѣ часа три. На берегу стояла масса народа, со всѣхъ сторонъ сыпались на меня насмѣшки, ругательства, проклятія; нѣкоторые говорили: «онъ нашихъ дѣтей купаетъ въ водѣ (при крещеніи), можно и его покупать». Стояли женщины съ дѣтьми разныхъ возрастовъ. Указывая на меня, говорили: «дивитеся, дітки, щобъ и вы памятали, якъ батьки ваши на волю выходили и що тоді попамъ робили». Тоже дѣлали и съ братомъ моимъ, Алексѣемъ Сикорскимъ. Въ четвергъ, пятницу и субботу свѣтлой седмицы днемъ водили насъ на веревкѣ по будякамъ (колючкамъ) и топили въ рѣкѣ, а ночью, съ конца въ конецъ села, въ дождь и слякоть, водили почти нагими, по колѣни въ грязи, моря голодомъ и безсонницею. Все требовали отдать имъ ихъ «добро», или записать въ козаки и привести къ присягѣ, что они свободны отъ помѣщиковъ. Сострадальцемъ нашимъ при этомъ былъ и сынъ Алексѣя Сикорскаго, села Логвина священникъ; но насъ не сводили вмѣстѣ, а подвергали истязаніямъ каждаго отдѣльно, и мы о томъ не вѣдали, что кто изъ насъ терпѣлъ.

Въ Ѳомино воскресенье, я просилъ прихожанъ, чтобы пустили меня въ церковь помолиться, ради дня воскреснаго, но мнѣ въ моей просьбѣ отказали и вмѣсто того повели меня въ рѣку и, продержавъ въ водѣ не малое время, стали вести къ церкви. Тутъ на встрѣчу намъ новыя двѣ «громады»: Петрошевская и Бѣлѣевская, но безъ священниковъ. Съ укоромъ и досадительствомъ стали онѣ упрекать Березнянскую «громаду», что она, будучи такъ славна и многолюдна, до настоящаго времени не припудила своего священника явить ей ея «добро». «Вотъ мы, говорятъ,—ваши сосѣди, на васъ смотримъ. Ждемъ своего священника и тогда рѣшимъ: какъ

вы сдѣлаете, такъ и у насъ пусть будетъ. И то должно быть сегодня же сдѣлано, ибо послѣ «проводъ» уже будетъ поздно,—всѣ останутся, по прежнему, помѣщичьими крестьянами». Услышавъ это, Олѣйникъ и другіе вожаки народнаго волненія свели насъ священниковъ, первый разъ, вмѣстѣ и сказали намъ: «вотъ вы посовѣтуйтесь между собою и рѣшайтесь—написать насъ всѣхъ вольными козаками, дать намъ присяги, что мы уже не панскіе (не помѣщичьи), что поля и лѣса—наши и все, что есть у пановъ—наше жъ. Оно и есть такъ, ибо мы и наши предки за все это уже отработали. Сдѣлаете по нашему, мы васъ освободимъ и будемъ, по прежнему, вамъ послушны; а не захотите,—миловать васъ больше не станемъ. То пустое, что мы вамъ дѣлали; насъ, женъ нашихъ и дѣтей горше мучили и терзали паны; вотъ какъ мы васъ *желѣзомъ* припечемъ!... И къ тому у насъ уже все готово».

Это средство къ нашему мученію, какъ я узналъ послѣ, присовѣтовала одна 80-ти лѣтняя старуха. Стала она людямъ говорить: «(в)отъ якъ бы вы ихъ (священниковъ) шиною припекли—може помогло-бъ. Колись давно, якъ я еще дівчиною була, (в)отъ тутъ на симъ пляцу (площади) пекли шиною якихъсь двохъ чоловіковъ, то заразъ повинились, и я сама своими очима то бачила (видѣла), а за що пекли, не відаю, бо ще дурна (глупа) тогді була». Мучители наши тотчасъ рѣшили прибѣгнуть къ испытанному средству и о томъ, какъ я уже сказалъ, намъ объявили. Услышавъ такой приговоръ, мы, идя за церковь, стали другъ друга спрашивать, что намъ теперь дѣлать, и въ недоумѣніи и страхѣ ублажали воиновъ севастопольскихъ, которые находились тогда подъ непріятельскими пулями. Мы еще ничего не рѣшили, какъ уже Олѣйникъ приблизился ко мнѣ, чтобы съ меня начать истязаніе, и хотѣлъ уже взять меня. Вдругъ зазвонили на колокольнѣ во всѣ колокола и со всѣхъ сторонъ начали вскакивать на погостъ церковный крестьяне съ разными вооруженіями: съ вилами, косами, топорами и заступами. Ближайшіе къ намъ, толкая насъ въ шею, потащили въ церковь. На вопросъ, что это значитъ, отвѣчали мнѣ: «то твоя попадя та панъ наробили! Утекли до Сквиры и зачали до начальства писать. Теперь иде сюда сила войска, и якъ намъ біда буде, то тобі перше (прежде)». При этомъ многіе громко выражали сожалѣніе, зачѣмъ выпустили изъ села мою жену: «если-

бы она была здѣсь, говорили, то принявшись за нее и дѣтей, мы имѣли бы въ рукахъ наше добро, а теперь уже поздно». Насъ троихъ заперли въ западный церковный придѣлъ и къ каждому приставили по 4 сторожа, а Олѣйника особо ко мнѣ. Онъ поминутно угрожалъ мнѣ погибелью, считая меня всему своему неуспѣху причиною.

Звонъ продолжался на колокольнѣ. Одинъ изъ нашихъ сторожей вышелъ изъ придѣла и, возвратившись, говорилъ прочимъ, что солдатъ идетъ очень много,—растянулись почти на версту. Послѣ мы узнали, что солдатъ было всего двѣ роты. Это были саперы, которыхъ двинули сюда изъ полтавской губерніи, а предъ тѣмъ въ нашей мѣстности не было ни одного солдата. Объ этомъ всѣ крестьяне вѣдали, а потому и дѣйствовали безбоязненно. Когда прибыли сюда начальствующія лица для усмиренія волненія (вице-губернаторъ Веселкинъ, маіоръ Громека [1]), исправникъ и др.),—имъ не вѣрили, ихъ подымали на смѣхъ, называя переодѣтыми ляхами и жидами. Много мнѣ послѣ разсказывали забавнаго и печальнаго о томъ, какъ шли отъ властей увѣщанія взволновавшимся крестьянамъ. Прибыла къ толпѣ комиссія и во главѣ вице-губернаторъ. Говорилъ онъ сильно, внушительно; народъ притихъ, въ толпѣ шептали: «губернаторъ.... губернаторъ!...»—«Се Крохмаль, жидъ—лікарь зъ Білой Церкви, крикнулъ кто-то изъ толпы; его паны наняли и до насъ прислали. Не слухайте, що вінъ бреше!...» О другомъ говорилъ кто-то: «се Гершко зъ Потока [2]); вінъ валашкивъ скуповуе (барановъ скупаетъ). Торикъ (прошлый годъ) купивъ у мене въ ярмарку пять».... И толпа разражалась смѣхомъ, подымала шумъ и гикъ, а начальствующіе съ конфузомъ и скорбію уходили. Но скоро потомъ не до смѣха уже было.

Сидя въ заключеніи въ придѣлѣ, находясь поминутно между страхомъ смерти и надеждою жизни, мы съ плачемъ на колѣняхъ Богу молились. Почти до трехъ часовъ дня мы не имѣли свѣдѣній, что дѣлается внѣ церкви. Но именно въ это время, какъ послѣ мы узнали, происходили увѣщанія отъ начальства къ кресть-

---

[1]) Впослѣдствіи Сѣдлецкій губернаторъ.

[2]) Мѣстечко каневскаго уѣзда.

янамъ. Народу было до 5000. Говорили сперва ко всѣмъ собравшимся, потомъ чрезъ ихъ выборныхъ, чтобы покорились и успокоились. Всему спокойно внимали крестьяне, но лишь рѣчь заходила о панахъ, о панщинѣ,—слышать не хотѣли, а о насъ говорили, что никакихъ священниковъ у нихъ нѣтъ. Послѣ безуспѣшныхъ увѣщаній выдвинули солдатъ. Толпа крестьянъ быстро направилась къ нимъ, чтобы окружить ихъ и отнять у нихъ ружья. Тогда скомандовали стрѣлять; выстрѣлили залпомъ, но на воздухъ; пули далеко залетали, нѣкоторыя попали въ стѣны церкви и колокольни. Отъ выстрѣла произошелъ страшный громъ въ церкви; сторожа наши пришли въ неописанный страхъ, сдѣлались изъ красныхъ бѣлыми, тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Слыша громъ выстрѣловъ, одинъ изъ насъ сказалъ сторожамъ: «вотъ это по вашей козачинѣ!»—«Не радуйтесь, отцы! былъ отвѣтъ; достанется и вамъ»! И мгновенно блеснули у нашихъ стражей большіе ножи.... Толпа продолжала напирать на солдатъ и послѣ сдѣланнаго въ нее выстрѣла. Она была вооружена—пиками, косами, топорами, дубинами. Одинъ изъ крестьянъ—нечаянно или намѣренно—задѣлъ дубиной солдата по рукѣ. Передніе солдаты взяли въ штыки.... Лава налегала. Скомандовали стрѣлять: раздался залпъ, другой.... Послышался крикъ, гамъ невообразимый.... Скоро все обратилось въ бѣгство и мы чрезъ окно видѣли, какъ народъ во всѣ стороны разсыпался. Уже бѣгущихъ солдаты преслѣдовали пулями и штыками. Огромныя массы повалили къ церкви, желая въ ней найти спасеніе: ветхія ея стѣны трещали, но стража наша крѣпко подперла двери, никого не впустила и—тутъ явилась груда убитыхъ. Намъ стали слышаться многіе голоса: «гдѣ священники, гдѣ священники?» но никто не указалъ мѣста нашего заключенія. Мы просили сторожей отворить церковь, но они съ угрозами приказывали намъ молчать. Преслѣдовавшіе солдаты нѣсколько сотъ крестьянъ успѣли загнать въ ограду церковную, нѣсколько десятковъ стащили съ колокольни, поражая безпощадно ружейными прикладами. Между схваченными здѣсь былъ и староста церковный, и ключи церковные были у него въ карманѣ; но онъ не явилъ ни нашего заключенія, ни ключей, хотя начальство и спрашивало его. Тогда становой приставъ, доставши топоръ въ квартирѣ діакона, нѣсколькими ударами обуха въ дверь, отворилъ наше заключеніе. Тутъ

мы увидѣли своихъ освободителей и своихъ мучителей; послѣдніе, трепеща, съ поднятыми вверхъ руками, стояли на колѣняхъ. Къ ближайшему изъ нихъ обратился вице-губернаторъ: «будешь повиноваться помѣщикамъ»?—«Нѣтъ, не буду!» отвѣчалъ онъ. Другаго начальникъ отряда о томъ же спросилъ, но получилъ такой-же отвѣтъ. Тогда всѣхъ захваченныхъ повели на панскій дворъ и тамъ безъ пощады сѣкли розгами, начиная съ старосты церковнаго. Этотъ до самого моего выбытія изъ прихода собирался выместить на мнѣ, считая меня виновникомъ его наказанія.

Всѣ бывшіе тутъ разныхъ селъ крестьяне пришли сюда съ большими запасами пасхальныхъ яствъ, которыя сложены были въ церкви. У многихъ, говорятъ, были значительныя деньги. Что думалъ этотъ темный, жалости достойный народъ, трудно съ точностію узнать. Собираясь въ козаки, многіе продавали воловъ, коровъ и лошадей и всѣ деньги при себѣ имѣли, но все оставили въ добычу побѣдителямъ. Жены убитыхъ плакали надъ ними, свидѣтельствуя, что у нихъ были деньги, но находили карманы порожними.

О числѣ убитыхъ свидѣтельствуетъ метрическая книга Березнянской церкви [1]); раненыхъ безчисленное множество. Многіе померли, а которые изъ другихъ селъ приходили въ Березну за вольностію, о тѣхъ на мѣстѣ ничего не было извѣстно при моей бытности.

Изъ крестьянъ, стоявшихъ по другую сторону Роси и не принимавшихъ участія въ волненіи, нѣкоторые свидѣтельствовали, что уходившими изъ Березны вся рѣка, бывшая тогда въ разливѣ, была запружена, только были видны головы, какъ будто пни, послѣ срубленнаго мелкаго лѣса.

Единственная старуха, бывшая въ моемъ домѣ, и едва не пострадавшая отъ пули, вонзившейся около нея въ заборъ, разсказывала, что когда начиналась неумолкаемая пальба, бѣдный скотъ на моей загородѣ ревѣлъ, скакалъ и не находилъ для себя мѣста. Два человѣка чужіе,—не изъ моего прихода, шли чрезъ мое подворье къ рѣкѣ, неся на рукахъ вывалившіяся свои внутренности и, войдя въ воду, тамъ и умерли.

---

[1]) По офиціальному современному донесенію 20.—*Ред.*

Всего происходившаго, послѣ погрома волновавшихся, невозможно вмѣстить здѣсь.

Нижніе чины изъ нашихъ освободителей разгавливались и услаждали себя запасами мятежныхъ пришельцевъ, а начальствующіе были угощены обѣдомъ въ панскомъ домѣ, гдѣ и мы, пострадавшіе, не были забыты. И я пообѣдалъ, послѣ пятидневнаго поста.

Такъ какъ многіе изъ зачинщиковъ спаслись бѣгствомъ, то я, не считая себя въ домѣ безопаснымъ, просилъ губернатора отправить меня въ Кіевъ и съ командою военною поѣхалъ въ с. Яблоновку. Здѣсь собственно началось волненіе, отсюда оно и въ Березну перешло; но и здѣсь уже все кончилось,—всѣ жители на колѣняхъ изъявили свою покорность. Мы остались въ экономіи (помѣщич. домѣ) ночевать. Ночью я заболѣлъ отчаянно, исповѣдывалъ меня о. Руткевичъ и я уже отчаялся въ жизни. Въ два часа ночи,—въ Ѳоминъ понедѣльникъ, начальствующіе съ командою пошли усмирять село Трушки; тамъ также безпрекословно крестьяне покорились. Ко мнѣ привезли изъ Бѣлой Церкви врача, который принесъ мнѣ не малое облегченіе, такъ что я на слѣдующій день былъ отправленъ съ управляющимъ тамошнимъ имѣніемъ въ г. Сквиру. Тутъ надѣялся я застать свое семейство; но жена моя, услыхавъ о прекращеніи волненія, еще въ понедѣльникъ возвратилась домой. При въѣздѣ въ село, она встрѣтила множество подводъ, на которыхъ везли убитыхъ на кладбище. Всѣ, сопровождавшіе ихъ, какъ разсказывала мнѣ жена, неистово смотрѣли на возвращающееся мое семейство, а нѣкоторые разразились при этомъ рыданіемъ и ругательствами противъ меня, который, по ихъ мнѣнію, сдѣлалъ ихъ несчастными.

Волненіе народное и мои безпокойства и страданія этимъ не окончились; цѣлое лѣто до самой осени меня тревожили разные слухи, распускаемые со стороны моихъ же прихожанъ, особенно израненныхъ и изувѣченныхъ во время усмиренія. Ихъ нельзя было разубѣдить и успокоить; всѣ сдѣлались ко мнѣ недовѣрчивы, всѣ стали страшными недоброжелателями моими изъ добрѣйшихъ, честнѣйшихъ и истинно набожныхъ моихъ прихожанъ. Какъ велико ихъ было недовѣріе ко мнѣ, слѣдующій случай можетъ показать. Спустя недѣлю послѣ усмиренія, викарій кіевскій, преосвященный Аполлинарій, посѣщая епархію, собственно для успокоенія народнаго, былъ въ Березнѣ; но никто изъ жителей не явился добро-

вольно въ церковь. Самого преосвященнаго Аполлинарія не признавали епископомъ; иные утверждали, что подъ видомъ его пріѣзжалъ братъ мой, монахъ кіево-михайловскаго монастыря, а чтобы удостовѣриться въ этомъ, посылали нарочно въ Кіевъ узнать, находится ли на мѣстѣ преосвященный.

Возвратясь изъ Сквиры въ свой домъ, я вскорѣ снова заболѣлъ и, не могши самъ осмотрѣть церковь, послалъ пономаря, чтобы онъ очистилъ ее и привелъ въ порядокъ. Сдѣлавши, что слѣдовало, онъ пришелъ ко мнѣ и принесъ много бумагъ, отысканныхъ имъ за иконою. Разсмотрѣвши ихъ, я узналъ, что это были прошенія крестьянъ изъ 20-ти окружныхъ селеній на имя губернатора, въ коихъ они жаловались на разныя обиды и притѣсненія со стороны помѣщиковъ. Прошенія эти я, при своей бумагѣ, препроводилъ военному слѣдователю, маіору Громекѣ, квартировавшему въ домѣ помѣщика. Здѣсь же были собраны, незнаю для чего, и сосѣдніе помѣщики. Слѣдователь принялъ мою бумагу, и я не зналъ, какъ онъ поступитъ съ прошеніями; но чрезъ часъ прибѣгаетъ ко мнѣ озлобленный исправникъ и говоритъ: «что вы надѣлали мнѣ, батюшка! для чего вы мнѣ не дали тѣхъ бумагъ.»? Впрочемъ, скоро дѣло улажено было. Слѣдователь, узнавши содержаніе прошеній и обратившись къ помѣщикамъ, сказалъ: «теперь всѣ вы, господа, въ моихъ рукахъ; вотъ гдѣ причина бунта крестьянъ»! [1]) Но помѣщики, зная, что изъ этого выйдетъ и чѣмъ можно прекратить грозившую отвѣтственность, тотъ же часъ *погодились* съ слѣдователемъ, и прошенія остались безъ послѣдствій. [2]) Такъ мнѣ передавалъ добродушный и словоохотливый исправникъ. Съ этой поры мѣстные и окружные помѣщики сильно ко мнѣ не доброжелательствовали.

Въ виду озлобленія противъ меня моихъ прихожанъ, въ виду недоброжелательства помѣщиковъ и претерпѣнныхъ мною истязаній, митрополитъ Филаретъ и пр. Аполлинарій не разъ совѣтовали мнѣ

---

[1]) За нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, въ началѣ управленія краемъ генералъ-губернатора Васильчикова, введены были *дополненія* къ инвентарнымъ правиламъ, которыхъ не допустилъ Д. Г. Бибиковъ. Они совершенно парализовали самыя правила. Никогда утѣсненія крестьянъ помѣщиками не достигали такой сильной степени, какъ въ это время.—*Ред.*

[2]) Извѣстное безкорыстіе С. С. Громеки освобождаетъ, кажется, его память отъ такого подозрѣнія.—*Ред.*

оставить Березну, предлагая мнѣ разные очень выгодные приходы; но мнѣ не хотѣлось оставить мѣсто, гдѣ я 20 лѣтъ священствовалъ и обзавелся хорошимъ хозяйствомъ. Такъ оставался я въ Березнѣ почти до осени 1856 года, каждый день и особенно ночь трепеща за свою жизнь. Въ концѣ лѣта того года шли чрезъ Березну резервныя войска къ Севастополю. Остановившись на дневку, начальствующіе посѣтили меня. Чрезъ солдатъ и другихъ имъ стало извѣстно о моемъ не безопасномъ и во всякомъ случаѣ тревожномъ положеніи и они убѣдили меня уходить изъ Березны. По ихъ словамъ, крестьяне продолжали считать меня причиною своей зависимости отъ помѣщиковъ, говорили и вѣрили, что я помѣшалъ имъ быть вольными, что по моей винѣ десятки женъ остались вдовами, а сотни дѣтей—сиротами.

Тяжело было мнѣ слышать незаслуженныя мною нареканія, еще тяжелѣе видѣть несчастныхъ, которые меня считаютъ причиною своего несчастія, и я рѣшился просить перевода въ село Пустоваровку; но пр. митрополиту Филарету благоугодно было самому перевести меня на мѣсто уѣзднаго протоіерея въ г. Звенигородку. Трудно было мнѣ привыкать къ городу послѣ столькихъ лѣтъ удобной сельской жизни; къ томуже, по причинѣ стеченія здѣсь разныхъ войскъ, и квартиру трудно было отыскать. Я просилъ епархіальное начальство возвратить меня въ Березну, но просьба моя уже не была уважена. Такъ я и остался въ Звенигородкѣ. Прежніе мои прихожане Березнянскіе, убѣдившись въ моемъ къ нимъ доброжелательствѣ и что безъ вины мучили меня, неоднократно обращались ко мнѣ съ просьбою, чтобы я возвратился и паки въ Березну, обѣщая мнѣ великія блага, просили, покрайней мѣрѣ, дозволить сыну моему, который тогда кончилъ курсъ, идти къ нимъ священствовать; но, послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ мною бѣдствій, волю начальства моего я считалъ опредѣленіемъ Божіимъ и не тронулся съ мѣста, на которое подвинула меня судьба.

Протоіерей Василій Сикорскій.

Г. Звенигородка. 1882 г. Февраля 21 дня.

ФИЛИППЪ ОРЛИКЪ

и запорожцы [1].

I.

Нѣтъ сомнѣнія, что большей части просвѣщенныхъ русскихъ людей извѣстна хотя вкратцѣ исторія южной половины нашего великаго отечества, особенно Малороссіи и ея козачества. Послѣ драгоцѣнныхъ сочиненій Бантыша Каменскаго и Маркевича, нѣкоторымъ источникомъ для изученія исторіи этого края и русскихъ колоній въ степяхъ (Новороссіи и Черноморіи) была книга наша, подъ заглавіемъ: *Исторія Новой Сѣчи* или *послѣдняго Коша Запорожскаго*, изданная въ Одессѣ въ 1841 г. въ одномъ, а въ 1846 году въ трехъ томахъ. Въ послѣдствіи времени собраны были нами еще новые документы, для исторіи Украины весьма драгоцѣнные, особенно тѣ, которые добыты нами въ частныхъ архивахъ юго-западной Россіи. Такъ какъ подобные историческіе матеріалы мало кому извѣстны и, вѣроятно, не будутъ нами напечатаны; то мы рѣшились подѣлиться ими съ читателями столь полезнаго, хотя я еще новаго изданія, какъ «Кіевская Старина», въ надеждѣ, что онѣ пригодятся для многихъ изыскателей исторіи южной Россіи, которые, подобно намъ, встрѣчали не разъ большія затрудненія отъ скудости письменныхъ достовѣрныхъ памятниковъ.

Изъ числа такихъ документовъ предлагаемъ пока три письма 1730-хъ годовъ, по нашему мнѣнію вполнѣ достойныя вниманія и ученыхъ людей и простыхъ любителей отечественнаго лѣтописанія. Это, во 1-хъ, письмо Филиппа Орлика къ казакамъ запорожскимъ; и во 2-хъ, отвѣты ему и хану крымскому отъ запорожцевъ. Къ этимъ

[1] Изъ документовъ архива „Послѣдняго Коша Запорожскаго“, собранныхъ въ 1829—1845 годахъ.

письмамъ, подъ одною нумераціею, присоединяемъ и тѣсно связанныя съ ними три письма кіевскаго генералъ-губернатора, графа Вейсбаха, къ Запорожскому Кошевому.

Всѣмъ знакомымъ съ исторіею Малороссіи памятны имена Мазепы и его главныхъ учениковъ и сообщниковъ: Орлика, Дорошенка и Герцика. Мы напомнимъ здѣсь вкратцѣ тѣ только событія, которыя необходимы для уразумѣнія предлагаемыхъ документовъ. Въ упомянутой книгѣ нашей (части II стр. 53—59) читатели найдутъ сказаніе о бѣгствѣ запорожскихъ козаковъ, увлеченныхъ Мазепою въ армію Карла XII, сперва въ Бессарабію, въ лагерь его близь Бендеръ, а послѣ, при помощи хановъ крымскихъ, въ сѣверныя степи таврической губерніи. Тамъ основали они въ 1709 году Кошъ или Сѣчь въ Алешкахъ [1]), на берегу Днѣпра, гдѣ и пробыли до 1733 г., то есть до окончательнаго переселенія, съ дозволенія русскаго правительства, въ предѣлы нынѣшней екатеринославской губерніи. Здѣсь, подъ покровительствомъ кіевскаго генералъ-губернатора, графа Вейсбаха, основали они на рѣчкѣ *Подпольной*, впадающей въ Днѣпръ, «Новую» и послѣднюю «Сѣчь», гдѣ и оставались до упраздненія всего Войска Запорожскаго въ 1775 году.

Филиппъ Орликъ, скитавшійся сперва въ Швеціи, а послѣ во Франціи, нашелъ себѣ наконецъ убѣжище въ Турціи, гдѣ онъ и сложилъ свою преступную голову. Но равно изъ Швеціи, какъ и изъ разныхъ мѣстъ турецкаго и ханскаго владычества, онъ подсылалъ къ казакамъ запорожскимъ и письма и эмиссаровъ, бунтуя ихъ противъ Россіи и убѣждая оставаться въ предѣлахъ крымскаго ханства. Одно изъ такихъ его писемъ столь оригинально, что мы предлагаемъ его во всей цѣлости. Мы просимъ читателей нашихъ обратить вниманіе на языкъ и слогъ обоихъ казачьихъ документовъ. Письмо Орлика, воспитаннаго, подобно Мазепѣ, на польскихъ вельможескихъ дворахъ, имѣетъ претензію на дипломатическіе обороты и нѣкоторыя познанія въ политическихъ событіяхъ,—напротивъ отвѣты запорожцевъ весьма просты и убѣдительны.

---

[1]) Нынѣ уѣздный городъ Таврической губерніи.

I.

Письмо Орлика къ Запорожцамъ.

«Мои вельце ласкавіе пріятели и братя, пане Атамане Кошовій и все старшее и меншее Войска Запорожскаго Низоваго товариство.

«Будучи въ далекихъ и отъ вашмостей, добрыхъ молодцевъ, Войска Запорожскаго, одлеглихъ краяхъ до Салонику запровоженный, а повернувшися оттуль въ сихъ дняхъ до боку Найяснѣйшаго Хана, его милости, одобралемъ тутъ, не такъ для мене, бо я не ищу моего особливаго щастія и пожитку, яко найбарзей для самыхъ же вашмостей, добрыхъ молодцевъ, для отчизны и для всего народу тамошнего, единоземцевъ вашихъ, непотѣшную вѣдомость, же вашмость, добрые молодци, запомнявши присяги своей, которою предъ Богомъ на непорочномъ Его Евангеліи обовязалистеся и обѣщали всѣ едностайне и единодушно, не только житія, але и послѣдней крове капли не жаловати, для вызволенія (освобожденія) тоей жь отчизны своей отъ тяжкаго и тиранскаго подданства московскаго, жаднимъ (никакимъ) обѣтницамъ ихъ не вѣрити, на сторону ихъ не склонятися и поти зъ ними войны не кончити, поки отчизна наша, зо всѣмъ народомъ войсковымъ и посполитымъ, не будетъ до первобытныхъ своихъ правъ и вольностей привернена и отъ незноснаго ярма московскаго высвобождена. Теперь власне (особенно), когда до выполненя тоей присяги щастяный, издавна пожаданій (желанный) пришолъ часъ, когда зъ едной стороны найяснѣйшій Король, его милость, французскій, найсильнѣйшій и найпотужнѣйшій (najpotężniejszy, самый могущественный) въ цѣломъ христіанствѣ непобѣдимый Монарха, соединившися съ королевскимъ величествомъ Гишпанскимъ, дядькомъ своимъ, и зъ королевскимъ величествомъ Сардинскимъ, братомъ своимъ, противъ Цесаря, его милости, христіанскаго и противъ Москвы, праведную и слушную выказалъ имъ войну и знатное уже, помощію Божіею, не тилько надъ войсками цесарскими въ Италіи звѣтяжество (zwycięźtwo, побѣду) одержалъ, але и цѣлое тамъ королевство Ломбардѣйское и два великія княженія: Медіоланское и Мантуанское за мали жь барзо (очень) часъ,

бо тылько въ трехъ мѣсяцевъ, отъ цесарскаго величества одобралъ. А опричь тихъ силъ и войскъ союзнихъ французскихъ, гишпанскихъ и сардинскихъ, которыхъ 150.000 въ Италіи теперь знайдуется, особливо двѣстѣ еще тысячей самаго войска французскаго, одобравши двѣ княженія отъ князя Лотаринскаго, зятя цесарскаго, и добывши килька фортецъ Цесарскихъ надъ рѣкою Реномъ, переправилися уже черезъ тую рѣку и идутъ теперь до панства цесарскаго и у Вѣдны (до Вѣны), которымъ такъ великимъ силамъ въ Италіи французскимъ же Цесарское Величество малолюднымъ своимъ войскомъ не выдолаетъ постояти, звлаща (тѣмъ болѣе), когда и отъ турковъ треба стрегтися и въ поготовости быти, и же не тилько союзной себѣ Москвѣ жадной помощи давати, але и себе самого оборонити не можетъ. Не иначей о томъ цѣлый свѣтъ разумѣетъ и по человѣческу разсуждаетъ, знаючи добре, же Королевское Величество французское самъ еденъ, опрочь силъ союзныхъ гишпанскихъ и сардинскихъ, мѣетъ самимъ дѣломъ войскъ своихъ на морю и на земли 500,000; а до того цѣле уже Цесарское Величество, утративши надѣю, которую покладало па помощи Англіи и Голландіи, также на оборонѣ короля Дуньскаго (Датскаго) и Прусскаго, князя Баварскаго и иныхъ князей государства нѣмецкаго, не знаетъ и самъ, якъ мѣетъ съ собою поступити, и якъ тую войну провадити. Поневажь (ибо) всѣ тіи королевства и панства видячи, же Цесарское Величество и Москва неслушне и неналежне, а до того и богопротивно, на права и вольности Рѣчи-Посполитой Польской, до себѣ ни въ чемъ не належачой, гвалтовно наступуютъ, въ чужомъ панствѣ владѣти хотятъ и вольными голосами отъ всѣхъ едностайне найяснѣйшаго короля е. м. Станислава [1]), за Пана обранаго (избраннаго) законно, зъ королевства польскаго вызути (wyzuć, отрѣшить) усилуютъ,— не хотѣли и не хотятъ Цесарскому Величеству и Москвѣ въ войнѣ, зъ ихъ стороны неправедной, допомогати, же бы за тое Богу не одповѣдали и за пролитіе крови неповинной помсты (мщенія) отъ себя зъ неба не натягнули. И то есть зъ едной стороны, гдѣ можете вашмость, добрые молодци, видѣти и уважити, якъ великіе суть силы, которые намъ могутъ быти помощние, зъ другой засъ (же) стороны, когда найя-

[1]) *Станислава Лещинскаго*, соперника Августа II Саксонскаго, которому помогалъ Петръ В.

снѣйшій король, е. м., польскій Станиславъ, тесть королевскаго величества французскаго, вольними голосами отъ цѣлой Рѣчи-Посполитой на королевство польское обраній, затягнувши въ Пруссахъ не мало войска чужеземскаго, а до того мѣючи въ помощь себѣ присланнихъ кильконадцять тысячей шведовъ и французовъ, рушилъ (ruszył, выступилъ) уже съ Гданска въ злученье зъ войсками польскими и литовскими, противъ Москвы; когда всѣ воеводства земли и повѣты такъ въ Коронѣ Польской, яко и въ великомъ Княжествѣ Литовскомъ, сприсягшися единодушно боронити достоинства Е. К. В. Польскаго, за Пана и Монарху отъ себя обраннаго, также отчизны правъ и вольностей своихъ, едни уже посполитымъ рушенемъ [1]) на кони противъ Москвы всѣли, а другіе всядаютъ; когда войска польское и литовское всюде въ Польщи и Литвѣ Москву громятъ и зносятъ (znoszą, уничтожаютъ); когда Швеція, учинивши съ королевскимъ величествомъ французскимъ и польскимъ союзъ, на войну противу Москвы приуготовляется, когда Порта Оттоманская везличонныя свои войска въ поготовности до порушенія держитъ, когда Ханъ его милость такъ сильные и такъ великіе орды двигнулъ и ку границамъ польскимъ уже зъ оными рушился;— въ тотъ часъ, теды, такъ погодній, такъ счастливій, такъ помислыній и такъ до ратованія отчизны способній,—далисте вашмость, добріе молодци, Войско Запорожское, увести и звестись Московскими хитрыми и прелестными обѣтницами, которыхъ, яко рѣдко кому додержують, такъ и вашмостемъ, добримъ молодцамъ, Войску Запорожскому, тимъ барзей не додержать, нимъ барзей имъ и всему нашему народу отъ давнихъ часовъ головными (главными) суть неприятельми. Не удивлялъбымся, если бысте, вашмость, добріи молодци, Войско Запорожское, не досвядчивши (испытавши) на себѣ самихъ ошуканства Московскаго, удалистеся на ихъ сторону, але то мнѣ есть дивно, же вашмость, добрые молодци, милая братія моя, мѣючи свѣжіе и живіе еще, опричь давнихъ доводовъ, приклады (примѣры) ложнаго упевненія Московскаго такъ на себѣ, яко и на отчизнѣ своей, латво (легко), порывчо (опрометчиво) и непомысльно теперь оному увѣрилисте? Авжежъ (развѣжъ) выгасло тое вашмостемъ, добримъ молодцемъ, зъ памяти, якъ Москва при

---

[1]) *Посполите рушенье* (*pospolite ruszenie*)—всеобщее вооруженіе дворянства, по приговору сейма.

добываню Сѣчи (1709), звабивши (приманивъ) прелестнимъ ласки царской упевненемъ (увѣреніемъ) старшину войсковую и товариство до присяги, утинала (u c i n a ł a, рубила) имъ въ таборѣ своемъ головы?—Якъ передъ тимъ давнѣй, нимъ еще взято Казикерманъ [1]), хотячи для утисненя и выкорененія Войска Запорожскаго Низоваго, городки Самарскіе садити (заселить, o s a d z i ć) и Каменный-Затонъ уфундовати, подъ покрывкою змышленою зложенія тамъ провіантовъ и запасовъ военныхъ,—грамотами царскими тоежъ Войско Запорожское упевняно, же, по окончанію зъ турками и татарами войны, знесенни будутъ тыи городки на Самарѣ и Фортеца на Каменномъ Затонѣ, але, що обѣшано, неисполненно?—Якъ подъ часъ войны Шведской, затягнувши на службу свою не мало товариства низоваго и упевнивши ихъ платою, запроважено до Питербурга, а тамъ ихъ на каторги пороздаванно, гдѣ всѣ «погинули»? Не вонтплю (не сомнѣваюсь) о томъ, же Москва, видючи на себѣ отъ усюль войну тяжкую и не безпечную (опасную), схочетъ вашмостей, добрыхъ молодцивъ, Войско Запорожское, гладити, льстючи, золотыя имъ горы обѣцати, жалованьемъ грошевимъ потѣшати и всякими вольностями упевняти, лечь по конченю войны що съ вашмостями, добрыми молодцами, станется и до якого несчастія и згубы (гибели) своей, чего не жичу (не желаю), прийдется? Сами на себе дознаете и будете того жаловати (жалѣть), що теперь порывчо и неразмыслне, не зглядаючися на задніе колѣса, учинилисте, такъ власне (именно), якъ теперь цѣлій народъ Украинскій, братія ваша, сродники и единоземцы ваши, жалосьне и слезне на себе нарекаютъ, же, не послухавши зичливыхъ и правдивыхъ, славной памяти небожчика (покойнаго) гетмана Мазепы пересторогъ, увѣривши неприязненнымъ и ошуканскимъ московскимъ упевненямъ, которые въ грамотахъ царскою рукою властною подписанних и ствержденнихъ всюди въ Украинѣ по всѣхъ городахъ и по всѣхъ церквахъ публичнымъ читанемъ оголошали и Бога самаго на тое въ свидѣтельство представляючи, Войско Запорожское городовое и Низовое и цѣлый народъ упевняли, же права и вольности войсковіе ни вчемъ ни когда въ вѣчніе часы не будутъ зъ стороны ихъ Московской нарушенни и зламани, але вси люде войсковіи и посполитые

[1]) *Кази-Керменъ*, нынѣ *Бериславъ*, городокъ на Днѣпрѣ, въ херсонской губерніи. Каменнаго Затона остались одни слѣды.

литіи въ такихъ власне вольностяхъ будутъ жити, въ якихъ передъ тимъ зоставали за двій житія, славной памяти небожчика, гетмана Богдана Хмельницкаго. Если прето (przeto, слѣдственно) Москва додержала своихъ обѣтницъ, поприсяжныхъ, вѣдомо то есть барзо добре не только вашмостемъ, добрымъ молодцемъ, Войску Запорожскому, але и цѣлому свѣту. Поблажала вправде Москва зъ початку всему нашему народу Украинскому, осипала копѣйками старшину всю и значное товарищество войсковое и городовое, одѣвала ихъ соболями, роздавала имъ маетности, поки надъ шведами подъ Полтавою не одержала звитяжства (побѣды), по которомъ заразъ першъ войска свои въ Украину впровадила и всюды въ городахъ и селахъ на квартирахъ расположила, такъ далеце, же а ни енеральныхъ особъ [1]), а ни полковничіе, а ни поповскіе, а ни козацкіе домы не моглы быти отъ станцій (постоя) тихъ московскихъ вольніе. Потомъ зась, якъ скоро зъ шведами таяжъ Москва войну скончила и покой (миръ) съ ними потвердила, такъ заразъ обѣтницы свои поприсяжные и граматами царскими отверженніе отмѣнила, вольности всѣ поломала, судъ и права (законы) свои мучительскія въ Украину впровадила и установила, а наши войсковіе знесли, Урядъ (urząd, чинъ) Гетманскій отстановила и искоренила, Коллегіумъ якоесь свое зъ 12 пароду своего особъ, а барцей зъ 12 окрутнихъ (жестокихъ) мучителей зложенное, въ Глуховѣ утвердила, которые якъ людей нашихъ зъ худобъ здирали, едному зъ другимъ на единѣ розмовляти не позволялы, тиранско мучили, кнутовали, на срастку (встряску, пытку) тянули, ребра ломали, якъ свиней повязавши на жару пекли, смолою кипачею поливали, вѣшали, стинали (рубили головы), чвертовали и иные многія мучительства, въ свѣтѣ неслыханные, надъ народомъ нашимъ пополняла! И когда енеральніе особы, полковники и вся старшина, зо всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ городовымъ и зо всѣмъ народомъ, до Царскаго Величества покорне и слезне, чрезъ пословъ своихъ, захованье правъ и волностей своихъ и о додержаніи слова царскаго упевненя и обѣтницъ грамотами подтвержденныхъ супликовали (supplicare, просили) и упоминалися, теди, всѣхъ ихъ забравши и до Питербурга подъ вартою (карауломъ) запровадивши, единыхъ помученно, другихъ въ ссылку на выгнане позасиланно, а иныхъ

[1]) „Генеральная Старшина": Гетманъ, Эсаулъ, Судья, Писарь войсковые и др

въ тяжкомъ вязеню (więzienie, тюрьмѣ) осажено, въ якомъ мусилъ килка лѣтъ страждати и самъ кривоприсяжца и отступникъ нашъ, небожчикъ, миргородскій (полковникъ) Данило Апостолъ, любо добре барзо Москвѣ прислужился, зламавши присягу свою и отступивши отъ насъ на сторону противную, за котораго вашмость, добріе молодци, оставивши мене гетмана своего, вольными отъ себя голосами не такъ обраннаго, яко до принятія того уряду примушеннаго, казалисте въ церкви своей черезъ килка лѣтъ Бога молити за тую его ку себѣ присягу: же Москвѣ Калагана [1]) залецилъ (рекомендовалъ) на зруйноване Сѣчи Запорожеской. Наконецъ, хотячи Москва Войско Запорожское городовое не тилько обезсилити, але и вигубити, винайшла была на тое способъ—копанье (рытіе) якогось тамъ, въ далекой своей сторонѣ, каналу и фундоване въ Персіи фортецъ, на якіе мѣсца такъ одлегліе по кількадесятъ тысячей козаковъ указами своими спровадивши, еднихъ тяжкими и незвычайными работами помордовалы, другихъ голодомъ поморилы, а иныхъ борошномъ гнилымъ струхлымъ, зъ ящурками и зъ вапномъ (известью) помѣшаннымъ, потруили. Уважте теди вашмость, добрые молодци, Войско Запорожское, до якихъ идете, чили одошлисте приятелей! Пишу тое все, що и передъ симъ многократне и обширнѣ до вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войска Запорожскаго для предостороги имъ писалемъ [2]). А если неправду пишу, обличите мене о неправдѣ; лечь сподѣюся, не можеть мнѣ никто изъ самихъ неприятелей лжи въ томъ давати, поневажь все тое, щоколвѣкъ тутъ вашмостемъ, добримъ молодцемъ, прекладаю (совѣтую) и въ чемъ ихъ перестерегаю, цѣлому свѣту есть вѣдомо и многіе суть межь вашмостями, добрими молодцами, отъ мучительства московскаго избѣгшіи, которіе, сами того самовидцами будучи, могуть тое, що теперь пишу, посвѣдчити и правду мнѣ признати. Пытаю теди вашмостей, добрыхъ молодцевъ, Войска Запорожскаго: що такъ ведлугъ (по) присяги своей, на непорочномъ Евангеліи передъ симъ виконанной, отчизнѣ, отцемъ, братіи своей и сродникамъ и всему народу нашему украинскому учинилисте, удаючися подъ владзу и

[1]) Полковника Галагана, взявшаго и разорившаго „Старую Сѣчь" ихъ на Чертомлыкѣ въ 1709 году.

[2]) Изъ Стокгольма писанное его посланіе напечатано въ Исторіи *Маркевича* Т. IV. стр. 350 и изъ Рацлава стр. 356.

пановане московское? Если (или) поправились те права и вольности войсковіе, отъ Москви зламаніе и отнятіе? Если договорилисте и утвердили тое крѣпцѣ, жебы Москва гетманскаго уряду въ потомніе часы не зносила и городовъ въ власть свою не отбирала, и войсками своими не осажовала? Албо жебы Москва гетмана зъ своей стороны москаля или волошина якого и гвалтовне не накидала,—лечь вольное на урядъ той гетманской избраніе войску зоставала? Если войска московскіе зъ Украины будутъ зведенни и николи тамъ въ потомніе часы не будуть на станціяхъ разставляны? Если Москали, Волохи, Сербы и иніи чужеземцы, равно какъ и перехристы отъ урядовъ тихъ и иныхъ войсковихъ будуть отставленни, а на ихъ мѣйсце козаки, добре въ войску заслуженни, обрани и постановлени? Если козаки, опричь належитой себѣ службы войсковой, до жаднихъ тяжкихъ и незноснихъ работизнъ небудуть примушенны? Если зъ Полтавы, зъ Глухова и зъ иншихъ городовъ, опричь Кіева, Чернигова и Переяславля, Москва будеть спроважена? Если города и села, разнимъ особамъ народу Московскаго, волосскаго и сербскаго въ подданство розданніе, будутъ отъ нихъ отобраны и подъ гетманскую власть привернены? Если обвавалисте вашмость, добріе молодци, и тое, жебы Москва въ права наши не мѣшалася, а свои, которые установила въ Украинѣ, знесла, до судовъ своихъ людей нашихъ не потягала, справъ (дѣлъ) жадныхъ не судила, людей нашихъ не карала ни смертіею, ни на худобѣ, ни на здоровьи, подарками жадними, данинами, подводами далекими и иными незличоными тяжарами (ciężary, тягости), не утеменжала (uciemiężać отягощать)? Если на остатокъ Войско Запорожское городовое и низовое по прежнему при правахъ и вольностяхъ своихъ, ни въ чомъ никогда не нарушенныхъ, будетъ зоставати, и до реименту гетманскаго, а не до власти и повеленія воеводъ и енераловъ московскихъ належати?—Лечь знаю добре, же вашмость, добріе молодци, Войско Запорожское, все тее оставивши и жадной помощи и облегченія отъ тягостей и отъ тиранства московскаго, всему народу такъ войсковому, яко и посполитому не учинивши, и оставивши также всѣ свои угодія, пожитки и здобычи въ Днѣпрѣ, въ Богу (Бугѣ) и въ всѣхъ, по обоимъ сторонамъ Днѣпра, рѣчкахъ и поляхъ до Москвы належачихъ, удалистеся или удаетеся въ сторону московскую, себи и всему народу своему не-

приязненную и враждебную. Хочу прето (поэтому) вѣдати: гдѣ вашмость, добріи молодци, Войско Запорожское умислили и урадили Сѣчь себѣ заложити и уфундовати? Певне по тамтой сторонѣ Днѣпра? Турки и татаре вамъ того не допустятъ, поневажъ (ибо) тамъ тотъ край, гдѣ найбольшіе зашн знайдутся пожитки и угодія, яко то въ Самарѣ и на инших мѣйсцахъ, въ область Турецкую и Татарскую вѣчними часы отъ Москвы есть отдани мирными договорами подтвержденными и ажь по Орель [1]) рѣку отграничены; яко и самы, вашмость, добрые молодци, знаете, понеже отъ нихъ же самихъ войсковое товариство было до коммисаровъ турецкихъ на разграничене приданное. По сей же сторонѣ Днѣпра ани на едну пядь земли нигдѣ Москва, опрочь Кіева, Триполя и Василькова, не мѣеть, наветь (даже) и самая Сѣчь-Старая [2]) до оной не належить, и вѣчными часы неповинна належати, що есть моцно межь Портою оттоманскою и Москвою, перш́ь подъ Прутомъ, потомъ въ Стамбулѣ, а по трете въ Адріанополѣ тимижь мирными договорами утверждено и обварованно. А до того и вся сегобочная пустыня зъ полями, рѣками и рѣчками, една до Рѣчи-Посполитой Польской, Украинѣ сегобочной прилученна и въ областѣ Ляцкую не только тимижь самими Прутскими, але и давнѣйшими Карловицкими договорами подтвержденна и отграничена; а другая до турковъ и татаръ, по самый Очаковъ, належитъ. Разсудите прето, вашмость, добрые молодци, Войско Запорожское, и розумными своими головами уважте: гдѣ подъ московскою владзою осядете, гдѣ будете напотимъ на соли, на рыбѣ и на звѣрѣ здобыватися, гдѣ будете пасѣки свои мѣти и стада, которые подъ обороною Хана е. м. расплодилисте, ховати и пасти? Певне Москва не схощетъ для васъ ани зъ турками, ани зъ татарами за тіе земли, по обоимъ сторонамъ Днѣпра зостаючія, войны провадити, овшемъ (напротивъ) рада будетъ, (чтобъ) и имени тамъ никогда Войска Запорожскаго низоваго не было, яко тое былъ уже постановилъ небожчикъ государь царь Петръ Алексѣевичъ, тилько чекалъ (ждалъ) докончення войны зъ шведами. Не хочу быти пророкомъ на несчастье вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войска Запо-

---

[1]) Орель, рѣчка въ екатер. губ.

[2]) *Старая Сѣчь*, нынѣ с. Капуловка, ек. губ. и уѣзда.

рожскаго, котораго никогда, яко естемъ зичливый ихъ приятель, не жичу (не желаю), але якъ въ зеркалѣ ясно тое вижу, же Москва, привабивши (заманивши) вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войско Запорожское, до себе на войну противъ Турковъ, Татаръ, Ляховъ и Шведовъ, по сконченю оной будучи тожъ великими силами пригисненна, цале (вовсе) и не схощетъ и не возможетъ, для покою своего при мирныхъ договорахъ, избы за нихъ отворити и о тіе пустые мѣйсца, мнѣй себѣ потребніе, упоминатися, але мѣючи причину, же, не могучи вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войска Запорожскаго, ни гдѣ по обоимъ сторонамъ Днѣпра осадити, исполнитъ латво давное свое намѣреніе и неприязненные замыслы, и занебравши вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войско Запорожское, занесетъ ихъ за Волгу рѣку и искоренитъ тимъ самимъ въ вѣчные часы и гнѣздо войсковое и имя Войска Запорожскаго низоваго. До кого прето напотимъ, въ таковомъ своемъ несчастю, въ оборону удастеся (обратитесь)? Певне ани Турки, ани Татары, ани Ляхи, дале не схотятъ васъ приняти, охоронити и оборонити, видя вашъ теперишній, такъ безчестній и такъ срамотній нестатокъ (непостоянство), якимъ на сей часъ по себѣ цѣлому свѣту показалисте и славу свою войсковую, на которую предки ваши и вы сами кровію и отвагами своими, на морѣ и на земли, себѣ и наслѣдникомъ своимъ заробляли. Признаюся вашмостемъ, добрымъ молодцемъ, милой братіи моей, же мушу (muszę долженъ) теперь не тилько предъ Портою Оттоманскою, але и предъ такъ великимъ монархомъ, королевскимъ величествомъ французскимъ, королевскимъ величествомъ польскимъ и королевскимъ величествомъ шведскимъ стыдитися, для теперешняго вашего непостояннаго поступку, поневажъ такъ Порта Оттоманская, яко и всѣ тіе монархи, будучи отъ мене многими письмами (гдыжъ я въ Солонику чрезъ 12 лѣтъ руки зложивши даремне не сидѣлъ) упевненни и добре увѣдомленни о мужествѣ, отвагахъ и о статечномъ (постоянномъ) и непоколебимомъ вашмостей, добрихъ молодцовъ, Войска Запорожскаго, единостайномъ и поприсяжномъ, ку высвобоженню отчизны предсявзятіи (предпріятіи) и замыслахъ, обѣщали намъ, при помощи Божой и при помощи найяснѣйшаго Хана, цѣлымъ сердцемъ намъ жичливаго и ласкаваго, всякими способами и войною и мирными договорами намъ въ томъ допомогати. Памятайте теды вашмость, добріе молодци

Войско Запорожское, на Бога и на присягу свою Ему, на непорочномъ Евангеліи виконанную, которую весполь (вмѣстѣ) зо мною обязалистеся ратовати отчизну свою отъ тяжкаго и незноснаго подданства московскаго. Ужальтеся надъ отцами, братіею, сродниками и всѣми единоземцами вашими, мучительствомъ, здирствомъ и несноснымъ тиранскаго московскаго панованя ярмомъ обтеженными (отягощенными), а що найгоршое—не могучими быти вольними ани въ худобахъ, ани въ здоровю, ани въ житіи, ани въ жонахъ, ани въ дочкахъ своихъ отъ войскъ московскихъ, всюда по гродахъ и селахъ въ Украинѣ на станціяхъ расположенныхъ. Будутъ они на вашмостей, добрихъ молодцовъ, плакати и о помсту до Бога волати (призывать), ежели ихъ въ большую и тяжшую, отходомъ своимъ до Москви, впровадите неволю. На насъ они по Богѣ висвобожения своего имѣютъ сталую (постоянную) надѣю, яко мене о томъ часто черици зъ монастырей кіевскихъ и иныхъ украинскихъ, чрезъ Салоникъ купами до горы святой Аөонской переходячи, и розніи купцы упевняли и плачь людскій объявляли. Не оставте прето вашмость, добріи молодци, Войско Запорожское, милой своей отчизны безпомощной и безнадежной! Не вонтплю (nie wontpię, не сомнѣваюсь) о томъ, же Москва, ежели еще не подтягла, то запевне схощетъ вашмость, добрыхъ молодцевъ, подтягти до виконаня на вѣрность себѣ присяги, але о томъ вонтплю, аби таяжъ Москва схотѣла зъ стороны своей поприсягнути на додержаніе того всего, чимъ вашмостей, добрихъ молодцевъ, упевняетъ, чего она николи не учинитъ, а если учинитъ, то для большаго вашего ошуканния (обмана), жебы своею ложною присягою могла васъ прельстити и погубити; лечь знайте вашмость, добріе молодци, же тая присяга, если оную уже выконалисте (совершили), не есть важная и предъ Богомъ грѣшная, поневажъ першъ присягнувши единодушно на висвобожене отчизны, теперь двоедушно присягнулисте, чили мѣете присягати на погибель тоейжъ своей отчизны? И гдижъ Москва, мѣючи вашмостей, добрихъ молодцовъ, себѣ присяглихъ, якъ схочетъ, такъ зъ вами и зъ отчизною нашею поступитъ, а такъ присяга ваша таковая могла бы вамъ на души зашкодити, а отчизну въ погибель впровадити и ваши вольности погубити. За чимъ прошу вашмостей, добрыхъ молодцевъ, Войско Запорожское, и обовязую ихъ любовію ку отчизнѣ и тоюжъ самою присягою, которую

предъ Богомъ учинилисте и предъ Нимъ обѣщали боронити и увольняти туюжь свою отчизну до послѣдней крове капли,—аби, оставивши тое свое намѣреніе, якое предъ себе забралисте, чили забираете,—удатися на сторону себѣ и отчизнѣ своей враждебную, не опущали такъ погоднаго и счастливаго часу, который намъ теперь подается, при такъ великихъ и не звитянженнихъ силахъ до исполненя нашихъ поприсяжныхъ обовязковъ (obowiązków, обязанностей), и гдижь если непостоянствомъ нашимъ утратимо сей часъ до высвобожденія милой нашей отчизны, николи уже такого не знайдемъ и не дочекаемся въ потомніе часы. Упевняю наконецъ вашмостей, добрыхъ молодцевъ, Войско Запорожское, же я тутъ при Хану его милости зостаючи, всякое пильное, зичливое и неусыпное о васъ мѣю старане и выразумѣлемъ тое совершенно зъ его Ханской милости, же есть яко зъ натуры ласкавій панъ, до вашмостей, добрихъ молодцевъ, Войска Запорожскаго, цѣлимъ сердцемъ прихильнѣнъ и всего вамъ и отчизнѣ нашей добра желаючій; потреба тилько, абысте вашмость, добріе молодци, Войско Запорожское, одозвалистеся до его Ханской милости, чрезъ посланнихъ своихъ листовне и освядчилистеся предъ нимъ, же никогда не мыслитесте въ противную сторону московскую удаватися и отдалятися отъ оборони и отъ владзи его Ханской милости, а тутъ же и въ поготовности зоставати до походу военнаго, по первомъ его Ханской милости указу. Я зась христіанскимъ сумнѣнемъ (совѣстію) упевняю вашмостей, добрихъ молодцевъ, Войско Запорожское, же небудете того жаловати и не тилько плату, але и слушную (надлежащую) нагороду за праци (труды) и отваги свои отберете, и имѣти будете въ польской сторонѣ пожитечніе и выгодніе станціи. Пишу тое все до вашмостей, добрихъ молодцевъ, Войска Запорожскаго, ревностно, зъ щирой моей ку нимъ и ку отчизнѣ любви и приязни, яко той, который непрестане зостаю

«Вашмостемъ, добримъ молодцемъ, Войску Запорожскому, щиро зичливый, всего добра приятель и братъ, «Филипъ Орликъ, гетманъ Войска Запорожскаго».

Зъ Каушанъ. 23 Апрѣля, 1734 року [1]).

[1]) *Каушаны*,—мѣстечко бендер. уѣзда въ Бессарабіи, лѣтняя резиденція хановъ крымскихъ и постоянная ставка ногайскихъ сераскировъ буджацкой (южно-бессараб.) орды.

2.

Отвѣтъ Запорожцевъ Орлику.

«Ясне вельможній мосце Пане, Филиппъ Орликъ, Гетмане, пашъ вельце ласкавій мосце Пане и добродѣю.

«Получивши мы, Войско Запорожское Низовое, два листы сего мая 6, единъ отъ Г(х)анскаго величества, а другой отъ вельможности вашей, нарочне съ паномъ гетманомъ и стражникомъ дубоссарскимъ присланніе, и оніе вычитавши публичне въ общой Нашой войсковой радѣ, зъ онихъ, а найпаче зъ вашего гетманскаго листу всѣ довольніе пункта положенніе виразумѣлисьмо. Перве, что телерешняго часу Порты Оттоманской зъ града Солуни до боку Ганскаго величества и къ Каушанамъ прибулисте, а потомъ въ немъ объявляете: же много французскаго войска, гишпанскаго и сардинскаго, сколько сотъ тысячей, на Цесаря Христіанскаго и на войско Е. И. В. московское войну точить (вести) прибралися, албо то вже точивши битву надъ цесарскимъ войскомъ, гдѣсь въ Италіи, звитяжества одержали и королевство Ломбардѣйское и два княженія Медіоланское и Мантуанское отъ Цесарскаго Величества одобрали, албо рачей (или лучше сказать) шведское и литовское войско приуготовилось и мислитъ за Станислава Лещинскаго на тоежъ христіанское войско московское и царское помсту чинить, причитуючи и Гана Крымскаго зъ Ордами за тогожъ Лищинскаго въ помощь статы. Только вельможность ваша на насъ, Низовое Запорожское Войско, зѣло скорбите, же на сій часъ за нимъ Ганомъ крымскимъ тамо не пойшли и въ помощь зъ вами ему не стали, но удалисьмыся отъ него подъ протекцію прежняго Нашего православнаго Монарха, сіе есть Е. И. В. Въ якій будто теперешній барзо погодній часъ, за поводомъ реименту вашего, моглибъ себѣ отчизну малороссійскую совокупне, для пожитку и для вольностей, отстоять, припоминаючи намъ, Воиску, и тое, якіе вольности и права въ Е. И. В. вимовили, албо карностью (строгостью) московскою страшите, жебы по первомъ, якъ Сѣчь Старую взяли, албо якъ негдись зъ подъ городковъ Казикерменскихъ на службу у войско нашихъ козаковъ затягши потратили, и на каторги позадавали и теперь тако же показнили. Да къ томужъ и народъ малороссійскій вспоминаете, пжбы на насъ,

Войско, о помсту до Бога не волалъ, чи то не плакалъ, что за нашимъ войсковымъ же нерадѣніемъ отъ подданства московскаго при правахъ таковыхъ, якъ за Богдана Хмѣльницкаго было, не зосталъ.

За чимъ проты оныхъ пунктовъ до вашей вельможности отвѣтствіе сіе наше листовное воздаючи, тако ознаймуемъ. *Первое*, ижъ нужды ради таковой отъ Ганскаго величества мы мусѣли (были вынуждены) отдалитися, же превеликую кривду отъ татаръ за утѣкающіе ихъ крымскіе и ногайскіе невольники маемъ, албо рачей за кони, товаръ а овци, невѣстъ гдѣ погибающіе, по суду ихъ татарскому, на пастне платячи и снашби нашей дале не стало; *другое*, Ногайци, взявши отъ Лиману великаго горѣ (въ верхъ) по саміе пороги, увесь Днѣпръ и степь отняли, же мало есть зъ чего намъ войску контентоватися; *третое*, яко може сами вельможность ваша слышали, нашихъ козаковъ на полтори тысячи за Бегли-Герей-Гана (*Менгли-Гарей II, Ханъ, сынъ Селимъ Гирея-Хана 1724*) у Бѣлогородщины на каторги запродали, якимъ не по волѣ, но усиловнѣ теразнѣйшій (нынѣшній) Адиль-Герей, Кама-Султанъ, поднимаючи Бѣлогородскую орду на Кримъ, зъ Богу рѣки и до себе затягалъ; и весьма тогда помилованія отъ нихъ не имѣли, опрочей тихъ еще нашихъ казаковъ, что Паши Очаковскіе много попродали, а подъ Азовомъ, за звѣринною добычею коло Камніуса рѣки ходячихъ, на килко десятъ въ неволю забрали; далей мовивши, и ляхамъ Е. М. Ганъ въ драчу насъ допустилъ, а за нашихъ козаковъ, которыхъ въ Брацлави и по иныхъ городкахъ украинскихъ за торгомъ зъ рыбами ходящихъ, ляхи, невинне позабиравши, повѣшали и худобами ихъ завладѣли, а и зыску жадного намъ Войску не достоялъ; а на остатокъ, горше всѣхъ тихъ причинъ уважаючи себѣ тое, если бысмо пошли за нимъ Ганомъ и за вами Гетманомъ, въ помощь проты войска Е. И. В., то яко Орда не звикла городковъ добувать, токмо людей нашихъ христіанскихъ набрала бы, якъ минувшихъ годовъ подъ Бѣлою Церквою и подъ слободамы и вступивши въ Крымъ зъ собою въ неволю вѣчную запровожала, то певне (вѣрно) вжебы тогда сугубое неблагословенство отъ Бога за плачь христіанскій и за пролитіе крови невинной и проклятіе вѣчное одержали, и милости бы еже отъ Е. И. В. о принятіи никогда подъ Ея область весьма не надѣялися. Для чего можете разсудити и въ томъ не тако, яко у вашемъ письмѣ

положено, что будто мы, Войско, на прелестніе письма московскіе отъ Гана удалисмося, але саміе мы, по изволенію нашемъ войсковомъ, челобитніе наши писма до Е. И. В. уносили и просили: чтобы давнихъ нашихъ преступленій, якіе, будучи зъ препростаго нашего козацкаго ума и невѣжества, за поводомъ и указомъ покойнаго Мазепы, сотворили и о принятіе до первой ласки о милость просилисьмо. Аже, слава Богу найвысшему, и получили и во томъ не вонтпимо; воля Е. И. В. да будетъ насъ Войско казнить, или зволитъ животомъ даровать, то гдѣ же собыстся грѣхъ, тамо нехай буде и покута (покаяніе). Еднакже яко она милостивая есть Императрица, видячи наши войсковые вѣрніе услуги, якіе впредь обѣцалисьмося показовать Ей, надѣсмося, же не подастъ насъ, Войско, никому въ поруганіе и по заслугамъ нашимъ при ласцѣ своей императорской содержоватиметъ. Раяли бы (совѣтовали) мы, войско, и вельможности вашей впредѣ еще сего Гханскаго походу, аще бы гдѣ въ недалекомъ отъ насъ мѣстцу зоставали, зъ нами войскомъ посполу (вмѣстѣ) до Ея жъ Императорскаго Величества доношенія подносить и о милость такуюжь, якъ и мы, прохать; то и вашу особу, чаемъ, изволила бы принять и при давнихъ вашихъ угодіяхъ и маетностямъ тримати (содержать). А теперь ежели въ союзъ зъ Гханскимъ величествомъ соединилися,—на увагу (разсужденіе) тое, якъ поволите, чинити слагаемъ, ибо хотя Ганъ Крымскій и Украину,—чего не дай ему Боже!—отстоялъ бы, то не сподѣваемся, ижбы подъ вашъ рейментъ вручилъ, то такъ знайдетъ онъ вспять иному кому,—якъ прежде сего ляхамъ былъ на поруганіе нашей вѣры и обращеніе святыхъ церквей до уніи подалъ,—отлучити. Зачимъ уже сего ради жадной помощи къ вамъ нашего войска да не изволите большъ до насъ писати, занеже естесмо уже Ея Императорскаго Величества мы, Войско Запорожское, слуги, а не Гханскіе, Которой имѣемо до живота, отъ рода въ родъ, служить и за счастливое Ея владѣніе и всего посполитаго христіанскаго народу становитися. Тако отвѣтствуемъ и поклонъ нашъ войсковый вашей вельможности воздаючи, назавше зостаемъ

«Вельможности вашей всего добра желательствующіе и до услугъ готовые

«Ея Императорскаго Величества Войска Запорожскаго Низоваго Атаманъ Кошовій Иванъ Милашевичь, со всѣмъ товариствомъ.

3.

Отвѣтъ запорожцевъ на требованіе Капланъ-Гирея хана соединиться съ Орликомъ.

«Найяснѣйшій и сильнѣйшій мосце Пане, Капланъ-Гирей Ганъ, великихъ Ордъ Крымскихъ, Бѣлгородцкихъ, Буджацкихъ, Ногайскихъ, Черкасскихъ і протчихъ державцо, намъ вельце ласкавый мосце пане и особливый добродіе!... [1])

«Листъ вашъ Ганскій, парочно чрезъ посланнаго вашего, пана гетмана и стражника дубоссарскаго, до насъ, Войска Запорожскаго Низоваго, присланій, благопріятно мы войско до своихъ рукъ одобрали (odebrali, получили) и оній, по обычаю нашему войсковому, въ общой радѣ нашей всѣмъ вслухъ, также при немъ и другій пана *Филиппа Орлика* гетмана поданій вычитавши, увѣдомилисмося, что ваше Гханское величество изволите насъ войско вспять подъ свою протекцію принять, и даете на первое мѣстце внизъ Днѣпра и къ Олешкамъ и Кардашину и Сырти и Кошемъ осѣстись (osiešć się, основаться), обѣцаючися при первой ласцѣ (милости) и вольностяхъ Днѣпровыхъ насъ Войско содержати, а найпаче помянутаго пана гетмана Орлика, якій по указу Порты Оттоманской зъ Солуни града до боку вашего Гханскаго величества прибувъ, ведлѣ (по) его до насъ написаннаго листу слушати и за водза (вождя) его себѣ мѣти. Для чего якъ перве, при отходѣ нашемъ зъ подъ державы вашей Крымской, писалисмо подякованье наше належитое войсковое вельможности вашей воздаючи, такъ и теперь повторне отвѣтствуючи, найвышему Богу хвалу и честь возсылаемъ и вашей Гханской милости и всему Панству Крымскому, до земли ажъ покланяемся и дякуемъ (dziekujem, благодаримъ) за хлѣбъ и соль, что чрезъ которые лѣта подъ вашею протекціею мѣшкаючи (обитая), кормилисьмося, и желаемо уже не тайно, лечь (но) явно, подъ властью и обороною Ея Императорскаго Величества, первыхъ нашихъ православныхъ монарховъ наслѣдницы теперешней и Самодержицы Всероссійской, въ вѣчніе часы (времена) жить и Ей вѣрно служить. А умысльне ради того подъ протекцію Ея Императорскаго Величества удалисмося (за что тоже на насъ войско и

---

[1]) Весь титулъ писанъ по формуламъ польской дипломаціи.

гнѣвъ ваше Гханское Величество мѣете),—что барзо (очень) превеликую нужду отъ ногайскихъ ордъ мѣлысмо, которые взявши отъ низу Днѣпра, великаго Лимана ажъ по самые пороги, горѣ Днѣпръ, со всѣми тамошними по тый сторонѣ степовыми угодіями и пожитками, отняли; тымъ же то ногайцамъ и своимъ крымскимъ татарамъ, за утѣкающіе невольники, за овцы, кони и достатокъ (пожитки), гдѣ моглосябъ подѣти, допустили великую на насъ драчу. Сіе есть не дивнобъ намъ за виннаго, котораго мы войско не токмо доплатки не заступаемо, але и смертной казни предавать не жалѣли, але дивнѣйше, самую правду рекши, за тое, что хочь якъ за невинность нашу присягаемъ, предъ судами вашими мѣсурманскими, якіе звыкли були чрезъ султановъ и нѣкоторыхъ мурзъ часто присягаючи постановлять, но ни въ чемъ вѣра не была намъ дана, и едно тими присягами души свои попроклинали; другое—и невиннее платючи за невольники, товаръ (скотъ) и кони своижъ субстанціи (имущество) позбавляли. Также ляхамъ до драчи допустили; а наши козаки, якихъ сами знаете, что зъ рыбами бывало ходятъ у Брацлавъ и по иныхъ городахъ, на килько сотъ повѣшали, всѣ марне попропадали, и зыску за нихъ намъ отъ стороны польской, жадной (никакой) не учинили. Къ томужъ уважаючи и на тое, яко то прошлыхъ лѣтъ Адиль-Герей его милость, а нынѣшній Калги-Султанъ [1]), всю орду Бѣлогородскую [2]), на Крымъ за панованя (царствованія) бывшаго его милости Бели (Менгли) Герей-Гана поднялъ былъ, и нашихъ козаковъ зъ Богу до себѣ затягъ, а гдѣ его милость Ганъ-Бели-Герей, зъ войскомъ своимъ крымскимъ, противу его въ повѣтъ бѣлогородскій выходилъ и тамо его салтанское войско распудилъ (rozpędził, разогналъ); то жаднаго своего и единаго турка, а ни простаго татарина смертно не скаралъ, а ни въ неволю не спродалъ, тилько нашихъ козаковъ повинноватили и на полторы тысячи душъ на каторги запродали, а потомъ, сами вѣсте (wiecie знаете), за тотъ поднёмъ его милости Калги-Салтана жадней нашей вины не было. Азовскіе также татаре, что на томъ боку степу, около Калмуса рѣки, козаковъ невинне ходящихъ за звѣремъ побрали сколько десять и колько разъ упоминалисмося и

[1]) Кама султанъ—наслѣдникъ ханскаго престола.

[2]) Орда „бѣлогородская", т. е. кочующая на степяхъ буджацкихъ, между Аккерманомъ (Бѣлъ-городомъ) и Бендерами.

прохали вашего величества, и милостью не визволили (не освободили). То и теперь аще бы мы войско за вашимъ Гханскимъ величествомъ на помощь Ляхамъ пойшли, жебъ на потомъ яки напастнѣ не вышли и такъ, якъ при Калжиномъ походѣ, побравши не попродавали, албо здѣсь ногайцы не забрали, або не вырубали, яко же слышите давно, что шесть козаковъ ходячихъ подъ Орельскіе городки порубали въ смерть. Ситцевой прето нужды, все наше Войско Запорожское Низовое изволило подъ своего православнаго монарха, Ея Императорскаго Величества державу склонитись и единой стороны берегтись, а въ не свѣдомыхъ нападеніяхъ сами себѣ загублять. Таковый отвѣтъ вашему Гханскому величеству смиренно мы Войско воздаючи и за ласку вашу повторы дякуючи, пребываемъ на всегда

«Вашему Гханскому величеству всего доброжелателіе и нижайшіе до услугъ

«*Иванъ Милашевичъ*, Атаманъ Кошовій Войска Запорожскаго Низоваго, зъ товариствомъ.

„зъ Коша, Мая 8, року 1734".

II.

Въ предъидущей перепискѣ козаковъ съ Орликомъ, мы уже намекнули объ участіи графа Вейсбаха въ возвращеніи запорожцевъ изъ Алешекъ, т. е. изъ подданства крымскихъ хановъ, на родину, въ предѣлы новороссійскаго края и основаніи «Новой Сѣчи» на рѣчкѣ *Подпольной*. [1]). Прилагаемые здѣсь его «ордера», т. е. приказы находятся въ тѣсной связи какъ съ перепискою Орлика, такъ и съ водвореніемъ запорожцевъ въ новомъ ихъ Кошѣ». Кіевскому генералъ губернатору, Богемскому графу Фонъ-Вейсбаху, какъ ближайшему пограничному начальнику, подчинена была та часть Новороссіи, которая номинально или по трактатамъ считалась русскою областью, хотя она дѣйствительно занимала лишь сѣверныя окраины нынѣшней херсонской и екатеринославской губерній. Ему слѣдственно, въ знакъ своей преданности императорскому престолу, запорожцы передавали какъ подлинныя письма

[1]) Близь Никополя екатеринославской губерніи и уѣзда, гдѣ нынѣ селеніе *Покровское*, принадлежащее е. и. в. великому князю Михаилу Николаевичу.

Орлика или хановъ крымскихъ «неразпечатанныя», [1]) такъ и свои отвѣты, и просили наставленія и покровительства отъ враждебныхъ сосѣдей: поляковъ и татаръ. Между 1734 и 1775 гг. одна орда, именно Едисанская, кочевала въ нынѣшнемъ одесскомъ уѣздѣ, херсонской губерніи, а двѣ другія: Едичкуляская и Джамбуйлукская, занимали всѣ почти степи на лѣвомъ берегу Днѣпра до самыхъ границъ полтавской и харьковской губерніи.

Мы вполнѣ увѣрены, что письма графа Вейсбаха также достойны нашего вниманія, какъ подлинные историческіе памятники о періодѣ и краѣ найменѣе намъ извѣстныхъ.

№ 4.

«Благородный и почтенный Господинъ Кошевой Атаманъ.

«Вашего благородія письмо отъ 11 сего декабря, и при томъ копію съ письма, писаннаго къ вашему благородію отъ рейментаря Свидзинскаго [2]), мною 19 числа въ Кіевѣ, при письмѣ полковника и полтавскаго коменданта г. Чигерина, получено, и изъ онаго вашего письма усмотря, отвѣтствую: о полученіи вашимъ благородіемъ письма нашего и собственной при томъ копіи съ всемилостивѣйшей Е. И. В. грамоты и что изъ оной, увидя Е. И. В., нашей всемилостивѣйшей государыни, объявленную милость, какъ ваше благородіе, такъ и все войско запорожское утверждаете себя приносить къ Е. И. В. вѣрные службы и зычливости, извѣстился. И паки я обнадеживаю, что за оныя ваши вѣрности и найвяще имѣете отъ Е. И. В., нашей всемилостивѣйшій государыни, высочайшую милость и награжденіе получить. За увѣдомленіе же онымъ письмомъ о присланныхъ къ Хану крымскому изъ Польши отъ стороны Лещинскаго посланцевъ, и что другіе посланцы отправлены въ Стамбулъ для прошенія за заплату въ помощь Орды и о прочемъ, вашему благородію и всему Товариству благодарствую: и какія впредь имѣть будете отъ Крымской стороны и изъ Стамбула извѣстія, прошу о нихъ не умедля, по вѣрности своей къ Е. И. В., меня черезъ нарочныхъ же увѣдомлять, и тѣмъ нарочнымъ прика-

[1]) Какъ сказано въ одномъ письмѣ гр. Вейсбаха.

[2]) *Swidzinski Regimentar partij Ukrainskiey*, т. е. начальникъ земскихъ войскъ Западной Украины, пограничной съ Запорожьемъ.

зать въ Полтавѣ отповеди отъ меня ожидать. Что же ваше благородіе на присланное къ вамъ отъ рейментаря Свидзинскаго чрезъ означенныхъ посланцовъ письмо (которымъ просилъ отъ Вашего низоваго войска козаковъ въ помоць), въ отвѣтѣ къ нему Свидзинскому письменно объявили: яко «вашему благородію Крымскій Ханъ чрезъ вашего посланнаго, бывшаго кошевого атамана пана Милашевича, приказалъ въ жадные (никакіе) затаги безъ его ханскаго вѣдома никуда не ходить», и что посланъ вамъ войсковой до гардоваго [1]) вашего войсковаго полковника указъ; дабы онъ польскихъ воровскихъ затящиковъ, до рѣки Богу проходящихъ, престерегалъ и изловивши до васъ въ Кошъ присылалъ; также что панъ Милашевичь, по данному ему отъ Бога искусному смыслу, Везирю Крымскому на вопросъ его везирской (коимъ пробуя вѣрности вашей къ хану крымскому) отвѣтствовалъ: якобы оной «панъ Милашевичъ и ваше благородіе есть всему Панству Крымскому «вѣрны и нездрайцы (неизмѣнники)», которому отвѣту увѣрялся для присяги въ той вѣрности какъ ваше Благородіе, такъ и всѣхъ куренныхъ атамановъ къ той присягѣ и не призывали, и оное отвѣтствіе изрядно. А что онымъ письмомъ изволите отъ меня требовать наставленія: «егда бы ханъ крымскій имѣлъ орду въ помощь полякамъ посылать и вашему бы войску приказалъ съ собою идти, что тогда съ онымъ ханомъ чинить и какъ поступить?» и на оное вашему благородію объявляя мой совѣтъ: въ то время къ оному хану отвѣтствовать, что до походу готовиться будете, и надобно готовиться, точію то приготовленіе чинить не въ помощь ихъ, но для показанія вѣрной вашей къ Е. И. В. службы противъ ихъ, и получа о томъ готовленіи отъ хана указъ, изволите немедленно меня увѣдомить. А буде же бы изъ Крыма Орда въ Польшу пошла, и вашему войску приказалъ бы ханъ конечно идти въ Польшу, то изволите ему хану объявить такъ: что «Войску вашему низовому Запорожскому въ Польшу на помощь идти не можно, для того яко въ Польшѣ имѣется многое войско е. и. в., и ежели въ противность оному е. и. в. войску итти низовому Запорожскому Войску, то увѣдавъ о томъ, можетъ быть и стоящего въ Малороссіи и въ Польшѣ е. и. в-ва войска по способности послано быть

[1]) *Гардъ* (буквально рыбный заводъ), запорожскій форпостъ на Бугѣ, противъ с. *Константиновки*, елисаветгр. уѣзда, херс. губ.

въ Сѣчь и курени ваши разорить, понеже де тамъ многое войско стоитъ, и отъ того можете прійти въ разореніе и просить, дабы войска вашего туда не требовали». Буде же бы на томъ отвѣтѣ оный ханъ не удержался, и конечно велѣлъ въ Польшу или въ другое какое мѣсто итти, и для высылкибъ того войска имѣлъ къ вамъ прислать кого нарочнаго, и въ тотъ походъ принуждать,— то въ то время объявить: «что войско низовое запорожское не суть во владѣніи хана крымскаго, но состоитъ подъ высокою державою е. и. в. вашей всемилостивѣйшей государыни», и того присланнаго изъ Сѣчи выгнать, или искарать: а обрѣтающейся нынѣ вверху Днѣпра выше и ниже Старой Сѣчи Ногай съ разореніемъ въ то время разогнать, дабы ихъ отнюдь близъ Сѣчи не было, и тѣмъ имѣетъ явная ваша къ е. и. в. заслуга показана быть. Къ тому жь ознаймую: понеже вашему благородію и всему войску запорожскому довольно извѣстно, что въ Польшѣ войска е. и. в. не малое число уже отъ весны имѣетца, а нынѣ еще по всемилостивѣйшему е. и. в. указу отправлены отъ меня въ польскую область къ Браславлю и въ Волынію, для поиска вышеозначеннаго региметаря Свидзинскаго и для разоренія противничьихъ маетностей (имѣній) и деревень, кои держатъ сторону Станислава Лещинскаго и въ противности состоятъ е. и. в. и нововыбранному королю, Курфирсту Саксонскому, «господинъ генералъ-лейтенантъ и кавалеръ князь Шаховской зъ генералъ-маіоромъ Кейтомъ, и при нихъ регулярнаго войска знатный корпусъ и з довольною артиллеріею, которые уже въ польскую область вступили и слѣдуютъ просто до Браславля, а оттуда пойдутъ и въ прочіе мѣста. Къ которому корпусу имѣетъ прибыть и совокупитца и выше объявленнаго обрѣтающагося внутри Польши е. и. в. войска довольное число, которыхъ противниковъ чрезъ Божескую помощь можетъ оное много войско искоренить и маетности ихъ и деревни разорить. А хотябъ и Крымская Орда въ помощь тѣмъ противникамъ пришла, то высокимъ е. и. в. оружіемъ (надѣясь на помощь всемогущаго Бога) имѣетъ побѣждена быть. А для охраненія вашего низоваго запорожскаго войска отъ Крымской Орды, дабы оная не могла какой противности показать, нынѣ въ польской же области, въ мѣстечкахъ Медвѣдовкѣ и Боровицахъ, поставленъ отъ насъ команды нашей полковникъ съ тысячнымъ числомъ драгунъ: и ежели бы ханъ крым-

ской за подлинно имѣлъ для учиненія войску вашему низовому запорожскому какихъ обидъ отправить въ Сѣчь изъ Крыму нѣсколько Крымской Орды, то, получа о томъ отъ вашего благородія подлинную вѣдомость и требованіе, прикажу означенному стоящему въ Медвѣдовкѣ и въ Боровицахъ съ тысячнымъ числомъ драгунъ приступить къ Сѣчи, и отъ той Крымской Орды охранять, и куреней вашихъ до разоренія не допускать. Точію прошу меня не умедля чрезъ нарочнаго своего увѣдомить, сколько войска запорожскаго оружейнаго къ военному случаю можетъ собраться, изъ чего бы могъ я подлинно вѣдать, и во время случая въ надеждѣ быть; къ томужъ дать свой совѣтъ, егда ханъ крымской пошлетъ Орду въ помощь въ Польшу, въ то время низовому вашему запорожскому войску, къ показанному стоящему въ Медвѣдовкѣ и въ Боровицахъ полковнику съ тысячнымъ числомъ драгунъ, въ Польшу, противъ оной Орды во отмщеніе ихъ противностей итти, или въ крымскую область для разоренія тамошнихъ мѣстъ. Ибо такъ признаю, что за отправленіемъ въ Польшу Орды, такожъ и за невозвращеніемъ посланной съ двумя салтанами подъ Кабарду (о которой изволили въ письмѣ своемъ объявить, что оные Салтаны съ Ордою стоять и нынѣ по Кубани), въ Крыму мало войска останетца и при такомъ случаѣ легко можно имъ крымцамъ знатное разореніе показать. А ежели изволите ваше благородіе признать, что къ Войску вашему, къ такому военному случаю, означенной тысячной драгунской команды, стоящей въ Медведовкѣ и въ Боровицахъ, не такъ будетъ довольно, то по полученіи отъ васъ извѣстія, прикажу еще въ прибавку надлежащее число командировать. Но и о семъ прошу меня увѣдомить, гдѣ означенной тысячной драгунской командѣ, для охраненія Войска вашего, способнѣе стоять и, въ случаѣ, поскорѣе къ Сѣчи прибыть,—въ показанныхъ ли мѣстахъ: въ Ведмедовкѣ, или въ Браславлѣ, гдѣ имѣется и собственная рейментаръ Свидзинскаго резиденція? И буде способнѣе быть въ Браславлѣ, то помянутому полковнику съ тысячною командою велю туда перейти и до указу тамъ стать, или гдѣ въ Польской Области другіе способные къ Сѣчи мѣста можете знать, въ которыхъ бы могъ означенной полковникъ съ командою стоять, и о томъ прошу меня увѣдомить. При томъ же за извѣстіе вашему благородіюознаймую, что я сюда прибылъ для отправленія выше объявленнаго корпуса въ Польшу и може

что здѣсь нѣсколько и забавлюся, а потомъ паки имѣю отправитца въ Полтаву, и когда изволите отъ себя нарочныхъ къ намъ съ письмами посылать, то онымъ приказать ѣхать просто въ Полтаву, и ежели бы они прибыли туда въ небытность мою, тобъ посланные съ ними письма отдавали полтавскому коменданту, а онъ будетъ къ намъ отправлять чрезъ своихъ нарочныхъ. А ваши присланные имѣютъ ожидать тамъ (и ежели похотятъ) отъ меня на оные письма отвѣтствія. Также какъ и съ присланной при письмѣ вашемъ копіи съ письма, писаннаго къ вашему благородію отъ рейментаря Свидзинскаго, усмотрѣно мною, что изъ отправленныхъ въ Стамбулъ польскихъ посланцевъ одинъ, а именно Мировичъ, бывшаго полковника переяславскаго сынъ имѣетъ прибыть къ вамъ въ Сѣчь, и у вашего благородія приятно прошу приказать,—«въ вѣрность къ Е. И. В. вашей службы»,—какъ оной Мировичъ въ Сѣчь прибудетъ, а изъ Сѣчи въ Польшу отправитца, то послать за нимъ тайно пристойную команду и приказать, его поймавъ, прислать въ Переволочну и отдать его тамошнему коменданту, котораго по приняти оттуда имѣютъ прислать ко мнѣ въ Полтаву. И ежели оное учинено будетъ, то изволите въ вѣрной надеждѣ быть, что ваше благородіе получите отъ Е. И. В. особливое всемилостивѣйшее немалое награжденіе, въ чемъ я объ ономъ остаюсь на вѣрности вашей благонадеженъ. А въ прибытіе онаго Мировича въ Сѣчь, по требованію его, ничего въ пользу чинить не надлежитъ, но отпустить его подъ видомъ дружбы, а по отпускѣ изволите чинить по вышеписанному моему объявленію. А хотябъ онъ съ собою и деньги привезъ, которые бъ могъ лутчѣе къ тому въ подзывы войска прельстить, но оные деньги у него, показывая будтобы вправду намѣреніе ту посылку учинить, взявъ, и по вышеупомянутому догнавъ его въ пути разграбить и то разграбленное на себе раздѣлить, а его самого ко мнѣ прислать». Впрочемъ пребываю

«Вашему Благородію доброжелательнымъ слугою

Gr. Weisbach».

Декабря 21 дня,
1733-го года.
Кіевопечерская крѣпость.

№ 5.

«Благородный и высокопочтенный Кошевой Атаманъ!

«Вашего Благородія письмо, отправленное съ бывшимъ Кошевымъ Атаманомъ Иваномъ Бѣлицкимъ, который купно и съ шестью

Куренными Атаманами сего Іюня 19 дня сюда прибылъ, мною исправно и со вложенными письмами, писанными къ вашему благородію и ко всему Низовому Запорожскому Войску, одно возмутительное и прелестное отъ измѣнника и злоумышленника Орлика и другое отъ Хана Крымскаго, съ котораго и переводъ и двѣ копіи съ отвѣтственныхъ и помянутому измѣннику Орлику и къ Хану писемъ, да копію жъ челобитной, писанной отъ Низоваго Войска къ Е. И. В. получено, изъ котораго о полученіи в. бл. трехъ моихъ писемъ увѣстился. А за умной вашъ къ помянутымъ измѣннику и къ Хану на письма ихъ (какъ въ копіяхъ значитъ), по всеподданнѣйшей вашей и всего Низоваго Войска къ Е. И. В. вѣрности, отвѣтъ благодарствую. О которой вашей и всего Низоваго Войска вѣрности, при посланіи означенныхъ писемъ и копій,—къ Е. И. В. всеподаннѣйше доносилъ. И ежели впредь отъ реченнаго измѣнника или отъ Хана Крымскаго таковые же возмутительные, или бъ и о другомъ чѣмъ письма къ в. бл. имѣли присланы быть, то потомужъ безъ удержанія, по прежнему моему письменному объявленію, изволите ко мнѣ присылать съ нарочными. А присланныхъ людей, до полученія на тѣ отъ меня письма отвѣту, удерживать при Кошѣ. На протчее жь отвѣтствую: по прибытіи сюда вышеупомянутый господинъ Кошевой Атаманъ Бѣлицкій и съ Куренными Атаманами въ особливомъ текстѣ запечатанную войсковою печатью челобитную, подлежащую къ Е. И. В. нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, мнѣ подалъ; о которой челобитной ваше благородіе и все Низовое Войско изволили письмомъ своимъ просить, да и оной господинъ бывшой Кошевой Атаманъ Бѣлицкій и г.г. Куренные Атаманы просили, чтобъ оную съ ними я отправилъ къ Высочайшему Е. И. В. двору, въ С.-Петербурхъ. А какъ я изъ письма вашего благородія и съ пріобщенной при томъ съ оной челобитной копіи усмотрѣлъ, что оною челобитною все Войско Низовое Запорожское у Е. И. В. нашей Всемилостивѣйшей Государыни проситъ: когдабъ отъ Оттоманской Порты или отъ Хана Крымскаго будетъ за ту сторону (т. е. за то мѣсто), гдѣ нынѣ Войско Низовое Запорожское Кошемъ зостаетъ (находится), имѣло упоминатца, чтобъ съ того мѣста не повелѣно было сходить, понеже де то мѣсто отъ давнихъ лѣтъ Низовому Войску надлежащее и никѣмъ «не разграниченное». За которую Е. И. В.

августѣйшую милость, въ томъ мѣстѣ будучи, обѣщаетеся, хотя въ добрыхъ фортунахъ или въ какихъ и отъ противной стороны нападеніяхъ, не склоняясь ни на какіе прелестные письма, до живота своего, и по всѣмъ Е. И. В. указамъ служить, ведлугъ прежнихъ повѣденій отъ крымской и турецкой стороны, всему великороссійскому и малороссійскому народу стражниками быть. И хотя отъ меня бывшему кошевому атаману Бѣлицкому и гг. куреннымъ атаманамъ персонально объявлено было, яко въ скорости имѣютъ прежде посланные отъ меня къ Е. И. В. вашего Низоваго Войска: бывшій судья Решетила да атаманъ Прокофій Федоровъ, возвратно сюды прибыть, и могутъ они о всемъ вашемъ прошеніи отъ Е. И. В. всемилостивѣйшую резолюцію ко мнѣ привесть, тогобъ ради отправленіемъ они гг. атаманы, до прибытія онаго судьи изъ Санктпетербурха, пообождали. Точію какъ оный господинъ бывшій кошевой Бѣлицкій, такъ и куренные атаманы,—съ немалою докукою меня просили, дабы ихъ ко двору Е. И. В. отправить, по которой просьбѣ болѣе не могъ ихъ здѣсь удержать, но онаго г. Бѣлицкаго и съ нимъ трехъ куренныхъ атамановъ, съ означенною присланною ко мнѣ отъ Войска Низоваго челобитною къ Е. И. В. отправилъ, и прочихъ трехъ атамановъ отпустилъ возвратно къ в. б. въ Сѣчь. И какъ онымъ всѣмъ атаманамъ устно объявлялъ, тако и симъ в. б. и всему Низовому Войску объявляю, что на нынѣшнемъ новомъ мѣстѣ, гдѣ уже Кошемъ осслилися, безъ всякаго опасенія изволите житіе свое препровождать; а ежели отъ татаръ какое имѣлобъ быть на васъ нападеніе, то при такомъ случаѣ военною рукою себя охранять, а ко мнѣ дать знать, по которому извѣстію въ самой скорости велю учрежденнымъ полкамъ на сикурсъ приступить, и могутъ безъ продолженій прибыть, ибо не малое число войска Е. И. В. нарочно, по способности къ вашей Запорожской низовой Сѣчи, компанентами, по сей сторонѣ Днѣпра, поставлено; а дондеже отъ татаръ къ Войску Низовому никакова нападенія происходить не будетъ, то и съ вашей стороны надлежитъ спокоемъ жить и никакихъ имъ татарамъ обидъ не показывать. Чтожь в. б. на письмо мое въ отвѣтъ требуете отъ меня увѣдомленія, на которое время 1000 чел. комоннаго войска изготовить, понеже де подъ нынѣшній лѣтній часъ Войско разошлось для добычи рыбной внизъ Днѣпра, и въ полевые рѣчки, и на оное объявляю: на ко-

торое время оному тысячному числу отъ Низоваго Войска козакамъ ко мнѣ прибыть, нынѣ объявить не можно, но токмо прошу приказать тому тысячному числу быть къ военному случаю какъ въ ружьѣ, такъ въ коняхъ и въ протчемъ во всѣмъ въ готовности, и когда придетъ время, чтобъ въ опредѣленное мѣсто могли по полученномъ отъ меня къ вашему благородію письму прибыть ко мнѣ, а до того времени могутъ оные козаки въ своихъ дачахъ исправлятца. Впрочемъ пребываю

«Вашему благородію доброжелательнымъ слугою

I. E. V. Weisbach».

Іюня 22 дня
1734 г. Кіевъ.

№ 6.

«Благородный и высокопочтенный господинъ Кошевый Атаманъ! Сего іюня 13 дня отправленные отъ меня бывшій судья Решетила да атаманъ Федоровъ Войска Запорожскаго, при имянномъ Е. И. В. указѣ ко мнѣ, прибыли и при семъ отправлены. Чрезъ которыхъ можете, какая отъ Е. И. В. Высочайшая милость явилась, увѣститься, да и въ ономъ указѣ изображено: оные де Решетило и Федоровъ предъ Е. И. В. допущены были и о оставленіи всему Войску Низовому Запорожскому винъ и о содержаніи всемилостивѣйшей Е. И. В. протекціи изустно отъ Е. В. обнадежены, и тамъ обрѣтались они во всякомъ довольствіи да и отпущены съ довольнымъ награжденіемъ, а именно: выдано имъ на тамошнее содержаніе съ пріѣзду ихъ маія съ 15 числа обоимъ 110 рублевъ, да при отпускѣ отуда каждому 100 червонныхъ. Сверхъ того сдѣлано имъ платье новое, которое стало въ семьдесятъ семъ рублевъ и отъ меня на дорогу имъ въ то время дано 150 рублевъ. И ваше благородіе изволить быть о томъ извѣстны. Впрочемъ пребываю

Вашего благородія доброжелательнымъ слугою

I. E. V. Weisbach».

Іюля 15 дня
1734 г. Кіевъ.

А. Скальковскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Древнѣйшія русскія монеты Великаго Княжества Кіевскаго. Нумизматическій опытъ графа Ив. Ив. Толстаго (съ 19-ю таблицами рисунковъ). С.-Петербургъ. 1882.

Это изящное изданіе задумано графомъ Толстымъ, по случаю пріобрѣтенія имъ въ 1877 году нумизматической коллекціи русскихъ монетъ М. В. Юзефовича. Между монетами этой коллекціи особеннаго вниманія заслуживали 43 экземпляра изъ числа монетъ, найденныхъ въ 1852 году въ землѣ близь Нѣжина. Часть монетъ этого же клада была уже описана г. Волошинскимъ, именно монеты, находящіяся въ коллекціи университета св. Владиміра. „Сознавая всю важность,—говоритъ графъ Толстой,—которую имѣетъ для русской археологіи опубликованіе находящихся въ частныхъ рукахъ памятниковъ русской старины, мы намѣревались издать описаніе 43 монетъ нашей коллекціи, подобно г. Волошинскому, въ видѣ каталога. Но уже при первой разработкѣ имѣвшагося у насъ матеріала мы усомнились въ вѣрности единственной до сихъ поръ классификаціи монетъ нѣжинскаго клада, классификаціи г. Волошинскаго. Возникшее сомнѣніе заставило насъ обратиться къ довольно обширной литературѣ вопроса о разбираемыхъ монетахъ. Тутъ наши свѣдѣнія получили болѣе реальную почву, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы были поражены величайшей разнообразностью воззрѣній на наши монеты: одни утверждали, что это монеты первыхъ русскихъ князей; другіе отрицали ихъ русское происхожденіе, считая ихъ болгарскими или арабскими; одни считали ихъ ходячею монетой, другіе медалями; въ классификаціи,—опредѣленіи относительнаго старшинства отдѣльныхъ разрядовъ монетъ,—тоже несогласіе; насчетъ частностей высказывались также различныя мнѣнія,—каждый объяснялъ по своему какъ изображенія на монетахъ, такъ и подписи. Вслѣдствіе сего у насъ возникла мысль сопоставить всѣ разнообразныя мнѣнія и доискаться истины; но у насъ не доставало главнѣйшимъ образомъ одного,—вещественныхъ доказательствъ для тѣхъ убѣжденій, къ которымъ мы приходили. Намъ казалось слишкомъ смѣлымъ рѣшать вопросы по нашимъ 43 монетамъ, составлявшимъ всего часть одного только нѣжин-

скаго клада, и мы готовы были уже отказаться отъ своей мысли и возвратиться къ первоначальному нашему плану изданія простаго каталога, но рѣшились обратиться сперва къ содѣйствію лицъ, обладавшихъ подобными нашимъ монетами. Тутъ мы встрѣтили столько сочувствія и желанія помочь осуществленію нашего изданія, что получили возможность располагать такой массой матеріала, какой едва ли скоро удастся располагать кому либо. Такимъ образомъ мы разсмотрѣли и каталогизировали свыше 170 монетъ, большею частью нигдѣ еще не изданныхъ и составляющихъ наслѣдіе такой эпохи нашей исторіи, отъ которой до насъ сохранились лишь скудныя современныя свѣдѣнія и небольшое количество памятниковъ, вслѣдствіе чего разсматриваемыя монеты представляются вдвойнѣ интересными". Значительная масса монетнаго матеріала доставлена была графу Толстому изъ Кіева здѣшнимъ университетомъ, Церковно-Археологическимъ Обществомъ при кіевской духовной академіи, С. В. Бодилевскимъ и М. Д. Свиридовымъ,—не говоря уже о М. В. Юзефовичѣ, у котораго пріобрѣтена гр. Толстымъ первоначальная его коллекція русскихъ монетъ.

Самое видное мѣсто въ своемъ трудѣ авторъ даетъ описанію изслѣдованныхъ имъ монетъ, своду мнѣній различныхъ нумизматовъ о нихъ и таблицамъ рисунковъ монетъ, частію фотогіалотипированнымъ, частію гравированнымъ, и смотритъ на свой трудъ, какъ на сборникъ только матеріала и справочную книгу по всему, что касается изслѣдуемыхъ монетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приходитъ и къ положительнымъ выводамъ, частію представляющимъ завершеніе трудовъ прежнихъ нумизматовъ, частію совершенно оригинальнымъ и самостоятельнымъ. „При изслѣдованіи нашего матеріала, говоритъ авторъ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: 1) что описанныя монеты суть не сомнѣнно русскія; 2) что онѣ относятся ко времени княженія Владиміра Святаго, Святополка I и Ярослава I; 3) что онѣ имѣли значеніе денежныхъ знаковъ; 4) что замѣтно непосредственное вліяніе на нихъ византійскаго искусства, хотя, вѣроятно, онѣ—дѣло рукъ не византійскихъ, а мѣстныхъ художниковъ (исключеніе составляютъ, можетъ быть, монеты Ярослава, III типа)". На этихъ выводахъ мы и остановимся и укажемъ главныя основанія ихъ и нѣкоторыя интересныя детали.

„Фактъ чеканки собственныхъ денежныхъ знаковъ въ древней Руси домонгольскаго періода,—говоритъ графъ Толстой,—какъ извѣстно, оспаривается нѣкоторыми даже до сихъ поръ. Рѣшеніе вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ не можетъ быть безразлично не только для археолога, но даже и для историка: не говоря уже о томъ, что существованіе или отсутствіе у народа въ данную эпоху собственныхъ денежныхъ знаковъ

указываетъ на высшую или низшую степень культуры его въ эту эпоху, по монетамъ можно судить о вліяніи сосѣдей на искусство, объ исторіи искусства (по отдѣлкѣ штемпелей), о монетной системѣ, о распространенности и значительности торговли (по мѣстамъ и количеству находокъ) и т. д."—Фактъ чеканки собственныхъ денежныхъ знаковъ въ домонгольской Руси прежде всего оспаривали тѣ нумизматы, которые приписывали изслѣдуемыя монеты или галичскимъ государямъ, или юго-славянскимъ. Къ числу первыхъ нумизматовъ принадлежитъ графъ С. Г. Строгановъ, занявшійся опредѣленіемъ времени чеканки исключительно ярославовыхъ монетъ путемъ сравненія съ византійскими; но его мнѣніе не имѣло ходу и значенія и оставлено графомъ Толстымъ въ сторонѣ. Первымъ представителемъ другаго мнѣнія о юго-славянскомъ происхожденіи разсматриваемыхъ монетъ былъ Рейхель, соблазнившійся тѣмъ, что одна изъ предполагаемыхъ прежде русскихъ медалей оказалась, по опредѣленію г. Априлова, монетою царя болгарскаго Святослава. Это открытіе г. Априлова принято было Рейхелемъ за счастливый случай, который разрѣшалъ вопросъ о національности и остальныхъ монетъ—медалей, которыхъ онъ не признавалъ русскими. Между тѣмъ, сторонники южно-славянскаго происхожденія нашихъ монетъ едва ли даже знали хорошенько тѣхъ государей, которымъ они ихъ приписывали. Не говоря уже о томъ, что южно-славянскаго Ярослава совсѣмъ неизвѣстно, они не знали, кому изъ двухъ малоизвѣстныхъ и не игравшихъ важной роли въ исторіи государей приписать монеты съ именемъ Владиміра,—сербскому или болгарскому. Мнѣніе Рейхеля отразилось даже на новѣйшемъ трудѣ кроатскаго нумизмата Любича, который включилъ въ своемъ сочиненіи, появившемся въ 1875 г., золотую монету Св. Владиміра въ число юго-славянскихъ, приписавъ ее болгарскому царю Владиміру (885—893). Но наши монеты, кромѣ кириллицы, не имѣютъ ничего общаго съ юго-славянскими, какъ это наглядно можно видѣть въ трудѣ самого Любича. Русское происхожденіе нашихъ монетъ доказывается: 1) замѣчательнымъ совпаденіемъ дознаннаго времени чеканки ихъ и времени княженія на Руси тѣхъ государей, имена которыхъ находятся на монетахъ; 2) мѣстомъ находки монетъ въ предѣлахъ самой Россіи, или смежныхъ съ нею; 3) совершенно обособленнымъ характеромъ нашихъ монетъ и въ частности свойственными имъ однимъ надписями, которыя рѣзко отличаютъ ихъ отъ монетъ всѣхъ другихъ народовъ: „Владиміръ (Святополкъ) на столѣ, а се его сребро (серебро); Владиміръ, а се его серебро (злато); Ярославле съребро (сребро); 4) изображеніемъ на нашихъ монетахъ, съ лѣвой стороны князя, хоругви или знамени (въ смыслѣ отличительнаго знака герба) великихъ князей кіевскихъ. Доселѣ принимали эту хоругвь за

трезубецъ, трикирій или паникадило, птицу (голубя), якорь, франциску, верхушку скипетра, порталъ и за хоругвь (labarum). Авторъ остановился на названіи фигуры хоругвью или знаменемъ и воздержался отъ дальнѣйшаго объясненія ея, но привелъ два чужія мнѣнія объ этомъ предметѣ, именно: академика А. А. Куника и А. В. Толстаго. „Въ первоначальной своей формѣ,—говоритъ Куникъ,—фигура является на золотыхъ и на нѣкоторыхъ серебряныхъ монетахъ Владиміра. Золотыя монеты по величинѣ, по вѣсу и по типу указываютъ на нѣкоторыя византійскія, какъ на прототипы. По лѣвую сторону императоровъ X столѣтія мы часто видимъ изображеніе державы (которую они держатъ въ лѣвой рукѣ), какъ символъ унаслѣдованной отъ староримскихъ императоровъ власти надъ вселенной (orbis) или imperium—a mundi. Заимствовать этотъ символъ не имѣло бы смысла для кіевскаго великаго князя; да и Византія навѣрно протестовала бы противъ этого, такъ какъ она еще въ X столѣтіи отказывалась признавать за потомками Карла Великаго право пользованія титуломъ βασιλεύς. Естественно предположить, что Владиміръ или самостоятельно, или по совѣту братьевъ своей жены, помѣстилъ на мѣсто державы другой символъ, который, сообразно съ данными условіями, долженъ былъ выражать ту же политическую идею по отношенію къ государямъ Руси, какую имѣла держава по отношенію къ императорамъ Новаго Рима (Νέα Ῥώμη). Во всякомъ случаѣ, фигура имѣла ближайшее отношеніе къ великому князю, такъ какъ она первоначально является рядомъ съ его изображеніемъ. Этому не противорѣчитъ и то обстоятельство, что на послѣдующихъ типахъ серебряныхъ монетъ Владиміра фигура помѣщена вмѣсто лика Спасителя. Напротивъ, надпись: *а се его сребро* болѣе соотвѣтствовала знамени великаго князя, но не изображенію Спасителя или Св. Георгія". Еще въ XVI в. сохранялось на Руси преданіе объ этомъ знамени, какъ это видно изъ соборной грамоты 1560 г. о признаніи за Иваномъ Грознымъ права ношенія Царскаго титула. Въ грамотѣ сказано, что византійскіе императоры Василій и Константинъ, совмѣстно съ патріархомъ, „послаша тогда пресщенного митрополита Ефесскаго и Антіохійскаго изрядно начальнейшаго епарха и вѣнчаша благочестиваго великаго князя Владиміра на царство и дароваша его тогда царскимъ вѣнцемъ на главу его и діадимою, украшенною бисеромъ, и *инымъ царскимъ знаменемъ* (καὶ τἆλλα βασιλικὰ σημεῖα) и дары". Но, можетъ быть, это царское знамя было только утверждено византійскими императорами, какъ готовое, родовое знамя Владиміра, встрѣчающееся и на монетахъ двухъ его сыновей, Святополка и Ярослава, и возникло изъ „знаковъ собственности", бывшихъ въ употребленіи преимущественно у народовъ, не имѣвшихъ еще азбуки. Съ своей

стороны, для объясненія этого знамени, графъ И. Толстой указываетъ на монеты кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича, XIV в., на которыхъ, по его мнѣнію, находится видоизмѣненіе этого знамени, и сообщаетъ о намекѣ, данномъ ему А. В. Толстымъ по поводу загадочной фигуры знамени. Въ „Краткомъ историческомъ извѣстіи о Кіевѣ", напечатанномъ въ кіево-печерской лаврѣ въ 1795, на стр. 4 находится слѣдующая замѣтка: „Касательно города Подола (часть Кіева), гдѣ по большой части жительствуютъ мѣщане, была прежде печать съ изображеніемъ древней стрѣльбы оружія, на подобіе лука съ тетивой, называемаго *куша*. Но нынѣ оная не употребляется. А. В. Толстой думалъ, что можно было бы найти какое-либо соотношеніе между этой печатью и фигурой знамени на монетахъ. Но авторъ изслѣдованія не нашелъ нигдѣ описанія или изображенія таинственной *куши*. Во всякомъ случаѣ, фигура на монетахъ была знаменемъ великихъ князей кіевскихъ.

Существовали и существуютъ и другія мнѣнія о несуществованіи монетъ въ до-татарскій періодъ Руси, но онѣ разсматриваются авторомъ изслѣдованія при рѣшеніи другихъ поставленныхъ имъ вопросовъ, и именно вопроса о томъ, дѣйствительно ли это монеты, имѣвшія значеніе денежныхъ знаковъ, или же только медали.

Извѣстно, что при самомъ появленіи нашихъ монетъ не посмѣли признать ихъ ходячими, а предположили, что это—медали. Главнымъ аргументомъ противъ признанія этихъ монетъ денежными знаками служило молчаніе будто бы лѣтописей о существованія ихъ въ до-монгольской Руси. Но гр. Толстой, со словъ Волошинскаго, указываетъ на нѣкоторыя мѣста въ памятникахъ древней письменности, повидимому указывающія на существованіе монеты. Такъ, въ Ипатьевскомъ спискѣ Нестора, подъ 1115 годомъ говорится: „6623 г. индикта 8, совокупишася братья Русціи князи Володимеръ, зовемый Мономахъ, сынъ Всеволожь, и Давидъ Святославичъ и Олегъ братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба.... и взяша раку Борисову, и вставиша и на возила и поволокоша.. и не бѣ льзѣ везти отъ множества народа;... и повелѣ Володимеръ, рѣжючи паволоки, орницы, бѣль разметати народу, овоже *сребреникы* метати людемъ, сильно налегшимъ, а быша легко внесли въ церковь". Г. Волошинскій думаетъ, что *сребренники*, можетъ быть, были ходячей монетой, подобной нашимъ, на которыхъ читаемъ: а се его *сребро*. Подобнымъ образомъ, по мнѣнію г. Волошинскаго, и въ посланіи епископа Симона къ Поликарпу (въ Патерикѣ Печерскомъ) выраженіе: „аще бы и тысяща *сребра* истратити" указываетъ, вѣроятно, на *сребро* не какъ на металлъ (ибо въ такомъ случаѣ здѣсь не было бъ смысла), но какъ на ходячую монету, которая тоже могла заимствовать свое названіе отъ

надписи оборотной стороны нашихъ монетъ. Затѣмъ, въ пользу монетнаго значенія разсматриваемыхъ авторомъ чеканныхъ знаковъ говорятъ: 1) значительное количество найденныхъ монетъ; 2) стертость большинства экземпляровъ, указывающая на то, что монеты много ходили по рукамъ; 3) находка отдѣльныхъ монетъ въ такихъ мѣстахъ, куда едва-ли могли попасть приближенные къ князю, могшіе получать отъ него медали; 4) находка отдѣльныхъ экземпляровъ между иностранной *ходячей* же монетой; 5) самый наружный видъ и надписи, и 6) находка значительнаго числа монетъ въ одномъ кладѣ (нѣжинскомъ). Противъ существованія русскихъ монетъ въ до-монгольскій періодъ не говоритъ и то обстоятельство, что не сохранилось или не чеканилось монетъ въ промежутокъ времени послѣ Ярослава до Ивана II (1353—1359 г.); причиной того могла быть безпорядочная эпоха нашей исторіи, коснувшаяся всѣхъ сторонъ народной и политической жизни Руси, именно удѣльно—вѣчевая. Извѣстно, что этотъ періодъ начался вслѣдъ за смертью Ярослава и продолжался и подъ игомъ татаръ вплоть до торжества московскаго монархическаго принципа. Въ это смутное время часто смѣщаемые князья, можетъ быть, и не заботились о чеканкѣ собственной монеты.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что число нумизматовъ, признающихъ существованіе русскихъ денежныхъ знаковъ въ до-монгольскій періодъ Руси, является преобладающимъ, и графъ Толстой опровергалъ противоположныя устарѣлыя мнѣнія, повидимому, только для полноты труда. Важнѣе и труднѣе былъ другой вопросъ о классификаціи древнѣйшихъ русскихъ монетъ и пріуроченіи ихъ къ извѣстнымъ русскимъ князьямъ, такъ какъ относительно этого не было доселѣ твердыхъ основаній. Такъ напр., Волошинскій, основываясь на различной отдѣлкѣ монетъ съ однимъ и тѣмъ-же именемъ, приписывалъ эти монеты разнымъ князьямъ, носившимъ одно имя. Содержащіяся въ надписяхъ нашихъ монетъ имена (Владиміръ, Ярославъ, Святополкъ, Георгій),—говоритъ онъ,—въ связи съ различіемъ фабрикъ самихъ монетъ и способовъ отдѣлки, составляя пять отдѣльныхъ классовъ, относятся къ пяти великимъ князьямъ нашимъ: Владиміру Святому, Ярославу Владиміровичу, Святополку Изяславичу, Владиміру Всеволодовичу Мономаху и Георгію (можетъ быть Юрію Владиміровичу Долгорукому), или, что тоже, къ промежутку времени отъ 988 по 1157 годъ". Графъ Толстой, не останавливаясь на опроверженіи классификаціи г. Волошинскаго, предлагаетъ свою классификацію, основанную на неопровержимыхъ фактахъ. Онъ нашелъ между разобранными имъ монетами нѣсколько перечеканенныхъ монетъ, на которыхъ одинъ чеканъ новѣйшій нанесенъ на другой старѣйшій, и которыя, поэтому, несомнѣнно рѣшаютъ сравнительное старшинство этихъ чека-

нокъ. Эти перечеканки показываютъ, что всѣ четыре разновидности монетъ съ именемъ Владиміра старше монетъ Святополка. При помощи другихъ археологическихъ доказательствъ, которыми авторъ подтверждалъ русское происхожденіе разсмотрѣнныхъ имъ монетъ, онъ пришелъ къ заключенію, что Святополковы монеты старше монетъ Ярослава—Георгія. Общій выводъ относительно сравнительной древности монетъ слѣдующій: золотыя и серебряныя четырехъ типовъ монеты св. Владиміра чеканены между 988—1015 гг., серебряныя Святославовы въ 1016 г., Ярославовы 1-го и 2-го типовъ въ 1016—1017 г. и третьяго типа послѣ 1018 года.

Доказавъ, что разсматриваемыя монеты—русскія и принадлежатъ опредѣленной эпохѣ, графъ Толстой задался вопросомъ, какой или какіе народы имѣли непосредственное вліяніе на монетное дѣло въ Руси. Византійское вліяніе было несомнѣнно и указано уже Куникомъ. Но извѣстно, что до исхода XI столѣтія въ Россіи въ большомъ количествѣ обращались куфическія монеты; поэтому естественно изслѣдовать, не имѣли ли и онѣ вліянія на наши монеты. Первый обратилъ вниманіе на такое вліяніе Н. А. Бартоломей, который въ 1861 г., въ письмѣ къ Кунику, писалъ слѣдующее: „Въ Россію начали привозить куфическіе диргемы въ VIII столѣтіи; этотъ привозъ усиливался въ IX-мъ, еще болѣе усилился въ половинѣ X столѣтія, потомъ вдругъ уменьшился во второй половинѣ того же столѣтія и внезапно прекратился въ XI-мъ. Причиною тому было вторженіе въ Хорасанъ и въ Персію огромныхъ массъ кочующихъ племенъ тюркскихъ, прекратившихъ торговлю въ завоеванныхъ ими странахъ съ Сѣверной Европой и черезъ Россію. Съ прекращеніемъ торговли перестали ввозить и деньги. Слѣдов., при св. Владимірѣ большіе тонкіе саманидскіе диргемы, которые такъ часто находятся въ русскихъ кладахъ, были еще въ значительномъ обращеніи.. При Владимірѣ I-мъ, въ концѣ X и началѣ XI столѣтія, естественно предпочли, для собственнаго серебра, соображаться *въ отношеніи размѣровъ* съ ходячими тогда у насъ большими тонкими диргемами разныхъ династій мусульманскихъ, а наиболѣе Самангизовъ". Если бы это мнѣніе подтвердилось, то оказалось бы, что древнѣйшія русскія монеты чеканились подъ двумя вліяніями: размѣръ ихъ сообразовался съ размѣромъ куфическихъ диргемовъ, а изображенія на монетахъ дѣлались подъ вліяніемъ византійскихъ образцовъ. Но графъ Толстой отказался глубже изслѣдовать вопросъ о восточномъ вліяніи на древнѣйшія русскія монеты, по незнакомству съ восточной нумизматикой.

Къ труду приложены, кромѣ библіографическаго списка и указателей, двѣ особыя главы: 1) о поддѣльныхъ монетахъ и 2) о монетахъ съ

именемъ Болеслава, кириллицей, кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича и печати съ именемъ Ратибора. Первая изъ этихъ прибавочныхъ главъ касается вопроса о поддѣлкахъ въ русской нумизматикѣ, почти не затронутаго, хотя онъ и составляетъ больное мѣсто почти всякаго нумизмата. Въ этой главѣ рѣшаются слѣд. частнѣйшіе вопросы: 1) съ какихъ оригиналовъ скопированы наши поддѣлки; 2) когда, хотя приблизительно, изготовлены наши поддѣлки и 3) насколько близко онѣ скопированы со своихъ оригиналовъ, и если есть отличія отъ нихъ, то какія, т. е. иными словами: каковы характерныя черты нашихъ поддѣлокъ? Вторая изъ прибавочныхъ главъ о монетахъ Болеслава, Владиміра Ольгердовича и печати Ратибора вся почти состоитъ изъ описанія и нѣкоторыхъ замѣчаній авторовъ, описывавшихъ ихъ, безъ критики этихъ замѣчаній. О монетахъ Ольгердовича, а можетъ быть и о печати Ратибора графъ Толстой предоставляетъ себѣ право сказать нѣсколько словъ позже, въ другомъ своемъ нумизматическомъ трудѣ; но о монетахъ Болеслава не берется судить, не будучи достаточно знакомъ съ польской и чешской нумизматикой. Строчинскій полагалъ, что кирилловская монета Болеслава чеканена въ Кіевѣ, который въ 1018 году на короткое время былъ занятъ Болеславомъ I Храбрымъ; по догадкѣ же Лелевеля, она выбита была въ южной Польшѣ для обитателей русскаго племени. Но оба эти мнѣнія пока еще не доказаны.

Въ заключеніе, укажемъ еще на одну частность въ трудѣ графа Толстаго. На разсмотрѣнныхъ имъ монетахъ находятся единственныя дошедшія до насъ подлинныя изображенія нашихъ первыхъ христіанскихъ князей; какія бы онѣ ни были, а все же это портреты св. Владиміра и его сыновей—Святослава и Ярослава. На основаніи монетныхъ изображеній воспроизведенъ на заглавномъ листѣ изданія увеличенный портретъ великаго князя св. Владиміра. Несмотря на нѣкоторую поэтическую вольность художника, этотъ портретъ ближе долженъ подходить къ оригиналу, чѣмъ распространенныя иконописныя изображенія этого св. князя.

Н. П.

Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Сочиненіе Ореста Новицкаго. Изданіе второе, передѣланное и дополненное. Кіевъ. 1882.

Первое изданіе этой книги послѣдовало въ 1832 году и долгое время было капитальною книгою по данному предмету. Не менѣе капитальною книгою является и второе изданіе, такъ такъ оно передѣлано

и дополнено на основаніи всѣхъ важнѣйшихъ матеріаловъ и источниковъ, появившихся послѣ 1832 года. Главнымъ предметомъ изслѣдованія служитъ собственно духоборческая секта, хотя авторъ касается часто и другой секты, молоканской, которая часто смѣшиваема была съ духоборческою и имѣла нѣкоторое наружное сходство съ нею. И духоборцы и молокане равно отвергаютъ таинства церкви и всѣ ея постановленія, всю наружную сторону религіи. Но при всемъ томъ обѣ эти секты существенно различаются между собою. „Различій этихъ два,—говоритъ авторъ: во первыхъ, духоборцы невысоко цѣнятъ св. писаніе; они руководствуются въ своихъ воззрѣніяхъ тѣмъ, что возвѣстили имъ отцы ихъ, т. е. человѣческимъ преданіемъ, и притомъ не писаннымъ, а хранимымъ единственно въ памяти и сердцахъ; напротивъ того, молокане держатся исключительно св. писанія, какъ руководства въ ихъ религіозныхъ понятіяхъ, хотя изъясняютъ его односторонне и потому ошибочно; во вторыхъ, духоборцы признаютъ преимущественное пребываніе Божества лишь въ своемъ духоборческомъ родѣ и считаютъ себя внутреннимъ храмомъ этого Божества, а потому весь наружный культъ богопоклоненія считаютъ совершенно ненужнымъ для себя, или что тоже, отрицаютъ, всю внѣшнюю сторону религіи съ своей субъективной точки зрѣнія; напротивъ того, молокане признаютъ самостоятельное существованіе Бога, какъ духа, и отрицаютъ всѣ таинства церкви и всю ея внѣшность съ объективной точки зрѣнія, на основаніи лишь текста св. писанія: „Богъ есть духъ, и покланяющіеся ему должны покланяться въ духѣ и истинѣ (Іоан. 4, 24)“. Обѣ эти секты въ своемъ историческомъ развитіи имѣли соотношеніе съ Южной Россіей и, по всей вѣроятности, оставили въ ней замѣтные слѣды. По изслѣдованію г. Новицкаго, начало духоберческой сектѣ положилъ нѣкто иностранецъ, называвшій себя отставнымъ прусскимъ унтеръ-офицеромъ, который около 1740—1750 г. поселился въ харьковской губерніи, въ селеніи Охочемъ, и проповѣдывалъ здѣсь ученіе, совершенно согласное съ духомъ ученія квакерскаго. Послѣдователями и преемниками его ученія были Силуанъ Колесниковъ (1750—1775 г.) и сыновья его, Кирилъ и Петръ, жившіе въ селѣ Никольскомъ, екатеринославскаго округа. Ихъ ученіе систематизировано въ „Исповѣданіи ученія духоборцевъ екатеринославскихъ“, 1791 года, которое не безъ основанія приписывается извѣстному украинскому философу и народному учителю Сковородѣ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ „Исповѣданіи“ сглажены грубыя крайности секты и внесены чуждые ей элементы, и потому оно не можетъ считаться вѣрнымъ отображеніемъ духоборческаго ученія. Изъ Слободской Украйны духоборческое ученіе занесено было, въ XVIII же в., въ тамбовскую губернію, гдѣ главными коноводами духоборческой секты

были Побирохинъ и отставной капралъ гвардіи Капустинъ, привнесшіе въ духоборское ученіе элементы ученія хлыстовъ, а также анабаптистовъ или менонитовъ. Наконецъ, обѣ эти отрасли духоборческой секты, слободско-украинская и тамбовская, сошлись на Молочныхъ Водахъ, въ мелитопольскомъ уѣздѣ, таврической губерніи, куда духоборцы, по ихъ желанію, переселяемы были въ царствованіе Александра I, съ цѣлію защитить духоборцевъ отъ нелюбви народной, а народъ православный отъ соблазна. Здѣсь, подъ руководствомъ Капустина, въ сосѣдствѣ съ нѣмецкими колонистами — менонитами, духоборцы практически закрѣпили начала своего ученія въ духоборческой общинѣ. Но со смертію Капустина, послѣдовавшей въ 1824 г., начались у мелитопольскихъ духоборцевъ безпорядки и открылись тяжкія преступленія, вслѣдствіе чего въ 1843—5 годахъ они переселены были, по Высочайшему повелѣнію, съ Молочныхъ Водъ на Кавказъ, въ числѣ четырехъ слишкомъ тысячъ. Отъ этого переселенія освобождены лишь тѣ, кои пожелали возвратиться въ лоно православной церкви. „Значительное число духоборцевъ предпочло остаться на мѣстѣ и подчиниться предложенному условію обращенія въ православіе: 27-мь душъ въ самомъ началѣ предложенія вступили въ нѣдра православной церкви. А нѣкоторые возвратились съ мѣста ихъ высылки, гдѣ положеніе ихъ вообще оказалось затруднительнымъ, и подчинились тому же условію". О дальнѣйшей судьбѣ духоборчества на югѣ Россіи авторъ изслѣдованія не говоритъ ни слова. Но нельзя думать, чтобы съ выселеніемъ мелитопольскихъ духоборцевъ на Кавказъ духоборческое ученіе совершенно исчезло на югѣ Россіи; мы знаемъ, что далеко не всѣ духоборцы выселялись изъ Слободской Украйны на Молочныя Воды. Многіе оставались на мѣстахъ прежняго жительства, сохраняя втайнѣ свое ученіе. По всѣмъ признакамъ, оно и возникло въ болѣе позднее время подъ названіемъ *шалопутства*, которое, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается неизслѣдованнымъ.

Другая параллельная духоборчеству секта, молоканская, о которой г. Новицкій говоритъ въ своемъ изслѣдованіи только мимоходомъ, хотя возникла и не на югѣ Россіи, но съ теченіемъ времени перешла сюда и, по видимому, больше оставила слѣдовъ послѣ себя, чѣмъ духоборчество. Первыя сѣмена молоканства авторъ видитъ еще у Матвѣя Семенова Башкина, XVI в., котораго сами молокане считаютъ основателемъ ихъ секты. Ихъ „надписанія", т. е. перечень текстовъ ветхаго и новаго завѣта, имѣющихъ отношеніе къ ихъ ученію, унаслѣдованы ими отъ лекаря Дмитрія Тверитинова, который проповѣдывалъ около 1713 года кальвинское ученіе и осужденъ былъ на послѣднемъ россійскомъ соборѣ въ 1714 году. Въ 1765 году, въ донесеніи тамбовской консисторіи св. синоду, эта секта

получила даже опредѣленное названіе *Молоканіи.* Вскорѣ послѣ этого въ молоканствѣ является замѣчательный человѣкъ Уклеинъ, зять извѣстнаго уже намъ духоборца Побирохина. Около 1780 года онъ объединилъ тамбовскихъ молоканъ, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ, привнесъ въ молоканство нѣкоторые элементы духоборческіе и распространилъ свое ученіе въ нѣсколькихъ сосѣднихъ губерніяхъ. Между прочимъ, молоканство появилось, около 1788 года, и въ Слободской Украйнѣ. Здѣсь вѣроятно молокане познакомились съ сочиненіями Григорія Савича Сковороды и прониклись глубокимъ уваженіемъ къ нимъ. На сколько намъ извѣстно, говоритъ г. Новицкій, Григорій Савичъ Сковорода имѣлъ сильное вліяніе на молоканъ. И донынѣ они распѣваютъ въ домахъ въ праздничные дни нѣкоторые его стихи, и нѣкоторые псалмы изъ библіи поютъ его напѣвомъ. Изъ печатныхъ сочиненій его въ большомъ употребленіи у молоканъ: 1) Библіотека духовная, Спб. 1798 г.; 2., Начальная дверь къ христіанскому добронравію, 1766 г. (и въ Сіонскомъ Вѣстникѣ за 1808 г.), 3., Дружескій разговоръ о душевномъ мірѣ, Моск. 1837 г. Самый журналъ „Сіонскій Вѣстникъ" до того популяренъ у молоканъ, что, кромѣ публичныхъ библіотекъ, его по преимуществу можно встрѣтить только у нихъ. Рукописныя сочиненія Сковороды охотнѣе всѣхъ списывали и сознательнѣе всѣхъ читали молокане; онъ же былъ извѣстенъ у нихъ подъ именемъ *Апостола Христіанства.* Въ 1804—5 гг. молокане, смѣшиваемые правительствомъ съ духоборцами, присылаемы были на Молочныя Воды подъ именемъ духоборцевъ; но они не были приняты духоборцами въ свою общину, поселены отдѣльно, въ сосѣдствѣ съ татарами и менонитами, и вѣроятно во многомъ подчинились вліянію послѣднихъ. Вслѣдствіе такихъ наращеній на основу молоканства стороннихъ элементовъ, само оно съ теченіемъ времени распалось въ своемъ вѣроученіи на нѣсколько толковъ—тамбовскій, владимірскій, донской и проч.; и молокане закавказскіе, послѣдователи Уклеина, не хотятъ имѣть ничего общаго съ молоканами изъ Саратова и Молочныхъ Водъ. Тамошніе старики, покачивая головами, съ тяжелымъ вздохомъ говорятъ: „поползло вкривь и вкось все наше молоканство".

Оставило ли молоканство какіе-либо слѣды на югѣ Россіи, объ этомъ авторъ изслѣдованія не говоритъ ничего, да и не считалъ себя въ правѣ говорить, не отступая отъ главнаго предмета. Мы съ своей стороны проведемъ нѣсколько дальше нить его изслѣдованія и постараемся намѣтить въ общихъ чертахъ связь одного изъ толковъ молоканскихъ съ современной штундой. Мы выше видѣли, что между молоканскими толками извѣстенъ толкъ молоканъ изъ Саратова и Молочныхъ Водъ, съ которыми кавказскіе молокане не хотятъ имѣть ничего общаго. Этотъ-то

толкъ и имѣетъ наибольшее отношеніе къ современной штундѣ. Мы имѣ-
емъ подъ руками рукописное „вѣроисповѣданіе евангелическихъ христіанъ,
бывшихъ молоканами", иначе „молоканъ воскресниковъ" Саратовскихъ,
сообщенное намъ К. Д. Поповымъ. Оно заключаетъ въ себѣ главные
пункты ученія этихъ молоканъ, очень сходные и почти тождественные по
содержанію съ извѣстными „десятью правилами" штундистовъ. (См. Раз-
боръ десяти правилъ вѣроученія штундистовъ, свящ. Кл. Ѳоменко. Кіевъ.
1873). Вотъ нѣкоторые изъ этихъ молоканскихъ пунктовъ: 1) „Вѣруемъ,
по ученію Спасителя, въ трехъ-упостаснаго Бога (Матѳ 28, 19) и покла-
няемся истинному Богу, Отцу и Сыну и св. Духу; 4) Вѣруемъ, что Гос-
подь Іисусъ Христосъ своею кровію стяжалъ намъ вѣчное искупленіе (Римл.
3, 23—25), установилъ и освятилъ: а., крещеніе водою (Іоан. 3, 5; Дѣ-
ян. 8, 38—39) и духомъ содѣловаетъ новое рожденіе человѣка; б., при-
чащеніе плоти и крови; по обѣтованію Его (Іоан. 6, 54) уповаемъ имѣть
жизнь и воскресеніе; 7., Вѣруемъ, что Богъ установилъ въ Церкви долж-
ности; по новому завѣту, во всѣхъ церквахъ избирались и рукополага-
лись (Дѣян. 14, 23; Тимоѳ. 3, 1; 1 Тит. 1, 5) пресвитеры и діаконы
(Ефес. 4, 12), для совершенія святыхъ на дѣло служенія, для созиданія
тѣла Христова. 9., Церковь избираетъ служителей по качеству даровъ
должности, согласно слова Божія (1 къ Тимоѳ. 3, 2—10; къ Титу, 1,
6—10), и служба ихъ продолжается, пока въ нихъ будутъ дары должно-
сти; по нарушеніи же правилъ, увольняются братствомъ отъ службы; 10.,
На моленіе мы собираемся безъ различія полу и возраста каждое воскре-
сенье и годовые праздники Христовы; молимся два раза въ день и, по
слову Спасителя (Матѳ. 12, 50), всѣ мы братья и сестры; 11., Моленіе
наше изливаемъ къ всемогущему Богу (1 посл. къ Тимоѳ. 2, 1—3) за
себя, за Царя и Царицу, августѣйшихъ монарховъ нашихъ, и за вы-
сокодостойное семейство ихъ, и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое
и безмятежное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ; 12.,
По ученію Спасителя и св. апостоловъ, мы обязаны отдавать Царю цар-
ское, а Богу—божье, (Матѳ. 22, 21), и всякой власти повиноваться изъ усер-
дія (Римл. 13, 1—9), и никому ни въ чемъ должными не оставаться, кромѣ вза-
имной любви; 13., Къ богослужебнымъ дѣйствіямъ принадлежитъ: а., Кре-
щеніе; пресвитеръ вѣрующаго крещаетъ водою въ покаяніе, во имя Отца
и Сына и св. Духа (Матѳ. 28, 19); б., прежде вечери Господней, по по-
велѣнію Господнему, омываемъ ноги другъ другу (Іоан. 13, 5 и 14); в.,
причастіе на вечери; пресвитеръ молится и говоритъ: Господь І. Хри-
стосъ на послѣдней вечери (Лук. 22, 19; 1 Кор. 11, 23—24) взялъ хлѣбъ,
преломилъ и сказалъ: „сіе есть тѣло Мое, которое за васъ предается",
по примѣру Спасителя, разламываетъ хлѣбъ, самъ вкушаетъ и всѣ при-

сутствующіе. Также послѣ вечери и чашу съ краснымъ виномъ взялъ и подалъ ученикамъ и сказалъ: „сія чаша есть новый завѣтъ въ моей крови, которая за васъ проливается; сіе творите въ мое воспоминаніе“. И мы въ память Его страданія распиваемъ сію чашу и по обѣтованію Его уповаемъ имѣть жизнь и воскресеніе. г) Помазаніе елеемъ больнаго исполняемъ, согласно повелѣнію ев. апостола Іакова (Марк. 6, 13; Іаков. 1, 14). д) Погребеніе усопшихъ: не погребаемъ скороспѣшно и если кто умираетъ скоропостижно,—о томъ доносимъ мѣстному начальству; моленіемъ, пѣніемъ и наставленіемъ совершается погребеніе. в) Бракосочетаніе: вѣруемъ, что Богъ сочетаетъ супружниковъ (Марк. 10, 9); пресвитеръ допускаетъ до брака совершеннолѣтнихъ и безъ нарушенія степеней родства; тогда родители благословляютъ дѣтей, и пресвитеръ молится и проситъ отъ Бога на нихъ благословенія; пѣніемъ и наставленіемъ оканчивается бракъ, каковой почитаемъ нерасторгаемымъ. ж) Въ церкви имѣемъ общее влагалище (Марк. 12, 41 и сл.; Лук. 21, 1 и сл.; Іоан. 13, 29; Евр. 13, 16); каждый членъ церкви каждое воскресенье приходитъ въ собраніе и опускаетъ свою лепту, сколько его совѣсть велитъ ему подавать, въ пользу бѣдныхъ членовъ, вдовъ и сиротъ; влагалищемъ руководствуются дьяконы по совѣту братства (Дѣян. 6, 3 и 5). 14) О церковномъ сужденіи: Церковь руководствуется духовно-гражданскими правами, по ученію Спасителя и св. апостоловъ (Матѳ. 18, 15—18; 1 Коринѳ. 5,1—6): а) наставляя одинъ другаго любовію, б) кто впадаетъ въ соблазнъ, того тщательно увѣщеваемъ къ обращенію, в) но если кто либо воспротивится и не послушаетъ церкви, того исключаемъ изъ братства (Матѳ. 18, 17), г) если возникаетъ раздоръ или обида, то избранные церковію члены стараются помирить, чтобы дѣло не доходило до судовъ (Коринѳ. 6, 5) и д) церковь внушаетъ каждому члену преданность Государю и вѣрность въ службѣ. 15) Наконецъ объявляемъ, что вѣра, упованіе наше, заимствована единственно изъ священнаго слова Божія, и въ дѣлахъ вѣры не допускаемъ никакое лице или общество лицъ проповѣдывать другое вѣроупованіе, и, кромѣ ветхаго и новаго завѣтовъ, никакія книги не почитаемъ богодухновенными и никакія изображенія не имѣемъ и не желаемъ имѣть, взирая на Начальника и Совершителя вѣры І. Христа и его св. апостоловъ“.

Мы не будемъ здѣсь сличать эти пункты молоканскаго вѣроисповѣданія съ десятью правилами штундистовъ и замѣтимъ только, что послѣднія представляютъ только болѣе систематическую редакцію первыхъ, съ замѣтнымъ анабаптистическимъ или менонитскимъ оттѣнкомъ. Но въ заключеніе позволимъ себѣ привести извлеченіе изъ статьи Ф. Щербины о вѣрованіяхъ и обычаяхъ штундистовъ николаевскаго уѣзда, хер-

сонской губерніи, помѣщенной въ 15 № „Кіевскаго Телеграфа“ за 1876 годъ. Изъ этой статьи мы наглядно, такъ сказать, убѣждаемся, что жизнь херсонскихъ штундистовъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ появленія штунды, совершенно соотвѣтствовала изложеннымъ нами молоканскимъ пунктамъ вѣроученія и какъ будто устроялась по нимъ. По сообщенію г. Щербины, догматическая сторона штунды пока еще нисколько не опредѣлена. Понятіе о Богѣ, о троичности лицъ и проч., все это такіе вопросы, которыхъ штундисты пока еще совершенно не касались. Нѣсколько яснѣе и опредѣленнѣе взгляды штундистовъ на таинства, изъ которыхъ безусловно необходимымъ они признаютъ собственно только одно—бракъ, и то не въ церковномъ смыслѣ. Таинство крещенія остается еще пока спорнымъ пунктомъ. Всѣ остальныя таинства отвергаются, хотя и существуетъ у нѣкоторыхъ штундистовъ такъ называемое преломленіе хлѣбовъ, напоминающее собою таинство причащенія. Бракъ, по понятіямъ штундистовъ, не есть таинство, а просто самый обыкновенный житейскій актъ, совершаемый тѣмъ не менѣе съ нѣкоторою обрядностію и церемоніями. Въ прежнее время бракъ совершался такъ называемымъ „старшимъ братомъ“ (пресвитеромъ). Въ настоящее время онъ устанавливается нѣсколькими личностями. Дѣло обыкновенно бываетъ такъ: женихъ и невѣста, раньше сговорившіеся, заявляютъ нѣсколькимъ штундистамъ о своемъ желаніи вступить въ бракъ. Въ назначенный день всѣ они собираются вмѣстѣ, читаютъ при этомъ нѣкоторыя мѣста изъ евангелія, поютъ стихи, пѣсни и псалмы, говорятъ проповѣди и рѣчи и тутъ же объявляютъ состоявшимся бракъ. Этимъ дѣло и оканчивается. Почти такимъ же образомъ совершается и крещеніе. При совершеніи его точно также собирается нѣсколько штундистовъ, обыкновенно вечеромъ, на берегу рѣки. Здѣсь они также поютъ духовныя пѣсни и псалмы, импровизируютъ рѣчи и проч. Самъ крестящійся входитъ въ рѣку и окунается. Такое крещеніе называется вводнымъ крещеніемъ и прежде совершалось старшимъ братомъ, но въ послѣднее время нѣкоторыми штундистами былъ поднятъ вопросъ о томъ, что вводное крещеніе есть не что иное, какъ обрядъ, и что поэтому оно совершенно излишне для вступающихъ въ штунду, для которыхъ оно собственно и было установлено. Всѣми штундистами отвергаются также иконы и крестъ. Самая молитва признается необходимою, но какихъ нибудь постоянныхъ, разъ навсегда установленныхъ молитвъ нѣтъ. Какъ совершается погребеніе,—неизвѣстно; но когда въ одно время штундистамъ не было позволено хоронить мертвеца на общемъ кладбищѣ, они замѣтили: „намъ все равно, лишь бы гдѣ нибудь похоронить“. Наконецъ, празднованіе воскресенья, несмотря на то, что соблюдается почти всѣми, многими отвер-

гается, и по этому поводу въ настоящее время у сектантовъ бываютъ самые оживленные толки и разсужденія. Что касается духовной іерархіи, то она положительно не признается штундистами. Прежде имѣлъ еще нѣкоторое значеніе такъ называемый старшій братъ. Въ настоящее время вмѣсто старшаго брата необходимыми признаются одни общія собранія. Общія собранія бываютъ каждое воскресенье. На нихъ участвуютъ оба пола, мужескій и женскій. Собранія начинаются обыкновенно общимъ пѣніемъ духовныхъ пѣсней и псалмовъ; затѣмъ читается по обыкновенію евангеліе, желающій или желающая разъясняетъ и толкуетъ прочитанное; говорятъ цѣлыя проповѣди, рѣчи и импровизаціи,—и все собраніе принимаетъ, такъ сказать, полемическій характеръ. По отношенію къ дѣйствительности штундисты остаются самымъ мирнымъ и самымъ безобиднымъ народомъ. Это—ея послушныя, покорныя дѣти. Сила и насиліе не въ ихъ характерѣ, ложь и подкопы—точно также. Но мы погрѣшили бы противъ истины,—говоритъ г. Щербина,—если бы сказали, что идея о братствѣ не имѣла положительно никакого вліянія на складъ жизни самихъ штундистовъ. Вліяніе ея въ этомъ отношеніи довольно замѣтно, хотя далеко еще не полное. Для штундистовъ дѣйствительныя братскія отношенія составляютъ вопросъ первѣйшей важности. Всякіе раздоры и ссоры между собою, въ семьѣ ли, на собраніяхъ, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, штундисты всячески стараются уладить и пресѣчь. Миръ и согласіе—отличительныя черты ихъ жизни. Всѣ вообще штундисты—братья и сестры; потому, какъ бы въ подтвержденіе этой мысли, штундисты зовутъ другъ друга братьями и цѣлуются при встрѣчѣ; тоже дѣлаютъ и женщины. Таковъ въ общихъ чертахъ идеалъ взаимныхъ отношеній, который штундисты всячески стараются примѣнить къ своей жизни.

Если вѣрить г. Щербинѣ, штундисты съ теченіемъ времени отступаютъ мало по малу отъ первоначальныхъ правилъ своей секты,—и очень возможно, что съ теченіемъ времени они примутъ форму какой либо другой новой секты. Но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что первоначальное штундистское ученіе сходно и почти тождественно съ ученіемъ нѣкоторыхъ молоканскихъ толковъ и, безъ сомнѣнія, изъ него выродилось. Въ такомъ случаѣ штундизмъ нужно изучать не въ однихъ только современныхъ его проявленіяхъ, но и въ его исторіи, когда онъ въ зачаточномъ своемъ состояніи скрывался еще въ другихъ формахъ бытія, заключался въ другихъ сектахъ съ иными названіями. Понятно послѣ этого, что труды, подобные изслѣдованію г. Новицкаго, должны имѣть важное значеніе, при изученіи современнаго состоянія сектанства и въ южной Россіи и особенно раціоналистическихъ, отрицательныхъ сектъ.

Н. П.

Jozef Dunin-Karwicki.—Szkice obyczajowe i historyczne. Warszawa. 1882.

(Іосифъ Дунинъ-Карвицкій.—Очерки нравовъ и исторіи).

Книга г. Карвицкаго посвящена исключительне Волыни. Она заключаетъ въ себѣ десять отдѣльныхъ очерковъ, изъ которыхъ четыре посвящены разнымъ историческимъ воспоминаніямъ края, не представляющимъ впрочемъ особенно важнаго научнаго интереса. Въ статьѣ „Воспоминанія о Луцкѣ, Острогѣ и Олыкѣ" авторъ представилъ въ краткомъ очеркѣ сводъ извѣстныхъ историческихъ данныхъ о названныхъ городахъ; три другія статьи представляютъ извлеченія изъ современныхъ записокъ начала XVIII столѣтія о событіяхъ слишкомъ частнаго и мѣстнаго характера; это—описаніе торжества вѣнчанія короною чудотворной иконы Богоматери въ костелѣ мѣстечка Подкаменя (1727 г.), описаніе похоронъ гетмана Адама Сѣнявскаго (1726 г.) и девникъ празденствъ, отправленныхъ при бракосочетаніи гетмана Денгофа (1724 г.)

Гораздо интереснѣе остальныя шесть статей, посвященныя быту Волыни въ началѣ текущаго столѣтія, составленныя по воспоминаніямъ самаго автора и поколѣнія непосредственно ему предшествовавшаго.—Весьма живо написаны очерки, посвященные біографіи Ѳаддея Чацкаго и исторіи возникновенія основаннаго имъ волынскаго лицея въ Кременцѣ. Авторъ придаетъ, нѣсколько увлекаясь воспоминаніями прошедшаго, гораздо болѣе серьезное значеніе научной дѣятельности этого лицея, чѣмъ она была въ дѣйствительности и считаетъ особенно цѣлесообразнымъ то направленіе „гуманитарно-энциклопедическое", [1]) которымъ отличалось это учебное заведеніе. Описывая подробно бытъ учившейся молодежи, онъ совершенно вѣрно изображаетъ, какъ они, подъ вліяніемъ окружавшаго общества, предавались гораздо болѣе салоннымъ увеселеніямъ и свѣтской жизни, чѣмъ научнымъ работамъ, и видитъ въ этомъ направленіи въ высокой степени похвальное и отрадное, съ своей точки зрѣнія, явленіе. Затѣмъ двѣ статьи посвящены воспоминаніямъ о пребываніи на Волыни вел. кн. Константина Павловича и императора Александра I. Съ особеннымъ сочувствіемъ г. Карвицкій собралъ преданія о вел. кн. Константинѣ Павловичѣ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянно посѣщавшемъ Волынь въ качествѣ генералъ-инспектора кавалерійскаго корпуса,

[1]) Статья Е. М. Крыжановскаго: „Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ", помѣщенная въ февральской и мартовской книжкахъ „Кіевской Старины", даетъ вѣрное и полное понятіе объ этомъ направленіи.

расположеннаго въ то время въ волынской губерніи. Характеристика личности великаго князя самая симпатическая. Авторъ описываетъ неутомимую дѣятельность Константина Павловича, его исполненныя благоволенія и дружелюбія отношенія къ волынскому аристократическому обществу и высокое его образованіе; съ большою любовью передаетъ много анекдотовъ, относящихся къ его жизни на Волыни, и характеристику болѣе выдававшихся лицъ окружавшей его свиты.

Двѣ остальныя главы посвящены біографически-бытовымъ очеркамъ двухъ крупныхъ землевладѣльцевъ Волыни: генерала Михаила Бржостовскаго и князя Романа Сангушка;—характеристика и лицъ и еще болѣе окружавшей ихъ обстановки представляетъ много интересныхъ чертъ для бытовой исторіи данной мѣстности и общественной среды.

Личная точка зрѣнія автора на событія и общественныя отношенія нѣсколько субъективна. Онъ интересуется исключительно бытомъ крупныхъ землевладѣльцевъ и признаетъ ихъ дѣятельность почти исключительно полезною для края; по временамъ, съ сдержаннымъ чувствомъ грусти, онъ относится къ нововведеніямъ, сожалѣетъ объ экономическомъ и юридическомъ ограниченіи вліянія магнатовъ и, повидимому, съ трудомъ мирится съ фактомъ освобожденія крестьянъ. Отстранивъ впрочемъ субъективныя ощущенія автора, вѣроятно принадлежащаго къ поколѣнію болѣе связанному съ прошедшимъ, чѣмъ съ настоящимъ, мы не можемъ не указать на его книгу, какъ на сборникъ весьма интересныхъ фактическихъ и бытовыхъ данныхъ объ одной изъ областей юго-западнаго края.

Исторія Русской Церкви, Макарія, митрополита московскаго.

Т. XI. Спб. 1882 г. Патріаршество въ Россіи. Книга II.

Первая изъ двухъ частей этой книги озаглавлена: *Патріархъ Филаретъ и два его преемника.* Здѣсь представлена исторія сѣверно-русской церкви или московскаго патріаршества при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, Іоасафѣ I и Іосифѣ, съ общимъ заключительнымъ взглядомъ на тогдашнее состояніе церкви въ сѣверовосточной Россіи. Вторая, подъ общимъ заглавіемъ: *Западно-русская митрополія въ борьбѣ съ уніею, подъ управленіемъ православныхъ митрополитовъ,* содержитъ слѣд. частнѣйшіе отдѣлы: Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ и возобновленіе имъ западно-русской іерархіи; митрополитъ Іовъ Борецкій, м. Исаія Копинскій, м. Петръ Могила; общій взглядъ на состояніе западно-русской митрополіи. Эта вторая часть значительно обширнѣе первой, составляя почти двѣ трети книги. Обстоятельство—не случайное, указывающее именно

на то, что церковная жизнь въ московскомъ патріаршествѣ въ данное время оказывалась менѣе содержательною, въ сравненіи съ церковною жизнію въ западно-русской митрополіи. Тамъ вниманіе историка привязывается, за рѣдкими исключеніями, къ одному центру, къ столицѣ, гдѣ, въ дѣятельности высшей церковной власти и также дѣятельности государственной власти по отношенію къ церкви, сосредоточиваются преобладающіе интересы церковной жизни, ограниченные болѣе или менѣе однообразными мѣропріятіями къ возстановленію внѣшняго церковнаго порядка, съ слабыми попытками „церковныхъ исправленій" обрядоваго характера и съ еще болѣе слабыми, едва замѣтными, стремленіями къ улучшеніямъ болѣе широкимъ и существеннымъ, напр. въ области нравственнаго развитія церкви или въ области духовнаго просвѣщенія, которое, какъ справедливо замѣчаетъ историкъ, ни на шагъ не подвинулось въ сѣверо-восточной Руси за данное время. То, что изрѣдка начиналось или предпринималось здѣсь въ этомъ направленіи, возникло только подъ стороннимъ вліяніемъ,—вліяніемъ захожихъ грековъ и пришлыхъ ученыхъ южно и западно-руссовъ, но не прививалось къ мѣстной средѣ, въ слѣдствіе продолжавшейся въ ней наклонности къ національной замкнутости и закоснѣлости и отсюда—подозрительности, даже антипатіи къ пришлымъ ученымъ и учителямъ. Въ этомъ то недостаткѣ мѣстныхъ возбужденій и силъ для просвѣтительнаго движенія, съ которымъ неразлучно и нравственное развитіе, заключалась причина малосодержательности церковной жизни въ сѣверо-восточной Россіи даннаго времени,—не смотря на тѣ надежды, какія могло внушать недавнее время величественнаго подъема въ ней народно-религіознаго духа въ борьбѣ съ бѣдствіями и смутами безъ государя. Но время ея было еще впереди. Для западной Руси и ея церкви именно данное время было временемъ новаго, усиленнаго напряженія духовныхъ и общественныхъ силъ. Потому и ея исторія за это время является обильнѣе и разнообразнѣе содержаніемъ. Здѣсь, начиная съ Кіева, гдѣ послѣдовало въ 1620 г. возстановленіе западно-русской іерархіи и кіевской митрополіи, въ лицѣ Іова Борецкаго, и гдѣ окончательно возстановлена начальная Кіево-Софійская каѳедра ея, при м. Петрѣ Могилѣ, взоръ историка проходитъ по всему пространству юго-западной и западной Руси, повсюду встрѣчаясь съ разнообразными проявленіями мѣстныхъ, личныхъ и коллективныхъ силъ и усилій, направленныхъ въ общемъ для всѣхъ интересѣ, интересѣ защиты родной вѣры и церкви, и, въ связи съ тѣмъ,—въ интересѣ лучшаго благоустройства церкви во всѣхъ сферахъ ея жизни, съ особенными при этомъ заботами о развитіи образовательныхъ учрежденій для церкви и цѣлой страны, съ заботами о просвѣщеніи. Самый сжатый очеркъ всего, столько обильнаго и разнообраз-

наго содержанія исторіи западно-русской церкви за обнимаемый настоящимъ томомъ 26 лѣтній періодъ ея, съ 1620 г. до конца 1646 г., или до кончины м. Петра Могилы, не вмѣстился бы въ немногихъ строкахъ библіографической замѣтки. Заключимъ ее двумя—тремя замѣчаніями объ этомъ великомъ іерархѣ, начиная съ заключительнаго отзыва о немъ историка, съ свойственною ему ученостію, критическимъ талантомъ и добросовѣстностію обработавшаго въ настоящемъ томѣ біографію и характеристику Могилы. „Имя Петра Могилы, говоритъ онъ, одно изъ лучшихъ украшеній нашей церковной исторіи. Онъ, несомнѣнно, превосходилъ всѣхъ современныхъ ему іерарховъ не только мало-русской, но и велико-русской церкви и даже всей церкви восточной: превосходилъ своимъ просвѣщеніемъ, еще болѣе любовію къ просвѣщенію и своими подвигами на пользу просвѣщенія и церкви". Частнѣе обозначивъ великія услуги, оказанныя Петромъ Могилою мало-русской церкви, историкъ отмѣчаетъ въ особенности ту великую услугу, какую оказалъ онъ всей русской церкви основаніемъ и обезпеченіемъ своей коллегіи, послужившей разсадникомъ и образцомъ для духовно-учебныхъ заведеній. Припомнимъ съ своей стороны, что эту коллегію знаменитый іерархъ въ своемъ завѣщаніи называлъ *„единственнымъ залогомъ своимъ"*, давая понять, что именно въ силѣ просвѣщенія, имѣвшаго вырабатываться изъ среды коллегіи, видитъ онъ главную силу, могущую направить церковь и страну къ лучшей будущности. Великіе умы обнимаютъ предметы шире, чѣмъ умы обыкновенные. Если и Петръ Могила, подобно своимъ предмѣстникамъ и другимъ тогдашнимъ представителямъ южно-русской церкви, обращался къ сѣверной Россіи съ просьбами о вещественныхъ пособіяхъ и съ надеждами на болѣе сильную помощь въ будущемъ, то онъ одинъ съ замѣчательною опредѣлительностію и, какъ онъ выражается, *паче всѣхъ прошеній своихъ"*, предъявлялъ въ грамотѣ отъ 1640 г. 7 апр. къ царю Михаилу Ѳеодоровичу прошеніе о томъ, чтобы приказалъ соорудить въ Москвѣ особый монастырь, въ которомъ могли бы жить старцы и братія кіевскаго братскаго монастыря и обучать *дѣтей боярскихъ и простаго чину людей* грамотѣ греческой и славянской и пр. Такъ въ своихъ помыслахъ о просвѣщеніи онъ обнималъ всю русскую церковь, всю Россію и въ этомъ смыслѣ былъ истиннымъ предтечей Петра В., былъ предтечей и нашего времени, ибо помышлялъ объ образованіи не высшихъ только классовъ, но и простаго чину людей. Съ мыслію объ училищахъ, въ наиболѣе удобномъ тогда видѣ училищныхъ монастырей, Петръ Могила питалъ и старался осуществить мысль объ иноческихъ ученыхъ братствахъ, призванныхъ къ книжнымъ, ученымъ трудамъ. Эта мысль, занимавшая и Петра В., поднимавшаяся иногда и послѣ него, осталась, къ великому сожалѣ-

нію, заброшенною, и наше пореформенное монашество, за исключеніемъ учебно-служебнаго и выходящаго изъ среды его іерархическаго, спускалось все ниже и ниже въ просвѣщеніи, до нашихъ дней комплектируясь, за весьма и весьма рѣдкими исключеніями, изъ недоучекъ, изъ людей малограмотныхъ и даже просто безграмотныхъ. Наша привычка къ такому до крайности странному явленію заставляетъ предполагать, будто наше пониманіе вещей стало далеко ниже возвышенныхъ и свѣтлыхъ идей двухъ Петровъ—Петра Могилы и Петра Великаго. Не говоря о другихъ дѣйствіяхъ Петра Могилы на пользу церкви, какъ напр. составленіе имъ первой въ нашей церкви символической книги, извѣстной подъ названіемъ *„Православнаго Исповѣданія“* его имени, не можемъ не вспомнить, какъ назидательно было бы вдуматься и сопоставить съ нашимъ временемъ такіе, въ частности, учрежденія и обычаи, мѣропріятія и начинанія Могилинскаго и ближайшаго къ нему времени, какъ поддержка церковной проповѣди съ помощію постоянной должности проповѣдниковъ, обычные, каждый годъ или рѣже, епархіальные соборы, фактъ существованія которыхъ подкрѣпленъ новыми указаніями въ настоящемъ томѣ „Исторіи“ преосв. Макарія, далѣе—участіе общественныхъ, личныхъ и коллективныхъ представителей въ завѣдываніи церковными учрежденіями, даже попытка образовать, особо отъ епархіальной администраціи или каѳедральной капитулы, судебную коллегію изъ 24 пресвитеровъ—„въ священническій судъ, чтобы они судили, какъ капитула“, каковая попытка заявлена была именно на кіевскомъ соборѣ 1640 г., созванномъ Петромъ Могилою. Въ ряду многихъ, весьма интересныхъ совѣщаній и разсужденій, бывшихъ на соборѣ, равно предложеній внесенныхъ на соборъ, заслуживаетъ вниманія предложеніе признать *докторомъ богословія* игумена Исаію Трофимовича Козловскаго, который былъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ Петра Могилы по устройству коллегіи, по многимъ другимъ дѣламъ, болѣе всѣхъ потрудился въ составленіи „Православнаго Исповѣданія“ и вполнѣ достоинъ былъ докторской степени. Вообще сопоставляя Могилянское время съ нашимъ, придемъ къ сознанію, что многое, что есть хорошаго, даже лучшаго теперь, коренится своими начатками въ томъ далекомъ прошломъ, но что эта отдаленная эпоха вырабатывала еще и такія идеи и стремленія, которыя оказываются какъ бы не подъ силу нашему времени, хотя были бы безспорно полезными и для нашего и для будущаго времени, бывъ согласованы съ новыми условіями нашей церковной и общественной жизни.

М.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

Церковно-археологическое Общество при к. д. академіи въ 1881 г.

Церковно-археологическое Общество, существующее при кіевской духовной академіи съ конца 1872 года, въ 1880 г. принято подъ покровительство Е. И. В. вел. кн. Владиміра Александровича. Къ концу 1881 года въ составъ Общества входили: предсѣдатель, 31 почетный членъ, 83 дѣйствительныхъ члена и 43 члена-корреспондента, всего съ предсѣдателемъ 158 человѣкъ. Въ прошломъ году Общество проектировало дополненія и измѣненія въ своемъ уставѣ, касавшіяся главнымъ образомъ усиленія дѣятельности Общества чтеніемъ въ немъ рефератовъ и печатаніемъ ихъ, равно какъ отчетовъ и сообщеній членовъ онаго, въ академическомъ или одномъ изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій, отдѣленія музея отъ академической библіотеки и избранія особаго завѣдывающаго музеемъ и помощника секретаря. По утвержденіи этихъ дополненій и измѣненій св. синодомъ, нѣкоторыя изъ нихъ стали практиковаться уже въ прошломъ году. Собранія общества сдѣлались очередными мѣсячными. На нихъ пересматривался уставъ Общества и музея, назначались коммиссіи и отдѣльные члены для исполненія разныхъ археологическихъ порученій, обсуждались мнѣнія и доклады этихъ коммиссій и членовъ, сообщались рефераты и проч. Такъ членъ Общества, проф. Н. И. Петровъ принималъ участіе въ занятіяхъ V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ; товарищъ предсѣдателя, протоіерей П. Г. Лебединцевъ и члены П. А. Лашкаревъ и Н. И. Петровъ приглашены Императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ, первый—въ качествѣ предсѣдателя, въ составъ особой коммиссіи, для возобновленія фресковъ XII в. въ кіево-кириловской церкви членомъ названнаго и вмѣстѣ кіевскаго церковно-археоло-

гическаго Общества, проф. А. В. Праховымъ; тотъ же протоіерей П. Г. Лебединцевъ и тѣже члены Лашкаревъ и Петровъ, въ составѣ особой коммиссіи, со включеніемъ въ нее и членовъ Прахова и Сычугова, по предварительномъ освидѣтельствованіи, составили особыя указанія, направленныя къ сохраненію остатковъ древности, при производствѣ работъ, по обновленію свято-троицкой, XII вѣка, церкви, надъ святыми вратами кіево-печерской лавры онъ же П. Г. Лебединцевъ и члены Малышевскій, Лашкаревъ, Праховъ, Сычуговъ и свящ. Кл. Ѳоменко, въ составѣ нарочитой коммиссіи и въ тѣхъ же видахъ, обсуждали планъ и способъ производства нѣкоторыхъ перестроекъ въ кіево-софійскомъ соборѣ, съ цѣлію обращенія онаго въ теплый; наконецъ членъ Общества П. А. Лашкаревъ, по порученію Общества, вслѣдствіе отношенія кіевской консисторіи, осматривалъ трещину, образовавшуюся на сѣверо-западномъ углу лѣваго придѣла кіево-печерской, спасской на Берестовѣ, церкви и представилъ особыя соображенія объ исправленіи означеннаго угла, безъ нарушенія въ чемъ либо памятниковъ древности.

Изъ рефератовъ, предложенныхъ на засѣданіяхъ церковно-археологическаго Общества въ 1881 году, отмѣтимъ слѣдующіе: Объ Острожской печатной библіи, по поводу ея трехсолѣтія, два реферата С. М. Сольскаго и С. Т. Голубева; о рукописномъ разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей второй половины прошлаго вѣка, спискѣ предметовъ церковно-археологическаго музея, имѣющихъ какое либо отношеніе къ занятіямъ V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ, о ходѣ работъ по открытію фресковыхъ изображеній въ кіево-кирилловской церкви XII вѣка и о графитахъ въ этой церкви, равно о поѣздкѣ на V археологическій съѣздъ въ Тифлисъ,—Н. И. Петрова; о первоначальныхъ временахъ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ, С. Т. Голубева; когда, гдѣ и кѣмъ учреждено празднованіе св. Владиміру 15 іюля, И. И. Малышевскаго. Кромѣ того, членъ профессоръ Ѳ. А. Смирновъ продолжалъ описаніе филаретовской коллекціи иконъ церковно-археологическаго музея.

Независимо отъ внутренней дѣятельности своей, церковно-археологическое Общество имѣло сношенія со всѣми русскими подобными учрежденіями, съ хорватскимъ археологическимъ Обществомъ въ Загребѣ и др.

Денежныя средства Общества въ 1881 году были слѣдующія:

Оставалось отъ 1880 года 954 р. 89 к.; вновь поступило 323 р. 57 к. Пріобрѣтено облигацій перваго восточнаго займа номинальной стоимостью въ 1100 р. Израсходовано на нужды Общества и музея 56 р. 40 к.; на покупку облигаціи 1025 р. 20 коп. Оставалось къ 1882 году облигаціями 1100 руб. и наличными деньгами 196 р. 86 к. сер., всего 1296 р. 86 к. серебр.

При Обществѣ существуетъ церковно-археологическій музей, главнымъ образомъ обогащающійся приношеніями членовъ Общества, а также посѣтителей музея и другихъ лицъ. Въ 1881 году всѣхъ жертвователей было свыше 90 человѣкъ. Пожертвовано и пріобрѣтено слѣдующее количество предметовъ:

а) въ музей:

Памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, разной утвари и т. п.	69
Медалей, жетоновъ, монетъ и ассигнацій	391
Религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военнаго и домашняго быта	847
Актовъ, грамотъ, писемъ и т. п.	14
Рукописей	66
Старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ	48
Гравюръ, чертежей, фотографическихъ снимковъ и т. п.	263

б) въ библіотеку музея:

Книгъ и брошюръ	64
Всего	1762

Болѣе важныя изъ этихъ поступленій были слѣдующія: чеканное современное изображеніе Петра В. на большой мѣдной круглой бляхѣ, со зданія кіевской городской думы, сгорѣвшаго въ 1811 году, отъ М. Д. Свиридова; восемь томовъ профессорскихъ лекцій иннокентіевскаго періода кіевской дух. академіи, отъ священника Л. П. Демяновскаго; коллекція индѣйскихъ и японскихъ (синтоитскихъ и буддійскихъ) предметовъ древности и религіознаго культа и быта, числомъ 52, отъ члена православной японской миссіи ар-

химандрита Анатолія; глиняные и металлическіе предметы изъ кургана близь деревни Корытищъ, каневскаго уѣзда, кіевской губерніи, отъ помѣщика Н. Я. Тарнавскаго; снимокъ съ ольвійской греческой надписи I вѣка по Р. Христовѣ, двѣ ольвійскія тессеры, два бронзовые наконечника стрѣлъ и 10 монетъ, найденныхъ на мѣстѣ древней Ольвіи, девять пантикапейскихъ сосудцевъ и серебряная римская монета Секта Помпея изъ Аккермана (древняго Тираса)—отъ И. К. Сучувана; золотой кабинетный крестъ отъ наслѣдниковъ покойнаго протоіерея І. Игнатовича, кіевскаго старожила; коллекція рисунковъ и акварелей отъ Т. В. Кибальчича; каменный образокъ св. Николая, изъ костромской губ., отъ протоіерея А. М. Воскресенскаго; старообрядческій деревянный иконостасикъ о 15-ти створкахъ, изъ харьковской губерніи, отъ преосвященнаго харьковскаго Іустина; 20 черногорскихъ и герцеговинскихъ рукописей съ XIV по XVIII вѣкъ, и 32 церковно-славянскія книги XVI—XVIII в., изъ коихъ нѣкоторыя доселѣ неизвѣстны были нашимъ библіографамъ, отъ настоятеля русской посольской церкви въ Вѣнѣ, протоіерея Раевскаго; связка документовъ относительно имѣній луцкой и острожской епископіи и жидичинскаго монастыря, XVI—XVIII в., отъ настоятеля тригурскаго монастыря, волынской епархіи, архимандрита Модеста; 658 кремневыхъ орудій, 20 бронзовыхъ и желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, 8 глиняныхъ пряслицъ и 25 фрагментовъ бусинъ и стеклянныхъ браслетовъ изъ окрестностей села Вишенокъ, остерскаго уѣзда, черниговской губерніи, отъ мѣстнаго священника Ѳ. Яновскаго; клыкъ мамонта и большая картина страшнаго суда, на холстѣ, отъ священника села Кононча, черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи, А. Славинскаго; 145 древне-греческихъ, римскихъ, византійскихъ и другихъ монетъ отъ преосвященнаго астраханскаго Евгенія; 17 татарскихъ, куфическихъ и другихъ восточныхъ монетъ изъ клада, найденнаго въ белебеевскомъ уѣздѣ, уфимской губерніи, отъ учителя уфимской дух. семинаріи И. Троицкаго; 20 кипрскихъ и палестинскихъ древностей отъ настоятеля русской миссіи въ Іерусалимѣ архимандрита Антонина; 52 таблицы фотографическихъ снимковъ съ предметовъ первобытной культуры, полученныхъ путемъ раскопокъ или пріобрѣтенныхъ предварительнымъ комитетомъ V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ, а также съ древнихъ грузинскихъ иконъ, отъ начальника кавказ-

скаго военно-народнаго управленія, генералъ-лейтенанта А. В. Комарова.

Въ совокупности съ поступленіями предыдущихъ годовъ, коллекціи Общества къ 1 января 1882 года представляли слѣдующую численность:

а) по музею.

Церковныхъ памятниковъ архитектуры, живописи, ваянія, скульптуры, разной утвари и т. п.	1494
Памятниковъ церковныхъ	5968
Фотографическихъ снимковъ, гравировальныхъ досокъ, гравюръ чертежей и т. п.	2392
Актовъ, грамотъ, писемъ и т. п.	1286
Рукописей	733
Старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ	505
б) По библіотекѣ музея:	
Книгъ и брошюръ	468
Всего	12846

Предметы музея распредѣлены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) первобытныя историческія древности, преимущественно языческія; 2) акварели, гравюры и снимки; 3) муравьевская коллекція древностей и святынь; 4) принадлежности церковнаго богослуженія; 5) и 6) иконы; 7) картины и портреты; 8) статуи; 9) памятники медальорнаго искусства—монеты, медали и проч.; 10) образцы письма и печати; 11) старопечатныя книги и рукописи. Первые шесть отдѣловъ размѣщены въ особенныхъ залахъ или комнатахъ, послѣдующіе четыре—въ галлереѣ музея и одинадцатый въ библіотекѣ кіевской академіи. Преметамъ, находящимся въ музеѣ, составленъ и изданъ указатель, равно какъ составлено и издано описаніе рукописей церковно-археологическаго музея.

Въ теченіи 1881 года, за исключеніемъ вакаціальнаго времени, музей открытъ былъ по воскресеньямъ для членовъ Общества, студентовъ академіи и сторонней публики. Стороннихъ посѣтителей, платившихъ за входъ въ музей, было до 250 человѣкъ.

Н. П.

Рукописи Румянцевскаго Музея по исторіи Кіева.

Въ монументальномъ трудѣ Востокова: «Описаніе рукописей Румянцевскаго Музеума» (Спб. 1842) нерѣдко встрѣчаются указанія на сочиненія и акты, касающіеся кіевской земли, упоминаются историческія лица края, описываются предметы и совершившіяся здѣсь событія; все это невольно возбуждаетъ желаніе—познакомиться ближе съ самими рукописями Музеума, извлечь изъ нихъ все относящееся къ исторіи Кіева, или по крайней мѣрѣ сдѣлать имъ болѣе подробную опись, болѣе опредѣленную оцѣнку, чѣмъ это сдѣлано Востоковымъ. Ему, составившему книгу въ 900 стр., трудно было сдѣлать больше для мѣстной исторіи; великое спасибо ему и за то, что онъ приложилъ къ своей книгѣ указатель, облегчающій возможность пользоваться ею. Изъ этого указателя я привожу все, что упоминается въ немъ по отношенію къ Кіеву и располагаю эти указанія въ хронологическомъ порядкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ по ихъ содержанію. По этимъ указаніямъ, лицу, стоящему близко къ Музеуму, легче будетъ сдѣлать нужныя справки и, можетъ быть, составить рядъ статей, весьма полезныхъ для исторіи края вообще и для «Кіевской Старины» въ частности.

А. Историческія сочиненія вообще.

1., Лѣтописцы, говорящіе между прочимъ о кіевскихъ событіяхъ, №№ CCLII, CCXLVII.

2., Переводъ съ польскаго о княженіи русскомъ кіевскомъ, 1600 г., стр. 145.

3., Синопсисъ кіевскій, № CCCLXXXIX, стр. 766.

Б. По исторіи церкви.

4., Патерикъ печерскій, писанный въ 1462 г., № CCCV, с. 427—434.

5., Тоже, списокъ для гр. Руманцова, № CCCVI, стр. 434.

6., Похвала препод. Ѳеодосію Печерскому (изъ Патерика Печерскаго), стр. 679.

7., Ѳеодосія Печерскаго поученія въ дни великаго поста, стр. 615 и дал.

Его же поученія о казняхъ Божіихъ, стр. 686.

Не ему-ли принадлежитъ и житіе князя Владиміра? стр. 434.

8., Вопрошеніе кн. Изяслава къ игумену печерскому Θеодосію о латинѣхъ, стр. 308.

9., Кириллъ III, митр. кіевскій, его поученіе къ попомъ, стр. 280.

10., Исторія, сирѣчь повѣстникъ о епископіяхъ, елико подлежатъ и послушны суть митрополиту кіевскому и всея Руси, стр. 643.

11., Форма грамоты митрополичьей на намѣстничество въ Кіевѣ, стр. 38.

12., Герасимъ, келарь печерской лавры; Іона, философъ, уставникъ; Давидъ, ключникъ,—всѣ 1446 года, стр. 111.

13., Іосифъ Солтанъ, нареченный митрополитъ кіевскій, 1499 и 1514 г., стр. 138 и 277.

14., Игнатій, игуменъ пустынскій въ Кіевѣ, 1514 г., стр. 277.

15., Кончина митр. Петра Могилы показана 1647 г., декабря 31, въ четвергъ; стоялъ въ св. Софіи до 9 марта, стр. 709. Родъ его въ Синодикѣ, стр. 575.

16., Іоанникій Голятовскій, его «Бесѣда Бѣлоцерковская», с. 555.

17., Жалованная грамота митрополиту Гедеону Святополку кн. Четвертинскому, 1686 г., стр. 144.

18., Соизволительная грамота констант. патріарха Діонисія на посвященіе Гедеона, стр. 145.

19., Переписка моск. патріарха Іоакима съ кіев. митрополитомъ Гедеономъ, № CCCCLXXI, стр. 797.

20., Надпись на антиминсѣ кіево-соф. собора, стр. 150.

21., Выписки изъ синодиковъ выдубицкаго монастыря, михайловскаго, межигорскаго, николаевскаго, печерской Лавры, софійскаго собора, стр. 574—581.

22., Митрополитовъ кіевскихъ роспись (въ синодикѣ софійскаго собора), стр. 581—582.

23., Краткое извѣстіе о кіево-братской иконѣ Божіей Матери, стр. 524.

24., Монастырь выдубицкій, стр. 219, 574.

25., Вежгалъ, кн. Миколай, бискупъ кіевскій 1529 г., стр. 118. (Онъ же) Вѣжкгайлъ, бискупъ жомонтскій, 1531 г., стр. 119.

В. Историческіе акты.

26., Грамота царя Алексѣя Михайловича 1654 г., с. 139.

27., Челобитье кіевскихъ мѣщанъ, 1669 г., стр. 146.

Г. Кіевляне, событія и мѣстности кіевскія.

28., Олельковичей князей родъ, стр. 576.

29., Путятича, воеводы кіевскаго, родъ (въ синодикѣ), с. 581.

30., Юрьша, панъ воевода кіевскій, 1438 г., стр. 110.

31., Ходкевичъ, панъ Иванъ, намѣстникъ кіевскій въ XV в., стр. 127, 128.

32., Селивестръ Поповичъ, мѣщанинъ кіевскій, 1514 г., стр. 276.

33., Андрей Немировичъ Якубовичъ, панъ воевода кіевскій, 1514—1522—1526 г., стр. 112, 124, 277.

34., Ходкевичъ, панъ Григорій Александр., воевода кіев., 1555 г., стр. 122.

35., Балица, панъ Яковъ, войтъ кіевскій, 1608 г., стр. 709.

36., Усовичъ Василій, синдикъ кіевскій, № CCCCXII, 1566, стр. 633.

37., Хмельницкій, гетманъ, стр. 141, 576.

38., Моровое повѣтріе въ Кіевѣ, 1710 г. (?), стр. 576.

39., Голицынъ Алексѣй, кіевскій губернаторъ, 1717—1719 г., стр. 139.

40., Збруевъ, плацъ маіоръ въ Кіевѣ, 1722 г., стр. 141.

41., Воейковъ Ѳед. Матв., генералъ аншефъ, кіевскій губернскій главный командиръ, 1768 г., стр. 115.

42., Кіевскія окрестности, историческія выписки Берлинскаго, с. 220.

Д. Поэзія.

43., Слово (легендарное) о Димитріѣ, купцѣ кіевлянинѣ, стр. 565, 569; сказаніе о немъ же, с. 546.

44., Въ сборникѣ стихотвореній, воспѣваемыхъ слѣпцами на торжищахъ (стр. 623) есть стихъ «на прибытіе имп. Екатерины II», но куда—неизвѣстно, стр. 625. Нужна справка въ самомъ Музеѣ.

Изъ всего этого иное давно уже напечатано, но, можетъ быть, нелишнимъ будетъ сличеніе съ рукописью; иное, конечно, мелочно, но въ своемъ мѣстѣ и оно пригодится; наконецъ иное можетъ быть уяснено простою справкою съ книгою Востокова, въ которой часто приведены существенныя выписки. Поэтому надѣемся, что настоящій указатель будетъ не безполезенъ для всѣхъ тѣхъ, кому близки судьбы Кіева.

С. П.

КОДЕНСКАЯ КНИГА
И
три бандуриста.

Предъ нами столѣтніе листы, писанные не перомъ и чернилами, но топоромъ и кровью. Это такъ называемая «Коденская Книга», сборникъ допросовъ, справокъ, протоколовъ и рѣшеній суда надъ гайдамаками съ 1769 по 1772 годъ. Книга эта спасена отъ утраты М. А. Максимовичемъ и отъ него перешла къ достойному участнику и продолжателю его изысканій въ области южно-русской исторіи, В. Б. Антоновичу. Пользуясь благосклонностію послѣдняго мы будемъ отъ времени до времени сообщать отдѣльные выдающіеся случаи изъ этой записной книги ужаса и смерти.

Широкимъ пламенемъ кр616ваваго пожарища освѣтила Украину Коліивщина; но оно вспышнуло на мгновенье и такъ-же быстро потухло, точнѣе потушено было. Черными тучами звѣрства, ужасовъ и смерти покрывали ее и сосѣднюю Волынь въ теченіи 4-хъ лѣтъ расправа и судъ надъ участниками народнаго возстанія 1768 года. Съ лишнимъ четыре года ихъ предавали самымъ невѣроятнымъ мучительнымъ казнямъ,—четвертовали, на колъ сажали, сдирали полосами и всю въразъ кожу, солью посыпали и вновь ее надѣвали, отрѣзали на перекрестъ руку и ногу, или только уши, и такъ въ свѣтъ пускали, жгли желѣзомъ и смолою, словомъ: *катовали* Украину, по выраженію народнаго пѣвца. Вытерпѣла многострадальная!

Первоначальнымъ мѣстомъ этого страшнаго судилища было мѣстечко Кодня на Волыни, въ 30 верстахъ отъ Житомира; отсюда и названіе: коденскій судъ, коденскія казни, коденскія книги. Сюда стянули главныя силы украинскаго и подольскаго отрядовъ войскъ, какъ три года предъ тѣмъ стянулъ Вороничъ въ центръ Украины подъ Ольшану для предупрежденія народнаго волненія и всенароднаго въ средѣ обоза сожженія млiевскаго ктитора Даніила Кушнира. Тутъ была главная квартира, *коменда* главнаго начальника короннаго войска, тутъ творился судъ, совершались казни; но картины ежедневныхъ по нѣскольку десятковъ смертей съ оглашающими всю окрестность криками и стонами были до того ужасны, что ихъ не вынесли нервы владѣльца Кодни, Глембоцкаго, и онъ

отказалъ судилищу въ гостепріимствѣ. Тогда региментарь Стемпковскій, стяжавшій себѣ въ короткое время безсмертное имя въ потомствѣ, перенесъ резиденцію судилища въ м. Трояновъ, на Волыни-жъ, а оттуда на Украину въ м. Тетіевъ и др. пункты,—по тойже ли причинѣ, или для вылавливанія гайдамакъ, либо совершенія казни по мѣсту жительства преступниковъ, не знаемъ. Такъ называемая нами *коденская книга* (въ одномъ переплетѣ) состоитъ изъ 608 страницъ въ форматѣ большаго листа толстой писчей бумаги. Листы писаны различными почерками, испещрены всевозможными отмѣтками и крестами на маринесахъ и переплетены безъ всякой системы: ни номераціи актовъ, ни хронологической послѣдовательности. Такъ напр.: предварительныя показанія, собранныя въ 1769 году на мѣстѣ поимки гайдамакъ, находятся и въ началѣ книги, и въ серединѣ, списокъ-же казненныхъ въ томъже году по этимъ уликамъ помѣщенъ въ самомъ концѣ; различные акты, относящіеся къ одному и тому-же дѣлу, разбросаны по всей книгѣ; сначала вклеены протоколы 1772 года, а за ними слѣдуютъ 1771-го или еще болѣе давніе, при чемъ коденскіе акты перемѣшаны съ трояновскими, тетіевскими и др. Количество дѣлъ, занесенныхъ въ протоколы суда въ Трояновѣ, преобладаетъ надъ другими; это обстоятельство даетъ нѣкоторое право полагать, что книга, о которой идетъ рѣчь, есть только часть всего сборника актовъ вышеупомянутой главной квартиры Стемпковскаго, а именно—четвертая и послѣдняя его часть (на что есть указаніе въ самомъ текстѣ),—послѣдняя потому, что обнимаетъ то время, когда этотъ судъ смерти засѣдалъ уже не въ самой Кодни, но въ Трояновѣ. Въ такомъ случаѣ остается открытымъ вопросъ: гдѣ-же три первыя части сборника, если только онѣ уцѣлѣли? Но, съ другой стороны, здѣсь-же имѣются акты, помѣченные и въ Кодни, и въ Тетіевѣ 1772-мъ годомъ и показывающіе, такимъ образомъ, что это судилище не имѣло въ послѣдніе годы своего существованія постояннаго мѣста засѣданія, названіе-же «коденскаго» удержалось за нимъ по мѣсту открытія первыхъ его дѣйствій. Если-же къ разбросанности актовъ въ самой книгѣ прибавимъ то обстоятельство, что, не смотря на многословіе протоколовъ суда въ послѣдніе годы его существованія въ Трояновѣ, коденскій судъ въ началѣ своихъ операцій проявилъ больше энергіи по количеству казненныхъ чрезъ повѣшенье и от-

сѣченье головъ, руководствуясь, должно быть правиломъ, «больше дѣла, меньше словъ», то съ одинаковымъ правомъ можемъ полагать, что имѣющаяся въ нашемъ распоряженіи книга есть именно сборникъ протоколовъ коденскаго суда за *весь* періодъ 1769—1772 года, засѣдалъ-ли онъ въ Кодни, Трояновѣ или въ другомъ какомъ-нибудь пунктѣ. По крайней мѣрѣ, пока не отыщутся тѣ три части, о которыхъ упоминается въ самомъ текстѣ нашей книги, и пока, слѣдовательно, не будетъ доказано, что эти три части не вошли въ одинъ переплетъ имѣющагося сборника, до тѣхъ поръ вопросъ этотъ можемъ считать открытымъ.

Перечитывая коденскую книгу, мы остановили прежде всего наше вниманіе на казни трехъ лицъ, по видимому, всего менѣе причастныхъ къ дѣлу возстанія. Это три пѣвца народныхъ думъ, три бандуриста.

Почти всѣ народы, переживая героическій періодъ, имѣли своихъ рапсодовъ, бардовъ, баяновъ, въ душѣ которыхъ были, такъ сказать, конденсированы всѣ помыслы и желанія народа. Такими пѣвцами являются по большей части слѣпые старики, въ силу уже этой особенности способные къ большей сосредоточенности, къ болѣе глубокому мышленію, воспріятію и прочувствованію совершающагося на бѣломъ свѣтѣ, увидѣть котораго имъ не суждено. Выбирая изъ жизни нѣсколькихъ современныхъ имъ поколѣній болѣе выдающіеся факты, эти сѣдовласые пѣвцы складываютъ подъ звуки какого-нибудь музыкальнаго инструмента тѣ эпопеи, которыя переходятъ потомъ по наслѣдству къ внукамъ и правнукамъ такъ, какъ нѣкоторыя изъ подобныхъ пѣсней были восприняты ими самими отъ отцовъ и дѣдовъ. Народъ смотритъ на нихъ, какъ на «людей Божьихъ», съ любовію и благоговѣніемъ; слушающій ихъ думы и пѣсни и самъ задумывается, а подъ часъ и до слезъ растроганный слышитъ въ ихъ голосѣ будто собственную пѣсню про свое тяжкое горе или полное славы прошлое своего народа, и поневолѣ, самъ того не замѣчая, воспитывается въ духѣ отцовъ. Такое значеніе и такое вліяніе имѣли въ свое время индійскіе пѣвцы съ виною, татарскіе съ бзурою, греческіе рапсоды съ пандурою, сербскіе «слѣпачки пьѣваци», великорусскіе сказатели былинъ, древне-

славянскіе баяны съ гуслями, наши кобзари съ бандурою. Съ незапамятныхъ временъ по обоимъ берегамъ Днѣпра раздавались звуки многострунной бандуры, безъ которой немыслима была для южно-русса и самая жизнь: въ дни-ли шумныхъ семейныхъ радостей, въ уединенномъ-ли уголкѣ его пасѣки, или въ открытомъ полѣ, наканунѣ битвы съ врагомъ. Вѣщій пѣвецъ сопровождаетъ Игоря Святославича въ его трудномъ походѣ на половцевъ; кобзарь—непремѣнный членъ запорожскаго «товариства»; бандуристы сопровождали и гайдамацкія ватаги.

Въ гайдамацкихъ ватагахъ бандуристы были облагораживающимъ элементомъ: они поднимали чувство самосознанія какъ личности, такъ и всего народа, вносили въ дѣло кровавой борьбы высшія начала Божія суда и правды, чувства героизма, любви къ родинѣ, высшей рыцарской чести, выразителями которыхъ они и были въ періодъ козачества. Народъ, слушая ихъ думы и пѣсни о прежнихъ воителяхъ за вѣру отцевъ, за землю и рѣчь родную, не могъ не возвышаться до той мысли, что и онъ возсталъ не изъ одного чувства мести и борьбы за существованіе, но за вѣру поруганную и попранную свободу. Бандуристы вдыхали въ возставшихъ мужество и отвагу, поддерживали бодрость духа, заставляли не дорожить жизнію, но только свободою, съ презрѣніемъ смотрѣть на смерть и всѣ ея ужасы. Ихъ значеніе понимали должно быть и тѣ, которые творили судъ надъ возставшими: этимъ и объясняется отчасти строгость коденскаго суда относительно тѣхъ трехъ бандуристовъ, которые захвачены были во время всеобщей ловли гайдамакъ и о казни которыхъ мы на этотъ разъ хотимъ сказать. Исторія ихъ смерти не многословна, какъ и всѣхъ судившихся въ коденскомъ судилищѣ.

На страницѣ 497 коденской книги записанъ слѣдующій обвинительный актъ 2-го января 1770 г. «*Прокопъ Скряга* бандуристъ изъ Остапова. Этотъ навелъ (naprowadził) донскихъ козаковъ (dońców) на грабежъ пана Спендовскаго и самъ его вязалъ, и билъ, и грабилъ». Сознался-ли обвиняемый въ взводимомъ на него преступленіи, была-ли его виновность доказана свидѣтельскими показаніями, не извѣстно; только противъ этихъ трехъ строчекъ стоитъ еще болѣе краткій вердиктъ: ten ma być ścięty (этотъ долженъ быть обезглавленъ), а на страницѣ 604, въ поименномъ спискѣ казненныхъ, значится, что Прокопъ Скряга купно съ четырмя дру-

гими за проступки (excessa) гайдамацкіе обезглавленъ того-же дня, т. е. 2 января 1770 года.—Коротко и ясно.

На страницѣ 491 той-же книги записано: «*Михайло Соковаго зять* изъ села Шаржиполя, консльскаго имѣнія [1]), обвиняется въ грабежѣ мѣстечка Цыбулева вмѣстѣ съ гайдамаками; въ этомъ онъ не сознается, а признаетъ только то, что его взяли (гайдамаки) въ Цыбулевъ съ тѣмъ, чтобы имъ игралъ на бандурѣ. Онъ имъ и игралъ, за что получилъ отъ нихъ жилетъ и брюки барскіе (kamizelkę i spodnie szlacheckie), которые были узнаны и отняты у него паномъ Долинскимъ, какъ принадлежавшіе этому последнему. Ни въ грабежѣ, ни въ убійствѣ двухъ евреевъ, которыхъ при немъ убили гайдамаки, не сознается; онъ даже не пособлялъ имъ въ этомъ, но только игралъ, они-же сами при немъ грабили и двухъ жидовъ до смерти убили». Это самовольное присвоеніе шляхецкихъ брюкъ и жилета повлекло за собою приговоръ: «ten winien śmierci (этотъ достоинъ смертной казни) 18 января 1770 г.»—Живо и игриво.

Подобная-же резолюція, недѣлю спустя, написана судилищемъ еще одному бандуристу. На страницѣ 449 читаемъ: «*Василій Варченко* перешелъ изъ Звенигородки въ Козацкую Долину [2]), откуда пошелъ съ ватажкомъ Ремезою и ходилъ съ этимъ послѣднимъ въ Водяники, Кобылячки и Попуринцы, *ktòrym* (гайдамакамъ) *na bandurze grywał*». И этотъ гайдамацкій кобзарь 26-го января 1770 года, вмѣстѣ съ другими двадцатью двумя «різунами», былъ приговоренъ къ смертной казни!.

Съ подавленіемъ гайдамачества, съ уничтоженіемъ Сѣчи Запорожской, съ введеніемъ новаго порядка вещей, измѣнились и отношенія народа къ своимъ бандуристамъ. Народъ все еще продолжаетъ съ благоговѣйнымъ чувствомъ слушать этихъ пѣвцовъ, но предъявляетъ менѣе высокія требованія, охотнѣе слушаетъ шуточныя и плясовыя пѣсни, чѣмъ старыя думы, предпочитаетъ лиру бандурѣ. «Теперь простолюдія якась чудновата: не розуміе, що краще.

---

[1]) М. Конелая, уманскаго уѣзда, кіевской губерніи.

[2]) Нынѣ с. Козацкое, звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи, имѣніе Потемкинское, потомъ Голицыныхъ, у которыхъ проживалъ Крыловъ, по воспоминаніямъ Вигеля, затѣмъ извѣстнаго И. И. Фундуклея. Водяники—того-же уѣзда, а Кобылячки и Попуринцы уманскаго.

Имъ абы згукъ бувъ, абы оця корова (лира) ревла!»—такъ характеризуютъ теперешіе кобзари своихъ базарныхъ слушателей.

К. Ф. У. О.

Выборные священники.

Древнѣйшій, апостольскій обычай избранія прихожанами священника, давно утраченный на сѣверѣ Россіи, въ южной Россіи, даже въ новыхъ ея колоніяхъ, удерживался до недавняго еще времени. Тщетно теперь земства и частныя лица стараются вызвать къ жизни этотъ недавно умершій, во многомъ благодѣтельный и во всякомъ случаѣ естественный порядокъ. Нельзя устроить того, чтобы рука или иная часть нашего организма жили другою жизнію, нежели все тѣло. Случается впрочемъ, что помертвѣютъ одни части, а другія живутъ, засохнетъ одна сторона дерева, а другія зеленѣютъ и плоды даютъ. Такъ и съ названнымъ обычаемъ. Онъ не былъ вдругъ отмѣненъ, но отмѣнялся постепенно и этимъ объясняется сохраненіе его до позднѣйшаго времени въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сама жизнь его поддерживала. Такъ было въ новозаселяемыхъ мѣстахъ и вообще тамъ, гдѣ была нужда въ кандидатахъ священства, и до тѣхъ поръ, пока не явились окончившіе курсы духовныхъ семинарій въ изобиліи. Въ Бессарабіи обычай избранія священниковъ прихожанами существовалъ еще въ 20-хъ годахъ этого столѣтія: рукополагались во священники только тѣ, которые представляли епархіальному архіерею *«одобреніе»* прихожанъ. Вотъ образчикъ такого одобренія.

Мы нижеподписавшіеся, ясскаго цинута, селенія Болнотина прихожане, свидѣтельствуемъ по чистой нашей совѣсти, что желающій быть при нашей Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы церкви священникомъ, города Кишинева, архангельской церкви указный дьячекъ, Климентій Даренскій есть человѣкъ добрый, не пьяница, въ домостроительствѣ своемъ не лѣнивый, не клеветникъ, не сварливъ, не любодѣйца, не убійца, въ воровствѣ и обманахъ не изобличенный, добронравенъ, поведенія честнаго и потому мы его Даренскаго желаемъ имѣть при нашей Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы церкви священникомъ. Въ томъ подписываемся" (слѣдуютъ подписи грамотнаго лица, утвержденныя ва кружкѣ крестикомъ руками неграмотныхъ).

Очень любопытно одобреніе, данное бывшими запорожскими козаками священнику Бобырю.

„Дано сіе отъ насъ нижеподписавшихся бывшихъ запорожскихъ и усть-дунайскихъ войскъ уволенному изъ армейскаго духовенства священнику Іоанну Бобырю въ томъ, что, на основаніи изъявленной намъ Монаршей воли, для постояннаго нашего жительства между Киліею и Аккерманомъ отведенъ участокъ земли—селеніе наше, подъ названіемъ Акмегнетъ [1]), на которомъ участкѣ поселилось насъ хозяевъ болѣе шестдесятя домовъ, тѣмъ болѣе, что переходъ къ заселенію нашего званія людей день отъ дня усугубляетъ. Какъ же мы, зная священника Бобыря съ давнихъ лѣтъ кроткого, воздержливаго и въ домостроительствѣ рачительнаго, а потому желаемъ его Бобыря имѣть въ нашемъ козачьемъ обществѣ для исправленія христіанскихъ требъ священникомъ, съ надеждою, что когда и церковь построимъ, то будетъ онъ Бобырь оставаться при оной навсегда. Подписями нашими удостовѣряемъ 1820 года іюля 18 дня. Отъ арміи поручикъ Кузьма Бѣлой, отъ арміи подпоручикъ Онисимъ Визиръ, полковой хорунжій Григорій Аркуша, полковой хорунжій Иванъ Ломака, полковой хорунжій Игнатъ Федоренко, полковой хорунжій Марко Твердохлѣбъ и все козачье общество,—*я за ихъ неграмотнихъ и за себя подписался атаманъ Филипъ Скляренко*.“ [2]).

Одобренія эти обязаны были удостовѣрять благочинные. Благочиннымъ было предписано, «дабы они отнюдь заочно никакихъ одобреній не подписывали; но съѣзжали бы на мѣсто и спрашивали лично прихожанъ, и буде прихожане пожелаютъ имѣть кого-либо въ священники, діаконы или причетники, то бы засвидѣтельствовавъ одобреніе, отправляли оное при своемъ рапортѣ къ протопопу, который, естли не встрѣтитъ никакихъ законныхъ препятствій, обязанъ представлять кандидата къ архіерею при доношеніи».

Такой-же обычай и въ тѣхъ-же формахъ удерживался въ предѣлахъ кіевской епархіи и до 40-хъ годовъ, особливо для полученія низшихъ причетническихъ должностей. Было время, когда даже окончившіе курсъ семинаріи должны были представлять «одобренія» отъ прихода, который желали занять; но одобренія становились пустою и тягостною формальностію, когда избираемые были

---

[1]) Нынѣ Акмангитъ аккерманскаго уѣзда.

[2]) См. дѣла кишин. дух. консист. 1820 г. №№ 108 и 451.

вовсе неизвѣстны ихъ избирателямъ. Всячески это было еще единственное право совершенно безправнаго тогда народа.

К. Береза.

ПАСХАЛЬНАЯ ВИРША

„говоренная черноморцами его свѣтлости, великому гетману, князю Потемкину, на Свѣтлой день праздника Пасхи" (въ 1786—1787 г.) [1].

Вирша эта когда то была очень распространена въ Малороссіи, но теперь совсѣмъ забыта и едва ли найдется любитель старины, знающій изъ нея хотя нѣсколько стиховъ. Приготовляя ее къ печати, мы имѣли подъ руками два списка ея: одинъ изъ нихъ сообщенъ намъ А. А. Скальковскимъ, другой переданъ С. И. Пономаревымъ. Послѣдній писанъ собственною рукою Н. В. Гоголя и нѣсколько полнѣе перваго. Оба списка одинаково неисправны, но взаимное сличеніе ихъ дало намъ возможность уяснить затемнявшійся то тамъ, то здѣсь смыслъ и установить такой текстъ вирши, который, быть можетъ, будетъ найболѣе отвѣчать его первоначальному виду.

Списокъ гоголевскій представляетъ двѣ особенности: во 1-хъ описаніе мукъ и наказаній смерти въ немъ гораздо полнѣе, но сильно пародировано и вовсе не удобно для печати; во 2-хъ каждые три стиха по списку А. А. Скальковскаго соединены въ немъ въ одинъ, что облегчаетъ чтеніе, безъ потери для частой риѳмы. Мы приняли здѣсь сводный гоголевскій стихъ, извѣстный подъ именемъ львинаго.

Этотъ своеобразный письменный памятникъ, имѣвшій спеціальное назначеніе, не лишенъ нѣкоторыхъ достоинствъ: языкъ его простъ, краски яркія, картины простыя, даже грубыя, но въ высокой степени характерныя и типичныя, вплоть до сравнительнаго опредѣленія могущества Сатаны. Извѣтный запорожскій юморъ блещетъ въ каждомъ почти стихѣ, въ каждомъ его словѣ. Высокія религіозныя истины, не смотря на дикую, такъ сказать, образность рѣчи, сохранены во всей чистотѣ. Эта странная для нынѣшняго времени популяризація священныхъ истинъ, низведеніе высокаго, идеальнаго въ кругъ будничныхъ представленій были въ ходу гораздо раньше этого времени, и мы видѣли письменный памятникъ XVII

[1]) „Черноморцы"—черноморское козачье войско, образованное изъ запорожцевъ въ 1786 году.

вѣка, гдѣ въ такомъ тонѣ и картинахъ изложенъ общій ходъ исторіи человѣчества:—поляки и евреи осуждаютъ на смерть Іисуса Христа и подвергаютъ Его мученіямъ, а козаки въ разныхъ роляхъ окружаютъ Его крестъ и гробъ съ благоговѣйною вѣрностію и любовію. Въ этомъ пріемѣ, кажется, и заключается причина той громадной популярности, какою пользовалось это стихотвореніе въ свое время.—Любопытно, понималъ ли-вельможа—Гетманъ языкъ уничтоженнаго имъ и снова на короткое время воскрешеннаго для надобностей войны Запорожья, на которомъ оно приносило ему поздравленіе съ праздникомъ Пасхи. Мы воспроизводимъ произнесенную предъ нимъ виршу болѣе какъ памятникъ историческій, нежели литературный. Вотъ текстъ вирши.

Христосъ воскресъ! Радъ міръ увесь, дождавшись Божой ласки.
Теперь усякъ наівся въ смакъ свяченой паски.
Вси гуляють, выхваляють воскресшаго Бога.
Уже тая, що до рая, протерта дорога.
Злыи духи, такъ якъ мухи, вси уже послызли:
Загнавъ Ісусъ въ пекло по усъ, щобъ христьянъ не тризли.
А смерть люта, що намъ тута дуже докучала,
По болотамъ, очеретамъ, біжучи кричала.
Тамъ супига теперъ бига, якъ шалена, зъ ляку;
Бо Богъ съ Христомъ чорта съ хвостомъ прогнавъ, якъ собаку.
Сей чортъ темный, князь пекельный, зъ смертью полыгався;
Всихъ зажерти въ адъ заперти—такъ винъ умовлявся.
Воны тое, вкупи двое, знюхавшясь сацюють,
Хоть старого, хоть малого, всихъ туды лабцюють.
Була воля: хоть и кроля, у рай не пускають,
Хоть бы святыхъ вони и тихъ у пекло таскають.
На всихъ трактахъ и болотахъ сторожи стояли,
Середъ шляху, утюряху, до пекла хапали.
Того отци попы, черниця, не миналы шляху,
Философы крутопопы набирались страху.
Пропавъ вже страхъ, зарисъ той шляхъ купьямъ та болотомъ,
Де той злый духъ глытавъ, якъ мухъ, ненасытнымъ ротомъ.
Теперь скорый шляхъ просторый до рая протерли;
Нема стражи, вси навстяжи ворота отперли.
Уже велять яблука рвать изъ райського древа,

Зъ якого плодъ не велівъ Богъ, а вкусила Ева.
Давно той ужъ (змѣя) кричавъ недужъ, що спокусивъ Еву:
За ту болизнь ажъ полизъ по райскому древу;
Визжить, охлявъ, бо Богъ проклявъ лазити на чреви
За його гріхъ, що винъ на сміхъ та набрехавъ Еви.
Бідна Ева одну зъ древа вырвала кисличку,—
Збулась власти, треба прясти на гребени мычку.
За неюжъ тамъ бідный Адамъ щось, кажуть, принудивсь:
Землю оравъ, ціпомъ махавъ, Богъ зъ рая пропудивъ.
За одну іду Ева біду заслужила сію;
Честь Адаму—ажъ за браму выбыли у шию.
Дурна жона! сама вона яблука трощила,
За одинъ плодъ увесь народъ въ пекли потопила.
Богъ милостивъ Еву простивъ, Адаму пробачивъ;
Для вызволу самъ до долу зъ неба зійти рачивъ.
Тамъ чортище, старый псище, не хоче смириться,
Крутить хвостомъ, еще съ Христомъ думае сварыться.
Лышень же Богъ самъ на порогъ въ пекло поточився;
То вельзевулъ попустивъ мулъ, зъ ляку омочився;
Завывъ гризно, якъ вовкъ ризко, голосомъ собачимъ;
Кричить пробу, що особу Христову побачивъ.
Давъ Богъ хлосты, що вси косты поломавъ и роги
И самого духа злого пидгарбавъ пидъ ноги.
А смерть, шлюха, стоя слуха, що робиця зъ дядькомъ;
Стала трястись, думала спастись неякимсь порядкомъ:
Пустила дуръ, бьется объ муръ, дереться на стіну,
Якъ шалена, тороплена, попустила слину.
Такъ сихъ покусъ знае Ісусъ хитрыи обманы,—
За те діло на все тіло наславъ злыи раны.
Тамъ крутенько, тутъ хутенько, давъ Богъ всему порай:
Адъ разоривъ, чорта стребивъ, смерть излыха хвора.
Прадідъ Адамъ и дядько Хамъ заиграли въ свиріли,
Закричали, задрожали, якъ Христа згляділи.
Усякъ узникъ крутый узликъ зъ шіи развязали,
Ісусъ-Христу, якъ на листу, усе расказали.
Ева зъгнута була тута отъ злого шайтана.
Сей покуса, злійшій Пруса и Крымскаго Хана,

Мучивъ дармо, у всіхъ ярма зъ шыи не злізали,
Струпъ на плечахъ, бо по печахъ въ адъ дрова возили.
Зъ ярма въ хомутъ, зъ узлами кнутъ, дротяные пуги;
Съ шыи до пьятъ, на спині знать кровавіи смуги.
Щобъ скакали, не брикали, кладуть въ ротъ удилы;
Сікуть плитью, щобъ тамъ митью, ступою ходили.
Всю налогу скоро Богу донесли во уши:
Не забаривъ, адъ розоривъ, выпустивъ вси души.
Святый Афетъ узявъ мушкетъ, выстреливъ на гасло.
Выйшла зъ рая сила не малая, ажъ пекло затрясло.
Гуртомъ ожили, вси загули, якъ весною мухи:
Съ пекла народъ бігъ навзаводъ, а иншій трюхи.
Дочувсь Аврамъ, що вже Адамъ изъ пекла удравъ,
Винъ, зъ Исакомъ, ледви ракомъ, и соби поплыгавъ;
Свята Сара, хочъ и стара, та женщина руча:
Вся пихота шла въ ворота, вона куды луча.
Племенникъ Лотъ въ купу сиротъ якъ изибравъ бідныхъ,
Такъ ни дверей, ни верей не зосталось мідныхъ...
Якъ та туча, куды луча, такъ и покотили
У Божу путь, тилько сопуть, ажъ попотіли.
Мойсей пророкъ въ дверяхъ замокъ и муръ пробивъ рогами,
Адъ сплюндровавъ и помандровавъ пішими ногами.
Якъ той бугай съ кошары въ гай выперся голодный,
Такъ изъ ада йде громада, рада, що свободна.
Рай отпертый, шляхъ протертый, Адамъ поспишайся!
Райскямъ плодомъ зо всимъ родомъ тамъ ты утишайся.
Веди всіхъ врядъ у райскій садъ яблука сбирати;
Іжь отъ древа, бо билшъ Ева не буде вмирати!

Казаки въ партикулярной надобности.

Слышатся еще у насъ, хотя изрѣдка, жалобы на то, что полиція употребляетъ иногда лошадей пожарной команды на партикулярныя свои надобности; въ старину употребляли на это извѣстныхъ своею храбростію малороссійскихъ козаковъ. Вотъ подлинный документъ, правда, не очень далекаго времени.

Суду гродскому лубенскому.

Козакъ полку лубенскаго, сотни яблуновской, Иванъ Громашевскій, поданнымъ мнѣ настоящаго июня 18 д. доношеніемъ представляетъ, что сотникъ первопирятинской Исаакъ Плѣвковскій, прошедшаго маія 27 числа, собравши выборныхъ сотни своей козаковъ до тридцати человѣкъ, вооруженнихъ, на лошадяхъ, при всемъ военномъ нарядѣ, да до сорока человѣкъ пѣшихъ своихъ людей, разбойническимъ образомъ напалъ ночью на имѣніе его Громашевскаго въ хуторѣ исаенковскомъ состоящее, производилъ съ ружа пальбу и напослѣдокъ выгнавши его Громашевскаго съ женою изъ того хутора, шести человѣкъ его людей и две женщины, тѣснилъ ихъ боемъ и работою въ колодкахъ; въ чемъ и самъ онъ Плѣвковскій, въ проѣздъ мой чрезъ мѣстечко Пирятинъ, сего іюнія 22 числа, предо мною въ употребленіи команди козаковъ, будтобы къ своему собственному защищенію, не запирался; насколь сей его сотника Плѣвковскаго поступокъ въ злоупотребленіи козаковъ на свою партикулярную надобность зъвинаемимъ быть не можетъ, и в содержаніи людей во вязении дерзостенъ, то от меня приказанно чрезъ въторосотенное правленіе забратихъ имъ людей освободить в то мѣсто, гдѣ свое жительство имѣли, которие ежели по претендуемому имѣнию сотнику Плевковскому принадлежитъ, то потому не заслуживаютъ своими персонами, лишившись своихъ домовъ и жителства, терпѣть изстязаніе; А суду гродскому лубенскому долгъ имею рекомендовать примѣрно о употребленіи вооруженной команды на свою партикулярную надобность, в нахалнихъ и дерзностнихъ наѣздахъ, изъслѣдовать строжайше, исполнивъ въ чемъ виновнимъ по изслѣдованіи окажется, представить, куда надлежитъ, по командѣ в немедленномъ времени и о томъ обстоятельно меня увѣдомить; бывшимъ же притомъ наездѣ на хухоръ просителя козака Громашевскаго козакамъ именной списокъ козаковъ мнѣ поданъ, причемъ включаю, и дабы впредь употребляемій сотникъ Плѣвковскій не виходилъ с предѣловъ своего званія, судъ гродски не имѣетъ оставить ко удержанію его безъ надлежащаго наблюденія.

С подлинним верилъ

На подлѣнномъ тако:

Андрей Міорадовичъ.

Градской писарь Андрей Викулскій.

23 Іюня
1780 году.
Пирятинъ.

Гродовый (кажется) канцеляристъ Федя Бѣдной.

Бенефисъ для малороссійскаго дворянства.

Южно-русскій народъ не создалъ для себя своего родного театра. Въ Галиціи онъ есть, ну, да тамъ, извѣстно,—одно украинофильство. У насъ... интерлюдіи и интермедіи Довгалевскаго и знаменитаго Георгія Конисскаго представляли хорошіе задатки вполнѣ народнаго театра, но онѣ не подвинулись въ своемъ развитіи и, бывъ ложно поняты, повели къ долгому пародированію языка и духа народнаго, которымъ такъ отдаютъ даже лучшія произведенія въ этомъ родѣ позднѣйшаго времени. А между тѣмъ народъ малороссійскій такъ любилъ всякаго рода зрѣлища. Чѣмъ же онъ удовлетворялъ этой потребности своей? Низшіе и средніе классы—своимъ роднымъ вертепомъ, высшіе—*заднѣпрянцы* во всемъ въ чужой огородъ любили заглядывать, маетностями обзаводиться, на счетъ козаковъ живиться... Впрочемъ и они любили посмотрѣть вертепъ, послушать псальмы и канты, устроить, гдѣ можно было, даже свой домашній спектакль съ піэсами Котляревскаго и Гоголя—отца, пока не развились другіе вкусы.

Очень любопытно было бы собрать свѣдѣнія о положеніи театровъ въ нашихъ краяхъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Въ нихъ, конечно, ничего народнаго, но много забавнаго и плачевнаго. Театръ былъ въ положеніи кочующемъ, труппы странствующія, исключительно почти польскія, піэсы преимущественно переводныя, сюжеты иностранные, помѣщеніе, обстановка театровъ прискорбныя. Довольно было бы вспомнить судьбу странствовавшаго въ то время кіевскаго театра, помѣщавшагося одно время въ тюрьмѣ, т. е. бывшемъ арестанскомъ зданіи на Подолѣ. Въ Житомирѣ еще около 50-хъ годовъ піэсы разыгрывались въ такъ называемыхъ заѣздахъ, т. е. въ конюшняхъ постоялыхъ еврейскихъ дворовъ, и въ одно изъ представленій внезапно гуси, сидѣвшія на чердакѣ, не отгороженномъ отъ мѣста дѣйствія, влетѣли на сцену. Соотвѣтственныя сцены и отъ публики происходили: въ одномъ изъ театровъ, при самомъ началѣ спектакля, когда взвившійся занавѣсъ открылъ глазамъ зрителей группу какихъ-то средневѣковыхъ рыцарей, или разбойниковъ въ фантастическихъ костюмахъ,—въ первый разъ попавшій въ театръ семинаристъ во всю свою семинарскую пасть затянулъ: а-а-а-а-а!..; въ другомъ—купчикъ въ райкѣ, съ узелкомъ

въ рукѣ, прикурнулъ во время представленія и, очнувшись внезапно отъ сильныхъ аплодисменовъ, уронилъ невзначай платокъ съ орѣхами, когда же увидалъ, что орѣхи посыпались на партерную публику, съ просонковъ закричалъ: „орѣшки-то сами на здоровье кушайте, а мнѣ лишь платочекъ подайте»!

Полагаемъ, что не лучше было и въ заднѣпрской сторонѣ, на что имѣемъ любопытный документъ. Въ 1835 г. въ Черниговъ прибылъ содержатель странствующаго театра, нѣкто О. Мокржецкій и такъ запрашивалъ къ себѣ на бенефисъ „великодушное малороссійское дворанство.“

Чрезъ случившійся жестокый пожаръ въ Г. Минскѣ, 31-го Маія сего года, я и прочіе мои сотоварищы лишились всего достоянія, послѣ сего рѣшился я отправится съ моею труппою актеровъ въ губернскій городъ Черниговъ, гдѣ съ 30-го Іюля пользуясь благосклонностію почтеннѣйшей Публики, не смотря на недостатокъ нашихъ талантовъ, имѣли всегда болѣе и менѣе посѣтителей; во время же съѣзда господъ дворянъ для выборовъ, при которомъ мое ожиданіе большихъ для себя надеждъ къ великому нашему сожалѣнію видимъ совершенное забвеніе и невниманіе къ тѣмъ стараніямъ нашимъ, которые мы употребляемъ оказать благороднѣйшему дворянству наши услуги; почему вынужденнымъ нахожусь откровенно сознаться, что если господа дворяне и за симъ изъ одного сострадания къ нашему положенію не здѣлаютъ посѣщенія по крайности на Бенефисъ мой, который буду имѣть счастіе представить сего Октября 11-го числа, то долги наши на устройство театра, декораціи и разнаго гардеропа ввергнутъ меня въ такое нещастное положеніе, послѣдствія которыхъ легко можетъ всякъ себѣ представить.

Зная великодушные правила дворянства малороссійскаго, въ полной увѣренности остаюсь, что снисходя нашему положенію, не отринутъ покорнѣйшей моей прозьбы здѣлать честь своимъ посѣщеніемъ театръ, гдѣ нижеподписавшійся будетъ имѣть честь представить.

О. Мокржецкій.

Поставлена была піэса «*Донъ-Жуанъ, Грандъ Испанскій*, наказанный вольнодумецъ, или трапеза духовъ на кладбищѣ, большая траги-комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ съ новымъ гардеропомъ, декораціею и огнемъ.» Начало, какъ и теперь, въ 7 часовъ и цѣны не ниже нынѣшнихъ: кресло 3 р., партеръ 2 р. и раекъ 80 к. «Мѣсто представленія, говорится въ современной афишѣ, въ быв-

щемъ ремесленномъ училищѣ въ домѣ близъ занимаемаго полиціею". Послѣднее—для современныхъ черниговцевъ.

Поправило ли малороссійское дворянство финансы О. Мокржецкаго, остается неизвѣстнымъ.

Къ портрету Петра Могилы.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ величайшаго изъ дѣятелей южно-русской исторіи вообще и южно-русскихъ іерарховъ въ частности представляетъ фототипный снимокъ съ портрета его, находящагося въ Императорской Академіи Художествъ и бывшаго на с.-петербургской художественной выставкѣ 1870 года. Интересны въ археологическомъ отношеніи всѣ принадлежности архіерейскаго облаченія того времени, но еще болѣе интереса представляютъ эти мужественныя черты лица великаго святителя. Въ нихъ отражаются его многообъемлющій, далеко видящій умъ, несокрушимая энергія и сила воли, строгость взгляда и самой жизни. Лице отпечатлѣваетъ слѣды жизненной борьбы, но сохраняетъ, не смотря на возрастъ, всѣ признаки мужества, бодрости и силы. Могила умеръ ровно 50-ти лѣтъ; портретъ, снимокъ съ котораго прилагаемъ, представляетъ его очевидно въ послѣднюю пору его жизни. Въ молодые годы, хотя въ санѣ святительскомъ, онъ представленъ на портретѣ находящемся въ актовомъ залѣ кіевской академіи; но тутъ Могила слишкомъ мало напоминаетъ намъ Могилу, какого мы знаемъ по исторіи и какого видимъ на портретѣ Академіи Художествъ. Портретъ Могилы приложенъ къ Исторіи Бантышъ-Каменскаго. Другихъ портретовъ его мы не знаемъ.

Къ тому, что сказано въ настоящей книжкѣ о Могилѣ—въ особой статьѣ и въ библіографической замѣткѣ по поводу XI т. Исторіи русской церкви митр. Макарія, мы прибавимъ здѣсь, что имя его должно стоять на ряду съ именемъ Богдана Хмельницкаго. Если этотъ великій дѣятель нашей исторіи крайнимъ напряженіемъ народныхъ силъ вырвалъ всю истерзанную страну изъ рукъ враговъ и возвратилъ ее къ общему источнику, то Могила залечилъ ея главные нравственные недуги, вдохнулъ въ нее духъ и силу для новой жизни. Для насъ кіевлянъ имя Могилы имѣетъ

особое значеніе не по одной созданной имъ академіи и не по сохранившемуся отъ него учрежденію «пассій», но въ особенности по возстановленію древнѣйшихъ кіевскихъ храмовъ, этихъ вѣковыхъ памятниковъ народной святыни, всегда готовыхъ сказать, что Кіевъ—*мати градомъ русскимъ*, колыбель православія. Но и вообще славныя дѣянія Могилы, связавшія имя его съ именемъ того времени, дѣлаютъ образъ этого іерарха глубоко памятнымъ и симпатичнымъ для всякаго, кому понятно значеніе вѣры и науки въ развитіи и охраненіи народной жизни, кому дорога вѣковѣчная предковская святыня, то воскрешенная имъ изъ праха, то исторгнутая изъ рукъ враговъ, то возвеличенная и украшенная его заботами и средствами. Иноземецъ по рожденію, но воспитанный народомъ и церковію, которымъ отдалъ онъ всю свою жизнь, Могила болѣе русскій, чѣмъ всякій русскій. «Намъ надобно учиться, говорилъ этотъ великій патріотъ, что бы Русь нашу не называли глупою». И какъ памятны должны быть намъ и теперь его слова!

Имя Могилы долго хранилось въ памяти народной и въ молитвенномъ воспоминаніи о немъ всѣхъ кіевлянъ на братско-богоявленской панихидѣ 31 декабря, въ день его кончины. Теперь хранитъ о немъ память лишь книга, да созданная имъ академія въ тотъ же день его кончины.

Воскресимъ образъ великаго святителя, воздадимъ хвалу славнымъ его дѣяніямъ!

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

МАЙ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ II. 1882 г.

Апрѣль.

Май.

Іюнь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ II.

МАЙ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 24-го апрѣля 1882 года.

Кіевское представительство прежняго времени.

Съ 1499 по 1834 г., т. е. болѣе трехъ сотъ лѣтъ Кіевъ располагалъ свою внутренюю жизнь по такъ называемому магдебургскому праву, постепенно обрѣзываемому и ослабляемому до совершенной отмѣны и послѣднихъ его принадлежностей въ 1834 г.

Право это хотя заимствовано съ иноземной почвы и во многомъ не согласовалось съ укладомъ *вѣчевой* общины и мѣстными воззрѣніями и обычаями, тѣмъ не менѣе предоставляло городу, которому жаловалось, полную самостоятельность собственнаго управленія и суда. Первоначально пожалованное Кіеву великимъ княземъ литовскимъ Александромъ, а потомъ расширенное новыми льготами, пожалованными отъ польскихъ королей, оно скоро пришлось по вкусу кіевлянъ и давало Кіеву полную возможность не только жить спокойно по своей волѣ, но, послѣ понесенныхъ имъ разореній, превратиться снова въ богатый и цвѣтущій городъ, если бы его мирнаго развитія не колебала его страдальческая политическая роль, его благосостоянія не подрывали своекорыстныя стремленія его собственныхъ излюбленныхъ правителей. Кіевъ былъ самъ для себя господиномъ: самъ собою управлялъ, самъ себя судилъ. самъ велъ свое хозяйство. Во всѣхъ этихъ отправленіяхъ своей жизни правомъ магдебургскимъ онъ былъ вполнѣ огражденъ отъ власти и вліянія намѣстника или воеводы, а равно судей коронныхъ, и пользовался льготою отъ многихъ общегосударственныхъ повинностей и налоговъ, владѣлъ обширными землями и угодьями, имѣлъ свое *мыто*, самъ собиралъ свои доходы, самъ „и въ потребностяхъ своихъ изворачивался“. Городская община представляла изъ себя болѣе сплоченности и внутренняго единства и менѣе разносоставности, нежели община нынѣшняго времени подъ всесословною думою. Бояре (впослѣдствіи шляхтичи) и земяне, купцы и мѣщане не были разграничены и по складу своей жизни разъеди-

нены, но всѣ вмѣстѣ представляли изъ себя, по своему образованію, развитію, воззрѣніямъ, образу жизни и привычкамъ, одну почти сплошную массу, которой части другъ отъ друга разнились лишь большимъ или меньшимъ достаткомъ. Чиновничества въ нынѣшнихъ его размѣрахъ не было и въ зародышѣ. Городъ управлялъ собою посредствомъ своихъ выборныхъ изъ среды указанныхъ группъ, пользовавшихся въ дѣлѣ управленія равными правами. Слова: мѣщанинъ и купецъ отнюдь не имѣли того особаго колорита и значенія, какое пріобрѣли въ послѣднее время, равно какъ шляхтичъ и земянинъ не представляли изъ себя величія недосягаемаго; напротивъ переходъ изъ одной группы въ другую былъ не труденъ и обыкновененъ, и не только снизу вверхъ, но и сверху внизъ.

Правящее учрежденіе города носило названіе Магистрата и было весьма не сложно. Грамотою Сигизмунда-Августа 1544 г. повелѣвалось избирать „судей присяжныхъ, или на уряды потребныхъ людей, числомъ отъ трехъ до двѣнадцати человѣкъ, смотря по надобности и обыкновенію, хранимому издревле“; но къ тому времени, если не ошибаемся, и надобность и обычай утвердили число двѣнадцать. Этотъ общій составъ городскаго управленія распадался на двѣ коллегіи съ равнымъ числомъ членовъ, изъ которыхъ одна вѣдала внѣшній порядокъ и хозяйство городское, а другая творила судъ. Въ первой коллегіи предсѣдательствовалъ обыкновенно *войтъ*, представитель вообще городскаго управленія, избиравшійся на всю жизнь, а члены этой коллегіи назывались *райцами* или *радцами* (отъ словъ: радить, раять, совѣтовать), впослѣдствіи *ратманами*; во второй коллегіи предсѣдалъ бурмистръ, а члены носили названіе *лавниковъ* (отъ лавы или лавки, мѣста сидѣнія), т. е. судей. Коллегія административная вѣдала мелкіе проступки и правонарушенія, коллегіи судебной подлежали болѣе крупные иски гражданскіе и дѣла уголовныя; она карала и миловала, владѣла правомъ жизни и смерти, содержала висѣлицу и палача съ орудіями казни и наказаній. Мечь, которымъ отсѣкались головы преступникамъ, хранился еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ магистратскомъ складѣ. Въ дѣлопроизводствѣ обѣихъ коллегій преобладалъ элементъ устный надъ письменнымъ. Судъ былъ скорый, хотя не всегда милостивый и правый. Впрочемъ, тяжущіеся и подсудимые пользовались всегда правомъ свободной защиты.

Зданіе, въ которомъ помѣщался городской Магистратъ, носило названіе ратуши, остававшееся за нимъ до переименованія Магистрата въ Думу въ 1834 г. Для содержанія онаго король Сигизмундъ III грамотою 15 февр. 1619 г. пожаловалъ кіевлянамъ собственный его грунтикъ,—гору Щековицу, нынѣ царство мертвыхъ.

Кіевъ не обязанъ былъ никому, даже самому королю, отчетомъ въ своемъ хозяйствѣ. Тотъ-же король Сигизмундъ III грамотою 1 апрѣля 1620 г. воспретилъ тогда и „на потомные часы" принуждать кіевлянъ къ дачѣ отчетовъ въ своихъ доходахъ предъ королевскими комиссарами. Одинаково независимъ былъ Кіевъ и въ дѣлахъ собственнаго суда и это гарантировалъ для него еще Сигизмундъ II грамотою 1544 г.

Таковы были „права и вольности, которыхъ Кіевъ уживалъ за славныхъ польскихъ королей". Но „и когда сія древняя столица всеавгустѣйшихъ предковъ россійскихъ государей возвратилась благополучно въ прежнее владѣніе ея, то не токмо всѣ ея привилегіи во всей силѣ высокими самодержцами всероссійскими утверждены, но и общія выгоды и преимущества града сего жалованными высокомонаршими грамотами всемилостивѣйше распространены и умножены...."

Дѣйствительно, тою-же грамотою царя Алексѣя Михайловича (16-го іюля 1654 г.), которою повелѣвалось „мѣщанамъ" (жителямъ) г. Кіева быть подъ крѣпкою рукою его величества, подтверждались и всѣ прежнія его права и привилегіи. Эта подтвердительная грамота въ свою очередь была подтверждаема преемниками Алексѣя Михайловича въ 1700, 1730, 1743 и послѣдующихъ годахъ до царствованія Александра I-го; но отъ всѣхъ этихъ грамотъ, отъ всѣхъ правъ и привилегій, отъ всего городскаго самоуправленія и самосуда, какъ и отъ всей прежней жизни, къ 1835 году не осталось ничего.

И сталось это въ силу неотразимаго хода событій, въ силу особаго строя и чѣмъ дальше, все болѣе измѣнявшагося теченія жизни того государства, съ которымъ Кіевъ вновь соединилъ свою судьбу и уже не въ качествѣ его столицы. Царствованіе Алексѣя Михайловича, при которомъ Кіевъ поступилъ подъ державу россійскую, само по себѣ было послѣднею гранью прежней автономной жизни областей и городовъ, участія земли въ жизни государства.

Абсолютизмъ Петра І-го, централизировавшаго всякую отрасль управленія и подтянувшаго все подъ свою высокую и крѣпкую руку, всего менѣе оставлялъ мѣста какой либо „вольности". Послѣдующія правленія шли въ томъ-же духѣ обобщенія власти и управленія, въ размноженіи служилаго сословія, въ раздѣленіи населенія на касты или классы, въ расширеніи и усиленіи правъ однихъ, порабощеніи и закрѣпощеніи другихъ. При такомъ общемъ строѣ и теченіи жизни, не могли сохранить своей силы никакія прежнія пожалованія и ихъ подтвержденія. Жизнь дѣлала свое и— старые порядки должны были уступать мѣсто новымъ. Въ общемъ потокѣ государственной и общественной жизни не могъ составлять исключенія и Кіевъ, а тѣмъ болѣе его полновластный и независимый Магистратъ. Всѣ прежнія привиллегіи Кіева, начиная съ самостоятельности митрополіи и выборнаго начала въ церковномъ управленіи, падали одно за другимъ. Изъ состава нѣкогда компактной общины городской выдѣлялось, какъ и въ общемъ строѣ общественной жизни, единое привилегированное дворянское сословіе, по жалованной грамотѣ Екатерины II получившее свое особое самоуправленіе. Еще прежде выдѣлилось духовенство въ особую, совсѣмъ замкнутую касту. Выдѣлился и умножился классъ правящій, которому одному открытъ былъ доступъ къ дворянству. По мѣрѣ всего этого принижались, оскудѣвали и въ числѣ уменьшались группы купцовъ и мѣщанъ. Кому и кѣмъ было править, кому и кого было судить?

Открытіе въ Кіевѣ намѣстничества, въ правленіе Екатерины II, и введеніе общаго городоваго положенія, лишь съ нѣкоторыми изъятіями для Кіева, сильно понизило авторитетъ городскаго представительства, ограничило его составъ, съузило кругъ его дѣятельности, словомъ: наносило почти окончательный ударъ автономному управленію Кіева. Правда, въ царствованіе императора Павла І-го, грамотою 19 сентября 1798 г., на нѣкоторое время были возобновлены прежнія права и привилегіи Кіева и Магистратъ былъ возстановленъ въ прежнемъ составѣ и съ прежними названіями членовъ, а въ царствованіе Александра Благословеннаго эти права еще разъ были подтверждены; но прежнія названія были теперь не болѣе какъ пустые ярлыки, а лица, ими обозначаемыя, простыя пѣшки, ничего не значившія въ общемъ ходѣ жизни и управленія города.

При Екатеринѣ II и Александрѣ I перестраивался весь порядокъ государственной и общественной жизни, явился цѣлый рядъ учрежденій административнаго, судебнаго и полицейскаго характера, обнимавшихъ собою всю область предметовъ вѣдѣнія Магистрата и не оставлявшихъ для него почти ничего. Оставалась едва слабая тѣнь прежней административной власти Магистрата и то въ тѣсномъ кругѣ мѣщанства и купечества и его мелкихъ интересовъ. Между тѣмъ все бремя городскихъ повинностей и налоговъ ложилось всею своею тяжестію исключительно на обѣднѣвшее мѣщанство. Мѣщане приносили на это жалобу и въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ составленъ по высочайшему повелѣнію особый комитетъ изъ представителей всѣхъ сословій, для приведенія въ извѣстность и равновѣсіе городскихъ доходовъ съ расходами и уравненія всѣхъ жителей города Кіева въ ихъ повинностяхъ. Стало-ли послѣ этого легче жаловавшимся мѣщанамъ,—мы не знаемъ. Извѣстно только, что для Магистрата составленъ былъ новый штатъ, съ допущеніемъ перевода натуральнаго содержанія на денежные оклады и съ предоставленіемъ городу пользовать своихъ выборныхъ только деньгами, или деньгами и натурою вмѣстѣ.

Такъ влачилъ свои послѣдніе годы кіевскій Магистратъ до совершеннаго его упраздненія и замѣны столько-же безцвѣтною и еще болѣе безсильною Думою. Какъ-бы въ утѣшеніе кіевлянъ до послѣдняго конца ихъ самоуправленія, имъ оставлена была отъ прежнихъ „вольностей“ еще одна забава, но объ ней скажемъ особо, а теперь докончимъ наше слово о старомъ полновластномъ Магистратѣ.

Кіевскій Магистратъ и подъ польскимъ и подъ русскимъ владычествомъ мѣнялся въ составѣ своихъ членовъ, которыхъ было и большее и меньшее число, смотря по надобности, не свыше однако 12-ти, не считая войта; избирались-же они изъ всѣхъ кіевскихъ жителей *„по разуму, способности и достоинству“*. Райцы и лавники отбывали свои сессіи и въ половинномъ составѣ—по очереди, по-годно или по четвертямъ года. Въ послѣдствіи, подъ русскимъ уже владычествомъ, вѣроятно, для облегченія войта, и въ средѣ райцевъ, какъ прежде въ средѣ лавниковъ, является *бурмистръ*. Занятія спеціализируются: завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ переходитъ въ руки *шафаря*, сборъ налоговъ и вообще доходовъ—*ин-*

стигатора; райцы, потомъ *ратманы,* въ послѣднее время называются *ратегерами:* въ штатъ Магистрата, кромѣ писаря, входятъ „урядники, подвойскіе“ или вахмистры, а также канцеляристы.

Денежные оклады городскихъ выборныхъ были не значительны. Такъ жалованье войта грамотою Владислава IV (30 марта 1645 г.) опредѣлялось въ 500 злотыхъ, бурмистру и старшему райцѣ грамотою Яна Казимира (12-го генваря 1650 г.) назначено по 300 злотыхъ. Тѣ же оклады этимъ лицамъ значатся и въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, а прочимъ 4 райцамъ и 6-ти лавникамъ лишь по 60 злотыхъ въ годъ, „какъ изъ давна повелось“. Въ 1778 г., по штату утвержденному сенатомъ, денежные оклады назначены, „съ прибавленіемъ противу прежняго“, въ слѣдующемъ размѣрѣ: войту 400 р., двумъ бурмистрамъ по 250 р., тремъ ратегерамъ по 200 р., лавнику одному 100 р., инстигатору одному 80 р. и писарю 300 р., всего же, считая содержаніе канцеляріи, урядниковъ, вахмистровъ и пр., 3,560 р.

Гораздо значительнѣе этихъ денежныхъ окладовъ былъ такъ называемый *юргенсъ,* или *акциденція,* по нашему—довольствіе натурою. По введенному издревле обыкновенію, практиковавшемуся и въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, въ видѣ акциденціи или „юргента“ давалось:

Войту горячаго вина, меду и пива по 100 ведеръ, лѣсу сосноваго по 100 бревенъ, дровъ 100 возовъ, да къ двумъ праздникамъ Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенія меду и пива по 10 ведеръ, и сверхъ того „на рангъ“ его войта давался городской хуторъ съ винокуреннымъ заводомъ, сѣнокосъ на 500 копенъ и рыболовное озеро.

Бурмистрамъ и райцамъ вина горячаго по 60 ведеръ, меду варенаго и пива по 100 ведеръ, „кромѣ праздничнаго“, лѣсу сосноваго по 60 бревенъ, дровъ по 60 возовъ и сѣнокоса по 300 копенъ.

Лавнику и инстигатору горячаго вина, меду и пива, „кромѣ праздничнаго“, по 20 ведеръ, лѣсу сосноваго по 20 бревенъ, дровъ по 20 возовъ и сѣнокоса каждому по 100 копенъ.

Урядникамъ горячаго вина, меду варенаго и пива по 12 ведеръ, лѣсу по 12 бревенъ, дровъ по стольку же возовъ, сѣна не полагалось.

Писарю горячаго вина, меду и пива по 50 ведеръ, лѣсу сосноваго 50 бревенъ, дровъ 50 возовъ да сѣнокосу на 200 копенъ.

Канцелярскимъ служителямъ „юргенсъ даванъ былъ" по разсмотрѣнію бурмистра и райцы не единообразно, тоже подвойскимъ и разсыльщикамъ.

Нѣсколькими словами о прежнемъ помѣщеніи Магистрата мы и заключимъ не многія свѣдѣнія о кіевскомъ представительствѣ прежняго времени.

Издревле главная масса кіевскаго населенія ютилась на Подолѣ: тутъ кипѣла торговая жизнь, тутъ помѣщался и Магистратъ,—управленіе и судилище г. Кіева. Съ XVII въ XVIII вѣкъ отъ прежняго магистратскаго помѣщенія перешли башенные часы съ славянскою надписью 1697 г. Въ XVIII в., по описанію Закревскаго, зданіе Магистрата выдавалось изъ ряда другихъ по своей причудливой архитектурѣ. Это было каменное двухъ-этажное зданіе во вкусѣ *рококо,* съ большимъ выступомъ въ срединѣ для входа, съ обширною надъ нимъ террасою и круглою съ балкономъ башнею, въ 15 саженъ, утвержденною на главномъ фасадѣ. Домъ этотъ оконченъ былъ постройкою въ 1737 г. и находился на пространствѣ между фонтаномъ Самсона и контрактовымъ домомъ, будучи одной стороной обращенъ къ братскому монастырю, а другой къ успенской церкви. Упомянутая терраса заканчивалась красивымъ фронтономъ, на которомъ стояла мѣдная колоссальная статуя Ѳемиды, съ мечемъ въ одной рукѣ и съ вѣсами въ другой. На башнѣ помѣщались часы; къ нимъ приложена была и съ ними особымъ механизмомъ соединена мѣдная барельефная фигура кіевскаго патрона, архистратига Михаила, до 4-хъ аршинъ въ поперечникѣ. Когда раздавался бой часовъ, стальное копье Архистратига ударяло въ кремнистую пасть лежавшаго у ногъ его змія. Въ темнотѣ сыпались искры и змій огненнымъ казался. Въ опредѣленные часы дня съ высоты балкона раздавалась игра трубачей; на открытой террасѣ 16 музыкантовъ, вечернею порой, въ хорошую лѣтнюю погоду, услаждали слухъ кіевлянъ. Все это вмѣстѣ привлекало иногда къ ратушѣ массы народа. По всему думать можно, что это магистратское помѣщеніе было лучше нынѣшняго его думскаго; но пожаръ 1811 года до тла истребилъ лучшее въ тогдашнемъ Кіевѣ зданіе, которымъ такъ долго любовались кіевляне.

Время снесло вѣковѣчное учрежденіе, пламя пожрало его помѣщеніе и отъ прежняго представительства города осталось лишь туманное воспоминаніе...

Кромѣ самоуправленія и самосуда, Кіевъ издревле пользовался привилегіею или, точнѣе, обязанностію самозащиты.

Говоря объ этомъ, мы не касаемся періода кіевскихъ князей, временъ борьбы князей изъ-за обладанія Кіевомъ, нападенія на него кочующихъ народовъ, разоренія его татарами и порабощенія литовцами, — того отдаленнаго времени, когда самозащита была общимъ всѣхъ и каждаго правомъ и обязанностію, но не имѣла опредѣленной организаціи, являлась импровизированною въ годины несчастій. Въ періодъ литовскаго владычества, эта обязанность, не переставая быть общею въ крайнихъ случаяхъ, связывалась съ правомъ владѣнія землею и, регламентируясь извѣстнымъ образомъ, составляла принадлежность особаго класса людей, какъ-то: бояръ, земянъ и впослѣдствіи козаковъ. Но тутъ различалась служба воинская какъ повинность земли, общегосударственная потребность и какъ самозащита общины при отдѣльномъ на нее нападеніи. Кіевляне въ это время несли ту и другую повинность. Съ превращеніемъ кіевскаго княженія въ намѣстничество и потомъ воеводство, въ Кіевѣ былъ *Замокъ,* солидно укрѣпленный и вооруженный, какъ для отраженія внѣшнихъ нападеній, такъ и для удержанія въ городѣ спокойствія и безопасности; но, пользуясь защитою со стороны государства, кіевляне должны были въ свою очередь участвовать въ ограждении безопасности ближайшихъ по крайней мѣрѣ къ нимъ областей. Главнѣйшими и постоянными, такъ сказать, врагами кіевской земли и самаго Кіева были въ то время татары. Ихъ набѣговъ въ большей части случаевъ, особливо на пограничьи, нельзя было ни предвидѣть, ни предотвратить. Кромѣ отмѣченныхъ исторіею татарскихъ походовъ и нашествій, мелкія партіи татаръ каждогодно и даже по нѣскольку разъ въ годъ появлялись внезапно то въ той, то въ другой изъ русскихъ областей и дѣйствуя налетомъ и захватомъ, проникая во внутрь, на сколько позволяли ихъ силы и обстоятельства, производили большія или меньшія опустошенія, держа населеніе въ постоянномъ страхѣ. Пока постепенно

формировалось козачество и выдвигался все далѣе къ югу рядъ укрѣпленій, обязанность защиты земли отъ нападеній татаръ была общею и, въ соотвѣтствіе ихъ набѣгамъ, постоянною. И кіевляне обязаны были тогда ежегоднымъ хожденіемъ за татарами въ воеводства волынское, брацлавское и подольское, дабы вылавливать ихъ, какъ впослѣдствіи вылавливали сусликовъ на пространствѣ степей новороссійскаго края. Король Сигизмундъ III, какъ писали впослѣдствіи кіевляне, благоволившій къ Кіеву, „бывшему неоднократно театромъ военныхъ государственныхъ происшествій и отличавшему себя всегда усердными подвигами", грамотою 1624 года освободилъ ихъ отъ обременительнаго и становившагося отчасти уже излишнимъ каждогоднаго хожденія за татарами и повелѣлъ выступать противъ этого врага лишь тогда, когда онъ вторгнется въ кіевское воеводство, или чрезъ оное возвращаться будетъ. Въ этихъ случаяхъ „всѣ кіевскіе мѣщане, находящіеся на лицо, за полученіемъ повелѣнія воеводы кіевскаго съ нимъ или съ подвоеводою его кіевскимъ, обязаны были при королевскомъ войскѣ рушиться *порядно* каждый разъ, когда только сего надобность требовать будетъ".

Мы не имѣемъ въ виду свѣденій о размѣрахъ кіевскаго отряда, съ королевскими войсками въ такихъ случаяхъ выступавшаго, ни свѣденій объ его организаціи и вооруженіи; мы хотимъ сказать лишь о томъ, какъ изъ права самозащиты, извѣстнымъ образомъ организованной, и обязанности общегосударственной защиты выродился впослѣдствіи тотъ *вооруженный корпусъ г. Кіева,* который существовалъ до недавнихъ дней, которымъ гордились кіевляне и о которомъ сохранилось еще столько преданій и разсказовъ очевидцевъ.

Сознавая себя вольными, чувствуя за собою право и обязанность самозащиты, участвуя наконецъ въ защитѣ себя и земли родной, въ походахъ и дѣйствіяхъ военныхъ, кіевляне пріобыкли владѣть оружіемъ, имѣли свои военныя традиціи и не тяготились своею воинскою повинностію, ясно понимая ее, какъ свою собственную самозащиту. На это указываетъ намъ грамота Сигизмунда III-го 22 февраля 1605 г., данная Кіеву по поводу возобновленія кіевскаго замка, сгорѣвшаго передъ тѣмъ отъ громоваго удара. Неоднократно, какъ говорится въ грамотѣ, кіевляне жаловались королю на невозобновленіе въ Кіевѣ замка и на грозившую имъ поэтому

постоянную опасность отъ непріятелей; когда-же королевскій приказъ о семъ кіевскому воеводѣ въ теченіи долгаго времени не былъ выполняемъ, а между тѣмъ, въ виду Кіева, въ томъ же (1605) году, вновь показался непріятель-татаринъ, то кіевляне, „не съ какой-либо повинности, которой при постройкѣ и исправленіи замка не обязаны нести, но съ доброй воли, единственно для собственной защиты, рѣшились на собственный счетъ замокъ дубовымъ палисадомъ укрѣпить и оный застроить". Кіевляне при этомъ просили короля лишь о томъ, чтобы эта добровольная съ ихъ стороны жертва, вызванная чувствомъ самозащиты, не была превращена въ обязательную для нихъ на будущее время повинность, и король ихъ, „какъ людей вольныхъ, магдебургскимъ правомъ пользующихся, тою-же грамотою отъ сего ограждалъ и при всѣхъ ихъ вольностяхъ и на будущее время оставлялъ".

Во время козацкихъ войнъ Хмельницкаго кіевскій замокъ былъ разоренъ до основанія, а самый Кіевъ, возвратившись подъ державу россійскую, былъ освобожденъ отъ участія въ общегосударственной защитѣ и его собственная защита была ограждена со стороны новаго правительства болѣе надежнымъ образомъ, чѣмъ во времена господства королей со стороны воеводъ, возводившихъ и поддерживавшихъ городскія укрѣпленія, по своему усмотрѣнію, на счетъ получаемыхъ ими отъ воеводства и города доходовъ. Грамотою царя Алексѣя Михайловича 16 іюля 1654 года постановлено, „чтобъ быть кіевскимъ мѣщанамъ отъ ратныя службы уволеннымъ, и въ обозъ не ходить, а оберегать себя въ городѣ". Дарованная теперь льгота подтверждалась и во всѣ послѣдующія царствованія; но скоро и сама защита города оказалась не нужною. Для московскаго государства до преобразованія его въ россійскую имперію и впослѣдствіи для самой имперіи Кіевъ сталъ главнымъ стратегическимъ пунктомъ—со стороны Польши, Турціи и татаръ и на укрѣпленіе его было обращено особое вниманіе новаго правительства: строились укрѣпленія, насыпались валы, возобновлялся замокъ, сооружались башни и бойницы, разставлялись пушки, вводились кавалерійскіе и стрѣлецкіе полки и наконецъ (въ 1706 г.) заложена нынѣшняя печерская крѣпость. Важнѣйшія изъ укрѣпленій относятся ко времени чигиринскаго и прутскаго походовъ и связаны съ именами Алегуковича Черкасскаго и Миниха. Но въ возведеніи

укрѣпленій, въ своей самозащитѣ городъ Кіевъ не принималъ уже никакого участія. Понятія о способахъ государственной обороны повсюду измѣнились, явилось постоянное регулярное войско и защита областей и городовъ стала исключительно достояніемъ государства.

Мы не имѣемъ прямыхъ указаній на время образованія кіевскаго корпуса въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія; но кажется, что начало его надо отнести именно къ тому времени, когда вооруженная сила городской общины становилась не нужною для ея собственной защиты, принятой на счетъ государства.

Когда бы ни явился этотъ корпусъ, образованіе его совершилось просто и легко. Такъ называемые регистровые, т. е. состоявшіе на постоянныхъ должностяхъ при Магистратѣ составили готовую команду корпуса и отчасти его кавалерію, которая пополнялась охотниками изъ богатыхъ и почетныхъ гражданъ, а пѣхота и вообще масса корпуса явилась также готовою въ лицѣ цеховыхъ, проще—ремесленниковъ разнаго рода или мѣщанъ. Выборное служилое сословіе командовало, выбиравшая масса по командѣ поступала. Корпусъ имѣлъ свои ружья и пушки, блестящую обмундировку, своихъ трубачей и литаврщиковъ, свою музыку и знамя, или хоругвь; его кавалерія носила названіе „товариства золотой корогвы". Только численная сила корпуса была не велика—всего 187 человѣкъ кавалеріи, а пѣхоты по числу цеховыхъ. Какого-либо непріятеля сей вооруженный корпусъ не имѣлъ въ виду, бояться ему было некого и служба его была не тяжела. Разъ или болѣе въ году „высылаемъ онъ былъ въ парадѣ съ музыкою для почестей встрѣчею посѣщающихъ и шествующихъ чрезъ г. Кіевъ высочайшихъ фамилій и проѣзжающихъ чрезъ оный полномочныхъ чрезвычайныхъ россійскихъ пословъ, посланниковъ и другихъ знатныхъ персонъ". Въ высокоторжественные церемоніальные дни, въ дни торжественныхъ освященій воды на Днѣпрѣ, 6-го января и 1-го августа, корпусъ былъ выдвигаемъ въ томъ-же видѣ и для той-же цѣли. Парадировали, мѣняли фронтъ и строй, проходили церемоніальнымъ маршемъ, при чемъ слышалась команда: „товщимъ кинцемъ до пидошвы!", палили изъ пушекъ и ружей, трубили въ трубы,

били въ литавры, играли на инструментахъ... Словомъ: „существовалъ и многіе годы содерживался сей вооруженный корпусъ г. Кіева для вящшаго сея древнія столицы украшенія". Другими словами: это была одна изъ прерогативъ, внѣшнихъ знаковъ представительства г. Кіева, пережившая самое представительство, какъ нерѣдко форма переживаетъ дѣло.

Упомянутыя церемоніи 6-го января и 1-го августа издревле отбывались въ Кіевѣ съ особою торжественностію и нѣтъ сомнѣнія, что кіевская община представляла себя на нихъ такъ или иначе. Объ одной изъ такихъ церемоній упоминаетъ въ своихъ запискахъ завѣдывавшій постройкою кіевскихъ укрѣпленій въ послѣдней четверти XVII в. Гордонъ; но описывая всю церемонію и производившуюся при томъ пальбу, онъ ничего не упоминаетъ о дѣйствіяхъ кіевскаго вооруженнаго корпуса, изъ чего должно заключить, что самый корпусъ организовался позже.

Судьба корпуса была неодинакова. Въ правленіе Бирона онъ былъ уничтоженъ и мѣщанъ брали въ рекруты. Не существовалъ онъ и позже. Возстановленъ вновь въ началѣ царствованія Екатерины II и усиленъ артиллеріею новаго калибра. Въ 1768 году Магистратъ озаботился устройствомъ и содержаніемъ при семъ корпусѣ постояннаго оркестра. Поводомъ къ сему послужили неудобства, которыя испытывали Магистратъ и корпусъ, при внезапныхъ проѣздахъ и посѣщеніяхъ какихъ-либо высокихъ особъ. Приходилось заимствовать трубачей и литаврщиковъ отъ полковъ и другихъ командъ, которымъ они въ свою очередь бывали нужны, платить за нихъ деньги, переодѣвать въ соотвѣтственное платье, а иногда и вовсе оставаться безъ музыкантовъ. Въ особенности постоянные трубачи и литаврщики были нужны „для игранія ежедневной утренней и вечерней зари, а также полуденнаго 12-го часа". Магистратъ постановилъ имѣть собственныхъ магистратскихъ музыкантовъ, въ числѣ 16 человѣкъ, содержать для нихъ капельмейстера и особую школу для постояннаго комплектованія городской „капелліи". Имъ назначено постоянное жалованье, сооружены церемоніальные и повседневные мундиры, даны нужные инструменты. На постоянное содержаніе и освѣщеніе школы и ремонтъ костюмовъ и инструментовъ положено отчислять изъ городскихъ доходовъ ежегодно по 300 р.

Въ 1790 году въ вооруженномъ корпусѣ Кіева почувствовали, по обстоятельствамъ тогдашняго военнаго времени, какъ-бы дѣйствительную потребность и рѣшились дать ему назначеніе, которое отвѣчало-бы его названію, а предварительно на всякій случай приспособить его къ военному дѣлу. Этимъ занялся бывшій тогда въ Кіевѣ губернаторъ Ширковъ, по распоряженію генералъ-губернатора Михаила Ивановича Кречетникова. Составлены были именные списки и по нимъ приведены въ извѣстность всѣ тѣ кіевскіе мѣщане, которые въ случаѣ надобности могли бы быть употреблены на защищеніе и охраненіе города. Раздѣлили ихъ на хоругви, назначили имъ командировъ, выдали изъ магистратскаго военнаго депо оружіе: самопалъ, пистолетъ и пику и внушили хранить оное во всегдашней исправности, а по временамъ и стрѣлять пріучаться. Разъ въ недѣлю, на Оболони, палили мѣщане изъ ружей, дабы къ стрѣльбѣ пріобыкнуть. Кіевскій корпусъ сталъ совсѣмъ вооруженнымъ. Оказалось мало городской артиллеріи, вся она состояла изъ четырехъ пушекъ. Графъ Кречетниковъ далъ еще пять мѣдныхъ пушекъ съ лафетами и къ каждой по 50 ядеръ, по ихъ калибру, со всѣми принадлежностями, для надлежащаго пріобученія корпуса. Однако услугами его такъ и не пришлось воспользоваться. Мѣщане подучились по крайней мѣрѣ исправно палить изъ пушекъ и ружей въ церемоніальные дни.

Въ 1798 году 13 іюля пальба и всякія церемоніи неожиданно были прекращены. Послѣдовало высочайшее повелѣніе, „дабы впредъ церковныхъ парадовъ не было, предоставляя сіе единственно резиденціи“. Кіевляне всполошились; собрали всѣ грамоты, привилеи, стали хлопотать чрезъ бывшаго тогда военнаго губернатора Беклетова и еще въ послѣдній день того-же года дождались отмѣны сдѣланнаго запрещенія. Императоръ Павелъ І-й снизошелъ къ просьбѣ кіевскихъ гражданъ и снова дозволилъ имъ „отправлять издавна введенную въ Кіевѣ января 6-го и августа 1-го церемонію, т. е. „всѣмъ цехамъ при сабляхъ и ружьяхъ съ хоругвями выходить, а почетнымъ гражданамъ въ одинаковомъ одѣяніи на лошадяхъ выѣзжать и на рѣкѣ Днѣпрѣ при освященіи воды пальбу производить“.

И производили, хотя ружья подъ часъ безъ замковъ были. За неявку на церемоніи назначался штрафъ: но большинство участни-

ковъ, особливо кавалеристы, являлись охотно. Самолюбію простаго, совсѣмъ мирнаго гражданина, давно забывшаго исторію роднаго города и края, необычайно льстило это внезапное превращеніе два раза въ годъ во образъ почти военнаго человѣка, а для иныхъ и какъ-бы генерала. Вотъ обмундировка этихъ quasi воиновъ вооруженнаго корпуса. На кавалеристѣ атласный фіолетоваго цвѣта жупанъ; поверхъ его кунтушъ темнозеленаго сукна, рукава на *„вылетъ"*; всѣ швы обшиты золотымъ снуркомъ, на головѣ высокая смушевая шапка, верхъ бархатный малиновый, кисть золотая; черезъ плечо лядунка, съ боку сабля на шелковомъ поясѣ; сѣдло, вся сбруя оторочены серебромъ, иногда золотомъ, даже стремена серебряныя; при сѣдлѣ пара добрыхъ пистолей. Пѣхотинцы одѣвались въ простые кунтуши, надѣвали также высокія шапки, имѣли каждый при поясѣ саблю, лядунку и ружье. 15-ю хоругвями ихъ командовали цехмистры, выступавшіе съ обнаженными саблями, всѣмъ корпусомъ и всею церемоніею управлялъ бурмистръ. Подробности церемоніи описаны у Закревскаго. Мы приведемъ изъ него лишь слѣдующія заключительныя слова: „при бѣглыхъ выстрѣлахъ изъ пистолетовъ и ружей, громъ пушекъ, звонъ колоколовъ, игра музыки, гулъ огромнаго барабана, звуки трубъ, грохотаніе литавръ, шумъ волнующейся толпы, крикъ тѣснящихся за освященною водою, визги женщинъ и дѣтей, ржаніе лошадей и вторящее эхо—все это производило хаосъ необъятный, но вмѣстѣ торжественный".

Оканчивался этотъ оригинальный парадъ, всѣ представители и участники его отправлялись на *закуску:* генералитетъ и кавалерія вооруженнаго корпуса—давнѣе въ ратушу, позже—въ контрактовый домъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ и властями, а пѣхотинцы съ цехмистрами, влагавшими мечь свой въ ножны до слѣдующаго года, —въ управу. Каждому изъ нихъ предоставлялось право палить изъ ружей во весь этотъ день. Еще одно оставшееся право, если не считать неотъемлемаго другаго — пить на радости, сколько кому вздумается. И пили они и при томъ палили, палили и пили, *Руси бо есть веселіе пити.*

Какъ ни съужено и принижено было властное нѣкогда представительство городское, но это двукратное въ годъ участіе его въ пустомъ по видимому парадѣ не оставалось безслѣднымъ. Дважды

въ годъ оно шевелило сонную жизнь города, будило и поддерживало въ его населеніи воспоминаніе о пережитыхъ временахъ „привилеевъ и вольностей", хранило дорогую традицію о національности и ея соотношеніяхъ и какъ искру подъ пепломъ берегло духъ воинственный на случай нужды. Двумя опытами доказали это кіевляне. Въ 1812 г., когда послѣдняя *гармиза* (гарнизонные солдаты) двинута была на усиленіе дѣйствующихъ армій, старожилы-кіевляне безъ приказа сформировали свой вооруженный корпусъ и до возвращенія войскъ содержали караулы въ городѣ и крѣпости. Позже —во время перваго польскаго возстанія они вновь снарядили свою милицію, состоявшую на этотъ разъ изъ 1000 человѣкъ пѣхоты и 400 человѣкъ конницы, въ теченія полугода охраняли Кіевъ и кіевскій уѣздъ отъ вторженія непріятеля и получили за то Высочайшую благодарность. Не безъ основанія старожилы-очевидцы бывшихъ церемоній такъ краснорѣчиво повѣствуютъ о гордой осанкѣ, воинственномъ видѣ послѣдняго бурмистра, командира вооруженнаго корпуса—Мажнаго, его блестящемъ костюмѣ, дорогомъ скакунѣ, богатой сбруѣ, величественной командѣ. Не изъ мѣщанскаго только чванства говорилъ не такъ давно умершій, очень извѣстный на Подолѣ купецъ, самъ участвовавшій въ парадахъ: „якъ сяду було на коня, кровь въ сердці играе, самъ себе не пизнаешь"... и, послѣ описанія собственнаго костюма, вооруженія и коня, прибавлялъ: „с...й сынъ буду, зовсімъ якъ генералъ! навѣть (даже) москали (солдаты), якъ углядять, на караулъ було роблять". Да, традиція была живуча.

Въ 1835 году послѣдовало уничтоженіе въ Кіевѣ такъ называемаго магдебургскаго права и соединенныхъ съ нимъ внѣшнихъ отличій городскаго управленія. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней чрезъ полицію созвали все представительство городское,—командировъ и нижнихъ чиновъ, на мѣстѣ, гдѣ происходили ихъ quasi военныя эволюціи, выстроили въ ряды и объявили царскую волю. Магистратъ переименованъ въ Думу и вмѣсто войта велѣно избирать голову—изъ купцевъ, а между ними къ тому времени взяли верхъ захожіе, пользовавшіеся нѣкоторыми привиллегіями, великороссіяне: Дехтеревъ, Ходуновъ и др. Традиціонное чувство кіевлянъ глубоко оскорбилось. Недовольство ихъ и какъ-бы плачь о потерѣ древнихъ правъ въ рѣзкой формѣ отразились въ стихотво-

ренія, которое тогда-же написано однимъ изъ состава Магистрата, именно его писаремъ, долго ходило по рукамъ, потомъ забыто и теперь съ трудомъ разыскано нами. По этому стихотворенію можно судить о причинахъ сочувствія, какимъ оно долго пользовалось въ средѣ кіевскихъ гражданъ, можно судить о силѣ впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ отмѣною магдебурскаго права. Людей, незнакомыхъ съ обстоятельствами его происхожденія, оно могло бы привести къ ошибочному заключенію, что въ немъ отразилась вражда двухъ національностей, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ тутъ коммерческая вражда двухъ купеческихъ партій—захожей, для которой *мандебурія* была какой-то дикій, съ трудомъ произносимый звукъ, и мѣстной, въ сторону которой тянуло и все кіевское мѣщанство. Мы приведемъ это стихотвореніе въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замѣтокъ" настоящей книжки, какъ мѣстный историческій и литературный памятникъ, а теперь закончимъ нашу рѣчь слѣдующимъ краткимъ эпилогомъ.

Кіевляне (купечество и мѣщанство), не въ состояніи будучи понять, что широкія нѣкогда права ихъ самоуправленія снесены потокомъ новой наступившей для нихъ жизни, что отъ нихъ осталась одна лишь форма, звукъ пустой, громко винили, какъ показываетъ упомянутое стихотвореніе, послѣдняго своего войта Киселевскаго въ продажѣ ихъ правъ за деньги, благо онъ деньги любилъ и много вкусилъ отъ общественнаго пирога, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся архивныя дѣла. Онъ самъ терялъ всячески почетное и прибыльное мѣсто, а они винятъ его въ продажѣ, когда и продавать-то стало нечего. Странно повторился здѣсь конецъ Запорожья: послѣдній его Кошевой до глубокой старости томился въ Соловкахъ, а пущенное на всѣ стороны товариство на „Калнша" въ своихъ думахъ плакалось...

Не дожило старое, вѣковое самоуправленіе кіевское, немного не дожило до эпохи преобразованій минувшаго царствованія, въ которомъ, какъ въ свое время заявляли московскіе старообрядцы, послышался голосъ любезной старины. Отъ этого самоупраленія оставалась, правда, одна форма; но и *forma dat esse rei*, когда снова одухотворитъ ее оживлявшій прежде духъ...

СОЦИНІАНСТВО

ВЪ ПОЛЬШѢ И ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ.

VII*).

Минуемъ сосѣднее съ Галиціей Подолье, о еретичествѣ обитателей котораго у насъ нѣтъ свѣдѣній, и перейдемъ въ другую южнорусскую область, въ которой социніанство надолго свило себѣ теплое гнѣздо: разумѣемъ старинный центръ южнорусской культуры—Волынь. Когда въ концѣ первой половины XVI в. потоки реформаціи достигли южной Руси, волынцы заплатили обильную дань вѣку и, по словамъ современника, „охотно ринулись въ пространный и широкій путь, сирѣчь въ пропасть ереси люторскія и другихъ различныхъ сектъ“ [1]); но протестанство, съ его холоднымъ формализмомъ, не надолго удовлетворило ихъ, и лишь только возникло болѣе радикальное антитринитаріанство, волынцы съ такою же охотою ринулись въ пространный и широкій путь новаго ученія. Извѣстный московскій выходецъ князь Андрей Курбскій, жившій здѣсь съ 1564 по 1586 г., съ прискорбіемъ признавался, что въ его время язвою этого ученія была заражена мало не вся Волынь. [2]) Проповѣдь антитринитаріанства одновременно направлялась сюда съ двухъ сторонъ: съ Литвы и Польши. Съ литовской Руси новое ученіе было принесено сюда, между прочимъ, извѣстными уже намъ ѳеодосіанами, а около 1575 года мы встрѣчаемъ здѣсь и самого Ѳеодосія Косого съ его товарищемъ Игнатіемъ. Послѣдній

---

*) См. «Кіевская Старина», апрѣль, стр. 25—57.

[1]) Сказанія князя Курбскаго, I, 84.

[2]) Тамъ же, II, 224.

нашелъ здѣсь пріютъ и покровительство въ домѣ знатнаго пана Кадьяна *Чаплича-Шпановскаго*, потомка старинной южнорусской фамиліи, владѣвшей на Волыни громадными имѣніями; а Ѳеодосій Косой жилъ у какого-то другаго волынскаго пана. Изъ переписки князя Курбскаго съ Чапличемъ видно, что послѣдній сильно склонялся въ сторону антитринитаріанскихъ мнѣній и, бывая въ гостяхъ или на съѣздахъ въ обществѣ волынскихъ пановъ, любилъ заводить вольнодумныя бесѣды, состоявшія въ еретическихъ толкованіяхъ разныхъ мѣстъ свящ. писанія, въ кощунственныхъ отзывахъ о догматахъ и святыняхъ христіанскихъ, въ нападкахъ на епископовъ и монаховъ за ихъ корыстолюбіе и сластолюбіе, въ неуважительныхъ отзывахъ о твореніяхъ св. отцевъ и т. под. Бесѣды эти велись „съ жартами и шутками“, чаще всего за веселой пирушкой, съ кубками мальвазіи въ рукахъ. [1]) Встрѣчаясь съ Курбскимъ, Чапличъ вступалъ съ нимъ въ жаркіе споры по религіознымъ вопросамъ; такъ однажды они сразились въ домѣ родственника Чаплича, волынскаго воеводы князя Богуша Корецкаго, между прочимъ по поводу того, что Курбскій назвалъ Лютера лжепророкомъ. Кромѣ личнаго раздраженія между противниками, споры эти не приводили ни къ какимъ другимъ результатамъ, такъ какъ исходные пункты аргументаціи той и другой стороны были совершенно различны: въ то время, какъ Курбскій въ подтвержденіе своихъ мнѣній любилъ преимущественно ссылаться на отцевъ церкви и постановленія вселенскихъ соборовъ, Чапличъ совсѣмъ отвергалъ авторитетъ церковнаго преданія и опирался въ своихъ преніяхъ единственно на словахъ свящ. писанія, или же приводилъ свидѣтельства „инославныхъ“, т. е. антитринитаріанскихъ или вообще протестантскихъ богослововъ. Въ одномъ лишь случаѣ Курбскій не находилъ что возразить своему противнику: это—когда Чапличъ указывалъ ему на корыстолюбіе и вообще безнравственную жизнь тогдашнихъ южнорусскихъ архіереевъ и монаховъ: „Нехай имъ Богъ судитъ, говорилъ онъ, а не азъ: бо маю и свое бремя грѣховъ тяжкое, о немъ же есмь повиненъ отвѣтъ дати праведному Судіи“. Одновременно съ Кадьяномъ Чапличемъ жилъ на Волыни и другой Чапличъ, можетъ быть братъ перваго, котораго социніанскіе писатели называ-

[1]) Сказ. кн. Курбскаго, I, стр. 183—190.

ютъ патрономъ антитринитаріанской секты: то былъ Иванъ Чапличъ-Шпановскій, сначала войскій луцкій, а потомъ каштелянъ кіевскій. Онъ пользовался репутаціею образованнаго человѣка и знающаго юриста и потому былъ выбранъ въ 1589 году депутатомъ отъ воеводства волынскаго въ коммисію для исправленія статута, „яко человѣкъ до того годный и права умѣетный“ [1]). Замѣтимъ, что съ этихъ двухъ лицъ начинается цѣлый рядъ антитринитаріевъ въ фамиліи Чапличей, съ которыми мы еще встрѣтимся позже.

Кромѣ Игнатія и Косого, въ письмахъ Курбскаго сообщаются свѣдѣнія еще объ одномъ волынскомъ проповѣдникѣ антитринитаріанства—*Мотовилѣ*, который служилъ у князя Константина Острожскаго и пользовался его благосклонностью. Изъ характеристики его ученія, сдѣланной Курбскимъ, видно, что этотъ Мотовило, по происхожденію очевидно южноруссъ, принадлежалъ къ партіи чистыхъ антитринитаріевъ. Онъ отвергалъ предвѣчное рожденіе Сына Божія отъ Отца и полагалъ начало бытія Его отъ Маріи, не вѣря пророческимъ и апостольскимъ рѣчамъ о предвѣчномъ рожденіи Его и посмѣиваясь надъ ними; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ придерживался нѣкоторыхъ полужидовствующихъ мнѣній, напр. о томъ, что Христосъ еще прійдетъ на землю и установитъ тысячелѣтнее царство вѣрнымъ своимъ, въ которомъ они будутъ ѣсть, пить и веселиться подъ лозами виноградными. По всему видно, что, независимо отъ своихъ еретическихъ вѣрованій, Мотовило былъ знающій и образованный человѣкъ, и князь Острожскій пользовался услугами его, какъ писателя. Такъ, когда въ 1577 году іезуитъ Петръ Скарга издалъ посвященную князю Острожскому книгу „О единствѣ церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства“, въ которой излагался проэктъ уніи, то Мотовило, по желанію князя, написалъ ея опроверженіе. Сочиненіе Мотовила было одобрено княземъ Острожскимъ и онъ послалъ экземпляръ его строгому ревнителю православія князю Курбскому въ подарокъ. Курбскій пришелъ въ негодованіе: „Я уже не могу понять, отвѣчалъ онъ князю: откуда пришла вашему величеству мысль

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. II, т. I, 32.

прислать мнѣ книгу, сочиненную сыномъ діавола, явнымъ врагомъ Христа, вѣрнѣе сказать помощникомъ и прямымъ слугою антихриста! О бѣда, достойная плача! О горе, злѣйшее всякаго другаго! Въ такую дерзость и глупость („стултицію") вдалися вожди христіанскіе, что не только не стыдятся держать и кормить въ своихъ домахъ этихъ ядовитыхъ драконовъ, но берутъ ихъ въ защитники и помощники себѣ и, что еще удивительнѣе, этимъ духовнымъ бѣсамъ поручаютъ охранять церковь Божію и велятъ имъ писать книги противъ полувѣрныхъ латинянъ. О слѣпота и безуміе! Кто слышалъ, кто видѣлъ отъ вѣка, чтобы волка поставлять стражемъ овецъ и ядовитаго аспида дѣлать опекуномъ дѣтей? А тутъ дѣлается нѣчто болѣе удивительное и тысячу разъ худшее: ставятъ защитниками православной церкви учениковъ Павла Самосатскаго, Фотина и Арія... Государь мой возлюбленный! И ты еще не стыдишься дружиться и имѣть общеніе съ подобными людьми! Или ты уже пересталъ слушать и отвергся пророковъ и апостоловъ, которые запрещаютъ вѣрнымъ имѣть общеніе съ еретиками, какъ врагами Божіими". [1]) Таковъ былъ взглядъ сѣверноруса Курбскаго на отношенія къ еретикамъ-иновѣрцамъ. Но князь Острожскій совсѣмъ не раздѣлялъ этого взгляда. Не смотря на мольбы и убѣжденія Курбскаго, онъ не прекращалъ сношеній съ антитринитаріями и продолжалъ пользоваться ихъ литературными услугами; такъ извѣстный „Апокрисисъ" Христофора Филалета (псевдонимъ), изданный въ защиту православнаго брестскаго собора 1596 года противъ книги іезуита Скарги о томъ же соборѣ, по свидѣтельству латино-уніатскихъ и частью нѣкоторыхъ православныхъ писателей, былъ составленъ антитринитаріемъ Христофоромъ Бронскимъ, [2]) за что князь Острожскій подарилъ автору одно изъ своихъ многочисленныхъ имѣній на Волыни. Того же взгляда держались и другіе южнорусскіе паны, какъ православные, такъ и католики, цѣнившіе въ иновѣрцахъ прежде всего образованныхъ людей и поручавшіе имъ не рѣдко даже воспитаніе своихъ дѣтей. Извѣст-

---

[1]) Сказанія Курбскаго, II, 216—226.

[2]) Обстоятельныя соображенія объ авторѣ «Апокрисиса» см. въ ст. С. Т. Голубева «Библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ» въ Трудахъ К. Дух. Академіи, 1876 г., февраль.

ный своею преданностію католицизму канцлеръ коронный Янъ Замойскій приглашалъ для основанной имъ въ Замостьи академіи учителей изъ разныхъ исповѣданій и въ числѣ ихъ—антитринитаріевъ. Даже православныя братства приглашали иногда преподавателями въ свои школы иновѣрцевъ, какъ поступило напр. виленское братство, получившее за это упрекъ со стороны членовъ братства львовскаго.

Впрочемъ, что касается личныхъ отношеній князя Константина Острожскаго къ социніанамъ, то не одинъ Курбскій находилъ эти отношенія непозволительно-дружественными. Сами соціиніанскіе писатели считали князя Острожскаго покровителемъ и даже тайнымъ послѣдователемъ ихъ секты, [1]) и на этомъ основаніи одинъ изъ писателей—социніанъ Эразмъ Отвиновскій посвятилъ ему одно изъ своихъ сочиненій. [2]) Конечно, князь Острожскій не могъ раздѣлять основныхъ социніанскихъ догматовъ, ибо они рѣзко противорѣчили его православнымъ убѣжденіямъ; но что онъ очень благоволилъ къ социніанамъ и симпатизировалъ имъ преимущественно предъ другими протестантами, къ которымъ вообще онъ былъ расположенъ,—это фактъ несомнѣнный. Я не стану ссылаться на близкое родство Острожскаго съ извѣстнымъ патрономъ социніанской секты въ Литвѣ, Яномъ Кишкой, женатымъ на его дочери, а укажу на одно письмо къ нему епископа владимірскаго Ипатія Потѣя отъ 25 марта 1595 года. Изъ этого письма видно, что князь Острожскій упрекалъ православныхъ іерархов въ томъ, что они не заботятся о просвѣщеніи церковномъ, что неоднократныя постановленія соборовъ объ открытіи въ югозападной Руси школъ, типографій и проч. не приводятся ими въ исполненіе, и

[1]) Въ одномъ апологетическомъ социніанскомъ сочиненіи, въ которомъ достоинство и заслуги секты доказываются перечисленіемъ наиболѣе знатныхъ ея последователей изъ числа польско-литовскаго и южнорусскаго дворянства, о князѣ Острожскомъ говорится такъ: Quin et Constantinus dux in Ostrog, palatinus Kyoviensis, et Romanus Hoyski, dominus in Hoszcza, castellanus Kyoviensis, capitaneus Volodimiriensis, quamvis religionem unitariam (quam in corde amplectebantur), aperte non sint professi, unitariorum tamen fautores et patroni fuerunt (Biblioth. Antitrinitariorum, p. 283).

[2]) Ibid., p. 83. Это были притчи Христовы, изложенныя польскими стихами.

наконецъ съ укоризной указывалъ имъ на примѣръ иновѣрцевъ и именно *социніанъ*, у которыхъ есть и школы, и типографіи, и хорошіе проповѣдники. Что Острожскій указывалъ православнымъ именно на порядки социніанъ, видно изъ отвѣта Поцѣя, видимо задѣтаго за живое этимъ сопоставленіемъ: „А што ми ваша милость рачишъ залѣцати порядокъ иновѣрцовъ, хотя бы былъ найлѣпший, але коли не на правомъ фундаментѣ, все тое за смѣтье стóитъ—и школы ихъ, и друкарни, и множество казнодѣевъ (проповѣдниковъ). Бо ежели сами суть неприятельми Сына Божого, певно и овоци тые не суть приятны Богу, и все будованье ихъ якъ на песку, а не на моцной опоцѣ (скалѣ), которая есть Христосъ Сынъ Божій, Богъ и человѣкъ правдивый, не сотворенный, але пред всѣми вѣки з Бога урожоный... Хто таковаго исповѣданя вѣры не маетъ, не на каменю, але на песку и на сѣнѣ будуетъ, водлугъ оныхъ словъ: „Хвалы Моее никому не дамъ", а они мовятъ, яко далъ ее человѣку—Христу, зъ Марыи дѣвицы нарожденому, и учинилъ его другимъ по себѣ Богомъ. А такъ не зазрю (не завидую) я имъ того ихъ порядку: бо гдыбъ еще ся тая трутизна тымъ медомъ не осолодила, певне бы ото тые убогіе мухи на неи не льнули. Отожъ якъ самъ о нихъ не благоволю, такъ и вашу милость перестерегаю: лѣпѣй згожатися зъ правдивыми хвалцами Бога в Тройци Единого, а нижли зъ блюзнирцами и явными неприятельми Сына Божого; лѣпѣй зъ отцами святыми, а нижли зъ Арыемъ проклятымъ... То для того до вашои милости пишу, же (что) ми ся не подобають овые присмаки, которые ваша милость у нихъ (социніанъ) упатруешъ, и не помалу ми ся серце ужасаетъ, слышачи то отъ вашои милости. Але маю я надѣю в милосердю Божомъ, ижъ Онъ самъ якъ почалъ, такъ и до конца вашу милость стеречи будетъ, абы ся не образилъ о тотъ камень не толко сумненя (совѣсти) своего, але и ноги своее" [1]).

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 93. Достойно замѣчанія, какъ современники князя Конст. Острожскаго разнорѣчиво понимали его религіозныя убѣжденія. Тогда какъ Курбскій и Поцѣй склонны были подозрѣвать его въ наклонности къ социніанству, другой ревнитель православія, Іоаннъ Вишенскій, уже послѣ смерти князя, считалъ его чуть-ли не явнымъ католикомъ. Вотъ какъ онъ отзывался о немъ въ своихъ окружныхъ посланіяхъ: »И чимъ же ся прославилъ Констянтинъ Остро-

Итакъ, вотъ изъ-за чего князь Острожскій симпатизировалъ социніанамъ и что ему особенно нравилось у нихъ: это—ихъ школы, типографіи и хорошіе проповѣдники. Дѣйствительно, всѣмъ этимъ славились социніане и превосходили въ этомъ отношеніи даже протестантовъ. Но спрашивается: гдѣ видѣлъ эти порядки социніанскихъ общинъ князь Острожскій? Неужели только въ Польшѣ или въ Литвѣ? Но то были слишкомъ далекіе примѣры для волынскихъ іерарховъ; между тѣмъ въ указаніи князя какъ-бы слышится ссылка на такіе образцы для подражанія, которые находятся у каждаго предъ глазами. Поэтому невольно возникаетъ предположеніе: не было-ли въ то время социніанскихъ общинъ на самой Волыни? Если, по свидѣтельству Курбскаго, еще въ 60-хъ годахъ XVI вѣка мало не вся Волынь была заражена антитринитаріанскимъ ученіемъ, то невозможно предположить, чтобы въ теченіе послѣдующихъ 20—30-ти лѣтъ послѣдователи этого ученія не организовались въ правильныя общины и не имѣли молитвенныхъ домовъ. Въ 1599 году уніатскіе священники луцкой соборной церкви жаловались въ судъ, что панъ Станиславъ Кандыба, писарь гродскій владимірскій и вмѣстѣ слуга князя Константина Острожскаго, отнялъ церковное имѣніе с. Водырады (луцкаго у. волынск. губ.) и, будучи самъ аріаниномъ т. е. социніаниномъ, опустошилъ находившуюся тамъ церковь: утварь церковную, книги, звоны и образа „побралъ и попсовалъ и хвалу божую въ нивечъ обернулъ", т. е. обратилъ се въ молитвенный социніанскій домъ[1]). Если въ 1599 г. волынскіе социніане пріобрѣтали такіе дома даже путемъ насилія, то раньше они могли просто строить ихъ, или пріобрѣтать инымъ мирнымъ путемъ. А разъ социніанскія общины на Волыни имѣли молитвенные дома, необходимо допустить, что у нихъ были и школы. Правда, первое опредѣлительное указаніе о существованіи здѣсь социніанскихъ школъ мы встрѣчаемъ лишь около 1614 года, но это не исключаетъ возможности предполагать, что онѣ существовали на

скій, который простоту христіанскую отбѣгъ и хитрость мірскую папежской вѣры, яко цяцку прелестную, ухватилъ? Не скоро-ли исчезъ и пропавъ? А чомъ плода по собѣ не оставилъ? Для того, ижъ христіанство стратилъ«. Акты Ю. и З. Россіи, т. II, стр. 217.

[1]) Книга К. Центральнаго Архива гродская луцкая 1599 г., л. 442.

Волыни и раньше, еще въ XVI столѣтіи. Нѣкоторое подтвержденіе этому предположенію надѣемся найти въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Недавно въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей найдена рукопись, заключающая въ себѣ малорусскій переводъ всего Новаго Завѣта. По внимательномъ разсмотрѣніи текста и многочисленныхъ примѣчаній къ нему, сдѣланныхъ переводчикомъ, а равно изъ составленнаго имъ обстоятельнаго предисловія, стало яснымъ, что переводъ сдѣланъ въ духѣ социніанскаго вѣроученія и оригиналомъ для него послужилъ, какъ кажется, польскій социніанскій же переводъ Мартина Чеховича, изданный въ Раковѣ въ 1577 году, хотя малорусскій переводчикъ и увѣряетъ, что онъ сверхъ того имѣлъ подъ рукою старинные греческіе и латинскіе тексты. Имя этого переводчика—*Валентинъ Негалевскій*, а совершилъ онъ свой замѣчательный трудъ *въ 1581 году*, въ с. *Хорошовѣ*, нынѣ острожскаго уѣзда волынской губерніи. По всему видно, что этотъ Негалевскій, очевидно южнорусскій дворянинъ, былъ очень образованный человѣкъ, знавшій хорошо латинскій и греческій языки и знакомый съ правилами библейской экзегетики и научными критическими пріемами. Но при всемъ этомъ трудно повѣрить, чтобы такой важный трудъ, какъ переводъ всего Новаго Завѣта, могъ быть предпринятъ *однимъ* лицемъ и притомъ заброшеннымъ въ какое-то глухое и малоизвѣстное село на Волыни. Въ своемъ предисловіи „до ласкавого чителника“ самъ Негалевскій, упоминая о трудности предпринятаго имъ дѣла, говоритъ, что онъ „не самъ з своеи властное хути“, полагаясь лишь на „розумъ свой и умиетность“ отважился „съ польского языка на речъ рускую писма нашого нового тестаменту переложити, а учинилъ то за намовою и напоминанемъ многихъ учоныхъ, богобойныхъ а слово Божее милуючихъ людей, которые писма полского читати не умеютъ, а языка словенского читаючи, писмомъ рускимъ выкладу з словъ его не розумѣютъ“. Признавая за своимъ трудомъ извѣстную степень несовершенства, вслѣдствіе трудности самаго дѣла, онъ отдаетъ свою „працу на розсудокъ иншихъ, ученшихъ од мене людей“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что во время Негалевскаго на Волыни было уже много его единовѣрцевъ-социніанъ, не знавшихъ другаго языка, кромѣ южнорусскаго, по просьбамъ и настояніямъ которыхъ былъ предпринятъ и самый переводъ Новаго Завѣта; а во вторыхъ, что

переводчикъ, какъ образованный социніанинъ, былъ здѣсь далеко не одинокъ: при немъ должны были находиться способные и образованные помощники, на судъ которыхъ онъ отдавалъ свою „працу“; ибо только въ кружкѣ такихъ лицъ могла зародиться и быть приведена въ исполненіе смѣлая идея перевода на мало выработанный тогда въ литературномъ отношеніи малорусскій языкъ всего Новаго Завѣта[1]). А такую коллегію ученыхъ социніанъ трудно и представить въ с. Хорошовѣ иначе, какъ въ роли учителей долженствовавшей находиться тамъ или гдѣ-либо по близости социніанской школы. Объ этомъ можно заключать отчасти изъ того, что Хорошовъ состоялъ тогда въ числѣ имѣній богатыхъ южнорусскихъ пановъ Сенютъ-Ляховецкихъ, которые становятся извѣстны въ началѣ XVII в., какъ ревностные покровители социніанской секты, создавшіе для нея видный центръ на Волыни въ своей резиденціи мѣст. Ляховцахъ, недалеко отъ Хорошова.

Такимъ образомъ въ новооткрытомъ малорусскомъ переводѣ евангелія мы имѣемъ новый литературный памятникъ социніанской

---

[1]) Нужно замѣтить, впрочемъ, что малорусскій переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный въ 1581 г. Негалевскимъ, представляетъ далеко не первый и не единственный опытъ въ этомъ родѣ. Со времени изданій доктора Скорины, мысль о переводѣ священныхъ книгъ на общенародный языкъ никогда не умирала въ югозападной Руси. Литовскій гетманъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, въ предисловіи къ изданному имъ въ 1568 г. «Учительному Евангелію», сознается, что онъ имѣлъ намѣреніе переложить эту книгу «вырозумѣня ради простыхъ людей», на «простую мову», но не рѣшился только изъ опасенія ошибокъ. А раньше его въ 1556—1561 гг. пересопницкій архимандритъ Григорій перевелъ полное четвероевангеліе «на мову русскую изъ языка болгарского», т. е. съ церковнославянскаго языка на ту малорусскую рѣчь, какою говорили въ то время. Переводъ этотъ предназначался не только для частнаго чтенія, но и для церковно-богослужебнаго употребленія (См. «Описаніе пересопницкой рукописи XVI в.» въ «Трудахъ III Археологическаго Съѣзда» 1874 г.). А спустя лѣтъ двадцать, около 1580 г., т. е. въ то самое время, когда Негалевскій трудился надъ своимъ переводомъ, какое-то малорусское евангеліе было даже напечатано, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, въ два столбца, въ типографіи Василія Тяпинскаго (Исторія Русск. Церкви, митроп. Макарія, т. IX, стр. 475). Кромѣ того намъ извѣстны указанія о существованіи двухъ рукописныхъ южнорусскихъ переводовъ евангелія — въ рукописномъ отдѣлѣ виленской публичной библіотеки и въ Москвѣ, въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея. Послѣдняя находка рукописи Негалевскаго даетъ основаніе думать, что періодъ подобныхъ открытій у насъ далеко еще не законченъ.

пропаганды въ средѣ южнорусскаго населенія. Что переводчикъ имѣлъ въ виду и православныхъ читателей, видно изъ того, что кромѣ дѣленія текста на главы, онъ удержалъ и церковное дѣленіе по зачаламъ. Изъ надписей же, сохранившихся въ рукописи, видно, что она преимущественно ходила по рукамъ православнаго духовенства. Такъ, въ одномъ мѣстѣ книги почеркомъ XVI в. собственноручно подписался какой-то „Леонтей, недостойный презвѣтер"; въ другомъ мѣстѣ нетвердой рукою можетъ быть малолѣтняго школьника XVI в. надписано: „попова книга; мовлю я то, що попова Гапонова". Есть также подпись конца XVI или начала XVII вв. какого-то „раба Божія Леонтія Сидоровича", очевидно грамотѣя—мѣщанина; и наконецъ въ 1610 г. въ книгѣ своеручно росписался—„Гавриел Крутневичъ, козакъ запорозкий, мешкаючий в Каневѣ".

Чтобы покончить съ XVI вѣкомъ, намъ остается замѣтить, что какъ въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ, такъ и на Волыни, въ этомъ столѣтіи было распространено раньше антитринитаріанство крайняго или полужидовствующаго направленія, но къ началу XVII вѣка оно и здѣсь смѣнилось чистымъ социніанскимъ ученіемъ. Въ трудѣ Негалевскаго видно уже вліяніе Ракова: мы упомянули, что оригиналомъ для нашего переводчика послужилъ только что напечатанный тогда въ Раковѣ польскій переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный Мартиномъ Чеховичемъ, который въ то время успѣлъ перейти на сторону мнѣній Фавста Социна. Но подобно тому, какъ въ самой Польшѣ происходила еще тогда борьба между различными антитринитаріанскими партіями и направленіями, такъ и на Волыни антитринитаріанство не сразу организовалось въ особую секту, и долго еще представляло какъ-бы особый видъ религіознаго вольнодумства, въ которомъ заключались въ смѣшанномъ видѣ элементы антитринитаріанскаго раціонализма, полужидовства, кальвинизма и др. Это былъ своего рода „духъ времени", которымъ тогда проникались въ той или другой степени образованные люди независимо отъ ихъ принадлежности къ тому или иному исповѣданію. Объ извѣстномъ уніатскомъ митрополитѣ Ипатіѣ Поцѣѣ разсказывали тогда, что онъ въ молодости „всѣхъ вѣръ наспробовалъ": былъ кальвинистомъ, потомъ сталъ *аріаниномъ* и наконецъ „и жидовской вѣры не хибилъ" т. е. былъ послѣдователемъ

полужидовствующаго антитринитаріанства въ духѣ, можетъ быть, ученія ѳеодосіанъ[1]). Изъ письма князя Курбскаго къ волынскому пану Василію Древинскому видно, что этотъ несомнѣнно православный человѣкъ, отецъ знаменитаго впослѣдствіи защитника православія Лаврентія Древинскаго, возбуждалъ въ глазахъ Курбскаго сильное подозрѣніе относительно склонности его къ антитринитаріанскимъ мнѣніямъ[2]) Извѣстный православный учитель и проповѣдникъ Стефанъ Зизаній неоднократно былъ обвиняемъ въ той-же склонности къ аріанскимъ мнѣніямъ и даже подвергся однажды со стороны митрополита Михаила Рагозы церковному отлученію за то между прочимъ, будто онъ, вмѣстѣ съ антитринитаріями, не признавалъ Іисуса Христа ходатаемъ. Наконецъ, въ такомъ-же смыслѣ можно понимать и свидѣтельства социніанскихъ писателей о князѣ Константинѣ Острожскомъ и старостѣ владимірскомъ Романѣ Гойскомъ, какъ о скрытыхъ послѣдователяхъ ихъ секты. На такомъ-же, вѣроятно, основаніи социніане включали въ свои ряды воеводу волынскаго князя Януша Заславскаго, который, отступивъ отъ вѣры своихъ православныхъ предковъ, послѣ нѣкоторыхъ религіозныхъ колебаній, подъ вліяніемъ іезуита Нагаюса принялъ въ 1603 г. католичество; а также князя Владислава Збаражскаго, владѣльца мѣст. Волощицъ (нынѣ Волочискъ, староконст. уѣзда, на австрійской границѣ), православнаго ренегата, подобнаго князю Заславскому,[3]) и нѣкоторыхъ другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если всѣ подобныя лица могли, хотя временно, увлекаться идеями антитринитаризма, то скорѣе ихъ манилъ въ себѣ социніанскій раціонализмъ, нежели, напр., грубыя измышленія невѣжественныхъ ѳеодосіанъ. Послѣдніе, не смотря на проживательство на Волыни самого Ѳеодосія Косого съ его товарищемъ Игнатіемъ, имѣли здѣсь наименьшій успѣхъ. Патронъ Игнатія Кадьянъ Чапличъ, какъ мы видѣли, энергично отстаивалъ въ спорахъ съ Курбскимъ авторитетъ Лютера и ссылался на какихъ-то „инославныхъ“ богослововъ;

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. IV, стр 209. Опровергая эти толки, Потѣй, однако, не отрицаетъ того, что одно время онъ дѣйствительно былъ кальвинистомъ.

[2]) Сказанія Курбскаго, II, 209—211.

[3]) О социніанствѣ князей Заславскаго и Збаражскаго — см. Bibliotheca Antitrinitar.. p. 284.

а его внуки выступаютъ уже какъ чистые социніане. Дольше всего ученіе феодосіанъ удержалось въ сосѣднемъ съ Волынью Полѣсьи, куда оно было занесено, быть можетъ, самимъ Игнатіемъ. Здѣсь представителемъ феодосіанскихъ идей является нѣкто Стефанъ Григорьевичъ Лованъ, земскій судья въ Мозырѣ. По жалобѣ мозырскаго маршалка Стефана Лозки, онъ въ 1591 году былъ позванъ въ трибунальскій судъ за то, что отрицалъ таинство св. Троицы, божество Іисуса Христа и св. Духа и вообще хульно говорилъ о Богѣ, отвергалъ безсмертіе души, рай, адъ, судъ и будущую жизнь [1]). Здѣсь мы видимъ религіозное вольномысліе, доведенное до самой крайней степени отрицанія, до котораго оно не доходило ни у одного изъ антитринитаріанскихъ учителей, но почти доходило у Феодосія Косого и его дружины.

VIII

Первая четверть XVII ст. была временемъ высшаго процвѣтанія социніанской секты, какъ вообще во всемъ королевствѣ польскомъ, такъ и въ частности на Волыни. Здѣсь въ это время возникаетъ рядъ социніанскихъ общинъ, съ школами и знаменитыми учителями и проповѣдниками. Секта пріобрѣтаетъ многочисленныхъ послѣдователей и покровителей среди южнорусскихъ пановъ, представителей весьма извѣстныхъ фамилій. Первое мѣсто среди такихъ патроновъ безспорно принадлежало фамиліи дворянъ *Чапличей-Шпановскихъ.* Сынъ извѣстнаго уже намъ Кадьяна Чаплича, Феодоръ, судья земскій луцкій, былъ человѣкъ православный. Онъ присутствовалъ на брестскомъ соборѣ 1596 года и вмѣстѣ съ другими православными волынскими депутатами подписалъ соборный протестъ противъ дѣйствій представителей уніатской партіи. [2]) Но изъ четырехъ его сыновей старшіе два Мартинъ и Юрій являются ревностнѣйшими послѣдователями социніанской секты. Можно пред-

---

[1]) Чтенія въ Императ. Моск. Общ. исторіи и Древн. росс., 1846 г., № 1, стр. 11.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, т. I части 1-й, стр. 516.

полагать, что они учились въ открытой не задолго предъ тѣмъ раковской социніанской академіи; по крайней мѣрѣ уже въ ранней молодости они состояли въ связи съ выдающимися представителями социніанства и исполняли важныя порученія въ интересахъ секты. Въ 1612 году польскіе социніане повторили одну изъ многочисленныхъ, хотя и безуспѣшныхъ, попытокъ къ религіозному соглашенію съ кальвинистами. Они прислали на бывшій въ томъ году въ г. Червцѣ реформатскій синодъ свои условія, на которыхъ были готовы вступить въ унію. Для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ со стороны социніанъ прибыли на синодъ ихъ уполномоченные, въ числѣ коихъ, на ряду съ такими лицами, каковы: владѣлецъ Ракова Якубъ Сѣнинскій, Крыштофъ Морштынъ, Станиславъ Любенецкій и др., встрѣчаются и наши волынцы Мартинъ и Юрій Чапличи-Шпановскіе.[1]) Этотъ случай ясно показываетъ, какою извѣстностью и довѣріемъ въ сектѣ пользовались уже въ то время молодые Чапличи.

Вступивъ по смерти отца во владѣніе богатѣйшими имѣніями на Волыни, Чапличи не замедлили воспользоваться своимъ состояніемъ, чтобы принести наибольшую пользу дѣлу социніанства, и съ жаромъ принялись за насажденіе и распространеніе секты въ своей родинѣ. Особенной энергіей въ этомъ отношеніи отличался въ теченіе всей своей жизни младшій братъ, Юрій, владѣлецъ Шпанова, Киселина и многихъ другихъ богатыхъ помѣстій. Онъ основалъ въ своей резиденціи мѣст. *Киселинъ*[2]) социніанскую общину, построилъ для нея богатый каменный храмъ, обращенный впослѣдствіи въ католическій костелъ, и завелъ школу. Однимъ изъ первыхъ пасторовъ киселинской общины былъ южноруссъ Матвѣй Твердохлѣбъ, около 30 лѣтъ занимавшій эту должность. Скоро послѣ того, именно около 1614 года, въ Киселинѣ было открыто Чапличемъ высшее социніанское училище, первымъ ректоромъ котораго состоялъ весьма долгое время волынскій дворянинъ Евстафій Кисель. Это былъ ученый и хорошо знавшій языки человѣкъ, занимавшійся и литературными трудами. Такъ онъ перевелъ на греческій языкъ извѣстную книгу Ѳомы Кемпійскаго „О подражаніи

---

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kościoła wyznania helweckiego w Małéj Polsce, p. 270.

[2]) Владиміро-волынскаго уѣзда, волынск. губерніи.

Христу" и напечаталъ свой трудъ въ 1626 г. во Франкфуртѣ на Одрѣ; а въ 1631 году, скоро послѣ выхода въ свѣтъ изданной Мелетіемъ Смотрицкимъ „Апологіи", въ которой послѣдній упрекалъ православную церковь и ея представителей въ сочувствіи къ ученію протестантовъ и другихъ еретиковъ, тотъ-же Евстафій Кисель, подъ псевдонимомъ Геласія Диплица, издалъ и посвятилъ Петру Могилѣ свою „Антипологію", направленную противъ книги Смотрицкаго [1]). Этотъ фактъ всего лучше обрисовываетъ тогдашнія отношенія между православными и социніанами. Изъ преемниковъ Евстафія Киселя по ректорству въ киселинской школѣ сохранились имена: Людвига Hollaisen, Петра Стегмана и Теодора Симонида (иначе называвшагося Филиппъ Cosmius), родомъ изъ Голштиніи, написавшаго какое-то сочиненіе о папствѣ [2]). Въ то-же время братъ Юрія, Мартинъ Чапличъ, основалъ социніанскую общину въ своемъ имѣніи *Берескъ*, неподалеку отъ Киселина, гдѣ также была устроена социніанская школа, хотя и ниже киселинской. Можно предполагать, что социніанскія общины были и въ другихъ имѣніяхъ Чапличей, напр. въ *Галичанахъ*, гдѣ подобная община встрѣчается впослѣдствіи. Въ той-же мѣстности (въ теперешнемъ владиміръ-волынск. уѣздѣ) проживалъ еще одинъ социніанскій патронъ, земскій владимірскій судья Гавріилъ *Иваницкій*, въ имѣніи котораго с. *Иваничахъ* также существовала община социніанская съ молельней.

Другой центральный пунктъ социніанства на Волыни находился въ нынѣшнемъ острожскомъ уѣздѣ, въ м. *Гощъ*. Владѣльцы этого мѣстечка, Гавріилъ Гойскій, каштелянъ кіевскій, и его братъ Романъ, были лица православныя, но подобно князю Острожскому покровительственно относились къ социніанамъ, особенно Романъ, староста владимірскій, котораго социніанскіе писатели включали наравнѣ съ кн. Острожскимъ въ число тайныхъ послѣдователей секты. Въ Гощѣ съ самаго начала XVII (а можетъ быть даже съ конца XVI) столѣтія прочно утвердились социніане и завели здѣсь свои школы, подобныя киселинской, существовавшія до 1639 года. Изъ профессоровъ этихъ школъ извѣстны: Теофилъ Молиторъ, Да-

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 143.

[2]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 143. — Любенецкій, Historia Reform. Polon., p, 227.

ніилъ Durossius, Войтехъ Caperius и славный докторъ медицины Соломонъ Палюдіусъ [1]). А недалеко отъ Гощи, въ с. *Бабинѣ,* жилъ панъ Василій *Бабинскій,* который, изъ православія перейдя въ социніанство, отобралъ старожитную православную церковь въ с. Бабинѣ, въ которой были погребены тѣла его предковъ, и обратилъ ее въ молитвенный домъ для своихъ единовѣрцевъ [2]). Тамъ-же неподалеку лежали помѣстья какого-то п. *Ягодинскаго,* социніанина, на котораго въ 1639 году была подана жалоба, что онъ съ кощунственною цѣлью приказалъ подрубить крестъ съ распятіемъ, стоявшій на выгонѣ м. Гощи [3]).

Въ томъ-же нынѣшнемъ острожскомъ уѣздѣ волынск. губ. находился третій выдающійся центръ социніанскій, именно м. *Ляховцы.* Здѣсь еще во 2-й половинѣ XVI в. утвердились протестанты, какими были и владѣльцы мѣстечка паны *Сенюты,* представители старинной южнорусской фамиліи, владѣвшей громадными помѣстьями въ повѣтахъ луцкомъ и кременецкомъ. Одинъ изъ нихъ, именно Павелъ-Крыштофъ Сенюта, принявъ католицизмъ, выгналъ изъ Ляховцевъ протестантовъ и началъ въ 1612 г. строить костелъ доминиканскій. Отправившись за тѣмъ съ паломническою цѣлью въ Римъ, Сенюта вернулся изъ-заграницы ревностнымъ социніаниномъ, основалъ въ Ляховцахъ социніанскую общину, пригласилъ для нея пастора и до конца жизни былъ усерднымъ покровителемъ секты. Можно думать, что совращеніе Сенюты въ социніанство совершилось не безъ вліянія его родственника Мартина Чаплича, женатаго на его родной сестрѣ Катеринѣ Сенютиной; при томъ же самъ Павелъ Сенюта былъ женатъ на Катеринѣ Немиричовнѣ, дочери кіевскаго подкоморія Стефана Немирича, извѣстнаго социніанина. Такимъ же усерднымъ покровителемъ социніанской секты былъ и братъ Павла, Петръ Сенюта, владѣвшій на Волыни м. Каменемъ и Радогощей, а въ Польшѣ Кобылиномъ и Зданами. Можно думать, что въ Ляховцахъ существовала и школа социніанская. Неподалеку отъ Ляховцевъ находится с. *Тихомль,* которымъ тогда владѣлъ племянникъ Павла, Аврамъ Сенюта, также социніанинъ.

[1]) Любенецкій, Historia Reform. Polon., p. 276.

[2]) Книга актовая кіевскаго центр. архива 1633 года, № 2465, л. 148.

[3]) Такая-же книга 1639 года, № 2475, л. 516.

Здѣсь на горѣ, за окопомъ, сохранилась и понынѣ четырехугольная каменная башня или каплица, прозываемая въ народѣ *аріанскою* и служившая когда-то молитвеннымъ домомъ для тамошней социніанской общины [1]). Наконецъ, въ той-же мѣстности лежитъ и с. *Хорошовъ*, гдѣ еще въ 1581 г. социніанинъ Негалевскій совершилъ свой малорусскій переводъ Новаго Завѣта.

Былъ и еще одинъ социніанскій пунктъ на Волыни—это м. *Берестечко* (дубенскаго уѣзда), принадлежавшее фамиліи южнорусскихъ князей Пронскихъ, происходившихъ изъ дома св. Владиміра. Въ 1595 г. князь Александръ Пронскій, староста луцкій, бывъ въ Римѣ, отрекся отъ прародительской „схизмы", т. е. православія и принялъ католичество, но вернулся домой уже кальвинистомъ и отдалъ новымъ своимъ единовѣрцамъ католическій костелъ въ Берестечкѣ. При такой частой перемѣнѣ религій возможно допустить, что князь Пронскій подъ конецъ своей жизни (онъ умеръ около 1600 г.) могъ перейти и въ социніанство; по крайней мѣрѣ польскіе писатели упоминаютъ о какихъ-то князьяхъ Пронскихъ, какъ о социніанахъ [2]). Но то несомнѣнно, что въ XVII вѣкѣ въ Берестечкѣ находились социніане и, какъ кажется, имѣли свою общину, а можетъ быть и школу.

Мы перечислили здѣсь только болѣе выдающіеся пункты социніанской секты на Волыни въ первой четверти XVII в., о которыхъ сохранились сколько нибудь опредѣленныя свѣдѣнія; но нѣтъ

---

[1]) Балинскій, Starożytna Polska, т. II, 931. Въ мѣстномъ населеніи сохранилось слѣдующее темное воспоминаніе о Сенютахъ—социніанахъ. Въ окрестности Ляховцевъ встрѣчается множество отдѣльно разбросанныхъ кургановъ. Народъ утверждаетъ, что *«то все лежатъ Сенюты»*. Точно-ли то социніанскія могилы—объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, пока не будутъ произведены археологическія разысканія. Дѣйствительно, у социніанъ былъ обычай хоронить своихъ покойниковъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ, большею частію на горѣ, и насыпать надъ ихъ могилами высокіе курганы или ставить каменныя башни. Здѣсь кстати упомянуть еще объ одной особенности похоронныхъ социніанскихъ обычаевъ. Въ окрестностяхъ Пинчова польскій археологъ Тадеушъ Чацкій раскопалъ нѣсколько могилъ социніанскихъ и у каждаго покойника нашелъ въ рукахъ металлическую дощечку съ надписью: «scio, cui credidi», а при боку закупоренную стеклянную бутылку, въ которую было вложено краткое жизнеописаніе умершаго. (Starożytna Polska, т. II, 357).

[2]) Стецкій Тадеушъ, Wołyń, т. I, стр. 132.

никакого сомнѣнія, что число социніанскихъ общинъ въ то время было здѣсь гораздо больше. При томъ же, помимо этихъ, такъ сказать, домашнихъ разсадниковъ социніанства, Волынь продолжала подвергаться усиленному дѣйствію социніанской пропаганды извнѣ. Не говоря о Раковѣ, куда многіе волынскіе паны посылали для образованія своихъ сыновей, существовалъ и другой, болѣе близкій къ Волыни, социніанскій центръ: то былъ Люблинъ, въ которомъ находилось высшее судебное учрежденіе для всей южной Руси, люблинскій трибуналъ. Извѣстно, что южнорусскіе паны были очень большіе охотники вести нескончаемыя тяжбы, поэтому рѣдкіе изъ нихъ въ теченіе года хоть разъ не посѣщали Люблина, другіе же почти безвыѣздно проживали тамъ, навѣдываясь домой лишь въ промежутки между трибунальскими сессіями. Между тѣмъ Люблинъ еще съ половины XVI в. былъ однимъ изъ главныхъ центровъ социніанства въ Польшѣ: здѣсь существовала богатая и хорошо организованная социніанская община, имѣвшая свой храмъ, школу и типографію; здѣсь социніане часто собирались на свои синоды или соборы; здѣсь жили ученѣйшіе вѣроучители секты и даровитѣйшіе проповѣдники, наконецъ здѣсь то и дѣло устраивались публичные диспуты между социніанскими и іезуитскими богословами, нерѣдко происходившіе въ присутствіи членовъ трибунала и многочисленной массы дворянъ, съѣзжавшихся съ разныхъ мѣстъ ко дню открытія засѣданій трибунальскаго суда. Кромѣ самого Люблина, цѣлая околица въ люблинскомъ воеводствѣ, прилегавшая къ холмской землѣ, отъ Пясковъ за Красный-Ставъ и до Крупъ, почти сплошь была заселена шляхтой социніанскаго исповѣданія; то-же можно сказать и о сосѣдней съ Волынью холмской землѣ. Наконецъ многіе изъ тамошнихъ дворянъ, усердныхъ послѣдователей и покровителей секты, каковы: Суходольскіе, Любенецкіе и др., имѣли помѣстья на Волыни и находились въ ближайшихъ сношеніяхъ съ здѣшнимъ дворянствомъ. По этимъ причинамъ социніанская пропаганда широко разливалась по всей Волыни и число послѣдователей секты къ 30-мъ годамъ XVII ст. сильно увеличилось. Кромѣ перечисленныхъ уже нами лицъ, вотъ списокъ волынскихъ дворянъ того времени, о социніанствѣ которыхъ сохранились болѣе или менѣе опредѣленныя извѣстія: Адамъ Гулевичъ-Воютинскій, поборца воеводства волынскаго, и его братъ Александръ; Липев-

скій Стефанъ, судья гродскій владимірскій, и его братъ Михаилъ, депутатъ люблинскаго трибунала отъ воеводства волынскаго въ 1638 г.; Иваницкіе—Товія, женатый на дочери Мартина Чаплича, Өеодоръ, Матвѣй и Павелъ,—сыновья извѣстнаго уже намъ подстаросты владимірскаго Гавріила Иваницкаго; Самуилъ Холоневскій и Александръ Чеховичъ, жившіе въ с. Холоневѣ, нынѣ владим. уѣзда волынск. губерніи; Яковъ Любенецкій, Василій Рогозинскій, Веспасіанъ Бѣневскій, Петръ Фалибовскій, Янъ Стремескій, Андрей Суходольскій, имѣнія котораго: Фусовъ, Шпиколосы и Княже находились во владим. повѣтѣ, и Ярошъ Моленскій, жившій въ м. Полонной, нынѣ новградъ-волынск. уѣзда [1]). Секта имѣла послѣдователей не только среди дворянства, но и въ средѣ мѣщанъ болѣе значительныхъ мѣстечекъ на Волыни. О мѣщанахъ м. Киселина есть основаніе думать, что они почти поголовно принадлежали къ социніанской сектѣ; такъ въ актовыхъ книгахъ гродскаго владим. суда подъ 1643 годомъ встрѣчается декретъ по дѣлу о бурмистрахъ, мѣщанахъ и предмѣщанахъ киселинскихъ, обвиняемыхъ въ томъ, что они, „ничого не дбаючи на кровъ хрестиянскую, *сами будучи ариянское секты*“, напали на прохожаго мѣщанина—„кравца“ изъ с. Затурецъ и убили его, а затѣмъ, вытащивъ за ворота мѣстечка тѣло убитаго, похоронили его „не якъ хрестиянина, але якъ якого ариянина: толко трохи яму выгребши, укинули“. Кромѣ того есть извѣстіе, что значительная часть мѣщанскаго населенія мм. Гощи и Рафаловки также принадлежала къ социніанской сектѣ; то-же самое можно сказать о мѣщанахъ мм. Ляховцевъ и Берестечка, пользовавшихся въ то время магдебургскимъ правомъ, а также м. Полоннаго и др. О социніанствѣ мѣщанскаго населенія волынскихъ городовъ: Луцка, Владиміра, Кременца и Острога у насъ нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній; но если секта имѣла многочисленныхъ послѣдователей среди населенія мѣстечекъ, то еще бо́льшее число она могла имѣть ихъ среди городскаго населенія. Въ особенности это можно предполагать относительно г. Острога, въ которомъ существовала тогда богатая реформатская община,

[1]) Свѣдѣнія о принадлежности всѣхъ этихъ лицъ къ социніанской сектѣ взяты изъ соч. социніанскаго писателя XVII в. Станислава Любенецкаго «Vindiciae pro unitariorum in Polonia religionis libertate» и дополнены по даннымъ, разысканнымъ нами въ актовыхъ книгахъ кіевск. центральнаго архива.

имѣвшая здѣсь высшую школу и при ней духовную семинарію[1]). Ниже мы будемъ имѣть случай упомянуть о попыткахъ къ распространенію социніанства на Волыни даже среди крестьянскаго населенія.

IX.

Болѣе полустолѣтія прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ въ Польшѣ утвердилась антитринитаріанская или социніанская секта, и за все это время она ни разу еще не подвергалась открытому преслѣдованію со стороны правительственной власти. Правда, у социніанъ, какъ и у всѣхъ польскихъ диссидентовъ, были непримиримые враги среди сторонниковъ ультра-католической партіи въ Польшѣ и ея руководителей—іезуитовъ, съ которыми имъ приходилось вести постоянную упорную борьбу за свое существованіе; но до сихъ поръ эта борьба велась со стороны іезуитовъ такими средствами, пользованіе которыми было доступно и для ихъ противниковъ. Большею частію іезуиты старались привлечь на свою сторону патроновъ секты, которые затѣмъ изгоняли изъ своихъ имѣній прежнихъ единовѣрцевъ, а храмы, школы и типографіи ихъ передавали католикамъ; если же это средство не удавалось, тогда они, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ помѣщиковъ-социніанъ, сами или при посредствѣ преданныхъ лицъ покупали у нихъ имѣнія; послѣднимъ способомъ, напр., былъ отобранъ въ 1587 г. главный социніанскій центръ того времени, Пинчовъ. Кромѣ того іезуиты громили социніанъ въ проповѣдяхъ, безпрестанно устраивали публичные богословскіе диспуты съ ними, писали противъ нихъ полемическія сочиненія: книги, брошюры, памфлеты, не пренебрегали и пасквилями и вообще вели жаркую литературную полемику. Но всѣ эти средства не всегда достигали предположенной цѣли: социніане не только не уклонялись отъ диспутовъ, а еще сами вызывали на нихъ своихъ противниковъ и не оставляли безъ надлежащаго отвѣта ни одной направленной противъ нихъ книги или брошюры. Іезуиты видѣли, что однимъ этимъ оружіемъ имъ не сломить своихъ враговъ, и повели противъ нихъ атаку съ другой стороны: они поду-

---

[1]) Стецкій, Wołyń, т. I, 151.

щали своихъ студентовъ, а также городскую чернь, нападать на социніанскія общины, разрушать ихъ школы и молитвенные дома и разгонять учителей и пасторовъ. Еще въ 1598 г. подобное буйство было учинено надъ социніанами въ Краковѣ, при чемъ не мало пострадалъ самъ Фавстъ Социнъ: буйная толпа ворвалась въ его квартиру, избила его до полусмерти, разломала мебель и уничтожила его рукописи. Съ тѣхъ поръ подобныя безчинства іезуитскихъ студентовъ повторялись неоднократно и примѣнялись не къ однимъ социніанамъ, но и къ другимъ диссидентамъ: протестантамъ и православнымъ. Не было также недостатка въ подстрекательствѣ со стороны іезуитовъ польскаго правительства къ принятію какихъ-либо репрессивныхъ мѣръ противъ социніанъ; но свобода религій была такъ твердо и опредѣленно обезпечена буквой государственныхъ законовъ, что даже правительство Сигизмунда III не рѣшалось открыто нарушить ее, по крайней мѣрѣ оно нуждалось въ какомъ-либо благовидномъ предлогѣ и поводахъ къ подобному нарушенію. Такой предлогъ скоро былъ изобрѣтенъ. Въ 1627 г. іезуиты обвинили люблинскихъ социніанъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ трансильванскимъ княземъ Гавріиломъ Бетеліемъ, покровителемъ социніанъ, и шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ, считавшимся защитникомъ всѣхъ вообще гонимыхъ папистами. Послѣдовалъ грозный декретъ, которымъ люблинскіе социніане, особенно ихъ главные вожаки, присуждались къ строгимъ наказаніямъ, а ихъ община подлежала закрытію. Но студенты іезуитскаго коллегіума не стали даже дожидаться этого декрета: они еще раньше разорили до основанія социніанскую—да за одно уже съ этимъ и протестантскую—молельни и школы въ Люблинѣ и разогнали ихъ пасторовъ и учителей.

Люблинская катастрофа не замедлила отразиться на Волыни, хотя и далеко не въ такой сильной степени. Въ томъ же 1627 г. пріоръ доминиканскаго монастыря въ м. Ляховцахъ позвалъ на судъ трибунальскій пастора тамошней социніанской общины, извѣстнаго ученаго и писателя социніанскаго, Петра Моршковскаго, [1]) обвиняя его въ томъ, что онъ открыто проповѣдуетъ и распро-

---

[1]) Перечень сочиненій Моршковскаго—см. въ Biblioth. Antitrinitariorum, p. 141.

страняетъ въ Ляховцахъ „науку и секту аріанскую, приводитъ и наворочаетъ въ нее многихъ людей християнскихъ, такъ *зъ релиіи греческое,* якъ и католицкое“ и совершаетъ надъ ними „понураня“ (социніанское крещеніе)[1]). Это былъ первый случай привлеченія къ суду за пропаганду социніанства. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстно окончаніе этого процесса. Кажется, однако, что Моршковскій вынужденъ былъ оставить Ляховцы; по крайней мѣрѣ около 1635 г. мы встрѣчаемъ его уже пасторомъ социніанской общины въ Крыловѣ, въ холмскомъ повѣтѣ, а затѣмъ въ Чарнковѣ, въ Познани. Удаленіе Моршковскаго, однако, не повело за собою закрытія въ Ляховцахъ общины социніанской. Намъ извѣстно, что владѣлецъ Ляховцевъ Павелъ Крыштофъ Сенюта до конца своей жизни[2]) оставался усерднымъ социніаниномъ и умирая завѣщалъ торжественно похоронить его по социніанскому обряду и пригласить братьевъ своего исповѣданія на церемонію его погребенія.

Начавшіяся было преслѣдованія социніанъ скоро были пріостановлены. Въ 1632 г. умеръ король-фанатикъ Сигизмундъ III. Польскіе диссиденты всѣхъ исповѣданій подняли голову и задумали воспользоваться наступившимъ моментомъ безкоролевья, чтобы возстановить свои права, столь часто нарушаемыя въ минувшее царствованіе. Въ громадномъ числѣ прибыли въ Варшаву на конвокаціонный сеймъ депутаты православные, протестанты и социніане и, вступивъ въ соглашеніе между собою, объявили, что они не приступятъ ни къ какимъ сеймовымъ совѣщаніямъ, ни даже къ избранію новаго короля, раньше, чѣмъ будетъ обѣщано, что свобода вѣры для всѣхъ и вездѣ будетъ обезпечена ясными законами, которые вновь избираемый король обязанъ будетъ подтвердить личною присягою. Тоже самое повторилось и на избирательномъ сеймѣ, на который отъ трехъ южнорусскихъ воеводствъ: волынскаго, кіевскаго и брацлавскаго прибыло 185 депутатовъ и въ числѣ ихъ болѣе десяти человѣкъ однихъ социніанъ. Не смотря на отчаянное сопротивленіе членовъ высшаго католическаго духовенства и представителей ультра-католической партіи, требованія диссидентовъ въ общемъ были удовлетворены, при чемъ болѣе подробная выработка

---

[1]) Книга гродск. луцкая 1627 г., № 2453, л. 199.

[2]) Онъ умеръ въ концѣ 30-хъ годовъ XVII ст.

требуемаго ими закона была возложена сеймомъ на особую коммисію. Съ спокойнымъ сердцемъ возвращались изъ сейма социніанскіе депутаты, радуясь, что отнынѣ ихъ единовѣрцы будутъ ограждены отъ привлеченія къ суду за открытое исповѣданіе своихъ религіозныхъ убѣжденій. Но радость эта была преждевременна: мѣсяцъ спустя въ варшавскія гродскія книги была внесена манифестація ультра-католическихъ членовъ конвокаціоннаго сейма о томъ, что принятое ими сеймовое постановленіе о правахъ диссидентовъ ни въ какомъ случаѣ не должно распространяться на послѣдователей сектъ, отвергающихъ божество Іисуса Христа, каковы: аріане, новокрещенцы, саббатисты и др., такъ какъ послѣдователи этихъ сектъ незаконно прикрываются именемъ христіанъ [1]). Тогда за социніанъ вступились сеймовые депутаты другихъ диссидентскихъ исповѣданій и внесли въ судебныя книги протестъ противъ означенной манифестаціи, въ которомъ заявляли, что такое ограниченіе смысла сеймоваго постановленія, направленное противъ одной части диссидентскаго союза (contra certam dissidentium in religione christiana partem), можетъ угрожать и цѣлому союзу и служить предлогомъ къ нарушенію самаго постановленія; при томъ же ограниченіе это не только сдѣлано безъ согласія сейма, но о немъ не было тамъ и рѣчи, и потому означенная манифестація, какъ выраженіе частныхъ мнѣній отдѣльныхъ лицъ, не должна имѣть никакой обязательной силы. Протестъ этотъ подписали: тогдашній предводитель протестантской партіи въ Польшѣ, литовскій гетманъ князь Крыштофъ Радзивиллъ и его единовѣрецъ Рафаилъ Лѣщинскій, воевода белзскій, а изъ южнорусскихъ социніанъ: Мартинъ Чапличъ-Шпановскій, Матвѣй Иваницкій, Василій Рогозинскій и послъ отъ воеводства брацлавскаго Николай Ободенскій. Наконецъ подъ этимъ-же протестомъ мы находимъ подписи нѣкоторыхъ волынскихъ дворянъ, извѣстныхъ своею горячею преданностью православной вѣрѣ и энергическою защитою ея правъ и интересовъ, каковы: Лаврентій Древинскій, ловчій волынскій Юрій Пузына и князь Николай Четвертинскій [2]).

---

[1]) Acta relationum grodu warszawskiego, 1632—1634 г., № 6, л. 982, въ главномъ архивѣ варшавскомъ.

[2]) Книга гродск. владимірская 1632 г., № 999, л. 1025.

Первые пять лѣтъ царствованія умнаго и вѣротерпимаго короля Владислава IV прошли для социніанъ совершенно спокойно, но въ слѣдующемъ году ихъ постигло страшное и неожиданное бѣдствіе, виновниками котораго были отчасти они же сами. Въ 1638 г. студенты раковской социніанской академіи, подражая на этотъ разъ студентамъ іезуитскимъ, оскорблявшимъ святыни другихъ исповѣданій, опрокинули и разбили камнями стоявшій за городомъ крестъ съ изображеніемъ распятія. Родители и учители поспѣшили наказать школьниковъ; но дѣло этимъ не могло окончиться. Когда вѣсть о раковскомъ происшествіи достигла Варшавы, тамъ въ это время засѣдалъ сеймъ. Католическое духовенство, давно уже искавшее способовъ къ искорененію главнаго гнѣзда социніанской секты, Ракова, этихъ „Аѳинъ Сарматскихъ", столь вредившихъ славѣ и процвѣтанію школъ іезуитскихъ, воспользовалось какъ нельзя лучше представившимся къ тому случаемъ и подняло страшный вопль на сеймѣ объ оскорбленіи Бога и королевскаго величества. Была назначена чрезвычайная коммисія для разслѣдованія происшествія на мѣстѣ, по докладу которой всѣ раковскіе пасторы и профессора были обвинены въ подущеніи школьниковъ къ преступленію. Въ апрѣлѣ 1638 г. послѣдовалъ грозный сеймовый декретъ, которому тщетно противились не одни социніане, но и многіе изъ южнорусскихъ православныхъ депутатовъ (напр. князь Григорій Святополкъ-Четвертинскій), а также протестантовъ и даже изъ либеральныхъ католиковъ. По этому декрету объявлялись навсегда закрытыми въ Раковѣ молитвенные дома, типографія и академія социніанскія, подъ угрозой взысканія 10,000 червонцевъ за всякую попытку къ ихъ возстановленію; пасторы и профессора были приговорены къ лишенію чести и удаленію изъ Ракова. Скоро послѣ того Раковъ перешелъ въ руки владѣльцевъ-католиковъ, которые совсѣмъ изгнали социніанъ и возстановили въ немъ католическое благочестіе. „Такъ разрушенъ былъ, по выраженію социніанскихъ писателей, этотъ свѣточъ Польши, это убѣжище изгнанниковъ, святилище вѣры и наукъ!" Съ того времени въ Раковѣ поселились евреи, скупившіе за безцѣнокъ имущества изгнанниковъ, и Раковъ, когда-то цвѣтущій городъ, видный центръ промышленности и просвѣщенія, представляетъ нынѣ жалкое, кишащее евреями мѣстечко.

Ударъ, постигшій социніанство въ Польшѣ, не сразу отразился на Волыни; напротивъ, въ первое время онъ скорѣе способствовалъ еще большему процвѣтанію здѣсь секты. Дѣло въ томъ, что социніане, лишившись своего центра въ Польшѣ, задумали снова создать его на Волыни, гдѣ у нихъ было столько единовѣрцевъ и знатныхъ покровителей. Главное вниманіе было обращено на Киселинъ, въ которомъ, кажется, хотѣли создать новые „Аѳины Сарматскіе". Здѣсь еще живъ былъ старикъ Юрій Чапличъ, съ взрослымъ сыномъ Александромъ, столь же ревностнымъ социніаниномъ, какъ и его отецъ; а въ Берескѣ, послѣ смерти Мартына Чаплича, находились его сыновья Андрей и Александръ, учившіеся за границей и подобно отцу преданные интересамъ секты. Сюда были вызваны изгнанные изъ Ракова и Люблина ученые социніанскіе пасторы и профессора: Матвѣй Твердохлѣбъ, Якубъ Гриневичъ-Гижановскій, переименовавшійся впослѣдствіи въ Яна Трембицкаго, и Лука или Іоахимъ Рупневскій, послѣдніе оба—извѣстные социніанскіе писатели. Стараніемъ этихъ ученыхъ киселинская школа была немедленно возведена на степень *академіи*, съ открытіемъ при ней спеціальнаго богословскаго отдѣла для приготовленія социніанскихъ пасторовъ; другое ея отдѣленіе было открыто въ Берескѣ, подъ ректорствомъ Рупневскаго. Новая академія не испытывала недостатка въ учащихся: въ нее охотно поступали дѣти не однихъ социніанъ, но и лицъ другихъ исповѣданій, привлекаемыхъ отчасти успѣхами преподаванія, веденнаго здѣсь болѣе совершеннымъ и менѣе устарѣлымъ, чѣмъ у іезуитовъ, методомъ,[1]) а отчасти—вѣротерпимостью, съ какою здѣсь относились къ питомцамъ другихъ вѣроисповѣданій. Нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени въ Киселинѣ появилась-бы и типографія и закипѣла-бы здѣсь прерванная раковской катастрофой научная и литературная работа... Но въ Луцкѣ сидѣлъ католическій бискупъ, а еще ближе, во Владимірѣ, плебанъ и деканъ Станиславъ Урбано-

---

[1]) Stecki T., Wołyń, I, 152. Отдавая должное достоинству преподаванія въ социніанскихъ школахъ, авторъ, однако, замѣчаетъ, что и социніанскія школы не были свободны отъ общихъ недостатковъ схоластической эпохи: въ нихъ такъ-же, какъ и въ іезуитскихъ коллегіяхъ, ученики «panegiryzowali, prawili oracye i na tympodobnych bredniach większą część czasu marnowali».

вичъ. Въ 1640 г. эти духовные сановники позвали на судъ Юрія и его племянниковъ Андрея и Александра Чапличей-Шпановскихъ, обвиняя ихъ въ укрывательствѣ изгнанныхъ изъ Ракова аріанскихъ пасторовъ и учителей, самовольномъ открытіи аріанскихъ академій и другихъ школъ „на заразу людей молодыхъ и хрестиянскихъ дитей", въ устройствѣ сектантскихъ съѣздовъ или соборовъ и вообще въ распространеніи „декретами сеймовыми и трибунальскими забороненой, а правомъ посполитымъ и одностайнымъ голосомъ за чортовскую деклярованой (объявленной) секты аріанской"; вмѣстѣ съ Чапличами были позваны къ суду и всѣ киселинскіе и бересцкіе „министры, предиканты, магистры и бакаляры" социніанскіе. Кромѣ уголовной отвѣтственности, о которой взывали обвинители, они сверхъ того претендовали къ обвиняемымъ о вознагражденіи „шкодъ" или убытковъ, якобы понесенныхъ ими вслѣдствіе распространенія секты въ ихъ епархіи; убытки эти они оцѣнивали ровно въ 200,000 золотыхъ польскихъ [1]). Было произведено судебное слѣдствіе, которое обнаружило, что въ киселинской и бересцкой школахъ училось великое множество юношей и дѣтей разныхъ сословій, что устраиваемые здѣсь сектантскіе съѣзды или соборы бывали необыкновенно многочисленны (случалось, что число съѣзжавшихся доходило иногда до трехъ тысячъ человѣкъ, собранныхъ не только изъ разныхъ мѣстъ Польши и Литвы, но даже изъ-заграницы) и что Чапличи успѣли обратить въ ересь многихъ православныхъ священниковъ въ своихъ имѣніяхъ и даже *крестьянъ*, которые за это были освобождаемы отъ всякихъ повинностей и работъ на помѣщика. Дѣло Чапличей тянулось четыре года и только въ 1644 г. послѣдовалъ трибунальскій декретъ о закрытіи въ Киселинѣ и Берескѣ социніанскихъ школъ и молитвенныхъ домовъ, при чемъ Чапличи обязаны были разрушить и самыя ихъ зданія и изгнать отсюда всѣхъ еретиковъ; сверхъ того Юрій Чапличъ, признанный болѣе виновнымъ, нежели его племянники, уплатилъ въ видѣ штрафа 1000 червонцевъ, половина которыхъ была вручена обвинителямъ, и обязывался подъ угрозою лишенія чести представить на судъ киселинскихъ пасторовъ и учителей [2]). Но приговоръ этотъ не былъ

[1]) Книга земская Владим. 1640 г., № 1209, л. 58 и 60.

[2]) Книга главнаго трибунала люблинскаго, воев. волынскаго, 1644 г., справа 74.

приведенъ Чапличемъ въ исполненіе: школы и молельня въ Киселинѣ не были разрушены, социніане не были отсюда удалены,—да и какъ было удалить ихъ, когда мѣщане киселинскіе почти поголовно принадлежали къ социніанской сектѣ?—наконецъ пасторы и учителя бѣжали въ другія мѣста. Поэтому Юрій Чапличъ былъ присужденъ къ инфаміи и къ вторичному штрафу въ 10,000 червонцевъ; бѣжавшіе изъ Киселина пасторы и ученые были также приговорены къ лишенію чести.

Съ тѣхъ поръ начался на Волыни цѣлый рядъ социніанскихъ процессовъ, возбуждаемыхъ обыкновенно по инціативѣ католическаго или уніатскаго духовенства. Одновременно съ разгромомъ киселинской общины наступили трудныя времена и для социніанъ ляховецкихъ, противъ которыхъ давно уже начали войну тамошніе доминикане. Еще въ началѣ XVII ст., когда Павелъ-Крыштофъ Сенюта обратился было на короткое время въ католицизмъ, онъ пригласилъ въ Ляховцы доминиканъ и построилъ для нихъ костелъ, причемъ имѣлъ неосторожность внести въ свой фундушъ такое условіе, что если-бы кто изъ его наслѣдниковъ не былъ католикомъ, то всѣ имѣнія завѣщателя должны принадлежать ордену. Извѣстно, что скоро послѣ того самъ Крыштофъ Сенюта сталъ социніаниномъ, и пока онъ былъ живъ, доминикане волей-неволей мирились съ вѣроотступничествомъ его и лишь время отъ времени звали на судъ покровительствуемыхъ имъ социніанскихъ пасторовъ, какъ поступили они въ 1627 г. съ Петромъ Моршковскимъ. Но въ концѣ 30-хъ годовъ XVII в. Павелъ-Крыштофъ Сенюта умеръ, а ляховецкія имѣнія перешли къ его брату Петру, также социніанину. Тогда наступили большіе и продолжительные споры и раздоры между наслѣдникомъ и доминиканцами, которые, ссылаясь на фундушъ Крыштофа Сенюты, оспаривали его наслѣдственныя права и требовали, чтобы онъ принялъ католичество и изгналъ изъ Ляховцевъ еретиковъ. Сторону доминиканцевъ поддерживало высшее католическое духовенство, а за Петра Сенюту вступились волынскіе дворяне и, отправляя въ 1645 г. своихъ пословъ на варшавскій сеймъ, между прочимъ поручили имъ потребовать на сеймѣ отъ имени всего волынскаго воеводства, чтобы претензіи доминиканцевъ къ Петру Сенютѣ и послѣдовавшіе въ ихъ пользу судебные декреты по этому дѣлу были признаны недѣйствительными, такъ какъ

фундушъ Крыштофа Сенюты не можетъ служить ограниченіемъ наслѣдственныхъ правъ его брата [1]). Тѣмъ временемъ доминикане не прекращали дѣлать попытки къ обращенію своего противника въ католичество и въ 1641 году имъ едва не удалось это дѣло. Въ то время Петръ Сенюта опасно заболѣлъ, и когда лѣчившіе его врачи перестали уже надѣяться на его выздоровленіе, одному ксендзу удалось какъ-то пробраться къ больному и поколебать его социніанскія убѣжденія. По его словамъ, Сенюта выражалъ горькія сожалѣнія объ отступничествѣ своихъ предковъ отъ католической церкви и о своихъ собственныхъ заблужденіяхъ, раскаивался въ своей женитьбѣ на завзятой аріанкѣ, [2]) подъ вліяніемъ которой онъ и самъ изъ кальвиниста сталъ социніаниномъ, исповѣдалъ всѣ догматы католической вѣры, носилъ на груди реликвіи и поручалъ душу свою заступничеству Божіей Матери и передъ образомъ ея далъ клятвенное обѣщаніе въ случаѣ выздоровленія торжественно исповѣдать въ костелѣ свое обращеніе къ католической вѣрѣ. Дѣйствительно, скоро послѣ того онъ выздоровѣлъ; но когда пріоръ ляховецкаго кляштора вздумалъ навѣстить новообращеннаго, то его не пустили даже въ дворъ и пригрозили вытолкать въ шею, если онъ вздумаетъ силой проникнуть въ замокъ. А въ замкѣ Сенюты въ то время социніанскій пасторъ Цяховскій публично отправлялъ богослуженіе и говорилъ проповѣдь въ присутствіи хозяина и его пріятелей—единовѣрцевъ: Павла Иваницкаго и какихъ-то пановъ Куроса и Виноватаго, подъ вліяніемъ которыхъ Сенюта совершенно оставилъ свое прежнее намѣреніе относительно перехода въ католицизмъ. Здѣсь же находился дядя Сенюты, каштелянъ белзскій, Андрей Фирлей, горячій протестантъ, экстренно вызванный въ Ляховцы здѣшними социніанами для предупрежденія грозившей опасности перехода въ католичество его племянника. Съ тѣхъ поръ Петръ Сенюта сталъ держать при себѣ уже не одного, а двухъ социніанскихъ пасторовъ, которые свободно отправляли сектантское богослуженіе и распространяли въ его имѣніяхъ свое

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. 2, т. 1, стр. 309.

[2]) Онъ былъ женатъ на полькѣ Ядвигѣ Вильямовнѣ съ Калинанъ. Niesiecki, Herbarz Polski. VIII. 362.

ученіе; самъ же онъ гораздо дѣятельнѣе сталъ относиться къ своимъ обязанностямъ патрона секты и щедро раздавалъ своимъ единовѣрцамъ земельные участки и другія бенефиціи. Обо всемъ этомъ доминикане въ томъ же 1641 г. подали въ земскій кременецкій судъ пространную жалобу [1]), а спустя нѣсколько времени они возбудили противъ Сенюты новое обвиненіе—въ укрывательствѣ изгнаннаго изъ Ракова ученаго социніанскаго пастора и писателя Яна Стоинскаго. Оба эти дѣла были разсмотрѣны люблинскимъ трибуналомъ и въ 1644 г. по нимъ послѣдовалъ трибунальскій декретъ, по которому социніане изгонялись изъ Ляховцевъ, пасторъ ляховецкой общины Янъ Стоинскій былъ объявленъ лишеннымъ дворянства и приговоренъ къ инфаміи, самъ же Петръ Сенюта былъ подвергнутъ штрафу въ 1500 гривенъ [2]).

Такъ одновременно были разгромлены двѣ найболѣе видныя социніанскія общины на Волыни, киселинская и ляховецкая. Третій выдающійся здѣсь социніанскій пунктъ, м. Гоща, еще раньше былъ утраченъ социніанами, хотя и по другимъ причинамъ. Въ 30-хъ годахъ XVII ст. умеръ ихъ покровитель, кіевскій каштелянъ Романъ Гойскій, передавъ Гощу въ наслѣдство своей дочери Регинѣ Соломирецкой, каштелянкѣ смоленской. Новая владѣлица Гощи оказалась горячей поборницей православной вѣры и не могла допустить дальнѣйшаго процвѣтанія здѣсь социніанства и его школъ. Для противодѣйствія имъ она основала въ 1638 г. въ Гощѣ монастырь св. Михаила и заложила при немъ высшую православную школу, „абы еретические науки надъ каѳолическою религіею болшъ не триумфовали". Главнымъ опекуномъ надъ этой школой она назначила кіевскаго митрополита Петра Могилу, а первыми ректорами ея были: Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ и знаменитый впослѣдствіи ректоръ кіево-могилянской коллегіи Иннокентій Гизель. Въ слѣдующемъ 1639 г. Регина Соломирецкая выдала игумену гощскаго монастыря отъ себя и отъ имени своихъ наслѣдниковъ формальное обязательство: не дозволять аріанамъ и другимъ ерети-

---

[1]) Эта жалоба, изъ которой мы заимствовали все вышесказанное, напечатана въ книгѣ Лукашевича: Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Małej Polsce, стр. 354—459.

[2]) Starożytna Polska, II, 928. Архивъ Югозап. Россіи, ч. 2, т. I, стр 294.

камъ въ Гощѣ отправлять свое богослуженіе и основывать аріанскія школы и не терпѣть здѣсь мѣщанъ—послѣдователей аріанской секты; вмѣсто закрытыхъ сектантскихъ училищъ, она устроила въ Гощѣ нѣсколько первоначальныхъ православныхъ школъ, право обученія въ коихъ предоставила исключительно лицамъ, назначаемымъ на то самимъ игуменомъ и подчиненнымъ его надзору [1]). Но эти строгости продолжались не долго. Спустя два года гощское имѣніе пріобрѣлъ знаменитый Адамъ Кисель, впослѣдствіи воевода кіевскій. Хотя онъ въ преданности къ православію не уступалъ своей предшественницѣ, но въ отношеніяхъ къ социніанству руководствовался взглядами Романа Гойскаго и другихъ образованныхъ южноруссовъ. А въ 1644 г. сосѣдъ Киселя, панъ Вильгорскій, обвинялъ его въ томъ, будто онъ „маетъ раду и сполную намову зъ урожонымъ паномъ Крыштофомъ Стоинскимъ, министромъ (пасторомъ) ариянскимъ [2]), которого онъ въ маетности своей Гощи, мимо декрета трибунальские, на заразу вѣры правдивое католицкое, подъ протекциею своею ховаетъ" [3]). Въ этомъ извѣтѣ справедливо было только то, что Крыштофъ Стоинскій дѣйствительно одно время состоялъ слугою у Адама Киселя. Можно думать, что, благодаря вѣротерпимости новаго владѣльца, гощскіе социніане успѣли возстановить кое-что изъ того, что потеряли при Соломирецкой, но періодъ цвѣтущаго состоянія секты временъ Гойскаго не повторился болѣе никогда.

Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ Волыни процессы противъ социніанъ не прекращались и секта несла все новыя и новыя потери. Въ 1646 г. были позваны на судъ двор. Веспасіанъ Бѣневскій и войтъ м. Рафаловки Даніилъ Бальцеровичъ по обвиненію въ томъ, что они устроили социніанскія общины и открыли молитвенныя собранія въ имѣніяхъ воеводы дербскаго Андрея Лещинскаго м. *Рафаловкѣ* (луцкаго уѣзда) и въ сосѣднемъ с. *Собѣщинѣ* и пригласили, ревизовавшаго тогда социніанскія общины на Волыни, па-

---

[1]) Книги гродск. луцкія: 1639 г. № 2155, л. 191, и 1640 г. № 2107.

[2]) Роднымъ братомъ извѣстнаго уже намъ ляховецкаго социніанскаго пастора Яна Стоинскаго.

[3]) Книга гродск. Луцкая 1644 г., № 2483, л. 1233.

стора Андрея Виноватаго, совершить у нихъ богослуженіе [1]). Сверхъ того, тотъ-же Веспасіанъ Бѣневскій обвинялся еще и въ томъ, что, ворвавшись въ домъ рафаловскаго священника, учинилъ поруганіе надъ св. иконами, именно — прокололъ ихъ саблею и называлъ „болванами и псами" [2]). Въ томъ-же году уніатскій жидичинскій архимандритъ Никифоръ Лосовскій позвалъ на судъ Андрея Чаплича за укрывательство двор. Яна Стремескаго, социніанина, приговореннаго въ 1644 г. трибунальскимъ судомъ къ инфаміи за то, что въ бытность его арендаторомъ имѣній жидичинскаго монастыря Стремескій одну изъ монастырскихъ церквей превратилъ въ складъ разныхъ хозяйственныхъ запасовъ и даже загонялъ въ нее охотничьихъ собакъ и свиней [3]). Въ слѣдующемъ 1648 г. привлечены были къ суду дворяне Товія Иваницкій и Якубъ Любенецкій по обвиненію въ распространеніи аріанской секты, въ открытіи въ с. *Иваничахъ* молитвеннаго дома и въ публичномъ совершеніи аріанскаго богослуженія и обрядовъ, въ укрывательствѣ осужденныхъ трибуналомъ пасторовъ и проповѣдниковъ секты и наконецъ въ устройствѣ многолюдныхъ аріанскихъ съѣздовъ и сборищъ. Ближайшимъ-же поводомъ къ возбужденію обвиненія послужило то обстоятельство, что иваницкіе социніане въ праздникъ Рождества совершили какое-то нарочито торжественное богослуженіе, при чемъ былъ крещенъ, посредствомъ погруженія въ прудѣ, по социніанскому обряду, одинъ новообращенный знатный католикъ и похоронена въ саду жена Любенецкаго [4]). Въ томъ-же году снова подвергся суду извѣстный намъ Юрій Чапличъ за то, будто онъ разрушилъ каменный крестъ съ распятіемъ, стоявшій при въѣздѣ въ с. Молчановъ; а спустя короткое время послѣдовала жалоба на его сына Александра за кощунственные отзывы о пресв. Богородицѣ и за нанесеніе побоевъ п. Ивану Козикѣ, который хотѣлъ удержать его отъ богохульства [5]).

---

[1]) Книга гродск. луцк. 1646 г., № 2978, л. 200.

[2]) Книга гродск. луцк. 1647 г., № 2487, л. 505.

[3]) Книга гродск. луцк. 1646 г., № 2977, л. 265.

[4]) Книга гродская владимірская 1648 г., № 1016, л. 1252.

[5]) Тамъ же, л. 426.

Приговоры по всѣмъ этимъ дѣламъ въ точности намъ не извѣстны, такъ какъ подобныя дѣла восходили на рѣшеніе высшаго уголовнаго судилища, люблинскаго трибунала, архивъ котораго хранится нынѣ въ Варшавѣ; но эти приговоры легко угадать: то были тяжкіе денежные штрафы, лишеніе дворянства, инфамія и банниція (т. е. лишеніе покровительства законовъ и изгнаніе изъ отечества). Въ то время польскіе клерикалы успѣли превратить трибуналъ въ послушное орудіе ихъ воли, посредствомъ котораго они щедрою рукою метали перуны на своихъ враговъ. По закону, всѣ дѣла, сопряженныя съ интересами католической религіи, разсматривались въ особыхъ засѣданіяхъ трибунала, называвшихся composita judicia и состоявшихъ на половину изъ представителей католическаго духовенства. Но послѣдніе не стѣснялись этой пропорціей и почти всегда численно преобладали надъ свѣтскими депутатами, избираемыми по воеводствамъ *); при томъ же, если въ числѣ послѣднихъ встрѣчались лица для нихъ почему-либо неудобныя, то они подъ разными предлогами удаляли ихъ изъ состава суда; такой участи неоднократно подвергались между прочими и волынскіе депутаты-социніане, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ трибуналѣ разсматривались дѣла, касавшіяся ихъ единовѣрцевъ.

Къ чести тогдашнихъ южнорусскихъ дворянъ, безъ различія ихъ исповѣданій, нужно сказать, что всѣ эти религіозныя преслѣдованія, всѣ эти суровые приговоры клерикальнаго трибунала возбуждали въ нихъ чувства глубокаго негодованія. Не было того сейма, на которомъ южнорусскіе депутаты, отъ имени своихъ избирателей, не протестовали бы противъ фанатическихъ дѣйствій клерикальной партіи и всякій разъ настоятельно требовали, чтобы всѣ диссиденты были признаны въ правахъ свободнаго отправленія своихъ обрядовъ и содержанія школъ, чтобы прекращены были всякаго рода преслѣдованія за религіозныя убѣжденія, чтобы правительство обуздало трибуналъ въ его жестокихъ приговорахъ по дѣламъ вѣры и изъяло подобныя дѣла изъ подсудности ему, передавъ ихъ на сеймы, и чтобы въ законахъ положено было строгое наказаніе тѣмъ духовнымъ особамъ, которые, подъ предлогомъ

*) См. жалобы волынскихъ дворянъ въ 1645 г. на эти злоупотребленія. Архивъ Югозап. Россіи, часть 2, т. I, стр. 307.

якобы охраненія вѣры, по всякимъ пустякамъ тащатъ шляхтичей къ суду и взводятъ противъ нихъ дутыя обвиненія. Въ частности на сеймахъ 1645, 1646 и 1647 годовъ южнорусскіе дворяне, при поддержкѣ диссидентскихъ депутатовъ изъ другихъ областей Польши, требовали отмѣны трибунальскихъ рѣшеній по дѣлу: Петра Сенюты, Яна Стоинскаго, Юрія Чаплича, Юрія Немирича и другихъ социніанъ [1]). Но всѣ гуманныя требованія южнорусскихъ дворянъ какъ о каменную стѣну разбивались о фанатизмъ польской католически-клерикальной партіи, руководимой на сеймахъ самимъ примасомъ и другими высшими духовными сановниками королевства.

Таково было положеніе социніанской секты на Волыни наканунѣ грознаго переворота, который готовилъ для Польши Богданъ Хмельницкій. Не лучше оно было и въ сосѣдней съ Волынью кіевской Украинѣ.

Орестъ Левицкій.

(Окончаніе будетъ).

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. 2, т. I, №№ XII, XIII, XIV, XVI, XVII, XXII, XXIII, XXV и XXVI. Лукашевичъ, Dzieje kościołów wyznania helw. w Małej Polsce, стр. 283—285.

Архіерейскія печали.

Авторъ *„Мелочей архіерейской жизни“* замѣтилъ въ своей любопытной книгѣ, что жизнь архіерея намъ почти неизвѣстна, потому—что въ большинствѣ случаевъ архіерейскія бумаги, обыкновенно тотчасъ послѣ кончины ихъ владѣльца, „обезпечиваются“, и рука изслѣдователя до нихъ добирается очень не скоро, а до иныхъ даже и вовсе не добирается. Случайныя обстоятельства свели насъ съ нѣкоторыми бумагами, оставшимися послѣ смерти бывшаго архіепископа могилевскаго *Анатолія Мартыновскаго.* Бумаги эти представляютъ довольно важный интересъ и отчасти проливаютъ свѣтъ на скорбныя думы русскаго архіерея. Мы намѣрены нѣсколько познакомить читателей съ этими памятниками архіерейскихъ скорбей.

Анатолій явился въ этотъ міръ подъ именемъ *Августина*—въ 1792 году. „Первые начатки чтенія и письма на отечественномъ языкѣ, а также основанія латыни, получилъ онъ отъ своего отца“, какъ самъ разсказываетъ въ своей автобіографіи. Будучи такимъ образомъ нѣсколько подготовленъ, онъ на восьмомъ или на девятомъ году своего возраста отданъ былъ въ школы, находившіяся тогда въ м. Шаргородѣ, подольской губерніи, ямпольскаго уѣзда, и здѣсь усердно занимался изученіемъ правилъ грамматики и поэзіи россійскаго, а равно и латинскаго языковъ. Наконецъ, перешедши въ Каменецъ, онъ до самаго 1812 года изучалъ науку риторики, философіи и богословія, при чемъ мимоходомъ познакомился съ искусствомъ рисованія, съ началами математики, а также съ правилами языковъ греческаго и нѣмецкаго. Къ концу означеннаго года онъ, когда еще слушалъ уроки богословія, былъ опре-

дѣленъ сначала учителемъ рисованія, а потомъ, по окончаніи уже года, учителемъ класса *инфимы;* изъ года въ годъ переходя въ должности учителя въ высшій классъ, онъ такимъ образомъ дошелъ до класса *синтаксимы.* По настоянію родителей, молодой Августинъ, распрощавшись со школою и науками, женился и въ 1817 г. принялъ санъ священства. На второмъ году супружеской жизни овдовѣлъ, снова перешелъ въ Каменецъ на должность учителя, а въ 1822 г. постриженъ былъ въ монашество съ именемъ Анатолія. Въ 1823 году, слишкомъ 30 лѣтъ отъ роду, Анатолій поступилъ въ старшій курсъ кіевской академіи. Въ то и послѣдующее время монашествующіе освобождались отъ слушанія высшаго общеобразовательнаго курса, т. е. наукъ философскихъ, словесныхъ, историческихъ и математическихъ, и поступали прямо въ такъ называемый богословскій курсъ академіи! Получивъ въ 1825 г. (это былъ второй курсъ или выпускъ преобразованной предъ тѣмъ академіи) степень магистра богословія, іеромонахъ Анатолій въ декабрѣ того-же года опредѣленъ былъ баккалавромъ академіи по каѳедрѣ *польскаго* языка, но въ январѣ слѣдующаго года ему предоставили преподаваніе одной изъ богословскихъ наукъ. Черезъ три съ половиною года, 4 мая 1829 г. зрѣлый по возрасту баккалавръ назначенъ прямо ректоромъ семинаріи въ Курскъ, но въ томъ-же году перемѣщенъ на такую-же должность въ Новгородъ, гдѣ и служилъ около десяти лѣтъ. Съ 1840 года начинается его архіерейская служба сперва въ санѣ и званіи епископа екатеринбургскаго, викарія пермскаго, съ слѣдующаго года въ должности викарія волынской епархіи, съ званіемъ епископа острожскаго, а съ конца 1844 года въ званіи самостоятельнаго епископа могилевскаго и мстиславскаго. Въ Могилевѣ Анатолій возведенъ былъ въ санъ архіепископа, 19 апрѣля 1853 г., и управлялъ могилевскою епархіею до увольненія его по прошенію на покой 1860 г. 17 іюля въ гербовецкій монастырь, бессарабской губерніи, гдѣ и скончался 8 августа 1872 г. [1]).

[1]) См. *«Списки архіереевъ»*, Юрія Толстаго. Спб. 1872 г., стр. 38. Кишин. Епархіал. Вѣдом. за 1872 г. № 16 и за 1878 г. № 9-й. Кромѣ указаннаго, кажется, нигдѣ ничего не напечатано о немъ. Былъ только его некрологъ и списокъ его сочиненій, составленный Г. Н. Геннади, въ Русск. Архивѣ, вошед-

Архіепископъ Анатолій и по рожденію, и по воспитанію, и по главному мѣсту дѣятельности принадлежитъ западному краю Россіи. Неудивительно поэтому, что мысли его сосредоточились на католицизмѣ, важномъ общественномъ элементѣ въ краѣ, соперничествующемъ съ православіемъ; значительные литературные труды его направлены были на изученіе римско-католической церкви и католичество было для него силой, возбудившей его къ дѣятельности. Въ исторіи богословской науки онъ извѣстенъ какъ авторъ сочиненія: *„Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“* (2 части. 1857 г.). Это сочиненіе, изданное авторомъ въ свѣтъ подъ псевдонимомъ *Авдія Востокова* [1]) и выдержавшее два изданія, доставило Анатолію степень доктора богословія, въ тогдашнее время очень рѣдкую. Извѣстная книга его: *„Вѣра, Надежда и Любовь, изложенныя въ бесѣдахъ и размышленіяхъ, съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній“*, выдержавшая пять изданій, обязана своимъ происхожденіемъ римско-католическому стимулу. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ Анатолій.

„Примѣчая въ разныхъ мѣстахъ моего служенія необыкновенное равнодушіе людей такъ называемаго образованнаго сословія къ православному вѣроисповѣданію, частое уклоненіе отъ участія въ общественномъ богослуженіи и пренебреженіе уставовъ церкви, я старался вывѣдать причины того и удостовѣрился, что все это между прочимъ происходитъ отъ чтенія религіозныхъ на французскомъ и другихъ языкахъ, самаго изящнаго изданія, книгъ и кни-

шій потомъ въ его «Словарь русскихъ писателей». Все, сообщенное далѣе нами объ этомъ архіепископѣ, заимствовано изъ бумагъ его, сохранившихся у его племянника—художника Николая Мартыновскаго.

[1]) Подъ этимъ псевдонимомъ Анатолій издалъ и нѣсколько другихъ своихъ сочиненій. Подъ этимъ-же псевдонимомъ, только измѣнивши его на малорусское окончаніе *(Восточенко)* писалъ онъ и свои *Воспоминанія о видѣнномъ и слышанномъ*—въ покойномъ кіевскомъ журналѣ «Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи». Писалъ Анатолій и для «Странника», издававшагося его землякомъ. Кромѣ указанныхъ извѣстны отдѣльно изданныя его сочиненія: *«Слова и Бесѣды»*. Пять частей. Спб. 1853—1866 г.; *«Досуги архіепископа Анатолія»*, съ портретомъ автора. Спб. 1868 г.

жонокъ, коими преимущественно наводнены западныя губерніи вмѣстѣ съ полемическими сочиненіями противу отечественной православной церкви, каково напримѣръ: *L'Église Schismatique Russe d'apres les relations récentes du prétendu Saint-Synode. Paris. 1846*; я узналъ еще, что нѣкоторые изъ именующихся православными молятся по французскимъ и польскимъ молитвословамъ. Вразумляемые мною въ такомъ уклоненіи отъ руководства церкви возражали, что они церковнаго языка почти не понимаютъ и даже не умѣютъ читать по славянски, что издаваемые именемъ церкви молитвословы будто-бы печатаются такъ небрежно, съ такими типографическими украшеніями, что не хочется въ руки взять такихъ книгъ. Дайте намъ, говорили возражавшіе,—что-нибудь въ родѣ молитвослова, ясно написанное и опрятно изданное на русскомъ языкѣ, и мы станемъ читать. Съ другой стороны мнѣ случалось встрѣчать, хотя весьма немногихъ, искренно благочестивыхъ людей, которые, не довольствуясь молитвословами церковными, удовлетворяли жаждѣ духа своего списываніемъ изъ разныхъ книгъ различнаго содержанія молитвъ, сочиненіемъ ихъ и составленіемъ для своего употребленія молитвенныхъ тетрадокъ; даже попалась мнѣ книжечка, неизвѣстно кѣмъ составленная, когда и гдѣ печатанная. А еще видѣлъ книжечку, написанную чистымъ русскимъ языкомъ и изданную въ свое время въ Полоцкѣ іезуитами, въ которой заключаются молитвы къ Ксавію, Боргію, Доминику и проч. Всѣ такія свѣдѣнія томили меня, не давали покоя духу моему, пока я не рѣшился составить и издать книгу, которая бы, по моимъ соображеніямъ, могла хотя отчасти удовлетворить вышеизложеннымъ требованіямъ".

Подъ вліяніемъ впечатлѣній стройности и независимости римско-католической церкви, самостоятельности и могущества ея іерархіи у Анатолія слагается отрицательный взглядъ на положеніе русской церкви, создается угнетавшее духъ его разочарованіе.

Скорбь его начинаетъ развиваться съ того времени, какъ, оторванный отъ родины, поставленъ былъ онъ на ректуру въ Новгородѣ. Страна былаго вѣча навела на душу Анатолія страшную тоску. „Тысячу разъ принимался за перо, писалъ онъ высокопоставленному іерарху, и не могъ писать: отъ безпрерывныхъ смущеній убитому скорбями и перо кажется свинцовою гирею. Какъ

страждущему одышкою, такъ мнѣ захватываютъ духъ напасти и скорби. А между тѣмъ необходимо трудиться и тружусь, какъ извощичья лошадь, до упаду... Въ Новгородѣ почти нѣтъ ничего новаго; а если и есть, то про это нужно-бы много писать: но не стоитъ того... До того я дошелъ, что завидую состоянію монаховъ моей обители. Какая мирная и беззаботная жизнь: церковь, трапеза и келія—вотъ и вся сфера заботливости, а отвѣтственности никакой. Вотъ пѣснь, которую я съ переселенія моего въ Новгородъ доселѣ пою—и пою хоть визгливымъ, но часъ отъ часу высшимъ голосомъ—потому часъ отъ часу болѣе допекаетъ...“ Но вотъ Анатолія высылаютъ еще дальше, въ предѣлы сибирскихъ стужъ. „Ахъ, далеко мнѣ ѣхать“, жалуется онъ, „далеко! Какъ я доѣду и что со мною будетъ, Богъ вѣсть“. Иные владыки обыкновенно стараются держать подальше отъ себя людей даровитыхъ, опасныхъ на ихъ взглядъ именно своимъ умомъ; но въ пермскомъ краѣ Анатолія поразило иное, болѣе мрачное. „Въ пермской епархіи, какъ мнѣ съ 1840 г. извѣстно, управляющіе оною думаютъ, что всего удобнѣе управлять людьми, если они будутъ чѣмъ-нибудь запятнаны, опорочены. Вслѣдствіе такого мнѣнія тамъ безпрерывныя господствуютъ ябеды, лживые доносы и притомъ по настроенію свыше“.

Скорбное настроеніе души его не только не ослабѣваетъ, но еще болѣе усиливается по переходѣ на службу въ западный край. Католическая іерархія не даетъ ему покою. „Я хотѣлъ было, пишетъ онъ, собрать и написать что-нибудь въ родѣ статейки о преимуществахъ въ Россіи православной церкви предъ другими вѣроисповѣданіями. Съ этою цѣлію принялся за „Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи“ и нашолъ, что въ 1803 г. декабря 23 дня, по случаю тяжбы митавскаго ксендза, положено защищать церковныя имѣнія, въ томъ числѣ и нашихъ церквей, на равнѣ съ казенными (Полн. собр. закон. Р. И. Т. XXIII, стр. 1088); пожалованныя сыновьямъ лютеранскихъ пасторовъ права при поступленіи на службу усвоены и сыновьямъ нашихъ священниковъ въ 1827 г. (тамъ-же, стр. 629). Затѣмъ взялъ въ руки „Сводъ законовъ Росс. Имп., изданія 1857 г. Т. XI. ч. I, Уставъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій“ и бросилъ, убѣжденный, что мнѣ на старости лѣтъ не по силамъ выводить подобныя параллели, тѣмъ

паче, что высказываются утомительныя для духа антитезы. Подумавши обо всемъ этомъ, я пришелъ къ заключенію, что тотъ былъ-бы великимъ благодѣтелемъ русской православной церкви, кто испросилъ бы у престола царева усвоеніе и ея іерархамъ правъ, дарованныхъ иностраннымъ исповѣданіямъ изъ-за толеранціи".— Анатолій, подавленный мыслями о приниженности русской іерархіи, приходитъ къ унывающему взгляду на состояніе русской церкви. „Содержаніе вашего писанія, говоритъ онъ въ письмѣ къ одному епископу, возбудило во мнѣ такую толщу неотвязчивыхъ мыслей, что голова моя о сю пору не можетъ успокоиться. Сущность тѣхъ мыслей состоитъ въ томъ, что *едвали есть церковь несчастнѣе нашей русской церкви.* Утверждаю это потому, что мнѣ 70 лѣтъ и съ 1812 г. я состоялъ въ училищной службѣ и былъ свидѣтелемъ многихъ произшествій въ нашей церкви. По своему положенію она теперь точно въ такомъ отношеніи къ свѣтскому правительству, въ какомъ отношеніи такъ называемая церковная область къ папскому правительству. А если поставить ее, съ XI томомъ Свода Законовъ изданія 1857 г. въ рукахъ, въ параллель съ другими вѣроисповѣданіями, находящимися въ Россіи, то едвали наша церковь не болѣе всѣхъ стѣснена, связана, унижена болѣе, чѣмъ всякое общество другихъ вѣроисповѣданій" *).

*) Это крайнее и въ крайне рѣзкой формѣ выраженное мнѣніе ревностнаго архипастыря не будетъ казаться намъ ни страннымъ, ни одинокимъ, если сопоставимъ его съ тѣмъ, что еще въ болѣе рѣзкой формѣ высказано въ »Письмахъ о современномъ состояніи Россіи« (Письмо V, стр. 52, 53 и дал. Изд. 2. Спб. 1881 г.) и во многихъ статьяхъ »Руси« и »Востока« Подобныя мнѣнія, хотя въ спокойныхъ, но твердыхъ выраженіяхъ намъ приходилось слышать отъ двухъ недавно скончавшихся архипастырей, занимавшихъ высокое положеніе въ нашей іерархіи, именно пр. Арсенія, митрополита кіевскаго, и пр. Іоанникія, архіепископа варшавскаго, волею судебъ окончившаго дни свои въ Одессѣ. Суть дѣла въ томъ, что миніатюрное первоначально оберъ-прокурорство св. синода, придуманное однако Петромъ I съ явною цѣлію парализованія церковной власти, разрослось потомъ въ огромное учрежденіе съ именемъ «Вѣдомства православнаго исповѣданія», заслонило собою дѣйствительное представительство церкви и ея законную власть и притянуло къ своимъ рукамъ всѣ нити церковнаго управленія. Тому, кто близко знакомъ съ положеніемъ этого дѣла въ его прошедшемъ и настоящемъ, до крайности странными кажутся возгласы о недостаткѣ у насъ вліянія церкви на общество и

Писать и печатать — было непреодолимою потребностію души Анатолія съ самыхъ раннихъ годовъ его церковно-общественной дѣятельности. Но здѣсь налегла на него тогдашняя цензура со всею своею тяжестію. Вопли нашего архіепископа противъ цензуры составляютъ содержаніе многихъ его писемъ разнымъ лицамъ. „Въ нашей церкви, пишетъ онъ къ одному изъ своихъ корреспондентовъ, съ 1812 года по 1822 годъ не явилось и десяти новыхъ назидательныхъ и полезныхъ книгъ ни для народнаго употребленія, ни для пастырей ея; съ того времени нашей духовной цензурѣ даны такія правила для руководства, что каждый цензоръ по произволу могъ одобрить для напечатанія, или нѣтъ, всякое сочиненіе. Даже въ св. синодѣ погибли невозвратно весьма многія преполезныя для церкви сочиненія; многія такія сочиненія не узрѣли свѣта Божія потому только, что разсматривавшіе ихъ дали объ нихъ мнѣніе, что читатели ихъ могутъ о томъ или другомъ подумать то-то и то-то, хотя-бы во вѣки, кромѣ разсматривавшаго, не подумали этого. Многія рукописи, неодобряемыя напримѣръ одною духовною цензурою, были одобряемы другою цензурою или черезъ годъ тою-же самою; многія сочиненія, одобренныя къ напечатанію, не одобрялись тою-же цензурою, безъ всякой причины, для втораго изданія. Въ самомъ синодѣ разсматривающіе сочиненія ревнующихъ о благѣ церкви, принимаясь разсматривать рукопись, предварительно говорятъ сами въ себѣ: „вотъ еще выскочка! взялся сочинять! видно, нечего ему дѣлать!“, а разсматривая рукопись, думаютъ: „вотъ какъ онъ пишетъ, я бы не такъ написалъ,“ — и вообще не могутъ вообразить, что есть еще люди, которые готовы трудиться безкорыстно для блага церкви, со всею ревностію и самоотверженіемъ. И вслѣдствіе такихъ глубокомысленныхъ соображеній оплевываются желчію даже такія сочиненія, въ которыхъ церковь имѣетъ вопіющую нужду... При мысли, что на самыя полезныя для церкви сочиненія нападали съ патріаршею властію свѣтскія лица, служащія

отсутствіи инициативы въ представителяхъ нашей церкви. Какая-же тутъ можетъ быть инициатива?.. Въ одномъ изъ трактатовъ по церковн. законовѣдѣнію свящ. Горчакова, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ Государств. Знаній», выяснено юридическое положеніе нашего церковнаго управленія вообще и въ частности такое-же положеніе въ немъ оберъ-прокурора св. синода. — *Ред.*

при св. синодѣ, и даже съ наглою злобою выдирали цѣлыя превосходныя статьи изъ журнала „Христіанское Чтеніе“; что наше церковное юношество большею частію учится Богъ вѣсть по какимъ запискамъ, хотя многіе преподаваемые имъ предметы могли-бы изучать уже по книгамъ и весьма хорошимъ; что обременены такимъ множествомъ учебныхъ предметовъ, что отъ такого обремененія ни одного предмета не изучаютъ основательно, тогда какъ изучивъ нѣсколько предметовъ въ возможномъ совершенствѣ, другіе предметы и гораздо больше ихъ могли-бы усвоить себѣ впослѣдствіи посредствомъ одного чтенія; что церковные юноши отъ постояннаго списыванія уроковъ и множества учебныхъ предметовъ получаютъ въ училищахъ такое отвращеніе къ чтенію душеполезныхъ книгъ, что не читаютъ книгъ даже раздаваемыхъ имъ даромъ:—*нельзя не сѣтовать, не сокрушаться сердцемъ, не плакать о судьбѣ нашей церкви и не подумать, что едвали враги церкви не справедливо утверждаютъ, что наша церковь мертва, безжизненна!*“

Удрученный скорбями, архіепископъ Анатолій увольняется на покой; но литературные интересы не оставляютъ его и на покоѣ. Онъ оживляется малѣйшимъ признакомъ того, что настали лучшія времена. Такъ онъ изъ Бессарабіи привѣтствуетъ Филарета черниговскаго. „Другой разъ наслаждаясь чтеніемъ „Православнаго Догматическаго Богословія“ вашего высокопреосвященства, сознаю себя обязаннымъ принесть и отъ всего моего сердца и души приношу глубочайшую благодарность за душевное, неизъяснимо-пріятное наслажденіе, которое ощущаю, читая это безцѣнное произведеніе трудовъ вашихъ. Меня особенно восхищаетъ въ немъ ясность изложенія христіанскихъ догматовъ, твердыя, непоколебимыя ихъ доказательства, точное изъясненіе и приложеніе относящихся къ предмету текстовъ свящ. писанія, меткое пораженіе враговъ православнаго вѣроученія, краткость соединенная съ удовлетворительною полнотою его, почти популярный удобопонятный слогъ, не помраченный мнимымъ краснорѣчіемъ, изумительное обиліе литературныхъ свѣдѣній, которыми при чтеніи восхищаюсь на каждой страницѣ. По истинѣ ваше Богословіе безцѣнный даръ для православной церкви. И хотя я дерзнулъ-бы оспаривать нѣкоторыя положенія того Богословія; но пламенно желаю, чтобы оно переведено было на ино-

странные языки, особенно на нѣмецкій или хоть на французскій. Тогда европейскіе гелерты, я увѣренъ, положили-бы на уста свои перстъ изумленія и не дерзали-бы впередъ оскорблять священный авторитетъ православной церкви. Меня восхищаетъ и то, что ваше Богословіе издано просто съ разрѣшенія комитета кіевской духовной цензуры, а не по одобренію святѣйшаго синода. Ибо къ чему это одобреніе, когда были примѣры, что св. синодъ воспрещалъ употребленіе разныхъ книгъ, которыя прежде того дозволилъ напечатать? Кромѣ того извѣстно, что тѣ, коимъ поручаемо было св. синодомъ разсмотрѣть и представить мнѣніе о какомъ-либо сочиненіи, опасаясь попасть въ просакъ или выставить себя не свѣдущими, не умѣющими критиковать, каждое разсмотрѣнное ими сочиненіе обыкновенно не одобряли вполнѣ или судили объ немъ по предзанятымъ неосновательнымъ мнѣніямъ. Но всего горестнѣе, что произведенія трудовъ благонамѣреннѣйшихъ писателей подвергались еще критикѣ самозванныхъ свѣтскихъ богослововъ — чиновниковъ; что часто преполезныя сочиненія запрещались единственно потому, что, по мнѣнію самозванныхъ богослововъ, читатели того сочиненія могутъ подумать то и то, тогда какъ во вѣки никому бы не пришла въ голову мысль, возникшая въ головѣ самозваннаго богослова. И что за бѣда, если въ книгѣ благонамѣреннаго писателя встрѣтится какая-либо обмолвка, непослѣдовательность мысли: умный читатель извинитъ писателя, а глупый не усмотритъ обмолвки... Отъ этого если какія сочиненія писателей нашей церкви выходили на свѣтъ, то были тощія, безжизненныя, какъ бы замороженныя и никого, особенно изъ міранъ, не привлекали къ чтенію“...

Въ отвѣтъ на это письмо Филаретъ, изложивъ и свою жалобу на цензурную волокиту, высказалъ однако взглядъ на цензуру благосклонный, сочувственный, не въ тонъ Анатолію. „Благодарю васъ за добрый отзывъ вашъ о Догматикѣ“, пишетъ Филаретъ. „Quod potui, feci; faciant meliora alii.—Вы напрасно думаете, что Догматика не проходила сквозь терну цензуры синодальной и академической. Исторія похожденій ея длинна. Согласенъ съ вами, что нынѣшнія облегченія цензуры имѣютъ хорошую сторону. Но убѣжденъ и въ томъ, что цензура умная и благонамѣренная нужна. Она тяжела бываетъ для авторскаго самолюбія: но за то книги могутъ являться не безполезныя или вредныя. Видимъ, что нынѣ

печатается? Правда, въ появленіи нынѣшнихъ книгъ главный виновникъ—несчастный духъ времени. Но противъ злаго духа нужны смирительныя мѣры и между ними первая мѣра—цензура. Впрочемъ, этотъ вопросъ часто бывалъ уже подъ цензурою. Думается, онъ рѣшается, согласно съ Вашею мыслію, словами Апостола: *праведнику законъ не лежитъ,* и, согласно съ моею, его же ученіемъ о всеобщей порчѣ людей, требующей лѣкарствъ.—Скорби времени доводили душу мою до желанія оставить управленіе епархіею. Но мнѣ указали на то, что ваше высокопреосвященство жалѣете о своемъ избраніи уединенной жизни. Правда-ли послѣднее? Мнѣ бы желалось слышать отъ Васъ самихъ извѣстіе о состояніяхъ души вашей. Надобно намъ учиться и учиться.—Всего труднѣе знать себя самого. Самолюбіе слишкомъ много скрываетъ меня отъ меня самого. Примѣры иногда просвѣтляютъ взоръ души на себя самую".

Анатолій съ отвѣтомъ не спѣшилъ и о цензурѣ болѣе не поднималъ вопроса. „Старческое разслабленіе и одышка о сю пору не дозволили мнѣ отвѣчать на почтеннѣйшее писаніе ваше", извинялся отшельникъ. „Вотъ отвѣтъ. Въ продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ моего пребыванія въ Бессарабіи, я порывался куда-либо переселиться изъ нея: потому что въ это время перенесъ шесть лихорадокъ самыхъ томительныхъ; преимущественно же я желалъ побывать въ Петербургѣ для того, чтобы подъ своимъ наблюденіемъ издать по моему плану и вкусу хотя нѣкоторыя изъ издѣлій пера моего. Желаніе мое не осуществилось. Затѣмъ съ 1863 года меня не удручала ни малѣйшая болѣзнь, кромѣ одышки и старческаго безсилія. При всемъ томъ, какъ скоро хотя немного прихожу въ силу, тотчасъ занимаюсь какимъ-либо сочиненіемъ, и тогда только скучаю, когда не могу придумать, о чемъ бы писать; а придумать это тѣмъ труднѣе, что моя библіотека скудна, а въ кишиневской семинаріи такая ничтожная, ничтожнѣе которой я не видѣлъ ни въ одной семинаріи. Если-бъ я былъ на Вашемъ мѣстѣ и рѣшился просить объ увольненіи отъ управленія епархіею, то поселился бы вблизи какой-либо духовной академіи и занимался бы изданіемъ еще новыхъ такихъ драгоцѣнныхъ сочиненій, какими ваше высокопреосвященство надѣлили св. церковь". Анатолій не сказалъ Филарету о томъ, что искалъ въ Петербургѣ *мѣста цензора.*

На покоѣ въ Бессарабіи Анатолій постоянно былъ занятъ *мыслію о родинѣ.* И въ Петебургъ онъ стремился, чтобы быть полезнымъ родинѣ. „Въ изданіи моихъ сочиненій, писалъ онъ, не имѣю ни малѣйшей корыстной мысли, хотя намѣренъ издать ихъ на свой счетъ; но вовсе не думаю выручать за нихъ денегъ, какъ не выручалъ и за прежде напечатанныя. Обыкновенно я выдавалъ издателю ихъ денежныя пособія съ условіемъ, чтобы имъ выдано было мнѣ такое количество экземпляровъ напечатанныхъ имъ книгъ, которое по цѣнѣ, имъ самимъ опредѣленной, равнялось бы количеству выданнаго мною ему денежнаго пособія, а полученные мною отъ издателя экземпляры ихъ раздавалъ желающимъ и почти всякому встрѣчному совершенно безмездно, предоставляя издателю выручать за прочіе экземпляры деньги въ свою пользу. Желаю и теперь поступить такимъ образомъ; особенно хотѣлось бы мнѣ напечатать на свой счетъ и отправить въ консисторію моей родины мои проповѣди и бесѣды для безмезднаго надѣленія ими всѣхъ приходскихъ церквей подольской епархіи". Такъ писалъ Анатолій, просясь на цензуру въ Петербургъ. Получивъ отказъ въ этомъ, онъ желалъ по крайней мѣрѣ умереть на родинѣ и для того просилъ о переводѣ въ подольскій шаргородскій монастырь; но ему предложили проситься въ какой-либо монастырь среднихъ епархій.

Огорченный неудачею, Анатолій искалъ утѣшенія въ общеніи съ такими же, какъ онъ, неудачниками: то были два образа печальнаго рыцаря, слишкомъ извѣстные В. И. Аскоченскій и К. Говорскій [1]). Мы не знаемъ, что послужило поводомъ къ сношенію съ ними Анатолія, но сохранившіяся ихъ письма къ нему показываютъ, что и Аскоченскій, и Говорскій, рисуясь своимъ якобы героизмомъ и навязываясь въ дружбу къ Анатолію, разсчитывали на поддержку изъ тощаго анатоліевскаго кармана. Въ этомъ отношеніи очень интересны и характерны для литературныхъ нравовъ ихъ письма къ Анатолію, которыя кстати мы и выпишемъ здѣсь. „Четырнадцать лѣтъ,—писалъ Викторъ Ипатичъ, воюю я одинъ, безъ пособниковъ, безъ средствъ, съ глашатаями современнаго

[1]) Первый какъ издатель »Домашней Бесѣды«, второй—»Вѣстника« сперва »Юго-западной и Западной«, а потомъ, съ переходомъ въ Вильно, только »Западной Россіи«.

прогресса и съ врагами правды евангельской; состарила меня эта тяжкая, безъисходная борьба, и если не помогутъ мнѣ наши святители, то я неизбѣжно паду, лишенный всякой возможности продолжать ее.

„Ваше высокопреосвященство! Я знаю, что вы вашими сочиненіями не собрали столько сокровищъ, сколько собралъ ихъ Макарій литовскій; но знаю и то, что вы не расточаете того, что Богъ послалъ вамъ, на созиданіе себѣ кумира, а творите добро десною, не позволяя вѣдать про то шуйцѣ. Вотъ что и даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ съ усерднѣйшею моею просьбою о помощи, безъ которой опускаются мои руки и прекратится дѣло и дѣланіе мое. Поспѣшите, поспѣшите поддержать труженика, состарѣвшагося въ нескончаемой борьбѣ! Я обращаюсь ко всѣмъ святителямъ земли русской, какъ единственнымъ соучастникамъ и сочувственникамъ моего посильнаго труда.

„Если вашему высокопреосвященству случится увидѣться съ преосвящ. Петромъ [1]), то передайте ему мой старинный, дружескій поклонъ. Онъ знаетъ меня лучше, чѣмъ кто-либо, ибо мы съ нимъ дѣлили когда-то и горе, и радости, которыхъ впрочемъ было у насъ очень—очень мало.

„Въ ожиданіи скорой помощи отъ васъ испрашиваю вашего благословенія на семейство мое и на себя". *4 априля 1841 г.*

Не лучше малограмотное письмо Говорскаго. „Не нахожу словъ, писалъ онъ, достойно возблагодарить вашему высокопреосвященству за оказанное вами *лѣстное* вниманіе къ моему „Вѣстнику" чрезъ присылку, для помѣщенія въ немъ, въ высшей степени интересной статьи трудовъ вашего высокопреосвященства. Она будетъ напечатана въ двухъ книжкахъ: 8-й и 9-й и велю отпечатать нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ оттисковъ.

„Кромѣ поляковъ, „Вѣстнику" пришлось еще вести борьбу съ пагубными для цѣлости и блага Россіи тенденціями внутреннихъ ея враговъ: хохломановъ, стремящихся къ об*ъо*собленію Малороссіи и съ нигилистами, усиливаю*щихся* лишить вліянія наш*его*

---

[1]) Епископъ аккерманскій, викарій кишиневской епархіи, въ мірѣ Платонъ Алексѣевичъ Троицкій, воспитанникъ VII курса кіевской академіи, курсомъ выше Аскоченскаго.

духовенства на народъ, вырвавъ изъ рукъ его естественно ему принадлежащее право и обязанность народнаго образованія.

„Вѣстникъ“ цѣлымъ рядомъ статей обличительныхъ неутомимо наносилъ смертельные удары стремленіямъ тѣхъ и другихъ и успѣлъ парализовать почти всѣ ихъ зловредныя затѣи. За то издатель его и ближайшіе дѣятели навлекли на себя ихъ ненависть и непримиримую вражду, а такъ какъ партіи ихъ въ Петербургѣ могущественны и имѣютъ покровителей въ лицѣ даже нѣкоторыхъ министровъ (Головнинъ), то мнѣ приходится много терпѣть разныхъ непріятностей и стѣсненій по изданію журнала. Было время, и очень недавно, что намѣревались его даже запретить. Партіи эти главнымъ образомъ вредятъ изданію, что всѣми мѣрами препятствуетъ его распространенію: по министерству напримѣръ народнаго просвѣщенія, давшему мнѣ въ прошломъ году до 400 подписчиковъ, въ настоящемъ году нѣтъ ихъ и 10-ти. И вообще малочисленность подписчиковъ въ настоящемъ году (не свыше 600) поставляетъ меня въ невозможность продолжать изданіе, такъ что если число ихъ значительно не возрастетъ, то оно прекратится на 10 книжкѣ неминуемо. Наше правительство, часто сыплющее деньги цѣлыми тысячами понапрасну, безъ малѣйшей пользы для общественнаго блага, не оказало никакой поддержки „Вѣстнику“, такъ самоотверженно и храбро ратующему, въ *видахъ интересовъ* Россіи, съ ея врагами. Даже наше православное духовенство, честь котораго и права такъ смѣло и небезплодно отстаивалъ этотъ журналъ, оказалось совершенно равнодушнымъ къ поддержанію его существованія и совершенно отвернулось отъ него, не смотря на указы св. синода, рекомендующіе духовенству выписывать этотъ полезный органъ и для православія, и для русской народности, не изъ собственнаго кармана, а изъ церковныхъ суммъ. Изъ всей напримѣръ кишиневской епархіи выписываетъ „Вѣстникъ“ только одинъ преосвященный. А вѣдь собственно-то за защиту духовенства „Вѣстникъ“ лишился нѣсколько сотъ подписчиковъ и нажилъ сильныхъ враговъ!

„По неимѣнію средствъ сгруппировать вокругъ себя дѣльныхъ помощниковъ и сотрудниковъ, журналъ мой не можетъ отличаться внутреннимъ совершенствомъ, котораго при энергіи и патріотизмѣ его издателя могъ-бы онъ достигнуть, если-бы издатель обладалъ этими средствами.

„Кромѣ того, что подъ бременемъ труда, падающаго на меня одного всѣмъ тяжелымъ гнетомъ, я изнемогаю душевно и тѣлесно, я впалъ въ неоплатимые долги и семейство мое лишилъ маленькаго достоянія, которое успѣлъ было въ продолженіи долголѣтней моей службы скопить, отказывая себѣ въ самыхъ невинныхъ удовольствіяхъ, часто даже въ необходимыхъ потребностяхъ житейскихъ, такъ что, если Господь Богъ не ниспошлетъ неожиданно какой-либо помощи, то въ перспективѣ быть можетъ и близкаго будущаго видится мнѣ долговое отдѣленіе, обыкновенная награда у насъ въ Россіи самоотверженныхъ дѣятелей". 9 апрѣля 1864 года.

Совсѣмъ чужды подобной эксплоатаціи и дышатъ глубокою и безкорыстною симпатіею письма къ Анатолію бывшихъ его подчиненныхъ по могилевской епархіи. Особенно сердечны были посланія къ Анатолію отъ воспитанницъ основаннаго имъ въ Могилевѣ училища. Вотъ одно изъ нихъ.

Отецъ нашъ, пастырь несравненный!
Какъ можемъ мы тебя забыть?
Преосвященный Анатолій,
Твои къ тебѣ птенцы гласятъ.
Какъ голубица подъ крылами
Ты грѣлъ, питалъ своихъ дѣтей;
Ни бѣдъ, ни горестей не знали
Подъ кровомъ мудрости твоей.
Тобой обитель процвѣтала,
Тобою славился пріютъ;
И мы надеждою питались,
Что не оставишь насъ отнюдъ.
Тебя мы ждемъ, но тщетно это;
Ты навсегда оставилъ насъ,
Какъ солнце красное сокрылся
Въ странѣ далекой и чужой.
Не грѣетъ насъ твой взоръ отрадный,
Не лащетъ насъ твоя рука.

Стихи совсѣмъ плохи; но они свидѣтельствуютъ объ искренности и теплотѣ дѣтскихъ чувствъ, равно о томъ, что преосв. Анатолій не чуждался женскаго общества, хотя взглядъ его на женщину

не высокаго сорта. Въ стихотворномъ посланіи изъ мѣста своего заточенія онъ такъ предостерегалъ одного изъ своихъ кліентовъ отъ *„коварныхъ дщерей Евы"*.

„Онѣ во плѣнъ мужей себѣ берутъ
„И терзаютъ будто кнутъ.
„Ихъ кисеи, кринолины—
„Настоящія машины
„Для ловленія людей
„Холостыхъ да и мужей;
„Ихъ булавки, коафюры—
„Цѣпи мужеской натуры"...

Въ послѣдніе дни жизни преосв. Анатолій вообще на все сталъ смотрѣть зловѣщими глазами и высказывать опасенія за будущее. „Велика вамъ, паночку, дяка за вашу память о такимъ, якъ я, грішныку", писалъ онъ между прочимъ въ отвѣтъ одному изъ своихъ друзей. „Ваше превосходительство скучаете въ Москвѣ многолюдной; щожъ-бы вы сказали, якъ-бы довелось житы въ такій, якъ я, пустыни... Не дивно, що вы все чогось жахаитесь и боитесь. Теперь въ цілымъ світі неспокійно и треба чекати якоись великои біды. Въ Могилеві и во всякому другому западному краі польскій бунтъ и сваволя; а на Руси недобри люде и пишуть, и печатають, и всими мірами тягнутъ юношей къ разврату. Да въ самій Москві на масляныці въ императорскомъ театрі шистьнадцатилітні юноши и дѣвицы открыто танцювали развратнѣйшій танецъ, именуемый канканъ, въ которомъ всѣ движенія ихъ представляли любодѣяніе. Чого-жъ писля ѳіого дочекатись, якъ не страшного гніва Божія и пагубы?"...

Къ концу жизни Анатолій почти лишился слуха и зрѣнія. Ежедневно онъ бывалъ на всѣхъ богослуженіяхъ въ своей домовой церкви, гдѣ всѣ иконы были его собственной художественной работы. Отходилъ онъ ко сну въ девять часовъ вечера; но и во снѣ лежа произносилъ молитвы почти всю ночь. Это обстоятельство часто привлекало къ его постели любопытныхъ иноковъ, по цѣлымъ часамъ наблюдавшихъ сонное моленіе архіепископа и дивившихся знанію имъ наизусть всѣхъ службъ церковныхъ.

Не имѣя подъ руками достаточнаго матеріала, разбросаннаго по разнымъ мѣстамъ, для составленія біографіи замѣчательной во всякомъ случаѣ личности преосв. Анатолія, мы вынуждены ограничиться настоящимъ указаніемъ на нѣкоторыя его мысли и чувства. Онѣ, если и не отличаются оригинальностію и не запечатлѣны высокимъ творчествомъ, за то въ своей совокупности представляютъ типичныя черты архіерея-*печальника* весьма недавняго времени. Въ связи съ этимъ нѣкоторыя посмертныя записки Анатолія, которыя мы надѣемся вскорѣ помѣстить на страницахъ „Кіевской Старины", дадутъ читателю матеріалъ, основываясь на которомъ, онъ можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о мірѣ идей современнаго намъ православнаго западно-русскаго епископа.

К. Береза.

6 марта 1882.

Поѣздка въ Бѣлую-Церковь.

Бѣлая-Церковь—одна изъ замѣчательныхъ историческихъ мѣстностей, игравшихъ важную роль въ исторіи южнорусскаго козачества. Занимаясь этою исторіею, я уже осматривалъ многія историческія мѣстности кіевской губерніи; но Бѣлую-Церковь мнѣ до сихъ поръ удалось видѣть два раза мелькомъ—съ высоты почтовой тележки, да съ крыльца почтовой станціи. Только въ августѣ 1881 года, случайно пріѣхавши по своимъ домашнимъ дѣламъ въ Кіевъ, я сговорился съ Ѳ. Г. Лебединцевымъ (нынѣ почтеннымъ редакторомъ Кіевской Старины) и мы вмѣстѣ отправились туда по желѣзной дорогѣ.

Приходится сознаться, что въ нашемъ любезномъ отечествѣ жившія прежде насъ поколѣнія такъ мало цѣнили памятники старины, что намъ, потомкамъ, нерѣдко по неволѣ, пріѣхавши для осмотра какой нибудь исторической мѣстности, остается довольствоваться припоминаніемъ того, что уже ранѣе было нами читано или могло быть читано въ книгахъ или въ рукописяхъ, намъ извѣстныхъ. Почти то-же случилось и съ нами въ Бѣлой-Церкви. Это богатое и многолюдное мѣстечко, принадлежащее роду графовъ Браницкихъ, представляетъ мало возможности изучать его прежнюю судьбу по вещественнымъ памятникамъ. Изустныхъ преданій, касающихся мѣстной старины, еще менѣе тамъ найти можно: населеніе здѣсь все пришлое и не прямо потомственное тому, которое было здѣсь лѣтъ за двѣсти, притомъ-же оно въ значительномъ большинствѣ состоитъ изъ іудеевъ, которые, живя, какъ извѣстно, совсѣмъ иною духовною жизнію, не могутъ интерессоваться преданіями русскаго народа. Самый важный остатокъ старины въ мѣстечкѣ Бѣлой-Церкви—это слѣды вала, указывающія на существованіе тамъ замка, составлявшаго и здѣсь, какъ вездѣ бывало, ядро

и охрану поселенія, что принято на ученомъ языкѣ называть греческимъ терминомъ: *акрополисъ*. Нынѣ остатки земляной насыпи, окружавшей когда-то замокъ, во многихъ мѣстахъ осыпались, а кое-гдѣ и вовсе сгладились. Замокъ былъ расположенъ на берегу рѣки Роси и слѣды его теперь замѣтнѣе со стороны рѣки, чѣмъ со стороны противоположной—отъ мѣстечка.

Существуетъ предположеніе, что Бѣлая-Церковь построена на томъ мѣстѣ, гдѣ находился въ удѣльныя времена до монголовъ городъ Юрьевъ на рѣкѣ Роси, имѣвшій своихъ епископовъ. Но это одно предположеніе, еще менѣе имѣющее за собою точныхъ указаній, чѣмъ предположеніе г. Похилевича (Сказ. о населен. мѣстностяхъ кіевск. губ. стр. 490), что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Бѣлая-Церковь, происходила битва князя Изяслава Мстиславича съ княземъ Юріемъ Долгорукимъ, подробно описанная въ лѣтописи (лѣтоп. по игнатьевск. списку годъ 1151, стр. 301—303, изд. арх. комм. 1871 года). Г. Похилевичъ дѣлаетъ такое предположеніе на томъ основаніи, что въ лѣтописи при описаніи этой битвы упоминаются рѣки, называемыя Великій Рутъ и Малый Рутъ, а въ Бѣлой-Церкви есть ручей Ротокъ, впадающій въ Рось.

Подъ настоящимъ нынѣшнимъ своимъ названіемъ Бѣлая-Церковь впервые упоминается у Стрыйковскаго при описаніи событій, совершавшихся въ XIV вѣкѣ, при великомъ князѣ литовскомъ Ольгердѣ. Стрыйковскій говоритъ, что при Ольгердѣ литовцы учинили свободными отъ татаръ Торговицу, Бѣлую-Церковь, Звенигородъ и всѣ поля отъ Очакова до Кіева и отъ Путивля до устья Дона. Старинное преданіе, сохраняющееся въ народѣ до сихъ поръ, говоритъ, будто названіе Бѣлой-Церкви пошло отъ наружнаго вида первой церкви, построенной тамъ въ новоосновавшемся поселеніи: церковь эта была сложена изъ березовыхъ бревенъ, на которыхъ оставалась неободранною бѣлая березовая древесная кора. Но Бѣлая-Церковь дѣлается извѣстнымъ и значительнымъ пунктомъ только со времени основанія въ ней замка. Это произошло въ 1550 году. Основателемъ его былъ кіевскій воевода Пронскій. Этотъ первоначальный замокъ былъ скроенъ, какъ говорится, на живую нитку, такъ что черезъ двадцать лѣтъ новый кіевскій воевода, кн. Василій Острожскій, въ 1570 году, сдѣлалъ королю Сигизмунду-Августу донесеніе, что въ случаѣ непріятельскаго вторженія, котораго

всегда можно было ожидать при татарскихъ набѣгахъ, часто повторявшихся, бѣло-церковскій замокъ не въ силахъ будетъ защищаться: его валъ уже тогда въ нѣсколькихъ мѣстахъ осыпался; его четыре башни и сто пятьдесятъ городень стояли непокрытыми и во многихъ мѣстахъ подгнили, пушекъ было всего три, а другихъ орудій меньшаго размѣра хотя и было въ замкѣ до шестидесяти, но все находилось не въ должномъ порядкѣ. Донесеніе это, которое мы читали въ собраніи автографовъ императорской публичной библіотеки, не осталось, какъ видно, безъ послѣдствій. Въ дѣлахъ Литовской Метрики, хранящейся при правительствующемъ сенатѣ, есть люстрація украинскихъ замковъ, учиненная въ началѣ третьяго десятилѣтія XVII вѣка.*) Въ этой люстраціи уже нѣтъ жалобъ на худое состояніе бѣло-церковскаго замка. Изъ тогдашняго сообщенія мы узнаемъ, что замокъ этотъ, стоя на высокомъ городищѣ и обращенный одною стороною къ рѣкѣ Роси, а другою къ мѣстечку былъ опоясанъ кругомъ землянымъ валомъ, по гребню котораго былъ проведенъ частоколъ; въ замокъ вело четверо воротъ съ башнями надъ ними. Двое изъ этихъ воротъ обозначены особыми названіями: однѣ звались въѣздными, другіе—потайными. Внутри замка находились постройки: каплица (часовня), цейкгаузъ, пороховня, мѣйская комора (городское казначейство), старостинскій дворъ, девять жидовскихъ домовъ. Къ замку прилегалъ „пригородокъ", также опоясанный валомъ съ частоколомъ по гребню его и со рвомъ; по валу поставлено было пять деревянныхъ башенъ. Внутри этого пригородка было тридцать домовъ, которыхъ обитатели съ-обща держали караулы. Въ башняхъ замка и пригородка помѣщались орудія.

За замкомъ и пригородкомъ расположено было „місто", т. е. городъ въ нашемъ смыслѣ: тамъ помѣщались мѣщанскіе дворы, торговыя и промысловыя заведенія. „Місто" было также все окружено валомъ и на наружной сторонѣ вала рвомъ, по гребню вала шелъ частоколъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на извѣстномъ разстояніи воздвигнуты были башенки. Въ „місто" вело четверо въѣздныхъ воротъ, покрытыхъ сверху гонтомъ. За чертою „міста" находилось

---

*) Извлеченіе изъ этой люстраціи, судя по сходству извѣстій, сдѣлано въ

пять мельницъ и десять поташныхъ заводовъ (будъ) въ лѣсахъ прилегавшихъ къ Бѣлой-Церкви. Вотъ какой образъ Бѣлой-Церкви рисуетъ намъ эта люстрація.

Обыватели Бѣлой-Церкви были главнымъ образомъ мѣщане и козаки.

По инвентарю, составленному въ 1570 году для всѣхъ вообще городовъ украинскихъ, мѣщане бѣло-церковскіе, какъ новопоселенцы, пользовались льготами на двадцать лѣтъ. Они обязаны были держать караулы на башняхъ и на свой счетъ починять какъ острогъ, такъ и башни, расположенныя вокругъ „міста“. Король Сигизмундъ III подтвердилъ всѣ прежнія привиллегіи своихъ предшественниковъ и въ 1616 году бѣло-церковскіе мѣщане получили отъ сейма навсегда льготу отъ всякихъ податей какъ посполитыхъ (т. е. общихъ для всѣхъ), такъ и особыхъ, слѣдовавшихъ къ королевскому столу: они освобождались отъ чоповыхъ поборовъ (съ винной продажи), отъ сухопутныхъ и водяныхъ мытъ. Ревизоры, производившіе въ тотъ годъ люстрацію, приводили въ доводъ необходимости дать привиллегію Бѣлой-Церкви на вѣчныя времена то обстоятельство, что этотъ городъ былъ пограничнымъ и служилъ оплотомъ противъ татарскихъ набѣговъ; его обывателямъ было много труда: кромѣ карауловъ, которыя надобно было постоянно содержать въ городѣ, они должны были высылать разъѣзды и ставить караулы въ „поляхъ дикихъ“. Во время такихъ разъѣздовъ и при отправленіи карауловъ многіе погибали, застигнутые нежданно непріятелемъ.

Въ 1620 году Бѣлой-Церкви дано было магдебургское право и съ тѣхъ поръ мѣщане имѣли свою собственную сословную юрисдикцію, которая отправлялась въ замкѣ: тамъ засѣдали ихъ выборныя должностныя лица: войтъ, бурмистры и лавники.

У козаковъ было свое собственное устройство. Въ 1572 году король Сигизмундъ-Августъ указалъ пребывать въ Бѣлой-Церкви старшему надъ всѣми украинскими козаками. Старшимъ такимъ былъ тогда нѣкій Бадовскій, человѣкъ шляхетскаго происхожденія. Онъ имѣлъ пожалованный ему отъ короля дворъ въ Бѣлой-Церкви. Изъ грамоты, данной королемъ Бадовскому видно, что всѣ низовые козаки должны были одному ему подчиняться, какъ власти, назначенной самимъ королемъ, а замковыя начальства не мѣшались въ ихъ расправу; поэтому-то въ люстраціи 1616 года дворы ихъ на-

зывались непослушными, т. е. неподчиненными старостамъ и ихъ подстаростамъ, въ отличіе отъ другихъ, называемыхъ послушными. Въ тотъ годъ въ Бѣлой-Церкви послушныхъ дворовъ было триста, а непослушныхъ или козацкихъ болѣе трехсотъ. Козаки, составляя спеціально воинское сословіе, всегда охотнѣе брались за оружіе, чѣмъ за мирные промыслы. Походы въ степи и безпрестанныя драки съ татарами были ихъ обычнымъ занятіемъ, такъ какъ и татары почти каждогодно дѣлали вторженія въ жилыя мѣстности и уводили изъ нихъ въ плѣнъ толпами людей. Но какъ татары крымскіе считались данниками Турціи, то воинственные подвиги козаковъ противъ татаръ раздражали турецкаго императора: къ польскому правительству обращались требованія усмирить козаковъ и угрозы войны противъ Польши. Это вынуждало польское правительство еще со временъ Сигизмунда - Августа посылать строгія подтвердительныя грамоты, запрещавшія вообще всѣмъ украинскимъ обывателямъ заводить ссоры съ татарами. Такія королевскія грамоты [1]) посылались старостамъ, на которыхъ возлагалась обязанность удерживать обывателей отъ такихъ ссоръ и потому козаки хотя и были освобождены вообще отъ старостинской юрисдикціи, но въ то-же время въ этомъ отношеніи понуждались ей подчиняться. Отъ этого возникали пререканія между старостами и козаками, а потомъ мало по-малу непріязненное отношеніе козаковъ распространялось вообще на шляхетство по мѣрѣ того, какъ сословіе козацкое расширялось не только въ королевскихъ, но и въ шляхетскихъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ, гдѣ по имущественнымъ и личнымъ отношеніямъ возникали столкновенія однихъ съ другими.

Бѣлая-Церковь съ своею территоріею, которая, какъ вездѣ въ малолюдныхъ и пустынныхъ краяхъ, не была точно опредѣлена въ границахъ, составляла коронное владѣніе, а какъ въ Польшѣ коронныя земли съ живущими на нихъ поселянами давались въ пожизненное владѣніе панамъ подъ титуломъ старостствъ, то и Бѣлая-Церковь всегда считалась старостствомъ и переходила отъ одного

---

[1]) Всѣ документы относящіеся къ козакамъ и къ Украинѣ XVI вѣка хранятся въ дѣлахъ литовской метрики при правительствующемъ сенатѣ. Нѣкоторые были напечатаны въ I томѣ Актовъ Южной и Западной Россіи, издаваемыхъ археографическою коммисіею.

старосты къ другому. Первымъ изъ бѣло-церковскихъ старостъ, извѣстныхъ по документамъ, былъ князь Янушъ Острожскій. Его замѣнилъ въ 1620 году Станиславъ Любомирскій, воевода краковскій. Но уже съ послѣднихъ годовъ XVI столѣтія сильно возрастаетъ и расширяется козачество, а наконецъ въ половинѣ XVII вѣка переворачиваетъ все вверхъ дномъ и создаетъ, хотя не на долго, новый общественный порядокъ. Періодомъ, подготовлявшимъ эпоху Хмельницкаго, можно считать пятьдесятъ пять лѣтъ съ 1593 по 1648 г. Ведется crescendo борьба козачества со шляхетствомъ, переходящая въ борьбу Руси съ Польшею, въ борьбу православія съ латинствомъ, всенароднаго равенства и всеобщей свободы съ привиллегіею и порабощеніемъ низшихъ высшими.

Въ этомъ періодѣ Бѣлая-Церковь была не разъ мѣстомъ совершенія достопамятныхъ историческихъ событій. Такъ въ 1592 году козацкій предводитель Косинскій, открывшій своимъ возстаніемъ рядъ кровопролитныхъ столкновеній козаковъ съ Рѣчью Посполитою, овладѣлъ Бѣлою-Церковью, ограбилъ дворъ подстаросты князя Булыги-Курцевича и забралъ оттуда привиллегію, данную отъ короля князю Янушу Острожскому на бѣло-церковское староство. Это было въ то время еще первое заявленіе домогательства козаковъ властвовать въ Украинѣ вмѣсто польскаго шляхетства и съ тѣхъ поръ въ столкновеніяхъ козачества со шляхетствомъ не разъ встрѣчается подобная черта: овладѣвши обиталищемъ пана, козаки считаютъ первымъ дѣломъ захватить въ свои руки тѣ документы, по которымъ панъ владѣлъ тѣмъ мѣстомъ, откуда его тогда выгоняли козаки. Въ 1595 году другой козацкій вождь Семенъ Наливайко продолжалъ начатое Косинскимъ и неоконченное дѣло. И онъ, такъ-же какъ его предшественникъ, какъ и всѣ его товарищи, воевалъ не только съ панами, но и съ ихъ бумажными документами. И въ эпоху этого козацкаго возстанія Бѣлая-Церковь играетъ немаловажную роль. Наливайко, преслѣдуемый изъ Волыни короннымъ гетманомъ Жолкѣвскимъ, 2 апрѣля 1596 года, ночью, при содѣйствіи расположенныхъ къ нему бѣло-церковскихъ мѣщанъ, вступилъ въ Бѣлую-Церковь; князь Рожинскій, прежде него посланный туда Жолкѣвскимъ, заперся въ замкѣ, но тутъ настигалъ Наливайка Жолкѣвскій и Наливайко не могъ оставаться долѣе на одномъ мѣстѣ и добывать Рожинскаго въ замкѣ. Онъ ушелъ къ Триполью,

а оттуда перебрался на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ рѣшилась печально судьба его.

За тѣмъ въ послѣдующія столкновенія козаковъ съ поляками не разъ является Бѣлая-Церковь на сценѣ историческихъ событій. Обыватели ея постоянно сочувствовали козакамъ, но при козацкихъ неудачахъ, которыя въ первой половинѣ XVII столѣтія были часты, притворно показывали повиновеніе польскимъ властямъ. Такъ въ 1637 году коронный гетманъ Николай Потоцкій, ѣхавши усмирять возстаніе Павлюка, былъ встрѣчаемъ въ Бѣлой-Церкви съ видимыми знаками покорности не только мѣщанами, но даже и бѣлоцерковскими козаками. Иначе и быть не могло. Жители были слабы противъ польскихъ военныхъ силъ; козакамъ въ войнахъ противъ послѣднихъ не было успѣха; а всякія проявленія нерасположенія къ польской власти наказывались безжалостными и свирѣпыми способами. Спасительный страхъ сдерживалъ волненіе до времени.

Но вотъ наступила Хмельнищина, и тутъ Бѣлой-Церкви выпадаетъ жребій быть одной изъ самыхъ видныхъ историческихъ мѣстностей. Въ 1648 году послѣ пораженія Хмельницкимъ польскаго войска подъ Корсуномъ и плѣна обоихъ польскихъ гетмановъ, побѣдитель заложилъ свой станъ подъ Бѣлою-Церковью, отсюда сносился съ панами, толкуя о возможности примиренія, отсюда разсылалъ народу возбудительные свои универсалы, отсюда отправлялъ въ разныя мѣста отряды козацкіе для очищенія южной Руси отъ поляковъ и іудеевъ, сюда приходили каждый день отовсюду громады народа, который хотѣлъ тогда весь окозачиться (то есть освободиться, а свобода ему представлялась не иначе, какъ въ образѣ всеобщаго козачества); здѣсь Богданъ Хмельницкій организовалъ ихъ въ полки, назначалъ полковниковъ и прочихъ козацкихъ старшинъ. Здѣсь, такимъ образомъ, устанавливался тотъ порядокъ гетманщины, съ которымъ впослѣдствіи, поступивши подъ власть московскаго государя, Малороссія, хотя уже обрѣзанная въ границахъ, существовала еще болѣе столѣтія автономнымъ политическимъ тѣломъ, какъ членъ русской державы. Стоянка Хмельницкаго подъ Бѣлою-Церковью продолжалась болѣе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Тогда-то явилось двадцать козацкихъ полковъ въ значеніи территорій съ городами; они покрывали и правую и лѣвую сторону Днѣпра. Однимъ изъ этихъ полковъ былъ полкъ бѣло-

церковскій. На послѣдовавшей въ 1649 году битвѣ противъ поляковъ подъ Зборовомъ этотъ полкъ оказался и многолюднымъ и сильнымъ. Съ этихъ поръ Бѣлая-Церковь съ ея территоріею становится подъ управленіе козацкаго полковника вмѣсто прежнихъ старостъ, какъ было подъ польскою властію. Первымъ бѣло-церковскимъ полковникомъ былъ Гиря, но онъ былъ не долго. Уже въ 1651 г. является тамъ полковникомъ Михайло Громыка.

Послѣ второй войны Хмельницкаго съ поляками на долю Бѣлой-Церкви опять выпала роль не менѣе прежняго видная и важная, хотя и не такъ славная для козаковъ. Двуличное поведеніе союзника Хмельницкаго, крымскаго хана Исламъ-Гирея, который въ критическую минуту битвы съ поляками, покинулъ съ своею ордою козаковъ, а также крайнее напряженіе всѣхъ силъ Рѣчи Посполитой — привели козаковъ къ пораженію подъ Берестечкомъ и къ опустошительному вступленію польскаго и литовскаго войскъ въ средину Украины. Послѣ сего приходилось совершиться развязкѣ всей козацкой драмы инымъ способомъ. Этой развязкѣ суждено было произойти въ Бѣлой-Церкви. Украина, наводняемая шляхетскими силами съ двухъ концевъ—отъ Волыни и отъ Литвы, энергически отбивалась, собирая послѣднія усилія, но ея гетманъ все-таки долженъ былъ подвергнуть свое дѣло уступкамъ, какъ ни противился этому народъ, вкусившій уже свободы и ни за что не хотѣвшій класть своей шеи вновь подъ шляхетское ярмо. Хмельницкій, видя невозможность не только докончить то, что оставалось недоконченнымъ по зборовскому договору, но и вполнѣ сохранить то, что пріобрѣтено было по этому договору, согласился на новый договоръ, составленный и подписанный въ бѣло-церковскомъ замкѣ. По этому новому договору онъ лишался двухъ воеводствъ, входившихъ въ гетманщину по зборовскому договору, и ограничивался только однимъ кіевскимъ воеводствомъ, кромѣ того онъ допускалъ и въ этомъ послѣднемъ располагаться польскимъ войскамъ съ цѣлію охраненія правъ тѣхъ владѣльцевъ маетностей, которымъ народъ не хотѣлъ повиноваться. Заключая этотъ договоръ, Хмельницкій находился истинно въ трагическомъ положеніи. Раздраженная толпа народная порывалась истребить и польскихъ коммисаровъ, заключавшихъ договоръ, и самого своего гетмана. Хмельницкій принужденъ былъ въ угоду панамъ разгонять булавою вторгавшуюся

въ бѣло-церковскій замокъ толпу и нѣсколькихъ положить на мѣстѣ собственноручно. Описывая это печальное событіе, малорусскіе лѣтописатели какъ-бы въ утѣшеніе представляютъ, что въ битвахъ, продолжавшихся во все то время, когда шли сношенія о мирѣ, козаки такъ храбро и стойко отстаивали себя, что задали врагамъ своимъ порядочный ущербъ. И въ самомъ дѣлѣ изъ польскихъ дневниковъ того времени видно, что полякамъ приходилось тогда очень тѣсно, и если-бы Хмельницкій еще подержался, то можетъ быть развязка окончилась бы легче для козацкаго дѣла.

Вся борьба южнорусскаго народа съ Польшею, послѣ многихъ склоненій то въ ту, то въ другую сторону, привела къ подданству московскому государю. Въ 1654 году Бѣлая-Церковь юридически и фактически стала достояніемъ царя Алексѣя Михайловича и московской державы. Леонтій Лопухинъ приводилъ ея жителей къ присягѣ. Внутреннія усобицы, возникшія въ Украинѣ послѣ кончины Богдана Хмельницкаго, довели дѣла страны до того, что на правой сторонѣ Днѣпра поляки опять стали пріобрѣтать господство; они уже помышляли также возвратить его себѣ и на лѣвой. Въ 1663 году въ Бѣлую-Церковь прибылъ польскій король Янъ Казимиръ, слѣдуя съ польскимъ войскомъ за Днѣпръ и намѣреваясь покорить лѣвобережную Украину. Въ Бѣлой-Церкви король отдыхалъ цѣлую недѣлю и въ это время по его желанію епископъ луцкій Пражмовскій устроилъ пиръ для своихъ и для русскихъ духовныхъ, и тогда происходило богословское состязаніе между іезуитомъ Пекарскимъ и православнымъ ректоромъ кіевской коллегіи Іоанникіемъ Галятовскимъ по поводу различія вѣроисповѣдныхъ догматовъ и обрядовъ. Диспутъ этотъ внесенъ цѣликомъ въ Лѣтопись Самуила Величка. Полякамъ не удалось не только покорить лѣвой стороны Украины, но и удержать правобережной, гдѣ поднялось народное возстаніе противъ нихъ, почти такое-же, какъ при Хмельницкомъ, съ тою разницею, что въ Украинѣ не достало головы, которая бы могла сплотить разрозненныя народныя силы, а московская держава не могла такъ кстати, какъ прежде, подать въ пору помощь козачеству. Тѣмъ не менѣе долго не могли поляки овладѣть правобережною Украиною и истребить тамъ враждебные себѣ козацкіе элементы.

Бѣло-церковскій замокъ, которымъ поляки овладѣли, долѣе оставался въ ихъ рукахъ, хотя бѣло-церковскій козацкій полкъ имъ

не подчинялся. Въ бѣло-церковскомъ замкѣ пребывалъ польскій комендантъ съ гарнизономъ изъ польскихъ жолнѣровъ. Такими комендантами были почти все нѣмцы (Лобель съ 1662 по 1671 г. и снова 1672—1678 г., Фитингофъ 1671—1672 г., двое Раппе 1678—1693 г. и Людвигъ де Оргеваль 1694 г.) и самый бѣло-церковскій гарнизонъ состоялъ изъ разноплеменнаго сброда, въ которомъ большинство составляли нѣмцы, служившіе въ польскомъ войскѣ. Власть коменданта не простиралась далѣе крѣпости и то надъ своимъ гарнизономъ. Тѣмъ не менѣе Бѣлая-Церковь въ рукахъ поляковъ стояла козакамъ, такъ сказать, костью въ глоткѣ. По силѣ бучачскаго договора Польши съ Турціею поляки обязались передать ее гетману козацкому Дорошенку, признавшему надъ собою покровительство Турціи, но не думали исполнять подписаннаго ими обязательства и Дорошенко нѣсколько разъ покушался овладѣть Бѣлою-Церковью, принадлежавшею ему по праву; но всѣ его покушенія остались напрасными и Дорошенко палъ, отдавшись на милость московскаго государя, а бѣло-церковская крѣпость продолжала оставаться въ рукахъ поляковъ. За паденіемъ Дорошенка и за неудачнымъ покушеніемъ Юрія Хмельницкаго утвердиться въ Украинѣ, послѣдовало окончательное запустѣніе правобережной Украины и выводъ остававшихся тамъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра. Изъ бѣло-церковскихъ полковниковъ второй половины XVII вѣка нѣкоторыхъ имена стали извѣстными: Тарасенко, вѣрный польскому правительству (1664—1665), Кравченко (1666), Макуха (1676), Бужeнко, убитый бѣло-церковскимъ комендантомъ (1673 г), Коровченко... во время опустѣнія правобережной Украины. Въ какой степени это опустѣніе постигло бѣло-церковскую территорію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Но въ концѣ XVII вѣка опустѣлая Украина стала снова заселяться, возстановлялось козачество, а вмѣстѣ съ нимъ воскресала прежняя вражда съ польскимъ шляхетствомъ. Въ 1702 году эта вражда, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ прорывавшаяся спорадическими вспышками, разразилась народнымъ возстаніемъ, которое, по тогдашнему малолюдству, хотя было слабѣе тѣхъ, которыя поднимались при Богданѣ Хмельницкомъ и при Брюховецкомъ, но не уступало имъ въ свирѣпости враговъ другъ къ другу. Душою этого возстанія сталъ тогда Семенъ Палій: онъ былъ козацкимъ полковникомъ, собственно охотницкимъ, то есть

безъ постоянной территоріи, но утвердившись въ Хвастовѣ и призывая подъ свое знамя охотниковъ, онъ назначалъ имъ селитьбы и такимъ образомъ овладѣвалъ пространствомъ территоріи бѣло-церковскаго полка и сталъ фактически бѣло-церковскимъ полковникомъ. Будучи главнымъ руководителемъ народнаго подъема, неустаннымъ борцомъ за свободу противъ польско-шляхетскаго деспотизма, Палій нѣсколько разъ обращался къ московскому царю съ просьбою принять его со всѣмъ его полкомъ (котораго селитьбы раскинулись и на Полѣсье) подъ высокую руку православнаго государя, подобно тому, какъ принялъ царь Алексѣй Михайловичъ Богдана Хмельницкаго со всею Малою Россіею. Все было напрасно. Петръ Алексѣевичъ, по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ, дорожилъ союзомъ съ Рѣчью Посполитою, а Палій, вмѣсто помощи отъ Россіи, могъ встрѣтить съ ея стороны скорѣе содѣйствіе полякамъ къ укрощенію и подчиненію правобережнаго козачества. Палій, вмѣстѣ съ возставшимъ противъ польскаго господства южнорусскимъ народомъ, организовавшимся въ козацкій укладъ, овладѣлъ бѣло-церковскимъ замкомъ и снова предлагалъ царю Петру взять подъ свою власть всю правобережную Украину. Царь въ отвѣтъ приказывалъ Палію сдать полякамъ взятую бѣло-церковскую „фортецу" и пребывать въ послушаніи королю польскому и Рѣчи Посполитой. Палій не слушался. Тогда по царскому указу гетманъ Мазепа арестовалъ Палія. Онъ былъ сосланъ въ Сибирь на житье въ Томскѣ (1707 г.). Вмѣсто него назначенъ былъ бѣло-церковскимъ козацкимъ полковникомъ Омельченко. Послѣ измѣны гетмана Мазепы Палій былъ возвращенъ изъ Сибири, Омельченко отставленъ, но Палій отъ старости и недуговъ не могъ уже управлять полкомъ и скоро скончался. Полковникомъ бѣло-церковскимъ назначенъ былъ Танскій, зять Палія. Пока въ Польшѣ происходили междоусобія и вмѣсто короля Августа, союзника Петрова, былъ еще другой король Станиславъ Лещинскій, избранный по волѣ шведскаго короля, Бѣлая-Церковь никакъ не могла быть возвращена полякамъ, какъ послѣдніе того домогались; но когда король Августъ снова утвердился, царь Петръ считалъ возможнымъ исполнить прежде данное обѣщаніе относительно Бѣлой-Церкви. Нѣсколько времени задержали передачу ея полякамъ попытки соумышленниковъ Мазепы. Въ 1711 году Орликъ, бывшій при Мазепѣ генеральнымъ писаремъ, а

по смерти Мазепы избранный его преемникомъ козаками, убѣжавшими въ турецкія владѣнія, послѣ полтавскаго разгрома, покушался овладѣть Бѣлою-Церковью, но не имѣлъ успѣха. Отразивши попытки мазепинцевъ отстоять проигранное Мазепою дѣло и успокоивши правобережную Украину, царь Петръ Алексѣевичъ въ 1712 году приказалъ гетману Скоропадскому сдать Бѣлую-Церковь коммисарамъ Рѣчи Посполитой.

Съ этихъ поръ изчезаетъ тамъ козацкое управленіе. Полковниковъ бѣло-церковскихъ болѣе не стало. Край, поступившій въ составъ польской державы, сталъ управляться старостами, какъ коронная маетность. Въ слѣдующемъ 1713 году обыватели кіевскаго воеводства, съѣхавшись на сеймикъ въ Житомирѣ (то былъ главный городъ воеводства послѣ перехода Кіева въ царскую державу), постановили содержать въ бѣло-церковскомъ замкѣ немногочисленный, но постоянный гарнизонъ. Бѣло-церковскія укрѣпленія были реставрированы Свидзинскимъ, региментаремъ (командиромъ) украинской партіи польскаго войска.

Во весь періодъ отъ 1648 года до возвращенія Бѣлой-Церкви подъ польскую державу существовали номинальные старосты, разумѣется, безвластные. По отдачѣ Бѣлой-Церкви старосты бѣло-церковскіе вступаютъ въ прежнія права. Старостами были въ этотъ періодъ: Станиславъ Яблоновскій, воевода русскій († 1731), Станиславъ-Винцентій Яблоновскій, воевода равскій († 1754), Юрій-Вандалинъ Мнишекъ, крайчій коронный. Такъ какъ старосты были знатные вельможи, то фактически управляли бѣло-церковскимъ староствомъ ихъ намѣстники, носившіе поэтому титулъ подстарость. Бѣло-церковскими подстаростами были: Шумскій († 1719), Хмелевскій († 1729), Журавскій († 1737), Боровскій († 1750), Козмянъ († 1765), Шимонъ Рыльскій († 1775 г.).

Намъ осталось описаніе Бѣлой-Церкви отъ 1765 года въ польскихъ рукописяхъ импер. публичной библіотеки, извѣстное, какъ видно, составителю польскаго географическаго словаря, издаваемаго въ наше время и еще неоконченнаго.

Крѣпость опоясывалась высокимъ землянымъ валомъ съ четырьмя выступами, называемыми ронделями; по валу шелъ частоколъ, мѣстами въ два, а мѣстами въ три ряда; въ крѣпость вело трое воротъ: однѣ съ шлягментомъ (шлагбаумомъ), другіе со взво-

домъ (ze zwodem), третьи—потайныя въ валу, закрытыя и какъ бы подземныя. Съ трехъ сторонъ около вала на наружной сторонѣ прорытъ былъ ровъ и чрезъ него мостъ, въ то время испорченный, съ четвертой стороны текла рѣка. Внутри крѣпости былъ комендантскій домъ, помѣщеніе для офицеровъ, казарма для солдатъ: строенія эти находились въ полуразрушенномъ состояніи, съ проломанными крышами, въ которыхъ проломы были прикрыты соломою, часовня, цейкгаузъ въ землѣ. Пушекъ на ронделяхъ находилось числомъ 24, а желѣзныхъ мортиръ 2, но лафеты и колеса подъ ними подгнили. Потайной ходъ, шедшій подъ валъ, требовалъ исправленія, колодезь завалился, валъ мѣстами осыпался и въ частоколѣ было не мало подгнилыхъ кольевъ. Комендантъ Карбовскій добивался, чтобы отпущена была сумма на исправленіе этой крѣпости, которая все еще могла служить оплотомъ порубежному краю, особенно отъ украинскихъ гайдамаковъ, которые въ 1750 году пытались было овладѣть этою крѣпостью, а впослѣдствіи въ 1768 году повторили свое покушеніе, но оба раза безуспѣшно, впрочемъ болѣе по причинѣ собственной неподготовки къ такому предпріятію, чѣмъ по причинѣ силы самого укрѣпленія.

По люстраціи того же 1765 года обокъ крѣпости Рѣчи Посполитой значится замокъ старостинскій (nie daleko fortecy); въ немъ были ворота дубовыя со стрѣльницами. Огороженъ былъ онъ частоколомъ; внутри—казарма для надворной пѣхоты и двѣ коморки для арестантовъ, цейкгаузъ крытый дерномъ, деревянный домъ для старосты съ конюшнею, экипажнымъ сараемъ, магазиномъ и помѣщеніемъ для писаря, который велъ дѣла о поступленіи доходовъ.

„Місто" было опоясано валомъ съ частоколомъ по верху вала; въ него вело двое воротъ, въ которыхъ держали караулъ солдаты надворной команды. Въ „містѣ" находилось каменное помѣщеніе для іезуитской миссіи, при немъ деревянный костёлъ. Святыни римскокатолическаго вѣроисповѣданія стали воздвигаться въ Бѣлой-Церкви послѣ отдачи ее изъ-подъ русскаго владѣнія въ польское. Іезуитская миссія основалась тамъ въ 1753 году стараніемъ старосты Яблоновскаго. Черезъ три года, въ 1746 году, она уже пріобрѣла славу. Ученые братья Залусскіе, которые оба были епископами, покровительствовали бѣло-церковскимъ іезуитамъ, а одинъ изъ братьевъ—Іосифъ такъ любилъ іезуитовъ, что и по уничтоже-

ніи ихъ ордена домогался, чтобы имъ дозволено было оставаться въ Бѣлой-Церкви хоть бы и простыми свѣтскими людьми. Уніатскихъ церквей, по изслѣдованію Похилевича (Сказаніе о населенн. мѣстностяхъ кіевск. губ. стр. 500) было въ Бѣлой-Церкви въ XVIII столѣтіи семь, число прихожанъ при каждой было не велико. Эти церкви были деревянныя: троицкая (70 домовъ, исповѣдниковъ 300), покровская (50 домовъ, исповѣдниковъ 140), преображенская (35 домовъ, исповѣдниковъ 125), Богородичная (дом. 40, исповѣдниковъ 160), успенская (домовъ 60, изъ нихъ половина въ деревняхъ, исповѣдниковъ 450), петропавловская (дом. 30, изъ нихъ треть въ деревнѣ, исповѣдниковъ 150) и каменная никольская, построенная при Мазепѣ въ 1706 году полковникомъ Мокіевскимъ, а по преданію ранѣе Паліемъ (домовъ 20, исповѣдниковъ 100). По люстраціи 1765 года въ Бѣлой-Церкви въ „містѣ“ значилось хатъ (chałup) 475, кромѣ ихъ 38 хатъ, гдѣ помѣщались солдаты крѣпости и старостинской надворной команды, 283 хаты іудеевъ, осѣдлыхъ въ Бѣлой-Церкви. За исключеніемъ хатъ солдатскихъ, съ которыхъ не бралось никакихъ поборовъ, Бѣлая-Церковь, какъ староство, доставляла ежегоднаго дохода злотыхъ 266,166 и грошей 12. Изъ этой суммы платилось жалованья губернатору злотыхъ 1100, на содержаніе писаря и намѣстниковъ: лѣсничаго и ставничаго 2426 злотыхъ. За мостомъ были принадлежавшія староству три мельницы и кромѣ нихъ еще другія двѣ на прудахъ (na stawach). Къ жителямъ бѣло-церковскимъ причислялись еще городовые козаки, которыхъ было 156; они отправляли службу въ обозахъ украинской партіи польскаго войска.

Въ 1774 году Бѣлую-Церковь постигла важная перемѣна. Сеймъ отдалъ ее во владѣніе королю Станиславу Понятовскому, а тотъ подарилъ ее въ вѣчное владѣніе коронному гетману Браницкому со всѣмъ краемъ, принадлежавшимъ къ бѣло-церковскому староству. Въ привиллегіи, по которой получилъ ее Браницкій, значатся 134 села и два города: Бѣлая-Церковь и Ставище. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени она остается собственностію фамиліи Браницкихъ.

На мѣстѣ, гдѣ былъ замокъ, на существованіе котораго указываютъ слѣды полуосыпавшагося вала, стоитъ теперь красиво-построенный

вославныхъ церквей въ Бѣлой-Церкви двѣ, обѣ каменныя. Одна преображенская, другая магдалининская: обѣ построены супругою Браницкаго, племянницею славнаго Потемкина, Александрою Васильевною, урожденною Энгельгардтъ, умершею въ глубокой старости въ 1838 году. Ея прахъ покоится въ первой церкви подъ великолѣпнымъ мраморнымъ памятникомъ. Въ первой церкви достопочтенный священникъ о. Θеодоръ Ганькевичъ показывалъ намъ икону, которою благословила при выходѣ въ замужество графиню Александру Васильевну императрица Екатерина II. Въ той же церкви хранится часть животворящаго крестнаго древа, которую подарилъ іерусалимскій патріархъ Потемкину, а тотъ передалъ своей племянницѣ. Въ углу ея обширной ограды остатки церкви Паліевой,—одинъ изъ ея придѣловъ, очень малый, спасенный отъ разрушенія въ 50-хъ годахъ священствовавшимъ тогда здѣсь о. протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ. Онъ имѣетъ видъ отдѣльной церкви; въ немъ есть замѣчательная икона, на которой повѣшено оригинальное золотое украшеніе, осыпанное камнями, чрезвычайно изящной работы. Говорятъ, что это было ожерелье Домны Розанды, молдавской княжны, дочери господаря Василія Лупула, жены сына Богдана Хмельницкаго Тимоθея, знаменитой трагическою судьбою и своей семьи, и своего супруга, и собственною своею. Говорятъ, эта вещь какъ-то досталась Палію, а послѣ его паденія была отдана въ церковь. Мы слышали это отъ того-же о. Θеодора, гостепріимно насъ пріютившаго и показывавшаго намъ достопримѣчательности Бѣлой-Церкви. Онъ руководствовался преданіемъ, переходившимъ издавна изъ устъ въ уста. Конечно, какъ преданіе, оно не можетъ имѣть за собою ничѣмъ неопровержимой достовѣрности, но вѣдь, чтобы и опровергнуть его, едва-ли найдутся доказательства.

Посѣщая Бѣлую-Церковь, нельзя было не повидать Александріи, сада гр. Браницкихъ, пріобрѣвшаго славу во всемъ южно-русскомъ краѣ. Это паркъ, очень обширный, прилегающій къ извилистой Роси; онъ расположенъ верстахъ въ двухъ отъ мѣстечка. Въ немъ съ перваго раза бросается въ глаза то, что если вы спросите: гдѣ же домъ или палацъ Браницкихъ—вамъ укажутъ на рядъ небольшихъ двухъ-этажныхъ домовъ, однообразной, хотя не лишенной изящества архитектуры, стоящихъ одинъ не подалеку отъ другого пря-

мою линiею въ срединѣ сада или парка. Вамъ укажутъ какъ на достопримѣчательность, что въ такомъ-то или другомъ домѣ помѣщалась та или иная высокая особа августѣйшаго дома, посѣщавшая когда-нибудь имѣнiе Браницкихъ. Въ разныхъ мѣстахъ парка можно встрѣтить деревья, при которыхъ находится досточка съ надписью, что дерево это было посажено такого-то дня и года такою-то высокою особою. О паркѣ можно сказать мало, кромѣ того, что этотъ паркъ хорошъ, красивъ, какъ подобаетъ быть парку, созданному богатыми аристократами. Встрѣчаете цвѣточныя клумбы, бесѣдки, статуи; изъ послѣднихъ достоинъ замѣчанiя мраморный бюстъ Потемкина-Таврическаго изящной работы, къ сожалѣнiю, значительно попорченный. Но что особенно понравилось собственно мнѣ въ этомъ паркѣ—это превосходныя деревья, красиво растущiя, тѣнистыя; вездѣ какъ будто нескончаемая весна, все свѣжо, молодо!... Хотя время, когда мы посѣщали этотъ паркъ, было половина августа, но, вступивши въ этотъ паркъ, чувствуется какъ будто еще—май. Это въ значительной степени слѣдуетъ приписать заботливому и просвѣщенному уходу за деревьями опытныхъ и знающихъ свое дѣло садовниковъ, но еще болѣе—прекрасной украинской природѣ, производящей такiя натуральныя рощи, которыя легко поддаются человѣческому старанiю приложить къ нимъ искусство и науку. Паркъ въ Александрiи заложенъ былъ тою же графинею Александрою Васильевною Браницкою, которая построила въ мѣстечкѣ каменную церковь, гдѣ почиваетъ прахъ ея. Первымъ садовникомъ у ней былъ французъ Мюффо и ему-то принадлежитъ планъ и первоначальное устройство парка. Въ память имени основательницы паркъ и называется Александрiею.

Н. Костомаровъ.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Мая 7. Польный гетманъ, рѣшился наконецъ двинуться изъ лагеря подъ Каменцемъ для соединенія съ главными силами. Выступивъ въ походъ, онъ остановился въ двухъ миляхъ у села Жердь. Сюда явился въ лагерь панъ Шумлянскій съ небольшимъ отрядомъ отборной конницы, отправленный королемъ, до котораго дошелъ ложный слухъ о томъ, будто войско польнаго гетмана осаждено врагами; онъ сообщилъ приказъ — немедленно идти въ королевскій лагерь. Между тѣмъ Хмельницкій сосредоточилъ уже свои силы на урочищѣ Гончарихѣ [1]) и, сознавая, насколько выгодно было-бы для него, еслибы удалось не допустить польнаго гетмана соединиться съ королемъ, отправилъ впередъ нѣсколько отборныхъ полковъ конницы и нѣсколько тысячъ орды, съ приказаніемъ стараться захватить у польскаго войска лошади и такимъ образомъ остановить оное на мѣстѣ, или, по крайней мѣрѣ, задержать его движеніе, пока самъ не подойдетъ съ остальнымъ войскомъ, съ которымъ онъ немедленно и двинулся вслѣдъ за передовымъ отрядомъ.

Такъ какъ онъ опасался движенія литовскаго войска, которое собиралось также выступить изъ своихъ предѣловъ и могло за-

---

*) См. январь, 126—151 стр. и февраль, 366—386 стр. „К. Ст."

[1]) Гончарихою называется обширная открытая мѣстность, лежащая на большой плоской возвышенности, раздѣляющей бассейны Случи и Южнаго Буга, на границѣ нынѣшнихъ губерній: подольской и волынской, между Межибожемъ и Старымъ-Константиновымъ.

нять области, лежавшія за Днѣпромъ, остававшіяся безъ охраны, и такимъ образомъ появиться въ тылу его войска, то, для обезпеченія себя и для охраненія заднѣпровской страны, онъ отправилъ три полка: полтавскій, черниговскій и переяславскій, составлявшіе отрядъ въ 20,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Небабы, опытнаго и хорошаго воина, которому поручилъ не допускать литовскаго войска переправиться черезъ Днѣпръ и зорко слѣдить за его движеніями.

Между тѣмъ полки, отправленные къ Каменцу, исполняя ревностно порученіе Хмельницкаго, двинулись съ такою поспѣшностью, что въ теченіи одного дня, пробѣжавъ 12 миль, изъ подъ Межибожья явились подъ Каменцемъ, но войска здѣсь уже не застали; они частью въ плѣнъ захватили, частью перебили шляхтичей, безпечно остававшихся въ той мѣстности, и немедленно двинулись въ погоню за войскомъ, получивъ новый, настоятельный приказъ отъ Хмельницкаго, чтобы захватить отступавшихъ на любой переправѣ и истребить ихъ или, по меньшей мѣрѣ, задержать. Самъ Хмельницкій со всѣми своими силами поспѣшно слѣдовалъ за ними.

Мая 9. Когда наше войско переправлялось у мѣстечка Пробужной [1]), непріятельскій разъѣздъ напалъ на нашъ аріергардъ; все войско немедленно выстроилось въ боевой порядокъ, развернувшись на пространной равнинѣ, и въ полной готовности ожидало боя, но дѣло кончилось стычками герцовниковъ; нѣсколько человѣкъ съ нашей и съ ихъ стороны было ранено выстрѣлами, одного изъ козаковъ поймали наши живьемъ, другихъ не могли настигнуть, потому что лошади ихъ были отличны. Наканунѣ одинъ изъ нашихъ разъѣздовъ доставилъ гетману нѣсколько человѣкъ татаръ. Въ тотъ-же день, видя, что непріятельское войско не наступаетъ, наши двинулись дальше къ Копычинцамъ [2]).

Мая 10. Войско наше, совершая весьма трудную переправу черезъ рѣку Серетъ у Янова [3]), постоянно ожидало появленія враговъ. Дѣйствительно они имѣли намѣреніе напасть на нашихъ, но этого не случилось, потому что полковники ихъ были отуманены водкою, какъ о томъ впослѣдствіи показали плѣнные.

---

[1]) Пробужная—мѣстечко въ чортковскомъ округѣ Галиціи, на небольшой рѣчкѣ, впадающей въ р. Сиклаву.

[2]) Копычинцы—мѣстечко въ томъ-же округѣ, на рѣкѣ Сиклавѣ.

[3]) Яновъ—мѣстечко въ тарнопольскомъ округѣ Галиціи, на р. Серетѣ.

12 мая. Не менѣе трудную переправу встрѣтило войско наше у Купчинецъ [1]). Когда все войско уже переправилось и гетманъ наблюдалъ за переходомъ обоза, оставивъ на томъ берегу для прикрытія лишь одинъ полкъ пана обознаго короннаго, татаре и козаки напали на него внезапно, такъ что оно едва успѣло построиться; отбиваясь, наши стали отступать на другую сторону, расположивъ у переправы пѣхоту, которой нѣсколько десятковъ, въ томъ числѣ и начальникъ Бутлеръ, погибли по причинѣ своей нераспорядительности, ибо, слабо отстрѣливаясь, они сейчасъ-же стали отступать, конница-же не могла имъ подать помощи, по причинѣ весьма вязкой плотины. Воодушевившись этимъ успѣхомъ, непріятель сталъ отважно переправляться,—орда и козаки развернулись въ тылу нашего войска и стали налегать безпрепятственно на нашъ аріергардъ и на обозъ. Гетманъ приказалъ не вступать съ ними въ сраженіе, пока они не будутъ замануты подальше отъ переправы и лѣса, а тѣмъ временемъ ихъ забавляли герцовниками. Вскорѣ однако, когда они стали налегать густою массою, нѣкоторыя хоругви, вопреки запрету гетмана, бросились на нихъ въ стремительную атаку, другія-же отрѣзали ихъ отъ лѣса; они были прижаты къ пруду, гдѣ наши много ихъ убили и потопили. Нѣсколькихъ татаръ и козаковъ взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ Нетычай-мурзу, изъ знатной фамиліи мурзовъ даерскихъ, и каневскаго сотника Шабельниченка [2]), который занималъ прежде должность полковника. Согнавши ихъ такимъ образомъ съ поля, войско наше простояло всю ночь въ строю подъ весьма сильнымъ, холоднымъ дождемъ, не подвергаясь новому нападенію.

Того-же дня пріѣхалъ на-легкѣ панъ подканцлеръ коронный (Іеронимъ Радзеевскій) съ посланіемъ отъ кастеляна краковскаго (великаго гетмана, Николая Потоцкаго), который между тѣмъ передвинулъ свое войско изъ подъ Владиміра къ Сокалю [3]), гдѣ и расположился лагеремъ, въ сторонѣ отъ города, на берегу рѣки. Подканцлеръ, вѣроятно, посланъ былъ королемъ съ порученіемъ подготовить заблаговременно примиреніе гетмановъ—ве-

---

[1]) Купчинцы—село въ бережанскомъ округѣ Галиціи на р. Стрипѣ.

[2]) Богданъ Шебельниченко, бывшій въ 1649 году асауломъ каневской сотни; вѣроятно во время одного изъ военныхъ походовъ онъ занималъ должность наказного, т. е. исправляющаго должность полковника.

[3]) Сокаль—городъ въ злочевскомъ округѣ Галиціи, на р. Западномъ Бугѣ. Поморяны и Зборовъ—мѣстечка въ томъ-же округѣ.

лицкаго и польнаго, успокоить ихъ пререканія и раздоры и склонить ихъ къ единодушію, безъ котораго не мыслимо хорошее управленіе войскомъ; порученіе это онъ исполнилъ уже раньше по отношенію къ великому гетману.

13 мая наши переправились въ Поморяны; непріятели показывались на пути маленькими отрядами въ 10—20 человѣкъ конницы, но не осмѣливались атаковать. Получивъ точныя свѣдѣнія о томъ, что сзади быстро наступаетъ Хмельницкій, желая перерѣзать путь къ Сокалю, наши сожгли въ Поморянахъ всѣ возы, которыхъ оставалось по 10 на каждую хоругвь; двѣ пушки, порохъ и больныхъ бросили въ замкѣ поморянскомъ и поспѣшили соединиться съ королемъ, проходя по двѣ и по три мили ежедневно. Враги ожидали ихъ на пути у Зборова, но они бросились въ другую сторону и, по милости Божіей, избѣжавъ этой засады съ посрамленіемъ враговъ, невредимо достигли королевскаго лагеря.

Того-же дня и мы съ паномъ конюшимъ коронымъ (Александромъ Любомирскимъ), собравшись какъ можно приличнѣе, отправились въ лагерь изъ Кульбушевой.

17 мая мы ночевали въ Ланцутѣ у маршала великаго короннаго (Юрія Любомирскаго), который также собрался отправиться въ лагерь.

Того-же дня король прибылъ въ лагерь у Сокаля, куда передвинулъ войско кастелянъ краковскій изъ Владиміра, какъ о томъ было выше сказано, желая воспользоваться болѣе удобнымъ мѣстоположеніемъ, защищеннымъ и рѣкою Бугомъ, и городскими укрѣпленіями. Король приказалъ немедленно возводить валы и укрѣпленія вокругъ лагеря, для большей безопасности войска, въ случаѣ еслибы непріятель аттаковалъ насъ раньше, чѣмъ соберутся всѣ ожидаемые отряды. Опасаясь, чтобы отрядъ, отступавшій отъ Каменца, не подвергся на пути большой опасности отъ преслѣдующаго его непріятеля, король отправилъ на встрѣчу ему короннаго хорунжія, Александра Конецпольскаго, съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Послѣдній впрочемъ, получивъ извѣстіе отъ отступавшихъ, что они находятся уже внѣ всякой опасности, остановился на пути, не желая напрасно утомлять своихъ солдатъ; онъ отправилъ только разъѣздъ подъ начальствомъ Забускаго для собранія свѣдѣній о непріятелѣ, такъ какъ получено было точное извѣстіе, что онъ занялъ уже Тарнополь.

18 мая, т. е. въ день Вознесенія Господня, Забускій въ полумили отъ Тарнополя наткнулся на разъѣздъ, состоявшій изъ 27 старинныхъ козаковъ, которые очень стойко отбивались и храбро и продолжительно защищались; наконецъ онъ разгромилъ ихъ и 9 человѣкъ захватилъ въ плѣнъ. Всѣ они единогласно утверждали, что замыселъ Хмельницкаго состоитъ въ томъ, чтобы всею массою ударить на королевскія силы и, какъ можно скорѣе, съ ними раздѣлаться.

19 мая всѣ мы: ихъ милости, панъ маршалъ и панъ конюшій коронные собрались вмѣстѣ въ путь изъ Ланцута, обѣдали въ Преворскѣ и ночевали въ Ярославѣ.

20 мая мы ночевали въ Любачевѣ, гдѣ промѣшкали и слѣдующій день.

22 мая панъ маршалъ выѣхалъ впередъ и ночевалъ въ Потыличѣ, мы-же, по причинѣ различныхъ дѣлъ, тронулись только вечеромъ. Этого-же дня польный гетманъ съ своимъ войскомъ, трудившимся въ теченіи всей зимы, прибылъ въ Сокаль. Король произвелъ ему общій смотръ, а потомъ всѣ полки и хоругви, каждая порознь, по обычаю, представлялись королю, передъ его палаткою. Войско это прежде достигало числа 12,000, теперь-же оно не превышаетъ 6,000; оно очень утомлено: люди измучены продолжительными трудами и лошади изморены. Хоругви какъ польскія, такъ и иностранныя очень малочисленны; многіе товарищи и большая часть челяди потеряли лошадей и явились пѣшкомъ.

23 мая. Мы соединились опять съ паномъ маршаломъ и совмѣстно ночевали въ городѣ Равѣ.

24 мая мы ночевали въ селѣ Тушковѣ вблизи Белза.

25 мая ночевали въ селѣ Боратынѣ, въ одной только мили отъ Сокаля. Отсюда я послѣ обѣда отправился въ лагерь для того, чтобы переговорить съ панами обозными объ опредѣленіи мѣста стоянки для пана конюшего и его отряда, и того-же дня на ночь возвратился въ Боратынъ. Въ эту ночь въ лагерѣ замѣчены были различныя видѣнія: ротмистръ канцлерской хоругви, находясь на часахъ съ пѣхотинцами, видѣлъ съ одной стороны въ облакахъ короля, сидящаго на золотомъ престолѣ между двумя ангелами, изъ которыхъ одинъ держалъ корону, а другой мечь надъ головою короля. Съ другой стороны венгерцы видѣли среди голубаго облака зеленый вертоградъ, очень красивый, въ срединѣ котораго они прочли латинскую надпись: „Imperator mundi“, изобра-

женную большими золотыми буквами. Они подтвердили присягою, что дѣйствительно читали эту надпись.

26 мая передъ выѣздомъ въ лагерь мы слушали мессу въ сокальскомъ костелѣ. Сюда на встрѣчу намъ выѣхали многіе полковники, сенаторы, паны и офицеры, а также болѣе 1000 товарищей изъ различныхъ хоругвей, которые привѣтстволи ихъ милостей Любомирскихъ и съ большою торжественностію провожали ихъ до королевской палатки. Ихъ милости и всѣ мы привѣтствовали короля, а потомъ ему представлялись отряды войска пана конюшаго, т. е. двѣ хоругви драгунъ и четыре хоругви отличной польской пѣхоты. Король весьма милостиво принялъ это войско.

27 мая король производилъ общій смотръ всего состоящаго на жалованьѣ войска какъ старой, такъ и новой вербовки. Чтобы избѣжать безпорядка отъ смѣшенія конницы и пѣхоты, а также потому, что трудно осмотрѣть все войско въ одинъ день, его раздѣлили на три части: польскую конницу, конницу и пѣхоту иностранную и польскую пѣхоту. По установленіи этого дѣленія, въ первый день произведенъ былъ смотръ польской конницы. Но опасаясь, чтобы непріятель не произвелъ нападенія во время смотра, приняли слѣдующія мѣры: на валахъ, которыми весьма тщательно и сильно укрѣпленъ былъ лагерь со всѣхъ сторонъ, расположена была вся пѣхота какъ польская, такъ и иностранная; въ полѣ, со стороны враговъ, поставлена была иностранная конница, числомъ 2000, также отрядъ пана Сапѣги, подканцлера литовскаго, и надворная королевская гусарская хоругвь, въ составъ которой входило до 400 человѣкъ пановъ и разныхъ урядниковъ.—Обезопасивъ такимъ образомъ лагерь отъ непріятельскаго нападенія, всю польскую конницу вывели изъ лагеря чрезъ мостъ на другую сторону Буга: она построилась въ полѣ и король долго ее осматривалъ, объѣзжая всѣ полки и хоругви. Затѣмъ онъ сталъ у моста въ сопровожденіи военачальниковъ и множества другихъ лицъ, а полки и хоругви, каждая порознь, возвращаясь въ лагерь по мосту, дефилировали передъ нимъ. При этомъ писарь польный коронный, Сигизмундъ Пржыемскій, записывалъ каждую хоругвь и получалъ отъ ея ротмистра или поручика регистръ входившихъ въ ея составъ солдатъ. Всѣ мы пересчитывали при этомъ количество людей и лошадей въ каждой хоругви, по мѣрѣ того, какъ она проходила

по мосту. Полки и хоругви слѣдовали другъ за другомъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Полкъ кастеляна краковскаго (великаго гетмана Николая Потоцкаго),—4 хоругви гусарскія: самаго гетмана, маркграфа Владислава Мышковскаго, воеводы сандомирскаго, Марка Собѣсскаго, старосты красноставскаго, и Юрія Любомирскаго, маршала великаго короннаго; 17 хоругвей козацкихъ: Владислава Лещинскаго, подкоморія познанскаго, Адама Киселя, воеводы кіевскаго, Казановскаго, старосты галицкаго, Юрія Оссолинскаго, старосты любельскаго, князя Чарторыйскаго, старосты кременецкаго, Марка Собѣсскаго, старосты красноставскаго, Яна Собѣсскаго (будущаго короля), старосты яворовскаго, Андрея Потоцкаго, Яна Даниловича, старосты ольштинскаго, стражника войсковаго Яскульскаго, Ѳомы Улинскаго, Станиславскаго, хоружнаго галицкаго, Чурила, Стефана Нѣмцевича, Стрыйковскаго и 2 гетманскія надворныя, подъ начальствомъ ротмистровъ: Чаплинскаго и Горневскаго; 3 хоругви аркебузьеровъ: Груздинскаго, кастеляна набѣльскаго, Колодзинскаго и Станислава Метельскаго.

Полкъ воеводы черниговскаго (польнаго гетмана Мартина Калиновскаго),—4 хоругви гусарскія: самого Калиновскаго, Александра Любомирскаго, конюшія короннаго, Самуила Калиновскаго, обознаго короннаго и Сигизмунда Денгофа, старосты быдгосскаго; 13 хоругвей козацкихъ: двѣ гетмана Калиновскаго, одна Самуила Калиновскаго, Цетнера, хорунжія подольскаго, Улинскаго, двѣ Аксака, Загорскаго, Криштофа Корицкаго, Горскаго, Бенедикта Уйейскаго, Самуила Линевскаго и Пясечинскаго.

Полкъ Симона Щавинскаго, воеводы брестскаго, одна его-же хоругвь гусарская и 9 хоругвей козацкихъ: 2 самаго Щавинскаго, Закржевскаго, Петроконскаго, Черніевскаго, Могильницкаго, Рокитницкаго, Сливинскаго и Феодора Белзецкаго.

Полкъ князя Ереміи Вишневецкаго, воеводы русскаго: 3 хоругви гусарскія: князя Ереміи, князя Димитрія Вишневецкаго и Яна Барановскаго, стольника брацлавскаго; 6 хоругвей козацкихъ: князя Ереміи, 2 князя Димитрія, князя Константина Вишневецкаго, Косаковскаго, подсудка брацлавскаго и Яна Сокола.

Полкъ Станислава Потоцкаго, воеводы подольскаго: 2 хоругви гусарскія: самаго воеводы и Одржывольскаго, кастеляна черниговскаго; 11 хоругвей козацкихъ: 3 воеводы подольскаго, Потоцкаго, старосты галицкаго, Крыштофа Тышкевича, старосты

житомирскаго, Павла Потоцкаго, Карла Потоцкаго, Андрея Рѣчицкаго, Жабецкаго, Вельгорскаго и Хлѣбовскаго.

Полкъ Станислава Лянцкоронскаго, воеводы брацлавскаго: 2 хоругви гусарскія: Лянцкоронскаго и Тобіи Минора; 7 хоругвей козацкихъ: Лянцкоронскаго, Северина Пясечинскаго, подкоморія новогродскаго, Владислава Нѣмцевича, старосты овруцкаго, Сигизмунда Лянцкоронскаго, Яна Минора, Сѣменскаго и Бутлера; одна хоругвь рейтарская Тобіи Минора.

Полкъ князя Корецкаго: одна хоругвь гусарская кн. Корецкаго, 2 хоругви аркебузьеровъ Пигловскаго; 8 хоругвей козацкихъ: Казимира Мазовецкаго, старосты теребовельскаго, Казимира Пясечинскаго, старосты новогродскаго, Ермолая Гордона, Стефана Дембинскаго, Александра Бржуханскаго, Андрея Гновинскаго и Яна Бѣльскаго.

Полкъ Павла Сапѣги, воеводы витебскаго: гусарская хоругвь самаго воеводы и 4 козацкихъ: Яна Сапѣги, Крыштофа Сапѣги, Ѳомы Сапѣги, обозаго литовскаго, и Сапѣги, старосты криницкаго.

Полкъ Александра Конецпольскаго, хорунжія короннаго: его-же гусарская хоругвь и 11 хоругвей козацкихъ: Николая Зацвилиховскаго, Северина Калинскаго, Проскуры, Стрыжовскаго, Стрыбеля, Чоповскаго, Ѳомы Стржалковскаго, Чаплицкаго, Грушецкаго, Войны и Дзѣдушицкаго.

28 мая вошла въ лагерь сотня хорошихъ рейтаръ подскарбія великаго коронпаго, Богуслава Лещинскаго.

30 мая. Въ лагерѣ произошло большое замѣшательство, причиною котораго была драка, случившаяся въ полѣ между слугами, поспорившими за украденнаго вола. Вскорѣ смятеніе это улеглось, но вечеромъ возникла еще большая тревога, вслѣдствіе неизвѣстно кѣмъ распространенной вѣсти, будто непріятель приближается и находится уже у Стоянова. Извѣстіе это было совершенно ложно, но неудивительно, что оно встревожило всѣхъ: у насъ скупились на расходы для посылки лазутчиковъ, полагаясь исключительно на захваченныхъ языковъ, поимкою которыхъ безпрестанно утомляли войско, они-же никогда не показывали правды.

31 мая. Ночью съ середы на четвергъ хоругвь воеводы подольскаго, Станислава Потоцкаго, находясь въ полѣ на часахъ, имѣла видѣніе: имъ предстала на воздухѣ женщина, осѣнявшая плащемъ своимъ нашъ лагерь. Полагая, что видятъ Богородицу, они немедленно преклонили колѣна и весьма набожно пропѣли

лоретанскій акаѳистъ. Видѣніе это мы приняли, какъ знакъ высшаго покровительства нашему войску и предзнаменованіе будущей побѣды. И не удивительно; ибо въ нашемъ лагерѣ набожность была весьма усердная; баракъ у королевской палатки, въ которомъ помѣщалась походная церковь и гдѣ на алтарѣ стояла чудотворная икона Богородицы, былъ постоянно, днемъ и ночью, полонъ товарищей, солдатъ и другихъ лицъ, предававшихся молитвамъ съ большимъ благочестіемъ.

1 іюня. Вступилъ въ лагерь князь Еремія Вишневецкій, воевода русскій, съ многочисленнымъ новымъ отрядомъ войска; онъ привелъ: три хоругви козацкія, одну татарскую, одну волошскую, эскадронъ драгунъ и прибавочную хоругвь князя Дмитрія Вишневецкаго. Нѣсколько сотъ однихъ товарищей и много пановъ вышли на встрѣчу этому отряду и провожали его до королевской палатки; обозъ и пѣхоту князь еще раньше прислалъ въ лагерь.

2 іюня. Ротмистры Мыслишовскій и Янджулъ привели десять добрыхъ реестровыхъ козаковъ полтавскаго Пушкаренковаго полка, Мишановой сотни, которыхъ они захватили въ среду у Почаева; козаки эти вышли въ минувшее воскресеніе изъ своего лагеря, находившагося тогда у Тарнополя, для собранія борошна, т. е. провіанта. На допросѣ они сказали, что въ минувшую субботу къ нимъ пришло нѣсколько тысячъ бѣлгородской орды, вслѣдъ за которою въ 12 миляхъ находился будто самъ ханъ. Все это была чистая ложь. Затѣмъ они сказали, что въ Литву отправился старшій сынъ Хмельницкаго съ отрядомъ до 20,000 козаковъ, начальство надъ которыми поручено было Джеджалому и другимъ полковникамъ, и что послѣ сего, получивъ письмо отъ сына съ требованіемъ подкрѣпленій, Хмельницкій отправилъ туда тотчасъ Крысу, который долженъ былъ еще по селамъ созывать охотниковъ. Наконецъ, они сказали, что козацкое войско очень многочисленно, но состоитъ преимущественно изъ конницы; пѣхоты весьма мало, и кто является пѣшій, того отсылаютъ обратно домой. Это показаніе подало нашимъ поводъ къ продолжительнымъ преніямъ и къ различныхъ предположеніямъ: одни утверждали, что наборъ исключительно конницы свидѣтельствуетъ о томъ, что козаки думаютъ лишь объ удобномъ бѣгствѣ въ случаѣ, если на нихъ серьезно ударятъ; другіе, зная о томъ, что Хмельницкій состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ракочіемъ, собирающимъ войска для нападенія на наше государство, и что они часто обмѣниваются посольствами, предполагали, что Хмельницкій

намѣренъ заманить короля и все наше войско на ту сторону лѣсовъ, рѣкъ и неудобныхъ переправъ, а потомъ, когда Рокачій двинется къ Кракову, онъ съ конницею и пѣхотою, захваченною на лошадей по татарскому обычаю, быстро пойдетъ къ Кракову на помощь ему, и пока наше войско, обремененное общими и другими тяжестями, будетъ медленно тянуться, они успѣютъ многое подчинить себѣ и овладѣютъ Краковомъ. Иные высказывали, смотря по личнымъ соображеніямъ, другія догадки, но все это были лишь пустые разговоры, основанные на сомнительныхъ показаніяхъ плѣнниковъ.

3 іюня. Произведенъ былъ за мостомъ смотръ второй части войска, т. е. иностранной конницы и пѣхоты,—такимъ-же образомъ, какъ и первой части. На валахъ разставлена была польская пѣхота, а въ полѣ, на всякій случай, польская конница. Счетъ произведенъ, какъ прежде, при обратномъ переходѣ войска въ лагерь черезъ мостъ. При этомъ оказались слѣдующіе регименты рейтаръ:

Регименть князя Богуслава Радзивилла, конюшія короннаго; впереди его вели 4 верховыя лошади, за ними слѣдовали 6 трубачей и затѣмъ семь компаній рейтаръ, числомъ 587, подъ начальствомъ капитановъ: Бутлера, Терстаузена, Рамбера, Бокама, Дембинскаго и маіора Нербанта. Затѣмъ 88 рейтаръ князя курфюрста брандебургскаго и 87 рейтаръ Сигизмунда Денгофа, старосты быдогскаго.

Регименть полковника Майдля, сильно потерпѣвшій во время зимняго похода; въ немъ 4 компаніи (227 человѣкъ) подъ начальствомъ капитановъ Сакена, Остона и Меца; затѣмъ 191 рейтаръ Станислава Денгофа, старосты вѣлюнскаго, и 107 (капитанъ Шлихтингъ) Богуслава Лещинскаго, подскарбія короннаго.

Регименть воеводы мальборкскаго Валера: 435 рейтаръ, въ пяти компаніяхъ, подъ начальствомъ капитановъ: Шафгоца, Фуля, Завадскаго, Жерница и полковника Героля.

Затѣмъ слѣдовали регименты иностранной пѣхоты:

Регименть королевскій — 1259 человѣкъ, въ восьми компаніяхъ, подъ начальствомъ: полковника Вольфа, подполковника Бутлера, маіора Гизы и капитановъ: Ратке, Циммермана, Кельбруэля, Валля 1-го и Валля 2-го.

Регименть князя Богуслава Радзивилла—1152 человѣка, въ 8 компаніяхъ, подъ начальствомъ маіора Валля, капитановъ: Френтака, Гульдена, Штрауса, Госа, Берга, Лося и поручика

Берга младшаго. У этого регимента былъ также эскадронъ драгунъ ротмистра Фалькерсана.

Регименть кастелляна навельскаго; его личная стража: 14 гайдуковъ съ мушкетами въ серебристой одеждѣ. Затѣмъ 801 человѣкъ въ 8 компаніяхъ, подъ начальствомъ подполковника Курдвановскаго, маіора Любовицкаго, капитановъ: Влостовскаго, Гульца, Пржыбыльскаго, Герберга, Бальцера и Мейера.

Регименть королевича Карла--530 человѣкъ въ 6 компаніяхъ, подъ начальствомъ: полковника Крейца, маіора Крейца, капитановъ: Тоница, Геппера, Гильфельда и Олтаржевскаго.

Регименть Гонвальда—704 человѣкъ, въ 8 компаніяхъ, подъ начальствомъ подполковника Шенка, маіора Трембока, капитановъ: Саскаго, Костки, Саскаго 2-го, Остофа, Глюкспана и поручика Бѣленскаго.

Регименть Яцка Розважевскаго—619 человѣкъ въ 6 компаніяхъ, подъ начальствомъ подполковника N и капитановъ: Фляума, Ляпки, Моравца, Шульца и Бояновскаго.

Эскадронъ Яна Конецпольскаго 165 человѣкъ, въ двухъ компаніяхъ; капитаны: Конецпольскій и Витау. Третій капитанъ съ компаніею оставленъ въ Бродахъ въ качествѣ гарнизона.

Затѣмъ слѣдовали регименты конныхъ драгунъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Регименть короля—150 человѣкъ—полковникъ Молль.

Регименть воеводы мальборкскаго — 197 человѣкъ—маіоръ Мольтранъ. Этотъ регименть сильно пострадалъ во время зимняго похода; 51 человѣкъ лишились лошадей и шли пѣшкомъ.

Регименть Сигизмунда Пржыемскаго, писаря польнаго—291 человѣкъ; капитаны: Вэльтъ и Глогбицъ. Онъ также пострадалъ отъ зимняго похода--17 человѣкъ шли пѣшкомъ.

Регименть Генриха Денгофа, тоже пострадавшій—291 человѣкъ, въ томъ числѣ пѣшкомъ 79; начальники: полковникъ Фликъ и капитанъ Копіусъ.

Регименть Корфа, также пострадавшій—235 человѣкъ; капитаны: Перпезе, Яковъ Базель и Бутлеръ.

4 іюня вступилъ въ лагерь Константинъ Любомирскій, староста сандецкій, съ отрядомъ хорошихъ солдатъ, собранныхъ на его счетъ; съ нимъ было двѣ козацкія хоругви и 100 человѣкъ пѣхоты. На встрѣчу ему выѣхали также многіе товарищи. Того-же дня пріѣхалъ татаринъ, подъ предлогомъ будто навѣстить Нетычай-мурзу, который сидѣлъ въ заперти въ отдѣльной постройкѣ

около королевской палатки, дѣйствительно-же это былъ лазутчикъ, пріѣхавшій высмотрѣть количество нашего войска, его состояніе и принятыя нами мѣры предосторожности; его постоянно не спускали изъ глазъ. Пришелъ также войтъ изъ Стоянова, заявившій, что онъ бѣжалъ изъ-подъ ареста отъ козаковъ, и сообщилъ многое о тайныхъ намѣреніяхъ козаковъ; все это была ложь, но ему сразу повѣрили и наградили его. Между тѣмъ одинъ крещеный еврей изъ Бродъ прислалъ письмо съ предостереженіемъ, что войта этого, прежде чѣмъ онъ бѣжалъ отъ козаковъ, Хмельницкій призывалъ въ свою палатку и далъ ему наставленіе, какъ онъ долженъ поступать въ нашемъ лагерѣ. Письму этому не повѣрили, пока войтъ, высмотрѣвши въ лагерѣ все, что ему было поручено, не убѣжалъ, опасаясь, чтобы наконецъ его не разгадали. Тогда только, хотя слишкомъ поздно, повѣрили предостереженію еврея. Того-же дня при звукѣ трубъ отданъ былъ приказъ, чтобы все войско было готово къ походу.

5 іюня утромъ прибылъ Пясецкій съ двумя хоругвями: конною и пѣшею; послѣ полудня произведенъ смотръ польской пѣхотѣ, которой оказалось 34 хоругви.

7 іюня вступилъ въ лагерь Янъ Замойскій, староста калусскій, съ хорошимъ отрядомъ войска, нанятымъ на его счетъ. У него было 11 хоругвей: 4 пѣхоты, 1 рейтаръ, 1 гусаръ, 3 козацкихъ и 2 драгунъ. Того-же дня пришло 6 хоругвей иностранной пѣхоты, подъ начальствомъ Дюплесси.

8 іюня. Панъ Рончковскій возвратился изъ разъѣзда, съ отрядомъ въ 30 человѣкъ изъ полка пана хорунжія короннаго. Во время разъѣзда онъ встрѣтилъ гдѣ-то у мельницы отрядъ въ 200 козаковъ, которые, увидѣвъ нашихъ, немедленно бѣжали; захватили мы только одного изъ нихъ, стариннаго козака бѣлоцерковскаго полка—Григорія Ресьневецкаго. Въ минувшій вторникъ онъ вышелъ изъ табора и съ шестью товарищами находился въ упомянутой мельницѣ. На допросѣ онъ показалъ слѣдующее: козацкое войско значительно менѣе числомъ, чѣмъ было въ походѣ подъ Збаражъ, но оно имѣетъ болѣе лошадей и лучше вооружено; орда забрала у нихъ почти всѣ *домашнія* ихъ лошади; войско ихъ стоитъ на колодынскомъ полѣ [1]) въ одной съ поло-

[1]) Колодно—село въ кременецкомъ уѣздѣ, волынской губерніи, на австрійской границѣ, на дорогѣ изъ Тарнополя въ Вишневецъ. Стояновъ—мѣстечко въ злочевскомъ округѣ Галиціи, на русской границѣ.

виною мили отъ Вишневца и въ одной мили отъ Збаража; онъ слышалъ отъ своего сотника, будто Хмельницкій собирается выступить съ частью войска въ Стояновъ, но самъ предполагаетъ, что движеніе это скорѣе можетъ направиться къ Дубну. Хана съ ордою они ожидаютъ уже въ теченіи четырехъ недѣль, такъ какъ Хмельницкій и полковники обѣщали его приходъ, но по нынѣ онъ еще не явился; козаки сильно скучаютъ и ропщутъ на то, что ханъ такъ долго не исполняетъ своего обѣщанія. Хмельницкій, опасаясь, чтобы хлопы, собравшіеся въ его лагерѣ, не соскучились отъ долгаго бездѣйствія и не разбѣжались по домамъ вслѣдствіе голода, который начинается чувствоваться въ лагерѣ, созвалъ раду сначала по полкамъ, а потомъ генеральную. На радѣ, желая еще болѣе раздражить чернь противъ насъ и возбудить ея энергію, онъ объявилъ козакамъ, будто король вошелъ въ соглашеніе съ султаномъ и уступилъ ему всѣ украинскія области: кіевскую, бѣлоцерковскую, чигиринскую, черкасскую и другія, что турки ограбятъ всѣ эти области и угонятъ все населеніе въ ясыръ. Чернь, повѣривъ вполнѣ этой выдумкѣ, хотя и совершенно ложной, сильно взволновалась; на радѣ стали кричать: „если король мирится съ султаномъ *на лихо намъ*, то пойдемъ сражаться съ *ляхами*"! Тогда Хмельницкій и полковники стали держать рѣчи: „теперь когда вступимъ въ сраженіе, говорили они, не полагайтесь исключительно на ваши заступы и на ямы, которые вы себѣ роете; теперь нужно будетъ крѣпко постоять, чтобы не потерять славы козацкой и душъ вашихъ не погубить, и т. п." Показалъ онъ также, что *борошна* (провіанта) у старшинъ хватаетъ еще на двѣ недѣли, но у черни его уже не достаетъ. На базарѣ въ ихъ лагерѣ съѣстнаго вовсе не продаютъ и можно купить лишь водку и табакъ. Пѣхота козацкая можетъ хорошо сражаться, но конница, или, какъ они говорятъ, *комонникъ*[1]), очень слаба: одинъ хорошій *юнакъ* одолѣетъ десятокъ конныхъ козаковъ. Татаръ у Хмельницкаго не болѣе 10,000 и потому онъ не посылаетъ ихъ въ разъѣзды, чтобы наши не захватили татарскихъ языковъ.

9 іюня. Получая постоянныя, подтверждающія другъ друга извѣстія о движеніи непріятелей по направленію къ нашему лагерю,

---

[1]) Въ показаніяхъ Ресьпевецкаго всѣ слова и обороты, напечатанные курсивомъ, въ подлинникѣ Освѣцима написаны по русски.

король нашелъ, что у Сокаля мѣсто для будущей битвы не удобно, такъ какъ войску негдѣ было развернуться въ полѣ, потому онъ рѣшилъ перевести войско къ Берестечку, намѣреваясь, въ случаѣ надобности, двинуться и дальше на встрѣчу врагамъ и попробовать счастія въ битвѣ съ нимъ, раньше прихода хана съ татарскою ордою. Опасаясь однако, чтобы непріятель, о котораго движеніяхъ доходили лишь не точныя свѣдѣнія, не предупредилъ насъ и не занялъ переправы (чрезъ Стырь) у Берестечка, король отправилъ хорунжія коронного (Александра Конецпольскаго) съ значительнымъ отрядомъ войска, поручивъ ему быстро двинуться въ Берестечко, овладѣть городомъ и переправою и удержать ихъ до прихода всего войска.

Въ это время получено было весьма забавное извѣстіе о Хмельницкомъ и о его женѣ: послѣдняя влюбилась въ какого-то часовщика, котораго мужъ ея оставилъ дома въ качествѣ дворецкаго; она вступила съ нимъ въ тѣсную связь и стала вредить мужу, въ чемъ только могла. Долго все это сохранялось въ тайнѣ, пока Хмельницкому не понадобилось прибѣгнуть къ своей денежной казнѣ, храненіе которой онъ поручилъ тому-же часовщику. Вынимая изъ своего хранилища деньги для уплаты татарамъ, онъ не досчитался одного боченка съ червонцами; сразу онъ подумалъ, что боченокъ этотъ могъ взять его сынъ, отправляясь въ походъ въ Литву; но на вопросъ объ этомъ, сынъ заявилъ ему въ письмѣ, что не только не бралъ боченка, но даже и не зналъ о его существованіи; тогда онъ приказалъ подвергнуть пыткѣ своего излюбленнаго казначея и такимъ образомъ вынудилъ у него признаніе не только въ покражѣ боченка, но и въ незаконной связи съ женою. Услышавъ это признаніе, Хмельницкій, не долго думая, перемѣнилъ страстную любовь къ женѣ на гнѣвъ, не столько за покражу золота, сколько за измѣну супружеской вѣрности, и приказалъ обоихъ виновныхъ, раздѣвъ до-нага, связать вмѣстѣ, sicut erant in actione adulterii, и въ такомъ видѣ повѣсить. Все сіе разсказывалъ намъ за ужиномъ самъ король, весьма потѣшаясь этимъ происшествіемъ.

10 іюня. Вступилъ въ лагерь коронный мечникъ, Михаилъ Зебржыдовскій съ прекраснымъ отрядомъ войска; онъ привелъ: хорошую хоругвь польской пѣхоты, хоругвь драгунъ, хоругвь козацкую и прекрасную хоругвь гусаръ. Затѣмъ чашникъ саноцкій, Козловскій, представилъ королю козацкую хоругвь и нѣсколько десятковъ драгунъ, собранныхъ имъ на собственный счетъ. Того-

же дня Андрей Фредро доставилъ хорошую козацкую хоругвь, также на свой счетъ набранную.

Въ это время среди той части войска, которая была давно навербована, начались смуты и безпорядки; войско это во время зимняго похода сильно пострадало отъ усиленной и безпрерывной дѣятельности (какъ это обнаружилось во время смотра); товарищи лишились коней какъ боевыхъ, такъ и ломовыхъ, потеряли челядь и боевые припасы; вслѣдствіе этого они заявили, что не имѣя средствъ для прокормленія и притомъ, лишившись всего, что необходимо исправному воину, они не будутъ въ состояніи тронуться въ походъ съ королемъ противъ непріятеля, если не получатъ значительной денежной суммы, на которую имъ нужно пріобрѣсти все необходимое для похода. Заявленіе это затормозило королевскіе планы и было весьма тягостно какъ для короля, такъ и для всей Рѣчи Посполитой, особенно потому, что случилось въ то именно время, когда рѣшено было двинуться на врага; сладить съ этимъ обстоятельствомъ было трудно, потому что не только не было готовыхъ денегъ для уплаты солдатамъ, но и не предвидѣлась возможность добыть ихъ. Король съ гетманами и сенаторами, находившимися въ лагерѣ, сталъ совѣтоваться о томъ, какія-бы придумать средства для того, чтобы успокоить солдатъ, очевидно сильно нуждавшихся въ поддержкѣ, и уговорить ихъ прекратить пререканія, хотя и справедливыя, и возвратиться къ должному повиновенію власти. Очевидно этого нельзя было достичь безъ денегъ, а послѣднихъ добыть было весьма трудно. Пришлось въ крайности прибѣгнуть къ тому средству, которое недавно Рѣчь Посполитая порицала, называя публично разбоемъ, когда нѣкоторыя лица, точно въ такихъ-же обстоятельствахъ, прибѣгли къ нему во Львовѣ послѣ бѣгства изъ-подъ Пилявы. Необходимость однако, какъ утверждали, заставила обратиться къ тому, что такъ недавно охуждалось. Средство это состояло въ слѣдующемъ: всѣ шляхтичи той мѣстности, полагаясь на укрѣпленія Сокаля, свезли въ этотъ городъ болѣе цѣнное свое имущество и помѣстили его на храненіе въ сокальскомъ монастырѣ, какъ въ мѣстѣ болѣе безопасномъ. Въ совѣтѣ королевскомъ рѣшено было: оповѣстивъ шляхтичей, пересмотрѣть ихъ имущество, а въ случаѣ, если бы они воспротивились, насильно вскрыть ихъ сундуки и хранящіяся въ нихъ деньги взять, въ качествѣ принудительнаго займа, выдавъ владѣльцамъ квитанціи въ обезпеченіе возврата взятыхъ денегъ, и такимъ образомъ удовлетворить сол-

дать. Средство это было ужасно и необычно и вызвало сильное волненіе среди дворянъ той мѣстности; лица высокопоставленныя, сенаторы, по опредѣленію короля и его совѣта, были отправлены для приведенія въ исполненіе столь гнуснаго дѣла, и должны были ломать чужіе сундуки. Это позорное дѣйствіе не принесло впрочемъ желанной пользы, вслѣдствіе-ли сопротивленія шляхтичей, или можетъ быть потому, что большихъ суммъ денежныхъ у нихъ не было. Оказалось необходимымъ обратиться къ другимъ источникамъ; но какъ ихъ не было подъ рукою, то пришлось прибѣгнуть къ подаянію. Стали собирать, будто милостыню, у сенаторовъ, пановъ, офицеровъ и вообще у всѣхъ болѣе зажиточныхъ лицъ. Каждый давалъ въ займы по возможности: нѣсколько тысячъ, нѣсколько сотъ или даже нѣсколько десятковъ злотыхъ, и такимъ образомъ старались сколотить нужную сумму. Но какъ никто не бралъ въ лагерь лишнихъ денегъ и запасался лишь количествомъ необходимымъ для своего содержанія, то собранная сумма оказалась далеко недостаточною; возможно было выдать на каждую хоругвь только по 1,000 злотыхъ. Долго солдаты не желали удовлетвориться столь малою платою, утверждая, что она окажетъ имъ слишкомъ мало помощи; но наконецъ, принявъ во вниманіе невозможность добыть болѣе денегъ и уступая настойчивымъ просьбамъ короля, они рѣшили оставить свое упорство, удовлетвориться пока и незначительною суммою и подождать присылки денегъ, обѣщанныхъ имъ въ скоромъ времени коронымъ подскарбіемъ.

Іюня 10. Хорунжій коронный прислалъ увѣдомленіе, что, благодаря поспѣшности его движенія, онъ успѣлъ занять раньше прихода непріятелей Берестечко и переправу черезъ Стырь, расположилъ войско для охраны занятой позиціи и отправилъ разъѣзды въ окрестности, въ которыхъ кругомъ дѣйствительно видњются въ разныхъ мѣстахъ большіе огни; извѣщаетъ онъ также и о томъ, что козаки опустошаютъ Волынь и Подляхію и угоняютъ весь скотъ, желая подготовить для насъ голодъ.

Іюня 11. Когда вслѣдствіе вышеприведеннаго увѣдомленія, мы собирались уже тронуться, получено было утромъ извѣстіе, хотя и не вполнѣ достовѣрное, что во вторникъ, т. е. 7-го іюня, видѣли хана съ ордою у Винницы. Соображая время, легко было разсчитать, что онъ или соединился уже съ Хмельницкимъ, или подошелъ весьма близко къ его лагерю. Извѣтіе это оказало большое вліяніе на прежнія распоряженія и планы: король вновь рѣ-

шилъ оставаться у Сокаля и ожидать здѣсь прихода враговъ, о которомъ постоянно приходили вѣсти: показалось выгоднымъ не оставлять лагеря, хорошо укрѣпленнаго, кругомъ обнесеннаго валами и сзади обезпеченнаго теченіемъ Буга, судоходнаго въ этомъ мѣстѣ. Вслѣдствіе этихъ соображеній король отправилъ приказъ коронному хорунжію, чтобы онъ возвращался въ лагерь изъ Берестечка. При звукѣ трубъ объявленъ былъ солдатамъ приказъ запасаться провіантомъ, причемъ опубликовано было разрѣшеніе безпрепятственно брать вездѣ съѣстное. Разрѣшеніе такое никогда прежде не давалось сколько нибудь порядочными военачальниками и оно было поводомъ разоренія всей Волыни, ибо немедленно солдаты, слуги и иностранцы разсѣялись отрядами во всѣ стороны и не только стали грабить скотъ, провіантъ и всякое имущество въ домахъ бѣдныхъ крестьянъ, но и дворы и замки, въ которыхъ затворились въ ожиданіи непріятелей шляхтичи съ своими подданными, по-непріятельски брали приступомъ и своихъ-же, подъ предлогомъ, что они русской вѣры, истребляли огнемъ и мечемъ, какъ будто находясь въ непріятельской землѣ.

Въ тотъ-же день пришли дворяне сандомирскаго воеводства и, раздѣлившись на повѣты, расположились за мостомъ, на горахъ, прилегавшихъ къ лагерю. Такъ какъ приближалось поголовное ополченіе дворянъ и другихъ воеводствъ, то для облегченія имъ, въ случаѣ нужды, переправы на нашу сторону, рѣшено было построить другой мостъ на Бугѣ. Писарь польный и съ нимъ насъ нѣсколько человѣкъ ѣздили для выбора удобнаго мѣста; впрочемъ предпріятіе это не осуществилось по причинѣ безурядицы, господствовавшей тогда въ нашемъ лагерѣ.

Въ это время король разсердился на Іеронима Радзеевскаго, подканцлера короннаго. Давно уже разные наушники, которыхъ всегда много при дворѣ, сообщали ему сплетни и подозрѣнія о томъ, что подканцлеръ ведетъ частную переписку съ королевою; желая провѣрить эти слухи, король приказалъ перехватить письмо подканцлера, адресованное королевѣ. Все письмо было наполнено разсужденіями о ничтожествѣ и неспособности короля, о неумѣніи его управлять войскомъ, о его легкомысленности и непостоянствѣ и вообще заключало многое, позорящее славу и репутацію короля. Не мало досталось и на долю любимцевъ королевскихъ Тизенгаузена и королевскаго духовника Цѣцишовскаго, издавна враждовавшихъ съ подканцлеромъ. Наконецъ послѣдній упоминалъ съ большимъ раздраженіемъ и о

своей женѣ и жаловался на то, что она состоитъ въ тайной связи съ королемъ. Прочитавъ это письмо, король сильно вспылилъ и немедленно отправилъ придворныхъ коронныхъ чиновниковъ къ подканцлеру съ порученіемъ прочитать ему выговоръ за его вѣроломство и интриги и сообщить запретъ появляться впередъ не только въ палатѣ королевской, но и на засѣданіяхъ совѣта. Тяжелъ былъ этотъ ударъ для подканцлера, когда онъ узналъ, что перехвачена его частная переписка съ королевою и что онъ навлекъ на себя справедливый гнѣвъ монарха; однако онъ повиновался полученному приказанію не столько по обязанности, сколько изъ уваженія къ королю. По прошествіи нѣкотораго времени, вслѣдствіе вліянія сенаторовъ, король разрѣшилъ подканцлеру, какъ важному сановнику, присутствовать на засѣданіяхъ совѣта, но грамотъ и привиллегій, исходившихъ изъ его канцеляріи, не хотѣлъ подписывать. Когда королева узнала объ этомъ происшествіи, то до того разгнѣвалась на жену подканцлера, что не только воспретила ей показываться у двора, но и всѣмъ дамамъ, женамъ сенаторовъ, жившимъ въ Варшавѣ, подъ опасеніемъ своей немилости, запретила навѣщать ее и имѣть съ нею общеніе.

Іюня 12. Обычное непостоянство и перемѣнчивость въ рѣшеніяхъ опять проявились. Король постановилъ было оставаться въ укрѣпленномъ лагерѣ и ожидать въ немъ врага, но теперь вдругъ перемѣнилъ это рѣшеніе и хотѣлъ передвинуть лагерь на другое мѣсто, основываясь на слѣдующихъ побужденіяхъ: 1) что въ лагерѣ накопилось много нечистотъ, воздухъ испортился, и это служитъ причиною болѣзней, которыя начали свирѣпствовать въ войскѣ, особенно среди пѣхоты; 2) что мѣсто неудобно и тѣсно для того, чтобы развернуться столь большому войску, которое еще должно было умножиться послѣ прихода дворянскаго поголовнаго ополченія; 3) что небольшое поле, прилегавшее къ лагерю, неудобно для сраженія и по тѣснотѣ его, и потому, что къ нему прилегаетъ лѣсъ, который намъ будетъ служить препятствіемъ, а врагамъ пособіемъ; 4) что, наконецъ, близость города неудобна, потому что во время битвы трусливые будутъ скорѣе бѣжать съ поля сраженія, надѣясь на городскія укрѣпленія. Руководясь этими соображеніями, король отправилъ польнаго писаря для выбора лучшей мѣстности для лагеря, но тотъ, проѣздивъ цѣлый день, не могъ найти не только лучшаго, но и столько же удобнаго мѣстоположенія, и потому пришлось оста-

ваться на мѣстѣ. Король отправился осматривать валы, старые и осыпавшіеся приказалъ поправить, а новые, гдѣ было нужно, возвести. Замѣтивъ, что князь Вишневецкій, староста калусскій, и другіе расположились лагеремъ внѣ укрѣпленій въ полѣ, онъ приказалъ имъ перейти внутрь вала, затѣмъ кварцяному войску, стоявшему въ полѣ безъ всякихъ ретраншаментовъ, онъ повелѣлъ придвинуться къ городу и укрѣпиться прибавочнымъ валомъ.

Въ тотъ же день панъ Денгофъ привелъ 5 взводовъ отличныхъ драгунъ и съ его приходомъ пополнился весь комплектъ наемнаго войска. Того-же дня пришла еще хоругвь польской пѣхоты, нанятая для услуги Рѣчи Посполитой на счетъ жены подскарбія короннаго.

Мы получили извѣстіе о разгромѣ отряда, состоявшаго изъ хоругвей подканцлера литовскаго и воеводича сандомирскаго. Отрядъ этотъ въ 150 человѣкъ конницы отправился въ разъѣздъ, но не зная мѣстности въ этомъ краѣ, онъ былъ измѣннически преданъ козакамъ какимъ-то хлопомъ; десятка два погибло, остальные разсѣялись.

Іюня 13. Въ лагерь пришла татарская хоругвь князя Корецкаго и представилась королю. Дворяне сандомирскаго воеводства, расположившіеся было повѣтами на горахъ, соединились въ одну дивизію подъ начальствомъ своего воеводы и всѣ вмѣстѣ расположились лагеремъ у самаго берега Буга, между мостомъ и стоянкою дворянъ белзскаго воеводства, которые давно уже пришли и стояли также надъ рѣкою, нѣсколько въ сторонѣ отъ моста. Вечеромъ возвратился въ лагерь изъ Берестечка, вслѣдствіе королевскаго приказанія, хорунжій коронный (Алекс. Конецпольскій) съ своимъ отрядомъ.

(Продолженіе будетъ).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(Приложеніе къ статьѣ: Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ. «Кіев. Ст.» февр. и март. кн. 1882 г.).

РАПОРТЪ[1]

Пресвѣтлой Коммисіи Просвѣщенія о генеральномъ осмотрѣ въ 1789 г. школъ:

1) Состоящихъ при главной краковской школѣ;

въ округѣ малопольскомъ:

2) окружныхъ люблинскихъ, академическихъ;

3) подъокружныхъ сандомірскихъ, академическихъ;

въ округѣ волынскомъ:

4) окружныхъ кременецкихъ, академическихъ;

5) подъокружныхъ каменецкихъ, „ „

6) „ „ луцкихъ, „ „

7) „ „ олыцкихъ, „ „

8) „ „ владимірскихъ, базиліанскихъ;

9) „ „ острогскихъ. „ „

10) „ „ шаргородскихъ, „ „

11) „ „ барскихъ, „ „

въ округѣ украинскомъ:

12) окружныхъ винницкихъ, академическихъ;

---

[1]) Заимствованъ изъ книги, хранящейся въ варшавскомъ центральномъ архивѣ подъ № 222: „Rapporta wizyt generalnych od roku 1782 do roku 1793." Мы избрали этотъ рапортъ потому, что а) онъ относится къ тому времени, которымъ оканчивался полный курсъ обученія, устроеннаго на основаніи устава 1783 года; б) онъ полнѣе и во многомъ обстоятельнѣе другихъ визитаторскихъ рапортовъ; в) относясь ко времени народныхъ волненій на Волыни и Украйнѣ, онъ даетъ намъ возможность тѣмъ живѣе представить себѣ глубокое противорѣчіе школы мѣстнымъ народнымъ потребностямъ.

13) подъокружныхъ житоміpскихъ, академическихъ;
14) „ „ любарскихъ, базиліанскихъ;
15) „ „ овручскихъ, „ „
16) „ „ каневскихъ, „ „
17) „ „ уманскихъ, „ „

въ округѣ піарскомъ:

18) подъокружныхъ межирѣчскихъ;
19) „ „ холмскихъ.

Составленъ ксендзомъ Мушинскимъ, докторомъ двухъ правъ (т. е. церковнаго и гражданскаго) и философіи, вице-профессоромъ наукъ коллегіи моральной, генеральнымъ визитаторомъ, и представленъ въ генварѣ 1790 года".

„Получивъ 25 апрѣля отъ ксендза-секретаря визитаторскія полномочія, выписку нѣкоторыхъ пунктовъ изъ инструкціи пресвѣтлой коммисіи, инструкцію главной школы, рапортъ о прошлогоднемъ генеральномъ осмотрѣ школъ и три рапорта объ осмотрахъ, произведенныхъ ректорами округовъ: малопольскаго, волынскаго и украинскаго, я на другой-же день, не имѣя даже времени осмотрѣться въ обязанностяхъ, возложенныхъ на меня, началъ осмотръ школъ, состоящихъ при главной краковской школѣ, каковой осмотръ продолжался полторы недѣли. Послѣ сего я выѣхалъ въ Сандоміръ, а оттуда въ Люблинъ. Далѣе я не могъ ѣхать, по причинѣ всеобщей тревоги, въ виду распространившихся на Волыни и Украйнѣ волненій [1]), и потому я вынужденъ былъ (на основаніи разрѣшенія, положеннаго въ уставѣ гл. 4, п. 8 въ концѣ) уполномочить къ тому ректоровъ, проректоровъ и префектовъ,

---

[1]) Сущность и характеръ волненій 1789 года, точнѣе польскаго террора этого времени на Волыни и Украйнѣ, достаточно раскрыты въ запискахъ современника, грекоуніатскаго архипресвитера Өеодосія Бродовича (напеч. въ *Чтеніяхъ импер. общества ист. и древностей россійскихъ* за 1869 г. кн. I и II). Такія мѣры, какъ закрытіе всѣхъ русскихъ церковныхъ школъ, исключеніе русскаго языка изъ программы среднихъ школъ, принужденіе базиліанскихъ монаховъ устранять въ своихъ школахъ восточные праздники, стѣсненіе восточнаго богослуженія, проэктъ полнаго уничтоженія восточнаго, славянскаго богослуженія въ предѣлахъ Волыни, появившійся на сеймахъ въ 1787 году, могли и сами по себѣ вызвать въ русскомъ населеніи глубокій ропотъ. Поляки отвѣчали на этотъ ропотъ жестокими казнями священниковъ и крестьянъ, арестомъ православнаго епископа, поголовнымъ преслѣдованіемъ уніатовъ и православныхъ жителей.

извѣстныхъ пресвѣтлой коммисіи своими способностями и заслугами. Эти лица исполнили за меня мои обязанности. Одно лицо не могло бы выручить меня, не подвергшись той опасности, которая принудила меня вернуться изъ Люблина въ Краковъ; поэтому я раздѣлилъ мои обязанности между нѣсколькими лицами, которыя, визитуя сосѣднія, ближайшія къ нимъ школы, могли-бы быть спокойными въ дорогѣ за свою жизнь и болѣе соотвѣтственно удовлетворить интересамъ обученія".

Лица, которымъ порученъ осмотръ.

I. Я самъ осмотрѣлъ школы: краковскія, люблинскія и сандомірскія.

II. Ксендзъ Вжещъ, каѳедральный каноникъ кіевскій и каменецкій, ректоръ украинскаго округа, осмотрѣлъ школы: кременецкія, винницкія, каменецкія, шарогродскія и барскія.

III. Ксендзъ Трефлеръ, холмскій каѳедральный каноникъ (каѳедры римско-католической), ректоръ малопольскаго округа, осмотрѣлъ только школы холмскія.

IV. Ксендзъ Свѣбоцкій, пробощъ кременецкій, ректоръ волынскаго округа, осмотрѣлъ школы межирѣчскія и острожскія.

V. Ксендзъ Одынецъ, кіевскій каѳедральный каноникъ, депутатъ въ коронномъ трибуналѣ, проректоръ житомірскій, осмотрѣлъ школы: житомірскія, любарскія и каневскія.

VI. Ксендзъ Брошнёвскій, луцкій проректоръ, осматривалъ школы: луцкія, олыцкія и владимірскія.

VII. Ксендзъ Соболевскій, кіевскій каѳедральный каноникъ, эмеритъ, осматривалъ только школы овручскія.

VIII. Г. Кубешевскій, префектъ винницкій, нынѣ проректоръ сандомірскій, осматривалъ только школы уманскія".

„Каждому изъ этихъ избранныхъ (subdelegowanych) мною визитаторовъ я послалъ инструкцію, составленную приспособительно къ общимъ для всѣхъ школъ и къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ этой инструкціи я помѣстилъ рѣшенія пресвѣтлой коммисіи и порученія главной школы. Возникавшія въ разныхъ школахъ затрудненія я устранялъ посредствомъ постоянной корреспонденціи".

„Здѣсь надлежало-бы описать способъ осмотра школъ; но такъ какъ каждый изъ визитаторовъ употреблялъ такой способъ, который признавалъ наилучшимъ, то я дамъ о немъ отчетъ послѣ изложенія самаго осмотра".

ИЗЛОЖЕНІЕ ОСМОТРА[1])

Округъ волынскій.

Школы кременецкія[2]), *академическія, о шести учителяхъ.*

Ректоръ окружной ксендзъ Лука Свѣбоцкій, пробощъ кременецкій.
Префектъ г. Каспаръ Лучевскій, докторъ философіи.
Учителя: I класса—ксендзъ Францишекъ Мысловскій,
II „ ксендзъ Венедиктъ Кшешъ,
Краснорѣчія—г. Іосафатъ Висѣкерскій,
Математики—г. Карлъ Мировскій,
Физики—г. Матвѣй Оцвѣсевскій,
Права—г. Антоній Ярковскій.
Преподаватели (metrowie): нѣмецкаго языка—г. Гентцъ и французскаго языка—начинающихъ—г. Антоній Ярковскій, профессоръ права, и успѣвающихъ (postępującycb)—г. Карлъ Мировскій, профессоръ математики.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Вжещемъ, начатъ 20, оконченъ 29 іюля.

Сущность рапорта его.

Школьныя записи (xięgi rządowe) всѣ найдены мною въ порядкѣ. Я поручилъ завести книгу протоколовъ съ изложеніемъ въ нихъ учительскихъ (мѣсячныхъ) рапортовъ объ ученикахъ.

---

[1]) Опускаемъ осмотръ школъ краковскихъ, сандомірскихъ и люблинскихъ и ограничиваемся школами, находившимися среди сплошнаго русскаго населенія.

[2]) Въ Кременцѣ первоначально существовала іезуитская коллегія, устроенная около 1720 года, на иждивеніи князя Януша Антона Вишневецкаго. По закрытіи іезуитскаго ордена, коммисія просвѣщенія преобразовала эту коллегію въ подокружныя школы, оставивъ въ нихъ часть профессоровъ—іезуитовъ, а съ 1783 г. въ окружныя. Іезуиты содержали при своей коллегіи два конвикта, одинъ для дѣтей убогой шляхты, другой для новокрещенныхъ или ихъ дѣтей. Оба эти конвикта помѣщались въ двухъ различныхъ зданіяхъ. Коммисія просвѣщенія соединила эти два конвикта въ одинъ, назначивъ въ немъ всѣ вакансіи для бѣдныхъ шляхетскихъ дѣтей. Зданіе коллегіи отведено подъ квартиры учителей. Послѣ присоединенія Волыни къ Россіи (1792), кременецкія школы поступаютъ подъ покровительство извѣстнаго Θаддея Чацкаго и, по преобразованіи ихъ въ лицей, служатъ образцомъ и руководителемъ обученія во всѣхъ школахъ Волыни и Украйны до 1830 года (Historya szkół—Лукашевича, т. 4. Здѣсь собраны историческія свѣдѣнія о всѣхъ школахъ, бывшихъ въ Польшѣ. Эти свѣдѣнія во многомъ расходятся съ указаніями, разсѣянными въ извѣстной: Starożytna Polska —Балинскаго и Липинскаго. Но Лукашевичъ безпристрастнѣе послѣднихъ авторовъ и располагалъ большимъ количествомъ матеріаловъ).

Личныя бесѣды (rozmowe osobiste т. е. съ каждымъ изъ служащихъ наединѣ). Изъ нихъ я узналъ: 1) что ректоръ непріятенъ учителямъ, а еще болѣе нѣкоторые учители ректору. (Заявляли) будто ректоръ, будучи вмѣстѣ и пробощемъ, не заботился о благѣ и цѣлости учебнаго заведенія (zgromadzenia), исходатайствовалъ, во вредъ ему, разрѣшеніе пресвѣтлой коммисіи на отдачу финансовымъ чиновникамъ нѣкоторой части дома и флигелей, особенно-же каменныхъ конюшенъ, въ чемъ я вижу большую со стороны ректора ошибку и небрежность (и—нетолько какъ ректора, но и какъ пробоща), такъ какъ онъ не взвѣсилъ, какія изъ этихъ частей дома и флигелей могли быть уступлены, а какія необходимо было оставить въ пользованіи учебнаго заведенія; 2) желанія служащихъ лицъ, о которыхъ скажу въ особой главѣ.

Богослуженіе исполняется по уставу (учебному) въ присутствіи префекта и учителей. О проповѣдникѣ свидѣтельствуютъ, что онъ лучше того, который былъ избранъ въ прошломъ году.

Домъ, училищныя комнаты. Наибольшей починки требуютъ: 1) двѣ башенки—одна надъ училищными воротами, другая надъ коллегіей; 2) значительная часть покрышки надъ помѣщеніемъ ректора и библіотеки; 3) покрышка на башняхъ костела, на зданіяхъ коллегіи и школъ; 4) необходимо исправить крышу на всѣхъ этихъ зданіяхъ, замѣнивъ мѣстами старый матеріалъ новымъ; 5) необходимо снять штукатурку со сводовъ двухъ верхнихъ корридоровъ, въ которыхъ образовались такія трещины, что изъ нихъ выпадаютъ кирпичи,—необходимо затѣмъ положить на нихъ новую штукатурку съ гипсомъ и побѣлить, для того чтобы убѣдиться (a to dla doświadczenia), не будутъ-ли своды еще больше расходиться (!). Если бы это оказалось, въ такомъ случаѣ необходимо будетъ разобрать всѣ своды въ корридорахъ коллегіи верхнихъ и нижнихъ. На всѣ починки, показанныя въ пяти пунктахъ, тщательныя и неотложныя, я призналъ необходимою сумму 4000 (злотыхъ). Въ коллегіи я лично осмотрѣлъ всѣ мѣста подъ крышей, а о зданіи школъ я совѣщался съ ректоромъ и всѣми служащими. Относительно производства этихъ починокъ я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) дабы онѣ, какъ неотложныя, немедленно въ слѣдующемъ мѣсяцѣ начаты были и окончены къ ноябрю и чтобы донесено было главной кассѣ[1]) или объ исполненіи

[1]) Финансовая часть вѣдомства просвѣщенія организована была по уставу 1783 года такимъ образомъ:

починки, или о причинахъ неисполненія нѣкоторыхъ частей ея; 2) дабы нанятъ былъ способный человѣкъ, съ платой 100 злотыхъ за эти три мѣсяца, для попеченія о починкахъ, т. е. для пріискаія матеріаловъ и мастеровыхъ, если бы оныхъ на мѣстѣ не оказалось, и для присмотра за ними во время работъ; 3) упросилъ г. префекта Лучевскаго принять на себя трудъ выдавать плату мастеровымъ и вести вѣдомость о расходахъ какъ на нихъ, такъ и на матеріалы, и 4) дабы отчетъ въ суммахъ, которыя для этой цѣли будутъ отпускаемы по частямъ ксендзомъ-ректоромъ, по окончаніи починокъ и по заключеніи всѣхъ расходовъ отосланъ былъ при рапортѣ въ главную кассу.

Sarta tecta[1]). Эти обширныя и видныя зданія школъ и коллегіи стоятъ самаго заботливаго храненія и поддержки. Осмотрѣвъ всѣ классы, корридоры, квартиры учителей, склады и флигеля, освидѣтельствовъ въ нихъ печи, окна, рамы, двери, замки, скамьи, полы, лѣстницы и крыши, я нашелъ, что на ежегодную починку всѣхъ этихъ предметовъ необходимо до 1000 злотыхъ, и призналъ эту сумму за *sarta tecta*. Кромѣ того, необходимо назначить 200 злотыхъ на содержаніе сторожа для присмотра за состояніемъ воротъ, дверей, оконъ, крышъ, дымовыхъ трубъ и цѣлаго зданія, равно какъ для своевременнаго пріисканія мастера, который тотчасъ поправилъ-бы, что окажется испорченнымъ, дабы предупредить большіе расходы на поправку, какіе доселѣ вызывались.

---

1) „Кромѣ общей (главной) кассы коммисіи просвѣщенія въ Варшавѣ, учреждаются кассы провинціальныя подъ надзоромъ ректоровъ или проректоровъ“.

2) „Каждому ректору или проректору назначенъ будетъ особый округъ, въ предѣлахъ котораго всѣ владѣльцы и арендаторы имѣній или суммъ фундушевыхъ обязаны вносить на ихъ руки, дважды въ годъ, т. е. въ день Трехъ Царей (6 генв.) и въ день св. Іоанна Крестителя (24 іюня), проценты, назначенные въ эдукаціонный фундушъ. Складъ этихъ доходовъ составляетъ провинціальную кассу, а ректоръ или проректоръ поэтому будетъ провинціальнымъ кассиромъ“.

3) „Послѣ каждаго взноса, ректоръ долженъ донести главной кассѣ, всѣ-ли проценты получены имъ или нѣтъ“.

4) „Неисправныхъ плательщиковъ онъ будетъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ“.

5) „Долженъ содержать кассу въ самомъ безопасномъ мѣстѣ. При ней должны быть два замка, отъ которыхъ ключи будутъ храниться одинъ у ректора, другой у префекта“ и т. д. (глава X).

[1]) *Sarta tecta*, — *починенныя*, или *исправленныя зданія*. На юридическомъ средневѣковомъ языкѣ это выраженіе относилось къ суммѣ, признанной необходимою для того, чтобы зданія находились всегда въ исправности.

Провинціальная касса и жалованье служащихъ. Жалованье выдано служащимъ своевременно[1]). Касса находится подъ двумя замками. Наличность ея я посчиталъ, книги свѣрилъ со счетами главной кассы; всѣ суммы имѣются сполна, недостаетъ только 101 зл. къ суммѣ, значащейся по счетамъ въ остаткѣ.

Число учениковъ 463[2]).

Посѣщеніе классовъ. Испытаніе учениковъ по всѣмъ предметамъ продолжалось два дня по 4 часа, утромъ и пополудни. Кромѣ того, публичное испытаніе, совпавшее съ пріѣздомъ моимъ и удостоенное присутствіемъ всѣхъ пріѣзжихъ (время сеймиковъ) и живущихъ въ Кременцѣ господъ и дамъ, продолжалось 4 часа. Я и всѣ присутствующіе остались совершенно довольны охотою, живостью и находчивостью учениковъ, показанными на этомъ испытаніи.

Награды для наиболѣе успѣвающихъ. На основаніи тщательнаго испытанія и единогласнаго мнѣнія учителей, подтвержденнаго ректоромъ, удостоены патентовъ, о которыхъ будетъ сказано въ концѣ рапорта (такъ какъ медали[3]) еще не получены), на золотую медаль благородный панъ Іосифъ Джевицкій, кременецкій подкоморжичъ, ученикъ VI класса, на серебряныя медали: Евсевій Словацкій, ученикъ V класса, и Іосифъ Лагановскій, кременецкій честниковичъ, ученикъ IV класса.

[1]) Жалованье служащимъ до 1790 года отпускалось по полугодіямъ, а не помѣсячно, что повсюду возбуждало большой ропотъ.

[2]) Кременецкіе іезуиты пользовались такою привязанностью со стороны мѣстной шляхты, что, послѣ закрытія іезуитскаго ордена и передачи кременецкой коллегіи въ вѣдомство коммисіи просвѣщенія, долгое время шляхта не хотѣла отдавать своихъ дѣтей въ новыя школы и въ Кременцѣ бывало незначительное число учащихся. Еще въ 1783 году ихъ было всего 119. Лукашевичъ, не имѣвшій въ своихъ рукахъ визитъ и рапортовъ послѣ этого года, поторопился признать, что во весь этотъ періодъ въ кременецкихъ школахъ не бывало значительнаго числа учениковъ (Historja szkół, т. IV, стр. 103).

[3]) Король Станиславъ Понятовскій, для поощренія учениковъ и возбужденія въ шляхтѣ, любившей внѣшнія отличія, расположенія къ новой системѣ обученія и воспитанія, установилъ награды лучшихъ учениковъ медалями. На каждое окружное училище положены были одна золотая и двѣ серебряныя медали, на каждое подъокружное—только двѣ серебряныя медали. Медали изготовляемы и разсылаемы были на личныя суммы короля и потому назывались иногда въ оффиціальныхъ актахъ *королевскимъ подаркомъ* или *королевскою наградою.*

Иностранные языки преподаваемы были съ значительною пользою для учащихся. Въ видахъ увеличенія пользы отъ уроковъ этихъ языковъ, я сдѣлалъ особое распоряженіе, о которомъ будетъ сказано въ главѣ: „распоряженія“.

Мѣсячные экзамены. Производимы были, какъ установлено, причемъ фамиліи болѣе старательныхъ учениковъ вносимы были въ книгу [1]).

Физическое воспитаніе. Квартиры были посѣщаемы, объ опрятности, общихъ играхъ и упражненіяхъ во время ихъ заботились сообразно съ предписаніями устава. Я назначилъ по шести злотыхъ на уплату унтеръ-офицеру, который будетъ ежегодно въ маѣ приглашаемъ изъ Дубна для обученія учениковъ военной выправкѣ (w mustrze żołnierskiej).

Приходскія школы. Всѣ эти школы посѣщалъ въ этомъ году ксендзъ-ректоръ Свѣбоцкій [2]).

Общій столъ содержится въ этомъ учебномъ заведеніи; завѣдываетъ столомъ провизоръ, избранный на годъ. По недостаточности (суммы на пріобрѣтеніе) хозяйственныхъ принадлежностей собраніе учителей рѣшило принять на общій свой столъ учениковъ, живущихъ въ коллегіи.

Фундушевые ученики. Таковыхъ имѣется 18. Они живутъ въ двухъ особыхъ домикахъ, которые я осмотрѣлъ. Нуждами ихъ и всѣми порядками завѣдываетъ ксендзъ-ректоръ Свѣбоцкій, точно сообразуясь съ постановленіями пресвѣтлой коммисіи. Я провѣрялъ расходы на содержаніе ихъ; счеты посылаются въ главную кассу. Расспрашивая въ педагогическомъ совѣтѣ о прилежаніи и успѣхахъ этихъ учениковъ, я узналъ, что Станиславъ Заѣцкій, ученикъ II класса, пользуясь фундушевымъ содержаніемъ уже четыре года, не оказываетъ ни успѣховъ въ наукахъ, ни способ-

---

[1]) Особая книга, заведенная на этотъ предметъ. Выписки изъ этой книги развѣшиваемы были по классамъ и корридорамъ. Внесенный въ эту книгу получалъ право цѣлый мѣсяцъ носить на своей шляпѣ голубую кокарду. Кто изъ учениковъ получалъ это отличіе цѣлый годъ, тотъ получалъ право носить на шляпѣ своей въ теченіе всего слѣдующаго года кокарду пунцовую (Уставъ 1783 г. гл. XIV, о наградахъ).

[2]) Ректоръ вѣроятно въ этомъ случаѣ обманулъ визитатора. Въ визитѣ 1793 г., произведенной визитаторомъ Треффлеромъ и находящейся въ той-же книгѣ, изъ которой мы заимствовали настоящую визиту, при описаніи кременецкихъ школъ, въ главѣ о приходскихъ школахъ сказано только: „z tych żadnej ani w samym Krzemieńcu, ani w bliskiej okolicy niemasz“. Въ прежнихъ сохранившихся визитахъ тоже не упоминается о приходскихъ школахъ въ районѣ кременецкихъ школъ.

ностей, ни охоты къ ученію, а потому по справедливости долженъ быть лишенъ содержанія. На мѣсто его слѣдовало-бы назначить ученика V класса Филиппа Нѣцѣцкаго, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ и способностямъ и состоящаго нынѣ директоромъ фундушевыхъ учениковъ. Если-бы Залѣскій, не смотря на распоряженіе высшей власти, упорно отказывался (?) подчиниться такому распоряженію, то за это самое долженъ быть лишенъ фундуша и уступить свое мѣсто болѣе способному и цѣнимому товарищу. Между кандидатами на фундушевыя вакансіи находятся слѣдующіе ученики: Валентинъ Канскій, Павелъ Ярковскій, Антоній Малиновскій, Іосифъ Грщецкій, Иванъ Крушковскій; послѣ самыхъ тщательныхъ справокъ о нихъ и о всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, я просилъ ксендза-ректора, дабы на открывающіяся вакансіи представлялъ коммисіи просвѣщенія болѣе способныхъ и достойныхъ изъ нихъ.

Распоряженія. 1) Не предоставлять обученіе иностраннымъ языкамъ усмотрѣнію учениковъ. Всѣ ученики (т. е. желающіе обучаться иностраннымъ языкамъ) трехъ низшихъ классовъ (исключая начинающихъ) обязаны учиться нѣмецкому языку, а ученики трехъ высшихъ классовъ—французскому, причемъ уроки обоихъ языковъ должны быть расположены такимъ образомъ, дабы способные и желающіе могли бы (одновременно) учиться обоимъ языкамъ. 2) Подтверждены прежнія распоряженія о томъ, дабы ученики не были принимаемы въ коллегію на квартиры и общій (съ учителями) столъ. 3) Наемъ флигелей, допущеніе постороннихъ жильцовъ, передѣлки, разборка (какихъ либо частей въ помѣщеніи), починки, постройки, или важныя перемѣны въ нихъ, все это не должно быть производимо безъ вѣдома и согласія ректора. 4) Если-бы по израсходованіи всей суммы, назначенной на *sarta tecta*, потребовались настоятельныя починки, напр. исправленіе въ учительскихъ квартирахъ печей, дверей, оконъ, замковъ, въ такомъ случаѣ расходъ произвести изъ экстраординарной суммы неотложно. 5) Кромѣ префекта, никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ наблюденіе за исполненіемъ ректорскихъ распоряженій относительно фундушевыхъ учениковъ, наиболѣе успѣвающихъ учениковъ и директоровъ. 6) Если ко дню св. Михаила [1]) не будетъ готово такъ необходимое для

[1]) 29 сент., по католическому календарю, день архангела Михаила.

погребенія умершихъ кладбище, устройство котораго предписано пресвѣтлою коммисіей, то ксендзъ-ректоръ обязанъ донести ей о причинахъ и препятствіяхъ къ исполненію этого предписанія.

Засвидѣтельствованіе объ исполненіи распоряженій, сдѣланныхъ по прошлогодней ревизіи. Всѣ исполнены, кромѣ пункта втораго — относительно недопущенія учениковъ къ общему столу (учительскому) и пункта десятаго—относительно записыванія лицъ, жертвующихъ опредѣленныя суммы на поминовеніе благодѣтелей (школъ). Что касается перваго пункта относительно ношенія установленной формы, то онъ какъ нигдѣ, такъ и здѣсь не исполняется. Не понятно, почему учители, которые здѣсь почти всѣ свѣтскіе люди, должны носить длинную черную одежду. Что касается причудливой прически (wymyślnych fryzur) [1]), о которой говоритъ инструкція настоящаго года, то здѣсь даже нѣтъ такихъ парикмахеровъ, которые съумѣли бы сдѣлать ее.

Я нашелъ, что фундушевые ученики порядочно и заботливо содержатся, но есть жалобы на распорядителя за опаздываніе въ снабженіи обувью, отчего ученики опускали уроки. Я потребовалъ большей исправности въ этомъ дѣлѣ.

Присовокупляю къ этому донесенію коротко, что нашедши все въ цѣлости и въ надежномъ состояніи (?), въ школахъ спокойствіе, въ составѣ учительскомъ доброе поведеніе, въ обученіи старательность и надлежащую постановку, не встрѣтивъ никакого новаго въ этомъ году случая или факта недоразумѣній между служащими, я рѣшился ограничиться тѣми предостереженіями и напоминаніями, которыя заключались въ моей рѣчи, произнесенной при заключеніи осмотра, и въ которыхъ я видѣлъ необходимую нужду. Пускай эта рѣчь (о возможномъ согласіи и единомысліи между служащими) замѣнитъ собою изложеніе разладицы и внутренняго управленія этого собранія учащихъ. Не осуждая окончательно ректора, нельзя и извинять его. Пресвѣтлая коммисія показа бы наилучшую заботу объ учителяхъ и о немъ самомъ, если бы, по окончаніи послѣдняго года его службы, давши ему награду, замѣстила эту ректорскую должность болѣе исправнымъ и болѣе способнымъ лицомъ.

Желанія. 1) Служащіе усиленно просятъ—и просьба ихъ справедлива,—дабы отобраны были отъ скарбоваго кассира ка-

---

[1]) Разумѣется парикъ, который коммисія просвѣщенія старалась пріобщить къ атрибутамъ академической формы.

менныя конюшни, находящіяся въ концѣ усадьбы и которыхъ нельзя отдѣлить (отъ усадьбы), и чтобы этотъ же кассиръ очистилъ комнату во второмъ этажѣ, доселѣ занимаемую имъ. Послѣдній отказался исполнить это, не смотря на предъявленныя ему, во время ревизіи, постановленіе пресвѣтлой коммисіи и данную мнѣ инструкцію,—отказался освободить крыльцо, которое онъ превратилъ изъ прекрасной галлереи въ сѣни жидовской школы, обрушивъ на немъ всѣ прекрасныя архитектурныя украшенія, наконецъ (отказался прекратить) всякое сообщеніе съ домомъ и съ дворомъ учебнаго заведенія. Кассиръ г. Барбевскій —человѣкъ вспыльчивый, невѣжливый, дикій, съ которымъ, какъ я самъ это видѣлъ, нельзя и трехъ словъ сказать безъ потасовки (trzech słów mówić nie można bez pięści i czubów) [1].

2) Г. Карлъ Мировскій, учитель математики, хорошо зарекомендовавшій себя и преподаваніемъ, и стараніемъ, и поведеніемъ, обучающій также и французскому языку, окончивъ уже пятилѣтній срокъ обязательной учительской службы, проситъ, чтобы главная школа ходатайствовала о зачисленіи ему одного года службы при секретарѣ главной школы, въ качествѣ его помощника, такъ какъ это было обѣщано ему въ то время.

3) Ксендзъ Францишекъ Мысловскій, учитель 1 класса, бывшій эмеритъ, а въ прошломъ году вновь принявшій должность учителя, чтобы пріобрѣсти большее благорасположеніе со стороны пресвѣтлой коммисіи, такъ какъ онъ содержитъ при себѣ престарѣлаго отца, снова проситъ назначить ему эмеритальную пенсію.

Окончаніе осмотра. Я отдалъ справедливую честь труду учителей, которую я признавалъ за каждымъ изъ нихъ, внимательно наблюдая на урокахъ и на экзаменахъ учениковъ, видѣлъ должное (nienaganne) поведеніе ихъ, — они не дали мнѣ никакого повода отнять у нихъ эту честь.

Перемѣны. На мѣсто ксендза Францишка Мысловскаго, который проситъ для себя эмеритальной пенсіи, поступилъ г. Фран-

---

[1]) Это далеко не единственный примѣръ самоуправства и самодурства шляхтичей и чиновниковъ въ дѣлахъ школьныхъ. При отобраніи отъ іезуитовъ зданій, принадлежавшихъ ордену ихъ, повсюду явились охотники пользоваться какимъ-либо зданіемъ или квартирою въ нихъ, подъ разными предлогами и безъ всякихъ предлоговъ. Многихъ изъ такихъ непрошенныхъ жильцовъ нельзя было выжить до послѣдняго раздѣла Польши.

цишевъ Тецлавъ, кандидатъ [1]), на мѣсто г. Сярковскаго—г. Старновскій изъ Житомира.

Добавленіе отъ лица визитатора, уполномоченнаго главною школой. Предостереженія, данныя ксендзомъ Бжещомъ, принесли плоды. По донесенію его, теперь это учебное заведеніе наслаждается спокойствіемъ. Будущая визитація наилучше увѣдомитъ объ этомъ пресвѣтлую коммисію.

Каменецкія [2]) подъокружныя школы, академическія, о шести учителяхъ.

Проректоръ г. Непомукъ Тылковскій, докторъ философіи.
Учитель I класса г. Матвѣй Звіовчковскій.
„ II „ ксендзъ Андрей Кобылинскій.
„ краснорѣчія ксендзъ Николай Барановскій, каменецкій каѳедральный каноникъ.
„ математики г. Каетанъ Цишевскій.
„ физики г. Матвѣй Каспровичъ.
„ права ксендзъ Янъ Полячкевичъ, докторъ философіи.
Проповѣдникъ—ксендзъ Андрей Богдановичъ.
Преподаватели: французскаго языка—ксендзъ Николай Барановичъ, учитель краснорѣчія.
„ нѣмецкаго языка—ксендзъ Я. Полячкевичъ, учитель права, безплатно.

Осмотръ производилъ ксендзъ Бжещъ, ректоръ украинскихъ школъ. Осмотръ начатъ 11, оконченъ 17 іюля. Вотъ что пишетъ онъ въ своемъ рапортѣ.

---

[1]) Кандидатъ т. е. рѣшившійся посвятить себя учительской службѣ и назначенный къ поступленію въ педагогическую семинарію. Весьма часты примѣры, что, по недостатку учителей — *академиковъ*, назначаемы были на учительскія должности кандидаты и затѣмъ, въ силу своей учительской практики, утверждаемы были въ должностяхъ.

[2]) Въ Каменцѣ школы основаны іезуитами, въ началѣ XVII вѣка, по приглашенію каменецкаго римско-католическаго епископа Яна-Андрея Прохницкаго. Зданія построены были на иждивеніи: старосты снятынскаго Николая Язловецкаго, старосты скальскаго Станислава Ланцкоронскаго и старосты каменецкаго Валентина-Александра Калиновскаго. Въ содержаніи іезуитскихъ школъ приняла участіе вся шляхта каменецкаго повѣта, о чемъ постановила на сеймикѣ 1611 года. Скоро іезуиты преобразовали эти школы въ коллегію, съ преподаваніемъ въ ней философіи и богословія. По завоеваніи Каменца турками въ 1672 г., іезуитскій костелъ обращенъ въ мечеть фаворитки султана. При Августѣ II, послѣ возвращенія Каменца Польшѣ, іезуиты снова вернулись въ свои зданія и снова открыли въ нихъ коллегію. Коммисія просвѣщенія преобразовала коллегію въ подъокружныя школы, но въ уваженіе многочисленности учениковъ и къ значенію бывшей коллегіи, назначила для нихъ штатъ окружныхъ школъ

Школьныя записи. Всѣ ведутся и хранятся въ порядкѣ; какихъ прежде не было, тѣ теперь заведены.

Богослуженіе во всемъ надлежаще исполняется.

Домъ, костелъ, училищныя комнаты. Весь домъ разваливается и не годенъ къ починкѣ. Въ костелѣ только стѣны прочны, своды ненадежны, съ течью, крыши и всѣ связи потребовали-бы большихъ, но напрасныхъ расходовъ на поправку. Въ зданіи школъ все разваливается; крыша, печи, лавки, особенно потолки, уже обваливающіеся; въ сѣверной стѣнѣ образовалась трещина въ полторы четверти (локтя); камины разваливаются. Домъ этотъ, совершенно негодный для жилья и нестоющій починки, долженъ еще послужить нѣкоторое время; для того, чтобы онъ могъ еще просуществовать, я призналъ необходимымъ возвысить *sarta tecta* съ 400 на 1000 злотыхъ.

Касса провинціальная. Жалованье всѣми получено своевременно. Остаточная сумма въ цѣлости. Касса хранится за двумя замками.

Число учениковъ 312.

Посѣщеніе классовъ. Лекціи идутъ точно, по планамъ учебниковъ. Испытаніе учениковъ изъ всѣхъ предметовъ происходило въ теченіе двухъ дней по 4 и по 5 часовъ, утромъ и послѣ полудня. Кромѣ того, я присутствовалъ на публичномъ экзаменѣ, произведенномъ во время моего пребыванія здѣсь и продолжавшемся 4 часа. На этомъ экзаменѣ присутствовали два епископа, капитулъ и духовенство обоихъ обрядовъ [1]), весь гарнизонъ и всѣ дамы высшаго круга. Я и всѣ присутствовавшіе остались вполнѣ довольны живостью, стараніемъ и сознательностью учениковъ, показанной въ отвѣтахъ ихъ.

Награды. На основаніи тщательнаго испытанія и единогласнаго мнѣнія гг. учителей, одобреннаго г. проректоромъ, удостоены патентовъ на награды: золотою медалью—г. Іосифъ Протасевичъ, ученикъ VI класса, серебряными медалями—г. Матвѣй Шиманскій, ученикъ V класса и г. Ѳаддей Каменскій, сынъ камергера его королевской милости, ученикъ IV класса.

Директоры. Ихъ было 30, изъ нихъ старательнѣйшихъ 12. Совѣщанія съ ними бываютъ, надзоръ за ними бдительный.

Иностранные языки. Французскому языку учитъ, съ большою пользою, ксендзъ Барановичъ, учитель краснорѣчія. Обучается

[1]) Т. е. римско-католическаго и греко-уніатскаго.

этому языку 50 учениковъ. Нѣмецкому языку началъ обучать въ этомъ году, по просьбѣ обывателей и г. проректора, ксендзъ Янъ Поляшкевичъ, учитель права, безъ всякой платы; обучается этому языку 70 учениковъ, которые весьма успѣваютъ въ немъ. Я предоставилъ г. проректору Тылковскому рѣшить дѣло о назначеніи въ слѣдующемъ году вознагражденія за этотъ трудъ, сообразно положенію о преподавателяхъ иностранныхъ языковъ[1]).

Мѣсячные экзамены производимы были, какъ предписано; фамиліи учениковъ, найболѣе успѣвающихъ, вносимы были въ книгу.

Физическое воспитаніе. Г. проректоръ тщательно осматриваетъ квартиры, заботится объ опрятности учениковъ, посѣщаетъ больныхъ. Изъ тѣлесныхъ упражненій главными служатъ теперь военныя экзерциціи; хорошо обученныхъ имѣется до 50. Руководитъ этими играми унтеръ-офицеръ гренадерскаго полка. Этотъ унтеръ-офицеръ долженъ нанимать за себя въ полку (на время его отсутствія), а потому нельзя платить ему меньше 6 злотыхъ, тѣмъ болѣе, что число учениковъ, участвующихъ въ этихъ играхъ, постоянно увеличивается.

Приходскія школы. Есть одна школа въ Купинѣ, въ пяти миляхъ отъ Каменца, состоящая въ вѣдѣніи о. о. кармелитовъ. Элементарныхъ книгъ (т. е. изданныхъ коммисіей просвѣщенія) не употребляютъ въ ней, рапортовъ объ ученикахъ и обученіи не представляютъ. Я просилъ г. проректора, чтобы онъ настоятельно требовалъ всего этого.

Фундушевые ученики. Имѣется ихъ 11. На мѣсто выбывшаго т. Іосифа Бжескаго, о чемъ г. проректоръ своевременно донесъ пресвѣтлой коммисіи, по мнѣнію моему и г. проректора, никто болѣе не отвѣчаетъ требованіямъ устава пресвѣтлой коммисіи о кандидатахъ на фундушевое содержаніе, чѣмъ ученикъ I класса Каетанъ Каменскій, имѣющій 10 лѣтъ отъ роду. Квартируютъ въ трехъ комнатахъ, нанятыхъ въ городѣ; имѣютъ двухъ директоровъ: Матвѣя Шиманскаго и Василія Грововича, весьма старательныхъ. Всѣ обучаются языкамъ французскому и нѣмецкому, всѣ хорошаго поведенія и способностей. Всѣ нужды ихъ удовлетворены. Вѣдомости о расходахъ, произведенныхъ на содержаніе

---

[1]) Уставъ 1783 г. допускалъ назначеніе жалованья преподавателямъ (metram) иностр. языковъ изъ учебныхъ суммъ только въ важнѣйшихъ городахъ (po samych tylko principalnych prowincyi miastach), въ остальныхъ ученики оплачивали этихъ преподавателей по таксѣ, составленной проректоромъ.

ихъ, мною разсмотрѣны и отосланы въ главную кассу. За старательный и надлежащій надзоръ за этими учениками, соображаясь съ состояніемъ отпущенныхъ на содержаніе ихъ суммъ, я опредѣлилъ выдать изъ этихъ суммъ г. проректору въ награду 400 злотыхъ и конвикторамъ 500 злотыхъ.

Общій столъ въ этомъ году содержится. Мною объявлено распоряженіе пресвѣтлой коммисіи объ отпускѣ 300 злотыхъ изъ экстраординарныхъ суммъ на хозяйственныя принадлежности (стола).

Распоряженія. 1) Если ксендзъ Ижицкій откажется исполнить рѣшеніе пресвѣтлой коммисіи объ очищеніи имъ квартиры предъ первымъ числомъ сентября текущаго года, въ такомъ случаѣ онъ лишается эмеритальной пенсіи. 2) Кто изъ учителей выѣдетъ на продолжительное время самовольно, безъ позволенія г. проректора, что случалось, о томъ донести главной школѣ съ первой почтой, а классъ его соединить съ сосѣднимъ; затѣмъ, если-бы онъ даже во время явился, не долженъ быть допускаемъ къ своей должности до полученія распоряженія главной школы, какъ не повинующійся ясно выраженному опредѣленію своей обязанности [1]) и своему мѣстному начальству. 3) На основаніи разрѣшенія пресвѣтлой коммисіи, г. проректоръ долженъ уплатить г. Касперовичу, учителю физики, стоимость электрической машины, полученной для кременецкаго (школьнаго) кабинета. 4) Такъ какъ по-іезуитская аптека въ Каменцѣ, отъ которой отказался аптекарь, не приноситъ никакой пользы эдукаціонному фундушу, то пресвѣтлая коммисія назначитъ аптечныя принадлежности въ продажу съ торговъ. Помѣщенія аптеки, въ случаѣ собраніе (служащихъ въ школахъ) признаетъ не нужными (для школъ), должны быть отданы въ наемъ, съ обязанностію починки, и наемная плата должна быть причислена къ фундушевому капиталу. 5) Не воспрещается фундушевымъ ученикамъ имѣть какое-либо платье и другіе предметы отъ родителей, но ни они, ни родители не могутъ требовать за это вознагражденія (изъ фундушевыхъ суммъ), кромѣ того, что дается всѣмъ ученикамъ.

Желанія. Учитель 1 класса г. Заіончковскій проситъ объ увольненіи его отъ обязательной учительской службы, обязываясь

---

[1]) Уставъ 1783 года, глава XIV, п. 7.

возвратить двухлѣтнее жалованье свое 700 злотыхъ [1]. Такъ какъ онъ отличался всѣми достоинствами усерднаго учителя и заслуживаетъ уваженія, то я полагалъ бы справедливымъ (исполнить просьбу его) и этой милостью поощрить добрыя начинанія его.

Окончаніе осмотра. Прежде всего я отдалъ справедливую честь и выразилъ благодарность г. проректору Тылковскому за самое тщательное и всестороннее исполненіе всѣхъ обязанностей по своей должности, потомъ — гг. учителямъ за значительные успѣхи учениковъ, показанные ими какъ на визитаторскихъ, такъ и на публичномъ экзаменахъ.

Перемѣнъ въ составѣ учителей не было.

Луцкія [2] подъокружныя школы, академическія, о трехъ учителяхъ.

Проректоръ ксендзъ Эдмундъ Попель-Брошніовскій, докторъ богословія и философіи.

Учители: 1 класса г. Матвѣй Трушинскій,
" математики и физики г. Войцѣхъ Ярковскій,
" краснорѣчія и права г. Янъ Навроцкій,
проповѣдникъ—доминиканинъ.

---

[1] Т. е. получаемое сверхъ 650 злотыхъ въ годъ, уплачиваемыхъ или высчитываемыхъ на общій столъ. Заіончковскій очевидно былъ стипендіатомъ учебнаго заведенія въ главной школѣ, за что, по уставу, долженъ былъ обязательно прослужить въ должности учителя шесть лѣтъ. Въ средѣ шляхтичей, гордившихся своею вольностію и независимостью, эти молодые учители преслѣдовались остротами и насмѣшками и чувствовали себя точно крѣпостными, продавшими свою свободу, а не „вольными шляхтичами". Отсюда стремленіе поскорѣе освободиться отъ этого состоянія.

[2] Луцкія школы преобразованы изъ поіезуитской коллегіи, учрежденной въ началѣ XVII вѣка и утвержденной Сигизмундомъ III въ 1609 г. Коллегія щедро одарена была мѣстною шляхтою, недавними русскими православными фамиліями: Четвертинскимъ Андреемъ, Чарторыйскимъ Николаемъ, Вишневецкимъ Георгіемъ и др., и іезуиты скоро могли открыть въ ней преподаваніе высшихъ наукъ — философіи и богословія. По закрытіи іезуитскаго ордена, коммисія просвѣщенія, ради первенствующаго въ то время значенія Луцка на Волыни, намѣревалась открыть, вмѣсто коллегіи, окружныя школы, но въ 1780 г. пожаръ истребилъ всѣ по-іезуитскія зданія, а предложенное мѣстнымъ капитуломъ зданіе представляло удобство только для помѣщенія трехклассной школы. Мѣстная шляхта постоянно роптала на приниженіе Луцка по школамъ предъ Кременцомъ, даже предъ Каменцомъ и Владиміромъ, и постоянно хлопотала о возведеніи луцкихъ школъ въ окружныя и шестиклассныя, но не успѣла въ томъ. Но что въ луцкихъ школахъ не былъ преподаваемъ французскій языкъ, въ этомъ очевидно всего болѣе виновата сама мѣстная шляхта.

Осмотръ этихъ школъ производилъ ксендзъ Эдмундъ Брошніовскій[1]), мѣстный проректоръ, который началъ его 1-го, окончилъ 4-го іюля. Выписывается изъ рапорта его слѣдующее.

Число учениковъ. Въ этомъ году было ихъ 165, но, вслѣдствіе замѣшательствъ и поступленія нѣкоторыхъ въ военную службу, это число уменьшилось до 144.

Посѣщеніе классовъ. Послѣ (обычной) рѣчи къ учителямъ, я началъ осмотръ съ 1 класса, продолжавшійся три съ половиною часа. Вопросы предлагаемы были мною и учителями высшихъ классовъ прежде всего по закону Божію, потомъ по священной исторіи, географіи, грамматикѣ, ариѳметикѣ. Ученики показывали тетради чистописанія, значительное число ихъ довольно хорошо начинаютъ писать. Испытаніе втораго класса продолжалось 4 часа. Въ теченіе этого времени, ученики рѣшали задачи ариѳметическія и алгебрическія, доказывали геометрическія положенія и практическія примѣненія ихъ, для чего излагали способы измѣренія мѣстностей, съ помощью столбиковъ, веревокъ, циркула, астролябіи и геометрическаго столика. По исторіи огородничества (естественной?) излагали способы разведенія растеній, различные способы устройства огородовъ, полезныя свойства нѣкоторыхъ мѣстныхъ травъ. По латинской прозѣ и поэзіи приводили примѣры (на правила), дѣлали переводы. По наукѣ нравственности, исторіи Персіи, Ассиріи и Греціи излагали преподан-

---

1) Въ наше время страннымъ казалось-бы поручать начальнику какого-либо учрежденія ревизію этого учрежденія, т. е. ревизовать и самого себя. Не то было время, когда поляки, устрашенные послѣдствіями шляхетской вольницы и неуваженія къ закону и соблазнившись примѣромъ Пруссіи, обязанной будто-бы своимъ благополучіемъ точности и аккуратности въ исполненіи закона, бросились во всѣхъ учрежденіяхъ подражать пруссакамъ и, по неопытности въ этомъ дѣлѣ, попали въ крайность, заботясь главнымъ образомъ о формѣ и буквѣ закона,—зло, развитое въ особенности, послѣ одиннадцатилѣтняго подчиненія Пруссіи (1796—1806 г.), администраціей варшавскаго герцогства (Dzieje xięstwa warszawskiego, przez Fryderyka hr. Skarbka. Poznań, 1860). Въ настоящемъ случаѣ поводъ къ назначенію луцкаго проректора ревизоромъ луцкихъ-же школъ представляли тогдашнія народныя волненія на Волыни, точнѣе страхъ ожидаемаго народнаго возстанія, учрежденіе въ Луцкѣ слѣдственной коммисіи надъ заговорщиками (мнимыми), множество казней и истязаній, сосредоточеніе въ Луцкѣ войскъ, терроризація сосѣднихъ мѣстностей, по которой казалось небезопаснымъ постороннему лицу пробираться въ Луцкъ. Но установленная ежегодная „генеральная визита" должна же быть исполнена... Благо, ксендзъ Попель-Брошніовскій удачно воспользовался своею нежданною ролью и его *визита* луцкихъ школъ обстоятельнѣе и полнѣе всѣхъ другихъ, находящихся въ томъ-же рапортѣ генеральнаго визитатора.

ныя имъ свѣдѣнія. Испытаніе III класса продолжалось 4½ часа. Причиною этой продолжительности его были: обширность учебнаго матеріала и уменьшеніе охоты къ ученію въ значительной части учениковъ старшаго класса, какъ это стало обыкновеннымъ во всѣхъ школахъ. Отвѣты по краснорѣчію, римской исторіи, праву, изъ математическихъ наукъ по солидометріи, практической геометріи, физикѣ, домашнія упражненія и образцы рисованія дали доказательства пользы, полученной учениками отъ этихъ наукъ.

Иностранные языки. Въ этихъ трехклассныхъ школахъ преподается одинъ только нѣмецкій языкъ. Испытаніе въ немъ учениковъ продолжалось полтора часа. Всѣ ученики обязываются научиться хотя сколько нибудь этому языку; кто изъ нихъ представитъ справедливыя причины, напр. неспособность, нежеланіе родителей, тотъ увольняется отъ изученія его.

Школьныя записи ведутся въ порядкѣ, предписанномъ уставомъ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія. Сверхъ этихъ записей заведены: 1) особая книга, въ которую вписываются всѣ входящія и исходящія бумаги по кассовымъ и школьнымъ дѣламъ, по которымъ каждый разъ расписывается въ ней почтмейстеръ его королевской милости: 2) книга, въ которую вписываются всѣ ассигновки и росписки въ полученіи денегъ, отсылаемыя при описи въ главную кассу; принято имѣть копіи съ этихъ документовъ, посвидѣтельствованныя цѣлымъ собраніемъ служащихъ, дабы, въ случаѣ пропажи бумаги на почтѣ, или почты съ бумагами (?), можно было возстановить доказательства расхода; 3) книга о состояніи всѣхъ фундушевыхъ имѣній, равно и тѣхъ, на которыхъ числятся фундушевыя суммы, уплачивающихъ аренду и проценты въ луцкую кассу, именно—какія дѣла возникали между ними и фундушемъ, какія изъ нихъ покончены, а какія только начаты, что облегчитъ трудъ преемниковъ, освободивъ ихъ отъ необходимости рыться въ бумагахъ.

Книга, въ которой вписывались бы открытія и важные опыты, [1]) въ луцкихъ школахъ еще не заведена—частію потому, что учитель не имѣетъ (для опытовъ) времени, занимаясь съ учениками въ рекреаціонные дни то практической геометріей, то рисованіемъ и, служа въ школахъ, имѣющихъ только трехъ учителей, требуетъ больше времени для приготовленія,—частію

---

[1]) Рекомендуемая уставомъ и нигдѣ почти не встрѣчаемая нами по визитамъ.

же по недостатку физическихъ приборовъ и инструментовъ, изъ которыхъ въ здѣшнихъ школахъ нѣтъ ни одного.

Домъ, библіотека. Школьный домъ былъ довольно удобнымъ. Но постройка г. Гулевичемъ, луцкимъ хорунжимъ, собственнаго дома, всего въ разстояніи менѣе трехъ локтей отъ него, причинила ему неудобства: корридоры стали темными, снѣгъ падаетъ съ крыши этого дома на окна въ корридорѣ школьномъ и производитъ въ нихъ значительныя поврежденія; стокъ воды съ крышъ обоихъ домовъ въ узкое пространство между ними дѣлаетъ (школьный) домъ невыгоднымъ (по сырости?); постройка дымовыхъ трубъ между крышами его и школьнаго дома причиняетъ ему опасность отъ огня. Перемѣны въ школьной собственности (w inwentarzu) описаны въ особой вѣдомости, которая посылается при этомъ рапортѣ.

Что касается давней, по-іезуитской библіотеки, то собраніе служащихъ заявляло свое мнѣніе о ней, особенно во время генеральнаго осмотра въ 1786 году, о чемъ отмѣчено въ актѣ осмотра (визиты) подъ рубрикою: „домъ", именно, чтобы разрѣшено было разобрать оставшіяся въ ней книги[1]) и полезныя передать школамъ, а остальныя хотя бы кому-нибудь подарить, подъ какимъ-либо условіемъ. Но на это доселѣ нѣтъ разрѣшенія, хотя въ этихъ видахъ уже три раза посылаемъ былъ списокъ этихъ книгъ, какъ о томъ значится въ томъ-же актѣ осмотра. Объ этомъ разрѣшеніи и теперь просимъ, такъ какъ оно и соотвѣтствуетъ желанію капитула относительно перенесенія библіотеки, и недостатку мѣста для нея въ школьной библіотекѣ, и безполезными книгами не будетъ напрасно занято мѣсто.

Въ школьной библіотекѣ не имѣется ни одной необходимой для учителя физики книги по металлургіи и химіи. Если-бы въ другихъ школьныхъ библіотекахъ нашлись излишніе экземпляры такихъ книгъ, или имѣлись-бы дубликаты ихъ въ библіотекѣ Залусскихъ, принадлежащей Рѣчи Посполитой[2]), служащіе въ луцкихъ школахъ просятъ прислать таковыя въ библіотеку ихъ.

---

[1]) Значительная часть поіезуитской библіотеки сгорѣла во время пожара въ 1780 году.

[2]) Это—родовая библіотека графовъ Залусскихъ, собранная въ теченіи долгаго времени цѣлыми поколѣніями. Представители этого рода, братья Іосифъ, р.-к. епископъ кіевскій, и Андрей, епископъ вармийскій, оба талантливые писатели (послѣдній за свое проповѣдническое краснорѣчіе прозванъ польскимъ Златоустомъ), свезли все свое ро-

Дворникъ (stróż domu) содержится. Такъ какъ содержаніе *ex sartis tectis* было бы обременительнымъ для этой суммы и въ ущербъ другимъ нуждамъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ и школьнымъ слугою, и такимъ образомъ получаетъ *ex sartis tectis* только продовольствіе, а жалованье—изъ ученической складчины.

Экономическая часть ведется по указанію устава пресвѣтлой коммисіи. Проректоръ и учители вносятъ въ кассу опредѣленную часть жалованья, учители же по четвертямъ года завѣдываютъ столомъ. Въ концѣ каждой четверти представляется всему собранію отчетъ въ расходахъ, причемъ избирается новый провизоръ.

Списокъ бумагамъ, имѣющимся въ школьномъ архивѣ, не могъ быть составленъ въ прошломъ году, по причинамъ, изложеннымъ въ актѣ прошлогодняго осмотра, изготовленіе его было тогда только обѣщано. Въ исполненіе этого обѣщанія, посылаю нынѣ списокъ всѣхъ бумагъ этого архива.

Провинціальная касса содержится подъ двумя замками. Жалованье служащимъ исправно выплачивается изъ нея. Относительно исправности записей по приходамъ и расходамъ я не могу свидѣтельствовать о себѣ самомъ, но ссылаюсь на свидѣтельство г. Лелевеля, ливскаго чесника, генеральнаго кассира (коммисіи просвѣщенія), въ томъ, что въ нихъ не оказывалось никакой ошибки и неправды и такое засвидѣтельствованіе я получалъ послѣ каждаго представленія счетовъ отъ этого мужа, найболѣе заботливаго объ интересахъ фундуша [1]).

Богослуженіе. Литургія совершается для учениковъ въ каѳедральномъ костелѣ. Въ воскресные и праздничные дни, послѣ литургіи, одинъ изъ ксендзовъ-доминиканов даетъ старшимъ ученикамъ урокъ религіи. Вообще соблюдается все, что относится къ богослуженію.

довое книжное имущество въ Варшаву, построивъ для него особый дворецъ. Здѣсь они весьма значительно умножили его собственными пріобрѣтеніями и въ 1775 году Іосифъ Залусскій подарилъ его Рѣчи Посполитой для публичнаго пользованія. Это было одно изъ дорогихъ книгохранилищъ, по множеству печатныхъ изданій и рукописей. По взятіи Варшавы Суворовымъ, Екатерина II повелѣла перевезти эту библіотеку въ Петербургъ, гдѣ она (говорятъ—далеко неполная) доселѣ хранится, составляя часть императорской публичной библіотеки.

[1]) Янъ Снядецкій въ своихъ, извѣстныхъ уже намъ письмахъ, часто и сильно возмущается поступками этого генеральнаго кассира за отказъ краков. академіи въ суммахъ на самые необходимые предметы и за нѣкоторые непроизводительные расходы изъ этихъ суммъ.

Классы и науки. Въ классахъ было-бы больше учениковъ, притомъ болѣе усердныхъ и старательныхъ, если-бы а) введено было преподаваніе французскаго языка, такъ какъ ради изученія этого языка, родители помѣщаютъ своихъ дѣтей въ другія школы и ученики сами хлопочутъ о своемъ переводѣ въ такія школы; б) если-бы пресвѣтлая коммисія просвѣщенія, по милостивому обѣщанію своему, прислала физическіе инструменты.

Испытанія производятся, какъ требуютъ постановленія. Не было однако экзаменовъ въ мартѣ по случаю произшедшей тревоги. Во время этой тревоги, школьная молодежь, взявшись за оружіе вмѣстѣ съ обывателями, содержала по ночамъ стражу доказавъ послѣднимъ, какихъ дѣятельныхъ защитниковъ будетъ имѣть въ ней отечество[1]). Публичныя испытанія бываютъ весьма многолюдны, такъ какъ въ это время обыкновенно производятся суды по имуществамъ (grodskie). Обыватели и духовенство не жалѣютъ о томъ времени, которое они привыкли дарить отличающейся (popisującej się) молодежи.

Конвиктъ. Конвиктъ для бѣдныхъ шляхетскихъ дѣтей пресвѣтлая коммисія просвѣщенія открыла только въ текущемъ году. Учениковъ въ немъ 18. Всѣ они приняты съ разрѣшенія пресвѣтлой коммисіи, именно: Матвѣй Жураковскій, Іосифъ Словацкій, Петръ Жулинскій, Николай Ярковскій, Янъ Корженевскій, Алоизій Змѣевскій, Павелъ Метлинскій, Каетанъ Кобылинскій, Іосифъ Андреевскій, Викентій Барбовскій, Раймундъ Барбовскій, Іосифъ Ющинскій, Ѳома Русиловичъ, Антоній Хшонщковскій, Францишекъ Карбовскій, Игнатій Тышецкій, Андрей Лопушанскій, Доминикъ Глинскій. Изъ числа этихъ учениковъ, г. Іосифъ Ющинскій не оказываетъ ни усердія, ни успѣховъ, ни доброй нравственности, а потому необходимо удалить его, чтобы онъ не занималъ напрасно мѣста, которое принесло-бы другому пользу, соотвѣтственно видамъ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія. Вѣдомость о конвикторахъ составляется такимъ образомъ: она раздѣлена на четыре части: въ первую часть вписываются всѣ денежныя выдачи

---

[1]) Первыя вѣсти о готовящемся народномъ возстаніи появились въ Дубнѣ во время *контрактовъ* (февр.). Слишкомъ свѣжа еще была память о возстаніи подъ предводительствомъ Гонты и Желѣзняка (1768 г.). Февраль, особенно мартъ были наиболѣе тревожнымъ временемъ, пока поляки не убѣдились, что никакого возстанія нѣтъ и что можно спокойно вымещать свою тревогу на русскомъ поселеніи, за высказываемыя имъ надежды на русскую императрицу.

по контрактамъ съ хозяевами, мастеровыми и аптекарями; въ другую—расходы на покупку матеріаловъ, какъ-то: сукна, полотна и бумаги; въ третьей записывается все то, что выдается каждому конвиктору на счетъ фундуша и каждому директору для нуждъ цѣлой квартиры; въ четвертой части каждый конвикторъ самъ вписываетъ годъ и день своего поступленія въ конвиктъ. Конвикторы квартируютъ въ трехъ комнатахъ, по шести въ каждой, имѣютъ трехъ директоровъ, являются (проректору) ежедневно. Всѣ нужды ихъ удовлетворяются. Словомъ, я старался всецѣло исполнить постановленія о нихъ пресвѣтлой коммисіи.

Директоры. Всѣ послушны, а нѣкоторые вполнѣ способны и старательны. Было-бы между ними больше способныхъ, если бы обыватели согласились вносить плату за нихъ на руки проректора. Но обыватели не соглашаются на это, потому что они привыкли то выплачивать имъ деньги по частямъ, что для нихъ легче, то расплачиваться платьемъ, поясами, полотномъ или другими предметами.

Приходскія школы. По условію съ окружнымъ ректоромъ, луцкій проректоръ обязанъ осматривать школу въ Берестечкѣ [1]). Актъ осмотра этой школы отосланъ окружному ректору.

Физическое воспитаніе. Соотвѣтственно предписаніямъ, въ прежніе годы я хотѣлъ ввести военныя упражненія; но тому препятствовало отсутствіе въ Луцкѣ всякаго войска и невозможность устроить обмундированіе. Въ нынѣшнемъ страшномъ году, по случаю возникшаго бунта, въ Луцкѣ появились войска, обыватели надѣли военную форму, которою легко было увлечь учениковъ, хотя еще и не всѣхъ. Военныя упражненія начаты съ учениковъ фундушевыхъ; къ нимъ присоединились и другіе. Устроивъ для фундушевыхъ учениковъ военныя принадлежности, я тѣмъ самимъ только предупредилъ милостивое разрѣшеніе пресвѣтлой коммисіи и не жалѣю объ этомъ расходѣ, не ожидаю даже одобренія (подтвержденія) его, находя полное удовлетвореніе для себя въ пользѣ молодежи, въ довольствѣ обывателей, въ репутаціи школъ и въ сознаніи того, что я исполнилъ мысль и волю пресвѣтлой

---

[1]) Въ *визитѣ* 1793 г. по этому предмету выражено: „z tych żadnych niemasz ani w Łucku, ani w bliskiej okolicy". Лукашевичъ говоритъ (т. IV, стр. 278), что въ Берестечкѣ существовала школа тринитаровъ въ составѣ подъокружныхъ школъ и въ 1787 году посѣщена была королемъ Понятовскимъ. Очевидно, что это была частная школа.

коммисіи просвѣщенія. Въ рекреаціонное время ученики заняты или военными упражненіями, или практическою геометріей и такимъ образомъ играя учатся и учась играютъ. Въ промежуткахъ между этими занятіями, они играютъ въ мячъ, бѣгаютъ въ перегонку. Оберегаются отъ всякихъ нѣжностей (miękkosci i pieszczot). Не смотря на это, многіе ученики болѣли гнилой горячкой и лихорадкой, а отъ потворства родителей, дозволяющихъ дѣтямъ употребленіе даже вредныхъ предметовъ, одинъ изъ учениковъ умеръ отъ гнилой горячки[1]).

Ученики награжденные медалями. На основаніи произведенной мною повѣрки успѣховъ и по разсмотрѣніи вѣдомостей о мѣсячныхъ испытаніяхъ, признаны заслуживающими серебрянаго подарка его королевской милости: Яковъ Опатовскій и Иванъ Гульпановскій, ученики III класса.

Препятствія успѣхамъ ученія. Въ Луцкѣ одинъ изъ латинскихъ каѳедральныхъ викарныхъ ксендзовъ учитъ каѳедральныхъ аколитовъ[2]) латыни давнимъ способомъ, чего нельзя запретить ему, потому что аколиты составляютъ отдѣленіе (низшее) семинаріи и должны поступать въ семинарію. Но въ школу аколитовъ онъ принимаетъ и дѣтей обывательскихъ, на что онъ не имѣетъ права, потому что этимъ способомъ школа его является соперницей нашихъ школъ. Ксендзы тринитары также обучаютъ двухъ шляхетскихъ дѣтей. Изъ этихъ учениковъ одинъ—племянникъ ксендза - провинціала, прибывшій изъ за-кордона, а потому обученіе его можетъ считаться домашнимъ, но другой не могъ быть принятъ. Точно также ксендзы - доминикане и ксендзы - кармелиты частію занимаются обученіемъ. Это приводитъ къ мысли, что монахи апостольствуютъ противъ образованія. Кажется необходимо, чтобы пресвѣтлая коммисія просвѣщенія разослала циркуляръ всѣмъ ксендзамъ - провинціаламъ монашескихъ орденовъ, съ воспрещеніемъ монахамъ обучать дѣтей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются публичныя школы, и съ внушеніемъ имъ,

---

[1]) Извѣстно, что въ Луцкѣ эти болѣзни доселѣ господствуютъ, особенно весною, отъ сосѣдства болотъ по рѣкѣ Стыри.

[2]) Аколиты—приготовляющіеся въ клерики, въ составъ церковнаго клира. Малоспособные изъ нихъ поступали на низшія службы церковныя, болѣе способные—въ семинарію.

дабы они не брались за обученіе тѣхъ наукъ, въ которыхъ ничего не понимаютъ [1]).

Пособія образованію. Разумѣю двоякое образованіе: общее или безъотносительное и то, которое существуетъ въ практикѣ школьной (osób stanu akademickiego). Что насается перваго, то образцовый уставъ, изданный пресвѣтлою коммисіей просвѣщенія и возбуждающій удивленіе даже въ людяхъ предубѣжденныхъ, прекрасно устроилъ все, что приводило бы его къ найвысшему совершенству. Уставъ тѣмъ скорѣе и прочнѣе достигнетъ своей цѣли, чѣмъ скорѣе эдукаціонный фундушъ снабдитъ школы такъ необходимыми для нихъ и милостиво обѣщанными имъ физическими и математическими инструментами. Но кромѣ сего, для достиженія этой цѣли, необходима бо́льшая субординація служащихъ въ отношеніи къ школьному начальству. Я не могу жаловаться на здѣшнее собраніе (учительское), какъ не жаловался и во время прошлогодней ревизіи. Мужъ просвѣщенный, знаменитый по своимъ высокимъ талантамъ и любящій порядокъ, визитаторъ (генеральный) Крусинскій былъ свидѣтелемъ согласія и взаимнаго почтенія въ здѣшнемъ собраніи, о чемъ мы заботились и въ теченіи настоящаго года. Но что въ другихъ собраніяхъ происходятъ несогласія и раздоры, этого нельзя скрыть, не смотря на узаконенный по этимъ дѣламъ секретъ [2]). Эти раздоры, происходящіе отъ недостатка субординаціи, приносятъ дѣлу образованія только вредъ. По моему мнѣнію, которое представляю на усмотрѣніе высшей власти, право суда надъ начальникомъ школы, присвоенное [3]) себѣ нѣкоторыми учительскими со-

---

[1]) Подобные отзывы, часто въ гораздо болѣе рѣзкихъ формахъ, читаемъ и въ другихъ визитахъ. Но монашествующая братія упорно отказывается отъ исполненія распоряженій коммисіи просвѣщенія, продолжаетъ содержать школы и учитъ по старинѣ. Генеральный визитаторъ 1790 г. Крусинскій, донося о нѣкоторыхъ такихъ школахъ въ Малой Польшѣ, свидѣтельствуетъ, что обыватели во имя стараго обученія охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ монашескія школы, и предлагаетъ употребить всѣ средства, чтобы „примѣрно наказать (монаховъ) за такое публичное поруганіе надъ образованіемъ“. Обѣ стороны — старина и новизна не уступали другъ другу въ фанатизмѣ.

[2]) Уставъ 1783 г., гл. 24, п. 13 требуетъ содержать въ тайнѣ всѣ разбирательства и постановленія въ школьныхъ судебныхъ засѣданіяхъ и за выдачу секрета подвергаетъ виновныхъ самымъ строгимъ взысканіямъ.

[3]) Авторъ очевидно игнорируетъ 12 и. 24 гл. устава, предоставляющій это право учительскому собранію.

бравіями, должно быть отнято отъ нихъ. Если преступленіе начальника не такого свойства, чтобы немедленно судить его, то собранію слѣдовало бы отложить свою жалобу до времени генеральной или окружной визитаціи. Если же преступленіе требуетъ немедленнаго суда, въ такомъ случаѣ слѣдовало собранію ограничиться только донесеніемъ о немъ главной школѣ, такъ какъ и теперь постановленіе собранія (по этимъ дѣламъ) ничего не значитъ безъ утвержденія со стороны главной школы, въ противномъ случаѣ собраніе было бы и обвинителемъ и судьею. Главная школа въ такомъ случаѣ назначила бы коммисію или изъ сосѣднихъ обывателей, или изъ членовъ сосѣдняго учебнаго заведенія, или изъ среды эмеритовъ. Расходы на нужды такой коммисіи должна была бы уплотить сторона виновная. Этимъ способомъ устранялись бы неприличные раздоры и возникающее изъ нихъ, явно вредное для дѣла образованія, неповиновеніе.

Еще: я никогда не откажусь отъ моего мнѣнія, что необходимо всѣми мѣрами заботиться объ увеличеніи учениковъ въ школахъ академическихъ (подчиненныхъ академіи, т. е. главной школѣ) Эдукаціонный фундушъ непремѣнно долженъ имѣть своихъ благопріятелей и охранителей. Такихъ друзей онъ не можетъ ожидать для себя въ дѣтахъ, воспитывающихся въ монашескихъ школахъ, или можетъ имѣть таковыхъ изъ нихъ въ крайне ограниченномъ числѣ Привычка производитъ то, что люди гораздо болѣе расположены чувствовать любовь и благодарность къ учрежденію, непосредственно воспитавшему ихъ, чѣмъ къ такимъ (учрежденіямъ и лицамъ), которыя хотя бы и благотворнѣе, но болѣе отдаленно вліяли на образованіе ихъ. Это подтверждается и на Волыни. Гдѣ обыватели преимущественно отдаютъ дѣтей въ монашескія школы, тамъ и болѣе всего нареканій на эдукаціонный фундушъ (на образованіе, установленное на счетъ этого фундуша). Такого рода обывателей—судей нужно ожидать и въ будущемъ, потому что (молодое поколѣніе), слушая толки родителей и получивъ воспитаніе большею частію (!) у монаховъ, будетъ въ особенности отстаивать монаховъ.

По этой-то причинѣ, заставши въ луцкихъ школахъ, при вступленіи въ должность префекта ихъ 1781 года, всего около 50 учениковъ, какъ это значится въ актѣ визитаціи 1782 года, я старался привлечь какъ можно болѣе учениковъ въ эти школы. Теперь ихъ уже больше 160. Больше сего я не могъ сдѣлать, потому что не было помощи. Если какія, то преимущественно

луцкія школы должны получить помощь въ привлеченіи возможно большаго числа учениковъ—по слѣдующимъ причинамъ:

1) Луцкъ служитъ главнымъ городомъ (miasto stołeczne) одного изъ первыхъ воеводствъ, по числу обывателей, богатыхъ, служащихъ и имѣющихъ большое значеніе въ Рѣчи Посполитой.

2) Это самый многолюдный городъ (на Волыни), въ немъ происходятъ самые видные съѣзды воеводскіе. Въ другихъ городахъ происходятъ только повѣтовые съѣзды, а въ Луцкѣ и повѣтовые и общіе (генеральные, цѣлаго воеводства). Здѣсь-же состоитъ и коммисія порядка [1]).

3) Нужно ожидать гораздо болѣе людныхъ съѣздовъ въ Луцкѣ, потому что воеводство настаиваетъ на перенесеніи въ него или контрактовъ изъ Дубна, или части трибунала [2]).

4) Луцкія школы болѣе всѣхъ другихъ имѣютъ сосѣдей-товарищей. Повѣты владимірскій и кременецкій имѣютъ только по одному учебному заведенію, а въ луцкомъ повѣтѣ ихъ четыре: въ Луцкѣ, Олыкѣ, Острогѣ и Межирѣчьи. Недалеко отъ Луцка и домбровицкія школы, принадлежащія къ литовскому (академическому) округу. При такомъ (близкомъ другъ отъ друга) положеніи школъ, ученики не могутъ склоняться къ школамъ академическимъ, если не будутъ чувствовать особливаго понужденія къ тому и если они имѣютъ болѣе побужденій предпочитать иныя школы [3]).

Способы и средства возбудить расположеніе учениковъ къ луцкимъ школамъ могли бы быть слѣдующіе:

1) Помимо всего, эти школы имѣли-бы несравненно болѣе учениковъ, если-бы, имѣя въ прежнее время шесть учителей, не были, послѣ пожара, ограничены тремя учителями. Десятки разъ приходилось объяснять обывателямъ, что дѣти одинаковую пользу

---

[1]) Подходятъ къ нашему губернскому правленію.

[2]) Трибуналъ волынскаго и украинскаго воеводствъ продолжалъ оставаться въ Люблинѣ.

[3]) Признаніе довольно знаменательное, показывающее сильное нерасположеніе въ шляхтѣ къ новымъ школамъ (академическимъ) и предпочтеніе школъ монашескихъ. Школы олыцкія и острожскія состояли въ вѣдѣніи базиліанъ, межирѣчскія въ вѣдѣніи піаристовъ. Замѣчательно, что, не смотря на униженіе базиліанъ коммисіей просвѣщенія и на дѣйствительное приниженіе въ нихъ образованія, эти школы всегда были переполнены шляхетскими дѣтьми. Причины тому—простота базиліанъ и вѣрность старымъ школьнымъ порядкамъ.

получаютъ въ школахъ при трехъ, какъ и при шести учителяхъ, и что въ тѣхъ и другихъ школахъ преподаются одни и тѣ же уроки. Но обыватели не хотятъ вѣрить этому, утверждая, что учитель, принужденный полчаса заниматься съ первогодичными учениками, а другой получасъ съ второгодичными, по неволѣ приноситъ всѣмъ ученикамъ меньшую пользу, чѣмъ тотъ, который занимается цѣлый часъ съ одними и тѣми-же учениками. Это соображеніе побудило обывателей на прошлогоднихъ сеймикахъ постановить просить пресвѣтлую коммисію объ увеличеніи числа учителей въ луцкихъ школахъ. Объ этомъ были-бы разсужденія и на нынѣшнихъ сеймикахъ, если бы я не употребилъ противъ этого стараній.

Однако это средство къ увеличенію числа учениковъ уже несвоевременно, такъ какъ оно не могло бы быть исполнено безъ покупки у каѳедры части зданій и безъ пристройки къ нынѣшнему школьному зданію, хотя каѳедра охотно и благородно склонилась-бы къ этимъ нуждамъ луцкихъ школъ. Но что сокращеніе числа учителей служитъ причиною малочисленности учениковъ, а въ нихъ и будущихъ ревнителей эдукаціоннаго фундуша, это остается безусловно правдою.

2) Другимъ средствомъ къ привлеченію учениковъ въ луцкія школы послужило-бы установленіе въ нихъ французскаго языка. Правда, что здѣсь болѣе нуждаются въ нѣмецкомъ языкѣ, вслѣдствіе сосѣдства съ австрійскимъ пограничьемъ; но обыватели повсюду признаютъ, что французскій языкъ болѣе пріятенъ и что въ французскихъ книгахъ больше пользы, чѣмъ въ нѣмецкихъ. Я самъ видѣлъ, какъ ученики ѣдутъ чрезъ Луцкъ во Владиміръ, поступая въ эти послѣднія школы единственно ради обученія въ нихъ французскому языку. Многіе ученики хотѣли послѣ вакацій оставить луцкія школы, особенно изъ круга паничей (paniąt), которыхъ слѣдовало-бы заранѣе располагать къ учебному вѣдомству; я удержалъ ихъ только надеждою на то, что съ началомъ учебнаго года будетъ назначенъ учитель французскаго языка, чѣмъ удовлетворены будутъ ожиданія обывателей. Если я обманусь въ этой надеждѣ, то перестану уже и питать ее [1]).

---

[1]) Заботливому автору пришлось обмануться не только въ этой надеждѣ, но и во всѣхъ другихъ своихъ стараніяхъ относительно луцкихъ школъ. До конца этого періода не произошло никакихъ улучшеній въ этихъ школахъ. Самъ авторъ переведенъ

3) Учрежденіе одной золотой медали для здѣшнихъ школъ также послужило бы вышеозначенной цѣли. Награда, надъ которою есть еще высшая, никогда не удовлетворитъ благороднаго стремленія къ найвысшей наградѣ. Золотая медаль, будучи найвысшею наградою, располагаетъ къ усиліямъ всѣхъ тѣхъ, кто чувствуетъ себя способнымъ заслужить ее и имѣетъ средства на путешествіе къ инымъ школамъ (высшимъ). По этому самому золотая медаль отвлекаетъ (отъ луцкихъ школъ) всѣхъ, обладающихъ и большими умственными способностями, и большимъ состояніемъ, а между тѣмъ академическое сословіе отъ первыхъ имѣетъ найлучшую для себя репутацію, а отъ другихъ при случаѣ получаетъ найбольшую поддержку.

4) Закрытіе конвиктовъ при школахъ, содержимыхъ монахами и имѣющихъ достаточный фундушъ, привлекло бы въ академическія школы много паничей. Межирѣчскія школы (піарскія), получающія, въ прибавку къ давней ихъ фундаціи, 2000 злотыхъ изъ суммъ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, равно какъ и школы острожскія, получающія такую же прибавку, должны бы подчиняться постановленію, воспрещающему принимать учениковъ къ общему столу [1]). То-же нужно сказать и о школахъ домбовицкихъ. Если бы послѣдовало такое распоряженіе, то, я увѣренъ, большая часть обывателей предпочитала бы содержать своихъ дѣтей въ городахъ казенныхъ (publicznych), а не въ помѣщичьихъ [2]).

Я изложилъ эти способы и средства (къ увеличенію числа учащихся въ академическихъ школахъ) на основаніи собственнаго убѣжденія, повѣреннаго опытомъ, въ безошибочности ихъ.

Мнѣ остается еще сказать о томъ, что, по мнѣнію обывателей, увеличило бы почтеніе и довѣріе къ академическому сословію.

Вѣрно и несомнѣнно, что платье не вліяетъ на свойства души; но вѣрно и то, что въ настоящее время народъ обра-

---

былъ на другое мѣсто, а проректоромъ луцкихъ школъ назначенъ ксендзъ Прушинскій, о которомъ генеральный визитаторъ 1792 года говоритъ, что онъ „страдаетъ запоемъ, на соблазнъ ученикамъ“ и что по винѣ его въ школахъ много безпорядковъ. Учениковъ въ этомъ году было 140.

[1]) Авторъ придирается къ монахамъ. Запрещеніе принимать учениковъ къ общему учительскому столу едва-ли приложимо къ монашеской трапезѣ, происходившей при иныхъ условіяхъ, на основаніи монашескихъ уставовъ.

[2]) Каковыми были: Межирѣчье, Острогъ и др.

щаетъ вниманіе на платье. Если такъ дѣлается теперь въ Варшавѣ, то на Волыни гораздо давнѣе и упорнѣе заглядываются на платье и соразмѣряютъ съ нимъ степень почтенія. Я не писалъ бы объ этомъ по обязанности визитатора, если бы мнѣ не говорили о томъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ многіе обыватели и дамы. Умолчать объ этомъ я считаю неприличнымъ и несообразнымъ съ инструкціей главной школы коронной.

Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одни обыватели осмѣлились въ насмѣшку называть учителей лакеями, а другіе наивно, въ полномъ невѣдѣніи, спрашивали (встрѣчныхъ или приходившихъ къ нимъ учителей), изъ какого они двора (панскаго). Фракъ и прежде не вызывалъ никакого уваженія въ здѣшнихъ мѣстахъ; тѣмъ менѣе уваженія къ нему теперь, когда г. Коржеңевичъ, выгнанный изъ рожинской семинаріи [1]), одѣвшись въ костюмъ аббата (in abbe) [2]), бродилъ по Луцку, въ кругу неприличной компаніи. По совѣту съ учителями, я посылалъ къ нему съ требованіемъ или снять этотъ костюмъ, или предъявить патентъ на право ношенія его. Послѣ такого требованія, онъ уѣхалъ изъ Луцка, но въ Острогѣ, по подозрѣнію въ участіи въ бунтѣ, высидѣлъ нѣсколько недѣль подъ арестомъ.

Такъ какъ уваженіе, сочувствіе и почтеніе къ академическому сословію со стороны обывателей, особенно въ здѣшнихъ мѣстахъ, возможны только подъ условіемъ ношенія учителями духовнаго платья (sukni klerickiej) и если ношеніе этого платья не обязываетъ учителя поступать въ ксендзы, то я полагалъ бы необходимымъ подтвердить это учителямъ, предостерегая только, чтобы учители не были обязываемы участвовать въ процессіяхъ и посвящать опредѣленные часы колѣнопреклоненіямъ [3]).

[1]) Объ этой семинаріи мы не встрѣчали свѣдѣній.

[2]) Распространившееся въ то время изъ Франціи пренебреженіе къ духовному сословію и къ костюму духовенства побуждало свѣтскихъ учителей обходить постановленіе коммисіи просвѣщенія объ академической формѣ и замѣнять ее костюмомъ, придуманнымъ либеральными французскими аббатами, именно—короткою сутаною съ вырѣзкой спереди на подобіе тогдашнихъ французскихъ аристократическихъ мундировъ или парадныхъ сюртуковъ. Сельская шляхта, тосковавшая по іезуитахъ, глумилась надъ новымъ костюмомъ учителей, приравнивая его къ входившей тогда въ моду ливреѣ для лакеевъ. Нѣкоторые изъ учителей предпочитали носить нѣмецкій фракъ. Тотъ и другой костюмъ шляхта одинаково признавала ненавистнымъ ей фракомъ (fraczek).

[3]) Коммисія просвѣщенія обратила вниманіе на это заявленіе и въ томъ-же году настойчиво подтвердила свое требованіе относительно общаго учительскаго стола и ду-

Благодѣтели школъ. Эдукаціонный фундушъ имѣетъ въ луцкомъ повѣтѣ много враговъ, но не мало есть и друзей образованія, которые бываютъ на публичныхъ экзаменахъ, хвалятъ систему обученія и выражаютъ благодарность пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія. Ясневельможный Филиппъ Олизаръ, литовскій подчашій, кавалеръ польскихъ орденовъ, показалъ себя истиннымъ благодѣтелемъ, защищая въ средѣ обывателей существованіе (отдѣльнаго) эдукаціоннаго фундуша и академическаго сословія. Таковъ и ясневельможный Калясанты Волчкевичъ-Олизаръ, камергеръ его королевской милости, кавалеръ ордена св. Станислава, который на прошлогоднемъ публичномъ экзаменѣ раздавалъ медали, сказалъ рѣчь въ похвалу учащихъ и пригласилъ ихъ, вмѣстѣ съ лучшими учениками и собраніемъ обывателей, на великолѣпный ужинъ.

По порученію пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, я письменно выразилъ ксендзу Кучковскому, луцкому (каѳедральному) писарю, благодарность за постройку дома для элементарной школы.

Посторонні свѣдѣнія (wiadomości poboczne). Въ школахъ межирѣчскихъ (піарскихъ) и острожскихъ (базиліанскихъ) заведены театральныя представленія. Такъ какъ онѣ не имѣютъ основанія въ уставѣ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, отнимаютъ много учебнаго времени и влекутъ за собою нѣкоторые неприличные и непріятные случаи, то онѣ должны быть воспрещены. Въ Житомірѣ появился манифестъ противъ ксендзовъ—піаристовъ межирѣчскихъ, по поводу смерти конвиктора ихъ г. Галецкаго, происшедшей оттого, что его, больнаго, вывели на сцену, гдѣ ему по причинѣ слабости сдѣлалось дурно, а скоро затѣмъ онъ умеръ. Можетъ быть они оправдаются въ этомъ дѣлѣ, въ противномъ случаѣ несли бы справедливый упрекъ въ томъ, что не сообразуются съ уставомъ. По моему мнѣнію, монашескія школы не должны пользоваться никакими привиллегіями сравнительно со школами академическими. Если суммы ихъ недостаточны для содержанія шести учителей, то лучше ограничить ихъ тремя или четырмя учителями, чѣмъ нарушать для нихъ уставъ[1]).

ховнаго платья. Визитаторъ 1790 года пишетъ, что предписаніе относительно стола еще не всюду соблюдается, а сутаны не носитъ только учитель математики въ дерманскихъ школахъ.

[1]) Нарушеніе устава въ этомъ случаѣ авторъ видитъ въ томъ, что нѣкоторымъ монашескимъ общинамъ дозволялось имѣть въ своихъ подъокружныхъ школахъ по шести учителей.

Распоряженія. 1) Распоряженія пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія и главной школы, записавъ въ особую книгу, оставляю къ исполненію. 2) Поручаю торжественно совершать открытіе ученія (начало новаго учебнаго года) непремѣнно въ день, назначенный для этого уставомъ, т. е. 29 сентября. 3) Книга совѣтскихъ засѣданій должна быть приносима на каждое засѣданіе и тутъ-же въ нее должны быть вписываемы протоколы совѣщаній. 4) Я просилъ гг. учителей, дабы они и въ будущемъ такъ-же тщательно заботились о пользѣ молодежи, какъ заботились о ней доселѣ.

Желанія. 1) Служащіе въ луцкихъ школахъ просятъ главную школу ходатайствовать предъ пресвѣтлою коммисіей просвѣщенія, дабы она распорядилась поспѣшить изданіемъ остальныхъ учебниковъ. 2) Служащіе просятъ также объясненій къ статистической таблицѣ воеводствъ (одинъ экземпляръ этихъ таблицъ я отослалъ во владимірскія школы, другой оставилъ въ луцкихъ школахъ), именно—для чего предназначаются онѣ: для составленія ли географической карты, или всеобщей переписи, или регулированія податей. Это объясненіе необходимо для того, чтобы требуемое о нихъ мнѣніе наиболѣе соотвѣтствовало цѣли ихъ [1]). Для составленія географической карты эта таблица не годится, такъ какъ квадратныя мили высчитаны только по географическимъ картамъ (существующимъ). Чтобы она полезна была для составленія всеобщей переписи, необходимо раздѣлить въ ней свѣтскія сословія отъ духовныхъ и ввести особую графу о жидовскихъ кагалахъ и о числѣ лицъ этого населенія. Эта послѣдняя графа полезна была бы и при установленіи податей, потому что этотъ народъ уплачиваетъ подати соразмѣрно съ количествомъ своего населенія, равно какъ и при опредѣленіи пропорціи между войскомъ и населеніемъ, причемъ жидовское населеніе не принимается въ разсчетъ, потому что жиды не рѣшаются служить въ войскѣ. Необходимо также отвести особую

[1]) Польское правительство заботилось въ то время о выработкѣ програмы для составленія подробной статистики Рѣчи Посполитой. Упоминаемыя здѣсь таблицы были бѣглымъ опытомъ, о которомъ собирались мнѣнія. Вслѣдъ затѣмъ образована особая военная коммисія съ спеціальною задачею статистическаго описанія всѣхъ воеводствъ. Эта коммисія начала свои занятія затребованіемъ отъ всѣхъ городовъ, учрежденій и помѣщиковъ необходимыхъ свѣдѣній. Но ея дѣйствія пріостановлены были вторымъ раздѣломъ Польши.

графу для такого класса, который, хотя и не имѣетъ постояннаго мѣста жительства, но и не есть праздношатающійся, напр. бочари, копальщики, рабочіе въ соляныхъ копяхъ, торговцы въ разноску, рудокопы и т. п.

Конецъ. Осмотръ оконченъ прочтеніемъ распоряженій и убѣжденіемъ учителей къ неослабному исполненію своихъ обязанностей.

Перемѣны въ личномъ составѣ. Никакихъ перемѣнъ не было. Самою необходимою была бы та перемѣна, по которой луцкія школы, по милостивому распоряженію пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, получили бы еще трехъ учителей и преподавателя французскаго языка.

(Окончаніе будетъ).

МАНИФЕСТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

къ православному населенію Польши, выданный 9 іюля 1768 года.

Въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 713, хранится рукописный сборникъ, озаглавленный „*Acta publica Poloniae 1764—1768 an.*“ и содержащій многочисленные матеріалы, относящіеся по преимуществу къ исторіи Барской конфедераціи. Среди разнородныхъ документовъ, на листахъ 137 — 139 записанъ въ польскомъ переводѣ манифестъ императрицы Екатерины II къ православному населенію Польши, по поводу народнаго возстанія въ Украйнѣ 1768 года. Этотъ манифестъ ясно устанавливаетъ ту точку зрѣнія, на которой стояло русское правительство по отношенію къ народному возстанію, охватившему польскую Украину въ то время, и проведенный въ немъ взглядъ является діаметрально противуположнымъ тому, который предполагали польскіе мемуаристы XVIII и многіе писатели XIX столѣтія, утверждавшіе, что существовала грамота императрицы, но совершенно иного содержанія. Мы представляемъ текстъ этого манифеста, переложивъ его обратно съ польскаго на русскій языкъ, какъ документъ, имѣющій большое значеніе въ исторіи такъ называемой „Коліивщины“ и рисующій отчасти тогдашнія наши международныя отношенія.

Божіею милостію Мы, Екатерина II, Императрица и Самодержица Всероссійская и пр. и пр.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ греко - восточнаго православнаго исповѣданія единовѣрцамъ, жительствующимъ въ державѣ свѣтлѣй-

шей польской Рѣчи Посполитой, особенно-же въ воеводствахъ кіевскомъ, подольскомъ, волынскомъ, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, къ которымъ сіе наше объявленіе относиться можетъ.

Когда Мы уповали узрѣть вскорѣ желанные плоды Нашихъ усилій и успѣховъ, направленныхъ къ пользѣ православной грекороссійской церкви въ предѣлахъ державы Рѣчи Посполитой польской, особенно послѣ разгрома возставшихъ въ Барѣ возмутителей, враговъ какъ Нашей церкви, такъ и собственнаго отечества, въ это именно время Мы принуждены, съ крайнимъ нашимъ прискорбіемъ, слышать, что единовѣрцы Наши, вмѣсто того, чтобы, принося Всевышнему должную хвалу, спокойно стали пользоваться равенствомъ всѣхъ гражданскихъ правъ, доставленныхъ имъ въ ихъ отечествѣ, еще не испытавъ оныхъ, учали сами творить новые безпорядки; особенно-же крестьяне, отвергнувъ должное повиновеніе какъ начальству, такъ и своимъ помѣщикамъ, затѣяли въ разныхъ мѣстахъ убійства и другія богопротивныя насилія. Извѣстно Намъ, что возставъ, по примѣру Барской смуты, противъ законнаго начальства, грѣшатъ они по невѣжеству и еще болѣе вслѣдствіе обмана шайки разбойниковъ, которая, выдавая себя за отрядъ Нашего вѣрнаго низоваго запорожскаго войска, будто командированный по Нашему приказу, не только сама въ разныхъ мѣстахъ чинитъ грабежи, опустошенія и убійства, но приводитъ еще въ свое сообщество неповинныхъ сельскихъ обывателей, показывая ложные указы, якобы данные отъ Нашего имени. Поелику сія дерзость разбойничей шайки достойна примѣрнаго наказанія, Мы приказали неотложно всѣмъ начальникамъ войскъ Нашихъ, находящимся какъ въ Польшѣ, такъ и на ея границахъ, дабы они приложили всякое тщаніе къ поимкѣ и искорененію сихъ разбойниковъ и ихъ сообщниковъ, дабы они могли быть преданы должной карѣ. Не желаемъ однако равную мѣру наказанія прилагать какъ къ зачинщикамъ зла, такъ и къ тѣмъ, которые ими введены были въ заблужденіе подложными Нашими указами, или-же побуждены были претерпѣваемыми въ послѣднее время или раньше обидами со стороны лицъ, принадлежащихъ къ господствующему въ томъ государствѣ исповѣданію; и потому Мы соизволили, прежде чѣмъ примѣнены къ нимъ будутъ мѣры крайней строгости, объявить имъ для разъясненія и спасенія ихъ отъ неминуемой погибели, должен-

ствующей ихъ постигнуть, въ случаѣ, еслибы они оказались упорными въ своемъ злодѣйствѣ, нижеслѣдующее:

1) Что никто Нами не посылался въ Польшу для того, чтобы поднимать на бунтъ Нашихъ единовѣрцевъ противъ ихъ сограждавъ другихъ исповѣданій.

2) Что, слѣдовательно, лица, выдающія себя за отрядъ Нашего вѣрнаго низоваго запорожскаго войска, будто отправленный Нами, въ дѣйствительности суть разбойники, воры и нарушители общественнаго спокойствія.

3) Что всѣ таковые разбойники отъ военныхъ Нашихъ командъ повсюду будутъ преслѣдуемы въ конецъ и, послѣ поимки, будутъ представлены всѣ безъ изъятія въ надлежащій судъ для понесенія справедливой кары.

4) Что тѣ, которые вошли съ ними въ сообщество, вслѣдствіе заблужденія или изъ чувства мести, могутъ еще снискать помилованіе и забвеніе прошлаго, если немедленно возвратятся мирно въ дома свои и жилища, воздержатся совершенно отъ дальнѣйшихъ безпорядковъ и беззаконій и возвратятся къ обязанностямъ своего состоянія и въ совершенное повиновеніе своимъ помѣщикамъ и Рѣчи Посполитой, какъ отъ Бога установленной верховной надъ ними власти.

5) Тѣ, которые сами принимали участіе въ убійствахъ и насиліяхъ, могутъ еще также снискать помилованіе, если, раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ, сами помогутъ въ поимкѣ зачинщиковъ, и представятъ таковыхъ ближайшимъ командамъ войскъ Нашихъ.

6) Наконецъ, если мятежные крестьяне, не прекратятъ безпорядковъ немедленно послѣ опубликованія своего манифеста, то въ такомъ случаѣ, они окажутся противными Нашей волѣ и справедливости и навлекутъ на себя всѣ тяжелыя послѣдствія Нашей немилости.

Понеже Мы, по скольку всегда полагали и будемъ полагать себѣ въ долгъ заступничество и защиту нашихъ единовѣрцевъ въ ихъ отечествѣ, доставивъ имъ нынѣ законное уравненіе правъ съ ихъ согражданами, исповѣдующими господствующую вѣру, по стольку-же считаемъ необходимою принадлежностью Нашей монаршей власти оберегать справедливыя пожеланія Рѣчи Посполитой,

съ которой Мы состоимъ въ союзѣ, тѣсной дружбѣ и которой Мы дали вѣчное поручительство оберегать ея образъ правленія, спокойствіе и ненарушимость правъ, постановленныхъ на послѣднемъ варшавскомъ сеймѣ, малѣйшее нарушеніе которыхъ будемъ всегда считать наравнѣ съ обидою, причиненною государству Намъ отъ Бога порученному: затѣмъ возлагаемъ надежду на разсудительность и чувства благодарности къ Намъ единовѣрныхъ съ Нами обывателей польскихъ областей, и не сомнѣваемся, что они будутъ поступать согласно со словами сего манифеста, имѣющаго цѣлью лишь ихъ справедливую пользу и счастіе; такимъ поведеніемъ они заявятъ себя истинными и послушными сынами православной церкви, достойными Нашего покровительства и въ предбудущее время. Данъ въ Петергофѣ 9 іюля 1768 года.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: *Екатерина.*

(М. П.).

ЭКСТРЕННЫЕ РАСХОДЫ

изъ суммъ малороссійской коллегіи.

Въ числѣ бумагъ, сообщенныхъ намъ П. С. Ефименкомъ, мы нашли подлинные указы за собственноручною подписью императрицы Екатерины II объ отпускѣ въ разныхъ размѣрахъ суммъ изъ доходовъ малороссійской коллегіи—единовременномъ и постоянномъ, съ возвратомъ и безъ возврата, на опредѣленныя надобности и безъ указанія оныхъ. Такихъ указовъ девять. Мы приводимъ ихъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ и за одною подписью, обозначая лишь дату каждаго. Суммы коллегіи, судя по роду расходовъ, считались свободными и получали назначеніе не прямое; видно окончательно установившееся стремленіе къ объединенію государственныхъ доходовъ.

Печатаемые указы принадлежали, очевидно, къ составу дѣлъ архива б. малороссійской коллегіи; но, какъ поясняетъ уважаемый Петръ Саввичъ, они найдены имъ въ одномъ изъ черниговскихъ архивовъ не только не пристроенными къ какому либо дѣлу или ихъ связкѣ, но просто валявшимися на полу, въ числѣ другихъ бумагъ. Это обстоятельство еще разъ указываетъ на то, какъ недостаточно охранены у насъ историческіе документы, годъ отъ году гибнущіе отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, и отъ чего отъ прежняго громаднаго архива малороссійской коллегіи сохранилась лишь 20-я часть, нашедшая себѣ мѣсто при харьковскомъ университетѣ. Къ свѣденію тѣхъ, кого это можетъ интересовать, сообщаемъ, что значительная часть дѣлъ этого архива находится въ Кіевѣ, въ архивѣ старыхъ присутственныхъ мѣстъ при кіевскомъ губернскомъ правленіи; но они, какъ и всѣ прочія дѣла прошлаго столѣтія, перемѣшаны въ крайнемъ безпорядкѣ и не имѣютъ никакой описи.

УКАЗЪ НАШЕЙ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ.

I.

Повелѣваемъ оной отпустить Нашему генералу князю Долгорукову на извѣстное Намъ употребленіе изъ скарбовой суммы сто тысячь рублевъ, кои опять въ оную возвращены будутъ.

Въ Санктъпетербургѣ
22-го марта 1772-го года.

II.

Женѣ умершаго генерала маіора князя Мачабелова княгинѣ Прасковьи Мачабеловой всемилостивѣйше повелѣваемъ выдать двѣ тысячи рублей изъ малороссійскаго скарбу.

Марта 11-ть
1777-го года
въ Санктпѣтербургѣ.

III.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ производить генералъ маіору Петру Завадовскому изъ скарбовыхъ доходовъ пансіона но смерть, по пяти тысячь рублей на годъ; и отдавать ему самому, или кому отъ него препоручено будѣтъ.

Іюня 5 дня
1777 года
Царское село.

IV.

Почитаемыя къ возвращенію изъ кабинета Нашего въ казну Нашу вѣдомства малороссійской коллегіи двадцать три тысячи девятьсотъ рублей употребленныя въ число прочей суммы на заплату графу Владиславичу за купленныя у него деревни для Нашего генерала фелдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, повелѣваемъ числить въ дѣйствительномъ расходѣ и къ возвращенію отъ кабинета неподлежащими.

Въ Санктпетербургѣ
Декабря 14-го дня
1778-го года.

V.

Уволивъ всемилостивѣйше изъ службы надворнаго совѣтника Григорья Дарковскаго по его прошенію, въ уваженіи на труды его Намъ извѣстные, повелѣваемъ производить получаемое имъ до нынѣ жалованье, ежегодно по шестисотъ рублей, по смерть его, изъ доходовъ вѣдомству оной коллегіи принадлежащихъ.

Въ Санктпетербургѣ,
Декабря 7 дня
1779-го года.

VI.

Секундъ-маіору Павлу Воскобойникову, находившемуся при Нашемъ тайномъ совѣтникѣ Завадовскомъ у исправленія дѣлъ, уволенному нынѣ изъ службы, всемилостивѣйше повелѣваемъ производить по смерть его изъ доходовъ вѣдомства малороссійской коллегіи настоящее его жалованье, каково онъ получалъ изъ кабинета Нашего, тоесть по пятисотъ по шестидесяти по два рубли на годъ, начиная дачу сію съ перваго числа сего генваря.

Въ Санктпетербургѣ,
Генваря 17 дня
1780 года.

VII.

Отозвавъ находящагося при его свѣтлости Ханѣ Крымскомъ резидента, надворнаго совѣтника, Андрея Константинова, по прошенію его, для употребленія къ другимъ дѣламъ, указали Мы отправить къ помянутому Хану, въ знакъ отличнаго Нашего благоволенія къ нему и ко всѣмъ татарскимъ вольнымъ и независимымъ народамъ, въ характерѣ чрезвычайнаго Нашего посланника и полномочнаго министра, статскаго совѣтника, Петра Веселицкаго. Оному Веселицкому повелѣваемъ производить жалованье по пяти тысячь рублей на годъ изъ доходовъ вѣдомства малороссійской коллегіи: на проѣздъ же и на заведеніе дома ему четыре тысячи рублей, а Константинову на выѣздъ двѣ тысячи рублей отъ Насъ всемилостивѣйше жалуемыя доставить имъ изъ тѣхже доходовъ.

Въ Санктпетербургѣ,
Февраля 15-го дня
1780 года.

VIII

На строенія потребныя по флоту Нашему черноморскому двѣсти три тысячи шестьсотъ сорокъ рублей повелѣваемъ отпустить изъ доходовъ наличныхъ, въ вѣдомствѣ малороссійской коллегіи имѣющихся, въ диспозицію Нашего генерала-поручика и флота генерала-цейгмейстера Ганнибала.

Въ Санктпетербургѣ,
Февраля 18 дня
1780 года.

IX.

Генералъ поручику Семену Ширкову до помѣщенія его въ губернаторы повелѣваемъ производить изъ малороссійскаго скарба по губернаторскому окладу жалованье.

Марта 16 дня,
1780-го года,
въ С-т петербургѣ.

Екатерина.

Библіографія.

Харьковъ, историко-статистическій опытъ К. П. Щелкова. Харьковъ 1881 г.

По странному стеченію обстоятельствъ, не смотря на то, что въ Харьковѣ уже въ теченіи $^3/_4$ столѣтія находится университетъ и такимъ образомъ сосредоточивается научная дѣятельность довольно обширнаго района, областная исторія бывшей Слободской Украины мало привлекала вниманіе харьковскихъ ученыхъ и осталась почти не тронутою. За исключеніемъ капитальнаго труда преосв. Филарета: „Описаніе харьковской эпархіи", едва-двѣ три брошюры посвящены мѣстной исторіи края.—Потому всякая новая книга, относящаяся къ исторіи Слободской Украины, представляетъ интересное для науки явленіе, раскрывая мало пока разработанную область. Книга г. Щелкова имѣетъ цѣлью хотя отчасти восполнить чувствующійся въ этомъ отношеніи пробѣлъ. Она раздѣлена на двѣ большія главы: въ первой заключается очеркъ исторіи города Харькова въ связи съ судьбою ближайшей къ нему мѣстности, во второй—исторія школъ и просвѣщенія въ Харьковщинѣ.

Представивъ краткій очеркъ судьбы южныхъ степей въ то время, когда они служили мѣстомъ кочевья для различныхъ степныхъ ордъ, авторъ указываетъ на зачатки колонизаціи страны въ XVII столѣтіи, вслѣдствіе переселенія жителей изъ приднѣпровской Украины, приблизительно въ половинѣ того же столѣтія, на основаніе самаго города Харькова и затѣмъ разсказываетъ устройство слободскихъ полковъ вообще и судьбы харьковскаго полка въ частности; перечислены походы харьковцевъ противъ татаръ, отраженія набѣговъ послѣднихъ, участіе полка въ разныхъ военныхъ походахъ и дѣйствія полковниковъ: Ивана

Сирка, впослѣдствіи прославившагося, въ качествѣ кошевого, запорожскаго атамана, Григорія Донца-Захаржевскаго, Лаврентія Шидловскаго, Григорія Квитки и т. д. При послѣднемъ полковникѣ Матвѣѣ Куликовскомъ, въ 1765 году, Слободская Украина была преобразована въ харьковскую губернію и особенности ея областнаго устройства упразднены. Бывшіе слободскіе полки перестали существовать и территорія, которую они занимали, вошла въ составъ харьковской губерніи. Въ 1780 году учреждено было харьковское намѣстничество, въ составъ котораго входило 15 уѣздовъ, занявшихъ все пространство харьковской губерніи и прилегающіе къ ней части нынѣшней курской.—Въ 1796 году намѣстничество было упразднено и губернія приведена въ нынѣ существующія границы подъ именемъ слободско-украинской и, наконецъ, 1836 году она окончательно переименована въ харьковскую. Въ очеркѣ г. Щелкова описаны посѣщенія города Харькова государями: Петромъ I, Екатериною II, Александромъ I, Николаемъ I и Александромъ II, а также важными государственными сановниками: Меншиковымъ, Потемкинымъ и т. д.—Изъ внутренней исторіи Харькова особенно интересны данныя о возникновеніи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ церковныхъ братствъ при харьковскихъ церквахъ: соборной, рождественской, троицкой и архангельской.

Въ числѣ воспоминаній частныхъ лицъ о Харьковѣ особенно интересенъ разсказъ академика Зуева, заимствованный авторомъ изъ статьи г. Сухомлинова. Въ 1781 году академикъ Зуевъ во время научной экскурсіи проѣзжалъ черезъ Харьковъ; здѣсь у него случилось пререканіе съ содержателемъ почтовой станціи, маіоромъ Мордвиновымъ, относительно количества слѣдуемыхъ лошадей и прогоновъ; Зуевъ обратился съ жалобою къ губернатору Норову, но губернаторъ обошелся съ просителемъ весьма непривѣтливо: „маіоръ Мордвиновъ, сказалъ онъ,—штабъ офицеръ, дворянинъ, здѣшній помѣщикъ, а ты кто?—Пусть ты офицеръ, да съ кѣмъ же ты говоришь? Знаешь-ли ты кто я?—Отведите его къ намѣстнику", заключилъ губернаторъ. Зуева препроводили къ намѣстнику, генералу Щербинину, гдѣ онъ встрѣтилъ пріемъ еще болѣе рѣзкій. „Намѣстникъ, выслушавъ рапортъ, пишетъ Зуевъ, вскочилъ со стула съ великою яростію, будто драться, и закричалъ: подъ караулъ его, на гауптвахту!" Препровожденный подъ конвоемъ, Зуевъ переночевалъ въ кутузкѣ и на другой день, подъ конвоемъ же былъ доставленъ къ намѣст-

нику для объясненій. Вотъ какъ онъ описываетъ это свиданіе, „Намѣстникъ началъ мнѣ говорить: что, братецъ, куда ты заѣхалъ? Или ты думаешь, что здѣсь невѣжды? Для чего ты неучтиво отвѣчаешь? Да вотъ ты теперь даже и противъ меня неучтивъ; конечно, васъ вѣжливости въ академіи не учатъ; такъ я уже много вашу братью училъ и теперь тебя учить стану. Поставилъ меня у порога, положилъ одну руку за свою пазуху, другую вытянулъ и велѣлъ смотрѣть на него: и такъ-то вотъ надобно стоять, и такъ-то вотъ надобно нагибаться, и такъ-то вотъ надобно говорить,—знай, что я на мѣстѣ генералъ-аншефа и въ должности намѣстника. Въ доказательство же своихъ пустыхъ привязокъ, началъ предо мною читать артикулъ изъ книги учрежденія объ управленіи намѣстничествъ, что должность намѣстника есть смотрѣть за порядкомъ, учтивствомъ, вѣжливостью и проч.". Послѣ продолжительной аудіенція, Зуевъ попросилъ, чтобы ему разрѣшено было выѣхать изъ Харькова. На просьбу эту намѣстникъ отвѣтилъ: „хорошо! мы въ тебѣ нужды не имѣемъ и не имѣли, и зачѣмъ ты пріѣхалъ, Богъ тебя знаетъ; поѣзжай!" Зуевъ, конечно, постарался выбраться поскорѣе изъ Харькова, исполнивъ безпрекословно всѣ вымогательства содержателя почтъ.

Во второй главѣ сочиненія г. Щелкова представленъ весьма подробный очеркъ просвѣщенія въ Слободской Украинѣ. Авторъ обращаетъ особое вниманіе на основаніе и развитіе харьковскаго духовнаго коллегіума, харьковскаго университета и института благородныхъ дѣвицъ, а также сообщаетъ интересныя характеристики умственнаго развитія харьковскаго общества и вліянія, оказываемаго на это развитіе просвѣтительною дѣятельностью названныхъ учрежденій; онъ сообщаетъ при этомъ довольно подробно начерченныя біографіи Каразина и Григорія Квитки-Основяненка, оказавшихъ несомнѣнно большое вліяніе на умственную жизнь современнаго имъ харьковскаго общества. Вообще, вторая глава сочиненія г. Щелкова изобилуетъ подробностями и фактическія данныя ея группируются въ довольно полную картину; это впрочемъ и естественно, такъ какъ, помимо матеріала, добытаго авторомъ, у него были подъ рукою довольно обстоятельныя монографіи о сюжетѣ его изслѣдованія, составленныя г. Данилевскимъ въ его „Украинской Старинѣ".

Въ заключеніе книжки г. Щелковъ помѣстилъ краткій историко-топографическій очеркъ нынѣшняго Харькова и прило-

жилъ записку о состояніи харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, составленную въ 1844 году Гулакомъ-Артемовскимъ.

Описаніе кіево-софійскаго каѳедральнаго собора. П. Г. Л. Кіевъ. 1882 г.

Кіево-софійскій каѳедральный соборъ имѣетъ свою довольно богатую литературу. Его непремѣнно касались всѣ многочисленные описатели Кіева и его святынь. Ему посвящено немало статей, преимущественно въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, и особыхъ сочиненій. Изъ числа послѣднихъ упомянемъ: „Описаніе кіево-софійскаго собора и кіевской іерархіи“ митрополита Евгенія, 1825 г., „Описаніе кіево-софійскаго собора“ протоіерея И. М. Скворцова, 1854 г., „Древности и символики кіево-софійскаго собора“, 1863 г., „Кіево-софійскій каѳедральный соборъ“, 1869 г. А. Н. Муравьева, и „Древности россійскаго государства. Кіево-Софійскій соборъ“, 1873 года. Не смотря на обиліе спеціальныхъ статей о кіево-софійскомъ соборѣ и описаній его, нельзя сказать, чтобы вполнѣ уяснена была для насъ древняя, первоначальная конструкція этого собора и вся дальнѣйшая его судьба. Соборъ этотъ, существующій свыше 800 лѣтъ, въ теченіи долгой жизни своей подвергался различнымъ невзгодамъ, поправкамъ и передѣлкамъ, которыя нерѣдко принимались впослѣдствіи за принадлежности первоначальнаго его состава. Нужно было опредѣлить, что осталось въ соборѣ въ первоначальномъ его видѣ, что утрачено изъ него или что прибавлено послѣ; а для этого потребовался цѣлый рядъ археологическихъ и историческихъ изысканій и сопоставленій. Много было сдѣлано въ этомъ отношеніи для кіево софійскаго собора предъидущими описателями его и особенно митрополитомъ Евгеніемъ; но авторъ разсматриваемаго сочиненія, резюмировавъ труды своихъ предшественниковъ, привнесъ много новаго и отъ себя для разъясненія подлиннаго облика древней Софіи кіевской и ея исторіи. Такъ, на основаніи недавно открытаго гравированнаго вида Софійскаго собора 1651 года, изученія кладки и сравненія съ другими подобными храмами, авторъ съ математическою, можно сказать, точностію опредѣлилъ древній видъ куполовъ софійскаго собора. „На передней, западной сторонѣ храма,—говоритъ онъ,—въ древности возвышались двѣ башни или вежи, съ каменными

лѣстницами внутри, которыми восходили на хоры и на внѣшнія плоскія галлереи, бывшія на боковыхъ папертяхъ. Вежи эти оканчивались куполообразно съ щелеобразными окнами въ стѣнкахъ, подобно вежѣ новгородскаго софійскаго собора, уцѣлѣвшей въ первоначальномъ своемъ видѣ. Верхи вежъ кіевской Софіи въ концѣ XVII в. преобразованы въ купола съ обыкновенными окнами. Кромѣ двухъ башенныхъ верховъ, на софійскомъ соборѣ виднѣлось 13 куполовъ, изъ коихъ главный, на средней его части, 12-ти-гранный имѣетъ въ діаметрѣ 3½ саж.; его окружали 4 меньшихъ купола, которые видны и теперь, и 8 низкихъ куполовъ, которые скрылись подъ позднѣйшею шатровою кровлею собора. Вмѣсто послѣднихъ, на боковыхъ верхнихъ папертяхъ устроены въ концѣ XVII в. 4 новыхъ большихъ купола, по два на каждой изъ нихъ“.—Съ такою же точностію опредѣлено происхожденіе и положеніе папертей собора. „Во второй половинѣ XI в.,—говоритъ авторъ *Описанія*,—съ трехъ сторонъ—западной, сѣверной и южной, пристроены къ собору одноэтажныя паперти, въ 3 саж. 1½ арш. широты каждая; изъ нихъ уцѣлѣли донынѣ только двѣ—сѣверная и южная, а передняя—западная паперть обрушилась 6 сентября 1625 года“. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ „Описаніи“ сравнительный методъ изученія и описанія софійскаго храма и его принадлежностей, восполняющій то, чего не сохранилось въ этомъ соборѣ въ натурѣ. „Надъ главнымъ престоломъ,—говоритъ авторъ,—вѣроятно, была невысокая сѣнь изъ столбовъ лучшаго мрамора съ архитравомъ, который вѣнчался четвероконечнымъ крестомъ,—сѣнь, подобная изображенной древнею мозаикою на запрестольной св. трапезѣ. Во время причащенія священнослужителей, не закрывался отъ взора предстоящихъ алтарь, а закрывался только его престолъ занавѣсами изъ дорогихъ тканей, прикрѣпленными къ архитраву надпрестольной сѣни, какъ было въ Софіи константинопольской. Иконостасы въ видѣ сплошной преграды устроены въ нашемъ софійскомъ соборѣ въ первый разъ въ 1644 году“. Благодаря такому тщательному изученію собора, описаніе представляетъ полную, наглядную картину первоначальнаго его состоянія и вида и разновременныхъ наслоеній на него и перемѣнъ въ немъ. Все описаніе собора состоитъ изъ 28 параграфовъ или небольшихъ главъ, къ коимъ приложены въ концѣ: лѣтопись кіево-софійскаго собора и кіевской митрополіи и каталогъ кіевскихъ митрополитовъ, служившій доселѣ камнемъ претыканія для

нашихъ ученыхъ. Къ сожалѣнію, описаніе издано въ формѣ краткаго путеводителя по кіево-софійскому собору, безъ ученаго аппарата и оправдательныхъ цитатъ, безъ указанія и опроверженія противоположныхъ мнѣній. Поэтому читателю не дается сразу, что именно новаго привнесено авторомъ въ сравненіи съ предшествовавшими описаніями, и часто приходится вѣрить автору только на слово. **Н. П.**

Народныя преданія въ Подоліи. Графъ Мотыка. Сочиненіе гр. Биберштейна. Каменецъ-Подольскъ. 1881.

Заманчивое заглавіе брошюрки заставило насъ взять ее въ руки и пересмотрѣть. Въ предисловіи къ ней читаемъ слѣдующее: „Историческая поэма *Графъ Мотыка* найдена нами въ фамильномъ архивѣ нашихъ предковъ еще въ 1868 году, но по разнымъ причинамъ, не интереснымъ для читателя, не могла быть издана. Въ графѣ Мотыкѣ, какъ въ фокусѣ, изображены черты польскаго пана въ Подоліи конца XVIII и начала XIX вѣка. Всѣмъ намъ памятны разсказы и преданія о Каневскомъ, Чарторыйскомъ, Дульскомъ, Мархоцкомъ и другихъ, даже къ намъ близкихъ лицахъ, о коихъ не упоминается потому, что родные ихъ еще находятся въ живыхъ. Описываемая мѣстность, сколько можемъ заключать, это—имѣнія графа Дульскаго, расположенныя въ проскуровскомъ уѣздѣ, а также родныхъ его въ летичевскомъ уѣздѣ. Преданія о постройкѣ въ одну ночь корчмы, овчарни, переносѣ селъ и церквей еще живутъ въ той мѣстности, о коей идетъ рѣчь. За разрушеніе церквей, какъ говорятъ, и секвестрованы его имѣнія. Еще недавно оставались слѣды церкви: село перенесено, а церковь съ священникомъ осталась. Еще потомокъ одного графа въ 40-хъ годахъ скакалъ съ ватагой козаковъ, верхами, чрезъ возы и людей въ Ярмолинцахъ во время ярмарки. Онъ былъ схваченъ жандармами въ Ярмолинцахъ же и вывезенъ въ великороссійскія губерніи въ ссылку за безчинство и другія мало намъ извѣстныя дѣла. Этотъ герой обѣдалъ въ Шаровкѣ, а чай пилъ въ Каменцѣ, куда поспѣвалъ на арабскомъ скакунѣ, и назадъ домой возвращался на ночь. Еще живо преданіе о томъ, какъ одинъ панъ наложилъ жидовъ, какъ сноповъ, на возъ и *перерублевáлъ* ихъ, т. е. прикрѣпилъ, какъ прикрѣпляются снопы, толстымъ бревномъ (рубель) и веревками и по-

слалъ одному пану въ подарокъ. Уже въ концѣ царствованія Николая I бывали случаи, что обнаженнаго крестьянина зимой привязывали къ дереву и обливали водой, которая покрывала его ледяной скорлупой. И много-много было такихъ выходокъ, коими отличались средневѣковые рыцари и бароны въ западной Европѣ и у насъ въ Россіи. Стоитъ вспомнить бироновщину, чтобы убѣдиться, чего только не допускалъ себѣ сильный по отношенію къ слабому и безправному! Миновали времена эти, и лишь остались въ старыхъ архивахъ странныя повѣсти и преданія о нихъ. Одну изъ такихъ повѣстей мы нынѣ и предлагаемъ читателю. Эта повѣсть для подолянина не требуетъ объясненій,—она ему понятна; для людей же, мало знакомыхъ съ Подолью, мы сдѣлали кратенькія примѣчанія, насколько, по нашему разумѣнію, мы считали необходимымъ".—Прочитавъ заглавіе брошюрки и предисловіе къ ней, невольно приходимъ къ недоумѣнію, кто же сочинилъ предлагаемую поэму, самъ ли гр. Биберштейнъ, какъ значится въ заглавіи, или же кто либо другой, а гр. Биберштейнъ нашелъ только ее въ своемъ фамильномъ архивѣ, какъ сказано о томъ въ предисловіи. Въ концѣ поэмы опять подписанъ графъ Биберштейнъ. Этого недоумѣнія не рѣшаетъ и сама поэма, написанная плохими малорусскими стихами въ стилѣ Тимка Падурры и другихъ подобныхъ ему украинствующихъ поляковъ, безъ всякой искры поэтическаго таланта. Но досаднѣе всего то, что и самое историческое содержаніе поэмы не возбуждаетъ довѣрія къ себѣ. Авторъ какъ будто хотѣлъ представить въ своей поэмѣ типическое лицо польскаго магната-самодура прежнихъ временъ и приписалъ ему частныя черты, принадлежащія другимъ лицамъ. Словомъ, и въ историческомъ, и въ литературномъ отношеніяхъ поэма ниже всякой критики и мы говоримъ о ней только потому, что она затрогиваетъ дѣйствительно интересный предметъ, стоющій вниманія и обработки. Но намъ нужны не поэмы объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, хотя бы даже и хорошо написанныя, а архивные мемуары или устныя преданія въ подлинномъ, не искаженномъ ихъ видѣ, которыя могли бы, если угодно, послужить матеріаломъ и для поэмы. Въ заключеніе, отмѣтимъ въ брошюрѣ одну частность, касающуюся Кіева. Въ примѣчаніи, на страницѣ 8, авторъ говоритъ слѣдующее: „Во времена Екатерины II на ратушѣ въ Кіевѣ были часы, и во время боя часовъ, какъ въ Прагѣ Спаситель и 12 апостоловъ, такъ здѣсь выходилъ козакъ

и кресалъ *огнию*. При каждомъ ударѣ колокола онъ билъ о кремень, и сыпались искры". Вѣрно, да не совсѣмъ. **Н. П.**

Wiadomość o malarzach bazylijańskich. Podal ks. Sadok Barącz (Przegląd bibliograficzno-archeologiczny, 1882 № 3, 4).

Ксендзъ Барончъ извѣстенъ въ галицко-польской исторической литературѣ нѣсколькими спеціальными изслѣдованіями мѣстнаго характера, изъ которыхъ болѣе всего внесло новаго, до сихъ поръ малоизвѣстнаго и кропотливо разработаннаго матеріала, изслѣдованіе о каменецкихъ и львовскихъ армянахъ, подъ заглавіемъ „Żywoty sławnych ormian w Polsce". Новая его статья представляетъ краткій сводъ біографическихъ данныхъ, разсѣянныхъ отрывочно въ большомъ числѣ источниковъ, о монахахъ чина св. Василія, „базиліанахъ", занимавшихся живописью, или вѣрнѣе—иконописаніемъ. Такихъ монаховъ автору, не смотря на тщательныя изысканія (po wielu mozolnych badaniach), удалось найти всего только двѣнадцать. Даже и эта цифра оказывается несовсѣмъ вѣрной, такъ какъ дѣйствительныхъ базиліанъ здѣсь поименовано только десять, а остальные два—монахи православнаго исповѣданія, оба имѣвшіе ближайшее отношеніе къ Кіеву: преподобный Алипій печерскій и св. Петръ митрополитъ кіевскій, родомъ съ Волыни.

Собственно базиліане, упоминаемые у кс. Барончa, всѣ относятся къ XVIII вѣку и почти всѣ проходили ученіе, искусъ или служеніе въ почаевской лаврѣ, бывшей въ эту эпоху почти такимъ же религіознымъ образовательнымъ центромъ для уніатовъ, какимъ былъ для православныхъ южноруссовъ Кіевъ, съ его лаврою и могилинской академіей. Въ періодъ наибольшаго распространенія уніи въ русскихъ областяхъ Польши, непосредственно предшествовавшій ея раздѣламъ, изъ Почаева расходилась главная масса богослужебныхъ книгъ, равно какъ и духовныхъ стиховъ, нерѣдко распѣваемыхъ еще и теперь нищими-слѣпцами и слѣпцами же лирниками, даже въ восточной Малороссіи. Сборники этихъ стиховъ носили названіе „Богогласниковъ", а теперь они составляютъ своего рода рѣдкость. Изъ статьи кс. Барончa видимъ, что вліяніе Почаева не ограничивалось книгами и изустно распранявшимися стихами, а отражалось также и на иконописи. Впрочемъ, вліяніе это едва ли достигало далѣе западной Волыни и, конечно, восточной Галиціи, такъ какъ

между почаевскими живописцами не нашлось ни одного выдающагося таланта. Свѣтской живописью они не занимались почти вовсе, и только о двухъ изъ нихъ упоминается, что они писали и портреты, именно Гловацкій Исихій (Яковъ Игнатьевичъ) и Калиновичъ Іакинѳъ (Иванъ Александровичъ). Первому принадлежитъ портретъ извѣстнаго каневскаго старосты Николая Потоцкаго, сохранившійся въ Бучачѣ, второй рисовалъ портретъ его же въ Злочовѣ, но сохранился ли онъ,—авторъ не упоминаетъ.

Мы не имѣемъ подъ рукой большей части источниковъ, которые служили матеріалами кс. Барончу, а потому не можемъ высказаться опредѣленно ни о степени ихъ достовѣрности, ни о степени критическаго развитія пользовавшагося ими автора. Многое однако наводитъ на большія сомнѣнія въ достоинствахъ того и другаго. Съ первой же строки авторъ говоритъ о *базиліанахъ* въ Кіевѣ еще въ моментъ крещенія св. Ольги, причисляетъ къ нимъ печерскихъ монаховъ конца XI столѣтія и кіевскаго митрополита изъ жившихъ во Владимірѣ Клязьменскомъ, ранѣе даже неудавшейся флорентійской уніи, принятой митрополитомъ Исидоромъ. Въ отдѣльныхъ біографіяхъ Алипія и Петра недосмотровъ тоже немало; въ послѣдней напр. говорится, будто первымъ кіевскимъ митрополитомъ, переселившимся во Владиміръ, былъ Максимъ, „также жилъ и преемникъ его Кипріанъ". На самомъ дѣлѣ, въ суздальскую землю перешелъ еще предшественникъ Максима, Кириллъ (III), непосредственнымъ преемникомъ его былъ именно св. Петръ, а между послѣднимъ (1308—1326 г.) и Кипріаномъ (1378—1407 г.) упоминаются еще митрополиты Ѳеогностъ и Алексій. Въ разсказѣ объ Алипіи сбиты въ одно эпизоды изъ его жизни, передаваемые въ Минеяхъ, какъ случаи совершенно отдѣльные, а мелкія подробности обличаютъ очень плохое знакомство съ церковнославянскимъ языкомъ самого-ли кс. Баронча, или послужившаго ему источникомъ писателя,—не знаемъ. Тотъ или другой переводитъ слово „прокаженный" терминомъ „paralityk", а о наученіи Алипія иконописи говорится: „uczył się sztuki malarskiej u greckich malarzy, *a mianowicie u Mojżesza, w Ławrze pracującego*". Въ житіи подчеркнутой подробности нѣтъ, ни по Патерику, ни по Минеямъ; и что же оказывается?—Поводомъ къ ней послужило выраженіе: „украшающымъ иконописцемъ *мусією* олтарь"; мусію т. е. мозаику переводчикъ принялъ за Мусія т. е. Моисея!...

Ив. Н.

Księga pamiętnicza majora A. Ptaszyńskiego 1769—1793, przepisał dr. Antoni J. Kr. 1881, in 8-o, стр. 53.

Брошюра эта составляетъ не воспроизведеніе мемуаровъ Пташинскаго вполнѣ, а только извлеченіе изъ нихъ тѣхъ мѣстъ, которыя представляютъ свѣдѣнія, до сихъ поръ неизвѣстныя, пополняютъ или исправляютъ изданные ранѣе источники. Такое же извлеченіе, въ русскомъ переводѣ, но значительно короче нынѣшняго, было помѣщено въ Подольскихъ Епарх. Вѣд. 1880 г., и носитъ въ отдѣльныхъ оттискахъ (К.-Под., 1880, 12°, стр. 50) заглавіе: „Подольская Старина, № 1-й". Изъ отрывочныхъ упоминаній въ самихъ мемуарахъ оказывается, что Андрей Пташинскій вступилъ въ военную службу въ гарнизонъ г. Каменца въ 1750 г., въ 1768 былъ уже майоромъ и прослужилъ въ этомъ чинѣ до 1793 г., когда, вслѣдъ за присоединеніемъ Каменца къ Россіи, вышелъ въ отставку, вмѣстѣ со многими другими офицерами мѣстнаго гарнизона. Рукопись мемуаровъ, фоліантъ въ 500 страницъ, принадлежитъ г. Авт. Рациборовскому, содержитъ въ себѣ много извѣстныхъ уже документовъ того времени, иногда съ отрывочными замѣчаніями автора, и писана имъ всегда подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, изо дня въ день, „по исполненіи служебныхъ обязанностей", какъ замѣчаетъ самъ Пташинскій. Вниманіе его останавливалось главнымъ образомъ на происходившихъ по сосѣдству военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ противъ турокъ, и потому мемуары эти заключаютъ въ себѣ едва ли не болѣе матеріаловъ для русской исторіи, чѣмъ для польской; изъ одного выраженія можно заключить, что Пташинскій въ войну 1769—1775 г. находился при русской арміи въ качествѣ волонтера. „Я присутствовалъ, говоритъ онъ, отъ начала войны подъ Хотиномъ до настоящаго времени", до 13 іюля 1775 г. О ходѣ войны 1787 и слѣдующихъ годовъ онъ получалъ въ Каменцѣ извѣстія отъ ген. Іос. Витта и принца Нассаускаго, а извѣстно, что оба они принимали въ этой войнѣ непосредственное участіе. Не вдаваясь въ излишнія подробности, ограничимся перечнемъ содержанія мемуаровъ Пташинскаго, въ томъ ихъ видѣ, какъ они заключаются въ брошюрѣ д-ра Антонія І. (г. І. І. Ролле). Они содержатъ въ себѣ слѣдующее: Описаніе турецкаго лагеря подъ Хотиномъ.—Начало войны 1769 г.—Проѣздъ черезъ Каменецъ бывшаго русскаго посла въ Турціи, Обрѣзкова.—Расположеніе русскихъ войскъ въ областяхъ Польши въ 1775 г.—Церемоніалъ пе-

реправы чрезъ Днѣстръ русскаго посольства въ Турцію и турецкаго въ Россію.—Проѣздъ въ Турцію послѣдняго крымскаго хана Шагинъ гирея (это показаніе современника, вполнѣ подтверждаемое еще и другою мѣстною записью, исправляетъ мнѣніе многихъ писателей о смерти Шагинъ-гирея въ Россіи). Сосредоточеніе въ Подоліи польскихъ войскъ во время войны 1787 г.— Переписка султана татарскаго Асланъ-гирея съ воеводою русскимъ Щенснымъ Потоцкимъ, и пожертвованія послѣдняго въ пользу арміи.—Отступленіе поляковъ отъ турецкой границы и занятіе ея австрійцами.—Письмо по-этому поводу хотинскаго коменданта Османа паши.—Вступленіе русскихъ войскъ.—Осада и взятіе Хотина.—Четырехлѣтній сеймъ; польское посольство въ Турцію.—Письма: Румянцева къ Щ. Потоцкому, Потоцкаго къ ген. Миллеру; Малаховскаго къ Потоцкому и обратно, къ нему же отъ короля и отъ Коссаковской.—Нѣкоторыя данныя о тарговицкой конфедераціи и состояніе Каменца въ эту эпоху.—Письма ген. А. Злотницкаго, каменецкаго коменданта Орловскаго, того же Потоцкаго и майора Перекладовскаго.—Присяга гарнизона и жителей Каменца на вѣрность Россіи; сдача крѣпости.

Уже изъ этого краткаго перечня видно, что записки Пташинскаго представляютъ значительный интересъ для мѣстной исторіи, и нельзя не поблагодарить г. Ролле за обнародованіе этого памятника, особенно въ виду того, что онъ составляетъ частную собственность, доступность же частныхъ архивовъ обусловливается всегда только личными связями и знакомствами, т. е. зависитъ отъ случайности.

Ив. Н.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ПОДАРОКЪ КІЕВСКОМУ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ МУЗЕЮ.

Въ 1868 и 1871 годахъ служащій при Московской Оружейной Палатѣ художникъ Д. М. Струковъ, по Высочайшему повелѣнію, открылъ, раскопалъ или очистилъ на южномъ берегу Крыма свыше двадцати долбленыхъ пещерныхъ и строенныхъ на землѣ древнихъ христіансяихъ храмовъ и другихъ памятниковъ и сдѣлалъ съ нихъ гипсовыя модели, которыя на московской политехнической выставкѣ удостоены были золотой медали за исполненіе. Затѣмъ, эти слѣпки пріобрѣтены были императорской академіей художествъ. Кромѣ того, художникъ Струковъ исполнилъ въ миньятюрѣ нѣсколько гипсовыхъ же слѣпковъ съ тѣхъ же крымскихъ храмовъ и въ 1874 году пожертвовалъ ихъ въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи. Нынѣ поступили въ этотъ музей и тѣ гипсовыя модели г. Струкова, которыя пріобрѣтены были императорской академіей художествъ. Августѣйшій президентъ сей академіи, великій князь Владиміръ Александровичъ, состоящій вмѣстѣ и покровителемъ церковно-археологическаго общества при кіевской академіи, въ прошломъ году повелѣлъ передать въ музей церковно-археологическаго общества означенныя модели, которыя въ февралѣ сего года и были переданы по назначенію. Такимъ образомъ въ Кіевѣ въ настоящее время находится довольно полная, единственная въ своемъ родѣ коллекція моделей древнихъ пещерныхъ и строенныхъ на землѣ крымскихъ христіанскихъ храмовъ и другихъ памятниковъ.

Въ означенныхъ моделяхъ воспроизведены слѣдующіе храмы и памятники: 1., инкерманская скала съ долблеными жилыми помѣщеніями и храмами; 2., храмъ св. Климента, папы римскаго, который, по преданію, совершалъ здѣсь богослуженіе, — въ той же инкерманской скалѣ; 3—6., три долбленые храма въ той-же скалѣ; 7., пещерный храмъ къ сѣверу отъ инкерманской скалы, черезъ балку, на углу другой скалы; 8—9., два долбленые храма на противоположной Инкерману сторонѣ, черезъ Черную рѣчку, на углу скалы; 10., храмъ въ севастопольской бухтѣ, въ южной сторонѣ, въ четырехъ верстахъ отъ моря, на углу скалы, нынѣ уничтоженный; 11., храмъ въ скалѣ близъ селенія Шули, въ 15 верстахъ отъ Инкермана; 12., тепе-керменская скала съ тремя ярусами пещеръ; 13., храмъ въ скалѣ Тепе-Кермень, на краю восточной стороны, въ полугорѣ, съ оригинальнымъ расположеніемъ алтаря; 14., храмъ на скалѣ Мангупъ; 14., построенный на землѣ храмъ въ селеніи Ай-Василь, близъ г. Ялты, съ надписью 801 г.; 15., такой-же храмъ въ деревнѣ Никиты, недалеко отъ Ялты, съ 1784 г. обращенный въ мечеть; 16., алтарь въ формѣ особаго зданія въ природной обширной пещерѣ изъ сталактитовъ, на вершинѣ горы Еграфъ, между селеніями Аутка и Ай-Василь; 17., фундаментъ обширнаго храма и стѣны восточной части алтаря въ деревнѣ Урзуфъ, недалеко отъ деревни Никиты, близъ крѣпости *Горсувитовъ*, построенной въ VI вѣкѣ; 18., остатки стѣнъ храма у подошвы горы Ай-Дагъ, между Ялтой и Алуштой, построеннаго готоійскимъ архіепископомъ Іоанномъ въ VIII в. и возобновленнаго митрополитомъ Даміаномъ въ 1428 году; 19—20., два храма на горѣ Ай-Дагъ; 21., храмъ въ селеніи Артекъ, у подошвы горы Ай-Дагъ; 22., двухъ этажный храмъ на горѣ Демерджи, близъ Алушты, съ живописью; 23., храмъ въ Судакѣ (древн. Сугдаія, Сугдеѣ, Сурожѣ), близъ древней крѣпости, съ фресковыми изображеніями по стѣнамъ; 24., храмъ въ селеніи Козы, близъ Судака; 25., храмъ близъ селенія Отузы, между Судакомъ и Ѳеодосіей, въ лѣсу; 26—31., шесть памятниковъ, откопанныхъ въ Инкерманѣ, близъ Судака, въ Кикіенизѣ, Мангупѣ; 32., пять памятниковъ, называемыхъ Кельтійскими, близъ деревни Ай-Василь; 33., гробница съ крышкой; 34., разрѣзъ водоема въ Херсонисѣ; 35., проэктъ памятника надъ воинами волынскаго и селенгинскаго полковъ, павшими въ битвѣ 24 октября, 1854 года, на высотахъ инкерманскихъ.

Вмѣстѣ съ моделями передано въ музей нѣсколько оригинальныхъ фрагментовъ разныхъ памятниковъ крымскихъ, изсѣченныхъ крестовъ, надписей и т. п. Представляя общій интересъ для исторіи церковной архитектуры, модели эти могутъ имѣть и частный интересъ для Кіева, такъ какъ крымскія пещеры, по всей вѣроятности, служили прототипомъ кіевскихъ пещеръ.

Н. П.

Излишніе малороссійскіе монахи конца XVIII ст.,

какихъ они были качествъ и какъ доживали свой вѣкъ*).

1786 годъ былъ роковымъ годомъ въ исторіи малороссійскаго монашества. Въ апрѣлѣ сего года состоялся слѣдующій указъ императрицы Екатерины II.

Указъ Нашему Синоду.

Предъуспѣвъ съ помощію Божіею распорядить епархіи и монастыри въ большей части имперіи НАШЕЙ на такомъ основаніи, которое и съ первоначальными правилами благочестивой вѣры христіанской и съ общею пользою сходствуетъ, не могли МЫ въ одно время распространить оныхъ на епархіи и монастыри, въ Малой Россіи состоящіе, по не устроенному до того въ сей области управленію и по не имѣнію въ ней прежде сего ни вѣрной ревизіи, ниже точныхъ правилъ для сбора доходовъ. Съ устроеніемъ нынѣ трехъ намѣстничествъ малороссійскихъ: кіевскаго, черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго, на равнѣ съ прочими губерніями имперіи НАШЕЙ, пріобрѣтаемъ мы удобность ввести надлежащее единообразіе и относительно содержанія архіерейскихъ домовъ и монастырей тамошнихъ, учреждая оное самымъ достаточнымъ образомъ, освобождая духовныхъ властей и чиновъ отъ несвойственныхъ имъ управленія деревнями, заботъ хозяйственныхъ и всего болѣе неприличныхъ духовному сану хожденій въ судахъ по тяжбамъ и ссорамъ, и стараяся отъ сея части заимствовать всевозможную для общества пользу. Посему и повелеваемъ.

Первое. Митрополиту кіевскому производить на содержаніе

---

*) По рукописнымъ документамъ архива Св. Синода.

его и дома его ту самую сумму, которая по штатамъ утвержденнымъ отъ насъ въ 1764 г. положена на архіерейской московскій домъ, за исключеніемъ денегъ на Чудовъ монастырь въ тѣхъ штатахъ назначенныхъ.

Второе. Кіевопечерской лаврѣ имѣть свое содержаніе противъ назначеннаго въ штатахъ на троицкую сергіеву лавру. Архимандритомъ кіевопечерскія лавры быть митрополиту кіевскому, получая и положенный архимандриту троицкой сергіевой лавры окладъ; впрочемъ число монашествующихъ такъ распорядить, чтобъ половина оныхъ была изъ ученыхъ и къ высшимъ духовнымъ степенямъ пріуготовляемыхъ, другая же для служенія къ архіерейскому дому и монастырю. А для уединенія престарѣлыхъ назначить по разсмотрѣнію митрополита одну изъ приписныхъ пустынь, вблизи Кіева находящихся.

Третіе. Катедральный кіево-софійскій монастырь переименовать кіевскимъ софійскамъ соборомъ, опредѣляя къ нему протопопа и прочихъ священно-и церковно-служителей съ окладомъ наравнѣ съ моск. архангельскимъ соборомъ. Сверхъ того въ семъ монастырѣ помѣщено быть имѣетъ и главное народное училище кіевскаго намѣстничества, по волѣ НАШЕЙ заводимое отъ коммисіи объ установленіи народныхъ училищъ въ имперіи НАШЕЙ.

Четвертое. Ставропигіальный кіевомежигорскій монастырь перевесть въ таврическую область, гдѣ оный въ 1-мъ классѣ учрежденъ будетъ: строеніе же обратится для помѣщенія отставныхъ офицеровъ, призрѣнія по ихъ дряхлости и неимуществу требующихъ. Чего ради по выводѣ монаховъ и отдать все то въ вѣдомство Приказа общественнаго призрѣнія.

Пятое. Изъ монастырей кіевской епархіи быть въ I классѣ кіево-пустынно-николаевскому и кіево-златоверхо-михайловскому, во II кіевскому греческому екатерининскому, лубенскому преображенскому и вознесенскому переяславскому; въ III—кіево-выдубецкому и козелецкому георгіевскому, изъ коихъ первый имѣетъ служить больницею для прочихъ кіевскихъ монастырей. Изъ женскихъ монастырей опредѣлить въ I кл. кіево-фроловскій вознесенскій, во II кіево-богословскій, въ III козелецкій и благовѣщенскій золотоношскій

Шестое. Кіевской академіи со всѣми къ ней принадлежащими заведеніями быть при архіерейскомъ домѣ въ кіево печерской лаврѣ, а братскій монастырь, служащій нынѣ для помѣщенія помянутой академіи, обратить на главный гошпиталь по его положенію.

Седьмое. Черниговскому архіерею имѣть по прежнему свое пребываніе въ катедральномъ борисоглѣбскомъ монастырѣ; на содержаніе его и дóма его производить сумму, по штатамъ на архіерейскіе домы втораго класса опредѣленную.

Осьмое. Черниговъ. преображенскій соборъ, въ разсужденіи древности его, положить на содержаніе новгородскаго софійскаго собора.

Девятое. Изъ монастырей черниговской епархіи быть въ I классѣ черниговскому успенскому елецкому, во II нѣжинскому благовѣщенскому, въ III успенскому домницкому, изъ женскихъ въ III классѣ нѣжинско-введенскому.

Десятое. Новгородско-сѣверскому архіерею имѣть свое пребываніе въ монастырѣ спасо-сѣверскомъ новгородскомъ; на содержаніе же его и дóма его производить ту сумму, катораяпо штатамъ на архіерейскіе дома II класса опредѣлена.

Первое-надесять. Изъ монастырей новгородско-сѣверской епархіи быть во II классѣ глуховскому петропавловскому и гамалѣевскому харлампіевскому, въ III батуринскому николаевскому; изъ женскихъ же оставить одинъ въ III классѣ по разсмотрѣнію епархіальнаго архіерея.

Второе-надесять. Изъ остающихся за симъ монастырей обратить троицкій ильинскій черниговскій для помѣщенія университета въ семъ городѣ учреждаемаго, пятницкій женскій для главнаго народнаго училища черниговскаго намѣстничества, заводимаго комисіей объ установленіи народныхъ училищъ въ имперіи НАШЕЙ; и сверхъ того въ каждой губерніи, по сношенію НАШЕГО генерала губернатора съ епархіальными архіереями выбрать по одному мужескому и по одному женскому монастырю, кои съ лучшею удобностію употреблены могутъ быть къ содержанію бѣдныхъ, увѣчныхъ и призрѣнія требующихъ нижнихъ чиновъ и тому подобныхъ людей,—кои и отдать въ вѣденіе Приказовъ общественнаго призрѣнія; прочія же, равно и приписныя къ монастырямъ пустыни, за исключеніемъ упомянутой во 2 пунктѣ сего указа, обратить въ приходскія церкви, стараясь, гдѣ удобно, помѣстить при нихъ малыя народныя школы и богодѣльни, что̀ и относится къ попеченію Приказовъ общественнаго презрѣнія и къ распоряженію НАШЕГО генералъ-губернатора.

Третіе-надесять. На содержаніе кіевской академіи съ принадлежащими къ ней заведеніями указали мы отпускать ежегод-

но по 8400 р., на черниговскую и новгородъ-сѣверскую семинаріи на каждую по 2000 рублей.

Четвертое надесять. Объ отводѣ ко архіерейскимъ домамъ и монастырямъ загородныхъ домовъ, рыбныхъ ловель и земли для выгона и для огородовъ, сходно 12 пункту учрежденія, приложеннаго при штатахъ 1764 года, предписано отъ НАСЪ сенату НАШЕМУ.

Пятое-надесять. Въ постриженіи въ монахи и монахини поступать по точности правилъ въ дух. регламентѣ и въ указахъ и учрежденіяхъ НАШИХЪ относительно прочихъ епархій и монастырей имперіи НАШЕЙ изданныхъ; для лучшаго же объясненія всего вышеписаннаго приложено при семъ росписаніе на всѣ помянутые архіерейскіе дома, соборы и монастыри. Впрочемъ что принадлежитъ до управленія имѣній за монастырями, въ сихъ трехъ епархіяхъ бывшихъ, и сбора доходовъ, данъ отъ НАСЪ особый указъ НАШЕМУ сенату.

С.-Петербургъ
апрѣля 10.
1786 года [1]). *Екатерина.*

Изъ этой торжественной и повидимому окончательной декларапіи ни одинъ пунктъ, кромѣ перваго и нѣсколькихъ послѣдующихъ, не былъ осуществленъ съ полною точностію. Остальное все переладилось, измѣнилось или даже и совсѣмъ разбилось въ дребезги при соприкосновеніи съ дѣйствительностію. Достаточно сли-

[1]) **Росписаніе.**

Митрополиту кіевскому содержаніе	3744 р.	40 к.
Служащимъ при домѣ архіерейскомъ и пр. на расворяженіе митрополита.	1521 р.	75 к.
На церковныя и другія надобности	900 р.	»
Въ кіевскую дикастерію	932 р.	90 к.
Прибавочныхъ	500 р.	»
Въ кіево-печерскую лавру	10,570 р.	»
Въ кіевскую академію	8400 р.	»
Въ кіево-софійскій соборъ	2058 р.	»
Двухъ православныхъ кіевскимъ монастырямъ по 2317 р. 50 к.	4635 р.	»
Тремъ второклассньмъ по 1511 р. 90 к.	4535 р.	70 к.
Двумъ третьеклассньмъ по 956 р. 30 к.	1912 р.	60 к.
Кіево-фроловскому монастырю	2409 р.	80 к.
Кіево богословскому	675 р.	80 к.
Двумъ женскимъ третьяго класса по 525 р. 60 к.	1051 р.	20 к.
Всего на кіевскую епархію	43,847 р.	15 к.
на черниговскую	14,011 р.	30 к.
на новгородъ-сѣверскую	12,405 р.	70 к.

чить только теперешнее знакомое намъ положеніе вещей въ здѣшнемъ краѣ, чтобы видѣть, какъ разнится приведенный указъ отъ исполненія его въ дѣйствительности. Такъ по 2-му пункту мы не видимъ, чтобы въ печерской лаврѣ половина иноковъ была ученыхъ и къ высшимъ духовнымъ степенямъ приуготовленныхъ. По 3-му пункту мы не видимъ въ оградѣ кіево-софійскаго собора главнаго народнаго училища. По 4-му пункту мы не видимъ, чтобы межигорскій монастырь былъ перенесенъ въ Тавриду и въ зданіяхъ бывшаго монастыря мы не находимъ помѣщенія для престарѣлыхъ офицеровъ. По 5-му пункту мы не видимъ, чтобы выдубицкій монастырь служилъ больницею для прочихъ кіевскихъ монастырей, да и странно было бы, чтобы онъ служилъ таковою. По 6-му пункту мы не находимъ ни кіевской академіи въ лаврѣ, ни госпиталя на мѣстѣ братскаго монастыря. По 7-му пункту мы не видимъ, чтобы борисоглѣбскій монастырь служилъ мѣстопребываніемъ черниговскаго архіерея, а по 10-му пункту мы и вовсе не находимъ архіерея въ Новгородъ-Сѣверскѣ. По 11-му пункту мы не находимъ въ Черниговѣ ни университета въ ильинскомъ монастырѣ, ни главнаго народнаго училища въ пятницкомъ монастырѣ. Широкіе проэкты просвѣщенія, благотворенія и призрѣнія на счетъ монастырей не осуществились. Такъ всегда впрочемъ бываетъ, когда, напавъ на какую либо новую, въ сущности вѣрную идею, примѣшаютъ къ ней посторонніе цѣли. Основная идея задуманной теперь реформы, состоявшая въ отобраніи въ казну монастырскихъ имѣній и въ ограниченіи числа монашествующихъ, была послѣдовательно проведена до конца, но нѣкоторыя ея частности едва ли не были странностію и для тогдашняго времени, какъ напр. помѣщеніе всесословной еще академіи въ лаврѣ въ видахъ обращенія братскаго монастыря въ госпиталь, учрежденіе одной общей больницы для кіевскихъ монастырей въ монастырѣ выдубицкомъ, или перенесеніе монастыря межигорскаго въ таврическую область, чтобы въ его зданіяхъ помѣстить отставныхъ дряхлыхъ офицеровъ. Не трудно впрочемъ догадаться, что послѣднимъ распоряженіемъ руководила мысль уничтожить послѣдній слѣдъ разореннаго предъ тѣмъ Запорожья, которое считало межигорскій монастырь своею обителью, дѣлало для нея богатыя приношенія, получало отъ нея духовниковъ

и въ ней же предоставляло возможность окончить жизнь тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые изъявили желаніе *„замолить гріхи свои"* предъ Богомъ, перемѣнивъ суровую сѣчевую обстановку на мрачную келейную и тяжелые подвиги бранной жизни на еще болѣе суровые подвиги отшельничества. Легко также понять, какъ всѣ такія распоряженія глубоко оскорбляли традиціонныя чувства мѣстнаго населенія; но съ этими чувствами тогда не справлялись *).

При уравненіи малороссійскаго монашества съ великороссійскимъ, неизбѣжно должно было послѣдовать закрытіе многихъ монастырей и оставленіе за штатомъ многихъ монашествующихъ. И дѣйствительно, при введеніи штатовъ въ трехъ малороссійскихъ епархіяхъ, оказалось подлежащими закрытію 42 обители, а 466 иноковъ и 510 инокинь остались *въ излишествѣ*, не считая лишнихъ настоятелей и настоятельницъ, которыхъ набралось 29.

Св. синодъ, повидимому, наиболѣе озабочивался безобиднымъ устройствомъ судьбы заштатныхъ настоятелей и настоятельницъ, и съ этою цѣлію требовалъ объ нихъ свѣдѣнія отъ мѣстныхъ малороссійскихъ архіереевъ.

Намъ пришлось читать въ синодальномъ архивѣ слѣдующій докладъ объ нихъ Самуила митрополита кіевскаго:

Настоятели кіевской епархіи *излишніе*:

1) Кіево-братскаго монастыря архимандритъ и кіевской академіи ректоръ *Варлаамъ*.

Качествъ честныхъ, учился съ нижнихъ классовъ и богословія, греческому, нѣмецкому и французскому языкамъ и самъ былъ учителемъ риторики и богословія; нынѣ присутствуетъ въ консисторіи.

2) Кіево-кирилловскаго монастыря игуменъ *Өеодосій* 46 лѣтъ.

Качествъ хорошихъ; учился съ низшихъ классовъ и богословія, и самъ былъ учителемъ; нынѣ присутствуетъ въ консисторіи.

3) Кіево-петропавловскаго монастыря игуменъ *Амвросій* 63 л.

Качествъ честныхъ; въ школахъ учился и самъ обучалъ разнымъ языкамъ и наукамъ.

4) Переясловскаго михайловскаго монастыря игуменъ *Аполоній* 38 лѣтъ.

---

*) Межигорская обитель превращена потомъ въ фаянсовую фабрику, но и фабрика лѣтъ двадцать уже не существуетъ и это историческое мѣсто народной святыни едва не стало достояніемъ промышленниковъ-евреевъ.—Ред.

Качествъ хорошихъ; учился съ низшихъ классовъ и богословія и самъ былъ учителемъ.

5) Сорочинскаго михайловскаго монастыря игуменъ *Іоасафъ* 80 лѣтъ.

Качествъ хорошихъ; въ школахъ не обучался; за старостію и слабостію здоровья впредь къ послушаніямъ не способенъ.

6) Залотоношскаго красногорскаго монастыря игуменъ и кіевской академіи префектъ *Димитрій* 40 лѣтъ.

Качествъ хорошихъ; дѣлъ до него никакихъ не касалось.

7) Бывшаго троицкаго больницкаго монастыря игуменъ *Феофилактъ.*

Качествъ добропорядочныхъ въ школахъ обучался латинскому языку и богословію; дѣлъ до него подозрительныхъ не косалось.

8) Кіево іорданскаго монастыря игуменья *Александра.*

Качествъ честныхъ; русской грамотѣ обучена.

Положеніе *излишнихъ* настоятелей было все-таки сравнительно сносно; на содержаніе ихъ ассигновалось изъ казны архимандритамъ по 70 р., игуменамъ по 50 р. въ годъ,—сумма по тогдашнему времени не очень малая. А главное,—они всегда были на виду у начальства и при первой возможности получали штатное мѣсто.

Совсѣмъ иное было положеніе простыхъ іеромонаховъ и монаховъ, оставшихся *въ излишествѣ.* На первое время имъ, по доношенію кіевскаго митрополита, *и жить было негдѣ и пропитываться нечѣмъ.* Скоро впрочемъ, по Высочайшему указу отъ 13 іюля 1786 г., остающимся сверхъ штата монахамъ и монахинямъ опредѣлено было небольшое содержаніе изъ доходовъ деревень, бывшихъ за архіерейскими домами и монастырями малороссійскими, именно іеромонахамъ и іеродіаконамъ по 13 р. въ годъ, прочимъ монашествующимъ по 8 рублей, монахинямъ же всѣмъ по 10 рублей въ годъ. *Сумма на сіе употребляемая,*—гласилъ Высочайшій указъ, *долженствуетъ сокращаться по мѣрѣ убавленія монашествующихъ.* Такимъ образомъ оставшимся *въ излишествѣ* предоставлено было печальное право: стѣснившись въ небольшомъ числѣ уцѣлѣвшихъ монастырей, доживать свой вѣкъ на сверхъ-штатномъ содержаніи, въ ожиданіи того, пока они *смертію не выбудутъ,*—

при чемъ мѣстнымъ архіереямъ предписывалось рапортовать пополугодично объ успѣхахъ смерти въ истребленіи излишней монашествующей братіи, а также о поведеніи остававшихся въ живыхъ.

Изъ сохранившихся въ синодальномъ архивѣ донесеній малороссійскихъ епархіальныхъ начальствъ мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ доживали свой вѣкъ заштатные иноки, для которыхъ въ земной жизни не предвидѣлось иной перспективы, кромѣ *выбытія* посредствомъ смерти.

Донесеніе кіевскаго епархіальнаго начальства довольно сдержанны и немногословны. Противъ именъ *излишнихъ* иноковъ стоятъ такія аттестаціи:

Старъ и дряхлъ. состоянія честнаго.
Совсѣмъ глухъ, состоянія честнаго.
Слѣпъ, состоянія честнаго.
Состоянія не худаго, увѣченъ.
Глазами слабъ и мало видитъ. Состоянія не худаго.
Состоянія не худаго; больной жестокою болѣзнію.

Только противъ имени одного инока отмѣчено: *„состоянія слабаго и невоздержаннаго“*. Такъ-же не многословны и донесенія черниговскаго епархіальнаго начальства. О всѣхъ заштатныхъ инокахъ общимъ итогомъ отмѣчено: „къ послушанію способны, а состоянія неблагонадежнаго“. Или: „къ послушанію способны, требующіе исправленія“. Лучше отзывъ о заштатныхъ монахиняхъ: „монахини состоянія честнаго и неподозрительнаго“.

Болѣе подробны и откровенны отзывы новгородъ-сѣверскаго епархіальнаго начальства. Заштатные иноки стѣснились въ двухъ уцѣлѣвшихъ монастыряхъ новгородъ-сѣверской епархіи—глуховскомъ и гамалѣевскомъ. О каждомъ монастырѣ епархіальное начальство доноситъ отдѣльно.

Глуховскаго петропавловскаго монастыря (заштатные) іеромонахи:

Самуилъ 58 лѣтъ. Состоянія порядочнаго, честнаго, напивается, но не очень часто, и въ напилости спокоенъ.

Варлаамъ 60 лѣтъ. Изъ польскихъ монаховъ, называемыхъ базиліанъ. Въ трезвости спокоенъ, порядоченъ и обхожденія честнаго; въ пьянствѣ же сердитъ и къ дракамъ охотенъ. Священнодѣйствіе ему запрещено за убой изъ ружья игумена сво-

его, разсердясь на него, будучи еще въ Польшѣ базиліаниномъ.

Макарій 35 лѣтъ. Совѣсти худой, нрава развратнаго, тайно зъ монастыря бродитъ, по селамъ и шинкамъ пьянствуетъ и къ похищенію чужаго добра склоненъ.

Гавріилъ 45 лѣтъ. Изъ Польши, изъ уніатскихъ поповъ; состоянія нынѣ средственнаго.

Монахи: *Евсевій* 45 лѣтъ. Изъ козаковъ запорожскихъ. Состоянія худаго, нрава жестокаго: пьянствуетъ, ссорится и къ дракамъ охотенъ.

Іассонъ 32 лѣтъ. Состоянія совсѣмъ худаго. Всегда пьянствуетъ, многія въ монастырѣ воровства подѣлалъ, днемъ и ночью съ монастыря ходитъ, по селамъ и шинкамъ соблазны дѣлаетъ, страха Божія и стыда лишился, и ко исправленію онаго не предвидится надежды, и т. д.

Харлампіева монастыря *замальевскаго* (заштатные) іеромонахи:

Самуилъ 50 лѣтъ. Напивается, за монастырь самовольно, даже и по селамъ околичнымъ, бродитъ, и въ пьянствѣ злонравный.

Мисаилъ 48 лѣтъ. Состоянія не совсѣмъ худаго.

Амвросій 42 лѣтъ. Самаго преразвратнѣйшаго состоянія: всѣхъ пороковъ скопище прегнуснѣйшее и т. д.

Монахи:

Виталій 60 лѣтъ. Добронравный, но ко бродяжеству склонный.

Патермуфій 35 лѣтъ. Постояненъ.

Романъ 33 лѣтъ. Тихъ, скроменъ и трезвъ.

Зосима 41 года. На оба глаза слѣпъ, ногами хромъ и одною рукою совсѣмъ не дѣйствителенъ: однако пьянствовать и бродить, да еще въ ночное время, по околичнымъ селамъ охочь.

Объ остальныхъ общимъ итогомъ отмѣчено: „*сіи всѣ ведутъ себя по силѣ своей порядочно*“.

Ф. А. Терновскій.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ.

Малороссійская козацкая старшина любила изображать себя въ портретахъ, которые называла „контерфектами“. Домъ, принад-

лежавшій лицу, занимавшему генеральный или полковничій урядъ, какъ бы обязательно украшался портретами хозяина и хозяйки, а иногда и дѣтей. Потомки, сохраняя предковскіе портреты, присоединяли къ нимъ свои. Недостатка въ мастерахъ—„малярахъ", повидимому, не было, такъ какъ плата за работу портрета сравнительно была не велика.[1]) Часто рисовались портреты въ нѣсколькихъ спискахъ, изъ которыхъ одни оставались въ домѣ, а другіе помѣщались въ церквахъ и монастыряхъ. Право на помѣщеніе портретовъ въ церквахъ и монастыряхъ принадлежало, какъ кажется, только ихъ „фундаторамъ", т. е. строителямъ.

Писаніе портретовъ въ Малороссіи начинается съ первой половины XVII в.; сохранились портреты гетмана Сагайдачнаго (въ гравюрѣ)[2]) и Петра Могилы. До второй половины XVII в. писаніе портретовъ было уже настолько распространено, что мы имѣемъ портреты почти всѣхъ гетмановъ этого времени и значительное число генеральной старшины и полковниковъ, если они занимали свои уряды сколько нибудь продолжительное время.—Въ XVIII в. возможность имѣть свои портреты стала еще болѣе доступною: отъ этого времени сохранились портреты даже сотниковъ. Всѣ эти портреты, по разсказамъ стариковъ, хранились по старинным усадьбамъ, еще въ половинѣ настоящаго вѣка. Достаточно портретовъ приходилось видѣть намъ лично въ помѣщичьихъ усадьбахъ—еще

---

[1]) Приводимъ здѣсь поданную Полуботку въ 1722 г. жалобу одного такого портретиста, дающую нѣкоторыя по этому предмету свѣдѣнія.—«Жалостную мою суплику вашой велможности подаю и святой справедливости прошу зъ пана Алексѣя Туранскаго въ такомъ интересѣ: что старого судію енералного, отца его, контерфектъ малевалемъ, по умертвіи; аже за оній контерфектъ тилко п. Алексѣй за отца своего заплатилъ копъ трехъ, а пять копъ остался виновенъ; ибо и стужалъ я пану Алексѣю съ прошеніемъ многокротъ, аби отдалъ; но онъ, не вѣдаю, коея ради вины, не отдаетъ. Прошу вашу велможность оного пана Туранскаго предъ велможность вашу сискать и допросить, а по допросу свой указъ панскій учинить, за что долженъ Бога молити навсегда. Велможности вашей нижайшій рабъ Григорій, маляръ глуховскій». Генер. судья Алексѣй Мих—чъ Туранскій умеръ въ 1716 г. Маляръ Григорій жалуется на старшаго сына его—Алексѣя.

[2]) Гравюра эта находится въ рѣдчайшей книжкѣ «Вірши на жалосный погребъ знацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачнаго», напечатанной въ Кіевѣ въ 1622 году. Снимокъ съ гравюры приложенъ къ 3-й кн. Кіевлянина, изд. Максимовича.

лѣтъ двадцать назадъ. Теперь они встрѣчаются рѣже и рѣже; большая часть ихъ погибла по чердакамъ и амбарамъ, куда спроваживали ихъ или сами потомки, находившіе портреты предковъ недостаточно изящными для украшенія перестроенныхъ на новый ладъ домовъ, или же новые владѣльцы старинныхъ усадьбъ — въ лицѣ первогильдейскихъ купцовъ разныхъ національностей, явившіеся послѣ 1861 г. Въ 1862 г. мы лично видѣли въ с. Холмахъ, сосницкаго уѣзда, рядъ портретовъ Дуниныхъ-Борковскихъ, а въ с. Казиловкѣ, того-же уѣзда—Иваненковъ; но лѣтъ черезъ десять всѣ эти портреты исчезли безслѣдно. Очень много погибло портретовъ, находившихся въ церквахъ, откуда они были вынесены по распоряженію св. синода еще въ тридцатыхъ годахъ. Портреты эти если не попадали въ руки любителей, сваливались обыкновенно на колокольнѣ и тамъ сгнивали.

Нельзя не пожалѣть о множествѣ утраченныхъ этого рода памятниковъ малороссійской старины. Не говоря объ археологическомъ ихъ значеніи для исторіи одежды, иногда и историку не безполезно взглянуть на обличіе того или другаго дѣятеля прежнихъ временъ.

Въ послѣднее время, впрочемъ, явились люди, которые понявъ значеніе портретовъ, какъ историческихъ памятниковъ, стали ихъ собирать или по крайней мѣрѣ сберегать. Изъ извѣстныхъ намъ собраній старинныхъ малороссійскихъ портретовъ полнѣйшее принадлежитъ В. В. Тарновскому и находится въ качановской его усадьбѣ, борзенскаго уѣзда. Собраніе это составляютъ большею частію копіи, сдѣланныя съ оригиналовъ, которые еще удалось найти собирателю у нѣкоторыхъ бережливыхъ потомковъ.

Помѣщаемъ здѣсь списокъ извѣстныхъ намъ старинныхъ малороссійскихъ портретовъ, писанныхъ масляными красками, въ азбучномъ порядкѣ лицъ, съ которыхъ рисованы эти портреты, обозначая копіи, имѣющіеся въ собраніи В. В. Тарновскаго, буквами В. В. Т.

1—2. *Безбородко* Андрей Яковлевичъ, генеральный писарь (р. 1711 † 1780 г.) и жена его, Евдокія Михайловна, урожденная Забѣла (р. 1716 † 1803 г.). У наслѣдниковъ умершаго Л. И. Бакуринскаго, въ городницкомъ уѣздѣ, и у гр. Гр. А. Милорадовича,

въ м. Любечѣ, того-же уѣзда. Кромѣ того, портретъ одного мужа, въ думницкомъ монастырѣ.

3. *Борозовичъ* Михаилъ, полковникъ гадяцкій (1687—1704 г.) Копія у В. В. Т.

4—6. *Галаганы* Игнатій (1715—1740 г.) и сынъ его Григорій (1740—1763 г.), полковники прилуцкіе, и жена перваго. Оригиналы хранятся у потомка, Гр. П. Галагана, въ с. Сокиринцахъ, прилуцкаго уѣзда. Копіи у В. В. Т. Портретъ жены Игнатія Галагана—лучшій изъ извѣстныхъ намъ женскихъ старыхъ малороссійскихъ портретовъ.

7. *Гамалья*. Портретъ одного изъ Гамалѣевъ (должно быть Ивана Андреевича, генеральнаго судьи въ отставкѣ, 1760 г.) хранится въ с. Семеновкѣ, конотопскаго уѣзда, въ усадьбѣ Н. Г. Гамалѣи.

8. *Гоголь* Евстафій, полковникъ подольскій, а потомъ могилевскій † 1679 г. О портретѣ его, находившемся въ святодуховской церкви межигорскаго монастыря, упоминаетъ Максимовичъ (Соч. II, 276).

9. *Дараганъ* Ефимъ, полковникъ кіевскій 1753 г. Копія у В. В. Т.

10. *Домонтовичъ* Иванъ, генеральный судья 1673 г. Прекрасная копія XVIII в., не знаемъ кому принадлежащая, была на выставкѣ портретовъ 1870 г. Хорошіе снимки этого портрета можно найти въ Спб. у фотографа Лупева [1]).

---

[1]) Домонтовичъ изображенъ стоящимъ у стола, на которомъ находится распятіе, въ лѣвой рукѣ—четки, а въ правой—«ліска» (знакъ судейскаго чина); подъ портретомъ—миніатюрное изображеніе монастыря (должно быть, крупецкаго), по обѣимъ сторонамъ котораго сдѣлана надпись:

Хто на той образъ поглянетъ
А щомъ за чъ (человѣкъ) бывалъ вѣдати желаетъ,—
Вѣдай, изъ вѣрный сынъ отчизны былемъ,
Оной зъ молодыхъ лѣтъ вѣрне служилемъ.
Иоаннъ имя мнѣ отъ Бога данно,
Домонтовичемъ прозвановано.
Судъ енералній на мнѣ залежалъ,
Которій урядъ до смерти додержалъ.
Въ мени своимъ коштомъ церковь змуровалемъ
А потомъ Богу въ рукѣ духа далемъ.

11. *Дунинъ-Борковскій* Василій Каспаровичъ, генеральный обозный (1686—1703). Лучшій его портретъ хранится въ черниговскомъ елецкомъ монастырѣ, котораго онъ былъ „реставраторомъ.“ Хорошая копія у В. В. Т.

12. *Журавка* Лукьянъ, полковникъ стародубскій (1708—1715). Оригиналъ хранится у потомка, М. Ф. Покорскаго-Журавко, въ с. Сосновкѣ, конотопскаго уѣзда.

13. Портретъ *жены Л. Журавки*, у гр. Гр. А. Милорадовича въ м. Любечѣ, городницкаго уѣзда.

14. *Кочубей* Василій Леонтьевичъ, генеральный судья († 1708). Портретовъ множество; но какъ на лучшій указываютъ на хранящійся у кого то изъ потомковъ въ Петербургѣ. Интересно бы получить свѣдѣнія объ оригиналахъ, потому что большинство портретовъ Кочубея представляютъ собою списки съ гравюры, приложенной къ Исторіи Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго.

15. *Кочубей* Семенъ Васильевичъ, внукъ предыдущаго, послѣдній генеральный обозный (1751—1762). Копія (?) XVIII вѣка имѣется у насъ.[1])

16. *Марковичъ* Яковъ (1696 † 1770), авторъ „Дневныхъ Записокъ.“ Оригиналъ хранится у одного изъ потомковъ, П. А. Марковича, въ с. Сварковѣ, глуховскаго уѣзда. Литографія съ этого портрета приложена къ Запискамъ.

17. *Миклашевскій* Михаилъ, полковникъ стародубскій (1690 † 1706). Прекрасный портретъ хранится у одного изъ потомковъ, въ сл. Волокитинѣ, глуховскаго уѣзда. Другой оригиналъ имѣется въ выдубицкомъ монастырѣ (Максим. Соч., II. 253). Копія у В. В. Т.

Тутъ въ темномъ гробѣ тѣломъ почиваю,
Молитвы святой отъ тебе желаю.
Року 1673 мѣсяця септеврія 28.
Скопіеваяъ року 1765.

[1]) На портретѣ имѣется надпись: «Семенъ Васильевичъ Кочубей, тайный совѣтникъ, малороссійскій генеральный обозный, коллегія малороссійской членъ и ордена св. Анны кавалеръ, поживе 54 г., умре 1779 г., съ полуночи въ 4 часа декабря 12 противъ 13 числа. Погребенъ въ дубовацкой каменной церкви.» По надписи судя, нашъ экземпляръ долженъ быть копіей, сдѣланной по смерти Кочубея. Но писались портреты и съ мертвыхъ, какъ это сдѣлано было относительно генер. судьи Туранскаго.

18. *Милорадовичъ* Михаилъ, полковникъ гадяцкій (1715 † 1726). Оригиналъ у гр. Гр. А. Милорадовича. Копія (плохая) у В. В. Т.

19. *Палій* Семенъ Филиповичъ († 1710). О портретѣ его, находившемся въ межигорскомъ монастырѣ, гдѣ Палій и погребенъ, упоминаетъ Максимовичъ (Соч., II, 278.)

20. *„Феодосія Паліевая з унуками,"* жена Семена. Прекрасный портретъ находится у Ан. Ив. Ханенка, къ которому поступилъ отъ Танскихъ, потомковъ Палія. Говорятъ, имѣется и другой оригиналъ у кого-то изъ гг. Солонинъ, въ остерскомъ уѣздѣ.

21—24. *Полуботки* Леонтій Артемьевичъ, полковникъ переяславскій (1686), и сынъ его Павелъ, полковникъ черниговскій († 1724). Оригиналы хранятся у гр. Гр. А. Милорадовича. Къ сожалѣнію, по неимѣнію надписей нельзя опредѣлить, который изъ двухъ изображаетъ отца, а который сына. Также у гр. Милорадовича имѣются портреты и двухъ „Полуботчихъ," но опять таки неизвѣстно какихъ. Копіи всѣхъ этихъ четырехъ портретовъ у В. В. Т.

25. *Свічка* Леонтій Назарьевичъ, полковникъ лубенскій (1690 † 1699). Хорошая копія у В. В. Т.

26. *Скоропадская* Настасья Марковна, гетманша († 1729). Оригиналъ хранится у Н. А. Марковича въ с. Сварковѣ, глухов. уѣзда. Литографія съ него въ Запискахъ Як. Марковича.

27. *Чарнышъ* Иванъ, генеральный судья († 1729). Копія у В. В. Т.

Здѣсь мы не упоминаемъ о тѣхъ копіяхъ, которыя списаны частью съ гравюръ, приложенныхъ къ первому изданію Исторіи Малой-Россіи, Бантышъ-Каменскаго, а частью съ плохихъ (фантастическихъ?) рисунковъ, имѣющихся въ рукописи Величка.

Отъ любителей мѣстной старины зависитъ пополненіе этого списка, причемъ желательны указанія о мѣстѣ храненія портретовъ и о внѣшнемъ ихъ видѣ, съ приведеніемъ имѣющихся надписей.

Ал. Лазаревскій.

ГЕТМАНСКІЕ КЛЕЙНОДЫ (1758 г.).

„Опись клейнодамъ, оставленнымъ въ Глуховѣ при отъѣздѣ ясневельможнаго высокоповелительнаго гетмана и кавалера (Разумовскаго), подъ надсмотрѣніемъ умершаго подскарбія генеральнаго г. Скоропадскаго, учиненная по смерти его, г. подскарбія.

1. Высочайшая ея императ. величества грамота на достоинство гетманское; при ней печать и шнуръ зъ двумя кистями золотыми; печать въ футлярѣ серебреномъ вызолоченомъ. На оную грамоту футляръ коженой, внутри мѣста оклеены зеленымъ бархатомъ.

2. Высочайшая ея императ. величества грамота на достоинство графское. При ней печать и шнуръ зъ двумя кистями золотыми; печать въ футлярѣ серебреномъ вызолоченомъ. На оную грамоту футляръ коженой красной, а внутри оклеенъ бархатомъ краснымъ.

3. Ящикъ оклеенъ бархатомъ зеленымъ и золотымъ позументомъ, мѣстами серебреныя вызолоченыя бляхи, и внутри оклеенъ бархатомъ же зеленымъ и узенкимъ золотымъ плетеникомъ. Въ немъ: булава золотая зъ брилянтами, которіе всѣ вцѣлости; бунчукъ зъ принадлежащими къ нему потребностьми; печать войсковая въ оправѣ золотой; на оной ящикъ футляръ коженой красной съ пряшками желѣзными; внутри оклеенъ фланалю бѣлою.

4. Пара литавръ сребреныхъ; къ нимъ два чепраки—по зеленому бархату шиты золотомъ; 12 кистей на шнурахъ золотіе-жъ, въ суконныхъ зеленыхъ чехлахъ; а на литаврахъ футляры коженые красные съ пряшками желѣзними; внутри оклеены байкою бѣлою. Къ литаврамъ-же двѣ подушки бархатныя малиновыя; подношки желѣзныя.

5. Ящикъ деревянной, въ немъ: 4 трубы серебреныя зъ шнурами и кистьми золотыми; при оныхъ трубахъ 4 мунштука серебреные имѣютца у трубачей.

6. Два знамя: одно бѣлое, а другое—желтое и при нихъ—значокъ бѣлой. На нихъ футляръ суконной алой. Къ бѣлому знамю шнуръ шолковой бѣлой. Три деревка: одно до знамя, другое — до бунчука, третье—до прапера.

7. Ящикъ деревяной росписанъ, внутри обитъ тафтою алою. Въ немъ: булава серебреная вызолочена зъ разными каменнями; наверху оной нѣтъ трехъ камней, да внизу нѣтъ семи камней.

Другая булава—серебреная мѣстами вызолочена; въ головѣ нѣтъ 2 каменей. Третяя булава серебреная. Бунчукъ старой зъ принадлежащимъ до него приборомъ. Разныхъ перначей серебреныхъ и мѣдныхъ—5, да одинъ буздуканъ зъ головкою желѣзною. Печать суда генералного серебреная на деревѣ. Отъ древка бунчукового желѣзное копье.

По сей описѣ въ генералной войсковой канцеляріи высше писанние высочайшіе грамоти и гетманскіе старіе и новіе клейноди свидѣтельствовани и явилось все въ цѣлости, въ засвидѣтельствованіе чего сие бунчуковому товарищу Ивану Скоропадскому, сыну умершого подскарбія генералного г. Скоропадского, изъ генералной войсковой канцеляріи дано 1758 году генвара з дня".

Настоящая опись гетманскихъ „клейнодовъ" найдена нами въ архивѣ генеральной канцеляріи. Интересно-бы получить свѣдѣнія о томъ, куда дѣвались эти „клейноды".

Ал. Л—ій.

ПОТОМКИ ЗАПОРОЖЦЕВЪ НА ОСТРОВѢ ЛЕТИ.

Меня долго занималъ вопросъ, остались ли еще потомки запорожцевъ въ Турціи? Извѣстно, что по разореніи Сѣчи въ 1775 г. значительная часть запорожцевъ переселилась въ Турцію; но въ 1806 году нѣсколько тысячъ ихъ возвратились въ Россію и изъ нихъ было сформировано дунайское козачье войско. Оставшаяся тамъ большая часть ихъ перешла въ Россію въ 1828 г., подъ начальствомъ кошеваго Осипа Мих. Гладкого, но и послѣ сего часть запорожцевъ осталась еще въ Турціи. Судьба этихъ запорожцевъ, пополнявшихся бѣглыми крестьянами изъ малоруссовъ, меня очень интересовала. Сформировалось ли изъ нихъ особое населеніе и съ какими этнографическими особенностями? Сохранили ли они свой языкъ или приняли чужой и, въ такомъ случаѣ, какой? Гдѣ именно они живутъ и т. п.? Но ничего не могъ добиться, пока случайно, разговорившись съ однимъ молодымъ офицеромъ Г—мъ, не узналъ, что полкъ, гдѣ служилъ этотъ офицеръ, простоялъ въ прошлую турецкую войну именно въ мѣстности, гдѣ живутъ потомки запорожцевъ.

Офицеръ этотъ служитъ въ дорогобужскомъ пѣхотномъ полку, входившемъ во время войны въ составъ отряда ген. Цимермана, а

полкъ этотъ былъ расположенъ на островѣ—*Лети*, находящемся въ устьяхъ Дуная.

Островъ Лети издавна принадлежалъ собственно запорожцамъ, почему называется также *запорожскимъ островомъ*. Образовался онъ изъ наносовъ Дуная, потому онъ низменный и болотистый. Жители—потомки запорожцевъ размѣщаются въ четырехъ поселеніяхъ: *Перевозъ, Сатановъ, Лети* и еще одномъ, названіе котораго Г-кій позабылъ. Потомки настоящихъ запорожцевъ живутъ только въ селеніи Лети; они отличаются костюмомъ и характеромъ отъ остальныхъ жителей острова. Всѣ они одѣваются, какъ одѣвались въ старину истые запорожцы — на головахъ носятъ коническія барашковыя шапки, рубахи шитыя, шаровары широчайшія, преимущественно синяго цвѣта. Отличаются они необычайнымъ радушіемъ; не смотря на то, что во время войны островъ былъ переполненъ солдатами, запорожцы съ каждымъ входившимъ къ нимъ въ хаты дѣлились послѣднимъ ломтемъ хлѣба и послѣднимъ глоткомъ вина. Хлѣбопашествомъ они почти не занимаются, а живутъ преимущественно рыбною ловлею и охотою. Для послѣдняго промысла тамъ раздолье, такъ какъ тамъ масса водной дичи (дикихъ утокъ, гусей и т. п.), а въ плавняхъ водится множество кабановъ, волковъ, лисицъ и т. п.

Въ остальныхъ селеніяхъ на запорожскомъ островѣ живутъ обыкновенные малоруссы, вѣроятно потомки бѣглыхъ крестьянъ, съ значительною примѣсью молдованъ. Даже переселившись въ другія мѣста (напр. въ Браиловъ), эти запорожцы не называютъ себя ни русскими, ни украинцами, а—*запорожцами*.

М. Левченко.

ГАЙДАМАЦКІЙ КУТЪ.

На линіи желѣзной дороги изъ Одессы или Бирзулы на Елисаветградъ или Кременчугъ есть станція *Голта* (отъ мѣстечка того же имени, ананьевскаго уѣзда, херсонской губ.). Прилегающую къ ней со всѣхъ сторонъ мѣстность можно считать вполнѣ исторической, а по преобладающему характеру соединенныхъ съ нею воспоминаній можно назвать ее гайдамацкимъ кутомъ, или угломъ. Думаемъ, что сведенныя о ней, хотя и въ бѣглой замѣткѣ,

преданія представятъ нѣкоторый интересъ для читателей „Кіевской Старины", особливо тѣхъ, которымъ приходилось или придется проѣзжать по указанной мѣстности.

Въ томъ мѣстѣ, о которомъ рѣчь, въ рѣку Бугъ впадаетъ водная рѣчка Синюха. Эти двѣ рѣки, въ прошломъ вѣкѣ, составляли границу трехъ государствъ: Россіи, Польши и Турціи, или, точнѣе, крымскаго ханства. Въ Голтѣ, при сліяніи названныхъ двухъ рѣкъ, границы трехъ упомянутыхъ государствъ соприкасались. Бугъ составлялъ границу между русскими владѣніями и ханскими. Полоса земли между Бугомъ и Днѣстромъ (т. е. нынѣшніе ананьевскій, тираспольскій и одесскій уѣзды) называлась *очаковскою степью* или *Ганьщиною* (т. е. Ханщиною). На этой территоріи мѣстами съ осѣдлымъ населеніемъ были только: *турецкая крѣпость—Очаковъ* и укрѣпленіе *Хаджи-бей* (нынѣшняя Одесса) [1], русское старовѣрское поселеніе *Балта* и *Голта*, въ то время заселенная разнымъ сбродомъ. Все-же остальное пространство занято было кочевьями татаръ, гдѣ повидимому была единственная каменная постройка—мечеть, зданіе существующее и понынѣ, такъ какъ она обращена въ церковь въ деревнѣ Акмечеткѣ (въ ананьевскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Вознесенска). Въ углу между Бугомъ и Синюхою, какъ и нынѣ, находилось мѣстечко Богополь [2]); близь него и понынѣ существуетъ гранитный трехъ-гранный столпъ, съ высѣченною на немъ надписью: „*Granica Korony Polskiej*". Выше Богополя по Бугу лежитъ село Пороновка [3])—бывшая польская крѣпость *Конецполь*, построенная французскимъ инженеромъ Бопланомъ въ началѣ XVII вѣка. Противъ Богополя, на лѣвомъ берегу Синюхи, находилось русское укрѣпленіе *Орликъ*. По присоединеніи къ Россіи, всѣ эти три поселенія: т. е. Голта, Богополь и Орликъ,

---

[1]) *Ходжибей* переименованъ—Одессою въ 1795 году потому, что тогда думали, что на томъ мѣстѣ находилась греческая колонія *Ордиссосъ* или *Одиссосъ*; позднѣе открыли, что эта колонія находилась въ углу между Тилигульскимъ Лиманомъ и Чорнымъ моремъ,—чуть ли не тамъ, гдѣ теперь дер. Половка.

[2]) Рѣку Южный Бугъ мѣстные жители называютъ—*Богъ*; отсюда—*Богополье*.

[3]) Тамъ существуетъ черезъ р. Бугъ паромная переправа, а паромъ на мѣстномъ нарѣчіи называется—*поронъ*.

соединены были въ одно поселеніе подъ именемъ—Ольвіополя [1]); въ настоящее время это имя удержалось только за бывшимъ Орликомъ. Между Пороновкою и Вознесенскомъ р. Бугъ пересѣкаетъ своимъ теченіемъ гранитный отрогъ Карпатъ, поэтому въ этой мѣстности берега его состоятъ большею частью изъ гранитныхъ скалъ и тамъ часто встрѣчаются очень живописныя мѣстности; по самой же рѣкѣ встрѣчаются пороги, называемые мѣстными жителями—*бронками*. Эти скалы и смежныя границы давали, въ прошломъ вѣкѣ, возможность скрываться тамъ всякому подозрительному люду, извѣстному подъ общимъ именемъ—*здобычниковъ* и *гайдамаковъ*. Въ случаѣ преслѣдованія съ русской стороны (а запорожскія команды гайдамакамъ пощады не давали [2]), гайдамаки переходили черезъ Синюху на польскую сторону; если и тамъ имъ не давали покоя, то они перебирались на правый берегъ Буга, на татарскую сторону, въ нынѣшній ананьевскій уѣздъ. Хотя каждый татаринъ могъ безнаказанно не только ограбить, но даже убить каждаго пришлеца въ ихній край, но повидимому, судя по названіямъ урочищъ,

---

[1]) Въ концѣ прошлаго вѣка была какая то манія давать древнегреческія названія вновь устраиваемымъ поселеніямъ. Ольвіополь названъ въ память бывшей греческой колоніи—*Ольвіи*, остатки которой впослѣдствіи открыты на берегахъ Чернаго моря, близъ села Парутина, въ урочищѣ Сто-Могилъ.

[2]) Уличенныхъ въ разбоѣ или грабежѣ запорожцевъ судилъ обыкновенно войсковой судья;—чаще всего виновныхъ среди сѣчевой площади приковывали къ пушкѣ, гдѣ каждый запорожецъ имѣлъ право дать столько палокъ, сколько вздумается; кромѣ того употреблялись казни: *ломаніе ногъ, висѣлицы, сажаніе на колъ* и друг. Въ Буго-гардовской паланкѣ, по преданію, было въ ходу—*путаніе*: виновному обмотывали паклею правую руку и лѣвую ногу, обливали паклю смолою и, отведя его шаговъ на 20 или на 30 отъ рѣки, паклю зажигали и въ такомъ видѣ освобождали преступника. Если онъ имѣлъ настолько присутствія духа, что могъ добѣжать до рѣки, и умѣлъ плавать, то спасался, переплыва на правый берегъ Буга, а иначе погибалъ. На лѣвый берегъ также онъ не смѣлъ выходить,—здѣсь его безъ жалости убивали. Близъ с. *Константиновки* (въ елис. у.) показываютъ и запорожскую тюрьму,—это небольшая пещера въ скалѣ, нависшей надъ р. Бугомъ. Входъ въ пещеру находится на нѣсколько саженъ выше поверхности воды въ Бугѣ и на нѣсколько аршинъ ниже гребня скалы. Виновнаго на веревкѣ опускали ко входу въ пещеру и на веревкѣ же опускали ему пищу.

гайдамакамъ тамъ жилось привольнѣе, чѣмъ на противоположной сторонѣ Буга.

Нѣсколько выше м. Голты находится с. *Каменка*, при выѣздѣ изъ котораго дорога проходитъ надъ самымъ Бугомъ, потому что съ правой стороны дорога стѣснена скалою, называемою—*сорочиною баттареею*; здѣсь, по преданію, уже во время русскаго владычества, въ началѣ нынѣшняго вѣка, подвизался нѣкій Сорока, который съ этой скалы свергалъ на проѣзжихъ камни, убивалъ и грабилъ ихъ. При выѣздѣ изъ Голты по направленію къ Грушевкѣ первое, что бросается въ глаза, это—*чумная могила*, съ запавшими краями (т. е. какъ будто бы вокругъ сдѣлана канава),—память чумы, кажется 1809 года. Дальше, небольшое квадратное земляное укрѣпленіе; въ 7-ми верстахъ отъ Голты дер. *Грушевка*, а противъ нея, среди Буга, гранитный островокъ—*Мамаевъ кутоловъ*. Мамай [1])—разбойникъ, производившій грабежи въ серединѣ прошлаго вѣка. По неизвѣстной мнѣ причинѣ онъ видимо пользовался большою популярностью между мѣстнымъ населеніемъ; по крайней мѣрѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ я видѣлъ нѣсколько его портретовъ, одинъ изъ которыхъ былъ даже у меня въ рукахъ. Ниже с. Грушевки спадаетъ въ Бугъ *Романкова-Балка*, названная такъ по имени разбойника Романка. Мнѣ говорили, что по краю этой балки (глубокой долины) въ скалѣ высѣчена дорога, почему то называемая *дорогою Богородицы*.

Ниже надъ Бугомъ лежитъ дер. *Свирнево*, гдѣ первымъ поселился какой то разбойникъ—*Свирень* (шворень). Противъ Свирнева, на лѣвомъ берегу Буга, лежитъ сел. *Константиновка*, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была—*буго-гардовская* [2]) запорожская

---

[1]) Каменныя статуи, прежде нерѣдко встрѣчавшіяся въ Новороссіи, по степямъ (въ одесскомъ историческ. музеѣ ихъ собрано болѣе 20 штукъ), народъ относитъ ко временамъ татарскаго хана Мамая, поэтому и называетъ ихъ *каменными бабами и мамаями*. Статуи тѣ грубой работы, такъ что руки можно замѣтить только при внимательномъ разсматриваніи, поэтому поселяне считаютъ ихъ безрукими и безрукихъ, въ насмѣшку, называютъ—мамаями. По преданію у разбойника, сохранившагося въ памяти народа подъ именемъ—*Мамая*, одна рука была отрублена, почему онъ и получилъ это прозвище.

[2]) Слово *гардъ* означаетъ переборку изъ большихъ камней поперегъ рѣки Буга. Такой гардъ существуетъ тамъ и нынѣ, сколько помню близь с. Мигея; онъ служитъ какою-то помощью для рыболовства.

паланка. Недалеко оттуда (на лѣвомъ берегу Буга)—*Пугачева скеля*, нависшая надъ рѣкою и въ ней пещера, о которой я уже упоминалъ, служившая запорожцамъ тюрьмою. Пугачъ также былъ какимъ то извѣстнымъ гайдамацкимъ ватажкомъ. Недалеко отъ Пугачевой Скели на Бугѣ есть островъ, на которомъ показывали такъ называемыя запорожскія мельницы, т. е. большія ступы, выдѣланныя въ камняхъ, гдѣ запорожцы не мололи, а толкли зерновой хлѣбъ для своего употребленія. Въ буго-гардовской паланкѣ была, по преданію, также небольшая деревянная церковь, перенесенная бывшимъ атаманомъ бужскаго казачьяго войска, Скаржинскимъ, въ его имѣніе дер. *Хмылеву*, находящуюся на лѣвомъ берегу Буга, противъ дер. Грушевки. Въ заключеніе замѣтимъ, что верстахъ въ 20-ти отъ Вознесенска (въ ананьев. уѣздѣ) проходитъ балка—*Гайдамацкая*.

Для читающихъ эти строки, я полагаю, нѣтъ надобности распространяться о гайдамакахъ, потому что можно считать общеизвѣстнымъ, что этимъ именемъ въ прошломъ вѣкѣ называли запорожцевъ, занимавшихся разбоемъ, а со времени уманской рѣзни, въ правобережной Украинѣ такъ называли всѣхъ вообще разбойниковъ.

М. Левченко

КУРЪЕЗНЫЙ БРАКЪ. [1])

Дѣло происходило въ Бессарабіи, во время хаотическаго ея состоянія въ первые годы по присоединеніи къ Россіи.

10 августа 1819 года въ с. *Куйзовку*, оргіевскаго цинута, къ благочинному свящ. *Онуфрію Кораю* явился житель с. *Погребенъ* того-же цинута съ жалобой, что жена его безпрестанно пьяна, и вслѣдъ затѣмъ привелъ къ нему и самую жену съ закрытымъ лицомъ. Когда приведенная не согласилась, по требованію благочиннаго, открыть лицо, тотъ открылъ насильно и при этомъ увидѣлъ, что у названной жены усы и борода обриты, а „осмотрѣвъ тѣлесныя ея члены,“ нашелъ, что она не женщина, а мужчина. Тогда благочинный „заковалъ онаго мужчину, именующагося жёнщиной въ желѣза;“ а капитанъ-де-мазилъ [2]) отправилъ обоихъ въ уголовный судъ.

[1]) Изъ дѣлъ бессарабскаго уголовнаго суда.

[2]) Старшина мазиловъ — однодворцевъ.

Повѣнчалъ ихъ въ 1814 году священникъ с. Погребенъ *Василій Якобовъ* (онъ же и Колца), почему и вызванъ былъ въ дикастерію на допросъ. Въ показаніи своемъ онъ такъ написалъ: „Женщина *Софта*, оказавшаяся мужчиною, пришла съ какого-то хутора въ женскомъ платьѣ въ с. Погребены еще въ 1811 году и нанялась въ услуженіе у тамошняго жителя *Іакова Митряна*, гдѣ и именующійся нынѣ мужемъ ея *Пантелей* служилъ. Въ 1814 году этотъ Пантелей пришелъ ко мнѣ и просилъ свидѣтельство, по которому они могли-бы „выходить себѣ *печатлуить*" [1]) для вступленія въ бракъ. Я, знавши, что они уже нѣсколько лѣтъ служать въ нашемъ селѣ, да и Пантелей говорилъ, что онъ знаетъ эту женщину съ давняго времени и что она вдова, выдалъ свидѣтельство и, получивъ отъ благочиннаго печатлуитъ, обвѣнчалъ ихъ, какъ слѣдуетъ."

Мужъ *Пантелей Ешанъ* и жена *Софроній Унгрянъ*, представъ предъ уголовный судъ, каждый по своему объясняли свой бракъ.

„Отъ роду мнѣ 55 лѣтъ," расказывалъ на судѣ Ешанъ, „вѣры православной, неграмотенъ, сирота; въ Погребенахъ живу уже десять лѣтъ и пасу скотъ у Якова Митряна, служившаго приказчикомъ у генерала Гартинга. Въ одно время хозяинъ совѣтуетъ мнѣ жениться на *венгеркѣ*, своей служанкѣ. Сначала я отказывался, а потомъ, увидѣвши ту женщину, согласился жениться на ней. Вѣнчальнымъ отцомъ былъ *Исакъ Соловей*, — и свадбу я справилъ, какъ водится. Я уже старъ и внутри поврежденъ, на ночь не остался съ *молодою*, а пошелъ въ степь до скоту и тамъ находился шесть недѣль. Потомъ возвратившись въ село, жилъ съ своею женою, но никогда съ нею не спалъ. Зимнею порою однажды я съ женою отправился въ *Петросулъ* въ гости къ своей сестрѣ. Было холодно; не доходя до *Копаченъ*, прилегли мы съ женой согрѣться, и тогда настояще узналъ я, что то не женщина, а мужчина, о чемъ и объявилъ жителямъ въ Копаченахъ. Насъ отослали подъ карауломъ въ сорокское земское исправничество, тамъ освидѣтельство-

[1]) *Печатлуитомъ* называлось письменное разрѣшеніе благочиннаго на вступленіе въ бракъ. За каждый печатлуитъ благочинный обязывался по 4 лева (40 коп. ассигнаціями) доставлять архіерею.

вали и отослали въ кишиневскую городскую полицію, а оттуда отправили въ городской острогъ. Другаго дня жену выпустили, а меня продержали пять недѣль и также выпустили. Иду я вмѣстѣ съ погребенскимъ жителемъ *Стефаномъ Брагою* въ Погребены. По дорогѣ зашли въ корчму *Гулбока-Чишме* и застали тамъ *Софронія Унгуряна*, называвшагося прежде женщиною *Софтою*, и съ нимъ пошелъ я снова въ *Погребены* и служили вмѣстѣ у Якова Митряна шесть мѣсяцевъ, и въ другихъ мѣстахъ два года, и жилъ я съ нимъ не какъ съ женою, а какъ съ другомъ. Митрянъ пригласилъ меня воротиться къ нему на службу безъ Унгуряна; но когда я пошелъ къ Митряну, то и Унгурянъ туда-жъ пришелъ. Я къ благочинному, а благочинный отправилъ насъ къ генералу *Гартингу*[1]). Гартингъ насъ отпустилъ и мы жили вмѣстѣ, а теперь насъ взяли въ тюрьму... Я до свадьбы не зналъ, что Софта — мужчина, бороды и усовъ у нея не было примѣтно."

Унгурянъ говорилъ на судѣ, что онъ мужеской работы никакой не знаетъ, кромѣ женской; родомъ изъ *Венгріи*. Они съ Ешаномъ приняли между собою по кресту братство, потому что оба иностранцы, а въ законный бракъ не вступали. Затѣмъ Унгурянъ измѣнилъ показаніе и заявилъ, что дѣйствительно обвѣнчанъ въ церкви, и что онъ мужчина, — объ этомъ зналъ ихъ хозяинъ Митрянъ, который своею собственною бритвою его брилъ не одинъ разъ.

Уголовный судъ опредѣлилъ: „подсудимыхъ Пантелея Ешана и Софронія Унгуряна, вступившихъ въ законный бракъ по невѣдѣнію перваго, отъ полоумія произшедшему, что Унгурянъ есть мужчина, а послѣдняго, назвавшагося женщиною по предубѣжденію, также отъ полоумія его, увольнить отъ тѣлеснаго наказанія и съ симъ *Ешана*, какъ совершенно невиннаго, оставить въ призрѣніи общества с. Погребенъ, а *Унгуряна* определить навсегда въ служители кишиневскаго городскаго госпиталя съ тѣмъ, чтобы онъ употребляемъ былъ къ работѣ, токмо силамъ и способности его соотвѣтственной." Вѣнчавшій же ихъ священникъ „за неосмотрительный поступокъ" посланъ дикастеріею въ монастырь на три мѣсяца „для употребленія въ черную работу."

---

[1]) Управлявшій бессарабскою областью инженеръ-генералъ-маіоръ Гартингъ,

Тѣмъ и кончилось это оригинальное дѣло, характерное по нѣкоторымъ бытовымъ чертамъ и особенностямъ епархіальнаго управленія въ ново-присоединенномъ краѣ, не подведенномъ еще надъ общую мѣрку.

Кишиневъ, 20 марта
1882 года.

Notus.

СКОРБЬ КІЕВЛЯНЪ О ПОТЕРѢ МАГДЕБУРГСКАГО ПРАВА (1835 г.)

(СОВРЕМЕННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.)

Яку раду маемъ слухать:
Чи рушныци снаряжать,
Чи кабаку будемъ нюхать,
Чи въ управу поспішать?
Ой щось пахне—до управы,
Кличуть, каждый щобъ ишовъ—
Слухать нові уставы,
Що намъ скаже Левашовъ [1])
Чутка—щось погано з нами!
Вже не коней намъ сідлать,
Хочуть насъ рівнять з панами,
Да до церкви загонять.
Да все пішки, не верхами,
Ни капелія не йде,
Ни до курка, ни цехами,
А Часныкъ [2]) чогось иде.
Часный приставъ—командиромъ...
Се якійсь новий народъ—
И десятникъ изъ папиромъ...
Се щось, бачиться, не въ ладъ.
Мабудь декретъ якійсь мають;
Все по пари становлять,
Всіхъ до купы въ стрій ривняють,
Дай не кажуть: по три въ рядъ.
Хиба Мажного [3]) немае?
Глянь-лишень, чи вінъ не тамъ,

---

[1]) Бывш. военный губернаторъ.

[2]) Частный приставъ.

[3]) Бургомистръ или ратегеръ магистрата, командовавшій на церемоніи.

Бо вінъ сей артикулъ знае,
Якій дасть приказъ вінъ намъ.
Де вже тутъ вінъ пішки буде,
Хиба дідько принесе,
Коли було вéрхи іде,
Той дуду́ съ собой везе.
Ни, вже мабуть не до строю,—
Онъ-де, бачиться, стоїть;
Щось кивае головою,
Да щось значить, що мовчить.
Ни, вже мабуть не до того,—
Щось повісивъ дуже нисъ;
Хитяновскій підля его....
Почкай трохи, схаменись:
Щось тутъ буде, коли звонять;
Напередъ идуть паны,
Навпростець до церкви гонять,
А за ними ратманы,
Всі майстрацьки бургомистры,
Головы и всі цехмистры,
И почотне добродійство,
Чиновъ чиньми шалевірство.
Да дивись; нога въ ногу. .
Десь учились маршовать,
И самъ війтъ тутъ на підмогу,
Я чувъ, буде присягать.
Щожъ се буде?—чи не знаемъ,
Хто се каши наваривъ?
Ось якъ выйдуть, то спытаемъ.
Кажуть, Кравченко зробивъ.
Ой не сёго се робота,
Не прійшовъ либонь указъ,
Чи не требують відчота,
Бо се чувъ я вже не разъ,
Да и въ церкви у неділю
Такъ Призенко говоривъ,
Заблудывши писля хмілю,
Що се Кисиль [1]) натворивъ.

---

[1]) Бывшій войтъ.

Се вінъ натантиривъ,
Левашову щось сказавъ,
Мусівъ той ему повірить,
Да ввесь городъ розчухравъ:
    Се вже, кажуть, его справа,
    Щобъ ввесь городъ зруйновать.
    Дивись, братъ, яка ватага!..
    Да все, кажуть, присягать.
Да вже, чутка, вінъ не буде
Уже бильше війтовать,
Дуже щось не гарно буде:
Хочуть голову збирать.
    —А жежъ голову мы маемъ?—
    Дакъ се жъ, бачишь, для цехівъ,
    Сего тилькі мы вважаемъ,
    А той буде для панівъ.
Да и ще не съ здѣшнихъ
Збиратимуть чередомъ,—
Се закуска для тутешнихъ,
Бо всі кажуть підъ судомъ.[1])
    Хто же се повиненъ бути
    У насъ такимъ судіёю?
    Се не зъ простыхъ, а надутыхъ,
    Да изъ руськихъ зъ бородою.
Се бъ то цапъ пріѣзжій зъ Тулы,
Чи то зъ Брянска, изъ дібровъ,
Що ливъ колись пушки й кули?..
Чи заводчикъ Ходуновъ,
    Той, що свічки выливае?—
    Мій кумъ его добре знае.
    Отъ же, братці, вы збрехали:
    Ему кажуть, видказалы,
Теперь другій поступае,—
Самъ назначивъ Левашовъ,—
Що багацько грошей мае,
Підъбережный Дегтеревъ.
    Да ихъ кодла щось чи мало.
    Видкиля жъ то?—Изъ Калуги.

---

[1]) Войтъ и члены магистрата обвинялись тогда въ огромной растратѣ городскихъ суммъ и имущества.

Щось добра у насъ не буде,
Зададуть теперь потуги,
Дай ще въ Тули всі згоріли,
А Калуга розвелась:
Перелізуть до насъ сміло,
Тутъ артиль ихъ завелась;
Поставають всі панами,
Хоть и въ патлахъ зъ бородою,
Хто де швендявъ зъ калачами,
То тутъ буде головою.
Старожилыхъ годі знати
Й золотую корогву,—
Пора муштры забувати
И парадную гульбу.
Всіхъ, здаеця, поривняли,
Хоть черкеску покидай;
Коли права прогуляли,
То и войско забувай.
Кинь рушницю и лядунку,
Бо що скаже *Пилипонъ?* [1]
Сей завдасть намъ иншу думку,
Якъ поставить свій законъ,
Да такій же крючковатый,
Що и бісъ не розбере,
По крюкамъ навчить співаты [2]
Ажъ по серцю подере;
И таке дасть просвіщеньне,
Що въ Парижи не чувать,
Сей покаже наставленьне,
Якъ у лаптяхъ гарцювать.
Всі поробляця панами,
Не вгадаешъ и попивъ,
Бо змішавшись изъ жидами
Всі похожи на цапивъ.
Треба намъ вже не голити
Ни бородъ а ни усивъ,

---

[1] Пилипонъ—Филиппонъ, Филипповецъ, Филиппова согласія раскольникъ. Въ этомъ указаніе на старовѣрчество перваго кіевскаго головы Дегтерева.

[2] Указаніе на крюковое пѣніе у раскольниковъ.

Да и патлы запустити,
Щобъ походить на цапивъ.
Доброго здоровья, голодрыги,
Поздравляю зъ четвергомъ,
Се втялы мы не до шмыги
И зостались зъ батогомъ!...
А дежъ тіи, що все знали—
Чортма у ихъ языка—
Колись твердо вымовляли,
Та не стало Новака,
Що все було раду радить
Пидля лёху вінъ що дня,
Пить и істи не пидгадить,
Не проливъ, а пивъ до дна.
Пропили права не въ дяку,
Кисиль въ карты прогулявъ,
Чи проіли на кульбаку
Да й самихъ ихъ дідько взявъ.
Ни, не взявъ ихъ, вони ціли,
Тилько въ дурняхъ зостались,
Да щось цупко заговіли,
Мовъ видъ хріну подались.
А ці зъ пузомъ, да безъ грошей—
Ото мабуть богачи!
—Де тамъ!—тильки прудять....
Да лежать все на печи.
Вража бъ мати ихъ пизнала,
Чого вони зъ насъ хотять,
Що ихъ тілько тутъ напхало
И якъ галичь къ намъ летять.
Жидівъ, бачиться, не стало,
А кацапівъ ватажокъ;
Тихъ зъ десятокъ розхватало,
А сихъ скликавъ бісъ въ рижокъ.
Повітря на ихъ немае,
Не бояця и чумы,
Де бъ не вырвавсь, къ намъ тікае,
Безъ сорочки, безъ сумы.
Де вже хочешь добра ждати
Тамъ, кацапъ де завитавъ,

Кидай жинку, кидай хату,
Куды очи, тай чухрай.
Замутила вража сила,
Мабуть кара и на насъ,
Все до щенту погубила.—
Годі! вже ввирвався басъ...
Наварили горшокъ каши,
Да не вмілы выідать,
Прогуляли права наши,
Москаль буде панувать.
Дуже, бачиться, негожа
Оця шутка для кіянъ,
Се багацько щось похоже
На исходъ израильтянъ.

Получено отъ б. секретаря думы Степана Павловича Вертинорохова, чрезъ Н. Д. Муколова.

ПАНЩИНА

ВЪ ПѢСНЯХЪ И МОЛИТВѢ.

1.

Добре було нашимъ батькамъ
Підъ панами жити,
Бо не вміли стари паны
Панщины робити.
А тепера молодіи
Взялись за роботу:
Увесь тыждень на панщині,
До дому въ суботу.
А въ неділю до схидъ сонця
Усі дзвоны дзвонять,
А десятникъ зъ отаманомъ
На панщину гонять.
Якъ приіхали до лану—
Посідали снідать,
Оглянулись назадъ себе,
Ажъ и панъ нашъ іде.

Якъ пріхавъ панъ до лану,
Ставъ отамана бити.
Ой чомъ же вамъ по си пори
Снопивъ не зносити?—
Ой ради-бъ мы вносити,
Такъ росяна нива.
Ой побила мене зъ вами—
Лыхая годына.

Сл. Алексѣевка, александр. у.

2.

Добрый нашъ панъ, добрый нашъ панъ,
Добрый до роботы:
Ой якъ займе съ понеділка,
Робе до суботы.
А въ неділеньку раненько
Усі дзвоны дзвонять,
А отаманъ зъ десятникомъ
Снопивъ носить гонять.
Чи носили, не носили,—
Сіли спочивати,
Оглянуця назадъ себе,
Ажъ нашъ паничь іде.
Та кого бье, кого лае,
Кого такъ питае:
Ой чого жъ вы, хлопци, сілы,
Чомъ вы снопивъ не носыли?
Ой тимъ же мы не носыли,
Шо ще нивка мокра,
Буде жито росле.

Такъ же.

3.

Ой въ неділеньку рано—пораненько
Усі дзвони дзвонять,
А отаманъ зъ десятникомъ—
На панщину гонять.
Ой годи жъ вамъ, миле браття,
До церковці ходыть,

Берить ціпы та лопаты,
    Идить пшеныци молотыть.
А помолотымъ всю пшениченьку,
    Та повеземъ продавать,
Та продамо всю пшениченьку
    За тысячу грошій,
Та справимо свому пану
    Два каптаны хороших.
Два каптаны щей два жупаны,
    Теперь же мы, миле браття,
На віки пропалы.

4. для управляющихъ.

Померъ, померъ нашъ Демчинській,
    Та въ неділю въ ранци,
Положили Демчинського—
    Въ світлици на лавці.
А у тихъ же у хоромахъ—
    Побиті кілочки,
Идуть жінки на панщину,
    Нема въ іхъ сорочки.
Не плачтеся, добри люде,
    Ни на мене, ни на кого,
Заплачтеся, добри люде,
    На Гендрика молодого.
Ой годи жъ вамъ та старички—
    До церкви ходити,
Берить ціпи та лопаты
    Та йдіть молотити.
Та змолотимъ стігъ пшениці,
    Та повеземъ продавать,
Молодому атаману
    Жупаны справлять,
Та справили три жупаны,
    Чотыри каптаны,
Ой теперъ мы, пане-браття,
    На віки пропалы.

Банное, изюм. у., имѣніе Потемкиной.

5. дворовые люди.

Ой худо жити, худо быти,
У Цурхивци слободі,
Що въ насъ паны молодиі,
Не розсудлывиі.
На роботу гонять рано,
Хліба соли дають мало.
До роботы принуждають,
А про іжу не спитають.
А якъ прійде день празнишный,
Намъ хочется погулять,
Мы спросимось—не велять.
А мы можемъ обіждать,
Поки баринъ ляже спать,
Тоді мы підемъ гулять.
Не багато прогулялы
Зъ вечера до ютра,
Приходымо по ютру—
На насъ розокъ по пуку.
Кому розка, кому дві,
Кому палки чотыри,
А мы станемо проситься,
Намъ велять скорійшь ложиться.
Мы станемо оправдаться,
Велять скорійшъ раздіваться.
Хочь плечушки болять больно,
Та девушекъ любить вольно,
А хочь плечушки набыти,
Такъ въ насъ девушки нажыти.

Цурхівка, александр. у.

6.

Ой горе—не біда, не гетьманщина,
Надокучила мені вража панщина.
Я на панщину йду—торбу хліба несу,
А изъ панщины йду—спотыкаюся,

Дрібненькими слізоньками умиваюся.
Посыла мене панъ въ далеку дорогу,
Въ далеку дорогу небувалого,
Та дае коня неізжалого,
Якъ поіхавъ же я доломъ долиною,
Та приіхавъ же я до садочка,
Та припьявъ коня та до явора,
А самъ лігъ спати підъ могилою.
А чи спавъ, чи не спавъ—тай прокинувся,
Бідна моя голова—коня десь нема.
Якъ пішовъ же я доломъ долиною,
Та увиділось мені, що огонь горить,
Коло того огню татаринъ сидить.
Ты татаронько мій, я невіронько твоя,
Чи не бачивъ же ты вороного коня?
А пішовъ же твій кинь битыми шляхами,
Битыми шляхами та поміжъ ляхами,
Та въ чистімъ полі траву видае,
Зъ синёго моря воду выпивае.

Сл. Вербова, александр. у.

7. Бѣгство.

Ой гай мати, ой гай мати,
  Та гай зелененькій,
Помандрувавъ синегубівській
  Козакъ молоденький.
Якъ мандрувавъ—шапочку знявъ,
  Низенько вклонився,
Ой прощайте сусідоньки,
  Може съ кимъ бранився.
Хоть бранився, не бранився,
  Аби попростився.
Якъ зійшовъ на битый шляхъ
  Слізоньками вмився.
Не жаль мені доріженьки,
  Що закурилася,
А жаль мені та Гнативны,
  Що зажурилася.

Ой вернися, Кириловичь,
Вернися до дому!—
Не вернуся та Гнативна,
Бо гордуешь мною:
Буде твое гордуванья
Та передъ тобою,
Брязчатиме гостра шабля
У слідъ за тобою,
А малахаечка дротяночка
По-надъ головою.

Алексѣевка, александр. у.

8. тоже.

Ой вже не въ первый, тай не въ останній
А сю біду бідувати,
Ой пидвязавши чоботы сапьянци
Та до моря мандрувати.
Ой помандрувавъ козакъ молоденькій
А ще темненькоі нічки,
За нимъ, за нимъ, молода дівчина
Та врізала на підьязки стрічки.
Ой помандрувавъ козакъ молоденькій
Та калиновымъ мостомъ,
За нимъ, за нимъ молода дівчина
Несе щуку-рыбу зъ оцтомъ.
Ой завернися, молодый козаче,
Та сядемо щуку-рыбу істи.
Ой не вернуся, молода дівчино,
Бо заходять не гарніи звісти.

Сл. Вербовая, алекс. у.

9. петруня.

Ой поіхавъ вельможный у діброву на охоту,
Та заславъ Петруню у клуню на роботу.
А вельможная пани—коники запрягае,
До Петруні поізжае.
Ой приіхала вельможная до Петруні въ гості,
Ой скидай же ти, Петруня, а сіріі сімряги,

Та надівай же, Петруня, а отласні жупани.
Ой приіхавъ вельможний до вельможноі въ гості
Та поставивъ стороженьку по новихъ порогахъ.
Ой чи мені втікати, чи милости прохати,
А чи смертью страждати.
Ой скоро вельможний уступае у пороги,
А Петруня вельможному низенько у ноги.
Якъ узявъ же вельможний Петруню підъ білні боки,
Та повівъ же Петруню по надъ берегами,
Та карае Петруню вірненько словами.
Та узявъ Петруню підъ білні боки,
Та укинувъ Петруню у Дунай глибокий.
Та поплывъ же Петруня крутими бережками,
А вельможная пані все густими лизоньками.
А Петрунева ненька слізоньками хлипле,
А вельможная пані червінцями сипле.
—„Коли бъ я такого вродила—я бъ озолотила!"
—„Бодай же ты, вельможная, цёго не дождала,
Шо ты мого сына изъ світа зогнала!"

Сл. Снегубовка.

Примѣч. Болѣе полный варіантъ см. у Головацкаго «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси». Т. I, стр. 62—64.

10.

Молитва

якъ до пана йдешъ.

— Миколай угодникъ, скорий помошникъ, поможи и пособи мені грішному и въ полі, и въ домі, и въ путі, и въ дорозі—отъ злихъ людей, одъ поганыхъ очей, одъ нечистыхъ речей и одъ поганоі тварюки.

Это нужно проговорить стоя передъ дверью, за тѣмъ не переводя духу, переступая порогъ, произвесть трижды:

Якъ порігъ мовчить, якъ сволокъ мовчить—такъ и ты, пане, мовчи!

Купянскій у., крестьянинъ Разаліонъ—Сотальскихъ.

Сообщ. **И. Манжура.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ИЮНЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

ІЮНЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го мая 1882 года.

Почаевская Успенская Лавра

въ концѣ іюля 1855 года.

Болѣе 26½ лѣтъ тому назадъ, въ послѣднихъ числахъ іюля 1855 г., я имѣлъ случай впервые быть въ почаевской успенской Лаврѣ, и хочу здѣсь разсказать, въ какомъ видѣ я нашелъ ее и какое впечатлѣніе она произвела на меня тогда—24 года безъ малаго по обращеніи ея, въ октябрѣ 1831 г., изъ уніи въ православіе и 16 лѣтъ послѣ общаго возсоединенія уніатовъ западно-русскаго края въ 1839 г. съ древне-русскимъ православіемъ. Къ сожалѣнію, я, по обстоятельствамъ, могъ пробыть въ Лаврѣ только очень короткое время, не болѣе 4-хъ сутокъ. За то, дорожа временемъ, я каждый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, присутствуя на всѣхъ церковныхъ службахъ, въ промежуткахъ между ними обозрѣвалъ всѣ святыни, примѣчательности и рѣдкости лавры (которыхъ нашелъ не мало), а по вечерамъ знакомился съ исторіей ея, съ древнѣйшихъ временъ, изъ нѣкоторыхъ книгъ и рукописей лаврской библіотеки. Такимъ образомъ, не смотря на краткость пребыванія моего въ Лаврѣ, я успѣлъ достаточно ознакомиться съ ея исторіей и современнымъ положеніемъ. Полной, печатной исторіи ея тогда еще не было: она появилась лишь 23 года послѣ того—въ 1878 г., бывъ составлена намѣстникомъ лавры, архимандритомъ *Амвросіемъ*, по подлиннымъ документамъ, хранящимся въ лаврскомъ архивѣ, и напечатана въ лаврской типографіи, подъ заглавіемъ: „Сказаніе о почаевской успенской Лаврѣ“. По этому „Сказанію“ я провѣрилъ мои воспоминанія 1855 года, и предлагаю ихъ здѣсь въ краткомъ изложеніи. Но предварительно не могу отказать себѣ въ удовольствіи посвятить нѣсколько строкъ историческому и благодатному волынскому краю, по которому я про-

ѣхалъ съ крайняго востока до крайняго запада—отъ Житоміра до Почаева и обратно. Я бывалъ въ немъ, зналъ и полюбилъ его и прежде, теперь съ истинно отраднымъ чувствомъ снова увидѣлъ его и насладился его красотами. Дѣйствительно—чудный край, вмѣстѣ съ кіевскимъ—колыбель древней Руси, и до-исторической, и языческой, и христіанской,—край, прошедшій чрезъ многовѣковыя историческія невзгоды, природою же надѣленный обильными дарами и красотами.

Изъ Житоміра въ Лавру (300 верстъ) я ѣхалъ по большой почтовой дорогѣ чрезъ Новгородъ-Волынскій на р. Случѣ, Острогъ на р. Горыни и Кременецъ на ручьѣ въ 5 верстахъ отъ р. Иквы. Все это города, основаніе которыхъ относится къ глубокой древности, и въ каждомъ слѣды первыхъ временъ христіанства въ Россіи. Въ Луцкѣ же и Владимірѣ (которые, къ сожалѣнію, лежали въ сторонѣ отъ моего пути), въ особенности, еще доселѣ остаются слѣды ревности равноапостольнаго в. к. Владиміра къ созиданію церквей. А въ Кременцѣ, Почаевѣ и ихъ окрестностяхъ сохраняются и слѣды перваго пещернаго отшельничества, даже болѣе ранняго, кажется, нежели кіево-печерское [1]).

Отъ Житоміра до Острога я ѣхалъ по средней части Волыни—равнинной, живописной, плодородной и хорошо населенной. Но съ поворотомъ на югъ къ Острогу и далѣе къ Кременцу—въ юго-западную часть края, характеръ мѣстности измѣняется, постепенно становясь болѣе и болѣе гористымъ и живописнымъ. Здѣсь край прорѣзывается съ сѣверо-запада на юго-востокъ отраслью Карпатскихъ горъ, достигающихъ въ иныхъ мѣстахъ до 190 саженей и болѣе, а у Кременца, высшаго пункта—даже 1328 ф. надъ поверхностью моря. Здѣсь плотность населенія, множество рѣкъ, рѣчекъ, горныхъ ручьевъ, высокихъ холмовъ и горныхъ грядъ, поросшихъ разнороднымъ и роскошнымъ лиственнымъ, большею частію дубовымъ, лѣсомъ—придаютъ мѣстности необыкновенно живописный характеръ [2]). Кременецъ, особенно, лежитъ въ самой возвышенной и живописной мѣстности, въ глубокомъ горномъ ущельѣ горъ, высящихся по ту и другую сторону, то уступами (по правую

---

[1]) Церк. ист. Иннокентія, отд. II, стр. 99.

[2]) *Столпянскій*: Девять губерній западно-русскаго края. Спб. 1866 г.

сторону), то отдѣльными высотами (по лѣвую). Не даромъ Кременецъ-Волынскій носитъ это названіе, происходящее отъ слова „кремень", подобно тому, какъ Каменецъ-Подольскій—отъ слова „камень": какъ первый сооруженъ на кремнѣ, такъ и второй на камнѣ—высокой каменистой горѣ. И что̀ за древность Кременца!—основаніе его относятъ еще къ VIII вѣку по Р. Х., а принадлежность его — славянскому племени дулебовъ! — Въ XIII вѣкѣ онъ прославился своею неприступностью и отраженіемъ осадъ: Батыя—въ 1241 г. и татарскаго полководца Куремсы въ 1255 г. Нынѣ, на уступѣ правыхъ нагорныхъ высотъ, расположено обширное каменное зданіе волынской духовной семинаріи, до осени 1831 года служившее помѣщеніемъ столь извѣстнаго кременецкаго лицея или польско-іезуитскаго коллегіума. А на средней изъ лѣвыхъ, нагорныхъ высотъ хорошо сохранились развалины каменныхъ замка и башенъ, сооруженныхъ польскою королевой *Боной*, построившею множество такихъ крѣпостей въ Польшѣ. Самый городъ расположенъ улицой вдоль ущелья.

Отъ Кременца до Лавры (24 версты) дорога пролегаетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ по равнинной, отчасти холмистой, и очень живописной мѣстности, среди роскошной лѣсной растительности. За 4 версты до Лавры, по обѣ стороны дороги — густой лиственный лѣсъ; съ приближеніемъ къ Лаврѣ онъ рѣдѣетъ и за нимъ начинается лаврская роща, состоящая большею частію изъ вѣковыхъ дубовъ. Лѣсъ и роща еще скрываютъ видъ Лавры; но проѣхавъ чрезъ расположенное у подошвы почаевской горы, съ трехъ сторонъ, м. Новый-Почаевъ (м. Старый-Почаевъ лежитъ въ 3 верстахъ къ юго-западу), при поворотѣ на право въ поперечную аллею старыхъ и высокихъ деревьевъ—Лавра открывается, во всей своей красѣ, на вершинѣ почаевской горы, вышиною до 35 саженей. Аллеей, идущей въ гору, въѣзжаешь въ св. ворота лаврской ограды, и тотчасъ по въѣздѣ въ нихъ, на лѣво—каменный, 2-хъ-этажный архіерейскій домъ, а на право—каменная-же, одно-этажная гостинница съ открытою галлереей — балкономъ, откуда прекрасный видъ на окрестности и кременецкія горы. Въ ней я и остановился, и прежде всего посѣтивъ пребывавшаго тогда въ Лаврѣ, священно-архимандрита ея, варшавскаго и волынскаго архіепископа *Арсенія* (съ 1858 г. митрополита кіевскаго, умершаго въ 1876 г.),

я поспѣшилъ въ соборъ Успенія Божіей Матери, поклониться тремъ главнымъ святынямъ его: стопѣ Божіей Матери и чудотворной почаевской иконѣ ея—въ самомъ соборѣ, а внизу его, въ пещерной церкви св. великомученицы Варвары — мощамъ св. препод. *Іова*, игумена почаевской обители, почившаго 28 октября 1651 г., за 69 лѣтъ до окончательнаго завладѣнія ею базиліановъ-уніатовъ въ 1720 г.

Лаврскій успенскій соборъ поразилъ меня своими: громадностью, красотою и величественнымъ видомъ, снаружи и внутри, своею особенною, смѣлою и прочною архитектурой въ итальянскомъ стилѣ польско-католическихъ церковныхъ построекъ 2-й половины XVIII вѣка. Онъ стоитъ на самомъ утесѣ горы, возвышающейся до 35 саженей надъ окрестною поверхностью земли. Предъ входомъ въ него съ „южной“ стороны (алтаремъ онъ построенъ на сѣверъ)— съ трехъ сторонъ площадка, огражденная на краю глубокаго южнаго обрыва желѣзною рѣшеткой. Когда обратитесь къ югу, съ нея открывается предъ вами великолѣпный видъ на широкую долину, ограниченную съ юга, на границѣ восточной Галиціи, на разстояніи 8 верстъ отъ Лавры, горными высотами, на которыхъ, къ юго-западу, видна уніатская обитель, постройкою своею весьма похожая на почаевскую (о ней скажу ниже). Южный фасадъ собора образуютъ 2 выдающіяся, четвероугольныя, высокія башни о 5 этажахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго карнизами и къ верху съуживающихся. Между башнями—4 колонны съ капителями коринѳскаго ордена, а между 2-мя средними колоннами — главная, южная входная дверь въ соборъ, по каменной лѣстницѣ въ нѣсколько ступеней. Надъ дверью—полуовальное окно съ разноцвѣтною рѣшеткой, на которой желѣзными цифрами означенъ „1771“ годъ построенія собора. Надъ карнизомъ 1-го этажа фронтона— икона успенія Божіей Матери. За башнями—фронтонъ самой церкви: въ немъ большое окно, сверху его — Всевидящее Око, а на самомъ верху—крестъ, по обѣ стороны котораго 6-ть высѣченныхъ изъ камня урнъ. Въ нижнемъ ярусѣ башенъ—восточныя и западныя входныя двери въ церковь. Наконецъ въ 4-мъ ярусѣ правой, восточной башни—боевые часы. Стѣны собора снаружи украшены пилястрами съ коринѳскими капителями, высѣченными изъ дикаго камня. Все зданіе собора увѣнчано высокимъ (выше башенъ), 8-ми

граннымъ куполомъ, виднымъ за 40 и болѣе верстъ. Внутри соборъ имѣетъ крестообразную форму, образуемую продольными и поперечными столбами. Въ 1855 г. внутреннее устройство собора уже было обращено изъ уніатскаго въ православное: боковые престолы уничтожены, исключая 1-го отъ входа съ юга, съ правой стороны, обращеннаго въ иконостасъ со спискомъ съ чудотворной иконы почаевской Божіей Матери и съ другими иконами; подъ доскою-же, служившею уніатскимъ престоломъ, находилось круглое отверстіе надъ стопою Божіей Матери, всегда наполненною до края чистою, ключевою водою, никогда не изсякающею. Богомольцы черпаютъ ее, пьютъ и уносятъ съ собою въ небольшихъ скляночкахъ за лаврскою печатью. Во взятыхъ мною и полученныхъ позже такихъ скляночкахъ вода болѣе 10 — 15 лѣтъ сохранялась неповрежденною, чистою и свѣжею. Но передъ главнымъ алтаремъ еще находился низкій, одноярусный иконостасъ, со старыми, неизящными мѣстными иконами. Поверхъ его видна была надъ горнимъ мѣстомъ въ алтарѣ, въ богато - украшенномъ кіотѣ, чудотворная почаевская икона Божіей Матери, въ вѣнцѣ на подобіе царской діадемы, украшенномъ драгоцѣнными каменьями, и держащей младенца Іисуса на лѣвой рукѣ; — внизу-же иконы была изображена почаевская гора и на вершинѣ ея—стопа Божіей Матери. Икону эту, подобно кіево-печерской, спускали внизъ на снурахъ, для поклоненія ей и служенія передъ нею молебствій. Списки съ этой иконы, въ маломъ видѣ, приготовлялись въ лаврской иконописной мастерской и продавались богомольцамъ. По сторонамъ собора, въ боковыхъ галлереяхъ, я, къ немалому моему удивленію, видѣлъ сохранившіеся еще уніатскіе „конфессіоналы“. Почему они тутъ оставались—24 года послѣ отобранія монастыря отъ базиліанъ—было непостижимо для меня. Видѣлъ я еще и другіе остатки уніатскихъ и католическихъ обычаевъ, напримѣръ: женщинъ простаго званія, лежавшихъ на помостѣ *крестомъ* (по польски „krzyżem“), т. е. на груди, распростерши руки въ обѣ стороны, а также—исповѣдь, если не въ конфессіоналѣ, то подъ эпитрахилью духовника *) (почему и зачѣмъ—не знаю).

---

*) Обычай этотъ общій во всемъ юго-западномъ краѣ и отнюдь не уніатскій. *Ред.*

Подъ соборомъ, внизу, у восточной стороны, находилась небольшая пещерная церковь во имя св. великомученицы Варвары, существовавшая еще прежде сооруженія собора. Пещерною она называется потому, что съ сѣверной стороны ея находилась пещера, въ которой, въ полукруглой нишѣ, въ ракѣ на вскрытіи покоились мощи св. преп. Іова, всенародно и торжественно открытыя 28 августа 1833 г., въ тотъ самый день, въ который за 174 года передъ тѣмъ (въ 1659 г.) они были вынуты изъ земли кіевскимъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ.

На первой вечернѣ въ соборѣ, въ день моего прибытія, меня очень удивило то, что чтецы и пѣвцы изъ послушниковъ были не въ подрясникахъ, а *въ сѣрыхъ сюртукахъ и холщевой нижней одеждѣ въ сапоги!*—точно деревенскіе дьячки*). Мнѣ показалось это очень страннымъ и не совсѣмъ приличнымъ. Но очередные іеромонахъ и іеродіаконъ служили по чину. Наканунѣ 1-го августа всенощная служба была совершена во всемъ по чину, какъ слѣдовало. А на другой день позднюю обѣдню въ соборѣ совершалъ соборно и очень торжественно преосвященный *Арсеній*, въ присутствіи множества народа, наполнявшаго соборъ, большею частію мѣщанъ и крестьянъ обоихъ половъ, въ праздничныхъ одеждахъ. Послѣ обѣдни былъ крестный ходъ для освященія воды, причемъ преосвященный *Арсеній*, съ крестомъ въ лѣвой рукѣ и съ кропиломъ въ правой, окроплялъ св. водою большіе пучки хлѣбныхъ и иныхъ растеній и полевыхъ цвѣтовъ, которые держали въ рукахъ крестьянки, стоявшія шпалерами отъ амвона до южныхъ входныхъ дверей. Это старинный, мѣстный, народный обычай.

Въ первые 3 дня передъ тѣмъ, между церковными службами въ соборѣ, обозрѣвая особенныя примѣчательности и рѣдкости, хранившіяся въ лаврѣ, я нашелъ въ нихъ очень много любопытнаго. Посѣтивъ намѣстника лавры, архимандрита *Неофита*, въ его покояхъ, я увидѣлъ въ нихъ, въ экранѣ передъ печью, живописный портретъ отступника отъ православія на флорентійскомъ соборѣ и

---

*) Если-бы строго держаться обычаевъ вселенской и нашей церкви до Никона, то и священники должны ходить въ одеждѣ міранъ и только для богослуженія надѣвать одежду церковную.—*Ред.*

низложеннаго за то въ Москвѣ митрополита *Исидора*, бѣжавшаго послѣ того въ Римъ и получившаго отъ папы красныя кардинальскія: шапку и мантію. Въ нихъ онъ и былъ изображенъ на этомъ любопытномъ портретѣ. На замѣчаніе мое, что такой исторической рѣдкости слѣдовало-бы находиться въ музеѣ или библіотекѣ Лавры, намѣстникъ, улыбаясь, возразилъ, что „изображенію вѣроотступника, заслуживщаго кару вѣчнаго огня, приличное мѣсто—именно передъ временнымъ огнемъ!“ Осматривая потомъ лаврскую библіотеку, не приведенную еще тогда въ должный порядокъ, я получилъ изъ нея, для ознакомленія съ исторіей почаевской обители, 3 старопечатныя книги и 1 рукопись (о которыхъ скажу подробнѣе ниже). А въ одной кладовой, въ которой хранились разныя вещи, я увидѣлъ за перегородкой развѣшанные на стѣнѣ весьма любопытные и замѣчательные, живописные портреты: *Николая Потоцкаго*, старосты каневскаго и соорудителя въ 1771 г. каменныхъ: собора и зданій монастыря,—и супруговъ *Өеодора* и *Еввы Домашевскихъ*, соорудившихъ въ немъ, въ 1649 г., новую и большую каменную церковь во имя св. Тройцы. Эти портреты привлекли особенное вниманіе мое. На портретѣ *Николая Потоцкаго*, послѣдній изображенъ во весь ростъ, почти въ натуральную величину, въ богатомъ полу-польскомъ, полу-украинскомъ нарядѣ—кунтушѣ съ закинутыми назадъ рукавами, опоясанномъ широкимъ шалевымъ поясомъ, съ заткнутыми за нимъ пистолетами, съ турецкою саблей при боку, въ широкихъ шароварахъ и красныхъ сапогахъ. Большой бритый лобъ, съ *оселедцомъ* на макушкѣ, правильныя черты продолговатаго овала лица, длинные усы, бритый подбородокъ, умный, но энергичеcкій и суровый взоръ, гордая осанка—съ перваго же взгляда живо изображали этого оригинальнаго человѣка, столь извѣстнаго своими: буйнымъ, неукротимымъ нравомъ, причудами, жестокостью, распутствомъ, но и богатствомъ, и щедростью. Предо мною какъ-бы живой стоялъ этотъ своеобразный типъ тогдашнихъ польскихъ и украинскихъ феодаловъ!

Рядомъ съ его портретомъ находился не менѣе любопытный портретъ супруговъ *Домашевскихъ*, во весь ростъ, писанный на холстѣ. *Өеодоръ Домашевскій* былъ изображенъ старикомъ высокаго роста, съ сѣдыми бородою и усами, и съ волосами на головѣ, остриженными въ кружокъ, въ одеждѣ болѣе греческой или молдавской,

чѣмъ польской. Нижняя одежда—въ видѣ подрясника темно-голубаго цвѣта, а верхняя — въ видѣ греческой полу-ряски съ короткими рукавами, обшитой по краямъ и внизу золотымъ снуркомъ и застегнутой до пояса продолговатыми золотыми пуговицами, а у шеи старинною пряжкою, украшенною драгоцѣнными каменьями. Въ правой рукѣ—трость съ набалдашникомъ слоновой кости; при боку видѣнъ былъ только ефесъ шпаги, въ древнемъ вкусѣ, обложенный серебряными блестками и драгоцѣнными каменьями; на верху ефеса змiиная головка. На верху портрета, съ лѣвой стороны, гербъ: щитъ свѣтло-голубаго цвѣта, съ бѣлымъ на немъ знакомъ въ видѣ трехъ-составнаго якоря; вокругъ щита рѣзная, позолоченная рамка, а сверху корона; по сторонамъ рамки — двѣ пальмовыя вѣтьви, а вокругъ герба—прописныя польскiя буквы: H. T. D. K. G. P. K., означающiя, какъ полагаютъ: Hryckiewicz Theodor Domaszewski, Komornik Granic Powiatu Krzemienieckiego (его званiе и должность). Съ правой стороны—портретъ супруги *Θеодора Домашевскаго Еввы*, во весь ростъ, лѣтъ 50, въ старинной одеждѣ высшихъ особъ женскаго пола. Голова и шея покрыты бѣлымъ покрываломъ, опущеннымъ на плечи; на головѣ, сверхъ покрывала, голубая шапка съ собольею опушкой. На бѣломъ платьѣ голубой корсетъ, застегнутый золотыми снурками, а верхнее платье въ родѣ женской собольей шубы, изъ бархата зеленаго цвѣта; въ лѣвой рукѣ четки. На верху гербъ такой-же, какъ и *Домашевскаго*, съ тѣмъ лишь различiемъ, что въ щитѣ одинъ знакъ въ видѣ якоря, а другой на глобусѣ съ крестикомъ. Вокругъ герба буквы: B. E. D. K. G. P. K., означающiя, какъ полагаютъ: Bogobojna (богобоязная, благочестивая) Ewa Domaszewska, Komornikowa Granic Powiatu Krzemienieckiego. Въ срединѣ между обоими портретами— видъ церкви, которую супруги держатъ снизу ея, мужъ—лѣвою, а жена—правою руками своими. Церковь въ основанiи—изъ дикаго камня, а выше—изъ кирпича; архитектуры византiйской; главный куполъ восьмигранный, а другiе два меньшiе—круглые. Подъ изображенiемъ церкви столъ, покрытый красною пеленою и на немъ круглая шапка съ собольею опушкой, двѣ книги и четки. Между мужемъ и женою изображены дѣти ихъ, сынъ и дочь, не старѣе 10 лѣтъ, въ длинныхъ одеждахъ, на колѣнихъ, молящiеся со сложенными руками. На полу—круглая шапочка мальчика, съ бѣлою

опушкой, а на шеѣ дочери цѣпочка изъ жемчуга и на головѣ вѣнчикъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Подъ картиной надпись «Fundatorowie starej cerkwi w Poczajowie w. w. (wielmożni) Teodor i Ewa Domaszewscy, komornikowstwo granicy krzem. p. R. 1649». Картина эта, существовавшая болѣе 200 лѣтъ въ почаевской обители, составляла подлинно драгоцѣнную историческую рѣдкость, но примѣтно пришла въ ветхость и, къ крайнему моему удивленію и сожалѣнію, хранилась небрежно, въ кладовой разнаго хлама, за перегородкой [1])! То-же самое слѣдуетъ сказать и о портретѣ *Николая Потоцкаго*, такой-же исторической рѣдкости. Эти драгоцѣнные вещественные памятники юго-западной русской старины заслуживали-бы въ 1855 г., уже 24 года послѣ отобранія монастыря отъ базиліановъ, болѣе уваженія и тщательнаго храненія въ болѣе приличномъ мѣстѣ, нежели въ кладовой. Напрасно искалъ я въ „Сказаніи", гдѣ они хранятся теперь, и нигдѣ не нашелъ указанія на то, что̀ меня не мало удивило. Жаль, что въ Почаевской Лаврѣ нѣтъ, подобно тому, какъ въ Лаврѣ препод. Сергія, ни музея рѣдкостей, картинъ, портретовъ и т. п., ни собственной фотографіи, для изображенія ихъ и живописныхъ видовъ Лавры и ея окрестностей. Расходы на учрежденіе и содержаніе музея и фотографіи окупались-бы доходами отъ покупки произведеній послѣдней богомольцами, которые, какъ извѣстно, очень дорожатъ такими воспоминаніями посѣщенныхъ ими св. мѣстъ и ихъ святынь.

И библіотеку лаврскую также я нашелъ въ 1855 г. въ несовсѣмъ приличныхъ ей помѣщеніи и устройствѣ, хотя въ ней было много рѣдкихъ старинныхъ рукописей и книгъ. Въ „Сказаніи" (1878 г. стр. 280) о библіотекѣ сказано только, что при архимандритѣ Агаѳангелѣ (1866—1876) она изъ года въ годъ постоянно пріобрѣтала „разныя новѣйшія изданія духовнаго содержанія", но нѣтъ свѣдѣній о ея устройствѣ. Въ ней-то, по моему мнѣнію, и слѣдовало бы хранить означенные портреты кардинала *Исидора*, *Потоцкаго* и *Домашевскихъ*, и другіе вещественные памятники лаврской старины.

---

[1]) Въ «Сказаніи о Почаевской Успенской Лаврѣ», стр. 20—22, въ концѣ выноски сказано, что «все нужное къ возобновленію картины сдѣлано,» но гдѣ она хранится — не упомянуто. По моему мнѣнію, ей приличнѣйшее мѣсто въ лаврской библіотекѣ, какъ и портрету *Николая Потоцкаго*.

Изъ библіотеки я получилъ, какъ сказалъ выше, для ознакомленія моего съ исторіею обители, 3 старинныя книги и 1 рукопись, именно: 1) „Новое небо съ новыми звѣздами", сочиненіе ректора кіево-братскаго училища, іеромонаха *Іоанникія Галятовскаго,* напечатанное въ 1655 г. во Львовѣ, 2) „Гора Почаевская", книга, перепечатанная въ 1772 г. базиліанами изъ другой, древней, и 3) одно печатное и 4) одно рукописное „житіе преподобнаго Іова".— Изъ нихъ то я и узналъ слѣдующее, приводимое мною здѣсь вкратцѣ, объ исторіи почаевской обители.

Начало обители относится къ глубокой древности—къ первымъ временамъ христіанства въ древней Руси, хотя въ исторіи нѣтъ на это прямыхъ доказательствъ. Но нѣкоторыя данныя указываютъ на существованіе почаевской обители едва-ли не ранѣе всѣхъ другихъ на Волыни и даже въ Кіевѣ.[1]) Съ тѣхъ поръ она существовала до 1240 г., когда на почаевской горѣ произошло чудо явленія Божіей Матери, оставившей на скалѣ слѣдъ стопы своей, наполненный ключевою водою.[2]) Въ 1241 г. обитель подверглась разоренію Батыя, но, по удаленіи его, была возстановлена и продолжала существовать, распространяться и украшаться. Сначала, въ старину, монахи жили въ пещерахъ почаевской горы, а потомъ построили у подошвы ея деревянную и позже, вмѣсто ея, каменную церковь Успенія Божіей Матери, на свои средства и на пожертвованія, и до половины XVI вѣка владѣли только ею, источникомъ въ стопѣ Божіей Матери на скалѣ и пещерами. Въ 1559 г. владѣтельница помѣстья Орля, вдова *Анна Гойская,* урожденная *Кузинская,* получивъ въ даръ отъ греческаго митрополита *Неофита* привезенную имъ изъ Константинополя икону Божіей Матери, хранила ее у себя въ домѣ до 1597 г. Но въ этомъ году, вслѣдствіе многихъ чудесныхъ исцѣленій отъ этой иконы, она была перенесена въ каменную успенскую церковь на почаевской горѣ, и прославилась своими чудесами (они изложены въ книгѣ „Гора почаевская"). Пятьдесятъ два года спустя, въ 1649 г. *Ѳеодоръ и Евва Доманевскіе* соорудили на почаевской горѣ, выше успенской церкви, другую, новую, каменную же, но гораздо большую, во имя св. Троицы,

---

[1]) «Сказаніе» стр. 10—14.

[2]) Тамъ же.

богато украсили ее и щедро надѣлили деньгами. Въ концѣ 1-й и въ началѣ 2-й половины XVII вѣка были и другіе православные ревнители и благотворители почаевской обители, изъ князей и дворянъ края, какъ-то: князья *Малынскіе*, *Пузины*, *Сташкевичи*, *Куликовскіе*, *Ушковскіе*, *Долинскіе*, *Жабокритскіе*, *Ясногорскіе* и др. На вклады ихъ были построены въ обители, въ это время, еще 6 меньшихъ церквей, примыкавшихъ съ обѣихъ сторонъ къ троицкой, именно: преображенская, благовѣщенская, воскресенская, св. великомученика Ѳеодора, побѣды Божіей Матери (надъ татарами) и николаевская. Къ найлучшему поддержанію почаевской обители и православія въ ней много содѣйствовалъ св. препод. *Іовъ*, 50 лѣтъ (1601—1651) бывшій игуменомъ ея. Онъ родился въ концѣ 1-й половины XVI вѣка, въ галичской землѣ, въ предѣлахъ покутскихъ, и въ мірѣ носилъ имя *Іоанна*, по прозванію *Железо*. На 12 году отъ рожденія онъ былъ постриженъ въ монашество въ угорницкомъ преображенскомъ монастырѣ, а по принятіи священства и вскорѣ послѣ того схимы, столько прославился святою жизнію, что знаменитый князь *Константинъ Острожскій* упросилъ его принять игуменство крестовоздвиженскаго монастыря въ г. Дубно. По 20-лѣтнемъ управленіи имъ, преп. *Іовъ*, въ схимѣ *Іоаннъ*, возвратился въ почаевскую обитель, былъ избранъ въ игумены ея и управлялъ ею, какъ сказано, 50 лѣтъ, до смерти своей 28 октября 1651 г., сто лѣтъ отъ роду. А 8 лѣтъ спустя, 28 октября 1659 г., нетлѣнныя мощи его были торжественно открыты кіевскимъ митрополитомъ *Діонисіемъ Балабаномъ*. Со времени основанія почаевскаго общежительнаго монастыря *Анною Гойскою* въ 1597 г. и до порабощенія его уніатами въ 1720 г., капиталы его, обезпеченные недвижимыми имѣніями, постепенно умножались и наконецъ значительно возрасли, и сверхъ того монастырь владѣлъ 7 селеніями и земельными и иными угодіями.

Со времени смерти препод. *Іова*, въ схимѣ *Іоанна*, послѣдовательно было 18 православныхъ игуменовъ почаевскаго монастыря и послѣднимъ въ 1718—1720 г. былъ *Гедеонъ Левицкій*. Но уже при 12-мъ игуменѣ, *Иннокентіи Ясельницкомъ*, избранномъ въ 1693 г., въ монастырѣ начались раздоры, смуты и безпорядки, постепенно увеличивавшіеся со времени брестской уніи 1596 года и борьбы православныхъ съ уніатами и католиками, которые на-

конецъ одолѣли, такъ что въ 1720 г. уніаты-базиліане уже окончательно завладѣли монастыремъ. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіи слѣдующихъ 111 лѣтъ до 2 октября 1831 г., времени отобранія монастыря отъ уніатовъ и обращенія его снова въ православный, онъ, нося названіе „уніатскаго-базиліанскаго", сталъ постепенно болѣе и болѣе превращаться почти въ настоящій польско-католическій. А игумены и монахи его, до 1720 г. еще именовавшіе себя въ тяжебныхъ дѣлахъ „zakonnicy monasteru poczajowskiego swiętego Bazylego Wielkiego ritus graeci" или „nie w unii zostający", съ 1720 г. уже отбросили послѣднія шесть словъ и стали просто именоваться базиліанами, какъ бы уже принадлежа къ католическимъ монашескимъ орденамъ.

Исторія этихъ 111 лѣтъ пребыванія почаевскаго монастыря во власти базиліанъ до крайности прискорбна и я не стану говорить о ней, а коснусь только временъ благодѣтельствованія ему *Николая Потоцкаго* и участія монастыря въ польскомъ возстаніи 1830—31 г.

Николай Потоцкій, староста каневскій, сынъ бельзскаго (въ Галиціи) воеводы *Стефана Потоцкаго* [1]), былъ первоначально римско-католическаго исповѣданія, а въ послѣдствіи перешелъ изъ него въ унію, вознамѣрясь сдѣлать большія денежныя пожертвованія почаевскому монастырю, по слѣдующему случаю. Однажды, ѣдучи въ коляскѣ по ровной дорогѣ въ виду почаевскаго монастыря, онъ былъ опрокинутъ кучеромъ, наѣхавшимъ на большой камень. Лошади съ коляской умчались, а упавшіе *Потоцкій* и кучеръ остались на мѣстѣ. Взбѣшенный *Потоцкій* выхватилъ изъ-за

[1]) Въ книгѣ «Новое небо», въ предисловіи, говорится, что предки *Потоцкихъ* по женской линіи происходили отъ рода молдавскихъ господарей *Могилъ* (которые были православными), а *Николай Потоцкій* писался «Potocki na Złotym Potoku», т. е. что родъ его происходилъ отъ *Потоцкихъ*, которымъ принадлежали имѣнія «Золотой Потокъ» и другое близъ него «Горній Потокъ» (нынѣ въ Царствѣ Польскомъ, люблинской губерніи, близъ Тарногрода, въ 12 верстахъ отъ границы Галиціи). Такъ какъ тамъ было повсемѣстно православіе, то и предки *Николая Потоцкаго* были безъ сомнѣнія православные. И такъ вотъ происхожденіе тѣхъ *Потоцкихъ*, которые теперь сами себя, какъ и поляки ихъ, считаютъ «родовитыми поляками»! Замѣтимъ при этомъ, что въ полтавской губерніи до сихъ поръ существуютъ православные дворяне *Потоцкіе*.

пояса пистолетъ, приставилъ его къ груди кучера и съ словами: „умри, злодѣй!“ спустилъ курокъ, но пистолетъ осѣкся въ то самое время, какъ кучеръ, обратясь къ монастырю, воскликнулъ: „Матерь Божія! спаси меня!“ И такъ было до трехъ разъ. Пораженный этимъ, *Потоцкій* простилъ кучера, и по усмиреніи лошадей, велѣлъ везти себя въ монастырь. Тамъ онъ излилъ свою душу въ молитвѣ предъ чудотворною почаевскою иконою Божіей Матери, и съ тѣхъ поръ (полагаютъ, что это случилось передъ 1760 г.) совершенно измѣнилъ свою жизнь и предался благочестію, горячей любви къ почаевской обители и рѣшимости ничего не жалѣть для ея благолѣпія *). Изъ писемъ его, писанныхъ имъ изъ г. Бучача, въ Галиціи, мѣста пребыванія его, къ прото-архимандриту почаевскаго монастыря *Игнатію Бѣлинскому*, съ 1761 г. по 1772 г., видно, что главнымъ предметомъ заботъ его, *Потоцкаго*, было сооруженіе громадныхъ каменныхъ: соборной церкви и братскихъ корпусовъ, пожертвованіе на то значительныхъ денежныхъ капиталовъ (до 224,400 злотыхъ) и желаніе провесть остатокъ жизни своей въ почаевскомъ монастырѣ, а по смерти быть погребеннымъ въ немъ.

Въ 1771 г. начата была постройка большаго собора и братскихъ корпусовъ и продолжалась 12 лѣтъ—до 1782 г. При этомъ прежняя соборная троицкая церковь *Домашевскихъ* была, къ крайнему сожалѣнію, разобрана, а по южную сторону, на краю горы, въ 1774 г. построена новая церковь во имя св. великомученицы Варвары, и въ 1776 г. полевая каменная церковь Рождества Богородицы. Обѣ эти церкви и большой соборъ были освящены въ 1780 г. Но еще прежде того, 8 сентября 1773 г., съ разрѣшенія папы Климента XIV, былъ торжественно совершенъ католическій обрядъ „коронованія чудотворной почаевской иконы Божіей Матери“. *Потоцкій* прожилъ еще 2 года послѣ освященія собора и двухъ церквей и имѣлъ утѣшеніе видѣть исполненіе завѣтнаго желанія своего. Онъ умеръ 12 апрѣля 1782 г. въ почаевскомъ

*) Имѣемъ полное основаніе утверждать, что онъ куралесилъ и долгое время потомъ. Въ подобныхъ самодурахъ того времени легко уживались и внѣшнее благочестіе и внутренняя развращенность, а переходы отъ одного къ другой были не только быстры, но и очень часты. — *Ред.*

монастырѣ, въ которомъ жилъ, и по завѣщанію своему еще 1774-го года, былъ торжественно погребенъ, по уніатскому обряду, въ склепѣ, на лѣвой сторонѣ по входѣ въ соборъ [1]).

Въ дополненіе къ этому, приведу слышанное мною въ 1855 г. въ Лаврѣ преданіе, что въ теченіи времени съ 1760 г., обращенія *Потоцкаго* къ иной жизни, до 1780 г., освященія сооруженной имъ соборной церкви, онъ, живя по временамъ въ почаевскомъ монастырѣ, какъ благотворитель и почти полный хозяинъ его, находился въ совершенномъ согласіи съ братіею монастыря. Но однажды, поссорившись съ ними изъ-за чего-то, онъ удалился изъ монастыря въ находившееся верстахъ въ 8-ми на юго-западъ отъ него имѣніе свое (нынѣ въ Восточной Галиціи, на границѣ волынской губерніи), и построилъ тамъ, въ меньшемъ размѣрѣ, точное подобіе почаевскаго собора и при немъ базиліанскій монастырь, въ которомъ и поселился. Вскорѣ однако, примирясь съ почаевской братіею, онъ воротился въ ихъ монастырь и продолжалъ попрежнему благодѣтельствовать ему. Такимъ образомъ, двѣ, построенныя имъ и совершенно схожія между собою церкви, стоятъ теперь одна въ виду другой, одна въ большемъ размѣрѣ—на почаевской горѣ, въ волынской губерніи, а другая въ меньшемъ размѣрѣ—на границѣ Галиціи, и послѣдняя ясно видна простымъ глазомъ съ площадки передъ южнымъ входомъ въ почаевскій соборъ. Когда же въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе, какъ говорили мнѣ въ Лаврѣ, весь южный фасадъ собора, снизу до верху, и весь куполъ собора освѣщаются огнями, точно такъ-же освѣщается и противулежащая уніатская церковь въ Галиціи, что̀ должно представлять очень любопытное зрѣлище. Въ „Сказаніи о Почаевской Успенской Лаврѣ“ я не нашелъ никакихъ свѣдѣній о приведенномъ мною здѣсь преданіи и потому не знаю, на сколько оно достовѣрно.

Касательно же участія почаевскихъ базиліанъ въ польскомъ мятежѣ 1830—31 г. я не слыхалъ ничего въ Лаврѣ въ 1855 г.,

[1]) Въ «Сказаніи» сказано, что «до 1831 г. прахъ *Потоцкаго* находился въ этомъ склепѣ,» но ничего не сказано, гдѣ находится съ тѣхъ поръ. Въ томъ-же «Сказаніи» изложены всѣ подробности, касающіяся *Николая Потоцкаго*, его построекъ и пожертвованій для почаевскаго монастыря и всѣхъ событій въ этомъ послѣднемъ—съ 1760 г. до смерти *Потоцкаго* въ 1782 г. Подробности эти еще не были извѣстны мнѣ въ 1855 г.

но въ „Сказаніи" 1878-го года нашелъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія. Осенью 1823 г. императоръ Александръ I, проѣздомъ изъ-за границы, ночевалъ въ г. Острогѣ и на слѣдующее утро слушалъ обѣдню въ единственной, бѣдной, деревянной, городской, приходской пятницкой церкви. Обѣдню совершалъ волынскій епископъ *Стефанъ*, который послѣ того передалъ находившемуся въ свитѣ Государя генералъ-адъютанту барону *Дибичу* все, что дотолѣ, въ томъ же 1823 г., имъ, епископомъ *Стефаномъ*, было предоставлено св. синоду, *объ обращеніи почаевскаго монастыря въ православіе*. Докладъ синода о томъ былъ представленъ Государю тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ синода, княземъ *Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ*. А 2-го августа 1823 г. княземъ *Голицынымъ* сообщено было митрополиту греко-уніатскихъ церквей въ Россіи, *Іосифу Булаку*, что „Государю не угодно было изъявить свое согласіе на представленіе синода, по тому уваженію, что въ почаевскомъ монастырѣ находилось значительное общество монаховъ базиліанскаго ордена и содержались учебныя заведенія". Базиліане возликовали, возлагая надежды свои на князя *А. Н. Голицына*, который, будучи оберъ-прокуроромъ синода, оказался такимъ образомъ „ревнителемъ уніи болѣе, нежели православія"! Баронъ *Дибичъ* обѣщалъ епископу *Стефану* вновь довесть просьбу его до свѣдѣнія Государя, и если онъ исполнилъ это (говорится въ „Сказаніи"), то можетъ быть съ того времени въ Петербургѣ снова стали думать о возвращеніи почаевскаго монастыря въ православіе. Но этому суждено было совершиться не при императорѣ Александрѣ I, а при преемникѣ его императорѣ Николаѣ I, и поводъ къ тому подали сами почаевскіе базиліане. Во время польскаго возстанія въ 1830—31 г., они всѣ явно приняли сторону мятежниковъ, помогали имъ деньгами, издавали прокламаціи съ воззваніемъ къ общему возстанію въ краѣ, и когда польскій генералъ *Дверницкій*, разбитый въ апрѣлѣ 1831 г. генераломъ *Ридигеромъ* при м. Боремлѣ, въ 45 верстахъ отъ Почаева, проходилъ чрезъ это мѣстечко въ Австрію, базиліане встрѣтили его съ радостью и торжествомъ, щедро угощали его, снабдили деньгами и многіе изъ нихъ ушли за нимъ вооруженными. Но кара Божія и государственная постигла наконецъ измѣнниковъ Богу, Государю и отечеству: по совершенномъ подавленіи польскаго мятежа въ сентябрѣ

1831 г., Николай I повелѣлъ: почаевскій базиліанскій монастырь, со всею его церковною принадлежностью, недвижимымъ имѣніемъ и капиталами, передать въ вѣдомство православнаго духовенства, обращая доходы монастыря на его содержаніе, монаховъ же базиліанскаго ордена, какъ находившихся въ монастырѣ, такъ и содержавшихся въ кіевской крѣпости, размѣстить въ другіе уніатскіе монастыри и сверхъ того принять всѣ нужныя мѣры для передачи монастыря и его имуществъ на законномъ основаніи въ вѣдѣніе православнаго духовенства, и пр. Все это было начато приведеніемъ въ исполненіе уже въ октябрѣ 1831 г., подъ ближайшимъ наблюденіемъ волынскаго и житомирскаго епископа *Амвросія*, который и оставался на своей каѳедрѣ и священно-архимандритомъ почаевскаго монастыря до перевода его 1-го февраля 1832 г. на нижегородскую епархію и до назначенія на его мѣсто курскаго епископа *Иннокентія* (1832—1840). Затѣмъ преемниками послѣдняго были послѣдовательно преосвященные: *Никаноръ* (1840—1848), *Арсеній* (1849—1860), *Антоній* (1860—1866), *Агаѳангелъ* (1866—1876) и возвращенный нынѣ въ Одессу *Димитрій* (1876—1882). Всѣ они значительно расширили, украсили, благоустроили и упрочили Почаевскую Успенскую Лавру [1]), которая, вслѣдствіе того, достойно занимаетъ свое четвертое мѣсто въ ряду другихъ—кіевопечерской, троицко-сергіевской и александро-невской.

Кн. Н. С Голицынъ.

---

[1]) «Сказаніе о Почаевской Успенской Лаврѣ». Почаевъ 1878 г.

О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ.

Въ исторіи человѣчества вообще и каждаго народа въ частности книгопечатаніе является однимъ изъ важнѣйшихъ двигателей просвѣщенія. Удовлетворяя одной изъ главныхъ нашихъ потребностей—быстраго и широкаго обмѣна мыслей между пишущими и читающими, равно лучшаго храненія и наибольшаго распространенія написаннаго, оно вмѣстѣ съ симъ служитъ, такъ сказать, вывѣскою образованія и извѣстной степени умственной дѣятельности народа. По началу онаго тамъ или здѣсь можно заключать о началѣ въ томъ или другомъ мѣстѣ умственнаго пробужденія, по размѣрамъ его — о силѣ умственнаго движенія, по роду и содержанію книгъ—о сферѣ и степени умственной дѣятельности. Существовало и существуетъ много другихъ формъ и способовъ проявленія умственной нашей жизни; но книгопечатаніе, съ тѣхъ поръ, какъ оно существуетъ, служитъ формою наиболѣе удобною, широкою и плодотворною.

Наше отечество не вдругъ стало пользоваться услугами книгопечатанія; протекло болѣе ста лѣтъ, когда явились у насъ первыя попытки завести оное на своей землѣ. Сѣверъ Россіи могъ-бы имѣть въ этомъ отношеніи рѣшительное преимущество предъ югомъ, если бы смѣлую попытку извѣстнаго діакона Ивана Ѳедорова открыть печатное дѣло на Москвѣ не постигла самая злая участь. Кто знаетъ, какая судьба въ дѣлѣ просвѣщенія и развитія ждала-бы Москву, если бы его попытка удалась; но онъ самъ вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ предѣлы южной Россіи.

Эта послѣдняя начала пользоваться типографскими издѣліями еще съ конца XV в., хотя получала ихъ изъ сосѣдняго Кракова, при томъ на первый разъ въ видѣ только церковно-богослужебныхъ книгъ. Со второй половины XVI ст. она заводитъ печатное дѣло у себя; скоро все ея пространство покрывается цѣлою сѣтью

типографій и станокъ печатный оказываетъ ей величайшую, незамѣнимую услугу въ дѣлѣ начинавшейся борьбы съ католичествомъ и зарождавшеюся уніею, а за тѣмъ въ дѣлѣ устроенія церкви и общественнаго образованія. Чтобы судить о быстромъ распространеніи у насъ въ эту пору книгопечатанія, довольно назвать важнѣйшія типографіи, быстро возникавшія одна за другою: въ Львовѣ, Вильнѣ, Острогѣ, Стрятинѣ, Заблудовѣ, Унсіовѣ и многихъ другихъ мѣстахъ. Изданіе библіи, переводъ евангелія на народный языкъ, множество догматическихъ и апологетическихъ сочиненій, знаменитые: Апокризисъ, Ѳриносъ. Лиѳосъ, Грамматика Смотрицкаго, Лексиконъ Памва Берынды и множество другихъ всякаго рода сочиненій послужать навсегда памятниками со всею энергіею быстро развивавшейся умственной нашей жизни въ сравнительно короткое время. Довольно сказать, что, при всемъ несовершенствѣ и медленности тогдашняго книгопечатанія, ни одно изъ сочиненій, направленныхъ враждебною намъ пропагандою противъ достоинства нашей церкви и истинности нашей вѣры, не оставалось безъ скораго и сильнаго отвѣта, снабженнаго самою лучшею по тогдашнему времени аргументаціею.

По странному однако стеченію обстоятельствъ, Кіевъ — это ядро духовной жизни южнорусскаго народа не принимаетъ въ этомъ умственномъ движеніи и отпечаткѣ онаго — типографской дѣятельности, на первыхъ порахъ ихъ развитія, никакого участія и центръ того и другой принадлежитъ рѣшительно Вильнѣ и Волыни. Съ своею собственною работой на томъ и другомъ поприщѣ Кіевъ выступаетъ позже; но, разъ ставъ на твердую, другими разчищенную дорогу, онъ не сходитъ съ нея во все послѣдующее время, постепенно расширяя свой умственный центръ и притягивая къ себѣ лучшія силы всего юга Россія, въ частности же свою первую книгопечатню, свившую себѣ гнѣздо въ печерской лаврѣ, доводитъ къ нашему времени до такого совершенства, что лѣтъ двадцать предъ симъ она не имѣла ничего равнаго себѣ въ Россіи — ни по размѣрамъ своей дѣятельности, ни по способамъ ея выполненія.

Въ этомъ общемъ вопросѣ о ходѣ просвѣщенія на югѣ Россіи и въ частности типографской ея дѣятельности, и частнѣйшій вопросъ о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ получаетъ опредѣленное значеніе и не можетъ казаться ни малозначущимъ, ни еще менѣе празднымъ, помѣщаемое-же здѣсь изслѣдованіе разрѣшаетъ оный на почвѣ положительныхъ данныхъ. Ред.

Вопросъ о томъ, какъ рано началось книгопечатаніе въ Кіевѣ, поднятый еще въ концѣ прошлаго столѣтія и съ тѣхъ поръ много разъ обращавшій на себя вниманіе любителей нашей старины, и доселѣ не признается окончательно рѣшеннымъ. Мало того, позднѣйшій по времени изслѣдователь, писавшій о первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ, утверждаетъ, будто, при имѣющихся данныхъ, вопросъ этотъ и не можетъ быть рѣшенъ вполнѣ удовлетворительно[1]). Нельзя однако согласиться съ такимъ заключеніемъ. Данныхъ для опредѣленнаго рѣшенія по означенному вопросу имѣется достаточное количество и только, съ одной стороны, отсутствіе полнаго сведенія ихъ во-едино, а съ другой — присоединеніе къ нимъ извѣстій неточныхъ, сомнительныхъ, вообще критически не провѣренныхъ, вводятъ нѣкоторыхъ изслѣдователей въ заблужденіе и мѣшаютъ установиться въ наукѣ истинному мнѣнію о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ.

Представимъ сначала, въ послѣдовательномъ порядкѣ, очеркъ мнѣній о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ, такъ какъ одно уже сопоставленіе этихъ мнѣній, съ доказательствами въ пользу однихъ положеній и опроверженіями другихъ, имъ противоположныхъ, въ значительной степени можетъ содѣйствовать выясненію даннаго вопроса.

Впервые мнѣніе о времени, къ которому должно быть приурочено книгопечатаніе въ Кіевѣ, высказано было Іоганомъ Бакмейстеромъ, подбибліотекаремъ с.-петербургской академіи наукъ. Въ своемъ „Опытѣ о библіотекѣ и кабинетѣ древностей академіи", изданномъ въ 1776 году, Бакмейстеръ представилъ роспись, въ которой помѣстилъ по одной первопечатной или, по крайней мѣрѣ, самой древнѣйшей, ему извѣстной, книгѣ, вышедшей изъ той или другой древне-славянской типографіи (Le lecteur... verra dans une même table le premier le livre sortis de chaque impremerie, ou le plus ancien qui soit venu à me connaissance). Въ этой росписи первою книгою, вышедшею изъ кіевской типографіи, считается *Трефологіонъ 1618 года*[2]).

[1]) *Кіевскія и волынскія старопечатни*, статья Н. А. Гильдебранта въ 1 №. *Древ. и Нов. Россіи*, за 1880 г.

[2]) Essai sur la bibliotheque de l'Akademie sciences 1776 an p. 102—105.

Но близкое къ истинѣ, хотя не совсѣмъ опредѣленно высказанное мнѣніе Бакмейстера не было раздѣляемо кіевскими учеными прошлаго столѣтія. Въ 1791 году вышло изъ типографіи академіи кіевской „*Краткое историческое описаніе кіево-печерскія лавры*", гдѣ о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: „1531 года Константинъ Ивановичъ, князь Острожскій, воевода троцкій, гетманъ великаго княжества литовскаго, староста браславскій и винницкій, подарилъ лаврѣ изъ острозкой типографіи буквы и всѣ орудія, къ печатному дѣлу принадлежащія, и на построеніе при лаврѣ типографіи опредѣлилъ многія села и деревни, въ великомъ княжествѣ литовскомъ состоящія. По доставленіи оныхъ буквъ и орудій построенъ былъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, внѣ лавры, противъ николаевскаго монастыря, домъ деревянный и при немъ церковь деревянная святыя Екатерины, въ коемъ производилось печатаніе книгъ съ 1533 по 1706 годъ; а сего года великій государь Петръ первый, начиная строить кіево-печерскую крѣпость, повелѣлъ церковь снять, а домъ печатный перенесть внутрь лавры, что тогда-жъ и исполнено". Впрочемъ далѣе въ томъ-же *Описаніи лавры* послѣднее мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ о первоначальномъ мѣстѣ „печатнаго дома" резонно опровергается, именно говорится, что „изъ книжицы 1638 года, на польскомъ языкѣ въ лаврѣ печатанной (разумѣется Τερατουργημα А. Кальнофойскаго), явствуетъ, что еще въ 1638 году была типографія внутрь лавры, и, какъ примѣтить можно, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣшняя. Во время бывшаго въ 1718 году въ лаврѣ пожара, оной деревянный домъ сгорѣлъ, почему выстроенъ на томъ-же мѣстѣ каменный домъ, въ коемъ и нынѣ печатаніе церковныхъ книгъ производится" [1]).

Архимандритъ Амвросій въ своей *Исторіи россійской іерархіи* (изд. 1810 г.), почти цѣликомъ перепечатывая *Краткое Описаніе кіево-печерскія лавры* (по изданію 1805 г.), не соглашается однако съ высказаннымъ здѣсь мнѣніемъ о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ.

---

[1]) Краткое Опис. к. печер. лавры, изд. 1791 г., стр. 83—86. Означенное мнѣніе о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ повторялось и въ послѣдующихъ изданіяхъ *Описанія лавры*,—изданіяхъ 1795 г., 1797, 1805—до 1817 г. включительно.

Онъ справедливо замѣчаетъ, что въ 1531 году князь Острожскій не могъ снабдить лавру типографскими принадлежностями, „потому что въ самомъ Острогѣ типографія основана не прежде 1580 года" (точнѣе нужно было сказать около 1578 г.). Поэтому Амвросій склоняется къ мнѣнію Бакмейстера, считая первою книгою, вышедшею изъ лаврской типографіи *Тревологіонъ* 1619 года. Авторъ „Исторіи россійской іерархіи" дѣлаетъ даже попытку (но впрочемъ неудачную) объяснить, какимъ образомъ въ *Краткомъ Описаніи кієво-печерскія лавры* вкралось ошибочное мнѣніе о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ; онъ говоритъ, что „можетъ быть сія ошибка выведена изъ книги Тератургимы Афанасія Кальнофойскаго, который на страницѣ 33-й въ надписи Константину князю Острожскому означилъ кончину князя въ 1533 году не справедливо; ибо сей князь скончался въ Кіевѣ въ 1608 году" [1]). Очевидно Амвросій въ данномъ случаѣ смѣшиваетъ отца съ сыномъ — князя Константина Ивановича Острожскаго съ княземъ Константиномъ Константиновичемъ.

Въ 1813 году появилась первая часть извѣстнаго *Опыта россійской библіографіи* Сопикова. Здѣсь самою раннею книгою, вышедшею изъ кіево-печечерской типографіи, обозначенъ *Канонникъ 1614 года*, съ указаніемъ, что онъ будто-бы находится въ библіотекѣ московской духовной типографіи [2]). Впрочемъ, въ предисловіи къ своему труду, Сопиковъ высказываетъ сомнѣніе въ существованіи означенной книги („не видавъ оной, утверждать не смѣю") и склоняется къ мнѣнію Бакмейстера и Амвросія, что первенцемъ кіевской типографіи былъ Анѳологіонъ (Треѳологіонъ) 1619 года [3]). Новыхъ данныхъ и соображеній въ подтвержденіе этого мнѣнія Сопиковъ не представляетъ.

Въ сентябрѣ 1825 года Строевъ помѣстилъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* статью о началѣ кіево-печерской типографіи. Сказавши

---

[1]) Истор. росс. іерархіи, ч. II, стр. 30—31. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ надгробной надписи Константину Ивановичу Острожскому, помѣщенной у Кальнофойскаго, смерть князя дѣйствительно показана невѣрно, но только съ ошибкою не на $^3/_4$ столѣтія, а всего на три года (см. объ этомъ нашу Замѣтку въ Трудахъ кіев. дух. академія за 1877 годъ).

[2]) Опытъ росс. библіографіи. ч. I, 120.

[3]) Ibid. LXXIV.

нѣсколько словъ о предшествовавшихъ изслѣдователяхъ, касавшихся этого предмета, онъ говоритъ, что ложное мнѣніе, будто-бы въ 1533 году князь Константинъ Острожскій подарилъ кіево-печерской лаврѣ типографскій снарядъ и буквы, какъ явный анахронизмъ, уже отвергнуто. Но Бакмейстеръ, Амвросій, Сопиковъ, не признававшіе означеннаго мнѣнія и считавшіе первенцемъ кіево-печерской типографіи Анѳологіонъ (Треѳологіонъ), по его мнѣнію, тоже не правы. Въ свою статью Строевъ привноситъ новыя данныя касательно разсматриваемаго вопроса. Онъ во 1-хъ приводитъ выдержку изъ предисловія къ Анѳологіону 1619 года, откуда дѣлаетъ выводъ, „что не князь Константинъ Острожскій, а архимандритъ Елисей Плетенецкій снабдилъ кіево-печерскую лавру типографіею, купивъ книгопечатню умершаго Ѳеодора Юрьевича Балабана, которая до того находилась въ родовомъ его имѣніи Стрятинѣ", во 2-хъ онъ утверждаетъ, что работа въ перенесенной изъ Стрятина въ кіево-печерскую лавру типографіи началась не въ 1619 году (когда изданъ Анѳологіонъ), а гораздо прежде. „Доказательствомъ этому, говоритъ онъ, служитъ (прежде библіографамъ неизвѣстный) Часословецъ, изданный въ началѣ 1617 года тщаніемъ и попеченіемъ преподобнѣйшаго во отцехъ Куръ Елисея Плетенецкаго. Но Сахаровъ имѣлъ подъ руками дурно сохранившіяся предисловія къ цитуемымъ имъ первопечатнымъ кіевскимъ изданіямъ; поэтому сдѣланныя имъ выдержки изъ сихъ предисловій отрывочны и страдаютъ существенными пропусками. Безъ сомнѣнія, это обстоятельство помѣшало Сахарову высказать опредѣленное мнѣніе о первой книгѣ, вышедшей изъ кіево-печерской лавры". Дѣлая изъ своихъ изслѣдованій тотъ выводъ, что „въ началѣ втораго десятилѣтія XVII вѣка архимандритъ Елисей Плетенецкій, купивъ уничтоженную стрятинскую типографію, перевезъ ее въ лавру и съ тѣхъ поръ производится тамъ книгопечатаніе", Строевъ не отрицаетъ того, что первою (или точнѣе одною изъ первыхъ) книгою, вышедшею изъ кіево-печерской типографіи, могъ быть упоминаемый Сопиковымъ Каноникъ 1614 года [1]).

Митрополитъ Евгеній въ своемъ *Описаніи кіево-печерской лавры* (впервые изд. 1826 г.), существенно отличающемся отъ прежнихъ

---

[1]) Московскій Телеграфъ. 1825 г. N XVIII, стр. 122—130.

краткихъ описаній сей обители, о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ старается установить уже вполнѣ опредѣленное мнѣніе. Опровергнувши извѣстное сказаніе о томъ, что „якобы типографія подарена лаврѣ въ 1531 году отъ острожскаго князя Константина Ивановича и съ 1533 до 1706 года якобы производила печатаніе книгъ внѣ лавры противъ николаевского монастыря [1])", преосвящ. Евгеній говоритъ, что вопросъ о томъ, когда и по какому случаю заведена кіево-печерская типографія и откуда получены первыя буквы и снаряды оной, опредѣленно разрѣшается первопечатными кіевскими изданіями. Къ такимъ изданіямъ, кромѣ упоминаемыхъ Строевымъ Часословца и Анѳологіона, онъ относитъ дотолѣ неизвѣстную брошюру: *Вызерунъ цнотъ* (образецъ добродѣтелей) *превелебнаго въ Бозѣ его милости, господина отца Елисея Плетенецкаго, архимандрита кіевскаго, монастыря печерскаго* и проч., изд. 1618 года. Въ брошюрѣ, по словамъ Евгенія, подобно какъ и въ Анѳологіонѣ, ясно говорится о покупкѣ Плетенецкимъ типографскихъ приборовъ въ Стрятинѣ, по смерти основателя тамошней типографіи шляхтича Ѳедора Юрьевича Балабана. Но существеннымъ дополненіемъ къ изслѣдованіямъ Строева по вопросу о началѣ кіево-печерской типографіи было высказанное преосвящ. Евгеніемъ мнѣніе, что первенцемъ кіевской печати долженъ считаться Часословъ, изд. 1616 года (точнѣе 1617 г.) Мнѣніе это обосновано на предисловіи къ сей книгѣ, гдѣ издатели заявляютъ: „хотящимъ намъ помощію Божіею издаяти свѣту книги, инако не подобаше, только отъ молитвы (т. е. книги молитвеннаго содержанія) начати [2])".

Мнѣніе митрополита Евгенія было принимаемо всѣми послѣдующими библіографіями—Сахаровымъ, Ундольскимъ, Закревскимъ, Максимовичемъ и проч., и могло считаться уже установившимся въ наукѣ. Но въ 1865 году кіевскій священникъ о. Павелъ Троцкій въ своихъ статьяхъ о кіево-печерской типографіи (пространная статья въ Трудахъ кіев. духов. академіи за 1865 г. № 5—6, и

---

[1]) Къ прежнимъ доказательствамъ несостоятельности означеннаго сказанія Евгеній присоединяетъ еще настольную грамоту московскаго патріарха Іоакима, данную (18 Апрѣля 1688 г.) кіево-печерскому архимандриту Варлааму Ясинскому, гдѣ заведеніе типографіи приписывается арх. Елисею Плетенецкому († 1624 г.).

[2]) Описаніе кіево-печер. лавры. Изд. 1826 г. стр. 55—57.

краткая—въ Кіев. Епарх. Вѣд. 1866 г. № 9), явился защитникомъ отвергнутаго мнѣнія кіевскихъ ученыхъ прошлаго столѣтія по вопросу о первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ. „Мы должны, говоритъ онъ, оказывать больше и больше вниманія тому давнему преданію о началѣ кіево-печерской лаврской типографіи, которое только въ недавнее время было заподозрѣно въ исторической достовѣрности, именно тому преданію, которое приписываетъ основаніе лаврской типографіи князю Острожскому, въ первой половинѣ XVI вѣка... и если не Константину Ивановичу Острожскому—князю отцу, то очень можетъ быть, что Константину Константиновичу Острожскому—князю сыну, воеводѣ кіевскому". Вообще о Троцкій признаетъ за несомнѣнное, что лаврская типографія восходитъ по времени своего основанія по крайней мѣрѣ къ послѣднимъ годамъ жизни Кенстантина Константиновича Острожскаго († 1608 г.) и не теряетъ надежды, что „современемъ найдутся книги лаврской печати шестнадцатаго столѣтія". Указанный поворотъ къ оправданію древняго (?) преданія о началѣ кіево-печерской типографіи о. Троцкій обосновываетъ на слѣдующихъ данныхъ: во 1-хъ на показаніи Сопиковымъ въ своемъ „Опытѣ росс. библіографіи" Канонника, изд. 1614 г. въ Кіевѣ, и во 2-хъ на старинномъ рукописномъ каталогѣ, имѣющемся въ лаврѣ, гдѣ показаны, между прочимъ, слѣдующія три книги лаврской печати, якобы изданныя ранѣе *Часословца* 1617 года, именно: *Минея общая* 1608 г. (въ 4-хъ экземплярахъ), *Псалтирь* 1609 г. (въ 2-хъ экземпляр.) и *Тріодь постная* 1615 г. Хотя о. Троцкій самъ и не видѣлъ означенныхъ книгъ, но „то обстоятельство, говоритъ онъ, что въ упоминаемомъ каталогѣ книгъ говорится о четырехъ однородныхъ экземплярахъ *общей Минеи* изданія печерской лаврской типографіи 1608 года, меньше всего позволяетъ предполагать со стороны составителя каталога какую нибудь описку, при показаніи года".

Статья о. Троцкаго вызвала не большую замѣтку со стороны М. А. Максимовича, помѣщенную въ Кіев. Епар. Вѣдомостяхъ за 1872 г. [1]). Опытный библіографъ, твердо держась мнѣнія, приуро-

---

[1]) См. также собраніе сочиненій М. А. Максимовича т. III. Кіевъ, 1880 г. стр. 716—722.

чивающаго начало книгопечатанія въ Кіевѣ къ 1616 году, считаетъ выводы о. Троцкаго по поводу означеннаго вопроса недоразумѣніемъ. Онъ говоритъ, что Сопиковъ не выдавалъ существованія Канонника 1614 года за достовѣрное и что ссылка, сдѣланная послѣднимъ на библіотеку московской синодальной типографіи, гдѣ будто бы находилась эта книга, не оправдалась:—Ундольскій заявилъ, что въ означенной библіотекѣ канонника 1614 г. нѣтъ и никогда не было. Относительно же книгъ якобы лаврской печати съ 1608 — 1615 годъ Максимовичъ замѣтилъ, что свѣдѣніе о нихъ, какъ почерпнутое изъ новѣйшихъ [о. Троцкій говоритъ старинныхъ] каталоговъ и не свѣренное съ самими книгами, нельзя признать за вѣское доказательство, могущее пошатнуть мнѣніе, оправданное изслѣдованіями и соображеніями строго научными.

Въ 1877—1879 гг. молодой ученый К. Малевичъ помѣстилъ въ Литовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ рядъ статей о кіево-печерской обители въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, причемъ одну изъ нихъ исключительно посвятилъ разсмотрѣнію вопроса о началѣ лаврской типографіи. Указавши на болѣе существенныя мнѣнія по этому вопросу [1]), г. Малевичъ вполнѣ согласенъ, подобно Максимовичу, съ выводами преосв. Евгенія, но, основываясь на замѣчаніи послѣдняго, что въ лаврскихъ изданіяхъ съ 1619 года замѣчается шрифтъ острожскій, дополняетъ эти выводы другими предположеніями: „признавая, говоритъ онъ, что печатаніе книгъ началось въ лаврской типографіи не раньше 1616 года, мы однако не можемъ съ точностію опредѣлить времени ея возникновенія... По всей вѣроятности покупка стрятинской типографіи Елисеемъ Плетенецкимъ совершена была въ промежутокъ между 1606 и 1610 гг. Но надо полагать, что купленныя въ Стрятинѣ типографскія орудія оказались неисправными, попорченными и т. п., такъ что на первыхъ порахъ печатаніе книхъ оказалось невозможнымъ. Но

[1]) Нужно впрочемъ замѣтить, что г. Малевичъ, равно какъ и большинство нашихъ библіографовъ, при обзорѣ литературы по вопросу о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ не упоминаетъ о предшественникахъ митропол. Евгенія и всецѣло приписываетъ послѣднему всѣ существенныя мнѣнія по означенному вопросу, между тѣмъ преосв. Евгеній, какъ мы видѣли, по крайней мѣрѣ на половину повторялъ сказанное ранѣе его другими изслѣдователями.

вотъ въ 1608 году умираетъ знаменитый ревнитель православія Константинъ Константиновичъ Острожскій. Утвержденная имъ острожская типографія продолжаетъ существовать послѣ его смерти только четыре года, до 1612 г., и (не извѣстно впрочемъ, какимъ путемъ) достается печерской лаврѣ. Доставшіяся изъ Острога типографскія снаряды пополняютъ собою недостатки стрятинской типографіи, и въ лаврѣ начинается книгопечатаніе, но не раньше 1616 г. Причиною этого, безъ сомнѣнія, была трудность и новость дѣла; необходимо было время для того, чтобы правильно устроить типографію и затѣмъ уже пустить ее въ ходъ. Такимъ образомъ, печерская типографія составилась изъ двухъ опустѣвшихъ типографій: стрятинской и острожской" [1]. Затѣмъ, говоря о первопечатныхъ книгахъ, вышедшихъ изъ лаврской типографіи, г. Малевичъ, на ряду съ изданіями церковно-славянскими, указываетъ и на польскія. Относя къ числу такихъ изданій, между прочимъ: Verificatią 1621 г., Justificatyą niewinności 1622 г. и Suplicacią 1623 г., Малевичъ даетъ поводъ думать, что кіево-печерская типографія при самомъ началѣ своего существованія снабжена была и польскимъ шрифтомъ.

Наконецъ, два года тому назадъ Н. А. Гильдебрантъ въ статьѣ, написанной преимущественно по поводу указаннаго изслѣдованія Малевича, является защитникомъ мнѣнія о. Троцкаго, т. е. признаетъ вѣроятнымъ, что начало книгопечатанія въ Кіевѣ относится къ концу XVI столѣтія. Вотъ какими соображеніями подкрѣпляетъ это мнѣніе почтенный библіографъ.

„Прежде, говоритъ онъ, изслѣдователи, признававшіе первенцемъ кіевской печати Часословецъ 1617 г., въ подкрѣпленіе своего мнѣнія (митр. Евгеній), между прочимъ, ссылались на то, что до сихъ поръ неизвѣстно ни одной книги, напечатанной въ кіевской старопечатни ранѣе 1617 г.; но въ настоящее время доводъ этотъ не можетъ быть принятъ за окончательно убѣдительный: Сопиковъ указываетъ въ своемъ катологѣ на Канонникъ кіевской печати 1614 года, а въ другомъ старинномъ каталогѣ указываются кіев-

---

[1]) Литов. Епарх. Вѣдом. 1879 г. № 4.

скія старопечатныя книги, относящіяся къ 1608 и 1609 годамъ. Правда, указываемыхъ Сопиковымъ (и каталогами—прибавимъ) книгъ никто не видалъ и ни въ какой библіотекѣ ихъ нѣтъ; но отсюда еще не слѣдуетъ и никто не можетъ поручиться, что со временемъ онѣ не откроются, и не только онѣ, но и книги кіевскія ранѣе 1608 года. А почемъ знать: можетъ быть извѣстныя полемическія книги *О крестѣ* и *О пресвятѣй Троицѣ*, приписываемыя Вильнѣ и 1608 году, принадлежатъ этому-же году, но только не Вильнѣ, а Кіеву? Фактъ общеизвѣстный, что древнія западно-русскія типографіи печатали полемическія книги зачастую безъ года и мѣста выхода, во избѣжаніе преслѣдованій... Въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ въ пользу того, что типографія кіевская основана при Плетенецкомъ приводятъ выдержку изъ предисловія къ Часословцу 1617 года и выводятъ отсюда заключеніе, что это была первая книга, вышедшая изъ кіевской старопечатни. Но это заключеніе не неоспоримо: полемика между православными и римлянами указала на весьма значительные пробѣлы въ православной церковно-богослужебной и учительной литературѣ; на это же самое указывало и православное кіевское общество; почему кіевская старопечатня и взяла на себя трудъ восполнить эти дѣйствительно важные пробѣлы... Во второй и третьей, доселѣ извѣстныхъ книгахъ кіевской печати (*Вызерунекъ цнотъ, Анѳологіонъ*) упоминается, что Плетенецкій купилъ типографскія принадлежности въ Стрятинѣ, по смерти основателя тамошней типографіи, шляхтича Ѳедора Юрьевича Балабана († 1606 г.). Но отсюда можно сдѣлать такое заключеніе, что Плетенецкій приумножилъ средства кіевской старопечатни, и предложить такой вопросъ: неужели въ теченіи 10 лѣтъ (1606—1616 г.) пріобрѣтенныя Плетенецкимъ типографскія принадлежности изъ Стрятина пребывали въ бездѣйствіи, и особенно въ самый разгаръ литературно-полемической дѣятельности? На этотъ вопросъ ничего не отвѣтили и М. А. Максимовичъ, и Закревскій, раздѣлявшіе мнѣніе Евгенія... Относительно вышеупомянутаго десятилѣтняго промежутка г. К. Малевичъ измышляетъ слѣдующія догадки: „по всей вѣроятности (говоритъ онъ), Плетенецкій купилъ стрятинскую типографію между 1606—1610 г.; но надо полагать, что купленныя типографскія орудія оказались испорченными, неисправными и т. п., такъ что на первыхъ порахъ

печатаніе книгъ оказалось невозможнымъ". А мы думаемъ, что стрятинскія орудія были пріобрѣтены въ 1606 году, въ совершенно исправномъ видѣ, и что только книги этого періода (1606—1616 г.) кіевской печати не дошли до насъ, а можетъ быть и дошли, и даже и въ нашихъ рукахъ, но безъ года и мѣста печати".—Сверхъ сказаннаго доселѣ г. Гильдебрантъ признаетъ даже возможнымъ, что кіевская старопечатня была основана еще при предшественникѣ Елисея Плетенецкаго знаменитомъ архимандритѣ Никифорѣ Турѣ. „Существуетъ, говоритъ онъ, извѣстіе, что этотъ Н. Туръ писалъ много сочиненій въ защиту православной церкви, только ни одно изъ нихъ не дошло до насъ; но на этомъ основаніи выводить отсюда заключеніе, что Н. Туръ ничего не писалъ (такъ какъ ничего не дошло) было-бы и опрометчиво и неосновательно [1]).

Таковъ былъ послѣдовательный ходъ мнѣній о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ. Изъ него мы видимъ, что „древнее преданіе", приурочивавшее заведеніе типографіи въ кіево-печерской обители къ первой трети XVI столѣтія, безусловно и весьма основательно отвергается, какъ явный анахронизмъ, почти всѣми библіографами, и въ настоящее время, только вслѣдствіе совершеннаго незнакомства съ научными выводами по данному вопросу, нѣкоторые изслѣдователи еще повторяютъ оное [2]). По этому означенное преданіе (въ первоначальномъ его видѣ) въ дальнѣйшихъ опроверженіяхъ не имѣетъ нужды. Но нуждается въ защитѣ противоположное сему преданію мнѣніе, относящее начало типографской дѣятельности въ Кіевѣ къ 1616 году. Мы видимъ, что за послѣднее время доводы преосвящ. Евгенія, Максимовича, Закревскаго и друг., приводимыя въ подтвержденіе этого мнѣнія, расшатываются и тѣмъ даннымъ, на которыхъ они обоснованы, дается иная постановка, иное толкованіе, при томъ видимъ, что все это дѣлается учеными, хорошо знакомыми съ древне-славянскою библіографіею, какъ П. А. Гильдебрантъ, и на основаніяхъ, съ перваго взгляда не лишенныхъ значенія... Такимъ образомъ, естественно является требующее разрѣшенія неудоумѣніе: дѣйствительно-ли возраженія нѣкоторыхъ

---

[1]) Древняя и Нов. Россія. 1880 г. № 1, стр. 184—187.

[2]) См. Описаніе славяно-русс. рукописей воскресенскаго монастыря (Чтен. въ импер. общ. истор. и древ. рос. 1871 г., книга 1).

позднѣйшихъ библіографовъ противъ мнѣнія преосв. Евгенія и другихъ солидарныхъ съ нимъ въ данномъ случаѣ ученыхъ о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ составляютъ дальнѣйшій шагъ, служащій къ уясненію означеннаго вопроса, или же онѣ должны быть отнесены къ числу тѣхъ недоразумѣній, которыя только затемняютъ дѣло, мѣшая установиться въ наукѣ вполнѣ опредѣленному взгляду о первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ?

Чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ на поставленный вопросъ, слѣдуетъ, какъ мы замѣтили выше, во первыхъ свести во едино всѣ свѣдѣнія о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ, заключающіяся въ первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ (это тѣмъ болѣе необходимо, что библіографами приводились выдержки не изъ всѣхъ изданій, гдѣ значатся означенныя свѣдѣнія, да и приведенныя выдержки сдѣланы неисправно), и во вторыхъ сдѣлать критическую оцѣнку тѣхъ новыхъ данныхъ, на основаніи которыхъ мнѣніе о Часословцѣ 1616 г., какъ первенцѣ кіево-печерской типографіи, отвергается.

Болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ находятся въ слѣдующихъ четырехъ первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ: *Часословцѣ 1617 г., Вѣзерункѣ цнотъ 1618 г., Анѳологіонѣ 1619 г. и Казаньи на честномъ погребѣ Елисея Плетенецкаго 1625 года.*

Въ предисловіи къ Часословцу 1617 года безличный издатель, отстраняя неумѣстное возраженіе, что такая книга не одинъ разъ и не изъ одной типографіи выходила, и сравнивая молитву (и слѣд. молитвенныя книги) съ пищею и посудою для нея, въ которыхъ потребность никогда не прекращается, а равно указывая на усиленныя просьбы объ изданіи такой книги, дабы удовлетворить спросу на нее въ училищахъ православнаго Кіева и другихъ городовъ,—высказывается далѣе: „однако и прилично было намъ, когда мы возпамѣрились издавать въ свѣтъ книги, начать (и иначе и не приходилось) молитвою, которая всему должна быть началомъ“, а за тѣмъ, прося принять, какъ благословеніе преподобныхъ печерскихъ эту цѣлованія (достойную) книгу, чающую сподобиться вскорѣ облобызанія прочими, и молить Бога, да поспѣшитъ тому, что предпринято имъ на пользу православныхъ церквей, заключаетъ, что „нынѣшнее и дальнѣйшее (еже хощетъ

быти) начинаніе онъ отдаетъ на судъ и исправленіе восточной церкви".

Во второй книгѣ, панегирикѣ въ честь Елисея Плетенецкаго, на ряду съ прочими заслугами, доблестный архимандритъ восхваляется и за основаніе типографіи въ такихъ именно словахъ, обращенныхъ къ почившему:

Бось воскресилъ друкарню припалую пыломъ
Балабана . . . . .
Хотѣлъ и допялесь то, яко не лѣнивый,
По зестю его зъ свѣта, друкарню вскресити,
И презъ выданье книгъ церковь украсити.

Въ предисловіи къ Анѳологіону 1619 г. отъ лица иноковъ кіево-печерской обители, между прочимъ, говорится, что по примѣру „многихъ въ различныхъ родѣхъ (народахъ), и самѣмъ тѣмъ нашемъ Россійстемъ, основавшихъ типографіи, и благочестивый и христолюбивый, блаженныя памяти благородный мужъ, господинъ Ѳеодоръ Юрьевичъ Балабанъ, на Хорохорине, сію сооружи и въ дѣло произведе; сему же тлѣнная на вѣчнаа измѣнншу, и блаженныхъ мѣста достигшу и ту *праздну* оставльшу, преподобнѣйшій въ отцехъ Куръ Елисей Плетенецкій, волею Божіею архимандритъ монастыря печерскаго кіевскаго, цѣною сребра отъ дому того стяжа сію, и принесе въ обитель святую печерскую". За тѣмъ, послѣ разсказа о совѣщаніи Плетенецкаго съ печерскими иноками, какую первую книгу избрать для напечатанія, и рѣшеніи ихъ предпочесть другимъ *Анѳологіонъ*, въ заключеніе прибавляетъ: „сію найпаче книгу изволися истиннымъ церковникомъ и православія непоколебимымъ исповѣдникомъ *въ прыхъ* церкви напечатати и православнымъ, аще и зѣло обычна и отци преданна и любима, якоже даръ многоцѣненъ хитростію типарскою преподати".

Наконецъ въ „казаніи на честномъ погребѣ Елисея Плетенецкаго" Захарія Копыстенскій, перечисляя заслуги почившаго архимандрита о заведеніи имъ типографіи въ кіево-печерской обители, говоритъ слѣдующее: „напослѣдокъ (похвалимъ почившаго) для старости благословенной, которой въ покою доспѣлъ, якъ Ісаакъ и Іаковъ, такъ, ижъ отъ старости на очи ослабѣлъ. Зпашолся въ глубокой и маститой старости, а въ той не прожнюючій, але дѣлаючій былъ. *Въ старости бо вѣмъ и типографію выставилъ*, зъ которой книги божественныи церковныи и училичныи, за исправ-

леніемъ людей учоныхъ, отъ него же на тое мѣсто зведеныхъ порядне и опвите (обильно), якъ нѣколись людъ зъ коня троянскаго на поражене невѣрныхъ, албо якъ зъ жродла потоки на обмыте грѣховъ каючимся выходятъ и выплываютъ. До которой и папѣрню (бумажную фабрику) въ Радомыслю, мастности церковной, коштомъ не малымъ, на подивене въ томъ краю, якъ рѣчь не бывалую, выставилъ и поднесъ".

Приведенныя выдержки ясно показываютъ, что начало типографской дѣятельности въ кіево-печерской обители относится ко времени настоятельства здѣсь Елисея Плетенецкаго. Этотъ наукolюбивый архимандритъ прямо называется *фундаторомъ лаврской друкарни*, при чемъ изъ разсказа о пріобрѣтеніи имъ типографскихъ принадлежностей изъ Стрятина, очевиднымъ становится, что это пріобрѣтеніе не есть только *пріумноженіе книгопечатни*, прежде до него существовавшей, но есть именно *первое обзаведеніе ею.* Въ предисловіи къ Анѳологіону ясно различаются заведеніе типографій въ разныхъ странахъ и въ Россіи, заведеніе типографіи Ѳедоромъ Юрьевичемъ Балабаномъ, пріостановка дѣйствій оной за смертію его, покупка, перенесеніе и приведеніе снова въ дѣйствіе Елисеемъ Плетенецкимъ. Зачѣмъ архимандриту совѣщаться съ братіею, какую бы имъ *прьвѣйшую жить своихъ рукъ*, т. е. какую первую книгу выпустить въ свѣтъ, если бы это дѣло не было новое для нихъ? Нѣкоторыя мѣста приведенныхъ выдержекъ даютъ даже основаніе предполагать, что стрятинская типографія была пріобрѣтена лаврою не тотчасъ, но спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти ея прежняго владѣльца, Ѳедора Юрьевича Балабана (1606 г.). Таково именно то мѣсто въ „казаніи на честный погребъ Е. Плетенецкаго", гдѣ трактуется о заведеніи въ кіево-печерской обители типографіи, какъ о вѣнцѣ многоплодной дѣятельности почившаго архимандрита, именно говорится, что онъ „выставилъ" оную въ *глубокой старости*, въ то время, когда уже и *на очи ослабѣлъ*. Подобныя выраженія едва-ли могли бы имѣть мѣсто въ *казаніи* Копыстенскаго, современника и ближайшаго сподвижника Е. Плетенецкаго, если бы покупка послѣднимъ стрятинской типографіи состоялась въ 1606-мъ или ближайшихъ къ оному годахъ, когда Елисей Плетенецкій былъ еще не старъ. Таково другое въ *Вѣзерунокъ цнотъ* мѣсто, именно то, гдѣ говорится, что Плетенецкій

„воскресилъ друкарню Балабана *прыналую пыломъ*“, т. е. покрытую пылью, что даетъ понять, что принадлежности въ той типографіи долгое время оставались безъ употребленія прежде, чѣмъ были пріобрѣтены Плетенецкимъ и если до 1616 г. не началось книгопечатаніе, то причиною этому была неисправность стрятинскихъ типографскихъ орудій. Таково и то мѣсто въ Анѳологіонѣ, гдѣ говорится о совѣщаніи архимандрита съ братіею относительно изданія книгъ. Наконецъ — и это самое главное—въ начальныхъ кіево-печерскихъ изданіяхъ мы видимъ не только стрятинскій шрифтъ, стрятинскія гравюры, но даже мелкія заставки, фигурки и украшенія тѣ-же, что и въ стрятинскихъ изданіяхъ, а въ нѣкоторыхъ книгахъ, напр. Служебникѣ 1620 г., стрятинскій и наборъ. Думаемъ, что не малымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія о пріобрѣтеніи лаврою стрятинской типографіи не вскорѣ послѣ смерти Ѳ. Балабана, а не за-долго до выхода въ свѣтъ *Часословца* 1617 г. (именно въ концѣ 1615 или началѣ 1616 г.), служитъ и слѣдующій фактъ. Обзаводясь типографіею, Плетенецкій одновременно съ тѣмъ сталъ заботиться о привлеченіи въ Кіевъ людей, свѣдущихъ какъ въ *друкарскомъ художествѣ*, такъ и въ приготовленіи къ печати самыхъ книгъ. Между тѣмъ мы видимъ, что появленіе въ Кіевѣ таковыхъ лицъ падаетъ именно на означенные нами годы. Такъ переходъ изъ Львова въ Кіевъ Тарасія Земки, много потрудившагося въ переводѣ и исправленіи первопечатныхъ кіевскихъ изданій, относится *къ 1615 году;* вызовъ въ кіево-печерскую лавру (тоже изъ Львова) ученаго инока Памва Берынды, „справщика книгъ и типографіи печерской директора“, состоялся въ концѣ 1616 года. По всей вѣроятности, къ этому-же времени должно быть приурочено приглашеніе Плетенецкимъ въ лавру и другихъ сотрудниковъ по изданію книгъ (разумѣемъ Захарію Копыстенскаго и Гавріила Дороѳеевича): по крайней мѣрѣ первоначальныя извѣстія о пребываніи ихъ въ Кіевѣ не восходятъ *раньше 1616 года.*

Сдѣлаемъ теперь оцѣнку тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ начало книгопечатанія въ Кіевѣ относится ко времени болѣе раннему, чѣмъ 1616 годъ.

Весьма не высокаго достоинства эти данныя. Что касается до указанія Сопиковымъ на *Канонникъ,* якобы изданный кіево-печерскою

лаврою въ *1614 году*, то, какъ мы видѣли, еще Ундольскій доказалъ ошибочность этого указанія: въ той библіотекѣ, въ которой предполагалось мѣстонахожденіе сей книги, *ея нѣтъ и никогда не было.* По этому, при изслѣдованіяхъ о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ, означенный Каноникъ уже давно слѣдовало бы оставить въ покоѣ. По видимому, болѣе важное значеніе имѣютъ ссылки о. Павла Троцкаго на рукописные каталоги нѣкоторыхъ церквей, гдѣ обозначено нѣсколько кіевскихъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ *ранѣе 1616 года.* Но и эти ссылки могутъ имѣть значеніе только для тѣхъ, кто мало знакомъ съ рукописными каталогами (въ особенности старыхъ временъ); лица же имѣвшія дѣло съ подобными каталогами знаютъ, съ какою осторожностію слѣдуетъ относиться къ тѣмъ новымъ свѣдѣніямъ, на которыя вообще не скупятся каталогосоставители. Возьмите почти любой рукописный каталогъ и, при внимательномъ разсмотрѣніи, вы найдете въ немъ не мало ошибокъ. За примѣрами ходить не далеко. Такъ, въ лаврскомъ печерскомъ каталогѣ (въ общемъ составленномъ весьма удовлетворительно) относительно нѣкоторыхъ книгъ, вышедшихъ изъ *виленскихъ типографій* въ концѣ XVI стол., замѣчается, что они *печати кіевской.* Въ каталогѣ кіево-михайловскаго монастыря частенько выходъ и мѣсто изданія старопечатныхъ книгъ перепутаны; такъ, напр., Θρῆνος показанъ вышедшимъ въ свѣтъ въ 1605 году (вмѣсто 1610-го). Встрѣчаются ошибки и болѣе курьезныя. Такъ, напр., *Апокрисисъ* Христофора Филалета обозначенъ (въ томъ же михайловскомъ каталогѣ) изданнымъ *въ Рыхлѣ*, и т. д. Явленіе нерѣдкое, что составители каталоговъ, мало знакомые съ библіографіею, встрѣчая книги безъ опредѣленныхъ датъ или не совсѣмъ хорошо сохранившіяся (безъ начальныхъ листовъ, съ испорченнымъ заглавіемъ и т. п.), обозначали мѣсто и время изданія ихъ по *своему разумѣнію*, при чемъ естественно часто и ошибались. Такъ-то поступилъ и составитель михайловскаго каталога, занося въ оный „*Апокрисисъ*" Филалета, хотя имѣлъ подъ руками и хорошо сохранившійся экземпляръ. Книга эта имѣетъ слѣд. заглавіе: „Апокризисъ альбо отповѣдь на книжки о соборѣ берестейскомъ..., черезъ Христофора Филалета *врихлѣ* дана". Слово: *врихлѣ* значитъ вскорѣ, въ непродолжительное время; составителю же каталога, очевидно, не понимавшему его значенія, показалось, что это должно

быть собственное имя, означающее мѣсто изданія, и вотъ онъ заноситъ въ каталогъ, что книга эта, т. е. Апокрисисъ, *издана* (отпечатана) *въ Рыхлѣ*... Вотъ и является новая, доселѣ міру невѣдомая *друкарня Рыхльская!..* Составитель лаврскаго каталога имѣлъ подъ руками нѣсколько книгъ конца XVI стол. безъ начальныхъ листовъ и, ни что же сумнясь, относитъ ихъ къ изданіямъ кіевопечерскимъ, хотя для знакомаго съ церковно-славянскою старопечатью принадлежность означенныхъ книгъ къ изданіямъ виленскимъ очевидна съ перваго взгляда. Безъ сомнѣнія, подобнымъ-же образомъ отнесены къ кіевскимъ изданіямъ и тѣ книги, на которыя ссылается о. Троцкій. Уже одно выраженіе въ каталогахъ, что онѣ *печати кіевской*, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ; потому что каталогосоставители употребляли подобныя выраженія *(печати кіевской, печати виленской)* въ тѣхъ только случаяхъ, когда описываемыя ими книги или не имѣли заглавныхъ листовъ, или были крайне испорчены, въ противномъ случаѣ (когда описывались экземпляры хорошо сохранившіеся) въ каталогахъ мѣсто печати всегда обозначалось словами: изд. въ Кіевѣ, изд. въ Вильнѣ, Острогѣ, и т. д. Къ этому не лишнимъ будетъ присовокупить и то, что указываемыя о. Троцкимъ книги хотя и были присланы въ лавру (изъ монастырскихъ церквей) сравнительно въ недавнее время; но теперь ихъ, по его же словамъ, въ лаврской библіотекѣ не находится, между тѣмъ какъ изъ послѣдней не было дѣлаемо отчужденій. Куда же дѣвались поименованныя книги?.. Весьма вѣроятно, что онѣ и теперь находятся въ лаврской библіотекѣ, но только позднѣйшимъ составителемъ каталога отнесены къ другому времени...

Сказанное нами, думаемъ, даетъ полное право признать доводы изслѣдователей, старающихся отнести начало книгопечатанія въ Кіевѣ къ концу XVI или самому началу XVII столѣтій, *несостоятельными*, и *категорически утверждать*, что первыми книгами, вышедшими въ свѣтъ изъ типографіи кіево-печерской лавры были: *Часословецъ* 1617 г., *Вызерунокъ цнотъ* 1618 г. и *Анѳологіонъ* 1619 г. Въ этомъ не позволяютъ сомнѣваться приведенныя нами ясныя и положительныя свидѣтельства изъ первопечатныхъ кіевскихъ изданій.

Правда, что въ означенныхъ свидѣтельствахъ встрѣчается нѣкоторое противорѣчіе, подрывающее какъ бы ихъ достовѣрность.

Такъ въ предисловіи къ *Анѳологіону* говорится, что эта именно книга была первою избрана для печати по совѣщанію архимандрита съ братіею, а въ предисловіи къ Часословцу тоже утверждается объ этой послѣдней книгѣ, и дѣйствительно она вышла въ 1617 г., т. е. двумя годами раньше Анѳологіона, и между нею и Анѳологіономъ въ 1618 г. является *Визерунокъ цнотъ...* Но указанное противорѣчіе объясняется просто. Книга Анѳологіонъ очень объемиста,—заключаетъ въ себѣ 1048 стр. убористаго шрифта, потому печатаніе ея могло затянуться года на четыре, въ особенности при тѣхъ исправленіяхъ, которыя признавалось за необходимое сдѣлать въ текстѣ; книга же *Часословецъ* какъ по объему, такъ и по ненадобности исправленій въ текстѣ, требовала для печати весьма немного времени, а между тѣмъ въ ней также чувствовалась большая потребность. Обѣ книги могли быть начаты печатаніемъ почти одновременно, но послѣдняя вышла гораздо раньше первой, при чемъ однимъ и тѣмъ-же издателямъ пришлось объяснять появленіе оной особою въ ней потребностію и просьбою разныхъ лицъ о скорѣйшемъ ея изданіи. Вотъ почему общій братскій приговоръ объ *Анѳологіонѣ*, предназначавшемся быть первенцемъ кіево-печерской типографіи, не могъ быть исполненъ съ буквальною точностію. Вообще же скажемъ, что *хотя по времени выхода въ свѣтъ Часословецъ 1617 года и есть первенецъ кіево-печерской типографіи, но первою книгою, начатою печатаніемъ въ означенной типографіи, былъ Анѳологіонъ, вышедшій въ 1619 году.*

Замѣтимъ въ заключеніе, что напрасно г. Малевичъ относитъ къ числу первыхъ кіевскихъ изданій, кромѣ книгъ церковно-славянскихъ, нѣкоторыя книги на польскомъ языкѣ, каковы: Justificatia niewinności 1621 г., Werificatia niewinności 1621 г., и Supplicacya 1623 г., и тѣмъ даетъ поводъ думать, что Елисей Плетенецкій, купивъ стрятинскую типографію, почти одновременно съ тѣмъ обзавелся и польскимъ шрифтомъ. Въ этомъ случаѣ г. Малевичъ только повторяетъ мнѣніе преосв. Евгенія, который (въ Описаніи кіево-соф. собора) нѣкоторыя изъ означенныхъ польскихъ брошюръ считаетъ изданными въ Кіевѣ. Но мнѣніе это ошибочно. Всѣ поименованныя брошюры вышли изъ типографіи виленскаго православнаго братства. Относительно этого есть положительныя ука-

занія какъ въ самыхъ тѣхъ брошюрахъ [1]), такъ и въ другихъ современныхъ памятникахъ. Что же касается до перваго обзаведенія кіево-печерской типографіи польскимъ шрифтомъ, то оно относится къ первой половинѣ *1633 года*, или къ концу *1632 г.*, слѣдов. ко времени настоятельства въ лаврѣ Петра Могилы. Въ *Евфоніи веселобрмячей*,—панегирикѣ, поднесенномъ Могилѣ кіевскими типографами, по пріѣздѣ его изъ Львова въ санѣ митрополита, новопоставленный іерархъ восхваляется между прочимъ и за то, что его стараніями положено уже начало *польской друкарни*.

„Есть добрый *и польской друкарнѣ початокъ*,
Жебы книгъ было розныхъ въ Парнасѣ достатокъ".

Въ это же время ученики могилянской коллегіи, присоединенной къ богоявленской школѣ, тоже поднесли своему патрону панегирикъ, который напечатанъ былъ уже *на польскомъ языкѣ*. Панегирикъ этотъ (Mnemozyne sławy, prac i trudow przeoświęconego w Bogu Ojcu, Jego Mości... Piotra Mohiły... et caet) и есть *первая книжка*, которою начинается рядъ кіево-печерскихъ изданій на польскомъ языкѣ.

Ст. Т. Голубевъ.

---

[1]) Такъ, напр., въ концѣ Werificatii niewinności прямо говорится, что оно издано w Wilnie, roku 1621.

СОЦИНІАНСТВО
ВЪ ПОЛЬШѢ И ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ. *)

(Окончаніе).

X.

Какъ рано появилось социніанство на Украинѣ, объ этомъ не имѣется опредѣленныхъ свѣдѣній. Имѣя въ виду постоянныя близкія связи между Волынью и Кіевомъ, можно думать, что украинское социніанство возникло одновременно съ волынскимъ. Въ одномъ полемическомъ сочиненіи, изданномъ въ Краковѣ въ 1597 г., авторъ, іезуитъ Жебровскій, говоритъ, между прочимъ, что „излишне охранять границы государства со стороны турокъ, когда новокрещенцы, эти внутренніе турки, осѣли Подгорье и Волынь и уже *досягаютъ самого Кіева* [1]). Припомнимъ, что въ эти годы должность каштеляна кіевскаго занималъ извѣстный уже намъ социніанинъ Иванъ Чапличъ-Шпановскій. Раньше всего социніанство возникло и утвердилось въ той части Украины, которая лежала въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Волынью, именно въ житомирскомъ повѣтѣ. Здѣсь въ концѣ XVI и началѣ XVII в., въ числѣ послѣдователей новой секты, мы встрѣчаемъ дворянина Петра Ивановича *Пересѣцкаго*, имѣвшаго въ Житомирѣ домъ и фольварокъ и державшаго въ заставѣ имѣніе подскарбія литовскаго Остафія Тышкевича, с. Янковцы [2]). Находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, Пересѣц-

---

*) См. апрѣльскую и майскую книжку «Кіевской Старины» на 1882 г.

[1]) Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce, przez Adama Iochera, t. II, p. 133.

[2]) Житом. уѣзда, при рч. Кодынкѣ.

кій въ 1611 г. внесъ въ гродскія житомирскія книги духовное завѣщаніе, составленное имъ въ духѣ социніанскаго исповѣданія. Въ немъ онъ завѣщалъ своему сыну Андрею похоронить его, по социніанскому обыкновенію, „у садку на фольварку" и внести отъ его имени „до *збору* (т. е. социніанской общины) *черныховского* на убозство и потребы зборовые грошей копъ литовскихъ 30, а на зборъ любелский зособна копъ литовскихъ 30" [1]). Отсюда мы узнаемъ, что уже въ 1611-мъ году въ м. *Черняховѣ* (житом. уѣзда) существовала правильно организованная социніанская община, имѣвшая попеченіе о бѣдныхъ единовѣрцахъ и получавшая на это, а равно и на другія церковныя нужды, матеріальныя пожертвованія со стороны болѣе состоятельныхъ своихъ членовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта община имѣла свой молитвенный домъ и содержала при немъ пастора. Скоро послѣ того м. Черняховъ становится такимъже виднымъ центромъ социніанства на Украинѣ, какимъ былъ Киселинъ на Волыни, а его владѣльцы — паны *Немиричи* являются столь-же ревностными покровителями секты, какъ и волынскіе Чапличи. Немиричи были потомки древней южнорусской фамиліи, владѣвшей громадными имѣніями въ кіевскомъ и волынскомъ воеводствахъ; многіе изъ нихъ извѣстны какъ ревностные защитники православія и члены-основатели церковныхъ братствъ. Первымъ послѣдователемъ и покровителемъ социніанства изъ фамиліи Немиричей является Стефанъ Андреевичъ Немиричъ, подкоморій кіевскій и староста овруцкій, жившій въ первой четверти XVII столѣтія. Онъ состоялъ въ родственныхъ связяхъ почти исключительно съ социніанскими фамиліями: его жена Марта Войнаровская происходила изъ рода украинскихъ дворянъ Войнаровскихъ, послѣдователей социніанской секты; одна изъ его дочерей Катерина была замужемъ за извѣстнымъ уже намъ Павломъ-Крыштофомъ Сенютою-Ляховецкимъ, а другая Елена — за Николаемъ Любенецкимъ, членомъ весьма извѣстной социніанской фамиліи въ люблинскомъ воеводствѣ. Въ политической исторіи Малороссіи Стефанъ Немиричъ извѣстенъ по своему участію въ коммисіи, назначенной польскимъ правительствомъ въ 1625 г. для устройства козаковъ, послѣ пора-

[1]) Книга гродская житомирская 1611 г., № 12, л. 205.

женія ихъ подъ Куруковымъ. Вѣроятно ему была обязана своимъ основаніемъ социніанская община въ Черняховѣ.

У Стефана Немирича было три сына: Юрій, Владиславъ и Стефанъ, съ дѣтства воспитанные въ социніанскихъ вѣрованіяхъ и подобно отцу много сдѣлавшіе для пользы секты. Изъ нихъ старшій, Юрій, впослѣдствіи пріобрѣлъ громкую извѣстность по тому участію, какое онъ принималъ въ политическихъ дѣлахъ Малороссіи при Хмельницкомъ и его преемникѣ. Въ молодости Юрій Немиричъ, какъ кажется, учился въ раковской социніанской академіи, гдѣ сдружился съ внукомъ Фавста Социна Андреемъ *Вишоватымъ*, впослѣдствіи знаменитымъ дѣятелемъ и писателемъ социніанскимъ. Въ 1631 г. Юрій Немиричъ, въ сопровожденіи своего друга Вишоватаго, а также Александра Чаплича, Николая Любенецкаго, Петра Суходольскаго и другихъ товарищей-единовѣрцевъ, предпринялъ путешествіе заграницу для довершенія образованія. Черезъ Данцигъ молодые люди пустились въ Голландію, посѣтили университеты въ Лейденѣ и въ Амстердамѣ и встрѣтились здѣсь съ польскимъ социніаниномъ Христофоромъ Арцишевскимъ, который чуть было не уговорилъ ихъ отправиться въ Америку, чтобы тамъ основать социніанскую колонію. Арцишевскій такъ и поступилъ на самомъ дѣлѣ, а наши путешественники отправились въ Англію, отсюда во Францію, гдѣ въ Парижѣ посѣщали Сорбону и слушали знаменитаго Гуго Гроція [1]). Возвратившись на родину, Юрій Немиричъ заявилъ себя ревностнымъ покровителемъ социніанства и немало способствовалъ распространенію его на Украинѣ. Социніанскіе писатели не находятъ словъ, чтобы достойно восхвалить его заслуги въ отношеніи ихъ секты. Одаренный отъ природы живымъ, энергическимъ характеромъ, владѣя природнымъ умомъ и блестящимъ образованіемъ, къ тому же опираясь на свое положеніе богатаго пана и на свои обширныя связи въ сенатѣ и при дворѣ, Немиричъ явилъ собою образъ могущественнаго патрона социніанской секты, въ родѣ тѣхъ, какимъ былъ когда-то Янъ Кишка для литовскихъ социніанъ, а Юрій Чапличъ для волынскихъ. Онъ сразу-же занялъ видное положеніе въ средѣ украинскихъ дворянъ и на

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 231—233.

него неоднократно были возлагаемы разнаго рода общественныя и политическія порученія, при исполненіи которыхъ Немиричъ не забывалъ и интересовъ секты. Такъ въ 1637 г. онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ воеводства кіевскаго въ люблинскій трибуналъ и, благодаря его стараніямъ, въ это время устроенъ былъ въ Люблинѣ публичный диспутъ между социніанскими учеными, изгнанными отсюда еще въ 1627 году, и іезуитами. Въ слѣдующемъ 1638 году случилась извѣстная раковская катастрофа. Немиричъ, бывшій въ то время депутатомъ на варшавскомъ сеймѣ, при помощи своего друга Андрея Вишоватаго и другихъ единовѣрцевъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы предотвратить ударъ, постигшій тогда раковскую общину, и когда его старанія оказались безуспѣшными, онъ громко протестовалъ противъ нарушенія сеймомъ основныхъ государственныхъ законовъ, обезпечивающихъ свободу религіозныхъ убѣжденій каждаго, и свой протестъ внесъ въ судебныя книги [1]). Послѣ того онъ съ особенною энергіею занялся устройствомъ дѣлъ секты на Украинѣ, и въ то время, когда Чапличи и другіе социніанскіе вожди думали вознаградить на Волыни то, что секта потеряла въ Раковѣ, Немиричъ тоже самое задумалъ на Украинѣ. Оставшись послѣ смерти отца опекуномъ младшихъ братьевъ, онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ управленіе всѣми многочисленными имѣніями своего рода и имѣлъ возможность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ оказывать помощь и покровительство своимъ единовѣрцамъ. Независимо отъ существовавшей уже въ его родовомъ центрѣ, м. Черняховѣ, социніанской общины, онъ основалъ нѣсколько такихъ же общинъ и въ другихъ своихъ имѣніяхъ на Украинѣ. Послѣ раковскаго разгрома, Немиричъ пріютилъ у себя изгнанныхъ оттуда социніанскихъ пасторовъ и ученыхъ и въ числѣ ихъ—трехъ братьевъ Статоріусовъ или *Стоинскихъ*, изъ коихъ старшій Янъ впослѣдствіи состоялъ пасторомъ въ м. Ляховцахъ у Петра Сепюты и, какъ мы упоминали, былъ приговоренъ трибуналомъ къ лишенію дворянства и инфаміи. Другой Стоинскій, Крыштофъ, съ этого времени надолго остался на службѣ у Немирича и былъ его правой рукою въ устройствѣ дѣлъ секты. За его вѣрную службу Немиричъ по-

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 278.

дарилъ ему одно изъ своихъ имѣній—с. Минійки (нынѣ деревня радомысльск. уѣзда). [1])

Были у Немирича и другіе сотрудники въ дѣлѣ распространенія социніанства на Украинѣ и организаціи здѣсь сектантскихъ общинъ. Ближайшимъ изъ нихъ былъ его родственникъ Стефанъ *Войнаровскій*, ловчій воеводства кіевскаго, въ имѣніи котораго м. *Шерпняхъ* (радомысльск. уѣзда), принадлежавшемъ раньше Стефану Немиричу и имъ же населенномъ, существовала социніанская община, быть можетъ, основанная еще при прежнемъ владѣльцѣ. Въ то же время проживалъ на Украинѣ человѣкъ, весьма знаменитый въ исторіи социніанской секты, посвятившій всѣ силы свои и способности на служеніе ея интересамъ и окончившій жизнь въ изгнаніи: то былъ нѣкто Самуилъ *Припковскій*. Судя по его дѣятельному участію въ сеймиковыхъ дѣлахъ кіевскаго воеводства, необходимо заключить, что онъ принадлежалъ къ числу дворянъ-обывателей этого воеводства и имѣлъ здѣсь земельную собственность [2]). Самуилъ Припковскій былъ весьма ученый человѣкъ и плодовитѣйшій писатель, оставившій послѣ себя болѣе 50 сочиненій, въ числѣ коихъ встрѣчаются: богословскіе и историческіе трактаты, полемическія статьи, апологіи, біографіи, панегирики, эпитафіи, гимны, элегіи, стихотворные перифразы и проч. [3]). При всемъ разнообразіи формы, сочиненія Припковскаго представляютъ единство въ томъ отношеніи, что всѣ они имѣютъ предметомъ разъясненіе или защиту социніанской секты и ея ученія. Литературная дѣятельность Припковскаго начинается еще съ 1628 г.; въ этомъ году онъ издалъ въ Голландіи, подъ псевдонимомъ Иринея Филалета, свое сочиненіе „De pace et concordia ecclesiae", вторично напечатанное

---

[1]) Книга гродская житомирская 1646 г., № 17, л. 226.

[2]) Имя Самуила Припковскаго встрѣчается въ числѣ дворянъ воеводства кіевскаго, подписавшихъ въ 1645 г. протестъ противъ постановленій провинціальнаго сейма, бывшаго въ томъ же году въ Житомирѣ. Архивъ югозап. Россіи, часть 2, т. I, стр. 279. Нѣсколько раньше, именно въ 1643 г. мы встрѣчаемъ Припковскаго даже въ роли маршалка или предсѣдателя житомирскаго сеймика. Книга гр. житомирская 1643 г., № 16, л. 9.

[3]) Полный перечень сочиненій Припковскаго см. у Санда, въ Biblioth. Antitrinitariorum, p. 123—126.

въ 1630 г. и скоро послѣ того переведенное на нѣмецкій языкъ. Изъ другихъ сочиненій Прицковскаго, написанныхъ имъ, быть можетъ, въ періодъ пребыванія его на Украинѣ, отмѣтимъ слѣдующія: панегирикъ въ честь короля Владислава IV, въ 1633 г.; біографію Фавста Социна, въ 1636 г.; краткое изслѣдованіе о вѣрѣ; „братскую декларацію", обращенную къ польскимъ диссидентамъ, изданную въ 1646 г.; сочиненіе о вредѣ монашества; гимнъ на слова символа апостольскаго, и др. Кромѣ Прицковскаго, не чуждъ былъ литературнымъ занятіямъ и самъ могущественный патронъ украинскихъ социніанъ, Юрій Немиричъ: ему приписываютъ сочиненіе, заглавіе котораго социніанскій библіографъ Сандъ передаетъ по-латыни: „Periphrasis et paraphrasis Panopliae christianorum", а также *молитвы* и *гимны*, составленные имъ конечно для мѣстныхъ социніанскихъ общинъ и изданные впослѣдствіи въ 1653 году, и другія [1]). Эти факты какъ-бы указываютъ на зарождавшееся въ то время литературное движеніе среди украинскихъ социніанъ, параллельное такому же движенію, возникшему нѣсколько раньше на Волыни.

Въ сороковыхъ годахъ XVII ст. социніанство въ кіевской Украинѣ достигло высшаго своего процвѣтанія. Среди здѣшняго дворянства было такъ много послѣдователей секты, что они иногда одни наполняли собою мѣстные провинціальные сеймы и представляли здѣсь преобладающую партію. О распространеніи социніанскаго ученія въ средѣ другихъ сословій на Украинѣ нельзя сказать ничего опредѣленнаго по недостаточности данныхъ, но можно полагать, что въ числѣ послѣдователей секты были и мѣщане болѣе значительныхъ городовъ и мѣстечекъ: Житомира, Овруча, Черняхова, Шершней и др. О Кіевѣ въ этомъ отношеніи ничего не извѣстно, кромѣ лишь того, что учителямъ и преподавателямъ кіево-могилянской коллегіи въ первые годы ея существованія неоднократно приходилось защищаться отъ подозрѣній не столько въ латинствѣ или уніи, сколько въ кальвинизмѣ и *аріанствѣ*, а однажды, по словамъ тогдашняго префекта коллегіи Сильвестра Коссова, рас-

---

[1]) Bibliotheca Antitrinitariorum, p. 145. Ниже мы будемъ имѣть поводъ назвать и остальныя сочиненія Немирича.

пущенная кѣмъ-то клевета въ этомъ смыслѣ возбудила столь грозное движеніе среди кіевскихъ мѣщанъ и козаковъ, что члены ученой коллегіи, „исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ ими начинять желудки днѣпровскихъ осетровъ, или одного огнемъ, другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ“ [1]). Социніанство было настолько замѣтнымъ явленіемъ въ тогдашней общественной жизни на Украинѣ, что толки и сужденія о немъ составляли предметъ обычныхъ разговоровъ въ обществѣ. При этомъ часто возникали жаркіе споры, приводившіе къ ссорамъ и дракамъ, а иногда подобные диспуты оканчивались даже убійствомъ. Такъ, въ актовыхъ книгахъ подъ 1643 г. встрѣчается жалоба дворянъ-католиковъ Яна и Мартына Крентовскихъ на дворянъ Яна и Якуба Богуцкихъ о томъ, что когда братъ жалобщиковъ Николай былъ однажды въ гостяхъ въ домѣ Богуцкихъ въ с. Некрашахъ [2]), то хозяева между прочимъ завели разговоръ о сектѣ социніанской, при чемъ они усердно хвалили ее, доказывали ея превосходство предъ католической религіей и въ неприлично-кощунственныхъ выраженіяхъ порицали послѣднюю. Крентовскій въ свою очередь старался защитить свое исповѣданіе и наконецъ, не желая слышать богохульныхъ рѣчей хозяевъ, хотѣлъ было уйти изъ дома; но тутъ споръ достигъ крайней степени горячности и неожиданно перешелъ въ ссору и драку. Хозяева схватились за сабли, крикнули на помощь своихъ слугъ и такъ жестоко избили и поранили своего гостя, что онъ черезъ недѣлю умеръ [3]). Подобные случаи естественно порождали въ католической средѣ извѣстное раздраженіе противъ социніанъ и давали поводъ католическому духовенству возбудить преслѣдованіе ихъ, что́ скоро и случилось на самомъ дѣлѣ.

Тѣмъ временемъ на помощь украинской группѣ социніанъ явился новый дѣятель, пріобрѣвшій громкую извѣстность на поприщѣ миссіонерской дѣятельности по распространенію социніанства и считавшійся однимъ изъ ученѣйшихъ представителей секты: то былъ извѣстный уже намъ Андрей Виноватый, назначенный теперь,

---

[1]) Исторія русской церкви, митроп. Макарія, т. XI, стр. 490—491.

[2]) Нынѣ Некраши—деревня кіевскаго уѣзда, около м. Ясногородки.

[3]) Книга гродск. житомирская 1643 г., № 16, л. 192.

по опредѣленію церковно-социніанскаго синода, главнымъ пасторомъ социніанскихъ общинъ на Украинѣ. Въ 1643 году онъ прибылъ на мѣсто новаго своего назначенія и первоначально поселился въ м. Шершняхъ, у Стефана Войнаровскаго. Между тѣмъ Вишоватаго давно уже звалъ къ себѣ другъ его молодости и спутникъ въ заграничномъ путешествіи, Юрій Немиричъ, и теперь нетерпѣливо желалъ видѣться съ нимъ. Въ эту минуту онъ отправлялся въ свои Орельскія имѣнія, куда пригласилъ съ собою и Вишоватаго. Переправляясь съ нимъ черезъ Днѣпръ, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: „преданіе гласитъ, что соименный тебѣ св. апостолъ Андрей проповѣдывалъ въ этихъ странахъ евангеліе скиѳамъ и сосѣднимъ народамъ. Иди и ты со мной въ эти страны и дѣлай тоже“ [1]). Не извѣстно, дѣйствительно-ли Вишоватый проповѣдывалъ въ лѣвобережной Малороссіи социніанское евангеліе, но въ кіевской Украинѣ онъ оставался не долго: въ слѣдующемъ же 1644 г. онъ получилъ новое назначеніе—обозрѣть социніанскія общины на Волыни. Здѣсь оставался онъ до 1648 года и проживалъ попеременно въ Киселинѣ, Бересцкѣ, Галичанахъ, Иваничахъ и другихъ мѣстахъ, утѣшая и ободряя своихъ единовѣрцевъ, которые именно въ эти годы подвергались самымъ упорнымъ преслѣдованіямъ со стороны католическаго духовенства. Самъ Вишоватый однажды былъ позванъ на судъ за то, что публично совершилъ богослуженіе въ м. Рафаловкѣ, и чуть было не подвергся декрету банниціи, т. е. изгнанія изъ отечества. Въ это же время онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью бересцкаго социніанскаго пастора Александрой Рупневской, сестра которой была замужемъ за волынскимъ социніаниномъ Адамомъ Гулевичемъ-Воютинскимъ. Свадьба была отпразднована въ с. Галичанахъ, въ домѣ Александра Чаплича, причемъ, по словамъ біографа Вишоватаго, было совершено нѣчто въ родѣ вѣнчанья „по обычному священному обряду церкви“, изъ чего можно заключить, что у социніанъ существовалъ какой-то особый вѣнчальный обрядъ. Въ слѣдующемъ 1649 г. Вишоватый былъ назначенъ главнымъ пасторомъ въ люблинской области.

Одновременно съ удаленіемъ Вишоватаго изъ Украины для здѣшнихъ социніанъ наступила тревожная пора. Ярые католики

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 236.

давно уже съ неудовольствіемъ смотрѣли на возраставшее преуспѣяніе секты на Украинѣ и съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ относились къ главному патрону ея Юрію Немиричу. Когда въ началѣ 1640-хъ годовъ Немиричъ началъ хлопотать о предоставленіи ему должности кіевскаго подкоморія, противъ него выступили съ открытымъ протестомъ кіевскій бискупъ Александръ Соколовскій и извѣстный своею фанатическою нетерпимостью воевода кіевскій и староста житомирскій Янъ Тышкевичъ и во имя интересовъ католической церкви настаивали, чтобы урядъ подкоморія не достался явному безбожнику-аріанину. Король, однако, не уважилъ ихъ настояній и предоставилъ Немиричу просимую должность, хотя послѣдній при этомъ будто-бы далъ обѣщаніе принять католичество. По существовавшимъ обычаямъ Немиричъ обязанъ былъ принести торжественную присягу на новую должность въ засѣданіи кіевскаго земскаго суда; вмѣсто того онъ предпочелъ исполнить этотъ обрядъ въ Житомирѣ, въ отсутствіе старосты, во время засѣданія тамъ реляціоннаго сеймика, который состоялъ почти изъ однихъ социніанъ и предсѣдателемъ или маршалкомъ котораго былъ извѣстный Самуилъ Припковскій. Сознавая себя въ обществѣ друзей, Немиричъ позволилъ себѣ при этомъ легкомысленную выходку, которая впослѣдствіи причинила ему много хлопотъ. Когда кто-то изъ присутствовавшихъ на сеймикѣ замѣтилъ ему: какъ-же это онъ, будучи социніаниномъ, станетъ присягать по обычной формулѣ во имя св. Троицы?—то Немиричъ, въ слухъ цѣлаго сеймика, произнесъ будто-бы слѣдующій богохульный каламбуръ: что для достиженія своей цѣли онъ готовъ охотно поклясться не только тройкой, но хотя-бы и четверкой. Объ этомъ немедленно донесли старостѣ Тышкевичу, который тотчасъ опротестовалъ поступокъ Немирича и потребовалъ, чтобы его протестъ былъ внесенъ въ акты сеймиковые. Маршалокъ сеймика Припковскій отказался исполнить требованіе старосты. Тогда Тышкевичъ обратился съ жалобой на Немирича и на Припковскаго въ люблинскій трибуналъ[1]). Туда-же представилъ онъ и какое-то сочиненіе Немирича, ходившее по рукамъ на Украинѣ и заключавшее въ себѣ какія-то страшныя бого-

---

[1]) См. жалобу Тышкевича въ гродск. житомирской книгѣ 1643 г., № 16, л. 9.

хульства („скриптъ блюзнерства страшливого противко Пану Богу пелный"). Трибуналъ отнесся къ этому дѣлу весьма серьезно и поручилъ кіевскому бискупу строго разслѣдовать его. Немиричъ понялъ всю опасность своего положенія и при посредствѣ своего родственника, коронпаго референдарія ксендза Вацлава Лещинскаго, поспѣшилъ расположить въ свою пользу бискупа-слѣдователя: онъ удовлетворилъ какія-то давнія его претензіи и подалъ ему надежду на счетъ своего перехода въ католичество. Задобренный этимъ бискупъ Соколовскій представилъ въ трибуналъ и къ королю рѣшительный отзывъ въ пользу невиновности Немирича въ взводимыхъ противъ него обвиненіяхъ. Онъ совсѣмъ отвергалъ фактъ произнесенія будто-бы Немиричемъ богохульныхъ словъ о св. Тройцѣ; относительно же написаннаго имъ сочиненія бискупъ высказалъ такое мнѣніе, что Немиричъ составилъ это сочиненіе безъ всякаго умысла оскорбить католическую религію, а единственно съ тою цѣлью, чтобы узнать, чѣмъ могутъ быть опровергнуты со стороны католическихъ богослововъ подобныя еретическія заблужденія [1]). Отзывомъ этимъ Немиричъ былъ избавленъ отъ большой бѣды, къ великому неудовольствію его противника Яна Тышкевича, который не стѣснялся явно поносить бискупа за его якобы человѣкоугодничество и недостатокъ ревности къ славѣ Божіей. Менѣе благопріятный исходъ имѣло для Немирича другое дѣло. Одновременно съ обвиненіемъ въ богохульствѣ онъ позванъ былъ къ суду за укрывательство изгнанныхъ изъ Ракова пасторовъ и ученыхъ социніанскихъ, трехъ братьевъ Стоинскихъ, а также за устройство новыхъ социніанскихъ общинъ въ его имѣніяхъ, въ староствѣ житомирскомъ, и вообще за пропаганду ереси. Обвинителями въ этомъ дѣлѣ выступили: плебанъ житомирскій, ксендзъ Себастіанъ Жебровичъ и дворяне Николай Вышпольскій и Крыштофъ Унитовскій, но нѣтъ сомнѣнія, что главная пружина настоящаго процесса находилась въ рукахъ того же Тышкевича, старосты житомирскаго. Вмѣстѣ съ Немиричемъ были позваны къ суду и братья Стоинскіе, изъ коихъ старшій Янъ немедленно укрылся въ Ляховцахъ, гдѣ

---

[1]) См. письма къ Немиричу кіевскаго бискупа Соколовскаго и референдарія Лещинскаго—книга гродск. луцкая 1643 г., № 2160, л. 533 и 535.

однако, какъ мы упоминали, онъ не миновалъ бѣды, а два другіе принуждены были искать безопасности въ иныхъ мѣстахъ. Дѣло первоначально разбиралось въ іюлѣ 1643 г. въ кіевскомъ гродскомъ судѣ, но не было здѣсь окончено и поступило на рѣшеніе люблинскаго трибунала. Въ качествѣ свидѣтелей по этому дѣлу было вызвано въ судъ болѣе сорока человѣкъ мѣстныхъ дворянъ, между которыми немало находилось и социніанъ. Отъ строгости трибунальскаго суда не спасли Немирича ни могущественныя связи его въ сенатѣ и при дворѣ, ни даже личная расположенность къ нему самого короля Владислава, и въ 1646 г. Юрій Немиричъ былъ приговоренъ къ уплатѣ штрафа въ 10,000 червонцевъ и къ закрытію сектантскихъ общинъ въ своихъ имѣніяхъ [1]). Объ этомъ штрафѣ польскіе диссиденты вспомнили на варшавскомъ сеймѣ 1647 года, когда жаловались правительству на претерпѣваемыя ими религіозныя преслѣдованія.

Въ тоже самое время въ Варшавѣ произошло событіе, нанесшее социніанской сектѣ въ цѣлой Польшѣ новый тяжкій ударъ. Въ началѣ 1640-хъ годовъ однимъ изъ ученѣйшихъ социніанскихъ представителей, бывшимъ когда-то учителемъ раковской академіи, Іоной Шлихтингомъ, была издана новая символическая книга: „Confessio fidei christianae", заключавшая въ себѣ самое полное и точное изложеніе ученія секты, выраженное преимущественно въ текстахъ св. писанія. Социніане многаго ожидали отъ этой книги и потому разомъ издали ее на нѣсколькихъ языкахъ. Дѣйствительно, конфессія Шлихтинга имѣла большой успѣхъ и въ огромномъ числѣ экземпляровъ стала расходиться по всей Польшѣ и соблазняла многихъ. Между прочимъ, есть извѣстіе, что она сильно распространена была на Волыни и Украинѣ, „къ великой опасности для душъ христіанскихъ [2])". Этого не могло простить автору католическое духовенство, и въ 1647 году конфессія Шлихтинга, по опредѣленію сейма, была сожжена въ Варшавѣ публично рукою палача, а бѣжавшій заграницу авторъ ея заочно приговоренъ былъ къ ли-

---

[1]) Книга гродск. житомирская 1643 г., № 16, л. 31—35 и 45—46. Dzieje kościołow wyznania helweckiego w Małej Polsce, p. 285.

[2]) Свидѣтельство іезуита Николая Циховскаго, неоднократно полемизировавшаго съ Шлихтингомъ по поводу его конфессіи—Iocher, т. II, стр. 535.

шенію чести и конфискаціи имущества. Вмѣстѣ съ этимъ послѣдовалъ сеймовый декретъ о закрытіи въ цѣлой Польшѣ социніанскихъ школъ и типографій и о запрещеніи всѣхъ напечатанныхъ уже социніанскихъ сочиненій, при чемъ объявлялось, что всякій, кто будетъ уличенъ въ печатаніи, распространеніи и даже храненіи у себя подобныхъ книгъ, подвергнется изгнанію изъ государства и конфискаціи имущества [1]). Этотъ декретъ грозилъ социніанамъ весьма тяжкими послѣдствіями и давалъ въ руки ихъ враговъ новое страшное противъ нихъ оружіе, но на первыхъ порахъ ни на Волыни, ни въ Украинѣ дѣйствіе его не было ощутительно. Не знаемъ, было-ли исполнено въ точности Немиричемъ трибунальское постановленіе относительно закрытія социніанскихъ общинъ въ м. Черняховѣ и другихъ его имѣніяхъ; но знаемъ, что одинъ изъ Стоинскихъ (Крыштофъ) скоро снова появляется на Украинѣ и даже предпринимаетъ въ 1646 г. наѣздъ на имѣніе подстаросты житомирскаго Крыштофа Цисовскаго [2]), а въ 1648 г. мы встрѣчаемъ его состоящимъ на службѣ у Стефана Немирича, съ которымъ онъ разъѣзжаетъ на Волыни и отнимаетъ чужія имѣнія [3]). У самого Юрія Немирича съ 1647 г. появляется на службѣ новое лице изъ числа родственниковъ Вишоватаго, какой-то дворянинъ Венедиктъ Вишоватый [4]). Очевидно, что сеймовые и трибунальскіе декреты не очень-то переполошили социніанъ на Волыни и Украинѣ и они вовсе и не думали слагать оружіе. А между тѣмъ дни существованія здѣсь секты были уже сочтены, хотя этого не могли предвидѣть и сами враги ея, жаждавшіе ея гибели. Они обращали очи свои къ Варшавѣ и Люблину и ждали, что оттуда прійдетъ когда-нибудь гибель ихъ противниковъ; но она пришла совсѣмъ не оттуда и раньше, чѣмъ они надѣялись. Тамъ, на далекихъ порогахъ днѣпровскихъ да въ глухихъ селахъ и хуторахъ Украины, таилась и тлѣла искра гнѣва и мести всенародной, разомъ вспых-

---

[1]) Дневникъ Стан. Освѣцима—рукописное отдѣленіе института имени Оссолинскихъ въ Львовѣ, № 224, стр. 978—979.

[2]) Книга гродск. житом. 1646 г., № 17, л. 226.

[3]) Кн. гродск. луцкая, № 2951, л, 157.

[4]) Книга гр. житом. 1650 г., № 19, л. 595.

нувшая страшнымъ пожаромъ по всему лицу земли южнорусской, потрясшимъ до основанія государственное зданіе шляхетско-католической Польши. Катастрофа эта была направлена отнюдь не противъ социніанъ, а именно противъ ихъ же враговъ; но случилось такъ, что въ пламени вызваннаго ею разгара народныхъ страстей южнорусское социніанство нашло свое конечное аутодафе: ибо, какъ мѣтко выразился самъ вождь возставшаго тогда украинскаго народа, „при сухихъ дровахъ горятъ и сырыя".

XI.

Лишь только распространилась вѣсть о пораженіи поляковъ на Жовтыхъ-Водахъ и особенно подъ Корсунемъ, народное возстаніе разомъ охватило всю Украину, Волынь, Подолье и Червоную Русь и даже отозвалось въ далекой Бѣлоруссіи. Все, что находилось здѣсь не русскаго и не православнаго, или вѣрнѣе—все, что стояло въ общественномъ положеніи надъ массой народной — все это объято было паническимъ страхомъ и бѣжало безъ оглядки въ предѣлы коренной Польши и Литвы. Южнорусскіе социніане, наравнѣ съ дворянами другихъ исповѣданій (не исключая и православнаго), также спасались бѣгствомъ и наравнѣ съ ними же погибали отъ козацкихъ рукъ. Особенно много ихъ погибло при осадѣ и взятіи Хмельницкимъ Староконстантинова, куда укрылись было, въ числѣ другой шляхты, и социніане, бѣжавшіе изъ Украины. Такому же разгрому подверглись и болѣе отдаленныя социніанскія общины въ коренныхъ польскихъ областяхъ: люблинской и сандомирской, откуда въ числѣ другихъ бѣжалъ на границы Пруссіи и Андрей Вишоватый. Біографъ его передаетъ ходившій тогда слухъ, будто козаки съ особенною жестокостью расправлялись съ социніанами изъ-за ихъ вѣроисповѣднаго различія съ ними [1]); а одинъ изъ современныхъ изслѣдователей готовъ объяснять такое поведеніе козаковъ тѣмъ, что они видѣли въ социніанахъ „еретиковъ-аріанъ, иконоборцевъ, нехристей" [2]). Мы не находимъ возможнымъ ни до-

---

[1]) Cosacci... imprimis in arianos (ut audiunt) ob religionem eis invisos saevientes. Biblioth. Antitrinit., p. 241.

[2]) Труды кіевск. дух. академіи, 1876 г., статья: «Подложное письмо половца И. Смеры къ князю Владиміру».

пустить вѣрности передаваемаго слуха, ни тѣмъ болѣе согласиться съ его объясненіемъ. То несомнѣнно, что возставшіе крестьяне и козаки не давали пощады социніанамъ, если послѣдніе попадались имъ въ руки; но они поступали такъ не вслѣдствіе какого-то предрасчитаннаго противъ нихъ озлобленія, а просто потому, что не отличали ихъ отъ массы другихъ польскихъ или ополяченныхъ шляхтичей, каковыми большинство южнорусскихъ социніанъ были и на самомъ дѣлѣ. Если уже *православные* южнорусскіе дворяне бросали все и бѣжали предъ лицомъ возставшаго народа, то о другихъ и говорить нечего. Ясно, что въ сознаніи и дѣйствіяхъ тогдашней массы народной соціально-экономическій мотивъ преобладалъ надъ всѣми другими; о вѣроисповѣдномъ же отличіи социніанской шляхты возставшіе едвали даже имѣли ясное понятіе. Да и послѣдующіе социніанскіе писатели ни однимъ словомъ не жалуются на южнорусскихъ людей, какъ на гонителей ихъ секты и агитаторовъ народной или правительственной расправы надъ нею; напротивъ, они постоянно заступаются за православныхъ и въ войнахъ Хмельницкаго, сопровождавшихся столькими несчастіями для самихъ же социніанъ, видятъ справедливое отмщеніе Польшѣ за нарушеніе ею законовъ, попраніе гражданскихъ и религіозныхъ правъ и посягательство на свободу вѣры. Какъ бы то ни было, но всѣ социніанскія общины были сметены съ лица южной Руси козацкимъ движеніемъ и уже никогда болѣе не возстановлялись въ ней. Поэтому намъ остается лишь прослѣдить судьбу отдѣльныхъ лицъ изъ числа наиболѣе видныхъ представителей южнорусскаго социніанства. Первое мѣсто между ними должно быть отведено высоко-интересной личности кіевскаго подкоморія Юрія Немирича, дальнѣйшая судьба котораго не лишена извѣстнаго рода драматизма.

Когда Хмельницкій, по разбитіи польскаго ополченія подъ Пилявцами, осенью 1648 г. двинулся къ Львову и занялся осадой Замостья, южнорусскіе дворяне стали понемногу возвращаться въ свои имѣнія и занялись приведеніемъ въ извѣстность понесенныхъ ими потерь. Въ числѣ первыхъ возвратившихся былъ и Юрій Немиричъ, при которомъ мы по прежнему встрѣчаемъ, въ качествѣ его слугъ, Крыштофа Стоинскаго и Венедикта Вишоватаго. Но теперь Немиричу некогда было заниматься дѣлами секты: онъ по-

спѣшно организовалъ военный отрядъ и выступилъ съ нимъ противъ козаковъ. Въ Варшавѣ разнеслись слухи, будто Немиричъ соединился съ Хмельницкимъ и передалъ ему тайное порученіе отъ королевича Яна-Казимира содѣйствовать избранію его въ короли, за что послѣдній обѣщалъ удовлетворить требованія козаковъ; говорили даже, будто Хмельницкій сдѣлалъ Немирича своимъ „найвысшимъ писаремъ". Слухи эти интересны единственно въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ подозрительно относились поляки къ Немиричу за его антирелигіозныя и (какъ ниже увидимъ) республиканскія убѣжденія. Въ дѣйствительности же Немиричъ усердно защищалъ свое отечество и, надо думать, обнаружилъ при этомъ значительныя военныя дарованія, потому что когда въ началѣ слѣдующаго года дворяне кіевскаго и волынскаго воеводствъ собрали ополченіе съ цѣлью защиты ихъ со стороны козаковъ и взбунтовавшихся крестьянъ, то генеральнымъ полковникомъ этого ополченія единогласно былъ избранъ Немиричъ; а два года спустя кіевскіе дворяне ходатайствовали на сеймѣ предъ королемъ о награжденіи Немирича, „который, по ихъ словамъ, всегда съ великой похвалой выступалъ на защиту отечества и много потратилъ на то изъ своего состоянія" [1]). Но въ 1655—57 гг., когда шведы вторглись въ самую глубь королевства польскаго и заняли обѣ столицы, для Польши наступили столь тяжкія времена, что самые, по видимому, преданные сыны ея отчаивались въ спасеніи своего отечества и одинъ за другимъ переходили на сторону шведовъ, безъ боя сдавая имъ города и цѣлыя провинціи. Для протестантовъ и социніанъ, противъ которыхъ въ то время католическое духовенство поднимало толпы городской черни, разжигая въ ней фанатическій энтузіазмъ и благословляя ее на грабежъ имущества еретиковъ, не оставалось никакихъ побужденій защищать католическую Польшу и они толпами передавались шведскому королю Карлу X, ища у у него защиты противъ фанатиковъ. Изъ числа южнорусскихъ социніанъ, передавшихся тогда на сторону шведовъ, сами социніанскіе писатели называютъ: на Волыни — извѣстнаго намъ киселинскаго патрона Александра Чаплича и какого-то Андрея Братков-

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи, часть 2, т. I, стр. 357.

скаго, а на Украинѣ—кіевскаго подкоморія Юрія Немирича и его младшаго брата Стефана, занимавшаго въ то время должность подчашія кіевскаго [1]). Вѣроятно, въ это именно время Юрій Немиричъ присоединился къ Хмельницкому, съ которымъ тогда находился въ союзническихъ отношеніяхъ шведскій король, начавшій, какъ извѣстно, по его иниціативѣ войну съ поляками; по крайней мѣрѣ впослѣдствіи сами козаки, на запросъ московскаго правительства, показывали, что Немиричъ вступилъ въ запорожское войско еще при Богданѣ Хмельницкомъ, а социніанскіе писатели передаютъ, будто гетманъ сдѣлалъ его даже козацкимъ полковникомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что знатное имя, блестящая образованность и извѣстная опытность Немирича въ веденіи политическихъ дѣлъ сразу же доставили ему видное положеніе среди козацкой старшины, окружавшей гетмана, и Хмельницкій, вѣроятно, не разъ пользовался его услугами (напр. при дипломатическихъ сношеніяхъ съ шведскимъ королемъ), за которыя онъ подтвердилъ его прежнія владѣльческія права на имѣнія въ полтавскомъ полку, по р.р. Ворсклу и Орели. Но въ болѣе видной политической роли Немиричъ выступаетъ въ гетманство преемника Хмельницкаго, Ивана Выговскаго. Еще при Хмельницкомъ среди козацкой старшины и приставшихъ къ козацкому войску православныхъ дворянъ усилилась партія автономистовъ, стремившихся къ образованію изъ Малороссіи самостоятельнаго государства. Представителемъ этой партіи, пытавшимся на дѣлѣ осуществить ея стремленія, былъ самъ Выговскій, но душей этой партіи и творцемъ ея политической программы слѣдуетъ по всей справедливости считать Юрія Немирича, бывшаго правой рукой Выговскаго. Еще въ бытность свою въ Голландіи онъ усвоилъ тамошнія республиканскія понятія, составилъ себѣ идеалъ федеративнаго союза республикъ и теперь задумалъ примѣнить его къ своему новому отечеству. Полнымъ выраженіемъ этого идеала могутъ служить условія Гадячскаго договора Выговскаго съ Польшей въ 1658 г., составленныя самимъ Немиричемъ. По смыслу этого договора, Малороссія соединялась съ Польшею на правахъ самобытнаго государства подъ названіемъ „Великаго Княжества

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum. p. 291.

Русскаго", долженствовавшаго имѣть свой верховный трибуналъ, своихъ государственныхъ сановниковъ, свое казначейство, свою монету и свое войско. Въ этомъ княжествѣ проэктировались двѣ академіи съ университетскими правами—въ Кіевѣ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ окажется удобнымъ,—множество другихъ школъ съ свободнымъ преподаваніемъ и совершенно вольное книгопечатаніе. Со всею страстностью своей склонной къ увлеченіямъ натуры Немиричъ занялся осуществленіемъ этого грандіознаго политическаго проэкта и среди новыхъ заботъ совсѣмъ позабылъ о своихъ прежнихъ сектантскихъ увлеченіяхъ. Самъ онъ давно уже принялъ вѣру своихъ предковъ—православіе[1]), конечно съ цѣлію полной, такъ сказать, натурализаціи въ новомъ отечествѣ, и даже задумалъ призвать на служеніе ему прежнихъ своихъ единовѣрцевъ, тѣснимыхъ тогда въ Польшѣ. Въ этихъ видахъ онъ составилъ особое воззваніе, адресованное ко всѣмъ польскимъ диссидентамъ и преимущественно къ социніанамъ, въ которомъ убѣждалъ ихъ обратиться въ лоно православной церкви, чтобы тѣмъ самымъ слиться съ вольнымъ козацкимъ народомъ и войти въ составъ добрыхъ гражданъ „Великаго Княжества Русскаго". Можно полагать, что это воззваніе нѣкогда знаменитаго социніанскаго дѣятеля произвело въ средѣ социніанъ сильное впечатлѣніе, если такой авторитетный между сектантами человѣкъ, какъ извѣстный намъ Самуилъ Пршиковскій, проживавшій тогда въ Пруссіи изгнанникомъ, нашелся вынужден-

[1]) Память о принадлежности Немирича къ социніанской сектѣ не скоро была забыта въ Малороссіи и даже перешла въ Москву, хотя уже въ извращенномъ видѣ. Въ началѣ гетманства Выговскаго, когда личность Немирича стала замѣтно выдѣляться на политическомъ поприщѣ въ Украинѣ, московское правительство обратилось къ гетманскимъ посламъ съ запросомъ: «Кто у нихъ въ войску *люторъ* Юрьи Немиричъ, и для чего гетманъ подавалъ ему городы: Кременчукъ, Переволочно, Кишеньку, Кобелякъ, Бѣлики, Санжаровъ, и сколь давно ему гетманъ тѣ городы далъ, и для чего лютровъ при войску держитъ?... И посланцы говорили: есть-де у нихъ въ войску люторъ Юрьи Немиричъ, а пришолъ въ войско еще при небожщикѣ при прежнемъ гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, а нынѣшній гетманъ ему тѣхъ городовъ не давывалъ... а называлъ онъ тѣ городы прежними своими надаными маетностями и хотѣлъ о тѣхъ городахъ бити челомъ великому государю»... На это послѣдовало замѣчаніе: «и гетману того лютра въ войску не держать... и говорить, чтобъ онъ его изъ войска выслалъ». Акты ю. и з. Россіи, т. VII, стр. 204—205.

нымъ обнародовать свой отвѣтъ на воззваніе Немирича [1]). Но послѣднему некогда было вступать въ полемику съ социніанскими богословами: весной 1659 г. онъ спѣшилъ съ козацкими послами въ Варшаву на сеймъ, созванный для подтвержденія договора Гадячскаго. Здѣсь Немиричъ произнесъ большую рѣчь, о которой социніанскій библіографъ упоминаетъ въ числѣ другихъ его сочиненій. Договоръ былъ утвержденъ; король ласково принялъ Немирича и, по ходатайству Выговскаго, выдалъ ему привиллегію на должность канцлера „Великаго Княжества Русскаго". Но самое-то „княжество" оказалось блестящимъ проэктомъ, не легко осуществимымъ въ дѣйствительности: лишь только въ Малороссіи узнали о совершившемся союзѣ Выговскаго съ Польшею, народъ поднялъ возстаніе и принялся избивать стоявшіе на Украинѣ польскіе отряды. Юрій Немиричъ, начальствовавшій надъ однимъ изъ такихъ отрядовъ, хотѣлъ было усмирить толпу, но его самого окружили подъ с. Свидовцемъ (черниговск. губ., козелецк. уѣзда) и изрубили въ куски. Таковъ былъ несчастный конецъ этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго человѣка.

Изъ двухъ меньшихъ братьевъ Юрія Немирича, Владиславъ, староста овруцкій, также социніанинъ, хотя и получилъ хорошее образованіе, но по своему характеру представлялъ прямую противоположность старшему брату: это былъ слабый, болѣзненный и апатичный человѣкъ, ничѣмъ не заявившій своей приверженности къ социніанской сектѣ и пріобрѣвшій извѣстность, благодаря одной безчестной продѣлкѣ съ его именемъ, какая была учинена іезуитами послѣ его кончины. Объ этой продѣлкѣ разсказываетъ извѣстный Касперъ Нѣсецкій, самъ іезуитъ, и потому его показаніе не можетъ быть заподозрѣно въ какомъ-либо пристрастіи. Дѣло происходило такъ. Владиславъ Немиричъ умеръ въ молодомъ возрастѣ, не старше 30 лѣтъ. Находясь при смерти, онъ какъ-то попалъ въ руки люблинскихъ іезуитовъ, которымъ удалось вынудить у него отреченіе отъ социніанскихъ заблужденій и согласіе принять исповѣдь и причащеніе по католическому обряду. Больной охотно исповѣдался, но долго колебался приступить къ причащенію:

---

[1]) Отвѣтъ этотъ, вышедшій разомъ на двухъ языкахъ: польскомъ и латинскомъ, упоминается въ перечнѣ сочиненій Пршиковскаго. Biblioth. Antitrinitar. p. 125.

удерживали-ли его прежнія социніанскія воззрѣнія на форму причастія, или, быть можетъ, въ немъ проснулись фамильныя традиціи его православныхъ предковъ, но только онъ мучился сомнѣніемъ въ спасительности причастія подъ однимъ видомъ и предложилъ духовнику-іезуиту дать ему какое-либо ручательство въ томъ, что оно не повредитъ его душевному спасенію. Ловкій іезуитъ нисколько не затруднился исполнить требованіе больного и тотчасъ выдалъ ему слѣдующее формальное письменное удостовѣреніе: „Я Михаилъ Кисаржевскій, изъ ордена іезуитовъ, удостовѣряю симъ Божіе Величество (divinam Majestatem) въ томъ, что если благородный Владиславъ Немиричъ потерпитъ какой-либо ущербъ предъ судомъ Господнимъ вслѣдствіе принятія католическаго причастія подъ однимъ видомъ, одобреннаго церковью въ теченіе всѣхъ вѣковъ, то я весь этотъ ущербъ принимаю на себя и на душу свою и готовъ буду отвѣчать предъ Величествомъ Божіимъ, вмѣстѣ съ матерью моею, святою католическою и апостольскою церковью, и со всѣми вѣрными. Дано въ Люблинѣ, въ іезуитской коллегіи, 11-го апрѣля 1653 г. Михаилъ Кисаржевскій“. Немиричъ не сталъ болѣе сопротивляться и, умирая, велѣлъ похоронить его съ этимъ удостовѣреніемъ въ рукахъ. „Черезъ пять дней послѣ его смерти (разсказываетъ Нѣсецкій), когда собрались спускать тѣло его въ могилу, устроенную въ нашемъ люблинскомъ костелѣ, и передъ тѣмъ открыли гробъ, то, кромѣ документа, бывшаго въ рукахъ покойника, увидѣли другой на его груди, слѣдующаго содержанія: „Я Владиславъ Немиричъ освобождаю превелебнаго Михаила Кисаржевскаго, ксендза іезуитскаго ордена, отъ обязательства, принятаго имъ на свою душу: ибо я получилъ полное удовлетвореніе, по безграничной милости Божьей, и отпущеніе мнѣ всѣхъ грѣховъ въ страшную минуту суда, вслѣдствіе исповѣди и св. причастія, принятаго мною по обряду римской церкви въ минуту моей смерти, въ чемъ удостовѣряю настоящимъ свидѣтельствомъ. Дано въ Долинѣ Покаянія, 16 апрѣля 1653 года. Владиславъ Немиричъ“. Оба эти документа, для большей достовѣрности, явлены были въ актовыя книги люблинскаго трибунала 1653 г. ректоромъ іезуитской коллегіи, ксендзомъ Ордою [1]).

---

[1]) Нѣсецкій, Korona polska, т. III, стр. 359.

Другой братъ Юрія, Стефанъ Немиричъ, восхваляется социніанскими писателями за ревностное покровительство сектѣ почти наравнѣ съ Юріемъ. Онъ былъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, когда на Украинѣ вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго, и потому долгое время состоялъ подъ непосредственнымъ руководствомъ старшаго брата. Вмѣстѣ съ нимъ онъ, въ чинѣ ротмистра, участвуетъ въ 1649 г. въ защитѣ кіевскихъ дворянъ со стороны возмутившагося крестьянства, вмѣстѣ съ нимъ передается на сторону шведовъ и, кажется, по его же слѣдамъ отправляется служить войску запорожскому. Въ годъ заключенія гадячскаго договора онъ получаетъ должность кіевскаго подкоморія, которую передъ тѣмъ только что оставилъ его братъ Юрій для занятія высшаго поста—канцлера „Великаго Княжества Русскаго", и остается въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ бывшимъ гетманомъ Ив. Выговскимъ до конца жизни послѣдняго. Но въ 1664 г. Стефанъ Немиричъ предпринимаетъ одинъ шагъ, который мы отказываемся объяснить при скудости наличныхъ данныхъ: въ этомъ году онъ посылаетъ за границу, для довершенія образованія, дѣтей своихъ братьевъ—сына Юрія Ѳеодора и дочь Владислава Маріанну—и вслѣдъ за ними, безъ вѣдома правительства, самъ лично отправляется туда же и остается за границей довольно долгое время [1]). Такъ какъ за три года передъ тѣмъ польскіе социніане подверглись поголовному изгнанію изъ Польши и въ первое время по прибытіи за границу терпѣли страшныя бѣдствія и лишенія, пока имъ удалось кое-какъ устроиться на новыхъ мѣстахъ, то не стоялъ-ли въ какомъ-либо соотношеніи съ этими обстоятельствами неожиданный отъѣздъ Немирича? Нѣкоторое основаніе этому предположенію можно видѣть въ ходатайствѣ кіевскихъ дворянъ на сеймѣ 1665 года о томъ, чтобы Стефанъ Немиричъ былъ прощенъ, „если въ чемъ проступилъ противъ короля", и былъ вызванъ въ отечество [2]). Подъ этимъ проступкомъ Немирича прежде всего, конечно, разумѣлся самовольный выѣздъ его за-границу, а также, быть можетъ, нарушеніе имъ сеймоваго постановленія, по которому строго воспрещалось оказывать какую-бы то ни было помощь и содѣйствіе изгнаннымъ

---

[1]) Книга гродская житомирская, 1664—1666 г., № 21, л. 14 и 65.
[2]) Тамъ-же, л. 103.

сектантамъ. Вѣроятно, ходатайство кіевскихъ дворянъ было уважено, потому что скоро послѣ того мы встрѣчаемъ Стефана Немирича въ должности сначала каштеляна, а потомъ и воеводы кіевскаго; но это само собою предполагаетъ его отреченіе отъ социніанства и обращеніе въ католичество.

Изъ числа волынскихъ социніанъ объ одномъ лишь Александрѣ Чапличѣ, владѣльцѣ Киселина, сохранились нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія. Кажется, что положеніе, занятое имъ въ тревожный періодъ козацкихъ войнъ, въ общихъ чертахъ сходно съ такимъ же положеніемъ его школьнаго товарища, Юрія Немирича. Подобно ему, онъ передается на сторону шведовъ и за тѣмъ какъ-будто присоединяется къ запорожскому войску [1]. Во всякомъ случаѣ присутствіе Чаплича въ войскѣ при Выговскомъ въ моментъ составленія гадячскаго договора и какое-то участіе его въ этомъ дѣлѣ—фактъ несомнѣнный. Когда на сеймѣ варшавскомъ 1659 г. шло дѣло объ утвержденіи этого договора, то въ числѣ лицъ, о награжденіи которыхъ ходатайствовалъ предъ сеймомъ Выговскій, мы находимъ имя и Александра Чаплича [2].

О другихъ представителяхъ южнорусскаго социніанства мы не находимъ въ нашихъ источникахъ никакого даже упоминанія. Очевидно, одни изъ нихъ погибли въ войнахъ козацкихъ, другіе удалились во внутреннія области Польши и Литвы, а третьи просто сошли со сцены. Такимъ образомъ войны Хмельницкаго можно считать конечнымъ періодомъ существованія социніанской секты въ югозападной Руси. Намъ остается теперь прослѣдить послѣднюю судьбу социніанства въ самой Польшѣ.

---

[1]) Замѣтимъ, кстати, что число южнорусскихъ дворянъ, передавшихся тогда на сторону шведовъ и затѣмъ поступившихъ на службу къ Хмельницкому, было очень велико, если составители гадячскаго договора нашли нужнымъ въ дополнительныя къ нему статьи внести слѣдующій параграфъ: «Всѣ уголовные приговоры, взысканія, баниціи и процессы, на чемъ-бы они ни остановились и какому-бы ни подлежали суду, должны быть сняты съ тѣхъ, которые *служили у Шведа, а потомъ въ войскѣ запорожскомъ*». (Памятн. кіевск. комм. т. III, отд. 3, стр. 326). Изъ числа такихъ лицъ, кромѣ уже поименованныхъ, намъ извѣстны: бывшій коморникъ черниговскій Прокопъ Верещака и хорунжій черниговскій Гавріилъ Гулевичъ (кальвинистъ).

[2]) Памятн. кіевск. коммисіи, т. III, отд. 3, стр. 328.

XII.

Эпоха войнъ козацкихъ была годиною бѣдствій не для однихъ южнорусскихъ социніанъ, но также и для ихъ польскихъ собратьевъ, и не потому только, что козацкіе отряды, врываясь въ Польшу, изгоняли или истребляли ихъ наравнѣ съ остальной шляхтой, но и по другимъ причинамъ. Страшныя политическія бѣдствія, постигшія тогда Польшу со стороны шведскаго, русскаго и козацкаго оружія, возбудили въ ея населеніи религіозно-патріотическое воодушевленіе, которымъ клерикалы воспользовались для своихъ цѣлей. Они открыто проповѣдывали, что перстъ Божій наказываетъ ихъ отечество за недостатокъ ревности къ интересамъ католической церкви и преступную поблажку ея врагамъ—еретикамъ: протестантамъ и аріанамъ, которыхъ они старались выставить въ глазахъ населенія измѣнниками и предателями отечества, въ тайнѣ сочувствующими его непріятелямъ—шведамъ, подобнымъ имъ еретикамъ, и во имя интересовъ церкви и отечества вопіяли объ ихъ истребленіи. Тогда для польскихъ диссидентовъ наступили дни плача и гнѣва Божія. Имъ запрещали отправлять богослуженіе, собирать съѣзды или соборы, содержать школы и печатать книги; со всѣхъ сторонъ осыпали ихъ доносами и по всякому, хотя-бы завѣдомо ложному, извѣту звали въ трибуналы, которые знатныхъ шляхтичей присуждали къ тяжкимъ денежнымъ штрафамъ, а лицъ неблагородныхъ сословій казнили смертью. Въ Польшѣ возобновились мрачныя времена испанской инквизиціи и цѣлыя сотни еретиковъ погибли тогда на кострахъ [1]). Ксендзы, съ ротами жолнеровъ, разъѣзжали по селамъ, грабили и отнимали имѣнія диссидентовъ, хватали ихъ самихъ, разрушали ихъ храмы, оскорбляли святыни, выбрасывали на поруганіе тѣла покойниковъ и во имя Божіе призывали простой народъ грабить и убивать еретиковъ, выставляя всякое направленное противъ нихъ насиліе благочестивымъ подвигомъ, имѣющимъ умилостивить гнѣвъ Божій, постигшій отечество. Король и болѣе благоразумные представители власти были безсильны остановить эти разнузданные порывы фанатическаго умоизступленія,

---

[1]) Łukaszczewicz I., Dzieje kościołow wyznania helweckiego w Małej Polsce, p. 286—287.

такъ какъ клерикальная партія имѣла сильную поддержку въ католической Австріи, у которой тогда заискивало польское правительство. Въ особенности сильно пострадали въ то время социніане, съ которыми клерикалы церемонились еще менѣе, нежели съ протестантами. Біографъ Вишоватаго не находитъ словъ для выраженія своей скорби и ужаса при воспоминаніи бѣдствій, какимъ подверглись въ 1655—56 гг. социніанскія общины въ краковской области, когда толпы поселянъ, вооруженныхъ косами, топорами и пиками, подъ предводительствомъ ксендзовъ, расхаживали изъ одного мѣста въ другое, грабили и разрушали дома и молельни социніанъ, убивали или жгли ихъ самихъ, не щадя ни женщинъ, ни даже дѣтей, и жестокими казнями принуждали ихъ къ отреченію отъ секты и принятію католичества. Самъ Вишоватый вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ и, явившись въ Краковъ, обратился къ шведскому генералу съ просьбой о защитѣ его единовѣрцевъ [1]).

Не довольствуясь этими гоненіями, польскіе клерикалы, особенно іезуиты, пользуясь благопріятнымъ для нихъ настроеніемъ властей и общества, задумали совсѣмъ покончить съ социніанскою сектою. Они откопали забытый всѣми статутъ короля Владислава-Ягелла 1424 года, заключавшій въ себѣ постановленіе объ изгнаніи изъ предѣловъ Польши еретиковъ-гусситовъ, и въ 1658 году предъявили на сеймѣ требованіе, чтобы дѣйствіе этого статута было примѣнено къ социніанамъ; требованіе это они основывали на обвиненіи ихъ въ измѣнѣ отечеству и передачѣ на сторону шведовъ во время недавняго занятія послѣдними королевства польскаго. Хотя въ такомъ предательствѣ социніане повинны были ничуть не больше, нежели протестантскіе и даже весьма многіе католическіе паны, сдававшіе шведамъ укрѣпленные города и цѣлыя области, но нужно было, чтобы кто-нибудь одинъ понесъ наказаніе за грѣхи многихъ, и роль такой очистительной жертвы пала на долю социніанъ. Какъ ни чудовищно было требованіе клерикаловъ, оно не встрѣтило, однако, на сеймѣ почти никакого сопротивленія: всегдашніе союзники социніанъ—протестанты и другіе диссиденты, видя настроеніе большинства, теперь сами дрожали за свою судьбу и не смѣли откры-

---

[1]) Bibliotheca Antitrinitariorum, p. 244—246.

то вступиться за нихъ, опасаясь подвергнуться той же участи. Затѣмъ послѣдовала сеймовая конституція, въ которой объявлялось, что всякій, о комъ будетъ дознано, что онъ исповѣдуетъ, или распространяетъ ученіе аріанской секты и вообще какимъ-бы то ни было образомъ покровительствуетъ ей въ предѣлахъ Польши, Литвы и соединенныхъ съ ними земель и областей, долженъ быть предаваемъ суду и затѣмъ смертной казни, подъ угрозой отнятія должностей у тѣхъ урядниковъ, которые недостаточно ревностно станутъ исполнять это постановленіе. Но, продолжаетъ декретъ, изъ милосердія къ тѣмъ, которые станутъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ и не захотятъ добровольно присоединиться къ католической церкви, дается имъ трехлѣтній срокъ, въ теченіе котораго они могутъ распорядиться своимъ имуществомъ, и затѣмъ должны оставить предѣлы государства; но и въ это время они не имѣютъ права отправлять своихъ сектантскихъ службъ, ни занимать какихъ-либо должностей общественныхъ, по истеченіи же льготнаго срока всякій изъ еретиковъ, кто окажется въ Польшѣ, подпадетъ силѣ декрета [1]).

Сектанты впали въ уныніе. Болѣе малодушные изъ нихъ начали обращаться въ католичество, но много было и такихъ, которые любовь къ родинѣ принесли въ жертву своимъ убѣжденіямъ и стали готовиться къ изгнанничеству. Лишенные права открыто собираться, чтобы обсудить свое ужасное положеніе, они, на подобіе первенствующихъ христіанъ, стали устраивать тайныя, ночныя собранія, на которыхъ совершали молитвы и обрядъ преломленія хлѣба, взаимно ободряли себя и утѣшали въ общемъ горѣ и помогали другъ другу. Но католическіе ксендзы зорко слѣдили за подобными собраніями и доносили о нихъ властямъ; тогда социніанъ хватали, сажали въ тюрьмы и предавали казнямъ. Между тѣмъ іезуиты, пользуясь беззащитнымъ положеніемъ сектантовъ, громили ихъ въ проповѣдяхъ и полемическихъ сочиненіяхъ и безнаказанно клеветали на нихъ. Социніане захотѣли еще одинъ, послѣдній разъ сразиться съ своими противниками и въ 1660 г. обратились къ краковскому бискупу за разрѣшеніемъ устроить диспутъ съ католическими богословами. Имъ это было позволено, а одинъ знатный

---

[1]) Volumina Legum, IV, f. 515.

католикъ предоставилъ для диспута свой обширный замокъ. Со стороны католиковъ диспутантами выступили нѣсколько найболѣе извѣстныхъ своею ученостью іезуитовъ, а со стороны социніанъ—одинъ Вишоватый. Диспутъ длился въ теченіе пяти дней. Вишоватый, по словамъ его біографа, съ такою силою и искусствомъ отстаивалъ свои мнѣнія противъ нѣсколькихъ противниковъ, что сами католики, присутствовавшіе на диспутѣ, выразили ему свое сочувствіе, а одинъ изъ споривпіихъ съ нимъ іезуитовъ будто бы выразился, что если бы и всѣ сектантскіе богословы вышли изъ ада, то не могли бы защищать свою вѣру сильнѣе того, какъ защищалъ ее одинъ Вишоватый [1]).

Между тѣмъ предоставленный социніанамъ для устройства ихъ частныхъ дѣлъ трехлѣтній срокъ, по проискамъ іезуитовъ, неожиданно былъ сокращенъ на годъ и 10-е іюля 1660 г. объявлено послѣднимъ днемъ пребыванія ихъ въ Польшѣ. Мѣра эта была расчитана на то, чтобы тѣхъ изъ социніанъ, которые владѣли имѣніями и, слѣдовательно, нуждались въ болѣе продолжительномъ срокѣ для продажи своего имущества и взысканія долговъ, поставить въ особенно затруднительное положеніе и тѣмъ понудить ихъ къ отреченію отъ сектантства. Напрасно социніане протестовали противъ новой несправедливости и нарушенія королевскаго слова: если одни изъ католиковъ сожалѣли о нихъ, то другіе радовались ихъ несчастію—по фанатизму, или изъ расчета воспользоваться добромъ изгнанниковъ. Послѣдовали новыя отреченія отъ секты, оставшіеся же вѣрными ей стали поспѣшно и за безцѣнокъ распродавать свои имущества и готовиться въ далекій и невѣдомый путь. И потянулись одинъ за другимъ несчастные изгнанники изъ своей суровой отчизны искать пріюта въ чужихъ краяхъ: въ Венгріи, Трансильваніи, Силезіи, сѣверной Германіи, Пруссіи, Голландіи и Англіи. На пути имъ приходилось испытывать новыя бѣдствія; такъ, напр., партія, направлявшаяся въ Венгрію, была, по внушеніямъ изъ Польши, совершенно ограблена цесарскими солдатами. Всюду, куда ни появлялись изгнанники, клевета враговъ предшествовала имъ на каждомъ шагу, и потому худо приняли ихъ въ большей части европейскихъ странъ; только въ Венгріи и Тран-

---

[1]) Всѣ эти обстоятельства взяты нами изъ біографіи Вишоватаго, помѣщенной въ сочин. Санда: Bibliotb. Antitrinitariorum.

сильваніи, гдѣ издавна существовали ихъ единовѣрцы, а равно въ Пруссіи и особенно въ Голландіи, игравшей тогда роль современной Швейцаріи, социніане нашли спокойное убѣжище. Въ Амстердамѣ осѣлись преимущественно главные вожди и ученые социніанскіе и прозвали этотъ городъ *мѣстомъ упокоенія*, которое избралъ Богъ для вѣрныхъ своихъ. Съ тѣхъ поръ Амстердамъ, вмѣстѣ съ Клавдіополемъ въ Трансильваніи, становятся главными центрами разсѣянныхъ на чужбинѣ социніанъ.

Изложеніе дальнѣйшей исторіи социніанства выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи и потому мы ограничимся краткимъ указаніемъ на главнѣйшія черты дѣятельности собственно польскихъ изгнанниковъ.

Разсѣянные по разнымъ странамъ Европы, польскіе социніане долгое время стараются поддерживать тѣсную связь и взаимныя сношенія между отдѣльными группами своихъ единовѣрцевъ. Въ этихъ видахъ главные вожди секты постоянно странствуютъ изъ одного мѣста въ другое, устраиваютъ частые съѣзды или соборы, разсылаютъ окружныя посланія, ободряютъ и утѣшаютъ своихъ товарищей по вѣрѣ и несчастіямъ и оказываютъ имъ всякаго рода помощь и защиту. Въ тоже время они стараются сблизиться съ населеніемъ тѣхъ странъ, въ коихъ нашли убѣжище, знакомятся съ его языкомъ и учрежденіями и всѣми мѣрами стараются заручиться расположеніемъ мѣстныхъ правителей на пользу своимъ соотечественникамъ. Оторванные отъ родной почвы и поглощенные заботами о самосохраненіи, они уже не задаются широкими планами новой пропаганды секты и сосредоточиваютъ всѣ лучшія силы свои на единственной, вполнѣ доступной для нихъ, сферѣ дѣятельности—литературной. Дѣйствительно, время изгнанничества социніанъ было періодомъ высшаго процвѣтанія и обогащенія социніанской литературы, на поприщѣ которой въ это время подвизались талантливѣйшіе представители секты, каковы: Андрей Виповатый, Самуилъ Прицковскій, бывшій киселинскій пасторъ Якубъ Гриневичъ-Трембицкій, братья Христофоръ и Станиславъ Любенецкіе и многіе другіе [1]). Центромъ литературно-издательской дѣятельности

---

[1]) Социніанскій библіографъ Сандъ насчитываетъ около 30 именъ ученыхъ: поляковъ, нѣмцевъ, венгерцевъ, англичанъ, голландцевъ и др., подвизавшихся на

ихъ была избрана свободная Голландія, въ которой преимущественно осѣлись ученые вожди секты и въ которой они находили наибольшій просторъ для своей дѣятельности. Характеромъ времени опредѣлялись и главныя задачи тогдашнихъ социніанскихъ писателей. Преимущественное вниманіе ихъ было обращено на разработку исторіи секты, уясненіе ея отношеній къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ и указаніе на ея заслуги для общества и государства польскаго. На ряду съ капитальными изслѣдованіями въ этой области, была предпринята кропотливая работа по собиранію памятниковъ и преданій всей прошлой жизни секты, свѣдѣній о дѣятельности главныхъ учителей ея, пасторовъ и писателей, съ перечнемъ всѣхъ печатныхъ и рукописныхъ ихъ сочиненій, и т. под. Еще бóльшую потребность сознавали социніане въ защитѣ себя отъ того позора, какимъ покрывалъ ихъ фактъ изгнанія изъ отечества, и тѣхъ обвиненій, какимъ подвергались они со стороны своихъ враговъ. Отсюда—преобладаніе въ ихъ тогдашней литературѣ полемическихъ и апологическихъ сочиненій, въ которыхъ социніане стараются оправдать себя какъ сектантовъ и какъ гражданъ, показать всю несправедливость обрушившихся на нихъ преслѣдованій и вызвать участіе къ постигшимъ ихъ несчастіямъ. Часто такая защита выражалась въ формѣ воззваній и писемъ, обращенныхъ къ прежнимъ соотечественникамъ, съ горькими упреками въ забвеніи и нарушеніи ими старинныхъ завѣтовъ польской свободы и вѣротерпимости и съ горячей мольбой подумать о будущей судьбѣ ихъ отечества и не поддаваться внушеніямъ партіи фанатиковъ, которые готовы ввести въ Польшу испанскую инквизицію и австрійскій деспотизмъ, попираютъ ея стародавніе обычаи и законы и тѣмъ ведутъ ее къ вѣрной гибели. Наконецъ, кромѣ историческихъ и

поприщѣ социніанской литературы въ указанный періодъ. Мы поименовали только болѣе извѣстныхъ изъ числа польскихъ социніанъ—изгнанниковъ. Прибавимъ, что многіе изъ нихъ, кромѣ богословскихъ, историческихъ и др. сочиненій, относящихся къ социніанству, оставили послѣ себя замѣчательныя научныя изслѣдованія въ области философіи, права и естествознанія. Таковъ, напр. былъ названный нами Станиславъ Любенецкій, издавшій въ 1667 г. въ Амстердамѣ капитальное изслѣдованіе о кометахъ (Theatrum Cometicum) въ 3-хъ частяхъ и посвятившій его Фридриху III, королю Даніи и Норвегія.

апологическихъ сочиненій, социніане и въ этотъ періодъ не прекращали догматической разработки своей доктрины и издали не мало новыхъ богословскихъ трактатовъ. Эта оживленная литературная дѣятельность ихъ не прекращалась до конца XVII в. и, хотя съ меньшей энергіей, продолжалась даже въ слѣдующемъ столѣтіи. Достойно замѣчанія, что послѣднимъ по времени въ ряду извѣстныхъ намъ социніанскихъ писателей является какой-то Д. *Немиричъ*, по всей вѣроятности потомокъ южнорусскихъ пановъ Немиричей. Въ 1695 г. онъ напечаталъ гдѣ-то въ Германіи книгу на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „La Verité et la Religion en visite chez les theologiens en y cherchant leur filles la Charité et la Toleranse“, въ которой старался доказать, что эти высшія христіанскія добродѣтели преимущественно присущи послѣдователямъ социніанскаго ученія [1]).

Разбросанные небольшими группами по разнымъ мѣстамъ Европы, польскіе социніане, очевидно, не долго сохранили свои національныя особенности и скоро смѣшались съ другими національностями. Объ этомъ можно заключить изъ того, что, напр., въ Голландіи, гдѣ ихъ поселилось особенно много, послѣднее *польское* изданіе Новаго Завѣта было всего лишь въ 1680 г., то есть при жизни еще перваго поколѣнія изгнанниковъ. Долѣе всего сохранили свою національность тѣ изъ польскихъ социніанъ, которые поселились вблизи границъ своего бывшаго отечества. Имѣются любопытныя свѣдѣнія о судьбѣ двухъ социніанскихъ поселковъ: Рутова и Андреасвальде, основанныхъ польскими изгнанниками въ восточной Пруссіи, близъ границъ Польши. Не смотря на постигшія ихъ въ концѣ XVII ст. преслѣдованія, жители этихъ двухъ общинъ удержали свою вѣру и народность до временъ Фридриха II, который въ 1779 г. далъ имъ позволеніе на постройку храма. Но впослѣдствіи эти общины стали постепенно уменьшаться въ своемъ населеніи, пока около 1803 года одна изъ нихъ, Андреасвальде, разошлась совсѣмъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда; въ другой же еще въ 1838 году живы были два послѣдніе моги-

---

[1]) Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce, A. Iochera, t. II, p. 304 и 582.

каны социніанской секты въ Пруссіи, — оба очень старые и оба хорошо сознававшіе свою принадлежность къ польской національности. Остальные ихъ земляки, и въ томъ числѣ родные обоихъ старцевъ, всѣ уже были протестантами [1]).

Что касается дальнѣйшей судьбы социніанства вообще, то изложеніе ея составляетъ предметъ общей исторіи религіозныхъ сектъ въ Европѣ. Для нашей цѣли достаточно указать, что, не смотря на повсемѣстныя преслѣдованія въ XVII и XVIII в., социніанская доктрина отнюдь не подверглась забвенію и тѣмъ паче насильственному истребленію: отчасти она сохранилась въ чистомъ видѣ своемъ до нашихъ дней, отчасти послужила матеріаломъ для выработки новыхъ философскихъ и религіозныхъ системъ и ученій. Въ Европѣ социніанство и до сихъ поръ продолжаетъ свое существованіе въ одномъ религіозномъ обществѣ въ Трансильваніи, члены котораго удержали старинное названіе *унитаріевъ*. Не смотря на свою малочисленность, трансильванскіе унитаріи признаются государственными законами Австріи въ равныхъ правахъ съ другими христіанскими исповѣданіями и имѣютъ своего суперъ-интендента, мѣстопребываніемъ котораго служитъ г. Клаузенбургъ. Кромѣ того въ Америкѣ въ настоящее время насчитывается болѣе полумилліона лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ религіознымъ обществамъ, исповѣдующимъ основныя положенія антитринитаризма. Съ другой стороны, тѣже идеи социніанства, подвергшись дальнѣйшей философской разработкѣ, привели многихъ къ *деизму* и особенно къ *раціонализму* [2]). Наконецъ многія стороны ученія социніанскаго были приняты нѣкоторыми прежними и вновь образовавшимися религіозными сектами, какъ напр. шведенборгіанами, менонитами, а чрезъ нихъ и нашими штундистами.

Въ заключеніе прибавимъ нѣсколько общихъ замѣчаній о предметѣ нашего изслѣдованія. Исторія почти столѣтняго существо-

[1]) Балинскій и Липинскій: Starożytna Polska, т. III, стр. 232.

[2]) Въ Англіи въ прошломъ столѣтіи социніанство пріобрѣло наибольшую силу вмѣстѣ съ распространеніемъ здѣсь деизма; а въ Германіи социніанскія идеи пользовались наибольшею расположенностью среди представителей раціоналистической школы.

ванія социніанской секты въ Польшѣ и югозападной Руси представляетъ съ одной стороны рядъ дѣйствій, запечатлѣнныхъ характеромъ искренняго воодушевленія, смѣлости и несокрушимой энергіи и твердой увѣренности въ правотѣ своего дѣла, а съ другой—рядъ неудачъ и горькихъ разочарованій, упорной борьбы и тяжкихъ преслѣдованій, разрѣшившихся наконецъ страшной катастрофой. Въ основѣ этихъ дѣйствій лежитъ религіозная доктрина, возникшая въ кружкѣ передовыхъ европейскихъ умовъ, боровшихся за права человѣческаго разума въ области вѣры противъ принужденій внѣшняго авторитета. Представляя для своего времени очень смѣлое проявленіе критической мысли въ области религіи, доктрина эта естественно приходится не по плечу для большинства тогдашняго общества и потому находитъ своихъ послѣдователей лишь въ образованныхъ слояхъ его. Въ этой исторіи происхожденія социніанства кроется источникъ его силы и вмѣстѣ слабости, причина его успѣховъ и неудачъ. Сила социніанства заключалась главнымъ образомъ въ его культурномъ вліяніи; въ немъ же и главная заслуга его для современныхъ ему обществъ въ Польшѣ и южной Руси. Социніанство выступало всегда съ характеромъ просвѣтительнаго движенія, въ союзѣ съ наукой и образованіемъ, и лучшими средствами пропаганды считало устройство школъ, заведеніе типографій и литературную дѣятельность; эта черта не осталась незамѣченной со стороны лучшихъ людей того времени, хотя и принадлежавшихъ къ другимъ исповѣданіямъ, въ родѣ напр. Константина Острожскаго, Романа Гойскаго и другихъ, и справедливо вызывала ихъ симпатіи къ социніанской сектѣ. Далѣе, социніанство громко провозглашало принципы свободы мнѣній, вѣротерпимости и уваженія къ чужимъ убѣжденіямъ и всегда горячо протестовало противъ религіозной нетерпимости и исключительности католиковъ и отчасти самихъ протестантовъ. Наконецъ оно являлось проповѣдникомъ высшихъ началъ гуманности, когда внушало своимъ послѣдователямъ отвращеніе къ войнѣ и отвергало безусловно право смертной казни. Но, при всей симпатичности многихъ сторонъ своего ученія и дѣятельности, социніанство имѣло и много важныхъ недостатковъ, больше всего препятствовавшихъ его успѣхамъ. Возникшее первоначально изъ критики римской системы вѣроученія, социніанство вынуждено было сосредо-

точиться преимущественно на разработкѣ догматической стороны своего ученія, вслѣдствіе чего въ немъ всегда преобладала нѣкоторая теоретичность и отвлеченно-философскій элементъ; что же касается элемента нравственнаго, безъ котораго всякая религія перестаетъ быть религіей, а становится философской теоріей или системой, то онъ вообще былъ слабо разработанъ въ социніанскомъ вѣроученіи, что лишало его надлежащей жизненности. Многія нравственныя положенія, имѣвшія ближайшее отношеніе къ практическимъ вопросамъ жизни и логически вытекавшія изъ цѣлой системы социніанскаго вѣроученія, не были развиты до конца, какъ кажется, по недостатку необходимой доли смѣлости; для примѣра укажемъ на то, какъ социніане старательно обходили молчаніемъ поднятый было въ ихъ средѣ вопросъ о тогдашнемъ соціальномъ неравенствѣ и правѣ имѣть крестьянъ, логическое рѣшеніе котораго устрашило ихъ богослововъ, тогда какъ, будь это рѣшеніе громко провозглашено, секта несомнѣнно привлекла-бы къ себѣ взоры и симпатіи милліоновъ рабовъ, стонавшихъ тогда подъ тяжестью помѣщичьяго и арендаторскаго произвола. Но въ томъ именно и заключался главный и коренной недостатокъ социніанства, что оно почти совсѣмъ игнорировало народныя массы и, за малыми исключеніями, всегда и вездѣ оставалось преимущественно дворянской религіей. Въ особенности это должно сказать о южнорусскихъ социніанахъ, контингентъ которыхъ почти исключительно состоялъ изъ шляхтичей, по большей части не употреблявшихъ даже языка своего народа. Если первые послѣдователи социніанской секты въ южной и западной Руси заботились еще объ изданіи для простаго народа сектантскихъ книгъ (Будный) и даже о переводѣ на народный языкъ Новаго Завѣта (Негалевскій), то слѣдовавшее за ними поколѣніе, воспитанное въ польско-латинскихъ социніанскихъ школахъ, вполнѣ является носителемъ польской цивилизаціи и даже гнушается рѣчью своего народа. Мы не знаемъ, на какомъ языкѣ слушали социніанскую проповѣдь и богослуженіе киселинскіе мѣщане и крестьяне Юрія Чаплича, совращенные имъ въ секту, но то достовѣрно извѣстно, что знаменитый Юрій Немиричъ бо́льшую часть своихъ сочиненій и въ томъ числѣ молитвы и гимны, вѣроятно употреблявшіяся при богослуженіи въ украинскихъ социніанскихъ общинахъ, писалъ на *польскомъ* языкѣ, а не на южнорусскомъ, какъ

можно было-бы ожидать отъ украинскаго патрона секты. Въ этой оторванности социніанства отъ народной массы, въ этомъ пренебреженіи къ ея интересамъ заключалась причина безпочвенности социніанской секты, при которой она всегда могла подвергнуться гибели. Можно-ли удивляться тому, что южнорусскій народъ, во время возстанія при Хмельницкомъ, не различалъ социніанъ отъ ихъ враговъ—католиковъ и наравнѣ съ послѣдними предавалъ ихъ истребленію? Протестантскія общины въ южной и западной Руси, по видимому, были устроены прочнѣе социніанскихъ, а между тѣмъ и онѣ народнымъ движеніемъ были сметены съ лица земли, подобно социніанскимъ, ибо не имѣли корней въ народной почвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что катастрофа, постигшая польскихъ социніанъ въ 1658 году, была-бы не возможна, еслибы они ближе стояли къ народной жизни и не гнушались ея интересами. А то, при своей безпочвенности, польское социніанство (пользуемся евангельскимъ сравненіемъ) было подобно красивому зданію, построенному на пескѣ. Начались дожди, и потекли воды, и унесли зданіе въ море на жертву бурямъ и непогодамъ, и не осталось слѣда тамъ, гдѣ еще такъ недавно оно горделиво высило свою главу. Такъ и должно было случиться: ибо только то и долговѣчно въ исторіи, что созидается на основѣ народныхъ интересовъ.

Орестъ Левицкій.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Іюня 14. Было много причинъ неустройства въ нашемъ войскѣ, но главнымъ поводомъ къ нему служило отсутствіе твердости и постоянства въ рѣшеніяхъ военнаго совѣта; если на одномъ совѣтѣ было порѣшено что-либо существенное, то при первой перемѣнѣ вѣтра, или вслѣдствіе полученія новаго извѣстія, хотя-бы и недостовѣрнаго, немедленно прежнія распоряженія общаго совѣта отмѣнялись и слѣдовали новые приказы, внушаемые частнымъ вліяніемъ немногихъ лицъ, что производило всеобщее смятеніе. Безпорядокъ въ войскѣ происходилъ отъ того, что тутъ господствовало страшное смѣшеніе различныхъ вѣдомствъ, чего предъ тѣмъ никогда не бывало. При прежнихъ короляхъ, когда они являлись въ лагерь, верховная власть оставалась за ними, но гетманы и другіе военные начальники сохраняли вполнѣ свою власть въ подлежащихъ имъ вѣдомствахъ; каждый изъ нихъ исполнялъ свои обязанности и потому въ общемъ господствовалъ порядокъ. Теперь-же король, по собственному-ли почину, или, быть можетъ, подчиняясь внушеніямъ иностранцевъ (которые желали присвоить себѣ власть, съиздавна принадлежавшую установленнымъ должностнымъ лицамъ), сталъ пренебрегать постоянныхъ военныхъ чиновниковъ и то, что относилось къ ихъ должностямъ, поручать постороннимъ лицамъ: гетманы, обозный, стражникъ и другіе начальники были лишены возможности ис-

---

*) См. январь, 126—151 стр. февраль, 366—386 стр. и май 257—275 стр. „К. Ст."

полнять свои обязанности; король сосредоточилъ таковыя въ своихъ рукахъ, или поручалъ ихъ отправленіе лицамъ, не имѣвшимъ на то никакого права; дѣйствительные-же начальники, видя, что ихъ устраняютъ и пренебрегаютъ, вовсе не заботились объ обязанностяхъ, относящихся къ ихъ должностямъ, и такимъ образомъ дѣла оставались безъ движенія, ибо никто не заботился о томъ, во что всякій вмѣшивался. Вслѣдствіе этого въ войскѣ господствовала страшная неурядица: планы военныхъ дѣйствій мѣнялись чуть не черезъ каждый часъ, люди опытные въ военномъ дѣлѣ пребывали въ большомъ смущеніи; никто не старался о томъ, чтобы освѣдомляться о замыслахъ и движеніяхъ непріятелей; каждый, полагаясь на другихъ, не заботился о посылкѣ лазутчиковъ, и извѣстія добывались исключительно отъ „языковъ", для поимки которыхъ войско должно было постоянно нести лишній трудъ, между тѣмъ изъ ихъ показаній никогда не было возможности добиться истины. Отсутствіе точныхъ свѣдѣній было главною причиною частой перемѣны плановъ. Случалось, плѣнникъ скажетъ, что Хмельницкій двигается на насъ, и мы сейчасъ опускали носы и рѣшали ожидать его и защищаться на мѣстѣ; но проходило дня два, Хмельницкій не появлялся, а новый языкъ сообщалъ противуположное первому извѣстіе, и мы немедленно предавались радости и возгорялись охотою идти ему на встрѣчу. Это повторялось нѣсколько разъ и случилось опять въ означенный день. Хмельницкій не подходилъ, и мы, основываясь исключительно на невѣрныхъ показаніяхъ языковъ (семъ единственномъ основаніи нашихъ плановъ, такъ какъ мы скупились на посылку лазутчиковъ, отъ которыхъ могли-бы получать точныя свѣдѣнія о врагѣ), воспылали желаніемъ идти къ нему на встрѣчу; но не могли рѣшить двухъ вопросовъ: куда идти? и въ какомъ порядкѣ? Относительно перваго вопроса высказаны были различныя мнѣнія. Одни совѣтовали идти къ Берестечку, утверждая, что непріятель, расположившись у Вишневца, ясно имѣетъ намѣреніе двинуться на наше войско, а не въ иную сторону; толковали, что онъ не можетъ миновать Берестечка, потому слѣдуетъ овладѣть раньше его прихода переправами; къ тому-же указывали, что въ окрестности Берестечка находятся обширныя поля, удобныя для сраженія и обильныя кормомъ для лошадей, рѣка-же Стырь составитъ безопасное прикрытіе для войска; если-же Хмельницкій намѣренъ отступать въ Украину, какъ о томъ ходили слухи, то изъ-подъ Берестечка легче будетъ

перерѣзать ему путь къ Кіеву. Другіе, основываясь на показаніяхъ языковъ, что непріятель собралъ будто исключительно конницу, предполагали, что онъ желаетъ насъ заманить за переправы и затѣмъ, бросивъ наше войско, быстро двинется къ Кракову; потому совѣтовали передвинуть войско къ Глинянамъ, гдѣ удобнѣе было-бы пользоваться фуражемъ для войска и гдѣ много еще неистребленныхъ пастбищъ для лошадей. Отъ Глинянъ, думали, легко преградить врагу путь къ Кракову, а въ случаѣ, еслибы онъ не предпринялъ этого похода, также удобно пойти ему на встрѣчу, какъ и изъ Берестечка. Многіе держались того мнѣнія, чтобы вовсе не трогаться съ мѣста и ожидать появленія врага у Сокаля, усиливаясь постояннымъ приходомъ отрядовъ поголовнаго ополченія. Основою такого мнѣнія служитъ то, что многіе, сознавая неспособность въ военномъ дѣлѣ короля и гетмановъ, значительное численное превосходство врага и медлительность поголовнаго ополченія, опасались, чтобы во время перехода, вслѣдствіе неурядицы, войско не потерпѣло погрома отъ враговъ. Наконецъ взяло верхъ мнѣніе тѣхъ лицъ, которыя совѣтовали двинуться къ Берестечку, но немедленно явился новый спорный вопросъ относительно самаго способа передвиженія. Одни обращали вниманіе на то, что огромное количество возовъ, сопровождающее обыкновенно польскія арміи, служитъ страшнымъ препятствіемъ на каждой переправѣ и тормозитъ всякое предпріятіе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда успѣхъ зависитъ отъ быстроты движенія; потому они совѣтовали двинуться лишь на-легкѣ, съ одною конницею, оставивъ въ укрѣпленномъ лагерѣ пѣхоту, всѣ возы, багажи и слугъ, подъ охраною небольшаго отряда наемной конницы и поручивъ начальство надъ лагеремъ какому нибудь знатному лицу. Другіе возражали, что слѣдуетъ или вовсе не трогаться съ мѣста, или, если предпринимать походъ, то не иначе какъ со всѣмъ обозомъ и слугами, не раздѣляя войска на части: эти указывали, что многіе *товарищи* не имѣютъ средствъ держать столько челяди, чтобы часть ея взять съ собою въ качествѣ рядовыхъ солдатъ, другую-же часть оставить въ лагерѣ въ качествѣ слугъ; они заявляли при томъ, что никакой начальникъ не будетъ въ состояніи управиться съ такимъ огромнымъ количествомъ прислуги, съ которою очень часто не знаютъ, какъ сладить, ея собственные господа, и что слѣдуетъ сильно опасаться, чтобы челядь, послѣ ухода господъ, не подняла бунта и не разграбила возовъ и по-

житковъ, что неоднократно уже случалось и бывало поводомъ большихъ пораженій войска. Вслѣдствіе упорства короля, перевѣсъ остался на сторонѣ мнѣнія Стефана Чарнецкаго, поручика хоругви великаго короннаго гетмана: рѣшено было идти подъ Берестечко съ одною конницею, всею массою вмѣстѣ, возы-же и обозъ должны были отправляться туда-же отдѣльно, тремя различными дорогами для избѣжанія трудностей при переправахъ. Рѣшеніе это опубликовано было послѣ обѣда при звукѣ трубъ; но оно подало поводъ въ войскѣ для различныхъ пререканій и ропота: всѣ возмущались безъурядицею, неопредѣленностью и непостоянствомъ распоряженій, особенно-же тѣмъ, что рѣшенія военнаго совѣта перемѣнялись вслѣдствіе частныхъ внушеній. Слыша всеобщій ропотъ, писарь польный коронный (Пржыемскій), который также не ожидалъ добра отъ непостоянства, измѣнчивости и несогласій, устроилъ частное совѣщаніе, въ которомъ принимали участіе мы всѣ, его близкіе друзья, и отправился къ королю. Благодаря своему вліянію на короля, онъ, послѣ долгаго разговора, высказавъ всѣ наши доказательства, успѣлъ къ вечеру побороть королевское упрямство: рѣшено было, что все войско съ обозомъ и возами двинется вмѣстѣ, не раздѣляясь на части. Но тутъ возникло новое затрудненіе: войско распредѣлено было на три дивизіи, по иностранному образцу (въ голландскомъ войскѣ это называется бригадами) и порядокъ, въ которомъ онѣ должны были двигаться, былъ изображенъ на чертежахъ, составленныхъ въ частномъ совѣщаніи у короля и потомъ планы эти розданы были гетманамъ, полковникамъ и другимъ начальникамъ, мало ознакомленнымъ съ иностранными порядками. Новизна эта вызвала въ войскѣ ропотъ; я лично слышалъ, какъ кастелянъ краковскій (великій гетманъ Николай Потоцкій) заявлялъ, что, среди такого замѣшательства и неурядицы, онъ откажется отъ гетманства; когда-же его стали уговаривать,— онъ воскликнулъ: „оставьте меня въ покоѣ, не то — я проколю себя ножемъ“. Въ дѣйствительности это нововведеніе было не дурно, и я лично наблюдалъ его пользу и удобство въ голландскомъ войскѣ, но нужно было ввести его въ практику раньше или, по крайней мѣрѣ, предложить для обсужденія и предварительнаго изученія; теперь-же, въ самый моментъ выступленія, напрасно было вводить новый, никогда прежде не виданный и среди поспѣшности малопонятный порядокъ; несвоевременность

его введенія могла вызвать лишь полное замѣшательство, которое дѣйствительно и произошло.

Такъ какъ поголовное ополченіе дворянъ изъ нѣсколькихъ воеводствъ уже прибыло и расположилось за рѣкою, то король, желая, чтобы ополченцы приняли участіе въ походѣ войска, послалъ пригласить ихъ въ путь; но они на отрѣзъ отказались, утверждая, что будутъ ждать прихода ополченій другихъ воеводствъ и только вмѣстѣ съ ними отправятся на службу Рѣчи Посполитой. Между тѣмъ хорунжій коронный (Александръ Конецпольскій), для обезпеченія похода, двинулся съ своимъ отрядомъ опять подъ Берестечко, чтобы занять переправы; король же вновь раздѣлилъ все войско на десять полковъ, нѣсколько видоизмѣнивъ прежнее распредѣленіе, исчисленное при описаніи смотра.

Слѣдуетъ подробный перечень хоругвей конницы и пѣхоты, съ указаніемъ ихъ новаго распредѣленія на 10 полковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ самаго короля, гетмана великаго короннаго Николая Потоцкаго, гетмана польнаго короннаго Мартына Калиновскаго, воеводы брестскаго Симеона Щавинскаго, воеводы русскаго князя Іеремія Вишневецкаго, воеводы подольскаго Станислава Потоцкаго, воеводы браславскаго Станислава Ляцкоронскаго, маршала великаго короннаго Юрія Любомирскаго, подканцлера литовскаго Льва Сапѣги и хорунжія короннаго Александра Конецпольскаго.

15 іюня. Утро дня, назначеннаго для похода, было покрыто густымъ туманомъ; выступили сначала обозы, а потомъ, поручаясь Божьему Промыслу, и все войско. Движеніе началось среди страшнаго замѣшательства; вышеупомянутые чертежи, опредѣлявшіе порядокъ движенія, не были вовсе примѣнены къ дѣлу, и многочисленные возы смѣшались и спутались до того, что на встрѣченныхъ переправахъ приходилось добиваться очереди съ бою. Смятеніе продолжалось въ теченіи цѣлаго дня. Вечеромъ король расположился на ночлегъ на мѣстѣ заранѣе опредѣленномъ, въ одной мили отъ бывшаго лагеря, у села Тартакова, принадлежащаго Николаю Ржечицкому; но многіе отряды войска, по причинѣ безъурядицы, сбились съ пути, забрели въ непроходимыя болота и остановились на ночлегъ въ трехъ различныхъ мѣстностяхъ въ такомъ безпорядкѣ, что если бы непріятель подступилъ, то одни не были бы въ состояніи оказывать помощи другимъ.

Въ теченіи этого дня возвратился изъ лагеря Хмельницкаго Маркъ, драгоманъ маршала короннаго. По его сообщенію, во вторникъ, когда онъ уѣзжалъ изъ козацкаго табора, ханъ еще не соединился съ Хмельницкимъ, и пришло только извѣстіе о томъ,

что орда находится у Паволочи; въ козацкомъ войскѣ число пѣхоты не превышало 90,000, а число конницы 20,000, татаръ въ лагерѣ только 7,000; когда пришло къ нимъ извѣстіе, что войско наше направилось противъ нихъ налегкѣ, то въ таборѣ распространилась тревога. Разсказывалъ онъ и многое другое, что успѣлъ узнать за время своего пребыванія въ козацкомъ лагерѣ. Отъ хорунжія короннаго прислано сообщеніе, что возставшіе волынскіе крестьяне, составивши отрядъ въ 20,000 человѣкъ, осадили городъ и замокъ Олыку, принадлежащіе канцлеру литовскому, князю Станиславу Радзивиллу.

16 іюня. Обозъ двинулся въ такомъ-же безпорядкѣ, какъ и вчерашняго дня; за нимъ послѣдовало войско. Въ одной мили отъ ночлега случилась весьма затруднительная переправа, которую мы прошли среди пререканій и споровъ, во время которыхъ нѣсколько человѣкъ было ранено. Затѣмъ, переправившись черезъ плотину въ селѣ Кнѣжѣ, мы расположились лагеремъ у села Фузовой, имѣніи пана Цетнера. Здѣсь соединились съ нами тѣ части войска, которыя отдѣлились отъ насъ наканунѣ.

17 іюня. Обозъ сталъ переправляться черезъ болото, прилегавшее непосредственно къ мѣсту ночлега. Между тѣмъ король выдвинулъ все войско на открытое, пространное поле, желая на опытѣ испробовать боевой строй, планъ котораго былъ начерченъ на бумагѣ, и сталъ размѣщать отряды пѣхоты и конницы сообразно съ планомъ. Установка эта, впрочемъ, сопряжена была съ нѣкоторымъ безпорядкомъ и происходила весьма медленно; на нее потрачена была большая половина дня и все таки планъ не могъ быть выполненъ, такъ какъ часть войска, бывшая подъ начальствомъ хорунжія короннаго, ушла подъ Берестечко. Все войско въ строю распредѣлялось на три части; въ каждой части находилось 18 эскадроновъ, каждый эскадронъ заключалъ въ себѣ нѣсколько (иногда до 20) хоругвей. На видъ войско было громадно: фронтъ его занималъ болѣе полумили, но въ глубь строй былъ не густой и не особенно исправный, такъ что въ этомъ отношеніи планъ слѣдовало видоизмѣнить. Свидѣтелемъ этого смотра былъ татаринъ, пріѣхавшій для свиданія съ мурзою, о которомъ выше я упоминалъ; онъ внимательно все разсматривалъ. Многіе считали излишнимъ его присутствіе, полагая, что не слѣдуетъ обнаруживать передъ врагомъ своей неопытности и неумѣлости, но придворные льстецы находили, что все происходитъ прекрасно: солдаты были однако иного мнѣнія о ходѣ смотра и думали, что

напрасно утомляютъ людей и лошадей, передвигая безпрестанно хоругви съ мѣста на мѣсто среди весьма знойнаго дня. Затѣмъ мы остановились на ночлегъ между селами Брамою и Долгомъ. Но едва мы расположились, какъ около восьми часовъ вечера случилась сильная тревога: слуги, находившіеся съ лошадьми въ полѣ, поссорились между собою; услышавъ шумъ и увидавъ сверканіе сабель, челядь, находившаяся въ полѣ, засуетилась и сообщила смятеніе солдатамъ, бывшимъ въ лагерѣ; полагая, что уже наступаютъ враги, все войско бросилось къ оружію и хоругви выбѣжали опрометью на лагерную площадь. Хорунжій надворной королевской хоругви, войскій люблинскій—Михаловскій разбудилъ короля и встревожилъ его, чуть не присягая, что видѣлъ врага собственными глазами. Король приказалъ трубачу трубить тревогу и самъ, обнаживъ саблю, сталъ у входа въ свою палатку. Въ этомъ происшествіи обнаружилась исправность нашего войска и готовность его, въ случаѣ настоятельной необходимости, быстро стать въ боевой порядокъ; почти въ одно мгновеніе и пѣхота, и конница выстроились на площади. Но въ тоже время обнаружилась неумѣлость и нерадѣніе вождей, особенно-же самаго короля: онъ потревожилъ все войско сигналомъ, довѣривъ рапорту лица, не имѣвшаго вовсе опытности въ военномъ дѣлѣ, болѣе, чѣмъ увѣреніямъ войсковаго стражника, который подъ присягою ручался, что извѣстіе ложно, такъ какъ онъ расположилъ кругомъ лагеря исправно стражу и отъ нея не получалъ никакихъ тревожныхъ вѣстей. Не менѣе важная ошибка состояла въ томъ, что король вмѣсто того, чтобы похвалить исправность хоругвей, явившихся къ нему въ порядкѣ по первому сигналу, сталъ неприлично ругать всѣхъ, произнося королевскими устами площадныя слова и матерную брань, что многихъ сильно скандализировало. Когда польный гетманъ (Калиновскій) и русскій воевода (кн. Вишневецкій) стали порицать сигналъ, поданный на тревогу, утверждая, что къ средству этому должно прибѣгать лишь въ крайнемъ случаѣ, при очевидной и несомнѣнной опасности (хотя и въ такихъ случаяхъ хорошіе вожди, не желая смущать войска, предпочитаютъ собирать его другими средствами), и требовали, чтобы трубачъ былъ казненъ смертью, король отвѣтилъ: „простите его, онъ не виноватъ: я самъ далъ ему приказъ трубить". Всѣ замолчали, но происшествіе это породило въ войскѣ толки о легкомысліи и малодушіи короля. Въ это время хорунжій коронный прислалъ рапортъ отъ Суходольскаго, начальника части отряда краковскаго

воеводы, князя Доминика Заславскаго. Суходольскій стоялъ въ лагерѣ у Дубна и наблюдалъ за движеніями непріятелей; онъ извѣстилъ, что нѣсколько тысячъ козаковъ возвращаются съ добычею изъ Волыни и просилъ прислать ему подкрѣпленіе для того, чтобы онъ могъ на нихъ ударить.

Іюня 18. Мы прошли мѣстность гористую и весьма неудобную и остановились на ночлегъ у села Немировки. Ночью лагерь оберегался усиленною стражею: въ самомъ лагерѣ ее отправляло десять хоругвей подъ начальствомъ подольскаго воеводы, а въ полѣ 18 другихъ хоругвей. Распоряженіе это послѣдовало по двумъ причинамъ: первая состояла въ томъ, что король, желая знать, о чемъ ведутъ разговоры между собою плѣнный мурза и пріѣхавшій навѣстить его татаринъ, который присутствовалъ при производствѣ смотра, приказалъ найти товарища, знающаго хорошо татарскій языкъ и, переодѣвши его въ мундиръ солдата королевской стражи, отправилъ въ качествѣ часового, который обыкновенно сторожилъ мурзу въ палаткѣ. Товарищъ сталъ курить табакъ и играть въ карты съ другими солдатами и притворился, что не обращаетъ никакого вниманія на плѣнника. Татаре, видя, что всѣ солдаты одѣты въ нѣмецкое платье, говорили совершенно свободно, безъ всякой предосторожности: они разсказывали о безпорядкѣ, господствующемъ въ нашемъ войскѣ, какъ во время похода, такъ и въ лагерѣ, о медлительности и неумѣніи располагать войско въ боевой строй и о непостоянствѣ нашего военнаго совѣта, хвалили исправность козаковъ и заявляли о готовности ихъ ударить на наше войско во время похода или на ночлегѣ, смотря по обстоятельствамъ. Всѣ ихъ разговоры товарищъ внимательно выслушалъ и сообщилъ. Другая причина усиленныхъ предосторожностей состояла въ показаніяхъ нѣкоего перебѣжчика, явившагося къ намъ изъ козацкаго лагеря; онъ утверждалъ также, что козаки готовятся напасть на насъ, или ночью на стоянкѣ, или во время похода на любой переправѣ. Оба показанія были тождественны, потому рѣшено было съ того времени ограждать лагерь усиленною стражею, дабы войско не подвергалось опасности отъ нерадѣнія. Такъ какъ хорунжій коронный (Конецпольскій) ушелъ впередъ съ слишкомъ слабымъ отрядомъ, то для усиленія его былъ отправленъ ротмистръ Янъ Соколъ съ отрядомъ въ 1200 человѣкъ.

Іюня 19. Пройдя одну милю съ половиною и встрѣтивъ на пути нѣсколько весьма трудныхъ переправъ, мы расположи-

лись лагеремъ между мѣстечками Струмильцемъ и Берестечкомъ, на берегу рѣки Стыри, окаймленной по обѣ стороны широкими полосами болотъ. Здѣсь мы простояли нѣсколько дней, ожидая прихода поголовнаго ополченія дворянъ, которые на силу собирались, а также устройства переправы у Берестечка, которую король приказалъ изготовить какъ можно поспѣшнѣе.

Того-же дня прислано было извѣстіе отъ короннаго хорунжія. Получивъ подкрѣпленіе, онъ хотѣлъ совершить подвигъ для пользы Рѣчи Посполитой и снискать себѣ славу; взявъ отрядъ въ 3,500 человѣкъ, онъ направился къ Дубну, желая соединиться съ Суходольскимъ и аттаковать козаковъ, возвращавшихся съ добычею. Но, прибывъ того-же дня въ Дубно, онъ получилъ точное извѣстіе, что козаки, возвращавшіеся съ добычею изъ Олыки, направились не прямо въ лагерь Хмельницкаго, но, опасаясь встрѣчи съ нашимъ войскомъ, вмѣсто Дубна пошли къ Острогу. Хорунжій сообразилъ, что догнать ихъ невозможно, ибо они тронулись съ мѣста еще въ минувшій четвергъ, и потому, не желая напрасно утомлять войска, воздержался отъ этого предпріятія. Замѣтивъ однако, что козаки изъ лагеря Хмельницкаго постоянно снуютъ въ той мѣстности небольшими отрядами, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, собирая провіантъ по селамъ, онъ отправилъ на слѣдующій день своего ротмистра, Ѳому Стржалковскаго, съ отрядомъ въ 400 человѣкъ для ихъ истребленія. Стржалковскій въ тотъ же день наткнулся въ трехъ миляхъ отъ Дубна, въ дубенской-же волости, на небольшой таборъ, въ которомъ находилось нѣсколько сотъ козаковъ. Не смотря на храбрую защиту, онъ изрубилъ ихъ, другихъ прогналъ и, захвативъ десятка два въ плѣнъ, возвратился назадъ.

Въ тотъ-же день разъѣздъ нашъ, встрѣтивши татаръ у Почаева, былъ разгромленъ и возвратился съ извѣстіемъ или, правильнѣе, съ предположеніемъ, что ханъ уже соединился съ Хмельницкимъ, ибо татары стали отправляться въ разъѣзды, чего прежде не осмѣливались дѣлать по причинѣ своей малочисленности.

Іюня 20. Карлъ Корніактъ привелъ въ лагерь хорошую козацкую хоругвь, нанятую на его счетъ.

Пріѣхали монахи изъ почаевскаго монастыря, извѣстные измѣнники и ненавистники *ляховъ* [1]). Они просили короля дать

---

[1]) Слово это употреблено въ подлинникѣ.

имъ охранный универсалъ для безопасности отъ нашихъ солдатъ. Просьба эта вызвала толки и предположенія (о которыхъ и раньше носились слухи), будто козаки рѣшились отступить въ Украину, почему монахи и опасаются раздраженія нашего войска; другіе-же утверждали, что поступокъ монаховъ задуманъ измѣннически и предпринятъ исключительно съ тою цѣлью, чтобы увѣрить насъ въ мнимомъ отступленіи козаковъ. Вслѣдъ затѣмъ явились мѣщане изъ Вишневца съ такою-же просьбою. Они утверждали, что у нихъ въ мельницахъ ежедневно бываютъ козаки и что изъ словъ ихъ они увѣрились, что Хмельницкій рѣшилъ окончательно отступить къ Константинову или къ Маначину, объяснивъ черни, что этого требуютъ отъ него татаре, желающіе занять позицію на мѣстѣ открытомъ, болѣе удобномъ для битвы, что въ той мѣстности находятся необозримыя равнины, между тѣмъ какъ настоящая ихъ стоянка находится въ мѣстности неудобной и тѣсной. Мѣщане эти обѣщали, если имъ будетъ выданъ охранный универсалъ, черезъ каждые три дня сообщать извѣстія о движеніяхъ непріятеля.

Іюня 21. Для того, чтобы получить точныя свѣдѣнія о замыслахъ непріятеля, отправленъ былъ Середа, ротмистръ хоругви сандецкаго старосты, храбрый юнакъ, съ отрядомъ въ 700 человѣкъ; ему было поручено придвинуться къ лагерю враговъ и постараться добыть языка. Несомнѣнно, что точное извѣстіе гораздо удобнѣе было-бы получить черезъ лазутчика, не утруждая напрасно людей; языкъ можетъ быть захваченъ только изъ непріятельскаго разъѣзда или изъ числа стражи, оберегающей пасущихся лошадей; трудно ожидать, чтобы онъ могъ знать что-либо о намѣреніяхъ своихъ вождей; между тѣмъ хорошій лазутчикъ можетъ всегда проникнуть въ лагерь, придумавъ вымышленную для себя роль; онъ можетъ присутствовать на сходкахъ и совѣщаніяхъ, многое видѣть, слышать, распросить и доставить гораздо болѣе обстоятельныя извѣстія.

Іюня 22. Въ лагерь пришли двѣ хоругви старосты войницкаго Оссолинскаго: одна козацкая, другая вооруженная на иностранный ладъ. Въ тотъ-же день иностранные отряды нашего войска переправились у города на ту сторону Стыри и заняли мѣсто, предназначенное для лагеря. Вечеромъ того-же дня войсковой судья, гетманскій поручикъ, Стефанъ Чарнецкій отправился въ разъѣздъ съ отрядомъ въ 1000 рейтаръ, 500 драгунъ и 10 козацкихъ хоругвей; онъ имѣлъ въ виду приблизиться къ ла-

герю враговъ, стараться освѣдомиться о ихъ намѣреніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ попытаться перехватить второй козацкій отрядъ, возвращавшійся изъ-подъ Олыки, о движеніи котораго сообщили языки. Многіе полагали, что главное побужденіе къ посылкѣ этого разъѣзда состояло въ томъ, чтобы посрамить хорунжія коронннаго, предпринявшаго было съ значительными силами разъѣздъ къ Дубну и возвратившагося безъ всякаго успѣха. Дай Господи, чтобы Чарнецкій былъ болѣе счастливъ.

Іюня 23. Польскіе отряды войска стали переправляться черезъ Стырь; но такъ какъ переправы устроены были плохо, то успѣла переправиться только половина отрядовъ. Пока возы переходили черезъ рѣку у города и занимали мѣста въ лагерѣ, конница и пѣхота выстроились въ полѣ, гдѣ король, не желая терять времени, располагалъ ихъ въ боевой строй по новому плану, придуманному Гофвальдомъ. Разстановка эта происходила весьма медленно и безпорядочно; лошади и люди были страшно изморены, какъ отъ палящей жары, такъ и отъ постояннаго передвиженія съ мѣста на мѣсто, и цѣль не была достигнута, ибо половина войска оставалась на той сторонѣ рѣки, и притомъ многіе отряды находились въ разъѣздахъ. Не выполнивъ плана, войско возвратилось въ лагерь. Мы расположились на ночлегъ въ безпорядкѣ, въ разсыпную; еслибы непріятель подступилъ въ то время съ сколько нибудь значительными силами, то могъ-бы причинить намъ значительный уронъ; онъ могъ-бы привести въ замѣшательство любую половину нашей арміи, раздѣленной на двѣ части русломъ рѣки.

Вечеромъ приведенъ былъ языкъ, захваченный въ Кременцѣ; онъ утверждалъ, что Хмельницкій намѣренъ двинуться въ Збаражъ, а оттуда въ Ожіевцы. Такое-же извѣстіе сообщилъ калауэъ (конвойный, проводникъ) брацлавскаго воеводы; онъ заявилъ притомъ, что Хмельницкій потерялъ всякую надежду на приходъ хана; послѣдній будто проникъ было уже на довольно значительное разстояніе, но, узнавъ на пути, что калмыки собрались напасть на Крымъ, разорилъ всю Украину и повернулъ назадъ. Извѣстія эти подтверждали разсказы почаевскихъ монаховъ и мѣщанъ изъ Вишневца; но вскорѣ обнаружилось, что всѣ эти вѣсти были измышлены измѣннически съ разсчетомъ на то, чтобы вызвать у насъ безпечность. Въ тотъ-же день плѣннаго мурзу отправили въ Сокаль, а оттуда приказано было препроводить его въ Варшаву. Дворянскія ополченія стали прибывать къ арміи и располагались

на взгорьяхъ по ту сторону рѣки, въ ожиданіи, пока переправится регулярное войско. Въ тотъ-же день получено было письмо отъ подкоморія мстиславскаго, подвоеводы смоленскаго, писанное изъ Смоленска 20 іюня, объ опасности, угрожающей Литвѣ, и о вторженіи въ нее козаковъ черезъ предѣлы великаго княжества московскаго, вѣроятно съ разрѣшенія московскаго правительства. Вотъ текстъ этого письма:

„Нападеніе на Рославль, о которомъ я васъ извѣщалъ, привело къ тому, что сволочь эта заняла Рославль безъ борьбы и безъ кровопролитія, ибо находившіеся тамъ въ весьма незначительномъ количествѣ шляхтичи, а также и подстароста бѣжали изъ Рославля. Подстароста явился сюда очень посрамленный и со слезами повѣствовалъ о своемъ бѣдствіи; въ сущности винить его нельзя, ибо если бы онъ и остался на посту, то, съ помощью десятка лишь дворянъ, не могъ бы оказать сопротивленія. Прошу вашу милость доложить объ этомъ королю и вѣрить истинѣ этихъ словъ. Рославль занятъ врагами 16 іюня, ночью съ четверга на пятницу. Непріятельскій отрядъ состоитъ изъ 7,000 человѣкъ, при нихъ семь пушекъ. Всѣ они имѣютъ прекрасныхъ лошадей и сами одѣты въ бѣлыя свитки. Они прошли черезъ московскіе предѣлы и въ Брянскѣ приводили въ порядокъ свои сотни и окончательно снаряжались. Первое извѣстіе объ нихъ получено было, когда они отправили впередъ разъѣзды для собиранія провіанта. Мосты для переправъ въ московской землѣ они сами себѣ строили съ царскаго разрѣшенія. Какъ я уже писалъ о томъ вашей милости, они получили царскую грамоту къ пограничнымъ воеводамъ, разрѣшавшую пропустить ихъ еще на русскаго Николая (9 мая); но Брянскій воевода задержалъ ихъ и послалъ просить вновь царскаго распоряженія, такъ какъ наши послы находились въ то время въ столицѣ. Приказано было задержать козаковъ впредь до выѣзда пословъ, а послѣ ихъ отпуска (они уже возвратились въ Смоленскъ) пропустить. Изъ Брянска возвратился посланный туда лазутчикъ. Онъ посѣщалъ бояръ, живущихъ въ окрестности Брянска, особенно-же Леонтьева и Семеева. Послѣдняго, я полагаю, ваша милость помнитъ; вы встрѣчали его, веселящагося у меня, въ послѣднюю вашу бытность. Это человѣкъ очень хорошій; онъ передалъ мнѣ весьма обстоятельныя извѣстія. По его словамъ, по царскому указу и по распоряженію брянскаго воеводы, мѣстные бояре провожали козацкое войско. Онъ даже назвалъ лично всѣхъ бояръ, а именно провожатыми были: онъ

самъ, Тимофей Голыновъ, Федоръ Безобразовъ, Алексѣй Требашный, Константинъ Мясоѣдовъ и до двадцати другихъ, именъ которыхъ лазутчикъ не помнитъ. Изъ Брянска въ Рославль они вели козаковъ по слѣдующему маршруту: Брянскъ, Леденево, Бирощекъ, Миловники, Клевитовъ, Новоселки, Черебинъ, Хорошково, Жарево. Люстрацію войска (по московски *смотръ*) [1]) производили въ Брянскѣ въ четвергъ, т. е. 15 іюня; войска оказалось 4,000, и имъ приказано было немедленно готовиться въ походъ. Московскаго войска очень много расположено на границѣ. Послы наши не имѣли въ Москвѣ успѣха: имъ отъ имени царя данъ былъ такой отвѣтъ: „управьтесь сами со своими хлопами, а потомъ уже я вамъ окажу помощь противъ татаръ". Ясно изъ этого, на сколько искренно относятся къ намъ въ Москвѣ. Такъ какъ притомъ они не обѣщали прислать къ намъ своего посольства и постоянно поступаютъ вѣроломно, то я полагаю, что, вслѣдъ за отправкою нашихъ пословъ, слѣдуетъ ожидать вторженія ихъ войска подъ Смоленскъ. Сегодня я опять получилъ точное извѣстіе, что начальникъ этой сволочи, Тарасенко, уже разослалъ разъѣзды изъ Рославля: одинъ въ Прудки и Череповъ, лежащій въ восьми миляхъ отъ Смоленска, другой—въ Ельню и Дорогобужъ; послѣднимъ городомъ они овладѣли, захватили въ немъ пушки и запасъ пороху, склонили къ бунту всѣ окрестныя волости и намѣрены изъ Дорогобужа идти на Кричевъ, Мстиславъ, Могилевъ и Оршу и затѣмъ, овладѣвъ этими городами, покуситься взять приступомъ Смоленскъ. Пожаръ приближается къ намъ; уже хлопы у насъ бунтуютъ, а между тѣмъ я не располагаю никакими средствами защиты. Въ разъѣзды мнѣ некого послать, кромѣ козаковъ, обязанныхъ службою за земли [2]); но послѣдніе не годятся для разъѣздовъ: отправивъ ихъ, я бы только доставилъ врагамъ языковъ, ибо козаки эти на клячахъ, взятыхъ отъ сохи, не въ состояніи ничего сдѣлать и сами безъ нужды погибнутъ. Изъ числа помѣщиковъ здѣсь нѣтъ никого; они медлятъ, затѣяли созвать сеймикъ, а между тѣмъ враги уже опустошаютъ страну, овладѣваютъ селами и съ каждымъ днемъ усиливаются и становятся опаснѣе. Проводивъ посланниковъ, я намѣренъ немедленно, сегодня-же, затвориться въ замкѣ съ ничтожнымъ отрядомъ солдатъ; между тѣмъ

---

[1]) Слово это въ подлинникѣ по русски.

[2]) Въ подлинникѣ: „jeżeli nie gruntowego kozaka".

пѣхота ропщетъ, вчинаетъ распри и несогласія; я-же не имѣю ни денегъ, ни провіанта, потому не смѣю рѣшительно распорядиться и не могу положиться на солдатъ, запасъ хлѣба въ Смоленскѣ незначителенъ, словомъ: я не въ состояніи помочь бѣдѣ. Во время послѣдней осады Смоленска, запасовъ было вдоволь и ихъ свозили отовсюду. Рожь во время осады стоила шесть злотыхъ, между тѣмъ какъ теперь уже за нее платятъ больше 10 злотыхъ и слѣдуетъ ожидать постояннаго повышенія цѣнъ. Одному Богу извѣстно, кто будетъ вкушать новый хлѣбъ; урожай въ волѣ Господней и долго придется ожидать его. При казакахъ находится отрядъ въ 600 всадниковъ московскихъ татаръ. Благоволите, ваша милость, извѣстить обо всемъ этомъ немедленно короля и гетмановъ, не колеблясь и не сомнѣваясь въ достовѣрности этихъ извѣстій. Я вполнѣ беру на себя отвѣтственность и потому благоволите немедленно сообщить королю все содержаніе этого письма“.

Въ тотъ-же день получены извѣстія о возстаніяхъ хлоповъ какъ въ великой Польшѣ, такъ и въ Подгоріи, возлѣ Кракова, подстрекаемыхъ разными лицами, вѣроятно подосланными Хмельницкимъ съ тою цѣлью, чтобы отвлечь наши силы бунтами, вспыхивающими въ разныхъ мѣстностяхъ. Прежде всего получены слѣдующія показанія, отобранныя на допросѣ въ Любачевѣ [1]) отъ арестованныхъ измѣнниковъ, главнымъ же образомъ отъ Андрушки Ворожбитовича изъ Подымщины:

„Въ пятницу послѣ дня святой Троицы, т. е. 2-го іюня 1651 года. Годъ тому назадъ передъ жнивами я ушелъ изъ дому по причинѣ долговъ, и отправился въ Езерну и въ Зборовъ; на пути меня встрѣтилъ мой близкій родственникъ, священникъ Яцко Пицунъ изъ Жукова, проживающій нынѣ въ селѣ Иваницы, въ окрестности Гадяча. Онъ спросилъ меня: „куда ты ходилъ?“ Я отвѣтилъ: „въ Зборовъ и въ Езерну“. Онъ мнѣ сказалъ: „садись на мою повозку! Я хотѣлъ было навѣстить брата въ Жуковѣ, но раздумалъ;—ѣздить туда опасно“. Я поѣхалъ съ нимъ и прожилъ въ его домѣ до Пасхи, а къ Свѣтлому Воскресенію я отправился въ Кіевъ. Изъ Кіева пошелъ въ Васильковъ, гдѣ гостилъ въ теченіи недѣли у родственниковъ, откуда отправился въ Паволочь и тамъ оставался три дня въ домѣ моего шурина;

---

[1]) Любачевъ городъ, принадлежавшій къ белзскому воеводству, нынѣ находится въ жолковскомъ округѣ Галиціи. Зборовъ и Езерна—мѣстечка въ злочевскомъ округѣ.

въ Паволочь въ то время собирался кіевскій полкъ, въ составѣ котораго было болѣе 2,000 человѣкъ; я слышалъ, что они собирались въ походъ въ Литву. Изъ Паволочи я вышелъ вмѣстѣ съ двумя товарищами; мы отправились въ Любаръ, а оттуда на Волынь; здѣсь насъ ограбили козаки, но потомъ въ числѣ ихъ встрѣтился мой знакомый Яцко Мутянка изъ Цѣшанова; онъ узналъ меня, возвратилъ намъ всѣ отнятыя вещи и пригласилъ съ собою въ Тарнополь. Мы пришли въ козацкій лагерь Хмельницкаго, расположенный между Тарнополемъ и Езерною. Оттуда мы отправились въ Сассовъ[1]) вмѣстѣ съ Яцкомъ, заявившимъ, что онъ пойдетъ съ нами навѣстить своего брата, живущаго въ Сассовѣ. Едва мы вышли въ поле, на насъ напалъ отрядъ волоховъ, которые меня взяли въ плѣнъ, товарищи-же мои убѣжали къ козакамъ". — Все это Ворожбитовичъ показалъ на предварительномъ допросѣ, но потомъ, когда его подвергли пыткѣ, сказалъ, что священникъ Пицунъ отправилъ его на родину съ тою цѣлью, чтобы онъ уговорилъ братьевъ и родственниковъ священника переселиться въ Украину, а проживающій въ Гадячѣ Яцковскій далъ ему такое-же порученіе къ своему сыну, что Яцко Мутянка, козакъ изъ Цѣшанова, похвалялся переселить въ Украину своихъ братьевъ, а священникъ Пицунъ говорилъ ему о томъ, что Хмельницкій послалъ приглашать къ себѣ орду, что онъ отъ Яцка Мутянки слышалъ, будто Хмельницкій отправилъ въ Польшу 150 шпіоновъ, переодѣтыхъ нищими, а козаки полка Богуна сказывали ему, что имъ приказано было двигаться вдоль по берегу Днѣстра, вмѣстѣ съ другимъ отрядомъ козацкимъ въ 4000 человѣкъ и съ половиною татаръ, бывшихъ при Хмельницкомъ, стараясь истребить польское войско, стоявшее у Каменца, что въ Литву отправили другую половину орды съ Васькомъ Чегринцемъ, что туда-же посланъ былъ и Крыса, но послѣднему потомъ приказано было возвратиться и что сынъ Хмельницкаго остался дома и долженъ дождаться прихода орды и прійти вмѣстѣ съ нею. Козаки говорили ему также, что великій коронный гетманъ посылалъ въ орду гонца съ цѣлью отклонить хана отъ союза съ Хмельницкимъ; но татаре не обратили на это вниманія и отвѣтили, что постараются гетмана вторично взять въ плѣнъ. О польномъ гетманѣ Калиновскомъ они выра-

---

[1]) Сассовъ мѣстечко въ злочевскомъ округѣ.

жались такъ: „его если-бы мы и захватили, то отпустили-бъ, потому что онъ хорошій человѣкъ“.—О королѣ, по словамъ ихъ, татары выражались съ озлобленіемъ, упрекали его въ нарушеніи мира, подтвержденнаго присягою и угрожали въ отмщеніе перерѣзать поголовно все народонаселеніе въ его владѣніяхъ.—Эти угрозы татаръ побудили, будто, главнымъ образомъ подсудимаго выйти изъ козацкаго лагеря, такъ какъ онъ желалъ предупредить своего отца объ угрожавшей опасности. Далѣе онъ показалъ: Яцко Мутянка говорилъ ему, что онъ разъ уже поджегъ замокъ въ Цѣшановѣ и намѣренъ поджечь оный вторично, равно какъ и городскія постройки, а Яцковскій похвалялся, что когда онъ отправится въ походъ, то будетъ искать случая, чтобы захватить въ плѣнъ белзскаго старосту. Въ дальнѣйшихъ показаніяхъ допрашиваемый оговорилъ слѣдующихъ лицъ: какого-то подмастерія портного изъ Любачева, имя котораго онъ забылъ,—Чупчаковскаго, Мотычина и Кашуба изъ села Брусьня, четырехъ крестьянъ изъ села Басьни, названій которыхъ не помнитъ, Грыцька Поповича изъ Ловчи, Данилика изъ Подымщины, Андрушка изъ Цеблева, Андрушка изъ Тушкова, Андрушка и Хведька изъ Жабца, которые похвалялись, что уже дважды поджигати городъ Белзъ и намѣрены были вновь оный поджечь,—Ивана Вычинскаго, слугу пана Домарадзкаго изъ Жолкви, который въ числѣ другихъ долженъ былъ отправиться въ окрестности Ярославля, Якова Поляка изъ Олыки, который пошелъ въ Люблинъ, двухъ жителей изъ Перемышля, которые отправились въ Краковъ. По словамъ допрашиваемаго, онъ, вмѣстѣ съ двумя товарищами Андрушкомъ и Хведькомъ изъ Жабца, имѣлъ порученіе отправиться черезъ Мосты въ Белзъ, всѣмъ поименованнымъ лицамъ поручено было подстрекать народъ къ возстанію и жечь города; сборный пунктъ для нихъ назначенъ былъ въ окрестности Замостья, руководителемъ же всѣхъ состоялъ священникъ Андрей изъ Цѣшанова—онъ каждому указывалъ маршрутъ и направленіе пути, поручалъ все внимательно наблюдать и возвращаться въ лагерь Хмельницкаго. О Яцкѣ Мутянкѣ прибавилъ, что тотъ уговаривалъ ихъ взять въ плѣнъ белзскаго старосту, если они его застигнутъ въ Цѣшановѣ. О козацкомъ войскѣ показалъ, что оно очень многочисленно и что орда еще не пришла; исчислилъ 12 полковъ, а именно: 1) Полкъ чигиринскій Хмельницкаго, 2) полкъ изъ Варвы — полковникъ Косачъ, 3) полкъ черкасскій — полковникъ Иванъ Маткевичъ, 4) полкъ уманскій—полковникъ Григорій Держаловскій, 5) полкъ бѣлоцер-

ковскій—полковникъ Грушка, 6) полкъ Богуна, 7) полкъ Кривоносика, 8) полкъ изъ Сахновки—полковникъ Гаркуша, 9) полкъ корсунскій—полковникъ старый Андрей Губайло, 10) полкъ паволоцкій—полковникъ Войтъ, 11) полкъ хвастовскій—полковникъ Иванъ Дзикъ, 12) полкъ боровицкій—полковникъ Хведько.

Вслѣдъ затѣмъ изъ Великой Польши получено было извѣстіе о такомъ-же подстрекательствѣ къ бунту; оно заключалось въ письмѣ отъ пана Твардовскаго, намѣстника познанскаго епископа. Письмо писано въ Калишѣ 4 іюня. Оно слѣдующаго содержанія: „Хоругвь познанскаго кастеляна доставила намъ сюда арестанта, задержаннаго паномъ Недзвѣдзкимъ, арендным владѣльцемъ села Кроликовецъ. Онъ назвалъ себя шляхтичемъ Сѣрадзкаго воеводства, Радомскаго повѣта, по фамиліи Кулаковскимъ; мать его, урожденная Вольская, пользуется гербомъ—разщепленная стрѣла. Онъ служилъ прежде въ войскѣ челядникомъ у разныхъ пановъ, въ послѣднее время у старосты Бржезинскаго во время похода подъ Пиляву, а потомъ у пана Гойскаго, въ хоругви Бутлера, квартировавшей въ Острешовѣ; послѣ Зборовскаго похода онъ заболѣлъ и былъ оставленъ хоругвью. Въ это время съ нимъ встрѣтился нѣкто Петръ Гржыбовскій, который сказывалъ о себѣ, будто онъ возвратился изъ татарскаго плѣна и собираетъ милостыню для уплаты выкупа; въ удостовѣреніе этого Гржыбовскій имѣлъ свидѣтельство отъ коронныхъ гетмановъ за ихъ подписями и печатями, но свидѣтельство это было, вѣроятно, подложно, такъ какъ онъ его не показывалъ въ шляхетскихъ домахъ, а лишь тамъ только, гдѣ пановъ не было: въ селахъ, городахъ и мѣстечкахъ или при встрѣчѣ съ людьми необразованными и неопытными. Гржыбовскій пригласилъ Кулаковскаго идти вмѣстѣ; передъ масляною они пришли въ Познань и тамъ остановились на квартирѣ въ рынкѣ, въ маленькомъ домѣ Якова Колодѣя, куда собралась цѣлая компанія неизвѣстныхъ лицъ. Гржыбовскій, напоивъ Кулаковскаго, предложилъ ему поступить въ ихъ общество, обѣщая богатую добычу и впослѣдствіи награду, если онъ согласится стать съ нимъ за одно, если будетъ соблюдать тайну и приметъ дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ. Кулаковскій изъявилъ согласіе и подтвердилъ оное присягою. Дѣятельность членовъ компаніи должна была состоять въ слѣдующемъ: притворяясь нищими, освѣдомляться о состояніи и зажиточности шляхетскихъ дворовъ и подстрекать крестьянъ къ возстанію противъ пановъ, особенно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ власть послѣднихъ была особенно тяжела,

какъ, напримѣръ, въ мѣстности между Позванемъ и Межиричемъ. Гржыбовскій сообщилъ ему, что подъ его начальствомъ въ Великой Польшѣ находится 80 человѣкъ, во всей же Польшѣ до 2,000 подъ главнымъ начальствомъ какого-то полковника Стасенка. Кромѣ Гржыбовскаго, онъ зналъ еще до 20 лицъ изъ его компаніи, но по большей части не знаетъ ихъ именъ; онъ могъ назвать только слѣдующихъ: двухъ Островскихъ—старшій изъ нихъ имѣетъ большую черную бороду, ѣздитъ въ повозкѣ на сѣрой лошади и показываетъ двухъ обезьянъ, изъ которыхъ одна, большая и слѣпая, пріучена просить милостыню; другой Островскій моложе и называетъ старшаго дядею. Кромѣ того допрашиваемый назвалъ Островенцкаго и Пясецкаго, которыхъ ростъ, тѣлосложеніе и примѣты подробно описалъ; другихъ фамилій не припомнилъ. Всѣ они условились, послѣ того какъ поголовное ополченіе дворянъ тронется въ походъ, собраться въ мѣстности между селомъ познанскаго епископа—Ціонженемъ и лѣсомъ, принадлежащимъ аббату Ляндскому—въ деревняхъ: Ковалевкѣ, Ярошинѣ, Ляндкѣ и Воли. Тамъ они устроятъ совѣщаніе и отправятся въ разныя мѣста по указанію Гржыбовскаго. Они пріймутся тогда поджигать гумна, села и города, грабить дома и дворы шляхтичей, бунтовать хлоповъ, словомъ: творить всякое зло. Онъ сообщилъ слѣдующія примѣты предателей: Гржыбовскій—мужчина рослый, среднихъ лѣтъ, лице покрыто оспинками, усы черные, волосы острижены въ кружекъ; онъ не владѣетъ двумя пальцами лѣвой руки: указательный торчитъ неподвижно и не сгибается, мизинецъ-же согнутъ контрактурою; у конца лѣвой брови черный шрамъ отъ залѣченной раны. Пясецкій человѣкъ рослый, лѣтъ около 40; лѣвое плечо у него выше праваго, женатъ, разъѣзжаетъ въ повозкѣ на бѣлой лошади. Младшій Островскій также большого росту, не владѣетъ правою рукою.

Вчера мы судили Кулаковскаго согласно всѣмъ предписаніямъ закона и приговорили подвергнуть его пыткѣ.

Изъ письма пана Адама Недзвѣдзкаго отъ 7 іюня изъ Кроликовецъ видно, что въ лѣсу у Кроликовецъ предатели стали собираться и укрѣпляютъ валами свою стоянку. Числомъ они достистигаютъ 2,000, ротмистромъ ихъ состоитъ Гржыбовскій; многіе ходятъ въ одеждѣ пилигримовъ, ксендзовъ и даже женщинъ и высматриваютъ нужное. Они сожгли уже нѣсколько мельницъ.

Получены новыя письма изъ Литвы, въ которыхъ извѣщаютъ, что нѣкто Фокса (sic), посланный Хмельницкимъ для того, чтобы поднять крестьянское возстаніе, идетъ на Могилевъ съ отрядомъ въ 20,000 человѣкъ. Извѣстіе это сильно встревожило короля и весь дворъ. *(Продолженіе будетъ).*

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(Приложеніе къ статьѣ: Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ. «Кіев. Ст.» февр. и март. кн. 1882 г.).

(Окончаніе).

Олыцкія подъокружныя школы, академическія, о трехъ учителяхъ.

Проректоръ ксендзъ Матвѣй Романевскій, олыцкій (каѳедральный) схоластикъ.

Учители: 1 кл. ксендзъ Иванъ Хмѣлевскій,
„ математики и физики Иванъ Лучинскій,
„ краснорѣчія и права ксендзъ Уловичъ.

Осмотръ этихъ школъ производилъ ксендзъ Эдмундъ Попель-Брошніовскій, докторъ богословія и философіи, проректоръ луцкихъ школъ, на правахъ уполномоченнаго визитатора. Осмотръ начатъ 5, оконченъ 8 іюля 1789 г. Вотъ какъ онъ пишетъ объ этомъ:

Объ осмотрѣ объявлено въ засѣданіи.

Всѣхъ учениковъ 54 [1]).

Осмотръ классовъ. Въ присутствіи нѣсколькихъ почетныхъ лицъ (фамиліи которыхъ означены въ рапортѣ), послѣ обычной рѣчи, началъ осмотромъ 1 класса, продолжавшимся 3 часа. На математику употреблено болѣе трехъ часовъ, на физику и право около 4 часовъ (о всѣхъ предметахъ во всѣхъ классахъ говорится въ рапортѣ съ похвалою учителямъ).

Учители, при усиленной заботливости ксендза проректора, стараются, насколько можно, поставить обученіе на ту точку,

---

[1]) Въ 1786 г. было здѣсь 106 учениковъ, а въ 1792 г. 100. Въ разсматриваемое время сокращеніе числа учениковъ зависѣло отъ плохаго состава учителей, хотя визитаторъ и хвалитъ ихъ, какъ бывшихъ своихъ учениковъ, и отъ отсутствія преподавателей иностранныхъ языковъ.

на которой оно стоитъ всюду. Говорю: *насколько можно,* потому что, не имѣя никакихъ математическихъ приборовъ, они не могутъ заниматься практической геометріей, или—когда ни учители, ни ученики не имѣютъ ни одного циркула, то нельзя заниматься рисованіемъ. Ксендзъ-схоластикъ проректоръ, просвѣщенный и весьма заботливый о пользѣ учениковъ и объ исполненіи всѣхъ установленій пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, даетъ для пользованія (używcza) собственныя географическія карты. Учитель краснорѣчія и права, ксендзъ Уловичъ, бывшій ученикъ луцкихъ школъ, получившій медаль въ 1787 году, человѣкъ степенный, старательный и довольно способный. Учитель математики и физики, ксендзъ Лучинскій, такъ же бывшій ученикъ луцкихъ школъ, получившій медаль въ 1786 году, имѣетъ хорошія способности къ этому предмету, старателенъ, степененъ, обучалъ этимъ предметамъ два года. Нынѣ онъ слушаетъ лекціи въ главной школѣ. Учитель 1 класса ксендзъ Янъ Хмѣлевскій учитъ другой годъ. Онъ уже не способенъ къ преподаванію, къ тому же заикается; но на жалованье въ 1020 злотыхъ лучшаго нельзя найти.

Окончивъ осмотръ классовъ, я объявилъ ученикамъ, что фамиліи болѣе старательныхъ изъ нихъ я помѣщу въ рапортѣ; тѣмъ, которые не ровно занимались, я сказалъ, что фамиліи ихъ тогда только будутъ напечатаны и отечество тогда только будетъ видѣть въ нихъ опору, когда они хорошо окончатъ курсъ ученія: пускай и ждутъ этого въ силу того только, что когда то хорошо начали оное.

Школьныя записи. Минуя другія книги, которыя мною подписаны, скажу только о слѣдующихъ: въ книгу мѣсячныхъ экзаменовъ вносимы были только фамиліи найболѣе старательныхъ учениковъ,—я указалъ, какъ нужно вести записи въ ней; книги объ особыхъ событіяхъ и происшествіяхъ [1]) не имѣется,—ксендзъ-схоластикъ проректоръ объясняетъ, что въ мѣстечкѣ, какъ Олыка, кромѣ торговъ и ярмарокъ, ничего замѣчательнаго не бываетъ.

Личныя бесѣды. Я имѣлъ особыя бесѣды съ гг. служащими, начиная съ ксендза-схоластика проректора. Изъ нихъ я узналъ, что на будущій годъ математика останется безъ учителя. Объ

---

[1]) Рекомендовавъ уставъ. Многіе не понимали, что именно нужно вносить въ эту книгу.

этомъ я тотчасъ письменно донесъ главной школѣ; но на скудное жалованье въ 200[1]) злотыхъ, вмѣстѣ за математику и физику, она не могла прислать въ Олыку учителя.

Богослуженіе производится по уставу.

Иностранные языки. Одинъ изъ директоровъ, прибывшій изъ-за цесарской (австрійской) границы, обучаетъ нѣмецкому языку. Такъ какъ онъ училъ не по обязанности и безъ опредѣленныхъ условій, то просилъ, чтобы ученики что-нибудь заплатили ему за его трудъ. Но это не состоялось, а потому онъ обучаетъ теперь только двухъ учениковъ. Этотъ директоръ имѣетъ произношеніе *австрійское,* говоритъ по навыку, учить правиламъ языка не умѣетъ.

Экзамены частные и публичные. Экзамены производятся ежемѣсячно. Одинъ изъ нихъ былъ опущенъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, по причинѣ тревоги въ краѣ и приближавшихся праздниковъ (Пасхи). На публичныхъ испытаніяхъ обыкновенно бываютъ тѣ гости, которые присутствовали и на испытаніи во время визитаціи. Больше ихъ и ожидать нельзя въ неуѣздномъ городкѣ.

Физическое воспитаніе. Во время рекреацій дѣти играютъ въ мячъ, бѣгаютъ до назначенной меты. Въ теченіе года всѣ пользовались здоровьемъ.

Директоры оказываютъ должное уваженіе учителямъ, представляютъ мѣсячные рапорты, провожаютъ дѣтей въ школы и въ костелъ.

Ученики награжденные медалями. Хотя ученикъ III класса Григорій Лопуховичъ не изъ лучшихъ въ математикѣ, но принявъ во вниманіе, что это произошло не по недостатку прилежанія въ немъ, а по недостаточности первоначальныхъ основаній въ этомъ предметѣ, вынесенныхъ изъ низшихъ классовъ,—что все собраніе учителей засвидѣтельствовало объ усиленномъ стараніи его въ настоящее время и отлично рекомендовало его въ поведеніи,—что въ прочихъ предметахъ, какъ я самъ убѣдился, онъ значительно успѣлъ, вслѣдствіе сего, уважая болѣе усиленное трудолюбіе, чѣмъ таланты, часто безплодные, я назначилъ ему (серебреную) медаль его королевской милости, вмѣстѣ съ Дезидеріемъ Тачановскимъ, ученикомъ II класса.

---

[1]) Т. е. за вычетомъ суммы, положенной на общій столъ.

Пособія образованію. Фундаторы олыцкихъ школъ, кн. Радзивиллы, назначили въ пользованіе ихъ бенефиціи: колковскую, ямпольскую и казимиржецкую; но луцкіе епископы воспротивились этому, и бенефиціи остались въ исключительномъ пользованіи ихъ владѣльцевъ, кромѣ казимиржецкой, на которую назначеніе зависитъ отъ коллегіата (школъ). По сношенію пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія съ кн. Радзивиллами и съ луцкимъ епископомъ, можно бы возвратить школамъ бенефиціи колковскую и казимиржецкую, доходы съ которыхъ поступали бы частію поссесорамъ (изъ учителей, получающихъ ихъ въ награду), частію на викарныхъ (священниковъ). Ямпольская бенефиція, какъ далеко отстоящая отъ школъ, именно въ кременецкомъ повѣтѣ, не могла-бы быть полезна для этой цѣли.

Распоряженія. 1) На основаніи постановленія пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, собраніе учителей, по знакомству съ родителями учениковъ, имѣетъ убѣждать ихъ вносить плату, слѣдуемую директорамъ, на руки начальника школъ, выставляя имъ въ томъ собственную ихъ и дѣтей ихъ пользу. 2) Учители обязаны ежемѣсячно исповѣдываться въ установленные для этого дни. 3) Ксендзъ и проректоръ имѣютъ заблаговременно предъ началомъ учебнаго года представить въ главную школу для утвержденія вѣдомость объ учителяхъ, избранныхъ на слѣдующій годъ. 4) Подтверждено распоряженіе прошлогодней визиты (пунктъ 2), о томъ, чтобы учитель краснорѣчія разговаривалъ съ учениками, а ученики III класса говорили съ нимъ и между собою не иначе, какъ на языкѣ латинскомъ [1]).

Желанія. Собраніе служащихъ проситъ поспѣшить изданіемъ учебниковъ и увеличить ихъ содержаніе. Вслѣдствіе скуднаго жалованья, въ 200 злотыхъ, учитель математики ксендзъ Янъ Лучинскій отказывается отъ дальнѣйшей службы. Ксендзъ проректоръ доселѣ получалъ добавочныхъ 100 злотыхъ, — на дальнѣйшее время ему отказано въ этой прибавкѣ...

---

[1]) Шляхта, болѣе и болѣе недовольная правительствомъ и принимавшая угрожающее положеніе, поколебала наконецъ стойкость коммисіи просвѣщенія. Въ 1788 г. въ угоду ей, предписано старшимъ ученикамъ говорить полатыни. Въ концѣ 1789 года она „разрѣшила" побуждать къ тому же и учениковъ низшихъ классовъ! При поверхностномъ грамматическомъ изученіи языка, можно судить, что за латынь являлась въ говорѣ учениковъ! Она далеко должна была перещеголять латынь іезуитскую...

Владимірскія [1]) *подъокружныя школы базиліанскія, о шести учителяхъ.*

Ректоръ *коллегіи* (т. е. не только школъ, но монастырей, имѣній и проч.), проректоръ школъ ксендзъ Александръ Баранскій.

---

1) Лукашевичъ, какъ и авторы: *Starożytna Polska*, ничего не знаютъ о происхожденіи этихъ школъ. Между тѣмъ это одна изъ древнѣйшихъ русскихъ школъ на югѣ Руси, какъ это дознано по мѣстнымъ документамъ визитаторомъ 1788 года. По словамъ его (въ визитѣ) школы во Владимірѣ основаны стараніемъ и иждивеніемъ брестскаго каштеляна Ипатія Поцея, скоро за симъ принявшаго санъ епископа владимірскаго, въ которомъ онъ пріобрѣлъ такую грустную извѣстность въ исторія православной церкви и русскаго народа. Въ 1595 году Поцей исходатайствовалъ для этихъ школъ привиллегію Сигизмунда III и поручилъ ее монахамъ чина св. Василія. Помѣщеніе для этихъ школъ онъ отвелъ въ каѳедральныхъ зданіяхъ и содержалъ ихъ на счетъ своихъ доходовъ. Умирая онъ завѣщалъ имъ 3500 злотыхъ. Епископы, преемники Поцея, Глинскій и Залѣсскій продолжали содержать эти школы такъ же на свой счетъ, но постояннаго фундуша не назначили для нихъ. Должно полагать, что затѣмъ устроенный базиліанскій орденъ, принявъ въ свое вѣдѣніе эти школы, содержалъ ихъ изъ своихъ средствъ. Что обученіе въ этихъ школахъ не прекращалось, это извѣстно изъ привиллегіи, данной владимірскимъ базиліанскимъ школамъ Августомъ III въ 1746 году и свидѣтельствующей, что владимірскіе базиліане издавна (od niemałego czasu) содержатъ школы и „учатъ дѣтей шляхетскихъ хорошо, старательно, съ немалою пользою“. Въ 1768 году король Станиславъ Понятовскій подтвердилъ эти привиллегіи. Послѣ перваго раздѣла Польши владимірскіе базиліане потеряли почти все, чѣмъ въ послѣднее время надѣляли ихъ благотворители: земельныя угодья ихъ отошли къ Австріи, войска которой притомъ забрали у нихъ провизіи на 15 тысячъ злотыхъ. Въ 1782 въ первый разъ осмотрѣлъ эти школы визитаторъ коммисіи просвѣщенія Головчичъ. Онъ нашелъ въ нихъ: учителей съ префектомъ 5, классовъ 4, учениковъ 380, помѣщенія деревянныя, никуда негодныя, фундушъ крайне убогій; не было ни книгъ, ни геометрическихъ снарадовъ; Альваръ господствовалъ надъ всѣмъ обученіемъ. (Archivum, Краковъ. 1877 г. кн. 1, стр. 38—40). Коммисія просвѣщенія обратилась съ просьбой къ фундаторкѣ бывшей владимірской іезуитской миссіи подарить мѣстнымъ школамъ поіезуитскій костелъ. Но вѣрная своимъ духовнымъ отцамъ, фундаторка Садовская объявила, что она лучше желаетъ видѣть этотъ костелъ въ развалинахъ, чѣмъ въ рукахъ не-іезуитовъ. Наконецъ въ 1786 году Садовская убѣдилась въ своемъ напрасномъ ожиданіи возвращенія іезуитовъ и уступила костелъ базиліанамъ подъ условіемъ, чтобы они выстроили новый домъ для школъ. Коммисія просвѣщенія съ своей стороны назначила въ пособіе этимъ школамъ 2000 злотыхъ. Дѣятельность базиліанъ оживилась, какъ оживилась она и всюду подъ вліяніемъ непріязни польско-католической, особенно проэкта 1787 года объ уничтоженіи православія и уніи. Не смотря на свои крайне скудныя средства, владимірскіе базиліане съумѣли поставить свои школы такъ, что онѣ стояли на ряду съ кременецкими, считавшимися найлучшими на Волыни и Украйнѣ, учредили 6 классовъ съ 6 учителями, завели преподаваніе не только нѣмецкаго и французскаго, но итальянскаго и аглицкаго языковъ, и привлекали въ свои школы весьма

Проповѣдникъ и вице-ректоръ ксендзъ Аврелій Сулятицкій.

Префектъ школъ ксендзъ Юліанъ Антоновичъ, состоитъ вмѣстѣ и учителемъ физики, а также языковъ итальянскаго и аглицкаго.

Учители: I класса ксендзъ Макарій Гибинскій,
„ II „ ксендзъ Іассонъ Гедройцъ,
„ математики—ксендзъ Іосафатъ Слободскій,
„ физики—ксендзъ Юліанъ Антоновичъ, префектъ,
„ нравственности и права—ксендзъ Амвросій Калиновскій.

Преподаватели: языковъ нѣмецкаго и славянскаго—ксендзъ Амвросій Калиновскій, учитель права;
„ французскаго — ксендзъ Иларіонъ Хмѣлевскій, учитель краснорѣчія;
„ итальянскаго и аглицкаго—ксендзъ Юліанъ Антоновичъ.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ ксендзомъ Брошніовскимъ (Попелемъ), проректоромъ луцкихъ школъ, уполномоченнымъ со стороны генеральнаго визитатора,—начатъ 25, оконченъ 29 іюня. Ксендзъ Брошніовскій объявилъ о своемъ полномочіи въ собраніи служащихъ, на которомъ расправшивалъ обо всемъ, что относится къ преподаванію, а на другой день приступилъ къ осмотру классовъ. Объ этомъ и о дальнѣйшихъ своихъ занятіяхъ онъ пишетъ въ своемъ рапортѣ слѣдующее.

Осмотръ классовъ. Число учениковъ—337. Хотя это число учениковъ было отъ начала учебнаго года, однако при посѣщеніи мною классовъ ихъ оказалось всего 259. Уменьшеніе учениковъ произошло по случаю поступленія однихъ въ военную службу и отъѣзда другихъ въ домы родителей, вслѣдствіе тревоги, произведенной на Волыни частію извѣстіями о готовившемся бунтѣ, частію насильными вербунками. Добровольно поступило въ военную службу 14 учениковъ.

значительное число учениковъ. Король Станиславъ Понятовскій посѣтилъ эти школы въ 1787 году по дорогѣ въ Каневъ; ученики привѣтствовали его здѣсь на шести языкахъ (исключая русскаго!). Владимірскіе базиліане, польщенные этимъ визитомъ, съ особеннымъ рвеніемъ стали заботиться о патріотизмѣ учениковъ.

Испытаніе учениковъ 1 класса продолжалось три съ половиною часа. По предметамъ религіи я спрашивалъ всѣхъ учениковъ, по прочимъ предметамъ—только лучшихъ изъ нихъ, по особому списку, составленному для этого учителемъ. Иногда я спрашивалъ и такихъ, которые не были помѣщены въ этомъ спискѣ, для убѣжденія, дѣйствительно-ли они мало успѣли. Тѣмъ, которые не отвѣчали на вопросы, я выставлялъ на видъ, какъ не хорошо находиться въ средѣ не успѣвающихъ, а напротивъ для отвѣчавшихъ удовлетворительно я не щадилъ похвалъ. Кромѣ испытанія въ наукахъ я просматривалъ тетради чистописанія и нашелъ, что многіе изъ учениковъ имѣютъ начатки хорошаго письма. Испытаніе II и III классовъ продолжалось по три часа, IV—четыре часа, V—три съ половиною часа, VI класса, наименьшаго по числу учениковъ, два часа.

Префектъ и учители. Префектъ ксендзъ Антоновичъ уже десять лѣтъ служитъ въ школахъ. Онъ—просвѣщенный и трудолюбивый человѣкъ. Я исполнилъ порученіе пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія и выразилъ ректору Баранскому ея почтеніе и память о немъ [1]). Мнѣ кажется, что на будущій годъ слѣдовало-бы оказать подобное вниманіе и ксендзу префекту, достойному того, такъ какъ все управленіе школами и весь порядокъ въ нихъ отъ него зависятъ и имъ поддерживаются, хотя онъ и обязанъ докладами ректору. Исполненіе двухъ обязанностей—префекта и учителя физики и естественной исторіи, особенно-же преподава-

[1]) Мы не знаемъ, откуда такое вниманіе коммисіи просвѣщенія къ ректору. Всѣ визитаторы отзываются, что ректоры базиліанскихъ коллегій почти не занимаются школами, а только интересами своего ордена, и часто не присутствуютъ при визитаціяхъ. Надзоръ надъ школами принадлежитъ префекту. Визитаторъ 1788 года весьма невыгодно отзывается о состояніи преподаванія и успѣховъ въ владимірскихъ школахъ. По отзыву его, первый классъ оказался совсѣмъ плохъ; второй классъ—лучше перваго, но въ ариеметикѣ также плохъ. Прочіе классы брали только памятью, безъ всякаго пониманія. Ученики не имѣли почти никакихъ свѣдѣній по исторіи и праву и „самъ учитель не знакомъ съ естественнымъ правомъ“, такъ что визитаторъ долженъ былъ долго наставлять его въ понятіи объ этомъ предметѣ и указать источники для преподаванія его. Но визитаторъ съ большею похвалою отозвался о военной выправкѣ учениковъ. „Ни въ одной школѣ я не видѣлъ такого совершенства въ физическомъ воспитаніи, какъ здѣсь. Военныя упражненія учениковъ представляли прекрасный видъ и, по мнѣнію офицеровъ, присутствовавшихъ при этомъ вмѣстѣ со мною, производимы были съ точностью“. Не этотъ ли отзывъ о военныхъ упражненіяхъ вызвалъ лестное вниманіе коммисіи просвѣщенія къ ректору?

теля аглицкаго и итальянскаго языковъ— не легко для него. Я совѣтовалъ ему ходатайствовать предъ своимъ орденскимъ начальствомъ объ увольненіи его отъ учительскихъ обязанностей и оставленіи при одной префекторской должности. Онъ сказалъ, что и самъ объ этомъ думаетъ. Если орденское начальство не согласится на просьбу его, по скудости суммъ, то помогло-бы представленіе со стороны главной школы. Имѣя больше времени, онъ могъ бы посвятить его на физическіе опыты и наблюденія. Вслѣдствіе заботливости его о томъ, чтобы доказать обывателямъ достоинства вышѣшняго образованія, учители усердно трудятся надъ образованіемъ молодежи.

Учитель 1 кл., мнѣ кажется, имѣетъ среднія способности, если только неясность и медленность въ отвѣтахъ учениковъ не происходила отъ несмѣлости, вслѣдствіе перваго опыта ихъ въ этой практикѣ (отвѣтомъ предъ визитаторомъ).

Учитель краснорѣчія показалъ отличныя способности въ этомъ предметѣ и трудолюбіе. Учитель права показалъ меньше чѣмъ среднія способности; но онъ очень старателенъ, что доказалъ, какъ обиліемъ матеріала, преподаннаго ученикамъ, такъ и успѣхами учениковъ.

Иностранные языки. На испытаніе въ этихъ предметахъ посвящено было полтора часа. Преподаватель нѣмецкаго языка показался мнѣ мало знающимъ свой предметъ; успѣхи учениковъ въ этомъ предметѣ вѣроятно зависятъ отъ прежнихъ преподавателей. Въ французскомъ языкѣ ученики достаточно успѣли. Преподаватель довольно хорошо знаетъ этотъ языкъ. Переводили съ аглицкаго и итальянскаго подъ руководствомъ ксендза префекта Антоновича, который, по свидѣтельству многихъ знатоковъ, отлично знаетъ эти языки. Читали скоропись славянскую и русское (!) письмо. Аглицкому языку учится только одинъ ученикъ, прочимъ—по нѣскольку десятковъ. Найболѣе успѣвшіе въ языкахъ показаны мною въ особомъ приложеніи.

По окончаніи испытанія учениковъ, продолжавшагося болѣе двадцати часовъ, поздравивши лучшихъ учениковъ (съ отличіемъ), пожелавъ имъ найбольшихъ успѣховъ и увѣривъ ихъ въ несомнѣнной пользѣ ученія въ будущемъ, я объявилъ ученикамъ, что охотно приму всякаго изъ нихъ въ слѣдующій день, если кто-либо изъ нихъ пожелаетъ заявить мнѣ о какихъ-либо своихъ нуждахъ. Однако ни одинъ ученикъ не пришелъ, кромѣ двухъ, которые въ то время, какъ я уже выѣзжалъ изъ города, оста-

новили меня въ предмѣстьи на дорогѣ и просили о перемѣщеніи ихъ въ луцкія школы, что одноко я отложилъ на дальнѣйшее время.

Кандидаты. Ни одинъ изъ учениковъ не выразилъ желанія приготовляться къ поступленію въ академическое сословіе (на учебную службу). Предъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Владиміра, ксендзъ префектъ доложилъ мнѣ объ одномъ ученикѣ, желающемъ приготовить себя къ учительской службѣ. Но, не нашедши этого ученика въ спискѣ найболѣе успѣвшихъ и избранныхъ мною для награжденія, я не хотѣлъ помѣстить его въ своемъ рапортѣ. Префектъ объяснялъ незначительный успѣхъ его въ этомъ году тѣмъ, что онъ долго болѣлъ лихорадкой. Такъ какъ этотъ ученикъ еще только въ пятомъ классѣ, то я рѣшилъ, чтобы онъ подождалъ съ своимъ намѣреніемъ до слѣдующаго года.

Школьныя записи. Я подписалъ ихъ. Но не всѣ онѣ исправны. Записи вновь поступающихъ учениковъ сдѣланы не по образцу, положенному подъ № 15 при уставѣ, и въ нихъ нѣтъ мѣста для записыванія выбывающихъ учениковъ Не записываются въ нихъ также (отдѣльно) ученики, переходящіе изъ другихъ школъ и не отмѣчаются училищныя свидѣтельства ихъ. Описаніе происшествій въ школѣ (domowych) ведется не такъ, чтобы оно могло послужить для составленія или объясненія мѣстной (krajowej) исторіи. Въ нихъ помѣщены только рѣчи, которыми привѣтствуемы были проѣзжія особы и описанія публичныхъ экзаменовъ. Обѣ эти книги также велись и прежде, во время прошлогодней визитаціи; но я не рѣшился сдѣлать выговоръ за неисправность, чтобы это не было сочтено за соперничество между школами—сосѣдями, въ чемъ существуетъ здѣсь предъубѣжденіе. Не заведена книга для описанія открытій и важныхъ опытовъ. Учители заявили, что, обязанные постоянно присутствовать въ школахъ, они не имѣютъ времени, ни даже необходимыхъ пособій для производства опытовъ. Не было также книги для отмѣтокъ поведенія учениковъ во время мѣсячныхъ экзаменовъ, равно какъ и книги протоколовъ о сдачѣ должностей. Я вновь подтвердилъ завести эти книги.

Богослуженіе. Литургія въ обыкновенные дни совершается въ классѣ по той причинѣ, что еще не окончены работы въ подаренномъ пресвѣтлою коммисіей просвѣщенія [1]) костелѣ (по-іезу-

---

[1]) Точнѣе—Садовской.

итскомъ). Въ праздники однако она совершается въ этомъ костелѣ.

Экзамены мѣсячные и публичный. Въ мартѣ и апрѣлѣ не было экзаменовъ, потому что ученики разбѣжались въ страхѣ отъ угрожавшей рѣзни и отъ насилій вербунковъ. Въ другіе мѣсяцы и годы, какъ свидѣтельствуетъ описаніе школьныхъ происшествій, экзамены бываютъ исправно. На публичныхъ испытаніяхъ охотно присутствуютъ обыватели, если имъ случится на тотъ часъ быть во Владимірѣ. Хотя они и показываютъ, что весьма довольны нынѣшнею системою образованія, однако между ними нѣтъ ни одного, имя котораго можно было-бы огласить, какъ благодѣтеля просвѣщенія. Объ этомъ, на основаніи инструкціи главной школы, я собиралъ свѣдѣнія.

Конвиктъ. По причинѣ скудости фундуша, мѣстныя школы содержатъ конвиктъ для шляхетскихъ дѣтей, безъ помощи котораго не было-бы возможности содержать школъ. Всѣхъ конвикторовъ 15; они живутъ въ отдѣльномъ домѣ и ходятъ на уроки въ школы.

Директоры держатъ себя въ должномъ повиновеніи начальству и почтеніи къ учителямъ. Родители не вносятъ слѣдуемой директорамъ платы на руки префекта, а часто не хотятъ платить и директорамъ.

Приходскія школы. На вопросъ мой о нихъ мнѣ сказали, что есть одна школа въ трехъ миляхъ (отъ Владиміра) въ *Локачахъ*, при мѣстной фарѣ, а другая, такъ-же въ разстояніи трехъ миль, въ *Юржискѣ* содержится базиліанами. Я осмотрѣлъ эти школы и рапортъ о нихъ особо представилъ въ главную школу.

Личныя бесѣды. На основаніи ихъ составлена рубрика: *желанія служащихъ.*

Физическое воспитаніе. Въ теченіе этого года дѣти пользовались хорошимъ здоровьемъ, хотя многіе болѣли перемежающейся лихорадкою. Въ рекраціонные дни они занимаются военными упражненіями и практическою геометріей. Въ присутствіи моемъ они, въ числѣ 100, показывали (czynili popis) свои успѣхи въ военномъ искусствѣ, а потомъ отборными голосами пѣли пѣсню, составленную ксендзомъ префектомъ и возбуждающую стародавнее польское мужество.

Награда его королевской милости. По окончаніи болѣе чѣмъ двадцатичасоваго испытанія, убѣдившись въ особенныхъ способностяхъ Францишка Висневскаго, сына черняховскаго ѕгродскаго

судьи, въ его успѣхахъ во всѣхъ наукахъ не только сравнительно съ товарищами, но и съ учениками высшаго класса, а такъ же въ его успѣхахъ во всѣхъ языкахъ, исключая славянскаго, узнавши, что онъ старается больше и больше совершенствовать себя посредствомъ чтенія книгъ, которыя онъ выпрашиваетъ у учителей, сожалѣющихъ о слабости глазъ его,—я назначилъ этому Францишку Висневскому, ученику V класса, золотую медаль. На серебренныя медали избраны Антоній Рожанскій и Викентій Шолайскій, сынъ судьи владимірскаго, такъ же ученики V класса.

Препятствія образованію. Я распрашивалъ о нихъ, и въ засѣданіи, и при личныхъ бесѣдахъ, не распространяютъ ли напримѣръ монахи вражды къ нынѣшней системѣ образованія, нѣтъ ли гдѣ частныхъ пансіоновъ, отвлекающихъ молодежъ отъ публичныхъ школъ. Собраніе не знаетъ ни о какихъ подобныхъ случаяхъ.

Распоряженія. 1) Должны быть заведены: книга протоколовъ о сдачѣ должности и книга объ успѣхахъ и поведеніи, показанныхъ учениками на мѣсячныхъ экзаменахъ; первая всегда должна быть наготовѣ, въ послѣднюю вписывать, что слѣдуетъ послѣ каждаго мѣсячнаго экзамена. 2) Безъ патентовъ (отъ школъ, въ которыхъ прежде учился) не должны быть принимаемы въ школы даже шляхетскія дѣти. Кто явится безъ патента, задержать его и письменно снестись о высылкѣ документовъ его. 3) Я просилъ собраніе такъ же тщательно и старательно заботиться объ успѣхахъ молодежи и въ будущемъ, какъ оно заботилось доселѣ.

Желанія служащихъ. 1) Благоволитъ главная школа представить пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія о необходимости поспѣшить изданіемъ остальныхъ учебниковъ. 2) Собраніе проситъ пресвѣтлую коммисію просвѣщенія удостоить и здѣшнія школы тою же милостію, какая сдѣлана другимъ школамъ дозволеніемъ увеличить число физическихъ и математическихъ инструментовъ и исчислить расходъ, необходимый на производство опытовъ, а такъ же нанять солдата для обученія военнымъ упражненіямъ, съ покрытіемъ расходовъ на эти предметы. 3) Алгебра, при своей обширности и при двухъ часахъ (въ недѣлю) для лекцій, не можетъ быть окончена.

Славянская грамматика. Такъ какъ ксендзъ Журавскій въ этомъ году перемѣщенъ (провинціаломъ) въ Литву, то ректоръ письмомъ

по почтѣ сообщилъ (провинціалу же) постановленіе пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія относительно славянской грамматики [1]).

Осмотръ оконченъ обычнымъ способомъ.

Острожскія [2]) подъокружныя школы базиліанскія о четырехъ учителяхъ.

Ректоръ мѣстной коллегіи, состоящій проректоромъ школъ, не вписывается въ актъ визиты и не присутствовалъ въ засѣданіи совѣта.

---

[1]) Уставъ допускалъ обученіе славянскому языку въ числѣ необязательныхъ предметовъ, но не сдѣлалъ никакихъ указаній о преподаваніи его, совершенно игнорируя его во всѣхъ работахъ о распорядкахъ преподаванія и отчетности въ немъ. Въ распоряженіяхъ коммисіи просвѣщенія не было никакихъ упоминаній и вопросовъ о немъ. Визитаторы такъ же не считали нужнымъ давать отчетъ о положеніи его, упоминая только иногда о томъ, что базиліане учатъ славянскому чтенію. 1787 годъ—время появленія проэкта объ уничтоженіи уніи и православія—вызвалъ ожесточенные нападки на русиновъ со стороны однихъ и притворное вниманіе къ нимъ со стороны другихъ. Визитаторъ 1787 года, въ обзорѣ владимірскихъ школъ, выражаетъ сожалѣніе, что базиліане учатъ съ большимъ успѣхомъ, и нѣмецкому, и французскому, и аглицкому, и итальянскому языкамъ, а „о своемъ природномъ (rodovitem) славянскомъ языкѣ забыли", почему онъ поручилъ ректору просить провинціала назначить въ владимірскія школы учителя этого языка. На слѣдующій учебный годъ назначенъ былъ учителемъ славянскаго языка базиліанинъ Журавскій. Визитаторъ 1788 г. нашелъ въ немъ хорошаго преподавателя и рекомендовалъ коммисіи просвѣщенія поручить ему составить славянскую грамматику. Предложеніе со стороны коммисіи просвѣщенія послѣдовало, но въ слѣдующемъ году провинціалъ перевелъ Журавскаго въ Литву. Тѣмъ дѣло и окончилось.

[2]) Не будемъ говорить о первой, столь извѣстной въ исторіи югозападной Руси, острожской школѣ, основанной приснопамятнымъ княземъ Конст. Конст. Острожскимъ. Прошло всего нѣсколько лѣтъ со времени смерти этого знаменитаго защитника православія и борца противъ козней іезуитовъ, какъ внучка его Анна, вступившая въ бракъ съ великимъ гетманомъ литовскимъ Яномъ Кардомъ Ходкевичемъ, оказалась, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, такъ же происходившимъ изъ русскаго православнаго рода, страстною почитательницей іезуитовъ. Въ 1624 году она вызвала ихъ въ Острогъ, устроила для нихъ великолѣпныя зданія, снабдила нѣсколькими помѣстьями (Княгининъ, Мощеницы, Березцовъ) и другими доходными статьями и поручила имъ содержать высшую школу. Іезуиты устроили здѣсь коллегію, въ которой обучали и высшимъ наукамъ: философіи и богословію. Къ этой коллегіи принадлежали іезуитскія резиденціи въ Кременцѣ, Овручѣ и Винницѣ, а такъ же нѣсколько миссій. Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена явилась было мысль воспользоваться величественными и обширными зданіями ихъ для устройства въ нихъ особаго для южнорусскихъ областей польскаго университета. Но недостатокъ средствъ не дозволилъ осуществить этотъ проэктъ. Коммисія

Префектъ ксендзъ Павелъ Кучевскій,

Учитель 1-го класса ксендзъ Граціанъ Крупскій,

„ математики ксендзъ Мартинъ Скибинскій,

„ краснорѣчія и права ксендзъ Маркелъ Дычаковскій,

„ физики ксендзъ Иннокентій Костюкевичъ,

Преподаватели: нѣмецкаго языка—ксендзъ Мартинъ Скибинскій, учитель математики; французскаго языка—ксендзъ Граціанъ Крупскій, учитель 1-го класса.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Лукою Свѣбоцкимъ, ректоромъ волынскаго округа, который началъ таковой 15, окончилъ 17 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьныя записи. Тѣ изъ нихъ, которыхъ не было въ прошломъ году, теперь заведены. Нашедши тѣ и другія въ порядкѣ, я подписалъ ихъ.

Состояніе и управленіе школъ. Префектъ имѣетъ надзоръ за всѣмъ порядкомъ. Ректоръ внимательно относится къ назначенію учителей, избираемыхъ провинціаломъ (ордена). Не смотря на стараніе учителей, учениковъ въ этихъ школахъ мало. Лекціи идутъ установленнымъ порядкомъ; учебники (изданные коммисіей просвѣщенія) введены. Тѣ предметы, по которымъ еще не изданы учебники, изучаются: краснорѣчіе—по руководству автора de Colonia [1]), съ объясненіями Цицерона, Квинтиліана, Тацита и др.; физика—по Гонорату [2]); право—по отрывкамъ изъ сочиненій Стройновскаго и Скшетульскаго [3]); огородничество, минералы и земледѣліе—по сочиненіямъ Клюка [4]). Правда, что уроки по этимъ предметамъ отнимаютъ много времени, которое ученики принуждены

просвѣщенія передала эти зданія базиліанамъ, имѣвшимъ свой монастырь въ Гощи, подъ условіемъ содержать въ нихъ подъокружныя школы. Но на содержаніе этихъ школъ она назначила имъ изъ поіезуитскаго наслѣдства только небольшое имѣніе Курозваны и по 2000 злотыхъ, тогда какъ содержаніе однихъ зданій требовало большихъ расходовъ. Къ тому же костелъ поіезуитскій, во время случившагося въ Острогѣ пожара, сгорѣлъ и вмѣсто пособія школамъ коммисія просвѣщенія должна была нести большіе расходы на возобновленіе этого обширнаго костела. Изъ обширной іезуитской библіотеки и музея базиліанамъ досталась только малая доля; все прочее расхищено то самими іезуитами, то пріемщиками имущества ихъ.

[1]) *Decolonia Dominik. De arte rhethorica libri quinque.* Lublin. 1712. 1754. 1763.

[2]) Точнаго заглавія этой книги нѣтъ ни въ одной изъ польскихъ библіографій.

[3]) О руководствахъ этихъ лицъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ.

[4]) То же.

тратить на списываніе (въ классѣ подъ диктовку). Но, взвѣшивая хорошіе успѣхи однихъ учениковъ и слабые успѣхи другихъ, я нашелъ, что причиною послѣднихъ были и другія обстоятельства, именно: а) недостаточное число директоровъ, которые могли бы повторять съ учениками уроки въ квартирахъ; б) частыя заболѣванія лихорадкою, по причинѣ которыхъ множество учениковъ во время моего посѣщенія имѣли видъ блѣдный, изнуренный; наконецъ, в) теперешнія замѣшательства, вслѣдствіе которыхъ родители для безопасности забирали своихъ дѣтей въ свои домы, а потомъ не во время представили ихъ въ школы, чѣмъ причинили имъ значительный ущербъ въ наукахъ.

Число учениковъ. Всѣхъ учениковъ считалось до 155 [1]). Я засталъ ихъ всего 102, такъ какъ однихъ родители изъ боязни не вернули вновь въ школы, другіе же сами ушли, особенно изъ наиболѣе возрастныхъ, опасаясь вербовки въ солдаты. Посѣщеніе классовъ и спрашиванье, совмѣстно съ учителями, продолжалось два дня, всего около 14 часовъ.

Посѣщеніе классовъ. Въ присутствіи острогскаго духовенства, офицеровъ полка великой булавы и дамъ, ученики старшихъ трехъ классовъ испытываемы были по краснорѣчію, физикѣ, нравственности, праву, а такъ же огородничеству и земледѣлію. Переводы классическихъ авторовъ и сочиненія на латинскомъ языкѣ, читанныя учениками, убѣждали мущинъ, что въ школахъ существуютъ достаточныя упражненія въ латинскомъ языкѣ; физическіе опыты забавляли дамъ. Что касается моего собственнаго наблюденія, то я нашелъ даже въ первомъ классѣ такихъ учениковъ, которые прекрасно отвѣчали; тѣмъ болѣе—въ высшихъ классахъ, въ которыхъ и самый возрастъ, и собственный опытъ болѣе даютъ свѣта. Мало нашлось такихъ, которые отвѣчали бы хорошо по всѣмъ предметамъ: однихъ нужно было выводить на дорогу, другіе обнаруживали силу памяти и недостатокъ соображенія. Тѣмъ не менѣе нашлись и такіе, которые во всѣхъ предметахъ оказались успѣвшими настолько, чтобы заслужить награду.

Награда его королевской милости. Для наградъ медалями избраны слѣдующіе ученики, подающіе несомнѣнную надежду на успѣхи и въ дальнѣйшіе годы: ученикъ IV класса Гавріилъ Гач-

---

[1]) Въ прежніе годы число учениковъ бывало всегда гораздо значительнѣе. Въ 1785 году было ихъ 245.

ковскій, ученикъ III класса Янъ Рафаловскій и Петръ Соболевскій, новоградскій хорунжичъ, ученикъ II класса.

Директоры. Нѣкоторые изъ нихъ уѣхали вслѣдствіе замѣшательствъ; оставшіеся исполняютъ свои обязанности.

Иностранные языки. Успѣхи въ французскомъ языкѣ оказались средними, въ нѣмецкомъ—лучшими.

Музей. Стараніемъ учителя математики устроены цѣпь и палки въ дополненіе къ геометрическимъ инструментамъ, присланнымъ правительственною коммисіей [1]).

Богослуженіе. Хотя кармелиты дали пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія обѣщаніе пособлять (базиліанамъ) въ совершеніи религіозныхъ обрядовъ для учениковъ, однако базиліане сами исполняютъ всѣ богослуженія, предписанныя уставомъ.

Физическое воспитаніе. Ксендзъ префектъ уже упредилъ намѣреніе пресвѣтлой коммисіи и еще въ маѣ завелъ военныя упражненія, упросивши офицеровъ, квартирующихъ въ зданіи коллегіи, командировать для этого солдата.

Порученія. Во избѣжаніе пересудовъ, гг. служащіе въ школахъ должны прекратить сценическія упражненія. Въ случаѣ публичнаго акта, съ произнесеніемъ рѣчей самими монашествующими или учениками, эти рѣчи, для избѣжанія порицаній со стороны общества, должны быть предварительно прочитаны въ засѣданіи совѣта [2]). 2) Ксендзъ префектъ и учители постараются приличными способами склонить родителей къ тому, чтобы они, для собственной пользы, вносили плату директорамъ на руки префекта. 3) Не назначать въ директоры такихъ учениковъ, которые не были признаны способными на предшествовавшихъ экзаменахъ.

Заявленія. Учители просятъ главную школу ходатайствовать, дабы пресвѣтлая коммисія поспѣшила изданіемъ остальныхъ учебниковъ, такъ какъ имъ приходится слишкомъ много тратить времени на составленіе и диктовку уроковъ въ высшихъ классахъ.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

---

[1]) Визитаторъ 1788 года не нашелъ въ этихъ школахъ ни одного геометрическаго прибора.

[2]) Визитаторъ 1788 года, излагая причины слабыхъ успѣховъ учениковъ острожскихъ школъ, между прочимъ пишетъ: „два раза въ году устрояются здѣсь діалоги—безъ всякаго вкуса. Лучшихъ учениковъ выводятъ при этомъ на сцену и заставляютъ играть какія либо смѣшныя роли, напр. жида, хлопа и т. п., что, какъ сами ученики заявляли мнѣ, отнимаетъ у нихъ много времени"

Шароградскія подъокружныя школы[1]) *базиліанскія о 4-хъ учителяхъ.*

Ректоръ коллегіи—проректоръ школъ ксендзъ Демкевичъ,
Префектъ ксендзъ Лука Сульжинскій,
Учители: 1 кл. кс. Θеодосій Токарскій,
" математики кс. Амплеатъ Шелеховскій,
" физики кс. Яцекъ Громачевскій,
" краснорѣчія и права кс. Патрикій Концевичъ.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ ксендзомъ каноникомъ Вжещемъ, ректоромъ украинскаго округа; начатъ 1, оконченъ 4 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьныя записи. Всѣ онѣ содержатся въ надлежащемъ порядкѣ и мною подписаны.

Учениковъ 300 (по визитѣ 1782 г. учениковъ 600).

Посѣщеніе классовъ. Преподаваніе производится на основаніи росписанія предметовъ въ школахъ о 4 учителяхъ. Испытаніе учениковъ продолжается въ теченіи двухъ дней по четыре часа ежедневно утромъ и пополудни. Оно начато и кончено было рѣчью (обращенною къ ученикамъ и учителямъ). По краснорѣчію, поэзіи и праву успѣхи оказались весьма слабыми. Въ слѣдующемъ году краснорѣчіе и право будетъ преподавать ксендзъ Корычковскій, окончившій курсъ въ главной школѣ; надѣюсь, что тогда успѣхи будутъ гораздо лучше[2]).

---

[1]) Визитаторъ 1788 года, на основаніи разсмотрѣнныхъ имъ мѣстныхъ документовъ, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о шароградскихъ школахъ. „Издавна базиліане поселились въ сосѣдней съ Шароградомъ деревнѣ Калиновкѣ. Въ 1746 году князь Станиславъ Любомирскій, воевода кіевскій, перемѣстилъ ихъ въ Шароградъ, свое помѣстье, и поручилъ имъ устроенныя иждивеніемъ его школы. Въ 1764 году летичевскій подстолій Андрей Годзеиба-Вардынскій назначилъ сумму, на проценты которой доселѣ содержатся учители философіи и богословія (studia). Новый владѣлецъ Іосифъ Сосновскій устроилъ новыя помѣщенія для школъ на иномъ мѣстѣ. Коммисія просвѣщенія отпускаетъ на содержаніе этихъ школъ по 2000 злотыхъ. Платятъ *subsidii charitatis* 1400 злот. Лукашевичъ не имѣлъ этихъ свѣдѣній. На основаніи визиты 1784 года, онъ сообщаетъ только свѣдѣнія (обыкновенно неблагопріятныя) о состояніи этихъ школъ въ томъ же годѣ (т. IV, стр. 266—267), именно: учениковъ было до 600, однако, по нерадѣнію и невѣжеству базиліанъ, школы находились въ самомъ плохомъ состояніи; базиліане не хотѣли праздновать католическихъ праздниковъ и своихъ учениковъ-католиковъ—заставляли присутствовать только на богослуженіяхъ по восточному обряду.

[2]) Тутъ какое-то со стороны визитатора должно быть недоразумѣніе, или—мѣстная интрига. Генеральный визитаторъ 1788 г. Крисинскій отзывается о преподавателѣ Концевичѣ слѣдующимъ образомъ: „Здѣсь имѣется рѣдкій по усердію и способностямъ учитель краснорѣчія и права ксендзъ Патрикій Концевичъ, обучавшійся въ главной

Награда его королевской милости. Награждены серебренными медалями (патентами на медали) слѣдующіе выдѣляющіеся изъ ряда другихъ успѣхами и прилежаніемъ ученики: Феликсъ Гинтовтъ—Дзѣвялковскій, ученикъ II класса, и Петръ Лескевичъ, ученикъ III класса.

Директорство, богослуженіе, мѣсячные экзамены, годичные экзамены, рапорты директорскіе, посѣщеніе ученическихъ квартиръ, совѣщаніе съ директорами—все это производится точно по уставу.

Порученія. 1) Подтверждается первый пунктъ прошлогодней визиты, именно—чтобы учители, какъ академическихъ, такъ и среднихъ школъ, не принимали учениковъ къ общему своему столу.

2) Изученіе иностранныхъ языковъ, какъ и другихъ предметовъ преподаванія, не должно быть предоставляемо усмотрѣнію учениковъ или родителей ихъ. Въ I и II класахъ ученики обучаются нѣмецкому языку, въ III и IV французскому. Уроки должны быть расположенны такъ, чтобы способные ученики могли по желанію обучаться обоимъ языкамъ.

3) Ученикамъ, окончившимъ курсъ, уставъ позволяетъ оставаться въ послѣднемъ классѣ для усовершенствованія въ нѣкоторыхъ предметахъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ другихъ предметовъ. Такъ какъ примѣръ такихъ учениковъ вредно вліяетъ на усердіе остальныхъ учениковъ, не окончившихъ курса, то для избѣжанія этого вреда, допускать къ занятіямъ одною какою либо наукою только такихъ учениковъ (окончившихъ курсъ), которые или заняты какою либо службою (напр. г. Крыдзинскій даетъ уроки французскаго языка, г. Веселовскій обучаетъ музыкѣ), или, оказавши вполнѣ удовлетворительные успѣхи по всѣхъ наукахъ (до окончанія курса), потомъ, избравши одинъ какой

школѣ. Ни въ одномъ классѣ не нашлось въ чемъ попрекнуть его. Имѣя любовь къ своему предмету и желая болѣе и болѣе совершенствоваться въ немъ, онъ проситъ главную школу ходатайствовать предъ начальствомъ базиліанскимъ, дабы его не устраняли отъ этого предмета". Какимъ образомъ Концевичъ вдругъ сталъ неспособнымъ?— Генеральный визитаторъ 1787 года, проф. Богдановичъ, отзывается о шаргородскихъ школахъ слѣдующимъ образомъ: „Эти школы во время визиты отличились болѣе всѣхъ базиліанскихъ школъ охотою къ наукамъ, трудолюбіемъ и знаменитыми успѣхами учениковъ, не исключая ни одной науки и ни одного класса: во всѣхъ одинаковый успѣхъ. Собраніе учителей состоитъ изъ людей способныхъ, которые учатъ старательно, усердно и заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны пресвѣтлой коммисіи и главной школы.

либо предметъ, постоянно заняты были бы имъ посредствомъ чтенія книгъ, приготовленія диссертацій для публичного прочтенія ихъ, и не тратили бы даромъ времени при свободѣ отъ занятій другими предметами [1]).

Въ заключеніе я выразилъ всему собранію учителей благодарность за точное исполненіе предписаній устава и за почтенные труды ихъ по воспитанію молодежи.

БАРЪ.

Школы подъокружныя базиліанскія о 4-хъ учителяхъ [2]).

Ректоръ коллегіи, проректоръ школъ ксендзъ Андріанъ Андрузкевичъ,

Префектъ ксендзъ Іосафатъ Яницкій,

Учители: I класса ксендзъ Ѳеодосій Ольшанскій,

" II " ксендзъ Серафимъ Пыжицкій, субститутъ краснорѣчія [3]),

" Краснорѣчія и права—ксендзъ Іосафатъ Яницкій, префектъ,

---

[1]) Замѣчаніе визитатора Вжеща, кромѣ общаго своего значенія, могло имѣть въ виду упоминаемый прежними визитаторами обычай шаргородскихъ базиліанъ увольнять отъ изученія нѣкоторыхъ предметовъ тѣхъ изъ учениковъ высшаго класса, которые изъявили желаніе поступить въ *Studia*. Такіе ученики, оставаясь въ школахъ, посѣщали вмѣстѣ и уроки въ *Studia*, ради которыхъ освобождаемы были отъ нѣкоторыхъ предметовъ школьнаго курса. Вжещъ, вообще неблагосклонный къ базиліанамъ, очевидно имѣлъ въ виду устраненіе этой аномаліи въ школахъ. Въ качествѣ окружнаго визитатора, въ 1787 году, онъ распорядился было закрытіемъ *Studia* въ Шаргородѣ, но генеральный визитаторъ отмѣнилъ это распоряженіе въ томъ же году.

[2]) Школы въ Барѣ учреждены первоначально іезуитами на иждивеніе извѣстнаго гетмана польскихъ войскъ Жолкевскаго (1610—1614 г.). Съ помощію другаго извѣстнаго гетмана Конецпольскаго, эти школы выросли въ коллегію. Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена, при распредѣленіи по-іезуитскаго имущества, великолѣпное зданіе коллегіи оказалось собственностью жидовъ. Коммисія просвѣщенія затруднялась возстановленіемъ этихъ школъ и только въ 1781 году она передала по-іезуитскія зданія мѣстнымъ базиліанамъ подъ условіемъ, чтобы они содержали въ этихъ зданіяхъ школы. Послѣ возвращенія Подолья отъ турокъ къ Польшѣ, въ Барѣ оказались уцѣлѣвшими остатки издавна бывшаго здѣсь монастыря. Князь Доминикъ Любомирскій, владѣлецъ Бара, въ 1715 году отдалъ эти развалины его базиліанамъ. Послѣдніе до самаго уничтоженія іезуитскаго ордена не занимались обученіемъ юношества.

[3]) Субститутами назывались лица, приготовлявшіяся при школахъ къ занятію учительскаго мѣста и потому состоявшія въ подчиненіи учителю того предмета, который готовились преподавать.

Учители: математики—ксендзъ Симеонъ Билинкевичъ,
„ физики—ксендзъ Августинъ Пшыбыльскій,
Преподаватель иностранныхъ языковъ ксендзъ Іосафатъ Яницкій, префектъ.

Осмотръ произведенъ ксендзомъ каноникомъ Вжещемъ, ректоромъ украинскаго округа. Начатъ 6, оконченъ 8 іюля. Изъ рапорта его извлекаемъ слѣдующее.

Число учениковъ 350. Отличные изъ нихъ награждены патентами на серебренныя медали, именно: Михаилъ Скибневскій, мечниковичъ, ученикъ І-го класса [1]), и Ѳедоръ Лисевичъ, ученикъ ІІ-го класса.

Положеніе о директорахъ, мѣсячные и публичные экзамены и т. д. все исполняется по уставу.

Преподаваніе и успѣхи учениковъ я нашелъ не въ лучшемъ видѣ. Ученики высшихъ классовъ оказались довольно слабыми въ поэзіи и правѣ, какъ и учитель этихъ предметовъ, префектъ Яницкій. Въ слѣдующемъ году мѣсто Яницкаго заступилъ ксендзъ Литинскій, изъ Умани, какъ мнѣ кажется, человѣкъ способный.

Порученія. Изученіе иностранныхъ языковъ не должно быть предоставляемо усмотрѣнію учениковъ и родителей ихъ. Ученики І и ІІ классовъ могутъ обучаться нѣмецкому, ІІІ и IV—французскому языку. Уроки должны быть распредѣлены такъ, чтобы желающіе могли заниматься обоими языками.

2) Такъ какъ я нашелъ, что здѣсь въ высшей степени неумѣло пользуются дозволеніемъ устава допускать окончившихъ курсъ къ занятіямъ однимъ какимъ либо предметомъ, то, послѣ объясненія этого дѣла въ собраніи учителей и на экзаменахъ, я распорядился, чтобы впредь никто не былъ допускаемъ къ занятіямъ однимъ предметомъ въ какомъ бы то ни было классѣ, пока со временемъ не найдутся такіе, которые вполнѣ были бы того достойны [2]).

---

[1]) Въ слѣдующемъ году учители жаловались генеральному визитатору Трефлеру на несправедливое назначеніе Вжещемъ медали ученику 1 класса, который вслѣдъ затѣмъ покинулъ школу. Трефлеръ нашелъ этого ученика въ каменецкихъ школахъ и велѣлъ ему возвратить медаль на руки префекта барскихъ школъ.

[2]) Визитаторы прежнихъ двухъ лѣтъ весьма неодобрительно отзываются о составѣ барскихъ учителей и объ успѣхахъ учениковъ. Въ описываемое время это была одна изъ самыхъ плохихъ школъ. Причиною такого состоянія этихъ школъ должно при-

Поручается обращать особенное вниманіе на то, чтобы ученики, поступающіе изъ другихъ школъ, не были принимаемы безъ свидѣтельствъ отъ этихъ школъ и чтобы свидѣтельства выдаваемы были только вполнѣ достойнымъ ученикамъ.

4) Нашедши, что нѣкоторыя изъ школьныхъ записей ведутся неисправно, даю рѣшительное предостереженіе по этому предмету.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

УКРАИНСКІЙ ОКРУГЪ.

Винницкія[1] *окружныя школы академическія о шести учителяхъ.*

Ректоръ округа ксендзъ Янъ Вжещъ, каменецкій и кіевскій каѳедральный каноникъ.

Префектъ г. Михаилъ Кубешевскій, докторъ философіи.

Учители: I класса ксендзъ Стефанъ Шидловскій,
„ II „ г. Севастіанъ Порембинскій,
„ краснорѣчія и поэзіи г. Модестъ Колежинскій,
„ математики г. Феликсъ Анцыпа,
„ физики г. Михаилъ Демидовичъ,
„ права г. Матвѣй Мехержинскій,

Проповѣдникъ ксендзъ Матвѣй Венцковскій.

знать тогдашнее положеніе Бара среди огромныхъ болотъ, которыя и доселѣ вполнѣ не осушены, а въ то время дѣлали Баръ однимъ изъ самыхъ нездоровыхъ городовъ, почему способные изъ базиліанскихъ учителей всячески уклонялись отъ назначенія на должность въ этотъ городъ.

[1]) Въ Винницѣ школы учреждены первоначально іезуитами въ 1610—1617 гг., на иждивеніе Валентина-Александра Калиновскаго, генерала подольскаго и старосты брацлавскаго. Устройство школъ въ этомъ пограничномъ городѣ значительно подняло цѣлое пограничье въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ дворянство, имѣя возможности воспитывать своихъ дѣтей на мѣстѣ, охотнѣе оставалось въ своихъ имѣніяхъ и заселяло ихъ. Сами іезуиты въ этомъ городкѣ, значительно удаленномъ отъ центровъ политической и религіозной борьбы, сосредоточивались преимущественно на занятіяхъ воспитаніемъ и потому винницкія школы пріобрѣли уваженіе у мѣстныхъ обывателей и серьезность занятій учителей обратилась здѣсь въ традицію, такъ что и по уничтоженіи іезуитскаго ордена, съ подчиненіемъ винницкихъ школъ краковской академіи, эти традиціи одушевляли новыхъ учителей, которые старались превзойти іезуитовъ въ мнѣніи обывателей. Всѣ визитаторы отзываются съ отличною похвалою объ этихъ школахъ. Эта репутація ихъ была причиною того, что въ 1785 году онѣ возведены на степень окружныхъ, вмѣсто школъ житомірскихъ.

Преподаватели иностранныхъ языковъ: нѣмецкаго—г. Каетанъ Закшевскій, порутчикъ кадетскаго корпуса; французскаго—для начинающихъ тотъ-же Закшевскій, а для успѣвающихъ—г. Демидовичъ, учитель физики.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Вжещемъ, ректоромъ украинскаго округа; начатъ 25, оконченъ 30 іюня. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьныя записи и богослуженіе исполняются точно по уставу.

Домъ, костелъ и школьныя помѣщенія съ каждымъ годомъ приходятъ въ худшее состояніе, по недостатку средствъ на содержаніе ихъ въ надлежащемъ видѣ. Изъ 400 злотыхъ, положенныхъ на *sarta tecta,* содержатся: смотритель зданій, почта, прислужникъ при олтарѣ (zakrystian), сторожъ,—покупаются: вино и свѣчи для богослуженій, газеты, совершенно необходимыя и разрѣшенныя коммисіей просвѣщенія, а между тѣмъ стѣны, крыши, печи, двери, окна, скамьи и все въ этихъ обширныхъ зданіяхъ, въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ, ежегодно приходитъ въ худшее состояніе и все большихъ требуетъ расходовъ на починку. Необходимо назначить единовременно на починку 2000 злотыхъ, а на ежегодное содержаніе по 1000 зл.

Провинціальная касса. Жалованье получено всѣми. Доходы кассы оказываются недостаточными: въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ потребовалась помощь (изъ другихъ кассъ) въ 2000 злот.

Учениковъ 425.

Посѣщеніе классовъ. Испытаніе учениковъ изъ всѣхъ предметовъ происходило въ теченіи двухъ дней по 4 часа утромъ и по 5 часовъ пополудни. Преподаваніе производится на основаніи росписанія, положеннаго въ уставѣ, и по изданнымъ учебникамъ. Исключая 1 класса, во всѣхъ прочихъ классахъ ученики оказали значительные успѣхи.

Иностранные языки. Ученики показали въ нихъ значительные успѣхи, занимается ими не малое количество учащихся. Списокъ ихъ прилагается особо.

Награда его королевской милости. Золотая медаль назначена Стефану Заливскому, чесниковичу, Ливскому, ученику VI класса; серебренныя:—Эдуарду Жолтовскому, ученику V класса, и Григорію Рудавскому, ученику V класса.

Директоры. Всѣхъ 40. Совѣщанія съ ними и надзоръ за ними точно по требованію устава имѣетъ г. префектъ.

Физическое воспитаніе. Г. префектъ посѣщаетъ ученическія квартиры, заботится о порядкѣ въ нихъ, объ опрятности и здоровьи учениковъ. Лучше обученныхъ военнымъ упражненіямъ имѣется до 80; руководитъ ими въ этихъ играхъ ученикъ VI класса Николай Сциславскій, имѣя помощникомъ солдата изъ полка генерала коронной артиллеріи Потоцкаго.

Конвикта и пансіоновъ не имѣется.

Приходскія школы. 1) Въ *Браиловѣ* тринитары обучаютъ дѣтей чтенію и письму, не получая за то никакого вознагражденія и единственно ради того, чтобы дѣти могли имъ потомъ прислуживать при богослуженіи. Эту школу осматривалъ префектъ Кубешевскій. 2) Въ *Немировѣ*, подъ руководствомъ ксендза Шацинскаго, піариста, обучается 25 кадетовъ, на иждивеніи короннаго подкоморія Потоцкаго, безъ опредѣленнаго однако, какъ мнѣ говорили, содержанія [1]).

Порученія. 1) Въ самомъ началѣ учебнаго года имѣетъ быть совѣтъ, на которомъ прочитаны будутъ изъ устава наставленія для учителей и служащихъ и порученія генеральныхъ визитаторовъ, а тамъ составлено будетъ росписаніе хозяйственныхъ расходовъ и всѣхъ распорядковъ по дому, столу и школамъ. 2) Члены учебнаго состава не должны вмѣшиваться въ кругъ интересовъ, принадлежащихъ спеціальному вѣдѣнію начальника заведенія, какъ напр. наемъ помѣщеній, дозволеніе или не дозволеніе пользоваться квартирою или службами въ зданіи, установленіе (ученическихъ) складокъ и помѣщеніе учениковъ въ зданіи коллегіи.

Желанія. 1) Г. Мехержинскій, учитель права, проситъ пресвѣтлую коммисію, дабы возвращены были ему расходы, понесенные имъ при перемѣщеніи его изъ Познани въ Краковъ, оттуда въ Винницу, какъ на переѣздъ, такъ и на доставку книгъ и другихъ вещей его, въ размѣрѣ 340 злотыхъ, т. е. въ такомъ же ко-

---

[1]) Генеральный визитаторъ 1787 года Богдановичъ пишетъ о немировской школѣ, что ксендзъ Шацинскій, вмѣсто школы кадетовъ, на учрежденіе которой коммисія просвѣщенія выдала дозволеніе Потоцкому, содержитъ пятиклассныя школы и полный штатъ учителей, а вмѣсто 12 кадетовъ, опредѣленныхъ штатомъ школы, имѣетъ 168 учениковъ обыкновенныхъ. При этихъ школахъ Шацинскій устроилъ конвиктъ, отъ котораго имѣетъ большія выгоды. Богдановичъ проситъ закрыть эти школы, какъ существующія безъ разрѣшенія коммисіи просвѣщенія и притомъ въ подрывъ интересамъ правительственныхъ школъ, что и было исполнено. Но Шацинскій снова открылъ ихъ...

личествѣ, въ какомъ уплочены они были префекту кременецкому г. Лучевскому.

2) Г. Демидовичъ, учитель физики, на дорогу въ Овручъ [1]), на раскопку горы, на пробныя стекла и т. п. истратилъ 40 злотыхъ болѣе той суммы, которая назначена была ему пресвѣтлою коммисіей. Переѣздъ изъ Кракова въ Винницу потребовалъ отъ него расхода на 54 зл. больше той суммы, какая ему назначена была по таксѣ, установленной восемь лѣтъ назадъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ все вздорожало. Кромѣ того онъ оставилъ винницкимъ школамъ устроенные на свой счетъ физическіе инструменты: барометръ и термометръ въ одной оправѣ, стоившіе 20 злотыхъ,—глобусъ, стоившій 7 злотыхъ, трехсторонная призма—3 злота, электоръ—4 зл., за минералогическіе предметы 12 злотыхъ (не считая тѣхъ, которые онъ самъ собиралъ) [2]). Все это, вмѣстѣ съ суммою $40+54=94$ злот., онъ проситъ пресвѣтлую коммисію возвратить ему.

Въ заключеніе осмотра я отдалъ полную справедливость всему собранію служащихъ, а въ классахъ учителямъ и ученикамъ, успѣвшимъ, за весьма малымъ исключеніемъ, во всѣхъ предметахъ [3]).

Перемѣны. 1) На мѣсто учителя 1 класса Шидловскаго поступилъ ксендзъ Матвѣй Венцковскій; 2) на мѣсто г. Анцыпы поступилъ учителемъ математики г. Смукровскій; 3) на мѣсто префекта Кубешевскаго назначенъ г. Ярковскій изъ Кременца; 4) на мѣсто г. Демидовича, учителя физики, поступилъ г. Витвицкій изъ Житоміра.

---

[1]) Цѣлію командировки Демидовича въ Овручъ вѣроятно было ознакомленіе его съ мастерской физическихъ инструментовъ ксендза Соболевскаго, о которой будетъ сказано при изложеніи осмотра овручскихъ школъ.

[2]) Генеральный визитаторъ 1788 года Крусинскій свидѣтельствуетъ, что Демидовичъ, поступивъ на должность учителя физики, не засталъ въ винницкихъ школахъ ни одного физическаго инструмента и рѣшился самъ приготовлять таковые. Не понятно перемѣщеніе такого полезнаго учителя въ другія школы.

[3]) Тотъ-же генеральный визитаторъ отзывается о винницкихъ школахъ: „изъ всѣхъ провинціальныхъ академическихъ учительскихъ собраній здѣшнее собраніе наилучше понимаетъ свое призваніе и можетъ быть названо счастливымъ". Онъ порицаетъ только учителей: Анцыпу—за опущеніе обязанностей своихъ и Шидловскаго—за неуживчивый характеръ.—Врагами мѣстныхъ школъ Крусинскій признаетъ мѣстныхъ капуциновъ и доминиканов.

Житомірскія[1] *подъокружныя школы академическія о 6 учителяхъ*

Проректоръ ксендзъ Янъ Одынецъ, кіевскій каѳедральный каноникъ, депутатъ короннаго трибунала.

Учители: I класса ксендзъ Ксаверій Олендзскій,
„ II „ „ Антоній Капица,
„ краснорѣчія г. Янъ Витвицкій,
„ математики г. Алексѣй Маршевскій,
„ физики г. Павелъ Старнавскій,
„ права г. Антоній Воленскій.

Преподаватель нѣмецкаго языка г. Іосифъ фонъ-Бомъ (Beaums)

Генеральный осмотръ произведенъ проректоромъ ксендзомъ Одынцемъ, начатъ 30 іюня, оконченъ 5 іюля. Изъ рапорта Одынца извлекается слѣдующее:

Учениковъ 519.

Посѣщеніе классовъ. Испытаніе всѣхъ классовъ происходило въ теченіе трехъ дней, 18 часовъ. Значительное большинство учениковъ давали отвѣты и объясненія съ полною сознательностью. При этомъ присутствовалъ галицкій войскій Гайчинскій, имѣющій двухъ сыновей въ уманскихъ школахъ и интересовавшійся порядками и способами обученія въ здѣшнихъ школахъ. Онъ такъ доволенъ былъ успѣхами обученія, что-не смотря на то, что имѣніе его находится въ разстояніи болѣе десяти миль отъ Житоміра, рѣшился перемѣстить своихъ сыновей въ здѣшнія школы.

Нѣмецкій языкъ преподается съ пользою для учениковъ.

Награда его королевской милости. Хотя медали не были еще присланы, однако онѣ назначены слѣдующимъ найлучшимъ ученикамъ: IV класса Викентію Залескому, луцкому ловчичу—золо-

---

[1]) Въ Житомірѣ открыта іезуитская миссія и при ней грамматическая (въ составѣ трехъ классовъ) школа въ 1724 году, на иждивеніи Казиміра Стецкаго. Извѣстный епископъ Андрей Залускій основалъ при этой школѣ *Studium theologiae moralis* (Łukaszewicz, т. 4, стр. 195). Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена, коммисія просвѣщенія, не смотря на ограниченныя и ветхія деревянныя помѣщенія, оставшіяся послѣ іезуитовъ, рѣшилась открыть въ нихъ окружныя школы, назвавши по имени этого города и цѣлый округъ житомірскимъ (Головчичъ въ своей визитѣ 1782 году рекомендовалъ переименовать его въ украинскій, что потомъ и исполнено) Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что братъ Пирамовича хлопоталъ объ устройствѣ въ Житомірѣ уніатской семинаріи. Искуственное возвышеніе Житоміра, можетъ быть въ противувѣсъ сосѣднему Кіеву, оспаривали другіе города, болѣе удаленные отъ русской границы. Въ 1785 г. округъ учебный перенесенъ въ Винницу, съ переименованіемъ въ украинскій.

тая, Іоакиму Лосинскому, ученику IV класса, и Вавржинцу Малевевскому, ученику III класса, серебренныя.

Мѣсячные годичные экзамены. Первые производятся точно по уставу. На публичныхъ экзаменахъ, которые приходятся на время сеймиковъ, а также собраній капитулы, обыкновенно присутствуютъ первыя особы изъ обывателей, прелаты и каноники, а также и многія другія лица.

Богослуженіе. Совершается по уставу. Мѣстные бернардины за условленную плату совершаютъ богослуженіе, сказываютъ проповѣди и т. п.

Физическое воспитаніе. Квартиры учениковъ посѣщаются, ученики пріучиваются къ опрятности, къ труду, упражняются въ занятіяхъ, укрѣпляющихъ силы ихъ. Военными упражненіями занимаются по преимуществу ученики низшихъ классовъ. Ученики возвращаются въ городъ съ ученья обыкновенно вечеромъ подъ звуки барабана. Этимъ оскорбился капитанъ Овсинскій, комендантъ мѣстнаго гарнизона, принадлежащаго къ полку генералъ-инспектора Мальчевскаго; онъ нѣсколько разъ просилъ запретить ученикамъ эти упражненія, особенно послѣ пробитія вечерней зари, положеннаго въ 8 часовъ, угрожалъ даже силою разгонять учениковъ. Эти поступки г. Овсинскаго сильно оскорбили обывателей, которые всегда довольны были приготовленіями молодежи къ службѣ на защиту отечества, а также охладили самихъ учениковъ къ упражненіямъ этого рода.

Провинціальная касса. Содержится подъ двумя ключами и со всею осторожностью. По уплатѣ жалованья за апрѣль, въ ней осталось 305 злотыхъ и 20¹/₄ грошей. Изъ этой суммы нужно еще уплатить эмериту ксендзу Рушковскому 300 злотыхъ, за полученіемъ которыхъ онъ доселѣ не являлся.

Домъ, комнаты, костелъ. Домъ находится въ плохомъ состояніи. Учители принуждены терпѣть въ своихъ квартирахъ разныя невыгоды, то отъ дымящихся печей, построенныхъ неумѣлыми мастерами изъ плохихъ кафлей, слѣпленныхъ плохою глиною, то отъ согнившихъ оконныхъ рамъ, то отъ дверей, плохо пригнанныхъ или разсохшихся. Крыша на коллегіи, устроенная уже больше 20 лѣтъ, во время дождей протекаетъ. Окна въ корридорахъ также портятся то отъ случайныхъ, то отъ намѣренныхъ поврежденій, которыхъ нѣтъ возможности исправить по причинѣ совершенной недостаточности суммы на *sarta tecta.* Все это увеличиваетъ невыгоды всѣхъ жильцовъ. Въ классныхъ комнатахъ пять печей

безусловно требуютъ передѣлки, съ придачею новыхъ кафлей. Слѣдовало-бы также каждый годъ побѣлить хотя двѣ классныя комнаты. Скамьи такъ ветхи, что напрасны были-бы расходы на починку ихъ. На костельныхъ куполахъ крыши издавна ожидаютъ починки, а между тѣмъ своды и стѣны все больше и больше портятся отъ течи и возбуждаютъ опасенія.

Общій столъ. Получивъ отъ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія единовременно 300 злотыхъ на устройство принадлежностей для общаго стола, собраніе учителей приноситъ ей за это милостивое вниманіе искреннюю благодарность. На что именно употреблена будетъ эта сумма, покажетъ потомъ отчетъ въ расходѣ ея. Но собраніе предпочитало получать и меньшую сумму, только ежегодно, а не единовременно, такъ какъ, за отсутствіемъ колодца, оно принуждено дорого оплачивать воду, доставляемую изъ отдаленнаго мѣста на взгорье. Собраніе проситъ объ этомъ пресвѣтлую коммисію.

(Далѣе идетъ подробное исчисленіе суммъ, потребныхъ, по мнѣнію Одынца, на починки и на ежегодное содержаніе всѣхъ зданій и богослуженія, на пріобрѣтеніе разныхъ предметовъ для костела и т. под. На починки исчислено 1500 злотыхъ, на *sarta tecta* 820 злот., на экстраординарные расходы 299 злот.; въ возвратъ служащимъ за исправленіе занимаемыхъ ими помѣщеній 429 зл. и 26 грошей. При этомъ ничего не упоминается объ учебныхъ принадлежностяхъ, не говорится о библіотекѣ, кабинетахъ, хотя изъ прежнихъ визитъ видно, что онѣ находились въ очень убогомъ состояніи).

Порученія. Таковыхъ сдѣлано 15, всѣ онѣ вписаны въ книгу порученій и предостереженій.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

Перемѣны. На мѣсто учителя краснорѣчія г. Витвицкаго (поступившаго въ винницкія школы учителемъ физики) назначенъ кандидатъ г. Янъ Рыхарскій. На мѣсто учителя физики, г. Павла Старнавскаго поступилъ г. Николай Хрусцѣльскій, бывшій учителемъ права въ Люблинѣ.

Любарскія[1]) *подъокружныя школы базиліанскія о 4-хъ учителяхъ.*

Ректоръ колегіи, проректоръ школъ ксендзъ Бенедиктъ Ржицицкій,
Префектъ ксендзъ Флавіанъ Петринскій,
Учители: 1-го класса ксендзъ Павлинъ Калинскій,
" математики ксендзъ Анастасій Недзѣльскій,
" физики ксендзъ префектъ Ф. Петринскій,
" краснорѣчія и права ксендзъ Эразмъ Міяковскій.

Проповѣдникъ и духовники учениковъ ксендзы: Даміанъ Чемеринскій и Мартинъ Ляторовскій.

Преподаватели: французскаго языка г. Скочковскій, нѣмецкаго—г. Гайдрихъ.

Генеральный осмотръ производилъ ксендзъ каноникъ Одынецъ, депутатъ трибунала, проректоръ житомірскихъ школъ, начавъ его 9, окончивъ 11 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее:

Предварительно осмотра въ собраніи всѣхъ служащихъ я держалъ рѣчь о замѣшательствахъ въ краѣ по поводу хлопскихъ бунтовъ и о заботливости пресвѣтлой коммиссіи просвѣщенія и главной школы о распространеніи и развитіи въ этомъ краѣ образованія, для улучшенія въ немъ нравственности и для искорененія предубѣжденій и ненависти къ польскому имени, послѣ чего спрашивалъ обо всемъ, что относится къ общественному образованію.

Школьныя записи содержатся въ надлежащемъ порядкѣ и подписаны мною.

Учениковъ 353.

---

[1]) Лукашевичу (т. IV, стр. 265—266) ничего не извѣстно о началѣ этихъ школъ. Тоже и визитатору 1781 года, Головчичу (Archivum, т. 1, стр. 47). Визитаторъ 1788 года говоритъ, что школы въ Любарѣ основаны въ 1760 году княземъ Францишкомъ-Фердинандомъ Любомирскимъ. Лукашевичъ утверждаетъ, что коммисія просвѣщенія, преобразовала эти школы въ шестиклассныя. Но, начиная съ первой визиты 1781 года, всѣ онѣ находятъ въ этихъ школахъ 4 учителей и съ начала четыре, потомъ три класса Однако любарскія школы первоначально считались въ числѣ первыхъ по численности учениковъ (по визитамъ 1781 и 1784 г. учениковъ было до 450). Визитаторъ 1787 года очень хвалилъ успѣхи учениковъ въ физикѣ и математикѣ. Визитаторъ 1788 г. нашелъ въ этихъ школахъ только слѣдующіе приборы по математикѣ и физикѣ: два негодныхъ къ употребленію столика для измѣренія, желѣзную цѣпь, поломанную, астролябію такъ-же поломанную и негодную къ употребленію, ничего больше. Школьная библіотека почти не существовала.

Испытанія учениковъ продолжались 13 часовъ. Уроки производятся одни по учебникамъ, другіе—по програмамъ, указаннымъ въ уставѣ. Вопросы давались мною, начальникомъ заведенія и учителями. Большинство учениковъ отвѣчали съ полною сознательностью и свободою.

Иностранные языки. До іюня французскій языкъ преподавалъ Димитрій Трешинскій, а нѣмецкій—Саломонскій; оба они уволены по основательнымъ причинамъ (?), и мѣсто перваго занялъ г. Скочковскій, втораго—Гайдрихъ. Французскому языку обучается 28 учениковъ, нѣмецкому—12; всѣ они показали успѣхи [1]).

Награда его королевской милости. Награждены (серебренными медалями) ученикъ III класса Іосифъ Зелинскій и II класса Іосифъ Цѣлецкій.

Мѣсячные экзамены и годичныя испытанія. Экзамены производятся точно по уставу. На публичныхъ актахъ присутствуютъ обыватели, а также почтенный пріоръ, славный проповѣдникъ, любимый обывателями ксендзъ Доминикъ Вышинскій со всѣмъ собраніемъ доминикановъ, которое, какъ извѣстно здѣсь всѣмъ, повсюду превозноситъ похвалами нынѣшнюю систему образованія [2]).

---

[1]) Визитаторъ 1787 года поручалъ собранію ходатайствовать у провинціала между прочимъ о назначеніи учителя славянскаго языка. Но или это порученіе не было исполнено, или ходатайство не уважено, потому что ни въ слѣдующемъ, ни въ текущемъ году славянскій языкъ не преподавался. Странно, поляки хлопочутъ о преподаваніи славянскаго языка въ базиліанскихъ школахъ, а базиліане, любители роднаго, славянскаго богослуженія, повсюду уклоняются отъ преподаванія его! Тутъ очевидно недоразумѣніе: 1) въ то время славянская филологія еще не пробуждалась и славянская грамматика могла быть преподаваема развѣ по невозможнымъ учебникамъ Susanis и „студсевъ, иже въ Львовѣ"; 2) польскіе реформаторы усиливались убѣдить базиліанъ и русиновъ вообще, что природный языкъ ихъ есть славянскій, а не русскій, тогда какъ базиліане желали обучать русскому языку, что доказываетъ появленіе въ печати нѣсколькихъ грамматикъ русскаго языка, сдѣланныхъ базиліанами, о чемъ нами сказано было въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Рѣдкій примѣръ представляли эти доминикане между монашествующими тогдашняго времени, если только ксендзъ Одынецъ не кривитъ въ этомъ случаѣ душою въ пользу ксендзовъ-доминикановъ противъ не любимыхъ всѣми ксендзами, особенно въ то время, базиліанъ. Генеральный визитаторъ 1788 Крусинскій, свѣтское лицо, вообще всюду встрѣчавшій со стороны монашествующихъ только непріязнь къ новой системѣ обученія, доносилъ коммисіи просвѣщенія о любарскихъ доминиканахъ: „служащіе въ школахъ жаловались на любарскихъ доминикановъ, что они повсюду, гдѣ только можно, поносятъ нынѣшнюю систему образованія и подрываютъ между обывателями довѣріе къ лицамъ, трудящимся на пользу этого образованія".

Порученія. Кромѣ 12 общихъ, подтверждено прежнее порученіе объ осмотрѣ приходской школы въ Полонномъ [1]), устройствѣ въ ней порядковъ и о донесеніи о томъ главной школѣ.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

Овручскія [2]) подъокружныя школы базиліанскія о 4-хъ учителяхъ.

Префектъ ксендзъ Климентъ Веселовскій,
Учители: 1 класса ксендзъ Анастасій Малецкій,
„ математики Климентъ Веселовскій, префектъ,
„ физики ксендзъ Анатолій Садовскій,
„ краснорѣчія и права ксендзъ Иларій Делявскій.

---

[1]) О школѣ въ Полонномъ визитаторъ Крусинскій, такъ же не посѣтившій ее, говоритъ только, что въ ней очень много учениковъ и что, по слухамъ, въ ней не соблюдаются постановленія коммисіи просвѣщенія.

[2]) Учрежденіе учебнаго заведенія въ Овручѣ, въ этой столицѣ полѣсскихъ болотъ и полудикихъ полѣшуковъ, представляетъ по времени дѣйствительно смѣлое предпріятіе и самоотверженное служеніе образованію, какъ понимали его учредители—іезуиты, которые перенесли сюда свою резиденцію и школы около 1680 года изъ Ксаверовки, совершенно разоренной во время московскихъ войнъ за Малороссію. Конечно въ такой полудикой сторонѣ, каковою было Полѣсье, трудно было возбудить расположеніе къ школамъ, особенно іезуитскимъ, потому что это полудикое населеніе отличалось крѣпкою привязанностью къ старымъ своимъ обычаямъ, составлявшимъ весьма грубую смѣсь язычества съ христіанскимъ православіемъ. Овручскія школы никогда не были въ цвѣтущемъ состояніи въ рукахъ іезуитовъ, не смотря на то, что мѣстная іезуитская миссія пользовалась значительными поземельными владѣніями (Лукашевичъ, т. 4, стр. 125 и 126). Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена, коммисія просвѣщенія поручила эти школы краковской академіи, преобразовавъ ихъ въ трехклассныя, съ тремя учителями. Но вѣроятно краковская академія затруднялась пріисканіемъ учителей изъ своихъ воспитанниковъ, которые имѣли бы охоту поселиться среди этого царства болотъ и страшныхъ въ тогдашей Польшѣ полѣшуковъ, и составъ учителей въ Овручѣ постоянно былъ не полный. Поэтому коммисія просвѣщенія склонялась къ мысли передать какому либо монашескому ордену, преимущественно базиліанскому, къ которому русское населеніе имѣло болѣе довѣрія, нежели къ орденамъ католическимъ. Первый изъ визитаторовъ коммисіи просвѣщенія, не разъ упоминаемый нами ксендзъ Головчичъ, посѣтившій овручскія школы въ 1782 году, пишетъ по этому поводу въ своей визитѣ (*Archivum*, стр. 43 и 44): „Эти школы, расположенныя на окраинѣ, заселенной мелкою шляхтою, чуждой всякаго образованія, должны обратить на себя особенное вниманіе пресвѣтлой коммисіи. Здѣшняя молодежь и большая часть обывателей *мало знакомы съ польскимъ языкомъ.* Необходимо поэтому посылать сюда способныхъ учителей, которые могли бы распространить науку и цивилизовать этотъ край. Но сохрани Богъ поручать эти школы

Генеральный осмотръ произведенъ кіевскимъ каѳедральнымъ каноникомъ, эмеритомъ ксендзомъ Михаиломъ Соболевскимъ, начатъ 22, оконченъ 25 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Учениковъ 192. Изъ нихъ директоровъ 23. Во время вербунковъ взято въ военную службу 28.

Богослуженіе. Проживая всегда здѣсь (въ Овручѣ), помогая на сколько могу (въ богослуженіи), я вижу здѣсь настоящее католическое образованіе.

Испытаніе учениковъ. Въ 1 классѣ я испытывалъ первогодичныхъ въ теченіе трехъ часовъ, второгодичныхъ въ теченіе четырехъ часовъ. Во второмъ и третьемъ классахъ испытаніе продолжалось десять часовъ съ половиною. Во всѣхъ классахъ я съ истиннымъ удовольствіемъ нашелъ успѣхи, а потому, собравши учениковъ всѣхъ классовъ, я выразилъ имъ заслуженную ими похвалу, а найстарательнѣе приготовляющихся къ службѣ отечеству увѣрилъ въ особенномъ вниманіи къ нимъ со стороны высшаго правительства. Постановленія по учебной части, касательно распредѣленія предметовъ и учебныхъ часовъ, а также другихъ полезныхъ занятій, соблюдаются здѣсь съ примѣрнымъ стараніемъ [1]).

Школьныя записи всѣ мною разсмотрѣны и подписаны.

Инструменты. Ихъ мало и всѣ уже испорчены отъ долгаго употребленія. Однако всѣ они сохраняются. Всѣ они—геометрическіе, для физики-же нѣтъ ничего.

монахамъ, такъ-какъ это значило-бы укрѣпить въ этомъ краѣ гнѣздо суевѣрій... Я совершенно не одобряю мысли отдать эти школы и костелъ базиліанамъ, отъ которыхъ нельзя ожидать надлежащаго обученія". Лукашевичъ, въ одномъ мѣстѣ (т. 4, стр. 266) допускающій, что отъ іезуитовъ овручскія школы перешли къ базиліанамъ, въ другомъ мѣстѣ той-же книги (стр. 126) раскаевается въ этомъ своемъ будто-бы заблужденіи и утверждаетъ, что школы оставались академическими. На самомъ дѣлѣ коммисія просвѣщенія, не смотря на предостереженіе со стороны Головчича, нашлась вынужденною передать эти школы базиліанамъ (послѣ 1784 года): другого способа для поддержки школъ въ этомъ глубокомъ захолустьи не было. Головчичъ нашелъ здѣсь школьныя помѣщенія вполнѣ достаточными, классныя помѣщенія, заново отстроенныя, въ очень хорошемъ состояніи, хотя домъ требовалъ починки, костелъ содержался прекрасно, хотя не оконченный и требовавшій поправокъ въ наружныхъ частяхъ, плохую библіотеку и необходимое число геометрическихъ приборовъ, учениковъ—150 (Лукашевичъ, не извѣстно на какомъ основаніи, показываетъ ихъ здѣсь въ этомъ годѣ 245).

[1]) Визитаторъ 1788 года такъ-же отзывается съ большою похвалою объ усердіи Учителей и успѣхахъ учениковъ „въ этомъ захолустьи, куда трудно проникнуть свѣту".

Иностранные языки. Преподаются только нѣмецкій и славянскій, ученики испытываются въ нихъ на публичныхъ актахъ [1]).

Порученія. Я составилъ здѣсь только общія порученія, взятыя изъ предписанія пресвѣтлой коммисіи и изъ наставленій главной школы.

Награда его королевской милости. Найболѣе достойны этой чести ученики II класса: Игнатій Яновскій и Ѳедоръ Михневичъ.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

Добавленіе со стороны генеральнаго визитатора. О выдѣлкѣ инструментовъ ксендзъ Соболевскій донесъ мнѣ, что она прекращена: такъ какъ пресвѣтлая коммисія не дала завѣренія (въ производствѣ заказовъ), то рабочіе, въ числѣ восьми, пріученные имъ къ этого рода работамъ, разошлись въ разныя стороны и, не имѣя чѣмъ жить, одни занялись позолотой, другіе принялись за бронзовыя издѣлія, иные стали часовщиками, отчего Соболевскій понесъ большіе убытки [2]).

Описаніе мѣста. Въ этихъ школахъ не имѣется ничего новаго, какъ и въ цѣломъ уѣздѣ. Можетъ быть тутъ нашлось-бы что полезнаго для края, но для этого здѣсь нужны другіе люди, какъ правители, такъ и подданные, потому что первые проводятъ время въ пьянствѣ, послѣдніе въ праздности. Почва на нѣсколько миль вокругъ Овруча хороша: въ ней имѣется известь, желѣзо, мельничный камень, прекрасный матеріалъ для мощенія

---

[1]) Въ слѣдующемъ году генеральный визитаторъ нашелъ, что ни нѣмецкій, ни славянскій языки не преподаются по недостатку способныхъ учителей.

[2]) Генеральный визитаторъ 1788 года Крусинскій пишетъ въ своемъ рапортѣ слѣдующее: „Здѣсь проживаетъ давній эмеритъ преклонныхъ лѣтъ, ксендзъ Соболевскій, владѣющій сноровкою въ выдѣлкѣ математическихъ и физическихъ инструментовъ. При немъ обучается этимъ работамъ много молодыхъ людей. Я видѣлъ нѣсколько математическихъ предметовъ, сдѣланныхъ имъ; они уступаютъ заграничнымъ, но въ полевыхъ работахъ могутъ имѣть преимущество предъ иностранными. Если-бы пресвѣтлая коммисія рѣшила надѣлить школы физическими и математическими инструментами, то можно бы условиться съ Соболевскимъ насчетъ доставки ихъ по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ“. Къ сожалѣнію коммисія упустила этотъ единственный случай для надѣленія школъ необходимѣйшими инструментами, не поддержала этого перваго зарождавшагося въ краѣ заведенія, какъ поддерживала разныя не нужныя для школъ фабрики. Въ 1782 г., во время осмотра овручскихъ школъ Головчичемъ, Соболевскій былъ проректоромъ этихъ школъ и обратилъ его вниманіе „особенною любовію къ механикѣ и архитектурѣ, въ которыхъ оказываетъ услуги обывателямъ“.

улицъ, глина для выдѣлки кирпича, чистая и здоровая вода, всегда урожайныя поля, лѣса наполненные звѣрями, птицами и пчелами, рыбныя рѣчки. Овручъ считается главнымъ городомъ обширнаго уѣзда, но онъ не городъ; ученики терпятъ въ немъ большія нужды, какъ по причинѣ плохаго устройства усадьбъ, такъ въ особенности для пріѣзжихъ издалека, по причинѣ трудности въ пріобрѣтеніи предметовъ продовольствія [1]).

Каневскія [2]) подъокружныя школы базиліанскія о трехъ учителяхъ.

Префектъ ксендзъ Адріанъ Славинскій.

Учители: 1 класса и славянскаго языка—ксендзъ Станиславъ Тучанскій,

„ краснорѣчія и права—ксендзъ Іеронимъ Гуринъ,

„ математики—префектъ Славинскій,

Проповѣдникъ ксендзъ Ипатій Фидрицкій.

Преподаватель нѣмецкаго языка г. Залѣскій.

Генеральный осмотръ производилъ ксендзъ Янъ Дынецъ, кіевскій каноникъ, депутатъ, проректоръ житомірскій; начатъ 28, оконченъ 29 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

---

[1]) Головчичъ подтверждаетъ то-же самое, причемъ не хвалитъ и мѣстности. „Ученики, говоритъ онъ въ своей визитѣ, заболѣвали катарами и горячками, которыя обыкновенно господствуютъ здѣсь въ началѣ весны, по причинѣ болотъ, окружающихъ лежащій на пригоркѣ Овручъ и распространяющихся по цѣлому уѣзду. Вслѣдствіе неряшества въ городѣ и въ дворахъ хозяевъ, у которыхъ квартируютъ ученики, учители при посѣщеніи этихъ квартиръ никакъ не могутъ внушить ученикамъ опрятности, такъ какъ квартиры пріучаютъ ихъ къ неопрятности.

[2]) Генеральный визитаторъ 1788 года Крусинскій, на основаніи мѣстныхъ документовъ, говоритъ: „Основатель этихъ школъ—ксендзъ опатъ Физикевичъ, который, еще будучи коммисаромъ при старостѣ, князѣ Понятовскомъ, построилъ для нихъ деревянный домъ. Получивши мѣсто опата (почетнаго начальника монастыря), въ 1781 году, когда староство стало дѣдичнымъ имѣніемъ князя литовскаго подскарбія, онъ склонилъ князя построить для школъ новый каменный домъ и назначить для нихъ содержаніе. Постановленіемъ отъ 23 мая 1786 года, коммисія просвѣщенія устранила отъ завѣдыванія школами лицо не монашествующее и назначила имъ по 3550 злотыхъ (ежегодно)“. Значитъ эти школы поступили въ вѣдомство коммисіи пр. и въ завѣдываніе базиліанъ только въ 1786 году, до тѣхъ-же поръ существовали въ видѣ элементарной или фарной школы. Въ генеральной визитѣ 1782 года каневская школа значится въ числѣ парафіальныхъ (вмѣстѣ съ *бѣлоцерковскою*, о которой, кромѣ этого упоминанія, мы не нашли другихъ свѣдѣній), находящихся въ вѣдомствѣ ректора житомірскихъ школъ (Archivum, стр. 43).

О генеральной визитѣ объявлено было въ собраніи служащихъ, послѣ чего я спрашивалъ обо всемъ, что относится къ воспитанію.

Школьныя записи ведутся въ порядкѣ и подписаны мною.

Богослуженіе совершается сообразно требованіямъ устава. Для пріобщенія учениковъ латинскаго обряда приглашается тринитаръ изъ Быща. Всегда имѣется также освященная гостія (св. дары запасные) для пріобщенія заболѣвающихъ.

Всѣхъ учениковъ 139. Я засталъ только 28 учениковъ; остальные, не дожидаясь конца ученія, разъѣхались по домамъ родителей (!). Большею частію эти ученики отвѣчали сознательно и легко. Испытаніе продолжалось два дня, по 4 часа.

Иностранные языки. Нѣмецкому языку обучалось 23 ученика, славянскому—30 [1]). Изъ тѣхъ и другихъ осталось мало; оказавшіеся на лицо давали удовлетворительные отвѣты.

Награда его королевской милости. Хотя Ѳома Рыхловскій получилъ медаль прежде сего, однако, принимая во вниманіе, что онъ случайно утерялъ эту медаль и нынѣшнимъ постояннымъ усердіемъ вновь заслужилъ ее, я назначилъ ему таковую вмѣсто Романа Евфимовича, который въ этомъ году получилъ-бы первую медаль, если бы нѣсколькими днями раньше не уѣхалъ на вакацію. Другой, получившій медаль, Ѳедоръ Домницкій. Оба ученики III класса.

Мѣсячные экзамены, физическое воспитаніе и т. п. производятся точно по уставу.

Порученія. Я оставилъ только общія порученія, означенныя въ предписаніи пресвѣтлой коммисіи и главной школы.

Дополнимъ это скудное описаніе свѣдѣніями изъ другихъ визитъ. Генеральный визитаторъ 1787 года нашелъ, что всѣ предметы преподаются слабо и что Опатъ не можетъ удерживать должный порядокъ въ школахъ и почти не занимается ими. Визитаторъ не засталъ одного изъ учителей. Опатъ объяснялъ отсутствіе его необходимостью посовѣтоваться съ докторами въ Богуславѣ относительно леченія разстроеннаго здоровья, а также даннымъ ему порученіемъ купить на ярмаркѣ кое-какія необходимые предметы для школъ. Но префектъ сообщилъ визитатору, что ничего этого не было и что учитель уѣхалъ на ярмарку по другимъ побужденіямъ. Визитаторъ хотѣлъ было строго оштрафовать этого учителя, но затѣмъ «встрѣтивъ шляющихся (błąkającуch) по Каневу житомірскихъ учителей,

[1]) По числу обучавшихся славянскому языку можно съ точностью судить о числѣ русскихъ учениковъ въ школахъ.

забившихся сюда за 20 миль, простилъ этого учителя, уѣхавшаго всего за 5 миль», поручивъ однако сдѣлать ему выговоръ въ собраніи учителей. Учители жаловались визитатору, что существующая въ Богуславѣ школа отвлекаетъ учениковъ отъ каневскихъ школъ и что тѣ изъ нихъ, которые поступаютъ изъ богуславской въ каневскія школы, съ большимъ трудомъ отвыкаютъ отъ старыхъ способовъ ученія и привыкаютъ къ новымъ. Генеральный визитаторъ 1788 года пишетъ, что «ксендзъ Опатъ теперь рѣдко бываетъ въ Каневѣ и надзоръ его мало можетъ принести пользы школамъ». Обязанный отчетностью предъ визитаторомъ въ суммѣ, отпускаемой коммисіей просвѣщенія (3550 зл.), Опатъ прислалъ ему списокъ расходовъ и замѣтки о нихъ на отдѣльныхъ листкахъ безъ подписи. Визитаторъ хвалитъ префекта Бавульскаго, преподававшаго краснорѣчіе и право, но порицаетъ порученіе преподаванія краснорѣчія во II классѣ *субституту*, «всего менѣе способному къ этому предмету». На вопросъ, почему не всегда бываютъ мѣсячныя засѣданія совѣта, собраніе отвѣчало, что «не о чемъ было совѣщаться». Визитаторъ приказалъ непремѣнно собираться ежемѣсячно и, если-бы не нашлось о чемъ разсуждать, то въ протоколѣ записать: № дня и мѣсяца состоялось засѣданіе педагогическаго совѣта, которое за недостаткомъ предметовъ для обсужденія закрыто». Тотъ же визататоръ пишетъ въ своей визитѣ слѣдующее о *богуславской* школѣ. «Проѣзжая изъ Канева въ Умань, я остановился на цѣлый день въ Богуславѣ, чтобы ознакомиться съ состояніемъ мѣстной школы. Директоромъ этой школы состоитъ Павелъ Петровичъ, 39 лѣтъ отъ роду, который самъ учитъ давнимъ способомъ грамматикѣ, поэзіи и риторикѣ. Я засталъ до 40 учениковъ, собранныхъ изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ. Я пошелъ экзаменовать эту школу вмѣстѣ съ учителемъ житомірскихъ школъ Витвицкимъ, котораго я засталъ въ Богуславѣ. Оказалось, что даже мнимые риторы не умѣютъ ни попольски, ни полатыни. Я спросилъ директора, знакомъ ли онъ съ курсомъ предписаннымъ коммисіей просвѣщенія для приходскихъ школъ. Но онъ отвѣтилъ, что гораздо полезнѣе обучать полатыниподавнему. Началъ я разговаривать съ нимъ о разныхъ предметахъ полатыни и убѣдился, что онъ ни старымъ, ни новымъ способомъ не выучился полатыни. Окончивъ испытаніе, я призвалъ директора къ себѣ и объявилъ ему, что онъ измѣнникъ и публичный обманщикъ, который обманываетъ столько дѣтей, чтобы отнять у нихъ возможность получить образованіе. Я объяснилъ ему все то, что относится къ 3 пункту инструкціи, данной мнѣ главною школою, и объявилъ ему, что если и впредь онъ будетъ ставить такія-же препятствія полезному общественному образованію, то будетъ подвергнутъ отвѣтственности за обманъ столькихъ лицъ, сколько въ школѣ его дѣтей. Директоръ послѣ этого обѣщалъ исполнять распоряженіе пресвѣтлой коммисіи и обучать чтенію, письму, религіи и счету, притомъ только дѣтей мѣстныхъ оффиціалистовъ. О фундушѣ школьномъ нельзя было добиться ничего вѣрнаго. Въ прежнее время директоръ получалъ изъ кассы имѣнія 300 зл. Впослѣдствіи выдача этой суммы прекращена, но оффиціалисты сами сло-

жили эту сумму, чтобы удержать такую, по мнѣнію ихъ, полезную для дѣтей ихъ особу. Если-бы во время пребыванія моего въ Богуславѣ я засталъ было кого либо изъ болѣе смыслящихъ оффиціалистовъ, то постарался-бы въ пріятной бесѣдѣ вывести его изъ такого заблужденія". Въ слѣдующемъ году Крусинскій, по назначенію главной школы, ревизовалъ школы въ великой и малой Польшѣ и при этомъ въ Лешно (недалеко Калиша) «нашелъ школу высшихъ наукъ», которая ярко напомнила ему богуславскую школу, чѣмъ онъ и ограничился въ описаніи и характеристикѣ этой школы. Визитаторъ 1790 года Треффлеръ нашелъ въ каневскихъ школахъ 200 учениковъ; префектъ Славинскій и учитель краснорѣчія оказались способными, но успѣхи учениковъ не вполнѣ удовлетворительными, въ нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ только «начатки», военныя упражненія въ отличномъ состояніи. О славянскомъ языкѣ онъ ничего не упоминаетъ.

Уманскія подъокружныя школы базиліанскія о трехъ учителяхъ [1]).

Префектъ ксендзъ Іоассонъ Корженевичъ.

Учители: 1-го класса ксендзъ Далматъ Бровинскій,

„ математики и физики—ксендзъ Пахомій Левицкій,

„ краснорѣчія и права—ксендзъ Граціанъ Литинскій.

Проповѣдникъ ксендзъ Лукіанъ Стебельскій.

Преподаватель французскаго и нѣмецкаго языковъ г. Францишекъ Хросцицкій.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ г. Михаиломъ Кубешевскимъ, бывшимъ винницкимъ префектомъ; начатъ 9, оконченъ 10 іюля. Изъ рапорта его извлекаемъ слѣдующее.

---

[1]) Визитаторъ 1788 г., на основаніи мѣстныхъ документовъ, говоритъ слѣдующее: „Францъ-Салезій Потоцкій, воевода кіевскій, желая исправить худые нравы украинскаго народа, основалъ въ Умани въ 1766 году школы, назначивъ на постройку каменнаго костела, дома для учителей и классныхъ помѣщеній, равно и на содержаніе школъ, двѣстѣ тысячъ злотыхъ. Изъ этой суммы сто тысячъ употреблены на постройки, а другія сто тысячъ остаются въ кассѣ Станислава-Щенснаго (сына Салезія) Потоцкаго и проценты отъ нихъ расходуются на содержаніе заведенія и на нужды учительскаго собранія". Первоначально уманскія школы содержали 6 учителей, имѣли до 400 учениковъ, какъ въ 1782 (Archivum, стр. 48), такъ и въ 1784 г. (Лукашевичъ, т. IV стр. 265). Неизвѣстно, по какому случаю число учителей уменьшено до трехъ. Съ уменьшеніемъ числа классовъ въ школахъ, базиліане открыли при нихъ *Studium* съ преподаваніемъ курса философіи. Въ 1787 г. въ этомъ Studium было 9 студентовъ. Жестокая участь, постигшая уманскія школы во времена Гонты и Желѣзняка, настолько извѣстна, что мы опускаемъ здѣсь этотъ ужасный эпизодъ народной мести за средства, помощію которыхъ неразборчивые и фанатическіе польскіе цивилизаторы „исправляли грубые нравы украинскаго народа".

На предварительномъ собраніи я объяснилъ значеніе генеральныхъ визитъ, установленныхъ пресвѣтлой коммисіей и главною школою.

Учениковъ 400.

Посѣщеніе классовъ. Предъ началомъ испытаній я собралъ учениковъ всѣхъ классовъ и въ обращенной къ нимъ рѣчи изложилъ имъ заботливость о надлежащемъ образованіи молодежи со стороны пресвѣтлой коммисіи, которая не только установила въ школахъ необходимыя и полезныя науки, устроила всѣ порядки въ учебныхъ заведеніяхъ, но и старается вникать во все то, отчего зависитъ успѣхъ общественнаго образованія, совершенствованіе въ наукахъ и воспитаніе молодыхъ людей въ добрыхъ обывателей. Далѣе, изложивъ пользу наукъ для края и для учащагося юношества, я возбуждалъ ревность учениковъ къ успѣхамъ въ наукахъ и въ доброй нравственности. Испытаніе начато съ III класса, потомъ произведено во II и въ I классахъ, окончено иностранными языками. Во время самыхъ испытаній я обращалъ вниманіе на способы обученія и на способность учителей, равно какъ и на успѣхи учениковъ. Вслѣдствіе этихъ наблюденій, имѣю честь рекомендовать высшему правительству прежде всего ксендза префекта Корженевича, старательно по своей должности и хорошо правящаго молодежью, потомъ—ксендза Литинскаго, учителя нравственности, и ксендза Левицкаго, учителя математики, которые показали способность и опытность въ преподаваніи своихъ предметовъ. Эти три лица заслуживаютъ той чести, какая отдается лицамъ, отлично служащимъ образованію [1]). Учитель 1-го класса ксендзъ Бровинскій показалъ среднія способности.

Иностранные языки. Преподаватель французскаго и нѣмецкаго языка не получаетъ жалованья, но за свой трудъ онъ обезпеченъ кондиціями (частными занятіями съ учениками). Оба языка онъ знаетъ хорошо. Нашедши незначительное число учащихся этимъ языкамъ, я объяснялъ (ученикамъ) пользу отъ изу-

---

[1]) Времена перемѣнились. Во время первой ревизіи этихъ школъ въ 1782 г., онѣ стояли на самомъ низкомъ уровнѣ, о чемъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ; то-же, по свидѣтельству Лукашевича, было и въ 1784 г. Теперь, не смотря на сокращеніе штата учителей, состояніе этихъ школъ является въ иномъ видѣ. Визитаторъ 1788 года приписываетъ успѣхъ школъ ректору мѣстной базиліанской коллегіи ксендзу *Морулецу*, отличавшемуся любовію къ наукамъ, а также бывшему въ то время префекту и профессору философіи въ Studium Концевичу.

ченія ихъ и просилъ префекта позаботиться объ увеличеніи съ будущаго года числа учащихся имъ, посредствомъ заохочиванія учениковъ, каковое порученіе я даже записалъ въ книгу.

Награда его королевской милости. По совѣщанію съ служащими, я назначилъ медали ученикамъ: III класса Кириллу Censored Сероцинскому и II класса Іосифу Качинскому.

Школьныя записи. Между ними не доставало книги объ успѣхахъ оказанныхъ учениками на мѣсячныхъ испытаніяхъ. Я поручилъ завести ее.

Частныя бесѣды. Нѣкоторые изъ служащихъ выражали свое неудовольствіе на управленіе ордена за то, что оно постоянно перемѣщаетъ учителей изъ одного класса въ другой, съ одного предмета на другой, безъ всякаго вѣдома со стороны главной школы и не смотря на желаніе учителя остаться при своемъ предметѣ [1]). Жаловались также на скудость получаемаго ими жалованья, именно по 400 злотыхъ [2]), изъ которыхъ они должны покупать себѣ одежу и проч.; выражались, что орденъ не признаетъ заслугъ въ трудѣ ихъ и гораздо лучше оплачиваетъ проповѣдниковъ и другихъ лицъ, даже служащихъ въ орденѣ частнымъ образомъ, чѣмъ учителей, отчего теряется охота служить отечественному просвѣщенію.

Богослуженіе. Совершается по указаніямъ (школьнаго) устава. Ксендзъ Стебельскій, ордена миссіонеровъ, способностей среднихъ, въ праздничные дни сказываетъ проповѣди ученикамъ.

Классныя помѣщенія.—деревянныя, очень поврежденныя (zrójnowane) и не выгодныя. На будущій годъ классы помѣщены будутъ въ каменномъ зданіи коллегіи, которое теперь починяется. Нашедши, что въ I и II классахъ слишкомъ много учениковъ [3]), я просилъ ректора Моргулеца съ началомъ будущаго учебнаго года

---

[1]) Жалоба справедливая; распоряженія ордена ничѣмъ не объяснимы. Сличивъ списки служащихъ во всѣхъ базиліанскихъ школахъ за 1787, 1788, 1789 и 1790 годы, мы не находили ни одной школы, въ которой большинство служащихъ, часто всѣ до одного, не были-бы перемѣщаемы ежегодно съ одного мѣста на другое, безъ всякаго соображенія съ пользою для учебнаго дѣла и очевидно съ единственною цѣлію пріучать монашествующихъ къ безусловной покорности, смиренію, устраненію въ себѣ всякихъ внѣшнихъ привязанностей, честолюбія и под.

[2]) Конечно, не считая квартиры и продовольствія пищею.

[3]) Такъ какъ въ старшихъ классахъ всюду бывало мало учениковъ, то очевидно, что въ двухъ низшихъ въ этихъ школахъ было не меньше, какъ по 150 учениковъ на одного учителя.

увеличить школы однимъ классомъ и однимъ учителемъ, что онъ обѣщалъ исполнить [1]).

Физическое воспитаніе. Префектъ посѣщаетъ квартиры учениковъ и заботится объ опрятности въ квартирахъ и въ ученикахъ. Ученикамъ дозволяются развлеченія; лѣтомъ всѣ идутъ въ поле, гдѣ занимаются разными играми, военными упражненіями и всѣмъ, что содѣйствуетъ ловкости, живости, здоровью и мужеству.

Директоры. Установленныя собранія директоровъ (у префекта) происходятъ какъ предписано Въ собраніяхъ читаются постановленія (объ обязанностяхъ директоровъ), внушается старательность въ занятіяхъ съ учениками, ласковость въ обхожденіи съ ними, осмотрительность въ исправленіи и внимательность къ здоровью ихъ.

Порученія. Кромѣ общихъ порученій, сдѣланы два слѣдующія: 1) чтобы заведена была книга для записыванія результатовъ мѣсячныхъ экзаменовъ; 2) дабы ксендзъ префектъ озаботился увеличеніемъ числа обучающихся нѣмецкому и французскому языкамъ.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

ЧАСТЬ ПІАРСКАГО ОКРУГА.

Межирѣчскія [2]) *подъокружныя школы.*

Ректоръ коллегіи, проректоръ школъ ксендзъ Доминикъ Шибинскій [3]).

---

[1]) Изъ визиты 1790 года видно, что это предложеніе не было исполнено.

[2]) *Межирѣчъ*—мѣстечко по сосѣдству съ г. Острогомъ—издавна входило въ составъ имѣній, резиденціей которыхъ былъ Корецъ, а потому назывался Межирѣчъ-Корецкій, въ отличіе отъ Межирѣча-Подляскаго. Основателемъ школъ въ Межирѣчѣ-Корецкомъ былъ мѣстный владѣлецъ кн. Доминикъ Любомірскій, соорудившій для нихъ отличныя зданія и снабдившій ихъ достаточными средствами содержанія. Это было въ 1702 году. Это были единственныя піарскія школы на Волыни, а потому піарскій орденъ имѣлъ о нихъ особенную заботливость. Изъ оконъ межирѣчскихъ піарскихъ школъ видны были величественныя зданія острожской іезуитской коллегіи, которая должна была возбудить въ нихъ соревнованіе. Піары (дѣлаемъ уступку одному нашему почтенному критику въ употребленіи этой формы слова вмѣсто *піаристы*, хотя въ послѣдней формѣ не видимъ никакого грѣха) умѣли поставить эту школу такъ, что въ теченіе всего 18-го вѣка она была одною изъ лучшихъ на Волыни и Украйнѣ. (*Лукаш.* т. IV, стр. 217 и 218. *Archivum*, стр. 56. *Визиты* 1787, 1788 и 6790 г.). Число учителей въ межирѣчскихъ школахъ бывало не одинаково. Съ 1787 г. прибавка двухъ учителей къ прежнимъ четыремъ осталась не измѣнною.

[3]) Доминикъ Шибинскій былъ девятнадцать лѣтъ начальникомъ этихъ школъ (Бѣльскій у Лукаш. т. IV стр. 218, въ примѣч.). Однимъ изъ предмѣстниковъ его долгое время былъ ученый Александръ Шибинскій, наслѣдовавшій это мѣсто послѣ другого

Префектъ ксендзъ Янъ Хрисостомъ Дылевскій,
Учители: II класса ксендзъ Матвѣй Подгороденскій,
" краснорѣчія " Ѳадей Голынскій,
" математики " Корнилій Данилович,
" физики " Самуилъ Близинскій,
" права " Іосифъ Трепаловскій.

Учитель 1 класса г. Николай Павловскій и учитель приготовительнаго класса [1]) г. Іеронимъ Могельскій, оба директоры, не принадлежатъ къ составу служащихъ, а потому не были приглашены въ засѣданіе.

Преподаватели: французскаго языка ксендзъ Корнилій Даниловичъ, учитель математики, нѣмецкаго языка г. Игнатій Домбровскій.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Лукою Свѣбоцкимъ, ректоромъ волынскаго округа. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьныя записи. Ведутся всѣ по формамъ, указаннымъ въ уставѣ, и всѣ имѣются, даже тѣ, которыхъ въ прошломъ году не было, исключая вѣдомости о приходскихъ школахъ, которая хранится у окружнаго ректора.

Состояніе школъ. Нужно отдать справедливость собранію служащихъ, которое, состоя изъ лицъ монашествующихъ, нравственныхъ, любящихъ и понимающихъ все разнообразіе наукъ, старательныхъ и усердныхъ въ точномъ исполненіи установленій пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, поставило свои школы такъ, что онѣ, въ отношеніи достоинства преподаванія, распредѣленія учебнаго времени, разумныхъ способовъ для возбужденія въ ученикахъ охоты къ ученію, вполнѣ соотвѣтствуютъ намѣреніямъ устава.

Учениковъ до 300.

Посѣщеніе классовъ. Изъ всѣхъ учениковъ едва нѣсколько оказалось не успѣвшими и то такіе, которымъ природа не дала

ученаго піара Іодловскаго, такъ же не мало потрудившагося для этихъ школъ. Піары имѣли на это дѣло взгляды, противуположные базиліанскимъ. Неудивительно, что піары настолько были привязаны къ своимъ школамъ, насколько базиліане были апатичны къ нимъ.

[1]) Приготовительные классы были во всѣхъ піарскихъ школахъ и были причиною того, что съ перваго же класса піарскія школы рѣзко отличались по успѣхамъ учениковъ отъ прочихъ школъ.

способностей. Въ нѣкоторыхъ замѣтны были вялость соображенія и преобладаніе памяти, но эти недостатки искупались въ нихъ одушевленіемъ. Въ теченіе полутора дня до поздней поры вмѣстѣ съ учителями я испытывалъ учениковъ изъ каждой науки, начиная съ приготовительнаго и оканчивая шестымъ классомъ и иностранными языками. Ученики доказали (своими отвѣтами), что они, въ особенности дѣти обывателей, при своихъ способностяхъ, увѣнчаютъ славою дорогое отечество.

Награда его королевской милости. Медали назначены: золотая ученику V класса, сыну инфлянтскаго подкоморія Ипполиту Ду нину; серебренныя: директору Петру Свидзинскому и Іосифу Бачинскому, ученикамъ VI класса.

Директоры, надлежаще руководимые, исполняютъ свои обязанности.

Иностранные языки. Преподаватель, лично мнѣ извѣстный своими способностями и опытностію, кромѣ классныхъ уроковъ, обучаетъ французскому и нѣмецкому языку конвикторовъ въ ихъ квартирѣ. Всѣ учащіеся значительно успѣли въ нихъ.

Музей рисунковъ. Рисунки геометрическихъ фигуръ, присланные пресвѣтлою коммисіей просвѣщенія, я засталъ въ цѣлости. Ими пользуется на урокахъ учитель математики, но что и ученики не довольствуются созерцаніемъ ихъ, въ этомъ я убѣдился, когда разсмотрѣлъ сдѣланные ими чертежи цѣлаго мѣстечка съ его окрестностями и всѣхъ мѣстныхъ піарскихъ зданій.

Физическое воспитаніе. Хотя господствующія въ этихъ мѣстахъ лихорадки постигали многихъ учениковъ, однако я засталъ всѣхъ ихъ въ добромъ здоровьи. Послѣднему содѣйствуетъ опрятность въ квартирахъ, разныя игры, придумываемыя учителями, а больше всего частныя военныя упражненія, которыя облегчаются для нихъ употребленіемъ военной униформы. Эти упражненія сильно воспламеняютъ ихъ на служеніе отечеству. Руководилъ ими, воспитывая въ ученикахъ старопольскій духъ, ксендзъ Близинскій, учитель физики.

Мѣсячные экзамены. Я засталъ приготовленный для главной школы рапортъ о мѣсячныхъ экзаменахъ, но такъ какъ по установившемуся порядку піары посылаютъ свои рапорты чрезъ своихъ провинціаловъ, то я рѣшился не нарушать этого порядка и не взялъ этого рапорта.

Конвиктъ. Въ виду репутаціи, какую имѣетъ межирѣчскій конвиктъ столько-же у визитаторовъ, сколько и у піарскихъ про-

винціаловъ, представляющихъ свои отчеты по учебной части пресвѣтлой коммисіи, я не рѣшился напомнить ректору о сдѣланномъ генеральнымъ визитаторомъ Крусинскимъ порученіи. Нашедши въ цѣломъ заведеніи все въ отличнѣйшемъ порядкѣ, я оставилъ только такія порученія, которыя не были предложены прежними визитаторами, именно: 1) чтобы на директорство избираемы были только такіе ученики, которые признаны способными къ тому, послѣ долгаго наблюденія надъ образомъ жизни ихъ и послѣ испытанія учителями познаній ихъ; 2) чтобы школьное начальство убѣдило родителей вносить слѣдуемую директорамъ плату на руки префекта, что принесло-бы пользу и дѣтямъ, и родителямъ.

Заявленія служащихъ. Убѣдившись, что порученія визитаторовъ мало помогаютъ успѣхамъ учениковъ старшихъ классовъ въ латинскомъ языкѣ, здѣшнее учительское собраніе единогласно постановило просить ходатайства главной школы о томъ, чтобы пресвѣтлая коммисія приказала напечатать остальные учебники логики, физики и права на латинскомъ языкѣ. Изложеніемъ своихъ мыслей на этомъ языкѣ ученики, приготовленные посредствомъ переводовъ классическихъ писателей, сдѣлали-бы въ немъ значительные успѣхи. Умѣнье владѣть языками пріобрѣтается гораздо болѣе живымъ опытомъ, чѣмъ переводами.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

Заявленіе учителей достаточно показываетъ, насколько тогдашняя система запуталась въ опредѣленіи значенія латинскаго языка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ основахъ обученія. Знаменательно и то, что это предложеніе въ категорической формѣ высказано піарами, которые въ свое время, въ числѣ другихъ школьныхъ реформъ, ратовали противъ преподаванія на языкѣ латинскомъ. Кстати припомнить здѣсь одно заявленіе межирѣчкихъ піаровъ, также единогласно высказанное ими визитатору 1785 года и достаточно обрисовывающее отношеніе ихъ къ тому народу, среди котораго они были представителями своего ордена и передовыми проповѣдниками просвѣщенія, именно народу русскому. «Межирѣчское піарское собраніе, пишетъ въ своей визитѣ визитаторъ этого года, Богуцицкій,—заявило просьбу, дабы пресвѣтлая коммисія просвѣщенія нашла способы устранить неудобства, происходящія отъ соблюденія праздниковъ, постовъ, совершенія литургіи и обрядовъ по двумъ обрядамъ, что попеременно отрываетъ учениковъ (значитъ въ межирѣчскихъ школахъ было не мало русскихъ учениковъ) отъ уроковъ, а учителямъ мѣшаетъ правильно распредѣлить свое время и правильно вести преподаваніе, *вноситъ рознь между членами одного народа (!)*, препятствуетъ установленію правильнаго, однообразнаго во всѣхъ школахъ порядка». Другими словами: піары хо-

датайствовали о томъ-же, о чемъ порѣшила было волынская шляхта на сеймѣ 1787 года—уничтожить въ предѣлахъ Польши церковно-восточный обрядъ, какъ одну изъ причинъ розни между поляками и русскими, какъ одно изъ препятствій къ слитію русскихъ съ поляками въ одинъ народъ. Эта же шляхта, по свидѣтельству кс. Вжеща (въ общихъ замѣчаніяхъ о результатахъ произведеннаго имъ осмотра школъ), на сеймѣ 1789 года по поводу возникшихъ тогда народныхъ волненій постановила, дабы на каждую школу по крайнѣй мѣрѣ русскихъ воеводствъ выдано было на счетъ казны по 50 ружей какъ для военныхъ упражненій, такъ и на случай нужды въ защитѣ города отъ враждебныхъ нападеній. Фальшивыя основы просвѣщенія конечно не могли установить здравыхъ понятій въ такомъ важномъ дѣлѣ и сами служили тѣмъ-же страстямъ политическимъ, противъ которыхъ повидимому направлена была учебная реформа. Читатели вѣроятно обратили вниманіе, что въ 1789 году всюду уже въ базиліанскихъ школахъ значится одинъ проповѣдникъ и духовникъ для всѣхъ учениковъ—римско-католическій ксендзъ!..

Въ связи съ межирѣчскими школами приведемъ извѣстіе о *корецкой* школѣ, находившейся въ завѣдываніи ректора этихъ школъ. Генеральный визитаторъ 1788 года Крусинскій пишетъ о ней слѣдующее: «Вмѣстѣ съ ректоромъ ксендзомъ Шибинскимъ я поѣхалъ (изъ Межирѣчья) въ Корецъ, гдѣ представился сіятельному князю Чарторыйскому, литовскому стольнику, и просилъ его дозволить мнѣ осмотрѣть мѣстную приходскую школу, состоящую подъ протекторатомъ его, что онъ разрѣшилъ мнѣ съ большимъ удовольствіемъ. Осмотръ произведенъ въ присутствіи многихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Учениковъ оказалось больше 30; они хорошо читали, показывали успѣхи въ чистописаніи, давали отвѣты по религіи и нравственности, а найлучше отвѣчали по ариѳметикѣ. Для приходской школы этого достаточно... Директоромъ школы состоитъ Антоній Левецкій, пользующійся репутаціей за свой образъ жизни и показавшій на экзаменѣ свою старательность... Мѣстный пастырь ксендзъ каноникъ луцкій Гузковскій, на свой счетъ построилъ для школы деревянный домъ, а князь даетъ содержаніе директору. Завѣдываетъ школою ксендзъ Баранскій, управляющій приходомъ въ отсутствіи пробоща. По окончаніи экзамена, я поблагодарилъ всѣхъ присутствовавшихъ за сочувствіе къ образованію и поспѣшилъ въ замокъ, чтобы поблагодарить самого князя за такую примѣрную заботливость его объ обученіи своихъ крѣпостныхъ (между приведенными визитаторомъ 14-ю фамиліями, едва-ли хотя одна принадлежитъ крестьянину: все это обыкновенныя мелко-шляхетскія фамиліи, принадлежащія очевидно мѣстнымъ оффиціалистамъ)».

Холмскія [1]) подъокружныя школы піарскія о 3-хъ учителяхъ.

Префектъ школъ ксендзъ Эразмъ Соколовскій.

Учители: 1 класса—Іосифъ Вѣркевскій,

" математики и физики—Фридерикъ Линтнеръ,

" краснорѣчія и права—ксендзъ Яковъ Пинярскій.

Преподаватель нѣмецкаго языка — ксендзъ Фридрихъ Линднеръ, учитель математики.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ холмскимъ каѳедральнымъ каноникомъ, ректоромъ малопольскаго округа Трефлеромъ; начатъ 8, оконченъ 9 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Учениковъ 120 [2]).

Посѣщеніе классовъ. Ученики испытываемы были изъ всѣхъ предметовъ въ теченіе восьми часовъ. Всѣ они успѣли въ наукахъ и въ доброй нравственности. Префектъ и учители способны и усердны въ своихъ обязанностяхъ.

Нѣмецкому языку обучаются успѣшно. Занималось имъ 40 учениковъ.

Богослуженіе, школьныя записи, экзамены мѣсячные и публичные производятся точно по уставу.

Физическое воспитаніе производится точно по уставу. Я присутствовалъ при военныхъ упражненіяхъ учениковъ [3]), происходившихъ подъ руководствомъ проживающаго въ Холмѣ солдата.

---

[1]) Піарская коллегія учреждена въ г. Холмѣ въ 1677 году. Піарамъ уступленъ мѣстный фарный костелъ со всѣми постройками и цѣлое пробоство со всѣми доходными статьями. Но, не извѣстно почему, піары долгое время не открывали здѣсь школъ и открыли ихъ только во времена Августа III. Коммисія просвѣщенія преобразовала ихъ въ подъокружныя о трехъ учителяхъ. Эти школы никогда не пользовались сочувствіемъ мѣстнаго населенія и всегда имѣли не значительное число учениковъ, не смотря на увѣреніе Лукашевича (т. IV, стр. 197) въ противномъ. Въ близкомъ сосѣдствѣ съ этими школами находились іезуитскія коллегіи въ Люблинѣ и Красноставѣ, соперничество съ которыми было трудно. Въ 1788 г., во время пожара, истребившаго большую часть Холма, піарскія школы потеряли многое изъ своего имущества и не скоро могли оправиться.

[2]) Въ 1786 году ихъ было всего 66.

[3]) Визитаторъ 1783 года сообщилъ, что холмскіе ученики для военныхъ упражненій надѣлены были ружьями и саблями; но первое примѣрное сраженіе они хотѣли учинить надъ своимъ ректоромъ, угрожая ему, во время какого-то своего возмущенія, ружьями и саблями, такъ что ректоръ долженъ былъ шесть недѣль не выходить изъ своей квартиры, пока возмущеніе не усмирено.

Въ этомъ году придется уплатить ему 81 зл. Префектъ посѣщаетъ квартиры учениковъ, внушаетъ опрятность и т. п.

Порученія. Осматривать приходскія школы [1]). Затѣмъ общія порученія.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

Опускаемъ общія замѣчанія нѣкоторыхъ изъ этихъ визитаторовъ по поводу настоящей визитаціи, такъ какъ онѣ не сообщаютъ ничего новаго о нашемъ предметѣ. Предпочитаемъ при-

[1]) Районъ префекта холмскаго былъ наиболѣе богатъ приходскими школами. По визитѣ 1784 г., школы существовали здѣсь въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ *Красноставѣ*, *Дорогускѣ*, *Савинѣ*, *Любомлѣ*, *Мацѣевѣ* и въ *Осховѣ*. Въ первыхъ двухъ обучали тогда по старому, въ послѣднихъ уже по новому плану. Исчислимъ здѣсь всѣ приходскія и вообще низшія, хотя бы то и съ высшими претензіями, школы въ описываемыхъ русскихъ областяхъ, по визитамъ 1782—1792 г. Кромѣ указанныхъ въ холмскомъ районѣ, на Волыни—въ *Дубнѣ*, *Ровнахъ*, *Заславлѣ*, *Гулевичахъ*, *Юржискѣ*, *Локачахъ*, *Берестечкѣ* (въ 1782 г. было три учителя, 130 учениковъ. Учредители тринитары просили визитатора 1782 г. включить эту школу въ число высшихъ, но коммисія просвѣщенія не нашла возможнымъ исполнить просьбу ихъ и зачислила ее въ разрядъ приходскихъ), *Корцѣ*; на Украйнѣ: въ *Немировѣ*, *Богуславлѣ*, *Бѣлой-Церкви*, *Купинѣ*, *Гродкѣ*. Образованная въ 1790 году военно-гражданская коммисія, имѣвшая задачею между прочимъ привести въ извѣстность фундуши парафіальныхъ школъ и изыскать мѣстныя средства къ устройству училищъ, начала свои дѣйствія съ западныхъ границъ и далеко не успѣла дойти до границъ Волыни и Украйны.

Приведемъ здѣсь замѣтку визитатора 1787 г. сдѣланную имъ по поводу бесѣдъ его съ холмскими піарами объ успѣхахъ народнаго образованія въ русскихъ областяхъ. „Визитаторъ, представляя главной школѣ отчетъ о русскихъ (!) піарскихъ школахъ, обязанъ присовокупить, сколько препятствій испытываетъ нынѣшняя система образованія отъ піаровъ, шляющихся по Руси и занимающихся частнымъ обученіемъ, безъ вѣдома своего орденскаго начальства“. Въ примѣръ приводится школа немировская, въ которой такой піаръ „подъ предлогомъ военнаго образованія“, обучаетъ не вѣсть чему „единственно въ видахъ своей корысти“. Визитаторъ приводитъ фамиліи еще трехъ піаровъ: „Тверницкаго, Спелинскаго и Стройнскаго, изъ которыхъ первые два бродятъ отъ одного обывателя къ другому, напрашиваясь въ домашніе учители,—кончивъ обученіе въ одномъ домѣ, поступаютъ въ другой. Третій изъ нихъ занимаетъ мѣсто директора въ кременецкихъ школахъ, не слушаетъ приказаній орденскаго начальства о снятіи съ себя піарскаго костюма или о возвращеніи въ орденъ. Піары (холмскіе и межирѣчскіе) слышали, что весьма многіе изъ членовъ ордена ихъ занимаются тѣмъ-же ремесломъ (въ тѣхъ-же мѣстахъ); они рады были-бы, если-бы эти учители или насильно возвращены были въ орденъ, или прикрѣплены были каждый къ опредѣленному мѣсту, дабы можно было имѣть надъ ними надзоръ и не допускать ихъ срамить свой орденъ“. Визитаторъ настаиваетъ на принятіи строгихъ мѣръ противъ этихъ бродячихъ учителей.

вести здѣсь выписку изъ послѣдней генеральной визиты, относящейся къ школамъ Волыни и Украйны, именно изъ визиты 1792 года. Въ этомъ году, въ обычный срокъ, выѣхалъ изъ Кракова генеральный визитаторъ Фіалковскій и направился въ русскія области обычнымъ визитаторскимъ трактомъ, Люблинъ—Владиміръ... „Во Владимірѣ, пишетъ онъ въ своей визитѣ, я узналъ о занятіи русскими войсками польской Украйны, Подолья и части Волыни, и тотчасъ написалъ объ этомъ въ главную школу, спрашивая ее, какъ мнѣ поступить въ отношеніи къ школамъ, очутившимся за новымъ русскимъ кордономъ, и долженъ-ли я передать этимъ школамъ назначенныя для нихъ медали. Въ Кременцѣ я получилъ письмо отъ секретаря главной школы, который сообщалъ мнѣ слѣдующія распоряженія ея:

1) По окончаніи осмотра школъ, оставшихся (въ предѣлахъ Польши), тотчасъ отправиться къ губернатору занятыхъ областей, Кречетникову, и, изложивъ цѣль своей командировки, просить его, не позволитъ-ли онъ осмотрѣть школы, отошедшія за кордонъ. Въ случаѣ отказа въ осмотрѣ школъ, просить его о позволеніи по крайней мѣрѣ получить деньги за учебники, принадлежащіе главной школѣ и въ теченіе двухъ лѣтъ продававшіеся (при школахъ), и сдѣлать счетъ не проданнымъ книгамъ.

2) Въ томъ-же случаѣ назначенныя для этихъ школъ медали привезти въ Краковъ.

3) Устраненіе могущихъ встрѣтиться затрудненій главная школа предоставляетъ собственной находчивости визитатора.

Представляю отчетъ въ исполненіи этихъ порученій.

1) Тотчасъ по полученіи означеннаго письма я отправился изъ Кременца за новый русскій кордонъ, прямо въ Лабунь, въ которомъ Кречетниковъ имѣлъ свою резиденцію. Прибывши въ Острогъ, я узналъ здѣсь, что въ это самое время губернаторъ выѣхалъ въ Каменецъ-Подольскій. Такъ какъ я не могъ собрать достовѣрныхъ свѣдѣній по этому предмету, то рѣшился остаться въ теченіе сутокъ въ Острогѣ и употребилъ это время на сведеніе счетовъ за учебники и на повѣрку не проданныхъ книгъ, которыя нашелъ въ надлежащей сохранности. Я ни за что не согласился на просьбу острогскихъ учителей произвесть осмотръ мѣстныхъ школъ и объяснилъ имъ, что не могу приступить къ осмотру безъ разрѣшенія здѣшняго правительства. Такъ какъ все еще не вполнѣ подтверждалось извѣстіе о выѣздѣ губернатора въ Каменецъ-Подольскій, то я снова направился въ

Лабунь чрезъ Заславль. Но тутъ я получилъ печальное извѣстіе (smutną wiadomość) о смерти г. Кречетникова, постигшей его въ Межибожѣ, по дорогѣ въ Каменецъ. Не заставши въ Лабунѣ вице-губернатора и узнавши, что время возвращенія его не извѣстно, я поѣхалъ въ Межибожъ. Здѣсь я засталъ вице-губернатора и, получивъ аудіенцію, изложилъ ему цѣль моего пріѣзда. Вице-губернаторъ отвѣтилъ мнѣ, что, не будучи губернаторомъ, онъ не можетъ дать разрѣшеніе на осмотръ школъ, но что. если-бы я приступилъ было къ осмотру, ни у кого не испрашивая на то разрѣшенія, то никто не препятствовалъ бы въ этомъ. Теперь, прибавилъ онъ, если-бы я захотѣлъ получить разрѣшеніе, то долженъ былъ-бы ожидать пріѣзда новаго губернатора, который прибудетъ можетъ быть только чрезъ два мѣсяца. Тогда я приступилъ въ исполненію втораго порученія главной школы относительно денегъ, слѣдуемыхъ ей за проданные въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ учебники. Именемъ главной школы я просилъ позволенія получить эти деньги, какъ ея собственность, и свести счеты съ проректорами о не распроданныхъ учебникахъ, которые и переслать въ тѣ школы, какія укажетъ главная школа. Но вице-губернаторъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не можетъ и на это дать позволенія, такъ какъ дѣло идетъ о вывозѣ (за границу) денегъ. Напрасно я доказывалъ, что деньги за проданные учебники никоимъ образомъ не могутъ быть признаваемы общественными суммами, но должны быть признаны собственностью главной школы, а на перевозку ихъ нужно смотрѣть, какъ на перевозку товара. На все это я получилъ отвѣтъ, что онъ не противъ полученія во всякое время какъ денегъ, такъ и остатка учебниковъ, но въ виду настоящаго несчастнаго случая, когда губернаторъ умеръ, а другого на его мѣсто еще нѣтъ, онъ, вице-губернаторъ, не считаетъ себя въ правѣ давать разрѣшенія по предметамъ подобнаго рода. Онъ нѣсколько разъ повторялъ мнѣ, чтобы я засвидѣтельствовалъ главной школѣ его высокое уваженіе къ учебному сословію и что онъ будетъ считать для себя за особенную честь подтвердить это самимъ дѣломъ, и если главная школа дастъ ему возможность помочь ей въ этомъ дѣлѣ, то онъ тотчасъ по пріѣздѣ новаго губернатора постарается о самомъ скоромъ и благопріятномъ рѣшеніи дѣла объ учебникахъ“ [1]).

---

[1]) Школы, отошедшія за новый русскій кордонъ, были слѣдующія: академическія —въ Винницѣ, Житомірѣ и Каменцѣ; базиліанскія—въ Острогѣ, Любарѣ, Овручѣ,

„Что касается личнаго объѣзда мною школъ для сведенія счетовъ съ проректорами, онъ сказалъ мнѣ, что это было-бы напрасною тратою и времени, и денегъ и не принесло-бы ничего, потому что—прибавилъ онъ—можно быть увѣреннымъ, что главная школа не потерпитъ въ этомъ дѣлѣ никакого убытка. Наконецъ онъ заявилъ, что каждому изъ учителей здѣшнихъ школъ дозволено будетъ выѣхать въ Польшу со всѣмъ своимъ имуществомъ, на что каждому безпрепятственно данъ будетъ пашпортъ. Получивъ такой отвѣтъ, я просилъ о выдачѣ мнѣ паспорта для свободнаго возвращенія, каковой мнѣ тотчасъ и былъ выданъ".

2) „Медали, соотвѣтственно рѣшенію главной школы, я сохранилъ и при семъ представляю ихъ: золотыхъ 3, серебреныхъ 20".

3) Далѣе визитаторъ описываетъ свою поѣздку для сведенія счетовъ съ проректорами за учебники и для личныхъ условій по этому дѣлу съ базиліанскимъ провинціаломъ: былъ онъ въ Винницѣ и Каменцѣ, искалъ провинціала въ Любарѣ, Бѣлиловкѣ и въ Барѣ, успѣлъ свести счеты за учебники, но нигдѣ не принялъ за нихъ денегъ, распорядившись только хранить ихъ въ школьныхъ кассахъ впредь до распоряженія со стороны новаго правительства, а самъ вернулся въ Краковъ [1]).

Каневѣ, Умани, Шаргородѣ и Барѣ; піарская—въ Межирѣчѣ. Отъ всѣхъ этихъ школъ (кромѣ межирѣчскихъ) слѣдовало главной школѣ получить за учебники 19,080 злот. и 20 грошей.

[1]) Намъ не извѣстно, получила-ль краковская главная школа эти деньги.

Интимная переписка Өеофана Прокоповича съ Яковомъ Марковичемъ *).

Въ „Трудахъ кіевской духовной академіи" за 1865 годъ помѣщены были, въ русскомъ подлинникѣ или въ переводѣ съ латинскаго, письма Өеофана Прокоповича къ разнымъ лицамъ, какъ важные „матеріалы для исторіи русской религіозной и церковной жизни", въ которыхъ ярко отражается духъ и образъ мыслей этого замѣчательнаго русскаго іерарха. „Его личный характеръ,—говоритъ издатель г. Терновскій,—рѣзко отличался смѣлостью мысли, любовію къ свободѣ изслѣдованія, способностію отрѣшаться отъ преданій старины: законодательныя мѣры, составленныя по его мысли и при его непосредственномъ участіи, оставили глубокій слѣдъ въ исторіи русской церкви и русскаго духовенства".

Но личный характеръ Өеофана Прокоповича не вполнѣ высказывался въ этихъ его письмахъ, часто разсчитывавшихъ на цѣлый кругъ читателей и потому въ нѣкоторой мѣрѣ сдержанныхъ и офиціальныхъ: и современники дорожили его письмами и передавали ихъ другъ другу, какъ нѣчто необыкновенное, и самъ Өеофанъ Прокоповичъ иногда просилъ получателя письма передать съ него копію другимъ лицамъ. Но, сдерживая, по возможности, проявленіе своихъ мыслей и чувствъ въ самыхъ письмахъ, Өеофанъ Прокоповичъ съ большею откровенностію и задушевностію высказывался въ припискахъ къ этимъ письмамъ. Таковы именно письма его къ другу своему, бунчуковому товарищу Якову Марковичу. Они обыкновенно раздѣляются на двѣ половины, изъ коихъ первая заключаетъ самое письмо, болѣе или менѣе общаго характера, которое могло быть передано и другимъ лицамъ, а вторая—приписку о своихъ частныхъ дѣлахъ и интересахъ. Эти приписки не встрѣчались въ извѣстныхъ доселѣ печатныхъ и рукописныхъ сборникахъ писемъ Өеофана Прокоповича, а потому

*) Бунчуковымъ товарищемъ, извѣстнымъ авторомъ „Дневныхъ Записокъ".

не помѣщены и у г. Терновскаго. Мы нашли ихъ на латинскомъ языкѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими не изданными письмами Θ. Прокоповича, въ одномъ рукописномъ южнорусскомъ сборникѣ XVIII вѣка, хранящемся въ частномъ музеѣ Т. В. Кибальчича, и издаемъ ихъ, въ той увѣренности, что по своему интимному характеру они могутъ отчасти дать намъ ключъ къ психическому анализу и разгадкѣ характера этого замѣчательнаго человѣка. Достойны сами по себѣ вниманія интересующіе обоихъ друзей предметы, а также нѣкоторыя частныя сообщаемыя Прокоповичемъ свѣдѣнія, между прочимъ о коллекціяхъ и библіотекѣ Петра I-го.

I.

Письмо къ Якову Марковичу, отъ 13 апрѣля, 1716 года. Издано въ латинскомъ сборникѣ: „Epistolae illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Procopowicz, variis temporibus et ad varios amicos datae, nunc primum in unum corpus collectae et suo ordine digestae. Typis Universitatis Caesareae Mosquensis, anno 1776, ep. 1.“ Въ нашемъ сборникѣ слѣдующая приписка къ этому письму:

Благоволи увѣдомить, кто были спутниками *ясновельможнаго гетмана* (*ducis*)? гдѣ ясновельможный гетманъ останавливался? когда былъ у царя? и былъ ли царь у него? былъ ли царь на обѣдѣ у рязанскаго первосвятителя? посѣщалъ ли коллегію? Кого, кромѣ того, принималъ въ гости? и у кого былъ самъ въ гостяхъ? какіе ты посѣщалъ храмы и монастыри? что новаго изъ Малой Россіи?

II.

Письмо къ Якову Марковичу отъ 24 мая 1716 года. Издано въ латинскомъ сборникѣ писемъ Прокоповича, 1776 г. Въ припискѣ къ этому письму читается слѣдующее:

Монахи эти сербы показались намъ хорошими, простыми и смиренными и истинными монахами, на сколько они намъ извѣстны: они гостили у насъ 8 недѣль. Итакъ прошу за нихъ твою вельможность, не откажись помочь имъ и устроить доступъ къ славнѣйшему дворцу (гетманскому?) Можетъ быть придетъ туда другой монахъ, сербъ, который выдаетъ себя за архимандрита: онъ человѣчишко негодный, надутый, тщеславный, какимъ онъ невольно самъ покажетъ себя предъ вашими глазами. Такимъ бездѣльникамъ не совѣтую покровительствовать. Это тѣ, которые изъ бѣднаго міра изгоняютъ Христа и съ нимъ все доброе.

Вельможности твоей, господину моему и брату дражайшему, смиренный братъ и слуга Ѳеофанъ, коллегіи кіево-могилеанской ректоръ.

Въ Кіевѣ, въ коллегіи могилеанской.
1716. Мая 24.

III.

Письмо къ Якову Марковичу, отъ 25 мая, 1716 года.

Знатнѣйшій и благороднѣйшій господинъ Марковичъ, господинъ мой и братъ во Христѣ возлюбленнѣйшій! Вотъ нѣчто на твои требованія: говорю—*нѣчто* потому, что желаешь многаго, а я представляю немножко. По поводу отвѣтовъ, которые я далъ на посланныя тобой предложенія, я написалъ цѣлый трактатецъ объ оправданіи. Написалъ я наскоро и почти бѣглымъ шагомъ, употребивъ на это дѣло два дня; посему не удивляйся, если что нибудь изложено будетъ нестройно и въ не надлежащемъ порядкѣ, равно, если будетъ что нибудь излишнее и не станетъ чего нибудь необходимаго. Надлежащую книгу о семъ предметѣ мы обѣщаемъ въ концѣ нашего богословія, а въ какомъ мѣстѣ,—самъ можешь видѣть изъ оглавленія послѣдующихъ книгъ, которое ты имѣешь въ нашихъ трактатахъ, недавно посланныхъ къ тебѣ. Тамъ постараемся и о методѣ, и о полнотѣ. Но въ исполненіи сего нашего обѣщанія мы также увѣрены, какъ увѣрены въ завтрешнемъ днѣ. Именно мы помнимъ о томъ спасительнѣйшемъ божественномъ наставленіи, которое преподано соименнымъ тебѣ Апостоломъ: „*аще Господь восхощетъ и живи будемъ*" (Іак. 4 ст. 15), равно какъ и о томъ, что въ началѣ письма мы обѣщали сказать кратко, между тѣмъ, какъ бы забывъ обѣщаніе, говоримъ пространно. Прошу не прогнѣваться за это; ибо этотъ грѣхъ нашъ мы извинимъ мнѣніемъ св. Григорія Назіанзина во 2-мъ письмѣ къ Никовуму. Вотъ это мнѣніе: „Лаконизмъ не въ томъ, какъ ты думаешь, чтобы писать въ не многихъ словахъ, но малое во многихъ; такимъ образомъ я считаю Гомера краткоглаголивымъ, а Антимаха—широковѣщательнымъ: почему? потому, что приписываю длинноту предметамъ, а не писавіямъ". Доздѣ онъ. Если краткость должна сама за себя говорить, то она не можетъ говорить короче, и однако если тебѣ покажется, что мы написали много о маломъ, то просимъ извиненія и больше не безпокоимъ. Прощай!

Вельможности твоей преданнѣйшій Ѳеофанъ, коллегіи кіево-могилеанской ректоръ.

Кіевъ. Въ коллегіи кіево-могилеанской.

Посылаемъ 6 книгъ: апологію англійскаго короля Іакова и объясненіе изъ посланія къ римлянамъ, что современная римская апостольская церковь не есть апостольская: это—богословы; потомъ польскую книгу о лошадяхъ, подъ названіемъ „Hippica", математику хорошую Финея Орорція и политику о правѣ германскомъ, автора Готфрида Гофмана, который учитъ теперь въ Лейпцигѣ сыновей нашего гетмана и недавно прислалъ мнѣ сію книгу съ другими. Твоихъ двухъ книгъ, которыя, какъ ты говоришь, у меня,—я не нахожу у насъ и не могу о нихъ припомнить. Посему напиши мнѣ о нихъ пояснѣе, какія онѣ и когда къ намъ поступили: тогда, можетъ быть, найдемъ.

О тѣхъ-же книгахъ, которыя посылаю, я упоминаю въ другомъ моемъ письмѣ, къ тебѣ-же посланномъ, которое получишь отъ монаха серба, нашего гостя, честнаго и простаго человѣка, котораго опять поручаю твоей вельможности.

IV.

Письмо къ Якову Марковичу, отъ 30 мая, 1716 года. Издано въ латинскомъ Сборникѣ 1776 г., *ep*. IV. Въ нашей рукописи слѣдующая приписка:

Мы слышали, что ты путешествовалъ въ Петербургъ,—ты слышалъ, что я страдалъ продолжительною болѣзнію; но ни та, ни другая причина не побудила тебя написать что-нибудь къ намъ. Откуда это молчаніе? Иные объясняютъ перемѣною твоей благорасположенности, чего я менѣе всего ожидаю. Ибо я знаю, какъ ты расположенъ къ моему убожеству, не сомнѣваюсь въ дружбѣ и благосклонности того, кто считаетъ себя какъ-бы сыномъ моимъ и кого я желаю звать братомъ и не стыжусь называть господиномъ. И такъ какая-же причина молчанія? Къ извиненію твоему, сказалъ-бы я, что это—общій недостатокъ, какая-то неохота писать письма и проистекающее отсюда забвеніе. Признаюсь, что и меня она сильно одолѣваетъ. Впрочемъ, къ твоей вельможности я никогда не буду медлителенъ; и отъ тебя также по праву ожидаю взаимности въ этомъ, прошу не отвергнуть. И такъ, напиши намъ о своемъ здоровьи во время прошлаго путешествія и объ его результатахъ, и не захочешь-ли написать или поручить мнѣ что другое? Будь здоровъ, какъ можно лучше.

V.

Письмо къ Якову Марковичу, безъ даты; но, судя по содержанію, написанное вскорѣ послѣ предыдущаго.

Знатнѣйшій и вельможнѣйшій господинъ Марковичъ, мой господинъ и братъ многоуважаемый!

Прошу не удивляться, что въ предыдущемъ письмѣ я спрашивалъ о твоемъ молчаніи; ибо письма твои ко мнѣ, посланныя благовременно, я наконецъ получилъ только теперь, именно уже послѣ отъѣзда нашего отца префекта и послѣ отправки моего письма къ тебѣ. Здѣсь-же вмѣстѣ прошу прощенія въ томъ, что и самъ на этотъ разъ могу говорить съ тобой весьма мало,— такъ отовсюду заваленъ множествомъ работъ. Но признаюсь чистосердечно и откровенно, что я такъ пораженъ и возбужденъ твоимъ ко мнѣ письмомъ, дышащимъ однимъ только Христомъ, что не могу не отвѣтить тебѣ тѣми словами, какія апостолъ Павелъ написалъ къ римлянамъ: *Благодарю Бога моего Іисусомъ Христомъ* о тебѣ, *яко вѣра* твоя *возвѣщается во всемъ мірѣ*. (Римл. 1, ст. 8). Прибавляю и послѣдующее: *свидѣтель ми есть Богъ, ему же служу духомъ моимъ во благовѣствованіи Сына Его, яко безпрестани память о тебѣ творю, всегда въ молитвахъ моихъ моляся, аще убо когда поспѣшенъ буду волею Божіею пріити* къ тебѣ. *Желаю бо видѣти* тя, *да нѣкое подамъ* тебѣ *дарованіе духовное ко утвержденію* твоему; *сіе же есть соутѣшитися* въ тебѣ *вѣрою общею* твоею *и моею*. Если мое путешествіе не осуществится, то прошу, молю, требую, настаиваю, умоляю Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, удовлетвори нашимъ желаніямъ, предпринявъ, если можно, свое путешествіе къ намъ. Ибо почему, спрашиваю, не можешь выдумать причины или отыскать поводъ подъ видомъ другаго дѣла, которое бы могло привести тебя къ намъ? Но вы свое лучше знаете: дѣлайте, чтобъ исполнить задуманное, и простите насъ, если что болтнули безъ разсужденія. Богъ да сохранитъ тебя, драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ братъ и господинъ, невредимымъ, счастливымъ на войнѣ и въ мирѣ, равно и торжествующимъ въ апостольской мантіи, и да сохранитъ какъ можно долѣе. Прощай.

Знатнѣйшаго и вельможнѣйшаго панства твоего преданный братъ и слуга Ѳеофанъ, коллегіи кіево-могилеанской ректоръ.

Что ты написалъ намъ объ имѣющемъ прибыть гостѣ,—радуюсь и веселюсь и за эту пріятнѣйшую вѣсть приношу вели-

чайшую благодарность. О, если бы ты скоро исполнилъ обѣщанное и удовлетворилъ нашимъ желаніямъ! Ибо и я въ первомъ письмѣ моемъ, посланномъ черезъ Завратинскаго, особенно объ этомъ безпокоилъ тебя. Вотъ удивительное, какъ бы условленное согласіе нашихъ обоюдныхъ желаній.

Съ господиномъ Борзаковскимъ, родственникомъ вашимъ, хотя онъ тяжко насъ оскорбилъ и нашу расположенность передъ многими толковалъ за ненависть, мы немедленно и охотно примирились, по просьбѣ знатнѣйшаго господина тестя твоего и по твоей собственной. Для этого весьма достаточно было и твоего одного ходатайства; ибо нѣтъ для меня важнѣе, достойнѣе и сильнѣе твоихъ просьбъ; да будетъ такъ милостивъ ко мнѣ, грѣшнику, Господь кровію Сына Своего Господа нашего Іисуса Христа.

Чего отъ насъ требуешь, скоро пришлю;—какъ нѣкоторыя книги, такъ и мои отвѣты. И между прочимъ посылаю два мои уже преподанные трактаты богословскіе: 1-й—О твореніи и промыслѣ, второй — О состояніи перваго человѣка. Полагаю, найдешь въ нихъ кое-что обыкновенное, кое-что и любопытное, легкое, трудное, годное, не годное,—разное; наконецъ, найдешь то, надъ чѣмъ можешь, если угодно, провесть или, можетъ быть, потерять хорошее время. Но прошу панство ваше, благоволи приказать, если угодно, переписать сію рукопись и возвратить ее намъ; ибо мы взяли ее у одного ученика, между прочимъ, для того, чтобы удовлетворить твоимъ требованіямъ.

VI.

Письмо къ Якову Марковичу, отъ 19 августа, 1716 года. Издано въ Трудахъ кіев. дух. академіи, за январь, 1865 года, съ помѣтой 9 августа, 1716 г. Въ нашемъ сборникѣ слѣдующая къ нему приписка:

Благороднаго господина Василія Савицкаго особенно рекомендую твоей вельможности. Можетъ быть, это излишне, поелику онъ очень хорошо тебѣ извѣстенъ и пріятенъ. Однако и я говорю, что̀ чувствую. Кажется, онъ весьма преданъ тебѣ, и экономъ, и совѣтникъ, и вѣрный домашній: и насъ принялъ отъ твоего имени весьма любезно.

Помогите ради любви Христовой оглашенному іудею, и хотя бы жена его не пожелала креститься, однако можетъ быть его женою, если только сама не заупрямится, по ученію Апостола

1 Кор. гл. 7. Не слѣдуетъ слушать негодяя попа, который, говорятъ, подстрекаетъ къ противному.

И опять о семъ единственно прошу, чтобы ты не удостоивалъ своими учеными бесѣдами неблагодарныхъ бездѣльниковъ, о которыхъ самъ знаешь, что они слѣпые, дерзкіе и не ученые. Еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся. Не повергай святая псамъ, не мещи бисера твоего предъ свиньями.

VII.

Письмо къ Якову Марковичу изъ С.-Петербурга, отъ 27 января, 1717 года. Съ ошибочной и неопредѣленной датой отпечатано, въ русскомъ переводѣ, въ Трудахъ кіевской духовной академіи за январь 1865 года. Въ нашемъ сборникѣ слѣдующая приписка:

Не полѣнись написать, не представлялся ли ты преосвященнѣйшему предстоятелю рязанскому, и какъ онъ принялъ тебя? Какой былъ разговоръ, обращеніе и весь пріемъ? Не было ли и обо мнѣ помину?

Прошу, напиши мнѣ объ о. Стефанѣ Прибыловичѣ: гдѣ онъ и что съ нимъ? ибо мнѣ прежде сообщено было, что онъ обвиненъ былъ за ложно приписанную ему Шидловскимъ ересь, если это правда. Этотъ Шидловскій, какъ былъ вѣроломенъ предъ земнымъ царемъ, такъ и предъ царемъ небеснымъ, и—рабъ непотребный.

Между значительными, которые меня любятъ и глубоко уважаютъ (если не ошибаюсь), суть слѣдующіе: сіятельнѣйшій князь Меньшиковъ, Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, начальникъ флота, иначе адмиралъ; сенаторъ Іоаннъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ и первый изъ сенаторовъ Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій, генералъ Григорій Петровичъ Чернышевъ. Объ о. архимандритѣ Невскомъ [1]), который путешествовалъ съ пресвѣтлѣйшимъ, хорошо знаю отъ достовѣрнѣйшихъ лицъ, что онъ чтитель истины и сильный врагъ ханжей и всякаго суевѣрія, почему и мнѣ обѣщаютъ въ немъ единственнаго друга, каковымъ онъ уже и есть; ибо вездѣ доселѣ превозносилъ мое имя и, говорятъ, ожидалъ моего прибытія съ величайшимъ желаніемъ. Тоже обѣщаютъ и о самомъ пресвѣтлѣйшемъ.

---

[1]) Ѳеодосіѣ Яновскомъ.

Между другими проповѣдями, которыя я здѣсь говорилъ, проповѣдь на Рождество Христово, въ которой въ отдѣлѣ объ оправданіи положилъ основаніемъ сіе изрѣченіе Апостола: *немощное закона, въ немъ-же немоществоваше плотію, Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти, да оправданіе закона исполнится въ насъ*, и проч. (Римл. 8, ст. 3); ибо я показалъ, какимъ образомъ законъ во плоти немоществовалъ, и какимъ образомъ Сынъ Божій исцѣлилъ законъ и требуемое закономъ оправданіе исполнилъ для насъ на себѣ самомъ: эта, говорю, проповѣдь принята была съ такимъ восторгомъ и всеобщимъ одобреніемъ, что разныя лица открыто превозносятъ ее разными похвалами, даже къ величайшему стыду моему, и всѣ потребовали, чтобы она не медленно была напечатана, и нынѣ уже въ печати. Когда выйдетъ изъ печати, пришлю тебѣ. И такъ, отсюда свѣтитъ надежда божественной благодати, имѣющей показать свою силу. О, если-бы! О, Боже! О, Христе Боже! Исполни желанія наши! Не намъ, Господи, не намъ, но имени твоему даждь славу! О полученіи таковаго успѣха молюсь я, грѣшникъ; молись и ты непрестанно, любезнѣйшій!

Благоволи написать въ Кіевъ къ о. Кохановскому и увѣдомь его, что два его письма получены мною, и что при этомъ желаю я, чтобы онъ и еще писалъ къ намъ: и я кратко буду писать.

Прошу прислать мнѣ двѣ книги—Финея Орорція и другую: „De horologiis“, которую я оставилъ у господина Савицкаго; я ихъ послѣ возвращу вамъ съ другими новыми.

Если будетъ отъ васъ удобный случай сюда (прошу простить безстыдной скудости), пришли мнѣ сколько нибудь „сивушки“: до того мы здѣсь бѣдны, что я не стыжусь писать тебѣ объ этомъ.

Покорнѣйше прошу извинить, что я и обременяю тебя многимъ чтеніемъ, и налагаю трудъ писанія.

Когда возвратится изъ долговременнаго путешествія пресвѣтлѣйшій, полагаю, что отъ ясновельможнаго гетмана послѣдуетъ привѣтствіе. Но едва-ли не сообразнѣе было-бы, если-бы ты прибылъ поздравителемъ, о чемъ и совѣтую тебѣ постараться.

Достопочтенному отцу архимандриту привѣтствіе твое весьма пріятно: нисколько не мѣшаетъ, даже сдѣлаешь хорошее дѣло, если, еще пославши къ нему письмо, подтвердишь свою расположенность.

Что писалъ ты намъ о нашихъ хорошихъ благопріятеляхъ и хвалителяхъ, за это благодарю; но едва могу вѣрить, не притворныя ли это похвалы. Прошу также, не полѣнись писать намъ, если что новаго о насъ услышишь, но чрезъ вѣрнаго письмоносца и такого, который бы вручилъ мнѣ письмо въ руки.

Прошу прислать книги господина генерала: онъ просилъ меня, чтобы я навѣстилъ его домъ въ качествѣ гостя; но, обѣщавшись, я доселѣ не сдѣлалъ этого, чтобы онъ не помянулъ о книгахъ.

Его величество, самодержецъ пресвѣтлѣйшій, предпринявъ путь въ Москву, при самомъ выѣздѣ, отозвавшись обо мнѣ превосходно, приказалъ также дать мнѣ особенный подарокъ изъ своихъ домашнихъ денегъ, именно 100 рублей, о чемъ мы не знали, и уже нѣсколько дней послѣ его отъѣзда я узналъ по случаю и деньги получилъ изъ царскаго дворца.

Сіятельнѣйшій князь Меньшиковъ, вмѣстѣ съ княземъ Димитріемъ и сенаторомъ Петромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ и другими вельможами (между ними и господинъ Шпетакъ) обѣдали у меня съ удовольствіемъ и благодарностію 15 января. Потомъ и съ тѣми же гостями мы были 17 января на обѣдѣ у отца архимандрита.

Что теперь дѣлается въ Москвѣ, я не желалъ бы, чтобы ты писалъ мнѣ объ этомъ, поелику не приходится намъ знать о томъ; развѣ, можетъ быть, что сообщено будетъ къ общему свѣдѣнію и о чемъ приказано будетъ опубликовать [1]).

VIII.

Письмо къ Якову Марковичу отъ 26 февраля 1719 года, изъ Нарвы. Отпечатано въ латинскомъ сборникѣ 1776 года. Въ нашей рукописи слѣдующая приписка:

По написаніи сего письма получилъ я печальное извѣстіе о смерти брата моего Нестора; что иное должно дѣлать, какъ не умѣрять печаль размышленіемъ о божественномъ попеченіи о насъ!

IX.

Письмо къ Якову Марковичу изъ Петербурга отъ 10 мая 1720 года. Въ русскомъ переводѣ издано въ Трудахъ кіевской ду-

[1]) Разумѣется дѣло о царевичѣ Алексіѣ Петровичѣ. Въ этой предупреждающей осторожности живо рисуется одна изъ коренныхъ чертъ политики Прокоповича.

ховной академіи, за февраль 1865 года, но безъ точной и опредѣленной даты. Въ концѣ письма, по нашей рукописи, слѣдующая приписка:

Вотъ суета человѣческихъ дѣлъ! По написаніи сего, въ тотъ же день, по прошествіи почти пяти часовъ, скончался о. Михаилъ, къ величайшему нашему прискорбію. Водянкою, такъ какъ былъ толстый, болѣлъ 6 недѣль: сначала ноги опухли; потомъ, когда врачъ составилъ лекарство и нѣсколько разъ далъ ему пить, опухоль въ ногахъ прошла, но мокрота перешла въ животъ и оттуда бросилась въ легкія. Два врача не одинаково опредѣляли пульсъ и кровь, но предполагали, что онъ умретъ отъ паденія мокроты на грудь. Не было недостатка въ медицинской помощи и, послѣ одного и другаго сильнаго пароксизма, мокрота выплевана, и онъ сталъ чувствовать себя лучше. Потомъ опять усилилась болѣзнь, дыханіе сдѣлалось весьма тяжелымъ, и наконецъ, въ означенный день, въ исходѣ 11-го часа по полудни, не стало человѣка, въ самое полнолуніе, когда, по словамъ врача поляка, чаще умираютъ страдающіе водянкой. Превосходнымъ умомъ человѣка (каковыя дарованія я обыкновенно цѣню выше всего, чему удивляются люди) и свѣтлой простотой я удивительно пользовался и смерть его приписываю своимъ грѣхамъ. Однако насъ утѣшаетъ смерть его, полная спасительной надежды. Ибо когда, по полученіи извѣстія, что отцу Михаилу хуже, я пришелъ къ нему и спросилъ, узнаетъ ли меня, онъ весьма слабымъ голосомъ отвѣчалъ, что узнаетъ. Приступивъ къ нему укрѣпить его, я особенно увѣщевалъ его касательно двухъ предметовъ: во первыхъ, чтобы онъ не жаловался на свою участь, т. е. на Божественное Провидѣніе, что рано долженъ умереть, изобразивъ ему суету жизни и внушивъ ему, чтобы онъ предалъ себя въ волю Божію; во вторыхъ, чтобы молился и молясь не отчаевался въ божественномъ къ нему чрезъ Христа милосердіи. Когда я говорилъ ему объ этомъ, онъ набожно сочувствовалъ мнѣ движеніемъ руки и выраженіемъ глазъ. Тотчасъ по моемъ уходѣ началась агонія, и черезъ 20 минутъ послѣ моего ухода онъ скончался. Буди ему вѣчная память!

Объ одномъ при этомъ я позабылъ. Недалеко отъ нашего дома есть прекрасный каменный домъ, прежде Кикина, теперь—Императора. Тамъ хранится имущество Его Величества, весьма драгоцѣнное: 1) анатомическое, находящееся въ многочисленныхъ камерахъ, которыя наполнены всякими человѣческими частями,

сберегаемыми въ спиртѣ; 2) многія рѣдкости природы, змѣи, крокодилы, монстры и проч., побѣги кораллов всякаго рода, раковины выше всякаго удивленія, и проч., и проч.; 3) библіотека, доходящая числомъ до 15-ти тысячъ книгъ. Поэтому и отсюда мы можемъ получать пособіе въ литературныхъ занятіяхъ, такъ какъ она находится не далеко и открыта для насъ во всякое время.

Славнѣйшаго господина Генеральнаго Писаря съ любовію привѣтствую и отъ души ему соболѣзную о смерти дорогаго сына. Прошу и молю, чтобы всемогущій Богъ вознаградилъ его за сію утрату всѣми другими счастливѣйшими успѣхами.

Достопочтеннѣйшаго отца Епифанія Тихорскаго игумена (если не архимандрита, какъ я наслышанъ) привѣтствую усерднѣйше и прошу для него у вашей вельможности копіи съ моего письма.

Н. Петровъ.

Библіографія.

„Хуторна поэзія“ и „Крашанка“. П. А. Кулиша. Львовъ. 1882.

Первая изъ этихъ брошюръ г. Кулиша имѣетъ своею задачею поднятіе народнаго украинскаго духа, пробужденіе народнаго украинскаго самосознанія, а вторая пытается склонить украинцевъ къ примиренію съ поляками. Не смотря однако на кажущуюся разность брошюръ, по ихъ цѣлямъ, между ними есть много сходства. Въ обѣихъ своихъ брошюрахъ авторъ пытается стать на историческую почву и освѣтить исторіею современныя отношенія Украины; въ той и другой проводится одинъ и тотъже почти историческій взглядъ и высказываются одинаковыя симпатіи и антипатіи, съ небольшими развѣ только разностями. Поэтому, на основаніи названныхъ брошюръ, можно воспроизвести то историческое міровоззрѣніе автора, какое сложилось у него за послѣднее время.

Историческій взглядъ свой на судьбу украинскаго народа и его словесности въ „Хуторной поэзіи“ г. Кулишъ представляетъ въ слѣдующемъ видѣ. „Наше слово, говоритъ, закалено въ устахъ Олеговъ, Святославовъ, Владиміровъ еще тогда, какъ Москва и не народилась. Закалили мы его и въ устахъ того рыцарства, къ которому обращалась съ приглашеніями вся Европа, воюя съ врагами вѣры Христовой или свободы религіозной“. Это слово стало подвергаться стѣсненію подъ владычествомъ Польши и Россіи надъ Малороссіей. Какимъ образомъ Малороссія подпала подъ власть Польши, объ этомъ г. Кулишъ вскользь замѣчаетъ въ своей „Крашанкѣ“. „Козаки, говоритъ онъ, не допуская вдову кіевскаго князя Симеона Олельковича господствовать, принудили ее просить короля, чтобы онъ взялъ себѣ неспокойный Кіевъ и далъ ей въ замѣну Пинскъ съ Кобриномъ и

Рогачевымъ"; слѣдовательно поддача кіевлянъ польскому королю была добровольная и не справедливо извѣстіе лѣтописей, будто ляхи силою сдѣлали изъ русскаго княжества польское воеводство. Какъ-бы то ни было, фактъ подчиненія Украины Польшѣ совершился. „Во время господства Польши нашимъ предкамъ казалось, будто Русь отъ Карпатъ до Путивля есть недѣлимая часть Рѣчи Посполитой польской, и будто-бы, не держась съ ляхомъ за руки, нельзя русину жить на свѣтѣ". Они уже слишкомъ стали склоняться на сторону поляковъ и ассимилироваться съ ними. Важнѣйшіе дома въ Червоной Руси, на Покутьи, на Подольѣ, на Волыни, въ Бѣлоруссіи и на Украинѣ по обоимъ берегамъ Днѣпра оставляли даже старую вѣру греческую, чтобы не разниться ни въ чемъ съ польскими панами. А между тѣмъ украинское простонародье, предоставленное самому себѣ, пробавлялось своими стародавними преданіями и пѣснями, стояло въ сторонѣ отъ прогресса и цивилизаціи и все болѣе и болѣе удалялось отъ высшихъ сословій, цивилизованныхъ по-польски. Результатомъ этой розни была соціальная усобица въ концѣ XVI столѣтія, когда низшее духовенство русское отреклось отъ единенія съ русскою церковною аристократіею, а народъ, по внушенію духовенства, сталъ называть ляхами и русскихъ вельможъ. Такимъ образомъ соціальныя усобицы въ Рѣчи Посполитой приняли зловѣщее названіе борьбы козаковъ съ ляхами, не смотря на то, что козаки боролись съ вельможными представителями Руси: Острожскими, Вишневецкими, Сангушками, Четвертинскими, Корецкими и т. д. Въ этой гибельной для обѣихъ націй борьбѣ, русскихъ пановъ поддержали польскіе паны, а русскихъ козаковъ—бояре московскіе, думные люди царя Алексѣя Михайловича. Такимъ образомъ древняя варяго-русская аристократія потеряла территорію, которую заняла-было по праву защиты отъ хищнаго азіатства.

Забытая своими церковными и мірскими властями Русь оставила слѣды въ польской словесности и, принявъ въ себя довольно польщизны, перешла подъ московское владычество такою же просторѣчивою, какою была и подъ польскимъ. Послѣ Великой Руины, уничтожившей всю работу европейской культуры на обоихъ берегахъ Днѣпра, изъ заселенныхъ вновь городищъ и селищъ возникла такъ называемая по-книжному Малая Россія, а по-народному Украина. Здѣсь опять глубоко укоренилась и широко разлилась украинская простонародная рѣчь, которая

однако не пользовалась вниманіемъ высшихъ властей и украинскаго панства, стремившагося на „россійскій Геликонъ“. Украина была какъ будто въ летаргическомъ снѣ, отъ котораго пробудила ее та-же родная рѣчь. „По какому-то таинственному закону воскресенія замершихъ народностей, въ Полтавщинѣ, въ Харьковщинѣ и, какъ видимъ, даже въ Черниговщинѣ, какъ будто на кобзѣ струна къ струнѣ, отозвались одинъ по одному люди чужіе и далекіе между собою и провозгласили новую націю между націями, во имя роднаго слова и самобытнаго міровоззрѣнія“. Это дѣло началъ простодушно Котляревскій въ своей „Перелицованной Энеидѣ“. Онъ постаскивалъ съ Олимпа боговъ и богинь съ полубогами и славныхъ героевъ, и всю эту олимпійскую знать повернулъ въ мужицкую простоту. Такъ зародилась новѣйшая украинская литература. Она сдѣлалась демократическою и получила широкое и прочное развитіе.

Одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ этого развитія представляетъ эпоха 40-хъ годовъ, съ Шевченкомъ во главѣ. Этой эпохѣ, въ которой принималъ нѣкоторое участіе и Кулишъ, онъ посвящаетъ свое „историчне оповіданне“, служащее какъ бы предисловіемъ къ „Хуторной Поэзіи“. По его словамъ, года за три—за четыре до 1847 г. кіевская молодежь, проникнувшись евангельскимъ ученіемъ, задумала проповѣдывать среди просвѣщенныхъ пановъ украинскихъ освобожденіе народа отъ крѣпостничества путемъ просвѣщенія, вмѣстѣ и христіанскимъ и научнымъ. Во главѣ этой молодежи стоялъ Шевченко. Къ ней принадлежалъ и самъ Кулишъ. Осенью 1845 года онъ уѣхалъ въ Петербургъ, откуда переписывался съ своими кіевскими друзьями. Въ началѣ 1847 года Кулишъ снова является на Украинѣ, куда онъ заѣхалъ по дорогѣ за границу. Къ этому времени Шевченко получилъ мѣсто профессора живописи при кіевскомъ университетѣ св. Владиміра. Вмѣстѣ съ Шевченкомъ Кулишъ былъ на свадьбѣ, въ черниговской губерніи, у одной знакомой дѣвицы, отдавшей все свое приданое для Шевченка, и гостилъ нѣсколько времени у другаго украинскаго поэта, воспитанника нѣжинской гимназіи, холостяка, кажется—Забѣлы, который былъ „великий недурень выпити“. Въ Кіевѣ Кулишъ узналъ стороною, что кіевскіе его пріятели составили какое-то „общество Кирилла и Меѳодія“, сочинили уставъ и имѣли свой значекъ—перстни изъ чистаго желѣза съ литерами К. М., но не былъ посвященъ въ тайны этого общества. Въ уставѣ, какъ послѣ извѣстно стало, между другими премудрыми замыслами,

было сказано, что украинцы получатъ всю славянщину въ одну федерацію, подъ протекціей всероссійскаго императора, а если-бы всероссійскій императоръ на это не согласился, то будутъ промышлять о себѣ какъ нибудь иначе. Извѣстно, что на членовъ кирилло-меѳодіевскаго общества или братства послѣдовалъ доносъ, вслѣдствіе котораго пострадалъ и Кулишъ изъ-за своей переписки съ кіевскими пріятелями своими. Главными обвинительными пунктами противъ Кулиша были: его переписка съ кіевскими его пріятелями и „повѣсть объ украинскомъ народѣ", напечатанная въ дѣтскомъ журналѣ г-жи Ишимовой „Звѣздочка". Содержанія своей переписки Кулишъ не открываетъ, хотя, быть можетъ, она помогла-бы намъ разрѣшить не излишній для его характеристики вопросъ о томъ, почему онъ не былъ посвященъ въ тайны кирилло-меѳодіевскаго общества. По его-же словамъ, и ген. Дубельтъ давалъ ему понять, что онъ выгораживаетъ себя, не щадя своихъ соучастниковъ. Что касается повѣсти объ украинскомъ народѣ, помѣщенной въ „Звѣздочкѣ", то, по отзыву самого Кулиша, „это была компиляція тѣхъ шкодливыхъ для нашего разума выдумокъ, которыя наши лѣтописцы выдумывали про ляховъ, да тѣхъ, что̀ наши кобзари сочиняли про жидовъ, для поджоги или для забавы козакамъ-пьяницамъ, да тѣхъ, которыя разбросаны по апокрифамъ старинныхъ будто-бы сказаній и по подделаннымъ еще при нашихъ прадѣдахъ историческимъ документамъ. Это было одно изъ тѣхъ утопичныхъ и фантастическихъ сочиненій безъ критики, изъ какихъ сшита у насъ вся исторія борьбы Польши съ Москвою. Козаки являлись въ ней, какъ нація, а все то, что дѣлаетъ націею, игнорировалось или отбрасывалось въ противоположный лагерь. Всѣ козацкіе враги изображены тутъ людоѣдами, а сами козаки праведными мучениками и благородными патріотами". О Кулишѣ опредѣлено было: „на два мѣсяца въ крѣпость, а потомъ въ отдаленныя губерніи, съ запрещеніемъ служить по министерству народнаго просвѣщенія".

Судьба другихъ соучастниковъ кирилло-меѳодіевскаго кружка болѣе или менѣе извѣстна, и Кулишъ не касается ея. Но не безъинтересно его мнѣніе о Т. Г. Шевченкѣ. Сравнивая Шевченка и Пушкина, Кулишъ говоритъ, что оба они одарены были великими дарами природы, Шевченко еще большими, чѣмъ Пушкинъ. Но Пушкинъ глубже могъ проникнуть въ историческую правду, чѣмъ Шевченко, не имѣвшій возможности развить свой природный даръ широкимъ опытомъ жизни, культурой и наукой. Если-бъ

Шевченка не постигла извѣстная печальная участь ссылки, то онъ путемъ науки сравнялся-бы съ Пушкинымъ, и русское единство, къ которому стремились Петръ I и Екатерина II, подкрѣпилось-бы Шевченкомъ еще больше, чѣмъ самимъ Пушкинымъ.

Послѣ погрома кіевскаго кирилло-меѳодіевскаго кружка,—по представленію и Кулиша,—настали тяжелыя времена для украинской литературы, продолжающіяся и до послѣдняго времени. „Что послѣдовало на Украинѣ послѣ 1847 г., говоритъ онъ, это мы всѣ знаемъ“. Въ другихъ мѣстахъ Кулишъ даетъ понять читателю, что цензурныя стѣсненія послѣдняго времени были причиною удаленія его изъ Россія за границу, въ Галицію, хотя мы замѣтимъ, что никто не мѣшалъ ему писать и печатать здѣсь свою пресловутую „Исторію возсоединенія Руси“, и почти одновременно предлагать своимъ землякамъ перелицовать эту „Исторію“ въ ихъ пользу, подъ условіемъ уплаты ему по 100 руб. с. за каждый печатный листъ.

Въ заключеніе своей „Хуторной поэзіи“ Кулишъ, указывая на то зло, какое сдѣлали Украинѣ сначала Польша, а въ послѣднее время Москва, приглашаетъ своихъ земляковъ работать для воскрешенія украинской народности на поприщѣ украинскаго слова и литературы и разработывать родное слово въ переводахъ поэтическихъ твореній великихъ народовъ и въ философіи, опирающейся на науку естествовѣдѣнія.

Казалось бы, что Польша и Москва, одинаково, хотя и въ разное время, повредившія Украинѣ, должны были вызывать въ Кулишѣ и одинаковую антипатію; но на самомъ дѣлѣ онъ отдаетъ явное предпочтеніе Польшѣ предъ Москвою и даже старается помирить своихъ земляковъ съ поляками въ своей „Крашанкѣ“. Здѣсь онъ развиваетъ ту мысль, что главною причиною всѣхъ историческихъ недоумѣній между южноруссами и поляками были духовные руководители обоихъ народовъ, разжигавшіе религіозную вражду между ними и намѣренно искажавшіе, въ смыслѣ этой вражды, мѣстныя лѣтописи и историческіе документы. Напоенные этой враждой, разнузданные козаки-разбойники неистовствовали противъ своихъ братьевъ—поляковъ, представителей цивилизаціи и культуры въ ихъ краѣ, а украинская муза восхваляла эти неистовства въ козацкихъ думахъ и пѣсняхъ и окончательно затемнила подлинный образъ исторіи Украины и ея отношеній къ Польшѣ. Слѣдовательно историческіе

документы и лѣтописи малорусскія, казацкія думы и т. п. Кулишъ считаетъ не надежными источниками для исторіи Украины. Audiatur et altera pars,—говоритъ онъ—и обращается къ польскимъ свидѣтельствамъ и источникамъ, отдавая имъ явное предпочтеніе передъ отечественными украинскими. Критическаго разбора этихъ польскихъ источниковъ мы не видимъ въ брошюрахъ г. Кулиша, который въ свое оправданіе авторитетно и съ бранью указалъ своимъ рецензентамъ только на то, что онъ-де просидѣлъ въ библіотекахъ и архивахъ десятки годовъ и написалъ цѣлую охапку томовъ. Въ другомъ мѣстѣ той-же брошюры, порицая русскихъ историковъ за то, что они занимаются будто-бы только „фабулою исторіи", а не „описательною соціологіею", онъ даетъ понять, что „описательная соціологія" и составляетъ задачу историческихъ работъ его, г. Кулиша. Вотъ въ этихъ-то соціологическихъ задачахъ и нужно искать у г Кулиша критерія при оцѣнкѣ имъ историческихъ матеріаловъ или источниковъ. Для него достовѣрно все то, что служитъ его соціологическимъ задачамъ, и не заслуживаетъ никакого довѣрія то, что противорѣчитъ этимъ задачамъ, не согласно съ ними. Понятно отсюда, что его соціологія основана не на твердыхъ данныхъ, а на пескѣ. По ея выводамъ оказывается, что ляхи были благодѣтелями Украины, ея цивилизаторами и культиваторами, и только не многіе изъ нихъ, въ видѣ исключенія, дозволяли себѣ не справедливыя отношенія къ украинцамъ. Притомъ-же и не удивительно, если ляхи мстили иногда украинцамъ за свою утраченную славу, за свою погубленную отчизну, за своихъ отцовъ и матерей, братьевъ и сестеръ, за свои имѣнія на Украинѣ и проч. Теперь-де для обоихъ народовъ настало время забыть историческія неправды съ обѣихъ сторонъ и подать другъ другу руку примиренія.

Мы не беремся разбирать историко-соціологическіе абсурды г. Кулиша, предоставляя это дѣло спеціалистамъ-историкамъ. Не будемъ также сопоставлять сообщаемыхъ Кулишомъ свѣдѣній о кирило-меѳодіевскомъ кружкѣ съ болѣе достовѣрными свидѣтельствами одного изъ главныхъ дѣятелей этого кружка, Н. И. Костомарова [1]). Но для болѣе полной оцѣнки послѣднихъ произведеній г. Кулиша считаемъ не лишнимъ поставить эти произведенія

---

[1]) Русская Старина, за мартъ 1880 года, и предисловіе къ пражскому изданію сочиненій Т. Г. Шевченко, 1876 года.

въ связь съ прежнею его литературною дѣятельностію, дабы видѣть, на сколько г. Кулишъ остался вѣренъ самому себѣ.

Еще въ 1878 году, по поводу „Исторія возсоединенія Руси" г. Кулиша и его статьи „о козакахъ въ отношеніи къ государству и обществу", Н. И. Костомаровъ замѣтилъ въ г. Кулишѣ рѣзкую перемѣну прежнихъ его убѣжденій и писалъ о немъ слѣдующее: „Въ первыхъ годахъ текущаго царствованія (Александра II) въ умственной жизни русскаго общества совершались большія перемѣны. Между прочимъ тогда намъ надоѣла давно усвоенная въ Россіи и на всѣ лады расхваленная система устраивать все подъ одинъ уровень, изглаживающій всякія частныя особенности; намъ, на примѣръ, захотѣлось жизни самобытной. Начали у насъ и словесно и печатно прославлять децентрализацію; создавался въ нашихъ головахъ такой идеалъ общественнаго бытія, чтобы, съ сохраненіемъ единства и неразрывности государственнаго цѣлаго, части его имѣли бы всѣми признаваемое право на своеобразную физіономію, сообразно историческимъ, этнографическимъ и экономическимъ условіямъ. Тогда южнорусскій или малорусскій край представилъ для такихъ стремленій найболѣе подходящія условія. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ возникло у малороссовъ стремленіе высказать свою дѣятельность въ собственныхъ, отъ многаго другаго отличныхъ пріемахъ; отсюда попытки собирать памятники пѣсеннаго народнаго творчества, изучать мѣстную исторію и современный бытъ народа, наконецъ поднять уровень народнаго образованія и дать мѣстной рѣчи края права гражданства въ литературной семьѣ. Тогда въ числѣ умственныхъ дѣятелей между малороссами видное и почетное мѣсто занималъ П. А. Кулишъ, какъ мѣстный малорусскій историкъ, мыслитель, этнографъ, беллетристъ. Онъ пользовался по достоинству уваженіемъ не только въ средѣ земляковъ, но и во всей читающей русской публикѣ". Но „по своему увлекающемуся характеру, П. А. Кулишъ менѣе всякаго другаго былъ способенъ къ увертливому благоразумію; его сужденія и отзывы отличались перехватомъ черезъ край, какъ бываетъ съ людьми, которые и любить и ненавидѣть могутъ только всецѣло, и притомъ одарены чрезмѣрнымъ самолюбіемъ". Его „считали фанатикомъ Малороссіи, поклонникомъ козаччины; имя его неотцѣпно прилипало къ такъ называемому украинофильству. Но вотъ П. А. Кулишъ, удалившись отъ печатной дѣятельности, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, занялся съ большимъ вниманіемъ изученіемъ

исторiи своего края и увидалъ, что прежде многое представлялось ему въ болѣе разцвѣченномъ видѣ, въ болѣе плѣнительныхъ, свѣтлыхъ образахъ, чѣмъ бы слѣдовало сообразно со строгою исторической истиною. Г. Кулишъ захотѣлъ быть трезвѣе, относиться строже къ своимъ ученымъ симпатiямъ и глубже вдуматься во всѣ изгибы прошедшей жизни, и совершенно измѣнилъ свои воззрѣнiя на все малорусское, и на протекшее, и на современное. Прежде онъ былъ фанатикомъ уваженiя къ малорусской старинѣ, теперь сталъ фанатикомъ безпристрастiя. И результатомъ этого вышло, что у г. Кулиша въ послѣднихъ его произведенiяхъ много стремленiй къ безпристрастiю, а безпристрастiя нѣтъ ни на волосъ. Послѣ своего перерожденiя, П. А. Кулишъ явился съ тремя томами „Исторiи возсоединенiя Руси", а въ двухъ тетрадяхъ „Русскаго Архива" за 1877 годъ (№№ 3 и 6) напечаталъ статью „Козаки въ отношенiи къ государству и обществу", статью, которая, заключая въ болѣе сжатомъ объемѣ тѣже воззрѣнiя на козачество, какiя въ подробности развиваются въ трехъ томахъ его исторiи, можетъ назваться, такъ сказать, катехизисомъ ученiя г. Кулиша. Цѣль Кулиша—убѣдить своихъ читателей, что козаки были не болѣе, какъ разбойники, притомъ самые отвратительные по своей безнравственности и по своимъ злодѣянiямъ, вовсе не достойные той идеализацiи, съ какою относились къ нимъ нѣкоторые писатели (а самъ г. Кулишъ паче всѣхъ), а, напротивъ, достойные всяческаго порицанiя и презрѣнiя" [1]).

Прошло съ того времени нѣсколько лѣтъ, и съ г. Кулишомъ произошла новая, не менѣе удивительная, метаморфоза. Въ своей „Исторiи возсоединенiя Руси" и въ статьѣ о козакахъ г. Кулишъ, унижая козачество, искалъ болѣе устойчивыхъ основъ для малорусской народности, чѣмъ козачество, и находилъ эти основы въ городскомъ или, если угодно, въ среднемъ сословiи, которое „въ исторiи цивилизацiи Европы играетъ роль питомника всѣхъ жизненныхъ идей". Это городское или среднее сословiе и въ Южной Россiи имѣло, по представленiю г. Кулиша, заправляющую роль, тянуло въ московскую сторону и роковымъ образомъ предрѣшило возсоединенiе Малороссiи съ Россiею. Слѣдовательно актъ возсоединенiя Россiи представлялся г. Кулишу дѣломъ вполнѣ нацiональнымъ, исторически необходимымъ и законнымъ. Но въ послѣднихъ своихъ брошюрахъ г. Кулишъ бранитъ не только ко-

---

[1]) Русская Старина, 1878 г., т. XXI, „О козакахъ", Н. И. Костомарова.

заковъ, но и Москву, признаетъ возсоединеніе Россіи историческою несправедливостію и всею душею и всѣмъ сердцемъ своимъ льнетъ къ истиннымъ ворогамъ Малороссіи и Россіи—полякамъ.

Конечно, измѣнять свои убѣжденія не только не предосудительно, но и похвально, если такое измѣненіе совершается изъ любви къ истинѣ. Иногда такое измѣненіе обусловливается обстоятельствами жизни и, направляясь въ худую сторону, скорѣе вызываетъ чувство сожалѣнія къ писателю, заѣденному средой или отдавшемуся случайнымъ вліяніямъ. Именно подобное чувство возбуждаетъ литературная дѣятельность покойнаго В. И. Аскоченскаго. Изъ печатающагося теперь „Дневника“ его мы видимъ, что въ лучшую пору своей жизни онъ высказывалъ такія либеральныя мысли и сужденія, которыя потомъ рѣшительно опровергались въ его злосчастной „Домашней Бесѣдѣ“. Тутъ, по крайней мѣрѣ, мы видимъ крутое, безповоротное обращеніе отъ однихъ убѣжденій и взглядовъ къ другимъ, совершенно противоположнымъ. Къ сожалѣнію нельзя этого сказать о г. Кулишѣ. Намъ кажется, что рядъ его превращеній не служитъ выраженіемъ внутренняго обновленія писателя или перемѣны его убѣжденій. Каждая изъ метаморфозъ г. Кулиша, каждое изъ его крайнихъ мнѣній имѣютъ свои зачатки во всей предыдущей его литературной дѣятельности и періодически выступаютъ наружу, съ большею или меньшею силою, подъ вліяніемъ перемѣны вѣтра и даже мѣстожительства. Подтвердимъ нашу мысль нѣсколькими примѣрами.

О непостоянствѣ взглядовъ г. Кулиша на козачество мы уже приводили отзывъ Н. И. Костомарова. Также колебались въ различное время взгляды Кулиша на москвичей и поляковъ. Первоначальная козакоманія и украинофильскія тенденціи г. Кулиша должны были, повидимому, стоять въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ симпатіями къ Москвѣ или Польшѣ; но у Кулиша они входятъ, по временамъ, въ какую-то не естественную мировую сдѣлку.

Будучи еще студентомъ кіевскаго университета, г. Кулишъ до того увлекся польскимъ этнографомъ Свидзинскимъ, что готовъ былъ бросить грязью въ русскихъ дѣятелей науки, напр. М. А. Максимовича [1]). Въ 1857 г., во II томѣ своихъ „Записокъ о южной Руси“, г. Кулишъ помѣстилъ статью поляка Грабовскаго о при-

---

[1]) См. объ этомъ статью г. Бунге въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, за 1857 г.

чинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ въ XVII вѣкѣ, которая замѣчательнымъ образомъ сходится въ мысляхъ съ нынѣшнею „Крашанкою“ г. Кулиша и въ свое время принята была имъ съ сочувствіемъ. Эти симпатіи г. Кулиша къ полякамъ ослабѣли нѣсколько, когда сталъ издаваться журналъ „Основа“. Здѣсь, между прочимъ, явился его отвѣтъ „Полякамъ объ украинцахъ“ (февраль, 1862 г.). Съ прекращеніемъ „Основы“, г. Кулишъ оказался въ ряду сотрудниковъ „Вѣстника югозападной и западной Россіи“, основаннаго для борьбы съ поляками и, между прочимъ, помѣстилъ здѣсь рядъ статей „О паденіи шляхетскаго господства въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра“. Нынѣ, какъ извѣстно, г. Кулишъ опять стоитъ за поляковъ, и стоитъ крѣпко, вооружившись давно извѣстными ему историческими идеями г. Грабовскаго.

Поочередно испытывала гнѣвъ и милость г. Кулиша и Москва. Въ своей повѣсти объ украинскомъ народѣ г. Кулишъ не благоволилъ къ Москвѣ, убившей будто-бы украинскую народность. Но чрезъ 10 лѣтъ по выходѣ этой повѣсти г. Кулишъ въ предисловіи къ своему роману „Чорна Рада“ съ очевиднымъ усиліемъ старался отклонить отъ себя подозрѣніе въ „узкомъ мѣстномъ патріотизмѣ“ и явиться даже сторонникомъ московской централизаціи въ политическомъ отношеніи. „Кромѣ всего того,—говоритъ онъ здѣсь,—что читатель увидитъ въ немъ (романѣ) безъ объясненія, я желалъ выставить во всей выразительности олицетворенной исторіи причины политическаго ничтожества Малороссіи и каждому колеблющемуся уму доказать, не диссертаціей, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость сліянія въ одно государство южнаго русскаго племени съ сѣвернымъ“. Это заявленіе, однако, не мѣшало Кулишу нападать въ „Основѣ“ на московскую централизацію во имя самобытныхъ началъ украинской жизни. По прекращеніи „Основы“, г. Кулишъ опять является защитникомъ московской централизаціи въ „Вѣстникѣ югозападной и западной Россіи“ и особенно въ своемъ сочиненіи „Исторія возсоединенія Руси“. Послѣднее сочиненіе представляетъ ту особенность, что здѣсь впервые, на сколько мы знаемъ, г. Кулишъ пытался примѣнить соціологическія идеи Конта и другихъ подобныхъ мыслителей къ разработкѣ украинской исторіи. Но эти идеи сами по себѣ такъ гибки, такъ эластичны, что онѣ скользятъ только по поверхности историческихъ фактовъ и даютъ имъ произвольное освѣщеніе. Поэтому соціологическія идеи не только не

спасли Кулиша отъ дальнѣйшихъ колебаній въ разныя стороны, но и сдѣлали его еще болѣе воспріимчивымъ къ случайнымъ впечатлѣніямъ и способнымъ на историческіе абсурды и внутреннія противорѣчія. Разгнѣвавшись на то, что его „Исторія возсоединенія Руси" не благосклонно была принята въ Россіи и что его не цѣнятъ болѣе, г. Кулишъ удалился, въ качествѣ добровольнаго изгнанника, въ Галицію и здѣсь доказываетъ совершенно противное тому, что недавно доказывалъ въ своей „Исторіи возсоединенія Руси", хотя руководится тѣми-же самыми соціологическими началами и пользуется тѣми-же самыми историческими матеріалами и источниками. Очевидно,—тутъ не идеи, не историческіе матеріалы и источники опредѣляютъ взглядъ автора, а нѣчто другое; что же именно,—всякому, надѣемся, не трудно отгадать.

Будемъ ждать, не повернется ли еще г. Кулишъ фронтомъ въ какую нибудь другую сторону, отрекшись отъ того, что проповѣдуетъ въ настоящее время.

Н. П.

Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Димитрія Багалѣя. Кіевъ. 1882 г.

Эта историческая монографія удостоена историко-филологическимъ факультетомъ университета св. Владиміра золотой медали и Пироговской преміи. Она состоитъ изъ введенія и семи главъ. I-я и IV-я посвящены географіи и колонизаціи Сѣверской земли, при чемъ авторъ разбиваетъ этотъ отдѣлъ на двѣ части: колонизація до половины XI в. и колонизація отъ половины XI в. до половины XIII в. Глава III посвящена внутреннему быту Сѣверской земли, а гл. VI внутренней ея исторіи съ половины XI в. до половины XIII в. II-я, V-я и VII-я главы заняты изложеніемъ внѣшней исторіи Сѣверской земли.

Говоря о географіи и колонизаціи Сѣверской земли, авторъ на основаніи лѣтописныхъ данныхъ, арабскихъ и византійскихъ извѣстій, матеріала, доставляемаго топографіей, рисуетъ колонизаціонное движеніе племени Сѣверянъ въ области ихъ сосѣдей—радимичей, вятичей, муромы. Къ числу самыхъ интересныхъ выводовъ принадлежитъ сдѣланный авторомъ выводъ о существованіи Сѣверянскихъ поселеній по Дону, въ Хазаріи и на Таманскомъ полуостровѣ, гдѣ имъ принадлежала Тмутаракань. Не ме-

нѣе интересна глава, въ которой авторъ опредѣляетъ границы Сѣверской земли съ сосѣдними княжествами и внутреннія между главными ея областями. Въ концѣ главы приложенъ списокъ Сѣверянскихъ городовъ, при чемъ опредѣляется ихъ мѣстонахожденіе, по возможности, на современной картѣ. Эти главы безспорно можно отнести къ самымъ удачнымъ, важнымъ и интереснымъ. Онѣ заслуживаютъ признательности всякаго занимающагося русской исторіей.

Въ главѣ, касающейся внутренняго быта, въ первой ея части, дѣлается выводъ, что количество Сѣверскихъ городовъ было значительно уже въ XI в., чему доказательствомъ служатъ остатки множества городищъ и лѣтописныя данныя. Во второй части, большей по объему, авторъ рисуетъ намъ религіозный, семейный и общественный бытъ Сѣверянъ, ихъ культуру, и говоритъ о распространеніи у нихъ христіанства. Христіанство, по мнѣнію автора, распространялось у Сѣверянъ быстро, безъ всякихъ препятствій, чему способствовали ихъ обширныя торговыя сношенія съ Византіей и отсутствіе жреческаго элемента. Для воспроизведенія религіознаго, семейнаго и общественнаго быта автору служили главнымъ образомъ этнографическій матеріалъ, данныя археологіи и извѣстія арабскаго путешественника X в., Ибнъ-Фоцлана. Авторъ видитъ въ Руссахъ этого писателя Сѣверянъ и ихъ вѣрованія въ загробную жизнь. Если, относительно первой части этой главы, можно спорить о способѣ доказательства автора, то по отношенію второй половины никакъ нельзя согласиться съ пріурочиваніемъ извѣстій Ибнъ-Фоцлана именно только къ Сѣверянскому племени. Такой взглядъ на эти извѣстія высказанъ еще раньше г. Самоквасовымъ въ статьѣ о его раскопкахъ въ Сѣверской землѣ. Мы не можемъ не согласиться съ авторомъ, что Сѣверяне жили въ Хазаріи, что ихъ поселенія простирались до Азовскаго моря, но отсюда еще никакъ не можетъ слѣдовать, что Руссы Ибнъ-Фоцлана суть Сѣверяне. Во первыхъ, въ Хазаріи жили не одни Сѣверяне, но и другія вѣтви русскихъ славянъ; во вторыхъ, арабъ видѣлъ не мѣстныхъ жителей, а пріѣзжихъ, купцовъ, которые могли принадлежать и не къ Сѣверянскому племени. На какомъ основаніи мы можемъ утверждать, что описанные имъ обычаи принадлежатъ такой-то именно вѣтви русскихъ славянъ, а не иной? Нельзя основывать такой выводъ на томъ только, что извѣстія Ибнъ-Фоцлана представляютъ какъ-бы протоколъ раскопокъ Черной Могилы. Вѣдь можно указать

сожженіе, которое будетъ соотвѣтствовать извѣстіямъ араба, и въ кіевской и въ новгородской губерніи, слѣд. не у Сѣверянъ. Нѣкоторыя вѣрованія и обычаи, упоминаемые Ибнъ-Фоцланомъ, мы встрѣчаемъ и у другихъ славянъ. Такъ Хорутане и Словаки, въ своихъ преданіяхъ, представляютъ рай зеленымъ садомъ, какъ и дѣвушка у Ибнъ Фоцлана. Анты, предки Уличей и Тиверцевъ, по извѣстію Маврикія, держались обычая, что ихъ жены чрезъ удавленіе слѣдовали за своими мужьями на тотъ свѣтъ. Вѣдь извѣстію лѣтописи о кроткихъ нравахъ Полянъ довѣрять нельзя. При томъ она писана въ XII в., а въ VIII, IX и X вв. Поляне имѣли точно такіе же „норовы поганьския". Сама лѣтопись приводитъ извѣстія и о тризнѣ у Полянъ, о поклоненіи идоламъ, о жертвахъ. Припомнимъ, какъ на Дунаѣ дружина Святослава сожигала мертвыхъ съ разными обрядами. Тамъ вѣдь были не одни Сѣверяне. Да еще и были-ль они тамъ? Мнѣ кажется, что отождествленіе руссовъ Ибнъ-Фоцлана съ Сѣверянами представляетъ крупный промахъ, но, въ чести автора, едвали не единственный у него. Извѣстія Ибнъ-Фоцлана даютъ *„общія данныя"*, которыя слѣдуетъ относить не къ одному какому-либо племени, а ко всѣмъ вообще, *данныя „вообще"*. А разъ мы признаемъ за извѣстіями арабскаго путешественника такой характеръ, то едва ли можно говорить объ оригинальныхъ чертахъ религіи Сѣверянъ. Какъ-бы ни было, все таки эта глава представляетъ большой интересъ: авторъ собралъ много интереснаго матеріала и искусно нарисовалъ картину религіознаго, семейнаго и общественнаго быта Сѣверянъ, *какъ части великаго русско-славянскаго племени*.

Въ главѣ VI разсматривается положеніе въ Сѣверской землѣ составныхъ элементовъ древней русской жизни: князя, вѣча и дружины. Авторъ приходитъ къ заключенію, что здѣсь всѣ эти три начала взаимно уравновѣшивали другъ-друга; въ княжеской семьѣ Сѣверской земли строже, чѣмъ гдѣ-либо, соблюдалось право старѣйшинства; вѣче всегда защищаетъ свою излюбленную вѣтвь князей, Святославичей, помогаетъ имъ въ оборонительныхъ войнахъ, но рѣшительно противится ихъ замысламъ наступательнымъ. Намъ кажется, что отсюда нельзя вывести заключенія о слабости вѣча Сѣверской земли. Авторъ не согласенъ съ мнѣніемъ г. Соловьева, который видитъ въ Святославичахъ князей, ратующихъ за общность владѣнія всею русскою землею, въ противоположность Мономаховичамъ (собственно Мстиславичамъ), которые хотятъ удержать кіевскую землю въ своемъ семействѣ. Стремле-

ніе Святославичей въ Кіевъ объясняется, какъ слѣдствіе географическаго положенія ихъ земли, слѣдствіе размноженія ихъ рода. Размѣры статьи не позволяютъ войти въ подробный разборъ этого мнѣнія. Мы съ нѣкоторымъ ограниченіемъ признаемъ мнѣніе г. Соловьева и думаемъ, что нельзя смѣшивать единства, къ которому стремился Мономахъ, объявляя князей „изгоями", захватывая ихъ области, съ единствомъ въ духѣ Ярослава I. Андрей Боголюбскій работалъ для единства русской земли во вкусѣ Мономаха; Ольговичи, называя себя внуками одного дѣда, Ярослава, говорили объ единствѣ, завѣщанномъ послѣднимъ. Сѣверская земля, какъ отдѣльная племенная единица, стремилась къ обособленности; ея князья преслѣдовали ту же цѣль; но они не оставляли мысли о единствѣ русской земли. Когда области обособились, въ видѣ автономныхъ единицъ, связь ихъ могла являться только въ видѣ правильнаго преемства на Кіевскомъ столѣ по старѣйшинству изъ всѣхъ линій княжескаго дома. Этимъ единственно не только поддерживалась ихъ политическая связь, но и признавалась равноправность князей всѣхъ земель, и ни одна область не выдвигалась. Къ такому-то единству и стремились Ольговичи. Но осуществить его было не возможно: для этого было необходимо, чтобы Кіевъ не имѣлъ за собой области, а служилъ бы только центромъ единенія.

Въ концѣ укажу на неправильное отнесеніе основанія елецкаго монастыря ко времени прихода въ Черниговъ св. Антонія. Съ его прибытіемъ связано образованіе ильинскаго монастыря на Болдиныхъ горахъ, въ дикой, живописной мѣстности. До сихъ поръ тамъ существуютъ пещеры, начало которымъ положено св. Антоніемъ. Ходъ въ нихъ изъ церкви св. Иліи. Въ пещерахъ храмъ св. Антонія и Ѳеодосія.

Главы II, V и VII заняты изложеніемъ внѣшней исторіи Сѣверской земли. Тутъ, въ строгомъ систематическомъ, хронологическомъ порядкѣ, проходятъ событія, нѣкогда волновавшія цѣлую Русь. Авторъ почти вездѣ воздерживается отъ оцѣнки фактовъ, отъ какихъ-бы то ни было обобщеній. Нѣчто въ видѣ этого онъ дѣлаетъ въ VI-й главѣ, на которую я уже указывалъ.

Масса матеріала собрана авторомъ въ его трудѣ какъ въ источникахъ первой руки, такъ и въ видѣ историческихъ статей, относящихся къ данному вопросу. Весь матеріалъ переработанъ съ большимъ искуствомъ, и, кажется, можно сказать, что нѣтъ ни одного факта въ исторіи Сѣверской земли, имѣющаго инте-

ресъ, на который авторъ не обратилъ-бы своего вниманія. Сѣверская земля получила наконецъ свою исторію. Мы можемъ желать, чтобы ея исторія и послѣдующаго времени была разработана также тщательно, какъ это сдѣлано авторомъ указанной книги.

П. Голубовскій.

Кіевъ.
1882 года, мая 5.

Szujski. Die Polen und Ruthenen in Galizien. Wien und Teschen, 1882.

(Шуйскій—Поляки и Русины въ Галиціи. Вѣна и Цѣшинъ. 1882).

Одинъ изъ молодыхъ австрійскихъ ученыхъ, г. Карлъ Прохазка, отличающійся весьма энергическою издательскою дѣятельностью, задумалъ составить описаніе разныхъ областей и народовъ, входящихъ въ составъ австрійской имперіи въ отношеніяхъ: географическомъ, этнографическомъ, статистическомъ, экономическомъ и историческомъ. Все изданіе будетъ состоять изъ 12 томовъ, изъ которыхъ четыре посвящены германскому племени, 4 славянскому и 4 мадьярамъ, румынамъ, евреямъ и цыганамъ. Составленіе отдѣльныхъ томовъ приняли на себя ученые спеціалисты, занимавшіеся изученіемъ быта и исторіи различныхъ областей австрійской имперіи. Книга, заглавіе которой выписано выше, составляетъ девятый томъ всей коллекціи и принадлежитъ перу самаго даровитаго галицко-польскаго историка, г. Шуйскаго, извѣстнаго какъ по своей эрудиціи и критическимъ пріемамъ такъ и, сравнительно съ другими польскими писателями, по своимъ болѣе объективнымъ отношеніямъ къ фактамъ польской исторіи.

Все сочиненіе г. Шуйскаго раздѣлено на 7 главъ, изъ которыхъ 1, 2, 5 и 6 посвящены описанію географіи, этнографіи, статистикѣ экономическаго состоянія и умственнаго развитія страны; 3 и 4 гл. излагаютъ ея исторію и наконецъ 7-я заключаетъ исторію словесности. Географическій и этнографическій очеркъ Галиціи составлены весьма живо и наглядно; авторъ умѣлъ въ сжатомъ видѣ передать все существенное, избѣжавъ въ разсказѣ сухихъ перечней фактовъ. Этнографическія группы, на которыя распадается народонаселеніе Галиціи, какъ польской, такъ и русской народности, охарактеризованы весьма наглядно, и схвачены весьма

удачно оттѣняющіе ихъ существенные признаки какъ наружнаго быта, такъ и духовныхъ способностей. Такъ очерчены группы русиновъ, живущихъ въ горахъ и въ подгоріи: западные горцы, бойки, лемки, тухольцы и гуцулы, и русскіе жители равнинъ: белзане (между Саномъ и Бугомъ), бужане (на западной сторонѣ Буга), подоляне (на плоской возвышенности къ сѣверу отъ Днѣстра), днѣстровяне и покутяне (къ югу отъ Днѣстра). Въ очеркѣ этихъ многоразличныхъ групъ указаны всѣ отличительныя черты быта, наружнаго вида, характера, способностей, обычаевъ и т. д., а типическія ихъ особенности изображены весьма наглядно.

Гораздо меньшимъ безпристрастіемъ отличаются въ сочиненіи г. Шуйскаго главы, посвященныя исторіи вообще и исторіи литературы; здѣсь авторъ почти исключительно обращаетъ вниманіе на историческую судьбу польской народности и на развитіе ея культуры, оставляя почти совершенно въ сторонѣ русскую народность. Разсказывая въ бѣгломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливомъ, очеркѣ общій ходъ польской исторіи, г. Шуйскій говоритъ о Руси лишь настолько, насколько это необходимо для поясненія событій польской исторіи, притомъ эти не многіе эпизоды не отличаются объективностью и безпристрастіемъ, которыхъ можно было-бы ожидать отъ почтеннаго автора. Указывая, какъ на причину разслабленія польскаго государственнаго организма, на ту конституцію, которая была установлена сеймомъ послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ, авторъ признаетъ, что первымъ симптомомъ паденія Польши были козацкія возстанія; при этомъ происхожденіе и значеніе козачества онъ опредѣляетъ на старый ладъ избитыми фразами польскихъ публицистовъ, странными и не умѣстными подъ перомъ серьезнаго историка. „Здѣсь, въ степи, говоритъ онъ, ожидала Польшу историческая Немезида". Козакъ это сынъ польской колонизаціи на востокѣ, но сынъ блудный; не покорный крестьянинъ, преслѣдуемый за проступки приговорами гродскихъ судовъ, обанкротившійся мѣщанинъ — поляки и русины наравнѣ — искали простора и безнаказанности въ козачествѣ и составляли вооруженныя шайки подъ начальствомъ выборныхъ атамановъ" и т. д. Очевидно старая, излюбленная польскими писателями фикція, желавшая представить козачество скопищемъ бѣглыхъ преступниковъ и не признававшая въ нихъ представителей народнаго южно-русскаго начала, воскресаетъ еще разъ подъ перомъ г. Шуйскаго, не въ пользу, какъ полагаемъ, его

заслуженной репутаціи солиднаго историка. Очерчивая въ отдѣльной главѣ исторію Галиціи за послѣднее столѣтіе, г. Шуйскій относится съ явнымъ нерасположеніемъ къ реформамъ Іосифа II и утверждаетъ, что польскіе дворяне были расположены облегчить положеніе крѣпостного населенія по собственной иниціативѣ, и что мѣры, принятыя съ этою цѣлью Іосифомъ II, были лишь совершенно излишнимъ и напрасно раздражавшимъ дворянъ насиліемъ. Затѣмъ онъ одобряетъ національную нетерпимость бывшаго намѣстника Галиціи, графа Голуховскаго (запретившаго между прочимъ русинамъ употреблять кирилловскую азбуку), утверждая, что онъ „твердо противудѣйствовалъ чрезмѣрнымъ вымогательствамъ русиновъ". Наконецъ, правда съ большою неохотою, г. Шуйскій приступаетъ къ разъясненію „въ высокой степени щекотливаго вопроса — русинскаго". Въ очеркѣ этомъ г. Шуйскій является вполнѣ пристрастнымъ публицистомъ, забывая свое призваніе историка и ученаго. Правда, онъ въ сдержанныхъ и приличныхъ выраженіяхъ старается представить возрожденіе русинской народности въ Галиціи, но трактуетъ оное, какъ плодъ недомыслія и интриги: претензіи русиновъ на учрежденіе русинскихъ гимназій, по его мнѣнію, суетны, ибо въ нихъ никто не будетъ учиться; участіе галицкихъ русиновъ въ дѣлѣ обращенія холмскихъ уніатовъ, политическія симпатіи русинскихъ газетъ, связи галицкой русской молодежи съ „русскими соціалистами"—все это, по мнѣнію г. Шуйскаго, признаки, заставляющіе относиться съ большимъ недовѣріемъ къ стремленіямъ галицкой русской интеллигенціи. Впрочемъ, замѣчаетъ г. Шуйскій, эта интеллигенція состоитъ исключительно изъ духовныхъ лицъ и ихъ сыновей и потому, вслѣдствіе бѣдности и многосемейности этого сословія, расположена *a priori* къ оппозиціи и недовольству. Вся вообще его характеристика русинскаго движенія совмѣщаетъ въ краткихъ чертахъ всѣ тѣ скудные аргументы, до которыхъ додумалась съ большимъ усиліемъ галицко-польская пресса за 30 лѣтъ полемики съ русинами. Конечно, научное ничтожество этихъ аргументовъ и ихъ нравственная неразборчивость не требуютъ особыхъ указаній. Приходится лишь сожалѣть, что человѣкъ, носящій почтенное имя въ наукѣ, не имѣлъ гражданскаго мужества высказать мнѣніе не согласное съ шовинистическимъ настроеніемъ своего общества, и, присоединившись къ его положеніямъ, долженъ былъ повторять неразумную и нѣсколько пошлую его аргументацію. Желая, впрочемъ,

нѣсколько стушевать впечатлѣніе своей характеристики русинскаго вопроса, г. Шуйскій признаетъ, что русины надѣлены богатыми способностями, что изъ среды ихъ вышли многіе даровитые ученые, публицисты и общественные дѣятели и что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, „гдѣ не были посѣяны плевелы національной вражды, сліяніе (Amalgamierung) русиновъ съ поляками дало прекрасные плоды". Очевидно, что производство этой амальгамы и составляетъ единственный желательный исходъ даннаго вопроса въ глазахъ автора, поддавшагося шовинистическому настроенію галицко-польскаго общества.

Въ главѣ, посвященной исторіи литературы, г. Шуйскій представляетъ подробный очеркъ польской словесности, сообщаетъ біографіи и оцѣнку произведеній болѣе выдающихся ея дѣятелей и прилагаетъ въ нѣмецкомъ переводѣ образчики ихъ творчества. Русинской литературѣ посвящено едва нѣсколько страницъ: въ немногихъ словахъ упомянута дѣятельность князя К. Острожскаго и возникновеніе въ южной Руси типографій въ XVI столѣтіи; три строки посвящены Петру Могилѣ, при чемъ похвалены писатели его времени за то, что составляли мистеріи, „въ которыхъ замѣчательно хорошо подражали польскимъ образцамъ"; затѣмъ въ 10 строкахъ сообщена характеристика козацкихъ лѣтописей. Южно-русская словесность конца XVIII и начала XIX столѣтія занимаетъ полъстраницы, гдѣ обращается вниманіе на сочиненія Котляревскаго, Основьяненка и Сковороды „оригинальнаго самоучки—мистическаго богослова, поэта и моралиста, представляющаго образецъ литературнаго цыгана (sic)!" Наконецъ четыре страницы посвящены новѣйшей малорусской и червонорусской литературѣ: Шевченко признанъ писателемъ, одареннымъ замѣчательнымъ творчествомъ, хотя нѣкоторыя его произведенія, какъ „Тарасова Ничь" и „Гайдамаки" до того проникнуты ненавистью къ полякамъ, что, по мнѣнію автора, „не могутъ не вызвать отвращенія къ поэту". Затѣмъ сказано нѣсколько словъ объ изданіи „Основы" и самымъ бѣглымъ образомъ упомянуто о галицко-русской литературѣ; въ качествѣ ученыхъ ея дѣятелей названы имена гг. Петрушевича, Шараневича и Огоновскаго, при чемъ помѣщена оговорка, что эти ученые состоятъ членами краковской академіи наукъ.

В. А.

Kupajlo, tudzież zabawy doroczne i inne, z dodatkiem niektórych obrzędów i pieśni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej Cerkwi, zebrała i opisała Józefa Moszyńska. W Krakowie, 1881. in 8°, стр. 78.

Почтенный трудъ г-жи Мошинской заслуживаетъ полнаго вниманія изслѣдователей мѣстной этнографіи, и желательно было бы, чтобы онъ вызвалъ возможно большее количество подражателей трудолюбивой собирательницѣ между образованными жителями нашихъ селъ и деревень, какъ русскими, такъ и поляками; на почвѣ фактическаго мѣстнаго изученія одни другимъ мѣшать не могутъ, а только другъ друга пополнять. Г-жа Мошинская не задавалась вовсе научнымъ анализомъ собираемыхъ ею матеріаловъ; она заботилась только объ ихъ полнотѣ и добросовѣстной передачѣ, въ чемъ и состоитъ ея преимущественная заслуга. Мы имѣемъ уже довольно богатую литературу разнаго рода сборниковъ по малорусской этнографіи, почти не прерывающуюся съ пѣсень, изданныхъ кн. Цертелевымъ еще въ 1819 году. Слѣдуетъ однако замѣтить, что большинство нашихъ сборниковъ, и притомъ лучшіе изъ нихъ, представляютъ своды матеріала со всей почти южной Россіи. Конечно, это составляетъ одно изъ ихъ существенныхъ достоинствъ въ научномъ отношеніи. Но въ наукѣ этнографіи одинаково необходимы два пріема, въ смыслѣ территоріальномъ: объединеніе матеріала со всей области извѣстнаго племени и затѣмъ сопоставленіе его со сходными данными другихъ племенъ и народностей, а съ другой стороны столь же полезны и плодотворны для науки всестороннія собранія этнографическихъ данныхъ по отдѣльнымъ небольшимъ и однохарактернымъ околодкамъ. Чѣмъ мельче, въ послѣднемъ случаѣ, изучаемая единица, тѣмъ лучше, такъ какъ здѣсь-то иногда и можно уловить неосложненное вліяніе различныхъ условій и прослѣдить пути ихъ распространенія. Сборникъ г-жи Мошинской принадлежитъ къ числу трудовъ послѣдняго рода. Хотя издательница придаетъ словамъ „окрестности Бѣлой Церкви" значеніе довольно широкое, захватывая нѣкоторыя мѣстности уѣздовъ таращанскаго, каневскаго и даже звенигородскаго, но мѣстности эти она каждый разъ обозначаетъ съ точностью, такъ что каждое описаніе обряда не носитъ здѣсь характера обобщенія, а представляетъ точный отпечатокъ реальной дѣйствительности. Такихъ описаній купальскихъ обря-

довъ, съ пѣснями, составлено ею по различнымъ мѣстностямъ *семнадцать*, и нѣкоторыя особенно цѣнны тѣмъ, что записаны со словъ старухъ, удержавшихъ въ памяти подробности обрядовъ, на дѣлѣ уже исчезнувшія. Это очень важное пріобрѣтеніе для мѣстной этнографіи, такъ какъ, кромѣ очень рѣдкаго нынѣ изданія Терещенка „Бытъ русскаго народа", позднѣйшіе сборники сообщаютъ по большей части только пѣсни, безъ описаній обрядовъ.

Указавши значеніе и достоинства труда г-жи Мошинской, переходимъ къ самому матеріалу. Конечно, не мѣсто въ рецензіи вдаваться въ его подробный разборъ; наша замѣтка будетъ имѣть характеръ исключительно библіографическій, и цѣль ея—выдѣлить изъ разбираемаго сборника матеріалъ совершенно новый отъ варіантовъ уже извѣстнаго. Мы указали, что описанія всѣ имѣютъ интересъ новизны, и остановимся только на текстахъ пѣсень. Упомянемъ при этомъ, что пѣсни празднованій весны и лѣта, (весняики, великодныя или гаивки, троицкія и купальскія) по мѣстностямъ нерѣдко переносятся съ одной поры на другую: что здѣсь веснянка или гаивка, то въ другомъ мѣстѣ поется на Купайла, и наоборотъ. Для ссылокъ мы ограничимся 3-мъ томомъ „Трудовъ экспедиціи И. Р. Геогр. Общества", такъ какъ въ немъ сведены годовыя пѣсни и изъ болѣе раннихъ сборниковъ. Сличая съ этимъ томомъ пѣсни г-жи Мошинской (кромѣ свадебныхъ и т. наз. уличныхъ), мы нашли, что большая часть ихъ хотя уже и извѣстна, но представляетъ весьма любопытные варіанты. Нѣкоторыя пѣсни въ бѣлоцерковскихъ окрестностяхъ пріурочены къ празднованію Купайла, но въ другихъ мѣстностяхъ онѣ поются во всякое время, не принадлежа къ числу обрядовыхъ или такъ называемыхъ годовыхъ. Таковы, напримѣръ: „Та ходить дівка надъ водою, пуска долю за водою" (стр. 7), „Ой попідъ лужкомъ, та оре Иванъ плужкомъ"(стр. 8), „Ой тихо, тихо Дунай воду несе" (стр. 13). Купальская же пѣсня: „Ой черезъ наше сельце везено деревце" (№ 4, стр. 5)—въ другихъ мѣстахъ веснянка (Труды, стр. 130), а „Ой въ ліску на клевку" (№12, стр. 6)—троицкая или русальная (тамже стр. 190, сл. стр. 226, № 39). Новыхъ пѣсень между купальскими мы насчитали одинадцать (№№ 1–3, 5, 9, 14, а также на стр. 11: „Сіпла зіронька", 12 и 20 „На городі катранъ родить", 20 „Ой въ городі підъ вербою", и 19 „Противъ Ивана Купайла тамъ зузуля купалась"), и нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ варіанты одного и того же. Между гаивками новыми оказываются №№ 1 (стр. 26), 3 (стр. 27) и „Груша" (стр. 32). Варіанты остальныхъ

тоже значительно разнятся отъ извѣстныхъ уже въ печати. Повторимъ, впрочемъ, еще разъ, что главный интересъ разбираемаго изданія составляютъ не одни только тексты и варіанты пѣсень, а еще болѣе—подробныя описанія сопровождающихъ или сопровождавшихъ ихъ въ прежнее время обрядовъ.

Въ концѣ приходится сдѣлать еще одно замѣчаніе, къ сборнику г-жи Мошинской не относящееся и для пишущаго эти строки крайне непріятное: до сихъ поръ я не имѣлъ случая прослѣдить обстоятельно, пѣсня за пѣснею, составъ III тома „Трудовъ экспедиціи"; сдѣлавъ это для настоящей замѣтки, я съ грустью убѣдился, что въ изданіе это пошелъ далеко не весь матеріалъ, бывшій въ распоряженіи экспедиціи. По крайней мѣрѣ, я не нашелъ здѣсь многихъ годовыхъ пѣсень и ихъ варіантовъ, которые очень хорошо, хотя и отрывочно, помню изъ переданныхъ мною экспедиціи матеріаловъ, записанныхъ какъ мною лично, такъ и другими лицами. Часть ихъ должна была уцѣлѣть въ оставшихся у меня черновыхъ спискахъ,—послѣдніе предоставлены мною во временное пользованіе другому лицу, и потому не могу сдѣлать провѣрки; но многое, бывшее въ уникатахъ, судя по извѣстной мнѣ судьбѣ черновыхъ матеріаловъ экспедиціи, слѣдуетъ считать погибшимъ безвозвратно...

Ив. Новицкій.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

РѢЧЬ Д. Г. БИБИКОВА КЪ ДВОРЯНСТВУ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Кому изъ кіевлянъ (и однихъ-ли кіевлянъ?) не извѣстны имя и личность Д. Г. Бибикова, б. кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, правившаго юго-западнымъ краемъ въ теченіи 14-ти лѣтъ (1838—1852 г.) и оставившаго глубокіе слѣды во всѣхъ отрасляхъ его управленія и строя политическаго и общественнаго? Предлагаемая рѣчь его сказана имъ дворянству трехъ губерній во время дворянскихъ выборовъ 1852 г., случайно совпавшихъ съ временемъ отъѣзда его за границу въ четырехъ-мѣсячный отпускъ, изъ котораго Бибиковъ не возвратился уже въ Кіевъ, но перешелъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Она была слѣд. заключительнымъ его словомъ по управленію юго-западнымъ краемъ, послѣднимъ прощальнымъ словомъ, обращеннымъ къ дворянству этого края, которое, какъ и весь край, долго не могло забыть его. Изъ самаго содержанія рѣчи видно, что такъ смотрѣлъ на нее и самъ авторъ оной. Въ ней въ сжатомъ видѣ онъ представилъ, съ своей, конечно, точки зрѣнія, всю свою продолжительную и многостороннюю дѣятельность по управленію краемъ. Не смотря на офиціальный характеръ рѣчи, въ ней въ каждомъ почти словѣ слышится живой человѣкъ, тотъ своеобразный, но во всякомъ случаѣ умный и энергическій *эпархъ* края, съ несомнѣнно честнымъ и патріотическимъ направленіемъ, котораго имя и дѣла должны занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи этой древнѣйшей части нашего отечества. Опираясь на глубокое довѣріе къ себѣ Монарха, сознавая свою мощь и силу, сановный ораторъ бравируетъ своимъ словомъ и вліяніемъ; но вы съразу слышите голосъ живого

дѣятеля, человѣка мысли и дѣла, а не чиновнаго администратора, какихъ и въ то время было не мало. Тутъ видѣнъ весь Бибиковъ, какимъ онъ слылъ въ живой молвѣ,—слышится духъ его управленія и высшій духъ того времени и правленія. Въ этой рѣчи мы готовы видѣть одинъ изъ важнѣйшихъ и характернѣйшихъ документовъ нашего недавняго прошлаго. Наибольшій ея интересъ въ томъ, что она открываетъ доступъ для различныхъ точекъ зрѣнія на ея содержаніе и личность самаго оратора, хотя истинная точка зрѣнія возможна, конечно, только одна. Какая,—сказать не беремся, ибо еще слишкомъ свѣжа въ памяти всѣхъ оригинальная личность и дѣятельность этого наиболѣе выдающагося администратора николаевскаго времени, еще не улеглись страсти, волновавшія тогда и долго спустя различные элементы края и классы общества, и не совсѣмъ прекратились живыя къ нему многихъ живущихъ отношенія, не умолкли пристрастныя въ одну и другую сторону голоса, не выяснилось многое, что въ то по своему героическое время казалось грандіознымъ и приводило въ восторгъ, а нынѣ способно навести смущеніе, и на оборотъ—не раскрыто многое изъ того, что и въ ту пору считалось однимъ лишь произволомъ, гнетомъ, на самомъ-же дѣлѣ имѣло совсѣмъ иную подкладку. Пожелаемъ одного,—чтобы замѣчательная во многихъ отношеніяхъ личность Д. Г. Бибикова и его широкая и памятная здѣсь дѣятельность скорѣе стали достояніемъ исторіи, которой они несомнѣнно принадлежатъ, чтобы относящіеся къ нимъ документы и свѣжія преданія приводимы были въ извѣстность и мало по-малу накоплялся-бы матеріалъ для вѣрнаго изображенія той эпохи въ жизни нашего края, которую не безъ основанія называютъ *бибиковскою*. Въ ряду этихъ матеріаловъ всегда видное мѣсто займетъ помѣщаемая здѣсь рѣчь Бибикова [1]).

Милостивые государи!

Четырнадцать лѣтъ я нахожусь въ этомъ краѣ, и уже нѣсколько разъ имѣлъ честь быть съ вами во время выборовъ дворянскихъ. Я хочу пройти съ вами весь періодъ моего управленія отъ самаго пріѣзда моего,—съ 1838 года до настоящаго времени.

[1]) За сообщеніе этой рѣчи приносимъ искреннюю признательность о. Серапіону Подгаецкому.

Я хочу сдѣлать это не въ видѣ отчета, ибо генералъ-губернаторъ западныхъ губерній отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только Одному, котораго тронъ на сѣверѣ, который владѣетъ пространствомъ отъ Вислы до Байкала, отъ Ахалцыха до Ледовитаго моря, кому повинуются 60 милліоновъ людей. Мы всѣ, господа, должны ежедневно, и въ каждую минуту, и во всѣхъ помыслахъ нашихъ молиться Всевышнему о долгой жизни, спокойствіи и счастіи нашего добраго великаго Государя для нашего счастія и спокойствія Европы. Я хочу разсмотрѣть съ вами мои дѣйствія въ политическомъ, финансовомъ, административномъ и судебномъ отношеніяхъ.

Въ 1838 году, пріѣхавъ сюда, засталъ я въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ демократическія общества, даже въ учебныхъ заведеніяхъ, въ Бердичевѣ [1]), въ женскомъ пансіонѣ. Всѣ эти общества стремились къ одному—чтобы уничтожить законы, всѣ дворянскія права и преимущества, весь общественный порядокъ благоустроеннаго гражданскаго общества. Одна консисторія, которой имени не назову, дошла даже до того, что проповѣдывала во всеуслышаніе, будто Іисусъ Христосъ не есть сынъ Божій, Матерь Божія—простая женщина, а папа—шарлатанъ. Я преслѣдовалъ ихъ со всею злостію, которая во мнѣ находилась, и истребилъ зло въ самомъ его началѣ.

Приступаю къ финансовой системѣ.—Пріѣхавъ въ этотъ край, я засталъ въ Бердичевѣ такъ называемую Агенцію польскаго банка, въ которой были въ заставѣ и въ залогѣ почти всѣ помѣщичьи имѣнія. Эта Агенція привлекала только именемъ управлявшаго ею. Она брала не по 6 и 8, а по 11 и 14 процентовъ. Въ послѣднее время была только въ курсѣ польская облигація, а золотая и серебряная монета почти совершенно исчезла, и многіе помѣщики разорены были въ пухъ. Фельдмаршалъ [2]), по моему представленію, послалъ курьера къ Государю Императору, и Агенція уничтожена. Для денежныхъ оборотовъ помѣщиковъ и коммерческихъ операцій учреждена была въ Кіевѣ Контора государственнаго коммерческаго банка...

---

[1]) По другому списку въ Житомірѣ и, кажется, гораздо вѣрнѣе, да и вся фраза имѣетъ слѣд. видъ: «духъ революціонный распространился въ такой степени, что проникъ даже въ женскіе пансіоны и въ одномъ изъ нихъ, къ стыду ихъ и прискорбію моему, я долженъ былъ принять *отеческія* мѣры». Живой голосъ указывалъ на Житоміръ.—*Ред.*

[2]) Разумѣется, Паскевичъ.

Кто-же на нее имѣетъ жаловаться? Кого тамъ притѣсняютъ? Кто замѣтилъ тамъ злоупотребленіе? Скажите, кто?...

Перехожу къ правамъ дворянства.—Когда я пріѣхалъ, засталъ здѣсь, что всѣ были дворяне! Помѣщикъ ѣхалъ въ каретѣ—дворянинъ, лакей за каретою—дворянинъ, форрейторъ—дворянинъ, сторожъ—дворянинъ, въ кухнѣ стряпалъ—дворянинъ, дворянинъ подавалъ ему сапоги, и когда онъ, разсердясь, хотѣлъ взыскать съ него, тогда служитель говорилъ: не имѣешь права,—я тебѣ равенъ. Государь Императоръ именуетъ себя первымъ дворяниномъ въ Россіи,—спрашивается: можетъ-ли онъ подать руку, также дворянину, повару или лакею? Была фабрика дворянскихъ документовъ въ Бердичевѣ, гдѣ продавались патенты по рублю сереб. Были коммисіи для повѣрки дѣйствій депутатскихъ собраній, но не принесли никакой пользы. Я собралъ эти коммисіи въ одну центральную, которая по разборѣ такъ называемаго дворянства, исключила изъ этого благороднаго сословія 64,000 семействъ, не имѣющихъ права оставаться въ немъ. Они приписались въ разныя податныя сословія и сдѣлались на своемъ мѣстѣ полезными членами гражданскаго общества. Когда герольдія, утвердивъ многіе дворянскіе роды, окончитъ разсмотрѣніе дѣлъ дворянскихъ, то каждый изъ насъ, господа, будетъ увѣренъ, подавая руку подобному себѣ, что подаетъ ее такому-же дворянину, какъ онъ самъ. Многіе въ этомъ краѣ возставали противъ законнаго правительства, желая ниспровергнуть религію и престолъ. Они были преслѣдуемы по всей строгости законовъ и получили заслуженное наказаніе; нѣкоторые изъ нихъ уже прощены, другіе на жительствахъ въ среднихъ губерніяхъ, и два только главные преступника не прощены, но и тѣхъ участь облегчена: они уже не въ каторжной работѣ, а въ Сибири на поселеніи. Я былъ строгъ, я долженъ былъ употребить всѣ мѣры для прекращенія и предупрежденія тѣхъ горестныхъ послѣдствій, которыя мы видѣли въ иныхъ мѣстахъ. Нашъ великій Государь хочетъ, чтобы западныя губерніи были душею и тѣломъ возсоединены съ Россіею и потому введено въ этотъ край русское законодательство. Нѣкоторые хвалили Статутъ Литовскій, а многіе-ли изъ васъ читали его? Нѣкоторые помѣщики мнѣ признавались, что никогда не читали, и никто не читалъ, и никто не знаетъ, какія въ немъ законоположенія, которыя при нестройномъ смѣшеніи съ множествомъ

противурѣчащихъ себѣ конституцій, устарѣли, не удобопримѣнимы къ настоящимъ гражданскимъ отношеніямъ и дѣламъ, замедляютъ ихъ только и умножаютъ до безконечности... Да и отыскать его очень трудно: я досталъ въ оригиналѣ два только экземпляра!

И такъ, введены русскіе законы въ одинъ день, въ одинъ часъ, и теперь не гораздо-ли меньше дѣлъ, не проще-ли, не быстрѣе-ли дѣлопроизводство?...

Случилось въ 1850 г., что два помѣщика радомысльскаго и овручскаго уѣздовъ имѣли одного крестьянина Іосифа, который въ недѣлю работалъ одному помѣщику 3 дня и другому 3 дня,—спрашиваю я васъ: что-же ему оставалось? Было много злоупотребленій помѣщичьей власти,—введены инвентари; много было недовольныхъ,—сулили большія публичныя бѣдствія, сулили бунты, возмущенія, назначали день и часъ, когда начнется рѣзня; но Богъ миловалъ: зарѣзали-ли кого изъ помѣщиковъ или экономовъ, били-ль кого?.. Никогда!.. Было-ли у насъ что либо подобное тому, что въ Галиціи? Напротивъ, м. г., инвентари сдѣланы для блага помѣщиковъ, усилили ихъ власть, возвысили ихъ значеніе въ государствѣ, опредѣлили отношенія крестьянина къ владѣльцу, опредѣлили крестьянскія права и обязанности. Случались отступленія отъ инвентарныхъ правилъ, но не со стороны самыхъ помѣщиковъ, а только отъ ихъ управляющихъ, ихъ экономовъ, поссесоровъ или же тѣхъ старыхъ бабъ, которымъ не платятъ, а которыя сами платятъ своимъ любовникамъ, во зло употребляющимъ помѣщичью власть. Послѣ введенія инвентарей,—спрашиваю я васъ,—пала-ль цѣна на имѣнія? Я имѣю оффиціальныя свѣденія, которыя доказываютъ противное.

Въ прошедшіе выборы я имѣлъ честь вамъ сказать, что на мѣста, зависящія отъ выборовъ дворянства, нынѣ замѣщенныя чиновниками коронными, будутъ выбираемы дворяне по вашему усмотрѣнію, когда они ознакомятся съ русскимъ языкомъ, и тѣмъ не менѣе я въ настоящую минуту поставленъ въ невозможность не назначить на эти мѣста чиновниковъ, по опредѣленію отъ правительства; но это перемѣнится, и для этой цѣли я посылаю молодыхъ людей въ должности стряпчихъ, чтобы они, привыкнувъ практически къ дѣлопроизводству, могли быть въ послѣдствіи времени полезны при дворянскихъ выборахъ, и тогда уже всѣ мѣста, согласно коренному закону, будутъ замѣщены дворянами, по выборамъ дворянства.

Нынѣ, по моей болѣзни и по милости великаго Государя, я для излѣченія уволенъ въ отпускъ за границу на 4 мѣсяца. Вмѣсто меня вступитъ въ управленіе тремя губерніями князь Васильчиковъ. Это человѣкъ благороднѣйшихъ чувствъ; вы имъ будете довольны, и онъ исполнитъ превосходно всѣ тяжелыя обязанности того тяжкаго бремени, которое я несу 14 лѣтъ. Вашъ[1]) начальникъ губерніи исполнилъ свое призваніе отлично. Онъ никому изъ васъ не сдѣлалъ зла, а многимъ сдѣлалъ добро, и вы не можете не отдать ему этой справедливости. Популярности я не искалъ, любви отъ васъ я не имѣю, но уваженія надѣюсь. Позднѣйшія поколѣнія вспомнятъ мою службу въ этомъ краѣ. Ваши дѣти будутъ благодарить моимъ дѣтямъ, я въ томъ увѣренъ. Теперь вы приступите къ выборамъ; надѣюсь, что давнія службы найдутъ у васъ преимущество, что вы постараетесь оцѣнить по достоинству тѣхъ, которыхъ отличаетъ Государь и которые всегда защищали права дворянства и облегчали мнѣ это бремя, которое я такъ долго двигаю.

Прощайте, прощайте, прощайте! Если я умру, не поминайте лихомъ.

ЗЕМЛЯНЫЕ ВАЛЫ БЛИЗЪ С. КУДИНКИ

(летичевскаго уѣзда, подольской губерніи).

Югозападный край, долгое время служившій театромъ войнъ между козаками и поляками и, гораздо раньше ихъ, — между аборигенами страны и проходившими чрезъ нее и нападавшими на нее дикими народами, сохранилъ на поверхности своей не мало историческихъ памятниковъ своего прошлаго, въ видѣ каменныхъ вежъ, городищъ, кургановъ, разныхъ формъ валовъ и т. под.

Болѣе важные изъ такихъ памятниковъ уже описаны историками, какъ русскими, такъ и польскими, а нѣкоторые остаются до сихъ поръ еще не описанными, и память объ нихъ хранится лишь въ искаженномъ отъ времени народномъ преданіи да въ отрывочныхъ замѣткахъ бытописателей. Еще много въ этомъ краѣ такихъ мѣстъ, гдѣ даже опытный наблюдатель не сразу отгадаетъ, что стоитъ передъ памятникомъ прошедшаго времени и не въ со-

[1]) Кіевскій—И. И. Фундуклей.

стояніи опредѣлить его историческое значеніе, указать время его появленія и проч. Нѣтъ еще въ нашей литературѣ историческихъ и географическихъ монографій такихъ памятниковъ, но дороги были-бы и отрывочныя о нихъ свѣденія. Такія свѣденія и мы хотимъ дать въ настоящей замѣткѣ о валахъ села Кудинки.

Село Кудинка, близъ котораго находятся подлежащіе нашему описанію валы, лежитъ въ летичевскомъ уѣздѣ подольской губерніи и раскинуто на лѣвомъ берегу рѣки Буга, который отдѣляетъ его отъ мѣстечка Ново-Константинова. Отъ уѣзднаго города Летичева Кудинка отстоитъ на четырнадцать верстъ, отъ губернскаго—Каменца Подольскаго на 150 верстъ. Валы находятся передъ селомъ, надъ самимъ Бугомъ. Выше ихъ, т. е. далѣе отъ Буга, расположено сельское кладбище, а между нимъ и валами пролегаетъ дорога, огибающая валы и ведущая чрезъ устроенную на Бугѣ плотину къ мельницамъ, находящимся на противоположной отъ валовъ сторонѣ рѣки. Валы эти устроены амфитеатромъ, имѣютъ четыре гребня и посрединѣ площадку [1]). Дуги всѣхъ валовъ постепенно понижаются, по мѣрѣ приближенія ихъ къ берегу, и въ долинѣ, между первымъ и вторымъ гребнемъ, бьетъ въ настоящее время ключъ прекрасной воды, которою пользуются сосѣдніе крестьяне. Если стать на самой срединѣ площади, то съ нея открывается великолѣпный видъ на окрестности, по направленію къ сѣверо-востоку, съ крайняго-же гребня вала горизонтъ расширяется, и зрѣніе охватываютъ далѣе мѣстность къ юго-западу, гдѣ находятся села Редченцы, Поповцы, Рожны, которые съ площадки валовъ не видны. Вообще, мѣсто, гдѣ находятся валы, въ высокой степени живописное. Вечеромъ, предъ закатомъ солнца, при тихой и ясной погодѣ, стоя на площадкѣ валовъ, поддаешься невольно впечатлѣнію, вызываемому видами окружающей мѣстности. У подошвы валовъ течетъ

---

[1]) Несомнѣнно по изслѣдованнымъ понынѣ городищамъ, что тѣ изъ нихъ, которые состоятъ, подобно описываемому, изъ нѣсколькихъ концентрическихъ колецъ валовъ, относятся хронологически къ княжескому періоду русской исторіи (X—XIII ст.). Въ доказательство можно указать на городища, существующія на территоріи кіевскаго древняго княжества: въ Витичевѣ, кіевскомъ Звенигородѣ, у с. Пирогова, въ Бѣлгородѣ, въ древнемъ Пересѣчинѣ (что у Китаевской пустыни) и особенно въ Вышгородѣ. *Прим. ред.*

тихій Бугъ, способный, однако, рокотать и шумѣть тамъ, гдѣ разсчетъ предъусмотрительнаго человѣка хочетъ помѣшать его свободному теченію и заставить его работать на себя. У самыхъ валовъ устроена плотина, поглотившая собою у владѣльца этой мѣстности, князя Кочубея, не мало денегъ. Въ то время, когда послѣдніе лучи солнца горятъ на куполѣ летичевскаго костела, а на Бугѣ ложатся тѣни пригорковъ, избъ и деревьевъ, когда водяная птица, преимущественно дикія утки, своимъ крикомъ и пискомъ даютъ знать о себѣ болѣе чѣмъ днемъ, когда угрюмый мельникъ на утломъ челнѣ ѣдетъ обирать попавшую въ разставленныя снасти рыбу и поетъ свою заунывную пѣсню про казацкую славу,—ваша мысль невольно уносится въ даль вѣковъ; но, любуясь дивной красой природы, забываешь всѣ бури, пронесшіяся надъ этой страной, всѣ ужасы переиспытанныхъ ею войнъ и разореній, всѣ бѣдствія человѣка, всякое горе—свое и чужое, и при этомъ такъ свободно дышется, такъ легко вѣрится въ счастье человѣка, минувшее и грядущее. Но обратимся къ предмету нашего изслѣдованія, точнѣе—догадокъ и предположеній.

Ни въ какихъ историческихъ сказаніяхъ намъ не приходилось встрѣчать прямаго и яснаго указанія на время и причины, вызвавшія происхожденіе валовъ близъ села Кудинки [1]). Только въ общей исторіи событій, связанныхъ такъ или иначе съ мѣстностью, на которой находятся интересующіе насъ валы, можно искать основаній для болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній объ ихъ происхожденіи и значеніи. Къ какой глубокой древности ни относилось-бы на самомъ дѣлѣ происхожденіе кудинскихъ валовъ, они не могли имѣть иного значенія, кромѣ военнаго. Очень можетъ

---

[1]) Названіе села Кудинки почти тождественно съ названіемъ города «Кудина», упоминаемаго въ Ипатской лѣтописи подъ 1241 годомъ въ числѣ такъ называемыхъ «Болоховскихъ городовъ». О томъ, что лѣтописный Кудинъ находился на мѣстѣ описываемаго авторомъ села Кудинки, было высказано предположеніе, обставленное весьма вѣскими доводами, въ сочиненіи г. Дашкевича: «Болоховская земля» (см. стр. 16 и 19). Описываемые авторомъ валы и ихъ характерное очертаніе подкрѣпляютъ еще однимъ, новымъ доказательствомъ предположенія г. Дашкевича. См. также Барсова: «Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи», стр. 109 и 11-я. *Прим. ред.*

быть, что эти валы насыпаны въ эпоху доисторическую или въ періодъ прохожденія по этой странѣ дикихъ народовъ, когда вообще самая селитьба требовала уже надежной охраны и защиты; но ничто не мѣшало пользоваться ими для тѣхъ-же цѣлей и послѣдующимъ поколѣніямъ, поддерживать и приспособлять ихъ къ измѣнившимся потребностямъ времени. Оставаясь при той мысли, что разрѣшеніе вопроса о времени первоначальнаго устройства этихъ валовъ можетъ быть произведено только съ помощью раскопокъ спеціалистовъ-археологовъ, мы съ тѣми скудными свѣденіями, какія могутъ быть доступны живущему въ сельской глуши, останавливаемся для освѣщенія даннаго вопроса на томъ великомъ переворотѣ въ нашемъ краѣ, который ближайшимъ образомъ касался описываемой мѣстности и могъ представить надобность въ такихъ насыпяхъ и укрѣпленіяхъ, какъ кудинскіе валы. Разумѣемъ войны Хмельницкаго, и послѣдующія, сохранившіяся въ народномъ преданіи подъ именемъ „Великой Руины."

Въ 1648-мъ году Богданъ Хмельницкій, направляясь съ войскомъ къ Старому Константинову на помощь дѣйствовавшему въ Немировѣ, Марковкѣ и Бердичевѣ своему полковнику Кривоносу, остановился въ селѣ Скаржинцахъ и простоялъ тамъ недѣли три [1]). Отсюда онъ двинулся къ Пилявцамъ, и тутъ 13-го сентября 1848-го года произошла кровопролитная битва съ поляками. *Самовидецъ* такъ говоритъ объ этой войнѣ: „въ Полонномъ и Константиновѣ Старомъ кровью рѣки плынули. Въ Старомъ Константиновѣ ставки и болота были полны труповъ лядзкихъ". Разбивъ здѣсь поляковъ на голову, а оставшуюся часть обративъ въ бѣгство, Богданъ Хмельницкій отсюда отправился чрезъ Новый Константиновъ въ Баръ. Въ то время въ Новомъ Константиновѣ былъ соумышленникъ козаковъ, мѣщанинъ Харько, который говорилъ, что когда лядское войско вступитъ въ этотъ городъ, то онъ зажжетъ городъ, а въ Сенявцѣ мѣщанинъ Яцко увѣрялъ козаковъ, что онъ насыплетъ въ пушки (конечно, польскія) песку, такъ-что они нисколько вредить не будутъ [2]). Привели-ли въ исполненіе это обѣщаніе давшіе его

---

[1]) Самовидецъ. Хмельницкая лѣтопись.

[2]). Памятники, изданные временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ въ Кіевѣ. Т. I, стр. 64.

мѣщане или нѣтъ, не извѣстно; но несомнѣнно, что когда Богданъ Хмельницкій шелъ изъ Стараго Константинова въ Баръ, то сжегъ Старый и Новый Константиновы, жители-же этихъ городовъ—кто бѣжалъ за Днѣпръ, а ляховъ и жидовъ участвовавшіе въ войскахъ Хмельницкаго татары—нѣкоторыхъ убивали, а нѣкоторыхъ брали въ плѣнъ [1]). Такъ-какъ село Кудинка отдѣляется отъ м. Новаго Константинова только Бугомъ, то историческіе факты, имѣвшіе вліяніе на это мѣстечко, должны безспорно относиться и къ мѣстности, занимаемой Кудинкой, и всякіе памятники старины, оказавшіеся теперь на ея территоріи, должны быть объясняемы исторической судьбой мѣстечка Новаго Константинова. Поэтому, напавъ на слѣды исторической жизни этого мѣстечка въ XVII в., выше нами указанные, мы въ правѣ думать, что еще Хмельницкій со своимъ войскомъ, проходя эту мѣстность, могъ оставить въ ней слѣды своего пребыванія въ видѣ укрѣпленной земляными насыпями временной стоянки; но мы имѣемъ болѣе ясное указаніе на то, что на указанную нами мѣстность въ то-же время было обращено вниманіе польскихъ военачальниковъ, какъ на мѣсто весьма удобное для лагеря. Такъ, когда разбитые подъ Пилявцами поляки ушли къ Збаражу (нынѣ уѣздному городу въ Галиціи) и тамъ стали лагеремъ, съ цѣлью дать отпоръ нападенію Хмельницкаго, Янъ Казиміръ далъ приказаніе польскимъ воеводамъ собраться лагеремъ подъ Новымъ Константиновымъ, хотя остатки разбитаго войска и должны были двинуться къ Збаражу. Коронный Подчашій писалъ тогда къ Коронному Канцлеру, что подъ Збаражемъ мѣстоположеніе имѣетъ свои невыгоды, а подъ Новымъ Константиновымъ есть мѣсто удобное для лагеря. Кто знаетъ, быть можетъ отмѣченное по своимъ удобствамъ мѣсто и было то самое, о которомъ мы говоримъ.

Когда въ слѣдующемъ 1649-мъ году Хмельницкій одержалъ надъ польскими войсками рѣшительную побѣду подъ Зборовымъ и польскій король Янъ-Казиміръ, участвовавшій лично въ этой экспедиціи, увидѣвъ свое войско окончательно разбитымъ и находя единственное средство для спасенія себя отъ плѣна и остальнаго войска

---

[1]) Т. I-й Памятниковъ. № 44.

отъ окончательнаго истребленія, обратился къ Богдану Хмельницкому съ предложеніемъ о мирѣ, то, по условіямъ зборовскаго трактата 19-го августа 1649 года, границы Малороссіи были опредѣлены тогда по городъ Любаръ, Баромъ, Днѣстромъ, *Новымъ Константиновымъ* и рѣкою Случемъ. Въ это время Новый Константиновъ, какъ пограничный пунктъ, и могъ обратить на себя вниманіе козацкаго вождя и получить значеніе укрѣпленнаго пункта. Были-ль задолго или не задолго до этого времени тѣ земляные валы близъ с. Кудинки, о которыхъ рѣчь, или, быть можетъ, онъ велѣлъ, въ видахъ огражденія новыхъ границъ отъ нападенія поляковъ, вновь вырыть и насыпать эти укрѣпленія, ничего объ этомъ, кромѣ однихъ догадокъ, сказать нельзя; но мы не можемъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что валы при селѣ Кудинкѣ расположены амфитеатромъ именно къ юго-западу, по направленію къ польскимъ тогдашнимъ владѣніямъ, и съ этой стороны имѣютъ самый высокій гребень, съ постепенными пониженіями всѣхъ остальныхъ, и что всѣ они вмѣстѣ могли-бы обезпечить вполнѣ и возможность отражать нападеніе врага, и безпрепятственный доступъ къ водѣ. Итакъ, кудинскіе валы, когда-бы они ни были насыпаны, во время войнъ Хмельницкаго и особливо послѣ зборовскаго трактата, имѣли значеніе оборонительнаго или вообще стратегическаго укрѣпленнаго пункта.

Высказывая такое предположеніе наше, мы думаемъ, что оно подтвердилось-бы и опредѣлилось-бы еще болѣе, если-бы кто-нибудь занялся раскопкой этихъ валовъ. Сокрытое въ нихъ оружіе, разныя принадлежности боевой жизни и деньги могли бы служить самымъ лучшимъ освѣщеніемъ вопроса о происхожденіи и значеніи описываемаго нами памятника. Къ свѣдѣнію тѣхъ, кого это можетъ интересовать, замѣтимъ, что въ настоящее время играющія на валахъ дѣти-пастухи и вообще крестьяне с. Кудинки находятъ на нихъ старинныя монеты, а проливные дожди, размывая насыпи, обнажаютъ человѣческія кости и даже цѣлые скелеты. Во всякомъ разѣ намъ кажется, что этотъ важный историческій памятникъ достоинъ того, что-бы на помощь мѣстнымъ догадкамъ и соображеніямъ о немъ пришло со своими средствами и знаніемъ какое-либо Русское археологическое общество; при его содѣйствіи можно было-бы достичь богатыхъ результатовъ для мѣстной, а можетъ быть и во-

обще русской исторіи. Словомъ: тутъ есть надъ чѣмъ покопаться.

Получивъ при Хмельницкомъ начало или только новое опредѣленное значеніе пограничнаго укрѣпленнаго пункта, валы при селѣ Кудинкѣ не переставали, вѣроятно, служить военнымъ цѣлямъ то поляковъ, то козаковъ и въ дальнѣйшей жизни юго-западнаго края, вплоть до приведенія его въ состояніе мира и водворенія въ немъ порядка и гражданственности. Такъ, когда вскорѣ послѣ зборовскаго договора, вслѣдствіе не благопріятно сложившихся для Малороссіи обстоятельствъ, границы ея, опредѣленныя по этому миру, съузились, и мѣстности, о которыхъ мы говорили, снова отошли къ Польшѣ, валы при селѣ Кудинкѣ могли служить службу уже полякамъ. Ими могъ пользоваться и Янъ Выговскій, кіевскій воевода и бывшій козацкій гетманъ, когда, находясь въ декабрѣ 1659 года подъ Хмѣльникомъ (мѣстечкомъ летичевскаго уѣзда, подольской губ.), далъ отпоръ русскимъ войскамъ, напавшимъ было на него подъ начальствомъ Шереметьева. Въ этой неудачной битвѣ Шереметьевъ долженъ былъ отступить и удалился на милю отъ Хмѣльника [1]). Но занимаемая Новымъ Константиновымъ мѣстность побывала подъ властью не только козаковъ и поляковъ, но и турокъ. Король польскій Михаилъ Вишневецкій, по договору, заключенному съ ними въ Бучачѣ 1672 г., уступилъ имъ Каменецъ-Подольскъ и все подольское воеводство; для опредѣленія новой границы была образована тогда польско-турецкая коммисія, которая предполагала провести границу по Меджибожъ и Новый Константиновъ, а видимыми знаками этой границы должны были служить частыя земляныя насыпи, „копці" [2]). Можно допустить, что такъ-какъ валы при селѣ Кудинкѣ находятся на томъ берегу р. Буга, который ближе къ Каменецъ-Подольску, чѣмъ противоположный берегъ Буга, то турки, забравъ подъ свою власть и Каменецъ-Подольскъ и мѣстность между нимъ и Новымъ Константиновымъ, пользовались въ свою очередь земляными валами, какъ пограничнымъ, болѣе или менѣе укрѣпленнымъ, пунктомъ. Можетъ быть сохраненіемъ до настоящаго времени, въ теченіи болѣе двухъ

[1]) Т. III-й Памятниковъ, стр. 394-я

[2]) Памятники, т. 2-й, стр. 501-я.

вѣковъ, своихъ первоначальныхъ формъ земляные валы при селѣ Кудинкѣ обязаны именно тому, что, сохраняя за собою въ теченіи этого времени значеніе болѣе или менѣе важнаго стратегическаго пункта, они были постепенно поддерживаемы ихъ дальнѣйшими, послѣ Хмельницкаго, обладателями. Другихъ свѣдѣній, касающихся данной мѣстности въ это и послѣдующее время, мы не имѣемъ; судьба ея и кудинскихъ валовъ, теряется во мракѣ гетманскихъ междоусобій и русско-польско-турецкихъ войнъ; сама западная Украйна, сдѣлавшись поприщемъ продолжительной борьбы могущественныхъ сосѣдей, пришла въ совершенное разореніе; въ частности города и села, расположенныя по Бугу, сдѣлались въ такой степени не обитаемы, что когда молдавскій господарь Дука, получивъ отъ Турціи власть надъ всею областью между Днѣстромъ и Днѣпромъ, отправилъ своего намѣстника въ Немировъ для избранія ему резиденціи и постройки дворца, то этотъ послѣдній нашелъ на Бугѣ случайно уцѣлѣвшее одно лишь село—Печара.

Въ концѣ XVII ст. козачество въ западной Украйнѣ стало снова усиливаться во время гетманства Самуся, главнымъ образомъ благодаря дѣятельности бѣлоцерковскаго полковника Семена Палія. Извѣстны однако и его печальная участь и послѣдовавшее послѣ, по силѣ прутскаго договора, совершенное уничтоженіе козачества на правой сторонѣ Днѣпра. Но съ переводомъ козацкихъ полковъ на лѣвый берегъ Днѣпра, въ населеніи западной Украйны не умеръ духъ козацкій, выражавшій свой постоянный протестъ противъ польскаго господства и насилія, хотя въ другой уже формѣ: козачество, въ силу новыхъ условій жизни, явилось въ формѣ гайдамачества. Изъ среды народа на защиту вѣры и народности стали выдѣляться отдѣльныя личности изъ крестьянъ и мѣщанъ, формировались въ небольшіе отряды подъ названіемъ гайдамакъ и гайдамацкихъ купъ и шли рѣзать поляковъ и грабить при этомъ ихъ богатства. Долго, въ теченіи всего почти XVIII ст., гайдамацкіе отряды дѣйствовали на всемъ пространствѣ собственно Украйны, Волыни и Подолья. Изъ свѣдѣній о нихъ въ нашей мѣстности мы имѣемъ лишь не многія. Такъ напр. извѣстно, что гайдамацкія шайки изъ мѣщанъ и крестьянъ не разъ въ теченіи XVIII ст. формировались и дѣйствовали въ окрестностяхъ Ново-Константинова, Дунаевецъ, Студеницы, Гусятина, Стрижовки и т. д. Извѣстный

предводитель шайки гайдамакъ, ватажокъ Чуприна ознаменовалъ себя пятнадцатью набѣгами на Польшу и, наконецъ, былъ убитъ въ Янтушковскомъ лѣсу.

Въ 1750 г. гайдамаки напали на монастырь отцовъ доминикановъ въ Летичевѣ; перебивъ монаховъ, они ограбили монастырь. Въ томъ-же году они напали на винницкій замокъ и тамъ, выломавъ дверь въ городской канцеляріи, истребили всѣ находившіеся въ ней письменные акты, считая ихъ хранилищами неправды помѣщиковъ и собственнаго своего угнетенія. Очень можетъ быть, что валы кудинскіе не разъ и для гайдамакъ служили мѣстомъ убѣжища и прикрытія, ибо извѣстно, что и они, по примѣру козаковъ, ограждали себя въ своихъ убѣжищахъ и стоянкахъ земляными насыпами и окопами. Кудинскіе валы въ особенности могли быть на руку тѣмъ изъ гайдамацкихъ шаекъ, которыя дѣйствовали въ Летичевѣ и Винницѣ; при разбитіи и преслѣдованіи, засѣвъ за этими валами, они храбрѣе и дольше могли отстаивать собственную жизнь.

Съ присоединеніемъ въ 1793 г. Подолья къ Россіи, перевелась и гайдамаччина, и лишь валы, пѣсни, замки и могилы, свидѣтельствуютъ теперь о бурной жизни этого края.

Вотъ все, что могли мы сказать о кудинскихъ валахъ, предоставляя болѣе насъ свѣдущимъ сказать больше и опредѣленнѣе. Что касается народнаго преданія о нихъ, сохранившагося у крестьянъ с. Кудинки и мѣстечка Новаго Константинова, то оно является въ такомъ туманномъ и искаженномъ видѣ, что его нельзя брать за основу какихъ-бы то ни было догадокъ и соображеній въ данномъ вопросѣ. Замѣчательно однако, что въ немъ упоминается о битвѣ подъ Хмельникомъ, хотя оно относитъ ее къ царствованію Екатерины II и не приводитъ никакихъ подробностей этой битвы.

Села Кудинки свящ. **Петръ Кудлаевичъ.**

СТАРИННЫЕ ТРАКТЫ, ИЛИ ДОРОГИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Изколесивши въ теченіи своей жизни въ разныхъ направленіяхъ Южную Русь, мнѣ не разъ приходилось слышать названія дорогъ: *Ромоданъ, Черный шляхъ, Шпаковъ шляхъ* и другія, и они

до того меня заинтересовали, что я рѣшился поподробнѣе изслѣдовать происхожденіе тѣхъ дорогъ. По нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ напримѣръ по „Ромодану" и „Черному шляху", мнѣ случалось проѣзжать самому; другіе извѣстны мнѣ по наслышкѣ, наконецъ о третьихъ мнѣ только случалось начитывать въ книгахъ.

Шляхъ Ромоданъ начинается отъ города Конотопа и идетъ къ г. Ромнамъ, а оттуда, повернувъ на юго-западъ, идетъ почти прямою линіею на гг. Лохвицу, Лубны, на сел. Рублевку—до Кременчуга. По мѣстному преданію, этою дорогою въ 1670-тыхъ годахъ двигались русскія войска подъ начальствомъ князя Ромодановскаго противъ гетмана Дорошенка.

Шрамківській шляхъ[1]) проходитъ отъ г. Пирятина до сел. Черняховки.

Шляхъ Сагайдакъ начинается у г. Гадяча (полт. губ.) и идетъ черезъ г. Сумы и Краснополье, а потомъ проходитъ по грайворонскому уѣзду курской губерніи.

Муравськїй шляхъ начинается отъ Перекопа, проходитъ по екатеринославской губерніи и потомъ, пройдя мимо Полтавы, Харькова и Бѣлгорода, входитъ въ курскую губернію, далѣе проходитъ по нижнедѣвицкому уѣзду воронежской губерніи и оканчивается у г. Ливенъ (орл. губ.). Этимъ путемъ дѣлали набѣги крымцы на Малороссію и Великороссію.

Черный шляхъ, начало котораго на картѣ Рѣчи Посполитой, 1772-го года, Риччи Зенони (*Carte de Pologne etc. 1772*) показано близъ *Чорнаго лѣса* (въ александр. уѣздѣ херс. губ.), кружитъ по кіевской губерніи, то раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, то сливаясь въ одинъ путь. Изъ упомянутой карты видно, что та дорога, обходя населенныя мѣста, проходитъ въ слѣдующемъ направленіи: изъ подъ Чорнаго лѣса она идетъ на западъ, къ Ново-Миргороду, здѣсь дѣлится на три рукава, изъ которыхъ южный идетъ въ западномъ-же направленіи (по херсон. губ.) на Ольховатку, Кутинъ, Журавку, Ново-Архангельскъ, гдѣ, повернувъ въ кіевскую губернію, около Торговицы, идетъ близъ с. Нерубайки, потомъ, обойдя съ южной стороны г. Умань, направляется мимо селъ Кнлечка,

---

[1]) Шрамко былъ однимъ изъ сподвижниковъ гетмана Богдана Хмельницкаго.

Краснополя, Босовки, м. Монастырища и до с. Бабина. Сѣверный рукавъ отъ г. Ново-Миргорода проходитъ близь с. Турія, а средній близь селъ—Тризи и Свинки, и оба соединяются въ одинъ путь близь м. Ольшаны. Далѣе *Чорный шляхъ* проходитъ близь селъ Сидоровки и Луки, м. Кошеватой, с. Лукьяновки, г. Таращи, м. Ставища, с. Войнаровки, м. Городища, с. Пятигоръ и близь с. Бабина и м. Кальники (липов. уѣзда) соединяется съ южнымъ рукавомъ, о которомъ мы упомянули выше. Далѣе *Чорный шляхъ* идетъ на с. Мадіёвку, Любинецъ, сѣвернѣе г. Липовца, близь с. Іосева, сѣвернѣе Збаражи, близь с. Любаневки, м. Острожки, сс. Улянова, Безпечной, Чосной, Ляшовки, Новой и Старой Сренявы (подол. г.) и оканчивается у с. Лозовой (старо-конст. уѣзда, вол. губ.). Сверхъ того одна вѣтвь его отъ Торговицы пошла на западъ черезъ м. Совронь (балтс. у. под. г.) на соединеніе со Шпаковымъ шляхомъ близь с. Попелюховъ. На картѣ Риччи Зенони на томъ мѣстѣ означенъ Крестъ Собѣсскаго (Krzyż Sobieskiego) [1]). Слыхалъ я также про *Мазепинъ и Искринъ* или *Пьяный шляхъ*. Небольшой Мазепинъ шляхъ идетъ отъ с. Мазепинецъ (васильк. уѣзда) до с. Пологи. Искринъ шляхъ, начинаясь отъ г. Бѣлой-Церкви, идетъ на с. Яновку, а оттуда къ Днѣпру. Эта дорога идетъ въ отдаленіи отъ жилыхъ мѣстъ. Чуть-ли не эта-же дорога называется иначе *Самусевымъ шляхомъ*.

Шляхъ *Каравынскій* начинается въ васильковскомъ уѣздѣ у с. Мытницы Аксаковой (названіе Мытница показываетъ, что тамъ была таможня) и идетъ черезъ с. Трилисы, м. Фастовъ и далѣе по сквирскому уѣзду и поперекъ подольской губерніи до буковинской границы. Во времена Польши это былъ торговый трактъ, которымъ товары изъ Молдавіи шли въ Кіевъ, а въ Мытницѣ была граница польскихъ владѣній. Въ книгѣ *Podania i Legendy przez Siemeńskiego* [2]) упоминается еще о *Сермяжиномъ шляхѣ*, проходящемъ близь г. Канева. Въ этой книгѣ говорится, что тамъ существуетъ преданіе, что этою дорогою везли какого-то Сермягу. Мо-

---

[1]) Я слышалъ, что этотъ крестъ, поставленный Собѣсскимъ въ память какой-то побѣды надъ турками, существуетъ и нынѣ близь такъ называемой *малёваной корчмы*, недалеко отъ станціи жел. дор. *Попелюхи*.

[2]) Poznań. 1845 г., стр. 82.

жетъ быть народная память сохранила преданіе о гетманѣ Серпягѣ или Подковѣ, казненномъ во Львовѣ. Тотъ-же авторъ говоритъ, что существуетъ проклятіе: *а щобъ ты попавъ на серпяжинъ шляхъ!*

Вдоль всей подольской губерніи самымъ водораздѣломъ рр. Днѣстра и южнаго Буга проходитъ *Шпаківъ*[1]) *шляхъ*, названный, на вышеупомянутой картѣ Риччи Зенони, *Kuczmeński szlach*. Онъ начинается близъ с. Бирзулы и оканчивается, сколько помню, у м. Чорнаго-Острова. Двумя рукавами онъ соединяется съ Чорнымъ шляхомъ: на югѣ, какъ я уже сказалъ, близъ селенія Попелюховъ у такъ называемой Малеваной корчмы или Креста Собѣескаго, а на сѣверѣ—рукавомъ, отдѣлившимся отъ Шпаковаго шляха, близъ м. Хмельника. Вдоль этой дороги теперь прошла значительная часть кіево-балтской желѣзной дороги.

Въ херсонской губ. отъ Очакова идетъ на западъ, на с. Лубянку и м. Ряснополь—*Злодійскій шляхъ*. Тамъ-же, въ ананьевскомъ и тираспольскомъ уѣздахъ, я слышалъ про *Бендерскій шляхъ*[2]), которымъ прежде ходили чумаки, но онъ повидимому въ настоящее время существуетъ только мѣстами.

Г-нъ Якушкинъ, въ своихъ „Путевыхъ Запискахъ", упоминаетъ еще о *Царевомъ шляхѣ*, идущемъ отъ г. Погара (черн. г.) въ орловскую губернію.

ИСКОРОСТЬ—ДРЕВНІЙ КОРОСТЕНЬ ИЛИ СКОРОСТЕНЬ.

Проѣзжая по почтовому тракту изъ Житоміра въ Овручъ, вамъ на второмъ или третьемъ перегонѣ попадется по дорогѣ жалкое, растянувшееся въ одну линію, во всю ширину почтовой дороги, жидовское мѣстечко Искорость, называемое мѣстными жителями *Скоропъ*.

---

[1]) Можно думать, что свое названіе эта дорога получила отъ Шпака, избраннаго жителями брацлавскаго воеводства своимъ полковникомъ въ 1704 году, при появленіи въ тѣхъ мѣстахъ украинскихъ войскъ подъ начальствомъ гетмана Мазепы. Прим. В. Б. Антоновича.

[2]) Преданіе говоритъ, что по ней уходилъ изъ подъ Полтавы въ Турцію Карлъ XII-тый.

Иному проѣзжему не придетъ и въ голову, что онъ проѣзжаетъ по исторической мѣстности, по древней столицѣ древлянъ. Чтобы перенестись воображеніемъ въ древнія времена, надо, проѣхавши половину мѣстечка, повернуть на право, на мостъ чрезъ рѣку Ушъ, переѣхавши который, вы увидите древніе валы, болѣе 4 саж. ширины, современные Игорю и Ольгѣ. Валы эти чуть-ли не лучше всего сохранились въ саду нынѣшняго владѣльца Искорости, Любовицкаго (?). Тамъ вы совершенно неожиданно попадете на довольно живописную мѣстность, такъ какъ р. Ушъ течетъ тамъ по гранитному дну, въ гранитныхъ берегахъ. Въ одномъ мѣстѣ Ушъ образуетъ небольшой водопадъ: гранитный порогъ заставляетъ всю массу воды этой рѣки падать съ высоты около ³/₄ аршина. Ниже этого водопада имѣется въ гранитномъ днѣ родъ естественной небольшой ванны, въ которой можно усѣсться такъ удобно, что вся масса падающей воды будетъ лить вамъ на плечи. Эта естественная ванна по книжному называется купѣлью св. Ольги; мѣстные жители называютъ ее просто *Сижа*[1]).

По дорогѣ отъ Искорости на сс. Злобичъ и Лѣсовщину есть нѣсколько большихъ могилъ, которыя мѣстными жителями называются *Древлянскими*. По этой-же дорогѣ, верстахъ въ 5—7 отъ Искорости среди лѣса, на пространствѣ около ¼ версты, слышенъ при проѣздѣ какой-то особый гулъ, показывающій, что тамъ должно быть огромное подземное пространство или пещера!

Я забылъ упомянуть, что не далеко отъ Сижи, въ скалистыхъ берегахъ Уши, имѣется нѣсколько пещеръ, входъ въ которыя, сколько помню, не больше 1 арш. возвышается надъ уровнемъ воды въ рѣкѣ.

По мѣстнымъ преданіямъ, въ этихъ пещерахъ жили разбойники.

Во II томѣ „Starożytna Polska“ W. Balinskiego, про Искорость говорится: Игорь убитъ въ ней въ 945 году; на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло войско Олега, овладѣвшаго Коростенемъ въ 883 г., нынѣ существуетъ деревушка *Шатрище;* на разстояніи 7 вер. отъ Искорости есть могила, называемая Игоревою, на клад-

---

[1]) Сижею въ тѣхъ мѣстахъ называютъ приспособленіе для ловли рыбы, при которомъ устраивается сидѣнье для рыболова.

бищѣ въ Искорости имѣется нѣсколько большихъ могилъ, поросшихъ огромными дубами—нѣмыми свидѣтелями древности. Со временъ Ольги Искорость въ исторіи нигдѣ не упоминается.

ГДѢ ИМЕННО ЖИЛИ ЗАПОРОЖЦЫ ВО ВРЕМЯ ПОДЧИНЕНІЯ СВОЕГО КРЫМСКОМУ ХАНУ. (1709—34 г.)

Въ 1859 г. мнѣ пришлось прожить безвыѣздно нѣсколько мѣсяцевъ въ Херсонѣ. Время свободное отъ моихъ занятій я посвящалъ преимущественно на ознакомленіе съ городомъ и его окрестностями. По Днѣпру плавалъ много разъ на небольшихъ парусныхъ лодкахъ, называемыхъ мѣстными жителями *шаландами*. Проѣзжая по одному рукаву Днѣпра, я узналъ отъ лодочника, что тотъ рукавъ называется—річка *Кошова́*, и что существуетъ другой протокъ меньшихъ размѣровъ, который носитъ названіе *Кошова́тки*. Островъ, образуемый Кошовою и Днѣпромъ, носитъ названіе *„Запорожскаго* острова". Я высадился на этотъ островъ,—гдѣ можно было, походилъ по немъ и нашелъ слѣды какихъ-то валовъ или, вѣрнѣе сказать, укрѣпленій. Такъ какъ это было раннею весной, когда водою затоплена значительная часть острова, то я не могъ весь островъ обойти, а поэтому и не могъ составить себѣ яснаго понятія о дѣйствительной его величинѣ. Распрашивая у мѣстныхъ жителей, я узналъ, что запорожцы никогда не жили на противоположномъ берегу Днѣпра, въ нынѣшнемъ алешковскомъ уѣздѣ, а жили на островахъ Запорожскомъ, Двухъ Братьевъ и другихъ ближайшихъ къ правому берегу Днѣпра, а можетъ быть и на твердой землѣ праваго берега. Къ тому же заключенію пришелъ и другой изслѣдователь старины, молодой ученый Матвѣевъ, состоящій нѣсколько лѣтъ преподавателемъ въ херсонскихъ учебныхъ заведеніяхъ. По его предположенію, село *Козачьи Лагери* расположено на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли таборомъ черноморцы подъ начальствомъ Чепиги и Головатого, откуда они брали островъ *Березань*, иначе *Ада*, и тѣмъ способствовали къ овладѣнію Очаковымъ.

М. Левченко.

ПОСЕЛЕНІЯ ЗАПОРОЖЦЕВЪ ВЪ БАНАТѢ.

Послѣ упраздненія Запорожья указомъ императрицы Екатерины II въ 1775 году, многіе братчики упраздненной общины поселились въ разныхъ мѣстностяхъ Малороссіи и новороссійскаго края и возвратились къ земледѣльческимъ занятіямъ; другіе поступили въ военную службу, были зачислены въ гусарскіе полки, потомъ, во время второй турецкой войны, вошли въ составъ организованнаго княземъ Потемкинымъ новаго козацкаго войска и, наконецъ, послѣ окончанія компаніи, переселились на Тамань и на берега Кубани, составивъ ядро населенія черноморскаго (впослѣдствіи кубанскаго) козачьяго войска.

Не всѣ однако запорожцы рѣшились сразу разстаться съ традиціей своей общины, съ ея именемъ и устройствомъ. Уже во время „руйнування Січи“ генераломъ Текеліемъ въ 1775 году, многіе братчики испрашивали у русскаго генерала пропускные билеты для цѣлыхъ артелей подъ предлогомъ обычнаго занятія рыбнымъ промысломъ въ устьяхъ Днѣпра я на берегу Чорнаго моря. Текели охотно выдавалъ пропуски, разсчитывая на то, что, при уменьшеніи числа „товариства“ въ Сѣчи, онъ успѣетъ съ большимъ удобствомъ привести въ исполненіе возложенную на него обязанность—разоренія запорожскаго городка. Къ ватагамъ, ушедшимъ на поморье изъ Сѣчи, присоединились „братчики“ изъ хуторовъ и зимовниковъ запорожскихъ и „голота“, „аргаты“ и „забродчики“, т. е. многочисленные выходцы изъ польской Украйны, искавшіе заработка, воли и пріюта въ запорожскихъ степяхъ и находившіе занятіе на запорожскихъ хуторахъ, рыболовныхъ и соляныхъ заводахъ. Собравшіеся на взморьѣ запорожцы и покровительствуемая ими „голота“ рѣшили выселиться въ турецкіе предѣлы, признать надъ собою власть султана, за обязательство военной службы, испросить землю для поселенія и основать на ней новую Сѣчь въ турецкихъ владѣніяхъ. Какъ извѣстно, турецкое правительство приняло предложеніе запорожцевъ и имъ отведены были земли на устьяхъ Дуная въ Добруджѣ, по сосѣдству съ болѣе давними выходцами изъ Россіи, донскими раскольниками, такъ называемыми некрасовцами, или липованами. На новомъ мѣстѣ жительства запорожскіе выходцы основали новую Сѣчь „Устьдунайскую“, по образцу

старой приднѣпровской, и продолжали жить по запорожскому обычаю.

Но вскорѣ новое мѣсто поселенія оказалось не вполнѣ удобнымъ. Вслѣдствіе-ли недостаточности земли, отведенной турецкимъ правительствомъ, или по другимъ, не выясненнымъ еще, обстоятельствамъ, значительная часть эмигрантовъ оказалась недовольною мѣстомъ своего пребыванія и стала думать о новой родинѣ. Десять лѣтъ спустя послѣ переселенія въ Добруджу запорожцы обратились къ австрійскому правительству съ просьбою объ отведеніи имъ земли для жительства на австрійской военной границѣ; съ ходатайствомъ этимъ они обратились къ начальнику австрійскаго гарнизона въ Яссахъ, капитану Будеусу. Предложеніе это было доложено императору Іосифу II, который изъявилъ согласіе на принятіе запорожцевъ въ свою службу и опредѣлилъ имъ для поселенія мѣстности въ Банатѣ на берегахъ Тиссы и въ Бачскомъ комитатѣ около города Ченты (Zenta); на отведенныя имъ мѣста запорожцы должны были переселяться отрядами, постепенно, слѣдуя по указаннымъ маршрутамъ черезъ Трансильванію и Венгрію.

Условія переселенія, на основаніи которыхъ запорожцы были приняты австрійскимъ правительствомъ, состояли въ слѣдующемъ: они входили въ составъ военныхъ австрійскихъ поселеній, какъ отдѣльный полкъ, получали землю на вѣчныя времена, за что обязаны были въ военное время отбывать военную службу, смотря по надобности,—конную, пѣшую или-же на гребной, рѣчной флотиліи по Дунаю. Во внутреннемъ устройствѣ своего полка они удерживали полное самоуправленіе по запорожскимъ обычаямъ, сохраняли право выбирать Кошеваго и куренныхъ атамановъ, которые признавались въ одномъ рангѣ съ полковникомъ и ротмистрами австрійскаго войска. Судъ надъ членами общины, администрація въ предѣлахъ ея земель и распредѣленіе поземельныхъ участковъ предоставлялись самой общинѣ. Въ военное время запорожцы должны были получать жалованье за время своей службы въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно выдавалось солдатамъ и офицерамъ австрійскихъ форпостовъ. Запорожцы удержали свою одежду и не обязаны были носить мундира, а также сохранили собственное вооруженіе, причемъ они выговорили себѣ право служить въ конницѣ съ „ратищами“ (копьями), которыя не употреблялись тогда въ венгерской

кавалеріи. Послѣ утвержденія Іосифомъ II этихъ условій, началось немедленно и самое переселеніе, которое и совершилось въ томъ-же 1785 году. Всѣхъ переселенцевъ оказалось числомъ до 8,000, и первое основанное ими центральное поселеніе получило названіе Сѣчи (Setschá). [1])

Появленіе запорожцевъ въ предѣлахъ Австріи возбудило къ нимъ вниманіе въ повременной австрійской прессѣ и вызвало даже появленіе отдѣльной брошюры, авторъ которой, австрійскій офицеръ Гендльовичъ [2]), объяснялъ поводъ появленія своей книжки въ слѣдующихъ словахъ: „Извѣстно, что значительная часть запорожскихъ козаковъ обратилась къ Его Императорскому Величеству съ просьбою разрѣшить имъ поселиться въ Его владѣніяхъ и поступить на службу для защиты границъ; извѣстно также, что Его Величество склонился къ просьбѣ этихъ людей и указалъ имъ для жительства мѣстности въ Бачскомъ комитатѣ у Ченты, а также въ Банатѣ. Такъ какъ теперь объ этихъ переселенцахъ очень много пишутъ въ газетахъ и для многихъ читателей было-бы интересно встрѣтить точное и правдивое описаніе этого народа, то я предпринялъ этотъ трудъ и составилъ это краткое описаніе, за правдивость котораго могу вполнѣ поручиться, такъ какъ я довольно долго находился въ мѣстности, гдѣ они обитаютъ". Сочиненіе Гендльовича раздѣлено на три главы: одна представляетъ краткій и довольно вѣрный историческій очеркъ возникновенія и минувшей судьбы Запорожья, другая посвящена описанію устройства и быта запорожской общины во время пребыванія ея еще на Днѣпрѣ, третья, наконецъ, содержитъ этнографическій очеркъ запорожцевъ, видѣнныхъ авторомъ въ ихъ австрійскихъ поселеніяхъ; къ этой главѣ

---

[1]) Подробности эти заимствованы изъ сочиненія: «Etnographie der Österreichischen Monarchie von Karl Freiher von Czoernig». Wien. 1857.

[2]) Сочиненіе Гендльовича носитъ слѣдующее заглавіе: «Ausführliche und wahrhafte Schilderung der Saporoger kosaken vom Fähndrich von Händlowick, der sich geraume zeit um die Gegend der Wohnungen dieser Leute aufgehalten hat. Pappenheim in Franckeu». 1789. (Подробное и правдивое изображеніе запорожскихъ козаковъ, сочиненіе Фендриха Гендльовича, который въ теченіи продолжительнаго времени пребывалъ въ области, гдѣ они поселились. Папенгеймъ въ Франконіи. 1789 г.).

приложенъ рисунокъ, изображающій кошеваго атамана банатскихъ запорожцевъ. Къ несчастію, вслѣдствіе незнанія, повидимому, авторомъ языка и не точныхъ этнографическихъ пріемовъ, эта глава, представляющая для насъ самый значительный интересъ, составлена весьма небрежно. Гендльовичъ, описывая одежду, вооруженіе и бытъ запорожскихъ переселенцевъ и приводя техническія слова ихъ рѣчи, смѣшиваетъ постоянно частности быта сербскихъ граничаръ съ запорожскими и не даетъ возможности установить точныя этнографическія данныя.

О дальнѣйшей судьбѣ запорожскихъ переселенцевъ въ Австрію до послѣдняго времени ничего не было извѣстно; не многіе изслѣдователи, знавшіе о фактѣ переселенія въ 1785 году, предполагали, что запорожцы слились съ окружающимъ ихъ сербскимъ населеніемъ и что потомки ихъ не сохранили особаго этнографическаго типа. Такъ Я. Ѳ. Головацкій, помѣстившій въ львовскомъ „Науковомъ Сборникѣ" короткую замѣтку о переселеніи запорожцевъ въ 1785 году, заключаетъ ее слѣдующими словами: „но такъ якъ они отказались отъ женитьбы, то вскорѣ и вымерло все племя [1])." Оказалось впрочемъ, что предположенія эти были ошибочны: въ 1878 году львовское общество „Просвіта" получило письмо изъ бачскаго комитата, въ которомъ г. Юрій Весловскій, „землевладѣлецъ, дьякъ и школьный учитель" въ селѣ Керептурѣ, заявляетъ на чистомъ малорусскомъ языкѣ просьбу о снабженіи его школы изданіями „Просвіты", такъ какъ онъ не находитъ возможности преподавать науки потомкамъ запорожцевъ на венгерскомъ языкѣ и по венгерскимъ учебникамъ. „Просвіта" поспѣшила удовлетворить просьбу г. Весловскаго безвозмездною высылкою всѣхъ своихъ изданій и завязала съ нимъ постоянныя сношенія, письмо-же его напечатала въ одномъ изъ номеровъ издаваемаго ею журнала „Правда".

В. А.

НЕИЗВѢСТНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПАМЯТНЫХЪ ЛИЦЪ.

По прочтеніи письма извѣстнаго политическаго дѣятеля Филиппа Орлика („Кіевск. Старина", апрѣль), мнѣ вспомнилось нѣчто

---

[1]) Науковый сборникъ 1867 года, стр. 109—110.

касающееся его, чѣмъ и хочу подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“. Воспоминаніе это относится ко времени моего знакомства съ наслѣдникомъ извѣстнаго пчеловода, воспитанника кіевской академіи, Петра Ивановича Прокоповича,—Степаномъ Великданомъ, нынѣ умершимъ. Извѣстенъ хуторъ его пчеловодства; лежитъ онъ у села Пальчики, въ 8-ми верстахъ отъ Батурина. До него это было заброшенное болото. Прославившійся впослѣдствіи, какъ пчеловодъ, Петръ Ивановичъ Прокоповичъ, благодѣтель народа и знатокъ его духовной и экономической жизни, память котораго и теперь чтится въ народѣ подъ именемъ „прозорливаго“, почувствовавъ призваніе къ пчеловодству, купилъ эту пустую болотину у села Пальчики, кажется, мѣсто истока рѣчки Дочи, уразумѣвая изъ болотныхъ травъ и затиши пригодность сего мѣста для пасѣки. Исторія пчеловодства украинскаго тѣсно связана съ именемъ сего мудреца-пчеловода (жизнеописаніе котораго дало-бы образъ богатаго самородка-таланта), а слѣдовательно и съ хуторомъ Пальчики, въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ имѣвшихъ громкую извѣстность.

Въ этомъ-то болотномъ пустырѣ, который Прокоповичъ воздѣлалъ въ прекрасный садъ и паркъ, приспособивъ ихъ для установки ульевъ, во время покупки онаго, какъ и впослѣдствіи, сохранились аллеи правильно посаженныхъ сосенъ, о которыхъ вмѣстѣ съ другими деревьями самъ Прокоповичъ говорилъ, на основаніи какого-то преданія, что это былъ *садъ генеральнаго писаря Филиппа Орлика*. Прокоповичъ былъ знатокъ и любитель козачьей старины; родъ его извѣстенъ въ козачествѣ. Самъ онъ ближайшій сосѣдъ историческаго Батурина. Начавъ службу при ґенералѣ де-Воланѣ, при основаніи Одессы, въ 90-хъ годахъ, въ должности адъютанта, и близко стоя къ времени Мазепы, онъ не могъ поставить ложно фактъ названія сада Филиппа Орлика.

Въ знаменитой пасѣкѣ Прокоповича и наслѣдника его Великдана сохранилась еще и другая древность, пріобрѣтенная Прокоповичемъ у крупецкаго монастыря: это келья *Димитрія Ростовскаго*, въ которой великій святитель писалъ свои *Четьи-Минеи*.

Неизвѣстно, какая участь постигла или постигнетъ зеленѣющія величественныя сосны Орлика и скромный домикъ симпатичнѣйшаго святителя. Если хуторъ уже въ рукахъ *цивилизато-*

ровъ страны (евреевъ), то судьба его извѣстна:—на ср—чъ или хлѣвъ; если же за долги перешелъ въ другія руки, то можетъ быть и уцѣлѣлъ пока. Странная игра судьбы: *достоянія двухъ историческихъ дѣятелей различныхъ направленій, по смерти ихъ, сошлись вмѣстѣ: тѣнь сосенъ Филиппа Орлика прикрываетъ келью религіозныхъ твореній святителя.*

Ст. фонъ-Носъ.

ПѢСНЯ ЗАПОРОЖЦЕВЪ

о выселеніи въ Турцію по уничтоженіи Сѣчи.

Ой изъ 1763 года
Пише, пише
Восточна цариця
Зъ Петербурга-города...
    А на решті Січь поруйновала,
    Степы, поля
    И клейноды запорожські
    Москалеви отдала.
Ой устань, Харьку,
Да устань, батьку,
Изъ того світу!
Ой підемъ у столицю,
    Будемо просити царицю;
    Ой чи не верне намъ
    Степи, поля
    И всі клейноды наши.
Не на то я, славни запорожці,
Січь розруйновала,
Щобъ назадъ вамъ
Степи, поля и клейноды вертала.
    Ой великій світъ, мати Катерина!
    Ой щожъ ти зробила?
    На що усі степи и клейноды
    Москалеви доручила?

Ой ходимъ, братця,
Турка просити,
Чи не дасть намъ земли
Віка дожити.
　　Ой давъ намъ турчинъ землю
　　Отъ Дністра до Богу,
　　А гряницею давъ намъ
　　По Бендерськую дорогу.
Ой будемо жити
Та Бога хвалити,
И до ляха въ гости
Все таки ходити.

ПѢСНЯ ЧЕРНОМОРСКИХЪ КОЗАКОВЪ

НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА.

Ой стояли мы да на якорі
Противъ Тилигула;
Тамъ била насъ хуртовина
Изъ Чорнаго моря.
А якъ хуртовина стала утихати,
Тогди ставъ панъ Кошовый
У трубу на військо гукати:
Ой піднимайте, та черноморці,
Паруса у гору;
Бье турчинъ изъ Кермену
Зъ пушокъ на тревогу.
Якъ увійшли черноморці
Въ Лиманъ лодками водою,
Паша керменскій у ночи
Выйшовъ зъ кріпости зъ ордою.
Мы одъ Кермена до Сафьяну
Бекетами стали,
На Дунаі турецького
Языка достали:
Скажи, скажи, татарюго,

Скажи ты намъ правду,
Черезъ що мы не можемо
Змаилова взяти?
Підіть, славни черноморці,
Дунаемъ—водою,—
Отберете весь запасъ турецкій
И лодки зъ ордою.
Пидійшли славни черноморці
Дунаемъ—водою,
Отбили весь запасъ турецькій
И полонили пашу зъ ордою.

Сообщилъ **Г. Ба—скій**.

ОБМАНУТЫЙ СОЛДАТЪ.

(стихотвореніе)

Помѣщаемое подъ этимъ заглавіемъ стихотвореніе принадлежитъ перу извѣстнаго любителямъ малорусской поэзіи доктора Руданскаго, большаго любителя и собирателя малорусскихъ пѣсень, автора множества бывшихъ и не бывшихъ въ печати стиховъ и пѣсень, а также ходящаго доселѣ въ рукописи и имѣющагося и у насъ перевода Иліады Гимера. Покойный Руданскій, обладая большимъ поэтическимъ талантомъ и отличнымъ знаніемъ малорусскаго языка, при иныхъ условіяхъ, могъ бы выработаться до степени весьма примѣтнаго поэта и оказать солидныя услуги южнорусской этнографіи, поэзіи и литературѣ, но не достигъ надлежащаго развитія и преждевременно сошелъ въ могилу по причинѣ того печальнаго недостатка, отъ котораго страдали и истинно великіе таланты, начиная съ отца русской науки М. В. Ломоносова и кончая величайшимъ нашимъ поэтомъ Т. Г. Шевченкомъ.

Помѣщаемое стихотвореніе воспроизводитъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, обращающихся въ изустной мѣстной литературѣ разсказовъ, которые такъ живо рисуютъ отношенія перекочевывающихъ съ мѣста на мѣсто солдатъ къ ихъ кормильцамъ — крестьянамъ. Отношенія эти полны самыхъ разнообразныхъ эпизодовъ: любов-

ныхъ, мирныхъ и враждебныхъ,—трагическихъ, комическихъ и другихъ. Многіе изъ такихъ разсказовъ давно стали достояніемъ исторіи, хотя и въ формѣ анекдотовъ или сказокъ, и характеризуютъ прежнее положеніе нашихъ солдатъ, обираемыхъ со всѣхъ сторонъ и вынужденныхъ пополнять свой скудный паекъ на счетъ подневольныхъ ихъ хозяевъ, въ избахъ которыхъ находили они болѣе или менѣе продолжительный пріютъ. Къ числу такихъ разсказовъ относится и составляющій содержаніе настоящаго стихотворенія. Извѣстно, что въ прежнее время расквартированные по деревнямъ солдаты получали отъ крестьянъ не только пріютъ, но и все почти продовольствіе. Отношенія тѣхъ и другихъ устанавливались въ большей части на началахъ взаимныхъ услугъ: постойный солдатъ помогалъ хозяевамъ въ домашнихъ ихъ работахъ, а тѣ его кормили и подъ часъ даже поили. Не рѣдко солдатъ становился какъ-бы членомъ семьи, совсѣмъ роднымъ. Но не всегда сходились желанія и вкусы хозяевъ и квартирантовъ, и тамъ, гдѣ оканчивались такъ сказать правовыя и свободныя отношенія, начинался рядъ обходовъ съ той и другой стороны. Иногда хозяева попадались скупые, иногда же солдатъ очень лакомый: тогда—кто кого перехитритъ. Въ большей части ходячихъ разсказовъ солдатъ является болѣе изобрѣтательнымъ, чѣмъ его хозяева. Извѣстна напр. вошедшая даже въ буквари сказка о томъ, какъ солдатъ учитъ скупую хозяйку варить щи съ гвоздемъ и, положивъ въ горшокъ гвоздь, постепенно вытягиваетъ отъ нея все необходимое для щей, неимѣніемъ чего такъ отговаривалась хозяйка. Иногда на оборотъ хозяйка перехитряетъ солдата и преграждаетъ путь его къ лакомству. На такой основѣ ведется разсказъ стихотворенія, но къ нему примѣшана и другая особенность—различіе національностей и языка объясняющихся сторонъ, которыя однако хорошо понимаютъ другъ друга, но каждая себѣ на умѣ. Въ этомъ комизмъ сцены и юморъ стихотворенія.

Сидить москаль на прилавку,
Прищурюе очи,—
Такъ и видно, що біднягка
Варениківъ хоче.
Хоче, бідный, варениківъ,
Ничого казати,

Та не знае по нашому,
    Якъ бы ихъ назвати.
„Хозяюшка, голубушка,—
    Почавъ говорити,—
„Свари-ка мнѣ вонъ-энтого...
    „Вотъ какъ разъ забылъ уже!
„Тѣсто сыромъ накладають,—
    „Какъ это зовется?“
—А Господь васъ святый знае,
    Що вамъ, служба, гоже!
Тісто сыромъ накладають,—
    Це галушки може?
„Не галуши, не галуши,
    „Я галуши знаю.
„Свари-ка мнѣ, бишь, энтого...
    „Все, бишь, забываю“.
Тісто сыромъ накладають,—
    Чи не пирігъ буде?
„Не пирогъ, не пирогъ,
    „Экая досада!
„Да знаешь ли, туда масла
    „Да сметаны нада“.
А хозяйка добре знае,
    Чого москаль хоче,
Та чекае барабана,
    Закимъ заторкоче.
Якъ почула барабанъ,—
    Слава Тобі Боже!
Тоді каже москалеви:
    Варениківъ може?
Ажъ підскочивъ москалина,
    Та ніколи ждати.
„Варениковъ, варениковъ!“
    Тай пішовъ изъ хаты.

Сообщ. **А. Я. Креминскій.**

Указатель личныхъ и географическихъ именъ,

встрѣчающихся во II томѣ «Кіевской Старины» *).

*) Цифры указываютъ страницы тома.

—

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ II. 1882 г.

Апрѣль.

Май.

Іюнь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ИЮЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ III. 1882 г.

Іюль.

Августъ.

Сентябрь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ III.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го августа 1882 года.

Забытыя иноческія обители.

(Монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества).

Въ составѣ обширнѣйшихъ въ мірѣ русскихъ владѣній, на дальнемъ русскомъ западѣ, есть не малая часть земли искони русской, съ несомнѣнными слѣдами русской жизни, не находящая однако себѣ мѣста въ общей русской исторіи, всегда обходимая нашими изслѣдователями, давно забытая исторіею и обществомъ. Это Холмщина и Подляхія, соединяемыя подъ общимъ названіемъ холмской земли, а въ дѣлахъ вѣры — холмской епархіи, и составляющія значительную часть нынѣшнихъ губерній люблинской и сѣдлецкой. Населеніе ихъ искони русское (долго православное, потомъ уніатское, но все же русское, нынѣ опять и православное и русское) никогда не пользовалось вниманіемъ нашей исторіи и общества, потому, быть можетъ, что политическая судьба его издавна слилась съ судьбою Польши и мало ознаменована кровавыми битвами, великими переворотами, громкими по участію въ тѣхъ и другихъ дѣяніями такъ называемыхъ великихъ мужей—что все и наполняло нѣкогда нашу исторію. Но эти забытые уголки были передовые наши посты со стороны налегавшаго на насъ, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, польско-католическаго запада; на нихъ, какъ на Шипкѣ, стояли наши братья, подъ градомъ особыхъ выстрѣловъ, поражавшихъ на близкомъ разстояніи, при вихрѣ и стужѣ холодившихъ сердце русское ученій религіозныхъ и политическихъ и такихъ условій жизни семейной и общественной, умственной и нравственной, государственной и экономической, не исключая и прямыхъ преслѣдованій, мученій и самой смерти, которыя, при отсутствіи согрѣвающаго и подкрѣпляющаго духа со стороны далекаго духов-

наго центра, дѣйствовали губительнѣе всѣхъ ужасовъ внѣшней войны. Стояли и сражались они, пока окоченѣлыя руки ихъ держали оружіе въ рукахъ, или не истощался запасъ самаго оружія; жили и умирали незримо, безъвѣстно, по завѣту предковъ, живота не щадя, сраму не имѣя. Но въ вѣковой бурѣ всяческихъ вліяній затемнялся мало по малу свѣтъ вѣры отеческой, поколебалось наконецъ самое сознаніе русской народности, оставалось лишь одно имя русское—безъ жизни и духа; но и въ предсмертной агоніи, теряя вѣру и народность, они лепетали еще: *Русь наша*, пока и самое это имя не замѣнилось словомъ *уніатъ*, не означавшимъ уже ни вѣры, ни народности.

Думаемъ, что эта вѣковая борьба на западной нашей окраинѣ за сохраненіе вѣры и народности представляетъ собою не менѣе интереса, какъ и кровавыя войны вообще за цѣлость государственную, политическую независимость, сохраненіе излюбленной формы правленія и т. под. Къ сожалѣнію, въ смутное время послѣднихъ дней Польши и тщетныхъ попытокъ къ ея возстановленію, погибли большею частію письменные памятники, на основаніи которыхъ можно было-бы воспроизвести полную картину этой борьбы въ указанной мѣстности; но и то, что, быть можетъ, уцѣлѣло отъ нихъ, не приведено въ извѣстность и хранится въ невѣдомыхъ рукахъ и мѣстахъ. Дождется-ли Забужная Русь,—Холмщина и Подляхія, своей исторіи? Спасены-ли, собраны-ли будутъ письменные и другіе памятники минувшей ихъ жизни? Сосѣдняя Галиція имѣетъ свою хорошо разработанную исторію; даже отдѣльные города ея, какъ Львовъ, Перемышль и др., и отдѣльныя учрежденія, какъ львовскій ставропигійскій институтъ,—древнее братство, нашли своихъ историковъ, а Русь холмская не имѣетъ для своей исторіи ничего, кромѣ нѣсколькихъ статеекъ и отдѣльныхъ документовъ давно прекратившагося холмскаго календаря и недавно начавшагося холмско-варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника. Пожелаемъ, чтобы возникшая теперь мысль объ учрежденіи музея холмскихъ древностей получила скорѣйшее осуществленіе и мѣсто для него было-бы выбрано въ Холмѣ, а не Варшавѣ,—чтобы готовому еще съ начала 1875 года проэкту учрежденія коммисіи для разбора и, конечно, изданія древнихъ актовъ при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ, по примѣру существующихъ въ Кіевѣ и Вильнѣ, былъ данъ хотя теперь надлежащій ходъ и чтобы разбросанные тамъ русскіе ученые приложили свой трудъ къ разработкѣ мѣстной исторіи по

частямъ, дабы современемъ могла явиться полная исторія этого забытаго угла земли русской.

Предлагаемая статья касается одной изъ сторонъ печальной вообще жизни этого края, именно перерожденія русскаго монашества изъ православнаго въ уніатское, а потомъ почти польское и католическое, въ лицѣ двухъ выдающихся монастырей данной мѣстности—холмскаго и замостьскаго. Судьба этихъ монастырей характеризуетъ общее положеніе религіозныхъ дѣлъ въ краѣ. Служивъ прежде православію, они являются орудіями подавленія его и распространенія уніи и дѣйствуютъ въ видахъ ея, не замѣчая, какъ ихъ самихъ отъ уніи влекутъ къ латинству. Любопытна борьба ихъ, въ лицѣ всего ордена, за независимость отъ власти митрополита и епископовъ, интересны и частныя черты управленія и строя монастырской жизни, равно какъ самое возникновеніе замостьскаго монастыря спеціально для цѣлей уніи.

Въ предѣлахъ Холмщины и Подляхіи, въ дни владычества надъ ними Польши, было много русскихъ монастырей, но большая часть ихъ давно прекратили свое существованіе, до послѣдняго же времени (60-хъ годовъ) уцѣлѣли лишь слѣд. шесть: варшавскій, холмскій, замостьскій, люблинскій, бѣльскій и яблочинскій. Изъ нихъ первый возникъ на почвѣ уніи и хотя за предѣлами русскаго прибужнаго поселенія, но въ видахъ навязанной ему уніи, послѣдній никогда не принадлежалъ уніи и до послѣднихъ дней остался вѣренъ православію и народности русской, остальные же четыре, первоначально православные, стали потомъ и остались до своего уничтоженія уніатскими, наравнѣ съ учрежденнымъ митрополитомъ Львомъ Кишкою варшавскимъ уніатскимъ монастыремъ. Монастыри эти представляютъ интересъ для нашей исторіи по своему положенію въ краѣ, гдѣ православно-русскій элементъ находился всегда подъ непосредственнымъ давленіемъ польско-католическаго. Скорѣе и легче другихъ южно-русскихъ монастырей они стали жертвою уніи, но въ этомъ видѣ существовали гораздо долѣе тѣхъ уніатскихъ монастырей, которые послѣ раздѣла Польши вошли въ составъ русскаго государства. Возникши въ нѣдрахъ православія, они служили оплотами православія и народности русской въ этой отдаленной нашей окраинѣ и вызывали сочувствіе къ себѣ и по-

мощь со стороны центральной Украйны. Съ переходомъ въ унію, роль бывшихъ православныхъ монастырей измѣняется, — они начинаютъ служить дѣлу уніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ прерывается ихъ связь съ единовѣрною когда-то и единоплеменною Украйною. Скоро послѣ того всѣ указанные нами монастыри, за исключеніемъ яблочинскаго, одинъ за другимъ вошли въ составъ сплоченной по католическимъ образцамъ монашеской уніатской корпораціи, извѣстной подъ именемъ базиліанскаго ордена и быстро стали утрачивать не только свой прежній вѣроисповѣдный, но вмѣстѣ и русскій національный типъ. Раздѣлы Польши 1772, 1793 и 1795 годовъ между тремя сосѣдними державами разбили и базиліанскій орденъ на части и не только положили конецъ его дальнѣйшему развитію, но отчасти уменьшили его наличный составъ и ослабили его внутреннюю организацію. Но это роковое въ жизни ордена событіе не коснулось холмско-подлясскихъ базиліанскихъ монастырей, только продлившихъ, благодаря этому обстоятельству, свое существованіе. Въ то время, когда при Екатеринѣ II и отчасти Павлѣ I принимались рѣшительныя мѣры къ ограниченію базиліанскихъ монастырей въ Россіи, холмско-подлясскіе монастыри находились подъ властію австрійскаго и прусскаго правительствъ, которыя не имѣли ничего противъ ихъ существованія. Затѣмъ они вошли въ составъ герцогства варшавскаго, преобразованнаго въ „Царство Польское“, которое, подъ владычествомъ Россіи, существовало со своей особой администраціей и законами до послѣдняго польскаго мятежа. Пользуясь исключительнымъ, привилегированнымъ положеніемъ Царства Польскаго, оставшіеся въ предѣлахъ его уніатскіе монастыри не участвовали въ общемъ возсоединеніи уніатской церкви съ православною въ 1839 году, продолжали удерживать у себя корпоративный духъ и формы орденскаго управленія и такимъ образомъ долго еще служили немаловажнымъ оплотомъ для доживавшей свой вѣкъ уніи въ нынѣшней холмско-варшавской епархіи.

Вотъ общій ходъ исторіи уніатскихъ монастырей Холмщины и Подляхіи. Мы не имѣемъ возможности говорить обо всѣхъ указанныхъ нами монастыряхъ и коснемся только холмскаго и замостьскаго; но и относительно ихъ мы не располагаемъ такими источниками, которые были бы достаточны для обстоятельнаго и полнаго

изложенія ихъ исторіи. Мы передадимъ только тѣ немногія о нихъ свѣдѣнія, которыя уяснятъ мѣсто и участіе ихъ въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества и, слѣд., не коснемся вовсе ихъ жизни въ православномъ мірѣ. Главнымъ источникомъ свѣдѣній, которыя мы можемъ о нихъ предложить, служитъ связка бумагъ этихъ двухъ монастырей, предоставленныхъ въ наше распоряженіе Ѳ. Г. Лебединцевымъ. Правда, что онѣ разрознены и даютъ лишь отрывочныя, хотя и весьма любопытныя свѣдѣнія, но этотъ недостатокъ мы будемъ, по возможности, пополнять общими историческими свѣдѣніями о базиліанскомъ орденѣ, исторіей котораго спеціально занимались мы, лѣтъ десять тому назадъ, въ архивѣ и библіотекѣ почаевской лавры и библіотекѣ волынской дух. семинаріи, а также нѣкоторыми печатными источниками [1]).

Исторія базиліанскаго ордена или чина св. Василія Великаго, какъ тѣсно сплоченной корпораціи уніатскихъ монастырей, распадается на три періода: 1) періодъ возникновенія этого ордена, отъ основанія его въ Литвѣ Іосифомъ-Вельяминомъ Рутскимъ до окончательнаго сформированія его въ обязательный для всѣхъ уніатскихъ монастырей базиліанскій орденъ, на основаніи постановленій замостьскаго собора 1720 года; 2) цвѣтущій періодъ состоянія базиліанскаго ордена, подъ управленіемъ своего орденскаго генерала или протоархимандрита, независимаго отъ епархіальной власти, съ замостьскаго собора 1720 года до перваго раздѣла Польши въ 1772 году, и 3) періодъ упадка базиліанскаго ордена съ 1772 года и до послѣдняго времени его существованія, имѣющій свои частныя подраздѣленія.

Соображая имѣющіеся у насъ документы названныхъ уніатскихъ монастырей съ общей исторіей базиліанскаго ордена, мы находимъ, что документы холмскаго каѳедральнаго богородичнаго монастыря, относясь главнымъ образомъ къ XVII вѣку, восполняютъ собою

---

[1]) По исторіи базиліанскаго ордена извѣстны слѣд. сочиненія: 1) Исторія базиліанскаго ордена, Кояловича, въ Христ. Чтеніи, за январь и апрѣль 1864 г.; 2) »Очерки уніатской церкви«, въ Чтеніяхъ общества исторіи и древн. россійскихъ при москов. университетѣ. 1881 г., кн. 1 и 2, и 3) »Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ», въ Трудахъ кіев. дух. академіи 1870—72 гг., въ 9-ти книжкахъ, Н. Петрова.

первый періодъ исторіи базиліанскаго ордена, тогда какъ документы замостьскаго монастыря, образованнаго изъ приходской церкви уже въ XVIII вѣкѣ, излагая судьбу православія въ Замостьѣ въ XVII вѣкѣ, дополняютъ собою второй цвѣтущій періодъ исторіи базиліанскаго ордена и даютъ новые матеріалы для послѣдняго періода исторіи, если не всего базиліанскаго ордена, то по крайней мѣрѣ тѣхъ частей его, которыя достались сначала Австріи и Пруссіи, а потомъ вошли въ составъ герцогства варшавскаго и Царства Польскаго.

Обращаемся къ исторіи холмскаго монастыря.

I.

Сами польскіе и уніатскіе писатели признаютъ, что городъ Холмъ и земля холмская издавна находилась въ тѣснѣйшей связи съ Южной Русью и въ частности съ г. Кіевомъ. Уніатскій холмскій епископъ XVII в. Яковъ Суша передаетъ баснословное преданіе о томъ, будто-бы по раздѣленіи Руси между тремя первыми ея князьями Кіемъ, Щекомъ и Хоревомъ, холмская земля и сосѣднія съ нею страны достались Щеку *). Съ большею вѣроятностію тотъ-же писатель утверждаетъ, что холмская земля просвѣщена свѣтомъ крещенія при св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, который построилъ въ Холмѣ въ 1001 году каѳедральный храмъ, снабдивъ его чудотворнымъ образомъ пресв. Богородицы, писаннымъ, по преданію, евангелистомъ Лукою, и основалъ спасскій монастырь близъ г. Холма, въ селѣ Столпѣ [1]). Какъ бы ни было, русскій характеръ холмской земли и древнее ея православіе неоспоримы и не подлежатъ сомнѣнію. Но съ весьма давняго времени и русская народность и православіе въ холмской землѣ стали подвергаться стѣсненіямъ со стороны польско-католическаго элемента, а ихъ подавленіе стало предметовъ особыхъ заботъ не только польско-като-

*) Преданіе это обще было кіевской и холмской землѣ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить то, что и теперь одна изъ горъ, лежащихъ между Холмомъ и дерев. Столпе, носитъ названіе Щековицы, подобно одной изъ кіевскихъ горъ. *Ред.*

[1]) Phoenix tertiato redivivus, Якова Суши, 3 изд., въ Замостьѣ, 1684 года.

лической іерархіи, но и самихъ польскихъ королей. Въ этихъ видахъ въ Холмѣ еще въ началѣ XV в. учреждается польско-католическая епископская каѳедра. Въ привилеѣ польскаго короля Владислава II, данномъ холмскому католическому епископу Іоанну въ 1429 году, читаемъ между прочимъ слѣдующее: „обращая вниманіе на доблести превосходнаго служенія, съ которыми превелебный о Христѣ отецъ господинъ Іоаннъ, епископъ холмскій, профессоръ свящ. богословія, монахъ ордена проповѣдниковъ св. Доминика, устрояя церковь свою новосозданную примѣромъ жизни и знаніемъ добродѣтелей, *не перестаетъ словомъ св. ученія наставлять къ жизни народъ схизматическій, живущій въ окрестности*, и посему желая, чтобы церковь каѳедральная новооснованная, которую мы воздвигли, по внушенію Божію, въ честь раздѣленія св. апостоловъ, въ память побѣды, одержанной ихъ помощію, въ священный ихъ день, надъ врагами нашими крестоносцами въ Пруссіи, получила спасительное преуспѣяніе и проч., учреждаемъ на вѣчныя времена двухъ прелатовъ, т. е. препозита и декана, и десять канониковъ“. На содержаніе ихъ Владиславъ II назначилъ доходъ съ холмской своей таможни въ Рубешовѣ [1]), по 100 грошей монеты польской въ годъ, и отдалъ село Парипсы, близъ Холма. Итакъ холмская католическая каѳедра, основанная Владиславомъ II въ память побѣды надъ крестоносцами, имѣла своимъ назначеніемъ обращеніе схизматиковъ, т. е. православныхъ русскихъ, къ католической вѣрѣ. Неудивительно, что Казиміръ IV, извѣстный своею особою ревностію къ католической церкви, въ 1456 году подтверждая приведенный привилей Владислава II, отдалъ также католическому холмскому епископу Іоанну и его преемникамъ приходскую холмскую православную церковь во имя Успенія пресв. Богородицы, съ деревнею Савинъ. Все это подтверждено привилеями того-же Казиміра, 1485 г., и Сигизмунда I, 1508 года [2]). Пропагаторская дѣятельность католическихъ епископовъ и ихъ капитулы, въ первое время ихъ жизни въ Холмѣ, не осталась безъ послѣдствій. Въ

[1]) Нынѣ Грубешовъ, уѣздный городъ любл. губ., граничащій съ Волынью
[2]) См. подтвердительный привилей Сигизмунда I, 1508 г., и копію съ него между документами холмскаго монастыря.

Phoenix-ѣ Якова Суши есть извѣстіе, что около 1566 года холмскій епископъ Захарія испросилъ у Сигизмунда II Августа подтвержденіе привилея *католической уніи*, даннаго русскому клиру венгерскимъ и польскимъ королемъ Владиславомъ Ягеллоновичемъ въ 1443 году [1]); но, какъ видно, паства не пошла за своимъ отступникомъ пастыремъ. Православіе сильно поддерживалось въ краѣ мѣстными вельможами и дворянами, и однимъ изъ видныхъ центровъ этого православія является въ XVI вѣкѣ древній Спасскій монастырь въ селѣ Столпѣ, близь Холма. Когда въ 1569 году состоялось окончательное соединеніе Литвы съ Польшею въ одно политическое тѣло, то съ этого времени до самой церковной уніи 1595 года мы видимъ цѣлый рядъ королевскихъ привилеевъ на Спасскій монастырь и церковь въ Столпѣ, выданныхъ русскимъ попамъ Ивану Гавриловичу и сыну его Ѳеодору; потому что, какъ говорится въ одномъ привилеѣ, объ этомъ „представлено было намъ нѣкоторыми чинами царства нашего, обряда греческаго". Такіе привилеи даны были на Спасскій монастырь и церковь въ селѣ Столпѣ Сигизмундомъ II Августомъ въ 1570 году, Стефаномъ Баторіемъ въ 1578 году и Сигизмундомъ III въ 1590 и 1595 годахъ [2]).

Не смотря однако на эти подтвержденія, благопріятствовавшія повидимому православію, ему здѣсь, какъ и во всей соединенной съ Польшею южной Россіи, подготовленъ былъ рѣшительный ударъ въ видѣ такъ называемой брестской уніи, къ которой присталъ въ томъ-же 1595 году и холмскій епископъ Діонисій Збируйскій. Извѣстна исторія ея введенія и распространенія и мы не будемъ останавливаться на ней. Для насъ важно то, что однимъ изъ главныхъ орудій ея распространенія избираются монастыри, каковыми являются сперва холмскій, а потомъ замостьскій. Силу монастырей въ дѣлѣ распространенія уніи отлично понималъ главный виновникъ брестской уніи, владимірскій епископъ, Ипатій Поцѣй, потому онъ на первыхъ-же порахъ задумалъ провести католическія начала во внутреннюю организацію русскаго монашества, передѣлать его по образцу римско-католическихъ орденовъ и сдѣлать его передо-

[1]) Phoenix, Якова Суши, 1684 г., стр. 36.

[2]) См. привилеи 1570 и 1595 гг. между документами холмскаго монастыря.

вымъ отрядомъ въ наступательномъ движеніи католичества на православную церковь. Преобразованное въ базиліанскій орденъ, уніатское монашество удачно выполнило свою миссію по отношенію къ православной церкви, и однимъ изъ первыхъ и важныхъ центровъ и разсадниковъ уніатскаго базиліанскаго ордена въ юго-западной Россіи является городъ Холмъ.

Холмскій уніатскій епископъ Яковъ Суша въ донесеніи своемъ „Конгрегаціи распространенія вѣры“ въ 1664 г. писалъ слѣдующее о началѣ базиліанскаго ордена въ Россіи: „Преемникъ Рагозы, превелебнѣйшій Поцѣй, заботясь объ уніи, въ видахъ необходимости имѣть для обращенія народа монаховъ, пріобрѣлъ сначала монастырь виленскій и собралъ юношество, изъ коего вышли блаженный мученикъ Іосафатъ (Кунцевичъ), Іосифъ Рутскій, столпъ уніи, и очень многіе другіе монахи, знаменитые ученостію и благочестіемъ, изъ коихъ нѣкоторые взяты были на епископства и прелатства [1]). Главнымъ помощникомъ Поцѣя и орудователемъ въ этомъ дѣлѣ былъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій. Получивъ воспитаніе въ греко-римской коллегіи, при выходѣ изъ нея, онъ „предпринялъ намѣреніе помочь, по своей возможности, обряду греко-католическому и относительно этого далъ обѣтъ въ Римѣ. Съ этою цѣлію онъ обошелъ важнѣйшія мѣста Россіи, былъ даже въ самой Московіи и столицѣ ея Москвѣ. Онъ нашелъ, что не иначе можетъ помочь, какъ сдѣлавшись монахомъ обряда греческаго. Прежде чѣмъ приступить къ этому, онъ отправился въ Римъ и, послѣ многихъ бесѣдъ со многими духовными людьми, съ вѣдома и согласія верховнаго первосвященника Павла V (1605—1621 г.), въ началѣ его папствованія, вошелъ въ соглашеніе съ мужемъ особенной святости и учености, отцомъ Петромъ Кармелитомъ босоногимъ и съ генераломъ его ордена, чтобы этотъ отецъ послалъ къ нимъ въ

---

[1]) См. книгу: Sacra congregatione particulari de propaganda fide coram sanctissimo domino nostro Benedicto papa XIV Kijoviens. Jurisdictionis pro revendissimo domino Floriano Hrebnicki, archiepiscopo Polocensi, totiusque Russiae metropolita, cum domino protoarchimandrita ordinis Sancti Basilii Magni Ruthenorum supplicatio facti et juris, Romae, 1755 an.; Summarium № 1. Для краткости, мы будемъ называть эту книгу »Дѣломъ митрополита Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ«.

Россію четырехъ монаховъ своего ордена, которые-бы приняли обрядъ греческій и монашескую одежду св. Василія и были-бы учителями нашими въ духовной жизни и реформаторами чина св. Василія, тогда очень неупорядоченнаго. Заключивъ такое условіе, онъ отправился въ Литву и въ Вильнѣ, въ монастырѣ пресв. Тройцы, принялъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, монашескую одежду св. Василія Великаго. Здѣсь жилъ этотъ новицій съ другими новиціями, предаваясь благочестивому изученію хорошо устроенныхъ орденовъ латинскаго обряда, съ которыми онъ познакомился, когда еще былъ свѣтскимъ, и съ которыми имѣлъ тогда въ Вильнѣ сношеніе. Но какъ тогда въ орденѣ отцовъ босоногихъ не было поляковъ, кромѣ развѣ одного, то посему и разсѣялась эта миссія. А между тѣмъ умеръ помянутый о. Петръ, насъ-же окружили безчисленныя бѣдствія, какъ внѣшнія отъ схизматиковъ, такъ и внутреннія отъ нашихъ старыхъ монаховъ, которые, какъ только узнали о нашемъ предположеніи, возбудили противъ насъ сильное подозрѣніе, будто этимъ способомъ мы хочемъ уничтожить обрядъ греческій... Между тѣмъ въ нашъ благоустроенный монастырь поступало много юношей, преимущественно изъ учениковъ іезуитскихъ школъ, которымъ мы приказывали заниматься науками въ тѣхъ-же школахъ, освобождая ихъ отъ монашескихъ обязанностей. Такимъ образомъ въ одно тѣло мы соединили около 100 человѣкъ, и стали умножаться монастыри" [1]). Первые базиліанскіе монастыри основались первоначально въ епархіи Поцѣя. По свидѣтельству того-же Якова Суши, Рутскій „многихъ и знатныхъ юношей принялъ въ орденъ, коего колоніи основалъ сначала въ Новогрудкѣ, потомъ въ Минскѣ, Жировицахъ, Бытенѣ [2])". Соображая этотъ порядокъ распространенія базиліанскихъ колоній съ историческими обстоятельствами, мы приходимъ къ заключенію, что новогрудская и минская базиліанскія колоніи основаны Рутскимъ около 1611—1612 г., когда онъ былъ коадъюторомъ литовской митрополіи; затѣмъ явились бытенскій монастырь и жировицкій, основанный въ 1613 году для базиліанъ Яномъ Мелешкомъ [3]).

---

[1]) Тамъ-же, Summarium, № 80.

[2]) Письмо Якова Суши къ секретарю «конгрегаціи распространенія вѣры», 1684 г., въ почаевскомъ архивѣ, № 20.

[3]) Труды кіев. дух. академіи, ноябрь, 1870 г., стр. 347.

Сдѣлавшись въ 1613 году, по смерти Поцѣя, уніатскимъ митрополитомъ, Рутскій позаботился распространить базиліанскій орденъ и внѣ предѣловъ своей епархіи. Въ 1616 году онъ выпросилъ у Сигизмунда III подтвержденіе грамоты Сигизмунда I, данной въ 1519 году кіевскому митрополиту Іосифу Солтану о подчиненіи и подсудности ему всего духовенства греческаго обряда въ Польшѣ, дабы, на основаніи этой грамоты, имѣть право вмѣшиваться въ дѣла другихъ уніатскихъ епархій и распространять въ нихъ базиліанскій орденъ [1]), и въ слѣдующемъ 1616 году созвалъ въ Новогрудкѣ первую конгрегацію (съѣздъ) базиліанскую изъ представителей пяти монастырей—виленскаго, новогрудскаго, минскаго, жировицкаго и бытенскаго. На этой конгрегаціи, на которой, по просьбѣ Рутскаго, присутствовали два іезуитскіе доктора богословія [2]), положено было ходатайствовать предъ королемъ, чтобы митрополитъ выбираемъ былъ изъ базиліанъ и чтобы епископства давались не свѣтскимъ людямъ, но людямъ монашествующимъ, которые провели извѣстное время въ орденѣ и получили отъ митрополита одобреніе относительно благочестивой жизни и достоинства; притомъ, таковымъ епископамъ передъ ихъ поставленіемъ митрополитъ долженъ внушать, что они постоянно должны считать себя членами ордена и должны быть защитниками и распространителями его въ своей епархіи [3]). Испрашиваемая привиллегія дѣйствительно дана была ордену Владиславомъ IV въ 1635 году, и въ ней говорилось слѣдующее: „епископства, архимандріи, игуменства никому другому не будемъ давать мы и преемники наши, какъ только заслуженнымъ монахамъ чина св. Василія, находящимся въ уніи, которыхъ теперешній отецъ митрополитъ унитъ и преемники его униты будутъ представлять намъ и преемникамъ нашимъ“ [4]). Для укорененія орденскаго корпоративнаго духа, Рутскій устроилъ для

---

[1]) См. это подтвержденіе въ книгѣ »Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ«, 1755 г., Summarium, № 99.

[2]) »Истор. базиліанскаго ордена«, Кояловича, въ Христ. чтен., апрѣль, 1864 г., стр. 443.

[3]) Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 2.

[4]) Христ. чтен., 1864 г., январь, стр. 46. примѣч. 2.

своихъ монаховъ новиціатъ, „въ который введены были имъ монахи іезуитскаго ордена, какъ говоритъ Суша,—для духовнаго наставленія нашихъ (базиліанскихъ) монаховъ, такъ что оный превосходный пасторъ (т. е. Рутскій) посылалъ упражняться въ сей новиціатъ настоятелей разныхъ монастырей и почтенныхъ лѣтами въ орденѣ, для возстановленія монашескаго духа [1])“. Въ 1624 году, по просьбѣ базиліанъ, наставники ихъ іезуиты, уже слишкомъ усердно поведшіе базиліанъ къ латинству, замѣнены были босоногими кармелитами, но съ обязательствомъ, чтобы „послѣдніе пришли къ намъ (базиліанамъ) въ одеждѣ св. Василія, отпускали волосы на головѣ и бородѣ, также исполняли все по обряду греческому и принесли себя въ жертву Господу Богу, если-бы необходимо было, до конца ихъ жизни“ [2]).

По мѣрѣ водворенія уніи въ Холмщинѣ система базиліанскаго ордена захватила собою и холмскую епархію, находившуюся нѣкоторое время въ администраціи митрополита. А унія привилась здѣсь скоро и въ послѣдствіи, съ помощію базиліанъ, пустила глубокіе корни. Въ 1617 году мы видимъ древній холмскій каѳедральный монастырь въ рукахъ уніатовъ, и староста холмскій, подскарбій королевства, Николай Даниловичъ, назначая десятину со вновь распаханныхъ въ окрестностяхъ Холма полей, отъ людей религіи римской—на гошпиталь холмскій, опредѣлилъ такую-же отъ людей религіи греческой—на церковь и капитулу церкви каѳедральной *монастыря* холмскаго Рождества Дѣвы Маріи и на духовенство, на тотъ часъ при ней находящееся, состоящія въ уніи вѣры и въ подчиненіи святой римской церкви [3])“. Страшный пожаръ 1638 г.

---

[1]) Письмо Суши см. въ Дѣлѣ м. Гребницкаго съ базил. протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium № 1.

[2]) Тамъ-же Summarium, № 80. См. книгу Sacra congregatione de propaganda fide coram sanctissimo, eminentissimo et reverendissimo Domino Cardinali Caraffa ponente ordinis S. Basilii Magni Ruthenorum provinciae Poloniae cum reverendissimis patribus provinciae Litvaniae, facti. Romae. 1747 Summarium, № 28. Для краткости, мы будемъ называть эту книгу—»Дѣло польской базиліан. провинціи съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г.«

[3]) Документъ холмскаго монастыря.

не оставилъ и слѣда этого монастыря, пощадивъ одну только каѳедральную церковь [1]), но въ 1621 году холмскій уніатскій епископъ Аѳанасій Пакоста спѣшитъ устроить въ своей епархіи новый монастырь и ввести туда монаховъ базиліановъ. Задумано это, какъ открываетъ намъ привилей Сигизмунда III, данный этому епископу въ 1621 году, *для найлучшаго содѣйствія уніи церкви восточной греческой съ костеломъ римскимъ католическимъ*.

Епископъ просилъ для этого церковь, издавна называемую монастыремъ Куленчицкимъ, находящуюся въ повѣтѣ городельскомъ [2]), и ревностный католикъ—король удовлетворилъ его желаніе, такъ что въ 1629 году монастырь уже существовалъ, и Сигизмундъ III презентуетъ тогдашнему администратору холмской епархіи, митрополиту Рутскому на настоятельство въ этомъ монастырѣ базиліанина Филарета Заваду [3]). Хотя куленчицкій монастырь не игралъ сколько нибудь значительной роли въ своемъ орденѣ и послѣ войнъ Богдана Хмельницкаго приписанъ былъ къ возобновленному холмскому каѳедральному монастырю; но этотъ послѣдній съ 1638 года, получивъ новыя подкрѣпленія, становится главнымъ центромъ уніи и базиліанскаго ордена для холмской епархіи. Этимъ онъ обязанъ холмскимъ уніатскимъ епископамъ изъ тѣхъ-же базиліанъ—Меѳодію Терлецкому и Якову Сушѣ.

Въ 1638 году, епископъ Меѳодій Терлецкій, какъ повѣствуетъ Суша, возобновилъ послѣ пожара древнюю каѳедральную церковь пресв. Богородицы, расширилъ ее, выбросивъ изъ нея алтарную колонну, на которой означенъ былъ 1001 годъ основанія храма, и въ церковной оградѣ открылъ фундаментъ древняго храма временъ св. Владиміра, во имя св. Василія Великаго; при послѣднемъ храмѣ, по преданію, жили прежде монахини [4]). Вслѣдъ за симъ, именно въ 1639 году, Меѳодій Терлецкій основалъ при своей каѳедрѣ уніатскую гимназію и, съ согласія митрополита Корсака, тогдашняго начальника базиліанскаго ордена, вызвалъ изъ Литвы въ Холмъ, для преподаванія въ этихъ школахъ, Якова Сушу съ

[1]) Phoenix Якова Суши, 1684 г., стр. 123.

[2]) Привилей Сигизмунда III, 1621 г., въ бумагахъ холмскаго монастыря.

[3]) Тамъ-же, королевскій дипломъ, 12 сентября, 1629 года.

[4]) Phoenix tertio redivivus, Суши, 1684 г., стр. 17—19.

другими базиліанами, давъ ему въ управленіе запустѣлый спасскій монастырь [1]). Учрежденіе гимназіи, въ видахъ подкрѣпленія ордена и уніи, считалось и тогда настолько важнымъ, что король Владиславъ IV, утверждая ее особымъ привилеемъ 7 іюня 1640 года, говоритъ, что не могъ не принять съ благодарностью такого благочестиваго и достохвальнаго намѣренія епископа, а какова была дальнѣйшая цѣль этого намѣренія, видно изъ послѣдующихъ словъ того же привилея, въ которомъ говорится, что Терлецкій побуждался къ этому *„особою ревностію къ распространенію православной вѣры въ схизматическихъ окрестностяхъ"*. Ближайшимъ образомъ гимназія учреждена для обученія юношества греческимъ и латинскимъ наукамъ. Епископъ „фундовалъ" ее отъ себя, т. е. назначилъ ей нѣкоторыя угодья, принадлежащія къ его епископскому столу [2]). Но и этимъ не ограничился ревностный епископъ въ своихъ заботахъ объ успѣхахъ уніи и базиліанскаго ордена: въ 1644 году онъ испросилъ у тогдашняго митрополита и протоархимандрита базиліанскаго ордена Антонія Селявы дозволеніе открыть въ Холмѣ новиціатъ для воспитанія уніатскихъ монаховъ въ орденскомъ духѣ [3]).

Обезпечивъ такимъ образомъ дѣло уніатской пропаганды и, какъ лучшаго ея орудія, возсозданнаго имъ базиліанскаго холмскаго монастыря, Меѳодій Терлецкій не упускалъ изъ виду положенія всего базиліанскаго ордена, справедливо разсуждая, что, если не удержится цѣлое, не сдобровать и отдѣльной его части. Выше мы сказали, что первыми устроителями и наставниками базиліанъ были іезуиты, а потомъ кармелиты. Они строили его по образцамъ католическимъ, а тамъ орденъ монашескій не зависѣлъ отъ власти епископовъ, но, пользуясь полнымъ самоуправленіемъ, подъ начальствомъ своего генерала, подчинялся только папѣ. Такая независимость тѣмъ болѣе нужна была для ордена базиліанъ. Руководители его и сама контрегація de propaganda fide хорошо понимали,

---

[1]) Труды кіевской дух. академіи, май, 1870 г., стр. 476—7. Королевское утвержденіе этого монастыря за базиліанами послѣдовало позже, какъ увидимъ ниже.

[2]) Привилей Сигизмунда III въ бумагахъ холмскаго монастыря. См. также Труды кіев. дух. акад., ноябрь, 1870 г., стр. 352.

[3]) Листъ м. Селявы отъ 17 сент. 1744 г. находится въ бумагахъ холмскаго монастыря.

что въ представителяхъ уніатской церкви еще не умерли традиціи восточной церкви и духъ русскій не ослабѣлъ въ такой степени, чтобы они могли уже идти прямо на полное соединеніе съ латинствомъ. Имъ не трудно было сообразить, что не бывавшіе въ базиліанахъ уніатскіе епископы и митрополиты могутъ и всему базиліанскому ордену дать не желательное направленіе и что только подъ управленіемъ собственнаго генерала или протоархимандрита, подчиненнаго непосредственно одному лишь папѣ, онъ можетъ достигать предположенной для него цѣли. А между тѣмъ уніатскіе епископы въ большей части считали этотъ орденъ католическимъ нововведеніемъ и не хотѣли выпускать изъ своихъ рукъ власти надъ его монахами, тѣмъ болѣе, что и въ восточной церкви эта власть принадлежала мѣстнымъ епархіальнымъ епископамъ. Еще при жизни Рутскаго уніатскіе архіепископы и епископы грозились ордену, что по смерти митрополита они постараются о томъ, чтобы взять монастыри изъ-подъ власти виленской конгрегаціи [1]). Сами митрополиты, которые долженствовали быть, по идеѣ Рутскаго, защитниками и покровителями ордена, не разъ поднимали на него свою властную руку. Митрополитъ Анатолій Селява, вскорѣ по вступленіи своемъ на митрополичій престолъ, созвалъ въ 1642 году генеральную конгрегацію въ Вильнѣ для избранія протоархимандрита и изъявилъ желаніе, чтобы въ протоархимандриты избрали его самого; онъ даже заболѣлъ, когда монахи не хотѣли было удовлетворить его желанію. Базиліане согласились на избраніе его въ протоархимандриты, но требовали отъ него росписки въ томъ, что такая уступка съ ихъ стороны дѣлается на этотъ только разъ и не должна служить примѣромъ для будущихъ митрополитовъ, его преемниковъ, притомъ домогались установленія особыхъ правилъ, которыя опредѣляли-бы отношенія митрополитовъ къ ордену [2]). Селява согласился на эти требованія и въ слѣдующемъ 1643 году просилъ римскій дворъ о подтвержденіи декрета „конгрегаціи распространенія вѣры“, изданнаго 4 октября 1624 года касательно

---

[1]) Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 13.

[2]) Исторія базил. ордена, Кояловича, въ Христіан. чтеніи, янв., 1864 г., стр. 50—51.

избранія генерала или протоархимандрита базиліанскаго, но съ прибавленіемъ къ сему декрету слѣдующихъ словъ: „и все вышесказанное нужно разумѣть безъ ущерба древней и законной власти митрополита Россіи надъ помянутыми монахами и ихъ игуменами, архимандритами и самимъ протоархимандритомъ, каковой власти свящ. конгрегація никоимъ образомъ не должна ослаблять и ограничивать, поелику монахи базиліане обряда греческаго во всей Греціи не изъяты изъ власти мѣстныхъ епископовъ“ [1]). Конгрегація распространенія вѣры одобрила это прибавленіе и 3 іюля 1643 г. издала о семъ декретъ [2]). Но базиліане усмотрѣли въ этой прибавкѣ окончательное подчиненіе своего ордена митрополиту, уничтоженіе своей самостоятельности и съ жалобой на м. Селяву отправили въ Римъ холмскаго уніатскаго епископа Меѳодія Терлецкаго, который и успѣлъ повернуть дѣло въ пользу базиліанскаго ордена. На засѣданіи „конгрегаціи распространенія вѣры“, происходившемъ 28 августа, 1643 года, „по выслушаніи устнаго объясненія достопочтеннаго отца господина епископа холмскаго русина унита“, постановлено было сдѣлать такое поясненіе испрошеннаго Селявою декрета, что-де „въ этомъ декретѣ его святѣйшество выразилъ мысль свою соединить помянутыхъ монаховъ, для лучшаго управленія ихъ ордена, въ конгрегацію, подъ властію одного генерала или протоархимандрита, и митрополиту, смотря по обстоятельствамъ, не дѣлать ущерба въ томъ, что̀ принадлежитъ ему по праву“ [3]). Спасая такимъ образомъ независимость всего базиліанскаго ордена отъ власти митрополита, Терлецкій подкрѣплялъ положеніе своего излюбленнаго холмскаго монастыря.

Послѣднимъ проявленіемъ его заботы объ этомъ монастырѣ было прославленіе находившейся въ немъ иконы пресв. Богородицы

[1]) См. книгу Sacra congregatione de propaganda fide coram Sanctissimo Domino nostro Kijoviensi praetensae jurisdictionis inter prothoarchimandritam ordïnis S. Basilii Magni Ruthenorum et mitropolitum, restrictus facti et juris, Romae, 1754. Summarium, № 20. Для краткости, мы будемъ называть эту книгу—»Дѣломъ базиліанскаго протоархимандрита съ митрополитомъ Гребницкимъ, 1745«.

[2]) Тамъ-же, Summarium № 1.

[3]) Дѣло польской базиліан. провинціи съ литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium № 57.

чудотворною. Въ 1646 году докторъ богословія, базиліанинъ, Яковъ Суша составилъ, по порученію Меѳодія Терлецкаго, книгу *Phoenix*, въ которой доказывалъ древность этой иконы и описывалъ происходящія отъ нея чудеса, а назначенная по ходатайству того же Терлецкаго, подъ предсѣдательствомъ коадъютора уніатской перемышльской епископіи, епископа самборскаго, Павла Овлучимскаго, коммисія для разслѣдованія о сей иконѣ особымъ актомъ 22 іюля 1646 года подтвердила древность иконы и чудодѣйственную ея силу [1]). Это должно было привлекать народъ къ уніи и монастырю, которымъ принадлежала столь древняя святыня.

По смерти Меѳодія Терлецкаго, для базиліановъ и уніи настали тяжелыя времена. По зборовскому договору Богдана Хмельницкаго съ поляками (1649 г.), подтвержденному на сеймѣ 1650 г., подлежали возвращенію вѣдомству кіевскаго православнаго митрополита остававшіяся вакантными епархіи луцкая, холмская и витебская, соединенная съ мстиславскою [2]). Опираясь на это, православный кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, прибывъ въ февралѣ 1650 г. въ Холмъ, выгналъ базиліанъ изъ каѳедры и спасскаго монастыря и поставилъ холмскимъ православнымъ епископомъ Діонисія Балабана. Администраторомъ холмской епархіи со стороны унитовъ былъ въ это время упоминаемый нами уже не разъ Яковъ Суша. Оставляя холмскіе монастыри, базиліане успѣли однако заблаговременно скрыть отъ православныхъ чудотворный образъ Богоматери и нашли себѣ пріютъ у тогдашняго католическаго епископа холмскаго Станислава Пстроконскаго. Но православные, при содѣйствіи шляхтичей Павловскихъ, нашли спрятанную уніатами икону Богоматери и перенесли ее въ каѳедральную церковь. Тогда администраторъ холмской уніатской епархіи Яковъ Суша, воспользовавшись пребываніемъ короля въ Люблинѣ, во время новаго похода противъ козаковъ (1651 г.), убѣдилъ короля отобрать у православныхъ холмскую икону Богоматери и взять ее съ собой на войну. Коммиссары, назначенные для сего королевскимъ дипломомъ отъ 25 апрѣля 1651 г., похитили икону изъ холмской каѳедральной церкви и пред-

---

[1]) Phoenix Суши, 1684 г., предисловіе.

[2]) Богданъ Хмельницкій, Н. И. Костомарова, изд. 3, 1879 г., т. II, стр. 408

ставили королю, котораго она и сопровождала во все время его экспедиціи противъ козаковъ [1]). Передъ берестечскою битвою, по рядамъ польскаго войска носили холмскую икону Богоматери, и въ этомъ-то памятникѣ былой эпохи независимости южной Руси поляки искали помощи противъ козаковъ, ополчавшихся за возвращеніе русской землѣ независимости [2]). Извѣстно, что берестечская битва была гибельна для козаковъ, и поляки побѣду свою надъ козаками приписывали чудодѣйственной силѣ названной иконы. Набожный король Янъ Казиміръ въ свою очередь искренно вѣрилъ въ чудесную помощь, оказанную ему холмской иконой, возилъ эту икону съ собою до окончанія компаніи и постарался отблагодарить Якова Сушу за его совѣтъ. Грамотой, или привилеемъ отъ 29 іюля 1651 г., онъ отмѣнилъ данныя неунитамъ права и привиллегіи и снова отдалъ холмское епископство въ администрацію Якову Сушѣ. „Посему мы,—говорится здѣсь,—отмѣняя дипломы наши старшимъ религіи греческой, въ неуніи находящимся, по причинѣ ихъ неблагодарности, отдали епископство холмское со всѣми церквами, издревле унитамъ принадлежащими, достопочтенному Іакову Сушѣ, генералу викарному холмскому ордена св. Василія Великаго (коему до выдачи дизунитамъ диплома дали мы другой привилей) въ администрацію и управленіе всѣмъ клиромъ и капитуломъ холмскимъ и белзскимъ обряда греческаго, равнымъ образомъ всѣ имѣнія и всѣ села, принадлежащія сему епископству, ему обратно уступили до дальнѣйшей нашей декляраціи“. Въ слѣдующемъ 1652 году Яковъ Суша назначенъ былъ пожизненнымъ холмскимъ епископомъ и обратился къ королю съ просьбою о возвращеніи въ Холмъ иконы Богоматери. Король съ благодарностію возвратилъ ее въ холмскую каѳедральную церковь, „съ тѣмъ условіемъ, какъ писалъ онъ въ дипломѣ отъ 30 марта 1652 г., чтобы, если-бы опять (чего не дай Богъ) стали угрожать сей св. иконѣ подобныя предыдущимъ опасности отъ дизунитовъ, тогда помянутый достопочтенный номинатъ холмскій и его монахи, въ уніи св. находящіеся, обязываются вышеозначенную икону пресв. Дѣвы вручить намъ самимъ“. При торжественной встрѣчѣ этой иконы въ

[1]) Phoenix Якова Суши, 1684 г., стр. 44—55.

[2]) Богданъ Хмельницкій, Н. И. Костомарова, 3 изд. 1870 г., т. II, стр. 330.

Холмѣ говорилъ рѣчь базиліанинъ Бенедиктъ Терлецкій, римскій воспитанникъ отцевъ de propaganda fide, бывшій впослѣдствіи провинціаломъ базиліанскаго ордена. При новомъ возстаніи козаковъ, король Янъ Казиміръ опять вытребовалъ холмскую икону Богородицы въ томъ-же 1652 году къ себѣ и возвратилъ ее Якову Сушѣ уже послѣ битвы подъ Жванцемъ (дек. 1653 г.), вѣроятно въ 1654 году [1]).

Съ прекращеніемъ козацкихъ войнъ и замиреніемъ всего края улучшилась снова судьба холмскаго базиліанскаго монастыря, а вмѣстѣ и всего базиліанскаго ордена. Въ 1654 году епископъ Суша приписалъ къ холмскому базиліанскому монастырю упомянутый выше куленчицкій монастырь и церковь любачевскую городищенскую, равно и присоединилъ къ нему православный монастырь Добротворскій и многіе другіе. Всѣми ими, какъ писалъ Суша, владѣли тогда въ епархіи холмской схизматики; не смотря на то, его захваты признаны были самимъ королемъ [2]). Въ 1662 году въ привилеѣ 20 іюля Янъ Казиміръ писалъ: „охотно склонившись на покорную просьбу (Якова Суши), заблагоразсудили мы вышепомянутыхъ монаховъ базиліанъ, живущихъ при каѳедрѣ холмской греческой и тамошнемъ чудотворномъ образѣ пресв. Дѣвы, которымъ этотъ чудотворный образъ отданъ былъ нами въ распоряженіе особымъ рескриптомъ нашимъ, даннымъ въ Варшавѣ 30 мая 1652 г., по прекращеніи непріятельскихъ опасностей,—оставить при монастырѣ св. Спаса, который всегда особливымъ привилеемъ подаванъ былъ найяснѣйшими предшественниками нашими и никогда не принадлежалъ епископству холмскому, но издавна находился въ рукахъ и распоряженіи помянутыхъ монаховъ и иныхъ частныхъ лицъ, на что и мы приказали выдать изъ канцеляріи нашей онымъ монахамъ особый рескриптъ уже въ царствованіе наше, подъ датой изъ Варшавы, 18 марта 1650 года; также при школахъ тамошнихъ, которыя вышепомянутый велебный Яковъ Суша возстановляетъ своимъ иждивеніемъ, въ которыхъ должны учить вышепомя-

---

[1]) Phoenix Якова Суши, 1684 г., стр 96—115.

[2]) Документъ холмскаго монастыря. См. Дѣло польской базиліанской провинціи съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium № 50.

нутые благочестивые монахи базиліане униты, находящіеся при каѳедрѣ холмской греческой, а не другіе, и при старинномъ правѣ, обращая вниманіе на эрекцію велебнаго нѣкогда Меѳодія Терлецкаго, епископа холмскаго, какъ и дѣйствительно, заботясь должнымъ образомъ объ увеличеніи славы Божіей, аппробуемъ, обновляемъ, утверждаемъ помянутыя права, привилеи, какъ всѣ вообще, такъ и каждое въ частности, ничего не изъемля и не исключая", и проч. Тѣже права подтверждены были привилеями Яна III въ 1676 и 1685 годахъ и Августа III въ 1754 году [1]).

Въ видахъ расширенія уніи, Яковъ Суша, позаботился о водвореніи въ Холмѣ и базиліанокъ. Мы видѣли, что епископъ Меѳодій Терлецкій, при реставраціи каѳедральнаго храма, открылъ вблизи его фундаментъ какого-то другаго храма, который Яковъ Суша въ своемъ „Фениксѣ" призналъ за древній храмъ бывшаго когда-то въ Холмѣ женскаго монастыря во имя св. Василія Великаго. Вѣроятно, для возстановленія въ Холмѣ женскаго монашества, Яковъ Суша началъ пріобрѣтать, съ 1654 года, въ г. Холмѣ и его окрестностяхъ земельные участки, дома и фольварки, и дѣйствительно отдалъ ихъ монахинямъ чина св. Василія Великаго, которыхъ онъ помѣстилъ при холмской церкви Успенія пресв. Богородицы. Въ 1663 году Янъ Казиміръ, по ходатайству Якова Суши, освободилъ грунты и дома холмскаго женскаго монастыря отъ податей и повинностей, что подтвердилъ въ 1679 году и Янъ III Собѣсскій [2]). Въ послѣдствіи времени и этотъ женскій монастырь отданъ былъ холмскимъ базиліанамъ [3]).

---

[1]) См. подтвержденіе Августа III, 1754 г., въ дѣлахъ холмскаго монастыря.

[2]) Тамъ-же, привилей Яна III, Собѣсскаго, 1679 года.

[3]) Въ 1723 г. холмскій уніатскій епископъ Іосифъ Левицкій, не только подтвердилъ прежнія записи Меѳодія Терлецкаго и Якова Суши въ пользу холмскаго базиліанскаго монастыря (на монастыри Куленчицкій и Спасскій, предмѣстья Вульку и Завале), но и отдалъ »монастырь женскій того-же чина, или иначе паненщизну, тѣмъ же почтеннымъ отцамъ и монастырю холмскому«, со всѣми фундушами, ланами, полями, подданными» и проч. А въ 1753 г., при настоятелѣ холмскаго монастыря Максимиліанѣ Рыллѣ, холмскіе базиліане получили въ свое пользованіе село Парипсы, когда-то данное королемъ Владиславомъ II капитулу холмской католической каѳедры.—Мѣсто женскаго монастыря указываютъ теперь на горѣ, за Холмомъ, по направленію къ д. Серебрище, гдѣ видны остатки какихъ-то развалинъ.—Грамота Левицкаго въ документахъ холмскаго монастыря.

Поставленный на ноги и обезпеченный Яковомъ Сушей, холмскій базиліанскій монастырь занялъ видное мѣсто въ ряду другихъ базиліансиихъ монастырей. Въ 1719 году здѣсь происходила, подъ предсѣдательствомъ митрополита Льва Кишки, генеральная базиліанская конгрегація, обыкновенно назначавшаяся въ знаменитѣйшихъ базиліанскихъ монастыряхъ [1]).

Подобно своему предшественнику Терлецкому, Яковъ Суша оказалъ важную услугу и всему базиліанскому ордену во время возобновившейся борьбы его съ митрополитомъ за орденское самоуправленіе. Мы видѣли, что въ 1651 году Яковъ Суша былъ викарнымъ генераломъ базиліанскаго ордена, т. е. непосредственнымъ и главнымъ его начальникомъ послѣ митрополита Селявы. Эту должность онъ занималъ вѣроятно съ 1650 года, со времени бывшей въ этомъ году генеральной виленской конгрегаціи, и исполнялъ ее до минской конгрегаціи 1652 года, на которой выбранъ провинціаломъ или викарнымъ генераломъ Бенедиктъ Терлецкій. По смерти Терлецкаго въ 1661 году, въ самый разгаръ борьбы базиліанскаго ордена съ архіепископомъ Гавріиломъ Колендой, домогавшимся протоархимандритства, Яковъ Суша выбранъ былъ на жировицкой конгрегаціи 1661 года въ протоархимандриты ордена и исполнялъ эту должность, вѣроятно, до супрасльской конгрегаціи 1665 года [2]). Онъ, кажется, и принялъ протоархимандритство только для того, чтобы защитить базиліанъ отъ притязаній уніатскаго митрополита и примирить ихъ съ нимъ. Еще до выбора своего въ протоархимандриты, Яковъ Суша и базиліане 5 іюля 1661 г. протестовали противъ выбора архіепископа Коленды въ протоархимандриты и заявляли, что Бенедикта Терлецкаго, архимандрита виленскаго уже въ третій разъ избирали на тороканской капитулѣ провинціаломъ и главою ордена, и что не желаютъ принять другаго выбора [3]). На жировицкой капитулѣ или конгрегаціи 1661 г., на которой предсѣдателствовалъ и избранъ въ протоархимандриты

---

[1]) Дѣло м. Гребницкаго съ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 87. См. »Труды кіев. дух. академіи«, май, 1870 г., стр. 491.

[2]) »Труды кіев. дух. академіи«, 170 г., май, стр. 453. 488 и 489.

[3]) Тамъ-же, ноябрь, 1870 г., стр 467; см. почаев. архив., №№ 100 и 201.

базиліанскаго ордена Яковъ Суша, базиліане постановили жаловаться на противозаконныя дѣйствія администратора митрополіи, архіепископа Гавріила Коленды, по отношенію къ ихъ ордену, и вмѣстѣ съ тѣмъ протестовали противъ учрежденія вновь архимандрій, при митрополитѣ Антоніѣ Селявѣ, въ Полоцкѣ, Череи, Березвечьи и Дубно, гдѣ ихъ никогда прежде не было. „По сему орденъ просилъ, чтобы избранные начальники донесли о всемъ этомъ престолу апостольскому, и чтобы пожизненныя архимандріи тамъ, гдѣ ихъ не было, упразднены были и совершенно уничтожены, и чтобы всѣ монастыри и архимандріи подчинялись одному лишь избранному протоархимандриту и его преемникамъ“ [1]). Въ Римъ отправился самъ Яковъ Суша, вѣроятно въ 1664 году, потому что къ этому году относится его донесеніе конгрегаціи распространенія вѣры о началѣ уніи, въ которомъ онъ жаловался папѣ, отъ лица всѣхъ уніатскихъ епископовъ, на нѣкоторыхъ епископовъ латинскихъ, ходатайствовавшихъ предъ римскимъ престоломъ объ уничтоженіи уніатской іерархіи [2]). Въ это-же, конечно, время Яковъ Суша, вмѣстѣ съ провинціаломъ базиліанскимъ Пахоміемъ Огилевичемъ, вошелъ въ „конгрегацію распространенія вѣры“ съ представленіемъ, коимъ просилъ конгрегацію, чтобы воспрещено было пользоваться многими бенефиціями, чтобы епископы не расхищали монастырскихъ имуществъ, чтобы архимандрія виленская принадлежала ордену, и проч. При этомъ Суша представилъ и другіе пункты, клонившіеся къ улучшенію базиліанскаго ордена и послужившіе впослѣдствіи темой для разсужденій на базиліанскихъ конгрегаціяхъ, какъ напр. о не ношеніи монахами полнаго монашескаго одѣянія, о занятіяхъ базиліанскихъ воспитанниковъ по возвращеніи ихъ изъ заграничныхъ папскихъ алюминатовъ, о совращеніи уніатовъ іезуитами въ обрядъ латинскій и проч. [3]). Вслѣдствіе представленія Якова Суши, папа далъ, 30 мая 1665 г., своему нунцію въ Польшѣ бреве, коимъ приказывалъ ему созвать новую базиліанскую конгрегацію, подъ его предсѣдательствомъ, для из-

---

[1]) Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 17.

[2]) Тамъ-же, Summarium, № 1.

[3]) Архивъ почаев. лавры, № 201.

бранія протоархимандрита изъ простыхъ монаховъ, а супрасльскую и жировицкую конгрегаціи считать не дѣйствительными [1]). Эта конгрегація состоялась въ октябрѣ того же 1665 года въ Супраслѣ, но и она кассирована папой потому, что на ней избранъ былъ въ протоархимандриты не простой монахъ, а митрополитъ, и назначена новая конгрегація въ Брестѣ на 1 марта 1666 года. Послѣдняя, подъ предсѣдательствомъ нунція, и занялась преимущественно разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ тѣхъ нестроеній ордена, какія указаны были Сушей и Огилевичемъ „конгрегаціи распространенія вѣры". 4-го марта, ко второму засѣданію конгрегаціи, прибылъ на нее Яковъ Суша и съ особенною полнотою и ясностію раскрылъ укоренившіеся въ базиліанскомъ орденѣ безпорядки и предложилъ соотвѣтственныя мѣры къ ихъ устраненію. Такъ, онъ предложилъ строго соблюдать обряды и обычаи греко-восточной церкви, настаивалъ на уничтоженіи новыхъ архимандрій и обращеніи ихъ въ простые игуменскіе монастыри, жаловался на угнетеніе уніатовъ латинянами, требовалъ запрещенія переходить изъ уніатскаго обряда въ латинскій и просилъ нунція ходатайствовать предъ королемъ за унію, „чтобы онъ защищалъ ее и покровительствовалъ ей какъ противъ схизматиковъ, такъ и противъ католиковъ латинскаго обряда и особенно клириковъ", и проч. Въ заключеніе Яковъ Суша доказывалъ, что благо ордена требуетъ, дабы въ протоархимандриты избранъ былъ митрополитъ, потому что протоархимандритъ изъ простыхъ монаховъ не могъ-бы справиться съ своевольными монахами и имѣть силы при дворѣ [2]). Голосъ Якова Суши убѣдилъ нунція согласиться на общее желаніе, чтобы управленіе орденомъ ввѣрено было митрополиту. Избранный, вслѣдствіе этого въ протоархимандриты, Коленда благодарилъ все собраніе за довѣренность къ нему, просилъ забыть давніе споры, происшедшіе вслѣдствіе взаимныхъ недоразумѣній, и, по примѣру своего предшественника Анатолія Селявы, обезпечилъ права ордена на свободное избраніе протоархимандрита изъ простыхъ монаховъ письменнымъ актомъ [3]).

[1]) Исторія базиліанскаго ордена, Кояловича, въ христіан. чтеніи, янв., 1864 года, стр. 56, примѣч. 2.

[2]) Дѣло м. Гребницкаго съ базиліан. протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 90.

[3]) Христіан. чтеніе, янв., 1864 г., стр. 60—61.

Въ другой разъ Яковъ Суша оказалъ базиліанскому ордену услугу при преемникѣ Коленды, митрополитѣ Кипріанѣ Жоховскомъ, вошедшемъ въ острыя, непріязненныя столкновенія съ орденомъ. Ближайшимъ поводомъ къ этимъ столкновеніямъ было слѣдующее обстоятельство. Около 1681 года папскій нунцій въ Польшѣ, „спросивши одного іезуита богослова, расположеннаго къ базиліанамъ, отъ чего базиліанскій орденъ не только не усиливается, но даже и упадаетъ, тогда какъ прежде онъ славился, если не числомъ, то превосходными людьми, получилъ отвѣтъ, что прелаты угнетаютъ монаховъ разными способами. Получивъ такой отвѣтъ, нунцій призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ настоятелей и разпросилъ ихъ объ угнетеніяхъ, о которыхъ они и устно передали и на письмѣ изложили. Вслѣдствіе этого онъ приказалъ имъ обратиться къ священной конгрегаціи монаховъ (regularium), которая приказала нунцію употребить надлежащее врачевство; „нунцій-же, пишетъ Суша, послалъ представленные ему монахами пункты къ митрополиту, ко мнѣ самому и другимъ епископамъ нашимъ. Тотчасъ вскипѣлъ митрополитъ, написалъ нунцію на монаховъ не хорошее, тотчасъ-же сталъ притѣснять орденъ и порѣшилъ низложить протоархимандрита и заставить избрать самого себя“ [1]). На минской конгрегаціи, бывшей въ іюлѣ 1683 года, митрополитъ Жоховскій низложилъ генерала Мартышкевича-Бусинскаго и консульторовъ, заставилъ собравшихся на конгрегацію базиліанъ избрать себя въ протоархимандриты, взялъ у прежнихъ начальниковъ ордена принадлежавшіе имъ монастыри и роздалъ ихъ вновь назначеннымъ должностнымъ лицамъ ордена [2]). Мартышкевичъ-Бусинскій думалъ было уже перейти, отъ преслѣдованій митрополита, въ латинскій обрядъ, но Яковъ Суша убѣдилъ его остаться въ уніатскомъ обрядѣ и въ базиліанскомъ орденѣ и чрезъ нунціатуру сдѣлалъ представленія папѣ въ пользу базиліанскаго ордена. Здѣсь онъ проэктировалъ ограничить власть митрополита тридентскимъ соборомъ, учредить конгрегацію изъ монаховъ и нѣсколькихъ свѣтскихъ священниковъ изъ каждой епархіи, воспретить митрополиту визитацію (ревизію) епархій

[1]) Письмо Я. Суши къ секретарю конгрегаціи распространенія вѣры, 1684 г., въ почаев. архивѣ, № 201.

[2]) »Труды кіев дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 382.

и опредѣлить ее на основаніи тридентскаго собора, управленіе же базиліанскимъ орденомъ предоставить не митрополиту, а самому ордену [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и сами базиліане жаловались на митрополита Жоховскаго папѣ и королю. Король взялъ базиліанскій орденъ подъ свое покровительство, а папа Иннокентій XI издалъ бреве отъ 30 октября 1683 г., которымъ кассировалъ минскую конгрегацію и предписывалъ созвать новую. Но это бреве не было тотчасъ приведено въ исполненіе, потому что митрополитъ Жоховскій въ письмѣ своемъ отъ 28 февраля 1684 г. къ кардиналу Нерлію критиковалъ папское бреве и жаловался на очерненіе его базиліанами,—его, который кровію и жизнію защищаетъ апостольскій престолъ и достигъ того, что уничтоженъ былъ въ Россіи схизматическій митрополитъ и остался одинъ уніатскій, его, который присоединилъ къ уніи множество схизматическихъ церквей, выстроилъ новыя зданія для базиліанъ, выпросилъ для нихъ у республики богатыя имѣнія, возстановилъ каѳедральную церковь виленскую, и проч. Вслѣдствіе сего протеста Жоховскаго опять возобновилась переписка о возникшемъ разногласіи между митрополитомъ и орденомъ и о средствахъ къ примиренію ихъ. Конгрегація распространенія вѣры чрезъ секретаря своего спрашивала холмскаго епископа Якова Сушу о происхожденіи несогласія, объ основаніяхъ, по коимъ митрополитъ и епископы домогаются власти надъ монахами и проч., причемъ препровождена была къ Сушѣ и копія протеста митрополита Жоховскаго. Яковъ Суша, между прочимъ, отвѣчалъ, что 1) разногласіе возникло вслѣдствіе того, что базиліане указали нунцію причину упадка своего ордена въ угнетеніи его митрополитомъ и епископами и этимъ раздражили митрополита; 2) что митрополитъ напрасно требуетъ подчиненія себѣ монаховъ, потому что и въ Греціи монахи не до того подчинены своимъ прелатамъ, чтобы послѣдніе присвояли себѣ ихъ доходы, и зависятъ отъ нихъ только въ отношеніи совершенія обрядовъ и таинствъ; 3) что митрополитъ Рутскій, обративъ въ унію множество монастырей, нигдѣ не желалъ имѣть архимандритовъ,

[1]) Письмо Мартышкевича къ м. Жоховскому, отъ 3 дек. 1683 г., въ почаев. архивѣ, № 201.

кромѣ супрасльскаго и жидичинскаго монастырей, и испросилъ у папы Урбана разрѣшеніе самимъ монахамъ избирать себѣ генерала изъ простыхъ монаховъ; а посему должна быть ограничена власть митрополита и епископовъ надъ монахами [1]).

Это была послѣдняя услуга Якова Суши базиліанскому ордену. 4 марта 1685 года Суша умеръ; но его мнѣніе положено было въ основаніе Nexus-а или союза между базиліанскимъ орденомъ и уніатскимъ митрополитомъ, выработаннаго на новогрудской конгрегаціи 1686 года, подъ предсѣдательствомъ кіевскаго латинскаго бискупа Θомы Вейскаго. Хотя этотъ Nexus или союзъ и не былъ формально утвержденъ папою, но имѣлъ силу закона до 1743 года. Этимъ Nexus-омъ или союзомъ блистательно завершилась для ордена его слишкомъ 40-лѣтняя борьба съ митрополитомъ. Мысль Якова Суши о принятіи въ основу жизни базиліанскаго ордена началъ римской церкви и въ частности постановленій тридентскаго собора выразилась въ этомъ Nexus-ѣ и въ предоставленіи базиліанскому ордену внутренняго самоуправленія, и въ данномъ протоархимандриту правѣ визитовать всѣ монастыри, не исключая и архимандричьихъ, съ дозволенія впрочемъ митрополита, и въ визитаціи приходскихъ церквей ордена, и въ поставленіи и смѣнѣ временныхъ настоятелей и проч. Словомъ, въ силу условій Nexus-а, базиліанскій орденъ сталъ твердою ногою на тотъ путь, который привелъ его впослѣдствіи къ окончательному окатоличенію и уподобленію другимъ монашескимъ орденамъ латинской церкви [2]).

Со времени Nexus-а стало быстро умножаться и количество базиліанскихъ монастырей. Около времени заключенія союза съ митрополитомъ Жоховскимъ въ составъ базиліанскаго ордена входили слѣдующіе монастыри: жировицкій, бытенскій, рожанскій, полоцкій, новогрудскій, владимірскій, волненскій, казутскій, березвечскій, витебскій, черлонскій, холмскій, брестскій, лысковскій, тороканскій, красногорскій, пинскій,—и кромѣ того въ болѣе или менѣе тѣсныхъ связяхъ съ нимъ находились архимандріи: виленская, лав-

---

[1]) »Труды кіев. дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 384—391.

[2]) Nexus см. въ Дѣлѣ м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium № 3; см. »Труды кіев. дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 393 и слѣд.

ришевская, супрасльская, черченская, дерманская, дубенская, спасская и крестовоздвиженское пожизненное настоятельство дубенское, жидичинская, дорогобужская, брацлавская, мстиславская, онуфрейская, пустынская, гродненская, лещинская, полоцкая, борисоглѣбская, минская, кобринская, черейская, троцкая и проч., всего до 30-ти слишкомъ монастырей. Вскорѣ послѣ 1686 года присоединены были къ ордену монастыри верховскій, мирскій, доброгорскій, бучацкій, бѣльскій, ушачскій. Кромѣ того, Львомъ Кишкой возвращены ордену возведенные было въ архимандріи монастыри—виленскій, лавришевскій, минскій, пустынскій, мстиславскій, черейскій и тороканскій [1]). Но около половины XVIII в. число всѣхъ базиліанскихъ монастырей простиралось свыше 160, въ числѣ коихъ значился и замостьскій монастырь [2]), служившій въ XVIII вѣкѣ вторымъ важнымъ центромъ уніатчины въ холмской землѣ. Къ исторіи этого монастыря мы теперь и обращаемся.

II.

Замостьскій уніатскій монастырь явился въ первой четверти XVIII вѣка въ замѣнъ православныхъ замостьскихъ церквей никольской и вознесенской и долго еще потомъ боролся съ ихъ православными преданіями, невольно подчиняясь иногда ихъ вліянію. Поэтому мы должны, прежде изложенія свѣдѣній о самомъ монастырѣ, сказать объ этихъ церквахъ до перехода ихъ въ руки уніатовъ и превращенія ихъ въ замостьскій уніатскій монастырь.

Въ то время, какъ холмскій каѳедральный богородичный монастырь въ XVII вѣкѣ сдѣлался уже однимъ изъ важныхъ центровъ уніи и базиліанскаго ордена и въ лицѣ своихъ представителей оказывалъ ему немаловажныя услуги, — кругомъ Холма всюду еще господствовало православіе. Въ 1700 году въ Холмщинѣ и Подляхіи оставались еще православными монастыри: люблинскій, бѣльскій, брянскій и многіе другіе [3]), и до самаго этого года оставалось въ православіи братство замостьской никольской церкви.

---

[1]) »Труды кіев. дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 406—407.

[2]) Тамъ-же, августъ, 1870 г., стр. 434—436.

[3]) Актъ луцкаго братства 1700 г. въ Виленскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ, 1868 г., № 21.

Городъ и крѣпость Замостье основаны были во второй половинѣ XVI вѣка коронным канцлеромъ Яномъ Замойскимъ, однимъ изъ лучшихъ государственныхъ людей своего времени, который любилъ просвѣщеніе и основалъ замойскую академію, отличался вѣротерпимостью и расположенностью къ русскому народу. Населеніе Замостья было смѣшанное; тутъ селились и поляки, и русскіе, и греки, и армяне, и евреи. Между другими вѣроисповѣданіями православное занимало едва-ли не самое видное мѣсто; въ XVII вѣкѣ ему принадлежали церкви вознесенская на львовскомъ предмѣстьѣ (нынѣ Новая Осада) и никольская въ самой крѣпости.

Прежде всего построена была здѣсь православная вознесенская церковь на львовскомъ предмѣстьѣ, и при ней учреждено было братство, уже существовавшее въ 1590 году [1]). Около того-же времени разрѣшена къ постройкѣ и другая православная церковь, но уже въ самомъ замкѣ или крѣпости замостьской. Разрѣшеніе на постройку этой послѣдней дано было основателемъ города, коронным канцлеромъ Яномъ Замойскимъ, 10 января 1589 года, собственно грекамъ, которые, не смотря на свое недавнее появленіе въ Замостьѣ, заняли здѣсь въ ряду торговцевъ другихъ націй первенствующее мѣсто. Упомянутымъ сейчасъ привилеемъ Замойскаго имъ предоставлялось „не только имѣть складъ своихъ товаровъ и домá, но и быть распорядителями нѣкоторыхъ купечествъ, сообща составленныхъ", а устроивъ церковь свою въ самомъ городѣ, „содержать при ней одного священника или болѣе,—равно совершать богослуженіе по своему обряду безъ всякаго препятствія отъ кого-либо" [2]). Кому затѣмъ принадлежитъ самая постройка никольской церкви,—грекамъ или русскимъ, либо тѣмъ и другимъ вмѣстѣ,—объ этомъ свѣдѣній нѣтъ; но вскорѣ послѣ того мы видимъ грековъ и русскихъ въ дѣлахъ вѣры дѣйствующими за одно и съобща пользующимися новоустроенною въ Замостьѣ православною никольскою церковью. При этой церкви, какъ и при вознесенской на предмѣстьѣ, возникаетъ братство, въ которомъ также

---

[1]) Упоминается подъ этимъ годомъ въ универсалѣ Томаша-Іосифа Замойскаго отъ 21 апрѣля 1712 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Копія этого документа въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

единство исповѣданія соединило грековъ и русскихъ [1]). Учрежденіе этого братства, если не предшествовало постройкѣ каменной никольской церкви, то совпало съ временемъ оной. Легко допустить, что если раньше этого существовала русская церковь на предмѣстьѣ Замостья, то тѣмъ болѣе должна была существовать такая же церковь въ самомъ Замостьѣ, а при ней, по обычаю того времени, и братство, хотя еще безъ устава и опредѣленной организаціи. Въ *Суммаріушѣ* (описи) дѣлъ замостьскаго монастыря, составленномъ 20 ноября 1775 года, мы нашли указаніе на „привилей (но не самый привилей) восточнаго патріарха, писанный погречески,

[1]) Учрежденіе церковныхъ братствъ было въ это время весьма распространено въ южной Россіи, но и греки были знакомы съ этимъ учрежденіемъ по существовавшимъ въ разныхъ мѣстахъ греческихъ поселеній тѣмъ-же и съ такимъ-же названіемъ обществамъ. Однимъ изъ первыхъ греческихъ братствъ, пріобрѣвшихъ найбольшую извѣстность, было греческое братство въ Венеціи. Здѣсь еще въ 1470 году греки получили позволеніе свободно отправлять свое богослуженіе въ предѣлѣ св. Власія, потомъ въ 1498 году устроить братскій домъ въ честь св. Николая, наконецъ въ 1511 году позволеніе построить новый храмъ св. Георгія, который и былъ построенъ въ 1526 году и освященъ 1527 года, когда послѣдовало окончательное утвержденіе венеціанскимъ правительствомъ патронатскихъ правъ братства по отношенію къ храму и приходу или церковной общинѣ. Были и другія братства. Въ Греціи особенную извѣстность пріобрѣло братство св. Спиридона въ Корфу. Организованнѣе другихъ было братство св. Георгія въ Венеціи. Совѣтъ братства, состоявшій до 1592 года изъ 40 членовъ, съ этого года состоялъ изъ 60-ти. Братство становилось какъ бы центральнымъ для всей Греціи. Изъ разныхъ земель и острововъ Греціи присоединялись къ нему члены и жертвователи. Аѳиняне, морейцы, ѳессалійцы, павкатцы, критяне, эвбейцы, коринѳяне, іоняне, македоняне, ѳракійцы, эпироты,—всѣ съ равнымъ жаромъ трудились для блага и чести своего народа, всѣ помогали его насущнымъ потребностямъ. Чины совѣта возобновлялись чрезъ каждые три года, выбирались на общемъ собраніи. Изъ членовъ совѣта ежегодно дѣлался выборъ лавы или скамьи представителей (кастальдъ, викарій, писарь и два дѣлопроизводителя), какъ административной или исполнительной власти въ дѣлахъ братства, также двухъ дефенсоровъ (на два года), столько же синдиковъ и контролеровъ, 12 діаконовъ, двухъ надзирателей за строеніями, журналиста и всѣхъ состоявшихъ на жалованьи какъ духовныхъ, такъ и мірянъ. Избраніе всѣхъ должностныхъ лицъ совершалось простымъ большинствомъ, а избраніе кастальда, епископа и священниковъ — не иначе, какъ двумя третями голосовъ. (См. книгу И. Малышевскаго: » Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ «. Кіевъ, 1879 г., т. I, стр. 40, 509—510.

съ печатью на массѣ, въ жестянкѣ, служащій тому братству св. Николая“, т. е. являющемуся скоро съ опредѣленною организаціею и уставомъ. Вѣроятно эта греческая грамота дана была замостьскимъ жителямъ православнаго исповѣданія цареградскимъ патріархомъ Іереміею, проѣзжавшимъ черезъ Замостье въ 1588—9 годахъ. Что замостьскіе греки дѣйствовали за одно съ мѣстнымъ русскимъ православнымъ населеніемъ въ дѣлахъ вѣры и благотворенія, что въ это время въ Замостьѣ существовала греко-русская община, что эта община имѣла какую-то организацію относительно дѣлъ благотворенія и общія для того средства, что она носила даже названіе *братіи* или *братства*, объ этомъ свидѣтельствуетъ привилей канцлера Яна Замойскаго, отъ 28 мая 1601 года, данный частному лицу греческой націи по дѣлу устройства госпиталя. „Славный Яни Константиновичъ гречинъ, пишетъ въ немъ Замойскій, мѣщанинъ мой замостьскій представилъ мнѣ документы и записью предъ урядомъ войтовскимъ города моего Замостья подтвердилъ, что онъ купилъ за 40 злотыхъ польскихъ у честного Алексѣя, попа церкви русской вознесенской, на предмѣстьѣ моемъ замостьскомъ, по названію львовскомъ, и у жены его Аполлоніи половину плаца съ принадлежащимъ къ нему огородомъ, на которомъ уже теперь и домъ построилъ собственнымъ иждивеніемъ, каковой находится между погостомъ той церкви и домомъ Симоновымъ, по дорогѣ вымѣренной, на постройку и учрежденіе госпиталя для убогихъ *греческой и русской* религіи, и окончательно расплатился, о чемъ обширнѣе гласитъ подлинная его запись и обозначеніе того плаца, записанное имъ въ актахъ войтовскихъ. Каковое намѣреніе и фундацію помянутаго Яни гречина, мѣщанина моего замостьскаго, я утверждаю нынѣшнимъ листомъ моимъ на вѣчныя времена, съ тѣмъ условіемъ, что потомки его, Яни, не могутъ по смерти его обратить помянутый плацъ и построенный на немъ домъ съ огородомъ въ свою пользу, но все это будетъ вѣчно принадлежать помянутому госпиталю. Равно должно имѣть силу все то, что будетъ отказано кѣмъ либо по духовному завѣщанію на тотъ госпиталь, или что уже было завѣщано кѣмъ либо до выдачи сего привилея. Никто также не будетъ имѣть права завѣдывать тѣми имѣніями, которыя бы даны были Яномъ на тотъ госпиталь, кромѣ самого означеннаго Яни съ *братіею* его религіи греческой; и потомки его,

по смерти его, не могутъ распоряжаться безъ воли *братіи*. А если бы также завѣщали что и другіе, тогда должны быть соблюдаемы воля и надлежащій правильный порядокъ относительно завѣщанныхъ имуществъ, установленный ими съ согласія моего и потомковъ моихъ. Просителямъ изъ того госпиталя предоставляется просить на госпиталь и его нужды въ городѣ и по селамъ, безъ препятствія со стороны лицъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Въ этотъ госпиталь какъ помянутый Яни гречинъ, такъ и потомки его, провизоры сего госпиталя, могутъ принимать людей религіи греческой изъ здѣшняго города и принадлежащихъ къ нему колоній, и безъ воли ихъ не обязаны будутъ принимать убогихъ людей ни по чьей просьбѣ или ходатайству [1])". Ясно названная въ этомъ привилеѣ православная замостьская *братія*, завѣдывающая дѣлами благотворенія, вѣроятно и есть то православное братство замостьское, которое, спустя пять лѣтъ, именно 30 марта 1606 года, получаетъ отъ львовскаго епископа Гедеона Балабана благословенную грамоту и утвержденіе своего устава [2]).

Эта грамота есть буквальное почти повтореніе грамоты антіохійскаго патріарха Іоакима, данной въ 1586 году на основаніе церковнаго братства львовскаго, что совершенно натурально при однородности учрежденій и одинаковости обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ [3]). Кромѣ этого братства при той-же никольской церкви учреждается младшее или молодшее, подъ названіемъ братства Покрова пресв. Богородицы, и получаетъ разрѣшеніе на свое существованіе и утвержденіе своего устава въ видѣ особой грамоты отъ того-же епископа Гедеона Балабана [4]). Разница между прежнимъ старшимъ и новымъ молодшимъ братствами заключалась лишь въ томъ, что къ первому принадлежали семейные хозяева, а ко

---

[1]) Привилей этотъ—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Подлинникъ этой грамоты въ бумагахъ замостьскаго монастыря. Текстъ ея см. въ отдѣлѣ Матеріаловъ этой же книжки «Кіевской Старины».

[3]) См. ее въ «Памятникахъ, изд. временною коммисіей для разбора древнихъ актовъ», Кіевъ, т. III, 1852 г., стр. 1 и слѣд.

[4]) Въ бумагахъ замостьскаго монастыря есть копія грамоты Геодеона Балабана младшему братству, тождественная по содержанію съ приведенной грамотой его 1606 года; но къ этой копіи привѣшена печать самого младшаго братства съ кустодіею, на которой вырѣзанъ 1656 годъ.

второму—холостые люди; но цѣль ихъ одна: содержаніе церкви, ея украшеніе, помощь старымъ, больнымъ и бѣднымъ въ приходѣ, взаимная самопомощь и охраненіе отеческой вѣры. Оба братства, выполняя свое призваніе, развивались, сообразно тому и данный имъ Гедеономъ Балабаномъ уставъ подвергался нѣкоторымъ дополненіямъ, какъ подвергался подобнымъ дополненіямъ и уставъ львовскаго братства 1586 года.

Главнѣйшее измѣненіе или точнѣе расширеніе устава братскаго произведено при митрополитѣ кіевскимъ Сильвестрѣ Коссовѣ [1]), и, въ этомъ дополненномъ видѣ, уставъ утвержденъ былъ тогдашнимъ владѣльцемъ Замостья Ѳомой Замойскимъ 4-го марта 1627 г.

Сличая сдѣланныя въ это время прибавки съ основнымъ текстомъ братскаго устава 1606 года, мы видимъ въ нихъ слѣдующія особенности: 1) сравнительно большее обезпеченіе братскихъ священниковъ вознагражденіемъ за обязательныя, по братскому уставу, службы; 2) стремленіе удержать въ составѣ братства и тѣхъ его членовъ, которые переселились въ другое мѣсто, и слѣдов. расширить кругъ дѣйствій и вліянія братства за предѣлы никольскаго прихода и города Замостья; 3) усиленіе доходовъ братства обязательствомъ, чтобы умирающіе братчики записывали часть своего имущества на убогихъ и больныхъ братства, и 4) стремленіе обязать вновь поступающихъ въ братство присягою, чтобы они до конца жизни своей оставались вѣрными православной церкви. Полагая, что эти добавочные пункты устава вызваны тогдашнимъ положеніемъ никольскаго замостьскаго братства, мы въ правѣ заключать, что въ это время нѣкоторые прежніе члены братства выбыли уже изъ Замостья и порвали всякую связь съ этимъ братствомъ, а другіе измѣнили православной вѣрѣ и церкви, вслѣдствіе чего составъ и имущественныя средства братства оскудѣли противъ прежняго.

Въ видахъ сосредоточенія силъ православной замостьской общины и наибольшаго попеченія о церкви Божіей, въ 1661 году урегулированы были отношенія старшаго никольскаго братства къ

---

[1]) Подлинная грамота Сильвестра Коссова въ бумагахъ замойскаго монастыря, но безъ начала. Тамъ-же и подтвержденіе этой грамоты Ѳомой Замойскимъ. См. отд. матеріаловъ этой-же книжки «Кіев. Старины».

младшему покровскому, существовавшему при той же никольской церкви: между ними установлена была тѣснѣйшая связь и послѣднее получало отъ перваго, по выбору, на каждый годъ двухъ старшихъ братчиковъ, которые руководили всѣми его дѣйствіями и безъ которыхъ не могло состояться ни одно его совѣщаніе и постановленіе, а для поддержанія личнаго состава обоихъ братствъ постановлено было, чтобы младшій братъ переходилъ въ старшее братство, по вступленіи въ бракъ, но не раньше, какъ чрезъ годъ и шесть мѣсяцевъ [1]).

Но не успѣло еще вполнѣ организоваться никольское замостьское братство, какъ для него настали тяжелыя времена. Прежніе владѣльцы Замостья, отличавшіеся вѣротерпимостью и нѣкоторымъ расположеніемъ къ греческимъ поселенцамъ, умерли; во второй половинѣ XVII вѣка являются владѣтельницами Замостья двѣ женщины, фанатически преданныя Риму и затѣянной имъ уніи, а именно—Гризелла-Констанція Корибутовна и Анна Замойскія, которыя не могли, по своему католическому благочестію, равнодушно смотрѣть на процвѣтаніе въ Замостьѣ православія. Да и общее настроеніе польскаго общества и государства, послѣ войнъ Богдана Хмельницкаго съ поляками, далеко было не въ пользу православія, которое называлось у поляковъ хлопскою вѣрою, связывалось въ ихъ представленіи съ такъ называемыми у нихъ хлопскими бунтами и считалось главнымъ источникомъ и очагомъ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого права православныхъ жителей Польши постепенно ограничивались и уничтожались, и сама православная церковь стала игнорироваться, какъ будто не имѣющая и права на существованіе. Въ 1668 году король Янъ Казиміръ, по просьбѣ уніатскаго митрополита Гавріила Коленды, утвердилъ за нимъ право завѣдывать и управлять всѣми вакантными епископствами въ Польшѣ и Литвѣ [2]); а въ числѣ вакантныхъ епископствъ считались и православныя епископіи, хотя бы онѣ и имѣли своихъ наличныхъ епископовъ. Этотъ привилей Яна Казимира породилъ цѣлый рядъ насилій

---

[1]) Постановленіе о семъ братства въ бумагахъ замостьскаго монастыря. Текстъ его см. въ отдѣлѣ матеріаловъ этой-же книжки «Кіев. Старины».

[2]) См. этотъ привилей въ книгѣ—Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 9.

со стороны уніатской іерархіи и католическихъ магнатовъ надъ православными іерархами, монастырями, священниками и ихъ прихожанами и сильно содѣйствовалъ наружному обращенію православныхъ жителей бывшей Польши въ унію и даже католицизмъ.

Замостьскіе православные не менѣе другихъ единовѣрцевъ своихъ навлекали на себя подозрѣніе польскаго правительства и властей своими симпатіями къ бунтовавшемуся противъ Польши козачеству. Когда въ 1648 году Богданъ Хмельницкій подступилъ къ Замостью, предмѣщане собрались къ его полковнику Небабѣ толпами и начали было говорить съ нимъ, какъ русскіе; но появился трубачъ на башнѣ и закричалъ: „прочь отсюда! паны, находящіеся въ крѣпости, не станутъ унижаться, чтобъ входить съ вами, холопами, въ сношенія, а мѣщанамъ не позволяется!“ Увѣренные въ томъ, что русскіе предмѣщане готовы будутъ принять козаковъ, какъ братьевъ, и дадутъ имъ пристанище въ своихъ домахъ, паны приказали зажечь предмѣстья. Тогда поднялась сильная буря прямо въ лицо козакамъ. „Несчастные предмѣщане,—говоритъ очевидецъ,—хватали, что успѣвали, изъ своихъ пожитковъ; одни бѣжали съ ними въ подъемныя ворота къ сѣверной башнѣ; другіе карабкались по веревкамъ черезъ стѣны; крики малютокъ, вопли лишенныхъ крова и дрожащихъ отъ стужи страшно поражали слухъ. Многіе не попали въ городъ и помѣстились на возахъ съ остатками своихъ имуществъ подъ стѣнами. Никто не смѣлъ роптать, если не хотѣлъ быть отданнымъ подъ стражу двумъ дворянамъ, которыхъ выбирали стеречь подозрительныхъ, съ сотнею жолнеровъ“ [1]). По зборовскому договору 1649 г., подтвержденному на сеймѣ 1650 года, холмская епархія, въ предѣлы которой входило и Замостье, возвращена была православнымъ и, какъ мы уже видѣли, около двухъ лѣтъ управлялась православнымъ холмскимъ епископомъ Діонисіемъ Балабаномъ; но послѣ пораженія козаковъ подъ Берестечкомъ она опять отдана была уніатамъ. Поэтому, какъ только кончились войны Хмельницкаго съ поляками, начались энергическія дѣйствія со стороны римско-католиковъ для подавленія русской народности и пра-

---

[1]) «Богданъ Хмельницкій» Н. И. Костомарова, изд. 3-е 1870 г., т. II стр. 34.

вославія и введенія уніи въ холмской епархіи и, между прочимъ, въ Замостьѣ.

Первые опыты введенія уніи во владѣніяхъ графовъ Замойскихъ начались съ селъ и предмѣстій. 28 февраля 1670 года Гризелла Констанція на Замостьѣ Корибутовна Замойская презентуетъ уніатскому холмскому епископу Якову Сушѣ нѣкоего Александра Теодоровича на священническое мѣсто къ Площенской Рождество-Богородичной церкви, приведенной уже въ уніи съ римскимъ костеломъ [1]). Въ 1674 году при вознесенской церкви на львовскомъ предмѣстьѣ г. Замостья былъ уже *уніатскій* попъ Іоаннъ Кириловичъ. Онъ, какъ видно, чувствовалъ себя прочно на своемъ мѣстѣ и не побоялся пріобрѣсти недвижимую собственность, купивъ полморга земли у замостьскаго предмѣщанина Павла Пузеровича [2]). Но прихожане и братство не хотѣли его знать и не доставляли ему необходимыхъ средствъ къ жизни. Въ 1687 году холмскій уніатскій епископъ Александръ Августинъ Лодзянка особымъ декретомъ своимъ старался установить такія отношенія между священникомъ и братствомъ вознесенской церкви: „продажа свѣчъ шеляговыхъ должна принадлежать велебному приходскому священнику теперешнему и будущему, а онъ обязанъ будетъ за это содержать такого дьяка, который бы всегда при церкви жилъ въ школкѣ и училъ дѣтей, которому (попу) и паны братство должны отдавать повинность издавна установленную: по 6-ти грошей каждое воскресенье и по 6-ти грошей въ великіе праздники, когда служится всенощная. Вино и кадило будутъ доставлять пополамъ священникъ и братство. Съ поля Крушиновскаго съ копы половина снопами должна идти священнику, за что, по пропорціи покопнаго хлѣба, онъ обязанъ совершать св. литургіи за души умершихъ, а другая половина—панамъ братству на поддержаніе церкви. Огородомъ завѣщаннымъ послѣ Козака, должны завѣдывать панове братство; а если бы вздумали продать его, то половину денегъ обратятъ на поддержаніе церкви, а другую половину—на св. литургіи. Тремя моргами госпитальными, по давнимъ декретамъ, естественнѣе всего

---

[1]) Презенты въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Тамъ-же выпись изъ актовъ адвокатскихъ Замойскихъ, 1674 года.

долженъ пользоваться священникъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы возилъ навозъ на то поле и удобрялъ его и извѣстную часть копъ, по мѣстному обычаю, отдавалъ госпиталю; а если бы онъ не сталъ унаваживать, то предоставляется панамъ братству отдавать тѣ морги на копы, кому захотятъ. Велебный отецъ приходской священникъ каждую субботу на вечерни будетъ святить воду на нужды людей, обязанъ тщательно совершать св. таинства, назидая спасенный народъ ученіемъ, примѣрною жизнію, поощряя его къ хвалѣ Божіей съ кротостію и почтеніемъ. Панове братство будутъ стараться о поддержаніи дому Божія, не дѣлая никакого насилія правамъ приходскаго священника и во всемъ соблюдая братскія правила, которыя, для лучшаго усвоенія и уразумѣнія при выборахъ, велебный отецъ приходской священникъ долженъ читать имъ въ церкви на засѣданіи“ [1]). Но прихожане и братство не хотѣли исполнять и этого епископскаго декрета. „Дошло до насъ свѣдѣніе,—писалъ тотъ же епископъ Лодзянка, два года спустя, тому же братству, что славетности ваши вторично сопротивляетесь декрету нашему, состоявшемуся въ 1687 году, равно какъ и вопреки подчиненія, изъявленнаго старшими братьями отъ имени всего братства, и вопреки пункту утвержденія братства, ненадлежаще вмѣшиваетесь въ доходы и провенты церковные, осмѣливаетесь продавать въ церкви свои шеляговыя свѣчи, отбирать присужденные декретомъ священнику доходы за похороны и стараетесь дѣлать ему другія препятствія, а что хуже,—угрожаете священнику изгнаніемъ изъ церкви“. Очевидно, что эта пертурбація происходила на почвѣ еще не отвердѣвшей уніи, которой знать не хотѣли нѣкоторые изъ братчиковъ, рѣшавшіеся принять относительно навязаннаго имъ священника радикальную мѣру изгнанія, но и епископъ находилъ въ чемъ-то опору и, не думая уступать, грозилъ непокорнымъ братчикамъ своимъ неблагословеніемъ и уничтоженіемъ самаго братства [2]).

Позже другихъ обращены были въ унію никольская замостьская церковь и ея братство. Первые опыты совращенія этого брат-

---

[1]) См. подтвержденіе этого декрета холмскимъ оффиціаломъ А. Картинскимъ въ 1743 году въ концѣ визиты подгородной вознесенской церкви, 1732 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Листъ Лодзялы—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

ства въ унію относятся приблизительно къ 1690 году. 24 мая 1690 года уніатскій митрополитъ Левъ Шлюбичъ-Заленскій, владимірскій и брестскій епископъ, писалъ никольскому замостьскому братству слѣдующее: „архипастырскимъ сердцемъ пріемля чувства, выраженныя чрезъ достойныхъ делегатовъ братства, славетныхъ пановъ Матіаша Левкевича, старшаго брата, и Самуила Тарнопольскаго, втораго брата, и провизора того братства, при достоуважаемомъ ходатайствѣ за вашихъ милостей ясновельможной ея милости пани подскарбины великой коронной (т. е. Анны Замойской), госпожи и благодѣтельницы нашей,—не только принимаемъ въ общеніе святой вселенской римской церкви, которою мы, недостойные, возведены въ этотъ митрополитскій санъ, но, при благословеніи Божіемъ и архипастырскомъ, охотно надѣляемъ вашихъ милостей всѣми прерогативами, участіемъ, сообщеніемъ заслугъ отпустовъ, привиллегіями, какія даны св. апостольской римской столицей католическимъ правовѣрнымъ и православнымъ братствамъ, находящимся въ уніи св. вѣры. Принимая ваши милости въ недостойное архипастырское печалованіе наше, мы однако, по сыновнему, теплому, искреннему и неизмѣнному чувству вашихъ милостей, сильно желаемъ, чтобы вы, впредь до дальнѣйшаго распоряженія съ ясновельможной ея милостью госпожей подскарбиной или ихъ милостями панами ординатами, господами и благодѣтелями нашими, изволили довольствоваться тѣмъ священникомъ, который назначенъ и поставленъ, для удовлетворенія духовныхъ вашихъ нуждъ, превелебнѣйшимъ, его милостью, отцомъ епископомъ холмскимъ, братомъ и сослужебникомъ нашимъ, пока Господь Богъ не укажетъ лучшихъ лицъ и способа обезпеченія ихъ. Дабы все это пришло къ исполненію, мы оставляемъ помянутаго, его милость, епископа холмскаго, въ отсутствіе наше, какъ товарища и сопастыря, при особой администраціи надъ тѣмъ братствомъ и всѣми во Христѣ порученными намъ овечками, оставляя при насъ самихъ и митрополитскомъ престолѣ общую зависимость по канонамъ святымъ и обычаю церкви восточной, и вмѣстѣ (разрѣшаемъ) отъ всякихъ церковныхъ наказаній, запрещеній, клятвъ и заблужденія въ вѣрѣ святой, въ которомъ дотолѣ (находились)“ [1])...

---

[1]) См. экстрактъ изъ книгъ уряда коммисарскаго замку Замойскаго, 1699 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря. Но здѣсь недостаетъ конца митрополитскаго листа.

Слѣдуетъ въ этой грамотѣ отмѣтить то обстоятельство, что представители никольскаго братства, по свидѣтельству этой грамоты, обратились къ уніатскому митрополиту съ изъявленіемъ желанія принять унію при посредствѣ и содѣйствіи владѣтельницы Замостья Анны Замойской, которой, поэтому, и нужно приписать иниціативу дѣла. Слѣдовательно, обращеніе никольскаго братства, или только части его, въ унію едва ли было свободное и искреннее. Вѣроятно братчики сдѣлали это, уступая силѣ и разсчитывая на матеріальныя выгоды. Это отчасти можно видѣть и изъ акта коммисіи 1699—1701 г., занимавшейся вопросомъ относительно обезпеченія замостьскихъ церквей, перешедшихъ въ унію.

Коммисія эта собралась въ октябрѣ 1699 года и, послѣ продолжительнаго перерыва и совѣщанія съ Анной Замойской, окончила свои занятія уже въ 1701 году. Она состояла изъ двухъ коммисаровъ со стороны Анны Замойской и двухъ представителей уніатскаго митрополита и холмскаго епископа, и имѣла первоначальною задачею своею: 1) привесть въ извѣстность доходы и грунты никольской церкви, по дарственнымъ записямъ, легаціямъ и декретамъ, и разсмотрѣть, достаточно-ли ихъ для содержанія при той церкви священника и совершенія имъ, съ другими церковными служителями, богослуженія; 2) распредѣлить ближайшіе къ городу Замостью и предмѣстью его приходы, именно,—какіе изъ нихъ должны быть причислены къ городской церкви и какіе—къ предгородной. Кромѣ того, замостьское никольское братство предъявило слѣдующія свои требованія: 1) чтобы оба братства, городское и предгородное, участвовали въ управленіи госпиталемъ при церкви предгородной, который основанъ славетнымъ Константиновичемъ и утвержденъ блаженной памяти ясновельможнымъ его милостью паномъ фундаторомъ сего города; 2) чтобы отдѣлены были приходы, именно предмѣстья замостьскія, и сдѣлано было распредѣленіе между обѣими церквами; 3) чтобы пріѣзжіе люди, если кого изъ нихъ застигнетъ здѣсь смерть, погребаемы были, согласно волѣ умирающаго, при той церкви, при которой они захотятъ и 4) чтобы городская церковь зависѣла отъ одного только ясновельможнаго, его милости, отца митрополита, а не подчинялась власти ясновельможнаго о. епископа холмскаго.

Коммисія начала свои занятія разсмотрѣніемъ перваго пункта своей программы о свойствахъ и количествѣ доходовъ никольской замостьской церкви. Оказалось, что всѣ донаціи и легаціи не превышали 1225 злотыхъ, процентъ съ которыхъ и шелъ на содержаніе церкви и причта. По объясненію братчиковъ, этого процента совершенно не достаточно было для содержанія церкви, доселѣ поддерживавшейся „милостынею отъ людей украинскихъ, которая отнынѣ прекратилась вслѣдствіе принятія уніи", такъ что пришлось заложить церковное серебро. Поэтому братчики домогались, чтобы выкуплено было церковное серебро и обезпечено содержаніе церкви изъ средствъ Анны Замойской, какъ главной виновницы обращенія ихъ въ унію. Очевидно никольское братство торговалось съ Анной Замойской и старалось какъ можно выгоднѣе промѣнять православіе на унію. Въ свою очередь, коммисары Анны Замойской не довѣряли братству и подозрѣвали его въ преувеличеніи бѣдности церкви и неискренности обращенія его къ уніи. Они просили коммисаровъ духовныхъ обревизовать никольскую церковь и ея состояніе по документамъ и обратить вниманіе на то, „нѣтъ - ли какой - либо фальши (erroris) противъ уніи; ибо, говорили они, хотя мы твердо убѣждены и о Господѣ увѣрены въ прочности истиннаго соединенія всѣхъ тѣхъ людей греческой религіи и вѣримъ, что они не съ лукавымъ сердцемъ приняли ту святую унію, но что касается обряда, то сомнительно, чтобы это согласовалось съ внутреннимъ усердіемъ. Посему, если еще не отстали отъ того, или лучше — не приняли того, что̀ существенно, то теперь-же бы исправлено было чрезъ ихъ милостей тѣхъ-же духовныхъ, чтобы въ символѣ, иначе въ *Вѣрую,* ясно, по постановленію соборовъ, именно флорентійскаго, на литургіи пѣли: „вѣрую въ Духа святаго, отъ Отца и Сына исходящаго". Обревизовавъ никольскую церковь, духовные коммисары дѣйствительно нашли ее бѣдною, вслѣдствіе чего коммисары Замойской постановили выкупить церковное серебро за 641 зл. и 3½ гроша, а сама Анна Замойская, отъ имени старшаго сына своего, назначила никольской церкви ежегодное пособіе по 400 злотыхъ. При этомъ на волю Анны Замойской предоставлено было или учредить при церкви монаховъ, согласно желанію братства, съ назначеніемъ ихъ отъ духовнаго начальства, или же, по праву патронатства, назначать свя-

щенника, съ подчиненіемъ ему обѣихъ церквей, городской и предгородной, для устраненія всякихъ столкновеній. Коммисія, согласно желанію братства, сдѣлала только оговорку, „чтобы означенный священникъ, если бы онъ былъ назначенъ, былъ безженный и на поставленіе презентованъ былъ духовной власти", и проч.

Этимъ рѣшеніемъ основныхъ вопросовъ предрѣшены были и предложенные никольскимъ братствомъ четыре пункта. Очевидно, при сліяніи приходовъ подъ управленіемъ одного настоятеля, не могло быть и мѣста вопросу о разграниченіи приходовъ, исполненіи требъ въ чужомъ приходѣ, погребеніи, и проч. Коммисія оговаривается только, что, на случай существованія особыхъ приходовъ при обѣихъ церквяхъ, требы должны совержаться своими приходскими священниками, что умирающіе изъ пріѣзжихъ и даже мѣстныхъ жителей могутъ быть погребаемы при той церкви, при которой они пожелаютъ, но съ уплатою мѣстному приходскому священнику четвертой части погребальнаго дохода. Въ правѣ участвовать въ управленіи госпиталемъ было отказано никольскому братству. Что-же касается желанія сего братства непосредственно зависѣть отъ митрополита, то коммисія для рѣшенія этого пункта избрала средній, уклончивый путь, поставивъ братство въ духовныхъ дѣлахъ въ непосредственную зависимость отъ мѣстнаго холмскаго епископа, но съ предоставленіемъ братству права въ болѣе важныхъ случаяхъ обращаться къ митрополиту [1]).

Этотъ актъ коммисіи утвержденъ былъ Анной Замойской въ апрѣлѣ 1706 года [2]), но съ нѣкоторыми измѣненіями въ немъ. Мы не имѣемъ текста утвержденія Анны Замойской, но въ послѣдствіи времени видимъ, что приходы городской и предгородной замостьскихъ церквей не были слиты въ одинъ, какъ это предполагалось коммисіей, и между ними возникли споры о предѣлахъ, разбиравшіеся въ 1726 году холмскимъ уніатскимъ епископомъ Іосифомъ Левицкимъ [3]). Никольская церковь начинаетъ получать отъ Замой-

---

[1]) Подлинный черновый актъ коммисіи 1699 и 1701 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Объ этомъ утвержденіи упоминается въ запискѣ, подъ заглавіемъ «Origo monasterii Zamoyscensis», 1781 г., въ бумагахъ того-же монастыря.

[3]) Instrumentum этого епископа отъ 19 сентября 1726 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

скихъ субсидію по 400 злотыхъ въ годъ, изъ коихъ 200 шло на содержаніе священника, а 200 на поддержаніе церкви [1]). Настоятелями этой церкви въ XVIII вѣкѣ являются уже не бѣлые священники, а монахи базиліане. Есть темное извѣстіе, что они введены сюда Анною Замойскою еще въ 1706 году [2]); но во всякомъ случаѣ они явились здѣсь раньше замойскаго синода 1720 года. Въ 1717 году настоятелемъ замостьской никольской церкви былъ базиліанинъ, отецъ Алексѣй Леликовичъ [3]), но раньше его былъ здѣсь другой базиліанинъ, Николай Блещинскій, впервые назначенный сюда помянутымъ епископомъ Левицкимъ [4]). Впрочемъ и около времени замойскаго синода не было еще въ Замостьѣ базиліанскаго монастыря, и замойскій синодъ происходилъ не въ базиліанскомъ замостьскомъ монастырѣ, какъ полагаютъ нѣкоторые, а въ католическомъ коллегіатскомъ костелѣ. Настоятель базиліанинъ на первыхъ порахъ исполнялъ только должность приходскаго священника, какъ увидимъ впослѣдствіи, и не имѣлъ при себѣ другихъ подчиненныхъ ему монаховъ. Превращеніе замостьской никольской церкви въ базиліанскій монастырь совершилось уже впослѣдствіи, при обстоятельствахъ, которыя изложены будутъ въ слѣдующей главѣ.

Н. Петровъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

---

[1]) Тамъ-же, декляранція Томаша Іосифа Замойскаго, 21 апрѣля 1712 года; см. заявленіе базиліанина Левиковича 26 сент., 1718 года.

[2]) Тамъ-же, Origo monasterii Zamoyscensis, 1781 года.

[3]) Тамъ-же, документъ 26 сентября 1718 года, съ заявленіемъ ассигновки Томаша Замойскаго на никольскую церковь.

[4]) Тамъ-же, заявленіе чиновъ никольскаго братства, записанное въ визитѣ замостьскаго монастыря, произведенной холмскимъ уніатскимъ епископомъ Феліціаномъ Филиппомъ Володковичемъ 16 ноября, 1752 года.

Изъ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи *).

Исторія международныхъ отношеній Польши и Россіи въ XVIII в. представляетъ ту поразительную особенность, что каждый разъ православное русское населеніе Польши, возставая противъ господства польскихъ пановъ, заявляло, что имѣетъ на то царскій указъ или грамоту, въ то же время противная сторона громко винила русское правительство въ возбужденіи народныхъ движеній, утверждая, будто оно разсылаетъ тайные указы своимъ единовѣрцамъ, призывая ихъ къ истребленію шляхты, ксендзовъ и жидовъ, само же напротивъ правительство русское нерѣдко посылало свои войска для усмиренія народныхъ возстаній, строго карало возставшихъ, расправлялось съ ними само или отдавало ихъ въ руки пановъ и принимало разныя другія мѣры для поддержанія въ сосѣдственной пріязненной державѣ существующаго порядка. Не смотря на столь явное противорѣчіе политики въ этихъ случаяхъ русскаго правительства съ ходившею о ней молвою, послѣдняя находила тогда всеобщую себѣ вѣру, проникла въ современную печать и настолько глубоко пустила корни въ сознаніе польскаго общества, преданнаго горячо своей національной идеѣ, что и до сихъ поръ приходится считаться съ нею. Попытаемся разъяснить это странное обвиненіе и показать его основанія, насколько позволяютъ это какъ изданные до сихъ поръ матеріалы, такъ и тѣ, кои хранятся въ центральномъ нашемъ архивѣ.

Найболѣе ранніе слухи, ходившіе въ православномъ населеніи Польши о царскихъ указахъ, призывающихъ будто бы его къ мятежу, слышатся во второй четверти XVIII вѣка. В. Б. Антоно-

---

*) Читано въ засѣданіи истор. общества Нестора лѣтописца, 31 января 1882 года.

вичъ, въ своемъ „изслѣдованіи о гайдамачествѣ“, изображая безплодную борьбу польскаго общества и правительства съ развившейся къ 1734 году противъ ихъ гнета народной реакціей, говоритъ, что, кромѣ тогдашнихъ мѣръ, принимавшихся польскимъ правительствомъ для ея подавленія, шляхтичи украинныхъ воеводствъ постоянно обращались чрезъ своихъ депутатовъ не только къ кіевскимъ генералъ-губернаторамъ, къ главнокомандующимъ русскими войсками, къ русскому посланнику въ Варшавѣ, но даже и прямо къ с.-петербургскому двору, съ просьбами о содѣйствіи. И дѣйствительно такого рода представленія, жалобы и просьбы не были оставляемы безъ вниманія: русское правительство принимало самыя дѣятельныя мѣры къ охраненію своей юго-западной границы отъ перехода чрезъ нее гайдамакъ: оно учредило караулы и форпосты, издало распоряженіе къ подлежащимъ властямъ о поимкѣ и выдачѣ укрывавшихся въ русскихъ владѣніяхъ преступниковъ и поручило своимъ пограничнымъ коммисарамъ, назначеннымъ для разслѣдованія и рѣшенія всякаго рода споровъ между русскими и польскими пограничными жителями, вѣдать также дѣла и о гайдамакахъ. „Но чѣмъ уступчивѣе оказывалось русское правительство“ [1]), говоритъ тотъ-же изслѣдователь, „чѣмъ болѣе оно принимало мѣръ для охраненія безопасности шляхтичей украинныхъ воеводствъ, тѣмъ требовательнѣе становились послѣдніе, тѣмъ болѣе свыкались они съ мыслью, что заботиться объ ихъ безопасности должны не они сами и не Рѣчь Посполитая, но что эта забота должна исключительно лежать на обязанности русскихъ властей. Сообразно съ этимъ взглядомъ, заявленія претензій становятся назойливѣе и пріемы дѣйствій нахальнѣе“. Въ 1748 году, по словамъ цитированнаго нами автора, шляхтичи дошли до того, что въ своемъ прошеніи, отправленномъ къ с.-петербургскому двору, заявляютъ, будто фельдмаршалъ Минихъ потому не доставилъ въ судъ гайдамацкихъ предводителей, укрывшихся десять лѣтъ тому назадъ въ запорожскихъ степяхъ, что взялъ съ нихъ взятку. Отсюда, намъ кажется, уже оставался одинъ шагъ и до обвиненія самого русскаго правительства въ подстрекательствѣ своими указами крестьянъ и гайдамакъ къ грабежамъ и убійствамъ. Съ большой дерзостью вос-

[1]) В. Антоновичъ. Изслѣдованіе о гайдамачествѣ, стр. 95.

пользовались клеветники Россіи для поддержанія этого обвиненія обстоятельствами, произшедшими въ Польшѣ въ 1734 году. Со смертью въ 1733 году короля Августа II, на сеймѣ боролись двѣ партіи: одна выставляла претендентомъ Августа III, курфирста саксонскаго, а другая Станислава Лещинскаго; борьба партій отозвалась во всѣхъ областяхъ государства. Россія поддерживала перваго претендента, и потому русскій полковникъ Полянскій, читаемъ мы далѣе въ „изслѣдованіи о гайдамачествѣ", занявъ г. Умань, отправилъ циркуляръ къ начальникамъ надворныхъ милицій въ брацлавскомъ воеводствѣ, приглашая ихъ дѣйствовать за одно противъ партіи Лещинскаго, совмѣстно съ русскими войсками. Этотъ циркуляръ былъ своеобразно понятъ, какъ милиціонерами, такъ и населеніемъ. Нѣкто Верланъ, начальникъ надворныхъ козазаковъ въ Шарогродѣ, имѣніи Любомирскихъ, получивъ циркуляръ, поднялся со своею сотнею и сталъ созывать къ себѣ надворныя милиціи изъ окрестныхъ селъ и вербовать крестьянъ въ ихъ составъ; онъ принялъ титулъ козацкаго полковника, другихъ пожаловалъ въ сотники, ротмистры и порутчики,—вообще организовалъ собранную толпу и объявилъ ей, что онъ получилъ отъ русскаго полковника имянной указъ императрицы, которымъ будто-бы предписывалось истреблять всѣхъ враговъ—поляковъ и жидовъ, и разорять ихъ имущество, и что, послѣ окончательнаго ихъ истребленія, край будетъ присоединенъ къ Россіи, вмѣстѣ съ образовавшимся въ немъ козацкимъ войскомъ. Вслѣдствіе этого Верланъ привелъ свой полкъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ. На призывъ этого самозваннаго полковника народонаселеніе откликнулось сочувственно. Появленіе въ краѣ русскихъ и козацкихъ войскъ возбудило надежды угнетенныхъ и поддержало слухи, распространявшіеся съ легкой руки Верлана; говорили также, что для руководства возстаніемъ отправлены Танскій, послѣдній бывшій на правомъ берегу Днѣпра козацкій полковникъ, и гетманъ Самусь, давно уже умершій [1]).

Что дѣйствительно въ это время въ народѣ ходили неопредѣленные толки о такомъ указѣ, ясно изъ показаній трехъ аресто-

---

[1]) Ibid. стр. 104.

ванныхъ гайдамакъ. Одинъ изъ нихъ Андрей Сулакъ старался даже вспомнить на судѣ текстъ этого указа, „w ten sens pisany: „Jey Imperatorskoho Weliczeństwa y proczaia, proczaia. Daiu iemu komendu po ukazu Imperatorskoho Weliczeństwa nad wolochy, kozaki, y serby, szczob służyli Jey Imperatorśkiey Weliczeństwu do smerty...“ (więcey dalszego tenoru tego universalu nie pamięta)“ [1]).

Колiивщина или возстанiе 1768 г. также приписывалась влiянiю указовъ русскаго правительства. Г. Костомаровъ, въ сочиненiи о „послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“, указываетъ на вышедшую въ 1790 году въ Варшавѣ книгу [2]), авторъ которой причину бунта Желѣзняка и Гонты видитъ въ поджигательствѣ Запорожья со стороны Россiи. Ѳ. Г. Лебединцевъ, излагая разсказъ о борьбѣ ревностнаго защитника православiя архимандрита Мелхиседека Значко-Яворскаго [3]), касается мимоходомъ слуховъ о ходившей будто-бы въ народѣ золотой грамотѣ Екатерины и думаетъ, что они легко могли возникнуть подъ влiянiемъ извѣстной исторiи о поѣздкѣ мотренинскаго игумена въ С.-Петербургъ съ жалобой на гоненiе отъ унiатовъ на православiе. Русская императрица принявъ его весьма благосклонно и, пожаловавъ монастырю богатую ризницу, самому Мелхиседеку приказала выдать изъ коллегiи иностранныхъ дѣлъ паспортъ на проѣздъ въ Варшаву, а также особый рескриптъ ея на имя русскаго посла при варшавскомъ дворѣ, князя Репнина, при содѣйствiи котораго Мелхиседекъ долженъ былъ добиваться предъ королемъ и министрами свободы православнаго исповѣданiя въ русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой. „Самая грамота“, говоритъ далѣе г. Лебединцевъ, „если она не есть произведенiе народной фантазiи, но дѣйствительный фактъ, могла быть выдана Желѣзнякомъ и для большей силы приписана Мелхиседеку, въ которомъ народъ украинскiй видѣлъ единственнаго защитника своего и ходатая“ [4]). По поводу слуховъ о царскихъ указахъ въ 1768 году,

---

[1]) Архивъ югозападной Россiи, т. III, ч. III, отдѣлъ актовъ, стр. 68.

[2]) Вотъ ея заглавiе: M. Portret Moskwy, czyli odpowiedź na pytania, co jest Moskwa i w jakim dziś znajduie się stanie? Jakie krzywdy Moskwa poczyniła Polszcze? dla czego Polska poszla z Moskwą w rozwady. W. Warszawie. 1790. Этого сочиненiя, къ сожалѣнiю, намъ не удалось добыть.

[3]) См. предисловiе къ Матерiаламъ для исторiи православiя въ западной Украинѣ. Архивъ юго-запад. Россiи, ч. I., II. Кiевъ. 1864 г.

[4]) Ibid., стр. CCVI.

нельзя не признать также заслуживающими вниманія словъ одного изъ современниковъ Коліивщины, будто „изобрѣтателемъ этихъ указовъ былъ вышеупомянутый Мелхиседекъ, что́ показывали даже и сами чернецы“. Г. Щебальскій въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ [1]), передавая разсказъ объ уманской рѣзнѣ, сообщаетъ въ переводѣ съ французскаго и самый текстъ указа Екатерины, которымъ она будто-бы подняла Запорожье. Указъ этотъ заимствованъ авторомъ изъ изданія: „Archives diplomatiques par le c-te d'Angenberg“. Останавливаясь на датѣ, формѣ, тонѣ и содержаніи документа, г. Щебальскій выводитъ заключеніе о несомнѣнной его ложности. Мы думаемъ, что ложность акта еще бы болѣе подкрѣпилась, если бы можно было изслѣдовать тотъ путь, которымъ онъ дошелъ до французскаго издателя.

Въ 1789 году ожидались новыя волненія въ средѣ крестьянъ; слухи объ указѣ возобновились; начались опять преслѣдованія, мученія и казни невинныхъ священниковъ. Современникъ этихъ событій, луцкій оффиціалъ Ѳеодосій Бродовичъ, въ своихъ запискахъ о нихъ разсказываетъ, что въ порядковую коммисію, занятую разборомъ дѣлъ о предполагавшемся бунтѣ, королевскій камергеръ Каэтанъ Аксакъ представилъ на судъ сузскаго священника Лукаевича, который заявилъ, что ночевавшій у него маркитантъ уговаривалъ его поднять сузскихъ прихожанъ противъ поляковъ, показывалъ ему какое-то письмо, котораго онъ разобрать не могъ, а прочиталъ лишь въ подписи нѣсколько буквъ: *Екат*..., при этомъ маркитантъ увѣрялъ, будто-бы такова воля императрицы. Показаніе свое священникъ подтвердилъ присягой. Оговореннаго маркитанта поймали и при обыскѣ нашли только одинъ паспортъ. Тѣмъ не менѣе однакоже коммисія приговорила этого невиннаго человѣка къ висѣлицѣ и поторопилась привести свой приговоръ въ исполненіе. Послѣдними словами несчастнаго было всенародное заявленіе: „напрасно гину“! Представленный на сеймъ Лукаевичъ, хотя и не вполнѣ, подтвердилъ свое показаніе, за что и удостоился отъ короля и сеймовыхъ маршаловъ награды похвальнымъ листомъ и золотой медалью съ надписью: „pro fide, lege et patria“, съ изображеніемъ короля и гербовъ: коронннаго и литовскаго; величина

---

[2]) Томъ XLV-й.

медали—*„московскій рубль“*. Но все это дѣло авторъ „Widok'a“ [1]) приписываетъ подговору Аксака, откровенно признавшагося въ томъ своимъ пріятелямъ. Не беремся судить, была-ли это похвальба Аксака и не говорилъ-ли священникъ изъ страха наказанія того, что желали услышать отъ него судьи: для насъ важно лишь, что и въ 1789 году продолжаютъ ходить такіе же слухи, какіе ходили въ предшествующее смутное время.

Изложенные до сихъ поръ факты позволяютъ думать, что толки о возбужденіи русскимъ правительствомъ крестьянъ къ бунту, путемъ тайной разсылки указовъ и золотыхъ грамотъ, возникаютъ среди польскаго общества и народа, во первыхъ, изъ ложно понятыхъ распоряженій русскихъ властей во время борьбы Августа III и Станислава Лещинскаго за польскій престолъ, во вторыхъ—изъ превратно истолкованной дипломатической о диссидентахъ переписки Екатерины, оказавшей имъ свое сочувствіе и взявшей на себя защиту гонимаго православія и народности. Но такое происхожденіе этихъ слуховъ только кажущееся. Въ самомъ же дѣлѣ, какъ первое, такъ и второе обстоятельства служили, по нашему мнѣнію, лишь поддержкой и пищей имъ, а главное основаніе лежало въ нескончаемыхъ переговорахъ с.-петербургскаго двора съ варшавскимъ о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и дезертировъ, къ которымъ, чтó мы увидимъ ниже, дѣйствительно посылались, съ русской стороны, указы, а съ польской „публичные листы“.

Со времени присоединенія лѣвобережной Украины къ Россіи въ половинѣ XVII вѣка, начинается движеніе народной массы съ одного берега р. Днѣпра на другой; въ началѣ XVIII вѣка, вслѣдствіе войнъ Россіи со Швеціей и Турціей, равно какъ и вслѣдствіе возстанія козачества въ западной Украинѣ, это движеніе усилилось; населеніе представляло собой какъ бы волнующееся море; но былъ случай и одновременной, хотя и невольной, перекочевки его. По прутскому договору съ Турціей, Петръ I обязался отказаться отъ западной Украины и вывести свои войска изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой. Въ изданномъ по этому поводу 23 сентября 1711 года

---

[1]) «Widok przemocy na słabą niewinnośc srogo wywartey». Изданіе Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при московскомъ университетѣ. 1869 г., стр. 10 и 11, стр. 61—63.

царскомъ указѣ повелѣвалось: „со всѣхъ мѣстечекъ, селъ и деревень обитателей перевесть въ Малую Россію и *тѣмъ землямъ быть впустѣ всегда*“. Въ силу такого царскаго распоряженія, населеніе перегонялось и имущество перевозилось; многіе переселялись неохотно. По счету польскаго правительства, въ это время было переведено на лѣвый берегъ Днѣпра болѣе 100,000 душъ. Овладѣвъ Украиной, шляхта озаботилась привлеченіемъ въ нее рабочихъ рукъ и съ этою цѣлью перезывала съ востока переселенцевъ, обѣщая имъ разнаго рода льготы, свободу и даже предоставляя имъ право потомственнаго владѣнія на небольшія участки земли. Старанія шляхты увѣнчались успѣхомъ, благодаря тому, что въ это время, въ русскомъ государствѣ усиленіе гнета помѣщиковъ надъ крестьянами, вмѣстѣ съ жестокимъ преслѣдованіемъ раскольниковъ, вызвало въ огромныхъ размѣрахъ побѣги и тѣхъ и другихъ на правый берегъ пограничной рѣки,—побѣги, дошедшіе крайнихъ предѣловъ къ 1734 году, когда мы въ первый разъ въ актовыхъ книгахъ нашего архива встрѣчаемъ указъ или манифестъ о возвратѣ бѣглыхъ. Но и русское правительство, въ виду такого убыточнаго и печальнаго для него оборота дѣла, не осталось недѣятельнымъ: чрезъ своихъ пословъ оно начало предъявлять къ Варшавѣ требованія о выдачѣ эмигрантовъ. Польскіе сановники вполнѣ признавали право Россіи, но только на дезертировъ и преступниковъ; что же касается крестьянъ и раскольниковъ, то объ нихъ заявляли, что въ случаѣ ихъ выдачи, они опасаются бунта, какъ со стороны своевольной шляхты, такъ и отъ самихъ бѣглецовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они напоминали нашему послу объ указанномъ нами выше фактѣ переселенія Петромъ I народа на лѣвый берегъ и объ отказѣ выдать переселенцевъ, не смотря на настоятельныя требованія варшавскаго двора. Польскіе министры боялись также поэтому шума на сеймахъ и возбужденія ненависти къ Россіи. Впрочемъ, они обѣщали стараться, чтобы постановленіе о непринятіи бѣглыхъ было внесено въ сеймовую конституцію, а также издать о томъ предварительно универсалъ. Но изданныя распоряженія не достигали своей цѣли, потому что шли въ разрѣзъ съ видами дворянства, привыкшаго считать свою волю и свои интересы выше интересовъ общегосударственныхъ. Какъ относилось оно къ распоряженіямъ своихъ властей, показываетъ случай, переданный въ своемъ

донесеніи полковникомъ Пановымъ, отправленнымъ въ польскія владѣнія для сыску бѣглыхъ, которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, тамъ считалось до милліона. Въ Вильнѣ Пановъ нашелъ 50 человѣкъ бѣглыхъ солдатъ и когда потребовалъ отъ тамошняго подвоеводы ихъ выдачи, предъявляя при этомъ приказъ канцлера литовскаго князя Чарторыйскаго, то подвоевода отвѣтилъ: „это только наша польская политика". Да и само правительство Рѣчи Посполитой было въ этомъ отношеніи не безъ грѣха, колеблясь въ своихъ распоряженіяхъ и отмѣняя такія, которыя были сдѣланы изъ страха: въ инструкціи учрежденнымъ въ с. Мотовиловкѣ пограничнымъ судамъ предписывается, на требованія русскихъ коммисаровъ о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и раскольниковъ, отказывать и ставить имъ на видъ указъ Петра I отъ 23 сентября 1711 года [1]). Такъ какъ это предписаніе вполнѣ совпадало съ желаніями шляхты, то и исполнялось ею неуклонно; даже въ 1764 году польскіе пограничные коммисары, представляя отчетъ королю и бывшему при немъ постоянному совѣту (rada nieustająca) о своихъ дѣйствіяхъ, указываютъ на требованія со стороны Россіи о выдачѣ бѣглыхъ и вспоминаютъ при этомъ тѣ 100,000 душъ, которыя переселены были силой въ восточную Украйну послѣ козацкихъ войнъ въ Кіевщинѣ. Такимъ образомъ, помѣщики смотрѣли на перебѣгавшихъ къ нимъ крестьянъ, какъ на возвращавшихся послѣ 1711 года. Еще болѣе хитрой политикой оказался совѣтъ польскихъ министровъ, предложенный ими русскому правительству, издать такой манифестъ, по которому возвращающіеся могли-бы надѣяться на льготы и пособія при заведеніи въ Россіи на-ново хозяйствъ, на свободу отъ податей, на забвеніе преступленій и проч. Совѣтъ былъ принятъ и исполненъ; указъ со льготами для возвращавшихся былъ изданъ, а польское правительство еще раньше заявило готовность такого рода указъ или манифестъ занести въ актовыя книги своихъ судовъ, дабы всякій могъ знать и читать его. Подъ 1734 годомъ печатный экземпляръ этого документа мы находимъ въ луцкой гродской книгѣ [2]). Въ немъ не только рисуется тяжелое положеніе бѣжавшихъ въ Польшу русскихъ подданныхъ, но исчисля-

[1]) Книга центр. архива № 202, л. 105, на оборотѣ.
[2]) Полн. собр. законовъ т. IX, № 6534.

ются препятствія къ возврату ихъ, выставляемыя польскими помѣщиками, и указываются средства, принимаемыя русскимъ правительствомъ на тотъ случай, если-бы его бывшіе подданные пожелали снова поселиться на родинѣ. Правительство императрицы Анны Іоанновны говоритъ, что „подданные Ея Величества, бѣжавшіе какъ изъ царской службы, такъ мѣщане изъ городовъ и изъ уѣздовъ холопы и малороссійскіе люди, живутъ за границей, гдѣ, вмѣсто надежды на пожитки и прежній покой, бѣдствуютъ и занехаютъ свой христіанскій законъ, вслѣдствіе чего гибнутъ и душей, и тѣломъ". Помянутымъ указомъ оно объявляетъ, что въ томъ-же 1734 году, чтобы всѣмъ была извѣстна заботливость государыни, какъ матери отечества, два раза уже повелѣвалось публиковать манифестами [1]), что всѣмъ бѣглецамъ разрѣшается свободный возвратъ на родину; и на этотъ разъ, по смыслу указа, имъ не только прощается бѣгство и совершенныя прежде преступленія, но они причисляются къ вѣрнымъ подданнымъ; то-же относится и къ дезертирамъ; перемѣнившіе религію должны будутъ лишь принести церковное покаяніе; для возврата назначается два срока: послѣ первой публикаціи настоящаго указа двухмѣсячный и послѣ второй—полуторамѣсячный. „Между тѣмъ", говорится далѣе въ указѣ „извѣстно, что не многіе возвращаются, не смотря на оказанную снисходительность, другіе бродятъ и губятъ свои души; помѣщики-же употребляютъ всѣ возможныя средства для удержанія бѣглецовъ [2]): желающихъ возвратиться въ Россію родителей разлучаютъ съ дѣтьми, увозятъ послѣднихъ въ другія имѣнія, самихъ возвращающихся подвергаютъ жестокимъ побоямъ, нерѣдко забиваютъ ихъ до смерти, а имущество захватываютъ въ свою пользу; новыхъ-же переселенцевъ приглашаютъ бѣжать въ

---

[1]) Къ сожалѣнію, этихъ манифестовъ намъ не удалось найти въ актовыхъ книгахъ, въ Полн. собр. закон. они помѣщены въ VIII т., №№ 6141 и 6181.

[2]) Объ этихъ средствахъ говоритъ въ своемъ донесеніи и полковникъ Пановъ. Начальные люди, по его словамъ, пошлютъ ловить бѣглецовъ, приведутъ человѣкъ 20 и отдадутъ одного или двоихъ, оставя у себя ихъ родныхъ, чтобы они возвратились; а кто доносилъ Панову о бѣглыхъ, тѣхъ били постромками. Ксёндзъ Аскирка, у котораго 40 деревень было населено русскими бѣглецами, объявилъ, что онъ на предписанія польскихъ министровъ и смотрѣть не хочетъ, да и съ самимъ Пановымъ грозилъ поступить дурно. (Соловьевъ. Исторія Россіи т. XVIII, стр. 273).

Польшу, обѣщая всякія льготы и выгоды". Затѣмъ въ указѣ повторяется еще разъ убѣжденіе возвратиться въ Россію, потому что имъ, бѣглецамъ, «nie tylko winy ich odpuszczone, lecz y w komput wiernych poddannych oni przyłączone będą». Вмѣстѣ съ тѣмъ, объявлялось: „возвратившіеся освобождаются на нѣкоторое время отъ государственныхъ податей, а помѣщики, равно какъ и монастыри, по приказанію государыни, должны выдать имъ хлѣбъ и лошадей на первое обзаведеніе; пріемъ бѣглыхъ производится такъ, какъ публиковано было въ прежде изданныхъ манифестахъ; пограничнымъ крестьянамъ дается также льгота отъ платежа податей и недоимокъ и предписывается начальству оказать имъ помощь зерновымъ хлѣбомъ на засѣвъ". Въ заключеніе указъ предупреждаетъ, что бы бѣглецы переселеніемъ въ Польшу не приводили-бы своего хозяйства къ разоренію, не подвергали-бы себя ограбленію, разлукѣ съ дѣтьми и мученіямъ и не ставили-бы себя въ необходимость жить бродягами и губить свою душу [1]).

Какъ ни странно, но указъ русской государыни къ своимъ подданнымъ напечатанъ, въ с.-петербургской академіи наукъ, на польскомъ языкѣ, конечно, совершенно непонятномъ для тѣхъ, кому предназначался самый этотъ документъ, и занесенъ въ актовыя книги суда, исключительно существовавшаго для нуждъ шляхты; кромѣ того, онъ внесенъ въ книги волынскаго воеводства, гдѣ колоніи русскихъ выходцевъ были весьма малочисленны, тогда какъ въ кіевскомъ они занимали все правое побережье Днѣпра; и вотъ въ кіевскихъ-то книгахъ мы указа и не находимъ. Нельзя, намъ кажется, не видѣть и въ этомъ польской политики — накормить овецъ и сохранить сѣно. Само собою разумѣется, что этотъ указъ цѣли своей никоимъ образомъ достичь не могъ,—если книги гродскихъ судовъ были во всякое время и для всѣхъ открыты, то не для крестьянъ, находившихся во власти помѣщика, неполноправныхъ передъ королевскимъ судомъ, а всецѣло подчинявшихся доминіальной юрисдикціи; написанный-же на польскомъ языкѣ, документъ, конечно, оставался непонятнымъ русскимъ выходцамъ, не успѣвшимъ въ короткое время ополячиться. Безрезультатность двухъ предшествующихъ указовъ отмѣчена въ указѣ 1734 года: „немно-

---

[1]) Книга центр. архива подъ № 1659, л. 369.

гіе бѣглецы возвращались“, говорится въ немъ. Не многіе возвратились и послѣ изданія послѣдняго, такъ что ровно черезъ 6 лѣтъ, 7-го февраля 1740 года, командовавшій войсками генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ внесъ въ актовыя книги новый манифестъ, въ которомъ старается убѣдить бѣглыхъ солдатъ, драгуновъ и «ynnych ludzi», чтобы они возвращались обратно въ Россію безъ всякаго страха и боязни предъ наказаніемъ, потому что государыня «odpuszczają onym wszystkie winy, przyimując do laski y mieysca, gdzie y przed tym byli». Срокъ для возврата бѣглыхъ на родину фельдмаршалъ назначилъ шестимѣсячный со дня публикаціи манифеста, поясняя, что возвращающіеся принимаются русскими офицерами на форпостахъ и снабжаются содержаніемъ до мѣста, гдѣ поселятся, и снова повторяя, что переселенцы должны являться въ свое отечество, „nie tracąc nadziej za wine sztrafu, ale jak wierne poddani“. Польское правительство, въ виду, вѣроятно, его прежняго молчанія, приглашалось, въ знакъ сосѣдской пріязни, а особенно при тогдашнемъ „szczęsliwym z Portoiu Otomanskoiu pokoiu“, обнародовать изданный манифестъ не только между живущими привольно, но и состоящими на службѣ дезертирами и дать этимъ послѣднимъ средства и возможность возвратиться въ свое отечество, при чемъ обѣщается, что и польскіе бѣглецы, также въ знакъ пріязни, будутъ высылаемы изъ Россіи [1]).

Не смотря на заискивающій тонъ этого обращенія русскаго полководца къ польскимъ властямъ, послѣдніе не торопились приводить въ исполненіе требованій, шедшихъ въ разрѣзъ съ ихъ экономическими выгодами. Поэтому 15-го іюля 1744 года, какъ узнаемъ мы изъ одного акта, касающагося исторіи гайдамацкаго движенія, былъ обнародованъ новый *„простительный указъ“*, такъ названный русскими пограничными судьями [2]). За 12 лѣтъ до Коліивщины издается Елисаветой Петровной и Екатериной II-ой рядъ указовъ [3]) о возвратѣ бѣглыхъ. Съ особенной энергіей поляки протестовали противъ указа 1764 г. и отказывали въ ихъ выдачѣ; русскіе судьи, въ силу этого же указа, отказывали въ выдачѣ поль-

---

[1]) Книга центр. архива подъ № 4625, л. 39.

[2]) Архивъ югозапад. Россіи. Акты о гайдамакахъ. стр. 386.

[3]) Полн. собр. закон. т. XIV №№ 10454 (1755 г.), 10619 (1756 г.); т. XV. №№ 10889, 11179, 11456, 11265 (1758—1761 г.); т. XVI: №№ 11618, 11725 (1762 г.), 11815, 12011 (1763 г.), 12074 (1764 г.)

скихъ крестьянъ. Польскіе пограничные коммисары, протестуя противъ непріятнаго для нихъ указа, исчисляютъ всѣ случаи, когда русскія войска уводили будто-бы польскихъ крестьянъ, не забывая упомянуть при этомъ еще разъ и о выселеніи 1711 года, по указу имп. Петра I-го [1]). Судя по горячему протесту, какой обнаружили теперь поляки, можно думать, что и въ данномъ случаѣ Екатерина принялась за дѣло со свойственной ей энергіей. Подобный же призывъ къ бѣглецамъ видимъ въ указѣ 1779 года, подписанномъ 5 мая въ Царскомъ Селѣ, но появляющемся въ актовыхъ книгахъ только 16 августа [2]). Бѣглые крестьяне и дезертиры, говорится въ этомъ указѣ, послѣ всѣхъ изданныхъ до сихъ поръ указовъ должны быть строго судимы и вытребованы изъ Польши, но, „по врожденному состраданію и милосердію", государыня и на сей разъ прощаетъ бѣглецамъ ихъ преступленія, исключая душегубцевъ, и позволяетъ имъ возвратиться въ свое отечество. Возвращеніе предлагается на слѣдующихъ условіяхъ: 1) прощеніе преступленій дѣлается подъ условіемъ, что бѣглецы, по возвратѣ, честной жизнью загладятъ свои вины и заслужатъ то, что дастся имъ; 2) крестьяне, казенные и помѣщичьи, солдаты, запорожцы и малороссы могутъ возвращаться къ пограничнымъ комендантамъ, которые обязаны принять ихъ снисходительно и не имѣютъ права дѣлать имъ какія-либо стѣсненія; 3) запорожцамъ и малороссамъ назначаются для поселеній губерніи: новороссійская и азовская, а великороссамъ — курское, воронежское и тамбовское намѣстничества; 4) бѣглецамъ, если пожелаютъ, разрѣшается приписываться въ городахъ къ мѣщанамъ; 5) поселяющимся въ вышеозначенныхъ губерніяхъ дается свобода отъ податей на шесть лѣтъ и за тѣмъ они обязаны платить наравнѣ съ другими (при этомъ въ указѣ замѣчено, что въ тѣхъ губерніяхъ земли еще никѣмъ не занятой довольно много); 6) помѣщичьимъ крестьянамъ позволяется вступать въ военную службу, при чемъ они записываются въ число рекрутъ, причитающихся отъ ихъ господъ. Въ заключеніе, болѣе строгимъ тономъ объявляется, что о всѣхъ невозвратившихся будутъ собраны

---

[1]) Книга центр. архива подъ № 196, л. 177.

[2]) Книга центр. архива подъ № 4681, л. 1018 и 1019. Полн. собр. законовъ л. XX, № 14870.

точныя справки, гдѣ кто живетъ, и они будутъ вытребованы чрезъ сосѣднее правительство и строго наказаны. Сравнивая настоящій документъ съ подобными же предъидущими, мы видимъ, что онъ заключаетъ въ себѣ условія, болѣе выгодныя для крестьянъ: первые указы позволяли имъ возвращаться лишь на старыя мѣста къ прежнимъ помѣщикамъ, которые безнаказанно могли мстить довѣрчивымъ переселенцамъ; настоящій вызываетъ ихъ для колонизаціи присоединеннаго новороссійскаго края и для заселенія южной великорусской границы, отводя каждой народности болѣе знакомыя ей мѣста; словомъ, колонизація является главной цѣлью указа. Другое его преимущество въ томъ, что существамъ до тѣхъ поръ совершенно безправнымъ, обязаннымъ только нести на себѣ всѣ повинности, предоставлялась большая или меньшая свобода съ правомъ приписываться въ сословіе мѣщанъ. Что указъ, благодаря тѣмъ льготамъ, которыя и въ самомъ дѣлѣ могли оказаться дѣйствительными, безъ труда достигалъ цѣли, мы въ правѣ предполагать, какъ по горячимъ протестамъ со стороны польскихъ пограничныхъ судей противъ требованій русской императрицы о выдачѣ бѣглыхъ, такъ и изъ указаннаго проф. В. Б. Антоновичемъ [1]) факта движенія крестьянъ изъ Кіевщины и Брацлавщины на югъ,—движенія, усилившагося послѣ присоединенія запорожскихъ степей и Крыма къ Россіи.

Изъ указовъ послѣ 1779 г. мы отмѣтимъ лишь наиболѣе важные, которые изданы въ 1780, 1785 и 1788 годахъ [2]) и могли служить (особенно послѣдній) поводомъ къ толкамъ о возбужденіи Екатериной возстанія, упорно державшимся въ 1789 году. Очень возможно, что усилившаяся къ этому времени потребность въ колонизаціи южныхъ окраинъ Россіи вызвала распространеніе одного изъ такихъ указовъ (скорѣе всего послѣдняго) среди русскихъ выходцевъ въ Польшѣ, какъ болѣе подходившихъ къ заселенію новопріобрѣтенныхъ степей.

Итакъ мы видимъ, что русское правительство издаетъ рядъ указовъ, приглашая въ нихъ своихъ бывшихъ подданныхъ къ воз-

[1]) В. Б. Антоновичъ, изслѣдованіе о крестьянахъ въ юго-западной Россіи по актамъ 1700—1798 г. Кіевъ, 1870 г. Это изслѣдованіе показываетъ, что указъ не оставался безъ вліянія и на польскихъ крестьянъ.

[2]) Полн. собр. законовъ т. XX: № 15006 (1780 г.), т. XXII; № 16281 (1785 г.) 16645 (1788 г.)

врату на прежнія мѣста, но изъ множества такихъ указовъ въ актовыхъ книгахъ мы находимъ всего лишь три; объ остальныхъ-же имѣемъ извѣстія въ посторонныхъ источникахъ. Ясно отсюда, что въ Петербургѣ скоро была разгадана „польская политика", и съ тѣхъ поръ „простительные указы" черезъ довѣренныхъ лицъ прямо сообщаются тѣмъ, къ кому они относятся. Этотъ путь прямаго сообщенія монархомъ своей воли подданнымъ очень часто практиковался, какъ въ московскомъ, такъ и въ польскомъ государствахъ, и въ первомъ случаѣ былъ особенно невыгоденъ и непріятенъ для шляхты, ибо въ такой странѣ, какъ бывшая Рѣчь Посполитая, поднять народную массу, вѣчно угнетаемую, постоянно недовольную и подверженную частому броженію, да притомъ пришлую, несвязанную ничѣмъ съ новымъ мѣстомъ своего поселенія, было не трудно. Неудивительно поэтому, если актовыя книги гродскихъ судовъ охотно открывались для царскихъ указовъ, этимъ путемъ объявляемыхъ, а прямое сообщеніе ихъ крестьянамъ, стоило жизни тому смѣльчаку, который рѣшался брать на себя это порученіе. Насколько враждебно относились поляки къ „простительнымъ указамъ", распространяемымъ въ народѣ русскими торговцами-офенями, могутъ служить слѣдующіе два документа, встрѣченные нами въ пограничныхъ книгахъ кіевскаго воеводства. Въ одной изъ такихъ книгъ [1]), заключающей въ себѣ перечень убытковъ, нанесенныхъ польскими войсками и обывателями русскимъ подданнымъ, подъ № 441, помѣщено, между прочимъ, донесеніе о такомъ случаѣ кіевской губернской канцеляріи 7 мая 1747 года: „изъ малороссійскихъ панствъ" обыватель *пилиповской* (т. е. раскольничьей) слободы, черниговскаго полка, Алексѣй Бугаевъ плылъ со своими людьми на четырехъ плотахъ внизъ по Днѣпру, въ Кіевъ, для торговли. И вотъ, у Мировши, гдѣ сорокошицкій форпостъ, противъ польскаго села Домонтова, нападаютъ на плоты Бугаева пять человѣкъ жолнѣровъ, стоявшихъ на форвактахъ. Они схватываютъ хозяина, *„prześladując iakowegoś ukazu"* и требуя уплаты по рублю за каждый плотъ. Бугаевъ въ уплатѣ денегъ отказалъ, его за то избили «rurami», силой отняли деньги, а при этомъ захватили вы-

[1]) Книга центр. архива, № 192, л. 81.

данный Бугаеву полковникомъ билетъ, который приняли, должно быть по незнанію русскаго языка, за интересовавшій ихъ „указъ“; этого достаточно было для нападавшихъ, чтобы, отъѣхавъ немного на своихъ двухъ челнокахъ, подстрѣлить ограбленнаго ими торговца. Рана была настолько тяжела, что Бугаевъ, тотчасъ по прибытіи въ Кіевъ, умеръ. Между тѣмъ преступники спокойно возвратились на свой сторожевой постъ. Оказалось, что они принадлежали къ отряду товарища хоругви Іосифа Островскаго, стоявшаго на форвактахъ и именовавшагося региментаремъ. На обращенныя къ нему пограничными коммисарами требованія объ удовлетвореніи за убійство и ограбленіе русскаго купца отвѣта не получено. Точно также остались безъ всякихъ послѣдствій эти требованія и у великаго короннаго гетмана, къ „диспозиціи“ котораго относился Островскій. Отсюда можно заключить, что розыски „указа“ происходили съ вѣдома и согласія высшихъ властей. Въ силу изложеннаго донесенія губернской канцеляріи, русскіе коммисары настаивали на томъ, чтобы виновные были представлены въ пограничный судъ, но ни въ этомъ, ни въ слѣдующихъ годахъ мы не видимъ, что-бы дѣло это разбиралось или было рѣшено. Польскіе коммисары, не отрицая факта розыскиванія „указа“, обѣщали написать региментарю о самоуправствѣ жолнѣровъ, но съ этимъ прекращается дальнѣйшая переписка. Болѣе точныя подробности о содержаніи этого злополучнаго „указа“ мы находимъ въ другомъ актѣ [1]), именно—въ жалобѣ вышедшаго изъ-за границы, „изъ бѣговъ“, русскаго подданнаго Тихона Аѳанасьева Фолгинина, занесенной въ іюлѣ 1759 года въ пограничный судъ. По словамъ жалобщика, во время пребыванія его въ Польшѣ, въ имѣніи хорунжаго Нитоставскаго, въ „пилиповской“ слободѣ Якушинцахъ, послѣдній, узнавъ, что у него Фолгинина находится указъ „Naiasnieyszey Monarchini Rossyiskiey, odpuszczający zbiegłym winy“, сталъ сначала упрекать его, зачѣмъ онъ этимъ указомъ всѣхъ живущихъ въ его имѣніи русскихъ крестьянъ „zbuntował“, потомъ отнялъ у него самый документъ и, наконецъ, заграбилъ все его имущество (шесть лошадей съ нагруженными льномъ

[1]) Книга центр. архива № 193, л. 206, на оборотѣ.

тремя возами). Арестованнаго Фолгинина, съ женой Анной Евфимовой и ребенкомъ, Нитоставскій отправилъ въ имѣніе винницкаго судьи Грохольскаго, въ мѣстечко Стрижавку, препровождая при этомъ и „простительный указъ". Въ Стрижавкѣ обвиняемый былъ представленъ Грохольскимъ на судъ „wysadzonych" отъ польскаго шляхетства двухъ коммисаровъ, которые подвергли его жестокимъ пыткамъ: нѣсколько разъ били палками, давили пальцы клещами и проч. Жену Фолгинина коммисары приказали сѣчь розгами; отъ великаго страха она уронила бывшаго у нея на рукахъ ребенка, который тутъ-же и убился до смерти. Самый указъ судьи порвали и потребовали выдачи денегъ, „*московскихъ рублей*", подъ которыми они, очевидно, разумѣли деньги, выданныя ему, какъ агенту, русскимъ правительствомъ. Обвиняемый надѣялся-было утаить свое богатство, но, послѣ трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, долженъ былъ купить себѣ свободу кровными 2000 червоныхъ, добытыми, по его показанію, его отцемъ и имъ самимъ посредствомъ „kupieckiego przemysłu". Онъ подробно и какъ бы съ удареніемъ говоритъ, откуда у него деньги. Отпущенный на волю, Фолгининъ поторопился въ Россію и просилъ ходатайства русскихъ коммисаровъ о переселеніи къ нему и его семейства, остававшагося пока въ мѣстечкѣ Городищѣ на польской сторонѣ; при этомъ онъ сообщилъ, гдѣ и кого замѣтилъ изъ русскихъ бѣглецовъ. Въ силу этой жалобы коммисары потребовали выдачи послѣднихъ, согласно королевскимъ универсаламъ, а также представленія на судъ Нитоставскаго и Грохольскаго, обвиняемыхъ въ разорваніи царскаго указа, въ ограбленіи, нанесеніи побоевъ и въ причиненіи мученій Фолгинину и его женѣ. Польскіе коммисары отвѣтили на эти требованія совершеннымъ молчаніемъ, такъ что въ іюлѣ 1760 года эти требованія снова повторяются въ актовой книгѣ [1]). Русскіе судьи еще разъ напоминаютъ полякамъ о постоянномъ нарушеніи ими трактатовъ между Россіей и Польшей по вопросу о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и дезертировъ, напоминаютъ о неисполненіи ими королевскихъ универсаловъ, предписывающихъ таковую выдачу и запрещающихъ укрывательство, ставятъ на видъ препятствія, дѣ-

---

[1]) Ibid., л. 253.

лаемыя помѣщиками тѣмъ изъ бѣглецовъ, которые хотятъ возвратиться въ свое прежнее отечество, и, наконецъ, указываютъ на разорваніе указа, мученіе и ограбленіе семьи Фолгинина. Но и послѣ этихъ напоминаній удовлетворенія не послѣдовало; видно, оскорбительное, на взглядъ русскихъ, отношеніе къ царскому указу не считалось такимъ у шляхтичей, привыкшихъ иначе относиться къ распоряженіямъ своихъ королей. Примѣръ этому мы находимъ не только въ современной указамъ исторіи Мелхиседека Значко-Яворскаго, когда одинъ разъ шляхтичи едва не разорвали королевскаго „привилея“, признающаго свободу православія, а въ другой разъ отозвались о его годности въ весьма нескромныхъ выраженіяхъ, но и въ исторіи предшествующихъ вѣковъ. Извѣстное шаткое и зависимое отъ шляхты положеніе польскихъ королей дѣлаетъ этотъ фактъ понятнымъ и избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ подробности. Не могли также, мы думаемъ, поляки отговариваться и тѣмъ, будто русское правительство, посылая свои указы непосредственно къ бѣжавшимъ крестьянамъ, дѣлало что-либо необычное, выходящее изъ ряда и нарушавшее общественное спокойствіе въ сосѣднемъ государствѣ; мы уже раньше сказали, что путь непосредственнаго отношенія верховной власти къ подданнымъ практиковался не въ одной Россіи, но и въ Польшѣ; теперь-же со стороны Россіи это дѣлалось съ вѣдома, согласія и даже совѣта высшихъ чиновъ Рѣчи Посполитой и относилось только къ пришлому, а не къ коренному населенію этого государства. Иначе поступали польскіе помѣщики, присылая „публичные листы“ въ русскія села, чтобы перезвать оттуда крестьянъ въ свои, все болѣе пустѣвшія къ концу XVIII вѣка, имѣнія. На это жаловался въ свое время русскій посолъ въ Варшавѣ графъ Штакельбергъ и король Станиславъ-Августъ универсаломъ, 5-го сентября 1777 года [1]), признаетъ фактъ сманыванія польскими помѣщиками русскихъ крестьянъ для заселенія своихъ опустѣвшихъ имѣній, съ обѣщаніями всякаго рода выгодъ и вольностей, и хотя запрещаетъ перезывать къ себѣ крестьянъ изъ сосѣдней державы путемъ распространенія такихъ „публичныхъ листовъ“, но допускаетъ заселеніе людьми, являющимися добровольно.

---

[1]) Книга центр. архива № 196, л. 145, на оборотѣ.

Подводя итогъ сказанному, мы приходимъ къ выводу, что господствовавшіе среди польскаго общества, во второй половинѣ прошлаго вѣка, толки о подстрекательствѣ Россіей подданныхъ Рѣчи Посполитой къ бунту основывались главнымъ образомъ на „*простительныхъ*“ указахъ, разсылавшихся въ мѣста населенія бѣглецовъ, послѣ того какъ внесеніе этихъ указовъ въ актовыя книги, да еще на польскомъ языкѣ, оказалось своего рода „политикой“; вмѣстѣ съ тѣмъ, нельля не признать, что эти указы давали поводъ угнетенному русскому населенію Польши по своему толковать распоряженія русскихъ властей во время гайдамацкаго движенія, и особенно въ свою пользу объяснять изданные передъ Коліивщиной русскимъ правительствомъ, особенно Екатериной II, манифесты и дипломатическія ноты въ защиту православныхъ обитателей польскаго королевства. Что дѣйствительно упомянутые указы служили главнымъ основаніемъ клеветы на русское правительство изъ-за бунта въ Украйнѣ и на Волыни, это видно, между прочимъ, также и изъ совпаденія времени внесенія первыхъ въ актовыя книги со временемъ найбольшаго распространенія второй.

Въ заключеніе, два слова о томъ, что разумѣли поляки подъ словомъ „бунтъ“. Кромѣ открытыхъ возстаній, въ родѣ Коліивщины 1768 г., которыми заканчивался народный протестъ противъ двойнаго—религіознаго и экономическаго польскаго гнета, бунтомъ считалось простое возвращеніе народа отъ уніи къ вѣрѣ отцевъ, хотя народная масса оставалась при этомъ спокойною, твердо идя къ своей цѣли. Изъ сообщенныхъ нами документовъ о возвратѣ бѣглыхъ, мы видимъ, что крестьяне, обманутые польскими обѣщаніями и желавшіе возвратиться на родину, обзывались также бунтовщиками, подвергаясь ограбленію и побоямъ. Неудивительно послѣ этого, если, по такимъ понятіямъ о бунтѣ, и на русское правительство того времени сыпались обвиненія въ соучастіи его въ бунтахъ,—обвиненія, пустившія корни и въ глубь и въ ширь.

Поводъ къ такимъ обвиненіямъ и основанія для нихъ ясны; трудно только рѣшить, гдѣ первоначально возникали толки о возбужденіи противъ Польши православнаго русскаго ея населенія русскимъ правительствомъ: въ средѣ-ли самаго этого населенія, въ видѣ надеждъ на защиту отъ притѣсненій въ исповѣданіи вѣры и попустительства на собственную расправу его съ своими притѣсни-

телями, или-же въ средѣ шляхты—въ видѣ прямыхъ обвиненій въ подстрекательствѣ изъ политическихъ разсчетовъ. Съ большею вѣроятностію полагать можно, что происхожденіе этихъ толковъ одновременно въ той и другой средѣ, такъ какъ обѣ онѣ были въ нихъ непосредственно и одинаково заинтересованы. Разница здѣсь лишь въ содержаніи и характерѣ слуховъ и толковъ, измѣнявшихся соотвѣтственно средѣ, въ которой они возникали и держались: въ то время, когда православное населеніе Польши смотрѣло на всякіе доходившіе до него царскіе указы и манифесты съ надеждою на лучшую жизнь, менѣе тревожную, шляхта видѣла въ нихъ посягательство на цѣлость своего отечества и на свое спокойствіе; оттого шляхта въ оправданіе себя старалась взвалить на русское правительство и его указы всю отвѣтственность за постигшія Польшу бѣды, которыя, въ дѣйствительности, были естественнымъ послѣдствіемъ, съ одной стороны, слабости центральной власти, внутреннихъ неурядицъ и іезуитско-еврейскаго владычества, а съ другой—управительской плети надъ хлопами, рядомъ съ золотой шляхетской вольностью.

И. Каманинъ.

Къ характеристикѣ Д. Г. Бибикова

(б. генералъ-губернатора юго-западнаго края 1838—1852 г.).

Димитрій Гавриловичъ Бибиковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ не многихъ выдающихся дѣятелей временъ императора Николая I-го, которые въ своей дѣятельности съ большою вѣрностію отражали духъ его царствованія и которыхъ дѣйствія, проникнутыя умомъ, сознаніемъ ясно представляемой цѣли и строго опредѣленною системою, дали найболѣе видимые результаты.

Такою дѣятельностію и такими ея результатами найболѣе богато то время жизни Димитрія Гавриловича Бибикова, которое онъ провелъ въ званіи главнаго начальника юго-западнаго края. Его уму, энергіи, патріотизму и предпріимчивости этотъ край много обязанъ охраною вѣковыхъ историческихъ его правъ, поднятіемъ народнаго самосознанія, политическимъ спокойствіемъ, вообще тѣмъ, что онъ не превратился изъ кореннаго и древнѣйшаго русскаго края въ патріотическій польскій станъ и польскую провинцію.

Для изучающаго судьбы южной Россіи, при настоящемъ обиліи историческаго матеріала, не имѣется уже сомнѣнія въ томъ, что ничто столько не способствовало ополяченію русскихъ областей бывшей Рѣчи Посполитой, какъ возвращеніе ихъ Россіи, что никогда польскій духъ не ширился въ этихъ провинціяхъ съ такою легкостію и быстротою, какъ подъ сѣнію русскаго трона, и никогда польско-католическая пропаганда не работала здѣсь такъ свободно и успѣшно, какъ надъ охраною русскихъ законовъ и русской власти. Россійская простота долго не могла понять и примѣтить всѣхъ тонкостей польско-іезуитской политики; она не могла (да, кажется, и не желала) уразумѣть то состояніе, въ какомъ возвращались Россіи ея древнѣйшія области. Достойно замѣчанія, что

уже ко времени присоединенія Малороссіи затемнено было понятіе о племенномъ и прежнемъ политическомъ единствѣ двухъ половинъ Россіи. Жители Малороссіи долгое время по ея присоединеніи трактовались, какъ „черкешанины" и „люди черкесской породы", и Петръ I-й изъ ближайшихъ политическихъ разсчетовъ не затруднялся дважды отдавать Западную Украйну на жертву польскому фанатизму. За тѣмъ во все продолженіе дипломатическаго заступничества русскаго двора за православныхъ обитателей польскаго королевства, отъ Петра I до Екатерины II, единственнымъ мотивомъ этого заступничества выставлялось единовѣріе, о единствѣ-же племенномъ не было и помину. Блестяще образованные, но мало просвѣщенные и даже малограмотные вельможи Екатерины, рѣшившіе участь Польши, всего менѣе знали то, что предстояло имъ дѣлать съ возвращенными отъ Польши русскими провинціями. Впрочемъ по господствовавшему тогда духу пріобрѣтенія и расточительности, по тогдашнимъ соціальнымъ воззрѣніямъ на крестьянскій людъ, который одинъ почти сохранилъ русскую народность въ присоединяемыхъ отъ Польши областяхъ, никому надъ этимъ и не приходилось задумываться. Никто поэтому не повѣрялъ инвентаря возвращаемаго, никто не смотрѣлъ, что и въ какомъ видѣ и положеніи возвращается; всѣ спѣшили лишь поживиться на счетъ возвращаемаго. Не успѣли мы присоединить Бѣлоруссію, какъ пошла раздача новоприсоединенныхъ душъ и земель: получали дяди за свои личныя заслуги и племянницы за заслуги дядей, брали и не имѣвшіе ни заслугъ, ни дядей, но только племянницъ,— бралъ наконецъ всякій, кто могъ. Тоже повторилось съ уничтоженіемъ Запорожья: сотни тысячъ десятинъ дѣвственныхъ полей шли въ одни руки, или тѣхъ, кто не противорѣчилъ этому дѣлу (генералъ-прокуроръ Вяземскій), или тѣхъ, которые были ближайшими его зрителями (кн. Прозоровскій); тысячи и десятки тысячъ ихъ давались по одной деньгѣ всѣмъ желающимъ заселять край, всѣмъ захожимъ и чужестраннымъ, всѣмъ, всѣмъ, кромѣ тѣхъ, которые одни имѣли на нихъ право или чувствовали въ нихъ нужду. И случилось при этомъ, что польское землевладѣніе проникло туда, куда прежде не смѣла шагнуть ни одна польская нога. Нѣчто подобное, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, совершилось во время присоединенія Украйны, Волыни и Подоліи.

Это присоединеніе, при установившейся уже твердости русскаго правительства, только закрѣпило тотъ гибельный порядокъ вещей, который привелъ Польшу къ разложенію. Снова очутились—другъ передъ другомъ—всевластный, признанный во всѣхъ своихъ правахъ панъ и совершенно уже безправный народъ, который не могъ уже, какъ прежде, заявить своего протеста противъ такого произвола и гнета, которымъ открылся теперь полный просторъ, гораздо большій, чѣмъ какимъ они пользовались за славной Рѣчи Посполитой. Безсильная тогдашняя власть не могла защитить ихъ отъ взрывовъ народной мести, которая одна служила для нихъ пугаломъ и уздою, теперь-же и власть была на ихъ сторонѣ. Мы надѣялись единственно на твердость власти, забывая, что основы, строй и условія жизни сильнѣе всякой власти. И что-же видимъ потомъ? На всемъ протяженіи древне-русскихъ областей, подъ скипетромъ россійскимъ, царитъ польскій духъ, дѣйствуетъ польское законодательство, господствуетъ, поддерживается и расширяется система польскаго національнаго образованія, своевольствуетъ по прежнему польскій панъ и закрѣпощаетъ искони вольныхъ людей, бездѣйствуютъ или потворствуютъ ему польскія-же, почти отъ самаго верху, власти. Православная вѣра, по прежнему въ загонѣ и пренебреженіи; древнѣйшія русскія святыни лежатъ въ развалинахъ и приходятъ еще въ большее запустѣніе, древнѣйшія русскія учрежденія попираются и уничтожаются, издревле выборные духовные пастыри и правители замѣняются лицами по назначенію, православныя церковныя братства преслѣдуются становыми приставами, какъ учрежденія, противныя духу винныхъ откуповъ, школы, такъ многочисленныя еще въ концѣ XVIII ст., къ 30 годамъ нынѣшняго столѣтія почти повсемѣстно прекращаютъ свое существованіе, земли у крестьянъ постепенно обрѣзываются, а ихъ повинности усиливаются до того, что не оставалось уже у крестьянина ни одного свободнаго дня въ недѣлѣ на его собственныя работы. Народъ стоналъ подъ игомъ польскихъ пановъ и въ отчаяніи восклицалъ: „за що насъ Царь ляхамъ въ неволю отдавъ? [1]).

---

[1]) Много разъ мы слышали въ дѣтствѣ эти именно слова отъ людей помнившихъ еще времена польскаго владычества. Общее убѣжденіе ихъ было, что тогда жить было гораздо легче и споснѣе.

Весь этотъ строй и порядокъ вещей, вспомоществуемый нарочитыми миссіонерскими трудами польской пропаганды и даже покровительствуемый свыше (вспомнимъ времена Чарторыжскаго, друга Александра I) приводитъ къ возстанію 1831 г., которое не менѣе сильно было и въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ, какъ и въ коренныхъ ея областяхъ, а затѣмъ подготовители новаго возстанія къ 40-мъ годамъ покрываютъ весь юго-западный край цѣлою сѣтью демократическихъ кружковъ.

Никто изъ предшественниковъ Бибикова по управленію юго-западнымъ краемъ не могъ понять тогдашняго гибельнаго его положенія, обнять всѣхъ нуждъ его и принять соотвѣтственныя мѣры для водворенія въ немъ справедливаго порядка и возвращенія ему его вѣковаго историческаго русскаго образа. Одинъ изъ нихъ оставилъ по себѣ память лишь тѣмъ, что уничтожилъ въ Кіевѣ древнее его самоуправленіе и столицѣ русскаго православія далъ перваго городскаго голову изъ раскольниковъ, другой извѣстенъ по возмутительному сѣченію чрезъ нѣмца полицмейстера и разъѣзжавшихъ съ послѣднимъ козаковъ на улицахъ и площадяхъ всѣхъ тѣхъ, которые при проѣздѣ по городу не держались правой стороны. Д. Г. Бибикову принадлежитъ честь широкаго и глубокаго пониманія нуждъ края и возвращенія ему и его центру—Кіеву ихъ національныхъ историческихъ правъ. Заслуги его для нихъ велики и неисчислимы. Если принять въ соображеніе господствовавшіе въ то время у насъ понятія о внутренней политикѣ, то нельзя не удивляться смѣлости и глубинѣ проведеннаго Бибиковымъ взгляда, истинно національнаго и патріотическаго, а взвѣсивъ все сдѣланное и предпринятое имъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени, невольно становишься въ тупикъ предъ его необъятною и не сокрушимою энергіею. Вотъ главнѣйшія дѣла, увѣковѣчившія здѣсь память этого замѣчательнаго администратора: подавленіе польскаго революціоннаго духа, очищеніе дворянскаго сословія отъ накопившейся вѣками и вновь фабриковавшейся праздной и тунеядной шляхты, составлявшей истинное бремя для края и всегдашній горючій политическій элементъ, уничтоженіе отдѣленій Польскаго Банка и учрежденіе кіевской коммерческой конторы Государственнаго Банка, ограниченіе произвола и гнета помѣщиковъ надъ крестьянами и разширеніе правъ послѣднихъ, вообще-же регуляція крестъ-

янскаго труда и взаимныхъ отношенiй крестьянъ и помѣщиковъ посредствомъ такъ называемыхъ инвентарныхъ правилъ, ограниченiе правъ и мѣста осѣдлости другаго зловреднаго элемента въ лицѣ евреевъ, которые при Д. Г. Бибиковѣ не допускались, какъ при его преемникѣ, въ генералъ-губернаторскую гостиную *сквернаго ради прибытка,* хотя и подъ видомъ благотворенiя,—вовсе не селились въ Кiевѣ, а появлялись въ немъ лишь на два дня и то по особой, при въѣздѣ получаемой запискѣ,—отмѣна искаженнаго саксонскимъ правомъ и другими болѣе сродными примѣсями Литовскаго Статута и введенiе русскаго законодательства, обезпеченiе быта православнаго духовенства назначенiемъ ему жалованья, постройкою домовъ и обработкою земель, обезпеченiе духовныхъ нуждъ православнаго сельскаго населенiя посредствомъ обязательной для ихъ помѣщиковъ постройки новыхъ и исправленiя обветшавшихъ церквей, поднятiе и усиленiе образованiя въ краѣ посредствомъ возстановленiя университета, котораго открытiе онъ принялъ на свою личную отвѣтственность, учрежденiя института благородныхъ дѣвицъ въ Кiевѣ и многихъ среднихъ и низшихъ, военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведенiй въ краѣ, наконецъ учрежденiе центральнаго архива—этого драгоцѣннаго и богатѣйшаго хранилища историческихъ памятниковъ и особой при генералъ-губернаторѣ коммисiи для разбора древнихъ актовъ, которая, подъ названiемъ временной, существуетъ около 40 лѣтъ и оказала неоцѣненныя услуги для мѣстной исторiи. Не говоримъ о томъ, что сдѣлано Бибиковымъ для укрѣпленiя, украшенiя и вообще благоустройства самаго Кiева—древнѣйшей столицы Россiи и матери градовъ русскихъ.

Отличительными свойствами всѣхъ предначинанiй и мѣропрiятiй Д. Г. Бибикова по устройству края были: широта и смѣлость замысла, глубина взгляда, обнаруживавшаго истинно государственный умъ, патрiотическая цѣль и такая-же подкладка, быстрота и рѣшительность дѣйствiй, твердое и ничѣмъ не колеблемое выполненiе однажды задуманнаго. Но окруженный со всѣхъ сторонъ крамолою, не устанно работавшею, встрѣчая на каждомъ шагу тысячи препятствiй, создаваемыхъ искусными и многоопытными руками, и платя дань времени, какъ могучiй и сильный характеръ, онъ избиралъ не рѣдко для выполненiя своихъ намѣренiй такiя формы и способы, которые въ извѣстной средѣ пронесли имя его, какъ вар-

вара, или необузданнаго сатрапа, не цѣнившаго въ грошъ никакихъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ, когда дѣло шло о достиженіи имъ своихъ цѣлей. Съ другой стороны въ средѣ русскаго общества и населенія, помимо частныхъ нареканій, ни одно имя главнаго начальника края, ни прежде, ни послѣ, не пользовалось такою популярностію, какъ имя Димитрія Гавриловича; объ немъ толковали по своему простые мѣщане и даже крестьяне и всюду былъ извѣстенъ генералъ объ одной рукѣ. Доброе по природѣ сердце его удерживало его въ предѣлахъ справедливости и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, по видимому, давалъ мѣсто той злости, на которую самъ въ себѣ указывалъ, или-же вызывало въ немъ великодушіе и прощеніе; но перевѣсивавшая сила воли влекла его не рѣдко къ мѣрамъ крайнимъ, а изобрѣтательный умъ давалъ имъ такія оригинальныя формы, которыя усугубляли налагаемое на виновныхъ наказаніе и приводили ихъ въ страхъ и трепетъ. Онъ врагъ былъ всякихъ полумѣръ, не допускалъ никакихъ сдѣлокъ съ кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе съ своею собственною совѣстію и держался, кажется, того правила, что благоразумнѣе предупреждать преступленіе страхомъ, чѣмъ карать оное жестокостію, пресѣкать его въ началѣ, или на половинѣ, хотя бы и крутою мѣрою, чѣмъ давать ему разростаться и привлекать всѣ тяжкія послѣдствія,—отсѣкать гнилой членъ сразу, чѣмъ возиться надъ его леченіемъ, не бывъ урѣреннымъ въ успѣхахъ онаго. Всегда ли онъ былъ предупредителенъ, проницателенъ и, такъ сказать, не погрѣшимъ, это другой вопросъ; но въ желаніи добра, прямотѣ и честности ему не отказывали и самые враги его. Господствовавшія въ то время понятія о формѣ, порядкѣ, дисциплинѣ, субординаціи и спасительности мѣръ крутыхъ, средствъ внѣшнихъ, считая здѣсь и сѣченіе, раздѣлялись вполнѣ этою цѣльною натурою и составляли ея больное мѣсто; но и замѣнившая бибиковскую систему другая, противуположная ей, обнаружила не менѣе ошибокъ, крайностей и увлеченій, въ концѣ концевъ приведшихъ къ возстанію 1863 г., а за тѣмъ къ преобладанію въ краѣ іудеевъ въ замѣнъ поляковъ. Ходилъ слухъ о томъ, что Бибиковъ, предпочитая *мѣры отеческія* всякимъ другимъ, примѣнялъ ихъ не къ обыкновеннымъ только лицамъ шляхетской крови, но и къ такимъ титулованнымъ особамъ, при томъ не одного грубаго пола, къ которымъ со времени ду-

бички Петровой они никогда не примѣнялись,—ходили эти слухи и доходили даже до свѣдѣнія императрицы Александры Ѳедоровны и, по словамъ передававшаго намъ очевидца, составили однажды въ присутствіи самаго Бибикова, предметъ веселыхъ шутокъ со стороны императора Николая Павловича, не вѣрившаго, конечно, такимъ баснямъ, но дававшаго государынѣ видъ, что расказываемое не только вѣрно, но совершалось даже не безъ его вѣдома и соизволенія. На сколько было правды во всѣхъ ходившихъ слухахъ объ употребленіи Бибиковымъ отеческихъ мѣръ и не соотвѣтственномъ ихъ по тогдашнимъ даже порядкамъ примѣненіи, едва-ли кто сказать можетъ; но въ 1852 г., когда Бибикова смѣнилъ кн. Васильчиковъ и, по докладу его, въ пріѣздъ имп. Николая Павловича въ Кіевъ, одинъ изъ поляковъ управлявшихъ большимъ имѣніемъ, за политическія манифестаціи былъ посланъ на Кавказъ рядовымъ, а другой, по заявленію его о непригодности къ военной службѣ, отданъ въ арестанскія роты, намъ самимъ пришлось слышать отъ поляковъ-же сожалѣніе о выходѣ Бибикова и о замѣнѣ мѣръ *отеческихъ* легальными: *bo, proszę pana, ten karał po ojcowsku,*—говорили наши собесѣдники, предпочитавшіе наказаніе поносное наказанію тяжкому, по его долгимъ послѣдствіямъ.

Гораздо болѣе вѣроятности и даже несомнѣнной вѣрности за тѣми многочисленными въ его служебной практикѣ случаями, въ которыхъ проявлялись просто его крутой нравъ, не терпѣвшій противорѣчій, его привычка повелѣвать, требовать точнаго исполненія его распоряженій, взыскивать строго за малѣйшее ихъ нарушеніе, его удивительная изобрѣтательность въ подборѣ специіальныхъ, соотвѣтственныхъ преступленію наказаній и особенное умѣнье отъучи ь виновнаго отъ повторенія сдѣланнаго не столько тяжестію наказанія, сколько особою, такъ сказать, его внушительностію. Извѣстны напримѣръ и вполнѣ вѣрны примѣры посылки студентовъ—медиковъ въ фельдшера съ выслугою въ медики, суроваго наказанія за незастегнутую въ мундирѣ пуговицу и т. под. Кто о такихъ казусахъ не слыхалъ, кто ихъ не знаетъ? Но мы приведемъ въ фактическомъ видѣ нѣсколько найболѣе оригинальныхъ мѣръ исправленія и наказанія, которыя могъ придумать одинъ только Бибиковъ и которыя характеризуютъ его болѣе всякихъ отвлеченныхъ описаній и сужденій. За вѣрность этихъ разсказовъ въ ихъ по-

дробностяхъ мы ручаться, конечно, не станемъ, но приводимъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они ходили въ свое время, передаваясь изъ устъ въ уста.

1. *Обращеніе уніатскаго священника въ православіе.* Въ 1839 г., какъ извѣстно, совершилось присоединеніе къ православію всѣхъ уніатовъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго края. Въ послѣднемъ, гдѣ ихъ осталось самое незначительное число, нашелся однако одинъ не молодой священникъ, который не пожелалъ послѣдовать общему примѣру и мутилъ своихъ прихожанъ. Послѣ тщетныхъ и долгихъ увѣщаній со стороны духовныхъ властей, Бибиковъ, который не любилъ, чтобы у него что-либо нарушало общій порядокъ, потребовалъ священника къ себѣ. Послѣдній доставленъ былъ экстренно съ жандармами и ими же введенъ въ пріемный залъ.

— Желаете-ли, батюшка, принять православіе?—спросилъ послѣ нѣкоторой прелюдіи генералъ.

— Не желаю,—былъ отвѣтъ.

— Думаю,—это отъ того, продолжалъ генералъ, что вы не имѣли времени подумать надъ этимъ дѣломъ. Подумайте на досугѣ и потомъ мнѣ скажете.

Генералъ далъ знакъ и ослушника увели. Въ передней ему повязали платкомъ глаза, усадили въ карету и повезли, неизвѣстно куда. Доставивъ по назначенію, его долго вели по какимъ-то переходамъ и корридорамъ и наконецъ ввели въ какую-то комнату. Когда повязка была снята, онъ увидѣлъ молчаливо удаляющихся жандармовъ, услышалъ скрипъ тяжелой двери и щелканіе замка, а за тѣмъ мѣрные шаги у двери часоваго. То былъ вовсе не знакомый узнику крѣпостной казематъ съ его скудною обстановкою и свѣтомъ падающимъ откуда-то сверху. Молча сторожъ ставилъ пищу и питье, молча уходилъ. Ни на какіе вопросы ни онъ, ни часовые не давали отвѣта. Прошло нѣсколько дней невольнаго досуга, уединенія, безмолвія, размышленія. Разъ, не то днемъ, не то вечеромъ, отворяется со скрипомъ дверь, входятъ новые сторожа, повязываютъ узнику снова глаза и послѣ длинныхъ переходовъ вводятъ его въ ярко освѣщенный съ опущенными шторами залъ. Глазамъ узника представлялся длинный, краснымъ сукномъ покрытый, столъ съ зерцаломъ, а по сторонамъ его нѣсколько военныхъ чиновъ въ мундирахъ и орденахъ. Старшій изъ сидѣвшихъ обра-

тился къ подведенному узнику съ тѣмъ-же вопросомъ, съ какимъ прежде обращался генералъ.

— Желаете-ли, батюшка, принять православіе?

— Нѣтъ, не желаю.

Старшій кивнулъ головою, подалъ знакъ и узникъ снова тѣмъ же порядкомъ былъ отведенъ въ его казематъ.

Проходили дни за днями; въ опредѣленный день, въ урочный часъ появлялись тѣ-же стражи, повторялся тотъ-же процессъ привода, допрашиванія и отвода. Упрямый узникъ не выдержалъ наконецъ и въ одну изъ явокъ на вопросъ предсѣдательствовавшаго: желаете-ли принять православіе? отвѣчалъ: желаю. Тотъ часъ всегда угрюмый предсѣдатель весело поднялся съ кресла и, поздравляя новообращеннаго съ принятіемъ православія, почтительно попросилъ у него благословенія. Его примѣру послѣдовали прочіе члены. Въ заключеніе предсѣдатель самымъ любезнымъ образомъ пригласилъ его отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ генералъ-губернатору. „Такъ вы уже православный?" —такимъ вопросомъ встрѣтилъ его генералъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, произнесъ: поздравляю, и самъ попросилъ благословенія.

— Вы теперь свободны, заключилъ генералъ. — Поѣзжайте на приходъ; я увѣренъ, что вы навсегда уже останетесь православнымъ. Прощайте!

— И это все?—возвысилъ голосъ недавній узникъ. — Такъ сюда привезли, а назадъ пѣшкомъ буду идти?

— Не все, отвѣчалъ генералъ и быстро прошелъ въ кабинетъ. Возвращаясь оттуда, онъ также быстро подошелъ къ новообращенному и съ словами: прошу помолиться обо мнѣ, вручилъ ему деньги на молитвы, точнѣе на проѣздъ—безъ провожатыхъ.

2. *Любезный разговоръ съ городскими представителями.* Въ 1847—48 году появилась въ Кіевѣ сильная холера. Бибиковъ распорядился открытіемъ временной больницы въ городскомъ, такъ называемомъ, контрактовомъ домѣ, гдѣ обыкновенно отбывались купеческія семейныя собранія и танцовалъ историческій теперь Асоченскій съ своею Вариньгою. Почетнѣйшіе купцы, съ городскимъ головою во главѣ, явились къ нему съ просьбою объ отмѣнѣ такого распоряженія.

— Что скажете, господа?—спросилъ ихъ ласково генералъ.

— Ваше высокопревосходительство приказали открыть больницу въ контрактовомъ домѣ для холерныхъ,—началъ городской голова.

— Такъ.—Что-же?

— Но вотъ дочери наши тамъ танцуютъ въ зиму, а тутъ холерные будутъ... Какъ-же? будьте милостивы, прикажите перемѣнить...

— Прикажу. Голядкинъ [1])! Контрактовый домъ очистить, а кровати въ ихъ домахъ размѣстить...

Купцы вытянули свои физіономіи.

— Больше ничего не скажете, господа?—спросилъ генералъ.

— Ничего, отвѣчали тѣ, низко кланяясь. — Они хорошо знали, что значитъ противорѣчить Бибикову.

— Такъ я вамъ скажу, прибавилъ онъ.—Вы, господа купцы, не кіевскіе купцы, а кіевскіе с.....и, а вы, И. И., не кіевская городская голова, а кіевская городская ж.... Прощайте!

Купцы пошли, не солоно хлебавши. Кровати холерныхъ, конечно, остались въ контрактовомъ домѣ.

3. *Обученіе инвентарямъ.* Инвентарныя правила — любимое дѣтище Бибикова. Благодѣтельныя для крестьянъ, они не согласовались съ интересами помѣщиковъ, привыкшихъ къ полному и безконтрольному господству надъ крестьянами и эксплоатаціи всего ихъ труда. Какъ помѣщику, привыкшему къ тому, чтобы всякая живущая крестьянская душа работала на него, сносить то, чтобы вдругъ на работу являлся одинъ только работникъ и одна работница отъ двора и вмѣсто шести дней въ недѣлѣ работали кто три, кто два, а кто и одинъ день, да притомъ всякая работа была бы опредѣлена мѣрою и числомъ (сколько напр. сноповъ сжать или смолотить, и какого хлѣба, и какой мѣры снопы, и пр., и пр.). Появилось множество злоупотребленій и насилій со стороны помѣщиковъ, а протестовавшихъ или жаловавшихся крестьянъ представляли въ видѣ бунтовщиковъ. Дошли до Бибикова свѣдѣнія, что одинъ помѣщикъ радомысльскаго уѣзда, управлявшій имѣніемъ по довѣренности матери, молодой, элегантный жуиръ, игнорируетъ инвентарныя правила. Онъ доставленъ былъ *приличнымъ* образомъ въ Кіевъ къ Бибикову.

---

[1]) Знаменитый въ бибиковское время полиціймейстеръ г. Кіева.

— Я слышалъ, сказалъ ему генералъ безъ всякихъ прелюдій, что вы допускаете отступленія отъ Высочайше утвержденныхъ инвентарныхъ правилъ. Полагаю, что это происходитъ не отъ злой вашей воли, а просто отъ того, что вы, по причинѣ молодости и безпрестанныхъ развлеченій, недостаточно ознакомлены съ этими правилами.

Молодой джельтменъ пріободрился, но не надолго.

— Я вызвалъ васъ сюда, продолжалъ генералъ, чтобы вы здѣсь на досугѣ могли изучить эти правила; тогда, я не сомнѣваюсь, вы будете ихъ въ точности исполнять.

Подавая недоумѣвающему франту увѣсистую in folio тетрадь, равнявшуюся по меньшей мѣрѣ книжкѣ толстаго журнала, генералъ прибавилъ: вотъ вамъ правила. Приходите сюда каждый день въ 9-ть часовъ утра. Вамъ укажутъ комнату, гдѣ вы будете ихъ изучать, а мой адъютантъ (при этомъ онъ взглянулъ въ сторону адъютанта, а тотъ щелкнулъ шпорами) будетъ наблюдать за вашими занятіями и прослушивать, что вы успѣете изучить. По окончаніи вашихъ занятій, я надѣюсь самъ прослушать васъ.

Генералъ слегка кивнулъ головою и удалился въ кабинетъ, а ошеломленный франтъ, вѣжливо приглашенный въ особую комнату, сталъ съ того-же дня пыхтѣть надъ правилами, не превосходившими по своему содержанію какую-либо рецептуру или латинско-россійскій словарь.

Много дней и недѣль потратилъ молодой вельможный панъ, пока *doskonale* изучилъ правила, а когда весь курсъ былъ пройденъ, генералъ самъ спросилъ его въ разбивку и за тѣмъ отпуская, проговорилъ: теперь поѣзжайте домой; я не сомнѣваюсь, что вы хорошо будете управлять имѣніемъ и оправдаете довѣріе вашей матушки.

4. *Поѣздка въ Анапу.* Во время революціи 1848 г. и послѣдовавшей за тѣмъ венгерской кампаніи, въ польскомъ населеніи юго-западнаго края проявилось сильное броженіе. Надежды поляковъ, что переворотъ на западѣ Европы коснется Россіи и поможетъ осуществленію ихъ мечтаній, постепенно росли. Стали наконецъ разносить вѣсти за вѣстями, что сформированный въ Турціи польскій легіонъ сдѣлалъ высадку близъ Анапы, взялъ и разрушилъ ее, гарнизонъ весь истребилъ, а за тѣмъ поднимаетъ горскія племена.

Одинъ изъ такихъ благовѣстниковъ, жирный польскій панъ, былъ доставленъ Бибикову въ позднюю осень.

— Стало мнѣ извѣстно, началъ генералъ, что вы распространяете извѣстія, въ справедливости которыхъ сами не увѣрены, и пояснилъ, какого рода извѣстія распространяетъ панъ.

— Это такъ—одни байки, в. в-ство, проговорилъ панъ, не подозрѣвая, что ждетъ его.—Говорятъ теперь много; одинъ другому передаютъ. И я, что слышалъ, разсказывалъ, а такъ-ли оно, почемъ мнѣ знать. Кто тамъ былъ, кто то можетъ знать? Такъ одни байки...

— То-то никто не былъ и не знаетъ. Вотъ я хочу, что-бы вы сами проѣхали въ Анапу и лично удостовѣрились, цѣла-ли она и что съ русскимъ гарнизономъ. Поѣзжайте. Вы будете имѣть провожатыхъ. А на обратномъ пути заѣзжайте мнѣ сказать, что вы тамъ найдете.

У генералъ-губернаторскаго подъѣзда стояла тройка почтовыхъ лошадей. Два жандарма бережно усадили своего кліэнта и сами усѣлись. Умчался панъ съ *будущими*.

Не скоро онъ вернулся съ своими провожатыми въ Кіевъ и отрапортовалъ Бибикову, что Анапа на мѣстѣ и гарнизонъ цѣлъ, а непріятеля нигдѣ не видно. Стоимость путевыхъ издержекъ взыскана потомъ съ виновника ложныхъ вѣстей.

5. *Патріотическій обѣдъ*. Въ тоже время, въ Кіевѣ, въ Липкахъ, рядомъ почти съ домомъ генералъ-губернатора жилъ богатый польскій помѣщикъ и домовладѣлецъ N. Это была труба іерихонская. Никто скорѣе его не узнавалъ городскихъ и всякихъ новостей и никто быстрѣе ихъ не распространялъ—все по секрету да въ одиночку. Сталъ и онъ распускать, что русскія войска въ Венгріи терпятъ пораженія за пораженіями и что скоро Кошутъ будетъ въ Кіевѣ... Приглашаетъ Бибиковъ болтливаго сосѣда.

— Я, говоритъ ему, слышалъ то-то и то-то.—Откуда вамъ извѣстно это?

— Извините, в. в-ство, зачастилъ изворотливый сосѣдъ.—Я тутъ ни при чемъ. Теперь много слуховъ. Всѣ говорятъ; говорилъ и я, что слышалъ. Но это только одни слухи,—такъ и передаются они. Откуда-же намъ имѣть вѣрныя свѣденія?

— То-то вы не имѣете вѣрныхъ свѣденій, а передаете. Я вотъ получаю иностранныя газеты (въ то время частныя лица почти не могли ими пользоваться), имѣю свѣдѣнія и изъ другихъ вѣрныхъ источниковъ и могу увѣрить васъ, что все, объ чемъ у васъ толкуютъ, совершенная ложь.

Сосѣдъ сталъ вторить Бибикову, заявлять, что только его свѣдѣнія вѣрны. Тотъ перѣбилъ его слѣдующими неожиданными словами:

— Я не хочу съ вами ссориться; полагаю, что и вы этого не пожелаете. Надо это дѣло поправить, загладить. Я укажу вамъ способъ, который, надѣюсь, будетъ согласенъ съ тѣмъ, что вы сами сейчасъ говорили о переданныхъ вами невѣрныхъ извѣстіяхъ и вашихъ патріотическихъ чувствахъ. Вотъ что рекомендую вамъ сдѣлать. Завтра, послѣзавтра устройте вы у себя обѣдъ,—хорошій обѣдъ,—понимаете? Пригласите на этотъ обѣдъ всѣхъ тѣхъ вашихъ знакомыхъ, которымъ вы передавали невѣрныя извѣстія (имена ихъ мнѣ въ подробности извѣстны). Тутъ вы имъ скажите, что все дескать, что вы слышали отъ меня, я вамъ *навралъ*, что вотъ генералъ-губернаторъ, у котораго я былъ, получаетъ... Я васъ уполномочиваю передать имъ все, что вы слышали отъ меня, и тѣ вѣрныя свѣдѣнія объ одержанныхъ нашими войсками побѣдахъ, которыя я вамъ передалъ. Надѣюсь, что вы при этомъ выразите вашимъ пріятелямъ ваши патріотическія чувствованія, въ которыхъ вы и меня такъ много увѣряли, провозгласите тостъ за здоровье государя императора, за успѣхи и славу русскаго оружія. Этимъ вы изгладите то непріятное и—прибавлю—для васъ не безопасное впечатлѣніе, которое вы навлекли на себя распускаемыми вами ложными извѣстіями. А для порядка и чтобы я могъ знать, въ какой степени будетъ исполнено вами мое предложеніе, пригласите къ обѣду Голядкина (сосѣдъ вытянулся), да вотъ моихъ адъютантовъ (онъ мотнулъ головой въ знакъ согласія). Я имъ передамъ ваше приглашеніе... Прощайте.

Сосѣдъ выскочилъ, какъ ошпареный. Онъ понималъ всю гнусность предстоящаго ему положенія, но зналъ, что Бибиковъ шутить не любитъ и что малѣйшее отступленіе отъ начертанной имъ программы поведетъ къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ. Онъ бѣгалъ, какъ угорѣлый, торопясь устройствомъ патріотическаго обѣда,

составлялъ *мепи*, закупалъ дорогія вина, разсылалъ приглашенія знакомымъ, припоминалъ всѣхъ, съ кѣмъ велъ политическіе разговоры, а передъ всѣмъ, лично и въ изысканныхъ фразахъ, пригласилъ Голядкина и адъютантовъ Бибикова. Обѣдъ вышелъ на славу. Провозглашали тосты, пѣли: Боже царя храни, пили шампанское, кричали: ура! На другой день въ урочный часъ Голядкинъ доложилъ, что все исполнено въ точности.

7. *Быстрая постройка православной церкви польскою помѣщицей.* До 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія православные сельскіе храмы на всемъ пространствѣ юго-западнаго края представляли собою самый жалкій видъ убожества, тѣсноты, ветхости и разрушенія. Построенныя въ большей части въ періодъ послѣдняго передвиженія здѣсь населенія, но когда этотъ край не имѣлъ еще никакихъ задатковъ политическаго спокойствія, а находился долгое время въ состояніи броженія, устроенныя всюду почти вновь поселившимися и, естественно, бѣдными людьми, неувѣренными, долго-ли имъ придется жить на вновь избранныхъ мѣстахъ, церкви эти представляли собою видъ временныхъ какъ-бы шалашей, или амбаровъ, вмѣстимость которыхъ разсчитана была лишь по числу первыхъ поселенцевъ, а внутреннія и наружныя украшенія по ихъ скуднымъ средствамъ. Съ присоединеніемъ края къ Россіи и съ водвореніемъ наружнаго спокойствія, развившееся быстро закрѣпощеніе и полная эксплоатація крестьянскаго труда, доводила православное сельское населеніе до крайняго обѣдненія, а населеніе росло, церкви ветшали и нечѣмъ было ихъ ни поддержать, ни разширить, ни украсить. Между тѣмъ рядомъ съ ними, а иногда и въ замѣнъ ихъ, возвышались богатые и пышные каменные костелы, построенные на счетъ доходовъ отъ того-же крестьянскаго труда, нерѣдко для надобностей одного лишь дѣдича и его дворни, а иногда и просто для цѣлей пропаганды въ томъ разсчетѣ, что набожный православный крестьянинъ, при неимѣніи церкви, или ея крайней ветхости и тѣснотѣ, по неволѣ пойдетъ въ костелъ. Такое печальное положеніе православнаго населенія юго-западнаго края, относительно удовлетворенія духовныхъ его нуждъ, не ускользнуло отъ вниманія императора Николая Павловича и еще въ 1833 г., въ слѣдъ за окончаніемъ перваго повстанья, онъ выразилъ (не помнимъ, въ видѣ-ли манифеста, указа или въ иной формѣ) свою

волю и надежду, что помѣщики этого (какъ и сѣверо-западнаго) края добровольно порадѣютъ о томъ, что бы подвластные имъ православные крестьяне не оставались безъ удовлетворенія въ одной изъ существенныхъ своихъ потребностей, и приложатъ свои заботы къ постройкѣ новыхъ для нихъ церквей, гдѣ таковыхъ вовсе нѣтъ, и починкѣ старыхъ и обветшавшихъ. Казалось, простое чувство справедливости подскажетъ всякому помѣщику, хотя и иновѣрцу, что если онъ пользуется до пресыщенія всѣми плодами трудовъ крестьянина, то онъ же обязанъ удовлетворить его, по крайней мѣрѣ, въ главномъ и существенномъ и, оставляя ему кое-какія крохи для поддержанія его физической жизни, не долженъ тѣмъ болѣе забывать о духовныхъ его потребностяхъ. Но и эта великодушная воля Государя, разсчитывавшаго на благородство польскаго дворянства, не привела ни къ чему, и къ 50-мъ годамъ православные сельскіе храмы пришли еще въ большее обветшаніе, а по мѣстамъ и вовсе разрушились. Бибиковъ, часто объѣзжавшій ввѣренный ему край, видя безпомощность въ этомъ отношеніи православныхъ приходовъ и зная объ объявленномъ когда-то Высочайшемъ желаніи, предварительно затребовалъ свѣдѣнія о томъ, кто изъ помѣщиковъ юго-западнаго края, ревнуя исполнить волю Государя, въ теченіи долгаго, около 20 лѣтъ, промежутка времени, успѣлъ построить вновь, или починить обветшавшую православную церковь. Оказалось, что никто не ревновалъ объ этомъ и что если гдѣ-либо, подъ вліяніемъ первыхъ минутъ страха, и были начаты такія постройки, то скоро все забыто и выведенныя до половины или болѣе стѣны подвергались полному разрушенію. Послѣдовалъ поэтому новый Высочайшій указъ 1851 г., которымъ повелѣвалось: во 1-хъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было православное населеніе и не было вовсе православной церкви, но былъ хорошій костелъ,—костелъ обращать въ церковь, при отказѣ помѣщика построить каменную православную церковь, и во 2-хъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ костелъ и церковь, но костелъ находится въ хорошемъ, а церковь въ обветшаломъ видѣ, при отказѣ помѣщика починить или перестроить церковь, либо построить въ замѣнъ старой новую, костелъ также обращать въ церковь. До обращенія костеловъ въ православныя церкви нигдѣ, положимъ, дѣло не дошло, но много въ короткое время было починено и даже вновь построено на счетъ помѣщи-

ковъ церквей. Помѣщики пускались при этомъ на всевозможные извороты и оттяжки, но энергическій начальникъ края въ крайнихъ случаяхъ примѣнялъ и крайнія мѣры. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Въ м. Л—кѣ (кіевской губерніи) проживала богатая вдова, польская помѣщица. Это былъ именно тотъ пунктъ, гдѣ, какъ извѣстно, гайдамаки, во время Коліивщины 1768 г. повѣсили на костелѣ ксендза, жида и собаку съ подписью: „ксендзъ, жидъ та собака, то все віра единака". Знала-ли объ этомъ пани, или нѣтъ, только она ни за что не хотѣла исполнить Высочайшій указъ и настоятельное требованіе мѣстныхъ властей относительно постройки въ Л—кѣ каменной православной церкви. Она выгоняла изъ дому всякаго, кто осмѣливался предложить ей такое требованіе. Когда объ этомъ стало извѣстно Бибикову, онъ отправилъ къ ней своего адъютанта съ особымъ порученіемъ — поселиться въ домѣ несговорчивой пани и не оставлять его до тѣхъ поръ, пока постройка церкви не будетъ выведена до оконъ. Ловкій адъютантъ придумалъ какой-то посторонній предлогъ для посѣщенія дома сіятельной владѣтельницы. Та приняла его радушно и поселила его чуть-ли не рядомъ съ своими апартаментами. Обезпечивъ себя въ помѣщеніи и продовольствіи, адъютантъ приступилъ наконецъ къ дѣлу и объявилъ данный ему приказъ. Помѣщица выходила изъ себя, пускалась на всевозможныя хитрости и прижимки; но твердый адъютантъ все вынесъ и оставилъ ея *палацъ* лишь тогда, когда стѣны церкви на нѣсколько аршинъ были выведены изъ земли. На бѣду православной Л—ки, Бибиковъ вскорѣ оставилъ край и не скоро постройка церкви, начатая столь быстро, приведена была къ концу, не безъ особыхъ усилій и жертвъ мѣстнаго священника Ковальскаго.

Таковы были тѣ *argumenta ad hominem*, которыя употреблялъ Бибиковъ для выполненія своихъ распоряженій. Какіе либо коментаріи къ нимъ излишни. Тутъ живой Бибиковъ предъ нами и ярко рисуется его время и режимъ. Не касаясь внутренней стороны тѣхъ мѣръ, къ какимъ прибѣгалъ изобрѣтательный умъ его, скажемъ только, что, по свидѣтельству живущихъ еще многихъ сотрудниковъ Бибикова, эти мѣры были вполнѣ дѣйствительны и всегда вели къ желанной цѣли. Были мѣры номеромъ выше, каковы: заклю-

ченіе въ крѣпость, высылка въ отдаленныя губерніи и конфискація имѣній, но онѣ практиковались исключительно въ дѣлахъ по политическимъ преступленіямъ. Эти-то мѣры, а также рѣзкое и пренебрежительное обращеніе Бибикова съ титулованнымъ дворянствомъ, вызывали тѣ ожесточенные на него нападки, которые громко раздавались на мѣстѣ и особливо въ заграничной печати. Но чтобы понять относительную, во всякомъ случаѣ, ихъ справедливость, надо знать и тогдашнюю титулованную шляхту, самодурствовавшую не только въ области политическихъ мечтаній и рабовладѣльческихъ инстиктовъ, но даже въ кругу семейныхъ отношеній. Для характеристики этихъ послѣднихъ довольно было-бы вспомнить еще не забытую многими исторію одного изъ Потоцкихъ, его обращеніе съ третьею женою, урожденною Швейковскою, и злополучнымъ сыномъ отъ этого брака, принятіе имъ православія и долгое странствованіе по *внутреннимъ* губерніямъ и за границей; но это завлекло-бы насъ далеко и заставило-бы измѣнить намѣченныя нами рамки нашего бѣглаго очерка.

По словамъ лицъ, близко знавшихъ Димитрія Гавриловича, этотъ прославленный варваръ и деспотъ отличался самымъ возвышеннымъ образомъ мыслей, рѣдкимъ благородствомъ души, добротою и обходительностію въ частномъ быту и особымъ сочувствіемъ къ воспитывающемуся юношеству. Мотивы чести, въ томъ видѣ, въ которомъ она понималась тогда, какъ принадлежность извѣстнаго сословія, преобладали въ немъ, кажется, надъ всѣми другими. На эту струну дѣйствовалъ онъ въ своихъ отношеніяхъ служебныхъ, ее же въ особенности онъ трогалъ въ учащемся юношествѣ. Извѣстно, что онъ нѣсколько лѣтъ состоялъ въ званіи попечителя кіевскаго учебнаго округа. Не ему принадлежитъ введеніе розогъ въ старшихъ классахъ гимназій и не скоро онъ согласился на допущеніе этой крайней и тогда мѣры. Университетъ занималъ его болѣе, чѣмъ гимназіи, и ему посвящалъ онъ не мало времени и заботъ. Науки, конечно, онъ не касался; главное вниманіе его устремлено было на водвореніе въ студенчествѣ вѣрноподданническаго духа, порядка, субординаціи и дисциплины, но вмѣстѣ и на пробужденіе въ немъ чувства чести, собственнаго достоинства и отчасти любви къ занятіямъ. Студенты нерѣдко дебоширили; онъ созывалъ ихъ, говорилъ имъ рѣчи, не во всемъ пристойныя, дѣлалъ строгія вну-

шенія, но всегда билъ на струны долга, чести и достоинства. Студентовъ хорошихъ фамилій онъ приглашалъ на свои вечера и держалъ себя съ ними просто. Во время одного изъ такихъ вечеровъ внезапно явился инспекторъ университета съ экстреннымъ докладомъ о необходимости обыска у одного изъ студентовъ, подозрѣваемыхъ въ преступныхъ политическихъ сношеніяхъ. Бывшій на ту пору въ числѣ гостей студентъ Р—чъ какимъ-то способомъ провѣдалъ о содержаніи доклада; пользуясь многолюдствомъ собранія, онъ не замѣтно вышелъ изъ залы, предупредилъ подозрѣваемаго, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ виновнаго товарища и, также не замѣтно возвратившись въ залу, по прежнему принялъ участіе въ танцахъ. Обыскъ не далъ никакихъ результатовъ; но сообразительный Бибиковъ догадался, чья это работа, и на другой же день потребовалъ Р—ча къ себѣ...

— Скажите, спросилъ онъ его, вы предупредили N объ обыскѣ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ твердо и смѣло.

— Я васъ спрашиваю, продолжалъ Бибиковъ, не какъ генералъ-губернаторъ или попечитель и не какъ студента, но какъ дворянинъ дворянина, и при этомъ впился въ него своими умными и выразительными глазами.

— Да, предупредилъ, отвѣчалъ Р—чъ столь-же твердо и рѣшительно.

— Съ удовольствіемъ могу подать руку честному дворянину, закончилъ грозный генералъ-попечитель, и не только подалъ и пожалъ руку виновному, но прекратилъ всякое дальнѣйшее объясненіе по этому предмету.

Бибиковъ отличался прямотою, находчивостію и быстротою соображенія, и, понятно, любилъ эти качества въ другихъ. Извѣстно, какъ строго онъ требовалъ застегиванія на всѣ пуговицы отъ тѣхъ, кто носилъ форменное платье. Былъ случай, что студентъ, встрѣченный имъ гдѣ-то за городомъ въ разстегнутомъ сюртукѣ, былъ исключенъ, хотя, говорятъ, страдалъ грудью и при встрѣчѣ съ Бибиковымъ занимался собираніемъ растеній для гербарія. Прямота и находчивость спасала и въ такихъ случаяхъ, обезоруживая грознаго и непреклоннаго Бибикова. Разъ въ самомъ городѣ, близъ университета, онъ встрѣтилъ студента не застегнутаго на нѣсколько пуговицъ. Студентъ спохватился, когда увидѣлъ Бибикова предъ собою.

— Куда идете?—грозно спросилъ Бибиковъ.

— Вѣроятно, въ карцеръ в. в-ство,—отвѣчалъ студентъ, взглянувъ на не застегнутыя пуговицы.

— Ну, ступайте, ступайте, съ улыбкой отвѣчалъ Бибиковъ и пропустилъ попавшагося, которому безъ этого никакъ-бы не сдобровать.

Въ одну изъ поѣздокъ по кіевской губерніи свита его отстала отъ него далеко, а предшествовавшаго ему становаго онъ услалъ за чѣмъ-то въ сторону. Одинъ, безъ всякихъ проважатыхъ, подкатилъ онъ къ становой квартирѣ въ м. Шполѣ. Тамъ пыхтѣлъ надъ бумагами, спины не разгибая, помощникъ становаго въ разстегнутомъ мундирѣ. День былъ жаркій, работа спѣшная; мелкій полицейскій чинъ такъ погрузился въ бумаги, что совсѣмъ забылъ объ ожидаемомъ пріѣздѣ грознаго начальника и только по временамъ локтемъ отгонялъ отъ себя докучливыхъ мухъ. Вдругъ послышался глухой стукъ подъѣзжавшаго по пыльной и навозной улицѣ экипажа. Не успѣлъ онъ схватиться съ мѣста, подбѣжать къ окну и повернуться отъ него, какъ предъ нимъ показался Бибиковъ. Готовилась грозная сцена; но чиновникъ не растерялся.

— Это что?—спросилъ рѣзко Бибиковъ, указывая пальцемъ на разстегнутый мундиръ. Но чиновникъ, какъ-бы не слыша и не замѣчая ничего, нѣсколько выпрямившись, съ достоинствомъ, въ свою очередь спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Это что?—еще рѣзче повторилъ Бибиковъ. Но вошедшій въ быстро намѣченную роль полицейскій чинъ опять перебилъ его вопросомъ:

— Да позвольте знать, кто вы и что вамъ здѣсь нужно?

Остановленный вопросомъ, котораго никакъ не ждалъ, Бибиковъ чуть не крикнулъ:

— Да вы что здѣсь?—Но чиновникъ съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Помощникъ становаго пристава; въ отсутствіи его исправляю его обязанности и, если вамъ что...

Едва замѣтная улыбка мелькнула на лицѣ Бибикова. Не перемѣняя тона, онъ спросилъ:

— Вы кого ждете сегодня?

— Сегодня проѣзжаетъ здѣсь генералъ-губернаторъ.

— Вы видали его?

— Не имѣлъ удовольствія.

— Но вы знаете, слышали, каковъ онъ?

— Слышалъ, что у него одна только рука...

Бибиковъ откинулъ бортъ шинели; на бѣломъ кителѣ показался пустой пристегнутый рукавъ. Полицейскій чинъ мгновенно вытянулся въ струнку и быстро застегивая мундиръ, отчеканилъ:

— Имѣю честь представиться...

— Молодецъ, проговорилъ, улыбаясь, Бибиковъ и спустя нѣсколько дней повысилъ его рангомъ.

Кромѣ приведенныхъ нами, существуетъ много другихъ разсказовъ о дѣятельности Д. Г. Бибикова по управленію юго-западнымъ краемъ. Всѣхъ ихъ не перечесть, тѣмъ болѣе не передать въ одинъ разъ; но всѣ они своей массой свидѣтельствуютъ о его замѣчательномъ умѣ, несокрушимой энергіи и глубоко-патріотическомъ направленіи. Недостатки его режима очевидны; они общи тому времени. Труднѣе судить о благодѣтельныхъ его послѣдствіяхъ; но онѣ также несомнѣнны и для наблюденія внимательнаго ясны и понятны. Нельзя лучше характеризовать его дѣятельности въ нашемъ краѣ, какъ его-же слѣдующими словами, сказанными на прощанье дворянству трехъ губерній [1]: „Популярности я не искалъ, любви отъ васъ не имѣю, но—уваженія надѣюсь. Позднѣйшія поколѣнія вспомнятъ мою службу въ этомъ краѣ“.

---

[1]) См. «Кіев. Стар.», іюнь, стр. 535.

ЮЖНО-РУССКАЯ ПѢСНЯ

О СОБЫТІИ XI-го ВѢКА.

(П. И. Ревякину на память).

I.

Въ 1874 и 75 г. вышли въ свѣтъ два выпуска „историческихъ пѣсень малорусскаго народа“ съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Сборникъ этотъ былъ сочувственно встрѣченъ какъ русскою, такъ и иностранною литературою. По словамъ Н. И. Костомарова, это была „первая, сообразно современнымъ требованіямъ науки, правильно поставленная попытка ученаго изданія памятниковъ малорусской поэзіи“. „Трудъ этотъ, говоритъ г. Веселовскій, будетъ капитальнымъ вкладомъ въ науку о южно-русской народной поэзіи“. Такой-же весьма благопріятный отзывъ данъ былъ и проф. Котляревскимъ въ отчетѣ о книгахъ, удостоенныхъ Уваровской преміи.

Вмѣстѣ съ достоинствами труда указаны были и его недостатки. Г. Веселовскій въ своей рецензіи (Спб. Вѣдомости, 1874 г., № 278) признаетъ, что терминъ „историческій“ понимается издателями нѣсколько шире, чѣмъ принято это обыкновенно, по крайней мѣрѣ, на Западѣ. Историческаго характера за многими колядками и щедрівками, причисленными издателями къ отдѣлу пѣсень вѣка дружиннаго и княжескаго, г. Веселовскій не признаетъ— также точно, какъ и за нѣкоторыми балладами, внесенными въ этотъ отдѣлъ, но спеціально не принадлежащими Малороссіи. Легенду о Золотыхъ Воротахъ онъ считаетъ варіантомъ отреченнаго греческаго сказанія.

Н. И. Костомаровъ въ статьѣ своей „Историческая поэзія и новые ея матеріалы“ (Вѣстникъ Европы, декабрь, 1874 г.), въ противность г. Веселовскому, полагаетъ, что гг. издатели еще недостаточно широко понимаютъ слово „историческій“ по отношенію къ памятникамъ народнаго творчества. За пѣснями, причисленными къ вѣку дружинному и княжескому, Н. И. признаетъ характеръ „историческихъ“ пѣсень въ обширномъ смыслѣ слова, но отрицаетъ толкованіе гг. издателей о собственныхъ именахъ, встрѣчающихся въ этихъ пѣсняхъ (Ивана Берладника, Даніила Галицкаго, Романа Мстиславича). „Въ числѣ пѣсень, отнесенныхъ къ разряду пѣсень дружиннаго и княжескаго вѣка, говоритъ г. Костомаровъ, нѣтъ ни одной, о которой можно было-бы сказать положительно, что она относится къ такому-то лицу или такому-то событію, извѣстнымъ по лѣтописи“. Признавая заслугу гг. издателей между прочимъ и въ томъ, что они правильно замѣтили поддѣльность многихъ мнимо-народныхъ произведеній, г. Костомаровъ полагаетъ, что подробныя черты этой поддѣльности въ сборникѣ не приведены, да кромѣ того сборникъ не остался все-таки безъ вторженія псевдо-народныхъ элементовъ, чему указаны и примѣры.

Не подлежитъ сомнѣнію и никѣмъ изъ свѣдущихъ людей не отрицается, что въ изданныхъ до сихъ поръ матеріалахъ южно-русскаго народнаго творчества оказалось весьма много *историческихъ* чертъ древняго періода жизни русскаго народа (понимая слово историческій въ обширномъ смыслѣ слова). Но до сихъ поръ *не найдено ни одной пѣсни, пріуроченной къ извѣстному лицу или извѣстному событію, занесенному въ нашу русскую лѣтопись*. Всѣ попытки комментаторовъ отнести ту или другую пѣсню къ какому-либо лицу или событію древняго періода русской жизни разбиты солидною критикою. Или комментаторы ошибаются въ самомъ толкованіи, принимая нарицательныя имена за собственныя (что и указано вышеупомянутыми рецензіями), или пѣсня представляетъ пересказъ мистической легенды (легенда и пѣсня о Золотыхъ Воротахъ, по разъясненію г. Веселовскаго), или-же, наконецъ, пѣсня оказывается подложною. Такъ знаменитая дума о походѣ князя-язычника на Царьградъ, дума, съ которой такъ долго носились наши этнографы, оказывается поддѣльною (послѣ изслѣдованій Н. И. Костомарова). Отсутствіе слѣдовъ богатырскаго эпоса въ южно-

русской поэзіи въ былое время возбудило сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно-ли древнія южно-русскія племена, пересчитанныя въ лѣтописи—предки теперешняго малорусскаго народа. Явилось даже предположеніе, что древность пребыванія въ приднѣпровьи теперешняго южно-русскаго племени не восходитъ далѣе XIV вѣка. На это возражали, что слѣды древняго періода исчезли вслѣдствіе сильнаго вліянія на народную память эпохи козацкихъ движеній, столь обильной фактами народной политической жизни. Правда, что послѣ изслѣдованій г. Стасова, поколебавшихъ русскую историческую основу богатырскаго эпоса, вопросъ этотъ потерялъ всю свою прежнюю остроту. „При болѣе глубокомъ изученіи народныхъ памятниковъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, окажется, что если въ малорусской народной поэзіи нѣтъ тѣхъ полу-сказокъ, полу-пѣсень, которыя называются въ великорусской поэзіи былинами, за то слѣды давней жизни очень ощутительны въ народныхъ пѣсняхъ“. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и г. Костомаровъ въ той-же своей статьѣ представилъ перечень бытовыхъ чертъ дружиннаго и княжескаго вѣка, извлеченныхъ изъ обнародованнаго уже матеріала. Слѣдовательно, не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что если народный эпосъ сохранилъ такіе живые и ясные слѣды быта древней дружинно-вѣчевой эпохи, то предки этого народа органически пережили этотъ историческій періодъ и черты его отразили въ созданныхъ ими пѣсняхъ.

Тѣмъ не менѣе древность пребыванія теперешняго южно-русскаго населенія именно *въ землѣ полянъ,* какъ центрѣ древняго періода русской исторіи, ничѣмъ не доказана *со стороны южно-русскаго народнаго эпоса.* При такомъ обиліи изданнаго матеріала *неужели не найдется въ народной памяти никакого слѣда о событіяхъ древняго періода, неужели не отыщется ни одной пѣсни, пріуроченной къ какому-либо факту XI или XII вѣка,* имѣвшему мѣсто *именно* на территоріи древнихъ полянъ? Настоящая статья представляетъ собою попытку рѣшить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

II.

Народный эпосъ—драгоцѣнный матеріалъ для человѣка, изучающаго народную жизнь вообще и прошлыя черты этой жизни въ

частности. Драгоцѣненъ онъ главнымъ образомъ потому, что имѣетъ въ себѣ много жизненности, свѣжести, неподдѣльности. Изслѣдователь отрывается отъ сухихъ, часто совершенно безцвѣтныхъ *письменныхъ* историческихъ памятниковъ и стряхиваетъ архивную пыль среди безхитростныхъ и наивныхъ произведеній народной музы. Изучая въ письменныхъ историческихъ памятникахъ внѣшнія, болѣе или менѣе громкія проявленія народной дѣятельности, онъ очень рѣдко встрѣчается съ трудно-уловимымъ обликомъ самаго народа, особенно въ томъ случаѣ, когда народъ этотъ имѣетъ весьма мало развитыя формы политической жизни. Только въ словесныхъ памятникахъ народнаго творчества онъ сталкивается лицомъ къ лицу съ мыслью и чувствомъ самого народа. Только здѣсь онъ можетъ подслушать импульсъ народной жизни, только здѣсь получитъ онъ ту силу, которая одушевитъ задуманный или исполненный имъ трудъ. Не „красивою иллюстраціею" послужатъ бытовыя пѣсни русскаго народа для будущаго талантливаго бытописателя, какъ полагаетъ г. Веселовскій, а источникомъ и притомъ не только „надежнымъ", но существеннымъ и, смѣло можно сказать, самымъ главнымъ.

Слово „историческій"—весьма упругое слово и многими понимается различно. По отношенію къ памятникамъ народной поэзіи оно совершенно ясно опредѣлено г. Костомаровымъ. „Считать между историческими пѣснями, говоритъ достоуважаемый ученый, слѣдуетъ всѣ тѣ пѣсни, *гдѣ выражается движеніе народной жизни въ какой-бы то ни было вѣтви ея*". Съ этой точки зрѣнія, признавая взглядъ гг. издателей на слово „историческая пѣсня" большимъ шагомъ впередъ („въ исторической пѣсни отражаются измѣненія общественнаго строя народа"), г. Костомаровъ дѣлаетъ имъ укоръ въ неполнотѣ ихъ сборника, указывая, что они, въ силу своего опредѣленія, должны были выбросить изъ сборника пѣсни со слѣдами древняго язычества и слѣдовательно несомнѣнно историческаго (въ общемъ смыслѣ) характера. Позволяю себѣ только замѣтить, что сборникъ, надлежаще систематизированный на основаніи вышесказаннаго опредѣленія границъ историческихъ пѣсень,—это такая грандіозная работа, которая по силамъ только цѣлой группѣ ученыхъ, стоящихъ во всеоружіи современнаго народознанія.

Собиратели пѣсень—это работники, подготовляющіе матеріалъ. Многіе изъ нихъ, не лишенные серьезнаго историческаго образо-

ванія, искушаются заманчивостью изслѣдованія и комментируютъ свои собранія, стараясь опредѣлить періодъ, къ которому относится пѣсня, и сличая ее съ письменными источниками или съ историческими легендами. Конечно, часто дѣлаются ошибки и промахи, но вмѣстѣ съ тѣмъ часто попадаются и цѣнныя сближенія, которыя вовсе не лишни будутъ настоящему, вооруженному надлежащею научною силою, изслѣдователю.

Нечего здѣсь говорить о томъ, какую огромную услугу исторической наукѣ оказали изслѣдованія сказокъ, народныхъ легендъ и историческихъ пѣсень. Сравнительное изученіе народнаго эпоса представителями науки дало богатые результаты, измѣнило взглядъ на имѣвшіяся уже историческія легенды и выяснило темныя, первыя, страницы народной жизни.

Дѣло надлежащаго изслѣдованія произведеній народнаго творчества—дѣло весьма трудное. Ученый изслѣдователь, подобно геологу, съ большою осторожностью и вниманіемъ счищаетъ съ какой-либо пѣсни или легенды постепенныя наслоенія, открываетъ болѣе древнія формы и наконецъ, путемъ сравнительнаго изученія, дѣлаетъ надлежащій выводъ и придаетъ извлеченному матеріалу надлежащее значеніе.

Но собранный и представленный ему матеріалъ часто (или, лучше сказать, почти всегда) теряетъ ту почву, на которой онъ собранъ, тѣ, хотя и второстепенныя, но весьма важныя условія, среди которыхъ онъ записанъ. Расказчикъ или пѣвецъ сопровождаетъ легенду или пѣсню какими-либо замѣчаніями, приводитъ слова какой-либо другой пѣсни или легенды и т. д. Часто одно слово, одинъ намекъ освѣщаетъ сразу смыслъ и историческое значеніе памятника, наводитъ на сближенія нежданныя и негаданныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащія и необходимыя. Правда, черезчуръ рьяные изслѣдователи увлекаются, Богъ знаетъ куда, и часто въ обыкновенной бытовой пѣснѣ усматриваютъ ошибочно слѣды какого-нибудь историческаго факта. Это вовсе не бѣда. Опытный знатокъ дѣла въ послѣдствіи укажетъ ошибку. За то сколько драгоцѣнныхъ находокъ остаются не разгаданными, именно благодаря тому, что собиратели изъ первыхъ рукъ ограничиваются только одною записью расказаннаго или пропѣтаго, не обращая вниманія на окружающія условія.

Въ былое время я принадлежалъ къ числу такихъ работниковъ-собирателей. Записывая изъ народныхъ устъ сказки, пѣсни и легенды, я, въ бытность свою въ Кіевѣ, началъ вмѣстѣ съ И. П. Новицкимъ, у котораго имѣлись богатые собранные имъ матеріалы, подготовительныя работы къ составленію сборника южно-русскихъ пѣсень [1]). Обладая такимъ значительнымъ матеріаломъ и по возможности относясь къ дѣлу научно, мы, конечно, не могли не искуситься и пустились въ комментаріи и сравнительное изученіе. Возвращаясь съ этнографическимъ богатствомъ, добытымъ среди народа, мы сличали его съ экземплярами нашей коллекціи и съ замираніемъ сердца ожидали-бывало какихъ-либо новыхъ заманчивыхъ сближеній и слѣдовъ. То было счастливое время золотой молодости и рьяной увлекающей работы. Она — эта работа неопытныхъ этнографовъ въ богатой области южно-русскаго народнаго творчества — придавала силу и свѣжесть научному труду и оставила у меня на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе.

Къ тому времени относится представляемая теперь счастливая находка. Говорю—счастливая, потому что слѣды древняго происхожденія пѣсни найдены были совершенно случайно, вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ. Я позволю себѣ разсказать весь процессъ этого случайнаго изслѣдованія, такъ какъ разсказъ будетъ подтвержденіемъ высказанной мною мысли: какъ важно для кабинетныхъ работъ сохраненіе тѣхъ иногда весьма мелкихъ условій, при которыхъ матеріалъ записывается работникомъ-собирателемъ.

III.

Многоуважаемый мой старый знакомый, Петръ Ивановичъ Ревякинъ въ былое время представилъ читающей публикѣ нѣсколько весьма интересныхъ и талантливо написанныхъ этюдовъ по южно-

---

[1]) Со всѣхъ сторонъ южнаго края въ наши руки стали стекаться этнографическіе матеріалы, которыми постепенно обогащалось наше собраніе. По обстоятельствамъ я долженъ былъ оставить родину, а слѣдовательно и лишиться этнографической почвы. Имѣвшійся матеріалъ (за весьма немногими исключеніями) переписанъ былъ въ двухъ экземплярахъ и, какъ мнѣ извѣстно, многіе номера изъ предполагавшагося сборника доставлены были г. Новицкимъ гг. профессорамъ взявшимся за обработку южно-русскихъ пѣсень.

русской этнографіи. Его „сближенія и слѣды“ печатались въ „Основѣ“ (Невро-Литвины, Тарпаны, Лыцарі-невмираки, Баба Прокопчиха). Живя въ своей „Волчьей Долинѣ“, не далеко отъ Бѣлой церкви (кіевской губерніи), онъ приручилъ къ себѣ этнографическое сокровище—одноглазаго діда Омелька и въ его поэтическихъ разсказахъ отыскивалъ черты древнѣйшихъ легендъ и суевѣрій.

Послѣ прекращенія „Основы,“ П. И. пріютилъ свои „сближенія“ въ изданіи весьма скромномъ и библіографически-рѣдкомъ—„Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, редакторомъ которыхъ я имѣлъ честь состоять въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1863 года. Одно изъ этихъ изслѣдованій П. И., именно „сближеніе историческихъ показаній съ народною легендою о древнемъ Торческѣ“, оттиснутое мною въ видѣ отдѣльной брошюрки (которую едвали теперь можно гдѣ нибудь отыскать) имѣетъ непосредственное отношеніе къ предмету настоящей статьи.

П. И. въ 1862 г. посѣтилъ развалины Торча, древняго городка на р. Стугнѣ, и записалъ изъ устъ селянина безъискуственную легенду, поразительно совпадающую съ лѣтописнымъ разсказомъ. Тамъ-же онъ получилъ въ подарокъ сокирку (топорикъ), найденную въ развалинахъ.

Извѣстно изъ лѣтописи, что турецко-татарское племя торковъ осѣлось въ приднѣпровьи и ославянилось. Во время распрей между внуками Ярослава, половцы пошли войной на русскую землю и осадили Торческъ. Русскіе князья явились на помощь торчанамъ.

Отмѣтимъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописи.

Подъ 6601 г. (1093)... Придоша половци мнози и оступиша *Торційскый градъ*... Володимеру пришедшю Кіеву, совокупистася у святаго Михаила и *взяша межи собою распря и котора*.... Святополкъ же и Володимеръ и Ростиславъ *созваша дружину свою на совѣтъ*, хотячи поступити черезъ рѣку, и начаша думати... *Побѣже* Святополкъ. *Побѣже* и Володимеръ съ Ростиславомъ. Прибѣгоша къ рѣцѣ Стугне и вбреде Володимеръ съ Ростиславомъ, нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимерима... И *утопе* Ростиславъ, сынъ Всеволожь (П. С. Р. Л. т. I. Лавр. лѣтопись стр. 93—94).

Половци пустиша по земли воюючи, а *друзіи возвратишася къ Торцьскому*... Половцѣмъ-же осѣдящемъ Торцьскый, *противя-*

щимъ же ся Торцьскомъ и *крѣпко борющимся* изъ града, убиваху многы отъ противныхъ; половци же начаша налегати и *отъимаху воду* и *изнемогати* начаша *людье въ градѣ* водною жажею и голодомъ. И прислаша торци къ Святополку, глаголюще: аще *не пришлеши брашна, предатися имамы.* Святополкъ-же *посла имъ* и *не бѣ лзѣ вкрастися въ градъ,* множествомъ вой ратныхъ... *Изнемогоша люды въ градѣ гладомъ и предашася ратнымъ* (П. С. Р. Л., Лавр. лѣтопись, т. I, стр. 93—96).

Послушаемъ теперь путеводителя П. И. Ревякина по развалинамъ Торческа-Корнія Валового.

„Винъ (городъ) ще за тіхъ князьківъ, що колысь-то князювали у Кыиві, Красному и Трыпіллі, тому може съ тысячу літъ е.... Кажуть городъ вельми сыльный бувъ; непріятелю (*гóрды* тоді все ходили) *не можна було ёго добути.* Якъ зачнуть лізти на валы, то торчане давай на ихъ пущати колодками зъ валівъ: потовчуть, потовчуть ихъ добре, а вони і одійдуть знову у шаньці. Ёго такъ хитрощами і узяли: *воду одвернули съ Стугны* да *чумакомъ... Прийшли князьки на помічь* торчанамъ, тай давай проміжъ себе *колотытьця* та *радитись.* А орда, не думаючи, не радючись, якъ кинецьця на ихъ, такъ усіхъ и *потопила* у Стугні.

Продолжаетъ не выдержавшій характера Омелько.

„А все одъ *Торча не відступають; облягли ёго,* щобъ *вінъ не мавъ чого ісṫы й пити; воду,* виходить, *одвели,* а сами узяли та зробили півтораста чумачихъ возівъ; у перві понакладали *борошна,* а у зостальнихъ сами залягли тай кажуть: *се ми вамъ правъянтъ одъ помощи веземо.* Ті—мабуть у ночи діло було—и відчинили имъ браму. Такъ Торчъ й узяли“.

П. И. Ревякинъ, въ концѣ своего замѣчательнаго сближенія, радуется тому, что *нашелъ настоящій Торческъ* и опровергъ мнѣніе Татищева, Карамзина, Фундуклея и др. о томъ, что древній Торческъ въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи (село Торчица).

Но это очень скромно. Легенда, имъ записанная на развалинахъ древняго города и столь поразительно схожая съ лѣтописнымъ сказаніемъ, *ясно доказываетъ древность южно-русскаго населенія въ приднѣпровьи* и, на ряду съ другими доказательствами, указанными г. Котляревскимъ въ статьѣ его: „Были-ли малоруссы исконными обитателями полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ

въ XIV вѣкѣ“ (Основа, октябрь, 1862 г.), опровергаетъ мнѣніе о южно-русской недавней колонизаціи въ страну полянъ-великоруссовъ.

Но и этого мало. Многоглаголаніе дивнаго Омелька (да живетъ онъ еще многіе годы, или да будетъ надъ нимъ земля перомъ, если онъ уже удалился изъ юдоли плача), записанное ничего не пропускавшимъ П. И., даетъ теперь возможность опровергнуть эту вымышленную колонизацію и слѣдами о событіи XI вѣка, *сохраненными въ южно-русской современной пѣснѣ.*

IV.

Пробѣгая вмѣстѣ съ П. И. его рукописи, я, съ его позволенія, выписалъ слѣдующую страницу изъ повѣствованій діда Омелька.

— „А ты бувъ на Торчі?“

— „Скілько разъ! Підъ нимъ ціла різа земли буде, и місце е, де стояла церква—теперъ тільки яма. Сиділи діти надъ сею ямою—глядять—клубочокъ шовковый. Давай вони мотати, а церква выходить, выходить—вже и баню видно. Ажъ тутъ прибігла за ними матка. Що ви тутъ вражи діти робите?—Вона такъ знову й шурхнулась въ землю. Якъ поідемо, то все побачимо“.

„Ихъ, бачите, не можна було ніякимъ средствіемъ узяти. Отбивались було торчане колодами, пущаючи зъ валу та пращуючи. *Чумакомъ узяли.* Воды, значицьця, не було“.

— „Чумакомъ?“

— „Хтось выдумавъ: а давай, братці, спорядимъ півтори сотні возівъ, ніби хуру съ правъянтомъ веземо. Имъ й отворили браму, впустили въ кріпость, а тіи й взяли городъ. Такъ и теперъ співають“.

А зробимъ, братці, півтораста возовъ,
Да поидемо въ Азовъ.
Приходе купчина питае.
У насъ, брате, товаръ дорогий.

— „Се, Омельяне, вже не до того, тутъ про Азовъ споминаецьця, а не про Торчъ.“

— „А може Торчъ у старину и такъ звався. На що жъ мы называемо Одессу Одессою, колы вона настояще—Гаджубей. Може такъ и Торчъ звали колись Азовомъ. Давне діло.“

Въ 1865 году, въ одно изъ своихъ этнографическихъ блужданій, я попалъ въ жидовскую корчму и покоилъ свое измученное тѣло среди бебеховъ, оглушаемый крикомъ молящихся дѣтей Израиля (дѣло было подъ субботу). Пьяный солдатъ—хохолъ, ввалившись въ корчму, заоралъ какую-то пѣсню. Я вынулъ тетрадку и, по обычаю, сталъ записывать. *„Эй сдѣлаемъ, братці, сто пъятдесятъ возовъ, эй поѣдемъ братці въ Азовъ“*. Далѣе слѣдовали общероссійскія ругательства, къ южно-русской этнографіи не относящіяся.

Мнѣ причудилось, что я гдѣ-то слышалъ начало этой чепухи. Въ Кіевѣ, разбирая всякую всячину, я случайно натолкнулся на Омельковъ разсказъ и на четыре строки Омельковой пѣсни. Пьяный солдатъ пѣлъ исковерканную пѣсню объ осадѣ Торческа и, подобно тому, какъ дідъ Омелько, по словамъ П. И Ревякина, послужилъ пружиною къ открытію древняго Торческа, жрецъ Марса способствовалъ къ открытію пѣсни о событіи XI-го вѣка.

Начались розыски въ нашей богатой коллекціи собранныхъ и записанныхъ пѣсень, и на свѣтъ Божій появилась слѣдующая пѣсня, записанная г. Ильницкимъ отъ Трофима Литвиненка въ селѣ Великая Снітинка (кіевской губерніи).

1. Ой що то за крячокъ, що по морі літае?
2. Що то за бурлачокъ, що все народъ збірае?
3. Ой крикнувъ-покрикнувъ сильно багачъ молодый:
4. „Ой збірайтеся, хлопці, а все народъ майстровый!
5. Гей зробімо, хлопці, панове молодці, тай півтретяста возовъ,—
6. Гей та купимъ мы, брацьці, панове молодці, тай півтретяста паръ воловъ.
7. Гей запряжемъ мы, брацьці, панове молодці, та въ ті новиі возы,
8. Ой та підемъ мы, брацьці, панове молодці, въ Кремень-городъ на базаръ,
9. Ой наберемъ мы, брацьці, панове молодці, а все дорогый товаръ—
10. Все лысыці та куныці та чорниі соболя,
11. А будемъ мы преставлять ажъ у городъ Кышинёвъ,
12. А зъ города Кишинева та привеземъ у Ростовъ.

13. Тай поставемъ мы, брацьці, панове молодці, та въ три улиці рядомъ;
14. Ой та прійдуть къ намъ, брацьці, панове молодці, а три купці молодихъ.
15. Вони въ насъ запитають, а що въ васъ за товаръ?
16. Эй, у насъ товаръ дорогый:
17. Все лысыці та куныці та чорны соболя,
18. А вы, купці-молодці, вы пріятелі мои,
19. Та постойте вы, чумаченьки, ажъ до завтрешняго дня,
20. А въ завтрешнему деньку мы въ васъ товаръ заберемъ
21. И вамъ деньги покладемъ;
22. Та кому срібло, кому злото, кому сукна дорогі,
23. Ой а кому не достане, той тому будеть доволі.
24. Та продавайте, чумаченьки, сей товаръ дорогый,
25. А мы пойдемъ, бурлаченьки, по Ростову пройдемъ,
26. А щей бурлаченьки по Ростову не пройшли
27. А вже наши чумаченьки сорокъ возовъ продали.

Примѣчаніе пѣвца: „А вони це прывезли у возахъ не товаръ, а козаківъ".

Этотъ варіантъ Омельковой пѣсни, имѣя общую, формальную впрочемъ, черту съ легендой (товаръ на ста пятидесяти чумацкихъ возахъ: півтораста, півтретяста возовъ), могъ только дать слабое указаніе послѣднимъ примѣчаніемъ пѣвца о томъ, что козаки, запрятанные въ чумацкіе возы, обманомъ прошли въ какой-то городъ [1]. Омелько, дѣйствительно, могъ приплести къ своей замѣчательной легендѣ, какъ-бы живьемъ взятой изъ лѣтописи, обрывокъ какой-то пѣсни ни къ селу, ни къ городу. Да и самое сказаніе о томъ, что городъ взяли чумакомъ, т. е. что въ возахъ, наполненныхъ брашномъ (борошномъ) и, будто-бы, посланныхъ русскими князьями для

[1]) Въ сборникѣ чумацкихъ пѣсень г. Рудченка, вышедшемъ въ свѣтъ уже въ 1874 году, напечатаны четыре варіанта нашей пѣсни. Въ текстѣ послѣдняго варіанта сказано:

Прийде до насъ славный купець молодый;
Эй що въ вашихъ возахъ та товаръ дорогый?
У насъ лисиці та куниці та чорні соболі.
Якъ одкрые рогожу, ажъ тамъ добрі молодці.

голодающихъ торчанъ, спрятались половцы и такимъ образомъ хитростью вошли въ городъ, — можетъ быть только фантастическимъ прибавленіемъ, не имѣющимъ историческаго основанія. Вѣдь въ лѣтописи сказано только, что Святополкъ, по требованію торчанъ, послалъ имъ брашно (борошно въ разсказѣ Омельки), но „не бѣ лзѣ вкрастися въ градъ". „Людье въ градѣ изнемогоша гладомъ и предашася ратнымъ". Но какимъ образомъ городъ былъ взятъ—хитростью или силою—въ лѣтописи ни слова. Да если-бы даже сказаніе Омелька о взятіи города *чумакомъ* и розыскалось въ лѣтописи, то невозможно было-бы доказать, что найденная пѣсня поетъ именно про это событіе. Ни одного собственнаго имени: не то что сло́ва—половецъ, торчанинъ, но нѣтъ даже сло́ва орда, татары. Можно было-бы предположить, что древнее имя „половцы" могло замѣниться новымъ, болѣе памятнымъ для южноруссa — татары. Пѣсня представляетъ собою чумацкую пѣсню, и даже не совсѣмъ обыкновенную, а достаточно безсмысленную, очевидно искаженную.

Эта-та безсмысленность содержанія пѣсни и побудила насъ пуститься, не унывая, въ новые розыски.

Отысканъ былъ новый варіантъ, записанный г. Косачемъ въ м. Василивщинѣ, васильковскаго уѣзда, кіевской губерніи.

1. Ой щожъ-то за кречетъ,
2. Що по морю крякае?
3. Ой щожъ-то за бурлака,
4. Що молодцівъ збірае?
5. А збірайтеся, братьтя,
6. А все народъ мастерной;
7. Ой зробимо, братьтя,
8. Півтораста сімъ возовъ,
9. Ой купимо, братьтя,
10. Півтораста сімъ паръ воловъ.
11. И поставимо, братьтя,
12. Півтораста сімъ молодцовъ.
13. И поідемо, братьтя,
14. У той городъ у Азовъ.
15. И станемо, братьтя,
16. Ю(у)лицями у подовжъ.
17. Выйдуть и къ намъ, братьтя,

18. Превеликиі купці,
19. А питатимуть, братьтя,
20. Що за товаръ у возахъ?
21. Охъ, у насъ товаръ, братьтя,
22. Усе товаръ, товаръ дорогый:
23. Все куныці, лисиці,
24. Та все чорны соболі...
25. А по завтрашнимъ, братьтя,
26. Побачемо ще й сами.
27. Ой изъ вечора, братьтя,
28. Орда городъ обняла,
29. А и къ півночи, братьтя,
30. Орда въ городъ увійшла.
31. А и къ світові, братьтя,
32. Волы й возы забрала.
33. Кому суконъ, кому злота,
34. Кому суконъ дорогихъ—
35. А которому недостача,
36. То туркенівъ молодихъ.

Вторая половина этого варіанта въ высшей степени замѣчательна. Въ пѣснѣ является слово орда. „Горды тоді все ходили, говорилъ П. И. Ревякину Корній Валовый. „*Орда* потопила“ князей. „Орда, по словамъ Омелька, одбила провьянтъ“. Орда, по словамъ пѣсни, разбираетъ богатства, захваченныя въ городѣ. Она облегаетъ *городъ* вечеромъ, входитъ въ *городъ* въ полночь („мабуть у ночі було діло“—говоритъ Омелько въ своей легендѣ), а утромъ грабитъ имущество гражданъ. Орда *захватываетъ* возы съ товаромъ. Разница со словами Омелька: Омелько и первый варіантъ говорятъ, что въ городъ вошли обманомъ, чего въ лѣтописи нѣтъ; второй варіантъ прямо говоритъ, что орда захватываетъ возы, что болѣе согласно съ лѣтописью, по которой Святополкъ не могъ доставить брашна осажденнымъ торчанамъ.

Если-бы какая-либо татарская орда въ болѣе позднее время захватила турецкій Азовъ и стала грабить турокъ и брать въ плѣнъ турчанокъ, какимъ образомъ фактъ этотъ отразился-бы въ южно-русскомъ эпосѣ и на какомъ основаніи? И почему воспоминаніе объ этомъ фактѣ сохранилось-бы именно въ пѣсняхъ, *записанныхъ*

или слышанныхъ только около Днѣпра (ибо, не смотря на тщательные розыски, варіантовъ изъ другихъ мѣстъ не оказалось) [1]). Наконецъ драгоцѣнны послѣдніе два стиха: кому не достаетъ суконъ и золота, *тотъ уводитъ въ плѣнъ молодыхъ туркенiвъ.* По моему убѣжденію, это существительное женскаго рода отъ имени Торкъ, Торчинъ, Торчанинъ—*Торкеня* [2]) (и буква „у" замѣнила букву „о" позже, такъ какъ самое имя древнихъ торковъ исчезло изъ сознанія народнаго). „Половци-же, пріимше градъ, запалиша и огнемъ, *люди раздѣлиша* и *ведоша въ вежѣ* къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ", говоритъ лѣтописецъ. „Много роду хрестьяньска стражюще: печальни, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустнѣвше лици, почернѣвше тѣлесы; незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены терньемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: „азъ бѣхъ сего города" и другія: „азъ сея вси"; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и вздышюче... (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 96).

Итакъ, изъ сопоставленія легенды Омелька, лѣтописнаго разсказа и двухъ приведенныхъ варіантовъ, я вывожу, что пѣсня наша—*обломокъ исторической пѣсни о событіи XI вѣка.*

Историческія пѣсни, въ тѣсномъ смыслѣ слова, о событіяхъ древней русской исторіи и могутъ быть только обломками. Онѣ входятъ иногда какъ часть въ пѣсни козацкія, чумацкія, бурлацкія, рекрутскія и даже солдатскія. Чѣмъ меньше историческихъ именъ, историческихъ чертъ въ такой пѣснѣ,—тѣмъ она достовѣрнѣе, если только можно разобрать ее путемъ сравнительнымъ, т. е. сличить съ лѣтописью, съ легендами, съ развалинами, какъ въ данномъ случаѣ. Пѣсни о древнихъ событіяхъ, оказавшіяся подложными, и

---

[1]) Изъ четырехъ варіантовъ, сборника г. Рудченка, три тоже приднѣпровскіе (Жаботинъ, Васильковъ, Елисаветградъ); четвертый, сообщенный г. Костомаровымъ,—не извѣстно откуда.

[2]) Въ варіантѣ В. сборника г. Рудченка (стр. 84) при взятіи Азова разбойники берутъ въ плѣнъ *черкесочокъ* молодыхъ. Этотъ варіантъ, искаженный временемъ, какъ и всѣ прочіе, и далъ, вѣроятно, г. М. Т—ву въ его статьѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 г.) поводъ къ сближенію пѣсни съ фактомъ взятія Азова козаками въ XVII вѣкѣ, о чемъ сказано будетъ ниже.

били глаза опытнымъ знатокамъ древности своимъ, такъ сказать, благообразіемъ и quasi-древнимъ складомъ.

Окончу словами г. Костомарова: „Хотя свѣжесть и яркость представленій о козацкомъ вѣкѣ значительно ослабла въ воспоминаніи народа, но все еще народъ въ общихъ чертахъ помнитъ объ этомъ вѣкѣ, а о дружинахъ и старыхъ князьяхъ удѣльно-вѣчеваго строя не имѣетъ онъ и тѣни представленія. Это однако не мѣшаетъ въ его пѣсняхъ, безсознательно для него самого, оставаться слѣдамъ давней старины, подобно тому какъ и объ язычествѣ своихъ предковъ народъ забылъ совершенно, однако не только въ его пѣсняхъ и обрядахъ, но и въ его нравахъ и понятіяхъ найдется много языческаго, понятнаго только для наблюдателя, вооруженнаго наукою".

Все конечно такъ. Народная пѣсня проходитъ тѣже типическіе фазы, какъ и народная жизнь. Если козацкая пѣсня временъ Запорожья (и слѣдовательно историческая въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) перешла въ пѣсню чумацкую или бурлацкую и потеряла свои специальныя историческія особенности (чему есть многіе примѣры), то кольми паче пѣсня о событіи эпохи удѣльно-вѣчевой. Она постепенно теряла свои существенные признаки, переживая эпоху козачества, гайдамаччины и наконецъ бурлачества и чумачества. Она искажается, принимаетъ новыя имена изъ чумацкой географіи (Кишиневъ, Азовъ, Ростовъ, Кремень-городъ), хотя по содержанію своему не представляетъ ничего характерно-чумацкаго или бурлацкаго, какъ другія пѣсни этого цикла народной жизни. И даже критическій ножъ опытнаго изслѣдователя окажется безсильнымъ очистить всѣ эти нанесенныя вѣками наслоенія и добраться до древняго типа. Только иногда—и то совершенно случайно —она открываетъ свою тайну счастливому работнику-собирателю [1]).

---

[1]) До какого разнообразія доходятъ взгляды гг. собирателей и изслѣдователей на историческіе слѣды въ народныхъ пѣсняхъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Г. Рудченко въ разбираемой нами пѣснѣ видитъ тоже весьма древнюю бытовую черту торговли мѣхами и мѣновой торговли (стр. 4). Г. М. Т—въ (въ статьѣ «Ученая экспедиція въ Западно-Русскій край», Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 г.) признаетъ въ этой-же пѣснѣ великорусское происхожденіе и видитъ въ ней перефразировку прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова при Михаилѣ Ѳеодоро-

Сопоставимъ имѣющіеся у насъ факты:

1) Тождественность легенды, записаной на развалинахъ Торческа, съ лѣтописнымъ разсказомъ не подлежитъ сомнѣнію. Народное происхожденіе легенды очевидно, ибо не возможно предположить, чтобы она была осколкомъ лѣтописнаго разсказа, занесеннаго въ народъ въ позднѣйшее время.

2) Взятіе города *чумакомъ*, посредствомъ хитрости—подробность, въ лѣтописи не находящаяся и, очень можетъ быть, не историческая въ тѣсномъ смыслѣ слова. Значеніе ея заключается въ томъ, что она *органически связываетъ* легенду съ пѣснею, а слѣдовательно составляетъ звено между пѣснею и лѣтописью.

3) Эта связь пѣсни съ легендою становится еще яснѣе отъ сличенія *подробностей* легенды и втораго варіанта пѣсни.

4) Имена собственныя—Ростовъ (во второмъ варіантѣ Азовъ), Кишиневъ, Кремень-городъ — происхожденія позднѣйшаго, той эпохи, когда пѣсня, созданная въ приднѣпровьи, въ землѣ древнихъ торковъ, приняла видъ бытовой пѣсни, и историческія черты ея утратились въ народномъ сознаніи.

5) Имена—орда, туркеня (торкеня), бездоказательныя сами по себѣ, получаютъ сами первенствующую важность въ совокупной силѣ доказательствъ и представляютъ несомнѣнный историческій слѣдъ.

6) Довольно трудно принять предвидимое возраженіе противъ предыдущаго тезиса, ибо невозможно предположить, чтобы взятіе татарами Азова и уводъ въ плѣнъ турчанокъ (если-бы что нибудь и было въ этомъ родѣ) отразилось въ южно-русскомъ эпосѣ. Это противорѣчило-бы основнымъ законамъ народнаго творчества.

7) Видимая безсодержательность искаженной временемъ пѣсни (и въ особенности перваго варіанта) и несходство ея характера съ общимъ типомъ южнорусскихъ чумацкихъ пѣсень—можно причислить также къ одному изъ доказательствъ ея древности.

А. Стояновъ.

вичѣ (напечатаннаго въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др. 1864 г., кн. III, отд. V). Г. М. Т—въ полагаетъ, что этому сказанію должна была отвѣчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ никѣмъ (стр. 108).

Записки кіевскаго мѣщанина Божка Балыки о московской осадѣ 1612 года.

(Изъ лѣтописнаго сборника Ильи Кощаковскаго).

Въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 2168, хранится весьма интересный историческій сборникъ, составленный въ Кіевѣ въ XVII столѣтіи. Сборникъ этотъ, написанный полууставомъ южнорусскаго письма на толстой сѣрой бумагѣ in 4-to, заключаетъ въ себѣ 168 страницъ, исписанныхъ сжатымъ, весьма впрочемъ старательнымъ, почеркомъ. Всѣ заглавія и начальныя буквы красныхъ строкъ писаны киноварью. Книга переплетена весьма изящно въ старинный переплетъ, покрытый бѣлою лоснящеюся кожею и на лицевой сторонѣ переплета оттиснута золотыми, церковно-славянскими буквами надпись: *«Лѣтописци Волыни и Оукраины»*. Въ разныхъ мѣстахъ книги помѣщены приписки, которыя содержатъ почти полную исторію странствованія рукописи изъ Кіева въ Червоную Русь и перехода ея изъ рукъ въ руки. На страницѣ 3—47 внизу листовъ сдѣлана такая приписка: «сія книжка монастира подгородискаго [1]) отъ велебного отца Іліи Кощаковскаго, уставника монастиру межигорского, которій ту, близко отчества своего, до монастира подгородиского, зближившися, и лѣтъ три змешкавши, житіе свое скончихъ дня 5 іануарія ҂аѱк року, 1720 anno, а записанна есть до монастира подгородиского ҂аѱка року, за старшенства велебного отца Ісаіі Дунаевского, ігумена подгородиского, его власною рукою». Затѣмъ на страницахъ: 1—3, внизу находится дальнѣйшая приписка: «Die 6 Decembris 1750 hunc librum, cui titulus Kronika Ruska, usui patris Hieronimi Zurakowski in senili aetate ex residentia Horodyscensi acceptum, post obitum praefati patris supradictae residentiae restituendum censeo. Silvester Koblanski. ord. S. B. M. provincialis R. m. p. [2]). Изъ слѣдующей приписки, сдѣланной на наружной обложкѣ книги,

[1]) Подгородцы—село, лежащее нынѣ въ стрыйскомъ округѣ Галиціи на рѣкѣ Гнилой Липѣ; нѣкогда принадлежало къ рогатинскому староству.

[2]) Декабря 6 дня 1750 года. Полагаю, что книгу сію, носящую заглавіе „Русская лѣтопись", взятую изъ городисскаго монастыря для пользованія отцемъ Іеронимомъ Жураковскимъ, бывшимъ въ преклонныхъ лѣтахъ, за смертью реченнаго отца, слѣдуетъ возвратить въ городисскую обитель. Сильвестръ Коблянскій, провинціялъ русскій (червонорусскій) ордена св. Василія Великаго, собственною рукою.

узнаемъ, что это распоряженіе провинціала было исполнено, а равно и какова была дальнѣйшая судьба рукописи; приписка эта гласитъ: «Hoc opusculum, post abolitum monasteriolum Horodyscense anno domini 1758, insertum est cathalogo librorum monasterii Leopoliensis ad S. Georgium» [1]). Наконецъ послѣдняя приписка, помѣщающаяся на первой и послѣдней (168-й) страницахъ, свидѣтельствуетъ (впрочемъ безъ означенія года), что рукопись принадлежала въ теченіи нѣкотораго времени монастырю св. Георгія; вотъ эта приписка: «Ex bibliotekа monasterii Leopoliensis s. Georgii Martyr» [2]). Затѣмъ о дальнѣйшей судьбѣ рукописи свѣдѣнія не записаны.

Составъ лѣтописнаго сборника весьма разнообразенъ и интересенъ, какъ по содержанію многихъ статей, вошедшихъ въ его составъ, такъ и по той характеристикѣ научнаго движенія въ средѣ образованнаго, книжнаго кіевскаго общества XVII столѣтія, которую возможно воспроизвести на основаніи подбора и группировки статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ.

1) Первая, бо́льшая часть книги (стр. 1—90) занята лѣтописною компиляціею, заглавіе которой, писанное киноварью, красуется на первой страницѣ рукописи: «Кроника русская о россійскихъ самодержцехъ и великихъ царехъ, откуду и како быша, подобаетъ взыскати. Здѣ вонмемъ и услышимъ и обрящемъ отъ сего, яко отъ Августа, кесаря рымскаго корень ихъ вышелъ». Эта первая статья сборника представляетъ компиляцію, составленную частью изъ Стрыйковскаго, Гвагнини и другихъ писателей XVI ст., частью изъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ, при чемъ, въ числѣ послѣднихъ извѣстій, встрѣчаются хотя изрѣдка свѣдѣнія совершенно оригинальныя, несомнѣнно заимствованныя изъ южно-русскихъ сводовъ; извѣстія эти иногда сходны съ извѣстіями Синопсиса, иногда-же совершенно самостоятельны, какъ напримѣръ описаніе кіевскихъ укрѣпленій, сказаніе о взятіи Чернигова Батыемъ и т. п.

Вторая половина рукописи заключаетъ 6 отдѣльныхъ статей, расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

2) *Записки Богдана Балыки* «О Москвѣ и о Дмитрію царику московскомъ» (стр. 91—99). Какъ вслѣдствіе интереса содержанія этой статьи, такъ и въ качествѣ матеріала для характеристики быта и литературнаго развитія кіевскаго мѣщанина начала XVII столѣтія, мы помѣщаемъ ее ниже цѣликомъ.

3) *"Лѣтописецъ вторый"* (стр. 100—120). Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ сводъ, составленный изъ пяти лѣтописныхъ отрывковъ, въ видѣ непрерывнаго повѣствованія; впрочемъ отдѣлить эти отрывки другъ отъ друга легко не только на основаніи содержанія и пошиба изложенія, но и по чисто внѣшнимъ

---

[1]) Это сочиненіе, послѣ упраздненія городисскаго монастырка въ 1758 году, занесено въ каталогъ книгъ львовскаго монастыря св. Георгія.

[2]) Изъ библіотеки львовскаго монастыря св. мученика Георгія.

признакамъ: хотя всѣ отрывки переписаны послѣдовательно другъ за другомъ, но хронологія каждаго удержана и начало каждаго слѣдующаго отрывка уже замѣтно потому, что возвращается хронологически назадъ, захватывая часть времени, уже разсказаннаго въ предыдущемъ отрывкѣ. Въ общихъ чертахъ содержаніе каждаго отрывка заключается въ слѣдующемъ: 1) Первая часть обнимаетъ извѣстія съ 1051 по 1492 годъ: въ началѣ до 1177 года это мѣстная монастырская лѣтопись кіево-печерскаго монастыря, затѣмъ съ указаннаго года она становится областною лѣтописью смоленской земли, заключая въ себѣ то извѣстія вполнѣ самостоятельныя, то по временамъ такія, которыя вошли въ лѣтопись т. н. Быховца. 2) Вторая часть обнимаетъ время 1394—1572; она мало интересна и заключаетъ краткія записки о великихъ князьяхъ литовскихъ. 3) Не болѣе интереса представляетъ и третяя часть (1516—1600), содержащая краткія замѣтки, относящіяся къ исторіи Рѣчи Посполитой и о судьбахъ козачества. 4) Нѣсколько болѣе самостоятельна часть четвертая (1393—1611), представляющая краткую областную лѣтопись земель кіевской и волынской. 5) Наконецъ послѣдній отрывокъ (1612—1620) составляетъ продолженіе предъидущаго, написанное гораздо подробнѣе и живѣе; это настоящая лѣтопись областная кіевская, веденная очевидцемъ описываемыхъ событій.

4) Четвертую статью сборника составляетъ: *Линѣя митрополитовъ кіевскихъ православныхъ* (стр. 120—127). Это перечень кіевскихъ митрополитовъ, доведенный до 1690 года. Въ началѣ помѣщены одни имена, съ конца-же XVI столѣтія, т. е. съ Михаила Рогозы, сообщаются краткія біографіи каждаго митрополита.

5) Пятая статья (стр. 127—135) озаглавлена: *Выводъ народу славенскому и Рускому* и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о разселеніи славянъ, о пути изъ варягъ въ греки и о пришествіи св. Андрея въ Русь:—все это заимствовано изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и затѣмъ, въ видѣ приложеній и поясненій, дополнено извлеченіями изъ Гвагнини (о рѣкахъ въ Сармаціи) и изъ хроники Мартына Бѣльскаго (о событіяхъ, относящихся къ Руси съ 1025 по 1378 годъ).

6) Шестая статья (стр. 135—141) представляетъ оригинальную кіевскую областную лѣтопись за время 1608—1700 годъ; лѣтопись эта составлена въ межигорскомъ монастырѣ, вѣроятно самимъ Ильею Кощаковскимъ, и отличается живостью изложенія, самостоятельностью и глубокимъ интересомъ сообщаемыхъ извѣстій.

7) Наконецъ послѣ промежутка въ двѣ страницы, оставленнаго пробѣломъ, помѣщена послѣдняя статья (стр. 143—168): *Война волоская отъ цесаря турецкаго Османа.* Это переводъ одного изъ польскихъ дневниковъ хотинскаго похода 1621 года, написаннаго кажется Опалинскимъ и интересовавшаго кіевлянъ, вслѣдствіе выдающейся роли, какую игралъ въ этомъ походѣ козацкій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный.

В. А.

О Москвѣ и о Дмитрію, царику московскомъ ложномъ. Сіе писалъ мещанинъ кіевскій именемъ Божко Балыка, который самъ тамъ былъ и самовидецъ тому былъ.

Року 1604 мѣсяца октоврія 1 дня уѣхалъ въ Кіевъ царикъ московскій на день Покровы Пресвятыя Богородици въ понедѣлокъ, а зъ нимъ былъ воевода сендомирскій и староста острицкій [1]), панъ Ротомскій. Стоялъ господою у бурмистра Митковича, а возился [2]) у Вышгородѣ, и пошолъ на Путивль. Зъ Путивля выйшолъ на веснѣ, року 1605, мая 3 дня. Сѣлъ на царствѣ на Москвѣ того жъ року; короновано постомъ Иліи, а забили его року 1606, мая 9 дня; а битва сталася [3]) на заутрешний святого Миколы въ пятокъ.

Чти не ложно, бо писанъ сей литописецъ презъ людей певныхъ, мещанъ кіевъскихъ, хто тамъ былъ и очима своима видѣлъ. Писалъ Божко Балыка.

Року 1612, генваря 9 дня нещасливого выѣзду моего зъ Кіева въ дорогу московскую и терпѣнія великого голоду и неволи увъ осадѣ насъ купцовъ до килка сотъ, ижъ во всемъ свѣтѣ голодъ неслыханный и въ кройникахъ [4]) не писаный.

Тогожъ дня, на день святого мученика Поліевкта, былемъ я, Богданъ Балыка, у дому ихъ милостей: пана Александра и пана Созона Балыкъ, войтовичовъ кіевскихъ, братіи моей, а потомъ былемъ въ дому пана Савостіяна [5]), бурмистра кіевского, тестя своего, и зъ его дому пустилемся [6]) въ дорогу, за возами; ночовалъ тую ночь у Новоселкахъ, у Десны, въ четвертокъ. У пятокъ поткалъ козаковъ стародубскихъ, а у суботу своихъ догналъ въ Навозѣ селѣ, на обѣдѣ. Тогожъ месеца 14 дня увъ Ялѣ селѣ споткали Марка, товариша небожчика Боргоцкаго: провадилъ зъ Москвы тѣло князя Доманта и Пархома полковника, которые побиты у штурми подъ городомъ Стародубомъ. Дня 15 до Лоева пріехали есмо и поткали Миска Хурсенка, ехалъ зъ Смоленска. 17 дня выѣхали зъ Лоева. Дня 18 приехали до Гомля; на завтрый день приехали до насъ: Ивашковскій, пол-

---

[1]) Остерскій. [2]) Переправился. [3]) Убійство произошло. [4]) Лѣтописяхъ.

[5]) Савостіянъ Брачи, италіянецъ архитекторъ, приписавшійся въ кіевское мѣщанство. [6]) Я отправился.

ковникъ козацкій и зъ ясавуломъ Северином Перехрестомъ; 21 дня выехали зъ Гомля; за три дня приехаля до Стародуба, тамъ стояли 14 дней; посылали Богьдана Гулженка за войскомъ за Десну, але не могли вѣдомости взяти о войску; а потымъ посылали двухъ москалей до Новъгородка, до Лемона, племѣнника воеводина, жебы зъ нимъ торговалъ; и оттоль ни зъ чимъ приехалъ. Тогожъ року месеца февраля 6 дня изъ Стародуба выѣхали, 9 дня до Крысова приехали; 14 дня приехали до Мстиславля; 24 дня приехали до Смоленска; нашолемъ тамъ пана Струса и зятя своего Козѣку. 24 дня Струсъ изъ людомъ [1]) пошолъ и къ столыци. Тогожъ месеца 24 дня пустилися есмо, праве зъ незносным жалемъ, за Струсомъ до Вязмы. Въ среду 26 дня пана Струса разбили шиши, маетку много взяли и девять человѣка пѣхоты убили; а мы у селѣ Жижинѣ пана Хотымѣрского догнали, а на завтра черезъ тотъ трупъ ехали. Месеца марта 1 въ неделю православную приехалисмо до Вязмы и нашлисмо тамъ: Скоробогатого, и Богдана Гребенника, и Стефана Хмеля, купцовъ, мѣщанъ кіевскихъ. Тогожъ месеца 6 самъ панъ Струсъ зо всѣмъ войскомъ пошолъ былъ икъ столыци, и мы за нимъ, але для лихои дороги ухабистои и для шишовъ и снѣговъ великихъ панъ Струсъ миль двѣ отишолъ, а мы двѣ версты отишли отъ деревни князя Ивана Алгидіева; перво мы вернулися до Вязмы 7 дня, а потомъ и панъ Струсъ вернулся зо всѣмъ войскомъ. Тогожъ дня Омелянъ Скоробогатый и Стефанъ Хмель вернулися, поехали до Кіева, а мы такъ весь постъ великій и после великодня килка недель лежали. О середопостѣ нѣмцевъ человѣка 60 пришло до Вязмы и шишовъ на дорози громили такимъ способомъ: якъ выйшли зъ Смоленска, указано имъ где стоять; нѣмцы сами легли у возахъ по килка человѣка и покрылися рогожами и казали подводникамъ помалу ехати; шиши, то обачывши, розумѣли, же то купцы идутъ, на ортахъ (sic) до возовъ кинулися, а они шишовъ близко припустили, и заразъ зъ мушкетовъ на оныхъ разбойниковъ ударили, такъ, же ихъ килкадесятъ забили, и ранныхъ килкадесятъ поймали, а иныхъ по острожкахъ морозъ подушилъ, ледво убѣгло щось немного. Потомъ, после великодня, жолнере, и нѣмцы, и пехота, иншіе и наши охочіи ходили и килка зъ острожковъ достали и зъ корыстю вернулися. Тогожъ року мая 1 дня монастырскій полковникъ и Ширай другий два острожки взяли и килка

[1]) Съ войскомъ.

сотъ бояръ и шишовъ побили и до Вязмы, до пана Струса зъ товаришами приехали. На завтрей у мене, Боска Балыки, былъ панъ Струсъ у господи Василія Подопрысвѣта. Дня 3 мая я зъ Монастырскимъ и зъ товаришомъ выехали къ Середѣ, замку, и были у Середѣ дней 21. Дня 24 изъ Середы выехали, бояръ и што у турмѣ сидѣли 21 человѣка постинали, и Середу спалили всю. Тоеижъ ночи противъ недели была тривога великая; купци всѣ, покидавши возы, хотѣли утѣкати; шиши ударили, але не зыскали [1]) ничого, бо наши противъ ихъ выехали и прогнали; 26 дня скончавши (sic). шиши, которыи зъ Калуги пошли до Пскова, было ихъ килка сотъ, до царика, що былъ ново прослылся у Псковѣ, на насъ зъ корогвами ударили, але ихъ заразъ [2]) наши усперли [3]) и килкадесятъ ихъ забили и хоружого Ивашка зъ корогвою [4]) поймали, и иныхъ козаковъ, зъ ними будучихъ, живцомъ поймали, и 70 возовъ зъ розною живностю и зъ горѣлками [5]) взяли. Потомъ 28 дня пришлисмо знову до Вязмы.

Тогожъ року, месеца іюня 5 дня, пришолъ подъ столицю панъ Янъ Карулъ Хоткевичъ, гетманъ литовскій, и панъ Струсъ, и насъ купцовъ не мало, и Ширай зъ козаками притягнулъ и около рѣки Москвы обаполъ [6]) стали. Дня 11 Зборовскій, вышедши изъ столици, пошолъ до Полщи, зъ нимъ и наши кіяне пошли до Кіева: Урмянинъ и Ширима. Тогожъ месеца 12 дня въ нещасливый часъ уехалисмо въ столицю московскую и заперто насъ у осадѣ изъ паномъ Миколаемъ Струсомъ и старостою Хмелницкимъ и зъ полковникомъ кролевскимъ, паномъ Будиломъ, и панъ Теляфусъ, панъ Калиновскій, и панъ Вгонецкій, ротмистръ кролевскій и нашихъ пановъ до килкадесятъ, ротмистровъ и пехоты кролевскои и насъ, мещанъ кіевскихъ, человѣка 20, окромъ челяди, и я, Боско Балыка, и инших купцовъ немало зъ инших мѣстъ. Мы изъ Струсомъ и зъ Ложнею (sic) стали у Станислава господою противъ цар-пушки. Дня 13 гетманъ зо всѣмъ войскомъ своимъ изъ столицы пошолъ. Іюня 27, изъ суботы на неделю, князь Дмитрий Тимофѣевичъ Трубецкий, Мартинъ Ісаіевичъ Заруцкий, и было въ нихъ люду до килка тысячей, и до Китайгорода зъ трехъ сторонъ до штурму приступили: до двохъ брамъ, где Чорторыйская львица стоитъ; тамже ихъ добре наши усперли [7]) и до килка сотъ ихъ убили. Тогожъ

---

[1]) Успѣли. [2]) Тотчасъ. [3]) Отразили. [4]) Знаменемъ. [5]) Водкою. [6]) По ту и по другую сторону. [7]) Отразили.

лѣта, августа во 2 день притягнулъ князь Дмитрий Лопатенко подъ столицу и иныхъ князей не мало зъ людомъ. 14 августа панъ Хоткевичъ гетманъ знову тутже зъ людомъ притягнулъ, первей пѣхота церковъ святого Георгія опановали [1]), а Москва заперлася у церкви святого Климентія у въ острожку на самой дорозѣ, и наши ихъ тамъ достали [2]) и килка дѣлецъ [3]) отняли, и была тамъ битва велми великая отъ утра до вечера, и усперли были наши Москву добре, Пожарского князя подстрелили въ руку, и почали были зъ табору Москва утѣкати; наши тежъ выпадши зъ Кремля, помочи своимъ додавали, и килка поручниковъ изъ хорогвами [4]) и зъ пехотою до насъ у муръ передалися, а гетманъ подъ Поклонную гору отступилъ и не могъ до столици пробитися, жебы живности своимъ дати; а въ середу праве зъ великимъ жалемъ [5]) всего нашего рицерства и насъ, бѣдныхъ купцовъ, отъ столици прочъ пошолъ, а насъ, увъ осадѣ началъ стискати голодъ, бо пехота, що ихъ было 600, почалы псы и кошки ѣсти. Тогожъ лѣта септеврія дня 14, голодъ велми сталъ утискати, пехота новая стала зъ голоду мерти и мало не вси вымерли, и наша пѣхота и товариство также все поѣли; нѣмцы кошки и псы всѣ поѣли, медъ (sic) и зѣля, и травою и леда чимъ живилися, бо все Москва отняла; дорогувля великая стала: селедецъ былъ по ползолотого, шкури воловыи перво были по пять золотыхъ, а потомъ стали по 12 золотыхъ; сыра мандрыку куповали по 6 золотыхъ; хлѣбъ денежный 10 золотыхъ; мы сами куповали калачъ денежный 7 золотыхъ. Около святои Покровы велми силный голодъ знялъ: жита чверть золотыхъ 100, овса чверть 40 золотыхъ, крупъ кварта 20 золотыхъ; зъ лободына насѣня/печеный, якъ гречаныкъ пѣняжный—три золотыхъ. Панъ Харлинский, капитанъ пихотный взялъ за меринца 500 золотыхъ, а чверть себѣ отрѣзалъ; за корову давали 600 золотыхъ; чверть мяса конского была по 120 золотыхъ. А потомъ уже голодъ незносный почалъ трапити, же пѣхота и нѣмцы потай почали людей рѣзати и ѣсти. Мы найперѣпей, идучи отъ церкви ссборной пресвятой Богородыци изъ службы, голову и ноги человѣчіи у ямѣ нашли, у кайстрѣ [6]); вязневъ московскихъ килканадцать человѣка пихотѣ зъ турмы подавали, тыхъ всѣхъ поѣли; потомъ у килка дней несли Москва

[1]) Овладѣли. [2]) Взяли приступомъ. [3]) Пушекъ. [4]) Хоругвь—отрядъ кавалеріи. [5]) Съ большою скорбью. [6]) Въ мѣшкѣ.

уголе майстеромъ денежнымъ у ворота Миколскіе. Гайдуки выскочивши зъ муровъ, одного порвали и заразъ забили и зъѣли; потымъ у килка дней жолнѣръ Воронецъ и козакъ Щербина, впадши въ домъ Ѳедора Ивановича Мстиславского, почали шарпати, ищучи живности, и Мстиславскій почалъ ихъ упоминати; тамже нѣкоторый ударилъ его цеглою [1]) у голову, же мало не умеръ. Довѣдался того панъ Струсъ, казалъ обоихъ поймати: Воронца стято и поховано, а Щербину обѣсити казали, который зъ годину на шибеницы не былъ; пѣхота заразъ отрѣзали и на штуки разрубали и изѣли. Пахолика одного, недавно умерлого, изъ гробу выкопали и изѣли. Октоврія 16 дня выпалъ снѣгъ великий, же всю траву покрылъ и корѣня; силный и не слыханый насъ голодъ змоглъ: гужи и попруги, поясы и пожны и леда костица и здохлину [2]) мы едали; у Китайгородѣ, у церкви Богоявленія, гдѣ и греки бываютъ, тамъ мы изъ Супруномъ килка книгъ нашли паркгамѣновыхъ; тымъ есмо и травою живилися,— а що были предъ снѣгомъ наготовали травы—зъ лоемъ свѣчанымъ [3]) тое ѣли; свѣчку лоевую куповали по полъ золотого. Сынъ мытника Петриковскаго зъ нами увъ осадѣ былъ, того безъ вѣдома порвали и изѣли и иныхъ людей и хлопятъ безъ личбы поѣли; пришли до одной избы, тамже нашли килка кадокъ мяса человѣческого солоного; одну кадку Жуковскій, товаришъ Колонтаевъ, взялъ; той-же Жуковскій за четвертую часть стегна человѣчого далъ 5 золотыхъ; кварта горѣлки въ той час была по 40 золотыхъ; мышъ по золотому куповали; за кошку панъ Рачинский далъ 8 золотыхъ; пана Будиловъ товаришъ за пса далъ 15 золотыхъ, и того было трудно достать; голову человѣчую куповали по 3 золотыхъ; за ногу чоловѣчую, одно по костки, дано гайдуку два золотыхъ; за ворона чорного давали наши два золотыхъ и полъ фунта пороху—и не далъ за тое; всѣхъ людей болше двохъ сотъ пѣхоты и товаришовъ поѣли. Тогожъ року 1612 октоврія 22 дня, наждавшися праве долго ратунку и терпѣвши голодъ неслыханый, а отъ его королевской милости и отъ пана гетмана не могли дождати, зъ великимъ плачемъ всего рыцерства и насъ бѣдныхъ купцовъ, панъ Струсъ и иншое товариство вышписаное мусѣли змиритися [4]); и побрали къ себѣ въ замѣну Бутурлина и другихъ бояръ московскихъ, а отъ насъ къ нимъ пошолъ панъ Будило и Порванецкий. А князь

---

[1]) Кирпичемъ. [2]) Падаль. [3]) Свѣчнымъ са оиъ. [4]) Начать переговоры.

Дмитрій Тимоѳѣевичъ Трубецкий и инъ столникъ, князь Дмитрий Михайловичъ Пожарский и иншихъ князей и бояръ не мало и Москва всѣ, обачивши, же наши отъ голоду велми зморены, и все рыцерство на трактатахъ бавятся [1]) и ротмистрове, козаки и бояре Трубецкого и Пожарского, ударивъши у звоны и поднявши корогви, пошли до стѣны Китайгорода праве силою великою; мы, зъ голоду змордованы, ледво имъ отпоръ дали. Октоврія 26 трактаты [2]) скончйли и присягу выконали, же мѣли всѣхъ въ цалѣ попускати, а потомъ, надъ присягу чинили, всѣхъ розно розвели и маетки разшарпали.

Року 1613, у генварѣ почали зежчатися на обиране царя нового; в той часъ нашихъ ледво пущено, а иныи утѣкали, а иныхъ окупано. И такъ наши воевали Москву.

---

[1]) Медлятъ въ переговорахъ. [2]) переговоры.

Матеріалы для исторіи кіевской духовной академіи.

Письма Якова Евдокимовича Михайлова (впослѣдствіи Іустина, епископа владим.) къ Александру Иван. Бѣлюгову.

(1823—1827 г.).

Въ числѣ *шести* магистровъ *перваго курса* кіевской д. академіи (1819—1823 г.), которые остались въ ней-же наставниками—преподавателями подъ тогдашнимъ названіемъ *баккалавровъ*, былъ *Яковъ Евдокимовичъ Михайловъ*. Наука, которую пришлось преподавать Михайлову, была *Библейская Герменевтика*. 25 февраля 1824 г.—онъ принялъ монашество, а вмѣстѣ съ нимъ и новое имя *Іустина*. Кромѣ должности баккалавра богословскихъ наукъ, іеромонахъ Іустинъ исполнялъ въ академіи и другія должности. Такъ, онъ былъ библіотекаремъ академіи, членомъ *внутренняго* академическаго правленія, членомъ академической конференціи и *внѣшняго* окружнаго академическаго правленія. Въ качествѣ послѣдняго члена, онъ былъ посылаемъ академіею ревизовать семинаріи кишиневскую и екатеринославскую. Наконецъ съ 1826 г. ему поручено было исправлять должность инспектора кіевской академіи, въ каковой должности онъ былъ утвержденъ въ апрѣлѣ 1828 года. Въ маѣ этого года іером. Іустинъ былъ назначенъ ректоромъ кіевской семинаріи. Послѣ ректуры въ семинаріи кіевской, а затѣмъ еще и въ черниговской, Іустинъ посвященъ во епископа—*викарія винницкаго* (въ 1841 г.). Потомъ былъ послѣдовательно викаріемъ *старорусскимъ*, *ревельскимъ* и только въ 1845 г. назначенъ самостоятельнымъ епископомъ—*костромскимъ*. Въ 1850 г. получилъ въ управленіе епархію *владимірскую*. Въ 1863 г. уволенъ, по прошенію, *на покой* и жилъ въ боголюбовскомъ монастырѣ, владимірской епархіи; скончался въ г. Владимірѣ въ 1879 г. 80 лѣтъ отъ роду.

О личности Іустина, какъ академическаго дѣятеля, не сохранилось никакихъ характерныхъ преданій въ средѣ кіевской академіи. Очевидно, что это была личность *скромная*, ничѣмъ особенно себя не заявившая. Но и то нужно сказать:

въ тѣ старыя академическія времена человѣку даже способному и талантливому, но по природѣ и по обстоятельствтмъ жизни робкому, трудно было выразить свои способности и таланты въ дѣлѣ науки такъ, чтобы память о нихъ непремѣнно перешла въ потомство. Доля старинныхъ академическихъ наставниковъ—профессоровъ, съ каѳедры просвѣщавшихъ и поучавшихъ духовное юношество, похожа была на долю актеровъ. Память о нихъ осталась въ умахъ и сердцахъ только тѣхъ, которые ихъ *слушали*. Отъ этихъ слушателей, стало быть, уже зависѣло въ большей или въ меньшей мѣрѣ увѣковѣчить эту память. Но *воспоминаній* о старыхъ академическихъ наставникахъ, воспоминаній живыхъ, рисующихъ образы и типы, мы пока не видимъ, не знаемъ... А о нѣкоторыхъ старинныхъ профессорахъ такихъ воспоминаній уже и быть не можетъ. Некому уже и вспомнить ихъ... *Могшіе* вспомнить уже сами ждутъ своихъ вспоминателей.

Еслибы послѣ Іустина осталиеь какіе-нибудь *печатные* труды—ученые или вообще литературные, изъ времени его академической жизни, или даже и изъ послѣдующаго періода, тогда все-таки на основаніи ихъ мы имѣли-бы возможность нѣсколько судить о внутреннемъ, душевномъ его складѣ, о характерѣ и направленіи умственной дѣятельности этого бывшаго академическаго профессора. Но такихъ трудовъ мы не знаемъ. Въ то старое время выступленіе въ печати было вообще дѣломъ рѣдкимъ и возбуждало смѣлость лишь не многихъ. На печатное слово смотрѣли какъ бы на привиллегію нѣкоторыхъ смѣльчаковъ, съ какимъ-то чрезмѣрнымъ уже благоговѣніемъ, какъ на недоступное священнодѣйствіе. «*Печатный листъ казался быть святымъ*».

Іустинъ безъ сомнѣнія былъ человѣкъ ученый. И кромѣ того, онъ былъ *талантливый*. Недаромъ же его оставили наставникомъ академіи, какъ лучшаго магистра. Положимъ, передъ этимъ онъ далъ начальству обѣщаніе поступить *въ монахи* и поступилъ. Но это уже въ позднѣйшую эпоху академической жизни (съ 50-хъ годовъ) *за монашество* присвоивали ученость и удостоивали степени магистра, а въ первоначальную эпоху ученость была не *слѣдствіемъ* монашества, но *причиною* его: учоныхъ и талантливыхъ студентовъ именно и старались привлекать въ монашество... Таковъ былъ и Іустинъ: но ученость его, внѣ академической авдиторіи, такъ и осталась безъ приложенія и мы не находимъ ея слѣдовъ... Но *стремленіе прилагать* ее, какъ потребность души и какъ выработанную практикой привычку, было у него и проявлялось даже въ старости. Доказательства этому мы находимъ въ біографіи Іустина, помѣщенной во *Владимірскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* 1879 г. и составленной близкимъ его родственникомъ (свящ. *В. Касаткинымъ*), который, какъ видно, пользовался разсказами самого Іустина и его бумагами. Въ этой біографіи говорится между прочимъ: «Бывши ректоромъ семинаріи, преосв. Іустинъ составилъ краткую *Библейскую Герменевтику*, которая начисто переписана и надписана: «составилъ ректоръ черниговской семинаріи *архимандритъ Іустинъ*», но почему-то не была представ-

лена имъ въ цензуру и не напечатана» [1]). Академическая привычка и любовь къ ученому изысканію смысла библіи осталась въ Іустинѣ до глубокой старости. Въ той-же біографіи читаемъ: «живши на покоѣ, преосвященный по временамъ разнообразилъ занятія свои и учеными трудами. Любимѣйшимъ занятіемъ его были *переводы библіи на русскій языкъ* и *сличеніе славянскаго текста* съ *еврейскимъ, греческимъ, латинскимъ* и *французскимъ*. Жалко, что не въ характерѣ было у преосвященнаго пускать свои замѣчанія въ печать. Онъ даже рѣдко писалъ свои ученыя замѣтки на особой бумагѣ, большею частію онѣ писались имъ на тѣхъ самихъ книгахъ, которыя читалъ онъ» [2]). Какъ много можетъ вызвать самыхъ серіозныхъ размышленій, соображеній, выводовъ эта участь пріобрѣсть ученость, владѣть глубокимъ филологическимъ знаніемъ библіи и остаться *ученымъ для самаго себя*, когда кругомъ не вспаханное поле богословской науки!... Очевидно Іустинъ принадлежитъ къ числу старыхъ академическихъ, погибшихъ для духовной науки, силъ. Но, не пріобрѣвши смѣлости и удобства самолично осуществлять свою любовь къ наукѣ—въ той или иной сферѣ богословскихъ изысканій, предназначаемыхъ для общества, Іустинъ, достигши высшихъ степеней церковно-іерархической власти, старался по крайней мѣрѣ ободрять, поддерживать и защищать тѣхъ труженниковъ науки, которыхъ приходилось ему встрѣчать на своемъ вѣку. Въ той же біографіи его читаемъ: «Любя науку, преосвященный поощрялъ къ занятію ею и ученыхъ мужей своей епархіи. Въ его время было много опальныхъ ученыхъ духовнаго званія, поселенныхъ по разнымъ монастырямъ владимірской епархіи въ наказаніе за разные проступки; преосвященный всѣхъ ихъ поощрялъ къ занятію учеными трудами. И многіе изъ нихъ съ охотой занимались ими. Лучшія изъ сихъ произведеній преосвященный представлялъ въ цензурный комитетъ и потомъ печаталъ. Для примѣра достаточно указать на магистра іеромонаха *Іоасафа*.

И такъ, на основаніи данныхъ уже позднѣйшихъ, можно въ нѣкоторой степени представить себѣ образъ Іустина, какъ ученаго академическаго дѣятеля. Онъ былъ *библіологъ*. Объ инспекторской службѣ Іустина при академіи мы ничего не можемъ сказать, не находимъ нигдѣ ясныхъ указаній. Но мы будемъ въ состояніи представить себѣ характеръ его, какъ инспектора, когда узнаемъ, каковъ онъ былъ, *какъ человѣкъ*,—каково было личное настроеніе и направленіе его духа, какъ относился онъ къ людямъ въ своей частной жизни. И тѣмъ болѣе насъ можетъ интересовать этотъ молодой періодъ его жизни, что здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно интереснымъ фактомъ *поступленія въ монашество*, вопреки собственнему влеченію, помимо всякаго разсчета, — съ крайнею душевною

---

[1]) *Влад. еп. вѣд.* 1879 г. № 13-й, стр. 349.
[2] *Ibidem*, № 20, стр. 587-я.

борьбою, глубокимъ и долгимъ потомъ раскаяніемъ въ необдуманномъ роковомъ шагѣ и чистосердечнымъ непринужденнымъ признаніемъ своей ошибки въ дружеской перепискѣ. Въ этомъ наибольшій интересъ помѣщаемыхъ здѣсь писемъ Якова Михайлова. Добрый, мягкій отъ природы, нѣсколько даже простодушный, онъ былъ вмѣстѣ слабохарактернымъ. Ему, какъ лучшему студенту, предложили монашество, и онъ, не подумавши, принялъ его, а когда опомнился, у него не хватило духу взять назадъ данное начальству слово,—такъ и остался, по его собственному выраженію, на всю жизнь въ *кльточкљ* Самую тяжелую борьбу онъ переживаетъ предъ принятіемъ монашества, но и долго спустя сѣтованія на необдуманный шагъ въ жизни не оставляютъ его и онъ при каждомъ случаѣ высказываетъ свою скорбь, предостерегаетъ и друга своего отъ такой же ошибки. Въ исторіи нашего ученаго монашества это фактъ весьма большой важности. Сколько такихъ завлеченныхъ въ монашество и не выдержавшихъ искуса первыхъ лѣтъ! Къ чести Іустина сказать должно, что онъ не падалъ и не палъ въ тяжелой борьбѣ и свято, безупречно выполнилъ невольный свой обѣтъ. Всѣхъ его писемъ *одинадцать*. Они живо рисуютъ намъ самаго Іустина и отчасти друга его, Бѣлюгова, кишиневскаго префессора, извѣстнаго уже намъ по письмамъ къ нему Иннокентія (см. «Кіев. Стар.», мартъ); кромѣ того они представляютъ вообще много чертъ тогдашней *бытовой* академической жизни и сообщаютъ много свѣдѣній о судьбѣ другихъ воспитанниковъ кіевской академіи перваго ея курса.

1.

Кіевъ, 1823 г., ноября 4.

Милой мой другъ!

Александръ Ивановичъ!

Письмо ваше, прошедъ всѣ мытарства на карантинѣ, коекакъ дошло въ Кіевъ. Жалко, что вы не могли исполнить моего прошенія. Препорученіе ваше я исполнилъ безъ всякихъ хлопотъ. Вы говорите, что жизнь ваша кишиневская скучна; почему? Я непремѣнно хочу знать; удовлетворите моему желанію. Я, кажется, ничего не сдѣлалъ такого, что бы возбуждало въ васъ чувство недовѣрчивости ко мнѣ. Слѣдующее письмо ваше не должно быть сухо подобно тому, на которое теперь я отвѣчаю. Живя въ Кишиневѣ, вы конечно не можете имѣть недостатка въ матеріалахъ для переписки. Въ наказаніе вашей сухо-

сти и краткости и я въ настоящемъ письмѣ не буду распространяться; скажу только о нѣкоторыхъ предметахъ.

Преосвященный *Аѳанасій* [1]) прибылъ въ Кіевъ вскорѣ послѣ вашего отъѣзда. Остановясь у о. ректора [2]), онъ сперва явился къ митрополиту, а потомъ уже въѣхалъ въ свой монастырь. Въ первое по пріѣздѣ воскресенье совершилъ литургію съ протодіакономъ митрополитскимъ. Въ понедѣльникъ о. ректоръ всѣхъ насъ представлялъ ему. Хотя мы пробыли у него не болѣе часа, впрочемъ успѣли узнать, что онъ характера веселаго, откровеннаго и ласковаго. Академія еще доселѣ ожидаетъ его къ себѣ. Съ отцомъ ректоромъ живутъ дружно, друга друга посѣщаютъ очень часто.

Несчастные отставные учители волынскіе *Кор.* и *Пот.* [3]) недѣли двѣ уже живутъ въ Кіевѣ. Они просили академическое правленіе о выдачѣ себѣ билетовъ до С. Петербурга, въ которыхъ отказало имъ правленіе волынской семинаріи по наущенію тамошняго архіерея [4]). Академическое правленіе положило было, по долговременномъ впрочемъ колебаніи, выдать имъ билеты, но митрополитъ [5]), основываясь на какомъ-то указѣ, данномъ около 70 лѣтъ тому назадъ, не согласился утвердить представленіе правленія. И такъ они теперь послали прошеніе въ коммисію, рѣшившись ожидать себѣ рѣшенія въ Кіевѣ. Вотъ награда за труды академическіе! [6])

Младшая дочь прот. *Маньковскаго*, о достоинствѣ коей мнѣнія нашихъ товарищей столько были разногласны, увядая постепенно, наконецъ оставила суетную земную жизнь. Погребеніе было торжественное. От. ректоръ начальствовалъ надъ хоромъ священнослужителей. Маньковскій такъ горько плакалъ, что надобно было имѣть каменное сердце, чтобы не принять участія въ его несчастіи. На сихъ дняхъ въ тотъ-же путь отправился

---

[1]) *Аѳанасій Протопоповъ*—магистръ 1-го курса петерб. д. академіи; епископъ чигиринскій—викарій кіевскій съ 1823 по 1826. Скончался архіепископомъ тобольскимъ въ 1842 г.—О немъ помѣщена недавно очень интересная статья въ *Русскомъ Архивѣ* (1881 г., томъ 2, кн. 2).

[2]) Архим. *Моисей Антоновъ*—былъ товарищемъ Аѳанасія по петерб. академіи.

[3]) *Корабликовъ* и *Потемкинъ*, такъ ихъ называетъ Іустинъ ниже.

[4]) *Стефана Романовскаго.*

[5]) *Евгеній Болховитиновъ.*

[6]) *Корабликовъ*—былъ воспитанникъ спб-ской ак. 4-го курса, а *Потемкинъ*, кажется, московской.

священникъ введенской церкви, родственникъ пр. *Серапіона;* молодая и прекрасная его супруга неутѣшно плакала.

Вамъ извѣстно можетъ быть, что въ прошедшемъ мѣсяцѣ были имянины *Путнова* и *Крышинскаго* [1]), но конечно не извѣстно, что новые баккалавры [2]) не были на имевинахъ eam ob causam, quod non erant vocati [3]). Сей случай заставляетъ постороннихъ думать о многомъ, но мы, радуясь тому, что насъ шестеро, ни о чемъ не думаемъ. Будетъ праздникъ и на нашей улицѣ. Давидъ говоритъ, что добро и красно жити братіи вкупѣ, но не всѣ хотятъ послѣдовать его наставленію.

Спиридонъ Васильевичъ [4]) потому-ли, что, по мнѣнію Шада, мужъ безъ жены не можетъ назваться совершеннымъ человѣкомъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, рѣшился жениться на дворянкѣ, дочери одного маіора, какъ говорятъ, довольно богатаго. Пріуготовленія къ брачному торжеству уже начались. Скоро, вѣроятно, дѣло будетъ приведено къ концу. Достоинства невѣсты какъ тѣлесныя, такъ и душевныя, равно какъ и приданое, пока остаются для насъ тайною. Я доселѣ еще не посаженъ въ клѣточку [5]), а потому можетъ быть побываю и на свадьбѣ.

Г. Эммаускій всѣ усилія употребляетъ къ тому, чтобы получить мѣсто священника. Но, по милости митрополита, доселѣ остается безъ мѣста [6]). И при семъ случаѣ нельзя не сказать: такъ-ли должно поступать съ учеными? Естьли такъ награждать ученыхъ, то повѣрьте, что науки въ Россіи никогда не взойдутъ на степень совершенства.

Гг. уманскіе учители [7]), проживъ нѣсколько времени въ Кіевѣ, наконецъ покорясь власти судьбы, съ горестію отправились

---

[1]) Баккалавры кіевской академіи изъ воспитанниковъ спб-ской—Пушновъ 3-го курса, а Крышинскій 4-го.

[2]) То-есть оставленные при академіи магистры 1-го курса уже кіевской академіи—числомъ 6-ть.

[3]) По той причинѣ, что не были приглашены.

[4]) С. В. *Гуляевъ*—баккалавръ кіевск. академія изъ воспитанниковъ 4-го курса академіи спб-ской.

[5]) Т. е. не принялъ еще *монашества.*

[6]) Это—*Ѳедоръ Эмаусскій*—изъ 3-го курса спб-ской д. академіи былъ, вѣроятно, учителемъ въ кіевской семинаріи. Послѣ священства онъ принялъ и монашество подъ именемъ *Христофора* и умеръ въ 1872 г. въ санѣ епископа вятскаго.

[7]) Товарищи Михайлова, назначенные въ Умань: *Петръ Ѳед. Богословскій* и *Петръ Вас. Ольшевскій.*

въ училище. Я одинъ провѣдалъ ихъ. Горестно мнѣ было смотрѣть на нихъ, особенно на Петра Ѳ., который, будучи не совсѣмъ здоровъ, въ одномъ сертукѣ, дрожа отъ холода и заливаясь слезами, садился въ жидовскую брику. Петръ В. поѣхалъ съ уязвленнымъ сердечкомъ. Вы удивляетесь! Онъ самъ предъ всѣми нами confessus est, animum ejus cum animo Olgae, filiae protopr. Semenowsky aretissimo vinculo convinctum esse. Familia Semenowsky firmiter persuasa est, Petrum fore aliquando membrum ipsius [1]). Gabriel Petrovicz proficiscens Uman vale dixit Protopresbitiridi, notae tibi, et filiae ejus [2]). Петръ Ѳ. прислалъ намъ письмо, въ которомъ хвалится хорошимъ пріемомъ смотрителя, того самаго, который нѣкогда excellentissimos magistros et professores [3]) потчивалъ гнилою сельдію и пѣнничкомъ,—и жалуется на нестроеніе, которое начинаетъ уже открываться въ почтенномъ обществѣ кандидатовъ. Что съ ними будетъ далѣе? Богъ вѣсть.

Грузинцы [4]) доселѣ живутъ въ академіи и живутъ весело. Откуда что берется. Самоваръ мой совсѣмъ затаскали. Трофимовичъ [5]) раскаевается, что рѣшился ѣхать въ Грузію, а потому ищетъ средства, какъ бы, не унизивъ себя предъ глазами начальниковъ, отказаться отъ своего слова. Respectu Mariae id mihi solum modo certum est, eam pro dolore summo ingemesare continuo, lacrimas effundere et vae sibi dicere, quam vis non prorsus spei expers est, ut ipse Trofimovitz testatur [6]). Іеларіонъ [7]) также не выѣзжалъ изъ Кіева; желательно, что бы онъ скорѣе выѣхалъ; ибо онъ *Mariam Gubareuю* такъ сдурилъ, что она безъ него дышать

---

[1]) Т. е. сознался, что его сердце тѣснѣйшими узами связано съ сердцемъ Ольги, дочери прот. Семеновскаго. Фамилія Семеновскихъ твердо убѣждена, что Петръ будетъ нѣкогда ея членомъ.

[2]) Т. е. Гавріилъ Петровичъ (*Язевъ*, тоже товарищъ), отправляясь въ Умань, сказалъ *прости* извѣстной тебѣ протоіерейшѣ и дочери ея.

[3]) Т. е. *Бѣлюгова* и *Левчановскаго*, отправлявшихся на службу въ Кишиневъ и подорогѣ заѣзжавшихъ къ уманскому смотрителю. Объ этомъ писалъ Бѣлюговъ къ Михайлову, какъ ниже упоминается.

[4]) Т. е. товарищи Мих., согласившіеся ѣхать на службу въ Грузію—прибыло трое.

[5]) Авксентій Трофимовичъ *Стеценко*.

[6]) Т. е. относительно Маріи мнѣ извѣстно только то, что она отъ сильнѣйшей скорби постоянно вздыхаетъ, проливаетъ слезы и вѣщуетъ себѣ горе,—хотя не совсѣмъ еще лишена надежды, какъ свидѣтельствуетъ, это самъ Трофимовичъ.

[7]) Иларіонъ Ивановичъ *Поржецкій*.

не можетъ. Г. Хлѣбниковъ [1]) очень на васъ гнѣвается, что вы, пиша ко мнѣ, не отдали ему должнаго почтенія. Я всячески старался защитить васъ, приписывая вамъ незнаніе, что его благородіе доселѣ находится въ Кіевѣ; но всѣ мои старанія были тщетны. Посему въ слѣдующемъ письмѣ извинитесь предъ нимъ. Дѣло Петра Максимовича [2]) также не приходило; живетъ съ женою вмѣстѣ. Антонъ Матѳеевичъ *Крупскій* прислалъ письмо, въ которомъ жалуется на свое состояніе. Кандидаты п.-б. [3]), занимающіе должности учительскія при семинаріи, не хотятъ имѣть общенія съ нашимъ кандидатомъ. Волынскіе наши патрады по совѣсти увѣряютъ насъ, что Острогъ по всему праву носитъ на себѣ имя острога. Г. Ѳ. Базилевичъ нынѣ секретарь. Мы уже видѣли бумаги, подписанныя его рукою. Переяславскіе хвалятся своею жизнію. Но полно говорить о другихъ что-нибудь; надобно вамъ сказать о себѣ. Живу я въ той-же комнатѣ, въ какой вы оставили меня; столъ имѣю у о. ректора. Герменевтика составляетъ преимущественный предметъ моихъ занятій; желая по возможности удовлетворить ожиданію студентовъ, не жалѣю трудовъ моихъ. Однажды былъ на лекціи о. ректоръ; по окончаніи лекціи, когда я подошелъ къ нему для принятія благословенія, онъ такъ отозвался о моей лекціи: „вы ясно говорите". Что-то будетъ впередъ,—а до сего времени я не тяготился своею должностію. Будучи удаленъ отъ товарищей—баккалавровъ и представляя себѣ, что мнѣ скоро надлежитъ распрощаться съ пріятностями жизни общественной, я рѣдко бываю веселъ. Стараясь разсѣять скуку, я часто хожу къ товарищамъ, которые иногда, напоминая мнѣ о будущемъ моемъ состояніи, ненамѣренно въ большое смущеніе приводятъ духъ мой. Что-то будетъ со мною... Монахи говорятъ, что жизнь монашеская блаженнѣйшая, но сердце мое говоритъ противное. Но всегда-ли можно вѣрить сердцу? Вотъ вопросъ, который я предлагаю вамъ на разрѣшеніе. Простите! Пребываю къ вамъ съ истинною любовію, преданный вамъ всею душею, другъ вашъ Яковъ.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Василію Григорьевичу [4]) и поблагодарить его за тѣ строки, которыя онъ написалъ

[1]) Григ. Ѳедор. *Хлѣбниковъ*, имѣвшій отправиться въ Грузію.

[2]) Петръ Макс. *Малышевскій*.

[3]) Т. е. петербургскіе.

[4]) Товарищъ—В. Г. *Левчановскій*, служившій вмѣстѣ съ Бѣлюговымъ въ Кишиневской семинаріи.

ко мнѣ. Я хотѣлъ писать къ нему, но случились такія обстоятельства, которыя не позволили исполнить мнѣ моего желанія.

2.

Другъ мой!

Александръ Ивановичъ!

Простите, ахъ ошибся, прости великодушно, что я въ первомъ письмѣ, желая соблюсти правила мірской политики, поступилъ противъ правилъ дружбы. Впредь всегда буду называть тебя не *вы*, а *ты*. Ты говоришь, что письмо мое развеселило тебя. Жалко, что ты не открываешь причины твоей печали. Очень обидно для меня, что ты заставляешь меня читать письма, посылаемыя къ В. Я.[1]) и П. И.[2]). Я хочу читать твои письма. Естьли впредь поступишь такимъ образомъ, — я все право буду имѣть говорить, что ты не расположенъ ко мнѣ. Ты очень занятъ; но В. Г.[3]) не менѣе тебя занятъ, однакожъ пишетъ обильно. Прошу, милой мой, не лѣниться писать ко мнѣ, тѣмъ паче, что я нахожусь въ такомъ расположеніи духа, которое всѣ удовольствія мои разтравляетъ горестію. Искренняя твоя со мною бесѣда для сердца моего послужитъ цѣлительнымъ бальзамомъ. Въ письмѣ твоемъ, на которое теперь отвѣчаю, я думалъ найти лѣкарство противъ той печали; но, къ нещастію, нашелъ противное. Скажи пожалуй, что значать слова твои: *я избралъ состояніе монашеское?* Я знаю всѣ правила герменевтики, но никакъ не могъ дойти до подлиннаго смысла сихъ словъ. Естьли слова твои принять in sensu litterali, выдетъ нелѣпость. Ибо природа сотворила тебя для общества, а не для пустыни. Естьли-же принять in sensu mystico, то и тогда нельзя избѣжать нелѣпости. Ибо никто и никогда, намѣреваясь вступить въ супружество, не говорилъ: я поступаю въ состояніе монашеское. Досадно, право досадно толковать твои слова. Желаніе видѣть тебя въ щасливомъ состояніи заставляетъ меня послѣднее объясненіе предпочесть первому. Поспѣши разрѣшить мое сомнѣніе. Естьли ты не шутишь, но въ самомъ дѣлѣ поступаешь въ монашеское состояніе, то я не могу не сказать: есть чудеса въ мірѣ! Ибо не чудо-

---

[1]) Т. е. къ Вас. Яковл. *Орлову*, товарищу, оставленному, въ числѣ другихъ, баккалавромъ при кіевской академіи.

[2]) Т. е. къ Платону Ивановичу *Ставрову*—тоже товарищу и баккалавру.

[3]) Т. е. В. Г. *Левчановскій*.

ли это, когда образованный, молодой и прекрасный мущина отказывается отъ общества? Опомнись, другъ мой! Что ты дѣлаешь? Богъ накажетъ тебя. Ибо чрезъ монашество ты чрезвычайно его оскорбишь, такъ какъ монашество противно заповѣди, которую Онъ далъ первымъ людямъ. Отечество вознегодуетъ на тебя; ибо ты откажешься, поступая въ монашество, быть ему полезнымъ чрезъ дѣторожденіе. Женщины будутъ вопіять на тебя къ небу. Ибо ты одну изъ нихъ могъ-бы ощастливить. Если ты не откажешься отъ своего намѣренія, то я всегда буду скорбѣть о тебѣ. Если ты дѣйствительно идешь въ монахи, то непремѣнно должна быть сему причина. Желательно бы было мнѣ знать сію причину, дабы смотря на нее можно было опредѣлить степень твоего дурачества. Оставь-ка, другъ, свое намѣреніе. Оженись лучше. Хорошая жена лучше всего. Зная то, что сіи строки написаны отъ сердца, надѣюсь, что ты примешь ихъ съ сердечною расположенностью, и что онѣ заставятъ тебя немедленно откровенно объясниться предо мною.

Хотя ты, по собственному твоему сознанію, чрезвычайно занятъ, впрочемъ надѣюсь, что не откажешься послушать новостей нашихъ. Спиридонъ В. [1]) милостію Божіею нынѣ уже мужъ. Я былъ званъ на свадьбу, но, опасаясь увеличить досаду на самаго себя, заблагоразсудилъ отказаться. Наше общество баккалавровъ и профессоровъ отличилось неумѣніемъ танцовать. Госпожи Гуляевой я доселѣ не имѣлъ щастія видѣть, а потому о качествахъ ея не могу ничего сказать утвердительнаго. Другіе говорятъ, что она не красавица, но довольно миловидна, добра и чувствительна, ибо читаетъ романы. Но оставимъ ее въ покоѣ. Грузинцы выѣхали изъ Кіева въ Грузію. Авксентій Т. не женился на М., но поклялся жениться. Богъ знаетъ, исполнитъ-ли онъ свою клятву. Вчерашняго дня Петръ Максимовичъ (который недавно будучи утвержденъ въ должности учителя орловской семинаріи, еще не выѣжжалъ изъ Кіева) былъ въ домѣ *Таранецкой* и узналъ, что все семейство непрестанно плачетъ и жалуется на обманщика [2]); дѣло о конференціи пришло, но конференція еще не открыта. Членами оной утверждены: ректоръ, инспекторъ [3]) *Кириллъ* [4]), *Скворцовъ*,

---

[1]) Спир. В. *Гуляевъ*, баккалавръ.

[2]) Т. е. на А. Т. *Стеценко*.

[3]) Архим. *Смарагдъ Крыжановскій*.

[4]) Архим. *Кириллъ Куницкій*, ректоръ кіевской семинарі , а затѣмъ и академіи.

Евгеній[1]) *Пушновъ*, *Сигиревичъ*, *Стефанъ Семеновскій* и *Маньковскій*. Сочиненія, назначенныя для напечатанія, возвратились изъ Петербурга ненапечатанными. Лаврѣ кіевской или лучше ея типографіи предоставлена честь выдать въ свѣтъ знаменитыя творенія воспитанниковъ кіевской академіи. Дипломы ваши пріуготовлены. Ищите лучшаго столяра, который-бы въ состояніи былъ сдѣлать для нихъ рамы. *Потемкинъ* и *Кораблиновъ*[2]) доселѣ еще въ Кіевѣ. Г. Поржецкій остался безъ мѣста; вскорѣ отправится въ свою епархію. Марія Ивановна до безумія его любитъ, но едвали съ нею не случится того, что случилось съ Таранецкою. Дѣло мое крюки декастерскіе доселѣ еще держатъ у себя. Что будешь дѣлать съ безмозглыми тварями. Вотъ тебѣ новости кіевскія! Не угодно-ли послушать новостей не-кіевскихъ? Волынское сем. правленіе сильно дѣйствуетъ противъ архіерея. *Лотоцкій*[3]) уже оженился на дочери того протоіерея, который въ нѣсколькихъ верстахъ живетъ отъ Острога и присутствуетъ въ консисторіи. Г. Базилевичъ секретаремъ, а *Собкевичъ*[4]) экономомъ. *Наркиссъ Новицкій* священникомъ уже и ключаремъ собора. Невѣста *Ѳеофила Новицкаго* вышла замужъ. Прощай! другъ твой. Як. М.

Прошу какъ можно скорѣе прислать отвѣтъ. Ибо я хотя не совсѣмъ увѣренъ въ истинѣ твоихъ словъ, однакожъ никакъ не могу успокоить робкую мою душу.

Василію Григорьевичу засвидѣтельствуй мое почтеніе и объяви ему, что на дочери протоіерейши Воздвиженской женится профессоръ *Лабодовскій*.

Кіевъ 1823 г. дек. 4 дня.

P. S. Тебѣ пишу, ты одинъ и читай.

3.

Другъ мой!

Александръ Ивановичъ!

Благодарю тебя за письмо отъ 9-го генваря; оно удовлетворило моему желанію. За поздравленіе твое съ новымъ годомъ

---

[1]) Іером. *Евгеній Соловьевъ*, баккалавръ кіевской академіи, изъ магистровъ *втораго курса* московской.

[2]) Упомянутые въ 1-мъ письмѣ волынскіе учители, ведшіе тяжбу съ тамошнимъ архіереемъ *Стефаномъ Романовскимъ*.

[3]) Аѳанасій Лукичъ *Лотоцкій*, впослѣдствіи архим. *Амвросій*.

[4]) Антонъ Иван. *Собкевичъ*.

плачу поздравленіемъ взаимнымъ. Причина, по которой ты отказываешься отъ супружеской жизни, удивила меня и, вмѣстѣ, ясно доказала, что ты довольно еще имѣешь дѣтскаго. Подобнаго твоему поступка рѣдко можно отыскать даже въ романахъ. Какое удовольствіе сдѣлаешь ты твоей любезной кіевлянкѣ, когда пойдешь въ монахи? Она, услышавъ о странномъ твоемъ поступкѣ, можетъ быть сперва погорюетъ, а потомъ, видя, что уже нельзя горемъ воротить миленькаго голубчика, начнетъ искать себѣ другаго и нашедъ забудетъ о тебѣ. Она, соединившись съ милымъ, будетъ блаженствовать, а ты, будучи запертъ въ клѣточку, безпрестанно будешь тосковать, лить слезы и можетъ быть, не могши перенесть страданій сердца своего, преждевременно сойдешь съ поприща сей жизни. Ты говоришь, что она любитъ тебя; но развѣ ты не слыхалъ отъ опытныхъ, что любовь есть такая болѣзнь, которая удобно излечивается разлученіемъ любящихся лицъ? Поживши годъ, два, не веди переписки съ ней; она, постепенно теряя изъ памяти твой образъ, наконецъ забудетъ тебя и безтрепетно отдастъ руку свою другому. Она можетъ быть и теперь уже успокоилась. Жалко, что я ее не знаю; я постарался бы узнать ея положеніе и извѣстить тебя. Вотъ то-то, Шаша, надобно было жить въ академіи по откровеннѣе. Любилъ и былъ любимъ, а я ничего этого не зналъ. Не обида ли это? для чего было тебѣ не раскрыть предо мною своего сердца? Будучи скрытнымъ въ Кіевѣ, не будь таковымъ въ Кишиневѣ, разумѣется въ отношеніи ко мнѣ. Напиши имя, фамилію и мѣсто пребыванія той, которую ты носилъ въ сердцѣ своемъ. Я посмотрю, достойна-ли она той ужасной жертвы, которую ты намѣренъ принести въ честь ея. Признаюсь, другъ, что я о сердцѣ твоемъ совершенно иначе думалъ; я думалъ, что оно твердо подобно камню, но опытъ доказалъ, что оно мягче воску. Я увѣренъ въ томъ, что любовь сильна; но не могу представить себѣ, чтобы она могла довести человѣка до такого состоянія, въ какомъ ты теперь находишься. Есть-ли чувствуешь въ себѣ сколько-нибудь силъ, вооружись противъ тиранки, возобладавшей тобою; сбрось съ себя ея иго. Побѣда, одержанная тобою, будетъ источникомъ твоего щастія. Молодость твоя и красота привлекутъ къ тебѣ руку молодой, прекрасной и умной дѣвушки. Есть-ли же ты совершенно не способенъ къ противоборству, то мнѣ кажется, лучше тебѣ соединиться съ любимою тобою, нежели итти въ монахи. Положимъ, что ты будешь жить не богато, но за то будешь покоенъ, ибо будешь

обладать тѣмъ предметомъ, который теперь смущаетъ твое сердце. Что же ты думаешь найти въ монашествѣ? Черная одежда не избавитъ тебя отъ пламени любви. Онъ безпрестанно будетъ пожирать твое сердце, такъ, что ты не радъ будешь своей жизни. Милая всегда будетъ находиться въ твоемъ воображеніи и тогда ты, вмѣсто монаха, будешь нещастнѣйшимъ любовникомъ, который лишенъ всѣхъ средствъ соединиться съ обожаемымъ предметомъ. Другъ мой! Пиша сіе, я не осмѣливаюсь отнимать у тебя свободы. Впрочемъ увѣряю тебя, что монашество будетъ для тебя источникомъ горестей. Теперешнее твое худое положеніе еще болѣе заставляетъ меня противиться твоему намѣренію. Богъ знаетъ, чѣмъ кончится ваша ссора съ Р...[1]) Можетъ статься, что неправда одержитъ верхъ надъ правдою—и ты невинно пострадаешь. Свѣтскому человѣку должность при семинаріи не такъ дорога; онъ всюду можетъ найти для себя мѣсто. Но монаху лишиться училищной должности значитъ всего лишиться. Ибо монастырь для ученаго человѣка есть гробъ. Подожди, другъ, избирать состояніе. Можетъ быть перемѣнятся обстоятельства. Забудь на время о кіевлянкѣ; можетъ быть встрѣтятся съ нею такія обстоятельства, которыя заставятъ ее забыть о тебѣ. Тогда ты будешь имѣть полное право изгнать ее изъ своего сердца.

Ссора ваша заставляетъ меня страшиться за тебя; противная сторона сильнѣе вашей; васъ могутъ преодолѣть и обидѣть. Мнѣ кажется, вамъ лучше примириться, естьли это можетъ быть сдѣлано безъ униженія своего достоинства. Милый мой! веди себя поосторожнѣе. Я знаю изъ собственнаго опыта, что неосторожность можетъ ввергнуть человѣка въ бѣдственное состояніе. Напиши мнѣ о семъ предметѣ по-обстоятельнѣе. Я очень безпокоюсь о тебѣ. Я увѣренъ, что твое дѣло право, но не увѣренъ въ томъ, чтобы всѣ почитали его таковымъ. Дѣйствуй, но съ мудростію зміиною. Отецъ *Смарагдъ* [2]) послалъ тебѣ отвѣтъ; посему я не нужнымъ почелъ узнавать его мысли о твоемъ намѣреніи. Мое дѣло еще не приходило; ожидаю со дня на день; Ивана Алексѣевича [3]) уже не стало: на мѣсто его явился іеромонахъ *Иннокентій*. Онъ пишетъ, но не къ намъ, а къ Евгенію.

---

[1]) Съ ректоромъ кишиневской семинаріи арх. *Иринеемъ*.

[2]) Инспекторъ кіевской академіи.

[3]) Т. е. Ивана Алексѣевича *Борисова*.

Чѣмъ ближе подходитъ мой роковой день, тѣмъ, тѣмъ, тѣмъ... Что со мною будетъ? Отецъ ректоръ еще не выѣзжалъ изъ Кіева; на сихъ дняхъ непремѣнно отправится [1]). Преемникъ его, отецъ *Мелетій*, бывшій нашъ любезнѣйшій инспекторъ. Надѣемся, что съ нимъ будетъ хорошо намъ жить, естьли только кто нибудь не воспользуется добротою его сердца ко вреду другихъ. Сочиненія еще не отпечатаны. Конференція открыта предъ Рождествомъ. Мы получили дипломы; ваши скоро будутъ присланы, какъ говоритъ секретарь. Грузинцы, выѣхавъ изъ Кіева 24 ноября, прибыли въ Бѣлгородъ 24 декабря. Такъ скоро ѣздятъ! Въ Грузію пріѣдутъ развѣ чрезъ годъ. Кто изъ нихъ въ какой городъ поѣхалъ, право не знаю, ибо грузинскія имена трудно помнить. О состояніи Марьи Тимоф. ничего не знаю. Тетушка и сестрица твоя здоровы; онѣ недавно были въ нашей церкви. Тотъ, кто тебѣ писалъ о сестрѣ съ невыгодной стороны, есть безсовѣстный лжецъ; не вѣрь ему. Она живетъ такъ, какъ жила и при тебѣ. Мать не отпускаетъ ее отъ себя. Впрочемъ сердце женщины глубоко. Проповѣдь твоя, видно, была лучше массильіоновской. Недавно въ Кіевѣ умеръ прот. *Сигиревичъ;* мѣсто его заступилъ *Ст. Семяновскій*. Яковъ Ив. *Крышинскій* вскорѣ женится на Александрѣ Петровнѣ. Инспекторъ представленъ въ экстраорд. профессоры, а Скворцовъ въ ординарные. Исключили четырехъ студентовъ, между коими *Димитрія Савченкова*. Волынское сем. правленіе не престаетъ дѣйствовать противъ архіерея; Лотоцкій уже священникомъ. Кишиневскіе ваши студенты успѣваютъ довольно хорошо, такъ что бывшій префектъ [2]) занимаетъ высокое мѣсто во 2-мъ разрядѣ. Пѣвчихъ академ. нѣтъ; слѣд. мы лишились одного изъ величайшихъ удовольствій. Контракты нынѣшніе по причинѣ худой погоды неудачны. Товарищи наши—баккалавры перебрались въ академію. Въ отношеніи къ себѣ самому не имѣю особеннаго чего нибудь сказать тебѣ. Прошу не медлить отвѣтомъ. У васъ, кажется, не проходитъ теперь ни одного дня безъ новостей. Пиши о всемъ; я все буду принимать съ радостію, а особенно касающееся тебя. О сестрѣ твоей я постараюсь узнать что нибудь по обстоятельнѣе. Прости,

---

[1]) Архим. *Моисей*—былъ назначенъ епископомъ *старорусскимъ*.

[2]) *Аврамій Жуминскій*—до поступленія въ кіевскую академію въ 1823-мъ г. былъ учителемъ и префектомъ кишиневской семинаріи. Впослѣдствіи игуменъ *Антоній* инспекторъ кишиневской и калужской семинарій.

миленькой! Можетъ быть въ послѣдній разъ пишу тебѣ, свѣтскимъ будучи—прости! Твой доброжелатель Я. М...

Василію Гр. мой усердный поклонъ.

Кіевъ, 1824 г, генв. 23.

4.

Кіевъ, 1824 года, окт. 1 дня.

Любезнѣйшій другъ!

Я думалъ, что никогда уже не получу отъ тебя отвѣта на письмо, которое я послалъ къ тебѣ еще въ прошедшемъ году [1]), думалъ, что ты не рѣшился продолжать знакомство съ тѣмъ, который, по чудному какому-то сцѣпленію обстоятельствъ, отказался дѣйствовать на театрѣ суетнаго міра; думалъ, что у меня нѣтъ уже такого человѣка, предъ которымъ-бы я могъ изливать чувства моей скорбной души, думалъ, и, къ стыду моей недовѣрчивости къ тебѣ, обманывался. Письмо твое, исполненное искреннихъ чувствованій, доказываетъ, что ты помнишь того, кого забылъ весь міръ, доказываетъ, что долговременное твое молчаніе зависѣло отъ обстоятельствъ, которыя, волнуя твою душу, не позволяли писать ко мнѣ. Благодарю Всеблагаго Бога, что Онъ для моего и вмѣстѣ для твоего щастія облегчилъ мучительную болѣзнь, которой ты, живя въ Кіевѣ, подвергся, и надѣюсь, что ты въ скоромъ времени совершенно оздоровѣешь, естьли не захочешь противиться премудрому врачу. Благодарю тебя, милой мой, за твою искренность. Не опасайся и впредь открывать мнѣ тайнъ твоего сердца. Я не изъ числа тѣхъ, которые малую погрѣшность ближняго подвергаютъ самому строгому суду, забывая о своихъ слабостяхъ. Чувство твоего сердца, чувство, которое родилось въ тебѣ въ Кіевѣ и которое столько причинило тебѣ безпокойства въ Кишиневѣ, виновно, но очень мало. Ибо законы, осуждающіе сіе чувство, не основаны на нашей природѣ, а слѣдовательно они не божественные. Хитрая политика, на всякія жестокости рѣшающаяся, для корыстолюбивыхъ своихъ видовъ, постановила сіи законы. И такъ ты, попустивъ въ сердцѣ своемъ родиться чувству противному законамъ, не основаннымъ на природѣ человѣческой, не виновенъ или, по крайней мѣрѣ, мало ви-

---

[1]) О. Іустинъ забылъ, что предъидущее письмо къ Бѣлкгову было послано имъ отъ 23-го генваря того-же 1824-го года.

новенъ предъ своимъ разумомъ. Но, другъ мой, мы живемъ въ обществѣ, слѣдовательно должны повиноваться законамъ общества, и когда нарушаемъ законы, постановленные въ обществѣ, дѣлаемся виновными предъ людьми. Итакъ, признавая твое чувство невиннымъ, при всемъ томъ не могу не посовѣтовать тебѣ постараться всѣми возможными средствами истребить его. Истребивъ его, ты себѣ доставишь душевный миръ и немало не огорчишь С. Т.; ибо можно-ли огорчаться тѣмъ, что́ дѣлается по внушенію законовъ? При томъ я сомнѣваюсь, чтобы душа ея страдала тѣмъ-же, чѣмъ твоя страдаетъ. Люди, подвергнутые болѣзни, которою ты страждешь, обыкновенно грезятъ и видятъ часто то, чего нѣтъ въ природѣ. Но полно тосковать *de lana caprina* [1]). Не сердись на меня: сказавъ много ложнаго, я можетъ быть сказалъ что-нибудь и истинное.

Поговоривъ о твоемъ состояніи, скажемъ что-нибудь о моемъ. Тотъ ужасный обѣтъ, который я далъ начальству еще въ іюнѣ прошедшаго года, исполненъ мною въ февралѣ настоящаго года. Горестно, признаюсь тебѣ, горестно мнѣ было оставлять міръ. Не могу тебѣ выразить, что́ происходило въ душѣ моей, когда пришелъ роковой указъ. Какой-то ужасъ тогда овладѣлъ мною, я весь трясся, не могъ ничѣмъ заниматься; бралъ-ли книгу, перо ли, онѣ выпадали изъ рукъ моихъ. Жестокіе мои товарищи вмѣсто того, чтобы пособить мнѣ въ семъ нещастномъ положеніи, шутили надо мною и тѣмъ увеличивали мое бѣдствіе. Желая прекратить свое нещастіе, я не рѣшился медлить перемѣною своего состоянія и, собравшись съ духомъ, облекся въ одежу плача и сѣтованія въ пятокъ 1-й недѣли поста. Вотъ уже 7-мь мѣсяцевъ, какъ я сижу въ темницѣ, произвольно мною избранной. Иногда выхожу изъ стѣнъ монастырскихъ; но сіе, признаюсь тебѣ, не во благо мнѣ служитъ. Возвратясь въ мрачную свою обитель, я всегда говорю самъ себѣ: „лучше-бы было, еслибы я пошелъ обыкновеннымъ путемъ“. Впрочемъ печальныя мои мысли вдругъ исчезаютъ при представленіи тѣхъ безпокойствъ, которыя соединены съ мірскою жизнію. Авось Богъ дастъ, я привыкну къ своей жизни и можетъ быть буду благодарить себя за то, что поступилъ такъ, а не иначе. Прошу писать ко мнѣ почаще. Письма твои будутъ служить услажденіемъ горестей моей уединенной жизни.

---

[1]) Буквально: о *козьей шерсти*, т. е. о *пустякахъ*, *безъ нужды*.

Послушай новостей. Преосвящ. *Серапіонъ* [1]) прошедшаго мѣсяца въ 3-мъ часу по полудни переселился ко отцамъ своимъ. Смерть архипастыря была тихая. Въ день смерти велѣно было ударить 77 разъ въ колоколъ соборный въ соотвѣтствіе лѣтамъ его жизни. На третій день тѣло покойника изъ дому перенесено было въ теплый соборъ при колокольномъ звонѣ, который непрерывно продолжался два часа при всѣхъ церквахъ. На четвертый день совершено было погребеніе пр. *Евгеніемъ* съ викаріемъ и со всѣмъ кіевскимъ духовенствомъ. Одинъ изъ соборныхъ священниковъ почтилъ память своего пастыря надгробнымъ словомъ. Тѣло его положили въ склепѣ въ соборѣ.

Двѣ сестры, Наталія и Марія *Семяновскіе*, по особенной къ нимъ милости фортуны, въ одинъ и тотъ-же день сдѣлались супругами, первая—Аверкія Ильича [2]), а другая—Акима Егоровича [3]). Яковъ Ивановичъ *Крышинскій* избавилъ отъ долговременнаго дѣвства Александру Петровну, бывшую нашу общую питательницу. Платонъ Ивановичъ [4]) скоро составитъ новое брачное торжество. Предметъ его любви есть Марія Ивановна *Синецкая*. Петръ Ѳедор. *Богословскій* и Петръ Вас. *Ольшевскій* получили благословеніе архипастыря на бракъ съ дочерями того смотрителя уманскаго, который во время вашего странствованія такъ хорошо угостилъ васъ. Раиса Алекс., вожделѣнная супруга Спиридона Васильевича, наградила своего мужа дочеріею. Непріятенъ ему сей подарокъ, но нечего дѣлать. Ѳедоръ *Эммаускій* опять хочетъ вступить на поприще учености. Подалъ на дняхъ прошеніе въ академическое правленіе объ опредѣленіи его къ учительской должности при орловской семинаріи. Если униженное теперешнее его состояніе не перемѣнило его прекраснаго характера, то горе орловской семинаріи! Свѣтила, просвѣщавшія вашу страну, будучи подвигнуты съ мѣста своего, много потеряли своего блеску [5]). Перемѣна моего состоянія лишила меня возможности знать что-нибудь о твоей тетушкѣ и любезной сестрицѣ.

---

[1]) Митрополитъ кіевскій—съ 1803 по 1822 г. По увольненіи на покой, доживалъ дни въ Кіевѣ.

[2]) *Пушнова*, баккалавра академіи.

[3]) *Орлова*, тоже баккалавра.

[4]) *Ставровъ*, баккалавръ.

[5]) Намекъ на вызовъ ректора кишин. сем. арх. *Иринея* въ Спб. и на его тамъ отношенія, о чемъ писалъ Бѣлюгову изъ Спб. и *Иннокентій*, какъ знаютъ читатели.

Впрочемъ онѣ живы и здоровы, ибо иногда ходятъ къ намъ на обѣдню. Ты напрасно прекратилъ съ тетушкою переписку,—она почтетъ тебя неучтивымъ. О нашихъ удалыхъ головахъ грузинскихъ ни слуху, ни духу. Библіотекарю семинарскому дѣйствительно жалованья 120 р. [1]). Опыты сочиненій нашихъ товарищей постараюсь прислать. Прощай! Tuus ex animo Hieromonachus Jacobus-Iustinus Michailow.

5.

Любезнѣйшій другъ!

Александръ Ивановичъ!

Не безпокойся; я еще не по ту сторону Стикса. Жестокій врагъ человѣчества—смерть видно притупила свою косу. Хотя скука, терзающая мою душу, все дѣлаетъ для меня непріятнымъ, впрочемъ смерть все кажется ужасною. Ты спросишь, отъ чего я скучаю? Отъ того, что я живу въ одиночествѣ, а одиночество со скукою находится въ тѣсной связи. Быть заключену въ двухъ стѣнахъ, не знать, что такое общество, не имѣть человѣка, предъ которымъ бы я свободно могъ открыть свои чувства, и быть веселу—невозможно. Ты шутишь надо мною и, я почитаю тебя счастливымъ, ибо мнѣ кажется, что шутить можетъ только тотъ, кто доволенъ своею участью. Ты шутишь надъ моимъ молчаніемъ, но едва ли по праву; еще неизвѣстно, кто изъ насъ долѣе молчалъ. Впрочемъ избавь Богъ насъ отъ суда. Шути надо мною, я буду доволенъ твоими шутками.

Любезнѣйшій! Тебѣ несносенъ Кишиневъ; ты хочешь оставить *проклятую* Бессарабію, но, къ прискорбію твоему и вмѣстѣ моему, объявляю тебѣ, что хотѣніе твое несбыточно. При семинаріи подольской нѣтъ празднаго мѣста. Хотя тотъ нещастный и достойный всякаго сожалѣнія профессоръ, который за нѣсколько предъ симъ покусился было на свою собственную жизнь, теперь къ большему своему нещастію лишился ума, а потому сдѣлался не способнымъ къ прохожденію училищной должности; впрочемъ архіерей подольскій [2]) успѣлъ уже найти преемника ему, по словамъ его высокопреосвященства, *достойнаго*, именно родственника своего, кандидата или магистра—право не знаю—москов-

[1]) Бѣлюговъ былъ библіотекаремъ кишин. семинаріи.

[2]) Архіеп. *Ксенофонтъ Троепольскій.*

ской академіи послѣдняго курса. Сей высокоученый мужъ такой, какіе обыкновенно выходятъ изъ московской академіи; не получивъ мѣста при окончаніи курса, прибѣгнулъ къ высокопреосвященнѣйшему своему родственнику, и нынѣ по личному ходатайству сего родственника, къ славѣ или безславію—я право не знаю—нашего округа, вступаетъ на каѳедру профессорскую. Наши студенты, оканчивающіе курсъ, услышавъ о такой несправедливости, поскрежетали *зубы* своими и симъ кончилось все ихъ мщеніе. Ex omnibus his patet [1]), что ты долженъ примириться съ своимъ Кишиневомъ и возлюбить ту страну, которую признаешь достойною проклятія.

Любезнѣйшій! Тебѣ несноснымъ кажется то, что вашу страну наводняетъ невѣжество и дурачество сильное; но, другъ! Гдѣ нѣтъ сего нещастія? Этотъ бичъ Божій всюду извѣстенъ. Будь философомъ, смотри на всѣ дурачества и смѣйся, разумѣется внутренно. Ибо открытый смѣхъ надъ дурачествомъ есть одна изъ причинъ нещастій человѣческихъ. Я много бы могъ написать тебѣ о семъ предметѣ, но частое поднимавіе фоліантовъ такъ измучило мои персты, что они отказываются мнѣ служить. Студентовъ нашихъ постигъ внезапу судъ Божій или лучше человѣчій. Между тѣмъ какъ они предавались сладостнымъ мечтамъ по случаю окончанія курса, страшный громъ разразился надъ ихъ главами. Между тѣмъ какъ рѣдкіе изъ нихъ заботились о пріуготовленіи большихъ диссертацій, коммисія приказала: каждый студентъ академіи, желающій получить ученую степень, долженъ представить въ коммисію три или по крайней мѣрѣ два большихъ разсужденія на латинскомъ и россійскомъ языкахъ. Можешь себѣ представить, въ какомъ теперь находятся положеніи тѣ, у которыхъ даже и по одному нѣтъ разсужденію. Уныніе теперь господствуетъ въ академіи. Слава Богу, что насъ не застигла сія буря! [2])...

Ревизоромъ въ академіи и семинаріи кіевской будетъ викарій кіевскій *Аѳанасій*. Въ прочія семинаріи не будутъ посылать ревизора.

---

[1]) Т. е. изъ всего этого явствуетъ...

[2]) Это была одна изъ репрессалій, которой подвергся *второй* курсъ кіевской академіи и соотвѣтствовавшій ему *шестой* курсъ спб-ской. Интересно выяснить причины этого факта.

Экзаменъ начнется у насъ съ 15-го сего мѣсяца. Въ академіи нашей ничего не случилось достойнаго особеннаго замѣчанія, кромѣ того, что студентъ *Лукашевичъ*, къ всеобщему сожалѣнію, скончался 1-го маія отъ чахотки.

Прощай! Прощай же! Твой усердный пріятель, пустынникъ среди города Михайловъ.

Василію Григорьевичу мой нижайшій поклонъ.

Кіевъ, 1825 г. іюня 7-го дня. *Помѣта*: „получено 15 іюня".

6.

Любезнѣйшій мой

Александръ Ивановичъ!

Письмо твое отъ 17-го прошедшаго октября я получилъ. Ты укоряешь меня за долговременное молчаніе и—по праву: я виновенъ предъ тобою и такъ виновенъ, что излишнимъ почитаю оправдываться. Впрочемъ имѣю честь донести любезному моему магистру, что мое молчаніе происходило отъ врожденной мнѣ лѣности говорить, а не отъ забвенія о немъ, какъ онъ думаетъ, или (употребляю его слово) какъ онъ подозрѣваетъ. Увѣряю тебя, что я никогда не забуду того, который искренностію своею и усердіемъ много облегчалъ трудность студенческой моей жизни. Не страшись! я такъ тебя люблю, что ничто не изгладитъ изъ памяти моей любезное для меня имя *Александра*. Но приступимъ къ дѣлу. Ты подалъ прошеніе о переведеніи тебя въ другую семинарію; я это знаю. А правленіе представило о прошеніи твоемъ въ коммисію—и это я знаю. Но коммисія уважитъ или нѣтъ твое прошеніе этого я не знаю, а потому не могу успокоить тебя. Спросишь, почему коммисія такъ долго не рѣшаетъ твоего дѣла? Потому, что судьба студентовъ нашихъ не рѣшена. Твое дѣло безъ сомнѣнія придетъ вмѣстѣ съ нашимъ. Мы и сами теперь не болѣе тебя спокойны, ибо судьба учителей тѣсно соединена съ судьбою учениковъ. Не понравился ученикъ, можетъ не понравиться и учитель. Дай Богъ, чтобы все кончилось хорошо. Горе намъ, естьли... но кажется не зачто [1]).

---

[1]) Да, потому что не понравились ученики, и еще по другому кое-чему пришлось и нѣкоторымъ учителямъ поплатиться. Именно, баккалавры академіи два брата Ив. и К. *Грузины* принуждены были оставить службу въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ... Такому-же остракизму подверглись и еще три магистра 1-го курса кіевской академіи, въ томъ числѣ и *Бѣлюговъ*.

У насъ не безъ новостей. Академіи ректоръ ѣздилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ревизировать орловскую семинарію по предписанію коммисіи. Случаемъ къ сей ревизіи была неисправность тамошняго ректора, усмотрѣнная епархіальнымъ архіереемъ [1]). Коммисія упомянутаго ректора столько нашла виновнымъ, что, не дожидаясь донесенія ревизорскаго, лишила его и должности ректора и монастыря. На мѣсто его поступилъ инспекторъ спб. академіи [2]), а на мѣсто сего послѣдняго нашъ пресловутый Иванъ Алексѣевичъ *Борисовъ*, что нынѣ Иннокентій. Вотъ шагнулъ! Пусть и далѣе шагаетъ. Другъ! Откуда сему премудрость и разумъ? Вѣдь онъ пилъ днѣпровскую воду. Чудо! пившій днѣпровскую воду вознесе пяту свою на... но Богъ съ нимъ! Наше дѣло, смотря на него, радоваться отъ всей души. Ректоръ воронежскій переведенъ въ Вятку; на мѣсто его поступилъ инспекторъ черниговскій, игуменъ *Филадельфъ*. На мѣсто сего—одинъ изъ студентовъ спб. академіи. Ректоръ тульскій и волынскій перемѣщены. Любезнѣйшій нашъ товарищъ Григорій Федоровичъ *Базилевичъ*, по двухлѣтнемъ гоненіи со стороны своихъ недоброжелателей, скончался отъ кроваваго поносу. Не успѣлъ увидѣть родины своей. Все лучше-бы было, естьли-бы кости его преданы были землѣ друзьями. Вѣчная ему память! Терпѣніе его при всѣхъ озлобленіяхъ не останется не награжденнымъ. Что касается до меня самого, то я живу въ покойныхъ комнатахъ, получаю хорошее жалованье, такъ что имѣю удовольствіе помогать бѣднымъ моимъ родителямъ; засѣдаю во внутреннемъ академическомъ правленіи, вся академическая библіотека въ моей власти; но при всемъ этомъ я не доволенъ собою. Видно я не тамъ стою, гдѣ надобно-бы было мнѣ стоять. О естьли бы я могъ увидѣться съ тобою! Ты успокоилъ-бы меня.

О родственникахъ твоихъ кіевскихъ я никакого не имѣю свѣдѣнія. Товарищи наши, поѣхавшіе въ Грузію, какъ будто въ воду упали. Товарищи наши кіевскіе всѣ здоровы и кланяются вамъ. Болѣе некогда писать. Иду въ церковь. Прощай и помни преданнаго тебѣ Михайлова.

1825 г. Ноября 1 дня.

Кіевъ.

Василію Григорьевичу нижайшій поклонъ.

---

[1]) *Гавріиломъ Розановымъ.*

[2]) *Гавріилъ Воскресенскій*, извѣстный авторъ „Исторіи философіи“.

7.

Любезнѣйшіе!

Александръ Ивановичъ

и

Василій Григорьевичъ! [1])

Actum est de vestra prosperitate! decreto Coetus, dirigentis Scholas Ecclesiasticas Rossiaci imperii, excidistis degnitate professoria. Causas hujus vestri infurtunii perspectas non habeo. Żuminsky et Puriszkewitz vobis substituti sunt. Idem in faustum fatum possi sunt nostri commilitones—Baccalavra Academiae J. et C. *Gruzini* et professor Orlowiensis Seminarii *Philippof*. Valete, carissimi mei! Animi dolor impedit, quo minus alia nova enarrem.

Vester ex toto meo animo Jacobas-Justinus Michailoff.

Kijoviae, 1825 decembr. 30 die.

Переводъ.

Конецъ вашему благополучію! По опредѣленію коммисіи духовныхъ училищъ Россійской имперіи вы лишены званія профессорскаго. Причинъ сего вашего несчастія ясно не знаю. Жуминскій и Пуришкевичъ назначены вмѣсто васъ. Ту же несчастную судьбу потерпѣли и товарищи наши баккалавры академіи И. и К. Грузины и профессоръ орловской семинаріи Филиповъ. Прощайте, любезнѣйшіе мои! Душевная скорбь препятствуетъ розсказывать другія повѣсти. Вашъ отъ всей моей души Яковъ-Іустинъ Михайловъ.

Кіевъ, 1825 г. декабря 30 дня.

8.

Кіевъ декабря 12-го, 1826 г.

Любезнѣйшій другъ!

Александръ Ивановичъ!

Я не справедливо поступилъ съ тобою, я обидѣлъ тебя. Въ этомъ увѣряетъ меня собственная совѣсть. Но что-же ты хочешь со мною сдѣлать? Ради Бога, для собственной своей пользы не вызывай меня на поединокъ. Ты знаешь, въ какое оружіе я об-

[1]) Въ этомъ письмѣ, написанномъ по латыни, Іустинъ кратко излагаетъ судьбу, постигшую братьевъ *Грузиныхъ*, *Бѣлюгова*, *Левчановскаго* и *Филиппова*, о чемъ мы говорили выше.

лаченъ? Что значитъ предъ моимъ мечемъ обоюду-тупымъ твоя шпага? [1]) Я въ одну минуту привяжу душу твою къ перевозу Харонову. Страшись, смертный, братися съ земнымъ ангеломъ! Лучше, другъ, забывъ все прежнее, помиримся. Вотъ тебѣ моя рука, дай свою.

Станемъ жить по прежнему. Я буду писать къ тебѣ, а ты исправно будешь отвѣчать на мое маранье. Пусть отецъ вражды не радуется болѣе.

Учитель Никольскій точно исполнилъ твое порученіе. Когда онъ сказалъ мнѣ, что Алек. Ив. кланяется мнѣ и вмѣстѣ желаетъ, чтобы я писалъ къ нему, то я такъ смѣшался отъ стыда, что не могъ ничего сказать ему въ отвѣтъ. Выходецъ кишиневскій насказалъ намъ много чудеснаго о правленіи киш. сем.; мы до сыта насмѣялись и все тѣмъ кончилось. Благодарю небо, исхитившее тебя изъ чрева адова! Горько тебѣ было оставлять мѣсто, на которое ты полное имѣлъ право; но, я надѣюсь, ты въ непродолжительномъ времени благословишь жестокую руку, извлекшую тебя изъ мирного крова и заставившую претерпѣть много непріятнаго. Какой-то неизвѣстный для меня гласъ всегда, какъ только я думаю о тебѣ, шепчетъ мнѣ, что судьба такъ высоко вознесетъ тебя, что мы смиренные рабы не въ состояніи будемъ зрѣть тебя, любезнѣйшій! ты началъ было описывать свои горести и радости со времени твоего увольненія изъ семинаріи; прошу покорно продолжать, если можно, начатое; мнѣ пріятно будетъ съ тобою стоять, просить и не получать. Говорю: *пріятно*, ибо такимъ образомъ получше познакомлюсь съ человѣчествомъ, которое всегда почти прикрываетъ безобразіе свое маскою, сдѣланною со всевозможнымъ искусствомъ. Но въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находился, является въ естественномъ своемъ видѣ.

Послушай нашихъ новостей! Преосвящ. викарій кіевскій [2]) сдѣланъ епископомъ нижегородской епархіи. На мѣсто его поступилъ нашъ ректоръ А. *Мелетій*, который уже и посвященъ. Посвященіе происходило 22-го прошедшаго ноября въ большомъ каѳедральномъ соборѣ при многочисленномъ стеченіи любопытныхъ. Новый епископъ въ тотъ-же день угощалъ обѣденнымъ столомъ преосвященныхъ *Лаврентія*, архіеп. черниговскаго, и *Аѳанасія*,

---

[1]) Бѣлюговъ уже поступилъ въ это время на гражданскую службу. Іустинъ цѣлый годъ не писалъ къ нему, и вотъ теперь извиняется.

[2]) *Аѳанасій.*

епископа нижегородскаго, совершавшихъ посвященіе,—первостепенныхъ чиновниковъ, знатнѣйшее духовенство, почетныхъ граждань и наконецъ всю ученую челядь какъ академическую, такъ и семинарскую. Вставши изъ-за стола, всѣ гости единодушно желали, чтобы чаще въ Кіевѣ посвящали архіереевъ, а это служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что столъ былъ изрядный. Чтобы слухъ не гнѣвался на чрево, пѣвчіе академическіе и семинарскіе концертами и кантами старались тѣшить его. Въ первое по освященіи воскресенье преосвященный-ректоръ служилъ въ братской церкви. Не смотря на худую погоду, собраніе людей было большое. Послѣ сего ты спросишь: кто-же теперь у васъ ректоръ? или кто будетъ? Это еще останется тайною. Правда, во всемъ городѣ говорятъ, что о. *Кириллъ*, ректоръ семинаріи, удостоится сей чести; но поелику не извѣстно, на чемъ основывается сія всеобщая молва, то я полное имѣю право говорить, что не извѣстно еще, кто будетъ ректоромъ. Время покажетъ.

Изъ Сп-бурга пишутъ, что о. Кириллъ держалъ экзаменъ на магистра и выдержалъ. Къ празднику новый магистръ возвратится въ Кіевъ, ибо уже въ дикастеріи полученъ указъ о его возвращеніи. Если въ самомъ дѣлѣ о. Кириллъ будетъ ректоромъ академіи, кажется намъ будетъ съ нимъ хорошо.

А. Д. *Граниковъ*[1]) въ прошедшемъ сентябрѣ оженился. И вотъ какимъ образомъ: на вакацію онъ поѣхалъ на Волынь къ *Феофилу Новицкому* съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы съ помощію его найти тамъ себѣ невѣсту. Пріѣхавши съ Новицкимъ къ преосв. *Стефану*, онъ встрѣчается съ его родственницею, дѣвушкою, дочерью того *Кіанова*, который былъ городничимъ въ Новомгородѣ Волынскомъ и который, по смерти первой своей супруги, женился на сестрѣ архіерея, вдовѣ протоіерейской. Проживши нѣсколько дней съ нею вмѣстѣ, А. Демьяновичъ amore ejus capitur[2]), и—дѣло сдѣлано. Александра Николаевна Кіанова дѣлается супругою г-на баккалавра. Каково? Не романическая-ли женитьба? Впрочемъ Андрей Демьяновичъ не раскаявался, что такъ поспѣшно наложилъ на себя оковы брачныя. Представь себѣ женщину дородную, красивую, образованную и при томъ еще добрую. Вотъ тебѣ изображеніе жены Андрея Демьяновича! Но ты скажешь: не всѣ изчислены

---

[1]) Баккалавръ кіевской академіи, товарищъ *Іустина* и *Бѣлюгова*.

[2]) Т. е. плѣнился ея любовію.

совершенства—ни слова о богатствѣ. О семъ совершенствѣ, которое многіе уважаютъ болѣе всего, не могу ничего сказать по причинѣ скромности Андрея Демьяновича въ отношеніи къ сему предмету.

Платонъ И. *Ставровъ* procreavit filiam [1]), который далъ знаменательное имя *Надежды*.

Мих. Ив. *Доросевичъ* [2]) положилъ въ умѣ своемъ твердое намѣреніе жениться на дочери купца (бывшаго) Купріанова, Елисаветѣ, которая въ то время, когда мы учились, была дитя, но теперь уже невѣста—дѣвушка хорошая; жаль только, что бѣдна. Послѣ Пасхи положено быть свадьбѣ.

Что-же я ничего не скажу о себѣ? Внѣшнее мое состояніе очень хорошо; жалованье получаю очень достаточное, а должности не такъ тягостны. Но жаль, что внутренность не соотвѣтствуетъ внѣшности. Скука безпрестанно мучитъ мое сердце и—мученіе сіе иногда доходитъ до такой степени, что я не радъ бываю самому себѣ. Вотъ что значитъ monachatus! Я счастливъ былъ-бы, если бы ты былъ со мною. Но теперь я безъ друга, а безъ друга мила и жизнь намъ постыла, сказалъ нѣкто. Прощай! милый мой. Прощай! Пиши ко мнѣ. Я вѣрно буду отвѣчать.

Nobilissimo domino, domino Basilio Greg. salutem tum naturalem, quae consistit in legitima circulatione sanguinis, tum spiritualem, ad quam requiritur regularis circulatio gratiae divinae, devotissime dicit I. M. Th. [3])

9.

Кіевъ. 1827 года, апрѣля 17 дня.

Во истину Христосъ Воскресе!

Милый другъ Александръ Ивановичъ!

Пріятное для меня письмо твое отъ 5-го апрѣля я получилъ. Благодарю тебя за оное; оно принесло мнѣ немалое удовольствіе

---

[1]) Т. е. родилъ дочь.

[2]) Товарищъ, служившій учителемъ въ кіевской семинаріи.

[3]) Т. е. „Благороднѣйшему господину, Василію Григорьевичу (Левчановскому) здоровья, какъ тѣлеснаго, состоящаго въ правильной циркуляціи крови, такъ и душевнаго, для котораго требуется правильная циркуляція благодати Божіей,—преданнѣйше желаетъ *Іустинъ*, магистръ богословія“.

и уменьшило нѣсколько грусть, которая тяготитъ душу мою съ того времени, какъ нашу академію постигло ужасное или, по крайней мѣрѣ, довольно великое нещастіе. Ты уже знаешь, что я съ давняго времени ощущалъ въ себѣ какое-то безпокойство. Это былъ предвозвѣстникъ будущей моей горести, но я не понималъ его. Ты уже можетъ быть слышалъ, что вся академическая наша и семинарская сумма украдена. Надѣясь, что доброе твое сердце не откажется поскорбѣть съ нами, разскажу тебѣ подробно о семъ непріятномъ произшествіи. На пятой недѣлѣ поста въ четвертокъ мы поѣхали на экзаменъ въ уѣздное училище. Въ 11-мъ часу экономъ академіи, вызвавши ректора, въ слезахъ доноситъ ему, что сумма покрадена. Оставивши экзаменъ, мы немедленно отправляемся къ казнохранилищу и, къ величайшей горести, не находимъ въ немъ сундуковъ съ деньгами; замки сняты и тутже брошены. Зная, что сундукъ академическій желѣзный и очень тяжелъ, навѣрное положили, что онъ не долженъ быть вынесенъ за монастырь, и не ошиблись. Служители немедленно нашли его разломанымъ, вмѣстѣ съ семинарскимъ, въ пустомъ погребѣ подъ новымъ корпусомъ, на юго-западной сторонѣ. Осмотрѣвъ ихъ вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ, сюда прибывшимъ, не нашли въ нихъ изъ 60000 тысячъ ни одного рубля. Спросишь: былъ ли при казнохранилищѣ сторожъ? Такъ, былъ, и онъ-то погубилъ насъ. Полиція послѣ допроса всѣмъ живущимъ въ академіи, сдѣлала свои распоряженія къ открытію похитителей. Къ вечеру того-же самаго дня является къ доктору частный приставъ Марковскій и доноситъ, что два вора схвачены и при нихъ найдена часть денегъ—16 тысячъ. Эта вѣсть нѣсколько успокоила мутящійся нашъ духъ. Пойманные воры (гарнизонные солдаты) при допросѣ показали, что они крали вмѣстѣ съ самымъ сторожемъ. „Григорій Ивановъ (такъ называется сторожъ), говорили они, познакомившись съ нами, объявилъ намъ свое намѣреніе и пригласилъ насъ помочь ему; мы согласились; онъ въ сумерки, введши насъ въ академію задними воротами, что при банѣ, посадилъ насъ въ погребъ; по полуночи, осмотрѣвши всю академію, и видя, что всѣ улеглись спать, отперъ подобранными ключами казнохранилище и вынесъ къ намъ сундукъ семинарскій. Разбивъ его, мы нашли въ немъ 16 тысячь и хотѣли симъ удовольствоваться, но онъ сказалъ, что мало, и что все равно отвѣчать. Обождавъ немного, мы пошли всѣ трое за другимъ сундукомъ и съ большимъ трудомъ вынесли его и также разломали. Давъ намъ одну пачку, всѣ прочія деньги забралъ себѣ.

Прощаясь съ нами, онъ сказалъ, что поѣдетъ или въ Москву, или Петербургъ". На другой день по всѣмъ дорогамъ были посланы люди въ погоню, но всѣ возвратились, не открывъ никакихъ слѣдовъ похитителя. Поплакавъ и погоревавъ, написали представленіе въ коммисію духовныхъ училищъ. Что будетъ съ нами, не знаемъ; но знаемъ, что при нынѣшнемъ строгомъ Государѣ не избѣгнемъ наказанія. Когда пишу тебѣ сіе, рука трясется. Дай Богъ, чтобы сіе трясеніе не было предвѣстникомъ. Вотъ что, мой милый, значитъ быть членомъ правленія! Если бы я былъ частнымъ человѣкомъ, я былъ-бы покоенъ. Когда придетъ дѣло, я немедленно увѣдомлю тебя, если только не лишатъ меня свободы. Полагаясь на заступленіе нашего архипастыря, надѣемся, что въ наказаніи не поступятъ съ нами, какъ съ преступниками; но надежда не одного обманула. Я скорбѣлъ, другъ, о твоемъ нещастіи, поскорби и ты о моемъ...

О. ректоръ нашъ благополучно къ намъ прибылъ. Обходится съ нами такъ хорошо, что не можемъ имъ не хвалиться. Упомянутое нещастіе сильно на него подѣйствовало.

Сожалѣю, что ты иногда бываешь не веселъ, но помощи въ семъ случаѣ подать тебѣ не могу, ибо я и самъ тѣмъ-же стражду. Изъ Грузіи получена вѣсть непріятная. Г. Ѳ. *Хлѣбниковъ*, изъ любви къ отечеству съ геройскимъ духомъ оставившій родину, знакомыхъ и милыхъ сердцу, по недовѣдомымъ судьбамъ лишенъ громкихъ титлъ ректора и кандидата и отосланъ въ гражданское вѣдомство для пріисканія рода жизни. Причиною такого ужаснаго паденія, *гласитъ* бумага, была буйная непокорность начальству. *Стеценковъ* здравствуетъ и твердо стоитъ на высотѣ своего величія. О Протопоповѣ разнесся слухъ, что умеръ. Пожалѣйте о добромъ товарищѣ нашемъ А. М. *Леляевскомъ*; онъ бѣдный оглохъ и не можетъ далѣе продолжать службы. Куда ему дѣться? Ни къ чему не способенъ. Прочіе товарищи здоровы и кланяются тебѣ. Прощай! Больная рука отказывается больше писать. Василію Григорьевичу мое почтеніе. Когда будешь писать ко мнѣ, скажи, гдѣ Василій Григорьевичъ служитъ и въ какомъ чинѣ? Этого желаютъ всѣ товарищи. Iustin, vice-inspector.

Въ Кіевѣ назначенъ военнымъ губернаторомъ *Желтухинъ* и скоро пріѣдетъ. Лакерда купецъ скончался. Отпущена сумма на постройку семинаріи кіевской въ Петро-Павловскомъ монастырѣ. Греки переведены къ катерининской церкви. Бѣда теперь монахинямъ; семинаристы будутъ искушать ихъ больше діавола...

10.

Любезный другъ,

Александръ Ивановичъ!

Путешествіе ваше отъ Дубоссаръ до Кишинева ничѣмъ не хуже путешествій такъ называемыхъ романическихъ. Мы въ семъ случаѣ не можемъ похвалиться. Съ нами не послѣдовало никакихъ приключеній. Отъ столпа, свидѣтеля нашихъ прощаній [1]), до г. Балты проѣхали мы на почтовыхъ, а отселѣ до Кіева на долгихъ. Въ городѣ Умани мы пробыли два дни. О. протоіерей, тамошній смотритель, принялъ насъ съ отмѣнною ласковостію; не смотря на тучность свою, онъ съ охотою рѣшился среди зноя солнечнаго проводить насъ въ пресловутую *Софіевку*; по его прошенію показаны намъ были всѣ чудеса природы и искуства. Ты, другъ, помнится, самъ былъ въ Софіевкѣ, а потому не нужнымъ почитаю описывать ее. Я монахъ, но, слава Богу, не совершенно еще лишился чувства эстетическаго, а потому, осматривая Софіевку, такое чувствовалъ удовольствіе, которое заставляло меня забывать, что я отказывался отъ міра. Въ саду чрезвычайное было собраніе. Мое странное одѣяніе обращало на меня всеобщее вниманіе, а сіе самое чрезвычайно для меня было конфузно. На тѣ существа, которыя въ модномъ мірѣ, особенно въ льстивыхъ сочиненьицахъ піитическихъ, называются разными прелестными именами, я не осмѣливался смотрѣть изъ опасенія... показаться не скромнымъ. Въ саду много дорогихъ статуй. Взглянувъ на одну изъ нихъ, я невольнымъ образомъ покраснѣлъ. Другіе съ вниманіемъ разсматривали сіи статуи. Особенно удивительнымъ мнѣ показалось, что даже дѣвицы, и притомъ, какъ казалось, не изъ низшаго класса, пристально и долго приносили въ жертву богинѣ—тиранкѣ сердецъ человѣческихъ свое вниманіе. Статуи, представляющія задумчивыхъ философовъ, возбудили во мнѣ мысль, что люди всѣ вообще болѣе или менѣе рождаются способными къ радостямъ и удовольствіямъ жизни, и что суровость нрава, хладнокровность ко всему, соединенная съ нѣкотораго рода ненавистію къ роду человѣческому, зависитъ отъ постороннихъ и случайныхъ обстоятельствъ. Богъ есть источникъ

---

[1]) *Іустинъ* ѣздилъ лѣтомъ этого года въ Кишиневъ, въ качествѣ *ревизора* кишиневской д. семинаріи, и лично видѣлся съ Бѣлюговымъ. Бѣлюговъ провожалъ его за *Дубоссары*.

радости и все творитъ для радости. Сами люди, по безумію своему, лишаютъ себя радости. Удовольствіе, которое я ощущалъ при разсмотрѣніи Софіевки, было не продолжительно. Вспомнивъ, что я *Angelus in corpore*, или проще *unus*, я паки покрылся мракомъ задумчивости. Непрестанно представляется мнѣ *claustrium cum omnibus suis voluptatibus* [1]), и это мучитъ меня.

Милый мой другъ! ты говорилъ, что, по ученію Шада, скоро сдѣлаешься полнымъ человѣкомъ. 8-е число прошлаго сентября назначалось тобою для совершенія сего непостижимаго таинства природы. Сердце мнѣ говоритъ—и я ему вѣрю—сердце мое говоритъ, что другъ мой обладаетъ уже существомъ милымъ, добрымъ, скромнымъ, умнымъ и—блаженствуетъ. О, естьли бы я былъ въ состояніи перенестись въ Кишиневъ! Я бросился бы въ твои объятія, борода не попрепятствовала-бы мнѣ облобызать тебя, я излилъ бы предъ милою четою чувства моей любви и усердія. Но... человѣкъ безъ крыльевъ!... За то имѣетъ воображеніе. Я въ воображеніи раздѣляю съ вами время. Вы не видите моего образа, это хорошо; ибо иначе я во многихъ случаяхъ служилъ бы вамъ препятствіемъ...

10-го сентября совершилось у насъ бракосочетаніе товарища нашего баккалавра *Шокотова*, того именно, который помѣшанъ былъ на монашествѣ. Въ подругу себѣ онъ избралъ Марину Михайлову, дочь соборнаго священника Кучеровскаго [2])...

Платки получили, но не чрезъ Паславскаго, а чрезъ одного купца. Благодаримъ васъ за ваши хлопоты.

Василій Яковлевичъ [3]) кланяется вамъ. Поклонитесь отъ меня и отъ Василія Яковлевича любезнѣйшему Василію Григорьевичу и всѣмъ кишиневскимъ. Прощай! Иду въ церковь помолиться о вашемъ здоровьи и благополучіи. Душевно преданный тебѣ I.

Октября 2 дня
1827 года.

---

1) Т. е. монашеская келія со всѣми ея удовольствіями.

2) Этотъ *Шокотовъ* впослѣдствіи таки поступилъ въ монашество подъ именемъ *Антонія*. Умеръ въ 1872 г. архіепископомъ кишиневскимъ; два товарища академическіе Шокотовъ и Бѣлюговъ на старости сошлись въ Кишиневѣ, и оба здѣсь умерли.

3) Орловъ.

11.

Любезнѣйшій другъ!
Александръ Ивановичъ!

По опредѣленію судебъ досталось тебѣ обладать Вѣрою. Съ вѣрою нѣкогда люди чудеса творили, все дѣлали, что хотѣли; я надѣюсь, что и ты будешь великимъ чудотворцемъ—такъ! точно будешь—попытайся; можетъ быть способность къ чудотворенію въ тебѣ созрѣла. Именемъ всемочной Вѣры повели вѣтромъ на невещественныхъ своихъ хребтахъ перенести меня въ Бессарабію, дабы я могъ зрѣть лицемъ къ лицу два существа, столь милыя моему сердцу. Повели, говорю; но, горе! видно прошли вѣки чудотвореній; видно не видать мнѣ чувственными очами милой твоей подруги. Ахъ, человѣкъ—царь міра! какъ ты ничтоженъ! Радуюсь, что разнѣжившаяся твоя десница опять пришла въ состояніе дѣйствовать перомъ. А я думалъ, что ты, пустившись плавать по океану удовольствій, навсегда забудешь того, который, боясь причудъ влажной стихіи, рѣшился, хотя вопреки влеченію собственнаго сердца, остаться на твердой землѣ. Отъ души радуюсь, что ты избралъ себѣ такую подругу, которая вполнѣ тебѣ нравится. Съ такимъ другомъ нельзя не быть блаженнымъ. Блаженствуй же, милый! А я буду молить небо, да явитъ надъ тобою чудо свое, да не попуститъ горести никогда возмутить радости твоего сердца.

Другъ мой! Для чего ты не писалъ мнѣ, какъ Вѣра называется по отечеству? Ты въ бытность мою въ Кишиневѣ называлъ ее по имени и по отечеству. Но память мнѣ измѣнила.

Отецъ Евгеній, тотъ самый, который училъ насъ премудрости исторической [1]), чудеса творитъ въ орловской семинаріи, или лучше—сотворилъ уже. Вотъ въ чемъ дѣло. 23 сентября о. Евгеній, инспекторъ семинаріи, является къ начальнику жандармовъ, къ гражданскому губернатору, къ архіерею и требуетъ, чтобы они явились въ семинарское правленіе для выслушанія отъ него важнаго дѣла. На другой день пріѣзжаютъ въ семинарію архіерей, полицмейстеръ и частный приставъ. Когда сіи лица вмѣстѣ съ членами семинар. правленія собрались въ правленіе, Евгеній

---

[1]) Т. е. бывшій баккалавръ исторіи въ кіевской д. академіи, іером. *Евгеній Соловьевъ*.

подалъ *объявленіе*, въ которомъ, отказываясь до времени отъ всѣхъ должностей, проситъ доставить ему средство объясниться частію предъ коммисіею духовныхъ училищъ, частію предъ самимъ Императоромъ въ важныхъ предметахъ, одному ему извѣстныхъ. Академ. правленіе о такомъ странномъ поступкѣ Евгенія представило коммисіи. Отвѣта доселѣ нѣтъ.

Бѣдные наши студенты, окончившіе курсъ, доселѣ мучатся ожиданіемъ рѣшенія своей участи. Мучительно столь долгое время жить въ праздности! Щастливы мы, что избавились сихъ мытарствъ. Съ участью студентовъ соединена и наша участь. Его высокопреосвященство былъ у насъ ревизоромъ; чаемъ, по его представленію, что нибудь получить.

О себѣ новаго сказать тебѣ ничего не могу. Читаю книги, хожу въ классъ, въ библіотеку, къ студентамъ, въ свободное время предаюсь печальнымъ мыслямъ: вотъ въ чемъ протекаетъ одинокая моя жизнь.

Мы наслаждаемся прекрасною зимою, въ полномъ смыслѣ прекрасною; у васъ вѣроятно нѣтъ зимы?

Прощай! Devotissimus tibi I.

Ноября 20 дня 1827 г.

Приложеніе къ 11-му письму.

Милостивая моя государыня!

Вѣра...

Съ душевнымъ удовольствіемъ читалъ я ваши строки. Радостно для меня было слышать привѣтствіе, исполненное искреннихъ чувствъ благорасположенности отъ такого лица, которое лично мнѣ неизвѣстно. Жалѣю, что я, будучи въ Кишиневѣ, не имѣлъ удовольствія быть самовидцемъ совершенствъ, украшающихъ вашу душу и тѣло. Правда, Александръ Ивановичъ живо мнѣ васъ изобразилъ, но списокъ все хуже оригинала.

Чувства вашей ко мнѣ благорасположенности налагаютъ на меня пріятную обязанность желать, чтобы щастіе, осѣняющее васъ нынѣ своими крылами, никогда отъ васъ не отлетало, но избрало въ вашемъ домѣ постоянное себѣ обиталище.

Вашъ покорный слуга I. I.

P. S. Извините, что я не знаю вашего отечества. Александръ Ивановичъ сему причиною—на него гнѣвайтесь.

Кіевъ, ноября 20 дня, 1827 г.

Дополненіе „Разговора Великороссіи съ Малороссіей".

Въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины" помѣщенъ былъ „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей" по тремъ спискамъ, которые, однако же, не заключали въ себѣ всего текста „Разговора". Не было выходнаго листка и конца „Разговора", равно какъ и въ срединѣ его не доставало нѣсколькихъ листковъ. На основаніи содержанія „Разговора", мы отнесли его къ первымъ годамъ царствованія Екатерины II и авторомъ его считали человѣка образованнаго, можетъ быть, принадлежавшаго къ войсковой старшинѣ. Теперь мы имѣемъ возможность частію подтвердить наши выводы, частію дополнить и исправить ихъ. По напечатаніи помянутаго „Разговора", мы получили два полные списка его, изъ коихъ одинъ сдѣланъ въ Медведовѣ (?) 13 ноября 1788 г. и сообщенъ намъ г-жею Литвиновою, а другой— письма нынѣшняго вѣка, принадлежащій А. М. Лазаревскому. Въ спискѣ г. Лазаревскаго, болѣе исправномъ, сохранился весь текстъ „Разговора", съ выходнымъ листомъ и окончаніемъ и безъ пропусковъ въ срединѣ. На первомъ листкѣ этаго списка значится слѣдующее: „сочинилъ въ честь, славу и защищеніе всей Малороссіи генеральной войсковой канцеляріи пере.. Семенъ Дѣвовичъ. 1762 года. Въ Глуховѣ". Вѣроятно, Дѣвовичъ или Дивовичъ былъ переводчикомъ генеральной войсковой канцеляріи, и, во всякомъ случаѣ, былъ человѣкъ образованный. Составленіе „Разговора" однимъ изъ чиновниковъ генеральной войсковой канцеляріи придаетъ этому произведенію еще большее значеніе, какъ выразителю мнѣній и взглядовъ интеллигентныхъ и начальныхъ людей Малороссіи того времени. Приведемъ недостававшіе отрывки „Разговора" по списку А. М. Лазаревскаго, удерживая правописаніе списка г-жи Литвиновой, какъ болѣе древнее. Первый отрывокъ составляетъ одно изъ существенныхъ мѣстъ „Разговора" и касается жгучаго когда-то вопроса о соот-

вѣтствіи между новозаведенными на иностранный маперъ чинами великороссійскими и старыми чинами малороссійскими. Это живая и крайне интересная историческая картина не только нравовъ и понятій того времени, но и взаимныхъ отношеній двухъ половинъ Россіи, подлежавшихъ сліянію въ одно цѣлое.

Доказывая, что Малороссія подчинилась не Великороссіи, а одному общему ихъ государю, и что малороссійскіе чины равны съ соотвѣтствующими великороссійскими, не смотря на разность названій ихъ (Кіев. Старина, февраль, 1882 г., стр. 343—4), Малороссія продолжаетъ:

Обойми умомъ всѣ государства пространно,
Во всякомъ почти найдешь различіе въ чинахъ,
Кое въ однихъ состоитъ названій іменахъ;
А найпаче во всей Азіи то бываетъ,
Котора свои имѣетъ, нашихъ не знаетъ;
Однакожъ сравниваются между собой всѣ тѣ.
Что жъ мѣшаетъ взглядомъ тебя имѣть тоежъ и мнѣ?
Посему бы ты визиря капитаномъ почла,
Потому что Турція сіе имя дала;
Кіага сѣлъ бы у тебя ниже сержанта,
Пашу промѣняла бы за комедіанта (*вар.* команданта),
Муфтая почла бъ дячкомъ, а сотника соцкимъ,
Писаря моихъ полковъ сверстала бъ съ своимъ.
Нѣтъ, нѣтъ, дружокъ! не изволь (такъ) думать про меня!
Я почтена отъ Государя, не отъ тебя.
Онъ меня въ покровительство принялъ какъ свое,
То все оставилъ при мнѣ, что только есть мое;
Привилегій польской короны не отмѣнилъ
И чины мнѣ прежде тамъ данные подтвердилъ.
А чтобъ лучше вѣдать ты могла мои службы,
Приводя обѣихъ насъ въ неразрывны дружбы,
Россійскіи Государи чины прибавляли
И свои къ прежнимъ моимъ за вѣрность давали,
Въ чемъ, думаю, и спорить не станешь ты со мной,
Ибо многихъ такихъ во мнѣ видишь предъ тобой.
Чтожъ? Скажешь: для тово дали россійской чинъ,
Что его не имѣлъ преже зъ моихъ ни одинъ?

Куда какая ненависть несправедлива,
Стоитъ осьмого греческихъ мудрецовъ дива!
Чтó всякъ царь и король хранилъ и еще хранитъ,
Въ томъ дерзкая компанія твоя (одна) шумитъ.
Ибо, бывая въ оной, мятежъ производишь,
За однѣ токмо мѣста всѣхъ къ ссорѣ приводишь.
Каптенармусъ будучи, не (у)вступишь обознымъ,
Толкнешь старшинъ тѣхъ полковыхъ по мѣстамъ розными,
Ефрейторомъ посядешь судью полкового,
Радъ спорить съ нимъ, хотя отъ нево отстоишь много.
А когда уже въ аудиторской рангъ попадіошь,
То и къ генеральнымъ старшинамъ драться начніошь.
Самы святыя мѣста терпятъ твою норму:
Ты, вобравшись въ церковь, прешься въ первую форму [1]),
Не смотришь, кто бъ тамъ (же) изъ моихъ не стоялъ.
Для маіора ввесь мой малороссійскій свѣтъ (*вар.* чинъ) малъ.
Спѣшишь на проломъ къ священнику по антідоръ,
Толкаешь, кричишь: дайте чиновнику просторъ!
Боишься, чтобъ кто зъ моихъ тебя не упредилъ.
Но большъ бойся, чтобъ священника зъ ногъ не свалилъ.
А мои старшины учтивость наблюдаютъ,
Сію неумѣренность смѣхомъ провождаютъ.
Случилось мнѣ самому въ церквѣ видѣть разъ,
Какъ одинъ капитанъ побѣжалъ (тамъ), подбилъ глазъ;
Ибо зацѣпився палъ и носъ окровавивъ,
Такимъ образомъ и антідоръ брать оставивъ,
Вдарился скоро зъ церкви съ глазомъ подбитымъ,
Хотѣлъ всѣхъ упредить, отскочилъ съ носомъ разбитымъ.

---

1) Формами назывались особыя мѣста для стоянія въ церкви. Это родъ стоячихъ деревяныхъ ящиковъ, открытыхъ спереди, съ опускающеюся по срединѣ для сидѣнія доскою.

Безглазымъ и безносымъ долго того звали,
И за то, что бѣдной пострадалъ, всѣ вступали;
Ибо послѣ того, какъ (было) въ церковь придетъ,
Оставивъ всѣ ему формы, всякъ изъ оныхъ выдетъ.
А по антідоръ (однакъ) боялся ужъ ходити,
Бунчуковымъ товаришамъ вздумалъ въ семъ вступити.
Но и тутъ паки постигло несчастіе его;
Ибо ввалившись въ форму свыше збору всего,
Зацепился (только) за гвоздь шпажнымъ притупеемъ,
Совался, бился ногами, наклонясь съ тупеемъ,
Не могъ оторваться; такъ горячести знакъ давъ,
Потащилъ за собою вонъ формы цѣлой составъ.
Алчно смотрѣли люде на шедшаго съ кругомъ:
„Таку тяжесть,—говорили,—должно везть цугомъ“.
О всѣхъ твоихъ презрѣніяхъ я (бъ) не (по)тужила,
Если-бъ правда къ тѣмъ вела, не нахальна сила.
Ты (сама) собой меня всегда обыждаешь,
Государямъ неизвѣстно,—ка̀къ поступаешь.
И большіе генералы твои меня чтутъ,
Сравнивая своихъ съ моими мѣсто даютъ.
Знаешь-ли, что было предъ симъ за 13-ть лѣтъ,
Какъ государствовала кротка Елісаветъ?
Съ кѣмъ сравнивал*и* (а) малороссійскихъ депутатъ?
Не съ генералами-ль велѣно было сверстать?
Въ которомъ числѣ былъ тамъ депутатъ началный
Ханенко, бывшій мой хоружій генералный [1]).
Смотри, что (и) иностранной народъ французы,
Съ монархиней нашей імѣющій соузы,
Публикуютъ про генералныхъ старшинъ моихъ.
Они съ ними равняютъ генераловъ твоихъ,
Генералного жъ писаря такъ представляютъ,
Что великимъ канцлеромъ моимъ называютъ.
(Но) по крайней мѣрѣ бригадирами (ихъ) почтемъ.

---

[1]) 1749 г. въ С.-Петербургѣ. *Примѣч. автора.*

И тутъ видишь, что не безъ знатныхъ ранговъ слывемъ.
Еще-ль чины мои тебѣ кажутся странны,
Вотъ имѣешь отъ меня видъ сходства пространный.
Вспомни бояръ и между прочими же стрѣльцовъ!
Вспомни бояръ между пробывшихъ думныхъ дьяковъ!
Всѣ тѣ и по нынѣ въ пространствѣ твоемъ живутъ,
То жъ, какъ прежде, достоинство и должность несутъ,
Но названны въновь нарѣчіемъ только другимъ,
Переименованы именемъ ужъ инымъ,
Такъ что канцлерами начали называться,
Дворянами и лейбъ-гвардіею считаться.
Петръ первый, обошедъ разныя земли, царства,
При учрежденіи своего государства
Много въ государствѣ съ пользою узаконилъ,
А при томъ и часть чиновъ въ іменахъ отмѣнилъ.
Да и прежде (того) видны такіе жъ примѣры,
Что инако звались, а были въ ровной мѣрѣ.
Зачѣмъ много говорить? Сама видишь, знаешь,—
Ассесора съ маіоромъ не одно ль считаешь?
Хотя сей въ воинскихъ, а тотъ въ гражданскихъ дѣлахъ,
Однакъ не равны ль тѣ между собою въ чинахъ?
Много больше про меня думай взглядомъ оныхъ;
Ибо я остаюсь въ прежнихъ чинахъ коронныхъ,
Кои въ іменахъ (съ твоими) весьма разнятся,
А въ сравненіи не могутъ собой остаться.

Великорос. Ну, полно уже меня приводить въ азарты!
Не будь вспылчива, иное принимай въ жарты!
Я только спросила о поддачѣ мнѣ твоей,
Зачемъ отнимаешь оную отъ меня всей;
А ты ужь и много обличать меня стала.
Брось пороки считать, что во мнѣ примѣчала!
Признаю, что не я собой тебѣ властитель,
Но самодержецъ нашъ есть общій повелитель.
Не спорю ужь, что онъ тебя принялъ съ чинами:
Вижу, что и своихъ часто сравнивалъ съ вами.

Но скажи съ миромъ, о чемъ выше (за) *во*просъ гласилъ,
Выигриваешь войну будьто безъ моихъ силъ?
Малорос. Да и конечно такъ! въ прежнія тѣ времена,
Не надлежа еще сюда, билась я одна,
Многихъ непріятелей поражала больно.
Вспомни прежню мою рѣчь, признаешь довольно.
Но не думай, будьто все представлено мною!
Много тамъ пропущала, говоря съ тобою,
И знатнѣйшій только казала воинскій бой,
Славнѣйшую являла храбрость свою и строй.
Итакъ видишь и сама мою справедливость,
Какова и безъ тебя была моя живость.
Не пособляла ты мнѣ въ воинско то время,
Какъ скидала (*вар.* свергала) я съ себя все лядское бремя
И за озлобленія съ оними сражалась
Храбро, славно и удачно сопротивлялась.
Не была ты и тогда, какъ къ туркамъ ходила,
Коихъ одна я не разъ славно побѣдила.
Безъ тебя я и на молдавцовъ наступала,
Безъ тебя я ихъ сильной рукой прогоняла (*вар.* поражала).
Сознай сама, была ль и на тѣхъ войнахъ при мнѣ,
Какъ многихъ татаръ (побѣдой) въ плѣнъ брала (къ) себѣ?
Еще ль съ такой (*вар.* тихой) хитростію болшъ станешь озлоблять?
Еще ль не пора тебѣ храброй меня признать?
Когда жъ Россійскому я поддалась ужъ царству,
То какъ обѣ одному служимъ государству,
Такъ не можно сказать, чтобъ одна всегда билась
И чтобъ на многихъ мѣстахъ одна я сразилась.
Но какъ ты, такъ и я вмѣстѣ соединялись,
Каждая изъ насъ своими полками бивались;
А къ инымъ мѣстамъ посылана я и одна,
Текли гдѣ съ кровью: лѣто, осень, зима, весна,—
Видѣли много четыре тѣ года части,

Въ какія гнала я непріятелей страсти.
Не отнимаю симъ отъ тебя воинскихъ хвалъ,
Сорванъ тобой не одинъ непріятельскій валъ.
И что къ твоимъ принадлежитъ силамъ, то твое,
А что къ моей воинской славѣ, то тожъ мое.
И такъ съ времени моей ужъ сюда поддачи
Покажу особливо и свои удачи.
Какъ согласился король польскій съ ханомъ кримскимъ
Огнемъ и мечемъ воевать съ царемъ россійскимъ
За то, что я поддала повѣкъ (*вар.* вѣчно) ему себя,
То гетманъ (тотъ мой) Хмелницкій, сего не терпя,
Его царскому Величеству тотъчасъ донесъ;
Зачѣмъ Государь, упреждая умыслъ ихъ весь,
Отправился самъ въ Литву подъ Смоленскъ съ полками,
Куда Золотаренко посланъ съ козаками (1654 г.),
А Хмелницкій подъ Хвастовомъ находился тогда;
И какъ приспѣли многи полки мои туда,
То Золотаренко, наказный оный гетманъ,
Около Гомля и Быхова произвелъ брань,
Гдѣ ляховъ и татаръ многихъ порубалъ, прогналъ,
И какъ тѣ, такъ и другіе города досталъ.
При ономъ же Золотаренку и Смоленскъ взятъ,
Котораго козаки стараясь доставать,
Казали ревность, смѣлость при глазахъ монаршихъ,
До одного выбили всѣхъ тамошнихъ старшихъ,
За что довольнымъ жалованьемъ награждены,
Похваленны, почтенны и обогащены.
Тогда жъ съ Золотаренкомъ ходилъ Государь царь
Воевать дальше въ Литву поляковъ и татаръ,
Гдѣ какъ подъ Березиной (*вар.* Березою), подъ Шкловомъ, рѣкою
Съ княземъ Радзивиломъ стали биться войною,
То тотъчасъ оной Радзівилъ совсѣмъ побѣжденъ,
Такъ что едва ль самъ не остался жизни лишенъ.
Взято тогда больш двухсотъ литовскихъ городовъ,
А изъ моихъ мало потеряно козаковъ (1654 г.).
Въ то жъ время Вітебскъ до основанія изсѣкли,

Вільну разоривъ, тисячи (у) ляховъ посѣкли.
Между Ставищами жъ и Охматовомъ чрезъ годъ (1655 г.)
Что произвелъ надъ ляхами козацкой народъ,
Какъ ляхи съ татарами въ полѣ съединились
И въ обозъ козацкій тамъ ужъ было ввалились,
То козаки, напавши на ляховъ и татаръ,
Оглоблями изъ саней такій дали ударъ,
Что мерзлыми (*вар.* мертвими) тѣлами, коихъ убивали,
Ввесь обозъ свой какъ будьто валомъ окидали.
Рѣдкое то чудо было з бѣдою ляхамъ,
Что и оглобли козацки страшили врагамъ,
Коихъ презрѣвъ, какъ не разъ войною успѣли,
Ружьіомъ съ ними драться уже (больше) не схотѣли,
А въ насмѣшку вздумали бабьимъ бить мастерствомъ;
Когда бъ случилось при нихъ, мели (*вар.* гнали) бъ и помеломъ.
Тогда большъ пятнадцати тисячъ людей (*вар.* оныхъ) пало,
И въ полонъ взято ляховъ и татаръ не мало.
На другой потомъ день, какъ та сѣчь окончалась,
Страшная баталія опять начиналась,
И продолжалась даже до самой темной ночи,
Не стало ужь большъ лядской и татарской мочи;
Ибо столько жъ иль съ залишкомъ пало и въ этотъ день,
Осталось всего войска въ нихъ только на пядень.
Зъ тѣхъ поръ Хмелніцкій самъ ушь на войну не ходилъ,
Но какъ король шведскій помочи его просилъ,
То однихъ козаковъ своихъ къ нему послалъ онъ,
Къ коимъ приданъ былъ кіевскій полковникъ Антонъ.
Тотъ Антонъ Адамовичъ, когда туда пришолъ,
Отправилъ съ нимъ и свое войско шведскій король,
Съ которымъ, когда козаки совокупились,
Въ самую средину Польши (смѣло) пробились
И оба столичные города поляковъ
Успѣшной войной взяли, Варшаву и Краковъ,
Побрали тамъ многіе шляхетски богатства,
Сенаторски уборы, костеловъ изрядства;
Добрались и до королевскихъ коронъ, порфиръ,

Какъ будьто нарочито собранныхъ имъ на пиръ.
Храбрость Хмелницкого не описана собой,
Съ успѣхомъ імѣвшаго частой воинской бой:
Съ многими людьми (*вар.* народами) онъ въ сраженія вступалъ,
И съ которыми ни вступалъ, всѣхъ тѣхъ побѣждалъ.
Самы альпійскіе непроходимы горы,
Какъ Геркулесъ древній, прошолъ бы съ войскомъ (*вар.* собой) вскори [1]).

Интересныя подробности о мѣстничествѣ великорусскихъ офицеровъ и чиновниковъ съ малорусскими чинами въ этомъ отрывкѣ списаны авторомъ съ натуры и подтверждаются свидѣтельствами мѣстныхъ старожиловъ; объ участіи же козаковъ въ литовскомъ походѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ авторъ писалъ на основаніи извѣстнаго уже намъ „Краткаго описанія Малороссіи", составленнаго въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Другой отрывокъ, заключительный въ „Разговорѣ", ничѣмъ не замѣчателенъ, и мы приведемъ его здѣсь лишь для полноты представленія о разсматриваемомъ произведеніи Дивовича. Послѣ упоминанія о заслугахъ Разумовскихъ императрицамъ Елизаветѣ и Екатеринѣ II, Малороссія продолжаетъ:

Еще ль со мною въ спорные разговоры вступишь?
Еще ль отъ ненависти ко мнѣ не отступишь?
Вотъ тебя привела къ самымъ твоимъ временамъ,
Представила я правду самымъ твоимъ глазамъ,—
Ни пис(к)нуть уже тебѣ нѣльзя противъ меня.
Буди жъ еще (по)*за*споришь, большъ обличу тебя,
Найду еще въ тебѣ я премногихъ подобныхъ,
Сочту и еще твоихъ государству злобныхъ.

Великорос. Ахъ, ахъ! нѣтъ, нѣтъ! помилуй, уними о семъ рѣчь!
Пожалуй, пожалуй, все уже изволь пресѣчь!
Довольно, нынѣ твою правду принимаю,
Вѣрю всему, почитаю, храброй сознаю.

---

[1]) «О которыхъ горахъ Корнелій Непотъ въ своей книгѣ упоминаетъ, что никто не могъ оныхъ проходить съ войскомъ прежде Геркулеса и потомъ Ганнибала, имъ упоминаемаго,—о чемъ однако Полибій споритъ». *Примѣч. автора.*

Отсель и чины твои равнять съ мѣрой стану
И отъ дружбы съ тобою вѣчно не отстану.
Мы будемъ въ неразрывномъ впредь согласіи жить
И обѣ въ едномъ государствѣ вѣрно служить.
Посяпоры понимала темно о тебѣ;
Благодарствую, что протолковала ты мнѣ.

За исключеніемъ приведенныхъ двухъ открывковъ, въ нововайденныхъ спискахъ „Разговора“ есть мѣстами значительные варіанты, дополняющіе или возстановляющіе смыслъ прежде изданнаго текста „Разговора“. Мы укажемъ болѣе существенное изъ нихъ.

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
328	6	означенны	означено
329	20	при комъ	прокомъ
334	10	сталсся	стлался
337	21	тамъ	той
338	25	и	къ
340	27	, храбрость	храбрыхъ
341	1	ваша... вамъ	наша... намъ
—	3	в страхъ	въ прямь

Послѣ пятой строки слѣдуетъ вставить:

Венера пособляла, Паллада гнала вонъ

—	9	кривавій	кровный
—	11	давъ оной	данной
—	12	своихъ	всѣ
—	18	отсталъ	отпалъ
342	9	главній	славній
343	5	надо мной	надъ холмомъ

Послѣ 6 строки нужно вставить:

Кто тѣ почему нибудь во владѣніи держитъ.

—	12	шля	веля
—	16	тѣхъ	о тѣхъ
344	8	столко	только
—	15	первѣйшій	привыкшій
345	5	Эту строку нужно читать такъ:	

Вселюбезній отче нашъ,—отче нашъ любезній!

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
345	6	Чего-ль	Сего-ль
—	26	всѣ вмѣсто	въ сіе мѣсто
346	5	хлипмющими	хлиплющими
—	15	со страдою	съ отрадой
—	34	мироломцы	вѣроломцы
347	5	будуть	будемъ
—	13	храбры,	, храбры
—	20	зъ густотою	съ густотою (*вар.* и съ фузомъ)
—	21	глазамъ	глазахъ
—	27	мнѣ	нынѣ
—	31	в слихъ спивали	всхлыпивали
348	13	Эту строку нужно читать такъ:	

И за жизни еще“, и проч.

349	11	можетъ быть,	можетъ быть, что̀

20 и 21 строки должны быть переставлены одна на мѣсто другой.

350	16	поступали	наступили
351	15	попалали	попалили
352	9 и 10	получала... брала	получали... брали
—	18	татары и с Россіи	татаринъ Россію
453	5	силъ	селъ
—	27	страсть была	страховита
—	30	мой же Патѣй	оной же Палѣй
354	7	нимецка	нимецка и польска
—	9	над	подъ
—	27	знаменами	съ знаменами
356	22	неровной	не робко
—	28	тамже	также
	30	Эту строку нужно читать такъ:	

Великодушіе ихъ до побѣды вело

357	16	учинился	тщился
358	13	и тѣла	ихъ тѣла
359	7	козаки бодрость и вѣрность	казали бодрость и ревность

360 Послѣ 9 строки читать:

Но одинъ предалъ непріятелю себя.

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
—	11	что онъ былъ	что онъ мой былъ
—	14	жаждой	нуждой

Послѣ 17 строки читать:

И тое страннѣйшее дѣло и дивнѣе всѣмъ,

Что ты зъ предковъ и родилась при царѣ своемъ,

Послѣ 26 строки читать:

Напомню, что многіе бояры казнены (въ 1689 г.)

27 строка читается такъ:

Кои противъ царей въ измѣнѣ изобличены,

Послѣ 37 строки читать:

И воинское дѣйство оттолѣ отставилъ,

361	2	Да и Шереметевъ	Да и Василій Шереметевъ
—	5	проплакалъ	проклиналъ
—	15	сколко	жалко
—	20	ляхамъ тѣмъ	ляхи татарамъ тѣмъ
362	13	Отъ кого	Отколь
363	13	Шеинъ	Гейнъ (*вар.* Гессенъ)
364	1	Сочиненъ	Сочтенъ
—	4	тежъ	прежъ
—	5	фелтмаршала въ годки	фелтмаршала Миниха въ годы
—	9	еще канцлеромъ	вице-канцлеромъ
—	11	с тѣми развѣ	Темиразевъ
-	17	И зъ	И за
365	4	Недавно	Недивно,
—	7	Славной в себѣ	славно и о себѣ.

Документы братства при церкви св. Николая въ г. Замостьѣ.

Число старѣйшихъ южно-русскихъ братствъ увеличивается еще однимъ,—послѣ братствъ львовскаго, виленскаго, луцкаго, кіевскаго и минскаго должно стать братство замостьское. Начало его относится къ концу XVI в., но не только оно не имѣетъ своей исторіи, а и самое имя его въ первый разъ становится намъ извѣстнымъ. Оно притомъ и не можетъ уже имѣть своей исторіи, потому-ли, что не создало ее, или потому, что не сохранились письменные памятники, свидѣтельствующіе о его дѣятельности. Осталось лишь нѣсколько документовъ, удостовѣряющихъ его существованіе, организацію и характеръ дѣятельности. Приведеніе ихъ въ извѣстность не лишено будетъ значенія въ общей исторія братствъ.

Важность учрежденія, извѣстнаго въ нашей исторіи подъ именемъ братствъ, доселѣ все еще не достаточно выяснена и понята, хотя предметъ этотъ имѣетъ довольно значительную литературу. Со временемъ мы надѣемся коснуться его въ нарочитыхъ изслѣдованіяхъ какъ въ общей его исторіи, такъ и, въ частности, исторіи нѣкоторыхъ болѣе извѣстныхъ братствъ. Теперь представимъ лишь нѣсколько свѣдѣній о братствахъ вообще для уясненія предлагаемыхъ документовъ замостьскаго братства.

Южнорусскія наши братства представляютъ собою правильно и прочно организованныя общества въ средѣ приходскихъ общинъ, то заключавшія въ себѣ лучшую и болѣе состоятельную часть прихода, то обнимавшія собою весь составъ прихода, то выступавшія далеко за предѣлы онаго. На попеченіи и добровольной обязанности братства лежали содержаніе и украшеніе мѣстной приходской церкви, поддержаніе въ ней порядка, благочинія и торжественности богослуженія, вознагражденіе священника за совершеніе богослуженія и вообще вспомоществованіе ему въ его со-

держанія, заведеніе и содержаніе школы для обученія дѣтей, устройство и содержаніе госпиталя для призрѣнія вдовъ и сиротъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ и вообще бѣдныхъ, безъпроцентная ссуда и помощь въ случаяхъ обѣдненія, болѣзни и смерти, охрана интересовъ церкви и прихода предъ властями духовными и свѣтскими и наконецъ нравственно - общественный судъ въ кругѣ дѣйствій братства и поведенія братчиковъ. Всѣ вообще братства пользовались полною самостоятельностію своего управленія и ни мало не зависѣли въ своихъ дѣйствіяхъ отъ мѣстнаго священника, напротивъ онъ во многомъ зависѣлъ отъ нихъ; братства же старѣйшія, какъ львовское, виленское и кіевское достигали независимости и отъ мѣстныхъ епископовъ и пользовались правомъ ставропигіи, т. е. подсудности одному лишь патріарху. Эти братства, въ составѣ которыхъ были знатнѣйшія дворянскія фамиліи, не ограничивали своихъ заботъ извѣстнымъ мѣстомъ, но помышляли о нуждахъ всей церкви и всего южно-русскаго народа; они содержали высшія школы и типографіи, издавали богослужебныя, полемическія и другія книги, выискивали или готовили лучшихъ проповѣдниковъ и учителей, вели борьбу съ угнетателями вѣры и народности, являлись представителями и защитниками правъ церкви и народа на сеймахъ, наблюдали даже за направленіемъ и вообще образомъ дѣйствій іерарховъ южно-русскихъ, привлекая ихъ къ суду патріаршему. Братства покрывали собою всю южнорусскую территорію отъ Днѣпра до Карпатъ и, судя по сохранившимся и доселѣ, не рѣдко въ видѣ однихъ лишь древнихъ братскихъ обычаевъ, остаткамъ этого учрежденія на всемъ пространствѣ южной Россіи, особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ до нашихъ дней удерживалась унія,—едва-ли была деревня, мѣстечко или городъ, гдѣ-бы не было братства и соединенныхъ съ нимъ тѣхъ или иныхъ учрежденій... Каждое изъ нихъ въ частности сплачивало членовъ приходской общины въ одно крѣпкое цѣлое, во имя интересовъ вѣры и любви, и давало ей ростъ и силу, а всѣ вмѣстѣ, при единствѣ ихъ характера и цѣлей, связывали и все разбитое и преслѣдуемое населеніе въ одно живое тѣло, одушевленное высшими стремленіями къ саморазвитію и самоохраненію.—Братства были старшія и младшія, т. е. изъ людей семейныхъ и не женатыхъ, и не только изъ мужчинъ, но и женщинъ—*жиночія* и *дивочія*, вообще *сестричныя*.

Вопросъ о происхожденіи братствъ едва ли теперь можетъ подлежать спору. Лѣтъ двадцать назадъ, въ нашемъ „Очеркѣ ис-

торіи братствъ", мы высказали мнѣніе, что это не заносное, но коренное русское учрежденіе, возникшее изъ потребностей и склада древней нашей общины, что оно не пожаловано намъ польскими королями вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ и цехами, равно не пришло къ намъ съ Востока съ благословенными грамотами патріаршими. Остаемся и теперь при томъ же мнѣніи, видя подтвержденіе онаго въ каждомъ новомъ изслѣдованіи, въ каждомъ вновь открываемомъ памятникѣ минувшей жизни братствъ. Не цехи дали намъ братства, но духъ братскій пріурочилъ цехи къ потребностямъ нашей тогдашней жизни. Съ другой стороны восточные патріархи только освятили своимъ благословеніемъ самостоятельно возникшее у насъ учрежденіе, въ общихъ чертахъ сходное съ тѣмъ, которое они видѣли у себя. Подобныя учрежденія существовали во всѣхъ славянскихъ земляхъ, и это показываетъ только, что и наши братства были продуктомъ особаго уклада нашей древней общины; но нигдѣ они не пріобрѣли столь правильной организаціи, не получили такого широкаго развитія, не пустили такихъ глубокихъ корней въ народно-общественной жизни, какъ у насъ. Конституціонная почва Рѣчи Посполитой, по особымъ обстоятельствамъ приведшая ее къ погибели, но полная всякихъ „привилегій и вольностей", дала мѣсто и этому учрежденію и помогла ему достигнуть такого широкаго примѣненія и столь блистательнаго развитія. Не королевскія однако привилегіи, какъ и не грамоты патріаршія или архіерейскія, создавали братства; братства существовали прежде ихъ и помимо ихъ, а они только давали имъ санкцію, тогда столь необходимую.

Съ измѣненіемъ условій и строя политической и общественной жизни края, съ измѣненіемъ господствовавшаго прежде духа этой жизни, самое учрежденіе должно было пасть, оставивъ по себѣ лишь едва примѣтные слѣды своего долгаго и славнаго существованія. Съ 60-хъ годовъ у насъ по мѣстамъ стали возстановлять братства. Скоро ихъ существованіе признано законодательною властію, которая начертала кругъ ихъ дѣятельности, порядокъ открытія и подчиненность. Но, понятно, законъ не могъ вызвать къ жизни то, для чего жизнь мало или вовсе не давала пищи. Появившіяся одновременно и особо регламентированныя церковно-приходскія попечительства оказались мертворожденными и нигдѣ не привились, какъ можно было ожидать по замыслу. И въ судьбѣ ихъ повторилось то, что сказали мы сейчасъ о судьбѣ братствъ. Суть дѣла здѣсь въ нашей привычкѣ отдѣлять интересы

религіозные отъ интересовъ общественныхъ, въ сложившемся у насъ представленіи, что одинъ и тотъ-же живой организмъ въ одномъ отношеніи можетъ дѣйствовать такъ, въ другомъ иначе. Съ этой точки зрѣнія и въ исторической наукѣ мы придали древнимъ братствамъ названіе церковныхъ, но придали вопреки исторіи. Братства не мыслимы были безъ церкви, но не они существовали для церкви, а церковь для нихъ, и не они зависѣли отъ нея, а наоборотъ. Братства одинаково служили интересамъ религіознымъ, какъ и многимъ общественнымъ; но жизнь общины имѣла тогда болѣе цѣльный характеръ и большую правоспособность; интересы религіозные не отдѣлялись отъ общественныхъ и еще менѣе игнорировались, какъ теперь; напротивъ религіозный элементъ проникалъ весь строй жизни и общины и каждаго въ частности ея члена, отъ того и дѣйствія братствъ намъ кажутся лишь набожно-христіанскими, а самыя братства учрежденіями церковными. Но не въ этомъ и не въ оскудѣніи духа благочестія, какъ-бы захотѣлъ кто думать, лежитъ причина того, что братства и аналогичныя съ ними приходскія попечительства не имѣютъ жизненности, а въ разобщенности жизненныхъ функцій общины, въ отсутствіи у ней самостоятельности въ какомъ угодно отношеніи. Чтобы судить однако о значеніи и прежней жизни братства, достаточно представить себѣ, какъ дорого мы дали бы, что бы у насъ добровольно, безъ всякаго призыва, внушенія, руководства, инициативы, сами по себѣ въ каждой городской и сельской общинѣ явились такія общества, которыя содержали и украшали-бы церкви, поддерживали и обезпечивали церковные причты, заводили и содержали школы, устрояли богадѣльни, лазареты и страннопріимные дома, призрѣвали нищихъ, устраивали вспомогательныя кассы, и пр., и проч.

Нѣкоторое понятіе объ организаціи и дѣятельности братствъ дадутъ помѣщаемые въ слѣдъ за симъ документы замостьскаго братства. Ихъ четыре: 1) грамота Гедеона Балабана, епископа львовскаго, на учрежденіе старшаго братства при церкви св. Николая въ г. Замостьѣ, 1606 г., 2) его-же грамота на учрежденіе тамъ-же младшаго братства, 3) дополнительные къ уставу братства пункты, данные митрополитомъ кіевскимъ Сильвестромъ Коссовымъ и 4) постановленіе обоихъ этихъ братствъ о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Владѣльцемъ г. Замостья Ѳомою Замойскимъ утвержденъ первый изъ этихъ документовъ, а не третій, какъ сказано въ началѣ этой книги въ статьѣ: „Забытыя иноческія обители“. Послѣдніе два относятся къ 1647—48 г.

1.

Грамота Гедеона Балабана, епископа львовскаго, на учрежденіе замостьскаго братства при церкви св. Николая.

ВО ИМЯ ОТЦА и СЫНА и СВЯТАГО ДУХА. АМИНЬ.

Благоволеніемъ Бога Отца, и благодатию Господа нашего Іисуса Христа, и дѣйствомъ святого Духа. Смирение наше отъ благодати дара и власти всесвятого и животворящаго Духа, отъ сътворытеля Бога, въ Тройци хвалимаго: благодатию Божию Гедионъ Болобанъ, епископъ галицкій, лвовскій и Каменца-Подольского, и ексарха великого ѳрону константинополского. — По Христову повеленію и Духа святого строенію, послѣдующе апостолскому и святыхъ отець преданню, повелѣвающе, посѣщающе Христову съборную и апостолскую церковъ за его королевскои милости, Жикгимонта третего, короля полского и великого княжати литовского, русского, пруского и прочая. Въ лѣто отъ създания міру ҂зр҃ді, а по Рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа ҂ах҃ѕ, мѣсяца марта л҃ дня. В то время пришедши передъ насъ и передъ наше право духовное, славетный панъ Ѳеодоръ Волосовичь, мещанинъ замойскій, ктиторъ храма святого ереарха Христова Николая, хотячы братство устроити съединившеся любовию духовною, закона Христова заповѣдемъ послѣдующе, благоугодно Богу во Тройци единому и Пречистои Его Матере, въ честь и въ хвалу Его святому угоднику ереарху Николѣ. Того ради мы, смиренный Гедионъ, епископъ по дару святого Духа, пастырскимъ строениемъ повелѣваемъ и благословляемъ ихъ на сие братство духовное, утверждающе ихъ евангельски жити, съставляюще любовъ по закону Христовы церкве творыти судъ истиненъ и милостию въ потребахъ братямъ недостаточествующимъ, а злыхъ казнити. Сие богоугодное законное братство вышше писаное и ниже реченныя обычая повинни такъ держати: съшедшеся на день уреченный въ домъ выбранный, любовию и тихостию другъ друга честию болша себѣ творяща, а маются сходити за обсыланямъ знамене братского въ двѣ недѣлѣ, или въ чотыры, или якъ потреба и якъ прилучится. Повиненъ кождый братъ полгроша дати до скринки братскои, а вступного грошей

шесть, кто перший разъ вступуетъ въ братство. А хто бы хотѣлъ вступити въ сие братство, или шляхтичъ, или мещанинъ, или предмещанинъ или с посполитыхъ людей вшелякого стану, якъ тутошній, такъ сторонний, маетъ дати грошей шесть вступного. А который бы мешканя мѣлъ далеко отъ сего братства, то в рокъ по шести грошей маетъ давати до скринки братской. А братя спольне кождого року маютъ выбирати з межи себе старшихъ чотыри браты, поручаючи имъ все старшинство братства того; скрынька братская маетъ быти у старшого брата, а ключъ у младшого, личбу маютъ чинити старши братя предъ всѣми в рокъ отдаючи уряды свои. А впистки ровны собѣ маютъ быти, а кого бы братя выбрали на старшинство и онъ бы ся збороняль безъ причины слушнои, виненъ дати три безмѣны воску. А братя старшіе маютъ пилне перестерѣгати повинности своей. Казнь всѣмъ посполитая маетъ быти на дзвонници сѣдѣти. А еслибы братъ брата словомъ наганбилъ, маетъ быти каранъ сидѣнямъ, а вины камень воску маетъ дати и брата перепросити, неотходячи, и все братство перепросити. Слова непотребные, корчемные хтобы молвилъ въ братствѣ, вины на томъ фунтъ воску. А маютъ одинъ до другого съ послушаніемъ мовити. Которой бы братъ вѣдалъ брата выступного, не маетъ его таити, але маетъ его оповѣсти въ братствѣ, жебы былъ каранъ. А кто бы таилъ злости, при виномъ каранъ быти маетъ, якъ братя найдутъ, или двома, или безмѣномъ воску, или полъкаменемъ, или каменемъ, противно выступку. А если бы который з межи старшихъ братовъ, якимъ колвекъ обычаемъ, знашолся быти выступнымъ, за что молодшихъ карутъ, маетъ быти старшій двояко и трояко каранъ, болшего бо томления достоенъ чести ради, а который бы братъ былъ каранъ сидѣнямъ или виною, маетъ по карности заразъ перепросити того, кому былъ провинилъ, ведлугъ росказаня Господа нашего Іисуса Христа: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ. А хто бы не отдалъ вины братскои, поруку не отходячи маетъ поставити два браты до другои схаждки. А судитися маютъ радячымъ восполокъ, якъ старшихъ, такъ молодшихъ, и якъ молодшии призволятъ всѣ, такъ старшии маютъ сказовати. А который бы братъ мѣлъ якую справу, а не могъ бы свое и речы справовати, волно ему взяти двохъ братовъ на пораду и на помочь; справа вшелякая братская не маетъ быти выношена далей отъ порога дому братского, а на

кого бы ея досвѣдчено, двояко маетъ каранъ быти—сѣдѣнямъ и безмѣномъ воску, а кто бы гордѣлъ братскимъ судомъ, якъ преслушникъ церкве судится, а если ся того не каетъ до четвертои недѣлѣ, да отъ церкви отлучится, и священникъ маетъ его въ церкви предъ всѣми обличити и отъ церкве отлучити, да посрамится. И аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или пяница, или драпежникъ, с таковыми не толко посполитовати, але с ними ни ясти, ни пити. А если з допущеня Божого будетъ на брата яковый упадокъ или немочь, а не мѣлъ бы достатку, маютъ его братя вспомогати братскими пѣнязми и въ немочи призирати. А которымъ бы братя помогали въ напастехъ, въ бедахъ, въ недостаткахъ, позычаючи имъ пѣнязи, не маютъ отъ нихъ лихвити. А позычати маютъ не на захованя смотрячи, и не тымъ, которые хотятъ быти богатшые, але тымъ, которые болшие недостатки терпятъ з допущеня Божого. А который бы братъ христіанский преставился съ того свѣта, маютъ его всѣ братя отпровадити къ гробу, к тоей церкві, которой былъ парафѣи, и свѣча братская маетъ быти в церкви. Маютъ тыжъ быти свѣчѣ братские къ отпроваженю мертвого къ гробу. А кгды будетъ братство знаменемъ братскимъ обсылано, во двѣ недѣли, или якъ потреба прилучится, или на погребъ, не схочетъ ли прити который братъ за трудностями своими пилными, маетъ оповѣсти передъ старшимъ братомъ. А если бы было досвѣдчено, ижъ не былъ затрудненъ, маетъ быти каранъ фунтомъ воску. Ктому тыжъ кождый братъ маетъ вписати въ помянникъ церковный имя отца своего, и матере своея, и близкихъ пріятелей своихъ представшихся. А священникъ церкве тое маетъ читати помянникъ братскій по утрни и по вечерни въ дни поминалныя, и во великій постъ, по уставу церковному, а на каждый рокъ маютъ быти двѣ литоргие, за все братство, заздоровная и помянная, и убогихъ по силѣ надѣлити, а священнику своему маютъ братя изъ скринки на рокъ копу грошей давати за поминаня преставлышихся, на Рожество Христово золотый, а золотый на Воскресение Господне. Сего ради мы, смиренный Гедионъ епископъ, бачивши згоду и любовъ ихъ, благословляемъ ихъ и моцю Божию повелѣваемъ имъ хранити сия предания неразорне, верне. А кто бы мѣлъ пометати сие братство, на томъ нехай будетъ клятва святыхъ отецъ т҃ и иі҃. Благословение

же Божие и благодать святого Духа буди на всѣхъ вѣрующихъ заповѣдемъ Его и творящихъ волю Его, и благословение святыхъ отець вселенскихъ седми соборовъ, и благословение Гедиона, епископа галицкого, лвовского и каменецкого, и екзархи константинопольскаго престола, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

Писанъ и данъ

Гедионъ епископъ власною рукою.

Грамота лисана на большомъ пергаменномъ листѣ; внизу слѣды шнура, на которомъ была привѣшена въ пушкѣ печать, но самой печати не достаетъ. На оборотѣ грамоты по срединѣ находится помѣта позднѣйшаго времени: Partis 3-tiae, № 3-tio, а въ началѣ слѣд. замѣтка:

Року ҂ахі. Мы братство замосцское всѣ обецъ квѣтовали пана Ференца Волосовича брата нашего съ церковныхъ гроший, що былъ далъ на церковь спрошонихъ гроший, такожъ и дарованыхъ сумы осми сотъ зол(отыхъ) шестдесятъ и пять зол(отыхъ), грошей сѣмъ, при бытности пана Мурата и пана Анечо, и при пану Крынку, Трушу, Яцку Затарскимъ, Стефану Анастасевичу, Лукашу, и при пану Артему Некрашевичу и Стефану Жугаевичу.

2.

Благословенная грамота тогоже Гедеона Балабана, епископа львовскаго, младшему замостьскому братству.

Текстъ этой грамоты мы не приводимъ, такъ какъ она отъ слова до слова сходна съ предъидущею, за исключеніемъ слѣд. словъ:

Въ лѣто... по Рожествѣ Господа нашего Іисуса Христа ҂ахѕ мѣсяца декабрия ҃д дня. В то время пришедши передъ насъ и передъ наше право духовное славетное братство *младенческое* замойское, хотячи и проч.

Списокъ этой грамоты также на большомъ пергаменномъ листѣ, но это не подлинникъ, а копія, и къ ней привѣшена печать самого братства, въ пушкѣ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Покрова Божія Матери, а на другой святителя Николая, и съ подписью вокругъ: *Сія пушка привилею братьства молодшого церкви замосцькой. 1656.*

3.

Дополнительные пункты устава замостьскаго старшаго братства при церкви св. Николая.

1 (11). „Повинни (священники братскіе) на рокъ 4 акафисти до Пресвятой Богородици въ кождой чверти року отправляти, так тежъ и парастаси за преставлшихся, ведлугъ часу и ухвали братской, а священнику отъ акафисту, так тежъ и отъ парастасу, по грошей 12 повинни давати, и коливо повинни справляти. Знову 12 служебъ Божіихъ до року повинни отправляти на каждой мѣсяць по двѣ, заздоровну и за упокой, также ведлугъ часу и ухвали братерской, въ котрый день, сщеннику отъ тыхъ служебъ Божихъ повинни давати по грошей шесть, на которыхъ набоженствахъ повинни всѣ братіа быти безъ жадныхъ вымовокъ, а котрый бы братъ не мѣлъ быти, не мѣючи жадной великой забави, на таковогo вины и неотпустно фунтъ воску. 2 (12). Если бы который зъ брати вписныхъ мѣлъ на иншое мешканіе перенестися, теды маетъ *пуплице* (publice) при зебраню всѣхъ братій ознаймити, иж то *non temere* чинитъ, и просити маетъ, яко его за притомного мѣли, такъ и въ небытности абы о немъ памятали, а той братъ повиненъ завше любъ на сторонѣ досить ве впшисткомъ чинити и милости братерской бы намнѣй не уступати, и що рокъ презъ листъ о собѣ ознаймити, а гды до трехъ лѣтъ о собѣ не ознаймитъ, маетъ быти зъ реестру вымазаний, такъ жывыхъ, якъ и умарлыхъ, чого пилно маютъ постерѣгати братіа старшіи; а гды бы не моглъ до того прійти, бывши котрый в далекихъ краінахъ, албо въ иншыхъ земляхъ, таковому выбачить маютъ. 3 (13) Каждый братъ, любо притомный, любо не притомный, при смерти, останокъ выроку жывота своего, повиненъ на тестаментѣ положити своемъ, абы по смерти его дана была вѣдомость братству, и що колвекъ будетъ субстанціи, абы легацію учинилъ на убогіе и хоріе того зебраня. 4 (14). Которій колвекъ вписуется въ реестръ братерскій, маетъ присягу учинити, абы до конца жывота своего мѣлъ во всемъ чинити досить и святую православную вѣру въ соборной апостольской церкви сохранити".

Пункты эти извлечены изъ подтвердительной братству грамоты митрополита кіевскаго Сильвестра Коссова, во всемъ остальномъ буквально повторяющей грамоту

Гедеона Балабана; но начала митрополичьей грамоты нѣтъ, а потому неизвѣстна ея *дата* и поводъ къ ея написанію. Въ концѣ грамоты печать и подпись:

Сильвестръ Коссовъ, митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Россіи, екзарха константинопольскій.

4.

Постановленіе того же братства объ отношеніяхъ его къ братству младшему покровскому.

Лѣта Господня 1661, мѣсяца апрѣля 15-го дня, по старому календарю.

Принявъ во вниманіе панове братство старшее св. Николая и признавъ дѣломъ законнымъ и пристойнымъ, чтобы, ко славѣ Господа Бога и украшенію церкви святой, (продолжалась) эта слава и украшеніе, которое начато ревностнымъ стараніемъ пановъ братій братства младшаго, и вслѣдствіе просьбы ихъ къ намъ, какъ старшимъ братіямъ, чтобы мы позволили имъ ввести всякій порядокъ и усердное стараніе относительно украшенія церкви святой, и дабы они не ослабѣвали въ служеніи своемъ избранному ими образу покрова Пресв. Дѣвы, которое описано въ ихъ правилахъ, но во всякомъ случаѣ были усерднѣйшими,—мы, какъ братія старшіе, совѣщавшись всѣ, съ согласія нашего старшаго братскаго позволяемъ и имъ, какъ братству младшему, даемъ пункты или надлежащій порядокъ, назначая имъ, для всякаго порядку, двухъ братій нашихъ старшаго братства, каждый годъ особыхъ, безъ которыхъ не должно быть ни какое постановленіе и совѣщаніе, равно какъ безъ нихъ не должна пріобрѣтаться никакая вещь и не должно производиться ни одно денежное дѣло, но всегда съ совѣта и вѣдома оныхъ двухъ пановъ ассессоровъ, а сіи паны ассессоры должны всегда съ ними присутствовать на созываемыхъ духовникомъ сходкахъ и тамъ совѣщаться съ ними о добромъ церковномъ порядкѣ и управлять ими, а непокорныхъ карать по ихъ правиламъ. Панове братство старшее напоминаютъ и просятъ пановъ братій младшихъ прежде всего о томъ, чтобы не было никакого собранія и совѣщанія въ корчемныхъ домахъ, сплетень и непристойныхъ пересудъ какъ о своихъ братіяхъ младшихъ, такъ и о старшихъ, которые этотъ пунктъ заключаютъ такъ: если бы кто

услышалъ пересуживающаго непристойно, а этотъ не доказалъ бы того, что̀ говорилъ, вины на таковаго камень воску и сидѣнье въ теченіи трехъ дней въ публичной *кунѣ*. Другой пунктъ подаютъ панове братство старшее и просятъ, чтобы каждый братъ младшаго братства, вступивши уже въ супружество, оставался еще въ младшемъ братствѣ годъ и шесть недѣль. А старшіе братья подаютъ это младшей братіи не по своему мнѣнію и совѣту, а вслѣдствіе собственнаго распоряженія, воли и постановленія преосвященнаго его милости отца митрополита кіевскаго, господина и пастыря нашего. А по истеченіи года и шести недѣль, паны братство младшее или старшіе ихъ обязаны будутъ отдать вступившаго въ супружество братству старшему, или поручить его, какъ брата, а онъ долженъ будетъ поблагодарить братству младшему или старшимъ его, чтобы младшіе сами собой съ младшими же совѣтовались о добромъ порядкѣ церкви святой, и что бы то братство собственно было младшее, чего и мы желаемъ. Ключъ отъ кассы денежной долженъ быть одинъ у пановъ ассессоровъ или котораголибо изъ нихъ, а другой—у младшихъ или старшаго ихъ. Избранный въ шафары, составивши, съ вѣдома пановъ ассессоровъ, реестръ серебра и всего относящагося къ образу, обязанъ будетъ вписать вновь поступающее, засвидѣтельствовать и показать на сходкѣ передъ всей братіей и въ присутствіи пановъ ассессоровъ, а вписавши въ реестръ, хранить въ добромъ *порядкѣ*.

И пусть то будетъ къ славѣ Божіей и украшенію церкви святой, а имъ во спасеніе души, на что и эти пункты, чтобы паны младшіе братья, или старшіе ихъ руками подписали для лучшей и вѣрнѣйшей силы этого постановленія. Состоялось въ Замостьѣ вышеписаннаго года и дня, на чемъ тогда и подписывались:

Давидъ Максимовичь, на той часъ братъ старшій
Даніилъ Куриловичь, на той часъ братъ старшій
Игнатій Симонъ Рассиковичь, братъ старшій
Леонтій Лагодзинскій, братъ старшій.

Подлинникъ писанъ на простой бумагѣ въ малую четвертку по польски; подписи также по польски.

Библіографія.

Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать пятая. М. 1882 г.

Въ послѣдней 25-й книгѣ архива князя Воронцова помѣщено нѣсколько дукументовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи конца XVIII в. Первый представляетъ любопытный споръ Разумовскаго съ молодымъ великороссійскимъ чиновникомъ Олсуфьевымъ о предѣлахъ гетманской власти. Членъ коллегіи и церемоніймейстеръ Олсуфьевъ дѣлалъ свои замѣчанія на оригинальныхъ листахъ, посылаемыхъ гетманомъ черезъ коллегію самой Императрицѣ; гетманъ въ свою очередь давалъ на эти замѣчанія свои объясненія или вѣрнѣе возраженія. Великороссійскій чиновникъ старается уличить малороссійскаго гетмана въ стремленіи къ обособленію, къ независимости отъ центральнаго правительства; онъ обращаетъ вниманіе Императрицы на то обстоятельство, что полковникъ миргородскій Остроградскій „въ противность имянныхъ указовъ, не Ея Императорскимъ Величествомъ, но гетманомъ самопроизвольно въ тотъ чинъ произведенъ"; указывая на дѣло грека Юрьева, онъ замѣчаетъ, что „отбывательства и уклоненія отъ должнопослушнаго исполненія по высочайшему имянному указу ни для какихъ представленій гетману дозволять не должно. Ибо точно симъ примѣромъ онъ еще тѣмъ болѣе независимость свою и мнимое отъ апелляцій на его рѣшенія исключеніе утверждать (слѣдовательно, въ чемъ захочетъ, указамъ не повиноваться) поводъ получитъ".

Гетманъ, возражая Олсуфьеву, заявляетъ, что онъ дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ на основаніи законныхъ правъ, повидимому Олсуфьеву неизвѣстныхъ. „Ежели бы Ея Императорскому Величеству всѣ обстоятельства, права, законы и установленія, которыя сама Ея Величество соизволила высочайшею

своею рукою конфирмовать нынѣшнему гетману, были донесены (которыя уповательно по проискамъ Олсуфьева пропущены при докладахъ), то нигдѣ опредѣленія не найдется, чтобъ полковниковъ и старшинъ, которые вольными голосами всего народа выбираются временемъ изъ самыхъ нижнихъ чиновъ, конфирмовать высочайшимъ монаршимъ и своеручнымъ утвержденіемъ: ибо ежели бы ихъ чины уравнены были съ чинами великороссійскими, тогда въ волѣ Ея Императорскаго Величества останется, до какого чина, смотря по рангамъ, гетману дозволено будетъ опредѣлять". Въ своемъ послѣднемъ возраженіи Разумовскій проситъ Императрицу защитить его отъ несправедливыхъ нападокъ Олсуфьева... „Нынѣ отъ нестерпимости моей, припадая къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, всеподданѣйше прошу отъ помянутаго церемоніймейстера Олсуфьева меня, всеподданѣйшаго раба, оборонить и дабы повелѣно было всѣ голосы и помѣты своеручныя его Олсуфьева, клонящіеся къ вѣчному моему безславію, изъ архивы коллежской взять къ Ея Императорскому Величеству и, разсмотря, всемилостивѣйше уничтожить". Весьма характеренъ, по нашему мнѣнію, фактъ, что гетманъ Малороссіи, пользовавшійся личнымъ расположеніемъ Императрицы, братъ любимца Императрицы Алексѣя Разумовскаго, долженъ былъ просить защиты отъ чиновника коллегіи въ дѣлѣ, гдѣ онъ былъ, какъ кажется, совершенно правъ. Этотъ самый Олсуфьевъ впослѣдствіи сдѣлался довѣреннѣйшимъ лицомъ Екатерины II, вмѣстѣ съ Тепловымъ, по малороссійскимъ дѣламъ. Ему было поручено составить записку для будущаго малороссійскаго генералъ-губернатора, какъ это видно изъ письма къ нему императрицы, помѣщеннаго въ Рус. Арх. 1863 г., 433.

Другой документъ—„Мнѣніе его сіятельства графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина о классахъ малороссійскимъ чинамъ, съ изъясненіями на каждый пунктъ того мнѣнія отъ гетмана графа Разумовскаго"; относится онъ къ 1764 г. Бестужевъ-Рюминъ стоитъ противъ пожалованія малороссійскимъ чинамъ классовъ на подобіе великороссійскихъ: иначе придется, говоритъ онъ, даровать такіе ранги и другимъ нерегулярнымъ войскамъ, наприм., Донскому; при выборѣ въ должности вольными голосами (какъ это теперь существуетъ у малороссіянъ), многіе достигнутъ важныхъ чиновъ незаслуженно и получатъ такимъ образомъ преимущество надъ великороссіянами. Разумовскій старается опровергать соображенія гр. Бестужева-Рюмина и соглашается

съ нимъ только въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктахъ. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что просьба Разумовскаго объ уравненіи ранговъ и чиновъ не шла въ разрѣзъ со взглядами центральнаго правительства на общегосударственные интересы; въ томъ-же 1764 году послѣдовалъ указъ объ уничтоженіи гетманства и затѣмъ объ уравненіи классовъ.

Наконецъ, третій документъ—„Записка о Малой Россіи", приложенная къ предъидущему мнѣнію гр. Бестужева-Рюмина. Записка эта начинается краткимъ историческимъ очеркомъ о происхожденіи народа малороссійскаго и затѣмъ переходитъ къ существенному своему пункту—критикѣ порядковъ, господствовавшихъ въ то время (1764 г.) въ Малороссіи; сюжеты, затронутые тамъ, крайне любопытны (о непорядкахъ, которые происходятъ отъ чиновниковъ Малой Росіи, о умаленіи козаковъ и посполитыхъ войсковыхъ, о ревизіи, о расхищеніи посполитыхъ дворовъ, о правахъ малороссійскихъ, о неудобствѣ, что козаки съ посполитыми перемѣшаны въ деревняхъ, о вольномъ переходѣ); не менѣе интересны приводимые тамъ факты и соображенія. *Но записка тѣмъ не менѣе не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія: она представляетъ простое переложеніе извѣстной записки Теплова*, исключая только историческое введеніе, котораго нѣтъ у Теплова. Во введеніи Бестужевъ-Рюминъ указываетъ даже литературу вопроса по исторіи Малороссіи (Histoire des diètes de Pologne, 2) Relation des cosaqnes, 3) Therenot. Recueil des voygages, 4) Dictionnaire de Moreri, также лѣтописи малороссійскія и статьи Хмельницкаго и прочихъ гетмановъ; а особливо Histoire de la guerre des cosaqnes contre la Pologne, par Pierre Chevalier); но представленный имъ самимъ очеркъ полонъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и ложныхъ заключеній. По его словамъ, литовскій князь Гедиминъ Кіевъ покорилъ въ 1240 году послѣ битвы надъ Ирпенью; начало запорожскаго козачества онъ относитъ къ 1340 году и т. д.

Самая записка повторяетъ часто слово въ слово, иногда въ переложеніи, записку Теплова [1]). Приведемъ наудачу для образца нѣсколько мѣстъ изъ записки Бестужева-Рюмина и Теплова.

---

[1]) О непорядкахъ, которые происходятъ нынѣ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи (Записки о южной Руси, Кулиша, ч. II, стр. 175—196).

Вотъ начало одной и другой записки:

Записка Бестужева-Рюмина.	*Записка Теплова.*
Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссійскаго отдѣленіе, а потомъ привычка къ польскому праву, которое королями Казимиромъ, Сигизмундомъ первымъ и Стефаномъ Батори, для лучшаго притязанія въ единство своей области, въ нихъ вкоренено, вкоренило въ Малороссійской народъ особливыя мысли о своихъ вольностяхъ и обыкновеніяхъ.	Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссійскаго отдѣленіе, а притомъ приобыкновеніе (sic) къ польскимъ правамъ, которыя королями Казимиромъ, Сигизмундомъ I и Стефаномъ Баторіемъ, для лучшаго приведенія въ единство своей области, въ нихъ вкоренены, вкоренили въ сей малороссійскій народъ и особливыя вольности и обыкновенія.

А вотъ—конецъ:

Сіи суть только генерально показанные непорядки въ Малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженныя и вѣчныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій; но понеже край малороссійской до познанія его въ самое жесточайшее военное время пришелъ, а поправленіе его требовало не мало времени, то хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему начатки премудраго госпсдаря, до времени не доставало то привести въ порядокъ, что́ исподо-	Сіи суть токмо генерально показанные непорядки в малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣній и во внутреннюю ихъ собственную экономію; тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій, но понеже край Малороссійскій до познанія его въ самое жесточайшее время пришелъ, а поправленіе его требовало немалаго времени, то хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему сему

воль дѣлать надлежало, а между тѣмъ смерть сего великаго монарха застигла.

начатки премудраго Государя, до времени не доставало то привести въ порядокъ, что исподоволь дѣлать надлежало, а между тѣмъ смерть сего великаго Монарха застигла, и больше никто о томъ не мыслилъ.

И такъ, записка Бестужева-Рюмина представляетъ чуть ли не простую копію съ записки Теплова. Записку Теплова г. Кулишъ относитъ къ царствованію императрицы Елисаветы Петровны, но основаній въ пользу своего мнѣнія не приводитъ никакихъ. С. М. Соловьевъ въ 33 примѣчаніи къ 26 тому „Исторіи Россіи" относитъ ее ко времени уничтоженія гетманства. Мы склоняемся болѣе къ мнѣнію С. М. Соловьева, тѣмъ болѣе, что тогда уясняется нѣсколько вопросъ и о запискѣ Бестужева-Рюмина. Несомнѣнно, что Тепловъ игралъ двойную игру въ малороссійскихъ дѣлахъ: наставникъ и ближайшій совѣтникъ гетмана Разумовскаго, онъ, какъ никто другой, способствовалъ уничтоженію гетманщины. Нужно полагать, что записка Теплова была написана для Екатерины II съ цѣлью оправдать уничтоженіе гетманства, но пока еще не получила огласки; быть можетъ также, что Тепловъ до поры до времени считалъ неудобнымъ дать свою фамилію подъ своею запискою, а потому то Бестужевъ-Рюминъ приписалъ ее себѣ.

Что касается до записки Теплова, то взгляды на нее, какъ извѣстно, расходятся. Г. Кулишъ видитъ въ ней картину малороссійскихъ порядковъ конца прошлаго вѣка, нарисованную кистью патріота. Максимовичъ, напротивъ, видитъ въ ней тенденціозную каррикатуру человѣка, злобно относившагося къ Малороссіи. Это вопросъ очень любопытный, но затрогивать его здѣсь въ библіографической замѣткѣ мы не имѣемъ возможности; скажемъ только, что Тепловъ, какъ намъ кажется, былъ болѣе правъ, чѣмъ доказываетъ Максимовичъ.

Дм. Багалѣй.

Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы П. М. Строева. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціею академика А. Ѳ. Бычкова. С.-Петербургъ, 1882 г.

Книга составлена на основаніи матеріаловъ, собранныхъ покойнымъ академикомъ П. М. Строевымъ для исторіи славяно-рос-

сійской литературы и хранившихся въ академіи наукъ, въ пяти портфеляхъ. Они содержатъ частію совершенно обработанныя статьи, въ видѣ библіологическаго словаря отъ буквы А до буквы Е, отъ № 1 до № 87 включительно, частію статьи, оставшіяся еще въ сыромъ видѣ, отъ № 88 до № 314, и сверхъ того „Смѣсь", названную такъ самимъ собирателемъ. Всѣ эти матеріалы, за небольшими исключеніями, являются однимъ изъ результатовъ снаряженной академіею наукъ археографической по Россіи экспедиціи, принесшей такую существенную пользу отечественной исторіи.

Библіологическій словарь и матеріалы расположены въ азбучномъ порядкѣ именъ и фамилій писателей и переводчиковъ. Въ первомъ при каждомъ лицѣ сначала сообщаются нѣкоторыя біографическія о немъ данныя, а затѣмъ исчисляются его сочиненія и переводы, иногда съ подробнымъ изложеніемъ ихъ содержанія, а иногда и съ присовокупленіемъ ихъ критической оцѣнки, и почти всегда съ указаніемъ лучшихъ списковъ и мѣстъ ихъ храненія. Въ „матеріалахъ" же только указаны рукописи, въ которыхъ П. М. Строевъ во время своего археографическаго путешествія и при другихъ библіографическихъ работахъ находилъ то или другое сочиненіе извѣстнаго автора, и весьма рѣдко приведены библіографическія и другія данныя.

Къ составленію словаря, или точнѣе сказать—къ обработкѣ собраннаго матеріала, П. М. Строевъ приступилъ 9 сентября 1835 года; 6 ноября того-же года онъ еще занимался этимъ трудомъ, но затѣмъ онъ его оставилъ. Если бы П. М. Строевъ окончилъ и напечаталъ свой трудъ своевременно, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, занялъ бы почетное мѣсто среди пособій для изученія нашей древней литературы и внесъ-бы въ нее много новыхъ данныхъ; но теперь, когда послѣ 1835 года, въ теченіе 40 лѣтъ, явилось нѣсколько важныхъ изслѣдованій по исторіи русской литературы, на основаніи вновь открытыхъ данныхъ,—изданы каталоги нѣкоторыхъ рукописныхъ собраній и напечатанъ обзоръ русской духовной литературы архіепископа Филарета,—начало библіологическаго словаря П. М Строева и собранные имъ матеріалы утратили во многомъ свое значеніе, хотя тѣмъ не менѣе они заключаютъ въ себѣ по мѣстамъ любопытныя подробности, обнародованіе которыхъ не безполезно.

Въ виду послѣдняго обстоятельства и сознавая, что печатать теперь вполнѣ словарь П. М. Строева и матеріалы къ нему значило-бы повторять иногда всѣмъ и давно извѣстное, академикъ А.

Ѳ. Бычковъ сличилъ ихъ съ „Словаремъ“ митрополита Евгенія, съ „Обзоромъ“ архіепископа Филарета и съ тѣми дополненіями, которыя были вызваны появленіемъ въ свѣтъ послѣдняго труда, съ цѣлію выдѣлить тѣ данныя, которыя представляютъ интересъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Впрочемъ, чтобы дать полное понятіе о составѣ Словаря и матеріаловъ для исторіи славяно-россійской литературы, академикъ Бычковъ перечислилъ всѣ статьи, въ нихъ входящія, сохранивъ данный имъ П. М. Строевымъ азбучный порядокъ расположенія. Изъ этихъ статей однѣ напечатаны цѣликомъ (таковыя означены звѣздочкою), другія-же, содержащія данныя, частію уже обнародованныя, частію-же представляющія интересъ только по разнымъ своимъ подробностямъ,— сокращенно; наконецъ при статьяхъ, не заключающихъ ничего новаго, оставлены лишь имя и фамилія лица и сдѣланы ссылки на вышеупомянутыя сочиненія, въ которыхъ можно найти все, въ этихъ статьяхъ находящееся. Подобныя-же ссылки сдѣланы и при другихъ статьяхъ, когда или исключено изъ нихъ уже извѣстное, или когда свѣдѣнія, въ нихъ помѣщенныя, пополняются данными, находящимися въ приведенныхъ сочиненіяхъ; отсутствіе-же ссылокъ при статьяхъ служитъ указаніемъ, что этихъ статей нѣтъ ни въ „Словарѣ“ митрополита Евгенія, ни въ „Обзорѣ“ архіепископа Филарета.

Насъ интересуютъ преимущественно статьи, имѣющія какой-либо мѣстный южнорусскій интересъ. Въ библіологическомъ „Словарѣ“ и матеріалахъ къ нему отмѣчены звѣздочкой или напечатаны безъ ссылокъ на „Словарь“ Евгенія и „Обзоръ“ Филарета, слѣдовательно представляютъ наибольшій интересъ, статьи мѣстнаго южнорусскаго характера подъ слѣдующими заглавіями: Аѳанасій Пузына, епископъ луцкій и острожскій; Аѳанасій Филиповичъ, игуменъ брестъ-литовскій; Аѳанасій Кальнофойскій, монахъ кіево-печерской лавры; Брежевскій Амвросій, шляхтичъ литовскій; Будный Симонъ, одинъ изъ издателей катехизиса въ духѣ лютеранскомъ и на нарѣчіи литовско-русскомъ; Бѣлободскій Янъ, ученый бѣлоруссъ; Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ кіевскій; Виталій, іеродіаконъ виленскаго Духова монастыря; Гавріилъ Домецкій; Гедеонъ Одорскій, архимандритъ крупицкаго батуринскаго монастыря; Гозвинскій Ѳеодоръ, греческій и польскій переводчикъ въ Москвѣ; Григорій Димитріевичъ, священникъ шаргородскій, XVII в.; Дилецкій Николай, изъ Вильны; Досиѳей, архимандритъ печерскій, странствовавшій во св. гору аѳонскую; Елисей Плетенецкій, ар-

химандритъ кіево-печерскій; Игнатій инокъ, переводчикъ Баронія; Иларіонъ, митрополитъ кіевскій; Ипатій Поцѣй, епископъ владиміро-волынскій; Исаія Балабанъ, архимандритъ уневскій и дерманскій; Іосифъ Кирилловичъ, іеромонахъ кіево-печерскій; Кипріанъ святогорецъ, монахъ кіево-печерскаго монастыря; Константинъ Борковскій, архимандритъ Данилова монастыря; Корвинъ-Красовскій Василій; Кохановскій, іеромонахъ; Симеонъ Полоцкій; Скибинскій Григорій Алексѣевичъ, докторъ философіи; Ѳеодоръ Михайловъ Бѣльскій, діаконъ; Ѳеоѳанъ, монахъ чудова монастыря, и друг., также нѣсколько житій, повѣстей о чудотворныхъ иконахъ, каноновъ, лѣтописей, патерикъ печерскій, переводы сочиненій, сдѣланные неизвѣстными лицами, повѣсти и сказанія, слова и поученія, сочиненія неизвѣстныхъ авторовъ, и проч.

Нѣкоторыя изъ этихъ статей сообщаютъ совершенно новыя свѣдѣнія, доселѣ неизвѣстныя въ нашей литературѣ. За то нѣтъ въ „Библіологическомъ Словарѣ“ свѣдѣній о такихъ писателяхъ или произведеніяхъ древней письменности и литературы, о которыхъ стало извѣстно послѣ трудовъ митрополита Евгенія и архіепископа Филарета и вызванныхъ ими дополненій. Но составленіе полнаго „Библіологическаго Словаря“, на основаніи всѣхъ доступныхъ въ настоящее время источниковъ, и не входило въ задачи академика Бычкова.

Н. П.

Ernst Bonnel. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach. Chr. hauptsächlish aus der Berichten der griechischen und latenischen Schriffsteller. Erster Band. St. Petersburg, 1882.

(Эрнестъ Боннель. Дополненія къ археологіи Россіи, съ древнѣйшихъ временъ до 400 года по Р. Х., составленныя преимущественно по извѣстіямъ греческихъ и римскихъ писателей. Томъ I, Петербургъ, 1882 г.)

Объемистый томъ, изданный г. Боннелемъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, посвященъ весь изслѣдованію древнѣйшихъ извѣстій о южной Россіи, сообщаемыхъ Геродотомъ. Авторъ, обладая большою эрудиціею, извлекъ изъ греческой литературы всѣ свѣдѣнія, крупныя и мелкія, относящіяся къ Скиѳіи и Скиѳамъ, и

воспользовался ими для поясненія и комментировки свѣдѣній Геродота; затѣмъ онъ пересмотрѣлъ всю новѣйшую литературу, относящуюся къ избранному имъ сюжету и разсмотрѣлъ всѣ высказанныя понынѣ гипотезы, относящіяся къ даннымъ, сообщаемымъ греческимъ отцемъ исторіи о географіи, этнографіи и исторіи скиѳовъ. Особенно интересна послѣдняя глава, представляющая опытъ изслѣдованія о языкѣ скиѳовъ, предпринятаго на основаніи сличенія скиѳскихъ именъ (числомъ до 60), уцѣлѣвшихъ какъ у Геродота, такъ и у другихъ греческихъ писателей, а равно на надписяхъ, найденныхъ въ Ольбіи, Тирасѣ и другихъ греко-понтійскихъ городахъ.

На основаніи какъ филологическихъ сближеній, такъ и разсмотрѣнія быта, обычаевъ, религіозныхъ вѣрованій и историческихъ извѣстій о скиѳахъ, г. Боннель приходитъ къ убѣжденію, весьма точно обставленному научными доводами, что скиѳы (точнѣе господствовавшее въ Скиѳіи племя) принадлежали къ иранской вѣтви арійскаго племени. Вотъ вкратцѣ важнѣйшіе выводы автора, сообщаемые имъ въ заключеніи его сочиненія: „Скиѳы и Савроматы составляли народъ иранскаго племени, который за нѣсколько столѣтій до Р. Х. былъ вытѣсненъ изъ Азіи другимъ иранскимъ народомъ (вѣроятно массагетами) за Волгу и постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, овладѣлъ всею страною, лежавшею между Дономъ и устьемъ Дуная. Народъ этотъ сохранился въ самомъ чистомъ видѣ въ группѣ такъ называемыхъ царскихъ или свободныхъ скиѳовъ, которые во время Геродота обитали между Герросомъ [1]) и Дономъ, а также занимали Крымъ, за исключеніемъ гористой его части. Савроматы составляли правдоподобно помѣсь, произшедшую отъ браковъ скиѳовъ съ женщинами покоренныхъ ими киммеріянъ, обитавшихъ къ востоку отъ азовскаго моря. Такой смѣшанный народъ населялъ, повидимому уже въ пятомъ столѣтіи, страну, лежащую на востокъ отъ азовскаго моря между Дономъ и Босфоромъ Киммерійскимъ (Керченскимъ проливомъ). Точно также и къ западу отъ Герроса скиѳы смѣшались съ

---

[1]) Авторъ не находитъ возможнымъ точно опредѣлить, какую рѣку Геродотъ разумѣлъ подъ именемъ Герроса; разсмотрѣвъ всѣ высказанныя въ этомъ отношеніи гипотезы, онъ предполагаетъ, что рѣка Волчья (притокъ Самары) соединялась въ то время съ Калміусомъ и образовывала значительную рѣку, которую Геродотъ и обозначилъ именемъ Герроса. (Стр. 71, 106).

туземнымъ киммерійскимъ народонаселеніемъ. Киммеріяне, занимавшіе страну до прихода скиѳовъ, вышли въ болѣе раннее время изъ передней Азіи, вытѣсненные вѣроятно изъ первоначальной родины борьбою семитскихъ народовъ между собою или можетъ быть нашествіемъ египтянъ; они, до выхода изъ Азіи, находились въ весьма продолжительныхъ сношеніяхъ съ этими народами и заимствовали у нихъ многія черты культуры, чѣмъ и объясняются слѣды семитскаго вліянія, которые можно подмѣтить среди скиѳовъ. Киммеріяне были соплеменники скиѳовъ; они были предками племенъ: кельтическаго и лето-славянскаго; правдоподобно та честь киммеріянъ, которая оставила страну и поселилась за предѣлами Скиѳіи послѣ пришествія скиѳовъ, была извѣстна въ послѣдствіи подъ именемъ: невровъ, агаѳиновъ и тавровъ. Собственные скиѳы и савроматы (или, по крайней мѣрѣ, часть послѣднихъ) были предками германцевъ (именно отъ собственныхъ скиѳовъ произошли готѳы). Остальная часть населенія Геродотовой Скиѳіи, хотя и обозначается общимъ именемъ скиѳовъ и савроматовъ, но имя это имѣетъ только политическое значеніе, большинство же народонаселенія состояло изъ оставшихся въ странѣ киммеріянъ и должно быть причислено къ вѣтвямъ кельтической и лето-славянской. Относительно народа, населявшаго страну еще до пришествія киммеріянъ (финны или баски?), ничего пока положительнаго установить не возможно; но предположеніе о существованіи этого первобытнаго населенія возможно" (стр. 501—503).

Приведенные выводы г. Боннеля можно раздѣлить на двѣ группы положеній, не обладающихъ въ равной мѣрѣ историческою достовѣрностью и не одинаково обставленныя какъ научнымъ матеріаломъ, такъ и критическими пріемами. Всѣ тѣ положенія автора, которыя основаны на изученіи классическихъ писателей и имѣютъ цѣлью объяснить извѣстія Геродота объ этнографіи и исторіи Скиѳіи, несомнѣнно составляютъ цѣнный вкладъ въ науку и по добросовѣстности изученія, ясности изложенія и трезвости взгляда заслуживаютъ полную благодарность всѣхъ интересующихся данными о древнѣйшей исторіи южной Россіи. Другая группа положеній автора, въ которыхъ онъ пытается связать народы геродотовой Скиѳіи съ историческою этнографіею и позднѣйшею исторіею европейскихъ народовъ, не обладаетъ качествами первой группы. Въ попыткахъ автора мы постоянно встрѣчаемъ если не предвзятую мысль, то по меньшей мѣрѣ стремленіе уста-

новить гипотезу на такомъ количествѣ данныхъ научныхъ, которыя вовсе не достаточны для того, чтобы придать ей характеръ сколько нибудь достовѣрный. Для примѣра разсмотримъ положенія автора, на основаніи которыхъ онъ съ большою увѣренностью высказываетъ мнѣніе о томъ, что скиѳы (царскіе) были предками германцевъ. Сличивъ сказаніе Геродота о скиѳахъ съ извѣстіями Страбона, Цезаря и Тацита о бытѣ германцевъ, авторъ высказываетъ слѣдующія положенія: „оба народа уподобляются другъ другу по слѣдующимъ признакамъ: оба поклонялись божеству какъ существу духовному, не допуская ни изображеній боговъ, ни храмовъ. Богамъ приносили въ жертву людей (военноплѣнныхъ), домашнихъ животныхъ, особенно лошадей, но никогда для жертвоприношенія не употребляли свиней. Угадывали волю боговъ посредствомъ гаданія, при чемъ цыфра 3 имѣла особенное значеніе. Не было господствующаго жреческаго сословія, но царь исполнялъ функціи верховнаго жреца и въ религіозныхъ дѣлахъ пользовался исполнительною властью. Во время Страбона и Цезаря германцы были кочевниками въ такой же мѣрѣ, какъ скиѳы во время Геродота. Оба народа питались по преимуществу молокомъ и мясомъ своихъ стадъ, также дичью и рыбою, не занимались земледѣліемъ, хотя уважали это занятіе, они любили предаваться хищническимъ набѣгамъ, охотѣ и войнѣ потому, что жилища ихъ граничили съ пустынями (?). Населеніе, занимавшееся земледѣліемъ въ странахъ какъ скиѳовъ, такъ и германцевъ, было населеніе коренное кельтическое, литовское или славянское, покоренное воинственными пришельцами-кочевниками. Какъ у скиѳовъ такъ и у германцевъ господствовало единоженство. У скиѳовъ, какъ и у германцевъ, мущины и женщины носили одинаковую одежду. Черепа убитыхъ враговъ сохранялись и служили вмѣсто чаши. Договоры закрѣпляли присягою, приносимою на оружіи. Ссоры рѣшались часто публичнымъ поединкомъ. Полагали, что жизнь продолжается за гробомъ, потому покойникамъ клали въ могилу оружіе, лошадей, часть драгоцѣнностей, иногда женъ, рабовъ и слугъ. Пять служителей, окружавшихъ скиѳскихъ царей (чашникъ, поваръ, конюшій, камердинеръ и герольдъ) представляютъ первообразъ придворныхъ чиновъ позднѣйшихъ германскихъ королей (?). Короли какъ у германцевъ, такъ и у скиѳовъ, могли быть избираемы и устраняемы народнымъ собраніемъ. Многіе изъ числа приведенныхъ обычаевъ до того характеристичны, что нельзя не признать тождества обоихъ народовъ и потому не можетъ быть сомнѣнія

въ томъ, что скиѳы и савроматы были болѣе или менѣе прямыми предками германцевъ“. (Стр. 388—389).

Разсмотрѣвъ эти неоспоримыя, по мнѣнію автора, черты тождества обоихъ народовъ, мы не только не можемъ признать ихъ вполнѣ доказательными, но даже не находимъ въ нихъ основанія для самой осторожной гипотезы въ пользу положенія автора. Всѣ перечисленныя имъ этнографическія черты быта на врядъ-ли могутъ быть признаны характеристическими; онѣ или указываютъ лишь на извѣстную степень культуры, черезъ которую проходили всѣ народы (кочевой бытъ, культъ мертвыхъ, пристрастіе къ войнѣ и грабежу и т. п.), или составляютъ нѣсколько наивныя сближенія явленій слишкомъ отдаленныхъ и разнородныхъ (какъ замѣчаніе о царскихъ служителяхъ). Такія черты быта, какъ пристрастіе къ войнѣ и охотѣ, отсутствіе храмовъ и жрецовъ, принесеніе присяги на оружіи, употребленіе череповъ вмѣсто чашъ, гаданіе, поединки и т. д. могутъ быть указаны въ исторической этнографіи многихъ племенъ: славянъ, литовцевъ, тюрковъ и т. д.

Въ заключеніе можемъ высказать еще одно сожалѣніе по поводу сочиненія г. Боннеля: онъ почти совершенно отстранилъ матеріалъ собственно - археологическій и не обратилъ вниманія на богатыя раскопки, совершенныя на территоріи новороссійскаго края Императорскою Археологическою Коммисіею, чѣмъ лишилъ себя весьма важнаго и, при настоящемъ состояніи науки, обязательнаго матеріала для дополненія и поясненія Геродотовыхъ извѣстій о Скиѳіи. **В. А.**

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 2-ой. Издалъ редакторъ неоффиціальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, А. А. Кіевъ, 1882 г.

Въ январской книжкѣ Кіевской Старины сообщено было объ изданіи историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія, предпринятомъ редакціею Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Почтенная редакція продолжаетъ вести задуманное дѣло и очевидно чѣмъ далѣе подвигается разработка архива, тѣмъ болѣе интересный и цѣльный матеріалъ она находитъ возможнымъ извлечь и сгруппировать въ своемъ изданіи.

Передъ нами второй выпускъ „Историческихъ матеріаловъ“, который, отличаясь тою-же добросовѣстностью редакціи, далеко превосходитъ 1-й выпускъ полнотою и взаимною связью предлагаемаго матеріала. Въ выпускѣ этомъ помѣщено 18 дѣлъ. Половина ихъ относится къ разнымъ событіямъ, представляющимъ болѣе или менѣе важный историческій интересъ; между ними особенно обращаетъ на себя вниманіе дѣло о поземельной собственности самарскаго пустынно-николаевскаго монастыря. Какъ извѣстно, монастырь этотъ основанъ былъ въ началѣ XVII ст. на земляхъ запорожскихъ (въ 2-хъ верстахъ отъ нынѣшняго города Новомосковска, екатеринославской губ.). Послѣ упраздненія запорожской общины, монастырь продолжалъ существовать еще нѣкоторое время въ качествѣ монастыря приписнаго къ кіево-межигорскому, приходомъ котораго считалось нѣкогда все Запорожье. Дѣло, помѣщенное въ „Историческихъ матеріалахъ“, заключаетъ документы (1778—1781 г.), относящіеся къ ходатайству межигорскаго монастыря объ оставленіи въ его пользованіи земель и угодій, пожертвованныхъ въ пользу самарскаго монастыря запорожцами, а также опись этихъ земель и угодій. Довольно интересно также уголовное, политическаго характера, дѣло (1753 г.), возникшее по тому поводу, что случайно, при обыскѣ дома одного изъ кіевскихъ мѣщанъ (Холявки), найдены были копіи указовъ „подъ извѣстнымъ титуломъ“ (т. е. писанные отъ имени Іоанна Антоновича), которые по смыслу Высочайшаго указа приказано было раньше отослать, „куда слѣдуетъ“. За неисполненіе этого указа и за упоминаніе „имени извѣстныхъ персонъ“ въ спискѣ, при которомъ препровождались „куда слѣдуетъ“ отысканные документы, кіевскій магистратъ заслужилъ „довольный репримандъ“, а канцеляристы его попали подъ судъ. Другая половина дѣлъ, помѣщенныхъ въ „Историческихъ матеріалахъ“, составляетъ группу документовъ, связанныхъ между собою содержаніемъ; это матеріалы для исторіи крестьянъ, крѣпостнаго права и крестьянскаго землевладѣнія въ кіевскомъ намѣстничествѣ въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Здѣсь помѣщены свѣдѣнія о побѣгахъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, о закрѣпощеніи послѣдними козаковъ, объ отчужденіи крестьянскихъ земель и, между прочимъ, два весьма драмматическіе факта о сопротивленіи козаковъ, при отчисленіи ихъ въ крѣпостные. Особенно рѣзко обозначается сопротивленіе это въ дѣлѣ „о возмущеніи въ селѣ Турбаяхъ“ (нынѣ Трубаи, хорольскаго уѣзда) 1789 года. Здѣсь

народное раздраженіе, вызванное припискою козаковъ въ крѣпостные, разразилось весьма рѣзкою вспышкою, жертвою которой пали помѣщики Степанъ и Иванъ Базилевскіе и подверглись оскорбленіямъ и насиліямъ члены суда, выѣхавшіе въ Турбаи для установленія правъ Базилевскихъ.

Вообще 2-й выпускъ историческихъ матеріаловъ представляетъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу мѣстной археографіи, и мы искренно желаемъ, чтобы редакція Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей продолжала начатое ею полезное предпріятіе. Мы встрѣтимъ съ тѣмъ большимъ интересомъ слѣдующіе выпуски „Историческихъ матеріаловъ", что, какъ мы слышали, редакція успѣла уже собрать столь значительный запасъ документовъ, что въ дальнѣйшихъ выпускахъ она намѣрена въ каждой книжкѣ группировать матеріалы, имѣющіе другъ съ другомъ связь по содержанію, такъ, что каждая книжка будетъ представлять наборъ источниковъ по какому-либо отдѣльному сюжету изъ исторической жизни края.

А.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ПАСѢКА ГЕТМАНА Б. ХМЕЛЬНИЦКАГО [1]).

Въ февралѣ 1705 года инокиня кіевопечерскаго дѣвичьяго вознесенскаго монастыря, нѣкая Өеодосія Кондратьева Хмельницкая, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Өеодоромъ, очевидно послѣднимъ отпрыскомъ знаменитой гетманской фамиліи Хмельницкихъ, продала честнымъ отцамъ выдубицкаго михайловскаго монастыря за сто талерей монеты доброй свою отчизну и дѣдизну—пасѣку съ садами въ лѣсу *Лебединѣ*, о которомъ поется въ гайдамацкихъ пѣсняхъ и который находился въ западной части нынѣшняго чигиринскаго уѣзда и окружалъ село Лебединъ. Въ частности положеніе пасѣки, проданной инокинею Хмельницкою, по актамъ опредѣлено такъ: „въ лѣсѣ Лебединѣ, на потоцѣ водномъ, текучимъ въ поле на долину, прозваніемъ Липянку, къ речкамъ Товмачу и Висѣ сходъ имѣючимъ". Тогдашній игуменъ выдубицкаго монастыря Варлаамъ Страховскій позаботился закрѣпить новое земельное пріобрѣтеніе и въ маѣ 1707 года выхлопоталъ у гетмана Ив. Мазепы универсалъ, которымъ утверждалось право монастыря на владѣніе лебединскою пасѣкою и „владзою гетманскою", накрѣпко приказывалось, „абы нихто з старшихъ и меншихъ войсковыхъ и посполитыхъ людей не смѣлъ и не важился в диспонованю тое пасѣки монастыреви выдубицкому жаднимъ способомъ найменшои чинити перешкоды,

---

[1]) Свѣдѣнія о ней запмствованы изъ рукописнаго сборника документовъ кіево-выдубицкаго манастыря.

кривды, долегливости, утяженя и спустошеня". Но tempora mutantur: пять лѣтъ спустя, правобережная Украина, по прутскому договору, отошла въ польское владѣніе, и отъ могучаго „рейментарскаго" универсала, какъ юридическаго акта, для честныхъ отцевъ выдубицкаго монастыря осталось лишь одно пріятное воспоминаніе. Теперь спокойное „диспонованье" ихъ лебединскою пасѣкою было поставлено въ зависимость отъ благорасположенія польскаго магната Яна-Каетана Яблоновскаго, старосты чигиринскаго, и еще болѣе отъ его ближайшаго подчиненнаго, смѣлянскаго губернатора Войтеха Буяльскаго, въ волости котораго находился лебединскій лѣсъ. Чернцы выдубицкіе скоро успѣли войти въ пріятельство съ п. Буяльскимъ, вели съ нимъ дружескую корреспонденцію, время отъ времени посылали ему „презенты", въ видѣ „юхты" (кожи) и другихъ натуральныхъ приношеній, брали на себя коммисіонныя порученія по размѣну для него польскихъ золотыхъ на русскіе рубли и проч. и подъ его пріятельскою защитой мирно хозяйничали въ лебединской пасѣкѣ, содержа въ ней на „послушаніи" нѣсколько человѣкъ изъ братіи. Но подъ конецъ 30-хъ годовъ XVIII в. лебединскіе жители Яцько, Иванъ, Грицько и Макаръ Засенки предъявили претензію на лебединскую пасѣку, принадлежавшую будто-бы ихъ дѣду Василю Засю. Въ подтвержденіе своихъ правъ они представили какіе-то документы и сослались на свидѣтельство мѣстныхъ старожиловъ. Дѣло поступило на судъ смѣлянскаго губернатора, который хотя и водилъ пріятельство съ игуменомъ и братіей выдубицкаго монастыря, но опасался явно пожертвовать интересами Засенковъ, подданныхъ своего патрона, старосты чигиринскаго, и потому приступилъ къ обстоятельному разслѣдованію спорнаго дѣла. Сохранились многочисленныя показанія старыхъ людей, раскрывающія небезъинтересную исторію лебединской пасѣки. Еще до Хмельницкаго пасѣкою этою владѣлъ польскій шляхтичъ, по прозванію Пшунка. Въ его время жилъ въ Лебединѣ козакъ Кайданъ, который за какія-то „значныя преступленія противу закона Божія и статутовъ" подпалъ старостинскому суду „и явилъ себя достойнымъ смерти висѣльничей". Когда его вели уже на мѣсто казни, онъ встрѣтилъ знакомаго ему раньше пана Пшунку и сталъ съ плачемъ просить послѣдняго спасти его отъ позорной смерти, обѣщаясь за то быть рабомъ ему до конца своей жизни.

Ласковый панъ сжалился надъ несчастнымъ козакомъ Кайданомъ и открыто взялъ его подъ свое покровительство, а вслѣдъ за тѣмъ, при помощи личныхъ связей съ старостой и надлежащихъ *донативъ* (подарковъ) судовымъ урядникамъ, совсѣмъ освободилъ его отъ суда и наказанія. Въ актовыхъ книгахъ старинныхъ южнорусскихъ судовъ XVI и XVII столѣній не рѣдко встрѣчаются записи, по коимъ лица мѣщанскаго, боярскаго и другихъ подобныхъ сословій обязывались пожизненно быть крѣпостными людьми какого-нибудь шляхтича, вызволившаго ихъ отъ смертной казни по приговору суда за уголовныя преступленія. Такую же запись вѣроятно выдалъ пану Пшункѣ и провинившійся козакъ Кайданъ и сталъ его вѣчнымъ рабомъ. Великодушный Пшунка потребовалъ отъ своего новаго подданнаго небольшой работы: онъ сдѣлалъ его пасѣчникомъ въ своей лебединской пасѣкѣ. Скоро послѣ того вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго. Панъ Пшунка бѣжалъ въ Польшу, а его пасѣку въ лебединскомъ лѣсу взялъ себѣ самъ гетманъ Богданъ Хмельницкій. Пасѣчникъ Кайданъ не послѣдовалъ за своимъ паномъ, а остался смотрѣть за пчелами новаго хозяина. Все это показали лебединскіе старожилы, въ числѣ которыхъ оказался одинъ очень старый пасѣчникъ Яковець, не разъ бывшій атаманомъ въ Лебединѣ и знавшійся въ молодости съ еще болѣе старыми людьми, свидѣтелями эпохи Хмельницкаго. „И тое (прибавилъ Яковець въ своемъ показаніи) я чувъ запевне одъ старого пасичника Ивана Близнюка, що того-жъ часу и времене войско турецкое, якъ шло с-подъ Чигирина, въ пасіці Пшунчиной пчолы гетманскии Хмельницкого выбили; и отъ того часу не було пчолъ гетмана Хмелницкого в пасіці Пшунчиной“.

А послѣ тревожной эпохи временъ Дорошенка, сохранившейся въ народной памяти подъ именемъ „великои руины“, съ лѣвобережной Украины, именно изъ с. Власовки, „бовкуномъ перевезся“ въ Лебединъ сынъ гетманскаго пасѣчника Кайдана, Василь Зась, „и, вшедши въ Пшунчину пасѣку, ставъ называтись господаремъ до половины пасѣки, а про другу половину сказавъ, що тая половина—гетманишина, а якои гетманихи—того не упомню. Потомъ не скоро черицѣ киевскіи пріихали съ купчими письмами, то я чувъ отъ свого тестя Кривенького, що Кривенькій казавъ Засевѣ при мнѣ: „отъ тебѣ, брате Василю, уже не мѣсце въ пасѣцѣ, коли

найшлися господарѣ". И чувъ я отъ Кривенького жъ, що и отаманъ Горбинка тое жъ сказавъ Засевѣ: „брате Засю, уже тобѣ не мѣсце въ той пасѣцѣ, шукай собѣ где инде мѣсця". А чернецъ киевскій говоривъ Засевѣ: „коли тобѣ жаль пасѣки, дай въ манастыръ сто золотыхъ, и твоя будетъ пасѣка". Тое жъ и отаманъ и люде говорили Засевѣ, жебы купивъ у чернцовъ пасѣку; але Зась, порадившись зъ своею женою, не схотѣвъ куповать пасѣки, а скоро чернцѣ съ пчолою ввезлися въ Пшунчину пасѣку, того жъ часу Зась совсѣмъ вывюзся въ Почекаеву пасѣку".

Всѣ подобныя показанія лебединскихъ старожиловъ достаточно подтверждали наслѣдственныя права Засенковъ на дѣдовскую часть лебединской пасѣки и потому смѣлянскій губернаторъ въ 1739 г. присудилъ выдѣлить имъ половину спорной пасѣки. Высланные имъ лебединскіе жители, во главѣ съ атаманомъ, провели межу и положили по тогдашнему обычаю „клейна", т. е. межевыя знаки: „первое клейно—крестъ на грушѣ противъ погреба; другое клейно на берестовомъ пнѣ—такожде крестъ; третое клейно надъ ставкомъ на яблонѣ, а на томъ боцѣ ставка дубъ росоховатый великій, а съ приходу такожде дубъ съ клейномъ крестовымъ". Но отцы выдубицкіе не хотѣли подчиниться этому рѣшенію и настаивали на своемъ правѣ безраздѣльнаго владѣнія пасѣкою. Смѣлянскій губернаторъ, въ письмѣ къ архимандриту, униженно оправдывался, что онъ рѣшилъ дѣло по сущей справедливости, указывая, что въ монастырскихъ документахъ не опредѣлены границы спорной пасѣки и что эти документы не были никогда подтверждены чигиринскимъ старостою; въ крайнемъ случаѣ онъ совѣтовалъ архимандриту апеллировать къ его принципалу, старостѣ Яблоновскому, и въ видахъ болѣе вѣрнаго успѣха дружески наставлялъ, что „daleko by rzecz fundamentalnieysza była, gdyby za te pasiekę certum quantum importare do skarbu j. m. mego dobrodzieja" [1]). Послѣдовали-ли честные выдубицкіе отцы этому совѣту, изъ дѣла не видно.

О. Левицкій.

[1]) Т. е. «было-бы гораздо надежнѣе внести за эту пасѣку извѣстную сумму въ кассу его милости, моего добродія» (ст. Яблоновскаго).

КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ.

Въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“, на стр. 548, помѣщена небольшая замѣтка подъ заглавіемъ: „Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего крымскому хану“. Авторъ замѣтки, г. Левченко полагаетъ, что они жили въ это время или на болотистомъ островкѣ, называемомъ „Кошовая“, или-же на другихъ днѣпровскихъ островахъ, но *не въ алешковскомъ уѣздѣ*, т. е. на таврическомъ берегу Днѣпра. Мы просимъ г. Левченко прочитать со вниманіемъ стр. 21—54 2-й части книги нашей подъ заглавіемъ: *Исторія Новой Сѣчи* или *послѣдняго Коша запорожскаго*, изданной въ Одессѣ въ 1846 году, и онъ найдетъ подробный отвѣтъ на свой вопросъ: гдѣ жили запорожцы во время своего злополучнаго скитанія подъ крымскимъ покровительствомъ? А именно—послѣ бѣгства Мазепы, съ старшиною малороссійскою и частью запорожской, съ шведскимъ королемъ Карломъ въ Бессарабію, мятежный кошевой Костя Гордѣенко перешелъ изъ разоренной полковникомъ Галаганомъ „Старой Сѣчи“ на Чертомлыкѣ [1]) на крымскія степи за Днѣпромъ и тамъ поставилъ свой кошъ на р. Каменкѣ, близь нынѣшней почтовой станціи Мѣловой. Тамъ умеръ онъ,—эта несчастная жертва Мазепиной крамолы, и тамъ до сихъ поръ сохранилась его могила съ надгробнымъ каменнымъ крестомъ. Спустя нѣкоторое время, русскія войска ихъ оттуда выгнали, и козаки, скитаясь по разнымъ ногайскимъ кочевьямъ, въ томъ числѣ и въ одесскомъ нынѣшнемъ уѣздѣ, близь лимановъ, только по заключеніи мира съ Турціею могли успокоиться и основать Сѣчь въ Алешкахъ въ 1712 г., гдѣ и оставались подъ тяжкимъ татарскимъ надзоромъ до 1730 г., т. е. до возвращенія подъ родныя русскія знамена, съ дозволенія императрицы Анны Іоанновны. Между 1730 и 1732 годами они основали себѣ Кошъ, уже *послѣдній*, на р. Подпольной, близъ древняго козачьяго пепелища, назвавъ его „Новою Сѣчью“ [2]).

---

[1]) Нынѣ с. *Капуловка*, екатеринославской губерніи и уѣзда, принадлежащее къ удѣльному вѣдомству.

[2]) Нынѣ с. Покровское, принадлежащее удѣльному вѣдомству екатер. губ. и уѣзда.

Но на островѣ Кошевомъ у Херсона, ничтожномъ по пространству и постоянному въ XVIII столѣтіи его затопленію, они обитать не могли; это доказывается еще тѣмъ, что тамъ было устроено генераломъ Александромъ Румянцевымъ, отцемъ Задунайскаго, укрѣпленіе, названное *Александръ-Шанцомъ*. Это крѣпость нынѣшняго Херсона и бывшаго въ немъ адмиралтейства. Слѣдовательно военное начальство не допустило бы селиться на правомъ берегу Днѣпра мятежникамъ, которыхъ еще многіе годы преслѣдовало наше правительство.

Пользуясь случаемъ поговорить о запорожцахъ, мы предлагаемъ здѣсь еще одинъ документъ изъ столь скуднаго архива алешковской Сѣчи. Это ярлыкъ основателя ея Капланъ-Гирея I хана крымскаго, узнавшаго, что запорожцы оставили этотъ Кошъ и перешли за Днѣпръ на свои древнія пепелища. При этомъ ярлыкѣ былъ посланъ козакамъ и тотъ „листъ" Орлика, который мы напечатали въ апрѣльской книжкѣ „Кіевской Старины". Переводъ ярлыка сдѣланъ былъ, вѣроятно, однимъ изъ тѣхъ бѣглыхъ поляковъ, какими въ XVIII столѣтіи наполнены были лагери и дворы богатыхъ вельможъ западной Европы, Турціи и Крыма:

„Переводъ листу наяснѣйшаго хана его милости".

„Кошовому атаману, старшинѣ и всему войску запорожскому низовому поздоровленіе.

Листъ вашъ прислалисте до брата моего Оръ-Бея [1]), черезъ который освядчилисте ему, же (что) зичите (желаете) себѣ повернуться подъ крыля нашой стороны и же отмѣняется намѣреніе, которое взялисте были предъ себе- отыйти до Москвы. Что игди (когда) помянутый солтанъ намъ ознаймилъ (сообщилъ) и листъ, который вы до его писалисте, намъ для вѣдома прислалъ, вельце съ того утѣшилемся. Богъ всемогущій знаетъ наше сердце и намѣреніе и якъ вси беи, мурзы и цѣлое панство крымское старается о вашей цѣлости и желаетъ вамъ всякого добра. Памятайте, что вы ѣли у насъ хлѣбъ и соль и жилисте у насъ добре. Ежели вы зичите (желаете) себѣ повернуться назадъ, будемъ вамъ рады и пріимемъ васъ ласкаве, якъ гостей, и обѣщаемъ

---

[1]) Оръ-Бей—начальникъ перекопскаго замка, обыкновенно князь или султанъ изъ царствующаго дома Гиреевъ.

вамъ заховати тую самую приязнь, якую до васъ мѣлисьмо и будете защищаться такъ добре нашею обороною и нашимъ страннолюбіемъ, яко и передъ тымъ, и мы вамъ позволимъ все тое, що передъ симъ мѣлисте. Гдѣ зась (же) мѣете осѣсти, даемъ вамъ вольность обрати (избрать) себѣ такое мѣсто, гдѣ сами хочете. Однакоже ражу (совѣтую) вамъ для вашего добра и пожитку и для нашего уподобанья стати кошемъ на томъ мѣстѣ, на которомъ осѣдлисте были прежде, удавшися (переходя) подъ нашу оборону [1]).

„По указу Порты Оттоманской, панъ Орликъ, гетманъ вашъ, который зоставалъ (находился) до тыхчасъ въ Солонику, пришелъ теперь до насъ для злученія ся (соединенія) съ нами. Пишетъ до васъ листъ свой, якій мы вамъ посылаемъ при семъ нашемъ листѣ. Яко и онъ мыслить тожь самое, що мы и вы, и который старается о вашемъ добрѣ и пожитку публичномъ, такъ потреба, же быете вѣрили тому всему, що вамъ въ листѣ своемъ выражаетъ. Для того найбарзей (болѣе всего), же онъ есть вашъ голова и вашъ вождь и же вы повинни ити за его радою. Зъ нашой стороны упевняемъ (увѣряемъ) васъ, же мы примемъ васъ ласкове и же вы не будете мѣть жадной кривды и насилія ни отъ насъ, ни отъ панства крымскаго, ежели повернетесь на мѣсце, которое я вамъ назначаю. Остатокъ скажетъ вамъ устне отдавца сего нашего листу гетманъ Дубоссарскій [2]), якій листъ для большей вамъ вѣры власною (собственною) рукою подписуемъ, и печатью нашею отвержаемъ“.

Капланъ Гирей-Ханъ [3]).

А. Скальковскій.

КЪ ИСТОРІИ ВѢРОВАНІЯ О ПРОДАЖѢ ДУШИ ЧОРТУ.

Въ числѣ имѣющихся у насъ дѣлъ генеральнаго малороссійскаго войсковаго суда, относящихся до вѣдовства и колдовства, на-

---

[1]) Т. е. въ Алешкахъ, на стражѣ противъ устроеннаго нашимъ правительствомъ Александръ-Шанцъ (послѣ крѣпости въ Херсонѣ).

[2]) Дубоссары (херс. губ.) и Балта были владѣнія (чифлики) хановъ крымскихъ и управлялись атаманами, армянами.

[3]) Этотъ Капланъ-Гирей I былъ три раза на престолѣ крымскомъ въ 1707, 1713 и 1730 г.

ходится одно интересное во многихъ отношеніяхъ дѣло о продажѣ души чорту. Возникло оно въ г. Глуховѣ, въ генеральной войсковой канцеляріи, въ сентябрѣ 1749 года, и озаглавливается такъ: *Дѣло о колоднику Ивану Роботѣ, отступившему отъ Бога и предавшему себя демону.*

Состоитъ это дѣло, кромѣ не достающей промеморіи или отношенія генеральной войсковой канцеляріи въ духовную митрополіи кіевской консисторію, писанной въ сентябрѣ того-же года, изъ слѣдующихъ документовъ: 1) отвѣтной на нее промеморіи кіевской консисторіи 22 ноября 1749 года, 2) возвращаемой при ней подлинной росписки Ивана Роботы, которою онъ записалъ душу и тѣло свое демону, 3) указа генеральной войсковой канцеляріи въ войсковый генеральный судъ отъ 28 марта 1750 года, 4) прошенія въ этотъ судъ Ивана Роботы о скорѣйшемъ разсмотрѣніи его дѣла отъ 25 мая того-же года, 5) показанія его въ томъ-же судѣ 5 іюня 1750 г., 6) полуистлѣвшаго рѣшенія войсковаго генеральнаго суда объ Иванѣ Роботѣ, 7) двухъ рапортовъ въ этотъ судъ полтавской полковой канцеляріи объ исполненіи его рѣшенія, 1750 года августа 14 дня и 1751 г. сентября 15 дня и 8) подписки отца подсудимаго Ѳедора Роботы въ принятіи имъ сына изъ полковой тюрьмы 1751 г. сентября 15 дня.

Было-бы утомительно для читателей перечитывать всѣ эти документы, съ небольшими варіаціями передающіе не сложное дѣло о богоотступникѣ Иванѣ Роботѣ. Мы передадимъ сущность и ходъ этого дѣла, приводя лишь найболѣе характерныя мѣста документовъ.

Въ г. Глуховѣ, въ глуховской войсковой канцеляріи служилъ канцеляристомъ Иванъ Робота. Былъ онъ сынъ значковаго товарища Ѳедора Роботы, а учился предъ тѣмъ въ кіевской академіи до реторики и латинскому языку обученъ былъ. Какого состоянія былъ его отецъ и какъ учился сынъ въ академіи, изъ дѣла не видно; но можно по существу дѣла заключить, что ни отецъ его не обладалъ состояніемъ, ни самъ сынъ не просвѣтился, какъ должно, въ тогдашнемъ святилищѣ наукъ. Уже три года служилъ онъ здѣсь и имѣлъ отъ роду 22 года. Положеніе канцеляристовъ всегда и вездѣ самое печальное: въ собственномъ смыслѣ они питаются отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы ихъ господъ, начальниковъ. Таково было положеніе и Ивана Роботы. Нужда одолѣвала его, по-

мощи ни откуда. Въ то темное по понятіямъ время въ кругу людей и выше его господствовало повѣрье, что тамъ, гдѣ уже никто не поможетъ, пособитъ бѣсъ. Одного хотѣлъ Робота — *„споможенія“*, прибавки, такъ сказать, къ жалованью, которой тщетно подъчасъ алчутъ и нынѣшніе канцеляристы. Но вспоможеніе отъ демоновъ можно получить не иначе, какъ записавъ имъ душу. Для большей, видно, крѣпости рѣшился бѣдный канцеляристъ, конечно, послѣ тяжкаго раздумья, записать демону не только душу свою, но и тѣло. Но и росписка должна быть не простая: ее надо было писать своею кровію, а кровь добыть изъ собственнаго мизынца. Входя въ душу темнаго человѣка того времени, можно представить себѣ весь ужасъ его положенія, его мукъ, страданій и борьбы съ самимъ собою, пока онъ покончитъ съ такимъ ужаснымъ дѣломъ. А тутъ надо нести росписку въ поле, куда-либо на перекрестокъ, въ темную при томъ ночь... туда, гдѣ нѣтъ людей, гдѣ черти сбираются, „на вкулачки бьются“. Все это, видно, продѣлалъ канцеляристъ, искавшій „споможенія“.

3-го сентября козакъ сотни глуховской Ѳедоръ Рудковскій представилъ въ генеральную войсковую канцелярію доношеніе, а при томъ доношеніи и карту, которую хожалый Давидъ Винда съ товарищи нашли за городомъ. Въ картѣ значилось отъ слова до слова такъ: *темнозрачному адскихъ пропастей началнику и служителемъ его демономъ вручаю душу і тѣло мое, ежели по моему требованію чинити мнѣ споможеніе будутъ...*

Кровою своею подписался Иванъ Робота.

Виновный былъ на лице тутъ-же въ войсковой канцеляріи. Его потребовали къ допросу. Онъ „потаился“,—письмо, говоритъ, и подпись не моей руки; но тутъ было много бумагъ, его рукою писанныхъ. Шесть „повѣтчиковъ“ сличали почеркъ росписки съ письмомъ Роботы,—„письмо явилось быть сходно“. Роботѣ пригрозили „жестокимъ боемъ“, и онъ повинился. Тогда его заковали въ кандалы и подъ карауломъ отправили при особой промеморіи въ кіевскую консисторію „для учиненія съ нимъ по указамъ и правиламъ св. отецъ“. Суевѣрный невѣжа становится преступникомъ, простое недомысліе трактуется, какъ сознательное отреченіе отъ Бога, и это послѣднее судится по указамъ и по правиламъ св. отецъ. Промеморію подписали Иванъ Челищевъ и Яковъ Якубовичь, какъ

члены главнаго управленія страны, старшій канцеляристъ Василій Туманскій и канцеляристъ Стефанъ Юзефовичь.

Въ консисторіи Робота отрекся отъ своего показанія, заявивъ, что оно вынуждено было у него страхомъ „боя". Консисторія со всѣмъ дѣломъ возвратила его въ ту-же войсковую канцелярію, для „учиненія о его разномъ показаніи надлежащаго по указамъ разсмотрѣнія". Оба учрежденія держались строго въ предѣлахъ своей компетенціи: войсковая канцелярія путемъ увѣщаній и угрозъ исторгла было у своего подчиненнаго признаніе его вины, но назначить по этому наказаніе не считала себя въ правѣ; въ свою очередь консисторія, не видя добровольнаго признанія, ни стороннихъ уликъ, не рѣшалась входить въ дальнѣйшее разслѣдованіе и полагать какое либо рѣшеніе. Въ виду уклончиваго отвѣта консисторіи, войсковая канцелярія рѣшилась оставить ее въ покоѣ и передала дѣло о „колоднику Ивану Роботѣ" въ войсковой генералный судъ. Тутъ сдѣланъ былъ ему передопросъ. Робота ни въ чемъ не измѣнилъ своего объясненія, даннаго въ консисторіи: онъ стоялъ на томъ, что сознаніе его въ войсковой канцеляріи было вынужденное, что далъ онъ его, „боясь бою", что на самомъ дѣлѣ „карты до темнозрачнаго адскихъ пропастей началника и служителей его демоновъ никогда никакъ онъ, какъ не писалъ, такъ и кровію своею на той карткѣ демонамъ не подписывался"; теперь онъ даже утверждалъ, что „та картка, по свидѣтельствованіи ея обрѣтающимися въ генеральной войсковой канцеляріи канцеляристами, совершенно къ писму его не сходна и кто ее писалъ и чрезъ то подлогомъ написання и подписомъ руки его кровію его изобидѣлъ,—не вѣдаетъ". Тѣмъ не менѣе войсковой судъ, не обращаясь уже къ компетенціи суда духовнаго, собственною властію 3-го августа постановилъ: „колодника Ивана Роботу... въ находячійся въ полтавскомъ полку мужескій неворощанскій монастиръ при писменомъ видѣ отправить съ требованіемъ, дабы тамо его определя какому искусному старцу, велено было содержать подъ добрымъ присмотромъ, съ надлежащимъ духовнымъ истязаніемъ, воздержуя отъ всякихъ непотребныхъ поступковъ чрезъ полній круговій годъ не опускно,... по прошествіи таковаго полнаго года, буди оному Роботѣ, по духовному жъ разсужденію, болѣе въ той обители къ исправленію своего житія быть не доводитимется, то оного Роботу съ той оби-

тели въ полковую полтавскую канцелярію было прислано, а въ полковой канцеляріи, за присилкою означенного Роботы, сыскавъ отца его, полку полтавского значкового товарища Өедора Роботу, отдать оного ему съ подпискою, что онъ объявленнаго сына своего имѣетъ содержать впредъ подъ надлежащимъ родительскимъ страхомъ".

Осужденный Робота 11-го августа былъ доставленъ по назначенію и „за скудость въ томъ монастырѣ монаховъ искусних старцевъ" принятъ въ келію къ самому архимандриту и начальнику монастыря Гавріилу Яновскому, который донесъ о томъ какъ полковой канцеляріи, такъ и кіевскому митрополиту.

Спустя годъ съ небольшимъ, именно 24 авг. 1751 г., игуменъ нефорощанскаго монастыря доставилъ Ивана Роботу въ канцелярію полтавскаго полка съ заявленіемъ, что онъ выжилъ, по рѣшенію войсковаго суда, въ монастырѣ цѣлый круговой годъ и что „*по духовному разсужденію*, болѣе ему тамъ содержану быти не доводится". „Сысканъ" былъ отецъ его Өедоръ Робота и „ему сынъ его Иванъ отданъ съ подпискою, что имѣетъ онъ его впредъ содержать подъ надлежащимъ родительскимъ страхомъ. Сент. 16 дня 1751 г."

Такъ закончилось это курьезное дѣло о „колоднику Иванѣ Роботѣ", *студенъ* высшаго училища, чиновникѣ высшаго учрежденія. Молодой, едва начавшій служебную свою карьеру человѣкъ, какъ ее всѣ тогда начинали, обвиняется въ самомъ тяжкомъ и позорномъ по тогдашнимъ понятіямъ преступленіи — преданію себя „въ помощъ демонамъ", а это преступленіе ни что иное, какъ поголовное суевѣріе и невѣжество того времени. Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что самые законы, по которымъ судился Робота, и самые его судьи и начальники не стояли въ понятіяхъ выше его, но потому онъ и судится и осуждается. Дѣйствительно-ли онъ, подъ двойнымъ гнетомъ нужды и суевѣрія, „предалъ себя въ помощь демонамъ, ежели они ему вспоможеніе чинить будутъ" въ скудномъ, конечно, его содержаніи, или кто нибудь поступилъ съ нимъ „подлогомъ написанія" роковой картки, судить теперь трудно, а тогдашніе судьи были, конечно, убѣждены въ правотѣ своего суда, и мы должны тѣмъ болѣе имъ вѣрить, что, сравнительно съ тогдашними законами о вѣдовствѣ и колдовствѣ, они судили милостиво и снисходительно. Тѣмъ не менѣе юноша, предъ которымъ еще не начинала улыбаться фортуна, губитъ свою карьеру, быть можетъ

и самую жизнь. „Чрезъ девять мѣсяцей, писалъ онъ въ судъ войсковой задодго до рѣшенія своей участи, я бедній въ невинности содержуюсь подъ карауломъ, дневнаго препитанія жажденъ, прихожу въ немалое изнеможеніе“. Почти годъ тюремнаго заключенія, съ пересылкою изъ инстанціи въ инстанцію, и монастырское заключеніе свыше года рѣшили участь его на всегда. Онъ опозоренъ, обезславленъ, лишенъ карьеры, службы, средствъ пропитанія и, какъ негодный для общества, сдается подъ началъ родительскій для содержанія подъ надлежащимъ страхомъ. Послѣдующая судьба его не извѣстна, но дорисовать ее не трудно. И всему виною одно нелѣпое вѣрованіе, что можно отъ бѣсовъ вспоможеніе получать.

И до сихъ поръ еще среди малороссійскаго народа не вымерло это вѣрованіе, и до сихъ поръ еще многіе простолюдины вѣрятъ въ возможность для человѣка вступать въ непосредственныя отношенія съ чортомъ, убѣждены даже, что есть люди, которые дѣйствительно состоятъ въ такихъ отношеніяхъ и назовутъ вамъ такихъ людей. Существуетъ также вѣрованіе, что къ нѣкоторымъ женщинамъ летаетъ *нечистая сила*, въ образѣ змія, который состоитъ съ ними въ любовныхъ отношеніяхъ. Сильно держится вѣрованіе, что *чортъ*, тому или другому богатому человѣку, *гроши носить*. Все это такія же вѣрованія, какъ и то, изъ котораго возникло дѣло Ивана Роботы. Каждое изъ такихъ вѣрованій составляетъ только частичное проявленіе общераспространенныхъ въ стародавнія времена антропоморфическихъ представленій о злыхъ духахъ, демонахъ, чертяхъ, какъ существахъ такихъ, которыя могутъ вступать съ человѣкомъ въ обыкновенныя житейскія отношенія: любовныя, брачныя, семейныя, дѣловыя, договорныя.

Общераспространенное вѣрованіе, что договоръ съ чертомъ долженъ быть подписанъ кровью, *добытою изъ мезинца*, въ свою очередь указываетъ на глубочайшую древность общаго вѣрованія о возможности для человѣка дѣловыхъ и семейныхъ отношеній съ чортомъ и перенесено на эти отношенія изъ обыкновенныхъ между людьми отношеній. Употребленіе крови играетъ вообще большую роль въ сношеніяхъ, союзахъ и сдѣлкахъ первобытнаго человѣка. Междуплеменные и брачные союзы, договорныя отношенія и про-

стыя сдѣлки многихъ дикихъ и полудикихъ племенъ, нынѣ живущихъ, скрѣпляются и теперь тѣмъ или другимъ видомъ употребленія крови. Есть данныя подтверждающія, что и народы, стоящіе на той или другой степени цивилизаціи, переживали нѣкогда дѣйствительное употребленіе крови въ всевозможныхъ междуплеменныхъ и бытовыхъ сдѣлкахъ и сношеніяхъ.

Вслѣдствіе антропоморфическихъ представленій о чортѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ между нимъ и человѣкомъ, употребленіе крови не могло не быть перенесено и въ вѣрованія о договорахъ съ дьяволомъ, и въ практику этихъ вѣрованій. Представленіе объ употребленіи крови въ отношеніяхъ человѣка съ человѣкомъ давно исчезло у цивилизованныхъ народовъ. Но то, что оно сохранилось среди этихъ народовъ въ низшихъ ихъ классахъ въ примѣненіи къ договорамъ съ чортомъ, и указываетъ на то, что оно нѣкогда имѣло соотвѣтствующую ему дѣйствительность среди народа въ обыкновенныхъ договорахъ и сдѣлкахъ.

На роспискѣ, составляющей предметъ нашего дѣла, написано: *Кровію своею подписался Иванъ Робота.* Мы внимательно изслѣдовали, дѣйствительно ли эти слова написаны кровію, и убѣдились, что они написаны тѣми же самыми чернилами, какъ и вся росписка. Мы думаемъ, что выраженіе: *кровію своею подписался*—имѣетъ такое же значеніе, какъ „руку приложилъ". Это формула нынѣ не соотвѣтствующая дѣйствительности, но указывающая на то, что въ стародавнія времена дѣйствительно совершалось то, что она обозначаетъ нынѣ.

А. Ѳ. Кистяковскій.

ПОСЛѢДНЯЯ САМОЗАЩИТА Г. КІЕВА.

Въ связкѣ дѣлъ кіевскаго городскаго магистрата за 1840—1850 г. мы нашли постановленіе магистрата, состоявшееся 13 декабря 1842 года, о выдачѣ Антону Лакердѣ свидѣтельства о его службѣ и о правѣ его, какъ гражданина и члена магистрата, на Высочайшее благоволеніе за охрану г. Кіева въ 1831 году. Этотъ документъ сообщаетъ о фактѣ, который былъ извѣстенъ до сихъ поръ лишь немногимъ кіевскимъ старожиламъ, по преданію,—именно

о самозащитѣ города въ 1831 г. отъ „злонамѣренныхъ" людей, подъ коими разумѣлись тогда польскіе мятежники. Обстоятельства дѣла, на сколько они выяснились изъ найденнаго нами документа, состоятъ въ слѣдующемъ: когда польскій мятежъ сталъ быстро разростаться, когда помѣщики кіевской губерніи одинъ за другимъ становились въ ряды инсургентовъ и жертвовали имуществомъ для своего общаго дѣла, „почтеннѣйшее общество кіевскихъ гражданъ", вмѣстѣ съ членами магистрата и подъ предсѣдательствомъ своего войта Гр. Ив. Киселевскаго [1]), „учинили разсужденіе" („сбрашася", „створиша вѣче", „сдумаша", „совѣщаша", какъ выразился-бы лѣтописецъ) о положеніи города. Вспомнили при этомъ кіевляне, что древніе „привилеи" польскихъ королей и „особыя грамоты великихъ государей", даютъ имъ право отражать врага собственными силами и вмѣняютъ имъ въ обязанность охрану своего города и уѣзда, и потому „признали нужнымъ", по бывшему въ 1812 году примѣру, „вооружить изъ среды себя для охраненія города и отраженія злонамѣренныхъ такое количество конныхъ и пѣшихъ, какое начальство предназначитъ". Постановленіе это состоялось 1 мая 1831 г. и лишь только послѣдовало по нему разрѣшеніе генералъ-губернатора Княжнина отъ 8-го мая, какъ 12-го числа того-же мѣсяца составленъ былъ отрядъ изъ 1000 человѣкъ пѣхоты и 200 конницы. Императоръ Николай I, увѣдомленный губернаторомъ о таковой готовности кіевлянъ, выразилъ чрезъ него свое особое Высочайшее благоволеніе всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ организаціи и составѣ „гражданской стражи". По всей вѣроятности отрядъ былъ сформированъ подобно тому, какъ формировался онъ и въ мирное время для церемоній, и только болѣе былъ приспособленъ къ совершавшимся событіямъ. Начальникомъ отряда былъ избранъ ратегеръ магистрата Иванъ Гавриловичъ Мажный, тогда уже шестидесятилѣтній старикъ, командовавшій городской милиціей до уничтоженія ея въ 1834 году и „во время французской компаніи исполнявшій разныя порученности, какъ по назначенію градскаго обще-

---

[1]) Онъ «війтовавъ» въ Кіевѣ съ 1827 по 1834 годъ; въ 1833 г. при рескриптѣ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени, быть можетъ, за участіе въ сформированіи городской милиціи, если только не въ виду предстоявшаго увольненія отъ обязанностей войта съ введеніемъ новаго городоваго положенія.

ства, такъ и бывшаго тогда гражданскаго губернатора де-Санти, до устройства по тому случаю разныхъ потребностей и къ охраненію города отъ опасности“. Съ Мажнымъ, какъ главнымъ начальникомъ отряда, раздѣлялъ власть его ближайшій помощникъ „полковникъ“ Иванъ Петровичъ Романовскій, также ратегеръ магистрата, имѣвшій подъ своимъ начальствомъ „адъютанта“, обязанности котораго исполнялъ тогда гражданинъ Хотяновскій. Хотя отрядъ сформированъ былъ совсѣмъ по военному, но до военныхъ дѣйствій не доходилъ и вся дѣятельность этой „гражданской стражи“ состояла въ объѣздѣ конницей города „внутри и около“, да въ занятіи въ немъ пѣхотой карауловъ и постовъ. Съ подавленіемъ мятежа и съ изданіемъ государемъ амнистіи 1-го ноября 1831 года польскимъ революціонерамъ, дѣятельность стражи, конечно, также должна была прекратиться, а 10-го декабря того-же года губернаторъ объявилъ гражданамъ Кіева вторичное Высочайшее благоволеніе за „примѣрное усердіе“ и проч. отряда, который, отдаленный отъ непріятеля, ограничивался лишь „строгимъ соблюденіемъ правилъ военной дисциплины“. Это невинное упражненіе на видъ только воинственныхъ кіевлянъ породило въ то время *своего рода* бурю, какъ разсказалъ о томъ внукъ бывшаго кіевскаго войта Иванъ Киселевскій въ № 115 „Зари“ за текущій годъ. По его разсказу, основанному на семейныхъ преданіяхъ и уцѣлѣвшихъ какихъ-то документахъ (желательно было-бы видѣть ихъ въ печати), кіевляне, сформировавъ отрядъ, „вскорѣ были поражены внезапнымъ изъ Петербурга распоряженіемъ, по которому они устранялись отъ исполненія гарнизонной службы по г. Кіеву. Въ то-же время самъ войтъ былъ вытребованъ черезъ фельдъ-егеря въ столицу. Оказалось, что польскія газеты протрубили, будто войтъ Киселевскій, занявъ своими войсками кіевскую цитадель, водрузилъ на валахъ ея польское знамя и ждетъ прихода поляковъ. Личныя объясненія его оказались совершенно достаточными для того, чтобы убѣдить кого слѣдуетъ въ безъосновательности слуховъ, распространенныхъ польскими газетами.

Невольно приходится сказать: и тогда, какъ и теперь (процессъ 11-ти во Львовѣ) поляки изъ мухи дѣлали слона, но тогда въ удовольствіе себѣ, теперь изъ страха за себя.

И. Каманинъ.

НЕВОЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНІЕ И ТОСКА ПО РОДИНѢ, КАКЪ ПОДОЗРИТЕЛЬНОЕ ЧУВСТВО.

Въ старое доброе время, когда помѣщикъ безвозбранно и безконтрольно распоряжался судьбою унаслѣдованныхъ или купленныхъ имъ крестьянъ, производились надъ ними всякаго рода (единичныя и огульныя) насилія, въ томъ числѣ и невольное ихъ переселеніе изъ одного имѣнія въ другое, хотя бы для этого имъ пришлось идти за три-девять губерній. Въ большей части такихъ переселеній имѣлись въ виду ближайшіе хозяйственные разсчеты помѣщика, благосостояніе же переселяемыхъ всего менѣе принималось въ соображеніе,—они просто трактовались, какъ рабочій скотъ, породу котораго можно улучшать посредствомъ смѣшеній...

Опытъ такого переселенія произведенъ былъ послѣ сороковыхъ уже годовъ помѣщикомъ одной изъ малороссійскихъ губерній И. И. Сердюкомъ, и вотъ что случилось при этомъ.

Состоялъ онъ членомъ корреспондентомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Въ бытность свою въ Петербургѣ въ 50-хъ годахъ, Сердюкъ, какъ членъ общества, счелъ нужнымъ представиться его предсѣдателю, которымъ былъ тогда кн. В. В. Долгорукій. По предложенію сего послѣдняго, имъ тогда же была написана и въ Трудахъ общества помѣщена статья, подъ заглавіемъ: „Краткій очеркъ хозяйственныхъ занятій мстиславскаго помѣщика И. И. Сердюка“ [1]). Въ статьѣ говорилось между прочимъ: „Я перевелъ изъ Малороссіи въ мстиславскій уѣздъ, могилев. губ., въ с. Кудричи 25 мужчинъ и 25 женщинъ малороссіанъ, въ тѣхъ соображеніяхъ, чтобы племеннымъ смѣшеніемъ довольно сильнаго и довольно нравственнаго элемента привить къ бѣлорусскому краю крѣпкихъ и добронравственныхъ хлѣбопашцевъ. Мнѣ стоило большаго труда и издержекъ обзавести переселенцевъ хозяйствомъ, *ублажить ихъ тоску по отчизнѣ* и сблизить, или, такъ сказать, сроднить различные характеры, уравновѣсить разнородную природу въ хозяйственномъ быту“, и проч.

Когда въ слѣдъ за напечатаніемъ статьи,—разсказывалъ намъ И. И., я прибылъ снова въ Петербургъ и явился къ князю, онъ

---

[1]) См. Труды Имп. в. эк. Общ. за 1850 г. Т. II, № 4, стр. 16 (смѣси).

встрѣтилъ меня слѣдующими словами, произнесенными, противъ обыкновенія, взволнованнымъ голосомъ: „что вы, батюшка, надѣлали?—Государь читалъ и приказалъ подобныхъ статей не печатать“... Послѣ столь неожиданнаго пріема, я не нашелъ удобнымъ просить дальнѣйшаго объясненія отъ князя и отправился къ секретарю общества Бурнашеву. Тотъ объяснилъ мнѣ, что всѣ журналы просматриваются въ III отдѣленіи генераломъ Дубельтомъ и неблагонамѣренныя въ нихъ статьи и мѣста, имъ подчеркнутыя, представляются Государю, что и № Трудовъ съ моею статьею былъ также представленъ и въ ней подчеркнуты были рукою Дубельта слова: *ублажить ихъ тоску по родинѣ*, но что Государь противъ этихъ словъ написалъ: „вздоръ“.

Любопытно было бы знать,—прибавимъ отъ себя,—относился ли рѣзкій отзывъ справедливаго Государя къ самому, такъ сказать, *подчеркнутію* приведенныхъ словъ, или ко всему „Очерку хозяйственныхъ занятій племеннымъ смѣшеніемъ“—точно бы рѣчь шла о разведеніи овецъ, или объ улучшеніи породы рогатаго скота. Въ связи съ словами предсѣдателя общества, сказанными автору статьи, конечно, не безъ основанія, и послѣднее предположеніе весьма вѣроятно.

Какъ бы ни было, но характерная отмѣтка Дубельта отбила надолго ревностному экспериментатору и корреспонденту охоту брать въ руки предательское перо, претворявшее чернила въ отраву.

Ст. Фонъ-Носъ.

РѢДКАЯ ДРЕВНЯЯ НАДПИСЬ.

Въ переяславскомъ вознесенскомъ монастырѣ, въ церкви Рождества Богоматери, есть икона Божіей Матери, издревле почитаемая чудотворною. Различныя чудеса отъ этой иконы описаны въ особой древней рукописи, хранящейся въ той обители. Кто-то изъ братіи читалъ рукопись и, вѣроятно, нашелъ въ ней указаніе на надписи о чудесахъ на самой иконѣ; но на иконѣ риза и надписи закрыты.

14 декабря прошлаго года казначей монастыря, іеромонахъ Парфеній, съ ризничимъ іером. Иринархомъ, въ присутствіи іеро-

діакона Іова и послушника Виктора Троицкаго сняли ризу „для провѣрки описанныхъ въ рукописи чудесъ“ и нашли на иконѣ надпись конца XVII вѣка, значительно попорченную, но которая, по сличеніи съ упомянутою рукописью, даетъ слѣдующій оригинальный текстъ:

“Сей образъ пресвѧтой Бцы есть чудовной, которой исцѣлилъ невѣсту на имьѧ Ѳеодору, попадю Микульскую, Карпиху Лагутиху; лежала презъ килка лѣтъ безъ ногъ, и тако презъ сонъ оной сказала, мовѧчи: о тебѣ постѣль послана мѧко, да ты плачешъ: а мнѣ тютюсчи віютъ у школѣ, да ѧ не плачу, изъ блощиць мене познай. Если ты мене очистишъ ѿ гнюсу сегѡ, то будешъ на ногахъ своихъ ходити; скоро малѧру отдала, теды здорова стала, и ѧ Иванъ малѧръ дозналъ ласки пресвѧтой Богородици, же и мнѣ ногу правую исцилила, року ҂ахпе мѣсѧца декевріѧ иі днѧ“.

Надпись, очевидно, составлена и начертана тѣмъ самымъ Иваномъ маляромъ, которому Богородица ногу правую исцѣлила. Помимо этого надпись даетъ и другія указанія и, между прочимъ, на обстоятельство, послужившее поводомъ къ объявленію иконы чудотворною. Икона до этого времени находилась въ школѣ, конечно, въ переднемъ углу. Въ углу заводилась паутина, скоплялась всякая нечистота. Стѣны были сосновыя, вѣроятно, и за иконой и вокругъ ея завелись клопы. Были кромѣ того щели и сквозь ихъ посвистывалъ вѣтеръ. Въ школѣ и теперь рѣдко наблюдаютъ за чистотой, а въ тѣ поры и подавно. Школа-ли была въ домѣ священника, или священникъ жилъ въ школѣ, неизвѣстно; но связь между ними на этотъ разъ несомнѣнна. Лежала тутъ съ пораженными какою-то болѣзнію ногами попадья Ѳеодора Карпиха Лагутиха. Ни возрастъ, ни состояніе ея неизвѣстны,—была-ли она жена, теща или мать наличнаго тогда священника, или дальняя родственница, священническая вдова. Быть можетъ, „конопли она мочила“, или въ бродъ черезъ рѣчку переходила, только какимъ-то случаемъ ноги ей отняло. Быть можетъ, какъ безнадежно больная, и положена она была въ школѣ, спокойствія ради, и—лежала тамъ дни и ночи, чая, когда кто къ ней заглянетъ. Лежала и по цѣлымъ часамъ на образъ глядѣла. Что иное и могъ тогда дѣлать безпомощный, безнадежно больной. Видѣла она, какъ обсѣли икону мухи, пауки и

клопы, слышала долетавшій до ушей ея чрезъ щели свистъ вѣтра въ звукахъ: *тю-тю* и—набожная, изстрадавшаяся душа ея не разъ, конечно, болѣла о такомъ неблагоговѣйномъ содержаніи иконы и, быть можетъ, собственную болѣзнь ставила въ связь съ этимъ обстоятельствомъ. И вотъ образно видится ей во снѣ то, что мысленно не разъ она на яву себѣ представляла. Она спѣшитъ передать объ этомъ видѣніи окружающимъ, съ помощію ихъ и призваннаго маляра, очищаетъ и реставрируетъ образъ, и сама чувствуетъ себя съ той поры здоровою. Вдохновенный разсказомъ страдалицы малярь въ свою очередь чувствуетъ, что мучившая его боль въ правой ногѣ прекратилась и тутъ-же наноситъ на обновленный имъ образъ приведенную выше надпись. Образъ объявляется *чудовнымъ* и, безъ сомнѣнія, съ этой именно поры переносится въ церковь и становится предметомъ всеобщаго почитанія до сего дня.

Таково происхожденіе древней переяславской чудотворной иконы Божія Матери! Попадья Карпиха Лагутиха, да хроменькій Иванъ малярь своими недугами и страданіями, своею вѣрою и молитвою дали поводъ къ ея прославленію.

Образъ писанъ на холстѣ, а наклеенъ на сосновой доскѣ, какъ свидѣтельствуютъ снимавшіе съ него ризу; они-же удостовѣряютъ, что наклейка производилась не въ то время, когда образъ обновлялся, а послѣ, когда онъ обветшалъ, и что это было причиною того, что нѣкоторыя слова надписи, современной объявленію образа чудовнымъ, повреждены.

НЕОБЫЧНАЯ ЗАСТАВА.

Кто знакомъ съ кругомъ церковнаго богослуженія, тому извѣстно, что въ послѣдніе три дня страстной недѣли и во всю пасхальную недѣлю псалтырь совсѣмъ не читается при богослуженіи. Въ старыя времена этимъ обстоятельствомъ пользовались дьячки, что бы заполучить лишнюю кварту водки на страдную пору непрерывнаго чтенія и пѣнія по нѣскольку часовъ въ день, въ ожиданіи праздничныхъ доходовъ. Извѣстно, что въ старину дьячки южной Россіи не принадлежали къ клиру, не были подвѣдомы консисторіямъ, но избирались самими прихожанами, съ согласія

священника. Словомъ это были люди вольной профессіи, въ своемъ родѣ артисты. Пили они, какъ и ихъ избиратели, и лишняя рюмка не ставилась имъ въ укоръ. Въ это-то время дьячки, говорятъ, пользовались особою привилегіею закладывать въ шинкахъ церковную псалтырь на все то время, пока она не нужна при богослуженіи, а въ Ѳомину субботу, когда на вечернѣ читается обычная первая каѳизма, церковный староста отправлялся къ шинкарю и выкупалъ у него заложенную книгу. Въ дѣтствѣ я самъ зналъ въ лѣвобережной Малороссіи одного стариннаго дьячка, имѣвшаго пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, который, по прочтеніи положенной въ страстную среду на преждеосвященной обѣднѣ каѳизмы, закрывалъ псалтырь и не клалъ ее на полку клироса, а держалъ у себя подъ мышкой, чтобы не отнялъ староста, и послѣ обѣдни прямо отправлялся съ нею къ *Срулю* и заставлялъ ее за кварту водки. Помню, какъ однажды староста забылъ во время выкупить книгу, и дьячку пришлось наизустъ отхватать всю каѳизму.

Подобный этому случай встрѣтился намъ въ гродской луцкой книгѣ подъ 1621 годомъ (по каталогу кіевск. центральнаго архива № 2819, листъ 647), съ тою лишь разницею, что здѣсь церковная книга была заложена въ шинкѣ не дьячкомъ, а викарнымъ священникомъ. Вотъ буквальный переводъ судебнаго рѣшенія по жалобѣ священника владиміръ - волынской михайловской церкви Якова Залускаго о церковной книгѣ, заложенной его викаріемъ жиду-шинкарю за спиртные напитки и перезаложенной послѣднимъ въ другія руки: „Дѣялось во Владимірѣ, въ одномъ жидовскомъ домѣ, въ присутствіи раввина и другихъ старшинъ раввинской общины, 7 января, 1621 года. Предо мною Войтехомъ Милачевскимъ, подвоеводою волынскимъ, во время отправленія судовъ надъ жидами владимірскими, было предъявлено дѣло между велебнымъ о. Яковомъ Залускимъ, священникомъ владимірской церкви св. Михаила, истцемъ, и владимірскимъ жидомъ-шинкаремъ Беніашемъ, отвѣтчикомъ, по слѣдующему поводу: когда поименованный священникъ о. Яковъ Залускій уѣзжалъ гостить къ роднымъ, то все имущество михайловской церкви, какъ-то: утварь, книги и проч. поручилъ подъ надзоръ и охрану своему викарію, Ѳеодору, впредь до своего возвращенія. Но означенный викарій, вмѣсто надзора за цѣлостью церковныхъ вещей, взявши изъ михайловской церкви служебную

книгу, пошелъ съ нею въ шинокъ жида Беніаша и заложилъ ее за спиртные напитки на сумму въ 20 грошей польскихъ. Послѣ того жидъ Беніашъ, чрезъ посредство своей шинкарки, продающей въ его домѣ пиво, медъ и горѣлку, перезаложилъ означенную церковную книгу, за такую-же сумму, протопопу владимірскому Григорію Лозовицкому, и, не смотря на то, что истецъ, о. Яковъ Залускій, по возвращеніи во Владиміръ, готовъ былъ возвратить Беніашу 20 грошей польскихъ, послѣдній отказывается выкупить книгу изъ того мѣста, куда онъ заставилъ ее. По выслушаніи предъявленныхъ сторонами заявленій и возраженій, я подвоевода, принявъ во вниманіе, что названная книга перешла въ чужія руки по винѣ шинкаря Беніаша, постановилъ, чтобы послѣдній сегодня же, до закрытія судебнаго засѣданія, выкупилъ означенную книгу изъ рукъ протопопа и возвратилъ ее истцу о. Якову Залускому, получивъ отъ него 20 грошей; въ случаѣ же неисполненія Беніашемъ настоящаго опредѣленія, онъ долженъ подвергнуться штрафу въ три польскихъ гривны въ пользу суда и противной стороны. Черезъ часъ послѣ того явился ко мнѣ вышепоименованный Яковъ Залускій, священникъ михайловскій, и заявилъ, что книга ему возвращена и онъ болѣе не имѣетъ никакихъ претензій къ жиду Беніашу; поэтому я на вѣчныя времена освобождаю послѣдняго отъ отвѣтственности по настоящему дѣлу".

О. Л.

КЪ ПОРТРЕТУ САВВЫ ГРИГОРЬЕВИЧА ТУПТАЛО.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ Саввы Григорьевича Туптало представляетъ на первый взглядъ особу духовнаго чина,—священника, архимандрита или архіерея. Никто, не присмотрѣвшись къ нему внимательно и не будучи знакомъ съ мѣстною исторіею и археологіею, не могъ-бы подумать, что это лице мірское, при томъ военнаго званія, козакъ и старшина козачій въ его обыкновенномъ костюмѣ. Это однако сотникъ кіевскій, а названіе его *Савва Григорьевичъ Туптало.*

Замѣчательно долгая жизнь его захватываетъ собою три столѣтія и проходитъ чрезъ всю почти исторію козачества, если не считать

времени зарожденія и упадка онаго. Начало его жизни принадлежитъ XVI ст., самая жизнь обнимаетъ весь XVII вѣкъ, а конецъ переходитъ въ XVIII столѣтіе. Въ его жизни, если бы она могла быть извѣстна, представилась бы намъ вся исторія козачества. Савва Григорьевичъ Туптало—сподвижникъ Хмельницкаго и отецъ симпатичнѣйшаго и ученѣйшаго святителя земли русской, угодника Божія, св. Димитрія Ростовскаго, и—эти два обстоятельства еще болѣе привлекаютъ къ его личности наше вниманіе. По мѣсту рожденія онъ сынъ въ строгомъ смыслѣ кіевской земли, по мѣсту службы и долгаго жительства онъ нашъ родной кіевлянинъ. Тутъ учился знаменитый впослѣдствіи сынъ его Даніилъ,—свѣтильникъ, свѣтившій и свѣтящій всей Россіи; тутъ были три дочери его; тутъ самъ Савва воевалъ, начальствовалъ и ктиторствовалъ, тутъ и жизнь свою долгую и благочестивую скончалъ.

Къ сожалѣнію, о долгой жизни лица, котораго портретъ мы теперь представляемъ, дошло до насъ весьма мало свѣдѣній, которыя могли бы дать намъ понятіе какъ о немъ самомъ, такъ и о его богатомъ особенностями времени. Родился онъ въ 1599 году въ мѣстечкѣ Макаровѣ (нынѣ кіевской губерніи и уѣзда), въ 50-ти верстахъ на западъ отъ Кіева, нѣкогда резиденція извѣстнаго въ исторіи Польши своими безумными подвигами польскаго бандиты Самуила Лаща.

Первое свѣдѣніе о жизни Саввы Григорьевича Туптала встрѣчаемъ только въ 1650 г., т. е. когда ему прошло уже свыше 50 лѣтъ. Въ это время онъ записанъ въ реестръ войска запорожскаго въ качествѣ рядового козака макаровской сотни кіевскаго полка. Вскорѣ потомъ онъ выбранъ былъ сотникомъ той-же сотни и вслѣдъ затѣмъ перешелъ, также въ званіи сотника, въ кіевскую полковую сотню. Это была самая тяжкая пора для родной земли Туптала и Украйны обоихъ береговъ, пора крайняго напряженія ея силъ въ борьбѣ ея съ Польшею на жизнь и смерть. Несчастный бѣлоцерковскій договоръ, новыя насилія надъ православнымъ украинскимъ населеніемъ со стороны наводнившихъ страну польскихъ войскъ и поднявшихъ голову пановъ, изгнаніе тѣхъ и другихъ изъ края, переяславская рада и подчиненіе Москвѣ, новая война съ Польшею, борьба партій и кровавыя смуты Юрія Хмельницкаго и его продолжателей, разореніе Кіева и передача его Польшѣ, разо-

реніе училища братскаго, не давшее сыну Тупталы докончить тамъ курсъ наукъ—таковы были событія и обстоятельства, среди которыхъ Туптало долженъ былъ нести свою тяжелую службу. Скромное имя сотника теряется въ вихрѣ этихъ событій, но въ ту пору, когда всякая наличная сила страны приходила въ дѣйствіе, и Туптало съ своею сотнею принималъ въ нихъ живое и дѣятельное участіе и если имя его ничѣмъ не отмѣчено въ исторіи этихъ событій, то, кромѣ всякихъ случайностей, нельзя не видѣть въ этомъ указанія на характеръ всей вообще дѣятельности болѣе чѣмъ зрѣлаго по возрасту семьянина, направлявшейся болѣе къ подвигамъ благочестія, нежели къ подвигамъ военнымъ. Онъ много заботился объ образованіи единственнаго сына своего, а когда смутныя обстоятельства воспрепятствовали окончанію онаго, сына на 17 году—опредѣлилъ его въ кирилловскую обитель, гдѣ онъ былъ монахомъ, проповѣдникомъ и игуменомъ. Три дочери его, извѣстныя намъ съ монашескими именами Пamфиліи, Февроніи и Параскевы, основали рядомъ съ кіево-іорданскою церковью николаевскій женскій монастырь, въ которомъ преемственно одна за другою были игуменьями, когда братъ ихъ игуменствовалъ въ сосѣднемъ кирилловскомъ монастырѣ, а отецъ ихъ былъ ктиторомъ этой обители. Это по духу того времени было высшимъ идеаломъ жизни и Савва Туптало и его престарѣлая супруга Марія Михайловна считались самыми счастливѣйшими родителями. Всю вообще вторую половину своей жизни Савва Туптало прожилъ въ Кіевѣ, гдѣ пользовался значительнымъ уваженіемъ и благосостояніемъ. Изъ современнаго документа мы знаемъ, что въ 1686 году онъ занималъ еще должность кіевскаго сотника и пользовался отъ мостовой пошлины, взимавшейся за проѣздъ черезъ рѣку Ирпень у мѣстечка Мостища. Затѣмъ извѣстенъ намъ только годъ смерти престарѣлаго сотника: скончался онъ въ 1703 году, 103 лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ троицкой церкви при кіевскомъ кирилловскомъ монастырѣ, ктиторомъ которой онъ состоялъ при жизни. Въ той-же церкви погребена была и жена Саввы Туптала—Марія Михайловна, скончавшаяся также въ Кіевѣ въ 1688 году. По указанію дневныхъ записокъ св. Димитрія Ростовскаго, каменный домъ его родителя находился на Подолѣ, близъ притиско-никольской церкви. Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія онъ находился еще во дворѣ купца Курлюкова и имъ былъ разобранъ.

Надъ могилою благочестиваго сотника немедленно послѣ его кончины былъ повѣшенъ на стѣнѣ точный поясной портретъ его на холстѣ, который, вслѣдствіе повреждения, въ 1760 г. августа 10-го дня, замѣненъ существующею теперь копіею его. Копія эта и особливо копія церкви ростовскаго монастыря нѣсколько отступаютъ отъ подлинника и придаютъ изображенію видъ святаго угодника. Нашъ снимокъ сдѣланъ съ гравюры, принадлежащей А. М. Лазаревскому, хотя нѣсколько поблекшей, но вѣрнѣе передающей существенныя черты оригинала. Въ 1870 г. кіевскій каѳедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ издалъ снимокъ съ портрета Саввы Григорьевича по копіи 1760 года, повторенный съ того-же клише въ 1881 г. барономъ М. И. Эренбургомъ. На предлагаемомъ портретѣ надпись слѣдующая:

„Савва Туптало, сотникъ кіевскій, жилъ въ нижнемъ Кіевѣ городѣ. Отъ рожденія ста трехъ лѣтъ, въ день Богоявленія Господня, въ третьемъ часу дня преставился, въ 1703 году, и погребенъ въ кіевскомъ кирилловскомъ монастырѣ, въ которомъ и ктиторомъ былъ онъ“. На ободкѣ, кругомъ портрета надпись: *„Отецъ новоявленнаго чудотворца, митрополита ростовскаго, святителя Христова Димитрія“*.

Подъ портретомъ, изданнымъ пр. Лебединцевымъ и повтореннымъ барономъ Эренбургомъ, надпись въ стихахъ такая:

Благочестивый мужъ Туптало Сава,
Запорожскаго войска честь и слава,
Въ Богоявленскій день отверсту небу,
Восшествія тамо совершилъ потребу,
Въ третій часъ на день третьяго року
Семь сотъ тысящна—з троична кроку,
Въ троичномъ кирильскомъ почи чину,
Душею Тройцы лице да зритъ выну.
Въ вѣку семъ добрѣ жилъ сто и три лѣта;
Обы сторичну взялъ мзду троичиа свѣта.

Портретъ изображаетъ Савву Туптала въ преклонныхъ лѣтахъ, вѣроятно подъ конецъ его жизни; старческое, но высоко осмысленное и энергическое лице сотника, значительно видоизмѣнено и совершенно потеряло характеръ въ копіи, которою пользовался ба-

ронъ Эренбургъ. По обычаю стариковъ своего времени, Савва Туптало изображенъ съ длинною сѣдою бородою и съ длинными бѣлыми волосами, падающими на плечи равномѣрно по обѣимъ сторонамъ головы; въ рукахъ онъ держитъ длинный посохъ съ набалдашникомъ. Прическа и посохъ на первый взглядъ придаютъ фигурѣ сотника характеръ духовнаго лица. Одѣтъ онъ въ шубу съ отложнымъ мѣховымъ воротнитомъ, застегнутую на шеѣ, съ тремя металлическими пуговицами на правой сторонѣ, и тремя петлицами изъ позумента на лѣвой. Изъ подъ шубы виднѣется длинный „кунтушъ изъ адамашка зъ частыми срибрными квитками", какія мы встрѣчаемъ въ описяхъ движимаго имущества знатныхъ козаковъ того времени; рукава кунтуша и край его полы оторочены толстымъ снуркомъ; на груди онъ застегнутъ рядомъ металлическихъ пуговицъ; поверхъ кунтуша повязанъ поясъ изъ мягкой шелковой матеріи, такъ называемый „турецкій", концы отъ котораго, шитые узоромъ, свѣшиваются съ правой стороны. Вверху портрета, съ лѣвой стороны его, въ медальонѣ, составленномъ изъ арабесковъ, помѣщенъ гербовный щитъ, на немъ въ красномъ полѣ изображенъ бѣлый треугольникъ, вѣроятно условный знакъ, употреблявшійся Тупталомъ для клеймъ и печати.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

августъ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго,** Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ III.

АВГУСТЪ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1882 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го іюля 1882 года.

Забытыя иноческія обители.

(Монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества).

(Окончаніе).

III.

Вскорѣ послѣ совращенія замостьскихъ православныхъ церквей и братствъ въ унію и введенія въ Замостьѣ базиліанъ, состоялся извѣстный замостьскій соборъ 1720 года, положившій яркую печать на послѣдующую исторію уніатскихъ базиліанскихъ монастырей, съ которою отселѣ связана была и судьба замостьскаго уніатскаго николаевскаго монастыря. Ко времени замостьскаго синода уже закончилось совращеніе православныхъ монастырей въ унію: оставшіеся къ этому времени православными монастыри оставались таковыми до конца существованія Польши. Поэтому уніаты могли уже теперь не стѣсняться въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ „схизматиками", чтобы изъ-за нихъ придерживаться православныхъ обрядовъ и обычаевъ, и уже прямо могли теперь объявить себя на сторонѣ католической церкви, ея обычаевъ и обрядовъ, что́ и не замедлили сдѣлать. Еще во второй половинѣ XVII вѣка холмскій уніатскій епископъ Яковъ Суша сдѣлалъ папѣ чрезъ нунціатуру представленіе объ ограниченіи власти митрополита и епископовъ постановленіями тридентскаго собора, которыя отчасти и приняты были въ основаніе Nexus'а или союза базиліанъ съ уніатскимъ митрополитомъ Жоховскимъ, составленнаго въ 1686 году. Но болѣе полное примѣненіе правилъ тридентскаго собора къ уніатской церкви и базиліанамъ сдѣлано было на замостьскомъ соборѣ 1720 года, при уніатскомъ митрополитѣ Львѣ Кишкѣ. Постановленія

этого собора дали уніатамъ тему для развитія уніатской церкви въ духѣ латинства и въ частности—постановленій тридентскаго собора и примѣнялись и къ соединенію всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одинъ базиліанскій орденъ, и къ внутренней организаціи сего ордена, и къ измѣненію богослуженія и обрядности уніатской церкви по образцу католической церкви и проч. Такъ, съ 1720 года базиліане заняты были преимущественно рѣшеніемъ сложнаго вопроса о соединеніи всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одну базиліанскую конгрегацію; а съ половины XVIII вѣка производилась внутренняя работа надъ переустройствомъ базиліанскаго ордена на началахъ католической церкви.

Относительно соединенія уніатскихъ монастырей въ одинъ базиліанскій орденъ на замостьскомъ соборѣ постановлено было слѣдующее: „поелику дознано опытомъ и одобрено постановленіями св. соборовъ, что нѣтъ болѣе успѣшнаго средства къ возстановленію или соблюденію монашескаго порядка и дисциплины, какъ всѣ монастыри, не подчиненные генеральнымъ начальникамъ и не имѣющіе своихъ орденскихъ визитаторовъ, соединить въ одно тѣло или конгрегацію, то св. синодъ, слѣдуя по стопамъ сихъ каноновъ, постановилъ, чтобы монастыри владимірской, луцкой, холмской, львовской и перемышльской епархій, черезъ годъ послѣ опубликованія настоящаго декрета и по полученіи пригласительной грамоты превелебнѣйшаго митрополита, собрались на конгрегацію и потомъ каждое четырехлѣтіе выбирали генерала, провинціала и орденскихъ визитаторовъ и постановляли и рѣшали все прочее, что можетъ казаться необходимымъ для надлежащаго управленія всею провинціей и для возстановленія монашеской дисциплины. Предсѣдательствовать-же будетъ на первой сей генеральной капитулѣ превелебнѣйшій господинъ митрополитъ, и на нее приглашенъ будетъ высокопреподобнѣйшій протоархимандритъ провинціи литовской, дабы участвовавшіе долгое время въ сихъ генеральныхъ капитулахъ могли дѣломъ и совѣтомъ помочь другимъ. Новый же протоархимандритъ на будущее время будетъ подчиняться тому, кому велитъ подчиняться св. престолъ [1]). Такимъ образомъ, замостьскимъ собо-

---

[1]) Synodus provincialis Ruthenorum, habita in civitate Zamoscia an. 1720, Romae, 1724, титулъ XI – «О монастыряхъ и положеніи монаховъ».

ромъ проэктировались двѣ провинціи базиліанскаго ордена, соотвѣтствовавшія главнымъ составнымъ частямъ Польши, Литвѣ и собственно Польшѣ, къ которой принадлежала и юго-западная Русь, т. е. провинціи литовская, прежде существовавшая, и польская или русская, вновь образуемая. Созванная въ силу этого постановленія замостьскаго синода базиліанская генеральная капитула 1727 г. не состоялась вслѣдствіе возникшихъ споровъ между польскими и литовскими базиліанами изъ-за двѣнадцати монастырей, находившихся въ предѣлахъ Польши, но еще прежде вошедшихъ въ составъ литовской базиліанской провинціи. И только при преемникѣ Льва Кишки, уніатскомъ митрополитѣ Аѳанасіѣ Шептицкомъ, на львовской конгрегаціи 1739 года, митрополитъ, управлявшій епархіями кіевской, львовской, галицкой и каменецкой, и епископы владимірскій, луцкій, перемышльскій и холмскій освободили подчиненные имъ монастыри, за исключеніемъ архимандричьихъ, изъ-подъ своей власти, которая поэтому перешла къ самому базиліанскому ордену и къ папѣ, какъ генералиссимусу всѣхъ орденовъ. Но при этомъ митрополитъ и епископы предложили такое условіе, „что, если какіе-либо отдѣльные монастыри, вслѣдствіе визитаціи (ревизіи) будущаго протоархимандрита, по бѣдности ихъ фундуша должны будутъ упраздниться, то принадлежащіе имъ фундуши должны быть отданы въ распоряженіе мѣстнымъ епископамъ и присоединены къ приходскимъ церквамъ“. За епископами оставалась также ревизія монастырей, имѣющихъ приходы, каковыми были холмскій и замостьскій [1]). Въ послѣдствіи времени, папскимъ декретомъ 2 мая, 1744 года, предписано было уніатскому митрополиту Аѳанасію Шептицкому, вмѣстѣ съ начальниками базиліанскаго ордена, упразднить малочисленные монастыри или присоединить ихъ къ другимъ, такъ чтобы въ каждомъ удобно могло жить 10 или по крайней мѣрѣ 8 монаховъ [2]). Вслѣдствіе этого, на дубенской консультаціи (совѣщаніи) 1745 года было рѣшено оставить въ польской или русской провинціи самостоятельными 38 монастырей, присоединить къ

---

[1]) Акты этой конгрегаціи въ библіотекѣ волынской дух. семинаріи, № 1289.

[2]) Bullae et brevia Summorum pontificum..., congregationem Ruthenorum ordinis S. Basilii Magni concernentia, и проч., Почаевъ, 1767 года, ч. 2, стр. 1—60.

другимъ 60 и упразднить 25 монастырей, если только послѣдніе не обезпечены будутъ со стороны фундаторовъ пожертвованіемъ, достаточнымъ для содержанія по крайней мѣрѣ 8 монаховъ [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ начальники базиліанскаго ордена обратились къ папѣ съ просьбой не упразднять монастырей, достаточныхъ для содержанія *пяти* монаховъ, при чемъ обѣщали совсѣмъ закрыть всѣ прочіе, не могущіе содержать по *пяти* монаховъ; просили однако, чтобы, въ качествѣ приписныхъ къ сосѣднимъ монастырямъ, сохранить и тѣ небольшія монашескія обители, кои не могутъ содержать и по пяти монаховъ. Эти послѣдніе, въ силу декрета 2 мая 1744 года, неизбѣжно должны были подлежать упраздненію, но монахамъ и ихъ не хотѣлось отдавать свѣтскому клиру, какъ о томъ имъ объявлено было бывшимъ апостольскимъ нунціемъ, потому они просили сдѣлать новое исключеніе для монастырьковъ, не имѣющихъ приходовъ, заявляя, что монастыри съ приходами они безпрепятственно готовы отдать свѣтскому клиру. Папа согласился оставить за базиліанами на десятилѣтіе тѣ монастыри и резиденціи, въ коихъ можетъ содержаться до пяти монаховъ, но требовалъ при этомъ, что бы въ теченіи шести мѣсяцевъ или года совершенно оставлены были ими всѣ остальные монастыри, резиденціи и миссіи, т. е. не могущія содержать и пяти монаховъ, и чтобы впредь не допускались новыя фундаціи монастырей, если онѣ недостаточны для содержанія по крайней мѣрѣ восьми монаховъ. Въ числѣ оставляемыхъ за базиліанами монастырей, резиденцій или миссій, не могущихъ содержать и по пяти монаховъ, папа различалъ такіе, которые принадлежали прежде свѣтскому клиру, или имѣютъ приходы, и такіе, которые основаны монахами и приходовъ не имѣли. Первые изъ нихъ онъ предписывалъ безусловно передать во владѣніе епископа или свѣтскаго клира той епархіи, въ которой они числятся; вторые, согласно 5 главѣ 21 сессіи тридентскаго собора, разрѣшалъ приписать къ сосѣднимъ базиліанскимъ монастырямъ, но съ тѣмъ, что бы монахи не имѣли болѣе тамъ постояннаго жительства, а находящіяся при нихъ церкви подлежали, наравнѣ съ приходскими, власти и вѣдѣнію мѣстнаго епи-

---

[1]) См. Дѣло польской базиліанской провинціи съ литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium, №№ 14 и 60.

скопа [1]). Но, взамѣнъ этой невольной уступки свѣтскому клиру, базиліане привлекли къ своему ордену архимандричьи монастыри и самихъ архимандритовъ, прежде подчинявшихся непосредственно митрополиту. Nexus'омъ или союзомъ уніатскаго митрополита Аѳанасія Шептицкаго съ базиліанскимъ орденомъ, 1743 года, въ архимандричьихъ монастыряхъ протоархимандриту или генералу предоставлена власть только надъ монахами, а не надъ архимандритомъ, который долженъ былъ подчиняться митрополиту [2]). Но, вслѣдствіе домогательства базиліанъ, папскимъ декретомъ 30 марта 1756 года, постановлено было, чтобы и архимандриты монастырей помянутой конгрегаціи подчинялись непосредственной власти протоархимандрита, какъ главнаго начальника, при чемъ каждый изъ нихъ получалъ отъ митрополита посвященіе и предъ нимъ же приносилъ присягу на вѣрное служеніе, но инсталляцію, т. е. самое назначеніе на должность настоятеля извѣстнаго монастыря, безъ чего ему пришлось-бы остаться съ однимъ лишь саномъ, получалъ отъ протоархимандрита [3]).

Такимъ образомъ ядро польско-русской базиліанской провинціи и всего базиліанскаго ордена составляли архимандричьи и игуменскіе самостоятельные и, слѣдовательно, болѣе богатые монастыри. Они высылали на провинціальныя и генеральныя конгрегаціи своихъ настоятелей и депутатовъ, на что не имѣли права приписные, филіальные монастыри. Эти конгрегаціи или съѣзды созывались черезъ четыре или много черезъ восемь лѣтъ для избранія генерала ордена, провинціаловъ для каждой провинціи и другихъ орденскихъ чиновниковъ, для перемѣны монастырскихъ настоятелей, а также для разсмотрѣнія и рѣшенія общихъ монастырскихъ дѣлъ извѣстной провинціи или всего ордена. Нѣкоторое подобіе этихъ конгрегацій или съѣздовъ представляютъ нынѣшніе съѣзды православнаго бѣлаго духовенства, обще-епархіальные и окружные.

---

[1]) См. акты почаевской провинціальной капитулы 1755 г., сесс. 1, въ рукоп. волынской дух. семинаріи, № 1289.

[2]) Акты дубенской капитулы 1743 г., сесс. 7, 9 и 11, въ рукописи волынской дух. семинаріи, № 1289.

[3]) Bullae et brevia Summorum pontificum, 1767 г., ч. 2, стр. 103—113.

Какое-же мѣсто и значеніе имѣлъ въ общемъ строѣ базиліанскаго ордена замостьскій николаевскій уніатскій монастырь? Мы оставили его еще въ томъ зачаточномъ, переходномъ состояніи, когда онъ собственно и не былъ еще монастыремъ, а былъ лишь приходскою церковію, при которой, вмѣсто бѣлаго священника, служилъ уніатскій монахъ. Казалось бы, монастырь этотъ долженъ былъ стушеваться въ массѣ другихъ ничтожныхъ базиліанскихъ монастырей и закрыться въ силу приведенныхъ нами папскихъ опредѣленій, допускающихъ существованіе только такихъ монастырей, которые могли содержать не менѣе восьми и въ крайнемъ случаѣ не менѣе пяти монаховъ; но не такъ случилось на самомъ дѣлѣ. Эти-же самыя папскія опредѣленія, кажущіяся на первый взглядъ строгими и стѣснительными для базиліанъ, на самомъ дѣлѣ лишь содѣйствовали увеличенію и процвѣтанію базиліанскаго ордена и отдѣльныхъ его монастырей, вызывая въ бѣдныхъ монастыряхъ всю энергію для сохраненія своего существованія и соревнованіе съ другими болѣе богатыми и значительными монастырями. Такіе бѣдные монастыри употребляли всѣ ухищренія для того, чтобы пріобрѣсть фундушъ, достаточный для содержанія по крайней мѣрѣ восьми монаховъ, и попасть въ число монастырей, пользовавшихся правомъ голоса на базиліанскихъ съѣздахъ. Большею частію они выпрашивали необходимое содержаніе у фундаторовъ своихъ или другихъ благотворителей, или-же мало по малу пріобрѣтали недвижимыя имущества на свои собственныя средства. Такъ постепенно поднимался на ноги и замостьскій уніатскій монастырь, послѣдовательно испытавъ всѣ превращенія отъ личинки до бабочки. Сначала онъ былъ, кажется, простою резиденціей или подворьемъ, потомъ—миссіей, далѣе—приписнымъ монастыремъ и, наконецъ, самостоятельнымъ. Чтобы достигнуть послѣдняго, ему нужно было преодолѣть всѣ препятствія, какія представлялись ему и со стороны мѣстныхъ церковныхъ братствъ, и со стороны епископской власти, не хотѣвшей выпустить его изъ своихъ рукъ; но онъ не остановился передъ этими препятствіями и преодолѣлъ ихъ.

До 1739 года, замостьская никольская церковь и ея настоятель базиліанинъ визитовались или ревизовались мѣстнымъ холмскимъ уніатскимъ епископомъ, какъ ихъ непосредственнымъ начальникомъ. Такъ, 26 мая 1721 года визитовалъ братство никольское

епископъ холмскій Іосифъ Левицкій [1]), а въ 1726 году тотъ-же епископъ опредѣлилъ границы обоихъ замостьскихъ приходовъ, городскаго никольскаго и предгороднаго вознесенскаго, такимъ образомъ, чтобы къ городской никольской церкви принадлежали дома въ стѣнахъ самой крѣпости и на улицахъ Лановой, Садовискѣ, Подгроблѣ и Яновичахъ, а къ предгородной вознесенской — предмѣстье Львовское, Новый свѣтъ, Гусиная улица, Подставье и Волька Калиновская; онъ подтвердилъ также постановленія коммисіи 1699 и 1701 годовъ относительно погребенія умирающихъ при той церкви, при которой они пожелаютъ, съ уплатою четвертой части погребальнаго дохода приходскому священнику. Въ 1732 году визитовалъ или ревизовалъ обѣ замостьскія церкви и состоявшія при нихъ братства холмскій уніатскій епископъ Фелиціанъ-Филиппъ Володковичъ [2]), при чемъ подтвердилъ пункты устава старшаго братства замостьскаго св. Николая, данныя ему прежде православнымъ епископомъ львовскимъ Гедеономъ Балабаномъ и кіевскимъ митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ, но съ значительными дополненіями и измѣненіями относительно порядка выбора старшихъ братчиковъ и управленія дѣлами братства.

Если сравнить эти пункты [3]) съ прежними уставами братства, то въ нихъ невольно бросается въ глаза видная, подавляющая роль базиліанскаго настоятеля, который уже по самому своему званію настоятеля стоялъ во главѣ братства и считался его распорядителемъ: безъ него не могло состояться ни одно засѣданіе, ни одинъ актъ братства. Вслѣдствіе этого, самое братство теряло свою прежнюю самостоятельность и вліяніе на настоятеля и сдѣлалось въ рукахъ послѣдняго только послушнымъ орудіемъ для благоустроенія церкви и достиженія цѣлей базиліанъ, какъ отчасти сознавались въ этомъ и сами замостьскіе базиліане. Въ 1781 году замостьскій игуменъ Филаретъ Мочарскій писалъ въ своей замѣткѣ о происхожденіи замостьскаго монастыря, что сюда введены были базиліане

---

[1]) Объ этой визитѣ упоминается въ визитѣ никольской церкви 1752 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Акты этихъ визитацій 1732 года—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[3]) Punkta po zakączoney wizycie w klastorze zamoyskim... podane, 9 окт., 1732 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

„на полныхъ правахъ, безъ всякой зависимости отъ братства“ [1]). Понятно, такое принижение братства не могло нравиться его членамъ, которые, поэтому, при первомъ удобномъ случаѣ и обнаружили желаніе отдѣлаться отъ базиліанъ. Случай этотъ представился вскорѣ по освобожденіи уніатскихъ монастырей изъ-подъ епископской власти на львовской базиліанской конгрегаціи 1739 года и по соединеніи всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одинъ базиліанскій орденъ.

Мы имѣемъ достовѣрныя свидѣтельства, что уніатскіе епархіальные архіереи недовольны были освобожденіемъ уніатскихъ монастырей изъ подъ ихъ власти [2]) и потому старались возможно менѣе уступить базиліанамъ и ограничить, по возможности, постепенно расширявшійся кругъ ихъ вліянія. Такія же чувства и намѣренія сталъ питать къ замостьскимъ базиліанамъ и холмскій уніатскій епископъ Фелиціанъ Филиппъ Володковичъ. 12 мая, 1740 года, т. е. на другой годъ послѣ львовской конгрегаціи, онъ далъ предписаніе холмскому провинціалу Карпинскому и замостьскому декану Павлу Соколовскому—назначить администратора къ предгородной замостьской вознесенской церкви, которая въ то время приписана была къ городской церкви, дабы вознесенскіе прихожане „болѣе не принадлежали городской церкви, находящейся внутри крѣпости“ [3]).

Съ теченіемъ времени, пользуясь многочисленностію монаховъ замостьскаго монастыря и папскими постановленіями о подобнаго рода монастыряхъ, епископъ Володковичъ простиралъ виды и на самый замостьскій монастырь и въ этомъ отношеніи сошелся съ желаніями и стремленіями никольскаго братства и дѣйствовалъ съ нимъ за одно, чтобы изгнать базиліанъ изъ Замостья.

---

[1]) Origo monasterii zamoscensis, 1781 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) См. протестъ митрополита и уніатскихъ епископовъ, 1742 г, противъ освобожденія базиліанъ отъ подчиненности митрополиту въ дѣлѣ м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 7; см. Труды кіев. дух. академіи, февраль 1871 г., стр. 318—320.

[3]) Instrumentum Володковича отъ 20 мая 1740 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

Что въ это время замостьскій монастырь былъ еще не значителенъ и малочисленъ, это видно изъ того, что на дубенской консультаціи 1745 года этотъ монастырь не признанъ былъ самостоятельнымъ, слѣдовательно не имѣлъ и восьми монашествующихъ лицъ и приписанъ былъ къ верхратскому монастырю польской или русской провинціи [1]). А такъ какъ замостьскій монастырь имѣлъ и прихожанъ, то, на основаніи постановленій замостьскаго собора и папскихъ распоряженій, никольская церковь и состоявшее при ней братство подлежали ревизіи мѣстнаго уніатскаго епископа, а не орденскаго начальства, которое вѣдало только самихъ монаховъ базиліанъ. Въ одну изъ такихъ епископскихъ ревизій, въ 1752 году, и возбужденъ былъ вопросъ объ обращеніи замостьскаго никольскаго монастыря по прежнему въ приходскую церковь и объ удаленіи изъ Замостья монаховъ базиліанъ. Въ это время члены братства заявили, а епископъ Фелиціанъ Филиппъ Володковичъ записалъ въ акты ревизіи, что „находящіяся въ архивѣ братства права и привиллегіи гласятъ, дабы замостьскою каменною церковію управлялъ свѣтскій священникъ, какъ и дѣйствительно на памяти всѣхъ людей послѣднимъ управителемъ и поссессоромъ былъ нѣкогда велебный отецъ Машкевичъ, по смерти коего какимъ способомъ велебные отцы базиліане завладѣли тою церковію, объ этомъ неизвѣстно болѣе изъ преданія людей помнящихъ, кромѣ того, что блаженной памяти его милость отецъ Іосифъ Левицкій, епископъ холмскій, непосредственный предшественникъ превелебнаго теперешняго визитатора, назначилъ на время администраторомъ духовныхъ дѣлъ вдовствующей частопоминаемой церкви своего капеллана, велебнаго отца Миколая Блещинскаго чина св. Василія Великаго, послѣ котораго ихъ милости отцы базиліане присвоили себѣ это мѣсто и церковь, какъ ясно видно, безъ законной уступки со стороны свѣтскаго клира, безъ надлежащаго ввода и передачи. Посему нисколько не будетъ противорѣчить первоначальной презентаціи патрона, если бы на основаніи вышепомянутыхъ правъ и привиллегій, распорядителемъ и поссесоромъ каменной замостьской церкви былъ отецъ приходской священникъ свѣтскій, русино-греко-уніатскій; особенно

---

[1]) Дѣло польской базиліанской провинціи съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium, №№ 44 и 60.

если принять во вниманіе декретъ счастливо надъ всѣмъ міромъ христіанскимъ господствующаго святѣйшаго отца Бенедикта, того имени XIV папы римскаго, которымъ повелѣвается, чтобы велебные отцы базиліане, владѣющіе приходскими церквами, если не имѣютъ фундуша, достаточнаго для содержанія восьми монаховъ, и надлежащей ограды, отдавали ихъ въ руки и распоряженіе епископамъ. Посему велебные отцы базиліане, живущіе при городской замостьской церкви, такъ какъ содержатся одной только милостынею, должны въ теченіи полугода отъ нынѣшняго акта или позаботиться о надлежащемъ фундушѣ на восемь монаховъ и о томъ, чтобы была монастырская ограда, или же отступиться отъ этой церкви, которою владѣютъ безъ всякаго права“ [1]). Обезпеченными же монастырями, по базиліанскимъ постановленіямъ, считались тѣ монастыри, коихъ фундушъ ежегодно могъ доставлять имъ по 500 или, по крайней мѣрѣ, по 400 злотыхъ польскихъ на человѣка [2]). Слѣдовательно фундушъ, необходимый для содержанія полнаго самостоятельнаго монастыря, долженъ быть такой, который бы ежегодно давалъ монастырю процентовъ не менѣе 3200 злотыхъ. Въ то время большею частію получалось съ капитала по 7%; слѣдов., капиталъ, необходимый для содержанія самостоятельнаго монастыря, долженъ быть не менѣе 50,000 злотыхъ польскихъ.

Очевидно, замостьскіе базиліане, жившіе доселѣ одною почти милостынею, не могли въ теченіе полугода образовать фундушъ въ 60000 злотыхъ и должны были уступить никольскую церковь свѣтскому клиру или мѣстному епископу; но въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ они постарались освободиться изъ-подъ опеки нерасположеннаго къ нимъ никольскаго братства, или по крайней мѣрѣ подорвать его значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ позаботились о пріобрѣтеніи капитала, который бы обезпечивалъ ихъ существованіе на будущее время.

Для противодѣйствія никольскому братству, въ которомъ жили еще прежнія православныя традиціи, базиліане основали при той же никольской церкви новое братство св. Онуфрія и на утвержде-

---

[1]) Визита никольской замостьской церкви 16 ноября 1752 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) См. Труды кіевской дух. академіи, май, 1871 г., стр. 308.

ніе его испросили папскую буллу, отъ 5 мая 1753 г. Святѣйшій отецъ, желая поддержать новоучрежденное братство, цѣль котораго была ему понятна, не поскупился на одну лишнюю индульгенцію, какъ самое заманчивое средство для привлеченія въ братство возможно большаго числа членовъ. „Получили мы, говоритъ онъ въ указанной буллѣ, извѣстіе, что при церкви монаховъ чина св. Василія Великаго, города Замостья, холмской епархіи, находится канонически основанное или имѣющее основаться одно благочестивое и набожное братство обоего пола вѣрующихъ во Христа, подъ названіемъ св. Онуфрія (но не для людей одного спеціальнаго ремесла), коего братчики и сестрицы обыкновенно совершаютъ или имѣютъ въ виду многія дѣла благочестія и любви: потому, дабы братство получило съ теченіемъ времени большій успѣхъ, по милосердію всемогущаго Бога и власти св. его апостоловъ Петра и Павла, даемъ милосердно о Господѣ полную индульгенцію и отпущеніе всѣхъ грѣховъ всѣмъ обоего пола во Христа вѣрующимъ, которые вступая въ братство впослѣдствіи,—въ первый день ихъ поступленія, если истинно покаявшись и исповѣдавшись, примутъ святѣйшее таинство евхаристіи; также полную—какъ записавшимся, такъ и на будущее время имѣющимъ записаться въ помянутое братство братьямъ и сестрамъ, въ случаѣ смерти кого либо изъ нихъ, если также, истинно покаявшись и исповѣдавшись, пріобщатся, или, если этого не могутъ сдѣлать, то по крайней мѣрѣ съ сокрушеніемъ произнесутъ устами имя Іисусово, или сердцемъ благочестиво призовутъ; равно также полную—и тѣмъ нынѣшнимъ и будущимъ братьямъ и сестрамъ помянутаго братства, тоже истинно покаявшимся, исповѣдавшимся и пріобщившимся, которые каждый годъ будутъ набожно посѣщать церковь братства, или капеллу, илиораторію въ главный праздничный день помянутаго братства, разъ навсегда избранный означенными братьями и утвержденный епископомъ, отъ наступленія вечера до захода солнца этого дня, и тамъ возносить усердныя молитвы къ Богу о мирѣ всѣхъ христіанъ, искорененіи ересей и возвышеніи св. матери церкви. Сверхъ сего (даемъ)—семь лѣтъ и столько же четыредесятницъ помянутымъ братьямъ и сестрамъ, тоже истинно кающимся, исповѣдавшимся и пріобщившимся, которые будутъ посѣщать церковь, или капеллу, илиораторію въ другіе четыре годо-

вые праздники, или въ непраздничные, или въ воскресные дни, разъ навсегда избранные помянутыми братчиками и утвержденные тѣмъ же епископомъ, какъ о томъ сказано выше, и будутъ тамъ молиться, на тотъ день, въ который они исполнятъ все это. Если же они будутъ присутствовать на литургіяхъ и другихъ богослуженіяхъ, поемыхъ и читаемыхъ въ церкви, или капеллѣ, или ораторіи, или на публичныхъ и частныхъ собраніяхъ сего братства, дѣлаемыхъ гдѣ либо, или будутъ принимать бѣдныхъ, или водворять миръ между врагами, или будутъ содѣйствовать примиренію или постараются о немъ, или кто приметъ участіе въ погребеніи тѣлъ какъ умершихъ братьевъ и сестеръ, такъ и другихъ, или будутъ сопровождать какія либо процессіи, совершаемыя съ разрѣшенія епископа, и святое таинство евхаристіи въ процессіяхъ къ больнымъ, и другія, совершаемыя гдѣ либо и какимъ либо образомъ, или, въ случаѣ невозможности, произнесутъ однажды, услышавъ звукъ колокольчика, молитву Господню и ангельское привѣтствіе за души усопшихъ братій и сестеръ, или кого либо совратившагося наставятъ на путь спасенія и научатъ невѣдущихъ заповѣдямъ Божіимъ и тому, что̀ относится ко спасенію, или совершатъ какое либо другое дѣло благочестія и любви; то за исполненіе каждаго изъ перечисленныхъ дѣлъ снимаемъ шестьдесятъ дней изъ наложенныхъ на нихъ или иначе какимъ либо образомъ обязательныхъ эпитемій въ принятой церковію формѣ. Но мы желаемъ, чтобы, въ случаѣ дарованія помянутымъ братьямъ и сестрамъ, исполняющимъ вышесказанное, другихъ индульгенцій постоянныхъ, или простирающихся на время еще не прошедшее,—тепперешнія не имѣли силы, и чтобы въ томъ случаѣ, если помянутое братство присоединено уже къ какому либо архибратству, или присоединится впослѣдствіи, или сольется по какой либо другой причинѣ, или какъ либо иначе устроится, прежнія и всякія другія буллы апостольскія нисколько не имѣли для нихъ силы и оттолѣ, по этому самому, также считались уничтоженными“ [1]). Замѣчательно въ этой буллѣ стремленіе отмежевать надѣленное всякими индульгенціями онуфріевское братство отъ какого-то другаго архибратства, вѣроятно никольскаго, и если не уничтожить послѣднее,

[1]) Булла эта—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

то, по крайней мѣрѣ, ослабить его привлеченіемъ его членовъ къ новому братству. Изъ послѣдующихъ документовъ мы видимъ, что хотя никольское братство и продолжало существовать послѣ этого времени, но уже не заявляло никакой почти дѣятельности.

Послѣ ослабленія такимъ способомъ никольскаго братства, важнѣйшею заботою замостьскихъ базиліанъ было пріобрѣтеніе фундуша, который обезпечивалъ бы существованіе и будущность ихъ монастыря. Приманкою поминовеній и папскихъ индульгенцій они привлекли къ себѣ многихъ жертвователей въ пользу своего монастыря, которые обыкновенно обезпечивали монастырю на своихъ имѣніяхъ значительные капиталы, съ ежегодною уплатою съ нихъ по монастырю отъ 5 до 7%, или же дарили самыя недвижимыя имущества. Кромѣ того, сами замостьскіе базиліане пріобрѣтали путемъ покупки въ пользу монастыря различные земельные участки и дома и въ разное время получали въ управленіе приходскіе костелы и уніатскія церкви, обращая ихъ недвижимыя имущества и доходы въ пользу своего монастыря. Такимъ образомъ, кромѣ 400 злотыхъ, назначенныхъ Анной Замойской на содержаніе никольской церкви и при ней священника, во второй половинѣ XVIII вѣка сдѣланы слѣдующія болѣе крупныя пожертвованія и записи на замостьскій монастырь. Въ 1754 году Янъ Якубъ Замойскій и другіе опекуны Замойской ординаціи отдали замостьскому монастырю, за взятыя будто бы ими изъ кассы польской базиліанской провинціи деньги, два фольварка—Вендреіовскій и Крышковскій. Въ 1758 году вдова Іоанна Гассова записала замостьскому монастырю на всѣхъ своихъ имѣніяхъ сумму въ 1280 злотыхъ. Въ 1761 году кіевскій ловчій Стефанъ Терлецкій записалъ замостьскому монастырю 7000 злотыхъ на имѣніи своемъ Снятичахъ. Въ 1762 году Янъ Якубъ Замойскій записалъ на имѣніи своемъ Лабункахъ 30,000 злотыхъ на учрежденіе миссіи въ замостьскомъ монастырѣ [1]). Собранныхъ такимъ образомъ въ короткое время капитальныхъ суммъ набиралось до 80,000 злотыхъ польскихъ [2]); съ нихъ проценту мо-

---

[1]) Всѣ записи на эти суммы находятся въ бумагахъ замостьскаго монастыря, подъ означенными годами.

[2]) См. прошеніе замостьскаго игумена Аркадія Зеневича графу Замойскому, 11 августа 1802 года.

настырь долженъ былъ получать въ годъ свыше 5,000 злотыхъ. Но въ это число не включены капиталы, единовременно пожертвованные монастырю наличными деньгами. Кромѣ того, замостьскій монастырь получилъ въ 1758 году въ свое завѣдываніе предгородную замостьскую церковь со всѣмъ ея имуществомъ, которое, по упраздненіи этой церкви въ концѣ XVIII вѣка, сдѣлалось собственностію замостьскихъ базиліанъ; а около 1779 года онъ получилъ въ свое управленіе и лабунскую церковь съ принадлежностями ея. Много также пріобрѣтено было замостьскимъ монастыремъ поземельныхъ участковъ и домовъ въ самомъ городѣ Замостьѣ и его предмѣстьяхъ и окрестностяхъ [1]).

Такими путями замостьскій базиліанскій монастырь въ непродолжительномъ времени сдѣлался изъ бѣднаго монастыря зажиточнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельнымъ, и получилъ извѣстное значеніе въ ряду другихъ базиліанскихъ монастырей. Въ 1763 году онъ былъ уже гласнымъ монастыремъ и имѣлъ своего представителя на провинціальной бѣлостоцкой капитулѣ, бывшей въ этомъ году [2]). Кромѣ игумена, монастырь содержалъ не менѣе семи монаховъ и въ числѣ ихъ двухъ миссіонеровъ, которые должны были проповѣдывать и совершать извѣстныя миссіонерскія процессіи для совращенія православныхъ въ унію и утвержденія ихъ въ уніатскомъ исповѣданіи [3]). Кромѣ того, замостьскій монастырь во второй половинѣ XVIII вѣка содержалъ у себя орденскія базиліанскія студіи или школы, обыкновенно состоявшія у базиліанъ изъ отдѣльныхъ классовъ орденской семинаріи, реторическаго, философскаго, богословскаго и проч., разбросанныхъ по разнымъ монастырямъ и переводимыхъ изъ одного въ другой. До 1763 года помѣщалась въ замостьскомъ монастырѣ, вѣроятно въ теченіи четырехъ лѣтъ, богословская школа, переведенная въ этомъ году въ свято-георгіевскій львовскій монастырь, гдѣ она была и прежде, а въ 1772 году мы видимъ въ замостьскомъ монастырѣ философскую базиліанскую шко-

---

[1]) Свѣденія объ нихъ въ бумагахъ монастыря.

[2]) Труды кіев. дух. академіи, январь, 1872 г., стр. 26.

[3]) Опись владѣній и доходовъ монастыря, 1781 г., въ бумагахъ монастыря замостьскаго.

лу [1]), которая въ 1781 году состояла изъ одного профессора и семи учениковъ [2]).

Но въ то самое время, когда замостьскій базиліанскій монастырь достигъ значительной степени своего благосостоянія, наступили раздѣлы Польши между тремя сосѣдними державами, имѣвшіе роковое значеніе и для всего базиліанскаго ордена, и въ частности для этого монастыря.

IV.

„Первый раздѣлъ нѣкоторыхъ частей Польши,—говоритъ базиліанинъ Лука Сульжинскій,—сдѣланъ тремя сосѣдними монархами и утвержденъ трактатомъ между Польшею и этими монархами въ 1772 году. Россія получила всю Бѣлоруссію, Австрія или цезарь римскій -страны, называемыя теперь Лодоміріей и Галиціей, король прусскій—древніе Прусы. Въ захваченномъ Пруссіей краѣ не было никакихъ базиліанскихъ монастырей, въ Лодоміріи-же и Галиціи, равно и въ Бѣлоруссіи, много находилось этихъ монастырей, и всѣ они хорошо были устроены. Управленіе этими монастырями, вошедшими въ раздѣлъ, хотя уже находившимися за границей, долго еще послѣ того принадлежало прежнему ихъ начальству, находившемуся въ Польшѣ: провинціалъ литовскій завѣдывалъ монастырями бѣлорусскими, а коронный — лодомірскими и галиційскими, подъ верховнымъ надзоромъ протоархимандрита или генерала ордена всей нашей конгрегаціи... Въ 1780 году послѣдовала генеральная капитула въ Тороканѣ, подъ предсѣдательствомъ (перешедшаго въ предѣлы Польши) митрополита Смогоржевскаго. Она продолжалась болѣе двухъ мѣсяцевъ. На ней присутствовали и всѣ заграничные настоятели, имѣющіе голосъ. На этой капитулѣ утвержденъ былъ давно составленный, а теперь исправленный кодексъ постановленій ордена св. Василія Великаго. На этой-же капитулѣ изъ двухъ провинцій, литовской и коронной, образованы четыре провинціи, а именно: коронная провинція раздѣлена была на двѣ, одну подъ тѣмъ-же названіемъ, а другую—галиційскую и лодомірскую; равнымъ образомъ и литовская—на литовскую собственно и бѣлорус-

---

[1]) Труды кіев. дух. академіи, іюль, 1871 г., стр. 151.

[2]) Опись владѣній и доходовъ замостьскаго монастыря, 1781 года.

скую. Для каждой отдѣльно выбраны были особые провинціалы съ усвоеннымъ имъ штатомъ должностныхъ лицъ; генераломъ-же или протоархимандритомъ избранъ Іосифъ Моргулецъ, бывшій впослѣдствіи архимандритомъ мѣлецкимъ... Въ 1788 году вновь послѣдовала генеральная капитула въ Жидичинѣ, которую созвалъ викарный генералъ Іероѳей Корчинскій, немедленно по смерти Іосифа Моргульца получившій изъ столицы апостольской званіе протоархимандрита... На той капитулѣ не было уже ни одного настоятеля изъ заграничныхъ провинцій, т. е. галиційской и бѣлорусской, ни должностныхъ лицъ этихъ провинцій, хотя къ нимъ и посланы были пригласительныя письма; они прислали только отъ себя извиненія, что мѣстное правительство запретило имъ быть на этомъ съѣздѣ. Такъ какъ за нѣсколько лѣтъ до этой генеральной капитулы вышепомянутыя двѣ недавно образованныя заграничныя провинціи отложились отъ протоархимандричьей власти и подчинились власти своихъ епархіальныхъ епископовъ (что̀ произошло, не знаю какъ сказать, по одной-ли волѣ мѣстныхъ правительствъ, или также и по интригамъ тамошнихъ нашихъ монаховъ, что̀ вѣроятнѣе); то передъ этой капитулой конгрегація наша состояла только изъ двухъ провинцій, находившихся въ остальномъ краю польскомъ. Что дѣлалось въ тѣхъ двухъ отложившихся, недавно образованныхъ провинціяхъ, послѣ ихъ отдѣленія, извѣстно всякому. Въ Галиціи и Лодоміріи важнѣйшіе монастыри взяты въ казну и оставлены только самые убогіе. Архимандрія уніевская уничтожена, свято-юрская церковь въ Львовѣ, со всей своей монастырской землей, кромѣ одной каменной линіи, и съ принадлежащимъ ей огородомъ, отдана въ Вѣнѣ Шептицкому, сначала епископу львовскому, потомъ митрополиту, всегда дѣйствовавшему противъ базиліанъ. Какія-же притѣсненія были для нашихъ монаховъ и обряда нашего въ Бѣлоруссіи, уже подъ властію новоназначеннаго отъ имперіи архіепископа полоцкаго Лисовскаго, это можно видѣть изъ энциклики его къ духовенству", въ которой,—замѣтимъ мы отъ себя,—ничего больше нѣтъ, кромѣ указанія на искаженіе унитами древняго греческаго обряда и приглашенія возвратиться къ нему и руководствоваться, по крайней мѣрѣ, евхологіономъ папы Бенедикта XIV. Вслѣдствіе подобныхъ стѣсненій, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, уніаты переходили изъ предѣловъ Россіи въ Галицію, а изъ Галиціи въ Польшу.

Тотъ-же Сульжинскій передаетъ, что „нѣкоторые изъ ксендзовъ уходили за границу, въ Галицію", а въ одномъ декретѣ вѣнскаго двора, отъ 21-го марта 1785 года, мы встрѣчаемъ извѣстіе, что „нѣкоторыя духовныя (унитскія) лица изъ этихъ панствъ (т. е. Галиціи) тайнымъ образомъ уходятъ за границу" [1]). Но послѣ третьяго раздѣла Польши въ 1795 году разорено было и послѣднее гнѣздо орденскаго базиліанскаго самоуправленія, дотолѣ остававшееся въ Польшѣ: должность протоархимандрита или генерала ордена была уничтожена, и распавшіяся части базиліанскаго ордена уже не имѣли никакого видимаго объединительнаго центра и испытывали различную судьбу въ разныхъ государствахъ, которымъ онѣ достались.

Послѣ перваго раздѣла Польши, въ 1772 году, замостьскій монастырь достался, вмѣстѣ съ Галиціей и Лодоміріей, австрійской имперіи.

Въ первые годы австрійскаго владычества замостьскій базиліанскій монастырь не чувствовалъ особыхъ стѣсненій для себя и даже задумалъ было воспользоваться смутными обстоятельствами перваго раздѣла Польши для своего обогащенія. Въ 1775 году повѣтовое правленіе белзскаго округа, въ силу императорскаго декрета отъ 1 августа того-же года, требовало отъ монашескихъ начальниковъ, чтобы они немедленно, по полученіи сего предписанія, представили помянутому правленію точную и вѣрную вѣдомость, въ которой-бы ясно было обозначено куда, кому и на какой конецъ раздѣлены, уплачены или отданы имущества бывшихъ прежде, теперь-же уничтоженныхъ провинціальныхъ кассъ? При этомъ велѣно предостеречь ихъ, чтобы никто не осмѣливался скрыть или утаить какія-либо деньги или имущества, принадлежавшія помянутой кассѣ предъ уничтоженіемъ или раздѣломъ ея, въ той увѣренности, что высшее правительство строго накажетъ таковыхъ преступниковъ и найдетъ вѣрные способы къ открытію такихъ утаенныхъ денегъ или имуществъ" [2]). Уже изъ этого предписанія можно

---

[1]) Краткія извѣстія о положеніи базиліанскаго ордена и разныхъ перемѣнахъ въ его управленіи, съ 1772 года, Л. Сульжинскаго — въ почаевскомъ архивѣ, № 94. Въ русскомъ переводѣ, съ примѣчаніями, въ Трудахъ кіев. дух. академіи, 1868 г., за іюль, октябрь и ноябрь.

[2]) Предписаніе это — въ архивѣ замостьскаго монастыря.

заключить, что бывшая касса базиліанской провинціи была утаена или раздѣлена между наличными монастырями. На основаніи же другихъ документовъ мы можемъ предполагать, что значительный кушъ изъ этой кассы достался и замостьскому монастырю. Въ 1778 году этотъ монастырь получилъ отъ холмскаго каштеляна Венглинскаго какую-то сумму въ 40,000 злотыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ принадлежавшую провинціальной кассѣ, и положилъ ее въ кассу графа Замойскаго, который 6 октября 1778 года далъ замостьскому монастырю собственноручную росписку въ томъ, что онъ взялъ въ долгъ у монастыря эту сумму на годъ за проценты, обезпечивши ее на своихъ имѣніяхъ и особенно на ключѣ гродецкомъ, въ подольскомъ воеводствѣ. Въ 1781 году, съ разрѣшенія своего начальства, замостьскій монастырь взялъ изъ этой суммы, на покрытіе своихъ долговъ, 6500 злотыхъ, изъ нихъ израсходовалъ 3500 злотыхъ, а остальныя 3000 зл. отдалъ секретно въ долгъ нѣкоему Войцеху Кочовскому, назначивъ ихъ на уплату долговъ своихъ вицинскому и чернелавскому (иначе Лѣсокъ) монастырямъ. Эти секретныя денежныя операціи объясняются въ одной запискѣ замостьскаго настоятеля тѣмъ, что онѣ совершались „во время извѣстныхъ каждому замѣшательствъ, опасеній и отчаянія всего духовенства, при внезапномъ упраздненіи монахинь францисканокъ въ Замостьѣ и другихъ монахинь по другимъ мѣстамъ, а также во время опасности, угрожавшей и мужскимъ монастырямъ“. Съ остальныхъ 33,500 злотыхъ получались въ пользу замостьскаго монастыря проценты до 1786 года [1]).

Въ послѣдствіи времени не только эти суммы не были удержаны монастыремъ, но утрачены были и другія суммы, несомнѣнно принадлежавшія монастырю, а съ остальныхъ оставшихся за монастыремъ имѣній и суммъ взималась пошлина на содержаніе австрійскихъ войскъ и въ кассу религіи. Сумма 33,500 злотыхъ „конституціей польской 1786 года взята на Рѣчь Посполитую“. Проценты съ нѣкоторыхъ другихъ суммъ, положенныхъ на имѣніяхъ жертвователей, перестали получаться потому, что эти имѣнія и владѣльцы

---

[1]) Informacya wiadomych i niewiadomych klasztorowi zamoyskiemu interesow, 1783 г., и документы замойскаго монастыря о суммѣ 33500 зл. въ дѣлѣ 1811 года, въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

ихъ оказались теперь въ предѣлахъ другихъ государствъ. Около 1788 года монастырь сталъ платить подати въ фондъ религійный и въ кассу войсковую [1]). Во время втораго и третьяго раздѣловъ Польши средства монастырей еще болѣе уменьшились, такъ какъ благотворители монастыря, въ виду секвестрованія духовныхъ имѣній правительствомъ, брали эти имѣнія обратно себѣ. Такимъ образомъ взята была у замостьскаго монастыря графомъ Замойскимъ часть поля въ ланахъ яновецкихъ [2]). Перестали получаться и проценты съ 30,000 злотыхъ, пожертвованныхъ Яномъ-Якубомъ Замойскимъ на учрежденіе миссіи, вѣроятно по ненадобности уже самой миссіи за повсюднымъ упраздненіемъ православія. Въ 1804 году всѣхъ капитальныхъ суммъ и долговъ за частными лицами было у монастыря 12,107 злотыхъ, 24 гроша. Съ этой суммы ежегодно получалось доходу 683 злотыхъ 45 грошей, изъ коихъ платилось податей 12 злотыхъ и 28 грошей. Остальныя деньги шли на содержаніе четырехъ монаховъ и трехъ клириковъ, студентовъ философіи [3]).

Не менѣе чувствительно было для базиліанъ и ограниченіе ихъ орденской автономіи. Поводомъ къ тому была чуть-ли не базиліанская генеральная конгрегація, бывшая въ 1780 году въ Торуканѣ, на которой, въ числѣ прочихъ, присутствовали и галиційскіе базиліане. Австрійскому, да и русскому правительствамъ не было интереса поддерживать существованіе тѣсно сплоченнаго базиліанскаго ордена, имѣвшаго корни свои въ чужомъ государствѣ. На жировицкой генеральной капитулѣ 1780 года былъ и замостьскій настоятель Филаретъ Мочарскій; но онъ почему-то не нашелъ возможнымъ возвратиться въ свой монастырь и остался оффиціаломъ у Владиміръ-Волынскаго уніатскаго епископа [4]). Послѣ сего замостьскій монастырь подчиненъ былъ непосредственно власти мѣстнаго холмскаго епископа, который въ послѣдствіи времени раздѣ-

---

[1]) O stanie klasztoru bazylian zamoyskich, 1791 г.,—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Просьба игумена Аркадія Зеневича Замойскому, 1802 г., тамъ-же.

[3]) Доношеніе игумена Зеневича начальству, 18 февр. 1804 г., тамъ-же.

[4]) Informacya wiadomych i niewiadomych klasztorowi Zamoyskiemu interesow. Ф. Мочарскаго, 1783 г., тамъ-же.

лялъ эту власть съ провинціаломъ галиційской базиліанской провинціи.

Прибывъ въ мартѣ 1783 года на ревизію замостьскаго монастыря, холмскій уніатскій епископъ Максимиліанъ Рылло нашелъ въ немъ много нестроеній и безпорядковъ. Это былъ человѣкъ строгихъ правилъ и крутаго нрава, во всякомъ случаѣ администраторъ замѣчательный,—въ родѣ Якова Суши, и также горячо, какъ онъ, преданный дѣлу уніи. Онъ подавилъ послѣдніе остатки православія въ Холмщинѣ. По сохранившемуся на мѣстѣ преданію, онъ вызывалъ въ Холмъ тѣхъ изъ уніатскихъ священниковъ, которые продолжали еще носить бороды и рясы, самолично обрѣзывалъ имъ волосы и приказывалъ перемѣнить костюмъ, а непокорныхъ подвергалъ строгимъ наказаніямъ. Его поразила крайняя распущенность монаховъ, полное разстройство хозяйственныхъ дѣлъ монастыря, своеволіе братіи, которая сама себя рядила, и онъ, не выѣзжая изъ монастыря, рѣшился ввести въ немъ строгій порядокъ, который самъ такъ любилъ. Подвергши все на мѣстѣ тщательному изслѣдованію, Максимиліанъ Рылло для поправки монастыря издалъ особый декретъ въ 11-ти пунктахъ, главнѣйшіе изъ которыхъ тутъ-же приведены въ исполненіе. Этотъ декретъ [1]) открываетъ намъ недуги, какими страдала тогда замостьская обитель и находившаяся при ней философская школа, ученики которой входили въ составъ братіи, равно и тѣ мѣры, какими энергическій епископъ принялся врачевать ихъ. Въ числѣ этихъ мѣръ *дисциплина,* проще сказать плеть, играла не послѣднюю роль. Вотъ что происходило тогда въ замостьскомъ монастырѣ и его философской школѣ.

Бывшій предъ тѣмъ настоятель Филаретъ Мочарскій бѣжалъ въ Владиміръ-Волынскій, быть можетъ, отъ своеволія братіи, съ которою справиться не могъ. Управленіе его монастыремъ епископъ-ревизоръ призналъ „не осмотрительнымъ": монастырь, говоритъ онъ, оказался въ жалкомъ положеніи и до того разстроеннымъ, что не только не могъ выдавать братіи на одежду, но и покрыть стороннія долги. Монастырь около двухъ лѣтъ оставался безъ насто-

---

[1]) Подлинникъ—въ бумагахъ замостьскаго монастыря 1783 г., подъ заглавіемъ: «Decretum reformationis disciplinae monasticae.

зятеля, а это естественно вело братію къ полной распущенности, своеволію и растратѣ монастырскаго имущества и доходовъ. Вѣдомость о монастырскихъ дѣлахъ, составленную по требованію верховнаго имперскаго управленія, самъ епископъ признаетъ сомнительною; столь-же трудно было ему добраться до истины въ монастырскихъ инвентаряхъ и доходахъ. Въ церкви, въ богослуженіи царствовалъ полный безпорядокъ: монахи опаздывали на службу церковную и заставляли прихожанъ ждать; многіе не хотѣли участвовать въ хорѣ, приходили, когда кому вздумается, пѣли не соотвѣтственно порядку литургіи, иные читали молитвы про себя, когда другіе пѣли, пѣли вообще не стройно, службу Божію совершали поспѣшно, многое опускали, нарушая единообразіе службы церковной, производя безпорядокъ и соблазнъ, выставляя предъ набожными прихожанами свое лишь нерадѣніе. Въ частной жизни своей монахи предавались пьянству, заводили между собою ссоры и кляузы, шатались днемъ и по ночамъ внѣ монастыря, заводили компанію съ мірянами вообще и въ частности съ женщинами. Братья школьники не отставали отъ братіи монастырской даже по части волокитства и двое изъ нихъ—Маріанъ и Георгій уличены были въ этомъ послѣднемъ не задолго до пріѣзда епископа въ масляничное воскресенье. Занятія философіею, къ которымъ братья школьники, какъ выражается епископъ, назначены *въ силу послушанія,* были ими заброшены, и они отвиливали отъ нихъ „чисто по своему лукавству". Строгіе профессора исключили многихъ изъ нихъ, если не всѣхъ, что епископъ осудилъ предъ всею общиной и на будущее время воспретилъ,—вѣроятно для того, чтобы не лишиться вовсе учениковъ; но школьники, какъ говоритъ онъ, обнаружили еще большее бездѣльничество: они осмѣлились бранить одного изъ учителей словами жестокими, свойственными однимъ разбойникамъ и бандитамъ, а почтенный братъ Георгій Коссарабовичъ до того дошелъ въ своей дерзости, что не только преслѣдовалъ своего профессора самыми непотребными словами, но однажды, въ пьяномъ видѣ, грозилъ убить его. Тѣ же братья школьники, подъ видомъ заботливости о своей общинѣ, а скорѣе для того, чтобы отдѣлаться отъ непрошенныхъ менторовъ, послали въ бециркъ доносъ на отцевъ Варлаама Калиновича и Юліана Паржинскаго, будто они замышляли бѣжать за границу (т. е. въ Россію), что

однако не подтвердилось никакимъ доказательствомъ. „Почтенный братъ прокураторъ“ продолжалъ пьянствовать при бытности самаго епископа, а на увѣщанія отвѣчалъ дерзостями.

Максимиліанъ Рылло, которому на этотъ разъ въ дѣлѣ возстановленія дисциплины и жизни монашеской предоставлена была неограниченная власть, поступилъ не только со строгостію, но вмѣстѣ съ крайнею осторожностію, дабы не разогнать своевольныхъ монаховъ или школьниковъ, но, удержавъ ихъ на мѣстѣ, постепенно прибрать къ рукамъ. Онъ началъ съ того, что назначилъ безголовому монастырю настоятеля въ лицѣ викарія Варлаама Калиновича, человѣка, какъ говорится въ декретѣ, доброй нравственности, извѣстнаго и довольно заслуженнаго въ базиліанскомъ орденѣ. Составивъ тутъ-же инвентари и вручивъ по нимъ новопоставленному все движимое и недвижимое имущество монастыря въ полное распоряженіе, безъ права однако отчуждать, продавать и дарить, и строго обязавъ его представленіемъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ самаго подробнаго отчета, епископъ предоставилъ ему полную власть надъ непокорными монахами и школьниками, обязавъ всѣхъ ихъ оказывать ему должное почтеніе, послушаніе и содѣйствіе. „Знайте, объявлялъ онъ въ декретѣ монахамъ, что я никому не дозволю вмѣшиваться въ управленіе монастыремъ, но всякъ изъ васъ обязанъ дѣлать только то, чего требуетъ отъ него долгъ, исполнять то, что прикажетъ настоятель; ему я вручаю управленіе всей общиной и строго его обязываю, въ случаѣ сопротивленія общины, немедленно доносить о томъ мнѣ, подъ угрозою не принятія его самаго ни къ какимъ должностямъ въ нашихъ епархіяхъ“. За безпорядки въ богослуженіи дѣлалось строгое внушеніе и всѣмъ вообще монашествующимъ предписывалось быть аккуратными и точными въ выполненіи росписанія времени и часовъ для богослуженія и не только исправно по нему поступать, но исполнять такъ, какъ прикажетъ настоятель, безъ всякаго возраженія и ропота. Въ случаѣ сопротивленія, епископъ уполномочивалъ настоятеля подвергать виновнаго безъ всякихъ объясненій запрещенію богослуженія. Еще строже отнесся епископъ къ уклоняющимся отъ участія въ хорѣ: виновный въ этомъ, послѣ двухъ замѣчаній, въ третій разъ подлежалъ оставленію безъ обѣда, а въ послѣдующій—*дисциплинѣ*, иначе говоря, его должны были разложить и сѣчь плетью до тѣхъ поръ, пока кто либо изъ

братіи не прочтетъ весь псаломъ: *Помилуй мя Боже;* при дальнѣйшемъ-же ослушаніи, объ немъ должно было доносить консисторіи. Виновные въ ссорахъ и распряхъ присуждались къ семидневному молчанію, а при повтореніи—суду консисторіи. Брата прокуратора за пьянство и продерзость самъ епископъ рѣшилъ подвергнуть *дисциплинѣ*, т. е. дать ему столько плетей, сколько ихъ влѣзетъ во все чтеніе псалма: *Помилуй мя Боже.* Прочіе виновные въ такихъ-же проступкахъ оставлены безъ наказанія въ надеждѣ на исправленіе ихъ, какъ болѣе просвѣщенныхъ. Для предупрежденія праздношатательства и компаній съ мірянами, особливо-же съ женщинами, а равно подозрѣнія въ побѣгѣ за границу, строжайше, подъ опасеніемъ заключенія въ карцеръ, воспрещалось выходить за ограду безъ дозволенія настоятеля, а этому послѣднему вмѣнялось въ обязанность не дозволять отлучаться за городъ двумъ монахамъ или двумъ школьникамъ (но, прибавимъ отъ себя, только тремъ или болѣе, какъ это принято и теперь въ католическихъ монастыряхъ и семинаріяхъ), а въ городѣ двумъ школьникамъ, и ни самому не отлучаться, равно и никому не дозволять отлучаться въ далекій путь безъ разрѣшенія епископа или его чиновника, что и изданными тогда распоряженіями гражданской власти воспрещалось. Съ школьниками епископъ поступилъ, какъ принято было тогда поступать со школьниками: братья Маріанъ и Георгій за наклонность къ волокитству лишены были въ теченіи трехъ дней лучшаго кушанья за обѣдомъ, прочіе, въ томъ-же виновные, должны были просить прощенія у братіи, цѣлуя имъ ноги. Всѣ вообще школьники (они помѣщались въ верхнемъ этажѣ небольшаго монастырскаго зданія) не смѣли, безъ дозволенія настоятеля сходить въ нижнія келліи, подъ опасеніемъ наказанія 50 поклонами. За грубое оскорбленіе профессора братъ Георгій дотолѣ долженъ былъ на колѣнахъ просить у него прощенія, доколѣ онъ самъ не назначитъ ему соотвѣтственнаго его винѣ взысканія, а прочіе виновные въ томъ-же должны были просить у него прощенія, только однажды ставъ предъ нимъ на колѣна въ присутствіи всѣхъ членовъ общины. Строгій епископъ, опредѣляя то или другое наказаніе, каждый разъ почти замѣчаетъ, что хотя виновные заслуживали-бы строжайшаго наказанія, но онъ дѣлаетъ снисхожденіе по своей отеческой любви; на самомъ дѣлѣ, какъ мы выше упомянули, онъ боялся крутыми мѣрами обезлюдить

общину и особливо школу философіи, которая, кажется, имѣла всего четырехъ лишь учениковъ и одного профессора, принадлежавшаго также къ числу братіи. Чтобы смирить непокорныхъ *философовъ,* сверхъ обычныхъ ихъ занятій въ школѣ и хорѣ, онъ назначалъ имъ другую работу: братъ Маріанъ долженъ былъ помогать ризничему, братъ Іеронимъ смотрѣть за столовою, а братья Августинъ и Георгій за библіотекою и корридоромъ, а всѣ вмѣстѣ—писать поученія, произнося ихъ прежде въ столовой, потомъ въ церкви, и тѣмъ облегчать трудъ проповѣдника и не давать ему повода уклоняться отъ участія въ хорѣ.

Какъ однако ни строги были правила, преподанныя холмскимъ епископомъ замостьскому монастырю для возстановленія въ немъ монашеской дисциплины, трудно было одною строгостію поднять значеніе монастыря, искусственно созданнаго и такъ скоро разшатавшаго свои нравственныя основы. И по началу нельзя было ничего лучшаго ждать отъ обители, созданной рукою польскаго патрона съ цѣлію подавленія православія и разширенія уніи, приближавшей къ латинству. Монастырь прежде всего самъ на себѣ оправдалъ цѣль своего назначенія. На удержаніе въ немъ какихъ либо остатковъ восточнаго обряда и русской народности, на удержаніе его самаго, хотя-бы въ обезличенномъ и искаженномъ видѣ, также трудно было надѣяться. Кругомъ его царилъ духъ иновѣрный и иноплеменный; католичество давно уже точило зубы на созданную имъ-же унію; новое государство, въ которое нежданно попалъ замостьскій монастырь, было въ порѣ секуляризаціи монастырей; въ высшихъ слояхъ даже польско-католическаго общества носились уже модныя идеи французскаго свободомыслія и индифферентизма въ дѣлахъ вѣры. Тѣмъ не менѣе замостьскому монастырю постановленіемъ новаго правительства разрѣшено было существованіе на дальнѣйшія времена. Отъ участи другихъ монастырей онъ спасенъ былъ состоящимъ въ его завѣдываніи приходомъ и содержимою монастыремъ базиліанскою орденскою студіей или школой. Въ 1802 году замостьскій настоятель Аркадій Зеневичъ, испрашивая у графа Замойскаго вспомоществованіе своему монастырю, писалъ между прочимъ слѣдующее: „Теперешнія перемѣны да не будутъ препятствіемъ ясновельможному пану и благодѣтелю оказать монастырю милостивое вниманіе и благотворительную любовь, ибо этотъ мона-

стырь нашъ находится въ подаваніи его милости вельможнаго пана (т. е. ему принадлежало право представленія кандидатовъ на монастырскія должности) и утвержденъ навсегда вѣнскимъ декретомъ, особенно по той причинѣ, что имѣетъ приходъ и для общественнаго блага воспитываетъ орденское юношество" [1]). Приходъ и орденская студія и составляли предметъ особенной заботливости замостьскаго базиліанскаго монастыря въ остальное время жизни его въ австрійскихъ предѣлахъ.

Что касается отношеній замостьскаго монастыря къ своему приходу, то въ нихъ видимъ мы, съ одной стороны, нѣкоторое, можетъ быть и невольное, уваженіе къ стародавнимъ обычаямъ прихожанъ, унаслѣдованнымъ еще отъ православія, а съ другой стороны—стремленіе базиліанъ постепенно сгладить особенности русской обрядности и богослуженія и сблизить его съ господствовавшимъ въ государствѣ католическимъ обрядомъ. Этими традиціями и стремленіями условливались нѣкоторыя особенности въ богослуженіи, церковномъ порядкѣ и требоисправленіи замостьскаго монастыря, которыя перечислены въ меморіалѣ замостьскаго настоятеля Иларіона Ломбовскаго, 1791 г. Меморіалъ открываетъ любопытныя черты въ уніатствѣ того времени, утратившіяся впослѣдствіи. Вотъ что отмѣчаетъ уніатскій монахъ изъ практики своей обители и принадлежащаго ей прихода: 1) Церковный день начинается звономъ къ заутрени, или хвалою Господу Богу, откуда сохранившееся доселѣ выраженіе: „тягать за хвостъ хвалу Господню", равнозначущее слову звонить. Звонъ къ заутрени въ семь часовъ утра. Чтеніе полунощницы совершается частнымъ образомъ, т. е. каждымъ про себя, въ виду случающихся приходскихъ требъ. Въ воскресенья и праздники въ девятомъ часу звонъ къ главной обѣднѣ, или *суммѣ*, потомъ, черезъ четверть часа—на проповѣдь, которая слѣдовала за евангеліемъ. По окончаніи утрени всегда бываютъ молебствія, даже въ будніе дни, если есть дьякъ (видно, безъ дьяка и молебна не могли отслужить оо. базиліане). 2) Въ воскресенья и праздники во второмъ часу звонъ на катихизисъ (изученіе молитвъ и запо-

---

[1]) Прошеніе настоятеля Аркадія Зеневича графу Замойскому, 11 августа 1802 г.,—въ архивѣ замостьскаго монастыря.

дей и ихъ объясненіе, чего у насъ, увы!—нѣтъ и не было никогда; послѣ катихизиса бываетъ для собравшихся людей вечерня. 3) Въ воскресенья и праздники ходилъ монахъ въ ратушу къ заключеннымъ съ поученіемъ: въ одну четверть или половину года отъ коллегіатскаго (католическаго) костела, а въ другую отъ монастыря. 4) Къ сестрамъ милосердія, по требованію больныхъ, ходилъ монахъ съ духовной помощью, равно и по солдатскимъ лазаретамъ. 5) На Вознесеніе ежегодно бываетъ въ предгородной церкви обѣдня съ проповѣдію, безплатно, кромѣ того числа литургій, сколько нужно для возобновленія св. даровъ (до такой степени монастырь нерадѣлъ о приходѣ, выживъ изъ него священника и такъ рѣдко тамъ обѣдни бывали). 6) Обязательства (т. е. поминовенія) мѣсячныя (разъ въ мѣсяцъ) всегда правятся, какъ въ таблицѣ, седмичныя же (разъ въ недѣлю) за Потоцкихъ больше году уже не правятся. Но когда, замѣчаетъ настоятель, возвращена будетъ съ процентами, по начатому иску, сумма данная монастырю и обезпеченная за границей на Гродкѣ (имѣніи Потоцкихъ), которая на основаніи польской конституціи 1787 года, задерживалась въ теченіи всего моего управленія, то нужно будетъ снова править седмичныя обязательства, съ прибавленіемъ, соотвѣтствующимъ накопившимся процентамъ (послѣднее въ особенности интересно: за проценты—процентъ). 7) Браки всегда должны вѣнчаться до полудня при совершеніи и принятіи брачущимися страшныхъ таинъ; нужно притомъ троекратное оглашеніе, равно полученіе свидѣтельства отъ коллегіатскаго костела, если жена—греко-католическаго обряда, и тутъ бракъ получаетъ полякъ. И не мѣшало бы, чтобы новобрачущіеся при свидѣтеляхъ заявляли, что они добровольно и не принужденно вступаютъ въ супружество. Не было здѣсь обычая того, ибо никто не ожидалъ ни малѣйшаго принужденія; во всякомъ случаѣ безъопаснѣе сообразоваться съ закономъ цесарскимъ, и съ установленною записью метрикъ о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ... 8) Ежегодно тутъ бываютъ братскія засѣданія: братства свято-никольскаго за недѣлю предъ св. Николаемъ въ маѣ, а братства покровскаго за недѣлю предъ св. Покровомъ; какъ первое, такъ и второе братства съ свои праздники нанимаютъ обѣдни (не упоминаются братства онуфріевское,—оно не шло въ счетъ, какъ свое, и братство вознесенское, переставшее, конечно, существовать съ

закрытіемъ прихода). 9) Есть тутъ дьякъ Петръ. За то, что въ церкви всегда продаетъ свои свѣчи, онъ обыкновенно съ другими мірянами обывателями каждый праздникъ и каждое воскресенье поетъ литургію безплатно, только за то, что дадутъ изъ чести. 10) Въ видахъ сбереженія монастырскаго освѣщенія на олтарѣ, въ будніе дни св. литургіи большею частію совершаются на олтаряхъ св. Покрова и св. Николая, потому что на тѣ олтари доставляютъ освѣщеніе братства (уніатско-іезуитская разсчетливость). 11) Передъ Рождествомъ Христовыхъ, Пасхою и св. Онуфріемъ раздаются порожнія лампы, которыя имѣютъ обычай наливать не только *наша Русь*—прихожане, но и поляки, а особенно рѣзники, и такимъ образомъ церковь не только не тратится на лампы, но и свѣчи дѣлаются на нужду монастырскую, лишь бы только стекла ставало на это. 12) Есть тутъ такой обычай (католическихъ монастырей), что люди изъ селъ приносятъ телятъ, барановъ, гусей, съ тою цѣлію, чтобы получить исполненіе своихъ желаній при помощи св. Николая и св. Онуфрія, и также часто требуютъ *артоса*, *іорданской воды* отъ лихорадки и *вѣнковъ*. Посему за помянутые приносы правились обѣдни: въ одинъ мѣсяцъ обѣдня предъ св. Николаемъ, а въ другой предъ св. Онуфріемъ, въ среду. А для удовлетворенія желанія здѣшнихъ и стороннихъ людей всегда святятся два артоса; и воды много святится, до двухъ кадей, кромѣ *іордани*; этой въ 1791 году не было изъ-за грязи, посему не достало и іорданской воды, освященной въ навечеріе Богоявленія, а такой воды монастырь, сохраняя ее цѣлый годъ, долженъ удѣлять по немногу просящимъ“ [1]).

Такъ не много въ уніатской обители осталось изъ того, что напоминало ея связь съ православіемъ. Весь дневной порядокъ богослуженія, всѣ эти, такъ сказать, сверхъ-должныя дѣла базиліанскихъ іереевъ, которыхъ мы не находимъ въ православномъ мірѣ и въ которыхъ они чередуются съ католическими ксендзами, языкъ, на которомъ они говорятъ и пишутъ, эти боковые олтарики, „мши читаныя и спѣваныя, раннія и суммы“, даже это множество лампъ, равно телятъ, барановъ и гусей—все указываетъ на совершавшееся

---

[1]) Grato successori memoriale o stanie klastoru bazylian zamoyskich, 1791 г.—въ архивѣ замостьскаго монастыря.

слитіе уніатства съ латинствомъ. Осталось лишь нѣсколько церковно-народныхъ обычаевъ и ихъ только не уничтожаютъ монахи базиліане, ибо отъ нихъ такой доходъ, какого не имѣли и ксендзы-католики. Остался историческій дьякъ вольной профессіи, не имѣющій уже школы, но продающій свои свѣчи въ церкви и носящій частныя службы за неумѣлыхъ базиліанъ. Въ дѣлѣ вѣры, ея исповѣданія нѣтъ уже никакого почти отличія отъ латинства, но осталось едва слабое сознаніе своей отличной народности,—*наша Русь*, случайно проговаривается игуменъ-базиліанинъ. Но скоро и этого не станетъ и къ тому направлено высокое покровительство учредителей уніатской обители Замойскихъ и работавшаго за его спиной мѣстнаго католическаго коллегіата.

Мы не знаемъ, по побужденію-ли его, или сами по себѣ базиліане притянули къ себѣ приходъ на предмѣстьѣ и въ с. Лабуньках, но оставивъ ихъ безъ священниковъ и служа тамъ разъ или нѣсколько разъ въ годъ, они тѣмъ самымъ открыли тамъ широкій просторъ для миссіонерскаго дѣйствія католическихъ ксензовъ. Такъ и до послѣднихъ дней шло всюду обращеніе уніатовъ въ латинство, такъ велось оно и здѣсь. И вотъ теперь, когда такъ далеко уже шагнула польско-католическая пропаганда, ей надо было сломить послѣднюю преграду для своихъ дѣйствій, а она могла еще быть въ этой отдѣльной философской школѣ при базиліанской обители, которая воспитывала и давала хотя не многихъ, но все таки самостоятельныхъ дѣятелей въ уніатствѣ. При оскудѣвшихъ средствахъ монастыря и незначительности числа учениковъ его школы, не трудно было расположить базиліановъ прекратить самостоятельное обученіе ихъ буйныхъ питомцевъ, предоставивъ имъ ходить на лекціи въ замостьскій лицей, преобразованный изъ замостьской академіи. По неимѣнію прямыхъ, положительныхъ данныхъ, мы не можемъ сказать, кому пришла первая объ этомъ мысль; но, судя по общему ходу дѣлъ замостьской обители отъ перваго ея возникновенія, по инициативѣ посторонней и для цѣлей католичества, нельзя не видѣть и въ этомъ дѣлѣ участія посторонней, весьма искусной руки. По крайней мѣрѣ не въ интересахъ базиліанъ было жертвовать такимъ учрежденіемъ, съ которымъ, какъ видѣли мы выше, связано было самое существованіе ихъ монастыря. Передавая своихъ питомцевъ, своихъ будущихъ дѣятелей въ науку католиче-

скихъ ксендзовъ, оо. базиліане, конечно, не сознавали уже, что наносятъ этимъ послѣдній ударъ своему отдѣльному существованію: надъ всѣмъ царила и тогда уже *swięta jedność* и они могли утѣшать себя тѣмъ, что избавляются отъ необходимости содержать своего особаго профессора, что ихъ орденскіе воспитанники, находясь подъ ихъ постояннымъ руководствомъ, будутъ лишь ходить на лекціи въ польско-католическій лицей. Какъ-бы ни было, братья школьники, введенные еще недавно декретомъ Максиміліана Рылла въ кругъ монастырской жизни и тѣсно съ нею связанные, теперь составляли изъ себя особую въ монастырѣ школьную общину, мало имѣвшую съ нимъ связей. Надо было регламентировать особо порядокъ занятій членовъ этой общины и ихъ отдѣльную жизнь въ монастырѣ. Это сдѣлано въ 1801 году базиліанскимъ провинціаломъ галицкой провинціи Дороѳеемъ Михальскимъ. Вотъ какія правила опредѣляли жизнь братьевъ школьниковъ и отношенія ихъ къ монастырю: 1) Ксендзъ закристіанъ наблюдаетъ, чтобы каждый день звонили на возстаніе отъ сна въ четвертомъ часу. 2) Братія школьники тотчасъ-же послѣ звонка встаютъ и, одѣвшись и поправивши постель, собираются въ одну келлію. 3) Собравшись въ одну келлію, братія совершаютъ установленныя молитвословія, т. е. полунощницу и утреню безъ канона даже до перваго часа, и притомъ такимъ образомъ, чтобы одинъ изъ нихъ читалъ вслухъ, а другіе слушали, стоя съ благоговѣніемъ и почтеніемъ. 4) По совершеніи такимъ образомъ утреннихъ молитвословій, немедленно идутъ въ церковь для слушанія св. литургіи, во время которой должны будутъ прочитать себѣ частнымъ образомъ часы, начавши отъ перваго часа до обѣдницы включительно. 5) По выслушаніи св. литургіи, возвращаются въ свои келліи и тамъ въ молчаніи готовятся къ школѣ изъ предметовъ, объясненныхъ профессорами на публичныхъ лекціяхъ, изъ коихъ имѣетъ быть произведено профессорами частное испытаніе въ школѣ. 6) По надлежащемъ приготовленіи себя къ школѣ, если останется время, читаютъ авторовъ, которые говорятъ о предметахъ, объясненныхъ профессорами на лекціяхъ. 7) Въ три четверти восьмаго всѣ вмѣстѣ выходятъ изъ монастыря на лекціи въ лицей, откуда послѣ 10 часовъ снова всѣ возвращаются въ монастырь, нигдѣ не замѣшкиваясь, такъ чтобы въ одиннадцатомъ всѣ находились въ монастырѣ. 8) По возвращеніи своемъ

въ монастырь съ лекцій, отдохнувши четверть часа, тотчасъ принимаются за чтеніе и припоминаніе себѣ предмета, объясненнаго профессорами на только-что бывшихъ лекціяхъ, совѣщаясь между собою о томъ, что было объяснено въ школѣ и какія были сдѣланы профессорами прибавки или замѣчанія во время лекцій. 9) Когда наступитъ время обѣда, тотчасъ послѣ звонка всѣ являются въ столовую и тамъ по старшинству вступленія своего въ орденъ садятся за столъ, во время котораго, подкрѣпляя тѣло пищею, мысль свою должны обращать на слушаніе чтенія, которое всегда должно быть предлагаемо во время стола. 10) Послѣ обѣда пользуются свойственнымъ монашескому состоянію отдыхомъ, т. е. могутъ себѣ пройтись по дѣдинцу или монастырской оградѣ въ дни ясные, въ дни же ненастные могутъ въ это время заняться, для развлеченія мыслей, бѣганіемъ въ своихъ келліяхъ, что однако должно происходить безъ всякаго крику, безъ непріятности другому и безъ обиды братской. 11) По истеченіи времени послѣобѣденнаго отдыха, прилежно готовятся къ школѣ до половины втораго часа, такъ чтобы въ три четверти уже готовы были къ выходу изъ монастыря въ лицей на публичныя лекціи, по окончаніи которыхъ должны всѣ находиться въ монастырѣ. 12) По возвращеніи своемъ въ монастырь съ публичныхъ лекцій, отдохнувъ немного, дѣлаютъ тоже самое, о чемъ сказано выше, въ восьмомъ пунктѣ, и такъ до вечерняго времени; а если бы осталось времени отъ помянутаго взаимнаго совѣщанія, то могутъ или писать сочиненія, или приготовляться изъ объясненныхъ предметовъ, или же читать авторовъ. 13) Во время ужина дѣлаютъ тоже самое, что и во время обѣда, какъ сказано въ девятомъ пунктѣ. 14) Равно также и послѣ ужина пользуются такимъ же отдыхомъ, какъ и послѣ обѣда, о чемъ сказано въ 10 пунктѣ. 15) Послѣ сего отдыха всѣ вмѣстѣ собираются въ одну келлію, гдѣ такимъ же порядкомъ вычитываютъ себѣ вечерню и повечеріе, какой предписанъ выше въ третьемъ пунктѣ для отправленія полунощницы и утрени. 16) По совершеніи положенныхъ вечернихъ молитвъ, или готовятся на завтрешній день къ школѣ, или занимаются чтеніемъ авторовъ, или же пишутъ сочиненія по преподаннымъ предметамъ. 17) Такія ихъ вечернія упражненія и занятія продолжаются не болѣе, какъ до девятаго, а много до половины десятаго часу, такъ чтобы къ десяти часамъ

всѣ уже были на своихъ постеляхъ. 18) Въ дни, свободные отъ публичныхъ уроковъ, какъ-то: въ воскресенья, праздники, вторники и четверги, если будетъ хорошая погода, всѣ вмѣстѣ послѣ обѣда отправляются въ поле на рекреацію, на которой должны быть не болѣе двухъ часовъ. 19) Изъ монастыря по своимъ частнымъ дѣламъ никогда не должны выходить безъ предварительнаго дозволенія настоятеля, а когда получатъ это дозволеніе, то могутъ идти не въ одиночку, но съ назначеннымъ себѣ товарищемъ, а вышедши такимъ образомъ, должны будутъ возвратиться въ монастырь въ назначенное время и лично явиться къ мѣстному настоятелю. 20) Для облегченія живущихъ въ семъ монастырѣ отцовъ, которые во время стола имѣютъ обыкновеніе читать въ трапезѣ, должны также и братья школьники совершать чтеніе въ той-же трапезѣ поочередно, одинъ за другимъ, по недѣлѣ; но это только во время ужина, ибо за обѣдомъ и впредь будутъ читать сами отцы. 21) Въ дни воскресные, также въ нарочитые праздники, свободные отъ публичныхъ уроковъ, должны быть въ церкви на всякомъ богослуженіи, т. е. на утрени, св. литургіи поемой, на проповѣди и вечерни. 22) Черезъ одно воскресенье въ другое, также въ нарочитые праздники Спасителя и пресв. Дѣвы, равно и въ дни святыхъ патроновъ нашего ордена, должны исповѣдываться и причащаться съ надлежащимъ приготовленіемъ и всякимъ благоговѣніемъ. 23) Опрятность въ келліяхъ и въ одѣяніи должны соблюдать такъ, чтобы никто не дѣлалъ имъ замѣчанія за это. 24) Гдѣ бы ни находились, въ церкви-ли, или въ школѣ на публичныхъ лекціяхъ, или въ столовой и въ келліяхъ своихъ, или-же наконецъ въ чужомъ домѣ среди міранъ,—должны тщательно избѣгать всего того, что вообще принято называть неблаговоспитанностію, простотой и невѣжествомъ, а тѣмъ болѣе того, что бы могло соблазнить міранъ. 25) Каждый братъ обязанъ ежегодно произнесть, въ церкви или въ трапезѣ, три проповѣди, написанныя или имъ самимъ, или другимъ, для пріученія себя къ проповѣданію Христова ученія, въ виноградникѣ котораго приготовляются трудиться. Дабы съ большимъ удобствомъ сдѣлать это, для сего они должны выбрать себѣ, во время вакаціи, время и предметъ и сообщить отцу проповѣднику, кто и когда будетъ проповѣдывать. 26) Каждое воскресенье и каждый четвергъ съ четырехъ часовъ по полудни обязаны имѣть репетиціи изъ тѣхъ предметовъ,

которые объяснены профессорами въ теченiи недѣли. Къ репетицiямъ должны приготовляться хорошо, по очереди, одинъ за другимъ, такъ что-бы въ теченiи цѣлаго часу могъ говорить и произносить на память въ присутствiи другихъ соучениковъ своихъ, которые, сидя спокойно, внимательно должны слушать и вникать, и если бы говорящiй ошибся въ чемъ нибудь, другiе должны указывать ему и поправлять".—Ближайшiй надзоръ за воспитанниками и точнымъ исполненiемъ приведенной инструкцiи поручался старшему изъ нихъ, который назывался братъ руководитель (ductor). Такимъ теперь назначался братъ Максимилiанъ Литынскiй; ему всѣ прочiе должны подчиняться: провинившимся онъ имѣлъ право дѣлать выговоръ, а о непослушныхъ обязанъ былъ доносить настоятелю монастыря. Въ свою очередь этому послѣднему вмѣнялось въ обязанность, послѣ каждаго экзамена наводить справки у профессоровъ объ успѣхахъ и поведенiи учениковъ и такiя свѣдѣнiя доставлять провинцiалу во Львовъ. Въ заключенiе инструкцiи провинцiалъ-начальникъ требовалъ, чтобы братья школьники (ихъ всего было шесть) помѣщались по два въ одной келiи и чтобы лекцiи репетировались сперва каждыми двумя, а потомъ всѣми вмѣстѣ—въ теченiе часу [1]).

Приведенныя правила опредѣляютъ лишь внѣшнюю, формальную сторону жизни воспитанниковъ монастырской философской школы, не касаясь ни предметовъ, ни характера ихъ занятiй; но частыя въ нихъ указанiя на репетицiи и коррепетицiи указываютъ отчасти на характеръ какъ самыхъ лекцiй, состоявшихъ въ перифразѣ учебниковъ или замѣнявшихъ ихъ древнихъ авторовъ, такъ и приготовленiй этихъ лекцiй, заключавшихся въ зазубриванiи учебниковъ и авторовъ, въ большей части латинскихъ. Съ другой стороны въ правилахъ нѣтъ и намека на отношенiя воспитанниковъ-унiатовъ къ новой для нихъ польской, притомъ свѣтской школѣ и то, какъ они должны себя держать въ иновѣрной и иноплеменной средѣ, чтобы не отдаляться отъ главнаго дѣла своего воспитанiя. Видно, подобные вопросы не безпокоили болѣе руководителей унiатскаго юношества, предназначавшагося къ духовному служенiю,

---

[1]) Rosporządzenie I. X. prowincyala michalskiego, 20 сентября, 1801 года—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

порѣшившихъ уже, что и въ уніатствѣ и въ латинствѣ одна вѣра, одинъ Богъ и одинъ найсвятѣйшій отецъ въ Римѣ. Въ правилахъ находимъ одно лишь характерное предостереженіе для воспитанниковъ монастырскихъ, попадающихъ теперь въ свѣтскую школу, именно чтобы въ ихъ поведеніи не допускалось ничего такого, что отзывалось-бы неблаговоспитанностію. Оо. базиліане опасались только, чтобы ихъ воспитанники не сконфузили себя предъ шляхетными учениками лицея; опасенія-же за окончательную утрату своей вѣроисповѣдной и національной особенности и на умъ имъ не всходили. Такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ продолжали жить монашествующіе замостьскаго монастыря и во всей перепискѣ онаго мы не встрѣтили ни одного указанія на какое-либо стремленіе ихъ къ обособленности отъ польско-католическаго міра: напротивъ, во всемъ видится быстрая ихъ съ нимъ ассимиляція, а поверхъ не труднаго механическаго исполненія обязанностей по совершенію богослуженія и требъ въ приходѣ, нескончаемыя мелочныя хлопоты о матеріальныхъ интересахъ и нуждахъ монастыря.

V.

Во время наполеоновскихъ войнъ нынѣшняя Холмщина испытывала различныя превратности. Разгромивъ Пруссію подъ Іеною, Наполеонъ, по тильзитскому трактату 1807 года, передалъ Россіи бѣлостокскую область, а изъ частей Польши, инкорпорированныхъ Пруссіею по двумъ послѣднимъ раздѣламъ, образовалъ маленькое герцогство варшавское, которымъ онъ надѣлилъ союзника своего, короля саксонскаго. Въ 1809 году герцогство сдѣлалось театромъ войны Франціи съ Австріей. Варшаву заняли австрійскія войска, между тѣмъ какъ польскія, подъ предводительствомъ князя Іосифа Понятовскаго, завоевали западную Галицію, Краковъ и Люблинъ, при чемъ сожженъ былъ и фольварокъ замостьскаго монастыря[1]). По вѣнскому конгрессу 1815 года и по особому трактату съ Австріей и Пруссіей, возвращена Пруссіи часть герцогства варшав-

[1]) О сожженіи фольварка см. «Konsygnacya szkody spalonego folwarku XX. Bazylianow zamoyskich na przedmesciu Hrubeszowskim w czasie dobywania fortecy die 19 maja 1809 roku—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

скаго, Австріи—часть Галиціи, а остальное герцогство варшавское досталось Россіи и преобразовано было въ конгрессовое Царство Польское съ двухъ-палатнымъ сеймомъ.

Что же касается базиліанскихъ монастырей герцогства варшавскаго и Царства Польскаго, то они, находясь подъ верховнымъ управленіемъ холмскаго уніатскаго епископа, составили въ 1810 г. въ Холмѣ провинціальную капитулу, почти одновременно съ почаевской капитулой волынскихъ базиліанъ, и образовали изъ себя особую базиліанскую провинцію, подъ титуломъ Рождества пресв. Дѣвы Маріи, управляемую своимъ визитаторомъ или провинціаломъ, который выбирался на провинціальныхъ капитулахъ на четыре года. Эта провинція состояла изъ слѣдующихъ базиліанскихъ монастырей: варшавскаго, холмскаго, люблинскаго, бѣльскаго и замостьскаго. Такимъ образомъ всего было только пять монастырей, изъ которыхъ нужно было выбирать провинціала или визитатора, одного протоконсультора, трехъ консульторовъ и одного секретаря, да нужны были и избиратели. Поэтому всѣ почти наличные базиліане провинціи Царства Польскаго привлекались къ участію въ провинціальныхъ капитулахъ и выборахъ на должности.

Капитулы, созываемыя провинціаломъ, открывались подъ предсѣдательствомъ холмскаго епископа, который, по избраніи новаго провинціала, уступалъ ему предсѣдательское мѣсто при дальнѣйшихъ занятіяхъ капитулы. Капитулы занимались выборами должностныхъ лицъ провинціи и устройствомъ внутреннихъ дѣлъ провинціи и отдѣльныхъ монастырей. Со времени образованія герцогства варшавскаго, намъ извѣстны слѣдующія капитулы, происходившія въ Холмѣ: 1810 года; 3 октября 1814 г.; 21 и 22 ноября 1818 г.; 1825 г.; 1829 г.; 21 сентября 1833 г.; $^{12}/_{21}$ сентября 1838 г. Провинціалами или визитаторами за это время были слѣдующія лица: Фелиціанъ Шумборскій 1814—1818 г.; Вицентій Сѣдлецкій 1818—1824 г.; Янъ Биллевичъ, викарій, по нареченіи Сѣдлецкаго холмскимъ суффраганомъ, 1824 — 1825 г.; Исидоръ Яміолковскій 1825—1834 г.; Василій Калиновичъ 1834—1838 г.; Янъ Биллевичъ 1838—1844 г.

Кромѣ выбора должностныхъ лицъ провинціи, на капитулахъ базиліане занимались дѣлами по внутреннему устройству провинціи въ духовно-нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Особенно

замѣчалась между монахами распущенность нравовъ, противъ которой издано нѣсколько постановленій на капитулахъ 1814 и 1818 годовъ и на консультѣ 1815 года. Этими постановленіями предоставлялось настоятелямъ право употреблять, по отношенію къ неисправимымъ монахамъ, тяжелыя и унизительныя наказанія, какъ снятіе монашеской одежды, облаченіе въ сукманъ (сермягу) и назначеніе на работу: услуженіе при кухнѣ, рубку дровъ и т. п., но каждый разъ съ разрѣшенія провинціала [1]). Мы не имѣемъ полныхъ постановленій этихъ капитулъ, но въ разновременныхъ распоряженіяхъ провинціаловъ находимъ характерныя указанія на то, какого рода мѣры употреблялись противъ неисправимыхъ монаховъ. Такихъ двухъ монаховъ нашелъ въ замостьской обители въ 1815 году визитаторъ Шумборскій, именно—Ѳеофила Гарашковскаго и Модеста Делавскаго. Первый изъ нихъ, по словамъ визитатора, до того дошелъ, „что на него уже почти не дѣйствуютъ братскія вразумленія и наказанія, которымъ онъ подвергался, поелику пьянство до того взяло верхъ надъ нимъ, что, безъ стыда таскаясь по городу, произвелъ соблазны, въ монастырѣ совершилъ безчисленные проступки; на него и женскій полъ жаловался настоятелю за неприличное обращеніе, соблазны и безстыдные поступки; у него никто изъ служащихъ монастырскихъ и собратій не избѣжалъ ссоры и худаго обращенія; другой, Модестъ, ночною порою тайкомъ выходитъ изъ монастыря и гдѣ-то проводитъ ночное время въ распутствѣ“. Относительно обоихъ визитаторъ оставилъ такое распоряженіе мѣстному настоятелю, послѣ перваго усмотрѣнія съ ихъ стороны подобныхъ безчиній: 1) снять съ нихъ монашескую одежду и надѣть на нихъ простой сукманъ; 2) воспретивъ всякое священнодѣйствіе, заставить исполнять работу кухоннаго сторожа, рубить топоромъ дрова, убирать кухонную посуду и вообще дѣлать все то, что ему прикажутъ; 3) не освобождать ихъ при этомъ отъ утренняго и вечерняго молитвословій, но держать ихъ въ это время вдали отъ хора и братій; 4) перваго изъ нихъ въ пятокъ подвергнуть изъ чужой руки дисциплинѣ въ теченіи всего псалма *Помилуй мя Боже* и весь тотъ день оставить на сухомъ хлѣбѣ; 5) при

---

[1]) Посланіе провинціала Сѣдлецкаго, 29 ноября, 1818 года, въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

изъявленіи покорности и искренняго раскаянія, позволить ему въ томъ-же самомъ одѣяніи просить прощенія и цѣловать ноги у всей братіи, въ столовой, и тогда возложить на него габитъ (рясу); 6) съ этого времени позволить ему бывать въ хорѣ и въ столовой вмѣстѣ со всѣми, но разрѣшеніе священнодѣйствій отложить до такого времени, до какого настоятель сочтетъ нужнымъ“ [1]).

Изъ помѣщенной въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“ лѣтописи сатановскаго базиліанскаго монастыря въ Подоліи мы знаемъ, что практиковался и болѣе суровый способъ предупрежденія и пресѣченія преступленій со стороны неисправимыхъ монаховъ-базиліановъ, именно—погребеніе ихъ заживо, или заключеніе до смерти въ каменную клѣтку, съ совершеніемъ и чина погребенія; но теперь не видимъ уже такой мѣры и безнадежно испорченные братья, дабы они не заражали собою другихъ, изгонялись вовсе изъ базиліанскаго общества, иногда съ предоставленіемъ изгоняемому права вступить въ другой болѣе строгій, конечно, католическій орденъ, иногда-же и вовсе безъ этого права. Такъ, изгнанъ былъ въ 1839 году изъ базиліанскаго общества иподіаконъ Анастасій Трояновскій за то, что замѣченъ былъ въ прелюбодѣяніи, пытался вытравить плодъ у одной женщины, дерзко обращался съ настоятелемъ, проматывалъ чужія вещи, давалъ ложную присягу и проч. Трояновскій отличался худою нравственностію еще въ то время, когда учился въ Варшавѣ [2]). Вообще упадокъ нравственности въ оставшихся еще базиліанахъ былъ такъ силенъ, что самые настоятели монастырей не всегда были свободны отъ пороковъ, за которые такъ сурово должны были казнить подчиненную имъ братію, и ихъ теперешнему провинціалу, согласно предписаніямъ конституцій, предоставлялось право удалять отъ должности всякаго игумена, если онъ служитъ соблазномъ для своихъ подчиненнххъ [3]). Сравнивая жизнь русско-уніатскаго монашества, искавшаго въ католическомъ мірѣ высшаго для себя идеала, съ жизнью православнаго нашего монашества за одинъ и тотъ-же періодъ времени, ни-

---

[1]) Циркуляръ визитатора Шумборскаго, 31 января, 1815 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Протоколъ $^{10}/_{22}$ іюня, 1839 года, тамъ же.

[3]) Актъ холмской провинціальной капитулы 1838 года, тамъ же.

какъ нельзя сказать, чтобы на сторонѣ перваго было какое-либо преимущество, кромѣ нѣкоторой доли образованія и внѣшней полировки.

Положительная сторона отшельнической жизни, какъ она была разработана здѣсь цѣлымъ рядомъ конгрегацій и ихъ нерѣдко скрупулезныхъ постановленій и правилъ, не представляетъ также никакихъ возвышенныхъ идеальныхъ стремленій. Всѣ эти многочисленныя конституціи въ базиліанствѣ регламентируютъ только организацію общины и внѣшнюю сторону жизни ея членовъ, оставляя въ сторонѣ ея сущность, духъ, высшія, конечныя цѣли. Индивидуальная жизнь базиліановъ не выработала за все время существованія ордена ни одного типа подвижника; самое понятіе о подвижничествѣ было ими заброшено, какъ на это указывалъ еще знаменитый авторъ Λιθοςʼа. Не міръ стремился къ нимъ, но они искали міра и его телятъ, барановъ и гусей... Въ чемъ вся жизнь ихъ прошла? Въ нескончаемыхъ хлопотахъ организоваться на манеръ католическихъ орденовъ... Чего достигли они чрезъ это? Потери своей вѣры и народности. Все время трудились они для цѣлей внѣшнихъ, постороннихъ и ничего не выроботали для себя. Послѣднія правила монастырской базиліанской жизни, выроботанныя послѣ всѣхъ религіозныхъ распрей и политическихъ переворотовъ, когда ограниченная въ средствѣ и числѣ холмско-базиліанская община мирно доживала свой вѣкъ подъ скипетромъ Россіи, крайне безцвѣтны, безжизненны и представляютъ значительное уклоненіе отъ древняго типа монашества. Эти правила мы находимъ въ циркулярныхъ распоряженіяхъ базиліанскихъ провинціаловъ, относящихся къ 1819, 1839 и 1842 годамъ. Сводя всѣ эти правила, мы можемъ представить себѣ послѣднюю по времени жизнь уніатскаго монашества въ слѣдующемъ видѣ и положеніи. Монашествующая братія, кромѣ времени литургіи, должна была находиться въ полномъ сборѣ утромъ и вечеромъ, для общей молитвы. Вставать утромъ полагалось въ пять часовъ, въ хорѣ быть—въ половинѣ шестаго; часы отправлялись въ десять часовъ, вечерня—въ три. Предъ заутреней читалась полунощница, какая слѣдуетъ, т. е. во всѣ дни вседневная, въ субботу субботняя, а въ воскресенье троичень канонъ. Предъ заутреней и послѣ вечерни требовалось читать другія положенныя молитвословія, но чтеніе ихъ представлялось произво-

дить каждому брату про себя. Сверхъ того настоятель долженъ былъ раздавать братіи книжки нравоучительныя, которыми бы они занимались, находясь въ келліи, для пользы духовной и предостереженія себя отъ праздности, которая,—замѣчалось въ циркулярахъ, —служитъ началомъ пьянства и всякаго зла. Ни одинъ священникъ-монахъ не освобождался отъ общей молитвы; но игуменъ могъ выходить, по окончаніи псалмовъ, для хозяйственныхъ распоряженій, а всякій другой только съ его вѣдома. Проповѣдники праздничный и воскресный пользовались льготой настоятеля. Викарій, онъ-же и ксендзъ-регентъ, или по нашему уставщикъ, завѣдывающій хоромъ и вмѣстѣ новиціатомъ, если таковой находился при монастырѣ, обязанъ былъ ежедневно быть въ церкви и одна только болѣзнь могла освободить его отъ того. Столъ имѣли братія всегда въ опредѣленное время—обѣдъ въ двѣнадцатъ, ужинъ въ шесть часовъ, по знаку колокольчика. Кушанья, замѣчается въ циркулярахъ, должны быть здоровыя,—безъ скудости, но и безъ большаго *менажу*. На заботливость настоятеля возлагалось, чтобы братія имѣли пиво по крайней мѣрѣ зимою и во время поста. Росписаніе блюдъ, „по силѣ возможности монастыря“, полагалось слѣдующее: „*въ воскресенье* на обѣдъ: супъ, кусокъ мяса, овощи или пирожное“ (legomina), а если сможетъ монастырь, то и жаркое; на ужинъ—крупничекъ и картофель или клюски, но непремѣнно два блюда; *въ понедѣльникъ*—борщъ со свининой или съ чѣмъ прикажетъ игуменъ, какое нибудь пирожное, вмѣсто овощей, или квашеная капуста; ужинъ—крупничекъ и картофель; *во вторникъ*—капустнякъ, кусокъ мяса и какая нибудь каша; на ужинъ—бульонъ съ кускомъ мяса, пирожное или картофель; *въ среду*—журъ или борщъ, каша съ олеемъ и горохъ съ уксусомъ, *въ четвергъ*—супъ, кусокъ мяса, овощи съ приправой или пирожное, вечеромъ—затирка и картофель; *въ пятницу* борщъ, заправленный олеемъ или журъ, жаркое съ горохомъ, поджареннымъ на олеѣ, олатки на капустѣ; *въ субботу*—крупникъ съ мясомъ, каша съ солониной, а третье по усмотрѣнію настоятеля. Вообще кушанья требовалось мѣнять, по усмотрѣнію и волѣ настоятеля, но такъ, чтобы никто изъ братіи не былъ голоденъ. Для священниковъ, говорится въ циркулярахъ, нѣтъ завтрака, потому имъ слѣдуетъ, по обычаю, рюмка водки. Поочередное чтеніе братіею св. писанія, правилъ св. Василія Великаго и житій святыхъ Господнихъ за

обѣдомъ и ужиномъ составляло необходимую принадлежность стола. Ошибки чтеца въ столовой могъ поправлять только игуменъ, а если бы его не было на лицо, то заступающій его мѣсто. Особое правило объ этомъ указываетъ на то, что въ это время ослабѣло уже въ братіи умѣнье читать пославянски. Никто изъ братіи не долженъ былъ вставать и выходить изъ столовой до окончанія обѣда или ужина, безъ позволенія настоятеля, какъ никто не могъ брать къ себѣ въ келію обѣда или ужина; взятое подлежало отбору, а виновный—наказанію. Безъ нужды и позволенія настоятеля, монахи не должны никуда выходить за фортку, подъ опасеніемъ взысканія, а вышедшій съ разрѣшенія настоятеля по возвращеніи долженъ явиться къ нему. Никто также не долженъ былъ выходить на прогулку послѣ положеннаго времени. Всѣмъ хозяйствомъ завѣдывалъ, распоряжался настоятель и потому онъ освобождался отъ требоисправленія, которое возлагалось на викарія и проповѣдника.

Вся эта регламентація монашеской жизни не представляетъ ничего особеннаго, кромѣ нѣкоторыхъ льготъ и довольно сытнаго стола. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти правила довольно общаго характера оставались въ большей части на бумагѣ, а жизнь монаховъ среди міра шла за міромъ и временемъ. Указанія на это находимъ въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ правилахъ тѣхъ-же циркуляровъ, какъ напр. въ запрещеніи „*отсель* монахамъ бывать въ театрахъ и на публичныхъ зрѣлищахъ", заниматься политическими вопросами, писать письма къ властямъ, безъ вѣдома настоятеля, ходить въ церковь и на требы въ капотахъ (сюртукахъ); поднимать ропотъ противъ настоятеля, производить наговоры другъ на друга, сѣять роздоры и взаимныя несогласія.

Изъ документовъ этого времени видимъ, что базиліанская община Царства Польскаго, состоявшая изъ пяти монастырей, продолжала содержать *новиціатъ* для пополненія своего состава и воспитанія поступающаго въ монахи юношества. Одно время этотъ новиціатъ находился въ варшавскомъ базиліанскомъ монастырѣ, на Медовой улицѣ. Подчиняясь болѣе или менѣе монашескимъ правиламъ, новиціи или новички въ монашеской жизни имѣли и свою особую организацію. Ими завѣдывалъ и руководилъ помощникъ настоятеля или викарій, носившій поэтому названіе магистра новиціата. Ему помогалъ въ завѣдываніи одинъ изъ братіи, по

назначенію настоятеля, съ именемъ вице-магистра. Новиціи, безъ вѣдома магистра, не могли никуда выходить и ни одному изъ отцевъ дѣлать услуги; самъ настоятель могъ распорядиться новиціемъ лишь съ вѣдома магистра. Новиціи должны были прислуживать при каждой литургіи, и магистръ обязанъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы они вели себя при алтарѣ надлежащимъ образомъ; онъ же назначалъ ихъ къ сакристіи (ризницѣ), чтобы въ ней соблюдаемъ былъ всякій порядокъ. Новиціи услуживали также въ столовой, при недостаткѣ хлопцевъ, съ помощію ихъ исполнялось въ ней установленное чтеніе. Одинъ изъ новиціевъ назначался трапезнымъ и съ него взыскивались порчи и убытки по столовой. Въ лѣтнее время новиціи привлекались къ занятіямъ въ огородѣ (но не къ тяжелой работѣ), напримѣръ полотью грядъ, поливанью всходовъ и истребленію червей. Вообще назначеніе ихъ было чисто служебное и нѣсколько страдательное. Ни на какое дѣйствительное подготовленіе ихъ къ монашеству указаній не находимъ въ постановленіяхъ о нихъ [1]).

Матеріальныя средства возвращенныхъ Россіи базиліанскихъ монастырей были въ слѣдующемъ положеніи. Въ 1824 году варшавскій монастырь и онуфріевское при немъ братство имѣли ежегоднаго доходу 2825 злотыхъ и 6 грошей, люблинскій 1565 злотыхъ, бѣльскій 5574 злотыхъ и 12 грошей и замостьскій 2490 злотыхъ, кромѣ земельныхъ участковъ и зданій, занимаемыхъ самими монахами [2]). Въ послѣдствіи времени фундушевыя суммы базиліанскихъ монастырей взяты были въ государственный польскій банкъ, который и выдавалъ монастырямъ съ этихъ суммъ назначенный жертвователями процентъ [3]). Сверхъ того, около 1833 года ксендзъ Кудревичъ пожертвовалъ на холмскую епархіальную семинарію 1000 злотыхъ и на монастыри холмскій, замостьскій и люблинскій по 1000 злотыхъ [4]).

---

[1]) Распоряженіе провинціала $^{1}/_{12}$ марта, 1842 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Wykaz prosty wszystkich summ klasztorow warszawskiego, lubelskiego, bialskiego y zamoyskiego, 1824 г., тамъ же.

[3]) Wykaz summ klastoru zamoyskiego, 1823 г., тамъ же.

[4]) Актъ холмской капитулы 1833 г., тамъ же.

На эти средства содержалось въ перечисленныхъ монастыряхъ самое незначительное число монаховъ; да и сами настоятели старались поменьше имѣть подчиненныхъ себѣ монаховъ, чтобы меньше тратиться на нихъ и больше получать самимъ себѣ. Въ 1823 году въ замостьскомъ монастырѣ было только двое монашествующихъ лицъ—игуменъ и его помощникъ, на которыхъ работали по монастырю: парубокъ, двѣ господыни, дѣвка, пастухъ и три хлопца [1]). Въ 1844 году въ люблинскомъ монастырѣ жилъ одинъ только настоятель его Байкевичъ, хотя монастырь могъ содержать и другихъ монаховъ [2]). Визиты или ревизіи монастырей производились очень рѣдко и настоятели монастырей, стоявшіе сами во главѣ провинціальнаго управленія, безконтрольно и безбоязненно распоряжались церковнымъ имуществомъ и, перемѣщаясь въ другіе монастыри, брали съ собой изъ прежняго монастыря то, что̀ хотѣли.

Замостьскій монастырь, коего бумагами мы пользуемся, не представлялъ, конечно, исключенія изъ общаго правила. Весьма мало имѣемъ мы свѣдѣній о внутренней жизни его за это время, но и самая эта жизнь едва-ли представляла что нибудь особенное, протекая однообразно и монотонно въ житейскихъ попеченіяхъ и изрѣдка ознаменовываясь какимъ либо крупнымъ монашескимъ скандаломъ. Опредѣленныя свѣдѣнія по исторіи замостьскаго монастыря за послѣднее время сохранились лишь объ именахъ и времени управленія его настоятелей. Изъ нихъ намъ извѣстны за это время: Германъ Ламбовскій, упоминаемый 1809 года; Самуилъ Громовичъ, упоминаемый 1823 года; Янъ Биллевичъ 1825—1829 г.; Іосафатъ Байкевичъ 1829—1833 г.; Никаноръ Краевскій 1833—1838 г.; Самуилъ Громовичъ 1838—9 г.; Іосафатъ Байкевичъ 1839—1842 г.; Исидоръ Бандзеревичъ 1842—1847 г.; и Пелагій Ржевусскій, упом. 1855 г. Отмѣтимъ нѣкоторые извѣстные намъ факты изъ времени управленія этихъ настоятелей. Въ 1828 году, при игуменѣ Биллевичѣ, произведена визита или ревизія церкви замостьскаго монастыря, послѣ чего не было ревизіи до 1842 года. Во время насто-

---

[1]) Wykaz summ klastoru zamoyskiego, 1823 года.

[2]) Письмо настоятеля холмскаго монастыря Крашкевича къ провинціалу Биллевичу отъ 20 марта, 1844 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

ятельства Громовича, въ 1839 году взятъ былъ провинціаломъ изъ замостьскаго монастыря одинъ колоколъ, безъ вѣдома декана и братства, и переданъ бѣльскому монастырю. Во время настоятельства Байкевича пропало много вещей изъ монастырскаго хозяйства и церковной утвари [1]). При томъ-же Байкевичѣ совершенно почти заброшенъ былъ лабунскій приходъ, завѣдываемый замостьскимъ монастыремъ. Вслѣдствіе этого провинціалъ Биллевичъ 11 января, 1839 года, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „къ церкви лабунской, по крайней мѣрѣ, черезъ двѣ недѣли въ третью поѣхать, и такъ нужно распорядиться, чтобы тотъ народъ, который ходитъ на богослуженіе въ латинскіе костелы, пріѣздомъ священника въ субботу вечеромъ былъ предувѣдомленъ, что на слѣдующій день богослуженіе будетъ совершаться въ ихъ церкви, согласно съ ихъ исповѣданіемъ“ [2]). Допуская уніатовъ ходить въ католическіе костелы, тотъ-же Байкевичъ позаботился въ 1840 году починить для замостьскаго монастыря старый церковный органъ [3]).

Въ любой католической странѣ подобные бѣдные и ничтожные по численности монаховъ монастыри давно были бы уничтожены въ силу папскихъ постановленій, допускающихъ существованіе такихъ только монастырей, которые имѣютъ фундушъ, достаточный для содержанія восьми, по крайней мѣрѣ, монаховъ, принося притомъ какую либо общественную пользу. Но промежуточное положеніе холмскихъ уніатскихъ монастырей между католичествомъ и православіемъ, между русскимъ владычествомъ и фактивною самостоятельностію царства польскаго, продолжило ихъ предсмертную агонію до конца послѣдняго польскаго повстанія. Всеобщее возвращеніе уніатовъ къ православной церкви въ Литвѣ и на Волыни въ 1839 году не коснулось уніатовъ и базиліанъ бывшаго царства польскаго именно по тому самому, что они числились въ предѣлахъ Польши, закрывались ея фиктивною самостоятельностію

---

[1]) Визита церкви приходской замойской, 1823 года, тамъ же; въ концѣ визиты приписана замѣтка ксендза Шмилевскаго, производившаго ревизію въ 1842 году.

[2]) Въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[3]) Условіе о починкѣ органа, 30 марта, 1840 г., тамъ же.

и не имѣли никакихъ связей съ литовско-русской уніатской епархіей и церковію. Напротивъ, уніаты царства и литовскіе шли своими противоположными дорогами. Тогда какъ въ Литвѣ и на Волыни митрополитъ Лисовскій, луцкій епископъ Кохановичъ, митрополитъ Іосифъ Сѣмашко съ ближайшими своими сотрудниками и другіе исподоволь очищали уніатскій обрядъ отъ католическихъ нововведеній и приближали его къ обряду восточной церкви,—уніаты царства польскаго, наоборотъ, все болѣе и болѣе уклонялись въ латинскую сторону и сближались съ римско-католиками, среди которыхъ жили. Это отчасти можно видѣть даже и изъ тѣхъ немногихъ визитъ или ревизій имущества замостьскаго монастыря, какія мы имѣемъ подъ руками. Такъ напр. въ визитахъ 1732 и 1752 года почти исключительно перечисляются принадлежности православнаго богослуженія и книги, изданныя православными во Львовѣ, Вильнѣ и Кіевѣ и между ними сочиненія Кирилла Транквилліона, Лазаря Барановича и другихъ православныхъ писателей. Но въ визитѣ 1828 года эти книги уже не числятся и вновь являются такіе предметы, какъ напр. конфессіоналъ, боковые олтарики, реликвіаръ, органъ и тому подобныя принадлежности богослуженія въ католическомъ духѣ [1]). Послѣ присоединенія литовскихъ уніатовъ къ православію, провинціалъ базиліанской провинціи въ царствѣ польскомъ Биллевичъ совѣтуетъ только, какъ мы видѣли выше, подчиненнымъ ему монахамъ не заниматься обсужденіемъ политическихъ дѣлъ Россіи, не оскорблять императора и быть ему вѣрными, а замостьскій настоятель Байкевичъ заботится о починкѣ стараго органа для своего монастыря.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе базиліане вообще, а холмскіе и замостьскіе въ частности, уподоблялись во всемъ (отъ помышленій до одежды и языка) польско-католическимъ монахамъ различныхъ наименованій. Все внутреннее убранство ихъ храмовъ, вся внѣшняя сторона ихъ богослуженія напоминали католическіе костелы, и только уцѣлѣвшіе въ Холмѣ и Замостьѣ иконостасы, да славянскій языкъ, книги на которомъ съ трудомъ разбирали базиліане послѣднихъ годовъ, говорили о сродствѣ ихъ съ церковію

---

1) Визиты эти—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

восточною. Странная историческая роль ихъ была окончена: о повсемѣстномъ нѣкогда въ Холмщинѣ православіи не осталось и преданія; самая унія руками этихъ-же ея представителей, а больше ихъ небрежностію, была въ такой степени подавлена, что изъ трехъ приходовъ, принадлежавшихъ монастырю замостьскому, къ 60-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія не осталось и десятка прихожанъ, а въ окрестностяхъ Холма и самомъ Холмѣ лишь не многія сотни сплошнаго нѣкогда русскаго населенія остались вѣрными уніи, смутно однако понимая отличіе ея отъ царившаго уже всюду католичества. Продолжать дальнѣйшее сліяніе уніатовъ съ католическою церковь было уже прямымъ дѣломъ католическихъ монаховъ и ксендзовъ и оо. базиліанамъ дѣлать было уже совсѣмъ нечего. Они являлись слѣпымъ и жалкимъ орудіемъ католицизма въ его исключительно интересахъ. Подкапываясь съ ревностію, достойною лучшей участи, подъ православіе, они вмѣстѣ съ тѣмъ вырыли и для себя ровъ и въ одной ямѣ похоронили и вѣру и народность и свою собственную самостоятельность. Предъ началомъ возстанія и въ самое возстаніе монахи базиліане были самыми ярыми его сторонниками и противниками Россіи.

Въ такихъ обстоятельствахъ застигъ ихъ Высочайшій указъ 1864 г., которымъ положенъ былъ конецъ жалкому существованію всѣхъ уніатскихъ и множества католическихъ монастырей Царства Польскаго, на точномъ основаніи папскихъ буллъ, какъ не имѣющихъ опредѣленнаго числа монаховъ. Холмскій монастырь, ставъ только каѳедральнымъ соборомъ, сохранивъ нѣкоторые остатки обширнаго нѣкогда прихода; монастырь замостьскій обращенъ, по прежнему, въ приходскую церковь, но самый приходъ его давно уже сталъ добычею католичества.

Н. Петровъ.

Люди Старой Малороссіи *).

3. МИКЛАШЕВСКІЕ.

Родоначальникъ Миклашевскихъ, Михаилъ Миклашевскій, началъ службу при „дворѣ" гетмана Многогрѣшнаго. Русскіе чиновники, посѣщавшіе въ то время Батуринъ, называютъ Миклашевскаго „челядникомъ" гетмана [1]); это названіе и указываетъ, что Миклашевскій принадлежалъ къ числу гетманскихъ „дворянъ", которые набирались изъ разныхъ пришельцевъ, преимущественно поляковъ, для личной службы гетману, вознаграждавшему ихъ за эту службу, иногда и войсковыми урядами. Миклашевскій пользовался особеннымъ довѣріемъ Многогрѣшнаго, у котораго генеральный есаулъ Грибовичъ, нѣжинскій полковникъ Гвинтовка и Миклашевскій были главными совѣтниками [2]). Въ концѣ 1671 г. пронесся въ Батуринѣ слухъ, что царь задумалъ смѣнить Многогрѣшнаго и назначить на мѣсто его Константина Солонину, кіевскаго полковника. Встревоженный гетманъ послалъ Миклашевскаго въ Козелецъ (полковой городъ кіевскаго полка) съ приказаніемъ схватить тамъ брата Константина — Якова, сковать его и привезти въ Батуринъ, чтобы здѣсь дознать отъ него, насколько вѣрны слухи о гетманствѣ его брата. Миклашевскій порученіе это исполнилъ и былъ награжденъ маетностью: въ декабрѣ 1671 г. гетманъ далъ ему глуховское село Зазирки. А въ началѣ слѣдующаго года Многогрѣшный отправилъ Грибовича съ Миклашевскимъ въ Москву—разузнать, какъ тамъ на него смотрятъ и не думаютъ-ли вправду смѣнить. Возвращаясь въ

*) См. генв. и март. книжки „Кіев. Старины".

[1]) Акты ю.-з. Россіи, IX, 643.

[2]) Тамъ-же, 677.

мартѣ изъ Москвы, Грибовичъ и Миклашевскій встрѣтили своего патрона въ Сѣвскѣ, куда привезли его скованнаго Мокріевичъ съ Рославцомъ. Многогрѣшнаго повезли дальше, въ Москву, а Миклашевскому сказали—возвращаться въ Батуринъ [1]). На мѣсто Многогрѣшнаго былъ выбранъ Самойловичъ и Миклашевскій нашелъ въ немъ новаго патрона, отъ котораго получилъ первый войсковой урядъ—нѣжинское есаульство. Въ актѣ 1681 г. читаемъ: „я, Павелъ Рѣзникъ, обыватель глуховскій, чиню вѣдомо, ижемъ зосталъ виноватъ урожоному его мил. п. Михайлу Миклашевскому, асаулови полку нѣжинского, суммы, грошей готовыхъ 50 золотыхъ (10 р.) сполна, которое суммы не маючи чимъ отдати, отдаю ему комору мою въ мѣстѣ Глуховѣ“. Черезъ годъ, въ 1682 г., Миклашевскій былъ уже генеральнымъ хорунжимъ, а съ 1683 г.—генеральнымъ есауломъ; послѣдній урядъ Миклашевскій сохранилъ и при Мазепѣ. Новый гетманъ, желая привлечь старшину на свою сторону и зная, что лучшій для этого способъ былъ въ надѣленіи старшины маетностями, не скупился раздачею послѣднихъ; такимъ образомъ даны были маетности и Миклашевскому: въ 1687 г. Мазепа далъ ему с. Кочерги, а въ слѣдующемъ—с. Волокитинъ, оба въ глуховской сотнѣ. Миклашевскій настолько разбогатѣлъ, что и самъ сталъ скупать грунта̀, преимущественно въ Глуховѣ и около. Но въ будущемъ Миклашевскаго ждали еще большія богатства: въ 1690 г. Мазепа далъ ему стародубское полковничество. Миклашевскій лично не пользовался особеннымъ значеніемъ у Мазепы, который изъ своей старшины цѣнилъ лишь тѣхъ, за кѣмъ была извѣстность въ народѣ; Миклашевскій-же былъ человѣкъ пришлый, не имѣвшій въ Малороссіи родни. Но за Миклашевскаго стояли его свойственники—черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ и генеральный есаулъ Андрей Гамалѣя; внукъ перваго и сынъ послѣдняго были затьями Миклашевскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что по престательству этихъ сватовъ, которые оба пользовались у Мазепы большимъ значеніемъ, Миклашевскій и получилъ одинъ изъ лучшихъ урядовъ въ тогдашней Малороссіи.

Стародубскій полкъ, заключавшій въ себѣ пять сѣверныхъ уѣздовъ теперешней черниговской губерніи, считался тогда однимъ изъ богатѣйшихъ полковъ, такъ какъ это былъ центръ тогдашней торговли и промышленности въ Малороссіи; стародуб-

---

[1]) Акты ю.-з. Россіи, IX, 684—85.

скій полкъ велъ обширную пеньковую торговлю съ Ригою, а изъ промысловъ здѣсь особенно были развиты—поташное производство, слѣды котораго и теперь остались въ названіи значительнаго количества поселеній „будами“; остались здѣсь и „Рудни“, гдѣ нѣкогда выдѣлывалось желѣзо. Кромѣ того въ концѣ XVII в. Стародубщина заключала въ себѣ еще много пустырей, лѣсныхъ и прорѣчныхъ, очень удобныхъ для поселенія новыхъ слободъ, которыя въ этой мѣстности продолжали садиться и въ первой половинѣ XVIII в. Въ такомъ полку полковнику представлялись громадныя выгоды: онъ садилъ новыя слободы, устраивалъ „буды“, велъ торговлю поташомъ и—богатѣлъ. Такъ дѣлалъ и Миклашевскій, который за пятнадцатилѣтнее управленіе свое стародубскимъ полкомъ, нажилъ громадныя богатства. Первыя маетности въ стародубскомъ полку Миклашевскій получилъ уже въ 1691 г.; по универсалу 21 мая Мазепа далъ ему с. Каменныя Озера, въ сотнѣ новгородской, да село Нижнее, да утвердилъ за нимъ пріобрѣтенныя самимъ Миклашевскимъ четыре мельницы на рѣчкахъ Титвѣ, Росукѣ и Ваблѣ, „соблюдая“ при немъ и „войсковую часть размѣровыхъ пожитковъ, на него, гетмана, належащихъ“. Черезъ два года, въ 1693 г., Миклашевскій получилъ еще два села: въ іюлѣ—с. Воргонъ, а въ ноябрѣ—с. Попоровку; „доносилъ ему, гетману, онъ, Миклашевскій, что домъ его въ домовыхъ потребахъ и во всегдашнихъ для принятія людей расходахъ не можетъ быти удовольствованъ; и для того просилъ себѣ такого его гетманского призрѣнія, чтобъ онъ с. Понаровку, въ уѣздѣ бакланскомъ, во владѣніе ему придалъ; и онъ, гетманъ, склоняясь на прошеніе его, то село Понаровку *изъ своего владѣнія*, для вспоможенія домовыхъ его потребъ, ему, Михайлу, отдалъ“.

Миклашевскій правилъ полкомъ и богатѣлъ до 1704 г.; въ этомъ году онъ былъ лишенъ уряда. Еще въ апрѣлѣ 1703 года Мазепа жаловался царю на Миклашевскаго, что онъ ведетъ какую-то тайную переписку съ поляками; а въ слѣдующемъ году Мазепа, стараясь показать царю, что онъ окруженъ людьми сомнительной „вѣрности“, указалъ при этомъ снова на Миклашевскаго [1]), котораго на этотъ разъ и лишилъ уряда. Нѣтъ сомнѣнія, что подозрѣніе, взведенное гетманомъ на полковника, было выдуманное: не таково было положеніе Миклашевскаго, и се-

[1]) Бантышъ-Каменскій, изд. 1830 г., III, 43.

мейное, и экономическое, чтобы онъ могъ думать о какой нибудь „невѣрности“; вѣрнѣе, что Мазепа просто завидовалъ богатству стародубскаго полковника и хотѣлъ этотъ урядъ отдать кому-нибудь другому, болѣе близкому себѣ человѣку. Вмѣстѣ съ лишеніемъ полковничьяго уряда Миклашевскому грозило и лишеніе многихъ маетностей, которыя онъ успѣлъ пріобрѣсти, но не успѣлъ закрѣпить царскою грамотою. Нужно было выхлопотать у гетмана универсалъ, который-бы подтвердилъ ему всѣ нажитыя имѣнія. Миклашевскій зналъ, какъ подойти къ Мазепѣ: гетманъ въ это время стоялъ съ войсками въ Польшѣ, подъ Любаромъ; Миклашевскій отвезъ ему туда „наметъ“ (палатку) въ 100 талеровъ [1]) и получилъ въ августѣ того-же года универсалъ, по которому оставлены были за Миклашевскимъ всѣ пріобрѣтенныя имъ въ Стародубщинѣ маетности: „мѣючи зъ ласки нашой гетманской и войсковой за значныя и вѣрныя прислуги въ войску запорожскомъ, за насъ, гетмана, и антецессоровъ нашихъ, значне на высокихъ войсковыхъ зостаючи урядахъ роненнія (оказанныя), п. Михаилъ Миклашевскій, значный войска запорожскаго товарищъ, на данныя отъ насъ въ вѣчистую поссесію себѣ села, нашими унѣверсалами прикрытыя и монаршими грамотами подтвержденныя, въ полку стародубовскомъ будучія, а именно: с. Нижнее, с. Демянки, с. Понуровка, Картушинъ, слободка Приваловка, с. Каменка, якіе то наши универсалы черезъ нѣякійсь тамъ трафунокъ (какимъ то случаемъ) страчены зостали, на которыя вновь просилъ насъ онъ, п. Миклашевскій, о выданье на тіе его давніе села нашего унѣверсалу, также на купленные и своимъ коштомъ заведенные грунта, що все абы унѣверсаломъ нашимъ было прикрыто, просилъ насъ; теди мы, гетманъ, принявши ласкове его, п. Миклашевскаго, занесенное прошеніе — велѣлисмо теперь вновь выдати ему сей нашъ унѣверсалъ“.

Немилость Мазепы продолжалась однако-же не долго: въ 1705 г. Миклашевскому возвращенъ былъ стародубскій полкъ, можетъ быть за какой нибудь цѣнный подарокъ, который могли поддержать братья зятя Андрея Гамалѣи—Михаилъ и Антонъ, оба генеральные урядники. Но ставъ разъ лишнимъ для Мазепы человѣкомъ, Миклашевскому нельзя уже было ждать добра. Преданіе говоритъ, что, желая избавиться отъ Миклашевскаго, Мазепа отпра-

[1]) Объ этомъ подаркѣ разсказывала вдова Миклашевскаго, Швейковская.

вилъ его въ 1706 г., въ Несвижъ, на весеннюю стоянку, съ четырьмя стами только козаковъ. Такой малочисленный отрядъ долженъ былъ привлечь шведовъ, съ которыми отряду трудно будетъ справиться. Разсчитывалъ-ли такъ Мазепа или нѣтъ, но случилось именно такъ, что видно изъ черниговской лѣтописи: „марта 19 дня (1706 г.) Михаила Миклашевскаго, въ Несвижу на консистенціи, подъ часъ утрени, зрадецко (измѣннически) шведы напавши, забили, которые шведы передъ тѣмъ у мнишокъ (монахинь) лядскихъ въ клешторѣ ховалися (прятались) три дня; также и Андрея Гамалѣю, зятя его и иныхъ много козаковъ (шведы убили), а другихъ въ полонѣ забрали" [1]).

Миклашевскій женатъ былъ два раза; отъ первой жены, дочери глуховскаго сотника Рубана, осталось два сына и три дочери; а вторая жена была Анна Швейковская, возвращенная въ 1676 г. изъ Сибири -- вдова гетманича Якова Самойловича [2]); отъ нея у Миклашевскаго остался малолѣтній сынъ Иванъ.

Узнавъ о смерти мужа, вдова Миклашевская стала заботиться—пока везли тѣло убитаго въ Стародубъ для похоронъ—о томъ, чтобы скрыть часть мужниного богатства отъ пасынковъ. „Покоевая" (горничная) Миклашевской разсказывала, что какъ только пришла вѣсть о смерти полковника, то немедленно пріѣхала къ вдовѣ его въ Стародубъ „пани Семіоновая" (вдова гетманича Семіона Самойловича) и купила тутъ на базарѣ лубянку меду, которую и поставила въ домѣ Миклашевскаго за печью; а потомъ въ ту лубянку вдова Миклашевскаго поставила жестяную фляшку, запертую замкомъ; и фляшка та была съ деньгами; она была выкопана изъ земли, по приказу полковника, господаремъ его Даровскимъ, какъ только Миклашевскій женился на Швейковской, и поставлена была „въ великой скринѣ, въ камяницѣ". Въ другой разъ изъ той-же „скрини" (сундука) Миклашевская вынула другую жестянку, изъ которой взяла два мѣшечка червонцевъ, а третій—оставила въ жестянкѣ. Пасынки объ этомъ узнали только впослѣдствіи.

Похоронивъ мужа, вдова Миклашевская поѣхала съ пасынками къ Мазепѣ—„поклониться" и просить на осиротѣлую семью „призрѣнія". При этомъ полковница поднесла гетману въ пода-

---

[1]) Черниг. лѣтоп. по списку нашей библіотеки.

[2]) Бантышъ—Кам. III, примѣч. 20. Ср. Максимовъ, Сибирь и каторга, III, 113.

рокъ „креденсъ срѣбній“ (подносъ) въ тысячу талеровъ. Гетманъ обѣщалъ осиротѣлой семьѣ милость, а вдовѣ далъ универсалъ на с. Руховъ, „респектуючи на вдову Миклашевскгго, Анну Швайковсковну, которой отецъ здавна до всей Малой Россіи усердную имѣлъ прихильность“. Село Руховъ уже и прежде находилось въ фактическомъ владѣніи Миклашевскаго, который пользуясь властью, оттянулъ это село отъ стародубской ратуши; не было только гетманского универсала; теперь ловкая вдова, поднеся серебряный „креденсъ“, успѣла выпросить этотъ универсалъ только не на семью, а себѣ лично.

Затѣмъ начался дѣлежъ наслѣдства. Оставшимися деньгами и разными „клейнодами“ наслѣдники подѣлились безъ труда. Но не такъ легко было дѣлиться „маетностями“, тѣмъ болѣе что одинъ изъ наслѣдниковъ былъ малолѣтній и раздѣлъ, по Литовскому Статуту, долженъ былъ быть временный, до совершеннолѣтія всѣхъ дѣлящихся.

„Маетности“ Миклашевскій нажилъ богатыя; изъ современныхъ ему полковниковъ еще никто не наживалъ такихъ. Глуховскія имѣнія заключали въ себѣ села: Ворголъ, Зазирки, Волокитинъ, Кочерги и Палѣевку; слободы и хутора: Дорошовку, Колошиновку, Кубаровъ и друг. Въ Стародубщинѣ Миклашевскій оставилъ шесть селъ: Нижнее, Каменку (Каменныя Озера), Понуровку, Демьянки, Картушинъ и Руховъ; изъ нихъ три села—Демьянки, Картушинъ и Руховъ—отняты были у стародубской ратуши, которая, какъ и другія, владѣла селами и поддерживала ими городское свое хозяйство; Нижнее, Каменка и Понуровка принадлежали „урядамъ“: Нижнее—полковничьему, Каменка—сотничьему уряду Новгородсѣверска и Понуровка—гетманскому. Селъ этихъ нельзя было отдавать, такъ какъ они переходили отъ одного урядника къ другому, смотря потому, кто занималъ этотъ урядъ. Тѣмъ не менѣе села эти были отданы Миклашевскому и закрѣплены за нимъ универсалами. Къ этимъ селамъ Миклашевскій прибавилъ еще с. Дѣвовку, въ почепской сотнѣ, уже собственною властью. Кромѣ селъ, были еще слободы и хутора, поселенные самимъ Миклашевскимъ: Истровка, Приваловка, Верхній Млинокъ, Буда-Понуровская и друг. Изъ этихъ имѣній с. Палѣевку Скоропадскій въ 1710 г. отобралъ у Миклашевскихъ для жены, а въ замѣнъ далъ с. Бѣлый Колодезь, около Новозыбкова.

Всѣми этими имѣніями сыновья Михайла Миклашевскаго подѣлились сначала временно, такъ какъ братъ Иванъ не имѣлъ еще

„правныхъ лѣтъ", т. е. не достигъ того возраста (17-ти лѣтъ), когда получалъ право самостоятельнаго совершенія юридическихъ сдѣлокъ. Потомъ, когда въ 1740 г. Иванъ Миклашевскій умеръ, старшіе его братья Андрей и Степанъ подѣлились съ племянникомъ Павломъ въ 1741 г. наслѣдствомъ окончательно. Поэтому раздѣлу на часть Андрея достались: Понуровка, Нижнее, Бѣлый Колодезь, Истровка и хуторъ Деревяновскій. На часть Степана: Волокитинъ, Ворголъ, Зазирки, Кочерги, Дорошовка, Колошиновка и Кубаровъ и, кромѣ того, Степану досталось право отыскивать села Дѣвовку и Каменку, которыя у Миклашевскихъ были отняты: Дѣвовка—Меншиковымъ, а Каменка—Лукьяномъ Журавкою. Наконецъ Павлу достались: Демьянки, Руховъ, Приваловка, Нов. Буда и д. Яблонка. Но черезъ нѣсколько лѣтъ Павелъ Миклашевскій заявилъ споръ противъ этого раздѣла на томъ основаніи, что, при совершеніи его, онъ еще не имѣлъ полныхъ семнадцати лѣтъ, вслѣдствіе чего по Литовскому Статуту раздѣлъ 1741 г. не могъ считаться окончательнымъ. Генеральный судъ призналъ споръ Павла Ивановича правильнымъ и Миклашевскіе еще долго спорили о правильности раздѣла 1741 г., который въ главныхъ частяхъ впрочемъ остался не измѣненнымъ, такъ-какъ только Понуровка перешла къ Павлу.

Старшіе сыновья Михайла Миклашевскаго, Андрей и Степанъ, служили бунчуковыми товарищами, т. е. жили по своимъ „маетностямъ" и, сколько могли, увеличивали ихъ. Оба они умерли около 1750 г. О старшемъ изъ нихъ знаемъ лишь то, что онъ дѣтей своихъ воспитывалъ въ Москвѣ, какъ видно изъ слѣдующаго прошенія, поданнаго имъ въ 1739 г., вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Иваномъ, А. И. Румянцову: „имѣемъ мы желаніе сыновъ нашихъ нынѣ въ малолѣтствіи будучихъ и къ службѣ еще не згодныхъ, Петра, Михаила и Павла, ради изученія иностранныхъ языковъ и протчіихъ отечеству и имъ полезныхъ наукъ, отправить въ Москву. Того ради означеннымъ сынамъ нашимъ съ будучими при нихъ людми, именно: Иваномъ Данилевскимъ и двома хлопцами, имѣючимися при сынахъ нашихъ, въ Москвѣ пребывать, да Кондратомъ Мироновичемъ съ четырма расколничой слободы Лужка емщиками—ради свободного проѣзду, просимъ дать пашпортъ" [1]). Средняго брата—Степана Михайловича сохранилось завѣщаніе, пи-

[1]) Арх. генер. канцел., № 182.

санное въ 1750 г., которымъ онъ, назначивъ женѣ часть имѣній, остальныя подѣлилъ между четырьмя сыновьями. При этомъ Степанъ завѣщалъ дѣтямъ—не продавать ничего изъ своихъ имѣній постороннимъ лицамъ: „а ежели бы пожелали сыны мои что съ частей своихъ продать, то первое должны будутъ объявить матери, братьямъ и сестрамъ и буде по объявленіи купить изъ нихъ никто не пожелаетъ, то могутъ тогда продать постороннимъ; а безъ объявленія матери, братьямъ и сестрамъ—отнюдь не продавать въ чужія руки, подъ неблагословеніемъ моимъ отческимъ. Сынамъ моимъ Антону и Михаилу, съ опредѣленными на нихъ частьми, жить при женѣ моей, а ихъ матери—по смерть ея, и они сыны мои безъ ея благословенія, воли и совѣта жениться и ничего иного зачинать не повинны, подъ неблагословеніемъ моимъ отческо запрещаю. Сего моего тестамента никому, а паче сынамъ моимъ ни подъ какимъ претекстомъ не нарушать, хочай бы что въ которую часть, а паче сынамъ моимъ Антону и Михаилу и большъ съ имѣній моихъ опредѣлено, для того что оные сыны мои безъ сочетанія брачнаго осталися; а сыновъ Ивана и Петра я еще при жизни своей съ имѣнія своего со всякимъ довольствомъ бракомъ сочеталъ, по три казана (винокуренные котлы) далъ и хлѣбомъ ихъ для дѣланія горѣлки не малое время снабдѣвалъ. Аще же кто съ оныхъ сыновъ моихъ пренебрегая сіе мое повелѣніе исполнять не станетъ, то на томъ да будетъ Божіе и мое отческое неблагословеніе и оные да будутъ вовсе прокляты".

Судьба младшаго изъ сыновей стародубскаго полковника Ивана представляетъ намъ эпизодъ довольно исключительный изъ семейной жизни тогдашняго общества. Родившись около 1700 г., Иванъ Миклашевскій выросъ уже безъ отца, а когда пришло время жениться, то не было уже и матери. Женился онъ на какой-то Евдокіи Васильевнѣ и 15 декабря 1724 г. у него родился сынъ Павелъ; а въ маѣ слѣдующаго года, изъ Петербурга присланъ былъ въ Глуховъ указъ „о высылкѣ пановъ бунчуковыхъ въ Гилянь". Вельяминовъ постарался выправить въ этотъ походъ чуть не всѣхъ бунчуковыхъ, сколько ихъ тогда было. Выправлены были и всѣ три братья Миклашевскіе. Въ этомъ походѣ Иванъ Миклашевскій пробылъ болѣе двухъ лѣтъ. Вернувшись домой осенью 1727 г., онъ увидѣлъ, что во время отсутствія „честь дома его была нарушена". Вотъ что послалъ онъ по этому случаю въ синодъ: „въ прошломъ 1725 г. послано было все товариство подъ гетманскимъ бунчуковымъ знакомъ

служащее въ походѣ Гилянскій; въ томъ числѣ и я былъ высланъ и въ ономъ походѣ неотлучно обрѣтался черезъ три года, а чрезъ оное время жена моя Евдокія Васильева дочь, оставшаяся въ домѣ въ Стародубѣ, свалявшися съ нѣкоторымъ моимъ-же служителемъ, прижила блудно двое дѣтей, изъ которыхъ одно безъ моей въ Малой Россіи бытности, а другое за возвращеніемъ моимъ изъ похода, взятая уже за тѣмъ порокомъ маткою ея въ домъ свой, тамъ родила; чрезъ что до крайняго я пришелъ разоренія и обезславленія. И ради таковаго жены моей прелюбодѣянія, не могучи я имѣть ея за законную жену, понеже тотъ ея падежъ и во всенародное пришелъ извѣстіе, билъ челомъ архіерею нашему черниговскому Иродіону Журавовскому, прося рѣщенія—съ женою моею разлучитись, а на другой женитись; но потому моему прошенію отъ октября мѣсяца 1727 г. не получилъ я резолюціи, а оная жена моя и налично предъ архіереемъ въ томъ своемъ прегрѣшеніи повинилась". Въ заключеніе Миклашевскій просилъ синодъ—развести его съ Евдокіей и дозволить жениться на другой. Въ дѣлѣ о разводѣ принималъ участіе и Ѳеофанъ Прокоповичъ; но чѣмъ оно кончилось—не знаемъ. Умеръ Иванъ Миклашевскій въ 1740 г. и вдова его вышла замужъ за стародубскаго полковаго писаря Степана Петрункевича. Отношенія между вдовою Ивана и сыномъ ея отъ Миклашевскаго—Павломъ, остались до того дружескія, что послѣдній, получивъ въ свое распоряженіе отцовское наслѣдство, подарилъ было изъ него с. Руховъ своему отчиму. Но при передѣлѣ имѣній Михаила Миклашевскаго, Руховъ отъ Петрункевича былъ отобранъ и остался у Павла.

Изъ Миклашевскихъ третьяго поколѣнія былъ замѣтенъ одинъ только Иванъ Андреевичъ (II), который женился на племянницѣ извѣстнаго Григорія Теплова. При открытіи новгородсѣверскаго намѣстничества онъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ.

Прилагаемъ родословный списокъ Миклашевскихъ, доведенный до конца XVIII в.

1. *Михаилъ Миклашевскій*, „дворянинъ" Многогрѣшнаго 1671, есаулъ нѣжинскій 1681 г.; есаулъ генеральный 1685 г., полковникъ стародубскій 1690†1706 г. Жена 1-я—*дочь* Данила Семеновича

Рубана, сотника глуховскаго, 2-я—*Анна Владиміровна Швейковская*, вдова Якова Самойловича.

2. *Андрей*, бунчук. товар. † ок. 1750 г. Жена 1-я княжна *Марина Юрьевна Четвертинская*, 2-я *вдова* Андрея *Жураковскаго*. 1
3. *Степанъ*, бунчук. товар. † ок. 1750 г. Жена *Ирина Марковна*, дочь Марка Аврамовича, „арендара" пирятинскаго. . 1
4. Дочь. Мужъ *Степанъ Спиридоновичъ Шарай* . . . 1
5. *Прасковья*. Мужъ *Андрей Ефимовичъ Лизогубъ*.
6. *Настасья*. Мужъ 1) *Андрей Андреевичъ Гамалья*; 2) *Петръ Корецкій*, бунчук. товар. 1728 г. 1
7. *Анна* † 1730 г. Мужъ *Иванъ Кондратьевъ*, полковникъ сумской 1
8. *Иванъ*, бунчук. товар. 1725†1740 г. Ж. *Евдокія Васильевна* 1
9. *Петръ*, бунчуковый товарищъ 1754 г. 2
10. *Михаилъ*, бунчуковый товарищъ 1754 г. . . . 2
11. *Иванъ*, канцеляристъ войсков. 1754 г.; губернскій предводитель дворянства новгородсѣверскаго намѣстничества 1783 г. Жена *Агафья Егоровна Теплова*, вдова Кирилла Лобысевича, судьи полков. стародубскаго. Имѣнія: Бѣлый Колодезь, Приваловка, Яблонка—948 крестьянъ м. п. 2
12. *Настасья*. Мужъ *Иванъ Ивановичъ Бороздна*, бунчужный генеральный 1762 г. 2
13. *Елена*. Мужъ *Михаилъ Танскій*, полковн. кіевскій 1731 г. 2
14. *Иванъ*, бунчук. товар. 1737—1751 г. Жена *Софья Андреевна Полуботокъ*. Имѣніе—с. Зазирки 3
15. *Петръ*. Имѣніе—с. Волокитинъ 3
16. *Антонъ*. Имѣніе—с. Ворголъ и д. Колошиновка . . 3
17. *Михаилъ*. Имѣніе—с. Кочерги, х. Кубаровъ и сл. Дорошовка 3
18. *Марья*. Мужъ *Василій Андреевичъ Гудовичъ* † 1764 г. . 3
19. *Павелъ*, р. 1724 г.; бунчук. товар. 1741—1754 г. . . 8
20. *Петръ*, р. 1761 г.; адъютантъ гр. Румянцова . . 11
21. Андрей, р. 1763 г. 11
22. Егоръ, р. 1768 г. 11
23. Иванъ, р. 1772 г. 11
24. *Настасья*. Мужъ *Михаилъ Петровичъ Искрицкій*, секундъ-маіоръ 1783 г. 11
25. *Михаилъ*, губернаторъ волынскій 1797 г.; губернаторъ

малороссійскій 1797 г.; тайный совѣтникъ и сенаторъ; † 1847 г. Жена *Настасья Яковлевна Бакуринская.* . 19
26. *Прасковья.* Мужъ *Григорій Петровичъ Искрицкій*, секундъ-маіоръ 1783 г. 19
27. Дочь. М. *Владиміръ Васильевичъ Велинскій*, войск. товар. 1783 г. .

---

4. СВѢЧКИ.

Родоначальника Свѣчекъ, Леонтія Назаровича, встрѣчаемъ въ первый разъ въ 1685 г., когда онъ былъ есауломъ лубенскаго полка. За избраніемъ Мазепы въ гетманы, лубенскій полковникъ Григорій Гамалѣя долженъ былъ почему-то оставить свой урядъ, который затѣмъ перешелъ къ Леонтію Свѣчкѣ. Въ это же время низложенъ былъ Мазепою переяславскій полковникъ Леонтій Полуботокъ, который, пользуясь своею близостью къ гетману Самойловичу, присоединилъ къ переяславскому полку не мало земель, принадлежавшихъ пирятинской сотнѣ лубенскаго полка. Воспользовавшись немилостью Мазепы къ Полуботку, Свѣчка началъ въ Москвѣ дѣло объ отнятыхъ земляхъ, которыя, по его ходатайству, и были возвращены пирятинцамъ. Въ этомъ дѣлѣ Свѣчка дѣйствовалъ не безкорыстно, такъ какъ изъ возвращенныхъ земель и ему досталась не малая ихъ часть, что видно изъ слѣдующаго интереснаго акта 1689 г.: „мы Петръ Барщевскій, протопопъ пирятинскій, Андрей Гладкій сотникъ пирятинскій, Тимофей Курыченко атаманъ городовой, Семенъ Кавельскій войтъ, Марко и Федоръ бурмистры зо всѣми мѣщанами пирятинскими гди пришлисмо съ поклономъ до его мил. п. Леонтія Свѣчки, полковника лубенскаго, дякуючи его милости п. полковникови за его добродѣйство, пжъ правуючися (ведя спорное дѣло) съ п. Леонтіемъ Полуботкомъ у Москвѣ, отстоялъ степъ ажъ изъ Сухою Оржицею до своего полку лубенскаго, сотни пирятинской, который п. Полуботокъ и Сырую Оржицу хотѣлъ отъѣхать до полку переяславскаго. И мы тое всѣ вольными голосами говорили п. полковникови, же вольно ему якій хотя себѣ узяти степъ для кошеня сѣна; онъ теди п. Леонтій Свѣчка полковникъ, не хотячи себѣ дармо ничего взяти у посессію свою, далъ двѣсти талерей грошей доброй монеты за Сухую Оржицу, почавши отъ шляху, который идетъ на село Коломійцы «ажъ у вершинѣ самой Оржици Сухой съ принадлежащими

къ ней пологами [1]), ажъ до яру кущченнаго Кононовскаго, который тягнетъ надъ самую Шелезавку и за селище Малютинское, на которомъ селищѣ вольно его милости п. полковнику Леонтію Свѣчцѣ осадити людей, яко на своемъ власномъ, купленномъ грунтѣ."—По этому акту Свѣчка за двѣсти талеровъ пріобрѣталъ десятки верстъ побережьевъ Сухой Оржицы, въ предѣлахъ теперешняго пирятинскаго уѣзда, которыя, какъ видно, тогда были почти вовсе не заселены. Кромѣ этихъ земель Свѣчка уже раньше получилъ отъ Мазепы тутъ же, по берегамъ Оржицы и Удая, два села: Давыдовку и Деймановку и два хутора—Коломійцы и Короваи; выхлопотавъ на эти маетности царскую грамоту въ 1690 г., Свѣчка за три года своего полковничества сталъ владѣльцемъ большей половины пирятинской сотни. Пользуясь своею властью, Свѣчка поселилъ на этихъ земляхъ села и деревни—Малютинцы, Городище, Караваи, Каевку и нѣсколько хуторовъ. Нажитыя Свѣчкою богатства обратили на себя вниманіе самого Мазепы, который вообще былъ завистливъ на „сокровища". Когда въ 1696 г. татары осадили лубенскій городокъ Голтву, гетманъ приказалъ Свѣчкѣ добыть точныя свѣдѣнія о движеніяхъ непріятеля; но Свѣчкѣ повидимому не хотѣлось самому выходить изъ Лубенъ на поиски противъ татаръ и онъ доносилъ гетману объ „оборотахъ" непріятеля „по чужимъ повѣстямъ". Мазепа, укоряя Свѣчку за его не „рыцарское" поведеніе, сдѣлалъ слѣдующую приписку въ своемъ листѣ: „Знати, же велыка ваша милость памятаешь евангельское слово и тому прилѣжно послѣдуешъ, идѣже есть сокровище ваше, тамо будетъ и душа ваша. Домышляемся мы, же много ваша милость животныхъ своихъ въ Лубняхъ зложилъ сокровищъ, а при нихъ и душу свою увязуешъ такъ моцно, же не хочется вашей милости и на, ку обооронѣ отчизны, ити службу, зъ якихъ мѣръ и вимовки (отговорки) передъ нами въ той мѣрѣ вынаходишъ; а такъ мы вашей милости упевняемъ, же тихъ всѣхъ сокровищъ вашихъ, за нашимъ до Лубянъ прибытемъ, устережемо и додержимъ вашей милости въ цѣлости, тилько по правдѣ ознайми намъ, гдѣ що сложено [2]).

Леонтій Свѣчка умеръ въ 1699 г., написавъ въ томъ же году завѣщаніе, „по милости Божіей будучи хоробою (болѣзнью)

---

[1]) „Пологами" въ полтавской губ. называются низкія побережья, которыя въ черниговской губ. называется „оболоньями".

[2]) Акты Западн. Росс., V, 278.

обдаренній и видячи себе ближшимъ ко смерти, нежели ко животу сего временнаго бытія.“ По этому завѣщанію, Свѣчка недвижимое свое имѣніе раздѣлилъ между тремя сыновьями: Василіемъ, Лукьяномъ и Иваномъ; первому назначилъ „хуторъ надъ рѣкою Оржицею, прозываемый Городище, со всѣми лѣсами, гаями, ставками и лозами, ажъ внизъ Корнѣевки,“ „людей въ Корнѣевцѣ и Городищѣ новоосаженныхъ“ и село Антоновку. Второму—Лукьяну завѣщаны были „люде въ селѣ Малютинцахъ осаженніе“ и село Давидовка; третьему сыну, Ивану, отецъ назначилъ хуторъ въ селѣ Короваяхъ, „людей въ селѣ Короваяхъ при хуторѣ осаженныхъ“ и село Деймановку. Наконецъ невыданнымъ замужъ двумъ дочерямъ „дѣвчатамъ Любцѣ и Ганнусѣ“ и женѣ Домникіи Свѣчкѣ разную движимость. Воля завѣщателя подтвержена была и гетманомъ, впрочемъ относительно только двухъ старшихъ сыновей Леонтія Свѣчки; о младшемъ сынѣ умершаго полковника Мазепа ничего не сказалъ въ своемъ универсалѣ, вѣроятно найдя, что такъ какъ за Иваномъ Свѣчкою никакихъ службъ еще не было, то и на маетности онъ не имѣетъ права. Впрочемъ Иванъ Свѣчка вскорѣ затѣмъ умеръ, и назначенный ему хуторъ Короваи перешелъ, согласно завѣщанію, къ Лукьяну Свѣчкѣ.— Леонтій Свѣчка оставилъ, кромѣ сыновей, трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Зиновія, была выдана замужъ еще при жизни отца за пирятинскаго протопопа Якова Филиповича; вторую— Анну выдала замужъ уже вдова Леонтія Свѣчки за Григорія Корнѣевича, отъ котораго пошли теперешніе дворяне Огроновичи.

По смерти отца Василій и Лукьянъ Свѣчки продолжали увеличивать свои земельныя богатства, пока не сталъ лубенскимъ полковникомъ Андрей Марковичъ. Выпросивъ себѣ у Скоропадскаго с. Кулатинцы, Марковичъ пожелалъ присоединить къ этому селу и сосѣдній Свѣчковскій хуторъ Короваи, которымъ въ это время владѣлъ Лукьянъ Свѣчка. Разными давленіями Марковичъ заставилъ послѣдняго уступить себѣ Короваи: по купчей 1720 г., Лукьянъ Свѣчка продалъ Марковичу за 5000 золотыхъ (золотой—20 коп. асс.) „грунтъ, именуемый Короваи, надъ рѣчкою Оржицею, съ подѣланными на немъ строеніями и съ осѣдлостью людей, якіе тамъ поселились“. Впослѣдствіи внуки Лукьяна Свѣчки говорили, что эта продажа ихъ дѣда была вынужденная, подтвержденіемъ чего служитъ то обстоятельство, что когда въ 1723 г. Румянцовъ пріѣхалъ въ Малороссію про-

изводить слѣдствіе о разныхъ насиліяхъ старшины, то Марковичи очень боялись жалобы на нихъ со стороны Лукьяна Свѣчки [1]).

По смерти Василія Леонтьевича Свѣчки, наслѣдство его подѣлено было между сыновьями Степаномъ и Иваномъ; старшему достались разные хутора, а Ивану—с. Антоновка и земли при рѣчкѣ Чумчакѣ. Какъ велъ свое хозяйство Иванъ Свѣчка, видно изъ слѣдующаго письма гетмана Апостола, которое онъ писалъ въ 1732 г., къ генеральному хорунжему Горленку, посланному въ прилуцкій полкъ для разбора козачьихъ жалобъ на притѣсненія державцевъ. Вотъ это письмо: „Мой ласкавій пріятелю, пане хорунжій енералній. Пишешъ вить въ листѣ своемъ изъ Прилуки, что слѣдовалъ о козацтвѣ антоновцевъ (козаковъ с. Антоновки), которыхъ бунчуковый товарищъ Иванъ Свѣчка подвертаетъ въ подданство неналежне и не малыя имъ дѣлаетъ обиды и грабитъ у нихъ статки (рогатый скотъ и лошадей). И по разсмотрѣніи вить довелось, дабы означенные козаки, по силѣ высокомонаршаго указа, были козаками и впредь п. Свѣчка оныхъ не притягалъ бы себѣ въ подданство и жадныхъ (никакихъ) имъ не чинилъ обидъ и не интересовался бы до нихъ; а заграбленные у нихъ статки возвратилъ бы, указомъ нашимъ вить ему прекладалъ (предлагалъ). Однако онъ нашему указу, по предложенію вашему, противнымъ явился, въ чемъ требуешъ вить отъ насъ резолюцію, якъ-бы съ нимъ, Свѣчкою, поступить. Затѣмъ предлагаемъ вашей милости: понеже онъ п. Свѣчка неслушне выше выраженныхъ козаковъ въ подданство себѣ привернулъ и статки у нихъ, не належне позабиравши, не возвращаетъ и, надъ указъ нашъ, ажъ по сее время у себе удержуетъ, того ради пошли вить отъ себе кого исправного, абы столько жъ, сколько бы моіъ стоять заграбленный козацкій статокъ, забрано было у него Свѣчки и тотъ грабежъ поотдавай в. м. напрасно отъ него ограбленнымъ козакамъ, которые потомъ не мѣютъ оному Свѣчцѣ грабежа того ворочать, поколь власнихъ ихъ скотинъ и что позабиралъ—не возвратитъ; а означенные Антонов-

[1]) Внуки Лукьяна Свѣчки—Яковъ Гамалѣя (отецъ извѣстнаго медика Платона Гамалѣя) и Андрей Вакуловичъ писали въ 1767 г., въ коммисію для сочиненія Генеральной Описи, что „Гетманъ Скоропадскій и полковникъ лубенскій Андрей Марковичъ не вѣдомо зачто на дѣда нашего Лукьяна Свѣчку недоброходство занявши, нѣкоторыя села отняли“. Въ подлинной рукописи „Дневныхъ Записокъ“ Якова Марковича находится нѣсколько указаній, что Лукьянъ Свѣчка хотѣлъ жаловаться Румянцову *за отнятіе* Короваевъ Андреемъ Марковичемъ.

цы село по слѣдствію не доводится имъ быть въ посполитой тяглости, чтобъ были до козацкого причтены компуту" [1]).

Пользуясь безсиліемъ гетманской власти, Иванъ Свѣчка увеличивалъ свои богатства какъ „притягая козаковъ въ подданство", такъ и захватывая ихъ земли. Досталась Ивану Свѣчкѣ купленная отцомъ его въ 1706 г., „стѣнка, стоячая надъ Чумчакомъ, за яромъ сѣнокоснымъ, ниже села Коломійцовъ"; изъ этой „стѣнки" Свѣчка, разными прихватами сосѣднихъ земель, образовалъ большое имѣніе, настоящее село Свѣчковку.

Иванъ Свѣчка умеръ бездѣтнымъ и наслѣдство его перешло къ двумъ сестрамъ, изъ которыхъ одна была замужемъ за Юркевичемъ, а другая за Александровичемъ.

Богатство сыновей Василія видно изъ того, что у его правнука, Петра Алексѣевича Свѣчки, въ концѣ XVIII в., было болѣе 4000 крестьянъ [2]).

Младшій братъ Василія, Лукьянъ, сыновей не имѣлъ; оставшимися послѣ него имѣніями, изъ которыхъ главное было село Мажтинцы, унаслѣдовали зятья его—Яковъ Гамалѣй и Андрей Вакуловичъ. На этихъ новыхъ владѣльцевъ жаловались въ 1767 году малютинскіе козаки, что они продолжали захваты Свѣчекъ, которые, по объясненію жалобщиковъ, захватили подъ свою власть село Малютинцы не по праву, а насиліемъ. „Село Малютинцы," писали въ своей жалобѣ козаки, „издревне предковъ нашихъ козачая осѣдлость и спокойное ихъ старинное владѣніе. Бывшій же полковникъ лубенскій Леонтій Свѣчка, по своей полковничьей власти находясь и усмотря къ пользѣ своей угодное мѣсто—Малютинскую осѣдлость и втиснувшись самовластно межъ Малютинскихъ старинныхъ козаковъ, началъ завлаживать селомъ Малютинцами. И отъ тѣхъ временъ, какъ самъ полковникъ Свѣчка владѣлъ и до нынѣшняго времени, наслѣдники его бунчуковый товарищъ Яковъ Гамалѣя да значковый товарищъ Андрей Вакуловичъ помянутымъ селомъ Малютинцами и степомъ свободнымъ неналежне владѣючи, привели насъ къ крайнему утѣсненію, предковскія наши земли козачія смѣсивши къ своимъ неналежне, владѣютъ усиловне, а насъ изъ спокойнаго владѣнія выбиваютъ самовластно.—Крѣпость ихъ, которую они представля-

---

[1]) Арх. Генер. Канцел.

[2]) Въ с. Городищѣ—1065, Короваяхъ—513, Селекахъ—430, Карпѣевкѣ—801, Петровкѣ—671, Каевкѣ—448, и въ разныхъ хуторахъ—302, об. г.

ютъ (въ комиссію для сочиненія Генеральной Описи) мы имѣемъ за неправильную по той причинѣ, что она подчищена, да и тая крѣпость ихъ имѣетъ свою силу на землю по-за рѣчкою Оржицею, которая нынѣ состоитъ во владѣніи князя Трубецкаго, да коллежскаго совѣтника Теплова; а къ сей землѣ, которая въ осѣдлости малютинской издревне состоитъ, козачьяго владѣнія, никакой силы тая ихъ крѣпость не имѣетъ". Изъ этой жалобы между прочимъ видно, что въ половинѣ XVIII в. часть оржицкихъ земель была отнята у Свѣчекъ Тепловымъ, который поселилъ здѣсь большую слободу, теперешнее мѣстечко Тепловку.

А. Лазаревскій.

КОБЗАРЬ ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ,

ЕГО ДУМЫ И ПѢСНИ.

Всякое явленіе, въ которомъ такъ или иначе выражается жизнь народа, хотя-бы условія жизни съ теченіемъ времени измѣнились и причины, вызывавшія это явленіе, перестали существовать, служитъ признакомъ движенія жизни народной и уже вслѣдствіе того, что это явленіе существовало, оно принадлежитъ исторіи. Къ числу такихъ проявленій народной нашей жизни, сохраняющихъ несомнѣнное историческое значеніе, относятся изустные памятники народной поэзіи, которыя по важности своей могутъ стать на ряду съ лѣтописными сказаніями и другими письменными источниками нашей исторіи.

Югъ Россіи, благодаря своимъ историческимъ и этнографическимъ условіямъ, представлялъ особенно плодородную почву для возникновенія и распространенія различныхъ, совершенно своеобразныхъ произведеній музы народной. Изъ этихъ памятниковъ можно было-бы составить своего рода поэтическую исторію общественныхъ явленій въ жизни южной Россіи, обрисовывающихъ прошлую политическую и обыденную жизнь народа съ его завѣтными идеалами, побужденіями и стремленіями, знать которые такъ важно для характеристики эстетической, бытовой и соціальной его физіономіи. Поэтому естественно, что на малорусскія народныя пѣсни давно уже обращено вниманіе,—давно уже стали собирать и записывать эти драгоцѣнные памятники и давно уже, рядомъ съ художественными достоинствами пѣсенъ лирическихъ, высоко ставится историческій характеръ многихъ думъ и пѣсенъ. Отсюда цѣлый рядъ

сборниковъ, представляющихъ памятники поэзіи малорусскаго народа [1]). Пересматривая эти сборники, невольно задаешься вопросомъ: кто-же былъ творцомъ этого громаднаго количества записанныхъ уже изъ устъ народа пѣсенъ, въ числѣ которыхъ не мало есть и думъ? Виновники этого богатства намъ неизвѣстны, какъ неизвѣстно количество тѣхъ думъ, которыя вращаются еще въ народѣ, но намъ не извѣстны, равно и число тѣхъ, которыя въ памяти пѣвцовъ были стерты всепоглощающимъ временемъ, не бывъ своевременно записаны. Назвать по имени творцовъ этихъ пѣсенъ не возможно; ихъ имя—народъ, или, вѣрнѣе, тѣ идеалы общественной жизни того или другаго времени, которые вдохновляли нѣкоторыхъ избранниковъ влагать въ слово и тонъ пѣсни мысли и чувства, мечты и желанія всего народа,—вообще воспринимаемыя народомъ впечатлѣнія и переживаемыя имъ событія. Иное дѣло—хранители такихъ народныхъ произведеній, извѣстные издавна подъ именемъ *кобзарей:* ихъ народъ всегда зналъ, и чтилъ, и отличалъ своимъ особымъ сочувствіемъ и вниманіемъ. Не смотря на измѣнившійся строй жизни, они и доселѣ живутъ въ народѣ; но число ихъ годъ отъ году рѣдѣетъ и хранимый ими поэтическо - историческій матеріалъ время отъ времени забывается, измѣняется или совсѣмъ утрачивается. Для науки важно сохранить всякую крупицу подобнаго матеріала, сохранить память о каждомъ такомъ пѣвцѣ, равно и о томъ, что онъ поетъ.

Мы имѣли случай недавно видѣть и слышать одного изъ такихъ пѣвцовъ — Остапа Вересая, пріобрѣвшаго не только въ народѣ, но и въ образованномъ обществѣ значительную извѣстность, и хотимъ подѣлиться съ читателями какъ біографическими о немъ свѣдѣніями, такъ и свѣдѣніями о томъ историческомъ матеріалѣ, хранителемъ котораго онъ служитъ и который мы имѣли случай лично провѣрить.

---

[1]) Сборники: Цертелева (1819 г.), Максимовича (1827, 1834, 1849 г.), Срезневскаго (1833—38 г.), Лукашевича (1836 г.), Зѣнькевича (1850 г.). Метлинскаго (1854 г.), Мордовцева (1859 г.), Костомарова (1859 г.), Лисенка и Русова (1873 г.), Антоновича и Драгоманова (1874—75 г.) и др. въ Россіи и Ваплава зъ Олеска (1833 г.), Жеготы Паули (1839—40 г.), Шашкевича 1837 г.), Головацкаго (1863—72 г.), и др. въ Галичинѣ, Буковинѣ и Венгріи.

Остапъ Вересай (по уличному—Лабза) родился 1803—1805 года въ с. Калюжинцахъ, прилуцкаго уѣзда полтавской губерніи. Отецъ его Микита былъ слѣпой нищій, игрой на скрипкѣ зарабатывавшій себѣ хлѣбъ, причемъ имѣлъ хату и кусокъ поля. Ослѣпъ Остапъ на четвертомъ году отъ роду, какъ онъ разсказываетъ, „зъ пристріту“ или отъ дурнаго глазу. Съ раннихъ лѣтъ онъ почувствовалъ въ себѣ непреодолимую страсть къ игрѣ на бандурѣ и пѣнію; „якъ було кобзарь прыйде у хату до мого батька“, говоритъ онъ, „та стане грать и співать, то я стою коло ёго и самъ не знаю, чи ёму-бъ у пазуху улізъ, чи ёго до себе у пазуху взявъ“! Отецъ отдалъ Остапа въ ученіе къ кобзарю Микитѣ изъ Кладьковки надъ Десною, проживавшему тогда въ с. Береживкѣ. По сложившемуся у кобзарей обычаю, ученикъ ничего не платитъ, да и не можетъ платить за ученіе своему маэстро (по мѣстному—„майстру“); даже одежду даетъ ему учитель, но за-то все, что̀ только выручитъ уже обученный чему-нибудь ученикъ, идетъ въ пользу учителя. Ученіе продолжается примѣрно 3 года; въ теченіе этого срока ученикъ во всемъ повинуется своему учителю и за великій грѣхъ считаетъ обмануть или обидѣть его дѣломъ, словомъ и даже помышленіемъ. Если случалось, что ученикъ убѣгалъ отъ учителя или этотъ послѣдній самъ прогонялъ его, то другой кобзарь-учитель, къ которому бѣглецъ пристанетъ, не бралъ во вниманіе времени, проведеннаго въ ученіи прежде, и у этого новаго „майстра“ ученикъ долженъ пробыть полныхъ три года. Остапъ Вересай тоже перемѣнилъ нѣсколькихъ учителей, отъ которыхъ онъ уходилъ потому, что тѣ были или пьяницы, или очень строги, или-же ничему не учили. У Микиты онъ былъ только недѣлю, въ теченіе которой его „майстеръ“ пьянствовалъ безъ просыпу. Такъ какъ Остапъ былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей, то мать его сильно безъ него скучала и настояла на томъ, что отецъ взялъ его обратно домой. Пробывъ около четырехъ лѣтъ въ домѣ отца, который, хотя и умѣлъ играть на скрипкѣ, не могъ удовлетворить стремленія сына къ бандурѣ, Остапъ отправился въ Ромны, гдѣ на ярмаркѣ нашелъ себѣ учителя-кобзаря андріашевскаго Ефима, съ которымъ не мало свѣту исходилъ: въ теченіе шести недѣль они побывали въ Лубнахъ, Голтвѣ, Демидовкѣ, подъ Кременчугомъ, въ Хоролѣ и Лохвицѣ. За смертью Ефима, Остапъ, уже

пятнадцати-лѣтній юноша, присталъ въ тѣхъ-же Ромнахъ къ кобзарю Семену Кошовому изъ села Голінки. Отъ этого кобзаря онъ перенялъ искусство игры на бандурѣ, но крутой нравъ учителя заставилъ Остапа уйти и отъ него. Вскорѣ однако самъ Кошовой зашелъ за Остапомъ и взялъ его обратно къ себѣ, договорившись съ отцомъ, что курсъ обученія долженъ окончиться въ 35 недѣль; въ дѣйствительности-же Остапъ былъ у него только четыре мѣсяца, такъ какъ по причинѣ сильной лихорадки онъ былъ отправленъ домой. Когда-же послѣ выздоровленія Остапъ опять пришелъ къ Семену, говоря: „прийміть мене, панъ-отче, та доведіть до ума!", учитель ему отвѣтилъ: „йди и грай, а то й самъ учи, кого хочешь"! Это обстоятельство показываетъ, что нашъ кобзарь былъ недюжинныхъ дарованій, такъ какъ онъ не только не пробылъ требуемыхъ обычаемъ трехъ лѣтъ у какого-нибудь изъ его учителей, но и все время его обученія всѣми тремя его „майстрами" не составитъ требуемыхъ обычаемъ трехъ лѣтъ.

Этимъ оканчивается исторія обученія Остапа Вересая. Далѣе слѣдуетъ самостоятельная его жизнь, когда онъ перенимаетъ отъ подобныхъ себѣ слѣпцовъ—пѣвцовъ новыя пѣсни и думы. Изъ кобзарей, имѣвшихъ большое вліяніе на судьбу Вересая, былъ Федоръ Трюшъ, часто посѣщавшій домъ его отца [1]). Пробовалъ Вересай оставить себѣ пріемника и имѣлъ пять учениковъ: Василя Бублика, Тараса изъ Никоновки, Ярохтея изъ Берёзовки, Антона

---

[1]) Здѣсь считаемъ не лишнимъ привесть списокъ тѣхъ извѣстныхъ бандуристовъ, которые или уже умерли, или-же остаются еще въ живыхъ. Черниговской губ. сосницкаго уѣзда, въ м. Александровкѣ—Андрій Шутъ, въ м. Менѣ—Андрій Бешко, въ г. Сосницѣ—Алексій Ракъ; борзенскаго уѣзда, въ с. Брытанахъ—Иванъ Романенко; нѣжинскаго у. въ с. Терешовкѣ—Павло Братица (долженъ имѣть лѣтъ 57, учился у Бешки), въ с. Макіевкѣ—Прокопъ Дубъ (35 лѣтъ, учился у Овсія Сліпого изъ Шняковицы того-же уѣзда); стародубскаго уѣзда въ Семяновкѣ—Антонъ, въ Спасскомъ—Павелъ Козелъ. Полтавской губ., прилуцкаго уѣзда, въ с. Сокиринцахъ—Остапъ Вересай; лубенскаго уѣзда въ м. Оржицѣ—Архипъ Никоненко; роменскаго уѣзда въ с. Бубнахъ—Трихонъ; пирятинскаго уѣзда въ с. Крячковкѣ—Федоръ Алексѣевъ, въ Вечіркахъ—Антонъ; гадяцкаго уѣзда въ с. Розбишевкѣ—Федоръ Саковенко и Иванъ Лиходиръ. Харьковской губ. въ г. Харьковѣ—Гарбузъ; богодуховскаго уѣзда въ Ольшакѣ—Левко и Петро Колибабы, въ Красномъ Кутѣ—Рягоренко; ахтырскаго уѣзда въ Тростинцѣ—Залавскій.

Негрія изъ Каюжинецъ и Данила „Анголя“ изъ Бережинки; но ему какъ-то не счастливилось: всѣ ученики рано умирали. Особенно пріятное для него воспоминаніе оставилъ послѣ себя послѣдній его ученикъ, „Ангол ь“ Данило. „Той якъ сынъ добрый бувъ, тільки-жъ не шанувався. Бувало кажу ему: чого тобі, Данило, на оти прокляты дòсвітки, на праздникѝ та на попразѐни ходить? Ни, не слухавъ. Якъ пиду часомъ мижъ челядь грати на ти дòсвітки, або празникъ, то тільки то й славы, що горілка; я вже це знаю. Не слухавсь Донило, пишовъ мижъ челядь—за великимъ ганявся, та й вбили ёго“.

Изъ дальнѣйшей жизни нашего кобзаря интересны его сватанье и женитьбы. Спустя четыре года послѣ окончанія курса ученія, Вересай сталъ свататься. Къ одной дворовой дѣвкѣ онъ цѣлый годъ ходилъ верстъ за 50 въ с. Рудовку, но та изъ подъ вѣнца ушла изъ церкви. Съ другой дѣло пошло лучше, но священникъ запросилъ шесть рублей за вѣнчаніе, чтó было „не по-цінно“ для нищаго-кобзаря. Наконецъ, на третьей онъ женился; имѣлъ отъ нея дочь Мотрю, которую и выдалъ замужъ за плотника Аврама. Зять оказался пьяницей и буяномъ и, пользуясь благосклонностью при панскомъ дворѣ, причинялъ овдовѣвшему тогда тестю всевозможныя обиды и непріятности, такъ что Вересай, боясь быть посаженнымъ „на быка“ (особый инструментъ, въ родѣ неподвижныхъ кандаловъ), принужденъ былъ бѣжать изъ родного села, изъ собственной хаты. Во время своихъ скитаній онъ зашелъ въ с. Сокиринцы, прилуцкаго уѣзда, имѣніе Г. П. Галагана. Здѣсь привлекала его вдова Приська, которую онъ зналъ еще дѣвицею. Сватаніе на ней продолжалось 7 лѣтъ. Бывало прійдетъ нашъ кобзарь къ ней, станетъ подъ окошкомъ и начнетъ играть на бандурѣ. „Не ходи ты до мене“, кричитъ вдова, „—соромъ мені одъ людей! йди къ чортовому батькові!“ На это Остапъ отвѣчаетъ: „не жени (гони) ты мене, матери твоій бісъ! йди за мене за-міжъ!“ и самъ плачетъ, и она плачетъ. „Одружила мене изъ цимъ дідомъ его бандура: якъ прийде мене сватати, то й выжену; а якъ заграе на бандуру, то й заверну!“—вспоминаетъ теперь его жена.

Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, полякующій нынѣ П. А. Кулишъ, нарочно объѣзжая Малороссію и Украину съ цѣлью розыскать въ народѣ преданія о козацкой старинѣ, нашелъ Остапа

Вересая и потомъ, проживая въ Петербургѣ, долгое время находился съ нимъ въ перепискѣ, причемъ разъ прислалъ ему денегъ на поминъ души Т. Г. Шевченка. Объ этомъ Вересай такъ разсказываетъ. „Прислав Куліш мені пять рублівъ грошей на поминки по Тарасові, стильки-жъ и Шу́ту Андріеви. Коли Шу́ту Андрію дошли гроши, а Шу́та Андрія у світі немае; то ти гроши, пише Куліш, „на—тобі, Остапе! нашлась така добра людина, що поминае Тараса, й оце дала тобі грошей". А я записавъ у граматку й Щу́та Андрія: такъ обохъ и поминаю". О Шевченкѣ Вересай отзывается такъ: „була голова—оцей Тарасъ, та мабуть вже такои не буде! Богъ зародивъ... може вона й мала̀ була, я не бачивъ, але-жъ розумна! У насъ мабуть и не буде вже такои; може Богъ кому другому дасть, а намъ вже ни!"

Другой этнографъ-художникъ Жемчужниковъ, сидя за мольбертомъ, чистосердечно плакалъ, слушая распѣваемыя Остапомъ думы и пѣсни.

Въ началѣ прошлаго десятилѣтія, дѣйствительный членъ географическаго общества П. П. Чубинскій записалъ нѣсколько пѣсенъ отъ Остапа Вересая, а въ 1873 году Н. В. Лисенко и А. А. Русовъ, по порученію юго-западнаго отдѣла этого общества, занялись изученіемъ репертуара этого кобзаря и записали отъ него 6 думъ, 11 пѣсенъ религіозно-нравственнаго содержанія и 5 сатирическихъ пѣсенъ [1]). Въ томъ-же году, 28 сентября, Вересай пѣлъ нѣкоторыя изъ своихъ думъ и пѣсенъ въ экстренномъ собраніи юго-западнаго отдѣла географическаго общества въ Кіевѣ. Полтора года спустя, извѣстный статистикъ и этнографъ, В. С. Козловъ, взялъ съ собою Вересая въ Петербургъ. Орестъ Миллеръ, читавшій въ то время великимъ князьямъ Сергію и Павлу Александровичамъ курсъ словесности, какъ разъ подошелъ въ эту пору къ изложенію памят-

---

[1]) I) Думы: 1) Про бурю на чорному морі, 2) Якъ три брати зъ Озова втикали, 3) Про вдову й трёхъ сынивъ, 4) Отчимъ, 5) Невольницка и 6) Про Хведора Безрідного. II) Пѣсни «поважливи»: 1) Про правду, 2) Пісня, що по нещастю живучи на світі співають, 3) Про страшный судъ (Михайлови псальма), 4) Блудящій сынъ, 5) До-часнёго живого чоловіка, 6) О мукахъ Христа, 7) Великій мій жалю!, 8) Миколай, 9) Про страшный судъ, 10) Розставання души зъ тіломъ и 11) Пустельныкъ и Пятниця. III) Сатирическія пѣсни: 1) Щиголь (пташине весилля), 2) Дворянка, 3) Хома та Ярема, 4) Кисіль и 5) Бугай.

никовъ малорусской народной поэзіи; чтобы иллюстрировать эти лекціи, онъ просилъ г. Козлова привести во дворецъ кобзаря, гдѣ этотъ послѣдній пропѣлъ нѣсколько думъ и пѣсенъ, за что получилъ отъ ихъ высочествъ серебряную табакерку, съ надписью:

Кобзарю Остапу Вересаю
отъ великихъ князей
Сергѣя и Павла Александровичей.
Марта 4-го 1875 г.

Кромѣ того Вересай пѣлъ въ засѣданіи императорскаго географическаго общества, въ археологическомъ и другихъ ученыхъ обществахъ, въ концертѣ, устроенномъ въ залѣ прикащичьяго клуба, а также въ концертѣ, устроенномъ въ зданіи Соляного Городка, съ туманными картинами къ думѣ о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова, исполненными художникомъ Мартыновичемъ. Поѣздка въ Петербургъ значительно поправила матеріальныя обстоятельства нищаго кобзаря, такъ что послѣ возвращенія на родину онъ построилъ себѣ новую просторную хату, въ которой и до сихъ поръ живетъ со своей немалочисленной семьей. Семья этого 77-лѣтняго старика состоитъ въ настоящее время изъ 15 душъ и вся живетъ однимъ домомъ. У жены его Приськи было двое дѣтей; теперь они уже оба семейные: у женатаго сына (37 лѣтъ) 5 дѣтей (4 мальчика и 1 дѣвочка), а у дочери (42 лѣтъ)—двое дѣтей (калѣка сынъ 18 лѣтъ и дочь 15 лѣтъ). Подслѣповатый пасынокъ Вересая, овдовѣвшій прошлою осенью, женился вторично тоже на вдовѣ съ тремя дѣтьми; слѣпая-же падчерица Остапа за-мужемъ за слѣпымъ-же лирникомъ, но тотъ уже нѣсколько лѣтъ разошелся съ женой и только изрѣдка навѣщаетъ домъ этой замѣчательной семьи, состоящей изъ стариковъ, калѣкъ и малолѣтокъ.

Вь послѣднія два пребыванія Остапа Вересая въ Кіевѣ, осенью прошлаго года и весною настоящаго, нами записаны изъ устъ его три новыя думы и нѣсколько пѣсенъ религіозно-нравственнаго и сатирическаго содержанія, а также варіанты почти всѣхъ думъ и пѣсенъ, записанныхъ девять лѣтъ тому назадъ гг. Лисенкомъ и Русовымъ отъ того-же кобзаря. Изъ не вошедшихъ въ сборникъ, помѣщенный этими послѣдними въ т. I за 1873 г. Записокъ юго-западнаго отдѣла имп. рус. геогр. общества, нами записаны те-

перь думы: 1) *Невольницька, про каторгу бесурмлянську,* 2) *Про сестру й брата* и 3) *Про Йвася Коновченка,* а также пѣсни религіозно-нравственнаго содержанія: 1) *Годі вамъ шуміти, зеленыи луги!* и 2) *Якъ трудно во гріхахъ умирати,* и сатирическія: 1) *Старый зъ молодою* (простацька) и 2) *Міщаночка.* Такимъ образомъ извѣстный въ настоящее время репертуаръ Остапа Вересая состоитъ изъ 9 думъ, 13 религіозно-нравственныхъ и 7 сатирическихъ пѣсенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ еще не изчерпывается все то количество пѣсенъ и думъ, которыя Вересай поетъ и пѣлъ прежде. Не нужно забывать, что бандуристы перенимаютъ и перенимали какъ историческія, такъ и другія пѣсни по традиціи—путемъ простого запоминанія слышаннаго отъ другихъ подобныхъ себѣ слѣпцовъ-пѣвцовъ; само собою разумѣется, память иногда измѣняетъ имъ: въ данную минуту они поютъ однѣ пѣсни и думы, а въ другое время—другія, или варіанты первыхъ. Все это имѣетъ значеніе для исторіи народной словесности, а потому, какъ ни скуденъ матеріалъ, добытый нами на этотъ разъ отъ кобзаря, мы подѣлимся имъ съ читателями, сличая записанные нами памятники народнаго творчества съ обнародованными прежде.

I.

Дума невольницька[1]

(ПРО КАТОРГУ БЕСУРМЛЯНСЬКУ)[2].

У святую неділю то-тó не сизыи орлы клекотáли,
То бідніи неволники у тяжкій неволи горко заплакали:
Залізо-кайданы брязчали,

[1]) Эта невольницкая дума совершенно не похожа на ту, которую записали отъ Вересая гг. Лисенко и Русовъ; она представляетъ варіантъ думы, помѣщенной въ сборникѣ Максимовича за 1849 г. на 10 стр. и у Кулиша въ Запискахъ о Южной Руси, т. I, стр. 42, съ которой и будемъ сравнивать, отмѣчая болѣе выдающіяся отличія, не указывая на менѣе важныя.

[2]) Каторга—по турецки *kadriga*, т. е. галера съ 24—26 скамьями для гребцовъ, по 3—4 человѣка на каждой скамьѣ. Невольники приковывались къ скамьямъ и въ такомъ положеніи отправляли тяжелую работу гребцовъ.

А вони собі у гору руки знимали [1]),
Та Господа милосердного прохали-благали:
„Дай намъ, Господи, дрибенъ дощикъ изъ неба,
А буйный вітеръ изъ низу,
То чи не буде на Чорному морі сильна́ хвыля вставати,
Та чи не буде изъ каторги турецькои якорівъ изрывати;
Бо тая каторга турецькая—такъ намъ доіла, такъ намъ доіла [2]),
Залізо-кайданы ноги пообрывало,
Козацькее-молодецькее тіло до костей постирало“.
Колы баша турецькій,
Недовірокъ християнській,
Вже по рынку похожае,
Та на свои турки зо́ зла гукае:
„Турки-нечари, кажу я вамъ: добре дбайте,
По три пучки тернины у руки та́велги червонои набирайте,
Одъ ряду до ряду захождайте,
Та по три рази въ одно місто неволника затинайте!“ [3])
То турки-нечари добре дбали,
По три пучки терновыхъ у руки червонои та́велги набирали,
Одъ ряду до ряду захождали,
Та по три рази въ одно місто бідного неволника затинали,
До костей козацькее тіло молодецькее оббивали,
Кровь християнську неповинно проливали.
То якъ стали бідныи неволники на собі кровь зобачати,
Стали турка клясти—проклинати:
„Ой, ты, турокъ проклятый, віро бесурманська,
Розлуко християнська!
Ты не одного сына изъ отцемъ и зъ матерью розлучила,
И брата зъ сестрою,
И мужа зъ женою,
Това́риша изъ това́ришемъ;

---

[1]) Послѣдніе 2 стиха у Кулиша составляютъ одинъ стихъ:

У гору руки пидіймали, кайданами забрязчали.

[2]) Доіла—допекла. На этомъ повтореніи кобзарь дѣлаетъ удареніе; этого нѣтъ въ думѣ, съ которою сличаемъ; причемъ тамъ 4 предпослѣдніе стиха оканчиваются существительными (дощикъ, вітеръ, хвыля, зъ... каторги), что̀ не типично для думы.

[3]) Въ думѣ Кулиша: Бідного невольника по-тричі въ однимъ місці затикайте!

Бідному неволнику ніко́ли й спокою немае [1]).
Вызволь насъ, Господи, изъ тяжкои неволи
Та на тихіи воды,
И на ясныи зори,
Та у край веселый,
Междо міръ хрещеный,
У городы́ християнськи!"
Дай, Боже, люду царському,
На́роду христіянському
На здоровья й на многіи літа
До ко́нця віка! [2])

II.

Дума про сестру й брата [3]).

Ой у неділю та барзо рано-пораненьку
То-то не сивая зозуля у саду кувала
И не дробная птиця у лісі щебетала [4]),
То сестра до брата изъ чужои далекои стороны листы писала.
Да поклінъ подавала [5]):
„Ой братику мій милый,
Та голу́бонько сивый!
То ты прибудь до ме́не [6]), та созвідай мене́ у чужій стороні.
Та при́ лихій, нещаслывій хуртовині."

---

[1]) Этого стиха у Кулиша совсѣмъ нѣтъ.

[2]) У Кулиша вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ:

Славу на многи літа.

[3]) Въ сборникѣ Метлинскаго есть похожая дума — *Чужина*, на 355 стр., записанная Метлинскимъ въ зѣньковскомъ уѣздѣ. Дума-же, озаглавленная такъ-же, какъ нами помѣщенная, на стр. 434 этого сборника, походитъ на думу «Отчимъ», которую поетъ Вересай, а потому мы и будемъ сличать нашъ варіантъ, съ первою изъ этихъ думъ, тоже указывая только на болѣе видныя отличія.

[4]) Этого стиха нѣтъ въ думѣ «Про чужину».

[5]) У Метлинскаго нѣтъ: «листы писала»; въ замѣнъ этого: «поклоняла».

[6]) Этого нѣтъ у Метлинскаго, а слѣдовательно и въ отвѣтѣ брата нѣтъ соотвѣтствующихъ словъ: «до тебе прибувати, не могу, сестро, прибути».

—Сестро-жъ моя мила,
Та голубонько сива! [1])
Радъ-же-бъ я до тебе прибувати,
Тебе созвідати
У чужій сторонї,
При лихій, нещасливій хуртовинї [2]);
Та не можу, сéстро, прибути за быстрыми ріками,
За темными лугами,
Та за широкими степами,
Та й далекими сторóнами [3]).
„Братику-жъ мій милый,
Та голубонько сивый!
То ты черезъ быстрыи ріки білымъ лебедонькомъ переплыви,
А черезъ темни луги яснымъ соколóмъ перелети,
А черезъ широкіи степы́,
Та черезъ далекіи сторóны
Хочъ малесенькимъ перепелонькомъ перейди.
Та сядь-упади сизымъ голубомъ на отецькимъ подвірьи,
Та жалібно загуди,
Та отцевській домъ и матчинъ звесели [4]),
А мені тоску-печаль на серці розведи.
Якъ дасть Богъ людямъ празникъ, а світлый-пресвітлый Велúкдень [5]),
То люде до церковці йдуть,
Якъ бджилоньки гудуть,
Плече зъ плечемъ черкають [6]),
Та одно óдного зъ празникомъ поздоровляють,
А на мене безділну-безрідну ани хто-жъ-то и не погляне.

---

1) Словъ обращенія брата къ сестрѣ и сестры къ брату въ думѣ Метлинскаго нѣтъ; на ихъ мѣсто во всей думѣ вставлены слова:

Братъ (или сестра) то зачувае,
Словами промовляе.

2) Двухъ послѣднихъ стиховъ у Метлинскаго нѣтъ, что̀ противно типичному настроенію думы, повторяющему въ отвѣтѣ обороты вопроса.

3) Этого стиха тоже нѣтъ.

4) То-же.

5) У Метлинскаго такъ: «Що теперь, брате, святый день, Великъ-день, Празникъ роковый».

6) Этого стиха нѣтъ.

А зъ церкви йдуть на хлібъ, на сіль—на честь зазываютъ,
А мене́ безділну-безрідну наче и родомъ не знаютъ [1]).
Що-то, братику, якъ у нашого отця люди бували,
Хлібъ-сіль їдали,
То тоди насъ добре люди знали,
Насъ кумы и побратымы добре витали [2]),
А теперъ, якъ пришибла злая година,
Лихая хуртовина,
То теперъ одрикаеться одъ насъ и кровная роди́на" [3]).
Якъ трудно дереву у лісі безъ корины,
То такъ то трудно у чужій стороні проживати безъ роди́ны;
Якъ тяжко-важко зъ сырои земли білый камень зняти,
То такъ то тяжко-важко въ чужій стороні безъ роду, безъ сердешнои родиноньки помирати [4]).

—

Дай, Боже, на здоровля та на многии літа
Усімъ православнымъ християнамъ до ко́нця віка!

III.

Дума про Йвася Коновченка [5]).

Ой тамъ на славній Вкраині, у городі у Черкасі,
Тамъ жила удова

---

[1]) Послѣдніе 4 стиха такъ:

Одно одного на здоровья пытае,
Одно одного на бенкетъ зазывае,
А мене нихто по родыни не займае,
Будто воно мене та й не знае!

[2]) Вмѣсто этихъ двухъ стиховъ одинъ: Тогди насъ кумы й побратимы добре знали.

[3]) Одцуралися кумы й побратимы.

[4]) Фигура, заключающаяся въ этихъ 4-хъ строчкахъ, у Метлинскаго выражена нѣсколько иначе:

То такъ-то тяжко, та такъ важко
Землі безъ травы, рыбі безъ воды,
Птиці безъ ліса пробувати;
То такъ-то тяжко та важко чоловіку въ чужій чужині
На чужій стороні,
Безъ отця, безъ неньки, безъ сердешного роду пробувати.

[5]) Кромѣ теперешняго, намъ извѣстны еще 2 варіанта этой думы: 1) помѣщенный въ сборникѣ Максимовича за 1834 г., стр. 51—57, и 2)—въ сбор-

Черкаська жена
Коновчиха,
По мужу Грициха;
Та мала собі сына Йвася Коновченка-удовиченка.
Вона его зъ малыхъ літъ годува́ла,
У на́ймы не пускала,
На чужи руки, на потурання не давала,
Та до доброго розуму доводила,
Та все милосерного Тво́рця благала-молила:
„Господи Боже милый и всі святыи!
Поможить мені сына Йвася годувати,
До доброго разуму доводи́ти,
Щобъ було де при старости літъ віку дожити,
Головоньку приклонити“.
Якъ ставъ Ивась Коновченко-удовиченко до доброго разуму доходити,
Стали козаки, стари паны моло́дци, у городъ у Черкасъ находити,
Стали охотне військo выкликати.
Тоді Ивась Коновченко-удовиченко до вдовы—черкаськои жены промовляе словами,
Й обильется гиркими слезами:
—Ой мамо, мамо, удо́во,
Черкаськая же́но, Коновчихо!
Займи-жъ ты чотыри воли чабаныи, у городъ до жида Кролёва оджени [1])
И добрый зъ нимъ торгъ учини,
Та пятдесятъ червонцивъ доложи,
Та мені одно́го коня купи,
Которого козацькая—молодецькая душа полюбила,

никѣ Метлинскаго 1854 г. стр. 413—424, записанная Кулишемъ отъ Андрія Шута, но эти варіанты на столько отличаются отъ нашего, какъ по объему, такъ и относительно послѣдовательности разсказа, и другихъ частностей, что мы не находимъ удобнымъ дѣлать сличенія.

[1]) «До жида Кролёва», очевидно—искаженіе. Въ думѣ, помѣщенной у Максимовича сказано: «.... до города Крылова»; въ думѣ, записанной Кулишемъ, этотъ городъ названъ Корсуномъ, а жидъ просто называется «оландаремъ» или «рандаромъ».

То промовить удова словами
Й обильется горко слезами:
„Бодай ты, сынку Йвасю Коновчичу-удовиченку, сёго не дождавъ,
Щобъ я отцевську худобу збувала,
Та тобі коня куповала;
А лучше-жъ-бо, сынку Йвасю, у полі хліба-соли пахати,
Козаківъ на хлібъ на силь зазываты,
То будуть тебе люде добре знати,
Будуть тебе чтити—поважати“.
То обйзветься Йвась словами
Й обильеться горко слёзами:
—Ой мамо, мамо, удово,
Черкаськая жено!
Хочъ и буду я на полі хліба-солі пахати,
Козаківъ на хлібъ на силь зазывати,
Та не хотілося мені за плугомъ ходити,
Та спины ломати,
Своихъ сапьяныхъ чобитъ по бороздамъ выкрывляти,
Китаéвыхъ жупановъ пыломъ напыляти!

У неділю барзо рано удова,
Черкаськая жена,
Думала—гадала,
Изъ свого дому у Божій домъ одхожала,
И всю козацьку—молодецьку зброю зхоронила,
Тильки козацькои—молодецькои шабли не зхоронила.
То Ивась Коновченко одъ сна вставае,
Лице вмывае,
По світлиці прохожае,
Нигде козацькои—молодецькое зброи не забачае;
Бере козацьку булатну шаблю й за плечи закладае,
Та зъ города выхожае,
Та на *четь* мили за городомъ у дорозі козакивъ піхомъ наганяе.
Козаки, стари паны молóдци, ёго не взнали,
Йвася Коновченка-удовиченка, молодого лыцаря, дорогою поздоровляли.

Ой то-то-жъ-то удова,
Черкаськая жена, Коновчиха

Изъ Божого дому прихожае,
А вже сына Ивася Коновченка и дома немае.
То вона тоди до земли припадае,
У гору руки знимае,
Бога милосердного благае:—
„Бодай тебе, сыну Йвасю, три недоли не побили:
Першая недоля щобъ тебе не побила—
Щобъ ружи́на не стреляла,
Другая недоля щобъ тебе не побила—
Щобъ тебе шабля булатная не рубала,
Третяя недоля щобъ тебе не побила—
Щобъ отцеви и матерени слёзы ни въ якій потребі не спо-ткали“.

Тоди удова, черкаськая жена, Коновчиха добре думала—гадала,
Чотыри волы чабаны́хъ займала,
Та въ городъ до жида Кролёва одигнала,
Добрый торгъ учинила,
И пятдесятъ червонцивъ доложила,
Та Йвасю Коновченку коня купила,
Котораго душа козацька—молодецька полюбила,
А рядовыми козаками до війска коня одсылала.
Тоди Ивась Коновченко на коня сідае,
Хрестъ на собі складае,
Господа милосердного призывае,
Та до пана Хвилона [1]), ко́рсунського полковника, словами промовляе:
„Пане мій, пане Хвилоне, ко́рсунській полковникъ!
Благослови мені на Черкаси-долины [2]) зъ Арчинико́мъ [3]) погуляти,
Па́мъяти козацькои заживати
Й зна́мена турецького доставати“.

---

[1]) У Максимовича—Филоненко.

[2]) У Максимовича Ивась говоритъ матери, что хочетъ «пидъ городъ Тягиню гуляти», а въ обращеніи къ Филоненку—«на Черкеню-долину»; это послѣднее названіе упомянуто и въ варіантѣ, записанномъ Кулишемъ.

[3]) Этого имени нѣтъ ни у Максимовича, ни у Метлинскаго. На вопросъ: кто это? Вересай отвѣтилъ: «це такій татарській лыцарь бувъ,—князь, а може полковникъ».

То промовить Хвилонъ, корсунській полковникъ, словами
И обильеться горко слёзами:
Не благословлю я тобі, Йвасю Коновченку, на Черкаси-долині зъ Арчиникомъ гуляти,
Памняти козацькои й знамена турецького доставати:
Ще й ты дитя молодее, нигде не бувало,
Та козацького звычаю не розизнало,
А есть козаки, стари паны молодци,—нехай вони на долині Черкаси гуляють,
Памяти козацькои заживають
И знамена турецького доставають".
То промовить Ивась словами,
Обильеться горко слёзами:
„Пане мій, пане Хвилоне, корсунській полковникъ!
Поймай ты утя старое й малое,
Та пусти ты на море,
То такъ поплыве малое, а якъ бы старое".
Якъ пишовъ Ивась Коновченко-удовиченко на Черкасъ-долину зъ Арчиникомъ гуляти,
Памяти козацькои заживати
Й знамена турецького доставати,
То винъ симсотъ изрубавъ,
А симсотъ живыхъ у руки забравъ;
То Хвилонъ корсунській полковникъ израдівъ: его пидъ руки хватае,
Червону китайку простиляе,
Напитки й наідки становить,
Словами говорить:
„Ивасю, Йвасю Коновченку-удовиченку!
Ще й ты дитя и малое й молодое,
Ще-жъ нигде не бувало,
Та багато козацького звычаю розизнало".
Промовить Ивась словами:
„Пане мій, пане Хвилоне, корсунській полковникъ!
Благослови мені оковиту водку вживати,
То йще не такъ буду на Черкаси долині зъ Арчиникомъ гуляти".
То промовить Хвилонъ словами:
„Не благословлю я тобі, Йвасю, оковитои водки вживати,
Бо оковитая водка тебе зрадить,

И зъ хреще́нного світа тебе збавить".
То винъ на те не дбавъ,
Та оковитои водки кубокъ наливавъ,
Такъ наливъ, такъ наливъ,
Ажъ козацьке молодецьке серце звеселивъ.
Тоди на коня сідае,
Городомъ проізжае,
Старо́го й мало́го дорогою зневажае;
А за городъ виізжае —
Сонъ ёго знемогае,
Ой то винъ головоньку коневи на гриву склоняе.
Турецька-бесурмлянська віра пьяного чоловіка за четь мили взнали,
Та йще за четь мили назадъ одступали;
То вони покы́ ёго пьяного зарубали,
Ще симсотъ за собою утеряли;
Тильки то не добре вчинили,
Що коня не вловили.
Кинь по табору турецькому гуляе,
На собі кривави поводы́ обрывае;
То Хвилонъ корсунській полковникъ сее забачае;
На своихъ козакивъ стары́хъ словами гукае:
„Козаки, стари паны моло́дци! добре вы дбайте,
Пидите, коня поймайте
Того, що по табору турецькому гуляе;
Мабуть нашого Йвася Коновченка-удовиченка, молодого лыцаря, на світі немае".
То козаки, стари паны молодци, коня вловили,
До пана Хвилона корсунського полковника приводили.
То Хвилонъ, корсунській полковникъ до вдовы́,
Черкаськои жены
Письмо одсылае,
Поклинъ передавае:
„Удо́во, удо́во, черкаськая же́но!
А вже твій сынъ Ивась одружився:
Узявъ собі жинку горду-прегорду, а пышну-препышну, у Черкасі-долині высоку могилу!"
То удова, черкаськая жена,
Коновчиха
У гору руки знимала,

Господа милосердного благодарила й прохала:
„Благодару-жъ Тебе, Бога небесного, що мій сынъ Ивась одружився;
Хочъ узявъ собі жену горду-прегорду, пышну-препышну,
То все-таки буде при кому віка дожити,
При старости літяхъ головку прихилити“.
Хвилонъ корсунській полковникъ зъ рядовыми козаками до удовы коня привождае,
То удова коня забачае,
До сырои земли припадае,
Хвилона корсунського полковника проклинае:
„Бодай ты, Хвилоне, корсунській полковникъ, щастя-доли не мавъ.
Якъ ты мого сына Йвася Коновченка-удовиченка, молодого лыцаря, за все висько втерявъ!“
То промовить Хвилонъ, корсунській полковникъ, словами
Й обильеться горко слёзами:
„Ой стой ты удо́ва,
Черкаськая же́но!
Ты мене не лай,
Й мені молодому щастя-доли не теряй,
Бо ты сама не добре вчинила,
Що такого коня ему купила“.
То удова ду́мала гада́ла,
У свій домъ козакивъ зазывала,
Восимъ не́діль шистьсотъ козакивъ у домі продержала,
Хліба-соли не забороняла,
За-разо́мъ похоро́нъ и весілля гуляла
Й подарки давала.

—

Дай Боже на здоровъя та на многи літа
А й до ко́нця віка!

(Эту думу Остапъ Вересай перенялъ отъ своего зятя Василя Ены, лирника изъ с. Бѣлоцерковки, лохвицкаго уѣзда.

Приведенныя три думы, какъ вообще всѣ историческія пѣсни, распѣваемыя бандуристами, принадлежатъ къ козацкому эпосу;

первая изъ нихъ относится по крайней мѣрѣ къ XVI вѣку, вторая, относительно времени возникновенія, имѣетъ характеръ неопредѣленный, третья-же относится къ болѣе поздней эпохѣ козацкихъ войнъ, а именно къ половинѣ XVII столѣтія. Такимъ образомъ эти три думы вмѣстѣ обрисовываютъ намъ до нѣкоторой степени весь періодъ полнаго славы козачества.

Козачество взяло на себя иниціативу въ защитѣ страны, труда и цивилизаціи отъ татаръ. Татарскіе набѣги особенно усилились къ концу XV и въ началѣ XVI столѣтій; украинскія степи являются тогда театромъ ловли татарами невольниковъ, которыми переполняются главнѣйшіе невольничьи рынки Крыма и Царьграда. Татары обязывались давать въ Турцію часть своихъ плѣнныхъ, другихъ продавали; эти послѣдніе принуждены были цѣлыхъ шесть лѣтъ пробыть въ рабствѣ, и только по истеченіи этого срока они становились свободными, однако не смѣли уйти изъ страны. Въ эту эпоху сложилась характерная форма украинской думы, самый старый образецъ которой -невольницкая.

Отличительные признаки думы — чрезвычайно грустный тонъ, болѣе прозаическое, чѣмъ стихотворное изложеніе, вольный, неравный размѣръ, очень близко подходящій къ благозвучной, ритмической прозѣ съ риѳмами, причемъ нѣкоторые стихи совершенно не риѳмуются, другіе-же имѣютъ по нѣсколько соотвѣтствующихъ риѳмъ, а самую риѳму по большей части составляютъ глагольныя окончанія. Содержаніе излагается главнымъ образомъ въ формѣ разговора дѣйствующихъ лицъ другъ съ другомъ или съ силами природы, причемъ построеніе отвѣта всегда имѣетъ нѣкоторое сходство со строемъ вопроса (это особенно рельефно видно въ приведенной нами второй думѣ). По ритму и тону всѣ думы весьма похожи одна на другую и довольно однообразны, какъ однообразны были завываніе вѣтра на широкихъ украинскихъ степяхъ и плескъ морскихъ волнъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ томящихся въ галерахъ невольниковъ.

Пѣсни о судьбѣ невольниковъ слушались нашимъ народомъ съ особеннымъ участіемъ, такъ какъ въ тѣ времена въ средѣ народа не мало было такихъ, которыхъ отцы, братія или сыновья пребывали въ рукахъ „турецькихъ-бесурмляньськихъ“. Безъ сомнѣнія, такія думы, распѣваемыя мѣстными рапсодами—бандуристами,

имѣли сильное вліяніе на слушателей—козаковъ, возбуждали состраданіе къ участи несчастныхъ страдальцевъ за вѣру и волю, побуждали козаковъ къ подвигамъ противъ турокъ и татаръ какъ для освобожденія этихъ невольниковъ, такъ и для отмщенія за причиненныя бѣдствія. Подобныя думы не теряли своего значенія и въ болѣе позднія времена козачества, хотя тогда являются уже новые подвиги и новые герои: Кишка Самійло, Ѳедоръ Безродный, Данило Нечай, Ивась Коновченко. Кто былъ этотъ послѣдній, неизвѣстный исторіи, герой и въ какомъ походѣ онъ участвовалъ, трудно рѣшить. Правда, всѣ собиратели и записыватели историческихъ пѣсенъ (Максимовичъ, Метлинскій, Жегота Паули, Кулишъ) пріурочиваютъ его къ 1684 году, т. е. къ походу козаковъ въ бѣлгородскій (аккерманскій) край за гетманства Куницкаго, причемъ Максимовичъ, на основаніи этой одной думы, Филоненка (якобы сына Филона Джеджелія) вводитъ въ списокъ корсунскихъ полковниковъ. Но послѣ взятія Чигирина турками въ 1678 году корсунскій полкъ перестал҆ъ существовать, а раньше того времени ни одинъ Филоненко не былъ корсунскимъ полковникомъ. При Острянинѣ въ 1638 году упоминается Филоненко, но онъ былъ полковникомъ вольницы козацкой. Изъ числа историческихъ личностей, носившихъ имя Филона, извѣстны два полковника: полтавскій Филонъ Гаркуша, назначенный въ 1659 году отъ Выговскаго, но не принятый полтавцами, а слѣд. это былъ только номинальный полковникъ, и кропивянскій—Филонъ Джеджелій или Джаджалый, сподвижникъ Хмельницкаго отъ 1649 по 1658 годъ. Судя по буйному характеру этого послѣдняго Филона и по его ненависти къ татарамъ, а также по тому значенію и вліянію, какимъ онъ пользовался въ глазахъ козаковъ, намъ кажется болѣе всего подходящимъ—отнести нашу думу ко времени Джеджелія, тѣмъ болѣе, что земли кропивянскаго полка лежали противъ Черкасъ, по ту сторону Днѣпра, хотя на географическія указанія, заключающіяся въ думахъ, полагаться не всегда можно.

Вообще приведенныя три думы представляютъ только варіанты уже извѣстныхъ думъ, но этимъ не умаляется ихъ значеніе. Сличеніе варіантовъ нагляднѣе всего уясняетъ намъ, какъ видоизмѣнялись вообще думы. Не будучи записанною, а переходя отъ бандуриста къ бандуристу изустно, дума сама собою разбивалась на

варіанты. Бандуристъ, смотря по времени и обстоятельствамъ, а иногда по вдохновенію, вносилъ въ данную думу одну—другую черту вновь или замѣнялъ прежнюю иною. Такимъ образомъ дума развивалась и измѣнялась безъ нарушенія исторической правды. Но съ теченіемъ времени условія жизни измѣнялись, поэтическіе разсказы о герояхъ давнего прошлаго и событіяхъ, совершившихся когда-то, теряли какъ для народа, такъ и для самого кобзаря свою жизненную силу и свѣжесть. Тогда дума или подкрашивалась и непомѣрно расширялась не идущей къ дѣлу болтовней, или-же сокращалась съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ историческихъ частностей. Дума о Коновченкѣ, записанная Кулишемъ отъ Шута, представляетъ образецъ именно такой раздутой, растянутой на цѣлый часъ пѣнія думы; дума о томъ-же героѣ, записанная нами отъ Вересая, принадлежитъ ко второму разряду измѣнившихся думъ: она вдвое короче кулишевской думы, но картина томленія козаковъ въ неволѣ представлена въ ней вполнѣ рельефно, хотя и въ сжатой формѣ. Имѣя въ виду сказанное выше о характерныхъ чертахъ думъ вообще, нашу думу мы ставимъ выше предъидущей: она проще, акція идетъ живѣе, основныя черты выставлены рельефнѣе.

Невольницкая дума замѣчательно сохранилась въ памяти народной; дума-же объ Иванѣ Коновченкѣ сильно измѣнилась, не смотря на то, что эта послѣдняя сложилась, по крайней мѣрѣ, на сто или полтораста лѣтъ позднѣе первой думы. Въ чемъ причины этого страннаго явленія? Неужели лучше помнить повѣствованіе о томъ, что было раньше, чѣмъ разсказъ о болѣе позднихъ событіяхъ? Главная причина, по нашему мнѣнію, лежитъ въ измѣнившемся вмѣстѣ съ жизнію характерѣ самихъ-же бандуристовъ. Современные намъ кобзари—это не прежніе пѣвцы и вмѣстѣ участники народныхъ страданій, а простые передатчики того, что сохранила народная память; они не имѣютъ уже въ виду воодушевить своихъ слушателей, разжечь въ нихъ рыцарскія страсти, но стараются лишь разжалобить ихъ, заставить прослезиться, а этимъ склонить въ свою пользу—къ подаянію нищему-слѣпцу. Думы въ родѣ „невольницкой“ или „о сестрѣ и братѣ“—болѣе общаго характера и разсказываютъ о бѣдствіяхъ и явленіяхъ, прочувствовать которыя можетъ всякій современный человѣкъ, которому только не чужды религіозно-нравственныя стороны, выводимыя въ этихъ думахъ.

Между тѣмъ думы, такъ сказать, политическаго характера въ настоящее время для народа не имѣютъ значенія. Немалое имѣли вліяніе на думы и послѣдующія явленія въ народной жизни, особливо гайдамачина, заслонившая собою представленія и воспоминанія о предшествовавшихъ событіяхъ. Не безъ причины кобзари сохранились теперь почти исключительно по лѣвой сторонѣ Днѣпра. Главнѣйшія движенія народныхъ массъ позднѣйшей эпохи происходили въ правобережной Украйнѣ, а это не могло не имѣть вліянія на возникновеніе новыхъ думъ и измѣненіе прежнихъ, или образованіе въ нихъ значительныхъ варіантовъ. Сохраненію и поддержанію въ народѣ думъ не благопріятствуютъ иногда и новые распорядки: новый строй жизни не различаетъ бродяги-нищаго отъ странствующаго артиста старыхъ временъ, и полицейская власть въ ряду нищихъ, шляющихся по ярмаркамъ, не рѣдко захватываетъ и бандуристовъ и водворяетъ ихъ на мѣсто жительства. Нѣчто подобное случилось, напр., и съ Остапомъ Вересаемъ, когда онъ въ прошломъ году былъ посаженъ въ кутузку въ Прилукахъ; но тутъ-то табакерка, подаренная ему великими князьями, сослужила ему службу: лишь только онъ показалъ ее блюстигелямъ порядка, какъ тотъ часъ-же былъ выпущенъ на свободу. Съ тѣхъ поръ Вересай называетъ эту табакерку своимъ „прачпортомъ".

Репертуаръ Остапа Вересая, кромѣ думъ, составляютъ еще, какъ мы сказали, „поважливі пісни" и „простацькі". Въ первой изъ записанныхъ нами пѣсенъ религіозно-нравственнаго содержанія („Годі (полно) вамъ шуміти") въ прекрасной поэтической формѣ выражаются сожалѣніе о безполезно проведенной молодости и муки поздно пробудившагося сомосознанія:

Віють вітры въ стèпу—запрету не мають;
Идуть мысли въ день и нóщи—спокою не дàють!

Содержаніе второй пѣсни: „Якъ трудно во гріхахъ умирати"—опредѣляется самимъ заглавіемъ; подобная пѣсня находится въ сборникѣ Метлинскаго, на стр. 371, подъ заглавіемъ: „Смерть".

Пѣсни сатирическаго содержанія, входящія въ репертуаръ Вересая, осмѣиваютъ ненормальности человѣческой жизни и ук-

лоненія отъ здраваго смысла; но эти пѣсни онъ рѣдко поетъ и вообще не придаетъ имъ особаго значенія, называя ихъ „простацькими“ и желая этимъ выразить, что только, принаравливаясь ко вкусамъ слушателей-простолюдиновъ, онъ позволяетъ себѣ пѣть такія пѣсни.

Приводимъ первую изъ указанныхъ нами пѣсень, представляющую не мало художественныхъ чертъ.

Годі вамъ шуміти, зелены луги!
Годі мліти серцю моему зъ незносной туги! 2
Якъ цвіты прекрасны скоро одцвітають,
То такъ насъ молодіи лі́та скоро покидають. 2
Пройшли літа скоро, якъ быстрыи ріки,
А я живу при нещастьи черезъ усі віки, 2
Віють вітры въ степу—запрету не мають,
Идуть мысли въ день и въ нощи—спокою не да́ють. 2
Старость моя й жизность! не можу терпіти,
Що я не вмівъ молодыми літами владіти. 2
Теперь я не знаю, якъ дожити віку;
Ой де-жъ мені подітися, бідному чоловіку? 2
Пойду я зъ печалью а въ темныи луги;
Ой чимъ-же я вызволюся зъ великои туги? 2
Лучше жъ мені жити въ пущахъ мижъ звірами,
Ані-жъ мені при нещастьи жить мижъ ворогами. 2
Лучше мені жити въ степу, у пустыні,
Ані-жъ межъ людьми при нещастьи жити на еди́ні! 2

—

Есть такіи люде, що нужды не знають,
Одъ убогого, одъ мизерного двери зачиняють, 2
Прежди смерти душі царства своій не дбають. 2

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ устройствѣ инструмента, на которомъ кобзарь аккомпанируетъ себѣ при пѣніи, а также о пріемахъ при самой игрѣ.

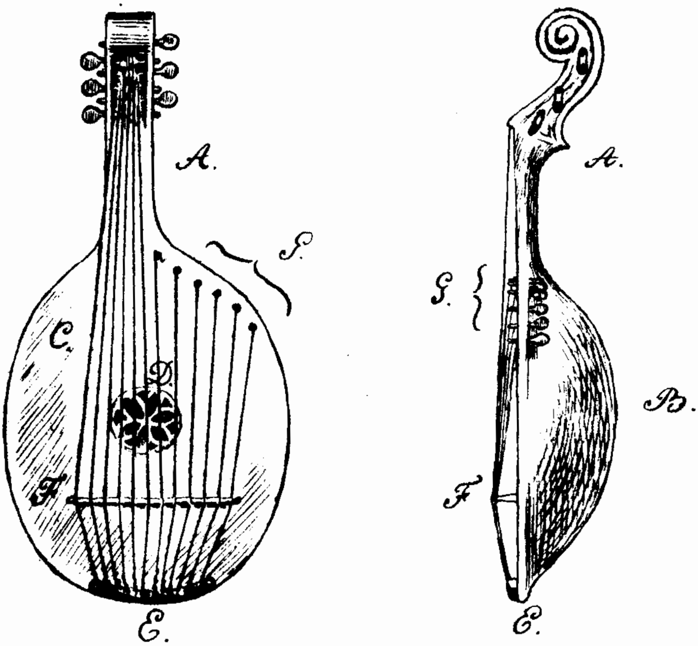
Бандура, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ, состоитъ изъ *ручки* или грифа **A**, выпуклаго овала—*спідняка* **B** и вибрирующей поверхности—*верхняка* **C** или дейки съ отверстіемъ—*голосникомъ* **D**. Струны, начинаясь отъ прикрѣпленнаго къ окружности

овала *приструнника* **E**, перекидываются черезъ деревянный порогъ —*кобылку* **F** и идутъ къ головкѣ ручки, въ которой сидятъ колочки для подтягиванія или опусканія струнъ. Всѣхъ струнъ 12 (но бываетъ 20, 30 и болѣе). Шесть большихъ струнъ называются *бунты:* 3 первыя—басы, всѣ они *кишко́ви*, причемъ первый басъ обмотанъ канителью; 4-ая мѣдная *(дрото́ва)*, 5-ая *прийма* и 6-ая *терція*—они изъ кишекъ прозрачныхъ—*римськихъ*; шесть короткихъ струнъ носятъ названіе *приструнковъ*, они бываютъ изъ кишекъ и мѣдныя.

Кобзарь играетъ на бандурѣ сидя и держитъ ее въ косвенномъ положеніи, но при игрѣ пьесъ плясовыхъ—совершенно вертикально. Лѣвой рукой нажимаетъ струны, правою-же рукою перебираетъ, причемъ, для произведенія болѣе сильнаго, рѣзкаго звука, надѣваетъ на указательный палецъ наперстокъ съ косточкой, т. е. деревянной полоской изъ лозы или орѣшника. Когда нѣсколько бандуристовъ играютъ вмѣстѣ, то одни играютъ преимущественно на *пристрункахъ*, другіе-же имъ вторятъ на *бунтахъ*, что́, замѣтимъ, производитъ весьма пріятную гармонію.

К. Ф. У. О.

Рисунокъ типической бандуры.



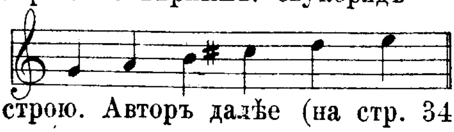
Объясненіе знаковъ см. въ текстѣ.

О музыкѣ думъ и пѣсень Остапа Вересая.

Въ первомъ томѣ „Записокъ юго-западнаго отдѣла императорскаго географическаго общества“ помѣщена обстоятельная статья о томъ-же предметѣ, который избирается и нами для настоящей замѣтки. Но этотъ предметъ такъ мало еще изслѣдованъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ такое огромное значеніе въ смыслѣ историко-эстетическомъ, что чѣмъ больше будетъ высказано о немъ мнѣній, хотя-бы и не вполнѣ согласныхъ между собою, тѣмъ большая откроется возможность будущему изслѣдователю южно-русской музыки прійти къ положительнымъ выводамъ относительно ея характерныхъ особенностей, выдѣляющихъ ее изъ семьи родственныхъ ей напѣвовъ всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ. До самаго послѣдняго времени всѣ изслѣдователи народной славянской музыки относили ее къ такъ называемымъ средне-вѣковымъ церковнымъ ладамъ. Это мнѣніе до сихъ поръ еще господствуетъ среди многихъ изъ спеціалистовъ музыкантовъ. И дѣйствительно, при поверхностномъ изслѣдованіи славянской народной музыки, легко прійти къ такому выводу: съ перваго взгляда мы имѣемъ здѣсь какъ будто всѣ признаки этихъ старо-церковныхъ ладовъ. Но при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, въ частности, великорусскихъ пѣсень, сдѣланномъ г. Мельгуновымъ, оказалось, что эти пѣсни имѣютъ основаніемъ болѣе древнюю почву— именно *греческіе строи*. Чтобы быть понятнымъ для читателя, я выскажу здѣсь нѣкоторыя положенія изъ исторіи европейской музыки вообще. Какъ и всѣ другія искусства, музыка не сразу явилась во всеоружіи современной гармоніи съ ея роскошною, въ смыслѣ разнообразія построеній, обстановкой. Какъ живопись развилась изъ плоскостныхъ изображеній, безъ всякаго соблюденія перспективы (египетскіе рисунки), такъ и музыка въ началѣ не

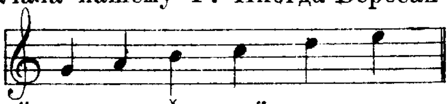
имѣла тѣхъ качествъ, которыя придаютъ ей характерную окраску—не имѣла гармоніи. Это была, такъ сказать, плоскостная музыка, музыка одноголосная, *гомофоничная.* Относительно живописи мы имѣемъ чрезвычайно интересныя изслѣдованія, какъ напр., изслѣдованія Гладстона о неполномъ представленіи древними греками всѣхъ цвѣтовъ нашего спектра; такъ и въ музыкѣ:—древніе народы не различали мелкихъ мелодическихъ единицъ, какъ наши полутоны, ихъ слухъ воспринималъ только цѣлые тоны; поэтому мы и видимъ кажущіяся для современнаго уха чрезвычайно странными китайскія и валлійскія (шотландскія) гаммы изъ 5 цѣлыхъ тоновъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ музыка, какъ и другія искусства, шла все впередъ и уже у грековъ временъ Аристотеля выразилась въ строгой и стройной системѣ изъ семи строевъ. Но система эта все-же значительно отличалась отъ нашей. Начальная христіанская музыка воспользовалась матеріаломъ, оставленнымъ ей классической древностью и на немъ основала всѣ свои пѣснопѣнія. Но изобрѣтеніе органа и другія обстоятельства заставили музыку уклониться отъ прежняго гомофоническаго (одноголоснаго) пути и перейти къ полифоніи (многоголосицѣ). Первые зачатки полифоніи мы встрѣчаемъ въ IX-мъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова въ произведеніяхъ фландрскаго монаха Убальда или Гукбальда въ видѣ такъ называемой діафоніи. Гукбальдъ писалъ свои произведенія для двухъ голосовъ, шедшихъ параллельно въ интервалахъ квинты, кварты или октавы. Такова была основа современной полифоніи. Въ послѣдующемъ своемъ развитіи музыка шла уже все дальше и дальше по пути полифоніи, измѣняя, сообразно съ требованіемъ послѣдней, свои основныя единицы, т. е. древне-греческіе строи, лежавшіе въ ея основаніи. Такъ произошли средне-вѣковые церковные лады, приведенные въ стройную систему знаменитымъ музыкантомъ XVI-го вѣка Глареаномъ (Glareanus). Глареановскіе лады имѣютъ уже совершенно иныя названія, чѣмъ греческіе строи, имѣютъ отличное отъ послѣднихъ значеніе. Изъ этихъ ладовъ развился нашъ современный мажоръ и миноръ. Наша современная музыка и ея строи имѣютъ то отличіе, что всякая мелодія, всякая гармонія стремится закончиться въ опредѣленный тонъ, въ опредѣленный аккордъ, построенный на извѣстной нотѣ. Эта-то нота, которой стремятся закончиться наши мелодіи и гармоніи и служитъ показателемъ строя

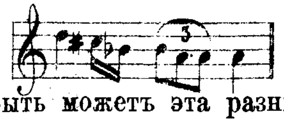
мелодіи, называется *тоникой* строя. Средне-вѣковые лады такое стремленіе обнаруживаютъ слабѣе, древне-греческіе строи почти вовсе лишены его. Въ этомъ одно изъ существеннѣйшихъ отличій ихъ. Теперь спрашивается, къ какого рода строямъ слѣдуетъ отнести нашу древнюю южно-русскую музыку? Странно было-бы предполагать, что славянское племя, исходящее изъ одинаковаго арійскаго корня съ греческимъ, но съ самой ранней поры своей жизни ставшее вдали отъ западно-европейскихъ народовъ и ихъ культуры, должно было развить свою музыку совершенно также, какъ развили ее западно-европейцы. У славянъ не было повода къ такому развитію полифоніи, какое имѣлось у западно-европейцевъ, и они въ большей чистотѣ должны были сохранить первообразъ европейской музыки, музыку гомофоничную, сродную музыкѣ древнихъ грековъ. Такъ уже a priori мы пришли къ выводу, что средне-вѣковые церковные лады, выросшіе на почвѣ полифоніи, не должны бы были вполнѣ соотвѣтствовать строямъ нашей славянской и, въ частности, южно-русской музыки. Почтенный авторъ статьи „Записокъ", по нашему мнѣнію, допустилъ неточность, посмотрѣвъ на южно-русскіе напѣвы съ предвзятой точки зрѣнія, господствовавшей въ то время, идентичности строя малорусской музыки съ церковными западными ладами. Но вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу и здѣсь дало себя знать: авторъ указываетъ, что церковные лады не составляютъ господствующаго элемента въ южно-русской музыкѣ, что въ ней встрѣчаются и наши мажоръ, миноръ и мадьярскія гаммы, и, наконецъ, признаки, приводящіе ее въ соприкосновеніе съ восточной музыкой. Ни однимъ только словомъ авторъ не заикается о древне-греческихъ строяхъ, а между тѣмъ они-то и составляютъ главный элементъ въ нашей музыкѣ. Говоря о строѣ шести короткихъ струнъ (приструнків) бандуры авторъ считаетъ его *лидійскимъ* средне-вѣковымъ ладомъ. Съ виду это кажется совершенно вѣрнымъ: звукорядъ—

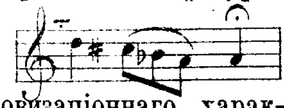


совершенно соотвѣтствуетъ по виду лидійскому церковному строю. Авторъ далѣе (на стр. 346) говоритъ, что кобзарь этихъ струнъ не прижимаетъ, а играетъ на нихъ, не измѣняя звука. Но мнѣ удалось видѣть и слышать иное. Остапъ Вересай, показывая, какъ надо играть плясовыя пѣсни на двухъ бандурахъ, укорачи-

ваетъ и *приструнки* и играетъ на нихъ также, какъ и на *бунтахъ* (длинныя струны). При этомъ оказывается необыкновенно интересное явленіе: кобзарь не заключаетъ своей игры въ тоникѣ, какъ слѣдовало-бы въ лидійскомъ ладу, а безразлично заканчиваетъ свою игру или въ тонику, или въ нижнюю квинту, или въ верхнюю терцію. Это уже чистый признакъ древне-греческихъ лидійской, гиполидійской и синтонолидійской гаммъ, повышенныхъ на цѣлый тонъ, ибо эти древне-греческія гаммы соотвѣтствовали по высотѣ своего начала нашему F. Иногда Вересай настраиваетъ приструнки иначе:



что соотвѣтствуетъ древне-греческой іонійской гаммѣ (найчаще встрѣчаемой въ великорусскихъ пѣсняхъ), при чемъ точно также держится полной свободы заключеній, вращаясь то въ основномъ, то въ *гипо*, или въ *синтоно* ладу. Что касается собственно музыки и напѣвовъ думъ, то здѣсь я могу сообщить не много новаго. Дума въ исполненіи Вересая, котораго мнѣ довелось слышать въ настоящій его пріѣздъ только дважды, имѣетъ характеръ полной импровизаціи. Одну и ту же думу Вересай одинъ разъ исполняетъ такъ, другой разъ иначе. Основной мелодическій рисунокъ всѣхъ думъ совершенно одинаковъ. Онъ почти совершенно точно совпадаетъ съ приложенной къ упомянутому тому „Записокъ" мелодіей думы. Мелизматическія украшенія, придаваемы ей Вересаемъ этому основному безритменному мотиву, трудно поддаются записыванью. Мельчайшія интервалы придаютъ этимъ украшеніямъ характеръ, близкій къ восточнымъ мелодіямъ; это, какъ кажется, можетъ быть объяснено долговременнымъ соприкосновеніемъ малоросовъ съ татарами и турками. Въ этихъ украшеніяхъ можно найти много общаго съ пѣсней Муэзина передъ восходомъ солнца (см. „Illustrirte Musiq.-Geschichte" von E. Nauman, в. 99). Замѣчу, что окончаніе каждой мысли заканчивается опредѣленной фигурой

въ „Запискахъ" она представлена такъ



Быть можетъ эта разница зависитъ отъ импровизаціоннаго характера исполненія Вересая. Я не считаю нужнымъ выписывать здѣсь всѣхъ мелизмовъ, какіе мнѣ удалось записать. Чтобы уяснить себѣ ихъ значеніе, у меня нѣтъ еще достаточно матеріалу; какъ сырой же матеріалъ, они не имѣютъ значенія. Мнѣ кажется, что изслѣ-

дованіе въ указанномъ мною направленіи, т. е. насколько наши мелодіи отличаются по строю отъ западныхъ, насколько онѣ сходны съ древне-греческими и чѣмъ разнятся отъ этихъ послѣднихъ, составляетъ интереснѣйшую задачу, могущую повести къ новымъ открытіямъ въ области эстетической акустики, какою она является у Гельмгольца. Быть можетъ ближайшія изслѣдованія откроютъ, что наша музыка хотя сродна, но не идентична ни съ древне-греческой, ни съ средне-вѣковой западной. Намеки на это имѣются въ разницѣ изслѣдованій хотя и поверхностныхъ, какъ мои и автора статьи „Записокъ". Быть можетъ эти изслѣдованія открываютъ новые горизонты въ области тональностей и обновятъ начинающую уже ветшать современную ихъ систему. Дождутся-ли наши мелодіи такихъ изслѣдованій?

А. К-скій.

ИЗЪ ПРАКТИКИ СТАРЫХЪ СУДОВЪ.

„Невѣроятный извѣтъ отъ простолюдчивости по предосужденію“.

Не подъ этимъ заглавіемъ, но съ такими названіями и характеристикою находится въ одномъ изъ кіевскихъ архивовъ „дѣло о порѣзаніи“ малолѣтними еврейками на малолѣтнемъ-же крестьянскомъ мальчикѣ „тѣла для испущенія христіанской крови“. Дѣло не сложное, не продолжительное по времени, но интересное какъ по существу, такъ и по многимъ его частностямъ: въ немъ проглянуло, кажется, неизвѣстное доселѣ народное вѣрованіе объ употребленіи евреями христіанской крови при разрѣшеніи отъ бремени еврейскихъ женщинъ, равно отобразилась вся процессуальная сторона такихъ и подобныхъ дѣлъ прежняго времени.

Отъ временъ глубокой древности, отъ вѣковъ отдаленныхъ идетъ непримиримая вражда между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ всѣхъ странъ. Наша южно-русская страна представляетъ въ семъ отношеніи исключеніе развѣ въ смыслѣ высшаго народнаго озлобленія противъ исповѣдниковъ Іеговы, проявлявшагося надъ ними наиболѣе частымъ и наиболѣе чувствительнымъ образомъ. Отъ Изъяслава и Владиміра Мономаха до Гонты и Желѣзняка и отъ этихъ послѣднихъ до нашихъ дней, чувства кіевлянъ, чувства всего южно-русскаго народа къ еврейскому поколѣнію не измѣнились ни на іоту. Нечего говорить о томъ, что въ основѣ этихъ чувствъ лежатъ прежде и болѣе всего экономическія отношенія, а потомъ вѣроисповѣдное отличіе; но сверхъ этого въ нихъ видную роль играетъ особый циклъ вѣрованій, ничего общаго съ догматами христіанства не имѣющихъ, но твердыхъ и непоколебимыхъ, всасываемыхъ съ молокомъ матери, обоснованныхъ на

вѣковой традиціи. Едва ли и теперь удалось-бы вамъ, читатель, разувѣрить нашего простолюдина въ томъ, что „у жида нѣтъ души", а есть только *„пара, что изъ скотины выходитъ"*,—даже не тотъ „дымецъ малъ", что видѣлъ врачь—иностранецъ въ минуту кончины московскаго великаго князя Василія Васильевича, исходящимъ отъ тѣла его. Къ числу вѣрованій, столь давнихъ и повсюдныхъ, относится и увѣренность въ употребленіи евреями христіанской крови. Вѣрованіе это и связанная съ нимъ казуистика имѣютъ свою литературу, крайне любопытную въ томъ отношеніи, что изъ всѣхъ, писавшихъ объ этомъ *pro* и *contra*, никто никого ни въ чемъ не убѣдилъ и что изъ большаго числа возникавшихъ въ судебной практикѣ случаевъ обвиненія евреевъ въ добываніи христіанской крови, ни одинъ не доказанъ окончательно, но и ни одинъ не оставленъ безъ большаго или меньшаго подозрѣнія. Тотъ-же характеръ недоказанности и вмѣстѣ нѣкотораго сомнѣнія носитъ на себѣ и настоящій случай, о которомъ мы хотимъ разсказать, ради одной его особенности по существу и нѣкоторыхъ характерныхъ частностей.

Дѣло происходило не особенно давно, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, въ предѣлахъ кіевской губерніи. Въ васильковскомъ уѣздѣ, не вдалекѣ отъ самаго города Василькова, вправо отъ широкаго почтоваго тракта на Бѣлую Церковь, лежитъ большое село Плисецкое. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ немъ жилъ еврей Фроимъ, по фамиліи Каминскій. Фамилія нимало не еврейская, и это указываетъ на то, что либо самъ Фроимъ, либо вообще родъ его вполнѣ натурализовался въ „краѣ забраномъ", а быть можетъ зашелъ сюда изъ „Конгрессувки". Въ тридцатыхъ годахъ было уже царство откуповъ и процвѣтало оно во всю свою мощь какъ на Сѣверѣ, такъ и на югѣ Россіи, на послѣднемъ—въ „народѣ избранномъ". И въ окрестностяхъ с. Плисецкаго былъ откупщикъ, а въ самомъ Плисецкомъ его приказчикъ Фроимъ. Былъ онъ съ достаткомъ, жилъ здѣсь 14-ть лѣтъ, своимъ дѣломъ занимался, людей не чуждался. У Фроима была своя Сура, а отъ нея онъ имѣлъ двухъ дочерей — Лею и Хайку,—какихъ лѣтъ, это также трудно опредѣлить, какъ трудно опредѣляются годы евреевъ-дѣтей при полученіи пассажирскихъ билетовъ и евреевъ-юношей при отбываніи воинской повинности. Рядомъ съ Фроимомъ жилъ казенный

крестьянинъ Кузьма Мироненко, а у него жена Дарья и трое малолѣтнихъ дѣтей: дочь и два сына, изъ которыхъ одинъ былъ старше дочери, а другой имѣлъ лишь пять мѣсяцевъ отъ рожденія и проводилъ время въ „колыскѣ" (люлькѣ) подъ присмотромъ старшаго брата и сестры, а иногда и самостоятельно. Дочери Фроима приходили къ дѣтямъ Мироненка „бавиться", или поиграться. До происшествія, о которомъ возникло дѣло, посѣщенія ихъ были рѣдки, а ко дню происшествія участились и стали ежедневными. Вотъ какъ было самое дѣло.

30 сентября 1832 года Кузьма Мироненко куда-то отлучился изъ деревни; жена его Дарья была на огородѣ, а грудной ея ребенокъ, пятимѣсячный Ѳедоръ оставался въ хатѣ, подъ присмотромъ старшихъ дѣтей. Подъ вечеръ Дарья Мироненкова, навѣдавшись въ хату, застала тамъ какъ своихъ дѣтей, такъ и дочерей Фроима-Лею и Хайку; но при ней-же ея старшія дѣти выбѣжали на дворъ, а она, покормивши, быть можетъ, грудное дитя, ушла на огородъ, оставивъ въ хатѣ Лею и Хайку. Что было въ слѣдъ за тѣмъ, не извѣстно; но спустя нѣкоторое время Дарья Мироненкова увидала, что старшій сынъ ея несетъ къ ней на огородъ плачущаго Ѳедю, а взявъ этого послѣдняго къ себѣ на руки замѣтила, что задняя часть его исцарапана или порѣзана во многихъ мѣстахъ. Старшій сынъ пояснялъ, что, придя въ хату, онъ засталъ, что старшая дочь Фроима держала маленькаго брата его на рукахъ и успокаивала его при сильномъ его плачѣ. Мать видѣла много царапинъ, или порѣзовъ, конечно, легкихъ, нашла и запекшуюся кровь, соображала, что царапины не могли быть дѣломъ случайнымъ. Мать Леи и Хайки была на сносяхъ; Мироненкова слышала и вѣрила, что еврейки при трудныхъ родахъ прибѣгаютъ къ помощи христіанской крови извѣстнымъ имъ образомъ. Въ душѣ ея явилось подозрѣніе, не были-ль тѣ порѣзы произведены дочерьми Фроима. Она бросилась обыскивать, ихъ и въ карманѣ младшей нашла нѣсколько кусковъ стекла. Подозрѣніе переходило въ увѣренность. Мироненкова боролась и съ своими мыслями и съ постигшею ее бѣдою. Въ порывѣ гнѣва и досады, она бѣжитъ ко двору Фроима и срываетъ съ меньшей его дочери платокъ. Та подняла крикъ, выбѣжалъ Фроимъ и набросился на сосѣдку. Поднялась „сварка" или ругань, не обошлось, быть можетъ, и безъ схватки; платокъ былъ отнятъ.

Изъ того, что жена Фроима не упоминается при этомъ и вскорѣ, какъ видно изъ дѣла, отъ бремени разрѣшилась, заключить можно, что въ ту пору она болѣла родами. Въ послѣдствіи Мироненкова объяснялась, что потому она платокъ сорвала, что хотѣла, чтобы самъ Фроимъ позвалъ ее въ судъ; другими словами: она боялась сама обжаловать еврея, опиравшагося на своего патрона-откупщика и вѣроятно не разъ дававшаго чувствовать свою силу односельчанамъ-крестьянамъ, и хотѣла открыть его вину при случаѣ, въ качествѣ отвѣтчицы. Было-ли въ самомъ дѣлѣ такъ, рѣшить трудно. Почему-то однако жалобу свою она принесла волостному тутъ-же жившему головѣ лишь на третій день, а изъ того, какъ первоначально принята жалоба, видно, что не одна Мироненкова боялась повѣреннаго откупщика. Самъ голова, выслушавъ такое ужасное заявленіе, обратился къ мѣстному священнику Халничу, но и тотъ „не могъ ничего сказать". Можетъ быть, тѣмъ дѣло и кончилось-бы, если бы голова не обратился за совѣтомъ къ командиру квартировавшой въ селѣ Плисецкомъ роты, капитану Рожманту. Тотъ послалъ за Мироненками, самъ распросилъ ихъ и „сейчасъ-же велѣлъ послать до онаго еврея четырехъ человѣкъ солдатъ для караула до рѣшенія дѣла". Голова послалъ донесеніе въ васильковскій земскій судъ; въ немъ, со словъ Мироненковой, прямо говорилось, что дочери Фроима, вынувъ изъ люльки ея дитя „начали стекломъ рѣзать оному младенцу тѣло во многихъ мѣстахъ и испустили большую кровь", съ подущенія Фроима.

Такъ началось это курьезное дѣло, предъ которымъ сталъ-бы въ тупикъ любой изъ современныхъ юристовъ. Чѣмъ доказать или опровергнуть фактъ преступленія необычайнаго, невѣроятнаго? Съ которой стороны ни поверни это дѣло,—уликъ, слѣдовъ масса и въ тоже время ихъ вовсе нѣтъ. Остается ни опровергнутымъ, ни заподозрѣннымъ въ своей дѣйствительности фактъ внезапнаго израненія ребенка и „испущенія большой крови" въ отсутствіе его матери, только предъ тѣмъ видѣвшей его невредимымъ, въ отсутствіе дѣтей, за нимъ присматривавшихъ, но въ присутствіи двухъ малолѣтнихъ евреекъ. Что происходило въ ту пору, когда эти дѣвочки оставались одни съ христіанскимъ дитятею, никто видѣть не могъ; но у одной изъ нихъ за столомъ дитя на рукахъ, и она его успокоиваетъ, у другой много битаго стекла въ карманѣ. На дѣт-

скій плачъ въ деревняхъ, въ быту крестьянскомъ, обыкновенно не обращаютъ вниманія, и дитя плачетъ по нѣскольку часовъ; но видно крикъ израненнаго Ѳеди былъ особенный, видно пораненіе его бросалось слишкомъ въ глаза, когда малолѣтній также братъ его выхватываетъ его изъ рукъ евреечки и бѣжитъ съ нимъ къ матери на огородъ. Допустить случайное исцарапаніе какою-нибудь въ въ платьѣ евреечки торчавшею иголкою или валявшимися гдѣ либо кусками стекла не приходится уже и потому, что такое объясненіе не было приведено обвиняемою стороною, что для нея было такъ легко. „Колыска", обыкновенно ночвы или плетенка, набитая всякимъ тряпьемъ, еще менѣе могла быть орудіемъ пораненія, какъ не была и дотолѣ, и на нее, какъ ни на что другое не указываютъ ни обвиняемые, ни свидѣтели, ни самый судъ. Что пораненіе ребенка Мироненковой было не пустяшное, видно по тревогѣ матери, ея гнѣву и раздраженію, по ея наконецъ рѣшимости обжаловать сильнаго повѣреннаго еще болѣе сильнаго откупщика. Есть и другія указанія на серьезность факта: голова обращается къ священнику, священникъ отказывается даже сказать что либо, а капитанъ, распросивъ, не задумывается поставить военный караулъ къ дому Фроима. Трудно допустить, чтобы ни головѣ, ни капитану не пришло на мысль осмотрѣть израненнаго ребенка и если первый въ своемъ рапортѣ рѣшительно говоритъ о „испущеніи большой крови", а второй рѣшается на мѣру чрезвычайную—военный караулъ, то для нихъ не оставалось сомнѣнія въ фактѣ значительнаго или случайнаго пораненія дитяти.

Доселѣ все за обвиненіе, отселѣ все противъ него. Произведено слѣдствіе и—никакихъ доказательствъ, никакихъ слѣдовъ и признаковъ доселѣ такъ несомнѣннаго факта. Приходилось бы и намъ съ вами, читатель, какъ и тогдашнему суду, заключить, что это былъ „*невѣроятный извѣтъ*, по одному только, *отъ простолюдчивости предосужденію*". Но въ дѣлахъ старыхъ (и однихъ ли старыхъ?) судовъ была всегда своя закулисная сторона, и въ настоящемъ дѣлѣ она оставила по себѣ такіе слѣды, что ее и въ настоящее время и не записному юристу можно разглядѣть и опять воспроизвести. Попробуемъ, читатель.

Перенеситесь мысленно къ тому отдаленному времени, погрузитесь на минуту въ тогдашнюю уѣздную и сельскую жизнь, при-

помните тогдашніе суды и власти, откупа и царство израильское и положеніе крестьянской души, хотя бы и казенной, но бывшей во всемъ и за все въ отвѣтѣ. Вотъ съ одной стороны семья Мироненковыхъ, которой мать въ такой непрерывной работѣ, что ей и за дитятею присмотрѣть некогда; съ другой, семья приказчика по откупу, 14 лѣтъ живущаго на одномъ мѣстѣ. Если и теперь любой шинкарь—еврей, поживъ короткое время въ селѣ, овладѣваетъ всѣми пружинами сельской жизни, пріотрѣтаетъ авторитетъ и вліяніе свойственными ему способами, знаетъ всю подноготную крестьянина, владѣетъ его карманомъ и трудомъ, то что могъ значить пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ с. Плисецкомъ повѣренный откупщика Фроимъ? Что онъ былъ съ деньгою, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію; что онъ имѣлъ силу и вліяніе, видно по всему началу дѣла, если не исходу его. Самъ онъ мѣщанинъ сосѣдняго г. Василькова; его патронъ, конечно, васильковскій купецъ, а тамъ суды, тамъ родня Фроима, тамъ его патронъ, тамъ еврейскій кагалъ. Думаете ли, читатель, что этотъ Фроимъ до караула и подъ карауломъ, и его родня и патронъ, и этотъ кагалъ оставались равнодушными къ такому „невѣроятному извѣту", какъ обвиненіе въ „испущеніи большой христіанской крови", падающее на все еврейство?

Весь ходъ дѣла удостовѣряетъ въ противномъ, хотя мы не видимъ потаенныхъ пружинъ, а только примѣчаемъ повсюду ихъ дѣйствіе.—Судъ, въ то время очень медленный и тяжелый на подъемъ, поднимается въ путь на третій день послѣ рапорта головы и пребываетъ на мѣсто произшествія въ лицѣ засѣдателя земскаго суда Тулуба. Простой смыслъ могъ бы сказать, что разъ дѣло идетъ о пораненіи, необходимъ судебно-медицинскій или хотя-бы обыкновенный осмотръ; но земскій судъ не отряжаетъ врача, а командируетъ—не извѣстно почему и для чего—депутата съ военной стороны. Земскій засѣдатель, прибывъ на мѣсто, допрашиваетъ лишь мать потерпѣвшаго дитяти и отца обвиняемыхъ дѣвочекъ. Ни до кого ему больше дѣла нѣтъ; онъ знать не хочетъ, что могли-бы сказать эти обвиняемыя и братъ потерпѣвшаго малютки, который первый видѣлъ его пораненіе. Засѣдатель не считаетъ нужнымъ хотя-бы взглянуть на израненное дитя и записываетъ показаніе его матери, что дитя здорово, прибавляетъ даже „не вредимо", мѣняетъ

лѣта обвиняемыхъ по показанію ихъ отца, назначая старшей 9 лѣтъ вмѣсто 12 и младшей 5 вмѣсто 7-ми, считаетъ нужнымъ занести въ протоколъ заявленіе Фроима, что ни ему, ни вообще евреямъ кровь христіанская ни въ какомъ случаѣ не нужна, обходитъ мотивъ подозрѣнія и беременность матери обвиняемыхъ и переходитъ къ спасительному повальному обыску, для котораго всегда въ такомъ дѣлѣ найдется нѣсколько „питуховъ" и еще больше должниковъ и инымъ способамъ обязанныхъ повѣренному виннаго откупа, а когда обыскъ далъ легко предвидимый результатъ, приходитъ къ заключенію, что „никакой важности по оному дѣлу не заключается". Жаловавшаяся прежде такъ энергически Мироненкова предъ засѣдателемъ какъ-бы отступается отъ прежнихъ, много разъ повторенныхъ словъ, по крайней мѣрѣ, сильно понижаетъ тонъ обвиненія, говоритъ только, что, при видѣ крови на дитяти, ей стало „сердобольно". Засѣдатель могъ-бы и покончить на томъ; но его безпокоило мелочное разнорѣчіе въ показаніяхъ Мироненковой и Фроима: первая говорила, что въ карманѣ меньшей евреечки были куски стекла, а второй—что то были куски разбитой тарелки. Дана очная ставка и Мироненкова не стала противурѣчить.

Все это такъ предупредительно-поспѣшно, такъ строго-законно, такъ добросердечно и человѣколюбиво. Засѣдатель Тулубъ, представивъ въ судъ вышеприведенное свое заключеніе, поспѣшилъ даже отнестись къ капитану Рожманту о снятіи съ Фроима военнаго караула. Но надо знать этихъ добрыхъ судей добраго стараго времени. Все въ ихъ дѣйствіяхъ было предусмотрѣно, строго разсчитано, но такъ искусно замаскировано, что напрасно вы стали-бы судить по ихъ дѣйствіямъ объ ихъ истинныхъ намѣреніяхъ. У нихъ во всемъ былъ свой особый разсчетъ. Поспѣшность суда—отъ чего? Надо ревность показать, быстроту дѣйствія, преслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ. Но при этомъ какъ-то невзначай, въ попыхахъ, конечно, забывается о судебно-медицинскомъ, даже простомъ осмотрѣ. Что-же? Дополнить можно: въ тѣ времена годы, десятки лѣтъ проходили въ дополненіяхъ. Оно и лучше для самаго дѣла: вѣдь это не какія либо серьезныя и глубокія раны, которыя и потомъ обнаружатъ несвоевременность осмотра, это лишь царапины, легкіе порѣзы верхнихъ покрововъ кожи, и только въ редакціи волостнаго писаря явилось тутъ „испущеніе большой крови". Нѣ-

сколько дней и на быстро работающемъ дѣтскомъ организмѣ отъ нихъ не останется и слѣда. Тогда безопасно можно и осмотръ произвести и слѣдствіе дополнить. Такъ и поступилъ земскій судъ. Какъ однако ни медлилъ онъ командировкою врача, все таки врачъ Кладкевичъ (военный), производившій освидѣтельствованіе пятимѣсячнаго Ѳедора Мироненка, нашелъ „небольшой значекъ подъ ляшкою, присохшій"; но, по его мнѣнію, онъ „вреда на тѣлѣ и малѣйшаго не причинилъ."

Семь мѣсяцевъ лежало это дѣло въ васильковскомъ земскомъ судѣ и только 2-го мая 1833 года передано въ васильковскій магистратъ, которому, какъ мѣщанинъ, подсуденъ былъ Фроимъ. Зачѣмъ такъ долго лежало?—А неравно обвиняемый или потерпѣвшая поинтересуются положеніемъ дѣла и оборотомъ, какой оно можетъ принять: вѣдь надо-же ихъ любопытству удовлетворить... Въ томъ и особенность старыхъ судовъ, что они быстро набрасывались на дѣло новое, чѣмъ либо выдающееся и какую либо надежду подающее, и потомъ не выпускали его изъ рукъ, доколѣ не выжмутъ изъ него все.

Передачею въ магистратъ законченнаго слѣдствія земскій судъ могъ-бы покончить свою роль въ возникшемъ дѣлѣ, если-бы его засѣдатель не вздумалъ сорвать съ головы 5 рублей на поѣздку въ с. Плисецкое военнаго врача Кладкевича, хотя, мимоходомъ сказать, на эту сумму можно было тогда и весь уѣздъ проѣхать и назадъ вернуться. Видно, голова не хотѣлъ своего подарить, и судъ просилъ магистратъ съ рѣшеніемъ дѣла опредѣлить, на чей счетъ должны быть обращены эти 5 р. Въ своемъ заключеніи о Фроимѣ онъ сослался на указы Екатерины 10 февраля 1763 года, въ которомъ выражено ея изреченіе, впослѣдствіи такую громкую извѣстность получившее, что, при недостаткѣ уликъ, лучше десять виновныхъ оправдать, нежели одного невиннаго осудить, а противъ Мироненковой указалъ на суровый военный законъ, обращавшій грозившее обвиняемому наказаніе на голову не доказавшаго извѣтчика.

Спустя мѣсяцъ, магистратъ положилъ рѣшеніе, какое по ходу слѣдствія и приведеннымъ законамъ не трудно опредѣлить. Фроима обѣлили: самъ онъ,—значится въ рѣшеніи магистратскомъ, не повинился, по слѣдствію ни въ чемъ не уличенъ, а по повальному

обыску одобренъ, почему и опредѣлено оставить его отъ суда свободнымъ.—„Виновнаго не оказалось“, прибавлялъ магистратъ, но чѣмъ предавать, по обычаю тогдашнему, дѣло въ волю Божію, усмотрѣлъ вину въ „простолюдчествѣ“ (невѣжественной простотѣ) Мироненковой „по одному только предосужденію“ (предубѣжденію, предразсудку), почему постановилъ внушить ей и „впредь отъ такихъ нелѣпыхъ предосужденій воздержаться“ и на ея же счетъ обратилъ и тѣ 5 рублей, что проѣздилъ военный врачъ Кладкевичъ.

Магистратскіе, да и земскіе судьи, не менѣе Мироненковой повинные „въ предосужденіи отъ простолюдчества“, именно по этому одного не могли сообразить, что если она по одному невѣжественному предразсудку могла заподозрить семью сосѣда - еврея въ столь тяжкомъ преступленіи, то не существовалъ-ли и въ противной сторонѣ и средѣ, къ которой она не принадлежала, не менѣе невѣжественной и дико-фанатичной, соотвѣтственный предразсудокъ или повѣрье, если не въ употребленіи, то только въ „испущеніи христіанской крови“ въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ слышала Мироненкова, еврейскія женщины дѣтей рождаютъ, и не подвинулъ-ли этотъ предразсудокъ семью Фроима на то незначительное тиранство надъ христіанскимъ младенцемъ, отъ котораго онъ въ здоровьи не пострадалъ. Но какъ проникнуть въ темную еврейскую среду, въ глубь ея вѣрованій и предразсудковъ, во мракъ дѣяній, изъ нихъ проистекающихъ? И голова, и капитанъ, и земскій засѣдатель, и Магистратъ, и сама Мироненкова напрасно трудились надъ разрѣшеніемъ неразрѣшимаго вопроса, „не съ *подущенія*-ли его Фроима (на этомъ все подозрѣніе и слѣдствіе держатся) двѣ малолѣтнія дочери его рѣшились на „испущеніе христіанской крови“, когда матери ихъ пришлось родить. Отъ всего процесса только и остается для насъ новый оттѣнокъ народнаго вѣрованія о суевѣрномъ употребленіи евреями христіанской крови; но было-ли такое суевѣріе въ еврейской массѣ, или оно только плодъ суевѣрія нашего народа, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

И выходитъ, какъ мы въ началѣ сказали, что въ такихъ дѣлахъ ни одна сторона ничего не можетъ доказать. Приведенное дѣло одно изъ тысячныхъ тому доказательствъ. Нужны какіе либо другіе пріемы для разрѣшенія этого вопроса, играющаго и въ наше время не малую роль въ жизни обѣихъ народныхъ массъ

Матеріалы для исторіи Коліивщины или рѣзни 1768 г.

Въ то время, когда въ Россіи царствовала Екатерина II, въ юго-западномъ русскомъ краѣ, пребывавшемъ еще подъ властію польской Рѣчи Посполитой, происходило гайдамацкое движеніе, разразившееся въ 1768 году страшною уманскою рѣзнею. Послѣднее событіе на первый разъ представляется какъ-бы отдѣльнымъ эпизодомъ въ исторіи южно-русскаго народа. Такъ на него долго смотрѣли и многіе искали причинъ этого событія въ ближайшихъ къ тому времени явленіяхъ, и дѣйствительныхъ, и вымышленныхъ, никогда не происходившихъ. Польскіе историки обыкновенно взваливали вину, главнымъ образомъ, на русскую политику того времени и давали вѣру баснѣ о томъ, будто императрица Екатерина II черезъ своихъ агентовъ разсылала манифестъ, которымъ разожгла противъ поляковъ южно-русское простонародіе, исповѣдующее, наравнѣ съ цѣлымъ народомъ русскимъ, православную (или, какъ ее называли поляки, схизматическую) религію. (Ср. Morawski, Dzieje Polski. V. 87. Józ. Szujskiego, Dzieje Polski, IV. 440). Русскіе изслѣдователи опровергали эту басню. Соловьевъ (Истор. Росс., XXVII, стр. 307), опираясь притомъ на свидѣтельство одного польскаго писателя, указалъ даже лицо, сложившее подложный манифестъ отъ имени русской государыни. Между тѣмъ этотъ документъ вездѣ въ Европѣ почитался за подлинный манифестъ русской государыни и съ такимъ же значеніемъ былъ во французскомъ переводѣ напечатанъ въ Сборникѣ Ангенберга, заключающемъ дипломатическіе акты, относящіеся къ Польшѣ. Въ Кіевѣ въ 1879 году издана была книжечка: «Уманская рѣзня». Это переводъ извѣстнаго въ польской литературѣ мемуара г-жи Кребсъ, которая въ своемъ дѣтствѣ была свидѣтельницею уманскаго событія, ставшаго трагическимъ для ея родителей да и для ней самой. Переводчикъ, г. Рева, въ своемъ предисловіи къ издаваемому переводу, критически разобралъ этотъ манифестъ и доказалъ неоспоримо его подложность. Въ послѣднее время (Кіевская Стар., 1882 г., мѣсяцъ май, стр. 308—310) напечатанъ подлинный манифестъ императрицы Екатерины II отъ 9 іюля 1768 г., распространенный тогда-же на польскомъ языкѣ между жителями Рѣчи Посполитой. Въ немъ русская государыня извѣщала всѣхъ, что ходившіе подъ ея именемъ указы — подложны, никто отъ ней не посылался подни-

мать ея единовѣрцевъ противъ сограждан иныхъ вѣроисповѣданій, и тѣ, которые выдаютъ себя за отрядъ низового запорожскаго войска, будто-бы отправленный по ея волѣ — не болѣе какъ воры, разбойники, нарушители общественнаго спокойствія, а потому будутъ, послѣ ихъ поимки, подлежать карѣ. Обѣщалось помилованіе только тѣмъ изъ нихъ, которые, раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ, окажутъ участіе въ поимкѣ зачинщиковъ и будутъ представлять пойманныхъ ближайшимъ войсковымъ командамъ. Нѣтъ ни единаго несомнѣннаго историческаго свидѣтельства, подающаго хотя-бы только намекъ на подущеніе южно-русскаго простонародія со стороны русской государыни. Однако, ни отсутствіе вѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, ни явная несостоятельность документа, на которомъ основывалось обвиненіе, не могутъ до сихъ поръ выбить изъ головы у польскаго общества увѣренности въ участіи Россіи и ея государыни въ этомъ дѣлѣ. Поляки всегда готовы приписывать вліянію Москвы и москалей все дурное, испытанное Польшею въ прошедшія времена, не исключая даже и такихъ временъ, когда не существовало Москвы. Такъ православіе называютъ поляки московскою вѣрою и готовы сами вѣрить и другихъ увѣрять, что приверженность подвластнаго имъ русскаго народа къ православной или восточной вѣрѣ была навѣяна и подогрѣвалась москалями; поляки не хотятъ знать, что въ южной и западной Руси еще прежде, чѣмъ эти края очутились подъ польскою властію, господствовала православная вѣра греко-славянскаго обряда, и то было еще тогда, когда Москвы и въ поминѣ не было; а слѣдовательно приверженность народа къ вѣрѣ своихъ предковъ естественно могла проявляться безъ всякаго посторонняго воздѣйствія. При существующемъ настроеніи польскаго міросозерцанія не удивительно, если въ такихъ вопросахъ, какъ возстаніе южно-русскаго простонародія противъ польскаго шляхетства, поляки хватаются за всякое обвиненіе противъ Россіи, вовсе не заботясь подвергать его критикѣ, и разъ усвоивши его себѣ, съ трудомъ отъ него отстанутъ. Кромѣ патріотическихъ предубѣжденій, отчасти поддерживаетъ невѣрные взгляды и скудость числа изданныхъ вѣрныхъ источниковъ, которые бы могли пролить болѣе свѣта и установить правильныя воззрѣнія. Правда, въ издаваемомъ кіевскою археографическою коммисіею Архивѣ юго-западной Россіи напечатано уже не мало документовъ, относящихся къ состоянію народа въ южной Руси въ XVIII вѣкѣ и даже спеціально къ гайдамачеству, съ превосходными изслѣдованіями, составляемыми на основаніи печатаемыхъ документовъ и прилагаемыми въ качествѣ предисловій къ каждому тому изданія. Но изданіе Архива юго-западной Россіи не дошло до 1768 года, до эпохи, когда происходила уманская рѣзня. Тѣмъ не менѣе однако, изданные до сихъ поръ документы, относящіеся къ XVIII вѣку достаточно уже показываютъ, что событіе, совершившееся въ 1768 году, неизбѣжно должно было состоять въ непосредственной связи съ цѣлымъ рядомъ такого же рода событій, происходившихъ въ предшествовавшее время. Оказывается, что борьба южно-русскаго народа съ Польшею, начавшаяся уже давно и проявившаяся рѣзко

въ половинѣ XVII столѣтія эпохою Хмельнищины, не окончилась въ XVII вѣкѣ, а перешла въ осьмнадцатый вѣкъ. Послѣ смерти Богдана Хмельницкаго Украина правой стороны Днѣпра, вслѣдствіе возникшихъ тамъ усобицъ, подпала снова подъ власть поляковъ, но южнорусскій народъ не хотѣлъ оставаться подъ ненавистною для него властію и энергически возставалъ противъ ней, опираясь на помощь со стороны московскаго государства. Скоро однако московское правительство заключило перемиріе съ Польшею и формально, по договору уступило Польшѣ правобережную Украину. Покинутое своими покровителями тамошнее козачество металось, само не зная, что дѣлать, подпадало подъ управленіе разныхъ своихъ-же гетмановъ, спорившихъ между собою за власть, отдавалось даже турецкому султану, лишь-бы не быть подъ властію поляковъ, и тогда южно-русскій народъ, спасаясь отъ ужасовъ, раздиравшихъ его отечество, сталъ толпами убѣгать за Днѣпръ и селиться на земляхъ, принадлежавшихъ московскому государству. Такимъ образомъ заселилась слободская Украина, а правобережная Украина все пустѣла и пустѣла и наконецъ совершенно опустѣла. Остались южнорусскіе жители въ такъ называемомъ Полѣсьѣ, на Волыни и въ сѣверной части Подоліи, да въ Червоной Руси, состоя подъ властію Польши, находясь въ зависимости, иные же и въ полномъ порабощеніи у польскаго шляхетства. Край, лежавшій къ востоку отъ этихъ странъ, собственно Украина козацкая, занимавшая пространство значительной части нынѣшнихъ губерній кіевской и подольской, сдѣлался почти безлюдною пустынею.

Но не долго приходилось этому краю оставаться въ такомъ состояніи. Уже въ концѣ XVIII вѣка возникло у малорусскаго народа стремленіе населять эту пустыню, хотя еще недавно покинутую своими прежними обитателями, но все-таки снова приманивавшую къ себѣ и плодородіемъ своей почвы и благодатнымъ климатомъ и раздольнымъ привольемъ. Русское правительство сдерживало побѣги народа какъ изъ лѣвобережной Украины, такъ и изъ Слободской. Однако правобережная Украина годъ отъ году все болѣе и болѣе заселялась пришельцами изъ этихъ странъ. Новосельцы являлись туда съ унаслѣдованною отъ отцовъ и дѣдовъ непріязнію къ польскому шляхетству, а попытки поляковъ распространить на нихъ свою власть и водворить между ними прежніе порядки привели къ кровавымъ столкновеніямъ. Вспыхнуло возстаніе южно-русскаго простонародія противъ польскаго шляхетства не только въ Украинѣ, заселявшейся вновь, но и въ тѣхъ краяхъ, гдѣ оно не переставало пребывать подъ шляхетскою властію. Возстаніе это вызвано было появленіемъ козачества, недавно возродившагося, разгорѣлось въ 1702 году, было укрощено свирѣпыми мѣрами, но не было погашено совершенно. Въ 1711 году Украина козацкая, находившаяся въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи, какъ-бы въ чересполосномъ владѣніи Россіи и Польши, населенная козаками, которые по своему званію подчинялись регименту малороссійскаго гетмана лѣвобережной Украины, была окончательно уступлена отъ царя Петра Польшѣ. Всѣмъ тамошнимъ козацкимъ старшинамъ и рядовымъ козакамъ дозволялось съ

своими семьями и движимыми имуществами переселяться на лѣвый берегъ Днѣпра и каждому, по своему желанію, водворяться въ какомъ-нибудь изъ козацкихъ полковъ лѣвобережной гетманщины или въ какихъ-нибудь иныхъ краяхъ, находящихся подъ властію царской державы (Арх. юго-зап. Росс. Ч. III, т. I, 757). Тогда козачество совершенно уничтожилось въ правобережной Украинѣ, возвращенной русскимъ государемъ польской Рѣчи Посполитой. Нѣкоторые изъ тамошнихъ козаковъ воспользовались дарованнымъ дозволеніемъ и переселились въ царскія владѣнія; другіе остались на мѣстахъ прежняго жительства и подпали подъ власть шляхетства, начавшаго тотчасъ-же утверждать свое господство въ новопріобрѣтенномъ краѣ.

Польскіе паны въ Украинѣ захватили пустыя земли; для веденія хозяйства имъ нужна была рабочая сила, и они стали зазывать къ себѣ насельниковъ, привлекая обѣщаніями льготъ и разныхъ выгодъ. Украина стала тогда заселяться снова еще разъ и все людьми того-же южно-русскаго происхожденія, къ которому принадлежали и прежніе жители этого края. Новосельцы приходили на селитву, привлекаемые панскими обѣщаніями, но съ тайнымъ недовѣріемъ къ этимъ обѣщаніямъ и съ непріязнью въ сердцѣ къ польскому шляхетству. Такое недовѣріе съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени осталось типичною чертою южно-русскихъ поселянъ того края. Не могла скоро испариться непріязнь къ панамъ-ляхамъ, напротивъ она стала еще развиваться, потому что польскіе паны не оставили прежняго способа обращенія съ подвластнымъ южно-русскимъ народомъ, отдавая его въ волю арендаторамъ доходовъ своихъ, а эти арендаторы были обыкновенно іудеи. Не покинули паны и своего завѣтнаго католическаго фанатизма и стали по старому пытаться вводить въ народъ унію. И вотъ—опять открылась борьба южно-русскаго простонародія съ польскимъ шляхетствомъ. Борьба эта явилась теперь въ новой формѣ. Эта форма была—гайдамачество. Оно, по характеру и пріемамъ своей дѣятельности, походило на прежнее козачество, но отличалось отъ него отсутствіемъ сословной солидарности. Сначала гайдамачество дало себя знать въ краяхъ волынскомъ и подольскомъ еще до передачи отъ царя Петра Украины Польшѣ: оно было тогда непосредственнымъ продолженіемъ неугашеннаго возстанія 1702 года. Не переставали возникать ватаги «своевольныхъ гультаевъ», составлявшіяся изъ порабощенныхъ шляхетству поселянъ, къ которымъ приставали мѣщане и всякіе пришельцы, между прочимъ даже и люди шляхетскаго происхожденія. Въ польскомъ обществѣ почти всегда господствовало нестроеніе и происходили явленія своевольства. Не рѣдко обыватель шляхтичъ, поссорившись съ своимъ сосѣдомъ обывателемъ, такимъ-же шляхтичемъ, вмѣсто того, чтобъ начать противъ него судебный искъ, нападалъ на его имѣніе съ ватагою, составленною изъ своихъ и чужихъ крестьянъ и разныхъ «гультаевъ». При такихъ наѣздахъ происходили всякія безчинства и разоренія. То было въ шляхетскихъ нравахъ. Въ сохранившихся уголовныхъ дѣлахъ о гайдамакахъ зачастую попадаются имена лицъ «урожоныхъ»,

т. е. лицъ шляхетскаго происхожденія въ качествѣ участниковъ и не рѣдко предводителей гайдамацкой ватаги. Такимъ образомъ шляхетство своими обычными наѣздами другъ на друга, само пріучало подвластныхъ ему хлоповъ къ самовольству и собственнымъ примѣромъ дало имъ повадку расправляться и за себя путемъ насилія, а не путемъ закона, который въ Польшѣ вообще былъ малосиленъ.

Съ утвержденіемъ шляхетскаго господства въ бывшей козацкой Украинѣ, получившей прежнее административное наименованіе кіевскаго воеводства, и въ этомъ краѣ распространилось гайдамачество и тамъ нашло оно свой главный центръ. Польскіе историки придаютъ ему разбойничій характеръ. Оно и должно было имѣть его, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Гайдамаки были люди, недовольные тогдашнимъ общественнымъ порядкомъ; ихъ преслѣдовали власти, и они по необходимости должны были скрываться въ лѣсахъ и не быть разборчивыми въ добываніи способовъ къ своему существованію, по крайней мѣрѣ, пока не пріобрѣтутъ къ себѣ и къ своимъ цѣлямъ сочувствія ее единовѣрныхъ и единоплеменныхъ обывателей страны. Но послѣднее случилось скоро, благодаря накоплявшейся все болѣе и болѣе враждѣ простонародія къ шляхетству. Число гайдамаковъ увеличивалось въ южно-русскихъ краяхъ, подвластныхъ Польшѣ, умножались ихъ шайки большею частію панскими подданными, и мѣры къ ихъ истребленію для польскаго шляхетства становились все болѣе и болѣе затруднительными. По сосѣдству съ Украйною, на югъ отъ нея, находилось Запорожье, край населенный воинственнымъ братствомъ того-же южно-русскаго племени, всегда готовымъ откликнуться къ народнымъ страданіямъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ и подать имъ помощь. Запорожцы приходили въ прямое и непосредственное общеніе съ гайдамаками, наполняли собою ихъ ватаги и являлись часто предводителями и устроителями этихъ ватагъ, какъ люди болѣе опытные и искусные въ войсковомъ дѣлѣ. Борьба шляхетства съ гайдамачествомъ готовилась превратиться въ открытую борьбу двухъ національностей: польской поработительной и порабощенной южно-русской, искавшей себѣ освобожденія. Въ Украйнѣ правой стороны Днѣпра зачиналось снова возрожденіе дважды убитаго козачества. Эпоха этой борьбы изображена въ изданныхъ кіевскою археографическою коммисіею документахъ подъ редакціею профессора В. Б. Антоновича (Арх. югоз. Росс. ч. III. Т. II).

«Гайдамачество», говоритъ достопочтенный профессоръ въ предисловіи къ изданнымъ документамъ, — «сдѣлалось какъ-бы нормальнымъ явленіемъ въ быту юго-западнаго края: крестьянское населеніе свыкалось съ нимъ все болѣе и болѣе; количество крестьянъ, поступавшихъ или состоявшихъ въ связи съ нимъ, постоянно увеличивалось; становилось очевиднымъ, что гайдамацкое движеніе раньше или позже должно охватить массу народонаселенія, если не измѣнится порядокъ общественнаго строя. Такая минута, казалось, пришла было въ 1750 году и только, благодаря несвязности и разрозненности дѣйствій гайдамацкихъ отрядовъ и отсутствію сколько-нибудь ясной постановки ими вопроса, удалось шляхетству на этотъ разъ предот-

вратить катастрофу тѣми экстренными мѣрами, какія были приняты военными начальниками, шляхетскими сеймиками и особенно, по просьбѣ послѣднихъ, русскими пограничными властями (ibid. стр. 124). Тогда весь юго-западный край былъ покрытъ многочисленными гайдамацкими отрядами, разбѣгавшимися во всѣхъ направленіяхъ и наводившими повсемѣстно трепетъ на дворянъ; послѣдніе должны были прекратить свои обычныя занятія; они не могли вести хозяйства и не получали дохода съ имѣній, изъ которыхъ крестьяне или ушли къ гайдамакамъ или могли призвать послѣднихъ, если-бы помѣщикъ сталъ настоятельно взыскивать панщину, они должны были отказаться отъ веденія судебныхъ дѣлъ, такъ какъ проѣхать въ «гродъ» было не безопасно, да и самые города, гдѣ помѣщались гродскіе суды, подвергались нападеніямъ. Въ такомъ положеніи гайдамачество продолжало находиться еще въ теченіи восемнадцати лѣтъ, и наконецъ, въ 1768 году, благодаря выгодно-сложившимся политическимъ обстоятельствамъ того времени, разразилось страшною катастрофою, носящею имя «Коліивщины» (ibid. стр. 126—127, 128).

Нѣсколько лѣтъ уже мы ожидаемъ выхода въ свѣтъ новаго тома актовъ о гайдамакахъ, который должна издать кіевская археографическая коммисія. Этотъ второй томъ будетъ заключать документы, относящіеся къ 1768 году, къ эпохѣ уманской рѣзни. Въ чаяніи появленія этого желаннаго изданія не будетъ, надѣемся, излишнимъ, напечатаніе четырнадцати документовъ, касающихся означенной эпохи. Документы эти доставлены намъ отъ г. Поля, екатеринославскаго обывателя, извѣстнаго въ своемъ краѣ знатока мѣстной старины, чрезъ посредство А. Л. Боровиковскаго, которымъ обоимъ считаю долгомъ принести мою признательность за любезное и обязательное вниманіе. Кромѣ одного польскаго письма съ русскимъ переводомъ, сдѣланнымъ въ то время (№ 1), гдѣ убѣжавшій отъ уманскаго погрома полякъ описываетъ близкую къ себѣ трагедію въ своеобразныхъ чертахъ, нѣкоторые изъ помѣщаемыхъ здѣсь документовъ относятся къ личности Неживого, одного изъ предводителей гайдамацкихъ ватагъ, до сихъ поръ извѣстнаго только по голому имени. Этотъ Неживый самъ лично не участвовалъ въ уманской рѣзнѣ съ Желѣзнякомъ и Гонтою, но расправлялся съ поляками и іудеями въ другихъ жилыхъ мѣстностяхъ правобережной Украины, между прочимъ въ Мошнахъ, Каневѣ, Медвѣдовкѣ и получилъ отъ обывателей этихъ городковъ свидѣтельства на письмѣ о томъ, что онъ не причинилъ никому изъ нихъ никакого оскорбленія, а по ихъ желанію освобождалъ ихъ отъ поляковъ и іудеевъ, дѣлавшимъ имъ обиды. Неживый сносился съ начальниками командъ войска русской императрицы, разставленныхъ въ пограничныхъ форпостахъ, излагалъ имъ въ своихъ отпискахъ причины, принудившія его взяться за оружіе, и прилагалъ при своихъ отпискахъ выданныя ему свидѣтельства украинскихъ обывателей (№№ 2. 3. 4. 89).

И онъ самъ и тѣ земляки его, что давали ему свидѣтельства, изъявляли желаніе вѣрно служить императрицѣ всероссійской. Но потомъ Неживый, не заставши въ Крыловѣ ни одного человѣка изъ поляковъ и іудеевъ и узнавши, что

всѣ они оттуда убѣжали подъ защиту русскихъ войскъ, сталъ этимъ недоволенъ и домогался выдачи своихъ жертвъ (№ 5). 18 iюня Неживый съ своею ватагою взялъ мѣстечко Палѣево-Озеро, перебилъ тамъ захваченныхъ враговъ, но нѣкоторые успѣли заранѣе убѣжать въ турецкiй городокъ Балту. Неживый послалъ къ тамошнему каймакану просьбу о выдачѣ бѣглецовъ. Но турки не только не выдали ихъ, а еще послали военную силу и сожгли Палѣево-Озеро, откуда гайдамаки тѣмъ временемъ выступили. (№ 7) Неживый овладѣлъ турецкою слободою Голтою близь Балты, гдѣ также расправился по гайдамацки съ поляками и iудеями, какихъ успѣлъ тамъ застать (№ 6), а 26 iюня онъ былъ въ Крыловѣ, откуда послалъ къ одному изъ русскихъ командировъ, подполковнику Хорвату, просьбу о выдачѣ бѣглецовъ, обреченныхъ на гибель народнымъ мщенiемъ и изъявлялъ желанiе лично объясниться съ русскимъ военнымъ начальствомъ. По этому поводу произошло свиданiе Неживого съ высланнымъ для этой цѣли русской службы офицеромъ, поручикомъ кн. Мацвеловымъ. Оно происходило на «греблѣ» (плотинѣ) по указанiю Неживого. На всѣ представленiя гайдамацкаго предводителя русскiй офицеръ на отрѣзъ объявилъ, что невозможно выдавать бѣглецовъ, которые явились искать защиты (№ 10). Неживый съ своимъ отрядомъ удалился изъ Крылова, установивши тамъ козацкiй порядокъ и назначивши атамана, какъ это дѣлалось во всѣхъ жилыхъ мѣстностяхъ, приставшихъ къ гайдамацкому возстанiю. Отъѣзжая Неживый объявилъ атаману и всѣмъ крыловскимъ обывателямъ, чтобъ они, въ случаѣ нужды, обращались съ просьбою о защитѣ къ русскому войску, увѣряя, что въ скоромъ времени всѣ тамошнiя мѣста будутъ принадлежать россiйской, а не польской державѣ и всѣ они должны считать себя россiйскими, а не польскими обывателями (ibid). Но въ iюлѣ получены были отъ верховной власти (вѣроятно послѣ манифеста императрицы отъ 9 iюля, напечатаннаго въ майской книжкѣ «Кiевской Старины») предписанiя о преслѣдованiи гайдамаковъ, и кiевскiй генералъ-губернаторъ Воейковъ разсылалъ подначальнымъ командирамъ соотвѣтствующiе приказы (№№ 11. 12). Изъ елисаветградской провинцiи отправлены были въ погоню за гайдамаками отряды гусарскихъ пикинерныхъ и компанейскихъ командъ, и приказано было объявить всѣмъ польскимъ шляхтичамъ, укрывшимся отъ погрома въ елисаветградской провинцiи, что они могутъ спокойно пребывать въ русскихъ владѣнiяхъ подъ высочайшею защитою до совершеннаго истребленiя гайдамаковъ и до возстановленiя порядка въ ихъ отечествѣ, когда возможно будетъ имъ безопасно возвратиться въ свои жилища. Но такая-же милость оказана была и польскимъ козакамъ, которые изъявляли желанiе переселиться въ русскiя владѣнiя подъ тѣмъ предлогомъ, что не хотятъ быть въ согласiи съ барскою конфедерацiею, а такое несогласiе выставлялось побудительною причиною и у гайдамаковъ къ возстанiю противъ польскихъ властей. Имъ дозволялось по желанiю переходить въ Россiю и селиться тамъ съ своими семьями, устроиваясь слободами, по указанiю начальства. Первый примѣръ показалъ прибывшiй въ Кременчугъ еще въ апрѣлѣ 1768 года

козацкій атаманъ Сухина съ шестидесятью двумя человѣками, прибѣгнувшій подъ высочайшій покровъ ея императорскаго величества съ желаніемъ остаться вѣчно въ подданствѣ (№ 13). За тѣмъ всѣхъ пойманныхъ гайдамаковъ, оказавшихся подданными русской императрицы, преимущественно изъ запорожцевъ, доставленныхъ въ елисаветградскую провинцію и особенно въ Кременчугъ, приказано было судить и за доказанное сопротивленіе оружію ея императорскаго величества, а равно за разнообразныя варварства, совершенныя ими въ Польшѣ, приговорить къ смертной казни, но предъ самымъ исполненіемъ ея измѣнить въ тѣлесное наказаніе кнутомъ съ наложеніемъ клеймъ и съ вырваніемъ ноздрей, послѣ чего отправить въ ссылку въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы (№ 13) [1].

Послѣдній изъ печатаемыхъ здѣсь документовъ — секретное письмо Воейкова находившемуся въ Кременчугѣ бригадиру Черткову, отъ 14 декабря того-же года о препровожденіи изъ Смѣлой содержавшихся тамъ русскихъ подданныхъ, бывшихъ въ числѣ гайдамаковъ, а между ними оказывается поручикъ черного гусарскаго полка Станкевичъ. Неизвѣстно, было-ли это единичное явленіе, когда русскій офицеръ участвовалъ въ возстаніи южно-русскаго народа противъ польскаго шляхетства, или можетъ быть это былъ одинъ изъ немалаго числа такихъ.

Н. Костомаровъ.

С.-ПБ. Май.

№ 1.

Письмо пана Якова Кузалкевича къ русскому полковнику Чорбѣ, съ описаніемъ уманской рѣзни 1768 года [2]*).*

Съ величайшимъ почтеніемъ получилъ я письмо вашего высокородства ко мнѣ и вмѣстѣ съ нимъ и приказъ къ его благородію г. поручику Мацкову на счетъ помѣщенія и безопасности въ Архангродѣ, за что и повергаю къ ногамъ его благодарность. Теперь же, пока самъ буду въ возможности пасть къ ногамъ вашей вельможности, ужасное, неслыханое и никогда не практикованное (неслучавшееся) дѣлаю донесеніе, что гайдамаки числомъ въ нѣсколько сотъ, соединившись съ крѣпостными уманскими и коза-

---

[1]) Вотъ неотразимое опроверженіе польскимъ писателямъ, клевещущимъ на Екатерину II, будто она не наказывала своихъ подданныхъ, участвовавшихъ въ гайдамацкомъ возстаніи 1768 года, а иныхъ даже и награждала.

[2]) Подлинное письмо на польскомъ языкѣ, но при немъ современный переводъ на русскій языкъ, сдѣланный по полученіи письма. Мы печатаемъ одинъ лишь переводъ, найдя оный вполнѣ сходнымъ съ подлинникомъ.

ками тамошними, т. е. съ сотникомъ Кгонтенкомъ и Уласенкомъ тожъ сотникомъ и другими ватагами уманскими, которые измѣнили присягѣ въ вѣрности къ высокородному благодѣтелю своему, штурмомъ взяли Умань, гдѣ собравшихся съ разныхъ сторонъ для безопасности дворянства съ имуществомъ, женами дѣтьми около пяти тысячъ и болѣе и жидовъ тоже со всѣмъ имуществомъ, женами и дѣтьми болѣе семи тысячъ всѣхъ безъ малѣйшаго исключенія дня 21 іюня по римскокатолическому календарю текущаго года до ноги вырѣзали и между ними губернатора Младановича, подскарбія Рогашевскаго, для заключенія договоровъ на счетъ имѣній отъ его высокородія пана воеводы нашего высланнаго, съ женами и дѣтьми, а равнымъ образомъ и ксендзовъ какъ латинскаго обряда, такъ и отцовъ базиліанъ съ прихода тамошняго и монастыря Маньковецкаго варварски поумерщвляли и повѣшали. Кромѣ того, въ костелѣ и часовнѣ отцовъ базиліановъ олтари и образа поопрокидывали, стрѣляли, списами (пиками) кололи, пресвятыя тайны на землю съ дарохранительницы (cymborium) выбросили, топтали, обезчещивали, образъ самаго Спасителя, изображеннаго на крестѣ, списами кололи, стрѣляли и, наконецъ, за голову повѣсили; у распятіи головки пообрывали и велѣли женщинамъ эти головки Христовы грудью кормить. Вообще трудно описать, вспомнить ужасно, какія оскверненія изображеніямъ самаго Бога дѣлали, чего бы даже и бусурмане не дѣлали. Цѣлый городъ и предмѣстье покрыли трупами. Я только съ погранича до Архантграда, а другой высокородный полковникъ Обухъ съ частію семейства, и то отдѣльно, съ помощію Божіею, спаслись бѣгствомъ. Бунтъ возрастая въ силѣ, все дальше въ польскій край подвигается и умножается, и до того доходитъ этотъ край злополучія, что свои на своихъ нападая погибаютъ взаимно, и гдѣ былъ только дворянинъ или полякъ или жидъ, вездѣ своимъ коварнымъ шпіонствомъ разузнали и погубили. Мы только съ женами находимся здѣсь въ Архантградѣ и отсюда желаемъ отправиться въ Елисаветъ, Кременчугъ и Кіевъ для снисканія покровительства (защиты) имѣніямъ его вельможности нашего благодѣтеля. Сообщая(ю) при этомъ ужасныя продѣлки Максима Желѣзняка, Войска Низового запорожца, который успѣлъ распустить множество своихъ воззваній и прокламацій во всей Уманьщинѣ, а также Ивана Кгонтенка и Пантелеймона Уласенка, уманскихъ сотниковъ. Желая этимъ просить великодушнаго покровительства и помощи, дабы отвратить совершенное разореніе имуществамъ

вельможнаго пана и благодѣтеля нашего, не имѣю никакой возможности извѣстить васъ о семъ, ибо эти злодѣи наполнили край и всѣ дороги позанимали, развѣ чрезъ Кіевъ, пользуясь покровительствомъ г. генералъ-аншефа, генералъ-губернатора кіевскаго, къ которому дѣлаемъ особенное донесеніе, всепокорнѣйше прося, чтобъ это письмо, приложенное къ оному донесенію, дошло вскорости рукъ вашихъ въ Кіевѣ. А при семъ прилагаемъ еще всепокорнѣйшую просьбу къ вашей милости, чтобы особымъ указомъ г-дамъ пограничнымъ коммендантамъ русскимъ приказано было дѣлать розыскъ деньгамъ, серебру и другимъ вещамъ, таскаемымъ въ тѣ стороны, и чтобы вещи тѣ оставались при командахъ до дальнѣйшаго распоряженія вашего, котораго великодушію и покровительству препоручаясь, имѣю честь писаться

Вашей вельможности, милостиваго государя, нижайшій слуга Яковъ Кузалкевичъ.

11 іюля 1768 г.

Архანградъ [1]).

№ 2.

Письмо запорожскаго атамана, уманскаго куреня, Семена Неживого къ гусарскаго полка командиру Θедору Чорбѣ, 21 іюня 1768 г.

Высокородный и высокопочтенный г-нъ полковникъ, правящій командою, нашъ всегдашній благодѣтель.

Поневажъ въ польской области показалося немалое разореніе, яко и въ староствѣ чигиринскомъ отъ году 1766-го отъ уніатъ, которые уніаты народу христіанскому великіе бѣды и разоренія дѣлали, при томъ-же разореніи, священниковъ благочестивыхъ словивши, головы, бороды и усы обстригали и тиранско мучили не токмо священникамъ и монахомъ тое дѣлали, но и народу христіанскому, и еще войско конфедерацкое, въ Украину спровадивши, хотѣли народъ христіанскій мучити, яко в городѣ Каневѣ отъ козакъ отобравши ружья хотѣли (ихъ) смертью казнить. Я Семенъ Неживый, атаманъ курѣнный уманскій, видячи кривду народа православнаго, собравши козаковъ, вооружился и тѣхъ

---

[1]) Нынѣ посадъ херсонской губерніи на рѣкѣ Синюхѣ, на самой границѣ кіевской и херсонской губерніи, иначе называемой Архангельскъ. Въ XVIII столѣтіи тамъ находилось русское пограничное укрѣпленіе.

конфедератовъ зъ Украины отогналъ, а нѣкоторыхъ ляховъ и жидовъ смерти предалъ. Теперича содержусь въ Медвѣдовцѣ со всею своею командою и ожидаю отъ вашего высокородія милостивой резолюціи: что мнѣ впредь поступать; поневажъ со всею своею командою народу христіанскому никакой обиды не дѣлалъ и которые города доставалъ, и тѣ города подписалися, при которомъ письмѣ до вашего высокородія для разсмотрѣнія и предоставляю. В. в-дія покорный слуга, атаманъ курѣня уманскаго Семенъ Неживый со всѣмъ своимъ товариствомъ.

Іюня 21 дня, 1768 г. зъ Медведовки.

№ 3.

Свидѣтельство отъ мошенцевъ.

Благородному и достопочтенному г-ну атаману курѣня уманскаго войска запорожскаго Семену Неживому отъ мѣщанъ мошенскихъ.

За прибытіемъ къ намъ зъ войскомъ г-на атамана Семена Неживого в мѣстечко Мошна наши мѣщане мошенскіе, видя свою крайнюю нужду и отягощеніе отъ ляховъ, такъ и отъ войсковыхъ, яко тежъ и отъ губернатора мошенскаго Подгородецкаго, который то Подгородецкій много людямъ мошенскимъ разныхъ обидъ делалъ не толко свецкому народу, но и духовному чину за благочестіе: людей свецкихъ до полусмерти кіями забивали, уніатамъ гонителямъ великую протекцію давалъ во всемъ, что наши священници мошенскіе, которые до благочестія пристали, всюды гонимы были, по лѣсахъ и по разныхъ мѣстахъ укрывалися; сверхъ-же того той-же губернаторъ на нашу громаду великое страхованіе наносивъ и за подлинно мнилъ на насъ конфедерацію спровадити изъ ляховъ, чтобъ зъ насъ христіанъ ни одній души в живыхъ не осталося, все то г-ну атаману Семену Неживому представляли. И ежели-бъ мы смерти нечаянной отъ поляковъ не убѣгли, и близко тое уже к намъ приходило. Чтоже г-нъ Семенъ Неживый атаманъ бытностію его в Мошнахъ и з воинствомъ людямъ нашимъ мошенскимъ ни меншей кривды не учинилъ, совестію о томъ свидѣтельствуемъ и какое подписуемось, неграмотные бывши, крестами. Атаманъ городовый мошенскій Василь Кирченко, Иванъ Бабичъ, Марко Гречула, Иванъ Левченко, Антонъ Швець, Данило Яршовъ, Петро Высочинъ, Максимъ Птиченко, Иванъ Каля, Моисей Моргунъ, Андр. Дуда,

Грицко Слюсарь, Никола Сусенко, Корнѣй Костаченко, Иванъ Гречуха, Ѳесько Гречуха, Иванъ Яцына, Максимъ Швецъ, Ѳедоръ Прудевъ (послѣ каждаго значекъ ⊛).

Къ сему и цѣлая громада мошенская.

Дано сіе свидѣтельство в мѣстечкѣ Мошнахъ іюня 15, 1768 г.

№ 4.

Свидѣтельство каневскихъ мѣщанъ и козаковъ.

Благородному господину атаману курѣня уманского, войска запорожскаго Семену Неживому отъ мѣщанъ и козаковъ каневскихъ.

За прибытіемъ къ намъ зъ войскомъ до Канева, которому наши козаки каневскіе, видя свою нужду и ближнею смерть и прочихъ христіанъ, доносили ему атаману, чтобы посланнаго отъ нихъ съ таковымъ резономъ, что господа наши каневскіе въ замку обрѣтающіися совѣтовали между собою не премѣнять никакоже намѣренного дѣла: оныхъ козаковъ прежде атамановъ, потомъ рядовыхъ обрѣтающихся между собою, отобравши оружіе отъ нихъ, выгубити смертно. И съ тоей причины слышали отъ нѣкоторыхъ таковую нечаянную смерть не токмо на себе, но и на прочихъ христіанъ; оные каневскіе козаки и просили вышепомянутаго атамана войска запорожскаго, но токмо слышали объ ономъ войску за нѣсколько недѣль. То вышепомянутый атаманъ посылалъ до замку три раза команды своей зъ писаніемъ козака, дабы оные господа каневскіе не опасовалися никакова разоренія отъ нихъ, но только посовѣтовать между собою желалъ. На то отвѣтствовали, что они—готовы до битвы.

И по тѣмъ тремъ посылкамъ видя ихъ противныхъ, приказалъ атаманъ дворъ поручиковъ согласно съ командою своею пустой запалить, отъ котораго то и замокъ загорѣлся, и въ то время господа каневскіе съ войскомъ польскимъ и козаками каневскими з дворовъ уступили; по выходѣ же зъ замку козаки отъ поляковъ отлучилися и прилучилися къ командѣ вышепомянутаго атамана и были при командѣ его. Той же вышепомянутый атаманъ, будучи въ городѣ нашемъ Каневѣ, жителямъ здешнимъ каневскимъ никаковой обиды не дѣлалъ, но токмо и то по возможности своей отъ мѣщанъ каневскихъ что имѣлъ, тѣмъ войсковыхъ козаковъ кормилъ и грабительства христіанамъ никакова не дѣлалъ; въ томъ мы ему атаману вышепомянутому войска запорожскаго

козаки и мѣщане каневскіе даемо квитанцію съ подписаніемъ рукъ нашихъ во свидѣтельство.

Въ Каневѣ іюня 12 дня року Божія 1768. Яко же неумѣвшіе писанію крестъ святый саморучно полагаемъ.

Леско Сало атаманъ козацкій ⊕

Алексѣй Галушка атаманъ, ⊕

Иванъ Пи аной атаманъ ⊕

Ив. Секанъ атаманъ ⊕

И всѣ городовые козаки

Мѣщане: Василь Куссейко, атаманъ городовый ⊕

Яковъ Серенко, Семенъ Ковальскій цехмистръ, Прокопъ Лабаренко, Тимошанъ Крамарь. Послѣ каждаго имени слѣдуетъ знакъ ⊕

№ 5.

Письмо атамана запорожскаго Неживого къ подполковнику Хорвату, въ которомъ жалуется, что русскія военныя власти принимаютъ и укрываютъ поляковъ и жидовъ отъ козацкой расправы.

Высокородный и достойный почтеня господинъ подполковникъ Ив. Хорвате, нашъ всегдашній благодѣтель.

Случилося намъ съ командою пріѣхать въ Крыловъ полской, толко не имѣемъ себѣ того счастія, что не застали а ни единого поляка, такжежъ и жида. Поневажъ пребралися всѣ подъ вашу команду въ границу россійскую, и не знаемъ съ какой причины ваше высокородіе онымъ погано-невѣрнымъ врагамъ и непріятелямъ Ея Императорскому Величеству, также жъ и правовѣрнымъ христіанамъ принимаете; понеже оные проклятые жидове ввесь народъ христіанскій своимъ поганствомъ сквернятъ, то хиба Вашему высокородію великое награжденіе зделали, что оныхъ принимаете? за что? Просимъ отъ оныхъ все имущество отобрати и на сю сторону къ намъ выдать хоча и сонныхъ. Понежваши (? [1]) не за имущества втруждаемося, только абы вѣра христіанская отъ насъ [2]) не была большъ скверненная и чтобъ не было враговъ на государство, также жъ и на правовѣрныхъ христіанъ. А ежели ваше высокородіе не исполните [3]) нашего

---

[1]) Вѣроятно ошибка переписчика—вмѣсто: „поневажъ“.

[2]) Можетъ быть описка: надобно было-бы—„отъ нихъ“, такъ по смыслу рѣчи.

[3]) Быть можетъ и здѣсь переписчикъ описался вмѣсто: не изволите.

прошенія зделать, то просимъ всепокорнѣйше, абы вволили насъ [1]) къ намъ утрудиться хоча и на половину гребли для совѣту съ нами. Притомъ кланяемся вашему высокородію хлѣбомъ и солью; и мы не пріѣхали, чтобъ на воеводство къ вамъ, только за своимъ интересомъ, что намъ повелѣно дѣлать и притомъ зостаемся:

Вашему высокородію доброжелательные слуги
Семенъ Неживый атаманъ,
Василь сотникъ съ товариствомъ.

№ 6.

Рапортъ премьеръ майора Вульфа правившему въ крѣпости св. Елисаветы за коменданта Христіану Григорьевичу Корфу о гайдамацкомъ набѣгѣ на слободу Голту и о преслѣдованіи гайдамаками поляковъ и жидовъ.

Вчерашняго, то-есть 24 числа, въ третьемъ часу съ полдня, пріѣхавъ до девятнадцати человѣкъ запорожскихъ козаковъ въ ханскую слободу Голту, прислали двухъ человѣкъ своихъ къ тамошнему каймакану съ требованіемъ, чтобъ онъ выслалъ съ Голты укрывшихся туда поляковъ и польскихъ жидовъ. И какъ онъ каймаканъ выслать не похотѣлъ, то они запорожцы, прибѣжавъ туда, учинили тамошнимъ жидамъ грабительство и разореніе, и находящихся тамъ во укрывательствѣ двухъ польскихъ шляхтичей и до семи жидовъ польскихъ же до смерти закололи, а нѣсколько жидовъ, убѣгая ихъ запорожцевъ нападенія, хотя переплыть чрезъ рѣку Бугъ на здѣшнюю сторону для укрывательства, утонуло. Тожъ и сего числа въ десятомъ часу дня, во оную слободу Голту прибѣжавъ, нѣсколько изъ тѣхъ запорожцевъ человѣкъ, убили до смерти трехъ голтянскихъ жидовъ, а нѣкоторыхъ до полусмерти прибили, и имущество ихъ грабили. Почему я и голтянскій каймаканъ, опасаясь ихъ запорожцевъ, перешедшихъ на здѣшнюю сторону въ слободу Орелъ, объявилъ мнѣ, что де посыланный отъ него каймакана въ запорожскій гардъ Бегилей, возвращаясь оттуда, обратно, видѣлъ, что запорожской команды на запорожскій гардъ перешло того же 24.

[1]) Въ спискѣ, бывшемъ у насъ, это слово поставлено въ скобкахъ. Смыслъ дальнѣйшей рѣчи тотъ, что атаманъ Семенъ Неживый проситъ выѣхать къ нему на средину плотины, за которою на другомъ берегу онъ стоялъ съ козаками, для совѣщанія.

числа пѣшихъ до тридцати, а конныхъ до двадцати человѣкъ, и состоятъ въ урочищѣ Романковой, разстояніемъ отъ Голты за пятнадцать верстъ, да переѣхавшіе съ ханской стороны на здѣшній орловскій форпостъ чумаки объявили, что вчерашняго жъ 24 числа видѣли на степи, въ ханской сторонѣ, близь Гарду, до полтораста человѣкъ запорожской команды пѣшей, а запорожскій гардовой писарь Быстрицкій, будучи у меня сего числа по его надобности объявилъ, что де на запорожскій Гардъ никакой команды не переходило на ханскую сторону, тоже и состоящей въ Гарду запорожской команды ни единъ де человѣкъ никуда не отлучался, а чаетъ только де та команда изъ числа находящейся въ Умани запорожской же команды; нѣкоторые же изъ перешедшихъ на здѣшнюю сторону въ слободу Орелъ изъ оной слободы Голты объявили, что де онѣ будучи во оной слободѣ Голтѣ слышали, что за Кодымой на ханской сторонѣ верстъ въ четыре собирается татарское войско, а для чего—неизвѣстно, о чемъ вашему высокородію рапортъ, и ежели паче чаянія тѣ запорожцы и отсель укрывшихся на здѣшней сторонѣ поляковъ и жидовъ о выдачѣ ему требовать станутъ, какъ въ томъ повелѣно будетъ, прошу вашего высокородія снабдить резолюціею.

Премьеръ-майоръ Владимиръ Вульфъ.

25 іюня
1768 года.

№ 7.

Показанія купцовъ о нападеніи запорожцевъ и гайдамаковъ на Паліево-Озеро, избіеніи тамъ поляковъ и жидовъ и о покушеніяхъ на турецкое мѣстечко Балту.

1768 года 21 іюня въ крѣпости св. Елисаветы купцы Александръ Соломянцевъ, Евфимъ Шапошниковъ и Тимоѳей Балашовъ сказкою показали: въ бытность де ихъ въ мѣстечкахъ ханскомъ Балтѣ и польскомъ Паліевомъ-Озерѣ для торговаго промысла видѣли, что сегодня 18 числа пріѣхавъ во оное польское мѣстечко Паліево Озеро команда до трехсотъ человѣкъ, которые себя называли запорожцами, бывшихъ тамо поляковъ и жидовъ пиками покололи и имущества ихъ забрали, а потомъ съ оной команды послано двухъ человѣкъ во оное ханское мѣстечко Балту къ турецкому воеводѣ Якубу Агѣ съ прошеніемъ, чтобъ онъ укрывшихся туда поляковъ и жидовъ съ онаго мѣстечка на польскую

сторону выгналъ и чтобъ оной командѣ никакой обиды отъ стороны турецкой не было. Однакъ онъ воевода трехъ перешедшихъ туда для укрывательства поляковъ и жидовъ не выгналъ оттуда, и того-жъ числа оная команда, убоясь яко бы турковъ, съ онаго польскаго мѣстечка Палѣева-Озера выѣхала и не въ отдаленности отъ онаго мѣстечка стала; что усмотря турки, считая ихъ за гайдамаковъ, переѣхавъ на польскую сторону съ тѣмъ, чтобы ихъ ловить, оное польское мѣстечко Палѣево Озеро зажгли и, напавши того мѣстечка на купцовъ и прочихъ тамошнихъ жителей, начали рубить, считая ихъ за бунтовщиковъ, будто яко бы они тоя команды поддались, и потомъ побѣжали было за оною командою въ погонь, однакъ убоялись оной, возвратились въ мѣстечко Балту. Тожъ оная команда къ оному польскому мѣстечку возвратилась; на которую команду тѣ турки съ ихъ сторонъ до полдня съ ружья паля убили двухъ человѣкъ, тожъ одного грека и трохъ волоховъ. Оная команда на ихъ турковъ не палила; а послѣ какъ пріѣхало еще конной до четырехсотъ человѣкъ при ихъ полковникѣ таковой же команды,—а какъ онаго полковника зовутъ и прозываютъ неизвѣстно—съ четырьмя пушками, то въ ту пору и оная команда начала на турецкую сторону съ пушекъ палить; и тогда турки и прочіе тамошніе жители, убоясь, побѣжали съ онаго мѣстечка Балты, за которыми большая часть оной команды въ погонь побѣжала, и тамъ учинила сраженіе. А убито-ль кого на ономъ сраженіи или нѣтъ—неизвѣстны-жъ; а потомъ возвратились на польскую сторону, гдѣ оная команда до отъѣзду ихъ, купцовъ, оттуду находилась. Болѣе вышепоказаннаго они Соломянцовъ, Шапошниковъ и Балашовъ ничего не видѣли и не слыхали и что въ томъ по самой справедливости показали, въ томъ и подписались на подлинномъ тако:

Крѣпости св. Елисаветы купецъ Александръ Соломянцевъ, крѣпости св. Елисаветы купецъ Тимоѳей Балашовъ, а вмѣсто него неграмотного по его прошенію подписался Евфимъ Шапошниковъ.

№ 8.

Письмо атамана Семена Неживого Чорбѣ отъ 30 іюня 1768 года.

Высокородный и высокопочтенный г-нъ жолтого гусарского полку полковникъ, высокомилостивый нашъ государь и наособливѣйшій патронъ!

Нарочный войска запорожскаго бывъ посланный козакъ Василей Таловъ для увѣдомленія, что бѣжавшіе гусары, забравши изъ собою казну и аммуницію, присягають самовольству и конфедераціи польской и противъ вѣрно(сти) нашой всемилостивѣйшей ея императорскаго величества и всея Россіи много нападенія и разбойства делають, намъ же будучи христіанамъ не хотя того оставить, толко въ вѣрность Ея Императорскаго Величества, хотя и нынѣ, все товариство должны смертію страждать. Что-же приказъ отъ вашего высокородія и патрона словесный и письменный, дабы явиться къ Гаграганову (?) для разговоровъ, сего дня крайне не могу, но дня 1 іюля съ приставою вашихъ дезертировъ служить одолжаемся. Мы же вѣрные и всенайподданнѣйшіе Ея Императорскаго Величества просили вашего высокородія отъ нашего войска посланнаго Василья Бузка да жителя медведовскаго Давида войта приказать отпустить, дабы мы отъ вашего высокородія обиды не могли признать. Впрочемъ и отданный отъ насъ всего войска всенижайшій первый поклонъ зостаемся вашему высокородію, высокомилостивому государю и наиособливѣйшому патрону, всенижайшіе слуги Семенъ Неживый съ товариствомъ.

Іюня 30 дня 1769 г. зъ Медведовки.

№ 9.

Свидѣтельство медвѣдовцевъ.

Благородному и достойно почтенному атаману войскъ низовыхъ запорожскихъ Семену Неживому куреня уманского отъ мѣщанъ и козаковъ медвѣдовскихъ.

Сего 1768 г. мѣсяца мая 18 числа въ полской области въ староствѣ чигринскомъ вездѣ по городахъ и селахъ великое разореніе народу показалося отъ поляковъ, то-есть отъ конфедератовъ, которые то, пріѣхавши въ Жаботинъ войска четыреста пятдесятъ человѣкъ съ козаками и черезъ три дни стоячы, ходили пяные по лѣсахъ и людей жаботинскихъ, которые позбѣгали по лѣсахъ, ловили и, имущество отъ оныхъ отобравши, до полусмерти кіями забивали, и скота рогатого зъ города Жаботина немалое число забрали. Которые-жъ то конфедераты, враги и непріятели Ея Императорскому Величеству и Коронѣ польской, пріѣхавши сто человѣкъ у Медведовку и стали въ замку и заразъ отъ козаковъ и

клеяновъ (?[1]) списы и оружья со всѣми припасами отобрали и, недовольны тѣмъ будучи, но еще хотѣли нашего пана полковника Квасковскаго взять съ собою до конфедераціи, но онъ уполъ въ границу россійскую. И неотмѣнное ихъ такое намѣреніе было, чтобъ пановъ и козаковъ съ собою забрать, а священниковъ греко-россійской православной вѣры и людей главныхъ и ктиторей мучити смертно за благочестіе, и чтобы привесть всѣхъ до присяги и на вѣрность конфедераціи. Но мы всѣ правовѣрные христіане, не хотя своей присяги касовати благочестивой, но, вѣрными быть (хотя) Ея Императорскому Величеству, отъ ихъ конфедератовъ гордо (sic) бѣжали зъ домовъ своихъ по лѣсахъ, островахъ и на розныхъ мѣстахъ непристойныхъ скрывалися и чрезъ тое гоненіе не единъ въ домахъ имущество потерявъ. И какъ бы сей атаманъ отъ войска запорожскаго Семенъ Неживый, собравши команду козаковъ и вооруживши, оныхъ конфедератовъ зъ Украины (не) отогналъ, то бы оные поляки, чтобъ похотѣли, то тобъ и здѣлали съ нами. Понеже пановъ[2]) нашихъ и арендаровъ розогнали и не было за нами никакого обстоятеля; только сей атаманъ Семенъ Неживый сталъ за вѣру христіанскую и конфедератовъ отогналъ зъ Украины и явися съ командою у Медведовку, грабителства и обиды народу христіанскому не дѣлавъ нигдѣ, но еще великое спомоществованіе отъ своевольцевъ; и какъ бы не онъ у насъ содержался, то бы до сего времени великое кровопролитіе между народомъ было и имущества были бы отъ насъ пограблены. Но только онъ отъ насъ громадъ требуетъ харчей для войска, а грабительства не дѣлаетъ И въ томъ мы ему атаману Семену Неживому свидѣтельство (даемъ) и подписуемся руками своими властными. Написуемъ кресты. Дѣялося сіе на урядѣ городовомъ въ Медведовкѣ дня 1 іюля 1768 году.

Семенъ Рудь, атаманъ городовый ⊕

Өедоръ Латка, Василь Буханъ, Григ. Колесникъ, Авр. Гончарь, Борисъ Гончарь, Симонъ Крамарь, Уласъ Зобенко, Сем. Коваль. Послѣ каждаго изъ этихъ именъ слѣдуетъ слѣдуетъ знакъ ⊕

Къ сему и целая громада медведовская.

---

[1]) Быть можетъ въ этомъ мѣстѣ, испорченномъ переписчикомъ, надобно читать *кіяковъ*: такъ назывались въ Украинѣ и въ Польшѣ мужики, ходившіе на заработки. Они всегда ходили съ большими палками, называемыми кіями.

[2]) Подъ панами разумѣлись запорожскіе войсковые товарищи, водворявшіеся въ разныхъ мѣстахъ правобережной Украины.

№ 10.

Рапортъ къ полковымъ дѣламъ жолтаго гусарскаго полка поручика князя Манвелова о переговорахъ съ атаманомъ гайдамаковъ Неживымъ, домогавшимся выдачи бѣжавшихъ поляковъ и жидовъ.

По отправленіи вчерашняго числа отъ меня въ четвертомъ часу къ полковымъ дѣламъ рапорта, злоумышленные гайдамаки съ атаманомъ Неживымъ, тожъ и сотникомъ Василіемъ предъ вечеромъ прибыли болѣе (какъ?) и на человѣкъ сто. Прибывши въ польскій Крыловъ, означенный атаманъ Неживый присланнымъ на имя господина подполковника Хорвата письмомъ просили (кое письмо при семъ оригиналомъ прилагается), что (бъ) для нѣкотораго совѣту съ ними выйти на греблю; по каковымъ обстоятельствамъ я перво предпринялъ самую крѣпчайшую предосторожность и, совокупивъ(ся съ) своею и козачьею командою, прибывъ къ крыловскому форпосту, гдѣ возлѣ оного оставя, а я—съ поручикомъ Бутовичемъ и прапорщикомъ князомъ Манвеловымъ и Танталеевымъ, тожъ и зъ сотниками, вышли на половину гребли, куда и означенный атаманъ Неживый и сотникъ Василій къ намъ прибылъ съ хлѣбомъ и солью, а при томъ объявили: что мы де не для чего иного прибыли, какъ только требовать отъ васъ о выдачѣ жидовъ и поляковъ; на это я онымъ объявилъ, что тѣхъ жидовъ и поляковъ, потому что оные въ силѣ предложеніевъ находятся у насъ подъ защитой, отдать невозможно. И такъ оные, установивъ отъ себя въ польскомъ Крыловѣ расположеніе, и опредѣливъ въ ономъ атамана, приказывали ему, чтобы по ихъ приказаніямъ единственное исполненіе чинили; а потомъ—отъѣхали до села Конабарка, гдѣ и находятся понынѣ; а сверхъ того приказали оному атаману, что если каковы между оными поляками и жидами у нихъ суспиціи оказываться будутъ, то давали бы къ намъ знать, и просили оные насъ, чтобъ и въ томъ вспомоществованіе чинили, а во всемъ объявляя притомъ, что де оные мѣста будутъ въ скоромъ времени россійской державы, а не польской и чтобъ тѣ мужики считались россійскими, а не польскими жильцами.

Поручикъ князь Иванъ Монвеловъ.

Іюня 26. 1768 г.

№ 11.

Кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова бригадиру Черткову о преслѣдованіи гайдамаковъ и бѣглецовъ.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ!

Вашего высокородія четыре рапорта отъ 17 и 18 сего со всѣми къ онымъ приложеніями исправно до меня дошли, на которые слѣдующее для вѣдома и въ наставленіе вамъ предписываю. Елико до перехода запорожскихъ козаковъ чрезъ Гардъ въ ханскую сторону для удобнѣйшаго съ гайдамаками въ пути соединенія принадлежитъ, то, въ силу моихъ ордеровъ, отъ кошевого атамана командированіемъ, при шести полковникахъ и при нѣсколькихъ куренныхъ атаманахъ, разныхъ партій въ степь запорожскую и рѣкою Днѣпромъ къ Очакову, надлежащіе мѣры уже приняты вами для пресѣченія перехода гайдамакамъ въ Польшу, такъ и для переловленія возвращающихся оттуда съ добычею въ запорожскія земли, чѣмъ безъ сумнѣнія (sic) къ искорененію сей зловредной шайки не малый способъ поданъ быть можетъ, если только содержаніе прежнихъ моихъ ордеровъ о преслѣдованіи, поимкѣ и истребленіи оныхъ точно наблюдаемо и въ исполненіе неослабное и ревностное стараніе приложено будетъ. Татарское за Кодымою собраніе хотя по обстоятельствамъ и видится быть дѣйствомъ гайдамацкаго на Балту и Голту нападенія, слѣдовательно не иное въ себѣ заключающее, какъ собственную предостережность отъ другихъ гайдамацкихъ на татарскія мѣста пустошеній, однако презирать оное не должно, ибо предосторожность, а найпаче при пограничности, никогда излишнею не признавается; и для того изволите, ваше высокородіе, по полученіи сего, немедленно одного надежнаго и искусного офицера отправить къ начальнику Едисанской Орды съ письмомъ для исканія яко бы какого либо за границу съ немалою суммою бѣжавшаго купца, прося, чтобы, въ силу вѣчно мирнаго трактата и сосѣдственной дружбы въ отысканіи онаго, приказано было стараніе приложить и по отысканіи (чтобъ) оный совсѣмъ, что при немъ найдено будетъ, посланному на руки отдать(нъ) и до границы препровожденъ былъ, такъ (какъ) и съ нашей стороны съ подобными отъ нихъ бѣглецами неоднократно уже поступлено. Подъ которымъ претекстомъ посланный стараться долженъ о подлинныхъ обращеніяхъ и намѣреніяхъ той орды развѣдать, а между тѣмъ въ разговорахъ от-

зываться и увѣрять можетъ, что набѣгшая на Балту и Голту разбойническая шайка, состоявшая въ немаломъ числѣ всякой сволочи, польскихъ козаковъ, мужиковъ и другихъ гайдамаковъ, разоряющихъ польскую Украину, нашими войсками большею частію разбита и переловлена, которой остатокъ уповательно также скоро истребленъ быть имѣетъ. И такъ, что симъ нарочнымъ посланцемъ развѣдано будетъ, меня немедленно увѣдомить. По второму вашему рапорту, при которомъ сказка купцовъ елисаветградскихъ Евфима Шапошникова съ товарищами, надлежитъ такожде у начальника Едисанской Орды справедливаго удовлетворенія, по сосѣдственной дружбѣ, требовать, и что потомъ послѣдуетъ, меня увѣдомить. По третьему—всѣмъ находящимся въ елисаветградской провинціи польскимъ шляхтичамъ, кои подъ покровительство ея имп-го в-ства прибѣгнули для спасенія живота отъ гайдамацкаго гоненія, приказать до дальняго ордера оставаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся, пользуясь подъ высочайшею защитою дозволеннымъ имъ благоденствіемъ до совершеннаго истребленія всѣхъ гайдамаковъ и возстановленія въ ихъ отечествѣ прежняго покоя и тишины; а когда желанное спокойство возстановлено будетъ и опасность къ возвращенію въ ихъ отечество минется—отъ меня имъ знать дано будетъ, и они тогда безпрепятственно въ свои домы отпущены быти имѣютъ. И такъ мнѣ остается ожидать, въ силу прежняго моего ордера, присылки отъ васъ имяннаго списка всѣхъ шляхтичей польскихъ, ретировавшихся въ елисаветградскую провинцію, съ означеніемъ чина, фамиліи и служителей обоего пола; на послѣдвій (рапортъ), при которомъ сказка отставного ротмистра Иванченка и допросъ сотника Власенка съ переводами двухъ писемъ губернатора Квитневича, рекомендую: арестованное вино ротмистру Иванченку съ роспискою отдать приказать, ибо, какъ видно, Квитневичъ съ нимъ въ томъ помирился [1]). Ротмистра Иванченка хотя и не надлежало по причинѣ экономіи въ домъ отпустить, однако, когда оное за надежными поруками учинено, то быть такъ, но смотрѣть надобно, чтобы какимъ либо образомъ онъ скрыться не могъ. Сотника-же Власенка до дальняго ордера содержать подъ карауломъ въ крѣпости, а вещи какъ Иванченка, такъ и Власенка оставить въ смотрѣніи вахмистра Бабки, не ока-

---

[1]) Обстоятельства, на которыя здѣсь дѣлается намекъ, неизвѣстны.

жется ли иногда и впредь по онымъ какой либо улики, по которой тогда и дальнѣйшее слѣдствіе произведено быть можетъ [1]).

Вашего высокородія охотнѣйшій слуга

Өедоръ Воейковъ.

Кіевъ. 31 іюля
1768 г.

№ 12.

Того же Воейкова тому же бригадиру о преслѣдованіи гайдамаковъ и о содержаніи карауловъ.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ! Два ваши рапорта отъ 23 съ приложеніемъ исправно здѣсь получены. Первый, служащій только для вѣдома, остается въ своей силѣ, а на второй предписывается, что во уваженіе вашего представленія, яко за отправленіемъ для истребленія и поимки разбойниковъ въ Польшу гусарскихъ и пикинерныхъ и компанейскихъ командъ и умножающихся ежечасно арестантами, равно какъ и въ разсужденіи обширности границъ Елисаветградской провинціи, на которой тамошними гусарскими, компанейскими и пикинерскими полками форпосты содержутся и безпрестанные разъѣзды чинятся однимъ пѣхотнымъ козловскимъ полкомъ, отъ котораго двѣ роты на подкрѣпленіе главныхъ форпостовъ посланы, по числу некомплекта всѣ караулы въ крѣпости въ Кременчугѣ и надъ арестантами, безъ крайней тягости и изнуренія солдатъ, исправляемы быть не могутъ, отъ меня одну генералъ аншефу и кавалеру графу Румянцеву сообщено. По его благоразсмотрѣнію приказать изъ ближнихъ полковъ конный или пѣхотный въ Елисаветградскую провинцію командировать до совершеннаго возстановленія въ Польшѣ покоя; и такъ пока оный полкъ или какая другая команда и тамъ прислана будетъ, изволите приказатъ по вашему разсмотрѣнію въ Кременчугѣ хотя гарнизонными солдатами надлежащій караулъ содержать.

Вашего высокоблагородія охотнѣйшій слуга

Өедоръ Воейковъ.

Кіевъ 31 іюля по полудни въ 6 часу 1768 году.

---

[1]) Власенко сотникъ—вѣроятно иначе Уласенко, товарищъ Гонты. Допроса, учиненнаго ему, о чемъ здѣсь намекается, не имѣли мы въ рукахъ.

№ 13.

Отношенія кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова бригадиру Черткову: 1) о водвореніи польскихъ козаковъ, пожелавшихъ поступить въ подданство Россіи, 2) о допросѣ и отсылкѣ содержащихся въ Кременчугѣ запорожцевъ, участвовавшихъ съ гайдамаками и 3) о судѣ и приговорѣ надъ виновными. Августа 15, 1768 года.

1.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ! По рапорту вашему отъ прошедшаго апрѣля о вышедшаго изъ польской Украины козацкаго атамана Сухины съ шестьюдесять двумя человѣками польскихъ козаковъ, кои, убѣгая отъ согласованія съ польскими конфедератами, прибѣгнули подъ высочайшій покровъ Ея Императорскаго Величества съ желаніемъ остаться вѣчно въ подданствѣ, объявляя, что къ такому же выходу и еще многое число козаковъ намѣреніе имѣютъ, съ желаніемъ учинить въ вѣрности службы присягу и выведя всю свою фамилію, поселиться слободою, гдѣ мѣсто отведено будетъ, Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше отъ меня донесено съ испрошеніемъ высочайшаго указа, что съ ними и съ являющимися впредь учинить повелѣно будетъ; начто высочайшимъ рескриптомъ отъ 11 іюля всемилостивѣйше повелѣно: во уваженіе указаннаго отъ нихъ усердія принять ихъ ласково и помѣстить между настоящими въ Елисаветградской провинціи поселянами, не заводя особыхъ для нихъ поселеній, пока замѣшательства въ Польшѣ продолжаться будутъ, а при томъ дозволить имъ пользоваться всѣми тѣми выгодами, кои согласоваться могутъ съ узаконеніями по тамошнему мѣсту учиненными. Сіе разумѣется и о тѣхъ польскихъ козакахъ, кои впредь изъ польской Украины по объявленію сихъ выходцевъ съ такимъ же точно намѣреніемъ, съ какимъ и они прибѣгли, выходить будутъ.

Во всеподданнѣйшее исполненіе такого Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго повелѣнія изволите ваше высокородіе потребное къ распредѣленію ихъ по вашему разсмотрѣнію учинить расположеніе и, по вмѣщеніи всѣхъ, меня въ свое время рапортовать.

Вашего высокородія охотнѣйшій слуга Өедоръ Воейковъ.

15 августа 1768 г.

2.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ! По полученіи сего извольте, ваше высокородіе, приказать кому надлежитъ какъ можно скорѣе всѣхъ въ елисаветградской провинціи и въ Кременчугѣ находящихся между содержащимися гайдамаками запорожскихъ козаковъ, каждого особо по приложеннымъ при семъ пунктамъ, допросить и таковый съ нихъ допросъ съ нарочнымъ ко мнѣ отправить, между тѣмъ надлежитъ ихъ злодѣевъ по приложенному при семъ экстракту изъ указа формальнымъ образомъ судить ихъ и приговоръ сдѣлавъ съ нарочнымъ ко мнѣ рапортовать.

Пункты, по которымъ допрашивать пойманныхъ въ Польшѣ на разбоѣ запорожцевъ:

1. Стараться вывѣдать прямое начало заговора оныхъ пойманныхъ въ Польшѣ запорожцевъ, а особливо, кто изъ нихъ подговорщикъ былъ самъ, или же всѣ отъ другихъ научены были и гдѣ именно зборище ихъ началось?

2. Съ вѣдома ли кошевого атамана и войсковой старшины отлучились въ Польшу?

3. Съ какимъ намѣреніемъ сдѣлали нападеніе на слободу Балту и что кѣмъ гдѣ учинено?

Вашего высокородія охотнѣйшій слуга Ѳедоръ Воейковъ.

15 августа 1768 г.

3.

Экстрактъ присланнаго въ кіевскую губернскую канцелярію изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ указа отъ 24 іюля 1768 года.

1. Тотчасъ по полученіи сего указа произвесть надъ помянутыми запорожцами надлежащій судъ, который однакожъ весьма скоро оконченъ быть долженъ.

2. Въ судѣ положивъ на мѣрѣ формальный приговоръ на основаніи законовъ,—ибо колодники, будучи взяты съ ружьемъ въ рукахъ противу войскъ ея имп-го в-ства, не могутъ конечно оправдаться ни въ бунтовчичьемъ супротивленіи волѣ и оружію Ея Величества, ни въ разнообразныхъ въ Польшѣ произведенныхъ варварствахъ, когда они на самомъ дѣлѣ пойманы и слѣдовательно судимы быть должны, яко бунтовщики, нарушители общаго покоя, разбойники и убійцы.

3. Когда по симъ уваженiямъ, вслѣдствiе всѣхъ на свѣтѣ законовъ, опредѣлена будетъ смертная казнь, перемѣнить ее, при самомъ исполненiи, въ тѣлесное наказанiе кнутомъ, клеймомъ и вырванiемъ ноздрей, ссылкою въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы.

Въ губернскую канцелярiю изъ государственной коллегiи иностранныхъ дѣлъ указа (экстрактъ). Канцеляристъ Өедоръ Онисимовъ.

№ 14.

Секретное письмо кiевскаго генералъ-губернатора Воейкова бригадиру Черткову о мѣрахъ къ поимкѣ и о доставленiи капитана Станкевича, участвовавшаго въ гайдамацкомъ бунтѣ.

Высокородный и высокопочтенный г-нъ бригадиръ!

Изъ сообщенiя его сiятельства, г-на генерала аншефа и кавалера, графа Петра Александровича Румянцова усмотрѣлъ я, что между пойманными посланною въ Польшу нашихъ войскъ командою около Жаботина и Смѣлой гайдамаками находится бездѣльникъ чернаго гусарскаго полку капитанъ Станкевичъ съ нѣсколькимъ числомъ россiйскихъ подданныхъ, которые содержатся въ Смѣлой. А какъ сiе мѣсто въ близости елисаветградской провинцiи находится, то отъ меня г-ну генералъ майору и кавалеру Исакову ордеромъ подтверждено для взятья оныхъ оттуда и препровожденiя до Кременчуга отправить достаточную изъ гусаръ и пикинеръ команду. Того ради вашему высокородiю найприлѣжнѣйше рекомендую, по приводѣ сихъ злодѣевъ къ вамъ, приказать оныхъ подъ крѣпкимъ содержать карауломъ и надъ помянутымъ бездѣльникомъ Станкевичемъ изслѣдовать: какъ и съ чѣмъ былъ онъ отправленъ въ Польшу и для чего нашимъ войскамъ противился? Прочихъ гайдамакъ всѣхъ обыкновеннымъ образомъ допросить: кѣмъ они подговорены и съ какимъ намѣренiемъ въ Польшу пошли. О полученiи сего и о исполненiи меня во свое время рапортовать.

Вашего высокородiя покорный слуга Өедоръ Воейковъ.

Кiевъ 14 декабря 1768 года.

Матеріалы для исторіи б. Запорожья *).

Насытишася сынов и оставиша останки младенцемъ Псал. XVI ст. 14.

Помѣщаемые ниже документы являются такъ сказать посмертными записями Запорожья; они относятся къ тому времени, когда Запорожье прекратило уже свое историческое существованіе, и дають нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, какъ дѣлилось его огромное наслѣдство и какъ само оно, разгромленное и разбитое на части, но возродившееся въ одной изъ своихъ частей въ формѣ войска черноморскаго, путемъ различныхъ ходатайствъ искало мѣста для своего поселенія. Подлинно *иніи трудишася, друзіи же въ трудъ ихъ внидоша*, а тѣ, кто трудился, ищутъ, *гдѣ главу подклонити*. Львиныя части забрали при этомъ дѣлежѣ главные виновники и зрители уничтоженія Запорожья, эти, по выраженію народной пѣсни, «паны, генералы и сенаторы» [1]), которые при всякихъ подобныхъ кризисахъ являются первыми кандидатами на подобное наслѣдство; остальное раздается по инструкціи, порціями 1500—12000 десятинъ, всякому охочему и захожему лицу привилегированнаго сословія, но въ сравненіи съ тѣми сотнями тысячъ десятинъ, что достались генералъ-прокурору Вяземскому, князю Прозоровскому и многимъ другимъ, оно представляло уже такъ сказать объѣдки гигантскаго по размѣрамъ запорожскаго пирога.

---

*) Печатаемые подъ этимъ заглавіемъ восемь документовъ принадлежали къ обширной коллекціи рукописей б. профессора кіевскаго университета А. И. Ставровскаго, а имъ добыты изъ архива б. секретаря Потемкина В. С. Попова. Достопочтенный Алексѣй Ивановичъ, такъ долго съ честію трудившійся для исторіи, къ прискорбію, давно лежитъ, разбитый параличемъ, а драгоцѣнное его собраніе, истощаясь постепенно, не скоро, кажется, станетъ достояніемъ науки. Доставшаяся намъ крупица уступлена намъ однимъ изъ сыновей заслуженнаго профессора.—Ред.

[1]) См. эту пѣсню въ февральской книжкѣ „Кіев. Ст.“, стр. 436.

Бывшія запорожскія земли обнимали собою почти все пространство нынѣшнихъ двухъ губерній херсонской и екатеринославской и заключали въ себѣ свыше десяти милліоновъ десятинъ земли. Запорожскія владѣнія образовывались постепенно и такихъ размѣровъ достигли въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Всѣ они были заняты и удерживаемы съ оружіемъ въ рукахъ; тутъ, можно сказать, каждый клочекъ земли много разъ обагряемъ былъ кровію его обладателей. Запорожцамъ не страшны были такіе враги—сосѣди, какъ поляки и татаре; съ ними много вѣковъ они мѣрялись своими силами и на борьбу съ ними посвящено было все ихъ существованіе. Со стороны Польши ихъ владѣнія шли по чертѣ нынѣшнихъ губерній: кіевской, подольской и херсонской, со стороны Турціи и татаръ точныхъ границъ не было, и какъ татаре захватывали запорожскія земли, такъ и запорожцы проникали внутрь ихъ земель и тамъ имѣли свои *паланки*. Одно время запорожцы фактически лишились было своего наслѣдія лѣтъ на двадцать, именно послѣ катастрофы, постигшей Мазепу съ Карломъ XII, съ 1709 по 1733 г., но въ ихъ отсутствіе ни одна изъ сосѣднихъ державъ, ни даже татаре, не посягнули на ихъ землю и, когда «по соизволенію своему собственному» возвратились они снова въ подданство россійское, то безвозбранно поселились «на своихъ древнихъ и праведно принадлежащихъ земляхъ». «Всѣ тіе мѣста, писалъ имъ при этомъ баронъ Вейсбахъ, при посредствѣ котораго велись переговоры о возвращеніи запорожцевъ, ваши собственныя, и въ оные мѣста, яко вамъ прямо принадлежащія, ни Россія, ни Порта, ни Ханъ крымскій и никто вступать не можетъ и не имѣетъ и для того этимъ мѣстамъ между обоими имперіями (россійскою и турецкою) разграниченія не было, понеже оныя вамъ принадлежатъ» [1]). Совсѣмъ иначе взглянули на запорожцевъ съ ихъ землями, когда возвращеніе ихъ въ русское подданство стало совершившимся фактомъ. Уже послѣ пятилѣтней неудачной войны России съ Турціею (1735—1739 г.) по нисской конвенціи, часть земель запорожскихъ отошла къ Турціи, а по велико-ингульскому инструменту 1740 г., дополнившему бѣлградскій трактатъ, всѣ запорожскія земли вошли въ составъ Россійской Имперіи и стали трактоваться, какъ общегосударственныя земли, которыми правительство въ правѣ распорядиться по своему усмотрѣнію. Въ основѣ дальнѣйшихъ дѣйствій правительства относительно запорожцевъ и ихъ земель легли съ одной стороны недовѣріе къ запорожцамъ за участіе ихъ въ измѣнѣ Мазепы, съ другой—намѣреніе чрезъ ихъ пустыни, путемъ заселенія послѣднихъ и постройки на нихъ укрѣпленій придвинуться постепенно къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Еще съ 1735 г. баталіонъ войска, приданный Кошу какъ-бы для вспоможенія и находившійся съ запорожцами въ походѣ, на обратномъ пути зазимовалъ въ Сѣчи, а за тѣмъ не только оставленъ тамъ навсегда, но и усиленъ въ своемъ составѣ съ возведеніемъ

---

[1]) Исторія Нов. Сѣчи. Скальковскаго, ч. II, стр. 73.

порученнаго ему особаго укрѣпленія. Такія-же укрѣпленія, послѣ бѣлгродскаго трактата, годъ за годомъ возводились на запорожскихъ земляхъ, начиная отъ польской границы внизъ по теченію Днѣпра. Въ тоже время здѣсь поселяемы были выходцы прежняго времени изъ Россіи, изъявившіе согласіе возвратиться въ отечество. Съ 50-хъ годовъ запорожскія земли предоставлены для поселенія четырехъ ново-сербскихъ полковъ, образованныхъ изъ славянскихъ выходцевъ, и населеніе запорожскихъ куреней сдвинуто было съ своихъ мѣстъ въ пустынныя степи, а впослѣдствіи поселены были еще два полка, набранныя изъ молдованъ, волоховъ, грековъ и др. Запорожскія владѣнія сокращались годъ за годомъ путемъ отвода подъ военныя и другія поселенія, а равно—укрѣпленія, по указаніямъ высшей власти, и просто путемъ захвата. Запорожцевъ вытѣсняли съ Кубани, гдѣ они нашли для себя новыя удобныя мѣста, и со стороны р. Калміуса, гдѣ они приходили въ столкновеніе съ другою военною общиною донскихъ козаковъ. Ихъ земельныя права нарушали и татаре, искавшіе выгодныхъ пастбищъ, и сосѣдніе польскіе помѣщики, а самоличная ихъ расправа съ узурпаторами встрѣчала строгое осужденіе со стороны правительства и становилась невозможною. Протесты съ одной, жалобы съ другой стороны вели къ нескончаемымъ спорамъ и разслѣдованіямъ, рѣдко когда оканчивавшимся въ пользу запорожцевъ, но болѣе и болѣе навлекавшимъ на нихъ гнѣвъ правительства. Разселившіяся въ разныхъ концахъ Запорожья русскія военныя власти, дѣйствуя безконтрольно и безнаказанно въ своихъ земельныхъ притязаніяхъ къ запорожцамъ, не признавали никакихъ ихъ историческихъ правъ, да и въ самомъ Петербургѣ не находили уже ихъ жалованныхъ грамотъ, универсаловъ и даже договорныхъ статей Хмельницкаго. Запорожцы видѣли себя въ полной почти блокадѣ, ихъ вѣковое достояніе уплывало изъ ихъ рукъ, поѣздки ихъ депутацій въ Петербургъ и странствованія ихъ по переднимъ елисаветинскихъ и екатерининскихъ вельможъ становились все унизительнѣе и безплоднѣе. Словомъ: неофиціальный, или частный разборъ ихъ земель начался гораздо ранѣе формальнаго уничтоженія Запорожья, и есть много основаній думать, что имущественное его наслѣдство болѣе, чѣмъ что либо другое, входило въ разсчеты людей рѣшавшихъ безповоротно его кончину.

Мы не будемъ говорить о самомъ разореніи Запорожья; для насъ въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе лишь общій характеръ этого великаго въ народной жизни событія, главная причина котораго, какъ бы мы ни объясняли оное, лежитъ все таки въ разгорѣвшемся тогда честолюбіи Потемкина. Сытый, избалованный временщикъ, распоряжавшійся по своей прихоти судьбами обширнѣйшаго края, новороссійскаго, додумался до неосуществимаго *греческаго* проэкта и проглядѣлъ позади себя единовѣрный и единокровный, стонавшій въ польскомъ ярмѣ народъ, единственнымъ представителемъ и защитникомъ котораго служило Запорожье. Ему нѣтъ дѣла до своихъ; онъ не ломаетъ головы надъ переустройствомъ Запорожья, согласно инымъ требованіямъ внѣшней и внутренней политики, онъ стремится какъ нибудь перешагнуть всѣ эти степи и море, добраться до Царьграда, возстановить древнюю Византію,

и, ради своихъ фантастическихъ проэктовъ, онъ спѣшитъ покончить съ запорожцами, попираетъ историческія ихъ права и значеніе, одно упоминаніе ихъ объ этихъ правахъ превращаетъ въ тяжкое государственное преступленіе, которое влечетъ за собою для представителей Запорожья лишеніе всѣхъ служебныхъ и имущественныхъ правъ и суровое заточеніе на крайніе пункты Сѣвера. Ему и на мысль не всходило, что если для осуществленія его плановъ требовалось скорое заселеніе края, то лучшими его колонизаторами могли быть тѣже запорожцы, выдѣлявшіе отъ себя семейныхъ козаковъ съ ихъ зимовниками и отлично устроенными хозяйствами, и что они предпочли-бы, конечно, всякое иное свое устройство и переустройство совершенному уничтоженію и подчинились бы оному также безмолвно, какъ и объявленному смертному приговору; но онъ безъ дальнихъ разсужденій лишаетъ ихъ вѣковаго ихъ достоянія,—заслуженныхъ храбрѣйшихъ воиновъ силится привлечь къ ненавистному и для обыкновеннаго человѣка крѣпостному ярму, разными льготами привлекаетъ въ край всякій иноземный сбродъ, раздаетъ пожитки войсковые бѣглымъ грекамъ и арнаутамъ, надѣляетъ свободныя земли огромными частями безплатно всѣмъ, кто приметъ на себя трудъ вводить рабство въ край, никогда не знавшій его и служившій убѣжищемъ отъ него.

Ко времени уничтоженія Запорожья, т. е. къ 1775 году, Потемкинъ придумалъ проэктъ раздѣленія довѣренной ему новороссійской провинціи на двѣ губерніи: новороссійскую и азовскую. Запорожскія земли подѣлены были между той и другой, но о раздачѣ ихъ въ первой свѣдѣній у насъ нѣтъ, хотя, конечно, и тамъ она не могла быть иной. Губернаторомъ послѣдней назначался Чертковъ, доселѣ помощникъ Потемкина по управленію всѣмъ краемъ. Изданная имъ инструкція относительно раздѣла б. запорожскихъ земель, спустя три года послѣ уничтоженія Запорожья, въ основныхъ чертахъ своихъ принадлежитъ, конечно, Потемкину, на ордерѣ котораго основана. Въ основѣ ея лежитъ крѣпостническій взглядъ того времени: хотѣлось заселить край; безплатная раздача богатѣйшихъ земель служила вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ, но ихъ нельзя было предоставлять лицамъ не свободныхъ сословій, ибо это служило-бы подрывомъ господствовавшаго въ имперіи строя и образовало бы провинцію, надъ общественнымъ и гражданскимъ устройствомъ которой пришлось-бы ломать голову. Тутъ и прославленный геній не могъ придумать иной формы, какъ та, которая была всюду предъ глазами, т. е. раздавать земли лицамъ привилегированныхъ классовъ съ обязательствомъ заселенія ихъ въ извѣстный срокъ и въ извѣстной мѣрѣ на тѣхъ-же началахъ крѣпостническихъ отношеній. Нельзя не признать, что раздача земель совершалась на самыхъ широкихъ льготахъ; въ свою очередь импровизированные владѣльцы огромныхъ участковъ, конкурируя между собою, должны были давать другъ передъ другомъ разныя льготы селившимся на ихъ земляхъ; но въ результатѣ получалось тоже крѣпостническое иго, отъ котораго народъ массами бѣгалъ во всѣ стороны. Такимъ образомъ заселеніе края, не смотря на всѣ льготы, шло крайне медленно и туго даже

до недавняго времени, земля, переходившая изъ рукъ въ руки, оставалась достояніемъ не многихъ, и когда народъ, столько вѣковъ носившій невольничье ярмо, получилъ наконецъ свободу, край очутился въ тѣхъ-же почти земельныхъ условіяхъ, какъ и другія части имперіи.

Само собою разумѣется, что б. запорожцы не могли принять никакого участія въ этой новой искуственной колонизаціи ихъ-же края, такъ какъ она шла въ разрѣзъ со всѣми ихъ вѣковыми стремленіями и привычками къ свободѣ и приволью. Даже военная служба въ регулярныхъ кавалерійскихъ войскахъ, послѣ учиненнаго надъ ними насилія, не могла ихъ прельстить и усилія всемогущаго Потемкина образовать изъ оставшихся запорожцевъ два пикинерные полка кончились ничѣмъ. Позже, спустя семь лѣтъ, при видѣ обширнаго, ничѣмъ не обезпеченнаго края и особливо въ виду приближавшейся турецкой войны, Потемкинъ вспомнилъ запорожцевъ, почувствовалъ въ нихъ нужду и чрезъ посредство ихъ старшинъ сталъ вновь приглашать ихъ въ козацкую службу подъ его личнымъ предводительствомъ; но это воззваніе его прежде всего вызвало волненіе въ народѣ и толки о возобновленіи запорожской Сѣчи, приведшіе народъ, какъ даетъ понять второй изъ приводимыхъ документовъ, къ нелегкому отвѣту предъ разными Халчевскими, Борхами, Булацелями и другими новонародившимися обладателями запорожскихъ земель. Когда-же наконецъ, усиліями запорожскихъ старшинъ: Головатаго, Харька, Чепеги и Легкоступа, разсѣянные останки «славнаго войска низоваго» снова собраны были на службу подъ названіемъ черноморцевъ и, принявъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Турціею 1787—1791 г., покрыли себя новою славою, то въ награду за всѣ свои подвиги, которые очень цѣнилъ самъ Потемкинъ, обѣщавшій имъ завоевываемыя тогда земли между Бугомъ, Днѣстромъ и Чернымъ моремъ, за послѣдовавшею смертію Потемкина, едва не были обращены въ крестьянское званіе. Обширнѣйшія владѣнія ихъ были разобраны до клочка; новозавоеванныя земли не были имъ переданы, хотя значительная часть козачьихъ семействъ поселилась на нихъ, по указанію Потемкина. Оставалось искать новаго мѣста и такимъ оказалась знакомая отчасти, хотя далекая и болотистая, Тамань. Особому искусству своихъ ходатаевъ и расположенію приближенныхъ Потемкина, Каховскаго и Попова, переформированные теперь по семейному запорожцы обязаны были полученіемъ новаго мѣста для своего поселенія. Приводимая переписка по сему дѣлу не даетъ, къ сожалѣнію, свѣденій о томъ, чѣмъ кончилось ходатайство черноморцевъ о выпущеніи съ ними на Тамань тѣхъ изъ ихъ сподвижниковъ, которые перешли къ нимъ изъ разныхъ губерній и заграничныхъ мѣстъ (Украйны), но которыхъ помѣщики всѣми мѣрами выискивали и старались удержать на мѣстѣ. Она только показываетъ, какъ ненавистно было народу крѣпостное состояніе и какъ велико было его стремленіе къ козачеству: въ короткій промежутокъ времени отъ призыва Потемкина до окончанія турецкой кампаніи остававшееся едва половинное число запорожцевъ, не смотря

на потери отъ войны, обыкновенной смертности и чумы увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, а число всѣхъ готовившихся къ переселенію на Тамань простиралось до 25-ти тысячъ лицъ мужескаго пола.

I.

Инструкція азовскаго губернатора Василія Черткова относительно раздѣла б. запорожскихъ земель.

Отъ генералъ порутчика азовского губернатора и кавалѣра азовской губернской канцеляріи предложеніе.

Ордеромъ его свѣтлости, господина генералъ-аншефа, сенатора, государственной военной коллегіи вице-президента, трехъ губерній государева намѣстника, всѣхъ россійскихъ и разныхъ орденовъ кавалѣра, князя Григорія Александровича Потемкина, отъ 26 декабря прошлаго 1777 года, подъ № 2764, предписано, для удобнѣйшаго и скорѣйшаго въ пустыхъ мѣстахъ заведенія селеній, назначенныя владѣльцамъ въ отводъ казенныя земли, утверждать за ними, на основаніи положенія о семъ въ штатахъ, вѣчно, однако-же, отводить каждому не менѣе тысячи пяти сотъ и не болѣе двѣнадцати тысячъ десятинъ, со льготою для заселенія десяти лѣтъ, а въ представленномъ планѣ о сей губерніи, о раздѣленіи земли подъ селеніе, объ утвержденіи оной въ вѣчность, о продажѣ изъ рукъ въ руки, о подѣлѣ между наслѣдниками и о льготномъ времени, 5-й главы въ нижеписанныхъ статьяхъ, изображено; а именно: въ 1-й—чтобъ необитаемыя земли изъ бывшихъ запорожскихъ дачъ составленныя, а особливо задонскія земли таганрогскаго уѣзда заселить и усилить, яко нужную по пограничности тѣхъ мѣстъ сторону, обитателями, раздавать для заселенія въ вѣчность всякаго званія и чина людямъ, *исключая однодворцевъ, крестьянъ и прочихъ помѣщичьихъ людей*, нетолько проживающимъ и при должностяхъ состоящимъ, но и кто жительство имѣетъ въ Великороссіи и Малороссіи, равно иностранцамъ, изъ-за границы приходящимъ и на вѣчное подданство присягу учинившимъ, съ дачею на десять лѣтъ льготы и съ обязательствомъ, чтобъ оныя во время тѣхъ льготныхъ лѣтъ заселили выводимыми изъ незапрещенныхъ мѣстъ людьми, во 2-й—оныя земли раздѣлить на участки, каждый въ полторы тысячи десятинъ, и во всякомъ заселено бъ было неменьше тринадцати дво-

ровъ, дабы и помѣщикъ имѣлъ въ той-же дачѣ землю для своего обихода, но кто похощетъ населить на такомъ-же участкѣ и болѣе того числа дворовъ, таковому не воспрещать и отдавать одному участками не болѣе восьми, то есть: двѣнадцать тысячъ десятинъ, и не меньше одного, которые и населять, соразмѣрно вышеписанному участку по полторы тысячи десятинъ; а именно: на трехтысячномъ двадцать пять, на шеститысячномъ пятьдесятъ, на двѣнадцатитысячномъ участкѣ сто дворовъ, а ежели за отводомъ будетъ оставаться гдѣ промежутокъ, въ такомъ случаѣ или просящему отдать, или чтобъ впустѣ безъ платежа не оставалась, набавлять въ дачи, въ смежности въ населеніи взятыя; въ 3-й—при отводѣ давать каждому спеціальные планы при участкахъ со взысканіемъ за обмежеванную землю по три деньги за десятину, но болѣе двѣнадцати тысячъ десятинъ одному во владѣніе, равно, какъ на женъ, незамужнихъ дочерей, такъ и на малолѣтнихъ сыновей особыхъ участковъ (кромѣ достигнувшихъ изъ сыновей въ совершенныя лѣта, тожъ и такихъ женъ, которыя остаются во вдовствѣ, не имѣя никакихъ наслѣдниковъ) или полныхъ двѣнадцатитысячныхъ участковъ не давать, однако, кому нѣтъ законнаго запрещенія въ покупкѣ (исключая малолѣтнихъ), замужнимъ женамъ и дѣвицамъ покупать и въ закладъ брать не возбранять, но не болѣе положеннаго числа десятинъ, дабы чрезъ то зажиточные не присваивали себѣ пространныхъ дачъ, а малоимущіе, особливо изъ-за границы переселившіеся и вступившіе въ поселенные полки офицеры безъ земли и по отставкѣ безъ пропитанія быть не могли, но по тѣмъ отдаваемымъ во владѣніе землямъ никто, кромѣ природныхъ дворянъ и по службѣ пріобрѣтеннаго дворянства себѣ присваивать не можетъ, потому что дворянинъ—не по землѣ имъ владѣемой, а по природѣ или заслугамъ, въ 4-й—по прошествіи льготныхъ десяти лѣтъ, кто заселитъ свою землю, или прежде, вышеписаннымъ числомъ дворовъ, давать межевыя книги и надлежащіе планы съ штемпелями, за подписаніемъ намѣстническаго правленія, оставляя при ономъ съ нихъ точныя копіи, взыскать при дачѣ ихъ еще другія за каждую десятину по три деньги, чѣмъ и состоится сборъ по три копѣйки, въ силу межевой инструкціи, главы 29, пункта 8, и платить, по минованіи вышеписанныхъ льготныхъ лѣтъ, ежегодно съ земли по прежнему о новороссійской губерніи положенію за каждую десятину удобной земли въ годъ *по пяти денегъ*, въ 5-й—ту населенную землю каждому, по утвержденіи за нимъ

вышеписаннымъ образомъ, вольно указаннымъ порядкомъ продать, заложить и въ приданое отдать, но не иначе, какъ полуторытысячными участками по одному, по два, по три и по осьми, а меньше полуторы тысячи дачъ не раздроблять, такъ что хотя бы случилось, что у кого-либо наслѣдниковъ осталось столько, что полутора тысячными участками ихъ подѣлить было не можно, то тѣхъ, которымъ недостанетъ земли, прочимъ полюбовно или по суду удовольствовать, по разсчету, деньгами, въ 6-й—не имѣющіе дворянства, ни чиновъ штабъ и оберъ-офицерскихъ, никто готоваго покупать не можетъ, а пользуется онъ или его потомки за труды и употребленное ими иждивеніе только тѣмъ, сколько симъ подъ поселеніе возьметъ земли и что на оной объзаведетъ, въ 7-й—какъ таковое имѣніе поселеніемъ людей пріобрѣтается не по наслѣдству, но собственными трудами и иждивеніемъ того, кто взялъ пустую землю, то таковой и воленъ при жизни, или при кончинѣ отдать въ наслѣдство, кому заблагоразсудитъ, объявляя на то свои записи въ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ кому ближе, а безъ того, ежели записи объявлены не будутъ, таковаго имѣніе принадлежитъ въ родъ ближнимъ наслѣдникамъ, на основаніи сей главы, 5-й статьи; въ 8-й—кто во время льготныхъ лѣтъ взятую землю положеннымъ числомъ дворовъ не заселитъ, таковому межевой книги и подлѣжащаго съ стемпелемъ плана не давать, почему онъ ту землю до того времени ни продать, ни заложить, ни по какимъ сдѣлкамъ укрѣпить и ниже въ приданное отдать не можетъ, но, не взирая на то, платить долженъ за каждую десятину въ годъ по пяти денегъ и въ нарядахъ и въ протчихъ по земству управленіяхъ быть, наравнѣ съ заселившими не по числу имѣющихся у него дворовъ или поселянъ, а по количеству земли; въ 9-й—кто отъ населенія взятой имъ земли, по прошествіи льготныхъ лѣтъ или и прежде откажется, то съ таковаго за все время, сколко онъ тою землею ползовался, взыскать по пяти денегъ, за десятину за каждый годъ, въ сходство чего и благоволить оная губернская канцелярія, по окончаніи нынѣшняго лѣта межеванія, снятыя земли, на коихъ подлѣжащия межевыя знаки постановлены, за тѣми просителями оставить въ вѣчномъ владѣніи, со взысканіемъ съ нихъ половиннаго числа положенныхъ по межевой инструкціи пошлинъ, кои и причислить къ межевой суммѣ, и на тѣ дачи сочинить специалные планы, раздѣля аглицкой дюймъ въ четырѣста сажень, за подписаніемъ губернской канцеляріи присудствующихъ, но безъ постановленія

штемпелей, дать каждому помѣщику при указѣ, изъ оныхъ планов копію для сочиненія впредь, ежели кто населитъ взятую землю положеннымъ числомъ людми, надлѣжащого положённого по межевой инструкціи плана и межевыхъ книгъ отослать въ губернскую межевую экспедицію, а прежде данной во оную отъ меня ордеръ о сочиненіи надлѣжащихъ плановъ, раздѣля аглицкой дюймъ въ двѣстѣ, а специалныхъ въ пять сотъ саженъ, отменить, соблюдая, чтобъ ни за кѣмъ ни по отводу, ни купленныхъ послѣ учрежденія новороссійской губерніи, то есть 1764 году, болѣе двѣнадцати тысячъ, а менѣе тысячи пяти сотъ десятинъ не было, исключая тѣхъ, кои по древнимъ грамотамъ и крепостямъ до состоянія еще новороссійской губерніи и по сооруженіи оной безспорно владѣли, естлиже кому либо до полученія вышеупомянутого его свѣтлости повелѣнія, какъ тогда въ сохраненіе Высочайшаго интереса, чтобъ земли въпустѣ и безъ полученія въ казну доходовъ не лежали, отъдавались въ наймы, безъ соблюденія того, чтобъ двѣнадцати тысячъ десятинъ не превосходило, отдано въ наймы съ отводомъ или по урочищамъ и безъ отвода, болѣе двѣнатцати тысячъ десятинъ, у таковыхъ, поелику теперъ, особливо по причинѣ переходящихъ изъ Крыма християнъ, недостатокъ оказатся можетъ, сколко по изъмѣреніи изъ лишнего окажется будущаго 1779 года, генваря съ 1-го числа, отобрать по прежнему, въ казенное вѣдомство, со взысканіемъ положенныхъ поземелныхъ денегъ съ опредѣленного при отдачѣ въ наемъ времени по 1-е генваря 779 года, и сколко у кого и въ какихъ урочищахъ отобрано будетъ, мнѣ дать знать, а предварително безъ потерянія времени сочинить алъфавитную всѣмъ азовской губерніи помѣщикамъ вѣдомость, съ показаніемъ, сколко кому по прошеніямъ, когда и въ какихъ именно урочищахъ, съ основанія азовской губерніи, въ наймы отдано, новороссійскою же губернскою канцеляріею отведено и послѣ 1774 года въ принадлѣжащихъ нынѣ до азовской губерніи мѣстахъ кѣмъ и гдѣ куплено. Подлѣнное подписалъ Василей Чертковъ.

Свидѣтельствовалъ въ должности секретаря коллежскій регистраторъ Яновскій.

Вверху помѣта: получено 13 ноября 1778 года, на сторонѣ № 1967.

II.

Рапортъ екатеринославскаго дворянскаго предводителя Руденка генералъ-аншефу Михаилу Коховскому о волненіяхъ въ народѣ по поводу слуховъ о возстановленіи Запорожья и не допущеніи крестьянъ къ запискѣ въ козаки [1]).

По учинившемуся между народомъ разглашенію, что паки возобновляется бывшая Запорожская Сѣчь и что якобы каждого состоянія людямъ, не только свободно собиратся во оную, но даже и приглашаются всѣ, кто только пожелаетъ составлять оную, увѣряя одинъ другаго, будто и всѣ бывшіе запорожскіе земли отданы имъ будутъ, по прежнему, и словомъ—якобы возвращается и вся ихъ прежняя воля, а ктому присовокупляютъ и самое лестное для каждаго простаго званія обнадеживаніе, что пожелавшій записатся в Кошъ, гдѣ бы не былъ на жительствѣ, освобождается съ семьею и имѣніемъ отъ всякой зависимости и повинностей, а потому и помѣщичьи подданные, подкрепляемые писарями казенныхъ селеніевъ и самими подговорщиками, разъсѣявшимися повсюду, берутъ въ свою сторону силу указовъ, выпущенныхъ о записавшихся уже многимъ числомъ въ черноморскіе козаки бывшихъ запорожцахъ, отложась отъ послушанія своихъ помѣщиковъ и уклоняясь отъ должной ихъ повинности, и совсѣмъ не бывшіе никогда въ Запорожьи, оставляя свои домы, идутъ для записки въ козаки, съ тѣмъ только умысломъ, чтобы посредствомъ наименованія козаковъ, освободить въ силу означеннаго увѣренія семью и имѣніе, нажитое за помѣщикомъ, и здѣлать оные отъ него независимымъ, противу всей справедливости, и чтобы не быть добрымъ и полезнымъ государству и обществу поселяниномъ и не исправлять по званію своему своего ремесла, а прошататься въ праздности и тунеядствѣ, поколь возродятся зловреднѣе еще помысли бывшихъ запорожцовъ, и посему екатеринославскаго уѣзда помѣщиковъ: г на оберъ-провіантмейстера и губернскаго магистрата предсѣдателя Халчевскаго, прошедшаго марта противъ—24-го и 28-го числъ сего го-

---

[1]) Копія этого рапорта, безъ надписи и даты, озаглавлена рукою самаго Коховскаго съ замѣткою, что онъ присланъ ему Руденкомъ отъ 14 апрѣля 1789 года за № 9-мъ. Она, какъ и слѣдующія копіи, изготовлена для секретаря кн. Потемкина, Василія Степановича Попова.

ду, семнадцать человѣкъ, а г-на генералъ порутчика и кавалѣра графа Борха тритцать человѣкъ, да г-на секундъ-маіора Булацеля двенатцать человѣкъ, сего апрѣля противъ 13-го числа, ихъ подданныхъ, записанныхъ по ревизіи за ими въ томъ званіи и никогда не бывшіе въ Запорожьи, ушли къ подговорщикамъ для записки въ козаки, съ которыхъ перваго уже сѣмь человѣкъ возвратились съ билетомъ, даннымъ имъ войска черноморскихъ козаковъ отъ маіора Гулика, въ которомъ и написалъ онъ, будьто они всѣ въ Запорожьи служили и находились въ куреняхъ, въ томъ билетѣ означенныхъ, нынѣ же де паки служить желаютъ, то, для исправленія себя на службу, отпущены въ домы на три недели, и какъ такова записка не справедливая и разрушающая доброй порядокъ, то изъ числа тѣхъ пришедшихъ начальнѣйшихъ три человѣка отосланы къ суду въ уѣздной судъ, но сіе одно удержать ихъ не можетъ, ибо отъ многихъ послѣдовать имъ хотящихъ положено, какъ скоро тѣмъ ушедшимъ успѣхъ будетъ, то и протчимъ ихъ дорогою итти. О чемъ должностію поставляю донести вашему превосходительству и просить, не благоугодно-ли будетъ съ вашей стороны здѣлать тому преграды, дабы помѣщичьихъ подданныхъ, и особливо тѣхъ, кои никогда въ Запорожьи не были и не служили козаками, не подговаривали и не принимали и никакихъ билетовъ не давали, и для явнаго уничтоженія объявленныхъ несправедливыхъ разглашеній виновныхъ тому велѣть наказать, ибо безъ того могутъ въ совершенное разореніе притти всѣ слободы и послѣдовать можетъ упадокъ въ земледѣліи и домостроительствѣ, а за тѣмъ въ казенной подати и общемъ исправленіи, но ктому еще и угрожаетъ своеволство и независимость своихъ началниковъ грабежемъ и разбоемъ.

III.

Всеподданнѣйшая просьба преобразованныхъ изъ б. запорожцевъ черноморскихъ козаковъ о поселеніи ихъ на Тамани [1]).

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица всероссійская, Государыня всемилостивѣйшая!

---

[1]) Копія этой просьбы, сообщенная тѣмъ же генер. Коховскимъ тому же Василію Ст. Панову.

Всеподданнѣйше проситъ войска вѣрныхъ козаковъ черноморскихъ атаманъ кошевый, арміи бригадиръ и кавалеръ Захарій Алексѣевъ сынъ Чепега, войсковые старшины и всіо войско.

При начатіи нынѣ кончившейся съ Портою Оттоманскою компаніи, по всевысочайшему вашего императорскаго величества соизволенію и покойнаго свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана Григорія Александровича Потемкина Таврическаго повелѣнію, мы изъ бывшихъ запорожцовъ и другихъ заграничныхъ мѣстъ, будучи собраны на сухомъ пути конныхъ и пѣшихъ, такъ же и на флотиліи старшинъ и козаковъ двенадцать тысячь шесть сотъ двадцать два, служили вашему императорскому величеству до окончанія оной усердно.

По повелѣнію покойнаго свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана устроены между нами старшины, яко то войсковые: кошевый, судія, писарь и есаулъ, полковники, сотники, полковые есаулы и хорунжіе, пушкарь, довбышъ и куренные атаманы; далъ намъ покойникъ булаву и перначей семнадцать, знамено большое бѣлое и праперовъ малыхъ четырнадцать, войсковую печать и часть артиллеріи, а подъ поселеніе намъ отводъ земли обѣщалъ у вашего императорскаго величества изходатайствовать.

И до того какъ повелѣлъ оный покойный свѣтлѣйшій князь нашъ съ разныхъ вашего императорскаго величества губерній и заграничныхъ мѣстъ на вновь пріобрѣтенную между рѣкъ Буга и Днѣстра, также и на Кинбурнской сторонѣ земли переселятся, то уже и переселилось на оную ста(рыхъ куреней?) сѣмъ сотъ пятдесятъ девять, а въ нихъ мужеска пять тысящь шестьдесятъ восѣмъ, да женска половъ четыре тысящи четыреста четырнадцать душъ, и завели себѣ хозяйство порядочно, яко то домостроительство, водяныя и вѣтренныя мельницы, хлѣбопашество, скотоводство, лѣсы, сады, винограды, пасѣки, рыболовные заводы и все, что есть нужное къ оному хозяйству; прочихъ же таковыхъ, кои и въ позапрошедшую съ Портою Оттоманскою войну отъ бывшаго Запорожья вашему императорскому величеству служили, оныхъ губерній, разныхъ уѣздовъ самыя помѣщики и ихъ прикащики, не взирая на данныя отъ насъ свидѣтельства, присваиваютъ непринадлежаще въ подданство, самихъ содерживая подъ стражею, а ихъ женъ и дѣтей угнѣтая ежедневно работою, къ совмѣстному поселѣнію не выпущаютъ; а ежели всѣ служившіе съ ихъ сѣмействами будутъ выпущены, то соберется самаго мужескаго полу на двадцать пять тысящь.

Изъ числа переселившихся на вышеписанную землю отъ нѣкоторыхъ старшинъ и козаковъ взошли къ намъ жалобы, что при переселеніи ихъ изъ подъ-помѣщиковъ, оныя помѣщики и ихъ прикащики собственнаго ихъ имѣнія много безъвинно ограбили и не возвращаютъ, и какъ мы и потомки наши, будучи вашего императорскаго величества вѣрноподданные рабы, обѣщаемся и должны вашему императорскому величеству и наслѣдникамъ всероссійскаго престола служить вѣрою и правдою, и все, что къ пользѣ отечества касатися будетъ исполнять со усердіемъ, такъ какъ долгъ сыновъ всероссійскаго отечества требуетъ: прибѣгая подъ покровительство вашего императорскаго величества, всеподданнѣйше рабски просимъ насъ войско во всегдашнее свое Монаршее благоволеніе матерински принявъ, для поселенія на Таманѣ, съ окрестностями оной, милостиво повелѣть отвесть выгодныя земли такъ достаточно, чтобъ имѣющее быть пріумноженіе сему войску безъ-нуждно помѣщатся могло, и на вѣчно-покойное потомственное оною владѣніе отправленному съ симъ, избранному отъ войска войсковому судіи, арміи полковнику и кавалеру, Антону Головатому съ старшинами высочайшую вашего императорскаго величества милостивую грамоту выдать, такъ-же и о выпускѣ изъ губерній служившихъ вашему императорскому величеству старшинъ и козаковъ съ ихъ семействами и имѣніемъ, и о возвратѣ заграбленнаго у таковыхъ имѣнія учинить милостивѣйшее разсмотрѣніе.

Февраля дня
1792 года.

IV.

Копія съ письма къ графу Николаю Ивановичу Салтыкову, по тому же предмету писаннаго, 24-го февраля 1792 года изъ Яссъ, Михаиломъ Коховскимъ.

Я имѣлъ честь при рапортѣ моемъ представить вашему сіятельству съ прошенія на всевысочайшее имя къ ея императорскому величеству войска козаковъ черноморскихъ атамана кошеваго, арміи бригадира и кавалера Чепеги копію, съ которымъ на сихъ дняхъ отправится въ Петербургъ тогожъ войска полковникъ и кавалеръ Головатой. Ваше сіятельство усмотрѣть изволите изъ онаго, что просятъ они поселившихся между Буга

и Днестра и на Кинбурнской сторонѣ казаковъ перевесть на Тамань. Симъ по мнѣнію моему позволить можно туда переселиться; но о прочихъ просимыхъ ими изъ губерніи не малаго числа людяхъ, кажется, нельзя приступить прежде, пока отъ губернаторовъ не присланы будутъ обстоятельныя вѣдомости о числѣ мужеска и женска пола всѣхъ прежде бывшихъ запорожцовъ, и по соображенію въ тѣхъ губерніяхъ по сему обстоятельствѣ.

При семъ имѣю честь препроводить карту съ означеніемъ на оной границъ просимой ими земли, которую если благоугодно будетъ ея императорскому величеству всемилостивѣйше имъ пожаловать, то не угодно ли будетъ вашему сіятельству изходатайствовать у ея императорскаго величества, чтобъ при означеніи имъ границъ повелѣно было назначить оныя берегомъ Тамана по проливу яникольскому, такъ какъ черта границы онаго на приложенной картѣ; сіе послужитъ къ предохраненію могущихъ впредь произойти у нихъ съ яникольскими и керченскими жителями ссоръ за рыбную ловлю, и что черноморскимъ козакамъ и безъ сего пролива достанется много рыбныхъ мѣстъ.

Предъ симъ имѣлъ я честь упомянуть вашему сіятельству въ моемъ письмѣ о укрѣпленіи на Таманѣ и содержаніи тамъ двухъ баталіоновъ въ гарнизонѣ; но поелику теперь не малое число черноморскихъ казаковъ охотно туда переселиться желаютъ, то и найдутся они въ состояніи и безъ того сами себя защищать.

V.

Рапортъ бригадира Чепеги ген. Коховскому о дозволеніи черноморской войсковой депутаціи отправится въ Петербургъ и выдачѣ ей подорожней и прогоновъ [1]*.*

Рапортъ войска вѣрныхъ козаковъ черноморскихъ атамана кошеваго, арміи бригадира и кавалера Чепеги, войсковыхъ старшинъ, полковниковъ и всего войска, писанный къ генералу аншефу Коховскому отъ 21 февраля 1792 года подъ № 107-мъ.

Мы, имѣя намѣреніе для испрошенія у Ея Императорскаго Величества подъ поселеніе намъ на Таманѣ съ окрестностями оной отводу земли и прочаго отправить съ прозьбою, на всевы-

---

[1]) Копія изъ бумагъ В. Ст. Попова.

сочайшее ея императорскаго величества имя написанною, въ Санктпетербургъ избраннаго отъ насъ въ депутаты войсковаго судію, арміи господина полковника и кавалера Головатого съ шестью человѣкъ старшинами, вашего высокопревосходительства покорнѣйше просимъ, въ томъ намъ давъ позволеніе, о снабденіи его Головатого съ будущими при немъ на четырнадцать лошадей подорожною и прогонными деньгами, учинить милостивое разсмотреніе.

Февраля 26-го 792.

VI.

Письмо генер. Коховскаго къ В. С. Попову по предмету переселенія черноморцевъ на Тамань.

Милостивый Государъ мой!
Василій Степановичъ.

Признательнейшую приношу вамъ мою благодарность за сообщеніе мнѣ въ трехъ пунктахъ примѣчаній вашихъ, касающихся до переселѣнія на Таманъ черноморскихъ казаковъ. Я тотъ же часъ по полученіи писма вашего послалъ за господами Чепегой, Головатымъ и протчими ихъ сотоварыщцами; по прибытіи ихъ ко мнѣ переговоря съ ними по дѣлу до нихъ касающемуся, не умѣдлю обовсемъ обстоятельно васъ увѣдомить. Я надѣюсь, что безъ малѣйшаго затрудненія переселятся они на Таманъ, такъ какъ и по первому отъ меня имъ предложенію обѣщали то здѣлать.

Депутація къ высочайшему Двору будетъ также отъ нихъ отправлена, но теперь ли оную должны они отправить, или по переселеніи ихъ на Таманъ, съ прошеніемъ и позволеніемъ тамъ сѣлиться и въ мѣстѣ просить о утвержденіи за ними тѣхъ земѣль, кои они для себя изберутъ, о чемъ покорнейше прося не оставить безъ увѣдомленія пребывающаго съ искреннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейшаго слугу,

Михайлу Коховского.

13 Февраля
1792 г.
въ Яссахъ.

P. S! Сейчасъ получилъ отъ господина Чепѣги отвѣтъ на мое къ нему писмо, которое при семъ прилагаю.

Ваше высокопревосходителство!

Милостівій батку;

Письмо вашего высокопревосходителства, писанное отъ 9 сего февраля о скорѣйшемъ мнѣ прибытіи въ Яссы, съ великимъ удовольствіемъ имѣлъ честь получить, за которое приношу вашему высокопревосходительству всенижайшую благодарность, и по оному вскорѣ вслѣдъ за симъ къ вамъ пребыть имѣю!

Впрочемъ пребывая съ истеннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію на всегда таковимъ.

Вашего высокопревосходителства, милостивого батка, всепокорнѣйшій слуга

Захарій Чепѣга.

7. 12 Февраля
1792 г.
Слободзѣя.

8 марта, 792.

VII.

Отвѣтъ ген. Коховского В. С. Попову съ дополнительными замѣчаніями о переселеніи черноморцевъ на Тамань.

Милостивый Государь мой!

Василій Степановичъ.

Все по письму вашему ко мнѣ отъ 28 генваря съ черноморскими козаками сдѣлано. Они отправляютъ на сихъ дняхъ къ ея императорскому величесству съ прошеніемъ полковника Головатого и прочими. Съ рапорта ко мнѣ отъ бригадира Чепеги и прошенія къ ея императорскому величеству при семъ копіи прилагаю. Я писалъ къ графу Николаю Ивановичу Салтыкову, что полковникъ Головатый отправится отъсель въ Петербургъ. Съ писма моего къ его сіятельству прилагаю также ко усмотренію вашему копію. Съ коей изволити увидеть мои замѣчанія въ разсужденіи ихъ прошенія о выходѣ прежде бывшихъ запорожцовъ изъ губерній. Кажется, что вдругъ приступить къ тому нельзя; а чтобъ удовлетворить ихъ прозьбу, то слегка можно ихъ въ томъ обнадежить, а между тѣмъ преподать всѣ имъ способы къ скорѣйшему переселенію всѣхъ находящихся теперь между Буга и Днестра и на Кинбурнской сторонѣ.

Я не упомянулъ въ письмѣ къ графу Николаю Ивановичу о просимой ими волной торговлѣ, не объясняясь и съ вами, не известенъ будучи, на какомъ основаніи въ Тавридѣ и во вновъ приобрѣтенной области будетъ оная учреждена.

Имѣю честь быть съ искреннымъ почтеніемъ и преданностію вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга

Михаилъ Коховскій.

24 февраля
1792 г.
въ Яссахъ.

VIII.

Письмо ген. Коховскаго къ В. С. Попову съ извѣстіемъ о переговорахъ его съ представителемъ черноморской депутаціи полковникомъ Головатымъ по предмету переселенія ихъ на Тамань.

Милостивій Государь,
Василій Степановичъ.

Господинъ полковникъ Головатой прибылъ въ здѣшнею область. Въ десяти верстахъ отъ Коша простоялъ онъ нѣсколько дней въ лагерѣ, въ ожиданіи прибытія архіепископа Амвросія; въ 15 день августа имѣлъ онъ свой въѣздъ въ Кошъ при пушечной пальбѣ. Всѣ козаки и всѣ поселяне обоего пола собраны были въ Кошъ для сего всерадостнаго дня. Описаніе всей церемоніи и торжества, думаю, къ вамъ уже отправлено. Четвертаго дня онъ былъ у меня. Мы говорили съ нимъ о пути ихъ въ пожалованную имъ землю, о провожатыхъ отъ нижняго земскаго суда отъ Соколовъ къ Бериславлю, о продовольствіи ихъ въ пути провіянтомъ, о высылкѣ козаковъ изъ екатеринославской губерніи, о козакахъ, кои похотять здѣсь остаться, тожъ и о молдованахъ и волохахъ, живущихъ въ ихъ селеніяхъ, остающемся у козаковъ разнаго рода хлѣбѣ, о заготовленныхъ ими лѣсахъ и объ оставляемыхъ ими домахъ, мельницахъ и прочихъ строеніяхъ. Посудя съ нимъ о всемъ вышеписанномъ, иное мы разрѣшили, съ другимъ, что должно здѣлать, постановили. По полученіи отъ Коша на все вышеписанное письменнаго отзыва, не премину я донесть о всемъ въ подробности. Нынѣ же имѣю честь донесть вашему превосходительству, что всѣ казаки, бывшіе на дѣйствительной службѣ, идутъ въ Фанагорію охотнѣйше.

Не служившіе же, перешедшіе изъ екатеринославской губерніи подъ видомъ службы, и устроившіе здѣсь свои домы и имѣющіе лошадиные, рогатаго скота и овечьи заводы, не всѣ идутъ. Изъ молдованъ же и волоховѣ живущихъ въ селеніяхъ козачьихъ ни кто итти не желаетъ. О чемъ отъ трехъ селеній поданы ко мнѣ сего дня прозьбы. Надѣясь на благоразуміе г. Головатаго и его ко мнѣ довѣренность, уповаю, что поможетъ намъ Богъ все сіе устроить наилутчшимъ и полезнѣйшимъ образомъ.

Имѣю честь съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ быть, Милостивый Государь, вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга.

Василій Коховскій.

Августа 28 д.
1792 г.
Дубосары.

Библіографія.

Памятная книжка кіевской епархіи (кіевскій епархіальный календарь). Составили А. В—новъ и свящ. В. Антоновъ. Кіевъ. 1882.

„Изданіемъ *Памятной книжки кіевской епархіи* редакція ея, говорится въ предисловіи, хотѣла-бы удовлетворить серіозной потребности. Въ общемъ составѣ русской церкви кіевская епархія представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ частей не только по обширности, но и по внутреннему значенію своихъ духовныхъ и религіозно-общественныхъ учрежденій. Статистика всѣхъ органовъ и учрежденій церковно-религіозной епархіальной жизни, начиная отъ первой всероссійской древнѣйшей святыни, кіево-печерской лавры, и отъ маститаго первосвятителя церкви кіевской до скромной сельской приходской церкви и ея смиреннаго служителя, эта статистика, соединенная съ краткими историческими свѣдѣніями о всѣхъ церковныхъ учрежденіяхъ, не есть, думаемъ, дѣло излишнее и безполезное. Календарная статистика эта дастъ сжатый, но по возможности всесторонній очеркъ епархіальной жизни во всей ея пространственной, количественной, такъ сказать, сторонѣ, а отчасти и во внутренней, качественной, насколько послѣдняя открывается изъ данныхъ, подлежащихъ статистикѣ".

„*Памятная книжка кіевской епархіи* раздѣляется на двѣ части. Въ первой содержатся историко-статистическія свѣдѣнія: 1) объ епархіальномъ управленіи, какъ центральномъ, такъ и уѣздномъ, 2) о кіево-печерской лаврѣ и всѣхъ монастыряхъ кіевской епархіи, мужскихъ и женскихъ, 3) о духовно-учебныхъ заведеніяхъ кіевской епархіи и 4) объ обществахъ, имѣющихъ церковныя, религіозныя или нравственныя цѣли. Вторая часть содер-

житъ статистическіе списки церквей кіевской епархіи по всѣмъ уѣздамъ, по алфавиту, съ обозначеніемъ по возможности всѣхъ относящихся до церквей, духовенства и приходской жизни свѣдѣній. Въ заключительномъ отдѣлѣ представлены общія статистическія свѣдѣнія по всѣмъ, по возможности, сторонамъ епархіальной, церковно-религіозной жизни".

Конечно, для обиходнаго употребленія мѣстнаго духовенства „Памятная книжка кіевской епархіи" представляетъ незамѣнимую справочную книгу по всѣмъ отраслямъ епархіальной жизни. Но, кромѣ практическаго своего значенія, она имѣетъ и научное. Въ послѣднемъ отношеніи двѣ части „Памятной книжки" имѣютъ для насъ неравный интересъ. Первая часть книжки составлена преимущественно на основаніи печатныхъ источниковъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ и доступныхъ, занимающимся исторіею мѣстнаго края, тогда какъ вторая часть и дополнительный отдѣлъ заключаютъ церковно-статистическія свѣдѣнія, основанныя на малодоступныхъ источникахъ, именно клировыхъ вѣдомостяхъ за 1879 годъ и другихъ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ въ 1880 и 1881 годахъ. Мы укажемъ только нѣкоторые общіе итоги и выводы въ заключительномъ отдѣлѣ книжки.

Всѣхъ причтовыхъ церквей въ кіевской епархіи, со включеніемъ женскихъ монастырей и учебныхъ заведеній, 1301; приписныхъ и кладбищенскихъ церквей 105. Изъ сихъ 1406 церквей каменныхъ 162, остальныя деревянныя и одна желѣзная. Изъ общаго числа церквей частными лицами, помѣщиками, купцами, духовными лицами и др. построено около 200 церквей; всѣ же прочія построены или возобновлены частію прихожанами, частію казною, частію прихожанами съ пособіемъ отъ казны. Построеніе церквей, прогрессивно возвышавшееся во второй половинѣ прошлаго столѣтія, значительно упало съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія и шло весьма медленно до 40-хъ годовъ. За все это время построено было всего 149 церквей, слѣдовательно менѣе 4 церквей въ годъ. Но съ 40-хъ годовъ, когда правительствомъ обращено было вниманіе на церковно-строительное дѣло въ юго-западномъ краѣ, постройка церквей быстро усиливается, такъ что съ 1842 по 1861 г. построено вновь и возобновлено 325 церквей, т. е. болѣе 16 церквей въ годъ. Еще быстрѣе двинулось это дѣло съ 1862 г., когда къ заботамъ правительства, еще болѣе усилившимся послѣ польскаго мятежа, присоединился и свободный трудъ благодарнаго Богу и Царю освобожденнаго крестья-

нина. Съ 1862 по 1879 г., за 18 лѣтъ, построено и возобновлено уже 365 церквей, т. е. болѣе 20 церквей въ годъ.

По праздникамъ и святымъ, въ честь коихъ построены церкви, кіевская епархія представляетъ слѣдующія данныя. Церквей Покровскихъ 221, Рождество-Богородичныхъ 173, Михайловскихъ 161, Николаевскихъ 143, Успенскихъ 91, Троицкихъ 82, Іоанно-Богословскихъ 79, Димитріевскихъ 55, Преображенскихъ 44, Параскевеевскихъ 46, Воздвиженскихъ 25, Георгіевскихъ 23, Воскресенскихъ 20, Петро-Павловскихъ 17, Іоанно-Предтеченскихъ 14, Аннинскихъ 13, Ильинскихъ 12, Космо-Даміановскихъ 12, Александро-Невскихъ 10, Введенскихъ 9, Варваринскихъ 7, Казанскихъ 4, Борисо-Глѣбскихъ 3, Владимірскихъ 3 и проч. „Соображеніе этихъ данныхъ, говорятъ составители книжки, приводитъ къ выводамъ: 1) объ отчужденіи Малороссіи отъ Великороссіи въ религіозномъ отношеніи въ прежнее время. Изъ древнихъ церквей епархіи нѣтъ ни одной, посвященной имени великороссійскихъ святыхъ, напр. Сергія Радонежскаго, или сооруженной въ честь особенно чтимыхъ въ Великороссіи чудотворныхъ иконъ— Смоленской, Владимірской, Знаменской и др. Нѣкоторое сближеніе начинается уже въ самое послѣднее время; такъ 4 церкви въ честь Казанской иконы Богоматери построены въ 60-хъ годахъ, Митрофаніевская въ 1841 году, всѣ Александро - Невскія сооружены въ честь достославнаго Царя-Освободителя, въ періодъ его царствованія. Замѣтны слѣды историческаго отчужденія нынѣшней епархіи и отъ самаго Кіева, святымъ коего изъ *древнихъ* церквей посвящены только три Варваринскія церкви. 2) Огромное большинство храмовъ посвящено праздникамъ и святымъ, которые приходятся въ осеннее время, отъ 15 августа до 1 ноября, и затѣмъ слѣдуютъ праздники, падающіе на конецъ весны и лѣта, тогда какъ праздникамъ и святымъ, память которыхъ падаетъ на зиму и начало весны, соединяющееся съ великимъ постомъ, посвящено сравнительно очень мало храмовъ. Здѣсь можно видѣть бытовыя черты народной жизни. 3) Обращаетъ на себя вниманіе множество храмовъ въ честь праздниковъ Богородичныхъ (501) и изъ святыхъ преимущественно чествованіе св. архистратига Михаила, св. Николая, св. Димитрія и св. Георгія. 4) Замѣчательно также сравнительно слабое чествованіе пророка Иліи (12 церквей) и Пантелеймона (1 церковь) и отсутствіе храмовъ въ честь такихъ святыхъ, какъ Власій, Флоръ и Лавръ; только значительно распространенное чествованіе св. Параскевы

(38 церквей) показываетъ, по видимому, тождество малороссійскихъ религіозныхъ представленій съ великороссійскими относительно нѣкоторыхъ святыхъ.

Общій составъ служащаго бѣлаго духовенства въ кіевской епархіи: протоіереевъ 33, священниковъ 1297, діаконовъ 188, причетниковъ 1535, всѣхъ 3044; кромѣ того, просфорень 638. Въ мужескихъ монастыряхъ епархіи (кромѣ лавры, въ которой монашествующихъ 205) въ 1881 году состояло монашествующихъ 211, послушниковъ 171; въ женскихъ монастыряхъ состояло монахинь 200, послушницъ 305. О предосудительныхъ поступкахъ духовенства состояло въ консисторіи дѣлъ (съ оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ) 468, изъ коихъ окончательно рѣшено 346. По всѣмъ этимъ дѣламъ признано виновными и подвергнуто взысканію епархіальнаго начальства 40 лицъ. Найбольшія взысканія: низведеніе въ низшія должности (2 священника), исключеніе изъ клира (20 причетниковъ), эпитимія въ монастырѣ (5 человѣкъ). Въ средствахъ содержанія духовенство, кромѣ случайныхъ доходовъ отъ прихожанъ, обезпечивается жалованьемъ отъ казны, церковною землею, церковными помѣщеніями и % съ принадлежащихъ причтамъ церквей капиталовъ. О содержаніи духовенства кіевской епархіи вообще нельзя не замѣтить, что, сравнительно съ содержаніемъ духовенства большинства великороссійскихъ епархій, оно представляется значительно болѣе удовлетворительнымъ и по высшимъ окладамъ жалованья, и по высшимъ пропорціямъ земли, притомъ по большей части черноземной, и по сравнительно болѣе общему обезпеченію церковными помѣщеніями.

Число и движеніе православнаго народонаселенія по кіевской епархіи за 1879 годъ было слѣдующее: въ Кіевѣ: муж. 12,970, жен. 12,065, обоихъ половъ 25,035; въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ муж. 981,122, жен. 1,007,683, обоихъ 1,988,805; всего 2,013,840. Браковъ было 24,679; умерло 79,503, родилось 117,527. Вѣдомости кіевской консисторіи о дѣлахъ бракоразводныхъ представляютъ слѣдующія данныя: съ оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ состояло въ производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ въ 1879 г. 268, въ 1880 г. 220, въ 1881 г. 181. Изъ этихъ дѣлъ отказано въ расторженіи браковъ въ 1879 г. по 31 дѣлу, въ 1880 г. по 37, въ 1881 г. по 61. Расторгнуто браковъ въ 1879 г. 188, въ 1880 г. 140, въ 1881 г. 122. Изъ общаго числа расторженій браковъ за три года (450) наибольшее число расторгнуто за безвѣстностію, именно 246, затѣмъ за ссылкою въ Сибирь на поселеніе 62, за прелюбодѣяніе

14, по неспособности 5, по близкому родству 2 и за вступленіе въ бракъ при жизни одного изъ супруговъ 2. Всѣхъ небывшихъ у исповѣди и св. причастія по епархіи въ 1879 г. было 1406, а въ 1881 г. 1579 душъ обоего пола.

Начало церковно-приходскихъ школъ относится къ эпохѣ, предшествующей освобожденію крестьянъ, и особенно быстрое распространеніе ихъ—къ первымъ годамъ по освобожденіи. Пользуясь пробудившимся въ народѣ стремленіемъ къ грамотѣ и удовлетворяя ему, митрополитъ Исидоръ (нынѣ с.-петербургскій) 31 августа 1859 года сдѣлалъ распоряженіе, „чтобы во всѣхъ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ еще не заведены училища, были открыты въ самыхъ домахъ священниковъ школы, если таковыхъ не будетъ устроено со стороны сельскаго общества, и чтобы въ школахъ сихъ учили чтенію и письму и преподавали законъ Божій примѣнительно къ понятіямъ сельскихъ дѣтей". Встрѣтивъ живое сочувствіе въ мѣстной гражданской власти, распоряженіе это сопровождалось значительнымъ успѣхомъ, такъ что въ теченіе года открыто было 385 школъ. Еще съ большею ревностію заботился о школахъ митрополитъ Арсеній. Къ 1 янв. 1861 года открыто было уже 1036 школъ, въ которыхъ учащихся было 16,269 мальчиковъ и 4,654 дѣвочекъ. Въ 1866 г. въ 1246 приходахъ кіевской епархіи церковно-приходскихъ школъ значилось 1360, въ коихъ учащихся было мужеска пола 34,128, а женскаго 8,898, всего 43,626. Колеблясь около этихъ крупныхъ цифръ, число школъ и особенно учащихся въ нихъ начинаетъ значительно падать съ 1878 года, такъ что въ теченіи трехъ лѣтъ число школъ убавилось на 186 и число учащихся въ нихъ мальчиковъ на 6,453, дѣвочекъ 2,263. Уменьшеніе это съ одной стороны, можетъ быть, показываетъ только болѣе точную и сообразную съ дѣйствительностію отчетность о школахъ, а съ другой объясняется и распространеніемъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, взамѣнъ церковно-приходскихъ школъ.

Церковно-приходскія попечительства возникли изъ высокой идеи древнихъ братствъ—объединить приходскую общину въ дѣлѣ св. вѣры и церкви, привлечь участіе прихода къ попеченію о приходскомъ храмѣ, церковно-приходской школѣ, священнослужителяхъ, бѣдныхъ и больныхъ прихода и о нравственно-религіозной жизни прихода. Плодотворное учрежденіе это, опредѣленное „проэктомъ положенія объ устройствѣ приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ" отъ 4 августа 1864 г., не могло не

привиться въ юго-западномъ краѣ, родинѣ древнихъ братствъ, гдѣ остатки ихъ еще сохранились. Въ 1865 году въ кіевской епархіи учреждено было 18 попечительствъ, въ слѣдующемъ году 33, въ дальнѣйшіе годы иногда еще болѣе, такъ что до 1879 года всѣхъ церковно приходскихъ попечительствъ открыто было по кіевской епархіи 294. Въ 1879 г. открыто было 20 попечительствъ, въ 1880 г. 13, въ 1881 г. 7. Многія изъ этихъ попечительствъ были и до настоящаго времени остаются номинальными, но многія сразу заслужили сочувствіе приходскаго общества и успѣли дать и даютъ доселѣ прекрасные плоды. За 1879 г. попечительствами пожертвовано: въ пользу церквей 41,967 р.; на церковно-приходскія школы 2757 р.; на содержаніе причта 1605 р. Средства попечительствъ составляются изъ пожертвованій членовъ, изъ оброчныхъ статей, отъ сыченія меда въ храмовые праздники, отъ сборовъ и пожертвованій существующихъ по мѣстамъ *молодецкихъ* и *сестричныхъ* братствъ, отъ славленія или колядованія въ праздникъ Р. Христова, отъ нарочитыхъ сборовъ по приходу или сборовъ во время исповѣди въ пользу попечительствъ, отъ работъ, плата за которыя жертвуется въ пользу попечительствъ, отъ устроенной при церквахъ продажи иконъ, крестиковъ и т. п., отъ штрафовъ за проступки и проч. Все это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даетъ попечительствамъ значительныя суммы.

Штундизмъ, возникшій въ херсонской губерніи, занесенъ въ кіевскую херсонскимъ однодворцемъ Яковомъ Цибульскимъ, пріѣхавшимъ въ село Плоское, таращанскаго у., и особенно крестьяниномъ села Чаплинки, того-же уѣзда, Герасимомъ Балабаномъ, который, бѣжавъ въ херсонскую губернію и заразившись здѣсь штундизмомъ, въ 1871 году былъ водворенъ на жительство въ селѣ Чаплинкѣ. „Здѣсь онъ постепенно заражалъ умы неопытныхъ въ дѣлѣ вѣры крестьянъ, сосредоточивъ свою религіозную проповѣдь въ корчмѣ и привлекая прозелитовъ обильными угощеніями на значительныя средства, присылаемыя ему изъ херсонской губ. для пропаганды. Особенно успѣшно пошло это дѣло, когда къ штундизму присталъ волостной чаплинскій писарь Ляхоцкій и когда волостное правленіе обратилось въ мѣсто собранія штундистовъ. Здѣсь началась открытая дерзкая проповѣдь Балабана противъ церкви, ея ученія, обрядности и особенно противъ духовенства. Въ 1872 году эта открытая пропаганда лжеученія и публичныя оскорбленія церкви послужили основаніемъ къ привлеченію Балабана къ духовному суду кіевской консисторіи; но, ли-

немѣрно показавъ себя православнымъ, расколоучитель былъ возвращенъ на родину и, ссылаясь на мнимое оправданіе своего ученія консисторіею, началъ еще съ большимъ усердіемъ и успѣхомъ дѣло совращенія, распространяя штундизмъ и по сосѣднимъ съ Чаплинкою селамъ и деревнямъ. Только вслѣдствіе усиленныхъ стараній священниковъ, административныя власти обратили наконецъ вниманіе на распространяющуюся заразу и приняли рѣшительныя мѣры. За публичное издѣваніе надъ св. иконами самъ Балабанъ и нѣсколько фанатическихъ сектантовъ были заключены въ тюрьму и подверглись продолжительному заключенію. Вразумленные этими мѣрами, сектанты впослѣдствіи менѣе заявляли себя публичнымъ оскорбленіемъ святыни православной церкви".

„Совершенно несродное, по видимому, духу православнаго народа русскаго и въ особенности народа малорусскаго, выстрадавшаго и кровію отстоявшаго свое православіе, протестантское лжеученіе штундизма, какъ и всякое лжеученіе, имѣющее ревностныхъ пропагандистовъ, какъ фанатиковъ, распространяется, но оно распространяется далеко не такъ быстро, какъ представляется въ періодической печати, тенденціозно передающей объ этомъ общія и чрезмѣрно преувеличенныя извѣстія... По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1879 г. въ таращанскомъ, звенигородскомъ и сквирскомъ уѣздахъ, всѣхъ штундистовъ было 1223 души обоего пола. Нынѣ мы имѣемъ статистическія свѣдѣнія о штундистахъ за 1880 г., собранныя полиціею, и за 1881 годъ оффиціальныя свѣдѣнія консисторіи. По свѣдѣніямъ полиціи, въ 1880 г. штундистовъ было: въ звенигородскомъ уѣздѣ 272 души обоего пола, въ сквирскомъ 55, въ г. Таращѣ 13 и таращанскомъ уѣздѣ 1140, а всего 1480 душъ обоего пола. По свѣдѣніямъ же консисторіи за 1881 годъ: 1) въ *таращанскомъ* уѣздѣ состояло штундистовъ въ селахъ: Чаплинкѣ 353, Косяковкѣ 269, Веселомъ Кутѣ 42, Жидовской Греблѣ 39, Попружнѣ 86, Плоскомъ 57, Малой Березянкѣ 68, Крутыхъ Горбахъ 32, Тиновкѣ 29, Разумницѣ 20,—всего 995; 2) въ *звенигородскомъ:* Вотылевкѣ 53, Шубиныхъ Ставахъ 17, Чижовкѣ 9, Яблоновкѣ 8, Каменномъ Бродѣ 112, Виноградѣ 43, Бояркѣ 39, Рѣпкахъ 28, Моринцахъ 21, Кобелянкахъ 14, Рыжановкѣ 8, всего 352 души; 3) въ *сквирскомъ*: Скибинцахъ 34, Курьянцахъ 12, всего 46; 4) въ другихъ уѣздахъ: *васильковскомъ* (въ д. Яблуновкѣ 6), *чигиринскомъ* (въ с. Топиловкѣ 11) и въ *каневскомъ* (въ селѣ Красногоркѣ 9), всего 26 душъ, а во всѣхъ уѣздахъ штундистовъ обоего пола 1420 душъ. Такимъ

образомъ штундизмъ хотя распространяется пространственно и охватываетъ новыя мѣстности [1]), но численно усиливается мало и даже ослабѣваетъ, или не распространяется болѣе въ мѣстахъ своего первоначальнаго появленія. Въ этихъ послѣднихъ отчеты показываютъ и случаи возвращенія къ православной церкви. Такъ, благодаря увѣщаніямъ и собесѣдованіямъ священниковъ и псаломщиковъ, въ 1879 году возвратилось изъ штундизма въ православіе 25 душъ въ с. Вотылевкѣ и 35 душъ въ с. Великомъ Кутѣ; въ 1881 г. въ Вотылевкѣ возвратились 14, въ Шубиныхъ Ставахъ 22, въ Моринцахъ 2 души. Въ с. Вотылевкѣ въ 1879 г. вмѣстѣ съ другими обратился къ православной церкви бывшій у штундистовъ діакономъ отставной солдатъ Іоакимъ Косый, пробывшій въ штундизмѣ 6 лѣтъ. По его собственному сознанію, онъ былъ самымъ убѣжденнымъ, закоренѣлымъ штундистомъ и главнымъ распространителемъ штундизма въ с. Вотылевкѣ; но возникшее въ немъ желаніе посѣщать богослуженіе православной церкви и частыя собесѣдованія съ мѣстнымъ священникомъ и псаломщикомъ (изъ окончившихъ курсъ семинаріи) привели его къ убѣжденію въ неправотѣ штундитскаго ученія и къ возвращенію въ православіе съ женою и 4-мя дѣтьми. По возвращеніи, Косый обратился къ покойному митрополиту Филоѳею съ просьбою о принятіи старшаго своего сына въ училище кіево-печерской лавры для утвержденія въ истинахъ православной вѣры, въ чемъ ему и не отказано. Въ видахъ успѣшнѣйшаго противодѣйствія штундизму, съ 1877 года назначено особое пособіе священникамъ и окончившимъ курсъ семинаріи псаломщикамъ, служащимъ въ зараженныхъ штундизмомъ приходахъ, а также даны особыя средства на покупку въ церковныя библіотеки учебныхъ пособій для собесѣдованій съ штундистами. При предубѣжденіи противъ священниковъ, штундисты съ большимъ довѣріемъ относятся къ псаломщикамъ".

Раскольники (старообрядцы) кіевской епархіи всѣ состоятъ изъ великорусскихъ переселенцевъ и сосредоточиваются главнымъ образомъ въ четырехъ пунктахъ кіевской губерніи: въ Кіевѣ, Черкассахъ, м. Чернобылѣ и Бердичевѣ. По свѣдѣніямъ консисторіи за 1881 годъ, раскольниковъ въ кіевской губерніи 5776

---

[1]) Послѣ 1879 г. онъ распространился въ слѣдующихъ новыхъ мѣстностяхъ: таращан. у. въ Крутыхъ Горбахъ, Тиновкѣ и Разумницѣ; сквирскаго у. Скибинцахъ, Курьянцахъ, Капустницахъ; въ Топиловкѣ чигир. у. и въ Красногородкѣ канев. уѣзда.

душъ обоего пола. Изъ нихъ 2,265 принадлежатъ къ поповщинской сектѣ и 3,511 безпоповцевъ. По свѣдѣніямъ полиціи за 1880 годъ число раскольниковъ нѣсколько болѣе и простирается до 7,443 душъ.

Изъ иновѣрцевъ въ кіевской епархіи проживаютъ католики, протестанты и евреи. *Католиковъ*, по свѣдѣніямъ клировыхъ вѣдомостей 1879 г., (съ присоединеніемъ 10,409 католиковъ г. Кіева, по переписи 2 марта, 1874 г.) 56,016 душъ обоего пола; но по свѣдѣніямъ оффиціальнаго церковнаго католическаго календаря для слуцкой и житомірской епархіи число католиковъ кіевской епархіи простирается до 79,239 душъ обоего пола. Костеловъ и приходовъ 53, филій 22, каплицъ 115. *Протестантовъ*, по свѣдѣніямъ однодневной переписи г. Кіева 1874 г., въ Кіевѣ находится 2740 душъ; количество протестантовъ въ губерніи не выше этого числа. *Евреевъ*, по переписи 1874 г., въ Кіевѣ значится 13,803, за послѣдніе годы число это по крайней мѣрѣ удвоилось, принимая однако же указаніе „переписи“ и показанія клировыхъ вѣдомостей за 1879 г., получаемъ общее число еврейскаго народонаселенія въ кіевской губерніи 300,057 душъ обоего пола.

Такимъ образомъ, общее число народонаселенія православнаго и иновѣрческаго по кіевской епархіи простирается свыше 2,450,000 душъ обоего пола.

Составители „Памятной книжки“ сознаются, что они не располагали полными и точными данными для церковной статистики и это подтверждаетъ самая книжка. Подозрительными кажутся многія ихъ цифры, особенно о числѣ православнаго населенія г. Кіева, не всегда вѣрны и выводы ихъ. Такъ, намъ кажется невѣрнымъ выводъ о слабомъ чествованіи пророка Иліи и св. Пантелеимона въ кіевской губерніи, такъ какъ сравнительно малое число церквей во имя ихъ восполняется обиліемъ народныхъ преданій объ этихъ святыхъ. Не можетъ также свидѣтельствовать объ отчужденіи Малороссіи отъ Великороссіи въ религіозномъ отношеніи отсутствіе въ первой чествованія свв. мучениковъ Флора и Лавра, считающихся покровителями лошадей, такъ какъ обыкновенный рабочій скотъ въ Малороссіи—волы, а не лошади. Отдѣлъ о составѣ бѣлаго духовенства въ кіевской епархіи могъ-бы быть восполненъ по нашему мнѣнію другими не безъинтересными свѣдѣніями, кромѣ предложенныхъ. Интересно бы знать образовательный цензъ бѣлаго духовенства, особенно въ г. Кіевѣ, гдѣ, несмотря на существованіе академіи,

большинство священниковъ, говорятъ, состоитъ изъ студентовъ семинаріи, и даже не окончившихъ въ первомъ разрядѣ семинаріи и вовсе не бывавшихъ въ ней. Весьма важно знать, насколько привился институтъ псаломщиковъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи, и какой процентъ они составляютъ въ общемъ числѣ причетниковъ. Не излишни были бы свѣдѣнія о проповѣднической и вообще учительной дѣятельности мѣстнаго духовенства, о положеніи причетниковъ, о такъ называемыхъ составителями книжки „случайныхъ доходахъ" духовенства, о перемѣщеніяхъ съ прихода на приходъ, съ мѣста на мѣсто, статистикѣ рукоположеній, увольненій за штатъ, смерти и проч. Данныя по нѣкоторымъ изъ этихъ пунктовъ разсѣяны въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Далѣе, въ „Памятной книжкѣ" указано только общее число не бывшихъ у исповѣди и св. причастія прихожанъ, безъ указанія причинъ небытія, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ причинъ могли-бы быть указателями предрасположенія прихожанъ къ церковному расколу, въ родѣ штундизма. Говоря о церковно-приходскихъ школахъ, составители „Памятной книжки", совершенно упустили изъ виду прежнія церковныя школки, съ ихъ дьяками или бакалярами, служившія готовою почвою для новыхъ школъ, а инціативу этихъ послѣднихъ напрасно приписали тогдашней епархіальной власти, а не самому духовенству, какъ было на самомъ дѣлѣ. Для объясненія упадка церковно-приходскихъ школъ въ послѣдніе годы, необходимо было-бы знать, кто преподаетъ въ этихъ школахъ, сами-ли священники, или причетники, или-же особые учителя, и съ какимъ образовательнымъ цензомъ; но объ этомъ ничего не сказано въ „Памятной книжкѣ". Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы при новомъ изданіи „Памятной книжки кіевской епархіи", если оно послѣдуетъ, по-больше было точности въ историческихъ свѣдѣніяхъ по кіевской епархіи и поменьше корректурныхъ ошибокъ, которыя, мѣстами, непріятно поражаютъ читателя въ настоящемъ изданіи. **Н. П.**

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ матеріаловъ для его біографіи) съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ. 1882.

Г. Чалый еще въ 1862 году помѣстилъ въ журналѣ „Основа" (№№ 5 и 6), подъ псевдонимомъ Савы Ч., нѣсколько ма-

теріаловъ для біографіи Шевченка и тогда-же приглашалъ своихъ земляковъ „поспѣшить обнародованіемъ мельчайшихъ подробностей изъ жизни нашего самобытнаго народнаго поэта". Съ того времени немало уплыло воды въ Днѣпрѣ, и все таки къ тому, что̀ было извѣстно въ печати о жизни поэта въ годъ его смерти, очень мало, или почти ничего не прибавилось. „Успѣвъ собрать еще нѣсколько матеріаловъ для жизнеописанія нашего незабвеннаго кобзаря,—говоритъ г. Чалый въ предисловіи къ своей книгѣ,—я спѣшу оказать посильное содѣйствіе будущему его біографу и помочь ему возсоздать во всей полнотѣ своеобразную личность этого замѣчательнаго человѣка, котораго смерть не даромъ совпала съ великимъ всероссійскимъ событіемъ 19 февраля 1861 года. Вполнѣ сознавая несовершенство настоящаго своего. труда, я не имѣлъ претензіи написать полную біографію художника-поэта Шевченка, достойную его славы: это не болѣе, какъ сводъ хронологически расположенныхъ матеріаловъ, частію уже извѣстныхъ читающей публикѣ, частію совершенно новыхъ".

Сводъ этотъ въ книгѣ г. Чалаго раздѣленъ на четыре части, изъ коихъ три заняты біографіей Т. Г. Шевченка, и только четвертая посвящена его произведеніямъ. Слѣдовательно, біографія поэта преимущественно предъ его произведеніями занимала г. Чалаго. Это, впрочемъ, и естественно, такъ какъ біографія Шевченка далеко еще не исчерпана не только другими его біографами, но и самимъ г. Чалымъ въ настоящей его книгѣ, тогда какъ кругъ произведеній Шевченка считается болѣе или менѣе опредѣлившимся и законченнымъ. Скажемъ нѣсколько словъ о біографіи Т. Г. Шевченка и объ его произведеніяхъ по книгѣ г. Чалаго.

„Краткая автобіографія поэта, заключающаяся въ письмѣ его къ редактору „Народнаго Чтенія", говоритъ г. Чалый, имѣетъ для насъ болѣе внутреннее, психологическое значеніе; что же касается внѣшней, фактической стороны ея, то въ ней пропущено много весьма важныхъ подробностей, необходимыхъ для полнаго уразумѣнія симпатичной личности Кобзаря, какимъ мы его знали при жизни. Пробѣлы эти только отчасти восполнены немногими изъ его многочисленныхъ когда то поклонниковъ". Кто восполнялъ эти пробѣлы, г. Чалый, къ сожалѣнію, не перечисляетъ. Но мы не можемъ не замѣтить, что собирая матеріалы, уже извѣстные читающей публикѣ, авторъ разсматриваемой книги, совершенно игнорировалъ нѣкоторые изъ нихъ. Такъ напр.,

онъ не воспользовался воспоминаніями Тургенева и Полонскаго о Шевченкѣ, приложенными къ пражскому изданію его произведеній, 1876 года, и новыми „матеріалами для біографіи Т. Г. Шевченка“ Е. А. Ганненка. А между тѣмъ эти уже извѣстные въ печати матеріалы не излишни были бы для г. Чалаго. Вотъ примѣры тому. Разсказавъ о покушеніи Шевченка жениться на горничной Лукерьѣ въ 1860 г., г. Чалый замѣчаетъ о немъ слѣдующее: „послѣ этого, уже *послѣдняго* покушенія на женитьбу, поэтъ сдѣлался неумолимо лютъ на все женское племя до самой своей болѣзни“. Но изъ матеріаловъ Ганненка мы знаемъ, что и послѣ неудавшейся попытки жениться на Лукерьѣ, Шевченко не оставлялъ мысли о женитьбѣ и писалъ въ Полтаву къ старому своему товарищу Ѳедоту Т., прося его пріискать ему „полтавку кирпу чернобривку“. Г. Т. browsedсваталъ за Шевченка дочь г. В—скаго. Въ другомъ мѣстѣ своей книги г. Чалый, говоря о недостойномъ будто бы обращеніи графа Перовскаго съ Шевченкомъ, совершенно упустилъ изъ виду другой разсказъ объ отношеніяхъ Перовскаго къ Шевченку, переданный г. Тургеневымъ. Какой-то черезчуръ исполнительный генералъ, передаетъ г. Тургеневъ, узнавъ, что Шевченко, не смотря на запрещеніе, написалъ два-три эскиза, почелъ за долгъ донести объ этомъ В. А. Перовскому въ одинъ изъ его пріемныхъ дней; но тотъ, грозно взглянувъ на усерднаго доносителя, значительнымъ тономъ промолвилъ: „генералъ, я на это ухо глухъ; потрудитесь повторить мнѣ *съ другой стороны* то, что вы сказали!“ Генералъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, перейдя къ другому уху Перовскаго, сказалъ ему нѣчто, вовсе не касавшееся Шевченка. И. С. Тургеневу показывалъ Шевченко крошечную книжечку, переплетенную въ простой дегтярный товаръ, въ которую онъ заносилъ свои стихотворенія и которую пряталъ въ голенищѣ сапога. Къ чести Перовскаго нужно замѣтить, что онъ былъ другомъ поэта Жуковскаго и едва-ли могъ позволить себѣ недостойное обращеніе съ Шевченкомъ. О фактѣ такого обращенія г. Лѣсковъ слышалъ будто бы между прочимъ, отъ мужа своей тетки, англичанина Шкота, управлявшаго имѣніями Перовскаго. Но могъ-ли быть г. Шкотъ въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, гдѣ только и возможна была встрѣча Перовскаго съ Шевченкомъ?!

За небольшими сказанными исключеніями, сводъ печатныхъ свѣдѣній о Шевченкѣ составленъ г. Чалымъ полно и обстоятельно. Доселѣ извѣстныя, большею частію отрывочныя свѣдѣнія

о жизни Шевченка приведены имъ въ хронологическій порядокъ и переданы въ связномъ разсказѣ. Но главное достоинство книги г. Чалаго состоитъ въ сообщеніи новыхъ матеріаловъ для біографіи Шевченка. Это большею частію—неизданная доселѣ переписка съ Шевченкомъ его друзей, воспоминанія послѣднихъ и личныя воспоминанія самого автора книги. Вслѣдствіе этого, книга отличается такимъ обиліемъ и полнотою біографическихъ свѣдѣній о Шевченкѣ, что она далеко превосходитъ всѣ доселѣ извѣстныя біографіи Шевченка и лучшую изъ нихъ, составленную покойнымъ Масловымъ. Особенною полнотою отличаются свѣдѣнія о жизни Шевченка съ того времени, когда онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своихъ земляковъ, т. е. приблизительно съ 1848 года, такъ что съ большею извѣстностію Шевченка увеличиваются и біографическія свѣдѣнія о немъ.

Впрочемъ, и въ этой лучшей части своего труда г. Чалый допустилъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторые недостатки, которые легко могли-бы быть устранены при наличныхъ средствахъ. Во первыхъ, г. Чалый мѣстами, за отсутствіемъ положительныхъ извѣстій, допускаетъ не вѣрныя предположенія, которыя однако же облекаетъ въ форму положительныхъ извѣстій. На стр. 17-й онъ говоритъ, что лебединская мотронинская обитель „въ описываемое время замѣчательна была еще и тѣмъ, что „на цвинтарѣ“ ея, подлѣ церкви, похоронено много „коліивъ“, о чемъ свидѣтельствовали каменныя могильныя плиты, съ уцѣлѣвшими на нихъ надписями и что Тарасъ, тогда уже грамотный, удовлетворяя любознательности богомольцевъ, прочитывалъ эти надписи“. Лебединскій—вовсе не мотронинскій монастырь; гдѣ погребены „коліи“, про то вѣдали воденскій судъ, кіево-губернская и другія канцеляріи, предположеніе же, основанное на грамотности Шевченка и на существованіи якобы каменныхъ могильныхъ плитъ съ надписями надъ могилами „коліивъ“, можетъ лишь ввести неопытныхъ читателей въ заблужденіе. Во-вторыхъ, сводя различныя свѣдѣнія о жизни Шевченка въ одинъ связный разсказъ, г. Чалый не всегда подвергалъ ихъ строгой критикѣ и не устранялъ внутреннихъ противорѣчій между ними. Мы укажемъ нѣсколько примѣровъ хронологическихъ неточностей изъ періода жизни Шевченка между 1843—1847 годами. На стр. 41 г. Чалый говоритъ, что всю зиму 1844 года Шевченко провелъ въ Яготинѣ у Репниныхъ. А между тѣмъ есть основаніе думать, что въ самомъ началѣ 1844 года Шевченко не былъ уже въ Яготинѣ: поэма „Чигиринъ“ написана

имъ 19 февраля 1844 г. въ Москвѣ (Мосевкѣ?), а русская повѣсть „Наймичка“ окончена 25 февраля, 1844 г., въ Переяславѣ. Въ іюнѣ 1844 г. Шевченко является въ Петербургѣ, какъ видно изъ подписи подъ стихотвореніемъ „Сонъ“. Вообще въ подписяхъ подъ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ произведеній Шевченка есть нѣсколько указаній на станціонные пункты въ его страннической жизни. Хронологія же стихотвореній Шевченка даетъ понять, что онъ увлекся идеями кирилло-меѳодіевскаго кружка не въ 1846 году, когда онъ будто-бы познакомился съ Н. И. Костомаровымъ, а годомъ раньше. Только въ 1845 году Шевченко, Кулишъ и Костомаровъ, входившіе въ составъ кирилло-меѳодіевскаго общества, могли быть въ Кіевѣ вмѣстѣ.

Четвертая часть книги г. Чалаго, заключающая обзоръ важнѣйшихъ произведеній г. Шевченка, излагаетъ собственно содержаніе главнѣйшихъ произведеній поэта въ простомъ прозаическомъ разсказѣ и имѣетъ въ виду преимущественно читателей великороссовъ. Но въ концѣ этой части есть двѣ заново отдѣланныя главы: „О стихотвореніяхъ Шевченка, какъ матеріалѣ для музыкальныхъ произведеній“, и „О Шевченкѣ, какъ живописцѣ“. Изложеніе содержанія важнѣйшихъ произведеній Шевченка не представляетъ почти ничего новаго въ сравненіи съ подобнымъ же изложеніемъ барона Баттаглія и А. Т—аго, и даже уступаетъ имъ въ томъ отношеніи, что г. Чалый совершенно отказывается опредѣлить и установить хронологію произведеній Шевченка. „Соблюсти хронологически-точный порядокъ въ распредѣленіи произведеній Шевченка, какой старается удержать баронъ Баттаглія, говоритъ г. Чалый, по нашему мнѣнію, довольно трудно: самъ поэтъ не только не помнилъ времени созданія того или другаго стихотворенія, но подъ гнетомъ неблагопріятныхъ для свободнаго творчества обстоятельствъ, по возвращеніи изъ ссылки, иногда не узнавалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ собственныхъ произведеній, написанныхъ въ раннюю, лучщую пору своей поэтической дѣятельности“. Махнувъ рукою на хронологію произведеній Шевченка, г. Чалый не обращаетъ даже вниманія на тѣ несомнѣнныя хронологическія даты, какія имѣются на нѣкоторыхъ произведеніяхъ Шевченка. Извѣстно, что въ „Хатѣ“ Кулиша, 1860 г., помѣщено было десять стихотвореній Шевченка. Объ этихъ стихотвореніяхъ г. Чалый говоритъ, что они „*по всей вѣроятности*, написаны въ ссылкѣ“. А между тѣмъ въ „Хатѣ“ подъ каждымъ изъ этихъ стихотвореній есть

опредѣленная хронологичоская дата: они писаны между 1847—1859 годами, во время ссылки и послѣ нея. Конечно, довольно трудно опредѣлить и установить хронологію произведеній, но не невозможно. Она можетъ быть возстановлена, хотя приблизительно, на основаніи сохранившихся датъ подъ произведеніями Шевченка, обозрѣнія печатныхъ изданій произведеній Шевченка, указаній его дневника и воспоминаній его друзей, и проч. И только установивъ хронологію произведеній Шевченка, мы можемъ ожидать изложенія исторіи развитія самаго поэта и его идей, необходимой для его изученія и уразумѣнія.

Есть у г. Чалаго нѣкоторые пробѣлы и въ перечнѣ сочиненій Т. Гр. Шевченка. „Изъ произведеній", написанныхъ Шевченкомъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ, говоритъ авторъ книги, извѣстны въ печати только четыре: "Тризна" (1844), Дневникъ, „Нещастный" (1881) и „Музыкантъ". Мы прибавимъ съ своей стороны, что извѣстны также въ печати русскія произведенія Шевченка: отрывокъ изъ драмы „Никита Габдай", помѣщенный въ „Маякѣ" за 1842 годъ, и отрывки изъ повѣсти „Матрозъ", напечатанные въ газетѣ „Трудъ" за 1881 годъ.

Можно было-бы предъявить автору и нѣкоторыя другія требованія относительно изложенія произведеній Шевченка, именно: 1) чтобы показано было отношеніе нѣкоторыхъ, покрайней мѣрѣ слабѣйшихъ произведеній Шевченка устнымъ народнымъ произведеніямъ,— напр. поэмы „Петрусь" къ народной пѣснѣ о Петрусѣ; 2) чтобы показано было отношеніе нѣкоторыхъ произведеній Шевченка къ другимъ украинскимъ писателямъ, напр. поэмы „Червець" къ „Чорной Радѣ" Кулиша (стр. 84—86 „Чорной Рады", 1857 г.) и 3) особенно, чтобы показано было вліяніе на Шевченка русскихъ поэтовъ Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова, намѣченное въ общихъ чертахъ г. Кулишомъ. Послѣднее требованіе тѣмъ болѣе естественно, что книга г. Чалаго назначается и для великорусскихъ читателей и выполненіемъ этого требованія могла бы еще болѣе расположить ихъ въ пользу Шевченка. Но мы не предъявляемъ этихъ требованій какъ потому, что они не входили въ кругъ задачъ автора книги, такъ и потому, что не всѣ же требованія можно предъявить одному и тому же труженику науки. Большое спасибо г. Чалому и за то, что онъ сдѣлалъ для біографіи Шевченка столько, сколько никто другой раньше его. Книга его составляетъ необходимое пособіе для всякаго любителя и изслѣдователя украинской литературы,

и должно думать, что эта капитальная книга дастъ новый толчекъ къ критическому обзору жизни и произведеній Тараса Григорьевича Шевченка.

Н. П.

Die Ungern oder Magyaren. Paul. Hunvalfy. Vien und Teschen. 1881.

Это сочиненіе венгерскаго этнографа-историка состоитъ изъ шестнадцати небольшихъ главъ: 1) Вступленіе, 2) До-венгерское время въ Панноніи и Дакіи, 3) Древнѣйшія извѣстія о венграхъ, 4) Національное родство венгровъ, 5) Происхожденіе и прародина венгровъ, 6) Религія и духовная жизнь венгровъ, 7) Вліяніе тюркскихъ народовъ на венгровъ, 8) Вліяніе славянъ, 9) Христіанство и государство въ Венгріи, 10) Пришельцы въ Венгріи, 11) Географія и топографія, 12) Пѣсня о нибелунгахъ и венгерскія хроники, 13) Политическое и соціальное развитіе, 14) Духовное развитіе, 15) Современное положеніе и 16) Антропологическое мѣсто мадьяръ.

Первыя десять главъ составляютъ одно отдѣленіе, которое интересно и для русскаго, историка. Особенно важны для насъ главы: III, IV, V, VII, VIII и X.

Первоначальная исторія венгровъ связана съ южной Россіей. Константинъ Б. говоритъ, что они жили подлѣ Хозаріи, между Волгой и Днѣпромъ, и были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ этимъ оригинальнымъ государствомъ. Авторъ приводитъ извѣстія этого писателя и арабскаго ученаго Ибнъ-Даста, который говоритъ, что венгры живутъ скотоводствомъ, охотой и рыбной ловлей, что они принадлежатъ къ тюркскому племени. Г. Унвальфи, какъ и слѣдуетъ, не признаетъ послѣдняго извѣстія араба. Однако же онъ приводитъ изъ него цитату, которая вполнѣ едва-ли къ намъ относится. Ибнъ Дастъ, жившій въ X в., уже не засталъ венгровъ на ихъ прежнихъ мѣстахъ: все это пространство занимали печенѣги, бытовыя черты которыхъ и отнесены Ибнъ-Дастомъ къ венграмъ. Такихъ смѣшеній въ арабскихъ извѣстіяхъ мы знаемъ довольно. Чертами венгерскими могутъ быть признаны только, что ихъ государь называется Кенде, а собственное имя его Дусиле. Хозаре никогда не возводили укрѣпленій противъ венгровъ, а противъ печенѣговъ, или, какъ путаютъ нѣкоторые ара-

бы, противъ гузовъ. Тутъ авторомъ сдѣлавъ промахъ. Нельзя также иначе смотрѣть и на отождествленіе г. Унвальфи узовъ и половцевъ. Византійскія хроники, арабскія сочиненія и даже наши лѣтописи—всѣ говорятъ противъ такого мнѣнія. Константинъ Б. не знаетъ куманъ-половцевъ, а говоритъ только объ узахъ и печенѣгахъ. Половцы, или куманe византійцевъ и венгровъ, выступаютъ гораздо позже на историческую сцену. Узы борятся съ ними и на берегахъ Дуная и на берегахъ Дона, какъ это извѣстно изъ нашихъ и византійскихъ лѣтописей. Здѣсь нѣтъ возможности приводить фактовъ, но стоитъ только просмотрѣть собраніе арабскихъ извѣстій Досеона, чтобы убѣдиться въ этомъ. Арабы знаютъ нашихъ половцевъ или подъ именемъ кумановъ или кипчаковъ. Узы—это торки нашихъ лѣтописей.

Не принявъ мнѣнія Ибнъ-Даста о тюркизмѣ венгровъ, г. Унвальфи въ слѣдующей главѣ старается разрѣшить вопросъ о ихъ племенной принадлежности. Еще г. Европеусъ въ 1874 г., на основаніи сличенія языковъ венгерскаго съ финскимъ, пришелъ къ заключенію о родствѣ венгровъ съ племенами вогуличей, остяковъ. Г. Унвальфи представляетъ сравнительную таблицу языковъ венгерскаго, вогульскаго, финскаго и тюркскаго. Сначала идетъ таблица словъ, выражающихъ понятія частей тѣла, затѣмъ таблица, озаглавленная „Naturliches und sittliches Leben", потомъ конкретныхъ понятій, родства и, наконецъ, именъ числительныхъ. Сравнивая числительныя имена, авторъ приходитъ къ выводу, что финско-угрскіе народы въ самое древнее время своей жизни считали только до 7, имѣли семиричную систему. Дѣйствительно слова, выражающія понятія чиселъ до 7-ми, совершенно сходны въ языкахъ венгерскомъ, вогульскомъ и финскомъ. Далѣе 7-ми слова совершенно различны. „Мы можемъ, говоритъ авторъ, принять время семиричной системы за самое древнее время или прапероіодъ (Urzeit) финско-угрскихъ языковъ и народовъ". „На сѣверѣ они простирались до Ледовитаго океана, съ юга ихъ ограничивали различные народы по великому пути. Области рѣкъ—Двины, Камы, Волги, Ялка, Иртыша, Оби и средняго и сѣвернаго Урала служатъ предѣлами родины этихъ племенъ, изъ которыхъ (предѣловъ) они распространились на западъ и югъ.

Во время совмѣстнаго жительства угро-финскія племена занимались охотой, рыбной ловлей; у нихъ была уже болѣе или менѣе развита семейственность и общественность; были занятія рукомеслами, употреблялись домашнія животныя, какъ лошадь и

собака. Все это явствуетъ изъ тождества словъ въ языкахъ угро-финскихъ племенъ для выраженія данныхъ понятій.

Опредѣливъ область распространенія угро-финскихъ племенъ въ періодъ ихъ сожительства путемъ лингвистики, г. Унвальфи старается очертить границы венгерскаго племени на основаніи извѣстій венгерскихъ лѣтописей. Онѣ называютъ двѣ рѣки, Тогату и Эстуль, Этель. Первую авторъ признаетъ за Иртышъ, впадающій въ Обь. Этель, конечно, Волга. На востокъ отъ Денціи и Магоріи, прародины венгровъ, по хроникамъ, простирается земля Юріанъ (Jurianorum). Эту Юріанію г. Унвальфи совершенно неправильно сближаетъ съ нашей Югрой, которую Іоаннъ IV покорилъ въ 1499 г. (?). Югра, покоренная русскими, и есть та самая Угрія, изъ которой произошли венгры, какъ нѣсколько выше утверждалъ и авторъ, намѣчая границы угро-финскихъ племенъ. Если вообще можно объяснить Юріанъ Туроца, то ихъ слѣдуетъ сблизить съ Югуріей, центръ которой былъ у верховьевъ Иртыша, которая занимала центральную Азію. Населявшій ее народъ были тюрки. У нихъ, по словамъ Рубруκваса, былъ источникъ и корень турецкаго и команскаго нарѣчій. Еще Вивіенъ-де-С. Мартенъ предупреждалъ, чтобы не смѣшивать этихъ двухъ Югурій, т. е. финской Угры, или Югры, съ тюркской Югуріей. Это-то сосѣдство съ тюркской Югуріей и могло имѣть вліяніе на языкъ венгровъ. Такъ съ южными животными венгры, по мнѣнію г. Унвальфи, познакомились чрезъ тюрковъ; съ продуктами земледѣлія, съ домашними орудіями, мебелью, предметами одежды, они ознакомились чрезъ тѣ-же руки, сюда-же нужно отнести религіозныя и духовныя понятія, всѣ они выражаются словами, заимствованными изъ языковъ тюркскихъ. Авторъ не допускаетъ, чтобы эти слова вошли изъ языковъ печенѣжскаго или узскаго: съ первыми венгры были во враждѣ, вторые не были ихъ сосѣдями. Особенно дружественныя отношенія были съ хазарами. Къ венграмъ переселились изъ Хазаріи кабары, которымъ г. Унвальфи и приписываетъ вліяніе на венгерскій языкъ, внесеніе въ него тюркскихъ словъ. Кромѣ кабаровъ, вѣроятно, долю вліянія оказали и печенѣги, а еще раньше и сосѣдство Югуріи. Скандинавскія саги сохранили память о борьбѣ угрскихъ племенъ съ тюрками. Саги знали эти племена еще до раздѣленія ихъ. Затѣмъ и враждебныя отношенія печенѣговъ начинаются только тогда, какъ ихъ потѣснили узы.

Кромѣ вліянія тюркскаго, венгры испытали вліяніе и славянства. Отъ славянъ, по мнѣнію автора, они заимствовали названія

церковныхъ и религіозныхъ предметовъ и лицъ, понятія и лица общественности и политики, растеній, земледѣлія, ремеслъ.

Отчего венгры не расплавились въ мѣстныхъ элементахъ? Это г. Унвальфи объясняетъ сравнительной ихъ многочисленностью при появленіи въ Паннонія и не высокой степенью культуры туземцевъ. Глава, въ которой авторъ трактуетъ о пришельцахъ въ Венгрію, раздѣляется на нѣсколько отдѣленій, по числу переселившихся въ Венгрію народовъ. Авторъ сначала ставитъ измаелитовъ, затѣмъ печенѣговъ, кумановъ, татаръ и нѣмцевъ. Каждому изъ этихъ племенъ посвященъ краткій очеркъ исторіи его въ Венгріи; это почти простое перечисленіе фактовъ, довольно сухое, не лишенное нѣкоторыхъ интересныхъ данныхъ, хотя и не безъ мелкихъ промаховъ. Вообще одинъ изъ недостатковъ автора, это почти полное отсутствіе ссылокъ, незнакомство съ русскими источниками и даже отчасти съ арабскими. Но мы уже видѣли, насколько интересны первыя главы труда г. Унвальфи; не менѣе интересна и вторая часть, гдѣ авторъ рисуетъ политическое устройство Венгріи и взаимныя отношенія ея сословій. Мы должны еще воздать благодарность автору, что онъ употребилъ въ своемъ трудѣ доступный нѣмецкій языкъ, а не венгерскій.

П. Голубовскій.

Кіевъ. 1882 г. Іюля 18.

Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовый очеркъ. Составилъ Георгій Бахталовскій. Кишиневъ. 1881 г.

Предъ нами брошюра во сто съ небольшимъ страницъ, посвященная описанію никому неизвѣстнаго уголка Бессарабіи, п. Вилкова, близъ Киліи, въ устьяхъ Дуная. Поселеніе это бѣдное, исторія его не давняя, не богатая фактами, интересная, по видимому, для одних лишь вилковцевъ; источники для нея также скудные: документы мѣстной управы, записи церковныя, разсказы старожиловъ. Тѣмъ не менѣе трудъ г. Бахталовскаго не лишенъ значенія для людей интересующихся исторіей южной Россіи. Съ усердіемъ и любовію авторъ отдался своему труду, кропотливо и добросовѣстно собиралъ и разбиралъ скудные матеріалы и старался выжать изъ нихъ все, чѣмъ можно освѣтить исторію этого темнаго, заброшеннаго уголка и привести ее въ исторію края. Только подобными трудами можетъ пополняться и разъясняться

наша общая исторія, и нельзя не желать, чтобы такія изслѣдованія являлись у насъ чаще и чтобы люди, посвящающіе имъ свой досугъ, не смущались кажущеюся мелочностію тѣхъ свѣдѣній, которыя могутъ быть сообщены ими о близкихъ имъ почему-либо городахъ и городишкахъ. Посадъ Вилковъ—это одинъ изъ тѣхъ отпрысковъ Запорожья, которые оно дало отъ себя, погибая не естественною смертію и которые лишь теперь понемногу приводятся въ извѣстность. По мѣстному преданію, онъ основанъ запорожцами послѣ уничтоженія Сѣчи (въ 1775 г.), когда одна часть сѣчевиковъ не скоро нашла себѣ мѣсто на Кубани, а другая въ слѣдъ за разореніемъ роднаго Коша эмигрировала въ Турцію. Отдѣлившаяся горсть послѣднихъ, заняла то мѣсто, на которомъ теперь стоитъ Вилковъ и которое принадлежало тогда Турціи. Кубанцы посѣщали своихъ братьевъ, поселившихся за предѣлами родной земли и, можетъ быть, въ честь ихъ одно изъ гирлъ Дуная называется у простонародья Кубанкой.

Занявъ пустынныя, частію болотистыя, частію песчаныя мѣста вблизи Дуная, набожные запорожцы прежде всего устроили себѣ здѣсь церковь изъ лозняка, камыша и глины. Можно вообразить себѣ по матеріалу для постройки, что это была за церковь. Но ими движетъ преданіе о дорогой Сѣчи и убогую свою церковь - мазанку они посвящаютъ имени Покрова Пресвятыя Богородицы, въ подражаніе сѣчевой, а при ней устроиваютъ колокольню. Это были истые сѣчевики; по старому обычаю жили они въ куреняхъ, наполняя свой составъ бѣглецами изъ Украйны, наводнявшими Бессарабію, и занимаясь рыболовствомъ.

Послѣ присоединенія Бессарабіи къ Россіи (въ 1812-мъ году, по букарестскому трактату), холостые вилковскіе запорожцы, по словамъ г. Бахталовскаго, „не желая оставаться въ россійскихъ владѣніяхъ, перешли за Дунай и поселились въ Турціи“ (стр. 9—10). Уходя изъ Вилкова, они унесли съ собой два колокола отъ покровской, вилковской церкви, но зарыли ихъ въ землю въ старой Киліи. Впослѣдствіи вилковцы вырыли изъ земли эти „дзвоны“ и перевезли ихъ обратно въ свое селеніе. Сперва жители Вилкова состояли исключительно изъ украинцевъ, но позже сюда мало-по малу стали стекаться и великороссы, главнымъ образомъ старообрядцы, убѣгавшіе отъ религіозныхъ притѣсненій на родинѣ. Элементъ великороссійскій превозмогъ малороссовъ, причемъ часть послѣднихъ совершенно выбралась изъ Вилкова, а большинство поселилось вблизи построенной запорожцами Покровской цер-

кви (стр. 10—11), такъ что теперь населеніе Вилкова состоитъ, выражаясь словами письменныхъ документова вилковской ратуши, „изъ двухъ породъ"—великорусской и украинской, къ которымъ пристала также „малая толика" вездѣсущихъ евреевъ (стр. 21). Великоруссы и малороссы существенно различаются здѣсь въ вѣроисповѣданіи, обычаяхъ и обстановкѣ жизни, вслѣдствіе чего каждая изъ этихъ „двухъ породъ" имѣетъ въ Вилковѣ свое особое кладбище и вообще сторонится другой.

Не безъинтересны, въ историческомъ отношеніи, сообщенія автора о томъ, ка́къ взыскивались съ вилковцевъ въ старину казенныя подати исправникомъ Копейкинымъ. „Копейкинъ, говоритъ авторъ, со словъ о. Гончарова (старика-протоіерея, разсказывавшаго ему о прежнемъ житьѣ-бытьѣ вилковцевъ), выбрался въ исправники изъ волостныхъ писарей и, съ цѣлью ускореннаго сбора податей, имѣлъ обыкновеніе натравливать жителей недалеко лежавшаго селенія Галилештъ на вилковцевъ; эти галилеяне врывались въ ихъ дома, ломали мебель, заливали огонь въ печи и чинили многія иныя пакости" (стр. 24).

Преданные мирнымъ занятіямъ рыболовства, вилковцы, однако, во время турецкихъ войнъ, иногда принимали участіе въ войнѣ съ бусурманами; такъ, въ 1828 году сорокъ лодокъ съ вилковцами участвовали въ переправѣ русской арміи черезъ Дунай, ниже Рени. Числясь казенными поселянами, жители Вилкова были надѣлены пахатной землей; но послѣдняя, какъ на бѣду, лежала отъ ихъ обиталищъ чуть не за тридцать верстъ и за нее нужно было платить налоговъ чуть-ли не больше, чѣмъ самая земля эта приносила дохода (стр. 29). Это обстоятельство подало поводъ вилковцамъ хлопотать о переименованіи ихъ селенія въ посадъ, каковыя хлопоты, наконецъ, и увѣнчались успѣхомъ въ 1840 году.

Пропуская исторію вилковской ратуши, не представляющую прямаго историческаго интереса, остановимся на разсказѣ автора о бѣглыхъ, искавшихъ пріюта и спасенія въ Бессарабіи. Одною изъ причинъ обѣдненія посада Вилкова и уменьшенія количества его жителей, говоритъ г. Бахталовскій, „должны быть признаны многочисленныя дѣла о припискѣ къ Вилкову бѣглыхъ или бродягъ, повлекшія за собою ссылку многихъ вилковцевъ въ Сибирь" (стр. 70). Всѣмъ извѣстно, какова была жизнь помѣщичьихъ крестьянъ во времена крѣпостнаго права; немногимъ лучше этого жилось и сектантамъ въ строгія времена Николая I-го. Тѣ и другіе, поэтому, искали спасенія за границей и вблизи турецкой границы; адми-

нистрація-же, въ свою очередь, употребляла всѣ усилія къ прекращенію здѣсь бродяжничества. Бѣглецы получали, такъ сказать, права гражданства въ Бессарабіи различными путями: иногда бѣглецъ, подмазавъ, *гдѣ надо*, добывалъ себѣ изъ ратуши свидѣтельство о томъ, что онъ „значится въ числѣ приписывающихся" къ вилковскимъ, напримѣръ, мѣщанамъ,—иногда онъ принималъ имя и фамилію какого-нибудь умершаго обывателя и взносилъ за него подати, иной разъ бѣглецъ поступалъ въ члены какого-нибудь семейства и т. п. Такія продѣлки не всегда благополучно сходили съ рукъ вилковцамъ. Такъ въ 1843 г., за пріемъ и укрывательство нѣкоего бѣглаго, называвшаго себя Петлеваненкомъ, судили шестьнадцать человѣкъ вилковцевъ-малороссовъ, изъ числа которыхъ семь душъ понесли тяжелое наказаніе (ссылка въ Сибирь, наказаніе плетьми, тюремное заключеніе на семь дней и денежный штрафъ), а остальные девять человѣкъ оправданы.

Гр. Д—нъ.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ОТНОСИТСЯ ЛИ ПѢСНЯ О ВЗЯТІИ АЗОВА *) КЪ СОБЫТІЯМЪ XI ВѢКА?

Въ іюльской книжкѣ Кіевской Старины за текущій годъ напечатана статья достопочтеннаго г. Стоянова: „Южнорусская пѣсня о событіи XI вѣка“, имѣющая цѣлію сообщить очень важное открытіе въ области нашей южнорусской этнографіи. Дѣло въ томъ, что на мѣстѣ, близкомъ къ мѣстности древняго города Торческа, взятаго половцами въ 1033 году, изъ устъ селянъ записано преданіе, сходное съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ. По лѣтописи (П. С. Р. Л. 1. 93—94) разсказывается, что когда половцы съ большой силой обступили Торційскій градъ, выступили противъ враговъ князья изъ Кіева: Святополкъ Изяславичъ, Владиміръ Мономахъ и меньшій братъ послѣдняго Ростиславъ. Но между ними настала безладица и они обратились въ бѣгство съ своими дружинами. Молодой князь Ростиславъ при переправѣ черезъ рѣку Стугну утонулъ передъ глазами старшаго своего брата Владиміра Мономаха. „Половцемъ же осѣдящимъ Торцьскый, противящимся же Торцьскомъ и крѣпко борющимся изъ града убиваху многы отъ противныхъ; половци же начаша налегати и отъмиаху воду и изнемогати начаша людье въ градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша Торци къ Святополку глаголюще: аще не пришлеши брашна, предатися имами. Святополкъ же посла имъ и не бѣ лзѣ вкра-

*) Кіев. Старина, іюль, стр. 81.

стися въ градъ множествомъ вой ратныхъ. Изнемогоша люды въ градѣ гладомъ и предашася ратнымъ".

Одинъ изъ мѣстныхъ поселянъ Корній Валовый передаетъ дошедшее до него преданіе такъ:

Этотъ городъ былъ еще при тѣхъ князьяхъ, которые княжили когда-то въ Кіевѣ, Красномъ и Трипольѣ; тому уже будетъ съ тысячу лѣтъ. Говорятъ, городъ Торчь былъ очень силенъ и непріятель (а тогда все орды ходили) никакъ не могъ его добыть. Только начнутъ лѣзть на валы, торчане бросаютъ на нихъ колоды съ валовъ: поколотятъ ихъ добрымъ порядкомъ—они и отойдутъ въ свои шанцы. Однако хитростями городъ взяли: воду отвернули со Стугны, да чумакомъ; князья пришли на помощь торчанамъ и стали между собой толковать и ссориться. А орда, не долго думая и совѣтуясь, какъ бросится на нихъ, и потопила всѣхъ въ Стугнѣ.

Другой мѣстный туземецъ Омелько продолжалъ разсказъ такъ:

Враги же все не отступаютъ отъ Торча, облегли его кругомъ такъ, что тамъ стало нечего ѣсть и пить: отвели, значитъ, воду, а сами приготовили пятдесятъ возовъ чумацкихъ: въ переднихъ наложили хлѣбнаго зерна, а въ остальныхъ сами залегли и говорятъ: мы вамъ провіантъ веземъ присланный отъ помощи. Дѣло происходило ночью. Имъ отворили ворота. Они такимъ образомъ взяли Торчь: вотъ это и значитъ: чумакомъ взяли городъ. И въ пѣснѣ про это поется:

А зробимъ, братці, півтораста возовъ,
Да поидемо въ Азовъ.
Приходе купчина, пытае.
У насъ, брате, товаръ дорогий...

Пѣсня, которую привелъ Омелько, найдена была въ нѣсколькихъ варіантахъ. Содержаніе ея таково: богачъ бурлакъ собираетъ ватагу молодцовъ, все изъ мастерового народа, снаряжаетъ возы съ дорогими мѣхами на продажу, а въ заднихъ возахъ вмѣсто товара запрятываются молодцы. Они отправляются въ какой-то городъ, различно именуемый въ различныхъ варіантахъ пѣсни. Такимъ способомъ они овладѣваютъ этимъ городомъ. По нѣкоторымъ же варіантамъ они просто продаютъ свой товаръ вмѣстѣ съ воза-

ми и волами. Пѣсня эта не составляетъ мѣстнаго сокровища, распространена повсюду и мнѣ была извѣстна уже лѣтъ сорокъ. Позволю себѣ не согласиться съ выводами достопочтеннаго изслѣдователя и укажу почему:

1) Намъ остается желательнымъ знать: былъ-ли грамотенъ Корній Валовый и не сообщилъ ли ему свѣдѣній о древнемъ Торчѣ кто-нибудь изъ печатной книжки, а объ этомъ, хотя бы кратко, можно найти въ любой русской исторіи, въ нѣкоторыхъ же и подробно съ мелочами лѣтописнаго разсказа. Вездѣ, гдѣ есть мѣстности, которыхъ названія почему-либо извѣстны въ исторіи, мѣстные грамотѣи любятъ читать и другимъ передавать прочитанное о своей мѣстности. Что-то уже слишкомъ близко къ лѣтописи знаетъ этотъ Корней Валовый о событіяхъ XI вѣка и притомъ такихъ, какъ неудача русскихъ при переправѣ черезъ Стугну и потопленіе ихъ. Какъ могло такое событіе, одно изъ многихъ, похожихъ въ главныхъ чертахъ другъ на друга, уцѣлѣть въ теченіи 800 лѣтъ въ народной памяти?!

2) О безъискуственности разсказа Омелька не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но въ немъ сходство съ лѣтописнымъ повѣтствованіемъ только то, что осажденные въ Торчѣ принуждены были къ сдачѣ города отведеніемъ воды и голодомъ. Такой конецъ обыкновенно полагается въ преданіяхъ обо всѣхъ старинныхъ городахъ. Въ псковской губерніи обо всѣхъ старинныхъ псковскихъ пригородахъ разсказываютъ на мѣстѣ одно и тоже: городъ былъ большой, церквей въ немъ было нѣсколько десятковъ, силенъ былъ городъ, да взяли его потому, что воду отвели изъ такой-то рѣки и подвозу съѣстнаго не стало; да вѣдь оно такъ всегда почти и бываетъ! Вѣрность въ сказаніи Омелька въ этомъ случаѣ зависитъ отъ естественности: все равно, есть ли въ лѣтописи о такомъ концѣ Торческа, или нѣтъ, въ разсказѣ о старомъ городѣ, взятомъ врагами, преданіе окончится именно такою чертою. Что касается до взятія Торческа посредствомъ ввезенныхъ туда повозокъ съ запрятанными молодцами, Омелько здѣсь пріурочилъ къ своему Торческу общую, извѣстную ему пѣсню. Мы готовы биться объ-закладъ, что въ другой мѣстности, гдѣ есть городище старипнаго города, непремѣнно можно услышать такое же пріуроченіе этой же самой пѣсни.

3) Что касается до самой пѣсни въ ея основѣ, то мы не сомнѣваемся причислить ее къ разряду древнихъ; замѣтимъ, что намъ она всегда казалась заимствованною изъ великорусскихъ, хотя уже отъ времени сильно притертою въ малорусскомъ народномъ обиходѣ, но это не уничтожаетъ въ ней колорита древности, напротивъ, еще болѣе придаетъ онаго: чѣмъ древнѣе пѣсня, тѣмъ близости въ ней можно найти больше съ другою единоплеменною народностью. Когда сложился въ ней образъ народнаго міровоззрѣнія, представляющій взятіе чужого города посредствомъ хитраго проведенія туда воиновъ,—мы сказать не въ состояніи; но вѣрно то, что онъ сложился и облекся въ пѣсню вслѣдствіе не какого нибудь случая, бывшаго тамъ или здѣсь когда-то, а цѣлаго, можетъ быть, ряда мелкихъ случаевъ, и потомъ самъ былъ источникомъ многихъ болѣе или менѣе въ свое время важныхъ подобныхъ событій, происходившихъ въ дѣйствительности, такъ какъ этотъ образъ составилъ часть народнаго міросозерцанія, которое всегда, иногда и незамѣтно, двигаетъ историческимъ ходомъ судьбы народа. Эти пятдесятъ или двѣсти пятдесятъ возовъ со скрытыми тамъ воинами—тотъ же деревянный конь хитроумнаго Одиссея, введенный подъ дружелюбнымъ предлогомъ въ Трою, и тайно нагруженный воинами, которые съ наступленіемъ ночи встали изъ своего убѣжища и разорили всю Трою. Что этотъ деревянный конь въ свое время сдѣлался образомъ народнаго эллинскаго міросозерцанія, показываетъ то, что послѣдующая исторія греческихъ республикъ не скудна событіями, когда воюющія стороны брали верхъ посредствомъ хитраго введенія своихъ силъ и къ соперникамъ подъ дружелюбными предлогами. Въ исторіи другихъ народовъ можно также встрѣтить такой же образъ народнаго міросозерцанія, и подобнаго рода дѣйствительно бывшія событія, которыя безъ сомнѣнія возникали въ значительной степени отъ этого міро-созерцанія, укоренившагося прежде.

4) Наша пѣсня о введеніи возовъ съ воинами, подъ дружелюбнымъ предлогомъ привоза товара на продажу, вѣроятно носитъ въ себѣ зародыши разныхъ народныхъ вымысловъ и дѣйствительныхъ событій, порождаемыхъ силою обычнаго народнаго міросозерцанія; но напрасны будутъ усилія пріурочить ее къ какому-нибудь опредѣленному историческому событію въ томъ или дру-

гомъ вѣкѣ нашей исторіи. Ее уже, какъ видно, относили къ событіямъ XVII вѣка. Псевдо-Конисскій разсказываетъ подобное событіе по поводу освобожденія козаками Палѣя изъ польскаго плѣна; неизвѣстно, самъ ли псевдоисторикъ пригналъ тотъ разсказъ къ Палѣю или взялъ уже готовое приложеніе его въ народѣ. Во всѣхъ варіантахъ видно, что идетъ скорѣе дѣло о временахъ казацкихъ, а не о древнихъ княжескихъ. Города, упоминаемые въ разныхъ варіантахъ различно, все таки заимствованы изъ географіи позднѣйшей козацко-татарской эпохи, а не удѣльно-вѣчевой: Азовъ, Кремень (Исланъ—Кермень), Кишеневъ, Ростовъ, Щучинъ (?). Изслѣдователь большое значеніе для себя видитъ въ томъ, что одинъ варіантъ кончается такъ, какъ будто орда захватываетъ и вводитъ въ городъ возы, что (говоритъ онъ) болѣе согласно съ лѣтописью, по которой Святополкъ не могъ доставить брашна осажденнымъ торчаномъ (Кіевск. Стар., іюль 1882 г., стр. 93). Дѣйствительно есть такой варіантъ, гдѣ говорится, что орда забрала волы и возы; о не говорится, что орда ввезла эти возы, овладѣвъ ими прежде, какъ бы хотѣлось достопочтенному г. Стоянову, же..ющему во чтобы то ни стало подогнать эту пѣсню къ подобію съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ о взятіи Торческа половцами. По смыслу этого варіанта выходитъ, что привезшіе товаръ говорятъ: завтрешній день увидимъ, братья, сами, что будетъ.

А по завтрашнемъ, братьтя,
Побачемо ще й сами...

Далѣе говорится, съ вечера орда городомъ овладѣла кругомъ (городъ обняла), къ полуночи—вошла въ городъ, а на разсвѣтѣ—забрала возы и волы. Хотя, вообще, излагается событіе не ясно, но все-таки видно, что явленіе орды совершается уже послѣ того, какъ возы введены въ городъ, а не орда эти возы вводила, какъ хочется достопочтенному изслѣдователю. Онъ увлекается въ желаніи непремѣнно привязать эту пѣсню къ Торческу до того, что окончаніе вышеприведеннаго варіанта: „кому недостаетъ суконъ и золота, тотъ беретъ молодыхъ тур чокъ“ толкуетъ такъ, какъ будто слово: туркеня=турчанка, здѣс начитъ—торкеня=обитательница города Торческа, тогда какъ слово: туркеня—самое употребительное до сихъ поръ и совершенно умѣстно въ варіантѣ, гдѣ

дѣйствіе происходитъ въ городѣ Азовѣ, населенномъ турками. Болѣе правдоподобно гг. Рудченко (Чум. пѣсни, 84) и г. Т—въ (Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 года) склоняются по этимъ чертамъ варіанта, о которомъ идетъ рѣчь, видѣть здѣсь великорусскую разбойничью пѣсню, или же пѣсню о взятіи Азова донскими козаками при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ; но это имѣетъ правдоподобіе только относительно особенностей одного этого варіанта пѣсни, а не всей пѣсни. Вообще варіантъ этотъ не составляетъ единой и неизмѣнной редакціи всего народнаго произведенія; напротивъ, въ большей части другихъ извѣстныхъ намъ варіантовъ этой пѣсни вовсе не упоминается объ ордѣ, которой здѣсь въ заключеніе всего достаются привезенные возы съ товарами. Пѣсни, какъ всѣмъ занимавшимся ими вѣдомо, въ текущемъ обращеніи среди народа видоизмѣняются; изъ одной отдѣляются части и образуютъ особыя пѣсни, одна пѣсня соединяется съ другою, изъ чужой заходятъ случайно стихи и даже большія части и придаютъ иной смыслъ содержанію, иногда даже внѣдряются части единственно по сходству или даже по отдаленному подобію напѣва, и притомъ пѣсни въ одномъ краѣ поются иначе, чѣмъ въ другомъ, подвергаясь вліянію и говоровъ и индивидуальныхъ особенностей поющихъ лицъ. Поэтому, чтобы понимать истинный смыслъ пѣсни и ея первоначальное бытіе, нужно имѣть въ виду только основныя черты ея, а не случайныя: отличать тѣ и другія составляетъ важнѣйшее искуство въ этнографіи.

5) Ничего не помогаетъ г. изслѣдователю и приведенный имъ разсказъ о томъ, что, по сообщенію Омелька, одинъ разъ дѣти на мѣстѣ древняго Торческа нашли яму и въ ней шолковый клубочекъ. Когда они стали его мотать, вдругъ изъ подъ земли показалась церковная глава и стала выходить церковь. Но тутъ прибѣжала мать и церковь опять ушла подъ землю. Этотъ поэтическій разсказъ не принадлежитъ исключительно одной какой нибудь мѣстности и даже одному какому нибудь краю. Онъ ходитъ по всей Руси, повторяется почти вездѣ, гдѣ есть преданіе объ ушедшей подъ землю церкви, которая иногда, хотя рѣдко, является людямъ. Такихъ преданій много.

Изъ всего изслѣдованія многоуважаемаго г. Стоянова одно только представляетъ вкладъ въ науку: это опредѣленіе мѣстопо-

ложенія древняго Торческа на р. Стугнѣ, что̀ и осталось у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Торча, какъ называютъ они до сихъ поръ бывшій городъ. Любопытно было бы, если бъ археологи нашли возможнымъ поискать въ глубинѣ земли остатковъ его бытія и жизни его обитателей.

Н. Костомаровъ.

Іюля 11-го 1882 года.

ПОСЛѢДНІЙ ПИСАРЬ ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКАГО ГЛОБА.

Въ Русской Старинѣ 1875 года (ноябрь) была помѣщена мною статья: „Калнишевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи“, написанная мною по случаю истеченія ста лѣтъ со времени уничтоженія „славнаго войска запорожскаго“. Въ этой статьѣ, между прочимъ, напечатаны собранныя мною въ 1862 году преданія бѣломорскихъ поморовъ о Калнишевскомъ, свѣдѣнія объ отправкѣ его изъ Архангельска для содержанія въ Соловецкій монастырь, заимствованныя изъ дѣлъ архангельскаго губернскаго архива, всеподданнѣйшій докладъ кн. Потемкина о заточеніи кошеваго атамана въ Соловецкій монастырь, войсковаго судьи Головатаго и войсковаго писаря Глобы въ сибирскіе монастыри,—указъ св. синода архимандриту соловецкаго монастыря Досиѳею о способѣ содержанія Калнишевскаго въ заточеніи, надпись на евангеліи, пожертвованномъ монастырю Калнишевскимъ и надпись на памятникѣ, устроенномъ надъ могилой Кальнишевскаго архимандритомъ Александромъ. Въ указанной статьѣ мною мимоходомъ упоминается также о томъ, что войсковой писарь Глоба былъ сосланъ въ г. Туруханскъ, въ тамошній монастырь, гдѣ и умеръ около 1790 года. Это послѣднее извѣстіе сообщено было мнѣ въ г. Воронежѣ извѣстнымъ любителемъ русской литературы Н. Д. Мизко, родственникомъ Глобы по матери. Считаю нелишнимъ сообщить все то, что было передано мнѣ г-мъ Мизко, а также что извѣстно о Глобѣ изъ другихъ источниковъ.

По свѣдѣніямъ, заключающимся въ „Исторіи Новой Сѣчи“ А. Скальковскаго, Иванъ Яковлевичъ Глоба первоначально служилъ писаремъ на запорожскихъ перевозахъ и въ паланкахъ; въ 1762

году онъ былъ выбранъ войсковымъ писаремъ и, въ качествѣ таковаго, въ томъ же году участвовалъ, вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ Григоріемъ Федоровымъ, въ поѣздкѣ въ Петербургъ по дѣламъ войска. Подъ 1765 годомъ о немъ снова упоминается, какъ о войсковомъ писарѣ. Послѣднюю должность онъ, вмѣстѣ съ кошевымъ Калнишевскимъ, сохранилъ въ теченіи 10 лѣтъ, до самаго уничтоженія Сѣчи, чего до того времени въ Кошѣ „изъ вѣку вѣковъ не бывало". Въ 1765 г. онъ снова участвовалъ въ депутаціи, отправленной запорожцами въ Петербургъ. Затѣмъ встрѣчаемъ его принимающимъ участіе въ компаніи 1770 года, за которую онъ получилъ отъ государыни золотую медаль. Глоба отличался выдающимся умомъ, познаніями и сметливостью, такъ что прослылъ самымъ умнымъ козакомъ въ Сѣчи (т. II, стр. 290 и 303; т. III стр. 83). Объ его дарованіяхъ можно заключать, напримѣръ, по сочиненной имъ рѣчи, которая сказана была запорожскою старшиною Екатеринѣ II-й 9 сентября 1762 года въ петровскомъ дворцѣ, подъ Москвой, гдѣ императрицу поздравляли съ благополучнымъ восшествіемъ на престолъ „знатныя персоны обоего пола". Рѣчь эта, напечатанная въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1840 годъ (т. II, стр. 163), начинается словами: „Вся́ премудростію, силою, славою и благостію своею сотворивый Господь вѣчно и непоколебимо узаконилъ рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту сѣверъ, тучѣ востокъ, солнцу западъ, намъ же, человѣкамъ, учрежденную надъ собою власть". Произнесенная запорожцами рѣчь произвела благопріятное впечатлѣніе на императрицу, такъ что̀ она, по окончаніи рѣчи, „милостиво изволила кошеваго атамана и старшину о своемъ покровительствѣ обнадежить, и какъ атамана, такъ и старшину, припадшихъ къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, жаловать къ рукѣ".

Послѣ разоренія Сѣчи, Глоба, вмѣстѣ съ кошевымъ и генеральнымъ судьею, понесли на себѣ всю отвѣтственность за вины Запорожскаго войска. Они, какъ сказано выше, въ 1776 году были заключены въ монастыри. Заточеніе ихъ было строгое, такъ какъ въ указѣ св. синода предписывалось, „чтобы узники сіи содержаны были безвыпускно изъ монастырей и удалены-бъ были не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія". Кошевой Калнишевскій находился въ заточеніи до 1801

года, когда онъ былъ освобожденъ по высочайшему повелѣнію, хотя и не оставлялъ уже соловецкаго монастыря до смерти, послѣдовавшей въ 1803 году. Но Глоба не дождался свободы; онъ умеръ въ заточеніи въ 1790 или въ 1791 году.

По смерти заключеннаго, изъ тобольскаго намѣстническаго правленія было сдѣлано сообщеніе екатеринославскому намѣстническому правленію, а изъ послѣдняго присланъ указъ новомосковскому нижнему земскому суду о розысканіи родственниковъ „умершаго секретнаго арестанта Ивана Яковлева Глобы". Обращеніе екатеринославскаго намѣстническаго правленія къ новомосковскому земскому суду послѣдовало вслѣдствіе того, что родственники покойнаго жили возлѣ г. Новомосковска. Умершій имѣлъ родную сестру Авдотью Яковлевну, бывшую замужемъ за Василіемъ Бойко [1]). Родственники заточеннаго разыскивались по той причинѣ, что послѣ его смерти осталось нѣкоторое имущество и деньги. Вотъ реестръ этого имѣнія, составленный въ Туруханскомъ монастырѣ 7 сентября 1791 года и сообщенный тобольскимъ намѣстническимъ правленіемъ:

1) Сундукъ кедровой, окованный изрѣдка чернымъ желѣзомъ.

2—8) Кафтаны: к. штофной по голубой землѣ, съ разными травами, подложенъ чорной выбойкой; к. штофной по бѣлой землѣ, съ разными травами, стеганый на красномъ кумачѣ; к. штофу краснаго, стеганый на хлопчатой бумагѣ, подложенный кумачемъ; к. алой объяри съ травами, полы обложены тою-жъ объярою; к.

---

[1]) По сообщенію Никол. Дм. Мизко, Василій Михайловичъ Бойко служилъ первоначально въ полтавскомъ магистратѣ, вмѣстѣ съ Петромъ Котляревскимъ, отцомъ извѣстнаго автора перелицеванной Энеиды и Наталки-Полтавки, въ бытность бургомистромъ Григорія Паскевича, дѣда фельдмаршала. Дочь Бойка, Елизавета (р. 1760 г., ум. 1820 г.) состояла въ замужествѣ за Федоромъ Мироновичемъ Легкоступомъ. Этотъ Легкоступъ сначала запорожецъ, а впослѣдствіи капитанъ русской службы, былъ племянникъ и воспитанникъ запорожскаго старшины Якова Легкоступа, строителя новомосковской соборной церкви; онъ жилъ въ послѣднее время въ 17-ти верстахъ отъ г. Новомосковска, въ своемъ имѣніи, гдѣ и умеръ въ 1793 г. (род. въ 1741 г.) отъ раны, полученной отъ напавшихъ на него гайдамаковъ. Дядя его Яковъ Легкоступъ родился въ 1700 г., построилъ новомосковскій соборъ въ 1774 г., умеръ въ 1798 г. Дочь Федора Мироновича Легкоступа, Александра (р. 1790 г., ум. 1822 г.), была матерью Н. Д. Мизко.

алаго атласу, подложенъ красной пестрой выбойкой; к. бѣлой тонкаго сукна, полы подложены малиновой тафтой, вокругъ обложенъ узкимъ золотымъ позументомъ; к. синяго сукна безъ подкладки, вокругъ обложенъ золотымъ шнуркомъ.

9—12) Шубы: ш. лисьяго хребтоваго мѣха, покрыта голубымъ сукномъ, вокругъ обложена золотымъ узенькимъ позументомъ; ш. черныхъ мерлушекъ, покрытая алымъ сукномъ, по пóламъ обложенная узенькимъ золотымъ газомъ; ш. краснаго сукна, мѣхъ лисій, черевій; ш. синяго сукна, мѣхъ бѣлій.

13) Кирейка песочнаго сукна, подложена каказой.

14) Тулубъ непокрытой, бѣлыхъ мерлушекъ.

15) Кушакъ персидской, краснаго шелку, на концахъ серебромъ тканый.

16) Кушакъ шелковой, краснаго цвѣту.

17) Пуховикъ, наволочка мѣховая.

18) Одѣяло стеганое, бахтовое.

19) Простыня льнянаго холста, простая.

20) Пологъ коноплянаго холста.

21) Коврикъ перетканой, небольшой, шерстяной.

22) Коверъ шерстяной полосатый, простой.

23) Коверъ простой, шерстяной-же.

24) Стаканъ серебрянъ, вѣсомъ 22 золотника.

25) Тарелокъ оловянныхъ 5, два блюда оловяные, большіе, плоскіе, два блюда глубокіе, одно изъ нихъ ветхое, одно небольшое.

26) Два чайника красные небольшіе; одинъ котелъ красной мѣди, въ полведра; кубикъ для двоенія водки, мѣдной четвертной.

27) Чугунка небольшая, на ножкахъ.

Все перечисленное имущество досталось Е. В. Байковой, племянницѣ И. Я. Глобы; деньги-же она оставила на монастырь (туруханскій).

П. Ефименко.

ВЗГЛЯДЪ НАРОДА НА ШЕВЧЕНКА.

Вездѣ въ Малороссіи можно услышать о Шевченкѣ разнообразные разсказы и толки. Я часто разспрашивалъ о немъ нашихъ крестьянъ, чтобъ узнать, знаютъ-ли они своего поэта и какъ на

него смотрятъ. Оказалось, что имя Шевченка народу хорошо знакомо. Мало того, народъ представляетъ ею и изображаетъ въ своихъ легендарныхъ разсказахъ героемъ, равнымъ другимъ любимымъ историческимъ лицамъ, каковы Морозенко, Нечай, Палій и друг. Обыкновенно малорусскій народъ всѣмъ своимъ любимымъ героямъ придавалъ чародѣйскій образъ, необыкновенную силу и другія качества, которыя опредѣляютъ „характерника". Такимъ „характерникомъ" въ глазахъ народа является и Шевченко.

Замѣчательно то, что народъ съумѣлъ понять и оцѣнить своего поэта, какъ нельзя лучше, что и выразилъ въ своихъ разсказахъ по своему. Подводя итогъ всему тому, что мнѣ приходилось о немъ слышать, я видѣлъ, что онъ представляется народнымъ героемъ, стоящимъ за родной ему „сермяжный людъ"; онъ протестуетъ противъ угнетеннаго и бѣдственнаго положенія крестьянъ и ратуетъ за ихъ „волю".

Что касается тѣхъ чертъ, которыя характеризуютъ личность Шевченка, какъ „характерника", то они очень различны и передаются не вездѣ одинаково. О проводахъ его тѣла на Украйну и о погребеніи я слышалъ самые разнообразные разсказы, наполненные сверхъ-естественными приключеніями. Впрочемъ всѣ увѣрены, что Шевченко не похороненъ въ Украйнѣ: одни говорятъ, что онъ остался живъ, а вмѣсто него былъ привезенъ кто-то другой, другіе—что его во время перевозки подмѣнили и украли, третьи—что онъ самъ, какъ „характерникъ", помощью своей чародѣйской силы всталъ невидимо изъ гроба. Не знаю, что породило въ народѣ такія мысли и слухи.

Мнѣ указывали высокую „могилу" не далеко отъ его родины (въ 25 верстахъ), въ которой какъ будто-бы зарытъ привезенный гробъ. „Могила" эта находится вблизи густаго, непроходимаго лѣса и про нее ходитъ въ народѣ много чудесныхъ разсказовъ, связанныхъ съ именемъ поэта.

Не смотря на то, что Шевченко былъ еще не такъ давно, существованіе его относится народомъ къ давнему времени. О немъ говорятъ такъ-же, какъ и о Кармелюкѣ, существованіе котораго относится къ гораздо раньшему періоду, и разсказы о немъ ходятъ, какъ преданія.

Привожу дословный разсказъ одного крестьянина, записанный мною въ звенигородскомъ уѣздѣ; въ немъ лучше всего и полнѣе выразился народный взглядъ на поэта.

„Бувъ собі колись-то такий великий характерникъ—Шевченко; та такий, шо зъ нимъ нихто не мігъ зривняться. Іздивъ вінъ, кажуть, скризь по світі та збиравъ одъ панивъ разні листы—бумагы. Кажуть, шо якъ вінъ умеръ, то ёго привезли въ домовині звіткиль-сь зъ да́лека на Вкраину, бо якъ умиравъ, то сказавъ, шобъ ёго поховали въ степу на могилі, ніби-бъ-то въ риднімъ краю. Отъ ёго і привезли туди до Жидівського [1]), до теі роскопаноі могили, де коло здорового шляху, стали здіймати зъ воза домовину, тай не здіймуть—така важка. Шо не робили, ніякъ не здіймуть, та мусіли прикликать зъ села двадцять дівокъ (чеснихъ), та ажъ ті зняли іі. Але-жъ якъ після роскрили іі, то вона була тілки повна разніхъ списівъ—бумагъ, а ёго самого не було; та такъ іі зъ тими бумагами і закопали. Кажуть, шо після хтось-то хотівъ ту могилу роскопати та забрать списи (бо зъ ними можно було-бъ одібрать назадъ у людей ту землю, шо у панівъ забрали після панщины), та у того чоловіка одібрало руки і ноги, то вінъ і покинувъ докопувати.

Та Шевченко цей дуже клопотався за людей, шо робили у панівъ панщину і дуже просивъ за нихъ царя, шобъ той давъ імъ волю. А царъ все таки волі не дававъ. Отъ разъ вінъ приходить до царя, его впустили въ палатку; ввійшовши въ палатку вінъ хапъ за шапку та объ землю трахъ, тай каже тоді цареві: „оце тілки й твоеі землі, шо підъ моею шапкою, а надъ всею землею паны царюють! Весь світъ я ізъіздивъ, а ні-де не бачивъ, шобъ такъ було гірко та важко жити людямъ, якъ въ твоімъ царстві!“...

Записано 1880 г. въ с. Гуссаковой, звенигородскаго уѣзда.

А. Смоктій.

ИСЧЕЗНУВШІЯ И ИСЧЕЗАЮЩІЯ ЮЖНОЙ РОССІИ ЖИВОТНЫЯ.

Общеизвѣстенъ фактъ, что съ увеличеніемъ населенія во всѣхъ странахъ начинается уменьшеніе числа дикихъ животныхъ, а нѣ-

[1]) Лѣсъ недалеко отъ села Гусаковой, звенигородскаго уѣзда.

которыя породы ихъ даже совершенно исчезаютъ. Тотъ-же фактъ повторился и въ южной Россіи.

Самая интересная порода животныхъ, представители которыхъ попадались еще въ херсонской губ. менѣе 30 лѣтъ тому назадъ,—это были *дикія лошади*, по мѣстному *тарпаны*. Послѣдній разъ въ херсонской губ. (какъ я слышалъ отъ очевидцевъ, мнѣ же лично не приходилось ихъ видѣть) ихъ видѣли въ 1856 г. въ херсонскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 40 отъ г. Николаева, недалеко отъ бывшаго военнаго поселенія *Новый Бугъ*. Въ херсонскомъ-же уѣздѣ дикія лошади долго еще держались въ другомъ углу, въ урочищѣ „Шестерня", близь села Ново-Воронцовки, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ праваго берега Днѣпра и верстахъ въ 60 отъ Херсона. Разсказы очевидцевъ сходятся въ томъ, что эти лошади были вообще небольшаго росту, сѣро-пепельной масти (мышастой), имѣли черныя гривы и хвосты и вдоль спины непремѣнно была черная-же полоса. Дальше разсказы объ нихъ нѣсколько расходятся: одни говорили, что эти лошади, не смотря на свою быстроту, были не красивы, большеголовыя и съ грубыми копытами; по разсказамъ-же другихъ, дикія лошади представляли собою въ миньятюрѣ идеалъ этого благороднаго животнаго: они были очень стройны, имѣли маленькія сухія головки съ большими выразительными глазами, тонкія шеи и копыта крѣпкія „стаканчикомъ". М. Е. Шварцъ, начальствовавшій долгое время цѣлымъ округомъ въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ, и много разъ видѣвшій дикихъ лошадей, именно въ послѣднемъ видѣ описывалъ мнѣ ихъ. Некрасивыя-же особи, по его мнѣнію, были ничѣмъ инымъ, какъ помѣсью съ простыми домашними лошадьми, потому что дикія жеребцы повременамъ подкрадывались къ пасшимся домашнимъ лошадямъ и уводили съ собою кобылъ. По его словамъ, случалось даже издали видѣть (потому что дикія лошади не подпускали къ себѣ на близкое разстояніе) въ стадѣ дикихъ лошадей—домашнихъ лошадей съ остатками упряжи. Любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ ихъ была совершенно ровная степь, безъ всякихъ углубленій, на которой малѣйшій предметъ былъ-бы видѣнъ на большое разстояніе. По словамъ Рубана (писателя прошлаго вѣка) въ прошломъ вѣкѣ дикіе кони водились даже въ полтавской губ., по р. Орели.

Олени. Уже старожилы не помнятъ и отъ отцовъ своихъ не слыхали, когда водилась въ лѣсахъ южной Россіи эта дорогая дичь. Покойный профес. А. С. Роговичъ (извѣстный знатокъ естественныхъ наукъ) говорилъ мнѣ, что еще въ прошломъ вѣкѣ олени водились даже въ полтавской губ. Помнится, что объ этомъ вспоминаетъ и г. Рубанъ въ своемъ „Описаніи Малой Россіи".

Лоси. Въ 1840 г., почти на моихъ глазахъ, былъ убитъ лось верстахъ въ 20 отъ Конотопа, близъ деревни Козацкой Дубровы, но теперь что-то про нихъ совершенно не слышно въ черниговской губ.; если немного и сохранилось, то развѣ въ мглинскомъ и суражскомъ уѣздахъ. Въ кіевской губ. еще въ недавнее время лосей было множество въ Бородянскихъ лѣсахъ (кіев. уѣз.) Тамъ было для нихъ приволье въ непроходимыхъ дѣвственныхъ чащахъ. Когда же до тѣхъ лѣсовъ добрался алчный еврей и принялся рубить ихъ на всемъ пространствѣ, то лоси всею массой эмигрировали оттуда. Очевидцы разсказывали мнѣ, что лѣтъ 10 или 15 тому назадъ огромное стадо лосей (нѣсколько сотъ, а можетъ быть и тысяча головъ) переправлялись чрезъ рѣку Тетеревъ по направленію на сѣверо-западъ; по всей вѣроятности они перешли въ минскую или гродненскую губ. Если и осталось нѣсколько экземпляровъ лосей въ кіевской губ., то развѣ только въ самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ радомысльскаго уѣзда по надъ р. Припетью. Про существованіе ихъ въ волынской губ. тоже что-то мало слышно: тамъ евреи позабирали въ свои руки имѣнія, въ видѣ долгосрочныхъ арендъ,—а гдѣ прочно поселяется еврей, тамъ лѣса окончательно гибнутъ, лоси же только и могутъ держаться въ прочныхъ старыхъ лѣсахъ.

Почти тоже самое, что про лосей, можно сказать и про *дикихъ кабановъ*: еще въ недавнее время въ радомысльскомъ уѣздѣ (кіев. губ.) и въ сѣверныхъ уѣздахъ Волыни дикія свиньи составляли довольно обыкновенную дичь, теперь-же представляютъ онѣ большую рѣдкость.

Медвѣди въ южной Россіи истреблены окончательно. Въ черниговской губ. они еще встрѣчались въ 40-хъ годахъ. Въ кіевской губ. они, повидимому, были истреблены еще раньше, такъ какъ въ радомысльскомъ уѣздѣ я разспрашивалъ стариковъ, и они медвѣдей уже не видѣли; тоже самое можно сказать и про Волынь. О множествѣ медвѣдей, водившихся въ прежнее время въ тѣхъ мѣстахъ

можно судить по вкоренившемуся обычаю ставить ульи довольно высоко на деревья; это дѣлаютъ всѣ селяне кіевскаго и волынскаго полѣсья.

Бобры. Объ изобиліи бобровъ въ прежнее время во всей лѣсистой полосѣ южной Россіи показываютъ многочисленныя названія, напоминающія это животное—бобрикъ, бобровица, и т. п.; въ радомысльскомъ уѣздѣ есть даже рѣка Жеревъ, названіе которой указываетъ, что тамъ когда-то „жировали" бобры, то есть просто водились тамъ. Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ воротникъ изъ такъ называемаго *литовскаго* бобра стоилъ обыкновенно 3 руб. сереб. Этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что бобровъ водилось много. Въ изданной Лазаревскимъ „Румянцевской описи Малороссіи" въ одномъ изъ селъ близъ г. Козельца (кажется въ Новомъ Быковѣ) упоминается, какъ объ особомъ сословіи, о „бобровникахъ", обязанность которыхъ была—поставлять бобровые мѣха гетману. Впрочемъ, какъ величайшая рѣдкость, они еще существуютъ въ самыхъ неприступныхъ болотахъ кіевской губ.; по крайней мѣрѣ года три тому назадъ въ Кіевѣ на Бессарабскомъ базарѣ продавали живаго бобра.

Россомахи и рыси, о которыхъ, впрочемъ, жалѣть нечего, къ счастью тоже перевелись. Однако рысь была убита въ житомирскомъ уѣздѣ, какъ писали о томъ въ „Кіевлянинѣ", года 4—5 тому назадъ. Въ радомысльскомъ уѣздѣ одинъ шляхтичъ разсказывалъ мнѣ, что лѣтъ 20 тому назадъ россомаха сдѣлала нападеніе на его воловъ и одного вола загрызла на смерть.

Бабаки (Arctomys bobac) тоже составляютъ теперь величайшую рѣдкость, мнѣ извѣстно только одно урочище въ конотопскомъ уѣздѣ, гдѣ они изъ года въ годъ водятся, а въ 30—40-хъ годахъ ихъ нерѣдко можно было встрѣтить прирученными въ частныхъ домахъ. У моихъ родителей нѣсколько лѣтъ жилъ одинъ экземпляръ. Въ прежнее-же время ихъ было такое множество, что польскій инженеръ Бопланъ, жившій въ 30-хъ годахъ XVII вѣка, въ своемъ „Описаніи Украйны" говоритъ, что ночью опасно было ѣхать степью, такъ какъ лошадь могла легко поломать себѣ ноги вслѣдствіе множества байбачьихъ норъ.

Барсуки тоже довольно рѣдки, но еще не перевелись окончательно, такъ какъ полосатыя шкурки этого животнаго можно по

временамъ увидѣть, въ видѣ украшенія, на охотничьей сумкѣ какого-нибудь полѣсовщика или вообще завзятаго охотника.

Сайги (Antilopa saiga) по украински „*Сугаки*" еще въ прошломъ вѣкѣ водились въ нынѣшней херсонской губ. по надъ р. Бугомъ, а теперь, какъ говорятъ, изрѣдка встрѣчаются только въ степяхъ земли Войска Донскаго.

Даже *сарны* (Cervus capreolus), еще недавно составлявшіе довольно обыкновенную дичь, теперь сильно уменьшились въ числѣ. Близъ г. Конотопа есть лѣсъ „Сарнавщина". Помѣщикъ М. И. Рахубовскій, жившій близь этого лѣса, разсказывалъ мнѣ, что въ началѣ 50-хъ годовъ зимой сарны забѣгали по временамъ даже въ его дворъ; теперь-же и тамъ ихъ мало. Сильное истребленіе дичи, особенно сарнъ, произвелъ въ черниговской губ. въ началѣ 60-хъ годовъ нѣкій богатый самодуръ В—въ, который со свитою изъ 60 охотниковъ и огромнаго количества собакъ прошелъ чрезъ всю черниговскую губ., безсмысленно истребляя дичь.

Про *зубровъ*, живущихъ, какъ извѣстно, въ Бѣловежской пущѣ, я вспомню здѣсь только ради того, чтобы подать мысль, что эту рѣдкую породу можно-бы, по моему мнѣнію, поддержать, если-бы достать живыхъ экземпляровъ на Кавказѣ, гдѣ они водятся по рѣчкѣ Зеленчуку.

Здѣсь къ слову упомяну о замѣчательномъ исчезающемъ животномъ, именно о *полозахъ* [1]). Въ херсонской губ. я слышалъ объ нихъ довольно разсказовъ: напримѣръ, мнѣ показывали старинную могилу, гдѣ въ норѣ жилъ полозъ, похищавшій ягнятъ, а въ одной брошюрѣ, чуть-ли не про торговлю въ Новороссіи въ началѣ этого вѣка, разсказывается, что въ огромныхъ бурьянахъ на степяхъ Новороссіи, пока не стали разводить въ огромномъ количествѣ шпанскихъ овецъ, водились такіе огромные полозы, которые будто-бы воловъ душили; но за вѣрность подобнаго указанія не ручаюсь.

Мнѣ разъ только въ жизни случилось видѣть живаго *полоза;* это было въ степи, въ ананьевскомъ уѣздѣ; змѣя лежала шагахъ въ 15 отъ дороги, по которой я ѣхалъ; проснувшись отъ стука

---

[1]) Большая змѣя изъ семейства *удавовъ* (Peropoda) родъ—*Eryx turcicus*, —такъ названъ въ зоологіи видъ, водящійся вблизи Каспійскаго моря.

колесъ моего экипажа, она подняла голову на аршинъ отъ земли. Когда я приказалъ остановиться, чтобы ближе разсмотрѣть, то змѣя поползла, и въ это время я имѣлъ позможность хорошо разглядѣть: длиною она показалась, по глазомѣру, болѣе 5 арш.; голова величиною въ согнутую кисть руки взрослаго человѣка; туловище толщиною въ руку. Цвѣту была сѣраго съ желтоватымъ отливомъ, какъ-бы вымазанная деревяннымъ масломъ. Попадаются подобныя змѣи чаще всего по-надъ Бугомъ, среди скалъ. Самые бо̀льшіе экземпляры видѣли на островѣ Березани или Ада, лежащемъ въ Черномъ морѣ недалеко отъ Очакова.

Въ заключеніе вспомнимъ и о нѣкоторыхъ исчезающихъ породахъ домашнихъ животныхъ. Наибольшаго сожалѣнія заслуживаетъ, по незнанію и умѣлости, почти совершенно уничтоженная порода *запорожскихъ лошадей*. Порода эта, сформированная запорожцами, знавшими въ лошадяхъ толкъ, существовала въ теченіе не менѣе 200 лѣтъ; эти лошади были средняго роста, масти преимущественно темно-гнѣдой; имѣли всѣ достоинства татарскихъ лошадей, не имѣя пороковъ этихъ послѣднихъ. Какъ извѣстно, татарскія лошади отличаются своею неприхотливостью на пищу и выносливостью въ ѣздѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они чрезвычайно некрасивы: костисты, горбоносы, съ большими головами и, какъ выражаются коннозаводчики, очень „*строги*“, то есть ихъ трудно выѣзжать, и выѣзженные они легко могутъ побить. Запорожская-же лошадь, будучи такъ-же вынослива, хорошо держала тѣло, въ состояніи была сдѣлать въ жаркую пору въ одинъ перегонъ, безъ отдыха 70—80 вер., чрезвычайно доброѣзжа и голова довольно красивая, средней величины. Теперь этой породы въ Новороссіи не существуетъ; послѣдній заводъ (въ елисаветградскомъ уѣздѣ—вдовы Сагайдакъ) закупили цѣликомъ ремонтеры. Говорятъ, будто-бы существуютъ остатки этой породы гдѣ-то въ Черноморіи у потомковъ запорожцевъ.

Близка къ уничтоженію, или вѣрнѣе сказать—къ искаженію, драгоцѣнная порода „*Черкасскаго*“ скота. Можно опасаться исчезновенія ея, благодаря стремленію новаторовъ къ безтолковымъ улучшеніямъ породъ. Первый примѣръ къ искаженію этой породы подалъ бывшій помѣщикъ балтскаго уѣзда, нѣкій Подгорскій, который соблазнился кажущимся, вслѣдствіе огромныхъ роговъ и сухощавости, огромнымъ ростомъ „венгерскихъ“ воловъ, выписалъ изъ

Венгріи племенныхъ быковъ этой довольно скверной породы. Этотъ маломолочный скотъ много уступаетъ черкасскому скоту въ силѣ и мясистости, такъ какъ у перваго сильно развиты кости и рога въ ущербъ мускуламъ. Подгорскій былъ очень богатый человѣкъ и считался отличнымъ хозяиномъ; онъ нашелъ себѣ массу подражателей, которые бросились покупать племенныхъ венгерскихъ быковъ, будто-бы для улучшенія, а въ сущности—для порчи породы своего скота. **М. Левченко.**

СОСТОЯНІЕ ПОЛИЦІИ ВЪ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ГОРОДАХЪ XVIII В.

Городъ Переяславъ, о которомъ идетъ рѣчь въ предлагаемомъ ниже отрывкѣ изъ современнаго документа [1]), принадлежалъ къ числу полковыхъ, т. е. по нашему губернскихъ городовъ; рядомъ съ Кіевомъ, Черниговомъ, онъ пользовался важною привиллегіею—магдебургскимъ правомъ; слѣдовательно, имѣлъ повидимому всѣ шансы для процвѣтанія. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Всѣ вообще города лѣвобережной Украйны къ половинѣ XVIII в. пришли въ состояніе крайняго упадка. Почти всѣ они крайне бѣдны: городскіе доходы ихъ были ничтожны; населеніе весьма незначительное,—въ Черниговѣ, напримѣръ, было всего 400 домовъ, считая въ томъ числѣ и бездворныя хаты. Пожары были обыкновеннымъ явленіемъ, а средства для борьбы съ ними были ничтожны.

Торговля парализовалась разными неустройствами; мѣстные мѣщане, обложенные тяжелыми налогами, не могли конкуррировать съ пріѣзжими великороссійскими торговцами, а также тѣми лицами ихъ собственнаго сословія, которыя, выйдя въ чиновники или записавшись въ козаки, продолжали заниматься торговлей, будучи свободны отъ всякихъ повинностей и налоговъ; не менѣе жалобъ мы видимъ и на отставныхъ офицеровъ и рядовыхъ, о которыхъ мѣщане писали, что они вопреки законамъ „шинкуютъ горячимъ, простымъ и двойнымъ, виномъ и другими напитками“, на крестьянъ, которые „въ городовыхъ крамныхъ лавкахъ продажу товаровъ производятъ“. Нѣкоторыя случайныя обстоятельства также способ-

---

[1]) Взятъ изъ румянцевской описи Малороссіи; *полкъ переясловскій.*

ствовали паденію городскаго быта. Здѣсь на первомъ планѣ нужно поставить квартирную повинность, которая отличалась крайнею неравномѣрностью и несправедливостью; квартировали войска въ Малороссіи постоянно, число ихъ было всегда значительно, а число домовъ не велико, размѣщались-же они почти исключительно по дворамъ бѣднѣйшихъ обывателей. Великороссійскіе офицеры и чиновники относились съ пренебреженіемъ къ малороссійскимъ обывателямъ, что опять возбуждало справедливыя жалобы со стороны послѣднихъ. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи наказъ полтавскихъ гражданъ въ екатерининскую коммисію для составленія уложенія 1767 г. „А съ великороссійскихъ чиновниковъ, отъ которыхъ мы частыя обиды и побои, никогда и удовольствія никакого не получаемъ; и уже до того дошло, что если кто изъ нихъ чѣмъ насъ обидитъ или побьетъ, мы не смѣемъ и въ искательства входить; тѣмъ самымъ отъемлется у насъ куражъ къ купеческой жизни и промысламъ, теряя отъ унынія все то, кто чѣмъ можетъ свой авантажъ, а казнѣ вашего императорскаго величества доходъ съискать" [1]). Такова въ общихъ чертахъ картина городскаго быта Малороссіи во второй половинѣ XVIII в.; но въ такомъ-же видѣ ее рисуетъ въ своей запискѣ и тогдашній правитель Малороссіи, преемникъ послѣдняго гетмана Разумовскаго, гр. Румянцовъ. Не удивительно потому, что магдебургское право, подрываемое въ самомъ корнѣ канцелярскимъ, бюрократическимъ, а болѣе всего военнымъ элементомъ, не могло поддержать благосостоянія городовъ лѣвобережной Украйны; здѣсь намъ приходится наблюдать тоже самое явленіе, которое еще раньше можно было наблюдать на правомъ берегу Днѣпра, въ польской Украйнѣ. Мѣстная администрація вмѣшивалась и нарушала свободу выборовъ; мѣщане ремесленники должны были даромъ производить разныя тяжелыя работы гетману и старшинѣ. Для того, чтобы избавиться отъ бремени всяческихъ поборовъ, мѣщане записывались въ чиновники и козаки, чѣмъ, конечно, положеніе оставшихся еще болѣе ухудшалось. У многихъ городовъ были отняты принадлежавшія имъ земли: у однихъ села и деревни, у другихъ сѣнокосы, у третьихъ мельницы; въ результатѣ являлось пониженіе городскихъ доходовъ и отсутствіе городскаго бла-

---

[1]) Авсѣенко. Малороссія въ 1777 году, стр. 93—94.

гоустройства. Во многихъ городахъ вовсе не было полиціи. Такъ граждане г. Глухова просятъ объ учрежденіи у нихъ городской полиціи, которая-бы заботилась о чистотѣ и о пожарной командѣ. Во время генеральной описи Малороссіи, произведенной гр. Румянцевымъ, рѣшили собрать свѣдѣнія о состояніи полиціи въ разныхъ городахъ и печатаемое ниже „Представленіе" служитъ отвѣтомъ на вопросъ ревизоровъ. Вотъ его текстъ о полиціи можарной.

„Высокородному и высокопочтенному г-ну карабинерного полку маіору Александру Якубовичу отъ магистрату переяславского.

Представленіе.

.....Чтожъ принадлежитъ до полиціи, о которой требуется виправки, въ какомъ оная состояніи находится, то есть чиновники, такъ же инструмента, какие имѣются исправние и неисправние, и где содержатся, и сколко для оной всехъ и какихъ именно людей, и откуда опредѣленно, такоже съ мѣщанскихъ дворовъ, на лошадѣ для возки во время пожарное бочекъ зъ водою расположение, и съ которого году, и почему та полиция учрежденна; то оной полиціи при магистратѣ содержать нѣ съ чего, для того, яко показаной магистратъ, хотя искони утвержденъ королевскими привилегіями и государственими грамотами и чрезъ многие года находился при своихъ правахъ и волностяхъ, вѣдая одну главную команду, бывшую генералную войсковую канцелярию, почему тогда при ономъ магистратѣ, а не где инде и полиция содержалась; но какъ въ недавнихъ годахъ полковою переяславскою канцеляриею оной магистратъ былъ (взятъ) въ (ея) ведомство, то съ того времени, будучи подъ темъ полковой канцеляріи ведомствомъ, всѣ мѣщане лишились своихъ волностей и находились въ волѣ и приказаніи той полковой канцеляріи; и полковая переяславская старшина разними образи завладѣвши людей изъ землями магистратскими, какъ въ городѣ, на подворкахъ, такъ и въ селахъ, магистрату переяславскому високомонаршою грамотою жалованыхъ и бывшими гетманами унѣверсалами наданихъ, наконецъ всехъ того прошлого 1759 году и бившие при ономъ магистратѣ для пожарнихъ случаевъ инструменти, а именно круковъ желѣзнихъ четири, вилъ желѣзнихъ трое, щитовъ повстянихъ, полотномъ подшитихъ, зъ пялцами деревянними, три, лѣствицъ деревянихъ болшихъ, саженей въ восѣмъ, двѣ, бочекъ

зъ телегами добрими для возки воды пять, въ оную полковую канцелярию отобралы и *содержали до сего года ту полицию* при полковой канцеляріи, а сего году оная полиция, неведомо почему, переведена била за городъ, за браму илтицкую не за версту и препорученна была въ ведомство сотнику терехтемировскому Михайлу Гриневичу, и оной сотникъ на ту полицию, что учали были забирать силнимъ образомъ людей магистратскихъ, то, напослѣдокъ того, каковъ объ оной полиціи зъ малороссійской коллегіи полученъ въ магистратѣ здешнемъ указъ, съ оного точную копию къ надлежащему усмотрѣнію вашему високоблагородию при семъ прилагаемъ".

Бурмистръ Кирило Іосифовъ.
Бурмистръ Димитрій Тимофѣевъ.
Писаръ Артемъ Даценко.
Райця Ныколай Мищенко.

1765 году
октября 23.

Сообщилъ **Дм. Багалѣй.**

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ О САВВѢ ТУПТАЛѢ И ЕГО РОДѢ.

Къ іюльской книжкѣ „К. С." приложенъ портретъ, изображающій отца св. Димитрія Ростовскаго—*Савву Туптала*. Портретовъ его, писанныхъ масляными красками, намъ приходилось видѣть нѣсколько списковъ, но всѣ они позднѣйшаго времени и притомъ сдѣланы очень неудачно: копіисты видимо подкрашивали подлинникъ, стараясь изображать какого-то ветхозавѣтнаго патріарха. Такая копія находится напр. въ собраніи В. В. Тарновскаго. Приложенный „Кіевскою Стариною" портретъ Саввы Туптала представляетъ снимокъ съ литографіи, изданной въ 30-хъ годахъ Снегиревымъ. Намъ кажется, что эта литографія передаетъ подлинникъ лучше всѣхъ копій, писанныхъ масляными красками. Имѣющаяся на портретѣ надпись, называющая Савву Туптала кіевскимъ сотникомъ, какъ современная его кончинѣ, даетъ, конечно, свѣдѣніе несомнѣнное, но другихъ положительныхъ о немъ данныхъ мы не встрѣчаемъ. Единственное извѣстное намъ документальное свѣдѣніе

мы нашли въ одномъ давнемъ изданіи [1]), именно „Синбирскомъ Сборникѣ“, заключающемъ въ себѣ отписки кіевскаго воеводы, кн. Трубецкаго, къ царю Алексѣю Михайловичу, за 1673—1674 г. Въ одной изъ этихъ отписокъ (№ 49) читаемъ:

„7182 С 1674 г., ноября въ 14 день, пришолъ въ Киевъ выходецъ исъ полону; а въ роспросе боярину і воеводамъ князю Ю. П. Трубецкому съ товарыщи сказался: бывалъ киевскоі житель, Савою зовутъ, прозвище Туптула, а служилъ козацкую службу; тому ныне три года, взяли ево въ полонъ Пивина полку поляки подъ местечкомъ Бышовымъ и привели въ Димеръ; а изъ Димера полковникъ Пиво отослалъ его въ Полшу къ гетману Яну Собескому. И исъ Полши Сабескоі съ полскими войски пошолъ къ Волоскоі земли войною противъ турского. А ево де, Саву, гетманъ Янъ Сабескоі отпустилъ изъ обозу на волю, и далъ къ Петру Дорошенку листы“.

Итакъ 75-ти лѣтъ отъ роду отецъ Ростовскаго святителя несъ еще дѣйствительную козацкую службу со всѣми тягостями похода, сраженій и плѣна. И послѣ такой жизни и службы онъ умираетъ лишь на 103 году.

Не лишено значенія и нѣкотораго отношенія къ жизни доблестнаго малороссійскаго сотника духовное завѣщаніе одной изъ трехъ дочерей его, „Параскевіи Тупталовны“, которая пережила прочихъ сестеръ и была игуменьею кіевскаго іорданскаго женскаго монастыря. Это завѣщаніе [2]), которое мы здѣсь кстати приводимъ полностью, указываетъ на мѣстонахожденіе *отческаго двора* завѣщательницы и вообще рисуетъ обстановку кіевской монахини начала XVIII в. Текстъ его слѣдующій:

„Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Аминь.

Я Параскевія Тупталовна, ігуменія монастыря іорданского, видячи себе ближшую ко смерти, неже ко животу, якъ на тѣлѣ схорѣлую, еднакъ же при розумѣ зуполномъ зостаючи, напродъ поручаю себе милосердію Божому, а тѣло, якъ землю, землѣ и християнскому обиклому погребовѣ. И кого колвекъ чимъ когда

---

[1]) Синбирск. Сборн. М. 1845. Стр. 51—52.

[2]) Акты іорданскаго монастыря въ библіотекѣ церк.-археол. муз. при кіевск. дух. академіи, по каталогу Петрова, № 216, лит. Ж., № 16.

въ житіи оскорбила отъ мирского немирного пристрастія, отъ всѣхъ прощенія прошу и молю въ Богу превелебнаго господина отца ігумена святотроецкаго кіевскаго, да по благоутробію своему позволитъ мѣстце въ церквѣ тѣлу моему грѣшному и изволитъ приняти до обители святой дворъ отческій власний близъ Притиского Николи стоячий, дабы за сіе поминано душу мою грѣшную. Еще извѣствую послѣднимъ тестаментомъ, ижъ зостаю винна долгу до обители святой іорданской золотихъ сто, господину свято-константиновскому священнику золотихъ сорокъ, старицѣ Аннѣ зол. 20, наймиту золотихъ 10, уставницѣ таляровъ чотори, которіи довги, продавши раску песцову, луданомъ накритую, и раску соболюю, также луданомъ прикритую, и цѣны (цинковую посуду): полумисковъ деветъ, талѣрокъ шѣстьнадцать, сребраный роструханъ и кубочковъ два келейнии мои и келію новую продавши, поотдавать повини. Келію, которая моя давная и въ которой умирзю, исъ пекарнею и зовсѣмъ келейнимъ моимъ, полецаю, да и дитина моя съ ними, перебудетъ до смерти; ложокъ одинадцятъ срѣбрнихъ на памятку сыну моему Іліи, до обители монастыря іерданского зол. 10, а такъ распорадивши, исъ тихъ кубочковъ малихъ одинъ господину свято-константиновскому отдать всю диспозицію полецила келейнимъ моимъ и варую при семъ, абы сія остатная тестаментовая воля моя не была ни въ чомъ ни отъ кого нарушена, подъ неблагословеніемъ Божіимъ и подъ клятвою святихъ отецъ бывшихъ на соборѣ никейскомъ, а для болшой вѣри, якъ неумѣючая писать, крестомъ святимъ ствержаю †. Еще келейнимъ и казанъ, що сукно чернятъ.

Сей тестаментъ писался въ Богу превелебного господина отца ігумена Кириловского Евстратія, при битности многихъ сестеръ и намѣсници въ товремя Анѳіи року 1710 мѣсяца іюня дня 16, отъ мене попа Григорія, попа святихъ и равноапостолнихъ царей Константина и Елени рукою власною.

А. Лазаревскій.

КУРТА*).

Сообщаемая пастушеская былина, подъ названіемъ *Курты*, еще отъ 60 годовъ получившая извѣстность отъ одного подолянина, любителя украинской народности, слышана мною въ урывкахъ отъ разныхъ лицъ, въ разныхъ мѣстахъ и варіаціяхъ. Это самобытный и оригинальный памятникъ пастушескихъ былинъ, единственный, извѣстный мнѣ. Дѣлюсь имъ съ читателями „Кіевской Старины". Трудно отыскать что либо лучше для представленія живой картины и эстетическаго облика природы съ степнымъ пошибомъ, степнымъ миражемъ, который выражается въ словахъ: „онъ-де мріють". Напѣвъ пѣсни въ высокой степени мелодичный и хватающій за сердце. Картина, передаваемая пѣснію, проста, но высоко поэтична. Жаркій полдень; изнуренный зноемъ и отсутствіемъ какихъ либо впечатлѣній пастухъ—чабанъ вздремнулъ у могилы, а проснувшись не видитъ вокругъ себя ни своихъ овецъ, ни спутника одинокой своей жизни и стража стада—*Курты*. Кругомъ его безбрежная, какъ море, степь. Не на чемъ глазу остановиться и лишь тамъ, гдѣ оканчивается горизонтъ, едва примѣтна „мрява"—игра палящихъ солнечныхъ лучей. Чабанъ окидываетъ истомленнымъ взоромъ степь, и подъ давленіемъ истомы и страха за участь стада, обращается съ вопросомъ объ овцахъ къ орлу, что въ небѣ летаетъ, и вѣтру, что гуляетъ въ полѣ съ травою и въ морѣ съ волною, и тщетно выкликаетъ своего спутника. При воспоминаніи о вѣтрѣ, въ его воображеніи живо рисуется такъ не сходная съ однообразною пастушескою бурная козачая жизнь и онъ вспоминаетъ недобромъ Брюховецкаго и ласковымъ словомъ Кошеваго Сѣрка, то спрашивая объ овцахъ, то выкликая „Курту". Напѣвъ этой части пѣсни глубоко заунывный и трогающій, особливо когда пѣніе сопровождается игрою на бандурѣ. Вотъ эта найбольшая часть пѣсни.

Ой ишовъ чабанъ горою
А курта йшла долиною!..

---

*) *Куртою* называется собака—овчарка, имѣющая короткій хвостъ. *Курта* или *куртка* значитъ и короткое, до пояса, одѣяніе; но въ какомъ случаѣ это слово является собственнымъ и въ какомъ переносным, рѣшить трудно.

Припѣвъ...

Ня-ня, курта, ня!
А дежъ мої вівці!..

Слѣдуетъ приграванье.

Ой заснувъ я на хвилинку,
А проснувся въ обідню годинку!
Ня-ня, курта, ня!..
Заснувъ чабанъ, заснувъ Степанъ,
Да не заснула курта,
Якъ кинется чабанъ-Степанъ,
А дежъ іого юрта!

Припѣвъ...

Ой я думавъ, що то вівці,
Ажъ то якійсь, превражий сынъ,
Да покопавъ кінці!..

Припѣвъ...

Ой ты сизый орле,
Ты всюди літаешь,
И на горахъ и на скеляхъ спочиваешь,
Зъ высокости у ті бездны прозріваешь,
И гадюку и казюку—усе бачишь,
Чи не бачивъ моіхъ овець?

Припѣвъ...

Ой ты, буйный вітре,
Ты всюди гуляешь,
И по степу ту ковылу,
Ту билыну знай гойдаешь,
Перекоти-поле—те качаешь,
И те море розбиваешь,
Сиві-гривы пидіймаешь,
И съ тимъ моремъ розмовляешь,
И ті чайки, мовъ ті стружки, розметаешь,
И ті люльки, ті бурульки роскуряешь,
Шапки на бікъ заломляешь,
И ті чубы розвіваешь,

Горде дубье нагинаешь,
Брюховецькихъ пидвертаешь
И насъ біднихъ вызволяешь,—
Чи не бачивъ моіхъ овець?
Ня-ня курта, а дежъ моі вівці?
Ой зійду-жъ я на могилу,
Да на саму вершину
Да подивлюсь на долину,
А дежъ моі вівці!

Ой ты, батьку-Сірку,
Козацькій барвінку,
Та надівай шапку-бирьку,
Та вызволяй чабана-товаринку.
Ня-ня курта-ня!...

Вдругъ издалека несется лай курты. Услыхавъ курту, Чабанъ, увидѣвъ отару, переходитъ изъ плачевнаго „завывання" въ радостный порывъ, начинается танецъ, приграванье и припѣвъ „козачка": ня-ня, курта, ня-ня, курта.

Онъ де мріють,
Онъ де вівці (2)
Ня, курта-ня
Ня, курта, ня!

Козачкомъ оканчивается эта оригинальная пѣсня-былина на томъ моментѣ, когда курта, какъ соучастникъ радости, появляется у ногъ своего хозяина.

Степанъ фонъ-Носъ.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ДРЕВНЕЙ ПАПЕРТИ КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОБОРА.

Древнѣйшая кіевская и всероссійская святыня—храмъ св. Софіи, въ теченіи долгаго своего существованія, представлялъ постепенное отклоненіе отъ своего первоначальнаго вида и только въ послѣднія сорокъ лѣтъ настало въ его судьбѣ обратное движеніе, далекое еще отъ полнаго его окончанія. Воздвигнутый въ 1036 году великимъ княземъ кіевскимъ Ярославомъ Мудрымъ, по образцу Софіи цареградской, кіево-софійскій соборъ, въ теченіи вѣковъ, подвергался

много разъ наружнымъ и внутреннимъ передѣлкамъ, которыя во многомъ измѣнили его древнее величіе и красоту. Разновременно закрыты его наружныя галлереи, обращенныя въ паперти, закрыта была драгоцѣнная фресковая стѣнопись подъ нѣсколькими слоями обыкновенной живописи, измѣнена и верхняя часть его сокрытіемъ однихъ, надстройкою другихъ куполовъ. Самый входъ въ соборъ и подходъ къ нему съ западныхъ или главныхъ дверей сильно измѣненъ. Не говоримъ о значительномъ его углубленіи въ землю, о множествѣ контрфосовъ, которые вызваны тяжелыми надстройками, но изъ которыхъ иные, на простой даже взглядъ, оказываются лишними и своею неуклюжестію закрываютъ и безобразятъ видъ древнѣйшаго нашего храма.

Уваженіе къ древности въ жизни народовъ наступаетъ не скоро и, развиваясь постепенно, служитъ показателемъ ихъ развитія. Подъ вліяніемъ этого чувства обратный ходъ въ исторіи софійскаго собора начался съ 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда, по повелѣнію императора Николая Павловича, приступлено было къ возобновленію собора для открытія и сохраненія его мозаики и фресковъ. Работы длились 10 лѣтъ, подъ наблюденіемъ академика Солнцева, и послѣдствіемъ ихъ было то, что теперь всякій, войдя въ храмъ св. Софіи, чувствуетъ себя въ храмѣ глубокой древности. Возстановленіе древняго наружнаго вида собора не входило въ планъ тогдашняго его обновленія, но уже тогда чувствовалась необходимость одного отступленія отъ обычая сѣдой древности, именно превращенія собора изъ холоднаго въ теплый, между прочимъ въ видахъ охраненія отъ сырости и порчи мозаическихъ и фресковыхъ изображеній. Было готово Высочайшее на то повелѣніе, но тогдашніе архитекторы не могли изыскать мѣста и способа для устройства отопленія: строить обыкновенныя печи съ пробивкою трубъ въ стѣнахъ, представляющихъ, по свойству и давности постройки, сплошную окаменѣлую массу, было дѣйствительно невозможно, устроить калориферы въ фундаментахъ, при небольшой ихъ глубинѣ, также не нашлись. Никому не пришло тогда на мысль, что западная сторона собора отъ главнаго входа, сама по себѣ требовавшая исправленія по древнему фасаду, служитъ найлучшимъ для этой цѣли мѣстомъ. Здѣсь, какъ на сѣверной и южной сторонѣ, была паперть, или древнѣе галлерея, которой продольная стѣна входила въ связь

съ такими-же стѣнами сѣверной и южной галлерей. Стѣна эта со сводами, скрѣплявшими ее съ соборомъ, или иначе западная паперть, обрушилась 6-го сентября 1625 г., во время запустѣнія собора въ рукахъ уніатовъ, длившагося 1610—1633 г. Митрополитъ Петръ Могила, возвративъ православію св. Софію, очистилъ лишь мѣсто разрушенія и, закрывъ слѣды онаго, устроилъ на прилегавшихъ съ боковъ стѣнахъ и западной стѣнѣ собственно храма такія-же наружныя украшенія, какія были на стѣнахъ сѣверной и южной. Такимъ образомъ въ фасадѣ собора образовалось продольное углубленіе, впереди котораго по обѣимъ сторонамъ выдвигались закрытыя оконечности западной и южной папертей. Возстановить западную паперть пробовали еще въ XVII ст.,—слѣды этого открыты теперь въ наружныхъ частяхъ какъ главной западной, такъ и боковыхъ стѣнъ; но плохая, какъ видно по остаткамъ извести, постройка снова рушилась и съ тѣхъ поръ мѣсто бывшей паперти оставалось до сего года пустымъ и едва-ли кто зналъ о существованіи оной. Слѣды неудачныхъ работъ закрыты были новыми наружными украшеніями поверхъ могилинскихъ, а вся подпольная часть паперти завалена была щебнемъ отъ обрушившейся постройки; въ позднѣйшее время площадь паперти отгорожена была желѣзною рѣшеткою, существовавшею до 1843 г. и въ этомъ году разобранною.

Теперь такъ давно уничтоженная западная паперть, съ Высочайшаго соизволенія, возстановляется вновь, но не на старомъ, а на новомъ фундаментѣ, который углубляется до 5-ти аршинъ, вмѣсто трехъ. Это даетъ возможность устроить здѣсь, безъ всякаго опасенія для старыхъ стѣнъ, камеры для печей, посредствомъ которыхъ древнѣйшій нашъ соборъ въ первый разъ отъ времени своей постройки станетъ огрѣваться. Тяжелое ощущеніе и гибельное вліяніе производила температура въ соборѣ по прошествіи зимы. Вы точно входили въ глубокій, давно не открывавшійся погребъ, или ледникъ; на васъ вѣяло и холодомъ и сыростью. Далеко не всѣ посѣтители собора выдерживали такую атмосферу, почтенные-же предстоятели онаго платились нерѣдко здоровьемъ; сырость отзывалась на утвари, иконостасѣ и фрескахъ. Теперь всѣ эти невыгоды устранятся и соборъ подвинется еще на шагъ къ своему прежнему, хотя и не первоначальному, виду.

Само собою разумѣется, что при возстановленіи древней паперти сохраненъ будетъ прежній внѣшній ея видъ, и всѣ наружныя оной украшенія, за что ручается намъ археологическая опытность нынѣшняго настоятеля собора.

Съ начатіемъ работъ по возобновленію западной паперти собора признано нужнымъ въ южной стѣнѣ онаго открыть второй ходъ въ древней аркѣ, обращенной въ окно; при этомъ неожиданно на самой аркѣ открыты фресковыя изображенія двухъ святителей и такая-же большаго объема звѣзда. И такъ еще одна древность въ древнѣйшемъ храмѣ св. Софіи.

Пожелаемъ, чтобы кіево-софійскій соборъ на этомъ не остановился и сбросилъ съ себя еще нѣкоторыя, слишкомъ очевидныя и вовсе ненужныя наслоенія.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

сентябрь.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ III.

СЕНТЯБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го августа 1882 года.

Ссыльные малороссіяне въ архангельской губерніи

1708—1802 г. *).

«Презъ незгоду всі пропали,
Сами себе звоёвали».

Дума Мазепы.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ мнѣ нѣсколько разъ приходилось бывать въ Архангельскѣ, и я пользовался кратковременнымъ пребываніемъ въ немъ для того, чтобы познакомиться съ мѣстнымъ центральнымъ архивомъ, состоящимъ при губернскомъ правленіи. Доступъ въ архивъ былъ для меня легокъ, благодаря просвѣщенному отношенію къ дѣлу губернаторовъ Арендаренка, Гартинга и кн. Гагарина.

Въ такъ называемомъ губернскомъ архивѣ въ Архангельскѣ собрано громадное количество дѣлъ, какъ нынѣ существующихъ въ губерніи присутственныхъ мѣстъ, такъ и давно упраздненныхъ, наприм. бывшей архангелогородской губернской канцеляріи, архангельскаго намѣстническаго правленія и др. Дѣла начинаются съ начала прошлаго столѣтія.

Разработкой губернскаго архива до меня никто не занимался. Послѣ меня разбиралъ дѣла и помѣщалъ болѣе интересныя изъ нихъ въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ такой-же случайный обитатель далекаго сѣвера, какимъ былъ и я, А. С. Голубьевъ, бывшій редакторомъ упомянутыхъ вѣдомостей. Въ послѣдніе годы,

---

*) Читано 3 февраля 1881 г. въ засѣданіи историко-филологическаго общества, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

какъ видно изъ научной хроники журнала „Древняя и Новая Россія", дѣло разработки и обнародованія богатствъ архангельскаго архива принялъ на себя вице-губернаторъ Подвысоцкій, который также помѣщалъ болѣе интересныя дѣла въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ.

Въ архангельскомъ архивѣ я успѣлъ познакомиться лишь съ отдѣломъ, заключающимъ въ себѣ дѣла бывшей архенгелогородской губернской канцеляріи. Этотъ отдѣлъ представляетъ очень много интересныхъ свѣдѣній для внутренней исторіи крайняго сѣвера. Здѣсь много дѣлъ, начиная съ царствованія Петра I-го, объ управленіи краемъ, о разнаго рода мѣстной промышленности: сельскомъ хозяйствѣ, морскихъ промыслахъ, кораблестроительствѣ, разработкѣ рудъ, торговлѣ, въ особенности заграничной, свѣдѣнія этого рода касаются, какъ состоянія промышленности, такъ и правительственныхъ мѣропріятій объ улучшеніи промысловъ сѣвернаго края, о чемъ правительство заботилось уже съ начала прошлаго столѣтія. Много данныхъ, касающихся другихъ сторонъ внутренней жизни края, напримѣръ, о разбойничествѣ, которое тамъ принимало такіе размѣры, что для уничтоженія его часто были отправляемы цѣлыя команды солдатъ, съ которыми разбойники вступали въ открытый бой, о нападеніяхъ на русскихъ обитателей печорскаго края самоѣдовъ Карачеевъ, о частомъ нарушеніи пограничными жителями порубежнаго мира съ Швеціей и т. п. Исторія поземельнаго владѣнія, которое на отдаленномъ сѣверѣ имѣло своеобразный характеръ (тамъ всѣ сословія владѣли землей на правахъ собственности), могла-бы быть прекрасно разработана по многочисленнымъ матеріаламъ архива. Для исторіи знаменитаго поморскаго раскола, его распространенія и правительственныхъ мѣропріятій противъ него также имѣется много данныхъ въ архивѣ; особенно большой интересъ представляютъ дѣла о самосожженіи раскольниковъ, которые цѣлыми деревнями сожигали себя для того, чтобы избѣжать насилій со стороны правительства. Но найболѣе всего интересенъ отдѣлъ такъ называемыхъ секретныхъ дѣлъ; онъ состоитъ изъ дѣлъ о ссыльныхъ и изъ производствъ „въ сказываніи слова и дѣла государева". Въ архангельскую губернію въ прошломъ столѣтіи было сослано не мало извѣстныхъ въ исторіи личностей, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились разнаго рода производства; напримѣръ, по описямъ показаны дѣла о Степанѣ Лопуховѣ, кн. Семенѣ Щерба-

товѣ, кн. Иванѣ Долгорукомъ, кн. Мышецкомъ, Петрѣ и Иванѣ Толстыхъ, коломенскомъ архіереѣ Игнатіѣ, воронежскомъ епископѣ Лаврентіѣ, о калмыцкихъ, кабардинскихъ и др. владѣтельныхъ лицахъ, польскихъ конфедератахъ и пр. Огромное количество дѣлъ, почти половина всего секретнаго отдѣленія, состоитъ въ производствѣ предварительныхъ дознаній по обвиненіямъ въ государственныхъ преступленіяхъ или, какъ тогда выражались, въ сказываніи слова и дѣла государева. Это адское слово раздавалось также и на крайнемъ сѣверѣ, какъ и въ остальныхъ частяхъ Россіи, и наводило ужасъ на мирныхъ обитателей. Быть можетъ тамъ его приходилось слышать еще чаще, нежели въ другихъ мѣстахъ, благодаря разнородному наплывному элементу на сѣверѣ. Стоило какому-нибудь негодяю, самому отверженному члену общества, произнести это слово на кого-бы то ни было, тотчасъ-же хватали послѣдняго и вмѣстѣ съ доносчикомъ отправляли сначала въ архангелогородскую губернскую канцелярію для предварительнаго допроса, а потомъ въ знаменитый преображенскій приказъ (впослѣдствіи тайную канцелярію). Тамъ, посредствомъ пытки, которая, по выраженію Екатерины II-й, „есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго“, достигали результатовъ, какихъ нужно было инквизиторамъ. Большая часть доносовъ принадлежитъ солдатамъ, монахамъ, ссыльнымъ и колодникамъ. Доносили они или на своихъ товарищей или на начальствующихъ и надзирающихъ лицъ. Побудительными причинами къ доносамъ чаще всего служили злоба, мщеніе, вслѣдствіе ссоры, строгаго обращенія начальствующихъ съ подчиненными, а иногда простое желаніе выйти изъ своего невыносимаго положенія. Въ тогдашнее время, когда общество отъ верху до низу было деморализовано покровительствомъ доносамъ, находились такія лица, въ особенности между ссыльными, которыхъ нельзя было удержать отъ доносовъ никакими мѣрами. Конечно, менѣе всего можно ставить въ вину доносы заточеннымъ и колодникамъ, такъ какъ они дѣлали ихъ просто ради того, чтобы выйти изъ заточенія, хотя на короткое время воспользоваться свободой или, вѣрнѣе сказать, хотя на минуту увидѣть свѣтъ Божій. Неудивительно, если человѣкъ, посаженный на всю жизнь въ какую-нибудь земляную тюрьму, т. е. погребъ, употребитъ всѣ усилія, чтобы по-

пользоваться кратковременнымъ измѣненіемъ своего положенія, если онъ даже знаетъ, что за этимъ можетъ послѣдовать самая смерть. Приведу примѣръ, взятый изъ дѣлъ архангельскаго архива:

По указу изъ преображенскаго приказа мошногорскаго монастыря, игуменъ Іоасафъ по розыскному важному дѣлу былъ посаженъ въ 1722 г. въ соловецкомъ монастырѣ въ крѣпкую тюрьму. Въ 1725 г. за ложный доносъ онъ снова былъ взятъ въ преображенскій приказъ, битъ кнутомъ нещадно, а по учиненіи наказанія снова посланъ въ соловецкій монастырь. При отправкѣ внушено ему, что если онъ будетъ впредь затѣвать ложные доносы, то ему будетъ учинена смертная казнь безъ пощады. Не смотря на это, онъ въ 1728 г. снова сдѣлалъ доносъ, снова посланъ въ преображенскій приказъ и затѣмъ снова возвращенъ въ соловецкій монастырь, съ предписаніемъ держать его неисходно подъ крѣпкимъ карауломъ и новыхъ его доносовъ не слушать.

Перечитывая описи секретныхъ дѣлъ и разсматривая самыя дѣла, я встрѣтилъ въ нихъ нѣсколько малороссійскихъ фамилій, и у меня явилась мысль собрать свѣдѣнія о своихъ соотечественникахъ, побывавшихъ на далекомъ сѣверѣ. Къ сожалѣнію оказалось, что нѣкоторыя изъ дѣлъ о ссыльныхъ малороссіянахъ въ сороковыхъ годахъ были отосланы въ министерство внутреннихъ дѣлъ и только немногія уцѣлѣли. Пришлось пользоваться тѣмъ, что осталось. Собранныя изъ дѣлъ и описей свѣдѣнія пополнены по извѣстнымъ печатнымъ источникамъ: Исторіи Малороссіи Бантышъ-Каменскаго, Маркевича и др. Такимъ образомъ составилась настоящая статья. Отрывокъ изъ нея (который здѣсь выпущенъ), касающійся заточенія въ соловецкомъ монастырѣ запорожскаго кошеваго атамана Кальнишевскаго, помѣщенъ въ журналѣ Русская Старина за 1875 годъ, № 11, подъ заглавіемъ: „Кальнишевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи".

Такъ какъ значительная часть малороссіянъ, сосланныхъ въ прошломъ столѣтіи въ архангельскую губернію, подверглась этому наказанію за политическіе доносы и даже нѣкоторые изъ нихъ не переставали заниматься сказываніемъ слова и дѣла государева въ ссылкѣ, то приходится предварительно сказать нѣсколько словъ объ историческомъ развитіи доносовъ въ Малороссіи, а затѣмъ уже

перейти собственно къ сообщенію свѣдѣній о ссыльныхъ малороссіянахъ въ архангельской губерніи.

Тотчасъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго въ Малороссіи начались интриги и борьба между старшиной за гетманскую булаву, и обнаружилось стремленіе гетмановъ возвратить Малороссію, вопреки волѣ народа, въ подданство Польши. Оба первые гетманы (Юрій Хмельницкій и Виговскій) преслѣдовали эту цѣль. Измѣна ихъ народному желанію вызвала междоусобіе въ Малороссіи и вторженіе въ нее войскъ, съ одной стороны польскихъ, съ другой московскихъ. Во время смуты, произведенной Виговскимъ и Юріемъ Хмельницкимъ, еще при жизни ихъ, явились новые искатели гетманства—слуга Юрія Хмельницкаго, Брюховецкій, затѣмъ Дорошенко, Нечай и Тетеря. Одинъ думалъ получить гетманскую булаву при посредствѣ запорожцевъ, другой подъ покровительствомъ турокъ, третій при содѣйствіи поляковъ и т. д. Все это происходило до андрусовскаго договора, по которому московское правительство раздвоило Украйну, отдавъ, тоже вопреки волѣ малорусскаго народа, западную ея часть полякамъ. Раздвоеніе Украйны вызвало одновременное появленіе ряда гетмановъ, какъ въ восточной, такъ и въ западной Украйнѣ. Затѣмъ послѣдовало отдѣленіе части правобережной Малороссіи подъ покровительствомъ турокъ и появленіе султанскихъ гетмановъ. Измѣны и борьба властолюбцевъ вызвали въ малороссіянахъ страсть къ доносамъ. Одни доносили на гетмановъ изъ преданности московскому правительству, другіе изъ своекорыстныхъ видовъ; сначала доносы были справедливые, а потомъ расплодились и лживые. Доносителей на гетмана, говоритъ лѣтописецъ, подобрать было не трудно, ибо отъ частыхъ перемѣнъ гетмановъ и другихъ чиновниковъ завелось въ Малороссіи столько ябедниковъ, сколько было охотниковъ подхватить что либо въ перемѣнѣ, то есть въ мутной водѣ рыбу ловить [1]).

На перваго гетмана, Виговскаго, доносилъ московскому правительству полтавскій полковникъ Пушкарь, возставшій потомъ противъ Виговскаго съ оружіемъ въ рукахъ. Доносъ объ измѣнѣ Виговскаго былъ справедливый. Гетмана восточной Украйны Много-

---

[1]) Маркевичъ II, 66, 298.

грѣшнаго, въ значительной степени умиротворившаго родину, сбросила съ уряда старшина и отправила въ Москву съ ложнымъ доносомъ, будто онъ имѣлъ тайное намѣреніе поддаться султану турецкому; въ числѣ доносчиковъ былъ и Иванъ Самойловичъ. Когда Самойловичъ сдѣлался гетманомъ, то на него было сдѣлано нѣсколько доносовъ: первый—полковниками Дмитрашкомъ, Горленкомъ и Рославцемъ въ томъ, что будто онъ хотѣлъ измѣнить Россіи; въ пыткахъ эти лица признались въ ложности доноса и выдали заговорщиковъ. Второй доносъ былъ составленъ тайными козпями генеральнаго есаула Мазепы; въ немъ участвовали генеральная старшина и многіе полковники; въ числѣ прочихъ лицъ и Василій Кочубей. Самойловича обвиняли во многомъ справедливо, но политическая сторона доноса оказалась лживою, наприм., будто гетманъ былъ причиною неудачнаго похода въ Крымъ кн. Голицына.

На гетмана Мазепу также были ложные доносы, первый, въ видѣ подложнаго письма, или „пашквиля", приписаннаго чернцу Соломону, второй — Данила Забѣлы; оба обвиняли Мазепу въ измѣнѣ. О второмъ доносѣ будетъ рѣчь впереди. Затѣмъ слѣдовалъ доносъ со стороны генеральнаго судьи Василія Кочубея и полтавскаго полковника Искры о намѣреніи Мазепы подчиниться полякамъ. Доносъ на этотъ разъ былъ справедливый, но побужденіемъ къ нему служила семейная обида.

Какъ извѣстно, Кочубей и Искра были казнены за доносъ, который слѣдователи признали лукавымъ. Соучастниками доносителей признаны: Иванъ Святайло, священникъ полтавской спасской церкви, бывшій въ родствѣ съ Искрой и вмѣстѣ съ тѣмъ духовникомъ его и Кочубея, сынъ Святайла, также чернецъ Никаноръ, сотникъ полтавскаго полка и племянникъ Искры Петръ Кованько, писаря Кочубея и Искры (переписывавшіе доносъ) Колчицкій и Глуховецъ и восемь слугъ Кочубея и Искры. Изъ числа поименованныхъ лицъ священникъ Святайло, сынъ его и чернецъ Никаноръ отправлены были въ 1708 г. въ соловецкій монастырь съ повелѣніемъ никуда не выпускать ихъ изъ монастыря; относительно Святайла приказано, если онъ пожелаетъ, постричь въ монахи. Остальныя лица сосланы въ г. Архангельскъ съ тѣмъ, чтобы они были поверстаны въ солдаты или къ чему окажутся годными, по мнѣнію архангельскаго губернатора кн. Голицына. Замѣчательно

что Святайло и остальныя лица были позабыты въ ссылкѣ, гдѣ они томились три года послѣ обнаруженія измѣны Мазепы и лишь въ 1712 г. возвращены на родину, и то благодаря ходатайству рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго [1]).

Это были первые ссыльные малороссіяне прошлаго столѣтія въ архангельской губерніи, по крайней мѣрѣ, насколько можно судить по историческимъ свѣдѣніямъ и по отсутствію дѣлъ о ссыльныхъ изъ малороссовъ въ архангельскомъ архивѣ ранѣе указаннаго года. Послѣ измѣны Мазепы появляются въ ссылкѣ уже не доносители, а сторонники Мазепы. Въ 1709 г. отъ Мазепы первоначально отстало 10 человѣкъ изъ генеральной старшины, полковниковъ и низшихъ урядниковъ; они явились въ Малороссію. Тамъ, по силѣ царскаго манифеста, они должны были лишиться жизни отъ рукъ палача, но Петръ I замѣнилъ смертную казнь ссылкою ихъ въ Сибирь и въ Архангельскъ. Изъ дѣлъ архангелогородской губернской канцеляріи видно, что въ числѣ лицъ упомянутой категоріи сосланы были въ Архангельскъ, между прочими, генеральный есаулъ Дмитрій Максимовичъ, сердюцкій полковникъ Яковъ Покотило и какой-то Дубяга. По всей вѣроятности, Дубяга—это бывшій съ 1668 г. наказной полковникъ миргородскаго полка, въ которомъ онъ замѣнялъ Данила Апостола во время малолѣтства послѣдняго, такъ какъ Апостолъ былъ избранъ въ полковники за заслуги отца, будучи еще 10 лѣтъ отъ роду. Относительно полковника Якова Покотила мы не имѣемъ свѣдѣній. Но о Дмитріѣ Максимовичѣ мы нашли нѣкоторыя подробности, какъ въ архангельскомъ архивѣ, такъ и у извѣстнаго нашего писателя Максимовича. По этимъ извѣстіямъ Дмитрій Максимовичъ въ 1711 году былъ присланъ изъ Глухова въ Архангельскъ, гдѣ, по указу государя отъ 30 генваря 1713 г., опредѣленъ надсмотрителемъ коренной корабельной верфи, состоявшей подъ управленіемъ Ѳедора Баженина; онъ отличался необыкновенной силой. Въ томъ же году присланы къ Дмитрію Максимовичу въ Архангельскъ сыновья его Ѳедоръ и Иванъ. Изъ нихъ Ѳедоръ въ царствованіе Елисаветы слу-

---

[1]) Маркевичъ. II, 441 и 541, Бантышъ-Каменскій, изд. 1822 г., ч. III, 32--119, IV, 43.

жилъ стародубскимъ полковникомъ и, подобно отцу, былъ чрезвычайный силачъ; Иванъ впослѣдствіи служилъ поручикомъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка и убитъ турками подъ конецъ Румянцевской войны [1]).

Въ 1712 г. въ архангельскую губернію отправлена вторая партія малороссіянъ, замѣшанныхъ въ измѣнѣ Мазепы, именно: батуринскаго николаевскаго монастыря архимандритъ Гедеонъ Одорскій, монахъ Семенъ Остафьевъ, лохвицкій протопопъ Иванъ Рогачевскій и челядникъ архимандрита Одорскаго Иванъ Видковскій, родомъ изъ Черкасъ. Всѣ эти лица, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, осуждены были къ ссылкѣ въ соловецкій монастырь [2]).

Въ одномъ изъ дѣлъ архангельскаго архива находится слѣдующее извѣстіе о Рогачевскомъ: въ прошломъ 1712 году ноября 28 дня въ грамотѣ Его Царскаго Величества изъ приказу Малыя Россіи къ бывшему вице-губернатору писано: „по Его Великаго Государя указу посланъ съ Москвы исъ приказу Малыя Россіи къ городу Архангельску лохвицкій протопопъ Иванъ Рогачевскій и велѣно его сослать отъ города Архангельского на житье въ соловецкій монастырь. Но Рогачевскій въ соловецкій монастырь не посланъ за зимнимъ временемъ, о чемъ писано въ приказъ Малыя Россіи. По Его Великаго Государя указу (1713 года апрѣля 12 дня) и по приговору бывшаго вице-губернатора Курбатова велѣно ему Рогачевскому быть въ Архангельскѣ префектомъ во вновь учрежденныхъ школахъ“ [3]).

Авторъ историко-статистическаго описанія черниговской епархіи, архіеп. Филаретъ считаетъ Гедеона Одорскаго невиннымъ страдальцемъ. По его словамъ, Гедеонъ Одорскій былъ сначала ректоромъ кіевской коллегіи, а за тѣмъ, съ 1695 по 1709 годъ, игуменомъ крупицкаго-батуринскаго-николаевскаго монастыря [4]). При немъ

---

[1]) Марковичъ, II, 591; Бант.-Камен., IV, 29, Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1849 г., ч. 26.

[2]) Бантышъ-Каменскій, IV, 43. Дѣло архангельскаго архива 1712 г. о ссылкѣ колодниковъ въ соловецкій монастырь, архимандрита Гедеона Одорскаго, монаха Семена и лохвицкаго протопопа Рогачевскаго,—отправлено въ мин. вн. дѣлъ.

[3]) Дѣло о протопопѣ Рогачевскомъ и Забѣлѣ 1721 г. по генеральн. описи подъ № 60,689.

[4]) Монастырь этотъ находился при р. Сеймѣ въ 10 верстахъ отъ Батурина.

Мазепа, послѣ того какъ утвердилъ за монастыремъ всѣ древнія его имѣнія, универсаломъ марта 14-го 1708 г. отнялъ у монастыря въ Обмачевѣ 15 монастырскихъ крестьянъ на томъ только основаніи, что ко двору его понадобились служители, тогда какъ предшественникъ его, гетманъ Самойловичъ, людей для двора нанималъ. Вдобавокъ, во время шведской войны, когда Меньшиковъ страшно опустошалъ Батуринъ, разрушеніе коснулось и батуринскаго монастыря, въ которомъ были разрушены до основанія колокольня, настоятельскія и братскія кельи и гостинный дворъ. Архимандрита Гедеона обвиняли въ связяхъ съ измѣнниками Россіи и въ 1712 г. сослали въ соловецкій монастырь. „Какъ по отношеніямъ Мазепы къ монастырю, такъ и по самому послѣдствію обвиненія очевидно, что архимандритъ Гедеонъ пострадалъ невинно, какъ и монастырь, страдавшій за то только, что назывался батуринскимъ; на все то была воля Меньщикова, и только“ [1]). Интересно то обстоятельство, что въ монастырскихъ запискахъ относительно Одорскаго сказано, будто онъ „неизвѣстно куда скрылся“ [2]). Составитель записокъ, значитъ, или боялся сдѣлать даже указаніе на судьбу, постигшую игумена, или считалъ этотъ случай событіемъ чрезвычайно компрометирующимъ монастырь, такъ что нужно было о немъ умолчать.

Чрезъ семь лѣтъ послѣ ссылки протопопа Рогачевскаго и архимандрита Одорскаго въ Архангельскѣ появляется бунчуковый товарищъ Данило Васильевичъ Забѣла, сынъ генеральнаго хорунжаго Василія, внукъ генеральнаго обознаго Петра Забѣлы, слѣдовательно лицо изъ велико-панской семьи. Данила Забѣлу можно считать типомъ тогдашнихъ доносчиковъ и сутягъ, а потому остановимся долѣе на этой интересной личности, пользуясь для ея характеристики, какъ указаніями нашихъ историковъ, такъ и дѣлами архангельскаго архива.

Данило Забѣла явился въ началѣ 1699 года въ Москву, гдѣ, обнадеженный Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, представилъ ложный доносъ на Мазепу, будто-бы тотъ выслалъ съ умысломъ къ крымцамъ своего канцеляриста Петрика, опустошавшаго въ

---

[1]) Историко-статистич. описаніе черниг. епархіи. Черниговъ. 1873 г. кн. III, стр. 286.

[2]) Черниг. Губ. Вѣд., 1852 г. № 3. Матеріалы для мѣстной старины П. Л.

1692 г. съ татарами Малороссію, и, намѣреваясь измѣнить Россіи, имѣлъ тайныя сношенія съ ханомъ. По желанію Мазепы и по повелѣнію Петра, доносчикъ отправленъ былъ къ гетману въ Батуринъ и, спрошенный въ войсковомъ судѣ, показалъ, что онъ говорилъ въ Москвѣ о гетманской измѣнѣ пьяный, безъ разума и памяти, не имѣя никакихъ наставниковъ. Когда его вели къ пыткѣ, онъ произнесъ: „меня погубила надежда на Шереметева". По словамъ историка, „велѣли его взять на встряску, на которой съ полчаса будучи повѣшенъ, тоже говорилъ, что и передъ встряскою, потомъ отпущенъ былъ на землю на четверть часа, снова поднятъ и держанъ нѣсколько времени, гдѣ, вопія крикомъ великимъ, тѣже поновлялъ рѣчи". По постановленію суда, Забѣла былъ лишенъ всего имѣнія и приговоренъ къ смертной казни, но Мазепа освободилъ его отъ казни, приказавъ до времени держать его подъ карауломъ. Такъ говоритъ Бантышъ-Каменскій о судьбѣ Забѣлы. Маркевичъ-же полагалъ, что Забѣла томился въ неволи 26 лѣтъ (т. е. до 1724 г.) и что по неизвѣстной причинѣ позабыли о немъ въ то время, когда замыслы гетмана обнаружились. По предположенію Маркевича причиной предохранительной неволи Забѣлы было то обстоятельство, что отобранное отъ него Мазепой имѣніе досталось потомъ Анастасіи Марковнѣ Марковичевой и гетману Скоропадскому, который былъ женатъ на ней и которому было невыгодно освободить Забѣлу и въ его пользу отобрать села у своей жены. Слова Маркевича относительно двадцатишестилѣтнихъ страданій Забѣлы въ неволѣ за доносъ на Мазепу не вѣрны, но то, что захватившіе его имѣнія старались удержать ихъ въ своихъ рукахъ, справедливо, хотя и не относится къ одной Марковичевой [1]).

Въ 1710 г. мы видимъ Забѣлу свободнымъ и ходатайствующимъ о возвращеніи ему имѣній. 30 сентября упомянутаго года гр. Гаврило Головкинъ писалъ къ Скоропадскому по поводу Забѣлы: „Прошедшаго августа 30 дня писалъ я къ вельможности вашей о Данилѣ Забѣлѣ, что челобитье его о нѣкоторыхъ маетностяхъ, особливо-жъ о селѣ Клишкахъ, было недѣльно, безъ всякихъ крѣпостей и явныхъ доводовъ, того для ему отказано и велѣно съ Москвы выслать на Украйну. Нынѣ-же пріѣзжалъ тотъ шаленой

[1]) Маркевичъ II, 351; Бант. Камен. III, 40.

сюда и хотѣлъ еще о томъ-же докучать; но сколь скоро онъ здѣсь явился, взявъ его я передъ себя, гораздо за то словами наказывалъ, дабы онъ болѣе о томъ недѣльномъ своемъ запросѣ не докучалъ и, пригрозя ему гораздо, сказалъ, чтобъ онъ жилъ на Украйнѣ подъ регментомъ вашей вельможности спокойно, велѣлъ его за городъ вывесть, такожъ и къ Москвѣ писалъ, чтобъ изъ Москвы его выслали немедленно на Украйну“ [1]).

Только въ 1719 г. Забѣла появился въ ссылкѣ въ г. Архангельскѣ. Въ одномъ дѣлѣ архангельскаго архива сказано, что „1719 году генваря 3 дня по грамотѣ Его Императорскаго Величества изъ Петербурга изъ государственной посольской канцеляріи черкасъ Данило Забѣла присланъ къ г. Архангельскому на вѣчное житье за лживое его доношеніе на Его Царское Величество подданнаго, войска обѣихъ сторонъ гетмана Ивана Ильича Скоропадскаго, и велѣно его поставить въ солдатскую слободу за присмотромъ офицеровъ, чтобы онъ оттуда никуда не съѣхалъ [2]). Неизвѣстно, кого рода доносъ былъ сдѣланъ на Скоропадскаго, но что Забѣла не оставлялъ своей страсти къ политическимъ доносамъ, видно изъ его дальнѣйшей практики этого рода въ ссылкѣ. Въ 1721 г. Забѣла написалъ слѣдующее письмо архангельскому вице-губернатору Ладыженскому:

„Вельможный господинъ, господинъ губернаторъ Петръ Евѳимовичъ, мой премилостивѣйшій господине, и особливый добродѣю.

Презентую о семъ вельможности вашей, добродѣеви моему, ижъ терпѣлемъ я, якъ-бы мощно знести до сихъ временъ, отъ Рогачевскаго попа, якый другый певне въ злости на свѣте не взыщетца, и чи не ехидника токмо отъ рожденія. Я въ правдѣ словамъ Дмитрея Максимовича, Дубяги и протчимъ не вѣрилемъ, что говорили также злѣйшаго человѣка нѣтъ на свѣтѣ: „лютый и злый есть діяволъ, але Рогачевскій еще лютѣйшій“; чего я теперь самъ дозналемъ. Лучилось мнѣ бити апрѣля 15 въ дому Якова Матвѣевича, подъячаго, на обѣдѣ, и презъ цѣлной обѣдъ все мнѣ досаждалъ поганими слови, якіе не могу и выписати, а то ненавидячи за то, что зазванъ тутъ-же и я былъ кушать, а найпаче якъ врагъ

---

[1]) Матеріалы для отеч. исторіи, Судіенко. К. 1855 г. т. II, 160.

[2]) Дѣло о протопопѣ Рогачевскомъ и о Забѣлѣ 1721 г., № 60, 689.

ненавидяй добра, вѣмъ, же за мою вѣрность Царскаго Величества, на мя такъ повсталъ. Гдѣ былъ и Покотило зъ своею женою, и порвался было до мене Рогачевскій бить за единый людской грѣхъ, а то все надѣючись на то, что за нимъ всѣ стали, яко единомысленники на мене единаго, и я сказалемъ ему: „знаты, вороже царскый и всего воинства, за що ты имѣешь печать на своихъ плечахъ и разве хощешь сще своеи погибели, когда тебѣ того не довлѣетъ"? И Рогачевскій припомнилъ мнѣ проклятого Мазепу, и за тое Яковъ Матвѣевичъ подъячій и всѣ на мене обурилися за проклятого Мазепу и за ворога государева Рогачевского; сопхалъ мене зъ избы своей Яковъ Матвѣевичъ подъячій. И радъ бимъ вѣдать, откуду воля имъ есть такая дана, что хтѣли мене убить; чому и Покотило змѣнникъ помогалъ. И когда-бы было разсужденіе у Якова подъячаго, чтобъ ему за дѣло мене за ворога царского безчестити и что за дѣло, зъ кватери перезвавши, въ себѣ такого тяшкого подзорного человѣка Рогачевского, ворога царева, въ себе держать и кормить, отъ чого бѣгаютъ мудрые люди. О чомъ доношу вельможности вашей, добродѣеви, вѣдати и на разсужденіе себѣ въ такъ невиновѣдимыхъ и незноснихъ моихъ плачливихъ обидахъ полагаю, понеже всякому надъ здоровъе нѣчого нѣтъ милѣйшого; гди-жъ и такъ мало здоровъя имѣю, вѣрнои ради моеи прислуги Царскому Величеству. Въ чомъ прошу покорне оборони, дабимъ безвременно не пострадалъ отъ ненавидящихъ мя правды ради и вѣрности своего Монархи, понеже и здѣсь невозможно прожить мнѣ, яко вѣрну рабу Государеву. Довлело-бы сихъ злобъ, что якъ живый зосталемъ зъ голодъ и холодъ и премногихъ неизреченныхъ досадъ и безчестія, что единому Богу оѳѣрую. Нинѣ на ваше милосердіе себе отдаючи, прошу, дабы неукротимый тотъ, аки змій лютъ, наказанъ былъ и позналъ себе, аки овцу смиренну; понеже не смиривши оного ворога царева, можетъ онъ якъ отмстити, теди вѣдаючи насъ вѣрныхъ рабовъ, хощетъ на насъ поискати, когда таковимъ не будетъ страха и наказанія. О що и повторнѣ при доземномъ моемъ чолобитю прошу о разсужденіи. Нижайшій рабъ и всѣхъ благъ желатель, Данило Забѣла; писалъ своею рукою 1721 года, іюля 5 дня.

Того-же года и дня архангелородскому вице-губернатору, лейбъ-гвардіи капитану Петру Ефимовичу Лодыженскому малороссіецъ

Данило Забѣла словесно объявилъ: прошедшаго іюня мѣсяца 28 дня, въ навечеріе святыхъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, у города Архангельскаго въ соборной церкви во всенощное пѣніе стоячи въ той церкви, посадской человѣкъ Василій Ивановъ сынъ Дунинъ сказывалъ ему Забѣлѣ: ссыльной де протопопъ Иванъ Рогачевскій говорилъ ему Дунину: „нашъ де Мазепа святъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ“, да въ то-же всенощное бдѣніе онъ-же Дунинъ ему, Забѣлѣ, сказывалъ, что де оной протопопъ Рогачевскій государя нашего проклинаетъ и онъ де Дунинъ его Рогачевскаго хотѣлъ бить и за волосъ драть и его де, Дунина, того Рогачевскаго бить и за волосъ драть не допустили, и тѣ-де его, Дунина, все слова слышалъ присланной зъ денежныхъ дворовъ подъячій Петръ Никитинъ сынъ Егорковъ, а ежели онъ, Забѣла, въ семъ словесномъ извѣтѣ сказалъ ложно, и за то-бъ указалъ ему Забѣлѣ Великій Государь учинить смертную казнь. Къ подлинному словесному челобитью Данила Забѣла руку приложилъ“.

Началось дознаніе. На допросахъ холмогорецъ, посадскій человѣкъ Василій Дунинъ показалъ, что дѣло было на соловецкомъ подворьи у стряпчаго соловецкаго монастыря Ивана Патракѣева, въ присутствіи ссыльнаго донскаго казака Василія Поздѣева. На слова его, Дунина, что у насъ Мазепу проклинаютъ, протопопъ Рогачевскій отвѣчалъ: „онъ, Мазепа, погребенъ честно архимандритомъ; кающихся Богъ пріемлетъ“; болѣе-же ничего не говорилъ Рогачевскій. Въ соборной церкви, во время всенощнаго пѣнія, при бытности подьячаго Петра Егоркова, онъ Дунинъ, будучи пьянъ, указывалъ на Забѣлу и говорилъ: это-де мазеповщина, протопопъ де Рогачевскій говорилъ, что Мазепа нашъ святъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ. Егорковъ подтвердилъ слова Дунина такимъ образомъ: оной Дунинъ, указывая на Забѣлу, говорилъ: „это-де мазеповщина; протопопъ-де Рогачевскій сказызываетъ въ церкви къ людямъ поученіе и людей учитъ, а самъ добраго не чинитъ и за Государя нашего Бога не молитъ, а Мазепу называетъ святымъ и говорилъ-де онъ, Рогачевскій, что де онъ Мазепа умеръ въ волоской земли и погребенъ честно архимандритомъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ“. Патракѣевъ далъ такой отвѣтъ, что онъ въ то время, о которомъ

идетъ рѣчь, былъ рѣзанъ и отъ того рѣзанья былъ скорбенъ и поэтому не помнитъ, были-ли у него Рогачевскій и другіе и о чемъ они говорили. Казакъ Поздѣевъ также отозвался, что онъ неоднократно заходилъ къ Патракѣеву во время его болѣзни, заходили тоже Рогачевскій и другіе, но всѣ-ли вмѣстѣ или порознь, того онъ не помнитъ и ничего не слыхалъ. На основаніи указа 1719 г. апрѣля 15, велѣно всѣхъ чиновъ людей и колодниковъ, оказывающихъ слово и дѣло о государевомъ здоровьи, чести, бунтѣ или измѣнѣ, заковавъ руки и ноги въ кандалы, присылать въ преображенскій приказъ подъ крѣпкимъ карауломъ. Вслѣдствіе этого, Рогачевскій, Забѣла и Дунинъ были отправлены въ приказъ въ оковахъ при одномъ капралѣ и десяти солдатахъ, вооруженныхъ ружьями [1]). Дальнѣйшая судьба Рогачевскаго неизвѣстна, но Забѣла снова былъ возвращенъ въ Архангельскъ. На этотъ разъ уже ему самому пришлось испытать на себѣ послѣдствія доносовъ.

Въ слѣдующемъ, 1722 году, колодникъ Григорьевъ, судившійся за мошенничество, въ архангельской земской канцеляріи въ колоднической избѣ объявилъ, что онъ, будучи у рудокопателя Лодыгина, слышалъ отъ Забѣлы, какъ тотъ говорилъ ему, что знаетъ измѣну, а за кѣмъ и какая измѣна, того онъ Забѣла не выговорилъ; Забѣла оправдывался, что хотя онъ у Лодыгина дѣйствительно былъ, но объ измѣнѣ ничего не говорилъ, и ссылается въ томъ на свидѣтелей. Тѣмъ не менѣе онъ, вмѣстѣ съ Григорьевымъ, снова былъ отправленъ въ Москву въ тайную канцелярію, для розыска [2]).

Послѣ выдержанія узаконенныхъ пытокъ, Забѣла оправдался. Это видно изъ того, что въ 1724 году онъ былъ уже на свободѣ и началъ розыскивать конфискованныя у него за доносъ на Мазепу имѣнія, для чего подалъ въ судъ десять челобитень. Изъ этихъ челобитныхъ оказывается, что одни изъ бывшихъ его имѣній были отданы въ монастыри, другія брату его Ивану, села-же Евминка, Красуля, Рудковка и Бурки находились во владѣніи гетмана, а селомъ дѣда его Подтребія, Малою Красиловкою, завладѣли кіев-

---

[1]) Дѣло о протопопѣ Рогачевскомъ и о Забѣлѣ 1721 г. № 60689.

[2]) Дѣло о посылкѣ москвитина Алексѣя Григорьева и черкашенина Данила Забѣлы 1722 г., № 43.

скаго полка полчане. Но добиться возвращенія имѣній для Забѣлы было крайне трудно, такъ какъ каждый старался ихъ удержать за собой. Черезъ пять лѣтъ послѣ первыхъ челобитень, именно въ февралѣ 1729 г., послѣдовала высочайшая грамота на имя гетмана, въ которой предписывалось, чтобы гетманъ велѣлъ разсмотрѣть челобитныя Забѣлы въ генеральномъ войсковомъ судѣ, при разсмотрѣніи которыхъ „для доказательства быть сыну его Ивану, понеже онъ Забѣла обрѣтается здѣсь", и по изслѣдованіи учинить рѣшеніе по указамъ и по малороссійскимъ правамъ. Но дѣло плохо двигалось, какъ можно судить изъ того, что подобныхъ первой царской грамотѣ было послано еще двѣ: одна 29 ноября 1730 г., другая 25 генваря 1732 г. Чѣмъ кончились всѣ эти тяжбы, намъ неизвѣстно, такъ какъ въ матеріалахъ для отечественной исторіи, изданныхъ Судіенкомъ (II, 160), изъ которыхъ заимствованы приведенныя свѣдѣнія, дальнѣйшихъ указаній не имѣется.

Въ 1721 г. въ ссылкѣ является новая личность, писарь изъ Лубенъ, Захарій Петровичъ Патока. Приговоромъ правительствующаго сената 1721 г. рѣшено: Захару Патокѣ за неправые его о великихъ дѣлѣхъ доношенія вмѣсто смерти учинить казнь—вырѣзать языкъ и сослать въ ссылку въ соловецкій монастырь въ заточеніе въ короженскую тюрьму вѣчно, безвыходно, за крѣпкимъ присмотромъ; бумаги и чернилъ ему не давать. Въ грамотѣ-же изъ иностранной коллегіи архимандриту соловецкаго монастыря Варсонофію отъ 10 іюня 1721 г. предписано: „ежели онъ, Патока, сидя въ тюрьмѣ, станетъ кричать и сказывать за собою какое наше государево слово и дѣло, и такихъ произносимыхъ отъ него Патоки словъ не слушать, для того, что онъ Патока, доносилъ о многихъ великихъ и важныхъ дѣлахъ, а потомъ предъ сенатомъ повинился, что тó все затѣялъ напрасно, и показалъ онъ при томъ о себѣ, какъ и другіе о немъ при слѣдованіи дѣла показали, что онъ человѣкъ сумасбродный и многажды бываетъ въ безпамятствѣ и говоритъ то, чего и самъ не знаетъ, и для того онъ, по приговору сенатскому отъ смертной казни освобожденъ, и когда онъ по совершеніи дѣла приведенъ былъ къ казни и при томъ, паки крича, сказывалъ за собою великія дѣла, но того у него, по приговору сенатскому, ради вышеписаннаго же его сумасбродства и ложныхъ доношеній не принято; ежели-жъ приключится ему, Патокѣ, какая

болѣзнь и смерть или и безъ того, когда онъ пожелаетъ, велѣть его священнику по христіанскому закону исповѣдывать и по достоинству сообщать святыхъ таинъ, а когда умретъ, погресть, гдѣ пристойно". Черезъ три года послѣдовалъ доносъ соловецкаго монаха Дамаска, что Патока ему сказывалъ и хотѣлъ объявить Его Императорскому Величеству о злоумышленномъ дѣлѣ на здоровье Его Императорскаго Величества. Вслѣдствіе этого изъ преображенскаго приказа присланъ указъ допросить „гетманскаго генеральнаго писаря" Патоку и, если онъ объявитъ слово и дѣло, прислать въ приказъ. При допросахъ содержащійся въ корожной башнѣ Патока показалъ, что онъ не генеральный писарь, а писарь изъ Лубенъ, а съ соловецкимъ монахомъ никакихъ словъ не говаривалъ, только 8 февраля послѣ святыя литургіи кричалъ всенародно слово и дѣло, именно о измѣнѣ и бунтѣ на господъ графа Гавріила Ивановича Головкина и барона Петра Шафирова и того же дня то-жъ слово и дѣло кричалъ въ трапезѣ, а какое слово и дѣло, то явитъ самому Императорскому Величеству" [1]). Дальнѣйшая судьба Патоки неизвѣстна.

Въ дѣлѣ Патоки весьма интересно первое опредѣленіе сената. Съ какой стати сенатъ, признавъ Патоку за человѣка сумасброднаго, впадавшаго часто въ безпамятство, распорядился отрѣзать ему языкъ и посадить его въ самую ужасную тюрьму, короженскую башню, при чемъ велѣлъ не слушать произносимаго имъ слова и дѣла государева. Не раскрывалъ-ли Патока передъ сенатомъ какой либо тайны относительно гр. Головкина и барона Шафирова и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, о чемъ онъ заявилъ впослѣдствіи. Заявленіе Патоки объ измѣнѣ Головкина и Шафирова служитъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ предположенія малороссійскихъ историковъ, что эти особы знали о подготовлявшейся измѣнѣ Мазепы и вообще дѣйствовали въ интересахъ этого гетмана, будучи имъ подкуплены. Не къ нимъ-ли относятся слова доноса Кочубея и Искры, что „кто-то изъ ближнихъ государевыхъ секретарей и князя Александра Даниловича ему (Мазепѣ) о всемъ царственномъ поведеніи доноситъ, и, если о семъ (т. е. доносѣ) увѣ-

---

[1]) Дѣло о ссыльномъ черкашенинѣ Патокѣ, который содержится въ соловецкомъ монастырѣ въ тюрьмѣ, 1724 г., № 84.

даютъ, тотчасъ дадутъ ему знать". Къ нимъ могли относиться и предсмертныя слова Мазепы: „нехай одинъ я буду безталаннымъ, а не многіе, о якихъ вороги моі мабуть и не мыслили, або и мыслить не смілы: злая доля усе переиначила для невідомого конця"[1]). Очень можетъ быть, что Патока, въ качествѣ канцеляриста, могъ въ свое всемя имѣть какія либо свѣдѣнія и документы, касающіяся измѣны Мазепы и пособничества ему Головкина и Шафирова. Вѣдь, по словамъ доноса Кочубея и Искры, болѣе другихъ зналъ всѣ тайны заговора Мазепинъ писарь (Орликъ), потому что чрезъ его руки шла вся гетманская переписка, равно какъ и о доносѣ Кочубея и Искры, не смотря на всю таинственность дѣла, знали ихъ писаря, Кожчицкій и Глуховецъ, просто потому, что переписывали доносъ. Также случайно могъ узнать тайны мазепинскаго заговора, при участіи русскихъ знатныхъ особъ, и Патока. По всей вѣроятности, этому несчастному былъ отрѣзанъ языкъ для того, чтобы онъ не разглашалъ извѣстныхъ ему тайнъ. Но этого инквизиторамъ нельзя было достигнуть вполнѣ, такъ какъ Патока все-же не потерялъ возможности выговаривать слова. Что лица, которымъ отрѣзывали языкъ, сохраняли иногда способность выражать свои мысли, доказывается примѣромъ графини Анны Бестужевой. Бестужева, будучи сосланной въ 1743 г. въ Якутскъ, за участіе въ заговорѣ объ избраніи императоромъ Ивана Антоновича, говорила такъ вразумительно, что вполнѣ можно было понимать ее, не смотря на то, что у ней былъ отрѣзанъ конецъ языка[2]).

---

[1]) Маркевичъ II, 407, 506.

[2]) Это указаніе находится въ статьѣ И. Сельскаго: «Ссылка въ восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ», помѣщенной въ 8 номерѣ Русскаго Слова за 1861 г. Въ указанной статьѣ, между прочимъ, сообщаются довольно интересныя свѣдѣнія о жизни въ ссылкѣ малороссіянъ, бывшихъ гетмановъ Многогрѣшнаго и Самуйловича и другихъ лицъ, стр. 4, 7, 8, 25 и 26. Кстати привести здѣсь нѣсколько словъ, помѣщенныхъ въ газетѣ «Трудъ» въ № 3-й за 1881 г. о малороссіянахъ, попавшихъ въ старые годы въ Вятку. Между малороссіянами, пребывавшими въ вятской губ., выдавался особенно Петро Дорошенко, бывшій гетманъ, высланный въ Вятку на воеводство и пробывшій тамъ около двухъ лѣтъ (1681—1683). Просилъ онъ постоянно объ освобожденіи, но выпросилъ лишь переводъ въ ярославскую губ., гдѣ и былъ надѣленъ землею. Но особенно памятенъ въ исторіи Вятки былъ воспитанникъ кіевской академіи, епископъ Лаврентій Горка (1733—1737), переведенный туда изъ Рязани, «за нѣкія продерзости», какъ сказано въ указѣ. Это былъ первый насадитель «школьнаго ученія» въ вятской странѣ.

Послѣ Патоки является въ ссылкѣ монахъ кіево-печерской лавры Досифей. Какъ видно изъ дѣлъ архангельскаго архива, Досифей былъ присланъ въ генварѣ 1755 г. на жительство въ сійскій монастырь. За что его сослали,—не извѣстно; но можно думать, что за доносы, такъ какъ онъ, не пробывъ въ ссылкѣ и одного мѣсяца, сдѣлалъ политическій доносъ на малоумнаго холмогорца, а въ октябрѣ того-же года кричалъ слово и дѣло государево на своихъ собратій, двухъ монаховъ сійскаго монастыря. Для ознакомленія съ канцелярской перепиской тогдашняго времени по политическимъ дѣламъ между архангелогородской губернской канцеляріей и канцеляріей тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, приводимъ представленіе первой о доносѣ Досифея.

„Сего 1755 года, октября 6 дня, въ присланномъ въ архангелогородскую губернскую канцелярію съ троицкого антоніева сійскаго монастыря отъ намѣстника Германа Яковлева да отъ казначея іеродіакона Мойсея доношеніи написано: присланной въ тотъ сійской монастырь изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ въ генварѣ мѣсяцѣ сего 1755 года кіево-печерской лавры бывшій іеромонахъ Досифей въ неисходное изъ того монастыря до кончины живота его жительство сего октября 3 дня кричалъ слово и дѣло государево по второму пункту, а за кѣмъ знаетъ, того не объявилъ. А оной іеромонахъ Досифей присланъ при томъ доношеніи, а въ губернской канцеляріи въ секретномъ распросѣ оной Досифей показалъ: сего октября 3 дня въ помянутомъ сійскомъ монастырѣ онъ, Досифей, слово и дѣло государево по второму пункту кричалъ и знаетъ то слово и дѣло государево того-жъ сійскаго монастыря за іеромонахами Аарономъ и Арсеніемъ, а Арсеній объявилъ за ростригою Федоромъ да за монастырскимъ служителемъ Яковомъ Биткаромъ, а оное слово и дѣло знаетъ онъ касающееся до персоны Ея Императорскаго Величества, котораго обстоятельно здѣсь объявить невозможно, а услышалъ онъ, Досифей, то слово и дѣло отъ іеромонаха Аарона іюля 24 числа, а отъ іеромонаха-жъ Арсенія сентября 2 да 8 чиселъ сего 1755 г., а за другими-же за кѣмъ онъ, Досифей, какъ по первому, такъ и по второму пунктамъ, слова и дѣла не знаетъ и за собою не имѣетъ, и по тому его, Досифееву, показанію Яковъ Башкиръ сысканъ у города Архангельского, а іеромонахъ Ааронъ и Арсеній и ростригa Ѳедоръ взяты

въ сійскомъ монастырѣ и чрезъ нарочную посылку привезены въ губернскую канцелярію. А по состоявшемуся въ прошломъ 1730 году апрѣля 10 дня указу, по первому пункту велѣно доносителей и объявителей въ великихъ дѣлахъ, которые въ секретныхъ распросахъ скажутъ, что знаютъ и доказать могутъ по первому пункту, то ихъ самихъ и на кого они доносятъ и единомышленниковъ ихъ брать и подъ крѣпкимъ карауломъ присылать въ правительствующій сенатъ, а по пятому пункту содержащихся колодниковъ и каторжныхъ невольниковъ и ссылочныхъ въ ссылки велѣно, ежели въ секретныхъ распросѣхъ такія дѣла показывать будутъ по первому пункту, по силѣ указу 1726 года іюля 12 дня, прежде пытать и буде съ указныхъ трехъ пытокъ въ томъ утвердятся, то ихъ самихъ и на кого говорить будутъ, за крѣпкимъ карауломъ присылать въ правительствующій сенатъ. А по указу изъ бывшаго преображенского приказу 1727 года при распросѣхъ и розыскахъ о важныхъ словахъ, имянно выспрашивать не велѣно и хотя вышеписанный ссыльный, бывшій іеромонахъ Досифей, въ сійскомъ монастырѣ показанное слово и дѣло государево и объявлялъ по второму пункту и о томъ съ перваго увѣдомленія болѣе двухъ мѣсяцовъ, а со втораго и третьяго чрезъ мѣсяцъ и умедлилъ, но въ губернской канцеляріи въ секретномъ распросѣ о томъ словѣ и дѣлѣ точно показалъ и изъяснилъ касающееся по первому пунтку, котораго де здѣсь обстоятельно и объявить ему невозможно. И для того онъ, Досифей, и сійского монастыря іеромонахи-жъ Ааронъ и Арсеній и ростριга Федоръ и монастырской служитель Яковъ Башкиръ, на которыхъ онъ, Досифей, показанную важность объявляетъ, скованы въ ножныхъ и ручныхъ желѣзахъ посланы въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ при семъ доношеніи подъ крѣпкимъ карауломъ. А хотя-жъ, по силѣ указу 1730 года, апрѣля 10 дня, по пятому пункту ссылочнымъ и велѣно въ сказываніи по первому пункту слова и дѣла слѣдовать пыткою, а вышеписанной іеромонахъ Досифей числится ссыльнымъ, точію онъ монашескаго чина еще не лишенъ; къ тому-жъ и показанную важность онъ, Досифей, объявляетъ такую, которой ему здѣсь и объявить не возможно. И за тѣмъ губернская канцелярія съ нимъ, Досифеемъ, въ силу того пятого пункта такимъ образомъ, какъ въ ономъ напечатано, поступить и не можетъ. А по указу прошлаго 1727 года изъ быв-

шаго преображенскаго приказа о такихъ важностяхъ точно выспрашивать не велѣно, а онъ, Досифей, по первому въ нынѣшнемъ 1755 году въ февралѣ мѣсяцѣ на холмогорца малоумнаго Василья Еремѣева доносу о такой-же важности прежде въ губернской канцеляріи, а потомъ и въ тайной канцеляріи чрезъ свидѣтелей доказалъ, и за тѣмъ и нынѣ по его, Досифееву, доносу здѣсь никакого произвожденія чинить и не надлежитъ. А за оными, обще съ другими колодниками, посланы въ конвоѣ архангелогородскаго гарнизона солдаты, которымъ въ одинъ путь отъ города Архангельска на одинадцать подводъ даны прогонныя деньги".

Интересна инструкція, данная прапорщику, сопровождавшему этихъ колодниковъ: „Съ оными колодниками ѣхать тебѣ отъ города Архангельскаго до С.-Петербурга денно и нощно со всякимъ скорымъ поспѣшеніемъ, не мѣшкавъ нигдѣ ни за чѣмъ ни одной минуты, и, будучи въ пути, ихъ между собою не соединять и ничего ни съ кѣмъ говорить ихъ не допускать, бумаги, чернилъ тако-жъ и никакихъ принадлежащихъ къ человѣческому погубленію орудій, яко-то: топора, ножа, вилокъ, шила, иглы, крестовъ съ гойтанами, пуговицъ, запонокъ, перстней и веревокъ, чѣмъ могутъ себя умертвить и прочаго, тако-жъ и хмѣльнаго питья и ничего въ руки не давать, и о томъ посланнымъ при нихъ караульнымъ солдатамъ накрѣпко приказать, и самому тебѣ и унтеръ-офицеру повсегда надзирать, пищу ихъ самому тебѣ напередъ отвѣдывать, и чтобы въ рыбѣ и мясѣ, въ протчей тому подобной пищѣ костей не было; найпримѣрнѣйше тебѣ того смотрѣть, чтобъ они съ дороги никакимъ вымысломъ убѣжать не могли, а фузеи и штыки у конвойныхъ солдатъ взять и содержать тебѣ у себя въ телѣгѣ, только-бъ они шпаги однѣ обнажа крѣпко въ рукахъ держали" [1])...

Въ 1765 году въ соловецкій монастырь присланъ былъ, не извѣстно за что, подъ видомъ безумнаго, малороссіянинъ Антонъ Любимскій. О немъ я нашелъ въ черниговскомъ архивѣ слѣдующее повелѣніе Екатерины 2-й гетману Кирилу Разумовскому отъ 2 іюня 1764 г.

---

[1]) Дѣло по доношенію троицкаго антоніева сійского монастыря отъ намѣстника іеромонаха Германа, при которомъ присланъ бывшій кіевопечерской лавры іеромонахъ Досифей. 1755 г., № 11.

„Графъ Кирила Григорьевичъ.

Малороссіянца Антона Любимскаго извольте отправить въ малороссійской межигорской монастырь съ тѣмъ, дабы онъ, по усмотренному въ немъ поврежденію ума, отнюдь ни въ Великой, ни въ Малой Россіи не шатался, а жилъ-бы неисходно и пищею довольствованъ былъ безъ всякаго утѣсненія въ томъ монастырѣ. Что касается до его одежды, извольте выдавать ему изъ скарбу малороссійскаго по пятидесяти рублей на годъ, и при томъ прикажите смотрѣть накрѣпко, чтобъ онъ не имѣлъ при себѣ никакого орудія, которымъ-бы вредъ себѣ могъ причинить; чего ради и везти его до того монастыря подъ надежнымъ присмотромъ".

Вскорѣ Любимскій былъ перевезенъ въ соловецкій монастырь. Въ вѣдомостяхъ о секретныхъ соловецкихъ колодникахъ за 1780 годъ противъ его фамиліи стоитъ лишь отмѣтка: „1775 года марта 6 дня, по имянному Ея Императорскаго Величества, и по присланнымъ изъ учрежденной о церковныхъ имѣніяхъ коммисіи и изъ коллегіи экономіи и изъ святѣйшаго правительствующаго синода послушномъ (?) указѣхъ малороссіянца Антонія Любимскаго велѣно содержать, яко безумнаго, неисходно и предосторожность имѣть, дабы онъ и себя и кого другого какимъ орудіемъ не повредилъ и не допускать его имѣть бумаги, чернилъ и до письма".

Стѣны соловецкаго монастыря заключали въ себѣ въ теченіи 25 лѣтъ (съ 1776 по 1801 г.) еще одного малороссіянина, на этотъ разъ личность выдающуюся въ исторіи юга, именно послѣдняго кошеваго атамана Запорожской Сѣчи, Петра Калнишевскаго. Въ упомянутой ранѣе моей статьѣ о Калнишевскомъ, напечатанной въ „Русской Старинѣ" за 1875 г., помѣщены народныя преданія объ этомъ кошевомъ, записанныя мною отъ крестьянъ с. Ворзогоръ, у Бѣлаго моря, архивныя свѣдѣнія объ отправкѣ Калнишевскаго въ соловецкій монастырь, отысканныя мною въ архангельскомъ архивѣ и документы о причинѣ ссылки Калнишевскаго, разъисканные, по моей просьбѣ, въ архивѣ соловецкаго монастыря, гг. Гоздаво-Тышинскимъ и П. И. Чубинскимъ. Здѣсь-же, для полноты настоящей статьи, считаю нужнымъ сказать лишь нѣсколько словъ о положеніи Калнишевскаго въ заточеніи. Калнишевскій, какъ извѣстно изъ исторіи, заключенъ былъ въ соловецкій монастырь не за собственную вину, а за то собственно, что былъ представите-

лемъ запорожскаго войска, отжившаго свой историческій вѣкъ. Калнишевскаго содержали безвыходно много лѣтъ въ маленькомъ, сыромъ, холодномъ и полутемномъ чуланѣ въ одной изъ каменныхъ башенъ монастырской стѣны; впослѣдствіи ему было отведено лучшее помѣщеніе, рядомъ съ поварней. Не смотря на свое долговременное ужасное заточеніе и на свою глубокую старость (онъ умеръ 112 лѣтъ отъ роду), Калнишевскій не потерялъ умственныхъ силъ, какъ то было съ большинствомъ заключенныхъ. Безвыходно заточенные обыкновенно или вскорѣ умирали, или, по словамъ крестьянъ, дѣлались *блаженными*, т. е. сходили съ ума, или впадали въ идіотизмъ, и тогда жили долго. Слова крестьянъ на счетъ послѣдняго обстоятельства подтверждаются ежегодными вѣдомостями архимандритовъ о монастырскихъ узникахъ прошлаго столѣтія. Въ нихъ противъ многихъ фамилій заточенныхъ стоятъ отмѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: „находится въ несовершенномъ умѣ, въ разстроенныхъ мысляхъ, скорбенъ умомъ“ и т. п.

Въ вѣдомостяхъ о колодникахъ соловецкаго монастыря за 1802 годъ встрѣчается еще фамилія одного малороссіянина—Саввы Сирскаго. О немъ сказано, что Сирскій первоначально содержался въ шлиссенбургской крѣпости, а въ іюнѣ 1801 г. препровожденъ въ соловецкій монастырь при указѣ святѣйшаго синода, а за что—не дано знать. Присланъ онъ „для содержанія въ числѣ послушниковъ и употребленія въ монастырскихъ послушаніяхъ, которыхъ нимало не можетъ по немолодымъ своимъ лѣтамъ носить. Но по причинѣ учиненнаго имъ къ побѣгу изъ монастыря покушенія, для отвращенія и впредь таковаго, содержится по силѣ указа свят. синода въ вѣдомствѣ и за стражею здѣшняго воинскаго начальника, впрочемъ, находясь въ несовершенномъ разумѣ и разстроенныхъ мысляхъ, жизнь свою препровождаетъ скромно и спокойно“.

Въ мой перечень внесены не всѣ малороссіяне, томившіеся въ прошломъ столѣтіи въ неволѣ на далекомъ сѣверѣ. Какъ можно думать, были тамъ и многіе другіе. Такъ, въ описи черниговскаго архива, упоминается подъ 1717 годомъ о Яковцѣ Михайленкѣ, который бѣжалъ изъ ссылки изъ обители соловецкихъ чудотворцевъ, а въ описи уничтоженныхъ дѣлъ архангельскаго архива—о гайдамакахъ, поверстанныхъ въ солдаты, въ архангельскій гарнизонъ.

П. Ефименко.

Еще по поводу народной пѣсни:

О ВЗЯТІИ ТОРЧЕСКА, ИЛИ-ЖЕ АЗОВА? *)

Въ іюльской книжкѣ „Кіев. Старины“ помѣщена статья А. И. Стоянова: „Южно-русская пѣсня о событіи XI вѣка“, въ которой авторъ пріурочиваетъ пѣсню, напечатанную въ Сборникѣ чумацкихъ пѣсенъ И. Я. Рудченка подъ № I, въ четырехъ варіантахъ, ко взятію половцами Торческа въ 1093 году. Такое пріуроченіе онъ основываетъ на совпаденіи многихъ чертъ лѣтописнаго разсказа объ этомъ событіи и мѣстнаго о немъ преданія съ отдѣльными мѣстами пѣсни, преимущественно по двумъ приводимымъ имъ ея варіантамъ, изъ которыхъ второй до сихъ поръ не былъ извѣстенъ въ печати [1]). Здѣсь-же указаны и другія мнѣнія о значеніи этой пѣсни: одно г. Рудченка, видѣвшаго въ ней весьма древнія бытовыя черты торговли мѣхами и мѣновой торговли, и второе, г. М. Т—ова („В. Евр.“, 1877 г., кн. III), о великорусскомъ происхожденіи пѣсни, составляющей перефразировку прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова, которому должна была отвѣчать великорусская пѣсня, до сихъ поръ никѣмъ не записанная. А. И. Стояновъ полагаетъ (стр. 94), что поводомъ къ послѣднему мнѣнію послужило упоминаніе въ одномъ изъ варіантовъ пѣсни о плѣ-

---

*) См. «Кіев. Старина», іюль, стр. 81; августъ, стр. 362.

[1]) Варіантъ изъ с. Вел. Снитинки васильков. у. почти буквально совпадаетъ съ вар. Б. у г. Рудченка, помѣченнымъ «Васильковъ», и былъ сообщенъ мною издателю чумацкихъ пѣсенъ; я даже полагаю, что это онъ и есть, а различія произошли только при перепискѣ и корректурѣ не подъ глазами издателя. Отсюда и пропускъ существенно важнаго примѣчанія пѣвца, указаннаго въ статьѣ г. Стоянова, которое находилось и въ моемъ спискѣ.

неніи, при взятіи разбойниками Азова, „молодыхъ *черкесочокъ*". На самомъ-же дѣлѣ, такое мнѣніе, по болѣе вѣскимъ соображеніямъ, было высказано первоначально мною, въ 1874 году, въ рецензіи на Сборникъ г. Рудченка, причемъ я, конечно, отрицалъ всякую возможность *перефразировки* донского сказанія въ малорусскую пѣсню, а только указывалъ на ихъ замѣчательный параллелизмъ.

При этомъ мнѣніи я остаюсь и теперь, а потому и долженъ вновь повторить свои доводы, затерянные въ старой газетной статьѣ, и дополнить ихъ нѣкоторыми новыми данными. Къ этому обязываетъ меня какъ давнишнее сотрудничество съ А. И. Стояновымъ по занятіямъ малорусской этнографіей, о которомъ съ такой теплотою упомянулъ мой почтенный другъ, такъ еще болѣе—стремленіе къ исторической истинѣ, хотя мнѣ на этотъ разъ, по совѣсти, очень больно отрѣшиться отъ мысли о существованіи въ нашей современной пѣсенности прямыхъ слѣдовъ историческихъ событій до-татарскаго періода. Въ видахъ такого разрѣшенія вопроса, которое въ отношеніи даннаго случая должно-бы быть окончательнымъ, мнѣ придется разсмотрѣть каждое изъ положеній, высказанныхъ въ концѣ статьи г. Стоянова.

Прежде всего замѣчу, что г. Рудченко, интересуясь въ пѣсняхъ преимущественно ихъ бытовою стороною, и потому принимая ихъ въ слишкомъ буквальномъ и современномъ смыслѣ, независимо отъ ихъ историческихъ наслоеній, важное значеніе которыхъ указано г. Стояновымъ (стр. 94—95), принялъ въ своемъ Сборникѣ основнымъ варіантомъ—искажённый и съ полузабытымъ концомъ. Г. Стояновъ считаетъ столь-же искаженными и остальные варіанты этого Сборника, а наиболѣе цѣльнымъ—обнародованный имъ самимъ, —изъ м. Василівщины васильковскаго уѣзда. Не отрицая важности этой редакціи, особенно ея послѣдняго стиха, я нахожу, однако, гораздо болѣе первообразнымъ списокъ М. А. Кропивницкаго изъ с. Григорьевки елисаветградскаго уѣзда. Въ общемъ онъ очень близокъ къ василівщинскому, но отличается отъ него существенно важною чертою: въ послѣднемъ снарядившихся купцами бурлакъ грабитъ въ Азовѣ орда, а въ григорьевскомъ—сами они грабятъ Азовъ, соотвѣтствуя этой „ордѣ" (мы увидимъ ниже, какому историческому факту соотвѣтствуетъ и это упоминаніе объ ордѣ, т. е. татарахъ). Кромѣ того, здѣсь указываются подробности снаряженія

бурлакъ, изъ котораго видно, что число ихъ значительно превышаетъ число купеческихъ возовъ, т. е. они сами пользуются послѣдними для скрытнаго входа въ городъ, подъ видомъ товара, что̀ поясняется спискомъ Н. И. Костомарова, примѣчаніемъ пѣвца къ снитинскому варіанту и той именно подробностью преданія о Торческѣ, гдѣ оно расходится съ лѣтописью; въ спискѣ-же василівщинскомъ ея нѣтъ. Поэтому, прежде всего необходимо возстановить здѣсь варіантъ изъ Григорьевки, полный текстъ котораго таковъ:

1. Ой що то за крячокъ
2. Надъ моремъ крякае,
3. Гей и що жъ то за бурлакъ
4. Молодцівъ збірае:
5. —„А збірайтеся, хлопці,
6. Да й все народъ майстерный,
7. Да й зробимо, братця,
8. Півтораста мы возівъ,
9. Да начепимъ-начепимъ
10. Півтораста мы яремъ,
11. Да возьмемо, братця,
12. По семеро молодцівъ,
13. А по восьмому, братця,
14. За-для кашовarости,
15. А по девъятому, братця,
16. За-для осторожности,
17. А по десятому, братця,
18. Щобъ волыки поганявъ.
19. Та поідемо мы, братця,
20. Ажъ въ той городъ у Азовъ;
21. Та й займемо мы місця
22. По шырокимъ улыцямъ,
23. Да поставляемъ возы
24. У три ряды у шкадронъ.
25. Ой выйдуть до насъ, выйдуть
26. А два купці-молодці,
27. А спытають насъ, братця,
28. Що за товаръ у возахъ?

29. А мы скажемо, братця,
30. Що въ насъ товаръ дорогий:
31. Все лысыці та куныці
32. Та чорные соболя́":

33. Гей учора изъ вечора
34. Такий приказъ оддали,
35. А такъ якъ о півъ-ночі—
36. Азовъ-городъ узяли.
37. Ой выйшовъ да выйшовъ
38. А знать бурлакъ—сильно пребагатъ,
39. А крикнувъ вінъ покрикнувъ
40. Своімъ громкимъ голосомъ:
41. „Ой збірайтеся, хлопці,
42. Всі молодці на судно,
43. Та беріте-грабуйте—
44. Кому чого надобно:
45. Гей кому срібла, а кому злота,
46. Кому суконъ дорогихъ,
47. А кому мало, недостача,—
48. Черкесочокъ молодихъ".

Перехожу теперь къ изложенію Сказанія о взятіи донскими козаками Азова, помѣщеннаго въ 3-й книжкѣ „Чтеній моск. общ. ист. и древностей" за 1864 годъ, все содержаніе котораго и многія мельчайшія подробности поразительно совпадаютъ съ приведенною пѣснію. Сказаніе это слишкомъ обширно, чтобы приводить его цѣликомъ, и я ограничусь краткимъ, но точнымъ пересказомъ его, приводя подлинникомъ тѣ мѣста, которыя имѣютъ существенное значеніе для цѣли настоящей статьи. Замѣчу, что сказаніе мѣстами носитъ слѣды искаженій, языкъ его вовсе не современенъ событію, а по меньшей мѣрѣ на цѣлое столѣтіе позднѣе, признаки чего укажу ниже; разсказу о взятіи Азова предшествуетъ эпизодъ о захватѣ турецкихъ судовъ.

„Въ лѣта благочестиваго государя-царя и великаго князя Михаила Өеодоровича, всея Россіи самодержца,—начинается сказаніе,—собравшееся военное вольное козачество изъ городовъ на тихой Донъ, атаманъ у нихъ былъ Нижняго Новгорода, что на Волгѣ

рѣкѣ, Наумъ Васильевичъ. Въ нѣкое время азовскій паша, по нашему воевода, отъ турскихъ бояръ, отдаде въ замужство дочь свою за крымскаго хана, а по нашему ихъ царя старчева (т. е. старшаго). И тотъ азовскій паша,, нагрузя четыре буса̀ (судна) живота, отпустилъ на оныхъ дочь свою по Дону къ крымскому хану Старчеву (sic), а провожатыхъ съ нею послалъ семьсотъ человѣкъ". Узнавъ объ этомъ, атаманъ съ товарищи изготовили легкіе струги, помолились Іоанну Предтечѣ и Николаю Чудотворцу и отправились въ числѣ четыретсотъ человѣкъ на добычу. „На Дону оставили для обереженія сто человѣкъ, да чернаго попа Серапіона, который къ нимъ пришелъ изъ Астрахани отъ архіепископа Макарія, по нѣкоей винѣ случившейся". Изъ засады въ камышѣ напали добычники на турецкіе „бусы", овладѣли ими и перебили всѣхъ бывшихъ тамъ турокъ и татаръ, кромѣ дочери паши и ея прислужницъ, а тогда всю добычу перевезли на Донъ сухимъ путемъ на лошадяхъ. Паша выкупилъ свою дочь съ ея „дѣвками", давши козакамъ драгоцѣнностей на десять тысячъ рублей. Козаки отослали всю добычу въ Астрахань и обмѣняли на русскіе товары.

Потомъ они собрались въ кругъ и стали совѣтовать о новомъ предпріятіи: какъ-бы Азовъ городъ взять. И держали рѣчь атаманъ Наумъ Васильевичъ и есаулъ Иванъ Федоровичъ: „Разумно говорите, козаки вольные, молодцы добрые! Какъ градъ Азовъ возьмемъ? Сдѣлаемъ стотридцать телѣгъ и покроемъ ихъ кожами красными и черными, и во сто телѣгъ положимъ по малу числу товаровъ, а въ тридцать [1]) телѣгѣ по четыре человѣка козаковъ съ ружьями и русскими товарами... И начаша готовити телѣги, и положили въ тридцать телѣгъ по малу русскихъ товаровъ и по четыре человѣка". Изготовившись такимъ образомъ, „по совершеніи молебнаго пѣнія, съ тихова Дону пошли ко Азову граду, и взяли съ собою честныя иконы, и не доходя до Азова за день, стали въ камышникѣ и начали думать, какъ-бы Азовъ взять". Атаманъ распорядился такимъ образомъ: „къ каждой телѣгѣ приставилъ по

[1]) Это мѣсто искажено: далѣе говорится, что изъ телѣгъ въ Азовѣ вышло *четыреста* козаковъ; слѣдовательно, распредѣленіе телѣгъ изложено здѣсь превратно: товарами должно быть занято тридцать, а засадою сто, что и болѣе соотвѣтствуетъ характеру употребленной хитрости.

человѣку, а триста человѣкъ снарядилъ въ хорошее нѣмецкое платье и заготовилъ листъ къ азовскому пашѣ или коменданту, въ коемъ написано: Изъ астраханскаго царства отпущены товары съ торговыми людьми въ турецкую землю, въ городъ Азовъ. И козаки другими именами назвались, и о товарѣ на нѣсколько тысячъ объявили, таможенной откупъ за печатью атамана написали, и противу того точную копію списали, въ самую-же полночь пошли со всѣмъ обозомъ къ Азову".

Встрѣченные нѣсколькими тамошними охотниками, козаки подарили имъ по три бѣлки и просили извѣстить въ городъ о своемъ прибытіи. Когда донесли объ этомъ пашѣ, онъ послалъ восемь человѣкъ для опроса пріѣзжихъ и осмотра ихъ товаровъ. „Татары и турки, видя на козакахъ платье долгое торговое", спрашивали письма изъ астраханскаго царства отъ тамошняго воеводы и просили показать товаръ. Атаманъ велѣлъ развязать десять возовъ, въ которыхъ оказались: „котлы, порохъ, свинецъ, укладь, холсты, сукна, добрые соболи, лисицы и бѣлки". Козаки дали подарки досмотрщикамъ и заявили, что такой-же товаръ и въ остальныхъ возахъ, кромѣ двухъ, гдѣ хранятся дорогіе подарки для паши. Узнавъ объ этомъ и видя, что даже досмотрщикамъ подарено по дорогой лисицѣ въ пять рублей, паша разрѣшилъ впустить мнимыхъ купцовъ въ городъ, куда они и въѣхали по захожденіи солнца (т. е. на второй день по отходѣ изъ стана въ камышникѣ).

„И турки поставили ихъ на гостинной дворъ, сказавъ имъ, чтобъ товары вносили въ лавку; а козаки просили до утра оставить, а завтра, сказали, осмотримъ и перепишемъ, а оной товаръ просушимъ, и тогда въ лавки сносимъ". Получивши согласіе турокъ, атаманъ, по требованію паши, отправляется къ нему съ „письменнымъ видомъ" и несетъ въ подарокъ три сорока соболей, почему и встрѣчаетъ самый ласковый пріемъ. Уходя отъ паши, атаманъ говоритъ слугѣ его: „завтра принесу ему другіе подарки, чтобы у нашихъ возовъ караула не было, понеже мы опасныхъ людей сего города не боимся". По докладу слуги „паша караулу стоять не велѣлъ", и козаки, поужинавъ, затворяютъ ворота гостиннаго двора на запоръ, „и мало пріумолкли".

Тогда атаманъ велѣлъ развязывать телѣги, и изъ нихъ вышло четыреста козаковъ. Ихъ тоже накормили, а потомъ собрались всѣ

въ кругъ. Атаманъ велѣлъ козакамъ раздѣлиться на партіи для одновременнаго нападенія въ разныхъ направленіяхъ, а самъ пошелъ ко двору паши; „у возовъ-же оставили чернаго попа Серапіона и съ нимъ десять человѣкъ, чтобы помолились Богу и святымъ угодникамъ Іоанну Предтечѣ и Николаю Чудотворцу". На турокъ напали врасплохъ, началась рѣзня, продолжавшаяся съ полуночи до разсвѣта: „и всѣхъ турокъ, и татаръ, и старыхъ бабъ побивали, а молодыхъ женокъ и дѣвокъ къ себѣ взяли".

Число убитыхъ было такъ велико, что едва за два дня успѣли вывезти трупы ихъ въ море. „Молодыхъ-же ребятъ, женокъ и дѣвокъ и со всѣхъ домовъ имѣніе собравъ, начали дѣлить, и подѣлу на каждаго козака досталось по три человѣка, а живота по двѣ тысячи рублей да по четыре коня. И взявъ съ собою иконы, несоша посредѣ града съ псалмопѣніемъ, и украсиша ихъ сребромъ и златомъ".

Поселились затѣмъ козаки въ Азовѣ, „стали жить въ домахъ и создали церковь деревянную во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца и послали въ Астрахань къ архіепископу Макарію, чтобъ далъ имъ на освященіе церкви архимандрита, попа и діакона и антиминсъ. Преосвященный Макарій послалъ попа бѣлаго, и діакона, и антиминсъ, и грамоту, да живутъ тамъ въ Азовѣ. И многіе козаки на турчанкахъ женились, и въ христіанскую вѣру приведены (т. е. турчанки). Пронесошеся о семъ вѣсть въ русскихъ странахъ и городахъ, и много людей къ нимъ въ Азовъ пришло, и собралось ихъ до пяти тысячъ человѣкъ".

Изъ приведеннаго здѣсь краткаго изложенія Сказанія видно, что и само оно возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Изложеніе его крайне неровно: языкъ мѣстами, какъ въ первой рѣчи атамана, разсказѣ объ избіеніи азовскихъ турокъ и дѣлежѣ добычи,—вполнѣ соотвѣтствуетъ эпическому складу народныхъ преданій; въ другихъ мѣстахъ, церковнославянскіе обороты и повсемѣстное упоминаніе о религіозно-обрядовыхъ подробностяхъ, какъ о попѣ Серапіонѣ, молебствіяхъ, псалмопѣніи послѣ побѣды, перенесеніи и украшеніи иконъ, созданіи церкви и посылкѣ въ Астрахань за духовенствомъ для нея и антиминсомъ,—заставляютъ думать, что слагателемъ его, или по крайней мѣрѣ первымъ списателемъ, было лицо духовное; наконецъ, употребленіе такихъ словъ, какъ *комен-*

дантъ, копія, письменный видъ, упоминаніе о *нѣмецкомъ платьѣ* у торговыхъ людей и т. под., служитъ указаніемъ, что напечатанная редакція Сказанія принадлежитъ свѣтскому грамотѣю и никакъ не старѣе второй четверти прошлаго столѣтія, а можетъ быть—и гораздо новѣе. Примирить эти противорѣчія можно единственно только предположеніемъ, что Сказаніе первоначально существовало въ видѣ народнаго преданія или даже и пѣсни, затѣмъ, подобно преданіямъ древнѣйшаго періода нашей исторіи, было облечено въ письменную форму какимъ нибудь книжникомъ изъ духовенства, и наконецъ подвергалось передѣлкамъ со стороны свѣтскихъ переписчиковъ. Насколько вѣрно такое предположеніе, покажетъ отчасти дальнѣйшій анализъ Сказанія.

По отношенію собственно къ нашей пѣснѣ, Сказаніе представляетъ замѣчательныя совпаденія, до полнаго тождества. Относительно мѣстности, изъ пяти извѣстныхъ вполнѣ варіантовъ Азовъ упоминается въ двухъ, равно какъ въ цитатѣ діда Омелька покойному П. И. Ревякину и въ „верзяканьи“ солдата на переяславской пристани; въ остальныхъ трехъ варіантахъ упоминаются „Ростовъ“ и „Щучинъ“,—мѣстности, тоже близкія къ Азову. Въ пѣснѣ подъ видомъ товара ввозятся въ городъ „бурлаки“, по Сказанію—вольные козаки. Въ перечисленіи товаровъ тамъ и здѣсь одинаково говорится о лисьихъ и собольихъ мѣхахъ, которые, по Сказанію и согласно всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ, служатъ предметами подарковъ, а показываютъ товары, въ приведенномъ здѣсь и костомаровскомъ спискѣ, по требованію мѣстныхъ городскихъ купцовъ, въ Сказаніи—азовскихъ досмотрщиковъ. Въ послѣднемъ варіантѣ „купецъ“ открываетъ рогожи съ возовъ, стоящихъ по темнымъ улицамъ, и тамъ открываются „добрі молодці“; примѣчаніемъ пѣвца къ лишенному окончанія снитинскому варіанту поясняется иносказательный смыслъ его послѣдняго стиха о „продажѣ“ товара, состоящаго изъ „козаковъ“; въ григорьевскомъ прямо излагается результатъ такой продажи: взятіе и разграбленіе Азова, какъ и въ Сказаніи. Далѣе, тамъ и здѣсь идетъ раздѣлъ добычи, въ составъ которой входятъ и молодыя „черкесочки“, а въ обнародованномъ А. И. Стояновымъ спискѣ прямо сказано „туркені“, —турчанки Сказанія. Замѣчу, что предполагать здѣсь переходъ звука *о* въ *у*, туркеня вмѣсто торкеня, впрочемъ очень обыкновен-

ный въ Кіевщинѣ, мы имѣли-бы право только тогда, когда-бы не было въ виду указанія на правильность записанной формы. Въ малорусской рѣчи туркеня именно и значитъ турчанка:

А на тому кораблі
Сидить *турчинъ* изъ *туркенею.*

Установивъ, такимъ образомъ, тождество нашей пѣсни и Сказанія, или, вѣрнѣе говоря, происхожденіе ихъ изъ одного общаго источника, необходимо затѣмъ, для точности изслѣдованія, разрѣшить слѣдующіе вопросы:

Весьма возможно, что существовало въ народѣ общее преданіе объ особомъ видѣ военной хитрости для взятія города, напоминающемъ троянскаго коня, которое затѣмъ и пріурочивалось къ мѣстнымъ случаямъ, хотя-бы въ дѣйствительности такая хитрость и не въ каждомъ изъ нихъ употреблялась. Пріурочить ее одинаково могло Сказаніе къ Азову, какъ и Омелько къ Торческу. Если, поэтому, отыщется достовѣрное историческое событіе, къ которому пріурочивается безъ натяжекъ Сказаніе, а слѣдовательно и наша пѣсня, то слѣдуетъ разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ обстоятельства этого событія допускаютъ возможность дѣйствительнаго употребленія при немъ упомянутой военной хитрости.

Во вторыхъ, если на предыдущій вопросъ и получится утвердительное рѣшеніе, то необходимо еще указать путь, какимъ могла распространиться въ приднѣпровской Малороссіи пѣсня о событіи, имѣвшемъ мѣсто на отдаленномъ отъ нея Юговостокѣ.

Царствованіе Михаила Ѳедоровича, къ которому само себя относитъ Сказаніе, было эпохою найбольшаго, какъ кажется, развитія удальства козаковъ по отношенію къ ихъ магометанскимъ сосѣдямъ; и донцы, и запорожцы громили ихъ въ ту пору пуще всего. Оставляя въ сторонѣ послѣднихъ, представимъ краткій перечень набѣговъ донцовъ на турокъ и ихъ владѣнія. Въ 1622 г. они ограбили въ устьяхъ Дона шедшіе въ Азовъ турецкіе караваны. Въ 1623 г. они взяли турецкій корабль близъ Керчи, а затѣмъ напали на ногайцевъ и нанесли имъ большой уронъ, захвативъ много женщинъ, дѣтей и животины. Въ 1626 г. донцы овладѣли монастыремъ Іоанна Предтечи недалеко отъ Цареграда. Въ 1628 году, послѣ неудачнаго похода подъ Трапезунтъ, ограбили и сожгли

Карасу и Манкупъ въ Крыму. Въ 1630 г. ими былъ разгромленъ Синопъ. Въ 1633 г. на двадцати пяти стругахъ сдѣлали набѣгъ на Кафу, а потомъ захватили Иконію. Въ 1634 г. донскіе козаки рѣшились напасть на такую сильную крѣпость, какъ *Азовъ*, повредили городъ пушечной пальбой, но приступъ ихъ окончился неудачею. Наконецъ, *козакамъ удалось овладѣть въ 1637 году Азовомъ*, который составлялъ для нихъ такое-же препятствіе къ свободному выходу въ море, какими были для запорожцевъ турецкіе „зàмки" на Днѣпрѣ, на мѣстѣ нынѣшней Каховки и Берислава и на промежуточныхъ между ними островахъ, носившіе названія: Асламъ-керменъ, Тавань, Кызы-керменъ, Муберекъ-керменъ и Мустритъ-керменъ [1]).

Передадимъ главныя черты этого событія, оттѣняя тѣ ихъ особенности, которыми онѣ совпадаютъ съ пѣснею или Сказаніемъ. Задумавъ овладѣть Азовомъ и видя недостатокъ военныхъ припасовъ, донскіе козаки посылали на Москву, съ просьбою о присылкѣ таковыхъ, атамана *Ивана* Каторжнаго, именемъ своимъ соотвѣтствующаго есаулу Ивану Федоровичу, о которомъ говорится въ началѣ Сказанія. Была-ли удовлетворена просьба донцовъ, мы не знаемъ. Тѣмъ временемъ они устроили общій съѣздъ со всѣхъ городковъ и рѣчекъ и затѣмъ выступили къ Азову, въ числѣ четырехъ тысячъ *четырехсотъ* человѣкъ; Сказанію, имѣвшему цѣлью прославить козацкіе подвиги, вполнѣ естественно было умолчать о первой цифрѣ и оставить только вторую, какъ число воиновъ, скрытыхъ подъ видомъ товаровъ. Не доходя Азова, козаки *простояли* двѣ недѣли, конечно, скрываясь самымъ тщательнымъ образомъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ стоянкѣ ихъ въ камышникѣ, продолжительности которой Сказаніе не опредѣляетъ. Здѣсь прибыли къ нимъ на подмогу *астраханскіе* юртовые *татары*, послѣ чего они и овладѣли городомъ. Сказаніе нѣсколько разъ упоминаетъ о сношеніяхъ и связяхъ козаковъ съ Астраханью, да и въ Азовъ проникли они подъ видомъ астраханскихъ торговцевъ; тотъ-же фактъ, что вмѣстѣ съ ними, въ качествѣ союзниковъ, дѣйствовали татары,

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 273, 278, 282, 283, 285, 286, 291.

объясняетъ намъ упоминаніе объ *ордѣ* въ обнародованномъ г. Стояновымъ варіантѣ пѣсни и разрѣшаетъ *на-половину* высказанное имъ недоумѣніе (стр. 93): „Если-бы какая-либо татарская орда въ болѣе позднее время захватила турецкій Азовъ и стала грабить турокъ и брать въ плѣнъ турчанокъ, какимъ образомъ фактъ этотъ отразился-бы въ южнорусскомъ эпосѣ и на какомъ основаніи“? Идемъ далѣе: историкъ не говоритъ намъ о способѣ взятія Азова, но изъ простого сопоставленія фактовъ ясно, что здѣсь была употреблена *какая-то* военная хитрость, та-ли, что въ пѣснѣ и Сказаніи, или какая либо иная, на этомъ я не настаиваю, но во всякомъ случаѣ дѣйствовала не одна открытая сила. Козаковъ во взятіи города участвовало всего четыре тысячи четыреста, численность астраханскихъ юртовыхъ татаръ неизвѣстна, но послѣднихъ, какъ показываютъ намъ всѣ современные факты изъ исторіи югозападной Руси, при штурмѣ *крѣпости* можно почти не принимать во вниманіе. Азовская-же крѣпость была такъ сильна, что нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1641 году, подъ стѣнами Азова, защищаемаго *пятнадцатью* тысячами козаковъ, простояла все лѣто огромная турецкая армія, численность которой опредѣляютъ, хотя-бы даже съ большимъ преувеличеніемъ, въ *двѣсти сорокъ* тысячъ человѣкъ, съ сотнею орудій,— повторяла, но неудачно, приступы къ крѣпости двадцать четыре раза и наконецъ вынуждена была снять осаду. По взятіи города козаками, они, говоритъ историкъ, не упускаютъ живымъ ни одного человѣка, на степи и на морѣ, что вполнѣ согласно не только со словами Сказанія, но и со смысломъ пѣсни, такъ какъ прежде чѣмъ дѣлиться „черкесочками“ или „туркенями“, необходимо было истребить ихъ отцовъ, мужей, братьевъ, все взрослое мужское населеніе. Отмѣтимъ, наконецъ, еще одну черту совпаденія: въ Сказаніи неоднократно упоминается о молитвахъ козаковъ Іоанну Предтечѣ и Николаю чудотворцу, основаніи церкви во имя этихъ угодниковъ и т. д. На земскомъ-же соборѣ 1642 года, по вопросу о томъ, возвратить-ли туркамъ Азовъ, или удержать его за собою, жители многихъ городовъ говорили царю: „Если не изволишь Азова принять, то онъ будетъ за бусурманами, и образъ *Іоанна Предтечи* будетъ у бусурмановъ: не навесть-бы, государь, гнѣва Божія и гнѣва великаго свѣтильника *Іоанна Предтечи* и великаго святителя и *чудотворца Николая, которыми поручилъ тебѣ Богъ такой*

дальній крѣпкій украинскій городъ". Однако правительство, изъ соображеній политическихъ, т. е. не желая навлечь на себя войны съ могущественною тогда Турціею, порѣшило иначе, и донцы, провладѣвъ Азовомъ шесть лѣтъ, въ 1643 году, добровольно, изъ одного угожденія московскому правительству, удалились оттуда, не оставивши впрочемъ и камня на камнѣ [1]).

Такимъ образомъ, между историческими фактами и донскимъ Сказаніемъ оказывается самая тѣсная связь; а такъ какъ ранѣе уже установлена мною подобная-же связь между послѣднимъ и разбираемою пѣснею, то и она должна быть исключена изъ числа бытовыхъ, чумацко-бурлацкихъ, куда помѣстилъ ее г. Рудченко, и отнесена къ историческимъ, но съ пріуроченіемъ ея не ко взятію половцами Торческа въ 1093 году, какъ полагаетъ г. Стояновъ, а ко *взятію козаками Азова, 18 іюня 1637 года.*

Перейдемъ теперь къ вопросу, почему событіе на берегахъ далекаго Дона отразилось въ *малорусскомъ* пѣсенномъ эпосѣ? Ближайшимъ образомъ напрашиваетcя отвѣтъ, что пѣсня эта, на ряду съ нѣкоторыми другими пѣснями, несомнѣнно донского происхожденія, могла быть занесена оттуда чумаками, имѣвшими впослѣдствіи съ Дономъ постоянныя сношенія, такъ какъ рѣка эта очень часто упоминается въ пѣсняхъ, преимущественно чумацкихъ. Но, допуская возможность занесенія этимъ путемъ пѣсни о взятіи Азова, я долженъ сказать что такое предположеніе оставляло-бы безъ отвѣта одинъ изъ аргументовъ г. Стоянова, а именно,—почему-же пѣсня эта извѣстна почти исключительно въ Приднѣпровьи, по крайней мѣрѣ, внѣ этой полосы существованіе ея до сихъ поръ констатировано только въ одномъ елисаветградскомъ уѣздѣ, хотя составъ пѣсенности губерній полтавской и черниговской изслѣдованъ несравненно лучше. Мнѣ кажется, что область распространенія этой пѣсни, поскольку она до сихъ поръ опредѣлена, т. е. съ елисаветградскимъ уѣздомъ включительно, лучше всего можетъ быть объяснена разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ историческихъ обстоятельствъ, современныхъ взятію Азова.

Между Дономъ и Запорожьемъ въ разсматриваемую эпоху, т. е. во второй четверти XVII столѣтія, существовали самыя близкія,

[1]) Соловьевъ, тамже, стр. 299 и слѣд.

можно сказать интимныя отношенія. „Мы до сихъ поръ отдѣляли, говоритъ П. А. Кулишъ, характеръ козаковъ запорожскихъ отъ характера козаковъ донскихъ. Изъ разсказовъ Ахіи (царевичъ, мнимый или дѣйствительный сынъ Магомета III, христіанскій претендентъ на турецкій престолъ), подтверждаемыхъ и другими документами, оказывается, что одна вольница отличалась отъ другой только признаніемъ надъ собою власти разныхъ государей... Мы находимъ въ монастырскихъ сказаніяхъ о черноморскихъ буряхъ (у Кальнофойскаго) передовиками запорожскими—москвитянъ, а на Дону героями, въ родѣ эпическаго Кішки Самійла, запорожскихъ полковниковъ, и знаемъ, какъ обѣ вольницы предпринимали общіе морскіе походы“ [1]). „Тѣ и другіе составляли, можно сказать, нераздѣльное товарищество“ [2]). Положимъ, на слова г. Кулиша, изслѣдующаго факты всегда не иначе, какъ подъ угломъ зрѣнія извѣстной тенденціи, несовсѣмъ удачно ссылаясь притомъ-же на слова Пушкина, что „только глупецъ не перемѣняетъ никогда своихъ убѣжденій“,—полагаться далеко не всегда можно. Но имъ обнародованъ въ цитированномъ изданіи (стр. 290—294) подлинный документъ, который, конечно, гораздо важнѣе выводовъ издателя, просто и безъискуственно изображающій отношенія того времени (1626 годъ) между донцами и запорожцами. Полковникъ запорожскій Алексѣй Шафранъ попалъ въ турецкую неволю, гдѣ пробылъ „у каѳинскаго воеводы на каторге (галерѣ) семь лѣтъ“, а потомъ успѣлъ, съ другими узниками, освободиться и бѣжалъ на Донъ. Отправившись впослѣдствіи отсюда въ Кіевъ, Шафранъ и три его товарища—козака сбились съ пути и приблудились къ городу Волуйкѣ. Тамошнему воеводѣ показались они людьми подозрительными и отправлены имъ на Москву. Здѣсь ихъ подробно обо всемъ распрашивали, и вотъ что̀, между прочимъ, записано въ показаніяхъ Шафрана: „живетъ онъ Олеша на Дону восемнадцать лѣтъ, а иные его товарищи живутъ лѣтъ по пяти и по шести; *а всѣхъ де ихъ на Дону есть съ тысячу человѣкъ; а въ Запорогахъ де донскихъ козаковъ также много;...* только живутъ переходя: *они хо-*

---

1) Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, т. I, стр. 152.

2) Тамъ-же, стр. 286.

дятъ на Донъ, а зъ Дону козаки къ нимъ, и живутъ, сколько гдѣ кто хочетъ. А повелось де у нихъ то зъ донскими козаки изстари, что межъ себя сходятца и живутъ вмѣстѣ въ однихъ куреняхъ. Въ нынешнемъ де лѣте ходили они на море,... а старшина у нихъ былъ онъ Олексѣй, а съ нимъ были *запороскіе черкасы и донскіе козаки смѣсно за одинъ;* а пошли они зъ Дону на море... и взяли въ турской землѣ городъ Трапизонъ". Допрашивавшіе дьяки, желая уличить Шафрана въ сокрытіи будто имъ истинной цѣли пріѣзда въ Волуйку, указывали, что она лежала ему не по дорогѣ: „Вѣдомо подлинно, и знаютъ то многіе люди, что зъ Дону въ Запороги и изъ Запорогъ на Донъ ходятъ степью, не займуя Донца, на Кармию (Калміусъ) да на Мохъ, а Донца не лазятъ". Очевидно, сношенія въ этомъ направленіи были достаточно оживлены и постоянны, если московскіе дьяки могли указывать Шафрану надлежащій его маршрутъ. Противъ рѣчей Шафрана и товарищей были допрошены также случившіеся на Москвѣ донской атаманъ Ѳедоръ Ханеневъ да донской козакъ Ивашка Гайдуковъ, которые съ своей стороны подтвердили: *„на Дону* люди многіе, и *черкасъ бываетъ много, человѣкъ до пятисотъ, а иногды и больши...* А то у нихъ ведетца: какъ зъ Дону поѣдутъ на Днепръ,—и они атаманомъ сказываютца, а на добродѣтели ихъ челомъ бьютъ. А ѣздятъ зъ Дону въ Запороги черезъ Миюсъ да на Мохъ".

Приведенный фактъ *предшествуетъ* взятію Азова; укажу аналогію и изъ времени, непосредственно за нимъ *послѣдующаго.* Въ дневникѣ ксендза Шимона Окольскаго [1]), сопровождавшаго польское войско во время войны съ козаками 1638 года, находимъ нѣсколько указаній на сношенія запорожцевъ съ донцами и даже на прямое участіе послѣднихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ качествѣ запорожскихъ союзниковъ. Такъ, упомянувъ о началѣ возстанія, онъ говоритъ, что возставшіе, „обравши собѣ на Запорожу Остранина за старшого, и при немъ Скидана, зъ посередъ себе *до козаковъ донскихъ, о помощъ просячи, выправили".* И дѣйствительно,

---

[1]) Не имѣя подъ рукою польскаго подлинника Окольскаго, цитирую по южнорусскому переводу Лукомскаго, 1770 года, въ приложеніи къ лѣтописи Величка, т. IV, стр. 193, 208, 214.

послѣ отступленія поляковъ отъ Голты къ Лубнамъ, Остранинъ получилъ вѣсти, „ижъ ему на помоцъ килка полковъ заразъ надходитъ: еденъ ему провадилъ Путивлецъ, и виборного правѣ въ своей-волѣ и въ бунтахъ, между которими *дунскій козакъ,* цвѣчоній на войну, приходилъ". Впрочемъ, отрядъ Путивльца прибылъ къ Лубнамъ уже послѣ бѣгства оттуда Остранина, а потому былъ подавленъ превосходными силами поляковъ, вынужденъ выдать своего вождя и сдаться на капитуляцію, несмотря на которую поляки вырѣзали всѣхъ сдавшихся. О первомъ появленіи путивльцева полка, явившагося неожиданно для поляковъ, Окольскій сообщаетъ, что былъ высланъ на развѣдку о появившемся войскѣ польскій отрядъ. „Постаравшися теди о языкъ (т. е. плѣннаго), привели до его милости пана полковника; которій (т. е. языкъ) повѣдалъ, же Путивлецъ, Мурка и Рѣпка вождове, людъ виборній, и добріи стрѣлци есть между ними; *донцовъ пятсотъ,* другіи суть отъ границъ запорозскихъ, идутъ Остраниновѣ на помоцъ". Самъ Остраниновъ отрядъ бѣжалъ тогда въ нынѣшнюю харьковскую губернію и поселился на сѣверномъ *Донцѣ,* у Чугуева, и лишь впослѣдствіи эти козаки вернулись въ окрестности Полтавы: въ 1641 году, въ Путивлѣ, „въ роспросѣ густынскіе старцы сказали: слышали де онѣ въ литовской землѣ, что де *Чюгуевскіе Черкасы и Яцка Остренина сынъ* ѣздили къ гетману Конецу Полскому (т. е. Конецпольскому) бить челомъ о указѣ и отъ гетмана де пріѣхали, и гетманъ де Конецъ-Полской велѣлъ имъ Черкасомъ селитца слободою подъ своимъ городомъ подъ Полтавою" [1]).

И такъ мы видимъ, что сношенія и связи Дона и Запорожья были очень близки и до и послѣ 1637 года. Было-бы странно предположить, что запорожцамъ не былъ знакомъ Азовъ, что они не принимали участія въ предпріятіяхъ противъ этого города, и чтобы объ этомъ участіи не сохранялось у нихъ памяти. И точно, когда запорожскій кошевой Сѣрко писалъ въ 1675 г. отъ имени всего войска свое извѣстное письмо къ крымскому хану, объясняя причину своего недавняго похода на Крымъ и перечисляя при этомъ прежніе подвиги запорожцевъ противъ турокъ и татаръ, онъ

---

[1]) Акты Южной и Зап. Россіи, т. III, стр. 54.

не забылъ упомянуть и объ Азовѣ. „Року зась 1633, говоритъ Сѣрко, Сулима гетманъ войска низового запорозского, въ моноксилахъ отъ Сѣчи по Днепру, потомъ по Чорномъ мору, чрезъ весь Восфоръ Кимерійскій въ Меотицкое заплинувши езеро, досталъ былъ прекрѣпкого турецкого въ Азіи града Азова" [1]). Почти буквально извѣстіе это вошло въ „Собраніе историческое" Лукомскаго, со ссылкою на какую-то „Русскую лѣтопись достовѣрную" [2]) и съ прибавленіемъ извѣстія о послѣдовавшей казни Сулимы: „1633 году Сулима, гетманъ войска низоваго запорожскаго, въ моноксиляхъ или въ судахъ веселнихъ (гребныхъ) морскихъ, изъ Сѣчи по Днѣпру, чрезъ Босфоръ Киммерійскій въ Меотическое или Азовское море запливши, прекрѣпкій въ Азіи городъ Азикъ или Азовъ взялъ. Сему гетману Сулимѣ король Владиславъ IV голову отсѣкти повелѣлъ въ Аршавѣ по жалобѣ на него, за взятіе Азова, отъ турковъ [3]). Былъ-ли походъ Сулимы вполнѣ самостоятеленъ, или-же онъ имѣлъ связь съ попыткою овладѣть Азовомъ со стороны донцовъ, которая относится къ 1634 году, по неразработанности источниковъ этой эпохи разрѣшить трудно, хотя дѣйствительность этого похода въ 1630-хъ годахъ и казнь за него Сулимы не подлежатъ сомнѣнію, такъ какъ о нихъ упоминается у современника, кіево-печерскаго монаха Афанасія Кальнофойскаго [4]). Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ полагать, что самая крѣпость Сулимою взята *не* была, а только ограблены и опустошены окрестности и города. Иначе тѣснимые

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 381.

[2]) Можно полагать, что эта лѣтопись, на которую Лукомскій ссылается и по отношенію къ гораздо болѣе раннему времени, отъ начала XVI вѣка, въ своемъ Собраніи Историческомъ, первая часть котораго напечатана въ приложеніи къ кіевскому изданію «Лѣтописи Самовидца», стр. 321—372, была не что иное, какъ южнорусская компилятивная лѣтопись XVII вѣка, извѣстная въ спискѣ конца XVII столѣтія, іеромонаха Леонтія Боболинскаго. Отрывки изъ этого списка, 1699 года, напечатаны въ приложеніи къ лѣтописи Грабянки, стр. 273—327. Но у покойнаго М. А. Максимовича имѣлась лѣтопись, въ рукописи *первой* половины XVII вѣка, которою пользовался, какъ оригиналомъ, или какъ главнымъ источникомъ, Боболинскій. Что сталось съ этимъ важнымъ и интереснымъ памятникомъ южнорусской письменности и исторіографіи, мнѣ неизвѣстно.

[3]) Лѣтопись Величка, т. IV, стр. 180.

[4]) Τερατουργημα lubo cuda, które były... w monastyru pieczarskim kijowskim, etc., Кіевъ, 1638 г., стр. 271: «z hetmanem swym na ten czas Sulimem, *niedawno* za przestępki swe przeciwko Rzeczy Pospolitey *na gardle skaran*ym y z niemałą kupą woyska puścili się czółnem na morze».

ею донцы не замедлили бы воспользоваться случаемъ и утвердиться здѣсь. Наконецъ, тотъ-же Лукомскій сохранилъ намъ и извѣстіе объ участіи запорожцевъ во взятіи Азова въ 1637 году, настолько мотивированное и любопытное, что его стоитъ привести здѣсь вполнѣ. Передавъ о возстаніи Павлюка и пораженіи козаковъ подъ Кумейками, Лукомскій продолжаетъ:

„Того-жъ 1637 году согласились 4000 человѣкъ храбрыхъ козаковъ, которіе часто помянутихъ лядскихъ утѣсненій болѣе нести не могли, искать своего щастія въ другихъ краяхъ пошли къ персіянамъ, чтобъ на войнѣ противъ турковъ служить. Они пошли чрезъ кримскіе и нагайскіе орды со всякою осторожностію къ Дону и имѣли на дорогѣ частой случай сражатся съ татарами, тамъ встрѣтились они съ 3000 человѣкъ донскихъ козаковъ, которіе приняли ихъ весьма пріятно и притомъ освѣдомились о ихъ намѣреніи и походѣ. Услышавъ причину онаго, представляли тамъ они имъ опасности похода чрезъ толь многіе народы и сомнѣніе свое, что найдутъ-ли они у персіянъ то, чего желаютъ. Они говорили имъ: мы де имѣемъ для васъ, браття, запасу доволно; чего вы такъ далеко искать намѣрены, то найдете вы у насъ,—будемъ другъ другу вѣрни. Вотъ Азовъ: когда мы возьмемъ этотъ городъ, то будемъ имѣть способной проходъ въ Меотическое или въ Чорное море, гдѣ мы въ одинъ походъ можемъ столько взять добычи, сколько вы во всѣхъ кровопролитіяхъ... у персіянъ никогда не получите“. Запорожскіе козаки, посовѣтовавъ между собою, согласились напослѣдокъ на предложеніе донскихъ. Пошли они вмѣстѣ подъ Азовъ, гдѣ турецкій гарнизонъ, котораго отъ трехъ до четирехъ тисячъ человѣкъ было, ихъ предпріятію осмѣялись. Козаки начали тотъчасъ въ землю вриватся и продолжали день и ночь свою работу съ такою ревностію, что они, при непріятелской стрѣлбѣ отъ яничаръ, въ городъ вошли и непріятеля припудили отступить въ зáмокъ. Яничари находились тогда въ столь великомъ страхѣ, что и замокъ немедленно здали, хотя козаки толко четире фалконеты при себѣ имѣли, которими-бы никогда пролому учинить не могли. Они ограбили городъ и здѣлали тотчасъ надлежащее учрежденіе: донци овладѣли Азовомъ, а запорожци зъ добычами въ Сѣчъ возвратилися“ [1])

---

[1]) Величко, т. IV, стр. 181—182.

Я съ намѣреніемъ привелъ только здѣсь слова Лукомскаго, несмотря на ихъ категорическій смыслъ и рѣшающее значеніе въ вопросѣ объ участіи запорожцевъ при взятіи Азова. Какъ источникъ компилятивнаго характера, составленный слишкомъ черезъ сто тридцать лѣтъ послѣ событія, и притомъ почти безъ всякой критики,—„Собраніе“ Лукомскаго само по себѣ не могло-бы служить достаточнымъ основаніемъ для признанія этого участія, если бы ранѣе не были установлены, по источникамъ первой руки, факты о постоянныхъ сношеніяхъ и связяхъ Запорожья и Дона въ разсматриваемую эпоху. Но въ виду несомнѣнности такого рода фактовъ, свидѣтельство Лукомскаго, изъ какого-бы источника онъ его ни почерпнулъ, получаетъ характеръ достовѣрности по отношенію къ событію, а вмѣстѣ съ тѣмъ важно и само по себѣ, какъ слѣдъ *южнорусской* традиціи объ участіи въ этомъ событіи запорожскихъ козаковъ.

Коль скоро же является доказаннымъ, что запорожцы въ 1620—30-хъ годахъ бывали на Дону въ большемъ или меньшемъ числѣ постоянно, что они участвовали и во взятіи Азова, то становится вполнѣ понятнымъ и существованіе въ Малороссіи пѣсни объ этомъ событіи, и ея ограниченное распространеніе. Народная пѣсня историческаго содержанія вообще складывается по горячимъ слѣдамъ событія; наглядными примѣрами могутъ служить какъ пѣсня о корсунскихъ волненіяхъ 1855 года, вскорѣ послѣ того тамъ же записанная А. Г. Зайкевичемъ и переданная имъ А. И. Стоянову, такъ и записанная мною пѣсня объ избіеніи крестьянами банды польскихъ повстанцевъ 1863 года въ с. Соловіевкѣ радомысльскаго уѣзда [1]). Такъ и здѣсь: пѣсня о взятіи Азова могла быть сложена или немедленно, на мѣстѣ, -въ такомъ случаѣ она должна отыскаться и на Дону, гдѣ она, или прозаическое преданіе о томъ же событіи послужили источникомъ книжнаго Сказанія; или же она могла быть сложена запорожцами уже по отходѣ ихъ съ Дона, на пути или по прибытіи въ Сѣчь. Въ томъ и въ другомъ случаѣ распространителями ея по Малороссіи могли быть только запорожцы. Если принять во вниманіе, что вслѣдъ затѣмъ наступило возстаніе Остранина и Гуни, а десять лѣтъ спустя страшный пожаръ надолго охватилъ всю южную Русь, то будетъ

[1]) Напечатана въ «Кіевлянинѣ» 1869 года, № 64.

ясно, что занесенная тогда запорожцами пѣсня о далекомъ по мѣстности и неимѣющемъ непосредственнаго интереса для мѣстнаго населенія историческомъ эпизодѣ—не могла получить въ Малороссіи повсемѣстнаго распространенія. Она могла удерживаться по преимуществу въ такихъ только мѣстахъ, которыя, какъ нынѣшній елисаветградскій уѣздъ, входили въ составъ запорожскихъ владѣній; или нерѣдко были посѣщаемы ими, какъ уѣздъ чигиринскій, съ его монастырями: мотренинскимъ, лебединскимъ, николаевскимъ въ Медведовкѣ и онуфріевскимъ въ *Жаботинѣ;* или же находились неподалеку запорожскаго „шпиталя" —Терехтемирова, какъ большая часть мѣстностей, гдѣ до сихъ поръ подмѣчена эта пѣсня; варіантъ Н. И. Костомарова, мѣстность записи котораго не обозначена, нѣкоторыми особенностями языка обличаетъ свое харьковское происхожденіе, и было бы неудивительно, если бы пѣсня эта встрѣтилась близъ Чугуева, куда спаслось изъ подъ Лубенъ ядро Остранинова войска, состоявшее преимущественно изъ запорожцевъ.

Хотя я старался говорить болѣе словами источниковъ, чѣмъ излагать свои личныя соображенія,—безпристрастный читатель можетъ убѣдиться, что имѣются довольно вѣскія основанія пріурочить разсмотрѣнную пѣсню ко взятію не Торческа, а Азова, и не къ 1093, а 1637 году. Имѣя въ виду сдѣлать еще кой-какія дополнительныя замѣчанія, обращусь еще къ заключительнымъ положеніямъ А. И. Стоянова, указывая, въ чемъ ихъ слѣдовало бы, по моему, измѣнить, и почему именно.

1) Что касается тождественности легенды, записанной на развалинахъ Торческа, съ лѣтописнымъ разсказомъ, то она, конечно, сомнѣнію не подлежитъ, мои замѣчанія ея вовсе не коснулись, и за П. И. Ревякинымъ остается вполнѣ заслуга отысканія несомнѣннаго историческаго мѣстнаго преданія дотатарской эпохи, служащаго однимъ изъ существенно важныхъ доказательствъ непосредственной преемственности населенія кіевской Руси, т. е., что нынѣшніе ея жители представляютъ прямыхъ потомковъ полянъ. Съ своей стороны могу еще добавить, что попытки отыскивать древній Торчь [1]) не на урочищѣ того же самаго имени, а въ другихъ мѣ-

[1]) Въ лаврентьевской лѣтописи «Торційскый градъ», но въ болѣе цѣнной для южнорусской исторіи лѣтописи Ипатской— «*Торъчьскый* градъ»; въ усѣчен-

стахъ, по одному сходству названій, нельзя признать удачными. Сколько помню, нѣсколько лѣтъ назадъ въ обществѣ Нестора кѣмъ-то изъ членовъ была сдѣлана такая попытка пріурочить лѣтописный Торческъ, по прежнему, къ с. Торчицѣ таращанскаго уѣзда, а В. Б. Антоновичъ замѣтилъ по этому поводу, что область поселенія торковъ была довольно обширна, а потому они могли дать свое имя и той, и другой мѣстности,—Торческовъ могло быть нѣсколько. Лѣтопись знаетъ ихъ только одинъ, мѣсто котораго и опредѣляется за Стугной, у с. Новыхъ Безрадичъ [1]) кіевскаго уѣзда, въ пользу чего говорятъ: тождество имени, характеръ мѣстности съ явными слѣдами древняго укрѣпленія, мѣстное преданіе, почти буквально совпадающее съ лѣтописью, и наконецъ близость этого мѣста къ Триполью, какъ должно быть и по лѣтописи. Что касается другихъ мѣстностей со сходными именами, то за нихъ, кромѣ созвучія, не говоритъ ничего больше, и основывать на одномъ этомъ признакѣ мнѣніе о *нѣсколькихъ* Торческахъ едва-ли возможно. Торчьскому—граду, одному, далъ имя основавшій его народъ; но рядомъ съ тѣмъ существуетъ общеславянскій корень *трк,* отъ котораго могли происходить сходныя имена мѣстъ совершенно независимо отъ имени народа торковъ. Дѣйствительно, мы находимъ такія имена по всей южной Руси, гдѣ о торкахъ, вѣроятно, и въ XI вѣкѣ вовсе даже не слышали. Такъ, кромѣ Торчицы таращанскаго уѣзда, находимъ еще: *Торчинъ*—въ радомысльскомъ, луцкомъ и литинскомъ; *Торкинъ*—въ стародубскомъ (списки насел. мѣстъ, черниговъ. губ., № 3334); *Торская*—въ купянскомъ (тоже, харьков. губ., № 2270); *Торско*-Алексѣевское—въ бахмутскомъ (екатеринослав. губ., № 930); *Торске* — въ Галиціи около Червоногрода и т. д.

ной формѣ, какъ напр. кіевскій монастырь св. Ѳеодора «Вотчь», говорилось, конечно, Торчь, что сохранилось буквально и нынѣ, съ переходомъ имени въ существительное, Торчъ.

[1]) Самое названіе этого села связано съ торческой легендой: «черезъ се и село наше называетця Безрадычами, говорилъ П. И. Ревякину Омелько: тіі (т. е. князья) радились та радились, а сі (половцы) *безъ рады* побили іхъ; на сміхъ, значить, зовуть Безрадычами» (цитирую изъ находящейся у меня подлинной рукописи П. И. Ревякина).

2) Взятіе города „чумакомъ", посредствомъ хитрости, — подробность, не находящаяся ни въ лѣтописи о Торческѣ, ни въ историческихъ извѣстіяхъ о взятіи Азова, включая сюда даже и Лукомскаго, а только въ донскомъ Сказаніи о послѣднемъ событіи. Это-же Сказаніе связываетъ непосредственно пѣсню съ историческимъ фактомъ. Въ дѣйствительности, подробность эта могла имѣть мѣсто, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, но точно также могла въ обоихъ даже отсутствовать, а была лишь къ нимъ пріурочена изъ *общаго* народнаго преданія, которое, въ свою очередь, могло и создаться *безлично*, или, что̀ гораздо естественнѣе, составляетъ отголосокъ какого-то забытаго факта временъ незапамятныхъ, гораздо древнѣе не только Азова, но и Торческа. Отвѣтить на этотъ вопросъ можетъ только *сравнительное* изслѣдованіе сходныхъ преданій у другихъ арійскихъ народовъ.

3) Подробности пѣсни еще ближе совпадаютъ съ донскимъ Сказаніемъ, чѣмъ съ торческой легендою, для которой былъ-бы необъяснимъ, напр., товаръ, состоящій изъ лисицъ и соболей, а въ Азовѣ они вполнѣ умѣстны.

4) Имя Азова въ пѣснѣ не позднѣйшее, а коренное; замѣна-же его Ростовомъ, Щучиномъ и другими пунктами чумацкихъ дорогъ очень естественна, коль скоро самая пѣсня, потерявъ первоначальный историческій колоритъ, стала принимать характеръ пѣсни чумацкой.

5) Имена—орда, туркеня, вполнѣ на своемъ мѣстѣ, такъ какъ во взятіи Азова участвовали и татары, а въ плѣнъ были уводимы именно турчанки.

6) Какимъ образомъ могло отразиться это событіе въ южно-русскомъ эпосѣ, безъ „противорѣчія основнымъ законамъ народнаго творчества",—отвѣтомъ служитъ участіе въ событіи многочисленныхъ представителей южной Руси—запорожцевъ.

7) Несходство характера пѣсни съ общимъ типомъ южно-русскихъ чумацкихъ (и даже вообще малорусскихъ) пѣсень служитъ признакомъ происхожденія ея въ этнографически-*смѣшанной* средѣ. Конечно, замѣчаніе г. М. Т—ова о ея будто бы *великорусскомъ* происхожденіи не имѣетъ значенія, составляя только невѣрную передачу высказанныхъ первоначально мною замѣчаній.

8) Къ этимъ положеніямъ добавлю еще, что и область распространенія пѣсни, насколько она до сихъ поръ опредѣлена, можетъ быть объяснена безъ всякихъ натяжекъ въ виду происхожденія пѣсни отъ запорожцевъ, тогда какъ, если-бы она была происхожденія мѣстно-торческаго, трудно было-бы объяснить заносъ ея въ елисаветградскій уѣздъ и, какъ кажется, въ харьковскую губернію.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что вполнѣ раздѣляю взгляды А. И. Стоянова относительно метода изслѣдованія народныхъ пѣсень. Различіе результатовъ, къ какимъ мы оба пришли, зависѣло вовсе не отъ различія метода, а только отъ неодинаковаго объема матеріаловъ, которыми каждый изъ насъ располагалъ въ данномъ случаѣ. Особенно цѣнными считаю я замѣчанія г. Стоянова относительно того, что пѣсни должны быть изучаемы, а слѣдовательно и записываемы, не нагишомъ, какъ ихъ даютъ намъ обыкновенно сборники, а въ связи съ обстоятельствами, при какихъ была пѣта (не по заказу, конечно) та или иная пѣсня, и особенно въ связи съ замѣчаніями пѣвцовъ и пѣвицъ, служащими для насъ единственнымъ указаніемъ, какъ понимается то или иное мѣсто въ самомъ народѣ.

P. S. Статья эта была уже окончена, когда появилась въ „Кіев. Старинѣ“ замѣтка Н. И. Костомарова о томъ-же предметѣ, въ отрицательномъ отношеніи вполнѣ согласная и съ высказываемыми мною соображеніями. Нашъ маститый историкъ тоже не раздѣляетъ мнѣнія г. Стоянова и отвергаетъ возможность пріуроченія пѣсни ко взятію Торческа; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не находитъ возможнымъ отнести ее и ко взятію Азова, а видитъ въ ней скорѣе отраженіе не одного какого-нибудь случая, бывшаго тамъ или здѣсь когда-то, а цѣлаго, можетъ быть, ряда мелкихъ случаевъ; по его мнѣнію, и само оно потомъ могло быть источникомъ многихъ болѣе или менѣе въ свое время важныхъ подобныхъ событій, такъ какъ этотъ образъ, взятіе чужого города посредствомъ хитраго проведенія туда воиновъ, составилъ часть народнаго міросозерцанія, которое всегда, иногда и незамѣтно, двигаетъ историческимъ ходомъ судьбы народа. Нисколько не отрицая основательности и этой точки зрѣнія, тѣмъ

болѣе, что эпической подробности пѣсни и Сказанія о ввозѣ въ городъ подъ видомъ товара козаковъ нѣтъ въ историческихъ свидѣтельствахъ ни о Торческѣ, ни объ Азовѣ,—я полагаю однако, что собственно разобранная нами пѣсня, въ которой эта подробность имѣетъ характеръ общаго мѣста, была пріурочена въ свое время именно ко взятію послѣдняго города. Безпристрастному читателю остается рѣшить, достаточно-ли приведенныхъ въ моей статьѣ доказательствъ въ пользу такого мнѣнія. Мимоходомъ замѣчу, что г. Костомаровъ вполнѣ основательно поясняетъ упоминаемый въ нѣкоторыхъ варіантахъ Кремень-городъ турецкимъ словомъ „керменъ", которое носилъ, впрочемъ, не одинъ Исламъ-городокъ, а и многіе другія крѣпостцы, такъ какъ оно означаетъ вообще укрѣпленный городъ (см. выше, стр. 422; такъ и Ак-керманъ = Бѣлый городъ). При упоминаемомъ въ другихъ варіантахъ Щучинѣ г. Костомаровъ ставитъ знакъ вопроса; я полагаю, что это Щучья станица въ черкасскомъ округѣ земли войска донского, лежащая при самомъ Донѣ, и называемая также Елисаветовскою.

Ив. Новицкій.

ПЕРЕПЕТОВСКОЕ ПОЛЕ.

(Розысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты).

При занятіяхъ моихъ пѣснью, или, какъ чаще ее называютъ, „Словомъ“ о полку Игоря, мнѣ нерѣдко приходилось, то по тому, то по другому поводу, наталкиваться на лѣтописныя географическія имена, каковы имена городовъ, рѣчекъ, урочищъ и т. д., или вовсе не опредѣленныя топографически въ существующихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, или хотя и опредѣленныя, но по предположеніямъ, нерѣдко очень шаткимъ и стоящимъ, какъ мнѣ казалось, въ противорѣчіи съ положительными указаніями лѣтописей. Нѣкоторыя изъ такихъ проблеммъ лѣтописной топографіи древней русской земли мнѣ посчастливилось рѣшить при помощи, какъ мнѣ казалось, положительныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ и основанныхъ на нихъ соображеній и выводовъ. Данныя эти удобнѣе всего представляется группировать по мѣстностямъ (районамъ), къ которымъ они относятся.

Для предлагаемой статьи я избираю мѣстность, находящуюся почти въ центрѣ кіевской губерніи и извѣстную въ настоящее время на литературномъ языкѣ подъ именемъ „Бѣлоцерковской степи“, а на теперешнемъ языкѣ народномъ, въ которомъ слово „степь“ употребляется въ родѣ мужескомъ,—подъ именемъ „Бѣлоцерковскаго степа“. Это и есть лѣтописное *Перетово*, или *Перепетовское поле* (=Перепетовская степь), имя которой я и поставилъ въ заглавіи статьи.

Неоцѣнимую услугу при розысканіяхъ по топографіи лѣтописныхъ мѣстностей, находящихся въ предѣлахъ теперешней кіев-

ской губерніи, оказываютъ „Сказанія“ Л. Похилевича [1]). Въ этомъ почтенномъ трудѣ собраны свѣдѣнія не только объ именахъ такъ называемыхъ населенныхъ мѣстъ: селъ, деревень, хуторовъ, кутковъ и т. п., но также и о названіяхъ горъ, яровъ, долинъ, рѣчекъ, ручейковъ, кургановъ, урочищъ и т. п. Впрочемъ и у Похилевича, судя по нѣкоторымъ извѣстнымъ мнѣ фактамъ, далеко не все исчерпано въ этомъ отношеніи; о многихъ, напримѣръ, несомнѣнно существующихъ рѣчкахъ и урочищахъ не упомянуто вовсе. Довольно часто наталкиваешься у него на такъ называемыя „безъименныя рѣчки“, иногда съ прибавкою къ нимъ, какъ-бы въ оправданіе ихъ безъименности, свѣдѣнія: „лѣтомъ пересыхающія“; но на военно-топографической и спеціальной картахъ многія изъ нихъ имѣютъ таки свои собственныя имена [2]), и кажется, что этихъ „безъименныхъ“ стало-бы гораздо меньше, если-бы собрать о нихъ свѣдѣнія изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ протекаютъ. А собрать, по возможности, всѣ такія названія очень важно для исторической топографіи, дорожащей каждою мелочью. Иногда оказывается, что какое нибудь лѣтописное географическое имя, неотыскиваемое при самыхъ тщательныхъ розыскахъ его въ такъ называемыхъ спискахъ населенныхъ мѣстъ, и до настоящей минуты звучитъ въ народномъ словѣ, въ имени какой нибудь незначительной рѣчки, доносящемся до насъ изъ далекой стороны и свидѣтельствующемъ о томъ, что тутъ, у этой рѣчки, живутъ не пришельцы, а прямые потомки древнихъ ея обитателей [3]).

---

[1]) Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи *Л. Похилевича.* Кіевъ, 1864. Къ занимающей насъ мѣстности относятся также слѣдующія статьи Кіевскихъ Губ. Вѣдомостей: село Темберщина—1854 г., № 31; село Тростинка—1856 г., № 36; Воды васильковскаго уѣзда—1856 г., № 7.

[2]) И изъ предлагаемой статьи, напр., видно, что у Похилевича вовсе не упомянуты: рѣчка *Холопъ*, впадающая въ Субодь, р. *Ольшанка*, впад. въ Тростинку, или Раковку, урочища: *Третій Ротокъ, Васильковъ гонъ* и пр.; названа безъименной р. *Чернявка*, впад. въ Ротокъ и пр.

[3]) Такъ, напр., и при моихъ розысканіяхъ имена рѣчекъ: *Узинъ* (Узень), *Узка*, и озера: *Гузино* дали возможность открыть лѣтописную *Възяницу;* при помощи имени рѣчки *Жидь*, впадающей въ Днѣпръ немного ниже устья Тетерева, удалось мнѣ открыть лѣтописный *Жедьчевъевъ* (Ипат., 555) и пр.

Топографическія проблеммы, относящіяся къ Бѣлоцерковской степи, заключаются въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) не опредѣляется вовсе положеніе урочища: *Бъзяница* (Ипат. 300) [1]); 2) неправильно понимается *лука моря* (Лавр. 342, Ипат. 381); 3) приблизительно и очень гадательно опредѣляется положеніе города *Михайлова* (Ипат. 376); 4) не устанавливается тождество рѣчки: *Рутъ* (Лавр. 316—7, Ипат. 301—3) съ рѣчкою *Ротъ* (Ипат. 356); 5) вовсе не опредѣляется рѣчка *Рутецъ* (Ипат. 301—3); 6) не особенно положительно опредѣляется рѣчка *Ольшаница* (Ипат. 279); наконецъ, 7) не опредѣляется съ надлежащею ясностью общее представленіе о *Перепетовомъ* (Ипат. 278), или *Перепетовскомъ* (Лавр. 740, Ипат. 379, 380) *полѣ*.

Представимъ предварительно связное описаніе мѣстности, которая извѣстна была въ древности подъ общимъ именемъ Перепетовскаго поля, руководствуясь военно-топографическими и спеціальными картами [2]) и сказаніями Похилевича.

Рѣчка *Ротъ*, упоминаемая въ ипат. лѣтописи подъ 1162 годомъ, конечно, тоже, что и *Рутъ*, упоминаемая въ той-же и въ лаврской лѣтописи подъ 1151 годомъ. Въ лѣтописяхъ имя это встрѣчается обыкновенно въ формѣ мужескаго рода: *Рутъ, Ротъ* (въ Руту, бѣ бо грязокъ), и только изрѣдка, въ видѣ исключенія, оно принимаетъ и форму женскаго рода: *Руть* (въ Рути, бѣ бо грязна) [3]). Карамзинъ (II, 151 и прим. 341) поясняетъ: „Рутъ—нынѣ Ротокъ". Рѣчка эта у Похилевича и въ географическо-статистическомъ словарѣ Семенова называется: *Ротокъ*, въ привиллегіи Си-

---

[1]) Указанія на лѣтописи ипатскую и лаврентьевскую здѣсь сдѣланы по новому изданію: Лѣтопись по ипатскому списку, изд. археогр. коммисіи, Спб. 1871;—по лаврентьевскому—Спб. 1872 г.

[2]) Здѣсь я ссылаюсь: 1) на военно-топографическую карту европейской Россіи, въ масштабѣ 3 верстъ въ дюймѣ, рядъ 23-й, листы 8-й и 9-й, и 2) на спеціальную карту европейской Россіи, изданную подъ редакціей полковника *Стрѣльбицкаго*, въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ, листъ 31-й.

[3]) Лавр. 316; за Рутъ (варіантъ: заутра), 317; чрезъ Рутъ, въ Руту (вар.: въ Рутѣ), бѣ бо грязокъ. Ипат., 301; за Рутъ, 302; къ Рутови, за Рутъ, за Руть, 303; черезъ Рутъ, въ Руту, бѣ бо грязокъ (вар.: въ Рути, бѣ бо грязна), 356; по Роту.

гизмунда III жителямъ Бѣлой Церкви — *Рутекъ*, на военно-топографической и спеціальной картахъ: *Протока* (искаженіе, или лучше сказать позднѣйшая, напрасная и неудачная, попытка осмыслить ясное имя „Ротокъ“). Для нашей цѣли необходимо описать всю систему этой рѣчки до мельчайшихъ подробностей. Рѣчка Ротокъ, беретъ начало у деревни Марьяновки (на военно-топографической картѣ у верховья Ротка обозначено урочище: *Третій Ротокъ*, у Похилевича не упомянутое), протекаетъ въ южномъ направленіи и впадаетъ въ Рось съ лѣвой стороны при м. Бѣлой Церкви, большая часть котораго расположена на той-же лѣвой сторонѣ Роси. Въ Ротокъ впадаютъ съ лѣвой стороны двѣ рѣчки: 1) по Похилевичу, рѣчка безъименная, а по военно-топографической картѣ— рѣчка *Чернявка*, которая беретъ начало у села Средней Слободы, или Винницкихъ Ставовъ и протекаетъ въ юго-восточномъ направленіи; 2) безъименная рѣчка, которая беретъ начало у села Пологъ, протекаетъ въ восточномъ направленіи и впадаетъ въ Ротокъ ниже впаденія Чернявки [1]). По моимъ соображеніямъ, лѣтописному Руту (Роту великому, Руту, Рути) соотвѣтствуетъ Ротокъ, а Рутцу (малому Руту) — Чернявка. При сліяніи Чернявки съ Роткомъ, по нижнему теченію Чернявки и по среднему—Ротка, какъ это видно изъ военно-топографической и спеціальной картъ, образуется развѣтвляющееся озеро, о которомъ упоминается и въ лѣтописяхъ; другое озеро, меньшее, находится по теченію Чернявки, на разстояніи версты къ западу отъ бóльшаго. Рѣчка Ротокъ съ ея притоками вообще, видно, болотиста. Въ лѣтописи о Рутѣ сказано, что онъ былъ *грязокъ;* упоминается *грязина* у Рутца; въ подложной копіи съ грамоты Андрея Боголюбскаго кіево-печерскому монастырю упоминается *Ротокъ—болото.* Верстахъ въ девяти (по прямому направленію) выше впаденія Ротка впадаетъ въ Рось съ лѣвой стороны р. *Каменица;* верстахъ въ десяти выше ея впаденія впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны рѣчка, по Похилевичу, *Соботъ*, а

---

[1]) На военно-топографической картѣ эта рѣчная система представлена (конечно, ошибочно) въ иномъ видѣ, чѣмъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ Похилевичемъ: главною является рѣчка, берущая начало у села Пологъ, до впаденія ея въ Ротокъ и, затѣмъ, Ротокъ до впаденія его въ Рось. Эта главная рѣчка и названа Протокой.

по военно-топографической и спеціальной картамъ—*Субодъ;* верстахъ въ трехъ выше впаденія послѣдней впадаетъ въ нее, по военно-топографической картѣ, р. *Холопъ* (у Похилевича не упомянута, на спеціальной картѣ не надписана). По нижнему теченію Холопа, на лѣвой его сторонѣ, расположено село *Михайловка*, къ которому, по моимъ соображеніямъ, и можетъ быть пріуроченъ лѣтописный городъ *Михайловъ*. Верстахъ въ двѣнадцати ниже впаденія Ротка впадаетъ въ Рось съ лѣвой стороны рѣчка, которая у Похилевича называется *Узинъ*, на военно-топографической и спеціальной картахъ—*Узень*, а въ привиллегіи Сигизмунда III—*Узянъ*. На лѣвой сторонѣ этой рѣчки есть и село того-же имени (по Похилевичу—*Узинъ*, по военно-топографической и спеціальной картамъ—*Узень*), которое называется еще и *Темберщиной*, по имени помѣщичьяго управляющаго Темберскаго, заселившаго эту слободу въ 1773 году. Въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ истока Узина, верстахъ въ пяти, находится озеро, по Похилевичу (на картахъ не названо) *Гузино* (=Узино? Ср. имя народа *Узы* и *Гузы*, имя села *Уляники* и *Гуляники* и т. п.; начальный звукъ *г* является въ видѣ, такъ называемаго, придыханія), при которомъ расположена дер. Людвиновка (называется также и Станиславкой), основанная въ 1826 г. Станиславомъ Проскурою и названная по имени его жены Людвики. Ниже села Узина въ рѣчку Узинъ, при дер. Блощинцахъ, впадаетъ съ правой стороны р. *Узка* (сокращеніе: *Узинка*, *Узянка?*), текущая отъ села Янковки, или Лопатынщины, названнаго такъ по имени Яна Лопатынскаго, основавшаго это село. Р. Узинъ или, что еще вѣроятнѣе, Узка (сокр. Узинка) и есть лѣтописная *Бъзяница* = *Възяница*, *Узяница* (ср. Каменка и Каменица, Ольшанка и Ольшаница). Верстахъ въ шести къ западу отъ истоковъ Ротка находится верховье безъименной рѣчки, текущей въ сѣверо-западномъ направленіи и впадающей съ правой стороны въ р. Унаву (лѣтописная Уновь), правый притокъ Ирпени, а верстахъ въ пяти къ востоку отъ верхняго теченія Ротка находится верховье той рѣчки, которая въ Ипат. разсказѣ 1150 г. названа *Ольшаницей*. Она начинается у села Тростинки (прежде называвшагося Чмелевымъ), течетъ въ сѣверо-восточн. направленіи и впадаетъ съ лѣвой стороны въ Стугну. На лѣвой сторонѣ этой рѣчки расположено село Большая, или Барахтянская, а немного ниже, на

правой сторонѣ, Малая, или Германовская *Ольшанка*. Самая рѣчка эта называется теперь *Тростинкой*, или *Раковкой*, но ея правый притокъ, ниже Малой Ольшанки въ нее впадающій, и теперь называется, какъ это обозначено на военно-топографической картѣ (у Похилевича онъ не упомянутъ), *Ольшанкой*. Теперешней уменьшительной формѣ *Ольшан-ка* вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-русская: *Ольшан-ица*. По замѣчанію Похилевича, по ручью Тростинкѣ, при которомъ расположены села Ольшанки, по преданіямъ, были большія болота, заросшія *ольхою*, лозою и тростникомъ; теперь отъ ольхи, давшей названіе селамъ Ольшанкамъ, осталось лишь нѣсколько деревъ. Село Тростинка лежитъ между крутыхъ *горъ*, въ глубокой долинѣ, по коей струится упомянутый ручеекъ Тростинка. Изъ сказаннаго видно, что система р. Ротка съ сѣвера подходитъ, съ одной стороны, къ системѣ р. Ирпени, съ другой—къ системѣ р. Стугны [1]). Рѣчки Рутекъ, Каменица и Узянъ упоминаются въ привиллегіи, данной Сигизмундомъ III жителямъ Бѣлой Церкви въ 1597 году [2]). Въ этой грамотѣ сѣверная граница Бѣлоцерковщины обозначена такъ: „Рѣчка Рутекъ, яко ся въ соби маетъ, ажъ до *валу*, що за *Перепетовымъ курганомъ*". Курганы *Перепетовъ* и *Перепетовка* упоминаются и въ подложной копіи съ грамоты Андрея

---

[1]) Упомянемъ о слѣдахъ древности въ разсматриваемой мѣстности. На поляхъ села Лосятина, между дер. Соколовкой и Глушками, есть городище (по преданію—городъ Соколовъ), окруженное съ трехъ сторонъ рѣчкою Роткомъ и болотомъ, а съ четвертой—валомъ и рвомъ. Вблизи, съ западной стороны, на крутомъ берегу есть другое, меньшее земляное укрѣпленіе. Въ самомъ селѣ Михайловкѣ нѣтъ городища, но есть древнее квадратное городище у близь лежащаго села Мазепинецъ (считающагося родиной гетмана Мазепы), надъ р. Каменкой. Вдоль рѣчки Узина, при селеніи Блощинцахъ есть два древнія замчища, отстоящія одно отъ другаго на 2 версты. См. Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губ. *Ив. Фундуклея*. Кіевъ, 1848 г., а также у *Похилевича*.

[2]) Помѣщена въ книгѣ: Opis powiatu wasylkowskiego, *E. Rulikowskiego*. Warszawa. 1853. Не имѣя въ настоящее время подъ рукой этой книги, я долженъ былъ дѣлать выдержки изъ упомянутой грамоты по Похилевичу, который, къ сожалѣнію, нашелъ нужнымъ передать эту грамоту русскимъ шрифтомъ на томъ основаніи, что Руликовскій будто-бы «затемнилъ смыслъ ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребленіемъ для руской рѣчи латинскаго шрифта» (Похилевичъ, стр. 493).

Боголюбскаго кіево-печерскому монастырю. На военно-топографической картѣ близь истока Ротка, у дер. Марьяновки обозначенъ курганъ *Перепятиха,* а верстахъ въ $4^1/_3$ отъ него къ сѣверо-западу курганъ *Перепять*, вблизи безъименной рѣчки, у дер. Фастовца начинающейся. Это и суть лѣтописные *Перепетовы*. Въ лѣтописяхъ къ этому имени не прибавляется никакого существительнаго, слѣдовательно это самостоятельное общее имя какъ-бы четы (Перепета + Перепетихи) [1]). Что-же касается вала, „что за Перепетовымъ курганомъ“, то остатки и слѣды его сохранились болѣе или менѣе и до настоящаго времени въ томъ валѣ, который тянется по южной части кіевскаго уѣзда отъ м. *Триполья* къ западу черезъ село Барахтянскую *Ольшанку,* мимо села *Кодакъ,* и проходитъ полями селъ *Парадовки,* Большой *Снетинки, Фастова* и *Пiвней* (называется также и Пѣтухами) въ сквирскій уѣздъ къ селу *Бѣлкамъ* на правомъ берегу Ирпени [2]). Пространство, обнимаемое бассейнами рр. Ротка и Узина, извѣстно, по замѣчанію Похилевича, подъ названіемъ *Бѣлоцерковской степи* (=равнины). Въ географическо-статистическомъ словарѣ Семенова, въ статьѣ: „Васильковскій уѣздъ“, эта мѣстность описывается такъ: „кряжи возвышенностей переходятъ изъ кіевскаго уѣзда въ васильковскій и оканчиваются недоходя до Ротка (горы въ селѣ Тростинкѣ). Около м. Бѣлой Церкви простирается обширная равнина по направленію къ Василькову, Фастову и Мировкѣ. Ширина ея отъ Мировки къ Фастову 40 верстъ, а длина отъ м. Бѣлой-Церкви до р. Стугны 80 верстъ“ [3]). А я дѣлалъ измѣреніе по спеціальной картѣ, и у меня вышло отъ Мировки до Фастова 50 верстъ, а отъ Бѣлой-Церкви до Стугны у Василькова не болѣе 42 верстъ, и мнѣ казалось-бы болѣе естественнымъ длиною этой степи называть протяженіе ея отъ Фастова къ Мировкѣ, а шириною—отъ Бѣлой-Церкви къ Стугнѣ у Василькова.

---

[1]) Лавр., 316: у Перепетовыхъ (вар.: Перепетоты, Перепетовы), Ипат., 301: у Перепетовыхъ.

[2]) И. Фундуклея: Обозрѣніе..., стр. 30. Объ этомъ валѣ упоминается и у Похилевича въ разныхъ мѣстахъ его книги. См. также статью: «Земляной валъ въ васильковскомъ уѣздѣ» въ «Кiев. Губ. Вѣд.» 1847 г., № 34.

[3]) Географическо-статистическій словарь россійской имперіи *П. Семенова,* т. I—IV и V-го тома вып. 1-й, Спб. 1863—75.

Вотъ эта-то бѣлоцерковская степь и есть, конечно, лѣтописное Перепетово, или Перепетовское поле [1]), называвшееся такъ въ древности, конечно, по Перепетовымъ (Перепету и Перепетихѣ), на ней находившимся.

Теперь, послѣ предварительнаго описанія занимающей насъ мѣстности, перейдемъ къ разсмотрѣнію событій, которыя, по упоминаніямъ и разсказамъ лѣтописей, на ней совершались въ до-монгольскій періодъ.

1) Подъ 1150 г. (ипат. 279, лавр. 310) упоминается о *Перепетовомъ* (полѣ) и р. *Ольшаницѣ* по поводу похода Владимірка галицкаго противъ Изяслава Мстиславича къ Кіеву. Владимірко шелъ изъ *Галича*, перешелъ *Болохово*, шелъ *мимо Мунаревъ* (Немировъ?) къ *Володареву* (теперь м. Володарка сквир. у. на лѣвой сторонѣ Роси), затѣмъ—черезъ *Перепетово* къ верху р. *Ольшаницы* и здѣсь, у *Тумаща* [2]), онъ и одержалъ побѣду надъ Изяславомъ. Если проведемъ прямую линію отъ м. Володарки къ Кіеву, то она пересѣчетъ бѣлоцерковскую равнину и пройдетъ у верховья Тростинки. Владимірко шелъ, слѣдовательно, по той теперешней проселочной дорогѣ, которая, какъ это означено на военно-топографической картѣ, тянется отъ дер. *Салывонекъ*, расположенной на восточномъ берегу рутскаго озера, черезъ село Тростинку къ селу Погребамъ. Крутыя горы села Тростинки и суть, вѣроятно, тѣ горы, о которыхъ упомянулъ Владимірко: „быти Изяславу ту нѣгдѣ въ горахъ" [3]).

---

[1]) Ипат. 278: черезъ Перепетово; Лавр. 340: на Перепетовскомъ поли (дважды); Ипат. 379: на Перепетовскомъ полѣ, 380: на Перепетовстемъ полѣ.

[2]) Село Барахты, васильковскаго уѣзда, въ которомъ есть кутокъ *Тимошiевка?*

[3]) Есть мѣстечко *Ольшаница*, васильковскаго уѣзда, на лѣвой сторонѣ р. Гороховатки, притока Роси. Хотя имя этого мѣстечка и вполнѣ совпадаетъ съ именемъ лѣтописной р. Ольшаницы, тѣмъ не менѣе, какъ это замѣчаетъ и Л. Похилевичъ, событія, изложенныя въ лѣтописномъ разсказѣ подъ 1150 г., съ большею удобностію пріурочиваются къ селу Барахтянской Ольшанкѣ. Р. Ольшаница, по смыслу Ипатскаго разсказа, сейчасъ-же за Стугною (по отношенію къ Кіеву); въ Лавр. лѣтописи Ольшаница не упоминается и вовсе, и даже то, что по Ипатскому разсказу относится къ р. Ольшаницѣ (перестрѣлка черезъ рѣку), отнесено прямо къ Стугнѣ. Если предположить даже, что Ольшаницей въ лѣтописи названа

2) Подъ слѣдующимъ, 1151 годомъ въ лѣтописяхъ (Ипат. 301, Лавр. 316) встрѣчаемъ упоминаніе о *Перепетовыхъ, Бъзяницѣ* (=Възяницѣ), *Рутѣ, Рутцѣ* и рутскомъ *озерѣ* по поводу отступленія Юрія Долгорукаго, испытавшаго неудачу подъ Кіевомъ, навстрѣчу Володимірку галицкому, котораго Юрій поджидалъ къ себѣ на помощь, и который, какъ это видно изъ лѣтописей, и на самомъ дѣлѣ двинулся къ нему на помощь, вѣроятно, по тому-же самому пути, по которому онъ шелъ къ Кіеву въ предъидущемъ году. Онъ дошелъ уже было до *Божьского* (вар.: *Вужьского*), но, узнавъ о пораженіи Юрія на Рутѣ, вернулся отъ Бужьскаго домой [1]). Изъ лѣтописнаго разсказа видно, что Юрій, отступивъ отъ Кіева, пошелъ къ Бѣлгороду, оттуда черезъ *боръ* [2]) къ *Верневу* (вар.: *Черневу*) [3]), оттуда перешелъ *валъ* и пошелъ мимо *Перепе-*

теперешняя рѣчка Гороховатка, на которой стоитъ м. Ольшаница, все-же верховье ея будетъ въ сторонѣ отъ прямого пути отъ Володарки къ Кіеву и будетъ не только за Стугною, но и за Красною.

[1]) Розысканія о положеніи *Болоховской земли*, *Божьскаго* и проч. см. въ сочиненіи: «Болоховская земля» и пр., рефер. *Н. Дашкевича* (Труды 3-го археолог. съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ въ 1874 г., Кіевъ, 1878 г., т. 2-й и отдѣльно).

[2]) У Погодина (Изслѣдованія, замѣчанія и пр., т. IV, М. 1850 г.) замѣчено: «положеніе упомянутаго здѣсь *бора*, кажется, опредѣляется селомъ *Заборьемъ* къ югу отъ Бѣлгородки. Заборье, по свѣдѣніямъ Похилевича, село на лѣвой сторонѣ ручья, называемаго Святецъ, или Бобрица. Село окружено со всѣхъ сторонъ боромъ, только къ западу простираются песковатыя поля. Чрезъ село пролегаетъ значительная проселочная дорога въ село Плисецкое и Фастовъ.

[3]) *Черневъ* пріурочиваютъ обыкновенно къ селу *Черногородкѣ* васильковскаго уѣзда, расположенному на лѣвой сторонѣ Ирпени, выше впаденія въ Ирпень р. Унавы. Но едва-ли понадобилось Юрію доходить до Черногородки, т. е. переходить на лѣвую сторону Ирпени съ тѣмъ, чтобы опять переходить на правую его сторону и чтобы, затѣмъ, переходить р. Унаву. Къ востоку отъ Черногородки у истоковъ р. Плиськи (по военно-топографической картѣ, у Похилевича не упомянута), впад. въ Унаву, есть село Плисецкое (прежде—Песецкое, по объясненію Похилевича,—отъ песковъ его окружающихъ), въ которомъ есть замчиска съ земляными валами. Изъ нихъ одно, среди села, называется *Чернечьимъ*. Жители говорятъ, что на этомъ мѣстѣ былъ когда-то монастырь, отъ чего и замковище получило свое названіе. Къ сѣверу отъ Черногородки и Плисецкаго, на правой сторонѣ Ирпени, на военно-топографической картѣ обозначено урочище *Черничій лѣсъ*, которое, по Похилевичу, называется *Кладово*, и въ которомъ, по преда-

товыхъ къ *Възяницѣ*, „потому что тутъ надѣялся галицкаго князя къ себѣ". О положеніи упоминаемыхъ здѣсь *вала, Перепетовыхъ* и *Възяницы* было уже упомянуто выше. Рѣчка Узка и Узинъ какъ разъ и подходятъ къ пути, по которому долженъ былъ идти Володимірко къ Кіеву. Кромѣ того, Юрій могъ желать расположиться на рр. Узкѣ или Узинѣ ради превосходныхъ пастбищъ по этимъ рѣчкамъ, такъ какъ все его войско, какъ объ этомъ говоритъ лѣтопись, состояло изъ конницы [1]). Село Узинъ, или Темберщина, по замѣчанію Похилевича, расположено среди обширныхъ тучныхъ степей, арендуемыхъ купцами подъ выпасъ скота. Между тѣмъ Юрія преслѣдовалъ Изяславъ Мстиславичъ съ союзниками, стараясь не допустить соединенія Юрія съ Владиміркомъ. Рать Изяслава съ Юріемъ на р. Рутѣ разсказана въ лѣтописяхъ съ мельчайшими подробностями относительно обстоятельствъ мѣста и времени, какъбы въ видѣ дневника, а потому и не будетъ лишено интереса для нашей цѣли послѣдовать за этимъ дневникомъ.

а) *Среда.* Изяславъ идетъ мимо Василева (теперь г. Васильковъ), къ востоку отъ него, переходитъ черезъ Стугну и, пришедши къ *валу,* останавливается на ночь.

б) *Ночь съ среды на четвергъ.* Когда Изяславъ остановился на ночь, Юрій въ это время былъ у *Перепетовыхъ* и, въ теченіе ночи, успѣлъ сдѣлать переходъ до р. *Узки* или *Узина,* не смотря на то, что его тревожила сторожа Изяславова.

в) *Четвергъ.* Изяславъ, перешедши валъ, вступилъ *на чистое поле* (=Перепетово поле), и здѣсь противники вели между собою переговоры до вечера. Вечеромъ Юрій перешелъ *за Рутъ* и тамъ остановился. Отъ р. Узки Юрій, по всей вѣроятности, перешелъ Рутъ между южною оконечностью рутскаго озера и устьемъ безъименной рѣчки, текущей въ Ротокъ отъ села Пологъ.

г) *Пятница.* Изяславъ пошелъ на Юрія, приперлись къ *озеру* оба войска, и раздѣлило ихъ озеро. Вечеромъ Юрій пошелъ за *шо-*

нію, находился въ глубокой древности монастырь. Положеніе села Плисецкаго и урочища Черничій лѣсъ гораздо болѣе, чѣмъ положеніе Черногородки, подходитъ къ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о движеніи Юрія на встрѣчу Володимірку въ 1151 году.

[1]) Ипат. 295: «ратніи наши вси на конехъ суть».

ломя (шоломъ, шлемъ, верхъ, гора); Изяславъ пошелъ за нимъ на *верхъ озера*; Юрій передъ нимъ (въ виду его, передъ его глазами) зашелъ *за Рутецъ* и, перешедши *грязину*, тутъ и остановился на ночь, Изяславъ остановился также на ночь противъ него, „якоже стрѣлы не доходяхуть“. Изъ этого видно, что утромъ полки Изяславовы были на восточной сторонѣ рутскаго озера, гдѣ теперь расположена деревня Салывоньки, а полки Юрія—на противоположной. Юрій перешелъ съ правой стороны Рутца (Чернявки) на лѣвую, какъ это видно изъ хода разсказа, между двумя озерами, бо́льшимъ и меньшимъ, о которыхъ было упомянуто нами въ предварительномъ описаніи. Изяславъ, преслѣдуя Юрія, перешелъ съ лѣвой стороны Рута на правую, пошелъ вверхъ по Рутцу и расположился на ночь на южной сторонѣ меньшаго озера, противъ Юрія, который расположился на сѣверной сторонѣ того-же озера. И такъ утромъ Юрій былъ на правой сторонѣ Рута, а Изяславъ на лѣвой, а вечеромъ, вслѣдствіе диверсіи Юрія, Юрій очутился на лѣвой сторонѣ Рутца, а Изяславъ на правой. Утромъ ихъ раздѣляло бо́льшее озеро, а вечеромъ—меньшее. Упоминаемое *шоломя*, конечно, та гора у села *Гребенокъ*, по западнымъ откосамъ которой проходитъ почтовая дорога изъ Василькова въ Бѣлую Церковь. Значеніе слова *Гребенки* (гребень горы) очень близко къ значенію слова *шоломя* (хлъмя) [1]. Что касается, наконецъ, *грязины*, то это, какъ можно предполагать, заливъ меньшаго озера, вдающійся узкою продолговатою полосою въ материкъ въ сѣверномъ направленіи.

д) *Суббота* (въ ипат., по ошибкѣ, опать пятница). Юрій пошелъ *на верхъ Рутца* (вверхъ по лѣвой сторонѣ Чернявки къ теперешней Средней Слободѣ), отсюда поворотилъ полки *къ Рутцу* (отъ теперешняго села Средней Слободы къ селу Пеньчукамъ), потому что хотѣлъ зайти за Рутъ и тутъ ожидать Володимірка. Увидѣвъ-же, что нельзя ему за Рутъ перейти, потому что противники наѣзжаютъ на задъ полковъ его и возы его отнимаютъ, „оборотяче полкы своими“, сталъ противъ Изяслава, былъ разбитъ и бѣжалъ

---

[1]) Ср. имя села *Гребени* (Гребенки уменьшит. отъ Гребени) кіевск. уѣзда, которое разбросано по *гребнямъ* возвышеннаго берега Днѣпра, отъ чего, по замѣчанію Похилевича, и получило свое названіе.

черезъ Рутъ, въ которомъ погибло много дружины, потому что онъ былъ грязокъ. Очевидно, что Юрій потерпѣлъ пораженіе въ пространствѣ между теперешними Средней Слободою и Пеньчуками [1]). Такимъ образомъ, благодаря высоко-талантливому разсказу лѣтописца, всѣ перипетіи этой достопамятной рати воскресаютъ предъ нами съ поразительно отчетливыми подробностями обстоятельствъ времени и мѣста *(Рутъ, Рутецъ, верхъ Рутца, озеро, верхъ озера, грязина, шоломя)* [2]).

3) Подъ 1159 г. въ лѣтописи (Ипат. 342) встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что Изяславъ Давыдовичъ изъ Кіева шелъ въ Галичь на *Васильевъ*, дошелъ до *Мунарева*, потомъ воротился и былъ опять у Васильева. Очевидно, что рѣчь здѣсь идетъ о томъ-же пути, по которому шелъ Владимірко изъ Галича въ Кіевъ въ 1150 г. и по которому началъ идти и въ 1151 г. на помощь Юрію.

Очевидно, что Изяславъ шелъ отъ Васильева къ Мунареву и обратно не иначе, какъ черезъ Перепетовское поле.

4) Подъ тѣмъ-же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе (Ипат. 344) о томъ, что половцы бѣжали отъ *Бѣлгорода* на *Гюргевъ* „и много ихъ изоймаша Берендичи и Гюргевци, а оно ихъ во *Рси* истопе“. Хотя положеніе *Гюргева* и доселѣ остается не выясненнымъ, но, тѣмъ не менѣе, изъ лѣтописныхъ упоминаній о немъ, кажется, несомнѣнно, что онъ находился гдѣ-то недалеко отъ Рута и Роси. Очевидно, слѣдовательно, что половцы бѣжали отъ Бѣлгорода къ Роси не иначе, какъ черезъ Перепетовское поле.

---

[1]) Приведемъ данныя для точнаго, по возможности, представленія пространственныхъ отношеній между мѣстностями, упоминаемыми въ лѣтописномъ разсказѣ о рати Изяслава съ Юріемъ. Отъ села Плисецкаго (Черневъ), по прямому направленію, до дер. Марьяновки—17 верстъ; отъ дер. Марьяновки до села Узина—29; отъ г. Василькова до дер. Марьяновки—16 верстъ; отъ села Узина до рутскаго озера—19 верстъ; отъ этого озера до села Средней Слободы—8 верстъ; отъ Средней Слободы до Пеньчуковъ—7 верстъ.

[2]) Встрѣчалъ я, какъ мнѣ помнится, гдѣ-то когда-то біографическое указаніе на какую-то, чуть-ли не журнальную, статью подъ заглавіемъ: «Битва на р. Рутѣ»; но теперь, за неимѣніемъ подъ рукою всѣхъ библіографическихъ указателей по русской исторіи (Ламбиныхъ съ 1855—63 г. и Межова за 1865—76 г. включит.) лишенъ возможности навести надлежащую справку.

5) Подъ 1162 г. въ лѣтописи (Ипат. 356) упоминается о р. *Ротѣ* по поводу половецкаго набѣга. „Придоша половци къ Гюргеву и взяша вежи многи по *Роту* и пр. Черный-же Клобукъ ѣхаша по нихъ и постигоша я на *Рси* (вар.: Рши)“ и пр. Это извѣстіе съ совершенною ясностью указываетъ намъ на то, что по Ротку, слѣдовательно и вообще на такъ называемой бѣлоцерковской равнинѣ, славящейся и теперь своими пастбищами, во 2-й половинѣ XII-го в. кочевали черные клобуки съ ихъ вежами [1]).

6) Подъ 1172 г. въ лѣтописи (Ипат. 376) мы встрѣчаемъ упоминаніе о городѣ *Михайловѣ*, въ которомъ княжилъ Василько Ярополчичъ по поводу нападенія этого князя на половцевъ. Половцы *за Васильевомъ* со своими вежами у сѣдельниковъ (черныхъ клобуковъ) поджидали своихъ соплеменниковъ, которые, въ качествѣ союзнаго войска, пошли изъ Кіева къ Галичу и должны были воротиться отъ *Борохова* (вар. *Болохова*). Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ уже намъ пути изъ Галича въ Кіевъ, слѣд. несомнѣнно, что эта мѣстность за Васильевомъ не что иное, какъ Перепетовское поле [2]). На этихъ то половцевъ, остановившихся за Васильевомъ, напалъ Василько Ярополчичъ изъ своего города *Михайлова*. Онъ выѣхалъ изъ города ночью, проплуталъ всю ночь, при восходѣ солнца ударилъ на половцевъ, былъ разбитъ и едва убѣжалъ до города. Очевидно изъ этого разсказа, что городъ Михайловъ былъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Перепетовскимъ по-

---

[1]) Очень можетъ быть, что и въ именахъ рѣчки *Чернявки* (Рутець) и хутора *Черныхивки*, значащагося на военно-топографической картѣ къ востоку отъ рутскаго озера, верстахъ въ $4^1/_2$ отъ него, если только это не какія-либо позднѣйшія и не случайныя имена, сохранилось воспоминаніе объ этихъ кочевникахъ, отличавшихся чернымъ цвѣтомъ своихъ клобуковъ (шапокъ, колпаковъ).

[2]) Г. Н. Дашкевичъ (Болоховская земля, прим. 23) готовъ отличать *Болохово*, о которомъ упоминается подъ 1150 г., отъ *Борохова* (вар.: Болохова), о которомъ упоминается подъ 1172 годомъ. Второе Борохово (Болохово) онъ пріурочиваетъ къ *Борушковцамъ* новоградволынскаго у. на лѣвой сторонѣ р. Деревички, впадающей съ лѣвой стороны въ Случь. Но, въ такомъ случаѣ, чего ради половцамъ пришлось ожидать своихъ соплеменниковъ, которые возвращались отъ Болохова, *за Васильевомъ* (по отношенію къ Кіеву)? Къ *Борушковцамъ* изъ Кіева слѣдовало-бы ѣхать не васильевскимъ, а бѣлогородскимъ путемъ. Очевидно, слѣд., что Болохово 1150 и Борохово (Болохово) 1172 года тождественны.

лемъ. Карамзинъ (III, стр. 8) поясняетъ: „Михайловъ—близь Кіева“. По моимъ соображеніямъ, какъ это было уже упомянуто въ предварительномъ описаніи, этотъ городъ пріурочивается къ теперешнему селу Михайловкѣ, васильковскаго уѣзда, при впаденіи р. Холопа въ Суботъ. Отъ этой Михайловки до верховья Ротка 22 версты, до средняго теченія еще меньше [1]).

7) Подъ тѣмъ-же 1172 г. въ ипат. лѣтописи мы встрѣчаемъ еще разъ упоминаніе о городѣ *Михайловѣ*. Глѣбъ Юрьевичъ отомстилъ Васильку за его нападеніе на его союзниковъ, „городъ его пожгоша, греблю роскопаша“. Глѣбъ ходилъ къ Михайлову изъ Кіева, слѣдовательно не иначе, какъ черезъ Перепетовское поле [2]).

8) По ипат. лѣтописи (379) подъ 1172, а по лавр. (339) подъ 1169 г. мы встрѣчаемъ упоминаніе о *Перепетовскомъ полѣ* и о какой-то загадочной *лукѣ моря* по поводу половецкаго набѣга. Глѣбъ Юрьевичъ шелъ изъ Кіева въ Корсунь на степъ къ половцамъ и

---

[1]) Кстати замѣтить, что къ югу отъ теченія безъименнаго ручья, текущаго отъ села Пологъ въ Ротокъ, на военно-топографической картѣ обозначено урочище подъ названіемъ: «*Васильковъ гонъ*» (у Похилевича не упомянуто), поразительнымъ образомъ напоминающимъ имя *Василька* Ярополчича. Къ Михайлову, какъ городу Василька Ярополчича, легко пріурочивается и извѣстіе подъ 1165 г. (Ипат. 359) объ избіеніи этимъ княземъ половцевъ *на Роси*.

[2]) Погодинъ (Изслѣдованія и пр., IV), перечисляя почти всѣ Михайловки кіев. губ., какъ разъ просмотрѣлъ Михайловку, наиболѣе подходящую къ лѣтописному Михайлову. Онъ указываетъ: 1) на село Михайловку черкасскаго уѣзда, ниже Канева, на правой сторонѣ Роси; 2) на село Михайловку каневскаго у., на Роси, между Богуславомъ и Таращею; 3) на село Михайловку сквир. уѣзда, при которой надъ Росью есть замковище. Но отъ первой Михайловки до рутскаго озера 93 версты, слѣд., далеко, въ теченіи ночи не доѣдешь. Второе село, указываемое Погодинымъ, называется не *Михайловкой*, а *Мисайловкой*, и отъ него до рутскаго озера 57 верстъ. Третья Михайловка, указываемая Погодинымъ, не село, а деревня, въ которой дѣйствительно примѣтно древнее квадратное замковище, но дѣло-то въ томъ, что деревня эта названа по имени помѣщика Михаила Глембоцкаго, основавшаго ее въ 1750 году. Итакъ первое населенное мѣсто не подходитъ къ лѣтописному городу Михайлову по своему топографическому положенію, второе—и по названію, и по топографическому положенію, третье получило имя Михайловки въ позднѣйшее время. Чтобы покончить съ Михайловками, замѣчу, что въ кіев. губ. существуетъ еще одна Михайловка (часть села Рубежовки) въ кіев. у., на лѣвой сторонѣ ручья Мыслины, впад. съ лѣвой стороны въ р. Бучу, лѣвый притокъ Ирпени. Но отъ этой Михайловки до ближайшаго пункта теченія Роси 75 верстъ, до Василькова 39 верстъ.

былъ *на Перепетовскомъ полѣ*. Вѣроятно, онъ шелъ по той-же дорогѣ, по которой ходилъ Изяславъ противъ Владимірка въ 1150 г. и противъ Юрія въ 1151 году. Узнавши здѣсь, что корсунскіе половцы, не дождавшись его, пошли *за Кіевъ* воевать, Глѣбъ послалъ своего брата Михалка преслѣдовать ихъ. Идучи вслѣдъ за половцами, Михалко встрѣтилъ передовую партію половцевъ, возвращавшихся уже съ набѣга; произошла бытва, и половцы были побѣждены. Затѣмъ Михалко отправился дальше и ожидалъ возвращенія главныхъ силъ половецкихъ; дождался, произошла вторая битва, въ которой былъ раненъ Михалко, и въ которой половцы потерпѣли опять пораженіе. Вслѣдъ за упоминаніемъ о томъ, что Михалка ударили половцы двумя копьями въ стегно, а третьимъ въ руку, изложеніе ипат. лѣтописи (по печатной ея редакціи) нѣсколько отличается отъ изложенія лаврентьевской. Въ ипат. читаемъ: „но Богъ молитвою отца его избави его отъ смерти. Якоже прежде *въ луцѣ моря*, бьяхуся съ ними (половцами) крѣпко“ и пр. А въ лѣтописи лавр. читаемъ: „но Богъ отца его молитвою избави его отъ смерти, якоже (и прежде) *въ луцѣ моря*. И якоже бьяхуться крѣпко“ и пр. И такъ по ипат. списку, битва съ половцами, о которой разсказывается, сравнивается, по отношенію къ ея жестокости, съ битвою съ ними у луки моря, а по лавр. избавленіе Михалка отъ смерти въ битвѣ, о которой разсказывается, сравнивается съ избавленіемъ его отъ смерти въ битвѣ у луки моря. Такимъ образомъ тутъ упоминаются двѣ битвы. Половцы, по всей вѣроятности, дѣлали набѣгъ вверхъ по Ротку и внизъ по теченію Ирпени. Михалко отправился за ними въ погоню съ Перепетовскаго поля, но съ какого именно пункта поля, не сказано; по всей вѣроятности приблизительно отъ верховья Ольшаницы. Историки понимаютъ, въ этомъ лѣтописномъ разсказѣ, подъ *моремъ* настоящее море, море въ теперешнемъ значеніи этого слова, и подъ *лукоморьемъ* подразумѣваютъ здѣсь какой нибудь заливъ Азовскаго или Чернаго моря [1]). Карамзинъ (III, прим. 2), слѣдуя чтенію лавр.

---

[1]) *Лука*—заливъ. Прол. XV в. мая 19: Иляше въ слѣдъ его до лоукъ морьскихъ (Словарь Востокова), лавр. 478: Загна по Дону и въ луку моря.—Авт.

Позволяемъ себѣ замѣтить, что въ живомъ употребленіи слово *лука* не примѣняется къ водѣ, но только къ сушѣ и означаетъ низменное, прибрежное мѣсто,

списка, выражаетъ мысль, что здѣсь заключается косвенное (въ видѣ сравненія) упоминаніе о походѣ князей на половцевъ въ 1170 г. (Ипат. 368), въ которомъ дѣйствительно участвовалъ тотъ-же Михалко Юрьевичъ. Но дѣло то въ томъ, что въ 1170 году князья не доходили ни до береговъ Азовскаго, ни до береговъ Чернаго моря. Въ моемъ изслѣдованіи текста Пѣсни Игорю Святославичу я выяснилъ, что *вода*, къ которой были притиснуты русичи по лавр. лѣтописи (стр. 378), и *езеро*, вокругъ котораго они бились, или *море*, въ которомъ они были потоплены, по лѣтописи ипатской (стр. 433 и 434),—одно и тоже. Г. Потебня, въ запискахъ по русской грамматикѣ (II, 245), замѣчаетъ, что *море* въ ипатскомъ разсказѣ о походѣ Игоря значитъ озеро. Море въ смыслѣ озера и воды вообще встрѣчается не рѣдко и теперь въ народномъ пѣсенномъ языкѣ, напр.:

„Тільки найшла *у полі* синенькее *море*“.

(Чубинскій, V, 552).

Итакъ, въ старинномъ языкѣ слово *море* имѣло болѣе обширное значѣніе, чѣмъ теперь: оно прилагалось и къ морю, и къ озеру. Понятное дѣло, что если озеро называлось моремъ, то заливъ озера могъ называться *лукою* моря, а изъ этого слѣдуетъ, что подъ *лукою моря* въ занимающемъ насъ лѣтописномъ разсказѣ о битвахъ Михалка съ половцами вовсе нѣтъ никакой надобности подразумѣвать какой нибудь заливъ Азовскаго или Чернаго моря. Это море съ его заливомъ слѣдуетъ искать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили эти битвы. Первая битва происходила, вѣроятно, у того-же самаго излучистаго рутскаго озера, о которомъ упоминается въ разсказѣ о рати Изяслава съ Юріемъ въ 1151 году. Итакъ смыслъ приведеннаго лѣтописнаго разсказа такой: но Богъ отца его молитвою избави его (и на этотъ разъ, и въ этой второй битвѣ) отъ смерти, коже и преже въ луцѣ моря (какъ и въ прежней, первой битвѣ, происходившей у залива озера). Очевидно, что редакція лаврентіев-

---

покрытое травою и удобное для пастьбы. Въ такомъ смыслѣ это слово встрѣчаемъ и въ польскомъ языкѣ: лука, *łąka*—отъ *лучить-ся*, *łączyć się*, направлять-ся, соединяться, прилегать.—Ред.

скаго списка исправнѣе редакціи ипатскаго списка. Итакъ, первая битва Михалка съ половцами была у рутскаго озера, а вторая гдѣ-нибудь выше по Ротку.

Вотъ и всѣ лѣтописныя упоминанія о событіяхъ, совершавшихся на Перепетовскомъ полѣ въ домонгольскій періодъ [1]).

Теперь подведемъ итоги тѣмъ топографическимъ даннымъ и основаннымъ на нихъ соображеніямъ и выводамъ, которые служатъ къ разрѣшенію топографическихъ проблеммъ, обозначенныхъ нами въ началѣ статьи.

1) Лѣтописная *Бъзяница* (=Възяница)—теперешняя р. *Узка* (Узянка) или теперешняя р. *Узинъ*, доказательствами чему служатъ: а) полное фонетическое соотвѣтствіе стариннаго имени Възяница и теперешнихъ: Узянъ, Узинъ, Узень, Узка, Гузино; б) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія этихъ рѣчекъ всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о рати Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 году.

2) *Море*, о которомъ упоминается въ лѣтописномъ разсказѣ о рати Михалка Юрьевича съ половцами въ 1172 году, тождественно съ *озеромъ*, о которомъ упоминается въ лѣтописномъ разсказѣ о

---

[1]) Упоминанія, касающіяся мѣстности древняго Перепетовскаго поля, встрѣчаются въ письменныхъ памятникахъ и послѣ монгольскаго періода:

1) По свидѣтельству Стрыйковскаго, которое, впрочемъ, Карамзинъ считаетъ сомнительнымъ, въ 1311 году Юрій, князь слуцкій, съ Андреемъ Немировичемъ на урочищѣ *Ротку* поразили на голову татаръ, потерявшихъ здѣсь 8000 убитыми.

2) Курганъ *Перепетовъ* и *Перепетовка* и *Ротокъ*—болото упоминаются въ подложной копіи, составленной въ 1592 году будто-бы съ подлиннаго списка грамоты Андрея Боголюбскаго кіево-печерскому монастырю, хранившагося въ патріаршемъ архивѣ въ Константинополѣ. Подложность упомянутой копіи доказана преосв. Макаріемъ (Исторія церкви, т. III, по 2 изд. 1868 г., стр. 41).

Наконецъ, 3) о *Перепетовомъ курганѣ*, *Роткѣ* и *Узянѣ* упоминается, какъ мы видѣли, въ привиллегіи, данной Сигизмундомъ III жителямъ Бѣлой Церкви въ 1597 году. По этой привиллегіи вся эта равнина «ажъ до валу, що за Перепетовымъ курганомъ» предоставлялась въ пользованіе жителямъ *Бѣлой Церкви*, вслѣдствіе чего, вѣроятно, равнина эта и доселѣ слыветъ подъ названіемъ «*Бѣлоцерковской степи*».

рати Юрія съ Изяславомъ въ 1151 году, доказательствами чему служатъ: а) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія этого озера съ обстоятельствами лѣтописныхъ разсказовъ объ упомянутыхъ ратяхъ; б) употребленіе слова *море* въ значеніи *озера* въ другихъ мѣстахъ лѣтописи, напримѣръ, въ ипатскомъ разсказѣ о походѣ Игоря, и въ теперешнемъ народномъ пѣсенномъ языкѣ; в) то обстоятельство, что пониманіе подъ *лукою моря* какого нибудь залива Азовскаго или Чернаго моря въ упомянутомъ разсказѣ о рати Михалка Юрьевича съ половцами въ 1172 году ни на чемъ не можетъ быть основано.

3) Лѣтописному городу *Михайлову* соотвѣтствуетъ теперешнее село *Михайловка* вас. у. на р. Холопѣ, при впаденіи ея въ Субодъ, доказательствами чему служатъ: а) полное соотвѣтствіе лѣтописнаго имени этого города съ именемъ упомянутаго села; б) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія теперешней Михайловки обстоятельствамъ лѣтописнаго извѣстія о нападеніи Василька Рополчича на половцевъ въ 1168 году; в) несоотвѣтствіе всѣхъ другихъ населенныхъ мѣстъ кіев. губ. съ подобнымъ именемъ обстоятельствамъ упомянутаго разсказа; г) существованіе между Михайловкой и Роткомъ урочища *Васильковъ гонъ*, напоминающаго своимъ именемъ имя Василька Ярополчича [1]).

4) Лѣтописные *Рутъ* (по польски Рутекъ) и *Ротъ* (теперь Ротокъ, Протока) тождествены, доказательствами чему служатъ: а) полное соотвѣтствіе этихъ именъ въ фонетическомъ отношеніи (ср. въ лѣтописи: *Рось* и *Русь, Торки* и *Турки* и т. д.) [2]); б) полное соотвѣтствіе, по отношенію къ обстоятельствамъ мѣста, лѣто-

---

[1]) Противъ пріуроченія Михайлова къ Михайловкѣ васильк. у. можетъ быть приведено то обстоятельство, что въ этой Михайловкѣ нѣтъ остатковъ и слѣдовъ земляныхъ укрѣпленій (городища); но если ихъ дѣйствительно нѣтъ въ самой Михайловкѣ, въ такомъ случаѣ лѣтописный городъ Михайловъ долженъ быть пріуроченъ къ ближайшимъ къ этой Михайловкѣ, сосѣднимъ съ нею мѣстностямъ съ остатками такихъ укрѣпленій, какъ, напримѣръ, какъ объ этомъ было упомянуто, къ селу Мазепинцамъ на лѣвой сторонѣ Каменки.

[2]) *Ръть:* 1) ротъ. Апост. XIV в. Тим. V, 18: не завяжеши ръта волу врьхушю (вола молотяща не обротиши), 2) вершина, маковка. Амарт. XVI в.: сущи искрь на ртѣ града, 3) Prol: рътъ кораблю (Словарь Востокова).

писнаго извѣстія, въ которомъ упоминается *Ротъ*, съ лѣтописнымъ извѣстіемъ, въ которомъ упоминается *Рутъ*.

5) Лѣтописному *Рутцу* соотвѣтствуетъ теперешняя рѣчка *Чернявка*, текущая отъ села Средней Слободы и впадающая въ Ротокъ, доказательствомъ чему служитъ полное соотвѣтствіе топографическаго положенія ея всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о рати Юрія съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 году.

6) Лѣтописной рѣчкѣ *Ольшаницѣ* соотвѣтствуетъ теперешняя рѣчка *Тростинка*, или *Раковка*, доказательствами чему служатъ: а) то, что на ней, по обѣимъ ея сторонамъ, расположены два села́ *Ольшанки*; б) то, что первый ея притокъ и теперь называется *Ольшанкой*; в) полное соотвѣтствіе старинной уменьшительной формы: *Ольшан-ица* съ теперешней: *Ольшан-ка* (ср. Камен-ица и Камен-ка); г) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія р. Тростинки всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о рати Владимірка галицкаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1150 году; д) несоотвѣтствіе м. *Ольшаницы*, существующаго на р. Гороховаткѣ, тому пути, по которому шелъ Владимірко изъ Галича въ Кіевъ.

7) *Перепетово*, или *Перепетовское поле*—это такъ называемая теперь бѣлоцерковская степь, или равнина, простирающаяся отъ м. Бѣлой Церкви къ Стугнѣ и отъ м. Фастова къ селу Мировкѣ, доказательствомъ чему служитъ полное соотвѣтствіе топографическаго положенія этой равнины всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о походѣ Владимірка къ Кіеву въ 1150 году, о преслѣдованіи Изяславомъ Юрія въ 1151 году, наконецъ, о преслѣдованіи Михалкомъ Юрьевичемъ половцевъ въ 1172 году.

На древнемъ Перепетовскомъ полѣ, какъ это можно видѣть изъ представленнаго нами обзора событій на этомъ полѣ совершавшихся, не мало было въ разное время пролито крови, и русской, и не русской. У рутскаго озера, или *моря*, которое можно считать центральнымъ пунктомъ всей этой равнины, происходили кровопролитныя битвы Юрія съ Изяславомъ въ 1151 году и такія же битвы Михалка Юрьевича съ половцами въ 1172 году. Кромѣ того, на самомъ полѣ или у окраинъ его происходила битва Владимірка съ Изяславомъ въ 1150 году, битва Василька Ярополчича съ половцами въ 1172 году, пораженіе половцевъ берендичами и

юрьевцами въ 1159 году, пораженіе половцевъ черными клобуками въ 1162 году и проч.

Очевидно, слѣдовательно, что Перепетовское поле принадлежитъ къ числу тѣхъ полей, типическій образъ которыхъ воспроизводится иногда въ народныхъ пѣсняхъ, въ родѣ:

Ой чого ты почорніло, зеленее поле?
Якъ-же мені не чорніти,
Що я кровью обкипіло...

Въ заключеніе моей статьи скажу нѣсколько словъ о народномъ поэтическомъ преданіи, пріуроченномъ къ Перепетовскимъ курганамъ, давшимъ въ древности имя цѣлой равнинѣ, въ сѣверо-западномъ углу которой они находятся, подобно тому, какъ въ позднѣйшее время дало ей имя знатное мѣстечко Бѣлая Церковь, на южной ея окраинѣ возникшее. Сущность этого преданія состоитъ въ томъ, что подъ упомянутыми курганами похоронены князь Перепетъ и жена его Перепетиха, убившая нечаянно своего мужа, а потомъ, отъ горя, и самую себя. Въ видахъ разъясненія смысла этого преданія слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, обратить вниманіе на топографическое положеніе этихъ кургановъ. Курганъ *Перепетиха* находится, какъ было сказано, очень близко (меньше версты) отъ истоковъ Ротка, а *Перепетъ*, на разстояніи 4½ верстъ къ сѣверо-западу отъ Перепетихи, недалеко отъ истока безъименной рѣчки, впадающей въ Унаву, притокъ Ирпени. Это положеніе древнихъ могильныхъ кургановъ, въ которыхъ были погребены какіе-то доисторическіе знатные люди [1]), у истоковъ рѣчекъ, текущихъ въ противоположныхъ направленіяхъ, а также, можетъ быть, и кровопролитныя битвы, въ мѣстности этихъ кургановъ происходившія, и могли подать поводъ народной фантазіи пріурочить къ этимъ курганамъ довольно распространенное и повторявшееся на разные лады миѳическо-поэтическое преданіе о происхожденіи рѣкъ отъ крови древнихъ богатырей. Таково, напр., содержаніе общеизвѣст-

---

[1]) Въ 1845 году Перепетиха была раскопана профессоромъ кіевскаго университета Иванишевымъ. Объ этой раскопкѣ см. «Древности, изданныя временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ», Кіевъ, 1846 г.

ной былины о Дунаѣ-богатырѣ и Настасьѣ Королевичнѣ. Дунай нечаянно убилъ свою жену Настасью и потомъ, отъ горя, и самого себя:

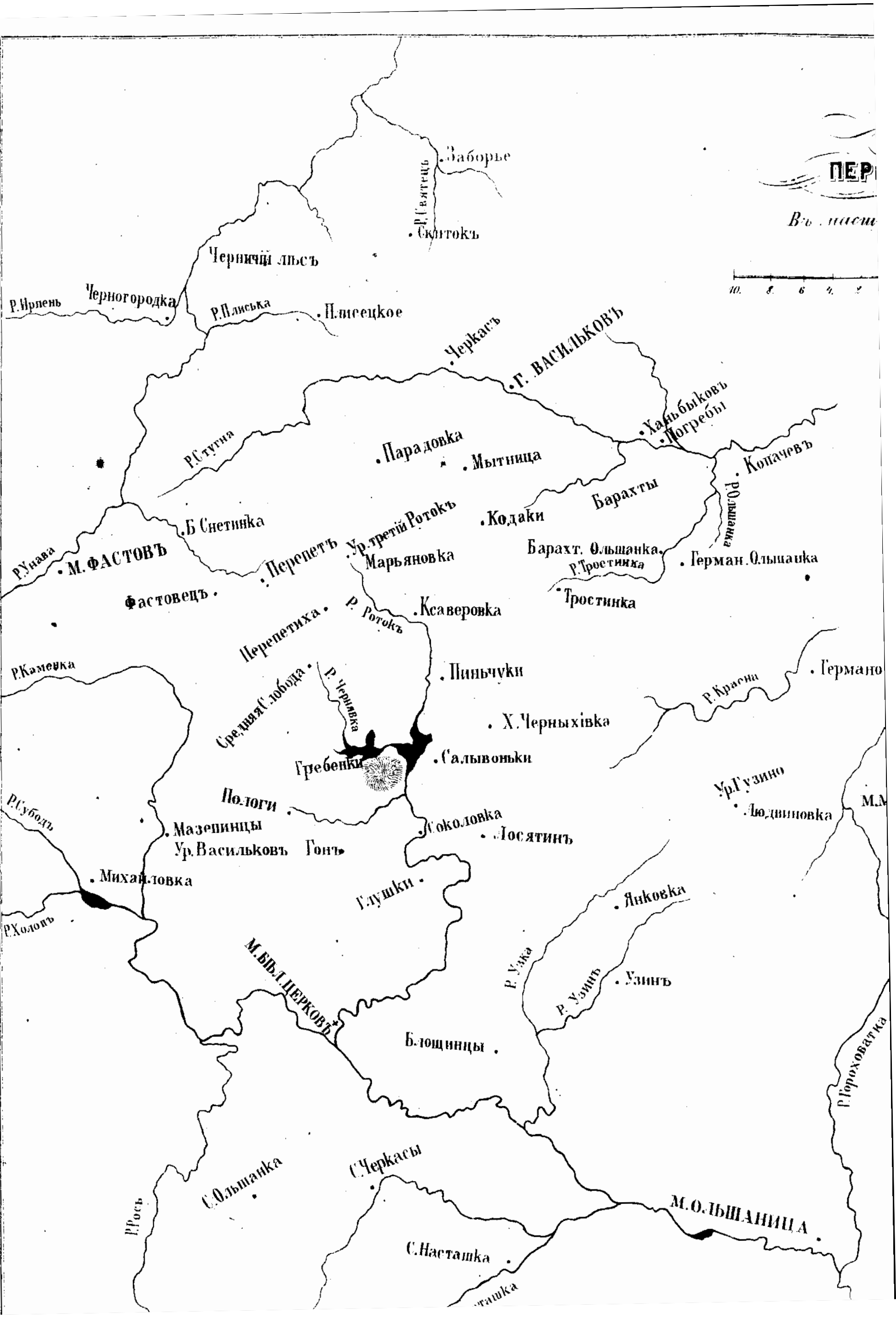
„Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекла рѣка Дунай-рѣка,
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекла Настасья рѣка...
    Изъ-подъ этого съ подъ мѣстечка
    Протекли двѣ рѣченьки быстрыихъ
    И на двѣ струечки они расходилися [1]).

М. Андріевскій.

27 іюля 1882 года.

---

[1]) Аѳанасьевъ, «Поэтическія воззрѣнія» II, 223. *Дунай*, какъ извѣстно, первоначально,—нарицат. имя рѣчки. Что касается *Настасьи*, то это имя придается нерѣдко разнымъ сказочнымъ красавицамъ. См. «Малорусскія народныя преданія», Кіевъ, 1876 г.: Настіна могила, стр. 224, Настасья Прекрасная, стр. 299, Кстати замѣтить, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ мѣстностью, служившей предметомъ нашей статьи, есть рѣчка *Насташка* (впадаетъ въ Рось съ правой стороны верстахъ въ девяти ниже устья Узина) и на ней село *Насташка*. По преданію, и рѣчка, и село получили свое имя отъ первой сельской красавицы Насташки, утонувшей въ рѣчкѣ (см. у Похилевича).


ПЕР
Въ наст
10. 8. 6. 4. 2
Заборье
Р. Святецъ
Скитокъ
Черничій лѣсъ
Черногородка
Р. Ирпень
Р. Плиська
Плисецкое
Черкасъ
Г. ВАСИЛЬКОВЪ
Ханьбыковъ
Погребы
Копачевъ
Р. Ольшанка
Парадовка
Мытница
Р. Стугна
Барахты
Кодаки
Ур. третій Ротокъ
Б. Снетинка
М. ФАСТОВЪ
Р. Унава
Перепетъ
Марьяновка
Барахт. Ольшанка
Р. Тростинка
Герман. Ольшанка
Тростинка
Фастовецъ
Ксаверовка
Р. Ротокъ
Перепетиха
Р. Каменка
Пиньчуки
Германо
Р. Красна
Средняя Слобода
Р. Чернявка
Х. Черныхівка
Гребенки
Салывоньки
Ур. Гузино
Людвиновка
Пологи
Р. Суботь
Мазепинцы
Ур. Васильковъ
Гонъ
Соколовка
Лосятинъ
Михайловка
Глушки
Янковка
Р. Холовъ
М. БѢЛ. ЦЕРКОВЪ
Р. Узка
Р. Узинъ
Узинъ
Блощинцы
Р. Гороховатка
С. Ольшанка
С. Черкасы
Р. Рось
М. ОЛЬШАНИЦА
С. Насташка

Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія

по воспоминаніямъ дѣтства.

Родился я въ 1831 году, въ одной изъ юго-западныхъ губерній, въ деревнѣ, гдѣ отецъ мой двадцать шесть лѣтъ былъ священникомъ. Ровно половину моей доселѣшней жизни, т. е. до окончанія образованія, я связанъ былъ съ деревней. Съ семи и до 25 лѣтъ я учился въ школахъ, проживая три четверти года въ городѣ, но чувствовалъ, что всею душею я жилъ въ деревнѣ, у роднаго очага. Проходилъ я, какъ и мои товарищи, столько наукъ „божескихъ и человѣческихъ“ (какъ тогда выражались—rerum divinarum humanarumque scientia), что нынѣшнее поколѣніе въ ужасъ пришло бы при взглядѣ на одинъ списокъ ихъ, и учился прилежно, но казалось только для того, чтобы развлечься, чтобы заморить въ себѣ тоску и томленіе по родной хатѣ, по роднымъ мѣстамъ и лицамъ. Сколько заботъ прилагали о нашемъ воспитаніи наши школьные начальники и наставники! Какая огромная куча правилъ, наставленій, требованій, совѣтовъ, приказаній сопровождала каждый нашъ шагъ, каждое душевное движеніе! На все въ этой кучѣ было руководство: думай, чувствуй, дѣлай, какъ по писаному. Сколько было у насъ искренне преданныхъ дѣлу, самоотверженныхъ и добрыхъ воспитателей и пѣстуновъ! Вотъ хотя бы этотъ старикъ—инспекторъ бурсы, который, бывало, прикажетъ тебя пороть, топаетъ ногами, приговариваетъ: „вѣдь я порю тебя по любви къ тебѣ... мнѣ больно, а не тебѣ... хочу сдѣлать тебя человѣкомъ (гуманизмъ какой!)... вотъ попищи еще... еще... лучше будешь... довольно... больно? плачешь?“... а у самаго тоже слезы на глазахъ! Или этотъ смотритель бурсы, архимандритъ, благая и

кроткая душа, который, отправляя на сѣкуцію, предварительно перекреститъ тебя нѣсколько разъ, да такъ любовно приговариваетъ: „Богъ тебѣ да поможетъ понести наказаніе... Прими его, какъ отъ самаго Бога... Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе небесное“...: а послѣ сѣкуціи такъ утѣшаетъ и ободряетъ не падать духомъ, но *возгрѣвать въ себѣ духа*“... Но—простите меня, добрые мои школьные пѣстуны (умалчиваю о жестокихъ, безчеловѣчныхъ), которыхъ я не мало имѣлъ въ трехъ бурсахъ, переходя изъ одной въ другую, до пятнадцатилѣтняго возраста; мнѣ противны были ваши любовныя заботы, а съ ними и всѣ ваши требованія и внушенія; душа моя всѣми порывами юнаго воображенія и чувства рвалась къ первымъ пѣстунамъ и учителямъ моего дѣтства, къ той завѣтной средѣ, которая вскормила и выростила меня. Отсиживаешь бывало въ городѣ свой срокъ точно въ тюрьмѣ, въ оковахъ, рвется душа въ деревню точно на волю, точно тамъ все найлучшее въ свѣтѣ. И такъ до самаго окончанія образованія, до полной возмужалости, когда служба насильно прикрѣпила меня къ городу! Добро бы еще тогдашняя украинская деревня въ самомъ дѣлѣ была привольемъ, а то—деревня тяжко-рабская, закрѣпощенная полякамъ и жидамъ, забитая, пьяная, голая и босая! Въ домѣ убожество: большею частію проживаешь одними мочеными сухарями; отецъ трудится до изнуренія и насъ гонитъ въ поле на работу... Кругомъ народъ все изможденный,—въ будень пасмурный, *понурый*,—въ праздникъ пьяный; хаты на курьихъ ножкахъ, вокругъ большею частію ни кола, ни двора; товарищи дѣтства—ребятишки голодные, какъ собачата; въ воздухѣ вѣчно пахнетъ панскимъ *нагаемъ*, жидовскимъ *патынкомъ* и распаренными розгами *становаго*,— такъ и звенитъ постоянно въ ушахъ: „psia wiara! psia krew!“, „ну, ты, музыкъ, швиня, Гав-рило“... Да, мрачная, гнетущая была сфера! А между тѣмъ гдѣ-то, въ незримыхъ для пана—жида—становаго слояхъ этой сферы крылось самое нѣжное, здоровое и животворное дыханіе жизни, которое бывало чувствуешь на себѣ на каждомъ шагу и которое разъ испытаешь—никогда не забудешь!

Бывало—одно приближеніе срока отъѣзда „домой“ измѣняло весь нашъ обыденный, скучный и сонный настрой. Съ каждымъ днемъ тогда мы точно просыпались отъ долгой спячки, выростали, становились богатырями, „отчаянными“. Само начальство начинало

обходиться съ нами осторожнѣе. „За мной пріѣхали“, оретъ счастливецъ, врываясь въ комнату, точно вихорь, и всѣ радостно улыбаются ему. Что за подавляющая тоска у тѣхъ, у кого не осталось въ деревнѣ ни родныхъ, ни присныхъ, осталось только одно необоримое влеченіе къ родной сферѣ! Но они знаютъ, что товарищи разберутъ ихъ по „своимъ домамъ“. Сироты убогіе, что въ первый разъ, въ 7—8 лѣтъ, за 200—300 верстъ приведены были пѣшкомъ въ бурсу своими матерями, оплаканные ими по дорогѣ съ ногъ до головы, залитые тѣмъ особеннымъ чувствомъ, которое дышало въ цѣломъ существѣ тогдашней убогой вдовицы, эти сироты—„бурсачки“ теперь весело мастерятъ сумочки изъ выпрошеннаго тряпья, готовятъ длинные дорожные посохи и восхищаются мыслію о длинной дорогѣ, босикомъ, безъ гроша за душою, съ ночлегами по полямъ и лугамъ, въ ненастье по крестьянскимъ хатамъ или куренямъ, за краюхой хлѣба, которую ткнетъ у иной хаты сердобольная старуха, приговаривая: „изъ бурсы? сирота? на, моя дитыночко, підпасись, онъ-якъ тобі живітъ стягнуло“... Изступленіе какое-то нападаетъ, когда выѣдешь изъ города и очутишься среди спѣлыхъ, золотистыхъ нивъ, увидишь вблизи первую деревню и церковь съ тремя зелеными куполами въ рядъ. Долой шапка, обувь, сертучишко; прыгъ! съ воза,—босыя ноги тонутъ въ теплой, пушистой пыли чернозема... Что за наслажденіе! На поляхъ вяло движутся загорѣлыя, потныя, запыленныя лица; на межѣ стоитъ *хлопецъ* съ *близнюками*, свободный отъ шапки, сапоговъ и проч., ухмыляется намъ, кричитъ: „поповичі...“; по дорогѣ остановилась баба съ *банькою*, приложила руку ко лбу козырькомъ, добродушно привѣтствуетъ насъ: „оце, неначе мішокъ розвъязали!... якъ галычь, посыпались“... Всѣмъ имъ весело кричишь: „добрыдень“, „помогайбі“, „щасти Боже“... Потянулась длинная дорога, знакомыя деревни, поля, лѣса, лужки, гребли, мосты... Какими живительными кажутся здѣсь палящіе лучи полуденнаго солнца, какими почтенными представляются эти нѣмые труженики на поляхъ, сердито поглядывающіе на торчащаго вблизи *панка* съ *нагаемъ!* Какъ уныло днемъ въ деревнѣ, въ ней все точно вымерло, все на панщинѣ! Съ какимъ благоговѣніемъ перекрестишься, когда среди полей, залитыхъ тихимъ, золотистымъ свѣтомъ заходящаго солнца, теплыя волны воздуха издали донесутъ благовѣстъ къ вечернѣ! А ночлегъ

у „кринички“ подъ вербою! Съ какимъ напряженіемъ вслушиваешься въ постепенное замираніе природы! Точно истома на всемъ легла: и воздухъ, и травы, и деревья — точно все пластомъ растянулось отъ усталости, какъ и тѣ *кръпаки*, что вернулись съ полей домой и—кто какъ повалился—мертво спятъ. Какъ сладко и самъ уснешь, какъ бодро встанешь до восхода солнца, умоешься изъ кринички и тутъ-же помолишься, ставши лицемъ къ востоку! Вотъ деревни за деревнями, все знакомые виды, знакомые типы, люди забитые, глуповатые, но добрые, ласковые. Бѣда-ли въ дорогѣ приключилась, увязнемъ въ болотѣ, опрокинемся съ косогора,—прохожій подойдетъ, посмотритъ, скажетъ: „біда... нехай вамъ Богъ помогае“. Ось сломалась, *майстеръ* въ деревнѣ не водится, или на панщинѣ. „Даете на кварту горілки (въ то время 10—12 грошей), *помагожу*“. Тяпъ-ляпъ и что-то дѣйствительно похожее на ось появилось, и доѣдешь на ней домой. Лошадь заболѣла: „кровь треба пустить“, говоритъ одинъ, „занозу зробить“—совѣтуетъ другой. „Перегонъ, опой, зъіла що небудь на паші“... Толкуютъ—толкуютъ и чѣмъ-то поправятъ лошадь. Самъ заболѣешь—„горілочки съ перцемъ або съ сілью выпий, полегчае“. Послушаешься—и *полегчае!*

Но вотъ и послѣдняя деревня, вотъ и лѣсъ, за которымъ откроются нивы родныя и за ними верхушки куполовъ родной церкви. И „погонычъ“, и мы сосредоточенно и парадно настраиваемся, пріодѣнемся, приведемъ все въ порядокъ на возу, тихо ѣдемъ лѣсомъ, заранѣе снявши шапки и вперивши очи впередъ. „Господи Іисусе Христе...“, набожно шепчетъ „погонычъ“ и крестится, раньше насъ увидѣвъ завѣтные купола сквозь прогалину въ чащѣ лѣса. У насъ и молитва замретъ на устахъ! Вотъ и „наше“ село, все знакомыя хаты, еще болѣе осѣвшія и покачнувшіяся, но тщательно выбѣленныя. Вотъ старая, высокая „фигура“ среди села, съ которой, мнѣ всегда казалось, страждущій Спаситель глядитъ на страждущій въ тяжкомъ рабствѣ народъ, какъ-бы и самъ сострадая ему и одушевляя его своимъ примѣромъ. Какъ у мѣста здѣсь это святое изображеніе!—Хаты заколочены, по селу тишина, всѣ на панщинѣ. Только льготный мужикъ, Павло Старенькій, плутаетъ ногами по дорогѣ изъ корчмы. „А, пріихали, панычи - поповичи! Бачите, якій я пьяный... Смійтесь на здоровье“... Вотъ всѣми въ селѣ признанная „золото-жінка“, Бондарчучка, спѣшитъ съ пан-

щины домой, покончивши раньше всѣхъ свою копу, каждый снопъ въ поясъ,—въ одной рукѣ *близнюки,* на другой ребенокъ, за плечами свитка, серпъ, банька, колыска и еще что-то, но она весело здоровается съ нами, крѣпко и шибко ступаетъ по дорогѣ, взбивая пыль подъ ногами. Спѣшитъ домой, чтобы все убрать, помыть, починить, добыть *кизяка* на топку, принесть воды, приготовить мужу на вечеръ галушки, розыскать по деревнѣ свое *ягнятко* и *поросятко.* Вотъ и наша усадьба, вотъ отецъ на крылечкѣ стоитъ, смотритъ намъ на встрѣчу, идетъ къ воротамъ, босой, неодѣтый, изможденный,—бѣжитъ къ воротамъ сестрёнка наша, одиноко живущая про отцѣ-вдовцѣ, за плетнемъ торчитъ Иванько, старый солдатъ, сторожъ церковный, и видимо готовится брякнуть намъ: „здравія желаю... чово зволте"... Озираемся вокругъ,—тотъ-же убогій домикъ, тѣ-же комора, клуня, загороди, хлѣвы, садочекъ вишневый, тѣ-же собаки.. И все тутъ на мѣстѣ, ничто не перемѣнилось, и все такъ привѣтливо глядитъ на насъ, и такая въ душѣ благодать, такая въ сердцѣ теплота и радость!...

И пошла затѣмъ жизнь, ни съ чѣмъ несравнимая. Чувствуешь, что выростаешь и крѣпнешь, что живешь полной жизнію, какъ этотъ буйный колосъ на крѣпкоколѣнномъ стеблѣ, какъ этотъ молодой дубнякъ съ его металлическими листьями, какъ эта стройная и сочная трава въ дубовомъ лѣсу. Шире и шире раздвигаются горизонты мысли, повсюду точно кто-то незримо за тобою бродитъ и нашептываетъ смѣлые замыслы, проэкты, внушаетъ завѣтныя стремленія, священные обѣты и любовь—любовь безъ конца ко всему страждущему и обремененному, ко всякому нищему духомъ, къ своему темному и теплому народу, къ голой, и босой, и подъчасъ пьяпой матери—Украинѣ...

Читатель, я вѣдь говорю о времени моего дѣтства, давно прошедшаго: не судите меня по-настоящему. Говорю о деревнѣ того страннаго теперь и сказочнаго времени, когда городъ отдѣленъ былъ отъ деревни цѣлою бездною, когда въ городѣ жили все вольные люди, а въ деревнѣ—все крѣпаки, когда въ городѣ царила власть русская, а деревня стонала подъ игомъ польско-жидовскимъ, точно среди одного государства другое расположено было форпостами, бивуакомъ, и внѣ городовъ по деревнямъ власть русская появлялась только наѣздомъ, чѣмъ дѣйствительно признавали въ то

время поляки русскую власть въ украинской деревнѣ, да нельзя было съ этимъ и не согласиться. Говорю о деревнѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, о деревнѣ крѣпостной, когда, послѣ неудавшейся польской революціи 1831 года, польская сила, изгнанная изъ городовъ, изъ правительственныхъ сферъ, вся укрылась въ деревняхъ и, раздраженная неудачею возстанія, вся обрушилась на русскихъ своихъ „подданныхъ", вымещая на нихъ свою неудачу, мстя имъ за ихъ „измѣну" польской справѣ и вмѣстѣ торопясь руками крестьянъ поправить разстроенное революціей свое состояніе. Это былъ недолгій, но глубоко трагическій періодъ въ быту украинской деревни, когда повсюду слышенъ былъ одинъ тяжелый стонъ, когда деревенскіе старики со вздохомъ говаривали: „подъ Польшей было народу легче", когда одни массами бѣжали въ Бессарабію, въ Черноморье, въ Турцію, другіе ждали появленія Хмельницкаго, который вывелъ-бы ихъ изъ рабства полякамъ и жидамъ, или-же Гонты и Желѣзняка, чтобы по крайней мѣрѣ поглумиться надъ своими притѣснителями, къ которымъ наконецъ народъ сталъ причислять всѣхъ и все, кромѣ себя самаго. Тогдашній городъ тупо глядѣлъ на эту картину, судилъ и казнилъ „бунтовщиковъ противъ своихъ господъ"; становые и капитанъ-исправники точно для того только и существовали, чтобы именемъ русскаго государства удерживать русскихъ крестьянъ въ полномъ повиновеніи польскимъ помѣщикамъ. Крѣпацкая деревня стонала, но упорно противустояла своимъ панамъ и ихъ охранителямъ, нѣмо и глухо, но неизмѣнно протестуя противъ чуждаго господства въ краѣ, пропивала съ горя послѣднюю овцу, курицу, но не теряла вѣры въ будущее и—довела свое дѣло до конца: отстояла свою духовную независимость, сохранила въ краѣ русскую народность. Едва уничтожено въ краѣ рабство, какъ народъ далъ почувствовать себя своимъ притѣснителямъ въ ихъ возстаніе, и, глядя на эту для многихъ какъ-бы изъ земли выросшую силу, мы съ увѣренностію могли противупоставить ее притязаніямъ поляковъ и вмѣшательству Европы [1]).

---

[1]) Недавно въ одной корреспонденціи изъ Кіева (Нов. Вр., 31 мая 1882 г.) мы прочли сѣтованія на недостаточную оцѣнку заслугъ чиновниковъ въ юго-западномъ краѣ, прибывшихъ послѣ 1863 года. Корреспондентъ утверждаетъ, что «во время возстанія 1863 года обнаружилось съ полной очевидностью, что край этотъ былъ *русскимъ только по названію*» (!!), что наѣхавшіе затѣмъ чинов-

Что это за сила, которая, не смотря на свою темноту, вѣковое рабство, на долгія искушенія, принужденія и кары, спасла дорогое для государства достояніе, что это за чудесная должна быть сила!

Нѣтъ, читатель, не попрекайте насъ въ наивности. Недаромъ мы съ такою любовію вспоминаемъ деревню, насъ вспеленавшую и вскормившую, вложившую въ насъ первые завѣты жизни. Мы любимъ ее за ея страданія, терпѣніе и вздохи во имя любви къ роднымъ началамъ жизни, за крѣпкую вѣру въ спасительность этихъ началъ, за всѣ тѣ добрыя свойства, которыя выростали на почвѣ страданій въ соединеніи съ такою любовію и вѣрою. И чѣмъ ближе приникаемъ мы ко временамъ нашего дѣтства, тѣмъ глубже и отчетливѣе сознаемъ въ себѣ біеніе народнаго пульса и необоримую силу гражданскую, тѣмъ полнѣе и живѣе становятся наши общественные и гражданскіе идеалы и наша вѣра въ Русь могущественную.

Подъ вліяніемъ новыхъ условій украинская деревня мѣняетъ теперь свой прежній видъ, въ ней происходятъ явленія, способныя, повидимому, охладить наши симпатіи къ ней, подорвать нашу вѣру въ нее. Городская жизнь вторгается въ нее, проникаетъ въ бывшія крѣпацкія хаты. Мужики, бабы, дѣвки, парни въ городѣ покупаютъ для себя уборы, часто тратя на нихъ послѣдній грошъ,—пьютъ чай, сантуринское, курятъ папиросы, учатся танцовать польку и кадриль... Семинаристы съ тросточками дѣлаютъ променады по деревнѣ, говорятъ дѣвкамъ: „мое почтеніе“. Дьячки читаютъ романы, поютъ чувствительные романсы, подъчасъ и куплетикъ изъ оперетки. Священники волнуются по поводу послѣдней книжки „*Вѣстника Европы*“, или передовой статьи „*Голоса*“. Въ деревнѣ появились даже свои чиновники—изъ тѣхъ-же „мужиковъ“ и изъ „благород-

---

ники «первые нанесли тяжелый ударъ польской справѣ въ этомъ краѣ», что «въ немного лѣтъ они *совершенно перевоспитали крестьянъ въ ихъ отношеніяхъ къ русскому правительству*», что «въ этомъ велика ихъ заслуга предъ русскимъ народомъ и государствомъ»... Deus ex machina! И вся эта чепуха насказана единственно въ доказательство того, что щедрая раздача имѣній этимъ чиновникамъ недостаточно-де вознаградила ихъ за заслуги... Корреспондентъ однако признается, что «нѣкоторые изъ пріобрѣвшихъ въ краѣ имѣнія находятъ болѣе практичнымъ держаться пана и жида, считая мужика только стихійной силой»!..

ныхъ“, настоящихъ чиновниковъ, предъ которыми иной разъ самъ становой (выражаясь языкомъ Расплюева) „мальчишка и щенокъ“. И жидъ, и панъ уже не тѣ: жмутся зачастую и заискиваютъ у „пана Гаврила“... Новое-ли городское, чиновничье крѣпацтво пытается утвердиться въ деревнѣ вмѣсто прежняго, или деревня, долго отдѣляемая отъ города бездной, хочетъ хлебнуть во всю глотку городскихъ благъ, дохнуть во всю грудь городскимъ воздухомъ, или то и другое вмѣстѣ,—рѣшить трудно. Есть много признаковъ, указывающихъ на то, что теперь, въ первый разъ, со времени раздѣленія Руси на двѣ половины, южно-русская деревня приступаетъ къ дѣйствительному, живому участію въ общерусской жизни. Каша, кутерьма, столпотвореніе вавилонское! Холодъ вмѣсто сердечности, пьяное веселіе вмѣсто пьянаго горя, расточительность вмѣсто убожества, разнузданность вмѣсто безправія, штундизмъ вмѣсто тихой преданности уставамъ церкви!.. Вопіютъ заѣзжіе публицисты! Но мы не смущаемся. На первыхъ порахъ, послѣ долгаго отчужденія и рабства, эта картина въ деревняхъ неизбѣжна. Та сила, что вынесла на своихъ плечахъ чуждое вѣковое иго и спасла народность и вѣру, не обманетъ, не загинетъ, не уронитъ края, дайте только ей оглядѣться кругомъ себя, ознакомиться съ условіями новаго быта, завести повсюду школы, вырастить новое поколѣніе...

Пока это станется, почтимъ благодарною памятью нашу крѣпостную деревню, помянемъ ея горести и печали, пьяныя радости и тихія мечты,—все то, чѣмъ она жила, крѣпилась, утѣшалась...

Мы желали-бы представить на страницахъ „Кіевской Старины“ рядъ очерковъ изъ быта украинской деревни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ по воспоминаніямъ о нашемъ дѣтствѣ. Мы имѣемъ въ виду свою родную деревню, умалчивая только о названіяхъ, но всѣ украинскія деревни того времени такъ похожи одна на другую. Вездѣ однѣ и тѣже элементы и факторы жизни: *священникъ*-руководитель, воспитатель народа, *дъякъ* — его просвѣтитель, функція самостоятельная; *панъ* въ различныхъ видахъ, съ неограниченнымъ произволомъ и религіозно-національными тенденціями, и наконецъ самъ *народъ*—жертва чуждаго вліянія и господства, стоящій въ непрерывной съ ними оппозиціи. Вспоминая наше дѣтство, мы представимъ бытъ тогдашней деревни въ слѣдующихъ очеркахъ:

1) мой отецъ, 2) дьякъ—мой первый учитель, 3) польско-католическій, господствовавшій элементъ и 4) крѣпостной людъ.

I.

Мой отецъ и его родословная.

Я сказалъ уже, что отецъ мой былъ священникомъ. Первымъ священникомъ въ нашемъ роду былъ дѣдъ мой, отецъ отца моего. Такимъ образомъ, хотя наша фамилія очень распространена была въ юго-западномъ краѣ и въ частности въ духовенствѣ, однако родъ нашъ былъ новичкомъ въ средѣ духовенства, издавна сидѣвшаго въ краѣ родами своими.

Несомнѣнно, что древнѣйшій обычай замѣщенія приходовъ на Руси былъ выборъ священниковъ самими прихожанами. Не видимъ въ древней Руси при архіерейскихъ домахъ правильно устроенныхъ школъ, а потому архіереи не имѣли возможности замѣщать приходы своими кандидатами. Вѣчевой порядокъ избавлялъ архіерея отъ обязанности заботиться о такихъ кандидатахъ. На югѣ Руси, въ литовскій періодъ ея, когда *громады* получили опредѣленный строй и право самосуда, учрежденіе отдѣльныхъ приходовъ и выборъ священниковъ являются уже *правомъ* громадъ. Въ польскій періодъ южной Руси это право встрѣтило сильнаго соперника въ *колляторствѣ* помѣщиковъ, основанномъ на правѣ землевладѣнія, по которому они одни могли обезпечить священниковъ земельными угодьями, дозволить на своей землѣ постройку церкви, дозволить рубить лѣсъ на постройку ея. Помѣщикъ-*ктиторъ,* построившій церковь на свой счетъ и обезпечившій содержаніе ея и причта, считалъ за собою безусловное право на выборъ священника. Но громады вступили въ борьбу какъ съ колляторствомъ польскимъ, такъ, со времени появленія толковъ объ уніи, и съ ктиторствомъ православнымъ, къ которому теряли довѣріе. Постепенно, особенно при помощи козацкихъ возстаній, установился *modus vivendi* между громадами и помѣщиками - колляторами и ктиторами (послѣднихъ однако не видно среди ополяченнаго дворянства): выборъ священника остался за громадою, но подъ условіемъ утвержденія его колляторомъ. Понятно однако, что для темной громады не легко было

приготовить своего кандидата на приходъ, а захожаго, напрашивающагося на приходъ достаточно оцѣнить—умѣетъ-ли правильно совершать богослуженія и требы, тянетъ-ли онъ за панами или за народомъ. Кромѣ того, принявъ сторонняго человѣка, нужно помочь ему завестись домомъ, хозяйствомъ—расходъ не малый. Поэтому, для громады было весьма выгоднымъ, если священникъ, уважаемый ею, самъ себѣ приготовлялъ преемника въ лицѣ своего сына или зятя, хорошо извѣстнаго ей, за котораго при томъ самъ священникъ можетъ поручиться въ точномъ и правильномъ совершеніи церковныхъ службъ. Свой человѣкъ все таки лучше чужаго, можетъ быть и хорошаго. Для священника тѣмъ болѣе выгодно было оставить наслѣдникомъ своей хаты и хозяйства своего сына или зятя, вѣрнаго притомъ хранителя установленнаго имъ въ приходѣ духа и порядковъ. Такая обоюдная выгода рано развила въ священническихъ семьяхъ право на приходъ по наслѣдству. *Батьковщина* и здѣсь стала играть ту-же роль, что и въ народѣ, и становилась нравственно обязательною для громады. Не мало было приходовъ, переходившихъ по наслѣдству въ теченіе 100—200 и болѣе лѣтъ, пока наконецъ или священникъ умиралъ бездѣтнымъ, или дѣти его оказывались ни къ чему негодными. Наслѣдственность стала казаться правомъ, а право избавляло кандидата отъ заискиваній и униженій предъ громадою, давало особый тонъ, гордость предъ собратами, получившими приходы отъ громадъ. Я хорошо еще помню случаи, когда священники, „сидѣвшіе на батьковщинѣ", въ ссорѣ съ сосѣдомъ-новичкомъ въ околоткѣ, корили ихъ: „я отъ дѣда-прадѣда панъ въ своей парафіи, а ты—заволока, громадскій наймитъ"... Но *заволоки* раздѣлялись на два разряда, рѣзко различавшіеся другъ отъ друга. Одни появлялись въ приходахъ не вѣсть откуда, никто не зналъ роду-племени ихъ, спаивали громаду, унижались предъ нею, не скупились на всякія уступки и обѣщанія—и получали согласіе громады. Другіе или были лично знакомы громадѣ и получили отъ нея приглашеніе на приходъ, или были сыновьями или зятьями почтенныхъ сосѣднихъ священниковъ, которые могли поручиться за нихъ, какъ за самихъ себя. Предъ такими новичками въ околоткѣ прикусывали языкъ „родовитые попы", особенно, если новичекъ съумѣлъ самъ утвердить свой авторитетъ въ приходѣ. Къ послѣдняго рода новичкамъ принадлежали и отецъ, и дѣдъ мой.

Фамильное наше преданіе гласило, что во время „великихъ руинъ“ козаки нашли по дорогѣ во рву однолѣтняго *хлопчика*, совсѣмъ умиравшаго отъ голода. Никто не могъ сказать, чье это дитя и гдѣ дѣвались его отецъ и мать. Козаки взяли съ собой этого *хлопчика*, отходили его и выростили, предварительно окрестивши его, такъ какъ не были увѣрены, что онъ крещенъ по православному. Вышелъ изъ хлопчика бравый козакъ. Въ мирные годы запорожскіе козаки, особенно молодые, расходились по деревнямъ цѣлаго края то для гулянокъ, то для заработковъ. Въ одну изъ такихъ гулянокъ молодой козакъ не выдержалъ козацкаго духа и женился. Жена оставалась въ деревнѣ при отцѣ, а онъ часто навѣщалъ ее. Это былъ мой прапрадѣдъ. Прадѣдъ, выросшій въ деревнѣ при семьѣ, не увлекся примѣромъ отца своего и предпочелъ мирную жизнь. Но, гордясь своимъ козацкимъ происхожденіемъ, не хотѣлъ прикрѣплять себя къ землѣ, чтобы не закрѣпиться за ляхомъ—помѣщикомъ, такъ какъ вся земля по правую сторону Днѣпра принадлежала только польской шляхтѣ, и кто получалъ въ пользованіе кусокъ этой земли, тотъ рисковалъ закрѣпить себя за мѣстнымъ *паномъ*. Поэтому прадѣдъ мой, не имѣя постояннаго мѣстопребыванія, оставлялъ свою жену и дѣтей у тестя, а самъ ходилъ на Донъ и въ Крымъ, откуда привозилъ и продавалъ по базарамъ рыбу, соль, рожки, фиги. Дѣдъ мой еще въ дѣтствѣ сопутствовалъ своему отцу въ далекихъ поѣздкахъ его и въ торговлѣ по базарамъ, а на всю зиму отправлялся съ нимъ, для прокормленія воловъ, въ степи. Степи-то были тогда привольныя, безконечныя, особенно за Винницей и Немировымъ. Располагайся, гдѣ хочешь, заготовляй сѣна, сколько хочешь. Зимою степи свободны отъ набѣговъ татарскихъ, набиралось тутъ изъ Украйны не мало такихъ-же чумаковъ и *воловодовъ* (торговцевъ скотомъ), приготовлявшихъ для себя обширныя землянки, а для скота, на случай стужи, *зáгороди*. Кочевая, торговая жизнь нуждалась въ грамотности и потому дѣдъ мой въ дѣтствѣ обученъ былъ грамотѣ. Грамотность сближала его съ духовнымъ міромъ, онъ любилъ читать и пѣть на клиросѣ и въ знаніи церковнаго устава могъ спорить съ любымъ дякомъ. Наслѣдовавъ послѣ смерти отца его хозяйство и продолжая вести кочевую жизнь, онъ много разъ подвергался разнымъ несчастіямъ, терялъ все свое походное достояніе, но ни

за что не хотѣлъ прикрѣплять себя къ землѣ. Козацкая кровь и въ немъ отзывалась, волнуясь при напоминаніи о панахъ и уніатахъ. Сильно любилъ онъ мѣста своего рожденія, дѣтства, промысловъ, но не менѣе сильно дорожилъ своей волей и боялся брать землю у помѣщика, чтобы не попасть въ панскія лапы. Долгое время, поэтому, онъ не обзаводился семьею. Наконецъ, напоминаніе о томъ, что уже и старость не за горами, что некому будетъ оставить небольшое свое имущество, рѣшило его участь: на 45 году онъ женился на настоящей невѣстѣ того времени—на тринадцатилѣтней дѣвицѣ. Женитьба однако не много измѣнила образъ жизни его: не жилось ему среди террора, который продолжался по всей югозападной Руси послѣ *Колiившины* и перваго раздѣла Польши, когда вольный православный человѣкъ на каждомъ шагу подвергался оскорбленіямъ и подозрѣніямъ со стороны каждаго шляхтича и каждаго уніатскаго священника. По прежнему дѣдъ мой ѣздилъ на Донъ, по ярмаркамъ. Подходила третья турецкая война. По всей Украйнѣ, Волыни и Подольи народъ встрепенулся. „Покончивъ съ туркомъ, *москали* придутъ въ Польшу, и тогда панъ станетъ хлопомъ, а хлопъ паномъ"—шептались между собою крестьяне, дьячки и священники, православные и даже уніаты. У пьяныхъ срывались съ языка похвальбы и угрозы панамъ. Предъ панами всталъ грозный призракъ „Коліивщины"... Начались аресты, паны повсюду взывали: *do broni, panowie!* Православный епископъ (Викторъ Садковскій, только что рукоположенный) арестованъ, даже уніатскій епископъ на Волыни подвергся подозрѣніямъ въ измѣнѣ; множество священниковъ, дьячковъ томились въ тюрьмахъ, не мало изъ нихъ повѣшено; крестьянъ сѣкли, отрѣзывали имъ уши, отрубливали руки, многихъ повѣсили. Въ это время дѣдъ мой исчезъ, никто не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, считали его пропавшимъ. Прошло лѣто (1789 г.), прошла и зима, война окончена, русскія войска возвращаются со славою и снова встаютъ надежды русскихъ крестьянъ и духовенства въ Польшѣ. Вдругъ дѣдъ мой является въ семьѣ своей. При крикахъ радости сбѣжавшихся малыхъ дѣтей и родныхъ, онъ гордо вынулъ изъ-за пазухи какую-то бумагу, завернутую въ платокъ, и раскрылъ ее предъ всѣми на столѣ. На толстой бумагѣ было что-то написано, внизу большая печать и подпись. Указывая пальцемъ на подпись, дѣдъ торжественно про-

читалъ: „Потемкинъ“. Всѣ разинули рты. „Теперь, прибавилъ дѣдъ, не боюсь ляхівъ, я—руській дворянинъ“. То дѣйствительно была грамота на дворянство, данная дѣду за какія-то услуги его русскимъ войскамъ, при которыхъ онъ находился неотлучно во все время этого труднаго похода, въ качествѣ маркитанта. Въ чемъ именно состояла услуга дѣда, удостоенная такой награды, это осталось неразъясненнымъ въ потомствѣ. Толковалось про какую-то „кашу съ икрой“ (?), придуманную дѣдомъ для войскъ подъ Очаковымъ и очень понравившуюся Потемкину, про какія-то развѣдки въ турецкомъ станѣ, что очень возможно было со стороны дѣда, знавшаго по татарски и хорошо знакомаго съ татарскими обычаями, къ тому-же крѣпкаго и выносливаго человѣка. Какъ-бы то ни было, но завѣтная грамота долго хранилась въ семьѣ дѣда. Откуда-то появилось убѣжденіе, что изъ всей семьи тотъ только будетъ дворяниномъ, кому дѣдъ предъ смертію вручитъ эту грамоту. Но дѣдъ умеръ, хотя и въ глубокой старости, внезапно, отъ угара, никому не назначивъ грамоту. Съѣхались на погребеніе дѣти и взрослые внуки дѣда, *честно* похоронили его, а потомъ заспорили, кому должна принадлежать грамота. Долго спорили, стали вырывать другъ у друга злощастную грамоту, ратовала все женская половина. Вдругъ одна изъ внукъ, замужняя, наиболѣе проникнутая честолюбіемъ, но наименѣе имѣвшая шансовъ на побѣду надъ прочими соперницами, схватила грамоту и—это было въ кухнѣ—швырнула ее въ печь, приговаривая: „нехай-же нікому не достанеця“. Прежде чѣмъ присутствовавшіе пришли въ себя отъ ужаса, отъ грамоты осталась только зола. Никому потомъ и въ голову не приходило добиваться возобновленія грамоты, всѣ были убѣждены, что пропала грамота—пропало и дворянство. Это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда въ краѣ шла повѣрка документовъ на дворянство и огромная масса шляхты, затерявшей свои документы, лишена была дворянства и составила приниженный классъ однодворцевъ. Къ тому-же, южнорусское духовенство подчинено было общимъ имперскимъ законамъ *о духовномъ сословіи.*

„Но мы на прежнее возвратимся“... Ожиданія русскаго народа скоро стали сбываться: въ 1792 году послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши, по которому вся Украйна, часть Волыни и Подолья присоединены были къ Россіи. Дѣдъ мой съ своей семьей и

родственниками очутился въ чертѣ русскаго государства, подданнымъ *царицы*. Повсюду была радость безмѣрная; казалось, что сейчасъ „панъ станетъ хлопомъ, а хлопъ паномъ". Прежде всего народъ сталъ изгонять уніатскихъ священниковъ. Изъ послѣднихъ многіе принимали православіе, но многія бѣжали въ Бѣлоруссію, гдѣ уніатскому духовенству жилось спокойнѣе, или пріючивались по панскимъ дворамъ при домовыхъ *капличкахъ*. Громады озабочены были пріисканіемъ кандидатовъ на вакантные приходы. Въ это время пріѣхали къ дѣду моему, имѣвшему уже болѣе пятидесяти лѣтъ, посланцы отъ громады, хорошо знавшей его, съ просьбой принять *парафію* ихъ. Послѣ недолгихъ колебаній, дѣдъ теперь рѣшился бросить скитальческую жизнь. Но явилось затрудненіе: селеніе, въ которомъ ему предложена была парафія, принадлежало базиліанскому монастырю, находившемуся въ ближайшемъ городѣ и содержавшему извѣстныя въ краѣ школы, привиллегіи которыхъ, какъ и другихъ школъ, русское правительство вполнѣ подтвердило. Монастырь владѣлъ въ этомъ селѣ церковію и приходомъ, присылая своихъ монаховъ какъ для управленія имѣніемъ, такъ и для богослуженій. Выжить базиліанъ изъ прихода нельзя было, отнять у нихъ церковь трудно. Но всѣ старики живо помнили, что прежде у нихъ было *благочестіе* и священникъ былъ *благочестивый*, а потомъ богатый польскій вельможа, владѣлецъ обширнѣйшихъ имѣній въ краѣ, вызвавъ въ свой городъ базиліанъ и устроивъ школы, отдалъ имъ во владѣніе и это село съ церковію, удаливъ *благочестиваго* священника. Прибывъ въ это село, дѣдъ мой увидѣлъ на косякѣ входной церковной двери рѣзную надпись, гласившую о времени построенія *„сего православнаго храма"*. Надпись на одномъ изъ церковныхъ колоколовъ гласила, что онъ пожертвованъ для того-же „православнаго" храма. Недолго думая, громада порѣшила представить эти доказательства о принадлежности храма православному архіерею въ подлинникѣ и просить содѣйствія его къ возвращенію ей этого храма. Снарядили подводы, выломали дверь съ косякомъ, сняли колоколъ, то и другое уложили на подводы, усадили на нихъ моего дѣда и нѣсколько депутатовъ отъ громады и отправили ихъ въ Переяславль къ епископу (епископская каѳедра впослѣдствіи перенесена изъ Переяславля въ Полтаву), которому издавна поручено было завѣдывать дѣлами право-

славныхъ въ польской Украйнѣ, части Волыни и Подолья. Доказательства оказались очень вѣскими: ходатаи являлись съ ними и къ архіерею, и въ консисторію, гдѣ всѣ писчики, повітчики и члены хохотали, глядя, какъ впереди рослый и крѣпкій дѣдъ мой несъ въ присутствіе семипудовый колоколъ, а за нимъ депутаты тащили дверь съ рамой. Всѣ экзамены (на стихарь, на діаконство, на іерейство) дѣдъ сдалъ хорошо и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ прошелъ всѣ степени, отбылъ *обученіе* (практическое упражненіе въ богослуженіи подъ руководствомъ священника, назначеннаго архіереемъ) и вернулся въ свой приходъ, въ которомъ засталъ уже церковь въ рукахъ своихъ прихожанъ. Базиліане совсѣмъ присмирѣли, построили капличку и въ ней совершали свои богослуженія.

Базиліанскій монастырь въ городѣ и при немъ школы существовали до польской революціи 1831 года. До этого-же года оставалось во владѣніи монастыря и село, составлявшее приходъ моего дѣда [1]). Такимъ образомъ дѣдъ мой, жившій до 1837 года, постоянно имѣлъ сосѣдями базиліанскихъ монаховъ—управителей имѣнія, которые не могли равнодушно вспоминать о своемъ владѣніи церковію и приходомъ, о быломъ господствѣ уніи въ краѣ. Однако дѣдъ мой былъ человѣвъ миролюбивый и жилъ въ пріязни съ базиліанами, которые теперь не могли и думать объ интригахъ въ средѣ прихожанъ. Ссоры были рѣдки, совершенно домашняго свойства; обѣ стороны сору изъ избы не выносили и дружба продолжалась неизмѣнно. Зайдетъ бывало дѣдъ къ базиліанамъ отъ скуки побесѣдовать, или они зайдутъ къ нему. Пріемъ, конечно, бываетъ по-хозяйски, по-сосѣдски. Выпьютъ по одной—любовно поговорятъ, по другой—повеселѣютъ, по третьей, четвертой—и разговоръ склоняется къ воспоминаніямъ о прошломъ, представлявшемъ теперь такую огромную разницу для обѣихъ сторонъ. Чарка продолжаетъ переходить изъ рукъ въ руки, жгучая боль поднимается въ сердцѣ

---

[1]) Въ 1831 г. огромныя владѣнія польскаго магната, за дѣятельное участіе его въ революціи, конфискованы. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, они составили особый отдѣлъ югозападныхъ военныхъ поселеній. Село, составлявшее приходъ моего дѣда, тогда-же уничтожено, жители разселены по сосѣднимъ селамъ, а усадьбы ихъ обращены въ пахатныя поля.

базиліанъ, злорадство подмываетъ дѣда. На сцену являются вопросы о папѣ, о схизмѣ, объ исхожденіи св. Духа, о чистилищѣ... Простаки были управители-базиліане, не былъ богословомъ и дѣдъ мой; споры держались все на разсказахъ, басняхъ, остротахъ, крѣпкихъ словахъ: стороны все разгорячались, и обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что унія и православіе бросались другъ на друга, и начиналась потасовка. Обыкновенно побѣда оставалась на сторонѣ православія, потому что крѣпкій дѣдъ мой легко справлялся съ двумя базиліанами. Но однажды сильно досталось дѣду. Пріѣхали изъ города для отдыха базиліане-профессоры. Дѣдъ стушевался: „ученые“... и не ходилъ къ базиліанамъ. Взяло однако дѣда любопытство посмотрѣть, послушать „ученыхъ“ и, какъ ни крѣпился, зашелъ въ *плебанію*. Конечно, приняли по старому, по-хозяйски. „Ученые“ пили одинаково съ неучеными, сыпали латинскими фразами, высокомѣрно относились къ дѣду. Какъ ни обидны были замѣчанія „ученыхъ профессоровъ“, но дѣдъ чувствовалъ полное свое безсиліе предъ ними на словахъ. Съ каждой чаркой нетерпѣніе его возрастало, руки чесались. Наконецъ, послѣ многихъ уже чарокъ, едва произнесъ одинъ изъ профессоровъ: „ta przeklęta schizma“, какъ дѣдъ ринулся на него и, ну!—тузить его, приговаривая: „ото тобі шизма, ото тобі папа“... Увы, кончилось тѣмъ, что базиліане еле живымъ привезли дѣда въ домъ его, гдѣ онъ долгое время отлеживался. Крѣпкая натура перенесла неожиданную катастрофу; у дѣда и у перепуганныхъ базиліанъ поубавилась охота къ богословскимъ спорамъ. Совсѣмъ уже старѣясь, дѣдъ, давно уже овдовѣвшій и выдавшій замужъ трехъ дочерей своихъ, взялъ старшаго сына своего изъ *риторики*, добылъ ему діаконскій санъ и поселилъ въ собственномъ домѣ, отдавъ при этомъ въ пользованіе его все свое хозяйство, какъ наслѣднику прихода, а вскорѣ совсѣмъ передалъ ему приходъ, оставаясь однако верховнымъ судьею въ домѣ и въ приходѣ до самой смерти своей. Умеръ мой дѣдъ въ томъ-же приходѣ предъ самымъ закрытіемъ его и уничтоженіемъ села, въ 1837 году, на 96 году жизни. Это былъ величественный патріархъ для своего рода, въ которомъ онъ видѣлъ много внуковъ и правнуковъ. Ничто въ этомъ родѣ не предпринималось безъ предварительнаго разрѣшенія его, слово его было для всѣхъ членовъ рода точно глаголъ Божій...

Отецъ мой родился въ 1798 году и былъ „мизинцемъ“ въ семьѣ своего отца, т. е. наименьшимъ, послѣднимъ дитятей. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его рожденія, мать его умерла, и „мизинцу“ досталась горькая доля общаго „попыхача“ въ семьѣ, о нуждахъ котораго никто при томъ не заботился. Сестры одна по другой выходили замужъ, забирая въ приданое, что было лучшаго въ хозяйствѣ; наконецъ, все хозяйство перешло въ руки старшаго брата—діакона. Отецъ мой выросталъ какъ-бы на хлѣбахъ у брата и жилъ въ семьѣ, по любимому выраженію его, *аки вранъ на нырищи.* Отецъ его уже не имѣлъ средствъ отдать его въ школы и довести его хотя-бы до *риторики,* подобно старшему брату. За то его отдали въ науку къ знаменитому тогда въ обширномъ околоткѣ дяку Яну. Этотъ Янъ считался на большомъ районѣ приходовъ знаменитостью, дьячковскимъ геніемъ. Цѣлыя поколѣнія священниковъ и дяковъ воспиталъ онъ въ большомъ числѣ приходовъ; его метода славилась особеннымъ духомъ, тономъ, выдержкою. Еще на моей памяти говаривали о какомъ-либо священникѣ, отличавшемся достоинствами чтенія, служенія: „а, онъ учился у Яна“! Во дни первой моей юности Янъ былъ въ средѣ духовенства какимъ-то миѳомъ, идеаломъ дяка, богомъ клироса. Разсказывали, что даже опытные въ богослуженіи священники, бывшіе ученики его, трусили, когда во время служенія ихъ вдругъ появлялся на клиросѣ Янъ, прибывшій на „храмъ“, или просто провѣдать бывшаго питомца. Не дай Богъ священнику сдѣлать ошибку въ чтеніи и служеніи или повести себя вяло, нарушить *Яновскій* тонъ и тактъ,—Янъ безъ церемоніи тутъ-же могъ громко замѣтить: „э-э, мало я тебе за уха тянувъ!“—или-же просто назвать *дурнемъ.* Никому и въ голову не приходило аппелировать на критику Яна, всякій считалъ за лучшее смириться, принять отзывъ его за шутку, иначе отзывъ ложился на него клеймомъ. Отецъ мой зналъ всѣ мѣстные напѣвы, владѣлъ обширнымъ теноромъ, слылъ превосходнымъ (по мѣстному, тогдашнему) пѣвцемъ, любилъ и хорошо зналъ церковную службу, во время богослуженія держалъ себя съ большою смѣлостью и свободою дѣйствій и всегда утверждалъ, что всѣми своими достоинствами онъ обязанъ Яну. Несложная дьячковская наука у Яна получала разнообразныя формы, дрессировавшія умъ и характеръ, и распространявшіяся на все поведеніе дяка-діакона-священника при

богослуженіи. Канва этой науки, на которой тогдашніе дяки выводили свои узоры, была слѣдующая: обученіе чтенію и письму, чтеніе и пѣніе на клиросѣ, прислуживаніе въ олтарѣ священнику, хожденіе съ причто́мъ по требамъ. Изъ разсказовъ отца можно было составить понятіе о тѣхъ узорахъ, которые Янъ выводилъ на этой канвѣ. 1) Чтеніе должно быть громкое, отчетливое, выразительное, пѣвучее въ *апостолѣ* и *парамеяхъ,* ровное, какъ струна, во всемъ прочемъ. Заставивъ адепта читать на клиросѣ, онъ постоянно покрикивалъ на него: „голосніше, не біжи такъ (медленнѣе), кріпче вымовляй" (отчетливѣе). Совралъ что-нибудь чтецъ, Янъ останавливалъ его, заставлялъ повторять то-же слово, а за видимо разсѣянное ученіе тутъ-же бралъ чтеца „за чубъ", причемъ тотъ долженъ былъ стойко выдерживать наказаніе, не прерывая чтенія. Если Янъ хотѣлъ кого-либо изъ учениковъ выслать на средину церкви для чтенія *апостола,* то предварительно дома самъ показывалъ ему и позу во время чтенія, и мѣста передышекъ, повышеній и пониженій голоса, тонъ, темпъ, финальный мотивъ и наконецъ поклонъ на три стороны,—нѣсколько разъ экзаменовалъ, поправлялъ, наказывалъ... 2) При пѣніи Янъ строго требовалъ смотрѣть „до Бога", т. е. вверхъ, что и самъ строго соблюдалъ. Можетъ быть отъ этого нехитраго пріема обученія произошло то, что отецъ мой до самой смерти своей при пѣніи вскидывалъ очи и голову вверхъ и всегда пѣлъ съ глубокимъ чувствомъ, часто со слезами. Въ кругъ пѣнія входили не одни церковныя пѣсни, гласы, ирмосы подобные и т. д., но и разнообразныя домашнія духовныя пѣсни, которыхъ отецъ мой усвоилъ немало. 3) На домъ приносились всякія богослужебныя книги, по которымъ *школяръ* обязанъ былъ подыскать и „затвердить" всѣ тропари, кондаки, стихиры, сѣдальны, канонъ и проч., что требовалось по уставу для наступающаго богослужебнаго дня: недѣли, святаго, праздника, поста и под. 4) Отправляясь на требу въ домы прихожанъ, Янъ бралъ съ собою *школярей,* требовалъ отъ нихъ держать себя здѣсь чинно, стоять во время чтенія и пѣнія, выдвинувъ одну ногу впередъ, „съ повагой", умѣть поклониться, привѣтствовать хозяина, отвѣтить изреченіемъ изъ псалтыри и т. п. 5) Послѣ богослуженія, дома, Янъ дѣлалъ предъ своими *школярами* (старшими) отзывы о поведеніи священника въ церкви—какъ онъ читалъ, кадилъ, держалъ чашу, благословлялъ, раздавалъ антидоръ

и т. п., показывалъ, какъ-бы онъ все это дѣлалъ, какъ дѣлаютъ это другіе священники и т. д. При всемъ своемъ дарѣ, почетѣ и завидной славѣ, Янъ никогда не искалъ ни священства, ни діаконства, былъ поэтомъ, обожателемъ своей профессіи, умеръ въ глубокой старости тѣмъ-же дякомъ. Но и у Яна, какъ педагога, былъ одинъ недостатокъ, притомъ очень крупный, хотя и мало замѣченный современниками его, именно—онъ твердо писалъ, только *по-старому,* т. е. уставомъ и полууставомъ, и не могъ хорошо обучить своихъ учениковъ „новому“ письму, т. е. скорописи. Не диво, въ теченіе восемнадцатаго вѣка православные причты Украйны, Подолья и Волыни, управляемые изъ-за кордона (Переяславля), свободные отъ личнаго надзора и руководства епархіальной власти, притомъ часто разгоняемые уніатами и надолго превращавшіеся въ частныхъ лицъ, не видѣли нужды и возможности въ правильной отчетности предъ громадою. Даже метрики не могли быть ведены ими исправно, а это были едвали не единственные документы, требовавшіе отъ причта умѣнья писать. Писались онѣ почти всюду полууставомъ, замѣтками то на церковныхъ книгахъ, то на клочкахъ бумаги, рѣдко въ особыхъ книгахъ. Записи были несложныя: „у Василя Козака родился сынъ, нареченъ Иванъ. Крестилъ и миромъ св. помазалъ іерей NN“; или: „N дня и мѣсяца умре (преставися, скончалъ житіе) Омелько Довгій“. Правильныя записи и отчетность стали обязательными только съ 1792 года. Но еще на моей памяти дяки-искусники въ письмѣ были рѣдки: метрическія записи велись на клочкахъ бумаги. Подходитъ время отчетности—привозятъ со стороны дяка-писаку, тотъ впишетъ все по порядку въ книги, разыщетъ по селу пропущенные случаи крещенія, брака, смерти, составитъ вѣдомости и т. п. Такимъ образомъ Янъ, выросшій и окрѣпшій въ цѣломъ своемъ строѣ во времена Польши, впослѣдствіи до самой смерти своей могъ не видѣть надобности для дьяка и священника *въ новомъ письмѣ*, скорописи. Отецъ мой, свято чтившій науку Яна во всѣхъ ея подробностяхъ, такъ и остался при полууставѣ и до смерти своей не могъ твердо выводить буквъ *по новому.*

Разъ Янъ сказалъ отцу моему: „шукай собі долі, зъ тебе буде добрый дякъ“. Это было тогда для молодаго человѣка аттестатомъ зрѣлости. Не захотѣлъ отецъ оставаться въ дякахъ при

братѣ, тогда уже священникѣ: поклонился отцу своему въ ноги, получилъ отъ него благословеніе и пошелъ искать доли межъ людей. На первый разъ однако онъ присталъ у одного изъ своихъ зятей - священниковъ. Но здѣсь вмѣсто дячковства онъ нашелъ долю *наймита*, да еще дароваго. Зять, по давнимъ уніатскимъ эрекціямъ, пользовался большими земельными угодьями, велъ обширное хозяйство, посылалъ свою пшеницу прямо въ Одессу; вмѣсто любимаго клироса, отцу пришлось постоянно работать на поляхъ, при домѣ, проводить долгіе дни въ *чумачкѣ*, наравнѣ съ прочими наймитами зятя. Бросилъ отецъ этого зятя, пошелъ къ другому, имѣвшему скромное хозяйство. Тутъ стало легче, и отецъ сталъ часто показывать искуство свое на клиросѣ и на требахъ, въ качествѣ *поддячего* при старомъ дякѣ. Прихожане полюбили голосистаго поддячего и назначили ему опредѣленныя приношенія за службу, такъ что отецъ уже былъ ни отъ кого независимъ въ одежѣ, даже въ пищѣ, сталъ „выбиваться на дорогу". Но такое положеніе не могло долго служить: 1) въ компаніяхъ настоящіе дяки относились къ нему пренебрежительно, какъ недозрѣлому, будто читающему еще по складамъ, и звали его: „эй, ты, покой-он-по добро-я-дя чер-і-чі й" (поддячій), или сокращенно: „поко-он-по добро-я-дя", что еще болѣе казалось обиднымъ, такъ какъ заключало въ себѣ намекъ, будто онъ не умѣетъ сложить слова до конца; 2) какъ ни любили его прихожане, но при размолвкѣ могли сказать ему: „иди себѣ на всѣ четыре стороны". О дьячествѣ рано еще и мечтать, совсѣмъ не тѣ времена стали! Нужно было или пріобрѣсти реноме въ околоткѣ, чтобъ выбрали въ дяки, или добиться посвященія въ стихарь. Стихарь, архіерейская грамота давали тогда имя; предъ ними прикусывали языкъ самые главные дяки. Задался отецъ мой честолюбіемъ, потерпѣлъ еще съ годъ, заручился *одобреніемъ* отъ прихожанъ въ качествѣ поддячего и пошелъ въ далекій епархіальный городъ попробовать счастья.

Чрезъ недѣлю пути пѣшкомъ, предъ глазами отца выросъ дивный городъ съ множествомъ золотоглавыхъ церквей. Но только въ городѣ сообразилъ онъ, что у него въ карманѣ всего нѣсколько пятаковъ, а между тѣмъ нужно здѣсь жить, въ консисторіи, что ни ступишь—плати... Но попробовать, не возвращаться же назадъ! Нѣсколько дней онъ перебивался по монастырскимъ дворамъ, гдѣ

вольно было всякому богомольцу располагаться на обширномъ дворѣ для отдыха и ночлега. *Слымаки* (послушники)—свой народъ, пускали голосистаго поддячего къ себѣ переночевать въ непогоду; на кухнѣ всегда можно было поживиться, даже попасть съ братіей въ трапезу. Но въ консисторіи—ни приступу! Уже и прошеніе написано услужливымъ и опытнымъ слымакомъ, подано архіерею... Но какъ узнать резолюцію? Долгія ожиданія въ сѣняхъ консисторіи, поклоны проходившимъ тутъ чинамъ, просьбы съ приговариваніемъ: „явите милость, я бідный, гроша не маю за душею"... ни къ чему не приводили, *писчики* и *канцеляристы* оставались нѣмы и глухи. Рѣшился отецъ пойти къ *повітчику* на домъ. „Явите милость, я бідный"... Выслушавъ просьбу, повітчикъ кликнулъ сторожа и велѣлъ назначить просителю работу. Началъ отецъ мой чистить дворъ, лошадь, конюшню повітчика, копаться въ огородѣ его, ходить за повітчицей съ корзиной на базаръ и т. п. Такъ прошла недѣля; отецъ рѣшился напомнить о своей просьбѣ, но услышалъ въ отвѣтъ: „якій скорый... послужи еще"... Прошла еще недѣля, прошла и другая—и конца не видно выслугѣ! Дерзнулъ отецъ мой бросить повітчика и пойти къ самому секретарю. Тутъ тотъ-же пріемъ, только работы стало больше. Узналъ отецъ, что ректоромъ мѣстной бурсы состоитъ архимандритъ, однофамилецъ его. „Не родственникъ-ли далекій? Попытать счастья". Но архимандритъ о родствѣ не заговаривалъ, дозволилъ отцу ночевать на сѣновалѣ и кормиться на бурсацкой кухнѣ, а о дѣлѣ сказалъ: „самъ хлопочи". Два мѣсяца бился отецъ, не вѣдая, съ какой стороны подступить къ дѣлу удачно. Хотѣлъ уже поступить въ монастырь, въ которомъ такое чудное пѣніе было, да влеченіе къ роднымъ мѣстамъ взяло перевѣсъ надъ случайнымъ аскетическимъ порывомъ. Но вотъ однажды досидѣлся онъ подъ консисторіей на травѣ до вечера; на каѳедральной колокольнѣ ударилъ благовѣстъ къ вечерни... Отцу вдругъ захотѣлось пробраться въ домовую архіерейскую церковь. Вошелъ... все ближе и ближе сталъ подвигаться къ клиросу, смѣлѣе и смѣлѣе подпѣвать, наконецъ очутился рядомъ съ дьячками и запѣлъ полнымъ своимъ, звучнымъ и гибкимъ, голосомъ... читалъ каѳизмы, стихиры... Понравилось ему здѣсь, на другой день онъ отправился сюда на литургію, читалъ часы, пѣлъ и выпросилъ позволеніе прочитать апостола. „И вшкваривъ-же тоді апостола", въ простотѣ души

выражался отецъ мой, часто поминая про этотъ случай, имѣвшій рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую его карьеру. На югѣ Руси, въ епархіальныхъ городахъ, только со времени посѣщенія импер. Екатериною II Кіева, начало прививаться чтеніе апостола и евангелія басомъ, начиная съ октавы и постепенно восходя до *nec plus ultra* басовой ноты. Это обычай—развившійся исключительно на сѣверѣ Руси, безъ сомнѣнія, благодаря суровому климату, и доселѣ нигдѣ, кромѣ Россіи, не существующій. Въ описываемое нами время и на югѣ Россіи стало уже чуть не закономъ, чтобы протодіаконъ былъ самый, что ни есть, свирѣпый басъ, отъ котораго стѣны дрожали-бы. Мѣстные діаконы и даже дяки уже увлекались этимъ мнимымъ величіемъ чтенія и, поддобряемые великорусскими купцами, переселявшимися въ южнорусскіе города, старались копировать своего протодіакона. Но въ деревняхъ оставался во всей неприкосновенности древній, принятый отъ грековъ обычай чтенія апостола и евангелія на распѣвъ. Греческія особенности его (чтеніе въ носъ, съ трелями и руладами), доселѣ господствующія въ православныхъ церквахъ Греціи, Сиріи, Болгаріи и Сербіи, на югѣ Руси измѣнены сообразно духу народному и излюбленнымъ его мотивамъ. Чтеніе держалось здѣсь на среднемъ теноровомъ *до*, повышаясь по мѣстамъ не болѣе, какъ на одну ноту, и понижаясь не болѣе, какъ на три ноты; все искусство состоитъ въ переходахъ отъ одной ноты къ другой; звуки должны идти мѣрно, плавно. Мнѣ, уже послѣ моего ознакомленія съ разными способами церковнаго чтенія и съ церковными напѣвами и партесами, всегда казалось въ этомъ чтеніи, какъ и въ пѣніи южнорусскомъ, что-то наболѣвшее, просительное, плачущее. Вся исторія южной Руси отражалась въ немъ. Грубо заблуждаются тѣ изъ нашихъ ревнителей чистоты православія, которые производятъ южнорусское церковное чтеніе и пѣніе изъ католическихъ костеловъ. Отецъ мой, рѣшившись отличиться при такомъ особенномъ случаѣ, предъ архіерейскими дьячками, призвалъ все свое искусство, вспомнилъ всѣ завѣты Яна; молодой, звучный голосъ его рѣкой разливался подъ сводами уютнаго храма. Когда онъ окончилъ чтеніе и, закрывъ книгу, глядя „до Бога", выводилъ мотивы послѣдняго слова, вдругъ за стекляною дверью, направо у олтаря, приподнялась занавѣска и появился архіерейскій ликъ... Глянулъ отецъ на дверь, такъ и оборвался и едва дошелъ до кли-

роса отъ страху. Тогдашній архіерей былъ изъ малороссовъ и, хотя держалъ протодіакона, знаменитаго тогда въ южной Россіи баса, однако очень любилъ старинное деревенское чтеніе и пѣніе. Когда окончилась литургія, стеклянная дверь распахнулась, на порогѣ появился архіерей; всѣ по обыкновенію подходили къ нему за благословеніемъ. Подошелъ и отецъ мой и палъ ему въ ноги. „Кто ты, откуда?"—спросилъ архіерей. Такъ и такъ, едва помня себя отъ страху, разсказалъ отецъ мой. „Хорошо ты читаешь и поешь; готовься на слѣдующее служеніе мое къ стихарю", сказалъ архіерей и прибавилъ, обращаясь къ стоявшему тутъ-же монаху: „скажи, чтобы для него все было готово"... Обыкновенно, когда отецъ мой вспоминалъ этотъ случай, голосъ его на этомъ мѣстѣ прерывался и на глазахъ появлялись слезы...

Дальнѣйшая карьера отца пошла какъ по маслу. Тотъчасъ онъ нашелъ себѣ дьячковское мѣсто и зажилъ припѣваючи. Онъ любилъ поминать золотое время своей молодости въ званіи *стихарнаго дяка*. Стихарный дякъ, молодой и пѣвецъ, былъ настоящимъ львомъ въ тогдашнемъ русскомъ деревенскомъ обществѣ. Въ это время едва только намѣченъ былъ планъ перемѣны въ цѣломъ положеніи южнорусскаго духовенства. Въ 1819 году кіево-могилянская академія, бывшая дотолѣ всесословнымъ учрежденіемъ, заключавшимъ въ себѣ по тогдашнему полный кругъ образованія, преобразована въ учрежденіе сословное, духовное, и распалась на три учебныя заведенія, составлявшія три степени духовнаго образованія: *бурсу* или низшее училище—для приготовленія причетниковъ и кандидатовъ для дальнѣйшаго образованія, *семинарію*—для приготовленія священниковъ и *академію* для высшаго духовнаго образованія. Реформа имѣла въ виду измѣнить старыя бытовыя отношенія въ духовенствѣ и надѣлить всѣ приходы образованными священниками, болѣе свѣдущими діаконами и причетниками, предоставивъ архіереямъ назначать ихъ по своему усмотрѣнію, а не по выбору невѣжественной громады. Подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка объ абсолютной силѣ просвѣщенія и абсолютномъ вредѣ невѣжества, которое воплощала въ себѣ „чернь непросвѣщенна", забыта была необходимость нравственной связи священника съ приходомъ, забыты были историческія, народныя начала, нарушеніе которыхъ ведетъ за собою разобщеніе и нравственное безсиліе самаго про-

свѣщенія,—не вѣдалось, что радикализмъ въ особенности вредно отзывается на религіозной нравственности. Но въ описываемое нами время планъ былъ только поставленъ, въ деревняхъ совершенно не знали о немъ, старыя отношенія продолжали здѣсь царить съ полнымъ своимъ авторитетомъ. Дьячкамъ не было еще соперниковъ въ лицѣ „*богослововъ*". Никогда не были серьезными соперниками ихъ тѣ немногіе „латынщики", которые дошли въ академіи (потомъ въ бурсѣ) до *инфимы*, *грамматики* и даже *риторики*, потому что они, пранадлежа къ неуспѣвающимъ ученикамъ и проводя въ академіи время въ совершенной праздности, приносили съ собою въ деревню только полное ничегонезнайство и дурныя нравственныя качества и справедливо подвергались злымъ насмѣшкамъ въ кругу дяковъ. Про нихъ сложено было не мало куплетовъ, въ родѣ напр. слѣдующихъ, которые и я въ раннемъ дѣтствѣ распѣвалъ:

Бувъ Грицько мудрый,
Родомъ зъ Коломиі,
Вчився винъ добре на философіи:
Въ шестнадцять літъ письмо мимривъ,
Та все по латыни ливривъ... (отъ *liber*, *книга*)
А на семнадцатимъ перéчитомъ
Всю псалтырку винъ знавъ...

Не было соперниковъ дякамъ-кавалерамъ и со стороны другихъ слоевъ населенія. То была странная, сказочная пора. На русской землѣ, въ русской державѣ русскій народъ непосредственно и почти безконтрольно владѣемъ, судимъ и рядимъ былъ пришельцами особаго племени, враждебнаго всему русскому. Польскіе вельможи, паны, *панки* и *підпанки*, составляли господствующій классъ въ краѣ, все интеллигентное, чиновное, строго отдѣлявшее себя отъ остальнаго населенія, съ которыми у него ничего не было общаго. Тѣмъ крѣпче жались другъ къ другу оба тогдашніе классы русскаго населенія, духовенство и крестьянство, представляя собою особый міръ въ краѣ, особую самодовольную общественность. Главный тонъ въ этой общественности давали священники и почетнѣйшіе въ приходахъ хозяева, жены и дочери тѣхъ и другихъ, а соль этой общественности, цвѣтъ молодежи ея составляли дяки и поповичи—наслѣдники приходовъ, лучшіе женихи.

Сезонъ веселій въ тогдашней украинской деревнѣ — осень, точнѣе время отъ *Преображенія Господня* (6-го авг.), когда оканчивалась косовица и жатва, поспѣвали фрукты въ садахъ и въ огородахъ, значитъ начиналось въ домахъ обиліе благъ земныхъ, и до *зимняго Николая* (6 декабря), когда наконецъ необходимо было перестать продавать и расточать, но подумать о сбереженіи продуктовъ для новаго посѣва и о прокормленіи семьи и скота до слѣдующей жатвы. На это время досел́ѣ припадаютъ въ южнорусскихъ приходахъ всѣ храмовые праздники, всѣ свадьбы, поминки и т. п. Самымъ торжественнымъ случаемъ въ приходѣ былъ храмовой день. Вся околица приходила въ этотъ день въ движеніе, все званное и незванное ѣхало и шло „на храмъ", у каждаго хозяина въ приходѣ были свои гости. Къ литургіи съѣзжались сосѣдніе и дальніе священники, дяки и поддячіе, такая голосистая служба бывала въ приходѣ только разъ въ году, и мой отецъ въ такихъ случаяхъ бывалъ самымъ желаннымъ въ околицѣ гостемъ на клиросѣ. Невдали отъ церкви, на открытомъ воздухѣ, въ цѣломъ рядѣ выкопанныхъ въ землѣ печей первыя хозяйки въ приходѣ готовили громадскій обѣдъ. Разставлялись столы, со всѣхъ хатъ сносились миски, ложки, и тотчасъ послѣ литургіи за столы садились попы, дяки, почетные хозяева, свои и пріѣзжіе, прочіе группами располагались на травѣ — громада *честно* принимала всѣхъ своихъ гостей. Во время обѣда дяки и попы часто вставали съ своихъ мѣстъ, за ними и вся громада, и пѣли то тропарь храмовому празднику, то „*Покой, Спасе нашъ, съ праведными*"...—въ память умершихъ въ приходѣ, а въ заключеніе—*Со духи праведныхъ* и *вѣчную память.* Послѣ обѣда, хозяева запрашивали къ себѣ пріѣзжихъ гостей, изъ коихъ каждый находилъ пріютъ и угощеніе до слѣдующаго дня. Всѣ пріѣзжіе священники и дяки, многіе изъ почетныхъ хозяевъ, предоставивъ женамъ и сыновьямъ принимать своихъ гостей, шли къ мѣстному священнику. Располагались въ комнатахъ, на *призбѣ* подъ *стріхою,* въ саду и гдѣ попало. Всѣмъ разносилось вдоволь яствія и питія. Молодежь обыкновенно тянуло въ кухню, гдѣ свои и пріѣзжіе поповны и дочери дяковъ суетились по хозяйству, то для порядка, то для вида. Тутъ располагался и амуръ съ своими стрѣлами. Молодые дяки и поповичи помогали паннамъ лѣпить вареники, *скубать* куръ, подать, принести, выне-

сти, причемъ сыпали поговорками, намеками, изреченіями изъ псалтыри и под., живое веселіе не прерывалось, сердца пламенѣли. А между тѣмъ въ *покояхъ* и за покоями шелъ оживленный говоръ, изъ рукъ въ руки непрерывно ходили чарки съ *варенухой*, медомъ, вишневкой, сливянкой и т. п., попадьи то тамъ, то сямъ тихо заводили унылыя пѣсни. Вдругъ хозяинъ или благочинный закричитъ въ дверяхъ: „эй, паны-дяки, панычи"... и тѣ уже знаютъ, зачѣмъ зовутъ ихъ. Всѣ дяки располагались у порога, къ нимъ присоединялись всѣ, кто хорошо пѣлъ, всѣ вставали, какъ-бы ни были пьяны, у оконъ толпились гости, располагавшіеся на дворѣ, изъ сосѣдней комнаты выглядывали панны—поповны. Авторитетный пѣвецъ зачиналъ—непремѣнно: *Хвалите Господа съ небесъ...* Изстари это была начальная пѣснь. За нею непосредственно шла также печальная духовная пѣснь—произведенія школьнаго:

Излій на мя, Боже, со небесе росу,
Да сему пѣнію начало принесу.
Туга мнѣ зѣла и сердце снѣдаетъ,
Аки мечемъ обоюднымъ сквозѣ пробождаетъ.
Ахъ, уподоблюся вранови нощному,
День и нощь во грѣсѣхъ (?) пребывающему...
И т. д.

Шли затѣмъ другія подобныя пѣсни, излюбленные грустные мотивы разнообразились, глубже и глубже отзывались въ душѣ. Гости молча слушали, подпѣвали, кто свѣсилъ голову, кто утиралъ слезы... „Призри на насъ, Боже, со святыхъ высотъ, дай утіху сирымъ отъ своихъ щедротъ"... полились одушевленные плачущіе звуки! При словахъ: „сиріткамъ маленькимъ, вдовицамъ убогимъ"... громко начинали рыдать вдовы и вдовцы, за ними всѣ женщины, у самыхъ стойкихъ выступали на глазахъ слезы, всякій вспоминалъ своего отца, мать, умершихъ дѣтей и родныхъ, всякому начинало казаться, что и онъ сирота. А пѣніе разливалось какъ рѣка и заливало душу мотивами историческаго горя! „Буде вже, годі"—кричалъ невыдерживавшій тоски хозяинъ—„дай намъ, Боже, веселыми та здоровыми бути", и снова начиналось чествованіе, чарки ходили изъ рукъ въ руки, измученные нервы быстро переходили въ противуположное состояніе, начинался смѣхъ, веселіе...

Отецъ мой также считалъ себя тогда сиротою, выросшимъ въ бѣдѣ и горѣ. Тутъ-то давалъ себя всѣмъ чувствовать его обширный голосъ, сиротское чувство проникало его огнемъ, и онъ тогда рѣшительно покорялъ себѣ сердца поповенъ и участіе попадей. На одномъ изъ такихъ праздниковъ общимъ голосомъ порѣшили дать ему въ невѣсты поповну, дочь мѣстнаго священника, которая сильно занимала его и, не смотря на тринадцатилѣтній возрастъ, слыла первой пѣвуньей въ околоткѣ. Скоро за симъ состоялась и свадьба. Это было въ 1821 году.

Живые, веселые, любившіе общество, обое пѣвцы, молодые супруги плохіе были хозяева. Пошли и дѣти, получилъ отецъ и діаконскій санъ (1824 г.), по душѣ пришелся новой громадѣ, мирно жилъ съ священникомъ, кидался на промыслы, много работалъ, а достатка не было. Отецъ мой никогда до самой смерти своей не выпивалъ рюмки водки самъ-на-самъ и ненавидѣлъ такихъ людей, хотя-бы пьющихъ *стомаха ради*. Но отъ компаніи онъ не отставалъ и для друга-пріятеля готовъ былъ и послѣднее отдать. Мать любила общество,—поговорить, попѣть, потанцовать, угостить варенухой, которую она хорошо приготовляла. Причина недостатка въ домѣ была такимъ образомъ ясна, только не для самихъ хозяевъ, которые, продолжая то предаваться житейской поэзіи, то горевать, напрягать силы, ждали завѣтнаго тридцатилѣтія жизни отца, какъ избавленія отъ всѣхъ бѣдствій. По церковнымъ канонамъ, никто не можетъ получить священническаго сана раньше тридцатилѣтняго возраста; исключеніе сдѣлано у насъ только для получившихъ богословское образованіе. Счастье улыбнулось горемыкамъ - супругамъ: едва минуло отцу тридцать лѣтъ, какъ умираетъ священникъ—ближайшій сосѣдъ тестя его, не оставивъ послѣ себя наслѣдника прихода. Тесть, хорошо знакомый въ этомъ приходѣ, тотчасъ вызвалъ зятя и съ нимъ явился къ громадѣ. Громада въ это время убирала въ стоги помѣщичье сѣно. На сѣнокосѣ происходила первая рекомендація. Чтобы рельефнѣе показать достоинства зятя—кандидата, тесть просилъ у громады позволенія прослужить съ нимъ въ мѣстной церкви вечерню, утреню и литургію. Служеніе отлично зарекомендовало отца предъ громадою. Соперниковъ у него не было, потому что не могъ-же считаться соперникомъ хриплый и вялый сосѣдній діаконъ и другой, священникъ,

извѣстный въ околоткѣ своимъ неспокойнымъ характеромъ. По литургіи громада приглашена была во дворъ покойнаго священника для постановленія окончательнаго рѣшенія. Тутъ конечно ожидало громаду угощеніе на счетъ просителя. Тутъ-же производилось и испытаніе житейскихъ достоинствъ кандидата: умѣетъ-ли онъ почтить хозяина, поговорить по душѣ, не драчунъ-ли въ пьяномъ видѣ и т. п. Послѣ сего уговаривались о платѣ за требы. На этомъ пунктѣ отецъ мой сдѣлалъ промахъ: „що ласка ваша, громада,—хто якъ може", отвѣтилъ отецъ на вопросъ о количествѣ платы. Громадѣ отвѣтъ очень понравился, но въ послѣдствіи отецъ не разъ сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ отъ этой неопредѣленности возникало немало недоразумѣній для обѣихъ сторонъ и прихожане сами часто тяготились невѣдѣніемъ, что дать священнику за трудъ, чтобы и себя и его не обидѣть. Какъ-бы то ни было, составлено было *одобреніе*, съ которымъ отецъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ хозяевъ, отправился къ мѣстному помѣщику. Старикъ и простакъ панъ ласково принялъ отца, вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи содержателя корчемъ и мельницъ въ его имѣніи и фактора по дѣламъ его, еврея Азриля, принялъ одобреніе, подписалъ его и вручилъ отцу, сказавши: „jak będziesz dobrym, to i tobie będzie dobrze" и затѣмъ даже выслалъ отцу рюмку водки, которую тотъ почтительно выпилъ за здоровье пана.

Съ *одобреніемъ* въ карманѣ, засвидѣтельствованнымъ и благочиннымъ, отецъ на радости продалъ послѣднее добро и отправился въ епархіальный городъ. Здѣсь все окончилось успѣшно. Но мытарства, которыя прошелъ онъ въ консисторіи и въ каѳедральномъ соборѣ—отъ подачи прошенія до экзамена, отъ экзамена до рукоположенія, отъ рукоположенія до полученія ставленнической грамоты—такъ подѣйствовали на его впечатлительную натуру, что потомъ въ теченіе двадцати-семилѣтняго служенія своего онъ ни одного разу не былъ въ консисторіи и только два раза былъ у архіерея (оба раза неудачно), и то подъ конецъ жизни своей.

Посвященіе отецъ получилъ 4 августа 1828 г. — день свято чтимый имъ ежегодно, а къ храмовому празднику (8 сент.) онъ уже былъ въ своемъ приходѣ. Служеніе отца въ церкви очень понравилось громадѣ. Въ тотъ-же день полились приношенія: кто дарилъ яловку, бычка, овцу, свинью, кто курицу съ пѣтухомъ,

утку, гуся, кто мѣрку, а кто и корецъ жита, пшеницы, ячменя, овса и под. Тутъ-же пообѣщали достать для него—кто вербу, кто дубъ, ясень и под. на постройки, такъ какъ предшественникъ отца, не оставляя послѣ себя наслѣдника, не заботился о постройкахъ и оставилъ все въ разрушенномъ видѣ, а годное къ употребленію дерево изъ построекъ забрали родственники его. Усадьба для священника была церковная, но постройки на ней онъ долженъ былъ имѣть собственныя. Зиму прожилъ отецъ въ крестьянскомъ домѣ, а въ слѣдующее лѣто у него готовъ уже былъ свой домъ и хозяйственныя службы. По эрекціямъ, даннымъ мѣстнымъ уніатскимъ священникамъ давнимъ владѣльцемъ имѣнія, знаменитымъ польскимъ магнатомъ, земельныхъ угодій въ пользованіи священника было достаточно для того, чтобы жить по тогдашнему въ довольствѣ. Народу жилось тогда довольно просторно. Панъ подолгу живалъ въ городахъ, занимая какія-то общественныя должности и исполняя какія-то выгодныя для него порученія магнатовъ; крестьяне имѣли вдоволь земельныхъ угодій, владѣли хуторами, занимались промыслами, ремеслами, ходили на Донъ, въ Крымъ въ степи на заработки и т. п., а потому жили въ довольствѣ даже въ обиліи сельскихъ благъ. Все обѣщало отцу жизнь спокойную и довольную. Впослѣдствіи всю жизнь поминалъ онъ это первое время въ приходѣ, какъ время найбольшаго общаго довольства и спокойствія.

Польская революція 1831 года измѣнила все положеніе края.

(Продолженіе будетъ).

Два документа по дѣлу передачи почаевской лавры изъ вѣдѣнія уніатовъ въ вѣдомство православное.

Въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» помѣщены воспоминанія кн. Голицына о посѣщеніи имъ въ 1855 г. почаевской лавры. Эти воспоминанія, хотя и необильныя фактами, дополняютъ «Сказаніе о почаевской успенской лаврѣ» архим. Амвросія (1878 г.) и вмѣстѣ съ нимъ служатъ почти единственными для публики источниками свѣдѣній объ одномъ изъ важнѣйшихъ религіозныхъ пріютовъ въ южной Россіи, имѣвшемъ огромное вліяніе на народъ, особенно въ періодъ уніатскій. Съ переходомъ въ православіе, шумная дѣятельность почаевской лавры замираетъ, громкая въ народѣ слава ея меркнетъ. Безъ сомнѣнія, эта мертвая тишь распростершаяся надъ знаменитою лаврою, только временная. Старинный народно-религіозный центръ Галичины, Волыни и Подолья тихо и медленно, но вѣрно исполняетъ свое призваніе, и вѣроятно недалеко то время, когда обновленная дѣятельность ея зацвѣтетъ среди обновленнаго народа.

Необходимо-бы изслѣдовать причины ослабленія дѣятельности почаевской лавры съ переходомъ ея въ православіе. Безъ сомнѣнія окажется, что это ослабленіе было неизбѣжно, но что причины его временныя. Одною изъ такихъ причинъ было прекращеніе церковно-издательской дѣятельности лавры. Кто однако не согласится, что оно неизбѣжно было для почаевской лавры съ переходомъ ея въ православіе, но что причина, вызвавшая его, теперь уже не существуетъ, что легко можетъ возобновиться эта дѣятельность ея и въ числѣ многихъ другихъ изданій, полезныхъ для народа, возвратить народу старинныя, любимыя имъ, пѣсни духовныя, сборники которыхъ съ такимъ успѣхомъ распространяли почаевскіе базиліане! Кто не знаетъ, съ какою любовію народъ слушаетъ эти пѣсни въ устахъ нищихъ, слѣпцовъ, лирниковъ, искаженныя и схоластическими виршами базиліановъ, и самими пѣвцами, изучающими ихъ по наслышкѣ отъ своихъ собратій! Кто не видитъ, какъ сильно вліяетъ это простодушное пѣніе на народъ и какое подспорье въ этихъ пѣсняхъ, обновленныхъ и упрощенныхъ, нашли-бы для себя проповѣдники и пастыри сельскаго люда! Кіево-печерская лавра продолжаетъ свою почтенную старинную миссію по изданію богослужебныхъ церковно-обрядовыхъ книгъ. Синодальная типографія въ

послѣднее время сосредоточила свою дѣятельность на величайшемъ дѣлѣ распространенія въ народѣ книгъ священнаго писанія. То, что такъ оживляетъ и укрѣпляетъ домашнюю и частную жизнь христіанина, что съ такимъ успѣхомъ проводила въ народъ *уніатская* почаевская лавра, цѣлая область эстетическихъ и нравственныхъ мотивовъ въ приложеніи ко всевозможнымъ случаямъ частной жизни христіанина, въ особенности простаго люда, въ видѣ сборниковъ молитвъ, духовныхъ пѣсней, наставленій, религіозныхъ изображеній и т. п. ожидаетъ своихъ дѣятелей, и, кажется, нѣтъ болѣе причинъ не возобновлять этой дѣятельности въ *православной* почаевской лаврѣ. Съ другой стороны, невозможно было *православной* почаевской лаврѣ продолжать, въ обновленномъ духѣ, историческое призваніе ея въ народѣ въ то время, когда она еще окружена была почти сплошнымъ моремъ уніатства. Но съ 1839, особенно съ 1875 года (возсоединеніе холмскихъ уніатовъ) и эта причина устранена, и возсоединенный съ православною церковію народъ, точно *земля жаждущая*, ждетъ росы небесной, освѣженія, подкрѣпленія и руководства своего религіознаго чувства, которое всегда было однимъ изъ самыхъ сильныхъ двигателей его жизни. Если районъ давняго вліянія почаевской лавры все еще не вполнѣ возстановленъ, если въ настоящую пору три милліона нашихъ галицкихъ братій, глубоко чтущихъ *свою* почаевскую лавру, могутъ пробираться къ ней только тайкомъ, подъ страхомъ обвиненія въ государственной измѣнѣ, за то въ остальной части стариннаго района ея *жатва многа, а дѣлателей мало!* Не разъ намъ приходилось въ средѣ возсоединенныхъ жителей Холмщины и Подлясья выслушивать вопрошающихъ, гдѣ можно купить «почаевскія книжечки», и читать на ихъ лицахъ глубокое недоумѣніе и смущеніе при отвѣтѣ, что такихъ книжекъ нигдѣ нельзя теперь купить...

Но не объ этомъ у насъ здѣсь рѣчь, а объ одной изъ тѣхъ мнимыхъ причинъ упадка дѣятельности почаевской лавры, послѣ обращенія ея въ православное вѣдомство, о которыхъ въ свое время громко вопилъ уніатскій и польско-католическій міръ какъ у себя дома, такъ и по Европѣ. Въ началѣ іюня 1831 г. въ почаевскій монастырь прибылъ съ своимъ отрядомъ генералъ польскихъ мятежныхъ войскъ Дверницкій. Базиліане радушно приняли его, угощали весь отрядъ, снабдили всѣмъ нужнымъ. 13 іюня настоятель монастыря, казначей и экклесіархъ арестованы по распоряженію высшей власти и подъ конвоемъ отправлены въ Кіевъ, въ монастырѣ наскоро устроено было временное управленіе. Въ сентябрѣ уже послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ почаевскаго монастыря въ православное вѣдомство. Назначена была коммисія для пріема монастыря. Эта коммисія, состоявшая изъ самыхъ разнородныхъ лицъ, побуждаемыхъ самымъ составомъ своимъ быть точными и аккуратными въ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія, не нашла и слѣдовъ предполагавшихся огромныхъ суммъ монастыря, открыла безпорядочность въ денежныхъ счетахъ, видимо произведенную намѣренно, не нашла многихъ драгоцѣнностей и т. п. Но вслѣдъ за окончаніемъ пріема монастыря въ православное

вѣдомство, появилась молва, что въ лаврѣ накоплены были уніатами несмѣтныя сокровища, дававшія базиліанамъ возможность широко распространять вліяніе ея, и что эти сокровища разграблены лицами, которымъ порученъ былъ пріемъ лавры со всѣмъ ея имуществомъ въ православное вѣдомство. Мѣстные польско-католическіе языки распространяли эту молву повсюду, именуя главныхъ *грабителей* и увеличивая цифру *заграбленныхъ* суммъ до баснословныхъ размѣровъ; бывшіе почаевскіе базиліанскіе монахи злобно поддерживали эти толки, а польская заграничная печать разнесла ихъ по Европѣ. На Волыни многіе еще помнятъ эти толки, которые дошли даже до императора Николая Павловича. По высочайшему повелѣнію, дѣло это изслѣдовано было житомірскою военно-судною коммисіей и документы о немъ имѣются въ разныхъ волынскихъ канцеляріяхъ. Желательно было извлечь эти документы на свѣтъ Божій и выяснить по нимъ темную исторію, надѣлавшую въ свое время много шуму и теперь не утратившую своего значенія. Въ архивѣ яблочинскаго монастыря [1]) мы нашли въ копіяхъ отзывъ военно-судной коммисіи въ волынскую духовную консисторію и черновую показанія игумена яблочинскаго монастыря Іоанникія. Оба эти документы знакомятъ насъ съ весьма интересными сторонами этого дѣла, но далеко не даютъ о немъ полнаго и точнаго понятія. Сообщеніемъ этихъ документовъ на страницы «Кіевской Старины» мы желали-бы вызвать на подражаніе намъ другихъ, владѣющихъ большимъ матеріаломъ, и такимъ образомъ поднять изъ пыли архивной это дѣло, важное уже и потому, что оно осталось несмытымъ пятномъ на чести пріемной коммисіи и не осталось, кажется, безъ вліянія на судьбу тѣхъ изъ ея членовъ, которые менѣе всего могли-бы быть тутъ въ чемъ либо виновны.

№ 1.

Отношеніе коммисіи военнаго суда, въ г. Житомірѣ надъ мятежниками учрежденной, въ волынскую греко-россійскую духовную консисторію.

„По содержанію производимаго по высочайшему повелѣнію военно-суднаго дѣла о расхищеніи имущества бывшаго базиліанскаго почаевскаго монастыря ксендзами онаго при передачѣ

---

[1]) Яблочинскій монастырь находится въ сѣдлецкой губерніи, бѣльскаго уѣзда, на островѣ р. Буга, вблизи дер. Яблочной. Основанъ въ XVI вѣкѣ и извѣстенъ тѣмъ, что, будучи сплошь окруженъ уніей и подвергаясь всевозможнымъ нападеніямъ, онъ ниразу не измѣнялъ православію. Нынѣ онъ возведенъ на степень первокласснаго монастыря, съ увеличеніемъ содержанія и числа братіи.

въ лоно православія и къ приведенію обстоятельствъ дѣла въ положительную извѣстность, коммисія нужнымъ находитъ:

„*Первое.* Сообщить оной консисторіи слѣдующія показанія іеромонаха Вышатицкаго, что, за отъѣздомъ архимандрита Скивскаго въ г. Кіевъ 1831 года, іюля 13 дня, поручено ему жандармскимъ полковникомъ Яковлѐвымъ словесно 15 іюля 1831 года исправлять должность настоятеля въ монастырѣ, съ приказаніемъ смотрѣть, чтобы монахи безъ вѣдома его никуда не отлучались и исполняли бы неопустительно свои обязанности; — занимаясь симъ, не вмѣшивался онъ ни въ какія хозяйственныя по монастырю распоряженія, ибо таковыя Скивскимъ поручены были другимъ іеромонахамъ (которые ниже будутъ поименованы), а равно (показанія) монаховъ: Шивурскаго, Галинскаго, Данилевича, Ильясевича и Дзелинскаго, что прошлаго 1831 года октября 8 дня вечеромъ прибыли въ почаевскій бывшій базиліанскій монастырь: архимандритъ Флавіанъ, протоіереи Рафальскій и Новицкій [1]), говоря, что они ѣдутъ на встрѣчу митрополиту Евгенію, а какъ было уже поздно и шелъ сильный дождь, то, по приглашенію базиліанъ, остались переночевать въ монастырѣ. На другой день, то есть втораго числа (часа?) поутру, кременецкій исправникъ Бульковскій, собравъ много крестьянъ, окружилъ оными монастырь и не велѣлъ никого пущать въ оный или изъ онаго, а послѣ обѣда, въ 4-мъ или 5-мъ часу, прибыли въ монастырь: корпуса жандармовъ порутчикъ Кирѣевъ, полковникъ Вильяшевъ, исправникъ Бульковскій, засѣдатели: Сонцевъ, Горскій, секретарь греко-россійской духовной консисторіи Карашевичъ, игуменъ Іоанникій и іеромонахъ Маврикій, кои съ предъименованными лицами составили коммисію для принятія монастыря со всѣмъ его имуществомъ въ православное вѣдомство. Чиновники сіи того же дня, объявя собравшимся по ихъ приказанію въ трапезѣ базиліанамъ высочайшую волю о передачѣ того монастыря въ православіе, тотчасъ отобрали отъ нихъ всѣ ключи отъ церкви, казначейства, кладовыхъ, погребовъ и амбаровъ, опечатали оные своими печатьми, безъ приглашенія базиліанъ, и поставили военный караулъ внутри и снаружи мо-

---

[1]) Архим. Флавіанъ—ректоръ волынской духовной семинаріи; протоіерей Рафальскій—впослѣдствіи Антоній, архіепископъ варшавскій и митрополитъ петербургскій; протоіерей Нарциссъ Новицкій умеръ въ должности каѳедральнаго протоіерея житомірскаго собора въ 1850-хъ годахъ.

настыря, также при дверяхъ церкви, всѣхъ хранилищъ монастырскаго имущества и келій тѣхъ базиліанъ, кои завѣдывали какою-либо частію монастырскаго имущества, а исправлявшаго должность казначея, іеромонаха Шивурскаго, держали подъ карауломъ восемь дней. Хотя же базиліане сихъ чиновниковъ просили обождать, покуда они получатъ отъ своего начальства предписаніе о передачѣ монастыря въ лоно православія (о чемъ послѣдовалъ на имя Вышатицкаго указъ изъ литовской греко-уніатской консисторіи отъ 16 октября 1831 года, а имъ полученъ 29 октября того-же мѣсяца) или для исправной сдачи онаго со всѣмъ имуществомъ вытребовать въ Почаевъ архимандрита Скивскаго, казначея Постилькевича и экклезіарха Стародубовскаго, знавшихъ во всѣхъ подробностяхъ состояніе монастыря и при выѣздѣ своемъ въ г. Кіевъ имъ ничего не сдавшихъ, но чиновники, не согласившись, отозвались, что они и сами будутъ умѣть принять все исправно, и начали такимъ образомъ: въ монастырской кладовой исправлявшій должность казначея Шивурскій подъ арестомъ отдавалъ имъ тѣ деньги, которыя были ему извѣстны, а неизвѣстныя сами они нашли въ секретныхъ ящикахъ; тѣ и другія, пересчитавши, вложили въ мѣшки, привязали къ нимъ ярлыки и опечатали своими печатьми. Въ первыхъ росписались: Вышатицкій и онъ, Шивурскій, а въ послѣднихъ не приказывали имъ росписываться чиновники. Потомъ описывали заставныя вещи, какъ-то: золотыя и серебряныя кольца, табакерки, серьги, часы карманные, монистово (монисты?), соболій воротникъ, старопольскіе золотые и серебренные поясы, серебряные подсвѣшники, столовыя и разныя ложки, ножи и вилки [1]). За симъ приступили къ осмотру церковныхъ вещей, которыя представлялъ іеромонахъ Ильясевичъ. Архимандритъ Флавіанъ съ чиновниками, по имѣвшейся у него описи, повѣрилъ каждое облаченіе, каждый сосудъ и каждую металлическую принадлежность церкви; назвавъ оные прежде по той описи, приказывалъ подавать ему и прочимъ чиновникамъ для осмотру. Священническія облаченія не только оказались всѣ, но еще болѣе противъ описи; изъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ нѣкоторыхъ не оказалось и, какъ помнитъ Ильясевичъ, монстранціи одной, чашъ и подсвѣчниковъ нѣсколько (впослѣдствіи отысканныхъ). Привѣсокъ

---

[1]) Отцы базиліане, очевидно, соперничали съ жидами — ростовщиками.

(вота) серебряныхъ вызолоченныхъ, взятыхъ изъ епископской кладовой, изъ пещерной церкви и изъ скарбца, не считали, но только перевѣсили и, не объявивъ базиліанамъ о количествѣ вѣсу, уложили въ сундукъ, а висящихъ въ храмѣ на чудотворномъ образѣ Божіей Матери и вокругъ онаго до 600, а можетъ быть болѣе, также вокругъ распятія и св. Николая, тоже не считали и вовсе не вѣсили, и хотя Ильясевичъ просилъ о семъ архимандрита Флавіана и чиновниковъ, но они ему сказали, что видятъ тѣ привѣски и сего довольно. Послѣ того осматривали монастырскій архивъ, но не описывали бумагъ,—сказали, что много требуется на то времени, затѣмъ библіотеку, всѣ монастырскія заведенія, какъ то: типографію, восковой заводъ (блѣхъ), богадѣльню, повѣтовое училище, аптеку. О монастырской конюшнѣ, хлѣбномъ, желѣзномъ и строеваго дерева магазинахъ, мастерскихъ и пасѣкахъ іеромонахъ Дзѣлинскій отдалъ имъ полные регистры, но фольварки съ людьми, скотомъ, хлѣбомъ и хозяйственными заведеніями, какъ не бывшіе въ его завѣдываніи, чиновники принимали и описывали сами, а Дзелинскій только по приказанію ихъ только подписался подъ вѣдомостью о числѣ крестьянъ. Такъ равно у іеромонаха Данилевича приняты ими погребъ съ сыченымъ медомъ, кладовая съ полотномъ и сукномъ чорнымъ на габиты монахамъ и хранившіяся въ сей кладовой въ запечатанныхъ сундукахъ вещи покойнаго провинціала Билинкевича. Монастырскій буфетъ, погреба съ виномъ и водкою, по показанію іеромонаха Галинскаго, чиновники описали въ два дня, подъ опискою же онъ Галинскій не подписывался, ибо не имѣлъ отъ нихъ на сіе приказанія. Вышепоименованные чиновники не всѣ вмѣстѣ ревизовали одну какую либо часть монастырскаго имущества, но раздѣльно: одни повѣряли одну, а другіе другую отрасль достоянія, оставивъ въ бездѣйствіи базиліанскихъ іеромонаховъ, завѣдывавшихъ монастырскимъ имуществомъ, такъ что они вовсе таковаго не передавали чиновникамъ, отъ правительства для сего назначеннымъ, но сіи послѣдніе сами собою забирали все, а базиліане были только зрителями и то тогда, когда къ тому приглашены были. Каковый пріемъ безъ депутатовъ со стороны базиліанъ, о которыхъ православные чиновники отозвались, что ихъ имъ не нужно, продолжался съ 9 октября до послѣднихъ чиселъ ноября, а къ сему времени они сами, безъ присутствія бывшаго въ должности настоятеля монастыря іеромонаха Вышатицкаго и другихъ должностныхъ

ксендзовъ, составили сдаточныя всему имуществу описи въ трехъ экземплярахъ и приказали съ угрозами оныя подписать базиліанамъ, которые совершенно не знаютъ, что въ оныхъ заключалось, ибо таковыя ими не читаны, а сами не могли знать по неразумѣнію россійскаго языка; притомъ чиновники не объявляли имъ ни о какихъ недостаткахъ".

„Архимандритъ Скивскій объяснился, что въ бытность его настоятелемъ, въ монастырѣ всѣ церковныя облаченія и дорогіе изъ камней и металловъ сосуды и украшенія были въ цѣлости, кромѣ что изъ первыхъ (одеждъ) по ветхости нѣкоторыя передѣланы изъ двухъ или трехъ на одну, но на мѣсто убылыхъ построены новыя, а изъ послѣднихъ нѣкоторыя по надобности передѣланы на другія, или проданы, а деньги употреблены на церковныя потребности, и часть оныхъ въ 1822 году неизвѣстно кѣмъ украдена. Потомъ Скивскій продолжаетъ, что аптека при монастырѣ была домашняя и завѣдывалъ оною послушникъ Базилевичъ, у котораго были шнуровыя книги для записи прихода и расхода денегъ, лекарствъ и матеріаловъ. Дохода отъ оной деньгами не только не было, чтобы уплачивать ежегодно бывшему кременецкому лицею по 150 злотыхъ, но еще изъ монастырской суммы давались деньги по мѣрѣ надобности на покупку лекарствъ. Въ кладбищной церкви, какія были деньги 43 руб. сереб., онъ навѣрное не знаетъ, а полагаетъ, что или приходскаго монаха Павловскаго, или погребальщиковъ. Типографія была привиллегированная, восковой заводъ (блѣхъ)—хозяйственное заведеніе; завѣдывали іеромонахи—перваго Зиневичъ, втораго Абрамовичъ. По двадцати и болѣе тысячъ злотыхъ удерживали они у себя съ вѣдома настоятеля для покупки матеріаловъ, платы работникамъ, поддержанія въ исправности строеній, въ коихъ помѣщались заведенія, машины и посуды. Приносили доходъ (типографія и свѣчной заводъ) деньгами въ разномъ числѣ и матеріалами, книгами и свѣчами. Въ сихъ заведеніяхъ были шнуровыя книги, данныя отъ него, Скивскаго, іеромонахамъ, кои по тѣмъ книгамъ были обязаны сдать чиновникамъ, принимавшимъ монастырь въ православіе, во всей исправности и безъ недостатковъ, а почему того не сдѣлали,—ему, Скивскому, неизвѣстно, причемъ онъ, архимандритъ, присовокупилъ, что если-бы высшее начальство соблаговолило возвратить изъ г. Кіева въ Почаевъ его, казначея Постилькевича, и экклезіарха Стародубовскаго, хотя подъ стражайшимъ карауломъ, и велѣно имъ сдать

монастырь со всѣмъ онаго имуществомъ, то бы они, какъ знавшіе въ подробности всѣ достоянія монастыря и тѣхъ монаховъ, кои кто чѣмъ завѣдывалъ, сдали бы все въ исправности. Чиновниками, принимавшими сей монастырь въ православіе въ концѣ 1831 года, взято въ наличности болѣе 12 тысячъ руб. сереб. оттого, что въ предъидущихъ годахъ полученные не вполнѣ отъ должниковъ проценты и нѣкоторые капиталы, а равно весь приходъ за 1831 годъ не были записаны въ шнуровую книгу. Также чиновники забрали изъ всѣхъ мѣстъ суммы, которыя базиліанами оставлялись тамъ по надобностямъ, какъ-то въ типографіи и въ блѣху, а потому, соединивши всѣ деньги въ одну сумму, могъ быть наличный остатокъ болѣе 12 тыс. руб. сер.".

„Показанія іеромонаховъ Стародубовскаго и казначея Постилькевича о вышеизложенныхъ предметахъ согласны съ архимандритомъ Скивскимъ, причемъ Постилькевичъ присовокупилъ, что, при выѣздѣ своемъ въ г. Кіевъ 1831 года іюня 13 дня, письменныя казначейскія и прочія дѣла оставилъ въ безпорядкѣ разбросанными, потому что бывшая въ томъ монастырѣ коммисія для изслѣдованія причинъ прихода туда мятежника Дверницкаго, всѣ казначейскія письменныя дѣла заарестовавъ болѣе мѣсяца разсматривала и перемѣшанныя возвратила ему Постилькевичу въ безпорядкѣ, а онъ, по краткости времени и за занятіями, не успѣлъ таковыхъ привесть въ порядокъ до выѣзда въ Кіевъ; деньги же по полу были разбросаны вѣроятно отъ того, что мѣшокъ съ деньгами, отъ какого-либо движенія опрокинувшись, развязался".

„Посему, для соображенія всѣхъ вышеизложенныхъ предметовъ, коммисія имѣетъ честь покорнѣйше просить консисторію доставить въ поспѣшности слѣдующія свѣдѣнія:

а) „Увѣдомить, какіе именно чиновники принимали сказанный монастырь въ православное вѣдомство (ибо главнѣйшіе между оными были, по показанію базиліанъ: архимандритъ Флавіанъ, протоіереи: Рафальскій и Новицкій, игуменъ Іоанникій, іеромонахъ Маврикій—нынѣшній экклезіархъ почаевской успенской лавры, также секретарь оной консисторіи Карашевичъ), какое они имѣли отъ высшаго начальства предписаніе или инструкцію, или же особыя наставленія (съ коихъ прислать копіи) о порядкѣ принятія монастыря въ православіе, какими документами и визитою 1823 года епископа (уніатскаго) Мартусѣвича руководствовались при пріемѣ онаго, съ какого числа, мѣсяца и

года начался пріемъ, какимъ порядкомъ оный былъ производимъ и когда именно совершенно оконченъ".

б) „Были-ли при сдачѣ монастыря со стороны базиліанъ депутаты: суперіоръ кременецкаго монастыря Климентій Гриневецкій и владимірскій деканъ Іоаннъ Абрамовичъ, или кто именно другіе, назначенные вслѣдствіе Высочайшей воли литовскою греко-унитскою консисторіею, о чемъ оная указомъ отъ 16 октября 1831 года дала знать управлявшему тогда почаевскимъ монастыремъ іеромонаху Вышатицкому, буде же они при этомъ не присутствовали, то по какой причинѣ, и на случай, если бы о устраненіи ихъ отъ сей обязанности послѣдовало отъ начальства распоряженіе, то съ онаго прислать копію".

„*Второе.* Изложить подробные доводы противъ показаній базиліанскихъ ксендзовъ о немогшемъ якобы произойти недостаткѣ въ церковныхъ одеждахъ и драгоцѣнностяхъ, обнаруженныхъ впрочемъ при пріемѣ монастыря и консисторіею въ вѣдомостяхъ, доставленныхъ въ коммисію при отзывѣ отъ 17 февраля № 341 подъ литерою А и 7 апрѣля № 1349 подъ литерою І показанныхъ: фелоновъ 15 и стихарей 10, о которыхъ архимандритъ Скивскій и экклезіархъ Стародубовскій объявили, что отъ ежедневнаго употребленія таковыя портились, посему съ дозволенія перваго послѣдній дѣлалъ изъ двухъ, а иногда изъ трехъ ветхихъ одинъ аппаратъ годный, чрезъ что и могъ сдѣлаться упоминаемый недостатокъ, а хотя передѣланные убыли и измѣнились въ номерахъ описанія, а можетъ быть и наименованія, но на мѣсто убылыхъ поступили вновь сшитые изъ купленныхъ и пожертвованныхъ молельщиками матерій на ризы и на завѣски чудотворнаго образа, и потому въ общемъ счетѣ передѣланныхъ и вновь сшитыхъ не только число оныхъ не могло быть меньше противъ той визиты, но еще превышало. Въ дѣйствительности его подтвердилъ іеромонахъ Саллюстій Ильясевичъ, сдававшій сіи одежды и объяснявшій чиновникамъ такое измѣненіе одеждъ. Церковнаго серебра въ сосудахъ и прочемъ, въ церковной ризницѣ употребляемыхъ, сведенныхъ въ общія статьи по собственнымъ своимъ наименованіямъ каждой вещи означено по тѣмъ-же вѣдомостямъ недостающими подъ литерою А артикуловъ 26, по вѣдомости же подъ литерою І показано уже только 13 артикуловъ. Сіи вѣдомости учинены были въ монастырѣ: 1) съ 1-го февраля, изъ новой вѣдомости о недостающихъ вещахъ собственною рукою архимандритомъ Флавіаномъ отмѣченныхъ и подпи-

сомъ базиліанскихъ монаховъ засвидѣтельствованныхъ, а послѣдняя подъ литерою I—29 марта. Изъ сего оказывается, что въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ отыскано: корона одна, монстранція одна, потировъ 9, дискосовъ 11, звѣздицъ 10, крестъ одинъ, ложицъ 10, подсвѣчниковъ вышиною въ аршинъ 4, до 7 вершковъ—2 и меньшихъ всего 12, чашъ 4 и сверхъ того изъ серебряныхъ привѣсокъ отыскано 4, но въ какихъ мѣстахъ всѣ сіи вещи открыты, того не объяснено. Затѣмъ о послѣднихъ недостающихъ вещахъ, поименованныхъ въ той-же вѣдомости подъ литерою I, экклезіархъ Стародубовскій и впослѣдствіи заступавшій его мѣсто Ильясевичъ показали: *двѣ золотыя короны*, ватиканскія на чудотворномъ образѣ Божія Матери *двѣ короны серебряныя позолоченныя* съ дорогими каменьями на намѣстныхъ иконахъ Спасителя и Божіей Матери въ пещерной церкви, *одна серебряная* 4-ой (84?) пробы, а *другая мѣдная*, обѣ позолоченныя, съ разноцвѣтными стеклами на подобіе камней, въ зимней церкви на намѣстныхъ иконахъ, *стаканчикъ* отъ стопы Божіей Матери давно еще во время монастырскаго храма (т. е. храмоваго праздника) украденъ,—*два реликвіара* (для храненія частицъ св. мощей?), *корзина* для пшеницы, *веночники*, *лампадки*, *подносъ* — были въ скарбцѣ, а оловянные подсвѣчники на престолахъ въ наличности, и всѣ оные іеромонахъ Саллюстій показывалъ чиновникамъ, принимавшимъ монастырь, они ихъ описывали и не говорили ему, что еще такихъ вещей не достаетъ, кромѣ какъ только не оказалось, сколько онъ помнитъ, монстранціи одной, чашъ и подсвѣчниковъ нѣсколько, вѣроятно тѣхъ, кои отысканы при гробѣ Каневскаго [1]) и въ столбѣ подъ чудотворнымъ образомъ. Серебряныхъ привѣсокъ вокругъ чудотворнаго образа Божіей Матери на стѣнѣ и столбахъ висящихъ до 600 штукъ, а можетъ быть и болѣе, равно вокругъ Распятія и подъ иконою св. Николая архимандритъ Флавіанъ и чиновники не считали, хотя ихъ Ильясевичъ о томъ просилъ, но они сказали, что видятъ тѣ привѣски и сего довольно. Тѣхъ же привѣсокъ, кои были за излишествомъ сложены въ бискупской кладовой, въ скарбцѣ и въ пещерѣ, также не считали и не говорили, сколько оныхъ должно быть, но только перевѣсили и не объявили количества

---

[1]) Т. е. старосты каневскаго — Николая Потоцкаго, строителя главнаго собора и монастырскихъ зданій (1771—1772 г.), умершаго въ 1782 г. и похороненнаго въ подвалѣ собора.

вѣсу. Архимандритъ Скивскій, равно іеромонахъ Стародубовскій добавили къ тому еще слѣдующее: что изъ числа сихъ привѣсокъ, не могшихъ помѣщаться вокругъ чудотворнаго образа и другихъ, были сдѣланы двѣ или три чаши, шата на образъ Божіей Матери въ (слово неразборчиво написанное) на престолѣ стоявшей, напрестольный крестъ, а какъ еще предполагалось сдѣлать шесть подсвѣчниковъ вышиною въ локоть, то изъ тѣхъ же привѣсокъ значительное число оныхъ разной величины и пробы для уравненія качества металла стопилъ Стародубовскій въ слиткѣ вѣсомъ *до полтора пуда*, которые и были скрыты въ столбѣ подъ чудотворнымъ образомъ (а послѣ найдены тамъ), также употреблено оныхъ на посеребреніе мѣдныхъ рамъ на антипедіи главнаго престола. Слѣдовательно, посчитавши сіи подѣлки и слитки серебра со всѣми наличными привѣсками въ храмѣ на иконахъ висящими и съ излишними, бывшими схороненными въ сказанныхъ мѣстахъ, не можетъ оказаться недостатка".

Относительно того, что консисторія въ отзывѣ своемъ отъ 17 февраля № 341 упоминала, что значущихся въ книгѣ приношеній (офяръ) драгоцѣнныхъ вещей вовсе не оказалось, но въ доставленной при отзывѣ оной-же отъ 7 апрѣля, № 1394, вѣдомости подъ литерою К. показано довольное количество вещей по наименованіямъ въ книгѣ офяръ значущихся и по счисленіи (сличеніи?) съ оною духовный соборъ сдѣлалъ отмѣтку: „тѣ ли самыя вещи, какія помѣщены въ сказанной книгѣ, неизвѣстно". Далѣе въ первомъ отношеніи, № 341, продолжаетъ, что самый приходъ тѣхъ пожертвованій базиліанами показанъ только по 6 число іюля 1827 года, и съ сего времени дальнѣйшаго слѣда о подобныхъ приношеніяхъ, которыя не могли не быть и въ послѣдовавшихъ годахъ, ни по сей книгѣ, ни по другимъ монастырскимъ актамъ не имѣется. Но архимандритъ Скивскій и бывшій эккlезіархъ іеромонахъ Стародубовскій, на запросъ о семъ и по предъявленіи имъ вышеписанной вѣдомости подъ литерою К., объяснили, что показанныя въ оной вещи суть тѣ самыя, которыя были молельщиками приносимы въ даръ церкви и записаны въ регистръ офяръ, недостающія-же противъ онаго многія были украдены въ 1822 году, а червонцы, золотыя медали и кольца употреблены на позолотку чашъ, крестовъ и другихъ сосудовъ церковныхъ и антипедіи, а нѣкоторыя по ненадобности проданы и деньги издержаны на потребности монастырскія, и что сіи добровольныя приношенія не

были болѣе дѣлаемы послѣ 6-го іюля 1827 года, а Стародубовскій добавилъ, что сіи вещи также суть тѣ самыя, которыя онъ скрылъ въ столбѣ подъ чудотворнымъ образомъ Божія Матери и при гробѣ Каневскаго. А какъ епископъ Мартусевичъ при ревизіи не свидѣтельствовалъ книги офяръ, ибо нѣтъ его въ оной подписи, какъ таковыя дѣлали провинціалы, консисторія же и лаврскій соборъ не упоминаютъ, чтобы сіи вещи были Мартусевичемъ показаны въ общей его визитной описи, то вѣроятно, что сіи вещи суть тѣ самыя, кои записаны въ книгѣ офяръ. Но для достовѣрности консисторія не оставитъ аккуратнѣйшую выправку касательно недостатка въ церковныхъ вещахъ и затѣмъ доставитъ въ коммисію для соображенія самовѣрнѣйшія вѣдомости: a) полную всему монастырскому имуществу, поступившему отъ базиліанъ въ православное духовенство, въ суммахъ, вещахъ и недвижимостяхъ заключающемуся; b) сколько суммъ и вещей и какихъ наименованій, за всѣми отысканными, не достаетъ противъ визиты 1823 года и другихъ документовъ, коими руководствовались при пріемѣ православные; c) сколько оказалось противъ тѣхъже, визиты и документовъ, излишними суммъ и вещей и какихъ наименованій. Притомъ изъяснить, отчего въ отзывахъ оной и вѣдомостяхъ произошла вышеписанная разница въ недостаткѣ церковныхъ вещей, наименовавъ тѣ мѣста, въ коихъ впослѣдствіи открыто 13 артикуловъ церковнаго серебра и 4 привѣски".

Третье. По вѣдомости, приложенной консисторіею при отношеніи отъ 7 апрѣля, № 1349, о суммахъ, поступившихъ отъ базиліанъ въ православіе, показано: a) что въ казначейской кладовой отыскано въ скрытыхъ мѣстахъ до 6 тысячъ руб., серебромъ, а завѣдывавшій симъ монастыремъ іеромонахъ Вышатицкій показалъ (можетъ быть ошибочно), что при открытіи потаенныхъ ящиковъ въ шкафахъ вынуто оттоль въ шести мѣшкахъ серебряными рублями 6250 р. с., которые принявъ, православные не позволили ему подъ итогомъ подписаться. b) Въ ризницѣ соборной церкви взято 127 руб. $82^1/_2$ коп. серебромъ и 42 р. 52 коп. мѣдью, безъ книги приходо-расходной. Но архимандритъ Скивскій, іеромонахи Постилькевичъ и Стародубовскій отозвались, что деньги сіи давались молельщиками и на записку оныхъ, а равно и вырученныхъ за продажу бутылочекъ на святую воду была тамъ всегда книга не шнуровая, выданная изъ монастырскаго казначейства, которая, какъ объявилъ помощникъ эклезіарха іеромонахъ Ильясевичъ, находилась на столѣ и въ то время, когда архимандритъ Флавіанъ

и іеромонахъ Маврикій принимали упомянутыя деньги, но по той книгѣ, означающей приходъ оныхъ, не повѣряли и просьбы о томъ Ильясевича не уважили. Книга же сія величиною была въ листъ, сложенный въ длину пополамъ, толщиной въ полторы дести, выдана въ закрытіи эккдезіархомъ Стародубовскимъ. c) Въ келіи ксендза Шавурскаго принято 159 руб. $80^{3}/_{4}$ коп. серебромъ то же безъ всякой отчетности, напротивъ того Вышатицкій увѣряетъ, что при немъ архимандритъ Флавіанъ отобралъ у Шавурскаго деньги, бывшія на ежедневные расходы, съ расчетомъ онымъ, а послѣдній, утверждая сіе, говоритъ, что таковый поданъ имъ написанный его рукою, но неподписанный. d) Подобно сему въ монастырской типографіи и лаврской аптекѣ, въ коихъ такъ-же найдены и приняты суммы, означенныя въ упомянутой вѣдомости безъ всякихъ свѣдѣній, по объявленіямъ-же архимандрита Скивскаго и казначея Постилькевича въ означенныхъ мѣстахъ имѣлись на записку денегъ, а въ послѣдней и лекарствъ, книги, но почему православными чиновниками таковыя не приняты и не общитаны, имъ неизвѣстно. e) Касательно оказавшагося недостатка при учетѣ книги въ свѣчной лавкѣ и восковомъ заводѣ (блѣхѣ) денегъ 4758 злотыхъ $19^{1}/_{2}$ грошей или 714 руб. $79^{2}/_{3}$ коп. серебромъ, не видно, чтобы завѣдывавшій онымъ іеромонахъ Абрамовичъ, который сдавалъ всю о томъ отчетность, былъ опрошенъ православными чиновниками о происшедшемъ у него недостаткѣ, а потому консисторія не оставитъ также распорядиться, чтобы въ поспѣшности были учинены выправки объ отысканіи упомянутыхъ денежныхъ документовъ и если таковые окажутся, то сдѣлать по онымъ надлежащую тѣмъ суммамъ повѣрку и о послѣдующемъ почтить комисію извѣщеніемъ, добавя притомъ, отчего меньше показано суммы, отысканной казначейской кладовой въ секретныхъ ящикахъ шкафовъ противъ показанія Вышатицкаго, и былъ-ли, какъ выше означено, членами принимавшими въ православіе монастырь запрашивалъ іеромонахъ Абрамовичъ о вышеобъясненномъ недостаткѣ у него денегъ, и буде имѣется о семъ его объясненіе, то прислать оное въ коммисію".

„И наконецъ *четвертое.* Присланная при отзывѣ духовнаго собора почаевской лавры на имя консисторіи отъ 5 апрѣля № 152 книга, или опись всему монастырскому имуществу безъ конца была предъявляема архимандриту Скивскому, коимъ признана тою самою, которая составлена 1824 года провинціаломъ Милинкевичемъ и ему Скивскому вручена при постановленіи его суперіоромъ

бывшаго почаевскаго базиліанскаго монастыря, для руководства при принятіи и въ случаѣ сдачи монастырскаго имущества, и что оная книга, при выѣздѣ его въ Кіевъ, оставлена въ келіи его съ концемъ и утверждена подписомъ того провинціала. Судебная коммисія имѣетъ честь просить покорнѣйше консисторію приказать вновь сдѣлать вѣрнѣйшую выправку по дѣламъ бывшимъ въ келіи Скивскаго, которые, какъ видно изъ производимаго дѣла, православными чиновниками, бывъ взяты, сложены въ мѣшки и положены въ кладовой, не окажется-ли окончанія сказанной книги, необходимо для соображенія нужной, и буде отыщется, то прислать въ коммисію".

„Подлинное подписали: Презусъ подполковникъ Македонскій, аудиторъ 13-го (?) класса Михайловъ".

„Съ подлиннымъ вѣрно: за секретаря титулярный совѣтникъ Михаилъ Правосудовичъ".

Г. Житоміръ
10 декабря 1833 года
№ 219.

№ 2.

Въ в(олынскую) д. консисторію яблоченскаго св. Онуфріевскаго монастыря настоятеля, игумена Іоанникія.

Рапортъ.

„Въ исполненіе Его Императорскаго Величества указа изъ волынской духовной кенсисторіи отъ 30 декабря истекшаго 1833 года за № 6947, съ приложеніемъ копіи отношенія коммисіи военнаго суда, въ г. Житомірѣ надъ мятежниками учрежденной, отъ 10 числа того-жъ декабря за № 219 ко мнѣ послѣдовавшаго, а мною 22 сего генваря полученнаго, долгъ имѣю покорнѣйше донести волынской духовной консисторіи: острожско дерманскаго первоклассна го монастыря настоятель о. архимандритъ Іерофей 5 октября 1831 года, получивъ отъ преосвященнѣйшаго Амвросія, бывшаго епископа волынскаго-житомірскаго и кавалера, предписаніе выслать немедленно меня, бывшаго въ то время намѣстникомъ острожско-дерманскаго монастыря, и діакона Михаила Билецкаго, что нынѣ почаевской успенской лавры келарь іеромонахъ Меѳодій, въ загаецкій монастырь въ распоряженіе волынской семинаріи ректора, загаецкаго монастыря настоятеля, о. архиманд-

рита Флавіана, того же дня насъ туда выслалъ. Пріѣхавъ съ прописаннымъ діакономъ въ загаецкій монастырь 6 октября, я не засталъ о. архимандрита Флавіана, а только получилъ отъ него письменное повелѣніе слѣдовать за нимъ чрезъ г. Кременецъ въ Почаевъ. Въ почаевскій бывшій базиліанскій монастырь прибылъ я съ іеромонахомъ Маврикіемъ, что нынѣ экклезіархъ почаевской успенской лавры, и діакономъ Михаиломъ Билецкимъ 9 октября въ 12 часовъ дня, гдѣ засталъ о. р. архимандрита Флавіана, протоіереевъ: Рафальскаго и Новицкаго, а такъ же кременецкаго исправника Бульковскаго и засѣдателей: Горскаго и Солнцева, куда затѣмъ въ скоромъ времени еще прибыли петербургскіе чиновники Войцеховичъ и Вильяшевъ или Вильяменовъ, корпуса жандармовъ поручикъ Кирѣевъ и каѳедральный протодіаконъ Вас. Красицкій. Гражданскіе чиновники, призвавъ исправлявшаго въ монастырѣ должность настоятеля, іеромонаха Вышатицкаго, просили его, чтобы приказалъ всѣмъ базиліанамъ собраться въ трапезу для выслушанія высочайшей Его Императорскаго Величества воли. Православные духовные и гражданскіе чиновники въ 3, кажется, часа пополудни, когда базиліане всѣ собрались, пришли къ нимъ въ трапезу. По объявленіи гражд. чиновниками базиліанамъ высочайшей Его Императорскаго Величества воли, о передачѣ почаевскаго ихъ монастыря со всѣмъ имуществомъ и капиталами въ вѣдомство православнаго духовенства, базиліане, будучи почти всѣ пьяны, вмѣсто изъявленія покорности высочайшей волѣ, шумѣли, грубили, говорили нелѣпыя и непристойныя слова, такъ что гражданскіе чиновники, посовѣтовавшись съ о. р. а. Флавіаномъ, разсудили оставить ихъ въ покоѣ и, вышедши изъ трапезы, запечатали всѣ три церкви, казначейство, свѣчную лавку, типографію, погреба и всѣ кладовыя и при каждыхъ дверяхъ поставили караульнаго, но ключей ни отъ чего не требовали и не отбирали. На другой день, т. е. 10 октября, который былъ суббота, въ 12-мъ часу коммисія получила отъ исправлявшаго должность настоятеля іеромонаха Вышатицкаго отзывъ съ увѣдомленіемъ о его готовности сдать монастырь и съ наименованіемъ лицъ, кто какую часть имѣетъ сдавать. Итакъ того-же дня въ 2 часа пополудни онъ Вышатицкій съ іеромонахомъ Саллюстіемъ Ильяшевичемъ и монахомъ Богушемъ отперши соборную Успенія пресвятыя Богородицы церковь, ввелъ въ нее православныхъ духовныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. По окропленіи сей церкви святою водою и по отпѣніи нами вечерней службы, іеромонахъ

Саллюстій Ильяшевичъ и монахъ Богушъ заперли церковь и ключи взяли къ себѣ, а іеромонахъ Маврикій, кажется, приложилъ по повелѣнію коммисіи къ дверямъ печать. Такимъ образомъ всегда, за каждымъ богослуженіемъ, Ильяшевичъ и Богушъ отпирали и запирали соборную, пещерную и теплую церковь, пока тѣ церкви съ имуществомъ отъ нихъ приняты не были, и такимъ образомъ отъ всѣхъ кладовыхъ и мѣстъ ключи держали базиліане у себя, а печать находилась у о. р. архимандрита Флавіана, пока все по порядку не было описано и сдано. Пріемщиками-же со стороны православнаго духовенства были: волынской семинаріи р. архимандритъ Флавіанъ и протоіереи: Рафальскій, что нынѣ почаевской успенской лавры намѣстникъ архимандритъ Антоній, и Новицкій, а съ котораго числа они начали производить пріемъ и какимъ образомъ оный производили, мнѣ, такъ какъ я притомъ не находился, не извѣстно. Ибо я съ іеромонахомъ Маврикіемъ и діакономъ Михаиломъ Билецкимъ цѣлую седмицу исключительно занимался богослуженіемъ, а потомъ занимался внутренними по лаврѣ распоряженіями, по объявленіи мнѣ о томъ о. ректоромъ архим. Флавіаномъ архипастырскаго повелѣнія. Правда, коммисія поручала и мнѣ, во время моихъ по монастырю занятій, привести въ извѣстность и описать нѣкоторые предметы, и я таковую порученность на досугѣ исполнялъ, но не рѣшительно и не окончательно: ибо коммисія послѣ все повѣряла и, удостовѣрившись въ точности сдѣланнаго мною описанія, вносила таковое въ генеральную опись. Описывалъ-же я слѣдующіе предметы: 1) трапезу съ разною посудою и всѣми ея принадлежностями, которыя показывалъ имѣвшій оную въ своемъ завѣдываніи послушникъ Θерапонтъ Куликовскій; 2) кухню съ кухенною посудою и двѣ кладовыя съ припасами съѣстными, которыя показывалъ послушникъ Пентрицкій; 3) буфетъ или, такъ называемую, канафарню, которую показывалъ іеромонахъ Гервасій Галинскій; 4) конюшню съ лошадьми, упряжью и экипажами, анбаръ съ желѣзомъ и мѣдью и мастерскія, которыя показывалъ по приватному, не урядово, а келейно составленному и безъ всякаго подписа бывшему регистру прокураторъ іеромонахъ Павлинъ Дзелинскій, и 5) двѣ кладовыя съ холстомъ и сукномъ для монаховъ и съ волною (шерстью), которыя показывалъ іеромонахъ Данилевичъ. Всѣхъ вышеизъясненныхъ предметовъ я самъ безъ базиліанъ не описывалъ и ключей отъ нихъ не бралъ, а только печать къ дверямъ прикладывалъ, пока все описано, коммисіей повѣрено и сдано не было.

Назначенныхъ литовскою греко-унитскою консисторіею депутатовъ при дѣланномъ мною описаніи не было, потому что о назначеніи ихъ тогда никто еще не зналъ, и они не явились въ монастырь. Котораго именно числа и мѣсяца началъ я дѣлать показаннымъ предметамъ описаніе и когда кончилъ, а равно когда вообще конченъ пріемъ монастыря, не помню. Знаю только, что базиліане, по мѣрѣ сдачи бывшаго на ихъ рукахъ церковнаго и монастырскаго имущества, были снабжаемы отъ монастыря довольнымъ количествомъ денегъ на проѣздъ въ назначенные имъ монастыри и на путевое содержаніе и безъ всякаго притѣсненія и осмотра съ письменными видами были отпускаемы". „1834 года, генваря 24 дня № 14".

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи и переводѣ).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Вечеромъ въ тотъ-же день (23 іюня) получено было въ лагерѣ письмо краковскаго епископа Петра Гембицкаго, которое причинило всѣмъ сильное безпокойство. Епископъ сообщилъ, что нѣкто Александръ-Левъ изъ Штемберка Костка [1]), иначе называемый Наперскимъ, составилъ на свое имя подложные королевскіе универсалы, будто уполномочивающіе его набирать войско и, на ихъ основаніи, подъ предлогомъ королевской службы, сталъ возбуждать къ мятежу крестьянъ въ краковскомъ Подгоріи; онъ успѣлъ притомъ овладѣть замкомъ Чорштыномъ, лежащимъ на венгерской границѣ на высокой скалѣ, доступной только съ одной стороны. Въ Чорштынѣ онъ устроилъ себѣ резиденцію и черезъ посланныхъ людей вербуетъ иностранныхъ солдатъ въ Силезіи; между тѣмъ, ожидая ихъ прихода, онъ призываетъ къ возстанію крестьянъ окрестныхъ какъ посредствомъ разосланныхъ агентовъ, такъ и разсылкою частныхъ писемъ и универсаловъ; онъ призываетъ крестьянъ образовать скопища, утверждая, будто онъ дѣйствуетъ на основаніи королевскаго приказа; такимъ образомъ онъ уже многихъ привлекъ на свою сторону, а еще болѣе побуждаетъ къ своеволію обѣщаніями богатой добычи. Всякій легко могъ сообразить, прочитавъ присланные универсалы и письма Наперскаго,

---

*) См. январь, февраль, май и іюнь „Кіев. Ст.".

[1]) Истинное названіе этого лица было—Симеонъ Бзовскій; онъ былъ побочный сынъ короля Владислава IV и получилъ весьма хорошее воспитаніе въ домѣ дворянъ Костковъ изъ Штемберка, которыхъ фамилію и принялъ, задумавъ стать во главѣ крестьянскаго возстанія. Наперскимъ онъ назывался потому, что въ распоряженіи его находились открытые листы короля, поручавшіе какому-то офицеру Наперскому вербовать солдатъ въ королевскую службу. (Кубаля—Szkice, т. I, стр. 312).

сколь большая опасность угрожала Рѣчи Посполитой. Прежде всего заботясь о благочестіи и желая, такимъ образомъ, пріобрѣсти популярность, онъ распорядился о сохраненіи безопасности церквей и издалъ на этотъ счетъ универсалы. Какъ образецъ таковыхъ доставлены универсалы, данные имъ Тынецкому монастырю: одинъ писанъ по нѣмецки, ради иностраннаго войска, котораго онъ ожидалъ изъ Силезіи, и такого содержанія: „Я, нижеподписанный, начальникъ войскъ, конницы и пѣхоты, приказываю сохранять въ покоѣ монастырь Тынецъ и его имущество, подъ угрозою смертной казни" [1]) Другой универсалъ, писанный по польски и предназначенный для возставшихъ крестьянъ, слѣдующаго содержанія: „Я, нижеподписанный, поручаю и накрѣпко приказываю солдатамъ, находящимся подъ моею командою, чтобы они сохраняли въ цѣлости и неприкосновенности монастырь Тынецъ и принадлежащія ему села, подъ опасеніемъ смертной казни всякому, неповинующемуся сему военному, выданному для охраны монастыря, приказу, который скрѣпляю моею подписью и печатью. Данъ въ Тынцѣ 8-го мая 1651 года. Александръ-Левъ изъ Штемберка".

Копія письма отъ того-же Костки къ Лентовскому, салтысу [2]), проживающему въ новоторжскомъ округѣ, одному изъ важнѣйшихъ мятежниковъ и разбойниковъ въ той мѣстности:

„Милостивый государь, господинъ Лентовскій, любезный мой другъ! Освѣдомившись о доблестныхъ и рыцарскихъ подвигахъ вашихъ, я воздаю имъ должную хвалу и благодарю за нихъ Господа; притомъ покорно прошу васъ именемъ короля, его милости, чтобы вы съ вашимъ полкомъ приходили какъ можно скорѣе и старались собрать какъ можно больше людей. Пусть они вспомнятъ всѣ обиды, претерпѣваемыя отъ пановъ, пусть подумаютъ о томъ, до какой степени бѣдный народъ угнетенъ и обремененъ и что теперь представляется имъ прекрасный случай къ освобожденію,— пусть они имъ пользуются, ибо если теперь пропустятъ удобную

---

[1]) Въ подлинникѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

[2]) Солтыствами назывались села, жители которыхъ были свободные хлѣбопашцы, землевладѣльцы, обязанные лишь военною службою въ пользу государства. Въ Подгоріи краковскомъ много было такихъ селъ, напоминавшихъ собою до нѣкоторой степени козачество. Лентовскій былъ маршалкомъ, т. е. предводителемъ (головою) солтысовъ; названъ онъ мятежникомъ потому, что еще въ 1628 году онъ предводительствовалъ въ возстаніи солтысовъ противъ краковскаго старосты Комаровскаго, посягавшаго на ихъ права (Кубаля, Szkice, стр. 314).

минуту и не сбросятъ тяжелаго ярма, то останутся навсегда въ рабствѣ у пановъ. И такъ приходите поскорѣе сами и всѣмъ, кому сочтете нужнымъ, сообщите это распоряженіе. Пана Здановскаго оставьте въ покоѣ, всѣхъ-же другихъ шляхтичей пусть крестьяне берутъ и пусть дѣлаютъ съ ними, что угодно. Слѣдующій знакъ пусть служитъ для взаимнаго опознанія: вѣнокъ, привѣшенный на зеленой сосновой вѣтви; знакъ этотъ пусть въ походѣ несутъ и при вашемъ полку. Распорядитесь, чтобы люди ваши захватили съ собою топоры и заступы. Мы пойдемъ къ Кракову и дальше; съ Божіею помощью, пройдемъ всю Польшу. У насъ прочный договоръ съ Хмельницкимъ и съ татарами, и нѣмецкое войско придетъ намъ въ помощь. О всемъ вышеписанномъ извѣстите другихъ и сами отправляйтесь къ намъ; подробности раскажетъ вамъ изустно податель этого письма. Ожидая васъ съ нетерпѣніемъ, пребываю вашей милости братомъ и слугою—Александръ-Левъ. Изъ Чорштына, 18 іюня, 1651 года. Всей братіи нашей, принявшей нашу сторону, бью челомъ. Слѣдуетъ вручить поспѣшно моему любезному другу, пану Станиславу Лентовскому, маршалку братіи нашей".

Копія письма отъ ректора [1]), правильнѣе школьнаго учителя, въ селѣ Пцимѣ, Мышеницкой волости, отчаяннаго разбойника и постояннаго бунтовщика противъ всѣхъ краковскихъ кастеллановъ, пановъ своихъ, писаннаго къ тому-же Косткѣ:

„Милостивый государь мой! Извѣстія, полученныя мною въ письмѣ вашей милости, буду, какъ можно поспѣшнѣе и точнѣе, распространять среди крестьянъ, пользуясь для этого содѣйствіемъ вѣрныхъ послѣдователей Христовой истины [2]), искренно преданныхъ его величеству, милостивому государю нашему, Іоанну Казиміру, королю польскому. Поспѣши, ваша милость, вновь разослать циркуляръ къ крестьянамъ нашей мѣстности, который-бы усилилъ ихъ довѣріе и побудилъ ихъ скорѣе собираться въ отряды. Многіе изъ нихъ давно уже заявляютъ, что если-бы получили разрѣшеніе короля, то охотно отправились-бы въ походъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о нѣкоемъ Мартинѣ Радецкомъ, бывшемъ школьнымъ учителемъ въ одномъ изъ солтысскихъ школъ—Пцыми, въ теченіи 40 лѣтъ. Радецкій былъ послѣдователемъ ученія анабаптистовъ; остатки этой секты пріютились въ краковскомъ Подгоріи (ibid, стр. 313).

[2]) Авторъ вѣроятно разумѣетъ анабаптистовъ.

противъ шляхтичей и принялись-бы истреблять ихъ дворы, дабы прекратить господство на землѣ шляхетской гордости, злобы и тиранства. Затѣмъ поручаемъ себя покорно вниманію вашей милости. Въ Пцимѣ, 20 іюня, 1651 года. Вашей милости покорный слуга—Мартинъ, ректоръ школы пцимской. Слѣдуетъ вручить моему милостивому государю, господину Льву, вѣрному подданному его королевской милости".

Копія универсала того-же Костки, отправленнаго, согласно желанію, выраженному въ вышеприведенномъ письмѣ, на имя того же ректора: „Миръ Христовъ! Всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности вѣрнымъ подданнымъ его королевской милости желаю добраго здравія и ниспосланія отъ Всевышняго святой воли и свободы. Извѣщаю васъ симъ отъ имени Господа Бога и короля его милости, что шляхтичи намѣрены произвести мятежъ противъ короля и потому всѣ, расположенные къ королю, пусть спѣшатъ соединиться подъ моимъ начальствомъ въ Чорштынѣ и пусть отправляются туда подъ командою господина ректора Пцимскаго, назначеннаго королевскимъ полковникомъ. Онъ приметъ надъ вами начальство, приведетъ васъ ко мнѣ и будетъ во всемъ руководить вами. Король, его милость, обѣщаетъ полную волю всѣмъ тѣмъ, которые теперь примутъ его сторону, притомъ онъ предоставляетъ въ ваше распоряженіе шляхетскіе дворы и всякое обрѣтающееся въ нихъ имущество. Дерзайте освободиться отъ тяжкой неволи, пользуясь благопріятнымъ временемъ. Лучше вы ихъ истребите, чѣмъ они васъ до конца будутъ угнетать; достаточно паны издѣвались надъ вами и плачь вашъ вопіетъ предъ Господомъ и требуетъ имъ кары. Посылая второе мое письмо господину ректору, присоединяю къ нему сей универсалъ; притомъ предостерегаю васъ, согласно съ королевскою инструкціею, чтобы вы не довѣряли никакимъ другимъ универсаламъ, хотя-бы они и были скрѣплены королевскою печатью и подписью, ибо онъ можетъ разослать ихъ вслѣдствіе принужденія отъ шляхтичей. Мы должны поскорѣе дѣлать свое дѣло. Ко дню святого Іоанна мы пойдемъ на Краковъ,—туда я уже повсемѣстно разослалъ универсалы къ крестьянамъ, и они явятся охотно; изъ области новоторжской придутъ всѣ поголовно и господинъ Станиславъ маршалокъ будетъ у нихъ полковникомъ. Прошу васъ, когда будете проходить черезъ Новый Торгъ, не трогайте пана Здановскаго и оставьте въ покоѣ всѣ села, въ которыхъ увидите вѣнки, вывѣшенные на вѣтвяхъ; также прошу

васъ охранять церкви, ибо мы отправляемся на войну за Господа, за кривду людей и за достоинство короля. Выданъ въ Чорштынѣ, 22 іюня, 1651 года. Александръ Левъ изъ Штемберка Костка, староста чорштынскій".

Копія письма отъ того-же Костки, писаннаго изъ Чорштына къ подстаростѣ новоторжскому [1]), а также сочиненные имъ стихи, въ которыхъ онъ насмѣхается надъ Михаиломъ Іорданомъ. Послѣдній по порученію краковскаго епископа и шляхтичей, оставшихся дома, съ отрядомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ подступилъ къ Чорштыну и хотѣлъ овладѣть имъ, но долженъ былъ отступить безъ успѣха, по поводу недостатка въ осадномъ матеріалѣ:

„Милостивый отецъ и благодѣтель! Скорблю всѣмъ сердцемъ о томъ, что вы изъ-за меня потерпѣли столь много и невинно. Прошу васъ: отправьте ко мнѣ поскорѣе ваше имущество и сами пріѣзжайте ко дню св. Іоанна; къ тому сроку ко мнѣ соберется большое войско. Воля Господня требуетъ, чтобы страшныя беззаконія были усмирены; дай Господи этого достигнуть безъ пролитія крови христіанской. Я намѣренъ, оставивъ васъ здѣсь хозяиномъ, выступить въ походъ съ войскомъ туда, куда Господу будетъ угодно. Я сообщилъ-бы вамъ извѣстія о добычѣ, но надѣюсь васъ вскорѣ лично увидѣть, тѣмъ болѣе, что вскорѣ будетъ уже не безопасно ѣздить и притомъ тревожусь мыслью, чтобы епископъ не предпринялъ чего-либо противъ васъ. Во всякомъ случаѣ привѣсьте вѣнецъ на обожженномъ шестѣ. Больше писать къ вамъ не буду. Всѣмъ вамъ бью охотно челомъ и ожидаю васъ. Посылаю вамъ стихотворное повѣтствованіе о моей осадѣ и перстень съ рубиномъ для иконы Богородицы въ городѣ или въ Шафлѣ. Вашъ благорасположенный слуга Александръ-Левъ изъ Штемберка. Слѣдуетъ поспѣшно вручить многоуважаемому благодѣтелю моему, господину Викторину Здановскому, подстаростѣ въ Новомъ Торгѣ".

---

[1]) Когда Бзовскій рѣшился организовать народное возстаніе, то онъ прежде всего явился въ городъ Новый Торгъ (Nemavent), лежащій въ центрѣ Подгорія; онъ нашелъ здѣсь радушный пріемъ у мѣстнаго подстаросты Викторина Здановскаго, который искренно повѣрилъ, что Бзовскій дѣйствуетъ въ силу королевскаго порученія и потому оказывалъ ему полное содѣйствіе и заключилъ съ нимъ личную дружбу.

Затѣмъ слѣдуетъ въ рукописи стихи сатирическіе, содержащіе описаніе осады Чорштына ротмистромъ Іорданомъ. Мы не приводимъ этихъ стиховъ, такъ какъ они напечатаны въ сочиненіи Кубали: «Szkice historyczne» т. I, стр. 328—329.

Получивъ эти точныя извѣстія о предстоящихъ опасностяхъ, всѣ въ лагерѣ были крайне смущены, но такъ какъ было уже поздно, то совѣтъ о принятіи необходимыхъ мѣръ былъ отложенъ до слѣдующаго утра.

Іюня 24. Часть войска, которая еще оставалась на той сторонѣ, переправилась къ Берестечку въ королевскій лагерь и расположилась на назначенныхъ для нея мѣстахъ. Мѣстоположеніе лагеря выбрано прекрасно: передъ его фронтомъ къ востоку простиралось обширное ровное поле, тянувшееся въ необозримую даль и только въ средней своей части возвышавшееся въ видѣ незначительныхъ холмовъ; на немъ удобно могли развернуться для сраженія громадныя войска. Съ правой стороны оно было окаймлено большимъ лѣсомъ, простирающимся по направленію къ Лесневу и Щуровицамъ; лѣсъ этотъ приказано было занять для того, чтобы послѣ прихода враговъ, они не могли въ немъ скрываться и устраивать засадъ. Лѣвая сторона поля прилегала къ рѣчкѣ Плешовой, текущей отъ Кременца и впадающей въ Стырь; рѣчка эта, начиная отъ села Плешовой, образуетъ со стороны, обращенной къ лагерю, большіе разливы и непроходимыя болота. Позади лагеря находилось мѣстечко Берестечко и рѣка Стырь, текущая среди болотъ, занимающая оба ея берега; на ней расположены съ одной стороны мѣстечко Стустѣлецъ, славящееся въ той мѣстности отличнымъ пивомъ, съ другой—Перемысль, съ крѣпкимъ замкомъ; оба мѣстечка въ разстояніи одной мили отъ Берестечка. Въ описанной мѣстности разбитъ былъ лагерь весьма безпорядочно и занялъ слишкомъ много пространства по причинѣ страшной безурядицы, ибо каждый располагался тамъ, гдѣ ему было угодно, а не тамъ, гдѣ ему назначена была стоянка.

Между тѣмъ, пока мы размѣщались въ лагерѣ, поголовное дворянское ополченіе, основавшееся по той сторонѣ рѣки, было вечеромъ сильно встревожено ложнымъ извѣстіемъ, будто татаре переправляются на ту сторону рѣки; дворяне подняли страшный шумъ, стали стрѣлять изъ ружей и долго простояли въ строю на лошадяхъ. Вечеромъ возвратился изъ разъѣзда двухдневнаго Середа; онъ не могъ ничего разузнать по причинѣ неповиновенія своей команды, составленной изъ сборной дружины.

Въ тотъ же день получено новое письмо отъ краковскаго епископа съ извѣстіями о вышеупомянутомъ Косткѣ и о сильномъ волненіи крестьянъ въ окрестностяхъ Кракова; епископъ просилъ прислать какъ можно скорѣе подкрѣпленія, указывая на то, что въ противномъ случаѣ Краковъ и вся та мѣстность подвергнутся большой опасности по причинѣ полнаго отсутствія военныхъ силъ, такъ какъ всѣ шляхтичи ушли въ поголовное ополченіе, что открывало свободное поле своеволію и мятежнымъ замысламъ. Немедленно состоялся совѣтъ: разсуждали, кого куда слѣдуетъ отправить, но въ этотъ вечеръ не пришли ни къ какому рѣшенію.

Ночью получено извѣщеніе отъ подстаросты изъ Бродъ, котораго лазутчики извѣстили, что орда уже соединилась съ Хмельницкимъ, хотя неизвѣстно, пришелъ-ли лично ханъ, или нѣтъ. Тотчасъ отправили въ разъѣздъ двѣ козацкія хоругви изъ полка маршала короннаго (Юрія Любомирскаго), занимавшаго въ ту ночь караулы. Хоругви эти отправились къ Лесневу, но возвратились, ничего не провѣдавши.

Іюня 25. Опять собранъ былъ совѣтъ для обсужденія, какой отрядъ войска слѣдовало отправить въ Краковъ какъ для защиты границы, такъ и для предупрежденія своеволія. Сначала упрашивали маршала короннаго, чтобы онъ принялъ на себя это бремя; но когда онъ скромно отказался, утверждая, что предпочитаетъ оставаться при королѣ (правдоподобно онъ желалъ теперь возстановить подвигами на глазахъ короля свою репутацію, нѣсколько пострадавшую въ дѣлѣ у Пилявецъ), то возложили защиту той области на мечника короннаго Михаила Зебржидовскаго; его отрядили подъ Краковъ съ нѣсколькими сотнями, находившимися подъ его начальствомъ, присоединивъ къ нимъ четыре наемныя козацкія хоругви и четыре эскадрона драгунъ пана Мартина Чернецкаго и давъ ему полномочіе противудѣйствовать опасности по своему усмотрѣнію, сообразно съ обстоятельствами. Къ отряду этому былъ прикомандированъ и кочюшій коронный (Александръ Любомирскій), который хотя и охотно остался-бы съ своимъ отрядомъ при королѣ, но сообразивъ, что здѣсь ему почти нечего дѣлать и предполагая, что война затянется на долго, охотно согласился отправиться въ походъ и сталъ немедленно собираться. Онъ былъ введенъ въ заблужденіе ложными показаніями языковъ, будто Хмельницкій рѣшилъ отступить въ Украйну; мнѣніе это подтверждало и извѣстіе, прислан-

ное Стефаномъ Чарнецкимъ, будто видѣли Хмельницкаго у Ямполя, занятаго выборомъ и устройствомъ переправы для отступленія своего войска. Вслѣдствіе этого въ лагерѣ нашемъ распространилось мнѣніе, что съ козаками придется встрѣтиться развѣ у Кіева; потому Александръ Любомирскій разсчитывалъ скорѣе отличиться въ Подгоріи; притомъ-же онъ безпокоился за свои помѣстья, которыя всѣ почти были расположены въ окрестности Кракова и опасался, чтобы они не были разорены мятежниками. Передъ выходомъ изъ лагеря онъ получилъ слѣдующій универсалъ отъ короля и аттестацію отъ маршала короннаго:

„Іоаннъ-Казимиръ, Божіею милостью король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жемоидскій, лифляндскій, смоленскій и черниговскій, наслѣдственный король шведскій, датскій и вандальскій.

Всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности, кому сіе вѣдать надлежитъ, особенно-же любезнымъ намъ сановникамъ, урядникамъ, старостамъ и всему рыцарству и обывателямъ нашей короны симъ оповѣщаемъ, что для усмиренія бунта и мятежа, произведеннаго въ краковскомъ воеводствѣ и во всемъ Подгоріи нѣкоимъ разбойникомъ, Александромъ Косткою, мы отправили изъ нашего лагеря съ отрядомъ войска благороднаго Александра Любомирскаго, конюшія короннаго, старосту сандомирскаго, совмѣстно съ мечникомъ короннымъ, благороднымъ Михаиломъ Зебржыдовскимъ, старостою лянцкоронскимъ и снятинскимъ. Посему мы вышепоименованныхъ лицъ, равно какъ и товарищей и челядь дворянскаго происхожденія, которые принимаютъ участіе въ этой командировкѣ и перечислены въ спискѣ, подписанномъ великимъ короннымъ маршаломъ, освобождаемъ отъ поголовнаго ополченія, подъ условіемъ, что никто изъ нихъ не будетъ отлучаться отъ своей хоругви и они до того времени будутъ оставаться подъ начальствомъ упомянутаго короннаго конюшія, занимаясь исключительно усмиреніемъ крестьянскаго возстанія, пока ихъ самъ конюшій не отпуститъ и не выдастъ о томъ аттестаціи, которую они обязаны будутъ хранить. Посему, еслибы кого либо изъ числа товарищей или челяди изъ отряда короннаго конюшія кто либо пожелалъ обезпокоить за неявку въ поголовное ополченіе, то послѣ предъявленія упомянутой аттестаціи каждый изъ нихъ освобождается отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности. Въ удостовѣреніе чего, при подписи руки нашей, мы приказали

приложить печать великую коронную. Дано въ лагерѣ у Берестечка дня 26 іюня, 1651 года. Іоаннъ Казимиръ король (М. П.)"

Затѣмъ въ рукописи Освѣцима приложена копія аттестаціи, выданной великимъ маршаломъ коронныmъ, въ которой поименно перечислены 56 дворянъ, находившихся въ отрядѣ Любомирскаго и освобождавшихся отъ участія въ поголовномъ ополченіи. Въ числѣ нихъ на первомъ мѣстѣ названъ Станиславъ Освѣцимъ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда вступилъ въ лагерь князь Доминикъ Заславскій, воевода краковскій, и представилъ королю нѣсколько сотъ прекраснаго, навербованнаго имъ войска, а именно: двѣ хоругви гусарскія, шесть козацкихъ и одну драгунскую; вмѣстѣ съ нимъ Брунакъ доставилъ одну хоругвь охотниковъ.

Іюня 26. Получивъ вышеприведенные королевскій универсалъ и аттестацію отъ маршала, освобождавшіе насъ отъ взысканій за неявку въ поголовное ополченіе, мы выступили въ полдень изъ лагеря въ походъ на Подгоріе для усмиренія мятежниковъ. Переночевавши первую ночь въ таборѣ у села Галичанъ, мы затѣмъ шли, подвигаясь настолько быстро, насколько это возможно было для пѣхоты, по тому-же пути, по которому прибыли въ лагерь. Между тѣмъ король, не видя приближенія непріятеля и не имѣя точныхъ извѣстій о его движеніяхъ и введенный въ заблужденіе ложными показаніями языковъ, будто онъ отступаетъ въ Украйну, разсчитывая захватить его раньше отступленія или застичь его гдѣ-либо на переправѣ, приказалъ всему войску приготовиться къ выступленію въ дальнѣйшій походъ на слѣдующій день.

Іюня 27. Согласно постановленію военнаго совѣта, состоявшемуся наканунѣ, возы всего войска тронулись до разсвѣта въ предположенный путь къ Дубну, и само войско построилось въ походной порядокъ. Король основывался главнымъ образомъ на извѣстіи, полученномъ отъ Стефана Чарнецкаго (который недавно, какъ было упомянуто, отправился на рекогносцировку съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ), утверждавшаго, что татаре не соединились съ козаками и что послѣдніе не только не думаютъ о наступленіи на насъ, но, напротивъ, весьма усердно заняты устройствомъ переправъ для своего отступленія. Но въ ту минуту, по чудесному изволенію Божія промысла, сообщена была вѣсть отъ Забужскаго, находившагося въ разъѣздѣ, что ханъ несомнѣнно соединился съ Хмельницкимъ, и что они наступаютъ на наше войско, съ намѣреніемъ овладѣть переправою черезъ рѣчку, что Хмельницкій отправилъ передовой отрядъ, числомъ около

15,000, подъ начальствомъ Богуна къ селу Горынкѣ для того, чтобы занять нужную дорогу. Хотя подобнаго рода извѣстія часто насъ обманывали и отклоняли отъ полезныхъ намѣреній, но, къ счастью, въ этомъ случаѣ извѣщенію повѣрили, и король, по представленію кастеляна краковскаго (гетмана Николая Потоцкаго), воздержался въ этотъ день отъ выступленія и обозу приказалъ возвратиться. Вслѣдъ затѣмъ стали получаться одно за другимъ извѣщенія совершенно достовѣрныя о приближеніи непріятеля и о томъ, что онъ, узнавъ, что войско наше выступаетъ въ походъ, сталъ, по мѣрѣ возможности, ускорять свой путь. Не встрѣчая однако нашего войска (которое, лишь благодаря волѣ Провидѣнія, осталось у Берестечка), онъ остановился въ недоумѣніи въ полуторѣ мили отъ насъ и ночью, со вторника на среду, сталъ переправлять свое войско и обозы, устроивъ переправы въ двухъ мѣстахъ. На одной изъ нихъ на него наткнулся разъѣздъ князя Вишневецкаго, бывшій подъ начальствомъ пана Бейдковскаго, и былъ совершенно разгромленъ; бѣглецы принесли самое точное извѣстіе о врагахъ. Въ то-же время возвратился изъ разъѣзда Стефанъ Чарнецкій; но онъ вмѣсто того, чтобы снискать себѣ славу и посрамить коронная хорунжія (Александра Конецпольскаго), напротивъ, уронилъ свою репутацію; ибо, вмѣсто того, чтобы добыть непріятельскаго языка и доставить точныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ враговъ, онъ пригналъ лишь нѣсколько тысячъ головъ скота, захваченнаго имъ на Волыни, чѣмъ вспомоществовалъ лишь разоренію края, и едва не подвергъ все войско величайшей опасности, подавъ ложное извѣстіе объ отступленіи непріятеля, чѣмъ едва не вызвалъ несвоевременнаго нашего похода.

Іюня 28, въ среду, въ 8 часовъ утра получено извѣстіе, что враги уже переправились и приближаются къ намъ и что орда уже столкнулась съ нашими разъѣздами около переправы. Король немедленно приказалъ войску выступить въ поле и непосредственно передъ лагеремъ поставилъ его въ строй гораздо лучшій, чѣмъ тотъ, который прежде былъ начерченъ на бумагѣ. Два часа спустя, появилась конница татарская и нѣсколько козацкой. Они зажгли во всей окрестности дворы, села, а также мѣстечко Лесневъ, желая устрашить насъ огнемъ и дымомъ. Захвативъ много нашей челяди и лошадей на пастбищахъ, взяли ихъ въ добычу. Герцовники съ обѣихъ сторонъ состязались, но такъ какъ наши полки стояли благоразумно у лагеря и батарей, то враги не особенно сильно налегали. Войско наше стало наконецъ скучать

вслѣдствіе долгаго пребыванія въ строю безъ всякаго дѣла, почему около 5 часовъ вечера хорунжій коронный обратился къ кастеляну краковскому съ просьбою, чтобы онъ дозволилъ испробовать счастія. Гетманъ предложилъ ему самому отправиться въ атаку; хорунжій весьма охотно принялъ это предложеніе и просилъ лишь, чтобы ему дано было подкрѣпленіе. Совмѣстно съ нимъ былъ отряженъ маршалъ коронный; оба полка двинулись стремительно въ то мѣсто, гдѣ виднѣлась орда и удалились отъ лагеря на такое разстояніе, что невозможно было скоро поддерживать ихъ подкрѣпленіями. Враги, воспользовавшись этимъ, налегли на нихъ всѣми силами; но хорунжій коронный, не обращая вниманія на численность враговъ, бросился на нихъ съ рѣшимостью; за нимъ послѣдовалъ съ полкомъ своимъ маршалъ коронный; вскорѣ въ подмогу имъ пришли шесть козацкихъ хоругвей князя Вишневецкаго, воеводы русскаго, и Стефанъ Чарнецкій, поручикъ гетмана великаго съ ротою гусаръ. Они смѣшались съ врагами и почти цѣлый часъ продолжалась стычка среди криковъ и замѣшательства. Наконецъ Господь помогъ нашимъ; непріятель не выдержалъ рукопашнаго боя на сабляхъ и обратился въ бѣгство столь стремительное, что умчался вскачь, не останавливаясь и безъ оглядки; наши, также вскачь, преслѣдовали его на разстояніи мили до болота переправы, гдѣ должны были удержаться отъ дальнѣйшей погони по причинѣ приближенія ночи. Уронъ непріятеля былъ незначителенъ, ибо они имѣли весьма быстрыхъ коней и убѣгали во всю прыть, наши-же преслѣдовали ихъ, сохраняя правильный строй своихъ хоругвей. Впрочемъ и то было утѣшительно, что въ первой встрѣчѣ, по милости Божіей, враги не только не имѣли успѣха, но, напротивъ того, были посрамлены и прогнаны съ поля битвы за переправу. Взяты въ плѣнъ: болѣе 20 всадниковъ и одинъ мурза; они показали, что этотъ передовой отрядъ состоялъ изъ 12,000 отборной конницы изъ татаръ бѣлгородскихъ, крымскихъ и урумбейскихъ, отправленной для предварительнаго испытанія нашихъ силъ. Нѣкоторые утверждали, что съ ними находились ханъ и Хмельницкій, но что они заблаговременно удалились. Убито было татаръ только немного больше сотни, по причинѣ весьма быстраго ихъ бѣгства. Въ нашемъ войскѣ не погибъ ни одинъ почти товарищъ, такъ что, одержавъ безкровную побѣду, наши возвратились въ лагерь въ часъ ночи. Коронный хорунжій пріобрѣлъ въ этомъ дѣлѣ большую славу, такъ какъ онъ первый погрузился

въ это море и въ глазахъ всего войска разъигралъ первую сцену военной драмы. Не менѣе доблестно поступилъ и маршалъ коронный, поспѣвшій своевременно съ своимъ полкомъ и отборною хоругвью въ 200 человѣкъ въ подмогу коронному хорунжію; онъ поступилъ, какъ слѣдовало хорошому воину, не увлекся личною завистью и оказалъ поддержку сыну великаго полководца (Конецпольскаго). Наши сочли успѣхъ этого дня хорошимъ предзнаменованіемъ и какъ-бы предвѣстникомъ полной побѣды надъ врагами.

Іюня 29, въ четвергъ. Мы испытали, что военное счастье весьма измѣнчиво: послѣ удачной вчерашней стычки съ татарскою конницею случилась перемѣна. Съ ранняго утра ханъ и Хмельницкій стали приближаться; кастелянъ краковскій вывелъ войско въ поле и построилъ его нѣсколько дальше отъ валовъ (которыми окруженъ былъ лагерь непосредственно послѣ полученія извѣстія о приближеніи враговъ), опираясь сзади лишь на одну батарею. Долго съ обѣихъ сторонъ занимались только джигитовкой; татаре, поддразнивая нашихъ, старались вовлечь ихъ въ засаду, устроенную козаками среди лозовыхъ зарослей; но наши, руководясь болѣе осмотрительностью, чѣмъ храбростью, ограничивались тѣмъ, что прогоняли татаръ съ поля, но въ засаду не бросились. Потомъ на правомъ флангѣ вступили въ бой полки воеводъ: брацлавскаго (Станислава Лянцкоронскаго) и подольскаго (Станислава Потоцкаго) столь успѣшно, что татаре были прогнаны, и вся орда едва не обратилась въ бѣгство, подобное вчерашнему. Но въ полдень они опять наступили со всѣми силами и подошли такъ близко, что постепенно заняли все поле; уже нашимъ трудно было и выступить изъ строя въ свободное пространство. Послѣ продолжительной джигитовки кастелянъ краковскій отрядилъ въ бой три полка: свой собственный, маршала короннаго и подкоморія литовскаго. Они бросились храбро впередъ и такъ сильно налегли на непріятеля, что сразу принудили его отступать, но вскорѣ враги, замѣтивъ, что наши слишкомъ далеко увлеклись отъ своего войска и что подкрѣпленія къ нимъ не подходятъ, оправились и стали вновь наступать; наши, не теряя мужества, не отступали и смѣшались съ ними до того, что трудно было различить поляковъ отъ татаръ, которые въ тотъ день выѣхали въ нарядныхъ одеждахъ; наши не могли почти сообразить, кому наносить удары, ибо татарскіе бунчуки и польскія знамена развѣвались рядомъ; только турковъ

(которыхъ среди нихъ было до 5,000) можно было отличить по тюрбанамъ. Въ такомъ видѣ упорная схватка продолжалась почти два часа, съ значительнымъ для насъ урономъ вслѣдствіе того, что наши увлеклись дальше, чѣмъ слѣдовало, отъ войска и не получали подкрѣпленій. Многіе легли въ битвѣ, а именно: Казановскій, кастелянъ галицкій, Юрій Оссолинскій, староста люблинскій, Лигенза, мечникъ перемышльскій, Николай Ржечицкій (оба послѣдніе охраняли маршала коронпаго, который также находился въ большой опасности), Козика, богатый дворянинъ, единственный сынъ у матери; ротмистръ Ермолай Іорданъ погибъ съ цѣлою хоругвью; Янъ Собесскій, староста яворовскій (будущій король), уже былъ окруженъ татарами и почти чудомъ спасся. Ранены были выстрѣлами: обозный литовскій Янъ Сапѣга, хорунжій галицкій Станиславскій и многіе другіе. Знамя кастеляна краковскаго взято врагами неизвѣстно по чьей винѣ; говорятъ однако, что по нерадѣнію самаго знаменоносца, который самъ бѣжалъ невредимо, но не хотѣлъ передать знамени другому товарищу. Пока битва эта происходила на одномъ флангѣ, на другомъ непріятель напалъ съ равнымъ ожесточеніемъ на полкъ воеводы Брацлавскаго; трижды онъ былъ окруженъ многочисленною толпою враговъ и каждый разъ храбро пробивался; при этомъ палъ ротмистръ Сигизмундъ Ляпцкоронскій и многіе товарищи. Въ помощь ему пришли отряды дворянскаго поголовнаго ополченія изъ повѣтовъ: перемышльскаго, саноцкаго, сѣрадскаго, вѣлюнскаго и другихъ, но и они потеряли въ стычкѣ очень многихъ шляхтичей; въ томъ числѣ погибли: Янъ-Адамъ Стадницкій, подкоморій саноцкій, Юрій Стано и другіе. Отъ опасности этой освободились наши полки только тогда, когда воевода подольскій быстрымъ и своевременнымъ движеніемъ ударилъ на враговъ и заставилъ ихъ отступить. И такъ этотъ день былъ для насъ несчастенъ вслѣдствіе гибели многихъ знатныхъ людей и хорошихъ воиновъ; но и для татаръ онъ былъ чувствителенъ: по крайней мѣрѣ 1000 убитыхъ и раненныхъ они насчитывали, въ томъ числѣ пало много знатныхъ мурзъ, между ними: Мехметъ-Гирей-мурза и Тугай-бей. Взятъ бунчукъ Асланъ-мурзы и въ плѣнъ попалъ молодой знатный Муфрахъ-мурза, въ то время, когда онъ налетѣлъ на старосту яворовскаго (Яна Собѣсскаго). Сабля Тугай-бея досталась на долю старосты красноставскаго (Марка Собѣсскаго), который весьма храбро сражался въ этой битвѣ и потерялъ семь товарищей изъ своей хоругви. Послѣ

столь значительныхъ обоюдныхъ потерь непріятель сошелъ съ поля въ четыре часа, наши-же въ совершенномъ порядкѣ отступили къ лагерю только вечеромъ. Затѣмъ прекратились непріятельскія дѣйствія, и обѣ стороны занялись уборкою мертвыхъ тѣлъ съ поля сраженія.

Король нисколько не падалъ духомъ вслѣдствіе гибели стольких знатныхъ лицъ, напротивъ того, онъ утѣшалъ и укрѣплялъ духомъ раненыхъ; но войско послѣ этого кроваваго дѣла потеряло самоувѣренность, такъ что вечеромъ только немногіе оставались у знаменъ. Видя значительный упадокъ духа нашихъ солдатъ, происшедшій еще до появленія въ полѣ непріятельской пѣхоты и табора, можно было съ вѣроятностью предполагать, что они-бы не сдержали натиска враговъ, если-бы послѣдніе въ тотъ-же день налегли всѣми силами, какъ они это сдѣлали на слѣдующій; но Господь отвратилъ отъ насъ это бѣдствіе. Когда на закатѣ дня войско возвратилось въ лагерь, король, опасаясь, чтобы солдаты, встревоженные неудачею, не потеряли мужества, дисциплины и окончательно не пали духомъ и не сдѣлались негодными для битвы, объявилъ приказъ военнаго совѣта, чтобы сейчасъ послѣ полуночи, оставивъ только челядь въ лагерѣ, все войско конное и пѣшее выступало съ цѣлью атаковать непріятеля и вступить съ нимъ въ рѣшительную битву. Мѣра эта показалась весьма рискованною и вызвала сильное смятеніе, но иначе и не возможно было поступить, ибо всякое промедленіе усилило-бы напрасно утомленіе людей и лошадей и наводило-бы большій страхъ. Впрочемъ намѣреніе рѣшительной битвы не исполнилось, ибо Господь указалъ намъ иное, болѣе безъопасное средство для разгрома непріятеля.

Іюня 30, въ пятницу. Господь избралъ этотъ день для укрощенія гордости враговъ и для избавленія отечества нашего отъ угрожавшей ему очевидной опасности. Ночью опустился густой туманъ, продолжавшійся до 8 часовъ утра; казалось, что обстоятельство это слагается въ пользу татаръ и козаковъ, которымъ такая погода болѣе благопріятна. Между тѣмъ король, не смотря на туманъ, приказалъ войску выступать въ поле, и оно въ правильномъ строѣ расположилось на мѣстѣ, удобномъ для битвы. Непріятель въ теченіи всей ночи занятъ былъ переправою войска и табора черезъ болото; съ утра онъ показался на возвышенностяхъ въ огромномъ количествѣ и послѣ того, какъ туманъ поднялся, онъ увидѣлъ неожиданно войско наше въ боевомъ порядкѣ.

Оно расположено было слѣдующимъ образомъ: въ серединѣ стояла пѣхота, рейтары, артиллерія и гусарскій королевскій полкъ; на правомъ флангѣ: впереди кастелянъ краковскій (гетманъ великій Николай Потоцкій) съ своимъ полкомъ, и маршалъ коронный (Юрій Любомирскій); за ними въ резервѣ полки: воеводы брацлавскаго (Станислава Лянцкоронскаго), хорунжія короннаго (Александра Конецпольскаго) и подканцлера литовскаго (Льва Сапѣги), а также поголовное дворянское ополченіе—воеводства Великой Польши и Мазовіи. На лѣвомъ флангѣ стояли полки: воеводы подольскаго (Станислава Потоцкаго), воеводы черниговскаго (польнаго гетмана Мартина Калиновскаго), который и начальствовалъ этимъ флангомъ, воеводы брестскаго (Симона Щавинскаго), воеводы русскаго (князя Іереміи Вишневецкаго), кастеляна черниговскаго (Яна Оджывольскаго) и старосты калусскаго (Замойскаго); въ резервѣ за ними дворянское ополченіе воеводствъ: краковскаго, сандомирскаго, ленчицкаго, сѣрадзкаго и другихъ. Лагерь защищали пѣхота и челядь. Непріятель покрывалъ все поле на милю разстоянія; на лѣвомъ его флангѣ (противъ нашего праваго) стоялъ ханъ со всѣми ордами; на правомъ—Хмельницкій съ козаками, желавшій отличиться въ глазахъ хана.

Въ такомъ порядкѣ оба войска придвинулись другъ къ другу; наши остановились у послѣдняго полеваго редута. Хмельницкій выдвинулъ свой таборъ на гору, но, не желая первымъ вступать въ дѣло, онъ съ утра до полудня медлилъ. Непріятели ограничивались тѣмъ, что вызывали нашихъ герцовниковъ; но король запретилъ принимать вызовъ подъ опасеніемъ смертной казни; король въ свою очередь не желалъ идти въ атаку и ограничился артиллерійскимъ огнемъ, который производилъ въ рядахъ непріятеля нѣкоторое смущеніе. Такое положеніе продолжалось до трехъ часовъ по полудни. Наконецъ король, убѣдившись, что непріятель не хочетъ начинать дѣла, собралъ на совѣтъ начальниковъ, болѣе близко къ нему расположенныхъ отрядовъ и предложилъ вопросъ о томъ, что слѣдовало предпринять. Нѣкоторые, не безъ основанія, высказали мнѣніе, чтобы отложить битву на слѣдующій день, такъ какъ время уже клонилось къ вечеру и вѣтеръ дулъ въ лице нашему войску; но когда мнѣніе это было высказано, князь Вишневецкій, отъ имени всего войска, стоявшаго на лѣвомъ флангѣ, заявилъ желаніе, чтобы тотчасъ начинать битву и прислалъ Денгофа, старосту быдгоскаго, къ королю съ заявленіемъ отъ имени своего и всего воинства полной го-

товности вступить въ бой и съ просьбою подать знакъ къ атакѣ. Король возрадовался въ сердцѣ своемъ, узнавъ о таковомъ рвенiи войска, и, принявъ оное какъ вѣрное предзнаменованiе будущей побѣды, охотно склонился къ ихъ просьбѣ и выдалъ старостѣ быдгоскому приказъ къ наступленiю, сообщивъ ему притомъ свое монаршее благословенiе. Лишь только послѣднiй сообщилъ князю этотъ приказъ, тотчасъ грянули трубы и барабаны и самъ князь тронулся съ лѣвымъ флангомъ, ставъ впереди его съ 18-ю хоругвями кварцянаго войска. Непрiятели также двинулись впередъ всею массою конницы и табора; они приступали быстро, особенно Хмельницкiй съ козаками, такъ что онъ опередилъ лѣвый свой флангъ, на которомъ стояли татаре, и первый началъ битву. Съ нимъ столкнулся князь Вишневецкiй, которому въ подкрѣпленiе пошли дворяне воеводствъ: краковскаго, сандомирскаго, ленчицкаго и другихъ. Весь этотъ флангъ исчезъ вскорѣ въ толпѣ непрiятелей и долгое время ихъ не было видно, только раздавался гулъ отъ выстрѣловъ пушечныхъ и ружейныхъ; наши полагали, что никто изъ нихъ болѣе не возвратится. Оказалось однако, что эта атака увѣнчалась успѣхомъ: стремительнымъ и быстрымъ движенiемъ они заставили попятиться все козацкое войско и разорвали таборъ, хотя при этомъ и сами понесли чувствительныя потери. Въ помощь козакамъ пришли татаре отъ лѣваго фланга и тогда ряды наши, не будучи въ состоянiи удержать напора слишкомъ численнаго врага, стали ослабѣвать и отступать къ редутамъ; но промыслу Божiю угодно было поддержать ихъ; они оправились и возобновили наступленiе столь успѣшно, что непрiятель, побѣжденный нашею рѣшимостью, долженъ былъ наконецъ податься. Козаки отступили въ свой таборъ (хотя онъ въ началѣ и былъ разорванъ, но они успѣли его возстановить), орда-же удалилась на близъ лежащую гору. Когда лѣвый флангъ, которому принадлежитъ вся слава этого дня, столь храбро сражался, король съ среднимъ корпусомъ двигался также впередъ въ большемъ порядкѣ; на него налетѣли большiе отряды татаръ, издавая, по своему обычаю, громкiй крикъ: „Аллахъ! Аллахъ!“ Тѣмъ не менѣе полки наши наступали неустрашимо; впереди полковъ королевской гвардiи, князя Богуслава Радзивилла и Гоффальда, находившихся въ первомъ ряду корпуса, расположены были пушки, которыми весьма искусно управлялъ генералъ артиллерiи Сигизмундъ Пржыемскiй; артиллеристы, дѣйствуя безъ устали мѣткими выстрѣлами, до того

смутили врага и нанесли ему столь чувствительныя потери, что онъ не былъ въ состояніи выдержать нашего напора и, наконецъ, позорно обратился въ бѣгство; всѣ татарскія орды, какъ-бы ослѣпленныя, бросились бѣжать по направленію къ Лесневу, оставивъ лишь нѣсколько отрядовъ конницы для прикрытія; конница эта съ криками „Аллахъ“ старалась скрыть отступленіе, но, когда подошелъ нашъ правый флангъ, аріергардъ татарскій отступилъ и бросился въ бѣгство вслѣдъ за своимъ войскомъ; въ погоню за ними отправились полки праваго фланга, но настичь ихъ удалось только одному полку короннаго хорунжія; вскорѣ наступила ночь и, вслѣдствіе строгаго королевскаго приказа, они должны были возвратиться къ войску. Впрочемъ и помимо этого трудно было настичь татаръ, ибо они бѣжали съ неимовѣрною быстротою, сбрасывая для облегченія: сѣдла, бурки, казаны и другія тяжести. Палатки свои они бросили въ кошѣ: ханскую палатку и его экипажъ получилъ въ добычу хорунжій коронный. Ханъ со всѣми ордами остановился въ ту ночь лишь за четыре мили въ мѣстечкѣ Козинѣ, жителей котораго онъ приказалъ перебить поголовно. Козаки и хлопы послѣ пораженія затворились въ таборѣ, который они кое-какъ сомкнули, и стали отступать; когда они наткнулись на рѣчку Пляшовую, то, опасаясь, чтобы во время переправы наши не разорвали ихъ табора, остановились на берегу болота и стали лагеремъ въ долинѣ. Наши, пользуясь побѣдою, безпрестанно на нихъ напирали, пока темнота ночи не заставила ихъ прекратить нападеніе въ виду столь осторожнаго и предусмотрительнаго противника. Войско наше расположилось на возвышенностяхъ, господствовавшихъ надъ козацкимъ таборомъ, и, благодаря Господа за столь важную побѣду, пропѣло гимнъ: „Тебе, Бога, хвалимъ!“ Оно простояло на этомъ мѣстѣ подъ знаменами, въ строю, не сходя съ лошадей, всю ночь, не смотря на сильный дождь, услаждая эту невзгоду воспоминаніемъ о побѣдѣ и присутствіемъ короля, которое вспомоществовало ободренію его духа.

Разсматривая подробности этого сраженія, всѣ единогласно были того мнѣнія, что война могла-бы быть кончена однимъ ударомъ и отечество освободилось-бы отъ дальнѣйшихъ невзгодъ, если-бъ битва была начата раньше, такъ чтобы дневнаго свѣта хватило для истребленія врага, и, особенно, еслибы правый флангъ дѣйствовалъ также энергично, какъ лѣвый, по крайней мѣрѣ въ то время, когда уже орда обратилась въ неукротимое бѣгство и

козацкій таборъ былъ разорванъ лѣвымъ флангомъ; но правый флангъ сильно опоздалъ и отсталъ на полъмили отъ средняго корпуса, вслѣдствіе чего и орда имѣла время убѣжать, прикрывъ свое бѣгство, и козаки, утомивъ лѣвый флангъ, не получавшій подкрѣпленія отъ праваго, успѣли возстановить свой строй, сомкнули таборъ и отступили къ болотамъ, гдѣ уже труднѣе было съ ними сладить. Король нѣсколько разъ посылалъ настоятельный приказъ воеводѣ брацлавскому, который въ тотъ день командовалъ правымъ флангомъ (за отсутствіемъ великаго гетмана Потоцкаго) и маршалу коронному, требуя, чтобы они поспѣшили занять мѣсто во фронтѣ на одномъ уровнѣ съ другими частями войска, и даже угрожая смертью за ослушаніе; но тѣ отвѣтили, что предпочитаютъ смерть гибели отечества и короля, оправдывая свою медлительность тѣмъ, будто въ прилегавшемъ къ нимъ лѣсу устроена засада, и требовали, чтобы король прислалъ имъ нѣсколько пушекъ, обѣщая, обстрѣлявъ лѣсъ и удаливъ изъ него засаду, двинуться впередъ и выровняться съ общимъ фронтомъ. Впослѣдствіи, въ оправданіе этого опасенія, они утверждали, что когда регименть Крейца съ двумя эскадронами конницы и двумя пушками, присланными королемъ, проникъ наконецъ въ тотъ лѣсъ, то заставилъ удалиться бывшихъ въ засадѣ непріятелей. Странно, что они такъ долго сторожили засаду и дозволили ей отступить невредимо. Впрочемъ многіе, даже изъ числа находившихся на томъ флангѣ, утверждали, что никакой засады и не было и что это была лишь пустая выдумка, придуманная для того, чтобы уклониться отъ опасности, предстоявшей при штурмѣ козацкаго табора. Какъ-бы то ни было, несомнѣнно однако, что это замедленіе было причиною, воспрепятствовавшею окончательно истребить врага и положить такимъ образомъ конецъ этой несчастной войнѣ. Пришлось намъ удовлетвориться хотя неполною, Богомъ намъ ниспосланною, побѣдою. Она, тѣмъ не менѣе, была весьма знаменита: мы побѣдили народы варварскіе, безчисленные, сбѣжавшіеся съ отдаленнѣйшихъ странъ. Передъ саблею короля преклонились и въ паническомъ страхѣ бѣжали дикія татарскія орды: силистрійская, урумельская, добруджская, также турки, волохи, урумбеки, пятигорцы—полчища, созванныя отъ береговъ Ледовитаго моря, отъ подножія гиперборейскихъ горъ и отъ моря Каспійскаго; важнѣе же всего то, что мы сломили въ полѣ зловреднаго звѣря—Хмельницкаго и безчисленную запорожскую сарану, загнали ихъ съ

большимъ урономъ въ таборъ и предоставили дальнѣйшей мести побѣдоносьаго королевскаго оружія. Вѣроятно, со времени битвы подъ Грюнвальдомъ, отечество наше, а можетъ быть и весь міръ, не видали столь знаменитаго сраженія; съ обѣихъ сторонъ въ ней принимало участіе, по меньшей мѣрѣ, 500,000 человѣкъ. Этому не повѣрятъ ни иностранцы, ни, можетъ быть, даже наши потомки. Очевидцы сами болѣе изумлялись, чѣмъ вѣрили. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ случилось то, что мы считали невозможнымъ, именно—произошелъ разрывъ орды съ Хмельницкимъ; правда, съ нашей стороны шагъ былъ отчаянный: мы бросили кости, поставивъ въ одинъ разъ на рискъ существованіе нашего отечества. Но Господу не угодно было допустить посрамленія своего помазанника, святой католической вѣры и находившихся подъ его охраною церквей.

Въ трехдневной этой битвѣ мы потеряли до 700 человѣкъ, главнымъ образомъ, изъ числа товарищей и дворянъ вѣдомствъ: краковскаго, сандомирскаго и ленчицкаго; козаковъ легло безконечно больше, татары-же своихъ убитыхъ тотчасъ подбирали, стараясь даже не допустить ихъ падать съ лошадей. Объ этой битвѣ можно сказать то, что сказано о битвѣ римлянъ съ Югуртою: „никогда мы не сражались съ такимъ успѣхомъ и съ столь малымъ пролитіемъ нашей крови“. Козаки также никогда не одерживали большей побѣды съ столь незначительными потерями. Вся слава этой побѣды должна быть отнесена королю, хотя должны быть упомянуты имена и тѣхъ лицъ, которыя ему въ значительной мѣрѣ помогли, а именно: гетмана Николая Потоцкаго, князя Іереміи Вишневецкаго, хорунжія короннаго Конецпольскаго, писаря польскаго Пржыемскаго, генерала Губальда, которому король публично заявлялъ благодарность, и многихъ другихъ, прилагавшихъ всевозможныя усилія для того, чтобы доставить королю эту побѣду, за которую да прославится имя Господне.

Ханъ бѣжалъ постыдно, не испробовавъ надлежаще своихъ силъ и не сразившись серьезно съ нами какъ потому, что Божіею милостію сердца непріятелей поражены были страхомъ, такъ, главнымъ образомъ, потому, что Хмельницкій представилъ ему наше войско весьма слабымъ, составленнымъ изъ остатковъ раньше разбитыхъ армій; но, когда ханъ увидѣлъ, что вся сила и таборъ Хмельницкаго не только не имѣютъ успѣха, но должны позорно отступать, когда при томъ самъ испыталъ наши силы въ

трехдневныхъ стычкахъ, при чемъ въ середу его отборная конница была двумя нашими полками прогнана за переправу, а въ четвергъ онъ потерялъ въ битвѣ болѣе 1,000 всадниковъ изъ своей гвардіи,—онъ предпочелъ, не ожидая конца битвы, и не подвергая себя и своей орды дальнѣйшей опасности изъ-за козаковъ, уклониться благовременно отъ пораженія и удалиться въ свои кочевья. Наши, впрочемъ, не вполнѣ довѣряли его бѣгству, полагая, что татаре, по скиѳскому обычаю смѣняющіе бѣгство нападеніемъ, могутъ еще возвратиться или, по крайней мѣрѣ, прислать часть орды для того, чтобы испробовать счастья; но вскорѣ убѣдились въ неосновательности этихъ предположеній, ибо наши разъѣзды, ходившіе за ними въ погоню, возвратились съ извѣстіемъ, что они по дорогѣ не только сожигаютъ города и села и истребляютъ ихъ жителей, но даже, встрѣтивъ небольшой таборъ козацкій, шедшій къ главному войску и не знавшій о его пораженіи, напали на него и перебили всѣхъ козаковъ; нашимъ-же солдатамъ, гнавшимся за ними, они кричали: „не бый!—татаръ утикаешъ—Хмельницка застаешъ!"

Хмельницкій, соображая дурной исходъ дѣла, видя, что его таборъ осажденъ, и опасаясь, чтобы козаки не были принуждены выдать его, въ случаѣ если онъ останется въ таборѣ, заблаговременно озаботился о своей безопасности и спасеніи. Онъ, вмѣстѣ съ совѣтникомъ своимъ Выговскимъ, помчался за ханомъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ намѣренъ упросить хана возвратиться съ ордою къ табору и не оставлять козаковъ на произволъ судьбы. Но все это былъ лишь предлогъ, придуманный для того, чтобы отдѣлаться отъ осажденныхъ козаковъ и хлоповъ, которые безъ того навѣрно бы его не отпустили и, выдавъ его головою, могли-бы обезпечить собственное спасеніе; потому онъ и былъ принужденъ обмануть ихъ подъ благовиднымъ предлогомъ.

(Продолженіе будетъ).

Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 года.

Въ то время, когда достоуважаемый Н. И. Костомаровъ сообщилъ намъ 14-ть документовъ относительно «Коліивщины», помѣщенные въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины», въ нашемъ распоряженіи было больше чѣмъ въ три раза документовъ той-же категоріи, имѣющихъ одно общее съ ними происхожденіе, находившихся въ одномъ и томъ-же архивѣ, но, по случайностямъ архивной судьбы, попавшихъ въ иныя руки. Ихъ слѣдовало снова соединить въ одну коллекцію, распредѣлить хронологически и въ такомъ видѣ предложить вниманію читателей. Мы не сдѣлали этого ради цѣннаго предисловія почтеннаго историка нашего, которое обнимало содержаніе лишь одной части документовъ, ему доставшихся; мы имѣли притомъ въ виду, что, кромѣ тѣхъ и другихъ документовъ, могутъ быть открыты, пожалуй даже скоро, новые, къ тому-же событію относящіеся и изъ того-же источника заимствованные, и — каждая новая серія ихъ будетъ требовать новаго поясненія.

Документы, которыхъ печатаніе мы теперь начинаемъ, составляли отдѣльный сборникъ, начатый еще въ 1851 году извѣстнымъ изслѣдователемъ нашей старины М. А. Максимовичемъ и предназначавшійся имъ для кіевской археографической коммисіи, его излюбленнаго дѣтища, ему главнымъ образомъ обязаннаго своимъ рожденіемъ. По смерти его, эта коллекція, очевидно далеко неполная и неоконченная, досталась достойнѣйшему продолжателю его трудовъ, Вл. Б. Антоновичу, предоставившему ее въ наше распоряженіе. Общее число переданныхъ намъ документовъ простирается до 50-ти и обнимаетъ собою время 1768—1779 г., а наибольшее ихъ число принадлежитъ къ 1768 году. Всѣ они извлечены покойнымъ Михаиломъ Александровичемъ изъ архива военно-походной канцеляріи бывшаго президента малороссійской коллегіи и малороссійскаго генералъ-губернатора, гр. П. А. Румянцева, впослѣдствіи получившаго титулъ Задунайскаго. Собственно это есть переписка гр. П. А. Румянцева, веденная имъ по дѣлу народнаго возстанія въ сопредѣльной съ райономъ его управленія тогдашней польской области, нынѣшнемъ юго-западномъ нашемъ краѣ, и главнымъ образомъ въ предѣлахъ нынѣшней кіев-

ской губерніи, и представляетъ рядъ всеподданнѣйшихъ и другихъ его писемъ и реляцій, отношеній, ордеровъ или приказовъ и т. под., но рядомъ съ исходившими отъ Румянцева бумагами, есть (къ сожалѣнію, не многія) бумаги, къ нему поступавшія, каковы нѣкоторыя сообщенія кіевскаго генералъ-губернатора М. Воейкова, донесенія подчиненныхъ ему лицъ и другія частныя сообщенія. Переписка касается не одного только возстанія украинскаго, но и возникшаго почти одновременно съ нимъ и стоящаго съ нимъ въ тѣсной связи польскаго бунта, окрещеннаго отъ современной шляхты деликатнымъ именемъ конфедераціи, и это увеличиваетъ ея интересъ. Въ ней, кромѣ множества другихъ второстепенныхъ лицъ, выступаютъ главнѣйшіе наши государственные дѣятели того времени: президентъ коллегіи (министерства) иностранныхъ дѣлъ, заправитель нашей иностранной политики, гр. Н. И. Панинъ, чрезвычайный нашъ посолъ при варшавскомъ дворѣ, кн. Н. В. Репнинъ, въ кругъ обязанностей котораго входила защита угнетаемыхъ православныхъ обитателей королевства польскаго, гр. П. А. Румянцевъ, управлявшій лѣвобережною Украйною и Запорожьемъ, на обязанности котораго естественно лежало охраненіе спокойствія и безопасности со стороны правобережной, тогда польской Украйны, и кіевскій генералъ-губернаторъ Ѳ. М. Воейковъ, управлявшій небольшою частію нынѣшней кіевской губерніи по Васильковъ и такъ называемою Ново-Сербіею, т. е. поселенными между границею польской Украйны и Запорожья пикинерными и компанейскими полками, и вѣдавшій всѣ пограничныя сношенія съ Польшею и Крымомъ. Къ сожалѣнію, переписка эта открываетъ намъ вполнѣ взгляды и отношенія къ событію 1768 г. лишь одного Румянцева, относительно-же остальныхъ лицъ мы узнаемъ лишь по отвѣтнымъ его письмамъ и разбросаннымъ въ нихъ намекамъ и указаніямъ. Тѣмъ не менѣе печатаемые теперь документы въ значительной степени освѣщаютъ мрачную драму «Коліивщины», опредѣляютъ съ большею точностію обстоятельства, ближайшимъ образомъ ее вызвавшія, устанавливаютъ истинный характеръ этого событія и обнаружившіяся въ немъ завѣтныя стремленія украинскаго населенія, показываютъ дѣйствительныя отношенія къ нему русскаго правительства, указываютъ мѣста и дѣйствія главныхъ предводителей возстанія и рисуютъ, согласно съ народнымъ мѣстнымъ преданіемъ, характеръ и значеніе пресловутой польской конфедераціи, вообще-же открываютъ не мало новыхъ историческихъ данныхъ.

Прежде, однако, чѣмъ приступимъ къ указанію содержанія помѣщаемыхъ документовъ, коснемся для ясности дѣла обстоятельствъ, предшествовавшихъ событію, о которомъ они говорятъ.

Мы не станемъ повторять извѣстныхъ уже въ нашей наукѣ положеній, что гайдамачество было видоизмѣненною формою козачества и что оно представляло изъ себя протестъ противъ тогдашняго общественнаго строя; но мы не можемъ не замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ положеніи есть значительная доля неопредѣленности и даже невѣрности исторической, вслѣдствіе чего и самое событіе, котораго касаются предлагаемые документы, такъ называемая Коліивщина, получаетъ

не точную окраску. Когда говорятъ, что гайдамачество являлось протестомъ противъ тогдашняго строя жизни, то разумѣютъ преимущественно строй гражданскій, положеніе соціальное, условія экономическія. Не на этой почвѣ выросла Коліивщина,—вотъ что мы хотимъ сказать, съ документами въ рукахъ. Заселеніе Украйны, обезлюдившейся по волѣ Петра I, случилось такъ недавно, что экономическія отношенія новыхъ поселенцевъ на земляхъ, какъ-бы арендуемыхъ ими, за извѣстную, сравнительно легкую работу въ пользу ихъ владѣльцевъ, еще не могли обостриться; пользованіе землею продолжало быть болѣе или менѣе льготнымъ, закрѣпощенія, какое было въ другихъ русскихъ областяхъ Польши, не было здѣсь и долгое время послѣ Коліивщины, и не экономическія нужды вызвали кровавую расправу украинцевъ съ владѣтелями ихъ родной земли. Тотъ общій въ тогдашней Польшѣ порядокъ, что помѣщикъ являлся полновластнымъ господиномъ поселившагося на его землѣ крестьянина, и могъ лишить его всего, самой жизни, не отвѣчая предъ закономъ, не могъ зародить борьбы на жизнь и смерть въ сферѣ чисто экономическихъ отношеній, которыя не давали къ тому ни повода, ни причины: населеніе было рѣдкое, земли было вдоволь, богатѣйшая, много лѣтъ гулявшая почва кипѣла, можно сказать, медомъ и млекомъ и сторицею вознаграждала трудъ земледѣльца, самые-же помѣщики и ихъ многочисленные агенты должны были дорожить рабочею силою. Современные акты мало или вовсе не представляютъ указаній на существованіе тогда въ Украйнѣ гнета экономическаго. Борьба между шляхетствомъ и подвластнымъ южнорусскимъ крестьянствомъ возникла и выросла на почвѣ религіозныхъ гоненій и мученій въ буквальномъ и самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Начало ихъ одинъ изъ современныхъ документовъ относитъ къ 1736 г., т. е. къ первымъ временамъ заселенія Украйны, но усилились они и приняли систематическій характеръ съ 60-хъ годовъ и особливо съ 1764 г., когда на сеймѣ этого года всѣ диссиденты, въ томъ числѣ и православные, лишены были свободы вѣроисповѣданія, съ воспрещеніемъ имъ доступа къ общественнымъ и гражданскимъ должностямъ. Въ короткое время большая часть православныхъ церквей была обращена въ унію, такъ называемые благочестивые священники изгнаны изъ своихъ приходовъ, дома и имущества ихъ разорены, сами они и защищавшіе ихъ прихожане подвергались самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ насиліямъ. Всѣмъ этимъ дѣломъ заправляла радомысльская уніатская консисторія; исполнителями ея распоряженій являлись уніатскіе священники въ особыхъ должностяхъ инструкторовъ и инстигаторовъ, а ревностнѣйшимъ пособникомъ—разсыпанная по имѣніямъ польскихъ пановъ польская шляхта, въ видѣ губернаторовъ, комиссаровъ, поссесоровъ, арендаторовъ, экономовъ, лѣсничихъ и т. под. Религіозный фанатизмъ проникалъ тогда всѣ слои польскаго общества, пропаганда уніи не одно столѣтіе была душею онаго, она всасывалась съ молокомъ матери, усиливалась воспитаніемъ, проповѣдью и исповѣдію ксендзовъ, поддерживалась всѣмъ строемъ правительственной и общественной жизни; всякій шляхтичъ считалъ себя миссіонеромъ. Ближайшимъ пово-

домъ къ религіознымъ насиліямъ надъ православнымъ украинскимъ населеніемъ служило то обстоятельство, что на обширномъ пространствѣ всего юго-западнаго края давно не было ни одного православнаго епископа и никакой іерархической власти, а власть заграничнаго епископа переяславскаго, къ которому, съ разрѣшенія св. синода, относилось по дѣламъ вѣры православное населеніе Украйны, не считалась здѣсь законною. Уніатскіе митрополиты считали Украйну своею діоцезіею и не могли равнодушно смотрѣть на появленіе въ ней, вмѣстѣ съ ея заселеніемъ, *шизмы*; напротивъ, они всячески старались о насажденіи здѣсь уніи, въ чемъ дѣятельно помогала имъ шляхта, пользуясь своимъ соціальнымъ господствомъ и употребляя въ дѣло учрежденное не задолго предъ тѣмъ для противодѣйствія гайдамакамъ и содержавшееся въ городовыхъ и помѣщичьихъ замкахъ милиціонное войско, съ именемъ козаковъ.

Смѣлое, энергическое ходатайство за угнетенный украинскій народъ назначеннаго отъ переяславскаго архіерея правителемъ украинскихъ монастырей и церквей игумена мотренинскаго монастыря Мелхиседека Значко-Яворскаго, его поѣздка въ Петербургъ, гдѣ онъ милостиво былъ принятъ имп. Екатериною, а оттуда въ Варшаву съ рескриптомъ императрицы на имя нашего посла кн. Репнина, и вмѣстѣ съ симъ посылка особой ноты или письма Екатерины къ самому польскому королю дали дѣлу православія въ Украйнѣ неожиданный оборотъ. Особымъ привилеемъ король Станиславъ-Августъ дозволялъ свободу исповѣданія православнымъ жителямъ Украйны. Отъ имени короля и по его приказанію, вице-канцлеръ коронный Млодзѣіовскій писалъ внушительныя письма уніатскому митрополиту и епископамъ, а также главнѣйшимъ украинскимъ помѣщикамъ Яблоновскому, Любомірскому и Сангушкѣ, требуя прекращенія гоненій на православныхъ и законнаго съ ними обращенія. Независимо отъ того Мелхиседеку выданы были изъ коронной метрики за королевскою печатью копіи грамотъ прежнихъ королей на свободное исповѣданіе православной вѣры. Это было въ февралѣ 1766 г. Гоненія между тѣмъ на православныхъ не прекращались во все время путешествія Мелхиседека, продолжавшагося около года. Когда-же съ возвращеніемъ его началось въ украинскихъ церквахъ чтеніе королевскаго привилея, ограждавшаго свободу православія, это, съ одной стороны, высоко подняло духъ народный и массы приневоленныхъ предъ тѣмъ къ уніи снова возвратились къ православію, съ другой—довело до изступленія ихъ враговъ и вызвало этихъ послѣднихъ на новыя жесточайшія преслѣдованія исповѣдниковъ православія. Польша находилась тогда въ періодѣ полнаго разложенія; то была пора полнаго безсилія закона и всякой власти, не исключая и королевской. Распущенная шляхта цинично глумилась надъ выданнымъ королевскимъ привилеемъ, указывая для него самое непристойное назначеніе; шляхтичъ Хойновскій азартно кричалъ: «и королю отрубятъ голову за то, что схизматикамъ выдалъ привилей». Возвращеніе къ православію только что приневоленныхъ «боемъ нещаднымъ» къ уніи сочтено было бунтомъ, ходатайство Мелхиседека предъ импера-

трицею и королемъ — тяжкимъ преступленіемъ, самъ онъ объявленъ бунтовщикомъ, достойнымъ самой тяжкой кары. Такой декретъ выданъ былъ на него и на всѣхъ непокоряющихся уніи отъ радомысльской уніатской консисторіи. Видно, упомянутыя письма вице-канцлера цѣнились еще менѣе, чѣмъ королевскій привилей. Этимъ декретомъ отпавшіе отъ уніи священники объявлялись лишенными своихъ мѣстъ и подлежащими строгому тѣлесному наказанію и изгнанію, на непокорныя громады налагались огромные денежные штрафы, съ обращеніемъ ихъ на постройку миссіонерскаго дома и содержаніе миссіонеровъ уніи. И все это должны были привести въ исполненіе агенты помѣщичьей власти, подъ опасеніемъ суда латинской консисторіи... Самъ Мелхиседекъ потребованъ былъ къ суду уніатскаго официала Мокрицкаго. Командамъ пограничныхъ форпостовъ на Днѣпрѣ отданъ былъ строжайшій приказъ не пропускать никого въ Переяславъ, сношенія внутри въ такой степени были стѣснены, что, по выраженію Мелхиседека, никуда не пускали «а ни человѣка, а ни жида». Всякая попытка пробраться къ епископу для рукоположенія, полученія антиминса или иной надобности наказывалась самымъ жестокимъ, кіевъ въ триста, боемъ. На одномъ изъ такихъ форпостовъ схваченъ былъ и Мелхиседекъ, возвращавшійся изъ Переяслава, и, послѣ всевозможныхъ личныхъ надъ нимъ насилій и издѣвательствъ, завезенъ былъ въ кандалахъ на Волынь и тамъ, въ м. Грудкѣ, замурованъ въ каменной тюрьмѣ, гдѣ едва не лишился жизни. Вступившее предъ тѣмъ въ Украйну польское войско, такъ называемая украинская партія, подъ командою Воронича, навела ужасъ на все живущее. Начались страшные поборы на войско, народъ массами сгоняли на работы въ обозъ подъ м. Ольшаной. Вороничъ разсылалъ летучіе отряды для усмиренія бунтующихся, т. е. не желающихъ принять уніи, и каралъ жестоко. Сопровождавшему Мелхиседека въ Переяславъ сотнику жаботинскому Харьку отрублена голова въ конюшнѣ, мліевскій ктиторъ Даніилъ Кушниръ всенародно сожженъ въ обозѣ подъ м. Ольшаной. Въ тоже время уніатскій официалъ Мокрицкій, утвердивши свою резиденцію въ Корсунѣ, съ толпою инструкторовъ и инстигаторовъ, съ отрядами вооруженныхъ козаковъ, разъѣзжалъ по Украйнѣ, бралъ съ бою церкви, ловилъ монаховъ и священниковъ, билъ ихъ *смертно*, заковывалъ въ желѣза, забивалъ въ кандалы и подъ карауломъ отправлялъ въ Радомысль, гдѣ имъ снова давали по 600 и 800 ударовъ, бросали въ смрадныя ямы, заставляли тачками возить землю. Не лучше было и положеніе мірянъ: надъ ними производили неизобразимыя и неисчислимыя насилія, — иныхъ до смерти забивали, другимъ рты разрывали, руки и ноги выворачивали. Шляхта и духовенство уніатское щеголяли другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи мукъ и казней; буйство, распущенность, необузданное своеволіе спорили съ фанатизмомъ и непримиримою злобою. Такъ называемыя «похвалки», или угрозы безумствовавшей шляхты, довершали смятеніе и ужасъ народа. Нерѣдко цѣлымъ громадамъ объявлялся смертный приговоръ, назначался день и часъ казни, или-же безъ означенія срока грозили всѣхъ истребить поголовно. «Людямъ смертнымъ

страхъ мечтался, и всѣ лишенія имущества и живота ожидали». По мѣстамъ дѣйствительно готовились къ смерти, надѣвали чистыя рубахи, исповѣдывались, пріобщались, на вѣки прощались; въ другихъ мѣстахъ поголовно оставляли жилища, уходили въ лѣса, горы и дебри. Въ глумленіяхъ, издѣвательствахъ шляхты и причитаніяхъ при совершеніи истязаній ясно слышалось, противъ кого и чего и за что направлялась эта адская, непримиримая злоба и неистовство: «ото тебе бьетъ благочестіе твое»; «о то тобі за государыню, за короля, за св. правительствующій синодъ, за архіерея и за вся православныя христіане»; «а ну-те-жъ, нуте лучше того *грека*». Били «смертно розками, дисциплинами, барбарами», били нагаями и кіями, списами и ружейными присошками, руками и ногами, били, пока прочитывалось: *Помилуй мя, Боже* и *Блажени непорочніи*, били «духу послухаючи», т. е. пока душа въ тѣлѣ держалась. А со стороны народа одинъ былъ отвѣтъ: «отнимите у насъ жизнь, но мы не хочемъ быть въ уніи». «Пристань, ксіенже, на едность, то велю сейчасъ изъ пушекъ палить», — говорилъ комиссаръ Каменскій Мелхиседеку, попавшему въ руки уніатовъ и не разъ бывшему уже на волосъ отъ смерти; но тотъ отвѣчалъ: «хотя и безвременно пропаду, но за вѣру пострадаю; на унію-жъ не пристану».

Эта страшная картина народныхъ страданій не измѣнялась ни на іоту до конца 1766 г., удерживалась въ теченіе всего слѣдующаго и въ началѣ роковаго 1768 г. Мѣнялись мѣста, лица, дѣйствія, но раздирающая душу драма оставалась неизмѣнною вплоть до того момента, когда многострадальный и многотерпѣливый, но разъяренный народъ возсталъ, какъ левъ, въ неумолимой мести своей. Любопытствующихъ подробностями этой драмы отсылаемъ къ изданнымъ кіевскою археографическою коммисіею актамъ (Архивъ юго-запад. Россіи ч. 1, т. II и III), мы-же доскажемъ вкратцѣ лишь конецъ оной.

Тщетно Мелхиседекъ, еще до заключенія своего сперва въ гродской, потомъ въ дерманской тюрьмѣ, и добродѣтельнѣйшій 84-хъ лѣтній старецъ Гервасій Линцевскій, епископъ переяславскій, старались остановить мучителей, оградить мучимыхъ посредствомъ жалобъ и протестовъ, ссылаясь на королевскій привилей, на мирные трактаты, на грамоты прежнихъ королей. Самыя напряженныя ихъ усилія не приводили ни къ чему. То была пора крайняго религіознаго возбужденія въ Польшѣ. Сеймы слѣдовали за сеймами; на нихъ шли бурныя, ожесточенныя пренія, а главнымъ предметомъ ихъ, злобою, такъ сказать, дня былъ вопросъ о диссидентахъ, или не согласныхъ съ ученіемъ католической церкви. Въ предсмертной агоніи своей Польша силилась остаться ультра-католической и не хотѣла допустить существованія въ ея предѣлахъ еретиковъ, къ которымъ прежде всего относила православныхъ. Папа особою буллою на имя примаса королевства разжигалъ страсти и безъ того фанатическаго духовенства. Сеймъ 1766 г. отвергъ всѣ домогательства иностранныхъ дворовъ о правахъ диссидентовъ; всѣ протесты и жалобы ихъ были отвергнуты, въ частности жалобы украинцевъ сочтены были бунтомъ. Сеймъ слѣ-

дующаго года былъ благопріятнѣе для дѣла диссидентовъ; въ виду рѣшительнаго настоянія иностранныхъ государей, особливо Екатерины, имъ возвращена была свобода вѣроисповѣданія, дарованы гражданскія и общественныя права наравнѣ съ католиками. Въ общей судьбѣ ихъ рѣшено было и дѣло украинцевъ, а для разбора жалобъ ихъ на уніатовъ и поляковъ назначался смѣшанный судъ. Но такое вынужденное постановленіе, еще до ратификаціи онаго на сеймѣ слѣд. 1768 г., вызвало страшное волненіе въ Польшѣ. Раздраженная уступками въ пользу иновѣрцевъ шляхта возстала открыто противъ короля, называя его *наймитомъ московскимъ*. Король призвалъ русскія войска; главные зачинщики движенія были арестованы Репнинымъ и отправлены въ Калугу, сеймъ отложенъ до половины февраля и хотя на немъ утверждено постановленіе предъидущаго сейма, но это не только не предъотвратило готовившагося взрыва, а напротивъ ускорило развязку событій въ Украйнѣ.

Народъ жилъ своею логикою; всего менѣе ему могли быть извѣстны дѣйствія дипломатіи, направленіе внутренней политики; онъ поступалъ, какъ требовали совершавшіяся предъ глазами его событія. А въ Украйнѣ, какъ мы уже говорили, творились неизобразимые ужасы. «Ярости и свирѣпства уніатовъ не утишались, но паче воставали, за пособленіемъ губернаторовъ и придворскихъ людей», «народъ находился въ такой тѣснотѣ и нуждѣ, каковы были развѣ во времена апостольскія». «Губернаторы и другіе паны, кто вырвется, мучили безъ уваги».

Зловѣщіе признаки готовившагося общаго взрыва носились то тамъ, то здѣсь гораздо прежде сего. «Будетъ война», говорилъ Мелхиседекъ, возвратясь изъ Петербурга и Варшавы два года назадъ. «Берегись, писалъ онъ потомъ лютому мучителю Мокрицкому, бо то не съ жидами справа». «Коли лихо тихо, то надо-бъ его и кожухомъ укрывать», —замѣчалъ предмѣстникъ Мокрицкаго. Мирные разныхъ оттѣнковъ протестанты еще въ декабрѣ 1766 г. образовали конфедерацію въ Слуцкѣ и рѣшили защищать свою свободу съ оружіемъ въ рукахъ, призывая къ тому-же и православныхъ. Въ мартѣ слѣдующаго года, въ обители мотренинской козакъ Иванъ просилъ у намѣстника благословенія «выкрикать на затягъ», но наличныя силы признаны были недостаточными и монахъ Филостервъ Самбекъ повезъ письмо «до Гарду (въ Сѣчь), щобъ голота прибула». Весь однако 1767 и начало 1768 г. прошли безъ взрыва; только стонъ стоялъ по всей Украинѣ отъ невыносимыхъ страданій «благочестиваго священства и народа». Конфедерація, зародившаяся въ Барѣ и хлынувшая въ Украйну, переполнила чашу народныхъ страданій и была непосредственною причиною «Коліивщины», какъ вѣрно, по живому преданію, опредѣлилъ народный поэтъ:

Руйнували, мурдували,
Церквами топили,
А тимъ часомъ гайдамаки
Ножи освятили...

Свергнуть преданнаго Россіи короля, выгнать русскія войска изъ Польши, возстановить во всей широтѣ вольность шляхетскую,—таковы были стремленія конфедератовъ, но ихъ конечная цѣль — разорить церкви православныя, истребить схизматиковъ-еретиковъ. Все это польско-шляхетское движеніе имѣетъ религіозную окраску; самъ папа руководитъ имъ, даетъ денежное вспоможеніе. Конфедераты, вступивъ въ Украйну, чтобы подкрѣпить себя тѣми военными силами, какія находились тамъ въ помѣщичьихъ дворахъ и городскихъ замкахъ, остались вѣрными основному характеру движенія и начали съ того, чѣмъ должны были кончить. Запылала Украйна, начались неслыханныя неистовства надъ беззащитнымъ народомъ. Шляхта открыто хвалилась, что въ ничто обратитъ страну. Народъ не вытерпѣлъ, призвалъ запорожцевъ. Въ апрѣлѣ разлилась конфедерація, въ маѣ вспыхнуло народное возстаніе. Тутъ связь ближайшая, непосредственная, очевидная, а это измѣняетъ взглядъ на самое возстаніе. То не былъ бунтъ противъ власти помѣщичьей или государственной изъ-за гнета экономическаго, во имя независимости и свободы гражданской, не было принципіальное непризнаніе польской власти и господства и, если эти чувства и убѣжденія были воспитаны въ украинскомъ народѣ всею предшествовавшею исторіею, если они лежали въ глубинѣ души его и проявлялись теперь въ рѣшительномъ намѣреніи перейти въ подданство русской царицы, то не ими вызвано настоящее изступленное возстаніе и не они были движущею его силою. Нѣтъ, то было великое движеніе во имя вѣры, которое, какъ огнемъ, охватываетъ массы народныя (простое усердіе къ вѣрѣ благочестивой, какъ писалъ Румянцевъ), вопль крайняго отчаянія, инстинктъ самосохраненія, самозащита въ глазахъ неминуемой смерти. Не воры, разбойники и грабители были возставшіе, не изъ своеволія и не для наживы возстали они, но для защиты отъ конечнаго своего истребленія и—за вѣру отеческую, поруганную и погубляемую. Годы предшествовавшіе возстанію были въ собственномъ смыслѣ временами мученичества, ничѣмъ не уступавшими временамъ Нерона и Діоклитіана, и если они явили намъ страстотерпцевъ и мучениковъ, то возстаніе дало намъ такихъ безстрастныхъ и самоотверженныхъ защитниковъ народныхъ, предъ которыми блѣднѣютъ швейцарскіе защитники свободы. Тѣ однако давно нашли своихъ историковъ, поэтовъ, а наши доселѣ не вышли изъ названій «разбойниковъ, гультаевъ, ватажковъ». Пора, по крайней мѣрѣ, приступить къ собиранію и обнародованію памятниковъ этой кровавой эпохи, которая спасла намъ нашу вѣру и народность. Помѣщаемая теперь переписка пусть послужитъ тому началомъ.

Она начинается тремя сообщеніями (четвертаго не достаетъ) кіевскаго генералъ-губернатора Ѳ. М. Воейкова гр. П. А. Румянцеву о первыхъ движеніяхъ конфедератовъ для разоренія оставшихся въ польской Украйнѣ православныхъ церквей и изгнанія оттуда русскихъ войскъ (№№ I, II, III и IV). Добытыя Воейковымъ свѣдѣнія удостовѣряютъ несомнѣнное участіе въ этомъ польскомъ бунтѣ какъ папы съ его казною, такъ и польско-католическаго духовенства. Но папѣ какая

нужда до вольностей шляхетскихъ? Слѣдовательно это, въ нѣкоторомъ родѣ, крестовый походъ для истребленія еретиковъ, для разоренія ихъ церквей. Дѣйствія конфедератовъ въ такомъ направленіи, очерченныя въ сообщеніяхъ Воейкова лишь нѣсколькими штрихами, составляютъ первый актъ начавшейся драмы.

Первыя указанія на открывшееся народное возстаніе въ Украйнѣ находимъ въ донесеніяхъ Румянцева коллегіи иностранныхъ дѣлъ, или чрезъ нее имп. Екатеринѣ, равно въ приказахъ его полковнику Протасьеву и кошевому войска запорожскаго (№№ V—IX). Неистовства конфедератовъ вызываютъ отпоръ; идетъ междоусобіе и взаимное самоистребленіе. Призываются запорожцы, берутъ Каневъ, выгоняютъ и частію истребляютъ поляковъ, жидовъ-же не оставляютъ въ живыхъ ни одного. Нѣсколько польскихъ семействъ и самъ староста каневскій Потоцкій бѣгутъ въ Переяславъ, подъ защиту Румянцева, но туда-же является и нарочный отъ жителей Канева. Происходитъ удивительное общее недоразумѣніе. Румянцевъ представленія не имѣетъ о тѣхъ ужасахъ, какіе слишкомъ два года совершались у него предъ глазами, по другую сторону Днѣпра, и свѣдѣнія о которыхъ сосредоточивались въ Переяславѣ; даже недавнія сообщенія Воейкова совсѣмъ какъ-бы забыты. Никакой исходной точки, никакихъ предварительныхъ свѣдѣній ни у него, ни у подвѣдомственныхъ ему учрежденій нѣтъ, какъ и у сосѣда его Воейкова, на которомъ лежали всѣ заграничныя корреспонденціи. Поляки просятъ защиты, каневцы доносятъ, что съ помощію запорожцевъ покончили съ ляхами и жидами и простодушно спрашиваютъ, что дальше имъ дѣлать; тѣ и другіе заявляютъ, что все совершено по указу ея императорскаго величества, предъявленному пришедшими въ Каневъ запорожцами въ копіи, завѣренной подписью куреннаго и печатью кошеваго. Румянцевъ въ недоумѣніи; онъ даже допускаетъ возможность подобнаго указа, посылаетъ въ Каневъ и Кошъ развѣдать, подлинный-ли то указъ, или подложный. Запорожье въ его командѣ, и—вдругъ указъ, о которомъ онъ, какъ и о всемъ начинающемся смятеніи, ничего не знаетъ;—онъ спрашиваетъ коллегію, проситъ самую императрицу разъяснить ему его недоумѣніе, и какой стороны ему держаться, и какъ поступать. Удивляться-ли, что народъ вѣрилъ указу?—Тѣмъ не менѣе Румянцевъ отводитъ квартиры бѣглымъ полякамъ, чинитъ имъ теперь и потомъ всякое вспомоществованіе, а относительно возставшихъ «по ихъ поступкамъ» скоро приходитъ къ такому заключенію, что это должна быть разбойническая партія, которую онъ, какъ поставленный охранять спокойствіе въ пограничныхъ мѣстахъ, обязанъ ловить и истреблять. Любопытно однако это желаніе подловить и задержать запорожцевъ въ Каневѣ, подъ видомъ помощи каневцамъ,—извѣстное обыкновенно подъ названіемъ военной хитрости. Не менѣе любопытно и это указываемое Румянцевымъ и принятое имъ за крайнюю простоту объясненіе со стороны кошеваго тѣхъ движеній и приготовленій, которые примѣчены были теперь въ запорожскомъ войскѣ: «слышно-де, яко подъ м. Васильковымъ сто тысячъ прусскихъ и саксонскихъ войскъ идетъ, такъ надо быть въ готовности»... Донесеніе Румянцева отъ 23 іюня представляетъ

обнаружившійся по сообщеніямъ Воейкова планъ и театръ дѣйствій возставшаго народа и мѣры противъ него принятыя. Главныя силы его сосредоточены въ мотренинскомъ лѣсу; онѣ окопались и имѣютъ пушки, отбитыя въ польскихъ замкахъ. Отсюда выходятъ партіи, которыя разграбляютъ мѣстечки и деревни (имѣнія и дома поляковъ), жидовъ крестятъ, а несогласныхъ креститься убиваютъ. Подкрѣпленія идутъ изъ Запорожья чрезъ Новосербію. Идущіе всенародно объявляютъ, что отправляются въ Польшу (Украйну, подвластную Польшѣ) для *заступленія вѣры.* Возстаніе охватило Чигиринщину, Смѣлянщину и всѣ тамошнія «околичности». Неся съ собой указъ царицы, въ подлинности котораго никто не сомнѣвался, возставшіе такъ твердо увѣрены въ законности своихъ дѣйствій, въ святости своей миссіи, что и командирамъ (русскимъ) объявляютъ, что никакая команда препятствія имъ сдѣлать не можетъ и, подъ угрозами, требуютъ не впускать въ русскія владѣнія поляковъ и жидовъ. Всѣ они идутъ подъ именемъ запорожцевъ, хотя отряды ихъ пополняются всякаго рода людьми изъ среды возставшаго народа. Румянцевъ трактуетъ ихъ, какъ простыхъ разбойниковъ, и самъ, по своему собственному соображенію, рѣшается подавить бунтъ въ чужомъ государствѣ. Онъ двинулъ въ Украйну московскій карабинерный полкъ, подъ командою полковника Протасьева, и 150 малороссійскихъ козаковъ «на истребленіе разорителей». Въ то-же время и для той-же цѣли Воейковъ со стороны Новороссіи двинулъ харьковскій гусарскій полкъ, подъ командою полковника Чорбы, а со стороны Кіева часть елецкаго полка для защиты бѣлоцерковскаго замка, по просьбѣ польскаго коменданта Карбовскаго; полкъ козловскій оставленъ былъ въ пограничномъ елисаветинскомъ укрѣпленіи для подкрѣпленія. Протасьеву приказывалось войти съ ними въ сообщеніе и о происходящемъ доносить Воейкову и стоявшему близь Бердичева ген. Кречетникову. Донесеніе 3 іюля (№ X) повторяетъ извѣстныя уже изъ сообщенныхъ Н. И. Костомаровымъ документовъ свѣдѣнія о сожженіи гайдамаками Умани (Голты?) и Палѣева Озера, о нападеніи на Балту, о движеніи по сему случаю татаръ и посылкѣ изъ Сѣчи отряда къ Умани. По послѣднему извѣстію Румянцевъ требуетъ чрезъ курьера объясненія отъ кошеваго, а пограничнымъ командамъ посылаетъ строжайшій приказъ о преграждении пути идущимъ чрезъ Новороссію гайдамацкимъ партіямъ. Донесеніе 15 іюля (№ XI) даетъ свѣдѣнія о первыхъ результатахъ мѣръ, принятыхъ противъ гайдамакъ, равно опредѣляетъ главные пункты дѣйствій этихъ послѣднихъ. Въ селѣ Блощинцахъ, въ 15-ти верстахъ отъ Бѣлой-Церкви, дѣйствовалъ съ тремя стами товарищей, Журба, близъ Богуславля Швачка. Неживый, начавшій съ Канева и быстро перешедшій къ Палѣеву Озеру и Балтѣ, находится теперь въ Чигиринщинѣ. Посылалъ ихъ Желѣзнякъ, онъ-же и указъ объявилъ. Самъ Желѣзнякъ съ большою партіею въ Умани. Протасьевъ безъ труда разбилъ, полонилъ и разсѣялъ отряды Журбы и Швачки. Лишь первый оказалъ нѣкоторое сопротивленіе, но на столько слабое, что ни одинъ солдатъ русскій не былъ раненъ. Въ его отрядѣ взято четыре знамени, двѣ мѣдныя пушки, одна черная (чугунная?) и пять желѣзныхъ гаковницъ.

Протасьевъ двинулся къ Умани, приказавъ «подданнымъ» (крестьянамъ), чтобы они «отложили взятый мятежъ съ причины разныхъ внушеній отъ людей своевольныхъ». До другаго взгляда на происходившее народное движеніе не додумались пока ни Протасьевъ, ни Румянцевъ; и послѣдній надежду питалъ, что «взбунтовавшіеся подданные обратятся, конечно, къ прежнему послушанію, увидѣвъ, что ободрившіе ихъ на возмущеніе, истребляются, какъ злодѣи». Одно получилось еще въ результатѣ: народное движеніе смело конфедератовъ; объ нихъ, по донесенію Протасьева, не было и слуху. 137 человѣкъ взятыхъ имъ гайдамакъ за карауломъ отправлены имъ въ Кіевъ—въ крѣпость.

Этимъ заканчивается второй актъ кровавой драмы 1768 года.

(Продолженіе будетъ).

I.

Письмо кіевскаго генералъ-губернатора Θедора Воейкова къ графу П. А. Румянцеву съ сообщеніемъ первыхъ слуховъ о начинающихся въ польской Украйнѣ сборищахъ конфедератовъ для разоренія православныхъ украинскихъ церквей и принятыхъ имъ Воейковымъ посему случаю мѣрахъ. 3 апрѣля, 1768 года.

Сіятельнѣйшій графъ, высокопревосходительнѣйшій господинъ генералъ аншефъ, малороссійскій генералъ губернаторъ, малороссійской-же коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Съ нѣкоторыхъ уже дней доходятъ до меня разныя изъ Польши разсѣваемыя разглашенія, якобы въ польской Украйнѣ войска польскія у Бара, Бѣлой-Церкви и Клецка дѣйствительно собираются; а отъ 18-го теперешняго, командующій елисаветградской провинціи полками господинъ полковникъ Чорба рапортомъ представилъ: стоящій-де на Сентовскомъ форпостѣ поручикъ Маріяновичъ къ нему рапортовалъ, что слышалъ онъ заподлинно отъ польскаго шляхтича Франциска Радишевскаго, что въ Барѣ уже до нѣсколько тысячъ поляковъ собралось и еще повседневно прибавляется, которые якобы не далѣе, какъ чрезъ двѣ недѣли, къ границамъ сближаться имѣютъ, для разоренія оставшихся въ польской сторонѣ по границѣ православныхъ церквей. А хотя я прямо отъ обрѣтающагося въ Варшавѣ посла князя Репнина и отъ другихъ нашихъ воинскихъ въ Польшѣ командировъ никакого о томъ преувѣдомленія не имѣю, слѣдовательно и причина

есть о подлинности сихъ разглашеній сомнѣваться, паче-же по извѣстной польской привычкѣ, кои, упирая на свою вольность, всякіе несостоятельные распускаютъ слухи; однако по должности моей, признавая предосторожность во всякомъ случаѣ, паче же при границахъ, весьма необходимою, нарочнаго искуснаго офицера въ Польшу, подъ приличнымъ претекстомъ, отправилъ, для развѣдыванія о сей подлинности, а между тѣмъ кому надлежало отъ меня въ новороссійской губерніи найсильнѣйше подтверждено: непримѣтнымъ образомъ, безъ малѣйшаго встревоженія, быть всѣмъ вѣдомства моего воинскимъ командамъ въ надлежащей воинской исправности и осторожности, къ отвращенію всякихъ случиться могущихъ шалостей и набѣговъ, и для осторожности имѣть по границѣ непрестанные разъѣзды, такожъ надежныхъ людей подъ разными претекстами въ Польшу посылать для вывѣданія настоящей причины таковому собранію и обращенію. Я за потребно разсудилъ о семъ обстоятельствѣ вашему сіятельству чрезъ сіе сообщить. А что отъ время до времени нарочно посланные въ Польшу развѣдаютъ, то о всемъ томъ ваше сіятельство предувѣдомить не упущу. Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Ѳедоръ Воейковъ. Кіевъ, 3 апрѣля 1768 года.

II.

Письмо того-же Воейкова къ тому-же гр. Румянцеву съ сообщеніемъ объ усиленіи сборищъ конфедератовъ, ихъ угрозахъ и надеждахъ и необходимости принятія мѣръ предосторожности. 20 апрѣля 1768 года.

Сіятельнѣйшій графъ, высокопревосходительнѣйшій господинъ генералъ-аншефъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, малороссійской коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Отъ 3-го и 10-го *) сего имѣлъ я честь о начавшемся въ Польской Украинѣ замѣшательствѣ ваше сіятельство для предосторожности предупредить, а теперь за потребное нахожу и слѣдующее присовокупить: что дошедшія, между тѣмъ, до меня изъ заграницы извѣстія согласно подтверждаютъ, яко число злонамѣ-

*) Письма отъ 10-го апрѣля въ нашемъ сборникѣ нѣтъ.

ренной, подъ предводительствомъ графа Красинскаго, партіи, добровольно присоединяющимися и насильно захваченными всякаго званія людьми, отъ дня въ день прибавляется, и уже болѣе десяти тысячъ всякой сволочи собрано, которые съ крайнимъ прилѣжаніемъ всѣми воинскими збруями снабдеваются, и что дѣйствительно уже противъ россійско императорскихъ въ Польшѣ находящихся войскъ непріятельски поступать начали, разглашая всякія по польскому обычаю угрозы и хвастовства къ истребленію всѣхъ, ихъ намѣренію сопротивляющихся, мечемъ и огнемъ, въ чемъ они вспомогательными *папы римскаго деньгами* и обнадеженнымъ якобы подкрѣпленіемъ другихъ областей безъ сумненія успѣть надѣются. Я примѣчаю, что сіи польскія обстоятельства ото дня въ день серіознѣе становятся, слѣдовательно и немалаго заслуживаютъ уваженія, ибо искусство намъ доказало, что отъ малой иногда искры великій воспламеняться можетъ пожаръ, если благовременно способъ къ утушенію оной употребленъ не будетъ; разсуждаю, что и въ семъ случаѣ предосторожность отнюдь ни ранновременною, ни же излишною предпочтена быть можетъ. И для того подчиненнымъ мнѣ новороссійской губерніи полкамъ найсильнѣйше подтвердилъ: быть во всякой воинской исправности, посылая безпрестанные по границѣ разъѣзды и подъ разными претекстами въ ближніе польскіе и татарскіе мѣста надежныхъ и проворныхъ людей для развѣдыванія, о которыхъ въ свое время вашему сіятельству сообщить не оставлю. А между тѣмъ за нужно признаю вашему сіятельству о имѣніи для курьеровъ по прямому отсюда до Кременчуга тракту во всякомъ мѣстечкѣ по нѣсколько почтовыхъ лошадей въ готовности—вновь напамятовать, ибо всѣ оттуда пріѣзжіе жалуются, что вездѣ по нѣсколько часовъ за лошадьми стоять должны, и потому немалая онымъ чинится остановка. Впрочемъ съ совершеннѣйшимъ моимъ почтеніемъ и съ истинною преданностію пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Ѳеодоръ Вайковъ. Кіевъ, 20 апрѣля 1867 года.

III.

Письмо того-же Воейкова къ тому-же гр. Румянцеву съ сообщеніемъ экстракта полученныхъ имъ о событіяхъ въ Польской Украйнѣ извѣстій и принимаемой имъ-же предосторожности. 3-го мая 1768 года.

Сіятельнѣйшій графъ, высокопревосходительнѣйшій господинъ генералъ-аншефъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, малорос-

сійской-же коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Ваше сіятельство изъ слѣдующаго при семъ экстракта разныхъ изъ за границы полученныхъ извѣстій усмотрѣть изволите, что польскія замѣшательства, съ часу на часъ во всей Польской Украйнѣ распростираясь, найважнѣйшими становятся, и въ разсужденіи умножающагося войска немалаго заслуживаютъ примѣчанія, тѣмъ паче, что угадать нельзя, какое сія возмутительная шайка имѣетъ намѣреніе, когда она уже явныя противъ войскъ и подданныхъ ея императорскаго величества въ Польшѣ непріятельства оказывать начала. Что до меня принадлежитъ, то я по должности моей на всѣхъ въ моемъ вѣдомствѣ по здѣшней и новороссійской губерніи состоящихъ форпостахъ, сколько число подчиненныхъ мнѣ войскъ того дозволило, удобовозможную предосторожность взять и онымъ во всякой исправности быть найсильнѣйше подтвердить не приминулъ; а что впредь до меня о томъ же дойдетъ, вашему сіятельству безъ упущенія времени сообщить не оставлю. Имѣю честь быть съ совершеннѣйшимъ высокопочтеніемъ, вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Ѳедоръ Воейковъ. Кіевъ, 3 мая 1768 года. Его сіятельству графу П. А. Румянцову.

IV.

Приложенное къ сему письму извлеченіе изъ отчета поручика Раде и другихъ лицъ, развѣдывавшихъ, по порученію Воейкова, о движеніи и намѣреніяхъ барскихъ конфедератовъ.

Экстрактъ изъ рапортовъ отправленныхъ для развѣдыванія о польскихъ обстоятельствахъ въ Польскую Украйну чернаго гусарскаго полку поручика Раде и другихъ чиновъ.

Въ мѣстечкѣ Умани видѣлъ онъ Раде четырехъ товарищей украинской противной партіи, кои прибыли туда будто для заниманія квартиръ и пріуготовленія фуража, а главная ихъ коммисія въ томъ состоитъ, чтобъ приклонить тамошній гарнизонъ графа Потоцкаго, со всею артиллеріею и амуниціею, равно какъ и находящихся въ службѣ его козаковъ, купно съ прочими подданными, на соединеніе съ конфедератнымъ подъ командою маршала Пулавскаго, старосты варецкаго, войскомъ, которое въ Барѣ собирается. Тамошній губернаторъ Младановичъ предостерегъ

его, что онъ съ своимъ паспортомъ свободно далѣе проѣхать не можетъ, для того что всему войску украинской партіи повелѣно россійскихъ подданныхъ, не взирая на паспорты россійскихъ генераловъ, вездѣ ловить и командѣ представлять. Въ Умани онъ самъ видѣлъ, что кузнецы готовятъ пушечныя ядра, картечи и другіе до артиллеріи принадлежащіе снаряды, разглашая, якобы по прибытіи украинской партіи они противиться намѣрены и отнюдь съ оною соединяться не намѣрены; однако онъ видѣлъ тамо нѣсколькихъ польскихъ законниковъ (монаховъ), кои по папскому повелѣнію отъ польскихъ епископовъ присланы для увѣщанія всего въ уманскомъ повѣтѣ живущаго шляхетства на соединеніе съ украинскою партіею, въ чемъ многіе уже секретно къ присягѣ приведены.

Прибывъ въ село Ягубецъ, заѣхалъ онъ по знакомости къ знатному тамошнему шляхтичу, подчашему Косткѣ-Ордынскому, который ему въ довѣренность объявилъ, что маршалъ конфедераціи графъ Красинскій къ нему ласковое письмо прислалъ, увѣщевая его пристать къ войску партіи украинской и принять главную команду надъ поберезскими, бершадскими и уманскими шляхтичами и козаками, но онъ де Ордынскій, яко благонамѣренный сынъ отечества, хотя отъ того отказался, извиняясь старостію и слабостію здоровья, однако сумнѣвается, чтобы по его желанію сдѣлалось, а въ противномъ случаѣ принужденъ будетъ противъ воли своей къ нимъ пристать и присягу учинить, присовокупивъ къ тому, что сія конфедерація сдѣлана единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ, собравъ довольное число войска, идти противъ россійскаго въ Польшѣ находящагося корпуса, для выгнанія онаго якобы за учиненную въ отечествѣ ихъ обиду взятіемъ четырехъ магнатовъ подъ караулъ, и что де въ великой постъ, подъ Новымъ Константиновымъ, партія польская съ россійскими карабинерными и донскихъ козаковъ полками уже непріятельства начала, гдѣ четыре человѣка знатныхъ польскихъ шляхтичей и до тридцати человѣкъ рядовыхъ побито, а россійскіе также не безъ урону оттуда ретировались. Почему онъ поручикъ Раде его Ордынскаго просилъ для свободнаго далѣе проѣзда паспортъ его надписать, что имъ Ордынскимъ и учинено. Съ которымъ паспортомъ онъ, переправясь чрезъ рѣку Бугъ, прибылъ въ мѣстечко Ладыжинъ, котораго губернаторъ, прозваніемъ Кастеля, ему объявилъ, что за два дни предъ пріѣздомъ его прислано было немалое число войска украинской партіи ко-

торое разными угрозами его принудили присягать на соединеніе съ оною, и взявъ нѣсколько человѣкъ изъ его козаковъ вооруженныхъ и сколько нашли ружей, пороху и свинцу, уѣхали, а ему приказали съ остальными въ вѣдомствѣ его состоящими козаками во всякой быть готовности, куда повелѣно будетъ слѣдовать. Но въ самое это время, какъ сей разговоръ продолжался, прибыли къ нему помянутой партіи два товарища съ тридцатью человѣками козаковъ, отъ коихъ губернаторъ его, Раде, въ удобномъ мѣстѣ скрылъ, а какъ тѣ товарищи уѣхали, губернаторъ ему сказывалъ, что въ первый день пасхи поляки напали на стоящихъ въ мѣстечкѣ Винницѣ донскихъ козаковъ, кои ретировались къ мѣстечку Яневу, но не доходя до онаго сразились, гдѣ донцами побито и ранено не малое число гусаръ поляковъ, козаковъ и липканъ украинской партіи. Между убитыми находится одинъ липканской полковникъ, а другой, прозваніемъ Муха, съ прочими поляками плѣненъ.

Слѣдуя къ мѣстечку Тульчину, наѣхалъ онъ въ селѣ Михайловкѣ на партію польскую, которая, его остановивъ, спросила, куда ѣдетъ и за чьимъ паспортомъ; а какъ усмотрѣла надпись вышереченнаго Ордынскаго, его отпустила.

Въ Томашполѣ жидъ арендарь ему объявилъ, что онъ предъ его туда пріѣздомъ изъ Могилева возвратился, къ которому городу, въ бытность его тамъ, маршалъ конфедераціи графъ Красинскій съ нѣсколькими тысячами войска прибылъ, но находящійся въ Могилевѣ съ гарнизономъ и артиллеріею графа Потоцкаго маіоръ Мейсенъ онаго въ городъ пустить не хотѣлъ, однако, увидя, что приказано городъ зажечь, сдался и на соединеніе присягу принесъ. И такъ графъ Красинскій, взявъ маіора съ гарнизономъ и съ артиллеріею къ себѣ, и отобравъ изъ своего корпуса три тысячи человѣкъ, при Могилевѣ остался, а прочее войско послалъ въ Немировъ, Житоміръ, Летичевъ и Прилуку. Послѣ чего будто онъ Красинскій не малое число денегъ къ татарамъ отправилъ изъ той суммы, которая *отъ папы римскаго* на вспоможеніе дана, прося татаръ на соединеніе съ нимъ, гдѣ онъ ихъ и ожидать имѣетъ. Что онъ королевскаго таможеннаго управителя всю наличную казну забравъ, и что заподлинно весь Каменца-Подольскаго гарнизонъ и прочее регулярное и нерегулярное польской республики въ Украйнѣ находящееся войско уже къ конфедератамъ пристало, чѣмъ число сего войска знатно умно-

жилось, отъ котораго немалую часть въ городъ Полонное отправить намѣрены для поиску надъ стоящимъ тамо россійскимъ войскомъ.

Прочихъ-же извѣстія, хотя съ нимъ нѣсколько и согласны, однакъ съ немалымъ увеличиваніемъ числа войскъ украинской партіи наполнены. Въ разсужденіи того, что будто уже вся Польская Украйна, исключая только уманскую губернію, къ конфедераціи приступила и присягою согласно дѣйствовать утвердила, почему многіе изъ поляковъ заподлинно увѣряютъ, якобы не въ продолжительное время конфедераты на новороссійскую губернію нападеніе сдѣлать намѣрены.

Секретарь Василій Чернявскій.

V.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева коллегіи иностранныхъ дѣлъ о разрѣшеніи имъ переяславльской полковой канцеляріи принимать поляковъ, перебѣгающихъ въ русскія владѣнія, по поводу волненій въ польской Украйнѣ, и оказывать имъ защиту и покровительство.

1768 года, іюня 15 дня, Глуховъ. № 629.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Представлены мнѣ два доношенія, поданныя въ полковую переяславскую канцелярію отъ поляковъ: Луки Гоздава - Вилуцкаго, пограничной королевской трехтемировской камеры писаря, и Яна Малчевскаго, лѣсничаго староства каневскаго, которые намъ показываютъ, что, спасая свою жизнь отъ суровости безчеловѣчной, дознанной уже (въ?) умерщвленіи надъ многими въ ихъ странѣ жителями отъ своихъ собратьевъ, перешли съ своими фамиліями въ имперію вашего величества, и просятъ покровительствовать ихъ въ безопасномъ здѣсь пребываніи. Я предложилъ означенной канцеляріи, чтобъ не только симъ пришедшимъ, но ежели и еще съ ихъ стороны съ таковыми-жъ прибѣгнутъ просьбами, не препятствовать какъ жить покудова угодно, такъ и всякія благодѣявія, какъ сосѣдней державы жителямъ, являть благосклонно. Слабымъ моимъ разсужденіемъ возмня, что сіи просьбы могутъ иногда (быть?) потребнымъ инструментомъ въ дѣлахъ, которыхъ они касаются, подношу для того при семъ оныя въ оригиналѣ.—*Слѣдуетъ подпись: Графъ Румянцевъ.*

VI.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева командиру карабинернаго полка Протасову объ отправкѣ въ Каневъ небольшаго отряда съ цѣлію развѣдать, имѣютъ-ли овладѣвшіе этимъ городомъ запорожцы на то указъ и, если не имѣютъ, то переловить и представить ихъ.

1768 года, іюня 19 дня. № 1637.

Ордеръ господину полковнику карабинернаго полку Протасову.

По извѣстіямъ, которыя имѣю отъ полковой переяславской канцеляріи, что тридцать человѣкъ козаковъ запорожскихъ въ польскомъ мѣстечкѣ Каневѣ выжгли тамошній замокъ, умертвили многихъ поляковъ и, произведъ замѣшательства и немалыя разоренія, находятся и по днесь въ томъ же мѣстечкѣ, я велѣлъ прежде полковой той канцеляріи секретно послать нарочнаго и чрезъ онаго навѣдаться о бытности ихъ запорожевъ, и ежели при своихъ предпріятіяхъ въ тѣхъ мѣстахъ обрѣтаются, то ваше высокоблагородіе имѣете, по извѣстію о томъ, тотчасъ командировать туда, для поимки оныхъ запорожцевъ, своего полку пятьдесятъ человѣкъ карабинеровъ при одномъ исправномъ офицерѣ, которому препоручить въ команду и сто человѣкъ козаковъ малороссійскихъ, далъ я ордеръ полковой переяславской канцеляріи. При семъ случаѣ вы извольте отправленному офицеру предписать въ постановленіи, чтобъ съ командою пришедъ къ тому мѣсту, гдѣ будутъ объявленные запорожцы, показалъ имъ такой видъ, якобы онъ присланъ на вспоможеніе, по просьбѣ каневскихъ козаковъ и жителей, и старался-бы непримѣтнымъ образомъ овладѣть ими, и тогда требовать у нихъ того указу, который они тамъ объявляютъ о присылкѣ своей; а когда-бъ таковое сходственное письмо вѣроятно бы они предъявили, то оное подлинное заразъ отправилъ бы, при своемъ рапортѣ, чрезъ полковую канцелярію штафетомъ ко мнѣ по почтѣ, держа до резолюціи подъ рукою запорожцевъ. А когда таковаго письменнаго вида не покажутъ, или явится сомнительнымъ, или видимо ложный, то ихъ всѣхъ запорожцевъ токмо перехватавъ, возвратиться съ оными, пріемля къ тому способы, чтобъ безъ всякаго кровопролитія обойтиться, а буде бы они не сдались и что дерзкое предприняли противъ посланной команды, въ такомъ уже случаѣ брать ихъ силою. Сей же командѣ, кромѣ должности, по

которой она посылается, ни въ какія больше дѣла въ тѣхъ мѣстахъ не мѣшаться и обывателямъ тамошнимъ ни малѣйшихъ обидъ не причинять, подъ опасеніемъ строгаго отвѣта.—*Слѣдуетъ подпись.*

VII.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева императрицѣ Екатеринѣ II о происходящихъ въ Польской Украйнѣ смятеніяхъ и междоусобіяхъ, съ испрашиваніемъ указа, какъ ему въ этихъ обстоятельствахъ поступать и какую сторону поддерживать.

Іюня 19 дня 1768 года.

Всемилостивѣйшая, державнѣйшая, великая государиня императрица и самодержица всероссійская, государиня всемилостивѣйшая!

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше я доносилъ, отъ 15 числа текущаго мѣсяца, о вышедшихъ въ Переяславъ изъ Польши полякахъ: Лукѣ Вилуцкомъ и Янѣ Малчевскомъ, которые, по возмущенію въ своей сторонѣ, ищутъ, до успокоенія того, чтобъ имъ не возбранено прожить подъ покровительствомъ въ имперіи вашего величества. А отъ 12 іюня репортуетъ ко мнѣ полковая переяславская канцелярія, что въ тотъ день съ таковыми-жъ просьбами прибыли въ оной-же городъ: старосты каневскаго Потоцкаго губернаторъ Игнатій Новицкій, губернаторъ-же корсунскій Семенъ Носачевскій, да каневскій козацкій полковникъ Антонъ Зеллеръ и порутчикъ Петръ Мадерашъ, капраловъ два и рядовыхъ жолнеровъ двадцать три, первые со многими своими фамиліями. И при семъ случаѣ означенный губернаторъ Новицкій, который еще до прибытія своего въ Переяславъ прислалъ сюда съ преждевышедшимъ полякомъ Малчевскимъ дѣтей своихъ, отношеніемъ полковой канцеляріи объявилъ: 9-го числа сего іюня вооруженныхъ тридцать человѣкъ козаковъ, въѣхавши въ городъ Каневъ, прислали одного къ нему козака, объявляя, что они, въ силу указа вашего императорскаго величества, отъ кошеваго войска запорожскаго туда посланы и требовали, чтобъ онъ губернаторъ у нихъ явился для принятія повелѣнія, и когда онъ просилъ показать себѣ указъ, то они письмо ему и показали подъ титуломъ вашего императорскаго величества, подписанное запорожскимъ атаманомъ куреня уманскаго, котораго прозваніе онъ по-

забылъ, съ приложеніемъ печати запорожской, и въ то-же время напали на замокъ, зажгли городъ и умертвили многихъ изъ шляхетства и служащихъ; и когда видѣлъ, что, къ ихъ-же сторонѣ преклоняся, такъ сами полскіе козаки, яко и обыватели тамошніе, содѣйствовали разоренію замка, онъ, послѣ недолгой обороны, принужденъ былъ бѣжать, спасая жизнь свою, чрезъ Днѣпръ въ границы державы вашего императорскаго величества. Вслѣдъ за прибытіемъ въ Переяславъ означенныхъ поляковъ, прислано въ тамошнюю полковую канцелярію отъ жителей мѣстечка Канева, козацкихъ атамановъ съ товариствомъ, съ нарочнымъ того-жъ мѣстечка обывателемъ Сергѣемъ Споришемъ доношеніе, показуя, что они, предваряя намѣренія господъ своихъ, яко-бы на погубленіе ихъ взяться, и видѣвъ, что и попы свои за одно съ тѣми сдѣлались на нихъ гонители, призвали къ защищенію своему запорожскихъ козаковъ, которые, когда отъ послушанія имъ отрекся губернаторъ, сожгли замокъ, и требуя, какъ имъ поступать дальше, отъ той канцеляріи совѣта и наставленія. А и присланные съ симъ нарочные своимъ также допросомъ согласно, какъ и губернаторъ Новицкій показалъ о вышеписанномъ происшествіи, и что когда изъ мѣстечка Канева полковникъ Зеллеръ съ жолнерами бѣжали за границу россійскую, то запорожцы гнались за ними по Днѣпру лодками и настигъ нѣкоторыхъ предали смерти, и возвратясь живутъ и до днесь въ мѣстечкѣ Каневѣ, учреждая тамъ порядки экономическія, къ чему уже и опредѣленъ отъ нихъ экономомъ изъ тамошнихъ жителей городовой писарь греческаго исповѣданія. Жиды-жъ де, какъ въ Каневѣ, такъ и въ другихъ тамошнихъ мѣстечкахъ, всѣ при семъ случаѣ умерщвлены и ни единаго нигдѣ уже не осталось. Я не будучи снабденъ ни откуда никакимъ повелѣніемъ на нынѣшній случай обстоятельствъ польскихъ, слѣдственно и свѣденія прямаго не имѣю о томъ, что до сихъ дѣлъ касается; а зная, что корпусъ войскъ вашего величества, въ Польшѣ находящійся, дѣйствуетъ оружіемъ противъ злонамѣренныхъ конфедератовъ, то какъ изъ увѣдомленій, въ Малую Россію присылаемыхъ, открывается, что во всей окружности мѣстечка Канева взаимное мщеніе между собою польскихъ жителей распространяется до того, что сами подданные, ревнуя по вѣрѣ православія греческаго, возстаютъ противъ владѣльцевъ своихъ, и въ своемъ возмущеніи приняли тутъ средства жесточайшія, а напротивъ другіе, поборники римскаго исповѣданія, нападаютъ на церкви и монастыри православные, и наглыя мучительства производятъ

надъ духовными и мірскими людьми, какъ недавно полученъ протестъ въ полковой переяславской канцеляріи отъ игумена монастыря Андрушевскаго, близъ сихъ же мѣстъ состоящаго, о разграбленіи сей обители собравшимися поляками и дѣйствіяхъ при томъ ихъ безчеловѣчныхъ. Самъ-же староста каневскій Потоцкій не кажется мнѣ, чтобъ когда былъ усердно преданъ интересамъ вашего императорскаго величества, по разсужденію сего, что какъ объ немъ теперь, такъ и о другихъ, вѣдать нельзя, съ которой стороны находятся. И не имѣвши себѣ наставленія, кого въ сихъ близъ границы лежащихъ мѣстахъ, при нынѣшнемъ смятеніи защищать должно, но если-же на мнѣ, по высочайшей вашего императорскаго величества волѣ, лежитъ должность охранять цѣлость границъ и жителей, дабы иногда въ невѣденіи не причинить досады добронамѣреннымъ и не попустить-бы недоброжелательствующимъ распространять свои озорничества не только надъ доброжелательными поляками, но и на самихъ подданныхъ на границахъ живущихъ, осмѣливаюсь при донесеніи о вышеписанномъ вашему императорскому величеству всенижайше просить на все то высочайшаго указу, дабы я по тому все точно соблюлъ, что къ преуспѣянію высочайшихъ интересовъ вашего величества нужно, и какъ поступать по нынѣшнимъ (?) каневскихъ жителей и тому подобнымъ, если произойдутъ. Но теперь, поелику не знаю, чтобъ отъ вашего императорскаго величества даны были на сей случай какія особенныя повелѣнія запорожскимъ козакамъ, въ моей командѣ находячимся, а по поступкамъ ихъ считая быть каковой либо разбойнической партіи, воспріялъ сіи мѣры, что навѣдавшись, если они въ показанномъ мѣстечкѣ польскомъ и нынѣ находятся при своихъ предпріятіяхъ, предосторожно бъ туда, дабы они подъ видомъ повелѣнія вашего императорскаго величества не произвели собою вредныхъ слѣдствій, отправить команду, состоящую въ пятидесяти человѣкъ карабинеровъ и ста козаковъ малороссійскихъ, при офицерѣ, для взятія оныхъ пристойнымъ и тихимъ образомъ, прежде однакожъ освѣдомясь, для какихъ причинъ туда они пришли. Вышеобъявленнымъ-же чинамъ съ фамиліями и жолнерамъ польскимъ даны въ Переяславѣ квартиры, и приличное благодѣяніе велѣлъ я оказывать.—*Слѣдуетъ подпись.*

VIII.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева кошевому запорожскому Кальнишевскому о доставленіи свѣдѣній относительно показавшихся въ Каневѣ запорожцевъ и наблюденіи, дабы запорожцы не проникали въ Украйну и не производили тамъ насилій.

Іюня 23 дня. № 649.

Ордеръ господину атаману кошевому Сѣчи запорожской Калнишевскому съ войсковою старшиною и товариствомъ.

Я весьма похваляю вашу осторожность и примѣчанія на дѣйствія сосѣднихъ вамъ областей; о чемъ сего числа мнѣ дошли мая отъ 15-го, 27-го и 31-го ваши представленія, рекомендуя и напредъ то чинить, а только о приближеніи прусскихъ и саксонскихъ войскъ меньше имѣть опасности [1]).

Между прибывшими подъ защиту въ Малую Россію польскими чинами, губернаторъ каневскій Новицкій доношеніемъ въ полковую переяславскую канцелярію представилъ, что противъ 9-го числа, сего іюня, человѣкъ тридцать козаковъ запорожскихъ пришли въ мѣстечко Каневъ, сказывая (что?) о приходѣ своемъ имѣютъ указъ, который и показывали означенному губернатору, и онъ видѣлъ, что онъ написанъ подъ титулой ея императорскаго величества, за подписомъ атамана куреннаго уманскаго, котораго имени не помнилъ, и за печатью кошеваго; и когда ихъ повелѣній не принялъ губернаторъ Новицкій, они сожгли замокъ и многіе прогрессы въ тамошнихъ мѣстахъ учинили. А какъ мѣстечка Канева жители прислали также полковой канцеляріи доношеніе съ объявленіемъ, что они тѣхъ запорожцевъ вызвали сами изъ Сѣчи къ своей защитѣ, и присланный съ тѣмъ нарочный показалъ, что атаманомъ былъ у тѣхъ козаковъ куреня Мглинскаго запорожскаго Семенъ Неживой.

Вы посему тотчасъ мнѣ дайте, по выправкѣ, отвѣтъ, были-ль какія къ вамъ просьбы отъ каневскихъ жителей, отъ Коша ли

---

1) Графъ Румянцевъ, въ сообщеніи своемъ, отъ 23 іюня 1768 г., № 644, къ кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, между прочимъ, пишетъ: „въ окончаніе хочу „упомянуть, сколько къ удивленію простоты запорожцевъ, получилъ я, между нѣсколь„кими отъ кошеваго атамана сего дня секретными рапортами, изъ сказовъ людскихъ „одинъ и о томъ, что они слышутъ, яко подъ мѣстечкомъ Васильковымъ сто тысячъ „прусскихъ и саксонскихъ войскъ идетъ, и въ разсужденіи сихъ предпріятій онъ так„же своимъ козакамъ велѣлъ быть въ готовности".—Примѣч. М. А. Максимовича.

подлинно сіи козаки посланы туда, и не дано-ль письменнаго какого приказанія, или самовольно и злодѣйскимъ образомъ такая шайка вышла. Возьмите притомъ найстрожайшее наблюденіе, дабы изъ вашихъ козаковъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ польскихъ, не могли уходить въ Польшу и производить тамъ наглости и разоренія, чтобъ вамъ самимъ за слабое надъ подчиненными смотрѣніе въ семъ случаѣ не дошло иногда не въ предосужденіе отвѣтствовать.—*Слѣдуетъ подпись.*

IX.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ императрицѣ Екатеринѣ II объ открывшихся въ Украйнѣ дѣйствіяхъ гайдамакъ и принимаемыхъ имъ противъ нихъ мѣрахъ, съ испрошеніемъ особаго, по поводу этихъ обстоятельствъ, Высочайшаго повелѣнія.

Іюня 23 дня.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Послѣ отправленныхъ отъ меня къ вашему императорскому величеству отъ 15-го и 19-го чиселъ сего мѣсяца двухъ всеподданнѣйшихъ реляцій о прибытіи въ городъ Переяславъ многихъ польскихъ чиновъ съ фамиліями, ищущихъ покровительства по смятеніямъ въ ихъ землѣ, и что я для поимки шайки разбойнической запорожской, разорившей мѣстечко Каневъ, велѣлъ отправить пятьдесятъ человѣкъ карабинеровъ и сто козаковъ малороссійскихъ, при одномъ офицерѣ, къ тому мѣстечку;—въ прибавокъ получилъ вчерась отъ господина генералъ-аншефа и кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова сообщеніе, которымъ онъ, по извѣстіямъ къ нему дошедшимъ, упоминаетъ, что гайдамацкія толпы въ Уманьщинѣ, Чигиринщинѣ, Смѣлянщинѣ и во всей тамошней околичности, не только весь тотъ край грабятъ и разоряютъ, но и самыя свирѣпыя тиранства надъ польскими шляхтичами, безчеловѣчно оныхъ муча и умерщвляя, производятъ, и съ отважностію по самой границѣ мимо форпостовъ разъѣзжая, стоящимъ при редутахъ командамъ грозятъ о невпущеніи польскаго шляхетства въ границы подъ защиту вашего императорскаго величества. Между тѣмъ и бѣлоцерковскій комендантъ Карбовскій испрашивалъ у него господина генералъ-губернатора, для защиты той крѣпости, по малолюдству гарнизона, подкрѣпленія воинскими людьми, куда онъ пятьдесятъ человѣкъ елец-

каго полка съ офицеромъ отправилъ; да находящійся въ крѣпости Елисаветы полковникъ Корфъ въ согласіе сему же прибавляетъ дошедшія извѣстія, что мая 28-го, пришедъ въ поселенную Макара Чернѣкова слободу, пятьдесятъ человѣкъ гайдамаковъ вооруженныхъ объявили жителямъ оной, что они идутъ въ Польшу для заступленія вѣры, и чтобъ сіи сказывали всѣмъ своимъ командирамъ о таковомъ ихъ намѣреніи, и яко имъ никакая команда въ томъ препятства сдѣлать не можетъ. А таковы де всѣ партіи гайдамацкія, какъ сообщаютъ выходцы на поселеніе сюда изъ Польши, соединясь въ одно мѣсто человѣкъ до тысячи, въ мотронинскомъ лѣсу сдѣлали себѣ засѣку, разстановивъ отбитыя въ польскихъ мѣстечкахъ пушки, и выходя изъ того убѣжища партіями, польскія мѣстечки и деревни разграбляютъ и награбленные пожитки тамъ складываютъ; жидовъ окрещиваютъ, а не хотящихъ того чинить предаютъ смерти. И требовалъ онъ, господинъ генералъ-губернаторъ Воейковъ, чтобъ и я съ моей команды, ко истребленію тѣхъ разорителей, въ показанныя мѣста отправилъ нѣсколько эскадроновъ карабинерныхъ полковъ на встрѣчу командированнымъ отъ него гусарскихъ и новороссійской губерніи тремъ эскадронамъ. По симъ обстоятельствамъ я призналъ за нужно велѣть тотчасъ съ московскаго карабинернаго полку полковнику Протасову съ своимъ полкомъ и ста пятьюдесятью козаковъ малороссійскихъ выступить въ Польшу и расположиться въ округахъ: каневскомъ, бѣлоцерковскомъ, уманскомъ, чигиринскомъ и смѣлянскомъ, и поимкою истреблять разорителей, предписавъ притомъ, чтобъ онъ, будучи съ командою въ Польшѣ, тамошнимъ жителямъ обидъ и озлобленій ни малѣйшихъ не чинилъ, подъ опасеніемъ военнаго суда, и старался бы и самыя разбойническія партіи брать безъ всякаго кровопролитія, паче увѣщаніями и способами искусствъ, развѣ они предпріяли бы что-либо дерзкое, и тогда остается употребить силу, о происхожденіи-же репортовалъ мнѣ, генералъ-губернатору Воейкову и находячемусь въ Польшѣ генералъ-маіору Кречетникову, и ихъ повелѣнія въ разсужденіи высочайшихъ вашего императорскаго величества намѣреній, если какія имѣть будетъ, исполнялъ-бы; также поелику слободской гусарскій харьковскій полкъ нынѣ туда-же въ Польшу слѣдуетъ, то и съ онымъ держалъ бы онъ сообщеніе, сображаясь наставленію, данному того полку полковнику Чорбѣ, къ чему касающійся 2-й пунктъ, изъ указа государственной коллегіи выписанный, при томъ ему

приложенъ. Потребно также я разсудилъ, дабы удобнѣе подавать было въ нужномъ случаѣ, на поимку умножившихся партій гайдамаковъ, помощь, назначенный къ лагерю козловскій полкъ оставить въ крѣпости св. Елисаветы, гдѣ онъ нынѣ стоитъ. Поелику всѣ сіи партіи разбойническія, какъ я вижу, переходятъ въ Польшу чрезъ новороссійскую губернію, то я сообщилъ господину генералъ губернатору Воейкову, чтобъ предложено отъ него содержащимъ форпостные команды чинамъ о наблюденіи строжайшемъ въ пресѣченіи переходу чрезъ тѣ мѣста гайдамакамъ въ Польшу; а кошевому атаману послалъ ордеръ—дать мнѣ тотчасъ отвѣтъ, извѣстно-ль ему, что изъ запорожскихъ козаковъ подлинно вызваны жительми мѣстечка Канева для вспоможенія къ разоренію города? и чтобъ онъ настрожайше въ своемъ войскѣ наблюдалъ, дабы разбойническія партіи при нынѣшнемъ случаѣ не могли выходить изъ ихъ мѣстъ въ Польшу и тамъ чинить разбои. Въ примѣчаніи-же на нынѣшнія смятенія польскія, коль тѣхъ мѣстъ, паче при границѣ лежащихъ, жители подъемлютъ теперь руку и оружіе въ междоусобіи одинъ противъ другаго, чтобъ сіи обстоятельства не могли родить непріятныхъ слѣдствій для живущихъ на границахъ вашего императорскаго величества подданныхъ, я представилъ, отъ 21 числа сего мѣсяца, въ государственную военную коллегію мое мнѣніе, чтобъ поелику повелѣно мнѣ въ нынѣшнее лѣто собрать въ лагерь, для показанія военной полевой службы, всѣ полки моей дивизіи, то часть изъ оныхъ оставя въ назначенномъ уже къ тому мѣсту при Полтавѣ, прочимъ собраться въ другой лагерь близъ Переяслава. Симъ средствомъ можно устранить дальнія и успокоить всѣ нынѣ близъ границы въ Польшѣ происходящія худыя начинанія; для чего я уже и повелѣлъ нѣкоторымъ полкамъ къ той сторонѣ для лагеря склонять свой маршъ. Но какъ я распоряженія сіи дѣлаю только по лучшему моему разумѣнію и усердію къ соблюденію интересовъ высочайшихъ вашего императорскаго величества, не будучи снабденъ никакимъ повелѣніемъ на случай тѣсныхъ обстоятельствъ польскихъ, такъ, чтобъ мнѣ иногда отъ невѣденія не учинить при томъ въ чемъ либо упущеніе, осмѣливаюсь повторить всеподданнѣйше и при семъ о снабденіи меня на то высочайшимъ повелѣніемъ. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ.—*Слѣдуетъ подпись.*

X.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II о разореніи гайдамаками Умани (?) и Палѣева Озера, истребленіи поляковъ и жидовъ, нападеніи на Балту и проч. и принятыхъ имъ поэтому мѣрахъ.

Іюля 3 дня. № 678.

Реляція въ иностранныхъ дѣлъ коллегію.

Доносилъ я вашему императорскому величеству всеподданнѣйшею реляціею, прошедкаго іюня отъ 23 числа, каковы по лучшему моему разумѣнію воспріяты мѣры къ истребленію разбойническихъ партій, которыя, при нынѣшнемъ смятеніи въ Польшѣ, лютыя безчеловѣчія производятъ; но отъ времени еще болѣе прибавляться стало о ихъ злодѣйствѣ увѣдомленіе.

Я подношу при семъ въ копіи вчера полученный репортъ съ приложеніемъ козловскаго пѣхотнаго полку отъ полковника Корфа, что сихъ гайдамакъ умножившееся число, подъ именемъ запорожскихъ козаковъ, не только два польскія мѣстечка Умань (?) и Палѣево Озеро разорили, умертвивъ въ оныхъ до нѣсколько тысячъ поляковъ и жидовъ, но и турецкой области въ мѣстечкѣ Балтѣ нападеніемъ на оное ушедшихъ отъ ихъ мученій жидовъ и поляковъ убили, сражавшись съ турками давшими имъ убѣжище.

Всего больше, что сіи злодѣи, какъ въ Польшѣ, такъ и въ пограничныхъ мѣстахъ турецкихъ, при таковыхъ случаяхъ объявляютъ, что они посланы и все дѣлаютъ по указу вашего императорскаго величества, чѣмъ подвергнули татаръ къ пріуготовленіямъ съ своей стороны, которые уже надъ подданными вашего императорскаго величества, крѣпости св. Елисаветы купцами, и начали производить свои мщенія, разграбивъ нѣкоторыхъ и одного подстрѣливъ. О таковыхъ обстоятельствахъ я тотчасъ увѣдомленіями господина генералъ-аншефа и кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова подалъ ему совѣты, что какъ на его возложена пограничная вся корреспонденція, то бы онъ немедленно предварилъ сообщеніями своими, кого онъ знаетъ, что дерзнувшіе причинять нападенія въ турецкой области суть своевольные разбойники, а ваше императорское величество высочайшими повелѣніями въ томъ нимало не участвуете, и потому съ ними поступаемо-бъ было такъ, какъ съ злодѣями покусив-

шимись отъ себя на таковыя наглости, а равномѣрно ко истребленію оныхъ и отъ вашего величества взяты потребныя мѣры. И поелику сіи всѣ разбойники называются запорожцами, а притомъ и въ репортѣ прилагаемомъ маіора Вульфа находится, что въ гарду запорожскій писарь Быстрицкій объявилъ, что отъ Сѣчи команды посланы въ Умань, такъ я отправленнымъ теперь же курьеромъ потребовалъ отъ кошеваго атамана Калнишевскаго (не думая, чтобъ ему даны были повелѣнія о поискахъ каковыхъ либо, о коихъ-бы мнѣ для вѣдома не предложено, яко несущему должность, по волѣ вашего императорскаго величества, охраненія цѣлости и безопасности въ сихъ мѣстахъ имперіи вашего величества границъ) отвѣта: какъ и для чего команда отъ Сѣчи послана въ Умань? и чтобъ онъ воспріялъ строжайшія мѣры къ истребленію разбойниковъ, производящихъ наглости въ Польшѣ и по границѣ турецкой, и увѣдомилъ-бы, съ запорожскихъ-ли оные козаковъ. Содержащимъ-же команду по форпостамъ найвящше подтвердилъ о наблюденіи, чтобъ сіи разбойническія партіи не могли пробираться въ Польшу чрезъ новороссійскую губернію обыкновенною себѣ дорогою. Хотя средствами сими, мнѣ кажется, удобно утушить малыя искры въ началѣ ихъ рожденія, могущія иногда возжечь пламя великаго неспокойства, но поелику дикость сихъ народовъ намъ пограничныхъ заставляютъ и въ самомъ лучшемъ времени мирномъ взирать на ихъ недреманнымъ окомъ и мало надѣяться на ихъ благоразсужденіе, я не могу обойтиться, чтобъ и при семъ не возобновить моей всеподданнѣйшей просьбы о снабденіи меня, на нынѣшнія обстоятельства и послѣдствія ихъ быть могущія, полнымъ высочайшимъ вашего императорскаго величества повелѣніемъ.—*Подпись.*

XI.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II объ истребленіи посланнымъ отъ него въ Украйну полковникомъ Протасьевымъ гайдамацкихъ отрядовъ Журбы и Швачки, движеніи его къ Умани и проч.

Іюля 15 дня. № 703.

Реляція въ коллегію иностраныхъ дѣлъ.

При распоряженіяхъ, кои могъ я учинить на случай дошедшихъ ко мнѣ извѣстій о смятеніяхъ пограничныхъ польскихъ,

произведенныхъ отъ вторгнувшихся туда своевольныхъ запорожскихъ гайдамаковъ, донесено уже отъ меня вашему императорскому величеству всеподданнѣйшею моею реляціею отъ 23 іюня, что я принужденъ былъ, получая всечасно жалостныя извѣстія о умноженіи силы и безчеловѣчныхъ тиранствахъ сихъ разорителей надъ поляками и жидами, командировалъ въ Польшу полковника Протасьева съ его полкомъ московскимъ карабинернымъ для истребленія шайки разбойничей. Теперь, долженствуя поднесть увѣдомленіе о успѣхѣ отправленной команды, отъ 9 числа текущаго мѣсяца тотъ полковникъ Протасьевъ прислалъ ко мнѣ репортъ, что онъ, вступя въ Польшу, развѣдавши, что собранія таковыхъ разбойниковъ, одно въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ въ селѣ Блощинцахъ, въ растояніи отъ Бѣлой Церкви въ пятнадцати верстахъ, а другое вблизи мѣстечка Богуславля, также въ нѣсколькихъ стахъ человѣкъ, и руководствуютъ оными атаманы: въ первомъ Журба, во второмъ Швачка, учинилъ на ихъ нападенія въ обоихъ мѣстечкахъ и разбилъ сіи обѣ партіи. Въ помянутомъ селѣ Блощинцахъ хотя сіи разбойники покусились было воспротивляться оборонительно, однакожъ не имѣли въ томъ успѣха и ни одного не повредили человѣка; на мѣстѣ ихъ убито до тридцати, да поймано 64 человѣка, прочіе-же разбѣжались; при чемъ взято четыре знамя, двѣ мѣдныхъ пушки и одну черную, да гаковницъ желѣзныхъ пять. Тоже недоѣзжая мѣстечка Богуславля настигнутыхъ другой партіи злодѣевъ взято 68 человѣкъ съ двумя знаменами при упомянутомъ атаманѣ Швачкѣ, который послѣ допросовъ показалъ, что они будто отъ запорожскаго полковника Максима Желѣзняка съ атаманомъ Неживымъ посланы по всей польской Украинѣ для истребленія поляковъ и жидовъ, которыхъ они во многихъ мѣстахъ и поперебили; а Желѣзнякъ сію-же посылку чинилъ якобы по указу; въ ватагу-же ихъ приставали польскіе разнаго званія люди и козаки. Третья-же партія, по показанію сего пойманнаго атамана, съ атаманомъ Неживымъ нынѣ находится въ Чигиринщинѣ, а самъ полковникъ съ большою партіею въ Уманѣ, куда реченный полковникъ Протасьевъ, съ отправленіемъ ко мнѣ репорта, и взялъ походъ, а я еще ему найвящше подтвердилъ, чтобъ онъ преслѣдовалъ сихъ своевольныхъ злодѣевъ до послѣдняго оныхъ искорененія. Тутъ-же, поелику онъ требовалъ отъ меня резолюціи, что чинить съ отобранными пожитками, которыя опознавши поляки ищутъ, такъ какъ и усмирить собственныхъ

ихъ подданныхъ, дѣлающихъ мучительства и смертное убійство своимъ владѣльцамъ,—я предписалъ: если кто удостовѣритъ истинными доводами, что у него то пограблено, таковымъ опознанное все отдавать за росписками ихъ и свидѣтелей, а во всѣхъ деревняхъ подтверждать объявленія, которыя уже отъ его Протасьева тамъ и учинены, чтобъ подданные отложили взятый мятежъ съ причины разныхъ внушеній отъ людей своевольныхъ, при чемъ и ожидать можно, что взбунтовавшіесь подданные обратятся конечно къ прежнему послушанію, увидѣвъ, что ободрившіе ихъ на возмущеніе истребляются, какъ злодѣи погубленія достойные. Кромѣ же объявленныхъ разбойническихъ партій, въ той округжности противныхъ конфедерацкихъ сборищъ онъ полковникъ ни собою, ни по слуху, не примѣтилъ; а пойманныхъ разбойниковъ, числомъ 137 человѣкъ, отправилъ онъ, Протасьевъ, всѣхъ за карауломъ въ Кіевъ къ господину генералъ-аншефу и кіевскому генералъ-губернатору Воейкову. О чемъ всеподданнѣйше доношу. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ. —*Слѣдуетъ подпись.*

(Продолженіе будетъ).

Библіографія.

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть первая. Спб. 1882 г. Стр. 1—220.

Задачею почтеннаго автора настоящаго труда было, по его объясненію, „изложить въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ послѣдовательный ходъ событій исторіи западно-русской церкви". Разумѣется здѣсь исторія русской церкви въ предѣлахъ юго-западной и западной Руси, начиная со времени первоначальнаго отдѣленія этой части ея отъ единства съ остальною русскою церковію до послѣдовавшаго разновременно возсоединенія ея съ нею. Выясняя свой взглядъ на судьбы и характеристическія черты отдѣльной исторической жизни западно-русской церкви и останавливаясь на фактѣ отдѣленія южно-русской митрополіи отъ сѣверной, авторъ основательно замѣчаетъ: „но существенныя особенности, отличавшія западно-русскую церковь отъ сѣверо-восточной, заключались не въ отдѣльной митрополіи, которая сама по себѣ образовала-бы только другой центръ церковнаго управленія въ Россіи, не измѣняя общаго положенія дѣлъ, а въ тѣхъ формахъ церковной жизни, которыя развились въ ней подъ вліяніемъ ея особенныхъ условій и отношеній политическихъ и религіозныхъ. Важнѣйшими изъ этихъ условій были: въ политическомъ отношеніи — подчиненіе западно-русскихъ земель, послѣ короткаго владычества князей изъ русскаго княжескаго рода Владиміра Великаго, власти литовскихъ князей и затѣмъ литовско-польскому и польскому владычеству, въ церковно-религіозномъ отношеніи тѣ многочисленныя и разнообразныя вліянія со стороны римско-католической церкви, подъ которыя подпала южно-русская церковь, находясь подъ государственнымъ управленіемъ властей римско-католическаго исповѣданія

и затѣмъ, со времени уніи, въ самой большей части ея подъ управленіемъ іерархіи, признавшей надъ собою власть римскаго первосвященника. Въ это время въ той части ея, которая осталась вѣрною православію, особенно развилось чувство *народной* силы и вмѣстѣ такіе способы ея защиты, какіе были не извѣстны сѣверо-восточной Руси. Проходящая чрезъ всѣ эти историческіе фазисы народной южно-русской жизни борьба за народность и существенный элементъ ея, вѣру, соединенныя съ борьбою страданія, паденіе или измѣна однихъ, стойкость, величіе духа или терпѣливость другихъ—все это принадлежитъ къ особенностямъ, вызваннымъ въ религіозной жизни южно-русскихъ областей ихъ особенными историческими обстоятельствами.

Сообразно съ такимъ взглядомъ на судьбу исторической жизни западно-русской церкви, поясненнымъ у автора еще нѣкоторыми замѣчаніями относительно главнѣйшихъ опредѣляющихъ событій въ этой жизни, содержаніе „Очерка исторіи“ ея представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I. *Галицко-владимірское княжество и галицкая митрополія.* Соединеніе владиміро-волынскаго и галицкаго княжествъ въ одно и образованіе перваго значительнаго южно-русскаго княжества. Первыя попытки къ образованію отдѣльной митрополіи въ галицко-волынскомъ княжествѣ. Стремленія дома къ подчиненію себѣ южно-русской церкви.

II. *Литовско-польское владычество въ южной и западной Руси.* 1) Литва и Польша: знаменитые князья литовскіе: Гединимъ, Ольгердъ, Витовтъ. Православная вѣра въ Литвѣ. Политическій составъ коренной Польши. Начало христіанства въ Польшѣ. 2) Южно-русскія и западно-русскія земли, вошедшія въ составъ Литвы и Польши. 3) Распространеніе латинства въ южной Руси и основаніе латинскихъ епископскихъ каѳедръ. 4) Соединеніе Литвы съ Польшею при Ягайлѣ. Великіе князья литовскіе. Ягеллоны на престолѣ польскомъ и великаго княжества литовскаго: Казиміръ, Александръ, Сигизмундъ 1, Сигизмундъ-Августъ. Люблинская унія. Избирательное правленіе. 5) Реформація въ Литвѣ и южной Руси. 6) Образованіе въ литовско-польскомъ государствѣ до іезуитовъ и при іезуитахъ. Краковская академія. Виленская іезуитская академія. Замойская академія.

III. *Западно-русская митрополія.* 1) Бывшіе въ XIV в. попытки къ учрежденію въ Литвѣ и галицкой Руси особыхъ митрополій. Образованіе западно-русской митрополіи. 2) Составъ ея и епархіи.

Митрополичья епархія, составъ ея, преемство митрополитовъ. Епархіи: смоленская, черниговская, полоцкая и пинско-туровская. Православныя епархіи на Волыни: владиміро-брестская и луцко-острожская. Православныя епархіи въ русскихъ областяхъ подъ польскимъ владычествомъ: холмская, галицкая и перемышльская. 3) Управленіе западно-русской церкви до брестской уніи: охраны церковнаго управленія; церковный судъ; неприкосновенность святительскаго суда. Патронатъ. Соборы западно-русской церкви въ XVI в. Недвижимыя имущества ея. 4) Состояніе просвѣщенія въ южной и западной Руси въ XV и XVI в. Училища, типографіи и печатаніе книгъ. Памятники духовнаго просвѣщенія. Труды князя Курбскаго. Полемическія сочиненія старца Артемія. Библія Скорины. Острожская библія.

Новый трудъ г. Чистовича имѣетъ несомнѣнное значеніе прежде всего по своей задачѣ. У насъ нѣтъ недостатка въ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ, посвященныхъ тѣмъ или другимъ частямъ и сторонамъ, лицамъ и событіямъ западно-русской церковной исторіи. Но трудъ г. Чистовича, предположившаго въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ изложить весь послѣдовательный ходъ событій этой исторіи въ цѣломъ объемѣ ея, будетъ первымъ этого рода опытомъ. Въ связи съ такимъ характеромъ его, какъ „краткаго и сжатаго очерка“ находится и учено-литературное и научно-педагогическое достоинство его. „Если предлагаемый очеркъ, говоритъ авторъ, не заключаетъ въ себѣ результатовъ изученія всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ и памятниковъ западно-русской исторіи и относящихся къ ней ученыхъ изслѣдованій, то во всякомъ случаѣ онъ представляетъ, основанное на изученіи этихъ памятниковъ, довольно полное изображеніе исторической судьбы западно-русской церкви“. Почтенный авторъ имѣетъ полное основаніе для такой характеристики своего труда. Достоинство его, какъ краткаго и сжатаго очерка, восполняется отчетливымъ обозначеніемъ и опредѣленіемъ важнѣйшихъ условій и отношеній, подъ вліяніемъ которыхъ своеобразно слагалась, и важнѣйшихъ историческихъ фазисовъ, чрезъ которые проходила отдѣльная историческая жизнь южно—и западно-русской церкви. Цѣльныя описанія и живыя характеристики отдѣльныхъ событій, явленій и лицъ не могутъ быть повсюду обязательны въ такомъ сочиненіи, какъ настоящее. Но мѣстами они есть и здѣсь, то въ самомъ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ. Не всегда авторъ ссылается на первые источники или лучшія и болѣе подходящія изданія ихъ,

но во многихъ случаяхъ онъ самостоятельно провѣряетъ какъ свидѣтельства памятниковъ, такъ и мнѣнія изслѣдователей, выражая впрочемъ не самый процессъ, а только результатъ такой провѣрки, говоря вообще, основательной. Осторожный на предположенія, авторъ позволяетъ себѣ ихъ только изрѣдка, напримѣръ относительно названія „Бѣлая Русь", какъ на часть Руси, которая никогда не подпадала татарскому владычеству, оставаясь за все время его свободною или „бѣлою". Авторъ принимаетъ предположеніе о раннемъ, еще въ XII в., появленіи въ Полоцкѣ, нѣкогда главномъ городѣ Бѣлоруссіи, династіи литовскихъ князей. Но, говоря о полоцкой епархіи, онъ удержался отъ объясненія факта ранняго возвышенія здѣшней епископіи на степень архіепископіи и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенія полоцкаго іерарха до степени перваго, послѣ митрополита, іерарха въ ряду южно—и западно-русскихъ епископовъ, а также факта сильнаго умноженія здѣсь монастырей и широкихъ притязаній полоцкаго земства и горожанъ на участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Къ концу „Очерка" полнѣе могъ-бы быть, по нашему мнѣнію, отдѣлъ о состояніи просвѣщенія въ южной и западной Руси въ XV и XVI в. Между прочимъ, болѣе вниманія заслуживалъ бы и фактъ непрерывнаго существованія начальнаго школьнаго обученія при многихъ приходскихъ, особенно патронатскихъ, церквяхъ, также городскихъ и монастыряхъ. Не лишни были-бъ также указанія на нѣкоторые религіозно церковные обычаи, усматриваемые въ западной Руси въ XV и XVI в., какъ продолжавшееся развиваться или формироваться наслѣдіе прошлаго, перешедшее въ тѣхъ же или видоизмѣненныхъ формахъ и въ послѣдующее время. Впрочемъ эти и подобныя требованія выходятъ отчасти уже за предѣлы задачи, принадлежавшей „Очерку". Въ предѣлахъ своей задачи, онъ обработанъ такъ основательно и удачно, что возбуждаетъ желаніе видѣть продолженіе этого очень почтеннаго и полезнаго труда.

И. М.

Акты, относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою коммисіею. Томъ двѣнадцатый. С.-Петербургъ. 1882 г.

Мы считаемъ излишнимъ говорить о значеніи и научной важности для исторіи юго-западной Руси этого прекраснаго изданія: оно слишкомъ извѣстно всѣмъ занимающимся исторіею

этого края. Вышедшій нынѣ томъ обнимаетъ документы относящіеся только къ исторіи двухъ лѣтъ, 1675—1676; въ составъ его вошли 224 документа, извлеченные изъ архивовъ министерствъ: иностранныхъ дѣлъ и юстиціи и редактированные Н. И. Костомаровымъ. Документы эти относятся къ двумъ послѣднимъ годамъ гетманства Петра Дорошенка и серія ихъ заканчивается сдачею и выселеніемъ изъ Чигрина этого гетмана. Впрочемъ содержаніе изданныхъ актовъ до нѣкоторой степени извѣстно лицамъ, занимающимся исторіей южной Руси, такъ какъ они послужили главнымъ матеріаломъ при составленіи Н. И. Костомаровымъ его монографіи, изданной подъ заглавіемъ: „Руина". Для исторіи города Кіева имѣетъ спеціальное значеніе документъ, помѣщенный подъ № 102. Это дѣло относящееся къ утвержденію въ должности царемъ кіевскаго войта Ждана Тадрины и списокъ статей, поданныхъ въ приказъ малороссійскій этимъ войтомъ отъ имени города, въ которыхъ изложены обиды, претерпѣваемыя городомъ отъ ратныхъ людей и воеводъ и просьба о ихъ воздержаніи.

В. А.

Разысканія о началѣ Руси, Д. Иловайскаго, изданіе второе, исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ. Москва, 1882.

Книга имѣетъ цѣлію опровергнуть норманнское происхожденіе русскаго государства и доказать славянское происхожденіе Руси, дунайскихъ болгаръ и гунновъ. Туземное происхожденіе Руси, между прочимъ, доказывается „тяготѣніемъ нашей первоначальной исторіи и самаго имени Русь къ югу, а не къ сѣверу. Русью называли себя преимущественно обитатели Приднѣпровья, а новгородцы называли себя славянами. Русскимъ называлось Черное море, а варяжскимъ Балтійское, что̀ прямо указываетъ на совершенно различное географическое положеніе варяговъ и руссовъ. Изъ иностранныхъ извѣстій IX и X вѣковъ чаще другихъ названіе Русь встрѣчается именно на юго-востокѣ, т. е. у арабскихъ писателей". Но не всѣ доказательства, приводимыя г. Иловайскимъ въ опроверженіе теоріи норманизма и въ подтвержденіе того, что Русь была искони народомъ туземнымъ и что она сама основала свое государство, имѣютъ одинаковую твер-

дость. Норманисты обыкновенно указываютъ на *русскія* названія пороговъ днѣпровскихъ у Константина Багрянороднаго и объясняютъ эти названія изъ нарѣчій скандинавскихъ. Противъ нихъ г. Иловайскій старается доказать только, что эти названія *могутъ быть объясняемы* изъ языка славянскаго. Почему-то авторъ не хотѣлъ воспользоваться и *археологическими* доказательствами исконнаго существованія русскихъ славянъ на нынѣшнемъ югѣ Россіи. Въ заключеніе, считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на мало извѣстную попытку К. Шейковскаго объяснить названія пороговъ днѣпровскихъ у Константина Багрянороднаго изъ славянскихъ нарѣчій. Попытка эта сдѣлана въ неизданной диссертаціи pro venia legendi К. Шейковскаго и извѣстна только по оффиціальному отзыву о ней въ протоколахъ кіевской духовной академіи 19 марта, 1871 года. По словамъ г. Шейковскаго, славянскій міръ еще въ доисторическую эпоху распался на двѣ группы. Характеристическимъ лингвистическимъ признакомъ первой былъ консонантизмъ, а второй—вокализмъ. Первую составляли склавины, а вторую анты. Тѣ и другіе развѣтвились изъ одного народа, называвшагося спорами. Изъ русскихъ племенъ къ первой группѣ принадлежали поляне и древляне, у коихъ, равно какъ и у новгородцевъ, и теперь преобладаетъ консонантизмъ; къ типу антовъ, въ языкѣ которыхъ былъ вокализмъ, принадлежала Русь при Черномъ морѣ, откуда она дѣлала нападенія на Константинополь. Этимъ двумъ группамъ славянскихъ племенъ, склавинамъ и антамъ, соотвѣтствуютъ и двойныя названія днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго. Онъ приводитъ русскія и славянскія названія этихъ пороговъ. Славянскія названія отличаются неполногласіемъ или консонантизмомъ, а русскія полногласіемъ или вокализмомъ. Тѣ и другія Багрянородный переводитъ на греческій языкъ, какъ тождественныя по значенію, но отдаетъ предпочтеніе русскимъ названіямъ пороговъ, какъ настоящимъ названіямъ. А Русь, жившая у береговъ Чернаго моря, это-де южноруссы, принадлежавшіе къ антской отрасли славянъ, отличавшихся полногласіемъ или вокализмомъ; слѣдов., къ объясненію названій пороговъ днѣпровскихъ должно быть призвано и южнорусское нарѣчіе. Константинъ Багрянородный приводитъ и объясняетъ названія семи днѣпровскихъ пороговъ: 1) *Ессупи*, что значитъ „не спи"; 2) по-русски *Ульворси*, а по славянски *Островунипрахъ*, что значитъ „порогъ острова"; 3) *Геляндри*, что значитъ „звукъ порога"; 4) по-русски *Айфаръ*, а по сла-

вянски *Неясыть*, „потому что въ скалахъ его водятся пеликаны"; 5) по-русски *Варуфоросъ*, а по-славянски *Вулнипрахъ*, что значитъ „кипѣніе жидкости"; 6) по-русски *Леанти*, а по славянски *Веручи*, и 7) по-русски *Струбунъ*, а по-славянски *Напрези*, что толкуется „малый порогъ". Для объясненія русскихъ названій всѣхъ этихъ пороговъ г. Шейковскій употребляетъ полногласныя формы южнорусскаго нарѣчія, а для объясненія славянскихъ названій ихъ, неполногласныя формы славянскаго, приэтомъ онъ подбираетъ для объясненія русскихъ названій пороговъ такія южнорусскія слова, которыя-бы не только были созвучны приводимымъ у Багрянороднаго названіямъ, но и по значенію своему соотвѣтствовали-бы даваемому Багрянороднымъ толкованію ихъ. Такимъ образомъ, первый порогъ, называемый у Багрянороднаго *Ессупи* объясняется южнорусскимъ словомъ *не сопи* (отъ сопѣть); второй порогъ, называемый по-русски *Ульворси*, а по-славянски *Островунипрахъ*—южнорусскимъ *Гуль-порігъ* и славянскимъ *порогъ острова;* третій порогъ *Галяндри* южнорусскимъ *халяндра*, означающимъ родъ пѣсни и танца подъ пьяную руку; четвертый порогъ, называемый по-русски *Айфоръ*, а по-славянски *Неясыть*, южнорусскимъ *гайваронъ* или *гайворонъ;* пятый порогъ, называемый по-русски *Варуфоросъ*, а по-славянски *Веручи* (съ перестановкою славянскаго названія съ пятого мѣста на шестое, и наоборотъ) южнорусскимъ *варипорогъ*, т. е. такой порогъ, при которомъ вода какъ-бы кипитъ, славянскимъ *врѣющъ*, врѣющій; шестой порогъ, называемый по-русски *Леанти*, а по-славянски *Вульнипрахъ* объясняется южнорусскимъ *лянчь*, *ллячь*, т. е. льющій, и славянскими *волна* и *порогъ;* седьмой порогъ, называемый по-русски *Струбунъ*, а по славянски *Напрези*, объясняется южно-русскимъ *Стрибунъ*, т. е. прыгунъ, и славянскимъ *Напражинъ*.

Предоставляемъ спеціалистамъ судить объ этой теоріи г. Шейковскаго, намъ-же она представляется если и не лишенною нѣкотораго основанія, то во всякомъ случаѣ недостаточно выясненною и не чуждою натяжекъ, иногда совершенно излишнихъ и довольно странныхъ, каковы напримѣръ объясненія слова *Айфоръ* словомъ *гайворонъ*, или названія *Леанти* едва-ли существующими южно-русскими словами: *лянчь*, и *ллячь*. Не говоримъ о такихъ промахахъ, какъ упущеніе извѣстнаго названія четвертаго порога словомъ *Ненасытецъ* и названіе цыганской *халяндры* южно-русскимъ танцемъ.

Н. П.

Русская историческая библіографія за 1865—1876 г. включительно. В. И. Межова. Т. I и II. С.-Петербургъ. 1882.

Настоящій трудъ извѣстнаго русскаго библіографа В. И. Межова составляетъ отчасти предисловіе „Исторической библіографіи" гг. Ламбиныхъ, состоящей изъ 9-ти томовъ и обнимающей время съ 1855 по 1864 годъ. Появившіеся два тома „Русской исторической библіографіи" г. Межова составляютъ только часть огромнаго труда, долженствующаго состоять изъ семи объемистыхъ томовъ. Въ первый томъ вошли: источники и матеріалы (историческіе акты и документы), исторія Россіи вообще и по царствованіямъ въ особенности, исторія областей и губерній, историческая этнографія и исторія инородцевъ; во второй томъ вошли—жизнеописанія русскихъ дѣятелей и матеріалы для біографическаго словаря. Заключая въ себѣ общій научный интересъ, „Русская историческая библіографія" г. Межова имѣетъ близкое отношеніе и къ исторіи южной и юго-западной Россіи. Кромѣ отдѣльныхъ №№, у г. Межова есть цѣлые отдѣлы, посвященные исторической библіографіи южной и юго-западной Россіи, напр., „сборники актовъ, относящихся къ губерніямъ и областямъ Россіи", „исторія составныхъ частей Россіи—областей и губерній", напр., виленской, витебской, волынской, кіевской, подольской, полтавской, харьковской, черниговской и др. Особеннаго же вниманія заслуживаютъ два отдѣла: „Малороссія, Запорожье, козачество и южная Русь" и „Литва, Бѣлоруссія, сѣверо и юго-западный край". Н. П.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.

(Нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи).

Въ прошломъ мѣсяцѣ вышла въ Кіевѣ книга: *Жизнь и произведенія Тараса Шевченка*, М. К. Чалаго, обратившая уже на себя вниманіе читающей публики богатствомъ сообщаемыхъ ею новыхъ матеріаловъ для біографіи и характеристики поэта. На нашъ взглядъ и въ этой книгѣ, какъ и во всемъ, что писано было о нашемъ поэтѣ, начиная съ его автобіографіи, помѣщенной когда-то въ „Народномъ Чтеніи", есть еще довольно пробѣловъ и неточностей; ихъ-то мы и хотимъ дополнить и поправить нашими личными воспоминаніями о покойномъ Тарасѣ Григорьевичѣ, нашемъ ближайшемъ землякѣ, который былъ извѣстенъ намъ въ то еще время, когда никто не могъ прозрѣть въ немъ великаго поэта и когда онъ былъ просто „наймитчукомъ" у о. Григорія Кошица, приходскаго своего пастыря, и погонялъ его буланую кобылу.

С. Кириловка, въ которомъ родился Т. Г. Шевченко, принадлежало къ составу ольшанскаго имѣнія, доставшагося племяннику свѣтлѣйшаго князя Гр. А. Потемкина-Таврическаго, дѣйств. тайному совѣтнику Василью Васильевичу Энгельгарту. Послѣдніе годы своей жизни В. В. Энгельгартъ провелъ въ м. Ольшаной, гдѣ у него былъ большой деревянный домъ съ тѣнистымъ паркомъ, псовая охота и оркестръ, для помѣщенія коего построенъ былъ цѣлый рядъ домиковъ, выходившій на базарную площадь, противъ помѣщичьяго дома.

Баринъ жилъ и умеръ холостякомъ, но имѣлъ двухъ сыновей отъ нѣкоей метрессы польки или нѣмки, которая похоронена въ с. Кирилловкѣ, съ сѣверной стороны приходской православной церкви. Ольшана съ Тарасовкой, Зеленой, Вербовкой, Вороновкой и Сигидинцами, перешла къ В. В. Энгельгарту по наслѣдству отъ Потемкина, а Кириловка, Гнилецъ, Петрики, Моринцы и Пединовка имъ куплены. По смерти Василія Васильевича, въ 1830 г., ольшанское имѣніе перешло къ родной его сестрѣ Александрѣ В. Браницкой, а Кириловка, Моринцы и другія благопріобрѣтенныя села вмѣстѣ съ капиталами покойнаго, составили собственность незаконнорожденныхъ его сыновей, изъ коихъ полковникъ гвардіи Павелъ Васильевичъ Энгельгартъ сталъ владѣльцемъ Кириловки и помѣщикомъ Тараса Шевченка.

При жизни В. В. Энгельгарта управляющимъ всего ольшанскаго имѣнія былъ нѣкто Дмитренко, православный, а конторщикомъ или секретаремъ его канцеляріи въ Ольшаной—Ѳедоръ Штанько, огромнаго роста басъ; дѣлопроизводство все велось на русскомъ языкѣ. По смерти В. В. Энгельгарта, управляющими являлись уже поляки, которые привели съ собою цѣлую фалангу своихъ соплеменниковъ, получившихъ должности экономовъ, лѣсничихъ, писарей и т. под., вмѣстѣ съ тѣмъ въ экономическомъ управленіи введено дѣлопроизводство на польскомъ языкѣ, что продолжается и нынѣ. Кириловка, Моринцы, Сигидинцы и Пединовка представляютъ изъ себя и нынѣ обширный лѣсъ садовъ, наполненныхъ большими яблоневыми, грушевыми, сливными и черешневыми деревьями. Ольшана, Зеленая и Тарасовка менѣе богаты садами. Крестьяне Энгельгарта жили въ полномъ достаткѣ, пользуясь своими большими садами, ливадами и прудами и отбывая нетяжелую барщину, введенную Энгельгартомъ. Хаты крестьянскія были построены въ замки изъ дубовыхъ, липовыхъ и берестовыхъ брусьевъ, съ хорошими при нихъ клунями, дворами, которые обнесены были высокимъ дубовымъ частоколомъ. Тяжесть барщины и обѣдненіе крестьянъ появились съ переходомъ ольшанскаго имѣнія во владѣніе А. В. Браницкой, подъ управленіемъ поляковъ.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко родился на свѣтъ при В. В. Энгельгартѣ, когда въ ольшанскомъ имѣніи польскаго духу и польской рѣчи не было и въ поминѣ и когда живы были еще воспо-

минанія о гайдамачинѣ, о набѣгахъ крымскихъ татаръ, о сожженіи въ Ольшаной Даніила Кушнира и другія. Въ раннемъ дѣтствѣ разстался онъ съ сестрой Катериной, которая вышла замужъ въ с. Зеленую за крестьянина Антона Крисицкаго, высокаго и стройнаго мужчину, бывшаго сосѣдомъ моего отца. По ея разсказамъ не разъ Тарасъ прибѣгалъ къ ней и въ Зеленую пѣшкомъ, босой и полунагой, со всякой нечистью въ головѣ, бродя изъ села въ село, почему она называла его „приблудой“.

Первый учитель Тараса Г. Шевченка, стихарный дьячекъ с. Кириловки, Петръ Ѳеодоровичъ Богорскій, былъ сынъ священника с. Верещакъ, учился въ бывшей кіевской академіи до средняго класса риторики, а, по изученіи при архіерейскомъ хорѣ церковнаго устава и нотнаго пѣнія, въ 1824 г. опредѣленъ дьячкомъ въ с. Кириловку; въ 1827 г. онъ имѣлъ отъ роду 27 лѣтъ. Онъ-то пріютилъ и просвѣтилъ книжною мудростію блуждавшаго по селу Тараса и ввелъ въ связь съ діакономъ м. Лысянки маляромъ, дьячкомъ с. Тарасовки, маляромъ с. Хлипновки и другимъ грамотнымъ людомъ, стоявшимъ выше крестьянской среды. По свидѣтельству покойнаго священника с. Кириловки, о. Григорія Кошица, Богорскій самъ добровольно принялъ къ себѣ Тараса и никто ему за него ничего не платилъ. Какимъ нибудь горькимъ пьяницей онъ не былъ, хотя на требахъ и въ обществѣ не отставалъ въ выпивкѣ отъ своихъ прихожанъ. И потому Тарасъ Григорьевичъ, оставившій своего учителя по сей части далеко позади себя, излишне рисуетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ отчаяннымъ пьяницей и напрасно не помянулъ его хотя однимъ словомъ благодарности. Не возьми его Богорскій къ себѣ въ науку, Тарасъ вѣрно затерялся-бы въ числѣ другихъ сельскихъ дѣтей. Что дьячекъ посылалъ Тараса читать псалтырь надъ покойниками, за это нельзя его осуждать: таковъ былъ общій въ церковныхъ школахъ обычай, чрезъ который мальчики пріобрѣтали навыкъ въ чтеніи; обычай этотъ нравился самымъ родителямъ дѣтей, а дьячка облегчалъ въ исполненіи лежавшей на немъ обязанности, служа нѣкоторымъ возмездіемъ за даровое обученіе. А если вспомнить обычаи и городскихъ училищъ того времени, гимназій и пансіоновъ, въ которыхъ не щадили лозы для шалуновъ дѣтей, то нечего удивляться, что дьячекъ Богорскій не особенно

нѣженъ былъ съ мальчикомъ такъ продерзливаго и не постояннаго нрава, какимъ былъ Тарасъ Шевченко во время своего дѣтства.

Въ домѣ священника Іоанна Нестеровскаго Тарасъ не жилъ и ничему не учился у него, да и не могъ учиться, такъ какъ Нестеровскій былъ уже старъ для того, чтобы учить грамотѣ, а жилъ онъ нѣкоторое время у другаго священника той-же кирилловской церкви о. Григорія Кошица, исполняя обязанности хлопца-погоныча, присматривавшаго за скотинкой и запрягавшаго буланую и широкохвостую кобылу его, что вспоминалось и впослѣдствіи, во время двухъ пріѣздовъ Тараса Гр. въ Кириловку въ 1845 и 1858 г. Покойная жена о. Григорія передавала намъ, что, находясь въ ея домѣ, Тарасъ въ зимніе вечера всегда въ кухнѣ что-нибудь читалъ про себя, какъ грамотный мальчикъ, а, по словамъ о. Григорія, Тарасъ въ кухнѣ его выучилъ двѣ каѳизмы изъ псалтыря. Полагаемъ, что въ домѣ о. Григорія Тарасъ Гр. не былъ ничѣмъ обиженъ, такъ какъ о. Григорій былъ человѣкъ весьма достаточный, имѣвшій хорошее хозяйство и два большихъ сада при домѣ, а жена его была очень добрая женщина,—оба-же они вели жизнь довольно патріархальную, проводя дни и вечера вмѣстѣ съ своею прислугою въ большой чистой кухнѣ, занимавшей половину дома, и только для отдыха и пріема гостей отдѣлялись отъ своихъ слугъ въ свои свѣтлицы, состоявшія изъ двухъ небольшихъ комнатъ на другой половинѣ дома. Впрочемъ, отзывы о. Григорія были не въ пользу Тараса Григорьевича: онъ и въ послѣдствіи называлъ его все-таки „ледащимъ“, т. е. неспособнымъ къ какому-либо хозяйственному дѣлу. Хотя я бывалъ часто въ домѣ о. Григорія Кошица, сынъ котораго, Иванъ, учился вмѣстѣ со мною и моими братьями въ богуславскомъ училищѣ и ѣздилъ туда на оной буланой кобылѣ, но, къ сожалѣнію, не примѣтилъ я тогда ея погоныча, въ душѣ котораго таился поэтическій геній. Отъ о. Григорія Тарасъ взятъ къ управляющему въ прислугу и вскорѣ отправленъ въ Вильну къ Энгельгарту.

Жители селъ смежныхъ съ Ольшаной, особенно женщины, предпринимаютъ иногда путешествіе въ лебединскій „панянскій“ (дѣвичій) монастырь, отстоящій отъ Кириловки на 35 верстъ. Монастырь этотъ, съ церковью во имя св. Николая, основанъ въ 1779 г. тремя вышедшими изъ Молдавіи монахинями Трифилліею, Дарьей и Февроніей, а церковь устроена при участіи перваго ктитора изъ

крестьянъ, Николая; мужскимъ онъ никогда не былъ, въ 8-ми-же верстахъ отъ него, въ концѣ с. Лебедина, существовалъ до 1840 г. отдѣльный мужской лебединскій георгіевскій монастырь, основанный въ 17 вѣкѣ и упраздненный въ 1845 году при митрополитѣ кіевскомъ Филаретѣ. Съ событіями 1768 года ни тотъ, ни другой монастырь ни въ какой связи не состояли. Мотренинскій монастырь, называемый у г. Чалаго лебединскимъ, гдѣ по преданію гайдамаки освятили свои ножи предъ Коліивщиной 1768 г., находится въ 40 верстахъ далѣе лебединскаго монастыря, близъ м. Жаботина, въ мотренинскомъ лѣсу. Такимъ образомъ въ разсказѣ о путешествіи Тараса въ лебединскій монастырь г. Чалый смѣшалъ три монастыря въ одинъ. Неудивительно, онъ говорить по преданію, или по слуху...

И. М. Сошенко, открывшій Тарасу Гр. дорогу къ высшему образованію, былъ родомъ изъ мѣстечка Богуслава кіевской губерніи, отстоящаго на 40 верстъ отъ с. Кириловки, сынъ мѣщанина, и до поступленія въ академію художествъ учился живописи въ м. Ольшаной у шляхтича Превлоцкаго, довольно хорошаго живописца, котораго не нужно смѣшивать съ маляромъ Исидоромъ Превлоцкимъ, жившимъ въ с. Таращѣ каневскаго уѣзда и украшавшимъ церкви и дома священниковъ всего околотка своею весьма немудрою кистью. Ольшана для Сошенка была особенно близкимъ и памятнымъ мѣстомъ, гдѣ, по порученію Превлоцкаго, имъ написана была псовая охота на заборѣ и воротахъ Энгельгартовой псарни,—по улицѣ, которою проѣзжаютъ изъ с. Зеленой въ м. Ольшану; видомъ этой охоты всякій разъ любовался и я въ дѣтствѣ. О своемъ первомъ знакомствѣ съ Тарасомъ Гр. Сошенко передавалъ мнѣ иначе, чѣмъ сказано у г. Чалаго. Лѣтомъ, въ одинъ изъ лунныхъ петербургскихъ вечеровъ, прогуливаясь въ лѣтнемъ саду, Сошенко замѣтилъ, что какой-то оборвышъ, въ затрапезномъ пестрядиномъ халатѣ, босой и безъ шапки, копируетъ карандашемъ одну изъ статуй, украшающихъ аллеи сада. Замѣтивъ южный типъ физіогноміи, Сошенко полюбопытствовалъ взглянуть на его работу. Зайдя сзади, онъ увидѣлъ, что рисунокъ весьма не дуренъ; тогда ударивъ юнаго художника по плечу, Сошенко, спросилъ: „звидкиль, земляче“?—„Зъ Вилшанои“, отвѣтилъ халатникъ. „Якъ—зъ Вилшанои? Я самъ зъ Вилшанои“, сказалъ Сошенко и, заинтересовавшись землякомъ, узналъ въ этомъ халатникѣ Тараса Шевченка, крѣпостнаго

Павла В. Энгельгарта, законтрактованнаго Ширяеву въ работники для окраски крыши и заборовъ. До настоящаго случая онъ о Тарасѣ ни отъ кого не слышалъ. Землячество, несомнѣнный талантъ и жалкая обстановка Тараса тронули Сошенка, и онъ рѣшился собрать о немъ сначала свѣдѣнія, а потомъ представить его своему профессору, чрезъ котораго позволено было Тарасу Гр. посѣщать частно академію художествъ, а въ послѣдствіи онъ представленъ былъ В. А. Жуковскому, воспитателю покойнаго Государя Императора Александра Николаевича.

О погребеніи Т. Г. Шевченка хлопоталъ въ Кіевѣ названный его братъ Варѳоломей Г. Шевченко. Совѣщанія по сему предмету шли у М. К. Чалаго, исправлявшаго тогда должность директора 2-й кіевской гимназіи. Въ виду начинавшихся тогда польскихъ и украинофильскихъ движеній признавалось затруднительнымъ выполнять желаніе Петербурга или громады похоронить Тараса Г. на берегу Днѣпра, за г. Каневомъ, гдѣ предполагалъ поэтъ устроить свою усадьбу. Высказаны были и другія основанія, по которымъ не слѣдовало лишать народнаго поэта погребенія на общемъ христіанскомъ кладбищѣ. Поэтому полагали похоронить его тѣло на Щекавицкой горѣ. Наконецъ принято, для избѣжанія всякихъ демонстрацій при этомъ погребеніи со стороны учащейся молодежи, приготовить могилу въ выдубецкомъ монастырѣ и препроводить туда гробъ покойника въ большой лодкѣ прямо съ черниговскаго берега, по прибытіи къ цѣпному мосту. В. Г. Шевченко уже вошелъ было въ соглашеніе по сему предмету съ настоятелемъ монастыря. Но случилось иное. Мая 6, въ субботу, около 4-хъ часовъ по полудни, явился ко мнѣ въ квартиру, на Хоревой улицѣ Подола, В. Г. Шевченко съ пономаремъ кіево-подольской христорождественской церкви за разрѣшеніемъ моимъ, какъ благочиннаго, внести гробъ Т. Г. Шевченка въ эту церковь, заявивъ, что гробъ уже слѣдуетъ въ городъ по цѣпному мосту, но что настоятель церкви не считаетъ себя въ правѣ принять его въ церковь безъ разрѣшенія духовнаго начальства; при этомъ названный братъ объявилъ мнѣ твердое намѣреніе уполномоченныхъ петербургскаго общества выполнить точно волю покойника относительно погребенія его на горѣ между г. Каневомъ и Пекарями.

Согласно существующимъ законоположеніямъ, своею благочиннической властію я не могъ разрѣшить внести въ церковь тѣло покойника, о препровожденіи коего изъ Петербурга въ кіевскую губернію не было получено епархіальнымъ начальствомъ увѣдомленія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, и потому предложилъ В. Г. Шевченкѣ ѣхать со мною къ митрополиту Арсенію для предъявленія открытаго листа, выданнаго министерствомъ на перевезеніе тѣла, а чтобы задержать шествіе съ гробомъ, мы отправились въ лавру набережнымъ путемъ по шоссе. Предъ башенными воротами на шоссе мы встрѣтились съ гробомъ, который везли студенты и другая молодежь, снявши шапки. Тяжелый свинцовый гробъ былъ въ деревянномъ ящикѣ, на дрогахъ, и покрытъ большимъ покрываломъ изъ червоной китайки, на которой виднѣлось множество вѣнковъ и цвѣтовъ. По предложенію нашему юношество обѣщало остановиться здѣсь и ждать разрѣшенія на дальнѣйшее слѣдованіе въ городъ, что и исполнено. Митрополитъ былъ уже въ своей молельной для слушанія всенощной, начавшейся въ крестовой церкви при его покояхъ, но по докладу объ особенномъ дѣлѣ, по которому явился благочинный, принялъ меня. Просмотрѣвъ открытый листъ и выслушавъ мой докладъ, владыка сказалъ: „поѣзжайте къ генералъ-губернатору и доложите, что съ моей стороны нѣтъ препятствій“, но при этомъ велѣлъ мнѣ быть въ христорождественской церкви безотлучно, возложа на меня отвѣтственность за всякій могущій произойти безпорядокъ. Князь Васильчиковъ встрѣтился со мною на крыльцѣ, при выходѣ его съ семействомъ для прогулки. Послѣ краткаго моего доклада о дѣлѣ, по которому я прибылъ, князь отвѣтилъ еще короче: „стало, пусть внесутъ въ церковь“. Съ этимъ отвѣтомъ В. Г. Шевченко отправился къ гробу на шоссе, куда спустился отъ николаевскихъ воротъ, а я—на Подолъ въ христорождественскую церковь, гдѣ облачился въ ризы и съ настоятелемъ церкви, о. Іосифомъ, и его причтомъ встрѣтили привезенный гробъ, отслуживши краткую литію надъ нимъ въ самой церкви. Къ вечеру къ этой церкви приставлена была уже полиція, а утромъ присланы и конные жандармы, чѣмъ подстрекнуто было любопытство всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ по Александровской улицѣ. Въ тоже время утромъ гробъ подъ китайкою вынесенъ былъ на улицу для снятія фотографіи и обставленъ братьями Тараса и родичами, явив-

шимися изъ толпы въ своихъ свиткахъ. На вопросъ: кто покойникъ? получался отвѣтъ: „мужикъ, но чинъ на немъ генеральскій". Къ 4-мъ часамъ, когда назначена была панихида и выносъ изъ церкви къ пароходу, стоявшему у цѣпнаго моста, *не только* церковь, но и дворъ оказались биткомъ набиты; по Александровской улицѣ, по шоссе, на горахъ Андреевской и Михайловской и на горѣ у царскаго саду стояло народа не меньше, какъ бываетъ 15-го іюля, во время Владимірскаго крестнаго хода. Литургія въ христорождественской церкви совершена, по случаю воскреснаго дня, въ обычное время настоятелемъ церкви о. Іосифомъ Жолтоножскимъ, а панихида по покойномъ Тарасѣ Гр. отслужена мною въ 4 часа, совмѣстно съ о. Іосифомъ, при многочисленномъ собраніи предстоящихъ, между которыми изъ извѣстныхъ лицъ можно было видѣть М. В. Юзефовича и Гр. П. Галагана. Пѣли панихиду почитатели таланта покойнаго съ участіемъ нѣкоторыхъ студентовъ духовной академіи и воспитанниковъ духовной семинаріи, такъ какъ пригласить хоръ академическій или семинарскій почему-то оказалось невозможнымъ. Никакихъ рѣчей въ церкви не было по условію съ распорядителями процессіи. Но лишь вынесли гробъ изъ церкви на набережное шоссе, явилось столько всякихъ ораторовъ изъ молодежи, что пришлось останавливаться съ гробомъ чуть не чрезъ каждые 5 шаговъ, и нужно сознаться, что нѣкоторые ораторы мололи ужасную чепуху, называя покойника освободителемъ народа и даже спасителемъ. Пройдя за гробомъ до крещатицкой часовни, дальнѣйшіе проводы я предоставлялъ одному о. Іосифу, такъ какъ въ городскихъ церквахъ начался уже звонъ ко всенощной наступавшаго праздника св. Іоанна Богослова и тезоименитства митрополита Арсенія, къ которой я долженъ былъ поспѣшить въ свою успенскую церковь.

Пр. П. Л—въ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ПАСХАЛЬНОЙ ВИРШѢ.

Мы получили изъ Тифлиса отъ Д. К. Мороза слѣдующее, какъ онъ полагаетъ, *окончаніе* пасхальной вирши, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Кіевской Старины".

Веди къ саду всю громаду, веди, щобъ селилась
Тутъ въ покою и зъ тобою вічно веселилась.

Заразъ тая середъ рая свобода засіла:
Тутъ тишина, вся старшина не мае къ имъ діла;
Тутъ сіпуга, війтъ—пьянюга вже не докучае,
И въ подводу тутъ изъ роду ніхто не хапае.
Всі подубли, що ихъ скубли, сільскіи нахалы,
Подеречи, колотнечи всі уже пропали.
Зникли зборы, вже позоры (?) не правлять кварталу—
Сказавъ Адамъ, що не подамъ людей на поталу.
Утікъ куражъ, здирства нема-жъ, пропали всі драчи,
Счезло лихо, живуть тихо, не дають подачи,
Погибла власть и вся на рясть вилізла голота,
Війтъ не ворчить и не стучить десятчикъ въ ворота,
Тамъ... іде...[1]) ні вже не журися:
Манна зъ неба, все що треба—іжь, пий, веселися.
Райскі птиці ластовиці весело співають,
Жайворонки, соловейки якъ въ органъ играють.
Всякихъ музыкъ ни чій языкъ не може сказати,
Мудрий писакъ и перомъ такъ не може списати.
Дай, Боже, намъ, щобъ сіі тамъ музыки играли,
Щобъ більше насъ, хоть у той часъ, сіпаки не брали.
Ты, Боже, бачъ, кровавый плачъ и горке рыданье,
За тее намъ покажи тамъ вічне пануванье!

Г. Морозъ считаетъ приведенные стихи существенною и самою интересною частію вирши и на основаніи заключающихся въ ней указаній на нѣкоторыя особенности соціальнаго склада населенія (малороссійскаго) придаетъ виршѣ болѣе древнее происхожденіе и готовъ отнести ее даже ко временамъ Хмельницкаго.

„Изъ этой части, говоритъ онъ, видно, что во время сочиненія вирши взимался „кварталъ“, т. е. такая подать, которая не могла долго существовать въ Малороссіи со времени присоединенія ея къ Россіи и никогда не существовала на Запорожьѣ; существовали неизвѣстныя запорожцамъ должности войтовъ; взимались подводы, утѣснялось сельское населеніе „нахалами“ и пр. Давность вирши подтверждается еще и значительными измѣненіями въ имѣющихся

---

[1]) Выраженія эти не разобраны въ рукописи.

спискахъ и не только текста, но и названія, что не могло имѣть мѣста въ сравнительно небольшой промежутокъ времени. Весьма вѣроятно, что черноморцы воспользовались этою виршею въ 1786—87 г., какъ готовымъ уже матеріаломъ и при этомъ опустили весьма существенный конецъ ея, который являлся, по тому времени, не соотвѣтствующимъ. Что она сочинена не запорожцемъ, это видно отчасти и изъ того, что въ ней не заключается никакихъ мѣстныхъ запорожскихъ особенностей и что она составляетъ какъ-бы общее достояніе всей страны. Кромѣ того, сочиняя виршу для князя Потемкина, авторъ ея употребилъ-бы скорѣе книжный, какъ болѣе понятный языкъ для гетмана, и не преминулъ-бы коснуться, такъ или иначе, личности амфитріона, чего, однако, мы не видимъ. Безспорно, авторъ вирши не принадлежалъ къ средѣ духовенства и не получилъ духовнаго образованія. Духовное лицо не рѣшилось-бы изображать сказанія изъ области религіи въ юмористической формѣ, а воспитанникъ духовнаго (?) училища внесъ-бы въ языкъ вирши латынизмы. Между тѣмъ языкъ ея является вполнѣ народнымъ безъ малѣйшихъ постороннихъ примѣсей, а сравненія и образы прямо указываютъ на принадлежность автора къ народной средѣ. Помимо этого, только посполитый могъ указывать въ такой формѣ положеніе народа и изображать идеалы свободы. По представленію автора, идеалы эти выражаются въ томъ, что старшина не имѣетъ дѣла къ народу; пьяный войтъ не надоѣдаетъ ему и не беретъ подводъ, „подеречи и колотнечи“ пропали; населеніе живетъ тихо, не даетъ взятокъ; десятникъ не стучитъ въ ворота; нѣтъ кроваваго плача и горькаго рыданія; нѣтъ печалей—сошла небесная манна—ѣшь, пей и веселися.

Всѣ эти данныя указываютъ, что пасхальная или, по нашему мнѣнію, точнѣе—воскресная вирша является стариннымъ памятникомъ народнаго творчества и при томъ весьма цѣннымъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Въ 50-хъ годахъ намъ лично приходилось слышать отъ одного стародавняго панка-хуторянина въ черниговской губерніи устное привѣтствіе отрывками этой вирши въ день свѣтлаго праздника. Мы живо помнимъ и до сихъ поръ то пріятное впечатлѣніе, которое, производили вирши на слушателей. Отвѣчая вполнѣ складу міровоззрѣнія малороссіянъ, памятникъ этотъ легко могъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе и дошелъ,

наконецъ, хотя и въ извращенныхъ спискахъ, до насъ, не утратившіи ни своей свѣжести, ни своего интереса“.

Не сомнѣваемся, что списковъ вирши съ такою прибавкою, какая приведена выше, найдется довольно и что списокъ г. Мороза не единственный уже потому, что, по его словамъ, составляетъ копію 60-хъ годовъ съ рукописи 1839 г., являвшейся также копіею съ копіи. Мы не можемъ однакожъ согласиться съ доводами уважаемаго г. Мороза и потому именно и помѣщаемъ сообщенную имъ прибавку, чтобы она не вводила въ недоумѣніе тѣхъ, у кого окажутся подобные морозовскому списки. Никто не откажетъ этой прибавкѣ въ нѣкоторомъ ея интересѣ; но на основаніи тѣхъ-же ея особенностей, на которыя указываетъ г. Морозъ, можно относить именно эту часть вирши къ тому времени, къ которому мы отнесли самую виршу и считать ее не существенною частію, а только приставкою, сдѣланною въ то время, когда изъ Запорожья она перешла въ народъ. Тотъ строй жизни малороссійскаго народа, на который въ этой приставкѣ есть нѣкоторыя указанія, въ правобережной Украйнѣ сохранялъ свою силу до 1793 г., а въ нѣкоторыхъ сторонахъ и позже того. *Кварталъ*, или сборы по четвертямъ года, существовалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были такъ называемыя староства. Получавшіе ихъ изъ рукъ короля должны были вносить въ его казну часть доходовъ съ полученныхъ ими донацій; но, внося сами, они собирали вносимое съ крестьянъ и такой порядокъ держался до послѣднихъ дней Рѣчи Посполитой. Войтъ былъ должностнымъ лицемъ самихъ помѣщиковъ и перешелъ съ ними въ подданство Россіи. Должности *сіпугъ* или *сіпакъ* и *десятниковъ*—тѣ-же органы помѣщичьей власти и удерживаются гораздо долѣе войтовъ. Взиманіе подводъ, утѣсненіе населенія, „всякія побеpainчи и колотнечи“—явленіе столько-же начала XIX, какъ и XVIII в. Выраженные въ виршѣ идеалы народные—такого общаго свойства, что годятся для всякаго времени. Измѣненія въ спискахъ также не говорятъ о болѣе древнемъ происхожденіи вирши, чѣмъ обыкновенно ей приписывается: и со времени учрежденія черноморскаго войска протекло уже около ста лѣтъ. Кто писалъ виршу,—вопросъ не важный: въ Запорожье сходились люди разныхъ профессій, а въ числѣ ихъ бывали и грамотѣи. Что она писана кѣмъ либо изъ членовъ запорожской общины, это, кромѣ сохранившагося преданія, которое мы

слышали болѣе сорока лѣтъ назадъ, доказывается рѣзкостью и грубостью ея красокъ, доходящею по мѣстамъ до цинизма и не имѣющею ничего общаго съ изяществомъ народныхъ думъ и пѣсень. Изъ запорожскихъ особенностей можно указать въ ней на сравненіе силы смерти съ силою „пруса и крымскаго хана“. Чего либо относящагося къ личности амфитріона—Потемкина, вирша *пасхальная* и не могла заключать; при томъ черноморцы-запорожцы не отличались любезностію, на лесть-же и вовсе не способны были. Въ то время не они заискивали въ Потемкинѣ, а онъ въ нихъ. Пресыщеннаго до тошноты временщика забавляла всякая оригинальность и авторъ вирши просто хотѣлъ позабавить вельможу одною изъ такихъ оригинальностей. Тутъ не требовалось быть особенно понятнымъ, а съ оригинальнымъ бытомъ запорожцевъ и ихъ языкомъ Потемкинъ давно былъ знакомъ, теперь-же и позже онъ особенно съ ними заигрывалъ и приближалъ ихъ къ себѣ. Наконецъ самый размѣръ стиха вирши не дозволяетъ приписывать ей происхожденіе болѣе древнее. Тѣмъ не менѣе мы очень признательны г. Морозу за сообщеніе не достававшаго у насъ конца вирши, который самъ по себѣ имѣетъ историческое значеніе. Сообщенные имъ нѣкоторые варіанты не имѣютъ, по нашему мнѣнію, интереса и значенія, по тому и не приводятся. Не помѣщаемъ также и описанія мукъ смерти и сатаны, пропущеннаго нами и въ спискѣ Гоголя, — по тому соображенію, что такія картины претятъ даже не особо взыскательному вкусу.

МНИМО-НАЙДЕННЫЙ ДНЕВНИКЪ СВЯТИТ. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО.

(по поводу газетныхъ извѣстій) *).

Въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ недавно помѣщена была корреспонденція г. Кулжинскаго, изъ Чернигова, въ

*) Мы весьма признательны уважаемому С. I. К—чу за разъясненіе невѣрнаго и поспѣшнаго извѣстія, получившаго такую широкую огласку. Мы были въ большомъ недоумѣніи, читая это извѣстіе во многихъ газетахъ. Извѣстно, что

которой оповѣщалось о томъ, будто онъ, Кулжинскій, въ библіотекѣ елецкаго монастыря отыскалъ собственноручный дневникъ бывшаго настоятеля и архимандрита этой обители, впослѣдствіи святителя и всея Россіи „чудотворца Димитрія Ростовскаго". Въ этомъ дневникѣ, говоритъ Кулжинскій, изображена внутренняя жизнь монастыря.

Изъ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" это извѣстіе перепечатано въ „Церковномъ Вѣстникѣ", „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ", „Кіевлянинѣ", „Зарѣ", „Новомъ Времени", „Голосѣ", „Газетѣ Гатцука" и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Послѣ такой огласки, не только желательно, но и нужно знать, правду-ли сообщилъ г. Кулжинскій въ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости".

Въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ сего 1882 года, г. Кулжинскій былъ въ Черниговѣ и осматривалъ библіотеку черниговскаго елец. монастыря. Въ ней, подъ № 1-мъ, дѣйствительно находится книга въ переплетѣ, на которомъ значится слѣдующее заглавіе: *Черновыя*

«Дневныя Записки» или Діаріушъ св. Димитрія не разъ были напечатаны въ полномъ собраніи его сочиненій, имѣвшемъ нѣсколько изданій, хотя они и не представляютъ дневника въ собственномъ смыслѣ, а только замѣтки о главнѣйшихъ перемѣнахъ и случаяхъ въ его жизни. Какой-же могъ быть еще другой его дневникъ? При свиданія нашемъ съ многоуважаемымъ А. И. Ханенкомъ, сообщившимъ намъ дневникъ своего прадѣда, котораго печатаніе, надѣемся, вскорѣ начнется, мы обращались за разъясненіемъ нашего недоразумѣнія къ этому столь почтенному мѣстному дѣятелю, такъ близко притомъ знакомому съ исторіею той мѣстности и мѣстными архивами, и получили въ отвѣтъ, что за новый, якобы, дневникъ святителя могъ быть принятъ одинъ изъ списковъ его Діаріуша, которые встрѣчаются на мѣстѣ не рѣдко и теперь: «Возможно-ли допустить, говорилъ намъ А. И., чтобы какая либо цѣнная рукопись св. Димитрія, находящаяся въ мѣстномъ монастырскомъ архивѣ, не была извѣстна славному историку нашему, пр. Филарету черниговскому, столько лѣтъ пробывшему въ Черниговѣ, такъ неутомимо работавшему подъ мѣстною исторіею до самой смерти своей и не оставившему безъ пересмотра ни одного мѣстнаго архива, ни одного, можно сказать, клочка его бумагъ?» Теперь не только подтверждается справедливость этого замѣчанія, но и объясняется, что именно г. Кулжинскій принялъ за дневникъ св. Димитрія Ростовскаго. Въ перепечаткѣ его невѣрнаго извѣстія большинствомъ нашихъ газетъ нельзя однако не видѣть, съ какимъ уваженіемъ наша печать относится къ произведеніямъ великаго святителя.— *Ред.*

бумаги, писанныя рукою святителя Димитрія Ростовскаго. Открывъ эту книгу, на первомъ ея листѣ читаемъ слѣдующее: „Опись 1697 года мѣсяца іюня, бывшаго архимандрита монастыря елецкаго, черниговскаго, Димитрія Савича, нынѣ святаго усопшаго святителя Ростовскаго, его саморучная какъ экономическихъ, такъ и другихъ дѣлъ монастыря разныхъ, по отъѣздѣ его зъ монастыря елецкаго, 1699 года, сентября 17 дня. № 136“. Въ книгѣ этой переплетено всего 10 листовъ и 1 четвертка.

Первый листъ есть собственноручная записка святителя Димитрія о пріемѣ монастыря 1697 г. Затѣмъ слѣдуютъ его-же записи, когда, сколько и для чего взято денегъ изъ *„скринки“*, и о назначеніи новаго шафаря Иннокентія. На оборотѣ этого листа расходъ 1698 г.

На 2 и 3 листахъ рукою св. Димитрія переписанъ „Декретъ Лизогуба, полковника черниговскаго, колчевцомъ на онисовцовъ о разграниченіи грунтовъ даный“. Оборотъ 3-го листа исписанъ не рукою св. Димитрія, но другими почерками (замѣтки) четырехъ различныхъ лицъ.

4 и 5 листы составляютъ собственноручную записку святителя Димитрія о сдачѣ монастыря съ точными перечисленіями монастырской собственности.

6 и 7 листы заключаютъ опись монастырскихъ имуществъ. Опись эта писана не рукою св. Димитрія, но по мѣстамъ исправлена его рукою и въ концѣ приписка его-же рукою.

На 8 листѣ содержаніе прошенія архимандрита Димитрія съ братіею до ясневельможнаго, т. е. до Гетьмана, о притѣсненіи онисовцевъ черниговскими людьми и о вдирательствѣ въ монастырскій сѣнокосъ Шабѣльника.

На 9 листѣ содержаніе прошенія о томъ-же до полковника черниговскаго.

10 листъ составляетъ исписанную неизвѣстно кѣмъ четвертку бумаги, почему-то попавшую въ эту книгу.

11 листъ исписанъ рукою св. Димитрія о томъ, „якъ Шабѣльникъ завладѣлъ монастырскимъ сѣнокосомъ“.

Какъ видимъ изъ содержанія рукописи елецкаго монастыря, подъ № 1-мъ, она не есть дневникъ святителя Димитрія Ростовскаго, но сборникъ различныхъ бумагъ, писанныхъ и рукою свя-

тителя Димитрія и другими лицами. Г. Кулжинскій сдѣлалъ поспѣшное заключеніе объ этой рукописи, назвавъ ее дневникомъ святителя, вѣроятно, не прочитавъ ее. По почерку письма, она очень трудна для чтенія. Чтобы правильно и свободно читать эту рукопись, нужно имѣть навыкъ и хорошее знакомство съ древними манускриптами.

Въ упомянутомъ сообщеніи своемъ въ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“, г. Кулжинскій выражается, что онъ *отыскалъ* эту рукопись святителя Димитрія Ростовскаго. Выходитъ, что до того времени, т. е., до времени отысканія означенной рукописи г. Кулжинскимъ, она никому не была извѣстна. Но такъ-ли и это? На самой рукописи есть подпись: „смотрѣно, 1830 года, сентября 24 дня, профессоромъ церковной исторіи и французскаго языка въ черниговской семинаріи и секретаремъ правленія сей семинаріи, магистромъ Алексѣемъ Лукіановымъ сыномъ Минервинымъ“ ¹). Въ историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи преосвященнаго Филарета, книга третяя, а) на стр. 19, говорится: „Въ елецкой обители есть собственноручная записка Димитрія Савича Туптало о пріемѣ монастыря“ и дѣлается выписка, въ 11 строкъ, изъ этой записки; б) на страницѣ 21-й говорится: „Въ монастырѣ елецкомъ дѣло собственноручной записки его (св. Димитрія) о сдачѣ монастыря“ и затѣмъ дѣлается въ семь строкъ выпись изъ этой записки; в) на страницѣ 6-й говорится: „Въ описк[illegible]настырскихъ имуществъ, написанной при св. Димитріѣ Савичѣ и по[illegible]стамъ исправленной его рукою объ Ивановкѣ и Горбовѣ сказано“... и затѣмъ дѣлается выпись въ 14 строкъ, которыя переходятъ на 7-ю страницу. Значитъ, преосвященный Филаретъ зналъ эту рукопись святителя Димитрія, читалъ ее и пользовался ею. Мы знаемъ достовѣрно, что объ ней знаютъ многіе и чатали ее многіе въ разное время. Послѣ этого, можно-ли было писать г. Кулжинскому, что онъ *отыскалъ* собственноручную эту рукопись св. Димитрія? По нашему мнѣнію, или г. Кулжинскій не знакомъ съ историко-статистическимъ описаніемъ черниговской епархіи, или всѣхъ онъ считаетъ такими людьми, которые повѣрятъ ему на слово. Если-бы

---

¹) Впослѣдствіи профессоромъ кіевской академіи, ум. въ 1853 г.

г. Кулжинскій поговорилъ объ этомъ съ кѣмъ нибудь изъ людей свѣдущихъ, то онъ не сдѣлалъ-бы такой грубой ошибки. Онъ, какъ должно полагать, пожелалъ присвоить себѣ честь открытія этой рукописи святителя Димитрія, а на самомъ дѣлѣ открылъ только свое невѣденіе.

Нѣкоторыя извлеченія изъ записки святителя Димитрія о пріемѣ и сдачѣ имъ черниговскаго елецкаго монастыря и описи монастырскаго имущества, исправленной его рукою, могущія имѣть общій интересъ, мы сдѣлаемъ впослѣдствіи.

С. І. К—чъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ Д. Г. БИБИКОВА ОДНОМУ ИЗЪ РУССКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Всевластный правитель юго-западнаго края 40—50-хъ годовъ, Д. Г. Бибиковъ извѣстенъ былъ своею безпощадною строгостію въ отношеніи къ польскимъ помѣщикамъ края. Приводимое здѣсь письмо его показываетъ, что онъ не смотрѣлъ сквозь пальцы и на русскихъ помѣщиковъ, если кто-нибудь изъ нихъ шелъ въ разрѣзъ съ устанавливаемымъ имъ въ краѣ порядкомъ и духомъ.

Русскихъ помѣщиковъ въ юго-западномъ краѣ было тогда весьма немного, но это были большею частію богачи, люди знатныхъ родовъ, владѣвшіе громадными имѣніями, пресыщенные до икотки и потому благодушествовавшіе. Назовемъ для примѣра Браницкую, Энгельгардта, Бобринскихъ, Лопухиныхъ, Голицыныхъ, Орловыхъ, Давыдовыхъ, Скородулей и пр. У нихъ и крестьянамъ жилось легче, особливо, если они для вящшаго благоустройства своихъ имѣній не обзаводились, подобно Браницкой и другимъ, польскими управителями и экономами. Помѣщикъ, къ которому пишетъ Бибиковъ, жилъ въ сѣверной части губерніи, на песчаномъ грунтѣ и ни самъ, ни въ лицѣ предковъ своихъ не получалъ ни тысячами душъ крестьянъ, ни десятками тысячъ десятинъ земель. Отсюда, вѣроятно, его озлобленіе, какъ у тѣхъ благодушіе и преданность. Что касается пренебреженія къ православному духовенству, то это черта общая помѣщиковъ того времени, одинаково русскихъ, какъ и польскихъ, и занесена первыми оттуда, гдѣ въ теченіи

вѣковъ выработались представленія о „жеребячьей породѣ, иго-го, козлахъ, кутьѣ“ и т. под. Православное духовенство переступало порогъ залы помѣщичьей лишь въ Пасху и Рождество, чтобы пропѣть праздничныя пѣсни, а за тѣмъ отсылалось на кормленіе въ переднюю, кухню, контору и т. п. помѣщенія, въ то время, когда офиціалисты и челядь разныхъ названій пировали въ покояхъ своего патрона. Самъ свѣтлѣйшій князь Лопухинъ, *случайный* владѣтель Корсуна, справлявшій у себя храмовый праздникъ Петра и Павла на маперъ средневѣковыхъ германскихъ придворныхъ празднествъ, видѣлъ собиравшееся тамъ почетнѣйшее духовенство только въ церкви, откуда оно посылалось въ контору, и, дѣлая въ праздники визитъ становому приставу, не находилъ приличнымъ для себя посѣтить тутъ-же рядомъ жившаго своего духовнаго отца. Одинъ продерзостный протоіерей, сопровождавшій митрополита при обозрѣніи епархіи въ 60-хъ годахъ, получая отъ князя приглашеніе къ обѣду, осмѣлился спросить: „а духовенство“ (уѣздный протоіерей, благочинный, мѣстный и другіе священники, служившіе съ митрополитомъ)? и получилъ въ отвѣтъ: „а они въ конторѣ, они у меня никогда не бываютъ“. „Какъ?“ возразилъ неугомонный протопопъ; „раздѣляющіе съ владыкою трапезу Господню недостойны раздѣлить съ нимъ вашу трапезу?“ и—побѣдилъ. Смущенный престарѣлый князь уступилъ напору новыхъ понятій и отношеній, хотя на этотъ только разъ. Не сомнѣваемся, что самъ многопопечительный Д. Г. Бибиковъ раздѣлялъ въ этомъ отношеніи понятія и привычки того времени и его потревожило въ данномъ случаѣ не то, что православное священство угощается въ помѣщичьей кухнѣ, а то, что одновременно съ этимъ польскіе ксендзы возсѣдаютъ за столомъ русскаго помѣщика. Впрочемъ, какъ къ дворянину русскому, при томъ полковнику, онъ пишетъ, по своимъ пріемамъ, весьма сдержанно и не непочтительно.

Милостивый государь
Аврамъ Ивановичъ!

До меня доходятъ слухи, что будто-бы ваше высокоблагородіе весьма часто, въ присутствіи польскихъ помѣщиковъ, осуждаете дѣйствія правительства, распоряженія начальства, дерзко отзываетесь вообще о правленіи, и кромѣ сего будто-бы пренебрегаете православною религіею, презираете русское духовен-

ство и всегда даете преимущество католическимъ ксендзамъ, которыхъ болѣе уважаете, даже предпочтенія сего не скрываете и предъ вашими людьми, ибо въ одно и тоже время католическихъ ксендзовъ сажаете за столъ вмѣстѣ съ вами, а нашихъ священниковъ отсылаете обѣдать на кухню.

Я долженъ вамъ признаться, что, несмотря на то, что слухи эти доходятъ до меня съ давнихъ поръ и всегда постоянно объ однихъ вашихъ дерзостяхъ, но я не могу вѣрить, чтобы престарѣлый русскій полковникъ, православный подданный нашего Царя, рѣшился позволить себѣ подобныя вещи, — особенно въ глазахъ еще иновѣрнаго духовенства и польскихъ уроженцевъ, для коихъ каждый русскій долженъ быть примѣромъ благоговѣйнаго почитанія нашей вѣры, преданности Государю и уваженія властей.

Обо всемъ этомъ, чтобы предостеречь васъ и честь заслуженнаго русскаго офицера, я почитаю моимъ долгомъ сообщить вамъ, имѣя честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга

Дмитрій Бибиковъ.

3 декабря 1840 г.
Кіевъ.

Вверху помѣта: получ. 11 дек. 1840 г.

Сообщ. **В. В. Борисовымъ.**

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ *).

Списокъ старинныхъ малороссійскихъ портретовъ, помѣщенный глубокоуважаемымъ А. М. Лазаревскимъ въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“, съ своей стороны, могу дополнить двумя нумерами.

Въ дер. Мармиловкѣ лохвицкаго уѣзда, полтавской губерніи, въ усадьбѣ помѣщика Ильи Яковлевича Стороженка хранятся два старинныхъ портрета представителей рода Стороженковъ:

---

*) Съ признательностію помѣщая настоящую замѣтку, сообщенную намъ многоуважаемымъ А. С—ко, питаемъ надежду, что и другіе представители малорусскихъ родовъ не откажутъ намъ въ пополненіи этого отдѣла извѣстій —Ред.

28) [1]) Иванъ Стороженко. Въ креслѣ у стола сидитъ глубокій старикъ съ небольшой, совершенно бѣлой, бородой. На столѣ стоятъ—Распятіе и Евангеліе въ зеленомъ переплетѣ. Одѣтъ старикъ въ красный кафтанъ и опоясанъ чернымъ, повидимому, бархатнымъ, поясомъ, съ золотыми мушками; на плечи накинутъ плащъ розоваго цвѣта съ голубой подкладкой, застегнутый подъ бородой золотымъ аграфомъ. Въ лѣвой рукѣ полковничья булава.

Внизу надпись:

„Року Божого ҂аѯчг (1693) [2]) февруарія ѳі (15) преставился рабъ Божій Іоанъ Стороженко, полковникъ В. И. Ц. П. В. З. прилуцкій“.

29) Григорій Стороженко, сотникъ ичанскій (Ичня — мѣстечко борзенскаго уѣзда, черниговской губерніи). Когда миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ былъ избранъ гетманомъ (1 октября 1727 года), Григорій Стороженко былъ повышенъ въ званіе генеральнаго бунчучнаго. Затѣмъ онъ былъ посланъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Забѣлою, Лукашемъ Переяславскимъ и Мартиномъ Штишевскимъ въ С.-Петербургъ ко двору съ извѣстіемъ объ избраніи гетмана [3]). Женатъ онъ былъ на одной изъ Лизогубовыхъ—Евдокіи, бывшей въ первомъ бракѣ за бунчуковымъ товарищемъ Кулябкою.

На портретѣ, который сдѣланъ до 1727 года, такъ какъ Григорій Стороженко названъ на немъ еще сотникомъ ичанскимъ, изображенъ молодой мужчина—„білолиций, чорный усъ“, какъ поетъ народная пѣсня. Одѣтъ онъ въ зеленый парчевый кафтанъ; на плечи накинутъ синій плащъ, подбитый мѣхомъ; возлѣ, на креслѣ лежитъ высокая мѣховая шапка съ султаномъ. Въ верхнемъ лѣвомъ углу портрета изображенъ гербъ Стороженковъ: крестъ на красномъ полѣ, съ полумѣсяцемъ внизу, короной на верху, зеленымъ вензелемъ по полю, сіяніемъ вокругъ и по угламъ буквами Г, С, С, И, что значитъ Григорій Стороженко, Сотникъ Ичанскій.

---

[1]) Продолжаю нумерацію г. Лазаревскаго.

[2]) 600 неправильно обозначено буквою *кси*, имѣющею обыкновенно значеніе 60-ти. 600 обозначается буквою ха (х҃).

[3]) См. Записки Марковича, 1859, ч. I, стр. 246—47.

Подъ изображеніемъ герба подписаны слѣдующіе стихи:

„Луна въ нощи свѣтитъ, волкъ туне блудитъ зрящъ.
Креста Христова вѣрнымъ свѣтъ есть въ нощи и во дни свѣтящъ.

Григорій Стороженко, мужъ сей знаменитый,
Имѣлъ тѣ въ гербѣ своемъ знаки родовиты.
Безвредно ему убо за сими свѣтилы
Шествовать въ небеснаго отчества предѣлы“.

Прекрасныя копіи съ этихъ двухъ старинныхъ портретовъ хранятся въ с. Великой Кручѣ, пирятинскаго уѣзда, полтавской губерніи, у помѣщика Владиміра Андреевича Стороженка.

А. С—ко.

Кіевъ 29 іюня 1882 г.

ЗАДУНАЙСКІЯ НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

1.

Про Палія та Мазепу.

Бачте, якъ се воно було: іхъ було два великіхъ военнихъ— Мазепа и Палій... вони собі були малороссіяне. Та Мазепа якусь злобу мавъ на Палія, отъ вінъ знайшовъ якусь-то причину, та якось-то щось и сказавъ Білому Цареві, а Царь и оддавъ Палія у тюрму на заточеніе, та вінъ и сидівъ уже 12 годъ. А Мазепа якъ увірився, що вже Палій не вырветься, та поіхавъ тимъ часомъ до шведа, та й каже: „підемо Россію воювати!“ А шведъ забравъ свою армію, та й пішовъ на Білого Царя. Довго вони билися, коли бачить Білый Царь, що Мазепа ёго побіждае—отъ-отъ вже одоліе зовсімъ, сівъ да й задумавсь. А далі попросивъ на три дни одпочинку, передягся за купця, та й пішовъ куди очі... Таке-то було, такого наробивъ ёму отой Мазепа! Тільки ото йде Білый Царь такъ по надъ річкою, коли дывиться—курінь стоить, а коло куріня й рыбалка старый. „Здрастуй, старичокъ!“, каже, а той каже: „доброго здоровя, господинъ купець“. — „А чи не маешъ ты, каже, чого попоісты?“—„Якъ-би то не маю!“, узявъ заразъ казанокъ и на-

варивъ доброі юшки зъ рыбою. Сілы вони й ідять. А Білый Царь и каже: „и що се, каже, нашъ царь собі думае, що шведъ оце вже скоро усю Россію забере зъ Мазепою?!—„Бо нашъ царь дурный, рыбалка каже, не знае, каже, самъ, що вінъ робить! На що вінъ Семена Палія давъ на заточеніе?... отъ уже 12 годъ сидить, а якъ-бы вінъ выпуставъ Палія, то досі-бъ уже й Мазепу й шведа побивъ!"—„Какъ, какъ, старичокъ?!"—ото вже схопивсь Білый Царь, та давай рыбалку старого роспитувать, а самъ выйнявъ карандашъ, та усе записуе, та записуе на халяві (бо на ёму чоботы були зъ довгими халявами), щобъ не забуть, значить. Далі попрощавсь и пішовъ собі до дому и заразъ-же звелівъ, щобъ розшукати и приставити ёму Семена Палія. Послали штахвету (тоді ще телеграфу й машины циеі не було й Россія мала ще тоді була), найшли Палія, а вінъ вже тильки що дыше. Заразъ-же ёго обмыли, оділи—стільки годъ сидівъ—посадили на бричку й привезли до Царя. А Семенъ Палій здалека шапку знявъ, излізъ изъ брички и навколішки полізъ до Царя. Царь пидійшовъ до Палія, піднявъ ёго, та й питае: „що будемъ робити—уже шведы візьмуть Россію"! А Палій каже: „або не візьмуть"!—„А можешъ ты звоювать Мазепу"? „Можу, каже, ваше императорське, чи якъ тамъ, величество, тільки, каже, просіть ще на 3 дни одпочинку"! „Добре, каже Царь, ну вже, каже, коли ты звоюешъ Мазепу, проси у мене, що завгодно, хочь півцарства"!—„Нічого мені, каже, ваше царское величество не треба, а отъ зведіть тільки, щобъ дітей більше лавами не выбивали". (А то, бачте, царь якъ розсердивсь на Мазепу, то давъ приказъ выгубляти малороссіянскихъ младенцівъ: одсунуть було лаву, та по підъ стінкою й постановлять дітей, рядкомъ, а тоді лавою й придавлять до стіны—такъ по усій Украіни робилося)! Царь заразъ-же выдавъ указъ, щобъ нихто не смівъ младенцівъ выгубляти. А тимъ часомъ вже й други три дни на сході. Палій ото вже отдыхавъ й каже, щобъ ёму коня дали. Приводять до ёго самихъ найкращихъ царськихъ коней, тільки вінъ якому коневі не положить руку на шию, то кінь заразъ навколішки й упаде. А на те время тутъ саме водовозъ іде, а кінь у ёго якъ побачивъ Палія, то й заржавъ.—„А, каже Палій, и ты ще живый, товарищу!".. „Оціого коня мені, каже, дайте, що саку [1]) возить"! А на

[1]) *Саќа* (тур.) = бочка.

ёму одна шкура та кістки. Выпрягли того коня, підвели, узявъ Палій ѳго за гриву, а вінъ тільки головою покрутивъ. Тоді Палій узявъ два пистолі, сівъ на того коня та й счезъ, якъ той вихорь! Объіхавъ тричі Мазепине війско, піднявся у гору—коли дивиться, Мазепа изъ шведомъ саме обідають, вінъ стрельнувъ зъ пистоля, а пуля якъ разъ и впала до Мазепи у ложку. Мазепа тоді подививсь у гору, та й каже до шведа: „тікаймо, брате, пропали мы, бо Палій уже на валі", та й показавъ ёму у гору на Палія.—„Та то може місяць?", каже шведъ. „Та який тамъ місяць середъ дня!" Кинули й обідать, та скорійше тікать. Палій приіхавъ до Білого Царя, та й каже: „ну теперь идіть—нема вже шведівъ, розбіглись". Царь не повіривъ и іхать не хотівъ зразу, а потімъ рішивсь. Коли приіхали, дивляться, нема вже никогісінько, якъ обідали, такъ усе й осталось... тільки шведські козаки стоять... Отакій-то бувъ Палій.

Зап. отъ Марка Глухого у Тульчи. Окт. 1881 г.

Х. Ц.

II.

Про Антона Головатого, Онопрія Шпака и царицю Катерину.

...Се було, якъ Антонъ Головатый бувъ у Петербурсі, у ёго бачте вуси були довгі, а бувъ у ёго писарь Онопрій Шпакъ, то були вони у цариці, бо цариця хотіла на вуси ёго подивитысь. Подивилась, та й не вірила, чи то настоящіи вуси, чи то вінъ надточуе чимъ, тай сказала медомъ намазать..., а у ёго природа така була. Ну, а потімъ вона й каже Головатому, що й землю дае, й ліса, и усе..., а Шпакъ и каже: „та не вірь ты, каже, москалеві, бо хто москалеві повірить, то й самъ невірный"! А вона не розібрала, та й питае: що вінъ каже? а тамъ зъ чугуівськихъ хтось бувъ, та й сказавъ ій.—„А хто-жъ то москаль?" питае.—„Ты!", каже. То тоді ёго за губу крючкомъ зацінили та й повісили, щобъ ногами землі не достававъ..., да такъ до вечора й висівъ...

Багато розказують, та таке бо-зна що: ото наче-бъ то Катерина запорожцівъ на обідъ закликала, та звеліла подавати имъ довгі ложки, думае, якъ то вони істимуть тими ложками?.. а вони

тиі ложки побрали, та й почали одинъ одного черезъ стілъ годувати... Оттаке!...

Зап. отъ Ананія Ив. Коломійца. у Катирлези.

Х. Ц.

КОЛІИВЩИНА ВЪ ПѢСНЯХЪ.

Приводимыя двѣ пѣсни сообщены намъ глубокоуважаемымъ А. А. Скальковскимъ, которому обязана мѣстная исторія единственными до послѣдняго времени свѣдѣніями о судьбахъ Сѣчи запорожской и болѣзненнаго ея отпрыска—гайдамачины. Обѣ эти пѣсни своимъ содержаніемъ, а быть можетъ и происхожденіемъ связаны непосредственно съ украинскимъ народнымъ возстаніемъ 1768 года. Первая изъ нихъ рисуетъ намъ общую картину этого событія, совокупляя въ одномъ представленіи всѣ фазисы онаго и различныхъ его дѣятелей, дѣйствовавшихъ въ различныхъ мѣстахъ, вторая влагается въ уста одного изъ главнѣйшихъ предводителей возстанія, всего вѣроятнѣе Желѣзняка, и представляетъ заключительное, такъ сказать, слово дѣятелей „Коліивщины", не чаявшихъ отъ нея чего-либо прочнаго и опредѣленнаго, но глядѣвшихъ на нее, какъ на непосредственное движеніе народной мести и страшный урокъ притѣснителямъ народа. Въ первой пѣсни выводится неизвѣстная доселѣ личность сотника Митлыці, измѣнившаго общему дѣлу, или оставшагося вѣрнымъ противной сторонѣ, и за то казненнаго, по рѣшенію предводителей возстанія. Такъ какъ здѣсь онъ изображается изрекающимъ проклятіе осудившимъ его на смерть предводителямъ возстанія:

Бодай-же кінець вашъ бувъ нудный та гіркий,

а во второй пѣсни одинъ изъ этихъ послѣднихъ, входя въ нравственную оцѣнку дѣла и обсуждая неудачный исходъ онаго съ высшей точки зрѣнія, замѣчаетъ, что это должно быть послѣдствіемъ проклятія казненнаго Митлыці:

Мабуть,—це Митлыцева причина,

главнымъ-же орудователемъ всего возстанія былъ несомнѣнно Желѣзнякъ, то отсюда съ несомнѣнностью заключать можно, что пѣсня идетъ отъ его лица, хотя, конечно, могла быть сочинена кѣмъ

либо другимъ. Слѣды *сочиненія* видны еще въ той и другой пѣсни: по недавности времени и, быть можетъ, по рѣдкому употребленію этихъ пѣсень въ послѣдовавшее тяжкое время, онѣ, такъ сказать, не вполнѣ еще ошлифовались въ народномъ обращеніи, отъ чего по мѣстамъ примѣчается нѣкоторая неровность и какъ-бы шероховатость стиха; тѣмъ не менѣе это драгоцѣнные по многимъ чертамъ историческіе и народнаго творчества памятники. Онѣ дорисовываютъ намъ то, что не досказано въ офиціальныхъ и другихъ документахъ, доселѣ открытыхъ. Общая картина событія замѣчательно полна и высоко-художественна, краски бьютъ яркостію и свѣжестію, отдѣльные штрихи—смѣлостію, бойкостію и игривостію. Раздумье предводителя возстанія, въ кандалахъ и цѣпяхъ ждущаго неминуемой смерти, подводящаго итоги кровавымъ своимъ дѣяніямъ, глядящаго на все минувшее съ точки зрѣнія предсмертнаго часа и суда Божія поражаетъ своею задушевностію и искренностію, равно какъ обращеніе къ Потоцкому—естественностію и силою чисто народнаго чувства. Вообще чувства и языкъ обоихъ пѣсень такъ непосредственны, такъ свѣжи и сильны, что указываютъ на весьма раннее, быть можетъ, современное самому событію происхожденіе ихъ; пѣвецъ какъ-бы стоитъ предъ самымъ событіемъ и въ немъ почерпаетъ одушевляющія его думы и чувства.

Относительно окончанія второй пѣсни, состоящаго въ обращеніи къ Потоцкому, мы должны особо замѣтить, что оно не стоитъ въ связи съ общимъ содержаніемъ пѣсни и составляетъ позднѣйшую прибавку, или заимствованіе изъ другой пѣсни. Оно ни какъ не можетъ относиться къ *Салерію* Потоцкому, современнику „Коліивщины“, но только къ сыну его *Феликсу* Потоцкому, участнику тарговицкой конфедераціи 1792 г.

Когда, кѣмъ, отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ записаны обѣ пѣсни, объ этомъ, къ сожалѣнію, достопочтенный А. А. ничего не сообщаетъ; онѣ просто нашлись въ обширномъ собраніи его бумагъ, а списокъ, по почерку судя, принадлежитъ 40-мъ годамъ. Въ отрывкахъ вторую пѣснь и намъ случалось встрѣчать, въ цѣльномъ же видѣ никогда. Предоставляя читателямъ судить о достоинствахъ пѣсень, мы приводимъ ихъ для пополненія и поясненія печатаемыхъ документовъ о „Коліивщинѣ“.

I.

Свиснувъ вітеръ, свиснувъ,—
Загула хуртовина;
Слівце Максимъ писнувъ,—
Зібралася дружина.

* * *

Дві тысячи бурлакъ
Лынули [1]) въ Краину польску;
Рушили вони зъ байракъ
Дати ляхамъ хлосту.

* * *

Ой годі жъ намъ, козаченьки,
Рыбу по Дніпру и Богові ловити!
Сідайте въ човныки, бурлаченьки,
Та поідемъ жидову и ляха палити.

* * *

Зібравъ Максимъ, зібравъ бурлакъ
И всю Вкраину збунтовавъ,
Тысячу сіромахъ, тысячу гайдамакъ—
Ватажку собі навербувавъ.

* * *

„Эй, батьки—началныки!
Що то буде зъ нами?
Здаеця, що наше життя мине
И насъ возьмуть зъ вами“.

* * *

Не тужите, мои діти,
Не журітця, быстрі орлынята;
Ще дамо мы Уманеві крови пити,
Ще дадуть намъ горілки ляхи и жидынята.

* * *

„Охъ, батьку, Максиме, прости!
Мы й забули, що съ тобою.
Кажи, вели, куды йти,
И мы хоть въ пекло за тобою

* * *

Ой, полковнику Желізняку!
Ходимъ же мы палити;—

[1]) Лынули—хлынули, ринулись.

Кого спершу почнемъ бити,
А кого будемъ полонити?"

* * *

Ляхівъ будемъ бити
А жидівъ шаблями христити.
Ляшина—превража дитина,
А жидовинъ—зайцева дружина.

* * *

Изъ жидомъ усе втнешъ,
Куды треба, то й пошлешъ,
А не схоче, то й побъешъ,
А вражого ляха—того не вжуешъ.

* * *

„Охъ, Максиме Желізняку,
Ходімо въ Смілу ляхівъ гартовати,
А після тоі поживы
Підемъ Умань штурмовати".

* * *

Ой ходімо, діти, Умань штурмовати
И свою братську кровъ відъ католика відбивати.

* * *

Эй, братця, годиночка дорогая;
Треба жъ намъ начинати—
Отъ Нухима до Боруха
Всімъ головы зтинати

* * *

Въ Умань же мы пішли
Тай почали штурмовати.
Тамъ багато панівъ найшли,
Тай давай имъ ніжки росправляти.

* * *

Теперички ляхи щось починають,
Въ кондерацію [1]) панківъ собі збирають;
Ходімо до Потоцького мосци,
До его графскои вельможносци.

* * *

Що тілько тамъ у ёго найдемо,
То все у ёго возьмемо.

* * *

[1]) Кондерацію—конфедерацію.

Ой пішовъ Желізнякъ до ворітъ
Тай здыбавъ три копы клопітъ.

* *
*

Ой пішовъ Швачка голкою шити,
Ляхівъ, жидівъ по Умані лупити.

* *
*

А нашъ Неживый цокоче,
Ажъ Умань зубами скрыгоче.

* *
*

А Журба ходяче зажурився,
Що, головко бідна, Умань загорівся,
Та въ бандуру міцно грае,
Себе козака піснью розважае.

* *
*

А нашъ сотникъ Гонта
Папирь отъ Цариці давъ,
Тай давши намъ
Всімъ въ голосъ сказавъ,

* *
*

Що цариця Кошовому
Звеліла такъ служити,
Щобъ ити въ Польщу
Жидову и ляха палити.

* *
*

И жидамъ и ляхамъ ратунку не робити,
А всіхъ жидівъ та ляхівъ
Колоти та палити,
А добро ихъ и пожитки межъ собою ділити.

* *
*

Тільки сотникъ Митлыця
Ни до чорта не годиця.
Мабуть вінъ хтівъ змінити
И на насъ желізни цяцки надіти.

* *
*

Знай, кобыло де брыкати,
А тутъ тобі вже не хвицати:
О, такъ, сотнику Митлыця,
Такъ робити не годитця!

* *
*

Каже ему Швачка и Желізнякъ:
Ты хтівъ насъ въ шоры вбрати,
Теперъ же тобі світа не видати!

* *
*

Слухай, Максиме, Швачко и Неживый,
Бодай же кінець вашъ бувъ нудный та гиркій!

* * *

Махнувъ Максимъ разъ, махнувъ Швачка два,—
Покотилась Иванова на землю голова.

* * *

Умань до кілка спалили,
Жидівъ, ляхівъ до ноги побили,
А сами по коняхъ,
Та за Богъ и Синюху влупили.

* * *

Буде Сміла, Чигринъ васъ знати,
Коли були мы въ гостяхъ,
Буде Умань памятати,
Якъ бувъ въ нашихъ пазуряхъ.

II.

Охъ выйду я на гору,
На круту, на высоку,
Подивлюся по Дніпру,
На річку широку.

* * *

Ой, річка—Дніпръ широка,
Течешь ты въ Чорнее море.
Охъ возьми мене зъ собою,
Бо горе жъ тутъ, горе.

* * *

Батьку, Дніпре, въ море течи
Тай назадъ вернися,
Мый каминя, та въ ныхъ плещи,
Тай звісточку дати не барися.

* * *

Родина моя въ стороні,
Далеко відъ твоихъ лугівъ;
Охъ, не такъ іі жаль мені,
Якъ тихъ крутихъ порогівъ.

* * *

Въ тихъ крутихъ порогахъ
Вода съ камінями воюе,

Въ тихъ зеленихъ дібровахъ
Сива зозуленька кукуе.

* * *

Охъ, кукувала вона, кукувала,
Та щиру правду мені казала,
Що тамъ було мені жити
И щастя свое мігъ тамъ зловити.

* * *

Не хтівъ іі знати
Та полетівъ на родину;
Теперъ же мені не спіймати
Тую щасливую годину.

* * *

Літавъ же я на степахъ,
Якъ орелъ крылатый;
А теперъ же я въ цепахъ,
Якъ медвідь мордатый.

* * *

Объіздивъ я степы,
Объіздивъ два моря,
Объіздивъ всі лісы,
Не объіхавъ свого горя.

* * *

Годі мені козакувати,
Годі птахомъ въ полі літати,
Пора себе въ желіза заковати,
Пора въ Бога прощенія заробляти.

* * *

Коли бь дали прощенія заробити,
Бога молитвами вмолити,
А тогді хоть умирати:—
Не страшно въ домовину съ покутою лягати.

* * *

Здаетця, що смертію своею
Мені та не вмерти;
Охъ, ці ланцюжки нагадують,
Що було людей такъ не жерти

* * *

Самъ собі причина,
Що такою смертію умираю;

Мабуть,—це Митлыцева причина,
Що такъ я страждаю

* * *

Охъ, тяжко козакові
Въ неволі сидіти,
Тяжко бути въ окові,
Ліпше ему и не жити

* * *

Ой ты пане Потоцькій,
Воевудській сыну,
Запропастивъ Литву
И всю Украину

* * *

Думка твоя була
—Королемъ зістати,
Тай пішовъ до Царыці
Помощи шукати.

* * *

А Богъ, шо зъ неба
Высоко видить,
И за твою невірность
Вже тобі не звидить.

* * *

Прійде судъ на тебе
И страшная годпна;
Візьмуть тебе за лобъ,
Якъ вражого сына.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ III-мъ томѣ «Кіевской Старины», 1882 г. *).

---

*) Цифры указываютъ страницы тома.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ III. 1882 г.

Іюль.

Августъ.

Сентябрь.

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особенно цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Къ изданію отъ времени до времени прилагаются портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа и снимки со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“, по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Барсуковъ А. П., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Воронинъ А. Ѳ., Галаганъ Г. П., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Горленко В. П., Дашкевичъ Н. П., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Кондратовичъ Ѳ. К., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій И. С., Левицкій О. И., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Мацѣевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Науменко В. П., Новицкій И. П., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потебня А. А., Праховъ А. В., Скальковскій А. А., Смоктій А. И., Терновскій Ф. А., Шимановъ А. Л., Щербина Ѳ., Ханенко А. И., Чалый М. К. и другіе.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

выходитъ ежемѣсячно книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ, общее-же годовое изданіе составляютъ три тома, не менѣе 50-ти печатныхъ листовъ въ каждомъ. Приложенія даются въ неопредѣленные сроки. Въ изданіи дается мѣсто переводнымъ и оригинальнымъ статьямъ историко-беллетристическаго содержанія.

Подписная цѣна годовому изданію въ 12 книгъ, съ приложеніями, 8 руб. 50 коп. на мѣстѣ, съ доставкою же на домъ и пересылкою 10 руб.

☞ Подписка принимается: въ редакціи журнала и конторѣ оной, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой;* въ отдѣленіяхъ конторы— при книжномъ магазинѣ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, а также въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ Петербургѣ и Москвѣ; Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и другихъ; гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію журнала **„Кіевская Старина“**.

Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 г. высылается по той-же цѣнѣ 10 р. с. съ приложеніями и пересылкою.

При перемѣнѣ адреса иногородняго на городской или городскаго на иногородный уплачивается **пятьдесятъ копѣекъ;** при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же доставляется въ редакцію **четыре семикопѣечныя марки.**

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевская Старина“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, газету „ДѢЛО“. Съ 1-го января 1883 г. газета выходитъ три раза въ недѣлю. Цѣна съ перес. безъ приложеній—12 р., съ приложеніями—16 р. въ годъ. Подписавшіеся въ этомъ году, приплачивая еще 2 р., получатъ 26 печат. листовъ начатой въ 1882 г. повѣсти: «Трудъ и деньги».

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

октябрь.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1882 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

ОКТЯБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

МАЛОРУССКІЙ ВЕРТЕПЪ *).

Предварительныя замѣчанія.

Вертепная южно-русская драма издана была еще покойнымъ Н. А. Маркевичемъ [1]) въ книгѣ, которая въ настоящее время вышла изъ продажи, поэтому для читателей „Кіевской Старины" статья Г. П. Галагана, въ живомъ очеркѣ возстановляющая своеобразныя сцены южно-русскаго вертепа, представляетъ особенный интересъ. Она написана по его сокиринскому списку, представляющему нѣкоторыя отклоненія отъ варіанта, изданнаго Маркевичемъ. Спеціалисты не затруднятся отмѣтить особенности сокиринскаго текста, но ради этихъ особенностей не было надобности въ изданіи самаго текста, довольно близкаго къ напечатанному Маркевичемъ. Гораздо важнѣе объясненіе сценическихъ подробностей, относящихся къ вертепу, и воспроизведеніе самыхъ сценъ вертепа подъ живымъ впечатлѣніемъ идей, составлявшихъ содержаніе старинной нашей

---

*) Рукопись 1875 г.—Мы глубоко признательны достоуважаемому Гр. П. Галагану за дозволеніе ознакомить нашихъ читателей съ интереснѣйшимъ содержаніемъ его рукописи, особливо-же за доставленіе намъ возможности впервые дать читающей публикѣ нотную часть вертепной драмы, драгоцѣнную по ея древнимъ, истинно народнымъ мотивамъ, равно изящный рисунокъ вертепнаго ящика, который можетъ дать наглядное представленіе о способѣ вертепнаго дѣйствія, долгое время поучавшаго и увеселявшаго нашихъ предковъ. Любовь къ родной древности въ этомъ именитомъ родѣ, въ теченіе цѣлаго столѣтія сохранявшая драгоцѣнное наслѣдіе сѣдой древности не въ пыли архивной, не въ сонномъ забвеніи, но въ ежегодно возобновлявшемся живомъ дѣйствіи, достойная глубокаго уваженія и самыхъ искреннихъ симпатій. Огромный хоръ, прекрасный оркестръ, богатая обстановка сокиринскихъ владѣтелей сообщали воспроизведенію простодушной старины торжественность и великолѣпіе, достойныя его священнаго содержанія и истинно-народнаго значенія.—Ред.

[1]) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Кіевъ. 1860 г.

жизни. Чтобы дать читателямъ наглядное представленіе о вертепной драмѣ, къ статьѣ прилагаются 24 музыкальныхъ напѣва, которые сообщаютъ сценамъ вертепа истинно народную физіономію, а также рисунокъ вертепнаго ящика. Съ своей стороны я, по вызову автора, представляю нѣсколько соображеній объ отношеніи южно-русскаго вертепа къ другимъ типамъ драматическихъ представленій, занимавшихъ видное мѣсто въ культурной исторіи нашего края.

Вертепная драма ведетъ свое начало изъ театра маріонетокъ [1]).

Въ западной Европѣ театръ маріонетокъ существовалъ независимо и рядомъ съ мистеріями. Но, по мѣрѣ развитія мистерій, онъ становился достояніемъ народной массы, пониманію которой болѣе доступны были дѣйствія куколъ, чѣмъ богословскіе трактаты, драматизированные въ мистеріяхъ, особенно если взять въ разсчетъ, что дѣйствія куколъ, производимыя скрытыми двигателями, сопровождались не однимъ пересказомъ евангельской исторіи Рождества и Воскресенія Христова, но и народными рѣчами, анекдотами изъ народной жизни, юмористическими замѣчаніями о текущихъ явленіяхъ жизни и т. п.

Такъ было въ католическихъ странахъ Европы и въ католической Польшѣ, такъ было и у насъ на югѣ Россіи.

Что появилось у насъ раньше, мистеріи или вертепная драма, сказать трудно. Первое извѣстіе о вертепѣ относится къ концу XVI в. Изопольскій видѣлъ въ Ставищахъ древнѣйшій экземпляръ вертепа съ отмѣткой 1591 года [2]). Безъ сомнѣнія, и въ это болѣе отдаленное время вертепныя сцены стояли въ связи съ школьными мистеріями соотвѣтствующаго содержанія, но позднѣйшій типъ школьной мистеріи, который появился у насъ въ XVIII в., еще не положилъ на вертепную драму своего непосредственнаго вліянія.

Извѣстно, что реформа Лютера произвела своего рода кризисъ въ исторіи средневѣковой драмы. Лютеръ воспользовался ею для пропаганды своихъ идей. Онъ считалъ ее прекраснымъ педагоги-

---

[1]) Marionette — уменьшительное имя пр. Дѣвы Маріи, отсюда маріонетки — не большія статуи или, лучше сказать, куклы, которыя изображали Богоматерь.

[2]) Athenaeum. Крашевскаго. 1843 г. Odzial 3.

ческимъ пособіемъ для воспитанія будущихъ проповѣдниковъ въ духовныхъ школахъ и академіяхъ. Такимъ образомъ, сдѣлавшись орудіемъ посторонпихъ цѣлей, оторвавшись отъ народной почвы, духовная драма не могла дальше развиваться. Въ свою очередь и католики внесли тенденціозныя драмы въ свои школы. Таковъ последній періодъ существованія мистеріи въ Европѣ,—послѣдній видъ ея, который носитъ названіе школьной или учебной драмы. Составленіе подобныхъ драмъ вмѣнялось обыкновенно въ обязанность учителю поэзіи, поэтому школьное начало въ видѣ тѣхъ или другихъ господствующихъ воззрѣній на поэтическое искусство проникало въ самое существо драмы. Форма ея начала замѣтнымъ образомъ отдаляться отъ древняго типа, а подъ вліяніемъ возрожденія вкуса къ классическимъ образцамъ, духовная драма сдѣлалась слабымъ снимкомъ съ древней трагедіи. Отсюда прологъ, иногда даже антипрологъ, раздѣленіе на акты съ опредѣленнымъ числомъ сценъ, и притомъ въ сопровожденіи музыки, которою завершался каждый актъ, отсюда миѳологическія имена боговъ для аллегорическаго изображенія отвлеченныхъ идей, иногда-же эти идеи являлись въ чистомъ видѣ, не прикрытыя миѳологической одеждой: таковы, напримѣръ, дѣйствующія лица подъ разными названіями: истина, любовь, радость, плачь, жизнь, смерть и проч.

Наша вертепная драма непосредственно примыкаетъ къ типу школьной драмы, но ее нужно отличать отъ католическаго вертепа.

Въ первой части нашей вертепной драмы нѣтъ тѣхъ игривыхъ подробностей, которыми сопровождалось иногда вертепное изображеніе Ирода въ католическихъ приходахъ. Согласно съ евангельской исторіей, иногда представляли Ирода поклонникомъ женской красоты въ лицѣ Иродіады; по ея внушенію Иродъ приказываетъ отрубить голову Іоанну Крестителю, за что смерть отсѣкаетъ ему самому голову. Умирая Иродъ восклицаетъ: „отъ-се-жъ мені лихо! Якъ-би я знавъ, що всему причиною дівчата, то-бъ не танцювавъ и не жартовавъ: карае за нихъ небесный царь“ [1]). Иногда въ вертепныхъ сценахъ Иродъ являлся въ сопровожденіи жида, совѣтника на всякое злое дѣло, по наущенію котораго Иродъ вы-

[1]) Тихонравовъ. Начало рус. театра. Лѣтоп. рус. литературы. кн. 5-я стр. 23.

сказываетъ угрозу погубить чуть не весь свѣтъ, за что смерть прекращаетъ жизнь изступленнаго царя [1]). Тутъ уже иной мотивъ появленія смерти—демоническая натура самаго Ирода, обставленнаго совѣтниками, ненавистными народу, врагами народнаго блага.

Въ нашей вертепной драмѣ смерть есть мстительница за избіеніе младенцевъ. Всѣ элементы шутливые, простонародные отодвинуты ко 2-му дѣйствію. Въ 1-мъ дѣйствіи нѣтъ ни жида, ни трагикомической погибели Ирода за дівчатъ. Трагическіе моменты дѣйствія отдѣлены отъ комическихъ, при чемъ послѣднія очень слабо связаны съ первыми. Простонародныя сцены представляютъ рядъ веселыхъ интерлюдій, но они поставлены совсѣмъ не такъ, какъ въ старинной мистеріи, т. е. не въ видѣ „междудѣйствій", на которыхъ отдыхалъ зритель, утомленный продолжительнымъ созерцаніемъ важныхъ событій, составлявшихъ обычное содержаніе мистерій.

Въ общемъ расположеніи драматическаго матеріала большое сходство съ нашей вертепной драмой представляетъ „Комическое дѣйствіе" на Рождество Христово Митрофана Довгалевскаго, учителя пiитики въ кіевской академіи (1736—1737 г.) [2]). Довгалевскій въ своей піитикѣ, сообразно съ требованіями псевдоклассической теоріи, отдѣляетъ трагедію отъ комедіи и въ послѣдней предлагаетъ выводить на сцену лица низкія, какъ-то: литвина, цыгана, еврея, поляка, козака и т. п. Всѣ эти лица должны выражаться слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ. „Комическое дѣйствіе" на Рождество Христово есть ничто иное, какъ литературный образецъ, написанный для поясненія теоріи. Въ противоположность католическому типу Вертепа, о которомъ мы говорили выше, въ 1-мъ дѣйствіи драмы Довгалевскаго Иродъ поставленъ внѣ бытовыхъ условій живой, народной дѣйствительности,—за то во 2-мъ дѣйствіи объ Иродѣ нѣтъ ни слова, а рѣчь идетъ исключительно о лицахъ низкихъ—о козакахъ, о полякахъ, о евреяхъ и ксендзахъ.

Собственно говоря, содержаніе 1-й части „Комическаго дѣйствія", равно какъ и нашей вертепной драмы, заимствовано глав-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Очерки изъ исторіи Украинской литературы XVIII в. Н. Петрова, стр. 68.

нымъ образомъ изъ школьныхъ рождественскихъ мистерій, въ которыхъ не было интерлюдій. Это легко подтвердить ссылками на „Рождественскую драму“, о которой Тихонравовъ высказываетъ предположеніе, что она написана Димитріемъ Ростовскимъ, слѣдовательно, относится къ послѣднимъ годамъ XVII в. [1]). Она могла быть извѣстна Довгалевскому, можетъ быть даже въ болѣе древнемъ первоисточникѣ. Изъ „Рождественской драмы“ Довгалевскій выбросилъ многія аллегорическія подробности, напримѣръ олицетворенія натуры людской, земли и неба, вѣка золотаго и желѣзнаго, разныхъ добродѣтелей и пороковъ человѣческихъ, разныхъ состояній души человѣческой. Весь аллегорическій матеріалъ онъ ограничилъ олицетвореніемъ гнѣва, смерти, декрета Божія и человѣколюбія Божія. „Любопытство звѣздочетское“ онъ представилъ въ конкретномъ образѣ астрономовъ, выступающихъ съ первой интерлюдіи, вслѣдъ за драмой. Но при этомъ образъ Валаама, который въ „Рождественской драмѣ“ выставленъ „звѣздочетцемъ“, Довгалевскій перенесъ въ прологъ своей драмы, а для связи дѣйствія самихъ царей, открывающихъ драму, назвалъ внуками Валаама, которые однако-же не обладаютъ искусствомъ своего дѣда, какъ въ „Рождественской драмѣ“, гдѣ они говорятъ о себѣ: „мы трое равны есми въ ученіи значномъ, въ звѣздочетствѣ“ [2]). Затѣмъ завязка драмы и причины погибели Ирода у Довгалевскаго та-же, какъ и въ „Рождественской драмѣ“.

Совершенно не зависимо отъ „Комическаго дѣйствія“ Довгалевскаго, вертепная драма удержала изъ „Рождественской драмы“ пастуховъ, которыхъ нѣтъ у Довгалевскаго, и образъ плачущей Рахили, тоже опущенный Довгалевскимъ. Пастухи въ вертепной драмѣ—довольно живыя лица съ рѣзкимъ южно-русскимъ колоритомъ. И составитель „Рождественской драмы“ поддѣлывался подъ народный тонъ, но „пастыри“ его Борисъ, Аврамъ да Афоня—говорятъ языкомъ крайне искусственнымъ. Въ славянскую основу этого языка вплетены безъ разбора слова великорусскія и малорусскія. „Здравствуй, о Спасителю“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „намъ нынѣ рожденный!“..

---

[1]) Лѣтоп. Русской литературы Тихонр., т. IV.
[2]) Ibid. стр. 177.

И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту,
Чимъ-бы тебе (sic) *нашему согрѣтися свѣту!*
На небѣ, якъ сказують, въ тебе палатъ много,
А здѣсь, что въ вертепишку, лежиши убого" [1]).

А вотъ привѣтствіе пастуховъ въ вертепной драмѣ:

„Отъ-се-жъ и мы, паниченьку, до вашои таки мосці,
Якъ самъ бачишъ, Грицько зъ Ирицькомъ прихалися въ гості...
И ягнятко принесли изъ сільского стада,
Нехай буде здорова вся наша громада!"

Въ „Рождественской драмѣ" вмѣсто живой Рахили въ 10-мъ явленіи слышится и плачь, и рыданіе о убіенныхъ отрочатахъ *подобіемъ* плачевной Рахили. На цѣлыхъ четырехъ страницахъ блѣдными фразами разведенъ этотъ неестественно длинный плачъ, который скорѣе можно назвать проповѣдью на тему: „гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть". Самъ проповѣдникъ называетъ себя „гласомъ Рахили", „вѣстникомъ" ея материнской печали. Между тѣмъ, въ вертепной драмѣ мы видимъ настоящую мать, убитую горемъ о погибшемъ чадѣ: въ сущности это простая сельская женщина, носящая только имя Рахили, поэтому воины Ирода называютъ ее просто бабой. Вообще говоря, даже въ 1-й части вертепной драмы мы видимъ живыхъ людей, а не мертвыя ходульныя аллегоріи, которыми изобилуетъ не только „Рождественская драма", но и „Комическое дѣйствіе" Довгалевскаго. Только одно отвлеченіе—именно смерть—играетъ въ вертепной драмѣ значительную роль, конечно, потому, что народная фантазія давно привыкла представлять смерть живымъ существомъ, независимо отъ позднѣйшихъ школьныхъ вліяній. Очевидно, вертепная драма, заимствуя свое содержаніе изъ школьной мистеріи, перерабатывала его съ большею самостоятельностію, чѣмъ тотъ типъ школьной драмы, который явился позже въ драматическихъ опытахъ Довгалевскаго.

Что касается до 2-й части вертепной драмы, то она вся цѣликомъ составлена изъ народныхъ сценъ. Бытоваго содержанія ея нельзя вывести непосредственно изъ интерлюдій, имѣвшихъ мѣсто въ католическомъ вертепѣ. Можно сказать только, что наша вер-

[1]) Ibidem. 167—168.

тепная драма воспользовалась обычаемъ католическаго вертепа вносить яркія картины народной жизни въ вертепное „дѣйство". Но заимствуя изъ католическаго міра оружіе для защиты праотеческой вѣры, южно-русскій вертепъ закалилъ его въ горнилѣ народнаго духа, народныхъ симпатій и антипатій. Въ сценахъ нашего вертепа нѣтъ тонкаго рисунка лицъ и характеровъ, нѣтъ психологическихъ моментовъ, дающихъ жизнь и движеніе драмѣ, но онѣ богаты изображеніемъ массоваго настроенія, которое управляло отдѣльными лицами, соединяя ихъ въ трудныя минуты жизни для защиты всенародныхъ интересовъ.

Сопоставляя 2-ю часть вертепной драмы съ интерлюдіями Довгалевскаго, приложенными къ „Комическому дѣйствію", мы видимъ разницу главнымъ образомъ въ постановкѣ народныхъ сценъ. Центромъ дѣйствія Довгалевскій ставитъ не козака, но москаля. Для борьбы съ козаками ляхъ призываетъ другихъ пановъ и заранѣе уже хвастаетъ своею побѣдою. Въ свою очередь козакъ призываетъ на помощь москаля, который обращается къ козаку съ такою рѣчью:

„Козакъ! Пріймайся, не бойся, бери зъ плечей двоихъ!
А я тотъ часъ уберу долгополихъ отъ тихъ.
А што здесь о рубежахъ они споминали,
Будто ляшонки Украину въ областяхъ держали,
Добро вотъ: покажемъ рубежи кнутами на спинѣ!" [1])

Между тѣмъ въ вертепной драмѣ главное дѣйствующее лице есть запорожецъ. Въ немъ почиваетъ народная сила, поэтому отъ него исходятъ и къ нему направляются отдѣльныя сцены вертепа [2]).

Но есть въ нашей вертепной драмѣ внутреннее родство съ „Комическимъ дѣйствіемъ" Довгалевскаго. Мы разумѣемъ отдѣленіе трагическаго элемента отъ комическаго. Еще у Ѳеофана Прокоповича, напр., въ его трагедикомедіи „Владиміръ", являются они въ смѣшанномъ видѣ,—у Довгалевскаго рѣзче выступаетъ требованіе псевдоклассической теоріи не смѣшивать комическихъ элементовъ

---

1) Очерки изъ исторіи Украин. литерат. XVIII в., Петрова стр. 72.

2) Разсказываютъ кіевскіе старожилы, что въ сороковыхъ годахъ имъ случалось видѣть представленіе вертепной драмы, въ которой вмѣсто запорожца главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ Богданъ Хмельницкій. Нѣтъ-ли какихъ-нибудь

съ трагическими. Въ то-же время Довгалевскій удержалъ кое-что изъ средневѣковыхъ пріемовъ драматическаго искусства: комическія сцены не составляютъ у него отдѣльной драмы, чего требовала псевдо-классическая теорія, но приклеены внѣшнимъ образомъ къ сценамъ трагическимъ, составляя вмѣстѣ съ послѣдними одно цѣлое драматическое представленіе. Это уже не старинная мистерія, въ которой отдѣльные моменты трагическаго дѣйствія оживлялись посредствомъ интерлюдій, т. е. вставочныхъ веселыхъ сценъ, ибо эти послѣднія заняли отдѣльное мѣсто, представляя вторую дополнительную часть драмы. Это особый школьный типъ драмы, не похожій на другіе школьные типы, напримѣръ, на „Рождественскую драму“, изъ которой „Комическое дѣйствіе“ и наша вертепная драма могла позаимствовать содержаніе для начальныхъ сценъ. Но мы видѣли, что въ обработкѣ этого содержанія обѣ послѣднія драмы шли самостоятельно. Моделью для нихъ уже не могла служить „Рождественская драма“; богатое бытовое содержаніе, особенно въ нашей вертепной драмѣ, побуждало выдѣлить комическіе элементы, а своеобразно понятая псевдоклассическая теорія возводила этотъ пріемъ въ правило. Нужно замѣтить при этомъ, что такое устройство драмы было на-руку актерамъ, которые промышляли своимъ искусствомъ среди городскихъ и сельскихъ обывателей. Не вездѣ требовалось представленіе всей драмы цѣликомъ: въ одномъ мѣстѣ зрители могли пожелать строго-благочестивыхъ поучительныхъ картинъ, въ другомъ мѣстѣ могли интересоваться преимущественно смѣшными, веселыми сценами. По обстоятельствамъ можно было представить то и другое. Такъ оно и было конечно въ большинствѣ случаевъ, но не всегда.

Такимъ образомъ, вертепная драма въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, есть школьный типъ драмы, на которомъ отразилось вліяніе позднѣйшей школьной теоріи. Тѣмъ не менѣе, вертепная драма далеко раздвинула рамки простонародности, признанныя теоріей. Приспособленная для всенароднаго употребленія, она представляетъ одно изъ явленій, указывающихъ на живую связь старинной южнорусской школы съ жизнію.

П. И. Житецкій.

Вертепная драма и ея сценическая постановка.

Къ числу остатковъ средневѣковыхъ мистерій и тому подобныхъ представленій принадлежитъ малорусскій вертепъ. Такъ названъ этотъ родъ представленій отъ пещеры, въ которой родился Христосъ. Это событіе составляетъ главное содержаніе вертепной драмы, которая пережила много другихъ средневѣковыхъ представленій, вѣроятно потому, что она соединялась съ обычаемъ хожденія со звѣздою и колядованіемъ во время рождественскихъ праздниковъ. Представленіе вертепа, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія весьма распространенное во всей Малороссіи, въ настоящее время почти совершенно исчезло, подобно тому, какъ, вслѣдствіе причинъ внѣшнихъ и внутреннихъ, или вѣрнѣе—вслѣдствіе всей совокупности историческихъ явленій, исчезаютъ съ неудержимою быстротою и другія старинныя черты мѣстной жизни.

Совершенно случайно, вслѣдствіе особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, старинный вертепъ съ его представленіями сохранился въ имѣніи моемъ Сокиринцахъ, прилукскаго уѣзда, полтавской губерніи. Не знаю, водилось-ли представленіе вертепа въ домѣ моихъ предковъ въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія: и тогда, вѣроятно, производилось оно захожими артистами, но, по разсказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, въ 1770 годахъ къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно ихъ представленіе принято было съ большимъ сочувствіемъ, потому что мой прадѣдъ, удержавъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, причемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ. Такимъ образомъ вертепное представленіе, будучи постоянно повторяемо на рождественскихъ праздникахъ въ продолженіи стольвихъ лѣтъ, сохранено не въ устныхъ преданіяхъ, а въ писанномъ текстѣ и въ положенной на ноты музыкѣ, хотя безъ сомнѣнія съ теченіемъ времени въ немъ могли появиться нѣкоторыя отступленія отъ старииннаго текста. Какъ-бы то ни было, мы видимъ въ настоящемъ видѣ сокиринскаго вертепнаго текста,

которые способствуютъ вѣрному представленію понятій, вкусовъ и даже взаимныхъ отношеній людей половины прошедшаго столѣтія въ малороссійскомъ краѣ. Самыя пѣсни и стихи проникнуты схоластическимъ характеромъ академіи того времени, съ сильнымъ мѣстнымъ оттѣнкомъ: это языкъ различныхъ стихотвореній, рѣчей, надгробныхъ надписей, эпохи между Стефаномъ Яворскимъ и Сковородою. Что касается до мелодіи пѣсень, то она замѣчательна въ томъ отношеніи, что вполнѣ проникнута мѣстнымъ характеромъ. Имѣя всѣ свойства священныхъ напѣвовъ, эта музыка совершенно малороссійская, безъ всякой чуждой примѣси. Она исполнена какой-то неподражаемой доброй простоты, дѣйствующей на душу своимъ успокоительнымъ и смягчающимъ свойствомъ.

Переходя къ описанію самаго вертепнаго представленія, считаю нужнымъ напередъ замѣтить, что вертепный ящикъ имѣетъ видъ небольшаго домика, раздѣленнаго на два яруса. За задней стѣной этого домика, дѣйствуетъ скрытый исполнитель представленія: онъ водитъ куклы и фигуры по путямъ, прорѣзаннымъ въ полу театра, и говоритъ за нихъ различными голосами, сообразно ролямъ дѣйствующихъ лицъ. Весь вертепъ имѣетъ 2 аршина съ 1 вершкомъ въ вышину и $1\frac{1}{2}$ аршина въ ширину. Верхній ярусъ его посвященъ изображенію святаго семейства и дѣйствіямъ, сопровождающимъ явленіе Христа. Нижній ярусъ предназначенъ для свѣтской части представленія: въ первомъ дѣйствіи изображается судьба Ирода, избившаго младенцевъ, во второмъ идетъ рядъ сценъ изъ жизни бытовой.

Дѣйствіе начинается въ верхнемъ ярусѣ.

Прямо передъ зрителями, въ углубленіи, сидитъ Дѣва Марія съ младенцемъ на рукахъ; возлѣ нея, съ одной стороны—праведный Іосифъ, съ другой, по обыкновенію, нѣсколько домашнихъ животныхъ. Представленіе открывается хоровымъ пѣніемъ:

Пѣнію время и молитві часъ.

См. въ приложеніи № 1-й.

По окончаніи пѣсни въ нижнемъ ярусѣ выходитъ пономарь въ подрясникѣ и съ косою. Онъ кланяется на всѣ стороны и тонкимъ

Востаните отъ сна и благо сотворите:
Рождшагося Христа повсюду возвѣстите.
Сіе вамъ охотно глаголю, да благословите:
Пойду, позвоню...

За симъ онъ подходитъ къ привѣшенному между колонками волокольчику, звонитъ и уходитъ, а хоръ исполняетъ цѣлый рядъ священныхъ кантовъ. (См. № 2-й).

По окончаніи пѣнія въ верхнемъ ярусѣ являются два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ и съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Послѣ поклоновъ на всѣ стороны, одинъ ангелъ подходитъ къ боковой двери и говоритъ:

Востаните, пастыріе, и бдите зѣло,
Яко се приспѣло Рождество Спасово...

Вслѣдъ за этимъ призывнымъ голосомъ ангеловъ, хоръ поетъ:

Слава буди во вышнихъ Богу! (См. № 3-й, куплет. 1-й).

По окончаніи перваго стиха пѣсни слышится за стѣной вертепа разговоръ двухъ пастуховъ:

— „*Грицьку!*"—„*А що, Прицьку?*"
— „*Вставай хутенько,*
Да выберемъ ягня,
Да притко підемо генъ-генъ на гору,
Може ще й мы поспіемо въ пору".

За симъ хоръ продолжаетъ пѣніе новыхъ кантовъ, тѣмъ-же напѣвомъ. (См. № 3-й, куп. 2 и 3-й).

По окончаніи хороваго пѣнія, въ верхнемъ ярусѣ появляются пастыри. Это два малороссійскіе пастуха, съ чубами и усами, въ короткихъ нагольныхъ полушубкахъ и кожаныхъ постолахъ. Одинъ изъ нихъ несетъ подъ мышкой ягненка. Они становятся предъ Дѣвой Маріей, кланяются и одинъ изъ нихъ говоритъ:

Отъ-се-жъ и мы, паниченьку, до вашоі таки мості,
Якъ самъ бачишъ, Грицько съ Прицькомъ припхалися въ гості...
И ягнятко принесли изъ сільского стада,

Испросивъ позволеніе „пісню заспівати“, они въ два голоса поютъ извѣстную колядку:

Нова рада стала... (См. № 4-й).

По окончаніи колядки, скрипки играютъ малороссійскую „дудочку“ (№ 5-й), а пастухи танцуютъ, приговаривая: „зуба зуба на сопілку“, затѣмъ удаляются со сцены съ такими словами:

Спасибі вамъ, паниченьку!...
Мы-бъ и довше тутъ гуляли,
Такъ, признаться, хліба зъ дому не брали...

Между тѣмъ хоръ поетъ:

Днесь Иродъ грядетъ во своя страны... (См. № 6-й).

Въ нижнемъ ярусѣ, гдѣ посрединѣ стоитъ тронъ Ирода, появляются три воина, осматриваютъ комнату и тронъ, послѣ чего входитъ Иродъ и садится на тронъ, а воины удаляются. Иродъ одѣтъ въ порфиру и съ короной на головѣ, а воины въ солдатскихъ мундирахъ и въ каскахъ.

Хоръ продолжаетъ пѣть второй куплетъ предыдущей пѣсни, по окончаніи которой входятъ три царя—въ шубахъ и съ коронами на головахъ. Хоръ поетъ новымъ напѣвомъ:

Шедше тріе цари ко Христу со дари,
Иродъ ихъ прилаcи, куда идуть—испроси. (№ 7, куп. 1).

Между куплетами этой пѣсни происходятъ различныя сцены и разговоры. Послѣ перваго куплета, Иродъ обращается къ тремъ царямъ съ вопросомъ, куда они идутъ. Онъ говоритъ голосомъ важнымъ, рѣчью оффиціальною, съ примѣсью церковно-славянскихъ словъ. Цари отвѣчаютъ ему смиреннымъ тономъ, что идутъ они къ „Христу новорожденному“. Иродъ коварно проситъ ихъ, чтобы они извѣстили его о мѣстѣ рожденія Христа, чтобы и онъ могъ поклониться ему, какъ Царю. По окончаніи разговора Ирода съ царями, хоръ поетъ второй и третій куплеты начатой пѣсни. Во время пѣнія зажигается звѣзда на самомъ верху вертепа, причемъ хоръ поетъ четвертый куплетъ, затѣмъ въ верхнемъ ярусѣ являются цари, поклоняются Христу и кладутъ къ ногамъ его дары.

Поклонившись Христу, цари собираются идти далѣе, но на встрѣчу имъ является ангелъ и предупреждаетъ ихъ, чтобы они не довѣряли Ироду и шли другою дорогой. Цари благодарятъ ангела за совѣтъ и просятъ его, чтобы онъ провелъ ихъ другою дорогой. Они уходятъ съ ангеломъ, а хоръ продолжаетъ пятый, шестой, и седьмой куплеты той же пѣсни.

По окончаніи пѣнія, сцена снова переносится въ нижній ярусъ, гдѣ Иродъ сидя на тронѣ выражаетъ досаду свою, что его обманули цари, какъ простого мужика. Онъ зоветъ къ себѣ воиновъ и велитъ имъ обойти всѣ города его царства и безпощадно избить всѣхъ младенцевъ. Воины удаляются, а хоръ поетъ новую пѣсню, на новый мотивъ:

Перестань рыдати, печальная мати!... (№ 7-й, купл. 1-й)

Во время исполненія этой пѣсни воинъ вводитъ къ Ироду Рахиль, держащую на рукахъ малое дитя. Она одѣта по малороссійски, съ *намiткою* на головѣ, *въ плахтѣ* и въ *запаскѣ*. Вообще должно замѣтить, что въ малороссійскомъ вертепѣ, даже въ священно-исторической его части, лица второстепенныя, какъ-то: пастыри, Рахиль и проч. сохраняютъ въ костюмахъ вполнѣ мѣстный народный характеръ: это та-же особенность, что и въ картинахъ священнаго содержанія до - Рафаэлевской школы. Воинъ объявляетъ Ироду, что во всемъ царствѣ его только одинъ младенецъ Рахили и остался, но „мать хочетъ замѣнить его смерть собою". Онъ спрашиваетъ царя, какъ быть, и получаетъ въ отвѣтъ приказъ „отроча убить". Воинъ подымаетъ дитя на копье и съ нимъ уходитъ, а Рахиль начинаетъ рыдать, метаясь по сценѣ; хоръ между тѣмъ поетъ второй куплетъ пѣсни. На упреки Рахили Иродъ отвѣчаетъ:

„Полно, полно, баба, шумѣть,
За убитымъ уже нечего жалѣть!"

Хоръ утѣшаетъ убитую горемъ мать, исполняя третій куплетъ пѣсни:

„Не плачь, Рахиле, видя чадо не живое"...

Рахиль осыпаетъ Ирода проклятіями, но является воинъ и выталкиваетъ ее.

Послѣ сцены съ Рахилью, Иродъ оставшись наединѣ, въ раздумьи, говоритъ:

„Увы! Какая сила временъ, вдругъ сдѣлалась переміна,
Думалъ жить вічно, напротивъ того приходитъ и кончина.
Однакожъ еще со смертью боваться буду“...

Онъ приказываетъ воинамъ стать у порога и, чтобы не вбѣжала смерть, ловить ее, „яко мога“. Воины исполняютъ приказаніе царя, а хоръ поетъ грозную пѣсню, возвѣщающую царю о приближеніи смерти. (№ 9, куп. 1-й).

Между тѣмъ въ дверь врывается и страшная гостья, изображенная, какъ обыкновенно, въ видѣ скелета, съ косою въ рукахъ. Воины въ страхѣ убѣгаютъ, а смерть обращается къ Ироду со словами:

„Что ты, Ироде несытый,
Почто сіе болтаешь,
Мене убити—
Своимъ воинамъ повеліваешъ?
Я въ помощь призову
И своего брата,
Изъ пропасти ада.
Выйди, брате, друже любезный, пособити,
Кровопійцу Ирода отъ земли истребити!“

По вызову смерти является чортъ. Наружный видъ его снятъ съ обычныхъ рисунковъ церковной живописи: цвѣта онъ чернаго, съ выпучеными глазами, съ красною грудью, съ хвостомъ, рогами и чорными крыльями. При входѣ его за сценой слышится:

„Гу, гу, гу, гу!
Почто, другиня, требуеши на пораду?“

Увидѣвъ, въ чемъ дѣло, онъ приказываетъ сестрѣ своей, смерти, поднять косу и убить Ирода

„Во главу,
Щобъ знали повсюду нашу державу!“

Въ виду смерти Иродъ обнаруживаетъ безполезную заносчивость, говоритъ о своей славѣ и силѣ, но смерть прекращаетъ жизнь жестокаго и властолюбиваго царя, ударяя его своею косою, а хоръ провожаетъ душу его въ адъ, выражая желаніе, чтобы она тамъ вѣчно пребывала. (№ 9, купл. 2).

Вслѣдъ за тѣмъ чортъ подходитъ къ убитому Ироду, заключаетъ его въ свои объятія и говоритъ:

Друже мій вірный, друже прелюбезний!
Довго ждавъ я тебе въ глубочайшій безднi...

При этомъ за стѣной вертепа произносится нравоученіе:

Отъ-такъ берутъ, а такъ несутъ
Роскошниківъ сего світа,
Понеже вони не могутъ
Отдать передъ Богомъ одвіта...

Ту же мысль выражаетъ и хоръ въ заключительныхъ словахъ своей пѣсни, которою заканчивается первое дѣйствіе.

(№ 9-й купл. 3).

Вторая часть вертепнаго представленія заключаетъ въ себѣ свѣтскія и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто народныя сцены, въ которыхъ являются почти всѣ разряды лицъ, дѣйствовавшихъ въ малороссійскомъ краѣ въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Сцены эти далеко не лишены внутренняго значенія и юмора и могутъ служить вѣрнымъ отраженіемъ своеобразной жизни края и его обитателей съ ихъ понятіями и привычками, съ ихъ воззрѣніями на жизнь и людей. Въ пестрой смѣнѣ лицъ второго дѣйствія, по видимому, нѣтъ послѣдовательности и связи, но уже то обстоятельство, что надъ всѣми дѣйствующими лицами господствуетъ запорожецъ, указываетъ на основную идею, соединяющую отдѣльныя сцены въ одно цѣлое. Запорожецъ, представленный въ вертепѣ, видимо принадлежитъ уже ко времени упадка „славнаго товариства", когда Сѣчь высылала изъ себя уже болѣе гайдамаковъ, героевъ партизанской войны за вѣру и народность, чѣмъ воиновъ съ строгимъ характеромъ старыхъ сѣчевиковъ. Отъ такого времени упадка Запорожья оставались въ Малороссіи слѣды довольно долго: еще въ

двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія малороссіяне часто употребляли слово „запорожецъ“, для выраженія понятія о грубости и даже злости. Не менѣе того въ личности вертепнаго запорожца находятся и черты еще свѣжаго тогда прошедшаго, о которомъ воспоминаніе возбуждало въ слушателяхъ живое сочувствіе и подобострастное уваженіе къ силѣ народнаго героя. Въ рѣчахъ запорожца много глубокаго своеобразнаго юмора, а въ его дѣйствіяхъ много сознанія силы и господства, хотя и выражающагося въ грубой формѣ: онъ всѣхъ и все побѣждаетъ, нанося смертельные удары кому попало, даже самому чорту, котораго онъ и въ грошъ не ставитъ, одинаково не понимая, ни чувства уваженія къ кому бы то ни было, ни чувства страха предъ кѣмъ или чѣмъ либо.

Появленію запорожца предшествуетъ цѣлый рядъ различныхъ сценъ какъ-бы нанизанныхъ одна на другую безъ внутренней связи, но тяготѣющихъ къ общему центру. Только въ первыхъ двухъ сценахъ „діда и бабы“ и „солдата съ красавицей“, выведена связь этого втораго дѣйствія съ первымъ, такъ какъ въ нихъ говорится о Рождествѣ Христовомъ и смерти Ирода.

Дідъ и баба, являющіеся первыми на сцену, одѣты въ крестьянскія платья и дідъ такъ начинаетъ свою рѣчь:

„Отъ теперъ-же и мы, бабусенько, дождалися, якъ Ирода не стало“, при чемъ приглашаетъ молодичку потанцовать по этому случаю. Баба сначала отказывается отъ танцевъ, опасаясь: „щобъ наши танці, та не ввели насъ въ лихо“. „Де бъ забраться у тісный куток, та и істы хлібъ собі тихо“. Дідъ настаиваетъ на своемъ, хоръ поетъ извѣстную пѣсню:

„Ой підъ вишнею, підъ черешнею“ (№ 10).

и баба не устояла противъ искушенія: оба они потихоньку танцуютъ. Такимъ наивнымъ образомъ въ лицѣ діда и бабы изображается радость народа о смерти Ирода. Но вотъ неожиданно на сцену является солдатъ въ мундирѣ временъ Александра перваго (вѣроятно передѣланный изъ Екатерининскаго) и производитъ порядки. Онъ обращается къ діду и бабѣ съ грозною рѣчью:

„Кой васъ чортъ здѣсь развеселилъ?
Вѣдь тотчасъ потащу къ офицеру,
Чтобы вы знали христіанскую вѣру".

Дідъ и баба убираются, а солдатъ произноситъ длинную рѣчь о Рождествѣ Христовомъ и о дѣйствіяхъ Ирода. Въ текстѣ этой рѣчи ничего нѣтъ особенно замѣчательнаго; это просто повѣствованіе изъ священнаго писанія, съ соотвѣтствующими разсужденіями, изложенными въ тяжелыхъ стихахъ. Не совсѣмъ понятно, почему подобная рѣчь вложена въ уста солдата, къ которому она вовсе не идетъ. Не сдѣлали-ли этого составители вертепа съ цѣлію показать свое знаніе великорусской рѣчи, которая въ половинѣ XVIII вѣка была еще новизною въ Малороссіи?

Послѣ рѣчи солдата, выходитъ къ нему на сцену госпожа, называемая красавицей Даріей Ивановной. Начинаются взаимныя привѣтствія, и потомъ эта пара танцуетъ подъ звуки комаринской (см. № 11-й). Не успѣли танцующіе вдоволь повеселиться, какъ за сценой слышенъ барабанъ. Солдатъ спѣшитъ къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей и, выступая въ походъ, на вопросъ красавицы, когда они увидятся, говоритъ: „прощай навсегда"!...

На смѣну солдата является воинъ другаго типа, въ лицѣ гусарина-венгерца. Въ вертепномъ представленіи типъ этотъ смѣшанный, не то мадьярскій, не то сербскій,—вѣроятно такъ называемый ново-сербскій пикинеръ. Гусаринъ начинаетъ свою рѣчь съ какого-то мадьярскаго ругательства, смѣшаннаго съ сербскими словами:

„Терентетъ басà, мàленька басà и вѐлко басà,
„Мòя пòля, мòя вòда, мòе блàто, мое злàто,
„Мое све"...

Съ этой сцены продолжается группировка дѣйствующихъ лицъ по народностямъ: къ гусарину выходитъ мадьярка, они цѣлуются и танцуютъ подъ звуки пѣсни:

Гусаръ коня напоивавъ (см. № 12-й).

Послѣ мадьярской пары является цыганъ. Ему посвящена довольно длинная сцена, въ которой малороссійскій юморъ и насмѣшка надъ цыганомъ, уступающимъ развѣ только жиду въ ан-

тинатіи къ нему народа, находитъ для себя полное примѣненіе. Цыганъ выѣзжаетъ верхомъ на клячѣ. Его рѣчь испещрена разными непонятными словами, заимствованными, вѣроятно, изъ цыганскаго языка, который нашъ народъ такъ часто слышитъ на ярмаркахъ. Цыганъ, сидя верхомъ, говоритъ:

Діги, діги,
Забувъ батько дуги!
На шляхъ да-ри-да-ти,
Бо йду съ праздникомъ поздравляти...

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

Гей! Криця—не лошиця,
Кремінь—не кобыла:
Якъ біжить, ажъ дрожить,
Якъ впаде, то й лежить!

При этомъ кобыла падаетъ и цыганъ летитъ на землю. Цыганъ продолжаетъ:

Пху! Побила-бъ тебе нещаслива година,
Пре-пре-прекаторжного ты батька скотина!
Щобъ тобі ні стрило, ні брило,
Щобъ тебе на світі не було!
Одинъ-однимъ зубъ державсся,
Та й той теперъ у сніgу зостався!

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, продолжаетъ:

Панове! Хто хоче—будемъ міняти,
Бо далебі, що стоіть ii продати!
Що-жъ? Ніхто ні шажка, ні копієчки не хоче дати?
А тутъ-то кобыла суча
Брикуча.
Хочъ ребра въ еі и дуже видно,
Та вже-жъ за годъ поправити можна.
Коли жива буде,
То боятимуться ii люде:
Отъ дивіться, якъ вона, суціга,
Дуже біга!

Цыганъ бьетъ кобылу и кричитъ:

До шатра! До шатра! До шатра!..

Кобыла вскакиваетъ и убѣгаетъ.

Охъ, юсти-жъ, юсти,
Смаженоі капусти!
Хочъ-бы сальцемъ зашаровати,
Та добре попировати!

Но старому цыгану не суждено было попробовать капусты съ любимымъ „сальцемъ"

Иди, батьку, кличе мати вечеряти,—говоритъ ему сынъ.

— *А що тамъ доброго, сынку, варили?*

— *Казали мати: „нічого".*

— *А хлібъ же е?*

— *Де бъ вінъ взявся? нема!*

— *Такъ дарма! Вечеряйте собі на здоровье, а я зъ добрыми людьми погомоню!*

Ту-же печальную вѣсть слышитъ цыганъ и отъ своей жены, которая появляется на сценѣ съ кувшиномъ въ рукѣ:

Гараську, Гараську!
Изъіла собака порося и паску,
Да щей перецъ вынюхала:
Теперъ кого пеняти?
Ніде хліба узяти"...

Цыганъ упрекаетъ свою жену, подозрѣвая ее въ обманѣ: „И, стара котюга!"

„Ще й тобі мене дратовати?"—отвѣчаетъ ему жена.

Знавъ-бы собі міхомъ подувати
Та залізо кувати.
Якъ ударю тебе кинвою сіею,
То не будешъ знущаться надъ бідностю моею!

Съ этими словами она даетъ своему супругу пощечину. Цыганъ грозитъ ей плетью:

„Охъ, жінко, жінко!
Якъ почну я тебе отъ симъ серпіемъ латати,
То вся шкира на тобі буде тріщати"

Смирилась цыганка.

„И не мій мене,
И не бий мене,
Принесу тобі борщику
Въ поливянімъ горщику“.

Цыганка приноситъ что-то въ кувшинѣ, приговаривая:

„Тутъ-то страва, тутъ-то люба:
Покуштуешъ—звисне губа!“

Цыганъ пьетъ съ жадностью, потомъ отплевывается и говоритъ съ досадою:

„Побила-бъ тебе година лихая!
Така твоя страва, якъ и ты—дурная!
Борщъ твій похожій на ракову юшку!“
—*„Кидала, мій миленькій, цибулю й петрушку“*, отвѣчаетъ цыганка,
„А ще для свого господаря
Кусокъ сала изъ комаря!“

Сцена заканчивается, какъ и предыдущія, пляскою. Цыганъ съ цыганкою поютъ и танцуютъ. (См. № 13).

Слѣдующая затѣмъ сцена посвящена народности польской. Появляется предъ зрителями польскій панъ, одѣтый въ кунтушъ съ рукавами на вылетѣ. На головѣ у него конфедератка. За нимъ слѣдуетъ молодой хлопъ. Панъ говоритъ по-польски нѣсколько уже искаженнымъ нарѣчіемъ:

А цо тута слыхаць галась?
Нѣхъ дзябло вѣзмѣ гайдамацѣ!
Идзь, хлопку, до женскои палацѣ!

Мальчикъ уходитъ, а полякъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

А цо, панове?
Я изъ дзяда, изъ прадзяда уродзоний естемъ шляхтичъ!
Былемъ ве Львовѣ,
Былемъ въ Краковѣ,
Былемъ въ Кіёвѣ,

Былемъ въ Варшавѣ и Платавѣ,
А теперь естемъ у ясновельможного пана... (имя рекъ)
Ктурому до нугъ падамъ,
Жичу здрувья и многа лята!

Затѣмъ слѣдуетъ обычное появленіе женщины—соотвѣтственно народности дѣйствующаго лица. Жена поляка въ сокиринскомъ варіантѣ почему-то названа платавкой. Она цѣлуется съ мужемъ и оба танцуютъ подъ звуки краковьяка (№ 14). Мальчикъ выглядываетъ изъ за дверей и тоже танцуетъ, наконецъ, выскакиваетъ на сцену и начинаетъ танцовать за спиною пана; оба сталкиваются, панъ падаетъ и кричитъ:

„А пудзь до дзябла, гайдакъ:
Я цѣ батогами забію!"

Тогда полька обращается къ мужу съ словами:

Пшепрошамъ пана Яна!
Идзь зе мнѣ,
Бо цѣбѣ гайдамака забіе.

Полякъ заносчиво отвѣчаетъ:

„Цо ты, не эдукова́на кобі́то, мувишъ?
Якъ Бога кохамъ,
Еденъ тшидзести гайдамакъ забіе!"

Здѣсь происходитъ сцена весьма характеристическая; только что полякъ произнесъ свои хвастливыя слова, какъ раздается за сценой пѣсня запорожца:

Та не буде лучше,
Та не буде краще,
Якъ у насъ, та на Украіні!
Що немае жида,
Що немае ляха:
Не буде измі́ни! (№ 15).

Трудно было-бы ожидать отъ маленькаго, скромнаго театра маріонетокъ такой знаменательной и характерной сцены.

Чрезвычайно умѣстны звуки этого величаваго и глубоко народнаго напѣва короткой исторической пѣсни, похожей скорѣе на

всенародный возгласъ южной Руси, проносившійся по ней отъ края до края всякій разъ послѣ того, какъ народъ кровію и страданіями хоть на время отстаивалъ отъ захватовъ запада свою русскую народность и восточное благочестіе. Можетъ быть, составители вертепнаго представленія и не задавались глубокими соображеніями о значеніи этой сцены, въ которой вслѣдъ за рѣчами самонадѣяннаго поляка является запорожецъ съ своею величавою, знаменательною пѣснью; но довольно того, что они брали сцены съ натуры, подъ живымъ впечатлѣніемъ недавнихъ тогда событій, и великое даетъ себя чувствовать даже въ мелкомъ кукольномъ представленіи.

Заслышавъ звуки пѣсни запорожца, полякъ быстро убѣгаетъ и на сцену является запорожецъ. Онъ гораздо выше всѣхъ остальныхъ фигуръ вертепа, одѣтъ въ широкіе красные шаровары и синюю куртку, обшитую галуномъ. Въ правой рукѣ у него булава, съ выбритой головы виситъ чуприна. Вошедши на сцену, онъ поворачивается въ ту сторону, куда бѣжалъ полякъ, и произноситъ слѣдующій, драгоцѣнный по историческимъ чертамъ, монологъ:

На, на! махнувъ,
Мовъ панській хортяга,
Або опареный песъ!..
Що то за народъ
Изъ ихъ пресмілый,
Що самъ и въ огонь не вскочить,
Хиба его силою впрешъ!—
Хоть дивись на мене,
Та ба не вгадаешъ,
Відкиль родомъ
И якъ зовуть;—
Ни чичиркъ не знаешъ!
Коли траплялось кому
У степахъ бувати,
То той може призвище
Мое угадати...
А въ мене имя не одно,
А есть ихъ до ката;

Такъ зовуть,
Якъ набіжишъ
На якого свата:
Жидъ, зъ біды,
За рідного батька почитае.
Милостивымъ добродіемъ
Ляхва называе,
А ты, якъ хочъ, назови,
На все позволяю,
Абы лишъ не назвавъ крамаремъ,
За те то полаю.
Теперъ, бачу, на світи біда,—
Що мене одцурався рідъ.
Не бійсь, якъ бувъ богатъ,
То казали: Иванъ братъ;
А теперъ, якъ нічого не маю,
То нихто й не знае.
А якъ розживется голота
Дай загуляе,
Тогді до чорта роду
И всякій пізнае.
Відкіль родомъ
Я на світі,
Всякъ изъ васъ
Може знать приміты.
Жінокъ въ Січі немае,
Всякъ тее знае.
Хиба скажешъ:
Зъ Рима родомъ,
Або зъ пугача
Дідъ мій плодомъ?
Но въ тімъ собі милишъ [1]*,*
Инаково мовишъ (?).
У насъ сугаківъ тільки сліды,
Дикії кони намъ сусіды,

[1]) Ошибаешься, обманываешь себя.

Да дніпрове сремя,—
О то наше племя!
Правда, якъ кінь въ степний воли,
То такъ козакъ не безъ доли:
Куды хоче, туды скаче,
За козакомъ нихто не заплаче.—

Гай, гай! якъ я молодъ бувавъ,
Що то въ мене була за сила!
Було, ляхивъ борючи, и рука не мліла.
А теперъ и вошъ сильніша
Відъ ляхивъ сдается,
Плечи и ніги болять,
Якъ день попобьеся.
Такъ то бачу, що уже
Не добра літъ нашихъ година:
Скоро цвіте и вьяне,
Якъ у полі билина.

Хочажъ мені и не страшно
На степу вмірати,
Да тільки жаль,
Що нікому буде поховати:
Татаринъ цураеться,
А ляхъ не приступить,
Хиба яка звіряка
За ногу въ байраки поцупить.
И справді, пристарівшись,
На Русь пійти мушу,
Бо тамъ одпоминають
Попы мою душу.
Тільки жъ мені и нечуеця
На лаві вмирати,
Бо щежъ мене тягне охота
Зъ ляхами гуляти.
А хай мині що небудь
Прикинуть для смерти,
То ще жиду або ляху
Мушу носа втерти.

Хочъ уже мало изледащивъ,
Однакъ чують плечи:
Здаеця поборовся бъ
Ище зъ ляхами гречи,
Ище бъ проинавъ шоронку
За Вислу хочъ трохи;—
Гинули бъ ляхи
Якъ отъ жару блохи!
Трохи ляхва угадала,
Що лошака даровала.

Случалось мині и не разъ
Въ степу варить пиво:
Пивъ турчинъ,
Пивъ татаринъ,
Пивъ и ляхъ на диво;
Багацько лежить
И теперъ зъ похмільи
Мертвіхъ головъ и кистокъ
Одъ того весільи.
Надія въ мене певна—
Мушкетъ сіромаха,
Да ще не заржавіла
И шабля моя сваха.

Хоча вона и не разъ
Паюхою вмилась,
Таки й теперъ
Якъ бы розізлилась,
То не одинъ католикъ
Лобомъ двинымъ (?) стане,
Коли-жъ втікать схватиться,
То на спису застряне.
Да якъ и лукъ натягну,
Брязну тетивою,
То мусить съ поля втікать
Ханъ крымській зъ ордою.
Гей, нуте-жъ вы, степы,
Горіть пожарами!

Бо вже часъ кожухи мінять
На жупаны зъ ляхами.
Де ярмарокъ добрый,—
Удача покаже,
Да въ барыші жидъ зъ ляхомъ
Не одинъ поляже.

Пекъ имъ! якъ наможутъся,
До мусишь уступити
За шкатулу червоныхъ
Золотомъ литихъ
Кожухъ шкарупиный.

Скинемъ имъ до ката,
Абы якъ одцуратъся
Упрямого свата,
Да вже біжимъ до Січи
Могорычу пити!

Цуръ имъ! бодай ихъ!
Якъ повыкли ляхи
Насъ дурити.

Козакъ Иванъ Виногура,—
У ёго добра натура,—
Въ Польщи ляхівъ оббирае,
А въ корчмі пропивае.
Въ степахъ бобры та лисиці,
А въ шинку дівки да молодиці.
Козакъ, душа правдивая,
Сорочки немае;
Коли не пье, такъ воши бье,
Таки не гуляе.

Надъ бандурою.

Гей, бандуро моя золотая!
Коли-бъ до тебе жінка молодая,
Скакала-бъ и плясала-бъ до лихи,
Що не одинъ бы чумакъ
Одцурався бъ соли й міхи.

Або якъ заграю,
То не одинъ поскаче,
А, підождавши, одъ того весілья
Та ще й заплаче.

Появленіе запорожца вызвало на сцену и всю обычную его обстановку: первое лице, являющееся къ нему, есть шинкарка Феська.

„А здорова, шинкарко,
Здорова, пілтавко!
Якъ я тебе давно бачивъ!“
—„Якъ бачились у Ромні
Объ Илы,
Та и досі ні“

Этотъ отвѣтъ похожъ па мѣстную приставку, такъ какъ въ то время въ нашей мѣстности Ильинская ярмарка въ Ромнѣ имѣла большое значеніе. Грубый сѣчевикъ начинаетъ заигривать съ шинкаркой:

Такъ, Фесю, такъ!
Поцілуй-же мене по знакомості у крутый усокъ...
Отъ-такъ, цмокъ!
Ще поцілуй и въ чуприну
Хоть разокъ!
Поцілуй ще въ булаву!
А теперь потанцюй съ козакомъ,
Бо дамъ и прочухана!

Они танцуютъ козачка подъ музыку весьма стариннаго напѣва (№ 16).

Своенравному запорожцу надоѣдаетъ Феська, онъ ее прогоняетъ и продолжаетъ танцовать одинъ. Но Феська, какъ чаровница, не оставила обиды безъ мщенія: она послала козаку двѣ змѣи, которыя кусаютъ его и онъ съ крикомъ: „ой, лишечко! гадъ, гадъ“, выражаетъ желаніе, чтобы пришла поворожить цыганка, которая и является.

„Поворожи, будь ласкава! я тобі оддячу—
Хочь не зъ рукъ, то на вкидячу“.

Цыганка съ сожалѣніемъ говоритъ: „Охъ милый, волошину чорнобривый! се тобі Феська наробила, що тебе гадюка укусила“,— послѣ чего она начинаетъ ворожить, говоря козаку на выворотъ недоброжелательныя слова:

Ходила цыганка по горахъ, по долинахъ,
Носила пісокъ на вилахъ;
Скілки на вилахъ сдержиться пуху,
Стільки въ тобі, козаченьку, духу.
Вставай та дохідъ давай, бо вже ты,
Козаченьку, зовсімъ здоровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на вывороченную ворожбу цыганки, запорожецъ выздоравливаетъ.

О, спасибі тобі, цыганко, говоритъ онъ, *що ты мене відъ смерти відвалала, теперъ-же потанцюй изъ козакомъ, бо дамъ и прочухана.*

Они вдвоемъ немного танцуютъ (см. № 17), послѣ чего цыганка начинаетъ просить вознагражденія:

Не жалуй, батеньку, копієчки, та дай дві.

— *Що ты, цыганко, кажешъ?—Бо якъ просять, то не дочуваю.*

Цыганка повторяетъ свою просьбу о двухъ копѣйкахъ.

— *На що тобі, або за що?—скажи мені, будь ласкава,* спрашиваетъ козакъ.

— *Ябъ собі, мій голубе сизый, рыбки купила.*

— *Може бъ ты, цыганко, и товченики іла?*

— *Та іла бъ, козаче-бурлаче, та де-то ихъ узять!*

„Оцаплена твоя голова!“—отвѣчаетъ запорожецъ. „Чому ты мені давно не сказала, я бъ тобі оцю повну пазушину наздававъ Отъ тобі товченикі!“... приговариваетъ козакъ, ударяя цыганку и прогоняя ее со сцены. Послѣ этого онъ продолжаетъ танцовать одинъ (см. № 18).

Наконецъ, утомившись, онъ чувствуетъ потребность выпить, „бо такъ щось дуже на языку сухо“. Онъ подходитъ къ одной изъ боковыхъ дверей, которая должна изображать шинокъ Феськи и тутъ начинается сцена, вѣроятно, часто повторявшаяся въ тѣ времена, когда козаки разбивали шинки и доставали даромъ водку,

которую имъ отказывали давать въ кредитъ и за которую они потомъ незамѣтно расплачивались очень дорого.

Фесю, відчини! Не чуешъ? Фесю сердце, любко, голубко, відчини! Не чуешъ? Бодай ты зозулі не чула! Відчини, капостна халява, а не то—Бігъ мене обий—коли віконъ не выбыю и дверей выставлю!

Угрозу свою козакъ приводить въ исполненіе: онъ разгоняется и лбомъ высаживаетъ дверь.

Слѣдующая сцена рисуетъ мирное настроеніе еврейской пары, которая воспоминаетъ библейскія времена, когда—

Явреевъ самъ Богъ засцисцивъ,
За огненнымъ стовпомъ ихъ ховавъ,
Сце друге цудо вінъ луцее изробифъ,
Якъ у Цорному морю все війско затопифъ.
Мовсей, Аронъ, Давидъ—вони-жъ пакъ насі святі,
Озидали-зъ Месіаса и тиі.
Вінъ пакъ, якъ пріиде,
Кругомъ насъ обійде
И сказе такъ:
„Цесні яврei! Я—царь васъ,
Теперь и світъ весь насъ".
Теперь, Суро, нумо танцювати
Та горілку продавати.

Еврей и еврейка танцуютъ подъ музыку (№ 19).

Въ это время раздается стукъ въ двери. Еврей обращается къ женѣ:

Бізи, Суро, до хаты,
Гросей ховати,
А то йде гайдамака,
Буде грабувати!

Является запорожецъ.

— *Здоровъ бувъ, жидовину, еретичій сыну!*
— *А здоровъ зе бувъ, всемилостивійший пане!*
— *Що се ты у барылці носишъ?*
— *Сабасковi горілочки носи*

— *А дай мені попробовить.*
— *Ты-зъ у мене, козаченьку, буфъ,*
Медъ и горілоцку пифъ
И гросей не заплатифъ.
— *Да ты не знаешъ, якъ мене й зовуть.*
— *Ты-зъ панъ Максимъ!*
— *Брешешъ, бо я Протисъ!*
— *Нехай-зе будесь ти и Прокисъ,*

Тилько головоньки моеи не бий,
А на! гирілоцку пий!

— „О такъ бы й давно казавъ!"

Запорожецъ пьетъ водку изъ барила, еврей поддерживаетъ барило и дрожитъ отъ страху.

— „Не труси бо, гадючій сыну, бо зубы побьешъ. Отъ-се жъ яка въ проклятого жида міцна горілка! Якъ я бачу, то я упився".

Козакъ хмѣлѣетъ и падаетъ на землю, а еврей начинаетъ душить его колѣнками, приговаривая:

А! цузоі кровi напивсь,
Та й самъ скрутивсь!

Козакъ пробуждается отъ сна -съ словами:

„Ухъ! що се по мені товчеться? глянь, глянь! Се, бачу, жидъ пораеться по мені... Чи въ насъ же такъ бьють?"

Онъ машетъ булавою, еврей падаетъ, восклицая: „Вухъ, вухъ!" а запорожецъ говоритъ со смѣхомъ:

Я ще ёго и не вдаривъ,
А вінъ кричить, що вже опухъ!

„У насъ якъ бьють, то зъ притиска, та зъ відваги, отъ такъ и ты, сучій жиде, учись бить", говоритъ онъ, нанося еврею удары.

„Не проклятый же и жидъ", восклицаетъ козакъ, видя, что онъ уже мертвъ. „Уже бачу вінъ и скрутивсь. Де лишь тіи магогоны, чи въ правдоньку дзвоны? пійду по его душецьці бовкну хоть разъ".

Козакъ подходитъ къ колоколу и ведетъ при этомъ довольно безсмысленныя рѣчи пьянаго человѣка:

„Що се воно таке? на-ві-що воно похоже? підъ хуртовину добра була бъ шапка, та щебъ и брязчала зъ потилиці, тоді—хочъ бы якій машталіръ—то звернувъ бы зъ дороги. Ні, се та не те я кажу... А воно підъ непогоду и горобцямъ добре було бъ ховатися въ ему. Ні, се-та не те я кажу... А якъ бы его въ болото застромивъ, то раківъ бы повну вершу наловивъ“...

Такъ и не позвонилъ козакъ, но тѣло убитаго жида лежитъ на полу.

„Пійти та заволокти еретичого жида, а то залігъ місто, нігде козакові погулять“, говоритъ запорожецъ.

„Де пакъ, якъ пакъ чорта величають? Про се мабуть не всі знають. Алежъ на хрещеного кажуть „дядьку“, то вже его треба назвать „дідькомъ“; послѣ этого разсужденія онъ зоветъ чорта:

„Дідьку, дідьку, дідьку, го! Ходи сюды, будь ласкавъ, возьми собі жида, таки-рідного твого діда, то-то зъ его гарне буде жарке! що ты зъ роду не івъ таке; буде зъ тебе на цілий піст, віднасеся, то піднимешь и хвістъ“.

Послѣ этой довольно грубой, но характерной остроты, запорожецъ уходитъ, а въ другую дверь входитъ чортъ съ обычнымъ своимъ гудѣніемъ: „гу, гу, гу, гу!.. Отъ теперъ я дождався, що жидъ мені у руки попався“!

Возвращается запорожецъ и говоритъ чорту:

Чи се ты и досі не однісъ?
Якій-же зъ тебе проворный бісъ?

„Неси, неси, та поживай собі на здоровье“, добавляетъ онъ, выталкивая чорта съ жидомъ, самъ-же продолжаетъ танцовать. (№ 20). Но наконецъ и мощный сѣчевикъ утомился. „Отъ-се, якъ панове дуже вморився! мовъ коло плуга два дні возився“.

Послѣ этого, онъ ложится на бокъ: „ляжу отъ такъ—не гарно“, переворачивается на другой бокъ: „а такъ ще гірше“. Ложится на спину: „а такъ, то на груди хто якъ сяде, то певно задушить, бо я признаться слабоватый“. Ложится ницъ. „Ляжу отъ такъ, якъ колись мій батько лежавъ, то хочъ хто на шиї и сяде, то повезу, якъ добрый вілъ“.

Но только что успѣлъ козакъ заснуть, какъ входятъ два чорта и напавъ на запорожца, хотятъ его задушить. Козакъ просыпается и хватаетъ одного изъ нихъ за хвостъ:

„Ухъ! херувимы-серафимы!“

„Чортъ у боклагъ улізъ!“—послѣ чего онъ начинаетъ чорта разсматривать:

Що се таке я піймавъ?
Яка се птичка:
Чи перепеличка,
Чи не синичка,
Що не дыше,
Та тільки головкою колыше?
Глянь, глянь, яке воно чудне та страшне:
Очи зъ пьятàка,
А языкъ вывàливъ мовъ собака!
Де ты собі груди обідравъ?
Може глідъ, або груши кравъ.
А повернись, я подивлюсь, яке ти зъ-заду!

Чортъ поворачивается—запорожецъ продолжаетъ:

Эге! Воно бачу й крылыця мае:
Се-жъ мабуть те, що нічью літае,
Та курей хватае...
Ні, се да не те кажу я...
А воно, стеменно, той коникъ, що по полю скаче
Та хрущівъ давить.
А коли скаче, то вже-жъ танцювать уміе...
Та може не по силі...
А, ну лишъ! Не соромся та потанцюймо трохи,
Щобъ выскакали до-чиста усі зъ тебе блохи...

Музыка играетъ (№ 21), а запорожецъ танцуетъ:

„А що жъ ты стоишъ“, обращается онъ къ чорту, якъ кожухъ „дубленый?“ Чортъ продолжаетъ стоять неподвижно. Тогда запорожецъ бьетъ его булавой. Чортъ убѣгаетъ.

Но вотъ въ головѣ козака мелькаетъ мысль о покаяніи и онъ говоритъ:

Де-бъ то отъ-се, панове, узять попа хоть ледащичку,
Абы не пьяничку,
Бо я, признаться, самъ того не люблю.

Является уніатскій попъ

„Про вовка помовка“, говоритъ запорожецъ,
Ажъ, бачу, дідько и попа примчавъ!
Бачъ, мовъ ёго мизень злизавъ!
Висповідай—пакъ мене, пане, підъ сією сухою попінкою!
—Ты, козаче, говоритъ попъ, *въ гріхахъ мені признавайся,*
Та не соромляйся.
—Чого соромляться?
Я, паноче,
Роскажу все коротше,
Що знаю.
Що воно бути мае,
Якъ кажуть: „бездна бездну призывае?“
—Се значить: грішникъ на землі.
—Эге! Бачъ куды вінъ відвернувъ?
А по нашому: бездна бездну призывае—
Се значить: пінъ попа на обідъ кличе,
А той ёму дулі тиче..
Такъ я тобі гріхівъ своихъ не доказавъ:
Ходивъ я зъ малку по білому світу,
Бивъ ляхивъ, жидівъ,
Купцівъ, панівъ
И всіхъ кого заманеться.
Правду сказать, уніятскихъ попівъ не бивъ,
А зъ нихъ живыхъ кожу лупивъ,
Бо ждуть вони надъ козакомъ смерти,
Щобъ скоріше въ сыру могилу заперти,
Таскають, співають,
Тілько що не танцюють,
А на поминкахъ якъ попьються,
То мовъ кони гарцюють“.

Не добрыя ноты слышались въ иронической рѣчи запорожца Предчувствуя бѣду, уніатскій попъ дрожащимъ голосомъ смиренно отвѣчаетъ ему:

Треба тобі до косцёла ходить
И частиі поклоны бить.

— *О, я зроду*, возражаетъ ему запорожецъ, *до косцёла не ходивъ*
И поклонівъ ніколи не бивъ!..
Хіба тебе, якъ хочешъ, попобью...

Попъ убѣгаетъ.

„Добре зробивъ, що втікъ", говоритъ буйный рыцарь. Танцуетъ. Музыка играетъ (№ 22).

Этою послѣднею побѣдою надъ всѣми своими врагами оканчиваются сцены съ запорожцемъ. Грубою кистью изображены черты степнаго героя, который и въ дѣйствительности не могъ обладать мягкими качествами души; но этотъ ґерой былъ близокъ сердцу народа, какъ главный выразитель самостоятельной народной силы и народныхъ стремленій въ его борьбѣ за вѣру и землю русскую. Подъ вліяніемъ такихъ еще живыхъ впечатлѣній и отведено было въ нашемъ вертепѣ столь значительное и почти главное мѣсто запорожцу.

Прощаясь съ зрителями, козакъ какъ будто чувствуетъ, что онъ не всѣмъ могъ угодить своими рѣзкими выходками и, уходя со сцены, говоритъ:

Щожъ, панове? По сій мові
Будьмо здорові!
Зъ пісні слова не викинешъ...
А що було, то барзо прошу про те не поминати,
Бо вже піду теперь въ курінь віку доживати.

Наконецъ въ вертепной драмѣ отведено скромное мѣсто и простонародью. На сцену является Климъ и жена его съ своимъ убогимъ хозяйствомъ—свиньей и козой. Онъ гонитъ на сцену свинью, приговаривая: „аля, аля", и говоритъ, обращаясь къ зрителямъ:

Хіба дякамъ на школу дать,
Бо вона давно уже хотіла издыхать.

Сверхъ того оказывается, что свинья, какъ ей и подобаетъ, „шкодливая".

Увесь городъ, жалуется Климъ цыгану, вона порыла,
Капусту й постернакъ поїла.

Цыганъ предлагаетъ Климу свои услуги:

Отдай намъ її, говоритъ онъ, *до шатра:*
Мы її научимъ халяндры танцёвати,
То вже тоді не буде вона въ городы скакат.

Климъ расчитывалъ, что цыганъ купитъ свинью, но, разувѣрившись въ этомъ, съ досадой прогоняетъ его:

Пане купче, тікай,
Щобъ не вразивъ тобі я вида,
Тоді позывай мене хочъ и въ Свирида,
А Свиридъ—мій кумъ, для мене дуже хороший,
То не поможуть тобі твої гроші.

Жена извѣщаетъ Клима, что къ нимъ „кондякъ (дьячекъ) припхався".—„Я его", отвѣчаетъ Климъ, „дуже сподівався... Не соромся его, хочъ вінъ и пісьменный, говори ему сміло".

Входитъ дякъ.

„Дай, Боже, здоровья пану Климу!"

— *Здоровъ бувъ, пане бакаляру*
И нашъ—таки кондяче!
Возьми собі, будь ласкавъ, отсю свиню:
Нехай черезъ тинъ не скаче!

Дьякъ радъ подарку:

Ци, ци, фертикъ Иванець!
Спіши сюди зіло,
Климій сотворивъ намъ честь,
Давъ свиняче тіло!

На призывъ дьяка входитъ Иванець—школяръ, и говоритъ:

Азъ путешествую: кое ваше діло?
— *Взємъ сіе бремя, неси въ наши кльти,*
— *Помозите на рамена взяти,*
Бо, ей-богу, самъ не можу подняти.
— *Возьмаса: аля! аля! до школы пірья драти!*

Всѣ возглашаютъ: аля! аля! Иванець съ свиньею уходитъ. Дьякъ въ напыщенной высокопарной рѣчи благодаритъ Клима:

Гевалъ, Амонъ и Амаликъ и всі живущі въ Тирі...
Да пріемлетъ Богъ душу твою въ Эфирі!
Обреченную вашу жертву съ благодарностью пріемлемъ
И выю вамъ объемлемъ.

— *Тее-жъ и тобі посполу, пане кондяче!* отвѣчаетъ Климъ.

Дьякъ уходитъ, а Климъ въ раздумьи говоритъ: „Отожъ пресучій дякъ подякувавъ гарно, ажъ слези навернулись... Правда, панове, есть за що й дякувать: свиня хочъ куда свиня, ребра такъ и світяться"...

Входитъ жена и извѣщаетъ мужа, „що уже кондяки принесли изъ свиняки обідрану кожу".

Отъ бачъ, жінко, що я можу!—отвѣчаетъ ей Климъ,
Свиняка-бъ и дома пропала,
А дяку платить за сына пора настала,
Теперъ-же мы зъ нимъ рощитались
И цілі гроші въ насъ остались.

Климъ съ женою радуются выгодной сдѣлкѣ:

Потанцюймо, говоритъ жена, *хочъ мало,*
Якъ колись водилось,
Щобъ у насъ побільше
Конопель родилось.

Они танцуютъ (№ 23), а затѣмъ Климъ припоминаетъ, что у нихъ, кромѣ свиньи, водилась въ хозяйствѣ и коза. Онъ выгоняетъ на сцену козу, которая прячется подъ Иродовъ тронъ. Климъ думаетъ, что коза пропала, и обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

Панове громадо! Чи не бачили моеі—таки козы?
Що то за солодке було въ неі молоко!
По дві дійниці молока давала,
А теперъ бідна, якъ у воду впала.
Одна-жъ біда не минулась,
А друга не забаромъ навернулась:

Заснувъ учора я підъ Лысою горою,
Таки вечірнею порою,
Де взявся Макогоненківъ Грицько,
Се бачъ, казавъ-таки, нашъ Грицько,
Та й виннвъ зъ кишені люльку, крицю й кремипець,
Ще въ кисеті—що на пупу—ремінець,
Уразивъ вінъ мое сердце въ самый край,
Теперь мені—ні до жінки, а ні въ пекло, а ні въ рай,
А тутъ ище й козу загубивъ,
Лучше було-бъ, якъ-би самъ іі убивъ.

Наконецъ, Климъ находитъ свою козу и говоритъ:

Бачъ, де моя козонька,
Де моя голубонька!
Бачъ, якъ вона скаче,
Мовъ танцёвать хоче!

Коза танцуетъ подъ звуки музыки (№ 24). Климъ хочетъ поймать козу, но неосторожно убиваетъ ее.

„Бідна жъ моя головонько, козу вбивъ!"—восклицаетъ злополучный Климъ, „понесу жъ іі до дому, та отдамъ собакамъ шкуру, а изъ мяса справлю жинці кожухъ!" Этою шуткою оканчиваетъ Климъ свою рѣчь и уходитъ.

Нельзя не замѣтить, что какъ въ первой сценѣ свѣтской части вертепнаго представленія, такъ и въ сценѣ Клима съ его бѣднымъ хозяйствомъ, простолюдинъ изображенъ скорѣе съ оттѣнкомъ комическимъ, чѣмъ юмористическимъ: это, вѣроятно, произошло отъ того, что составители вертепнаго представленія того времени чувствовали себя по развитію своему неизмѣримо выше посполитаго мужика, на котораго смотрѣли скорѣе съ чувствомъ снисхожденія, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ чувствомъ. Дякъ и его ученикъ изображены болѣе благожелательною рукою и комизмъ ихъ заключается въ велерѣчивыхъ выраженіяхъ. Между тѣмъ, въ этой сценѣ Клима съ дьячкомъ отражаются отчасти тогдашнія внутреннія отношенія народа къ просвѣтительному началу, исходившему главнымъ образомъ отъ кіевской бурсы: Климъ, бѣдный

мужикъ, считаетъ необходимымъ учить сына грамотѣ и наставника своего сына называетъ бакаляромъ.

Вертепное представленіе оканчивается явленіемъ нищаго съ торбою (мѣшкомъ) въ рукахъ. Онъ подходитъ къ краю сцены и говоритъ зрителямъ:

Я, Савочка нищій,
Прошу на харчъ—на горілку.
Хто дасть шагъ, а хто рубъ,
Пріему и копійку,
На дощечку, на клепало,
Хто що вкине, то пищіть—пропало.

Въ эту торбу обыкновенно публика бросала свои даянія въ благодарность за представленіе.

Гр. П. Галаганъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го сентября 182 года.

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **девѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины" выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при

содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ**. Въ слѣдующей книжкѣ мы объявимъ къ общему свѣдѣнію, какими новыми матеріалами располагаемъ на будущій годъ. Къ той-же книжкѣ будетъ приложенъ портретъ Гонты, съ его біографіею, сост. В. Б. Антоновичемъ. Далѣе будетъ портретъ жены Гонты,—оба художественной работы, превосходно воспроизведенные въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП**.

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на текущій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Вышедшія книжки немедленно высылаются, остальныя—по мѣрѣ выхода.

Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія,

по воспоминаніямъ дѣтства.

(Продолженіе)*).

По разсказамъ отца моего, еще въ рождественскіе праздники 1830 года мѣстные жиды и паны о чемъ то шушукались, отъ *двора* до *двора* ѣздили то панки, то жидки, заѣзжали къ богатымъ мужикамъ, подмигивали мелкой шляхтѣ. Крестьяне недоумѣвали, священники въ страхѣ ѣздили другъ къ другу... Всю зиму шли толки и предположенія. Одни говорили, что „Константинъ" идетъ войной на „Николая" за отнятіе у него престола. Другіе полагали, что Бонапартъ, долго скрывавшійся гдѣ-то, снова появился и съ несмѣтною силою идетъ на Россію. Мелкая шляхта проговаривалась, что въ Варшавѣ уже царствуетъ король польскій. По весной дѣло стало проясняться: по деревнямъ появились всадники при сабляхъ, постолетахъ и т. под., мелкая шляхта готовилась „do broni", уніатскіе священники, которыхъ въ нашей околицѣ оставалось въ это время всего три, громко твердили, что снова здѣсь будетъ Польша и унія. Въ маѣ или въ началѣ іюня, поздно вечеромъ, вбѣжалъ къ отцу крестьянинъ съ крикомъ: „утікайте, панъ-отче! ляхівъ пришла сила, видимо-невидимо, якъ хмары; всі узбруени (вооружены), утікайте"!... Въ ту-же ночь отецъ отправилъ жену и дѣтей къ тестю, а самъ спрятался въ ровъ, поросшій высокимъ и густымъ бурьяномъ. Пановъ оказалось не „якъ хмары", но всего пять--шесть, за то чванства было „видимо—невидимо". Подобные шайки ежедневно проходили по деревнѣ, съ пѣніемъ: „*Jeszcze Polska nie zgi-*

---

*) См. въ сентябр. книжкѣ «Кіев. Старины».

nela"... требовали у крестьянъ подводъ, провизіи, говорили про унію, бранили *поповъ*. Одна изъ шаекъ, въ большомъ составѣ, собирала во *дворъ* крестьянъ, объявила о возстановленіи польскаго королевства, посылала розыскивать отца для приведенія крестьянъ къ присягѣ. Крестьяне, знавшіе, гдѣ отецъ укрывался, не выдали его. Прошелъ мѣсяцъ или болѣе томительной неизвѣстности, какъ въ свою очередь ляхи, раненные, оборванные, въ ужасѣ стали появляться по рвамъ, пасѣкамъ, приставать къ пастухамъ, чумакамъ, появились мелкіе отряды русскихъ войскъ, разыскивавшихъ бѣглецовъ. Стало извѣстнымъ, что подъ Дашевымъ польское войско совершенно разбито. Отецъ вздохнулъ свободно... По деревнѣ крестьянскіе мальчишки распѣвали уже пѣсню, которую и я потомъ въ дѣтствѣ пѣвалъ:

Ой, бувъ ляшокъ морквяный,
А кінь буряковый,
Шапка въ ёго съ постернаку,
Жупанъ лопуховый.
Пистолетъ съ качана,
Кулі зъ бараболі,
Шабеличка изъ петрушки,
Піховки зъ квасолі.
Выйнявъ ляшокъ пистолетъ,
Тай почавъ стріляти,—
Свині кулі похапали,
Нічимъ воювати!...

Но скоро радостныя ожиданія крестьянъ и духовенства стали омрачаться. Розыски „мятежниковъ" ложились тяжкимъ бременемъ на народъ, наводили страхъ на всѣхъ... Никто не былъ свободенъ отъ подозрѣній расходившихся сыщиковъ, искали „мятежниковъ" не только въ панскихъ дворахъ, но и въ священническихъ домахъ; у богатыхъ крестьянъ—на хуторахъ, въ мельницахъ и т. под., причемъ нерѣдко исчезало все цѣнное, съѣстное. Сталось такъ, что едва появлялся въ деревнѣ отрядъ русскихъ войскъ, или проносилась молва о приближеніи его, какъ одни уходили изъ деревни, другіе прятали въ землю все цѣнное, трепетали за коровъ, барановъ и т. п. Между тѣмъ „мятежниками" въ нашей околицѣ оказа-

лись только мелкіе шляхтичи, не имѣвшіе никакой собственности, или такіе паны, которые продали свои имѣнія, или уступили ихъ своимъ роднымъ, на что оказались въ исправности необходимые акты. Только владѣлецъ огромнаго имѣнія, достаточнаго для образованія цѣлаго большаго уѣзда, одинъ изъ видныхъ польскихъ магнатовъ, генералъ польскихъ войскъ, не успѣлъ спрятать концовъ, и имѣнія его конфискованы, а потомъ превращены въ военныя поселенія. Такимъ образомъ всѣ помѣщики остались при своихъ владѣніяхъ. Они теперь приковали себя къ нимъ и занялись исключительно хозяйствомъ. Наступило господство военныхъ командъ, военныхъ коммисій, исправниковъ и становыхъ, разъѣзжавшихъ по деревнямъ съ козаками, разсыльными и т. под. Девизомъ въ краѣ стало строгое повиновеніе установленнымъ властямъ, которое для крестьянъ значило строгое повиновеніе своимъ помѣщикамъ. Ослушаніе помѣщика наказывалось, какъ неповиновеніе властямъ, какъ революціонный духъ, бунтъ. Вмѣстѣ съ розысками мятежниковъ и установленіемъ порядка въ краѣ наступило отнятіе помѣщиками у крестьянъ хуторовъ, мельницъ, *излишнихъ* земельныхъ угодій, прекращеніе права отлучки ихъ изъ деревни, права промысловъ и торговли, даже права собственности, потому что помѣщикъ могъ отобрать у крестьянина его хату, усадьбу, скотъ и все имущество. Народъ быстро сталъ бѣднѣть... Вмѣстѣ съ своими прихожанами потерпѣлъ и отецъ мой. Законъ 1833 года установлялъ для каждаго православнаго причта не менѣе тридцати трехъ десятинъ земельныхъ угодій: гдѣ въ пользованіи причтовъ имѣлось земли менѣе этого количества, тамъ помѣщикъ обязанъ былъ прирѣзать недостающее число десятинъ изъ собственныхъ земель, а гдѣ имѣлось земельныхъ угодій болѣе тридцати трехъ десятинъ и право владѣнія ими подтверждалось эрекціями, тамъ все количество земли оставалось въ пользованіи причта и на будущее время. Отецъ мой наслѣдовалъ отъ своего предшественника значительныя земельныя угодья, которыя точно описаны были еще въ уніатскихъ церковныхъ визитахъ, хранившихся при церкви, съ указаніемъ въ нихъ на подлинныя эрекціи. Но подлинныхъ эрекцій отецъ мой не нашелъ въ церкви послѣ своего предшественника; полагали, что таковыя забраны были базиліанскимъ визитаторомъ, ревизовавшимъ церкви предъ самымъ присоединеніемъ края къ Россіи. Не смотря на существованіе

базиліанскаго монастыря, посылавшаго визитаторовъ, коммисія, приводившая въ исполненіе законъ 1833 года, не нашла нужнымъ навести точныя справки; отцу моему съ причтомъ отрѣзали тридцать три десятины земли въ указанныхъ помѣщикомъ мѣстахъ, наименѣе выгодныхъ для пользованія, причемъ на узаконенныхъ трехъ десятинахъ сѣнокоса помѣщикъ вырубилъ дубовый лѣсъ; бывшія угодья всѣ отошли во владѣніе помѣщика. Съ измѣненіемъ имущественныхъ и полицейскихъ отношеній въ деревнѣ, стали измѣняться внутреннія отношенія и расположенія въ приходѣ. Помѣщикъ уже не стоялъ высоко надъ громадою, въ ореолѣ величія, повелѣвавшаго изъ туманной дали, чуждавшагося вмѣшательства въ ближайшія интересы громады; онъ жилъ теперь безъвыѣздно въ деревнѣ мелкимъ трусливымъ панкомъ, который, какъ клещъ, впился въ громадское тѣло, производя зудъ и томленіе въ цѣломъ деревенскомъ организмѣ. Скоро помѣщикъ умеръ, оставивъ имѣніе двумъ сыновьямъ своимъ. Стало въ деревнѣ два помѣщика, два клеща въ громадскомъ тѣлѣ. Колокольчикъ становаго пристава усиливалъ зудъ въ крестьянскомъ тѣлѣ, потому что всякая жалоба помѣщика строго взыскивалась на крестьянахъ, а всякое заступничество отца за прихожанина вело за собою строгое внушеніе: „ваше дѣло, батюшка, въ церкви, а не здѣсь; сидите смирно, не то—пойдете муку сѣять“...

Такія-то послѣдствія принесла южнорусской деревнѣ польская революція 1831 года. На глазахъ всѣхъ быстро падали одно за другимъ прежнія, польско-католическія начала общаго быта: падали польскія учрежденія, литовскій статутъ, отдѣленія польскаго банка, польскія школы, господство полонизма и католичества въ администраціи и полиціи,—появлялись и грозно подчиняли себѣ всѣхъ и все новые законы, новыя учрежденія, новый духъ. Но для простаго глаза не доступны были внутреннія основы и высшія задачи наступившихъ перемѣнъ; онъ видѣлъ только перемѣны въ тѣсной деревенской сферѣ и въ отношеніяхъ деревенскаго ежедневнаго быта,—видѣлъ и страшно недоумѣвалъ... Въ сокрушеніи польско-католическаго величія чувствовалось что-то отрадное, имѣвшее въ виду поднять въ краѣ русскій духъ изъ долгаго приниженія его, поднять и одушевить все русское, а между тѣмъ на дѣлѣ видѣлось совсѣмъ другое: вмѣстѣ съ полонизмомъ далеко бо-

лѣе прежняго принижался русскій народъ, вмѣстѣ съ католичествомъ сильно ограничивалось вліяніе православной церкви, надъ всѣми господствовала только угроза и кара. Появились въ краѣ и всѣмъ овладѣли два теченія, вступившія между собою въ отчаянную борьбу, задачи которой были слишкомъ туманны не для одной только деревни. Съ одной стороны чувствовалось, что точно глаголъ Божій прогремѣлъ по всему краю, что наступило время торжества для всего, что такъ долго страдало, терпѣло, надѣялось,— съ другой стороны, на каждомъ шагу раздавались только грозные голоса панскихъ приставниковъ и разсыльныхъ становаго пристава, появлялись новыя бѣдствія, требовалось новое, болѣе сильное терпѣніе, а надеждъ впереди не видѣлось никакихъ... Злая сила—какой-то винигретъ изъ польскаго, раздраженнаго неудачею, озлобленія и русской, невѣжественной, дикой и грубой разнузданности —вступила въ упорную борьбу съ рѣшеніемъ судебъ исторіи, измѣняла требованія новаго духа, затирала слѣды его, затемняла и обезображивала его, чтобы создать изъ него бичъ и пугало для тѣхъ, кто долго жилъ надеждами на лучшее будущее. Всѣ новые законы, въ которыхъ чувствовалось присутствіе добрыхъ намѣреній, на дѣлѣ приносили для края только обратныя послѣдствія, данные народу охранители на дѣлѣ часто казались хуже исконныхъ притѣснителей его. Полонизмъ, преслѣдуемый въ законахъ и распоряженіяхъ, загнанный въ деревенскія трущобы, быстро приручилъ къ себѣ невѣжественныхъ и грубыхъ агентовъ мѣстной администраціи и полиціи и всею тяжестію своего озлобленія обрушился на деревню, высасывая изъ нее послѣдніе гроши для новаго „будованья" и усиливаясь лишить правительство надежной опоры въ ней для края...

Для отца моего, привыкшаго по старинѣ быть едино съ своими прихожанами, жить его радостями и печалями, всегда оставалось сфинксовою загадкою: „знай церковь, въ дѣла крестьянъ не мѣшайся"... Онъ чувствовалъ надъ собою точно мечь Дамокла— грозное слово становаго пристава: „пойдете муку сѣять"—позоръ, которымъ неразъ потомъ стращалъ его панъ, даже арендаторъ— шинкарь Азриль, а за нимъ зять и преемникъ его Мошко. Въ представленіи отца моего императоръ Николай былъ рыцаремъ, какого свѣтъ не видѣлъ; онъ отъ всей простой души своей вѣрилъ

многочисленнымъ сказкамъ, разносимымъ солдатами, о его необычайныхъ подвигахъ, въ родѣ, напр., разгрома всѣхъ сенаторовъ и министровъ, заманившихъ его въ сенатъ, чтобы тутъ секретно покончить съ нимъ,—внезапнаго появленія въ синодѣ, отъ котораго всѣ архіереи попрятались подъ столъ,—посылки въ Варшаву своей палки вмѣсто короля и т. п.; онъ не допускалъ, чтобы такой рыцарь, заставившій поляковъ сидѣть смирно, разжаловавшій мелкую шляхту въ однодворцы, прижавшій жидовъ приказомъ брать ихъ въ солдаты, освободившій духовенство отъ зависимости польскихъ помѣщиковъ, надѣлившій его жалованьемъ, уменьшившій потомъ народу панщину на половину и т. п.,—чтобы этотъ благодѣтельный для края царь могъ не знать, что тутъ творится панами, становыми и т. п., и только утѣшалъ себя мыслію о томъ, что вѣроятно онъ собирается съ кѣмъ либо воевать и что, покончивши войну, онъ примется снова за пановъ...

Среди этой общей тяготы, отца постигло горе, которое онъ считалъ для себя тяжелѣе всякаго другаго. Наша мать стала болѣть; три года отецъ возилъ ее по докторамъ, надолго оставлялъ ее у знаменитаго въ то время „Михалка“, жившаго въ Бердичевѣ и лечившаго больныхъ травами, и у другаго подобнаго лѣкаря, жившаго на Подольи. Наконецъ, въ 1837 году мать наша умерла. Живо помню отчаяніе отца и всеобщій плачъ при гробѣ ея сосѣдей и прихожанъ. Изъ причитаній попадей найболѣе осталось у меня въ памяти: „ой, хто-жъ намъ такъ красно заспіває!...“ Крестьянки-же всегда потомъ поминали, какъ „покойная“ убирала ихъ къ вѣнцу, любила съ ними потанцовать на свадьбахъ, попѣть, повеселиться. Насъ дѣтей осталось послѣ матери въ живыхъ четверо: старшему брату было 13 лѣтъ, и онъ учился уже въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, слѣдующему было 8 лѣтъ, мнѣ 6 лѣтъ, сестрѣ 4 года. Отецъ, весь разбитый горемъ, часто надолго уѣзжалъ изъ дому, куда глаза глядятъ, или дома принималъ компанію, то сосѣдей—священниковъ, то крестьянъ, заливая съ ними тоску. Мы дѣти оставались на попеченіи слугъ и жили, по выраженію отца, „якъ потерчата“. Не имѣя возможности управиться съ нами дома, отецъ въ томъ же году, когда мнѣ не было еще семи лѣтъ, опредѣлилъ и насъ двухъ въ то-же духовное училище, въ которомъ обучался

старшій нашъ братъ. Отецъ почти еженедѣльно пріѣзжалъ къ намъ; когда репетиторъ усадитъ насъ за книгу, онъ сядетъ подлѣ, смотритъ въ книжку, плачетъ, и мы плачемъ; идемъ въ класъ—онъ провожаетъ насъ до воротъ—плачетъ, и мы плачемъ. Идемъ по дорогѣ, оборачиваемся—стоитъ отецъ на томъ-же мѣстѣ и утираетъ слезы... Нужно было отцу уѣзжать отъ насъ ночью, когда мы уснемъ, иначе мы поднимаемъ вой, цѣпляемся за него, за колеса, бѣжимъ за возомъ съ отчаяннымъ воплемъ... Старшій нашъ братъ совсѣмъ свихнулся отъ этой жалости къ отцу. Бывало уѣдетъ отецъ отъ насъ—онъ ходитъ совсѣмъ потерянный, сядетъ у окна или на крылечкѣ, глядитъ на дорогу, по которой уѣхалъ отецъ, и все поетъ. На другой день утромъ просыпаемся—нѣтъ его! Спустя нѣсколько дней, отецъ привозитъ его, внушаетъ не убѣгать, угрожаетъ наказаніемъ, но едва уѣдетъ—тотъ плачетъ, мечется, не ѣстъ, не пьетъ, начинаетъ пѣть—и опять пропалъ! Снова привезетъ его отецъ, инспекторъ выпоретъ, а онъ снова удеретъ. Противна стала ему и книжка, и школа, и городъ до смерти. Когда наконецъ самъ отецъ выпоролъ его за побѣгъ, онъ—бывало—дезертировавъ изъ города, прячется дома въ соломѣ, въ кухнѣ на печи подъ покровительствомъ слугъ и под.,—ему только-бы чувствовать себя вблизи отца, слышать голосъ его, мелькомъ взглянуть на него—такъ тянуло его къ нему! Разъ пріѣзжаетъ къ намъ отецъ, а брата нѣтъ уже нѣсколько дней въ городѣ! Спѣшитъ онъ домой, роется по всѣмъ закоулкамъ—нѣтъ его, и никто не видѣлъ... Тогда-то загоревалъ отецъ! Взялъ онъ насъ изъ училища, мы видѣли его тогда только плачущимъ и рыдающимъ. Снарядилъ онъ двѣ подводы и послалъ надежныхъ людей въ разныя стороны распрашивать по большимъ дорогамъ. И вотъ въ одинъ вечеръ привезли бѣглеца, нашли его въ одной корчмѣ въ херсонскихъ степяхъ, въ кабалѣ у жида! Послѣ этого случая, отецъ отвезъ всѣхъ троихъ насъ въ далекій епархіальный городъ и опредѣлилъ въ тамошнее духовное училище. Старшій братъ скоро взятъ былъ въ архіерейскій хоръ и, нашедши пищу своему растравленному чувству въ пѣніи, перестатъ тужить по отцѣ и убѣгать. Къ книжкѣ и школѣ онъ уже не воскресилъ въ себѣ охоты и впослѣдствіи велъ плачевную долю по разнымъ мелкимъ канцеляріямъ и преждевременно погибъ жертвою своего болѣзненнаго и непонятнаго для него чувства.

Отецъ, разлучившись съ нами, оставшись съ малолѣтнею дочерью, велъ тоскливую жизнь сельскаго вдовца—священника. И теперь, при болѣе сложныхъ условіяхъ быта, вдовство, какъ и сиротство, считается въ деревнѣ наибольшимъ нещастіемъ. Въ настоящее время, при совершенно измѣнившихся условіяхъ деревни, при существованіи въ ней общественности, какъ сословной, такъ и всесословной, при значительномъ запасѣ русскаго чиновнаго люда, считающаго себя образованнымъ, при полной возможности литературнаго чтенія, часто раздаются голоса о тяжелой долѣ вдовцовъ—священниковъ, вопіющей будто-бы о необходимости разрѣшенія втораго брака. Что-же было въ то время, когда въ деревнѣ все образованное существовало только въ лицѣ польскихъ пановъ, презиравшихъ и ненавидѣвшихъ православное духовенство, а все русское замыкалось въ кругѣ полуграмотнаго духовенства и темнаго крѣпостнаго народа! Правда, тогдашнія потребности были далеко не такъ широки и разнообразны, какъ нынѣ; за то онѣ были гораздо болѣе нынѣшнихъ глубоки, напряжены и по своей безъисходности мучительны. Мой отецъ безусловно чуждался поляковъ и смотрѣлъ на нихъ глазами своихъ прихожанъ. Урывками занимался онъ хозяйствомъ, домомъ, нашими школьными потребностями, въ которыхъ мало что понималъ, а главнымъ образомъ дѣлилъ свою жизнь съ церковію и съ своими прихожанами.

Когда онъ въ первый разъ прибылъ въ свой приходъ, въ то время въ цѣломъ благочиніи, состоявшемъ изъ 18 приходовъ, былъ только одинъ священникъ изъ *ученыхъ*, притомъ *богослововъ*, окончившій курсъ въ новооткрытой тогда духовной семинаріи. Всѣ прочіе священники этого благочинія были одной школы съ отцомъ моимъ, „псалтирники", „дьячковскіе богословы", какъ выражался о себѣ отецъ. Въ слѣдующемъ году явился другой „богословъ". Потомъ уже только въ сороковыхъ годахъ, на мѣста вымиравшихъ „псалтирниковъ" поступали все „богословы", такъ что къ началу пятидесятыхъ годовъ въ цѣломъ благочиніи отецъ оставался единственнымъ представителемъ старины въ цѣломъ околоткѣ. Я помню почти всѣхъ сосѣдей моего отца—„псалтирниковъ". Всѣ они выступали въ дымчатыхъ халатахъ съ застегнутымъ пояскомъ, въ приземистыхъ пуховыхъ шляпахъ съ широкими полями и съ клеенчатымъ на шляпѣ чехломъ. Такой-же костюмъ носили тогда и бо-

гатые евреи, вслѣдствіе чего новое поколѣніе священниковъ, одѣвавшееся уже по предписанной формѣ, даже отдиравшее мазурку, вальсъ, польку и кадриль въ рясахъ, пренебрежительно называло собратовъ—старичковъ „халдеями“. Отецъ предпочиталъ дома лѣтомъ ходить въ рубахѣ, зимою въ тулупѣ, въ деревню выходилъ въ какомъ-то длиннополомъ сюртукѣ, который онъ называлъ *шпенсеромъ*, идя въ церковь на литургію, надѣвалъ кафтанъ, а рясу содержалъ только для представленій благочинному и для поѣздокъ въ городъ, и всегда почему-то считалъ эту часть священническаго костюма „ученою выдумкою“, что на языкѣ его означало глупую претензію, пустое тщеславіе. Всѣ почти „псалтирники“, которыхъ я помню, уже чувствовали надъ собою неумолимую силу новизны и съ сокрушеннымъ сердцемъ дѣлали ей уступки. Всѣ они уже воспитывали своихъ сыновей въ семинаріяхъ, по крайней мѣрѣ въ уѣздномъ училищѣ, мечтали отдать своихъ дочерей замужъ за „богослововъ“, поили заѣзжихъ семинаристовъ чаемъ, а не варенухой, снисходительно слушали пѣніе ихъ подъ гитару: „Гляжу я безмолвно на чорную шаль...“ и цѣлыя миріады безтолковыхъ сантиментальныхъ тріо, которыя еще и въ мое время поглощали все музыкальное чувство семинаристовъ. Помню только двухъ священниковъ, которые совершенно равнодушно относились къ совершавшейся въ краѣ перемѣнѣ, но одинъ былъ горькій пьяница, другой—откормленный, грубый, напыщенный богатствомъ, которое наживалъ на приходѣ, надѣленномъ большими земельными угодьями. Первый за пьянство посланъ былъ „муку сѣять“ (на жительство въ монастырь) и гдѣ-то пропалъ, второй умеръ въ своемъ приходѣ, пустивши по міру всѣхъ своихъ дѣтей, изъ которыхъ я впослѣдствіи встрѣчалъ сына—въ „наймитахъ“ у простаго шляхтича. Послѣ 1839 года въ нашемъ благочиніи появились два священника изъ уніатовъ, обращенныхъ въ православіе по способу Бибикова. Эти избѣгали всякаго сообщества съ прочимъ духовенствомъ, водили дружбу только съ шляхтою, говорили по польски. Отецъ мой рѣзко отличался отъ всѣхъ этихъ старыхъ и новыхъ типовъ духовенства. Онъ сознавалъ рѣшительную нужду въ образованіи дѣтей и страстно желалъ видѣть насъ „богословами“. Ходитъ бывало и мечтаетъ вслухъ: „батько—псалтирникъ, а сыны—богословы!.. А ну, который нибудь буде и академистомъ!“... Въ такія минуты ему нужно было

подѣлиться съ кѣмъ нибудь пріятною мечтою, и онъ пригласитъ для этого или кого нибудь изъ прихожанъ, своихъ пріятелей, или своего дьячка: выпьютъ по одной—по другой, помянутъ старину, мечты заносятся. „Изъ моего меньшаго, мечтаетъ отецъ, еще и благочинный буде, а може и протопопъ"... „Нехай собі!"—твердить какой нибудь Павло Старенькій; „а старшаго (у котораго былъ хорошій голосъ) жаль на попа, зъ нёго добрый бувъ бы дякъ"... Увы, эти мечты сильно омрачались и теряли всю сладость для отца, когда онъ сличалъ новизну съ стариною. Вмѣсто человѣка почтенныхъ лѣтъ, хорошо знавшаго и уважавшаго народный духъ, главою прихода являлся безбородый юнопа, въ шолковой рясѣ, съ претензіями на *панка* или *підпанка*, у котораго крестьянину совѣстно было руку поцѣловать. Прежніе священники принимали прихожанина въ своихъ „покояхъ", почтеннаго хозяина садили рядомъ съ собою, дѣлили съ нимъ хлѣбъ-соль и задушевную бесѣду; новое поколѣніе священниковъ видѣло въ прихожанахъ только „мужиковъ", которыхъ принимало въ кухнѣ, стоя, или заводило для пріема ихъ и на счотъ ихъ особыя комнаты при домѣ подъ названіемъ „канцелярій", въ которыхъ совершало для нихъ домашніе церковные обряды, даже таинство крещенія. Въ собраніяхъ новыхъ священниковъ не было мѣста „мужику", за то тутъ были ненавистные „мужику" польскіе „панки" и „підпанки" съ своими „паньями" и „паненками", иногда „самъ становой", или письмоводитель его, всегда почти полякъ, польская рѣчь летала здѣсь, играла на всѣхъ устахъ, смѣялась, царила. Вмѣсто прежнихъ благочестивыхъ пѣсней, теперь въ такихъ собраніяхъ распѣвались чувствительные романсы, все „къ ней", или затѣвались танцы, въ которыхъ ряса развѣвалась и носилась въ воздухѣ съ польскою деревенскою граціей. Въ церкви вмѣсто слова простаго, грубоватаго, но выхваченнаго прямо изъ души, изъ жизни, послышались проповѣди, выхваченныя изъ вороха припасенныхъ въ семинаріи, сочиненныя по всѣмъ правиламъ „расположенія", съ приличными хріями, фигурами, тропами, доказательствами отъ писанія, отъ разума, отъ природы, съ неумолимымъ бичеваніемъ роскоши, богатства, тщеславія,—проповѣди, послѣ которыхъ слушатели тяжело вздыхали, точно потерявъ послѣдній проблескъ свѣта и послѣднее утѣшеніе въ жизни. „Тьфу, тьфу"—плевалъ отецъ мой, поминая всѣ подобныя черты новаго священни-

ческаго быта. Тихо и незамѣтно совершался этотъ переворотъ въ краѣ на глазахъ моего отца, пока наконецъ онъ почувствовалъ себя сжатымъ, какъ кольцомъ, новымъ бытомъ. Оставшись одинокимъ среди новыхъ товарищей, онъ поникъ всѣмъ существомъ своимъ и совершенно замкнулся въ своемъ приходѣ съ своими прихожанами. Онъ не могъ точно опредѣлить, что претило ему въ духѣ новыхъ пастырей и по своему объяснялъ свои антипатіи. „Устава не знаютъ, на гласы пѣть не умѣютъ, а о *подобныхъ* и не спрашивай, часто стихиры и канона не умѣютъ выбрать — дяки надъ ними смѣются... Мужикомъ брезгаютъ, съ панами знаются. Ужъ лучше пить съ мужикомъ, чѣмъ съ паномъ... Иной, прости Господи, въ среду или пятницу скоромное ѣстъ у ляха, да вѣруетъ-ли онъ въ Бога?.. Не то что выпить съ мужикомъ по Божіему, но ни стать съ нимъ, ни сѣсть, ни поговорить не умѣютъ, даже выбранить его не могутъ, какъ слѣдуетъ, а только: что? какъ? мужикъ, дуракъ... Въ церкви служатъ, какъ деревянные, „мимрятъ“ себѣ подъ носъ, поютъ то какъ солдаты (придворное пѣніе), то какъ свиньи въ дождь“... Такія и подобныя рѣчи лились изъ устъ отца моего, когда заходила рѣчь о старинѣ и новизнѣ въ быту духовенства. Особенно тяжело стало отцу, когда и мы съ братомъ, ставши уже „философами“ и „богословами“, стали видимо льнуть къ новому поколѣнію священниковъ. Не разъ бывало онъ заводилъ тогда съ нами рѣчь: „и вы будете такими-жъ попами? И чему васъ въ семинаріи учатъ? За что васъ тамъ бьютъ?“.. Разсказываемъ отцу про разныя науки, порядки; онъ еще больше удивляется: „но отъ чего-же всѣ выходятъ оттуда такими дурнями?!“.. Такъ и оставался этотъ вопросъ для отца тяжелою загадкою.

Самъ отецъ мой никогда ничего не измѣнялъ до конца служенія своего въ приходѣ (1853 г.), ни въ церковныхъ порядкахъ, ни въ отношеніяхъ къ своимъ прихожанамъ: все у него шло по старинѣ. Благо, благочинный былъ все одинъ и тотъ-же, самъ пропитанный стариною, а, благодаря положенію прихода въ сторонѣ отъ большой дороги, ни одинъ архіерей не посѣтилъ его при отцѣ моемъ.

Церковь приходская была небольшая, деревянная, съ извѣстными тогда по всему южнорусскому краю тремя куполами. Изъ

уніатскихъ „визитъ", хранившихся въ церкви, видно было, что она построена въ половинѣ прошлаго вѣка иждивеніемъ прихожанъ. Неизвѣстно, православіе или унія дали небольшому тогда поселенію побужденіе къ постройкѣ церкви. Въ визитахъ говорится, что первый священникъ въ этомъ приходѣ былъ уніатъ. Но 1) иконостасъ въ церкви, устроенный въ самомъ началѣ, былъ того стиля, который появился еще въ XVII в., какъ протестъ противъ католицизма, отвергавшаго иконостасы, и противъ уніи, урѣзывавшей ихъ до minium-а, т. е. высокій, въ три яруса, сплошь закрывавшій всю олтарную часть—какъ нынѣшній иконостасъ въ печерской лаврѣ, устроенный въ началѣ XVII в. 2) Въ 1792 году, т. е. спустя не болѣе сорока лѣтъ существованія церкви, когда не мало еще было живыхъ свидѣтелей постройки ея, прихожане рѣшительно изгнали уніатскаго священника и просили о назначеніи имъ православнаго священника. По всей вѣроятности, какъ это было по всему краю, едва построена была церковь, какъ уніаты овладѣли ею, или первый-же священникъ вынужденъ былъ принять унію, тѣмъ болѣе, что въ визитахъ говорится о немъ и о сынѣ и преемникѣ его, какъ о пьяницахъ, рѣшительно небрегущихъ объ обученіи народа догматамъ католической церкви. При отцѣ моемъ отъ уніи оставался только такъ называвшійся всѣми *цимборъ*—шкафикъ подъ запрестольною иконою Божіей матери. Въ такихъ шкафикахъ, всегда имѣющихся въ католическихъ костелахъ за престоломъ подъ иконой, хранились такъ называемыя монстранціи, въ которыхъ подъ стеклышкомъ выставлялось на поклоненіе вѣрующимъ Тѣло Христово, въ видѣ освященнаго оплатка (oblata—*просфора*). При отцѣ моемъ этотъ шкафикъ служилъ для храненія въ немъ мелкихъ вещей, какъ-то: ладону, недогарковъ свѣчныхъ и под. Церковь была не крестообразная, но продолговатая (корабль). Въ дѣтствѣ моемъ это была общая форма всѣхъ сельскихъ церквей въ южной Россіи. Въ послѣдствіи стали пристраивать для расширенія церквей по бокамъ крылья, отъ чего церковь получала внутри видъ креста, а не корабля. Надъ крыльями сооружали купола, и церковь становилась пятиглавою. Молодые священники—„богословы", выносившіе изъ тогдашнихъ семинарій дикіе взгляды на памятники православія и русской народности въ южной Россіи, видѣвшіе во всемъ оригинальномъ остатки уніи и полонизма, твер-

дили, что три купола на церкви имѣютъ происхожденіе католическое и выражаютъ идею главенства папы надъ церковію и государствомъ. Нѣкоторые утверждали, что и пять куполовъ такъ-же выражаютъ католическую мысль, именно—о главенствѣ папы надъ четырьмя восточными патріархами. Послѣ того какъ епархіальная консисторія стала выдавать планы на постройку новыхъ церквей объ одномъ куполѣ съ колокольней надъ папертью, что принято было очевидно въ видахъ экономіи, стали утверждать, что православно-русская форма церкви—однокупольная. Что касается трехкупольной формы, которая подвергалась наибольшему подозрѣнію въ католичествѣ, то древность и оригинальность ея на югѣ Руси несомнѣнна. Ни въ предѣлахъ Польши, ни въ католической Европѣ не было обычая располагать куполы по длинѣ храма: если католическій храмъ трехкупольный, то всегда два меньшіе купола располагаются по угламъ на фронтѣ, а третій, большій, надъ олтаремъ. Скорѣе всего три купола въ рядъ по длинѣ церкви соотвѣтствовали внутреннему расположенію ея, именно: олтарь (малый куполъ), средина церкви, мѣсто вѣрующихъ и молящихся, самая большая часть церкви (большой куполъ), и наконецъ притворъ—мѣсто оглашенныхъ и кающихся, въ Малороссіи *бабинецъ* (малый куполъ), а потому они имѣютъ естественное происхожденіе тамъ, гдѣ церкви строились въ видѣ корабля (въ первые вѣка христіанства), а не креста (на западѣ) или базилики (преимущественно въ Римѣ). Оригинально относился отецъ мой къ церковнымъ украшеніямъ. Онъ не любилъ ихъ внутри церкви. Здѣсь онъ почти ничего не прибавлялъ къ тому, что засталъ. Стѣны оставались въ натуральномъ видѣ топоромъ стесаннаго дуба, не крашенныя, почернѣлыя. Въ куполѣ оставалось какое-то изображеніе, сдѣланное водяными красками, совсѣмъ почти стертое; отецъ ни-за-что не хотѣлъ возстановлять его. Иконы были все давнія, безъ всякихъ украшеній. Отецъ всегда недоумѣвалъ, зачѣмъ иконѣ золото, серебро, украшенія; онъ увѣренъ былъ, что украшенія къ иконамъ „выдумали ляхи“, которые „съ Богомъ хотятъ быть за панибрата“. „Икона, говаривалъ онъ, не дівка, що въ кораляхъ и квіткахъ всякому подобаетця“. Ризы у отца были всегда очень простыя, престолъ неизмѣнно покрытъ былъ простою большою *хусткою,* какую носили въ то время на плечахъ крестьянки-щеголихи. Когда наконецъ

отецъ мой получилъ набедренникъ — въ награду за двадцати-трех-лѣтнюю службу въ санѣ священника, въ томъ числѣ за десятилѣтнюю службу въ должности окружнаго духовника, онъ никогда не надѣвалъ его, такъ и оставался за богослуженіемъ съ длинною *хусткою* у пояса, вмѣсто набедренника, служившею ему для сморканія. За то отецъ очень любилъ украшать церковь снаружи. Всякій годъ лѣтомъ производились какія-либо работы подлѣ церкви: то красились купола, то обшивались досками стѣны, то поднимали всю церковь и подмуровывали ее, или поправляли фундаментъ, то строился новый парканъ, новая двухъ-этажная колокольня и т. д. Лучшаго отдыха отъ полевыхъ работъ онъ не зналъ, какъ сонъ подлѣ церкви, въ тѣни, или бесѣда съ рабочими, особенно когда рабочими были захожіе *кацапы*, которыхъ отецъ очень уважалъ за „повагу", степенность и плотничье искусство. Еще въ первые годы по прибытіи на приходъ отецъ засадилъ весь церковный погостъ яблонями, грушами, вишнями и другими деревьями. Въ этомъ саду лѣтомъ помѣщалась церковная пасѣка — другое любимое отцомъ мѣсто для отдыха (свою пасѣку онъ содержалъ на сѣнокосѣ, въ дубовомъ кустарникѣ, во избѣжаніе соперничества пчелъ съ церковными). На Спаса (6-го авг.) добывался изъ церковной пасѣки первый медъ, изъ церковнаго садика первые яблоки и груши, то и другое освящалось на литургіи и раздавалось присутствующимъ на *починокъ*. Самъ отецъ ни за-что не ѣлъ яблокъ, грушъ и меду до Спаса и намъ — дѣтямъ запрещалъ ѣсть, а прихожанъ строго бранилъ, если замѣчалъ въ комъ отступленіе отъ этой заповѣди, которую онъ сравнивалъ съ заповѣдью въ раю. На *Семена* (1-го сентября) собирались къ церкви хозяева и совѣщались съ отцомъ, сколько ульевъ продать, сколько оставить на зимовлю. Вырученныя отъ продажи меду деньги составляли церковный доходъ и служили найбольшимъ подспорьемъ въ нуждахъ церковныхъ. Воскъ шелъ на свѣчи къ иконамъ и *братерскія*, которыя держали почетные хозяева во время пѣнія „херувимской" и „Тебе поемъ". Формы древнихъ братствъ давно уже не существовало, но всѣ расходы и дѣла церковные производимы были отцомъ не иначе, какъ по совѣщанію съ старѣйшими и почетнѣйшими прихожанами, которыхъ выдвигала громада. Интересны были эти выдвиганія громады. Бывало отецъ скажетъ въ церкви (на „буди имя Господне"): „пора

бы намъ подумать о томъ-то, заходите—порадимся". Окончилась литургія и начинается выдвиганіе допутатовъ. Одни сами себя выдвигаютъ впередъ съ словами: „а що жъ, ходімъ... хто иде?" Другихъ окликаютъ прочіе или плечами выпираютъ изъ толпы: „идіть же, Омельку... Степане... Иване...". Иной удираетъ по какимъ-либо дѣламъ домой, но его догоняютъ и заставляютъ вернуться, не смотря на предъявляемые имъ резоны. Шли вообще охотно—сколько изъ почести, столько-же и потому, что отецъ дѣйствительно честилъ громаду и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ шелъ противъ рѣшенія ея,—ну, да при томъ-же отъ отца не уйдешъ безъ довольнаго угощенія.

Въ совершеніи обрядовъ и богослуженій отецъ мой отличался глубокою простотою и независимостью. Теперь-бы ему мѣста не нашлось въ монастырѣ на эпитиміи за такую самостоятельность, да и тогда, при священникахъ—„богословахъ", щеголявшихъ формами благоговѣнія и почтенія къ службѣ, онъ непремѣнно пошелъ бы „муку сѣять", если бы не старый благочинный, любившій его.

Дома отецъ молился всегда и неизмѣнно по книгѣ, утромъ и вечеромъ, а часто и въ теченіи дня. Читалъ онъ молитвы, иногда стоя предъ образомъ, иногда ходя—по комнатѣ, по двору, по выгону сельскому, то тихо шепча слова, то громко выкрикивая фразы. Среди молитвы ничего не значило для него обращаться къ проходящему съ разными вопросами, замѣчаніями, даже нагоняями. „Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей"... умиленно со вздохами читаетъ онъ..: „а куда такъ біжишъ"? замѣчаетъ тутъ-же спѣшившему слугѣ, и, получивъ успокоительный отвѣтъ, продолжаетъ: „и по множеству щедротъ твоихъ очисти беззаконіе мое".. Въ интересномъ случаѣ, прервавъ молитву, подолгу побесѣдуетъ, выбранитъ, если найдетъ за что, и опять продолжаетъ молитву. Священники—„богословы" смѣялись надъ этимъ обычаемъ „псалтирниковъ". Но я видѣлъ такой примѣръ на великомъ святителѣ русской церкви, кіевскомъ митрополитѣ Филаретѣ (1837—1857), будучи пѣвчимъ въ хорѣ его. Извѣстно, что это былъ непрестанный молитвенникъ въ буквальномъ смыслѣ, что псалтирь не сходила съ устъ его. Ходитъ бывало въ прогулкѣ по саду, а не разъ случалось и по полю съ нами, малыми пѣвчими, и все шепчетъ псалмы. Явственно слышимъ изъ устъ его псаломъ за псалмомъ, тихо идемъ за нимъ. „*Коль возлюбленна селенія твоя, Господи силъ,*

желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господи... а, вотъ и малина, кушайте дѣти... *Сердце мое и плоть моя возрадовастася...* да не ломайте кустовъ, осторожно... *ибо птица обрѣте себѣ...* зеленой не кушайте... ну, бѣгите"... Онъ-ли не зналъ псалтири наизустъ? А бывало, во время длинной дороги, при объѣздахъ епархіи, позоветъ къ себѣ въ карету одного изъ насъ, посадитъ противъ себя, держи предъ нимъ псалтирь, а онъ читаетъ всю дорогу, перелистывая, и тутъ-же дѣлаетъ вопросы рядомъ съ нимъ сидящему архимандриту, потребуетъ чрезъ окно у лакея апельсину, жуетъ и глазами водитъ по книгѣ. Разъ на почтовой станціи нашли нужнымъ что-то починить въ каретѣ его. Мы были въ дорогѣ съ нимъ, слѣдуя неразлучно въ своей колымагѣ за его экипажемъ. „Ну, дѣти, пойдемъ впередъ по дорогѣ". Идемъ, старикъ все шепчетъ про себя, прерывая молитву вопросами прохожимъ, въ изумленіи глядѣвшимъ на невиданную процессію, крестьянамъ: „съ работы, домой? Хороша жатва"? и т. п. Вдругъ ручеекъ поперекъ дороги... „Сядемъ на травѣ". Сѣли... солнце заходило. Пошепталъ немного святитель и громко читаетъ: „солнце позна западъ свой... пропойте, дѣти, *Свѣте тихій*"... Мы тихонько пѣли, онъ подпѣвалъ сиплымъ дребежжавшимъ голосомъ. Опять сталъ шептать. „А твердо помните вы изъ катихизиса о таинствахъ? Вотъ васъ семь, разскажите каждый по порядку про одно изъ семи таинствъ". Стали разсказывать, онъ поправлялъ, дополнялъ, иногда забывая про насъ и шепча про себя... Въ сторонѣ отъ насъ образовался кружокъ прохожихъ крестьянъ, глядѣвшихъ на дивнаго старца съ дѣтьми. Подъѣхали экипажи...

Читатель проститъ мнѣ это небольшое отступленіе по поводу формы домашней молитвы отца моего; оно достаточно поясняетъ молитвенные обычаи старины, у которой форма часто пропадала въ духѣ. Увы, отецъ мой былъ слишкомъ простъ въ своихъ внѣшнихъ молитвенныхъ дѣйствіяхъ; такимъ-же почти онъ былъ и за церковнымъ богослуженіемъ, но не соблазняло это его прихожанъ, ибо всѣ они знали, какъ искренно онъ былъ набоженъ, какъ горячо любилъ церковность и молитву. Удивительнымъ образомъ мирилось въ немъ строгое соблюденіе церковнаго устава и въ тоже время отступленіе отъ его правилъ и формъ. Все покрывала вѣра простая, духъ молитвенный и особый взглядъ на службу Божію.

Не позволялъ напр. отецъ выбрасывать что либо изъ чтенія, какъ теперь выбрасываютъ псалмы, цѣлыя каѳизмы, стихиры, кондаки, сѣдальны, даже въ архіерейскихъ церквахъ. Но вотъ постъ великій, седмица страстная. Сколько тутъ чтенія и пѣнія! Три службы въ день и между ними говѣльщики, требы, заботы хозяйственныя. Подходитъ очередь субботныхъ пареміи; при умѣломъ, бѣгломъ чтеніи они займутъ до часу времени. Отецъ укажетъ бывало дьячку двѣ—три пареміи и прибавитъ: „а то дома вычитай..., та гляди, бо Богъ скарае". И отецъ и дьячекъ вѣрили, конечно, что служба Божія отъ того ничего не потеряла, ибо назначенное для Бога предъ Богомъ вычитано сполна, хотя и на дому. Когда я подросъ, отецъ обыкновенно меня заставлялъ „вычитывать" эти пареміи дома предъ образомъ. Тоже самъ онъ дѣлалъ относительно евангелій въ страстную недѣлю. Въ церкви онъ читалъ только отрывки изъ того или другаго евангелія, а дома постоянно читалъ, ходя и стоя, евангелія подъ рядъ, дабы къ великому четвергу „вычитать" всѣхъ евангелистовъ отъ начала до конца. Ничего не составляло для него дѣлать подобныя отступленія при совершеніи вечерни. Служба эта краткая, но она захватывала иногда отца—сельскаго хозяина среди недоконченныхъ работъ и заботъ. Войдетъ онъ въ церковь, надѣнетъ эпитрахиль, скажетъ: „Благословенъ Богъ"... и выйдетъ изъ церкви, ходитъ по погосту, припоминаетъ недоконченное, отдаетъ приказы, дѣлаетъ распоряженія и въ то-же время молитвы, положенныя по книгѣ, читаетъ, заговариваетъ съ проходящими мимо церкви крестьянами и чутко прислушивается къ тому, какъ идетъ въ церкви чтеніе и пѣніе. Вдругъ дьячекъ запѣлъ: „Господи помилуй, Госп..." Отецъ тутъ-же, ставши лицомъ къ востоку, громко произноситъ свое: „Паки и паки... Заступи, спаси... Пресвятую, пречистую..." и продолжаетъ начатый распросъ, недосказанное распоряженіе, или опять ходитъ по погосту, пока не придетъ время кажденія или большой эктеніи и под. Дьячекъ давно свыкся съ такимъ порядкомъ, читалъ иногда и безъ священника вечерню и часы и потому, не слыша подчасъ возгласа, продолжалъ читать и пѣть и уходилъ далеко впередъ. Входившій отецъ возвращалъ его назадъ и служба шла до новаго перерыва. Разъ пропущенъ былъ малый входъ и любимый отцомъ догматикъ, дьячекъ началъ уже: *Свѣте тихій...* Вдругъ отецъ изъ олтаря: „а

ты оце вже *Світе тихій?* Якій скорый! А ну лишень: *Въ чермнімъ морі*", и съ этимъ становится посреди церкви, начинаетъ свою любимую пѣснь, поетъ—заливается, въ глазахъ слезы, въ лицѣ молитва—искренняя, горячая, къ небу идущая... Что любилъ онъ, то пѣлъ два, три и болѣе разъ, не стѣсняясь уставнымъ порядкомъ. Въ службѣ подъ день Успенія Божіей Матери есть глубоко трогательная по содержанію и напѣву пѣснь: *Апостоли, отъ конецъ земли совокупльшеся здѣ, погребите тѣло мое, и ты, Сыне и Боже мой, пріими духъ мой!...* Отецъ особенно любилъ эту пѣснь: ея напѣвъ доводилъ его до какого-то экстаза, забытья. Пришло разъ время пѣть ее, а меня съ братомъ въ церкви не оказалось. Отецъ началъ, но послалъ искать насъ; мы прибѣжали, когда онъ съ дьячкомъ доканчивалъ пѣніе уже въ третій разъ. Тѣмъ не менѣе снова въ четвертый разъ отецъ началъ тоже: *Апостоли*, а потомъ и пятый разъ и всякій разъ при словахъ: „погребите тѣло мое, и ты, сыне и Боже мой, пріими духъ мой"! слезы неудержимо лились изъ глазъ его, и все внимало ему, молилось также глубоко и горячо. По окончаніи вечерни, иногда совсѣмъ уже пустившись домой, отецъ вдругъ поворачивалъ: „а, може, ще що заспіваемъ"? Придумаетъ, и „заспіваемъ"... На литургіи онъ едва поспѣвалъ читать эктеніи, молитвы и пѣть за клиросомъ. У него были любимые напѣвы херувимской, милость мира и т. д. Дьячекъ долженъ былъ медленно пѣть, чтобы отецъ успѣлъ прочитать положенную молитву и хотя конецъ пѣсни пропѣть съ нимъ, или-же отецъ, кончивъ молитву, снова начинаетъ ту-же пѣснь, которую дьячекъ окончилъ. Иногда дьячекъ—торопится-ли куда нибудь послѣ литургіи, или не въ духѣ противъ отца, начиналъ пѣть *по новому* (простое, придворное пѣніе). Отецъ перебиваетъ его—поетъ по своему, тотъ упрямо продолжаетъ начатое; тогда отецъ выходитъ на сѣверную дверь и начинаетъ распекать дьяка: „ну, я-жъ тебе прошу —не чуешь? ну, співай-же, якъ прошу..." Разъ на утрени Пасхи, когда отецъ посреди церкви христосовался съ народомъ, а на клиросѣ пѣли пасхальныя стихиры, я, поминая школу, гдѣ насъ заставляли иныя пѣсни пѣть по гречески, запѣлъ на клиросѣ по гречески: *Христосъ воскресе*. Но едва я началъ: Χριςὸς ἀνέςη ἐκ νεκρῶν... какъ отецъ, не подозрѣвавшій тутъ моего велемудрія, вдругъ прервалъ меня: „що ты, небоже, съ прюсоня"? Дьякъ, посвященный въ сек-

ретъ, объяснилъ въ чемъ дѣло. „А, отвѣчалъ отецъ, то цікаво! Слухайте, добрі люди, якъ греки співають: *Христосъ воскресе*...„ „Добрі люди“ слушали съ любопытствомъ, а отецъ потомъ пояснилъ имъ, что греки когда-то имѣли своего царя и что они научили насъ, русскихъ, въ Бога вѣровать, они-же написали всѣ пѣсни, которыя поются въ церкви, и церковную службу установили. „Ну, ще разъ заспівай“. Конечно, я пропѣлъ... Безъ всякаго сомнѣнія, отецъ мой никогда не говорилъ проповѣдей въ смыслѣ нынѣшнихъ. Онъ читалъ поученія или синаксари, положенныя въ тріодяхъ, или меня (когда я былъ уже „богословомъ“) заставлялъ читать ихъ. Въ особенныхъ случаяхъ у него экспромтомъ являлись и свои поученія—въ такомъ родѣ: „Щось вы, люди добрі, св. церковь забуваете. Который разъ васъ въ церкві не повно! Василя... Степана... Ивана... который разъ не бачу въ церкві! Скажить імъ, що то—гріхъ, стыдно. Прійде сповідь, піймаю я ихъ, дамъ имъ“... По случаю какихъ либо безобразій, появившихся въ деревни, скандаловъ на *вечерницяхъ* и *досвіткахъ*, пьянства, побоевъ мужьями женъ, воровства и под., отецъ выступалъ съ поученіемъ: „Що то у насъ въ селі повелось диковенного? Подуріли люди, чи що? Що то вы уже перестали Бога бояться? Забули, що вінъ есть на небі, бачить, що діеця на світі? Хочете хиба, щобъ вінъ прійшовъ зъ неба до васъ зъ батогомъ?“... и т. д. Но самыя внушительныя проповѣди происходили во время говѣнья. Тутъ отецъ постоянно былъ въ возбужденіи. Вотъ одинъ подошелъ къ столику съ крестомъ, иконою, сталъ на колѣни, свѣсилъ голову; отецъ, сидя на стулѣ, покрылъ его эпитрахилемъ, наклонился къ нему и въ полголоса бесѣдуетъ. Потомъ бесѣда его становится все громче и громче и явственно слышишь: „и то добре, що у тебе діти не роспустні, поважають старшихъ, и мирно въ домі, съ сусідами... Господь тебе не оставить“... Слѣдуетъ разрѣшительная молитва. Исповѣдавшійся встаетъ, цѣлуетъ крестъ, икону и отходитъ,—отецъ въ догонку говоритъ: „забий десять поклонівъ, та прочитай: *Отче нашъ* и *Богородице Діво*“... Подходитъ другой: тихая бесѣда опять переходитъ въ громкую: „то що-жъ се, ты хиба святый, жадного гріха не маешь? Пішовъ, ледащо, та одумайся... Роскажить ему, люди добрі, якъ треба сповідатися“—обращался онъ къ предстоявшимъ. Тотъ отходитъ со стыдомъ и являлся чрезъ часъ—два. Но вотъ

подошелъ какой-то пасмурный, видимо растерявшійся; преклонился, въ толпѣ прошелъ шепотъ. Отецъ, не покрывая его эпитрахилемъ, всматривается въ него: „а, голубе, таки прійшовъ до Господа Бога —громко говоритъ отецъ:—отъ Бога не утічешь"... „То мы его привели"—отзываются тихо изъ толпы. „То-то, продолжаетъ отецъ —отъ Бога не утічешь, Богъ всюду найде тебе... Ну, що-жъ теперь буде зъ нами? Якъ ты самъ думаешь"?.. Грѣшникъ стоитъ на колѣняхъ, совсѣмъ потерянный. „Що мы зъ нимъ зробимъ, добрі люди"?, обращается отецъ къ предстоящимъ. „Возьміте та привяжите его на якій часъ до яблоні, нехай тамъ спокутуе гріхъ свій"... *Добрі люди* ожидали этого. Староста, дячекъ, почтенные хозяева подхватывали грѣшника, уводили изъ церкви и привязывали веревкой къ яблони у входа въ церковь. Прохожіе молча глядѣли на него, никто не удивлялся, не спрашивалъ, за что. Иная баба только проговоритъ жалостно: „охъ, тяжкій гріхъ, личечко"!... Никто не спрашивалъ о причинѣ кары потому, что давно уже все село знало его вину, долго говорили о ней и давно всѣ порѣшили, какъ поступить съ нимъ при исповѣди. Это—сынъ, побившій своего отца, пьянствующій, буйствующій въ домѣ, никого не слушавшій, не являвшійся въ церковь долгое время. Побить отца или мать считалось самымъ тяжкимъ грѣхомъ. Между эпитиміями, налагаемыми на кающихся, кромѣ частныхъ или личныхъ, были и общія для всѣхъ, состоявшія въ томъ, что кающіеся должны были исполнить какія либо работы при церкви и въ усадьбѣ отца, напр. окопать огородъ рвомъ, огородить дворъ плетнемъ, поправить крыши на домѣ или хозяйственныхъ строеніяхъ, а толковые и знающіе—поправить или переложить парканъ при церковномъ погостѣ, поправить дощатую обшивку на наружныхъ стѣнахъ церкви и т. п. Такъ велось изстари и отецъ никогда не измѣнялъ этого обычая, даже послѣ введенія „инвентарей", которыми возложена на крестьянъ обязанность строить и починять для причта дома и службы на свой счетъ—обязанность, которой отецъ мой никогда не признавалъ, предпочитая эпитимійный способъ или „толоку" т. е. работу за угощеніе.

Въ частныхъ обрядахъ отецъ свято соблюдалъ старину, не обращая никакого вниманія на указы и запрещенія. Извѣстно, что въ „Московскомъ Требникѣ", окончательно редактированномъ при

патр. Никонѣ, принято весьма незначительное количество обрядовъ на разныя случаи въ быту христіанина—изъ той массы ихъ, какая существовала до того времени въ различныхъ редакціяхъ требника въ Греціи, Сербіи, Молдавіи, на Аѳонѣ, въ южнорусской церкви и въ самой Великороссіи. Въ одномъ требникѣ Петра Могилы (1646 г.) имѣется до 48 обрядовъ, не принятыхъ въ никоновскомъ требникѣ. Послѣ возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ съ православною церковію (1839 г.), указомъ св. синода повелѣно отобрать у всѣхъ церквей богослужебныя книги старыхъ мѣстныхъ изданій и замѣнить ихъ изданіями московской редакціи. Отецъ не подчинился этому указу въ отношеніи требника. У него свято хранилось какое-то старинное изданіе требника безъ заглавнаго листа и, кромѣ того, писанныя молитвы на разные случаи. Жучокъ появился въ поляхъ—есть обрядъ, отецъ отправляется въ поля и служитъ молебенъ объ избавленіи отъ жучковъ. Моръ на скотъ въ деревнѣ—есть обрядъ, сгоняютъ со всей деревни скотъ, отецъ служитъ молебенъ объ избавленіи отъ мора, окропляетъ скотъ священною водою. Появилась въ селѣ холера—есть такой обрядъ, отецъ обходитъ съ процессіей вокругъ всей деревни, на четырехъ сторонахъ его служитъ молебенъ и весь путь окропляетъ св. водою. Были молебны „на страждущихъ огневицею", „противъ огня" (во время пожара) и т. п. Однимъ словомъ, на всякую повидимому нужду находился обрядъ или молитва [1]). Помню, какъ однажды, прочитывая отцу уніатскія церковныя визиты, хранившіяся въ церкви, я встрѣтилъ въ нихъ указаніе на обычай звонить каждый вечеръ въ

---

[1]) У весьма многихъ священниковъ я встрѣчалъ потомъ и доселѣ то старинныя православныя, то—чаще всего уніатскія (сдѣланныя по требнику Петра Могилы) изданія требниковъ, то рукописныя сборники молитвъ, которыми они пользовались въ нуждахъ прихожанъ. Это, кажется, вполнѣ извѣстно епархіальнымъ архіереямъ и св. синоду. Остается открытымъ вопросъ: законно или незаконно въ этомъ случаѣ поступаютъ священники? Замѣна всѣхъ редакцій требника никоновскимъ означаетъ-ли запрещеніе непринятыхъ въ немъ обрядовъ, или только предоставленіе ихъ личному благоразумію священника? Кажется, пора рѣшить этотъ вопросъ. Едва-ли церковь рѣшится наложить на нихъ запрещеніе; скорѣе духъ церковный потребуетъ оживленія этой части богослуженія... Въ такомъ случаѣ необходимо пересмотрѣть и исправить эти обряды и молитвы, въ которыхъ по мѣстамъ проглядываютъ предразсудки и глубокое невѣжество.

колоколъ, дабы прихожане во всѣхъ домахъ прочитали: *Богородице Дѣво, радуйся...,*—обычай впервые установленный въ приходѣ уніатскою властію по примѣру римско-католическихъ церквей. Отецъ, весьма дорожившій этимъ сохранившимся въ приходѣ обычаемъ, но ненавидѣвшій уніатовъ, крайне изумился этому указанію, но затѣмъ рѣшилъ, что уніатскій визитаторъ вретъ, а вѣроятно уніатскій священникъ, о которомъ визита отзывается, какъ о пьяницѣ, нерадящемъ о добрыхъ обычаяхъ въ приходѣ, опустилъ и этотъ обычай,—что у его отца звонили, во всѣхъ православныхъ приходахъ издавна звонили... Звонъ остался по прежнему... Также разсуждалъ онъ и о обливаніи при крещеніи и крестилъ чрезъ обливаніе, „по старому, а не по новому“ (чрезъ погруженіе), какъ онъ выражался.

Послѣ литургіи почетные прихожане изъ церкви шли къ отцу въ домъ „на молитву“. Въ комнатѣ, носившей громкое названіе „покоя“, былъ глиняный полъ, „канапка“, покрытая ковромъ домашней работы, шесть простыхъ стульевъ, такой-же столъ, впослѣдствіи къ нимъ прибавился комодъ и маленькій столикъ. Мебели немного! За то иконъ было немало, на всѣхъ стѣнахъ, всѣ въ натуральную величину, на полотнѣ, такъ что „покой“ походилъ на молельню или часовню. На столѣ уже заранѣе приготовлены были водка, хлѣбъ, масло, пироги. Отецъ громко прочитаетъ молитву Господню, поблагословитъ „ястіе и питіе“, наливаетъ рюмку водки и, обращаясь къ ближайшему гостю, говоритъ: „дай Боже здоровья“! затѣмъ обращается ко всѣмъ присутствующимъ, произнося: „дай намъ, Боже, здоровья“! выпиваетъ непремѣнно до дна, наливаетъ чарку вновь и подноситъ ее тому, къ кому лично обращался съ пожеланіемъ здоровья. Тотъ, принявъ чарку, такимъ-же порядкомъ обращается къ своему сосѣду и ко всѣмъ съ пожеланіемъ здоровья и т. п. Сидѣли, говорили о погодѣ, урожаѣ, о случаяхъ въ деревнѣ, нуждахъ личныхъ и общихъ, панахъ, панщинѣ, вообще о деревенской политикѣ. Словомъ: сошлись прихожане у старшаго своего пріятеля и главы и ведутъ рѣчи по душѣ. Поговорили—опять начинали: „дай Боже здоровья“... Иногда и въ третій разъ здоровались. Но допьяна при этомъ никогда не напивались. Это послѣднее случалось только тогда, когда у отца сойдутся два—три пріятеля изъ прихожанъ и застанутъ его безъ дѣла, въ скукѣ и

тоскѣ, въ которую онъ часто впадалъ съ постепенною перемѣною всѣхъ условій быта въ деревнѣ. Отецъ радъ тогда пріятелямъ. Пойдутъ тоскливыя рѣчи про личное и общее горе, про старыя времена, когда и людямъ было легче, и священникамъ лучше... На столѣ появляется „ястіе и питіе", рѣчи становятся веселѣе, духъ бодрѣе, чувства несутся, какъ волны—то приливъ, то отливъ; оживленіе, достигши извѣстной степени, вдругъ понижается, снова пошли тоскливыя рѣчи. Откуда-то появляется дякъ, всегда чуткій къ подобнымъ собраніямъ у отца и умѣющій вторить чувствамъ его, выступаемъ и мы съ братомъ на сцену и начинается: „Хвалите Господа съ небесъ"... „Излій на мя, Боже"... „Горе мнѣ грѣшнику сущу"... Вдругъ отецъ громко начинаетъ: „Ой, у полі могила"... Въ этой пѣсни соединены были два тяжкія для сердца отца событія въ его жизни: вдовство его и изломанная доля старшаго сына:

Ой, у полі річка,
Черезъ річку кладка,—
Не покидай, козаченьку,
Рідненького батька.
Бо якъ батька покинешь,
То й самъ марне загинешь,
Річенькою быстренькою
На Дунай заплынешь...

Уже на этихъ словахъ голосъ отца дрожалъ, слезы текли изъ глазъ его, онъ употреблялъ усилія, чтобы допѣть послѣдніе стихи:

А вдарився бідный вдовець
Та въ полы руками,—
Дітки мои дрибненькіи,
Пропавъ-же я зъ вами.

Тутъ отецъ падалъ ничкомъ на „канапку", долго и громко рыдалъ и всѣ плакали. Эта пѣсня неизмѣнно являлась на сцену и не теряла своего значенія для отца даже тогда, когда „дітки" давно уже перестали быть „дрибненькими" и мы съ братомъ были уже „богословами", а сестра невѣстою...

Безъ сомнѣнія, что отецъ бывалъ въ гостяхъ у своихъ прихожанъ и не только на поминкахъ, но и безъ всякаго повода, по

пріязни, и неразъ возвращался изъ гостей хмѣльной. Когда мы съ братомъ были уже „богословами“ и достаточно уже полированы были семинарщиною, мы иногда вступали съ отцомъ въ препирательство на счетъ подобнаго братанья съ „мужиками“. Отецъ очень сердился на насъ въ подобномъ случаѣ и бранилъ „новыхъ“ священниковъ за отчужденіе отъ „мужика“. „Со мною, говаривалъ онъ, мужикъ выпьетъ и Бога не забываетъ, а безъ меня сойдутся —напьются какъ свиньи, дерутся, сквернословятъ, въ корчму идутъ... Мужикъ пьетъ не изъ роскоши, но по трудахъ или съ горя. Не пить ему нельзя, но нужно беречь его, чтобъ не пропивался“... Конечно, это не были принципы, изъ которыхъ возникали отношенія моего отца къ прихожанамъ, но оправданіе непонятной для него и неумолимой силы старины, воспитавшей такія отношенія и поставившей священника фактическимъ и единственнымъ въ то время руководителемъ народной нравственности. Теперь не то, теперь и и писарь, и старшина, и посредникъ, и мировой судья, и становой —все опекуны народа, всякій скажетъ: „не ваше, батюшка, дѣло мѣшаться въ крестьянскія дѣла“... Прежде было другое; погрозитъ бывало развѣ становой, да всѣ *люди* знаютъ, что это онъ—„съ дуру“ да и пріѣдетъ онъ въ село разъ—два въ году, чтобы сдѣлать честь „пану“, взять съ него „получку“, а старыя отношенія въ селѣ продожали царить по прежнему. Вотъ бывало ночью гдѣ-то на селѣ слышенъ крикъ, шумятъ, бушуютъ. Отецъ тотъ часъ посылаетъ дяка, старосту—немедленно прекратить шумъ. Слышны пьяныя пѣсни, хохотъ, пьяное веселье—опять командируется староста, дякъ, сторожъ церковный съ прибавленіемъ: „скажите, что, если не послушаются, самъ приду съ палицею, да котораго нибудь такъ попотчую, что два дня будетъ чесаться“... Приходитъ баба: „ой, батюшка, чоловікъ пье, та мене и дітей убивае“!... Беретъ отецъ палку, кликнетъ дяка, старосту и идетъ—и вѣроятно судъ былъ скорый, правый, хотя и несовсѣмъ милостивый. Диву дался однажды отецъ мой, когда совершенно случайно узналъ, что священникъ по чину то-же, что и капитанъ. Это важное открытіе сдѣлалъ для него братъ жены его, священникъ „изъ философовъ“, кутило и драчунъ, разсказавшій ему при этомъ, какъ онъ заставилъ одного юнкера, чванившагося предъ нимъ своимъ чиномъ, сдѣлать „руки по швамъ“, когда показалъ ему табель о рангахъ въ духовенствѣ, гдѣ священ-

никъ поставленъ въ одномъ рангѣ съ капитаномъ. Отецъ, никогда не подозрѣвавшій на себѣ чина, да еще такого высокаго, дня два ходилъ совсѣмъ смущенный, повторяя про себя: „капитанъ... капитанъ... то мужикъ уже повиненъ ждать и трепетать у мене передъ крыльцомъ, а не входить въ покои"?.. (такъ внушалъ „философъ" въ силу капитанскаго чина). Но „философскій" соблазнъ скоро прошелъ, и отецъ по прежнему не выходилъ изъ роли „псалтирника" въ отношеніи къ своимъ прихожанамъ и вспоминалъ о своемъ великомъ чинѣ только въ раздраженіи противъ помѣщика или становаго, самодовольно поговаривая: „не посміе, короткі руки... я—капитанъ"!..

Такъ до конца отецъ остался вѣренъ завѣтамъ старины. Новыя порядки, новыя вѣянія какъ волны наступали на него со всѣхъ сторонъ, но онъ стойко и упрямо отбивался отъ нихъ, сколько хватало у него силъ. Онъ не только не былъ врагомъ новыхъ требованій, но напротивъ благословлялъ имя императора Николая, приписывая ему лично инціативу всѣхъ этихъ требованій, тѣмъ болѣе, что каждое распоряженіе начиналось: „По указу Его императорскаго величества —ская духовная консисторія *слушали*"... Но „слушали" и „приказали" большею частію не походитъ предъ нимъ одно на другое и ему все казалось, что „царь не того хоче, що *приказали*". Онъ слезами радости встрѣтилъ насъ, когда мы, пріѣхавъ на каникулы, показали ему свои виды въ доказательство, что мы „переведены въ богословіе", но онъ почти ни въ чемъ не могъ сойтись съ священниками—„богословами" и чуждался быта ихъ. Онъ радовался установленію „инвентарей", но всегда твердилъ, что съ введеніемъ инвентарей для народа пошло все хуже и для всѣхъ стало невыносимо. Не умѣла старина понять новизны, какъ и новизна съ пренебреженіемъ относилась къ старинѣ. Таковъ ужъ историческій грѣхъ нашихъ реформъ! Новыя отношенія, созданныя введеніемъ инвентарей, всего бѣлѣе подкосили энергію отца. Озлобленные паны дѣлали изъ мухи слона, ждали крестьянскихъ возстаній, рѣзни поляковъ, въ непослушаніи, спорахъ за черту владѣнія, тѣмъ болѣе въ похвальбѣ изъ-за угла видѣли бунтъ, просили о присылкѣ войскъ, и крестьяне жестоко платились за свою полуволю. Священники возбудили противъ себя сильное неудовольствіе со стороны прихожанъ за устраненіе отъ всякихъ объ-

ясненій инвентарныхъ правилъ и отъ всякихъ ходатайствъ по дѣламъ ихъ предъ помѣщикомъ и предъ властями. Крестьяне не могли вѣрить, чтобы священникамъ запрещены были всякія объясненія по этимъ дѣламъ, потому что на глазахъ ихъ въ церкви имъ вручались исправниками инвентарныя правила, причемъ объявлено было, что за всѣми объясненіями правилъ должно обращаться къ священнику. Нѣкоторые священники уступали напору крестьянъ, но крестьяне отъ этого ничего не выигривали, а смѣльчаки—священники попадали подъ арестъ, на эпитимію, лишались своихъ приходовъ. Новая порода священниковъ хотѣла жить сообразно съ потребностями „образованнаго человѣка" (капитана?) и, пользуясь инвентарными правилами, возлагавшими на крестьянъ обязанность на свой счетъ строить священникамъ дома и службы, пахать поля, убирать хлѣбъ, требовали постройки домовъ не хуже, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, въ какихъ жили панскіе экономы,—чтобы была передняя, залъ, семейныя комнаты, канцелярія для пріема „мужиковъ", требовали крестьянъ на работу, а въ случаѣ отказа, обращались къ экопому или помѣщику, который чрезъ своихъ агентовъ заказывалъ по селу: „на панщину до попа". Въ воображеніи крестьянъ священникъ сталъ рядомъ съ помѣщикомъ—голякомъ! Вмѣсто одной панщины явилось двѣ! Бывали случаи, что крестьянъ пороли на панскомъ дворѣ, да еще иногда при становомъ, за уклоненіе отъ „панщины" священнику. Отецъ мой, никогда не прибѣгавшій къ панщинѣ, довольствовавшійся все тѣмъ-же домикомъ съ глинянымъ поломъ, все болѣе и болѣе никнулъ въ виду происходившей сумятицы въ отношеніяхъ между священниками и прихожанами и въ цѣлой сферѣ деревни. Оставшись одинокимъ среди новыхъ священниковъ, бодро выносившихъ новый духъ, требованія времени, совершенно замкнувшись въ своемъ приходѣ, онъ и тутъ не находилъ уже покоя. Изъ сосѣднихъ приходовъ толки, настроенія проникали и въ его приходъ и производили подъ-часъ недоразумѣнія. Новые священники критиковали его братанье съ „мужиками", его воззрѣнія на свои обязанности, на все, чѣмъ онъ жилъ и дышалъ всю жизнь, собственныя дѣти его какъ будто больше льнули на сторону священниковъ—„богослововъ"... Онъ началъ терять увѣренность въ себѣ, быстро сталъ падать въ энергіи и физическихъ силахъ, считалъ себя лишнимъ на свѣтѣ, поджидалъ только жениха

для дочери, чтобы уступить ему приходъ. Заслышитъ бывало крикъ, шумъ въ деревнѣ, буйное веселіе и крикнетъ: „эй, позовите старосту“. Приходитъ староста; отецъ уже запинается и переводитъ разговоръ на совершенно иной предметъ. Выйдетъ бывало на царскія врата и начнетъ: „що то у насъ, люде добрі, въ селі повелось? Пьянство, распутство... Бога не боітесь уже? Хочете, щобъ я“... и оборвалъ... почешется въ головѣ, махнетъ рукою и спѣшитъ окончить литургію. „Ну ихъ, потомъ объясняетъ намъ, скажутъ еще, что вмѣшиваюсь въ дѣла крестьянъ, еще на эпитимію пошлютъ“... Какъ дубъ, подточенный въ корняхъ, повалился этотъ послѣдній представитель старины въ своемъ околоткѣ.

Въ 1853 году отецъ уступилъ свой приходъ зятю, а чрезъ два года скончался.

N.

(Продолженіе будетъ).

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко,

по воспоминаніямъ разныхъ лицъ.

(1831—1861 г.).

Я лично не зналъ Шевченка и въ первый разъ узналъ о немъ весною памятнаго 1847 года; въ то время я находился въ Петербургѣ, въ учебномъ заведеніи, и на праздникъ былъ отпущенъ къ брату, служившему въ Петербургѣ. Отъ брата я узналъ, что сестра моя, въ борзенскомъ уѣздѣ (чернигов. губ.), вышла замужъ за малороссійскаго писателя Кулиша, что на свадьбѣ былъ малороссійскій поэтъ Шевченко—въ „боярахъ" и въ числѣ прочихъ подписался на письмѣ къ моему брату. Я видѣлъ это письмо и помню подпись крупными буквами: „бояринъ Т. Шевченко". Вскорѣ за тѣмъ я познакомился съ стихами Шевченка; первые, слышанные мною, были слѣдующіе изъ „Тарасовой ночи":

На роспутті кобзарь сидить
Та на кобзі грае;
Кругомъ хлопці та дівчата,
Якъ макъ процвітае...

Затѣмъ слышалъ нѣкоторые стихи изъ „Посланія до земляківъ". Стихи Шевченка произвели на меня очень сильное впечатлѣніе; они глубоко запали тогда въ мою, еще дѣтскую, душу...

Года черезъ три послѣ моего перваго знакомства съ произведеніями Шевченка, судьба привела меня на родину, въ родительскій домъ. На родинѣ я много наслышался о Шевченкѣ, который (въ началѣ 1847 г.) бывалъ у моей матери и у многихъ родныхъ въ Борзенщинѣ; всѣ, видѣвшіе его, о немъ хорошо помнили.

Я очень жалѣю, что тогда не записывалъ разсказовъ о Шевченкѣ; да и до послѣдняго времени я ничего не записывалъ о немъ. Думалось, что, такъ какъ очень многіе знали его лично, поль-

зовались его дружбою или знакомствомъ и находились съ нимъ въ болѣе или менѣе частыхъ сношеніяхъ, то они, эти многіе, и припомнятъ *многое* о Шевченкѣ, напишутъ и передадутъ въ печать. Но, къ сожалѣнію, вышло не такъ: изъ числа пяти „союзниковъ" Шевченка, которымъ онъ посвятилъ два стихотворенія [1]), въ теченіи двадцати двухъ лѣтъ, протекшихъ со дня кончины Тараса Гр., только одинъ Н. И. Костомаровъ напечаталъ свои воспоминанія о немъ [2]), да другой, П. А. Кулишъ, написалъ о немъ въ свое время десятокъ строчекъ, и очень недавно, изъ личныхъ воспоминаній о Шевченкѣ, огласилъ одно, доселѣ никому неизвѣстное обстоятельство изъ жизни какъ Шевченка, такъ и своей собственной и одной своей знакомой украинки, поклонницы Шевченка [3]). Изъ числа немалочисленныхъ товарищей Шевченка по академіи художествъ только два, Ѳ. И. Пономаревъ [4]) да М. О. Микѣшинъ [5]), напечатали свои воспоминанія о немъ; а изъ многочисленнаго круга личныхъ давнихъ пріятелей Шевченка одинъ лишь А. Афанасьевъ-Чужбинскій посвятилъ памяти Шевченка свои воспоминанія [6]).

---

[1]) Одно, написанное 30 мая 1847 г., «Сидючи въ неволі», и другое, озаглавленное «Моимъ союзникамъ», написаное во второй половинѣ 1847 г.

[2]) «Воспоминанія о двухъ малярахъ». «Основа», 1861 г., IV; собственно о Шевченкѣ, стр. 48—56; «Письмо» (воспоминанія о знакомствѣ съ Шевченкомъ). «Рус. Старина», 1880, III, стр. 597—610; «Воспоминанія о Шевченкѣ», написанныя 5 декабря 1875 г., Спб., и напечатанныя въ пражск. изд. «Кобзаря», 1876 г., т. I, стр. XIII—XXIII.

[3]) Въ статьѣ: «Переглядъ українськихъ книжокъ», «Основа», 1862 г. I, отд. библіогр., стр. 60—1; друг. ст. въ газетѣ «Трудъ» 1881 г., № 26-й.— Писалъ о Шевченкѣ и третій «союзникъ» Вас. М. Бѣлозерскій; но статьи его: «Значеніе Шевченка для Украины», «Проводы тѣла его въ Украину изъ Петербурга» и отъ редакціи «Основы», помѣщенныя въ ней за 1861 г., VI, стр. 1—38,—не составляютъ *воспоминаній о Шевченкѣ*.

[4]) «Воспоминанія» о пребываніи Шевченка въ академіи художествъ въ 1830—1840-хъ годахъ. «Рус. Старина», 1880 г., III, стр. 587—596.

[5]) «Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ», «Пчела», 1876 г., № 16.

[6]) «Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ», въ «Рус. Словѣ» за 1861 г. и отдѣл. оттискъ, in 8, 39 стр.—Въ печатавшихся въ «Рус. Старинѣ» 1876 г. «Воспоминаніяхъ» Т. П. Пассекъ есть замѣтки о Шевченкѣ, относящіяся къ первому періоду его литературной дѣятельности и ко времени возвращенія его изъ ссылки. Нашлись и такіе «друзья» Шевченка, которые соглашались написать свои воспоминанія о немъ, *по заказу*, и при томъ за условную и очень высокую

Кромѣ воспоминаній о Шевченкѣ его давнихъ друзей и товарищей, были напечатаны и воспоминанія лицъ, знавшихъ его лично въ послѣдніе годы его жизни; изъ нихъ упомянемъ Л. М. Жемчужникова [1]), И. С. Тургенева и Полонскаго [2]); а также А. М. Лазаревскаго, который хотя и не печаталъ своихъ воспоминаній о Шевченкѣ, но собралъ и напечаталъ матеріалы для его біографіи [3]).

Изъ лицъ, не знавшихъ лично Шевченка, интересныя и новыя біографическія свѣдѣнія о немъ собрали и напечатали: М. К. Чалый [4]) и В. П. Масловъ [5]).

Вотъ, кажется, и все, что было напечатано до сихъ поръ изъ воспоминаній о Шевченкѣ. Итогъ очень скромный, слишкомъ невеликій для такого великаго человѣка, какъ Т. Г. Шевченко: всего нашлось десять лицъ, напечатавшихъ свои личныя воспоминанія о немъ! Печально...

Теперь приступлю къ изложенію всего, что мнѣ случалось слышать отъ разныхъ лицъ, лично знавшихъ Шевченка.

О Шевченкѣ въ Варшавѣ.

Шевченко, въ сороковыхъ годахъ, разсказывалъ малорусскому поэту тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, Виктору Николаевичу Забѣлѣ (жившему въ хуторѣ около Борзны, † 1869 г.), что когда его, какъ крѣпостнаго двороваго, вели зимою по этапу, изъ Варшавы въ Петербургъ, то у него порвался одинъ сапогъ, такъ что

плату, такъ что пришлось отказаться отъ такихъ—заказныхъ и мотивированныхъ «воспоминаній».

[1]) «Воспоминаніе о Шевченкѣ; его смерть и погребеніе», «Основа», 1861 г., III, стр. 1—21.

[2]) Ихъ воспоминанія напечатаны въ пражск. изд. «Кобзарь», 1876 г., т. I, стр. III—XIV.

[3]) «Матеріалы для біографіи Т. Г. Шевченка», «Основа», 1862 г. III, стр. 1—10.

[4]) «Новые матеріалы для біографіи Т. Г. Шевченка», «Основа», 1862 г., V, стр. 45—61, и VI, стр. 1—27.

[5]) «Т. Г. Шевченко, біографическій очеркъ». М. 1874 г., 56 страницъ. Заключаетъ, между прочимъ, неизвѣстныя въ печати свѣдѣнія о жизни Шевченка въ оренбургскомъ краѣ, сообщенныя А. И. Макшеевымъ, знавшимъ лично Шевченка.

отпадала подошва, и Шевченко, чтобъ не отморозить ноги, вынужденъ былъ перемѣнять сапоги, надѣвая на время цѣлый сапогъ на мерзнувшую въ драномъ сапогѣ ногу; эти остановки надоѣли этапнымъ солдатамъ, и одинъ изъ нихъ ударилъ Шевченка по шеѣ. Это можетъ относиться къ 1831 году, когда Шевченко находился въ Варшавѣ и былъ удаленъ, въ числѣ прочихъ русскихъ, по распоряженію польскаго революціоннаго правительства.

О Шевченкѣ въ Кіевѣ.

Вас. Вас. Тарновскій—отецъ († въ 1865 г.) разсказывалъ мнѣ, что у него въ сороковыхъ годахъ, въ Кіевѣ, бывали литературные вечера, которые посѣщали Н. И. Костомаровъ, Вас. Мих. Бѣлозерскій и другіе друзья и знакомые Тарновскаго, и въ числѣ ихъ и Шевченко. Однажды пришелъ онъ и прочиталъ только что написанное имъ извѣстное „Посланіе до землякiвъ“. Общее содержаніе этого произведенія и въ особенности тѣ мѣста, гдѣ говорится о козацкихъ гетманахъ, которыхъ Шевченко первый понялъ и выставилъ въ ихъ истинномъ видѣ, произвело на всѣхъ присутствующихъ потрясающее впечатлѣніе: съ этого момента поклоненіе ясневельможнымъ и представленіе ихъ героями-рыцарями, рушилось... Слово Шевченка низвело ихъ съ пьедесталовъ и поставило на надлежащія мѣста.

Алексѣй Флоров. Сенчило-Стефановичъ, бывшій иконописнымъ живописцемъ и учителемъ рисованія въ кіево-подольскомъ училищѣ, въ 1840—60-хъ годахъ (родомъ изъ Нѣжина), былъ большимъ пріятелемъ Шевченка. О пребываніи Шевченка въ Кіевѣ (въ 1855—6 г.) онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: 1) Шевченко любилъ съ нимъ кататься по Днѣпру въ лодкѣ, и тогда они распѣвали одну изъ любимѣйшихъ пѣсень Шевченка.

Та по тімъ боці, та на толоці
Цвіте горошина,
А въ дівчини та чорніи брови,
Якъ у Волошина.

2) они участвовали въ учено-археологической экскурсіи и разрывали могилу Перепетиху. У Сенчилы былъ рисунокъ масляными красками, представлявшій эту могилу въ разрѣзѣ, нынѣ принадлежащій

В. Б. Антоновичу. Не эти-ли раскопки навели Шевченка на мысль написать нѣсколько стихотвореній о могилахъ?

Сенчило велъ переписку съ Шевченкомъ, и у него было до двадцати писемъ отъ Шевченка (недавно утерянныхъ); письма были юмористическія; въ одномъ Шевченко писалъ: „Коли бъ васъ у Петербургъ выписать, дакъ тамъ васъ зробили бъ товкачемъ або підтовкачемъ“.

О пребываніи Шевченка въ борзенск. уѣздѣ, черн. губ.

Въ борзен. у. онъ гостилъ въ Качановкѣ у Григ. Степ. Тарновскаго, у котораго собирались литераторы, художники: кромѣ Шевченка, Забѣла, Глинка; онъ также бывалъ у В. Н. Забѣлы (въ окрести. Борзны), а въ генварѣ 1847 г., приглашенный П. А. Кулишемъ и Вас. М. Бѣлозерскимъ, въ качествѣ шафера Кулиша, остановился у В. Н. Забѣлы, а по временамъ проживалъ у Н. Д. Бѣлозерскаго и Ел. Ник. Бѣлозерской въ хут. Николаевѣ подъ Борзною и гостилъ въ семействѣ Сребдольскихъ въ хуторѣ Сорокѣ подъ Борзною, въ хут. Мотроновкѣ, тоже подъ Борзною; а въ Борзнѣ бывалъ у Над. Ник. Забѣлиной и стряпчаго Д. М. Щербины. Гостивши у борзенцевъ, онъ услаждалъ ихъ слухъ своимъ очаровывающимъ пѣніемъ и забавлялъ юмористическими анекдотами. Въ это время онъ снялъ нѣсколько портретовъ въ небольшомъ видѣ, карандашемъ: съ В. Н. Забѣлы, съ Ю. Г. Сребдольской два, съ мальчика К. И. Бѣлозерскаго. Всѣ три портрета сохранились. 22 генв. 1847 г. въ вознесенской церкви села Оленовки онъ держалъ вѣнецъ во время вѣнчанія П. А. Кулиша съ одною изъ моихъ сестеръ, былъ въ „боярахъ“. Когда „молодые“ пріѣхали отъ вѣнца въ хут. Мотроновку, то Шевченко, подходя съ поздравленіемъ къ невѣстѣ, въ подражаніе одной колядкѣ, воскликнулъ: „Чи ти царівна, чи королівна?“ На что женихъ, отшучиваясь, отвѣчалъ ему народною поговоркою: „На чужый коровай очей не порывай да собі дбай!“ Шевченко очень дорожилъ тою „квіткою“, которую „молода“ пришпилила ему къ сюртуку. У брата моего, въ Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ хранилось письмо къ брату, въ которомъ, въ числѣ подписей разныхъ лицъ, бывшихъ на свадьбѣ, была и подпись „боярина Т. Шевченка“. По видимому Шевченко въ Борзенщинѣ го-

стилъ долго, и 28 генв., съ его словъ, въ Мотроновкѣ были записаны три изъ числа любимѣйшихъ его пѣсень.

Мою мать († 1857 г.) въ особенности очаровывалъ Шевченко своимъ пѣніемъ: ходитъ бывало по залѣ, заложивши руки назадъ, опустивши внизъ думную голову; шея завязана шарфомъ; выраженіе лица грустное; голосъ тихій и тонкій; мать, бывало, плачетъ от его пѣсень. Вотъ его любимѣйшія тогда пѣсни:

1) *Ой изійди, зійди, ты зіронько та вечірняя!*

2) *У Кіеві на ринку, пьють чумаки горілку...*

3) *Ой горе, горе, який я вдався, брівъ черезъ річеньку та й не вмывався...*

4) *Де-жъ ты доню, барилася, барилася?—На мельника дивилася, дивилася.*

Этимъ пѣснямъ онъ научалъ и моихъ сестеръ, и мать, бывало, сердится на него за послѣднюю, считая ее неприличною.

И. А. Власенко припоминаетъ, какое сильное впечатлѣніе Шевченко производилъ на слушателей своимъ пѣніемъ; Шевченко гостилъ у Сребдольскихъ и въ будуарѣ одной изъ дѣвицъ Сребдольскихъ, въ присутствіи И. Д. Бѣлозерскаго, человѣка очень суроваго, запѣлъ: и этотъ невозмутимый старикъ заплакалъ... О пѣніи Шевченка вспоминаетъ М. А. Максимовичъ (Собр. сочин., I, стр. 529) и В. Н. Масловъ („Біографич. Очеркъ", стр. 54 и 49).

Къ числу любимѣйшихъ пѣсень Шевченка принадлежала и про Морозенка.

Изъ стихотвореній Шевченка, положенныхъ на голосъ, любимѣйшими въ борзенскомъ уѣздѣ, въ 1850—60-хъ годахъ были слѣдующія:

1) *На що мені чорні брови,*
На що карі очи;
2) *Тяжко—важко въ світі жити*
Сироті безъ роду.

Есть юмористическое посланіе „до Тараса", въ стихотворной формѣ, В. Н. Забѣлы, въ которомъ тотъ упрекаетъ Шевченка въ томъ, что онъ, обѣщавши пріѣхать къ Забѣлѣ погостить, не исполнилъ своего обѣщанія. Оно находится у И. И. Бѣлозерскаго.

Въ 1847 г., на разставаніи съ Забѣлою, Шевченко подарилъ ему свой картузъ и какой-то растительный порошокъ зеленоватаго цвѣта для приготовленія „лікарствéнної“ настойки. Какъ картузъ, такъ и настойку съ осадкомъ отъ порошка на днѣ полуштофа Забѣла хранилъ у себя до своей кончины (1869 г.).

У того-же Забѣлы хранились (въ 1861 г.): мужская сорочка, пошитая сестрою Шевченка, Оришою, изъ конопель ею воздѣланныхъ и пряденыхъ, а также письмо отъ Варѳоломея Шевченка къ Тарасу. Этотъ Варѳоломей посѣщалъ Забѣлу въ Борзнѣ въ 1860-хъ годахъ.

Шевченко въ Седневѣ и его арестъ.

По словамъ покойнаго Анд. Ив. Лизогуба (въ 1856 г.), Шевченко часто проживáлъ у него и брата его Ильи Ивановича; помѣщался въ особомъ флигелѣ, который называлъ „малярнею“: это, кажется, и была извѣстная „камъяниця“, съ намалёваннымъ запорожцемъ на дверяхъ. Тамъ Шевченко „малёвавъ“, а по ночамъ кутилъ съ Лизогубовскою прислугою. Къ обѣду рѣдко выходилъ.

Когда Шевченко послѣдній разъ выѣзжалъ изъ Седнева (весною 1847 г.), то Андр. Ив. Лизогубъ умолялъ его не брать съ собою бумагъ, а оставить у него. Шевченко ни за что не хотѣлъ разстаться съ портфелемъ. Вскорѣ полиція разыскивала Шевченка въ Седневѣ у Лизогубовъ и въ с. Бѣгачѣ (городищ. уѣзда, въ 4-хъ верстахъ отъ Седнева) у кн. К—ва, гдѣ Шевченко часто гостилъ у старика—князя.

Бывши въ Седневѣ у Лизогубовъ въ 1856 г., я видѣлъ на стѣнѣ дома ихъ очаровательной виллы нѣсколько картинъ работы Шевченка. Андрей Ивановичъ показывалъ мнѣ, помнится, пять собственноручныхъ писемъ къ нему отъ Шевченка, писанныхъ въ 1847 и 1848 г.; на одномъ едва былъ замѣтенъ, счищенный резинкою рисунокъ карандашемъ. На немъ Тарасъ—въ солдатскомъ мундирѣ, и его унтеръ-офицеръ колотитъ тесакомъ, а внизу надпись: „оттакъ тобі“! Рисунокъ и надпись были стерты, по всему вѣроятію, начальствомъ Шевченка, такъ какъ письма его проходили черезъ ихъ цензуру.

Объ арестованіи Шевченка я слышалъ слѣдующіе разсказы въ Черниговѣ (1851 г.), Кіевѣ (1856 г.) и Борзнѣ (1881 г.): когда

на поромѣ подъ Кіевомъ замѣтили присутствіе полиціи, наблюдавшей за Шевченкомъ, то, будто, артиллерійскій офицеръ С—а предлагалъ Шевченкѣ столкнуть его чемоданъ въ Днѣпръ; но Шевченко отвергъ это предложеніе: „не треба; нехай забирають". Затѣмъ Шевченко и С. были арестованы. Въ Борзнѣ-же я недавно слышалъ, будто Шевченко сбросилъ свой чемоданъ въ Днѣпръ.

Одинъ жандармскій офицеръ, поручикъ Тѣльновъ, сидѣвшій весною 1847 г. въ 3-мъ отд. подъ арестомъ, сообщилъ мнѣ (весною 1851 г.): что онъ тамъ видѣлъ стоявшаго у окна Шевченка; Тараасъ былъ одѣтъ въ бѣлый костюмъ, стоялъ грустный и чуть напѣвалъ какую-то грустную украинскую пѣсню.

Во время пребыванія въ академіи художествъ, Шевченко бывалъ въ домѣ у извѣстнаго ветерана-инвалида Скобелева, бывшаго въ то время командиромъ петропавловской цитадели, и дарилъ старику картины своей работы. Когда Шевченка арестовали, то старикъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ о немъ и называлъ его „неблагодарнымъ".

Шевченко въ ссылкѣ.

Изъ ссылки онъ писалъ письма къ В. Н. Забѣлѣ. Эти письма были сохраняемы Забѣлою; но едва ли Забѣла отвѣчалъ на нихъ Шевченку. Тогда, по поводу катастрофы 1847 г. и обысковъ, всѣ въ провинціи находились подъ такимъ страхомъ и трепетомъ, что и помышлять не смѣли о перепискѣ съ Шевченкомъ. Тогда-то погибла масса писемъ, книгъ съ надписями, рукописей и драгоцѣннаго историческаго и этнографическаго матеріала, сожженнаго или закопаннаго въ землю.

Въ 1852 г. въ Черниговѣ носились слухи о смерти Шевченка. Мѣстные поэты написали нѣсколько плохихъ стихотвореній, посвященныхъ его памяти. Тетради съ его стихотвореніями ходили по рукамъ между гимназистами и особенно между паннючками: большею частію, это были стихи, переписанные изъ печатнаго.

Шевченко на свободѣ—въ Петербургѣ.

23 генваря 1859 г. Шевченко познакомился съ М. А. М—чь; Шевченко отъ автора „Народныхъ оповідань" былъ въ неописанномъ восторгѣ. 24 генваря онъ повидался съ А. М. Кулишъ, у

которой ровно 12 лѣтъ назадъ былъ въ „боярахъ“: восторгъ былъ большой; Шевченко заплакалъ при свиданіи. Затѣмъ пѣлъ, но мало. Отъ „золота“ (жена М. А. М—ча) былъ въ восторгѣ: „Колибъ така у мене була жінка—повінчався бъ да й умеръ“. Земляки изъ Борзенщины прислали Шевченку сала и наливокъ.—Около половины марта 1859 г. К—бей заказалъ Шевченку написать четыре картины масляными красками, за что назначилъ 4 т. руб. сер. Помню два сюжета для этихъ картинъ: одинъ—„*якъ русалки місяць ловлять*“, а другой про Сомка Мушкета:

А Сомко Мушкетъ на конику та й не виграває,
Коня здержує, до себе притягує...
Думає—гадає...
Ой щобъ сто чортівъ обили ту ёго думу та гадання...

Живя въ Петербургѣ, Шевченко любилъ посѣщать трактиръ около биржи, въ которомъ собирались матросы съ иностранныхъ кораблей: голландцы, англичане и другіе и въ который, поэтому, очень рѣдко заглядывала полиція. Всегда тихій и кроткій, Шевченко, подпивши, приходилъ въ страшно-возбужденное состояніе, бранилъ все, и старое и новое, и со всего размаху колотилъ кулакомъ по столу. Очевидцы сообщали мнѣ, что подобныя „сцены дѣлалъ“, въ Венеціи, великій зоологъ Бремъ.

Однажды встрѣтили въ Петербургѣ подгулявшаго Шевченка, шедшаго съ такимъ-же Якушкинымъ подъ руку; они взаимно поддерживали другъ друга. Шевченко, обращаясь къ встрѣтившемуся съ ними знакомому и усмѣхаясь, сказалъ: „Поддержаніе народности“.

Шевченко въ Кіевѣ.

Т—скій разсказывалъ, что, бывши въ 1859 г. лѣтомъ въ Кіевѣ, Шевченко останавливался у Сенчилы, на Подолѣ. Приходитъ студентъ и застаетъ Шевченка, пожирающаго редьку; студентъ стремится облобызать Тараса; Шевченко, усмѣхаясь, отклоняется: „Бачите, діломъ занятъ“. Онъ былъ одѣтъ въ парусинное пальто и такіе-же панталоны, шляпу имѣлъ бѣлую пуховую и сильно поношенные сапоги.

Смерть Шевченка, перевозъ тѣла и погребеніе въ Каневѣ.

Когда въ Петербургѣ, при выносѣ тѣла Шевченка изъ церкви, хотѣли поставить гробъ на дроги, то молодежь не допустила; понесли на рукахъ, смѣняясь. Народу тысячи полторы было—не чорнаго, не любопытныхъ зрителей, а людей интеллигентныхъ, уважавшихъ въ Шевченкѣ поэта и человѣка. Многіе навзрыдъ рыдали; за одного юношу просто боялись... Дамы свѣжими цвѣтами забросали, студенты принесли лавровый вѣнокъ... Сколько рѣчей было сказано!.. А какое у него прекрасное свѣтлое выраженіе лица было. Усе хотілось сказать: „Оглянься, голубе ты нашъ, да встань! Годі уже насъ мoрóчить, томи́ть! Ты живъ, не вмеръ ще!"... Первоначально было предположено поручить провожаніе тѣла въ Каневъ художнику Мокрицкому да А. М. Лазаревскому. День для отправки былъ назначенъ 26 апрѣля, а 27 апр. въ память Шевченка предположено было дать въ Петербургѣ концертъ, а сборъ употребить на содержаніе бѣднаго студента. (Изъ современ. письма отъ очевидца).

Покойный Мих. Матв. Лазаревскій сообщилъ мнѣ, что когда разрыли могилу Шевченка въ Петербургѣ, для перевозки тѣла въ Украйну, то вскрывали и гробъ: тѣло въ теченіе двухъ мѣсяцевъ нисколько не измѣнилось, но покрылось плѣсенью. Въ Москвѣ гробъ Шевченка стоялъ за городомъ, на дворѣ какого-то столяра, среди кучъ стружекъ; стеченіе публики было значительное.

Въ Орлѣ гробъ встрѣчали ученики гимназіи; полковой хоръ игралъ похоронный маршъ, скомпонованный капельмейстеромъ изъ пѣсни: „Не ходи Грицю на вечерниці". Тѣло было съ торжествомъ проведено за городъ.

Въ Борзенщинѣ Шевченко былъ очень хорошо извѣстенъ даже между мало-мальско образованными людьми, какъ поэтъ, пѣвецъ и рисовальщикъ; но среди просвѣтителей дѣтей оказался служитель министерства *народнаго просвѣщенія*, который даже не слыхивалъ имени Шевченка. Когда въ маѣ 1861 г., въ Борзнѣ, приготовлялись къ торжественной встрѣчѣ тѣла Шевченка, В. Н. Забѣла особенно суетился; на улицѣ къ нему подошелъ старикъ учитель уѣзднаго училища, С—кій [1]) и обратился къ Забѣлѣ съ слѣдующими

[1]) О немъ вспоминается въ «Незабудкахъ» Кулиша.

распросами: „Дакъ кого се везтимуть у свиньцёвому гробі?“—Шевченка, отвѣчалъ Забѣла.—„Хто вінъ такий?“—Коваль.—„Дакъ за що ёго везтимуть такъ далеко?“—За те, що добре ковавъ.—Учитель и ротъ разинулъ отъ удивленія: „А—а!“...

Въ Борзнѣ на ночь гробъ былъ поставленъ на „цвинтарі“ рождественской церкви.

Въ с. Оленовкѣ, борзенскаго уѣзда, была панихида, которую отправляли два священника обѣихъ оленовскихъ церквей; за гробомъ дівчина несла „канўнъ“. Гробъ сопровождали: художникъ Гр. Н. Чистаховскій и А. М. Лазаревскій. Первый заносилъ въ свой альбомъ картины проводъ тѣла Шевченка, сцену на цвинтарі оленовской церкви, несеніе за гробомъ „канупу“, и проч. Гробъ провожали далеко за село. Въ одномъ лѣсномъ хуторкѣ былъ обѣдъ для народа; въ числѣ бывшихъ на обѣдѣ находились лица изъ бывшей комнатной прислуги Б—хъ, хорошо помнившіе Шевченка, гостившаго въ 1847 г. въ х. Мотроновкѣ.

Въ Нѣжинѣ встрѣча была особенно-торжественная: на встрѣчу вышли всѣ цеховые со значками, лицеисты и гимназисты.

Въ Кіевѣ встрѣча была на шоссейномъ мосту; лошадей выпрягли и гробъ повезла публика. Въ это время черезъ мостъ переѣзжалъ черниговскій архіерей, извѣстный писатель, Филаретъ Гумилевскій; выйдя изъ экипажа, онъ благословилъ прахъ Шевченка. По прибытіи въ городъ, гробъ поставили въ рождественской церкви на Подолѣ; на него была положена масса вѣнковъ; но вотъ вошла дама въ траурѣ и положила терновый вѣнокъ:

вѣнецъ терновой,
увитый лаврами, надѣла на него.

Это произвело сенсацію; полиція убрала этотъ вѣнокъ. Изъ Кіева до Канева гробъ везли на пароходѣ.

Могилу надъ гробомъ Шевченка высыпали въ нѣсколько дней; работали 17 человѣкъ и въ числѣ ихъ В. Н. Забѣла. Съ этой картины была снята фотографія. Забѣла поминалъ Шевченка тою настойкою, порошокъ для которой далъ ему Шевченко въ 1840-хъ годахъ.

Впослѣдствіи народъ ходилъ на могилу Шевченка для исцѣленія отъ лихорадокъ и другихъ болѣзней. Кіево-подольскія базарныя

торговки, „сидухи", на рынкѣ около Братства, хорошо помнившія Шевченка съ 1840-хъ годовъ, разсказывали, что люди видѣли Шевченка, послѣ его погребенія, ѣздившаго по Подолу „на білімъ коні". Нѣкоторые польскіе паны и „недоляшки" распустили слухъ, что въ могилѣ Шевченка были закопаны ножи для истребленія пановъ-ляховъ; вслѣдствіе ихъ настояній, будто-бы, была поставлена у Тарасовой могилы стража!

О портретахъ и рисункахъ Шевченка, и проч.

На одномъ экземплярѣ „Украины" Кулиша, 1843 г., рукою Кулиша былъ начерченъ портретъ спящаго Шевченка; по словамъ Кулиша, портретъ былъ непохожій. Я видѣлъ его въ 1850 г. на экземплярѣ книги библіотеки Кулиша.

У Кулиша былъ тогда-же въ копіи небольшой рисунокъ Шевченка—„гайдамака Галайда зъ свяченымъ, надъ Дніпромъ".

У И. И. Бѣлозерскаго находится собственноручный портретъ Шевченка тушью или сепіей, замѣчательный тѣмъ, что изображаетъ Тараса у бороді!

Слышалъ, что стихотвореніе Шевченка: „Випъешь чарку, стрепенешся" было написано имъ въ шинку углемъ, на стѣнѣ.

Н. Бѣлозерскій.

20 августа 1882 г.
Хуторъ Зрубъ.

Путевыя замѣтки Н. Д. Иванишева

(бывшаго вице-предсѣдателя кіевской археографической коммисіи, ректора и профессора кіевскаго университета).

Дѣятельность Н. Д. Иванишева въ области собиранія и научной разработки письменныхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи юго-западной Руси, достаточно извѣстна всякому. Со времени учрежденія въ Кіевѣ археографической коммисіи въ 1843 году, покойный Иванишевъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ принималъ самое дѣятельное участіе въ ученыхъ ея занятіяхъ —сначала въ должности дѣлопроизводителя и редактора юридическихъ памятниковъ, затѣмъ—главнаго редактора и, наконецъ, вице-предсѣдателя коммисіи. По его указаніямъ повсюду собирались древніе акты и другіе письменные памятники, производились развѣдки въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, церквей и монастырей юго-западнаго края, предпринимались археологическія раскопки и издавались добытые этими путями научно-историческіе матеріалы. Онъ первый обратилъ вниманіе на значеніе актовыхъ книгъ, какъ важнѣйшаго матеріала для мѣстной исторіи, и указалъ на необходимость собрать эти драгоцѣнные памятники прошлой жизни края въ одно центральное хранилище и тѣмъ предохранить ихъ отъ окончательной гибели, которая угрожала при прежней ихъ разбросанности по всему юго-западному краю и небрежномъ храненіи ихъ въ подвалахъ уѣздныхъ судовъ и другихъ мѣстахъ. По его мысли, кіевская коммисія представила въ 1843 г. въ высшія правительственныя сферы проектъ объ учрежденіи при кіевскомъ университетѣ центральнаго архива, который и былъ открытъ въ 1852 г., одновременно съ учрежденіемъ такихъ-же архивовъ въ Вильнѣ и Витебскѣ. Хранящіеся въ настоящее время въ кіевскомъ центральномъ архивѣ 5,838 актовыхъ книгъ и около полумилліона отдѣльныхъ документовъ

по справедливости могутъ считаться памятникомъ энергіи и просвѣщенной заботливости ревнителей мѣстной старины, въ числѣ которыхъ наиболѣе почтенное мѣсто должно безспорно принадлежать Н. Д. Иванишеву.

Для розысканія этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, Иванишеву неоднократно приходилось лично предпринимать поѣздки въ разныя мѣстности юго-западнаго края. Такъ, въ 1843 г. онъ былъ командированъ для осмотра и описи библіотеки умершаго инфулата Осинскаго, а въ 1850 г. онъ ѣздилъ въ м. Бичаль волынской губ. для открытія рукописей въ куполѣ тамошней церкви, указаніе на что онъ нашелъ въ одномъ древнемъ актѣ. Но всего плодотворнѣе была археографическая экскурсія Иванишева въ 1852 г., къ которой и относится помѣщаемый нами отрывокъ изъ его путеваго журнала. Въ то самое время послѣдовалъ Высочайшій указъ объ учрежденіи кіевскаго центральнаго архива и о передачѣ въ оный изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ юго-западныхъ губерній актовыхъ книгъ и старыхъ дѣлъ до 1800 г. Независимо отъ архивовъ правительственныхъ учрежденій, тогдашній кіевскій генералъ губернаторъ Д. Г. Бибиковъ счелъ нужнымъ произвести археографическія розысканія въ архивахъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, и возложилъ это порученіе на Иванишева. Въ дѣлахъ археографической коммисіи хранится подлинное предписаніе Бибикова по этому предмету, отъ 5 іюня 1852 г., слѣдующаго содержанія: „Ординарному профессору университета св. Владиміра, статскому совѣтнику, Иванишеву. Въ м. Тульчинѣ, принадлежащемъ графу Михаилу Потоцкому и состоящемъ въ опекѣ, находится значительный частный архивъ. Въ прежнее время весь почти уѣздъ уманскій составлялъ имѣніе графа Потоцкаго, а архивъ его находился въ г. Умани; съ поступленіемъ-же онаго въ казенное вѣдомство, архивъ этотъ перенесенъ въ Тульчинъ и сданъ тамъ въ общій архивъ графовъ Потоцкихъ. Съ наступленіемъ нынѣ вакаціоннаго времени, поручаю вашему высокородію отправиться въ м. Тульчинъ и осмотрѣть тамъ помянутый архивъ. Если въ немъ окажутся какіелибо акты и книги, заслуживающіе вниманія и изданія въ свѣтъ, то таковые получить и представить въ Высочайше учрежденную при мнѣ временную коммисію для разбора древнихъ актовъ, выдавъ въ полученіи росписку, съ обязательствомъ возвратить взятыя бумаги въ совершенной цѣлости, по миновании въ нихъ надобности. Администратору имѣній графа Потоцкаго, статск. сов

Абазѣ, дано предписаніе оказать вамъ въ семъ случаѣ личное содѣйствіе. Кромѣ сего, по доставленнымъ ко мнѣ свѣдѣніямъ, находятся архивы съ древними актами и бумагами въ слѣдующихъ мѣстахъ; въ могилевскомъ уѣздѣ у наслѣдниковъ пом. Боновскаго; въ проскуровскомъ въ м. Сатановѣ; въ г. Заславлѣ и новоградволынскомъ, въ мѣстечкахъ Корцѣ, Полонномъ и Звягелѣ и ковельскаго у. въ м. Ратнѣ. Поручаю вашему высокородію, по осмотрѣ тульчинскаго архива, осмотрѣть и эти архивы и тоже, если что окажется замѣчательное, получить подъ росписку и представить въ коммисію; о содѣйствіи-же вамъ въ семъ прилагаются предписанія мѣстнымъ земскимъ исправникамъ. Подорожную вы получите изъ моей канцеляріи, а деньги на прогоны по особому распоряженію. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ".

Командировка Иванишева обогатила археографическую коммисію цѣнными пріобрѣтеніями: изъ тульчинскаго архива онъ привезъ болѣе 200 актовъ, а изъ остальныхъ архивовъ 153, да сверхъ того нѣсколько актовыхъ и другихъ книгъ, о которыхъ упоминается въ его запискахъ. Поѣздка эта обратила на себя вниманіе тогдашней печати и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1853 г. появилась о ней подробная замѣтка.

Составленный Иванишевымъ во время этой поѣздки путевой дневникъ очевидно не предназначался имъ къ печати; это— рядъ путевыхъ наблюденій и замѣтокъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, останавливавшихъ почему-либо на себѣ его вниманіе. Кромѣ палеографическихъ и археографическихъ замѣтокъ, имѣющихъ спеціальный интересъ, въ дневникѣ Иванишева разсѣяно множество мѣткихъ бытовыхъ и этнографическихъ наблюденій надъ жизнью и отношеніями, существовавшими въ нашемъ краѣ тридцать лѣтъ назадъ. Не меньшій интересъ представляютъ эти замѣтки и для ознакомленія съ личностью и характеромъ самаго Н. Д. Иванишева, и мы вполнѣ раздѣляемъ справедливое замѣчаніе его біографа, профессора А. В. Романовича-Славатинскаго, что дневникъ этотъ живьемъ рисуетъ предъ нами образъ Николая Дмитріевича съ его обычнымъ юморомъ и склонностью представлять изъ себя лѣниваго, празднаго сибарита, который не прочь покутить и пожуировать. Замѣтимъ, кстати, что г. Романовичъ-Славатинскій, при составленіи своей весьма интересной книги „Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева" (С.-Петерб., 1876 г.), пользовался дневникомъ послѣдняго и даже помѣстилъ изъ него небольшія выдержки. Мы рѣшаемся теперь

напечатать этотъ интересный дневникъ въ болѣе полномъ видѣ, пользуясь автографомъ самого Иванишева, сохранившимся въ числѣ другихъ бумагъ послѣ его смерти.

Путь отъ Кіева до Тульчина не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго. Только и обращали на себя вниманіе курганы. Между Васильковомъ и Ксаверовкой находится множество кургановъ, разсѣянныхъ на значительномъ одинъ отъ другаго разстояніи; они имѣютъ однообразную форму прижатаго конуса, весьма широкаго въ основаніи. Подлѣ самой Ксаверовки находится одинъ изъ такихъ кургановъ, очень удобный для разрытія; онъ находится подъ пашней. Съ дороги за Ксаверовкой виденъ по лѣвую руку, вдали, огромный курганъ между селеніями Пинчуки и Гребенки, на самомъ высокомъ мѣстѣ. Тоже на краю горизонта виднѣются другіе курганы, составлявшіе какъ будто одну телеграфическую линію. Замѣчательно, что за Бѣлою-Церковью кургановъ почти вовсе не замѣтно, кромѣ весьма незначительныхъ, стоящихъ на далекомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Съ того мѣста, гдѣ находится Бѣлоцерковская станція, видны четыре кургана, рядомъ стоящіе, недалеко одинъ отъ другаго. Староста и крестьяне говорили, что эти курганы внутри пустые. На Волыни до сихъ поръ попадаются землянки, состоящія изъ земляного вала, покрытаго досками или соломою. Если отнять дерево, то получается курганъ, пустой внутри, называемый въ народѣ „роскопанымъ".

Не доѣзжая двѣ станціи до Брацлава, видѣлъ мужика съ огромнымъ лишаемъ на груди. Говоритъ, что получилъ отъ перепуга, когда его помѣщикъ хотѣлъ высѣчь. Въ этомъ селѣ живетъ „знахарька", которая лѣчила его, окатывая шею, грудь и голову свѣжимъ куринымъ яйцомъ, и шептала надъ нимъ. Эта старуха лѣчитъ отъ „пранцівъ", укушенія бѣшеной собакой и другихъ болѣзней. Тотъ-же мужикъ говорилъ мнѣ, что въ окрестныхъ селеніяхъ есть „знахарі", заговаривающіе змѣй.

Въ Тульчинъ прибылъ 9 іюня. Архивъ вовсе не оправдалъ ожиданій, которыя можно было имѣть по слухамъ. Акты въ страшномъ безпорядкѣ. Большею частью они заключаютъ въ себѣ частныя дѣла, относящіяся къ имѣніямъ Потоцкихъ и фамилій, находившихся

съ ними въ сношеніяхъ. Много писемъ важныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ политическихъ дѣлахъ; но они касаются позднѣйшаго времени. Такъ какъ перечитываніе нѣсколькихъ тысячъ этихъ писемъ потребовало-бы много времени, то я далъ архиваріусу Ковальскому инструкцію, и, по мѣрѣ разбора этихъ писемъ, равно какъ и другихъ бумагъ, ускользнувшихъ отъ моего вниманія, будутъ доставляемы свѣдѣнія г. генералъ-губернатору. По 21 іюля я разбиралъ архивъ и выбралъ акты о городахъ, о религіозныхъ отношеніяхъ, о войнахъ Хмельницкаго и другіе, которые при подробныхъ описяхъ будутъ высланы г. генералъ-губернатору.

Въ Тульчинѣ замѣчателенъ палацъ и садъ Потоцкаго. Впрочемъ садъ довольно запущенъ; мѣсто болотистое, требующее большихъ издержекъ. Въ такъ называемомъ французскомъ саду видѣлъ розы, похожія цвѣтомъ на розовый мраморъ; черныя еще не расцвѣли, а желтыя большею частью объѣдены червями. Есть виноградъ и абрикосы, но абрикосовыя деревья распластаны на стѣнѣ такъ-же, какъ и виноградъ, чтобы удобнѣе покрывать зимою. Время провелъ хорошо. Поутру работалъ, а послѣ обѣда гулялъ и любезничалъ съ хорошенькими хозяйками, сильно, впрочемъ, покрытыми аристократическою мишурою. Однажды заѣхали ко мнѣ Вигура и Чугаевичъ[1]), проѣзжавшіе въ Одессу. Они думали застать меня надъ рукописями, а между тѣмъ нашли среди полнаго разгула: пропасть гостей, въ саду музыка и приготовленіе къ фейерверку. Былъ и театръ; играла какая-то несчастная бродячая труппа. Когда играли „Наталку-Полтавку", то актеръ, игравшій роль Петруся, явился настоящимъ Гамлетомъ, съ гамлетовскою физіономіею и таковыми-же замашками. Занимательнѣе всего была публика, состоявшая большею частью изъ нечесаной и неумытой дворни. Одна дѣвчонка, сидѣвшая впереди всѣхъ, одѣта была только въ грязную рубашонку и пеструю юбку. Были и жиды, но сидѣли особо, молча и не выражая ничего на своихъ лукавыхъ физіономіяхъ. Западныя идеи о равенствѣ не проникли еще въ это захолустье; аристокра-

---

[1]) Ив. Вигура—въ то время профессоръ кіевск. университета по кафедрѣ государственнаго права. Чугаевичъ—тогда учитель гимназіи въ Одессѣ, впослѣдствіи профессоръ аналитической химіи въ кіевск. университетѣ.

тизмъ свирѣпствуетъ; вѣчно слышишь о знакомствѣ съ графами да князьями; барышни мечтаютъ выйти замужъ за полковника, какъ о высшемъ блаженствѣ, чтобъ за ними ухаживали офицеры и играла-бы вѣчно полковая музыка; названіе *поповичъ* считается хуже мужика и сапожника.

Въ православной церкви, бывшей прежде католическою, видѣлъ подвалъ или катакомбу, устроенную для погребенія Потоцкихъ. Въ маленькомъ свинцовомъ гробѣ лежитъ дитя лѣтъ десяти, набальзамированное; смотрѣть гадко. Дитя похоже на размалеванную деревянную куклу, поскобленную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ножомъ. Въ стѣнахъ катакомбы подѣланы глубокія ниши, куда ставятъ гробы и замазываютъ отверстія. Батюшка, показывавшій катакомбу, не твердо стоялъ на ногахъ.

Вообще Тульчинъ сдѣлался пріютомъ для всѣхъ проѣзжающихъ порядочныхъ людей. Они здѣсь останавливаются, пьютъ чай, имѣютъ обѣдъ и ужинъ, ночуютъ и ѣдутъ далѣе, иногда перекинувъ въ карты. Въ кабинетѣ графини, бывшей мамзель Швейковской, лежитъ на столѣ альбомъ, въ которомъ рукою графини написаны французскіе стихи, увѣряющіе супруга въ неизмѣнной и вѣчной вѣрности: „ты, говоритъ, привязалъ меня цѣпью къ своей кровати, но не бойся: если цѣпь и разорвется, то я не пойду отъ тебя“. Таковъ смыслъ несбывшихся французскихъ стиховъ [1]). Въ кабинетѣ графа, между бумагами найденъ [2])..., бывшій въ дѣлѣ, окровавленный и разорванный. На немъ означенъ годъ, число и мѣсяцъ, вѣроятно, весьма пріятнаго препровожденія времени.

Желая избавиться отъ скучныхъ прощаній и провожаній, я объявилъ хозяйкамъ о своемъ отъѣздѣ въ 12 часовъ ночи; однакожъ онѣ заставили повара хлопотать ночью и наготовили мнѣ на дорогу паштетъ, цыплятъ, булокъ, прибавивъ и двѣ бутылки портеру. Во всю дорогу, отъ Тульчина до Могилева, я думалъ о m-lle O.; даже

---

1) Они касаются семейной исторіи Мечислава (Михаила) Потоцкаго, по жалобѣ жены сосланнаго Николаемъ I въ Саратовъ на жительство.

2) Въ подлинникѣ здѣсь стоитъ слово, котораго мы никакъ не могли разобрать. Всѣ, кому мы показывали рукопись, читали это слово: *гондолъ*, но мы не стоимъ за это чтеніе и рѣшительно отказываемся объяснить значеніе этого загадочнаго слова.— *О. Л.*

когда пріѣхалъ въ Могилевъ и остановился въ корчмѣ, то не обратилъ вниманія на хозяйку, молодую жидовку. Уже на другой день я замѣтилъ, что она очень апетитна, и послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, приглашалъ ее ѣхать со мною въ Каменецъ.

Въ Могилевѣ я написалъ въ книгѣ пріѣзжающихъ: статскій совѣтникъ изъ Кіева, по порученію генералъ-губернатора. Тотчасъ явился городничій и другая полиція въ полной мундирной формѣ. Я принималъ ихъ и тѣмъ уподобился Хлестакову. Въ довершеніе сходства, городничій меня приглашалъ къ себѣ на квартиру. Кажется, они сильно струсили, такъ какъ нѣтъ человѣка безъ грѣха. Городъ по своему устройству оригиналенъ и пахнетъ востокомъ. Живутъ въ немъ: жиды, армяне, греки, цыгане, поляки и малороссы. Смѣсь эта сильно отражается на физіономіяхъ. Тутъ я встрѣтилъ одного изъ нашихъ университетскихъ воспитанниковъ—Шастова, который служитъ чиновникомъ особыхъ порученій при подольскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Чай пилъ у городничаго и потребовалъ бессарабскаго вина. Скверное вино, болѣе похоже на квасъ, чѣмъ на вино.

Старшій засѣдатель и городничій объявили мнѣ, что въ м. Верховкѣ никакихъ Боновскихъ, у которыхъ-бы находился архивъ съ актовыми книгами, не имѣется. Въ Баръ я не могъ также поѣхать, потому что онъ не подлежитъ вѣдѣнію могилевскаго исправника, а имѣетъ свое особое начальство, къ которому я не имѣлъ никакого предписанія отъ генералъ-губернатора.

Изъ Могилева, переѣхавъ Днѣстръ, отправился на Хотинъ. При переѣздѣ присутствовалъ частный приставъ, титуловавшій меня генераломъ и превосходительствомъ. По переѣздѣ за Днѣстръ на первой станціи видѣлъ кузнеца съ хохлацкою физіономіею и съ цыганскою рѣчью. Отецъ отдалъ его мальчикомъ въ цыганы, съ которыми онъ кочевалъ 15 лѣтъ и оцыганился.

Кстати о цыганахъ. Въ 30-ти верстахъ отъ Тульчина живетъ колонія цыганъ „плащоватыхъ", простирающаяся до нѣсколькихъ сотъ душъ. Они ходятъ полу- или совсѣмъ нагіе, не имѣютъ хатъ, а живутъ въ землянкахъ. Зимой также одѣваются легко, какъ и лѣтомъ; только, отправляясь въ дорогу, берутъ охапку соломы, и когда слишкомъ припекаетъ морозъ, то зажигаютъ солому и грѣ-

ютъ ноги и другія оконечности. Живутъ милостынею и мошенничествомъ.

За Днѣстромъ проѣхалъ клочекъ Бессарабіи; природа не та, не тѣ и люди. То степи, то каменныя скалы. Лица жителей черномазыя, продолговатыя, съ черными глазами и черными длинными волосами. Народъ пригодный для живописи. Въ одной деревнѣ попробовалъ мамалыги. Корчага съ большой хлѣбъ лежала па лавкѣ; двѣ дѣвчонки отдѣляли куски ложками, клали въ миску съ молокомъ и ѣли съ большимъ аппетитомъ. Мнѣ мамалыга въ этомъ видѣ показалась не лучше сѣна. За двѣ станціи до Хотина видѣлъ отверстіе въ скалѣ, по лѣвую сторону дороги. Ямщикъ говорилъ, что тамъ находятся пещеры, высѣченныя въ камнѣ, что въ отверстіе можно въѣхать четверкой и что будто тамъ есть какія-то начертанія.

Хотинъ городъ пустой и притомъ расположенъ весьма неудобно. Улицы и площадь огромной ширины, такъ что отъ одного конца города до другаго нужно пройти огромное пространство; при этомъ жидовскіе домики кажутся еще мельче. Замѣчательна только древняя крѣпость, но ее разсмотрѣть не было времени. Здѣсь мы переправились черезъ рѣку и поѣхали въ Каменецъ.

Каменецъ городъ весьма живописный какъ по мѣстоположенію, такъ и по крѣпостнымъ постройкамъ, воздвигнутымъ турками. Непріятное только производитъ впечатлѣніе рѣка, которая въ половодіе катитъ свои мутныя глинистыя воды, а въ межень такъ мелка, что ее переѣзжаютъ дрожками. Видѣлся съ бывшими воспитанниками университета; вышли всѣ люди порядочные: Крушинскій—товарищемъ палаты уголовнаго суда, Корнѣенко-Демянскій—учителемъ законовѣдѣнія, Кальскій—кажется засѣдателемъ, Гейслеръ—инспекторомъ гимназіи и Гогоцкій[1])—кажется канцелярскимъ служителемъ. Видѣлъ въ церкви одну изъ воспитанницъ института, Бесѣдовскую, которая сдѣлалась еще дурнѣе и, говорятъ, глупѣе, чѣмъ была въ институтѣ. Воспитанники университета дали мнѣ обѣдъ въ клубѣ, при чемъ на долю каждаго досталось по бутылкѣ шампанскаго. Въ церкви и на гуляньи я замѣтилъ, что Каменецъ не отличался красотою женскаго пола.

---

[1]) Николай Сильвестровичъ былъ потомъ совѣтникомъ губернскаго правленія а послѣ директоромъ гимназіи въ г. Холмѣ, люб. губ.—*Ред.*

Изъ Каменца отправился въ Проскуровъ,—дрянной городишко. Исправникъ сказалъ, что въ Ярмолинцахъ, въ 20-ти верстахъ отъ Проскурова, открылся погребъ, въ которомъ замѣчены бутылки съ какою-то жидкостью, вѣроятно виномъ. Отъ Каменца до Проскурова много пещеръ въ скалахъ. Изъ Проскурова въ м. Сатановъ ѣхалъ проселочною дорогою, сначала на помѣщичьихъ лошадяхъ, а потомъ на обывательскихъ. Здѣсь нашелъ воспитанника нашего медицинскаго факультета Шута или Шота, который обнаружилъ непритворную радость при свиданіи со мною. Угощенъ былъ тремя ужинами: одинъ я заказалъ въ корчмѣ, другой прислалъ пробощъ, а третій доставленъ докторомъ Шутомъ. За то на другой день нечего было ѣсть въ дорогѣ, такъ что въ обѣденное время я принужденъ былъ довольствоваться гадкою колбасою и рѣдькою, купленными въ скверпѣйшемъ мѣстечкѣ Куполѣ.

Въ Сатановѣ послѣ пожара уцѣлѣли слѣдующія книги:

1) Книга, напечатанная въ 1581 году, заключающая Speculum Saxonicum на польскомъ языкѣ въ алфавитномъ порядкѣ, и право магдебургское. Въ концѣ книги приложены нѣкоторыя рукописныя прибавленія. Заглавія и нѣкоторыхъ другихъ листовъ въ книгѣ не достаетъ.

2) Актовая записная книга мѣстечка Сатанова съ 1709 по 1733 годъ съ приложеніями въ концѣ. Всѣхъ листовъ въ книгѣ 495.

3) Такая-же записная книга съ 1728 по 1733 годъ. Начала недостаетъ. Всѣхъ листовъ 189.

4) Рукописная книга подъ названіемъ Receptarz города Сатанова, или исчисленіе податей и сборовъ за 1728 и 1746 годы. Всего 188 листовъ. № книги 230.

Всѣ эти книги вручены мною проскуровскому исправнику для отсылки къ г. генералъ-губернатору. Кромѣ этихъ книгъ я не нашелъ никакихъ рукописей, которыя были-бы важны въ какомъ-нибудь отношеніи. Прежній владѣлецъ Александръ Потоцкій перевезъ все въ Царство Польское.

По дорогѣ отъ Сатанова до Стараго-Константинова, въ одномъ селеніи зашелъ въ церковь. Было *царське свято,* именно день рожденія Государя. Въ церкви не было ни души. Батюшка сказалъ, что отправилъ обѣдню и молебенъ съ дьячкомъ, безъ свидѣтелей; за отсутствіемъ пономаря, самъ зажигалъ свѣчи, а дьячекъ пѣлъ.

За-то въ корчмѣ я замѣтилъ значительное многолюдство, и нѣкоторые изъ крестьянъ, между ними и два братчика, были довольно нарѣзавшись, за что я назвалъ ихъ дурнями. Братство при церкви состоитъ только изъ старосты и двухъ братчиковъ. Они обязаны заботиться о порядкѣ и благолѣпіи церковномъ. Тотъ-же священникъ сказывалъ мнѣ, что въ селѣ Глядкахъ, недалеко отъ мѣстечка Куполя, живетъ священникъ Орловскій, у котораго находится замѣчательное собраніе старопечатныхъ книгъ и древнихъ рукописей, и что за это собраніе нѣкоторые помѣщики давали 900 рублей, но священникъ не согласился уступить. Хотѣлъ было заѣхать, но помѣшала отвратительная дорога.

Въ Славутѣ засталъ погребеніе княгини, матери теперешняго князя Евстафія Сангушка. Гробъ былъ поставленъ на высокомъ катафалкѣ; надъ нимъ висѣла княжеская корона. Костелъ обтянутъ былъ черным сукномъ, на которомъ виднѣлись гербы фамилій, находившихся въ родствѣ съ Сангушками. Освѣщеніе было великолѣпное. Изъ церкви входъ въ довольно пространную катакомбу, гдѣ находились уже два гроба, третій долженъ былъ присоединиться по отправленіи панихиды. Поповъ было много; между ними рельефно выказывались два капуцина съ длинными бородами, придававшими имъ патріархальный видъ. Князь пригласилъ меня на обѣдъ и прислалъ за мною карету. Когда княжеская карета, съ какимъ-то важнымъ шляхтичемъ на козлахъ, подъѣхала къ корчмѣ, то сбѣжалась толпа жидковъ со всего мѣстечка и смотрѣла, какъ я сѣлъ и поѣхалъ. Въ залѣ, гдѣ мы обѣдали, выставлена картина въ большомъ размѣрѣ, на которой изображенъ Романъ Сангушко, побѣждающій москвитянъ. Князь созвалъ крестьянъ на похороны княгини, по четыре человѣка съ каждаго села, и далъ имъ обѣдъ. Послѣ обѣда долго возился съ ними и на дорогу далъ каждому, кажется, по 3 коп. серебромъ. Многіе изъ крестьянъ были недовольны, что ихъ звали такъ далеко киселя хлебать, и я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ, пообѣдавъ въ княжескомъ палацѣ, отводили душу въ кабакахъ, куда и перешли деньги, данныя имъ княземъ на дорогу. Князь раздавалъ также милостыню нищимъ. Князь совершенно глухъ и какъ-то страненъ въ обращеніи. Вѣроятно, глухота притупляетъ его умственныя способности. Говорятъ, что скупость начинаетъ овладѣвать имъ.

Въ Славутѣ, въ библіотекѣ Сангушка, есть не болѣе 20 рукописей, не имѣющихъ никакой исторической важности. На счетъ архива въ Заславѣ, Сангушко сказалъ, что онъ рукописи раздроблять считаетъ не удобнымъ и что самъ предполагаетъ издать все, что важно въ историческомъ отношеніи. Въ этомъ смыслѣ онъ написалъ и приказаніе къ завѣдывающему архивомъ Шулинскому: „Vous aurez la bonté de gardez comme instruction dans cette circonstance, que j'ai l'intention depuis longtemps de publier les documens de nos archives faisant un ensemble, et que j'ai même fait des démarches à cet effet. Je ne puis pas consequement livrer aucune piéce par ce que diminuer leur nombre c'est amoindrir leur richesse et leur valeur"... и проч. Письмо собственноручное 27 іюля 1852 года.

Въ Заславѣ житье прескверное. Жилъ въ сыромъ трактирѣ и имѣлъ самый плохой обѣдъ.

Въ мѣстечкѣ Ратно ковельскаго уѣзда никакихъ бумагъ, имѣющихъ историческое значеніе, не отыскалось. Книги актовыя, веденныя мѣщанами м. Ратно, пользовавшимися правомъ магдебургскимъ, оставшіяся отъ пожара, уже отправлены генералъ-губернатору.

Далѣе въ дневникѣ слѣдуетъ историко-статистическое описаніе ковельскаго уѣзда и замѣтки о произведенныхъ Иванишевымъ археологическихъ розысканіяхъ въ церкви с. Вербки (того-же уѣзда), гдѣ онъ открылъ гробницу князя Курбскаго; но всѣ эти свѣдѣнія въ болѣе полномъ и обработанномъ видѣ помѣщены въ прибавленіяхъ къ составленной имъ книгѣ: „Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни" (т. II, 317—342).

О. Л.

Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 года.

(Продолженіе)*).

Помѣщаемая въ настоящей книжкѣ часть переписки Румянцева по дѣлу украинскаго возстанія 1768 г. состоитъ изъ 15-ти документовъ,— исключительно отъ него выходившихъ донесеній, писемъ, сообщеній и ордеровъ или приказовъ, и касаясь самаго важнаго періода возстанія,—когда, по разбитіи главныхъ гайдамацкихъ силъ, вошедшіе между собою въ сношенія екатерининскіе вельможи принялись уяснять для себя событіе, съ которымъ они имѣли дѣло, и причины его вызвавшія, представляетъ потому наибольшій интересъ. Она главнымъ образомъ и вращается около этого вопроса и лишь отчасти касается хода возстанія и сообщаетъ о немъ нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія, свѣдѣнія.

Румянцевъ, начавшій, какъ мы уже видѣли, дѣйствовать наугадъ, не имѣя представленія ни о причинахъ и цѣляхъ возстанія, ни о взглядахъ на оное своего правительства, ни тѣмъ болѣе какого-либо полномочія вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣдняго государства, получилъ однако Высочайшую аппрабацію всѣмъ принятымъ имъ мѣрамъ—по усмиренію возстанія. По обыкновенному порядку международныхъ отношеній въ подобныхъ случаяхъ, онъ могъ лишь придвинуть русскія войска къ польской границѣ, дабы возстаніе въ столь близкомъ сосѣдствѣ не отразилось какъ-нибудь на спокойствіи ввѣреннаго ему края; но Польша, и только она одна, какъ выражался самъ Румянцевъ, могла все спасать, теперь-же она распалась, такъ сказать, на-двое, и огромная часть шляхты возстала противъ своего короля, котораго посадила на престолъ и поддерживала Екатерина. Уже одно возстаніе конфедератовъ грозило кліенту ея серьезною опасностію; начавшееся въ Украйнѣ народное возстаніе увеличивало смуту; то и другое колебало строй и порядокъ въ Польшѣ, поддерживаемые Россіею. Поэтому, какъ ни странно само по себѣ это обращеніе оружія русскаго противъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ, возставшихъ противъ явныхъ враговъ Россіи—конфедератовъ, противъ

*) См. сент. книжку „Кіев. Старины“.

несноснаго ига польско-жидовскаго, въ защиту вѣры отцовъ, но оно входило въ политическіе разсчеты Панина и Екатерины, и Румянцевъ попалъ, такъ сказать, въ ихъ тонъ и заслужилъ одобреніе. Извѣщенный объ этомъ Панинымъ, онъ съ ловкостію истиннаго царедворца относитъ честь успѣха его дѣйствій къ самому Панину, воспѣваетъ его, яко-бы, мудрость, съ видимымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что возстаніе сломлено и съ увѣренностью говоритъ, что Кошъ запорожскій, котораго участіе въ семъ дѣлѣ подозрѣвалось, даже не знаетъ о вышедшихъ изъ него партіяхъ для поддержки и руководства возставшихъ и только слышалъ о происходящихъ въ Украйнѣ волненіяхъ (№ XII). Повторяя почти тоже во всеподданнѣйшемъ донесеніи Екатеринѣ, посланномъ чрезъ день, 30 іюля (№ XIII), онъ всю надежду въ усмиреніи возстанія возлагаетъ на дѣйствіе манифеста Екатерины отъ 9 іюля [1]), которымъ она призывала возставшихъ положить оружіе, угрожая непокорнымъ суровыми карами, — спѣшитъ распубликованіемъ этого манифеста и, входя въ смыслъ онаго, заявляетъ, что относительно крестьянъ онъ рѣшился показывать лишь видъ оружія, а обращать оное только противъ дѣйствительныхъ грабителей. Съ такимъ приказомъ (№ XVI) онъ дѣйствительно обратился къ полковникамъ Протасьеву и Вульфу, хотя уже позже, спустя три недѣли. Усмотрѣвъ въ полученной апробаціи полномочіе на дальнѣйшія дѣйствія по усмиренію возстанія, притомъ ему какъ-бы исключительно предоставляемое, Румянцевъ выражаетъ крайнее неудовольствіе по поводу какого-то препятствія, сдѣланнаго командированному имъ полковнику Протасьеву генералъ-маіоромъ Кречетниковымъ, который, полонивши, какъ извѣстно, главныя гайдамацкія силы, думалъ, кажется, самъ воспользоваться и честію и плодами нетрудной побѣды, и предписываетъ своему подчиненному строго держаться данныхъ ему инструкцій, тогда какъ Кречетниковъ въ свою очередь считаетъ себя естественнымъ распорядителемъ этого дѣла, ссылаясь на отдаленность Румянцева отъ театра возстанія (№ XV). Положеніе дѣла было дѣйствительно неопредѣленное и при болѣе серьезныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ усмиреніе горсти беззащитнаго народа, обнаружившееся разногласіе русскихъ генераловъ могло-бы повести къ большимъ затрудненіямъ, но оно устранено было начавшимися еще прежде между ними сношеніями по предписанію коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Такъ и на этотъ разъ Воейковъ, къ которому отправлены всѣ партіи переловленныхъ гайдамакъ, обращается съ запросомъ къ Румянцеву, куда-бы, по его мнѣнію, ихъ дѣвать. Затрудненіе было дѣйствительно большое и стоило запроса, хотя онъ и не разрѣшенъ по существу. Дѣло въ томъ, что всѣ гайдамаки, за исключеніемъ запорожцевъ, были иностранные подданные, захвачены въ чужомъ государствѣ, какъ виновные противъ него только, и не русскимъ властямъ было ихъ судить и казнить; но съ Польшею и ея подданными давно уже не церемонились, и Румянцевъ, хотя находилъ «не неприличнымъ» отправить всѣхъ пойманныхъ

[1]) Текстъ онаго см. въ майской книжкѣ „Кіевской Старины", стр. 308.

къ главному начальнику польскихъ войскъ въ Украйнѣ и Подоліи, Браницкому, но за всѣмъ тѣмъ совѣтовалъ Воейкову удержать ихъ у себя, употребляя на работы городскія и крѣпостныя, пока не получится разрѣшеніе о нихъ оттуда, откуда распоряжались и всѣми дѣлами Польши (№ XIV). Въ свою очередь, Румянцевъ, освѣдомившись, что Воейковъ предписалъ полковнику Протасьеву, перешедшему уже, по письму Репнина, подъ начальство Прозоровскаго, отправлять пойманныхъ гайдамакъ въ елисаветскую провинцію, т. е. въ сосѣдство къ Запорожью, предостерегаетъ Воейкова отъ этой мѣры, могущей, по его мнѣнію, повлечь за собою новыя безпокойства и опасность, т. е. волненіе въ самомъ Запорожьѣ, и совѣтуетъ ему тѣхъ изъ гайдамакъ, которые окажутся русскими подданными, отправлять въ Глуховъ для приговора надъ ними въ генеральномъ судѣ, а польскихъ подданныхъ, куда будетъ приказано свыше (№ XXI).

Между тѣмъ возстаніе продолжалось: на мѣсто разбитыхъ гайдамацкихъ партій являлись новыя. Одна изъ такихъ оказалась даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Переяславомъ, близъ Канева, подъ предводительствомъ атамана Майбороды. Посланный Румянцевымъ отрядъ, подъ начальствомъ секундъ-маіора Вурма, загналъ ее къ Мошнамъ и, истребивши здѣсь, оставшихся въ живыхъ 26 человѣкъ съ атаманомъ Майбородою представилъ въ Переяславъ; но это не значило положить конецъ возстанію. Румянцевъ умножалъ число дѣйствовавшихъ отрядовъ,—въ свою очередь умножались то тамъ, то здѣсь и партіи гайдамакъ. Съ другой стороны надежда на дѣйствіе манифеста Екатерины оказалась почти напрасною. Можно полагать, что въ селахъ украинскихъ, гдѣ распространялся манифестъ, было въ это время лишь незначительное число жителей, огромное-же большинство ихъ скрывалось въ лѣсахъ, или пристало къ гайдамакамъ. Тѣ изъ несчастныхъ страдальцевъ, которые, положась на увѣренія русскихъ властей и довѣрясь словамъ своей природной царицы, возвратились къ своимъ помѣщикамъ, подверглись отъ нихъ жесточайшимъ истязаніямъ и даже лишенію жизни, другіе, видя, что не лучшая участь постигаетъ и тѣхъ, которые противятся русскому оружію, въ уныніи и отчаяніи не знали, на что рѣшиться и наконецъ наиболѣе смѣлые и рѣшительные открыто заявили, что не могутъ считать разбойниками тѣхъ, которые избавили ихъ отъ неминуемой гибели (со стороны, конечно, конфедератовъ). Никто и не думалъ преслѣдовать и выдавать гайдамакъ, какъ разсчитывали при изданіи манифеста, многіе, напротивъ, то не отставали отъ нихъ, то вновь къ нимъ приставали. Румянцевъ, прибывшій теперь (въ августѣ) въ Переяславъ для лѣтнихъ смотровъ собраннымъ туда войскамъ, прежде исполненія нѣкоторыхъ указаній въ полученномъ имъ Высочайшемъ рескриптѣ, рѣшился, какъ самъ пишетъ, ознакомиться съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ. Между тѣмъ здѣсь-то онъ и могъ получить нужныя для этого свѣдѣнія. Переяславская консисторія, полковая канцелярія, судъ и другія мѣста завалены были массою всевозможныхъ жалобъ, протестовъ, донесеній, сообщеній, промеморій и т. п. о происходившихъ уже нѣсколько лѣтъ въ Украйнѣ не-

вѣроятныхъ насиліяхъ со стороны уніатовъ и поляковъ «благочестивымъ» священникамъ и народу. Тутъ жили епископъ Гервасій и мотреннинскій игуменъ Мелхиседекъ, которые энергически вели борьбу съ притѣснителями отъ самаго начала оной, отстаивая свободу вѣры; тутъ скитались въ огромномъ числѣ изгнанные изъ своихъ приходовъ какъ православные, такъ и уніатскіе священники; тутъ-же витала бѣжавшая отъ разъяреннаго народа польская шляхта, которая, вызвавъ своимъ безумнымъ фанатизмомъ происходившую страшную рѣзню, одна нашла у русскихъ властей не только защиту, но даже квартиры и денежную помощь. Здѣсь сошлись такимъ образомъ обѣ враждовавшія стороны, и свѣдѣнія одной могли быть провѣрены показаніями другой. И что-же? И православные, и уніаты, и поляки (послѣдніе въ формальныхъ просьбахъ на имя Румянцева) единогласно показываютъ, что виною страшнаго возстанія были неслыханныя мучительства за вѣру отъ уніатскаго официала Мокрицкаго и его пособниковъ—польскихъ пановъ. Православные на ряду съ польскимъ игомъ ставятъ и жидовское, выражаясь о жидахъ, что они «*самою изъ нихъ выжатою кровію обогащались*». Румянцевъ и пишетъ въ этомъ смыслѣ Репнину, Панину, Екатеринѣ, стараясь просвѣтить ихъ на счетъ совершающихся въ Украйнѣ ужасовъ, ихъ происхожденія, основы, характера, могущихъ возникнуть отъ нихъ опасныхъ послѣдствій и единственнаго способа къ ихъ устраненію. По его представленію и словамъ «сей не безбѣдственный мятежъ произвели *двѣ крайности:* простое усердіе къ вѣрѣ благочестивой и противоборство оной отъ римскаго духовенства, распространяемое съ лютымъ безчеловѣчіемъ». «Когда сими жестокими угнетеніями страждущія сердца дышали внутреннею ненавистью противъ своихъ гонителей, то при такомъ расположеніи не трудно было преклонить непросвѣщенные умы простолюдиновъ такъ называемымъ гайдамакамъ, составивъ ложные отъ имени ея величества-указы о своемъ туда приходѣ и увѣривши, что они ихъ пограничныхъ жителей навсегда изъ-подъ польскаго владычества освобождаютъ и что всѣ сіи пограничныя мѣста пріемлются подъ россійскую державу». «Многіе изъ сихъ (жителей) вмѣлялись къ мятежникамъ въ лучшемъ намѣреніи и надеждѣ на вышеписанныя ложныя предложенія», «теперь-же всѣ они предались отчаянію съ опасности мщенія своихъ властей, кои отдавшимся уже въ руки и начали отмщать даже отнятіемъ самой жизни», и «сей одинъ страхъ возраждаетъ истребленныя шайки и можетъ продолжать и долго въ тѣхъ мѣстахъ волненія». Единственный за тѣмъ способъ прекращенія губительнаго возстанія Румянцевъ указывалъ въ томъ, что-бы «облегчить участь сихъ польскихъ подданныхъ и изобрѣсть средства, чтобъ не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенія ихъ господъ». Румянцевъ указывалъ на надежность обоихъ сосѣдей—Польши и Турціи, доказывалъ, что по этому одному «полезно сохранить единовѣріе давнее наше въ польскихъ жителяхъ, какъ обязательство ревности, усердія ихъ къ нашей сторонѣ» и выяснялъ это на отношеніи возставшихъ къ конфедератамъ, предостерегалъ, что если отнять у нихъ свободу «благочестія» и «подвергнуть состоянію тому-же, что

и были, то «тогда поведутъ они общее съ Сѣчью дѣло», и что онъ не ручается и за тамошнихъ (лѣвобережныхъ) жителей, «чтобъ они на сіи, по ихъ разумѣнію законные подвиги себя не опредѣлили», такъ какъ и «они равно польскимъ жителямъ о гайдамакахъ думаютъ».

Мы съ намѣреніемъ сдѣлали сводъ выдающихся мѣстъ изъ четырехъ бумагъ Румянцева по одному и тому-же предмету (№ XVII, XVIII, XIX и XXI), чтобъ яснѣе представить его взглядъ на возстаніе 1768 г. Для насъ драгоцѣненъ этотъ взглядъ, какъ голосъ современника, занимавшаго высокое положеніе и находившагося такъ близко къ театру событій, какъ голосъ лица посредствовавшаго между двумя противными сторонами и потому чуждый какого-либо пристрастія. Насъ однако многое поражаетъ въ этомъ взглядѣ. Румянцевъ считаетъ одинаково крайностію ревность украинскаго народа къ вѣрѣ благочестивой, какъ и лютыя безчеловѣчія его враговъ; знатному вельможѣ непонятнымъ кажется, какъ можно изъ разности въ исповѣданіи подвергать себя жесточайшимъ мученіямъ, жертвовать даже жизнію, и онъ называетъ это *простымъ*, т. е. не разумнымъ усердіемъ къ вѣрѣ. Онъ допускаетъ свободу православія для жителей Украйны, но не на основѣ историческихъ правъ ихъ, а только какъ «обязательство ихъ ревности и усердія къ нашей сторонѣ». Онъ разсматриваетъ разыгравшееся на его глазахъ кровавое событіе внѣ всякой связи съ прежнимъ и тогдашнимъ ходомъ событій въ Польшѣ, онъ забываетъ добытыя имъ-же свѣденія, что оно вызвано ближайшимъ образомъ насиліями конфедератовъ, что въ конфедераціи участвуетъ самъ папа и польско-католическое духовенство, что тутъ цѣлая система, что основа ея болѣе глубокая и отдаленная и цѣли ея болѣе широкія. Первостепенный государственный сановникъ не знаетъ судебъ столь родственнаго ему народа, въ девизѣ руководителей и помощниковъ этого народа не видитъ общенароднаго инстинкта, влекущаго его подъ державу россійскую, и этихъ послѣднихъ, подъ именемъ гайдамакъ, истиннаго смысла котораго онъ не отгадывалъ, считаетъ просто разбойниками и злодѣями, которыхъ должно безпощадно истреблять. Какъ помѣщикъ, онъ считаетъ справедливымъ привести взбунтовавшихся крестьянъ въ повиновеніе ихъ господамъ и только для лучшаго въ этомъ успѣха признаетъ необходимымъ привести въ умѣренность власть сихъ послѣднихъ. Тѣмъ не менѣе Румянцевъ по высказанному имъ взгляду на возстаніе въ Украйнѣ стоитъ гораздо выше другихъ дѣятелей, имѣвшихъ къ нему отношеніе. Кречетниковъ, на долю котораго выпало завладѣть гайдамацкимъ таборомъ подъ Уманью, просто пожелалъ воспользоваться громадною добычею награбленнаго гайдамаками у польской шляхты и жидовъ и принялся переправлять ее обозами за Днѣпръ (№ XX). Воейковъ еще въ 1766 г. опредѣлилъ свои отношенія къ религіознымъ преслѣдованіямъ въ Украйнѣ, вызвавшимъ нынѣшнее возстаніе, когда свой отказъ переяславской консисторіи—заявить въ кіево-губернской канцеляріи королевскія привилегіи на свободное исповѣданіе прав. вѣры—мотивировалъ тѣмъ, что «дѣла вѣры суть весьма деликатны». Репнину, который журовалъ въ Вар-

шавѣ и охотился за польками, было просто не до дѣлъ вѣры и хотя ему болѣе всѣхъ другихъ была извѣстна кровавая картина народныхъ страданій въ Украйнѣ, но онъ смотрѣлъ на все происходившее глазами поляковъ. Подобно Прозоровскому, внимавшему ляментамъ бѣжавшей подъ защиту его шляхты, и онъ всю вину возстанія въ Украйнѣ сваливалъ на переяславскаго архіерея Гервасія и мотронинскаго игумена Мелхиседека (№ XXIII и XXIV). Румянцевъ твердо отстаивалъ невиновность этихъ доблестныхъ защитниковъ православія какъ предъ Репнинымъ и Прозоровскимъ, такъ и предъ Панинымъ (№ XXII), говоря о Гервасіѣ, что всѣ дѣйствія его основаны были на «должности пастырства, на правѣ бытія древняго во всей странѣ сей благочестія и по установленіямъ новѣйшимъ самаго короля нынѣшняго», а о второмъ свидѣтельствуя, что онъ болѣе года уже находится въ Переяславѣ и даже свѣденій о своемъ монастырѣ не имѣетъ. Но лишь только Панинъ въ письмѣ къ Румянцеву отъ 19 сентября далъ понять, что самъ онъ и императрица имѣютъ иной взглядъ на это дѣло, какъ Румянцевъ спѣшитъ отречься отъ прежнихъ своихъ мнѣній, заявляя, что «они были только гадательныя, а не положительныя» и что «смѣшанная тамъ его идея простиралась только по воззрѣнію на обстоятельства наружныя». Какъ ловкій дипломатъ, онъ выхваляетъ мудрость Панина, выражаетъ готовность сообразовать свои дѣйствія съ какими-то дополнительными повелѣніями, ему сообщенными, и наблюдать за поступками переяславскаго архіерея, предлагая и вовсе не пропускать къ нему уніатскихъ, т. е. обращающихся изъ уніи, по требованію народа, священниковъ, а прибывшихъ прежде всѣхъ выслать. Въ совѣтѣ Екатерины восторжествовалъ голосъ Репнина, который все дѣло возстанія считалъ плодомъ интриги двухъ лицъ: Гервасія и Мелхиседека и ихъ непомѣрнаго усердія въ поддержаніи и расширеніи православія въ Украйнѣ. О томъ, чего хотѣлъ народъ, къ чему онъ стремился, за что жертвовалъ послѣднимъ достояніемъ и самою жизнію, тогда не спрашивали, но по исконной привычкѣ искали главныхъ зачинщиковъ бунта и—нашли. Народъ-же знать не хотѣлъ уніи; онъ гналъ отъ себя тѣхъ пастырей, которые, подъ тяжестію насилій, измѣнили вѣрѣ отцевъ. Тѣ толпами стремились въ Переяславъ, чтобы заручиться свидѣтельствами своего обращенія, но ихъ рѣшили не пускать туда. Скоро и тѣ, которыхъ сочли главными виновниками кровавой смуты, были удалены. Тѣмъ надѣялись положить скорый конецъ возстанію, думая, конечно, что, за неимѣніемъ православныхъ, народъ примирится и съ уніатскими священниками, а что онъ самъ станетъ уніатскимъ, кому какое до этого дѣло. Остальное должно было довершить «матернее милосердіе» Екатерины, которымъ такъ старались успокоить и обнадежить страждущій украинскій народъ, хотя отъ этого милосердія никому тамъ не было ни тепло, ни холодно, и народъ не могъ не видѣть, что вмѣсто милосердія противъ него направляется лишь оружіе, а его врагамъ и мучителямъ оказывается защита и поддержка. При такихъ условіяхъ возстаніе не скоро могло быть подавлено и хотя кн. Прозоровскій въ сентябрѣ доносилъ Румянцеву, что ни о какихъ гайда-

макахъ уже не слышно, но въ дальнѣйшей перепискѣ мы еще встрѣтимся съ новыми онаго вспышками и новыми особенностями въ его теченіи.

Пока остановились, кажется, на томъ, что возстаніе подавлено и плодомъ такого мнѣнія надо считать приказъ Румянцева переяславской полковой канцеляріи (№ XXVI) отпустить по домамъ всѣхъ разновременно пойманныхъ и при ней содержавшихся польскихъ крестьянъ, участвовавшихъ въ возстаніи. Съ нихъ взята присяга, что они возвратятся къ своимъ помѣщикамъ и будутъ имъ покорны, полковой-же канцеляріи предписано снабдить всѣхъ ихъ «письменными препровожденіями» съ убѣжденіемъ помѣщиковъ оказать раскаявшимся помилованіе. Были-ли въ тоже время отпущены польскіе шляхтичи, сбѣжавшіеся въ Переяславъ подъ защиту русскаго оружія, изъ настоящей переписки не видно, но едва-ли это можетъ подлежать сомнѣнію. Ихъ предполагалось отпустить еще въ началѣ августа, взявъ съ нихъ «рецессы», или письменныя отреченія отъ конфедераціи; но, вѣроятно, явились случаи побѣга ихъ въ конфедерацію, и ихъ высочайше велѣно задержать до поры въ Переяславѣ. Одинъ случай такого побѣга Румянцевъ указывалъ Панину въ лицѣ трехтемировскаго помѣщика Щенявскаго, который, воспользовавшись, пока ему нужно было, русскою защитою, очутился потомъ въ рядахъ конфедератовъ и игралъ тамъ главную роль. Такъ какъ Щенявскій и до возстанія велъ себя въ отношеніи къ русскимъ пограничнымъ властямъ съ большою продерзостію и нахальствомъ, то Румянцевъ высказывался предъ Панинымъ, что было-бы не лишнимъ взять его имѣніе въ секвестръ для возмѣщенія убытковъ разграбленной трехтемировской таможни, или для отдачи кому-либо изъ благонадежныхъ. Послѣдовало-ли это согласіе Панина, неизвѣстно; но самое предложеніе Румянцева прибавляетъ еще одну черту къ характеристикѣ нашей тогдашней политики въ Польшѣ.

Привела-ли вообще эта политика хотя къ ближайшей цѣли,—скорому усмиренію возстанію, покажетъ дальнѣйшая переписка.

(Продолженіе будетъ).

XII.

Письмо графа П. А. Румянцева къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ, объ ослабленіи возстанія въ Украйнѣ послѣ истребленія главныхъ силъ гайдамаковъ и о непричастности къ этому возстанію Сѣчи запорожской.

1778 года, іюля 29.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Толь милостивымъ и себѣ лестнымъ признаніемъ почтенъ будучи отъ вашего сіятельства въ послѣднемъ письмѣ, отношу

слѣдствія сіи къ причинѣ содѣйствующей, то есть руководительству вашему, которое начертываетъ способы и пролагаетъ стези познать мнѣ, какъ сдѣлать угодное въ настоящихъ дѣлахъ. Надѣюсь, милостивый государь, что ни тѣнь самая ласкательства, несроднаго моему чистосердечію и усердію предъ вами, не взойдетъ тутъ вашему сіятельству на мысль, чтобъ истиною не принять моихъ словъ; гдѣ уже успѣли, сами показали, колико вы искуства, проницанія и благонамѣренія во ввѣренной себѣ должности явили. Я только соединяю мой голосъ общему, что имя ваше, по прошлымъ и настоящимъ дѣламъ, всегда велико будетъ между людьми, прославившимися отличнымъ благоразуміемъ въ нашемъ отечествѣ. Себя-же счастливымъ найду, если воспріятіями моими, по вашимъ положеніямъ, продолжать исправно могу на меня возлагаемое.

Польскіе разбои, по истребленіи главной ихъ толпы, меньше уже привлекаютъ дальнѣйшаго къ себѣ вниманія; я не сомнѣваюсь, что вложенныя и пагубныя мысли отъ злодѣевъ въ простодушныхъ поселянъ теперь также исчезнутъ. Словомъ, я нынѣ сдѣланною мнѣ откровенностью отъ вашего сіятельства будучи на случай вразумленъ, всегда мѣры удобныя готовъ буду взять на успокоеніе всякихъ пограничныхъ волнованій, которыя, я чаю, одно содержаніе туда для публики посланныхъ манифестовъ сильно будетъ утушать.

Я моими ордерами взыскавши отъ Коша запорожскаго отвѣты, одно только то въ оныхъ нахожу, что тамъ не свѣдомы о своихъ козакахъ, грабленіе производившихъ въ Польшѣ. Хотя всю правду объ участіи открыть легко чрезъ пойманныхъ, однакожъ средства сіи остаются теперь для Ѳедора Матвѣевича, къ которому изъ запорожскихъ козаковъ словленные злодѣи отосланы всѣ въ Кіевъ.

О полученіи всевысочайшаго имяннаго указа и о первыхъ воспріятіяхъ по оному, прошу вашего сіятельства поднесть ея императорскому величеству мое всеподданнѣйшее доношеніе, а мнѣ позволить назваться съ тою-же совершенною преданностію, которая не кончится, какъ съ жизнію.—Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всенижайшій слуга.—*Слѣдуетъ подпись.*

XIII.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II о принятыхъ имъ мѣрахъ къ распространенію между жителями украинскими манифеста ея къ нимъ относительно прекращенія волненій, объ ослабленіи возстанія за разбитіемъ главныхъ гайдамацкихъ партій и поимкою самаго Желѣзняка, о непричастности возстанію запорожскаго Коша, учрежденіи надзора за перебѣжавшими за Днѣпръ поляками и пресѣченіи волненій въ народѣ военными постоями и угрозами.

Іюля 30 дня, 1768 г., № 744.

Въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

При высочайшемъ вашего императорскаго величества рескриптѣ, отъ 12 числа текущаго мѣсяца, отпущенный съ коллегія иностранныхъ дѣлъ, я, получа печатные экземпляры высочайшаго манифеста, изданнаго на случай смятеній, подъятыхъ въ Польшѣ отъ самихъ крестьянъ, намъ единовѣрныхъ, по поводу злоумышленниковъ,—въ тотъ-же самый день, то есть 20 іюля, часть оныхъ отправилъ къ находящемусь въ Польшѣ полковнику Протасьеву, чтобъ оные повсюду имъ распубликованы были, а другую—въ полковую переяславскую канцелярію, предписавъ оной послать нѣсколько исправныхъ старшинъ, для разсѣянія въ пограничныхъ польскихъ мѣстахъ, а паче въ тѣхъ, гдѣ не укротились селяне отъ свирепствъ и грабленій.

Я несомнѣнно уповаю, что плоды сего премудраго воспріятія явны будутъ вскорѣ въ тишинѣ и покоѣ взволновавшихся польскихъ жителей, которые изъ подаваемыхъ имъ всевысочайшихъ и всемилостивѣйшихъ отъ вашего императорскаго величества увѣреній познавъ свои заблужденія, непремѣнно къ лучшему обратятся, тѣмъ найпаче, что уже разбойническія партіи, ко злу ихъ одобрявшія, чрезъ команды, изъ войскъ вашего императорскаго величества отправленныя, всѣ разбиты и переловлены. О происшествіяхъ при томъ мнѣ не остается повторять, когда генералъ-аншефъ и кіевскій генералъ губернаторъ Воейковъ мнѣ сообщаетъ, что отъ него уже, по привезеніи въ Кіевъ, съ другими запорожскихъ козаковъ злодѣями, самаго главнаго разбойнической шайки начальника, называвшегося полковникомъ, Желѣзняка, о томъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донесено.

Возвратившійся посланный отъ меня куріеръ въ Сѣчь запорожскую привезъ отъ кошеваго атамана на мои вопросы, въ ордерѣ ему данномъ, сей отвѣтъ: что они никакихъ командъ въ Польшу не отправляли, а и сами слышатъ, что изъ польскихъ мужиковъ, назвавшихъ себя запорожцами, производятъ грабленія, и онъ атаманъ всѣ предосторожности употребилъ къ пресѣченію свободности въ Польшу прокрадываться своевольнымъ козакамъ. Но теперь допросы пойманныхъ грабителей изъ запорожцевъ подадутъ въ томъ подлинную достовѣрность, хотя примѣчая по обстоятельствамъ нынѣ собраннымъ, является, что собственныя склонности къ мщенію сихъ своевольниковъ препровождали только на извѣстныя дерзновенія, нежели чѣмъ общее согласіе Коша къ тому ихъ руководствовало.

Изъ предписанныхъ предосторожностей касательно выбѣгающихъ подъ высочайшее покровительство вашего императорскаго величества поляковъ, нѣкоторыя уже взяты съ полученія предварительнаго мнѣ сообщенія господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера графа Панина; а прочее, что въ полномъ повелѣніи отъ вашего императорскаго величества мнѣ объ нихъ предписано, я также исполню самъ, слѣдуя на сихъ дняхъ въ Переяславъ для смотру части полковъ моей дивизіи, собранныхъ тамо въ лагерь; гдѣ будучи, удобнѣе еще могу сдѣлать распоряженіе на утушеніе послѣднихъ мятежей въ польскихъ крестьянахъ, коихъ однихъ только теперь укротить осталось, когда не можетъ въ томъ успѣть своею командою полковникъ Протасьевъ, которому далъ я повелѣніе—когда за опубликованіемъ манифеста не отстанутъ сейчасъ отъ своихъ наглостей, въ способъ принужденія къ приведенію ихъ въ послушаніе своихъ властей, располагать свои команды въ жилищахъ ихъ, покудова волнованіе тамъ не укротится, угрожая имъ страхомъ оружія, что и съ ними поступятъ подобно, какъ съ шайками разбойниковъ, ежели тотчасъ не отложатъ своихъ дерзостей, и о послѣдствіяхъ вашему императорскому величеству доносить долженствую. — *Слѣдуетъ подпись.*

XIV.

Сообщеніе гр. П. А. Румянцева кіевскому генералъ-губернатору Ѳ. М. Воейкову съ отвѣтомъ на запросъ послѣдняго, куда дѣвать захваченныхъ во время возстанія украинскихъ жителей и козаковъ, или какъ съ ними поступать, а равно извѣстіемъ о новыхъ попыткахъ къ продолженію возстанія и принятыхъ имъ, Румянцевымъ, противъ того мѣрахъ.

Августа 3, 1768 г., № 757.

Воспріявши въ честь себѣ вашего высокопревосходительства требованіе мнѣнія моего о содержащихся польскихъ мужикахъ и козакахъ, взятыхъ между гайдамаками, подаю мою мысль въ слѣдующемъ: что хотя не неприлично-бъ было, мнѣ кажется, ихъ также, какъ и прочихъ, отправить къ главному рейментарю графу Браницкому, что и сами ваше высокопревосходительство намѣреваясь учинить, давали мнѣ знать сообщеніемъ своимъ отъ 14 іюля; но когда уже отъ васъ взнесено объ оныхъ подъ высочайшую резолюцію ея императорскаго величества, то до полученія на то формальнаго повелѣнія, не будетъ траты напрасной ни времени, ни иждивенію казенному, если ихъ прикажете употреблять на городовую или къ другимъ работамъ. Впрочемъ яко еще вы, милостивый государь мой, изволите сообщать съ извѣстій къ вамъ объ оставшихся и проявляющихся въ Польшѣ разорителяхъ, то меня господинъ полковникъ Протасьевъ отъ 21 числа истекшаго мѣсяца репортуетъ, что онъ свѣдавши о оныхъ разбойникахъ, въ разныхъ шайкахъ состоящихъ, намѣревающихъ соединить въ одно всѣ свои силы подъ мѣстечкомъ Бѣлою Церковью, пошелъ прямо на истребленіе ихъ туда. Въ посылкѣ-же въ прибавокъ военной команды я, прибывши на сихъ дняхъ въ Переяславъ смотрѣть собравшихся полковъ въ лагерѣ, распоряженіе по обстоятельствамъ сдѣлать не оставлю.

Имѣю честь за симъ съ моимъ вседолжнымъ почтеніемъ быть, и прочее.—*Слѣдуетъ подпись.*

XV.

Приказъ гр. П. А. Румянцева командиру московскаго карабинернаго полка полковнику Протасьеву, которымъ онъ требуетъ въ дѣлѣ усмиренія украинскаго возстанія исполнять только его распоряженія и отклонять вмѣшательство въ это дѣло генералъ-маіора Кречетникова.

Августа 4-го 1768 г., № 760.

Своимъ репортомъ, отъ 31 числа истекшаго мѣсяца, вы мнѣ представляете, что господинъ генералъ-маіоръ Кречетниковъ сво-

ими повелѣніями останавливаетъ васъ отъ исполненія предписаннаго отъ меня вамъ. Я сему тѣмъ паче удивляюсь, что вы не посланы въ его команду, но командированы отъ меня, по возмущеніямъ польскихъ жителей пограничныхъ и ради разореній тамо происходящихъ отъ гайдамаковъ, для охраненія цѣлости границъ, въ чемъ должность лежитъ на мнѣ единственно. А что къ тому-же еще онъ, господинъ генералъ-маіоръ, прибавляетъ, что мнѣ тамошнія обстоятельства неизвѣстны, то вы для того тамъ находитесь, чтобъ мнѣ подавать объ оныхъ свѣдѣнія, какъ за аппробаціею отъ ея императорскаго величества всѣхъ отъ меня воспріятыхъ мѣръ, на случай смятеній пограничныхъ польскихъ, государственная иностранныхъ дѣлъ коллегія мнѣ предложила, что и самому господину генералъ-маіору Кречетникову предписано отъ оной имѣть о сихъ дѣлахъ со мною сношеніе.

О семъ вы имѣете сообщить ему-ли господину генералъ-маіору Кречетникову, или кто командующимъ будетъ, и дѣйствовать дальше по моему ордеру, что касается до преслѣдованія разбойническихъ шаекъ и возмущающихъ поселянъ. Но гдѣ польза службы и интересъ ея императорскаго величества потребуетъ, чтобъ и отъ тамо командующихъ исполнить вамъ предписаніе, вы тому повиноваться должны непремѣнно. — *Слѣдуетъ подпись.*

XVI.

Приказъ гр. П. А. Румянцева находящимся въ Украйнѣ съ своими полками полковникамъ Протасьеву и Вульфу отклонять отъ возстанія украинское населеніе мѣрами увѣщанія и обнадеживаніемъ защиты, силу-же оружія употреблять лишь противъ непокорныхъ.

Августа 20-го 1768 г. №№: 777 и 778.

Я будучи извѣстенъ, что польскіе мужики въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы находитесь, изъ отчаянія больше, которому предаются отъ страха мщенія раздраженныхъ своихъ господъ, продолжаютъ свое согласіе съ гайдамаками, думая ихъ быть своими избавителями. Вы, на основаніи манифеста имъ публикованнаго, вразумите ихъ всякимъ увѣщаніемъ и обнадежете, что они отъ всякихъ воображаемыхъ бѣдствъ, яко единовѣрные, будутъ сохранены милосердіемъ ея императорскаго величества, ежели тотчасъ, повинуясь повелѣніямъ высочайшимъ, отложатъ мятежъ и сами вспомоще-

ствовать станутъ истребленію вводящихъ оный. Силу-же прямую оружія обращайте на явныхъ токмо мятежниковъ разорителей.— *Слѣдуетъ подпись.*

XVII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому при варшавскомъ дворѣ послу, князю Н. В. Репнину, съ изложеніемъ дѣйствительныхъ причинъ, вызвавшихъ народное возстаніе въ Украйнѣ, указаніемъ на необходимость, въ видахъ усмиренія онаго, умѣрить жестокое мщеніе со стороны польскихъ помѣщиковъ и проч.

Августа 24 го 1768 г.

Милостивый государь мой, князь Николай Васильевичъ!

По поводу перваго письма вашего сіятельства, которое получить имѣлъ честь въ сей день, я пріемлю случай сказать вамъ, что по настоящимъ польскимъ дѣламъ, въ исполненіе высочайшихъ ея величества повелѣній отъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи мнѣ данныхъ, надлежало мнѣ найтить способы какъ съ другими командующими въ Польшѣ съ нашей стороны генералами, такъ и съ вашимъ сіятельствомъ, ко взаимному сношенію. Не могъ однакожъ я лучше въ томъ успѣть, какъ пользуясь тѣмъ путемъ, который ваше сіятельство теперь мнѣ сами открываете; и потому не оставилъ тотчасъ предложить полковнику Протасьеву, чтобъ онъ съ карабинернымъ московскимъ полкомъ, такъ какъ ваше сіятельство требуете, остался въ повелѣніяхъ генералъ-маіора князя Прозоровскаго.

При семъ обязаннымъ я себя считаю изъявить мои примѣчанія о причинахъ воздвигнувшихъ сей небезбѣдственный мятежъ, кои, можетъ быть, вамъ болѣе моего уже знакомы. Простое усердіе къ вѣрѣ благочестивой, противоборство оной отъ римскаго духовенства, распространяемое съ лютымъ безчеловѣчіемъ, безъ сомнѣнія суть двѣ крайности, возмутившія къ мятежу польскихъ крестьянъ. Елико надлежитъ до перваго обстоятельства, то все то изъявляющія удрученія не могутъ вамъ быть несвѣдомы изъ протеста, чрезъ игумена матронинска монастыря, поданнаго сего году въ Варшаву отъ всего православнаго общества пограничныхъ староствъ и губерній; а послѣднее оправдываетъ само шляхетство, выбѣгшее сюда подъ покровительство, формально въ своихъ поданныхъ мнѣ просьбахъ сознавая, что настоящія въ

отечествѣ ихъ бѣдствія родили суровые поступки противу исповѣдующихъ законъ греческой церкви оффиціала украинскаго уніатскаго Мокрицкаго. Когда сими жестокими угнетѣніями страждующія сердца дышали внутреннею ненавистью противъ своихъ гонителей, то при такомъ расположеніи не трудно было преклонить непросвѣщенные умы простолюдиновъ такъ называемымъ гайдамакамъ на всѣ извѣстныя дерзости. Возжечь сей пламень нашли они найлучшую удобность, составивъ ложные отъ имени ея величества указы о своемъ туда приходѣ, и увѣривши, что они сихъ пограничныхъ жителей навсегда съ подъ польскаго владычества освобождаютъ.

Я все сіе для того пишу, чтобъ показать: хотя злыя дѣйствія нѣкоторыхъ польскихъ жителей по себѣ не простительны, но много однакоже изъ нихъ есть такихъ, которые вплелись къ мятежникамъ въ лучшемъ намѣреніи и надеждѣ на выписанныя ложныя предложенія, которыми уловили ихъ на счетъ нашего покровительства. Теперь всѣ они предались отчаянію съ опасности воображаемыхъ мученій отъ своихъ властей. Тѣ, которые для разсѣянія манифестовъ, изданныхъ на случай смятеній сихъ, посылаемы отъ меня были за границу, возвратившись объявляютъ, что во многихъ мѣстахъ съ благодарностію и повиновеніемъ жители оной приняли, однакожъ, познавъ свой обманъ, показали уныніе въ своихъ сердцахъ, потому что не чаятъ уже отъ раздраженныхъ своихъ господъ никакова себѣ помилованія, яко отдавшимся уже въ руки, и начали они отмщать даже отнятіемъ самой жизни.

Сей одинъ страхъ, не безъ основанія внѣдрившись въ ихъ сердца, возрождаетъ вновь истребленныя заграничныя шайки, и можетъ продолжать и долго, хотя слабыя, однакоже неспокойныя, въ тѣхъ мѣстахъ волненія. Сокращеніе сего представивъ зрѣлому вашего сіятельства проницанію, которое во многихъ дѣлахъ свѣтъ позналъ, пишу только, что мнѣ ближайшимъ кажется. Смѣю объявить способъ, что ежели облегчить сихъ польскихъ подданныхъ участь ваше сіятельство въ тамошней сторонѣ изобресть изволите средства, чтобъ не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенія ихъ господъ, но привесть послѣднихъ власть въ умѣренность, то уповать можно, что оные, притомъ провождаемы будучи увѣщеваніемъ и обнадеживаніемъ высочайшимъ ея императорскаго величества, яко единовѣрнымъ, милосердіемъ, возвратятся въ свои домы къ спокойной жизни. Я о семъ писалъ въ государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію и къ его сіятель-

ству графу Никитѣ Ивановичу Панину, съ которымъ всегдашнюю о семъ веду корреспонденцію, удостоившись получить отъ ея императорскаго величества высочайшую апробацію всѣмъ моимъ распоряженіямъ, воспріятымъ при нынѣшнихъ пограничныхъ неспокойствіяхъ.

Польскіе шляхтичи просили меня многіе, чтобъ для защищенія отъ разграбленія ихъ имѣній послать въ оныя на ихъ коштъ команды. Я положилъ было, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ (оставить?) полкъ московскій, и по сей причинѣ писалъ къ князю Прозоровскому, чтобъ если надобность найдетъ подвинуть сей полкъ въ даль отъ границъ, то бы меня заранѣе о томъ предувѣдомилъ, чтобъ для безопасности пограничной другимъ командамъ на его мѣсто вступить. Впрочемъ, принеся мою покорную просьбу, я ожидать буду, что ваше сіятельство по оной не оставите меня снабжать предувѣдомленіями въ настоящихъ дѣлахъ и подавать мнѣ найлучшія средства, по своему благоразумію, къ предохраненію высочайшихъ ея императорскаго величества интересовъ. А я навсегда имѣю честь съ истиннымъ слыть и пр.

P.S. Королевской пограничной трехтемировской камеры писарь Гоздава-Вилуцкій, выбѣгшій сюда, просилъ на снабденіе свое и служителей королевскихъ, съ нимъ вышедшихъ, сто рублей на счетъ королевской, показуя при разграбленіи помянутой камеры извѣстнымъ бунтовщикомъ Щенявскимъ, лишившимся всѣхъ пожитковъ. Я толикое число денегъ изъ приличія приказалъ ему выдать, и вашего сіятельства прошу, освѣдомлясь гдѣ надлежитъ, меня увѣдомить: вѣренъ-ли счетъ возвращенія быть можетъ, ежели и другіе, яко онъ самъ, здѣсь живущіе станутъ и болѣе требовать таковыхъ денежныхъ ссудъ?—*Слѣдуетъ подпись.*

Переяславъ, № 783.

XVIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ, графу Н. И. Панину, съ извѣщеніемъ о задержаніи имъ въ Переяславѣ перебѣжавшихъ туда поляковъ, о причинахъ возстанія въ Украйнѣ, необходимости прекращенія жестокаго мщенія украинскимъ крестьянамъ со стороны ихъ помѣщиковъ, посылкѣ имъ новыхъ командъ въ Украйну по просьбамъ тамошней шляхты, косвенномъ участіи запорожскаго Коша въ происходящемъ возстаніи и проч.

Августа 26 дня 1768 г.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Приложа о исполненіи высочайшаго ея императорскаго величества имяннаго указа, въ извѣстной вашему сіятельству ма-

теріи, всеподданнѣйшую реляцію мою для поднесенія въ собственныя руки, начинаю послѣдованіе о пограничныхъ дѣлахъ всепокорнѣйшимъ благодареніемъ, что ваше сіятельство преподаете мнѣ способы, изъ милостивой откровенности своей, къ произведенію возложенныхъ на меня повелѣній. Они посредствовали мнѣ удостоиться за то и высочайшаго ея императорскаго величества благоволенія, которое пріобрѣтаю паче въ послѣднемъ рескриптѣ. Я теперь нахожусь въ лагерѣ подъ г. Переяславомъ, и какъ мнѣ хотѣлось самому ближе вникнуть въ польскія дѣла, то потому до сего времени все повелѣнное первымъ рескриптомъ еще не было выполнено надъ выбѣгшими въ сей городъ подъ протекцію поляками, кромѣ что оные обезоруженные жили подъ присмотромъ.

За проѣздомъ моимъ, когда они приведены чрезъ священника католическаго къ присягѣ и спрошены подъ оною: будучи въ Польшѣ не присягали-ль они конфедераціи барской, или другой, противъ варшавскаго сейму? и одни изъ нихъ признались, что въ повиновеніи означенному барскому заговору присягали съ принужденія конфедератовъ, наѣзжавшихъ на ихъ домы съ командою, а другіе совсѣмъ показали себя въ томъ неучаствовавшими, въ сіе самое время отъ 3-го августа полученъ рескриптъ, въ которомъ по 3-му пункту иные уже объ нихъ мѣры предписаны, и для того я, не требуя отъ нихъ прежде повелѣнныхъ рецессовъ, приказалъ какъ тѣхъ, кои хотя кромѣ принужденной присяги никакимъ больше противнымъ дѣйствіямъ въ согласіи съ конфедератами не винились, такъ и необъявившихъ себя преступниками къ конфедераціи, по настоящему времени, изъ предосторожности и сомнительства, задержать ихъ неспускно въ семъ городѣ, объявивъ въ причину сего задержанія обстоятельства въ рескриптѣ значущіеся, и взявъ отъ нихъ всѣхъ обовязательства о скромномъ пребываніи, по присланной ко мнѣ формѣ на польскомъ языкѣ отъ Ѳедора Матвѣевича Воейкова.

При сихъ обстоятельствахъ, сколько явны мнѣ зрѣлыя вашего сіятельства проницанія, такъ обязаннымъ себя нахожу представить здѣсь о тѣхъ, кои и мое вниманіе на себя привлекаютъ. По объявленіямъ выбѣгающихъ сюда поповъ уніатовъ къ обращенію въ православіе, и прочимъ обстоятельствамъ, нѣтъ больше сомнѣнія, чтобъ весь сей небезбѣдственный мятежъ не подъятъ былъ изъ простаго усердія къ вѣрѣ православной, которой противоборства свои римское духовенство распространяло съ лю-

тымъ безчеловѣчіемъ надъ простолюдинами и съ поруганіемъ нестерпимымъ попамъ благочестивымъ. Каковы неистовыя удрученія мирскимъ и духовнымъ описаны обстоятельно въ протестѣ сообщенномъ отъ синода иностранной коллегіи, которые чрезъ архіерея переяславскаго все православное общество пограничныхъ староствъ и губерній сего году переслали въ Варшаву, гдѣ оный и внесенъ въ книги. А и сами изъ пребывающихъ тутъ подъ покровительствомъ шляхетства формально въ подаваемыхъ мнѣ просьбахъ сознаютъ, что настоящія въ отечествѣ ихъ бѣдствія родили суровые поступки, противъ исповѣдающихъ законъ греческой церкви, оффиціала унитскаго Мокрицкаго; прибавивъ къ сему еще и то, что ложный слухъ, пронесенный запорожцами, и составленные отъ имени ея императорскаго величества указы, чѣмъ простолюдиновъ легко было ослѣпить умы, что сіи всѣ пограничныя мѣста пріемлются подъ россійскую державу и навсегда съ подъ владѣнія польскаго освобождаются.

И такъ хотя злыя дѣйствія нѣкоторыхъ польскихъ жителей по себѣ не простительны, но много однакоже изъ нихъ есть такихъ, которые присовокупились къ мятежникамъ въ лучшемъ намѣреніи и надеждѣ на вышеписанныя предложенія, которыми уловили ихъ на счетъ нашего покровительства; теперь всѣ они предались отчаянію съ опасности воображаемыхъ мученій отъ своихъ властей. Тѣ, которые для разсѣянія манифестовъ посыланы были отъ меня за границу, возвратясь объявили, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители приняли содержаніе оныхъ со всякою благодарностію и послушаніемъ, но къ тому не преминули жаловаться, сколько они послѣ сего страшатся крайнихъ бѣдствій себѣ, въ руки отдавшись своимъ владѣльцамъ, которые то уже и показали, предавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ смерти.

Вникнувъ въ примѣры прошедшихъ временъ, ваше сіятельство сами найдете, что условія, заключенныя съ сею сосѣднею державою, не всегда оставались непоколебимы; потому мое, безъ предложенія, мнѣніе по сему преподать осмѣливаюсь: чтобъ не изгнать изъ сердецъ искренней преклонности къ нашей сторонѣ, которую соблюдать изъ тѣхъ-же самыхъ причинъ, во всякое время не безполезно изобрѣсть средства, чтобъ облегчая сихъ польскихъ подданныхъ участь, не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенія господъ, но послѣднихъ сократить къ тому въ умѣренность власть; вы же, ваше сіятельство, изобильныя найдете, уповаю, сами къ сему средства.

Я, по старанію о тишинѣ пограничной, умножаю посылку за границу командъ, слыша въ близости продолжающіяся еще неспокойства по поводу наипаче отчаянныхъ тамошнихъ жителей; однакожъ, истребляя гайдамакъ, для самыхъ жителей показую только видъ оружія, повелѣвая больше командирамъ увѣщевать и обнадеживать ихъ высочайшимъ императорскимъ милосердіемъ, яко къ единовѣрнымъ, чтобъ они отошли въ свои селенія и жили покойно.

Здѣсь пребывающее шляхетство подали мнѣ просьбы, чтобъ для охраненія ихъ имѣній послать въ оныя команды на ихъ коштъ. Подъ симъ претекстомъ я отправлю въ показанныя ими мѣста команды, которыя тамъ содержаны будутъ къ истребленію послѣднихъ разбойническихъ отдѣленій и къ приведенію въ тишину мятущихся; сіе учинить тѣмъ болѣе нужно, что московскій карабинерный полкъ, которому, по письму ко мнѣ съ Варшавы князя Николая Васильевича Репнина, повелѣлъ я уже обращаться по повелѣніямъ командующаго корпусомъ генерала-маіора Прозоровскаго, можетъ въ даль въ Польшу подвинутъ быть отъ границъ нашихъ.

Я еще беру смѣлость, изъ довѣренности ко мнѣ вашего сіятельства, идеально токмо начертать одно разсужденіе, оставивъ зрѣлому вашему проницанію обратить виды онаго по лучшему искусству. Староста трехтемировскій Щенявской, отъ давнихъ временъ злодѣй нашимъ граничнымъ жителямъ, его отвага не въ томъ только была, что безвинно непрестанныя дѣлалъ грабленія, но въ одно время захватилъ двухъ драгунъ съ форпоста съ капраломъ, и усиловуясь завладѣть однимъ островомъ, нашей сторонѣ надлежащимъ, поставилъ въ страхъ на ономъ висѣлицы. Я сіе вспоминаю потому, что даны уже были объ немъ съ нашей стороны повелѣнія, чтобъ его подхватить. Онъ теперь въ конфедераціи и главнымъ руководителемъ, а староство его трехтемировское самое ближнее къ нашимъ границамъ, и въ ономъ неспокойства крестьянъ продолжаются; не могутъ-ли сіи обстоятельства быть достаточнымъ поводомъ, чтобъ сіи показанныя Щенявскаго деревни взять подъ секвестръ? Польза изъ оныхъ ежели бы признана не была потребною сторонѣ нашей, то предлогъ есть взыскивать во удовольство разграбленныхъ съ повелѣнія его Щенявскаго королевской трехтемировской камеры, или отдать оныя одному изъ благонамѣренныхъ.

Говоря о запорожскихъ козакахъ, долженъ объявить вашему сіятельству мои примѣчанія, что не одна алчба, сродная симъ людямъ къ хищенію, побудила ихъ на своевольства, но въ Сѣчи пронесенная вообще молва, что грабительствовать теперь въ Польшѣ есть благословенное дѣло. Можно думать безъ ошибки, что не безъ участія въ семъ были главные ихъ старшины, ибо пойманные признаются, что строгости никакой не хранилось въ удержаніи ихъ выбѣговъ въ Польшу, и увѣрено, что сія польская страна достанется подъ начальство гетманское и кошеваго.

Я въ прочемъ имѣю честь ввѣрить себя вашему сіятельству въ непремѣнную милость, съ моею совершенною преданностію и усерднѣйшимъ высокопочитаніемъ назваться.—*Слѣдуетъ подпись.*

№ 793. Изъ лагеря подъ Переяславомъ.

XIX.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II о задержаніи имъ перебѣжавшихъ въ Переяславъ польскихъ пановъ, посылкѣ имъ новыхъ командъ въ Украйну для подавленія непрекращающагося тамъ возстанія, слабомъ дѣйствіи на тамошнее населеніе манифеста (9 іюля), разбитіи отряда атамана Майбороды близъ м. Мошенъ и проч.

26 августа 1768 г.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Приводя въ исполненіе высочайшія вашего императорскаго величества мнѣ данныя повелѣнія о полякахъ, выбѣгающихъ подъ протекцію, когда, при моей бытности теперь въ лагерѣ подъ городомъ Переяславомъ, открыли подъ присягою одни изъ нихъ преступленія свои въ присягѣ одной только, кромѣ всякихъ злыхъ содѣйствій, къ конфедераціи, по принужденію якобы имъ въ томъ чинимомъ, а другіе не признались во участіи никакому противному заговору, и приступлено было, чтобъ у первыхъ взять подлежащіе рецессы,—то въ сіе самое время получилъ я другой высочайшій рескриптъ вашего императорскаго величества, отъ 5-го августа изъ иностранной коллегіи пущенный ко мнѣ, въ которомъ предписаны другія уже мѣры къ поступленію съ ними. Почему и повелѣлъ я ихъ всѣхъ въ семъ городѣ неспускно держать съ большимъ противъ прежняго присмотромъ, взявъ отъ каждаго обязательства о пребываніи во всякомъ благочиніи въ

замѣну дозволяемаго имъ покровительства, по присланной формѣ на польскомъ языкѣ отъ господина генерала губернатора Воейкова, и объявивъ имъ, въ причину сего задержанія, обстоятельства, изображенныя въ семъ высочайшемъ рескриптѣ.

Сокращая въ близости границъ волненія польскихъ жителей, которыя до днесь еще не успокоены, и не истреблены совершенно остатки разбойническихъ шаекъ вновь возраждающихся по поводу и участію самихъ же тамошнихъ жителей, коихъ одно отчаяніе, по воображенію страха отъ мщенія своихъ господъ, подвигаютъ на всякую крайность, прибавляю я часто посылки за границу военныхъ командъ, предписуя начальникамъ больше взбунтовавшихся жителей обращать увѣщеваніемъ и обнадеживаніемъ высочайшимъ вашего императорскаго величества милосердіемъ, ежели они возвратятся въ свои домы къ спокойной жизни, а прямую силу оружія обращать паче на злыхъ разорителей.

По распубликованіи высочайшаго вашего императорскаго величества манифеста, изданнаго на случай сихъ смятеній въ Польшѣ, возвратившіесь нарочные объявляютъ, что въ однихъ мѣстахъ со всеподданнѣйшею благодарностію и повиновеніемъ жители оный приняли, въ другихъ показали уныніе въ своихъ сердцахъ, потому что не чаютъ уже отъ раздраженныхъ своихъ господъ никакого себѣ помилованія, а нѣкоторые прямо объявили, что они не могутъ тѣхъ признавать разбойниками, которые отъ предстоявшей имъ отъ поляковъ за православную вѣру смерти ихъ охранили, слѣдственно и отъ поисковъ надъ оными отказуются. Сихъ упорствующихъ противъ кратчайшихъ и имъ спасительныхъ средствъ, конечно, страхъ оружія посланныхъ туда командъ принудитъ отложить всякую жестокость и неповиновеніе.

Я недавно услышавъ, что близъ Канева дѣлаетъ разоренія вновь собравшаясь шайка разбойническая подъ предводительствомъ атамана Майбороды, отправилъ для поимки оной секундъ-маіора Вурма съ однимъ эскадрономъ карабинернаго ростовскаго полку и друмя стами козаковъ, который ихъ преслѣдуя настигъ въ мѣстечкѣ Мошнахъ, гдѣ они заперлись въ замкѣ; когда начали сопротивляться командѣ (ихъ прежде увѣщевали къ сдачѣ) и подстрѣлили одного карабинера, который отъ тѣхъ ранъ и умре, то помянутый секундъ-маіоръ, ихъ атаковавъ, взялъ 26 человѣкъ съ помянутымъ атаманомъ Майбородою живыхъ, а 6 оста-

вилъ убитыхъ, протчіе-же, бросившись къ побѣгу въ рѣку, въ оной утопились. Сихъ разбойниковъ представилъ онъ ко мнѣ въ Переяславъ, изъ которыхъ по допросамъ показавшіе себя запорожцами отданы будутъ въ надлежащій судъ, а съ польскими жителями, въ сей-же шайкѣ нашедшимись, какъ поступать—прошу въ реляцію себѣ высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія.

И при донесеніи всеподданнѣйшемъ о вышеписанномъ, представляю именный списокъ [1]) всѣмъ шляхтичамъ содержащимся въ городѣ Переяславѣ.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ.—*Слѣдуетъ подпись.*

26 августа 1768 года, изъ лагеря подъ Переяславомъ.

XX.

Секретное донесеніе гр. П. А. Румянцева имп. Екатеринѣ II о неотысканіи имъ переправляемыхъ генералъ-маіоромъ Кречетниковымъ чрезъ Днѣпръ обозовъ (съ отнятою отъ гайдамакъ добычею), съ предположеніемъ, что таковые могутъ слѣдовать чрезъ форпосты вѣдомства генералъ-губернатора Воейкова.

26 августа 1768 г., изъ Переяслава.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государиня императрица и самодержица всероссійская, государиня всемилостивѣйшая!

Въ исполненіе высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, посланные отъ меня надежные люди во всѣ мѣста вѣдомства моего пограничныя, чрезъ которыя изъ Польши проѣзды бываютъ, для отысканія свѣдѣнія о проходѣ обозовъ генерала Кречетникова, возвратясь теперь объявили, что они какъ по запискамъ смотрителей форпостныхъ, такъ и подъ секретомъ посторонними развѣдываніями, ни въ которомъ мѣстѣ не нашли, чтобъ пропущены были какія его посылки. Донося о томъ всеподданнѣйше, уповаю, что всѣ такія корысти, къ предосужденію толь близкому общей славѣ и чести военныхъ начальниковъ пріобрѣтенные, ежели еще не провезены, то слѣдовать будутъ чрезъ форпосты, состоящіе подъ вѣденіемъ господина генералъ-губернатора кіевскаго Воейкова.—*Слѣдуетъ подпись.*

---

[1]) Упоминаемаго здѣсь списка въ сборникѣ М. А. Максимовича не оказалось.

XXI.

Выписка, сдѣланная М. А. Максимовичемъ изъ письма гр. П. А. Румянцева къ Ѳ. М. Воейкову, которымъ Румянцевъ отклоняетъ Воейкова отъ начатой имъ посылки пойманныхъ гайдамакъ въ елисаветградскую провинцію, а совѣтуетъ отправлять таковыхъ въ Глуховъ для суда.

Графъ П. А. Румянцевъ въ сообщеніи своемъ къ кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, отъ 26 августа 1768 г., между прочимъ пишетъ:

„Я не хотѣлъ повѣрить рапорту теперь полученному отъ полковника Протасьева, что онъ отправляетъ пойманныхъ гайдамакъ, по ордеру вашего высокопревосходительства, по способности, въ елисаветградскую провинцію. Я будучи преданъ вашему высокопревосходительству всякимъ чистосердечіемъ и откровенностію, нахожу потребнымъ сказать, что въ тѣ мѣста отправленіемъ сихъ гайдамакъ само собою умножитъ причины неспокойства и опасностей. Лучше будетъ, ежели вы прикажете всѣхъ малороссійскаго вѣдомства отъ мѣста до мѣста отправлять въ Глуховъ, къ поступленію съ ними паки по надлежащему, какъ и я то всегда чиню, а польскихъ мужиковъ туда дѣвать, гдѣ повелѣніе опредѣлитъ, если уже оное имѣете на свои представленія". — *Слѣдуетъ подпись*

XXII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину, которымъ онъ, опровергая дошедшее до него обвиненіе кн. Репнинымъ переяславскаго епископа Гервасія Линцевскаго и мотронинскаго игумена Мелхиседека въ произшедшемъ въ Украйнѣ возстаніи, излагаетъ свой общій взглядъ на это дѣло и выясняетъ необходимость, въ интересахъ русской политики, поддерживать въ Украйнѣ православіе, указывая на симпатіи къ возставшимъ какъ Запорожья, такъ и лѣвобережной Украйны, и проч.

Сентября (8?) дня 1768 года, Глуховъ.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

При отъѣздѣ обратномъ отсюда военной коллегіи курьера, имѣю честь вашему сіятельству объявить, что я какъ въ разсужденіи Порты Оттоманской болѣе уже не слышу извѣстій, сверхъ

сообщенныхъ отъ меня вамъ съ нарочнымъ курьеромъ, такъ и командующій теперь корпусомъ генералъ маіоръ князь Прозоровскій и находящійся въ Польшѣ полковникъ Протасьевъ репортами своими увѣдомляютъ, что на настоящее время утихло довольно волненіе тамошнихъ жителей. Помянутый генералъ-маіоръ приложилъ мнѣ экстрактъ изъ повелѣнія ему даннаго отъ нашего посла князя Репнина, гдѣ онъ, судя поступки архіерея переяславскаго и игумена мотронинскаго монастыря Мельхиседека, признаетъ ихъ давшими поводъ и участвующими въ настоящихъ смятеніяхъ польскихъ. Я уже вашему сіятельству, отъ 26 числа прошедшаго мѣсяца, имѣлъ честь объяснить, что сей старецъ поведенія свои противъ прибѣгающихъ къ нему уніатскихъ поповъ основывалъ на должности своего пастырства, на правѣ бытія древняго во всей странѣ сей благочестія, и по установленіямъ новѣйшимъ самаго короля нынѣшняго о взаимной свободѣ въ перемѣнѣ состоянія такъ православнаго на уніатское, яко и послѣдняго на первое, приводя въ оправданіе свое, что его предмѣстники въ самый Радомысль, мѣсто каѳедральное бискуповъ уніатскихъ, посвящали въ Переяславѣ поповъ; но не извинительно одно только, что къ тому приступилъ онъ безъ формальнаго повелѣнія себѣ. Но какъ всѣмъ вещамъ въ отдаленности можно виды придѣлать иные, совсѣмъ отъ существенныхъ разные, то паче же при настоящемъ случаѣ употребить могли поляки, преобразивъ всякія извѣстія въ пользу своей стороны, ища тѣмъ способомъ удержать въ сей странѣ людей, къ крайнему ихъ неудовольству обращающихся къ вѣрѣ, прежде ими исповѣданной и отъ которой они отведены однимъ насильствомъ и принужденіемъ властей, то потому предразсужденіе ведетъ мысль, что и нашъ посолъ иногда не столь удобно обозрѣть можетъ настоящія дѣйствія, какъ въ отдаленности отъ его пребыванія происходящія.

По разумѣнію сего я мои примѣчанія представилъ вашему сіятельству въ помянутомъ письмѣ, сколько мнѣ сіи дѣла, какъ близко на нихъ взирающему, кажутся въ настоящемъ положеніи и слѣдствіяхъ своихъ; такъ и теперь, довѣренностію вашею пользуясь, въ прибавокъ прежнему сказать осмѣливаюсь: поелику обоихъ нашихъ здѣсь сосѣдей союзъ установленный не есть толь твердъ и неподвиженъ, чтобъ всегда намъ обнадѣяться возможно на непоколебимость онаго, разумѣя ихъ свойства удобопреклонныя во всѣ стороны, то изъ сихъ причинъ во всякое время полезно сохранить единовѣріе давнее наше въ польскихъ жителяхъ, какъ

обязательство ревности и усердія ихъ къ нашей сторонѣ. Примѣръ сему показуетъ и настоящій случай: когда конфедераты, собираясь на самомъ противъ насъ берегу рѣки Днѣпра, ко умноженію своихъ силъ забрали было къ себѣ всѣхъ польскихъ козаковъ, чтобъ съ оными ополчиться противъ нашихъ войскъ, то коль скоро сіи козаки и другіе жители вооруженные противниками свѣдали, что ихъ ведутъ поборствовать по вѣрѣ римской, вдругъ не только отложились отъ послушанія своимъ вождямъ, но и прямо на самихъ ихъ по сему случаю возстали; инако-же всѣ сіи дѣйствія и силы должны были они на наши войска или на жителей пограничныхъ устремить, которыя вопреки обратили на вредъ самихъ заводителей, не хотя быть ихъ единовѣрными и единомышленниками. Извѣстный губернаторъ Саснинъ, подъ арестомъ содержащійся, уполномоченъ былъ нарочно отъ господина своего, бунтовщика Щенявскаго, чтобъ собрать всѣхъ пограничныхъ козаковъ и противо насъ поставить; токмо сіи жители, свѣдавши, для чего сіе дѣлается, притѣснили самаго конфедерата столько, что онъ, съ опасности лишиться жизни, выбѣжалъ въ наши границы.

Проницаніе вашего сіятельства, конечно, не минетъ сей пунктъ сообразить со всѣми окрестностями оному противустоящими. Я уже до сего вамъ объявилъ, что опубликованный манифестъ хотя произвелъ въ жителяхъ желаемое дѣйствіе, но гайдамаковъ не престаютъ они признавать за прямыхъ своихъ избавителей отъ несноснаго имъ ига польскаго, въ разсужденіи принужденія вѣры, а жидовскаго, по тягостнымъ ихъ сборамъ, истощающимъ силы ихъ и, какъ они говорятъ, самою изъ нихъ выжатою кровію обогащавшихся. Та и другая тягость, удручавшая ихъ несказанно, отмщевалась рукою ихъ полякамъ и жидамъ при настоящемъ случаѣ. Въ такомъ сихъ жителей положеніи, когда въ сердцахъ ихъ распространилась и усилилась горячность къ благочестію, ежели отнять ихъ въ томъ свободу, и удаливъ надежду, которую они полагаютъ въ покровительствѣ высочайшемъ ея императорскаго величества, подвергнуть ихъ состоянію тому-же, что и были, то я ваше сіятельство предварительно предувѣряю о слѣдствіяхъ неприятныхъ, неминуемо изъ того возродящихся, что тогда поведутъ они общее съ Сѣчью дѣло, ибо запорожскіе и польскіе козаки союзомъ самаго родства и преклонности такъ между собою сопряжены, что братъ одинъ въ томъ селеніи, другой въ другомъ жительствуютъ и по произволенію перемѣняютъ свое пребываніе.

Я не ручаюсь и за всѣхъ здѣшнихъ жителей, чтобъ нѣкоторые изъ толпы на сіи, по ихъ разумѣнію, законные подвиги въ томъ случаѣ себя не опредѣлили; я примѣтилъ тайную уже молву, будучи въ Переяславѣ, въ живущихъ близъ границы, что они равно польскимъ жителямъ думаютъ о гайдамакахъ.

Но не возмните, ваше сіятельство, чтобъ я моими объясненіями преподавалъ вамъ совѣты или оные писалъ бы къ какому либо наставленію: нѣтъ милостивый государь, мнѣ достаточно извѣстно и ваше благоразуміе, и изобиліе въ способахъ предохранительныхъ интересовъ ея величества и пользы государства; а я только мои примѣчанія о дѣлахъ себѣ приближенныхъ, столько отъ должности моей, какъ и въ воздаяніе особливо дознаваемой отъ васъ къ себѣ откровенности и милости, приношу, будучи всегда съ должнымъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства.

P. S. Я, противъ моего расположенія, и лѣтніе дни принужденъ былъ препроводить въ Переяславѣ, покудова могъ уже видѣть, что всѣ ватаги разбойниковъ вблизи границъ истреблены. Теперь я нахожусь въ Глуховѣ, куда меня на нѣкоторое время призвали по моей должности другія дѣла; я на сихъ дняхъ выѣду въ Полтаву для осмотру полковъ другой разъ въ лагерѣ собранныхъ, гдѣ будучи въ приближеніи, еще удобнѣе и лучше могу развѣдать обстоятельства нашихъ и въ ту сторону сосѣдей.—*Слѣдуетъ подпись.*

XXIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ командующему русскими войсками въ Новороссіи, кн. А. А. Прозоровскому, съ предоставленіемъ въ его распоряженіе дѣйствовавшаго противъ гайдамакъ московскаго карабинернаго полка, какъ уже не нужнаго, для этой цѣли, и изложеніемъ оправданія переяславскаго епископа Гервасія Линцевскаго и мотронинскаго игумена Мелхиседека Значка-Яворскаго, по обвиненію ихъ въ возбужденіи возстанія въ Украйнѣ.

Сентября 8-го (1768 г.)

Милостивый государь, князь Александръ Александровичъ!

Рапортъ вашего сіятельства, отъ 31 августа, съ приложеннымъ экстрактомъ, я имѣлъ честь получить исправно, и на оное въ отвѣтъ симъ служу. По препорученіи въ команду вашу мос-

ковскаго карабинернаго полка, ваше сіятельство имѣете полную власть располагать онымъ по надобности случаевъ и точному своему благоразсмотренію, ибо въ разсужденіи гайдамакъ, о коихъ изъ рапорта вашего видно, что ихъ въ Польшѣ уже не слышно, нѣтъ нужды оному болѣе обращаться тамо, какъ и мнѣ командировать туда другаго полку, а вмѣсто того приказалъ я господину генералъ-поручтчику фонъ-Дальке: еслибы появились вновь каковы либо партіи гайдамакъ, по первѣйшимъ извѣстіямъ посылать на ту сторону Днѣпра, для истребленія оныхъ, команды, по примѣру тому, какъ въ бытность мою здѣсь то чинено было съ успѣхомъ.

Чтожъ принадлежитъ до здѣшняго епископа и мотронинскаго игумена поступковъ, я въ самомъ началѣ по пріѣздѣ моемъ въ Переяславъ усмотря великое множество здѣсь уніатскихъ поповъ, о томъ епископу сказалъ мое удивленіе, но въ отвѣтъ отъ него получилъ слѣдующее: 1) что между положеніями обоихъ церквей не возбранено уніатамъ по надобностямъ приходить къ православному, а православнымъ попамъ къ уніатскому архіереямъ, 2) что по притерпѣніи многими изъ православныхъ поповъ отъ конфедераціи великихъ въ вѣрѣ утесненій и мучительствъ, принуждены оные были иные сдѣлаться уніатами, а иные искали убѣжище у него, и 3) что по вступленіи гайдамакъ въ Польшу, кои, согласясь съ мужиками, мщеніе свое, какъ показываютъ, за прежнія отъ поляковъ мучительства производили столь далеко, что невинные младенцы щадимы не были, обратившіеся въ унію священники не имѣли другова средства къ своему спасенію, какъ только, подражая перво вышедшимъ, искать себѣ защищенія у его-же; а по миновеніи отъ конфедераціи и гайдимаковъ безпокойствтва, большая часть оныхъ обратно отправились. Но игуменъ мотронинской объявляетъ, какъ онъ еще въ прошедшемъ 1767 году, въ маѣ мѣсяцѣ, выѣхалъ изъ монастыря своего, находясь всегда внѣ онаго, не только о обращеніяхъ гайдамаковъ, но и монастырѣ своемъ никакова извѣстія не имѣетъ.

Впрочемъ особливымъ для себя имѣю удовольствіемъ пожелать вашему сіятельству, при семъ случаѣ, въ порученномъ вамъ дѣлѣ благополучныхъ успѣховъ.— *Слѣдуетъ подпись.*

Отправлено 8 сентября изъ Переяслава.

XXIV.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому послу въ Варшавѣ, кн. Н. В. Репнину, съ изъясненіемъ необходимости примиренія украинскихъ пановъ съ возставшими ихъ крестьянами, изложеніемъ взгляда его на переяславскаго епископа Гервасія и мотронинскаго игумена Мелхиседека по отношенію ихъ къ возстанію и выраженіемъ сочувствія къ Репнину въ его трудномъ относительно этого дѣла положеніи.

23 сентября (1768 г.)

Милостивый государь мой, князь Николай Васильевичъ!

При благодареніи за послѣднее письмо вашего сіятельства, отъ 9/10 сентября, я новаго ничего изъ здѣшнихъ мѣстъ сообщить вамъ не нахожу, какъ повторить прежнія мои изъясненія, коль нужна благость помѣщиковъ польскихъ къ своимъ взбунтовавшимся крестьянамъ, чтобъ привесть ихъ въ прежнее повиновеніе, къ которому они уже преклоняются, и колеблются однимъ только страхомъ мщенія.

О поступкахъ архіерея переяславскаго я нимало не свѣдомъ, тѣмъ меньше ручаться могу за игумена мотронинскаго, хотя первый всегда мнѣ кажется такимъ чернорицемъ, который въ глубокой своей уже старости *) посвятилъ себя строгому благоговѣнію, и совсемъ не является удобнымъ къ сплетенію той интриги, въ которой его подозрѣваютъ. Многихъ-же къ нему уніатскихъ приходящихъ поповъ я самъ въ Переяславѣ видѣлъ, которые сказуютъ, что прежде въ унію ихъ привело принужденіе тамошнихъ властей, а теперь отъ оныя къ благочестію обращаетъ неминуемая гибель, которою угрожаетъ простой народъ возмутившійся.

Я самъ, кромѣ вашего объявленія, былъ въ томъ увѣренъ, что положеніе дѣлъ вами отправляемыхъ сколь приноситъ для васъ славы, то не меньше платите вы за то трудами и неумѣренною заботою. Въ обстоятельствахъ сихъ я представляю вамъ, любезнѣйшій мой другъ, что не будетъ такого препятствія и самой невозможности, которую бы вы своимъ талантомъ не въ состояніи были преодолѣть. Я думаю, противъ недоброхотовъ есть много и доброжелателей, которые свои силы соединяютъ вашимъ на возстановленіе благосостоянія общаго.

---

*) Ему было въ это время 84 года.—Ред.

Я обнадежившись вашимъ благосклоннымъ обѣщаніемъ о частыхъ меня увѣдомленіяхъ въ происхожденіи вашихъ дѣлъ, имѣю честь пребывать съ должнымъ почтеніемъ.—*Слѣдуетъ подпись.*

XXV.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину, которымъ онъ выгораживаетъ себя въ высказанномъ имъ прежде взглядѣ на украинское возстаніе, какъ не согласномъ съ общими политическими видами имп. Екатерины II и самаго Панина, сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія о враждебномъ настроеніи къ намъ Турціи и ея намѣреніяхъ.

27 сентября (1768 г.).

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Если вспоможеніе во всякой вещи дѣлаетъ насъ обязанными, то какъ больше должны мы благодарностію таковымъ людямъ, которые въ дѣлахъ нашихъ руководствуютъ насъ полезными наставленіями. Такъ, милостивый государь, я сталъ долженъ вашему сіятельству непрестаннымъ чувствованіемъ великаго вашего ко мнѣ благоволенія, которое доказуетъ въ письмѣ своемъ отъ 19-го сего мѣсяца, вразумляя меня изображеніями, однимъ—въ видѣ министра, другимъ—въ качествѣ друга. Тутъ ваше сіятельство, въ особѣ государственныхъ дѣлъ правителя, показали мнѣ верховность своего просвѣщенія содѣяніями, относящимися къ найбольшимъ между великими, столко-же и превосходства въ дружеской для меня откровенности, снисходительности и усердія. Я сіи начертанія сохраню какъ поученія мудрости, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе для меня, что я, онымъ слѣдуя, безпечнымъ останусь отъ всякаго преткновенія.

Посему изъясню я вашему сіятельству, что мои примѣчанія, на которыя мнѣ отвѣтствуете, касательно до религіи и состоянія взволновавшихся польскихъ крестьянъ, были только гадательныя, а не положительныя; смѣшанная тамъ моя идея простиралась токмо по воззрѣнію на обстоятельства наружныя такъ пограничныхъ жителей польскихъ, яко и изъ предосторожности противъ сосѣда другаго, который явно уже обнажается теперь въ своихъ намѣреніяхъ.

Съ курьеромъ, вчера отправленнымъ, наполнилъ я мои къ вамъ депеши, предусматривая по положенію и движеніямъ турец-

нихъ войскъ. Ихъ непремѣнное намѣреніе, вступя въ Польшу, воспятить нашимъ тамъ подвигамъ. Между повелѣніями, долженствующими непосредственно уже ограничить сей случай, я вашему сіятельству найбольше нужнымъ повторить честь имѣю то, что отъ 5-го числа писалъ о приведеніи всѣхъ здѣшнихъ военныхъ силъ подъ единоначаліе. Съ моей стороны, сколько позволяли здѣшніе способы, я предосторожность на неожидаемыя происшествія уже употребилъ и распологать буду; но всякій начальникъ лучше тутъ подѣйствуетъ, когда не могутъ встрѣтиться расположеніямъ его другаго мысли и несогласія.

Я немедленно начну исполнять прибавленныя мнѣ теперь повелѣнія о польскомъ шляхетствѣ и крестьянахъ, и столько-же наблюденіе имѣть и за поступками архіерея переяславскаго, если бы его не воздержало одно уже повелѣніе ваше, которому сообщеніе противное съ уніатскими попами вовсе пресѣктись можетъ, ежели ваше сіятельство изволите согласиться, чтобъ ихъ ни единаго чрезъ границу въ Переяславъ не пропускать, такъ какъ и пришедшихъ назадъ выслать.

Теперь всѣ правила, поелику они въ системѣ толь полезной, коль описаны мнѣ вашимъ сіятельствомъ интересующія намѣренія ея императорскаго величества, я съ благодареніемъ отъ васъ узнавши, всѣ послѣдованія въ сихъ дѣлахъ нужныхъ соглашать оныя старатьея буду. Воспоминая то въ честь себѣ, что ваше сіятельство бывши въ томъ мнѣ руководителемъ, станете вы принимать посему всѣ дѣйствія мои, какъ плодъ вашихъ наставленій, позволяя тѣмъ самимъ непрестанно называться съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію. — *Слѣдуетъ подпись.*

XXVI.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева переяславской полковой канцеляріи отпустить пойманныхъ вмѣстѣ съ гайдамаками украинскихъ крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ съ формальными видами, взявъ съ первыхъ присягу въ покорности, располагая послѣднихъ къ прощенію, и проч.

Сентября 27-го (1768 г.) № 940.

Ордеръ полковой переяславской канцеляріи.

Всѣхъ преданныхъ въ содержанію при оной полковой канцеляріи польскихъ жителей, взятыхъ вмѣстѣ съ гайдамаками по возмущеніямъ, отъ нихъ въ Польшѣ происходившимъ, та канце-

ляріа имѣетъ нынѣ освободивъ отправить въ ихъ домы, но со взятіемъ однако-жъ напередъ отъ нихъ присяги, что они, чувствуя сію милость, прямо въ оные возвратятся и будутъ тамъ жить въ тишинѣ и повиновеніи властямъ своимъ; а чтобъ ихъ при семъ отпускѣ охранить отъ истязаній помѣщиковъ, кои-бы иногда и надъ раскаявшимися прежнее возмущеніе мстить захотѣли, то полковая канцелярія, на сей случай, дать имъ имѣетъ урядовое отъ себя письменное препровожденіе къ ихъ помѣщикамъ, склоняя послѣднихъ въономъ къ прощенію въ преступленіи, отъ буйства и слѣпоты происшедшемъ, въ которомъ отпущаемые признательно раскаиваются и дали клятвенныя предъ Богомъ по себѣ обязательства о всякой отселѣ покорности; инакоже, своею мстительностію противиться они будутъ собственному своему интересу, тѣмъ паче, что на отпускъ помянутыхъ сихъ людей не инако, какъ въ сей надеждѣ, приступлено. Къ симъ присоединить и напредъ по моему ордеру присланнаго жителя польскаго мѣстечка Медвѣдовки, Саву Шпаченка, пойманнаго обще съ козакомъ сотни каневской Василіемъ Кущенкомъ, который къ осужденію отосланъ въ судъ генеральный.—*Слѣдуетъ подпись.*

(Продолженіе будетъ).

РѢЧЬ

„О ПОПРАВЛЕНИИ СОСТОЯНІЯ" МАЛОРОССІИ.

Помѣщаемая рѣчь получена нами отъ А. М. Лазаревскаго, а ему досталась отъ умершаго уже нѣсколько лѣтъ назадъ предводителя дворянства конотопскаго уѣзда П. Гр. Кандыбы († 1868 г.), у котораго хранилась, какъ любопытная рѣдкость, съ такимъ заглавіемъ: «копія древней малороссійской рукописи, написанной въ царствованіе императрицы Елисаветы, при гетманѣ графѣ Разумовскомъ». Копія эта, судя по почерку, — 30 или 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и самъ Кандыба не зналъ, кажется, ея происхожденія.

Время оригинала приблизительно опредѣляется заглавіемъ рукописи и ея содержаніемъ; но кѣмъ, гдѣ и по какому именно случаю сказана самая рѣчь, рѣшить трудно. Съ достовѣрностію полагать можно, что она произнесена гдѣ-то въ Черниговщинѣ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ первые годы гетманства Разумовскаго. Очень вѣроятно, что это призрачное и случайное возстановленіе гетманскаго достоинства и возведеніе въ этотъ санъ бывшаго придворнаго пѣвчаго воодушевило его соотчичей надеждами на возвращеніе старыхъ порядковъ, когда знатной старшинѣ козацкой жилось еще льготнѣе, чѣмъ теперь подъ протекціею и наблюденіемъ россійскихъ правителей, предъ которыми надо было изгибаться и умѣть изворачиваться, чтобы располагать богатыми «маетностями», и они, рѣшившись воспользоваться близостію гетмана къ императрицѣ, собрались гдѣ-то для разсужденій о поправленія состоянія любезнаго своего отечества — лѣвобережной Украйны, носившей названіе Малороссіи. Ни въ самой рѣчи, ни въ какихъ-либо современныхъ документахъ нѣтъ указаній на офиціальный характеръ собранія. Самъ ораторъ какъ будто случайно попадаетъ въ собраніе, хотя рѣчь его видимо подготовлена и весьма старательно. Въ ней довольно мѣстнаго патріотическаго зуда, еще болѣе краснорѣчія, но немного истиннаго знанія нуждъ родины и еще менѣе яснаго представленія о способахъ къ поправленію ея состоянія. Не легко человѣку, а тѣмъ болѣе цѣлому народу свыкаться съ новыми порядками, еще менѣе совершенными, и нечего удивляться въ подобныхъ случаяхъ нѣкоторой ляментація и радужнымъ обращеніямъ къ прошлому; но ни самъ ораторъ, ни, по всей вѣ-

роятности, и его слушатели не могли стать выше своихъ мѣстныхъ и даже сословныхъ воззрѣній. Шляхетская свобода, или льготы высшихъ классовъ, и прикрѣпленіе низшихъ,—таковы идеалы того времени и вмѣстѣ неизвѣстнаго автора. Мы не будемъ касаться частностей рѣчи; скажемъ лишь вообще, что это тѣ-же вожделѣнія, которыя воодушевляли малороссійское дворянство и спустя десятка полтора лѣтъ, при выборѣ депутатовъ въ кончившуюся ничѣмъ Екатерининскую коммисію 1767 г. и составленіи для нихъ наказовъ, но здѣсь картина тогдашнихъ порядковъ общѣе и разсужденія практическаго характера систематичнѣе, или цѣльнѣе. Во всякомъ случаѣ рѣчь имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе и, какъ памятнику такого рода, мы и даемъ ей мѣсто на страницахъ нашего изданія.

Въ частности относительно личности автора мы можемъ допустить предположеніе, что это былъ одинъ изъ двухъ выдававшихся ораторовъ того времени: или М. В. Скоропадскій, бывшій генеральный подскарбій, ставшій жертвою интриги Теплова, или не занимавшій никакого уряда, рьяный патріотъ, Политика. Кто-бы ни былъ впрочемъ авторъ рѣчи, онъ хорошо былъ ознакомленъ съ правилами высшей риторики, какъ даетъ это чувствовать самая рѣчь.

Имѣя счастіе быть участникомъ благороднаго вашего собранія, въ которое вы, какъ мнѣ небезъизвѣстно, сошлись, чтобы разсуждать о поправленіи состоянія любезнаго отечества нашего, въ сомнѣніи нахожусь, лучше ли мнѣ отъ любви и усердія къ отечеству все то говорить, что слабой мой велитъ разсудокъ, или лучше обо всемъ молчать отъ жалости. Предки наши—славный оной народъ россійскій, послѣ несчастливаго разоренія татарами, будучи, какъ по доброму согласію, такъ по большей части завоеваніями, присоединены къ республикѣ польской, не меньше благоразуміемъ, какъ и мужествомъ своимъ дошли до того, что принятъ былъ на всѣ права, вольности и преимущества, которыми еще и нынѣ помянутая республика предъ цѣлымъ свѣтомъ хвалится. Въ семъ благополучномъ состояніи умѣлъ онъ себя содержать до тѣхъ временъ, пока зависть и насиліе не стали искать способовъ, какъ его всего того лишить; но и тутъ сохранялъ онъ себя тѣмъ-же благоразуміемъ и храбростію, защищая иногда себя своими правами и привилегіями, а иногда сила силою отвращая, пока, напослѣдокъ, будучи доведенъ до крайности, свергъ съ себя иго поляковъ и пришелъ въ подданство прежнихъ своихъ государей, всемилостивѣйшихъ россійскихъ монарховъ. Сколь радостно, столь милостиво приняли въ свою протекцію малороссійскій народъ сіи новыя владѣтели и не токмо всѣ

тѣ вольности и права, которыя мы имѣли подъ Польшею подтвердили, но новыми и лучшими насъ наградить и пожаловать обѣщали. Но кто бы подумалъ, что съ самаго того времени, когда мы чрезъ сіе подданство думали сыскать наше благополучіе, наше спокойство и безопасность, началось наше злосчастіе и нарушеніе нашего покоя и благосостоянія? Кому же сіе приписать должно? Не внутреннимъ-ли нашимъ непорядкамъ и замѣшательствамъ, не властолюбію-ль приватныхъ людей? не пренебреженію-ли общаго добра и исканію своего собственнаго? Не злому-ли употребленію законовъ?—Не упоминая о другихъ безчисленныхъ безпорядкахъ, возьмите только въ разсудокъ и здравымъ умомъ разсмотрите исторію предковъ нашихъ и ихъ состояніе снесите съ нынѣшнимъ: гдѣ нынѣ славные оные люди, которые разумомъ и перомъ своимъ защищали вольности отечества нашего и благоразумно онымъ правили? Гдѣ нынѣ славные оные воины, которыхъ трепетали многіе европейскіе и азіатскіе народы, которыхъ дрожали Таврика и Константинополь, которыми въ пепелъ превращены многіе непріятельскіе города, которыми напослѣдокъ потрясена Польша, славное тогда въ свѣтѣ и сильное государство? Я смѣло скажу, что ихъ немного у насъ осталось и, что всего жалостнѣе, перевелися они въ недавнія лѣта, и почти въ памяти отцовъ нашихъ и нашей. Но для меня и словъ не достанетъ, если я захочу пространно изъяснить упадокъ отечества нашего и исчислять всѣ наши несчастія. И такъ, лучше мнѣ обратить рѣчь мою къ вамъ, благородное собраніе, и просить васъ чрезъ любовь отечества, чрезъ собственную вашу и потомковъ вашихъ честь и пользу, соберите всѣ силы ума вашего, подкрѣпите оные патріотическимъ усердіемъ и, отложивъ всѣ пристрастія и партикулярныя пользы, подумайте объ возстановленіи прежнихъ отечества вашего порядковъ и благосостоянія; а если вы мнѣ позволите вольный между вами имѣть голосъ, если прикажете объявить вамъ мое мнѣніе, то я вамъ предложу оное вкратцѣ и такъ, какъ велитъ мнѣ моя честь, совѣсть и польза отечества, которое я люблю больше моей жизни.

Отъ хорошаго учрежденія гражданскихъ и воинскихъ дѣлъ зависитъ все благополучіе государствъ. Гражданскіе у насъ дѣла совсѣмъ не на такомъ основаніи, какимъ оныя были во время бытности нашей подъ республикою польской и на какомъ мы приняты подъ державу россійскую. Были у насъ суды земскіе, гродскіе, подкоморскіе и прочіе. Къ содержанію правосудія и

порядка учрежденные мѣста и чины, былъ надъ оными трибуналъ, были у насъ сеймы или генеральные рады, на которыхъ мы всѣ общіе и важнѣйшіе наши дѣла рѣшали, а новыя учрежденія дѣлали. Но гдѣ оныя нынѣ? Переведены и выглажены изъ памяти нащей, какъ будто ихъ никогда не бывало. Сіе произошло отъ того, что умалилась власть и сила шляхетства нашего, а возрасла и почти все себѣ присвоила воинская сила. И такъ надлежитъ намъ стараться, чтобы учредить всѣ тѣ чины и достоинства, которыя управляютъ гражданскими дѣлами на всемъ такомъ основаніи, какъ повелѣваютъ права наши, въ подтвержденіе которыхъ имѣемъ мы привилегію блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе о учрежденіи подкоморыхъ, которое намъ вѣрнымъ служитъ залогомъ, что Ея Императорское Величество и протчіе нужные къ управленію гражданскіе чины учредить укажетъ. Направленіе гражданское тогда хорошо, когда хороши законы. Мы такія имѣемъ законы, которые только найлучшія имѣть можетъ вольный и благородный въ свѣтѣ народъ; но первое несчастіе наше состоитъ въ томъ, что имѣемъ оныя на чужестранномъ языкѣ и что не имѣемъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ; они состоятъ не въ одной книгѣ Статута, какъ, можетъ быть, многіе думаютъ, но во многихъ книгахъ конституцій или установленій сеймовыхъ, на которыхъ законодателями были и предки наши и въ которыхъ больше заключаются наши привилегіи, преимущества и вольности, нежели въ Статутѣ, а сверхъ того въ помощь вышеупомянутыхъ правъ употребляемъ мы, по древнему обыкновенію, саксонское и холмское право. Подумайте-же, въ такомъ великомъ числѣ книгъ и законовъ, не можно-ли запутаться и самымъ искуснымъ и ученымъ людямъ, не можно-ли сыскать противустоящихъ и двоякій видъ имѣющихъ установленій, а сіе къ какой обидѣ и разоренію общества служитъ, вы сами довольно знаете. Другое наше несчастіе состоитъ въ томъ, что имѣемъ мы весьма мало людей, знавшихъ точный разумъ, силу и употребленіе нашихъ законовъ. Да и почему намъ знать то можно, когда мы не учимся и учиться гдѣ не имѣемъ законодательству наукъ. Итакъ я бы думалъ, что все благополучіе отъ того зависитъ, чтобъ мы всѣ наши права и привилегіи имѣли въ одной книгѣ, чтобъ законы наши были исправно переведены на нашъ языкъ, расположены порядочно и на всякій случай ясныя и точныя

имѣли положенія. На сіе можно намъ употребить разумныхъ и прямо законы знающихъ людей. Но не думайте, чтобы чрезъ сіе хотѣлъ я какого-либо нашихъ правъ нарушенія или отмѣны,— нѣтъ, я хочу порядка; мы ихъ всѣхъ можемъ имѣть въ своей силѣ и точности, только лучше и порядочнѣе, нежели нынѣ, а если захочемъ въ нихъ сдѣлать какую отмѣну по нынѣшнимъ временамъ, нравамъ и обстоятельствамъ нашимъ, слѣдуя въ томъ примѣру просвѣщенныхъ народовъ, то и то будетъ зависить отъ нашего соизволенія и отъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества конфирмаціи. Я знаю, что законы для людей, а не люди для законовъ дѣлаются, и сего довольно о дѣлахъ гражданскихъ.

Воинство наше, то есть козаки, которыми мы въ прежніе времена толь великую пріобрѣли славу, имѣло особливые свои вольности, выгоды и пользы, а сверхъ того, хотя небольшое, получало жалованье, нынѣ не токмо того не имѣетъ, но, служа изъ своего собственнаго имѣнія, должно сверхъ того питать нѣсколько регулярныхъ полковъ, что въ такое привело истощеніе, что смѣло можно сказать, что нѣтъ десятой доли, которые во всей исправности могли-бы на службу выйти, а отъ сего презрѣніе имѣютъ отъ другихъ воинскихъ людей и уже за негодныхъ къ войнѣ и къ храбрымъ поступкамъ почитаются тѣ люди, которые недавно были сильны, храбры и страшны. Чѣмъ же имъ помочь должно? Надлежитъ прежде охранить ихъ имѣніе отъ всякихъ нападковъ и разореній, возобновить ихъ вольность, просить, чтобы сложены были съ нихъ подати, положить извѣстное небольшое число козаковъ и дать имъ хотя малое жалованье, а остальныхъ козаковъ въ подмогу, и раздѣлить ихъ такъ, чтобы зажиточнѣйшіе служили конную, а убогіе пѣшую службу, какъ-то было при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ и прочихъ его пріемникахъ. Симъ способомъ, кажется мнѣ, можете привесть ихъ въ прежнее состояніе и возобновить древнюю ихъ храбрость и славу.

Имѣнія и земли наши, которыя по правамъ и привилегіямъ нашимъ ни въ чію, кромѣ въ собственную нашу, пользу служить не должны, отошли отъ насъ то къ слободскимъ полкамъ и подъ линію, то отданы иностранцамъ и нашедникамъ, а раскольщики сами собою на земляхъ нашихъ поселившись, думаютъ, что то ихъ наслѣдіе. Не должно-ли намъ о семъ, упавъ предъ престоломъ монаршимъ, просить помилованія и возвращенія всѣхъ оныхъ имѣній и земель? Сіе-жъ самое должно разумѣть и о награжденіи деревнями и чинами иностранцевъ. Всѣ государства подкрѣпляются, по-

лучаютъ богатство и приращеніе свое чрезъ коммерцію. Кто-жъ съ жалостію не видитъ, что какъ преизобильно Богъ благословилъ Малую Россію всякими нужными къ содержанію человѣческому произращеніями и вещми, такъ въ пребѣдномъ состояніи находится ея комерція? А сіе отъ чего произошло?—Отъ запрещенія свободного вывозу нашихъ продуктовъ, отъ положенія чрезвычайныхъ противу прежняго пошлинъ, отъ презрѣнія тѣхъ людей и ихъ привилегій, которые коммерцію отправляютъ. Кому-жъ все сіе поправлять, какъ не вамъ, благородное собраніе?

Духовный чинъ нашъ также многія потерялъ свои права и преимущества. Естьли мы хочемъ, чтобы всякій чинъ въ Малой Россіи при своихъ правахъ сохраненъ былъ, то должно намъ вступиться и за чинъ духовный и просить о сохраненіи ихъ при прежнихъ ихъ привилегіяхъ, а они напротивъ того должны намъ помогать своими имѣніями въ полезныхъ отечества нашего учрежденіяхъ.

Но сколь много всѣ малороссійскаго народа чины потеряли своихъ вольностей! Отъ чего мужики наши пріобрѣли самоволія? Они свободно изъ мѣста на мѣсто бродятъ, они безъвозбранно вписываются въ козаки, они бѣжатъ въ Польшу, выходятъ на великороссійскія земли, а отъ сего у насъ умаляется земледѣліе, неисправно платятся общенародныя подати, и протчіе безчисленные происходятъ непорядки, а помѣщики между тѣмъ отъ часу въ большую приходятъ бѣдность и разореніе. Я думаю, что и безъ моего увѣщанія согласитесь, чтобы просить о запрещеніи имъ свободного перехода.

Не должно-же позабыть и о претерпѣнныхъ убыткахъ во время турецкой войны и просить милостивого за оные награжденія.

Ученіе какъ къ просвѣщенію разума, такъ и къ содержанію всякихъ добрыхъ порядковъ въ государствахъ больше всего способствуетъ; найлучшіе государи, полководцы, градоначальники были философы; надлежитъ намъ стараться и о распространеніи наукъ въ нашемъ отечествѣ, а распространить ихъ не можемъ, не учредивъ хорошихъ училищъ и не давъ должного на оныя содержанія.

Я бъ еще и больше хотѣлъ предлагать вамъ о нуждахъ отечества нашего, но опасаюсь, чтобы не наскучить и не вывесть васъ изъ терпѣнія. На ваше благоразуміе, на ваше усердіе надѣюсь, что мои недостаточныя предложенія исправите и свои благоразумнѣйшія прибавите, и во исполненіе приведете; словомъ

сказать: не упустите ничего того, что только къ сохраненію правъ, привилегій, преимуществъ и вольностей вашихъ служить. При премудрой, милостивой, просвѣщенной и великодушной монархинѣ, которую мы нынѣ имѣемъ, нѣтъ никакого невозможнаго дѣла, котораго-бы мы испросить не могли, если только справедливо просить будемъ, ибо ни о чемъ она больше не мыслитъ, ни къ чему больше не устремляетъ своего монаршего сердца, какъ къ явнолюбію, къ правосудію и къ благосостоянію своихъ подданныхъ. Итакъ намъ, благородное собраніе, ничего больше не остается, какъ, собравъ всѣ нужды и просьбы наши, просить ясневельможного нашего графа гетмана, чтобы онъ присовокупилъ свое усердіе къ нашему и сильнымъ своимъ у ея императорскаго величества предстательствомъ исходатайствовалъ намъ милость и помощь; на его благоразуміе, на его великодушіе, на его усердіе къ отечеству должно намъ несомнѣнную положить надежду, что онъ, презирая всякія труды и собственную пользу, приложитъ найревностнѣйшее стараніе о приведеніи въ прежнее состояніе бѣдствующее, презрѣнное и всякой помощи лишенное отечество наше, и тѣмъ, вмѣстѣ съ нами, получитъ сіяніе и славу предковъ нашихъ, а у потомковъ заслужитъ благодарность. Только я чѣмъ началъ, тѣмъ и кончу, что въ общемъ благѣ должно отложено быть всякое пристрастіе и собственная польза.

Два документа о состоянiи малороссiйскаго козачества въ половинѣ XVIII ст.

Въ помѣщенной предъ симъ рѣчи неизвѣстный авторъ, изображая печальное положенiе Малороссiи ко всѣмъ сторонамъ ея жизни въ половинѣ прошлаго столѣтiя, сѣтуетъ, между прочимъ, и на упадокъ козачества, не опредѣляя однако частными чертами этого упадка, но указывая лишь на тяжесть его службы и экономическаго положенiя. Приводимые документы представляютъ офицiальное свидѣтельство объ этомъ упадкѣ, съ точки зрѣнiя военной, идущее съ другой стороны и относящееся къ тому-же почти времени. Это два предложенiя малороссiйской коллегiи тогдашняго правителя Малороссiи, или лѣвобережной Украйны, и главнаго начальника малороссiйскихъ козаковъ и Коша запорожскаго, гр. П. А. Румянцева. Его, не знакомаго съ исторiею и порядками страны, равно особенностями козачей службы, воспитаннаго на началахъ особой дисциплины и привыкшаго командовать регулярными войсками, поражаетъ—въ одномъ случаѣ полное отсутствiе воинскаго строя и знанiя военныхъ артикуловъ въ нестроевыхъ ротахъ, видимо уже до него переформированныхъ и назначенныхъ для карауловъ при малороссiйской коллегiи и ея подраздѣленiяхъ, въ другомъ—отказъ козаковъ сипявской сотни черниговскаго полка подчиниться объявленному теперь набору способнѣйшихъ изъ козачьихъ семействъ на постоянную воинскую службу. Вполнѣ убѣжденный въ вѣрности своихъ воззрѣнiй, основанныхъ на привычныхъ ему порядкахъ, Румянцевъ, не углубляясь далеко, твердо настаиваетъ на безусловномъ ихъ примѣненiи, а непокорныхъ подвергаетъ строгому наказанiю, употребляя въ дѣло даже классическое мѣстное наказанiе «кiями».

Въ обоихъ случаяхъ, на которые указываютъ помѣщаемые документы, мы видимъ борьбу новыхъ порядковъ съ старыми, общерусскихъ, заведенныхъ Петромъ I и усиленныхъ послѣ семилѣтней войны, въ которой, какъ извѣстно, принималъ Румянцевъ и личное участiе, и мѣстными малороссiйскими, унаслѣдованными отъ временъ давнихъ. Тутъ однако происходитъ тоже любопытное *qui pro quo*, какое мы видѣли въ отношенiяхъ Румянцева къ Западной Украйнѣ, при началѣ въ ней

возстанія 1768 г. Румянцевъ усматриваетъ и строго преслѣдуетъ въ козакахъ упадокъ военнаго строя и дисциплины и уклоненіе отъ воинской службы. То и другое явленіе мы дѣйствительно видимъ въ тогдашнемъ козачествѣ, но они были послѣдствіемъ причинъ и условій, которыхъ не въ силахъ было ни измѣнить, ни преодолѣть само козачество, но которыя, при тщательномъ изученіи особенностей страны и ея исторіи, могъ-бы примѣтить и устранить всесильный ея правитель. Кто болѣе козаковъ любилъ жизнь и славу военную, кто болѣе ихъ славился воинственнымъ духомъ и самымъ строгимъ строемъ и подчиненностію, но не какъ послѣдствіемъ изученія «пунктиковъ» военнаго устава, а какъ отраженіемъ высшаго, объединявшаго ихъ духа и привычки всей жизни, посвященной военному дѣлу? Въ строгости военнаго строя и порядка, не говоря о храбрости, не отказывали имъ и самые враги ихъ—поляки во время страшныхъ козацкихъ войнъ. Вся исторія малороссійскаго народа свидѣтельствовала, что это былъ одинъ изъ самыхъ воинственныхъ народовъ. Козачество было идеаломъ жизни, козакъ—народнымъ героемъ; выше долга военнаго, цѣлей войны, самой войны не было для него ничего, для нихъ онъ жертвовалъ, какъ показываетъ весь циклъ народныхъ пѣсень, всѣми своими привязанностями и самыми возвышенными чувствами — отца, сына, мужа, жениха. Но—война родитъ и держитъ духъ воинственный, какъ любовь къ родинѣ, охрана ея цѣлости, защита ея отъ опасностей извнѣ влекутъ къ войнѣ. Ближайшее служеніе интересамъ отчизны, особливо, когда они становятся личными всѣхъ и каждаго интересами, какъ было прежде въ непрерывной борьбѣ съ угнетеніями отъ поляковъ и нападеніями татаръ, вызывало неудержимое влеченіе къ войнѣ и создавало идеалъ народнаго защитника въ лицѣ козака. Съ другой стороны постоянная походная жизнь отъ дней юности до заката ихъ, войны, сраженія и стычки, какъ явленія обыденной жизни, лучше всякихъ артикуловъ учили козака строю и порядку военно-походной жизни, закаляя его духъ и тѣло, развивая въ немъ самодѣятельность, придавая ему выносливость, выправку и видъ военный. Понятно, что когда война была насущною, такъ сказать, потребностію народной жизни, ясно всѣми сознаваемою и чувствуемою, не мыслима была какая либо обязательность воинской службы и не нужно было къ ней привлекать или обязывать какимъ-бы то ни было способомъ; каждая община, каждая семья знала, кому идти на войну и никогда сабля козачья не лежала заржавленною. Въ эпоху козацкихъ войнъ мы видимъ всенародное въ нихъ участіе и за тѣмъ поголовное стремленіе записаться въ «регистровые» и особыя усилія правительства ограничить ихъ число. Званіе козака давало извѣстныя права, въ томъ числѣ и право владѣнія извѣстнымъ участкомъ земли, но за тѣмъ и служба козачая была службою за землю, и тутъ-то соглашались интерессы службы съ нуждами веденія хозяйства, поддержанія семьи. Кромѣ обстоятельствъ чрезвычайныхъ, несъ службу одинъ изъ семьи,—болѣе способный, охочій или свободный, кто вызывался самъ, или кого избирала семья и много-много ближайшая община (деревня или сотня).

Но уже давно измѣнились многія условія жизни и службы козачей. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ раздвинулись предѣлы отечества и козачество, удерживаемое еще на особыхъ правахъ и несплоченное съ прочими частями государства, не могло расширить своего патріотическаго кругозора и на мѣсто прежнихъ, уходившихъ въ область прошлаго, задачъ и идеаловъ жизни создать новые. Наступившіе новые порядки не давали ему никакой опредѣленной, жизненной почвы; они давно оторвали его отъ родной его стихіи и храбрыхъ «рыцарей» по природному влеченію превратили въ солдатъ по обязательству и, что еще хуже, въ простыхъ караульныхъ и землекоповъ. Отъ времени полтавской битвы козаки почти уже не видѣли поля сраженія и обречены были на тяжкую и унизительную работу рытья каналовъ, насыпки валовъ и устройства ретраншаментовъ, шанцевъ и другихъ укрѣпленій на сѣверѣ, югѣ и отдаленномъ востокѣ. Рѣдкій годъ проходилъ, чтобы они тысячами и десятками тысячъ не были отправляемы на эти работы въ то или другое мѣсто. Сѣверныя тундры, берега Ладоги и Онеги, устья Невы были въ особенности для нихъ губительны и едва десятый процентъ ихъ возвращался домой. Гдѣ тутъ было удержаться духу воинственному, гдѣ навыкнуть воинскому строю и порядку? Съ другой стороны и жизнь дома, на мѣстѣ, становилась годъ отъ году тяжелѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ I-й началъ ставить на высшіе уряды по своей волѣ, а не по исконному въ козачествѣ выбору, притомъ чужеземцевъ, а не рѣдко и проходимцевъ, и отдавать имъ полки козачіе въ награду неизвѣстныхъ козачеству заслугъ, старшина козачая стала смотрѣть на уряды, какъ на средство къ наживѣ, и обнаруживать въ своемъ управленіи тотъ-же деспотизмъ, какой сама несла. Теперь держались на урядахъ не доблестями военными, для которыхъ не было уже и мѣста, не заботливостію о своихъ подчиненныхъ, но исканіемъ протекцій, прислуживаніемъ сильнымъ и близкимъ къ двору лицамъ, на козаковъ-же смотрѣли съ пренебреженіемъ, обращая ихъ на свои послуги и оттягивая всѣми неправдами ихъ земли и угодья. Среди такой безладицы, среди всеобщей почти погони за наживою и неразлучныхъ съ нею интригъ, искательства и тяжбъ какъ не упасть было духу и строю воинскому и самой охотѣ къ воинской службѣ? Козаки дѣйствительно отвиливали и уклонялись отъ нея, переходили въ городъ, занимались промыслами, торговали водкой. Но преданія о лучшихъ временахъ, болѣе льготной и болѣе манившей къ себѣ службѣ еще живы были въ народѣ, а обычай свободнаго вступленія въ службу и замѣны въ оной одного члена семьи другимъ и, при отсутствіи членовъ способныхъ, даже наемщикомъ, былъ еще въ полной силѣ, хотя легко допустить, что въ виду тягости и непривлекательности козачей службы, козачьи семьи отдавали ей то, что для нихъ самихъ наименѣе было пригодно. Эти традиціи ясно сказались въ обоихъ протестахъ, съ которыми встрѣтился теперь Румянцевъ, но онъ не захотѣлъ понять ихъ и согласить нужды народа съ требованіями военнаго искусства и распорядился съ необученными и непокорными по своему,—какъ распорядился, читатель усмотритъ изъ самыхъ документовъ.

I.

Малороссійской коллегіи.

Я отъ времени въ другое, къ немалому предосужденію службы, видеть и терпеть принужденъ находящихся при малороссійской коллегіи солдацкихъ ротъ многія неустройства и безпорятки, что хотя оне імя регулярнихъ на себе носятъ ратей ея императорскаго величества, денежное жалованье получаютъ, вовсе жъ и вида того не имѣютъ, но самого подлого и ничто вѣдущаго крестьянина. Въ доказательство жъ служитъ, что предъ недавнимъ временемъ бывшіе при коллегіи на карауле отданнихъ имъ подъ караулъ полку его величества, короля полского, трехъ человекъ беглыхъ драгунъ изъ самои карауляи, и всехъ въ одно время, упустили и чрезъ то для всей арміи безславие нанесли, въ разсужденіи, что въ Полше о арестантахъ сихъ, яко они отдани были подъ караулъ, никакова военнова порятка не знаетъ, сведения не имеетъ; наконецъ-же сперва три изъ сихъ солдатъ, а вчерашнего числа болшая часть первой роты техъ солдатъ, ушедши зъ домовъ, безъ позволенія у меня, явясь, хотели спрашивать, какую оне службу впредь исправлять будутъ, объявляя, что оне въ регулярной вовсе быть не хотятъ, а желаютъ такъ, какъ ихъ дѣды служили волно, однакожъ ни одинъ изъ нихъ подлинно не знаетъ, какая въ то время служба была, но въ коллегіи малороссійской не безъизвѣстно, что и предки ихъ никогда козацкой службы не отправляли и ниже въ походахъ где и когда бывали, но единственно для карауловъ при бывшей здѣсь генералной канцеляріи гетмановъ и на уряде техъ генераловъ, и содержани были на самомъ маломъ жалованье, и служили пешие, а сіи, имея жалованье болшое, мундиръ и аммуницію изъ казны ея императорскаго величества, и большою частию люди охочіе, однако-жъ, какъ выше сказано, службы исправлять не хотятъ, а для того даннымъ отъ меня господину брегадиру и оной коллегіи члену, князю Мещерскому ордеромъ велѣно объявленние обе солдацкие роты разобрать и тѣхъ, а особо кои мне свое не желаніе служить объявили и за то отъ меня подъ караулъ отдани, и изъ нихъ, нашедъ зачинщиковъ, нещадно при собраніи протчихъ винних оныхъ солдатовъ, плетьми высѣчь и отдать въ здешней острогъ на годъ для употребленія на всякіи случающіися по городу работы, а протчимъ въ томъ-же участникамъ по тому жъ учиня плетьми наказаніе и отобравъ всѣ вещи, изъ солдацкого званія исключить и отпустить въ домъ ихъ безъ всѣхъ видовъ, а

оберъ и ундеръ-офицеровъ приличившихся въ томъ же или попустившихъ на то, какъ незнающихъ никакова военнова порятка, въ разсужденіи что еслибъ они были свѣдущи, то конечно и подчиненніи ихъ до такой подлости и дерзновеній неслыханныхъ доведени и допущени не были, отъ службы и должности отрѣшить, а за тѣмъ изъ оставшихъ, по усмотрѣнію сво господина брегадира къ службѣ способнихъ офицеровъ и редовихъ сочинить одну роту въ числѣ полевого мушкетерского полку роты и именовать ее фузелерною, при коллегіи опредѣленною, ротою и расположить здѣсь, въ Глуховѣ, по квартирамъ, такъ чтобъ дѣлили на четыре смѣны для содержанія карауловъ при коллегіи, архивѣ, генеральномъ судѣ, скарбовой и щетной комисіямъ, повсюды доставало ежедневно и обще съ разводомъ, а въ прочіи мѣста отнюдь никуда, въ разсужденіи, что по апробованнымъ отъ ея императорскаго величества штатамъ коллегій и канцелярій членамъ, кои не при воинской командѣ дѣйствительно служатъ, караулу давать не опредѣлено, престарѣлыхъ-же, слабыхъ и желающихъ въ отставку отпустить въ домы ихъ съ пашпортами и свидетелствомъ, что они служили добропорядочно, всѣ мундирные-жъ, аммуничные и оружейные вещи потомужъ пересмотрѣть и самые лутчие при ротѣ на людей, а за тѣмъ излишніе и негодные въ цейхгаузъ отдать, о чемъ малороссійская коллегія имѣетъ вѣдать.

Генералъ Румянцевъ.

5 декабря 1765 г.
Глуховъ.

II.

Малороссійской коллегіи.

Полковникъ чернѣговскій Милорадовичъ представляетъ мнѣ, по репорту въ полковую канцелярію отъ асаула полкового Ивана Сахновского, который опредѣленъ, въ силу указа малороссійской коллегіи, выбрать въ томъ полку навсегда къ войсковой службѣ козаковъ, что когда онъ, окончивши въ проччихъ сотняхъ чернѣговского полку подлежащій выборъ, прибылъ для того-же въ сотню синявскую; то многіе тоея сотни козаки, отъ неистовства въ пьянствѣ будучи, повелѣнія таковаго о службѣ, чрезъ показанного полкового старшину имъ объявленнаго, не приняли, и подписки отъ себя не дали, которою, по инструкціи сему старшинѣ отъ полковой чернѣговской канцеляріи данной, велѣно ихъ обя-

зывать, чтобъ выбранные изъ нихъ къ службѣ завсегда-бы сами, не перемѣняясь другими, служили, а братья-бы и свойственники вспомогали ихъ въ хозяйствѣ. При семъ случаѣ нельзя похвалить и того, что полковая канцелярія отъ себя прибавила, дабы сихъ выбранныхъ козаковъ еще обовязывать подписками, что должно имъ такъ служить, какъ они выбраны. Подписками обовязывать нужда бываетъ иногда въ земскихъ дѣлахъ, или по изданнымъ въ народъ о чемъ либо публикаціямъ, въ достовѣріе, что оные къ исполненію всѣмъ объявлены; но такимъ образомъ поступать и въ дѣлахъ военныхъ вовся несходно съ военнымъ обрядомъ, гдѣ взыскуется то найпаче, чтобъ начальника всякое повелительное слово всѣ подчиненные ставили себѣ за ненарушимой долгъ исполнять, кромѣ другихъ обязательствъ. Безъ такого послушанія ослабѣли регулы военныя, произведшія столько найвящшихъ успѣховъ строгимъ соблюденіемъ повелѣній начильства, по неотложному повиновенію тому подвластныхъ. Всякому однакожъ невѣждѣ все то нововводимымъ кажется, чего онъ не знаетъ или по крайней мѣрѣ вѣдать не хочетъ. Порядокъ лучшій, изъстари уставленный и возобновляемой токмо въ нынѣшнемъ переборѣ къ службѣ козаковъ, такимъ образомъ пріемлютъ означенной синявской сотни козаки, по буйству и невѣденію о собственномъ состояніи, за новое введеніе; яко во всѣхъ статьяхъ гетманскихъ, начавъ отъ времени гетмана Хмелницкого, число козаковъ особливо для службы назначено было именемъ реестровыхъ, какъ по статьи—Богдана 2-й, Юрія 6-й Хмелницкихъ положено быть 60,000, о сихъ реестровыхъ козакахъ во 2-й упоминаетъ Бруховецкій, Многогрѣшного въ 4-й назначено 30,000, а Самойловича въ 16-й 20,000, Мазепы въ 3-й 30,000, а напослѣдокъ, по имянному блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоановны (17)35 году, указу учреждено въ Малой Россіи 20,000 выборныхъ козаковъ, оставшіясь же опредѣлены къ вспомоществованію симъ. Сіи реестровые или выборные козаки, какъ по статьямъ значитъ, долженствовали быть всегда на службѣ. Прибавлено въ статьяхъ Самойловича и Мазепы, чтобъ въ недостаткѣ въ полкахъ назначенного числа козаковъ, записывать въ реестровое число оныхъ изъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей токмо, а изъ мужиковъ запрещено, чемъ доказывается, что одни только персоны, а не цѣлые дόмы служили. Такъ и нынѣ, на основаніи сихъ установленій, повелѣно выбрать изъ способнѣйшихъ къ службѣ между козаками, которые-бы разумѣя должность

на себѣ лежащую, навыкнули прямому оныя употребленію, инакоже естьли по дворамъ наряжать къ службѣ, не выбравъ въ тому одного, то чемъ можетъ вся семья отговориться, чтобъ не быть всѣмъ вдругъ высланнымъ по нарядамъ, поелику они козачьего званія, и кого напротивъ изъ такого дому выслать останется, который-бы выборной статьи былъ, но въ немъ жила-бъ вдова или малолѣтныя дѣти? Однако-жъ не разсуждая на сіе, внесены въ ревизію въ число выборныхъ козаковъ овдовѣлые и престарѣлые жены; по дѣйствію корыстолюбія иногда начальниковъ, и что записавшій свой домъ въ статью выборную, и сложивши чрезъ то всѣ должности съ себя на подпомощниковъ, освобождается во все время отъ всякихъ дачъ, не отправляя при томъ и той службы, для которой выбранъ. Всякъ представить себѣ можетъ, воображая сіи основанія и еще другіе, здѣсь не упоминаемые, что оные потребили въ козакахъ видъ военнаго человѣка, такъ, что не остается надѣяться увидѣть ихъ когда либо лучшими, ежели не взять мѣръ могущихъ поправить настоящія непорядки. Къ чему инако нельзя приступить, какъ первіе чрезъ выборъ способныхъ козаковъ къ службѣ, которые-бы не могли уже примѣромъ нынѣшнимъ смѣняемы быть другими своими домашними или наймитами, которые по невинности часто терпятъ то, что должно несть-бы ихъ поставившему. Посему малороссійская коллегія дать указъ имѣетъ тотъ часъ полковнику чернѣговскому Милорадовичу, чтобъ онъ, съѣхавъ самъ въ сотню синявскую, всѣхъ показанныхъ, по репорту асаула Сахновскаго взятыхъ и не забранныхъ еще подъ караулъ козаковъ, дерзнувшихъ, какъ выше значитъ, показать непослушаніе командѣ, которые изъ нихъ отъ пьянства и безумія то учинили, тѣхъ при собраніи всея сотни высѣчь жестоко, и велѣть, естли способны, быть имъ выборными козаками такъ, какъ написаны Сахновскимъ, а которые отъ упорства и дерзости показали таково непослушаніе, тѣхъ высѣчь кіями, и яко огуряющихся и нехотящихъ служить, по силѣ 2 статьи гетмана Брюховецкого (гдѣ установлено: „который-бы козакъ послушенъ не былъ и въ войско ходить огурялся, тогда таковъ отъ поставленныхъ статтей отпадать и къ градскимъ должностямъ причтенъ быть имѣетъ“), написать въ мужики подъ вѣдомство скарбовой малороссійской канцеляріи, и дабы козаковъ, при случаѣ повелѣній чинимыхъ имъ о службѣ, не обязывали въ исполненіи подписками, а приказывали имъ только, что дѣлать, какъ они должны и безъ того командирамъ во всемъ быть по-

слушными, равно-же и о томъ, что и съ протчими въ подобныхъ ослушаніяхъ командѣ поступлено непремѣнно будетъ, дать указы всѣмъ полковымъ канцеляріямъ, чтобъ отъ оныхъ чрезъ сотни о томъ къ знанію всѣмъ козакамъ опубликовано.

Генералъ Румянцевъ.

Апрѣля 11 дня 1763 года
въ Глуховѣ.

Библіографія.

Сагайдачный, историческая повѣсть. Д. Мордовцева. С.-Петербургъ. 1882 г.

Задача, исполнить которую предпринялъ г. Мордовцевъ, написать бытовую и историческую повѣсть изъ жизни козачества начала XVII столѣтія, составляетъ, какъ полагаемъ, одну изъ труднѣйшихъ задачъ для беллетриста. Не смотря на усиленную въ послѣднее время разработку историческаго матеріала, бытовая сторона жизни козачества въ ту отдаленную эпоху его существованія едва установлена въ главныхъ чертахъ и далеко не разработана въ частностяхъ; весь понынѣ обнародованный матеріалъ не только не даетъ возможности раскрыть всѣ подробности, необходимыя для цѣльной бытовой картины, но оставляетъ неясными, въ полумракѣ, многія весьма крупныя и существенныя черты. Сама личность Петра Конашевича Сагайдачнаго, около которой группируется разсказъ повѣсти, представляется намъ неяснымъ силуэтомъ, главные контуры котораго мы едва можемъ установить по дошедшимъ до насъ историческимъ свѣдѣніямъ; подробности біографіи этаго знаменитаго козацкаго гетмана, весьма справедливо привлекшаго вниманіе даровитаго беллетриста, остаются пока неизвѣстными. Всѣ эти трудности не устрашили г. Мордовцева и онъ выполнилъ свою задачу съ большимъ талантомъ, хотя, за скудостью историческаго матеріала, былъ поставленъ весьма часто въ необходимость брать краски для своихъ картинъ изъ народныхъ думъ и преданій, или, еще чаще, восполнять пробѣлы довольно смѣлыми гипотезами, или усиліями личнаго творчества. Намъ приходится особенно сѣтовать, читая повѣсть г. Мордовцева, на недостатокъ историческаго матеріала, такъ какъ тѣ страницы повѣсти,

составляя которыя авторъ стоялъ на прочной исторической почвѣ, поражаютъ насъ живостью, свѣжестью колорита, драматизмомъ и истинно художественнымъ изображеніемъ. Таковыми кажутся намъ эпизоды, заключающіе описаніе пороговъ и переправы вдоль ихъ козацкихъ чаекъ, описаніе морского козацкаго похода и бури на Черномъ морѣ, описаніе выбора кошевого и особенно описаніе невольничьяго рынка въ Кафѣ и взятія этого города козаками. Авторъ въ описаніяхъ этихъ весьма удачно воспользовался историческими данными и сухія свѣдѣнія лѣтописей и документовъ превратилъ въ исполненныя жизни и художественно пересказанныя картины. Но, къ несчастью, авторъ не нашелъ для всѣхъ изображаемыхъ имъ эпизодовъ подлиннаго историческаго матеріала и долженъ былъ прибѣгнуть къ другимъ источникамъ; съ этою цѣлью г. Мордовцевъ выбралъ нѣсколько народныхъ эпическихъ произведеній, болѣе обильныхъ фактическими подробностями и развилъ на ихъ основаніи бытовыя картины. Мы находимъ такимъ образомъ въ книгѣ г. Мордовцева главы, сюжетами которыхъ служатъ думы: о Ганжѣ Андыберѣ, Самуйлѣ Кошкѣ, Алексѣѣ Поповичѣ и Федорѣ Безродномъ. Пріемъ этотъ, по нашему мнѣнію, весьма удаченъ и сообщаетъ повѣсти колоритъ народнаго современнаго взгляда и народнаго міросозерцанія; полагаемъ только, что думою о Ганжѣ Андыберѣ авторъ воспользовался для своей цѣли не вполнѣ умѣстно и совершенно напрасно отождествилъ Ганжу Андыбера съ Сагайдачнымъ, а „Настю Горовую" съ женою этого гетмана. Главный мотивъ думы о Ганжѣ Андыберѣ—это борьба бездомной и безземельной козацкой „голоты", опиравшейся на поддержку Запорожья, съ козацкою старшиною, „дуками", захватившими въ собственность всѣ „займанщины, луки и луги", стремившимися къ образованію козацкой аристократіи, своего рода шляхетства, и смотрѣвшими съ гордостью и пренебреженіемъ на „голоту". Явленія эти имѣли мѣсто только во второй половинѣ XVII столѣтія, послѣ переворота, совершившагося при Богданѣ Хмельницкомъ, когда изъ среды козачества выдѣляется дѣйствительно кружокъ старшины, захватившей поземельную собственность и стремившейся къ образованію привилегированнаго сословія. Перенесеніе этихъ общественныхъ отношеній въ первую четверть XVII столѣтія намъ кажется анахронизмомъ, не столько важнымъ въ хронологическомъ отношеніи, сколько нарушающимъ правду исторической бытовой картины; козацкіе „дуки", всплывшіе при Самойловичѣ и Мазепѣ, не существовали во время Сагайдачнаго,

когда все козацкое сословіе представляло лишь преслѣдуемую и гонимую „чернь", спасавшуюся бѣгствомъ на Запорожье; выборная старшина козацкая не могла тогда еще помышлять о захватѣ территоріальной собственности, а напрягала всѣ силы въ борьбѣ съ общимъ врагомъ всего козачества—„дуками" польскими.

Впрочемъ указанный анахронизмъ, къ сожалѣнію, далеко не единственный въ сочиненіи г. Мордовцева. Конечно, отъ исторической повѣсти мы не вправѣ требовать такой точности, какая требуется отъ строго историческаго изслѣдованія; несомнѣнно беллетристъ имѣетъ право въ значительной степени жертвовать требованіямъ художественнаго творчества мелочами строгой исторической дѣйствительности; онъ можетъ не стѣсняться до извѣстной степени хронологическими данными, можетъ разсказывать сцены и событія не констатированныя исторіею, но возможныя въ данное время и при данной обстановкѣ, можетъ восполнять и изображать въ законченныхъ образахъ едва начертаныя исторіею характеры историческихъ дѣятелей и представителей народныхъ типовъ и т. д. Но эта licentia poetica не безгранична и подлежитъ въ свою очередь извѣстнымъ требованіямъ критики, конечно болѣе широкимъ, чѣмъ требованія, предъявляемыя историческому изслѣдованію. Мы полагаемъ, что отступленія отъ строгой исторической истины не должны въ исторической повѣсти допускаться безъ причины, тамъ, гдѣ условія художественнаго творчества этого не требуютъ, что отступленія эти не должны превышать предѣловъ возможнаго въ данной мѣстности и въ данное время, т. е. что разсказъ исторической повѣсти, не имѣетъ права вводить обстоятельства, не принадлежащія описываемой мѣстности и средѣ и описываемой эпохѣ. Не соблюдая этихъ требованій, историческая повѣсть перестаетъ быть историческою, переходитъ въ область фантазіи и, сверхъ того, привлекая читателей художественностью своей формы, способствуетъ установленію въ публикѣ превратныхъ представленій о данной исторической эпохѣ и способствуетъ затемнѣнію историческаго народнаго самопознанія, вмѣсто того, чтобы восполнить его путемъ артистическаго творчества.

Въ повѣсти г. Мордовцева такихъ отступленій, болѣе или менѣе крупныхъ, весьма много, и мы должны замѣтить, что въ значительномъ большинствѣ они зависятъ не столько отъ недостаточности историческаго матеріала, сколько отъ небрежнаго его изученія, весьма замѣтной поспѣшности работы и желанія

усилить лишними эффектными сценами и безъ того въ высокой степени интересный разсказъ. Постараемся указать нѣкоторыя изъ этихъ, болѣе или менѣе крупныхъ отступленій, замѣченныхъ нами невольно при чтеніи повѣсти „Сагайдачный", не смотря на то, что въ цѣломъ повѣсть значительно подкупала наше вниманіе художественными достоинствами.

Прежде всего бросается въ глаза небрежное отношеніе автора къ географическимъ даннымъ описываемаго имъ края. Въ 7-ой главѣ повѣсти (стр. 67—79) изображается бѣгство четырехъ козаковъ изъ Острога въ Запорожье и затѣмъ погоня за ними придворной полиціи князя острожскаго. Бѣжавъ ночью изъ Острога, козаки утромъ въѣзжаютъ уже въ безграничную степь, „которая тянулась вплоть до запорожскихъ вольностей", и въ тотъ же день перерѣзываютъ „Чорный шляхъ". Между тѣмъ въ дѣйствительности Острогъ вовсе не былъ пограничнымъ замкомъ, стоявшимъ на границѣ степи; онъ находился почти въ центрѣ густо населенной Волыни, ближайшее разстояніе отъ него къ западной части „Чернаго шляха"—болѣе 100 верстъ; но и за „Чернымъ шляхомъ" находилась вовсе не пустынная степь—тамъ лежали населенныя, хотя менѣе густо, чѣмъ Волынь, воеводства подольское и брацлавское, тянувшіяся болѣе, чѣмъ на 300 верстъ, по прямой линіи отъ границъ Волыни до рѣкъ Синюхи и Кодымы, за которыми только начинались „запорожскія вольности". Какъ не привлекательны у г. Мордовцева картины степи, мы полагаемъ, что онъ нашелъ-бы мѣсто изобразить ихъ, не дѣлая напрасной географифеской перестановки, а за то могъ-бы извлечь не одну интересную сцену, описавъ путешествіе своихъ странниковъ по заселеннымъ русскими крестьянами и мѣщанами Волыни и Брацлавщинѣ и обративъ вниманіе на отношеніе къ бѣглецамъ какъ этого населенія, такъ и властвовавшихъ надъ нимъ шляхтичей. Не менѣе страннымъ кажется намъ и та сцена въ повѣсти (стр. 221—222), гдѣ описывается охота у князя Вишневецкаго въ Лубнахъ: въ то время, когда охотники выѣзжаютъ со двора, дѣвица Кисель замѣчаетъ, что „по направленію прямо къ югу, на синевѣ чистаго неба, гдѣ-то далеко за Днѣпромъ, клубились дымныя облака и зловѣще ползли къ сѣверу". Полагать должно, что жители Лубенъ съ удивленіемъ прочтутъ эту картину, зная, что по направленію къ югу ближайшій берегъ Днѣпра (у Крылова) находится за 100 верстъ отъ нихъ по прямой линія и, конечно, они сильно изумятся дальнозоркости дѣвицы Кисель. Во-

обще географическихъ промаховъ и небрежностей въ повѣсти слишкомъ много. Такъ въ перечнѣ польскихъ областей (стр. 37) названы, будто двѣ отдѣльныя провинціи, Подлясье и Подляхія (это синонимы) и указана странная область—„Инфлянтъ съ Полоцкомъ“, т. е. вѣроятно два отдѣльныя воеводства: полоцкое и инфлянтское (польская Ливонія съ главнымъ городомъ Динабургомъ); городъ Самборъ, родина Конашевича, перемѣщенъ изъ прикарпатской Руси на Днѣпръ (стр. 91), хотя потомъ онъ и названъ „горнымъ Самборомъ“ (стр. 167); въ окрестности Кизикермена (нынѣшній Бериславъ) описанъ никогда не бывавшій въ той мѣстности дубовый лѣсъ и т. п. Всѣ эти географическія ошибки сдѣланы, конечно, по небрежности, но есть и такія, которыя авторъ ввелъ, по видимому, преднамѣренно для того, чтобы извлечь изъ нихъ вящшій эффектъ; къ такого рода разсказамъ мы относимъ описаніе охоты на тура и постоянныя указанія на присутствіе этого животнаго въ южно-русскихъ степяхъ въ XVII столѣтіи. Мы сомнѣваемся, чтобы туръ (правильнѣе зубръ), звѣрь по преимуществу лѣсной, населялъ когда нибудь эти степи; но если и допустить, что Мономахъ охотился на него не въ сѣверскихъ лѣсахъ, а въ степи, то во всякомъ случаѣ въ XVII вѣкѣ во всей южной Руси о немъ не было и помину. Г. Мордовцевъ повидимому заимствовалъ описаніе тура и охоты на него изъ сочиненія Виженера [1]), но упустилъ изъ виду обстоятельство, на которое самъ Виженеръ указываетъ,—что въ концѣ XVI вѣка туры были очень рѣдки, водились исключительно на границѣ Литвы и Мазовіи, гдѣ уже тогда поручалось мѣстнымъ жителямъ оберегать ихъ въ опредѣленныхъ частяхъ пущи, загороженныхъ на подобіе парковъ. Введеніе тура, въ качествѣ запорожской дичи, очевидно сдѣлано съ цѣлью нарисовать картину охоты въ стилѣ Майнрада, можетъ быть и интересную, но выходящую изъ области исторической повѣсти въ область фантастическаго вояжа. Такой-же майнридовскій характеръ носитъ и сцена степнаго пожара, которымъ будто жители Переволочной отразили набѣгъ татарскій, нагнавъ на татарскій станъ пламя и цѣлыя стада степной дичи, въ томъ числѣ и злополучныхъ туровъ. Дѣйствительно мы встрѣчаемъ данныя о томъ, что татаре прибѣгали къ выжиганію степи, при приближеніи сильной

---

[1]) La description du royaume de Pologne par Blaise de Vigenère. Paris. 1573.

непріятельской арміи; но это дѣлалось съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы лишить нападавшихъ возможности пользоваться кормомъ для лошадей, но вовсе не имѣлся въ виду самый огонь, какъ средство защиты, такъ какъ слабая растительность южныхъ приморскихъ степей не дозволяла разсчитывать на огненный ураганъ, можетъ быть и случающійся въ американскихъ саваннахъ.

Если обратимся къ историческимъ подробностямъ разсказа, то также не можемъ не замѣтить нѣкоторыхъ погрѣшностей какъ въ общей постановкѣ разсказа, такъ и въ его частностяхъ: такъ рисуя бытъ козачества въ началѣ XVII столѣтія, г. Мордовцевъ исключительно сосредоточиваетъ вниманіе на Запорожьи и игнорируетъ регистровое козачество и его отношеніе какъ къ Запорожью, такъ и къ польскому правительству, между тѣмъ безъ указанія на значеніе и роль этого сословія, населявшаго значительную часть Украйны, всякая историческая картина козачества того времени является неминуемо неполною и незаконченною. Въ самомъ разсказѣ о Запорожьи введены нѣкоторыя, правда второстепенныя, ошибки, по видимому безъ всякой нужды; такъ избраніе Конашевича вождемъ запорожцевъ и походъ его на Кафу отнесены почему-то къ 1614 году, между тѣмъ какъ еще покойный М. А. Максимовичъ констатировалъ точно, что взятіе Кафы случилось въ 1606 г. [1]). Полагаемъ, что еслибы г. Мордовцевъ обратилъ вниманіе на сочиненіе Максимовича, то онъ избѣжалъ-бы этой ошибки, а также не сѣтовалъ-бы на то, что исторія „пропустила Сагайдачнаго“ (стр. 91), такъ какъ онъ нашелъ-бы двѣ обстоятельныя монографіи, въ которыхъ покойный историкъ собралъ весьма тщательно всѣ свѣдѣнія, сохранившіяся о Сагайдачномъ. Думаемъ также, что въ семъ случаѣ авторъ и не заключилъ-бы разсказа о походѣ на Кафу описаніемъ торжественнаго въѣзда Сагайдачнаго въ Кіевъ и встрѣчи его тамъ польскими властями. Въ то время и запорожцы и Сагайдачный считались ослушниками и бунтовщиками, и пограничнымъ старостамъ приказано было не пропускать ихъ въ осѣдлую Украйну и даже не допускать провоза хлѣба въ Запорожье; за исполненіемъ этихъ распоряженій правительства и наблюдалъ до 1618 года кіевскій воевода Станиславъ Жолкевскій, весьма не дружелюбно относившійся къ козакамъ. Ужь конечно не онъ-бы раз-

---

[1]) Собраніе сочиненій Максимовича т. I, стр. 359.

рѣшилъ торжественный пріемъ въ Кіевѣ гонимаго козацкаго вождя и не онъ вышелъ-бы встрѣтить его съ почетомъ. Появленіе Сагайдачнаго въ Кіевѣ и пріемъ имъ подъ свою власть осѣдлой Украйны относятся къ болѣе позднему времени и составляютъ результатъ московскаго похода козацкаго гетмана, предпринятаго, по просьбѣ польскаго правительства, для спасенія отъ гибели королевича Владислава, въ описываемое-же авторомъ время факты эти представляютъ историческую невозможность.

Еще большую историческую ошибку дѣлаетъ г. Мордовцевъ въ изображеніи польскаго или точнѣе южно-русскаго дворянскаго общества того времени. Черты, долженствующія рисовать это общество, взяты на угадъ изъ различныхъ періодовъ его исторической жизни; но большая часть ихъ относится къ концу XVIII вѣка, начиная съ описанія изящныхъ „палящо" съ статуями греческихъ боговъ, каскадами и фонтанами и оканчивая произносимымъ весьма часто „слово гонору". Въ общемъ самая существенная черта, не согласная съ историческою истиною и придающая фальшивый историческій колоритъ данной эпохѣ, состоитъ въ предположенія автора, будто въ началѣ XVII вѣка южно-русское дворянство было вполнѣ ополячено, между тѣмъ какъ въ это время полонизація едва начиналась и, усилія езуитовъ, минуя старое поколѣніе, направлены были главнымъ образомъ на школы, гдѣ воспитывались молодые шляхтичи; если и были въ данное время, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, ополяченные шляхтичи, то вся масса шляхетскаго сословія говорила еще и писала на русскомъ языкѣ и оставалась вѣрною православной церкви. Если-бы г. Мордовцевъ пересмотрѣлъ хотя-бы юридическіе документы того времени, подписи церковныхъ братчиковъ въ изданныхъ каталогахъ братствъ, или подписи дворянъ на постановленіяхъ провинціальныхъ сеймиковъ, если-бы онъ остановилъ вниманіе на извѣстномъ ему фактѣ существованія многочисленныхъ южно и западно-русскихъ типографій и братскихъ школъ, то онъ вѣроятно воздержался-бы отъ исторически не вѣрныхъ и напрасныхъ совершенно изреченій: „литературный, ученый и юридическій языкъ хохла XVI и XVII вѣка сталъ чисто польскимъ" и будто „писаннаго хохлацкаго языка не существовало вовсе" (стр. 40) и т. п.—Кромѣ этой существенной фальши, мелкихъ ошибокъ и фактическихъ промаховъ въ изображеніи дворянскаго общества такъ много, что почти нѣтъ ни одной подробности отъ нихъ свободной: то въ рядахъ южно русской знати перечисляются дворянскіе роды литовско бѣлорусскіе (Ход-

квяз(и, Пацы, Сапѣги), чисто-польскіе (Замойскіе) и даже новгородскіе (Борецкіе) (стр. 40 и 806); то княгиня Раина Могилянка Вишневецкая, почему-то переименована въ Раиду (стр. 48), а княжна Анна Острожская въ Людвисю (т. е. Луизу—стр. 208); то въ одномъ обществѣ участвуютъ, въ качествѣ ровесниковъ, лица разныхъ поколѣній: такъ напримѣръ Іеремія Вишневецкій, которому въ 1614 году могло быть 4—5 лѣтъ, является ровесникомъ своего тестя Ѳомы Замойскаго, который черезъ двѣ страницы названъ уже собственнымъ своимъ сыномъ (сравни Томашъ Замойскій стр. 47 и 50) и т. д. Особенно почему-то не везетъ у г. Мордовцева роду Замойскихъ: Янъ Замойскій, учившійся дѣйствительно въ подуанскомъ университетѣ, сдѣланъ ректоромъ этого университета, Ѳома Замойскій хвалится знатностью своего рода и подаркомъ, полученнымъ его предкомъ отъ королевы Ядвиги, между тѣмъ какъ родъ этотъ сталъ выдаваться изъ среды шляхетской мелюзги только въ концѣ XVI столѣтія и т. д. Но, минуя эти мелочи, намъ кажутся въ бытовой картинѣ гораздо болѣе важными ошибки, вытекающія изъ непониманія терминовъ, рисующихъ юридическое и бытовое устройство общества, а такія ошибки мы встрѣтили нѣсколько разъ въ разсматриваемой повѣсти: такъ, единственное въ Польшѣ войско, существовавшее на средства государства—„кварцяное“ смѣшивается съ панскими надворными хоругвями, терминъ „урожоный“, составлявшій юридически установленный эпитетъ дворянскаго сословія, какъ „славетный“ было эпитетомъ мѣщанина, „працовитый“ крестьянина и т. д., понимается въ смыслѣ не сословномъ, а національномъ, и переводится значеніемъ „прирожденный полякъ“ (стр. 44).

Впрочемъ ошибочное пониманіе терминовъ, хотя въ значительно меньшей долѣ, встрѣчается въ примѣненіи къ подробностямъ козацкаго быта. На протяженіи всей повѣсти авторъ передаетъ многія изреченія козаковъ, а также всѣ названія мѣстныхъ бытовыхъ предметовъ по малорусски. Конечно, пріемъ этотъ значительно усиливаетъ мѣстный, реальный колоритъ повѣсти и помогаетъ автору сохранить цѣльнѣе характеръ изображаемаго общества; но по временамъ въ этомъ отношеніи допущены ошибки, которыя невольно вызываютъ веселую улыбку. Вотъ нѣсколько замѣченныхъ нами примѣровъ: на сцену является войсковой писарь съ атрибутами своей должности (стр. 23); у него чернильница за поясомъ и „каламарь“ за ухомъ; вѣроятно авторъ имѣлъ въ виду за ухомъ писаря помѣстить перо, но вмѣсто него помѣстилъ „ка-

ламарь", т. е. другую чернильницу, и писарь остался безъ тера. Во время взятія Кафы козакъ силачъ тащитъ, въ видѣ добычи, мѣдную пушку (стр. 159): пушка эта называется въ русскомъ разговорѣ „пушкою", въ малорусскомъ же „гаковницею"; но по малорусски пушка—„гармата", а гаковница—это длинное крѣпостное ружье, не требовавшее особенной силы для переноски и всегда дѣлавшееся изъ желѣза, а не отливавшееся изъ мѣди. Козаки видятъ необычное зрѣлище, не вполнѣ для нихъ понятное (стр. 105) и въ изумленіи вскрикиваютъ: „вотъ *внезапія*"!... Мы не знаемъ въ какомъ языкѣ существуетъ это слово; но можемъ поручиться, что его нѣтъ и быть не можетъ въ малорусской рѣчи; догадываемся, что авторъ желалъ сказать употребляемое въ такихъ случаяхъ малороссами слово „оказія", но забылъ его и сочинилъ „внезапію". Ужъ подлинно „внезапія"!...

Указывая всѣ эти недостатки, замѣченные нами при чтеніи „Сагайдачного", мы однако признаемъ, что достоинства повѣсти далеко ихъ выкупаютъ. Надѣемся притомъ, что г. Мордовцевъ, продолжая изображать историческій бытъ южной Руси въ своихъ исполненныхъ таланта повѣстяхъ, обратитъ нѣсколько болѣе вниманія не мелочную и скучную отдѣлку историческихъ деталей, необходимую однако для сохраненія вполнѣ того художественнаго впечатлѣнія, которое производятъ его историческія повѣсти.

В. А.

Poláci a Rusíni. Sepsal prof. Josef Perwolf.
(Поляки и Русины, Очеркъ проф. Перволфа).

Статья съ выписаннымъ выше заглавіемъ печаталась въ чешскомъ журналѣ „Osvěta" почти впродолженіи всего 1881 года и вышла потомъ отдѣльной книжкой. Въ виду того, что вопросъ объ отношеніяхъ русиновъ и поляковъ, благодаря извѣстному львовскому процессу, обратилъ на себя всеобщее вниманіе, статья эта представляетъ теперь несомнѣнный интересъ, тѣмъ болѣе, что подъ словомъ „русины" авторъ понимаетъ не только русское населеніе Галиціи, какъ это обыкновенно дѣлается, но вообще населеніе всѣхъ русскихъ областей, входившихъ когда-то въ составъ польскаго государства.

Авторъ начинаетъ свой обзоръ съ первоначальнаго происхожденія племенъ польскаго и русскаго и образованія ими двухъ

государствъ. Различныя, говоритъ онъ, славянскія племена, населяющія страну къ сѣверу отъ Карпатъ, между Вислой и Днѣпромъ, уже издревле извѣстны были подъ двумя главными именами: Ляховъ и Руси. Когда произошло это раздѣленіе, достовѣрно неизвѣстно; надо полагать, что совершилось оно въ доисторическій періодъ, такъ-какъ, встрѣчаясь съ ними въ исторіи, мы уже находимъ дѣленіе на Ляховъ и Русь съ характеристическими признаками обѣихъ народностей. Тѣмъ не менѣе общность ихъ происхожденія несомнѣнно доказывается сходствомъ языка: въ большинствѣ случаевъ одни и тѣ-же слова имѣютъ лишь различное произношеніе; западныя племена (польскія) говорятъ grod, dąb, Sandomierz,—восточныя (русскія): городъ, дубъ, Судоміръ. Мало по-малу различіе между двумя народами становится все больше и больше; причины его авторъ характеризуетъ слѣдующими словами:

„Въ IX и X в. сѣверные славяне, обитавшіе къ сѣверу отъ карпатскихъ горъ, составили два государства: Польшу и Русь; первое произошло отъ соединенія привислявскихъ ляховъ подъ властью польскихъ князей,—въ составъ втораго вошли всѣ восточно-славянскія племена. Польша, послѣ нѣкотораго колебанія, прильнула къ церкви римской и образованности западной, Русь—къ церкви греческой и образованности восточной, византійской. Такое религіозное и культурное раздвоеніе сѣверныхъ славянъ сообщило и ихъ дальнѣйшему развитію противоположное направленіе и имѣло громадное вліяніе на взаимныя отношенія между Польшей и Русью. Если бы ляшскія племена остались вѣрны исповѣданію православному и языку церковно-славянскому, или, наоборотъ, римско-католическая вѣра распространилась и на Русь,—ляшскія и русскія племена соединились-бы въ одно политическое и народное цѣлое, и между Краковомъ и Кіевомъ существовала-бы лишь такая разница, какая существуетъ теперь между Кіевомъ и Владиміромъ. Но католицизмъ и православіе и соединенная съ ними двойственность культуры воздвигли между поляками и русскими стѣну, которая и до сихъ поръ раздѣляетъ оба славянскіе народа“.

Какъ два сосѣднія государства, Польша и Русь не могли не сталкиваться другъ съ другомъ. Польскіе князья вмѣшивались въ дѣла Червоной Руси, Волыни и кіевской земли, временно захватывали ихъ и, наконецъ, завладѣли ими окончательно; русскіе князья, съ своей стороны, вмѣшивались въ польскія отноше-

нія и помогали польскимъ князьямъ въ ихъ межеусобіяхъ. Ко всему этому присоединилось соперничество между пястовичами и рюриковичами въ стремленіи обѣихъ династій къ захвату русскихъ земель. Возникшія кровавыя войны еще болѣе разожгли политическую, народную и религіозную взаимную ненависть.

Вообще отношенія Польши съ юго-западной Русью были ближе и тѣснѣе, чѣмъ ея отношенія съ Русью сѣверо-восточной, такъ называемой „Москвой". Близость эта поддерживалась браками между пястовичами и рюриковичами; такъ въ XIV вѣкѣ Болеславъ, князь мазовецкій, будучи сыномъ галицко-русской княжны, достигаетъ галицкаго княжескаго престола. Послѣ его смерти король польскій Казиміръ окончательно присоединяетъ къ Польшѣ Галицію, вмѣстѣ съ землями Белзской, Холмской и Подоліей (1340 г.).

Но завоевательныя стремленія поляковъ столкнулись съ притязаніями Литвы на тѣ же русскія области, именно Подолію и Волынь. Послѣ продолжительныхъ и упорныхъ войнъ Литва получаетъ Волынь, а Польша—Подолію. Русскія земли къ сѣверу отъ Карпатъ, по Днѣпру и Бугу (Галиція, Подолія, земли Белзская и Холмская) присоединяются къ Польшѣ („Русь, что что короля слушаетъ"), земли-же по Днѣстру и Двинѣ входятъ въ составъ Литвы („Русь, что Литвы слушаетъ", какъ говорится въ договорѣ между польскимъ королемъ Казиміромъ и Литвой). Всѣ русскія земли, присоединенныя къ Литвѣ, переходятъ послѣ соединенія Литвы съ Польшей, во владѣніе послѣдней, хотя и сохраняютъ еще свою самостоятельность въ дѣлѣ управленія до 1569 года. Только съ того времени начинается широкое вліяніе Польши на литовскую Русь.

Итакъ, говоритъ авторъ, мы видимъ, что до соединенія Литвы съ Польшей однѣ русскія области принадлежатъ Польшѣ, другія—Литвѣ. Но послѣдствія столкновенія народа русскаго съ литовскимъ имѣли совершенно другой характеръ, чѣмъ послѣдствія его близкаго соотношенія съ народомъ польскимъ. Храбрые, но необразованные литовскіе князья и паны подверглись вліянію болѣе многочисленнаго и болѣе образованнаго русскаго народа, позаимствовавъ у него формы правленія, языкъ, религію и образованность. Русскій языкъ сдѣлался въ Литвѣ языкомъ господствующимъ, административнымъ; правители называютъ себя „великими князьями литовскими и русскими".

Иначе было съ Русью польской. Господствующій польскій элементъ, уже сильно подвергшійся вліянію европейской цивилизаціи, не могъ подчиниться уступавшему ему въ численности и образованности русскому народу; здѣсь, напротивъ, началась успѣшная полонизація высшихъ классовъ русскихъ областей. Простой народъ какъ въ польской, такъ и въ литовской Руси, остался вѣренъ своей народности, вѣрѣ, языку, и тѣмъ самымъ сохранилъ Русь отъ окончательнаго присоединенія къ Польшѣ.

Итакъ польскому вліянію подверглись только высшіе классы русскихъ областей, и этотъ-то процессъ постепеннаго ихъ перехода въ польскую народность и составляетъ предметъ разсмотрѣнія въ данной статьѣ. Въ 1-й главѣ ея авторъ разсматриваетъ отношенія къ Польшѣ Руси, такъ называемой, коронной, во 2-ой, болѣе пространной,—Руси литовской.

На первой главѣ останавливается авторъ не долго, да и для насъ она не такъ важна. Въ общихъ чертахъ онъ указываетъ на ту первенствующую роль, какую съигралъ католицизмъ и, какъ переходная ступень къ нему, унія въ дѣлѣ полонизаціи русскихъ земель, присоединенныхъ непосредственно къ Польшѣ. Съ преобладаніемъ католицизма начинается преобладаніе польскаго языка, польскихъ нравовъ, обычаевъ. Этому не мало способствуетъ то обстоятельство, что галицко-русскіе бояре, еще до водворенія польскаго владычества, отличались большимъ могуществомъ, напоминая въ этомъ отношеніи польскихъ и венгерскихъ магнатовъ. Привыкнувъ къ первенствующему положенію, они не могли примириться съ той неравноправностью по отношенію къ польскимъ панамъ, поселившимся въ литовской Руси, которая выпадала на ихъ долю, благодаря ихъ православному вѣроисповѣданію; дабы сравняться съ ними въ правахъ, бояре спѣшатъ принимать католичество. Съ ополяченіемъ бояръ, въ русскія земли начинаютъ проникать и польскія учрежденія; русскіе города, подобно польскимъ, получаютъ магдебургскія привилегіи.

„Такимъ образомъ—говоритъ авторъ въ концѣ главы—довершилась полонизація коронной Руси. Древне-русская шляхта мало по малу сливалась и слилась, наконецъ, съ пришлой, польской; русскіе бояре сдѣлались „ляхами“ въ смыслѣ религіозномъ и народномъ. Въ политическомъ отношеніи они были ими уже давно, и то, что говоритъ о себѣ Станиславъ Ожеховскій (польскій писатель 16 вѣка), называя себя по происхожденію русскимъ, по

народности—полякомъ (gente Ruthenus, natione Polonus), могъ теперь сказать о себѣ и говорилъ каждый русскій шляхтичъ польской Руси и Подоліи.

Вторая глава обработана авторомъ очень тщательно и по содержанію своему имѣетъ для насъ несравненно болѣе интереса. Размѣры библіографической замѣтки не позволяютъ намъ познакомить читателя хотя отчасти съ тѣмъ множествомъ интересныхъ фактовъ относительно юго-западной Руси, какіе сообщаетъ авторъ. Такъ какъ сама по себѣ данная статья есть извлеченіе изъ обширнаго сочиненія подъ заглавіемъ „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и столкновенія", и заключаетъ въ себѣ, слѣдовательно, лишь все существенно важное, то составить нѣчто въ родѣ конспекта изъ данной статьи, выбрать изъ существеннаго существеннѣйшее представляется чрезвычайно труднымъ. Какъ источниками, авторъ пользуется актами южной и западной Руси, лѣтописями, древними рукописями, сочиненіями Эрбена, Бѣлевскаго, Горашевича, Шараневича, Шайнохи, Папроцкаго, Антоновича, Стадницкаго, Драгоманова, многочисленными историческими сочиненіями львовской библіотеки Оссолинскихъ и пр.

Прежде чѣмъ перейти къ польскому вліянію на юго-западную Русь, какъ главному предмету и вопросу, если можно такъ выразиться, авторъ останавливается на томъ обрусѣніи Литвы, которое было слѣдствіемъ присоединенія къ ней русскихъ областей. Здѣсь происходитъ явленіе совершенно обратное замѣчаемому въ русскихъ земляхъ, присоединенныхъ непосредственно къ польской коронѣ. Вліяніемъ пользуется не народъ покорившій, а покоренный, какъ уже указано выше. Уже съ незапамятныхъ временъ литовскіе князья начинаютъ принимать православную вѣру. Почти всѣ сыновья Гедимина были православные. Одинъ изъ нихъ Ольгердъ, будучи ревностнымъ послѣдователемъ православія, занимается собираніемъ русскихъ земель въ одно цѣлое, предоставляя собственно Литву и Жмудь брату своему Кейстуту, послѣднему языческому князю литовскому. Многіе Ольгердовичи пользовались большимъ расположеніемъ русскаго народа; такъ напримѣръ, кіевскій князь Владиміръ и его потомки Олельковичи (отъ имени его сына и наслѣдника Александра, иначе Олелька) были очень любимы населеніемъ подчиненныхъ имъ областей.

Далѣе слѣдуютъ указанія на несомнѣнность преобладанія въ Литвѣ не только православной вѣры, но и русскаго языка, русскихъ народныхъ обычаевъ, древне-русскихъ городскихъ и земельныхъ

учрежденій. Согласно этимъ указаніямъ литовскій языкъ употреблялся лишь въ домашней жизни; на сеймахъ-же, въ судебныхъ и административныхъ актахъ, даже въ частной перепискѣ, не говоря уже о перепискѣ дипломатической, литовцы пользуются русскимъ языкомъ. Самъ король Владиславъ Ягелло, не смотря на свою приверженность къ католицизму, легко объясняемую, впрочемъ, желаніемъ пріобрѣсть расположеніе своихъ новыхъ подданныхъ, поляковъ, не говоритъ ни по польски, ни по латыни, а пользуется языкомъ притѣсняемыхъ имъ-же „схизматиковъ".

Такое положеніе русской народности, не смотря на ея политическую (зависимость) несамостоятельность, дало ей возможность окрѣпнуть, а потому и дольше устоять въ борьбѣ съ польскими порядками, заведенными на Руси послѣ ея присоединенія къ Польшѣ. И дѣйствительно еще долго послѣ политической уніи польскаго и литовскаго государства (въ 1386) русскій языкъ и православіе сохраняются не только въ средѣ населенія, но даже и при королевскомъ дворѣ. Самый младшій сынъ короля Владислава Казиміръ былъ православный, внукъ его Сигизмундъ I имѣлъ въ собственной библіотекѣ русскія книги и очень былъ любимъ русскимъ народомъ. Въ доказательство авторъ приводитъ отрывки изъ рѣчи смоленскаго каштеляна русина Ивана Мелешка на варшавскомъ сеймѣ (1569). Противопоставляя Сигизмунда I Сигизмунду-Августу, ревностно принявшемуся за распространеніе польскаго языка, Мелешко говоритъ: „Зыгмунта первого, солодка память его, бо той нѣмцевъ, якъ собакъ, не любилъ, и ляховъ зъ ихъ хитростьми вельме не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ".

До начала XV вѣка сохраняется еще дѣленіе русскихъ земель на княжества, въ противоположность польскимъ повѣтамъ, и хотя древне-русскіе удѣльные князья и замѣняются намѣстниками, помощниками этихъ намѣстниковъ являются еще долго тіуны, дьяки и другіе древне-русскіе чиновные люди. Послѣ появленія повѣтовъ, послѣдніе дѣлятся на волости, члены которыхъ подчиняются старѣйшинамъ. Въ управленіи и обычномъ правѣ литовской Руси тоже долго сохранялись остатки старины. Древне-русское общинное начало проявляется въ обычаѣ, по которому жители сосѣднихъ поселеній сходились на *копу* (громаду) для обсужденія споровъ и произведенія суда. Долѣе всего обычай этотъ сохранился у мелкой шляхты на сѣверѣ кіевской земли; тамъ мы находимъ его еще въ XVIII вѣкѣ. Во многихъ городахъ и селахъ

юго-западной Руси встрѣчаются и во времена польскаго владычества такъ называемые *сьябры*, хранители общественнаго имущества.

Но какъ ни сильно было вліяніе русскаго элемента на жизнь соединенной Литвы и Руси, — въ концѣ концовъ онъ не могъ устоять противъ наплыва болѣе могущественныхъ польскихъ порядковъ. Будучи народомъ болѣе культурнымъ, поляки не могли не достигнуть преобладанія даже помимо ихъ политическаго могущества, какъ народа господствующаго. Особенно успѣшно шла полонизація привиллегированныхъ классовъ. Русско-литовскіе бояре, въ отличіе отъ бояръ галицкихъ, несли много повинностей какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Принимая католичество, они становились въ ряды литовскихъ вельможъ, освобождались отъ всякихъ повинностей посредствомъ неоднократно издаваемыхъ польскими королями привиллегій въ пользу католическихъ пановъ. Какъ и въ польской Руси переходной ступенью къ католицизму служитъ унія.

Какъ уже указано выше, культурное преимущество много способствовало тому господству польскаго элемента, какого ему удалось достигнуть на Руси. Задавленная страшнымъ татарскимъ погромомъ и его немаловажными послѣдствіями, Русь надолго остановилась въ своемъ духовномъ развитіи. Литературная дѣятельность ея была крайне односторонняя, ограничивалась только церковными, богословскими сочиненіями, да составленіемъ и переписываніемъ лѣтописей. Распространенію этихъ книгъ мѣшало небольшое количество экземпляровъ, такъ-какъ даже долгое время послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, онѣ оставались писанными. Между тѣмъ Польша подъ вліяніемъ проникавшаго въ нее съ запада умственнаго движенія, явившагося слѣдствіемъ реформаціи, заняла непослѣднее мѣсто въ ряду западно-европейскихъ народовъ. Знаніе и литература, освободившись отъ церковныхъ узъ, достигли цвѣтущаго состоянія. Русь, политически разъединенная, культурно связанная съ отжившей Византіей, не могла участвовать въ духовномъ движеніи латинской Европы, всё болѣе и болѣе расширявшемся. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ русскіе привиллегированные классы подчинились вполнѣ польской культурѣ, забыли родной языкъ и мало по малу утратили свою народность.

Но оплотомъ православной вѣры и русской народности остался простой народъ. Положеніе его, послѣ присоединенія

Руси къ Польшѣ, значительно ухудшилось; „кровью писана исторія этихъ хлоповъ, говоритъ авторъ, кровь такъ и брызжетъ съ ихъ историческихъ памятниковъ, сохранившихся въ думахъ, пѣсняхъ, пословицахъ". „Съ паденіемъ Польши кончается періодъ кровавой русской поэзіи", говорится далѣе. И вотъ являются великіе защитники этихъ хлоповъ: Хмельницкій, Перебійнісъ, Гонта, Зализнякъ...

Съ паденіемъ Рѣчи Посполитой совпадаетъ и паденіе ея культурнаго значенія. Безпристрастное и философское отношеніе къ различнымъ обще человѣческимъ вопросамъ, составлявшее главное украшеніе и отличительный признакъ польской литературы XVI вѣка, исчезаетъ вслѣдствіе вліянія на польскую духовную жизнь папскаго и іезуитскаго авторитета. Слѣдствіемъ этого является крайне одностороннее направленіе польской литературы и культуры и теряется ея значеніе для сосѣднихъ народовъ. Петръ Великій въ своихъ стараніяхъ познакомить Россію съ западно-европейской цивилизаціей, заботится о распространеніи на Руси нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, но не польскихъ книгъ, приглашаетъ ко двору французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, даже южноруссовъ, но не поляковъ.

Казалось-бы, что съ паденіемъ Польши должны были-бы прекратиться взаимныя распри между русинами и поляками. Но, доканчиваетъ авторъ свою статью, „до сихъ поръ не прекратилась взаимная вражда между ляхами и Русью. Славянскій патріотъ со скорбью смотритъ на зіяющую между ними пропасть". „Дай Богъ", говоритъ онъ, „чтобы правду сказалъ Тарасъ Шевченко, что воспѣтыя имъ войны между козаками и поляками кончились".

Е. Н. К—ая.

D-r Antoni J.. Z przeszłości Polesia kiewskiego. Warszawa, 1882.

(Докторъ Антоній І... Къ исторіи кіевскаго Полѣсья. Варшава. 1882).

Писатель, скрывающійся подъ псевдонимомъ д-ра Антонія І... принадлежитъ къ числу самыхъ плодовитыхъ и талантливыхъ польскихъ историческихъ писателей нашего времени. Въ теченіи семи лѣтъ д-ръ Антоній издалъ восемь томовъ историческихъ мо-

нографій [1]), представляющихъ особенный интересъ для читателей „Кіевской Старины“, такъ какъ, за незначительными исключеніями, всѣ онѣ относятся къ исторіи юго-западной Руси. Вообще, къ несомнѣннымъ достоинствамъ автора принадлежитъ его основательное знакомство съ источниками, поясняющими избранные имъ эпизоды: онъ изучилъ не только польскую историческую литературу и польскія археографическія изданія, но основательно слѣдитъ за такими-же изданіями русскими и внимательно ими пользуется, качество, которое не особенно часто мы встрѣчаемъ у польскихъ историческихъ писателей; сверхъ того, д-ръ Антоній заимствуетъ многія свѣдѣнія и характеристики изъ доступнаго ему обширнаго архивнаго матеріала, хранящагося въ частныхъ фамильныхъ архивахъ или собраннаго въ его личной, на сколько можемъ судить по ссылкамъ, весьма цѣнной коллекціи.

Изложеніе д-ра І... отличается большимъ талантомъ въ группировкѣ и освѣщеніи фактовъ и весьма тщательною разработкою бытовой характеристики времени, къ которому относится тотъ или другой разсказываемый имъ эпизодъ. Отдавая полную справедливость всѣмъ исчисленнымъ качествамъ почтеннаго писателя, мы не можемъ не замѣтить нѣкоторыхъ пріемовъ въ его изложеніи, манерѣ и освѣщеніи, которыя, по нашему мнѣнію, составляютъ менѣе желательныя черты историческаго труда, хотя, можетъ быть, и не должны быть поставлены лично на счетъ автора, а составляютъ скорѣе принадлежность установившейся традиціи въ польской исторической литературѣ, съ которой всякій писатель долженъ болѣе или менѣе считаться въ виду своихъ читателей. Къ числу недостатковъ, замѣченныхъ нами въ первыхъ трудахъ автора, относится, по нашему мнѣнію, стремленіе къ слишкомъ наглядному воспроизведенію событій, при чемъ авторъ, желая придать болѣе живости изображаемымъ картинамъ, дополнялъ личнымъ воображеніемъ черты, вывѣтрившіяся въ документальныхъ источникахъ; въ силу такого пріема многіе изъ

---

[1]) Кромѣ сочиненія, заглавіе котораго выше прописано, намъ извѣстны еще слѣдующія монографіи этого автора: 1) Историческіе разсказы (Opowiadania historyczne) Львовъ, 1875 г.; 2) Новые историческіе разсказы (Nowe opowiadania historyczne)—2 тома, Львовъ 1878—1881; 3) Три историческіе разсказы (Trzy opowiadania historyczne)—Львовъ, 1880 г. и, наконецъ 4) капитальное сочиненіе: Подольскіе замки на молдавской границѣ (Zameczki podolskie na okresach multańskich)—3 тома. Варшава, 1880 г.

первыхъ очерковъ, составленныхъ д-мъ Антоніемъ, не замѣтно теряли характеръ историческаго изслѣдованія и переходили въ категорію историческаго романа или, по крайней мѣрѣ, близко къ нему подходили. Таковы почти всѣ разсказы, составляющіе первый томъ „Opowiadań historycznych“. Конечно, при такой манерѣ невозможно было частностей изложенія подкрѣпить подстрочными ссылками и авторъ долженъ былъ отъ нихъ совсѣмъ воздержаться. Впрочемъ къ чести автора нужно замѣтить, что онъ самъ немедленно замѣтилъ этотъ недостатокъ и въ дальнѣйшихъ трудахъ отклонялся все болѣе и болѣе отъ беллетристическаго пошиба, сталъ приводить источники, сначала въ видѣ общихъ перечней въ концѣ каждой монографіи, потомъ болѣе подробно въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и въ самомъ текстѣ изслѣдованій. Конечно, отъ этой перемѣны значительно усилилось научное достоинство изслѣдованій д-ра Антонія и послѣдпія его работы носятъ характеръ строго историческій, безъ всякихъ прикрасъ беллетристическихъ.

Другое, болѣе серьезное возраженіе, которое мы позволимъ себѣ сдѣлать д-ру Антонію, заключается, какъ намъ кажется, въ недостаткѣ объективизма и въ постоянномъ присутствіи предвзятой мысли, которою освѣщаются событія по мѣрѣ того, какъ авторъ возстановляетъ ихъ изъ архивнаго матеріала; факты не говорятъ сами за себя, а по большей части укладываются, иногда не безъ значительныхъ усилій со стороны автора, въ рамки, a priori придуманныя и приготовленныя. Общій критерій, изъ котораго авторъ исходитъ при сужденіи о польско-русскихъ историческихъ отношеніяхъ въ прошедшей судьбѣ юго-западной Руси, состоитъ въ томъ положеніи, которое сдѣлалось въ послѣднее время общимъ знаменемъ довольно многочисленной группы польскихъ историческихъ писателей, будто въ южной Руси Польша преслѣдовала миссію цивилизаторскую и занята была по преимуществу насажденіемъ умственной и гражданской культуры. Поставивъ въ основѣ взгляда такую мысль, писатели, проникнутые ею, въ томъ числѣ и д-ръ Антоній, всѣ историческія черты быта Польши считаютъ признаками культуры, и обратно всѣ бытовыя черты Руси признаками варварства; такимъ образомъ все то, что въ быту самой Польши составляло тормозы народнаго развитія: религіозный фанатизмъ, дѣятельность іезуитовъ, излишнее развитіе сословности, эксплоатація крестьянъ и т. п., является или признакомъ высшей культуры, или ея необходимымъ аттри-

бутамъ, и обратно тѣ черты жизни южной Руси, которыя мы привыкли уважать въ каждомъ народѣ, какъ задатки будущаго развитія и какъ признаки самостоятельности народнаго духа: любовь къ родинѣ и къ своей національности, инстинкты равноправности гражданской, протесты противъ гнета экономическаго, религіознаго и нравственнаго, расположеніе къ вѣчевому строю и т. д., все это изображается, какъ признакъ грубости, варварства и врожденнаго какого-то отвращенія къ культурѣ. Впрочемъ, какъ намъ ни кажется невѣрною съ научной и обще-человѣческой точки зрѣнія подобная постановка вопроса, мы готовы были-бы спорить съ авторомъ только о ея справедливости, но, изъ уваженія къ искреннему убѣжденію противника, не ставили-бы ему его исходной точки въ укоръ, какъ недостатокъ историческаго научнаго пріема, если-бы онъ ее доказывалъ фактическими данными и строго послѣдовательными логическими выводами изъ этихъ данныхъ. Мы далеки отъ того, чтобы вмѣнять писателю въ вину его убѣжденія, не согласныя съ нашими, и не признавать научныхъ заслугъ противника, если онъ научно отстаиваетъ ту точку зрѣнія, которая намъ кажется ошибочною; но, въ данномъ случаѣ, мы д-ра Антонія, какъ историческаго писателя, имѣемъ право попрекнуть не за его убѣжденія, а за способъ проведенія ихъ, недостойный, какъ намъ кажется, ни его развитія, ни его таланта. Отстаивая общія, вышеуказанныя положенія, авторъ не опирается на факты, не исходитъ изъ широкихъ, общихъ для всего человѣчества, историческихъ законовъ прогресса, а старается исключительно ударять на чувство читателя, для этого онъ въ излишествѣ прибѣгаетъ къ эпитетамъ въ характеристикахъ и къ произвольнымъ положеніямъ, которыя въ качествѣ афоризмовъ онъ кладетъ въ основаніе своихъ разсужденій. Манера эта придаетъ изслѣдованіямъ доктора Антонія характеръ апологіи или адвокатской рѣчи вмѣсто объективнаго изслѣдованія исторической истины и возбуждаетъ въ читателѣ, не раздѣляющемъ апріорныхъ положеній автора, нѣкоторое невольное недовѣріе даже къ тѣмъ частямъ труда, которыя правдоподобны и лишены субъективныхъ прикрасъ. Не ограничиваясь, впрочемъ, этими пріемами, авторъ иногда какъ-бы отстраняетъ нѣкоторую часть разрабатываемаго имъ матеріала, если содержаніе его слишкомъ противорѣчитъ его основной схемѣ и скользитъ слишкомъ уклончиво по поверхности нѣкоторыхъ непріятныхъ фактовъ.

Мы позволили себѣ сдѣлать эти общія замѣчанія потому, что указанные пріемы мы находимъ и въ послѣдней книгѣ, изданной д-ромъ Антоніемъ, заглавіе которой мы выписали выше. Въ составъ этой книги вошли двѣ статьи: 1) „Исторія околичной шляхты въ овруцкомъ повѣтѣ“ и 2) „Козачество въ кіевскомъ Полѣсьѣ во второй половинѣ XVII столѣтія“. Главнымъ матеріаломъ для составленія обѣихъ статей автору, по его собственнымъ словамъ, послужили 2 тома актовъ, изданныхъ кіевскою археографическою коммисіею [1]). Извлеченіе сдѣлано весьма подробно, содержаніе разсказано живо и сгруппировано умѣло, но, къ несчастью, всѣ характеристики уснащены своеобразными эпитетами и афоризмами и нѣсколько группъ актовыхъ свидѣтельствъ (какъ напримѣръ: столкновенія православныхъ околичныхъ шляхтичей съ католиками--буйства жолнеровъ) отодвинуты на второй планъ и едва упомянуты. За то въ первой статьѣ авторъ, въ началѣ, въ видѣ введенія, прибавилъ весьма живой топографическій и экономическій очеркъ кіевскаго Полѣсья, а въ концѣ списокъ овруцкихъ старостъ съ перечнемъ ихъ отношеній къ шляхетскимъ околицамъ. Въ спискѣ этомъ, впрочемъ, мы замѣтили одну довольно крупную неточность: авторъ полагаетъ, что овруцкимъ повѣтомъ съ 1471—по 1531 годъ управляли непосредственно кіевскіе воеводы и самостоятельные старосты стали назначаться только съ 1531 года; мы думаемъ, что это положеніе ошибочно, потому что въ актовыхъ свидѣтельствахъ упоминаются овруцкіе старосты съ конца XV вѣка и если полнаго списка ихъ мы не можемъ составить, по причинѣ скуднаго количества дошедшихъ до насъ актовъ, то имена нѣкоторыхъ назвать можемъ: такъ старостою овруцкимъ (1496—1503) былъ князь Григорій Борисовичъ Глинскій, затѣмъ (1506—1510) Сенько Романовичъ Полозовичъ, а въ 1525 Михайло Холецкій. Въ числѣ-же позднѣйшихъ старостъ пропущены: Лука Сапѣга, носившій этотъ титулъ въ 1621 году, и князь Іеремія Вишневецкій въ 1634 г.

Вторая статья заключаетъ въ себѣ очеркъ тѣхъ неудачныхъ попытокъ возстановленія козачества, которое предпринимало польское правительство въ концѣ XVII столѣтія въ кіевскомъ Полѣсьѣ. По неизвѣстной намъ причинѣ авторъ изъ объемистаго тома актовъ выбралъ отдѣлъ менѣе всего интересный, отъ воспроизведе-

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, часть IV, томъ I и часть III, томъ II.

нія-же возрожденія самостоятельнаго козачества на правой сторонѣ Днѣпра усиліями Палія и его сподвижниковъ онъ воздержался.

Во всякомъ случаѣ мы благодарны д-ру Антонію за то, что онъ знакомитъ свою публику съ матеріаломъ, добытымъ русскою археографическою наукою, и полагаемъ, что взаимное ознакомленіе съ научнымъ матеріаломъ обѣихъ литературъ отразится въ будущемъ съ пользою для развитія въ обѣихъ болѣе прочныхъ историческихъ свѣдѣній и для установленія болѣе объективныхъ историческихъ взглядовъ.

В. А.

Тарановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы съ приложеніемъ 4-хъ картъ югозападнаго края. К. 1882, in 8°, стр. 324 + 2 таблицы, + 3 большихъ и 1 малая карты.

Мы не выписываемъ всего заглавія, наполняющаго собою обложку этой книги и не совсѣмъ складнаго, какъ это замѣтно и по выписанному его началу. Содержаніе книги далеко не соотвѣтствуетъ ея названію, такъ какъ въ ней въ сущности нѣтъ ни топографическихъ, ни статистическихъ матеріаловъ, а есть только подробный дорожникъ, принаровленный къ потребностямъ военнаго вѣдомства; ему предшествуетъ перечень административныхъ подраздѣленій края, а всему этому предпосланъ жиденькій общій обзоръ, въ которомъ авторъ пытается на 36 страницахъ совмѣстить географическія, естественно-историческія и даже этнографическія свѣдѣнія о нашемъ краѣ, заключающемъ въ себѣ около 150 тысячъ кв. верстъ и около 6½ милліоновъ населенія. Конечно, дорожники вообще, въ томъ числѣ и спеціально-военные, составляютъ предметъ необходимости, а средній уровень образованія нашего офицерскаго корпуса, въ особенности воспитанниковъ юнкерскихъ училищъ, дѣлаетъ вовсе не излишнимъ и присоединеніе къ нимъ краткихъ обзоровъ природы и населенія края. Поэтому, самый планъ изданія г. Тарановскаго не заключаетъ въ себѣ никакой грубой погрѣшности; посмотримъ, каково выполненіе.

Въ коротенькомъ предисловіи авторъ опредѣляетъ цѣль своего изданія гораздо скромнѣе и точнѣе, чѣмъ въ заглавіи,—служить справочной книгой, въ которой бы заключалось хотя краткое описаніе края и, по меньшей мѣрѣ, тѣ общія свѣдѣнія, ко-

торыя чаще всего бывають необходимы гражданскимъ и военнымъ учрежденіямъ (канцеляріямъ), а также служащимъ лицамъ, разъѣзжающимъ въ краѣ на обывательскихъ (земскихъ) лошадяхъ". Конечно, ни для канцелярскихъ писцовъ, ни для военныхъ писарей, ни для „лицъ, разъѣзжающихъ на обывательскихъ" знакомство съ литературой изслѣдованій нашего края не только не обязательно, а даже можетъ подчасъ оказаться, съ служебной точки зрѣнія, „излишнимъ". Но составителю изданія, предназначеннаго служить для всѣхъ этихъ лицъ руководствомъ, такое знакомство отнюдь-бы не помѣшало. Между тѣмъ перечень источниковъ, какими пользовался авторъ, показываетъ, что кромѣ двухъ-трехъ работъ генеральнаго штаба, да почтоваго дорожника, самъ онъ пользовался почти исключительно канцелярскими источниками, а литература предмета ему вовсе незнакома. Единственное исключеніе онъ сдѣлалъ для мѣстныхъ газетъ, включивъ въ число своихъ источниковъ корреспонденціи „Кіевлянина" и „Зари".

Первый отдѣлъ книги содержитъ въ себѣ „краткій общій очеркъ края", и на первой-же его страницѣ читаемъ такое неудобопонятное мѣсто: „этотъ край имѣетъ *въ ширину*, по *длиннѣйшему* разстоянію, отъ желѣзнодорожной станціи Малорыто до ж.-д. ст. Борщи *535* верстъ; *въ длину*, по *кратчайшему* разстоянію, отъ с. Авратына до Кіева *295* верстъ". Линія Малорыто-Борщи идетъ въ направленіи болѣе или менѣе съ сѣвера на югъ, а Авратинъ—Кіевъ съ запада на востокъ, и только по этому, вслѣдствіе смѣшенія авторомъ понятій о длинѣ и ширинѣ площади съ понятіями о долготѣ и широтѣ географической, ширина нашего края оказывается почти вдвое длиннѣе его длины; но почему одна изъ нихъ измѣрена по длиннѣйшему разстоянію, а другая по кратчайшему,—этого и угадать невозможно.

Въ опредѣленіи границъ края допущенъ крупный недосмотръ, такъ какъ въ сѣверо-западный его уголъ отнесенъ, вмѣсто владимірскаго, новоградволынскій уѣздъ. Подраздѣливъ край въ топографическомъ отношеніи на три части: Полѣсье, Волынь съ Подольемъ и Украйну, авторъ приводитъ (стр. 5) завѣдомо невѣрную цифру населенности Полѣсья въ 15 человѣкъ на квадратную версту, тогда какъ изъ его-же свѣдѣній (стр. 320) видно, что даже для пяти вполнѣ полѣсскихъ уѣздовъ Волыни (владим., ковел., луцк., ровен. и овручскій) населеніе составляетъ 754,634 чел. на 35,618 верстъ, т. е. болѣе 21 чел. на версту; очевидно,

первая цифра выведена изъ сильно устарѣвшихъ свѣдѣній, къ какимъ нужно отнести и мнѣніе о „непроходимости“ современныхъ лѣсовъ Полѣсья. Точно такую-же достовѣрность имѣетъ и утвержденіе, будто лѣса въ „Украинѣ“, куда авторъ относитъ кіевскую губ., кромѣ полѣсской ея части, а изъ подольской уѣзды: брацлавскій, гайсинскій, ольгопольскій и восточную половину балтскаго,—„почти вездѣ уничтожены сахарными заводами, а сохранились *только* въ кіевскомъ, *сквирскомъ* и *бердичевскомъ* въ видѣ небольшихъ дачъ и рощъ“; на самомъ дѣлѣ, въ послѣднихъ двухъ уѣздахъ только и есть, что мелкія рощи, но за то въ другихъ, именно черкасскомъ, звенигородскомъ, чигиринскомъ, южной части каневскаго и сѣверо-восточной таращанскаго, можно еще найти и настоящій лѣсъ, съ десятками верстъ сплошного протяженія.

Недосмотры, непростительная неточность выраженій и искаженіе собственныхъ именъ преслѣдуютъ автора чуть не на каждой страницѣ. Такъ у него (12) Припять входитъ въ составъ соединяющей *Днѣпръ съ Двиною Березинской* системы!... Днѣпръ подходитъ *правымъ* берегомъ *къ Россіи*, а лѣвымъ къ Австріи (13); та же рѣка замерзаетъ въ какой-то неизвѣстный промежутокъ времени *между* концемъ ноября и началомъ декабря (15); правый берегъ Западнаго Буга, холмистый до Устилуга, ниже Корытницы *расходится* (?); теченіе Припети раздѣляетъ Полѣсье на минское и кіевское, волынскому-же близъ нея нѣтъ мѣста; по Случи лѣсъ *сплавляется* не только по теченію, но и *противъ теченія;* Медоборскія горы дважды называются Медеборскими, м. Киселинъ—у автора Киселиное, Несухоѣжи—Несухая, Мерва—Мевръ, р. Раставица—Ростовица и т. д; „разнаго рода звѣри“ на Полѣсьи во множествѣ водятся „въ луговыхъ травахъ“,—вѣроятно, разумѣются кабаны, дикія козы, лоси, медвѣди и т. под. По счету г. Тарановскаго нашъ край отличается замѣчательной особенностью,—въ немъ всѣ годы високосные: ясныхъ дней бываетъ среднимъ числомъ $80{,}_6$, облачныхъ $52{,}_7$, а пасмурныхъ, снѣжныхъ, дождливыхъ и туманныхъ $232{,}_7$,—въ суммѣ 366; помимо послѣдней цифры, возбуждаютъ сомнѣніе и ея слагаемыя, по которымъ климатъ нашего края оказывается въ родѣ лондонскаго; для провѣрки, не имѣя подъ рукой другихъ источниковъ, мы сосчитали по таблицамъ метеорологическихъ наблюденій въ Кіевѣ за 1874 годъ число дней, въ которыхъ облачность показана менѣе половины,—и ихъ оказалось 153, т. е. значительно болѣе, чѣмъ значится у г. Тарановскаго ясныхъ вмѣстѣ съ облачными.

Главные затѣмъ отдѣлы книги, т. е. справочные, имѣютъ, какъ кажется, хоть то достоинство, что списаны не съ печатнаго, не нуждались, поэтому, въ прикрываніи заимствованія и поэтому не подвергались искажающимъ передѣлкамъ и дополненіямъ. Судить о ихъ достоинствѣ, т. е. степени достовѣрности, довольно трудно, не имѣя никакихъ однородныхъ данныхъ для критической провѣрки. Мы и ограничимся только перечнемъ ихъ содержанія. Подъ рубрикой „административное дѣленіе", поименованы города трехъ губерній съ показаніемъ числа жителей по свѣдѣніямъ 1880 года, источникъ которыхъ, къ сожалѣнію, не указанъ; слѣдовало-бы здѣсь же показать и населеніе уѣздовъ. Далѣе слѣдуетъ дѣленіе уѣздовъ на станы, съ показаніемъ становой квартиры каждаго, а потомъ перечень волостей каждаго уѣзда по мировымъ участкамъ, указано при этомъ отношеніе участковаго дѣленія со становымъ. Напечатаніе этихъ свѣдѣній съ обозначеніемъ ихъ на приложенной картѣ во всякомъ случаѣ очень полезно, не для однихъ только канцелярій и „разъѣзжающихъ". Этого вовсе нельзя сказать о перечнѣ административныхъ, судебныхъ и военныхъ учрежденій края, который заключаетъ въ себѣ только названія учрежденій и положенныхъ въ нихъ по штату должностей, даже безъ числа послѣднихъ; если-бы были указаны адресы учрежденій и ихъ личный составъ, такой адресъ-календарь придалъ-бы цѣны справочной книжкѣ, безъ этого-же перечень представляетъ собою совершенно ненужный балластъ.

Третій отдѣлъ, „пути сообщенія по проселочнымъ дорогамъ края", содержитъ перечень земскихъ станцій и разстоянія отъ нихъ до ближайшихъ пунктовъ; свѣдѣнія эти въ печатномъ видѣ —новинка. Изъ нихъ мы узнаемъ впервые, что въ кіевской губерніи существуетъ 191 земская станція, въ подольской 198, въ волынской 227, всего въ краѣ 616. Конечно, дорожникъ не можетъ дать никакихъ отвѣтовъ на вопросы о существующихъ системахъ содержанія этихъ станцій, его стоимости, величинѣ налоговъ собственно на этотъ предметъ и т. д.; но онъ уже неумѣстно скупъ, не обозначивъ даже числа лошадей, которое могло бы дать косвенное нѣкоторое понятіе о размѣрахъ земско-почтовой повинности въ краѣ.

Въ отдѣлахъ о путяхъ шоссейныхъ, почтовыхъ, желѣзныхъ и водныхъ нѣтъ, конечно, ничего новаго, чего-бы не было въ почтовомъ дорожникѣ, въ росписаніяхъ поѣздовъ и пароходнаго движенія; здѣсь же помѣщены правила перевозки пассажировъ и

багажа. Болѣе интереса, по новизнѣ въ печати, представляетъ списокъ рѣчныхъ переправъ въ краѣ.

Седьмой отдѣлъ содержитъ въ себѣ перечень телеграфныхъ станцій съ тарифомъ внутренней корреспонденціи и почтовыхъ учрежденій съ правилами относительно частной корреспонденціи и почтовою таксою.

Въ концѣ книги приложены таблицы пространства населенія, движенія послѣдняго, учебныхъ заведеній и фабрикъ и заводовъ. Изъ картъ—одна общая, другая съ административными дѣленіями и пунктами, третья—съ линіями телеграфовъ и четвертая—желѣзнодорожная.

Безспорно, всѣ перечисленныя свѣдѣнія, собранныя въ одну книгу, дѣлаютъ ее очень полезною и часто необходимою для справокъ. Поэтому, конечно, мѣстный окружной штабъ и рекомендовалъ ее съ такой стороны войскамъ. Если бы г. Тарановскій далъ ей правильное и непретенціозное названіе „общаго дорожника юго-западнаго края" и совершенно исключилъ изъ нея попытку „общаго очерка", превышающаго его знанія и литературныя силы,—изданіе это заслуживало-бы похвалы, конечно, въ скромныхъ предѣлахъ удовлетворенія практической потребности.

P.S. Какъ ни плохъ „очеркъ" г. Тарановскаго, и въ немъ случайно попалось небезъинтересное „зерно". На стр. 14 о Днѣстрѣ говорится, что тамъ, гдѣ берега долины рѣки обрывисты, дно большею частью иловатое, глинистое, усыпанное мелкими камешками (рынь). Послѣдній терминъ, выражающій мѣстную особенность строенія дна, изъясняетъ вполнѣ лѣтописный текстъ о крещеніи Руси и о низверженіи перунова кумира, который „проидѣ сквозъ пороги, изверже й вѣтръ на *рѣнь*, и оттолѣ прослу *Перуня рѣнь*, якоже и до сего дне словеть" (Лаврент. лѣт., въ Полн. Собр., т. I, стр. 50).

Ив. Н.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ.

I.

„ПОРУБЕЖНЫЯ ЛЮБЕЗНОСТИ".

Запорожье во все время своего существованія — какъ самостоятельная община, имѣло кромѣ заграничныхъ „порубежниковъ": татаръ и поляковъ, и ближнихъ единоплеменныхъ сосѣдей: донцовъ, малороссійскихъ козаковъ и русскіе гарнизоны. Сіи послѣдніе, разскинутые по крѣпостцамъ или „ретраншаментамъ", отъ Крылова на Днѣпрѣ до самой Новой Сѣчи, занимаемы были военными отрядами изъ регулярныхъ или гарнизонныхъ полковъ, подъ начальствомъ комендантовъ штабъ-офицерскаго чина. Состоя въ непосредственной командѣ кіевскаго генералъ-губернатора, они были сторожевыми постами не только противъ ногайскихъ татаръ и польскихъ пограничныхъ „губернаторовъ"[1]), но наблюдали и надъ запорожскимъ войскомъ, которому наше правительство, послѣ измѣны Мазепы и Дорошенка, не вполнѣ довѣряло. Ближайшими къ войску были: старо-сѣченскій, кодацкій, усть-самарскій и ново-сѣченскій ретраншаменты.

Съ донцами Запорожье имѣло постоянныя, а иногда весьма кровавыя столкновенія, преимущественно въ Калміуской Паланкѣ,

---

[1]) «Губернаторами» назывались управляющіе, большею частію военные, имѣніями «украинскихъ» вельможъ: кн. Яблоновскихъ, Любомирскихъ, гр. Потоцкихъ и др.

за рыбныя ловли на косахъ Азовскаго моря, особенно близь устьевъ Дона, Еи и Калміуса [1]).

Съ малороссійскимъ начальствомъ и козаками запорожцы спорили за „вольности", т. е. богатыя степи на устьяхъ Орели, Самары и другихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Днѣпръ, гдѣ, безъ позволенія Коша, украинцы заводили себѣ не только хутора и зимовники, но и цѣлыя селенія. Хотя запорожцы старались всѣми силами сохранять дружескія сношенія съ своими заднѣпровскими братьями, но иногда случались столкновенія серьезныя, а чаще трагикомическія, и одно изъ такихъ событій мы выписываемъ буквально изъ спасенныхъ нами обрывковъ архива „послѣдняго Коша запорожскаго".

Въ іюнѣ 1752 года праздновали въ Сѣчи день святыхъ Петра и Павла и, слѣдственно, имянины кошеваго атамана *Павла Иванови (Козелецкаго)*. По этому случаю было много гостей и въ числѣ ихъ товарищи депутаціи, присланной для опредѣленія малороссійскихъ запорожскихъ границъ: полтавскій эссаулъ *Яковъ Козельскій* и сотникъ *Василій Зарудный*. И вотъ что случилось въ этотъ двойной церковный и войсковой праздникъ, какъ видно изъ донесенія Коша къ „ясне-вельможному" малороссійскому гетману.

1752 года іюня 30 дня.

„Отъ насъ ниже подписанныя дана сія въ войсковую войска запорожскаго низоваго канцелярію подписка въ томъ, что сего іюня въ 29 день, ради торжества, по отправленіи молебнаго пѣнія, бувшій господинъ Кошовій *Якимъ Игнатовичъ* просилъ какъ атамана Кошеваго съ старшиною, такъ и насъ, въ томъ числѣ и сотника *Василія Зарудного* въ свою квартиру, гдѣ онъ, сотникъ Зарудный, въ квартерѣ господина Игнатовича первѣе хрустальный „кредецъ" [2]) побилъ, сказывая: „велено де вамъ войску самарскія *вольности* (степи) межевать, а и по ся поры не межовано, за что нынѣ „и репримендовать васъ веленожъ". А потому атамана Кошеваго Павла Иванова зъ старшиною называлъ „ворами и плутами, „и въ войску де нѣтъ добраго состоянія ни единаго человѣка". По отходѣ же атамана Кошеваго Павла Иванова, войсковаго писаря

[1]) Р. Калміусъ, впадающая близь Маріуполя въ Азовское море, отдѣляетъ и теперь Ново-Россію отъ донской земли.

[2]) Кредецъ—приборъ хрустальныхъ штофиковъ для водокъ.

Димитрія Романовскаго шельмою и дуракомъ называлъ-же, и въ щеку, безъ всякой винности, при всей компаніи вдарилъ; также и бывшаго атамана Кошеваго Якима Игнатовича за волосы терзалъ. О чемъ въ войсковую канцелярію о причиненной имъ сотникомъ Зарудвымъ, въ квартерѣ господина Игнатовича, обидѣ письменнаго свидѣтельства въ Кошъ требовано, по которому его сотника отважнымъ, напившись до пьяна, недобропорядочнымъ поступкамъ, гдѣ повелено будеть, засвидѣтельствовать имѣемъ, на томъ и подписуемся".

Чѣмъ кончилось такое любезное обхожденіе господина сотника за гостепріимство въ обществѣ запорожской старшины, объ этомъ свѣдѣній въ архивѣ не оказалось. Но вотъ другое происшествіе, тоже достойное вниманія, какъ образчикъ внутреннихъ хлопотъ нашего славнаго низоваго войска.

Въ бытность кошеваго Петра Калнишевскаго въ 1768 году въ Петербургѣ, съ депутатами отъ войска, для опредѣленія границъ и рѣшенія споровъ о земляхъ запорожскихъ, отобранныхъ подъ ново-сербское поселеніе, получены были не разъ жалобы коменданта ново-сѣченскаго ретраншамента: онъ жалуется, что козаки истоптали всѣ окопы, переломали рогатки, пускаютъ скотъ во рвы и ходятъ въ укрѣпленія безъ позволенія карауловъ. Въ этомъ ретраншаментѣ [1]), по случаю какого-то праздника, были гости и въ томъ числѣ запорожскій старшина и переводчикъ Андрей Константиновъ, и вотъ что онъ доноситъ кошевому начальству:

„1768 года апрѣля 26 дня былъ я нижеименованный въ ново-сѣченскомъ ретраншаментѣ, на квартирѣ господина прапорщика елецкаго пѣхотнаго полку *Костина*, въ компаніи, въ которой находилась господина маіора *Мыкульшина* [2]) жена, капитанъ *Мошоновъ* съ женою, находящій при томъ-же ретраншаментѣ за адъютанта подпоручикъ бѣлевскаго пѣхотнаго полку *Бѣлозерскій*, да запорожскіе козаки: куреня титоровскаго Якимъ Косый и Савва Губа. Гдѣ будучи капитанъ *Мошоновъ* нѣсколько пьянъ, между прочимъ разговоромъ бранилъ безпричинно его вельможность, господина

[1]) Въ селеніи *Покровскомъ* екатеринославской губерніи и уѣзда, на пепелищѣ бывшей Новой-Сѣчи, видны доселѣ остатки валовъ этого мелкаго укрѣпленія.

[2]) Комендантъ ретраншамента.

Кошеваго Петра Ивановича Калнишевскаго поносительными словами, а именно: въ первыхъ назвалъ „мужикомъ несмысленнымъ", приговаривалъ многократно: „что де я самъ лучше его, я де плюю на его"; повторяя сію рѣчь стократно, продолжалъ бранить матерщино съ произношеніемъ негодныхъ словъ. При томъ примолвилъ, что де онъ „былъ уже въ моей командѣ и паки де будетъ". Наконецъ говорилъ онъ, Мошоновъ, что де „вашего Кошеваго въ Петербургѣ хотѣли повѣсить на висѣлицѣ, или въ ссылку сослать, и въ ланцугахъ (цѣпяхъ) его скованнаго держали". И когда ему я и адъютантъ говорили, что это несправедливо ему кто ни на есть пересказалъ и что сего не было: то упомянутый капитанъ утверждая, что такъ точно, какъ онъ сказываетъ, еще произносилъ для чести его вельможности несносные укоризны. А понеже, какъ выше значитъ, при семъ былъ я и выше прописанные свидѣтели, слушавъ съ огорченіемъ въ несносной обидѣ своего командира такія поношенія: для того, повѣренный къ охраненію моего командира чести должности, симъ Кошу войска запорожскаго представляю. А что все вышепрописанное справедливо, въ томъ безъ всякаго пристрастія, при случившихся тамо вышепрописанныхъ свидѣтеляхъ, утверждаю".

Войска запорожскаго низоваго переводчикъ *Андрей Константиновъ*[1]).

Такая обида Кошевому и войску взволновала все Запорожье; собралась „рада" изъ старшины и куренныхъ атамановъ и рѣшила послать 31 мая 1768 года жалобу о горестномъ событіи кіевскому генералъ-губернатору Воейкову. 30 іюня того-же года генералъ Воейковъ отвѣчалъ козакамъ, что онъ не медля „о поношеніи чести такой" поважной особѣ, какъ кошевой атаманъ, къ непріятнымъ слѣдствіямъ поводомъ быть могущемъ, донесъ графу Румянцеву и просилъ капитана Мошонова предать военному суду и тѣмъ надлежащее удовольствіе обиженному кошевому доставить, дабы другіе, смотря на то, впредь отъ такого подлаго и съ офицерскимъ достоинствомъ неприличнаго поползновенія удерживаться побуждены быть могли".

Чѣмъ кончилось и это дѣло, въ бумагахъ сѣчеваго архива никакого свѣдѣнія мы не нашли.

---

[1]) *Андрей Константиновъ* былъ войсковымъ переводчикомъ татарскаго и турецкаго языковъ и агентомъ для пограничныхъ сношеній.

А вотъ любезности съ польскаго рубежа. Въ запорожскомъ архивѣ мы нашли цѣлые десятки документовъ 1740-хъ годовъ о спорахъ и даже кровавыхъ столкновеніяхъ между козаками и польскими пограничными „губернаторами“, которые ясно доказываютъ источникъ тѣхъ ужасныхъ событій, которыя, двадцать лѣтъ послѣ, произвели уманскую рѣзню. Изъ одной „промеморіи“ кошеваго Якима Игнатовича отъ 19 сентября 1749 года, посланной кіевскому начальству, видно, что съ 1733 по 1749 годъ польскіе губернаторы уманскаго, лысянскаго, смѣлянскаго и другихъ „замковъ“, особенно-же гг. *Станиславъ Костка - Ортынскій*, *Михаилъ Закревскій* и *Антонъ Табанъ*, повѣсили 230 козаковъ, отнявъ у нихъ лошадей, воловъ, рыбы, оружія и пожитковъ на 27,513 рублей, что по цѣнности денегъ того времени составляло болѣе, чѣмъ нынѣшнихъ сто тысячъ рублей.

Для примѣра приводимъ оффиціальное донесеніе объ одномъ изъ такихъ польскихъ подвиговъ:

„Въ 1748 году донскаго куреня козаковъ, слѣдующихъ изъ днѣстровскаго походу, зазвавши командующій въ Умани прозваніемъ *Табанъ* съ поляками въ дворъ, якобы для удовольствія ихъ харчми или за чѣмъ другимъ, и поотбиравши: ружье, лошадей, одежу и деньги, Мартына *Гончара*, Трофима *Яровою*, Афанасія *Опатою*, Андрея *Дона*, Михаила *Доматою* и другихъ повѣшали“.

Предлагаемъ также образчикъ любезной сосѣдской корреспонденціи съ того-же рубежа:

Мосци пане [1]) Кошовій низоваго запорожскаго войска, мой приятель!

„Письмо отъ В. М. М. Пана ко мнѣ отписанное сего 1752 года, мѣсяца августа остатнихъ чиселъ, получилъ я, въ которомъ В. М. М. изволите отписывать, яко не только моего хлопця именемъ *Останка*, але и козака именемъ *Саморѣдною* въ вашемъ войску запорожскому, при которомъ оній хлопецъ зостаетъ, не

---

[1]) *Mosci panie* самая неучтивая формула въ письменныхъ сношеніяхъ поляковъ; обыкновенно всѣ пограничные «губернаторы» и даже знатные польскіе вельможи называли кошевыхъ въ своихъ письмахъ «высокопочтенными» или «вельможными». Даже главнокомандующіе гр. Румянцевъ или князь Долгорукій такъ ихъ титуловали.

отпытано. Въ чемъ не знаю, чи я, чили В. М. М. Панъ изволите обманыватся; понежъ я не объ Самородному, но объ *Яцку Безродному* до В. М. М. писалъ, ибо оній Безродній, будучи въ Нѣжинѣ прошедшаго 1751 года на ярмарку, о Покровѣ пресвятой Богородицы, съ прочими своими компанистами, самъ онаго хлопця Остапа отъ мене къ себѣ одмовилъ (переманилъ). О чемъ и не зналъ бы я, еслибъ самъ онъ Безродній чрезъ многихъ нашихъ богуславскихъ людей (которые-те люде сами на свои очи онаго хлопця при немъ служащаго бачили),—ко мнѣ многократно не наказывалъ: дабы я, „пославши що-нибудь въ даровизну, онаго Остапка къ себѣ отобралъ". А наконецъ чрезъ Филиппа Голобородченка, который В. М. Пану и листъ оній, отъ мене посланній вручивъ, такъ предъ тимъ наказывалъ: „скажи же панови своему, нехай онъ мені пару жупанівъ перешле, а по Остапка нехай присылае, то я его отдамъ ему". За чимъ повторнымъ листомъ В. М. М. Пана прошу оному Яцку Безродному приказати, дабы онъ минѣ моего хлопця Остапка безъ турбаціи отдалъ. Впротчемъ, если бы В. М. М. Пане изволили вѣдать, въ якомъ оній Остапко заводѣ знаходится, то бы и сами его задерживать не похотѣли, ибо оній Остапко совсѣмъ, то есть, что я на изученіе его вытративъ и что (онъ) у мене въ Нѣжинѣ, на тотъ часъ, какъ его отъ мене Безродній отмовилъ, уворовалъ,—больше коштуетъ (стоитъ), нежели 700 рублевъ. Значитъ, или оную мнѣ утрату изволите пополнить, или онаго моего злочинца (преступника) Остапка прошу выдати, бо вора вездѣ во всѣхъ народахъ пограничныхъ не заступаютъ (не защищаютъ). Ежели же самоизвольно не изволите выдати, то чрезъ листъ отъ мене вельможнаго е. м. господина гетмана, къ вамъ имѣчій прислатися, зъ дальшею турбаціею и большею утратою, принуждены будете отдати.

„Что же В. М. М. Пане изволите въ листѣ своемъ насъ въ запорожскую службу запрашивати,—отписую: еслибъ я былъ воръ, альбо разбойникъ или якій гультай (негодяй) или драпѣжца (грабитель), если бы я похотѣлъ оныхъ рицерствъ степовыхъ по за комышами доказывати и не только худобу (имущества), але и жизни людемъ отбирати, то бы можетъ на службу вашую и дався. А понеже я подъ знакомъ (знаменемъ) корунным и безъ того „товарищемъ" состою [1]), оной вашей службы не же-

[1]) Въ Польшѣ, кромѣ небольшаго числа регулярныхъ войскъ, была пограничная стража, называемая gwardija narodowa (гвардія народова), состоявшая изъ

лаю. Хотя же, може, и обрѣтается у васъ якій гультай, который полякомъ называется; але онъ не есть полякъ, только ровній вашъ; бо онъ польскимъ языкомъ только срастаетъ, а въ самой силѣ подобный вамъ, а не полякъ: за чимъ не мене, але подобнаго себя охотника въ службу запорожскую запрашивайте, але не мене. Теперь мене-жъ безъ большой турбаціи и утрати успокоить прошу.

„Наконецъ В. М. М. Пане навсегда зостаю приятелемъ зичливымъ.

„Михаилъ Клечковскій".

2 сентября 1752 года.

З замку Богуславского [1]).

Кошъ опредѣлилъ: хлопця отъ „вельможностей" войсковыхъ въ паньскую неволю не отдавать.

Любезность польскаго порубежника, въ отвѣтъ на радушное приглашеніе сдѣлаться низовымъ козакомъ „на защиту христіанства противъ басурманъ",—тѣмъ любопытнѣе или, лучше сказать, смѣшнѣе, что 20 лѣтъ послѣ такіе вельможи, какъ кіевскій генералъ-губернаторъ *Глѣбовъ*, *Кочубей*, графъ *Панинъ*, князь *Прозоровскій*, графъ *Остерманъ*, даже Потемкинъ вступали охотно въ запорожское войско, и имъ выдавались аттестаты отъ избранныхъ ими куреней. Вотъ подлинный такой „аттестатъ", выданный знаменитому академику Эйлеру, посѣщавшему Сѣчь съ ученою цѣлью въ 1770-хъ годахъ.

АТТЕСТАТЪ.

„Астрономической экспедиціи главный предводитель, артиллеріи бомбардирскаго полку господинъ поручикъ, *Христофоръ Леонтіевъ Эйлеръ*, въ пріѣздъ свой въ нынѣшнее время въ Сѣчь запорожскую, по его прошенію, въ войско запорожское, въ число

хоругвей (знаковъ), то есть отрядовъ дворянъ, служащихъ на свой счетъ, которые назывались товарищами (towarzysze); отряды, набранные королемъ, гетманами и епископами, назывались почетными знаками (znaki poważne) и были «коронные», т. е. польскіе и литовскіе.

[1]) «З замку Богуславского». Богуславъ — г. кіевской губерніи, имѣніе князей Яблоновскихъ, имѣлъ, подобно всѣмъ другимъ украинскимъ городамъ и мѣстечкамъ, небольшое укрѣпленіе вокругъ помѣщичьяго дому, и отъ того назывался «замкомъ».

куреня Кущевскаго товарищей, принятъ и между товариство того куреня, на всегдашнее изчисленіе въ куренные регестры, съ нижеписаннаго числа записанъ. Для чего ему, г. поручику Эйлеру, когда гдѣ надобность укажетъ объявленія, сей аттестатъ изъ Коша войска запорожскаго низоваго при подписаніи и печати войсковой выдавъ. Въ Сѣчи запорожской августа 4 дня 1770 года".

(М. П.) Слѣдуетъ подпись:

„Войска запорожскаго низоваго кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій, съ старшиною и товариствомъ".

А. Скальковскій.

ОТЕЦЪ АПОЛЛОНІЙ СЕНДУЛЬСКІЙ,

СВЯЩЕННИКЪ СЕЛА СИВОКЪ ОСТРОЖСКАГО УѢЗДА.

(Некрологъ) *).

Отецъ Аполлоній Сендульскій былъ въ высшей степени выдающаяся личность. Въ немъ счастливо соединились прекрасный человѣкъ, образцовый священникъ—пастырь, незаурядный дѣятель—администраторъ и выдающійся мѣстный ученый—историкъ.

Лучшая пора жизни отца Аполлонія Сендульскаго совпала съ началомъ 60 годовъ, когда, послѣ послѣдняго польскаго возстанія, у правительства и всего образованнаго русскаго народа вспыхнула любовь къ забытой—было русской части народонаселенія

---

*) Считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю признательность почтенному Ал. Тарнавскому за сообщеніе намъ его теплаго слова о скромномъ и неизвѣстномъ, но достойномъ самой свѣтлой памяти мѣстномъ дѣятелѣ въ области жизни и исторіи. Сожалѣемъ вмѣстѣ съ нимъ, что это столь интересное и на многія размышленія наводящее сообщеніе слишкомъ долго въ незаслуженномъ небреженіи пролежало въ одной изъ мѣстныхъ редакцій и является потому запоздалымъ. Присоединяемся къ его желанію, чтобы монографіи о. Сендульскаго были изданы и получили общую извѣстность. Каковы-бы ни были ихъ научныя достоинства, но онѣ могутъ дать много новаго матеріала для мѣстной исторіи, а число ихъ велико (до 40), и всѣ онѣ касаются мѣстностей, имѣющихъ несомнѣнное историческое значеніе. Мы имѣли уже случай высказать, что чѣмъ болѣе будетъ раздроблена разработка мѣстной исторіи, тѣмъ болѣе выиграетъ отъ того наша историческая наука.—Ред.

его вѣрѣ, попираемой иновѣрными пришельцами, и историческимъ мѣстностямъ и памятникамъ, приходившимъ въ большую и большую ветхость, а то и совсѣмъ въ разрушеніе и забвеніе.

Истинно-русская и глубоко православная душа отца Аполлонія не могла не откликнуться на призывъ—поднимать мѣстное народонаселеніе въ религіозно-національномъ и экономическомъ направленіяхъ. Отецъ Аполлоній Сендульскій изо всѣхъ силъ сталъ трудиться, чтобы исполнить долгъ православнаго пастыря и русскаго человѣка. Не смотря на многочисленность семьи (самый употребительный предлогъ для отказа отъ самоотверженной дѣятельности), не смотря на занятія по приходу, выражавшіяся не однимъ требоисправленіемъ, но и проповѣдью, и словесною, а нерѣдко и денежною помощью бѣднякамъ-прихожанамъ; не смотря на занятія по выборнымъ должностямъ, то члена семинарскаго правленія, то члена окружнаго училищнаго съѣзда, то предсѣдателя епархіальнаго съѣзда, не смотря на хлопоты по постройкѣ церкви въ своемъ приходѣ,—отецъ Аполлоній Сендульскій не переставалъ трудиться надъ увеличеніемъ тѣхъ познаній, которыя онъ пріобрѣлъ во время прохожденія семинарскаго курса. Отецъ Аполлоній Сендульскій вообще имѣлъ склонность къ занятію исторіей, а пережитыя краемъ и въ частности имъ самимъ событія—освобожденіе крестьянъ и послѣдовавшее послѣ 1863 года общее освобожденіе края отъ многовѣковаго гнета — польщизны и католицизма, еще болѣе побудили его отдаться изученію мѣстной исторіи, историческихъ мѣстностей, памятниковъ и пр.

Историческія занятія не легки въ большомъ городѣ, представляющемъ собою крупный мѣстный центръ; а въ селѣ глухомъ, крошечномъ, отдаленномъ даже отъ уѣзднаго города, историческія занятія еще болѣе тяжелы, нерѣдко вовсе невозможны. Отецъ Аполлоній не зналъ однако невозможнаго и твердо, неустанно и послѣдовательно шелъ къ намѣченной цѣли—разработкѣ мѣстной исторіи, въ отношеніи къ существующимъ и исчезнувшимъ мѣстностямъ и памятникамъ православной Волыни. Открыть, выяснить и доказать въ изслѣдуемой мѣстности и памятникѣ остатки православія—вотъ та цѣль, къ достиженію которой стремился отецъ Аполлоній Сендульскій. Для достиженія этой цѣли отецъ Аполлоній не мало потратилъ времени, денегъ, труда и здоровья. За то не мало оста-

вилъ послѣ себя памятниковъ. Начавъ съ исторіи села Сивокъ, своего прихода,—перваго печатнаго труда, появившагося на страницахъ мѣстныхъ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей", въ 1868 году, отецъ Аполлоній перешелъ къ изслѣдованію сосѣднихъ мѣстностей, селъ, мѣстечекъ, городовъ и монастырей и неустанно работалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Вотъ перечень историческихъ трудовъ отца Аполлонія Сендульскаго: „Мѣстечко Ляховцы острожскаго уѣзда", „Село Тихомль", „Мѣстечко Ямполь", „Мѣстечко Шумскъ", „Мѣстечко Рахмановъ", „Краткія историческія свѣдѣнія о православномъ валевскомъ монастырѣ", нынѣ не существующемъ, „Историческія свѣдѣнія о православныхъ церквахъ и монастыряхъ въ г. Луцкѣ", нынѣ не существующихъ, „Мѣстечко Вишневецъ", „Татаринецкій мужескій монастырь, бывшій вблизи с. Обычи", нынѣ не существующій, „Село Суражъ", „Село Стожокъ", „Городъ Луцкъ", „Городъ Кременецъ", „Село Поляховка", „Село Городище", „Городъ Заславль", „Преподобный Іовъ, игуменъ почаевскій", „Городъ Овручъ", „Городъ Дубно", „Загаецкій монастырь", „Мѣстечко Бѣлокриница", „Мѣстечко Боремль", „Мѣстечко Олыка", „Мѣстечко Четвертня", „Мѣстечко Чарторыйскъ", „Мѣстечко Берестечко", „Городъ Ровно", „Мѣстечко Искорость", „Мѣстечко Пересопница", „Мѣстечко Клевань", „Мѣстечко Корецъ", „Мѣстечко Вышгородокъ", „Городъ Острогъ", „Мѣстечко Полонное", „Мѣстечко Домбровица", „Изъ наблюденій сельскаго священника", „Записка о постройкѣ новой церкви въ селѣ Сивкахъ, острожскаго уѣзда, во имя преподобнаго Ѳеодора, князя острожскаго". Всѣ эти работы напечатаны въ промежутокъ времени между 1868 годомъ и началомъ нынѣшняго 1882 года. „Городъ Острогъ", „Мѣстечко Полонное" печатались уже послѣ смерти ихъ автора. Кромѣ напечатанныхъ историческихъ статей, отецъ Аполлоній помѣщалъ въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" не мало своихъ проповѣдей, отличавшихся краткостью и, употребляя гомилетическое выраженіе, елейностью. Но литературная дѣятельность отца Аполлонія Сендульскаго не ограничивалась перечисленными трудами. Онъ велъ „лѣтопись" своего прихода; въ нее онъ вносилъ все замѣчательное, какъ-то: особенныя событія и случаи, наблюденія надъ жизнію крестьянъ, статистическія свѣдѣнія о приходѣ и метеорологическія наблюденія. Послѣ отца Аполлонія осталась написанная имъ-же самимъ „Авто-

біографія" и множество рукописнаго матеріала, между прочимъ двѣ приготовленныя къ печати статьи: „Мѣстечко Лабунь" и „Мѣстечко Степань", и обширная библіотека, состоящая преимущественно изъ книгъ историческаго содержанія.

Было-бы въ высшей степени желательно, чтобы всѣ сочиненія отца Аполлонія были напечатаны въ отдѣльномъ изданіи и пущены въ продажу. За это дѣло слѣдовало-бы взяться редакціи „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей", и, въ случаѣ неимѣнія средства на изданіе, выполнить его при содѣйствіи епархіальной власти и типографіи почаевской лавры. Изданіе всѣхъ сочиненій отца Аполлонія въ видѣ книги было-бы лучшимъ памятникомъ покойному и немалою поддержкою его осиротѣвшей семьѣ.

Трудясь на поприщѣ литературной дѣятельности, отецъ Аполлоній не забывалъ прямыхъ обязанностей священника. Въ отношеніи крестьянъ онъ былъ „добрый пастырь"—помогалъ своимъ прихожанамъ не только словомъ, но и дѣломъ, т. е. деньгами. Не мало семействъ избавлено было отцомъ Аполлоніемъ отъ еврейской кабалы. Но особенную заботу прилагалъ отецъ Аполлоній къ устройству церкви въ своемъ приходѣ. Такъ какъ средства прихода были недостаточны для постройки храма, то от. Аполлоній прибѣгнулъ къ помощи церковно-строительнаго комитета и... вдоволь намучился, пока не одержалъ побѣды надъ комитетомъ. Эта любопытная исторія изложена отцомъ Аполлоніемъ въ „Запискѣ" и помѣщена въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" за 1879 годъ. Выстроенный отцомъ Аполлоніемъ храмъ освященъ въ честь преподобнаго Θеодора, князя острожскаго. Если не считать придѣла въ церкви Кирилло-Меθодіевскаго острожскаго братства, освященнаго въ честь молитвенника за Острогъ и Волынь, то церковь въ селѣ Сивкахъ есть единственная въ честь преподобнаго Θеодора, заступника Волыни.

Не мало потрудился отецъ Аполлоній и для своего роднаго сословія, служа по выборамъ въ должностяхъ: сначала члена правленія семинаріи, для чего ѣздилъ въ Кременецъ за 50 верстъ, потомъ члена окружнаго училищнаго съѣзда, потомъ члена и наконецъ предсѣдателя епархіальнаго съѣзда. Во время исполненія этихъ должностей отецъ Аполлоній переносилъ большія непріятности отъ своихъ-же собратій—духовенства, въ особенности

въ послѣднее время, когда обсуждались вопросы о расширеніи житомірскаго духовнаго женскаго училища и объ открытіи такого-же въ Кременцѣ. Отецъ Аполлоній стоялъ за рѣшеніе этихъ вопросовъ въ утвердительномъ смыслѣ, а духовенство шло противъ, потому что не желало разстаться съ нѣсколькими рублями. Своею прямотою и откровенностію от. Аполлоній отличался и въ частной жизни, отъ того не многіе понимали его самоотверженную дѣятельность и строгое исполненіе обязанностей.

Отецъ Аполлоній умеръ 7 января 1882 года послѣ тяжкой болѣзни, которая, однако, не мѣшала его сильной волѣ исполнять обязанности священника: изнемогая отъ болѣзни, не имѣя силъ и голоса, отецъ Аполлоній служилъ 25 декабря за 13 дней до смерти. Такъ сильна была воля покойнаго и такъ самоотверженно исполнялъ онъ свои обязанности!

Вѣчная память имени скромнаго сельскаго дѣятеля!

Ал. Тарнавскій.

ДВѢ ЗАПИСКИ СВ. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

О ПРІЕМѢ И СДАЧѢ ИМЪ ЕЛЕЦКАГО ЧЕРНИГОВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Это тѣ именно записки, которыя г. Кулжинскій принялъ за дневникъ св. Димитрія, рисующій внутреннюю жизнь монастыря. Хотя онѣ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что привыкли мы называть дневникомъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ разбросано много данныхъ, не лишенныхъ значенія для исторіи того времени и наводящихъ на мысль о самой жизни монастыря,—той жизни, къ которой относятся слова Христа Спасителя: *идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ.* Мы видимъ здѣсь и самаго святителя въ роли главнаго хозяина монастыря, не забывающаго и тлѣнныхъ міра сего: *человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ,* какъ замѣтилъ ап. Іаковъ о пророкѣ Иліѣ, но... *молитвою помолися,* о Богѣ и высшей жизни не забывалъ, среди неизбѣжныхъ заботъ мірскихъ, и стяжалъ себѣ имя великаго святителя, которое благоговѣйно чтитъ вся земля русская. Мы видимъ въ записяхъ, кромѣ монеты въ разныхъ видахъ, много животныхъ и для пищи пригодныхъ; но пусть это не вводитъ кого-либо въ соблазнъ: монастырская братія того вре-

мени не нарушала обычаевъ всегдашняго поста; всѣ эти вепри и поросята, овцы и телята, гуси и подобная дробь разводились не для братскаго стола, но какъ предметъ промысла; одной „горѣлки" добивалась и на недостатокъ или дурное качество оной жаловалась нерѣдко тогдашняя братія, и на это часто можно натыкаться въ монастырскихъ архивахъ.—Мы находимъ наконецъ въ запискахъ данныя о денежныхъ средствахъ монастыря и ихъ источникахъ, о мѣстахъ, размѣрахъ и особенностяхъ монастырскаго хозяйства, о денежныхъ знакахъ, мѣрахъ хлѣбныхъ и проч. Но и, кромѣ указаннаго нами, читатель найдетъ еще нѣкоторыя любопытныя частности въ самыхъ запискахъ, составляющихъ автографъ святителя.

I. Записка о пріемѣ монастыря.

Року 1697, мѣсяца іюня: принявши архимандрію елецкую черниговскую, зревѣдовалисмо скринку скарбцовую, зличили въ ней талеровъ битыхъ сто, 1,000 золотыхъ чехами, а остатокъ чеховъ велѣлисмо отцу Генадію шафару взяти до шафованя на монастырскіи расходы.

Затѣмъ написаны и зачеркнуты красными чернилами слѣдующія слова: въ той-же скринци особно положено пани Полуботковыхъ грошей червонныхъ гнутыхъ 15, а чехами копа. *Вмѣсто зачеркнутаго написано краснымъ чернилом̃ъ:*

NB. Року 1698, ноября 4, умерла старая Полуботчиха и взято тихъ грошей назадъ, тилько дано 5 червонихъ до скринки, а три клирошанамъ.

Того-жъ году (1697) предъ Покровою пресвятой Богородицы, якъ выбиралемся въ дорогу до Батурина и Глухова, а братія о належитое себѣ зажитое просили, отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, же мало есть у него грошей, теды на прошенія ихъ выдалемъ з скринки сей чехами золотыхъ двѣстѣ.

Того-жъ часу отецъ намѣстникъ Ипполитъ, ѣдучи до Нѣжина къ Покровѣ пресвятой Богородицы, на ярмарокъ, же яко отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, что не было иншихъ въ монастыру грошей, теды з сеежъ скринки взялъ золотыхъ 60.

Якъ вернулемся зъ Глухова въ Филиповъ постъ, отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, же отнюдь не маетъ грошей, теды зъ сееи скринки давано на расходы, и вышло золотыхъ 34 и шаговъ три.

Того-жъ году 1697, декабря 22, учинилисмо нового шафара брата Інокентія діякона, далисмо ему зъ сихъ же грошей до шафованія золотыхъ сто. Бо отъ отца Генадія, якъ здавалъ зъ себе шафарство, не взялемъ грошей большъ, тилько полодинадцата шагачехами, а остатковъ было 7 золотыхъ и шеляговъ щось трохи.

Року 1698, януарія мѣсяца, взялисмо зъ сихъ-же скарбцовыхъ грошей на соль золотыхъ сто, и купилисмо соли московской гуртомъ за цѣлие сто золотыхъ.

Мѣсяца апрѣля, предъ вѣханемъ нашимъ отсюдже выдали золотыхъ 50 на расходы, бо зголя нѣотколь взяти.

NB. А такъ зъ сумы лежачои вышло грошей золотыхъ 544 и шаговъ три.

На потимъ еще въ року 1699, въ зимѣ, зкуповуючи вѣтраного, взялисмо зъ скарбцовыхъ грошей золотыхъ сто, а прочее платилисмо грошми пана бунчуковаго, который далъ былъ зъ побожности своей на манастырь полтораста золотыхъ.

II. Записка о сдачѣ монастыря.

Року 1699, сентемврія 17. Отъѣжжаючи зъ монастыря елецкаго, оставляю господарство такое:

Въ Овдѣевци посѣяли жита осмачокъ 7 и четверикъ, а осталося немолоченого жита копъ 100 и семьдесятъ; быдла рогатого семьдесятъ и трое, овечокъ шестьдесятъ и осмеро, телятъ тридцатеро и одно, коней четвонадцатеро, свиней 13, гусей 60, овса копъ сорокъ, ячменю копъ 4, сѣна стоговъ добрыхъ 11.

Въ Горбовѣ посѣяли осмачокъ семь жита, а зосталося копъ 100 и тридцать, овса копъ двадцать, сѣна скиртъ 5.

Въ Серединци посѣяли осмачокъ десять, а зосталося немолоченаго копъ 30, овса копъ тридцать и три, ячменю копъ 21, гороху, що всюди есть, копицъ 170, проса въ монастырю и на Святомъ копъ 25, гречка ще не кошена.

Въ Серединци коней два и кляча, воловъ девять и телица, свиней трое, гусей 12, сѣна двѣ скирти и стоговъ добрихъ осмь, а еще сѣножатей некошеныхъ на толькижъ буде.

Дерева тамже на два млины рѣзанаго и тертицъ пятьдесятъ и палей дубовыхъ двадцать.

Въ монастиру сѣна стирта и два стоги великихъ.

На Святомъ коровъ три, телятъ 4, гусей з двадцать.

Въ Рижикахъ казановъ 4, пять новыхъ дома, свиней 30, въ сажи три вепри, поросятъ з двадцать, гусей двадцать и конь одинъ.

Въ пасѣци подъ Папоровкою пчолъ на зиму оставлено двадцать осмь.

Въ монастиру коней монастирскихъ семеро, а моихъ власнихъ оставлаю шестеро. Ридванъ, коляса пароконная и коляска одноконная, полубъ пароконный и полубѣцъ одноконный, шоръ паръ три зовсѣмъ.

Въ церквѣ аппарата, книги, сребро все ведлугъ давнихъ реестровъ + паламарскихъ + вцѣлости.

Прибыло стихаровъ священническихъ, отъ панеи обознои данихъ, два. Ризы пана обознаго злотоглавыи и епитрахиль. Ризы чорныи зъ золотымъ крестомъ.

Въ трапезѣ, въ кухнѣ, весь посудокъ ведлугъ давнихъ трапезнихъ реестровъ в цѣлости.

Прибыла книга до трапезы житій святыхъ декабрь, январь, февраль по небожчику Іннокентію дякону.

Прибыла до церкви книга уставъ.

Въ скарбцу церковномъ грошей въ доброй монетѣ въ червоннихъ и талярахъ 1,000 золотихъ и 300, а особливе гетманскихъ чехами золотихъ 300.

Въ Копачевѣ и Надиновци зкупилисмо вѣтраного, дали копъ сто, за часть млина его, и за дворъ, и за сѣножати, и за всѣ его добра лежачіи.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ *).

Въ с. Сулимовкѣ, переяславскаго уѣзда, въ усадьбѣ Ал. Андр. Войцеховича, хранятся четыре портрета, на которыхъ изображены:

30) *Иванъ Федоровичъ Сулима,* генеральный хорунжій, умершій въ 1721 г., на работахъ ладожскаго канала. Тѣло его было привезено въ родную Сулимовку, какъ говоритъ семейное преданіе, въ выдолбленной и осмоленной сосновой колодѣ, въ которой противъ лица умершаго, выставлено было стекло. Въ этой самой колодѣ хорунжій былъ и погребенъ въ склепу сулимовской церкви.

*) «Кіевская Старина», май, 337 и сентябрь, 557.

31) *Марья Павловна Сулима,* жена предыдущаго, дочь Павла Полуботка. Умерла въ 1729 г.

32) *Семенъ Ивановичъ Сулима,* переяславскій полковникъ 1739+1766, сынъ предыдущихъ. Нарисованъ въ бѣломъ кунтушѣ, съ перначемъ въ рукѣ.

Всѣ три портрета представляютъ собою подлинники, довольно плохо впрочемъ сохранившіеся. Ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ никакихъ надписей, и указаніе на принадлежность ихъ означеннымъ лицамъ сдѣлано нами со словъ Пр. М. Артемьевой[1]), происходящей изъ рода Сулимъ и хорошо знакомой съ семейными преданіями своего рода.

33) *Павелъ Леонтьевичъ Полуботокъ,* черниговскій полковникъ. Въ первой нашей замѣткѣ о малороссійскихъ портретахъ („Кіевск. Старина", май), указывая на два портрета Полуботковъ, хранящихся у гр. Гр. А. Милорадовича, мы сказали, между прочимъ, что по неимѣнію надписей, нельзя опредѣлить, который изъ двухъ изображаетъ Леонтія (отца), а который Павла (сына). Теперь съ достовѣрностью можно сказать, что портретъ будто бы Павла Полуботка, приложенный ко всѣмъ тремъ изданіямъ Исторіи Малой Россіи, Бантышъ-Каменскаго, изображаетъ не Павла, а должно быть отца его—Леонтія, бывшаго при Самойловичѣ переяславскимъ полковникомъ. Портретъ, находящійся у А. А. Войцеховича, имѣетъ на оборотной сторонѣ надпись, указывающую, что это портретъ—Павла Полуботка. Портретъ этотъ—двойникъ одного изъ Полуботковскихъ портретовъ, хранящихся у гр. Милорадовича, и двойникъ именно того портрета, литографію котораго (довольно плохую, впрочемъ) лѣтъ десять назадъ издалъ владѣлецъ этихъ обоихъ портретовъ, съ догадкою о его принадлежности Павлу Полуботку. Принадлежность

---

[1]) Отъ нея-же, между прочимъ, получили мы свѣдѣніе, что въ томъ же переяславскомъ уѣздѣ, въ с. В. Круполѣ, у Ипп. Ил-ча Бутовича, имѣется какой-то замѣчательный по старинѣ портретъ Мазепы. Интересно было-бы получить объ этомъ портретѣ болѣе подробныя свѣдѣнія, такъ какъ сколько нибудь достовѣрнаго портрета Мазепы пока въ виду не имѣется. Изъ всѣхъ печатныхъ портретовъ его, наибольшее вниманіе останавливаетъ на себѣ гравюра на деревѣ, напечатанная въ «Иллюстраціи» 1847 г., № 5. О подлинникѣ этой гравюры сказано только, что это «древній портретъ». Не тотъ-ли это, что въ академіи художествъ?

Сулимовскаго портрета Павлу Полуботку подтверждается, кромѣ надписи, еще и тѣмъ, что жена Ивана Федоровича Сулимы была, какъ мы уже сказали, дочь Павла Полуботка; она конечно и привезла въ Сулимовку портретъ *своего отца*[1]).

Ал. Лазаревскій.

О ДНѢ СМЕРТИ КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ-КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ОСТРОЖСКАГО.

Въ исторіи есть лица на столько памятныя и дорогія, что не просто любопытно, но иногда и необходимо знать вѣрно не только годъ, но и день ихъ кончины, съ которою, какъ и съ ихъ жизнію, связываются иногда многія событія. Къ числу такихъ лицъ у насъ безспорно принадлежатъ два великіе ревнителя православія и народности русской, князья Константинъ Ивановичъ и въ особенности двухъ-именный сынъ его Василій-Константинъ Константиновичъ Острожскіе.

Между тѣмъ время кончины этихъ великихъ не только для своего времени, но и для потомства дѣятелей до настоящей поры съ точностію не опредѣлено. Относительно перваго можно несомнѣнно утверждать только то, что онъ скончался между 1 сентября 1529 г. и первыми числами октября 1530 г.[2]). Опредѣленіе дня смерти (18 августа) этого князя, сдѣланное Нарбутомъ, пока не будетъ извѣстенъ источникъ, изъ котораго оно заимствовано, или-же не откроется новыхъ данныхъ для подтвержденія мнѣнія этого историка, нельзя считать несомнѣннымъ.

Что-же касается князя Василія-Константина Острожскаго, то до послѣдняго времени не только день, но даже и годъ его смерти опредѣлялись и опредѣляются различно. Нѣсецкій[3]), а за нимъ и

---

[1]) Собирая свѣдѣнія о старинныхъ малороссійскихъ портретахъ, мы недавно узнали, что будто-бы имѣется довольно значительное собраніе этихъ портретовъ въ с. Очкинѣ, новгородсѣверскаго уѣзда, въ усадьбѣ умершаго въ этомъ году, А. М. Судіенка. Къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній о составѣ этого собранія намъ получить до сихъ поръ не удалось. Не поможетъ-ли кто изъ видѣвшихъ это собраніе?

[2]) Подробнѣе объ этомъ въ Труд. кіев. дух. акад. 1877 г. октябрь, 182—188 стр.

[3]) Herbarz Polsk. t. VII.

нѣкоторые другіе обыкновенно утверждали, что онъ умеръ 21 марта 1606 г. Петровъ нашелъ въ рукописномъ сборникѣ кіево-софійскаго собора двѣ надгробныя надписи обоимъ этимъ князьямъ. Изъ нихъ видно, что кн. Василій-Константинъ скончался въ 1608 г. на 81 году жизни. Въ помянникѣ (писанномъ) дерманскаго монастыря на поляхъ отмѣчено, что этотъ князь „преставися“ отъ Р. Х. 1608 г. февраля 13 дня, въ субботу Θеодорову, жилъ 81 г... положенъ въ церкви соборной острожской“ [1]). Это послѣднее опредѣленіе принято нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями [2]). Но приведенная отмѣтка въ синодикѣ Острожскихъ позднѣйшаго происхожденія и придавать ей значеніе несомнѣннаго свидѣтельства нельзя [3]), ибо въ томъ-же синодикѣ на поляхъ есть грубыя ошибки и анахронизмы. Можно съ несомнѣнностію принять только годъ кончины этого князя, такъ какъ это подтверждается другими свидѣтельствами, напр., выше указанными надгробными надписями; что-же касается дня, то, кажется, гораздо вѣроятнѣе опредѣленіе его, сдѣланное Нѣсецкимъ, на основаніи свидѣтельства іезуита Янчинскаго. Этотъ іезуитъ, сообщающій много свѣдѣній о частной жизни этого дѣятеля, считаетъ днемъ его смерти 21 марта. Мы можемъ указать данныя, которыя, по видимому, даютъ этому опредѣленію большую вѣроятность. Въ сборникѣ копій писемъ кн. Острожскихъ (изъ несвижскаго архива князей Радзивиловъ), находящемся въ рукописномъ отдѣленіи спб. публичной библіотеки, есть слѣдующее письмо кн. Ивана (Януша) Константиновича Острожскаго къ князю Хр. Радзивилу [4]).

Oswiecony Xiąze, moj M-cwy Panie powinny!

Złożywszy czas pogrzebowi ciała sławnej pamięci X-cia, J-o M. Pana Ojca i Dobrodzieja mego na dzień 27 kwietnia, w Ostrogu, rozumiałem za słuszną W. X. M. oznajmić, prosząc przytem, abyś

---

[1]) Памятник. кіевск. коммис. IV, отд. I, 108. Родился-же онъ въ 1527 г.

[2]) Макарій, Истор. русск. церк. т. X, 358.

[3]) Очень можетъ быть, что авторъ ея смѣшалъ этого князя съ его прадѣдомъ Василіемъ (Красивымъ) и найдя въ древнихъ синодикахъ надпись о днѣ кончины послѣдняго, соединилъ ее съ извѣстнымъ ему годомъ смерти перваго.

[4]) Этотъ кн. Радзивилъ былъ женатъ на дочери князя Василія-Константина, сестрѣ Ивана Константиновича.

W. X. M. z krewnej powinności swej, pomniąc na uprzejme ku sobie chęci i miłość nieboszczykowską, przybycieś raczył ku temu żałosnemu aktowi na czas pomieniony do Ostroga. Oświadczysz W. X. M., mój M-y Pan, przez to łaskę swą i powinną miłość, która była ku żywemu, tudzież którą mieć raczył przeciwko mnie i domowi memu..... z Ostrogu 1608 r. martii die ulma (ultima) [1]).

Janusz xiąze Ostroskie, kasztelan krakowski.

Приведенное письмо дастъ понять, что фактъ смерти князя Константина Острожскаго былъ извѣстенъ уже его зятю, князю Радзивилу, котораго шуринъ, князь Янушъ Острожскій извѣщаетъ теперь лишь о времени погребенія отца, назначенномъ на 27 апрѣля, приглашая прибыть къ этой печальной церемоніи; оно также показываетъ, что назначенный для погребенія срокъ былъ теперь только избранъ и не служилъ отмѣною какого либо другаго, болѣе ранняго срока. Если-же письмо писано 31 марта, то естественнѣе допустить, что смерть этого князя послѣдовала 21 марта, чѣмъ 13 февраля. Нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, чтобы тѣло кн. Василія-Константина оставалось непогребеннымъ въ продолженіи чуть не двухъ съ половиною мѣсяцевъ, если дѣйствительно онъ скончался 13 февраля. Равнымъ образомъ трудно, при этомъ предположеніи, объяснить, почему кн. Янушъ Острожскій увѣдомляетъ своего ближайшаго родственника о времени погребенія своего отца едва по истеченіи полутора мѣсяца со времени кончины этого послѣдняго. Напротивъ допустивъ, что смерть кн. Константина послѣдовала 21 марта, мы не найдемъ ничего страннаго и неестественнаго въ томъ, что сынъ его извѣщаетъ своего родственника Радзивила о времени погребенія отца спустя десять дней послѣ кончины этого послѣдняго.

В. Бала́ушевичъ.

УКРАИНСКІЙ ГЕЛІОСЪ.

(НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ О СОЛНЦѢ).

Украинскія преданія, давшія столько богатыхъ сюжетовъ для безсмертныхъ произведеній Шевченка, Гоголя, Пушкина („Гусаръ“,

[1]) IV. F. № 223, лист. 76.

напримѣръ), Мицкевича и др., сколько извѣстно, еще не разсматривались, какъ своего рода *окамънелость* древне-языческихъ воззрѣній южно-русскаго народа. Въ настоящей замѣткѣ хочу сгруппировать украинскія легенды о *солнцѣ*, иногда значительно сходныя съ разсказами древнихъ грековъ о Геліосѣ, въ огненной колесницѣ совершающемъ свои объѣзды по небу. Есть-ли это совпаденіе взглядовъ —случайность, или это результатъ вліянія грековъ, жившихъ въ геродотовскія времена по берегамъ Чорнаго моря, на древнѣйшихъ нашихъ предковъ,—я не берусь рѣшать этого вопроса.

По представленію украинцевъ, *сонце*, равно-какъ *місяць* (луна), *зорі-зорниці, морозко, вітеръ* и проч.—живыя существа, могучіе, обитающіе на небѣ великаны, способные, смотря по расположенію духа, оказывать благодѣянія людямъ или-же дѣлать людей безъисходно несчастными. Каждый изъ этихъ титановъ имѣетъ свою особую, физическую и нравственную, физіономію, свой характеръ. Болѣе добрыми изъ нихъ въ легендахъ являются *сонце* и *місяць*.

Сонце—великанъ, обладающій свѣтоносной и теплотворной одеждой, которую онъ надѣваетъ по своему усмотрѣнію и съ помощью которой онъ освѣщаетъ, согрѣваетъ и оплодотворяетъ всю природу [1]). *Місяць*—блѣдный, менѣе могучій, съ печатью „каинова грѣха" на лицѣ, братъ солнца, созданный одновременно съ нимъ [2]). Въ заклинаніяхъ своихъ украинцы такъ обращаются къ этимъ двумъ свѣтиламъ: „И тебе прошу, красне сонце, и тебе прошу, ясный місяцю!" [3]),—тѣмъ не меньше, и звѣзды, и мѣсяцъ далеко не пользуются у южноруссовъ такимъ уваженіемъ, какъ благодѣтельный Геліосъ, что можно видѣть хотя-бы изъ слѣдующей поговорки: „Світило-бъ мині тільки праведне сонце, а місяць и зорі я коломъ побъю"...

Видя беззаконія, творимыя ежеминутно человѣчествомъ, солнце иногда, въ невыносимой горести, закрываетъ лице свое руками, отчего и происходятъ затмѣнія солнца [4]). Другой разъ украинскіе дра-

---

[1]) Труды этнографич. экспедицiя въ юго-западн. край, т. I, в. I, стр. 5—6.
[2]) Ibid.
[3]) Ibidem., стр. 69.
[4]) Ibid., стр. 13.

коны, *крилаті вовкулаки*, набрасываются на свѣтоноснаго великана, желая уничтожить его; вступая съ ними въ борьбу, солнце на время перестаетъ освѣщать и согрѣвать землю [1]).

Солнце, при всемъ своемъ могуществѣ, не всегда оказывается равнодушнымъ къ прелестямъ нашихъ земныхъ красавицъ, при чемъ безъ зазрѣнія совѣсти отымаетъ у мужей и отцевъ красивѣйшихъ украинокъ, насылая на нихъ въ такомъ случаѣ вихрь, который и уноситъ женщинъ въ палацы свѣтоноснаго великана [2]).

Впрочемъ, солнце и здѣсь стремится быть справедливымъ. За каждую похищенную имъ женщину оно щедро награждаетъ деньгами ея родныхъ [3]).

Солнце имѣетъ у себя трехъ дочерей, которыя, въ видѣ утокъ, плаваютъ иногда по рѣкамъ и озерамъ земнымъ; дочери эти всемогущи на землѣ, но силу свою употребляютъ исключительно на добро людямъ [4]). Нѣкій сказочный украинскій герой, которому необходимо было отыскать „палацъ" солнца, случайно встрѣчается съ одной изъ солнцевыхъ дочерей; послѣдняя вошла въ его положеніе и дала ему золотой клубокъ, который прикатился къ самимъ дверямъ солнцева дворца [5]). Этотъ-же герой женился на дочери солнца, а всемогущій тесть сдѣлалъ его неуязвимымъ, заставивъ его окунуться въ громадномъ казанѣ въ кипящее молоко.

Проведя ночь въ подземныхъ чертогахъ, утромъ солнце начинаетъ подыматься по *блакиту*, при чемъ ему пособляютъ демоны, живущіе въ моряхъ; не одна тысяча *куцанівъ* (чертей безхвостыхъ) погибнетъ отъ солнечнаго жару прежде, чѣмъ солнце наконецъ взойдётъ [6])!—Въ полдень солнце не идетъ по небу, говорится въ одной легендѣ [7]), но „трохи спочивае" (отдыхаетъ); подъ-вечеръ идетъ совсѣмъ на отдыхъ, ночью-же спитъ и встаетъ утромъ очень рано. На востокѣ прежде жила какая-то поразительно красивая

---

[1]) Труды этн. экс., т. I., стр. 13.

[2]) Рудченко, «Народныя южно-русскія сказки», вып. I, стр. 85.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid., стр. 91—93.

[5]) Ibid.

[6]) «Труды этногр. экс.», т. I, стр. 4.

[7]) Ibid., 3—4.

панна, и лишь только, бывало, солнцу надо всходить, она умоетъ, вытретъ его хорошо: вотъ по какой причинѣ въ прежнее время солнце свѣтило гораздо лучше, чѣмъ теперь [1]).

Въ параллель къ этой украинской легендѣ, приведу нѣсколько строкъ изъ сочиненія г. Петискуса о древне-греческой миѳологіи. „По вѣрованію древнихъ, говоритъ онъ, Геліосъ (солнце) вставалъ раннимъ утромъ, лишь только розоперсная Эосъ (богиня утренней зари) возвѣститъ о приближеніи его, и въ пылающей колесницѣ, на огненныхъ коняхъ, несся по своду небесному, ночь-же пребывалъ въ золотыхъ чертогахъ Тефисы прекрасной" [2]).

Однажды солнце вмѣсто себя послало освѣщать міръ своего зятя, снабдивъ послѣдняго своими свѣтоносными „ризами", подобно Геліосу, который то-же довѣрилъ какъ-то свою огненную колесницу сыну Фаэтону; зять во время обхода задалъ трепку „вітру и морозку" (морозу), но тесть на другой день извинился предъ ними [3]).

Уваженіе и довѣріе, которыя украинскій народъ питаетъ къ солнцу, видны, между прочимъ, изъ одного заклинанія, влагаемаго въ уста дѣвушки, которая, желая получше устроить свою судьбу, рано утромъ, чуть взойдетъ солнце, выходитъ изъ хаты и, обращаясь къ нему, говоритъ: „День тебѣ добрый, солнышко ясное! Ты святое, ты ясное-прекрасное; ты чистое, величавое, почтенное (поважне)! ты освѣщаешь, и горы, и долины, и высокіе курганы.... Освѣти меня, рабу Божію, передъ панами, передъ попами, передъ царями, передъ всѣмъ міромъ христіанскимъ"... и т. д. [4])

Гр. Десятынъ.

СВ. МУРО ВЪ СТАРИНУ и КАКІЕ СЪ НИМЪ СЛУЧАИ БЫВАЛИ.

Въ практикѣ церкви нашей есть и теперь много невыясненнаго, неопредѣленнаго; отсюда неизбѣжныя недоумѣнія и затрудненія нетолько для молодыхъ, но и для старыхъ священниковъ, отсюда

---

[1]) Ibid.

[2]) Петискусъ. «Олимпъ», стр. 94.

[3]) Рудченко, Народныя южно-рус. сказки, в. I, стр. 94.

[4]) «Труды этногр. эксп.», т. I, стр. 93.

по мѣстамъ особенности въ богослуженіи и обрядахъ, приводящія въ соблазнъ, а то и раздражающія иного знатока уставовъ церкви и ревнителя церковнаго благолѣпія и благочестія, отсюда выходки и оригинальныя дѣйствія нашихъ пастырей, неизбѣжныя въ прежнее, возможныя и въ наше время. Многое восполняетъ и поправляетъ теперь большая развитость и образованность нашихъ священниковъ; не то было въ старину—бѣдную и простую.

Вотъ какіе казусы бывали, между прочимъ, и съ св. мѵромъ.

Обычнымъ для селъ источникомъ св. мѵра, были въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія такъ называемыя протопопіи. Протопопіи эти, и въ центрѣ расположенныя, отъ крайнихъ селъ уѣзда отстояли часто на 50—60 верстъ, что въ круговой объѣздъ давало отъ 100 до 120 верстъ; иныя отстояли на 100 и болѣе верстъ, въ круговомъ объѣздѣ 200 и больше верстъ, какое разстояніе не всегда легко и удобно переѣзжать и по сухому хорошему пути. Это, впрочемъ, препятствіе больше для позднѣйшаго времени, и, такъ сказать, второстепенное. Въ старину другое было. Протопопъ для священника иного сельскаго захолустья казался чѣмъ-то особенно великимъ и страшнымъ [1]). Предстать предъ лице его, да еще и говорить съ нимъ, пожалуй, да это такое ужасное дѣло, отъ одного представленія о которомъ у иного волосы дыбомъ станутъ. А между тѣмъ какъ быть? Св. мѵро совершенно истощилось, сосѣда просилъ, не даетъ, да и у самаго немного; а тутъ, какъ нарочно, являются и являются крестить. И тычетъ бѣднякъ сучцемъ въ сосудъ, немного еще мокрый отъ бывшаго въ немъ мѵра, а то и совсѣмъ сухой, и утѣшаетъ себя мыслію, что, по милости Божіей, совершилъ таки таинство мѵропомазанія.

---

[1]) И это не упреувеличеніе. Одинъ уважаемый протоіерей (уже умершій), служившій въ 50 и 60 годахъ, разсказывалъ намъ, какъ онъ самъ, пріѣхавъ въ село въ храмовой день, приходомъ своимъ въ церковь до того испугалъ одного старичка—священника, пріѣхавшаго нарочито принять участіе въ праздничномъ богослуженіи, что тотъ едва въ состояніи былъ окончить акафистъ, который читалъ, и затѣмъ ни за что не согласился пойти въ домъ настоятеля прихода, а изъ церкви прямо убѣжалъ домой. А вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что сотрудничая въ богослуженіи, старичокъ укрѣплялся въ трудѣ перспективой будущаго «учрежденія велія». Надо быть великому страху, чтобы уйти отъ трапезы.

А то, говорили мнѣ старики-отцы, былъ и такой случай. У одного изъ захолустныхъ совершенно истощился запасъ св. мvра, даже самый сосудъ сухой совсѣмъ. Старичокъ для мvра употреблялъ стручецъ съ волосяной кисточкой. Естественно не имущему вообразить, что тамъ за долгое время скопилось таки не мало св. мvра. И вотъ почтенный отецъ, когда приходится ему мvропомазывать, прижжетъ кисточку на свѣчкѣ, и, помазывая прижженнымъ мѣстомъ, весь погруженный въ свое дѣйствіе, уже забываетъ и слова таинства, а говоритъ только, повторяя: *оце важнисть... оце важнисть!*

Разсказывали и слѣдующее событіе. Одинъ священникъ давно и крайне нуждался въ св. мvрѣ; но никакъ не могъ рѣшиться поѣхать въ протопопію. Матушка-попадья была похрабрѣе, и вызвалась сама побывать у страшнаго о. протопопа и получить св. мvро. Кстати-же ей и въ городъ, купить или продать, нужно было. Снарядилъ батюшка „госпожу свою", снабдилъ и сосудцемъ для св. мvра, и отправилась матушка. Представляется о. протопопу. „А что вамъ?" — „Мvра св. заполучити поручили панотець", отвѣчаетъ матушка. „Да какъ-же это? помилуйте!—восклицаетъ удивленный о. протопопъ,—женщинѣ и сосуда такого касаться не подобаетъ, а вы еще и мvра".—„Да я и не касалась, отвѣчаетъ вопрошаемая. Панотець сами надѣли мнѣ на шею сосудець на ленточкѣ, я же и рубаху и одежу всю чистую надѣла, совсѣмъ въ чистотѣ, какъ слѣдъ, и сказали, что тамъ о. протопопъ сами сосудець снимутъ, нальютъ, и опять тебѣ на шею привѣсятъ. Такъ я, не касаясь, и довезу, будьте спокойны". Удовлетворился-ли такимъ объясненіемъ о. протопопъ, далъ-ли св. мvра, неизвѣстно, да и не интересно. Интересно, какъ „госпожа" выручала своего „господинка" въ трудномъ дѣлѣ полученія св. мvра.

Слышалъ я и еще случай—проще и естественнѣе, но вызванный тою-же отдаленною поѣздкой и тревогой видѣться и бесѣдовать съ о. протоіереемъ изъ-за нужды въ св. мvрѣ. О гонорарѣ за выдачу, всегда неизбѣжномъ, не скорбѣли отцы, помня, что то дѣло обычное [1]).

---

[1]) Слышали мы, что одинъ раздаятель св. мvра, принимая обычную подачку и спѣшно пряча оную въ карманъ, имѣлъ обычай приговаривать: *зачѣмъ это, зачѣмъ? благодать не продается.*

Бѣда ѣхать далеко, да и представляться о протопопу—дѣло изъ ряда выходящее. Случай, ниже приводимый, разсказанъ мнѣ очевидцемъ, бывшимъ на ту пору діакономъ, и давно уже мирно скончавшимся въ санѣ священника. „Настоятель прихода, гдѣ я діаконствовалъ, разсказывалъ покойникъ, былъ мой своякъ, простой и очень добрый человѣкъ, и жили мы очень любовно. Однажды не стало у насъ св. мура, настоятель и приглашаетъ меня ѣхать съ нимъ въ уѣздный городъ къ о. протопопу". И поѣздка вдвоемъ, очевидно, для смѣлости, а по тогдашнему времени и обычаямъ и выпивка неизбѣжная для смѣлости-же. „Явились, продолжалъ разсказчикъ, получили и возвращаемся домой веселые и довольные. Жара страшная, а тутъ по дорогѣ село, и въ селѣ прудокъ съ отличнымъ мѣстомъ для купанья. Хорошо-бы выкупаться, предлагаетъ настоятель. Я, конечно, согласился. Разоблачились, св. муро, которое настоятель везъ на шеѣ—на лентѣ, привѣсили на время на сучкѣ вербы, и нырнули въ воду. Выкупались, какъ слѣдъ, одѣлись и поѣхали. Вотъ мы и дома. Но вдругъ настоятель мой схватывается за грудь и страшно блѣднѣетъ. Что съ вами? спрашиваю.—Да вѣдь муро-то на вербѣ осталось, о. діаконъ.—А тамъ и дѣти еще купались. Что, какъ увидѣли, сняли, и разлили? Боже мой!.. Бѣгите, летите скорѣй на мѣсто, можетъ быть еще въ цѣлости застанете. Я быстро вскочилъ на лошадь,—верховой ѣздокъ изъ меня былъ хорошій въ молодости, и полетѣлъ стрѣлой къ мѣсту купанья, благо и недалеко, версты четыре; и, къ общей радости нашей, св. муро оказалось на сучкѣ цѣлымъ и невредимымъ. Дѣти не успѣли его увидѣть".

И много подобныхъ казусовъ можно-бы собрать между братіею, на дѣлѣ извѣдавшею, какъ не легко добывалось св. муро въ старину.

КАРМЕЛЮКЪ.

Кармелюкъ, разбойникъ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, уроженецъ Подоліи, бывшей главнымъ театромъ его страшныхъ подвиговъ, оставилъ память по себѣ и въ населеніи кіевской губерніи.

Кармелюкъ—типъ тѣхъ народныхъ героевъ, память о которыхъ будетъ жить вѣчно въ народѣ. Онъ разбойникъ и межъ тѣмъ пользуется такой доброй славой и любовью. Отъ чего-же это? Отъ того, что народъ никогда не забываетъ тѣхъ своихъ защитниковъ, которые явно выразили чѣмъ-нибудь свой протестъ противъ его угнетеннаго, бѣдственнаго положенія. Кармелюкъ стоялъ за право тѣхъ порабощенныхъ бѣднягъ, которые обречены были день и ночь работать въ ярмѣ для пана. Его протестъ выразился въ формѣ разбойничества, какъ болѣе удобной и возможной въ то время... Замѣчательныя его пѣсни (уже извѣстныя) переполнены моремъ грусти и скорби по людскомъ бездольи. Въ нихъ слышится могучая сила, готовая въ пухъ и прахъ разбить виновниковъ людскаго несчастья, но эта сила надломлена, скована,—и часто въ этихъ-же пѣсняхъ слышится плачь вмѣстѣ съ проклятіями:

Вбогі люди, вбогі люди,
Скрізь васъ, люди, бачу!
Якъ згадаю вашу муку,
Самъ не разъ заплачу.
Кажуть люди, що счастливый,
Я зъ того сміюся,
Бо не знають, якъ я часомъ
Сліозами зальюся.
Куди піду, подивлюся,
Скрізь багачъ пануе,
У роскошахъ превеликихъ
И днюе й ночуе.
Убогому, несчасному,
Тяжкая робота,
А ще гіршая неправда,
Вічная скорбота!

Про свое разбойничанье онъ такъ говоритъ:

Зовуть мене розбойникомъ,
Кажуть—розбиваю;
Ой нікого ще-жъ не вбивъ я,
Бо й самъ душу маю.

Богатого обдираю,
А бідного наділяю—
И, такъ гроші поділивши,
Самъ гріха не маю.....
Ассесоры, исправники
За мною ганяють,—
Більше-жъ вони людей граблять,
Якъ я грошей маю.....

Очень интересно и важно было-бы собрать въ разныхъ мѣстахъ разсказы народные и пѣсни про Кармелюка; они уяснили-бы его личность и установили бы точный взглядъ на него народа. Характеристика-же таких личностей, какъ Кармелюкъ, по народнымъ разсказамъ и пѣснямъ важна для изученія самаго народа. Привожу тутъ одинъ такой разсказъ, записанный мною въ звенигородскомъ уѣздѣ. Онъ не такъ характеренъ, тамъ разсказываются болѣе интересные случаи о столкновеніи Кармелюка съ помѣщиками. Надѣюсь ихъ записать. Къ концу разсказа привожу и пѣсню; она, кажется, еще нигдѣ не напечатана, хотя и имѣетъ сходство съ нѣкоторыми уже извѣстными.

„Всі у насъ на Вкраіні знають Кармелюка—одъ малого до великого. Ёго жалісливі пісьні витають и по степахъ, и по хатахъ, и по вишневихъ садкахъ. Про нёго всякий роскаже, наче вінъ ёго знавъ... Багато де-чого розсказують про нёго люди; навить показують ліса и місця, въ которыхъ вінъ живъ, и це ледве не въ кожнімъ селі. Кажуть, що вінъ бувъ розбойникъ, ще-жъ до того характерникъ. Ходивъ та ховався вінъ все по лісахъ, та по степахъ, бо ёго дуже підстерегали, шобъ якъ піймати. Тамъ де ёго ніхто не сподівався, тамъ вінъ зъявлявсь и якъ бачивъ, шо про нёго вже пронюхали и хотять піймати, заразъ десь пропадавъ. Кажуть, якъ который чоловікъ робочый та чесный, то вінъ ёго и грішми наділить и всімъ, чого ему треба.— Разъ іхавъ чоловікъ на ярмарокъ; іде, та підперши голову рукою, сидить на возі, тай курникае собі підъ нісъ—сваржиця на свою долю:

Та доле-жъ моя, доле,
Чомъ ты не такая,
Якъ тая чужая!

Такъ вінъ співае собі, ажъ ось догоняе ёго якыйсь чоловікъ.

— А здоровъ будь, чоловіче!—каже.

— Будьте й вы здорові!—одповідуе той.

— А звіткіль? А куда? Чи багато маешь воливъ та коней? Та все роспитуе. А той ёму розсказуе, шо отъ такъ и такъ: „жінка зосталась у дома безъ хліба, а я оце іду на ярмарокъ, шобъ продати остатню пару воликівъ, або шобъ стати де підъ хуру, та хоть на хлібъ дітямъ заробить, а то нема чого істи...“—А той слухавъ, слухавъ, а далі винявъ зъ кешені сто карбованцівъ та й каже: „на тобі, чоловіче, оці сто карбованцівъ, та купи собі ще дві пари волівъ, шобъ було до плуга, та згадуй Кармелюка“. Такъ той и остовпинівъ.—„Кармелюка?!“ питае, витріщивши очи, мовъ не вірить, шо це робитця въ яву. А Кармелюка вже й немае. Радый такый той чоловікъ, шо ото мае въ кишені сто карбованцівъ. Пріхавъ до корчмы, тай звернувъ трохи на радощахъ выпити. Выпивъ чарку, выпивъ другу, выпивъ третю, а далі й не зоглядівся, якъ и гроші вкрали. Сидить тоді вінъ, тай плаче въ корчмі; ба, це входить той самый чоловікъ—Кармелюкъ. Глянувъ вінъ на нёго, тай крикнувъ до своіхъ: „эй, хлопці, простягніть-но лишь ёго, та дайде ёму прочухана, шобъ знавъ, якъ пропивать гроші, коли діти сидять дома безъ хліба.

Одпустили ёму трохи, а Кармелюкъ знов тоді виймае сто карбованцівъ, тай дае ёму.—Теперъ гляди, каже, якъ зайдешъ въ корчму, то вже не минешъ моіхъ рукъ, тоді не викрутися!...

И багацько такъ вінъ визволявъ людей изъ біди.

А то разъ знову иде баба на базаръ, та якъ разъ проходить черезъ той лісъ, де живъ Кармелюкъ. Отъ иде, та все оглядаетця, та заглядае по-межъ корчі, чи не сидить тамъ часомъ Кармелюкъ. А той и наглядівъ іі, та вийшовъ изъ-за кущівъ, тай иде противъ неі. Якъ угляділа вона ёго, то такъ и похололо въ неі въ сердці, а далі, перехрестившись, й каже: „охъ, Боже-жъ мій! а я думала, що це де-небудь вирвався той проклятый Кармелюкъ, та вже оце йде по мою душу. Такъ боюсь того Кармеля, шой не знаю, де-бъ и ділась, якъ-би вгляділа ёго“. А сама й гадки не мае, шо передъ нею стоіть той самий Кармелюкъ, котрого вона такъ боитця...

— Чого-жъ ты, бабко, боишся того Кармелюка? Вінъ тільки багатихъ чухрае, а тебе, не бійсь, не зачепить..

— Охъ, не дай, Боже, мені зъ нимъ здибатись, зъ тимъ проклятущимъ розбіякою, такъ на місті, здаетця, и вмерла-бъ!

Ставъ ii Кармелюкъ питати, що вона несе, чи мае дітей, чи е що дома істи... Все бабуся розсказала: несе півкопи яець, та низку цибулі, шобъ продать. „Та треба скоро йты, каже, шобъ не спізнитись, а то якъ забарюсь, та буду пізно ити назадъ черезъ лісъ, то ще встріне той Кармелюкъ"...

— Купи мені, бабко, на базарі, каже той, за гривню підковы до чобітъ, та десятокъ цвяшківъ за два шаги.

— А де-жъ я васъ тутъ побачу?—питае баба.

— Та я тутъ въ лісі карбівничимъ, то тутъ буду де-небудь сидіть коло шляху, бо теперъ люду всякого вештаетця... Давъ вінъ ій гроши, а вона й пішла собі.

Цілий день сидівъ Кармелюкъ коло шляху въ лісі та виглядавъ баби. Тільки уже надъ вечірь вернулась баба зъ місця. Вийшовъ до неі Кармелюкъ, тай питае: „а чи купила, бабусю, підковы?"—„Купила", каже.—„Ну, добре, сідай-же теперъ, я тебе підкую. Уже шо тамъ собі хочешъ, а підкую, бо я Кармелюкъ, а ты Кармелюка лаяла, щей казала, шо вінъ бідныхъ грабуе; треба шобъ у тебе була відъ мене памятка; а шобъ ты знала, шо я бідныхъ не займаю, а заступаюсь за нихъ, то ось тобі сорокъ карбованцівъ".

Нема що, сідае баба середъ шляху, трясетця, якъ одъ пропасниці, та сідае, бо дуже боитця Кармелюка, а зъ нимъ жартувать не можна. Сховала вона въ пазуху сорокъ карбованцівъ та плаче, та проситця: „въ мене діти, каже, зостанутця сиротами; хто іхъ вигодуе, хто догляне"?

— Та це нічого, каже Кармелюкъ, жартуючи:—одъ цёго не вмрешъ; а шобъ не дуже боліло, шобъ тобі можна було дойти до дому, то я підкую тебе тільки по два цвяшки на кожну ногу... Підкувавъ вінъ ii, а тоді звівъ, тай каже: „ну, теперъ иди зъ Богомъ, та згадуй тимъ часомъ Кармелюка"!... Пішла баба. Навспинячки стае та йде, ажъ порохъ по шляху знявся..

За Сибиромъ сонце сходить!
Хлопці, не зівайте
И на мене, Кармелюка,
Всю надію майте!

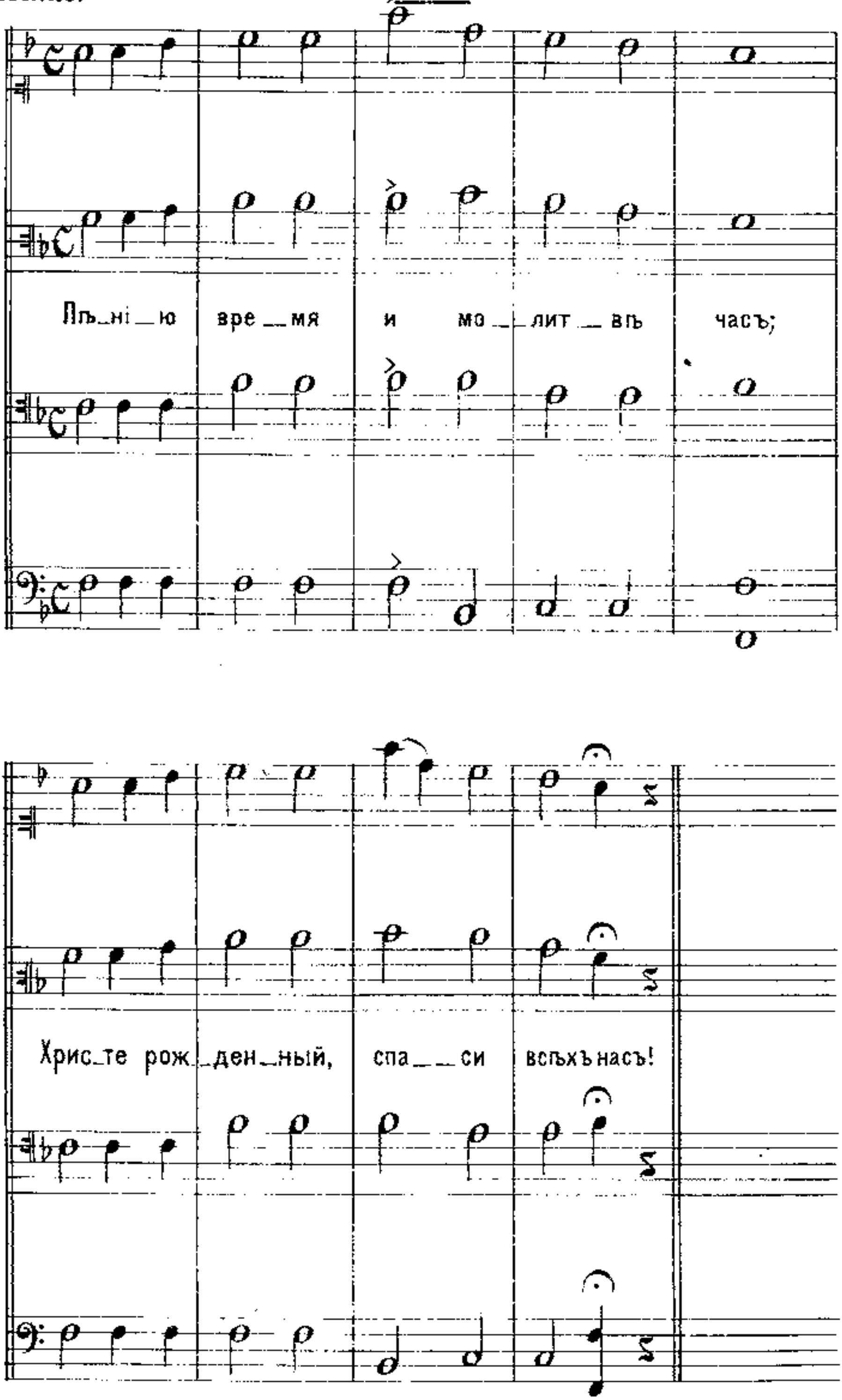
А Кармелюкъ добрый хлопець—
Вінъ по ночамъ ходить,
Не одную чорнявую
Изъ розуму зводить...
Маю жінку, маю діти
Та я іхъ не бачу,
Якъ згадаю про іхъ житя,
То й самъ гірко плачу.
Кажуть люде, шо розбійникъ,
Шо я розбиваю,
Брешуть вони, та й говорять—
Я й самъ душу маю.
Я богатыхъ обдираю,
А убогихъ наділяю—
И, такъ гроші поділивши,
Самъ гріха не маю.
Зібравъ собі хлопцівъ добрыхъ—
Шо кому до того?
Розійдемся по дорогахъ
Для подорожнёго.
Ой хто іде, а хто йтиме—
Довго ёго ждати;
Якъ не маемъ прихилища,
Мусимъ пропадати...
Ажъ ось іде самъ владыка.
А здорово, хлопці!
Вони ёму одказали:
Благослови, отче!
Ой, якъ хочешъ въ світі жити,
То оддай намъ гроші.....
Оглянеця кругомъ себе—
Все хлопці хороші.
Ой выйнявъ вінъ сорокъ тысячъ—
Це вамъ усі гроші.....
Пішовъ-бы я у містечко,
Боюсь становоıо:

Идуть соцькі щей десяцкі
Послані одъ ёго.
Беруть мене за рукава,
Кажуть мені сісти,
А я тее добре знаю,
Шо я выйду звідти.
Встромлю руки у кешені,
У кешеняхъ тісно:
Полицейскимъ кручкодерамъ
Й тимъ про мене звісно.

Разсказъ и пѣсня записаны въ с. Гусаковой, звенигородскаго уѣзда, 1880 г.

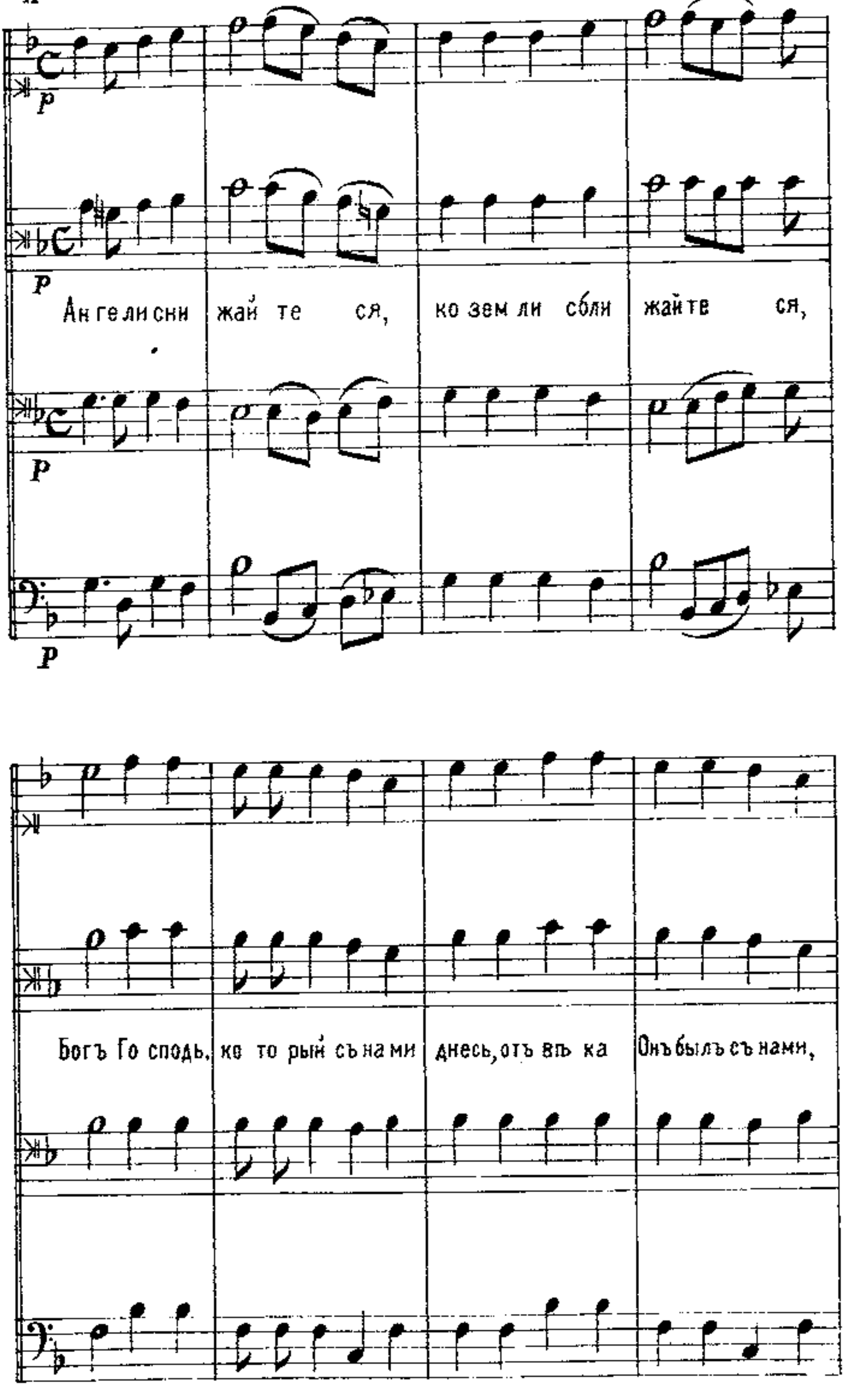
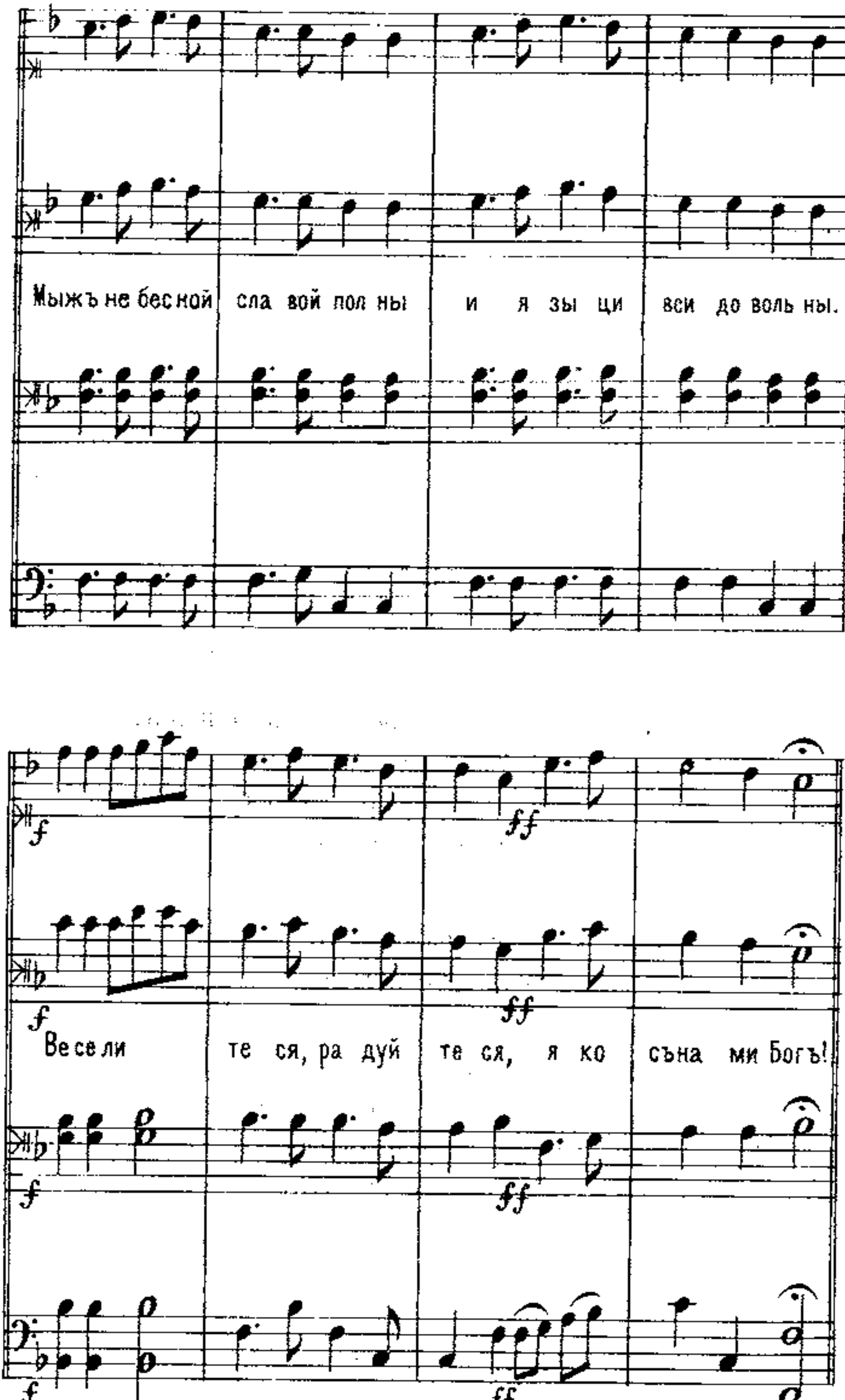
А. Смоктій.

Andante.

№ 1.

Пѣ_ні_ю вре_мя и мо_лит_вѣ часъ;
Хрис_те рож_ден_ный, спа_си всѣхъ насъ!

II

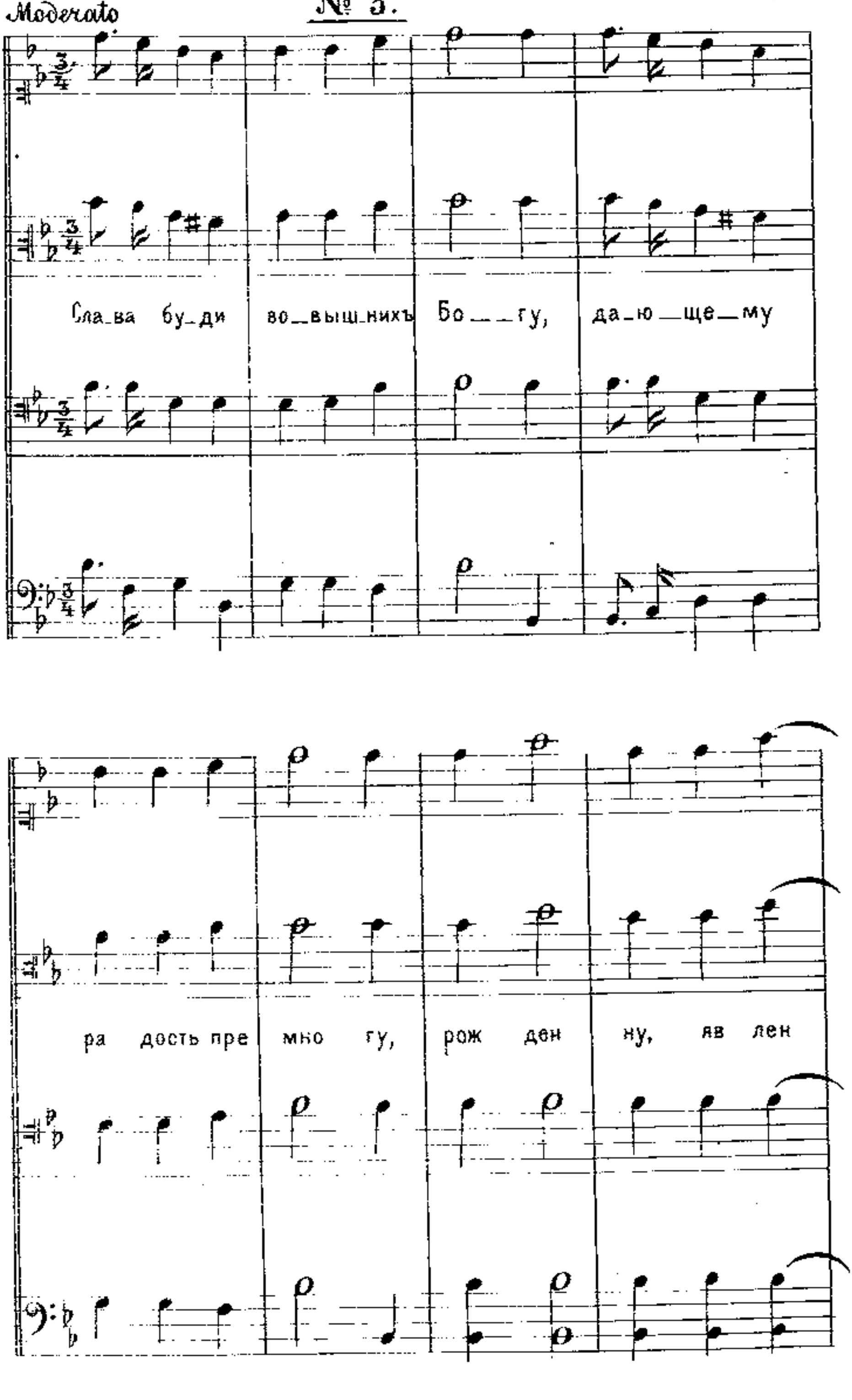
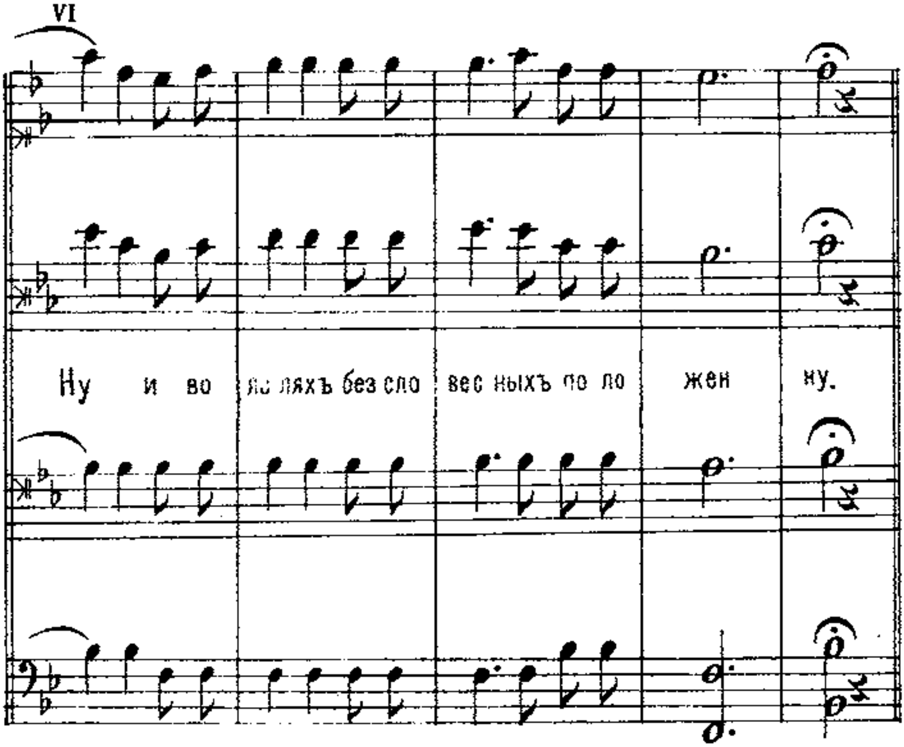
№ 2.


Ан ге ли сни жай те ся, ко зем ли сбли жай те ся,
Богъ Го сподь, ко то рый съ на ми днесь, отъ вѣ ка Онъ былъ съ на ми,

Мыжъ не бесной сла вой пол ны и я зы ци вси до воль ны.
f
ff
Ве се ли те ся, ра дуй те ся, я ко съна ми Богъ!

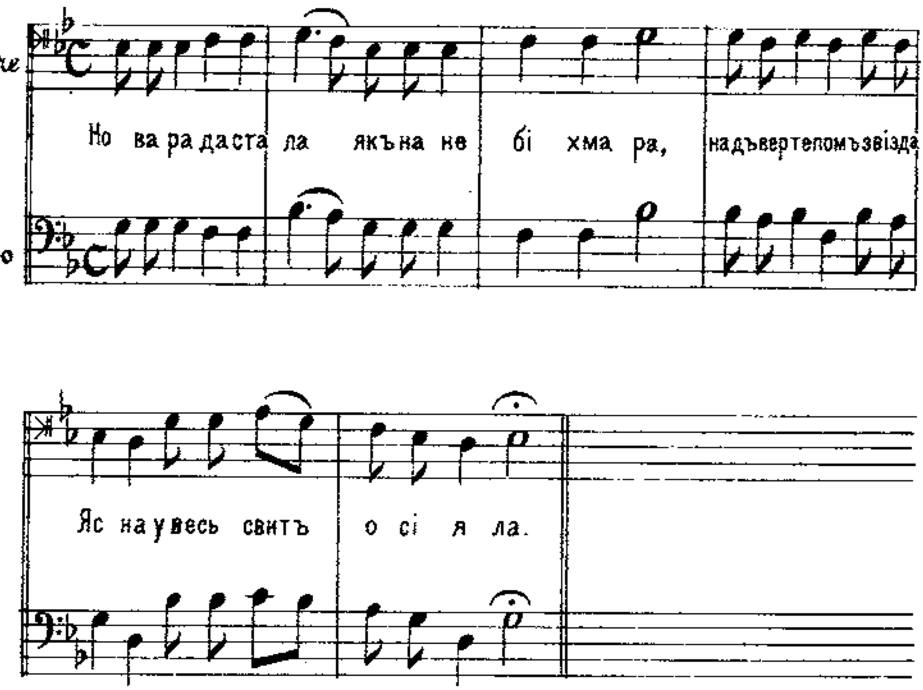
Небомъ земли сталася,
Якъ Бога дождалася,
До Творецъ Архангелівъ,
Те тамъ треба и Ангелівъ.
Мы-жъ небесной славой полны
И языци всі довольны;
Веселитеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.

Якъ Луциферъ спавъ зъ неба,
То тамъ святихъ людей треба,
Щобъ пополнить паденіе,
Должно Христу рожденіе.
Мы-жъ небесной славы полны
И языци всі довольны;
Веселитеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.

Богъ изъ Діви раждается,
Небомъ земля сполняется,
Трепещуть Архангели,
Служать Ёму всі Ангели;
Мы-жъ небесной славы полны
И языци всі довольны;
Веселитеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.

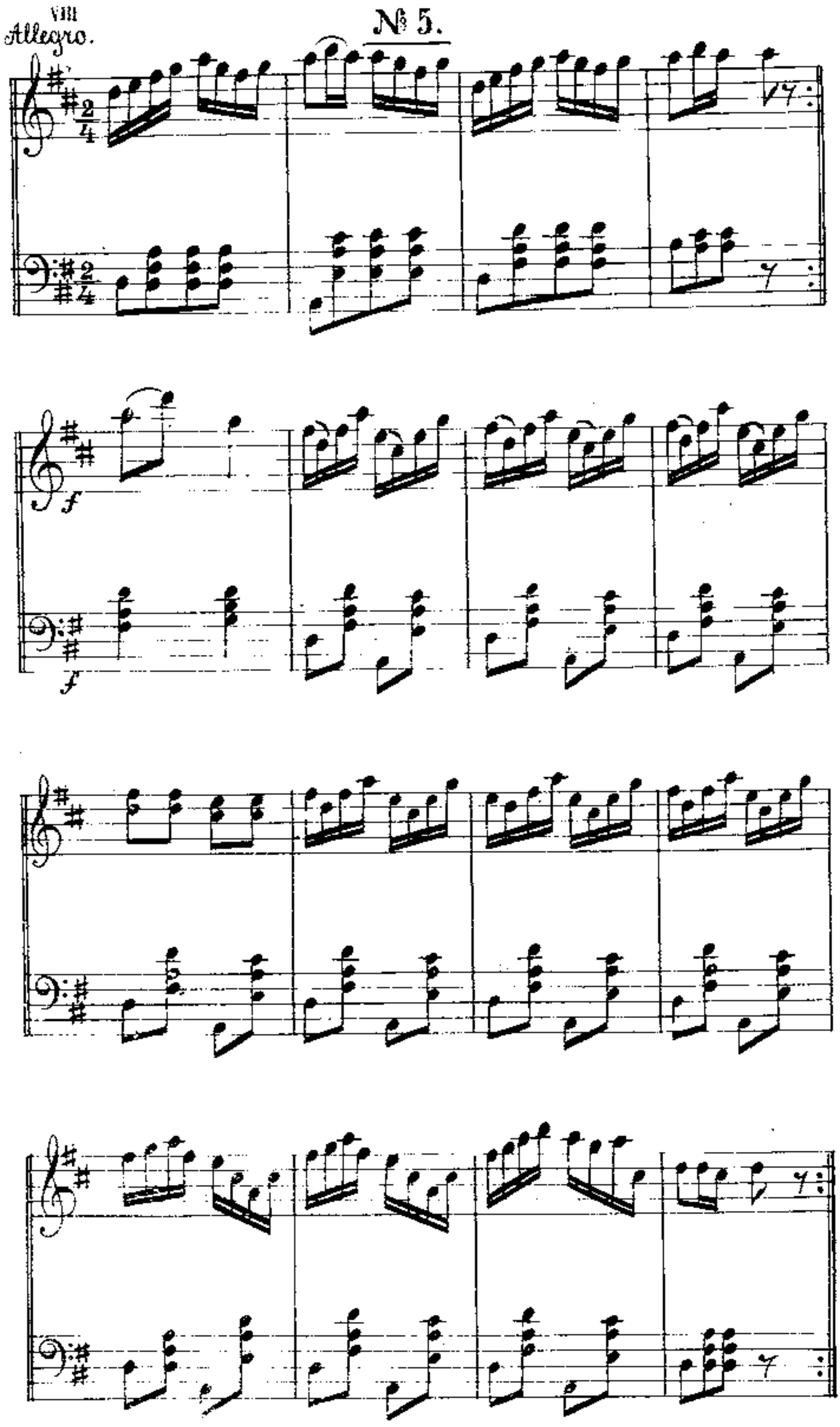
№ 3.

Moderato
Сла_ва бу_ди во_вышнихъ Бо___гу, да_ю__ще__му
ра дость пре мно гу, рож ден ну, яв лен

Волъ и оселъ Христа витають,
Пастыріе Его прославляють
И Цари-Государи
Отъ Персъ и Индіи
Принесоша ему дари.

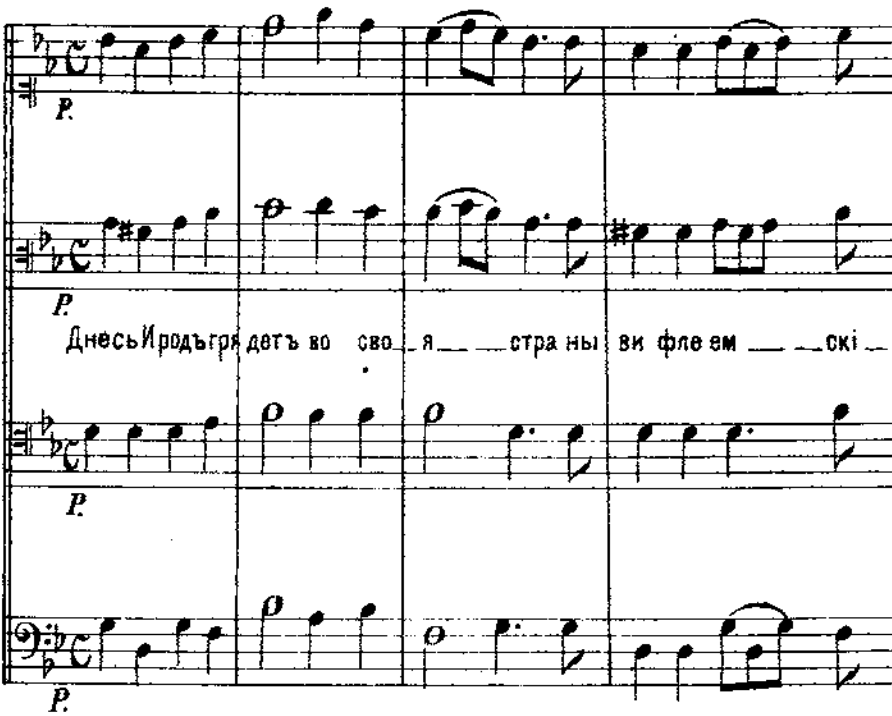
Ты, вертепе, возвеселися;
Се бо въ тебе
Христосъ родися.
Вострунно въ псалтирѣ
Рожденнаго прославляйте
По всемъ мірѣ.

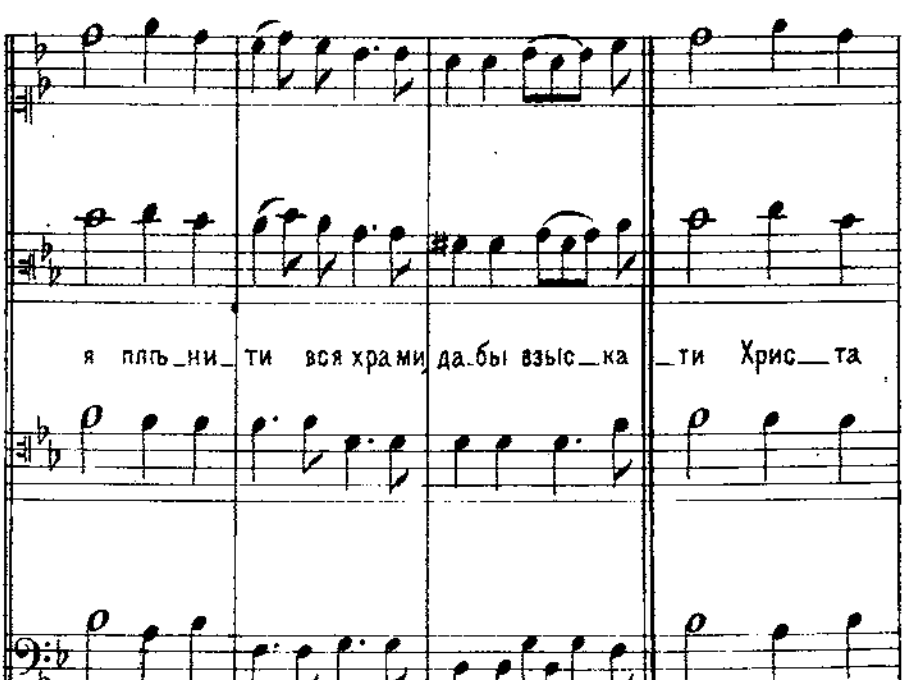
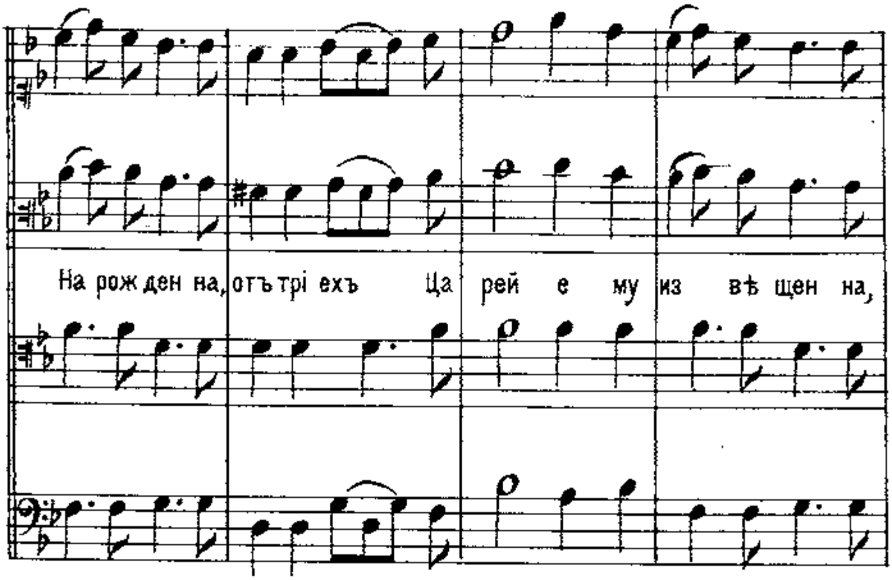
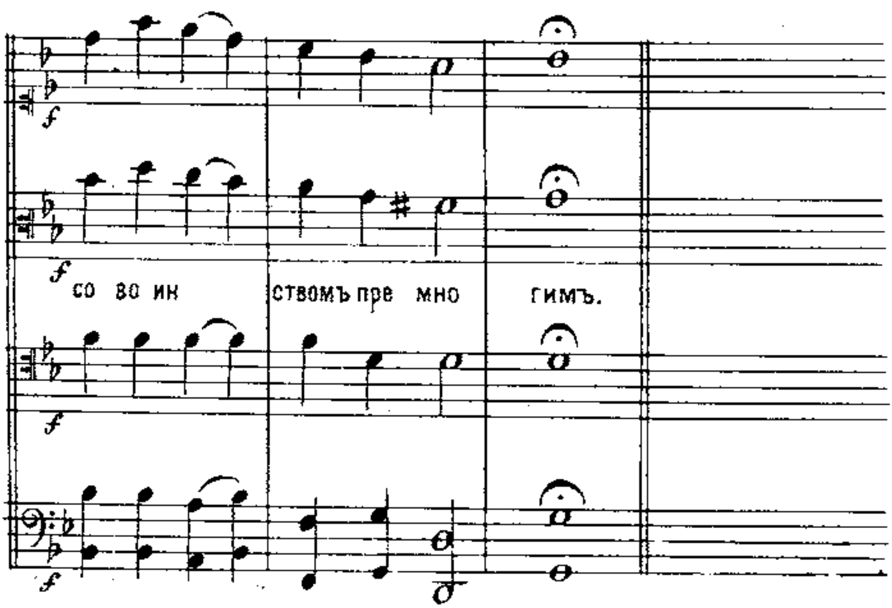
№4.

Де Христосъ родився,
Зъ Діви воплотився,
Тамъ чоловікъ передъ Богомъ
Пеленами повився.

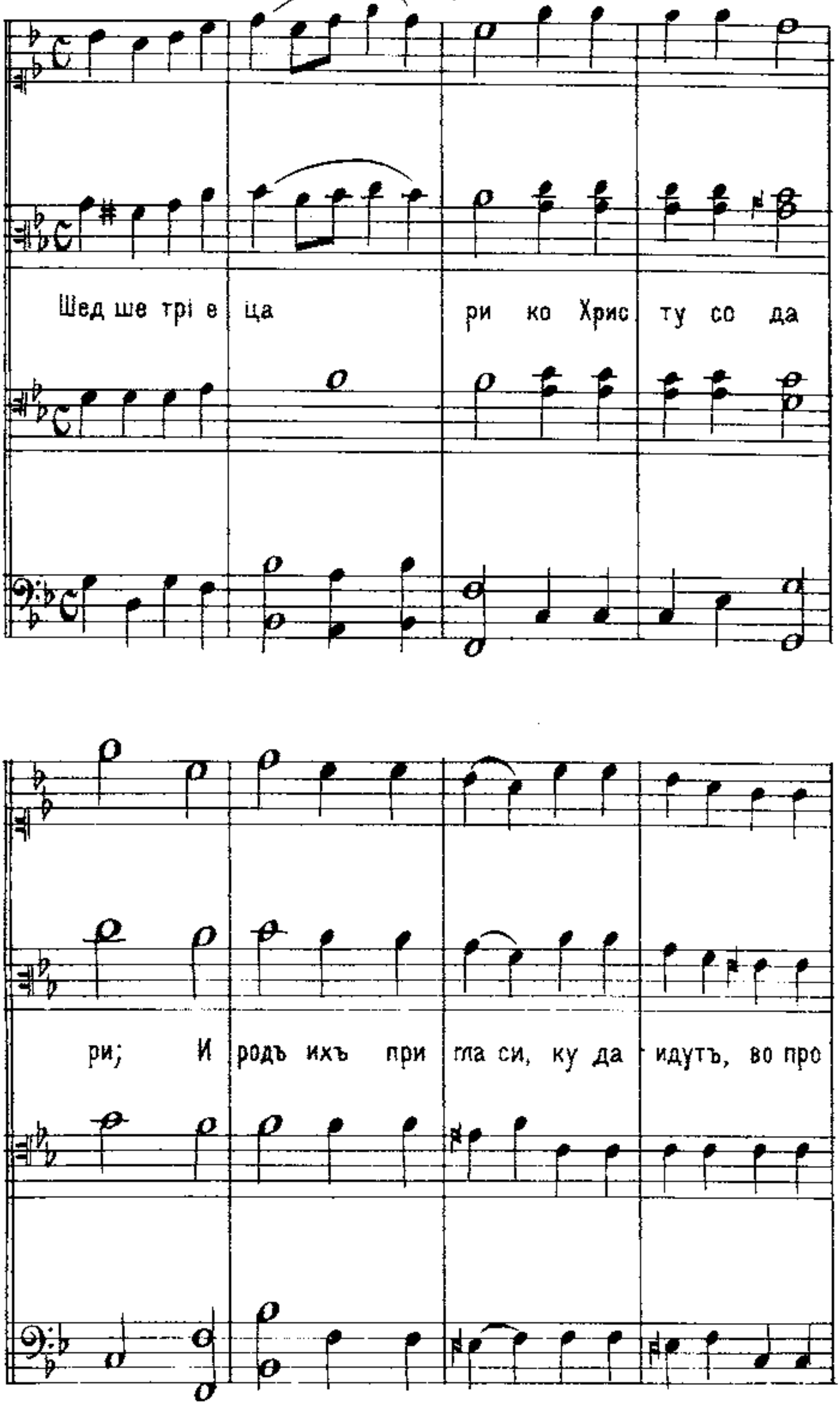
Передъ тимъ дитяткомъ
Пастушки зъ ягняткомъ
На колінця упадають,
Христа Бога выхваляють.

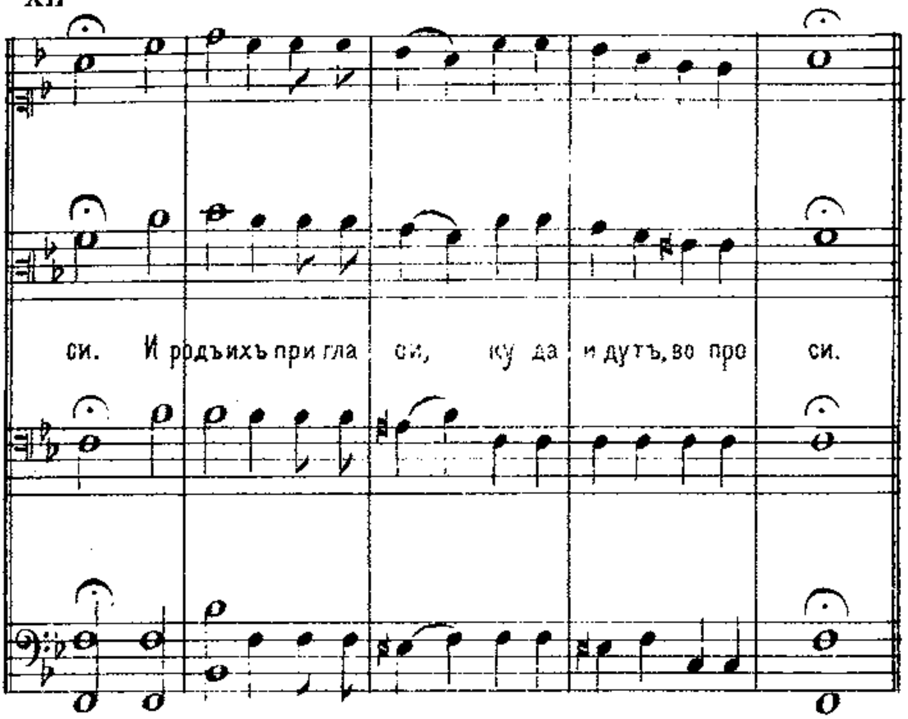
Просимъ тебе, Царю,
Небеській Шапарю,
Пошли Боже многа літа,
Сему господарю.

№ 5.

Andante

№ 6.

P.
P.
Днесь Иродъ гря детъ во сво_я___стра ны ви фле ем___скі_
P.
P.


я плѣ_ни_ти вся хра ми да_бы взыс_ка_ти Хрис_та

И велівъ же вінъ во своемъ повіті
Живущія въ немъ вся діти избити:
Во двоихъ лѣтахъ или и нижайше,
Во троихъ лѣтахъ или и множайше.
О, Ироде преокаянний!

№ 7.

Шед ше трі е ца ри ко Хрис ту со да
ри; И родъ ихъ при гла си, ку да идутъ, во про

XII

Отвѣщаша ему:
Идемъ къ рожденному.—
Къ рожденному идите
И мнѣ возвѣстите.

Азъ шедъ поклонюся,
Передъ Царемъ смирюся,
Воздамъ честь обичну,
Какъ Цареви приличну.

Звѣзда идетъ чудне
Зъ востока на полудне,
Надъ вертепомъ сіяетъ.
Христа Царя являетъ.

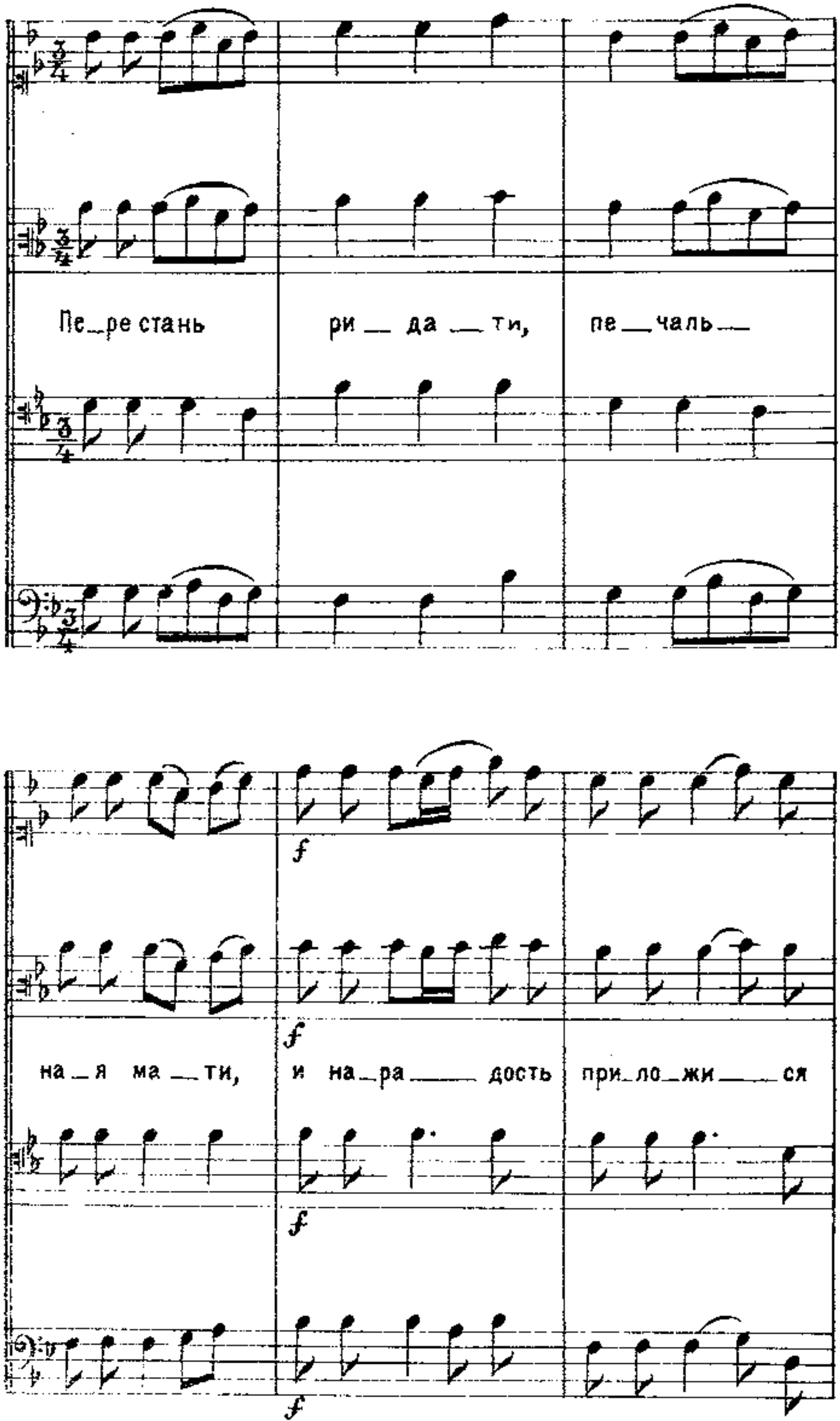
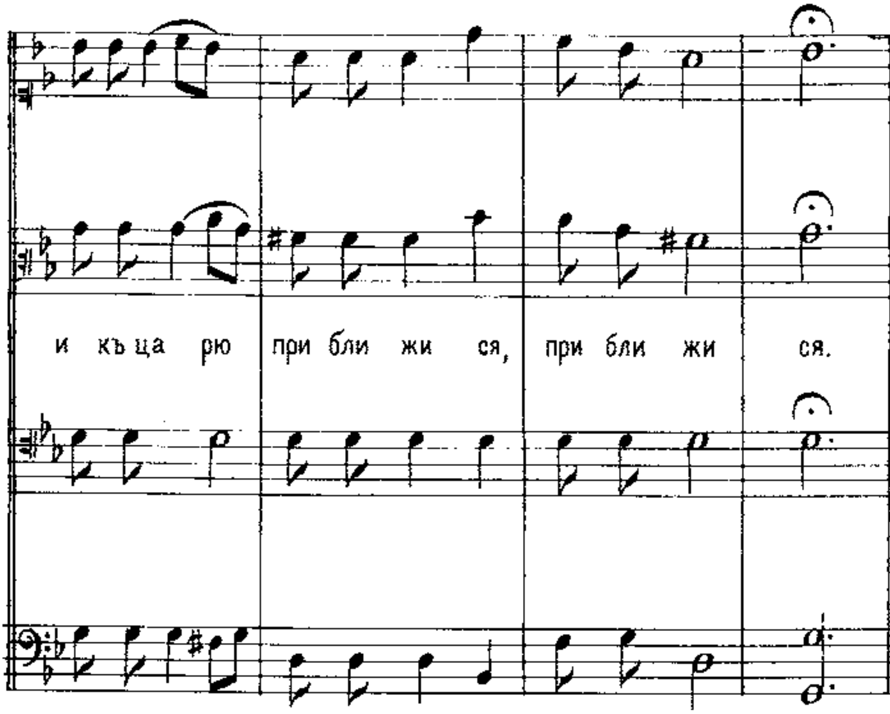
Ангелъ къ нимъ вѣщаетъ,
На путь наставляетъ;
Инимъ путемъ идите,
Ко Ироду не йдите.

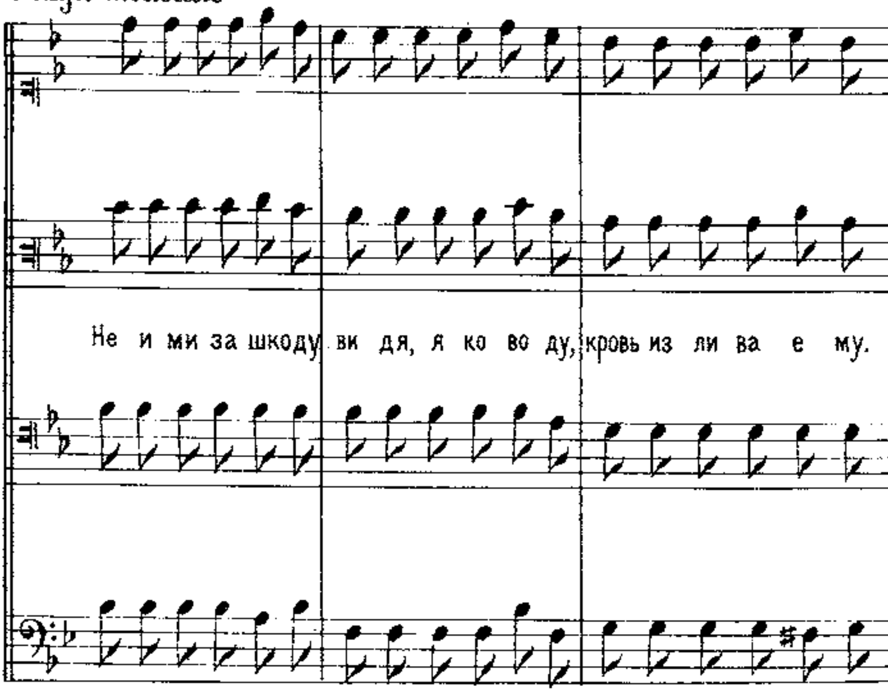
Волеви возвратишася,
Въ Ирода не быша;
Вспять, вспять возвратишася,
Не вотще трудишася.

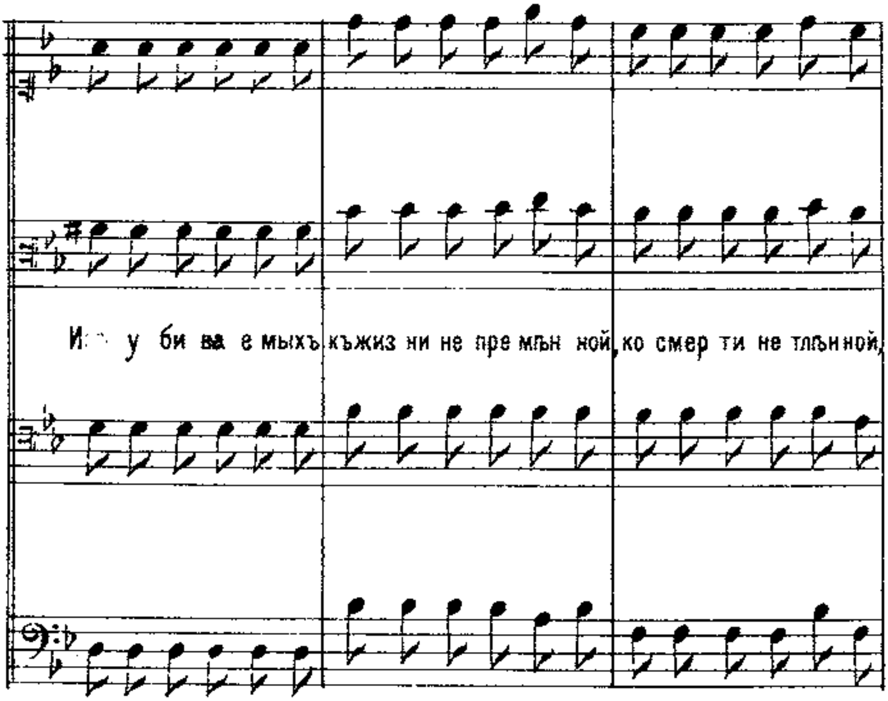
Пришли въ страни своя,
Христа славословя,
Чають зъ Нимъ въ небі жити,
Ему жъ на вікъ служити.

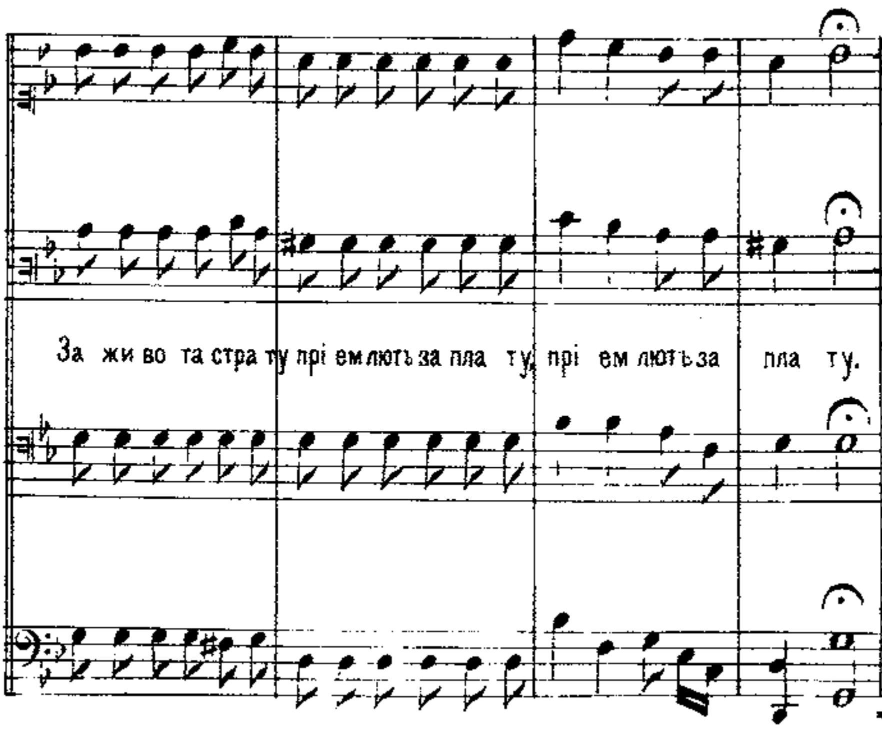
XIV

Moderato

№ 8.

Allegro moderato




И у би ва е мыхъ къжиз ни не пре мѣн ной, ко смер ти не тлѣн ной,

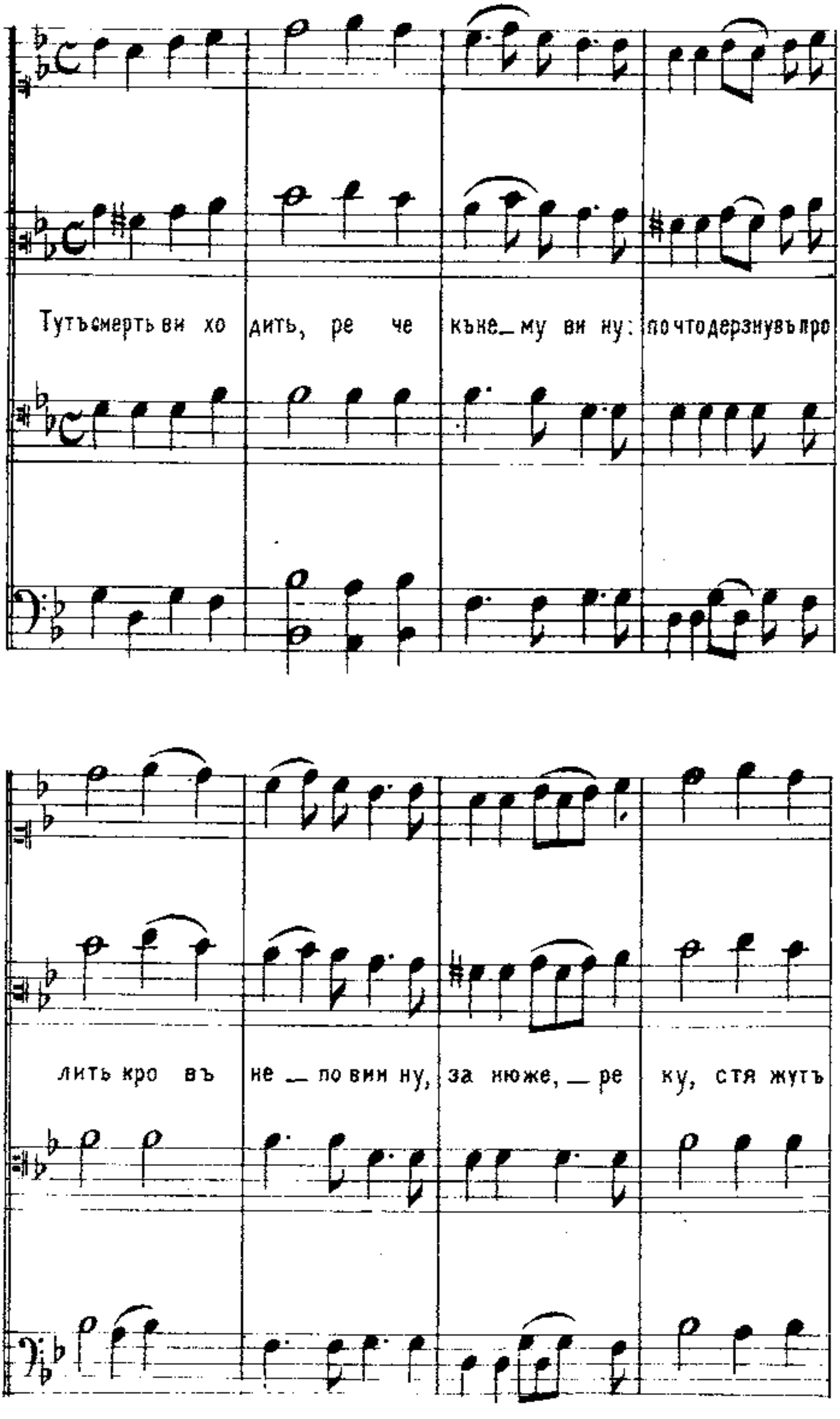
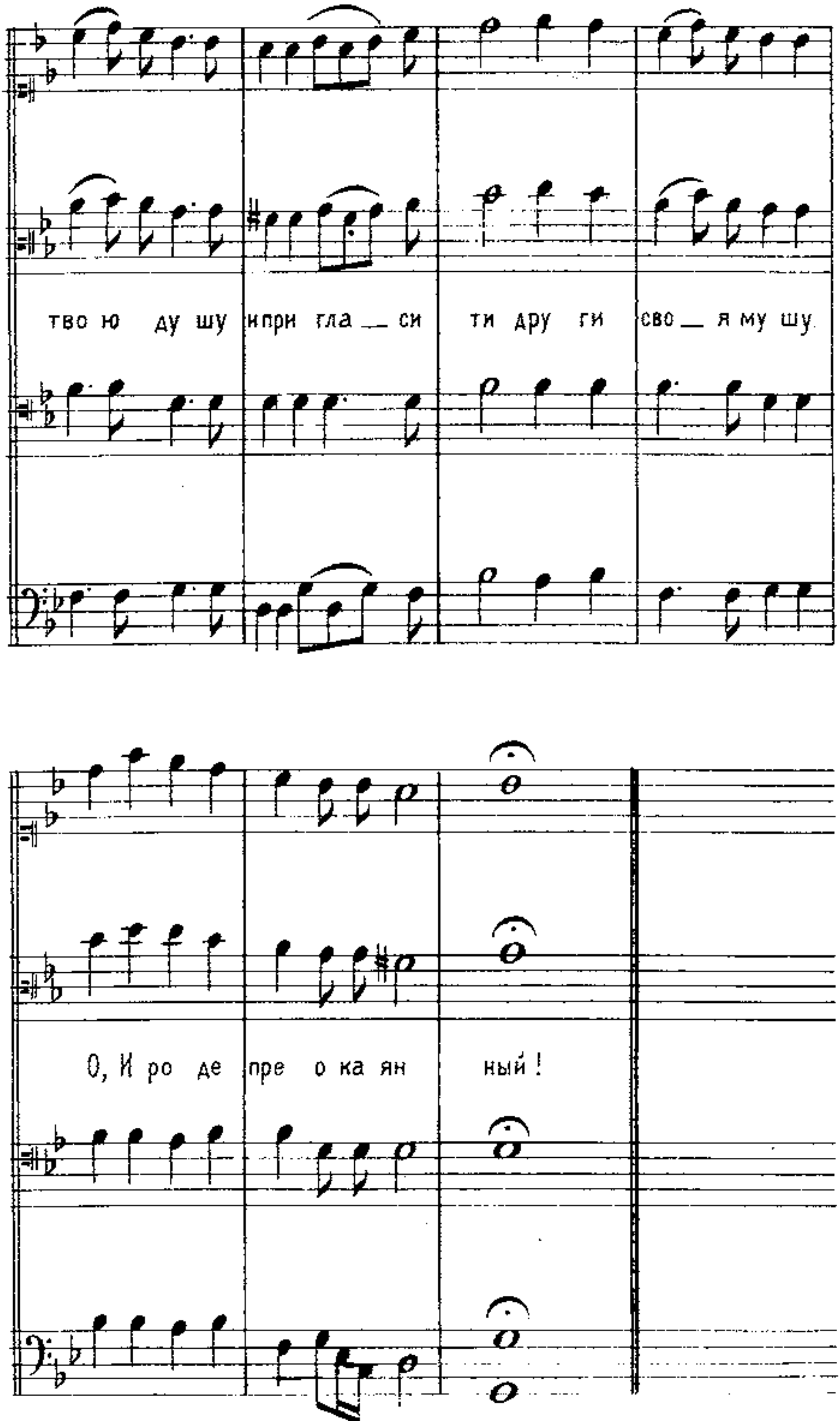

За жи во та стра ту прі ем лютъ за пла ту, прі ем лютъ за пла ту.

Иродъ не ситий велить убити,
А воинъ терзаетъ и убиваетъ.

Маленькіе чада
Вси пребудуть ради;
Тѣмъ бо съ неба платятъ.
Что животъ свой тратятъ
За Христа и Бога;
То и мзда премнога
Малимъ отрочатамъ,
Закланнимъ овчатамъ.

Не плачъ, Рахиле, видя чадо не живе.
Не увядаютъ, но процвѣтаютъ
Польниі крини новой святини,
Къ Богу и Сыну имѣетъ причину:

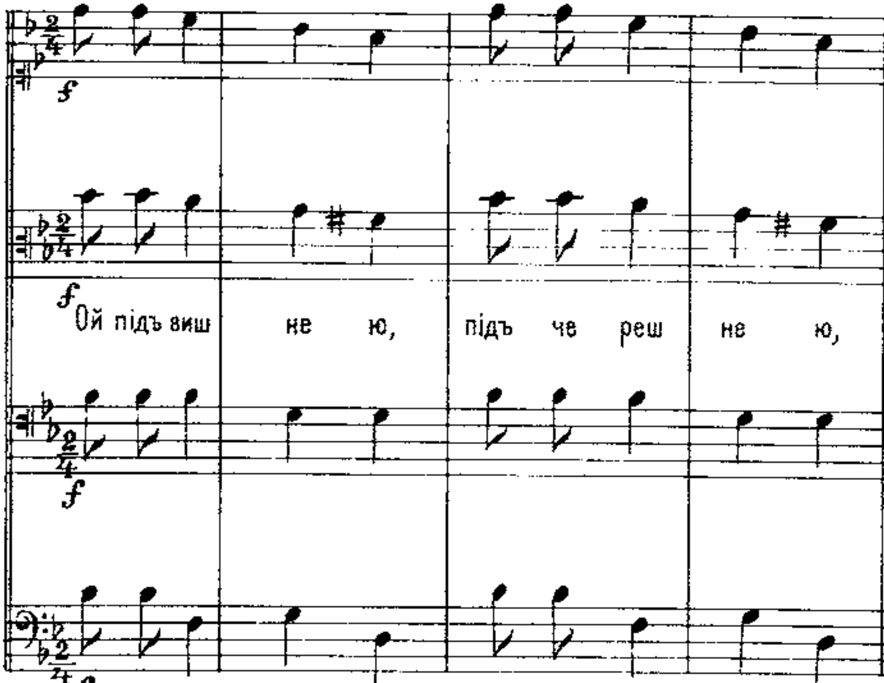
Твое бо пернате
Небомъ есть взяте;
Путь прошедшіи тісний
Побідниі пісні
Поють Царю славы,
Иже ихъ избави
Отъ сѣтей ловящихъ,
Пагубу губящихъ.

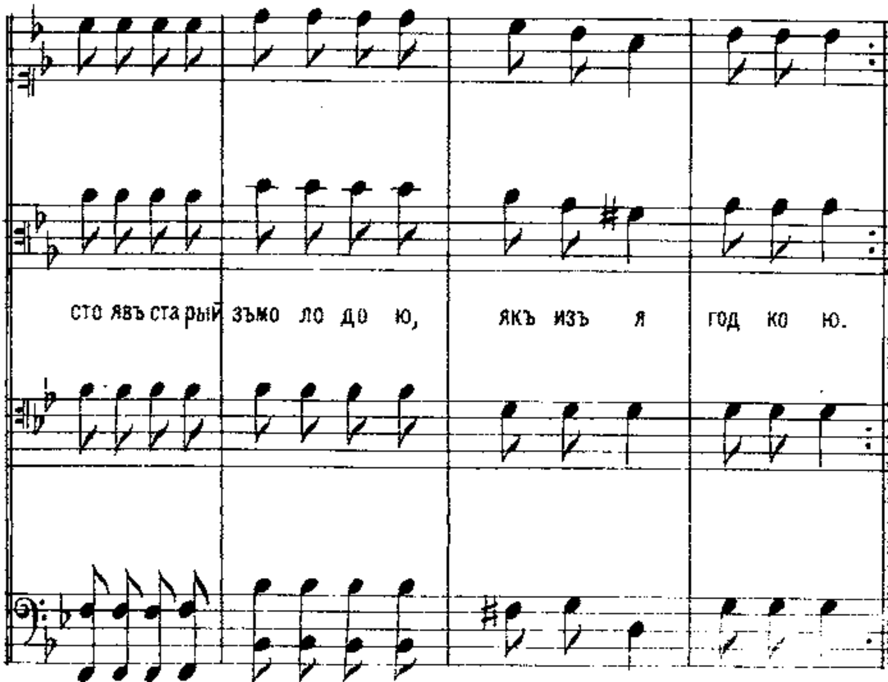
№ 9.

Тутъ смерть ви хо дить, ре че къне_му ви ну: по что дерзнувъ про
лить кро въ не _ по вин ну, за нюже, _ ре ку, стя жутъ

тво ю ду шу
нпри гла __ си
ти дру ги
сво __ я му шу.
О, И ро де
пре о ка ян
ный!

Дерзай! отъ смерти
Посіченъ косою
Да идетъ во адъ
И живетъ съ тобою;
И будетъ тамъ
Всегда пребывати
И безъ конца непрестанно.

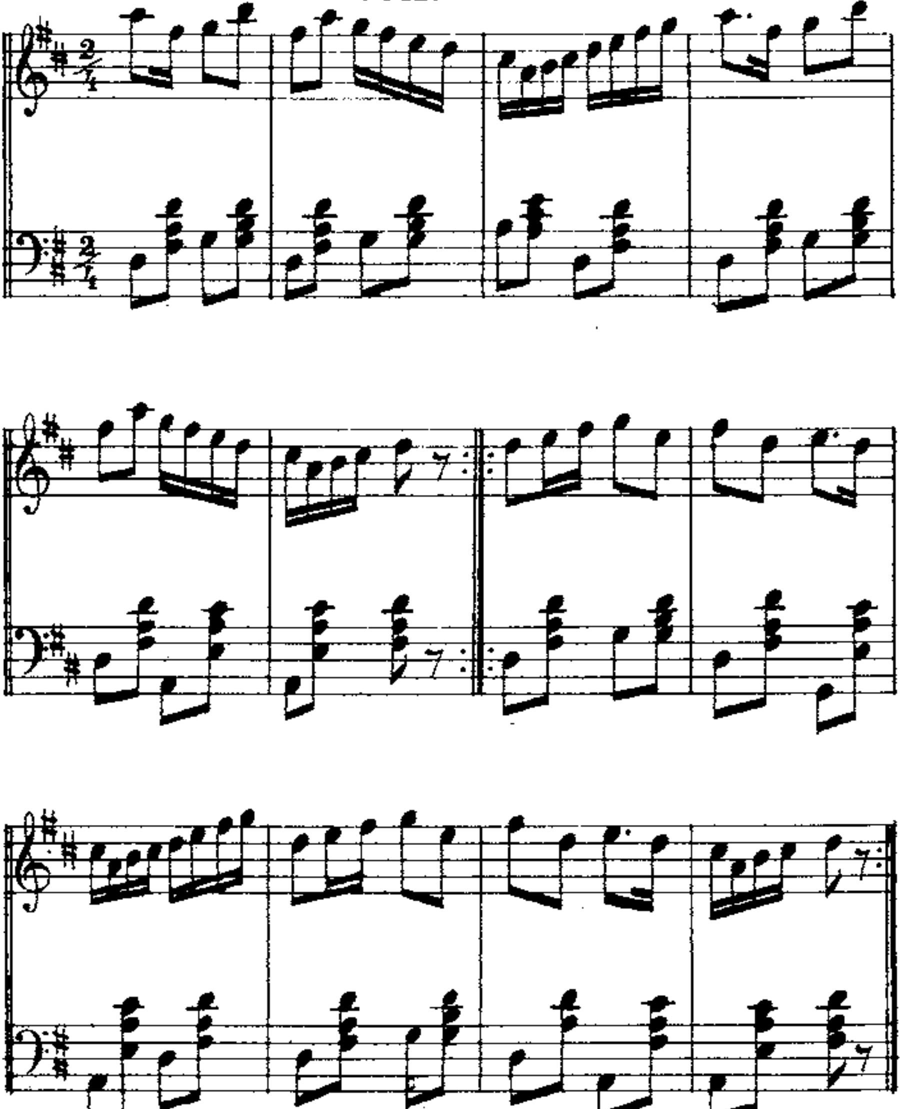
Не відавъ же вінъ,
Що вже истребится
И царство его
Въ конецъ разорится.
Заслуга ёго
Знатна всімъ и явна,
За те-жъ и пекельна
Бездна изготованна.
О. Ироде преокаянный!

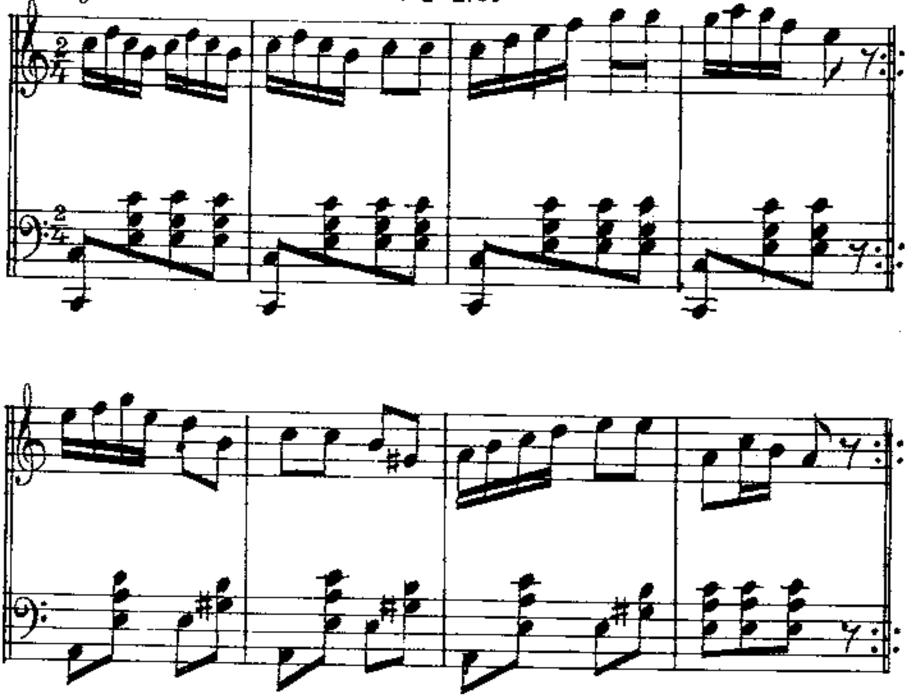
№ 10.


Ой підъ виш не ю, підъ че реш не ю,


сто явъ ста рый зъмо ло до ю, якъ изъ я год ко ю.

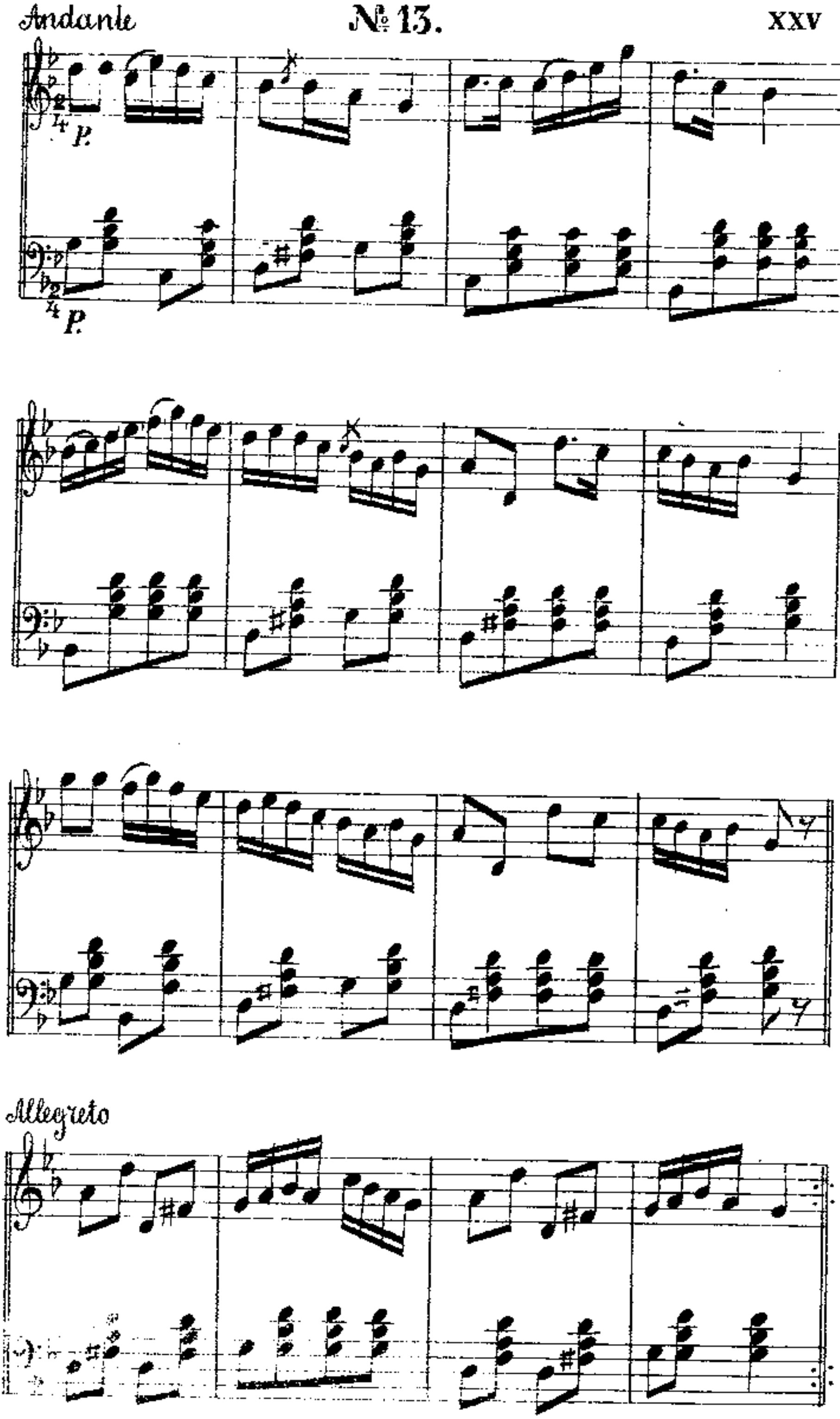
И просилася, и молилася:
Пусти жъ мене, старий діду,
На улицю погулять!
Я и самъ не піду
И тебе не пущу,
Бо ты-жъ мене старенького
Да й покинешь на біду.
Куплю тобі хатку,
И ще й сіножатку,
И ставокъ, и млинокъ.
И вышневенькій садокъ.
Не хочу я хатки
А ни сіножатки,
Ни ставка, ни млинка,
Ни вишневого садка;
Бо ты старый дідуга
Изігнувся, якъ дуга,
А я молоденька
Гуляты раденька.
Ты въ запічку: ахи, ахи!
Я зъ молодымъ: хи-хи, хи-хи!
Ой ты дубъ, я береза,
Охъ ты пьяный, я твереза.

№11.

Allegro.

№ 12.

Гусаръ коня наповавъ,

Дзюба воду брала,

Гусаръ пісню заспівавъ,

Дзюба заплакала.

Andante
№ 13.
P.
P.
Allegreto

Циганка: Де-жъ, цыгане, ты живешъ?
Циганъ: Яжъ не маю хаты,
Що выкую та выдурю,
Тiлько менi платы.
Хоръ: Припѣвъ { Постукаю молоткомъ,
Брякчи, пане, пьятакомъ.

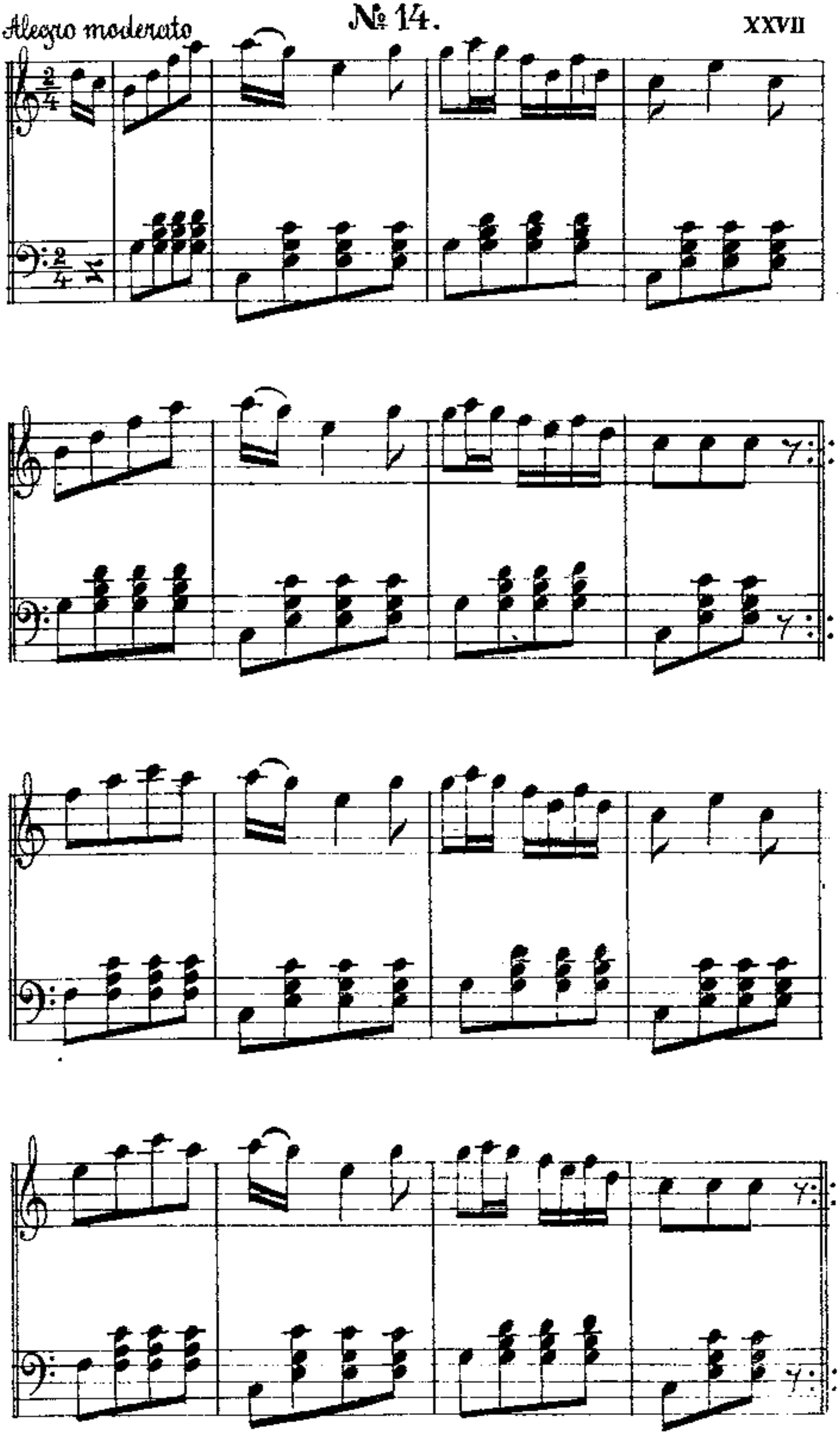
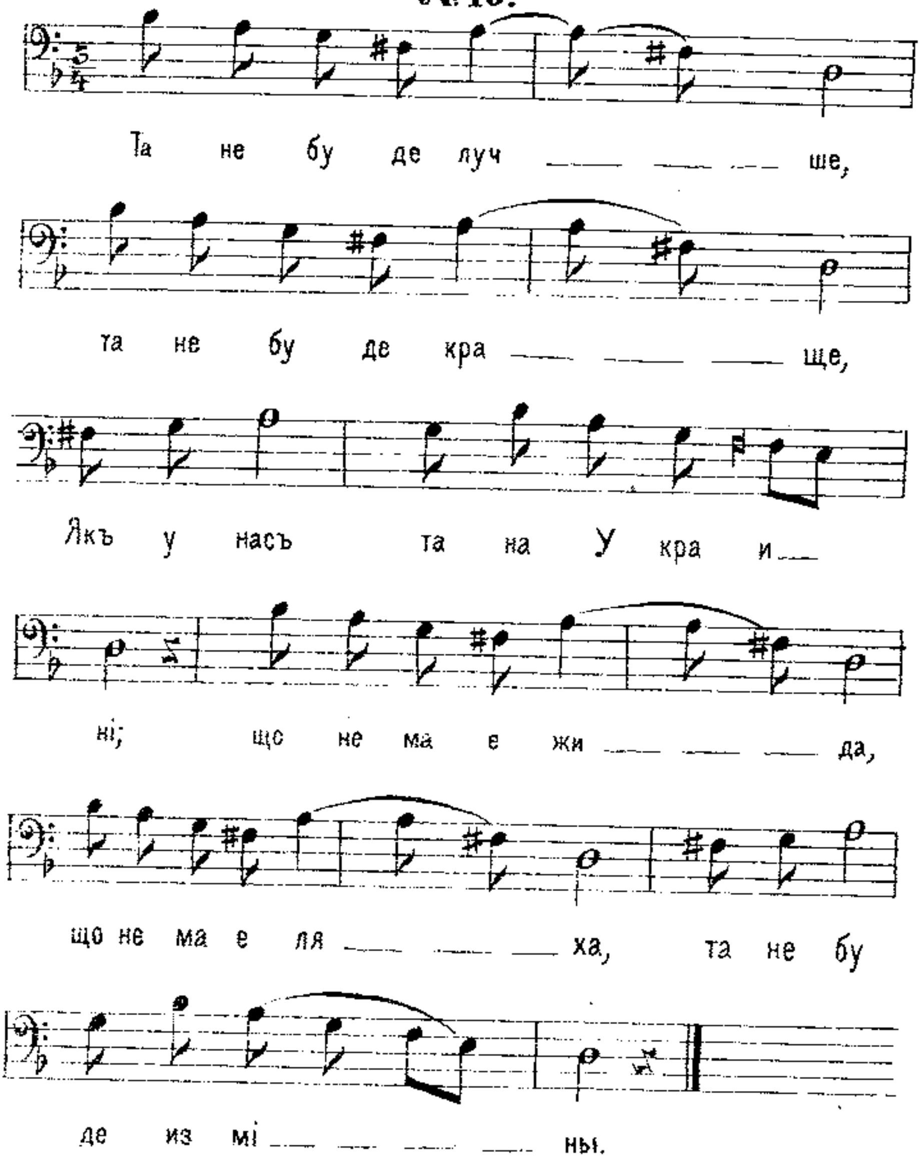
Циганъ: Де-жъ, цыганко, ты живешъ?
Циганка: Ой я живу у шатрi,
Не кую, не дурю,
Тiлько знаю· ачхи-дри!
Хоръ: Припѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрi!

Циганка: Чомъ, цыгане, не орешъ?
Циганъ: Бо немаю плужка!
Тiлько въ мене плужка,—
За поясомъ пужка.
Хоръ: Припѣвъ { Постукаю молоткомъ,
Брякчи, пане, пьятакомъ.

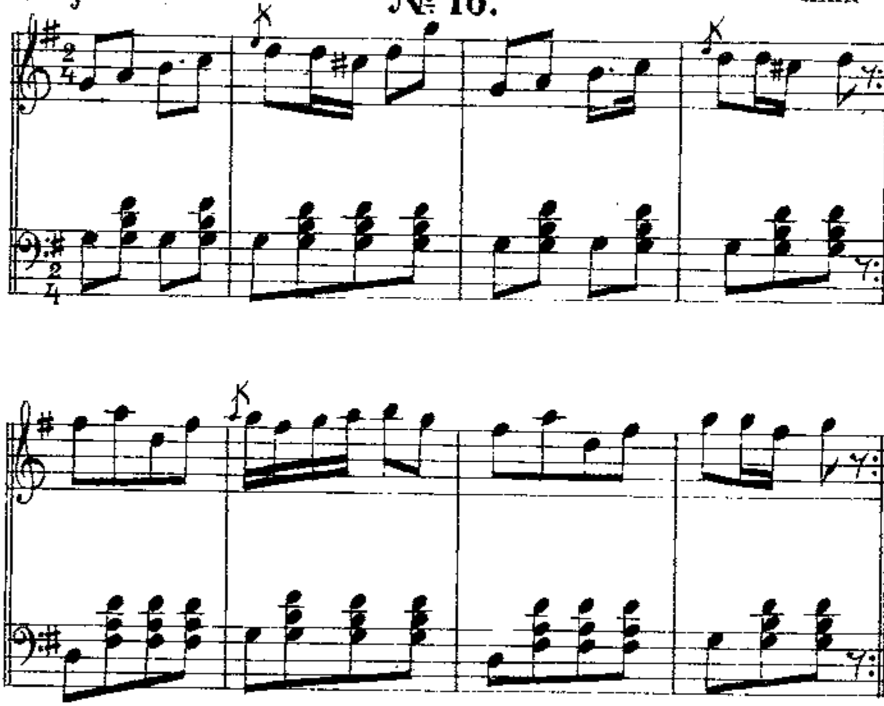
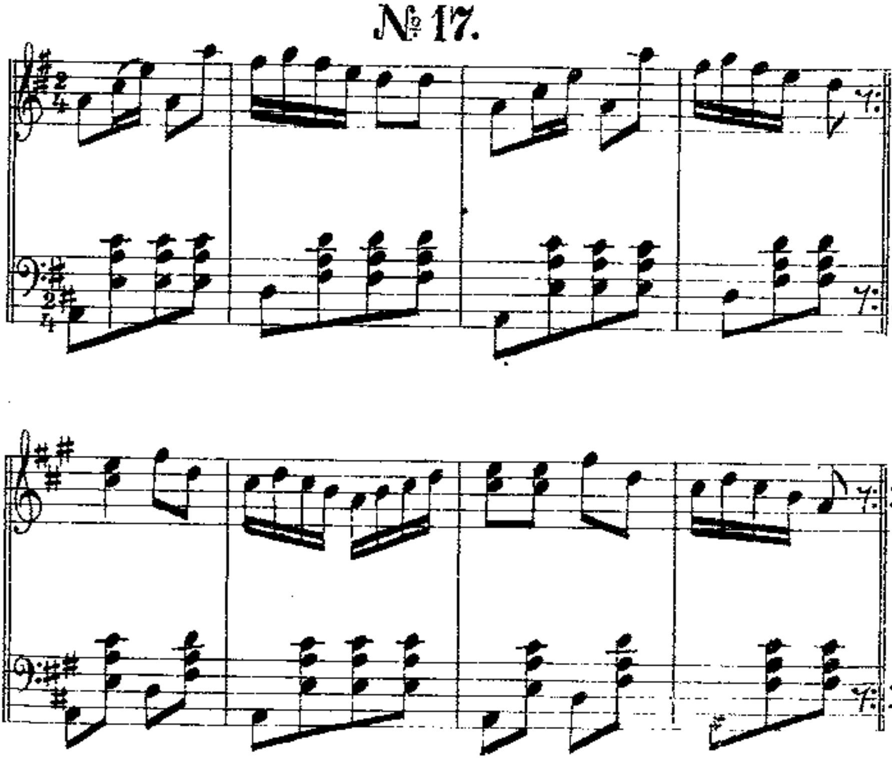
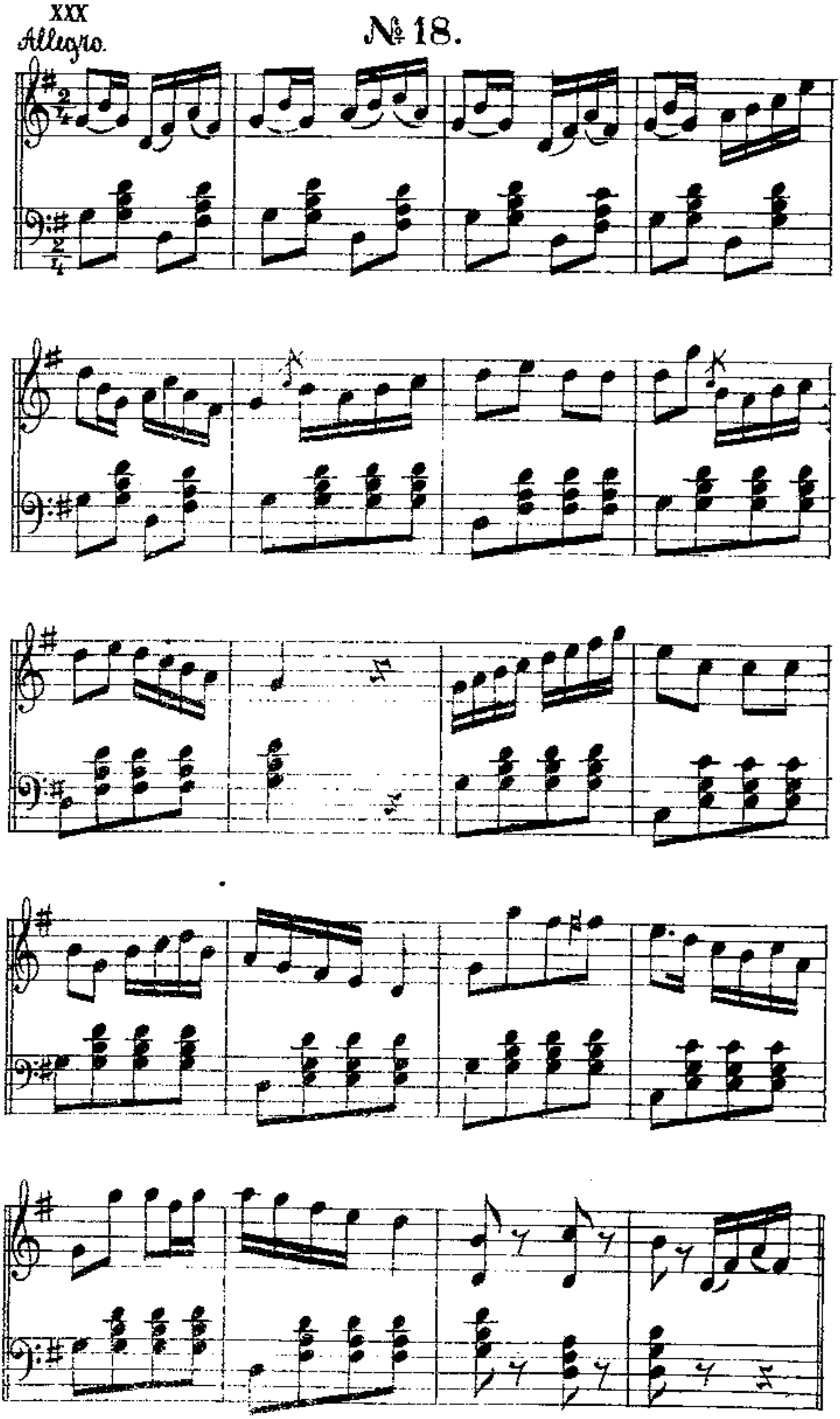
Циганъ: Чомъ, цыганко, не прядешъ?
Циганка: Бо не вмiю прясти.
Изъ за гаю выглядаю,
Щобъ сорочку вкрасти!
Хоръ: Припѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрi!

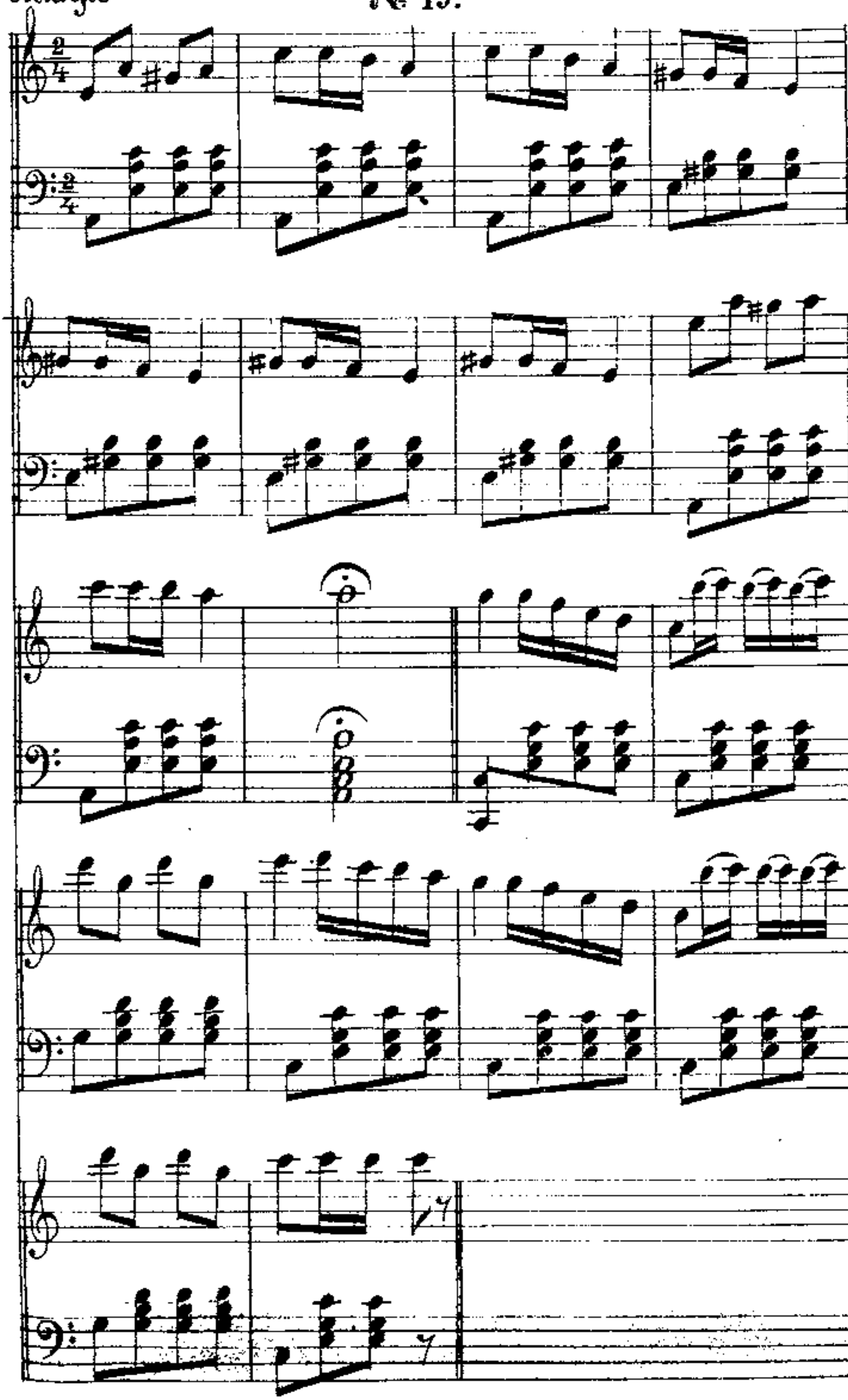
Циганка: Чимъ ты, цыгане, щастливый?
Циганъ: Таке-жъ мое щастья,
Якъ украду та продамъ—
Охъ, щобъ ёму трясць!
Хоръ: Припѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрi!

Циганъ: Де-жъ, цыганко, твоi дiти?
Циганка: Дiти-жъ моi у шатрi:
То кавчять, то пищять,
Якъ щенята—ачхи-дри...

№ 14.

№ 15.

Та не бу де луч — — — ше,
та не бу де кра — — — ще,
Якъ у насъ та на Укра и—
ні; що не ма е жи — — — да,
що не ма е ля — — — ха, та не бу
де из мі — — — — ны.

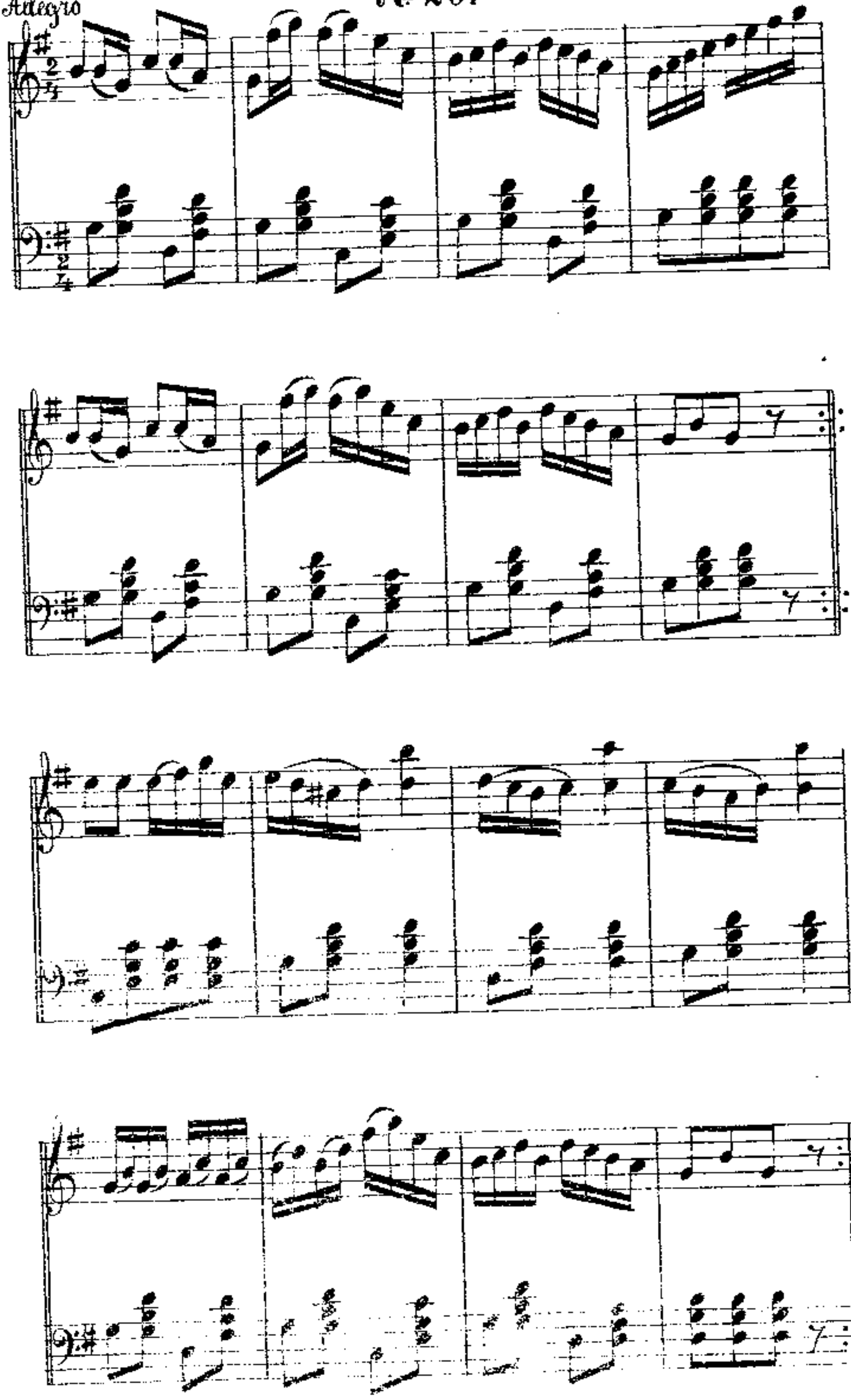
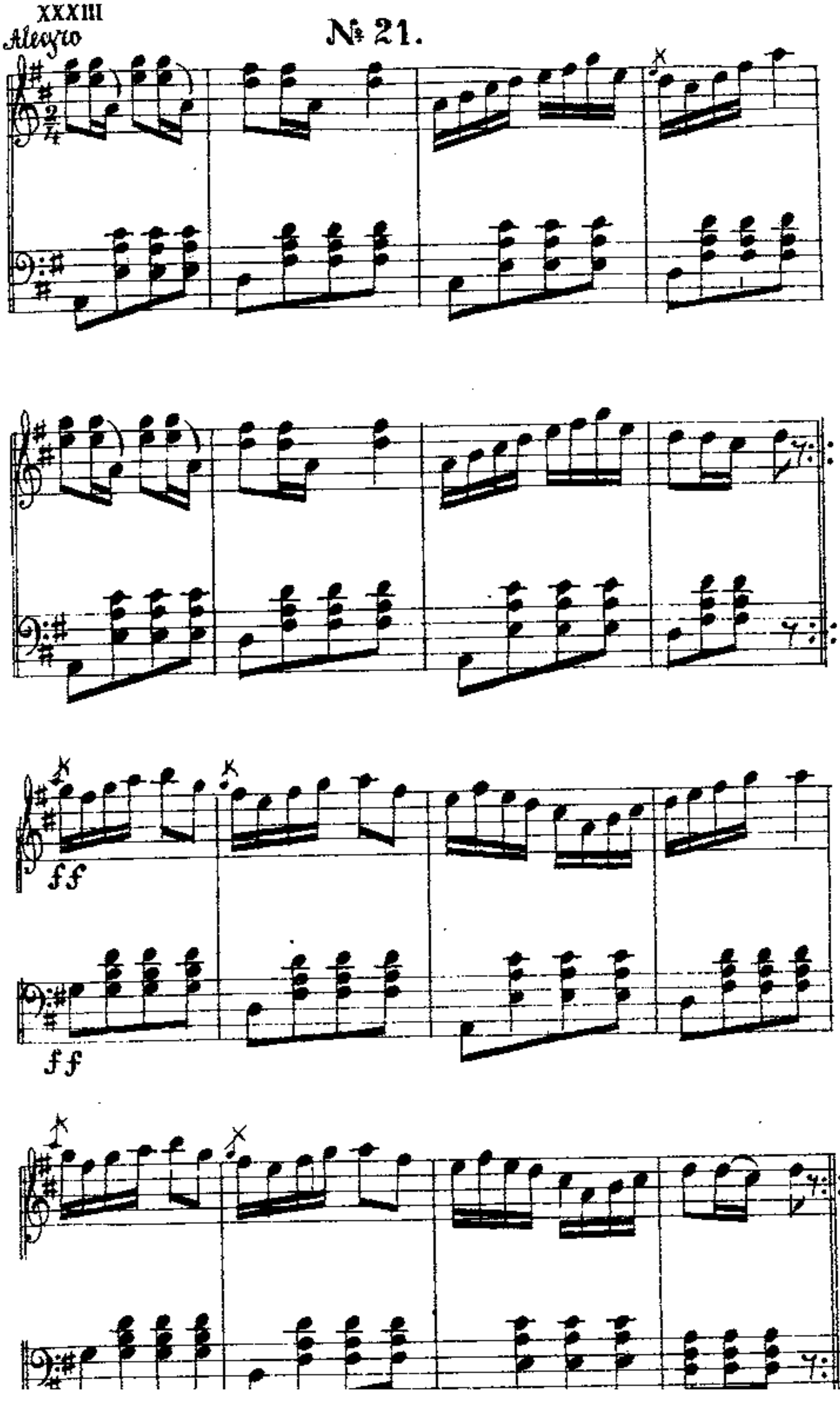
Allegro

№ 16.

№ 17.

№ 18.

№ 19.

Adagio

№ 20.

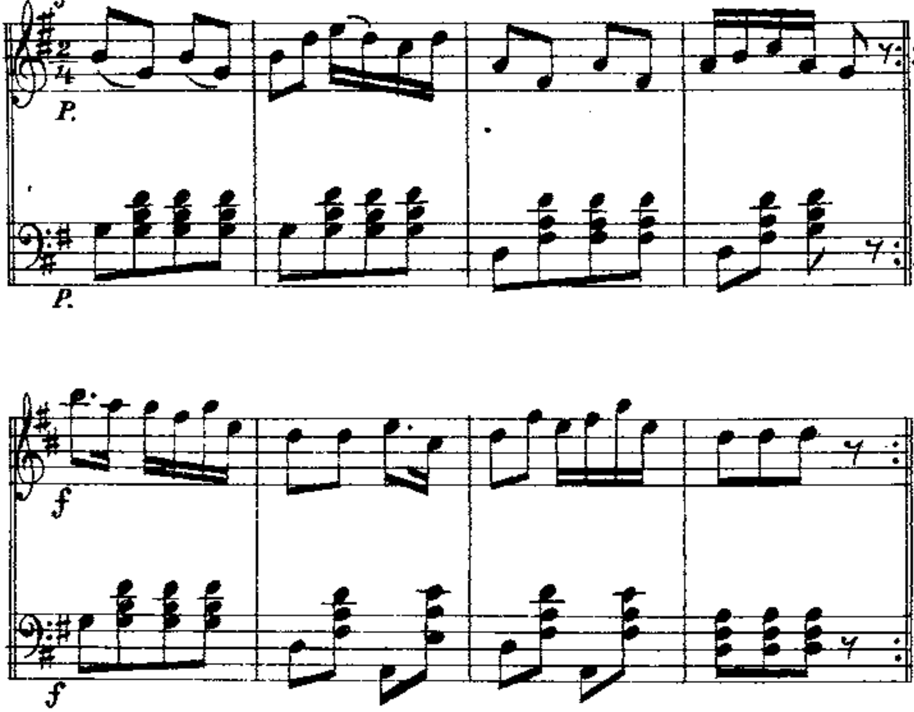
XXXII

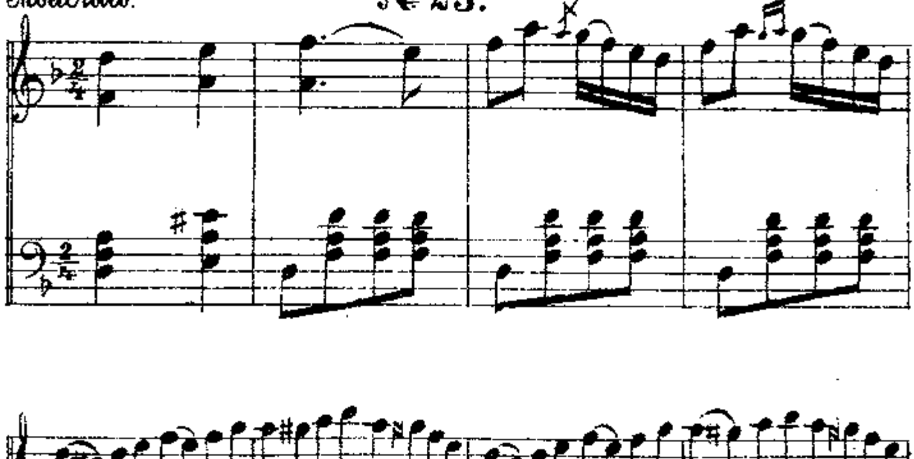
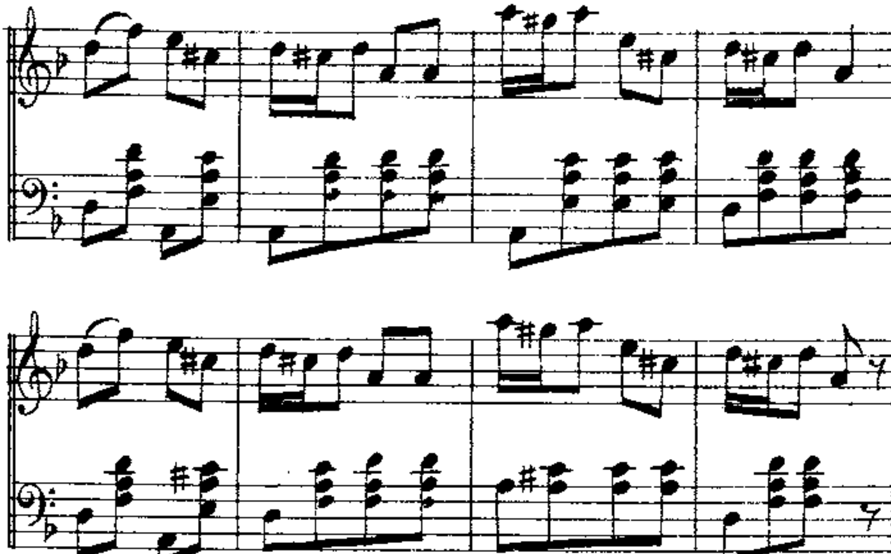
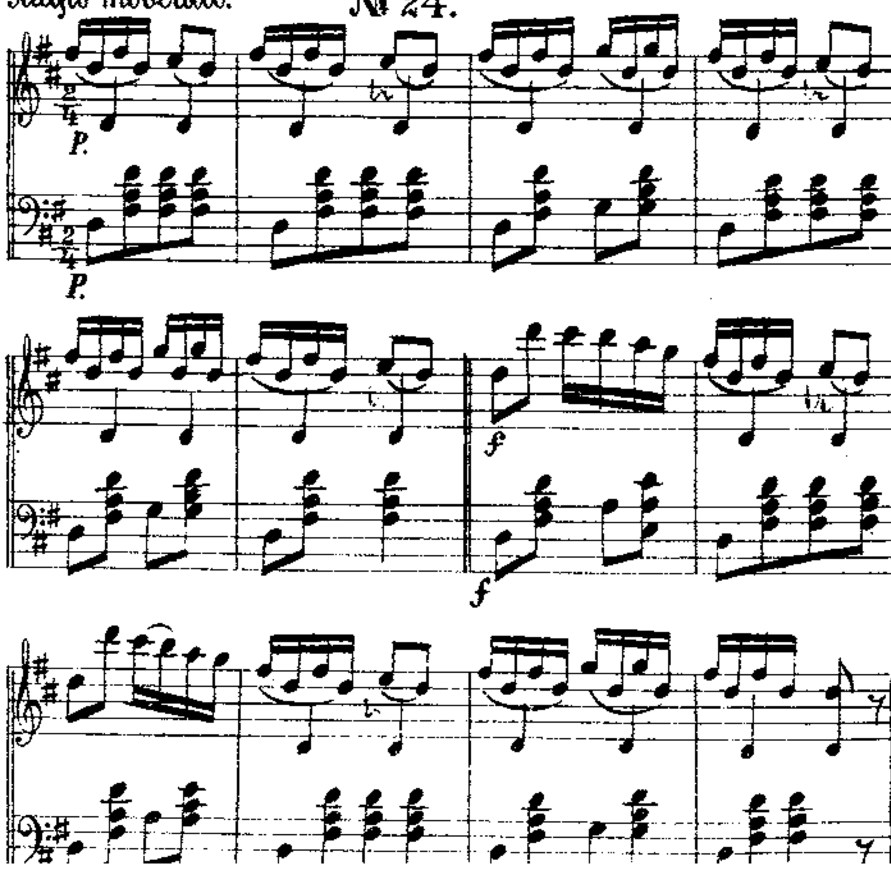
Allegro

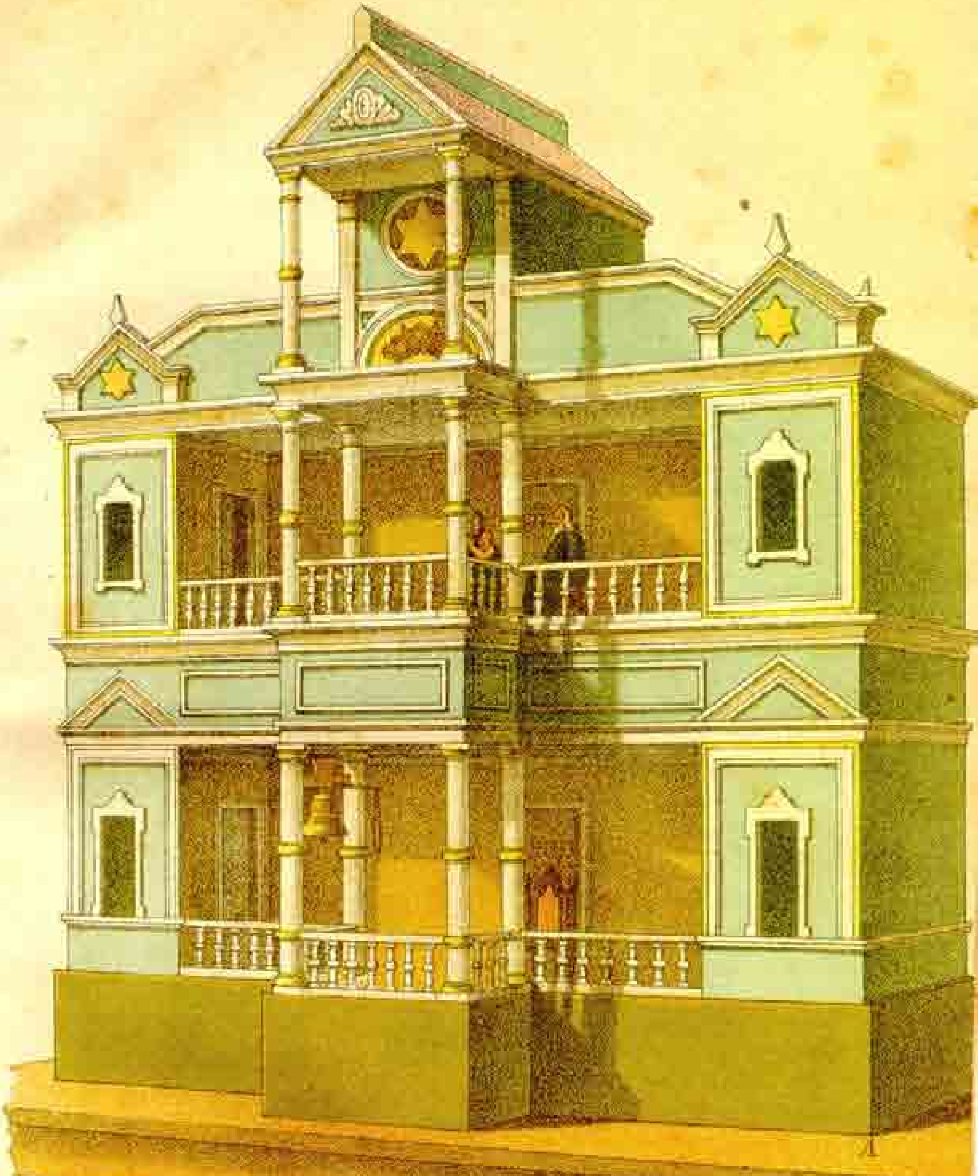


XXXIII
№ 21.
Allegro
ff
ff

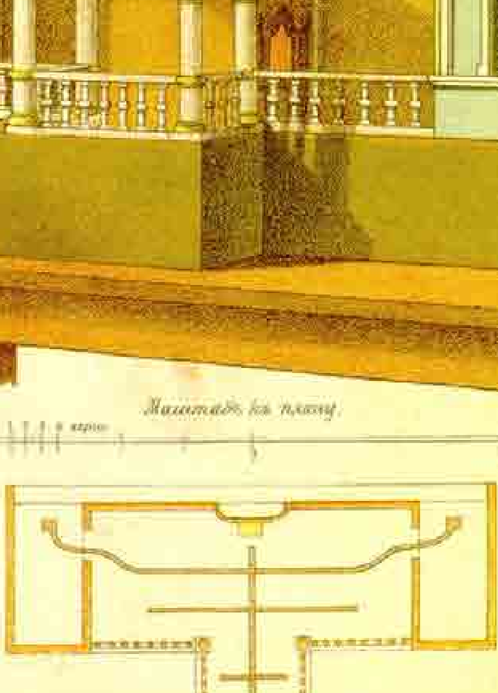
Allegro XXXIV

№ 22.

Moderato.

№ 23.

Alegro moderato. № 24.

ЯЩИКЪ ВЕРТЕПНОЙ ДРАМЫ.



Маштабъ къ плану.



Маштабъ къ фасаду съ точки А.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ноябрь.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1882 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

НОЯБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го октября 1882 года.

ГОНТА.

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины" выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при

содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ.**

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *Печерскіе антики,* Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь,* Ѳ. Кондратовича, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.,* обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей,* проф. В. Б. Антоновича, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки,* повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: *Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ* и проч., *Дневникъ Н. Ханенка, Дневникъ св. Фоки Струтинскаго, Разновидности „Морцьпанинъ и Ганнусковой горьлки",* рукопись XVIII в. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины", съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЬ КОП.** На заграничную пересылку прибавляется **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины", *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на текущій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Вышедшія книжки немедленно высылаются.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

Вмѣсто предисловія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ случайно достались нѣкоторые разрозненные матеріалы по крестьянскому землевладѣнію въ харьковской губерніи. Нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ заинтересовали насъ уже потому, что самому автору, какъ уроженцу этой-же губерніи, уже не разъ бросался въ глаза тотъ загадочный непорядокъ въ нѣкоторыхъ, по преимуществу крестьянскихъ, дачахъ губерніи, который самъ по себѣ не давалъ никакого ключа къ уразумѣнію его причинъ и средствъ его устраненія: это была какая-то механическая смѣсь началъ и порядковъ личнаго и общиннаго землевладѣнія, среди которой видимо было плохо не только крестьянамъ, но и мелкому чрезполосному владѣнію другихъ сословій. По мѣрѣ того, какъ мы дополняли наши скудные матеріалы новыми, причины этой аграрной безурядицы хотя въ основныхъ чертахъ и выяснялись постепенно, но за то общая связь этихъ причинъ осложнялась и расширялась настолько, что самые предѣлы общаго вопроса объ исторіи землевладѣнія въ здѣшней мѣстности постоянно раздвигались и изчезали въ томъ непроницаемомъ туманѣ, который можно назвать заброшенной и забытой исторіей прошлаго нашихъ провинцій. Вслѣдствіе этого намъ пришлось коснуться и общей исторической стороны здѣшней мѣстности, при чемъ даже бѣглый обзоръ мѣстныхъ историческихъ фактовъ показалъ намъ, что *земельный вопросъ здѣсь органически и, можно сказать, на каждомъ шагу представляетъ неразрывное цѣлое съ общей исторіей здѣш-*

няго края, которая и сама, по своей сущности, представляетъ ничто иное, какъ рядъ непрерывныхъ, извнѣ опредѣлявшихся метаморфозъ въ судьбѣ мѣстнаго поземельнаго владѣнія. Такое неожиданное на первыхъ порахъ расширеніе рамокъ мѣстнаго земельнаго вопроса поставило на нашемъ пути нѣкоторыя задачи, выходившія не только за предѣлы нашихъ *не обширныхъ матеріаловъ,* но и за предѣлы нашей личной общей подготовки; ибо вопросъ въ своихъ сложныхъ развѣтвленіяхъ не только шелъ вглубь мѣстной областной и обще-русской исторіи, но и глубоко затрогивалъ нѣкоторые общіе вопросы изъ области права, экономической науки и, можетъ быть, народной психологіи.

Въ виду всѣхъ этихъ внѣшнихъ и субъективныхъ препятствій намъ оставалось или отказаться совершенно отъ мысли браться за непосильный для насъ, при данныхъ условіяхъ, вопросъ, или-же по крайней мѣрѣ хоть поставить его на видъ, хотя-бы со всѣми недостатками, которые неизбѣжно присущи всякому начинанію. Мы предпочли послѣднее, руководствуясь тою мыслію, что иногда самая постановка вопроса на сцену общественнаго вниманія есть уже начало дѣла.

Вопросъ о старозаимочномъ землевладѣніи представляетъ слѣдующія существенныя стороны для своего изслѣдованія: во первыхъ, о самомъ происхожденіи этого землевладѣнія и его дальнѣйшей внѣшней судьбѣ, во вторыхъ, объ основныхъ принципахъ этого землевладѣнія и обусловленныхъ этими принципами внутреннихъ порядкахъ, т. е. было-ли это владѣніе личное и наслѣдственное, или владѣніе общинное, или-же оно представляло собою какое-либо органическое сочетаніе началъ того и другаго типа, съ преобладаніемъ одного изъ нихъ и, въ третьихъ, какой именно характеръ и нравственный складъ воспитывалъ въ народѣ тотъ или другой типъ землевладѣнія, при данныхъ условіяхъ исторіи, и насколько здѣсь причина сама могла быть слѣдствіемъ.

Само собою разумѣется, что случайные и отрывочные матеріалы, какими мы располагаемъ по этому предмету, не даютъ намъ достаточнаго основанія для сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія намѣченныхъ вопросовъ, но мы рѣшились воспользоваться ими хотя для самой постановки общаго вопроса и нѣкотораго освѣщенія указанныхъ его сторонъ, въ томъ предположеніи, что нашъ

трудъ составить, по крайней мѣрѣ, ту *общую первоначальную канву*, при наличности которой легче будетъ оріентироваться и дальнѣйшимъ матеріаламъ по занимающему насъ вопросу. А вопросъ этотъ не только назрѣлъ, но скорѣе уже перезрѣлъ въ самой жизни, которая въ послѣднее время уже слишкомъ серьезно поставила его на видъ и подъ угрозой, можетъ быть, самыхъ печальныхъ осложненій видимо не допускаетъ его дальнѣйшаго отлагательства.

Внѣшней руководящей нитью въ нашемъ изложеніи послужитъ намъ отчасти исторія и содержаніе одного судебнаго старозаимочнаго процесса, именно такъ называемаго „ахтырскаго дѣла", о которомъ года два назадъ такъ много говорилось въ газетахъ, а также нѣкоторые матеріалы по исторіи ахтырскаго полка.

„Ахтырское дѣло" есть только довольно содержательный эпизодъ сложнаго старозаимочнаго вопроса, который, съ одной стороны, затрогиваетъ самыя основы матеріальной жизни значительной части населенія многихъ южно-русскихъ мѣстностей, а съ другой, можетъ быть, существенно дополняетъ и оттѣняетъ собою намъ болѣе счастливый, съ легкой руки Гакстгаузена и славянофиловъ 40-хъ годовъ, вопросъ о поземельной великорусской общинѣ, въ послѣдніе годы, болѣе чѣмъ когда либо, переходящій въ стадію того или другаго своего практическаго разрѣшенія. Но такъ какъ вопросъ о *старозаимочномъ землевладѣніи* во многихъ мѣстностяхъ южно-русскихъ губерній ведетъ свое начало еще отъ временъ первой колонизаціи этихъ мѣстностей (главнымъ образомъ въ предѣлахъ трехъ губерній: полтавской, черниговской и харьковской), то историческая сторона и „ахтырскаго дѣла" неразрывно связана съ превратной судьбой народнаго землевладѣнія, по крайней мѣрѣ въ мѣстности бывшей Слободской Украйны, а потому, при разрозненности и отрывочности находившихся у насъ подъ руками матеріаловъ, мы по необходимости должны были дополнять ихъ, можетъ быть, и довольно извѣстными историческими фактами. Мы однако позволяемъ себѣ думать, что уже самое содержаніе многихъ изъ этихъ матеріаловъ можетъ значительно помочь намъ въ постановкѣ и даже посильномъ освѣщеніи не только общихъ сторонъ поставленнаго нами вопроса, но и вопросовъ нашей темной современности: можетъ быть эти матеріалы лишній разъ остерегутъ насъ отъ нашей почти общей

привычки универсальничать, какъ въ сферѣ теоретическихъ сужденій, такъ и въ практическомъ разрѣшеніи сложныхъ вопросовъ давно лишенной самосознанія нашей общественной жизни, и въ то-же время обнаружать причины, почему многія стихійныя движенія современности застаютъ насъ врасплохъ, какъ истинное для насъ deus ex machina. Можетъ быть болѣе близкое ознакомленіе съ такимъ крупнымъ мѣстнымъ вопросомъ, какъ старозаимочный, хотя нѣсколько наведетъ насъ на мысль, что *многія своеобразныя мѣстности нашего обширнаго государства имѣютъ свои спеціальные вопросы, спеціальные недуги,* а слѣдовательно требуютъ спеціальныхъ, а не универсальныхъ рѣшеній и врачеваній и что можетъ быть самое нарожденіе этихъ недуговъ вызвано слишкомъ легкой, традиціонной вѣрой въ примѣнимость циркулярно-универсальныхъ мѣропріятій, не говоря уже о соображеніяхъ и цѣляхъ, стоявшихъ внѣ интересовъ той или другой мѣстной народной жизни и только въ лучшихъ случаяхъ имѣвшихъ своимъ источникомъ субъективно понимаемую государственную пользу.

Вопросъ о старозаимочномъ землевладѣніи въ б. Слободской Украйнѣ стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о происхожденіи, характерѣ и типѣ всего южно-русскаго народнаго землевладѣнія, а этотъ, въ свою очередь, не можетъ быть понятъ внѣ связи съ исторіею землевладѣнія на сѣверѣ Россіи. Намѣтивъ въ самыхъ общихъ чертахъ историческую связь этихъ вопросовъ, мы перейдемъ затѣмъ къ спеціальному предмету нашего изслѣдованія.

Юридическій характеръ и внутренняя организація землевладѣнія б. московскаго государства въ значительной степени сложились подъ вліяніемъ условій татарскаго ига, не касаясь уже причинъ, лежавшихъ въ исторіи и народномъ характерѣ Великороссіи. „По началамъ монгольскаго государственнаго права, говоритъ Неволинъ, вся земля, находившаяся въ предѣлахъ владычества хана, была его собственностію: подданные хана могли быть только владѣльцами земли". По причинамъ, которыя вѣдомы исторіи, активнымъ и нормирующимъ элементомъ въ московскомъ государствѣ была не столько сама народная жизнь, сколько искони установившаяся ея форма: „одно его, великаго государя, государство". Отсюда единственное основаніе и оправданіе всякаго поземельнаго владѣнія въ Великороссіи заключалось въ службѣ государству; внѣ этого условія по-

земельное владѣніе, какъ нормальное явленіе, не существовало. „Къ концу XVI вѣка, говоритъ русскій цивилистъ (курсъ гражд. права Побѣдоносцева, ч. I, стр. 132—133, изд. 1873 г.) желѣзная воля Ивана IV, очевидно дѣйствовавшая систематически, разбила послѣдніе остатки чистаго вотчиннаго владѣнія и сплавила все землевладѣніе въ московскомъ государствѣ въ одну сплошную массу владѣнія служебнаго". Только съ конца прошлаго вѣка, со времени жалованной грамоты Екатерины II дворянству, выражено было законное признаніе правъ личной собственности на землю для высшаго дворянскаго сословія, и только указомъ 1801 года было предоставлено право пріобрѣтенія ненаселенныхъ земель всѣмъ россійскимъ подданнымъ, за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ.

При такомъ общемъ юридическомъ характерѣ землевладѣнія Великороссіи, къ ней, какъ извѣстно, присоединилась въ половинѣ XVII вѣка, а отчасти заселилась около этого времени малороссіянами почти вся территорія южной Руси или Украйны, землевладѣніе которой возникло и слагалось подъ вліяніемъ причинъ и началъ весьма своеобразныхъ, а послѣ эпохи Богдана Хмельницкаго почти полярно противуположныхъ. Хотя въ бывшемъ литовскомъ государствѣ, подъ вліяніемъ котораго формировалось до эпохи Богдана южно-русское землевладѣніе, право полной собственности на землю принадлежало единственно только великому князю и въ этомъ отношеніи была, повидимому, какъ-бы полная параллель съ юридическимъ положеніемъ землевладѣнія и въ московскомъ государствѣ: но есть основаніе думать, что эта параллель не шла дальше сходства основныхъ государственныхъ воззрѣній на землевладѣніе и не проникала собою фактически всего правоваго строя народной жизни, какъ въ московскомъ государствѣ; а со времени отдѣленія южной Руси отъ Рѣчи Посполитой само собою должно было упраздниться и воззрѣніе объ исключительномъ правѣ государства на землевладѣніе южной Руси. Съ эпохи Богдана земля стала уже фактической собственностію занимавшаго ее народа.

Такъ какъ для самобытнаго развитія народныхъ южно-русскихъ началъ землевладѣнія не оказалось впослѣдствіи благопріятныхъ условій, а органическаго слiянія съ принципами и порядками землевладѣнія въ московскомъ государствѣ, по ихъ рѣзкой во многомъ противуположности, не могло и быть, то послѣдующая исторія

южно-русскаго землевладѣнія, главнымъ образомъ въ Слободской Украйнѣ, представляетъ собою интересную для исторической мысли картину, такъ сказать, механическаго, офиціальнаго воздѣйствія началъ и порядковъ сѣвернаго землевладѣнія на южное. Полная разработка этого вопроса составила-бы общую исторію землевладѣнія Украйны со времени присоединенія ея къ московскому государству, а вмѣстѣ съ нимъ и существенную сторону исторіи южно-русскаго народа. Но, какъ уже объяснено выше, мы намѣтили себѣ гораздо болѣе скромную задачу: изложить въ нѣкоторой посильной системѣ хотя не многіе имѣющіеся у насъ подъ руками матеріалы для будущей разработки этого вопроса въ примѣненіи только къ небольшой части территоріи бывшей Малороссіи или Украйны, именно относительно земель бывшихъ слободскихъ полковъ, территорія которыхъ занимала пространство нынѣшней харьковской губерніи, нѣкоторые южные уѣзды курской и часть воронежской губерніи. По самой разрозненности этихъ матеріаловъ, мы изложимъ оные въ 12-ти отдѣльныхъ главахъ, представляющихъ происхожденіе и отдѣльные фазисы и видоизмѣненія общаго вопроса, сохраняя однако между ними внутреннюю предметную связь.

---

1) Происхожденіе поземельнаго владѣнія слободскихъ полковъ и его мѣстныя особенности.

Слободская Украйна, составляя, по національности большинства ея населенія, часть общей территоріи Малороссіи, почти съ самаго своего заселенія вошла въ составъ московскаго государства и поэтому уже съ давняго времени была подъ прямымъ вліяніемъ московскихъ государственныхъ порядковъ. Это вліяніе могло быть тѣмъ рѣшительнѣе, что колонизація Слободской Украйны производилась на территоріи уже отчасти (хотя изрѣдка) занятой великорусскими окраинными поселеніями; этому вліянію благопріятствовало и то обстоятельство, что всѣ пять слободскихъ полковъ (ахтырскій, сумской, харьковскій, изюмскій и острогожскій) не имѣли того собственнаго объединяющаго административнаго центра, какимъ представлялся гетманскій урядъ въ полкахъ бывшей гетманщины: слободскіе полки никогда не имѣли своей общей гене-

ральной старшины, что, конечно, не могло входить и въ виды московскаго правительства. Въ первое время своего возникновенія и присоединенія къ московскому государству слободскіе полки находились въ непосредственномъ вѣдѣніи посольскаго приказа (замѣненнаго потомъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ), потомъ зависѣли отъ бѣлгородскаго разряда „и отъ губерніи бѣлгородской по гражданскимъ, а по воинскимъ дѣламъ отъ военной коллегіи".

Въ то время, какъ на сѣверѣ Россіи извѣстный строй жизни и ея аграрные порядки слагались и крѣпли цѣлые вѣка, колонизація малолюдной лѣвобережной Украйны, въ большинствѣ ея мѣстностей, принадлежитъ сравнительно позднѣйшему времени и главнымъ образомъ, можетъ быть, XVI—XVII вѣкамъ. Характеръ происхожденія поземельнаго владѣнія въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ этой территоріи довольно вѣрно опредѣляется слѣдующимъ объясненіемъ землевладѣльцевъ, малороссійскихъ козаковъ одного села, въ ихъ поземельномъ спорѣ съ новгородъ-сѣверскимъ спасскимъ монастыремъ въ концѣ прошлаго вѣка: „когда при помощи Божіей малороссіяне зъ гетманомъ Богданомъ Зиновіемъ Хмельницкимъ кровію своею освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей, а пришли въ подданство всероссійскаго монарха, великаго государя, Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обоихъ сторонахъ Днѣпра вся земля была малороссіянъ сполная и общая потамисть, покамисть они первѣе подъ полки, а въ полкахъ подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечки, села и деревнѣ и въ оныхъ подъ свои жилища, дворы, домы и футоры осягли и позаймали; и потому *сталися всь добра* (имѣнія) *малороссіянамъ быть власними* (собственными) *чрезъ займы*. Оніе-жъ займы свои малороссіяне разными означали способами: одни оборували, другіе копцами обносили и рвомъ окопували, клякaми ограничали и, что хотѣли, въ тѣхъ займахъ строили, гаи возращали и сады заводили, футори, слободи, деревнѣ, села на свое имя селили, къ себѣ въ корысть приводили, на болотахъ, гдѣ видѣли къ устроенію мельницъ мѣста, тамъ оніе строили" [1]).

---

[1]) Записки черниговскаго губернскаго статистическаго комитета. Книга первая. Черниговъ. 1766 г. «Малороссійскіе посполитые крестьяне».

Въ этомъ разсказѣ, говоритъ авторъ цитированной нами статьи: „Малороссійскіе посполитые крестьяне“, полная исторія поземельной собственности въ Малороссіи. Отсюда-же видно, что происхожденіе и характеръ поземельнаго владѣнія, какъ въ бывшей гетманщинѣ (нынѣ полтавской и черниговской губерніяхъ), такъ и въ предѣлахъ бывшихъ слободскихъ полковъ, позднѣе слободско-украинской губерніи, съ нѣкоторыми сопредѣльными ей мѣстностями сосѣднихъ курской и воронежской губерній, въ районѣ южно-русской колонизаціи, были почти одни и тѣ-же, ибо вся эта территорія почти до степей Дона была мало-по-малу заселена, за исключеніемъ рѣдкихъ великорусскихъ поселеній, почти сплошнымъ южно-русскимъ населеніемъ. Хотя въ территоріи слободскихъ полковъ, еще съ самаго начала ихъ возникновенія, происхожденіе землевладѣнія было довольно разнообразно,—кромѣ массы вольныхъ заимокъ, были и жалованныя и помѣстныя земли однодворцевъ, главнымъ образомъ, въ сѣверной полосѣ Слобожанщины—по такъ называемой бѣлгородской чертѣ [1]), и самыя заимки съ теченіемъ времени освящались большею

[1]) Въ книгѣ неизвѣстнаго автора: «Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ»... Москва, 1788 г., относительно бѣлгородской черты сказано, что она была проведена въ видѣ рва еще при Михаилѣ Федоровичѣ: начиналась она съ запада «отъ рубежа малороссійскаго бывшей тамъ польской границы» и простиралась до рѣки Дона, слишкомъ на 300 верстъ. По этой линіи были построены съ крѣпостями великорусскіе города: Вольное, Хотомырскъ, Карповъ, Бѣлгородъ, Нежегольскъ, Короча, Яблоновъ, Новый-Осколъ, Верхососенскъ, Усердъ, Ольшанскъ и Коротоякъ надъ Дономъ. Главнѣйшими изъ этихъ городовъ-крѣпостей были Бѣлгородъ и Новый-Осколъ. «Прилежащими къ сей чертѣ землями, говорится въ этой книгѣ, удовольствованы какъ города во время построенія, такъ въ помѣстные оклады жалованы дворяне, дьяки, подьячіе и дѣти боярскіе; а сверхъ того розданы тѣ земли въ дачи прежнихъ службъ служилымъ людямъ; оставшееся за раздачею пространство, большей частью съ южной стороны линіи, царь Алексѣй Михайловичъ указалъ отвесть и утвердилъ подъ поселенія слободскимъ полкамъ». Но что здѣсь не было и не могло быть какого-либо дѣйствительнаго отвода земель для колонизаторовъ слободскихъ полковъ, это подтверждаетъ и самъ авторъ названной нами книги: «восточная (бывшаго) княженія кіевскаго сторона,.... на которой послѣ слободскіе полки поселились, пробыла около 400 лѣтъ необитаемою пустынью, гдѣ отъ востока и юга набѣги татарскіе однимъ только звѣрямъ, птицамъ и пресмыкающимся не могли воспретить обиталища», почему «земли сіи... со временъ нашествія татарскаго до поселенія слободскихъ полковъ пребыли по большей части пусты»....

частью *жалованными грамотами* московскихъ государей; но такъ какъ въ этихъ правительственныхъ актахъ относительно самаго внутренняго распорядка землевладѣнія не было никакой регламентаціи и съ этой стороны акты обыкновенно ограничивались простымъ упоминаніемъ о „старыхъ козацкихъ обыклостяхъ“, то *національный характеръ населенія, какъ видно изъ массы фактовъ, постоянно клонилъ аграрные порядки къ индивидуальному, участково-наслѣдственному землевладѣнію.* Вслѣдствіе этого характеръ землевладѣнія и Слободской Украйны, подобно аграрному устройству населенія бывшей гетманщины, во многомъ отличается отъ аграрныхъ порядковъ Великороссіи не только въ большинствѣ случаевъ своимъ происхожденіемъ, но и формой, типомъ: вмѣсто обыкновенной *дачи въ помѣстье*, для отбыванія государевой службы, здѣсь, по крайней мѣрѣ для большинства южно-русскаго населенія, была *вольная заимка*, вмѣсто общиннаго владѣнія всѣмъ міромъ великорусскаго селенія или деревни, въ Слободской Украйнѣ почти повсемѣстно, въ предѣлахъ южно-русской колонизаціи, было личное индивидуальное владѣніе, съ обычнымъ переходомъ и дробленіемъ по наслѣдству, изъ поколѣнія въ поколѣніе, что фактически представляло всѣ условія полной поземельной собственности и что для массы населенія Великороссіи юридически стало возможно, кромѣ крѣпостныхъ людей, только съ начала текущаго вѣка (указъ 1801 г.).

Документальнымъ подтвержденіемъ того историческаго факта, что малороссіяне („черкассы“ по московскимъ или великорусскимъ письменнымъ памятникамъ XVII и XVIII вѣковъ) колонизировали не только земли бывшей гетманщины, но и территорію слободскихъ полковъ большей частью *вольно, безъ всякихъ* предварительныхъ откуда-бы то ни было *разрѣшеній*, служатъ многочисленныя историческія данныя, изъ которыхъ однако мы приведемъ лишь немногія, имѣя въ виду судьбу южно-русскаго поземельнаго владѣнія бывшей Слобожанщины главнымъ образомъ уже въ позднѣйшее время, почти исключительно въ текущемъ столѣтіи, и даже за послѣднія десятилѣтія нашего вѣка. Такъ относительно главнаго поселенія ахтырскаго слободско-украинскаго полка, города Ахтырки, есть историческія указанія, что онъ входилъ еще въ составъ литовскаго княжества, т. е. въ предѣлы государственной территоріи бывшей Рѣчи Посполитой. „Сочинителю географическаго словаря извѣстна

была грамота царя Алексѣя 1669 г., въ которой сказано было, что городъ построенъ въ августѣ 1641 г., подъ надзоромъ королевскаго урядника Кульчевскаго, и въ немъ первымъ урядникомъ былъ панъ Якубовскій. Въ актѣ размежеванія границъ 1647 г. сказано, что ахтырскій городъ передань Польшею московскому царю вслѣдствіе бывшаго предъ тѣмъ договора. По Чугуевской перепискѣ, Ахтырка является черкасскимъ новопостроеннымъ городомъ въ 1654 г. [1]).

Также точно и основаніе другихъ поселеній западной, древнѣйшей части Слобожанщины, какъ напримѣръ полковаго города Сумъ и бывшаго сотеннаго мѣстечка сумскаго полка Лебедина, историческія преданія относятъ еще до времени присоединенія Малороссіи къ московскому государству, когда первоначальная колонизація этихъ мѣстностей не могла быть подъ вліяніемъ московскаго правительства, а непосредственнаго московскаго вліянія на внутренній аграрный строй Слобожанщины не было и въ позднѣйшее время, по крайней мѣрѣ до начала XVIII вѣка. „Въ 1654 году, говоритъ Побѣдоносцевъ [2]), харьковскій полкъ (впослѣдствіи центръ мѣстнаго управленія) былъ принятъ подъ скипетръ Россіи и вскорѣ поступилъ во владѣніе *посольскаго приказа,* и на ряду съ нимъ образовался другой главный полкъ, изюмскій. Въ послѣдней четверти XVII вѣка начинается рядъ жалованныхъ грамотъ, которыми русскіе государи утверждали за слободскими жителями разныя льготы и привилегіи“ [3]). Такъ за вѣрность слободскихъ полковъ московскому правительству во время политическихъ смутъ въ гетманской Малороссіи при Виговскомъ и Брюховецкомъ тремъ слободскимъ полкамъ—сумскому, ахтырскому и харьковскому была дана жалованная грамота въ 1668 г.: здѣсь Алексѣй Михайловичъ за ихъ вѣрную службу и разореніе „указалъ сложить съ нихъ оброки... съ промысловъ и шинковъ по бѣлгородскому окладу, а промышлять въ городахъ тѣхъ полковъ всякими промыслы безоброчно и безпошлинно“ [4]).

---

[1]) Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи. Отдѣленіе III, Москва 1857 г. стр. 9—10.

[2]) Тамъ-же, стр. 279, 280 и 441.

[3]) См. его уже упомянутый нами «Курсъ гражд. права», часть I, 1873 г. стр. 350,

[4]) Тоже топограф. описан. харьковскаго намѣстничества 1788 года.

Жалованною грамотою 1682 г. указано слободскимъ полкамъ „пашенныя земли пахать и всякими угодьи владѣть промежь собой *по раздѣлу, по ихъ черкасской обычности*". „Къ числу такихъ обычностей, продолжаетъ авторъ уже названнаго нами „Курса гражданскаго права", перенесенныхъ, вѣроятно, изъ первоначальной родины, принадлежалъ обычай *занимать* пустыя земли для разработки и владѣнія". Такимъ образомъ *заимка* въ слободскомъ краю сдѣлалась главнымъ способомъ пріобрѣтенія собственности. Отсюда видно, что первоначальное заселеніе харьковскаго слободскаго полка, а слѣдовательно и его древнѣйшая поземельная организація (также какъ и ахтырскаго полка) стояли внѣ всякаго официальнаго вліянія московскаго правительства. Относительно этихъ жалованныхъ грамотъ, какъ древнѣйшихъ, такъ и послѣдующихъ, невольно обращается вниманіе на то обстоятельство, что они почему-то какъ-бы постоянно забываются со стороны московской администраціи, что нерѣдко вызывало въ прежнее время жалобы и челобитныя со стороны слободскихъ козаковъ. Эти жалобы за нарушеніе дарованныхъ правъ относятся еще къ началу царствованія Петра I-го.

Такъ въ жалованной грамотѣ Петра I-го въ 1705 г. „сумскаго полка стольнику нашему и полковнику Андрею Герасимовичу Кондратьеву", между прочимъ, говорится: „въ нынѣшнемъ 705 году били челомъ намъ, великому государю, твоего полку старшина... городовые сотники и рядовые козаки съ товарищи: въ прошлыхъ де годѣхъ дѣды и отцы и братья и родственники и онѣ изъ разныхъ малороссійскихъ городовъ подъ нашу государеву руку на сю сторону Днѣпра (переселились)... и будущіе въ Бѣлгородѣ и въ Курску бояре и воеводы, обнадеживая ихъ нашею государевою не отъемленною милостію и всякими ихъ *черкасскими неотъемленными отъ нихъ обыклыми вольностями*, и велѣли имъ селиться въ защиту украинскимъ жилымъ городамъ по бѣлгородской чертѣ, въ дикихъ степяхъ, на татарскихъ сакмахъ, которыми мѣстами хаживали крымскія и ногайскія орды подъ наши государевы жилые украинскіе города, а для размноженія тѣхъ новостроющихся городовъ велѣли имъ призывать въ тѣ мѣста на житье всенадежно и иныхъ ихъ братьевъ „*черкасъ*" и тѣми новоприхожими „черкассами" построены городы на путивльскихъ дикихъ земляхъ: Сумы, Судока, Мирополье, Краснополье, Бѣлополье, и къ тѣмъ городамъ уѣзды, села и де-

ревни и... служили они намъ, великому государю, по своему обѣщанію, не щадя головъ своихъ, вѣрно, также и во измѣнные *шаточные времена*, и ко измѣнникомъ не приставились и на прелестныя ихъ ни на какія письма... не склонялись никогда-же; и въ прошлыхъ де годѣхъ (за время отца и братьевъ Петра) для утвержденія ихъ городовъ за тѣ ихъ вѣрныя службы пожалованы, велѣно имъ вмѣсто нашего государеваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья въ тѣхъ городѣхъ жить и нашу государеву полковую службу служить *по черкасской обыклости*, при всякихъ вольностяхъ, и велѣно-же *заимки занимать*, пасѣки *и всякіе грунты заводить* и торговыми всякими промыслы промышлять въ своихъ полкахъ безоброчно и безпошлинно, противъ старой черкасской обыклости, и оброки, которые до измѣны Ивашки Брюховецкаго на мельницы и на всякія угодьи и на торговые промыслы были наложены, за вышеупомянутую вашу службу и ко измѣнникомъ несклонность велѣно тѣ оброки сложить и впредь тѣхъ оброковъ не править *и на тѣ ихъ всѣ вольности и на грунта и на всякіе промыслы ихъ и дѣтямъ ихъ надежду и въ предъидущіе годы даны наши государевы жалованныя грамоты*"... Въ заключеніе грамота эта на имя сумскаго полковника повелѣваетъ ему сдѣлать оглашеніе въ полку старшинѣ и рядовымъ козакамъ *„всякими угодьи владѣть по прежнимъ нашимъ указамъ* и жалованнымъ грамотамъ, какъ прежде сего владѣли безъ всякаго премѣненія" [1])... Такимъ образомъ мѣстная московская администрація, по своему личному усмотрѣнію, или-же по распоряженіямъ свыше, уже предавала забвенію тѣ права и льготы, которыя были формально даны колонизаторамъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Эти привилегіи, по замѣчанію самаго автора „Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества" 1788 г., уже потому были необходимы для слободскихъ полковъ, что „они въ собственномъ военномъ одѣяніи, въ собственномъ вооруженіи, на собственныхъ коняхъ и на собственномъ провіантѣ легкоконными козаками въ войскѣ служили" [2])...

---

[1]) Частная рукописная копія.

[2]) Матеріалы по исторіи Слобожанщины, кромѣ московскихъ архивовъ посольскаго приказа и военной коллегіи, а также архивовъ г. Харькова, разбросаны въ старыхъ изданіяхъ и особенно провинціальныхъ: такъ исторія г. Суджи, входив-

Итакъ въ слободскихъ полкахъ *вольная заимка земель* была главнымъ способомъ пріобрѣтенія поземельной собственности, на сколько правовая сторона землевладѣнія могла имѣть мѣсто въ смутное и тревожное время XVII вѣка. Черкасская или малороссійская колонизація мало по малу заняла и облюднила и бывшія еще въ XV и XVI вѣкахъ, въ территоріи Слободской Украйны, разныя временныя московскія сторожи, опустѣлые острожки, остатки прежнихъ городовъ и селеній, какъ напримѣръ: Олешню, Изюмъ, Валки, Чугуевъ, Царево-Борисовъ и другіе, которые такимъ образомъ и населялись почти исключительно черкассами.

Врядъ-ли будетъ ошибкой предположить, что для колонизаторовъ - черкассъ Слободской Украйны былъ важенъ самый фактъ вольнаго, безоброчнаго владѣнія землей, а не юридическое основаніе этого факта и не правовая сторона ихъ владѣнія: колонизаторы видимо вполнѣ удовлетворялись тѣмъ, что они фактически являлись полными хозяевами занятой ими земли, которой они владѣли и распоряжались, согласно своимъ народнымъ обычаямъ. Наиболѣе древнія жалованныя грамоты московскихъ государей давали имъ право выбора полковой старшины, а также „въ судныхъ и во всякихъ дѣлахъ исправу чинить въ правду по старымъ своимъ козацкимъ обыкновеніямъ“ [1]). Но есть основаніе предполагать, что даже въ древнѣйшихъ слободскихъ полкахъ, какъ напримѣръ ахтырскомъ, сумскомъ и харьковскомъ, вольная заимка военныхъ колонизаторовъ Слободской Украйны уже рано смѣшивалась и съ другими видами землевладѣнія. Такъ изъ актовъ того времени можно видѣть, что еще у первыхъ полковниковъ слободскихъ полковъ встрѣчаются помѣстныя и вотчинныя земли [2]); эти-же полковники и другая полко-

---

шей въ составъ сумскаго козачьяго полка, помѣщена въ историческомъ и географическомъ журналѣ, изданномъ профессоромъ Гавриловымъ въ Москвѣ 1829 г. Въ «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1865 г. № 22 есть небольшая замѣтка «объ отчужданіи старозаимочныхъ земель войсковыхъ обывателей людямъ всякаго сословія».

[1]) Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, отдѣленіе III, стр. 35.

[2]) См. грамоту ахтырскому полковнику Перекрестову 1786 г. въ историко-стат. описаніи харьковской епархіи.

вая старшина заселяли свои пустопорожнія жалованныя и заимочныя земли въ смежныхъ поселеніяхъ великорусскихъ ратныхъ людей (у дѣтей боярскихъ) и также населяли ихъ черкассами; въ актахъ того времени упоминаются и случаи населенія „новыхъ поселеній" даже прямо по царскимъ указамъ, при чемъ однако земли предлагались „въ вѣчное владѣніе безденежно". Иногда чины слободской козацкой старшины получали приказаніе отъ московскаго правительства строить города и поселенія, призывать въ нихъ на вѣчное житье „всякихъ чиновъ черкассъ и дворами и всякими усадьбы ихъ строить".

Бывали случаи дачи земель отдѣльнымъ лицамъ козачьяго населенія за ихъ заслуги отъ мѣстныхъ полковниковъ и даже уполномоченныхъ правительствомъ бояръ. Не лишено интереса и то обстоятельство, что еще въ первую пору исторіи Слобожанщины, въ ней уже являлось, главнымъ образомъ, путемъ правительственнаго пожалованія, крупное личное землевладѣніе громадныхъ размѣровъ: такъ „жалованная вотчинная милостивая грамота" Петра І-го на имя сумскаго полковника Андрея Герасимовича Кондратьева (сына сумскаго-же полковника Герасима Кондратьева, знаменитаго своей непреклонной вѣрностью московскому правительству) утверждаетъ за нимъ громадную массу земель, „ихъ помѣстья въ отчину... вѣчно и въ роды неподвижно... и вольно ту вотчину продать и заложить и въ приданое дать и во всякія крѣпости укрѣпить". По матеріаламъ генеральнаго межеванія 1785 г., упоминаемымъ въ томъ-же историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи, въ рукахъ фамиліи бывшаго сумскаго полковника Кондратьева оказалось свыше 119,000 десятинъ земли. Даже духовный авторъ этого описанія какъ-бы невольно замѣчаетъ: „изумительно, какъ много милостей излито было на домъ Герасима Кондратьева!" Мы не будемъ теперь касаться вопроса о томъ, насколько согласовались признававшіяся прежними грамотами старыя „черкасскія или козацкія обыклости" съ появленіемъ подобныхъ латифундій, но по всей вѣроятности ко времени введенія крѣпостнаго права въ Слободской Украйнѣ эти латифундіи уже были заселены черкассами, обращенными такимъ образомъ въ крѣпостное положеніе. Въ ахтырскомъ полку усиленнымъ „собираніемъ земель" занялся почти современникъ знаменитаго по царскимъ милостямъ сумскаго пол-

ковника, ахтырскій полковникъ Ив. Ив. Перекрестовъ, по заявленію котораго въ ахтырскомъ полку будто-бы еще въ его время не стало „порожнихъ земель и дикихъ полей и разныхъ угодій" и поэтому онъ пріобрѣталъ земли у дѣтей боярскихъ, ближайшихъ къ малорусскому населенію ахтырскаго полка великорусскихъ поселеній— Олешни, Вольнаго и Хотьмыжска. Современемъ онъ чѣмъ-то навлекъ на себя гнѣвъ Петра, вслѣдствіе чего указомъ 1704 г. онъ неожиданно лишенъ былъ званія полковника; огромныя имѣнія его были отобраны въ казну, а подъ конецъ его жизни, уже послѣ 1721 г., его, уже больнаго, умирающаго старика, начальство потребовало къ суду въ Архангельскъ, „по какимъ-то дѣламъ архангельской крѣпости". Начальству объяснили его физическое положеніе; но все-таки получился отвѣтъ: „не взирая ни на что, выслать его въ Архангельскъ". Старикъ умеръ въ дорогѣ. При конфискаціи имѣній Перекрестова малая толика перепала и князю Меньшикову. Другая крупная конфискація помѣстій, по приказанію Петра (1711 г.), обрушилась на тогдашняго бригадира слободскихъ полковъ Шидловскаго, благодаря интригамъ того-же Меньшикова и Рагузинскаго. Такимъ образомъ конфискованныя земли снова составляли особый фондъ въ рукахъ московскаго правительства и вносили новый элементъ пертурбаціи въ только что возникавшій порядокъ личнаго заимочнаго владѣнія.

При такомъ разнообразіи происхожденія, категорій и юридическаго положенія поземельнаго владѣнія въ Слободской Украйнѣ, только характеръ внутренняго устройства козачьихъ поселеній повидимому оставался неизмѣннымъ: насколько извѣстно по мѣстнымъ преданіямъ и старымъ актамъ *въ земельныхъ дачахъ слободскихъ козаковъ почти вездѣ существовало участко-наслѣдственное землевладѣніе,* со всѣми послѣдствіями индивидуальной, личной собственности: семейнымъ раздѣломъ, куплей, продажей, завѣщаніемъ и т. п. Въ этомъ порядкѣ аграрнаго устройства заключалась, по видимому, одна изъ существенныхъ чертъ старой черкасской „обыклости" и народныхъ вольностей. Но есть основаніе думать, что и эта особенность аграрнаго строя, обусловленная можетъ быть прежде всего національными обычаями малороссовъ, уже издавна подвергалась разнымъ ограниченіямъ и исключеніямъ. Изъ предыдущаго изложенія мы уже видѣли, что кромѣ основнаго способа

заселенія—вольной заимки земель, были и другіе способы заселенія: черкассы селились и на землѣ полковой старшины, на монастырскихъ земляхъ, на отводимыхъ имъ прямо отъ правительства; но мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ, чтобы категорически отвѣтить на вопросъ, всегда-ли они и въ этихъ случаяхъ сохраняли личный, индивидуальный характеръ землевладѣнія по участково-наслѣдственной системѣ. Извѣстно только, что въ позднѣйшее время, особенно послѣ полтавской битвы, когда правительство Петра и его преемниковъ выступило съ болѣе откровеннымъ образомъ дѣйствій относительно Малороссіи вообще и особенно относительно Слободской Украйны, въ предѣлахъ ея территоріи началось усиленное пожалованіе и дареніе болѣе или менѣе обширныхъ земель великорусскимъ чинамъ и помѣщикамъ, которые уже, ради удобствъ своихъ вотчинныхъ администрацій, естественно вводили у себя великорусскіе порядки крестьянскаго землевладѣнія—общинное устройство. Въ этомъ отношеніи можно положительно сказать, что *общинное владѣніе*, можетъ быть въ огромномъ большинствѣ мѣстностей теперешней харьковской губерніи и особенно восточной ея части, *началось сперва подъ вліяніемъ порядковъ, вносимыхъ великорусскими помѣщиками*, а *потомъ уже окончательно расширилось и явилось, можетъ быть, господствующимъ типомъ подъ вліяніемъ общихъ русскихъ законовъ и въ частности ради удобствъ фиска.* Въ послѣдующемъ изложеніи нашей компиляціи мы надѣемся подробнѣе остановиться на нѣкоторыхъ фактахъ въ подтвержденіе только что высказаннаго нами замѣчанія. Мы лично не имѣемъ никакихъ исключительныхъ симпатій или предубѣжденій относительно личнаго или общиннаго землевладѣнія, но относительно судьбы народнаго землевладѣнія въ Слободской Украйнѣ считаемъ себя въ правѣ замѣтить, что національное, участково-наслѣдственное землевладѣніе военныхъ колонизаторовъ бывшихъ слободскихъ полковъ встрѣтило на пути своего развитія и юридическаго нормированія почти неодолимыя препятствія. Достаточно только вкратцѣ припомнить суровую внѣшнюю исторію этой территоріи, чтобы прежде всего придти къ убѣжденію, что козакамъ слободскихъ полковъ буквально почти некогда было заниматься упроченіемъ и гражданскимъ развитіемъ своихъ бытовыхъ порядковъ вообще и поземельныхъ въ частности: достаточно только вспомнить, что почти

до половины прошлаго вѣка развитію мѣстной гражданской жизни мѣшали, можетъ быть, прежде всего набѣги и разоренія отъ татаръ и другихъ степныхъ хищниковъ, въ томъ числѣ и разной степной вольницы разлагавшагося тогда, среди окружавшихъ его историческихъ условій, Запорожья; мы не говоримъ уже о крайне тревожной для Слободской Украйны эпохѣ гетманства Брюховецкаго, когда сочувствіе къ планамъ этого гетмана въ значительной части населенія Слобожанщины угрожало внести почти между-усобную борьбу (вслѣдствіе „прелѣстныхъ писемъ измѣнника и вора Ивашки Брюховецкаго и его совѣтниковъ)"... а затѣмъ скоро настала и эпоха Екатерины II, когда уже принципіально порѣшено было покончить съ областными особенностями не только Слободской Украйны, но и всей даже гетманской Малороссіи. Такимъ образомъ сперва дѣйствительное незнакомство московскаго правительства съ внутреннимъ устройствомъ поземельнаго владѣнія въ Слобожанщинѣ, а потомъ уже болѣе или менѣе намѣренное игнорированіе этого типа мѣстнаго аграрнаго устройства могли быть причиной того, что *этотъ порядокъ участково-наслѣдственнаго владѣнія остался, такъ сказать, внѣ защиты закона*. Ниже мы увидимъ, какимъ образомъ эта легальная беззащитность участково-наслѣдственнаго владѣнія, поддерживаемая временно и слабо такимъ-же беззащитнымъ народнымъ обычаемъ, мало по малу путемъ, такъ сказать, разлагающаго хаоса обращала участково-наслѣдственное владѣніе въ общинное. Въ этомъ отношеніи даже краткое ознакомленіе съ исторіей хотя-бы не многихъ поземельныхъ крестьянскихъ дачъ въ харьковской губерніи могло-бы значительно уяснить фактами нашъ давній метафизическій споръ о томъ, дѣйствительно-ли русскому народу вообще такъ врождена отъ вѣка идея поземельной общины, или-же это аграрное устройство большинства населенія Россіи есть продуктъ весьма сложныхъ и въ томъ числѣ главнымъ образомъ внѣшнихъ условій.

---

2) Четвертныя земли однодворцевъ на сѣверной границѣ Слободской Украйны.

Почти на рубежѣ двухъ аграрныхъ порядковъ Великороссіи и Украйны проходила полоса землевладѣнія, такъ сказать, средняго

типа. Это были вотчинныя и, главнымъ образомъ, *помѣстныя земли* великорусскихъ украинскихъ людей военнаго сословія, преимущественно по направленію бѣлгородской черты.

Судьба этого послѣдняго поземельнаго владѣнія, т. е. земель пограничнаго съ Слободской Украйной великорусскаго военнаго населенія, въ позднѣйшее время получившаго общее названіе однодворцевъ, во многихъ отношеніяхъ тѣсно связана съ судьбою старозаимочныхъ земель бывшей Слободской Украйны. Изъ содержанія и взаимнаго сопоставленія различныхъ указовъ и другихъ аграрныхъ мѣропріятій московскаго, а потомъ русскаго правительства, не трудно замѣтить, что эти указы и мѣропріятія отчасти преслѣдовали (хотя и разновременно) однѣ и тѣ-же цѣли какъ относительно однодворческихъ, такъ и старозаимочныхъ земель, а отчасти видимо не различали этихъ двухъ весьма различныхъ категорій землевладѣнія; вообще-же говоря, въ томъ и другомъ случаѣ преслѣдовались главнымъ образомъ дѣйствительныя, или кажущіяся интетересы и удобства центральнаго правительства и фиска, при чемъ не рѣдко самыя крутыя преобразовательныя мѣры шли впереди ближайшаго знакомства съ тѣмъ положеніемъ вещей въ далекихъ провинціяхъ, заглазное реформированіе которыхъ они предпринимали.

Изъ краткаго изложенія многихъ превратностей поземельнаго владѣнія однодворцевъ можно было-бы установить нѣкоторыя общія положенія, которыя почти вполнѣ имѣли мѣсто и въ исторіи старозаимочнаго землевладѣнія бывшихъ слободскихъ полковъ.

Въ самомъ началѣ исторіи однодворческихъ земель мы встрѣчаемъ тотъ знаменательный въ настоящемъ случаѣ фактъ, что *землевладѣніе это, также какъ и старозаимочное, имѣло въ началѣ личный, индивидуальный характеръ*, или, какъ говоритъ г. Побѣдоносцевъ, „основано было по начальному происхожденію на помѣстномъ правѣ, а по переходу—на правѣ наслѣдственномъ“ [1]).

Какъ извѣстно, сословіе однодворцевъ, этихъ „украинскихъ служилыхъ людей“ великорусскаго происхожденія, образовалось изъ потомковъ служилыхъ людей разныхъ чиновъ московской военной службы (дѣтей боярскихъ, козаковъ, стрѣльцовъ, драгуновъ, солдатъ

[1]) Курсъ гражд. права, ч. I, стр. 498.

и т. д.), поселенныхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ на украинской линіи и въ окраинныхъ московскихъ городахъ, для охраненія юго-восточныхъ границъ московскаго государства отъ непріятелей. „Всѣмъ имъ, говоритъ тотъ-же авторъ „Курса гражданскаго права", раздавались на *помѣстномъ правѣ отдѣльными участками на каждаго человѣка особо земли,* на которыхъ они селились отдѣльными дворами въ слободы; раздача этихъ помѣстныхъ земель опредѣлялась *четвертями* (около $1^1/_2$ десятины), откуда эти земли получили названіе *четвертныхъ земель.* Къ этимъ четвертнымъ землямъ принадлежали: 1) данныя однодворцамъ отъ правительства для первоначальнаго поселенія и для исправленія службы въ помѣстье прежде 1724 года, т. е. прежде обращенія ихъ въ подушный окладъ, 2) заселенныя самими однодворцами изъ дикопорожнихъ земель и во время межеванія утвержденныя за ними въ указную пропорцію на душу и 3) купленныя цѣлою волостью или селеніемъ у помѣщиковъ съ правомъ собственности. *Владѣніе этого рода называлось помѣстнымъ, потому что первоначально земли розданы были служилымъ людямъ въ помѣстье, для исправленія государственной службы.* Въ послѣднее время стали называть *четвертными* отъ слова четверть (уже объясненная выше поземельная мѣра—полторы десятины). Отсюда *четвертное право* землевладѣнія [1]).

Въ классъ однодворцевъ поступали также обѣднѣвшія и ставшія мелкопомѣстными дворянскія фамиліи; а при Петрѣ I даже дворяне, имѣвшіе иногда по 100 и 200 дворовъ своихъ собственныхъ крестьянъ, избѣгая крутыхъ мѣропріятій энергическаго реформатора, тоже записывались въ однодворцы. Когда, при введеніи Петромъ I регулярнаго войска и замѣны имъ прежнихъ служилыхъ людей московскаго государства, права дворянства стали получаться на извѣстныхъ условіяхъ въ связи съ регулярной военной службой, многіе „украинскіе служилые люди" (т. е. пограничное съ Слободской Украйной московское военное населеніе) не захотѣли, или не могли подчиниться этимъ новымъ военнымъ порядкамъ и вслѣдствіе этого большая часть такъ называемыхъ однодворцевъ не вошла въ дво-

---

1) См. IX т. зак. о сост., изд. 1855 г. ст., 755, 756, 671, 672, 673 и 676. Судебный Вѣстникъ 1870 г., № 352, «о четвертныхъ земляхъ».

рянское сословіе, *а въ 1724 г. всѣ однодворцы, не поступившіе въ регулярную военную службу, были причислены къ государственнымъ крестьянамъ.* Такимъ образомъ механическое начало циркулярныхъ мѣропріятій, обусловленное отсутствіемъ въ это время уже всякой автономіи областей въ предѣлахъ бывшаго московскаго государства, за исключеніемъ развѣ доживавшей свой вѣкъ гетманщины, вызвало и въ быту однодворцевъ такіе странные факты, какъ нарожденіе новой массы государственныхъ крестьянъ изъ разжалованныхъ, такъ сказать, однодворцевъ, которые сами владѣли крѣпостными крестьянами; но, располагая своими крѣпостными людьми по всему произволу нигдѣ точно неоговореннаго въ законахъ крѣпостнаго права, они въ то-же время сами не имѣли полнаго права на свои помѣстныя земли, ибо, въ интересахъ охраненія поземельнаго фонда бывшаго военнаго служилаго сословія московскаго государства, однодворцы имѣли право мѣны, продажи, залога и другихъ гражданскихъ сдѣлокъ по своимъ землямъ только въ средѣ своего сословія—великорусскихъ „украинскихъ служилыхъ людей". Въ этомъ случаѣ, если не допустить фискальной точки зрѣнія, то позволительно думать, что правительственная мѣра, упраздняя почти цѣлое сословіе, какъ военно-служилый классъ, вѣроятно только по недоразумѣнію оставила прежнія историческія условія его землевладѣнія, а именно его замкнутость въ классѣ только однодворцевъ, безъ всякаго измѣненія. Только въ 1714 году, какъ говоритъ г. Побѣдоносцевъ, прекратилась раздача помѣстій и помѣстное право уравнено было съ вотчиннымъ, т. е. всѣ прежнія ограниченія въ распоряженіи помѣстными землями должны были уничтожаться.

Хотя въ это время однодворцы уже были приравнены къ крестьянамъ (владѣя однако-же, какъ мы видѣли выше, сами крѣпостными людьми) и находились въ низшемъ сословіи сельскихъ обывателей; но, очевидно, по новому простому недоразумѣнію, можетъ быть, просто по недосмотру центральнаго правительства, и для нихъ также не было сдѣлано никакого исключенія въ наставшей теперь полной свободѣ распоряженія бывшими помѣстными землями, хотя въ это-же время оставался въ полной силѣ общій порядокъ, „по которому сельскіе обыватели низшихъ сословій не могли располагать землями въ уѣздѣ на полномъ правѣ собственности". Только черезъ 13-ть лѣтъ послѣ этого недоразумѣнія, именно въ 1727 г.,

послѣдовалъ *запретительный указъ* объ ограниченіи поземельныхъ правъ однодворцевъ, наравнѣ съ остальной массой низшихъ сословій сельскихъ обывателей; но въ это промежуточное время 13-ти лѣтъ и даже гораздо позднѣе, почти до изданія межевой инструкціи 1766 г., однодворцы распродали массу своихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель лицамъ другихъ мѣстностей и разныхъ сословій. Всѣ эти обстоятельства и множество другихъ, каковы: дробленіе личнаго владѣнія по наслѣдству, выходъ многихъ однодворцевъ въ дворяне съ особенными правами на землю, завлекавшее многихъ переселенцевъ и покупщиковъ плодородіе земли на сѣверныхъ предѣлахъ Слобожанщины и тому подобное,—*при отсутствіи мѣстныхъ и общедоступнихъ межевыхъ и спеціальныхъ учрежденій,* которыя по мѣрѣ надобности могли-бы регистрировать и регулировать естественное непрерывное движеніе и перемѣны мелкаго поземельнаго владѣнія, были причиною какъ чрезвычайной чрезполосицы однодворческихъ дачъ, такъ и развивавшагося у владѣльцевъ этихъ дачъ духа жалобъ и сутяжничества.

Уже изъ этого бѣглаго обзора исторіи чрезполосныхъ земель однодворцевъ можно видѣть тѣ особенности этого землевладѣнія, которыя во многомъ сближали его съ старозаимочнымъ земельнымъ порядкомъ въ Слободской Малороссіи.

Такъ прежде всего, не смотря на различное происхожденіе (какъ будетъ сказано еще ниже) этихъ двухъ категорій землевладѣнія, *въ томъ и другомъ имѣло мѣсто начало личнаго и наслѣдственнаго владѣнія*. Въ бывшемъ военномъ сословіи великорусскихъ украинскихъ людей этотъ фактъ можетъ быть объясняемъ личнымъ составомъ этого класса, который во всякомъ случаѣ представлялъ уже сравнительно высшіе слои народной великорусской массы и даже иногда владѣлъ ею, какъ видѣли выше, на крѣпостномъ правѣ. Мы уже говорили, что самая раздача земель этому сословію на помѣстномъ правѣ, т. е. съ условіемъ обязательной военной службы и съ тѣми ограниченіями въ распоряженіи этой землей, которыя имѣли въ виду задержаніе этихъ земель въ одномъ только классѣ служилыхъ военныхъ людей,—производилась *„на каждаго человѣка особо“*. Обращеніе этого класса мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ въ сословіе крестьянъ не во имя какихъ либо высшихъ принциповъ соціальной правды, а просто въ интересахъ безличной ни-

велировки для болѣе удобнаго взысканія податей и упрощенія государственнаго механизма, было во всякомъ случаѣ *приниженіемъ личности*, что, въ связи съ полной неопредѣленностью юридической и матеріальной стороны землевладѣнія и съ падавшими иногда внезапно крутыми, а порою даже взаимно противорѣчивыми, или физически неисполнимыми, какъ увидимъ ниже, мѣропріятіями, не могло не сказаться упадкомъ матеріальной и даже нравственной стороны населенія; а все это вмѣстѣ естественно должно было повлечь за собою неизбѣжный *регрессъ провинціальной жизни*. И этотъ регрессъ, какъ можно фактически прослѣдить даже въ бѣгломъ обзорѣ исторіи провинціальнаго землевладѣнія, шелъ почти рука объ руку съ тѣмъ исключительнымъ положеніемъ центральной власти, которое неизбѣжно должно было усилиться одностороннe-систематическими мѣропріятіями державнаго реформатора начала прошлаго вѣка. Уже одна замѣна земскаго ополченія древней Руси регулярнымъ войскомъ сразу освобождала центральную власть отъ всякой необходимости въ чемъ-либо считаться съ тѣми или другими условіями сперва великорусскихъ областей, а впослѣдствіи и всѣхъ другихъ провинцій. Послѣдующую судьбу однодворческаго землевладѣнія мы изложимъ въ немногихъ словахъ. Вмѣсто прежняго порядка военной службы великорусскихъ украинскихъ людей, они съ 1713 г. стали комплектовать собой *ландмилицкіе полки* московской украинской линіи и для обезпеченія этого комплектованія, а также для устраненія „всякаго помѣшательства въ платежѣ подушныхъ денегъ" (т. е. ради военныхъ и фискальныхъ цѣлей) и возникло уже упомянутое нами выше ограниченіе поземельныхъ правъ однодворцевъ въ 1727 г. Впослѣдствіи различныя аграрныя мѣропріятія съ фискальными цѣлями мотивировались „устройствомъ хозяйственнаго быта" и даже „улучшеніемъ" быта; но пріемы и основные мотивы оставались тѣ-же. По межевой инструкціи 1754 г., въ интересахъ имущественнаго равенства и единообразія (опять ради фискальныхъ удобствъ) было предложено всѣхъ ландмиліціонеровъ надѣлить землей по 30 десят. на дворъ (изъ четырехъ человѣкъ), а потомъ уже и по 15 десят. на душу; но это благое начинаніе, по видимому, совершенно не осуществилось, ибо въ большинствѣ мѣстностей бывшей ландмилиціи (великорусская украинская ландмилиція существовала до 1769 г.) далеко не оказалось земли въ потребномъ для такого надѣла количествѣ.

1766 годъ представляетъ собою особенно важный моментъ въ исторіи четвертныхъ земель, такъ какъ въ это время произошло окончательное стѣсненіе правъ четвертнаго владѣнія. *Въ межевой инструкціи* этого года вся XIX ея глава посвящена однодворческимъ или помѣстнымъ землямъ, которыя въ это время были уже окончательно признаны казенными, а однодворцамъ была запрещена не только продажа своихъ четвертныхъ земель, но даже и покупка новыхъ. Пунктомъ 1-мъ упомянутой выше XIX главы межевой инструкціи 1766 г. велѣно: „всѣ состоящія за однодворцами (и другими служилыми людьми) земли утверждать по всякимъ укрѣпленіямъ *не каждому въ порознь, а вообще всему селенію* особо отъ другихъ"; пунктомъ 2-мъ: *„перешедшимъ въ мѣщанство и купечество земель въ однодворческой дачѣ не намѣривать"*; пунктомъ 19-мъ: „послѣ умершихъ однодворцевъ, оставшихся земель ихъ женамъ и дочерямъ ихъ, какъ наслѣдникамъ, на части не дѣлить и въ приданое за дочерьми, вышедшими замужъ за людей другаго званія и за однодворцевъ въ другія селенія, не отдавать, но оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ примежованы". Пунктъ 20-й гласилъ: „если послѣ однодворца сыновей не останется, а дочери, и онѣ выйдутъ замужъ за однодворцевъ-же въ другія селенія, то оставшуюся землю отдавать поженившимся тогда лишь, когда мужъ согласится перейти на участокъ тестя, отъ своей-же земли отречется въ пользу другихъ того селенія жителей". Пункты 19 и 20 вошли въ сводъ законовъ и образовали 672 и 673 ст. IX т. зак. о сост., изд. 1857 г. Такимъ образомъ: „генеральное межеваніе ограничило помѣстную землю однодворцевъ такъ, что она не можетъ отдѣлиться отъ селенія и вѣчно должна обращаться между односельцами. Значитъ, ни купецъ, ни мѣщанинъ, ни даже однодворецъ другаго селенія, хотя-бы они были и законные сыновья однодворца, ни дочь его, вышедшая замужъ въ другое селеніе, ни жена его послѣ смерти не наслѣдуютъ. Однимъ словомъ, не принадлежащій къ обществу не наслѣдникъ въ четвертной землѣ, а равно вдова умершаго" [1]).

Наконецъ черезъ 110 лѣтъ послѣ межевой инструкціи, закономъ 1866 и 1867 годовъ и главнымъ образомъ введеніемъ *владѣн-*

---

[1]) Судебный Вѣстникъ 1870 г. № 352 «о четвертныхъ земляхъ».

ныхъ записей, все таки съ неизмѣнной цѣлью „улучшенія быта“, положенъ былъ рѣшительный конецъ своеобразному положенію однодворческаго землевладѣнія, которое и слилось съ этого времени съ общей массой безличнаго крестьянскаго владѣнія, съ почти полной для внѣшняго міра неизвѣстностью всего, что съ этого времени происходило и происходитъ въ предѣлахъ всѣхъ этихъ общинныхъ крестьянскихъ дачъ, гдѣ въ интересахъ фиска не требовалось никакой внутренней регистраціи земель по лицамъ и дворамъ, а все дѣло ограничивалось только записью земель „не каждому порознь, а вообще всему селенію, особо отъ другихъ“. Въ настоящее время, насколько намъ извѣстно по частнымъ свѣдѣніямъ, во многихъ однодворческихъ дачахъ осталось только преданіе о бывшемъ когда-то личномъ, участковомъ владѣніи: теперь эти дачи уже volens-nolens подчинились общинному порядку.

Изъ этого краткаго обзора судьбы однодворческихъ земель не трудно понять, почему съ внѣшней стороны нерѣдко крайняя, нигдѣ точно и постоянно не региструемая *чрезполосица* частнаго и общиннаго владѣнія, а въ сферѣ сознанія крайнее затемнѣніе, если не полное упраздненіе въ населеніи понятій о собственности должны были съ теченіемъ времени выработаться въ наличные господствующіе факты жизни. Такое аграрное положеніе должно было представлять собою отрицаніе какъ индивидуальнаго, такъ и общиннаго владѣнія и выражало собою развѣ только одинъ принципъ *полной случайности*, а слѣдовательно и отсутствіе всякой органичности и условій дальнѣйшаго саморазвитія. Такимъ образомъ постепенно, но почти непрерывно провинціальная жизнь все болѣе и болѣе теряла начало самоопредѣленія даже въ тѣсной домашней сферѣ имущественныхъ отношеній.

Вышеизложенный краткій очеркъ исторіи однодворческихъ земель даетъ намъ возможность намѣтить одну, какъ намъ кажется, весьма важную особенность этой исторіи: личное поземельное владѣніе было первоначально, по крайней мѣрѣ, замѣтнымъ фактомъ и среди великорусскаго военнаго населенія московской украинской линіи; превращеніе-же этого личнаго, индивидуальнаго землевладѣнія въ общинное совершилось не изъ „нѣдръ народнаго духа“, а по внѣшнимъ, почти механическимъ условіямъ, на глазахъ еще недавней исторіи. Подробности процесса этого превращенія могутъ

быть отчасти поняты и изъ послѣдующей исторіи старозаимки. Нивелирующія и фискальныя реформы, съ начала прошлаго вѣка, остановили дальнѣйшее естественнее развитіе личнаго начала въ землевладѣніи однодворцевъ и сами по себѣ не дали, или не могли дать ему, безъ тяжелой и продолжительной ломки, органическаго общиннаго устройства; внутреннее-же положеніе дачъ, за отсутствіемъ мѣстнаго межеваго вѣдомства и необходимой при мелкомъ личномъ землевладѣніи полной децентрализаціи межевыхъ учрежденій, оставалось безъ выясненія и точной регистраціи. Отсюда сначала хаотическая чрезполосица однодворческихъ земель въ предѣлахъ одной и той-же дачи, а потомъ чрезполосица ихъ съ владѣніемъ другихъ сословій и юридическая и фактическая неопредѣленность однодворческаго землевладѣнія. Все это неизбѣжно отразилось и на самомъ характерѣ населенія: „между однодворцами и помѣщиками завелось, какъ говоритъ г. Побѣдоносцевъ, великое множество судныхъ дѣлъ о завладѣніяхъ и обидахъ, и развилась вредная привычка къ жалобамъ и сутяжничеству" [1]). Но тутъ всякому понятно, что какъ индивидуализмъ землевладѣнія не былъ чуждъ великорусскому элементу, также точно и страсть сутяжничества не была характерной чертой однихъ малороссовъ, а вызывалась и поддерживалась довольно конкретными причинами.

Такъ какъ реформаторская дѣятельность сперва московскаго, а потомъ русскаго правительства прежде всего географически и по ходу исторіи имѣла въ виду однодворческія земли, а потомъ уже принялась за старозаимочное владѣніе; то, какъ увидимъ ниже, многія правительственныя мѣры и законы, обусловленные исторіей и характеромъ четвертнаго землевладѣнія, стали потомъ всецѣло примѣняться и къ землевладѣнію войсковыхъ обывателей слободско-украинской губерніи; такъ, напримѣръ, генеральное межеваніе въ этой губерніи опредѣлило только внѣшнія границы даже и старозаимочныхъ дачъ, а внутри этихъ дачъ опредѣлялись только земли другихъ сословій, кромѣ войсковыхъ обывателей; фактическое и даже документальное личное владѣніе этихъ послѣднихъ и въ настоящее время остается безъ всякой съемки и формальнаго опредѣленія. Впрочемъ межеваніе земель не по владѣльцамъ, а по селеніямъ

---

[1]) См. его «Курсъ гражд. права», стр. 499.

могло вызываться, помимо недостатка мѣстныхъ межевыхъ средствъ и учрежденій, еще и физической невозможностію для центральнаго правительства угоняться, такъ сказать, за постояннымъ измѣненіемъ и метаморфозами въ микрокосмѣ жизни обширныхъ провинцій: извѣстно, что земли козаковъ черниговской губерніи, „составляющія частную отдѣльную собственность каждаго изъ нихъ, еще и въ 1838 г. не были приводимы въ извѣстность никакимъ измѣреніемъ", и владѣльцы этихъ земель опредѣляли ихъ величину, такъ сказать, допотопнымъ способомъ: количествомъ времени, потребнаго для обработки, или-же количествомъ высѣваемаго зерна [1]).

Кромѣ сказаннаго объ однодворческихъ земляхъ, многія спеціальныя мѣры, какъ напримѣръ указы Петра и его пріемниковъ о воспрещеніи или разрѣшеніи пріобрѣтать земли однодворцамъ (указы 1724, 1727, 1801 г.), стали въ позднѣйшія времена примѣняться и къ старозаимочнымъ землямъ, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго нашего изложенія. Ошибки и недоразумѣнія позднѣйшей областной администраціи слободско-украинской губерніи, можетъ быть вызывались и тѣмъ обстоятельствомъ, что, по причинамъ, угадывать которыя мы не беремся, спеціальная инструкція Екатерины II для размежеванія слободскихъ полковъ видимо осталась безъ примѣненія къ дѣлу, и позднѣйшія административныя мѣропріятія относительно старозаимочныхъ земель чаще всего ссылаются на межевыя инструкціи 1754 и 1766 годовъ, имѣвшія главнымъ образомъ въ виду условіе и положеніе однодворческаго землевладѣнія.

Теперь возвращаемся снова къ главному предмету нашей статьи—исторіи старозаимочнаго поземельнаго владѣнія Слободской Украйны. Однодворческое землевладѣніе, и помимо внѣшнихъ мѣръ, могло заключать въ себѣ начала внутренняго разложенія и механическаго превращенія въ общинные порядки. Размноженіе потомства перводачниковъ и владѣніе со стороны нѣкоторыхъ однодворцевъ крѣпостными людьми естественно порождало въ ихъ средѣ классъ безземельныхъ, которые, при безуспѣшности по тѣмъ или другимъ причинамъ личной энергіи въ дѣлѣ пріобрѣтенія жизненныхъ средствъ, естественно должны были тяготѣть къ коммунальнымъ аграрнымъ порядкамъ. При такихъ условіяхъ безземельный

[1]) Земскій Сборникъ черниговской губерніи 1877 г., № 5—8.

и даже малоземельный сельскій пролетаріатъ, особенно при отсутствіи городскихъ промысловъ, естественно долженъ былъ идти на встрѣчу всѣмъ нивелирующимъ мѣрамъ власти въ гражданской сферѣ жизни. Легкость усвоенія этого міровоззрѣнія, во всякомъ случаѣ парализующаго, при отечественныхъ культурныхъ условіяхъ, начало личности и личной энергіи можетъ быть повлекла за собой и тотъ недостатокъ нравственныхъ началъ, который уже неоднократно замѣчался въ основѣ этого коммунальнаго міровоззрѣнія нашихъ крестьянскихъ массъ: скудный земельный надѣлъ въ общинѣ, правда, обезпечивалъ его бѣдное физическое существованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ и предѣлъ дальнѣйшему личному преуспѣянію и предпріимчивости. Кромѣ того различіе самыхъ основныхъ принциповъ въ землевладѣніи высшихъ классовъ населенія и массы народа (мы разумѣемъ индивидуальную собственность первыхъ и общинное пользованіе землей послѣдними), принциповъ, порожденныхъ даже различными внѣшними причинами, не могло не развивать мало-по-малу той нравственной и матеріальной розни между этими классами, которая въ наше время уже обычно называется *пропастью* и давно тяжело задушиваетъ всѣхъ искреннихъ сторонниковъ мирнаго развитія. На этой недоговоренной мысли мы и оставляемъ затронутый нами трудный абстрактный вопросъ о культурномъ значеніи различныхъ принциповъ землевладѣнія при различныхъ общихъ политическихъ условіяхъ. Конечно, теперь безплодно сожалѣть о томъ, что наша исторія большею частію механически и прямолинейно регламентировала жизнь даже въ тѣхъ ея важнѣйшихъ моментахъ, когда она должна была формироваться постепенно, путемъ осторожнаго самоопредѣленія и только подъ умѣряющимъ и регулирующимъ вліяніемъ государства, какъ естественнаго представителя общаго интереса.

---

3) Перепись слободскихъ полковъ 1726 года.

(Административная организація и характеръ поземельнаго владѣнія въ ахтырскомъ полку).

Въ числѣ матеріаловъ у насъ имѣется рукописная книга 1726 г., которую можно назвать *Статистическимъ описаніемъ* ко-

зачьяго населенія ахтырскаго полка. Изъ содержанія этой книги видны и причины, вызвавшія ея составленіе, и самый ходъ онаго.

Въ концѣ 1725 или началѣ 1726 г., какъ видно изъ помѣщеннаго въ этой книгѣ указа канцеляріи бѣлгородской провинціи ахтырскому полковнику Лесевицкому, рѣшеніемъ „верховнаго тайнаго совѣта и приговоромъ высокаго сената велѣно было" *слободскіе полки вѣдать въ военной коллегіи* и учинить въ нихъ компанейцовъ *по прежнему,* по разсмотрѣнію той коллегіи, и для того *тѣхъ полковъ жителей переписать,* кому о томъ коллегіей опредѣлено будетъ, а сербовъ, которые пристали въ службу ея... величества и обрѣтаются въ командѣ кіевскаго генералъ-губернатора, тѣхъ росписать къ тѣмъ компанейщикамъ; тако-жъ буде въ тѣхъже слободскихъ полкахъ будутъ обрѣтаться какіе люди военной службы, тѣмъ безъ изъятія всѣмъ вѣдомымъ (быть) въ той-же военной коллегіи"...

Полковникомъ ахтырскаго слободскаго полка былъ въ то время Лесевицкій; отъ него, какъ конечно и отъ другихъ полковниковъ по ихъ полкамъ, предписаніемъ генералъ-фельдмаршала и полковника лейбъ-гвардіи семеновскаго полка князя Михаила Михайловича Голицына, затребована была „вѣдомость, въ самой скорости", о составѣ всего населенія ахтырскаго полка: „о старшинѣ, сотникахъ, подпрапорныхъ, о козакахъ кумпанейцахъ и подмощникахъ и прочихъ служителяхъ и какіе военной службы люди обрѣтаются, не выключая никого, и тѣ компанейцы *съ своихъ-ли грунтовъ служатъ,* или имѣютъ подмощниковъ, и по скольку, и тѣ подмощники имъ подмогаютъ по вся-ль годы, и чѣмъ—деньгами или хлѣбомъ, тако-жъ и бобылей отъ каждой сотни отписать именно, подъ лишеніемъ не токмо чести, и живота". Предписаніе заканчивается угрозой, что если эта вѣдомость окажется неправильной, то такая неправильность (т. е. главнымъ образомъ укрывательство) взыщется на самомъ полковникѣ Лесевицкомъ. Распоряженіе это, помѣченное 14 мая 1726 г., дано было княземъ Голицынымъ изъ его походной канцеляріи, бывшей въ то время въ Острогожскѣ.

Угроза предписанія побуждала Лесевицкаго къ точному его выполненію и вызвала въ приказѣ отъ него по сотнямъ его полка такое замѣчаніе: „да было-бы у писара вашего, когда зъ оною вѣдомостію въ Ахтырку пріездитиметь, зо свого чистого паперу либеръ

по двѣ въ запасъ, для переписки, ежели неправно что покажется"... Въ одинъ мѣсяцъ были собраны всѣ эти свѣдѣнія и отвѣтное доношеніе полковника Лесевицкаго послано по командѣ 16 іюня 1726 года. Но, не смотря на приведенное сейчасъ предостереженіе на счетъ „двухъ либеръ чистаго паперу", полковникъ сомнѣвался, кажется, въ вѣрности переписи и заканчивалъ свое доношеніе такимъ объясненіемъ: „....и во извѣстіе спокорнѣйше вашему сіятельству доношу, яко по посланнымъ вѣдомостямъ обыватели въ единомъ состояніи (т. е. какъ показано въ вѣдомостяхъ) и чрезъ малое время фундаментальнымъ житіемъ быть не могутъ, *понеже по своему черкаскому обыкновенію никогда въ однихъ домехъ не поживутъ, но переходятъ съ мѣста на мѣсто, куда хто похочетъ*, и оттого при полку бываетъ временемъ въ обывателяхъ прибель, а временемъ убель".

Произведенная теперь общая перепись слободскихъ полковъ даетъ намъ не только понятіе о характерѣ службы козаковъ, административномъ устройствѣ въ это время ахтырскаго, а слѣд. и другихъ полковъ, численности населенія полка ахтырскаго, внутреннихъ соотношеніяхъ составныхъ его частей и его территоріи, но и нѣкоторыя данныя относительно характера и организаціи землевладѣнія въ военномъ населеніи этого полка.

Въ эпоху переписи 1726 г. границы ахтырскаго полка заключали въ себѣ большую часть теперешняго ахтырскаго уѣзда (за исключеніемъ сѣверной его части), небольшую часть лебединскаго, почти весь теперешній богодуховскій уѣздъ и небольшую юго-западную часть валковскаго уѣзда. Это пространство полка опредѣляетъ намъ, какъ великъ былъ районъ козацкаго землевладѣнія въ этомъ полку. Полкъ въ это время заключалъ въ себѣ 20 сотенъ, при чемъ полковой городъ Ахтырка состоялъ изъ двухъ сотенъ; города или мѣстечки этого-же полка—Боромля и Котельва заключали въ себѣ также по двѣ сотни. Именная перепись населенія 1726 года совершенно не коснулась класса духовенства, и о немъ упоминается только мимоходомъ, при перечисленіи класса „сусідъ", которые вездѣ показаны живущими на чужихъ „подворкахъ".

Итогъ этой переписи ахтырскаго полка далъ слѣдующія цифры:

Полковникъ	1
Полковой старшины (обозный, асаулъ, судья, ротмистръ, три полковыхъ писаря и два хорунжихъ)	9

Полковыхъ пушкарей	8
Прочихъ служителей (въ этомъ числѣ 3 канцелярскихъ писаря, 1 подъ-асаульный, 1 литаврщикъ, 1 сурмачъ, 4 трубача и 5 „полевыхъ сторожей", которые учреждены „для посылки съ почтовыми письмами")	23
Ахтырскихъ полковыхъ сотниковъ	2
Въ Ахтыркѣ городовой службы мѣщанъ и купеческихъ людей	78
Городовыхъ сотниковъ	15
Подпрапорныхъ	42
Городовыхъ и сельскихъ атамановъ	24
Сотенныхъ писарей	12
Сотенныхъ хорунжихъ	11
Выборныхъ козаковъ-компанейцовъ	1222
Ихъ подмогчиковъ или спомогателей	5510
„За подмогою самыхъ скудныхъ и въ подмогу негодныхъ".	286
„Сусідъ", которые жили на чужихъ подворкахъ, преимущественно у старшины; сотниковъ, духовенства и болѣе богатыхъ козаковъ, или ихъ подмогчиковъ	402
Городовыхъ и сотенныхъ „услужниковъ" (низшій разрядъ которыхъ назывался, кажется, асаульці, а къ высшему принадлежали провіантовые зборщики)	65
Итого всѣхъ „чиновъ" военной службы ахтырскаго полка	1359
Подмогчиковъ и посполитыхъ	6.341
Всего населенія по означеннымъ разрядамъ	7.700

Въ итогѣ „чиновъ" пропущено 87, вѣроятно 78 мѣщанъ и 9 служителей; кромѣ того въ перепись не вошли находившіеся въ это время въ гилянскомъ походѣ 3 сотника съ 250 козаками, въ бахмутскомъ конвоѣ 40 человѣкъ, въ Изюмѣ „въ надсмотрѣніи лѣсовъ" при Донцѣ и по другихъ мѣстахъ 11 человѣкъ, и при Коломакѣ на форпостѣ съ перемѣною одинъ сотникъ съ сотней козаковъ, а всего изъ ахтырскаго полка было въ отлучкѣ въ это время на военной и полицейской службѣ 404 человѣка.

Эта-же „именная опись" 1726 года заключаетъ въ себѣ хотя общія, но весьма цѣнныя объясненія и замѣтки о служебныхъ обязанностяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ вышеназванныхъ отдѣловъ

населенія. Въ концѣ описи каждой сотни находится приписка, дающая понятіе о служебныхъ обязанностяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ перечисленныхъ въ описи отдѣловъ населенія. Она вездѣ почти одна и таже и гласитъ такъ: „а вишеписанніе подможчики (или подмогчики) мнѣ, сотнику, и подпрапорнымъ (если такіе есть въ сотнѣ) и выборнымъ козакамъ-компанейцамъ, съ примѣру противъ другихъ полку ахтырскаго старшины, опредѣлены по отпискѣ въ бытность еще въ Бѣлгородѣ боярина и воеводы князя Якова Федоровича Долгорукова, а разсмотрѣніемъ бывшаго ахтырскаго полковника Ивана Перекрестова и бывшаго въ ахтырскомъ-же полку бригадира Федора Осипова, когда въ слободскихъ полкахъ велѣно выбрать компанейцовъ и дать имъ подмогчиковъ, кои за выборомъ компанейцовъ останутся изъ посполиства, для пополненія службы въ тотъ образъ оные сотницкіе подможчики вмѣсто денежной и провіантовой подмоги, для пополненія ея императорскаго величества службы, чинять ему вспоможеніе повозкою сѣна и дровъ безъ отягощенія; да съ нихъ-же подможчиковъ беремъ за собою у военный походъ погонщиками на свои возки; а виборнихъ козаковъ компанейцовъ ихъ вспомагатели (подмогчики) спомагають по своему обыкновенію и по возможности провіантомъ и деньгами для покупки лошадей и ружя и на протчии всякіе потребства, временно, а повсягодно токмо въ ту пору, когда бывають козаки на службѣ ея императорскаго величества въ дальнихъ походѣхъ; да тѣжъ наши вспомогатели и, кромѣ той подмоги, армейскіе полки провіантомъ и фуражемъ суспентують всѣ врядъ безобиходно—подводы возятъ и прочие въ интересахъ ея императорскаго величества и полковие должности отбувають; да изъ нихъ-же, подможчиковъ, на убылое мѣсто хто изъ служащихъ козаковъ компанейцовъ *оскудњетъ*, или сомретъ, всегда опредѣляются въ тѣ-жъ служащіе козаки-компанейцы, дабы указный козацкій компутъ непремѣнно содержался въ въ цѣлости“.

Отмѣтимъ въ этой припискѣ слѣдующіе факты:

1) Еще до переписи слободскихъ полковъ 1726 г. была произведена въ нихъ какая-то важная реформа, за время бѣлгородскаго воеводы, князя Якова Федоровича Долгорукова, состоявшая, какъ можно догадываться, въ введеніи въ козачьемъ населеніи набора козаковъ и постоянной личной службы, въ противуположность ко-

ренному козачьему обычаю вольной службы и замѣны одного члена семьи другимъ и даже посторопнимъ наемщикомъ.

2) Послѣдствіемъ этой реформы было раздѣленіе козачьяго населенія на людей служилыхъ и ихъ подмогчиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упраздненіе, какъ думать можно, класса посполитыхъ, ибо все малорусское населеніе, по крайней мѣрѣ, ахтырскаго полка, за выборомъ установленнаго числа козаковъ-компанейцовъ, было записано въ классъ подмогчиковъ для всѣхъ чиновъ козацкой службы.

3) Козацкіе подмогчики не только содержали своихъ выборныхъ козаковъ деньгами и натурою и замѣщали собою всѣ убылыя козацкія мѣста, но давали еще и на армейскіе полки „провіантъ и фуражъ“, а также, какъ офиціально глухо сказано въ припискѣ, „и прочіе полковыя должности отбуваютъ“.

4) Хотя эти повинности, какъ говорится въ доношеніи, совершались „безъ отягощенія“, но этому вѣрить трудно какъ потому, что они не были опредѣлены, да врядъ-ли и могли быть опредѣлены, такъ и потому, что во всякомъ случаѣ это были двойныя и совершенно разнородныя повинности предъ двумя начальствами: своей козацкой старшиной и вѣдомствомъ армейскихъ полковъ. Можетъ быть это непосильное бремя и было причиною того „черкасскаго обыкновенія, что обыватели не жили фундаментально никогда въ однихъ домахъ, но переходили съ мѣста на мѣсто“, какъ доносилъ полк. Лесевицкій.

Центромъ козачьяго управленія ахтырскаго полка была ахтырская *полковая канцелярія*, и кромѣ того въ Ахтыркѣ была въ это время и *полковая ратуша*, которая, нужно думать, вѣдала купцовъ и мѣщанъ. Въ нашей именной описи 1726 г. рубрика этого класса населенія названа: „вѣдомость городовой службы мѣщанамъ, которые стоятъ въ казни (?) на караулѣ“; въ этой рубрикѣ показаны городничій (Логвинъ Ивановъ), 12 пушкарей все великорусскихъ фамилій, 9 цѣловальниковъ—тоже великороссовъ; „рядовыхъ мѣщанъ“ въ самой Ахтыркѣ показано 32 человѣка, въ сотенномъ мѣстечкѣ Кириковкѣ 9 человѣкъ, въ селѣ Рабынѣ тоже 9. Мѣщане, какъ видно, вѣдались городничимъ; кромѣ того въ Ахтыркѣ въ 1727 г. показано 6 купцовъ, о которыхъ сказано: „ахтырскіе жители купеческіе люди, которыя въ ея императорскаго величества и въ полковыхъ интересахъ надлежащія повинности врядъ

съ другими отбуваютъ, а въ командѣ вѣдомы въ ахтырской полковой ратушѣ".

Ахтырскій полкъ въ 1726 г. состоялъ изъ 20 сотень и еще двухъ козачьихъ поселеній: Жигайловки и Хухры, которыя въ описи 1726 г. почему-то остались прямо непричисленными къ сотнямъ. Въ переписи каждой сотни населеніе исчислено по тѣмъ-же разрядамъ, какіе мы видѣли выше въ общей вѣдомости; вездѣ оно дѣлится на два главные класса: „выборныхъ козаковъ-компанейцовъ" и ихъ *подможчиковъ* или *спомогателей*; остальная, сравнительно незначительная часть населенія отнесена: 1) къ классу „самыхъ скудныхъ и въ подмогу негодныхъ", каковы были, по всей вѣроятности, одинокіе, или, по выраженію бѣлгородской администраціи, бобыли и 2) къ классу „сусідъ", которые жили на земляхъ и подворкахъ не только полковой и сотенной старшины и духовенства, но и у людей простаго козачьяго сословія и „обывателей", подъ которыми надо разумѣть мѣщанъ и купцовъ. Полковая старшина не вся жила въ Ахтыркѣ, а нѣкоторые жили въ сотенныхъ мѣстечкахъ, гдѣ, кромѣ сотниковъ, были еще и атаманы, нерѣдко называвшіеся городовыми атаманами. Число выборныхъ козаковъ-компанейцовъ по сотнямъ было крайне неравномѣрно: отъ 19—20 человѣкъ (въ сотняхъ алешанской, села Ямнаго и Высокопольской) до 98—103 человѣкъ (въ двухъ сотняхъ бывшаго города, нынѣ слободы Котельвы). Еще большее разнообразіе обнаруживается въ цифрахъ козачьихъ подпомощниковъ: при нѣкоторыхъ козакахъ (впрочемъ такихъ малый процентъ) не показано ни одного „спомогателя", а сдѣланы только краткія замѣтки: „служитъ зъ своего грунту"; но обыкновенно при каждомъ козакѣ показано среднимъ числомъ около 5-ти помощниковъ, при чемъ это число варьируется отъ 1 и 2 до 7 и 8 человѣкъ при выборныхъ козакахъ, а при полковой и сотенной старшинѣ число подмогчиковъ гораздо больше: такъ при сотникѣ 1-й ахтырской сотни показано 21 подмогчикъ, при сотникѣ 2-й ахтырской сотни 20 подмогчиковъ. Нѣкоторые полковые подпрапорные также показаны служащими съ своихъ грунтовъ.

Хотя въ нашей книгѣ описанія ахтырскаго полка (которую для краткости мы будемъ называть „компутовой книгой") и нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на характеръ землевладѣнія населенія этого

полка, но нѣкоторыя косвенныя указанія врядъ-ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, что въ *предѣлахъ этого полка господствующимъ типомъ поземельнаго владѣнія было во всякомъ случаѣ необщинное владѣніе*. Эти косвенныя указанія мы отмѣтимъ по нѣсколькимъ сотнямъ этого полка.

Такъ въ обѣихъ ахтырскихъ сотняхъ въ числѣ козачьихъ „спомогателей“ показано изрядное количество *вдовъ*, которыя, очевидно, по смерти своихъ мужей оставались во главѣ семьи и хозяйствъ, что всего скорѣе могло быть только при наслѣдственномъ характерѣ поземельнаго владѣнія; въ двухъ сотняхъ въ числѣ козачьихъ спомогателей показаны даже дѣвушки (дівки), очевидно, какъ единственныя наслѣдницы послѣ оставшихся родителей.

Порядочный % „скудныхъ и въ подмогу негодныхъ“ (на весь ахтырскій полкъ ихъ показано 286) тоже подтверждаетъ ту мысль, что здѣсь не равнялось имущество ради внѣшнихъ, служилыхъ цѣлей, а напротивъ сама организація полка посильно принаравливалась къ данному положенію имущественной стороны населенія. Эти „скудные и въ подмогу негодные“ видимо были все таки вольные, самостоятельные хозяева, хотя-бы въ предѣлахъ своего двора и хаты, ибо опись опредѣляетъ и цифру совершенно безземельныхъ— это вышеупомянутые „сусіды“, которые жили на чужихъ земляхъ и, нужно думать, отбывали тѣ или другія добровольныя послуги въ пользу владѣльцовъ тѣхъ подворковъ или земель, на которыхъ они жили.

Но отсутствіе общиннаго владѣнія почти на всемъ пространствѣ ахтырскаго полка подтверждается и крайне разнообразнымъ числомъ козачьихъ *спомогателей*, что прямо указываетъ на полное разнообразіе имущественныхъ средствъ, т. е. поземельнаго владѣнія у населенія, а это разнообразіе отъ полнаго достатка, дававшаго средства служить „съ своего грунту“, до совершеннаго безземелія могло быть опять таки при семейно-наслѣдственномъ характерѣ владѣнія землей, какъ единственномъ почти въ то время видѣ имущества. Это положеніе подтверждается краткимъ заключительнымъ объясненіемъ „компутовой книги“, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „...оные подмогчики старшинамъ по заслугамъ, инымъ по 20, а инымъ по 10, по 6 человѣкъ, а козакамъ-компанейцамъ по тому-жъ неровно, *по смотря по пожиткамъ—мочнѣйшихъ по 2*,

по 3, по 4, а худшихъ по 5, по 6, по 7, по 8 человѣкъ подмогчиковъ єдному компанейцу разверстани зъ дворового числа".

При сотняхъ были по 1—3 человѣка „услужники-асаульці", въ родѣ посыльныхъ для объявленія приказовъ, и „провіантовые комиссары" или сборщики. Послѣднихъ въ нѣкоторыхъ сотняхъ значится обыкновенно по одному и не больше двухъ, а въ другихъ совсѣмъ нѣтъ. Наконецъ въ одной сотнѣ г. Боромли показанъ одинъ „сусідъ", живущій „за шевскимъ цехмистромъ". Это случайно оброненное слово указываетъ на существованіе въ городахъ Слободской Украйны, на ряду съ военно-козачею организаціею, и практиковавшагося издавна во всей южной Россіи цеховаго устройства и управленія въ городскомъ не служиломъ населеніи.

Въ „компутовой книгѣ" находимъ рядъ указаній на существованіе особаго рода отношеній козачьяго слободско-украинскаго населенія къ его полковой старшинѣ, выражавшихся назначеніемъ или отдачей кому либо изъ членовъ полковой старшины „въ курінь" цѣлой деревни съ поселенными въ ней козаками и ихъ подмогчиками „для военнаго похода". Не подлежитъ сомнѣнію, что то не было только военно-административное подчиненіе, но что тѣ-же обязанности вспоможенія натурою, какія лежали на подмогчикахъ въ отношеніи къ простымъ козакамъ, переносились на тѣхъ и другихъ по отношенію къ членамъ полковой старшины. Къ сожалѣнію, въ „компутовой книгѣ" мы не находимъ не только опредѣленнаго, но даже общаго указанія на родъ и размѣры этихъ повинностей, усиливавшихъ, конечно, экономическую тягость, но не нарушавшихъ общаго строя и порядка козачьяго землевладѣнія. Мы узнаемъ только изъ нѣсколькихъ фактовъ, которые сейчасъ укажемъ, что отдача селъ и деревень „въ курінь" была явленіемъ общимъ, что она производилась не просто для цѣлей службы, но часто лишь подъ ихъ прикрытіемъ, какъ-бы въ награду заслугъ, и что потому численность населенія отдаваемыхъ „въ курінь" селъ и деревень соразмѣрялась съ рангомъ, а можетъ быть и заслугами извѣстнаго старшины. Такъ сельцо Бакировка кириковской сотни, по указанію „компутовой книги", „разсмотрѣніемъ и по данному универсалу отъ бывшаго ахтырскаго бригадира Федора Осипова полковому ахтырскому судьи Матвѣю Боярскому, противъ другихъ его братьи полковой старшины, зъ выборными козаками и ихъ подможчиками, опредѣлено

для военнаго похода въ *курѣнь,* о чемъ и въ бѣлогородской (провинціальной) канцеляріи извѣстно"; въ колонтаевской сотнѣ сельцо Любовка, по универсалу ахтырскаго бригадира Федора Осипова опредѣлена была „въ курѣнь" полковому ахтырскому обозному; деревня Млинки, котелевской сотни, была, по универсалу того-же Осипова, опредѣлена „въ курѣнь" полковому писарю для военнаго походу, съ выборными козаками и посполитыми; въ той-же котелевской сотнѣ село Деревки, „какъ въ бытность при Малороссіи бывало ви(ѣ)дѣніемъ гадяцкаго полку у полковниковъ для военной службы въ курѣнѣ, а съ того примѣру онымъ селомъ, когда мѣстечко Котельва указомъ опредѣлена къ ахтырскому полку, вѣдалъ за собою бывшій ахтырскій бригадиръ Осиповъ, такъ нынѣ по немъ бригадиру оного-жъ села служащіе козаки съ посполитыми имѣются для военнаго походу въ курѣнѣ ахтырскаго полковника Лесевицкаго".

Отъ этихъ неизвѣстныхъ намъ въ подробностяхъ повинностей, отъ этой служебной и вмѣстѣ экономической зависимости не далеко было до своего рода закрѣпощенія не только жившихъ въ сотняхъ людей посполитыхъ, но и служилыхъ козаковъ. Такъ о мураховской сотнѣ отмѣчено въ „компутовой книгѣ", что въ ней 1 сотникъ, 1 атаманъ и 70 козаковъ - компанейцовъ, которые всѣ служать *съ своихъ грунтовъ,* „понеже посполитые вси обыватели той сотни обрѣтаются указомъ кіево - губернской канцеляріи отъ прошлаго 1716 года и по нынѣ въ подданствѣ у волоского полковника Василія Танскаго". Нѣсколько раньше и вся эта сотня была въ подданствѣ Танскаго, ибо теперь о старшинѣ и козакахъ этой сотни въ той-же „компутовой книгѣ" говорится: „сотни мураховской старшина и выборные козаки - компанейцы... указомъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества съ канцеляріи бѣлогородской провинціи изъ подданства отъ волоского полковника Василія Танскаго выключены и по прежнему приверстаны въ службу ея императорскаго величества въ ахтырскій полкъ".. Впрочемъ во всей переписи ахтырскаго полка это единственный фактъ „подданства", относимый нашимъ источникомъ къ 1716 году. Мы не знаемъ, какое измѣненіе въ характеръ землевладѣнія этой сотни могъ внести этотъ фактъ и былъ-ли онъ послѣдствіемъ корыстолюбія Танскаго, или простаго пожалованія.

Отмѣтимъ еще, что только въ двухъ сотняхъ м. Котельвы означены *посполитые*, во всѣхъ-же другихъ сотняхъ ахтырскаго полка значатся только подмогчики козаковъ; новая организація, какъ видно, еще не коснулась этихъ двухъ сотень, такъ какъ мѣстечко Котельва только въ 1709 году именнымъ указомъ Петра „отъ Малороссіи гадяцкаго полку въ ахтырскій полкъ *для смежности приверстана*". Посполитыхъ въ обоихъ котелевскихъ сотняхъ показано 129 человѣкъ, по всей вѣроятности главъ семействъ, ибо между ними есть и вдовы.

Каплуновская сотня, кажется, также не избѣгла на нѣкоторое время подданства, въ какомъ была и сотня мураховская. Повидимому, она вся состояла изъ „отписныхъ перекрестовскихъ селъ", несомнѣнно бывшихъ въ подданствѣ у б. ахтырскаго полковника Перекрестова и отобранныхъ отъ него послѣ павшей на него царской опалы. Къ этимъ отписнымъ селамъ во время переписи 1726 г. принадлежали села: Каплуновка, Пархомовка, Яблучное, Новая Рябина; при 77 козакахъ-компанейцахъ этой сотни показано всего 51 подмогчикъ; при многихъ козацкихъ фамиліяхъ стоитъ краткая фраза: „самъ собою служитъ"; при другихъ козакахъ въ числѣ ихъ подмогчиковъ весьма часто означены ихъ родственники: братья, зятья, дяди, и сыновья, и „братаничи", т. е. племянники. Но кромѣ временнаго прикрѣпленія полковнику Перекрестову, нѣкоторыя части населенія каплуновской сотни и во время переписи 1726 г. состояли въ особомъ прикрѣпленіи: „а другіе тѣхъ селъ обыватели по указу императорскаго величества (Петра I-го) приписаны къ табачнымъ заводамъ, и оные всякою работою упражняютъ".

Такимъ образомъ крѣпостное право уже и тогда прокрадывалось въ свободное козачее населеніе и не могло не вліять на измѣненіе стародавняго строя и порядка землевладѣнія, хотя мы и не имѣемъ прямыхъ указаній на размѣры и степень этого вліянія.

Трудно сдѣлать другіе общіе выводы изъ изложенной нами переписи, относящіеся къ изслѣдуемому нами вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи, по самому характеру этой переписи и спѣшному ея производству. Мы знаемъ только, что это не была перепись всего населенія полка, ибо сюда не вошли: духовенство, „подданные" полковника Танскаго и какіе-то обыватели каплуновской сотни, уже въ то время бывшіе въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ

государства; дальше, есть основаніе предположить, что число „сусідъ", какъ жившихъ на чужихъ земляхъ и не несшихъ войсковой службы, скорѣе было умалено, чѣмъ увеличено, уже по общему характеру того времени, когда всякое обывательское существованіе разсматривалось только съ точки зрѣнія „интересовъ службы". Принимая все это въ разсчетъ, вмѣстѣ съ цифрой козаковъ, бывшихъ въ это время на различныхъ службахъ, за предѣлами своего полка (404), общую цифру населенія ахтырскаго полка 7700 человѣкъ можно поднять приблизительно до 9.000 человѣкъ домохозяевъ, или главъ семействъ, что, полагая семью среднимъ числомъ въ 4 человѣка, даетъ общую цифру населенія въ 30—36.000 человѣкъ. Если съ этой цифрой сопоставить количество „скудныхъ" (286) и людей безземельныхъ—„сусідъ" (402), а также всѣхъ полковыхъ и сотенныхъ услужниковъ (65) и, въ виду остальныхъ членовъ ихъ семействъ, хотя утроить ихъ цифру (286 + 402 + 65 = 753), то количество этихъ безземельныхъ и „скудныхъ" людей составитъ всего свыше 2200 человѣкъ, что на общую цифру предположеннаго нами населенія ахтырскаго полка въ 30—35 тысячъ даетъ всего только около 7% бѣднаго или-же совсѣмъ неимущаго, безземельнаго населенія.

А. Л. Шимоновъ.

(Продолженіе будетъ)

Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности.

Къ читателю. — 1. пѣсня о взятіи азова.—2. степанъ разинъ—козакъ гарасимъ.

Къ читателю.

Авторъ нижеслѣдующихъ замѣтокъ принадлежитъ къ категоріи лицъ, какихъ не мало было и есть среди украинцевъ и которые созданы не совсѣмъ нормальными, чтобъ не сказать: совсѣмъ ненормальными, условіями культуры на ихъ родинѣ. Страстный любитель отечественной этнографіи, авторъ имѣетъ довольно большое количество украинскаго этнографическаго матеріала, который, конечно, онъ желалъ-бы издать въ систематическомъ видѣ—сводовъ съ объясненіями. Но для такихъ изданій во-первыхъ нужны средства, которыя могли-бы доставить только правильно-организованныя ученыя общества, какихъ не достаетъ нашей родинѣ, на маперъ академій и западно-славянскихъ *матицъ*. А кромѣ того для самаго приготовленія такихъ изданій, если бы даже у извѣстныхъ индивидумовъ хватило запаса хохлацкаго упрямства, чтобъ производить труды, которые, Богъ—вѣсть, сколько могутъ пролежать „въ портфелѣ автора", необходимы полныя ученыя пособія, богатыя библіотеки, тѣмъ болѣе, что въ виду направленія (сравнительно—историческаго), какое теперь приняла наука о такъ-называемомъ народномъ бытѣ и словѣ въ западной Европѣ, нѣсколько стыдно выпускать такія изданія, каковы даже лучшіе этнографическіе труды, выходящіе въ Россіи, т. е. ограничиваться почти однимъ опубликованіемъ сырого матеріала, безъ комментаріевъ или съ комментаріями, вдохновенными одною теплотою національнаго чувства или

мудрованіями домашняго народничества. Но надо быть особеннымъ счастливцемъ, чтобъ имѣть подъ рукою нужныя пособія, такъ какъ ихъ въ должной полнотѣ не даютъ не только библіотеки русскихъ провинціальныхъ городовъ, въ добавокъ доступныя только профессорамъ, но даже столичныя. При настоящемъ положеніи вещей, полныя и достойныя требованій времени изданія нашего этнографическаго матеріала могутъ сдѣлать только люди, имѣющіе возможность пользоваться библіотеками въ Россіи, въ западной Славянщинѣ и въ Германіи, съ прибавленіемъ Парижа и Лондона.

Пишущій эти строки не только не принадлежитъ къ этимъ счастливцамъ, но опредѣленъ судьбою на жительство въ нѣкоторой трущобѣ, въ которой нельзя добыть для справки часто самой обыкновенной книги. Онъ, конечно, не теряетъ надежды обработать сколько-нибудь систематически извѣстную часть находящагося у него украинскаго этнографическаго матеріала, а пока, и помимо тѣхъ отдѣловъ, надъ которыми онъ спеціально работаетъ,—онъ рѣшился время отъ времени публиковать отдѣльные матеріалы и замѣчанія, на которыя они наводятъ, предоставляя и эти матеріалы и эти замѣчанія, особенно, конечно, первые, на усмотрѣніе другимъ любителямъ украинскаго родиновѣдѣнія. На первый разъ предлагаетъ на благосклонное вниманіе редакціи и читателямъ „Кіевской Старины" нижеслѣдующія замѣтки, число которыхъ можетъ быть умножено, если того пожелаютъ и редакція, и читатели *).

1. Пѣсня о взятіи Азова.

Статья г. А. Стоянова „Южно-русская пѣсня о событіи XI вѣка", помѣщенная въ іюльской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1882 г., какъ и слѣдовало ожидать, произвела движеніе въ средѣ украинскихъ этнографовъ. На статью эту поспѣшили отозваться

---

*) Съ удовольствіемъ и признательностію открываемъ страницы нашего изданія для почтеннаго автора замѣтокъ, открывающихъ недостающую намъ въ намѣченномъ имъ кругѣ предметовъ широту взгляда. Надѣемся, что и наши читатели не посѣтуютъ на насъ за это, ознакомившись по приводимымъ теперь замѣткамъ съ строго научными пріемами и взглядами ихъ автора.—Ред.

гг. Костомаровъ („Кiев. Стар.“, августъ) и Новицкiй (ibid., сентябрь), хотя и пришли къ выводамъ, несогласнымъ съ заключенiями г. Стоянова, такъ какъ оба признали, что пѣсня, относимая этимъ послѣднимъ къ событiю XI в., взятiю Торческа, относится къ событiю болѣе позднему, взятiю Азова козаками (донцами и запорожцами) въ 1637 г.

И мы начнемъ наши замѣтки съ предмета, подавшаго поводъ къ названнымъ статьямъ, какъ въ виду, такъ сказать, животрепещущаго характера этого предмета, такъ и по тому, что всѣ три извѣстные авторы упоминали и наши слова объ этомъ предметѣ, высказанные нѣсколько лѣтъ назадъ..

Прежде всего пополнимъ матерiалъ, на которомъ всѣ три писателя основываютъ свои соображенiя.

Въ нашихъ бумагахъ находятся еще два варiанта спорной пѣсни. Первый по полнотѣ, а также и по времени записи его, находится въ тетради неизвѣстнаго любителя съ большимъ толкомъ собиравшаго народныя пѣсни, которыми, какъ видно изъ помѣтокъ, пользовались такiе издатели, какъ гг. Чубинскiй, Новицкiй, Антоновичъ и Драгомановъ и др. Вотъ онъ:

Ой, що то за кричокъ,
Що по морю лiтае?
Ой, що то за бурлачекъ
Да молодцiвъ збирае?
—„Збирайтеся, братця,
Все народъ майстеровый,
Зробимо, братця,
Пiвтораста возiвъ,
Да накупимо мы, братця,
Пiвтораста паръ волiвъ,
Посадимо мы, братця,
По семи молодцiвъ,
А по восьмому поганяличку,
По девятому кашоварничку,
А по десятому для сторожности:
Поiдемо, братця,
У славный городъ, у Азовъ.

И станемо мы, братця,
У дванадцать рядівъ".—
Выходють, братця,
Азовскіе купці:
—Показуйте вы, славні чумаченьки,
Славный товаръ изъ возівъ.—
—„Ой, есть у насъ лисиці, куниці,
Ще й чорні соболі,
Да до завтрого не покажемъ"...—
Ой, купці пішли ночувать...
. . . . [1]
—„А вставайте, милі братця, потихесеньку,
Заряжайте ружья помалесеньку!"
Да тоді тряхнули,
Да й узяли Азовъ.

Подъ этимъ спискомъ стоятъ помѣтки собирателя: слѣва—*не кончена* (вѣрнѣе-бы, кажется, сказать: съ пропускомъ), справа: *Борзна.*

Другой варіантъ находится въ сборникѣ Мацієвича и Ганицкаго, составленномъ въ 1876 г. Записанъ этотъ варіантъ въ с. Барахтахъ, васильк. у., кієвск. губ., отъ стараго „дѣда", который, по помѣткѣ г. Мацієвича, „не зналъ ни происхожденія, ни конца, ни вообще смысла" данной пѣсни. Вотъ варіантъ г. М—ча:

Ой, що-жъ то за крячокъ,
Що по морю крякае?
А що-жъ то за бурлакъ,
Що народъ збирае?
—„А збирайтесь, братьтя,
А все народъ майстерской,
Та изробимо, братьтя,
Півтораста та возовъ;
Та покупімъ, братьтя,
Півтораста та волівъ,
Та изробімъ, братьтя,
Півтораста та яромъ,

---

[1]) Тутъ, очевидно, пропускъ.

Та посадімъ, братьтя,
Півтораста молодців;
Та поїдемъ, братьтя,
Въ городъ та Азовъ...

. . . . . .

. . . . . .

—Що вы за люде,
Якой у васъ товаръ?
—„Лисиці, куниці
И чорні соболі.
Дай, Боже, завтрого дождать,
То всі будемо[1] *знать“.—*

Варіанты эти не представляютъ крупныхъ отличій отъ тѣхъ, которые были уже извѣстны по сборнику г. Рудченка (чумацкія пѣсни) и статьѣ г. Стоянова, но все таки они имѣютъ важность, во первыхъ, по мѣсту ихъ записыванья: не только въ васильковскомъ уѣздѣ, кіевск. губ., но и въ Борзнѣ, черниг. губ. И г. Стояновъ, и г. Новицкій придаютъ большое значеніе вопросу о распространеніи данной пѣсни; первый полагается на то, что она поется только въ Поднѣпровьи, т. е. въ мѣстности, въ которой лежалъ и Торческъ, а второй напираетъ на нахожденіе пѣсни, кромѣ Поднѣпровья, еще въ елисаветградскомъ уѣздѣ, краѣ запорожскомъ, что для г. Новицкаго важно въ виду его наклонности къ мнѣнію о запорожскомъ происхожденіи этой пѣсни. Теперь оказывается, что пѣсня замѣчена и въ Борзнѣ, довольно далеко и отъ Днѣпра, и отъ запорожскихъ вольностей. Взглянувъ на мѣста, въ которыхъ записаны (конечно, болѣе или менѣе случайно) всѣ семь варіантовъ пѣсни.[2]) можно сказать, что данная пѣсня вообще довольно широко распространена по Украйнѣ, особенно по кіевской и лѣвобережной, т. е, по мѣстахъ сравнительно новаго заселенія (Кіевщина наново заселилась съ XVIII в.). Послѣднее обстоятельство говоритъ болѣе въ пользу сравнительно новаго, азовскаго, происхожденія пѣсни, чѣмъ

---

[1]) Очевидно вмѣсто *будете.*

[2]) Варіантъ г. Костомарова (у г. Рудченка Г.), по всей вѣроятности, былъ записанъ въ Слободской Украйнѣ.

стараго, торческаго. Далѣе, наши варіанты интересны потому, что въ нихъ обоихъ городъ, взятый хитростію, названъ прямо *Азовомъ*. Такимъ образомъ изъ семи, до сихъ поръ записанныхъ варіантовъ, въ пяти искомый городъ названъ—Азовъ (Рудченко, А, В, Стояновъ, Косачъ, наши два вар.), а въ двухъ другихъ (Рудч. Б = Стояновъ, Ильницкій и Рудч. Г.) названы Ростовъ (тутже и Кремень) и Щучинъ, оба близкіе къ Азову. Такое большинство въ пользу Азова не можетъ не имѣть значенія. Впрочемъ, самое вѣское доказательство въ пользу азовскаго происхожденія пѣсни, сходство ея съ писаннымъ сказаніемъ, помѣщеннымъ въ „Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древностей", подъ именемъ: „Взятіе Азова донцами въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича" (1864 г., кн. III, 12—17), почти исчерпано въ статьѣ г. Новицкаго. Мы можемъ только прибавить, что стихи 20—26, особенно послѣдній, варіанта борзенскаго наиболѣе ясно передаютъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ совсѣмъ затемненный смыслъ разговора азовцевъ съ пріѣзжими, изложенный въ сказаніи слѣдующимъ образомъ: ...„и козаки, 10 возовъ развязавъ, скоро открыли всякій товаръ, какъ-то: котлы, порохъ, свинецъ, укладъ, холсты, сукна, *добрые соболи, лисицы* и *бѣлки*. Увидѣвъ то, турки и татары говорили: во всѣхъ-ли у васъ возахъ такой товаръ? Они имъ отвѣчали: только въ двухъ возахъ у насъ есть нашѣ вашему и коменданту подарки и развязать ихъ нельзя, *а заутра тѣ подарки сами принесемъ*"..., а потому варіантъ борзенскій особенно важенъ въ пользу мнѣнія объ азовскомъ происхожденіи данной пѣсни, котораго придерживается г. Новицкій.

Г. Новицкому безспорно принадлежитъ честь первенства въ указаніи на связь пѣсни, отнесенной г. Рудченкомъ къ древне-чумацкимъ, со взятіемъ Азова въ 1637 г. и на сходство ея съ сказаніемъ, помѣщеннымъ въ „Чтеніяхъ". Это указаніе было сдѣлано имъ еще въ 1874 г., въ „Кіевлянинѣ", въ рецензіи на только-что вышедшій тогда сборникъ г. Рудченка. Статья г. Н—аго въ „К. Старинѣ" есть болѣе обстоятельное развитіе высказанныхъ имъ еще тогда соображеній. Но и въ этой статьѣ г. Новицкій все таки не только не рѣшилъ вопроса о происхожденіи этой пѣсни, ни о значеніи сходства ея съ прозаическимъ сказаніемъ, надо замѣтить, *великорусскимъ*, но даже не высказалъ по этому вопросу яснаго и опредѣленнаго мнѣнія. Касаясь и нашего мнѣнія по тому-же пред-

мету, онъ не разобралъ онаго съ такою полнотою, чтобъ или опровергнуть его вѣскими аргументами, или видоизмѣнить, если уже не признать его, но допустивъ неточность въ объясненіи нашего мнѣнія и непонятное противорѣчіе въ собственномъ о немъ сужденіи, онъ оставилъ вопросъ на полъ-пути къ его разрѣшенію, что и побуждаетъ насъ возобновить въ памяти читателей давно высказанное нами по данному вопросу и самый вопросъ привести къ опредѣленному концу.

Это мнѣніе высказано было нами въ „Вѣстникѣ Европы", въ статьѣ, имѣвшей цѣлью, разборомъ вышедшихъ въ 1874—75 г. украинскихъ этнографическихъ изданій, доказать необходимость сравнительнаго изученія памятниковъ украинской народной словесности. Разбирая въ концѣ статьи сборникъ г. Рудченка, мы говорили:

„Жаль, что г. Рудченко вовсе не задавался мыслію о сравнительномъ изученіи пѣсенъ. Хотя мало, но и между чумацкими пѣснями найдутся такія, которыя не исключительно принадлежатъ Малороссіи и, можетъ быть, заимствованы. Такою мы признаемъ первую пѣсню г. Рудченка, которую онъ врядъ-ли справедливо считаетъ въ предисловіи древнею. Эта пѣсня по языку и тону обличаетъ свое происхожденіе въ Великороссіи. Болѣе полныя варіанты ея, напечатанные у г. Рудченка (В. и Г.), расказываютъ, какъ въ видѣ чумаковъ проникло въ городъ (Азовъ) войско и захватило городъ. Въ этомъ видѣ пѣсня представляется перифразировкою прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова въ царствованіе Михаила Өедоровича, сказанія, напечатаннаго въ „Чтеніяхъ импер. моск. общества исторіи и древностей" (1864 г., кн. III, отд. V, стр. 12—17). Повѣствованіе это, по своему именно сказочному характеру, сильно отличается отъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ событіи и при томъ явно составлено въ XVIII вѣкѣ. Ему должна была отвѣчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ никѣмъ; пѣсня эта зашла въ Малороссію, гдѣ стала сильно измѣняться; варіанты А. и Б. у г. Рудченка уже не заключаютъ въ себѣ мотива ограбленія города чумаками, а рисуютъ обыкновенную торговлю: только складъ ихъ обличаетъ великорусскій источникъ.

„Это не единственный примѣръ того[1]), какъ въ Малороссіи находятся пѣсни, такъ сказать, переведенныя съ великорусскихъ, тогда какъ великорусскіе оригиналы не пойманы до сихъ поръ изслѣдователями. Другой подобный примѣръ указанъ въ 1 томѣ „Истор. пѣсень малор. народа“, стр. 284. Это одни изъ варіантовъ пѣсень о кровосмѣшеніи сына съ матерью, въ коихъ сыновья называются донцами, особенно варіанты, напечатанные въ V томѣ „Матеріаловъ“ г. Чубинскаго (№ 458, стр. 921—927, особенно варіантъ Ж.), которые явно носятъ слѣдъ великорусскаго вліянія и въ языкѣ. Мы предполагаемъ, что существовала, или, быть можетъ, существуетъ пѣсня великорусская, для которой послужило источникомъ сказаніе, въ родѣ тѣхъ, какіе напечатаны г. Костомаровымъ въ „Памятникахъ старинной русской литературы“, изд. гр. Кушелева-Безбородко, II, 415—442. *И великорусскій оригиналъ вышеупомянутой пѣсни у г. Рудченка могъ образоваться изъ сказанія или сказки.* Это опять не исключительные примѣры какъ перехода сказанія въ пѣсню и наоборотъ, такъ и соотвѣтствія, которое заставляетъ предполагать переходъ изъ одной мѣстности въ другую пѣсни и сказанія. Такъ, напр., Шишковъ въ запискѣ, поданной императору Александру, указывалъ, въ числѣ другихъ примѣровъ неуваженія къ духовенству и распространенія раскола, ходившую въ народѣ молву „о нѣкоемъ попѣ, нарядившемся для совершенія неистовства въ козью съ рогами кожу, которая тотъ-часъ къ нему приросла“, (Иконниковъ, гр. Н. С. Мордвиновъ, стр. 420), а въ „Запискахъ о южной Руси“ г. Кулиша (т. 2) напечатана малорусская сатира о попѣ и крестьянинѣ Кирикѣ совершенно на эту тему, только вмѣсто козьей шкуры стоитъ воловья. Мы знаемъ и другой варіантъ этой-же сатиры.

„Подобные примѣры указываютъ на настоятельную необходимость сравнительнаго изученія русской народной словесности и въ частности на необходимость изслѣдовать южную Украйну велико-

[1]) Такъ переходили не только баллады, но и историческія пѣсни; наприм. самарская пѣсня, напечатанная въ «Лѣтописяхъ русской литературы», т. IV, 38,— явно великорусская передѣлка малорусской пѣсни о запорожцахъ послѣ полтавской битвы, только съ перемѣной грусти побѣжденныхъ въ иронію побѣдителей. Примѣч. въ В. Е.

русскую, которая соприкасается съ малорусскою, и которая почти не тронута въ этнографическомъ отношеніи, а между тѣмъ она издавна была мѣстомъ смѣшенія малорусской и великорусской колонизаціи".

Г. Стояновъ имѣлъ въ виду выписанныя слова, сильно расходящіяся съ его торческою гипотезою, срезюмировалъ ихъ только мимоходомъ и не совсѣмъ полно въ слѣдующихъ словахъ: „Въ варіантѣ В. сборника г. Рудченка, при взятіи Азова, разбойники берутъ въ плѣнъ *черкесочокъ* молодыхъ. Этотъ варіантъ, искаженный временемъ, какъ и всѣ прочіе, и далъ, вѣроятно, г. М. Т—ву въ его статьѣ („Вѣстникъ Европы", мартъ 1877 г.) поводъ къ сближенію пѣсни съ фактомъ взятія Азова козаками въ XVIII вѣкѣ, о чемъ будетъ сказано ниже", а ниже г. Стояновъ говоритъ: „Г. М. Т—въ признаетъ въ этой-же пѣснѣ великорусское происхожденіе и видитъ въ ней перифразировку прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Г. М. Т—въ полагаетъ, что этому сказанію должна была отвѣчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ никѣмъ".

Г. Новицкій, выписавъ первое замѣчаніе г. Стоянова, будто мы отнесли спорную пѣсню къ Азову только на основаніи *черкесочекъ*, упоминаемыхъ въ вар. В. г. Рудченка, поспѣшилъ написать, что „на самомъ дѣлѣ" мнѣніе о связи пѣсни съ взятіемъ Азова, было „высказано первоначально имъ, г. Н—имъ", но „по болѣе вѣскимъ соображеніямъ", причемъ онъ, г. Н—ій, „конечно, отрицалъ всякую возможность *перифразировки* (курс. подл.) донскаго сказанія въ малорусскую пѣсню и только указалъ на ихъ замѣчательный параллелизмъ". Снова повторяемъ полное признаніе первенства напечатанія г. Новицкимъ извѣстнаго мнѣнія, которое первенство не указано въ нашей статьѣ въ „Вѣстникѣ Европы" по причинамъ, о которыхъ говорить теперь было-бы мелочностью, не интересною для читателя, и которое первенство мы поспѣшили признать, при первомъ удобномъ случаѣ: при разборѣ мнѣнія г. Костомарова, относившаго сначала занимающую насъ пѣсню къ освобожденію Палія изъ Маріенбурга (см. Русск. Мысль, 1880 г., іюнь, III, 45 и „Нов. укр. пѣсни и пр.", стр. 44, примѣч. 1).

Какъ читатель самъ можетъ судить изъ выписанныхъ выше словъ нашихъ, мнѣніе наше объ отношеніи разбираемой пѣсни къ

Азову основано вовсе не на одномъ варіантѣ ея и не на однихъ *черкесочкахъ*, какъ это представилъ г. Стояновъ. Также само и г. Новицкій ужъ слишкомъ буквально принялъ слово *перифразировка* въ нашей статьѣ и приписалъ намъ мысль о прямой передѣлкѣ сказанія о взятіи Азова, напечатаннаго въ „Чтеніяхъ" [1]). Изъ всего выписаннаго выше, а особенно изъ подчеркнутыхъ словъ, видно, что мы предполагаемъ существованіе (въ Донской области) и устныхъ, и письменныхъ варіантовъ исторіи о взятіи Азова, каковые варіанты должны были пустить отъ себя великорусскую пѣсню, которая уже зашла и въ украинскую среду, гдѣ и приняла видъ украинскихъ варіантовъ, намъ теперь извѣстныхъ.

Самъ-же г. Новицкій говоритъ теперь (стр. 430), что пѣсня о взятіи Азова могла быть сложена ими немедленно, на мѣстѣ, въ такомъ случаѣ она должна отыскаться и на Дону [2]), гдѣ она, или прозаическое преданіе о томъ-же событіи послужили источникомъ „Сказанія", и не смотря на другое предположеніе, высказанное вслѣдъ за выписанными словами: „или-же пѣсня сложена запорожцами уже по отходѣ ихъ съ Дона, на пути или по прибытіи въ Сѣчь", признаетъ (на стр. 433) „несходство характера пѣсни съ общимъ тономъ южно-русскихъ чумацкихъ (и даже, вообще, малорусскихъ пѣсень"), которое несходство г. Н—ій, признаетъ признакомъ происхожденія пѣсни въ этнографически-*смѣшанной* средѣ" [3]). Послѣ этого вдвойнѣ неожиданными показываются финальныя слова г. Н—аго: „конечно, замѣчаніе г. М. Т—ова о ея будто-бы *великорусскомъ* происхожденіи не имѣетъ значенія, составляя только (?!) невѣрную передачу высказанныхъ первоначально мною замѣчаній".

Мысль, продиктовавшая намъ выписанные выше строки, а именно мысль о переходѣ пѣсень, какъ и другихъ произведеній народной словесности отъ одного племени къ другому, а также изъ одной формы въ другую (изъ прозы въ пѣсню и наоборотъ) изъ

---

[1]) Кстати укажемъ и на другой напечатанный его варіантъ: въ приложеніи къ IV-му тому «Пѣсень, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ», стр. 166—184, въ «Исторіи о азовскомъ взятіи».

[2]) На какомъ языкѣ? На великорусскомъ? М. Т.

[3]) О которой средѣ и о необходимости изслѣдованія ея мы и говорили. М. Т.

письменной словесности въ устную и наоборотъ, очень туго прививается у насъ, встрѣчая иногда враждебное къ себѣ отношеніе даже у большинства спеціалистовъ, которые и до сихъ поръ еще не выбились изъ узъ теоріи, разсматривавшей памятники народной словесности, или какъ продукты одной національной почвы, или какъ наслѣдіе арійскихъ прародителей. А между тѣмъ въ Западной Европѣ эта мысль лежитъ въ основѣ новѣйшихъ работъ по народной словесности. Принятіе ея возбуждаетъ вниманіе къ изслѣдованію именно областей съ смѣшанною этнографическою средою, каковы Провансъ и Каталонія, Піемонтъ, Нидерланды (въ обширномъ смыслѣ, съ Бельгіей), Лузація съ Богеміей и т. д. Такія страны, служащія спайками между племенами, особенно интересны для изслѣдованія путей движенія сходныхъ сказаній отъ племени къ другому. Относительно украинскаго племени съ его словесностью особенно интересны области пряшевская за Карпатами, мѣсто соприкосновенія украинцевъ съ словаками, ворота, по которымъ прошло на Украйну извѣстное количество общеевропейскихъ сказаній съ Запада, и донская,—мѣсто, черезъ которое совершается взаимный обмѣнъ сказаній между украинцами и ихъ восточными сосѣдями.

Изслѣдованіе такихъ областей въ значительной степени помогаетъ тому, чтобы сравнительное изученіе памятниковъ народной словесности пошло далѣе одного только указанія параллелизмовъ между ними. Такое указаніе еще очень недостаточно.

Возьмемъ хоть данный случай. Что-же намъ изъ того, если мы успокоимся на одномъ „только указаніи замѣчательнаго параллелизма“ между украинскою пѣснею и великорусскимъ сказаніемъ? Самъ г. Новицкій, какъ видимъ изъ выписанныхъ словъ его, не захотѣлъ „только“ на этомъ успокоиться и перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, что-же значитъ этотъ параллелизмъ, иначе, гдѣ и какъ образовалась данная пѣсня; но, къ сожалѣнію, какъ видно изъ выписаннаго, былъ отвлеченъ въ сторону отъ сущности дѣла заботами объ установленіи своего первенства въ указаніи параллелизма. Надо рѣшить, образовалась-ли пѣсня на Украйнѣ самостоятельно и отъ нея пошелъ разсказъ, который послужилъ источникомъ прозаической исторіи, или-же у великоруссовъ образовалась сказка, отъ которой пошли и исторія, и пѣсня—великорусская, потомъ украинская, или-же въ одно время, по воспоминаніямъ о фактахъ,

которыхъ свидѣтелями и участниками были и великоруссы, и украинцы, образовалась фабула, которая обработана великоруссами въ прозаической формѣ, украинцами-же въ пѣсенной. Въ послѣднемъ случаѣ тѣ отличія, какія представляетъ и пѣсня, и „гисторія“ въ разсказѣ о взятіи Азова противъ указаній извѣстныхъ историческихъ источниковъ, надо будетъ признать не сказочными, а реальными.

Повторяемъ, окончательно рѣшить всѣ сомнѣнія нельзя, пока не будетъ лучше изслѣдована донская область, въ которой можетъ быть найденъ великорусскій варіантъ пѣсни *). Но и теперь возможны предположенія не совсѣмъ неосновательныя. Мы сдѣлали таковое въ подчеркнутыхъ выше словахъ, предполагающихъ существованіе великорусскаго оригинала пѣсни, близкаго къ сказанію и послужившаго источникомъ украинскихъ варіантовъ.

Сдѣлали мы это предположеніе и поддерживаемъ его теперь на основаніи, между прочимъ, языка и склада украинскихъ варіантовъ пѣсни. Складъ этотъ несомнѣнно великорусскій. Языкъ тоже носитъ на себѣ великорусскую окраску. Кромѣ упомянутыхъ варіантовъ г. Рудченка, остановимся на борзенскомъ варіантѣ.

---

*) Соблюдая полное безпристрастіе въ происходящемъ ученомъ спорѣ, мы замѣтимъ, что такое-же заявленіе о новыхъ поискахъ, но въ области древняго Торческа, съ неменьшимъ правомъ можетъ быть сдѣлано г. Стояновымъ, авторомъ торческой гипотезы, или древнѣйшаго происхожденія изслѣдуемой пѣсни, и должно быть сдѣлано всякимъ, кто для удобнѣйшаго ея изслѣдованія пожелалъ-бы возсѣсть на Энеева или Троянскаго коня... Мы во всякомъ случаѣ не можемъ не отдать должнаго уваженія и серьезнымъ пріемамъ г. Стоянова, хотя и не можемъ присоединиться къ сдѣланному имъ выводу, пока не явится болѣе твердыхъ данныхъ для его смѣлой, но симпатичной гипотезы, равно и къ мнѣнію противной стороны, требующему, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ настоящей замѣтки, новыхъ подкрѣпленій. Метаморфозы съ пѣснями, легендами и пр. явленіе общее, но трудно-уловимое. Обѣ стороны въ данномъ вопросѣ ищутъ разгадки перемѣнъ и наслоеній, но одна въ болѣе древнемъ, другая въ позднѣйшемъ времени. Несомнѣнно одно, что метаморфозы столько-же возможны были тамъ, какъ и здѣсь,— столько-же въ древней, какъ и въ позднѣйшей пѣсни. Во всякомъ случаѣ вопросъ, какъ намъ кажется, далекъ еще отъ окончательнаго разрѣшенія, а великорусскія измѣненія словъ въ его разрѣшеніи могутъ имѣть значеніе лишь въ связи съ другими, болѣе существенными данными. Такія измѣненія мы находили даже въ думахъ, распѣваемыхъ Вересаемъ, которыхъ древность и мѣстное происхожденіе никакъ не могутъ быть заподозрѣны.—Ред.

Форма: майстеровый, слово: *эдилаемъ* — великорусскія; слово Азо*въ* тогда только получитъ себѣ рифму, когда противъ него будетъ стоять не ряд*івъ*, какъ теперь, а рядовъ. Въ варіантѣ г. Мацієвича разъ поставлено по великорусски воз*овъ;* въ другомъ мѣстѣ съ словомъ Азовъ должна рифмовать малорусская форма—молодц*івъ*.

Намъ остается сказать еще объ одномъ обстоятельствѣ. Вышеизложенныя соображенія говорятъ въ пользу того, что пѣсня наша принадлежитъ къ числу, такъ называемыхъ, *бродячихъ,* или *странствующихъ сказаній,* бродячихъ, скажемъ пока, только въ предѣлахъ великорусско-украинскихъ. Но не есть-ли эта пѣсня бродячая и въ болѣе обширной области. Исторія о взятіи города проникшими въ него спрятанными людьми въ сущности старая исторія Энеева коня въ Троѣ. Есть французская пѣсня о взятіи женскаго монастыря рыцарями, проникшими туда въ мѣшкахъ; есть голштинская (дитмарская) пѣсня о занятіи замка рыцаря-помѣщика крестьянами-вассалами, привезенными въ мѣшкахъ вмѣсто дани и т. п. Что реальнаго, историческаго скрывается подъ этими варіаціями старой фабулы? Въ области украинскихъ сказаній мы имѣемъ разсказъ о проникновеніи козаковъ въ товарныхъ возахъ въ пѣснѣ объ Азовѣ и въ исторіи освобожденія Палія изъ плѣна въ Магдебургѣ (Маріенбургѣ). Прибавимъ къ этому, что въ украинскихъ лѣтописяхъ, намъ помнится, есть подобное-же сказаніе въ повѣствованіи объ одномъ изъ походовъ запорожцевъ на Крымъ въ XVII и XVIII в. Намъ очень конфузно говорить объ этомъ обстоятельствѣ такъ неопредѣленно,—но, не имѣя подъ рукою всѣхъ должныхъ источниковъ, мы не можемъ сдѣлать болѣе точныхъ указаній, которыя мы и предоставляемъ лицамъ, поставленнымъ въ лучшія условія.

Стенька Разинъ—козакъ Гарасимъ.

Великорусскіе варіанты пѣсни о сынѣ Ст. Разина извѣстны давно. Весьма полный варіантъ напечатанъ уже у г. Костомарова: („Бунтъ Ст. Разина“, историч. моногр., т. II, 290—291). Мы тутъ воспроизведемъ его для того, чтобъ читатель могъ лучше судить объ украинскихъ передѣлкахъ этой пѣсни.

Какъ во славномъ во городѣ
Во Астрахани,
Очутился, проявился
Тутъ незнамовый человѣкъ.
Шибко, щепетно по городу
Похаживаетъ,
Въ тоненькой рубашкѣ
Да во нанковомъ халатѣ
На роспашечку.
Астраханскимъ тутъ купчишкамъ
Онъ не кланяется,
Господамъ-ли да боярамъ
Онъ челомъ не бьетъ,
Астраханскому воеводѣ
Онъ подъ судъ не йдетъ.
Увидалъ-же воевода
Со парадняго крыльца;
Приказалъ-же воевода
Къ себѣ его привести:
—„Ужъ вы слуги, мои слуги,
Слуги вѣрные мои,
Вы подите, поймайте
Удалова молодца!“
Поймали, сковали
Удалова молодца,
Привели къ воеводѣ
Незнамова на глаза.
Какъ и сталъ же воевода
Его спрашивати:
—„Ужъ и чей такой, дѣтинка,
Чей удалый молодецъ?
Ты какого поведенья,
Чьей ты матери, отца?
Не со города-ль Казани,
Съ каменной славной Москвы,
Или съ Дону козакъ,
Иль купецкій сынъ?“—

—Я не съ города Казани,
Не со каменной Москвы,
Я не съ Дону козакъ,
Не купецкій сынъ,
Я со матушки со Волги
Стеньки Разина сынокъ.—[1]

Рабочіе великоруссы занесли эту пѣсню и на Украину. У насъ есть три ея варіанта, записанные на Украинѣ, при чемъ одинъ записанъ прямо отъ рабочаго великорусса, а другіе два представляютъ украинскія попытки усвоить эту пѣсню.

Первый варіантъ записанъ г. Манжурою въ Харьковѣ отъ плотника изъ владимірской губерніи:

Въ славномъ городѣ во Астраханѣ
Очутился, скажемъ, проявился
Тамъ незнамый человѣкъ,
Чисто, щепетко, скажемъ, погуливаетъ;
На немъ бархатный кафтанъ на распашку,
На распашку въ немъ идетъ,
Свой персицкой кумачекъ
Въ правой рученькѣ несетъ,
Перчаточки новы съ серебромъ
На его бѣлыхъ рукахъ,
Чорна шляпа съ плюмажемъ
На его русыхъ кудряхъ.
Охъ, онъ штапамъ—офицерамъ
Онъ не кланяется, идетъ,
Для мелкихъ господъ
Пуховой шляпы не мнетъ,
А самому, скажемъ, губернатору
И челомъ ему не бьетъ.

[1]) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что варіантъ этой пѣсни былъ найденъ въ бумагахъ Пушкина и возбудилъ въ нѣкоторыхъ газетахъ («Новое Время» и др.) разговоры о томъ, не сочиненіе-ли это Пушкина. Фактъ характеризующій степень образованія нашихъ редакторовъ русскихъ газетъ настоящаго времени!

Губернатуръ, скажемъ, господинъ,
На крылечко выходилъ,
Закричалъ, скажемъ, губернаторъ
Громкимъ голосомъ своимъ:
—„Охъ, вы слуги, служки вѣрные мои,
Вы подите, служки, приведите
Незнамова молодца“.—
Его взяли, подхватили
И къ допросу повели,
Охъ, становили, скажемъ, молодца
Близь парадняго крыльца.
Охъ, губернаторъ, скажемъ, господинъ
На крылечко выходилъ,
Таки рѣчи говорилъ:
—„Чей, откуда, разскажи, мальчишка,
Чей, незнамый молодецъ?
Охъ, не съ Москвы-ли ты купецъ,
Не купеческій-ли сынъ?
Аль не съ Дону-ли козакъ,
Не козаческой-ли сынъ?“
—А я съ Дону не козакъ,
Не козаческой я сынъ,
Я со матушки со Волги,
Я со Камы со рѣки,
Стеньки Разина сынокъ.—
—„Вы возьмите только, мои слуги,
Въ бѣлой каменной острогъ.
—А ты послушай, скажемъ, губернатуръ,
Одно слово мнѣ сказать:
Будто батюшка мой родной
Заутра хотѣлъ быть.
Ты умѣй-ка его встрѣтить,
Умѣй подчивать его,
А изъ комнаты пойдетъ,
Умѣй двери затворить!—
Приказалъ, скажемъ, губернатуръ
Вдоль по улицѣ пустить.

Охъ, какъ на утро рано на зарѣ
Лёгка лодочка плыветъ,
Какъ въ этой-то во лодочкѣ
Ровно тридцать молодцовъ,
Ну, а тамъ въ самой середкѣ
Атаманъ-ли ихъ сидитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
—„Вы послушайте, скажемъ, ребята,
Что я буду говорить:
Охъ, будто чадо, чадо мое милое
Въ бѣлой каменной тюрьмѣ!“—
—Охъ, не печалься, нашъ хозяинъ-господинъ;
Охъ, бѣлой каменной острогъ
По кирпичу разберемъ,
Астраханскаво, скажемъ, губернатора
Во полонъ єво возьмемъ.

Изъ двухъ извѣстныхъ намъ украинскихъ передѣлокъ подобной пѣсни, наиболѣе интересна записанная г. Ганицкимъ въ аккерманскомъ уѣздѣ, бессарабск. губерніи, въ 1874 г. въ числѣ другихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ среди рыбаковъ. Варіантъ этотъ состоитъ изъ прозаическаго разсказа, прерываемаго стихами.

„Бувъ колись на Украіні славный *козакъ Гарасимъ,* такий, якъ Максимъ Залізнякъ, або козакъ Нечай. Якъ настала недобра година, Гарасима кілька разъ сажали за камінні стіни, въ тюрму, але славний Гарасимъ завше пробиравъ стіни й втікавъ. Вінъ війська не мавъ, а якъ тільки свисне, то набіжить козаківъ зо всіхъ сторінъ“!

„Отъ Гарасимъ якъ втікъ уже може въ десятый разъ зъ каторжноі тюрмы, зібравъ козаківъ и пішовъ въ *Рассью,* бо Украіна зо всіхъ сторінъ тоді була вже занята, а впередъ Гарасимъ пустивъ свого сына, щобъ роспізнавъ тіхъ людей и ту сторону“...

Проявився дитинушка, незнакомый чоловікъ;
Вінъ не заходить по Калугі, по калугіськімъ мужикамъ,

Вінъ почавъ дитинушка въ кабаку гулять
И про себе пісьню запівать... [1])

„Губернаторъ, узнавши объ ёму, велівъ ёго привести:

—„Ехъ, вы слуги, вы лакеі вірнії мои,
Идіте, приведіте мужика
Зъ пишного кабака!
—„Скуль ты, дитинушка, скуль ты родомъ чоловікъ?
Чи ты зъ Дону козакъ, чи ты козацький сынъ?“—
—Я не зъ Дону козакъ, я не козацький сынъ;
Мій батько хоче у васъ въ гостяхъ бувать,—
Знайте-жъ, якъ мою отця приймать.

„Розсердився губернаторъ на вдалого молодця:

—„Ехъ, вы слуги, вы вірніі, возьміте козака!
Засадить ёго въ тюрму, за каменну стіну!“—
—Якая ваша тюрма:
Каменна, чи кирпичная?
Мы вашу тюрму по кирпичу розберемъ,
И вашого губернатора въ полонъ візьмемъ!—

„Герасимівъ сынъ, кепкуючи надъ губернаторомъ, якъ туйнувъ ёго, то всі вікна въ губернаторському дворці потріскалисв. Гарасимівъ сынъ ишовъ весело въ тюрму, бо добре знавъ, що отець ёго въ скорімъ часі прибуде и висвободить:

Ище не світъ, ище не світъ [2]),
Красну лотушку видать!

---

[1]) Ср. у Костомарова, op. cit. 241.

У насъ то было, братцы, на тихомъ Дону,
Породился удалъ храбрый молодецъ....
. . . .
Во козачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, козаками, думу не думывалъ,
Ходилъ-гулялъ Степанушка въ царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голытьбою и т. д.

Другіе варіанты передѣлываютъ эти слова и на сына Ст. Разина.

[2]) Стихъ изъ извѣстной гайдамацкой пѣсни о Гнаткѣ и Савѣ Чаломъ:

Ой, ще не світъ, ой, ще не світъ,
Ой, ще не світае,
А вже Гнатко зъ Кравчиною
Коника сідлае и т. д.

Красну лотушку звидавъ,—
Отець до ёго прибувавъ.

Другой варіантъ записанъ г. Чернякомъ около 1876 г. въ деревнѣ Ракова Балка, въ павлоградскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, со словъ хлопця 14 лѣтъ, Ивана Носаченка. Вотъ онъ:

Выходила дитина
Зъ-підъ білого каміня,
Ой якъ крикне панъ губернатарь
На своіхъ прежнихъ бурлакъ:
—„Вы набийте дитині
На ноги кайданы,
На ноженьки кайданочки,
А на ручки рушнички.“—
—А чи бачишь, губернаторь,
Отой камъяный острогъ?
Я тобі камъяный острогъ
По камінъцямъ рознесу,
Я тобі Дунай-річку
До пісочку перепью...

Записыватель сообщаетъ, что хлопець долго не хотѣлъ сказать слова *губернаторъ*, пока наконецъ рѣшился проговорить его.

Мы полагаемъ, что никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что оба вышеприведенные варіанты составляютъ прямую перифразировку (на этотъ разъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова) великорусской пѣсни, хотя на нихъ, особенно на первой, налегли уже и нѣкоторыя украинскія черты. Съ перваго разу, впрочемъ, видны и отличія этихъ варіантовъ отъ пѣсни о взятіи Азова. Послѣдняя все-таки болѣе объукраинилась, что̀ и совершенно понятно: пѣсня эта должна была пожить въ козацкой, смѣшанной средѣ и зашла она къ намъ давно, тогда какъ пѣсня о сынѣ Ст. Разина, очевидно, пришла на Украйну недавно и принесена чистыми великоруссами, рабочими, и не имѣла за собою никакого памятнаго, общаго сынамъ двухъ племенъ, событія [1]). Даже имя Ст. Разина ока-

[1]) Хотя нѣкоторое количество запорожцевъ и участвовало въ походахъ Ст. Разина и послѣдній писалъ грамоты въ Сѣчь, но память объ этомъ не сохранилась въ массѣ украинцевъ, которымъ, очевидно, мало было дѣла въ свой часъ до Ст. Разина.

залось на столько чужимъ для украинцевъ, что они, чтобъ его оживить для себя, сдѣлали изъ него козака—Гарасима.

Но все-таки представленные украинскіе варіанты великорусской пѣсни показываютъ примѣры нѣкотораго ея усвоенія. Основная идея ихъ,—непокорность воеводѣ-губернатору, въ украинскихъ варіантахъ даже рѣзче выдвинута, чѣмъ въ великорусскихъ, а въ варіантѣ г. Ганицкаго Разину приданы черты запорожскаго характерника и самъ онъ сравнивается съ памятными украинцамъ героями: Нечаемъ и Желѣзнякомъ, и даже сдѣланъ украинцемъ, подъ именемъ Гарасима, который только потому пошелъ въ *Рассью*, что „Украйна уже вся была тогда занята“. Украинскіе варіанты пѣсни о сынѣ Ст. Разина представляютъ собою примѣръ усвоенія чужой пѣсни все-таки *органическаго*, хотя и не такого полнаго, какъ нѣкоторые примѣры взаимнаго обмѣна пѣсенъ козацкихъ изъ временъ общей жизни донцовъ и запорожцевъ. Тутъ все-таки пѣсня усвоена потому, что она для усваивавшихъ симпатична по своему содержанію. Въ украинскомъ населеніи обращается теперь не малое количество великорусскихъ пѣсенъ усвоенныхъ иначе, *механически:* вслѣдствіе внѣшняго давленія, по привычкѣ, изъ желанія быть похожимъ на барина чрезъ усвоеніе себѣ признаковъ барской народности. Это пѣсни солдатскія, бытовыя и повѣствовательныя, (о Петрѣ Великомъ, Лопухинѣ, Платовѣ, Наполеонѣ и др.), пѣсни лакейскія, „жестокіе романсы“, фабричные и т. п. У насъ у самихъ ихъ набралось на добрый томъ. На печальныя мысли навелъ бы этотъ томъ, если-бъ его напечатать. Съ внѣшней стороны этотъ матеріалъ представляетъ образцы чисто машинальнаго повторенія великорусскихъ варіантовъ, съ большими или меньшими искаженіями языка и фабулы, при чемъ иногда представляютъ въ частяхъ или въ цѣломъ полную безсмыслицу. Съ внутренней, идейной стороны, по сравненію съ украинскими пѣснями домашняго образованія, матеріалъ этотъ носитъ на себѣ признаки упадка и деморализаціи политической, общественной и семейной рабскаго духа, жестокости, грубости, цинизма, особенно относительно женщины,—при фразистой сентиментальности, нахватанной изъ романсовъ „благородныхъ“. Ни одной дѣйствительно культурной идеи, ни образа изъ запасу всероссійской цивилизаціи, образовавшейся въ верхнихъ слояхъ общества въ XVIII в. изъ взаимодѣйствія украинцевъ и ве-

ликоруссовъ, при западно-европейскомъ вліяніи, не проникло въ этотъ народный словесный матеріалъ, который въ ту-же эпоху образовался на Украйнѣ подъ великорусскимъ вліяніемъ. Да, кажется, такихъ дѣйствительныхъ культурныхъ идей и образцовъ нѣтъ въ новообразовавшейся великорусской народной словесности и у нея на дому. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключить на основаніи того, что до сихъ поръ извѣстно по этой части въ печати, напр. изъ интересной работы г. Вл. Михневича „Извращеніе народнаго пѣснотворчества“ (Историч. этюды русской жизни, II, 377—421).

Впрочемъ, это вопросъ не только очень важный, но и очень сложный, а потому объ немъ до другаго раза.

М. Т—овъ.

УМАНСКІЙ СОТНИКЪ

ИВАНЪ ГОНТА.

(1768 г.).

Для характеристики историческаго значенія гайдамачества вообще и особенно „Коліивщины“ личность одного изъ вождей послѣдней, сотника Гонты, имѣетъ особенный интересъ. Печальное состояніе края, разразившееся во второй половинѣ прошлаго столѣтія страшною уманскою катастрофою, недостаточно еще обслѣдовано безпристрастнымъ историческимъ изученіемъ. Современники—мемуаристы, принадлежавшіе къ потерпѣвшей сторонѣ, оставили намъ лишь яркія картины пожаровъ, убійствъ и грабежа, сопровождавшихъ катастрофу; но о поводахъ, вызвавшихъ эти печальныя явленія, о причинахъ, которыя довели постепенно народъ мирный, земледѣльческій, стремившійся къ прочной, осѣдлой и хотя сколько-нибудь обезпеченной и спокойной жизни, они или вовсе не упоминаютъ, или-же говорятъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. По ихъ мнѣнію, страшное народное волненіе въ Украйнѣ было, съ одной стороны, плодомъ яко-бы дипломатической интриги Россіи, съ другой—результатомъ врожденнаго будто-бы южно-русскому народу варварства, его злой природы и главное—страсти къ грабежу. Конечно, такія объясненія мемуаристовъ, весьма впрочемъ естественныя въ устахъ людей мало развитыхъ и сильно раздраженныхъ, не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, какъ всякіе огульные приговоры надъ характеромъ цѣлаго народа; конечно, легче объяснить явленіе историческое, предположивъ извѣстную, будто врожденную наклонность въ народномъ характерѣ, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать истинныя причины этого явленія, часто слишкомъ сложныя для степени развитія изслѣдователя или слишкомъ не желательныя для самолюбія той общественной группы, къ которой

онъ принадлежитъ. Но предположенія такого рода не могутъ останавливать на себѣ вниманія сколько-нибудь спокойнаго историческаго изслѣдованія и первый попавшійся фактъ, передаваемый источникомъ пристрастнымъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, совершенно разрушаетъ всѣ поверхностныя предположенія автора онаго.

Однимъ изъ такихъ фактовъ является въ разсказахъ о „Коліивщинѣ“ личность уманскаго сотника Ивана Гонты. Не смотря на то, что всѣ свѣдѣнія о немъ мы можемъ извлекать лишь изъ записокъ шляхтичей или духовныхъ лицъ польской народности, писавшихъ послѣ „Коліивщины“ (и слѣдовательно относившихся съ крайнею ненавистью къ бывшему уманскому сотнику), личность его, и по ихъ сказаніямъ, является съ характеромъ совершенно противуположнымъ тому общему ихъ взгляду на „гайдамачество“, которое высказывается ими въ мемуарахъ. Гонта является человѣкомъ не только зажиточнымъ, но даже богатымъ,—слѣдовательно не страсть къ грабежу руководитъ имъ; онъ пользуется особою милостію владѣтеля Умани, воеводы Салезія Потоцкаго, который обезпечиваетъ вполнѣ его будущую карьеру, обѣщаетъ ему подарить въ потомственное владѣніе нѣсколько селъ и выхлопотать на сеймѣ „нобилитацію“, т. е. возведеніе въ дворянство,—слѣдовательно личный интересъ и личное честолюбіе должны были-бы склонять Гонту къ защитѣ шляхетства, въ ряды котораго попасть онъ имѣлъ возможность. Свѣдѣній о вліяніи на Гонту мнимой политической интриги сами мемуаристы не передаютъ и вліянія такого даже не предполагаютъ. Такимъ образомъ побужденія, заставившія Гонту принять участіе въ „Коліивщинѣ“, остаются не разъясненными, съ точки зрѣнія на „Коліивщину“ шляхетскаго общества, и само его участіе является чѣмъ-то, по видимому, неожиданнымъ, загадочнымъ. Конечно, колоритъ этотъ исчезаетъ, если мы посмотримъ на данное событіе съ той точки зрѣнія, которая присуща была въ свое время украинскому народу; тогда станетъ понятнымъ, что Гонта дѣйствовалъ изъ-за убѣжденій, глубоко укоренившихся въ народѣ, изъ-за сознательнаго долга стать въ борьбѣ, охватившей страну, на сторонѣ своего народа, его правъ, вѣры и національности, и принести этому дѣлу въ жертву и свою карьеру и свое общественное положеніе.

Если-бы до насъ дошли извѣстія о Гонтѣ и его участіи въ „Коліивщинѣ“ отъ лицъ, принадлежавшихъ къ другой заинтересованной сторонѣ, или, по крайней мѣрѣ, отъ свидѣтелей безпристрастныхъ и постороннихъ, то мы не сомнѣваемся, что высказанное нами положеніе можно было-бы установить самыми точными и подробными ссылками. Къ несчастію мы поставлены въ необходимость пользоваться источниками, составленными исключительно лицами враждебными Гонтѣ, и потому можемъ попытаться лишь указать путемъ сопоставленій и критическаго отношенія къ сообщаемымъ фактамъ на болѣе серьезныя и человѣчныя побужденія дѣятельности Гонты, чѣмъ тѣ, которые приписывали ему шляхтичи-современники, увлекаясь весьма естественно ненавистью къ лицу, причинившему имъ много бѣдствій и страданій [1]). Не желая, впрочемъ, теряться въ догадкахъ и гипотезахъ, мы ограничимся лишь фактическимъ изложеніемъ относящихся къ его біографіи событій.

Иванъ Гонта принадлежалъ по рожденію къ крестьянскому сословію; по словамъ Липпомана, онъ родился въ селѣ Росошкахъ, принадлежавшемъ къ уманскому имѣнію Потоцкихъ. Свѣдѣніе это заимствовано Липпоманомъ изъ записокъ Вероники Кребсъ, которая говоритъ: „Когда мой отецъ пріѣхалъ въ Умань (1757 г.), онъ уже засталъ тамъ полковника (надворныхъ козаковъ) Обуха и старшаго сотника Гонту, крестьянина изъ деревни Росошекъ“ [2]). Братъ г-жи Кребсъ, Павелъ Младановичъ, утверждаетъ въ своихъ запискахъ, будто Гонта родился гдѣ-то въ Полѣсьи и, достигши 18-лѣтняго возраста, совершилъ какое-то преступленіе, за которое былъ приговоренъ къ висѣлицѣ, но будто, уже на самомъ мѣстѣ исполненія казни, отецъ Младановича, занимавшій тогда должность уманскаго

---

1) При составленіи этого очерка мы пользовались слѣдующими источниками: 1) Липпоманъ — «Bunt hajdamaków na Ukrainie 1768 г.». 2) Павелъ Младановичъ — «Rzeź humańska». 3) Турчанскій — «Opis krótki rzeźi w mieście Humaniu». 4) Вероника Кребсъ — «Уманская рѣзня», переводъ Ревы 1879 г. 5) Мощинскій «Pamiętnik do historii polskiej. 6) Безыменный базиліанинъ — «Opisanie klęski Humańskiej». «Кіевская Старина», мартъ 1882 г. 7) Охоцкій — «Pamiętniki», т. I, глава 12. 8) Гумпльовичъ «Konfederacia Barska» — переписка короля Станислава-Августа съ Ксаверіемъ Браницкимъ. 9) Рукописный отрывокъ изъ анонимнаго мемуара.

2) Липпоманъ, стр. 14; Записки Кребсъ, стр. 16.

„губернатора", выпросилъ ему помилованіе, уплатилъ въ судъ штрафъ въ 4000 злотыхъ, причитавшійся за его вину, и затѣмъ зачислилъ его въ уманскую надворную милицію [1]). Конечно, весь разсказъ Павла Младановича есть не болѣе, какъ эпизодъ, сочиненный имъ самимъ для того, чтобы изобразить въ болѣе черныхъ краскахъ характеръ Гонты; разсказъ этотъ не заслуживаетъ вѣроятія не только при сопоставленіи его съ разсказомъ его сестры, но и съ данными, сообщаемыми самимъ Младановичемъ [2]).

Мы не знаемъ, когда Гонта поступилъ на службу въ надворную козацкую милицію: во всякомъ случаѣ это должно было случиться за долго до катастрофы 1768 года, такъ какъ, по свѣдѣніямъ Кребсъ, за 11 лѣтъ до нея онъ уже занималъ должность старшаго въ ней сотника. Среди козаковъ этой милиціи онъ пользовался значительнымъ уваженіемъ и авторитетомъ, и шляхтичи, управлявшіе уманскимъ имѣніемъ, были увѣрены, что въ каждомъ затруднительномъ случаѣ мнѣнію Гонты и его вліянію вся уманская милиція готова повиноваться безпрекословно. Вслѣдствіе этого убѣжденія шляхтичи старались жить въ дружбѣ съ вліятельнымъ сотникомъ и обходились съ нимъ съ почетомъ, какъ съ равнымъ; впрочемъ, положеніе свое въ шляхетскомъ обществѣ Гонта поддерживалъ и личными своими качествами. Павелъ Младановичъ описываетъ его, по своимъ воспоминаніямъ, слѣдующими словами: „Гонта былъ козакъ видный, рослый и красивый, отличался постоянною удачею во

---

[1]) Записки Павла Младановича, стр. 106.

[2]) Г-жа Кребсъ была взрослою дѣвушкою (18 лѣтъ) во время уманской катастрофы, была лично хорошо знакома съ Гонтою и могла знать лучше его отношенія къ отцу, чѣмъ ея братъ, бывшій въ то время еще мальчикомъ. Притомъ невѣроятность разсказа Младановича явствуетъ изъ сопоставленія слѣдующихъ данныхъ: 1) Младановичъ—отецъ былъ назначенъ уманскимъ губернаторомъ въ 1757 году, слѣдовательно, по его словамъ, въ 1768 году Гонтѣ могло быть maximum 28—29 лѣтъ, между тѣмъ самъ Младановичъ разсказываетъ въ послѣдствіи, что у Гонты было 4 взрослыя дочери и сынъ. 2) Надворная милиція составлялась изъ осѣдлыхъ крестьянъ уманскаго имѣнія; еслибы губернаторъ и приписалъ къ ней лице постороннее, то наврядъ-ли можно допустить, чтобы это лице было выбрано въ сотники преимущественно передъ почетными односельцами. 3) Наконецъ солидарность Гонты съ громадою села Росошекъ, помимо записокъ Кребсъ, подтверждается еще надписью на церковной двери въ этомъ селѣ, свѣдѣніе о которой мы сообщимъ ниже.

всѣхъ своихъ предпріятіяхъ"[1]). Въ запискахъ Кребсъ мы находимъ такую-же его характеристику: „Гонта, говоритъ составительница этихъ записокъ, былъ красивый, представительный мущина и къ тому онъ не только говорилъ, но и превосходно писалъ по-польски, а воспитаніе его было таково, что и теперь (т. е. въ началѣ XIX ст.) его можно было-бы счесть за шляхтича"[2]). Благодаря этимъ качествамъ, Гонта, не смотря на крестьянское происхожденіе, принятъ былъ въ мѣстномъ кругу шляхетскаго общества и занялъ въ немъ даже видное положеніе, вслѣдствіе особеннаго къ нему благоволенія уманскаго владѣльца, воеводы Салезія Потоцкаго. По установленному обычаю, ежегодно 300 козаковъ изъ надворной уманской милиціи, подъ предводительствомъ сотника, отправлялись по очереди ко двору владѣльца въ его резиденцію—Кристинополь, находившуюся въ Червоной Руси, гдѣ исполняли при его особѣ службу, въ качествѣ придворной стражи. Во время этихъ командировокъ Гонта обратилъ на себя вниманіе Потоцкаго, сдѣлался его любимцемъ и довѣреннымъ лицемъ. Въ два похода Гонта пріобрѣлъ отъ воеводы грамоты, по которымъ послѣдній отказалъ въ его пожизненное владѣніе два богатыя села: его родину Росошки и сосѣднее село Орадовку, а села эти приносили въ то время ежегодно доходъ въ 20,000 злотыхъ; сверхъ того Потоцкій изъялъ Гонту и его сотню изъ зависимости отъ полковниковъ-шляхтичей, командовавшихъ уманскою милиціею и подчинилъ прямо власти губернатора[3]). Вслѣдствіе этихъ распоряженій Гонта сталъ возбуждать зависть шляхтичей, завѣдывавшихъ администраціею Уманщины; но, тѣмъ не менѣе, они, не исключая губернатора, обращались съ сотникомъ съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ, такъ какъ въ средѣ ихъ установилось мнѣніе, что Потоцкій будто выслушиваетъ сообщенія Гонты о дѣйствіяхъ ихъ по управленію имѣніемъ и относится къ этимъ сообщеніямъ съ большимъ довѣріемъ.

Семейство Гонты жило въ то время въ его домѣ въ селѣ Росошкахъ; оно, по свѣдѣніямъ П. Младановича, состояло изъ жены,

---

[1]) Записки Младановича, стр. 78.

[2]) Записки Кребсъ, стр. 18.

[3]) Записки Кребсъ, стр. 17—18; П. Младановича, стр. 78; Липпоманъ, стр. 15; записки Мощинскаго, стр. 137.

четырехъ дочерей и сына; тотъ-же мемуаристъ сообщаетъ, въ весьма впрочемъ не ясныхъ выраженіяхъ, будто Гонта вступилъ въ бракъ не по собственному желанію, а по чьему-то принужденію, но будто въ послѣдствіи онъ примирился съ судьбою и былъ совершенно доволенъ своею семейною обстановкою [1]).

Приведенными фактами исчерпываются всѣ извѣстія, сообщаемые о Гонтѣ мемуаристами до рокового 1768 года. Изъ извѣстій этихъ явствуетъ, что, не смотря на милость владѣльца и уваженіе, которымъ пользовался Гонта въ средѣ окружавшей его шляхты, онъ не увлекся личною карьерою на столько, чтобы перейти въ шляхетскій лагерь и разорвать связь съ народомъ, изъ среды котораго вышелъ; тѣсная связь эта обозначается какъ признанною всѣми мемуаристами популярностью Гонты въ средѣ уманской милиціи, которой онъ былъ выборнымъ сотникомъ, такъ и его усердіемъ къ православной вѣрѣ, на которое мы имѣемъ два фактическія указанія. Въ 1860 году намъ случилось быть въ селѣ Росошкахъ, гдѣ въ старой деревянной церкви надъ дверью мы видѣли рѣзную надпись примѣрно слѣдующаго содержанія: „Церковь сія збудована коштомъ сотника Ивана Гонты и всей громады“ [2]). Въ мѣстечкѣ Володаркѣ, въ старой Воздвиженской церкви, въ числѣ церковныхъ ктиторовъ записанъ былъ и Иванъ Гонта съ женою, и портреты ихъ хранились въ церкви до 1847 года. Въ этомъ году старая церковь была разобрана и перенесена на другое мѣсто по желанію помѣщика; тогда, вѣроятно, въ собственность послѣдняго перешли и портреты ктиторовъ, въ томъ числѣ и портретъ Гонты, снимокъ съ котораго и помѣщается въ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины“.

Въ 1768 году Гонтѣ суждено было занять видную и трагическую роль въ исторіи края. Въ февралѣ этого года вспыхнула барская конфедерація; конфедераты, занявъ значительную часть воеводствъ: подольскаго, брацлавскаго и кіевскаго, стали понуждать землевладѣльцевъ къ доставкѣ въ помощь конфедераціи денегъ, провіанта и вооруженныхъ людей; въ Умани полученъ былъ универсалъ,

---

[1]) Записки П. Младановича, стр. 78.

[2]) За буквальную точность приводимой надписи мы не можемъ поручиться, ибо возстановляемъ ее по памяти, такъ какъ копія, снятая съ надписи, утерялась.

требовавшій присылки въ станъ конфедератовъ 30,000 злотыхъ, значительнаго фуража и 3,000 вооруженныхъ и форменно одѣтыхъ солдатъ, т. е., иными словами, всей надворной козацкой милиціи, и угрожавшій строгимъ взысканіемъ въ случаѣ ослушанія [1]). Универсалъ этотъ былъ препровожденъ на усмотрѣніе владѣтеля Уманщины, воеводы Салезія Потоцкаго, и управлявшій его имѣніемъ дворянинъ Младановичъ просилъ снабдить его инструкціями. Потоцкій не былъ расположенъ въ пользу конфедераціи, но съ другой стороны боялся, чтобы, въ случаѣ рѣзкаго отказа, его уманскія помѣстья не подверглись разоренію со стороны конфедератовъ, и потому занялъ двусмысленное положеніе. Онъ приказалъ Младановичу отвѣтить конфедератамъ, что онъ находитъ неудобнымъ послать имъ въ помощь свою козацкую милицію, такъ какъ на искреннее участіе козаковъ въ войнѣ съ русскими войсками невозможно положиться; но, въ замѣнъ милиціи, онъ обѣщалъ навербовать требуемое количество войска изъ шляхты и, вооруживъ ее на свой счетъ и снабдивъ мундирами, отправить въ помощь конфедераціи. Въ тоже время онъ приказалъ всю уманскую милицію расположить лагеремъ у рѣки Синюхи вдоль русской границы и вошелъ въ сношенія съ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ Воейковымъ; послѣдній, по просьбѣ Потоцкаго, разрѣшилъ уманскимъ козакамъ отступить за русскую границу, въ случаѣ если-бы конфедераты заняли Умань [2]). Не довѣряя, впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ шляхтичамъ, управлявшимъ Уманщиною, симпатизировавшимъ конфедераціи, подобно всѣмъ лицамъ ихъ сословія, Потоцкій, помимо губернатора Младановича, снабдилъ Гонту особыми инструкціями относительно поведенія милиціи и вступилъ съ нимъ въ частную переписку. Одно изъ писемъ воеводы къ Гонтѣ было перехвачено и утаено Младановичемъ: мы не знаемъ, какія распоряженія заключались въ немъ, но несомнѣнно то, что Потоцкій обѣщалъ въ немъ Гонтѣ, въ награду за точное исполненіе своихъ инструкцій, выхлопотать дворянство и подарить нѣсколько селъ немедленно послѣ усмиренія конфедераціи [3]).

---

[1]) Записки П. Младановича, стр. 79.

[2]) Записки Мощинскаго стр. 138.

[3]) Записки Павла Младановича стр. 78, зап. Липпомана стр. 32, зап. Тучапскаго стр. 135—136.

Между тѣмъ Младановичъ и другіе экономическіе урядники въ Умани, желая вмѣстѣ оказать помощь конфедераціи и исполнить формально распоряженія Потоцкаго, отправили милицію въ лагерь къ Синюхѣ, приказавъ командовавшимъ сю полковникамъ шляхтичамъ зорко слѣдить за поведеніемъ козаковъ вообще и въ особенности за дѣйствіями Гонты: затѣмъ они принялись весьма усердно подготовлять вооруженіе предположенной шляхетской милиціи. Они обложили всѣхъ крестьянъ Уманщины тяжелымъ налогомъ и за полученныя деньги стали пріобрѣтать оружіе и заготовлять мундиры: бѣлые жупаны, зеленыя шапки и куртки. Къ Младановичу стали съѣзжаться мѣстные шляхтичи на секретныя совѣщанія, являлись какія-то таинственныя лица для интимныхъ переговоровъ, по почамъ въ экономическіе магазины привозили запасы оружія, сѣделъ и т. п. [1]).

Хотя всѣ эти приготовленія дѣлались въ тайнѣ, но слухи объ нихъ дошли до Потоцкаго и послѣдній рѣшился отправить довѣренное лице для повѣрки дѣйствій своихъ управляющихъ; выборъ его, впрочемъ, сдѣланъ былъ весьма неудачно. Въ Умань явился, въ качествѣ уполномоченнаго воеводы, белзскій мечникъ Цѣсельскій, человѣкъ, по словамъ современника, „весьма видной наружности, но скудный умомъ, лишенный храбрости и самостоятельности". Цѣсельскому поручено было: провѣрить расходы и не допустить растраты денегъ управляющими на предметы не разрѣшенные владѣльцемъ. Пріѣхавъ въ Умань, Цѣсельскій немедленно подчинился вліянію Младановича и окружавшей его шляхты; вмѣсто того, чтобы удержать ихъ отъ дѣйствій въ пользу конфедераціи, онъ сообщилъ имъ подробности о сношеніяхъ воеводы съ Гонтою и о томъ, что послѣдній сообщаетъ Потоцкому свѣдѣнія о ихъ поступкахъ [2]).

Извѣстіе это крайне взволновало шляхтичей: губернаторъ Младановичъ, главный кассиръ Рогашевскій и полковникъ милиціи Обухъ давно уже косились на Гонту, завидуя милости и довѣрію къ нему

---

[1]) Зап. Кребсъ, стр. 18—19; Зап. Павла Младановича, стр. 79; зап. Мощинскаго, стр. 139.

[2]) Зап. Мощинскаго, стр. 137.

Потоцкаго и негодуя на то независимое отъ нихъ, самостоятельное и обезпеченное положеніе, котораго успѣлъ достигнуть козацкій сотникъ. Давно ихъ коробило отъ необходимости обращаться съ хлопомъ, какъ съ равнымъ себѣ урядникомъ; теперь, узнавъ, что Гонта противудѣйствуетъ ихъ конфедерацкимъ замысламъ и служитъ органомъ непонятныхъ для нихъ намѣреній воеводы, они рѣшились изобрѣсти всевозможныя мѣры для того, чтобы уронить его въ глазахъ владѣльца и, если возможно, совершенно погубить; но для этого необходимо было добыть факты обвиненія, и шляхтичи занялись этимъ весьма усердно. Они начали съ того, что уговорили Цѣсельскаго сдѣлать представленіе Потоцкому о томъ, что Гонта получаетъ вознагражденіе не по заслугамъ, что уманская касса терпитъ значительный уронъ, вслѣдствіе отдачи ему въ пользованіе двухъ богатыхъ селъ, и что было-бы справедливо, отнявъ у него эти села, назначить ему въ качествѣ сотника жалованье въ 100 злотыхъ, (т. е. 15 р.) въ годъ, которые болѣе чѣмъ достаточны для содержанія хлопа [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Младановичъ сталъ вызывать и тщательно собиралъ всевозможные доносы на сотника. Въ доносчикахъ не оказалось недостатка: нѣсколько евреевъ уманскихъ сообщили Цѣсельскому, будто въ лагерѣ Гонта уговариваетъ козаковъ вступить въ сношенія съ гайдамаками, но что въ осуществленіи этого намѣренія помѣшалъ ему скончавшійся недавно въ лагерѣ-же сотникъ Дашко, который будто сказалъ: „я не согласенъ, ибо семь недѣль будетъ вашего господства, а потомъ въ теченіи семи лѣтъ будутъ васъ вѣшать и четвертовать“ [2]). Получивъ этотъ доносъ, Цѣсельскій хотѣлъ было судить Гонту и приговорить къ висѣлицѣ; но другіе шляхтичи сообразили недостаточность уликъ и удержали его отъ рѣшительныхъ шаговъ, въ надеждѣ на болѣе вѣское обвиненіе. Новый доносъ, болѣе серьезный, не замедлилъ явиться; его прислалъ въ началѣ мая изъ лагеря полковникъ Обухъ. Онъ извѣщалъ, что Гонта по ночамъ уѣзжаетъ изъ лагеря въ свои села и тамъ проводитъ время въ тайныхъ совѣщаніяхъ съ какими-то „заграничными особами“. Въ отвѣтъ на это донесеніе изъ Умани извѣстили Обуха, что сообщенія его не достаточны для того, чтобы

[1]) Зап. Мощинскаго, стр. 138.

[2]) Зап. Мощинскаго, стр. 139.

казнить Гонту, и посовѣтовали болѣе тщательно слѣдить за нимъ, пресѣчь ему всякую возможность тайно сноситься съ посторонними лицами и, главное, стараться поймать въ расплохъ и арестовать „заграничныя особы“, буде таковыя появятся. Мы не знаемъ, какія мѣры были приняты Обухомъ, но онѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; нѣсколько дней спустя, въ лагерь козацкій пріѣхали какія-то духовныя лица изъ Кіева и заявили желаніе посѣтить Гонту. Обухъ распорядился немедленно арестовать ихъ, обыскать и доставить подъ сильнымъ карауломъ въ Умань вмѣстѣ съ найденными при нихъ бумагами. Узнавъ о случившемся, Младановичъ вызвалъ въ Умань Гонту, въ полной увѣренности, что нашелъ достаточныя улики для его гибели; но губернатору пришлось разочароваться. Оказалось, что духовныя арестованныя лица вовсе не занимались политикою; найденныя при нихъ бумаги заключали лишь полемическія разсужденія, направленныя противъ уніи, сѣтованія о томъ, что польское правительство воспрещаетъ православнымъ жителямъ Украйны ходить на поклоненіе въ кіевскія пещеры и, наконецъ, письмо какого-то духовнаго лица къ Гонтѣ, заключавшее исключительно заявленія дружескихъ чувствъ. Конечно, на основаніи всего найденнаго нельзя было Гонту ни казнить, ни судить, особенно въ виду расположенности къ нему Потоцкаго. Младановичъ нашелся въ затруднительномъ положеніи: чтобы выйти изъ него, онъ далъ пиръ въ честь Гонты, объяснилъ все дѣло недоразумѣніемъ Обуха и, вступивъ съ заподозрѣннымъ сотникомъ въ интимную бесѣду, предложилъ ему: или искренно поклясться въ вѣрности шляхтѣ, или сложить съ себя чинъ сотника и оставить милицію. Гонта отвѣтилъ, что онъ не намѣренъ ни оставлять военной службы, ни нарушать вѣрности къ воеводѣ Потоцкому. На томъ противники и прекратили переговоры. Младановичъ, чувствуя пораженіе, отпустилъ Гонту съ честью въ лагерь, приказавъ тѣмъ не менѣе полковникамъ Обуху и Магнушевскому продолжать тщательный за нимъ надзоръ [1]).

Таковы были отношенія Гонты въ Уманщинѣ въ маѣ 1768 года, когда неожиданное событіе прервало сѣть шляхетскихъ интригъ противъ ненавистнаго имъ сотника. Въ концѣ мая въ Умань пришли

---

[1]) Зап. Павла Младановича, стр. 79—80.

первыя вѣсти о появленіи гайдамаковъ у Чигрина, по первоначально власти не обратили на эти слухи особеннаго вниманія; гайдамацкіе отряды, болѣе или менѣе крупные, каждую весну появлялись въ Украйнѣ и тревожили шляхтичей, но покушаться на болѣе сильно укрѣпленные города не дерзали. Въ числѣ украинскихъ крѣпостей Умань считалась сильнѣйшею: городъ былъ окруженъ рвомъ и валомъ съ палисадомъ; внутри его экономическій дворъ, устроенный въ видѣ цитадели, имѣлъ особыя укрѣпленія; двое городскихъ воротъ и валы кругомъ города были снабжены численною артиллеріею; наконецъ, гарнизонъ, состоявшій изъ пѣхоты подъ начальствомъ капитана Ленарта и надворная козацкая милиція представляли силы слишкомъ внушительныя для летучихъ гайдамацкихъ отрядовъ. Но на этотъ разъ тревожныя вѣсти вскорѣ стали принимать необычные размѣры: гайдамацкій набѣгъ ясно стремился перейти во всеобщее крестьянское возстаніе. Небольшой отрядъ Желѣзняка, заключавшій въ себѣ при первомъ появленіи только 18 человѣкъ, росъ по часамъ и мгновенно почти охватилъ весь юго-восточный уголъ Кіевщины, направляясь медленно къ западу; шляхта и евреи въ тревогѣ бѣжали подъ защиту крѣпостей: Бѣлой-Церкви, Лысянки и особенно Умани. Въ виду возраставшей паники, Младановичъ счелъ наконецъ нужнымъ въ началѣ іюня принять болѣе серьезныя мѣры предосторожности: онъ приказалъ запереть городскія ворота и не пропускать въ городъ никого безъ тщательнаго осмотра, отправилъ довѣренныхъ лицъ въ Бендеры для закупки у турецкаго паши пороха и ядеръ, въ которыхъ чувствовался недостатокъ, кругомъ города разставилъ стражу ¹) и наконецъ рѣшился пустить въ дѣло козацкую милицію. Младановичъ призвалъ ее изъ лагеря въ Умань и приказалъ всему полку на рынкѣ принести присягу на вѣрность владѣльцу, послѣ-же ея исполненія, онъ призвалъ къ себѣ полковниковъ: Обуха и Магнушевскаго и сотниковъ: Гонту, Уласенка и Ярему и, угощая ихъ усердно, уговаривалъ не измѣнять данной присягѣ, при чемъ обращался главнымъ образомъ къ Гонтѣ; послѣдній отвѣчалъ очень краснорѣчивыми увѣреніями въ своей неизмѣнной вѣр-

¹) Зап. П. Младановича, стр. 81—82. «Кіевская Старина» 1882 г., т. I, стр. 523—524.

ности владѣльцу. Вслѣдъ за тѣмъ къ Гонтѣ явилась депутація отъ уманскихъ евреевъ, поднесла ему блюдо червонцевъ и другіе богатые подарки и просила позаботиться о ихъ спасеніи. Младановичъ заключилъ миръ увѣреніемъ, что спасеніе города и всей Украйны зависитъ отъ Гонты, и далъ приказъ козакамъ выступать въ походъ[1]). Для насъ кажется очевиднымъ, что во всѣхъ переговорахъ Младановича съ Гонтою обѣ стороны не досказывали вполнѣ своей мысли и въ значительной мѣрѣ скрывали ее подъ общею среднею формулою присяги: Младановичъ, трактуя о вѣрности и требуя присяги на имя Потоцкаго, подразумѣвалъ вѣрность Рѣчи Посполитой, шляхтѣ и возникшей въ ея средѣ конфедераціи. Гонта, съ своей стороны, ограничиваясь строго формулою вѣрности воеводѣ, имѣлъ въ виду исключительно личность послѣдняго и, на основаніи бывшей переписки, могъ чувствовать себя совершенно не связаннымъ по отношенію къ шляхтѣ вообще, а тѣмъ болѣе къ конфедератамъ. Между тѣмъ обѣ стороны считали неудобнымъ открывать другъ другу вполнѣ свои побужденія и кружились въ заколдованномъ кругу недомолвокъ и взаимнаго недовѣрія. По крайней мѣрѣ иначе трудно объяснить и ту легкость, съ которою Гонта повторялъ требуемую присягу, и то недовѣріе, съ которымъ принималась присяга Младановичемъ, и ту нерѣшительность, вслѣдствіе которой онъ не осмѣлился принять сколько нибудь серьезныхъ мѣръ по отношенію къ Гонтѣ, не смотря на постоянно осаждавшія его подозрѣнія.

Выступивъ изъ Умани, козацкая милиція пошла по направленію къ Звенигородкѣ, такъ какъ получено было извѣстіе, что Желѣзнякъ взялъ Смѣлу и оттуда идетъ на Умань. Между тѣмъ количество бѣглецовъ, искавшихъ спасенія въ Умани, увеличивалось все болѣе и болѣе; они уже не мѣстились въ городѣ и расположились лагеремъ за его чертою; въ лагерѣ этомъ насчитывали до 6,000 шляхтичей, евреевъ и слугъ; между ними постоянно носились тревожныя вѣсти и паника быстро возрастала. На третій день послѣ выступленія изъ города милиціи, къ Младановичу явилась депутація изъ лагеря и сказала, что шляхтичи имѣютъ вѣрное из-

[1]) Зап. Липпомана, стр. 16—17; Зап. Павла Младановича, стр. 81; Зап. Тучапскаго, стр. 126; Зап. Кребсъ, стр. 19; Зап. Мощинскаго, стр. 140.

вѣстіе о соединеніи Гонты съ Желѣзнякомъ у Звенигородки. Потому шляхтичи совѣтуютъ, какъ можно скорѣе, призвать Гонту обратно и отрубить ему голову.

„Я не могу этого сдѣлать, отвѣчалъ Младановичъ, не потому что Гонта въ милости у пана, а потому, что у меня нѣтъ точныхъ доказательствъ его вины. Впрочемъ, я сейчасъ пошлю къ полковнику Обуху, чтобы онъ приказалъ сотникамъ пріѣхать въ Умань“.

Сотники явились. Младановичъ публично повелъ разговоръ съ Гонтою и объявилъ ему, что получено извѣстіе объ его сношеніяхъ съ Желѣзнякомъ. Гонта, не вступавшій еще въ эти сношенія, по предположенію Липномана, отрицалъ фактъ и требовалъ очной ставки съ обвинителемъ; но никто не явился, и Младановичъ замялъ дѣло и пригласилъ сотниковъ еще разъ принести присягу въ вѣрности.

„Послѣ этой церемоніи, говоритъ Кребсъ, я слышала разговоръ Гонты съ отцемъ и думаю, что всякій, услыхавъ его увѣренія въ вѣрности, подумалъ-бы, что Гонта о томъ только и думаетъ, *какъ-бы усилить къ себѣ расположеніе воеводы*“ [1]. Того-же дня сотники опять уѣхали къ войску и въ городѣ настало тревожное затишье, прерываемое лишь глухими извѣстіями о приближеніи гайдамаковъ къ Умани. Гроза дѣйствительно приближалась: гайдамаки взяли Лысянку и перебили въ ней шляхтичей; лысянская козацкая милиція присоединилась къ нимъ, и они направились на Умань; въ уманскую волость они вступили съ сѣверо-востока, перебили шляхтичей въ мѣстечкѣ Букахъ и въ окружающихъ селахъ и направились къ мѣстечку Соколовкѣ. На пути Желѣзнякъ разглашалъ, будто онъ предпринялъ походъ на основаніи указа императрицы, что онъ пришелъ возстановить козачество, въ томъ числѣ и древній уманскій полкъ, что онъ намѣренъ изгнать всѣхъ пановъ изъ Украйны, Подоліи и Волыни и т. п. [2]. Послѣ занятія гайдамаками Соколовки, къ мѣстечку подступила и уманская милиція и остановилась вблизи его на ночлегъ; здѣсь только, по всему вѣроятію, между Желѣзнякомъ и Гонтою открылись переговоры. Полковникъ

---

[1] Зап. Кребсъ, стр. 19—20; Зап. Липномана, стр. 18—19; Зап. Павла Младановича, стр. 82.

[2] Зап. Липномана, стр. 20; «Кіевская Старина», I, стр. 522.

Магнушевскій, объѣзжая ночью разставленные имъ вокругъ лагеря пикеты, узналъ, что они были сняты по приказанію Гонты: онъ отправился въ палатку своего товарища Обуха, разсказалъ ему замѣченный фактъ и предложилъ немедленно застрѣлить спящаго Гонту, но Обухъ воспротивился этому, вѣроятно опасаясь отвѣтственности передъ Потоцкимъ; между тѣмъ сотники Гонта и Уласенко успѣли войти въ сношенія съ Желѣзнякомъ [1]). Мы не находимъ въ мемуарахъ указанія на побужденія, которыми руководился Гонта, рѣшившись примкнуть къ движенію Желѣзняка; конечно, слухи о мнимой грамотѣ императрицы были слишкомъ наивны, чтобы могли сдѣлать на него впечатлѣніе, какъ справедливо замѣчаетъ Липпоманъ [2]), трудно также предполагать, чтобы инструкціи, данныя Гонтѣ Потоцкимъ, могли его побудить къ участію въ гайдамачествѣ; Потоцкій могъ ему предписывать уклоняться отъ участія въ конфедераціи, можетъ быть приказывалъ дѣйствовать противъ конфедератовъ или соединиться съ русскими войсками, но онъ не могъ предвидѣть движенія Желѣзняка и тѣмъ менѣе не могъ желать разоренія центральнаго города своихъ помѣстій и истребленія проживавшей въ нихъ шляхты. Очевидно, другія побужденія руководили Гонтою; скорѣе всего можно допустить, что въ переговорахъ съ Желѣзнякомъ онъ убѣдился, что послѣдній поднялъ возстаніе во имя осуществленія завѣтныхъ народныхъ идеаловъ: возстановленія козачества, изгнанія пановъ и истребленія уніи и счелъ своимъ долгомъ примкнуть къ общенародному дѣлу.

На слѣдующее утро послѣ ночлега у Соколовки, гайдамаки вышли изъ мѣстечка по направленію къ Умани, на встрѣчу имъ шли уманскіе козаки; но на пути они остановились по приказанію сотниковъ и послѣдніе обратились къ полковникамъ - шляхтичамъ, примѣрно съ слѣдующею рѣчью: „можете паны уѣхать прочь, мы не нуждаемся болѣе въ вашемъ присутствіи, совѣтуемъ вамъ: бѣгите, если хотите оставаться въ живыхъ; въ противномъ случаѣ погибнете если не отъ руки гайдамаковъ, то отъ нашей“. Затѣмъ сотники объявили, что кто желаетъ изъ козаковъ, можетъ удалиться

---

[1]) Зап. Липпомана, стр. 21: Зап. Мошинскаго, стр. 140—141; «Кіевская Старина», I, стр. 523.

[2]) Зап. Липпомана, стр. 21.

вмѣстѣ съ полковниками. Обухъ и Магнушевскій быстро отъѣхали въ сторону и направились къ русской границѣ, которой достигли не безъ большой опасности; всѣ-же козаки подъ предводительствомъ Гонты соединились съ ополченіемъ Желѣзняка и вмѣстѣ направились къ Умани [1]).

Между тѣмъ въ городѣ въ теченіи четырехъ дней не было вовсе извѣстій ни о движеніи гайдамаковъ, ни о дѣйствіяхъ уманской милиціи. Наконецъ 18 іюня около 11 часовъ дня, изъ башни экономическаго двора замѣтили приближавшійся полкъ уманскихъ козаковъ; вслѣдъ за нимъ шло ополченіе Желѣзняка. Оба остановились въ виду города, Гонта и Желѣзнякъ дружелюбно привѣтствовали другъ друга и оба войска, соединившись, бросились на таборъ, расположенный внѣ городскихъ укрѣпленій, и стали истреблять находившихся въ немъ шляхтичей [2]). Губернаторъ Младановичъ совершенно растерялся; въ городѣ водворилась анархія и безпорядокъ; кое-какія мѣры для защиты приняты были лишь благодаря находчивости капитана гарнизона Лепарта и землемѣра Шафранскаго, служившаго нѣкогда въ арміи Фридриха II: они вооружили, чѣмъ попало, дворянъ, слугъ, евреевъ и учениковъ базиліанскаго училища, размѣстили ихъ за палисадами и открыли пушечную пальбу по нападавшимъ. Перестрѣлка продолжалась въ теченіи 30 часовъ; но средства осажденныхъ быстро изсякли. Въ слѣдующее утро Шафранскій заявилъ Младановичу, что запасы пороху и картечи истощились; притомъ въ городѣ не было воды, колодезь, начатый за нѣсколько дней назадъ, на глубинѣ 30 саженъ, наткнулся на скалу, но воды въ немъ не оказалось; осажденные должны были утолять жажду медомъ, вишневкою и виномъ, отъ которыхъ хмѣлѣли и увеличивали безпорядокъ; сверхъ того ночью изъ города сбѣжали къ Гонтѣ всѣ солдаты гарнизона, экономическіе слуги и арестанты, содержавшіеся въ экономической тюрьмѣ, и выпущенные на волю милиціонерами [3]). Получая эти

[1]) Зап. Тучапскаго, стр. 127; Зап. Мощинскаго, стр. 141; «Кіевская Старина», I, стр. 523.

[2]) Зап. Липпомана, стр. 25—26; Зап. Младановича, стр. 83—84; Зап. Кребсъ, стр. 20—21; Зап. Мощинскаго, стр. 141—142; «Кіевская Старина», I, стр. 524.

[3]) Зап. Липпомана, стр. 26—27; Зап. П. Младановича, стр. 83—85; Зап. Тучапскаго, стр. 128; Зап. Кребсъ, стр. 21—22; «Кіевская Старина», I, стр. 524.

неутѣшительныя извѣстія, Младановичъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ защиты и еще ночью уговорилъ купцевъ евреевъ отправить Гонтѣ и Желѣзняку въ подарокъ нѣсколько возовъ дорогихъ матерій и начать переговоры объ условіяхъ капитуляціи. Предводители гайдамаковъ приняли подарки, но переговоры отложили до утра [1]). На слѣдующій день Гонта, привязавъ бѣлый платокъ къ копью, подъѣхалъ къ воротамъ и предложилъ возобновить переговоры объ условіяхъ сдачи; онъ требовалъ, чтобы Младановичъ вышелъ къ нему лично и приказалъ-бы открыть ворота; разтерявшійся губернаторъ исполнилъ это требованіе, онъ пошелъ къ воротамъ на встрѣчу Гонтѣ въ сопровожденіи мѣщанъ, несшихъ хлѣбъ и соль. У воротъ произошла безпорядочная сцена, различно разсказываемая мемуаристами. Изъ сопоставленія сообщаемыхъ ими извѣстій, весьма впрочемъ противурѣчивыхъ въ частностяхъ, несомнѣнно то, что вслѣдствіе анархіи, воцарившейся среди шляхты, переговоры не могли состояться; шляхетская старшина: губернаторъ Младановичъ, капитанъ Лепартъ, кассиръ Рогашевскій, хорунжій Марковскій и друг. вышли на встрѣчу Гонтѣ, не условившись предварительно между собою; когда ворота были отворены и Гонта и Желѣзнякъ въ сопровожденіи козацкой старшины въѣзжали въ нихъ, одни шляхтичи пытались было вступить въ переговоры, другіе прерывали ихъ бранью, иные порывались палить изъ пушекъ, другіе отталкивали ихъ и ложились на пушки. Младановичъ, хотѣвшій было предложить Гонтѣ условія, не могъ говорить среди шума; исполненный досады и отчаянія, онъ обратился къ шляхтѣ: „помышляйте-же сами о себѣ, я иду въ церковь и предаю себя Господу!“ и затѣмъ ушелъ къ костелу [2]). Между тѣмъ, пока шляхтичи ссорились и шумѣли, вслѣдъ за старшиною вошла въ городъ толпа народа и разсыпалась по улицамъ; началась кровавая расправа, извѣстная подъ именемъ „Уманской рѣзни“. Мы не станемъ передавать подробностей этого дѣла, изобильно разсказанныхъ всѣми мемуаристами, а остановимся лишь на тѣхъ фактахъ, кото-

---

[1]) Зап. Мощинскаго, стр. 142—143.

[2]) Зап. Липпомана, стр. 27—29; Зап. П. Младановича, стр. 85—86; Зап. Тучапскаго, стр. 128—130; Зап. Мощинскаго, стр. 142—143; «Кіевская Старина», I, стр. 525.

рые относятся лично къ Гонтѣ и очерчиваютъ его отношеніе къ излишествамъ народной мести. Не смотря на то, что факты эти мы въ состояніи заимствовать исключительно изъ источниковъ крайне непріязненныхъ для Гонты и желающихъ свалить по преимуществу на него отвѣтственность за варварскія убійства, происходившія въ Умани, всматриваясь въ передаваемыя мемуаристами данныя, мы видимъ въ дѣйствіяхъ Гонты гораздо болѣе желанія смягчить расправу, чѣмъ усилить ее, и во многихъ случаяхъ онъ очевидно прибѣгаетъ къ всевозможнымъ компромисамъ и хитростямъ для того, чтобы исторгнуть ту или другую жертву отъ ярости народнаго озлобленія; онъ старается оттянуть время, дѣлаетъ распоряженія будто грозныя для жертвъ, но въ сущности имѣвшія цѣлью спасти ихъ и т. п. Принявъ во вниманіе составъ овладѣвшаго Уманью ополченія и отношенія къ нему Гонты, мы не можемъ относить къ его личному вліянію того кроваваго характера, который приняла расправа. Масса народа, нахлынувшая въ Умань, состояла изъ крестьянъ, сбѣжавшихся изъ всей южной Кіевщины: крестьяне эти, томившіеся долго въ тяжелой крѣпостной зависимости, раздраженные недавними событіями, направленными къ насильственному введенію уніи, представляли массу разъяренную и озлобленную и уже по степени своего развитія не способную ни сдерживать своихъ страстей, ни подчиниться правильному руководству своихъ вождей. Притомъ, какъ ни былъ популяренъ Гонта, вліяніе его ограничивалось предѣлами Уманщины и для большинства возставшихъ крестьянъ онъ былъ человѣкъ чужой и не авторитетный. Дать направленіе движенію, сдержать чувство народной мести, онъ не имѣлъ возможности и на немъ не можетъ лежать отвѣтственность за общій характеръ событій. Чтобы уяснить его личный образъ дѣйствій, посмотримъ, на какіе факты указываютъ его враги. Самый враждебный къ Гонтѣ изъ всѣхъ мемуаристовъ, Павелъ Младановичъ, приписываетъ ему лично два убійства: кассира Рогашевскаго и своей тетки Констанціи Янкевичовой; но въ первомъ случаѣ Младановичъ противурѣчитъ самъ себѣ, такъ какъ онъ самъ сообщаетъ приказъ данный Гонтою о томъ, чтобы пощадить семейство Рогашевскаго, относительно-же Янкевичевой, сестра Младановича, видѣвшая ея смерть, сообщаетъ, что она была убита какимъ-то неизвѣстнымъ крестьяниномъ, въ то время, когда, въ числѣ другихъ

женщинъ ее препровождали въ церковь по приказанію Гонты [1]). Затѣмъ Тучапскій утверждаетъ, что Гонта приказалъ привести къ себѣ губернатора Младановича, упрекалъ его въ утайкѣ важнаго письма, писаннаго воеводою къ Гонтѣ, и въ заключеніе нанесъ ему ударъ саблею, а затѣмъ приказалъ окружавшимъ убить его; но Павелъ Младановичъ, сопровождавшій отца во время этого разговора, ничего подобнаго не слышалъ; онъ утверждаетъ, что Гонта требовалъ отъ Младановича передачи кассы и вслѣдствіе его отказа, выдалъ его окружавшимъ козакамъ [2]). Кромѣ этихъ трехъ сбивчивыхъ, противурѣчивыхъ и не ясныхъ указаній, ни одинъ мемуаристъ не приводитъ ни одного не только лично Гонтою совершеннаго убійства, но даже исходившаго отъ него смертнаго приговора, между тѣмъ какъ въ разсказахъ ихъ постоянно просвѣчиваютъ свидѣтельства объ усиліяхъ Гонты спасти какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя группы шляхтичей. Такъ Тучапскій свидѣтельствуетъ, что Гонта приказалъ пощадить экопома Скаржинскаго; но крестьяне, ненавидѣвшіе его за крайнюю строгость, убили его выстрѣлами изъ толпы, помимо запрета Гонты [3]). Младановичъ и Кребсъ разсказываютъ согласно о томъ, что, явившись въ костелъ, куда укрылись многіе шляхтичи и гдѣ уже началась рѣзня, Гонта приказалъ вывести изъ него нѣсколько семействъ, въ томъ числѣ и семейство Младановича, обѣщая спасти ихъ. Выведенныхъ изъ костела препроводили частью въ домъ мѣщанина Богатого, частью въ экономическій дворъ, ихъ сопровождали козаки, назначенные Гонтою, которые, проходя среди толпы, кричали: „не тронь!" Затѣмъ, явившись самъ въ домъ Богатого и замѣтивъ, что гайдамаки въ него врываются и обращаютъ вниманіе на спасенныхъ, онъ отвелъ Младановича въ заднюю комнату и сказалъ ему: „сиди здѣсь, будешь въ безопасности". Желая предохранить отъ разъяренной толпы дѣтей и женщинъ уведенныхъ въ экономическій дворъ, онъ приказалъ ихъ отвести въ церковь, гдѣ священникъ прочелъ надъ ними молитву и окропилъ ихъ водою; толпѣ было сообщено, что лица эти приняли крещеніе по православному обря-

---

[1]) Зап. П. Младановича, стр. 87 и 94; Зап. Кребсъ, стр. 23.

[2]) Зап. Тучапскаго, стр. 135—136; Зап. П. Младановича, стр. 90—91.

[3]) Зап. Тучапскаго, стр. 136.

ду и что воспріемниками ихъ были Гонта и Желѣзнякъ. Мальчика Младановича, будущаго мемуариста, Гонта поручилъ безотступному попеченію козака Шило, который его охранялъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, объявляя всѣмъ: „то лядка дитына, дарована житьемъ видъ Гонты“. Когда явились изъ одного изъ окрестныхъ селъ крестьяне, преданные семьѣ Младановичей, онъ приказалъ выдать имъ и позволилъ увести изъ Умани трое спасенныхъ дѣтей. Наконецъ когда страсти успокоились, Гонта приказалъ вывести на улицу всѣхъ, скрывавшихся во время погрома, и каждому поименно объявилъ, что жизни его не угрожаетъ болѣе опасность. Записывая послѣднюю сцену, Младановичъ прибавляетъ, что Гонта случайно замѣтилъ во время разговора лежавшіе на улицѣ трупы убитыхъ дѣтей, страшно поблѣднѣлъ и приказалъ немедленно похоронить ихъ [1]).

Факты, подобные приведеннымъ, разсѣяны въ значительномъ количествѣ въ мемуарахъ и они, независимо отъ воли сообщающихъ ихъ лицъ, возстановляютъ человѣчный образъ ненавистнаго для шляхтичей уманскаго сотника.

Погромъ продолжался два дня, наконецъ страсти улеглись; нужно было приступить къ устройству края и къ продолженію начатыхъ дѣйствій. О дѣятельности Гонты въ теченіи трехъ недѣль, послѣдовавшихъ за взятіемъ Умани, мы имѣемъ только весьма скудные намеки, тѣмъ не менѣе въ нихъ ясно обозначается направленіе къ тому порядку, который стремился осуществить возставшій народъ и его вожди. Послѣ взятія Умани только въ теченіи трехъ недѣль они имѣли возможность свободно распоряжаться въ краѣ; въ это время они приняли мѣры дла того, чтобы распространить движеніе на возможно широкомъ пространствѣ: изъ крестьянъ формировали отряды и разсылали ихъ въ разныя стороны: въ Брацлавщину, на границы Подолія и Полѣсья, съ порученіемъ изгнать или истребить шляхтичей. Въ Умани созвана была рада для выбора войсковой старшины, на ней, по козацкому обычаю, при пушечной и ружейной пальбѣ, провозглашены были: Желѣзнякъ гетманомъ и Гонта уманскимъ полковникомъ; (о другихъ должностныхъ лицахъ

---

[1]) Зап. И. Младановича, стр. 87—100 и 103; Зап. Кребсъ, стр. 22—24.

до насъ не дошли свѣдѣнія [1]). Уманщина раздѣлена была на сотни и въ каждую отправленъ сотникъ, который долженъ былъ регулировать доставку военнаго контингента и завѣдывать сборомъ провіанта и податей, въ этомъ смыслѣ разосланы были по селамъ указы за подписью Гонты [2]). Уніатскимъ священникамъ предписано было или оставить приходы, или присоединиться къ православію, испросивъ у переяславскаго епископа уставныя грамоты и антиминсы [3]). Затѣмъ приступлено было къ очисткѣ города отъ труповъ; часть козацкаго войска заняла въ качествѣ гарнизона Умань, другая выведена была за городъ въ лагерь. Гонта старался поддерживать въ войскѣ бодрость духа и веселіе: онъ раздѣлилъ между козаками богатую добычу, старался о правильномъ снабженіи лагеря провіантомъ и по временамъ устраивалъ пиры съ музыкою и танцами, на которые приглашалъ безъ различія всѣхъ жителей города, въ томъ числѣ и уцѣлѣвшихъ дамъ шляхетскаго сословія [4]). Не смотря на эту дѣятельность, Гонта однако сознавалъ всю трудность прочнаго водворенія козачества; онъ по временамъ былъ безпокоенъ и задумчивъ и говорилъ къ окружавшимъ: „Братья! сомнѣваюсь, пойдетъ-ли въ прокъ начатое дѣло“ [5]).

Дѣйствительно сомнѣнія Гонты оправдались раньше, чѣмъ онъ полагалъ, и гроза наступила съ той стороны, откуда менѣе всего она ожидалась. Русское правительство сочло необходимымъ принять участіе въ водвореніи порядка въ русскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, и снабдило соотвѣтственными инструкціями генерала Кречетникова, осаждавшаго въ то время отрядъ конфедератовъ въ Бердичевѣ. Кречетниковъ отправилъ въ Умань полкъ донскихъ козаковъ подъ начальствомъ полковника Гурьева [6]), съ

---

[1]) Зап. Тучапскаго, стр. 137.

[2]) Зап. Мощинскаго, стр. 145; зап. П. Младановича, стр. 103.

[3]) «Кіевская Старина» I, стр. 528.

[4]) Зап. П. Младановича, стр. 101—102; Зап. Тучапскаго, стр. 137—138.

[5]) Зап. Тучапскаго, стр. 138.

[6]) Польскіе мемуары передаютъ различно фамилію русскаго начальника, разсѣявшаго гайдамаковъ; его называютъ то Кречетниковъ, то Кологривовъ, то Кривой, то Полькинъ и т. д. Имя Гурьева сохранилось только въ Запискахъ Мощинскаго, затѣмъ оно подтверждается оффиціальнымъ рапортомъ Браницкаго королю, отъ 10 іюля. Зап. Мощинскаго, стр. 145. Gumplowicz—Konfederacija Barska, стр. 38.

порученіемъ усмирить возставшихъ крестьянъ и вслѣдъ за Гурьевымъ послалъ туда-же отрядъ пѣхоты. Гурьевъ, прибылъ къ Умани и расположился рядомъ съ лагеремъ Желѣзняка; онъ вступилъ въ пріятельскія отношенія съ предводителями возстанія, посѣщалъ часто Гонту и Желѣзняка, предлагалъ имъ планъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ конфедератовъ, обѣщалъ свою помощь для изгнанія шляхты изъ Волыни и давалъ совѣты относительно устройства войска и введенія правильнаго военнаго порядка. Дружелюбныя отношенія продолжались въ теченіи нѣсколькихъ дней, пока Гурьевъ не былъ извѣщенъ, что въ подкрѣпленіе ему приближается полкъ пѣхоты. Узнавъ объ этомъ, онъ устроилъ пиръ для всего войска и приказалъ донцамъ усердно угощать украинцевъ и въ тоже время незамѣтно овладѣть складомъ ихъ оружія и угнать ихъ лошадей; между тѣмъ подходившая пѣхота окружала цѣпью веселившійся лагерь. Среди этихъ приготовленій Гонта, Желѣзнякъ и другіе козацкіе старшины приглашены были въ палатку Гурьева, откуда, по условію, они должны были отправиться погостить въ домъ Гонты въ Росошки. Вдругъ, Гурьевъ, бесѣдовавшій дружелюбно съ своими посѣтителями, подалъ условный знакъ и въ палатку вошли вооруженные донцы, бросились на старшину и перевязали ее, въ тужe минуту пѣхота сомкнула цѣпь и вмѣстѣ съ донцами бросилась на пировавшихъ козаковъ. ихъ хватали въ расплохъ, вязали, забивали въ кандалы; многіе успѣли бѣжать, другіе пытались защищаться, но были подавлены [1]). Къ утру лагерь украинцевъ уже не существовалъ и 900 плѣнниковъ находилось во власти Гурьева [2]).

Такимъ образомъ исполнено было приказаніе данное Гурьеву. Правительство, отъ котораго оно исходило, руководилось конечно соображеніями высшей политики, болѣе или менѣе просвѣчивающими въ перепискѣ Румянцева съ Панинымъ и коллегіею иностранныхъ

---

[1]) Зап. Липпомана, стр. 42—45; Зап. П. Младановича, стр. 107—111; Зап. Тучапскаго, стр. 141—143; Зап. Кребсъ, стр. 28—30; Зап. Мощинскаго; стр. 145—148.

[2]) Изъ росписки комендапта кіевской крѣпости Лбова, мы знаемъ, что онъ принялъ 68 плѣнниковъ, присланныхъ Гурьевымъ; въ рапортѣ Браницкаго королю показано число плѣнныхъ, переданныхъ Гурьевымъ въ распоряженіе польскихъ властей — 846.

дѣлъ, и имѣло свои основанія принять данный образъ дѣйствія; но въ самыхъ пріемахъ усмиренія возставшихъ крестьянъ не менѣе замѣтны личное настроеніе и точка зрѣнія русскихъ офицеровъ, исполнявшихъ приказанія правительства. Донской полковникъ Гурьевъ и прибывшіе вслѣдъ за усмиреніемъ возстанія въ Умань генералы Кречетниковъ и Подгоричанинъ относятся къ плѣннымъ крестьянамъ и козакамъ съ крайнимъ презрѣніемъ и негодованіемъ и напротивъ заявляютъ весьма нѣжную симпатію къ шляхтичамъ; они какъ будто не сознаютъ, что возставшіе крестьяне связаны съ Россіею узами вѣры и народности, что если возстаніе и было несвоевременно и съ политической точки зрѣнія не желательно для русскаго правительства, то тѣмъ не менѣе оно исходило изъ желанія отстоять свои народныя права, опиралось на симпатію къ Россіи и прикрывалось именемъ императрицы. Русскіе офицеры не обращаютъ вниманія на все это; они видятъ въ возставшихъ лишь бунтующихъ крѣпостныхъ, въ шляхтичахъ—обиженныхъ дворянъ и потому, въ обращеніи съ плѣнными, они лично отъ себя прибавляютъ мѣры строгости и произвольныя наказанія, далеко не вытекавшія изъ служебныхъ обязанностей. Такъ Павелъ Младановичъ, оставившій самыя подробныя свѣдѣнія о первыхъ дняхъ ареста Гонты, съ радостью и похвалою описываетъ подробно дѣйствія Гурьева. Онъ сообщаетъ, что сейчасъ послѣ ареста полковникъ нанесъ собственноручно сильные побои Гонтѣ, а затѣмъ приказалъ передъ своею палаткою отсчитать по 300 ударовъ Гонтѣ, Желѣзняку и остальнымъ плѣннымъ старшинамъ. По словамъ мемуариста, наказаніе этимъ не ограничилось: въ теченіи нѣсколькихъ дней, пока плѣнники не были сданы польскимъ властямъ, Гонта подвергался тѣлесному наказанію по три раза въ сутки; все тѣло его покрыто было язвами, говоритъ съ торжествомъ Младановичъ, и полковникъ провожалъ съѣзжавшуюся въ его лагерь шляхту, къ ямѣ, въ которой содержался Гонта, и указывалъ имъ плѣнника; сверхъ того жена и четыре дочери сотника были арестованы донцами, доставлены въ лагерь, нѣсколько разъ наказаны публично розгами за то, что не донесли объ измѣнѣ мужа и отца, и затѣмъ отправлены въ ссылку; сынъ Гонты спасся бѣгствомъ въ Молдавію, вмѣстѣ съ сотникомъ Уласенкомъ. Движимое имущество Гонты было конфисковано и Младановичъ сѣтуетъ только на то, что Кречетниковъ не выдалъ его потерпѣвшимъ шляхтичамъ, а

присвоилъ себѣ въ качествѣ военной добычи [1]). Мы не имѣемъ возможности провѣрить, насколько Младановичъ преувеличилъ разсказываемые имъ факты, но подтвержденіе общаго колорита ихъ находимъ въ Запискахъ Кребсъ; она сообщаетъ, что генералъ Подгоричанинъ посѣтилъ ее въ селѣ, гдѣ она скрывалась, очень заинтересовался ея участью, перевезъ въ Умань, обезпечилъ ей содержаніе и, уходя въ походъ, со слезами просилъ Кречетникова взять ее подъ свое покровительство. Утѣшая спасенную Гонтою-же дѣвушку, Кречетниковъ привелъ ее, вмѣстѣ съ братомъ, въ палатку, гдѣ она увидѣла Гонту окованнаго по рукамъ и по ногамъ, лежавшаго лицемъ къ землѣ, но одѣтаго еще въ свое форменное платье уманской милиціи. „Кречетниковъ толкнулъ его палкою въ голову, Гонта приподнялся; тогда генералъ, указывая на насъ, сказалъ: посмотри на этихъ несчастныхъ сиротъ! Гонта съ минуту смотрѣлъ на насъ, потомъ отвернулся и крикнулъ: чортъ ихъ бери! и снова уткнулся лбомъ въ землю“ [2]).

Послѣ нѣсколькихъ дней мучительнаго плѣна, Гурьевъ передалъ Гонту, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, уроженцами польской Кіевщины, подъ стражу отряда польскаго войска, и они были препровождены въ главную польскую военную квартиру, находившуюся въ селѣ Сербахъ въ окрестности Могилева на Днѣстрѣ.

Здѣсь плѣнные ожидали суда въ теченія мѣсяца, пока начальникъ польскаго войска сносился съ королемъ и пока установилась точка зрѣнія на предстоящій процессъ [3]). Въ то время главнымъ начальникомъ незначительныхъ военныхъ силъ, которыми Польша располагала въ юго-западномъ краѣ, былъ ловчій коронный Ксаверій Браницкій, личный другъ короля Станислава Понятовскаго; онъ имѣлъ спеціальное порученіе дѣйствовать противъ конфедератовъ; съ этою цѣлью онъ расположилъ свои небольшія силы вдоль по теченію Днѣстра, для того, чтобы пресѣчь сношенія конфедератовъ съ Молдавіею, гдѣ находились въ то время конфедератскіе па-

---

[1]) Зап. Павла Младановича, стр. 111—114.

[2]) Зап. Кребсъ, стр. 27—28.

[3]) Gumplowicz — Konfederacija Barska. Стр. 38, 68. Браницкій извѣщаетъ короля 10 іюля о присылкѣ Гурьевымъ плѣнныхъ и только 13 августа присылаетъ рапортъ объ ихъ казни.

чальники и резервы, и куда укрывались партіи конфедератовъ послѣ каждаго пораженія. Былъ-ли Браницкій исключительно занятъ своимъ дѣломъ, или считалъ свои силы слишкомъ слабыми, или, можетъ быть, полагалъ, что крестьянское возстаніе, грозное для конфедератовъ, случилось на руку для польскаго правительства, во всякомъ случаѣ онъ не тронулся съ мѣста при вѣсти о народномъ возстаніи и не принялъ никакихъ мѣръ для его подавленія. Между тѣмъ теперь, совершенно противъ воли, ему пришлось стать судьею плѣнныхъ крестьянъ. Какъ видно изъ дошедшей до насъ переписки Браницкаго съ королемъ, онъ былъ человѣкъ для своего времени либеральный и гуманный, не раздѣлялъ фанатическихъ и эксклюзивныхъ воззрѣній шляхты и, по врожденной мягкости нрава, чувствовалъ отвращеніе отъ жестокой расправы. Роль уголовнаго военнаго судьи претила ему и онъ старается смягчить ее, по мимо напора общественнаго шляхетскаго мнѣнія. Въ письмѣ къ королю отъ 10 іюля, извѣщая о присланныхъ плѣнникахъ, онъ высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ свои взгляды и свое положеніе въ этомъ дѣлѣ: „Здѣсь господствуетъ всеобщая радость: окрестные помѣщики и евреи постоянно меня осаждаютъ, совѣтуютъ четвертовать, жечь, сажать на колъ, вѣшать безъ милосердія, только и слышу: „казни! распни"! Я объясняю, что только часть виновныхъ прикажу казнить, остальныхъ-же отправлю для крѣпостныхъ работъ и для устройства мостовыхъ въ городахъ; но они продолжаютъ настаивать. Въ другое время я не сталъ-бы ихъ и слушать, но теперь я долженъ дѣлать уступки, ибо слышатся уже намеки, будто весь бунтъ произошелъ по нашему наущенію; тѣ лица, которыя бѣжали толпами за границу при появленіи двухъ-трехъ гайдамаковъ, теперь, видя ихъ въ плѣну, проявляютъ неимовѣрное рвеніе и мужество и добиваются чести быть палачами: совѣтуютъ мнѣ, по примѣру Потоцкаго [1]), перерѣзать поголовно, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, тѣ села, которыя были причастны къ бунту; напрасно я поставляю имъ на видъ, что въ слабо населенной области нельзя истреблять населенія... Я намѣренъ поступить такъ: нѣкоторыхъ гайдамаковъ прикажу казнить для удовольствія господъ помѣ-

[1]) Это упоминаніе относится къ гетману Іосифу Потоцкому, усмирившему крестьянскій бунтъ въ Брацлавщинѣ въ 1702 году.

щиковъ, остальныхъ-же (а ихъ наберется болѣе тысячи) отправлю для исполненія крѣпостныхъ и городскихъ работъ въ Каменецъ, Львовъ и вашей королевской милости въ Уяздовъ [1]). Король одобрилъ въ принципѣ человѣколюбивый взглядъ Браницкаго, но замѣтилъ, что онъ не имѣетъ ни войска для охраны многочисленныхъ плѣнниковъ, ни денегъ для ихъ прокормленія, затѣмъ обѣщалъ постараться добыть средства. Понуждаемый новыми письмами Браницкаго, онъ наконецъ отвѣтилъ: „мысль объ обращеніи плѣнныхъ хлоповъ къ исполненію работъ общественныхъ и моихъ частныхъ прекрасна, но возможна при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, не теперь ... если вамъ впредь будутъ попадаться плѣнники изъ бунтующихъ крестьянъ, то прикажите одному изъ десяти отрубить по одной ногѣ и по одной рукѣ и всѣхъ выпускайте. Эта мѣра устрашитъ ихъ болѣе, чѣмъ смертная казнь; въ доказательство ея пользы есть примѣры въ прошедшемъ“ [2]).

Такимъ образомъ рѣшена была участь плѣнныхъ. Браницкій, уступая общественному мнѣнію шляхтичей и не находя поддержки у короля, назначилъ военносудную коммисію; послѣдняя опредѣлила 700 человѣкъ повѣсить въ различныхъ селахъ и городахъ юго-западнаго края; предводители-же подверглись „для примѣра, жесточайшей казни“, по выраженію Браницкаго; послѣдній все таки помиловалъ нѣсколько сотъ человѣкъ, отправивъ ихъ на работы въ каменецкую и львовскую крѣпости. „Пусть доброта вашей королевской милости извинитъ мнѣ это ослушаніе его воли, пишетъ онъ въ рапортѣ отъ 13 августа, но я не могу вынести мысли о томъ, чтобы казнить смертью столько людей изъ за того только, что намъ нечѣмъ прокормить ихъ“ [3]).

Въ числѣ начальниковъ, казненныхъ „жесточайшимъ образомъ для примѣра“, конечно, первое мѣсто занималъ Гонта. Приговоръ коммисіи присудилъ его къ слѣдующему роду смерти: казнь должна продолжаться 14 дней; въ теченіи первыхъ десяти палачъ долженъ ежедневно снять съ его спины полосу кожи, въ 11-й день отрубить

---

[1]) Gumplowicz, стр. 38—39. Уяздовъ—вилла въ окрестности Варшавы, гдѣ король тогда строилъ дворецъ и заводилъ паркъ.

[2]) Ibid. стр. 41—42, 49—50, 58 и 74.

[3]) Ibid. стр. 68.

обѣ ноги, въ 12-й обѣ руки, въ 13-й вырвать сердце и наконецъ въ 14-й отрубить голову. Затѣмъ части его тѣла должны быть прибиты къ висѣлицамъ, воздвигнутымъ въ 14 городахъ Украйны [1]). Браницкій смягчилъ этотъ приговоръ тѣмъ, что приказалъ обезглавить Гонту на третій день и продолжать исполненіе дальнѣйшей казни на трупѣ. Затѣмъ, не будучи въ состояніи выносить этого зрѣлища, онъ уѣхалъ изъ лагеря въ Каменецъ, откуда и послалъ рапортъ королю [2]).

О послѣднихъ минутахъ Гонты осталось нѣсколько характеристическихъ разсказовъ. Младановичъ сообщаетъ, что Браницкій дозволилъ нѣсколькимъ духовнымъ лицамъ напутствовать его передъ смертью [3]). Тучапскій говоритъ, что „Гонта перенесъ справедливую казнь съ полною рѣшимостью и приготовился къ ней надлежащимъ образомъ“ [4]). Охоцкій, со словъ очевидцевъ, описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Гонта вышелъ на мѣсто казни съ лицемъ веселымъ и спокойнымъ, будто онъ шелъ къ куму на крестины. Палачь оторвалъ ему полосу кожи, кровь брызнула, но лице гайдамаки не измѣнилось; оторвали другую полосу кожи, тогда Гонта сказалъ зрителямъ: „Отъ говорили, що буде болиты,—а ни крихты не болить!“ Удивительная сила воли!- въ другомъ положеніи человѣкъ этотъ несомнѣнно могъ-бы совершить великія дѣла“ [5]). Наконецъ неизвѣстный шляхтичъ, частью записокъ котораго мы пользуемся въ рукописи, передаетъ со словъ офицера, присутствовавшаго при казни, слѣдующую черту, свидѣтельствующую о томъ, что самообладаніе и даже юморъ не оставили Гонту до послѣдней минуты: „Плѣнника сторожилъ по ночамъ одинъ изъ товарищей панцырной хоругви. Послѣ прочтенія приговора, на канунѣ казни, товарищъ этотъ, подозрѣвавшій, что Гонта припряталъ кое-что изъ добычи, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Панъ полковникъ! завтра

[1]) По свидѣтельству Младановича много лѣтъ спустя виднѣлся еще черепъ Гонты, прибитый къ висѣлицѣ у города Могилева, стр. 115.

[2]) Зап. П. Младановича, стр. 115; Зап. Тучапскаго, стр. 145; Зап. Кребсъ, стр. 31; Зап. Мощинскаго, стр. 149. Рукописныя записки анонима.

[3]) Зап. П. Младановича, стр. 115.

[4]) Зап. Тучапскаго, стр. 145.

[5]) Зап. Охоцкаго, т. I, стр. 108.

все земное будетъ кончено для васъ; не найдете-ли возможнымъ оставить что-либо на память не богатому воину, который проводитъ съ вами послѣднія минуты?" — „Охотно, отвѣчалъ Гонта, напомните мнѣ завтра, я вамъ подарю поясъ". Товарищъ всю ночь мечталъ о богатомъ поясѣ изъ златоглава и на другой день, лишь только Гонту вывели изъ темницы, онъ обратился къ нему: „панъ полковникъ! позвольте вамъ напомнить обѣщанный поясъ!" — „Я не забылъ, отвѣтилъ Гонта съ презрительною улыбкою, — первая полоса кожи [1]), которую снимутъ съ меня, пусть служитъ вамъ поясомъ!"

Полагаемъ, что такое полное хладнокровіе и самообладаніе въ виду мучительной варварской казни могъ сохранить только человѣкъ глубоко убѣжденный въ правотѣ своего дѣла и въ чистотѣ руководившихъ имъ принциповъ и побужденій. Судя по намекамъ мемуаристовъ, такое-же представленіе о Гонтѣ присуще было всему народу. Младановичъ утверждаетъ, что послѣ казни Гонты многіе друзья его въ Уманщинѣ кончили жизнь въ отчаяніи самоубійствомъ [2]). Имя его долго хранилось въ памяти народа и служило символомъ освобожденія изъ панской неволи; и на Волыни въ 1789 году и въ Уманщинѣ въ 1826 г., когда между крестьянами зараждались неосновательные слухи объ изгнаніи пановъ, въ числѣ ихъ появлялось неизмѣнно извѣстіе о томъ, будто руководителемъ движенія будетъ сынъ Гонты, скрывающійся гдѣ-то „на Волощинѣ".

В. Антоновичъ.

---

[1]) По польски *pas* означаетъ и *поясъ* и *полоса кожи*.

[2]) Зап. Младановича, стр. 116.

Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ.

(Рѣчь, читанная на актѣ въ коллегіи П. Галагана 1-го октября 1882 г.).

Языкъ всегда привлекалъ вниманіе мыслящаго человѣка своимъ загадочнымъ, чудеснымъ устройствомъ. Не чудесно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ посредствомъ разнообразныхъ комбинацій немногихъ звуковъ называетъ тысячи предметовъ, которые видитъ вокругъ себя, разсказываетъ объ ихъ свойствахъ, движеніи и перемѣнахъ и даже сообщаетъ другимъ то, что самъ думаетъ и чувствуетъ, при чемъ другіе понимаютъ его? Какая чудесная сила скрыта въ этихъ звуковыхъ знакахъ? Какъ появились эти знаки, которые мы называемъ словомъ? Что такое человѣческое слово?

Я не хочу утомлять васъ теоретическимъ разъясненіемъ этихъ вопросовъ. Не мѣсто и не время здѣсь заниматься предметомъ, о которомъ легко говорить языкомъ учебника, но не легко мыслить безъ колебаній и сомнѣній въ виду разныхъ теорій о происхожденіи и сущности человѣческаго слова. Я имѣю въ виду обратить вниманіе ваше на ту сторону поставленныхъ мною вопросовъ, которая имѣетъ прямое отношеніе къ русской школѣ и къ живому орудію ея—русскому слову. Оно звучало нѣкогда въ устахъ нашихъ предковъ, обнимая все содержаніе ихъ жизни, которая давно уже спитъ вѣчнымъ сномъ въ степныхъ курганахъ, на городскихъ и сельскихъ кладбищахъ. Но звучитъ оно и теперь въ нашихъ устахъ, давая намъ возможность вступать въ живое общеніе съ людьми, давно уже сошедшими съ земнаго поприща. Оно переходитъ по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію, не позволяя заглохнуть нашему историческому самосознанію или, говоря языкомъ

Слова о полку Игоревѣ, „свивая славы оба полы сего времени". Дорогое это наслѣдство, завѣщанное намъ предками нашими.

Какъ-же они смотрѣли на свое собственное слово? Какъ они понимали тотъ русскій языкъ, съ которымъ связаны для насъ родныя преданія старины глубокой?

Думаю, что эти вопросы не лишены живаго интереса, поэтому я избралъ предметомъ моего чтенія—старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ.

Въ давнее время человѣкъ видѣлъ въ словѣ вѣщую силу, которая его устами возвѣщала ему тайны жизни. Слово—не простой знакъ мысли, ибо въ звукахъ его живетъ невѣдомая сила, утоляющая печали сердца, избавляющая отъ напастей, исцѣляющая отъ недуговъ,—сила не всегда благодѣтельная, но иногда пагубная, разрушительная. Донынѣ еще не исчезла въ народѣ вѣра въ чарующее вліяніе слова, вѣра въ заклятія и заговоры.

Но и животныя произносятъ разные звуки, и у нихъ есть потребность выразить въ звукахъ то, что они чувствуютъ и чего желаютъ. Отсюда возникло представленіе о языкѣ животныхъ, въ которомъ живетъ та-же вѣщая сила, что и въ человѣческомъ словѣ. По народному міровоззрѣнію, есть вѣщіе люди, которые понимаютъ этотъ языкъ. Понятенъ онъ бываетъ и простымъ смертнымъ тогда, когда животныя произносятъ человѣческое слово. И не только животныя, даже деревья говорятъ иногда, какъ люди. На этомъ представленіи основано множество прекрасныхъ поэтическихъ образовъ, созданныхъ народною фантазіей. Я напомню вамъ одинъ изъ этихъ образовъ молодой женщины, превращенной злою свекровью въ рябину. Ходилъ добрый молодецъ на охоту и ничего не нашелъ, кромѣ рябинушки, что безъ вѣтру мается, безъ вихру къ землѣ клонится. Пришелъ онъ домой и разсказываетъ объ этомъ своей матери. „Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда", отвѣчаетъ ему мать, „ты руби, сынъ, рябинушку кудрявую". „Ужъ я разъ ударилъ", говоритъ добрый молодецъ, „руда (кровь) пошла, другой ударилъ, она охнула, ужъ я въ третій разъ ударилъ, слово молвила: не рябинушку рубишь ты, а свою жену".[1]).

---

[1]) Народныя рус. пѣсни Якушкина, стр. 122.

Таковы самыя давнія воззрѣнія на языкъ, не выдѣляющія человѣка изъ общей жизни природы. Они были свойственны предкамъ предковъ нашихъ задолго до того времени, когда они назвали землю свою русскою землею и языкъ свой русскимъ языкомъ. Это было сравнительно позднее время, когда явилась уже потребность рѣшить вопросъ: „откуду есть пошла русская земля". Это была эпоха составленія начальной нашей лѣтописи, въ которой слово *языкъ* часто употребляется, какъ синонимъ слова *народъ*: „словенску языку живущю на Дунаи", говоритъ лѣтописецъ, „придоша болгаре"... Такое-же значеніе иногда имѣетъ и слово *земля*: „се ведеть на ны (Изяславъ) *землю* лядьскую"... „И приѣха вся *земля* половецкая"[1])... Понятіе о языкѣ еще не рѣзко выдѣлилось изъ понятія о говорящихъ извѣстнымъ языкомъ и живущихъ на извѣстной землѣ.

Что-же такое былъ въ сознаніи людей того времени русскій языкъ?

„А словѣнескъ языкъ и руский одинъ", говоритъ лѣтописецъ, „отъ варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе быша словѣне, аще и поляне звахуся, но словѣньская рѣчь бѣ, поляни же прозвахуся, зане въ полѣ сѣдяху, языкъ словѣньский бѣ имъ единъ"[2]).

Теперь уже никто не раздѣляетъ мнѣнія лѣтописца о единствѣ языковъ славянскаго и русскаго въ его время. Самый языкъ начальной лѣтописи можно назвать церковно-славянскимъ только по намѣренію, а не по исполненію. Въ немъ сквозь церковно-славянскую основу ярко выступаютъ особенности древне-русскаго языка и въ звукахъ, и въ формахъ словъ, и въ построеніи рѣчи. Правда, начальная лѣтопись дошла до насъ въ спискахъ сравнительно позднихъ (XIV—XV в.); но и въ письменныхъ памятникахъ, современныхъ составителю начальнаго свода, легко распознать цѣлый рядъ признаковъ собственно языка русскаго. Тѣмъ не менѣе, лѣтописецъ съ особенною настойчивостію утверждаетъ, что „словѣнескъ языкъ и руский бѣ одинъ".

Таково было убѣжденіе книжныхъ людей кіевской Руси. Смотрѣли они на языкъ съ точки зрѣнія практической. Для нихъ было довольно того, что церковно-славянскій языкъ болѣе или менѣе

---

[1]) Ипатскій списокъ, 122.
[2]) Ibidem. 16.

понятенъ былъ всѣмъ племенамъ славянскимъ, которыя „прозвашася Русью... а первѣе быша словѣне... тѣмъ-же и грамота прозвася словѣньская". Нужно было такъ или иначе приладиться къ этой грамотѣ, на которой возвѣщены были великія идеи христіанства. Нужно было привыкнуть къ „ученію книжному", чтобы разстаться со всѣми привычками и понятіями язычества, которое, какъ извѣстно, не было формулировано и скрѣплено письменностію. Въ тотъ вѣкъ книжнымъ человѣкомъ назывался добрый христіанинъ, устроившій жизнь свою по новому христіанскому идеалу. Это была жизнь уединенная, подвижническая, монастырская, поэтому въ монастыряхъ книжность была предметомъ особенной заботы и почтенія. Сохранилось извѣстіе о томъ, что въ печерскомъ монастырѣ монахъ Иларіонъ день и ночь переписывалъ книги, другой монахъ Никонъ переплеталъ ихъ, а самъ игуменъ Ѳеодосій плелъ веревки для переплета книгъ. Это были новые „христіанскіе люди", которые не могли не сознавать, что христіанству они обязаны готовымъ запасомъ свѣдѣній о разныхъ странахъ и народахъ, о разныхъ новыхъ формахъ и порядкахъ общежитія. Они видѣли въ христіанствѣ не только путь ко спасенію, но и путь къ просвѣщенію, которое въ тотъ вѣкъ возможно было только на языкѣ славянскомъ. Вотъ почему славянскій языкъ былъ для нихъ символомъ идей, высоко стоявшихъ надъ мелкими интересами ежедневной жизни, а также залогомъ нравственнаго союза между людьми, духовнаго братства между разрозненными племенами славяно-русскими. Отсюда стремленіе выставить на видъ родовое единство этихъ племенъ. Отсюда равнодушіе къ діалектическимъ особенностямъ языка русскаго. Они казались тогда мелочью, о которой не стоитъ говорить.

Нужно замѣтить при этомъ, что и русскій языкъ въ то отдаленное время далеко не былъ чуждъ многихъ особенностей церковно-славянскаго языка, нынѣ утраченныхъ. И теперь еще въ народныхъ русскихъ нарѣчіяхъ сохранились нѣкоторыя древне-русскія черты, напоминающія церковно-славянскій языкъ и позабытыя литературнымъ русскимъ языкомъ. Поэтому древне-русскій писатель во многихъ церковно-славянскихъ формахъ слова узнавалъ свои собственныя и вносилъ ихъ въ свою письменную рѣчь рядомъ съ церковно-славянскими и собственно русскими. Такъ образовался древне-русскій письменный языкъ, въ которомъ церковно-славянскія стихіи рѣчи

выступаютъ не вездѣ съ одинаковою рѣзкостію. Онѣ господствуютъ преимущественно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о возвышенныхъ предметахъ вѣры и благочестія, и ослабѣваютъ по мѣрѣ того, какъ она спускается къ явленіямъ обыденной жизни. Часто въ этихъ случаяхъ струя народной рѣчи незамѣтно сливается съ славяно-русскою,—иногда-же она льется вольнымъ потокомъ по книжному руслу, которое образовалось подъ вліяніемъ привычки къ славянской грамотѣ. Многія страницы лѣтописей блещутъ красотой литературнаго стиля, въ которомъ народный колоритъ рѣчи оттѣняется съ особенною выразительностію именно потому, что онъ поставленъ въ соразмѣрныя отношенія къ пріемамъ книжнаго изложенія. Я уже не говорю о Словѣ о полку Игоревѣ, въ которомъ эти пріемы, выработанные литературной практикой, не погасили вдохновенія поэта, создавшаго изъ народныхъ красокъ чудную поэтическую картину древне-русской жизни. Правду сказалъ лѣтописецъ: „велика полза бываеть отъ ученія книжнаго!"

Въ XIII в. кіевская Русь пала подъ ударами татаръ. Въ первой половинѣ XIV в. она вошла въ составъ литовскаго государства. Такъ прожила она подъ чужимъ именемъ весь XV и первую половину XVI в. Мы не будемъ останавливаться на этомъ глухомъ времени, въ которое зрѣли силы, выступившія позже—въ козацкій періодъ южно-русской исторіи. Замѣтимъ только, что старыя преданія кіевской культуры сохранились и въ новой бытовой и общественной обстановкѣ литовской Руси. Въ ней господствовала та-же вѣра, тотъ-же языкъ. Высшія сословія не чужды были автономическихъ стремленій, а въ народѣ не угасалъ старый духъ вѣчевой свободы. Недоставало только новыхъ просвѣтительныхъ вліяній, которыя могли-бы оплодотворить задатки старой культуры и выразиться въ литературной формѣ.

Съ двадцатыхъ годовъ XVI в. въ умственной жизни юго-западной Руси мы видимъ цѣлый рядъ явленій, которыя были плодомъ европейскаго движенія, поднятаго протестантствомъ. По слѣдамъ протестантства шло социніанское движеніе. Оно не ограничивалось критикой внѣшнихъ порядковъ католической церкви, какъ протестантство, но стремилось поколебать самыя основы христіанскаго вѣроученія. На Волыни и въ Украинѣ социніане свили себѣ прочныя гнѣзда, изъ которыхъ распространяли свое ученіе преиму-

щественно въ средѣ южно-русскаго дворянства. Они шли къ своей цѣли путемъ просвѣщенія, устраивая собственныя школы, путемъ печати, заводя собственныя типографіи, путемъ гласнаго обсужденія религіозныхъ мнѣній, созывая соборы и принимая живое участіе въ публичныхъ диспутахъ. Между тѣмъ для защиты католичества въ 1564 г. вызваны были въ Польшу іезуиты. Скоро распространились они по всей юго-западной Руси, дѣйствуя такъ-же путемъ школы, печати и публичной проповѣди. Нужно было за то-же оружіе взяться и православнымъ, чтобы въ общемъ броженіи религіозныхъ ученій не потерять вѣру отцевъ своихъ. Нужно было подумать о просвѣщеніи народа, чтобы выступить съ равными силами на защиту праотеческой вѣры, которая входила въ самое существо народной жизни и была, такъ сказать, хранилищемъ народнаго духа. Но какъ двинуть дѣло просвѣщенія, чтобы оно не поколебало самой этой вѣры, которая до сихъ поръ имѣла свою защиту главнымъ образомъ въ охранительномъ настроеніи народныхъ массъ? Это, въ самомъ дѣлѣ, былъ не легкій вопросъ для тѣхъ людей, которые, не желая разрывать связи съ народомъ, оставались вѣрны древнему „благочестію" и въ то-же время, не желая отставать отъ идей вѣка, увлекались просвѣщеніемъ, возникшимъ на чужой, неправославной почвѣ. Они дѣлали нерѣшительные шаги въ разныхъ направленіяхъ. Одно изъ этихъ направленій выразилось въ цѣломъ рядѣ опытовъ перевода книгъ священнаго писанія, преимущественно Новаго Завѣта, на языкъ народный. Еще задолго до появленія социніанства въ литовской Руси явилась Библія Скорины „людемъ посполитымъ *русскаго языка* къ пожитку". Докторъ Скорина былъ уроженецъ г. Полоцка и подъ русскимъ языкомъ разумѣлъ главнымъ образомъ бѣлорусскую рѣчь. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVI в. въ пересопницкомъ монастырѣ на Волыни трудились надъ переводомъ Евангелія „изъ ѧзыка блъгарского на *мовоу рѹскѹю*" архимандритъ Григорій и какой-то Михаилъ, сынъ протопопа Саноцкаго. Пересопницкіе переводчики внесли въ свой трудъ южно-русскую фразеологію въ такомъ изобиліи, что изъ нея одной можно было-бы выбрать богатый матеріалъ для южно-русской грамматики XVI в. Въ прошломъ году въ кіево-михайловскомъ монастырѣ открытъ переводъ всего Новаго Завѣта, составленный Валентиномъ Невгалевскимъ въ 1581 г. на Волыни, въ

с. Хоропковѣ. Переводъ сдѣланъ въ духѣ социніанства „съ полского языка на *речь рускую*“ и предназначенъ для тѣхъ людей, „которые писма полского читати не умѣютъ, а языка словенского читаючи, писмомъ рускимъ выкладу зъ словъ его не розумѣютъ“ [1]. Кромѣ того, есть и другіе рукописные переводы Евангелія на малорусское нарѣчіе, которые до настоящаго времени совсѣмъ не описаны: одно изъ нихъ хранится въ виленской публичной библіотекѣ, другое—въ московскомъ румянцевскомъ музеѣ, третье 1571 г. принадлежитъ частному лицу въ Житомірѣ. Есть даже печатное малорусское Евангеліе XVI в. съ параллельнымъ славянскимъ текстомъ, такъ называемое, тяпинское, тоже до сихъ поръ не описанное.

Въ какомъ отношеніи стоятъ эти памятники другъ къ другу? Что побуждало позднѣйшихъ переводчиковъ браться за трудъ—неудовлетворительность прежнихъ переводовъ или-же незнакомство съ ними? Какого типа были славянскіе подлинники, которыми пользовались переводчики? Въ чемъ заключается относительное достоинство переводовъ со стороны языка? Какое мѣсто занимаетъ этотъ языкъ въ исторіи малорусскаго народа?

Все это вопросы, еще не рѣшенные въ наукѣ. Судя по языку пересопницкаго Евангелія, можно сказать только, что въ XVI в. народная рѣчь рѣзко выступила съ такими особенностями, которыя едва мелькаютъ въ письменныхъ памятникахъ древне-русскаго языка. По преданію, письмо осталось церковно-славянское позднѣйшей, южно-славянской редакціи. Удержаны въ переводѣ даже многія формы словъ и обороты рѣчи церковно-славянскіе, вѣроятно, въ томъ предположеніи, что они сами по себѣ понятны читателю. Тѣмъ не менѣе эта церковно-славянская видимость выражаетъ уже „*мову рускую*“, въ которой сохранились многія черты древне-русской рѣчи, свойственныя и церковно-славянскому языку, но уже видоизмѣненныя и переработанныя въ духѣ южно-русской фонетики. Мы видимъ предъ собою старинное зданіе, въ которомъ живутъ новые люди, съ новыми задачами жизни, съ новыми потребностями и вкусами. Не такъ говорятъ эти люди, какъ говорили въ старину, что „языкъ словѣнескъ и рускый одинъ“. Напротивъ того,

---

[1]) «Кіевск. Старина», 1882 г. май, стр. 200.

они трудятся „людемъ посполитымъ руского языка къ пожитку“— въ виду того, что эти люди „языка словенского не розумѣютъ“. Такимъ образомъ идея русскаго языка въ его отдѣльности отъ церковно-славянскаго еще въ XVI в. сознана была южно-русскими писателями.

Между тѣмъ религіозныя столкновенія становились острѣе и больнѣе, особенно послѣ брестскаго собора (1596 г.), на которомъ провозглашена была церковная унія. Представители старинныхъ русскихъ родовъ становились въ ряды католиковъ, принимая вмѣстѣ съ католической вѣрой языкъ и имя польское. Трудно было защитникамъ православія ожидать помощи и отъ союзниковъ своихъ по положенію—протестантовъ и социніанъ, которые, поддерживая православныхъ въ борьбѣ съ католиками, сами однако-же стремились увеличить свои силы на счетъ православныхъ. Католики въ свою очередь упрекали православныхъ за то, что они не отказывались отъ союза съ открытыми еретиками-социніанами. Тогда раздался суровый голосъ ревнителей православія, отрицавшихъ всякую возможность соглашенія между наукой и вѣрой. „Егда есте на латинскую и мірскую мудрость ся полакомили“, говоритъ Іоаннъ Вишенскій въ концѣ XVI в., „тогда есте и благочестіе стратили, въ вѣрѣ онемощили и поболѣли, и ереси породили... Овъ бо зовется напежникъ, овъ зась нынѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста, овъ зась недавно выкрещеный, овъ зась суботникъ... Чи не лѣпше тобѣ изучити часословецъ, псалтырь, октоихъ, апостолъ и евангеліе... и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся звати и въ геену отъити?“ [1]) Нападая на мірскую мудрость, Іоаннъ Вишенскій не могъ благосклонно смотрѣть и на самое орудіе распространенія ея— языки латинскій и греческій. „Да знаете“, говоритъ онъ, „яко словенскій языкъ предъ Богомъ честнѣйшій есть и отъ еллинскаго и латинскаго“. Поэтому „книги церковные всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте... Евангелія и Апостола въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи-же, для вырозумѣнья людского, попросту толкуйте и выкладайте“ [2]). Такъ-то силою со-

[1]) Акты южной и запад. Россіи, стр 210, 220.
[2]) Ibid. 210.

бытій „простой“, т. е. народный языкъ снова отодвинутъ былъ на задній планъ. Не до того было, чтобы воздѣлывать его литературнымъ образомъ. Время не ждало. Для борьбы съ разновѣрцами казалось необходимымъ выступить во всеоружіи языка священныхъ книгъ, который, по мнѣнію Іоанна Вишенскаго, „есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимійшій, понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть кграматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, простымъ прилѣжнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводитъ“ [1]).

Въ этихъ словахъ слышится сила убѣжденія, опиравшагося на народное міровоззрѣніе. Въ теченіе многихъ вѣковъ народъ привыкъ видѣть въ славянскомъ словѣ не простое, грѣшное слово, предназначенное для ежедневнаго употребленія, а священное слово вѣры, неразрывно связанное съ самою сущностію ея. Въ сознаніи большинства идея церковнаго языка смѣшивалась съ идеей вѣры, а та и другая—съ идеей народной самобытности. Но само собою разумѣется, что „простаго, прилѣжнаго читанія“ славянскихъ книгъ было вовсе недостаточно для того, чтобы выдержать борьбу съ людьми, вооруженными школой и наукой. Дѣло въ томъ, что славянскій языкъ въ XVI в. извѣстенъ былъ грамотнымъ людямъ южной Руси по рукописямъ позднѣйшихъ редакцій, преимущественно среднеболгарской и сербской, съ примѣсью русскихъ особенностей въ правописаніи. Цѣлыми вѣками накоплялись у разныхъ славянскихъ народовъ черты новаго церковно-славянскаго письма, подъ которыми скрывались наслоенія отъ разныхъ славянскихъ нарѣчій. Нужно было устранить разночтенія и искаженія въ самомъ текстѣ церковныхъ книгъ, чтобы надлежащимъ образомъ понимать ихъ. Поэтому нельзя было обойтись безъ грамматическаго знанія, которое въ то время можно было получить только у иновѣрцевъ. Отсюда глубоко сознанная потребность въ собственныхъ школахъ, которыя могли-бы состязаться въ научномъ достоинствѣ съ польскими школами, и въ то-же время могли-бы служить опорой для защиты народной вѣры. Такъ появилась прежде всего школа въ Острогѣ, основанная кн. К. Острожскимъ въ 1580 г. Затѣмъ братства львовское, виленское,

---

[1]) Ibid. 210.

кіевское одно за другимъ начали открывать свои школы. Онѣ носили въ свое время названіе „латинскихъ“ школъ, такъ какъ самое преподаваніе въ нихъ шло на латинскомъ языкѣ, который былъ обязателенъ для учащихся даже въ разговорной рѣчи. Самая знаменитая изъ нихъ—кіевская школа, названная въ честь Петра Могилы могилянскимъ коллегіумомъ и переименованная при Петрѣ Великомъ въ академію.

Я не стану входить въ подробности о томъ, чему и какъ учили въ этихъ школахъ. Извѣстно, что въ нихъ водворилась схоластическая наука съ ея тяжелымъ формализмомъ, развивавшимъ разсудочныя силы въ ущербъ положительному знанію. Можно многое сказать противъ ея односторонняго направленія, но все-же это была методическая сила, которая могла служить точкой опоры для изученія дѣйствительности. Плодомъ этой науки была цѣлая литература, которая такъ или иначе должна была отзываться на текущіе вопросы жизни, на ея тревоги и невзгоды. Нельзя сказать, чтобы она входила въ самое существо народныхъ идеаловъ и выражала ихъ всегда понятнымъ для народа языкомъ; но было-бы несправедливо отрицать всякую связь ея съ народнымъ міровоззрѣніемъ. Нужно только искать этой связи въ устныхъ произведеніяхъ народнаго поэтическаго творчества, а не въ однихъ письменныхъ памятникахъ. Что касается до языка этихъ памятниковъ, то коренной недостатокъ его заключается въ отсутствіи индивидуальной силы. Это, можно сказать, языкъ, сложенный изъ разныхъ матеріаловъ—древнихъ и новыхъ, своихъ и чужихъ. Прежде всего бросается въ глаза яркая примѣсь въ немъ словъ латинскихъ и особенно польскихъ. Тѣ и другія вплетены въ церковно-славянскую рѣчь, которая, согласно съ древне-русскимъ преданіемъ и новыми потребностями религіозной мысли, положена была въ основу книжнаго языка. Нужно сказать, что въ самомъ началѣ XVII в. (1619 г.) явилась славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, которая положила конецъ синкретическому направленію славянской письменности и возвела русскую редакцію ея на степень установившейся нормы. Тѣмъ не менѣе церковно-славянская рѣчь и послѣ того оставалась трудною и невразумительною для непривычнаго читателя. Чтобы облегчить пониманіе ея, тогда-же (1627 г.) „мужъ побожный, Памво Берында“, составилъ свой „лексиконъ славенорос-

скій“ „ку пожитку любомудрымъ, найбарзей спудеомъ“. Въ этомъ трудѣ онъ изъ многихъ языковъ „и власнаго нашего словенскаго“ множество словъ „згромадивши, нашимъ языкомъ рускимъ объяснилъ“ [1]). Собственно говоря, эти объясненія написаны тоже языкомъ книжнымъ, не свободнымъ отъ польскаго вліянія, но въ этомъ языкѣ замѣтны уже ясно сознанныя стихіи народной рѣчи, которая выступаетъ особенно ярко на многихъ страницахъ южно-русскихъ лѣтописей и въ нѣкоторыхъ драматическихъ произведеніяхъ XVIII в.

Теперь обратимся къ сѣверной Руси.

Здѣсь очень рано сознана была надобность въ переводѣ иноязычныхъ словъ на русскій языкъ. Такъ, въ новгородскомъ спискѣ Кормчей 1282 г. помѣщено объясненіе 174 еврейскихъ словъ подъ заглавіемъ: „Рѣчь жидовскаго языка преложена на роускую“. Въ этотъ списокъ позднѣйшіе переписчики вносили новый матеріалъ, такъ что ко времени другаго новгородскаго словаря, сохранившагося въ рукописи 1431 г. (при книгѣ Іоанна Лѣствичника), число словъ увеличилось до 350. Тѣмъ и другимъ матеріаломъ отчасти воспользовался П. Берында, но главнымъ источникомъ его былъ „Лексисъ“ Лаврентія-Зизанія Тустановскаго, приложенный къ его грамматикѣ 1596 г. Въ „Лексисъ“ вошло уже 1061 слово: онъ былъ извѣстенъ и составителямъ такъ-называемыхъ Азбуковниковъ или Алфавитовъ, которые начали появляться во второй половинѣ XVI в.

Это было переходное время въ сѣверной Руси, время тяжелой и страстной борьбы мнѣній. Тотчасъ послѣ усмиренія еретиковъ обнаружилось въ торжествовавшей правительственной партіи стремленіе подвести итоги прошлому и освятить новые порядки жизни старыми преданіями. „Прежніе обычаи поизшаталися“, говоритъ Іоаннъ Грозный отцамъ стоглаваго собора. Онъ указывалъ на отступленіе отъ церковнаго устава, на порчу священныхъ книгъ и иконъ, на пороки и суевѣріе въ народѣ и даже въ духовенствѣ, на небрежное ученіе грамотѣ. На соборѣ рѣшено было завести училища для обученія церковному пѣнію и чтенію. Такимъ образомъ, сознана была польза ученія, но оно ограничено было церковными нуждами. А между

[1]) Предисл. къ Лексикону Берынды, по изданію 1653 г.

тѣмъ отовсюду слышался голосъ нарождавшихся новыхъ потребностей мысли, которыхъ не могла удовлетворить домашняя наука. Разными окольными путями проникали и въ сѣверную Русь западныя идеи. Вліяніе ихъ было неотразимо и въ жизни, и въ искусствѣ, и въ литературѣ. Оно выразилось, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ литературныхъ сборниковъ, предназначенныхъ для тѣхъ читателей, которыхъ томила жажда знанія.

Не высокаго достоинства матеріалъ заключается въ этихъ сборникахъ: это въ большинствѣ случаевъ пестрая смѣсь всякаго рода свѣдѣній, случайно выбранныхъ изъ разныхъ источниковъ, даже изъ апокрифическихъ сочиненій. Таковы были по своему содержанію и Азбуковники, получившіе свое названіе отъ принятаго въ нихъ способа располагать матеріалъ въ азбучномъ порядкѣ. Они представляютъ для насъ нѣкоторый интересъ только своими воззрѣніями на языкъ.

Составители Азбуковниковъ проникнуты были вѣрою въ неприкосновенность книжнаго языка. Они держались господствовавшаго въ то время мнѣнія, высказаннаго Зиновіемъ Отенскимъ, ученикомъ Максима Грека, что „низводить книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей есть лукавое умышленіе христоборцевъ,—что гораздо приличнѣе исправлять общія народныя рѣчи книжными рѣчами“ [1]). Поэтому въ Азбуковникахъ рѣдко встрѣчаются объясненія славянскихъ словъ русскими словами. Гораздо чаще мы видимъ въ нихъ этимологическія изобрѣтенія такого рода, что слово *братъ* заимствовано изъ латинскаго языка, что слово *Адамъ* составлено изъ четырехъ символическихъ буквъ, означающихъ четыре страны свѣта: *азъ*—востокъ, *добро*—западъ, другое *азъ*—полунощіе, а *мыслете*—полудница [2]). Но главное вниманіе въ Азбуковникахъ обращено было на правописаніе словъ. Это былъ своего рода острый вопросъ въ то время, когда грубыя ошибки въ богослужебныхъ книгахъ смущали совѣсть людей благочестивыхъ, сомнѣвавшихся въ возможности спастись по этимъ книгамъ. Исправленіе книгъ вызвало нужду въ грамматическихъ знаніяхъ; отсюда въ Азбуков-

---

[1]) Исторія рус. словесности Порфирьева, 563

[2]) Правосл. обозрѣніе, 1877 г., іюль.

никахъ извлеченія изъ грамматики, приписываемой Іоанну Болгарскому, изъ грамматики Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго.

Спросъ на грамматическія знанія возрасталъ по мѣрѣ того, какъ увеличивались недоразумѣнія между людьми, занимавшимися исправленіемъ книгъ. Въ 1648 г. издана была въ Москвѣ грамматика Мелетія Смотрицкаго съ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ съ неподражаемою наивностію грамматика сама о себѣ разсказываетъ, что она „славою честна, и ученіемъ красовита, во устѣхъ сладка, и на сердцы чюдна, и на языцѣ свѣтла", ибо, продолжаетъ она, „писмо или слогъ, или часть или рѣчь, или слово, или статія, или стихъ, или глава, или начало, или конецъ, или чему точка, или о чемъ запинка, то все мое ученіе, и умѣніе, и разумѣніе, и умышленіе, и уложеніе, и положеніе, и всяко въ писменахъ строеніе и составленіе, мое грамматическое проразумѣніе. Такова есмь уставомъ, и поставомъ, и составомъ, и всѣмъ естествомъ грамматика именуюся" [1]). Справщики раскольники и православные толковали о грамматикѣ, но только не многіе изъ нихъ научнымъ образомъ подготовлены были къ изученію ея. Большею частію тѣ и другіе стучали въ глухую для нихъ дверь славянской грамматики, не владѣя ключемъ для того, чтобы проникнуть въ таинства ея. Многіе хотѣли славянствовать на письмѣ, встрѣчая постоянныя помѣхи въ своей родной рѣчи. Англичанинъ Лудолфъ, составитель первой русской грамматики, изданной въ Оксфордѣ въ 1696 г., замѣчаетъ, что „москвитяне говорили, будто-бы разговаривать должно по-русски, а писать по-славянски" [2]). Но только съ помощью обширной богословской начитанности можно было писать по-славянски. При первомъ движеніи живаго чувства, живой мысли, сама собою налетала народная фраза, съ которою не всегда могъ справиться писатель. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны челобитныя раскольниковъ, писанныя къ царю Алексѣю Михайловичу. Авторами ихъ были люди, близко знакомые съ подробностями исправленія книгъ, знакомые съ грамматической терминологіей, а главное—люди старой вѣры, которые желали-бы въ текстѣ священныхъ книгъ удержать старую редакцію. Такъ справщикъ Савватій въ своей челобитной

---

[1]) Предисл. къ грам. М. Смотрицкаго, по изд. 1648 г.

[2]) «Вѣст. Европы», 1807 г. № 16.

говоритъ: „нравъ по грѣхомъ таковъ у нынѣшнихъ московскихъ грамматиковъ, что̀ новое ни объявится—за тѣмъ и пошли, а старое свое доброе покинувъ“. Онъ вооружается противъ употребленія полнаго прилагательнаго вмѣсто краткаго (древнѣйш*аго* вм. древнѣйш*а*), полнаго причастія вмѣсто краткаго (сѣдящ*аго* вм. сѣдящ*а*), противъ употребленія сложнаго прошедшаго вмѣсто простаго. „Насъ“, говоритъ онъ, „уничижаютъ, а и сами справщики совершенно грамматики не умѣютъ, и обычай имѣютъ тою своею мелкою грамматикою Бога опредѣляти мимошедшими времены... Въ воскресномъ тропарѣ на Пасху... прежде сего печатали: и на престолѣ *бѣаше* Христе со Отцемъ и Духомъ... А нынѣ въ новой тріодѣ напечатали мимошедшимъ временемъ: и на престолѣ *былъ еси* Христе со Отцемъ и Духомъ. Яко-же иногда *былъ*, иногда *есть*. А сего не разумѣютъ, яко... лепо Богу присно быти“ [1]). Таковы были теоретическія понятія Савватія, источникомъ которыхъ можно было-бы назвать особаго рода грамматику—богословскую. Савватій, видимо, старается примѣнить эти своеобразныя понятія къ изложенію собственныхъ мыслей,—подтянуть рѣчь къ старому стилю. Такъ, у него есть *времены, въ книзѣ, учиних, поборахъ* и тому подобныя старыя формы, но это, очевидно, старыя заплаты на новомъ платьѣ. Рядомъ съ этими формами встрѣчаются такія выраженія: „уже мнѣ, грѣшному, *несколько* жити“... „а до насъ и послѣ насъ *николи* съ тобольскихъ ясачныхъ людей ясаку *сполна* не *сбиривали*“. „Въ *другорядь* я, нищей, стражду при васъ, великомъ государѣ“... „Былъ *дьячишкомъ* за Илью Бунакова“ и т. п.

Цѣлый рядъ великорусскихъ письменныхъ памятниковъ XVI—XVII в. представляютъ пеструю смѣсь стараго съ новымъ. Рядомъ съ глубокими архаизмами стоятъ новые звуки и формы. Часто встрѣчаются архаизмы особеннаго рода: я назову ихъ мнимыми или-же поддѣльными. Таковы, напримѣръ, формы предложнаго падежа въ Домостроѣ Сильвестра: *въ дѣлехъ* и *обычаехъ, въ сѣнникѣхъ* и т. п. Очевидно, такъ не говорили, а только писали, и только потому такъ писали, что не умѣли совладѣть съ книжною рѣчью, въ которую вторгался потокъ народной рѣчи, подмывая и ниспро-

---

[1]) Три челобытныя раскольн., Спб. 1862 г. 23.

вергая всѣ измышленія книжниковъ. Наконецъ, въ концѣ XVII в. въ пользу народной рѣчи высказалась правительственная власть. Царь Алексѣй Михайловичъ издалъ указъ, въ которомъ объявилъ, что „будетъ кто въ челобитьѣ своемъ напишетъ въ чьемъ имени или прозвищѣ, не зная правописанія, вмѣсто *о-а*, или вмѣсто *а-о*, или вмѣсто *ъ-ь*, или вмѣсто *ѣ-е*, или вмѣсто *и-і*, или вмѣсто *у-о*, или вмѣсто *о-у*, и иныя въ письмахъ нарѣчія, подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился, и по обыклостямъ своимъ говорить и писать навыкъ, того въ безчестье не ставить“ [1]).

Мы подошли къ эпохѣ Петра Великаго. Первое поколѣніе русскихъ людей, затронутыхъ реформой, было оглушено новымъ міромъ идей, для которыхъ не было подходящихъ словъ ни въ книжномъ, ни въ народномъ языкѣ,—и вотъ мы видимъ своего рода нашествіе иноплеменниковъ на русскую рѣчь. Въ сознаніи современниковъ Петра Великаго спутались и смѣшались въ неорганическую массу разнообразныя стихіи рѣчи—славянской, великорусской, малорусской, съ густою примѣсью всякаго рода иностранныхъ словъ—голландскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ. Только во второмъ поколѣніи явилась потребность вывести книжный языкъ изъ хаотическаго состоянія. Трудную задачу эту рѣшилъ, какъ извѣстно, Ломоносовъ, создатель нашего литературнаго языка, который служитъ органомъ умственной жизни для всѣхъ насъ—людей Великой, Малой и Бѣлой Россіи.

П. И. Житецкій.

---

[1]) Полное собраніе законовъ, т. I, стр. 1000, № 597.

СУЛИМИНСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ.

Много фамильныхъ архивовъ въ Малороссіи уже погибло навсегда. Достаточная часть ихъ погибла, конечно, отъ пожаровъ, при истребленіи всего имущества владѣльца; но гораздо больше исчезло архивовъ по кладовымъ и амбарамъ, отъ мышей и сырости... Въ настоящее время эти архивы существуютъ въ Малороссіи какъ счастливая случайность. Недавно намъ удалось осмотрѣть одинъ изъ нихъ, принадлежащій роду Сулимъ и сохраняющійся въ родовомъ ихъ селѣ Сулимовкѣ (встарину—Сулиминцахъ) переяславскаго уѣзда.

При обязательномъ участіи Т. В. Гамалѣй, настоящій владѣлецъ сулиминскаго архива — Ал. Андр. Войцеховичъ съ истинно просвѣщенною готовностію, далъ намъ возможность осмотрѣть этотъ архивъ во всѣхъ его подробностяхъ. Результатами этого осмотра дѣлимся здѣсь, желая и надѣясь вызвать свѣдѣнія и о другихъ такихъ, еще уцѣлѣвшихъ, архивахъ.

Значеніе фамильнаго архива зависитъ главнымъ образомъ отъ того общественнаго положенія, въ какомъ находились лица, накоплявшія такой архивъ. Въ этомъ отношеніи сулиминскій архивъ имѣетъ за собою всѣ преимущества: родъ Сулимъ— одинъ изъ старѣйшихъ въ Малороссіи. Семейныя преданія относятъ начальную извѣстность Сулимъ чуть-ли не къ XIII в.; мѣстная-же исторія начинаетъ ихъ знать съ начала XVII в., чѣмъ могутъ похвалиться въ Малороссіи лишь весьма немногіе роды. Иванъ Михайловичъ Сулима въ 1628 г. былъ гетманомъ запорожскихъ козаковъ [1]) и за свои службы получилъ отъ извѣстнаго Жолкѣвскаго значительное количество земель на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ имъ и поселено теперешнее село Сулимовка. О первоначальномъ поселеніи здѣсь Сулимъ мы встрѣтили въ другомъ мѣстѣ очень интересный актъ 1677 г., въ которомъ читаемъ: «славетне урожоный панъ Федоръ Сулима прекладалъ скаргу (переяславскому полковнику) на обывателей села своего дѣдизнаго Сулиминецъ, якожъ лебединскихъ и кучаковскихъ, до тоей-же его власности старожитне прислушаючихъ, въ

---

[1]) См. его письмо изъ Сѣчи къ Христофору Радзивилу, 1628 г., въ Археограф. Сборн. докум. относящ. къ исторіи сѣв.-зап. Руси, т. VII, стр. 87 (Вильна, 1870 г.).

таковій способъ: ижъ помянутие селяне, осѣвши съ предковъ своихъ на грунтахъ еще отца его Федорова Іоана Сулимы, по всѣ тіе часи отдавали послушенство и походячіе належности; а теперь о томъ ся оперши, усиловали съ того слѣберовати (освободиться) и съ подданства, которое предкове ихъ на собѣ мѣли, визутися» (избавиться). По этой жалобѣ тогдашній переяславскій полковникъ Иванъ Лысенко поручилъ одному изъ урядниковъ, «абы тамъ, въ Барышовцѣ, старожитныхъ людей где кого знаючи, вышукавши, доскопалне выпытавъ: чіи то отъ початку вѣку ихъ были грунта, нѣмъ (пока) еще люде не осѣли на сей Украйнѣ? — Теды вынайдены Миско Харченко и Андрей Вѣтченко, мужеве барзо въ лѣтехъ подейшлие, по сумленю старости своей визнали, *же еще наспочатку, якъ ся садила* (селилась) *Барышовка, тогда тое все положеня, где тие села осѣли — Сулиминци, Лебединъ и Кучаковъ, надалъ панъ Жолковскій Ивану Сулимѣ въ заслугахъ у вѣчность, абы собѣ тамъ, сколко могъ и хотѣвъ, осадывъ людей ку своему подданству»*. [1]). На основаніи приведеннаго показанія барышевскихъ старожиловъ, Сулиминцы, Лебединъ и Кучаковъ отданы были въ подданство Федору Ивановичу Сулимѣ, который до того, какъ кажется, скитался на правомъ берегу Днѣпра, пока чигиринскіе походы не разрушили надеждъ и мечтаній, вызванныхъ извѣстнымъ гадяцкимъ договоромъ. Поселившись на лѣвомъ берегу Днѣпра, Федоръ Сулима создалъ себѣ положеніе въ тогдашнемъ обществѣ, выдавъ дочь замужъ за одного изъ сыновей гетмана Самойловича. Единственный сынъ Федора Иванъ поддержалъ это положеніе, женившись на сестрѣ Павла Полуботка, который помогъ зятю получить при Скоропадскомъ уже и генеральный урядъ «хоружаго». Бумаги Ивана Федоровича Сулимы послужили основаніемъ для Сулиминскаго архива. Одинъ изъ пяти сыновей его, Семенъ, занимая около 27 лѣтъ (1739—1766 г.) урядъ переяславскаго полковничества, значительно увеличилъ отцовское наслѣдство и сталъ однимъ изъ извѣстныхъ богачей въ Малороссіи. Такое общественное положеніе Семена Ивановича повело за собою значительное накопленіе бумагъ фамильнаго архива. Но наибольшее количество бумагъ Сулиминскаго архива относится къ концу XVIII в., когда владѣльцемъ Сулимовки сталъ средній сынъ переяславскаго полковника Акимъ. Послѣдній, по своему образованію, рѣзко выдѣлялся изъ среды тогдашняго общества. Акимъ Семеновичъ учился сначала въ кіевской академіи, затѣмъ въ 1755 г. перешелъ въ Петербургъ, въ сухопутный шляхетскій корпусъ, откуда черезъ четыре года выпущенъ сержантомъ, при чемъ «жалованъ золотою медалью». Кончивъ ученіе, Акимъ Семеновичъ оставленъ былъ при корпусѣ «для смотрѣнія надъ обученіемъ кадетъ наукамъ». При этомъ онъ между прочимъ былъ «опредѣленъ отъ начальства кадетскаго корпуса къ переводу съ французскаго языка на россійскій двухъ томовъ исторіи о фельдмаршалѣ Фран-

---

[1]) Генеральн. опись Румянцева, переяславскій полкъ, въ архивѣ кіевск. казен. палаты.

цузскомъ Тюреннѣ, кои въ 1766 г. въ типографіи оного корпуса напечатаны». Въ 1764 г. Сулима изъ корпуса былъ переведенъ въ азовскій пѣхотный полкъ премьеръ-маіоромъ; но черезъ три года снова былъ возвращенъ въ кадетскій корпусъ «и былъ въ смотрѣніи надъ тѣмъ-же обученіемъ кадетъ; а потомъ опредѣленъ къ реформѣ того-жъ корпуса и къ разнымъ должностямъ, въ команду генералъ-поручика Ивана Ивановича Бецкаго и отъ него при томъ-же корпусѣ употребленъ къ сочиненію: 1) Устава шляхетскаго сухопутнаго кадетскаго корпуса, 2) второй и третьей частей Учрежденія московскаго воспитательнаго дома и 3) плана къ заведенію при ономъ домѣ сохранной казны, ссудной казны и вдовьей казны». Въ 1773 г. Сулиму выпросилъ въ свое распоряженіе гр. З. Гр. Чернышовъ, которому было поручено гражданское устроеніе только что присоединенной тогда Бѣлоруссіи; здѣсь Акимъ Семеновичъ составлялъ «разныя узаконенія учрежденнымъ бѣлорусскимъ губерніямъ». Но, женившись около этого-же времени на дочери стародубскаго богача, полковника Павла Григорьевича Скорупы, Сулима пересталъ интересоваться службою и въ 1777 г. выпросился въ отставку, причемъ былъ произведенъ въ рѣдкій межъ тогдашними малороссіянами и завидный для нихъ генеральскій чинъ. Двадцать лѣтъ затѣмъ онъ прожилъ въ Малороссіи, устраивая свои богатыя помѣстья (у него было 1310 крестьянъ) и воспитывая своихъ двухъ сыновей, Павла и Акима. Но когда въ 1797 г. въ Малороссіи, вмѣсто судебныхъ палатъ, возстановленъ былъ генеральный судъ, Акимъ Семеновичъ, избранный однимъ изъ четырехъ кандидатовъ въ генеральные судьи, утвержденъ былъ императоромъ въ этой должности въ первый департаментъ суда. Прослуживъ шесть лѣтъ въ судѣ, Сулима вышелъ въ отставку и поселившись въ Сулимовкѣ, главнымъ образомъ заботился объ окончаніи воспитанія сыновей. Старшій изъ нихъ Павелъ окончилъ свое образованіе въ геттингенскомъ университетѣ, а младшій Акимъ въ московскомъ. Переписка отца съ двумя сыновьями - студентами (почти исключительно на французскомъ языкѣ) составляетъ одну изъ интересныхъ частей фамильнаго архива. Перепискою съ сыновьями, дѣятельно продолжавшеюся и по вступленіи ихъ на службу, и заканчиваются бумаги собственно Сулиминскаго фамильнаго архива. Бумаги этого архива заключаютъ въ себѣ главнымъ образомъ три отдѣла: 1) поземельные акты, т. е. гетманскіе универсалы и купчія записи, 2) отрывки изъ множества судебныхъ дѣлъ по спорамъ за имѣнія какъ между самими Сулимами, такъ и съ сосѣдями и 3) частная переписка. Послѣдній отдѣлъ представляетъ наибольшій историческій интересъ, представляя старую жизнь такою, какою она была въ дѣйствительности.

Кромѣ бумагъ, принадлежащихъ собственно роду Сулимъ, въ ихъ фамильный архивъ вошли значительныя части еще трехъ фамильныхъ архивовъ: Есимонтовскихъ, Скорупъ и Войцеховичей. Первые два архива перешли къ Акиму С—чу по женитьбѣ его на Марьѣ Павловнѣ Скорупѣ, которая принесла мужу всѣ богатства отца своего; а Павелъ Скорупа, кромѣ половины отцовскихъ (Григорія Скорупы)

имѣній, получилъ еще по завѣщанію отъ бездѣтной сестры Марины Григорьевны, по мужу Есимонтовской, всѣ мужнины ея имѣнія. Архивъ Войцеховичей вошелъ въ составъ Сулиминскаго, по браку дочери Акима Семеновича Прасковьи съ Иваномъ Андреевичемъ Войцеховичемъ, къ которому впослѣдствіи за бездѣтствомъ братьевъ жены, Павла и Акима, перешли всѣ имѣнія Акима Семеновича. Архивъ Войцеховичей состоитъ главнымъ образомъ изъ частной переписки Андрея Ивановича Войцеховича съ его четырьмя сыновьями и одного изъ послѣднихъ Ивана Андреевича (зятя Акима Семеновича) съ его тремя сыновьями: Николаемъ, Алексѣемъ и Андреемъ. Переписка эта, обнимающая почти полныя три царствованія, Екатерины II, Павла и Александра I, сохранилась въ наилучшемъ порядкѣ, въ который приведена была Алексѣемъ Ивановичемъ Войцеховичемъ [1]).

Для ближайшаго знакомства съ составомъ Сулиминскаго архива приводимъ здѣсь нѣсколько документовъ, преимущественно изъ частной переписки, какъ самаго цѣннаго историческаго матеріала.

Ал. Лазаревскій.

1.

Отрывокъ изъ жалобы мглинскаго сотника Алексѣя Есимонтовскаго на брата его Афанасія, стародубскаго обознаго, объ убыткахъ чрезъ него понесенныхъ во время взятія Мглина шведами въ 1708 г.

Когда я былъ у походѣ за Сожомъ, въ Литвѣ, при покойномъ пану гетману Скоропадскомъ, на тотъ часъ будучомъ полковникомъ стародубовскимъ и наказнимъ гетманомъ, и ходилъ за шведомъ, а услышалъ тое, что намѣренъ шведъ вторгнуть въ полкъ стародубовскій, якъ и указы монаршие о перестороэѣ объявлени были, писалъ до брата своего п. Афанасія Есимонтовского о томъ, дабы онъ непремѣнно и завчасу имѣніе рухомое въ пристойныхъ мѣсцахъ поховалъ, яко за совокупного нашего жития; но онъ, по своей природной презумпціѣ и великомысльности, не токмо писанія моего не послушалъ, лечъ и на уничтоженіе того отписалъ до мене, ганячи мене страхополохомъ, з выраженемъ того вѣршу на писмо п. Покорского, въ томъ-же до него писанное: „наши де матрони безпечно смажутъ сласціони; такъ мнѣ Боже поможи въ правдѣ моей!“ Также и по зближеню ся шведа ко Мглину учинилъ, же и на колкократное напомнене покойной панеи родителки нашои, которой, уже будучой въ престарѣломъ вѣку, не разъ тра-

---

[1]) Умеръ въ прошломъ 1881 г., членомъ государственнаго совѣта.

филось войни лядскіе видѣти и дознавать въ оникъ злыхъ приключеений, не послушалъ и имѣнія нѣякого не ховалъ, но своимъ упоромъ все на возы забравши, а согласившись зъ паномъ Турковскимъ и не освѣдчаючи указу монаршого такого, что въ ономъ повелѣвано зъ некрѣпкихъ городковъ уступать у крѣпкіе или въ посторонние мѣста, з быдломъ и з протчимъ, а з мелницъ снасти вынимать, опасаяся того, жебы граждане ихъ не удержали, пошли были, городъ покинувши и людей, ночною добою въ Бакланъ и далѣй за Судость рѣку. А ему-бы можна своимъ домомъ з Есимонтовки своимъ трактомъ безпрепятно и безсорно зъ народомъ ити въ Стародубовъ; понеже за то зсора сталась, что онъ держался пана Турковскаго, на той часъ сотника мглинского будучого. Догнали мглинци великимъ тумултомъ жену єго и мою зъ обозомъ всего имѣнія нашего и настращавши доволно, завернули у Мглинъ, чего ради покойная панѣ родителка наша того времени изъ дому нарушилась, зѣло осердившися. И такъ за скоримъ приходомъ шведскимъ, а не мнѣй и за тимъ, же народъ на нихъ повсталъ для вишеписанних причинъ, на десять тисячъ золотихъ худобы погубилъ своей и моей, якъ и самъ въ чолобитной, подаваемой имъ п. гетману Скоропадскому на Петра Подлузкого выражалъ, по якой отъ п. Чернища, судіи енералного, высланнимъ покойный Дашкевичъ былъ; однакже з того ничого полезного не учинилось, что сие все въ сущую правду сознаю подъ страшнимъ судомъ Божіимъ. А по многихъ турбацияхъ и страхованняхъ, бывшихъ у Мглинѣ отъ народу и отъ находу неприятелского, выходя зъ города, мое-жъ доброе давалъ великороссійскимъ людямъ зъ хутеръ и зъ протчего, свое легшое поховавши, за выводъ со Мглина, бо вже толко насилу пришло на трохъ чыли на чотирохъ возахъ выѣхать усѣмъ, после великого обозу...

2.

Жалоба гетману вдовы генеральнаго хоружаго Ивана Сулимы на сына. Около 1728 г.

Ясневелможный пане и всемилостивѣйшій патроне.

Рада-бы вседушне и по-премногу сама вашему високоповажному рейментарскому оказатися лицу и, при належитой субмѣссіи, бѣдствуемое, отъ своей-же утробы дѣючоеся, оповѣстить житіе; лечъ крайное мое изнемагаетъ калѣтство и болѣзнь не малая.

Еднако-жъ яко до своего полномощного рейментара и патрона з слезними и ревними отзиваюся чоломбиттемъ въ томъ, что позо. сталие сыни по покойномъ пану моемъ, старшіе Өедоръ и Самуилъ всякое послушенство, при обычайной чести и венераціи материнской, отдавали удовствуемой мнѣ презъ немалое время; а по окончению живота Өедора на службѣ монаршой, и Самуила, первимъ по нихъ остался Іванъ плачливый сынъ мой, на которого еще, яко на преслушника, разграбителя и разорителя дому моего, а не яко на сына, имѣла заносити скаргу въ коллегіи, первие и прежде упоминаючи его материнско и многократние; и по нынѣ прикрие и зѣло поносние отъ него, при старости лѣтъ моихъ, досади, утиски и грабительства износила терпѣніемъ; а теперъ цале не имѣючи куди инуди въ такомъ моемъ разореніи суппльковати, толко принужденна до ясневелможности вашой кривавослезную заносити апелляцію на ослушника такого, ибо не тилко необычайними и зѣло досадливими мене словами оний очевисте изъ женою своею укораетъ, но и честь мою поноситъ преднародне, нѣякоесь юродство невиннѣ мнѣ притвораючи; лечъ и на здоровю моемъ не малое увѣчча сдѣлавъ, якою причиною его зъ ущербкомъ здоровя моего и нинѣ въ калѣтствѣ пребываю, въ якомъ хотячи спабдѣніе и отраду принаймнѣй по жизнь мою зъ меншими двома сынами, Семеномъ и Стефаномъ, и зъ позосталими сиротами покойного старшого сына Өеодора дѣтми, а моими унучками, имѣти, лечъ онъ и на тихъ вражду не малую имѣючи, не тилко словесно ихъ укораетъ и ругаетъ безчиннѣ и неприятно слуху людскому, але яко наступца окрутний, не имѣючи ни Бога въ сердцу, ни памятаючи единоутробыя зъ собою, весма ихъ ненавидячи, бьетъ и ни въ чомъ простертися не допускаетъ. Чрезъ волю-же нашу и чрезъ благословеніе и до полѣценного наслѣдія, по согласию обополнимъ зъ покойнимъ паномъ моимъ опредѣленного, подлугъ легкованного и сочиненного тестаменту, при особахъ знатнихъ и вѣри годныхъ, дѣтямъ моимъ Семену и Стефану, при которыхъ-бы спокойне могла животъ свой кончити; а онъ самоволне грабителствомъ и насилне отобравши и себѣ подлугъ хотѣнія своего належитую часть, якой уже я ему и не претила, лечъ и тимъ еще не доволствуеться и втручается тамъ, где оному не позволяется и неблагословениемъ обаполнимъ запретилось; якого онъ чрезъ небрежение свое и упарчивость лишаючися и ослушенъ будучи, а нѣ тежъ уважаючи на клятву материнскую и калѣтство мое, и сего времени превеликое грабителство починилъ и чинитъ въ маетно-

стяхъ за службу покойному паву моему наданнихъ; откуду въ калѣтствѣ и слабости здоровя, при старости моей, прекормленіе зъ меншими синами моими и помянутими сиротами имѣю и всякое убожеское одѣяние сооружается. А онъ тому заздростячи, послѣднему въ крайнее убожество и бѣдство мене грабителствомъ своимъ приводитъ и такими ребеллѣями, поступками и неспокойнимъ житиемъ ежеденно утруждаючи, прежде времени желаетъ мене умертвити. И дабы указомъ ясневелможности вашой призванъ оний ослушникъ былъ во оправданіе наочне и по правоуразсудителному рѣшению прещения и знатное отъ его-жъ ясневелможности принялъ наказание; и впредъ-би таковаго необичайного не чинилъ и не важился чинить мнѣ бѣдствуемой матери своей и сынамъ моимъ меншимъ грабителства, утѣсненія и насилства. Милостивное таковое въ занесенной апелляціи моей отъ полномощного рейментара своего дознавши помилованіе, по жизнь мою зъ позосталими сиротами одолжаюся за щастливое и долголѣтное его ясневелможности, моего всемилостивѣйшаго патрона, правителство и владѣние непрестанно Господа Бога благати, яко и повинна. Ясневелможности вашой, моего всемилостивѣйшаго пана и многодознанного добродѣя, нижайшая слуга Мария Полуботковна Иванова Сулимина, хоружая енералная, для лучшого достовѣрия къ сей чоломбитной моей своеручно крестъ святий прикладаю †.

3.

Четыре письма къ бунчуковому товарищу Григорію Демьяновичу Скорупѣ: зятя—Петра Искрицкаго, Ивана Михайловича Миклашевскаго, Василія Алексѣевича Дмитрашко-Раича и генеральнаго есаула Петра Валькевича. 1730—1740 г.

а) Милостивѣйшій мой отче и добродѣю.

Господаръ двору рейментарского, панъ Костантій Острожскій мѣетъ по указу ясневельможного добродѣя, прійдуючого августа 1 или 2 числа отъездить въ Мглинъ, для взятя на урядѣ тамошномъ купчой на покупленніе грунта его ясневелможности, а оттоль (еще для лучшой крѣпости) прибувши въ Стародубъ, зъ майстрату тамошного взять мѣетъ екстрактомъ купчую тихъ покупленнихъ грунтовъ; которій поневажъ, за волею ясневелможной панеи, за однимъ заходомъ, и мнѣ осмотрувать будетъ приторговать хуторъ, того ради благоволи вм. м. добродѣй, освѣдо-

мившись о его, господара, въ Мглинъ прибытіи, объявить письмомъ своимъ о хуторѣ, ежели якій на продажѣ имѣется поблизу, а хочай и въ разстоянію отъ Стародуба, биле бы былъ угоденъ и чтобъ при немъ млинъ занять мощно было; поневже такъ вскорости, а особливе не знаючи осѣдлостей тамошнихъ, господарь не можетъ винайти безъ объявленя ему. О якую вм. м. добродѣя отеческую милость покорнѣйше просячи, зостаю вм. м. добродѣя щирозичливый синъ и нижайшій слуга Петръ Искрицкій [1]). Глуховъ, іюля 30 д. 1730 году.

Адрессъ: „милостивѣйшому моему отцу и добродѣеви, его милости, пану Григорію Скорупѣ, знатному товаришеви бунчуковому“.

б) Мосцѣ пане Григорій Скорупа, мнѣ велце мосцѣ пане и сердечне коханый племѣннику.

Прибывши панъ Ѳеодоръ Ширай въ Любечъ, писалъ ко мнѣ, что никакой команды тамо не засталъ, токмо панъ Есимонтовскій поручивши де въ команду горы, воды и лѣсы, отъехалъ въ домъ. Зъ здешнихъ-же чернѣговскихъ вѣдомостей болше никакихъ газетовъ не имѣется, токмо старая войтиха Лопатиха сего на датѣ положеннаго числа рано умре; а я на кушене запрошенъ до преосвященного, где и за ваше здорове полную имѣю выпить объявляю; да если еще неизвѣстно у васъ, ижъ указъ во всѣ малороссійскіе полки, въ томъ числѣ и въ чернѣговскомъ, полученъ сего октоврія 13 д., дабы всѣ полковники зъ старшинами, бунчуковіе и значковіе товарищи и хто тилко іменемъ козачимъ зовется, подъ смертною казнею, были въ крайней къ походу готовности, дабы за полученіемъ впредъ указа въ 24 часа выступили непремѣнно, къ выше показаннимъ сообщаю вѣдомостямъ, а доброздравственного вм. м. пану желая пребиванія, остаюсь вм. м. пану, сердечне-коханному моему племѣннику, щирозичливий дядя и слуга Іванъ Миклашевскій [2]).

1736 году, октоврія 14 д. Чернѣговъ.

Адрессъ: „Моему велце мосцѣвому пану, сердечне коханому племѣннику, его милости, пану Григорію Скорупѣ, знатному товаришу бунчуковому, въ городѣ Сосницѣ у покупки провіанта обрѣтаючомуся, надлежитъ“.

---

[1]) Родной племянникъ гетманши Ульяны Апостолъ, рожденной Искрицкой.

[2]) Сынъ стародубскаго полковника Михайла Миклашевскаго. Григорій Скорупа былъ женатъ на родной племянницѣ Ивана Миклашевскаго, дочери Степана Спиридоновича Ширая.

в) Мосцѣ пане Григорій Скорупа, вселаскавый мой свате и благодѣтелю.

Племенникъ мой, сотникъ ивангородскій п. Матвей Кониській, пришедши смотреніемъ Божіимъ въ совершенный возрастъ, будучи совершенного ума и ученія, желаетъ въ супружество себѣ пріятеля искать; а понеже сей станъ, по Божіему смотрѣнію и и его святой ординаціи установленный, избираютъ персоны не безъ пріятелского отозву и родителского консенсу, того для пріятелскую мою сватовскую вм. пану симъ моимъ выразивъ венерацію, родителского вашего соизволенія и аппробацѣи моего отозву съ охотою дожидаюсь. И ежели намѣренъ вм. панъ наймнѣйшую свою панну дочъ ему пану Матѳею Кониському въ супружество отдать, покорнѣйше прошу вм. пана стороны отозву моего своимъ мене писанемъ не оставить, которое мнѣ въ надежду сватской вм. пана любвѣ висвѣдчить имѣючойся благопріятное будетъ, а нынѣ со всякимъ персони вм. пана почтеніемъ остаюсь вм. пана покорный слуга Василий Думитрашко-Райча, бунчуковий товаришъ [1]).

12 септеврія, 1737 году. Нѣжинъ.

г) Мосцѣ пане Григорій Демяновичъ, мой давно знаемий друже и брате.

Всѣмъ тое может быти извѣстно, въ томъ числѣ и вм. пану, же я прежде сего за службою и за разними зъ Малой Россіи отлучками по указамъ, не вѣдалемъ о нуждахъ и долегливостяхъ дому моего, чрезъ многое время. А нынѣ, когда въ дому трохи помешкалемъ, извѣстился зъ жалобы слобожанъ моихъ, жителей слободокъ Чернетщини и Чернятки, что вм. панъ, сидячи слободою въ отчинѣ покословской и знаючи границу между Покословщиною и между грунтомъ моимъ меженковскимъ, за рѣчкою Жечою лежачимъ, въ которомъ помянутіе мои слободки поселени, черезъ межу, въ оний мой грунтъ зъ двохъ сторонъ вступаешъ и изъ слободокъ моихъ сѣно не разъ велѣлъ забирать, и въ протчемъ ихъ обидить поступая, указомъ ея императорского величества противно, понеже на тотъ грунтъ и на утвержденіе оного границы имѣю я многіе крипости подлугъ давного ограниченія и розъѣзда: первей отъ старшини полковой, а потомъ отъ енералного бунчуч-

[1]) См. ниже № 5.

ного пана Лизогуба зъ протчіими чиненніе, послѣ декреталніе суду войскового енералного писма, унѣверсали и приватніе укази гетманскіе, а зверхъ того всѣ крипости утверждающая високомонаршая блаженной и вѣчнодостойной памяти его императорского величества жалованная грамота на все мое помѣсте, въ томъ числѣ и на мой меженковскій грунтъ, якъ есть въ своемъ ограниченню, данная во вѣчное владѣніе; о чемъ знать и вм. панъ, не безъизвѣстенъ будучи, писалъ къ намъ писмомъ своимъ, припоминаючи того нашого грунту граниченіе, при енералномъ бунчучномъ подтвержаное, и просилъ, жебы потому смежности не нарушать, но содержать. А якъ зъ дѣла показалось, самъ вм. панъ въ томъ не устоялъ и не видя господара грунту въ присутствіи, такожъ доброй пріязни свѣтліе очи прикривши лакомимъ упоромъ, пустился былъ по чужое, да и зъ друга въ недруга перемінившися, захотѣлъ мене обидити. И затимъ неправимъ поступкомъ, приличнѣйшого иску зъ паномъ Гудовичемъ и зъ Германомъ запомнѣлъ. Якъ-же ни было прежде безъ мене, нынѣ все тое Господь Богъ и високіе укази ея императорского величества исправлятъ во благо, и впредъ я себе обидити не дамъ! Толко не опускаючи слобожанъ моихъ обиды прежней, хотѣлъ бимъ вѣдать, почему вм. панъ силенъ такъ безъ мѣри, же не толко крипостей обыкновенныхъ, но и чрезвичайной вседостойнѣйшой твердости монаршого привилею за предѣлъ и важность не имѣете? Надѣюся, на поселеніе слободки своей, скажешъ вм. панъ, же есть унѣверсалъ гетманский.—Тилко чи совершенний?--Ибо извѣстенъ я, что нѣкоторый унѣверсалъ вашъ въ канцелляріи енералной прежде подрано; а що нѣсколко купилъ вм. панъ у покослоцковъ дубовъ да сосонъ, иннихъ для латвѣйшой куплѣ въ турму сажаючи, тое здается мнѣ до нарушенія граници меженковской и до забиранія у слобожанъ моихъ сѣна не силно, да и заводци ваши, дубовіе и сосновіе почому дерева и свои-ль или чужіе, вамъ показали, жадныхъ крѣпостей не имѣютъ, подлинно знаю; однакожъ между деревомъ отчиннимъ и грунтомъ земелнимъ разнь и граница обосторонная мѣетъ быти безъ нарушенія; къ тому-же купля и купчая наша покословской полоси первѣйшая, за которую грощи наши продавцевѣ передомъ позаходили и еще за оную росправы не было. Чого ради хоти вм. панъ чимъ слобожанъ нашихъ изобидилъ, тое имъ наградить, а черезъ границу въ грунтъ мой впредъ не вступать нияким способомъ и происком, понеже я чрезъ сее мое писавіе объявляю тое, защищая себя указомъ ея императорского

величества и чтобъ вм. панъ потомъ не вимовлялся, что о томъ извѣстенъ не былъ. Впротчемъ, остаюся вм. пану зичливий приятель и братъ охочий ко услугамъ Петръ Валкевичъ [1]).

4.

Письмо березанскаго сотника Василія Алексѣевича Дмитрашка-Раича къ своему полковнику Семену Сулимѣ, поздравительное съ рожденіемъ сына. 1746 г.

Велможний мосцѣ пане полковникъ переяславскій, милостивий мой добродѣю.

Рожденнымъ сыномъ велможности вашой Θеодоромъ Семеновичемъ поздравляя, желаю, даби шляхтичъ отъ шляхтича рожденний таковой дождалъ чести, какову велможность ваша и антецессори получили и въ числѣ велможнихъ считалcя зо временемъ, которому дай Боже совершенний возрастъ на подпору и вящшое прославленіе имени велможности вашой. Я же должность мою вѣдая, мой поклонъ отдать, по приказу велможности вашой, имѣю и со всею моею покорностію остаюсь велможности вашой всепокорнѣйшій слуга Василь Д. Райча.

1746 годъ. 8 дня іюня. Березань.

P.S. Ignosce quasi illustrissime quod hodie et cras non veniam, parce quaso 100 rublones d. Johanni Marcowicz ex vitrans actionis solvendo cui veniam posteras, fidibus non oblector potum horreo, tibi bene precari non deero.

5.

Письмо прилуцкаго полковника Григорія Галагана къ Семену Сулимѣ, съ приглашеніемъ на свадьбу дочери. 1752 г.

Високородній и високопочтенний господинъ полковникъ переяславскій, сердечній мосцѣ пане брате и добродѣю мой.

Понеже, по судбахъ Божескихъ, дочь моя Елена зговоренна въ супружество умершего бунчукового товарища п. Андрея Миклашевскаго сину его, пану Петру Миклашевскому, а къ бракосочетанію ихъ, по согласію обоихъ сторонъ, положенъ термѣнъ сего

---

[1]) Письмо писано, по видимому, около 1740 г.

году въ слѣдующомъ сентябрѣ мѣсяцѣ 20-е число, и яко такови веселніи акта найвящше прикрашаеми бываютъ собраніемъ достойнѣйшихъ гостей и пріятелей, такъ и я, по преданности моей, почитая вашего високородія персону за найпожделеннѣйшого къ сему присутствію гостя, всепокорно прошу на воспомянутое число, купно зъ дражайшею вашего високородія супругою, не отказатся въ домъ мой благоволить прибыть и чрезъ то ущасливить мене, обще, при такомъ случаѣ, сугубо—какъ о благополучномъ вашего высокородія прибытіи, такъ и о совершенномъ дѣтей моихъ Богомъ узаконенного супружества воспріятія—порадоваться; чего сердцемъ моимъ найохотнѣйше желаю, зъ равномѣрнимъ одолженіемъ, дабы и я при такихъ случаяхъ поважному вашего високородія дому щасливъ былъ мои услуги показать, къ которымъ и нынѣ совершенно и съ почтеніемъ обязуюсь и есмь вашего високородія, сердечного мосцѣ пана брата и добродѣя моего, покорний слуга Григорій Галаганъ.

Августа 23 д. 1752 г.
Прилука.

6.

Ордеръ гетмана Разумовскаго генеральному подскарбію Михайлу Скоропадскому объ отрышеніи его „отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ". 1753 г.

Господинъ Скоропадскый!

Изъ многихъ опитовъ, доволно мнѣ извѣстнихъ, я усмотрѣлъ, что ви, будучи мнѣ точно, по всевисочайшей волѣ ея императорскаго величества, человѣкъ подъ властію, вознамѣриваетеся противу мене нѣкоторимъ якоби самовластіемъ и весма мало уваженія имѣете на мои ордери, чрезъ что о себѣ даете въ народѣ малороссійскомъ великое мнѣніе, а моей власти нѣкоторимъ образомъ уничтоженіе. Хотя я самъ изъ многихъ вашихъ поступокъ очое примѣтилъ, однакожъ снисхожденіемъ моимъ или паче молчаніемъ старался васъ привести къ должности вашей, что самое ви видѣть всегда могли изъ того, что многое не по вашему мнѣнію отъ мене иногда опредѣляемо било, но по собственному моему разсужденію; ви-же, какъ вижу, стараетесь подъ именемъ блага народнаго, укорять мене во многихъ повелѣніяхъ, или своимъ ослушаніемъ или таковими представленіями, котория

болше сходствуютъ возраженіямъ противу мене, такъ-какъ я самъ усмотрѣлъ въ представленіяхъ мнѣ, отъ васъ учиненнихъ отъ мая 14 и 25 чиселъ сего года, гдѣ войсковая оставшаяся въ Глуховѣ канцелярія, вашимъ упователько руководствомъ, показиваетъ мнѣ дерзостно и безъизвѣстно, яко-би при моемъ гетманствѣ, для моихъ домовихъ нуждъ, весь народъ малороссійской къ разоренію и крайнему истощенію приведенъ и будто-би уже всего малороссійскаго народа едва кто и въ домѣ остается; гдѣ хитростно мнѣ представлено и то было, чтоби я хотя половинное число толко бралъ народа на работу, ибо де уже многое число онаго къ побегу обратилося, или въ слободские полки, или за границу, а изъ сего уже въ тѣхъ представленіяхъ и далніи амплификаціи и непотребніи слѣдствіи дополнени. Все-же оное приписиваете моей экономической канцеляріи, которая однакожъ ничего, безъ точнаго моего повелѣнія, до сего времени не дѣлала; почему всѣ такия уразителніи представленіи къ моей собственной персонѣ скланяются. Въ самомъ-же существѣ не толко ничего того не сискалося, но еще по нѣкоторимъ изъ сего слѣдствіямъ показалося, что оныя представленія вимишленни или для возмущенія противу меня народнаго, или въ сохраненіе въ архивѣ канцелярской противу настоящаго и безпристрастнаго моего гетманства, сходствуемаго во всемъ съ височайшею волею всемилостивѣйшей моей государини, нѣкоторыхъ будто-би доказателствъ къ каковимъ-либо впредъ намѣриваемимъ жалобамъ. Напослѣдокъ, когда я учредилъ для лутшаго порядку экономическую канцелярію, не мою точно, но гетманскую, въ томъ мнѣніи, даби всѣ малороссійские дѣла лутшимъ распорядкомъ теченіе свое имѣли, а въ оной опредѣлилъ членами совѣтника Теплова и трехъ бунчуковихъ товарищей, а именно: Тернавского, Ломиковскаго и Чуйкевича, гдѣ и писменное учрежденіе далъ, что оная экономическая моя канцелярія не иное какое мѣсто есть, тоже самое, что и войсковая канцелярія, но одному мѣсту отъ меня предпоручено войсковые дѣла отправлять, другому гетманскый урядъ, касаючыйся до содержанія дому нѣкоторихъ городовъ и маетностей; то въ семъ случае возмечтали ви таковое мое учрежденіе вовся уничтожить разними проэктами и своимъ прозрѣніемъ, и перво, неприлично почитать то себѣ за обиду, что оной экономической канцеляріи опредѣлено отъ мене относиться съ вами въ равенствѣ: въ каковихъ случаяхъ никогда не взирается на честь присутствующихъ, но на важность мѣ-

ста. Вскорѣ-же послѣ моего учрежденія, ви вздумали уравнивать войсковихъ канцеляристовъ съ членами экономической канцеляріи, и на сношеніяхъ, въ противность мнѣ, своимъ установленіемъ опредѣлили подписываться рядовимъ канцеляристамъ, а въ немалую обиду членамъ той канцеляріи; напослѣдокъ, когда оное мною пресѣчено было, то не единожди на справедливыя требованіи оной канцеляріи присилать свои грубия отвѣти и задавать иногда неприличныя требованія, на которие я снисходительно чрезъ долгое время съ терпѣніемъ взиралъ. Наконецъ, усматривая самъ изъ нѣкоторихъ въ экономическую мою канцелярію отъ васъ сношений таковыя экспрессіи, которыя безъ всякаго уваженія на мою собственную персону обращается, то, не требуя уже ни отъ кого себѣ болшихъ доказателствъ и экспликацій, хотѣлъ принять таковия мѣри, каковихъ власть, по всевисочайшей волѣ отъ ея императорскаго величества, мнѣ данная надъ вами требовала; но по крайней моей умѣренности еще удержался отъ того, а повелѣлъ изъ экономической канцеляріи отвѣтъ за моею апробаціею вамъ написать, что и учинено, и хотя ви точно вѣдали, что оный отвѣтъ изъ экономической канцеляріи состоялъ изъ моихъ собственныхъ повелѣний, однако-жъ не хотячи онаго разумѣть, вздумали мнѣ приносить на совѣтника Теплова жалобу, дая чрезъ то мнѣ знать, что вы не пріемлете таковихъ моихъ отвѣтовъ; а между тѣмъ учинили у себе, яко-би парламентское нѣкоторое опредѣленіе, въ противность моему ордеру, не сноситься писменно въ равенствѣ съ экономическою канцеляріею, чего было вамъ дѣлать никакъ не подлежало, безъ собственнаго моего повелѣнія, а слѣдовало представить прежде и ожидать на то резолюціи, а не собою отрѣшить мои ордери, чрезъ что явное подали презрѣніе къ моей персонѣ, а на себе навели нѣкоторое общественное самовластіе въ народѣ. Сколь сіе есть дерзновенно, то ви разсудить сами можете. Хотя-жъ ваша жалоба несправедливая отвѣта еще отъ мене никакова не удостоена, но для лутшаго усмотрѣнія, кто таковимъ затѣйкамъ притчиною, принужденъ я былъ господина обозного генеральнаго [1]) въ войсковую канцелярію опредѣлить съ вами едвимъ, а протчихъ отрѣшить; ибо ви иногда сказиваете въ таковихъ случаяхъ, что не силни другихъ голоси оспорать. А нынѣ усматривая, что положенное вами опредѣленіе прежде

---

[1]) Семена Кочубея.

сего о несношеніи съ экономическою канцеляріею письменномъ въ вашемъ мнѣніи силу свою и по сію пору имѣетъ, въ явную противность мнѣ, и господинъ обозный генералный, хотя далеко старѣе васъ чиномъ, мнѣніемъ своимъ согласующій съ моимъ ордеромъ, не силенъ находиться васъ самихъ оспорить; чрезъ таковый поступокъ ви себе оказали, что и прежнимъ затѣйкамъ не кто иный притчиною, ибо вознамѣрилися или виспкать отъ мене неправедно требуемую сатисфакцію на совѣтника Теплова, или таковымъ ослушаніемъ укорить мои поступки, которыя предъ лицемъ ея императорскаго величества всегда вѣрни и безпристрастни. Я вижу, что ви мою терпеливость и учтивое до сего времени съ вами обхожденіе толкуете своей головѣ, якобы въ нѣкоторое мое непроницателство, въ чемъ ви по сіе время весма опибаетеся. Изволите ведать, что ваше високомисліе мнѣ всегда видимо было и оное весма неприлично; и ви никакими знатними службами предъ ея императорского величества похвалиться еще не можете предъ протчими многими службами въ Малой Россіи; хотя ви и много лѣтъ щитаете вашей службѣ, и вѣдаете, что довольно найдется у ея императорского величества чество служащихъ малороссійскихъ людей, которые мѣсто ваше заступить могуть. И не думайте, чтобъ ви въ такой цѣнѣ были, какъ ви сами себе содержите. Когда ви презираете вѣсъ до сего учиненныя вамъ отъ мене милости и снисхожденіи, а напослѣдокъ не толко ослушни уже являетеся моимъ ордерамъ, но и своими противнаго содержанія приговорами отрѣшаете, чрезъ что явное поощреніе даете другимъ, то видно, что ви не хотите припамятствовать поступокъ прежнихъ моихъ антецессоровъ съ таковими ослушниками, а составляете и своей персонѣ голосъ, якоби цѣлаго народа, противу мене. Чего ради я не имѣю болшей къ вамъ никакой повѣренности и отрѣшаю васъ отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ, а сверхъ того приказиваю быть вамъ въ Глуховѣ, не віезжая ни на малое время, ни подъ какимъ видомъ, безъ моего позволенія, изъ города. А ежели что противно сему еще учините, то я другия мѣри сищу васъ заставить почитать власть надъ вами поставленную отъ всемилостивѣйшей нашей самодержицы.

Москва. Декабря 24 д. 1753 году.

Гетманъ Разумовскій[1]).

---

[1]) Думаемъ, что приведенный „ордеръ" Разумовскаго, найденный нами въ сулимовскомъ архивѣ въ копіи XVIII в., писанъ подъ диктовку Теплова, который предсѣ-

7.

Письмо А. Каноровскаго-Сохи къ Григорію Сковородѣ. 1754 г.

Любезнопріятнѣйшій другъ мой, господинъ Сковорода.

Писаніе ваше чрезъ г. А. Турчановскаго я исправно получилъ. Не мало радуюсь о вашемъ прибытіи въ Малую Россію; много паче печаленъ о неудачи вашей въ вашемъ странствованіи. Однако нѣчему и удивлятись: часто трудолюбивая пчела, ища пріумноженія сокровищамъ своимъ, обтекая неизмѣримые мѣста пространныхъ поль, зачавъ отъ Пелопонеса и минуя острова Сериаскіе, прелетѣвъ изобилную Индію, ища цвѣту амарантового, преходитъ чрезъ сѣверные границы, гдѣ царство Хаоса и Старой Нощи граничитъ съ небомъ, тщетно возвращается, но вторично почивъ чрезъ ночь, возводитъ очи вмѣстѣ и желаніе свое, видитъ по щедротамъ неба блещащую на листахъ полезную росу, которая развиваетъ унылые листья и показываетъ ей цвѣты корыстми потребными наполненыи, она радуясь усугубляетъ трудъ свой, забиваетъ суети прошедшаго дни, возмѣщаетъ корысти и радуясь награждаетъ потеранное.

Таковымъ образомъ, пока силы еще въ насъ, а паче въ тебѣ не ослабѣваютъ, возведъ очи къ милосерднимъ небесамъ и во мѣсто росы, проливъ свой источникъ, протекающій отъ сердца чрезъ пріятные два свѣтила, дождись оттуду корыстей; дождись и мене, твоего нелицемѣрного друга, который въ жаждѣ твоей самъ сугубо жаждетъ. Ежели тебѣ не скифство покажется, тамъ гдѣ я хочу, будешъ вомѣщенъ несумнѣнно. Все оставя, не печалея и дождись мене. Я въ маи мѣсяцѣ именно буду. Я о тебѣ старателство хочу приложить и исходатайствовать тебѣ тѣхъ милость, которіи умѣютъ съ каменя сдѣлать человѣка да человѣка доброго. Не отлучайся никуда; я за тобою пришлю, какъ пріѣду; потерпи на мнѣ, вся ти воздамъ. А нынѣ заключаю, что я твой вѣрній братъ и слуга, каковыми хочу жить и умереть. А. Каноровскій-Соха.

дательствуя въ учрежденной по его мысли и для него „экономической канцеляріи", хотѣлъ, подъ видомъ защиты интерессовъ „гетманскаго уряду", взіять на дѣла всей Малороссіи. Встрѣтивъ опнозицію со стороны Скоропадскаго (р. 1697+1758), Тепловъ, какъ видно, безъ особыхъ затрудненій, удалилъ его „отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ" и выдвинулъ на его мѣсто молодаго Семена Кочубея (р. 1725 г.), уже безпрепятственно взіялъ на дѣла Малороссія.

P. S. Бога ради, братѣку, прилѣжай ученіямъ и ежели нѣ отъ кого, то самъ, до пріезду моего, у себе учись. Не печались ни одѣяніемъ, ни другимъ чимъ; все будетъ, толко ученія не забывай. Вотъ тебѣ за много латинскихъ и русскій:

Питай лавръ водамы, пока не увянетъ!
И скройся грозныхъ тучъ, пока громъ не грянетъ!

Не погнѣвайсь, что я писалъ скоро и безъ разсужденія. Ты простишъ мнѣ, что не резолюцію написалъ.

P. S. Хотя не сатрапа персидскій, однакожъ не тотъ, что былъ; толко ты узнаешъ протчихъ. Оддаленъ живу и умру оддаленъ-же.

1754 г. генваря 25 д.
Москва [1]).

8.

Писма Семена Ивановича и жены его Прасковьи Семеновны Сулимъ къ сыновьямъ.

а) Любезнѣйшій сыну, Якимъ Симеоновичъ. Ми родительски сердцами обрадовани о виражениомъ въ писмѣ, что насъ Всевишній за труда не оставляя, якое нѣ есть производство подъ болшій степень получили. И надѣемся, по нашему молитвенному къ Богу восклицанію, не оставлени и впредь будете, толко по своимъ наукамъ зъ помощію (сѣтце сутъ патрони:) а лучше Божіею дерзать, чимъ би еще въ живихъ будучи, въ серцахъ ми радостнихъ пріобрѣли хочь маленку жизнь. О Симеонѣ, сыну нашемъ, болѣе размишлять нѣчего, какъ бы ему хорошую отставку получивши, женить его, чтобъ и насъ, не лишась сего вѣка, моглъ поддержать и своими труди; ибо въ насъ въ отечествѣ много противъ прежнего перемѣнъ насилствуется; хочай на то отъ монархи имянного и указу нѣтъ, можете зъ копѣи у Семена вичитавши, разсудить, да и впредь, Богъ вѣсть, что происходитиметъ. Васъ, любезнѣйшій сыну, родителски просимъ, всѣми мѣри стараться о дохожденіи

[1]) Письмо надписано: „Сердечному другу и пріятелю моему, Григорію Ивановичу, его благородію, Сковородѣ, или Савину, или Дунаевскому. Въ „Каврая". О Капоровскомъ знаемъ только, что онъ былъ племянникомъ Семена Ивановича Сулимы, полковника переяславскаго. Село Каврая въ это время принадлежало Степану Васильевичу Томарѣ. Вѣроятно, о немъ и говорится въ P. S.

по дѣлу Михалчиной и Гудовки маетностей конца и насъ наскорѣ увѣдомить. О Симеонѣ разсудить, что вскорѣ очей позбудеть, да и тамо зъ жалованья ему не прокормится, какъ въ одѣяніи и прочомъ. Бога ради, промишляйте объ немъ и какъ возможно старайся въ будущій годъ выпускъ ему совѣтовать получить. А вамъ отъ сердецъ родителскихъ зичимъ, при молитвахъ нашыхъ, въ помощь благополучія вашего пробавить и контитовать до болшого степени; отъ отчизны васъ не оставляемъ во вѣки. Сиюочку, за присылку книгъ много благодарю и впредь просимъ переводами своими снабдивать насъ. Книжки Тюрена, зъ которихъ мѣлъ презентовать нашему шефу П. А. Румянцову, но я его дожидаясь въ полку своемъ видѣть и тогда презентовать имѣлъ; однакъ пощастю въ насъ не бивалъ и затимъ остались въ мене. Болѣе за слабостію писать не досугъ. Васъ, любезнѣйшій сину, Божію промислу, при молитвахъ нашихъ, препоручаемъ. Вамъ всѣхъ благополучій вѣрноусерднѣйшій отецъ и мати Семенъ Параскевія Сулими.

Ноябра 30 д. 1765 г. Баришовка.

б) Любезнѣйшіе дѣты, Семенъ Семеновичъ, Якимъ Семеновичъ. Отпущенимъ моими до сего къ вамъ чрезъ Кіевъ и Глуховъ писмами дала я вамъ знать о горестномъ и тяжкомъ приключеніи нашемъ, что мой мужъ, вашъ отець, минувшого мая 27 числа, сполдни въ половинѣ третего часа, по долговременномъ разними болѣзнями страданіи, преставился изъ сего на вѣчное житіе, оставя мене съ вами въ сиротствѣ и къ пролитію тяжчейшихъ слезъ моихъ. А нынѣ и чрезъ сей удобной случай о томъже нещастіи вамъ повторяю и плачливе прошу васъ, любезніе дѣти, во всемъ томъ, что покойній отець вашъ чрезъ отправленного къ вамъ Якубовского писалъ, прилагать неусыпного старателства къ вашему благополучію и моему утоленію несносныхъ печалій. Да и сами вы, какой ни на есть съ васъ, не укоснѣть сюда пріѣхать подъ сей случай, ибо братъ вашъ Евстафій Семеновичь на время было въ домъ отпросился, да и паки на срокъ по обовязки отъѣхалъ. При томъ не оставте постараца испросить у графа Румянцова сюда въ полкъ ордеръ, чтобъ значковій товарищъ Шулговскій, въ котораго вѣдѣніи и знаніи всѣ нашы писменніе дѣла, оставленъ былъ для онихъ, подъ такое время, при домѣ нашемъ, на свободѣ отъ полковихъ по его званію нарядовъ; и тое прислать ко мнѣ, и обо всемъ уведомить, да и Якубовскаго не медлить. Чего всего, а паче самихъ васъ, коего возможнаго

прибытія, ожидая и поручая васъ же Божію благословенію и милосты, остаюсь вамъ, любезніе сыни, усердно богомолствующая печалная маты, Параскевія Сулимина.

Іюнь 9 д. 1766 г. Барановка.

9.

Письмо Василія Ивановича Скоропадскаго къ Ивану Андреевичу Войцеховичу. Окт. 1786 г.

Милостивый государь мой, Иванъ Андреевичъ. Признательно вамъ благодарю за исполненіе моей коммисіи относительно отсылки письма моего въ Питербургъ и за сообщеніе разныхъ бумагъ, въ пакетѣ вашемъ вложенныхъ. У насъ по Юркевичевому дѣлу есть очевидность доказательствомъ, что нынѣ въ свѣтѣ все идетъ и такъ, и сякъ. Планы я у васъ оставляю, потому что они здѣланы для покойнаго отца моего и ошибкою оставлены въ коммисіи покойнымъ Семеномъ Васильевичемъ [1]). Записку-жъ, по требованію вашему, обратно вамъ отсылаю и хотя вы таите сочинителя оной, слѣдуя въ случаи семъ скромности столько васъ отличающей, которой въ протчемъ правду говоря, между нами не долженствовало бы быть, однакожъ по надутому слогу, по чудности изреченій, по лести безмѣрно тутъ находящейся, я отгадываю, что писалъ записку тотъ грекъ, что изъ Царьграда притекъ, несносну ябеду съ собой привлекъ и матерѣ его да будетъ пекъ. Въ протчемъ естли тѣ безмѣрныя похвалы, коими усыпана записка, относются на имя извѣстнаго вамъ моего благодателя и правителя сего края [2]), то они справедливы суть всеконечно. Но естли паче чаянія (чего конечно быть не можетъ) клонятся они къ тому, кто столько фамилію нашу обидилъ, то вотъ мой на сіе отвѣтъ:

не ложно,	ни за что,
что можно	ни про что,
дурака,	возвышать,
простака,	украшать
выхвалять,	дѣлами,
прославлять	хвалами.
и повѣсть	На время
надъ совѣсть	и племя,

[1]) Кочубей, членъ малороссійской коллегіи. † 1779 г.

[2]) П. А. Румянцевъ.

что течетъ,
навлечетъ
правды свѣтъ
и минетъ
ужъ тогда,
на всегда,
блескъ хвалы;
а глупый
тотъ подлецъ,
тотъ страмецъ,
что писалъ,
что маралъ,
что потѣлъ,
что вертѣлъ
и умомъ,
и перомъ,
дабы соръ
пустой вздоръ
издавать,
предавать
потомству,
къ знакомству
всѣхъ людей
по своей
глупости,
тупости,
допущенъ быть не можетъ.

Ожидаю отъ скромности вашей, любезный другъ, что сія шаль, которая ничто иное есть, какъ плодъ празднаго времени, останется между нами, не съ тѣмъ однако, чтобъ я сего боялся; нѣтъ! но чтобъ не имѣть себѣ непріятелей. Въ протчемъ усердіе мое и почтеніе къ вамъ есть довольно извѣстны. Итакъ не распространяя письма моего излишними онаго повтореніями, я кончу тѣмъ для меня найпріятнѣйшимъ увѣреніемъ, что есть и пребуду навсегда вашъ покорнѣйшій слуга. В. Скоропадскій [1]).

(Ок. 1786 г., изъ с. Авдѣевки).

10.

Два письма слободско-украинскаго епископа Христофора Сулимы къ брату Акиму Сулимѣ. 1789 г.

а) 1789 года 12 августа, въ понедѣльникъ, съ Санктпетербурга.

Донесъ меня Богъ въ Питеръ благополучно сего 9 августа, въ четвертокъ. Живу въ невскомъ монастырѣ. Ризницу уже при-

[1]) В. Ив. Скоропадскій служилъ у Румянцова адъютантомъ. Подъ обидчикомъ Скоропадскихъ здѣсь разумѣется, кажется, генер.-лейт. Семенъ Ивановичъ Неплюевъ, мужъ двоюродной сестры В. Ив—ча, Прасковья Петровны. Послѣдняя, будучи бездѣтною и желая передать мужу имѣнія, выдала на послѣднія купчую крѣпость какому-то Чоглокову, а Чоглоковъ на эти имѣнія выдалъ Неплюеву закладную крѣпость. Скоропадскіе, послѣ долгаго процесса, добились признанія купчей крѣпости недѣйствительною и вернули отъ зятя сс. Блотницу, Васьковцы, Чепелевъ и Охромѣевичи.

нали въ синодѣ. Письма поручилъ; одно только еще у меня остается къ Якимовичу. Графъ [1]) сказалъ: съ удовольствіемъ пріймуся стараться и пошлю къ митрополиту записку или съ нимъ увидѣвшись, поговорю. Петръ Васильевичъ [2]) приказалъ частѣе у его бывать и обѣщался такъ-же стараться, но примолвилъ еще, чтобъ собравши мѣсто, ему доложилъ. Николай Петровичъ [3]) былъ весьма доволенъ письмомъ и мнѣ показался приятнѣйшимъ; притомъ сказалъ, когда услышилъ, что 24 года въ монашествѣ и еще безъ чина, что всѣхъ святыхъ призовемъ на помощъ, чтобъ графа понудить къ доставленію чина и—свой своему по неволѣ долженъ помогать. Есть еще дворецкій у графа съ студентовъ, Острогорскій, приближоный къ графу, а мнѣ знакомый, ибо я его отцу помогалъ еще въ Переяславѣ и онъ помнитъ; а посему меня скоро и къ графу представилъ и крѣпко съ Николаемъ Петровичемъ взялся часто напоминать о мнѣ графу. Но что Богъ устроитъ, еще не извѣстно. Въ духовныхъ нѣтъ надежды вовся, кромѣ духовника; не любятъ—съ дворянъ; хотятъ, чтобъ первѣе имъ послужилъ, а потомъ въ чинъ. Митрополитъ приказалъ намѣстнику, когда буду проситься въ невскій монастырь, то чтобъ принялъ въ число братіи; но я ни за что здѣсь оставаться не соглашуся и мнѣ здѣшнее житье вовся не кажется; я естьли недѣль чрезъ двѣ ничего не получу, отсель удалюся и оставлю стараніе Николаю Петровичу и г. Острогорскому. Желаніе-жъ мое, за возвратомъ, переселиться къ могилевскому преосвященному [4]): ибо онъ обѣщался дать мнѣ чиноначаліе, а большого буду ожидать въ маломъ чинѣ. Всѣ о вашемъ здоровьи спрашивали, а о дѣлахъ никто ничего не предлагалъ. Петръ Василіевичъ удивился, когда услышилъ о смерти Семена Семеновича. Valete et sis validus; timeo, ne teneam necessitatem rerum gerendarum ideoque cito hoc mense discedam.

P. S. Матушкѣ низенько кланяюся, а юнотъ [5]) мысленно цѣлую. Искренно желаю видѣть всѣхъ здоровыми и благоденственными.

---

[1]) Безбородко.

[2]) Завадовскій.

[3]) Румянцевъ?—Отецъ его, тогдашній правитель Малороссіи, былъ сосѣдомъ Сулимъ, по ташанскому имѣнію.

[4]) Георгію Конисскому.

[5]) Юношъ, т. е. дѣтей Акима С—ча.

б) Съ Санктпетербурга въ среду 1789 года, 3 октября.

Excellentissime atque clarissime!

Се! уже благоволилъ Всевышній излить на мя благость свою не по моему достоинству, но щастіемъ вашихъ юнотъ, къ ихъ можетъ быть будущему удовольствію, коихъ прошу за меня поцѣловать и есть-ли успѣшны во всемъ благомъ, то и погладить, а я имъ не премину въ гостинецъ привезть по едной книги съ картинами. Въ день Покрова, въ который совершается въ Сулимовкѣ память предковъ нашихъ[1]), при посвященіи переименованныя съ богородичнаго Успенія церкви каменныя во Владимира, строившіяся 50 лѣтъ, которая на питербургской сторонѣ, въ виду множества генераловъ и народа, произведенъ митрополитомъ Гавріиломъ во игумена въ свято-николскій моденскій монастырь, состоящій отъ Новагорода въ 15-ти верстахъ. Но въ сей обители мнѣ не быть и ея не видѣть, потому что за производствомъ въ Иркуцкъ архіерея и по перемѣщеніи архимандритовъ, будетъ мнѣ недѣль чрезъ двѣ производство въ архимандрита, а игуменомъ здѣланъ только для совершенія порядка. За полученіемъ сего позвольте васъ просить, чтобъ вы совершенно щитали меня архимандритомъ и о семъ-бы отецъ Павелъ и отецъ Кондратъ принесли-бъ Богу благодареніе. Благодарилъ я графа, благодарилъ я и Николая Петровича и г. Острогорскаго, коего я вѣкъ не забуду, ибо онъ меня графу представлялъ и меня рекомендовалъ. Графъ чрезвычайно ко мнѣ ласковъ и благосклоненъ, а ходатайство его и промыслъ неусыпныя. Г. Новицкій бывши у меня, сказывалъ: „графъ-де росказывая, что видѣлъ тебя въ одной каретѣ съ митрополитомъ ѣхавшаго, якобы задумавшися, сказалъ: будетъ-ли то нашъ отецъ Христофоръ архіереемъ? но я-де отвѣчалъ, развѣ по времени, а теперь по производствѣ архимандритомъ, нужно чтобъ повидѣлся съ роднею". И сіе сказано въ мою пользу: ибо здѣсь у меня уже денегъ нѣтъ и ни у меня, ни у Гаврилы[2]), шубъ не имѣется. О семъ обясниться я стыдился г. Новицкому, потому что онъ-бы графу сказалъ, что было-бъ мнѣ въ стыдъ, а вамъ-бы можетъ быть было въ поношеніе. И такъ я принужденъ занять триста рублей у г. Острогорскаго. Наконецъ Николай Петровичъ спрашивалъ

---

[1]) Сулимовская церковь посвящена Покрову Богородицы.

[2]) Слуга Сулимы.

меня, освѣдомлялъ-ли я родныхъ о графской милости и о успѣхѣ производства. Я отвѣчалъ, что о первомъ писалъ, а о другомъ буду писать. Онъ мнѣ отвѣчалъ: пишите. Я изъ сего заключаю, что нужно и надобно, дабы вы, пока я здѣсь, письмомъ благодарили графа и г. Новицкаго; а ко мнѣ не извольте писать потому, что письмо урядъ-ли меня здѣсь застанетъ: ибо я, по производствѣ архимандритомъ [1]), немедленно выѣду и буду къ вамъ возвращаться чрезъ Москву, Смоленскъ и Могилевъ. Къ господину-жъ Острожскому писать я на волю вашу отдаю и за возвратомъ больше вамъ о немъ доложу. А Zawadowsky nihil boni fecit nec post primû ostensit suâ faciem. Теперь позвольте терпѣливо внять прозьбу мою: 1) нижайше прошу заготовить для отдачи денегъ г. Острогорскому хотя рублей двѣстѣ, чтобъ я могъ за возвратомъ заразъ долгъ ему отдать и симъ чувствительность оказать, а у меня надѣюся сыщется сотнишка; но при семъ прошу не безпокоить ни Скорупиного, ни пани сватовой скарбу, а изъ точного Сулиминого одолжить; я-жъ надмуся десятерицею отдать. 2) Не оставте притвердить заразъ пану Матвею, чтобъ онъ часто часто чрезъ Тимоха келіи мои и въ нихъ содержимая навѣщалъ и наблюдалъ, дабы было все цѣло, чисто, тепло и въ порядкѣ; а я ему уже купилъ круговое платья. Впрочемъ прошу кланяться матушкѣ и испросить ея ко мнѣ благоволенія, а безъ сего опасаюсь заѣхать, чтобъ иногда какъ мать и съ крестомъ меня за уши не подрала; но нѣтъ! не посмѣетъ! Я теперь важенъ и гордъ! Фе! Я поистиннѣ, слава Богу, и здоровъ, и веселъ, и судьбою моею доволенъ. Желаю душею моею, чтобъ мнѣ и васъ въ такомъ положеніи видѣть и воспѣть: здравствуйте! а нынѣ прощайте.

Позвольте сказать: хоть лиха набрався, но въ щастя впхався. Теперь я не прошу невѣстушку о архимандріи. Фе! и думать не хочу. А Грыбанъ отъ радости еще больше для важности грыбы свои отквасилъ. Митрополитъ моею благодарною рѣчью весьма былъ доволенъ; а по отпускѣ сего примуся за двѣ (рѣчи), т. е. одну на случай, для высочайшаго лица, а друю для митрополита. О дѣлѣ черниговскомъ ниже слышу что; я весьма опасался при-

---

[1]) Христофоръ Сулима посвященъ былъ архимандритомъ въ гамалѣевскій харлампіевскій монастырь (глуховскаго уѣзда) 14 декабря того-же 1789 г. (объ отъѣздѣ Сулимы изъ Спб. см. письмо Безбородка—Сборникъ русск. ист. общ., XXVI, 478). Умеръ въ 1813 г., въ санѣ слободско-украинскаго епископа.

ѣзду Іоськового [1]), но однакъ обманулся. Я у него не былъ еще и съ нимъ не видѣлся, а слышу, что онъ въ моей судьбѣ ни тепелъ, ни холоденъ. Графу-жъ онъ сказалъ только: умно вы здѣлали, что сему невинному помогли и я радуюся. Подлинно весьма графъ ко мнѣ благопріятенъ. Онъ до небесъ возноситъ родъ Сулимъ и доброту родителей и въ одно время сказалъ: и грѣхъ мнѣ, когда я сему Сулиминому потомку не помогу. А единожды съ сожалѣніемъ говорилъ о невинныхъ доносахъ на батюшку нашего. Иваненковы [2]) письма часто раздираетъ и терпѣть не можетъ, говоря: я-бы желалъ, чтобъ сей.... ни меня не зналъ, ни я его.

11.

Письма Якима Якимовича Сулимы къ отцу. 1804—1805 г.

а) Милостивый государь, батюшка!

Съ позволенія г-дъ профессоровъ, Петра Ивановича Страхова и Антона Антоновича Антонскаго, хожу я въ преподаваемые ими публичные ординарные классы опытной физики и натуральной исторіи, по 3 часа въ недѣлю. Приватныя лекціи для философіи имѣть буду, дней чрезъ пять, у профессора философіи Павла Аѳанасіевича Сахацкаго, о учености коего извѣстно и въ самой Германіи; онъ знавъ дядюшку Христофора Семеновича [3]), еще іеромонахомъ въ кіевской академіи, съ охотою на сіе согласился; о цѣнѣ, однако жъ, за каждую часть философіи еще не объявилъ. Но профессора для смѣшенной математики до сихъ поръ не нашли; Панкевичъ, весьма прославившійся профессоръ науки сей, по причинѣ слабаго своего здоровья, приватныхъ лекцій никому не даетъ; а другіе профессора то весьма дорого цѣнятъ труды свои, то далеко живутъ.

По вступленіи моемъ въ классы, имѣлъ я честь быть съ Иваномъ Ивановичемъ [4]), 19-го сего мѣсяца, у его высокопревосходительства Александра Андрѣевича; и приняты мы были

---

[1]) Кажется, слѣдуетъ разумѣть Судіенка (Осипа Степановича), бывшаго фактотумомъ у Безбородка.

[2]) Иваненка, Григорія Григорьевича, назначеннаго переяславскимъ полковникомъ на мѣсто умершаго Семена Ив—ча Сулимы, отца Христофора.

[3]) См. выше, № 10.

[4]) Вачновскимъ, воспитателемъ Як. Як—ча Сулимы.

весьма благосклонно: онъ изволилъ спрашивать о здоровьѣ вашемъ, о братѣ Павлѣ Якимовичѣ, выпэилъ сестры замужъ и приказалъ намъ остаться у его обѣдать. Впротчемъ я не знаю, что со мною его высокопр-ву по письму вашему, на которое отвѣчать обѣщался, угодно будетъ здѣлать. Ожидая, въ разсужденіи сего, вашихъ повелѣній и испрашивая родительскаго благословенія, честь имѣю пребыть съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію вашъ, милостивый государь батюшка, всепокорнѣйшій и послушнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

9 октября, 1804-го года.
Москва.

P. S. Квартиру, которая была далеко отъ университета, мы перемѣняли: оная теперь близъ самаго университета, въ домѣ университетской церкви пономаря.

б) Милостивый государь, батюшка! Пользуясь недавно открывшеюся здѣсь весною, посѣщалъ я нѣкоторыя достойныя примѣчанія мѣста: и ничто мнѣ такъ не понравилось, какъ голицынская, недавно выстроенная, больница. Князь, движимъ будучи нѣжнѣйшею чувствительностью къ человѣчеству, умѣлъ украсить благодѣтельное сіе заведеніе и превосходнѣйшимъ вкусомъ въ расположеніи, и совершеннѣйшимъ искуствомъ въ исполненіи. Прияти туда: въ покояхъ—цѣль и средство; во храмѣ Бога—величолѣпіе и благоговѣніе приходящихъ. Тутъ позналъ я силу произведеній великихъ артистовъ на чувствованіе наше. Величественные въ церьквѣ восѣмь мраморныхъ столбовъ, пространство, свѣтъ, игра горящаго солнца въ яркой бронзѣ у жертвенника, вселяютъ нѣкоторый священный страхъ, и—слышенъ, кажется, гласъ: земля, на ней-же стоиши, свята есть! Сіе чувствованіе растворяется надеждою, когда обратятся глаза на картины, представляющія разительно Божество, его величіе и премудрость, его благость и милосердіе—картины, кои пребудутъ вѣчнымъ предметомъ удивленія! При таковой перемѣнѣ движенія духа, тихая и совершеннѣйшая гармонія пѣвцовъ, переливаясь изъ тона въ тонъ, изъ трели въ трель, погружаетъ его въ какое-то пріятное забвеніе, возвышаетъ его, и—онъ стремится къ своему началу—всеобщей причинѣ. Тутъ проникъ я Сократову истину: совершеннѣйшая музыка есть настоящая философія! Мраморный памятникъ, воздвигнутый въ честь строителю, за-

служиваетъ также великаго вниманія: онъ выработанъ съ послѣднею возможностію. Женщина, стоящая предъ бюстомъ на колѣнахъ съ распростертыми руками, и обращаясь къ олтарю, упрекаетъ, кажется, самое небо въ отнятіи таковаго благодѣтеля людей! Нельзя не подумать, что въ хладный сей мраморъ, образованный рукою искуства, не заключена и жизнь, и душа. Каждая часть, каждая черта живо выражаетъ снѣдающее сердце тягостнѣйшею печалію, и не находящее ни въ чемъ утѣшенія!...

Ты былъ другъ природы! сказалъ я. Ты здѣлалъ честь нашему времени!—Достойное достойному!!!... Я приготовляю себя видѣть Останкинъ, мызу г. Шереметьева. Сіе мѣсто заслужило удивленіе двухъ императоровъ, Іосифа II и Павла I.

Примите, милостивый государь, батюшка! усерднѣйшее почтеніе, съ коимъ имѣю честь пребыть навсегда вашъ покорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

16-го маія, 1805-го года Москва. На Никольской. Въ Богоявленскомъ монастырѣ.

P. S. Уже двѣ молотильни осматривали мы, однакожъ сверхъ того, что солома совсѣмъ къ употребленію, выключая корму скота, не будетъ годиться, вычислилъ я, что 5 человѣкъ, работая на ней 12 часовъ безъ отдохновенія, не больше могутъ обмолотить 30 копенъ. Правда, работа на ней весьма легка: шевчики, а не шевцы, съ приставникомъ съ нею управятся. Цѣна за оныя по 300 ру. Смотрѣли мы и вѣяльницы: они точно такія, какъ наша; въ нашей только размѣръ потерянъ. Сіе удержало насъ заплатить 100 ру. за простую сію машину. Бритвы при семъ имѣемъ честь поднести: для нихъ потребна только горячая вода и ремень, но никогда оселокъ.

в) Милостивый государь батюшка! Наконецъ пришли тѣ драгоцѣннѣйшія минуты, что хвалюся предъ вами. Выслушалъ я курсъ философіи; понимаю то, что есть чистое и человѣка достойное! Я счастливъ: знаю то, чего-бы не зналъ, не имѣя родителя философа! Чувствованіе сего счастія, недовѣдомаго многимъ, зажгло новый и вѣчный фиміамъ благодарности ему Великому! на жертвенникѣ моего сердца.

Позвольте мнѣ, милостивый государь батюшка! послушать еще отъ премудростей безсмертной Ураніи, подвергающей эѳиры своему разуму, да познаю и я пути небесныя, бѣги свѣтилъ по

неизмѣримымъ эллипсисамъ, таинственные законы звѣздъ; да узрю по ближе дѣла перстъ Божіихъ. Ни вышности должностей гражданскихъ, ни блески буйной славы подвиговъ воинскихъ, не прельщаютъ меня: я музамъ себя посвятилъ. Благоволите, что-бъ и сѣверъ къ новому году совсѣмъ не нуженъ мнѣ былъ, да поздравлю онымъ и облобизаю руки родителя, котораго почитаю и которому удивляюсь! Милостивый государь, батюшка, вашъ всепокорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

4 іюля, 1805-го года. Москва. На Никольской, въ Богоявленскомъ монастырѣ.

1) Милостивый государь, батюшка! Письмо ваше и деньги 700 р. получили мы 19-го сего мѣсяца, исправно. Мнѣ весьма прискорбно, что не могу похвалиться вамъ: воля ваша исполнена, я записанъ въ университетѣ. Сему причиною крайняя слабость, которую почувствовалъ я съ 25 сентября, во всѣмъ моемъ корпусѣ, сопровождаемая чрезвычайною тяжестію. Хина, которой съѣлъ на 6 р., выключая другихъ лѣкарствъ, поставила меня теперь на ноги, но которой оставлять еще не велятъ. Въ семъ-то случаѣ увидѣлъ я наиболѣе привязанность и усердіе ко мнѣ Ивана Ивановича: не только самъ трудился онъ, но призывалъ еще старыхъ своихъ знакомыхъ изъ г-дъ медиковъ, доктора Вегнера и Фреза. Растройка сія въ здоровьи дала мнѣ знать, что я не способенъ оставаться болѣе въ ученомъ кругѣ. Чистая маѳематика, сдѣлавшись моимъ ремесломъ, престанетъ быть уже источникомъ пріятныхъ для меня занятій, но будетъ тяжкимъ бременемъ. Того не довольно, что могу я читать свободно всю чистую маѳематику въ ея апликаціяхъ къ смѣшенной: но и самыя тончайшія произведенія великихъ умовъ долженъ знать механически, какъ знаю артилерію, которая однако-жъ не можетъ быть мнѣ полезна. Таковы предлежатъ мнѣ труды; а я не могу и 4-хъ часовъ въ сутки, хотя сіе время и не достаточно, работать, какъ работалъ въ астрономіи надъ плоскою и ортографическою проэкціями, въ чистой маѳематикѣ надъ диференсіаломъ и интеграломъ, гдѣ разумная способность человѣка, отдѣляясь отъ всякой матеріи, занимается свободно вещами, внѣшнимъ чуствамъ неподверженными, дѣлаетъ ихъ возможными, дѣйствительными, даетъ имъ различные виды и назначенія. Сіе-то положеніе маѳематиковъ страшно: они не могутъ тутъ примѣчать, какъ время, шумя на быстрыхъ крыльяхъ, похищаетъ у нихъ половину дни, или половину ночи. Да и при испытаніяхъ пуб-

личныхъ не спросятъ: каково здоровье ваше? Мнѣ не возможно будетъ пользоваться полезнѣйшими совѣтами дражайшаго родителя! ни заниматься долго подобными работами, его нѣжнѣйшими попеченіями, его ласками—первѣйшимъ благомъ! Я долженъ править симъ тяжелымъ плугомъ и ожидать почти всеобщаго конца маѳематикамъ, котораго не избѣжали ни г. Голдбахъ, ни Іде, ни Загорскій, ни Панкевичъ! Почтенные сіи мужи вмѣсто того, чтобы пожать плоды на нивѣ долговременныхъ трудовъ своихъ, изнемогаютъ первые три—отъ лютѣйшей чахотки, дѣлающей самое бытіе ихъ несноснымъ, а послѣдній—паралитикъ. Такова маѳематика. Сверхъ того, лишаетъ она прочихъ полезныхъ познаній, требуя безпрерывныхъ упражненій въ ней или въ ея остротахъ, часто безполезныхъ, но которыя привыкли называть маѳематическими чудесами! Я предъ вами, дражайшій родитель!—открываюсь! не открыться—себя стыжусь: страшусь, со времени растройки въ здоровьи моемъ, принять ее и на время своимъ ремесломъ, оставляя щастливѣйшимъ меня въ комплекціи: и кандидатства, и магистерства, и адъюкства; и прилѣжнѣйше прошу васъ, милостивый государь, батюшка! дать мнѣ другое средство къ политическимъ необходимостямъ. Практическая астрономія—веретено, возлѣ котораго обращается непрестанно моя мысль! Не уйдетъ, когда почувствую здоровье мое возстановленнымъ и представится къ тому благопріятный случай. Впрочемъ, есть-ли проходить мнѣ ученые степени есть непремѣнная ваша воля, скажите—готовъ и послѣдними силами: ибо нѣтъ для меня ничего пріятнѣйшаго и лестнѣйшаго, какъ совершеннѣйшее покореніе и возможнѣйшее исполненіе оной и всего того, что можетъ усладить дни ваши, толико для насъ драгоцѣнные! Милостивый государь батюшка! вашъ всепокорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

24 октября 1805 года. Москва. Богоявленскій монастырь.

д) Monsieur et très cher père! Enfin après un hyver fort irregulier, le printems commence ici à se faire sentir tout inopinement; et il n'est pas étonant que les chevaux, que vous avez eu la bonté de nous envoyer, sont venus harassés quoiqu'ils n'ayent aporté pas un poud du tabac. Ces mêmes circonstances ne nous laissèrent pas nous determiner de vous envoyer en profitant du retour de Hamaniza à Koustricz: quelques modèles des machines économiques que mon frère aporta de payes étrangers et de Finlande et notre bibleotheque. Nous nous contentons donc de Vous faire passer seulement une petite quan-

tité de confitures dont vous m'avez parlé à mon départ de chez vous, et de semense Kounjoutnoe.

Jusqu'à présant je ne vous ai rien dit que je m'ocupe d'Architecture et de l'art des Jardins. Dans la première j'ai fait déjà quelques pas, grâce à mon ami M-r de Stassoff, proffesseur de l'Architecture de l'Accademie de s-t Luc à Rome. Plus je contemple les monumens de la haute antiquité, plus j'y trouve de solidité, de convenance et de beauté. Ces productions de l'antique art de batir dont la fermeté extrême nous étone et fera l'admiration de ceux qui naitront long temps après nous, font bien voir que l'envie de plaire n'etoit jamais l'objet de l'architecture; son but étoit la solidité de batimens, l'utilité publique et particulière, le bonheure et conservation des individus. Il est bien vrai que la beauté n'y fut point oubliée; mais l'air majeustueux et inposant des enciens édifices, qui les distingue des batimens modernes chargés des ornemens et des decorations mal entendues, ne depend que de la proportion de chaque masse en particulier et de l'harmonie qui regne entre les partie et leur ensemble.

Quand à l'art des Jardins j'en suis plus satisfait que je ne m'en attendois pas. Digne enfant de la belle nature! Cette jeune Muse élevée par la philosophie des anglois qui ne sont jamais las de l'examen de la nature, nous apprens de nous entourer des objets plains d'attraits et nous inspire les plaisirs les plus doux, les plus nobles, les plus durables qui fleurissent dans le carrière de la vie, plaisirs qui convient à tous les ages, à tous les états, à toutes les situations de 'homme, plaisirs, dit M-r Guichfeld, que les sujet partage avec son roi. Car quelles connoissance de la peinture en paysage, que de gout et de jugement qu'il faut avoir pour pouvoir, en imitant la belle nature se figurer l'ordonnace d'une vaste tableau sur le terrein ou l'on rencontre presque à chaque pas une foule d'obstacles qu'on ne peut surpasser qu à force d'imagimation bien exercée et par un travail soutenu. J'aime à surmonter les difficultés et je suis conduit dans la theorie de cet art par les talens et les lumiers de Guirchfeld; je vous suplie donc mon très cher Père de faire choisir un garcon, qui sait lire et écrire, d'une meilleure et riche famille de Vos sujets, de l'angager pres d'un Alemend qui dirige le jardin imperiale à Kiew et de le faire passer d'entre les bras de sa mère tout droitement à Kiew pour qu'il ne soit pas imbu des moeurs des courtisans. J'aurois besoin de bon cultivateur des plantes et des arbres: car je veux Vous faire un jardin qui surpassera le paradis que Mahomet imagina pour le recompense de Mousoulmans. Jài l'honneur d'être.

Monsieur et très cher Père Votre très-humble et très obcissant serviteur et fils Ioachim Soulima.

Le 17 mars, 1811.
S. P-bourg.

Переводъ. Милостивый государь, дорогой отецъ! Наконецъ то, послѣ очень неровной зимы, совершенно неожиданно весна начинаетъ здѣсь давать себя чувствовать; а потому не удивительно, что лошади, которыя, благодаря вашему вниманію, были намъ высланы, оказались измученными, хотя не привезли ни одного пуда табаку. Тѣ-же обстоятельства не дозволили намъ воспользоваться отъѣздомъ Гаманицы въ Кустичи, чтобы переслать вамъ нѣсколько моделей хозяйственныхъ машинъ, которыя привезъ мой братъ изъ заграницы и Финляндіи, а также нашу библіотеку. Поэтому ограничиваемся только посылкою конфектъ, о которыхъ вы говорили при моемъ отъѣздѣ, и кунжутныхъ сѣмянъ.

До сихъ поръ я вамъ еще ничего не говорилъ о своихъ занятіяхъ архитектурой и садоводствомъ. Въ первой я уже сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи, благодаря моему другу Стасову, профессору архитектуры академія св. Луки въ Римѣ. Чѣмъ болѣе изучаю я памятники глубокой древности, тѣмъ болѣе нахожу въ нихъ основательности, цѣлесообразности и красоты. Эти созданія древняго строительнаго искусства, необычайная прочность которыхъ удивляетъ насъ и заставитъ восторгаться далекихъ нашихъ потомковъ, доказываютъ ясно, что желаніе нравиться никогда не было цѣлью тогдашней архитектуры; цѣль ея заключалась въ прочности зданій, общественной и частной пользѣ, въ довольствѣ и безопасности отдѣльныхъ личностей. Правда, что красота нисколько въ нихъ не была забыта; но величественная и внушительная наружность древнихъ зданій, которая ихъ отличаетъ отъ новыхъ построекъ, обремененныхъ разнаго рода украшеніями, плохо понятыми, зависитъ только отъ соразмѣрности каждой массы въ частности и отъ гармоніи, которая царствуетъ между частями и цѣлымъ.

Относительно садоводства, я настолько доволенъ, какъ и не ожидалъ!—Достойное дитя прекрасной природы! Эта молодая муза, воспитанная философіей англичанъ, которые никогда не утомляются созерцаніемъ природы, учитъ насъ окружать себя предметами, полными привлекательности и внушаетъ намъ самыя пріятныя, самыя благородныя и самыя продолжительныя наслаж-

денія, которыя радуютъ насъ въ продолженіе всей жизни,—наслажденія, которыя соотвѣтствуютъ всякому возрасту, всякому положенію и всякому состоянію человѣка, и которыя, по выраженію Гиршфельда, подданный раздѣляетъ съ своимъ королемъ. Какихъ нужно познаній въ пейзажной живописи, сколько нужно вкуса и разсудка, чтобы, подражая чудной природѣ, представить расположеніе обширной картины на землѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу встрѣчается масса препятствій, побѣда надъ которыми возможна лишь при помощи хорошо изощреннаго воображенія и неустаннаго труда. Я люблю преодолѣвать затрудненія и—въ теоріи этого искусства, руковожусь талантами и знаніемъ Гиршфельда. Прошу, дорогой отецъ, прикажите найти межъ вашими крестьянами грамотнаго мальчика изъ хорошей и зажиточной семьи, и затѣмъ—отдать его къ нѣмцу, завѣдующему царскимъ садомъ въ Кіевѣ; но только отдать прямо изъ семьи, чтобы къ нему не могли привиться нравы дворовыхъ. Мнѣ будетъ необходимъ хорошій садовникъ, такъ какъ я желаю устроить вамъ садъ, который превосходилъ-бы рай, который созданъ Магометомъ для его мусульманъ.

12.

Письмо Павла Якимовича Сулимы къ отцу и отвѣтъ отца. 1804 г.

a) Monsieur et très cher père. N'ayant jusqu'ici reçu aucune nouvelle de la lettre de change, qui devoit, suivant ce que Vous nous avez écrit, suivre immediatement votre lettre du $^{15}_{27}$ d'avril, je me trouve obligé de Vous en faire part en vous priant très humblement d'en accelerer l'envoi, s'il est possible, avec le supplement de 1000 r. que vous avez eu la bonté de nous accorder. Le séméstre présent tire à sa fin et en couronnant mes travaux par l'attestation de l'Université, je me flatte d'avoir satisfait aux désirs et aux souhaits de mon très cher père. Pour y parvenir il me falloit subir l'examen de la faculté de Philosophie: j'ai comparu suivant l'usage devant cette imposante compagnie; fix Professeurs, le Doyen en tête, ont assisté et presidé à mon examen; M rs Tychsen, Schlötzer, Meyer, Meiners, Eychhorn et Mischerlich; c'etoit le $\frac{20 \text{ Avril}}{11 \text{ Mai}}$ et j'ai reçu le dyplome de Docteur en Philosophie muni de la signature de M r Tychsen, Doyen de la faculté de Philosophie et scellé du sceau de l'Université, ci joint la copie et celle de mon serment. Apres avoir disseré

de jour en jour en attendant la lettre de change ci—mentionée, je vous les envoie en vous faisant mille remercimens pour vos soins et vous priant tres humblement de vouloir bien les agreer comme une preuve parlante de mon zèle ardent pour l'accomplissement de vos voeux. Il ne me reste donc que commencer l'autre carriere en me rendant à Petersbourg: et je mettrai en route dès que j'aurai reçu l'argent, qui nous manque deja depuis longtems, le plutôt sera le mieux; nous serions charmés de profiter, s'il est possible, de la belle saison pour notre voyage pour ne pas arriver à Petersbourg sur l'arrière saison.

Dans l'esperance de recevoir bientôt de Vos chères nouvelles j'ai l'honneur d'etre avec le plus profond respect et la plus parfaite soumission votre très humble serviteur et fils Paul Soulima.

Le $\frac{20 \text{ Juin}}{5 \text{ Juil}}$ 1804. Göttingue.

Переводъ. Милостивый государь и дорогой отецъ. Не имѣя до сихъ поръ никакого свѣдѣнія на счетъ векселя, который, по вашимъ словамъ, долженъ былъ слѣдовать за вашимъ письмомъ отъ $^{15}/_{27}$ апрѣля, я принужденъ напомнить вамъ объ этомъ и покорнѣйше просить, если возможно, ускорить высылку таковаго съ прибавленіемъ 1000 р., которую вы по вашей добротѣ подарили намъ.

Настоящій семестръ приближается къ концу и, вѣнчая мои труды университетскимъ дипломомъ, заставляетъ меня надѣяться, что я удовлетворилъ требованіямъ и желаніямъ моего дорогого отца. Для достиженія этого, мнѣ нужно было держать экзаменъ по философскому факультету; я предсталъ по обычаю предъ этимъ почтеннымъ собраніемъ: шесть профессоровъ съ деканомъ во главѣ, присутствовали на моемъ экзаменѣ: Тихзенъ, Шлетцеръ, Мееръ, Мейперстъ, Эйхгорнъ и Мичерлихъ; совершилось это $^{29}/_{11}$ апрѣля—мая, и я получилъ дипломъ доктора философіи, съ подписью г. Тихзена, декана философскаго факультета, и съ университетской печатью. Прилагаю копію диплома и копію моей присяги, посылкою которыхъ медлилъ въ ожиданіи со дня на день вашего векселя. Отправляя эти документы, приношу вамъ глубочайшую благодарность за ваши заботы и покорнѣйше прошу принять эти бумаги, какъ живое доказательство моего пламеннаго усердія исполнять ваши желанія. Затѣмъ, предо мною начало другаго поприща—въ Петербургѣ. Уѣду я, какъ только получу деньги, въ которыхъ мы давно уже чувствуемъ недоста-

томъ. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Мы будемъ въ восторгѣ воспользоваться, если возможно, прекраснымъ временемъ года для нашего путешествія, чтобы не опоздать и не попасть въ Петербургъ осенью.

Le $^{17}{}_{28}$ d'aout 1804. Souliminci.

б) Mon cher fils Paul. Je me hâte de vous avertir par la poste de Kiew, que le 22 du mois Courant du v. st., j'ai envoyé d'ici par un Expres à Czernihow chez Wasily Jw-cz Ienko, 2,200 roubles pour Vous faire parvenir cette somme par des lettres de change de Moskou. Les vôtres de Gottingue écrites le 30 d'avril et 5 de Juillet duv. st. de l'année présente me sont parvenuës la 1-ri le 31 de Mai et la dernière le 18 du mois courant. C'est au comble de ma joye, que je me vois parvenu à avoir un fils si cher comme vous, digne d'un grade de Docteur en philosophie, fondement inebranlable d'une vray felicité dans ce monde: nul autre grade, ni militaire ni civil, ne m'auroit jamais consolé autant que celui que vous venez de recevoir dans une Université aussi célèbre que celle de Göttingue: je vous en felicite mon cher fils du fond de mon coeur. Mais étant venu à Petersbourg, nonobstant le titre de docteur, vous devez subire un examen: c'est par ce moyen seul, que la loi veut qu'un Etudiant, qui a fait des Etudes aux frais de la couronne, soit accepté aux services avec un grade d' oficier: or celui, qui les a faites à ses propres depens, en merite préférablement: Que dire d'un docteur en philosophie mis déjà en epreuve et muni d'un privilège? mais ce titre vous mène aux services plutot sivils que militaires: l'entrée à ceux-ci d'un Docteur sera bien sans exemples. C'est donc au ministre des affaires interieures M-r le comte Victor Paulovicz Koczoubey, ou bien à celui de justice prince Petr Alexeewicz Lopouchin, que vous vous devrez adresser (après avoir subi l'examen) avec votre privilège de Docteur, en cherchant service pour en obtenir un grade competant à un docteur en philosophie, et non pas à un Etudiant: et je ne manquerai pas de prevenir votre arrivée de Petersbourg, que je suppose vers le milieu du mois de Novembre, par des lettres aux dits seigneurs, de sorte qu'au moment de vôtre départ de Gottingue vous m'en avertirez par une lettre en l'adressant une par Kiew a Perejaslaw du Gouverment de Poltawa, et l'autre par Czernihow. Si j'ai tardé à vous envyer le dite somme, c'est à cause d'un achat de terre, que j'ai fait près de notre *choutor* pour 2 mille roubles, aussi j'avois à payer 600 roubles à Ma-me votre chère Epouse mon cher Iwan Michaïlowicz,

dont voici la copie d'une quittance. Un catastrophe assez triste m'a fait tarder aussi: votre soeur Marie ayant pour son Mariage avec Подсудокъ de Perejaslaw M-r Маркевичъ suivie la meme voie qu' à voit prise votre soeur Paranka. Mais vous me consolerez encor par une nouvelle du soin que vous prenez toujours à conserver votre santé et les yeux. Votre frère va le mois, qui suit, à Moscou acompagné par M-r Iwan Iwanowicz Korizky, pour y achever les Etudes sous la protection (entant qu'il s'en rendra digne) de S. E. M-r Alex. Andr-cz Beklechew General Gouverneur de Moskau.

Adieu, mon cher fils.

P.S. Mille et mille respects à vous mon cher Iwan Michailowicz: le privilège de docteur sur le perchemin, dont vous m écrivez doit être presenté non pas à moi, mais à l'Academie de Petersburg.

17/28 августа 1804 г. Сулимивцы.

Переводъ. Дорогой мой сынъ Павелъ. Спѣшу увѣдомить тебя по кіевской почтѣ, что 22-го текущаго мѣсяца, я съ нарочнымъ выслалъ отсюда въ Черниговъ, Василію Ивановичу Енько, 2200 рубл., для отправки тебѣ этихъ денегъ векселями изъ Москвы. Твои письма изъ Гетингена отъ 30 апрѣля и 5 іюля сего года, получены мною, 1-е 31 мая, а послѣднее 18-го сего мѣсяца. Для меня верхъ отрады чувствовать, что я имѣю такого дорогого сына, какъ ты, сына—удостоеннаго степени доктора философіи!—Послѣднее—прочное основаніе истиннаго благополучія въ этомъ мірѣ: никакое другое удостоеніе, ни военное, ни гражданское, не доставило бы мнѣ столько отрады, какъ то, которое ты получилъ въ такомъ знаменитомъ университетѣ, какъ гетингенскій! Поздравляю тебя, сынъ мой, отъ глубины души моей!—Но за прибытіемъ въ Петербургъ, не смотря на полученную докторскую степень, ты долженъ будешь держать тамъ другой экзаменъ. Этимъ-то только способомъ по закону учившійся на казенный счетъ можетъ быть принятъ на службу съ офицерскимъ чиномъ; но учившійся на свои средства, конечно, удостоенъ будетъ этого чина съ предпочтеніемъ, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о докторѣ философіи, выдержавшемъ экзаменъ и—съ дипломомъ въ рукахъ. Но этотъ титулъ даетъ тебѣ болѣе правъ на службу гражданскую, чѣмъ на военную; военный со степенью доктора—явленіе внѣ примѣровъ. Поэтому, вслѣдъ за экзаменомъ, тебѣ слѣдуетъ обратиться съ докторскимъ дипломомъ въ рукахъ, къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Виктору Павловичу Кочубею, или къ

министру юстиціи, князю Петру Алексѣевичу Лопухину и—искать должности, соотвѣтствующей степени доктора философіи, а не званію студента. Я не упущу, конечно, еще до твоего пріѣзда въ Петербургъ, что будетъ, по видимому, около половины ноября, предупредить названныхъ сановниковъ письменно. И такъ, о выѣздѣ изъ Гетингена ты меня извѣсти, адресуя одно письмо черезъ Кіевъ, въ Переяславъ, а другое—въ Черниговъ. Если я опоздалъ выслать деньги, то случилось это вслѣдствіе сдѣланной мною покупки земли, поблизу нашего хутора, за которую заплатилъ 2000 р. Кромѣ того, я долженъ былъ уплатить 600 руб. вашей дорогой супругѣ, мой любезный Иванъ Михайловичъ, въ чемъ прилагаю копію квитанціи. Да случилось еще одно грустное событіе, которое также задержало меня: ваша сестра Марья, имѣющая теперь мужа, въ лицѣ переяславскаго подсудка Маркевича, пошла по стопамъ сестры вашей Параньки[1]). Утѣшилъ ты меня также и извѣстіемъ о твоей заботливости по сохраненію здоровья и глазъ. Братъ твой ѣдетъ въ будущемъ мѣсяцѣ въ Москву, въ сопровожденіи Ивана Ивановича Корицкаго, для окончанія своихъ наукъ, при помощи (если будетъ достоинъ) его пр—ва Александра Андреевича Беклешева, московскаго генералъ-губернатора. Прощай, мой дорогой сынъ!

P.S. Тысячи пожеланій вамъ, мой дорогой Иванъ Михайловичъ! Докторскій дипломъ на пергаменѣ, о которомъ вы мнѣ пишете, долженъ быть представленъ не мнѣ, но въ петербургскую академію[2]).

Доставившій столько счастья отцу своимъ докторскимъ дипломомъ и затѣмъ значительными успѣхами въ службѣ, военной, а не гражданской, какъ предполагалось, Павелъ Акимовичъ умеръ въ 1812 г. Акимъ Семеновичъ въ дневникѣ своемъ, о которомъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ, смерть сына Павла отмѣтилъ слѣдующими строками:

---

[1]) „Паранька", т. е. Прасковья Акимовна вышла замужъ, какъ уже упомянуто въ предисловіи, за Ивана Андреевича Войцеховича, во время службы Акима Сем—ча въ Черниговѣ, гдѣ Войцеховичъ занималъ должность совѣтника губернскаго правленія. По видимому, бракъ состоялся противъ воли отца, ожидавшаго, конечно, болѣе видныхъ жениховъ. Переяславскій подсудокъ—былъ еще ниже, по своему рангу.

[2]) Обращеніе это относится къ Ив. М—чу Ванновскому, бывшему воспитателемъ Павла Ак—ча, сопровождавшему его и заграницу. У младшаго брата, Акима, воспитателемъ былъ И. И. Корицкій.

„Paul Joacb-cz Soulima, capitaine de la suite de S. M., étant commandé de S.-Peterzbourg à Ostaschkow pour en chasser les ennemis du district de ce nom, sous les ordres du prince Wolkonsky, alors chef de la suite de S. M., en passant par Bronica, est mort на почтовомъ дворѣ. Sa mort est publiée Московск. Вѣдом. an. 1812, № 99, page 1851".

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи и переводѣ).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Іюля 1. Въ субботу все войско отдыхало; пѣхота была изнурена трудомъ въ теченіи цѣлаго предъидущаго дня и пребываніемъ въ продолженіи всей ночи въ строю подъ дождемъ, а конница не менѣе выбилась изъ силъ, такъ какъ лошади три послѣдніе дня, не выходя почти изъ строя, оставались безъ корма. Между тѣмъ король совѣщался съ опытными въ военномъ дѣлѣ людьми о томъ, предпринять-ли штурмъ козацкаго лагеря, или заключить его въ осаду. Предпріятіе это было не легкое; таборъ козацкій былъ многолюдный и огромный, такъ, что конца его не было видно; въ немъ пылали многочисленные костры и кругомъ возвышались сильныя земляныя укрѣпленія; притомъ козаки уже находились въ отчаяніи, а отчаяніе даже боязливыхъ дѣлаетъ храбрыми. Между тѣмъ ихъ не переставали тревожить пальбою изъ небольшихъ походныхъ пушекъ, за артиллеріею-же большого калибра отправили королевскихъ лошадей въ Броды. Козаки совершенно потеряли самоувѣренность и стали метаться, ища спасенія, подобно утопающимъ, хватающимся за водоросли.

Іюля 2. Въ воскресеніе козаки заявили готовность просить помилованія и прислали объ этомъ письмо къ королю. Другое письмо прислалъ князю Вишневецкому бѣлоцерковскій полковникъ Крыса; онъ просилъ князя поручиться за козаковъ, обѣщая, что въ теченіи двухъ дней они всѣ сдадутся; тѣмъ не менѣе, они

*) См. январь, февраль, май, іюнь и сентябрь „Кiев. Ст.“.

продолжали непріятельскія дѣйствія, палили въ наше войско изъ пушекъ и не допускали насъ къ переправѣ. Потерявъ надежду на возвращеніе Хмельницкаго и чувствуя, что столь многочисленное войско не можетъ оставаться безъ предводителя, козаки избрали на мѣсто Хмельницкаго гетманомъ Джеджалія, того самаго, который въ началѣ возстанія, во время похода на Жолтыя Воды, поднялъ на Днѣпрѣ знамя бунта противъ старшины, преданной Рѣчи Посполитой и, вмѣстѣ съ другими, перебилъ ее. Ему, не смотря на его сопротивленіе, насильно вручили начальство; но Джеджалій принялъ оное лишь на нѣсколько дней, чувствуя, что можетъ поплатиться головою за эту должность. Многіе хотѣли перебѣгать въ нашъ лагерь, но король приказалъ стрѣлять въ перебѣжчиковъ, а для того, чтобы они не могли спасаться бѣгствомъ, приказано было князьямъ Вишневецкому и Радзивиллу съ нѣсколькими тысячами войска, переправиться черезъ рѣчку и занять позицію сзади за ихъ таборомъ; но приказъ этотъ не былъ исполненъ, ибо князь Вишневецкій потребовалъ 15,000 войска, а король не хотѣлъ отпустить такого количества. Между тѣмъ совѣщались по поводу письма, заключавшаго просьбу о помилованіи: одни заявляли, что слѣдуетъ оказать милосердіе, казнивъ смертью только старшину и особенно выдающихся бунтовщиковъ; другіе настаивали на томъ, чтобы, давъ слово относительно прощенія, и потомъ, отнявъ пушки и оружіе, распредѣлить плѣнныхъ по полкамъ, перебить ихъ поголовно, отнять у оставшихся всѣ привилегіи, на вѣчныя времена запретить употребленіе оружія, истребить ихъ вѣру (въ виду этого предложенія кіевскій воевода Адамъ Кисѣль былъ удаленъ изъ совѣта подъ благовиднымъ предлогомъ) и навсегда уничтожить самое имя козаковъ. Такъ препираясь, не пришли ни къ какому окончательному рѣшенію; непріятель-же, въ виду нашего бездѣйствія, не упускалъ ни одного средства къ своему спасенію; онъ отстрѣливался изъ валовъ и, выбирая удобное время, предпринималъ вылазки; въ ту-же ночь нѣкоторые ползкомъ прокрались въ одинъ изъ нашихъ редутовъ, напали на утомленныхъ пѣхотинцевъ и изъ нихъ 8 человѣкъ убили, а многихъ переранили косами; они чуть было не овладѣли редутомъ и были оттиснуты только во время подоспѣвшимъ подкрѣпленіемъ.

Іюля 3. Въ понедѣльникъ къ намъ стали перебѣгать изъ козацкаго лагеря шляхтичи, утверждавшіе, что они находились въ рядахъ бунтовщиковъ по принужденію и будто ихъ насильно

заставили принимать участіе въ войнѣ; на самомъ-же дѣлѣ они, потерявъ все имущество, искали исхода въ козацкой службѣ. Эти-то перебѣжчики извѣстили, что среди козаковъ возникли несогласія, что обыкновенно бываетъ, когда нѣтъ вождя. Вечеромъ, когда отборные наемные полки наши возвратились въ лагерь, и когда удалился самъ кастелянъ краковскій, на горѣ-же, возвышавшейся надъ козацкимъ таборомъ, оставлены были только два полка, непріятель, сознавая неудобство для себя нашей позиціи на той горѣ, наступилъ всѣми своими силами на оставшіеся полки; и тѣ, не получая подкрѣпленій, должны были, отстрѣливаясь, отступить не безъ урона въ лагерь. Непріятель занялъ гору, но не долго могъ удержать эту позицію, ибо на разсвѣтѣ хорунжій коронный (Конецпольскій), выступивъ съ нѣсколькими полками изъ лагеря, заставилъ непріятелей отступить обратно въ таборъ, при чемъ многіе козаки были перебиты и потоплены въ прудѣ, позиція-же на горѣ вновь была нами занята.

Іюля 4. Хотя по видимому и происходили военныя дѣйствія, но вообще можно сказать о насъ то, что относится ко многимъ знаменитымъ и храбрымъ военачальникамъ, что умѣли побѣдить, но не умѣли воспользоваться побѣдою. Врагу разбитому, объятому страхомъ и ожидавшему окончательной гибели мы, пребывая долго въ бездѣйствіи, дозволили отдохнуть, оправиться, возстановить совершенно было упавшую бодрость духа и возвести сильныя укрѣпленія, себѣ-же затруднили путь къ скорому и окончательному истребленію врага и сдѣлали сомнительнымъ результатъ дальнѣйшихъ дѣйствій, которыя, при большей поспѣшности, могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Чтобы не оставаться безъ дѣла, король въ этотъ день подвинулъ войско изъ прежняго лагеря, находившагося у Берестечка, ближе къ непріятельскому табору. Принято было рѣшеніе, чтобы врага окружить со всѣхъ сторонъ окопами, занять эти послѣдніе войскомъ, сзади-же войско обезпечить возами и такимъ образомъ подавить враговъ голодомъ, такъ какъ приступъ былъ невозможнымъ. Въ тотъ-же день воздвигнуто было множество шанцевъ и редутовъ и почти вся работа была завершена. Для усиленія военной дисциплины среди дворянскихъ поголовныхъ ополченій, ихъ распредѣлили по частямъ и присоединили къ отрядамъ наемнаго войска; изъ числа ихъ, ополченія краковское, сендомирское, познанское и калишское, прихода котораго еще ожидали, присоединены къ королевскому полку. Ополченія волынское, под-

лясское и русское не хотѣли было сразу согласиться на эту мѣру, заявляя различные предлоги въ дѣйствительности-же не желая отправляться, согласно полученному приказанію, на ту сторону рѣки, гдѣ они могли ожидать частыхъ нападеній.

Между тѣмъ враги, понявъ наше намѣреніе и встревожившись вслѣдствіе приближенія нашего войска, съ большою рѣшимостью вышли изъ своего табора и изъ шанцевъ на гору и отважно рѣшились сразиться, но были храбро оттиснуты нашими войсками къ табору, при чемъ нѣсколько сотъ ихъ погибло. Впрочемъ побѣда эта не даромъ досталась и нашимъ войскамъ: нѣсколько товарищей было убито; раненъ былъ выстрѣломъ панъ Сокоръ, храбро предводительствовавшій своимъ отрядомъ, равно и панъ Пясечинскій. Пушки въ теченіи цѣлаго дня гремѣли съ обѣихъ сторонъ; но наши были больше калибромъ и причиняли больше вреда, а непріятельскія ядра хотя на многихъ наводили страхъ, но немногихъ подвергали опасности; отъ нихъ убитъ былъ только одинъ товарищъ и нѣсколько рядовыхъ, также убита лошадь подъ паномъ Яцкомъ Разражевскимъ, самъ-же онъ, по милости Божьей, остался невредимъ. Ночью хлопы безпрестанно старались насъ безпокоить и тревожить и даже рѣшились стремительнымъ натискомъ ворваться въ нашъ лагерь; но ихъ зловредныя намѣренія были разстроены предусмотрительностью короля и региментарей, а также свѣтомъ луны, сіявшей ночью въ полномъ блескѣ.

Доставлено было письмо, написанное ханомъ 30 іюня подъ Константиновымъ. Ханъ, желая замаскировать позорное свое бѣгство, извѣщалъ въ немъ, что онъ отступилъ исключительно потому, что, среди окруженной болотами мѣстности, у Берестечка, не имѣлъ достаточно простора; онъ заявлялъ, что охотно подождетъ у Константинова прихода короля или пановъ, съ надеждою на лучшій успѣхъ битвы. Писарь, писавшій это ханское письмо, очевидно полякъ, хотя не подписавшій своего имени, въ концѣ письма сдѣлалъ по польски приписку, изобличавшую неискренность татарской похвальбы; онъ приписалъ слѣдующее: „Писавшій это письмо, покорный слуга вашей королевской милости, извѣщаетъ, что ханъ сильно струсилъ и что мы бѣжимъ, не останавливаясь, въ Крымъ; козаковъ извѣстили, чтобы они спасались бѣгствомъ и не надѣялись на помощь. Хмельницкій отправленъ въ оковахъ въ Чигринъ, дабы выдать свою казну“.

Другое письмо ханъ написалъ кастеляну краковскому; въ немъ онъ требовалъ, чтобы гетманъ приказалъ хорошо обращаться съ плѣнными, особенно съ Мегечъ-мурзою, который былъ пойманъ у Каменца и отправленъ въ Варшаву, обѣщая взаимно хорошо обращаться съ нашими плѣнными. Притомъ онъ требовалъ уплаты выкупа за отпущенныхъ татарами на свободу „товарищей", подъ опасеніемъ потери впередъ всякаго довѣрія.

Іюля 5, въ среду. Утромъ татаринъ Мехметъ-Челеби, состоящій на службѣ у кастеляна краковскаго, доставилъ взятаго имъ въ плѣнъ Муртаза-Агу; послѣдній брошенъ былъ во время бѣгства татарами, которые не могли его увезти съ собою по той причинѣ, что, вслѣдствіе полученныхъ ранъ, онъ не могъ сидѣть верхомъ и долженъ былъ лежать въ повозкѣ. Муртаза-Ага человѣкъ знатнаго происхожденія и родственникъ бывшаго хана; всѣ дѣла въ Крыму рѣшались по усмотрѣнію его и ханскаго визиря; онъ раненъ былъ картечью въ руку и въ бокъ и насилу могъ говорить, когда его взяли въ плѣнъ; теперь онъ предлагалъ 10,000 талеровъ Мехметъ-Челебею за то, чтобы тотъ препроводилъ его къ хану, а не въ нашъ лагерь. Вообще татаре оставили по дорогѣ до 1,000 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ. Прежде этого не случалось, ибо они считаютъ не дозволеннымъ бросать трупы убитыхъ; обстоятельство это свидѣтельствуетъ о степени замѣшательства и упадка духа, до какой они дошли. Утверждаютъ, что въ теченіи трехъ дней убито было 1000 татаръ, не считая въ томъ числѣ раненыхъ и плѣнныхъ. Дѣло неслыханное, чтобы татаре понесли столь численную потерю въ открытомъ сраженіи. Самъ ханъ не былъ раненъ, какъ разглашали, только нѣсколько мурзъ, стоявшихъ возлѣ него, было убито.

День этотъ прошелъ спокойно; ночью козаки приготовлялись къ сильной вылазкѣ, но ливень, продолжавшійся въ теченіи всей ночи, помѣшалъ имъ, причинивъ значительный вредъ и нашему войску, изъ числа котораго 10,000 находилось въ строю и кромѣ того калишскій полкъ, только что подоспѣвшій въ лагерь, стоялъ на стражѣ. Поздно вечеромъ панъ Балабанъ съ 1000 человѣкъ перебрался на ту сторону для того, чтобы стать въ тылу козаковъ, не дозволить имъ выходить за провіантомъ и мѣшать ихъ бѣгству, такъ какъ они начали уходить мелкими отрядами въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Притомъ онъ долженъ добыть точное свѣдѣніе о ханѣ, ибо ходили слухи, что этотъ послѣдній, по просьбѣ Хмельницкаго, остановился въ четырехъ миляхъ отъ Вишневца.

Іюля 6, въ четвергъ, артиллерія наша открыла сильный огонь съ нѣсколькихъ сторонъ. Около полдня прибыли въ посольствѣ три полковника. Крыса, полковникъ чигиринскій, красивый мущина и, какъ говорятъ, расположенный къ намъ, Гладкій и Переяславецъ; ихъ проводили прежде къ кастеляну краковскому, который прочиталъ имъ хорошую нотацію, перечисливъ всѣ ихъ преступленія. „Вы измѣнники, подобныхъ которымъ нѣтъ на свѣтѣ, говорилъ онъ;—вы уже не христіане, ибо побратались съ татарами и турками, вы не достойны явиться передъ лице короля и т. д.“ Потомъ, съ разрѣшенія военнаго совѣта, ихъ позвали къ королю; они съ земными поклонами просили помилованія и на всѣ предложенные имъ вопросы отвѣчали только то, что просятъ милосердія; всю вину они слагали на Хмельницкаго, а также, по своему обыкновенію, на свои грѣхи; всѣмъ сенаторамъ они поочередно цѣловали руки и края одежды, словомъ, заявили достаточно смиренія (лишь-бы не притворнаго). Послѣ продолжительнаго совѣщанія, король объявилъ имъ черезъ канцлера, что хотя они за совершенныя преступленія, равныхъ которымъ нѣтъ во вселенной, и не достойны помилованія, но что король, какъ монархъ милосердный, уподобляясь милосердному Господу Богу, склоняется къ помилованію ихъ, если только смиреніе ихъ будетъ искреннее, что условія онаго будутъ имъ объявлены завтра, сегодня-же они должны въ доказательство искренности оставить въ лагерѣ одного изъ среды себя. Остался по собственной просьбѣ Крыса, хотя не безъ нѣкотораго страха.

Въ то время, когда наши вели эти переговоры у Берестечка, литовское войско также не оставалось въ бездѣйствіи; оно въ тотъ-же день съ Божіею помощью одержало за Днѣпромъ не маловажную побѣду надъ этою сволочью, какъ о томъ гласятъ слѣдующія письма:

Копія письма князя Януша Радзивилла, гетмана великаго литовскаго, писаннаго къ его женѣ 6-го іюля, въ день одержанной побѣды, въ пяти миляхъ отъ Чернигова.

„Извѣщаю васъ, что Господь даровалъ мнѣ побѣду надъ врагами. Коротко изложу за недосугомъ, ибо сейчасъ выступаю въ походъ: я быстро овладѣлъ тѣми укрѣпленіями, которыя защищали переправу черезъ Днѣпръ. Тотчасъ Небаба явился имъ на выручку и храбро наступалъ на насъ, но, подобно Кречевскому, онъ и самъ погибъ и потерялъ все свое войско; теперь выступаю преслѣдовать остатки его отряда, отступившіе къ двумъ таборамъ

своимъ, расположеннымъ въ четырехъ миляхъ отсюда. Дай, Господи, продолжать кампанію также удачно, какъ она начата: въ битвѣ я потерялъ только одного товарища, остальные погибшіе—челядь".

Другое лице, имѣвшее болѣе времени, сообщило подробности объ этомъ сраженіи въ слѣдующемъ письмѣ отъ 7 іюля, т. е. на другой день послѣ битвы:

„Полковника Небабу мы разгромили слѣдующимъ образомъ: панъ стражникъ Мирскій, переправившись на ту сторону Днѣпра, напалъ на козацкій гарнизонъ въ укрѣпленіяхъ, состоявшій изъ 300 всадниковъ; онъ истребилъ его такъ, что только немногіе спаслись бѣгствомъ. Бѣглецы извѣстили Небабу о томъ, что ляхи заняли уже ихъ ретраншаменты, но что отрядъ ихъ не многочисленъ. Небаба, желая разгромить Мирского, двинулся изъ-подъ Чернигова со всѣмъ своимъ войскомъ, котораго было числомъ 15,000. Онъ наступилъ на Мирскаго, не зная о томъ, что въ четверти мили дальше переправляется черезъ Днѣпръ гетманъ Янушъ Радзивиллъ. Послѣдній, успѣвъ переправить только часть своего войска, немедленно атаковалъ Небабу съ фланга; дѣло обошлось даже безъ выстрѣла, ибо, быстро окруживъ эту сволочь, мы рукопашнымъ боемъ истребили ее на поваль. Не знаю, спаслось-ли ихъ хоть нѣсколько человѣкъ. Небаба, видя опасность, сошелъ съ коня и сражался пѣшій; на него напалъ одинъ товарищъ изъ хоругви мозырскаго старосты; онъ храбро и долго защищался; товарищъ долженъ былъ также сойти съ коня, и они вступили въ рукопашный бой; въ это время подоспѣлъ на помощь другой товарищъ и они стали его вдвоемъ одолѣвать. Небаба не допустилъ ихъ однако взять себя въ плѣнъ; когда ему изранили правую руку, онъ защищался лѣвою, пока его не убили. Послѣ этого счастливаго вчерашняго дѣла, сегодня 200 козаковъ пѣшихъ, вооруженныхъ самопалами, не зная о пораженіи своихъ, препровождали возы съ провіантомъ въ свой лагерь; наши окружили ихъ и всѣхъ забрали въ плѣнъ. Плѣнные сказывали, что въ полку Небабы было 20,000 человѣкъ, но 3,000 онъ послалъ въ сторону Кричева и они овладѣли Рославлемъ, 2,000-же отправилъ собирать провіантъ, такъ что при немъ оставалось только 15,000. Черниговскіе мѣщане пріѣзжали къ князю съ изъявленіемъ покорности; они просили лишь о сохраненіи жизни себѣ и своимъ дѣтямъ и обѣщали выдать нѣсколько тысячъ парубковъ-броварниковъ, которые стали собираться въ помощь Небабѣ. Сраженіе это проис-

ходило въ пяти миляхъ отъ Чернигова; одержавъ побѣду, князь направился въ Любечъ, а часть войска отправилъ въ Черниговъ.

Стольникъ литовскій вмѣстѣ съ паномъ Павшею пошли къ Припяти, а панъ Вейсъ съ 300 драгунъ подканцлера литовскаго отправился выручать Кричевъ; онъ наткнулся на передовой козацкій отрядъ въ 500 человѣкъ конницы, сразился и, положивъ на мѣстѣ 150 человѣкъ, остальныхъ разсѣялъ. На другой день онъ соединился съ поголовнымъ ополченіемъ дворянъ Мстиславскаго воеводства, и они напали вмѣстѣ на отрядъ козацкой конницы изъ полка Небабы, состоявшій изъ 3000 человѣкъ; послѣ упорнаго сраженія они одержали побѣду и перебили или разсѣяли ихъ, но и сами понесли чувствительныя потери: знатныхъ шляхтичей убито 20, самъ Вейсъ палъ въ битвѣ; погибли также: мстиславскій подсудокъ Воловичъ, мстиславскій писарь Суходольскій и панъ Каменскій; другихъ труповъ нельзя было распознать. Драгунъ убито 30 и вообще съ нашей стороны пало до 200 человѣкъ, но козаковъ почти всѣхъ уложили. Наши собираются взять Рославль. Въ Кричевѣ троцкій воевода (Александръ Служка) защищается удачно; козаки уже отбиты семь разъ съ большимъ урономъ. Такъ Господь покровительствовалъ литовскому войску.

Іюля 7. Между тѣмъ подъ Берестечкомъ въ пятницу утромъ опять пріѣхали козаки, чтобы получить условія сдачи. Объ нихъ разсуждали на совѣтѣ, о которомъ стыдно и упоминать; до того успѣхъ разслабилъ насъ, что никто и не высказалъ энергическаго предложенія. Имъ предложили слѣдующія условія: выдать начальниковъ, коихъ поименно перечислили 16 человѣкъ, въ качествѣ заложниковъ, но не безъусловно для наказанія ихъ; выдать артиллерію; доставить Хмельницкаго, Тимоша (его сына) и Выговскаго; выдать примкнувшихъ къ козакамъ шляхтичей; чернь отпустить по домамъ; предоставить королевской милости и рѣшенію будущаго сейма дальнѣйшія распоряженія относительно устройства козацкаго войска. Послы козацкіе отвѣтили, что Хмельницкаго они готовы разъискивать; что старшину, артиллерію и шляхтичей выдать трудно, но что они предложатъ условія своей радѣ. Крыса окончательно остался въ нашемъ лагерѣ. Вечеромъ козаки извѣстили, что старшина и козаки находятся внѣ лагеря, на пастбищахъ, а чернь перепилась и потому они не могутъ пока столковаться. Весь этотъ день прошелъ мирно и они допускали нашихъ чуть не внутрь своихъ укрѣпленій.

Іюля 8, въ субботу, козаки отвѣтили на условія, предложенныя имъ королемъ, въ слѣдующихъ, приблизительно, выраженіяхъ:

„Милостивый, свѣтлѣйшій король! Умоляя о пощадѣ, мы уповали на милосердіе вашей королевской милости, но намъ предложены условія невозможныя: выдать старшину мы не можемъ и не выдадимъ, такъ рѣшила рада войска и черни; артиллеріи выдать не можемъ; шляхтичей выдать не можемъ и не выдадимъ, такъ какъ по зборовскому договору имъ обѣщано прощеніе вашей королевской милости. Хмельницкаго, его сына и Выговскаго, измѣнившихъ и вашей королевской милости и намъ, мы выдали-бы охотно, но ихъ нѣтъ среди насъ; однако мы обѣщаемъ ихъ разъискивать не только въ нашемъ краѣ, но и въ Крыму, и выдать вашей королевской милости, какъ лицъ, сбившихъ насъ, какъ овецъ, съ пути; обѣщаемъ разорвать всякую связь съ татарами; просимъ, чтобы козаки и чернь оставались на такихъ правахъ, какія условлены были по зборовскому договору; паны пусть благополучно возвращаются въ свои помѣстья въ Украйну, но безъ военныхъ хоругвей, ибо въ противномъ случаѣ произойдетъ большой голодъ. Вообще просимъ вашу королевскую милость принять насъ подъ свое покровительство, какъ дѣтей и вѣрныхъ подданныхъ. Симъ окончивъ, подписываемъ: войско вашей королевской милости запорожское со всею чернью“.

Подписи бывшаго у нихъ на тотъ часъ гетманомъ Джеджалія не было. Король, разгнѣванный этимъ отвѣтомъ, приказалъ немедленно палить въ таборъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько большихъ пушекъ уже доставили изъ Бродъ, другія поспѣшно везли изъ Львова.

Іюля 9. Вновь прибыли козацкіе послы, возобновили просьбу о помилованіи и обѣщали выдать 16 старшинъ, но король не хотѣлъ удовлетвориться этимъ и строго пригрозилъ имъ; они писали письма сенаторамъ, постоянно прося прощенія, но вовсе не соглашаясь на предложенныя условія и настаивая на сохраненіи зборовскаго договора. Ихъ отпустили ни съ чѣмъ. Кастелянъ краковскій разорвалъ, не читая, присланное ему письмо и строго сказалъ имъ: „Ступайте, хлопы! вскорѣ вы узнаете, что такое зборовскій договоръ“!

Между тѣмъ наши, лишь-бы что либо дѣлать, среди этихъ колебаній стали устраивать плотины на рѣчкѣ, разсчитывая на то, что если удастся запрудить воду, то большая половина ко-

зацкаго табора, расположенная внизу надъ рѣкою и у болотъ, будетъ потоплена, и что устроенныя ими переправы будутъ наводнены и уничтожены. Сдѣлано это было по совѣту козака Крысы, который добровольно остался у насъ, не смотря на то, что козаки требовали его выдачи, какъ посла. Онъ притомъ указалъ на оплошность нашу въ двухъ обстоятельствахъ: во первыхъ въ томъ, что мы не отправили нѣсколько тысячъ людей въ погоню за татарами, когда они бѣжали объятые страхомъ, и когда ихъ легко можно было разгромить и уничтожить; во вторыхъ въ томъ, что мы понынѣ дозволили козакамъ имѣть свободное сообщеніе съ другимъ берегомъ рѣчки; пока это будетъ продолжаться, до тѣхъ поръ, по его словамъ, невозможно будетъ смирить ихъ, ибо они будутъ постоянно надѣяться на возможность отступленія. Совѣтамъ его, впрочемъ, послѣдовали слишкомъ поздно, и потому они не имѣли надлежащаго успѣха.

Притомъ въ военномъ совѣтѣ было рѣшено, чтобы ночью, въ случаѣ если погода будетъ благопріятствовать, предпринять приступъ. Для участія въ немъ предположено было командировать пѣхоту, челядь и мазовецкое ополченіе, которое въ этотъ день подошло; остальные отряды дворянскаго поголовнаго ополченія (за исключеніемъ прусскихъ воеводствъ) должны были поддерживать штурмъ въ качествѣ резерва. Рѣшеніе это было вызвано показаніями волоховъ и козаковъ, перебѣжавшихъ къ намъ въ тотъ день; они утверждали, что козаки рѣшились бѣжать и уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ большимъ усердіемъ подготовляютъ переправы. Все войско получило приказъ быть на готовѣ ночью.

Въ тотъ-же день вновь получено извѣстіе, будто ханъ и Хмельницкій остановились у Вишневца; наши были этимъ сильно встревожены; для того, чтобы собрать точныя извѣстія, отправлено было нѣсколько отрядовъ въ разныя стороны. Съ наступленіемъ ночи полки гетмана польнаго (Калиновскаго), воеводы русскаго (Іереміи Вишневецкаго), воеводы брацлавскаго (Лянцкоронскаго) и хоружія короннаго (Конецпольскаго) должны были выступить противъ орды; въ случаѣ-же, если-бы татаръ не оказалось, имъ приказано было немедленно возвратиться и занять позицію въ тылу козацкаго табора, за рѣчкою, куда наши давно уже собирались. Ночью возвратился изъ разъѣзда панъ Суходольскій и объявилъ, что онъ былъ за нѣсколько миль по ту сторону Вишневца, но нигдѣ нѣтъ и помину о татарахъ. Вслѣд-

ствіе этого предположенная экскурсія была отмѣнена. Приступъ-же и вообще всѣ другія постановленія совѣта не состоялись вслѣдствіе неурядицы и безпорядка. Только воевода брацлавскій дерзнулъ переправиться на ту сторону, въ тылъ непріятельскаго табора, съ отрядомъ въ 2,000 человѣкъ.

Іюля 10, въ понедѣльникъ, чудеснымъ образомъ проявилось покровительство, которымъ Господь постоянно охранялъ короля и Рѣчь Посполитую и соизволилъ даровать намъ новую побѣду. Когда человѣческія предначертанія относительно дальнѣйшей осады и штурма козацкаго табора оказались тщетными, ибо то и другое намѣреніе представляло величайшія трудности и опасности, когда осаждавшіе оказались болѣе павшими духомъ и угнетенными, чѣмъ осажденные, Богъ послалъ на враговъ неисповѣдимое смятеніе, тревогу и паническій страхъ. Въ теченіе всей недѣли непріятели заявляли, что они скорѣе готовы подвергнуться всякой крайности и пробиваться черезъ нашъ лагерь, нежели сдаться или серьезно просить помилованія. Хотя они и обращались въ этомъ смыслѣ нѣсколько разъ къ королю, какъ о томъ выше было разсказано, но они дѣлали это не искренно, имѣя въ виду лишь замедлить и затянуть ходъ военнаго дѣла, надѣясь отсидѣться, не опасаясь вовсе нашихъ нападеній и ожидая помощи, то отъ Тимоша, то отъ возврата Хмельницкаго и хана, въ чемъ старшина обнадеживала толпу. Правда, чернь желала перемирія для того, чтобы поспѣшить домой на защиту женъ и дѣтей, которыхъ татаре захватывали въ плѣнъ на обратномъ пути въ свои кочевья; въ виду этого желанія, Джеджалій, исправлявшій должность гетмана, началъ переговоры, но старшина, зная, что, въ случаѣ заключенія договора, жизни ихъ угрожаетъ опасность, озаботилась заблаговременно о своемъ спасеніи; ночью съ воскресенья на понедѣльникъ они вчали возмущеніе, лишили Джеджалія власти и на его мѣсто избрали Богуна. Послѣдній, освѣдомившись отъ языковъ и перебѣжчиковъ, что брацлавскій воевода съ частью войска отправился черезъ переправу въ тылъ ихъ арміи, и посовѣтовавшись съ старшиною, вышелъ изъ табора на разсвѣтѣ съ нѣсколькими тысячами конницы и съ двумя пушками, намѣреваясь занять и укрѣпить переправу. Чернь, увидѣвъ это движеніе и не зная намѣреній Богуна, встревожилась и стала теряться въ предположеніяхъ и подозрѣніяхъ, полагая, что старшина убѣгаетъ. Въ это время, около 10 часовъ утра, кто-то въ толпѣ, вѣроятно по Божьему допущенію, вскри-

чалъ: „Вотъ старшина уже бѣжитъ"! Немедленно всѣ бросились бѣжать, куда попало, въ большемъ безпорядкѣ, чѣмъ наши подъ Пилявцами; отъ натиска на всѣхъ трехъ переправахъ стали тонуть. Увидѣвъ происходившее, Богунъ тотчасъ возвратился въ таборъ, сталъ ободрять своихъ и уговаривалъ возвратиться въ лагерь и успокоиться, но онъ не былъ въ состоянiи удержать бѣглецовъ. Наши хоругви, стоявшiе на стражѣ, лишь только примѣтили это смятенiе, не смотря на свою малочисленность, придвинулись къ табору и переправамъ; тогда хлопы стали еще усиленнѣе толпиться и вязнуть въ топкомъ болотѣ; они бросали лошадей, вьюки, имущество, даже женъ и дѣтей, которыхъ множество находилось въ таборѣ; конница ихъ, стоявшая въ арiергардѣ, пыталась было выстроиться, но вслѣдствiе страха, посланнаго на нихъ Господомъ, она разсѣялась и позорно стала топиться въ болотѣ. Убѣгавшiе бросили таборъ со всѣмъ бывшимъ въ немъ добромъ и оставили въ немъ много скота, лошадей, провiанта, пушекъ, пороху и знаменъ. Когда извѣстiе объ этомъ бѣгствѣ распространилось въ нашемъ войскѣ, наши немедленно бросились въ таборъ, и стали пользоваться добычею; кто не полѣнился, тотъ могъ прiобрѣсти значительную долю имущества. Въ то время другiя хоругви бросились въ погоню за убѣгавшими, но онѣ должны были прежде пройти трудныя переправы, весьма узкiя и вязкiя, такъ что лошади могли по нимъ идти только по одиночкѣ; между тѣмъ козацкая конница, числомъ до 20,000, успѣла сформироваться и направилась вскачь впередъ. Воевода брацлавскiй, который перешелъ было на ту сторону съ отрядомъ въ 2000 человѣкъ, какъ было упомянуто, для того, чтобы препятствовать козакамъ пользоваться пастбищами (жаль, что это было предпринято слишкомъ поздно и съ незначительнымъ количествомъ войска, въ противномъ случаѣ всѣ козаки остались-бы въ западнѣ), увидѣвъ такое множество враговъ и полагая, что это нападенiе сдѣлано съ умысломъ противъ него, желая обезпечить себѣ отступленiе, отступилъ къ переправѣ къ Козину. Между тѣмъ огромное количество нашихъ выступило изъ лагеря и отправилось въ погоню за уходившими, убивая всѣхъ запоздавшихъ и отставшихъ на пути. Кажется, что нельзя было найти никого, кому-бы не довелось убить козака. Наконецъ брацлавскiй воевода понялъ, что козаки обращены въ бѣгство и, оправившись отъ первоначальнаго испуга, пожелалъ вознаградить потерянное время; онъ немедленно отправился въ погоню

и производилъ ее съ такимъ рвеніемъ, что возвратился назадъ послѣднимъ. Когда онъ впослѣдствіи хвасталъ предъ королемъ, утверждая, что онъ съ своимъ отрядомъ до того сильно билъ враговъ, что у нихъ заболѣли руки, то король насмѣялся надъ нимъ, замѣтивъ, что вѣроятно у нихъ болѣли ноги, намекая на первоначальное его бѣгство къ Козину. Весьма видное участіе въ дѣлѣ выпало на долю ополченія плоцкаго воеводства; въ то время король производилъ ему смотръ и непосредственно со смотра скомандовалъ идти на врага, потому имъ довелось принять дѣятельное участіе въ погонѣ и они били враговъ до пресыщенія въ лѣсу, въ кустарникахъ и въ болотахъ; весь день, пока не стемнѣло, наши, подвигаясь облавою, чинили кровавую бойню, вытаскивая непріятелей изъ кустовъ и болотъ, разстрѣливая ихъ и рубя головы, хотя и они наносили вредъ нашимъ, въ случаѣ ихъ неосмотрительности. Цѣлый день продолжалось убійство и кровопролитіе. Одинъ отрядъ козаковъ, числомъ отъ 200 до 300 человѣкъ, устроилъ засѣку на одномъ островѣ среди болотъ и защищался храбро и отчаянно. Кастелянъ краковскій предложилъ имъ помилованіе, но тѣ принять его не захотѣли; они, въ знакъ своей рѣшимости, высыпали изъ кошельковъ деньги и побросали ихъ въ воду, а затѣмъ стали защищаться и поражать нашихъ; пѣхота должна была пойти на нихъ въ аттаку колонною, и хотя разорвала ихъ и разсѣяла, но они не захотѣли сдаться, бѣжали въ болото и тамъ каждаго по одиночкѣ нужно было доканчивать.— Одинъ изъ нихъ добрался до лодки и на глазахъ у короля и у всего войска представилъ образецъ храбрости далеко не хлопской; онъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ отбивался косою, не обращая вниманія на выстрѣлы (не знаю, не попадали-ль стрѣлки, или, можетъ быть, пули его не брали), пока наконецъ какой-то Мазовшанинъ изъ Цѣхановскаго повѣта, раздѣвшись до нага и бродя по шею въ водѣ, не нанесъ ему удара косою и потомъ не пронзилъ копьемъ. Король долго смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ и радостью на это зрѣлище. Многихъ, подобно уткамъ, ловили по болотамъ, вытаскивали и убивали, никого не щадили, даже женъ и дѣтей, но всѣхъ истребляли мечемъ. Не малая добыча досталась нашимъ въ тотъ день, хотя она не можетъ и сравниться съ добычею, взятою у насъ подъ Пилявцами, ибо козаки не употребляли серебрянной посуды и не ѣздили въ каретахъ. Въ числѣ добычи оказалось 18 хорошихъ пушекъ съ лафетами, семь бочекъ пороху, кромѣ того,

что было расхватано солдатами, и до 20 знаменъ, въ томъ числѣ знамя, которое послалъ имъ въ Кіевъ черезъ коммисаровъ король послѣ своего восшествія на престолъ; оно было краснаго цвѣта съ изображеніемъ бѣлаго орла и двухъ русскихъ крестовъ; другое знамя голубое, съ изображеніемъ орла пополамъ бѣлаго и краснаго, которое далъ имъ покойный король Владиславъ въ 1646 году, когда зазывалъ козаковъ въ предполагавшійся турецкій походъ. Оба эти знамена у козаковъ считались важнѣйшими и хранились весьма бережно, теперь-же взяты были королемъ, къ большому его удовольствію. Взятъ былъ живьемъ въ плѣнъ грекъ, прибывшій въ качествѣ посланника отъ патріарха константинопольскаго и привезшій Хмельницкому саблю и благословеніе па войну отъ лица всей греческой церкви. Его поймалъ ротмистръ волошской хоругви князя Вишневецкаго, а послѣдній доставилъ королю. Посолъ былъ одѣтъ весьма нарядно въ собольей мантіи; привезенная имъ сабля и парадный кинжалъ были отданы также королю княземъ Вишневецкимъ. Отнято было также знамя, взятое въ сраженіи, бывшемъ въ четвергъ, козаками у отряда кастеляна краковскаго. Патріархъ іерусалимскій, болѣе всего подстрекавшій Русь къ возмущенію, былъ обезглавленъ среди смятенія; королю было доставлено его облаченіе, т. е. ризы, митра, красная, бархатная, украшенная кругомъ и крестообразно золотыми бляхами, двѣ чаши большія, подсвѣчники, крестъ изъ яшмы и печать; королю отдана также печать войска запорожскаго. Пану Браницкому достался большой серебряный портфель Хмельницкаго со всѣми письмами, полученными имъ отъ султана, хана, царя и Ракочія; письма эти онъ передалъ королю. Войсковая козацкая касса была разграблена солдатами; она состояла изъ двухъ сундуковъ, наполненныхъ талерами, которыхъ было, по словамъ полковника Крысы, 30,000. Деньги эти назначены были на уплату ордѣ; ихъ расхватали тѣ, которые первые нашли кассу: одному товарищу досталось до 1500 червонцевъ, другимъ по нѣсколько сотъ или десятковъ. Одинъ изъ товарищей завладѣлъ бархатною, подбитою соболями мантіею Хмельницкаго и сорокомъ соболей. Найдено огромное количество ружей и самопаловъ, а также, между прочимъ, три колокола: два большіе и одинъ малый. Не было воина, который-бы не захватилъ въ таборѣ провизіи: пшена, сала, муки и т. п., а также разной мелочи: желѣза, возовъ и проч., что было-бы слишкомъ долго перечислять. Наши нашли въ таборѣ пищу, еще варив-

шуюся въ горшкахъ, и жаркое на вертелахъ,—до того бѣгство враговъ случилось неожиданно вслѣдствіе паническаго страха, посланнаго на нихъ Господомъ. Они разсѣялись въ разныя стороны; ихъ истребляли въ лѣсахъ и болотахъ въ одиночку, а семь полковъ нашихъ, подъ предводительствомъ польнаго гетмана (Калиновскаго) и хоруvжія короннаго (Конецпольскаго), преслѣдовали ихъ главную массу, дабы не допустить ихъ опять собраться. Важнѣе всего было то, что побѣда, сопряженная съ столь значительною гибелью враговъ, одержана была почти безъ всякой потери съ нашей стороны; ибо убиты были только 5 поляковъ, нѣсколько иностранцевъ и одинъ капитанъ изъ полка князя Радзивила при штурмѣ засѣки, устроенной на островѣ.

Въ числѣ писемъ найдена была султанская грамота, жалующая Хмельницкому княжество русское, а также планъ предполагавшихся дѣйствій, въ которомъ условлено было, что Ракочи овладѣетъ Краковомъ и что ему назначалась польская корона.

Такимъ образомъ по милости и благословенію Божьему, за что да святится имя Его во вѣки, кампанія берестецкая счастливо была завершена въ этотъ день. Но война козацкая не кончилась, потому что слишкомъ много козаковъ и хлоповъ, поднявшихся противъ отчизны нашей, спаслось бѣгствомъ. Тому были разнообразныя причины: первая и важнѣйшая та, что заслуги наши передъ Господомъ не были достаточно усердны и Онъ не благоволилъ окончательно умиротворить Рѣчь Посполитую и истребить враговъ, а сохранилъ ихъ достаточно изъ этой бойни въ наказаніе за грѣхи наши. Другая причина—это была медлительность: вмѣсто того, чтобы ударить на встревоженнаго врага съ рѣшимостью послѣ первоначальной побѣды, мы стали дѣйствовать медленно, будто на досугѣ, дозволили ему опомниться, собраться съ силами и спастись бѣгствомъ. Указывали много причинъ этой медлительности, именно: частыя перемѣны въ рѣшеніяхъ военнаго совѣта, безпорядокъ и отсутствіе дисциплины и притомъ слишкомъ недостаточное количество пѣхоты, необходимой для приступа, ибо невозможно было посылать на штурмъ конницу по причинѣ валовъ, окружавшихъ лагерь и широкихъ и многочисленныхъ рвовъ, защищавшихъ его внутри, вслѣдствіе чего едва пѣхотинцы могли бы управиться, а для всадниковъ являлась положительная невозможность дѣйствовать. Много повліяла на вялое веденіе дѣла и вѣсть о томъ, будто ханъ и Хмельницкій остановились у Вишневца, вызвавшая было у нашего войска совершенный упадокъ

духа, хотя я полагаю, что въ виду этой вѣсти (оказавшейся притомъ ложною) слѣдовало тѣмъ съ большею энергіею идти на приступъ, чтобы предупредить ожидаемое врагами пришествіе новыхъ силъ имъ въ помощь. Тѣ лица, которыя, по видимому, знали тайныя побужденія и намѣренія короля, утверждали, что причина медлительности состояла въ томъ, что какой-то астрологъ, на основаніи своихъ сомнительныхъ исчисленій, увѣрилъ короля, что числа 4, 5, 6, 11 и 12 іюля несчастны для него, и, потому, онъ не долженъ въ эти дни предпринимать ничего важнаго, но что конецъ мѣсяца будетъ для него неимовѣрно счастливъ. Вѣра въ это обманчивое предсказаніе и довѣріе къ его автору до того укоренились въ сердцѣ короля, что онъ рѣшился переждать, пока не минуютъ означенные дни. Между тѣмъ среди праздности, продолжавшейся въ теченіи 10 дней, силы наши ослабѣвали, войско стало испытывать нужду, многіе солдаты въ иностранныхъ и польскихъ региментахъ умирали отъ недостатка пищи, мужество и пылъ улеглись, и среди насъ воцарился такой безпорядокъ и чувствовался такой недостатокъ во всемъ, что, хотя, повидимому, мы осаждали враговъ, но скорѣе сами чувствовали себя въ осадѣ, подобно тому, какъ сказано въ старой, но остроумной поговоркѣ: „я поймалъ татарина, а онъ меня не пускаетъ". Между тѣмъ враги набирались храбрости, усиливались, возвели укрѣпленія и мужественно въ нихъ держались; они безпокоили нашихъ постоянными вылазками днемъ и ночью и не оставляли безъ вниманія ничего того, что могло послужить имъ въ защиту. Наконецъ, когда они выбѣжали изъ табора,—случилось-ли это съ умысломъ или, что гораздо правдоподобнѣе, неожиданно, вслѣдствіе паническаго страха,—то успѣли спастись и ускользнуть изъ рукъ нашихъ, хотя съ большею потерею, вслѣдствіе нашей непредусмотрительности, такъ какъ мы не позаботились загородить имъ пути для бѣгства за рѣкою.

Въ тотъ-же день королю доставлена была копія письма отъ хана, писаннаго подъ Константиновымъ (текстъ его смотри выше), а также письмо отъ султана Кази-аги къ кастеляну краковскому. Султанъ въ письмѣ своемъ удивляется счастью, дарованному намъ Богомъ, и проситъ освободить Нечахъ-мурзу изъ плѣна, въ виду того, что онъ человѣкъ не богатый (слѣдовательно выкупа большого дать не можетъ), утверждая, что впредь до его освобожденія и рѣчи не можетъ быть о замиреніи.

То, что происходило въ нашемъ лагерѣ послѣ этого бѣгства и погрома козаковъ, досадно и стыдно передавать потомству, ибо

опасно, чтобы въ подобномъ случаѣ оно не вздумало подражать позорному примѣру предковъ. Не говоря уже о многочисленныхъ упущеніяхъ, допущенныхъ послѣ сраженія, происходившаго въ пятницу 30 іюня, которыя мы достаточно выяснили выше, какъ-то: что не преслѣдовали разбитыхъ татаръ, что сейчасъ же не окружили растерявшихся и встревоженныхъ козаковъ, что въ теченіи десяти дней безъ всякаго дѣла оставались праздными и что, наконецъ, оставили свободный проходъ для бѣгущихъ козаковъ,—теперь, послѣ побѣды окончательной (какъ тогда казалось), еще болѣе ошибокъ и упущеній было сдѣлано, будто нарочно, къ величайшему стыду нашего народа, что ясно станетъ изъ послѣдующаго разсказа.

Король, слѣдуя совѣту опытныхъ воиновъ, рѣшился тотчасъ двинуться за разсѣявшимися врагами, чтобы докончить съ должною энергіей столь неожиданную побѣду, подавить окончательно врага, ускользнувшаго вслѣдствіе нашей оплошности, и добиться наконецъ прочнаго мира въ пользу нашей вѣры и отечества. Желая обезпечить, какъ можно прочнѣе, успѣхъ этого предпріятія, онъ хотѣлъ увлечь въ дальнѣйшій походъ не только регулярное наемное войско, сильно утомленное и ослабѣвшее отъ постоянныхъ трудовъ, но и дворянское поголовное ополченіе. Но лишь только онъ объявилъ имъ это предложеніе чрезъ посредство сенаторовъ, какъ вся шляхта, составлявшая поголовное ополченіе, подняла вопль, будто она явилась сюда ради преній, а не для военныхъ дѣйствій. Но для того, чтобы всѣ сообща стали причастными общему рѣшенію, зловредному и ошибочному, они испросили позволеніе составить совѣтъ въ „генеральномъ кругѣ“. Здѣсь, основываясь на законѣ, гласящемъ, что дворянское ополченіе обязано защищать отечество только въ продолженіи двухъ недѣль (будто Господь обязанъ въ послѣдствіи все остальное чудомъ довершить, вмѣсто нерадивыхъ гражданъ) и прикрывая собственное нерадѣніе формулою закона, они избрали своимъ маршаломъ Мартына Дембицкаго, подчашія сандомирскаго, человѣка велерѣчиваго и популярнаго, и, подавивъ болѣе благоразумные голоса, даже сенаторамъ угрожая саблями, отправили къ королю свое рѣшеніе, въ которомъ, не обращая вниманія ни на уваженіе къ его величеству, ни на сохраненіе собственной вольности, ни на уронъ Рѣчи Посполитой, заявили такое, будто сеймовое, постановленіе, „что дворяне дальше не намѣрены идти“. Столь не уважительное и богопротивное мнѣніе рѣзко оскорбило королевское сердце. Желая привести ихъ къ бо-

лѣе здравомыслящему рѣшенію, король и сенатъ представляли имъ всевозможныя доказательства, примѣры и андецеденты, просили ихъ и умоляли, чтобы они согласились хотя еще двѣ недѣли оставаться въ походѣ, или, въ крайнемъ случаѣ, хотя пройти къ Старому Константинову, для того, чтобы устрашить враговъ молвою о томъ, что и король, и дворяне, и всѣ войска двигаются противъ нихъ въ походъ. Но всѣ эти резоны оставались безъ вліянія, падая будто на бездушный камень; дворяне увлекались инстинктивною привязанностью къ домашнему очагу, торопились къ своимъ женамъ и тѣмъ болѣе стремились возвратиться во свояси, чѣмъ болѣе тяготились неудобствами и трудами лагерной, непривычной для нихъ жизни; для того-же, чтобы прикрыть свое малодушіе и холодность къ интересамъ отечества, они стали упрекать короля въ томъ, что онъ съ умысломъ отпустилъ враговъ, взявъ отъ нихъ въ качествѣ выкупа 800,000 (душа содрогается при одной мысли объ этомъ невѣроятномъ подозрѣніи); сверхъ того они разсказывали множество другихъ безстыжихъ выдумокъ, которыя не только писать, но и вспоминать позорно для нашего народа. Королю, въ награду за всѣ его труды и усилія, пришлось лишь испытать справедливость пословицы: „дѣло короля—хорошо работать и дурное выслушивать“ [1]. Тогда подканцлеръ коронный, Іеронимъ Радзеевскій (съ которымъ король помирился въ пятницу во время сраженія, простивъ ему всѣ обиды, о которыхъ выше было сказано), желая услужить королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ заявить силу своей популярности среди шляхты и въ силу ея занять вліятельное положеніе при дворѣ, предложилъ свои услуги для того, чтобы уговорить шляхту повиноваться королевской волѣ и оставить сопротивленіе, къ которому, какъ многіе утверждали, онъ самъ подстрекалъ ее прежде. Но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, ибо шляхтичи, услышавъ его усердныя представленія, не только не вняли имъ, но съ большимъ крикомъ стали его упрекать въ равнодушіи къ своимъ интересамъ и въ двоедушіи по отношенію къ себѣ и къ королю; неудача эта усилила нерасположеніе къ нему короля и была поводомъ той окончательной немилости, которой онъ вскорѣ подвергся, какъ я о томъ ниже разскажу.

Наконецъ шляхтичи, страстно желавшіе разъѣхаться по домамъ, послѣ долгихъ совѣщаній, желая прикрыть благовиднымъ

---

[1]) Regium est cum bene feceris, male audire.

предлогомъ свое бѣгство и то обстоятельство, что они бросали короля среди военной компаніи, отправили къ королю депутацію съ заявленіемъ, что въ замѣнъ собственной службы они готовы или уплатить деньги, или снарядить милицію, соразмѣрную съ зажиточностью каждаго изъ нихъ; но король сразу не принялъ этихъ предложеній, ибо деньги безъ войска могутъ послужить лишь въ добычу врагу, а наборъ милиціи разстроитъ только сформированные уже наемные отряды, переманивая изъ нихъ солдатъ въ новые отряды, увеличитъ замѣшательство, но не прибавитъ военныхъ силъ. Впослѣдствіи, однако, въ виду упорства шляхтичей, пришлось принять эту предложенную ими помощь, за невозможностью добиться чего-либо болѣе существеннаго. Разныя воеводства предложили субсидію на различныхъ условіяхъ: такъ сендомирское воеводство предложило сейчасъ-же уплатить деньги въ размѣрѣ удесятеренной подати, но подъ условіемъ, что за эти деньги будетъ немедленно нанята милиція; краковское воеводство обѣщало само сформировать милицію; мазовецкое воеводство и значительная часть Великой Польши предложили деньги безъ всякихъ условій и т. п. Но все это принесло мало пользы, ибо и денегъ всѣхъ они не уплачивали въ дѣйствительности и за уплоченныя негдѣ было навербовать солдатъ, такъ какъ шляхтичи почти всѣ предпочли уѣхать домой, а кварцяные солдаты, хотя, съ вѣдома ротмистровъ, и записывались въ воеводскія милиціи, но потомъ, получивъ часть денегъ и продовольствія, по требованію тѣхъ-же ротмистровъ, должны были возвращаться на службу въ тѣ хоругви, въ которыхъ числились до того времени. Дѣло кончилось тѣмъ, что собранныя деньги были выданы въ качествѣ жалованья болѣе нуждавшимся хоругвямъ регулярнаго войска.

Пока шли эти переговоры, многіе шляхтичи то въ одиночку, то толпами уходили изъ лагеря и даже цѣлые повѣты, никѣмъ не преслѣдуемые, бѣжали за Стырь; трудно предвидѣть, что случилось-бы тогда, если бы враги появились. Въ этомъ случаѣ мы извѣдали, что значитъ вести войну, пользуясь дворянскимъ ополченіемъ. Не дай, Господи, чтобы впредь мы должны были прибѣгать къ нему! Теперь мы постигли, почему всѣ народы чувствуютъ отвращеніе къ подобнаго рода ополченіямъ; его ничтожество и малодушіе вполнѣ обрисовалось. Несчастна наша Рѣчь Посполитая, въ которой безчинства многихъ цѣнятся больше чѣмъ благоразуміе немногихъ избранныхъ. Не захотѣли понять,

что сладость мира добывается военными подвигами и готовностью къ пролитію крови. Мы до того выродились сравнительно съ нашими предками, что не захотѣли пожертвовать двѣ недѣли времени для сохраненія того, что они нѣкогда пріобрѣли, щедро жертвуя кровью; важнѣе-же всего то, что мы бросили на произволъ судьбы короля и отечество съ величайшимъ для себя позоромъ, почитая притомъ добродѣтелью тотъ поступокъ, который всякому покажется лишь величайшимъ посрамленіемъ.

Отряды, отправлявшіеся въ погоню за козаками, возвращались съ разныхъ сторонъ и доставляли свѣдѣнія о томъ, сколько ихъ удалось истребить въ различныхъ мѣстностяхъ. Гарнизонъ, находившійся въ Дубнѣ, съ помощью окрестныхъ крестьянъ, напалъ на отрядъ ихъ, числившійся до 6,000 человѣкъ и стремившійся къ какой-то переправѣ, и почти цѣликомъ истребилъ его. Другіе козаки разбрелись въ разныя стороны: въ Полѣсье и въ Подоліе.

Іюля 14. Постыдное отступленіе дворянъ не отклонило короля отъ мысли энергическаго преслѣдованія бѣгущаго врага; напротивъ того, подавляя печаль въ сердцѣ своемъ, онъ съ непоколебимою твердостью выступилъ въ путь, направляясь отъ Берестечка къ Кіеву, въ сопровожденіи лишь своего двора и наемнаго войска польскаго и иностраннаго. Польный гетманъ (Калиновскій) съ частью войска отправленъ былъ въ качествѣ передоваго отряда. Король не захотѣлъ прощаться съ дворянскими ополченіями. И, дѣйствительно, позорное поведеніе дворянъ не давало имъ права на то, чтобы король милостиво попрощался съ ними; напротивъ того, слѣдовало-бы, по примѣру Болеслава Храбраго, многимъ послать прялки и заячьи мѣха, особенно тѣмъ, которые не были въ битвѣ и опоздали приходомъ, съ умысломъ двигаясь по мѣрѣ возможности медленно, для того, дабы битва безъ нихъ произошла; а между тѣмъ эти то ополченія болѣе всего настаивали на томъ, чтобы возвращаться домой и усерднѣе другихъ спѣшили бѣжать за Стырь, бросая возы и провизію и заботясь лишь о томъ, чтобы не обнаживъ сабли, обезпечить себѣ путь для постыднаго отступленія. Знатные вельможи, особенно изъ Великой Польши, владѣющіе богатыми помѣстьями и и бенефиціями, притомъ придворные чиновники, какъ маршалъ надворный и подканцлеръ коронный, не согласились сопровождать короля даже на разстояніи одной мили. Король, не обращая на это вниманія, въ тотъ-же день выступилъ и остановился на

ночлегъ въ полумили отъ Козина, помѣстья пана Фирлея. Онъ съ грустью увидѣлъ, что количество его войска уменьшилось въ поражающихъ размѣрахъ, ибо вмѣстѣ съ поголовнымъ ополченіемъ дворянъ ушли всѣ охотники, панскія хоругви, надворныя хоругви воеводъ и другихъ сенаторовъ и при нихъ множество товарищей, челяди и пѣхоты, даже изъ числа наемнаго войска, подъ тѣмъ предлогомъ, что они намѣрены поступить въ ряды предполагавшихся новыхъ милицій. Притомъ и оставшіяся наемныя хоругви представляли печальное зрѣлище: онѣ имѣли видъ нищенскій. Пѣхота, блиставшая прежде серебрянными украшеніями мундировъ, теперь была оборвана; регименты весьма малочисленны и нѣмцы безнаказанно бѣжали изъ нихъ, какъ будто война уже совершенно была кончена.

Въ тотъ-же день возвратился изъ разъѣзда Гандза и донесъ, что онъ былъ за Гончарихою, но татаръ не встрѣтилъ, а только видѣлъ слѣды ихъ бѣгства; козаки-же отступили по преимуществу въ Полѣсье, укрываясь въ болотахъ.

(Окончаніе будетъ).

Отрывокъ изъ записокъ анонима (1768 г.)[1].

(Казнь Гонты и усмиреніе „Коліивщины“).

.....Когда уже Гонта понесъ заслуженное наказаніе, и россіяне укротили запорожцевъ, для усмиренія-же волнующихся еще хлоповъ приготовлялась военная экспедиція, я также рѣшился возвратиться въ окрестности Смѣлы. Узнавъ, что панъ Стемпковскій, недавно назначенный регментаремъ украинской партіи, собираетъ уже хоругви и намѣренъ съ конницею идти въ Украйну, я поспѣшилъ въ Трояновъ, гдѣ тогда находился регментарь со штабомъ своимъ, желая совершить путь безопасно подъ охраною „народовой кавалеріи“—этимъ именемъ стали теперь называть панцырныя хоругви, которыя разоблачили изъ кольчугъ.

Я былъ хорошо знакомъ съ новымъ регментаремъ въ то еще время, когда онъ носилъ титулъ жарновскаго каштелянича; я встрѣчалъ его тогда въ Ровномъ и въ Дубнѣ и бывалъ въ его домѣ въ Шепетынѣ. Онъ принялъ меня привѣтливо и гостепріимно; жилъ онъ открыто и заискивалъ расположеніе шляхтичей кіевскаго воеводства, стараясь склонить ихъ на сторону короля, которому онъ былъ горячо преданъ; онъ угощалъ постоянно толпу офицеровъ и товарищей. Время у него проводили весело, ибо поляки скоро забываютъ горе; кубки опорожнивали при звукахъ пушечной пальбы и танцовали съ увлеченіемъ. Панъ регментарь выступалъ бойко въ первой парѣ полонеза, выкрикивая: эй! пошло!, а между тѣмъ на берегахъ Тыкича и Тясьмина кровь еще проливалась.

---

[1]) Отрывокъ этотъ, писанный по-польски, былъ намъ сообщенъ въ рукописи покойнымъ М. А. Максимовичемъ. Передаемъ въ точномъ переводѣ эту интересную часть записокъ анонимнаго мемуариста.—В. А.

Госпожа Стемпковская, женщина очень привѣтливая. любезная и почтенная, страстно любила играть въ зернь, но такъ какъ она всегда играла по весьма умѣренному кушу, исключительно ради развлеченія, то настоящіе игроки сторонились отъ ея столика, но за то молодые офицеры и товарищи, съ которыми она обращалась любезно и по матерински, окружали ее и участвовали въ игрѣ, выкладывая золотые и полталеры. Я встрѣтилъ въ Трояновѣ многихъ старыхъ знакомыхъ товарищей моихъ во время барской конфедераціи и, въ томъ числѣ у столика госпожи Стемпковской, я увидѣлъ сына моего друга, чашника Нурскаго, Мартына; онъ бойко встряхивалъ кубокъ и металъ зернь, такъ какъ ему везло въ игрѣ. Онъ радостно меня привѣтствовалъ и, кончивъ игру, подсѣлъ поговорить. Я распросилъ его про отца; онъ разсказывалъ, что, возвратившись изъ плѣна, отецъ его нашелъ домъ свой совершенно ограбленнымъ и хозяйство въ полномъ разстройствѣ; при томъ, какъ человѣкъ пожилой и привыкшій къ прежнимъ военнымъ порядкамъ, онъ не могъ привыкнуть къ нововведеніямъ, примѣненнымъ къ устройству панцырныхъ хоругвей и, потому, оставилъ военную службу. Самъ-же Мартынъ долженъ былъ явиться къ хоругви по приказанію регментаря и исполнилъ это весьма неохотно, но теперь привыкъ къ военной службѣ и полюбилъ ее.

Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ, что онъ былъ очевидцемъ казни суровой, которой подвергся въ Сербахъ пріобрѣвшій грустную извѣстность атаманъ уманскихъ козаковъ Гонта. Онъ былъ схваченъ посредствомъ хитрости россіянами и выданъ вмѣстѣ со многими другими ловчію коронному (Браницкому). Тогда повѣсили болѣе тысячи гайдамаковъ, нѣсколько сотъ отправили въ Каменецъ, а 200 во Львовъ, гдѣ ихъ подвергли новымъ допросамъ и слѣдствію. Гонта приговоренъ былъ къ тому, чтобы съ его спины вырѣзать 3 полосы кожи и затѣмъ посадить его на колъ. Онъ терпѣливо перенесъ эти мученія, но не страдалъ долго, ибо колъ пронзилъ ему шею и очень быстро причинилъ смерть.

— Правда-ли, спросилъ я пана Мартына, что въ тюрьмѣ передъ казнью, ему отрѣзали языкъ, опасаясь, чтобы онъ не назвалъ лицъ, которыя его подстрекали къ бунту и истребленію шляхты [1])?

---

[1]) Слухи о томъ, что Гонтѣ будто отрѣзали передъ казнью языкъ и правую руку, были распущены шляхтичами, желавшими бросить тѣнь подозрѣнія на короля и Браницкаго въ томъ, будто они вызвали съ умысломъ крестьянское возстаніе для подавленія барской конфедераціи.

— Это подлинно ложь, отвѣтилъ товарищъ, ибо я лично слышалъ насмѣшливый отвѣтъ его одному изъ моихъ товарищей въ то уже время, когда онъ отправлялся на мѣсто казни. Случилось это по слѣдующему поводу. Не смотря на то, что Гонта былъ закованъ въ тяжелыя цѣпи и что сидѣлъ въ надежной тюрьмѣ, для большей безопасности поручено было одному изъ панцырныхъ товарищей оставаться безотлучно днемъ и ночью въ его темницѣ. Послѣ того, какъ накануне казни прочитанъ былъ ему приговоръ, товарищъ этотъ сказалъ Гонтѣ, пребывавшему въ задумчивости: „Панъ полковникъ! завтра все земное будетъ кончено для васъ; не найдете-ли возможнымъ оставить что-либо на память бѣдному воину, который проводитъ съ вами послѣднія минуты?"—„Охотно, отвѣчалъ атаманъ,—напомните мнѣ завтра, когда меня станутъ вести на мѣсто казни: я вамъ подарю одинъ изъ своихъ поясовъ". Любостяжательный офицеръ поблагодарилъ за обѣщанный подарокъ, пребывая въ увѣренности, что онъ получитъ богатый поясъ изъ златоглава, вѣроятно похищенный въ какомъ либо шляхецкомъ домѣ въ Украйнѣ. На слѣдующій день, когда Гонту вывели изъ тюрьмы, офицеръ обратился къ нему: „Панъ полковникъ! позвольте вамъ напомнить обѣщанный поясъ!"—„Я не забылъ, отвѣтилъ Гонта съ презрительною улыбкою: первая полоса кожи, которую снимутъ у меня со спины, пусть служитъ вамъ поясомъ". Товарищъ былъ сконфуженъ и товарищи долго насмѣхались надъ его униженіемъ. Негласно впрочемъ ходили слухи, будто за нѣсколько часовъ до казни Гонты курьеръ привезъ изъ Варшавы приказъ, дабы остановить исполненіе приговора и подвергнуть Гонту новому допросу, но будто Браницкій, догадавшись въ чемъ состоитъ содержаніе пакета, вскрылъ его уже послѣ совершенія казни. Не знаю, вѣренъ-ли этотъ слухъ или основанъ только на предположеніи; не знаю также, слѣдуетъ-ли кого-либо обвинять или подозрѣвать на этомъ основаніи. Говорили также, будто во Львовѣ, когда стали допрашивать отправленныхъ туда 200 человѣкъ гайдамаковъ, вдругъ полученъ былъ приказъ изъ Варшавы, предписывавшій прекратить слѣдствіе, уничтожить всѣ бумаги и казнить безъ различія всѣхъ подсудимыхъ.

Нѣсколько дней спустя конница отправилась налегкѣ въ Украйну. Офицерамъ запрещено было брать съ собою возы и разрѣшено имѣть только вьючныхъ лошадей съ багажемъ. Регimентарь ѣхалъ самъ въ крошечныхъ саняхъ и взялъ другія сани, тройкою, для кухни. По дорогѣ къ намъ присоединились отряды

надворныхъ козаковъ, присланные помѣщиками. Такъ какъ у насъ не было артилеріи, то отцы кармелиты изъ Бердичева прислали намъ четыре пушки и своихъ артилеристовъ.

Я также отправился въ путь съ войскомъ. По мѣрѣ того какъ мы подвигались въ глубину Украйны, помѣщики и ихъ прикащики, уцѣлѣвшіе отъ ножа убійцъ, возвращались въ покинутыя ими села. Оказалось, что мое хозяйство въ Матусовѣ и Осотѣ потерпѣло большіе убытки: весь годичный сборъ хлѣба исчезъ, равно какъ и рабочій скотъ. Жилой домъ мой, хотя и былъ ограбленъ, но въ этомъ отношеніи потеря моя была не значительна, ибо тогда въ Украйнѣ мы обходились самою незатѣйливою обстановкою: дубовые столы, скамьи и табуреты, покрытые ковриками и попонами, снятыми съ дорожняго экипажа—составляли всю мебель; посуду мы возили въ дорожныхъ погребцахъ и пользовались оловянными сервизами. Присмотрѣвшись къ хозяйству въ теченіи нѣсколькихъ дней, я сталъ ощущать скуку въ пустынномъ домѣ: дѣла у меня не было, ибо гумно стояло порожнее, и потому я отправился въ главную квартиру региментаря. Панъ Стемпковскій, получая извѣстія о появленіи гайдамаковъ, весьма быстро носился съ мѣста на мѣсто. Помнится, что въ Вязовкѣ мы застали крестьянскую свадьбу, на которой веселились 18 человѣкъ гайдамаковъ; мы окружили село, но они, узнавъ о появленіи войска, удалили изъ хаты свадебную компанію, затворились въ ней и крѣпко защищались, отстрѣливаясь изъ оконъ и изъ подъ крыши. Они рестрѣляли очень метко и убили и ранили нѣсколько солдатъ. Региментарь, не желая терять по пусту людей, приказалъ солдатамъ отступить и, выдвинувъ двѣ кармелитскія пушки, приказалъ разбить имъ ту хату. Но монастырскіе артилеристы оказались на столько неопытными, что, выпустивъ до 20 выстрѣловъ, не попали ни разу въ хижину. Региментарь выругалъ и прогналъ пушкарей и вызвалъ охотниковъ: ротмистръ козацкій изъ Богуслава, Савицкій, вызвался сжечь эту постройку; дѣйствительно, хотя онъ и потерялъ нѣсколько человѣкъ, но успѣлъ обложить стѣны соломою и зажечь ее. Вскорѣ пламя охватило всю крышу, но гайдамаки не переставали стрѣлять, пока крыша не провалилась вмѣстѣ съ потолкомъ; тогда только замолкли ружейные выстрѣлы. Солдаты выломали тогда двери, но, среди горящихъ стѣнъ, нашли только двухъ человѣкъ еще живыхъ, но сильно пострадавшихъ отъ ожоговъ; остальные 16 сгорѣли; трупъ одного найденъ на пылавшей балкѣ, которую онъ охватилъ руками и ногами. Гайдамаки

эти при жизни еще вкусили адскія муки: израсходовавъ всю бывшую въ домѣ воду, они воспользовались двумя бочками квасу, опрокинули ихъ и, погружаясь въ жидкости, дабы хотя на мгновеніе умѣрить несносный жаръ, продолжали стрѣлять до послѣдняго издыханія. Удивительная выносливость! Жаль, что она не была примѣнена къ лучшему дѣлу.

Въ Лысянкѣ мы нашли на одной висѣлицѣ трупы: ксендза, шляхтича, еврея и собаки съ надписью: „все одна віра“. Въ Кальниболотѣ схватили до двухъ десятковъ гайдамаковъ; панъ региментарь приказалъ повѣсить всю эту шайку на стропилахъ стараго кирпичнаго завода. Передъ исполненіемъ этого приговора, подошелъ товарищъ съ докладомъ, что одинъ изъ плѣнныхъ заявляетъ, что онъ шляхтичъ. „Какъ! шляхтичъ среди гайдамаковъ! вскричалъ панъ Стемпковскій: нужно отдать подобающую честь его званію. Повѣсить его крайнимъ съ правой стороны“!

Такимъ образомъ, истребивъ по частямъ грабителей, возстановлено было спокойствіе и нѣкоторая безопасность въ этой несчастной сторонѣ. Хоругви народовой кавалеріи расположились постоемъ въ Украйнѣ, дабы сдерживать разнузданную чернь. Нѣсколько сотъ человѣкъ, обвиненныхъ въ участіи въ рѣзнѣ, были арестованы и отправлены въ Кодню, гдѣ панъ региментарь основалъ главную квартиру и учредилъ военный судъ; они почти всѣ были казнены, въ томъ числѣ и нѣсколько духовныхъ лицъ, обвиненныхъ въ подстрекательствѣ къ бунту.

Библіографія.

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія Выпускъ 3-й, изд. редакторъ неоффиціальной части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", А. А. Кіевъ. 1882.

Почтенный редакторъ „К. Губ. Вѣд." г. Андріевскій неутомимо продолжаетъ свою дѣятельность по разбору и изданію старыхъ дѣлъ изъ архива губ. правленія: еще не прошло года со времени выхода перваго выпуска, а теперь предъ нами уже третій, въ которомъ издатель нашелъ возможнымъ ввести весьма существенное улучшеніе, именно систематизацію матеріала. Настоящій выпускъ посвященъ исключительно Кіеву, хотя документы и касаются разныхъ сторонъ жизни нашего города. Четыре помѣщенныхъ здѣсь обширныхъ дѣла о городскихъ предмѣстьяхъ содержатъ очень много важныхъ указаній для мѣстной исторіи, особенно же для исторической топографіи; далѣе слѣдуетъ, довольно впрочемъ безцвѣтное, въ виду описанія Новгородцева, описаніе Кіева 1760 года; переписка о шелководствѣ въ Кіевѣ; о кіевской питейной конторѣ; о заготовленіи для царскаго двора варенья и, наконецъ, мелкія замѣтки о городскомъ хозяйствѣ и управленіи. Въ виду разнообразія матеріала, мы остановимся здѣсь лишь на разборѣ данныхъ по исторической топографіи города и его окрестностей.

Первое дѣло, 1753 года, касается городскихъ земель на Сырцѣ, Кореніовщинѣ и Преворкѣ и было первоначально возбуждено откупщиками войсковыхъ доходовъ, отрицавшими право жителей этихъ урочищъ имѣть на Преворкѣ виновурные котлы безъ платежа *показанщины*, а также вести здѣсь оптовую торговлю

горѣлкою и дегтемъ, не платя *покуховного*. Магистратъ защищалъ права живущихъ на его земляхъ, и потому явилась необходимость въ историческомъ разслѣдованіи этихъ правъ, тѣмъ болѣе, что и старшина кіевскаго полка выступила противъ магистрата. Въ сущности здѣсь о правѣ собственности не было и спора; мѣщане настаивали только на томъ, что Преорка и „Подгорье", упоминаемое въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ,—синонимы, а потому на нее должны быть распространяемы правила о земляхъ въ городской чертѣ; полковникъ же, и совершенно справедливо, указывалъ, что поселенія на Сырцѣ, Кореніовщинѣ и Преоркѣ отдѣлены отъ города владѣніями кирилловскаго монастыря, *селомъ Плоскимъ*, съ котораго отбываются войсковыя повинности, а потому должны считаться лежащими уже внутри „полка" и тоже платить повинности. Мѣщане, дѣйствительно, дѣлали топографическую передёржку: въ грамотахъ, на которыя они ссылались, имъ подтверждаются, между прочимъ, право владѣнія „и Оболонемъ, *и* Подгородьемъ, *и* Кожемяками, *и* Преворкою". Изъ нѣкоторыхъ другихъ указаній можно заключать, что Подгородьемъ называлось поселеніе между городскою оградою и кирилловскими землями, которыя начинались за юрковицкимъ ручьемъ. На третьемъ и четвертомъ листахъ атласа Закревскаго городская ограда и находившіяся съ этой стороны „бискупскія" ворота, придвинуты къ самому ручью; но съ правильностью такого указанія нельзя согласиться. Въ разграниченіи городскихъ и кирилловскихъ земель, 1701 года, прямо говорится, что „Подгорье горы Шкавицы", ближе юркового потока, должно принадлежать магистрату,—очевидно, оно находилось *внѣ* городской ограды. Въ настоящихъ же „Матеріалахъ" (14) находимъ и болѣе точное указаніе, гдѣ именно находились бискупскія ворота: полковая канцелярія указывала, что „отъ башты бискупской кіевской, Подгородья кіевского, дорога находится саженей маховыхъ двѣсти девяносто три, а отъ рогатокъ (т. е. на юрковицкомъ ручьѣ) село Плоски монастыря кіево-кирилловскаго". Указаніемъ этимъ опредѣляется линія городской ограды и положеніе бискупской проѣзжей башни—у нынѣшней Константиновской церкви, согласно чему и должны быть исправлены планы Закревскаго, тѣмъ болѣе, что въ этомъ мѣстѣ они противорѣчатъ его собственному тексту, опредѣляющему правильнѣе положеніе этой башни (Описаніе Кіева, стр. 388).

Помимо этого указанія, дѣло о Преоркѣ, вновь возбужденное магистратомъ въ 1784 г., даетъ намъ цифру магистратскихъ

подданныхъ на спорныхъ урочищахъ: кромѣ урядовыхъ, мѣщанскихъ и ихъ подсусѣдковъ, въ селѣ Преваркѣ въ 1752 г. состояло дворовъ посполитыхъ, подданныхъ ратушѣ кіевской, 110 и бездворныхъ хатъ 7; въ деревнѣ Сырцѣ—дворовъ 17, бездворная хатка одна; въ деревнѣ Куреневщинѣ дворовъ 49, бездворныхъ хатъ 5 (стр. 9 и 22). Очень значительная часть земель всѣхъ этихъ урочищъ была занята хуторами различныхъ лицъ, въ числѣ 84, съ которыхъ узуфрукторы платили въ городской доходъ по полушкѣ отъ аршина *окружности*, и то только за одну усадебную землю, находившіеся же внѣ усадебъ лѣсъ, покосы, пасѣки и т. под. были свободны отъ платежа вовсе. Составленная въ 1782 г. подробная опись всѣхъ этихъ хуторовъ (стр. 39—81) интересна преимущественно въ бытовомъ отношеніи, указывая сословный составъ хуторянъ, переходы владѣній и внѣшній порядокъ ихъ хозяйственнаго устройства. Она могла бы, вѣроятно, служить также практическимъ пособіемъ при повѣркѣ городскихъ земель въ настоящее время, если еще не поздно, т. е. если есть еще что̀ повѣрять.

Третье дѣло, 1781 года, касается „заднѣпровской воскресенской Слободки, почему оная во владѣніи губернаторовъ состоитъ". Въ этомъ дѣлѣ находимъ любопытное указаніе, что земля эта была первоначально надана воскресенской церкви Евстафіемъ Дашкевичемъ, запись котораго подтверждена, 24 августа 1577 г., *зятемъ* Дашкевича, княземъ Евстафіемъ Ружинскимъ, почему и носила названіе земли Евстафьевской, а въ церкви устроенъ былъ придѣлъ во имя св. Евстафія Плакиды,—онъ существуетъ и въ настоящее время. По вѣдомости кіево-подольской протопопіи 1784 г. это была сначала отдѣльная церковь, а соединена съ воскресенскою при постройкѣ, вмѣсто двухъ деревянныхъ, одной каменной, въ 1670 году (Закревскій, стр. 221). Этимъ указаніемъ объясняется переселеніе Ружинскихъ съ Волыни въ Кіевщину, а начало связи ихъ съ козачествомъ отодвигается въ первую половину XVI вѣка. Образовавшееся впослѣдствіи на Евстафіевской землѣ поселеніе получило названіе воскресенской слободки, противъ которой находился и перевозъ изъ Кіева; а здѣсь раздѣлялись дороги на востокъ—Басанская, и на юговостокъ—Остролуцкая. Очевидно, это тотъ самый, древній, перевозъ, о которомъ упоминаетъ ипатская лѣтопись подъ 1146 годомъ по поводу битвы Изяслава Мстиславича съ Ольговичами; одинъ изъ послѣднихъ, Святославъ, „бѣжа на устье Десны за Днѣпръ", послѣ чего по-

бѣдители „идоша до нихъ до Вышегорода, и до Днѣпра, до устья Десны, *и до перевоза до кіевского*, сѣкуще я“ (П. С. Р. Л., т. II, стр. 24). „Во время же турецкихъ походовъ прописанной слободки обыватели, имѣя свое селеніе на берегу, *при самомъ перевозѣ* чрезъ рѣку Днѣпръ, и отъ переходящихъ командъ претерпѣвая разныя обиды и разоренія, для охраненія отъ оныхъ себя просили у бывшаго тогда кіевскаго губернатора, кн. Димитрія Мих. Голицына (1715—1719 г.), залоги (т. е. караула), якова какъ отъ его с—ва, такъ и отъ бывшихъ по немъ губернаторовъ кіевскихъ давана была“. Постепенно защита губернаторами воскресенцевъ превратилась въ завладѣніе, такъ что и самая слободка получила уже названіе „Губернаторской“, пока въ 1781 г. причтъ и прихожане воскресенской церкви не стали хлопотать у гр. Румянцева о возвратѣ церковнаго имѣнія. На соотвѣтственный запросъ, кіевская губ. канцелярія не могла отыскать никакого основанія къ такому завладѣнію, и слободка, вѣроятно, была возвращена церкви, съ тѣмъ, конечно, чтобы вскорѣ совсѣмъ отойти въ казну.

Въ дѣлѣ этомъ упоминается, между прочимъ, что „въ 1577 году ноября 17 дня за нѣкоторую часть оного Евстафіевского грунту Станиславъ Колантай, дѣтей Ивана Вигуры опекунъ, имѣлъ споръ“. Вигуры были владѣльцами сосѣдняго села, носящаго и теперь ихъ имя—Вигуровщина. Такъ какъ это поселеніе весьма древнее, то мы воспользуемся случаемъ возстановить настоящее его имя. Въ житомірской актовой книгѣ 1664 г., по списку центральнаго архива № 21, на листѣ 8, записана жалованная королевская грамота 1653 г. Льву Тышѣ-Быковскому на селище *Витославское*, alias *Вигуровщину*, въ кіевскомъ воеводствѣ, надъ Днѣпромъ. Актъ этотъ, внесенный уже по выписи изъ коронной метрики, возбудилъ въ насъ сомнѣніе: не исказили-ль многократные переписчики буквы *M* въ *W* и *l* въ *t*, т. е. не слѣдуетъ-ли здѣсь читать „Miłosławskie“. Въ справедливости этой догадки насъ убѣждаютъ слѣдующія обстоятельства: 1) Милославичи лежали за Днѣпромъ противъ Кіева: по лѣтописи Быховца, князь Скиргайло, въ 1396 г., былъ на пиру на митрополичьемъ дворѣ, у святой Софіи, откуда поѣхалъ на ловы за Днѣпръ къ Милославичамъ, тамъ заболѣлъ, и немедленно вернулся въ городъ,—очевидно, разстояніе очень недалекое; 2) въ описаніи кіевскаго замка 1545 г., въ числѣ замковыхъ селъ, Милославцы упомянуты вмѣстѣ съ Погребами, лежащими по сосѣдству съ Вигуровщиной и 3) по люстраціямъ 1616 и 1622 г., замковымъ

селомъ Милославичами владѣетъ кіевскій городничій Станиславъ Вигура [1]). Отнюдь, однако, не слѣдуетъ смѣшивать этихъ Милославичъ съ лѣтописнымъ (1151 г.) Мирославскимъ сельцомъ: то находилось гораздо ниже, у Витичевскаго брода.

Намъ остается разсмотрѣть въ „Матеріалахъ“ еще одно дѣло—о крещатицкой землѣ. Дѣло это заключалось въ спорѣ михайловскаго монастыря о захватѣ принадлежащихъ ему земель и постройкѣ на нихъ „казенной австеріи, провара, солодовни и погреба съ анбарами“, тогда какъ монастырь встрѣтилъ со стороны генералъ-губернаторской канцеляріи препятствіе въ постройкѣ на той-же собственной его землѣ „провара, воскобойни и винокурни“. По указу сената, куда обращался съ жалобой архимандритъ, губернская канцелярія должна была разслѣдовать о принадлежности земли, на которой находились означенныя постройки, и нѣтъ-ли о ней спора со стороны магистрата, питейная монополія котораго могла подвергнуться нарушенію со стороны монастыря. Магистратъ, или, вѣрнѣе говоря, писарь его Николай Родуцкій, поспѣшилъ воспользоваться случаемъ и заявилъ, что указываемая архимандритомъ какъ монастырская земля—на самомъ дѣлѣ есть городская, а въ собственность принадлежитъ ему, Родуцкому. Оказывается, что споръ шелъ о той землѣ, владѣніе которою подтверждено было монастырю Жигимонтомъ I въ 1523 г., въ такихъ границахъ: „земли къ тому монастырю.... по самый валъ, и по лядскіи ворота, и по Евсейкову долину, по старую дорогу, по михайловскій взвозъ“. Точное опредѣленіе упоминаемыхъ здѣсь урочищъ было-бы очень интересно для уясненія топографіи древняго Кіева. Настоящее спорное дѣло даетъ въ этомъ отношеніи нѣсколько указаній, которыми мы и намѣрены воспользоваться.

Конечно, мѣстность эта подверглась въ настоящее время такимъ измѣненіямъ, что возстановленіе ея древней урочищной терминологіи очень затруднительно и всегда можетъ возбуждать возраженія. Остановимся, однако, на слѣдующихъ указаніяхъ: монастырь представилъ изъ приказной избы отъ 9 февраля 207 (1699) года, что „по досмотру и по мѣрѣ... въ дачѣ по урочищамъ отъ долины Евсейковой, которая сошлась того мѣста *къ берегу рѣки Почайны, съ крещатицкимъ взвозомъ обще*, идучи старою набережною

---

[1]) Опись актовой книги, № 21, стр. 3. Матеріалы для историч. топографіи Кіева, отд. I, стр. 34 и отд. III, стр. 31. Jabłonowsci, Źródła dziejowe, т. V, стр. 101 и 131.

дорогою отъ врещатицкой башни и сквозь крещатицкую башню, по конецъ мосту, что нынѣ вновь построенъ былъ къ церкви Рождества Христова, противъ михайловскаго взвоза, что нынѣ противъ михайловской калитки, въ длину 203 сажени, а поперегъ, отъ того крещатицкаго мосту прямо на гору къ михайловской-же калиткѣ 164 сажени". Отсюда видно, во-первыхъ, что Евсейкова долина спускалась къ Днѣпру, соединившись съ крещатицкой; Крещатикомъ-же, какъ видно по другимъ древнимъ источникамъ, называлось мѣсто, гдѣ нынѣ нижній памятникъ св. Владиміра; во вторыхъ, взвозъ пересѣкалъ соединенныя долины, черезъ которыя и былъ устроенъ мостъ; въ-третьихъ, у нижняго конца этого моста начинался нѣкогда михайловскій взвозъ, въ 1699 г. уже не существовавшій, „прямо на гору къ михайловской калиткѣ". Начнемъ съ послѣдняго. Существующія пѣшеходныя тропинки идутъ и теперь еще въ направленіи древняго спуска, который начинался между михайловской оградой и церковью Трехъ Святителей (вершина его засыпана очень недавно), противъ лежащаго отрога горы, у котораго онъ развѣтлялся: влѣво шелъ боричевъ взвозъ, а вправо, гдѣ нынѣ оканчивается Александровская гора, сейчасъ за верхнимъ памятникомъ св. Владиміра, это и есть древній михайловскій взвозъ. Опредѣливъ одну границу монастырской земли, отправимся отсюда вверхъ вдоль соединенныхъ долинъ крещатицкой и Евсейковой. Такъ какъ граница монастырской земли шла далѣе къ лядскимъ воротамъ, т. е. къ *верхнему* городу, то очевидно, что, идя снизу, крещатицкая долина оставалась *влѣво*, а Евсейкока *вправо*. Очертанія мѣстности показываютъ, что первою изъ нихъ можетъ быть только долина между институтской горою и нынѣшней Александровской улицей. То-же, что мы нынѣ называемъ Крещатикомъ, на самомъ дѣлѣ и есть Евсейкова долина. Вершина-же ея, повернувъ также влѣво, между нынѣшними улицами институтской и лютеранской, засыпана на нашихъ глазахъ подъ новую банковскую улицу. Михайловскій намѣстникъ такъ и опредѣлялъ ея направленіе: „выѣхавъ изъ города Верхнего Кіева въ ворота къ Печерскому, на праву сторону по за *Кловомъ* у яръ, у якого яру, гдѣ теперь навозъ скидаютъ, оная Евсейкова долина окончалась". Граница-же монастырской земли сворачивала вправо, къ лядскимъ воротамъ, т. е. вдоль нынѣшняго козьеболотнаго переулка, отсюда упиралась въ валъ, гдѣ теперь присутственныя мѣста, и оканчивалась у сѣверо-западнаго угла михайловской ограды, т. е. начала михайловскаго взвоза.

Судить о степени основательности нашихъ соображеній предоставляемъ спеціалистамъ. Мы-же закончимъ свою замѣтку пожеланіемъ заслуженнаго успѣха трудамъ почтенной редакціи „Губ. Вѣдомостей", продолженія которыхъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ.

Ив. Новицкій.

E. Chantre. Recherches paleoethnologiques dans la Russie méridionale et spècialement au Caucase et en Crimée. Lyon. 1881.

Э. Шантръ. Палеоэтнологическія изслѣдованія въ южной Руси, особенно-же на Кавказѣ и въ Крыму, Ліонъ. 1881 г.

Извѣстный французскій археологъ, снискавшій себѣ прочную репутацію серьезнаго ученаго многочисленными трудами по археологіи и этнологіи, особенно же капитальною работою о бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Роны, г. Эрнестъ Шантръ, посвятилъ книжку, заглавіе которой мы выписываемъ, доисторической археологіи и этнологіи южной Россіи. Книжка эта явилась вслѣдствіе путешествія, предпринятаго г. Шантромъ на московскую антропологическую выставку; на обратномъ пути г. Шантръ посѣтилъ Кавказъ, Крымъ и Одессу; собранные имъ наблюденія на мѣстѣ и осмотръ музеевъ на югѣ Россіи доставили ему матеріалъ для очерка, изданнаго подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Г. Шантръ говоритъ, что онъ поставилъ цѣлью своего путешествія собрать данные по слѣдующимъ четыремъ вопросамъ: 1) констатировать существованіе бронзоваго вѣка въ южной Россіи и указать его связь съ аналогическимъ періодомъ въ западной Европѣ и передней Азіи, 2) изслѣдовать могильники Осетіи и Грузіи, содержащіе деформированные (макроцефалическіе) черепа, 3) прослѣдить оставшіеся до настоящаго времени у туземцевъ Кавказа пріемы деформаціи череповъ и 4) опредѣлить расположеніе и время постановки мегалитическихъ памятниковъ на Кавказѣ и въ Крыму. Недостатокъ времени заставилъ г. Шантра отказаться отъ послѣдней задачи. Наблюденія его надъ могильниками и черепами Грузіи и Осетіи имѣютъ характеръ строго мѣстный кавказскій, такъ, что мы уже упомянемъ только о рѣшеніи г. Шантромъ перваго изъ постановленныхъ имъ вопросовъ, какъ относящагося вообще къ южной Руси. Къ несчастью для рѣшенія этого вопроса наблюденій и свѣдѣній г. Шантръ успѣлъ

собрать слишкомъ мало, и потому рѣшаетъ его весьма поверхностно и по предвзятой впередъ мысли. Притомъ, какъ намъ кажется, г. Шантръ не даетъ себѣ яснаго отчета о томъ, какой районъ онъ разумѣетъ подъ названіемъ „южной Россіи" и вслѣдствіе этого частнымъ фактамъ даетъ слишкомъ широкое примѣненіе, подтверждая свои выводы весьма неопредѣленными и неточными ссылками.

Г. Шантръ утверждаетъ, что онъ убѣдился въ существованіи бронзоваго вѣка въ южной Россіи и что предметы бронзовые, найденные у подножія Кавказа и на берегахъ Чернаго моря, должны быть отнесены къ начальному періоду металлургіи и указываютъ путь распространенія древнѣйшаго металлоплавительнаго искусства изъ Индіи въ Европу (стр. 8--11). Въ доказательство своего положенія авторъ приводитъ указанія на предметы бронзовые, найденные въ бассейнѣ Днѣпра; но при этомъ г. Шантръ не указываетъ, откуда онъ заимствовалъ свѣдѣнія о приводимыхъ находкахъ, и мѣстности называетъ до того неточно, что мы не можемъ дать себѣ о нихъ никакого отчета. Вотъ его перечень: „въ деревнѣ князя Григорьева на берегахъ Конки (не должно-ли разумѣть село Григорьевку, днѣпровскаго уѣзда, таврической губ.?) не вдалекѣ отъ Днѣпра нашли 50 топоровъ (?) и слитки бронзы. Въ Гилеи (sic!) у села Малые Копани, въ Херсонскомъ (sic) на берегахъ Шуты и въ Пултанѣ (sic) на Днѣпрѣ найдены топоры, копья и стрѣлы вмѣстѣ съ отливными формами" (стр. 10). Вотъ и всѣ данныя о южной Руси, на основаніи которыхъ авторъ дѣлаетъ вышеуказанный выводъ. Конечно, ни въ географическихъ терминахъ г. Шантра разобраться не возможно, ни въ точности его указаній нельзя быть увѣреннымъ, такъ какъ онъ не объясняетъ, кѣмъ сообщены ему были приведенныя свѣдѣнія. Но допустивъ даже, что въ небольшомъ районѣ у устья Днѣпра (въ днѣпровскомъ уѣздѣ) и найдены были указанные предметы, то во всякомъ случаѣ они не даютъ права дѣлать заключеній о существованіи бронзоваго вѣка во всей южной Россіи.

Между тѣмъ всѣ понынѣ собранныя коллекціи и научно произведенныя раскопки заставляютъ насъ предполагать, что первобытные жители южно-русскаго края пользовались каменными исключительно орудіями до того времени, пока колонизація новыхъ пришельцевъ, двигавшихся отъ береговъ Чернаго моря, не познакомила ихъ съ металлическимъ производствомъ. Но пришельцы эти появились уже вооруженные желѣзомъ и потому

бронзовый вѣкъ не только не могъ развиться, но и вовсе не существовалъ въ южно-русскомъ краѣ. Если отстранить тѣ бронзовые предметы, которые продолжали существовать совмѣстно съ желѣзомъ и которые обыкновенно вмѣстѣ съ нимъ и встрѣчаются въ курганахъ (украшенія, зеркала, наконечники стрѣлъ и булавы), то понынѣ, на сколько намъ извѣстно, найдены были только два характерные экземпляра бронзовыхъ предметовъ на всемъ пространствѣ семи южно-русскихъ губерній днѣпровскаго бассейна; это два цельта: одинъ найденъ въ черкасскомъ уѣздѣ (коллекція Волошинскаго) и одинъ въ васильковскомъ (коллекція г. Витковскаго). Конечно столь рѣдкія находки должны быть сочтены случайно попавшими извнѣ на территорію южно-русскаго края, и пока новыя точныя данныя не явятся въ подтвержденіе теоріи, высказанной г. Шантромъ, мы будемъ въ правѣ считать эту теорію гипотезою, основанною лишь на поверхностномъ и неточномъ наблюденіи, и будемъ сомнѣваться въ существованіи бронзоваго вѣка въ южной Руси вообще и въ бассейнѣ Днѣпра въ особенности. **В. А.**

---

1) Бердичевъ. Сост. командиромъ 1 батал. 32 артил. бриг. полк. Петроковымъ. стр. II + 57, 2) Шпола. Сост. рыльскаго полка штабъ-капит. Шмидтомъ въ апрѣлѣ 1882 г. Стр. 10. 3) Каменецъ-Подольскъ. Сост. каменецъ-под. уѣзднымъ воин. нач. полковн. Н. Л. Островерховымъ. Стр. 37.

Брошюры эти составляютъ начало цѣлаго ряда подобныхъ описаній городовъ и главнѣйшихъ мѣстечекъ юго-западнаго края, изданіе которыхъ предпринято мѣстнымъ окружнымъ штабомъ, съ тѣмъ, чтобы они послужили впослѣдствіи матеріаломъ для составленія общаго военно-статистическаго описанія губерній кіевскаго военнаго округа. Не касаясь этихъ описаній, по ихъ спеціальной цѣли и содержанію, во всемъ ихъ объемѣ, скажемъ нѣсколько словъ лишь о той ихъ части, которая отвѣчаетъ первому вопросу составленной окружнымъ штабомъ программы: „Краткая исторія, основаніе города или мѣстечка и дальнѣйшее его развитіе“.

Въ описаніи Бердичева находимъ очень много неточностей. Здѣсь говорится, будто Бердичевъ упоминается впервые въ 1546 г., подъ именемъ села Беричикова, въ актѣ разграниченія

между Литвою и Украйною (sic), настоящимъ-же своимъ именемъ названъ первый разъ въ 1627 г., въ актѣ фундаціи кіевскимъ воеводою Янушемъ Тышкевичемъ бердичевскаго кармелитскаго монастыря. Не имѣя въ настоящую минуту подъ рукою разграниченія 1546 г., ни въ его первомъ, отдѣльномъ изданіи 1758 г., подъ заглавіемъ: „Dukt granic" и т. д., ни въ первомъ томѣ виленскаго „Археографическаго сборника", затрудняемся опредѣлить упоминаемое тамъ Беричиково, но во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть Бердичевомъ. Разграниченіе производилось между Литвою и Польшею, т. е. въ данной мѣстности между Волынью, а далѣе Украйною, воеводствами кіевскимъ и позднѣйшимъ брацлавскимъ, какъ составными частями Литвы, съ одной стороны, и принадлежавшимъ Польшѣ воеводствомъ подольскимъ, съ другой; Бердичевъ не прилегалъ къ границамъ Подоліи, проходившимъ далѣе къ юго западу; даже и брацлавская граница проходила гораздо южнѣе, около Махновки и Пиковца, такъ что авторъ ошибается и тамъ, гдѣ утверждаетъ, будто „до раздѣла Польши Бердичевъ числился въ брацлавскомъ воеводствѣ": городъ этотъ всегда принадлежалъ къ житомірскому повѣту кіевскаго воеводства. Въ числѣ источниковъ описанія упомянуты „Акты, изд. кіевской археологической (sic) коммисіей", — а въ одномъ изъ этихъ изданій, именно въ 1-мъ томѣ 6-й части, снабженномъ алфавитнымъ указателемъ, Бердичевъ упоминается гораздо ранѣе 1627 года: въ 1611 г. этотъ *городъ*, съ селами Быстрикомъ и Жидовцами, былъ отдаваемъ Фридр. Тышкевичемъ въ аренду Григорію Чернику; еще ранѣе, въ инвентарѣ города Слободищъ 1593 г., упоминается „miasto nowoosiadłe Berdyczow, w którym podymja osiadłego sto czterdzieści"; въ 1627 г. Янушъ Тышкевичъ кіевскимъ воеводою еще не былъ, а сталъ имъ только съ 1630 г. Упоминаніе о разореніи Бердичева козаками въ 1647 г. мы считаемъ за опечатку вмѣсто 1648 г., но и самый фактъ не вѣренъ,—напротивъ, козаки хотя и взяли тогда Бердичевъ, но даже оберегли его и окрестности отъ татаръ: Жолкевскій писалъ къ канцлеру Оссолинскому, 8-го іюня 1648 г., объ Ордѣ: „stali pod Berdyczowem, a nie wzięli nic..., w Bystrzyku y naymnieyszey rzeczy nie wzięli". Нельзя считать за такую-же опечатку нѣсколько разъ повтореннаго искаженія фамиліи „Завишъ" вмѣсто „Завиша". Преданіе, будто въ раздорахъ кармелитовъ съ Тышкевичами, въ 1660-хъ годахъ, козаки принимали сторону первыхъ, не выдерживаетъ никакой критики; ни одинъ козацкій полков-

никъ того времени не могъ говорить, что католическіе монахи „противъ козаковъ ничѣмъ не провинились“, — наоборотъ, монаховъ этихъ козаки считали одними изъ злѣйшихъ своихъ враговъ, а истребленіе ихъ—дѣломъ полезнымъ и даже богоугоднымъ. Замѣтимъ еще, что въ перечнѣ печатныхъ источниковъ по Бердичеву встрѣчаемъ изданія едва-ли существующія, какъ напримѣръ „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ“, Драгоманова, а особенно „Piesnia o Kiowi“, Скальковскаго. Сколько мы знаемъ, оба извѣстные писателя Скальковскіе, отецъ и сынъ, писали всегда по-русски и никто изъ нихъ не сочинялъ на хорватскомъ или сербско-далматскомъ нарѣчіи „Пѣсни о Кіевѣ“.

Историческія свѣдѣнія о Шполѣ чрезмѣрно скудны. Авторъ не упомянулъ даже владѣльцевъ мѣстечка между кн. Потемкинымъ и Ив. Ал. Орловымъ, какими послѣдовательно были: ген. Высоцкій, Н. Лопухинъ и ген. Скородули. Вообще, объ этомъ мѣстечкѣ нужно замѣтить, что оно должно было существовать прежде подъ другимъ именемъ; въ документахъ оно появляется внезапно, во второй половинѣ прошлаго вѣка, уже въ качествѣ города, съ двумя церквями, построенными въ 1780-хъ годахъ на мѣстѣ древнѣйшихъ,—слѣдовательно, поселеніе существовало гораздо раньше.

Что касается историческаго очерка Каменца, то онъ не подлежитъ нашему разбору, такъ какъ авторъ съ похвальной скромностью заявилъ, что свѣдѣнія имъ заимствованы изъ статьи г. Сементовскаго, и только напрасно послѣдній, по корректурному недосмотру, превращенъ въ Симантовскаго.

Говоря вообще, мы считаемъ въ высшей степени полезнымъ и интереснымъ изданіе описаній отдѣльныхъ городовъ, мѣстечекъ и даже селеній, въ которыхъ-бы наиболѣе новымъ и точнымъ статистическимъ даннымъ предпосылались обстоятельные историческіе очерки. Но при этомъ историческому элементу должно быть отводимо самостоятельное мѣсто, объемъ его долженъ быть достаточно обширенъ, и обработка произведена лицами, спеціально занимающимися мѣстнымъ историческимъ изученіемъ Какъ образецъ подобной обработки, можемъ указать статью В. Б. Антоновича о м. Ходорковѣ въ „Кіев. Губ. Вѣд.“ 1870 года. Конечно, подобная задача никоимъ образомъ не можетъ входить въ кругъ дѣятельности учрежденій вѣдомства военнаго. Намъ кажется, что органамъ послѣдняго достаточно ограничиться, по 1-му пункту программы, собраніемъ, если представится случай,

историческаго матеріала, который можетъ быть утилизованъ при составленіи общаго описанія края, или-же изданъ отдѣльно. Въ самыя-же описанія вполнѣ достаточно включать краткія заимствованія изъ спеціальныхъ изслѣдованій, какъ это сдѣлалъ г. Островерховъ, и вообще приводить только факты, уже установленные. Пользованіе-же случайными и непровѣренными указаніями не только безполезно, ничего не внося въ науку, но даже вредно, сообщая офицерскому корпусу, для котораго изданіе преимущественно предназначено, ошибочныя историческія свѣдѣнія. Требовать исторической критики отъ составителей, спеціалистовъ по совершенно иному дѣлу,—невозможно. И невозможно имъ ни въ какомъ случаѣ ставить въ вину невольныхъ въ чуждой области промаховъ и ошибокъ.

Ив. Н.

Сборники малорусской орнаментики. (Украинскій орнаментъ О. Косачъ, Южно-русская орнаментика Волкова, Южно-русскій народный орнаментъ П. Литвиновой; Сборники „украинскаго орнамента" А. Лисенко, Махно, Квитко и др.).

Орнаментика всякаго народа представляетъ очень значительную и характерную часть этнографіи; въ желаніи и способности украшать извѣстнымъ образомъ предметы своей ближайшей обстановки сказывается степень культуры даннаго народа, культуры, въ которой могутъ быть отысканы какъ элементы чуждые, внесенные путемъ заимствованія и подражанія, такъ и элементы самобытные. Съ этой точки зрѣнія орнаментика можетъ быть изучаема и исторически, такъ какъ, зарождаясь вмѣстѣ съ самыми примитивными зачатками культуры, орнаментика сопутствуетъ и всё дальнѣйшее развитіе ея, идя отъ дѣтскихъ, наивныхъ способовъ украшенія первичнаго періода до изысканности стиля у народа вполнѣ цивилизованнаго.

Археологу, этнографу-историку хорошо извѣстно значеніе орнаментики, которая нерѣдко служитъ цѣннымъ подспорьемъ въ научныхъ изысканіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, весьма часты случаи, когда одна орнаментная отдѣлка, подобно краснорѣчивымъ письменамъ, проливаетъ свѣтъ на объясненіе загадочнаго памятника прошлаго.

Что касается до орнаментики малорусской, то приходится сказать, что широкое изученіе ея принадлежитъ лишь будущему; до сихъ поръ не собраны и не изданы даже матеріалы этой отрасли нашей этнографіи, не собраны въ такой полнотѣ, какъ это выпало на долю напримѣръ нашимъ памятникамъ устнаго народнаго творчества.

А между тѣмъ матеріаловъ этихъ имѣется такъ много. Желающіе могли-бы встрѣтить и въ настоящее время массу предметовъ, носящихъ на себѣ слѣды народнаго орнаментнаго стиля. Кромѣ того, сколько еще остается въ забвеніи старинныхъ вещей съ весьма интересной и характерной отдѣлкой. Въ этомъ отношеніи и наши церкви могли-бы дать богатѣйшій матеріалъ для изслѣдователя орнаментики, такъ много могъ-бы онъ найти въ нихъ интереснаго по части орнаментныхъ изображеній, церковной утвари, ковровъ и разныхъ другихъ вещей, носящихъ на себѣ отпечатокъ мѣстнаго искусства.

Подобнаго обширнаго изданія, конечно, остается ждать лишь въ будущемъ.

Пока обратимся къ тѣмъ сборникамъ украинской орнаментики, какіе явились путемъ предпріимчивости отдѣльныхъ частныхъ лицъ, которымъ, пожалуй, и не подъ силу было бы издательство въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, о которыхъ говорилось выше.

Въ вышедшихъ сборникахъ малорусской орнаментики наиболѣе посчастливилось вышивкамъ, которыя, впрочемъ, и на самомъ дѣлѣ представляютъ весьма видную сторону нашей народвой орнаментики.

Первымъ сборникомъ этого рода явился сборникъ г-жи Косачъ „Украинскій орнаментъ“, который и до сихъ поръ остается наиболѣе полнымъ и разнообразнымъ, такъ какъ въ него включено очень много образцовъ вышивокъ, съ прибавленіемъ характерныхъ образцовъ тканья и писанокъ. Матеріалъ этого сборника расположенъ въ систематическомъ порядкѣ, объясненномъ въ предисловіи, приложенномъ къ сборнику и представляющемъ собою нѣкотораго рода этнографическое изслѣдованіе. Не вдаваясь, за неимѣніемъ мѣста, въ разборъ этого изслѣдованія, скажемъ, что какъ оно, такъ и предисловіе г-на Волкова ко 2-му сборнику въ этомъ-же родѣ („Южно русскій орнаментъ“, приложеніе къ трудамъ 3-го археолог. съѣзда)—представляютъ собою начало научно-этнографической разработки малорусской орнаментики.

Можно было-бы надѣяться, что послѣдующіе труды въ этомъ родѣ будутъ разработывать дальше интересную область. И въ самомъ дѣлѣ вслѣдъ за этими сборниками появляются одинъ за другимъ, включительно до послѣднихъ дней, изданія малорусскаго орнамента: сборники А. Лисенко, Квитко, Махно, г-жи Литвиновой, Макаровой и др.

Къ сожалѣнію, сборники эти вовсе не служатъ продолженіемъ тѣхъ началъ, на которыхъ были изданы два первые упомянутые сборника: новѣйшія изданія не имѣютъ ровно ничего общаго съ какой-бы-то ни было наукой. Еще сборникъ г-жи Литвиновой обнаруживаетъ попытку издательницы придать своему сборнику этнографическій характеръ, по крайней мѣрѣ матеріалъ собранъ въ извѣстной мѣстности и снабженъ нѣсколькими страницами текста, хотя бѣгло поясняющаго нѣкоторыя частности матеріала. Что же касается до остальныхъ названныхъ сборниковъ, то они кажется и не имѣютъ никакой претензіи считаться этнографическими изданіями. Содержаніе ихъ представляетъ собою совершенно случайный сборъ образцовъ, который было-бы даже мудрено подвести подъ какую нибудь систему; издательницы и издатели словно задались цѣлью издать сборники какихъ нибудь узоровъ, пригодныхъ для практическаго употребленія (и при томъ исключительно узоровъ вышиванья). Неразборчивость издателей при наполненіи сборника доходитъ до того, что для нихъ даже безразлично, имѣетъ-ли издаваемый матеріалъ по крайней мѣрѣ интересъ новизны, такъ напримѣръ очень многіе образцы сборника А. Лисенко уже были въ изданіи г-жи Косачъ и являются у А. Лисенко какъ-бы одной перепечаткой. Такія совпаденія въ новѣйшихъ сборникахъ „Орнаментовъ“ даже не поясняются, такъ какъ и вообще какой-бы то ни было пояснительный текстъ при нихъ не существуетъ.

Конечно, и эти сборники имѣютъ свой raison d'être, такъ какъ находятъ свою публику, которая можетъ удовольствоваться любымъ сборникомъ „узоровъ“; но съ научной стороны изданія эти, не скажемъ, что роняютъ этнографическую науку, а просто имѣютъ съ нею столь-же мало общаго, какъ напримѣръ иной „самый модный пѣсенникъ“ съ этнографическимъ изданіемъ народныхъ пѣсенъ.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ ПЕРЕВОЗЪ НА ДНѢПРѢ И ЕГО НЕЖДАННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ главный перевозъ черезъ Днѣпръ подъ Кіевомъ существовалъ не на мѣстѣ теперешнихъ мостовъ, а ниже ихъ, именно противъ устья р. Лыбеди. Еще въ начальной лѣтописи упоминается, что въ 1097 г. „приде Василко (Ростиславовичъ) въ 4-е ноября и перевезеся на Выдобичь, иде поклонитися къ святому Михаилу въ манастырь“. Съ половины XVII в. перевозъ этотъ находился въ рукахъ честныхъ отцевъ выдубицкаго монастыря, которые содержали два парома и построили за Днѣпромъ мостъ „у Толбина“. Тогдашній выдубицкій игуменъ Климентій Старушичъ былъ практическаго ума человѣкъ и усердный радѣтель объ умноженіи монастырскихъ доходовъ. На устьѣ Лыбеди, у самаго перевоза, онъ построилъ мельницу, а при ней корчму съ продажею „горелки, пива и меду“. Такую-же корчму онъ поставилъ и на другомъ концѣ перевоза, въ с. Осокоркахъ, принадлежавшемъ тогда выдубицкому монастырю; а третья корчма находилась на Звѣринцѣ, который также лежалъ въ чертѣ владѣній того-же монастыря. Наконецъ тотъ-же смѣтливый игуменъ построилъ „на футорѣ выдубицкомъ винницу горѣлчаную“, т. е. винокуренный заводъ. Все это—и перевозъ, и винокурню, и три корчмы, Старушичъ сталъ отдавать въ аренду кіевскимъ мѣщанамъ, и не простакамъ какимъ-либо, а все „славетнымъ дукамъ и богатырямъ“: райцамъ, лавникамъ и другимъ урядникамъ ратуша кіев-

скаго. И платили „славетные мѣщане и купци“ кіевскіе хорошую арендную плату инокамъ выдубицкимъ: въ 1653 г. она равнялась 2,000 злотыхъ польскихъ, сверхъ того арендаторъ обязался „на кождый рокъ на потребу монастырскую“ отпускать „горелки доброи 500 квартъ справедливыхъ“, пять каменей воску, двѣ мажи соли и наконецъ—даромъ перевозить братію и челядь монастырскую. За то арендаторъ получалъ право брать со всякаго за перевозъ извѣстную плату — деньгами или товаромъ, кромѣ того ему дозволено было „выбиране соли отъ коломыйцовъ и приходъ отъ глины гончарской на Зверинцу“. Завидно стало инокамъ печерскимъ, что выдубляне имѣютъ богатый доходъ съ перевозу, и вотъ они въ 1656 г. затѣяли съ ними процессъ о незаконномъ якобы присвоеніи печерскихъ монастырскихъ земель на устьѣ р. Лыбеди и права содержать перевозъ на Днѣпрѣ. Для разслѣдованія этого дѣла гетманъ Б. Хмельницкій назначилъ комиссію изъ генеральнаго войскового судьи Антона Ждановича и пана Ѳедора Выговскаго. Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, въ подтвержденіе своихъ претензій, сослался лишь на свидѣтельство мѣстныхъ старожиловъ, показавшихъ, будто въ старину лыбедскій перевозъ принадлежалъ печерскому монастырю; относительно-же документальныхъ доказательствъ онъ заявилъ, что такіе документы были, да погибли: одни сгорѣли въ 1649 г. въ „вежѣ васильковской“, другіе еще раньше панъ Прокопъ Верещака съ собою на Волынь завезъ. За то противная сторона, Старушичъ и его братія, кромѣ такихъ-же свидѣтельствъ старыхъ людей, представили еще цѣлый рядъ письменныхъ доказательствъ въ пользу того, что лыбедскій перевозъ издавна принадлежалъ выдубицкому монастырю, и прежде всего сослались на вышеприведенное лѣтописное свидѣтельство о перевозѣ Василька Ростиславовича, „беручи“ этотъ „доводъ Несторомъ, кройникаромъ або лятописцомъ печарскимъ, киевскимъ, за фундаментъ справы своея“. Въ концѣ концовъ войсковый судъ, въ виду непреложности этихъ архаическихъ свидѣтельствъ, склонился на сторону выдубицкихъ иноковъ и рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу. Съ тѣхъ поръ лыбедско-днѣпровскій перевозъ, съ прилегавшими къ нему землями и угодьями, надолго оставался во владѣніи выдубицкаго монастыря и каждый годъ обогащалъ его казну громадными доходами, на зависть братіи сосѣдней печерской обители.

Всякій годъ доставлялъ выдубицкимъ перевозчикамъ не мало работы, но послѣдняя четверть XVII столѣтія дала имъ особенно много дѣла. То была для Малороссіи своего рода эпоха великаго переселенія народовъ. Въ печальную пору „руины", въ гетманство Дорошенка и послѣ него, населеніе правобережной Украйны, разоряемое и истребляемое со стороны разгуливавшихъ по краю турецкихъ полчищъ, татарскихъ ордъ и польскихъ жолнеровъ, вынуждено было бросать землю своихъ отцевъ и искать убѣжища въ лѣвобережной Малороссіи; кто не рѣшался на это добровольно, тѣхъ силой сгоняли козаки гетмана Самойловича, для котораго эта насильственная колонизація подвластнаго ему края была весьма на руку, потому что она лучше всего могла содѣйствовать его соціально-политическимъ видамъ—образованія въ Малороссіи класса крупныхъ землевладѣльцевъ и подчиненія имъ массы посполитаго народонаселенія. Сотнями тысячъ перешли эти несчастные переселенцы на лѣвый берегъ Днѣпра и, конечно, немалая часть ихъ прослѣдовала черезъ Кіевъ и была перевезена монастырскими паромами. Но съ 1680-хъ годовъ начинается обратное движеніе. Около того времени правобережная Малороссія была очищена отъ нашествія иноплеменниковъ, а тогдашній польскій король Янъ Собѣскій, задумавшій грандіозный планъ войны съ турками для освобожденія осажденной ими Вѣны, нуждался въ военныхъ людяхъ и предпринялъ проэктъ возстановленія въ Украйнѣ козачества. Въ этихъ видахъ онъ хотѣлъ прежде всего вызвать въ опустѣлый край народонаселеніе и въ 1684 г. издалъ универсалъ, которымъ уступилъ козакамъ для поселенія земли между Тясминомъ, Тыкичемъ и границами кіевскаго Полѣсья. Мѣра Собѣскаго имѣла громадный успѣхъ. Въ короткое время въ кіевской Украйнѣ одно за другимъ возникли села и мѣстечки, образовались козацкіе сотни и даже полки, а во главѣ ихъ появились такіе талантливые вожди, какъ знаменитый Семенъ Палій, полковникъ бѣлоцерковскій, Самусь—богуславскій, Захарій Искра—корсунскій и др. Между тѣмъ въ лѣвобережной Малороссіи, вслѣдствіе искусственно созданной густоты населенія, народу приходилось поневолѣ вступать въ обязательныя отношенія къ помѣщикамъ-землевладѣльцамъ и вообще жилось плохо. Можно представить, поэтому, съ какою охотою онъ бросился къ возвращенію на свои старыя пепелища, гдѣ заводи-

лись старые козацкіе порядки, гдѣ не было (по крайней мѣрѣ на первое время) помѣщиковъ и гдѣ дѣйствовалъ и всѣмъ управлялъ его любимецъ—Палій. Но такая эмиграція въ конецъ разрушала планы гетмана Мазепы, еще болѣе яраго поборника шляхетско-крѣпостническихъ порядковъ, чѣмъ былъ его предшественникъ, и потому онъ задумалъ силой удержать на своихъ мѣстахъ бѣжавшее населеніе. Въ этихъ видахъ онъ разставилъ почти вдоль всего днѣпровскаго берега охочіе козацкіе полки и строго приказалъ имъ не пропускать бѣглецовъ за границу. Но трудно было справиться ему съ массовымъ движеніемъ взволнованнаго моря народнаго: бѣглецы или уходили черезъ южную, степную границу Малороссіи, или силою прорывались сквозь разставленную береговую цѣпь стражниковъ, или прибѣгали къ мѣрамъ обмана и хитрости, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ говорится въ приводимомъ ниже документѣ. Главное вниманіе гетмана естественно было обращено на существовавшія въ то время переправы черезъ Днѣпръ. Но лица, содержавшія эти переправы, болѣе склонны были заботиться о пріумноженіи собственныхъ выгодъ и доходовъ отъ перевозовъ, чѣмъ о государственныхъ интересахъ, и потому неохотно подчинялись гетманскимъ универсаламъ, запрещавшимъ перевозить переселенцевъ. Особенно слабо исполнялись эти запрещенія въ Кіевѣ, куда, вѣроятно, направлялась главная струя переселенческаго движенія. Оба здѣшніе перевоза, городской и монастырскій, конкуррируя одинъ съ другимъ, день и ночь перевозили „прочанъ“ и клали въ карманы хорошіе барыши. Этимъ и было вызвано въ 1702 г. нижеслѣдующее письмо гетмана Мазепы къ тогдашнему игумену выдубицкаго монастыря Варлааму Страховскому.

„Превелебный въ Богу мосцѣ отче ігумене монастира кієво-выдубицкого, мой велце ласковій господине, отче и пріятелю!

По преможному его царского пресвѣтлого величества указу, не поеднокротъ чрезъ монаршіи грамоти выразне до насъ писаному, абы нихто з тутешнихъ малороссійскихъ жителей з сее стороны Днѣпра, з Богомъ хранимои его великого государя державы, на тамтую сторону в заграничній край на жите не былъ пропущанъ, не разъ уже по всѣхъ рейменту нашого полкахъ, а особно по надбережнихъ днѣпровыхъ городахъ (яко и в самій Кіевѣ), срокгіи и суровіи посилалисмо унѣверсали, пилно и грозно приказуючи, абы на перевозахъ и переправахъ на сегобочныхъ

людей, в прочку заграницу утекомъ идучихъ, пилная была сторожа и жадного чоловѣка на тамтую сторону Днѣпра жадными мѣрами не пропущано, але жебы кождого такого утѣкача гамовано и назадъ завертано. А теперь донеслося намъ вѣдати, же въ Кіевѣ на перевозахъ мѣскихъ и монастирскихъ, на Днѣпрѣ будучихъ, прочане перевозятся и безъ жадного удержаня з сееи стороны на тамтую сторону Днѣпра переездять и такъ заграницю на жите перебираются. Що яко дѣется противко преможного монархи нашого указу и противко захованюся благопотребнои отчизнѣ нашои народа полности, кгдижъ чрезъ таковый прочаномъ волвій переездъ малороссійского народу умаленіе чинится и в городахъ и селахъ значное жителей показуется оскудѣніе, такъ через сей листъ нашъ пилно вашу превелебность упоминаемъ, а тимъ-же монаршимъ указомъ и горливостю о цѣлости и добру посполитомъ обовязуемъ, абысь ваша превелебность на перевозахъ своихъ монастирскихъ сурово приказалъ тымъ, которіи ихъ дозыраютъ, жебы сегобочніе люде, в прочку на тамтую сторону Днѣпра уходячіи, жаднимъ способомъ черезъ Днѣпръ не были пропущаны, але овшемъ задержуваны и назадъ заворочуваны. А того пилно нехай постерегаютъ и доглядуются, жебы в мажахъ и возахъ подъ шкурами жонъ и дѣтей своихъ вмѣсто товаровъ якихъ не вывозили и на перевозахъ такимъ способомъ тыи утѣкачѣ утѣчки своеи не утаили, бо такъ они людей ошукивати звыкли. Абы теды на перевозахъ вашое превелебности монастырскихъ о прочанахъ неоплошвая была пилность и остодолжность, жебы жадними мѣрами черезъ Днѣпръ не мѣли переезду, и повторе вашое превелебности пилное о тое жадаемъ и упоминаемъ; кгдыжъ еслибы на которого з дозорцовъ у перевозахъ будучихъ мѣло напотомъ то перевестися, жебы кого з прочанъ на тамтую сторону Днѣпра имѣлъ перепустити, теди тое его дерзновеніе указови монаршому и волѣ нашои гетманской противное, до горлового ему караня стягатися будетъ.

При семъ молитвамъ святымъ вашои превелебности отдаемся.

Вашои превелебности зичливий пріятель Иванъ Мазепа, гетманъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского".

З Батурина.

Мая 23, року 1702.

(Изъ рукописнаго сборника документовъ кіево-выдубицкаго монастыря).

О. Л.

ЗАМѢТКА НА ЗАМѢТКУ О ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРѢ.

Въ октябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“, извѣстный нашъ беллетристъ г. Лѣсковъ въ *замѣткѣ* своей: „Слѣдъ ноги Богородицы въ Почаевѣ“, написанной по поводу статьи кн. Н. С. Голицына: „Почаевская Лавра въ концѣ іюля 1855 г.“, напечатанной въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“, касается и помѣщенныхъ нами въ сентябрской книжкѣ того-же журнала двухъ документовъ, относящихся къ дѣйствіямъ коммисіи, принимавшей почаевскую лавру отъ уніатскихъ монаховъ въ вѣдѣніе православнаго духовенства. Сдѣланные имъ, на основаніи этихъ документовъ и съ помощью другихъ, доступныхъ ему свѣдѣній, выводы кажутся намъ недостаточно подкрѣпленными и вѣрными, и мы хотимъ сказать объ нихъ нѣсколько словъ.

Не будемъ повторять извѣстныхъ уже обстоятелствъ передачи почаевской лавры изъ рукъ уніатскихъ монаховъ въ вѣдомство православное, а равно производившагося по повелѣнію императора Николая слѣдствія о расхищеніи имущества лавры базиліанскими монахами; замѣтимъ только, что ближайшимъ поводомъ къ возвращенію древней лавры въ нѣдра православія послужилъ радушный пріемъ почаевскими иноками отряда польскихъ повстанцевъ 1831 г. подъ предводительствомъ Дверницкаго, другими словами—явное ихъ сочувствіе возстанію, а слѣдствіе о расхищеніи лаврскаго имущества вызвано распущенными, вскорѣ послѣ передачи лавры, польско-католическою партіею слухами о томъ, что почаевская святыня (чудотворная икона и стопа Богородицы) унесена базиліанами изъ лавры за границу, что на мѣстѣ стопы нѣтъ болѣе стопы, подлинная стопа выдолблена базиліанами, а на мѣсто иконы поставлена и сдана православнымъ подлѣльная икона, равно ходившими въ православной средѣ толками о пропажѣ значительной части имущества, накопленнаго въ теченіе долгихъ лѣтъ базиліанами, причемъ уніатско-католическая партія твердила, что члены пріемной коммисіи сильно нагрѣли руки при пріемѣ лаврскаго имущества, а въ средѣ православныхъ толковали, что базиліане выдали значительную часть суммъ и драгоцѣнностей мятежному отряду, а многое скрыли для себя лично про чорный день въ длинный промежутокъ между арестомъ базиліанскаго начальства и прибытіемъ

пріемной коммисіи, когда уніаты имѣли достаточно времени, чтобы развѣдать объ угрожающей базиліанамъ опасности.

Само собою разумѣется, что такъ какъ всѣ эти толки сохранили всю свою силу и въ настоящее время, на что указываетъ и г. Лѣсковъ, то для насъ было-бы весьма важно добыть и привести въ извѣстность производившееся въ ту пору слѣдственное дѣло, которое одно могло-бы опредѣлить дѣйствительное значеніе ходившихъ и оставшихся толковъ насчетъ подлинности почаевской святыни. Но, пока намъ извѣстны только два документа изъ дѣла военно-судной коммисіи по этому слѣдствію, мы по необходимости должны воздержаться отъ выводовъ опредѣленныхъ и рѣшительныхъ. Одинъ изъ этихъ документовъ представляетъ запросъ военно-судной коммисіи, обращенной ко всѣмъ б. членамъ пріемной коммисіи, съ подробнымъ изложеніемъ показаній базиліанъ относительно наличности монастырскаго имущества и способа передачи его православнымъ пріемщикамъ, другой составляетъ показанія одного изъ 12-ти членовъ пріемной коммисіи, іеромонаха Іоанникія. Базиліаны разсказываютъ обстоятельно, съ удивительною точностью относительно даже мелкихъ подробностей, причемъ стараются совершенно обѣлить себя и бросить тѣнь на дѣйствія членовъ пріемной коммисіи. Показаніе іеромонаха Іоанникія скудно фактами, такъ какъ ему порученъ былъ пріемъ такихъ хозяйственныхъ предметовъ, которые держали его вдали отъ всякихъ занятій коммисіи и отъ дѣйствій другихъ, главныхъ членовъ ея. Тѣмъ не менѣе это показаніе уже обнаруживаетъ значительныя противурѣчія въ объясненіяхъ базиліанъ. Вообще-же сами по себѣ эти два документа, открывая широкій просторъ догадкамъ, еще ничего положительнаго не выясняютъ и только прочнѣе устанавливаютъ интересъ къ дѣлу, правильное сужденіе о которомъ возможно будетъ только тогда, когда напечатаны будутъ показанія остальныхъ одинадцати пріемщиковъ, по крайней мѣрѣ главныхъ изъ нихъ, и описи принятаго имущества.

Тѣмъ болѣе насъ удивила и та подозрительность, съ которою г. Лѣсковъ отнесся къ помѣщеннымъ нами документамъ, и та поспѣшность, съ которою онъ приступилъ къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ, не имѣя для того достаточно твердыхъ, какъ намъ кажется, данныхъ. Такъ скудныя показанія Іоанникія, хотя изъ нихъ ясно видно, что нельзя довѣряться показаніямъ базиліанъ,

г. Лѣсковъ, по видимому, старается еще болѣе съузить и унизить достоинство ихъ, признавая этого свидѣтеля „какимъ-то совсѣмъ безпамятнымъ", хотя нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ свидѣтель, давая свои показанія спустя полтора года послѣ событія и находясь на службѣ вдали отъ Почаева, забылъ про нѣкоторые мелкіе случаи во время пріема лавры, напр. въ который день оконченъ пріемъ лаврскаго имущества. Отказавши въ довѣріи этому пока единственному свидѣтелю со стороны православныхъ пріемщиковъ, г. Лѣсковъ сомнѣвается въ томъ, чтобы „допрошены были другіе—памятливые" (пріемщики), хотя изъ отношенія военно-судной коммисіи въ волынскую духовную консисторію (первый изъ напечатанныхъ документовъ) ясно видно, что запросъ обращенъ къ каждому изъ духовныхъ членовъ пріемной коммисіи (всѣхъ шесть), значитъ такой-же запросъ посланъ былъ и свѣтскимъ членамъ этой коммисіи. Въ то-же время г. Лѣсковъ ни словомъ не задѣваетъ показаній базиліанъ, точно въ нихъ нѣтъ никакихъ слабыхъ сторонъ, а открывается одна правда. Не диво, что послѣ этого онъ дошелъ и до огульнаго осужденія дѣйствій пріемной коммисіи. Онъ прізнаетъ все поведеніе ея „страннымъ и срамнымъ дѣломъ"— утверждаетъ, что „пріемщики были заняты совсѣмъ другимъ и объ иконѣ и стопѣ нигдѣ ничего не отмѣтили", что „пока православные пріемщики справлялись съ пріемомъ казны, утвари, буфета съ погребами, причемъ не умѣли освободить себя отъ скандалезныхъ (?) исторій, сдатчики базиліаны, кажется, дѣйствительно вынесли предметы, казавшіеся имъ болѣе драгоцѣнными и имѣющими такое значеніе, при коемъ къ нимъ слова притекутъ деньги". „По-крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, стаканчикъ отъ стопы не у насъ, а образъ и стопа такъ приняты, какъ будто и не приняты, или словно для обозначенія ихъ у пріемщиковъ не нашлось ни минуты времени и ни одного слова". „Это теперь, заявляетъ наконецъ г. Лѣсковъ, уже конечно не оспоримо и навсегда оставитъ извѣстную долю вѣроподобія за сказаніями, въ которыхъ передается, „якъ разумни базиляне дурныхъ москалей ошукали и усе святэ до себе заграницю въ кляшторъ забрали". Намъ кажется однако, что ничего подобнаго не вытекаетъ изъ напечатанныхъ нами документовъ. Прочитавъ ихъ, всякій, конечно, согласится, что до напечатанія прочихъ документовъ нельзя еще ничего сказать какъ о количе-

ствѣ пропавшаго имущества, такъ и о степени виновности въ этомъ дѣлѣ со стороны членовъ пріемной коммисіи, хотя послѣдніе повидимому гарантированы отъ обвиненія за поступки отъ базиліанъ, имѣвшихъ всю возможность растаскать имущество въ трехмѣсячный промежутокъ отъ ареста монастырскаго начальства до прибытія пріемной коммисіи. Мы готовы допустить, что еслибы открыто было подлинное слѣдственное дѣло, то могли-бы открыться нѣкоторыя мелочи изъ дѣйствій пріемщиковъ, въ родѣ того, что становой или засѣдатель стащили по боченку старой водки, поживились рублями изъ разорваннаго мѣшка, исправникъ заполучилъ корову или лошадь, духовнымъ лицамъ досталось по куску матеріи на рясы и под., но можетъ открыться и то, что они вполнѣ добросовѣстно относились къ порученному имъ дѣлу и что если дѣйствительно многое изъ имущества утащено базиліанами, то не на глазахъ ихъ. Во всякомъ случаѣ напечатанные документы ничего еще рѣшительнаго по этому предмету не даютъ и только побуждаютъ къ розысканію и обнародованію остальныхъ документовъ.

Г. Лѣсковъ источникъ своихъ сомнѣній въ этомъ дѣлѣ, какъ кажется, нашелъ въ собранныхъ имъ въ мѣстномъ населеніи сказаніяхъ о томъ, какъ „разумни базиляне дурныхъ москалей опукали и усе святе до себе заграницю въ кляшторъ забрали"; сверхъ того онъ самъ осматривалъ почаевскую святыню, причемъ не нашелъ въ иконѣ древности, а въ „стопѣ"—стопы. Первая оказалась подновленною настолько, что въ настоящемъ видѣ ничто не говоритъ о ея древности, а на мѣстѣ стопы онъ нашелъ только простое углубленіе въ камнѣ, увеличившееся отъ постояннаго тренія въ немъ серебреннымъ черпакомъ. Вотъ что мы можемъ сказать по этому поводу.

Кому приходилось подолгу проживать въ средѣ того населенія, въ которомъ православіе постепенно возрождалось и замѣняло собою унію, или обратно получало католическіе костелы и чтимые въ народѣ предметы, захваченные нѣкогда католиками и уніатами, тотъ хорошо знакомъ съ обычнымъ католическимъ пріемомъ считать всякую народную святыню пропавшею изъ костела или церкви, обращенной въ православный храмъ. „Матерь Божія (икона) ушла отъ схизматиковъ... видѣли ее тамъ и тамъ... тайкомъ увезена до передачи костела православнымъ"... и т. д. Обыкновенно

при этомъ распускаются въ народѣ цѣлыя исторіи объ обстоятельствахъ перехода иконы или другой святыни въ другіе пріюты—католическіе. Наглядѣлись мы этихъ случаевъ и наслушались этихъ толковъ въ холмской епархіи при обращеніи мѣстныхъ уніатовъ въ православіе. Ни одинъ чтимый уніатами предметъ не оставленъ въ этихъ толкахъ на своемъ мѣстѣ, всѣ они католическою молвою переселены то въ католическіе костелы, то въ невѣдомыя мѣста, временно останавливались то въ такомъ-то лѣсу, то на такомъ-то придорожномъ крестѣ, то въ какомъ-либо домѣ, видали ее такіе-то, народъ толпами собирали для поклоненія мѣсту временной остановки святыни, оказывались лица, получившія на этихъ мѣстахъ видѣнія, исцѣленія отъ болѣзней и т. д. То же происходило и во время обращенія бѣлорусскихъ уніатовъ въ 1839 году, и гораздо раньше, при всѣхъ такихъ-же случаяхъ на Волыни, Подольи и Украйнѣ. Попробуйте теперь напримѣръ передать въ руки православныхъ виленскую остробрамскую икону Божіей Матери или старорусскую икону ея — ченстоховскую (говоримъ для примѣра, не видя въ такой передачѣ никакой надобности), обставьте эту передачу всѣми возможными предосторожностями, и тотчасъ появится молва, что икона или подмѣнена католическимъ духовенствомъ, а москалямъ досталась только копія ея, или икона сама ушла отъ нихъ и москали вынуждены были замѣнить ее поддѣльнымъ изображеніемъ. Третируя православіе, какъ схизму, отверженную небомъ, католическое духовенство не можетъ допустить и мысли, чтобы чудотворная икона пожелала остаться въ схизматической церкви. Это было-бы настоящимъ скандаломъ въ глазахъ истыхъ католиковъ, и они во что-бы-то ни стало перемѣщаютъ такую святыню, въ свои, католическіе пріюты, конечно, только въ молвѣ, на словахъ, потому что на дѣлѣ это не легко и ни къ чему не привело-бы.

Если-бы базиліане дѣйствительно увезли икону и стопу изъ почаевской лавры, то неужели они доселѣ скрывали-бы эту святыню и неужели можно было-бы скрыть ее такъ, что доселѣ о ней нигдѣ ничего не слышно? Въ простонародномъ воображеніи „заграница" дѣйствительно—нѣчто таинственное и всемогущее, „ушелъ заграницу"—точно пропалъ. Но очевидно, что „заграница не такова, чтобы нельзя было узнать о существованіи почаевской святыни,

если-бы послѣдняя дѣйствительно гдѣ либо въ ней скрывалась. Скрывать святыню такъ, чтобы о ней никто не вѣдалъ—не прямо-ли это противурѣчитъ цѣли, для которой она увезена, и самому значенію святыни? Если-бы почаевская святыня находилась въ рукахъ католиковъ и уніатовъ, то развѣ поляки промолчали-бы о ней въ то время, когда они подготовляли возстаніе на Волыни, Подольи и т. д., когда они открывали и торжественно показывали народу *мощи* Іосафата Кунцевича, откопали и торжественно перенесли на Подлясье кости св. Виктора, „поляка IV вѣка", манифестировали со всѣми предметами, имѣвшими для народа значеніе во времена уніи? Отчего не объявятъ этой святыни, если она гдѣ либо скрывается, въ Галиціи, гдѣ въ настоящую пору такъ возбуждена польско-католическая энергія къ охраненію русскаго народа отъ вліянія православія и гдѣ опекуны народа такъ тревожно смотрятъ на пилигримство его въ Почаевъ. Вѣдь она сослужила-бы тамъ теперь такую службу, какъ никогда болѣе. Поляки не давали никакого повода подозрѣвать ихъ въ такой осторожности и сдержанности, чтобы они могли цѣлое полстолѣтіе хранить глубокое молчаніе о предметѣ, способномъ сослужить для видовъ ихъ великую службу...

Думаемъ также, что если-бы существовали какія либо подозрѣнія относительно пропажи почаевской святыни, то императоръ Николай Павловичъ, лично посѣтившій впослѣдствіи Римъ и папу и заключившій конкордатъ съ римскимъ дворомъ, непремѣнно изслѣдовалъ-бы этотъ вопросъ на мѣстѣ и настоялъ-бы на полномъ раскрытіи истины. Но очевидно, что къ такимъ настояніямъ не было никакого повода. Такой знатокъ польско-католическаго міра, какимъ былъ одинъ изъ членовъ пріемной коммисіи, протоіерей Рафальскій, вслѣдъ затѣмъ первый намѣстникъ православной почаевской лавры, впослѣдствіи митрополитъ петербургскій Антоній, самъ вѣроятно бывавшій въ лаврѣ при господствѣ въ ней базиліанъ, какъ вѣроятно бывали въ ней при базиліанахъ и другіе члены коммисіи, что въ то время обычнымъ и повсюднымъ было на Волыни въ средѣ православныхъ, могъ вполнѣ узнать подмѣнъ и собрать о немъ всѣ свѣдѣнія и если онъ не давалъ никакой цѣны базиліанскимъ и бабьимъ толкамъ по этому предмету, то значитъ, что эти толки не имѣютъ основанія. Сама военно-судная коммисія, въ своемъ отзывѣ

въ волынскую духовную консисторію, не выражаетъ никакихъ подозрѣній на счетъ иконы и стопы. Если даже, какъ почему-то полагаетъ г. Лѣсковъ, окажется по обнародованіи прочихъ документовъ, что пріемщики недостаточно подробно описали принимаемую икону и стопу, то и въ этомъ обстоятельствѣ не можетъ быть дѣйствительной пищи для подозрѣній.

Вопросъ о подновкѣ, найденной г. Лѣсковымъ на иконѣ, очевидно, относится къ художественному вкусу монастырскаго начальства и къ степени разумѣнія имъ значенія церковной древности и едва-ли можетъ что либо прибавить для рѣшенія дѣла о подлинности почаевской иконы. Равнымъ образомъ ничего не доказываетъ относительно подлинности „стопы" заявленіе г. Лѣскова о настоящемъ видѣ ея. *Gutta cavat lapidem*, черпакъ также дѣлалъ свое дѣло въ теченіе вѣковъ, и не благоразумно было-бы желать, чтобы для поддержанія нашей слабой вѣры ежеминутно „побѣждались естества уставы"...

Отъ почаевской святыни г. Лѣсковъ переходитъ къ значенію почаевской лавры въ настоящее время и по поводу высказанныхъ нами въ предисловіи къ упоминаемымъ документамъ замѣчаній о необходимости поднять лавру до ея прежней высоты, говоритъ, что лавра „сдѣлала свое историческое дѣло", что „благополучное время для нее прошло", что „поднять этотъ монастырь до того значенія, какое онъ имѣлъ въ періодъ уніатскій, теперь, кажется, напрасно и мечтать. Этому, по его мнѣнію, много помѣхъ не въ однихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, но и въ общемъ складѣ житейскихъ условій и въ самомъ духѣ времени, который, чтобы противъ него ни дѣлали, самъ сильнѣе всѣхъ дѣятелей и всѣхъ передѣлываетъ". На какія именно „помѣхи" указываетъ онъ въ „мѣстныхъ обстоятельствахъ" и „въ складѣ житейскихъ условій", про какой всемогущій духъ, способный „всѣхъ передѣлать", говоритъ онъ, этого мы не знаемъ, а потому и прямаго отвѣта дать не можемъ. Но не можемъ не сказать слѣдующее.

Духовъ у нашего времени много. Всѣ эти *духи* борются между собою, мечтаютъ о побѣдѣ другъ надъ другомъ, употребляютъ разнообразныя къ тому средства, но въ концѣ концовъ побѣда достанется тому изъ нихъ, подъ знаменемъ котораго окажется наиболѣе искренности, энергіи и правды. Церковь Божія на землѣ

называется *воинствующею*, потому что она борется и должна бороться съ разными другими духами во имя высшихъ непреходящихъ интересовъ народа, во имя правильнаго и здороваго роста внутренняго человѣка. На этомъ полѣ ее и врата адовы не одолѣютъ, не то что неясный „духъ времени". Страшиться тутъ нечего, нужно только дѣлать дѣло Божіе чистыми руками. Но таковъ-ли въ самомъ дѣлѣ духъ нашего времени, чтобы онъ способенъ былъ серьезно противиться возрожденію стариннаго народно-религіознаго центра? Напротивъ, не самъ-ли онъ вопіетъ противъ мертвенности его, не самъ-ли онъ поэтому усиленно зоветъ его къ оживленію и къ энергической дѣятельности на пользу народа? *Не всякому духу вѣруйте, но испытывайте духа.* Не нужно однако великой проницательности и долгихъ усилій, чтобы понять, что духъ настоящаго времени въ религіозномъ отношеніи не удовлетворяется одними общими формами богослуженія, но, при значительномъ подъемѣ личности въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи, настойчиво требуетъ отъ церкви и личнаго руководства во всѣхъ частныхъ положеніяхъ и духовныхъ нуждахъ христіанина, не удовлетворяется подчиненіемъ общимъ требованіямъ и уставамъ церкви, но ищетъ пособія личному религіозному чувству. Для удовлетворенія этого внутренняго, личнаго чувства, люди бѣгутъ то въ штунду, то въ разнообразныя секты, секретная сила которыхъ состоитъ единственно въ отзывчивости на внутреннія, личныя потребы души, въ щедрости христіанскихъ наставленій и утѣшеній (о достоинствѣ ихъ не говоримъ), въ удовлетвореніи христіански эстетической потребности. Многіе обращаются за этимъ живительнымъ источникомъ къ латинству и, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, даже въ кіево-печерской лаврѣ (не тѣмъ-бы поминать ее!) монахъ пренаивно продаетъ, а крестьянинъ еще наивнѣе покупаетъ варшавскія религіозныя картинки съ польскими подписями. А что сказать о милліонной массѣ православнаго населенія, помнящаго еще времена уніи и величіе почаевской лавры, во множествѣ снабжавшей народъ изданіями по этому предмету, хотя далеко менѣе нынѣшняго развитому въ то время въ народѣ? Послѣ обращенія этой массы въ православіе, у нее отняли почаевскія базиліанскія изданія: духовныя пѣсни, стихи, разсказы, молитвы, частные обряды, обычаи и даже церковные обряды на освященіе домашнихъ и хозяйственныхъ предметовъ, на

разныя положенія и случаи въ домашнемъ быту, въ замѣнъ всего этого ничего не дали, оставивъ народъ при одномъ общественномъ богослуженіи и при небольшомъ выборѣ частныхъ молитвъ. Что-же вышло? Народъ, вмѣсто почаевскихъ изданій, бросился на подобныя-же польскія... Сколько разъ приходилось намъ, проживая въ средѣ б. уніатскаго населенія холмской епархіи, видѣть по вечерамъ въ воскресенья и праздники кучки мущинъ и женщинъ, расположенныхъ подъ хатами и заунывно тянущихъ польскіе молитвенные стихи! Но не разъ приходилось видѣть и стариковъ, владѣющихъ то тою, то другою „почаевскою книжечкою"; бережно хранятъ они эту книжечку, какъ драгоцѣнность, въ сундукѣ, завернутою въ платокъ, и съ восторгомъ читаютъ по ней: „О, Мати, Мати, Царице русского краю"... и т. п.

Поглядите, читатель, съ аналогической точки на окружающее почаевскую лавру, помнящее базиліанъ населеніе, вникните безъ предубѣжденія въ причины и характеръ разсказовъ о томъ, какъ „разумни базиліане дурныхъ москалей ошукали", и подумайте, чѣмъ не удовлетворяется „духъ времени" въ почаевской лаврѣ, куда зоветъ онъ ее, какой дѣятельности проситъ отъ нее... Думаемъ, что никто не заподозритъ насъ въ томъ, будто мы хлопочемъ объ оживленіи почаевской лавры посредствомъ изданія „Богогласника".

Что касается житейскихъ условій и мѣстныхъ обстоятельствъ, препятствующихъ оживленію почаевской лаврѣ, то намъ представляются болѣе другихъ серьезными только два слѣдующія.

1) Близость почаевской лавры къ галиційской границѣ. Извѣстно, какъ придирчива Австрія ко всему, что предпринимается у насъ по сосѣдству съ Галичиной для оживленія православія и народности. Прислушиваясь къ голосу опекуновъ галицко-русскаго народа, намъ слѣдовало-бы парализовать всякую живую дѣятельность на этой границѣ, дабы не подвергнуться рѣзкому упреку въ агитаціи въ средѣ галицкаго народа во имя православія и русской народности. Императоръ Николай Павловичъ нашелся вынужденнымъ заплатить эту дань австрійской придирчивости,—политика между прочимъ требовала, чтобы православные монахи въ почаевской лаврѣ, отстоящей отъ границъ Галичины всего на 8 верстъ, сидѣли молча, тихо, чуть дыша. Кому неизвѣстно, какъ подозрительно

смотрятъ въ Галичинѣ на пилигримство народа въ эту тихую, мертвенно-молчаливую лавру! Кто знакомъ съ исторіей нашей пограничной съ Австріей политики, тому понятно, что мертвенная тишина въ лаврѣ, наступившая вслѣдъ за обращеніемъ ея въ православіе, не вольная, вынужденная. Но очевидно, что это условіе не абсолютное; времена перемѣняются и нынѣ нѣтъ причины смущаться слишкомъ своекорыстною придирчивостью сосѣда, отдавшаго притомъ русскую Галичину во владѣніе той партіи, которая не останавливается ни предъ какими способами агитаціи въ нашихъ предѣлахъ во имя уніи и полонизма.

2) Въ соотвѣтствіе съ вынужденнымъ бездѣйствіемъ почаевской лавры, организованъ былъ и составъ братіи ея. Полная случайность въ этомъ составѣ, крайняя простота, отрѣшенность отъ духовныхъ потребъ края, отсутствіе предпріимчивости на пользу общественную и другія подобныя свойства поражаютъ богомольца въ этой монастырской братіи, тихо и безучастно двигающейся въ виду величественнаго зданія церкви, напоминающаго костелъ и былыя времена лавры... Но, очевидно, и это условіе не непреложное...

Въ заключеніе, повторяя сдѣланное г. Лѣсковымъ заявленіе о томъ, что „святыни почаевской лавры не надо прятать отъ глазъ подъ спудомъ, что возбуждаетъ недоумѣніе и говоръ, а надо-бы сдѣлать ихъ видимыми и объяснить въ толково составленныхъ описаніяхъ ихъ видъ, значеніе и естественныя перемѣны, которымъ они подвергались отъ времени и отъ прикосновеній“, не можемъ не пожелать, чтобы такими описаніями руководило полное уваженіе къ религіозному чувству народа и его исторической святынѣ.

Е. Крыжановскій.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЭПОХИ УНИЧТОЖЕНІЯ КОЗАЧЕСТВА.

Эпоха уничтоженія козачества и постепеннаго введенія общероссійскихъ порядковъ въ разныхъ мѣстностяхъ южной Руси еще очень мало изслѣдована, по крайней мѣрѣ мало извѣстна читающей публикѣ, которая не можетъ ознакомиться съ нею непосредственно по архивнымъ источникамъ: только устное преданіе, какой-нибудь характерный разсказъ старожила или какой-нибудь старинный документъ, случайно избѣгнувшій участи превратиться въ ружейный

пыжъ или покрышку на горшокъ съ сметаной, могутъ иногда воскресить передъ вами какую-нибудь черту этого интереснаго времени. Столкновеніе двухъ началъ: единодержавія, шедшаго съ сѣвера, и вольныхъ козацкихъ общинъ на югѣ въ теченіе полутора вѣковъ вызывало непрерывную борьбу, въ которой попеременно одерживала верхъ то одна, то другая сторона, дѣлались взаимныя временныя уступки, пока, наконецъ, не наступило время окончательной ломки вѣками укоренившагося въ южно-русскомъ народѣ козацкаго строя, отъ котораго остались нынѣ только черноморскіе козаки на Кубани, постепенно все болѣе и болѣе утрачивающіе старинное самобытное устройство, затѣмъ возвращающіяся въ разныя времена изъ-за Дуная партіи запорожцевъ (часть которыхъ и до сихъ поръ еще живетъ въ предѣлахъ Турціи), да имя „козака" въ черниговской и полтавской губерніяхъ. Эпоха этой ломки, взбудоражившей все общественное сознаніе нашего юга, вызвала на сцену множество интересныхъ явленій и своеобразныхъ типовъ: съ одной стороны реформаторы изъ великороссіянъ, которымъ по секретному наказу Екатерины велѣно было имѣть „волчій ротъ и лисій хвостъ", съ другой—малороссійскіе паны: одни, готовые, ради увеличенія своихъ правъ, служить какому угодно правительству, другіе, хотя и сжившіеся съ своимъ панствомъ, которому, повидимому, должны были благопріятствовать новые порядки (напр. введеніе крѣпостнаго права въ концѣ прошлаго вѣка), но тѣмъ не менѣе возмущавшіеся тѣмъ духомъ: „безъ разсужденія!", который эти порядки вносили съ собой,—каковъ напр. старый Чернышъ въ повѣсти Кулиша, оплакивающій со своимъ „джурою"—бандуристомъ прежнее козацкое житье и не согласный ни на какіе компромиссы съ новымъ духомъ канцелярщины. Среди тѣхъ и другихъ проходитъ масса безличныхъ людей, которые инстинктивно отдавались новому теченію жизни и непримѣтно для собственнаго сознанія проникались инымъ духомъ, сохраняя въ тоже время нѣкоторыя неизгладимыя черты прежняго духа и быта и представляя собою крайнюю пестроту во всемъ, отъ взглядовъ и понятій до мелочныхъ привычекъ будничной жизни. Особою статьею, позади всѣхъ ихъ, стоитъ протестъ народа, въ которомъ еще живы были идеалы запорожской равноправности, противъ всякаго панства и поддерживавшей его казенщины, протестъ, выразившійся въ лицѣ такихъ людей, какъ

Гаркуша въ слободской Украйнѣ (харьк. губ.) и въ болѣе позднее время Кармелюкъ (въ Подоліи).

Къ числу панскихъ типовъ той эпохи съ характеромъ смѣшаннымъ, безличнымъ принадлежалъ мой *дѣдушка Василь Павловичъ Григоровичъ*, котораго немудрая личность живо выступаетъ въ нѣкоторыхъ несвязныхъ *его воспоминаніяхъ* и разсказахъ, съ которыми я намѣренъ познакомить читателя для характеристики намѣченной мною эпохи.

Года три тому назадъ я гостилъ у него, въ с. Сиволожи, борзенскаго уѣзда, черниговской губерніи. Григоровичи были когда-то одними изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ этой мѣстности, но раздѣлы имѣнія между наслѣдниками и различныя неудачи разстроили окончательно ихъ состояніе и теперь только старинной постройки конюшни да большой (въ 12 десятинъ) запущенный садъ съ затянутыми тиной „сáжалками" и бесѣдкой изъ гигантскихъ липъ, насаженныхъ еще рукою сотника Дмитра Григоровича, и далеко виднхъ среди ровной мѣстности, напоминаютъ о томъ, что здѣсь когда-то широко развертывалась жизнь богатаго малороссійскаго пана. Старый большой домъ сгорѣлъ, земли почти всѣ проданы по частямъ и въ небольшомъ деревянномъ домикѣ 30 лѣтъ безвыѣздно жилъ одинъ только отставной артиллеріи полковникъ, Василь Павловичъ Григоровичъ, со второй женой.

Старикъ Василь Павловичъ, теперь уже покойникъ, любилъ по временамъ тряхнуть стариной и, такъ какъ онъ умѣлъ хорошо говорить и кстати вставить красное словце, то всѣ любили послушать его разсказы про 1813-й годъ, за который онъ получилъ Георгія, про Оренбургъ, гдѣ онъ былъ комендантомъ, про осаду Данцига, который теперь никому не придетъ въ голову осаждать, про то, какъ одинъ его товарищъ, молодой офицеръ, подвыпивши, велѣлъ стрѣлять по этому городу брандскугелями (которыми теперь уже никто не стрѣляетъ), не смотря на то, что онъ, Василь Павловичъ, и отговаривалъ его отъ этого, и какъ въ этой-же перестрѣлкѣ этотъ молодой офицеръ былъ убитъ, не успѣвши получить только что присланной ему отъ невѣсты вышитой сорочки. Однажды я сидѣлъ за столомъ, съ жадностью антикварія перебирая толстую рукописную книгу, „одаренную переплетомъ изъ древа, облеченнаго въ ременіе", которую я только что случайно напелъ въ ам-

барѣ, гдѣ она валялась между папушами табаку и ломаной мебелью, предназначаясь по всѣмъ вѣроятіямъ на прочтеніе мышамъ, когда въ комнату вошелъ дѣдушка Василь Павловичъ... Но дѣдушка Василь Павловичъ самъ по себѣ не менѣе интересенъ для антикварія, чѣмъ и его разсказъ: теперь уже мало осталось такихъ людей, поэтому остановлюсь сначала нѣсколько времени на немъ.

Военная выправка и нѣкоторая рѣзкость стараго служаки соединялись въ немъ съ природнымъ малороссійскимъ юморомъ и добродушіемъ; къ этому присоединялась еще порядочная доля стараго барства, не терпящаго противурѣчій. По своему времени онъ былъ очень хорошо образованъ, хорошо зналъ языки и чрезвычайно уважалъ ученость и вообще ученье. Съ прислугой и крестьянами онъ обращался по-старому,—любилъ прикрикнуть и иногда казалось, что вотъ-вотъ онъ пуститъ въ ходъ аргументы временъ крѣпостнаго права: „за волосное правленіе“ да „въ нижній земскій судъ“,—но этого не случалось, и не знаю, что именно удерживало его: нежеланіе-ли ронять собственное достоинство, боязнь-ли новыхъ порядковъ, гуманность людей александровскаго времени, или природное добродушіе. Прислуга только улыбалась втихомолку, и крестьяне, для которыхъ этотъ характеръ представлялъ уже анахронизмъ, относились съ добродушной шутливостью къ „старому пану“: „зовсімъ—бакъ старенький и головка облізла геть, якъ коліно“. У кухарки былъ маленькій сынъ, съ которымъ онъ любилъ забавляться и называлъ его своей собакой; утромъ, когда онъ выходилъ пить чай, мальчикъ долженъ былъ всегда быть тутъ-же. „Собака!“ крикнетъ В. П., держа въ рукѣ сладкій сухарь; мальчуганъ, подражая собачьей воркотнѣ, подскакиваетъ къ нему и вырываетъ зубами сухарь, потомъ В. П. беретъ его на колѣни и гладитъ по головкѣ: въ насъ, людяхъ конца XIX в., такое обращеніе способно возбудить отвращеніе, но В. П., какъ человѣкъ начала этого вѣка, смотрѣлъ на вещи другими глазами и никакъ не могъ предположить въ этомъ чего-нибудь оскорбительнаго для „мужицкаго мальчишки“. Похоронивъ жену, братьевъ, сестеръ, дочь и сына съ женой, онъ остался одинъ представителемъ старины; кругомъ его выросли новые люди съ непонятными ему новыми требованіями и понятіями, новыя отношенія и взгляды, и онъ иногда съ удивленіемъ озирался кругомъ, не понимая, что такое дѣлается

теперь на свѣтѣ... По цѣлымъ часамъ сидитъ онъ бывало на крыльцѣ съ длиннымъ чубукомъ и смотритъ на садъ и на бѣгущую мимо него проселочную дорогу. „Когда-то все отъ Нѣжина до Борзны принадлежало Григоровичамъ", говаривалъ онъ. „Старъ уже сталъ, совсѣмъ старъ... и глупъ... а всебъ еще пожить хотѣлось... *та ба!*" Иногда въ немъ вспыхивалъ шляхетскій гоноръ, когда кто-нибудь начиналъ говорить объ одномъ богатомъ помѣщикѣ, котораго онъ не любилъ. „Что такое Х?"—говорилъ онъ тогда, „Х. былъ погонщикомъ, когда Григоровичъ былъ сотникомъ".

По временамъ въ немъ заговаривалъ старинный украинскій патріотизмъ, изъ рода въ родъ дошедшій до него отъ временъ самобытности гетманщины. Когда я показалъ ему свой альбомъ южно-русскихъ дѣятелей, онъ вооружился очками, усѣлся по-лучше въ своемъ креслѣ и долго и внимательно разсматривалъ его. Надъ Б. Хмельницкимъ онъ остановился и сказалъ: „Вѣдь онъ былъ простой мужикъ, ты знаешь? А голова! задалъ панамъ-ляхамъ! Вѣдь они шельмы, имъ никогда нельзя повѣрить"... „Ты читалъ нашу исторію?"—спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. „Да, дѣдушка, я прочелъ исторію Бантыша-*Ка̀менскаго*", отвѣтилъ я. „Бантышъ-*Камѐнскій!*" поправилъ онъ. На Полуботкѣ онъ вновь меня поправилъ: „*Полу̀ботокъ*". Кулиша онъ долго и со вниманіемъ молча разсматривалъ.

Онъ былъ чрезвычайно гостепріименъ и всегда старался доставить гостямъ всевозможныя удобства; при этомъ въ немъ иногда сказывались старыя барскія замашки; такъ, однажды онъ сильно разсердился и раскричался на прислугу за то, что вечеромъ, когда были гости, не было свѣчей въ пустой передней, что по его тогдашней обстановкѣ жизни было совсѣмъ лишнимъ. Я цѣликомъ занесъ нѣсколько характерныхъ эпизодовъ въ записную книжку.

— Дѣвка! А что-же тамъ свѣту нѣтъ?

— Та тамъ никого нема!

— Что я тебя бить долженъ? морду тебѣ разбить? у насъ за это палками дули, за такіе отвѣты, а её сѣчь надо или чортъ её душу знаетъ.

Ищетъ табакерки; въ это время рядомъ съ нимъ на диванъ садится барышня, пришедшая изъ другой комнаты; „ишь, вотъ она присосѣживается,—понюхать хочетъ"!

— Нѣтъ, Василь Павловичъ, разскажите, что такое женщина! пристаетъ къ нему молодежь.

— Что-жъ? женщина не настоящій человѣкъ! говоритъ онъ, конфузя барышень; вотъ женщина должна за курами смотрѣть, тогда у нее и курочка и пѣтушокъ будетъ..., а ей не до того (сѣтуетъ онъ на современныхъ женщинъ)... и теленокъ, и ребенокъ, да! А старыхъ дѣвъ и на тотъ свѣтъ не принимаютъ. Это большое несчастіе для дѣвушки... Дѣвица должна непремѣнно стараться выйти замужъ.

Послѣ ужина В. П. любилъ долго сидѣть за чаркой и разсказывать что-нибудь или слушать чужія розсказни; но, такъ какъ онъ былъ нѣсколько глухъ, то часто перебивалъ говорящаго словами: „говорите громче и я хочу слышать; говорятъ себѣ что-то, ничего не слышно“!

— Наташа, что онъ говоритъ? спрашивалъ онъ жену, и жена его (къ голосу которой онъ привыкъ, такъ что понималъ ее даже, когда она говорила не громко) повторяла ему слова разсказывавшаго; но иногда, недослышавъ, онъ говорилъ только: „чѣмъ чортъ знаетъ что говорить, такъ лучше выпить!“ и наливалъ себѣ новую чарку. Вопросъ со стороны младшаго (а всѣ были моложе его) онъ считалъ невѣжествомъ и иногда, если отвѣтъ затруднялъ его, говорилъ, указывая на большаго желто-бѣлаго кота, который всегда помѣщался рядомъ съ нимъ на диванѣ: „ну, объ этомъ мы спросимъ вотъ у кого!“ Послѣ нѣсколькихъ чарокъ онъ начиналъ отпускать такія остроты, что дамы не знали, куда дѣваться; при этомъ онъ говорилъ какъ-бы про себя по-французски или по-нѣмецки, какъ-бы разсчитывая на то, что его не поймутъ. Я помню, какъ однажды я прохохоталъ цѣлый вечеръ до спазмовъ въ бокахъ, такъ какъ смѣхъ тѣмъ больше разбираетъ, чѣмъ больше удерживаешься. Но въ то время, о которомъ я буду говорить, В. П. уже сильно одряхлѣлъ (ему было тогда около 90 лѣтъ), къ гостямъ выходилъ въ халатѣ и рѣдко уже пускался въ длинные разговоры. Исторія семейства Григоровичей представляетъ много интересныхъ характерныхъ эпизодовъ, которыми я современемъ, быть можетъ, подѣлюсь съ читателями, теперь-же ограничиваюсь бѣглымъ очеркомъ этого типа, который я самъ могъ наблюдать, и закончу мой разсказъ нѣсколькими о немъ словами.

Итакъ, я перелистывалъ старинную рукопись, когда въ комнату вошелъ дѣдушка Василь Павловичъ. Выписываю изъ записной книжки его разсказъ дословно, со всѣми украинизмами его рѣчи.

— Что ты читаешь? спросилъ онъ меня.

— О запорожской Сѣчи, отвѣтилъ я.

— Аа! запорожская Сѣчь! давно это было... очень давно. За-порож-ская Сѣчь! торжественно и медленно отчсканилъ онъ, какъ-бы собираясь съ мыслями. Мой дѣдъ былъ запорожецъ! Дмытро́ Сэмэновичъ Григоровычъ! Это его книга. Онъ былъ прохорскимъ сотникомъ[1]) и *коллежскимъ ассесоромъ: Екатерина подавала имъ кромѣ того еще гражданскіе чины...* Старый былъ... Бутыли были такія громадныя и въ нихъ вишни и сливы (отъ наливки?). Вотъ онъ выспится и зоветъ меня доставать ему вишни оттуда, я и достаю рученками маленькими: я еще тогда ребенкомъ былъ... Дмытро́ Сэмэновычъ Гры-го-ровычъ!

— А въ сотники его вѣрно выбрали?

— Хто его знаетъ, вѣрно по выбору... А какъ Екатерина на престолъ вступила, то запорожцы отправились её поздравлять и сказали ей: „будь здорова, якъ корова, а богата, якъ земля!“ и ничего... дала имъ ручку поцѣловать, благодарила... Будь здорова, якъ корова...

— Да перестаньте уже, перебила его Наталья Романовна, вошедшая передъ тѣмъ въ комнату.

— А какъ-же? Это отличное желаніе! И вѣрно какой-нибудь профессоръ былъ,—сочинилъ вѣдь такъ (обращается ко мнѣ): будь здорова, каже, якъ корова... оно совершенно вѣрно!

— А скажите, дѣдушка, ходилъ сотникъ на войну?

— Какъ-же! Они стояли на границѣ—тамъ служили... Екатерина баба была, а при ней хорошо было; царствованіе ея очень счастливое, благополучное... всего было много: денегъ, хлѣба... и турокъ славно били... Е-ка-те-ри́на!... Оо! то была ба-ба!...

— *Н. Р.* Ахъ, что это вы право говорите!

— А шо-жъ... конечно такъ было! Да, было когда-то давно... очень давно...

---

[1]) Село Прохоры, борзенск. уѣзда.

— Да, простота была, необразованность! вставила *Н. Р.;* онъ въ острогѣ сидѣлъ, дѣдъ Василя Павловича, прибавила она, очевидно желая прекратить надоѣвшій ей разговоръ.

— Што?... Да! Это когда Екатерина вступила на престолъ... писала запорожцамъ... *спрашивала на какомъ положеніи они хотятъ, чтобы оставить Малороссію: на прежнемъ или перемѣнить, такъ онъ* (дѣдъ В. П.) *самъ своей рукой написалъ: „якъ було, нехай такъ и буде!“ такъ его въ тюрьму посадили.* Цѣлый годъ сидѣлъ въ тюрьмѣ! въ Глуховѣ.,. Екатерина! оо, то баба була!

— *Н. Р.* Да будетъ уже право!

— Нѣтъ, да посуди сама, Наташа, (съ одушевленіемъ) цѣ-лый же годъ въ темницѣ томился! Вѣдь спрашиваешъ-же! Вѣдь цѣлый годъ сидѣлъ! цѣлый годъ! А сотнички ѣздятъ и понятное дѣло курей возятъ и разныя разности... просятъ... нельзя-же такъ, безъ этого... Сотничка это почетное званіе было! Да, имъ тогда лучше жилось, легче. Сотникъ ѣдетъ: ему лошадей приготовятъ, сала натолкутъ... всего много было... Подумать только, какъ все перемѣнилось! какъ-будто и люди не тѣ. А современемъ еще больше перемѣнится и опять нельзя будетъ узнать... чортъ его знаетъ, можетъ быть такъ еще сдѣлаютъ, что и жить будетъ негдѣ.

СВѢДѢНІЕ О БУГСКИХЪ КОЗАКАХЪ.

Исторію Малороссіи обыкновенно оканчиваютъ вмѣстѣ съ концемъ гетманщины, не описывая самого процесса превращенія козаковъ съ одной стороны въ гусаръ и др. регулярныя войска, а съ другой стороны въ россійскихъ дворянъ—помѣщиковъ, крѣпостныхъ и казенныхъ крестьянъ. Между тѣмъ и самый послѣдній актъ окончательнаго уничтоженія козачества произошелъ не сразу, а представляетъ нѣсколько колебаній и возвратовъ къ прошлому. Зная расположеніе южно-русскаго народа къ козачеству, правительство въ годину внѣшней войны не разъ прибѣгало къ вызову козаковъ изъ населенія южныхъ губерній (таковы напр. „малороссійскіе козаки“ временъ крымской компаніи). Однимъ изъ такихъ явленій представляются, вѣроятно, и такъ называемые бугскіе козаки,

нѣкогда существовавшіе въ нынѣшней херсонской губерніи. Такъ какъ объ нихъ вообще очень мало писано, то я считаю не лишнимъ привести нижеслѣдующую выписку изъ одного стараго указа объ отставкѣ.

Лабенскіе переселились въ ю. Россію во времена Потемкина изъ Галиціи; они были православные (русины), „хотя грамота на дворянство и писана по-польски“, какъ объяснилъ мнѣ Н. С. Лабенскій. Въ то время Сѣчь запорожская была уже уничтожена, запорожцы разбѣжались кто-куда и въ огромныхъ пустопорожнихъ пространствахъ нынѣшней херсонской губерніи земля распродавалась отъ казны *по нѣсколько копѣекъ за десятину*. Переселившійся изъ Галиціи Тимофей Лабенскій купилъ большое имѣніе по р. Бугу; земли эти впослѣдствіи перешли къ его племянникамъ Любимскимъ (которые вмѣстѣ съ Лабенскими пришли изъ Галиціи). Сынъ его, Степ. Тимоф. Л—скій служилъ въ бугскихъ козакахъ; вотъ выписка изъ его указа объ отставкѣ, который представляетъ интересъ по самой формѣ своей.

„Господинъ маіоръ Степанъ Тимофѣевъ сынъ Лабенскій. Въ службу вступилъ козакомъ 1805 г. сентября 13 въ бывшее *бугское войско; урядникомъ*—806 г. мая 9; *хорунжимъ*—1814 г. апр. 5-го; отъ роду имѣлъ онъ тогда 25 лѣтъ. *Переименованъ въ корнеты 818 г. генваря 22 въ 1-й бугскій* (что нынѣ бугскій) *уланскій полкъ;* поручикомъ 820 г. „etc.“ Въ походахъ и сраженіяхъ находился: *Въ войну съ турками 808 года въ Молдавіи у содержанія на австрійской и турецкой и княжества варшавскаго границахъ кордонной стражи* [1]*), потомъ съ начала съ французами второй войны 812 года...* (оторванъ уголъ)... *2-го, и до окончанія оныхъ во всѣхъ случавшихся съ непріятелемъ дѣлахъ*, etc... былъ казначеемъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроповъ съ 821 по 824 годъ etc... *Имѣетъ серебряныя медали въ память 812 года и за взятіе г. Парижа 19 марта 814 года установленные.* Россійской грамотѣ читать и писать умѣетъ и ариѳметикѣ знаетъ. 1837 года“. Подпись: графъ Витте и пр.

Курсивомъ я написалъ все то, что относится къ бугскимъ козакамъ, изъ чего мы видимъ, что они участвовали въ турецкой

---

[1]) Слѣд. еще козакомъ.

кампаніи 1808 года, при чемъ содержали пограничную стражу и пр. и въ кампаніи 12-го и 14 года, при чемъ участвовали во взятіи Парижа и, наконецъ, что они расформированы въ 1818 г. и обращены въ „Бугскіе“ уланскіе полки, изъ которыхъ теперь только одинъ сохранилъ названіе „Бугскаго“ (въ 9-й кавалерійской дивизіи).

А. Рудковскій.

О ДИКИХЪ ЛОШАДЯХЪ ВЪ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Обыкновенно считаютъ дикихъ коней, о которыхъ говоритъ Гоголь въ своемъ знаменитомъ описаніи украинской степи, давнымъ давно вымершими и нѣкоторые относятъ ихъ чуть не въ область вымысловъ. Между тѣмъ мнѣ пришлось слышать отъ очевидца, заслуживающаго полнаго довѣрія, совершенно противное. О дикихъ коняхъ въ нашихъ южныхъ степяхъ была когда-то помѣщена большая статья „Про тарпанівъ (дикихъ коней)“ въ журналѣ „Основа“ (на украинскомъ языкѣ), затѣмъ (на томъ-же языкѣ) писалъ о нихъ черноморскій козакъ генер. Кухаренко; помнится, что онъ говоритъ о нихъ (въ концѣ 50-хъ годовъ), какъ о существующемъ еще въ степяхъ Черноморіи видѣ животныхъ. Дядя мой, отставной ротмистръ Ник. Степ. Лабенскій (сынъ упомянутаго выше), сообщилъ мнѣ, какъ очевидецъ, интересныя свѣдѣнія о недавнемъ еще существованіи дикихъ коней въ степяхъ херсонской губерніи. Вотъ его разсказъ. „Дикія лошади водились въ херсонской губ. еще лѣтъ 40 тому назадъ; когда мнѣ было лѣтъ 10 (слѣд. въ 30-хъ годахъ), то я не разъ ѣздилъ съ отцемъ на охоту за ними. Это было за Вознесенскомъ около сс. Привольнаго и Полтавки херс. губ. на рр. Бугѣ и Мертвоводѣ. Отецъ мой, бывшій тогда волостнымъ командиромъ въ новороссійскомъ военномъ поселеніи, собиралъ облаву человѣкъ въ 30, 40, иногда и 100; иногда съ собой на охоту возили столбы, которые легко можно было-бы вкопать въ землю, чтобы привязывать къ нимъ пойманныхъ коней, пока они приручатся; но послѣ этотъ способъ оставили; однажды случилось—я самъ это видѣлъ и хорошо помню, хотя мнѣ тогда было всего лѣтъ девять, что одна лошадь, будучи привязана къ столбу, рвалась до тѣхъ поръ, пока не разбила себѣ совершенно голову и не задушилась. Ростъ этихъ лошадей малый: 2 арш. безъ вершка или полу-вершка, масть—мышастая съ черной полосой на спинѣ; сло-

жены пропорціонально и довольно красиво; головы небольшія и ноги совсѣмъ не мохнатыя, какъ пишутъ о другихъ породахъ дикихъ коней. Всѣ они были очень жирные, хотя сами себѣ промышляли кормъ: травы большія, зимою пробиваютъ снѣгъ ногами и достаютъ траву. Тогда въ херсонской губерніи и табуны (ручныхъ лошадей) паслись зимою такимъ образомъ. Дикія лошади чрезвычайно боязливы: такъ и дрожитъ вся, когда поймаютъ; изъ числа пойманныхъ нѣсколько умирало, но остальныя, будучи приручены съ большимъ трудомъ, представляли чрезвычайно хорошихъ и выносливыхъ лошадей: они могли легко скакать подрядъ десять верстъ, не уставая, и притомъ очень быстро. Ихъ постоянно вылавливали и теперь едва-ли они уже существуютъ гдѣ нибудь. Они ходили табунами не болѣе 20 штукъ и охотиться за ними было чрезвычайно трудно, такъ какъ они въ высшей степени сторожки: если мѣстность ровная, то уже за 5 верстъ удаляются, и нужно не меньше 30-ти, 40-ка человѣкъ на хорошихъ лошадяхъ (напр. тѣхъже дикихъ прирученныхъ); они съ разными хитростями и охотничьими сноровками объѣзжали ихъ и окружали съ разныхъ сторонъ. Тогда сѣдоки, которые по-крѣпче сидѣли въ сѣдлахъ, бросались на нихъ, подскакавъ шаговъ на тридцать, забрасывали арканъ и пускались вслѣдъ за убѣгавшей лошадью, не выпуская аркана, пока она не утомится; это былъ обыкновенный способъ первоначальнаго прирученія—вмѣсто привязыванія къ столбу. Ѣдетъ бывало на охоту человѣкъ 30 и поймаютъ 3, 4 лошади.

Кромѣ настоящихъ дикихъ лошадей были еще и одичалыя. Отобьетъ напр. волкъ отъ табуна лошенка (а то и большую лошадь), а онъ и пристанетъ къ дикимъ—одичаетъ. Одинъ разъ между дикими поймали *пѣгую* лошадь (слѣд. очевидно не дикую) и она легко приручилась. Это была кобыла, тоже небольшая; ей было лѣтъ 5 и она была очень хороша подъ верхъ; даже я ѣздилъ на ней—мнѣ было тогда лѣтъ двѣнадцать—такъ хорошо приручилась. Когда мнѣ было лѣтъ 9, я уже ѣздилъ верхомъ сначала на „турчинѣ“, котораго моей матери братъ привелъ изъ турецкой кампаніи 29-го года, а потомъ на этой пѣгой, пойманной. Она была чрезвычайно выносливa; бывало на охотѣ за волками отецъ—на казенной лошади, и всѣ устанутъ и отстанутъ, а моя все впереди, пока волка не поймаютъ“.

Я помню, какъ однажды (лѣтъ восемь тому назадъ), проѣзжая по Херсонской губерніи, мнѣ пришлось разговориться съ однимъ табунщикомъ гг. Скаржинскихъ, громадныя имѣнія которыхъ простираются отъ днѣпровскихъ пороговъ къ верховьямъ Ингула. Оглядываясь по сторонамъ, онъ сообщилъ мнѣ, какъ великую тайну, что у нихъ въ заповѣдномъ мѣстечкѣ *живетъ еще теперь нѣсколько штукъ настоящихъ дикихъ коней*... Разсказъ этотъ совсѣмъ было вышелъ у меня изъ памяти и я вспомнилъ его, только услыхавъ разсказъ Н. С. Л—скаго и привожу его здѣсь въ pendant къ предъидущему. Интересно было-бы имѣть свѣдѣніе отъ самихъ гг. Скаржинскихъ, дѣйствительно-ли еще существуетъ эта живая эмблема легендарнаго запорожскаго герба?...

А. Рудновскій.

ПОПРАВКА КЪ РАЗСКАЗУ О БОНДАРЕНКѢ.

Въ мартовской книжкѣ „Кіевской Старины", въ статьѣ *о Бондаренкѣ*, между прочимъ сказано, что онъ казненъ въ м. Чернобилѣ, гдѣ и нынѣ старожилы указываютъ *„Бондаренкову могилу"—по дорогѣ изъ Чернобиля въ с. Залѣсье у выѣзда изъ мѣстечка.* Считаю долгомъ, по поводу сего и въ возстановленіе исторической истины, сказать нѣсколько словъ.

Какъ уроженецъ м. Чернобиля, гдѣ отецъ мой, воспитанникъ еще старой академіи, священствовалъ слишкомъ 34 года и, будучи самъ знатокомъ историческихъ мѣстностей, окружающихъ м. Чернобиль, съ таковыми, въ часы досуга и при случаѣ, знакомилъ и меня, смѣло скажу, что таковой могилы *у выѣзда изъ мѣстечка, по дорогѣ въ с. Залѣсье* нѣтъ. У выѣзда изъ мѣстечка, съ южной его стороны, по дорогѣ въ *Залѣсье* есть не *одинъ* курганъ, а *два*, и таковые курганы носятъ въ народѣ названіе: *„могилы воиновъ"* какого-то ополченія 1812 г. [1]), умершихъ отъ эпидемическаго (кро-

---

[1]) Кажется, смоленскаго, отъ береговъ Березины, по р. Припяти, чрезъ Днѣпръ возвращавшихся на родину. Не знаю, какъ теперь, а во время оно, лѣтъ 35 назадъ, на такъ называемые *проводы* совершалась бывало торжественная на сихъ курганахъ панихида всѣми священниками м. Чернобыля *«о православныхъ здѣ почивающихъ воинахъ»*.

ваваго) поноса въ м. Чернобилѣ и погребенныхъ, во избѣжаніе распространенія дальнѣйшей заразы, за кладбищемъ, совершенно уже внѣ мѣстечка. Есть, правда, еще третій курганъ у выѣзда, но съ западной его стороны, по дорогѣ въ *с. Корогодъ*, гдѣ я когда-то священствовалъ. Курганъ этотъ носитъ названіе *„татарскаго колодезя“*, гдѣ, по преданію, зарыты тѣла татаръ, дѣлавшихъ часто, хотя не всегда удачно, набѣги и на эту глухую мѣстность. Въ этомъ послѣднемъ курганѣ, по разсказу козацкаго сотника (изъ войска графа Ходкевича) Степана Чуры, переданному моему покойному отцу, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по распоряженію самаго генерала польскихъ войскъ Александра Ходкевича (владѣльца м. Чернобиля), производились даже раскопки, причемъ найдено довольно татарскаго оружія, сбруи и проч.

Но гдѣ-же возлѣ Чернобиля могила Бондаренка?

Есть она, но не у выѣзда изъ мѣстечка, и не по дорогѣ въ с. Залѣсье, *а по дорогѣ изъ Залѣсья въ дер. Заполье, между дер. Гапоновичами и Запольемъ* (Гапоновичи—между Залѣсьемъ и Запольемъ). Здѣсь, на нѣсколько возвышенной мѣстности, совершенно песчаной и почти обнаженной отъ всякой растительности, указываетъ преданіе мѣсто казни и могилы Бондаренки, безъ всякаго, какъ живо помню я, особаго тамъ кургана. Не разъ, проѣзжая съ покойнымъ моимъ отцемъ мимо сего мѣста, я слышалъ отъ него: „смотри, Гриша, вотъ мѣсто, гдѣ четвертовали Бондаренка“ [1]). И пошли, конечно, послѣ сего съ моей стороны распросы: кто, что, какъ, когда, гдѣ и проч. Нужно замѣтить, что покойный мой отецъ по окончаніи курса въ старой кіевской академіи и послѣ учительства въ кіево-подольскомъ духовномъ училищѣ, поступилъ на чернобильскій ильинскій приходъ еще въ 1821 г., слѣдовательно могъ легко бесѣдовать съ людьми живо помнившими многое изъ жизни прошлаго столѣтія, а по своей любви къ историческимъ преданіямъ, все слышанное имъ могъ правильно и точно удержать въ своей, довольно счастливой памяти. Въ отношеніи къ изслѣдуемому вопросу я и самъ, даже теперь, помню еще въ дѣтствѣ слышанную мною пѣсенку чернобильскихъ дѣвчатъ:

---

[1]) По обычаю тѣхъ варварскихъ временъ Бондаренка казнили *«четвертованьемъ»*.

Ой у місті Чорнобили
Роковее свято,
Знать у місті Макарові
Бондаренка взято...
Ой и вы—козаки
Славни гайдамаки,..
Чомъ не обереглы пана
Свого атамана... и проч.

Свящ. **Гр. Шиманскій.**

ПѢСНЯ ПРО ФИЛИППА ОРЛИКА *)

Ой изъ-за горы, изъ-за Дніпра
Витерець повивае,
Ой якійсь-то човникъ
Филя до берега прибивае.

* * *

Ой прибила филя човникъ
Човникъ лебедочку,
Ой выскочивъ зъ неи Орликъ
Тай почавъ беседочку.

* * *

Пугу, браця, пугу,
Пугу, запорожци!
Стоить козакъ въ лугу,—
Кажуть ему хлопци.

* * *

*) Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» помѣщено было замѣчательное письмо б. писаря Мазепы и вице-гетмана, Филиппа Орлика, къ запорожцамъ и еще болѣе замѣчательный отвѣтъ запорожцевъ, съ предисловіемъ А. А. Скальковскаго. Помѣщаемая пѣсня служитъ иллюстраціею къ этой перепискѣ. Выдержки изъ нея приводятся въ «Исторіи Новой Сѣчи Запорожской»; но такъ какъ это сочиненіе стало теперь библіогртфической рѣдкостію, то мы не видимъ причины не помѣстить ее въ нашемъ изданіи, тѣмъ болѣе въ полномъ видѣ, съ того давняго оригинала, который сообщенъ намъ тѣмъ-же многоуважаемымъ историкомъ «Сѣчи».—Ред.

Эй, браця, ходимъ до Кошового,
Будемъ радити раду;
Зизвимъ малого и старого
На цюю важную пораду.

* * *

Ой пишовъ Орликъ до Кошового
Та въ поясъ поклонився,
Та начавъ изъ діла Карлового,
Що зъ нашимъ царемъ не помирився.

* * *

Ой батьку, Иване,
Отакая-то річь:
Кажить, Малюшевиче пане,
Чи станете намъ въ помічъ?

* * *

Ой надъ Украиною гетьманською
Громовая хмара стоить,
Ой прийшовъ царь съ армію руською
Та хоче іи та разорить.

* * *

Чому-жъ не помогати,
Коли просятъ браты сосіди,
Чому-жъ намъ татаръ не рубати,
Коли руки начали свербіти?

* * *

Та то не татаръ рубати;
Мазепа просить до насъ пристати,
Наши Вкраині помічъ дати,

* * *

А вписля до шведина привернуця
И видъ царя руського одвернуця:
Оттогди мы будемъ на волі,
Такъ якъ птахъ підъ небомъ въ полі!

* * *

О що-жъ, батьку Иване,
Прошу-жъ мині казати,

Чи зъ твоихъ слівъ буде що гарне,
Бо я хочу Мазепі звісточку послати.

* * *

А ты-жъ те и забувъ,
Що мы цареви присягнули,
Мазепа того и не розжувъ,
Що мы въ прощеніе взули.

* * *

О що-жъ тобі казати;
Ты бачишъ діло самъ,
Намъ не можно присяги ламати,
Намъ не можно помочи дати вамъ.

* * *

Запорожецъ не бувъ бісовымъ сыномъ,
Коли присягу вінъ давъ;
Наменують его еретичимъ чиномъ,
Коли й христиця забувавъ.

* * *

Бо вінъ забувавъ христиця,
Коли врага въ шію гнавъ,
А впясля знавъ и помолиця,
Та все присяги не ламавъ.

* * *

Отце, Орлику брате,
Одвези Мазепі цей отвітъ;
Нехай вінъ луче начне жати,
Отце буде нашъ совітъ.

* * *

Ой искра мала, та може світъ спалити
И сама счезне, пропаде.
Ой хоче Мазепа народа згубити;
Чого вінъ хоче, того тамъ не найде.

* * *

Ну, батьку Иване, прощай!
Що будемъ съ тобою робити.
Та батьку памятай,
Якъ мы будемъ тебе и Січъ голити.

* * *

Ой Орлику, мій брате,
Не копай ты яму для насъ;
Постой, жевжику, хвате,
Бо въ ту яму та посадять васъ!

* * *

Ой повивае витерець
Та відъ моря холодный;
Ой поіхавъ нашъ брехунець,
Якъ собака голодный.

ВИРША НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Чи чули вы, панове, зъ роду,
Що Богъ прійшовъ до насъ ажъ самъ?—
Чого-жъ?
Бо старший чортъ хотівъ зривнятьця зъ Богомъ,
Надувсь, ажъ очі лізуть рогомъ...
А Богъ ему сказавъ: а вонъ, а зась!
Нема тобі тутъ місьця въ насъ!
Зайшовъ зъ иншого чортъ краю:
Адама въ гості попросивъ,
А цей гукнувъ ёго до гаю,
Тай яблука изъ нимъ вкусивъ.
Проснувсь на другий день, ажъ лихо:
Товаришъ и сорочку знявъ.
Адамъ питае Еву тихо:
А съ кимъ я вчора такъ гулявъ?
Не знаю, шо були за гості,
А вже чогось у насъ нема...
О, буде намъ, старый, похлостя—
Не выкупимся мы відъ соромà!
Задумався Адамъ, сівъ, тай труситця въ куточку,
А Богъ прийшовъ, пита его:
А де ты дівъ сорочку?
Не знаю, десь вчора загубивъ...

Пішовъ-же вонъ, поганый, зъ раю!
Объівся яблукъ, ажъ сопешь...
Отъ такъ ты доглядаешь гаю,
Безъ поспиту що хочешь, те и рвешь?!
И ты иди, небого, прясти,
Адамъ тебе щобъ доглядавъ;
А щобъ не сміла яблукъ красти,
Такъ я Адамові нагайку давъ.
А ну, ходи сюди, прокляте!
Ты що Адаму тамъ зробивъ?
Зайшовъ у гості погуляти,
На вікъ хозяина згубивъ.
Пишовъ-же вонъ, поганый, зъ миру
У пекло, де огонь горить;
Ось я тобі намилю гирю,
Щобъ не вчивсь людей дурить!
Загувъ проклятий чортъ у смолу,
Тай на вікъ зоставсь тамъ...
А щобъ Адама й Еву голу
Одягнути, родився Самъ...
Родивсь Христосъ: Адамъ гуляе,
Е нова свита и кожухъ,
И Ева въ плахті похожае,
И зновъ радіе духъ.
Теперъ и въ васъ жупани нові,
Бо вы Адамова рідня...
Такъ будьте-жъ зъ празничкомъ здорові,
Гуляйте, пийте, хочь що дня!

Вирша эта сообщена намъ уважаемымъ П. И. Ивановымъ и, по словамъ его, записана бывшимъ учителемъ купянскаго духовнаго училища, В. Лавровскимъ, но, къ сожалѣнію, безъ означенія мѣста, времени и обстоятельствъ записи. Г. Ивановъ сопровождаетъ присылку Вирши слѣд. словами:

«Въ словесныхъ произведеніяхъ народнаго творчества, съ появленіемъ письменности и съ постепеннымъ развитіемъ гражданственности, отличительныя особенности народнаго духа мало по малу теряютъ свои рѣзкія черты: сглаживается въ

нихъ все грубо характерное, смягчаются мѣстныя краски и придаются имъ тоны, принятые цивилизованными народами, но вмѣстѣ съ тѣмъ стираются отпечатки старинныхъ вѣрованій, воззрѣній, нравовъ, обычаевъ, столь цѣнные для полнаго изученія національнаго характера. Широко распространенный еще въ началѣ настоящаго столѣтія обычай виршеваній постепенно исчезаетъ даже въ деревняхъ, унося съ собою много оригинальныхъ произведеній народной фантазіи».

Тѣмъ необходимѣе, скажемъ мы, спѣшить записывать эти произведенія и дѣлать ихъ достояніемъ науки, какъ одинъ изъ самыхъ дорогихъ для нея матеріаловъ. Настоящая вирша тѣмъ особенно дорога, что представляетъ крайне оригинально, въ самой простой и образной формѣ, высокія истины паденія и искупленія человѣчества. Всегдашняя наклонность малорусскаго народа къ популяризаціи священныхъ истинъ, къ низведенію такъ сказать божества въ кругъ обыденной жизни и облеченію его дѣйствій въ самыя простыя формы, отразилась здѣсь съ особою силою, а ради праздничнаго веселія всѣ изображенія пересыпаны глубокимъ малороссійскимъ юморомъ.—Ред.

Опечатка.

Въ октябрьской книжкѣ «Кіев. Старины» въ отдѣлѣ Библіографіи, на стр. 153-й напечатано *Днѣпръ* вм. *Днѣстръ*, что не только измѣняетъ сущность дѣла, но незаслуженно могло-бы быть относимо къ винѣ автора разбираемой книги.—Ред.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ЛУКИ ВАСИЛЬЕВИЧА

ИЛЬНИЦКАГО,

Въ Кіевѣ.

Крещатикъ, домъ дворянскаго собранія,

между прочими, продаются слѣдующія Малорусскія книги:

Андерсенъ. Казкы, переклавъ Старичепко. К. 1873 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Антоновичъ В. Историч. пѣсни малорусскаго народа т. 1-й К. 1874 г. Цѣна 1 р. 50 к., т. 2-й, в. 1-й К. 1875 г. Ц. 80 к.

Александровъ. Малорусські Співанки. Х. 1880 г. Цѣна 15 коп.

Білецкій-Носенко. Приказки въ чотырехъ частяхъ. К. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к.

——— Гостинець землякамъ. Казки сліпого Бандуриста чи співи объ різнихъ ричахъ. К. 1871 г. Цѣна 1 р.

——— Горпинида, чи вхопленная Прозерпина, жартливая поэма въ 3-хъ піснахъ. К. 1871 г. Цѣна 30 к.

Бабуся зъ того світу, оповідання про померши души. К. 1883 г. Ц. 5 к.

Вовчокъ Марко. Народні оповидання т. 2-й Спб. 1876 г Цѣна 50 к.

Галка Іеремія (Костомаровъ). Збірныкъ творівъ. Од. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к.

Гатцукъ. Абетка Ц. 50 к.

Гребинка Е. Пырятыньська ластівка. К. 1878 г. Цѣна 75 к.

Гулакъ-Артемовськый. Кобзарь. К. 1878 г. Цѣна 20 к.

Глибовъ Л. Байкы. Изд. 3-е. К. 1882 г. Цѣна 20 к.

Гоголь. Простакъ. Ком. Изд. 2-е. К. 1882 г. Ц. 15 к.

За Крашанку-Писанка. П. Ол. Кулішеві, написавъ Данило Сліпченко-Мордовець. С.-ПБ. 1882 г. Цѣна 50 к.

Де що про світъ Божий. Изд. 4 е. К. 1882 г. Ц. 20 к.

Дітські пісні, казкы и загадкы. К. 1876 г. Цѣна 15 к.

Евгеньева Крестьянина, Розмовы. К. 1873 г. Цѣна 30 к.

Ивановъ. Розмова про небо та землю зъ додаткамы та одмінамы, переклавъ М Комаровъ. К 1874 г. Ц. 8 к.

——— Розмова про земні сылы зъ додаткамы та одминамы, переклавъ М. Комаровъ 1875 г. Ц. 10 к.

Назюка. П. Дви казки І. Півпівныка. Гыпшанська казочка II. Цыганъ Кулина. К. 1883 г. Цѣна 5 к.

Кобзарь. Сборникъ Малорусскихъ пѣсень. Цѣна 50 к.

Котляревскій И Собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ. К. 1875 г Цѣна 2 р.

——— Собраніе сочиненій К. 1878 г. Цѣна 75 к.

——— Наталка-Полтавка. К. 1878 г. Цѣна 25 к.

——— Москаль-Чаривникъ К. 1878 г. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о южной Руси, т. 1-й Цѣна 1 р. 50 к.

——— Досвітки. Думы и поэмы К. 1876 г. Цѣна 80 к.

——— Дивоче серце. Идилія. К. 1876 г. Цѣна 20 к.

——— Орися. К. 1882 г. Цѣна 5 к.

Кухаренко Я. Збірникъ творівъ. К. 1860 г. Цѣна 75 к.
Луна, Украиньськый Альманахъ на 1881 г. Цѣна 50 к.
Левицкій И. С. Повісті. К. 1874 г. Ц 1 р 50 к.
——— Дві Московки. Повість. К. 1882 г. Ц. 40 к.
——— Не можна бабі Парасці вдержатись на селі. Изд. 3-е. К. 1882 г. Ц. 5 к.
——— Благословить бабі Палажці скоропостижно вмерти. Изд. 3-е. К. 1882 г Ц. 5 к. Бурдачка. Пов. Ц 75 к.
——— На Кожумякахъ. Комедія. К. 1876 г. Ц. 25 к.
——— Перші Кіевскі князі. К. 1876 г. Ц. 10 к.
——— Татари и Литва на Украіні. К. 1876 г. Ц. 10 к.
——— Унія и Петро Могила. К. 1875 г. Ц. 6 к
Левченко М. Опытъ Русско-Украинскаго словаря. К. 1874 г. Ц. 1 р. 30 к.
Лисенко. Южно-Русскій Орнаментъ. Изд. 2-е. К. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.
Листы съ Хутора листъ III. Чого стоить Шевченко якъ поэтъ народный. С.-ПБ. 1881 г. Цѣна 5 к.
——— листъ 5-й. Хто такій хуторянинъ. С.-ПБ. 1862 г. Ц. 3 к.
Ластивка. Ганна. Поэма. К. 1881 г. Ц 10 к.
М—вичъ. Про обклады, яка це болість і якъ одъ неі ратуватысь. К. 1881 г. Ц. 10 к.
Маляревській. Лира (сборникъ стихотвореній.) К. 1876 г. Ц. 20 к.
Мельникъ. Подарунокъ (поэтъ-самоучка). Од. 1875 г. Ц. 25 к.
Максимовичъ. Псалмы переложенные на украинское нарѣчіе. М. 1859 г. Цѣна 30 к.
Номисъ. Украински приказки. С.-ПБ. 1864 г. Ц. 2 р.
Опатовичъ С. Оповидання зъ святого писання. К. 1874 г. Ц. 10 к.
Основа. Южно-Русскій журналъ за 1861 г. 12 кн. С.-ПБ. 1861 г. Ц. 10 р.
Осташевскій. Пивъ сотни казокъ для веселыхъ людей. К. 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
Пискуновъ. Словниця українськоі (або Юговоі-Руськоі) мовы. Ц. 1 р. 50 к.
——— Чайка. Украинській альбомъ пісень, думъ, казокъ, баекъ и віршей. К. 1876 г. Цѣна 30 к
——— Т. Г Шевченко, его жизнь и произведенія. К. 1879 г. Ц. 75 к.
Пчілка О. Переклады зъ Гоголя. К. 1881 г. Ц 35 к.
——— Сужена не огужена. Жартъ-водевиль. К. 1881 г. Ц. 50 к.
——— Украиньскимъ дитямъ, переклады зъ Лермонтова. К. 1882 г. Ц. 25 к
Про козакивъ, татаръ и туркивъ. К. 1875 г. Ц. 10 к.
Про хворобы и якъ имъ запомогты. К. 1874 г. Ц. 6 к.
Про холеру. К. 1875 г. Ц. 7 к.
Про кари, до якихъ присуждають мирові судді. К. 1876 с. Ц. 12 к.
Праазды. Козакъ и Галпуся. Украинськіе очерки. К. 1862 г. Ц. 60 к.
Поминки Т. Г. Шевченко въ Одессѣ 25 февраля 1879 г. Од. 1879 г. Ц. 30 к
Раевскій. Сцены изъ малорусскаго народнаго быта. К. 1882 г. Ц. 1 р.
Рудченко. Чумацкія народныя пѣсни. К. 1874 г. Ц. 1 р. 30 к.
——— Южно-русскія народныя сказки, т. 2-й. К. 1873 г. Ц. 1 р.
Старыцькый М. Сербські народні пісні і думы. К. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
——— Чорноморці. Оперета по Кухаренку. К. 1878 г. Ц. 20 к.
——— Музыка къ ней Н. Лысенка. К. 1878 г. Ц. 1 р.
——— Зъ давняго зшитку. Пісьні и думи. К. 1881 г. Ц. 50 к.
——— Гамлетъ Принцъ Данській. Трагедія въ 5 діяхъ, В. Шекспіра. Пер. на Українську мову. Музыка Лисенка. К. 1882 г. Ц. 1 р
——— Пісня про Ивана Васильевича Грознаго. Ц. 5 к
——— Сорочинскій ярмарокъ. 2-е видання К. 1882. г. Ц. 10 к.
——— Байки по Крылову. 2 е видання. 1882 г. Ц. 10 к.
Стороженко О. Марко проклятый. Поэма. Од. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к.
Степовикъ О. Оповідання про комахъ, яка одъ ихъ користь, або шкода въ господарстві (зъ 45 рис.). К. 1882 г. Ц. 50 к.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый въ г. Кіевѣ.

1883-й годъ (второй годъ изданія).

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, *ежемѣсячно*, по той же программѣ, при участіи кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала—двѣнадцать книгъ, въ 12 и болѣе листовъ каждая. Книги выходятъ непремѣнно 1-го числа и одновременно разсылаются подписчикамъ.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣд. статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, Ѳ. Кондратовича, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.*, обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей*, проф. В. Б. Антоновича, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), *Дневникъ М. Ханенка*, *Дневникъ св. Фоки Струтинскаго*, *Разновидности „Марцѣпанъ и Ганнусковой горѣлки,"* рукопись XVIII в., старод. полк. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ «Кіевской Старины,» съ приложеніями и доставкою на домъ или пересылкою внутри Россіи *десять рублей*, безъ пересылки и доставки *восемь руб. пятьдесятъ коп.*

Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію «Кіевской Старины»: *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой*, и лишь при этомъ условіи редакція отвѣчаетъ за своевременную высылку изданія.

Подписка на 1882 г. продолжается по тому же адресу и цѣнѣ. Въ ноябрьской книжкѣ—біографія и портретъ Гонты.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Дозв. ценз. Кіевъ, 20-го Октября 1882 г. Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности--въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Для поясненія текста, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы: портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія древнихъ украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и пр.

„**КІЕВСКАЯ СТАРИНА**", по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ" примутъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Барсуковъ А. П., Барсуковъ Н. П., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. Ѳ., Вороновъ А. Д., Воскресенскій А. М., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Дашкевичъ Н. П., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Лазаревскій А. М., Лашкаревъ П. А., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій И. С., Левицкій О. И., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Маркевичъ А. И., Мацѣевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потебня А. А., Праховъ А. В., Стрижкевичъ Н. В., Терновскій Ф. А., Фортинскій Ѳ. Я., Чалый М. К. и другіе.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

декабрь.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1882 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

ДЕКАБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го ноября 1882 года.

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ.**

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность,* его-же, *Печерскіе антики,* Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь,* съ портретомъ живущаго доселѣ запорожца, 120 лѣтъ, и картою Сѣчи, Ѳ. Кондратовича, *Украинскія поселенія въ низовьяхъ Дуная,* его-же. *Анна Алоиза княжна Острожская,* съ ея портретомъ, О. И. Левицкаго, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.,* обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей,* проф. В. Б. Антоновича, *Мнимый бунтъ на Волыни 1789 г.,* его-же, *Изъ бытовой исторіи Малороссіи XVIII в. (Румянцевская опись),* Д. И. Багалѣя, *Южно-русскіе архивы,* его-же, *Шпитали въ Малороссіи* П. С. Ефименка, *Очерки изъ жизни Кіева начала XIX ст.,* проф Ф. А. Терновскаго, *Серапіонъ, кіевскій митрополитъ,* его-же, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки,* повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: *Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому 1854—1857. Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ* и проч., *Дневникъ Н. Ханенка, Дневникъ свящ. Фоки Струтинскаго, Разновидности „Морцыпанъ и Ганнусковой горьлки“,* рукопись XVIII в. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП**. На заграничную пересылку прибавляется **ОДИНЪ РУБЛЬ**.

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на текущій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Вышедшія книжки немедленно высылаются.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Продолженіе)*).

---

4) Армейская реформа слободскихъ полковъ князя Шаховскаго.

По мѣрѣ того, какъ ослабленіе, или отмѣна мѣстныхъ областныхъ особенностей Слобожанщины расширяли поприще для центральныхъ мѣропріятій, непрерывныя, можно сказать, реформы преслѣдовали жизнь этой провинціи изъ поколѣнія въ поколѣніе. Есть свѣдѣніе, что еще Петръ I замышлялъ значительную передѣлку во внутреннемъ устройствѣ слободскихъ полковъ и, вѣроятно, только смерть неутомимаго реформатора остановила его дѣятельность въ этомъ уголкѣ; но это спокойствіе отъ реформъ продолжалось не долго. Преобразованіе великорусскаго земскаго пограничнаго ополченія московской Украйны въ регулярное войско входило въ общій планъ военныхъ реформъ Петра I и продолжалось его наслѣдниками, и оно-же вызвало памятную по своему характеру и послѣдствіямъ первую радикальную реформу въ области слободскихъ полковъ. Это была реформа князя Шаховскаго, которая въ отрицательномъ смыслѣ имѣетъ право занять, можетъ быть, одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ областной исторіи южно-русскаго населенія. Достойно особаго вниманія, что, производя эту реформу, кн. Шаховскій дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію, не имѣя, какъ увидимъ ниже, опредѣленныхъ указаній отъ высшей власти

---

*) См. въ ноябрской книжкѣ «Кіевской Старины», 1882 г.

и не справляясь съ указами, опредѣлявшими бытъ, права и привилегіи козачьяго населенія, и это тѣмъ болѣе доказываетъ, что въ данномъ случаѣ онъ является лишь случайнымъ выразителемъ господствовавшихъ въ то врѐмя стремленій и общаго государственнаго и общественнаго строя. Неудивительно по этому, что въ его мѣропріятіяхъ является полное смѣшеніе такихъ разнородныхъ, по своему происхожденію и внутренней бытовой организаціи, элементовъ, какъ московскіе служилые люди, впослѣдствіи большею частію переименованные въ однодворцевъ, и южно-русское населеніе слободскихъ полковъ. Въ чемъ однако состояли преобразованія князя Шаховскаго? —Вѣрную характеристику ихъ мы находимъ въ такомъ важномъ офиціальномъ актѣ, какъ знаменитая жалованная грамота слободскимъ полкамъ императрицы Елисаветы 1743 г. Въ началѣ этой грамоты представлено то легальное положеніе этихъ полковъ, въ какомъ застала ихъ реформа. „Довольно извѣстно, говорится въ ней отъ лица императрицы, съ какою вѣрностію и ревностію черкасскіе слободскіе полки служили предкамъ и отцу нашему"... и что „за такія... ихъ службы милостивыя жалованныя грамоты... 7177, 7192, 7197 и въ 1700 годахъ... они получали, по которымъ тѣхъ полковъ полковники, старшина и козаки за упомянутыя ихъ многія вѣрныя и усердныя службы, (в)мѣсто годоваго жалованья, пожалованы и повелѣно имъ всякими промыслы промышлять и всякими товарами торговать безпошлинно, такожъ мельницами и рыбными ловли и всякими угодьи владѣть и шинки держать во всѣхъ ихъ городахъ, и винокурить, и шинковать безъоброчно, и съ тѣхъ промысловъ полковую службу служить имъ безъ жалованья, и въ таможняхъ у нихъ вѣрнымъ головамъ и цѣловальникомъ русскимъ быть не велѣно, а отданы тѣ таможни и мосты и перевозы старшинѣ и козакамъ, и повелѣно имъ брать таможенную пошлину со всѣхъ пріѣзжихъ купцовъ русскихъ и съ черкасъ съ продажныхъ ихъ товаровъ по уставной грамотѣ безъ излишества, самимъ онопшлинныя и откупныя деньги платить въ Бѣлгородъ по прежнимъ окладамъ, и быть въ тѣхъ слободскихъ полкахъ въ конной службѣ выборнымъ коннымъ козакамъ указанныхъ числъ, а достальнымъ помогать въ службѣ тѣмъ коннымъ *по ихъ черкасскому обыкновенію,* чтобъ оные выборные козаки тою ихъ подмогою были всегда конны и оружены и въ походахъ запасами довольствованы, а кромѣ той

войсковой полковой конной службы никуда на годовую службу посылать и иныхъ тягостей налагать, также и подводъ у нихъ безъ указу и безъ грамотъ имать не велѣно-жъ". Но вотъ какъ началась и что произвела реформа князя Шаховскаго: „а нынѣ,—продолжаетъ грамота,—нашему императорскому величеству тѣхъ слободскихъ полковъ полковники и старшины всеподданнѣйше били челомъ, что въ 1732 году, по представленіямъ покойнаго генерала князя Алексѣя Шаховскаго, который въ тѣ слободскіе полки, по указу сестры нашей императрицы Анны Іоанновны, отправленъ былъ для добраго и основательнаго тѣхъ полковъ разсмотрѣнія и исправленія, въ противность вышеупомянутыхъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ и тамошнихъ порядковъ, учрежденъ *драгунскій полкъ* и опредѣлены въ тотъ полкъ многіе изъ армейскихъ полковъ штабъ и оберъ-офицеры, которымъ противъ ранговъ даны въ подмогу въ тѣхъ-же полкахъ мѣстечки, села и деревни съ грунтами и съ козаками, братьевъ и свойственниковъ и изъ подпомощниковъ пожиточные и лучшіе люди довольное число, кои принуждены быть въ ихъ *подданствѣ и всякія работы по примѣру крестьянъ несть*, съ немалымъ отягощеніемъ, и дѣйствительной козачьей службы лишены, и какъ онымъ офицерамъ, такъ и драгунамъ противъ нерегулярныхъ отмѣнная подмога опредѣлена, и тѣ драгуны получаютъ мундиръ и аммуницію изъ собираемой суммы съ козаковъ-же и подпомощниковъ съ немалою обидою, отъ чего во всякихъ дѣлахъ происходятъ крайніе непорядки, а въ полковыхъ канцеляріяхъ въ подлежащихъ по должности исправленіяхъ немалое помѣшательство, а на мѣсто убылыхъ и умершихъ въ томъ драгунскомъ полку драгунъ выбираются слободскихъ-же полковъ изъ лучшихъ козаковъ и отъ того оные слободскіе полки пришли въ несостояніе". Такимъ образомъ вся рефора Шаховскаго сводилась къ подведенію козачьяго строя къ общимъ порядкамъ регулярной военной службы и обращенію всего неслужилаго козачьяго населенія въ экономическую и просто рабочую силу какъ для содержанія полка, такъ и въ личное довольство полковаго начальства, въ роли крестьянъ.

Такой важный періодъ въ исторіи Слободской Украйны, какъ реформа князя Шаховскаго, заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдователей прошлой судьбы мѣстной областной жизни; но мы, по спеціальному характеру нашего главнаго предмета, не имѣемъ

ни средствъ, ни цѣли всесторонне останавливатьея на этомъ періодѣ и потому сдѣлаемъ только извлеченіе изъ имѣющихся у насъ подъ руками источниковъ касательно положенія слободскихъ полковъ въ это время. Въ „Топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества“, о которомъ мы прежде упоминали, кратко замѣчается, что съ 1732 г. слободскіе полки, по имянному повелѣнію Анны Іоанновны, подчинены были „во всякихъ дѣлахъ“ учрежденной въ Сумахъ *слободской коммисіи,* и въ это-же время навербованъ былъ изъ слободскихъ козаковъ регулярный драгунскій полкъ „на всемъ слободскомъ вооруженіи, обмундированіи и содержаніи, при каждомъ козачьемъ полку по 200 драгунъ“. Болѣе подробныя свѣдѣнія о произведенной кн. Шаховскимъ реформѣ и положеніи слободскихъ полковъ мы встрѣтили въ одномъ провинціальномъ изданіи [1]), гдѣ помѣщена весьма интересная для областной исторіи Слободской Украйны статья: „Войсковые обыватели воронежской губерніи“. Вотъ что говорится въ ней относительно преобразованія острогожскаго слободскаго полка, а слѣдовательно и прочихъ слободскихъ полковъ, такъ какъ реформа кн. Шаховскаго ведена была одновременно во всѣхъ полкахъ: „...вскорѣ затѣмъ (послѣ Петра I) послѣдовалъ для нихъ (острогожцевъ) цѣлый рядъ самыхъ крупныхъ преобразованій. Нѣмцы, какъ пишетъ составитель экономическаго описанія [2]), были будто единственными виновниками злоключеній, которымъ подвергнулись острогожцы, начиная съ 1732 г. Господствуя при дворѣ Анны Іоанновны и стараясь все регулировать на нѣмецкій образецъ, приспѣшники Бирона обратили вниманіе и на слободское украинское козацкое войско, къ составу котораго принадлежали острогожскіе козаки. Но можетъ быть и не одно нѣмецкое регулированіе привело къ реформѣ... Козаки и реформу, и присланнаго дворомъ реформатора, — князя Шаховскаго встрѣтили непріязненно. Правду сказать, и со стороны преобразователей немного оказано было вниманія привычкамъ и интересамъ

---

[1]) Памятная книжка воронежской губерніи на 1865—1866 г. Изданіе воронежскаго статистическаго комитета. Воронежъ, 1867 г.

[2]) Тутъ прямое указаніе на другой важный для исторіи Слободской Украйны источникъ,—не изданное еще «экономическое описаніе воронежской губерніи 1781 г., находящееся, въ рукописи, въ архивѣ воронежскаго статистическаго комитета.

козаковъ: реформа поведена была круто. Шаховскій собственно не уничтожалъ козацкаго войска; но сдѣлалъ хуже, чѣмъ если-бы его вовсе уничтожилъ, именно: онъ оставилъ существовать козацкое имя, а на дѣлѣ превратилъ одну часть козаковъ въ регулярныхъ солдатъ, а другую въ крѣпостныхъ. Это сдѣлалось такъ: учрежденъ былъ драгунскій слободской полкъ, въ который забраны были рядовыми всѣ лучшіе козаки и отданы подъ команду офицеровъ, приглашенныхъ изъ регулярной арміи. Старшинные козацкіе начальники были устранены совсѣмъ отъ войска и оставлены безъ дѣла. Затѣмъ, всѣ такъ называемые козацкіе захребетники, подсусѣдки, бѣдные козаки и прочіе люди, не попавшіе въ драгунскій полкъ, раздѣлены на участки и розданы въ аренду драгунскимъ офицерамъ вмѣсто жалованья, или назначены для будущаго укомплектованія драгунскаго полка. Нельзя не замѣтить, что военное учрежденіе, открытое Шаховскимъ, очень походило на позднѣйшія военныя поселенія". Такимъ образомъ Аракчеевскія военныя поселенія въ харьковской губерніи имѣли уже въ лицѣ князя Шаховскаго своего достойнаго предтечу еще почти за 100 лѣтъ.

Неудовольствіе станичниковъ успѣло разразиться только громкими жалобами. Кончина Анны Іоановны и вскорѣ затѣмъ восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны положили конецъ реформѣ Шаховскаго. Узнавъ о духѣ и настроеніи новой императрицы, и въ особенности о ея уваженіи ко всему, что было учреждено Петромъ I, острогожцы поспѣшили законнымъ путемъ снять съ себя положенное на нихъ иго [1]). Отправлена была депутація къ императрицѣ съ жалобой на невыносимую тягость положенія и съ просьбой о возвращеніи привилегій, утвержденныхъ и дарованныхъ грамотой Петра I отъ 1700 года. Полковникъ Иванъ Тевяшевъ (или Тевяшевскій), начальникъ депутаціи, хлопоталъ такъ усердно..., что императрица, не смотря на возраженія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ генераловъ, рѣшилась отмѣнить распоряженія военной коммисіи 1731 г., т. е. реформу Шаховскаго, и въ 1743 г. своею грамотою возвратила козакамъ всѣ ихъ прежнія права и привилегіи. Возстановлено было козацкое полковое управленіе вмѣстѣ съ зависимостью по гражданскимъ дѣламъ отъ бѣлгородскаго губернатора. Надобно

---

[1]) Также точно поступили и остальные слободскіе полки.

было отдать дань народному чувству, оскорбленному бироновскимъ правленіемъ, и дань уваженія къ имени Петра. Впрочемъ нѣмецкіе теоретики,—продолжаетъ авторъ,—а вмѣстѣ съ ними и люди, понимавшіе положеніе и значеніе слободско-украинскаго козачества, не совсѣмъ въ этомъ случаѣ уступили; именно: одновременно съ освободительной грамотой сдѣлано было распоряженіе, чтобы особые доходы слободско-украинскаго войска обращались на содержаніе трехъ драгунскихъ и одного гарнизоннаго полка, учрежденныхъ военною коллегіею въ 1731 г. На это немаловажное ограниченіе войсковыхъ привилегій острогожцы не жаловались, очень довольные и тѣмъ, что избавились отъ реформъ Шаховскаго... Отвыкая постепенно отъ оружія, слободскіе козаки теряли вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнее стремленіе къ самостоятельному управленію и къ военнымъ почестямъ, сохранивъ только желаніе удержать привилегіи, обезпечивавшія ихъ матеріальное благосостояніе. Скоро не стало между ними ни Тевяшевскихъ, ни стариковъ, помнившихъ военныя дѣла козачества, и потомки азовскихъ воителей не просили болѣе военнаго званія, не искали привилегій за ратныя услуги, а боялись единственно потери права винокуренія, обложенія податями наравнѣ съ крестьянами и т. под. Сверхъ того упадку духа въ козакахъ способствовали печальные остатки или послѣдствія реформы Шаховскаго, именно: обращеніе многихъ козаковъ въ „подданныхъ черкасъ", т. е. въ крѣпостныхъ. Бѣднѣйшихъ козаковъ, козацкихъ подсусѣдковъ, захребетниковъ и тому подобныхъ лицъ, не имѣвшихъ настоящаго права гражданства между козаками, Шаховской, какъ мы видѣли выше, роздалъ вмѣсто жалованья офицерамъ своего драгунскаго полка, отъ которыхъ, по возстановленіи козацкихъ правъ, эти люди перешли (на какихъ правахъ, мы сказать не можемъ) къ козацкимъ начальникамъ и, подъ властью этихъ, являются въ позднѣйшее время настоящими крѣпостными. Независимо отъ того, что этимъ уменьшился составъ войска, переходъ козацкихъ вождей въ сословіе владѣльцевъ имѣніями крѣпостныхъ людей имѣлъ самъ по себѣ пагубное вліяніе на козачество, сдѣлавъ, со времени этого перехода, интересы козацкихъ начальниковъ солидарными съ интересами прочаго дворянства въ краѣ и почти совершенно отдѣливъ ихъ отъ простыхъ козаковъ. Эти послѣдніе, оставленные своими вождями, стали быстро обращаться въ настоящихъ крестьянъ, и

если не тотчасъ лишились всѣхъ козацкихъ привилегій, то единственно по милости винокуренной привилегіи, которая одна связывала ихъ съ козацкимъ дворянствомъ. Для послѣдняго не было-бы основанія пользоваться привилегіею, еслибъ простые козаки ее потеряли. Эти перемѣны во внутреннемъ положеніи и въ стремленіяхъ слободскихъ козаковъ послѣдовали частію прежде, частію послѣ возстановленія козацкихъ правъ императрицею Елисаветою, но уже черезъ 20 лѣтъ послѣ этого событія они привели козачество въ такое положеніе, что значительныя реформы сдѣлались совершенно возможными. Такимъ образомъ, въ 1765 г., послѣ 20-ти лѣтняго существованія, грамота Елисаветы перестала дѣйствовать... Указомъ Екатерины II острогожское козачество было уничтожено и козакамъ велѣно именоваться казенными войсковыми обывателями, при чемъ козацкая служба замѣнена службою въ острогожскомъ гусарскомъ полку. Этотъ гусарскій полкъ содержался на счетъ козаковъ. Для гражданскаго управленія учреждена острогожская провинціальная канцелярія, завѣдывавшая пятью уѣздными канцеляріями и подчиненная слободско-украинской губернской канцеляріи. Винокуренной привилегіи не тронули... Бывшее козацкое начальство въ особенности осталось довольно своимъ совершеннымъ присоединеніемъ къ мѣстному дворянству".

Въ этой краткой исторіи реформъ князя Шаховскаго въ острогожскомъ полку и послѣдствій этихъ реформъ заключается исторія и остальныхъ слободскихъ полковъ за тоже время.

По свидѣтельству автора цитированной нами статьи, въ настоящее время потомковъ бывшихъ козаковъ острогожскаго полка считается около четверти населенія воронежской губерніи. Такимъ образомъ реформа князя Шаховскаго еще почти за полвѣка до формальнаго введенія крѣпостнаго права въ Малороссіи ввела уже это право въ Слободскую Украйну, а своеобразные аграрные порядки этой области передъ судомъ такого реформатора, какъ князь Шаховской, не заключали въ себѣ, конечно, никакого вопроса. Не трудно оцѣнить въ общемъ вліяніе этой нещадной ломки жизни на правовое сознаніе населенія относительно его старозаимочныхъ земель: естественно предположить, что начатый этою реформой разрывъ классовъ бывшаго прежде солидарнаго козачьяго населенія и въ особенности прочно заложенное рабство—должны были сильно

потрясти положеніе старозаимочнаго владѣнія козаковъ, а въ извѣстной части, гдѣ населеніе обратилось въ рабовъ, можетъ быть и совершенно упразднить старозаимочное право.

---

5) Дальнѣйшая судьба старозаимочнаго землевладѣнія въ прошломъ столѣтіи. Общая межевая инструкція 1766 года.

Такая катастрофа въ жизни народа, какъ реформа князя Шаховскаго, потрясшая самыя основы его бытовой организаціи, приготовила уже открытое поприще для довершительныхъ мѣропріятій Екатерины II; въ 1765 г. изъ слободскихъ полковъ была образована слободская украинская губернія, съ губернскимъ городомъ Харьковомъ. „Послѣ воцаренія Екатерины II Слободская Украйна [1]) подверглась кореннымъ измѣненіямъ въ строѣ, унаслѣдованномъ изъ распорядковъ Богдана Хмельницкаго въ Гетманщинѣ. Тогдашній край пяти слободскихъ полковъ съ полковыми городами: Харьковомъ, Сумами, Ахтыркой, Изюмомъ и Острогожскомъ, множествомъ сотенныхъ мѣстечекъ и слободокъ, долженъ былъ утратить свое мѣстное управленіе и ввести новое, одинаковое для всей страны и ея окраинъ. Въ этомъ, какъ и въ другихъ мѣропріятіяхъ правительства того времени, выказывалось стремленіе сосредоточить все мѣстное управленіе каждой провинціи въ рукахъ одного лица, которое облекалось большой властью. Съ такою-то властью въ 1767 г. прибылъ секундъ-маіоръ Е. А. Щербининъ. Матеріалы, хранящіеся доселѣ въ мѣстныхъ архивахъ, ясно свидѣтельствуютъ, что кромѣ подготовленія и образованія въ краѣ „намѣстничества", Щербинину были даны и другія весьма обширныя полномочія". Между прочимъ онъ прилагалъ попеченіе объ усиленномъ просвѣщеніи и немедленно вошелъ въ переписку съ бѣлгородскимъ епископомъ Самуиломъ о заведеніи при тогдашнемъ харьковскомъ коллегіумѣ типографіи, заявляя, что „для всякаго публичнаго училища необходимая есть вещь типографія, а отъ того и всему обществу слѣдуетъ польза". Епископъ Самуилъ хотя и согласился въ общемъ,

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣдом., 1881 г., № 340.

что просвѣщеніе можетъ быть полезно, но въ своемъ отвѣтѣ косвенно предостерегъ губернатора о могущихъ быть „вредительныхъ гадинахъ“, которыя, безъ строгаго досмотра начальства, могутъ писать сочиненія, „опровержения Божія закона исполненныя, самодержавію и отечеству противныя, также сочиненія язвительныя и соблазнительныя“... Такъ на этомъ и окончились, кажется, заботы о просвѣщеніи, но за то гражданское и общественное просвѣщеніе было тщательно переформировано.

При учрежденіи слободско-украинской губерніи населеніе слободскихъ козаковъ было переименовано въ казенныхъ войсковыхъ обывателей, а поселенія ихъ названы войсковыми слободами. Въ губерніи учреждена была губернская канцелярія и при ней особый вотчинныхъ дѣлъ департаментъ, который былъ подчиненъ государственной вотчинной коллегіи; кромѣ губернской канцеляріи были образованы еще подчиненныя ей 4-е провинціальныя воеводскія канцеляріи съ „великороссійскими прокурорами“.

Изъ инструкціи 6 іюля 1765 г., данной слободско-украинскому губернатору, между прочимъ, видно, что поземельнаго налога въ это время не было, а былъ опредѣленъ только душевой и личный окладъ: по 95 коп. съ войсковыхъ обывателей, съ правомъ винокуренія, а безъ этого права по 85 коп.; порядокъ сбора этого оклада велѣно „каждаго мѣста жителямъ оставить на собственныя народныя раскладки“. Прежнія сотенныя управленія преобразованы были въ комиссарства; только въ мелкихъ судныхъ дѣлахъ, не свыше 12 р., оставленъ былъ въ силѣ *мѣстный народный обычай* (черкасское обыкновеніе) *словеснаго суда* съ одной журнальной запиской. 9—16 пункты этой инструкціи касаются, и то только въ самыхъ общихъ предначертаніяхъ, мѣстнаго поземельнаго вопроса, при чемъ не трудно замѣтить, что фактическое положеніе этого вопроса весьма мало, чтобы не сказать больше, было извѣстно администраціи. Мотивомъ учрежденія департамента вотчинныхъ дѣлъ было выражено: „по не имѣнію въ слободскихъ полкахъ никакого предѣла въ земляхъ, ограничить закономъ, дабы всякій удѣлъ свой или заимку зналъ и завладѣнное излишнее возвратилъ“. Далѣе, этому департаменту вотчинныхъ дѣлъ вмѣнено было въ обязанность „сдѣлать подлежащія пріуготовленія къ будущему размежеванію всѣхъ земель, по общему государственному о томъ установленію;

и для того отъ всѣхъ владѣльцевъ, имѣющихъ на тамошнія земли грамоты и крѣпости, тако-жъ и отъ полковыхъ канцелярій, съ грамотъ, указовъ и всякихъ укрѣпленій... собрать копіи"... Мелкое поземельное, участково-наслѣдственное владѣніе бывшихъ слободскихъ козаковъ и горожанъ Слобожанщины повидимому было или совсѣмъ не замѣчено, или-же игнорировано. Только въ указѣ 1803 года этотъ фактъ былъ признанъ относительно козачьяго землевладѣнія бывшей гетманщины: „въ числѣ жителей Малороссіи, сказано въ этомъ указѣ 19 іюля 1803 г., находится одно состояніе, какого нѣтъ ни въ Великой, ни въ Бѣлой Россіи, т. е. состояніе козаковъ, пользующихся по древнимъ законамъ совершенно на правѣ дворянскомъ пріобрѣтенными заслугой, или покупкой у другихъ владѣльцевъ землями (главное основаніе здѣшняго землевладѣнія—старозаимка не упомянуто и въ этомъ указѣ) и имѣющихъ по онымъ многочисленные съ помѣщиками споры". Офиціальное признаніе этого факта благоразумно замедлило рѣшительныя межевыя дѣйствія въ гетманской Малороссіи почти до позднѣйшаго времени; ибо, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ „Курса гражд. права", размежеваніе Малороссіи представляло особенныя затрудненія. При меньшей спѣшности и энергіи объединительныхъ мѣръ эпохи Екатерины II эти трудности въ разрѣшеніи поземельнаго вопроса въ бывшей Слобожанщинѣ также, конечно, были-бы замѣчены и оцѣнены по достоинству; въ позднѣйшемъ законодательномъ актѣ по старозаимочному вопросу, принадлежащемъ уже 60 годамъ (о чемъ скажется въ своемъ мѣстѣ), была офиціально признана особенная важность дѣла о старозаимочныхъ земляхъ и необходимость всяческой „осторожности, съ которой должно вообще прикасаться къ древнимъ правамъ владѣнія". Это положеніе представлялось въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе серьезнымъ, что поземельное замѣшательство въ бывшей Слобожанщинѣ, вслѣдствіе цѣлой массы всяческихъ реформъ, имѣвшихъ въ виду не столько пользу населенія, сколько разныя внѣшнія служебныя и вотчинно-государственныя цѣли, началось еще до времени Екатерины II. Давнее, постепенное разложеніе козачьяго самоуправленія, переходъ козачьей старшины въ привилегированный высшій классъ, возникновеніе крупнаго землевладѣнія изъ пожалованныхъ земель людямъ мѣстнаго и главнымъ образомъ великорусскаго происхож-

денія, фактическая и юридическая неопредѣленность мелкаго поземельнаго владѣнія массы туземнаго черкасскаго населенія — все это естественно порождало явленія насилія и захвата со стороны сильныхъ въ сферѣ поземельнаго владѣнія и даже вызвало рѣшительную правительственную мѣру—указъ 15 марта 1765 г. „о возвращеніи слободскимъ полкамъ заселенныхъ помѣщиками земель". Тогда обнаружилось, что „многіе неуказнымъ образомъ на дачахъ слободскихъ полковъ населили себѣ деревни"..., почему и предписано было эти „неправильно завлаженныя земли съ поселенными на нихъ деревнями приписать къ содержанію слободскихъ полковъ".

Всю эту сложность и неопредѣленность поземельнаго вообще и межеваго вопроса въ частности въ Слободской Украйнѣ правительство рѣшилось регулировать общей инструкціей 25 мая 1766 г. „межевымъ губернскимъ канцеляріямъ и провинціальнымъ конторамъ".

Цѣль этой инструкціи—„розмежеваніе во всей Имперіи всѣхъ владѣльцевъ къ ихъ земляныхъ дачахъ", дабы отмежеваніемъ земель къ селеніямъ и точнымъ опредѣленіемъ пустошей „пресѣчены были споры въ земляхъ къ селеніямъ и пустошамъ принадлежащихъ, а не во владѣніяхъ селеній и пустошей, въ чемъ споры предоставляются обыкновенному... суду и разсмотрѣнію въ томъ крѣпостей... Вотчинной коллегіей". Такимъ образомъ опредѣленіе мелкаго землевладѣнія внутри этихъ дачъ совершенно не входило въ цѣль этой инструкціи, а судебная защита этого владѣнія уже потому не могла имѣть мѣста, что старозаимочное мелкое землевладѣніе было въ массѣ почти совершенно бездокументальное. Трудно сомнѣваться въ томъ, что уже одно генеральное размежеваніе прошлаго вѣка въ Слободской Украйнѣ, согласно этой инструкціи, принесло большую пользу дѣлу поземельнаго порядка, но мелкое старозаимочное владѣніе внутри генерально-обмежеванныхъ дачъ видимо было игнорировано въ виду XIX главы инструкціи „о земляхъ однодворцевъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей". Въ первомъ пунктѣ этой главы сказано: „всѣ состоящія за однодворцами и прежнихъ службъ служилыми людьми, яко то козаками, стрѣльцами... пушкарями... черкасами и другихъ подобныхъ сему названій, которые написаны въ подушный окладъ,... слободы, села, деревни и пустоши, и прочія угодья утверждать по писцовымъ и межевымъ книгамъ, по всякимъ

дачамъ и крѣпостямъ не каждому порознь, но вообще всѣмъ одной слободы, села или деревни съ принадлежащими къ нимъ пустошьми ко всякому особо". Эта именно глава инструкціи и была примѣнена при генеральномъ межеваніи прошлаго вѣка къ мелкому старозаимочному землевладѣнію, а первоначальное доброе пожеланіе правительства относительно установленія поземельнаго порядка въ Слободской Украйнѣ: „дабы всякій удѣлъ свой или заимку зналъ" осталось безъ практическаго примѣненія, что случилось, нужно думать, можетъ быть не столько отъ недостатка благихъ пожеланій администраціи, какъ просто отъ физической невозможности упорядочить въ то время однимъ только бюрократическимъ путемъ всю массу находящагося въ постоянномъ движеніи мелкаго землевладѣнія. Кромѣ несомнѣнныхъ практическихъ затрудненій, которыя встрѣтило-бы всякое спеціальное межеваніе мелкаго землевладѣнія въ прошломъ вѣкѣ (затрудненій, которыя могутъ быть оцѣнены и по той массѣ ошибокъ и злоупотребленій, какія сопровождали даже въ наше время спеціальное размежеваніе черниговской и полтавской губерній), на упрощенное разрѣшеніе поземельнаго вопроса въ харьковской губерніи несомнѣнно вліяла и добрая вѣра въ легкую возможность установки основныхъ бытовыхъ порядковъ населенія однимъ только бумажнымъ путемъ: въ концѣ 1 пункта той-же XIX главы инструкціи мы видимъ ясную цѣль правительства совершенно отрѣшить промышленное городское сословіе отъ землевладѣнія: „на живущихъ-же въ однодворческихъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей селеніяхъ, записанныхъ изъ сего званія въ купечество, земель не намѣривать, за тѣмъ, что они не яко поселяне, а какъ уже мѣщане должны довольствоваться не отъ пашни, но отъ торговъ и промысловъ, и жительство имѣть въ городахъ". Въ послѣдующемъ изложеніи нашего вопроса мы коснемся тѣхъ послѣдствій, которыя породила эта XIX глава въ районѣ старозаимочнаго землевладѣнія.

Авторъ имѣющейся у насъ въ рукахъ брошюры: „Старозаимочныя земли харьковской губерніи", которая, очевидно, была чѣмъ-то въ родѣ „мнѣнія" или докладной записки, представленной по начальству уже въ 40-хъ годахъ, говоритъ, что побудительной причиной ея составленія было то „великое затрудненіе и недоразумѣніе касательно старозаимочныхъ земель и лѣсовъ", которое онъ, самъ

авторъ, испыталъ въ должности посредника по полюбовному специальному размежеванію чрезполосныхъ владѣльческихъ земель, при составленіи полюбовныхъ соглашеній и окончательныхъ сказокъ по дачамъ харьковскаго уѣзда. Затрудненія, встрѣченныя этимъ замѣчательно добросовѣстнымъ чиновникомъ, были разнообразны и серьезны: такъ прежде всего онъ убѣдился, что у мелкихъ владѣльцевъ старозаимочныхъ земель (а такими мелкими владѣльцами была почти вся масса крестьянства, т. е. бывшихъ войсковыхъ обывателей и многія лица другихъ сословій), нѣтъ документальныхъ доказательствъ права на землевладѣніе: „документовъ, кромѣ нѣкоторыхъ духовныхъ завѣщаній и партикулярныхъ сдѣлокъ, на таковыя старозаимки почти никто не имѣетъ: одни представляютъ, что ихъ документы по давности времени затеряны, или истреблены пожаромъ, у другихъ отобраны по начальству для разсмотрѣнія и обратно не возвращены, а иные говорятъ прямо, что у нихъ никакихъ документовъ нѣтъ, а владѣніе безспорно, какъ ихъ отцы и предки владѣли“. Въ виду этихъ многообразныхъ затрудненій, авторъ брошюры дѣлаетъ краткій историческій обзоръ вопроса о юридическомъ характерѣ старозаимочнаго землевладѣнія, ссылается на цѣлый рядъ грамотъ московскихъ государей и царей, объясняетъ, что „слово заимка выражаетъ свободное занятіе или пріобрѣтеніе участка земли; самыя неправильныя фигуры этихъ займовъ, продолжаетъ авторъ брошюры, показываютъ произвольное занятіе мѣстъ; гдѣ владѣльцы надѣлены землями по крѣпостямъ или отъ общества, тамъ участки (загоны, нивы) имѣютъ форму квадрата или паралелограмма, а здѣсь владѣльческія полосы земли и лѣса имѣютъ фигуры болѣе чѣмъ неправильныя. Стоитъ только взглянуть на планъ харьковской дачи, чтобы вполнѣ удостовѣриться, что здѣсь не было ни надѣла, ни раздѣла земли: всякій по произволу занималъ то, что ему нравилось и что возможно было пріобрѣсть“.

Въ заключеніе своего краткаго обзора какъ историческаго происхожденія заимки, такъ и освященія ея свыше цѣлымъ рядомъ жалованныхъ грамотъ, авторъ дѣлаетъ такой общій выводъ: „на сихъ-то высочайше дарованныхъ правахъ основываясь, многіе изъ войсковыхъ обывателей харьковской губерніи въ прежнія времена старозаимками распоряжались какъ *неотъемлемою своею собственностію,* закладывали, продавали, дѣлали на нихъ духовныя завѣ-

щанія и отдавали ихъ въ приданое своимъ дочерямъ; другіе изъ войсковыхъ обывателей, поступивши въ военную и гражданскую службу и за отличные подвиги и особенные ихъ труды, оказанные на пользу отечества, были возведены въ дворянское сословіе, не лишаясь предковскихъ своихъ старозаимокъ, отчего у потомковъ ихъ (безъ крѣпостей) находятся во владѣніи подобныя земли. Равнымъ образомъ нѣкоторые изъ войсковыхъ обывателей, занимаясь торговыми оборотами, промыслами и ремеслами, переходили въ купеческое, мѣщанское и цеховое состояніе, не переставая владѣть землями и лѣсами по старозаимкамъ".

Этотъ бѣглый очеркъ происхожденія и правоваго характера старозаимочнаго землевладѣнія подтверждаетъ высказанное нами положеніе, что огромная масса украинскаго народа въ слободскихъ полкахъ владѣла землей на правѣ полной частной собственности; при чемъ владѣніе это почти повсемѣстно было личное, а не общинное, съ полнымъ правомъ отчужденія и залога (заставы) и съ дробленіемъ и переходомъ по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мы не оцѣниваемъ этого факта ни положительно, ни отрицательно, а просто намѣчаемъ его, какъ фактъ почти общій и безспорный: *индивидуализмъ землевладѣнія на югѣ — это его національная и типичная форма въ Малороссіи.* Здѣсь мимоходомъ лишь замѣтимъ, что этотъ фактъ несомнѣнно органически обусловленъ какъ всей исторіей, такъ и національнымъ характеромъ населенія южной Руси, и нужно думать, находится въ тѣсной связи съ самымъ устройствомъ южно-русской семьи, отличнымъ отъ многосемейнаго „двора" Великой Россіи, гдѣ „большакъ" и „большуха" стоятъ иногда во главѣ нѣсколькихъ семействъ и нѣсколькихъ поколѣній. На югѣ индивидуализмъ также наглядно проявляется въ устройствѣ семьи, какъ и въ поземельномъ владѣніи; можетъ быть еще правильнѣе было-бы сказать, что малочисленность южно-русской семьи (обыкновенно мужъ, жена и дѣти, еще неженатыя и незамужнія) и личный характеръ поземельнаго владѣнія—это только разныя стороны одного и того-же принципа индивидуализма въ южно-русской жизни. При полномъ сходствѣ происхожденія, основныхъ началъ и типа землевладѣнія на всей территоріи южно-русскаго населенія, аналогическія явленія мы примѣчаемъ и въ такъ называемой Гетманщинѣ. Здѣсь однако старый

аграрный строй рѣже и менѣе нарушался правительственными мѣропріятіями и вліяніемъ постороннихъ элементовъ и народная жизнь представляла въ себѣ болѣе упругости. Правда, еще указомъ Анны Іоанновны 1739 г. января 8 (значитъ именно во время реформаторскихъ дѣяній князя Шаховскаго) даже малороссійскимъ козакамъ было запрещено распоряжаться своими землями на правахъ собственности, но въ этомъ-же указѣ было объяснено, что запрещеніе дѣлается до окончанія войны, и хотя оно потомъ опять подтверждено указомъ сената 1741 г., но не имѣло рѣшительнаго вліянія на измѣненія вѣками установившагося порядка землевладѣнія. Спустя много лѣтъ, при Александрѣ I-мъ, именно указомъ 28 іюня 1803 г. дозволено было малороссійскимъ козакамъ продавать свои земли и вообще распоряжаться недвижимымъ имуществомъ по древнимъ правамъ и привилегіямъ [1]) и такимъ образомъ наслѣдственно-участковое поземельное право козацкаго сословія бывшей гетманщины было признано официально, какъ увидимъ еще ниже, почти 60 годами ранѣе официальнаго признанія правъ частной собственности на старозаимочныя земли.

Иное положеніе земельнаго вопроса было для Слобожанщины: здѣсь врядъ-ли были какія-либо условія для опредѣленнаго выраженія народныхъ потребностей и стремленій, а, какъ замѣтили мы выше, оставалось мѣсто только для активнаго воздѣйствія съ одной стороны и пассивнаго подчиненія, или-же мертвой косности съ другой: жизнь почти съ самой ранней поры была лишена возможности органическаго саморазвитія не только по условіямъ своей внутренней творческой дѣятельности, но даже для свободнаго органическаго сліянія съ великорусскими аграрными порядками; она, можно сказать, почти цѣлые вѣка находилась подъ воздѣйствіемъ одних непрерывныхъ, извнѣ шедшихъ мѣропріятій, въ положительномъ смыслѣ нерѣдко совершенно безрезультатныхъ, а иногда даже и взаимно противорѣчивыхъ.

Въ послѣдней четверти прошлаго вѣка въ дѣйствіяхъ администраторовъ бывшей слободской территоріи уже наглядно замѣчается вольное или невольное упущеніе изъ виду того факта, что позе-

---

[1]) См. Прибавленіе къ № 14 Черниг. Губ. Вѣдомостей, 11 апр. 1864 г., ст. «Историч. очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи».

мельное владѣніе мѣстнаго малорусскаго населенія, какъ по своему происхожденію, такъ и по неоднократно выраженному признанію высшаго правительства (относительно черкасскихъ вольностей и обыклостей) есть владѣніе личное и потомственное, на правахъ частной собственности. Такъ еще въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка администрація харьковскаго намѣстничества видимо проводила въ своей дѣятельности тотъ взглядъ, что землевладѣніе войсковыхъ обывателей (бывшихъ козаковъ слободскихъ полковъ) неразрывно связано съ ихъ сословнымъ положеніемъ и потому не можетъ выходить за предѣлы сословія, взглядъ, который въ позднѣйшее время былъ выраженъ и въ законодательномъ порядкѣ. Такія стремленія мѣстной администраціи могутъ быть объясняемы скорѣе простымъ упущеніемъ изъ виду существенныхъ разновидностей аграрнаго порядка той или другой области, чѣмъ сознательной ассимиляціей этихъ разновидностей съ типомъ землевладѣнія, который уже органически отвѣчалъ всему строю московскаго государства, а можетъ быть и совмѣстно обоими этими условіями. Во всякомъ случаѣ кажется несомнѣнно то обстоятельство, что коренная правительственная перетасовка однодворческаго землевладѣнія главнымъ образомъ на сѣверной границѣ слободскихъ полковъ видимо послужила администраціи готовымъ шаблономъ для послѣдующихъ аграрныхъ реформъ и въ Слобожанщинѣ. Г. Побѣдносцевъ въ своемъ „Курсѣ гражд. права“ (ч. 1, изд. 1873 г., стр. 350—351) совершенно правильно замѣтилъ, что хотя старозаимочное владѣніе происходило путемъ вольнаго занятія земель, но уже рано „образовалось офиціальное понятіе о томъ, что земли слободскихъ полковъ составляютъ фондъ, предоставленный имъ за службу и для службы“... По причинамъ, разъясненіе которыхъ принадлежитъ общей исторіи Россіи, центральная петербургская администрація прошлаго вѣка исторически усвоила себѣ взгляды и практику, отрицавшіе всякія вотчинныя права на поземельную собственность за крестьянской массой, а такъ какъ южно-русское населеніе Слобожанщины искони фактически пользовалось этими правами на землю, то вся послѣдующая реформаторская дѣятельность администраціи, руководимая идеей нивелировки и централизаціи, видимо направила всѣ свои мѣры противъ начала личной собственности въ землевладѣніи Слободской Украйны. Несоотвѣтствіе этихъ мѣръ съ основными началами мѣст-

наго аграрнаго порядка немедленно-же оказалось существеннымъ стѣсненіемъ въ частной гражданской жизни тогдашнихъ „обывателей" харьковскаго намѣстничества. Такъ, когда часть харьковскихъ войсковыхъ обывателей-землевладѣльцевъ пожелала перейти въ городское сословіе харьковскихъ мѣщанъ, то они „извѣстились", что всѣ желающіе переходить изъ войсковыхъ обывателей въ купечество и мѣщанство не должны уже мѣшаться „во владѣніе земли", а въ замѣнъ долженствовавшей отойти отъ нихъ земли мѣстное заботливое начальство выразило готовность „отрѣзать мѣщанству надлежащее количество земли въ городовыхъ выгонахъ", которымъ, какъ безошибочно полагать можно, мѣщане могли воспользоваться лишь для общаго выпаса мелкаго домашняго скота и для огородовъ.

Въ виду такого нежданно предъявленнаго условія кандидаты въ городское сословіе въ „прошеніи своемъ" на имя тогдашняго харьковскаго намѣстника Василія Алексѣевича Черткова, объяснили ему, что на городскихъ выгонахъ „съ таковыми выгодами и угодьями, какъ ихъ дачи, получить земли нельзя", и на основаніи этого просили, „буде отмѣнить того положенія не можно, оставить ихъ при всѣхъ прежнихъ привилегіяхъ въ числѣ войсковыхъ обывателей". Защищая свои права на землю, просители объясняли, между прочимъ, что „предки ихъ.... поселились городами, мѣстечками и селами на пустыхъ земляхъ отъ крымскихъ сторонъ для защищенія россійскихъ границъ.... предки ихъ, а затѣмъ и они, просители, поселившись на вольныхъ земляхъ, каждый занялъ себѣ свободные участки поземельныхъ, лѣсныхъ и сѣнокосныхъ дачъ, мельницы, хутора и другія угодья, а нѣкіе, пріобрѣвъ то покупкою, владѣли многіе годы, не имѣя во всемъ ни малѣйшей отмѣнности; да и прошлаго 1781 г., говорятъ о себѣ просители, записались въ мѣщанство съ такимъ обнадеживаніемъ, что всѣ предъизображенныя жалованныя привилегіи, земли и другія угодья не отымутся, а всегда при нихъ безъ малѣйшаго нарушенія пребудутъ". Таковъ былъ взглядъ народа на свою поземельную собственность, не знавшую ни общинныхъ порядковъ, ни стѣсненія правъ по сословіямъ. Тогдашній харьковскій намѣстникъ Чертковъ, какъ видно, администраторъ, еще понимавшій мѣстныя условія, призналъ то простое положеніе, что не жизнь должна безусловно подчиняться мѣропрі-

ятіямъ, а на оборотъ, и въ своемъ „предложеніи" харьковскому намѣстническому правленію, по поводу вышеназванной просьбы, изложилъ слѣдующее руководящее разрѣшеніе этого вопроса: „внемля выраженіямъ просьбы сей и представивъ съ одной стороны надобность, колико полезно, а затѣмъ нужно въ губерніяхъ и купечество и мѣщанство, доставленіемъ разныхъ промысловъ и торговли обществу благотворящее, съ другой обрѣтая между правилъ должнотти своея, что благоустройство въ губерніи, споспѣшествованіе и способъ ко удовольствію каждаго законнымъ образомъ отъ попеченія главнокомандующаго зависитъ, а посему поставляя предметомъ удовлетворить выгодамъ всѣхъ и каждаго отъ попеченія и управленія моего зависящихъ, какъ и данное харьковскому намѣстничеству земель постановленіе къ таковому-же средоточію наклоненіе имѣло, дабы приблизить недвижимость къ самимъ ихъ обиталищамъ, доставить имъ удобность къ домоводству, привилегіями дозволенному, безъ удаленія и отъ торговыхъ обращеній въ городахъ заведенныхъ, рекомендую намѣстническому правленію оставить просителей, а равно и все мѣщанство не только въ губернскомъ, но и въ уѣздныхъ вѣдомства своего городахъ, при прежнихъ заимкахъ и владѣніяхъ, которыя они выгодѣ, въ близости грунтовъ ихъ заключающейся, охотно предпочитаютъ". Изъ содержанія этого „предложенія" Черткова и вызвавшихъ его причинъ видно, что это затрудненіе выхода войсковыхъ обывателей въ городскія сословія было уже не единичнымъ фактомъ, ибо самъ администраторъ смотритъ на сдѣланное имъ разрѣшеніе вопроса, какъ общее для всѣхъ однородныхъ случаевъ, и офиціально оглашаетъ его для общаго примѣненія во всемъ харьковскомъ намѣстничествѣ. Умный администраторъ не могъ не знать, что огромное большинство населенія въ городахъ его намѣстничества состояло изъ старозаимочныхъ владѣльцевъ—войсковыхъ обывателей и поэтому ставить преграды этому населенію къ выходу въ городскія сословія значило-бы оставлять города только при одномъ имени, а въ сущности принудительно оставлять ихъ населеніе при одномъ земледѣльческомъ промыслѣ, что позже и случилось въ дѣйствительности въ нѣсколькихъ (если не въ большей части), только номинальныхъ, городахъ харьковской губерніи, которые на самомъ дѣлѣ остались большими, но бѣдными земледѣльческими селами.

Послѣдующая судьба землевладѣнія въ б. Слободской Украйнѣ, не менѣе какъ предъидущая, уже извѣстная читателямъ, способна удостовѣрить насъ въ томъ, что всѣ административныя и вообще правительственныя мѣры, клонившіяся къ такому или иному опредѣленію порядка землевладѣнія, были одновременными во всей этой мѣстности, такъ что исторія одного какого нибудь небольшаго уголка этой мѣстности, одного ея уѣзда, или даже волости, можетъ представить собой почти общую исторію аграрнаго вопроса на всемъ пространствѣ бывшей Слобожанщины. Тѣмъ легче обнять и понять ее въ одной отдѣльной картинѣ, и тѣмъ необходимѣе такая картина, что историческія данныя относительно старозаимочнаго землевладѣнія имѣются далеко не для всѣхъ мѣстностей б. Слободской Украйны и не за все изслѣдуемое время. Мы и представимъ такую картину въ исторіи одной старозаимочной дачи харьковской губерніи.

А. Шимоновъ.

(Продолженіе будетъ).

Г. УМАНЬ И СОФІЕВКА.

(Исторія г. Умани.—Уманская рѣзня.—Софіевка).

I.

Та мѣстность, на которой расположенъ теперь г. Умань съ его окрестностями и знаменитымъ садомъ, составляла нѣкогда центръ такъ называвшейся *уманской пустыни.* Она занимала въ окрестности до 300 верстъ и простиралась за нынѣшній уманскій уѣздъ, захватывая земли теперешняго балтскаго уѣзда до м. Богополья. На ней нѣтъ ни одного шага земли не орошеннаго человѣческою кровью: въ прежнее время она служила мѣстомъ для кровавыхъ сценъ и народныхъ распрей. Съ одной стороны этой обширной пустыни пролегала извѣстная дорога—*Чорный шляхъ* или *Татарскія дороги,* отдѣлявшая эту пустыню отъ земель ногайцевъ. Далѣе границами были: рѣки—*Синюха и Удычь,* впадавшая съ востока въ Бугъ, небольшой деревяный замокъ—*Брацлавскій,* укрѣпленный бревенчатымъ палисадомъ и основанный въ 1550 г. княземъ Богушемъ Ѳедоровичемъ *Корецкимъ.* Пустыню прорѣзывали, извиваясь въ скалистыхъ берегахъ, незначительныя рѣчки *Уманка* и *Каменка,* которыя соединялись ниже г. Умани.

Эта пустыня съ давнихъ поръ была ареною, на которой совершались всевозможныя столкновенія и насилія одного племени надъ другимъ и даже членовъ одного племени между собою. Извѣстно, что беззащитная Украйна въ прежнее время служила дорогой для различныхъ племенъ, что и изображается аллегорически въ пѣснѣ:

Ой біда, біда чайці небозі,
Шо вывела дітокъ при биті дорозі.

Поэтому тутъ всегда могъ оставаться всякій сбродъ даже изъ сосѣднихъ націй, тѣмъ болѣе, что сюда не досягали и законы. Всѣ голодные или чѣмъ нибудь недовольные пролетаріи собирались со всѣхъ окружныхъ и отдаленныхъ мѣстъ и здѣсь подвизались на поприщѣ грабительства и разбойничества. Тутъ-же отличалась и бездомная польская шляхта, презиравшая законъ своей страны и поставлявшая въ честь и личныя заслуги свои разбойническіе подвиги. Здѣсь часто собирались ватаги запорожцевъ, мстили своимъ притѣснителямъ и огнемъ и пикой уничтожали многолюдныя поселенія польской Украйны. Не рѣдко можно было встрѣтить и рыскающихъ ногайцевъ. Здѣсь говорили на языкахъ: малорусскомъ, польскомъ, литовскомъ, сербскомъ, молдованскомъ, цыганскомъ, турецкомъ и даже на нѣмецкомъ и венгерскомъ...

Пустынею этою никто исключительно не пользовался, хотя въ XV стол. она и считалась принадлежащею къ великому княжеству литовскому и была жалуема *земянамъ*, а въ томъ числѣ и какому-то Семену Копкѣ.

Сигизмундъ III актомъ, даннымъ 13 мая 1609 г., утвердилъ эту землю за винницкимъ и брацлавскимъ старостой Валентиномъ Александровичемъ Калиновскимъ. Съ этихъ поръ она и перешла въ его владѣніе. Калиновскіе стали заселять пустыню своими крестьянами и укрѣпили г. Умань для огражденія отъ нападеній татаръ и турокъ.

Отчего произошло названіе г. Умани, неизвѣстно. Подробностей и времени его возникновенія мы не знаемъ. Можетъ быть шалашъ, поставленный у рѣчки въ непроходныхъ лѣсахъ звѣроловомъ-охотникомъ, положилъ основаніе городу, или-же землянка бездомной „голоты", добывавшей себѣ хлѣбъ разбоемъ у большой дороги— *Чорный шляхъ.* О существованіи Умани мы знаемъ только изъ различныхъ письменныхъ памятниковъ; извѣстно, что въ 1620 г. онъ былъ уже однимъ изъ значительныхъ городовъ Малороссіи.

Въ 1596 г. малороссійскій гетманъ Наливайко, воюя съ польскимъ коронномъ гетманомъ Жолкевскимъ, привелъ свои войска въ окрестности Умани и здѣсь набралъ себѣ для помощи храбрыхъ и отчаянныхъ удальцовъ, съ которыми догналъ Жолкевскаго подъ Чигириномъ и тамъ разбилъ его.

Выговскій, вторично добивавшійся гетманства, въ 1664 г. послалъ вѣрнаго ему запорожца Сулиму подъ Умань, гдѣ послѣдній набралъ и составилъ отрядъ, съ которымъ двинулся на помощь Выговскому.

Въ эпоху такъ называемыхъ „руинъ" г. Умань часто подвергался нападеніямъ и разореніямъ. Цѣлый рядъ бѣдствій записанъ на листахъ исторіи этого города во время гетманства Петра Дорошенка.

Послѣдній былъ утвержденъ въ гетманствѣ польскимъ королемъ, вмѣстѣ съ этимъ былъ избранъ гетманомъ и уманскій полковникъ Ханенко.

Изъ-за гетманской булавы поднялись ссоры и драки, мѣстомъ которыхъ также былъ г. Умань и его окрестности. Самое ужасное изъ всѣхъ этихъ бѣдствій было въ 1674 г. Тогда Умань былъ лучшимъ городомъ въ этомъ краѣ, сильно укрѣпленнымъ и могъ отразить даже сильное нападеніе. Петръ Дорошенко, призвавшій на помощь противъ польскаго короля турокъ, занялся покореніемъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ зап. Украйнѣ. Визирь Кара-Мустафа, начальствовавшій надъ турецкимъ войскомъ, послѣ взятія м. Ладыжина, направилъ свои силы на Умань. Это было лѣтомъ. Дорошенко обѣщалъ оставить городъ въ цѣлости и не дѣлать надъ жителями никакихъ насилій, если уманцы безъ сопротивленія сдадутъ городъ. Когда послѣдніе увидѣли, что къ городу идетъ большое турецкое войско, то немедленно выслали полковника съ старшинами и лучшими козаками къ турецкому начальнику, чтобы онъ принялъ городъ подъ свое покровительство. Турки забрали городскихъ представителей въ плѣнъ. Это уманцевъ огорчило: они заперлись въ городѣ и храбро отбивались; дѣлали вылазки и нападали на враговъ. Турки принуждены были обойти городъ и начали съ другой стороны—отъ *Грекова лѣса*—дѣлать шанцы. Такимъ образомъ они подошли подъ самый замокъ, высыпали равной высоты съ городскимъ валомъ батареи и поставили на нихъ пушки. Чрезъ двѣ недѣли городъ былъ взятъ. Кровавая битва происходила и на улицахъ. Спрятавшіеся въ погребахъ были задушены дымомъ, такъ какъ турки зажигали на входахъ солому. Головы убитыхъ христіанъ турки представляли къ пашѣ и за каждую получали по червонцу; снимали кожу, дѣлали чучелы и отвозили визирю въ Ладыжинъ. Послѣ

многихъ неистовствъ надъ жителями, которыхъ насчитывалось до 20 тысячъ, турки разорили и истребили до основанія посредствомъ огня и весь городъ [1]).

Мѣстность, на которой стояли турки до взятія города и теперь извѣстна въ народѣ подъ названіемъ *турдкъ* или *турки;* она лежитъ между старымъ базаромъ, т. е. первоначальнымъ городомъ и Софіевкой.

Послѣ этого кроваваго событія Умань, изъ укрѣпленнаго и торговаго города, сдѣлался незначительнымъ селеніемъ, въ которомъ находили убѣжище бездомные скитальцы, существовавшіе грабежемъ и разбоемъ.

Около 1712 г., въ царствованіе Петра I, когда вмѣстѣ съ козацкими полками большинство жителей западной Украйны переселилось въ восточную Украйну, остатокъ православныхъ уманскихъ жителей перешелъ также, а западная Украйна отошла во владѣніе Польши.

Отъ Калиновскихъ г. Умань перешелъ во владѣніе Потоцкихъ слѣдующимъ образомъ: дочь Мартына Калиновскаго, Елена, выдана была замужъ за Якова зъ Рацибору Мартына, воеводу сендомирскаго и, получивъ въ приданое Умань, Могилевъ на Днѣстрѣ, Ямполь и нѣсколько другихъ имѣній, передала ихъ своему другу и родственнику Станиславу Потоцкому, коронному стражнику.

Такимъ образомъ Потоцкіе сдѣлались владѣльцами Умани и сосѣдями запорожцевъ. Главное мѣсто жительства Потоцкихъ было *Потокъ* въ белзскомъ воеводствѣ, а резиденція—замокъ въ *Крыстинополь.*

II.

Съ переходомъ уманской волости въ родъ Потоцкихъ, число бездомныхъ пролетаріевъ въ этихъ мѣстахъ увеличилось; они собирались здѣсь значительными партіями и дѣлали грабежи и разбои, какъ въ окрестностяхъ Умани, такъ и во всей западной Украйнѣ. Въ народѣ они извѣстны подъ именемъ „гайдамакъ“. Такіе бурлаки, подъ предводительствомъ своихъ „ватажковъ“ или полковниковъ всѣми силами старались вредить польскимъ панамъ и католическому духовенству, и при всякомъ столкновеніи грабили ихъ.

---

[1]) По Ригельману.

Часто изъ Запорожья спеціально выходили отчаянные удальцы и сорвиголовы для набѣговъ и грабили въ польской Украйнѣ и даже въ самой Польшѣ; девизомъ ихъ была поговорка: „або добуть, або дома не буть". „Ватажки" выводили часто свои шайки изъ запорожскихъ степей, грабили и разоряли шляхетскіе и еврейскіе дворы, истязали въ нихъ хозяевъ, а особенно евреевъ.

Появлялись они и исчезали моментально, такъ что даже не давали времени подвергавшимся нападенію стать въ оборонительное положеніе. Если-же польское правительство или магнаты захватывали такія шайки, то безпощадно истребляли ихъ. Поэтому поводу часто русскимъ и польскимъ правительствомъ были назначаемы коммисіи; но коммисіи рѣшали дѣла на бумагѣ и не могли предотвратить бѣдствій. Набѣги и грабительства гайдамакъ повторялись все чаще и чаще. Наконецъ гайдамачество стало принимать правильную форму и нашло себѣ опору въ народной массѣ. Оно было протестомъ противъ преслѣдованія поляками православныхъ и стѣсненія народныхъ правъ. Выражалось оно возстаніями порабощенныхъ крестьянъ противъ пановъ, ихъ управителей и евреевъ—арендаторовъ. Унія, начавшаяся въ то время распространяться, была для православнаго народа ненавистною. Когда-же при польскомъ королѣ Станиславѣ Понятовскомъ недовольные имъ поляки составили барскую конфедерацію и начали дѣлать всевозможныя изувѣрства, то народное терпѣніе и ожесточеніе дошло крайнихъ предѣловъ. Между тѣмъ православныя церкви отдавались на откупъ евреямъ, которые были откупщиками и всѣхъ церковныхъ требъ и обрядовъ*). Католическіе и уніатскіе духовные преслѣдовали и истязали священниковъ, исповѣдывавшихъ греческую религію и старались насильно обращать православные приходы въ унію. Вотъ что породило тѣ ужасныя, потрясающія душу, кровавыя драмы, которыя разыгрались большею своею частью надъ Уманью.

Дѣятельнымъ поборникомъ своей церкви со стороны православія явился игуменъ мотронинскаго монастыря Мелхиседекъ Значко-Яворскій, а мстителями за народное угнетеніе и порабощеніе запорожцы.

---

*) Письменныхъ указаній на это нѣтъ, а осталось лишь устное преданіе.— Ред.

Поляки и евреи, страшась гайдамакъ, укрѣпляли свои жилища и города, содержали постоянную стражу, которая увѣдомляла о ихъ появленіи. Всѣ старались найти защиту и укрыться, какъ можно надежнѣе. А гайдамацкіе набѣги происходили безпрерывно. Францъ-Салезій Потоцкій, чтобы защитить свои владѣнія отъ набѣговъ, укрѣпилъ г. Умань, который до 1760 г. представлялъ ничтожное, опустошенное мѣстечко. Въ этомъ-же году городъ, находившійся на возвышеніи и отдѣлявшійся отъ предмѣстья оврагами, былъ окруженъ валомъ, острогомъ и рвомъ. Среди самаго города былъ построенъ замокъ. Такія укрѣпленія возводились и въ другихъ городахъ и значительныхъ мѣстечкахъ, находящихся въ западной Украйнѣ. Уманскій замокъ представлялъ собою большой домъ, въ которомъ помѣщался управляющій или губернаторъ. Домъ имѣлъ большой каменный магазинъ и службы, а вокругъ него было особое укрѣпленіе, состоявшее изъ палисада, тянувшагося по окраинѣ глубокаго рва. На верхнемъ этажѣ магазина находилась башня съ бойницами. Изъ замка вели двое воротъ: однѣ въ такъ называемый *Новый городъ*, а другія къ оврагу, со стороны предмѣстья—*Бабанка*. У воротъ всегда стояло по двѣ пушки и стража изъ шляхетства. Уманскій гарнизонъ состоялъ изъ козаковъ: одного коннаго полка въ двѣ тысячи человѣкъ, набраннаго изъ крестьянъ принадлежащихъ къ имѣніямъ Потоцкихъ, и сотни пѣшихъ, которыхъ называли *лизнями* или въ насмѣшку *лежнями;* кромѣ того была еще партія польскихъ шляхтичей (человѣкъ 60), которые именовались тѣлохранителями своего ясневельможнаго пана. Нарядъ войска соотвѣтствовалъ цвѣту герба Потоцкихъ: желтый жупанъ, голубыя шаровары, кунтушъ и желтыя шапки, отороченныя черными смушками; пояса кожаные, украшенные у простыхъ козаковъ мѣдными, а у сотниковъ серебряными бляхами и разными побрякушками. У каждаго козака на кожаныхъ перевязяхъ висѣли съ одной стороны большой рогъ съ порохомъ, а съ другой лядунка съ пулями, кремнями и т. п. Вооруженіе уманскихъ войскъ состояло изъ ружья, пики и двухъ пистолетовъ. Саблю имѣли право носить только шляхтичи и военные чины—полковникъ, сотники и хорунжіе. Внутри замка находилась особая комната, называвшаяся *команды*, въ которой хранились знамена, литавры, трубы и т. п. У дверей команды всегда находился почетный караулъ. Каждый годъ въ день

праздника Тройцы всему войску, находившемуся въ Умани, производился смотръ.

Такъ было въ Умани предъ началомъ знаменитой *уманской рѣзни* или по народному—*Колiивщины*, совершившейся въ 1768 г.

Опираясь на свои придворные гарнизоны и укрѣпленія, магнаты и шляхта безпечно проводили время и безчинствовали въ своихъ имѣніяхъ. Конфедераты разбрелись по всей Украйнѣ, Волыни, Подоліи и немилосердно давили *схизматиковъ,* стараясь обратить ихъ въ унію; они грабили крестьянъ и совершали надъ ними всевозможныя несправедливости. Въ это время въ лѣсной тиши мотронинскаго монастыря созрѣвалъ планъ народнаго возстанія; здѣсь вмѣстѣ съ проповѣдью слова Божьяго сѣялась въ богомольцахъ-посѣтителяхъ ненависть къ уніи и католичеству. Игуменъ этого монастыря Значко-Яворскій не дремалъ: онъ всѣми силами противодѣйствовалъ вліянію католицизма. Наконецъ изъ Запорожья вышелъ знаменитый Максимъ Желѣзнякъ. Была изобрѣтена, неизвѣстно кѣмъ, золотая грамота, выданная будто-бы запорожцамъ Екатериной II-й, освящены ножи и дѣло было начато. Къ Желѣзняку отовсюду стекались толпы гайдамакъ изъ крестьянъ правобережной Украйны. Сначала было взято и разорено м. Жаботинъ; поляки и евреи, не успѣвшіе во время укрыться, были истреблены. Жаботинская сотня присоединилась къ Желѣзняку. Ежечасно полчище Желѣзняка увеличивалось новыми охотниками и имя его сдѣлалось громкимъ по всей Украйнѣ. Потомъ разорено было мѣстечко Лысянка. Католики, евреи и уніаты бѣжали изъ края и искали убѣжища въ болѣе защищенныхъ мѣстахъ. Многіе направились къ Умани, такъ какъ этотъ городъ былъ укрѣпленъ лучше другихъ городовъ. Гайдамаки знали, куда прячутся ихъ враги, и потому направили свои силы на Умань, который поспѣшно укрѣплялся и готовился дать имъ отпоръ. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ пѣсня:

„Підъ Уманемъ, славнымъ містомъ, великіи кручи,
Гей помліли уманчики, запорожцівъ ждучи“...

Въ это время въ Умани губернаторомъ былъ Младановичъ. Стекшагося народа было такъ много, что всѣ не номѣстились внутри города, а часть размѣстилась таборомъ подъ городомъ около *Грекова лѣса.* Гарнизонъ уманскій состоялъ въ это время изъ 6 ты-

сячъ человѣкъ и главная сила его заключалась въ надворныхъ козакахъ, въ числѣ двухъ тысячъ, подъ командою полковника Обуха.

Когда Младановичъ услышалъ о гайдамацкомъ движеніи, то выслалъ для укрощенія своихъ козаковъ. Въ этомъ числѣ былъ и извѣстный сотникъ Гонта. Младановичу и въ голову не приходила мысль, что козаки могутъ измѣнить, хотя онъ и запретилъ имъ распѣвать пѣсни о Богданѣ Хмельницкомъ.

Гонта съ своимъ отрядомъ вышелъ на встрѣчу гайдамакамъ къ селенію Соколовкѣ (въ 50 верстахъ отъ Умани) и сталъ съ ними сноситься. Евреи объ этомъ провѣдали и донесли Младановичу. Послѣдній призвалъ Гонту, который явился къ нему съ нѣсколькими атаманами, какъ ни въ чемъ не бывало. На всѣ обвиненія онъ отвѣчалъ отрицательно и клялся въ своей невинности. Однако нѣкоторые поляки тогда уже настаивали, чтобы казнить его. Младановичъ не хотѣлъ круто поступить съ Гонтой, такъ какъ послѣдній былъ въ милости у Потоцкаго, который подарилъ ему въ пожизненное владѣніе деревни *Росошки* и *Орадовку*. Уликъ противъ него никакихъ не было и ни что не давало повода подозрѣвать его въ измѣнѣ, такъ какъ онъ до сихъ поръ вѣрно служилъ своему пану. Повидимому, онъ былъ почти совсѣмъ ополяченъ: говорилъ и писалъ по-польски, женатъ былъ на полькѣ. Его заставили вторично присягнуть и снова отправили къ полку. Теперь Гонта дѣйствовалъ открыто: свидѣлся съ Желѣзнякомъ и присталъ съ своими козаками къ гайдамакамъ. Объясняютъ эту перемѣну тѣмъ, что Желѣзнякъ показалъ Гонтѣ золотую грамоту Екатерины ІІ-й и этотъ послѣдній увѣровалъ въ ея подлинность, что однако мало вѣроятно. Въ Умани не ожидали этого. Подступая къ Умани, гайдамаки направились къ *Грекову лѣсу,* гдѣ располагался польскій таборъ. Гонта съ своими козаками шелъ впереди и остановился у лѣса. Землемѣръ Шафранскій, находившійся въ то время въ городѣ, видѣлъ съ башни въ подзорную трубу, какъ Гонта сошелъ съ лошади и, подойдя къ Желѣзняку, поцѣловался съ нимъ. Тогда только поляки поняли свою оплошность; но было уже поздно.

Весь таборъ, состоявшій по извѣстіямъ современниковъ изъ 8 т. душъ католиковъ, уніатовъ и евреевъ, былъ перебитъ. Изъ города ушли, перебивъ стражу и присоединились къ гайдамакамъ 100 человѣкъ арестантовъ, содержащихся подъ карауломъ. Туда-же

ушла и вся прислуга, состоявшая изъ малороссовъ. Городъ былъ поднятъ на ноги и поспѣшно сталъ приводиться въ оборонительное положеніе: евреевъ даже вооружили и поставили къ палисаду; но было поздно. Отстоять городъ не было никакой возможности; кромѣ того въ немъ не было воды. Младановичъ рѣшился вступить съ гайдамацкими предводителями въ переговоры и послалъ имъ подарки. На другой день Желѣзнякъ и Гонта подъѣхали верхами къ городскимъ воротамъ, передъ которыми на внѣшней сторонѣ былъ устроенъ мостъ, перекинутый чрезъ глубокій ровъ. Къ нимъ вышелъ губернаторъ, окруженный нѣсколькими поляками. Тутъ Гонта объявилъ Младановичу, что идетъ противъ поляковъ по повелѣнію императрицы Екатерины II-й. Во время этихъ переговоровъ былъ заключенъ договоръ слѣдующій: всѣмъ полякамъ выговаривалась безопасность, а евреи съ ихъ имуществомъ отдавались на произволъ гайдамакъ. Дѣло было почти совсѣмъ улажено, но одинъ полякъ, по имени Рогашевскій, оскорбилъ гайдамацкихъ предводителей и все было разстроено. Гайдамаки напали на поляковъ, которые поспѣшно убѣжали въ городъ. Младановичъ бросился въ костелъ, гдѣ уже была собрана толпа. Гайдамаки ворвались въ городъ и принялись избивать евреевъ и самихъ католиковъ. Рѣзня была ужасная. Трудно подыскать такихъ яркихъ красокъ, чтобы ее изобразить и представить въ подходящемъ свѣтѣ. Пусть себѣ всякій представитъ пожаръ, обхватившій весь городъ и разъяренную, бушующую, какъ волны, толпу, съ остервенѣніемъ животнаго, бросающагося на все то, что носитъ названіе поляка. Тутъ кололи копьями, рѣзали ножами, рубили саблями и топорами, не разбирая ни пола, ни возраста. Трупами загромождены были всѣ улицы. Народная месть удовлетворялась кровью, которая здѣсь текла потоками. Дѣти были прокалываемы копьями и подымаемы вверхъ. Гайдамаки перерѣзали монаховъ базиліанскаго монастыря; школярами базиліанской школы былъ заваленъ колодезь, находившійся на площади и имѣвшій до 30 сажень глубины [1]). Они ругались

[1]) Колодезь этотъ лѣтъ 10 тому назадъ былъ отрытъ и починенъ городомъ и изъ него, говорятъ, было вынуто множество костей. Онъ находится на главной площади предъ соборомъ и предъ стариннымъ мрачнымъ зданіемъ, которое и до сихъ поръ называется «базиліанами». Въ этомъ зданіи помѣщался базиліанскій монастырь и школа. Кажется, Срезневскій въ своихъ изслѣдованіяхъ указываетъ на другой колодезь.

надъ католической святынею, бросали ее на землю и топтали ногами. Младановичъ былъ убитъ вмѣстѣ съ другими. Когда не много прошли первые симптомы ярости, гайдамаки собирали толпы католиковъ и евреевъ и гнали ихъ въ николаевскую церковь, гдѣ надъ ними совершалось крещеніе. Это крещеніе происходило среди хоругвей, при колокольномъ звонѣ. Желѣзнякъ и Гонта были воспріемниками. Дѣти Младановича: сынъ и дочь были пощажены и насильно перекрещены. Гонта, по преданію, ничѣмъ впрочемъ не подверждаемому, двухъ своихъ сыновей католиковъ самъ убилъ.

Послѣ такой кровавой расправы гайдамаки стали таборомъ въ урочищѣ *Карповка*, гдѣ въ настоящее время находится *Софіевка*. Желѣзнякъ назвалъ себя кіевскимъ воеводою, а Гонта воеводою брацлавскимъ; по другимъ извѣстіямъ первый былъ выбранъ гетманомъ, а второй уманскимъ полковникомъ.

2 іюня генералъ Кречетниковъ принудилъ къ сдачѣ конфедератовъ въ бердичевскомъ замкѣ и взялъ въ плѣнъ главнаго региментаря Пулавскаго. Во второй половинѣ іюня онъ послалъ поручика Кологривова съ донскими козаками къ Умани, приказавши уговорить гайдамакъ разойтись, такъ какъ русское войско уничтожило польскихъ конфедератовъ и бояться ихъ нечего. Впрочемъ гайдамаки, должно быть, знали, съ какой стороны грозитъ имъ опасность и вели себя очень осторожно. Вотъ какъ народная пѣсня упоминаетъ о прибытіи къ Умани русской команды:

„Ой выглянувъ донськый козакъ изъ-за Острои могилы [1]),
Утікали уманчики—штаны погубили“.

Особой хитростью успѣли арестовать гайдамацкихъ предводителей и перевязали весь гайдамацкій таборъ. Впослѣдствіи Гонта былъ самымъ варварскимъ способомъ казненъ. О Желѣзнякѣ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что онъ былъ доставленъ въ кіевскую крѣпость, въ числѣ другихъ гайдамакъ.

Такимъ образомъ кончилась эта кровавая драма, извѣстная подъ названіемъ „Коливщины“ или „Гайдамачины“.

Лѣтъ 85 тому назадъ въ Умани видны были еще остатки старинныхъ укрѣпленій и другихъ сооруженій: разрушившійся деревяный палисадъ, окружавшій городъ во время нападенія гайда-

[1]) Село въ 30 верстахъ отъ м. Бѣлой-Церкви, по дорогѣ къ Умани.

маковъ, костелъ и полуразрушенный базиліанскій монастырь. Потомъ Потоцкій построилъ новый каменный монастырь, а деревянный въ 1828 году уничтожилъ. Впослѣдствіи этотъ монастырь былъ обращенъ въ военный госпиталь. Теперь эти зданія пусты и принадлежатъ казнѣ; подъ ними находятъ много подземныхъ ходовъ.

Православная Михайловская церковь, въ которой совершалось крещеніе католиковъ и евреевъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія сгорѣла. Николаевская церковь, въ которой также Желѣзнякъ и Гонта принудили многихъ принять крещеніе, обветшала и вмѣсто ней построена въ 1812 г. новая каменная, обращенная въ 1846 г. въ соборную.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ „Коліивщины" г. Умань былъ въ упадкѣ и не могъ придти въ надлежащее положеніе: и послѣ Желѣзняка мелкія шайки не переставали опустошать его окрестности и грабить жителей. Улучшеніе его началось со времени возвращенія этого края Россіи, т. е. съ 1794 г. Въ 1797 году г. Умань былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ, но принадлежалъ гр. Потоцкому. Въ 1834 г. онъ былъ конфискованъ вмѣстѣ съ другими имѣніями гр. Александра Потоцкаго. Въ 1839 г. онъ перешелъ въ вѣдѣніе начальства кіевскихъ и подольскихъ военныхъ поселеній. Теперь въ немъ считается до 25 тысячъ жителей.

III.

Въ верстѣ отъ г. Умани находится знаменитый *Царицынъ садъ* или *Софіевка,* считающійся чудомъ Украйны. Богатство польскихъ магнатовъ и множество рабочихъ рукъ, представлявшихъ даровой крѣпостной трудъ, создали это чудо. Если вспомнимъ, какимъ образомъ прежніе паны могли сдѣлать изъ лѣта зиму и покрыть пустое мѣсто въ одну ночь большимъ лѣсомъ для охоты, то легко поймемъ, какимъ образомъ возникъ и уманскій садъ.

До 1796 г. тамъ, гдѣ теперь расположена Софіевка, было пустое возвышенное мѣсто, усѣянное кусками гранита, между которыми протекалъ ручей *Каменка.* Истокъ ручья начинался близъ деревни *Войтовки.* Берега ручья отъ природы были усѣяны громадными глыбами, въ безпорядкѣ нагроможденными другъ на друга. Подпочва здѣсь гранитная и представляетъ продолженіе отроговъ Карпатскихъ горъ. Изъ разсѣлинъ камней струились маленькіе

ручейки, собиравшіеся въ небольшихъ углубленіяхъ камней и образовавшіе озерца, зароставшія лѣтомъ водяными растеніями. Чрезъ это мѣсто тянулась по направленію къ Умани ровная долина, носившая то-же названіе, что и ручей—Каменка. Тутъ на окрестныхъ возвышенностяхъ паслись стада. Это прекрасное мѣсто служило жителямъ Умани, въ особенности ученикамъ базиліанской школы, для прогулокъ и увеселеній. Послѣ разоренія Умани, гайдамаки стащили къ холму тѣла своихъ товарищей, убитыхъ при взятіи города, и здѣсь погребли ихъ. На мѣстѣ занимаемомъ нынѣ садомъ, они зарыли въ землю много денегъ и другихъ цѣнныхъ вещей, часть которыхъ въ прежнее время была отрыта.

Графъ Феликсъ Потоцкій, переселившійся изъ Тульчина въ Умань, разъ весною въ 1796 г., проѣзжая по окрестностямъ города, пріѣхалъ съ женою къ Каменкѣ. Въ это время въ описываемой мѣстности уманцы, по обыкновенію, собрались на гулянье. Берегъ ручья Каменки, холмистое мѣстоположеніе и роскошная растительность понравились Софіи Потоцкой; она сказала мужу, что на этомъ мѣстѣ можно было-бы устроить прекрасный паркъ. Графъ взялся выполнить мимолетное желаніе своей красавицы—жены. Возвратясь съ прогулки, онъ позвалъ своего управляющаго уманскимъ имѣніемъ капитана Мецеля и поручилъ ему немедленно приступить къ устройству парка и сада. Мецель—данцигскій уроженецъ много разъ путешествовалъ по Европѣ съ отцомъ гр. Феликса и самимъ графомъ и видѣлъ всѣ тогдашніе знаменитые заграничные сады.

Вскорѣ послѣ этого графъ съ женою уѣхалъ за границу. Весною 1797 г. Мецель приступилъ къ устройству сада. Масса крестьянъ, согнанныхъ изъ окрестностей, принялась за работу. Огромныя деревья съ корнями и землею привозились изъ-за сотень верстъ и насаждались аллеями. Громадныя гранитныя глыбы перетаскивались съ одного мѣста на другое и укладывались по указанію строителя, который руководился одной мыслью: скрыть искусство и труды человѣка удачнымъ подражаніемъ природѣ. И въ этомъ онъ успѣлъ: всѣ эти дикіе утесы, огромныя глыбы, образующія причудливыя формы, скалы, гроты, кажется, нагромождены самою природою.

Въ 1800 г. гр. Потоцкій возвратился съ женой въ Умань. Это было близко около дня рожденія графини, когда къ Потоцкимъ съѣзжалось много гостей съ Польши и Украйны. Графиня не знала объ устройствѣ около Умани сада; при графскомъ дворцѣ, находившемся въ центрѣ города, былъ разведенъ прекрасный садъ, изобиловавшій различными затѣйливыми сооруженіями, поэтому она и не думала о разведеніи другаго сада. Въ день рожденія графъ и графиня и всѣ гости поѣхали прокатиться по окрестностямъ города. Никто не зналъ, съ какой цѣлью была предложена эта поѣздка. Болѣе трехсотъ экипажей вереницей потянулись къ Каменкѣ. Когда пріѣхали къ парку, то всѣ, знавшіе прежнюю мѣстность, были поражены нежданною ея перемѣною: на холмистой мѣстности, усѣянной выдающимися изъ земли громадными глыбами гранита, былъ роскошнѣйшій садъ и паркъ, украшенные множествомъ мраморныхъ и бронзовыхъ статуй, каскадами, фонтанами, гротами, павильонами и т. п. сооруженіями. Общій видъ сада представлялъ очаровательную картину: на крутыхъ возвышенностяхъ по уступамъ проведены аллеи, идущія между скалами по разнымъ направленіямъ; внутри на каждомъ шагу встрѣчались пруды, водопады, ручьи, съ перекинутыми чрезъ нихъ красивыми мостиками и всевозможныя дорогія растенія. Тутъ-же было дано и названіе саду—*Софіевка* въ честь графини Софіи, которой принадлежала первая мысль его устройства.

До самой смерти своей гр. Феликсъ не переставалъ улучшать и украшать свою любимую Софіевку: выписывалъ растенія, устраивалъ новые фонтаны, покупалъ статуи и т. п. Ему непремѣнно хотѣлось довести садъ до той степени устройства, до котораго можетъ быть доведено только истинное произведеніе человѣка, и онъ во многомъ успѣлъ выполнить свое желаніе.

Онъ умеръ въ 1805 г. и послѣ него Софіевка досталась старшему его сыну Александру, при которомъ весь садъ пришелъ въ упадокъ и многія строенія развалились. Еще и послѣ смерти Феликса были привезены изъ Италіи и другихъ мѣстъ, заказанныя имъ для Софіевки, статуи, множество экзотическихъ растеній, оконченъ тоннель и большая оранжерея [1]).

---

[1]) Предмѣстье сада было заселено крестьянами Потоцкихъ и образована была слободка, существующая и до сихъ поръ подъ названіемъ *Софіевки*.

Съ 1831 г. т. е. послѣ польскаго возстанія Софіевка вмѣстѣ съ городомъ перешла въ казенное управленіе.

До 1859 года она находилась въ вѣдѣніи императорскаго двора и называлась *Царицынымъ садомъ*, а потомъ передана была въ вѣдомство государственныхъ имуществъ и теперь принадлежитъ уманскому училищу земледѣлія и садоводства. До этого времени Софіевка считалась собственностью государыни Александры Θеодоровны, которая подарила ее уманскому училищу. Въ память этого въ означенномъ училищѣ, въ актовой залѣ, въ стѣнѣ вдѣлана мраморная доска со слѣдующею надписью: „30 марта 1859 г. ея императорское величество, государыня императрица Александра Θеодоровна соизволила предоставить уманскій Царицынъ садъ главному училищу садоводства".

Изъ особенно значительныхъ мѣстъ и сооруженій Софіевки, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, замѣтимъ слѣдующія:

1. Громовой гротъ. Онъ представляетъ собою большую каменную пещеру, сводъ которой поддерживается большой гранитной колонной. Стѣны и колонна высѣчены неправильно и поддѣланы подъ естественный видъ. Внутри темно и сыро. Съ верхняго пруда въ гротъ проведена вода, которая, проходя по трубѣ сверху внизъ, вытекаетъ въ углу изъ потолка и образуетъ гремящій водопадъ. При открытіи трубы слышится шумъ, который увеличивается все больше и больше и наконецъ раздаются сильные громовые раскаты. Отъ этого громоваго водопада гротъ и получилъ названіе *громоваго*. При входѣ на правой стѣнѣ высѣчена въ камнѣ слѣдующая надпись:

Trać tutaj pamięć nieszczęść, a szczęścia przyjm wieszcze,
A jeśliś jest szczęśliwy, bądź szczęśliwszym jeszcze.

Про надпись эту ходитъ слѣдующій разсказъ:

Въ одно время Потоцкій въ этомъ гротѣ игралъ съ бѣднымъ шляхтичемъ въ карты; шляхтичъ обыгралъ Потоцкаго на очень большой кушъ. Въ память этого и сдѣлана была здѣсь надпись, которая говоритъ, что „здѣсь память счастья"—для бѣднаго и „память несчастья"—для богатаго. Впрочемъ трудно вѣрится, чтобы это было большимъ несчастьемъ для Потоцкаго, обладавшаго громадными имѣніями и несмѣтными богатствами. Можетъ быть эти слова имѣютъ другой смыслъ, для насъ непонятный.

2. Сломанная колонна и три слезы. Два эти памятника, вѣроятно, были сооружены въ память какого нибудь печальнаго событія. Колонна имѣетъ $2\frac{1}{2}$ саж. высоты и на верху сломана. Она находится вблизи ручья, протекающаго по *Елисейскимъ полямъ.* Сбитая вершина, подножіе и вообще вся колонна представляетъ печальный видъ разрушенія. Говорятъ, что такой видъ—древности и разрушенія—былъ поддѣланъ искуственно и напоминаетъ о томъ, что ничего нѣтъ въ мірѣ вѣчнаго.

На ряду съ колонной и не вдалекѣ отъ нея находятся *три слезы.* Онѣ представляютъ три небольшихъ водопада въ ручьѣ, загроможденномъ въ этомъ мѣстѣ грудою камней.

Два эти памятника дополняютъ другъ друга: колонна своимъ видомъ, а три слезы своимъ названіемъ и напоминаніемъ постоянныхъ слезъ. Устроены они, говорятъ, въ память трехъ умершихъ сыновей Феликса Потоцкаго.

3. Бюстъ Трембецкаго. Трембецкій, извѣстный польскій поэтъ, воспѣлъ уманскій садъ въ своей поэмѣ „Софіевка“, за что, вѣроятно, и былъ почтенъ Потоцкимъ. Бюстъ его стоитъ надъ ручьемъ. На пьедесталѣ вырѣзаны слѣдующіе стихи изъ его поэмы, относящіеся къ ручью:

Płyń, strumyku, szybkiem biegiem, Te na zawsze rzucaj cienie; Z kwiecistem się żegnaj brzegiem J krapiać dzikie spiesz kamienie!	Плыви, ручей, теченьемъ быстрымъ, На дики камни поспѣшай, Простися съ берегомъ тѣнистымъ, Мѣста цвѣтущи покидай!
* * *	* * *
Tak szczęśliwy dzień uchodzi, Choć zbyt rzadki dla człowieka; Ledwo się go ujrzeć godzi, Tylko błyśnie i ucieka!	Счастливый день такъ улетаетъ, Хотя онъ рѣдокъ для земныхъ: Мелькнетъ и быстро исчезаетъ Едва узришь его на мигъ!

4. Елисейскія поля. Елисейскія поля представляютъ долину, лежащую ниже верхняго пруда и составляющую часть парка. Это угрюмое, невеселое мѣсто, усѣянное множествомъ большихъ, покрытыхъ мхомъ, камней, на которыхъ и между которыми растутъ дикіе кустарники и деревья. Чрезъ все протяженіе этой долины протекаетъ небольшой ручей, который беретъ начало въ верхнемъ

прудѣ и начинается каскадомъ; конецъ его теряется въ *долинѣ гигантовъ* между громадою гранитныхъ глыбъ и впадаетъ въ нижній прудъ рядомъ съ *большимъ каскадомъ*, Можно думать, что Елисейскія поля служили для Потоцкихъ мѣстомъ грусти и скорби по какомъ-то утраченномъ счастьи, о чемъ свидѣтельствуютъ тѣ надписи на памятникахъ, которые мы разобрали выше, а также устройство самаго парка, значительно отличающагося отъ другихъ частей сада и видъ его (сломанная колонна, три слезы и т. п.). Характеръ этого мѣста носитъ особенный отпечатокъ и опредѣляется даже самыми деревьями и ихъ группировкой: тутъ растутъ чинары, тополи, березы, осина и др. Между прочими тутъ есть четыре замѣчательныхъ дерева, которыя, какъ говорятъ, имѣютъ символическое значеніе. Это четыре осины, которыя выходятъ изъ корня сросшимися, затѣмъ на высотѣ 2-хъ аршинъ они расходятся и потомъ сростаются на высотѣ 2-хъ саж. только три дерева, а четвертое идетъ въ сторону—отдѣльно. Эти деревья, выходящія изъ одного корня, означаютъ самаго Феликса Потоцкаго и его трехъ умершихъ сыновей. Впрочемъ, говорятъ еще, они означаютъ четырехъ братьевъ Потоцкихъ (какихъ, не знаю), изъ которыхъ три были дружны и ни въ чемъ не расходились, а третій измѣнилъ имъ и отечеству.

Съ одной стороны Елисейскихъ полей, ближе къ верхнему пруду, находится громовой гротъ, съ другой—сломанная колонна и три слезы—ближе къ каскаду и нижнему пруду, а посрединѣ бюстъ Трембецкаго.

5. Памятникъ. Онъ находится на возвышеніи надъ нижнимъ прудомъ и видѣнъ еще издали съ большой дороги, идущей изъ города. Отъ него открывается прекрасный видъ на прудъ и *фонтанъ*, находящійся на прудѣ, на *павильонъ* и на *рыбки* (съ противоположной стороны пруда около бассейна, сосредоточіе гуляющихъ). Воздвигнутъ онъ въ 1856 г. „въ память посѣщенія уманскаго царицына сада государемъ императоромъ Николаемъ I въ 1847 г.“ Отъ памятника идетъ красивая каменная лѣстница и оканчивается площадкой, подъ которой когда-то былъ гротъ. На высокомъ утесистомъ берегу нижняго пруда находится гальванопластическая статуя государыни Александры Ѳеодоровны. Она поставлена въ 1850 г. на бѣломъ мраморномъ пьедесталѣ.

6. Павильоны. Одинъ павильонъ находится около нижняго пруда надъ большой дорогой, идущей изъ города въ училище, имѣетъ красивый видъ и отличается изящной отдѣлкой. Во время Потоцкихъ тутъ была сельская хижина, сдѣланная вся изъ древесной коры; потомъ былъ построенъ казной настоящій каменный павильонъ.

Другой павильонъ—маленькій находится на островѣ верхняго пруда и называется *павильономъ* или *бесѣдкой Александры Θеодоровны.* Это изящное, красивое строеніе, стоящее какъ разъ посрединѣ острова. Сообщеніе съ островомъ съ одной стороны происходитъ чрезъ мостикъ, а съ другой чрезъ паромъ. Въ южной части сада, на самой возвышенной точкѣ находится *китайская бесѣдка.* Она окружена дубовой рощей—*дубинкой,* въ которой снизу между высокими деревьями просѣчена прямая длинная аллея, идущая по одному направленію съ паденіемъ большаго каскада.

7. Тоннель. Идетъ онъ отъ верхняго пруда къ нижнему на протяженіи приблизительно 50 саж. Для освѣщенія внутри, сверху продѣланы окна на разстояніи 8 саж. другъ отъ друга. Тоннель заканчивается бассейномъ, отъ котораго вода идетъ уступами и низвергается съ пяти-саженной высоты грандіознымъ каскадомъ. Чрезъ бассейнъ перекинутъ красивый желѣзный мостикъ. Прежде въ тоннелѣ были лодки для катанья; для освѣщенія зажигали факелы...

Есть въ Софіевкѣ множество еще и другихъ примѣчательностей: много статуй, фонтановъ, бесѣдокъ и т. п. Изъ сада проведена въ городъ хорошая вода. Начало водопровода и ключъ находится въ *венериномъ гротѣ.* Недалеко отъ грота водопроводъ прерывается и изъ скалы струится вода и льется въ двѣ подставленныя вазы, поддерживаемыя мѣдными ужами, отчего и мѣсто это называется *ужами.*

Часто мнѣ приходилось слышать отъ старожиловъ, что изъ сада въ городъ есть подземный ходъ. Начинается онъ, по указанію ихъ, къ югу отъ большаго каскада между камнями *гигантской долины;* это приходится ниже того мѣста, гдѣ теперь стоитъ статуя купидона. О достовѣрности этого слуха я говорить не могу. Но все таки можно думать, что тутъ должно быть хотя что нибудь

подобное, давшее поводъ къ такому предположенію. Говорили даже, что тутъ просто зарытъ Потоцкимъ кладъ.

Мѣстность, на которой расположена Софіевка часто служила мѣстомъ для таборовъ различныхъ враждебныхъ силъ, поэтому можно предполагать, что тутъ зарыто не мало кладовъ. Объ этомъ дѣйствительно и говорятъ многіе и даже откапывали нѣкоторыя зарытыя вещи.

Въ Софіевкѣ есть образцовая ферма, огородъ, плодовый садъ и питомникъ. Все это вмѣстѣ съ садомъ относится къ уманскому училищу земледѣлія и садоводства, цѣль котораго—приготовить ученыхъ управителей и садоводовъ.

А. Сионтій.

1882 г. $^{10}/_{23}$ октября
г. Умань.

Старинный южно-русскій театръ и въ частности вертепъ.

О южно-русскомъ театрѣ и въ частности о южно-русскомъ вертепѣ существуетъ уже значительная по объему ученая литература [1]); но она все-таки не исчерпала всего содержанія этого предмета и далеко еще не рѣшила всѣхъ вопросовъ о происхожденіи и развитіи южно-русскаго вертепа. Нагляднымъ доказательствомъ тому варіанты южно-русскаго вертепа по списку г. Галагана, отличающіе этотъ списокъ отъ списка г. Маркевича [2]). Вмѣстѣ съ другими новыми матеріалами второстепеннаго значенія, эти варіанты могутъ, по нашему мнѣнію, пролить новый свѣтъ на судьбы южно-русскаго стариннаго театра и вертепа. А это обязываетъ насъ кратко обозрѣть сдѣланныя доселѣ наблюденія и открытія относительно южно-русскаго театра и вертепа и указать новыя пріобрѣтенія въ этой области.

По установившемуся понятію, старинный южно-русскій театръ слагался изъ двухъ основныхъ элементовъ: изъ заимствованной извчужа мистеріи и изъ начатковъ народнаго русскаго театра. Первая

---

[1]) Важнѣйшіе труды по этому предмету слѣдующіе: 1) Мистеріи и старинный театръ въ Россіи, Пекарскаго, въ «Современникѣ» за 1857 годъ. 2) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, его-же. 3) Лѣтописи русской литературы и древностей, Тихонравова, кн. 5. 4) «Вертепъ», въ брошюрѣ Н. Маркевича: «Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ», Кіевъ, 1860 г. 5) Историческіе очерки средневѣковой драмы, П. Полеваго, С.-Петербургъ, 1865 г. 6) О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ старой кіевской академіи Труды кіев. дух. акад. за 1866 г. 7) Старинный театръ въ Европѣ, А. Веселовскаго. Москва. 1870 г. 8) Кіевская искуственная литература XVIII в., преимущественно драматическая, Н. Петровъ. Кіевъ, 1879 г.

[2]) Содержаніе перваго изложено въ октябрской книжкѣ «Кіевской Старины», за настоящій годъ.

заимствована у поляковъ, которые въ свою очередь переняли ее у западно-европейскихъ народовъ; а вторые, замерши въ зародышѣ, нашли потомъ нѣкоторое выраженіе для себя въ искусственной, заимствованной драмѣ, но опять-таки подъ вліяніемъ западно-европейскаго и польскаго театра, допускавшаго сближеніе церковной драмы съ народомъ. Поэтому, между старинным южно-русскимъ театромъ съ одной стороны и западнымъ и преимущественно польскимъ съ другой существуетъ тѣсная и почти неразрывная связь, которая и должна быть для изслѣдователя исходнымъ пунктомъ при его работахъ.

I.

Старинный театръ въ западной Европѣ образовался изъ народныхъ сценическихъ представленій языческаго или вообще свѣтскаго характера и изъ христіанской обрядности и началомъ своимъ восходитъ уже къ первымъ вѣкамъ христіанства и къ послѣднимъ временамъ существованія римской имперіи. Необузданная страсть римлянъ къ языческимъ зрѣлищамъ пережила самое принятіе ими христіанства и, нашедши для себя поддержку въ обычаяхъ варварскихъ народовъ, наслѣдовавшихъ римскую имперію, приражалась къ самой христіанской жизни и церковному богослуженію. Никакія обличенія пастырей и учителей церкви и кары церковныя не могли искоренить этой страсти, такъ что сама зараждавшаяся христіанская обрядность должна была допустить въ себя драматическій элементъ, для противоядія языческимъ зрѣлищамъ и для уясненія народу, въ первобытно простыхъ и наглядныхъ образахъ догматовъ христіанства, или олицетворенія важнѣйшихъ событій евангельскихъ. Самая „месса", по словамъ Газе, „была со временъ Григорія Великаго почти сплошь драматическимъ изображеніемъ всемірнаго голгоѳскаго позорища, цѣлымъ строемъ религіозныхъ ощущеній, отъ полнаго скорби *miserere* до ликующаго и торжественнаго *Gloria in excelsis*, и отъ того-то она всегда такъ удобно служила текстомъ для величественныхъ симфоній". Развиваясь дальше, католическая обрядность произвела цѣлый рядъ торжественныхъ зрѣлищъ, процессій и драматическихъ обрядовъ. Таковы, напримѣръ: 1) процессія въ память вшествія Христа во Іерусалимъ, подобная нашему *хожденію на осляти*, при чемъ Христа изображалъ одинъ изъ свя-

щенниковъ, сидящій на ослѣ; 2) процессія страстей Христовыхъ во время страстной недѣли, наглядно изображающая евангельскій разсказъ о страданіяхъ Спасителя; 3) драматическое распредѣленіе чтенія евангелія въ страстную недѣлю между нѣсколькими священнослужителями; 4) богослуженіе Пасхи, сопровождавшееся различными обрядами, олицетворявшими всѣ обстоятельства евангельскаго разсказа о воскресеніи Спасителя; 5) устройство въ храмѣ ясель на Рождество Христово, служащихъ прототипомъ нѣмецкаго Krippelspiel, польской шопки (szopka) и южно-русскаго вертепа; 6) въ праздникъ трехъ царей введеніе въ богослуженіе разговора ихъ съ Богородицей; 7) въ день избіенія виѳлеемскихъ младенцевъ—жалобы несчастныхъ матерей и появленіе Ирода, издающаго свое жестокое повелѣніе и проч. Сначала неприкосновенность святыни не допускала людямъ маскироваться въ святыхъ, и ихъ роли въ процессіяхъ исполняли большею частію куклы и маріонетки.

Въ такихъ еще неясныхъ образахъ положены уже были основы дальнѣйшему развитію духовной драмы: всѣ ея главные роды и видоизмѣненія были уже намѣчены; оставалось спаяніемъ въ нихъ духовнаго начала съ народнымъ довершить начатое, преобразить отрывочныя сцены въ цѣльныя драматическія произведенія и постепенно возвысить ихъ отъ служебной роли при богослуженіи до вполнѣ самостоятельнаго существованія.

Драгоцѣнный образецъ духовной драмы въ самомъ ея зародышѣ, когда она еще тѣсно связана была съ богослуженіемъ, представляетъ древнѣйшая итальянская мистерія, найденная Франческо Палермо въ палатинской библіотекѣ. Отдѣлы ея или акты носятъ первобытное названіе *devozioni* и распредѣлены въ подобающихъ мѣстахъ литургіи вслѣдъ за проповѣдью или за произносимыми священникомъ литургическими словами. Эта мистерія пріурочена была къ страстной недѣлѣ и изображала страданія Спасителя.

Около указанныхъ главныхъ церковно-догматическихъ обрядовъ начинаютъ образовываться отдѣльныя группы новыхъ церковныхъ драмъ. Изъ кантовъ и рѣчей, произносившихся изъ-за алтаря, какъ бы отъ лица Богородицы, Іосифа, пастуховъ, въ то время, когда въ церкви стояли миньятюрныя ясли и куклы или писанныя изображенія названныхъ личностей, изъ этого первобытнаго рожде-

ственскаго обряда постепенно образуется рождественская драма: неодушевленные предметы замѣняются дѣйствующими лицами въ костюмахъ, рѣчи клириковъ, скрытыхъ за алтаремъ,—естественными разговорами актеровъ внѣ его, въ виду набожной толпы; наконецъ, одинъ лишь моментъ поклоненія пастуховъ, изображавшійся дотолѣ, обставляется полнымъ пересказомъ повѣствованія евангельскаго и, начиная съ Благовѣщенія, вводитъ всѣ аксессуарныя подробности— избіеніе младенцевъ, разговоръ Ирода съ волхвами, бѣгство въ Египетъ и т. п. Подобнымъ образомъ возникла изъ обряда церковнаго драма пасхальная, обнимающая собою впослѣдствіи изображеніе страстей Господнихъ, воскресенія, явленія апостоламъ.

Возникши въ противовѣсъ языческой, свѣтской драмѣ, церковная драма, однако, не могла побѣдить послѣднюю, уберечься отъ ея вліянія и рано или поздно должна была слиться съ нею. Сначала литургическая драма, преслѣдовавшая богослужебныя цѣли, пользовалась языкомъ церкви, т. е. латинскимъ; но мало по-малу, въ видахъ наибольшей вразумительности латинскаго богослуженія для народа, она принимаетъ въ себя народный языкъ, а затѣмъ и чисто народныя черты, идущія нерѣдко въ разрѣзъ съ характеромъ остальныхъ отдѣловъ драмы. Такимъ образомъ духовный обрядъ постепенно вырождался и приравнивался къ обычаямъ народа, исключительно жизненнымъ и нерѣдко полнымъ двоевѣрія. Духовная драма своимъ сближеніемъ съ народнымъ говоромъ, введеніемъ свѣтскихъ исполнителей, шла, съ своей стороны, къ разрыву съ первобытнымъ церковнымъ началомъ. Импульсъ въ этомъ случаѣ данъ былъ самою церковію, которая положительно стала запрещать празднества, пляски и драматическіе обряды въ храмахъ и даже мистеріи. Гонимыя изъ стѣнъ церковныхъ, послѣднія долго еще ютились въ церковныхъ оградахъ и кладбищахъ, не прерывая связи съ церковной обстановкой, пока наконецъ и оттуда онѣ не были выгнаны въ XVI вѣкѣ. Тѣснимая отовсюду, духовная драма выходитъ наконецъ за церковную ограду, сбрасываетъ съ себя путы условныхъ клерикальныхъ требованій и идетъ на встрѣчу запросамъ народной жизни. Перекрестокъ, площадь, свободное мѣсто подъ открытымъ небомъ, наскоро сколоченная сцена замѣняютъ собою алтарь, нефы, паперть и разнообразные аксессуары кладбища. Драма дожила до своего освобожденія.

Въ послѣдовательномъ своемъ развитіи духовная драма образовала слѣдующія главныя категоріи мистеріальной драмы: 1) собственно мистерію (отъ ministerium—обрядъ), бывшую первоначально въ тѣсной связи съ церковнымъ обрядомъ, каковы напр. рождественскія и пасхальныя мистеріи; 2) мистеріи чудесъ или *миракли*, посвященныя прославленію жизни, дѣяній и чудесъ святыхъ, наиболѣе популярныхъ въ народѣ, какъ напр. объ Іосифѣ прекрасномъ; 3) морали (moralité), въ которыхъ подъ аллегорическими именами олицетворялись отвлеченныя понятія и нравственныя правила, напр. милосердіе, вѣра, любовь, гнѣвъ, жестокость и т. п.; 4) драматизированныя священно-историческія хроники главнѣйшихъ событій священной исторіи и выдѣлившіяся изъ нихъ пасторальныя мистеріи; 5) историческія мистеріи или хроники, имѣющія своимъ предметомъ историческія лица или событія, но съ вмѣшательствомъ божественной силы въ дѣла людей и вообще постояннымъ присутвіемъ духовнаго начала, коковы напр. были во Франціи крещеніе Хлодвига, жизнь Людовика святаго и короля Тіерри, подвиги Іоанны Д'Аркъ, и т. п., и 6) мистеріи, возникшія изъ народныхъ легендъ, повѣрій или сказокъ, отступающія отъ достовѣрнаго разсказа исторіи, дабы приблизиться къ нерѣдко апокрифическому сказанью или ходячей новеллѣ и повѣсти, и образующія собою звено, соединяющее старый духовный театръ съ театромъ свѣтскимъ. Таковы легенды о Варлаамѣ и Іоасафѣ, о Робертѣ діаволѣ, о папѣ Юттѣ (Іоаннѣ).

Выйдя изъ церковной ограды, мистерія была встрѣчена народомъ съ распростертыми объятіями и создала свою самостоятельную сцену. Теперь требовалось найти средство совмѣстить на небольшомъ пространствѣ изображенія трояклаго мѣста дѣйствія передаваемыхъ событій—земли, рая и ада, имѣя въ виду необходимость нагляднаго представленія взаимныхъ отношеній силъ неба и тьмы къ земнороднымъ. Этой потребности удовлетворило трехъ—ярусное устройство мистеріальной сцены: земля, колеблющаяся между добромъ и зломъ, помѣщалась въ среднемъ ярусѣ, надъ которымъ возвышался рай, а внизу незатѣйливый механизмъ приводилъ въ движеніе двѣ громадныя челюсти, изображавшія зѣвъ ада и принимавшія внутрь себя отверженныхъ грѣшниковъ. Вся постройка возводилась надъ бревенчатымъ помостомъ, который въ

первую пору по изгнаніи мистеріи изъ церкви служилъ единственною ея сценой. Каждый этажъ дѣлился двумя перегородками снова на три отдѣленія; въ нижнемъ ярусѣ, представлявшемъ жилище сатаны, собственно адъ находился въ среднемъ отдѣленіи его, сообщавшемся посредствомъ дверей съ другими. Изъ ада шли боковыя лѣстницы въ средній этажъ, изображавшій землю; устройство его было многосложнѣе другихъ по причинѣ большаго разнообразія въ представляемыхъ мѣстностяхъ и значительнаго числа вставочныхъ сценическихъ подробностей; только одна лѣстница сообщала этотъ этажъ съ верхнимъ, который возводился надъ самой глубиной сцены и отличался вообще небольшими размѣрами. Расположеніе это много способствовало оживленію дѣйствія, такъ какъ иногда случалось играть въ одно и тоже время въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ.

Въ исполненіи мистеріи принимали участіе лица всѣхъ сословій безъ различія званія; усиленію средствъ постановки мистеріи способствовали цехи, артели, братства. Но рано появляются и спеціальные призванники, посвятившіе себя, въ числѣ прочихъ поэтическихъ упражненій, и служенію цѣлямъ духовнаго театра, какъ напримѣръ трубадуры и труверы со своими жонглерами и менестрелями, судебныя ассоціаціи средневѣковой Франціи—знаменитое базошское королевство и Имперія галилейская, парижское братство страстей Господнихъ, братство беззаботныхъ и проч.

Но особыя лица и ассоціаціи, принимавшія участіе въ развитіи и представленіи мистеріальной драмы, все болѣе и болѣе освобождали ее отъ клерикальныхъ оковъ и приближали ее къ чисто народной комедіи.

Начало послѣдней коренится въ народныхъ пѣсенныхъ обрядахъ и праздникахъ и поддерживалось и укрѣплялось бродячими пѣвцами, жонглерами, скоморохами, гистріонами, которыхъ, подъ различными именами, но въ одинаковомъ положеніи и почетѣ мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ старой Европы. Эти скоморохи и проч., пріурочивая свои представленія къ эпохамъ народной жизни, поддерживали и развивали въ массѣ вкусъ и пристрастіе къ комизму, къ легкой, но рѣзкой насмѣшкѣ, и постепенно выработали цѣлую семью комическихъ типовъ: панталона у итальянцевъ, Гансвурста въ Германіи и т. п. Кромѣ того, существовали цѣлыя кор-

порацiи придворныхъ и барскихъ шутовъ, напр. шутовской орденъ, дижонская инфантерiя, къ коимъ нужно причислить отчасти упомянутыя выше судебныя ассоцiацiи базошскаго общества, имперiи галилейской и т. п., также много содѣйствовавшiя развитiю народно-комическаго начала. Подъ такимъ одновременнымъ и дружнымъ влiянiемъ, вкусы народа не могли не подвергнуться съ ранней поры коренному измѣненiю въ пользу комедiи. Мiряне, призванные (въ видахъ приданiя большей торжественности мистерiи увеличенiемъ числа исполнителей) къ участiю въ представленiи духовныхъ пьесъ, незамѣтно ни для себя, ни для другихъ, привыкли добавлять подлинный текстъ пьесы, ея сценическiй распорядокъ своими вставками, рѣчами отъ себя, которыя мало шли къ назидательному тону пьесъ, но удовлетворяли понятной прихоти людей отъ мiра сего. Первые слѣды вторженiя комическаго элемента замѣчаются въ тѣхъ сценахъ, гдѣ дѣйствуютъ свѣтскiе люди, коимъ поручалось первоначально исполненiе второстепенныхъ ролей. Таковы, напр., пастушескiя сцены въ рождественскихъ мистерiяхъ, имѣвшiя собственно цѣлью менѣе отмѣтить безыскуственность той среды, которой первой довелось узнать о великомъ событiи. Съ теченiемъ времени введенъ былъ въ драматическую среду постоянный смѣшливый амплуа въ видѣ шута, который, не относясь ни къ одной изъ сторонъ пьесы, вставлялъ свое слово всюду, гдѣ хотѣлъ, не обращая вниманiя на то, что его прыжки и остроты приходились часто въ разрѣзъ съ настроенiемъ зрителей. Наконецъ, вторженiе свѣтскаго элемента въ духовную драму становится столь сильно, что приводитъ къ обособленiю случайныхъ комическихъ сценъ въ одно цѣлое, къ составленiю изъ отдѣльныхъ сценъ небольшихъ комическихъ пьесъ, исполняемыхъ между актами драмы и называвшихся интермедiями и интерлюдiями или „междувброшенными забавными игралищами“. Образовавшiяся первоначально изъ сценъ и рѣчей свѣтскихъ дѣйствующихъ лицъ въ мистерiяхъ, интерлюдiи сохранили отъ своего первообраза особенность частыхъ уклоненiй отъ сюжета главной пьесы, уклоненiй, ничѣмъ неоправдываемыхъ, кромѣ стремленiя развлечь слушателя. Какъ воины, дѣлящiе ризы Христовы, начинали, бывало, въ мистерiи препираться и укорять другъ друга различными семейными дѣлами, и разговоръ принималъ характеръ уличной народной сцены, такъ и интерлюдiи, храня въ началѣ до нѣкоторой

степени связь съ духовной драмой, постепенно освобождались отъ этой связи и лишь механически сопоставлялись съ актами набожной пьесы. Въ старыхъ коллективныхъ мистеріяхъ связь интерлюдій съ основнымъ текстомъ еще замѣтна. Такъ напримѣръ, въ пастушескихъ сценахъ, предшествовавшихъ изображенію Рождества Христова и составляющихъ особый отдѣлъ коллективной мистеріи подъ именемъ Paginae pastorum, слѣдующія согласно евангелію рѣчи пастуховъ прерывались вставочной сценой, гдѣ предъ зрителями являлся великій плутъ и овцекрадъ Макъ, который, притворяясь бѣднымъ и удрученнымъ семьею, проситъ позволенія у пастуховъ провести съ ними ночь. Изъ предосторожности, они кладутъ его промежъ себя, надѣясь такъ устеречь свое стадо отъ его нападеній; но ловкій воръ успѣваетъ украсть лучшаго барана, снести его къ женѣ, которая не менѣе удачно хоронитъ концы въ воду. Макъ снова возвращается спать къ пастухамъ. Когда они спохватились барана и стали искать его у Мака, жена Мака притворилась стонущею за перегородкой послѣ родовъ, а баранъ положенъ былъ въ колыбель и изображалъ собою новорожденнаго. Похожденія пастуховъ съ Макомъ внезапно обрываются пѣснью ангеловъ, возвѣщающихъ рожденіе Спасителя, и затѣмъ мистерія идетъ далѣе своей обычной чередой. Отъ такого хотя уже поверхностнаго подчиненія главной пьесѣ интерлюдія переходитъ къ полной независимости, расширяетъ предѣлы своихъ источниковъ и проникается серьезными цѣлями. Тому-же дѣлу, которому служили интерлюдіи въ серединѣ пьесы, служили часто и небольшія сцены столь-же отрывочнаго характера, которыя исполнялись по окончаніи пьесы, въ видахъ возстановленія веселаго настроенія въ зрителяхъ. Какъ интерлюдіи, такъ и заключительныя комическія сцены перешли въ фарсъ (въ болѣе ограниченномъ смыслѣ этого слова), который, будучи всегда почти чуждъ поучительныхъ цѣлей, представляетъ рядъ веселыхъ сценъ, либо схваченныхъ прямо съ натуры, либо придуманныхъ досужей фантазіей автора; порожденный духомъ народнаго юмора, онъ открываетъ обширное поприще для введенія на потѣху современной публики любимыхъ ея сатирическихъ типовъ, тѣхъ личностей и характеровъ, надъ которыми любитъ смѣяться народъ.

Реформаціонное движеніе, постепенно охватившее Европу, глубоко отразилось на судьбѣ старѣвшаго духовнаго театра. Не-

зависимая народная сатира, порицаніе общественныхъ и государственныхъ неустройствъ получило сильную поддержку въ смѣломъ духѣ отрицанія, овладѣвшемъ обширнымъ міромъ господствующей церкви. Въ борьбѣ народной комедіи со старой драматургіей явился новый факторъ, быстро склонившій успѣхъ на сторону свѣтскаго, жизненнаго искусства. Наплывъ реформаціонныхъ началъ образуетъ кризисъ въ существованіи мистеріи, изъ котораго она выходитъ далеко не торжествующею, далеко не обыкновенною. Постепенно крѣпнувшее и раздающееся въ ширь реформаціонное движеніе не оставило безъ вниманія и драматическую область, столь много послужившую нѣкогда упроченію католицизма въ Европѣ; оно вступило и тутъ въ борьбу со старымъ началомъ. Послѣдователи Лютера и Кальвина смѣло прибѣгали къ пособію драматическаго начала для своей полемической и пропагандистской дѣятельности. А протестъ реформаціи не могъ не вызвать возраженія со стороны старой церкви и на побочномъ поприщѣ духовной драмы. Въ отвѣтъ на полемическія протестантскія драмы возникъ цѣлый рядъ сценическихъ произведеній, проникнутыхъ ультра-католическимъ духомъ и отражающихъ нападенія противника. Борьба была открыта на всей линіи, повсемѣстно выступали новые бойцы за неприкосновенность католическаго догмата и духовныхъ привилегій. Въ католическихъ академіяхъ и коллегіяхъ вошло въ обычай, въ видахъ утвержденія учащейся молодежи въ истинной вѣрѣ, слагать драмы, возвеличивающія ее и разящія еретиковъ и отступниковъ всѣми возможными карами. Онѣ пріучали также исполнителей къ развязности, быстротѣ дѣйствій и соображеній находчивости, развивали въ молодыхъ людяхъ качества хорошаго проповѣдника, руководителя пропаганды или даже простаго служителя алтаря. Въ этотъ періодъ существованія мистеріи она получаетъ названіе школьной или учебной драмы. Духовной драмѣ отводится подобающее ей мѣсто въ общей программѣ учебнаго курса. Она причислена къ вѣдомству преподавателя поэзіи, которому вмѣняется въ обязанность отъ времени до времени сочинять духовныя пьесы въ подобающемъ стилѣ и давать ихъ разучивать своимъ ученикамъ. Форма, избираемая для школьной драмы, постепенно отдалялась отъ своего прототипа и, подъ вліяніемъ усиливавшагося гуманистическаго движенія и возрожденія вкуса къ классическимъ образцамъ, стала подражаніемъ

формамъ и стиху древней трагедіи; нравоучительныя-же пьесы, moralités, выходившія за предѣлы этого стиля, въ душной школьной обстановкѣ утратили тѣ неотъемлемыя достоинства простоты, искренности религіознаго чувства и наивности аллегорій, которыя дѣлали этотъ родъ драмы однимъ изъ любимѣйшихъ въ народѣ. Олицетворенія отвлеченныхъ понятій отзываются схоластическимъ мудрствованіемъ, или вѣютъ туманнымъ мистицизмомъ. Іезуиты были одними изъ первыхъ руководителей школъ, которые воспользовались возможностію употребить духовную драму, какъ подспорье пропагандѣ и поддержку основательнаго лингвистическаго и проповѣдническаго образованія. Опытные въ искусствѣ эффектно дѣйствовать на человѣческую природу, они окружали свои представленія всѣмъ блескомъ и пышностью свѣтскихъ торжествъ, прибѣгая къ содѣйствію музыки и сценическихъ эффектовъ. При такомъ умѣньѣ искусно привлекать и молодой персоналъ исполнителей и постороннюю публику, присутствіе которой часто бывало необходимо для скрытыхъ плановъ братства, неудивительно, что іезуитскія пьесы съумѣли сохраниться едва не до нашихъ временъ и встрѣчать сочувствіе знати и общества въ минувшее столѣтіе, несмотря на видимое торжество въ массѣ европейской публики идей энциклопедистовъ. Въ іезуитскихъ пьесахъ замѣчается смѣшеніе понятій, стилей, событій, смѣсь христіанскаго настроенія съ миѳологическими картинами, подлаживающаяся подъ вкусы современнаго общества и литературы. Помимо сюжетовъ изъ священной исторіи, драматурги-іезуиты заимствовали ихъ изъ исторіи свѣтской, поскольку избираемыя событія могли служить во славу истинной вѣры.

Старая форма драмы очевидно отживала свой вѣкъ, неудовлетворяя новымъ требованіямъ общества, искавшаго исхода изъ тяжкаго застоя драматургіи. Возрожденіе занятій классическими литературами, начало свѣтлой поры гуманистическаго движенія рано указало этотъ искомый исходъ въ подражаніи древнимъ образцамъ. Еще въ концѣ XV вѣка появляются переводы греческихъ и латинскихъ трагедій и комедій. Классическія пьесы скоро вошли, какъ важнѣйшее и неизбѣжное пособіе при преподаваніи, во всѣ школы, безъ различія ихъ вѣроисповѣднаго характера и направленія, стремясь къ неограниченному господству, давая тонъ и направленіе мѣстной литературной дѣятельности и производя подражанія. Лож-

вый классицизмъ по-немногу водворялся въ обновлявшихся при помощи его литературахъ. Но и противъ него началась въ Англіи, а отсюда распространилась по всей Европѣ спасительная революція въ драмѣ во имя романтизма, народности, свободы творчества, въ лицѣ Марло, Шекспира и др. и послужила исходнымъ пунктомъ для образованія новаго европейскаго театра.

Таково была, въ общихъ чертахъ, служба стариннаго театра у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ и между прочимъ у западныхъ славянъ, чеховъ и поляковъ. Но изъ нихъ наиболѣе интересенъ для насъ старинный театръ въ Польшѣ, имѣвшій непосредственное воздѣйствіе на южно-русскую драму.

II.

Старинный театръ въ Польшѣ тоже слагался изъ двухъ противоположныхъ элементовъ: народныхъ обрядовъ и игръ и духовной мистеріи. Какъ и на западѣ, польское духовенство рѣшилось противопоставить полуязыческимъ зрѣлищамъ иныя, освященныя всѣмъ обаяніемъ церковнаго величія. Въ пору прежнихъ зимнихъ календъ оно учредило храмовую церемонію вертепа; встрѣчу весны оно почти допустило въ новой христіанской обстановкѣ. Введенный почти повсемѣстно у славянъ-католиковъ рождественскій обрядъ нигдѣ не получилъ столь широкаго развитія, какъ въ Польшѣ, которая впослѣдствіи въ измѣненномъ видѣ передала его на Русь. Съ кануна Рождества и до новаго года ставились въ церквахъ небольшія ясли, въ которыхъ лежала статуетка, изображавшая Спасителя; возлѣ находились изображенія вола и быка, нерѣдко даже поставленныя за особыя загородки или стойла; наконецъ, размѣщались изображенія Богородицы, пастуховъ и трехъ царей. Въ церквахъ Литвы до позднѣйшаго времени сохранился этотъ обрядъ, конечно въ измѣненномъ видѣ: въ крещенскій сочельникъ въ церквахъ вѣшаютъ на лентахъ люльки съ восковымъ младенцемъ, около которыхъ стоятъ восковыя-же изображенія Богородицы, Іосифа и трехъ царей. Подходящіе къ люлькѣ сначала качаютъ ее три раза и потомъ молятся. Сценическое изображеніе Рождества и связанныхъ съ нимъ событій дополнялось и разъяснялось или духовными пѣснями, раздававшимися изъ-за алтаря, либо сказываніемъ молодыми церковнослужителями, скрытыми тамъ-же, отдѣльныхъ тирадъ

изъ евангелія, съ строгимъ распредѣленіемъ ролей и рѣчей. Изъ этихъ діалоговъ, сопряженныхъ съ декоративной сценой, образовался тотъ любимый въ Польшѣ и ставшій въ ней народнымъ діалогъ, который слыветъ въ ней подъ названіемъ *szopka* или *jasełka*. Повинуясь неизбѣжному влеченію къ большему простору, свободѣ и сближенію съ народной жизнію, первые исполнители мистерій, внося въ нихъ отъ себя посторонніе элементы, постепенно освобождали ее отъ исключительно духовнаго направленія. Путь этого вторженія свѣтскаго начала былъ обычный: дьяволы, воины, Іуда вмѣсто нѣмыхъ служебныхъ личностей становятся увеселителями народа; они заговариваютъ все смѣлѣе, не стѣсняются богобоязненными приличіями, и изъ ихъ разговоровъ начинаютъ образовываться вставочныя сцены и интерлюдіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ подобныя интерлюдіи входили и вовсе не относившіяся къ пьесѣ лица, взятыя изъ чисто народныхъ сценъ, издавна любимыхъ народомъ, получившихъ начало, вѣроятно, въ средѣ скоморошества и впослѣдствіи достигнувшихъ высокаго значенія и развитія. Мало по-малу на духовной сценѣ являются въ комическомъ видѣ лица изъ духовнаго-же міра; зритель потѣшается надъ забавной личностью приходскаго дьячка, уставщика пѣвчихъ (кантора); въ воинахъ римскихъ видитъ своихъ жолнеровъ, и такимъ образомъ населяетъ сцену найболѣе забавными или почему-либо интересными для него типами. Но тутъ драму постигаетъ суровый запретъ властей: она признана унижающею святость религіи, выходитъ за ограду, здѣсь снова распадается на составные свои элементы—мистерію и комедію, и дѣлается достояніемъ разныхъ слоевъ народа, какъ-то: духовныхъ школъ и монастырей, народа и шляхетскаго и вообще средняго сословія. Мистерія собственно нашла себѣ надежный пріютъ лишь въ школахъ и немногихъ монастыряхъ. Она скоро лишилась тутъ своего первоначальнаго искренно-набожнаго и безхитростнаго характера и стала орудіемъ либо педагогическихъ цѣлей, либо пропаганды, особенно съ тѣхъ поръ, когда ею всецѣло овладѣли іезуиты. Сельскій народъ прилѣпился къ наивнымъ представленіямъ вертепа, спустившимся къ нему изъ церковнаго обихода, и старался вложить въ нихъ свои мысли, знакомые типы, и сблизить съ своей жизнію. Рождественскій обрядъ отразился въ народѣ съ одной стороны въ образованіи цѣлаго ряда духовныхъ стиховъ,

а съ другой—въ развитіи чисто народныхъ представленій Рождества Христова. Въ шляхетскомъ кругу и въ томъ *tiers-état*, который неизбѣжно образовывается въ каждомъ развивающемся обществѣ изъ представителей различныхъ сферъ населенія, начинаютъ обособляться свѣтскіе діалоги, получившіе начало отъ интерлюдій и проникающіеся сатирическимъ направленіемъ. Такова была разрозненность вліяній народа на его театръ,—и неудивительно, что при кастовомъ дробленіи различныхъ родовъ драматическаго искусства, общее движеніе впередъ было слабо и далеко не возвышалось надъ посредственнымъ уровнемъ. Но тѣмъ не менѣе всѣ эти кастовые роды драматическаго искусства польскаго имѣютъ для насъ важное значеніе, такъ какъ всѣ они отразились на исторіи южнорусскаго театра, а потому мы и остановимся на нихъ нѣсколько.

Мистерія, выгнанная изъ церкви, пріютилась сначала въ краковской академіи и происшедшихъ отъ нея коллегіяхъ, а также въ низшихъ школахъ, и приняла видъ духовной драмы, подчинявшейся по формѣ классическимъ образцамъ. Но въ низшихъ школахъ она еще удерживала свою близость къ народной средѣ и нерѣдко допускала перевѣсъ свѣтскаго, житейскаго элемента. Іезуиты, проникшіе чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ учрежденія ихъ ордена въ Польшу и быстро овладѣвшіе народнымъ образованіемъ, ввели въ свои коллегіи великолѣпные спектакли, гдѣ латинскія стихотворныя пьесы перемежались съ польскими, сюжеты духовные съ сказаніями классической миѳологіи, и гдѣ житія святыхъ, отечественная исторія, политическія теоріи, любовныя похожденія языческихъ боговъ или легенды свѣтскаго содержанія представляли неисчерпаемый источникъ вдохновенія для іезуитскихъ драматурговъ. Прелесть, новизна и многосторонность іезуитскихъ спектаклей отвлекали молодежь отъ старыхъ школъ и краковской академіи, хотя представители чистой науки не умолкали въ своихъ протестахъ противъ укореняющагося во вредъ ей шарлатанства. Вслѣдствіе этого, нѣсколько противоположнѣйшихъ вліяній не могло не отразиться на воспринятомъ литературномъ родѣ. Съ одной стороны традиціи старой мистеріи находили еще поборниковъ между духовными педагогами, съ другой—надъ ней тяготѣла обязательность латинскаго текста, полезнаго въ школѣ. Наконецъ, пышныя представленія, устраиваемыя іезуитами и нѣкоторыми монашескими орде-

нами, пытались превратить духовный театръ во что-то среднее между придворнымъ пантомимнымъ балетомъ и новомодной тогда въ Германіи staats-action. Очевидно, что перевѣсъ псевдоклассицизма и іезуитскихъ парадовъ имѣлъ всего болѣе вѣроятій на успѣхъ. Образцы старой польской мистеріи почти утратились, тогда какъ напротивъ множество пьесъ, какъ изданныхъ, такъ и хранящихся въ рукописяхъ, относятся къ числу школьныхъ или ученыхъ драмъ.

Совершенно въ другую сторону тянулъ народъ. Послѣ изгнанія духовныхъ пьесъ изъ церквей, интерлюдіи получаютъ обширное развитіе и приводятъ къ созданію комедіи въ полномъ смыслѣ слова. Любимый народомъ вертепъ, всего ближе подошедшій къ массѣ, скоро создаетъ свой обширный комическій репертуаръ, поддерживаемый импровизаціями. Кругъ осмѣиваемыхъ личностей становится все шире и отъ церковной сферы переходитъ къ военному быту, шляхтѣ и, хотя рѣдко, къ знати. Насмѣшка обращается наконецъ въ политическую сатиру и выводитъ на сцену олицетвореніе коренныхъ недуговъ польскаго государства. Первыя проявленія комическаго начала сохранились въ свѣтской части szopki. Судя по сохранившимся доселѣ маріонетнымъ пьесамъ, и въ старое время онѣ представляли рядъ отдѣльныхъ, едва связанныхъ между собой пьесъ, въ которыхъ передъ глазами зрителя проходили различные типы изъ окружающей жизни, съ соблюденіемъ характерныхъ особенностей ихъ произношенія, манеръ, своеобразныхъ взглядовъ; выводился краковянинъ, карпатскій горецъ, нѣмецъ, еврей. Всѣ эти типы вереницей проходятъ передъ зрителемъ, образуя какъ-бы оригинальную панораму „племенъ, нарѣчій, состояній“. Рѣчи, которыми сопровождается дѣйствіе, полны выходокъ и отличаются стремленіемъ собрать въ нѣсколькихъ бѣглыхъ чертахъ наиболѣе рѣзко выдающіяся свойства каждаго характера. Иногда эти комическія импровизаціи сплетаются съ народными пѣснями, и колядныя пѣсни замѣняютъ собою оживленный діалогъ. Сцены изъ міра сказочнаго, богатырскаго, излагающія въ драматической формѣ любимыя темы народной поэзіи, нерѣдко смѣняютъ чисто комическія, житейскія сцены. Такъ, общераспространенный мотивъ пренія жизни со смертію подаетъ поводъ къ цѣлой небольшой пьесѣ вертепа, въ которой являются дѣйствующими лицами богатый крестьянинъ, ксендзъ и скелетъ смерти. Въ интерлюдіяхъ, вкравшихся

въ большія пьесы, и въ отдѣльныхъ комическихъ сценахъ, частью прямо возникшихъ на народной почвѣ, частью обособившихся изъ мистерій и moralités, встрѣчаемъ тѣже коренные типы народной сатиры. Ожидая только опытной руки для переработки ихъ въ болѣе стройные организмы народныхъ комедій и фарсовъ, они представляютъ для нихъ готовый матеріалъ. Отъ времени до времени появляются такія частныя передѣлки, а сохранившіеся въ довольно значительномъ количествѣ свѣтскіе діалоги или Rozmowy представляютъ собой образцы небольшихъ комедій. Таковы, напримѣръ, Rozmowy polskie, написанныя въ 1553 году Витомъ Корчевскимъ, при всей своей наивной формѣ, живо и мѣтко схваченныя съ дѣйствительности. Въ одной изъ нихъ выводится пономарь, который жалуется на побои въ корчмѣ отъ крестьянъ, у которыхъ онъ насильно хотѣлъ получить слѣдуемую ему десятину, и ксендзъ, который скорбитъ объ упадкѣ нравственности и уменьшеніи своихъ доходовъ. Споръ причта съ паствой, рѣшительно отказывающей ему въ повиновеніи и платежѣ сбора, переносится на судъ пана, который презрительно отзывается объ обычаяхъ ксендзовъ жить на чужой счетъ и, не трудясь, принимать только привозимые къ нимъ снопы, добытые не ихъ трудами. Ксендзу противопоставлена старая баба колдунья, которая, откровеннѣе его сознаваясь въ разныхъ своихъ продѣлкахъ, выражаетъ ненависть къ человѣку, столь корыстному и продажному. Отъ подобной сцены, сложившейся уже до нѣкоторой степени въ формы фарса, недалекъ переходъ къ комедіи собственно. Она тоже рѣдко грѣшитъ противъ естественности и вѣрности изображенія нравовъ. Такова, между прочимъ, комедія Петра Барыки Z chłopa król, служившая утѣхой двора Владислава IV, въ которой польскій крестьянинъ, опохмѣлившись, видитъ себя королемъ и осыпается любезностями и изъявленіями преданности со стороны гулящихъ жолнеровъ, доставившихъ себѣ забаву отъ скуки. Ощущенія внезапно ставшаго знатнымъ хлопа, который, разлакомившись, спѣшитъ доставить себѣ всѣ привычныя незатѣйливыя удовольствія, все это представляетъ благодарную канву для построенія комедіи. Комедія 1655 года Uciechy и проч. вся основана на осмѣяніи помѣщиковъ и порицаніи ихъ жестокой власти надъ крѣпостными. Монологъ пана, дышащій звѣрскимъ негодованіемъ противъ ослушнаго слуги и жаждой мщенія, возбуждаетъ

невольное содроганіе; это настоящій дифирамбъ тѣмъ владѣльцамъ, которые умѣютъ всегда на славу избить хлоповъ канчуками, взявъ хорошенько за шею. Слѣдствіе такого обращенія тутъ-же на лицо: воспользовавшись похмѣльемъ пана, слуга издѣвается надъ нимъ, призываетъ на него всякое зло и стремится спастись бѣгствомъ къ козакамъ въ Запорожье—воевать съ турками. Если барщина подвергается тутъ позору, то въ *комедіи Рыбалтовской* выступаютъ на сцену и нравы конфедерацій, наносившихъ своимъ разгульнымъ и буйнымъ характеромъ немалый вредъ сельскому беззащитному населенію. Дѣйствующія лица въ названной комедіи сильно возстаютъ противъ разбойническихъ пріемовъ конфедератовъ и противъ безграничнаго ихъ сластолюбія, а образецъ порицаемыхъ нравовъ данъ, кромѣ того, въ лицѣ конфедерата, выжимающаго у крестьянина послѣдній грошъ.

Середины между означенными двумя крайними полюсами, т. е. духовной драмой и народной комедіей, представляютъ драматическія произведенія въ духѣ подражанія классическимъ образцамъ, какъ напримѣръ у Рея и Кохановскаго. Но и этотъ родъ драмы не имѣлъ въ Польшѣ особеннаго развитія, вслѣдствіе наплыва чужеземныхъ элементовъ, которые доканали старинную мистерію и народный фарсъ и проложили путь новому театру, вышедшему изъ чужихъ началъ и осужденному въ свою очередь, вслѣдствіе бурныхъ политическихъ волненій, раздиравшихъ страну въ продолженіе долгаго періода, на робкое и безпомощное состояніе.

III.

Въ сравненіи съ польскимъ и особенно съ западно-европейскимъ театромъ старинный русскій театръ представляется довольно блѣднымъ. Но и въ немъ все-таки замѣчаются нѣкоторыя аналогическія черты съ болѣе крупными явленіями въ исторіи западно-европейскаго театра, какъ-то: наивная вѣра, смѣняющаяся разсудочностію, народность, одерживающая верхъ надъ преобладаніемъ набожнаго характера, мистицизмъ и аллегорія, врывающіеся на сцену, педагогія, овладѣвающая ею, затѣмъ возрожденіе путемъ возврата къ классикамъ, и проч.

Богатые задатки развитія драматическаго начала таились въ пространномъ кругу народныхъ обрядовъ старой Руси, связанныхъ

съ древнѣйшими вѣрованіями народа, какъ-то: въ хороводныхъ пѣсняхъ и пляскахъ, обрядѣ чествованія временъ года, въ свадебномъ чинѣ и т. п. Всѣ эти обряды представляютъ рядъ драматическихъ сценъ, болѣе или менѣе оживленныхъ и нерѣдко сопровождавшихся переряживаніемъ и маскированіемъ. Участниками всѣхъ народныхъ важнѣйшихъ обрядовъ, или вѣрнѣе—вдохновителями и организаторами ихъ были скоморохи. Сатирическій элементъ, насмѣшка надъ дѣйствительностію, привычка къ цѣлому ряду предпочтительно забавныхъ типовъ, которыхъ народъ любитъ выбирать предметомъ своихъ остротъ и смѣха, это начало, высказываясь сперва въ скоморошьихъ и иныхъ веселыхъ пѣсняхъ, позднѣйшихъ сказкахъ съ сатирическимъ оттѣнкомъ, народныхъ легендахъ, какъ-бы ждало только удобнаго случая, чтобъ выразиться въ доступныхъ народу формахъ драматическаго произведенія.

Христіанство, появившись въ Россіи, преслѣдовало скоморошьи игры и двоевѣрные народные обычаи и обряды, какъ бѣсовскіе; но и само оно не могло вполнѣ отрѣшиться отъ элементовъ народной драматургіи и отчасти приняло ихъ подъ свое покровительство. Мы здѣсь преимущественно имѣемъ въ виду вѣковые народные обряды въ честь возрождающагося солнца, совпадавшіе съ рождественскими святками и Пасхой. Эти обряды прежде всего и подчинились вліянію церковному и образовали изъ себя нѣчто въ родѣ западно-европейскихъ мистерій, пріуроченныхъ если не всегда къ богослуженію, то непремѣнно къ отправленію христіанскихъ праздниковъ. Г. Веселовскій говоритъ, что будто-бы „извѣстенъ лишь одинъ чисто мѣстный и несомнѣнно позднѣйшій случай, гдѣ скоморохи являются носителями чего-то въ родѣ духовнаго театра. Это такъ называемые въ Бѣлоруссіи *волочебники*, по замѣчанію очевидцевъ, нѣчто въ родѣ древнихъ гуслярей или баяновъ (?), воспѣвавшихъ въ пѣсняхъ или разсказывавшихъ въ сказкахъ какія-нибудь событія, которыми ознаменованъ такой или иной праздникъ и т. д. Волочебники ходятъ по селамъ въ теченіе всѣхъ святокъ и святой недѣли [1]). Но *волочебники*, вмѣстѣ съ колядниками, упоминаются еще въ грамотѣ Сигизмунда I, данной жителямъ Ново-

[1]) Старинный театръ въ Европѣ. стр. 307.

грудка въ 1511 году, въ которой говорятся, что „коляды и волочебнаго (мѣщане) не мають на замокъ нашъ даваты подлѣ давнаго обычая“ [1]). Слѣдовательно, колядники и волочебники, какъ представители религіозной драмы, пріуроченной къ праздникамъ Рождества и Пасхи, относятся къ глубокой древности. Къ рождественскимъ-же праздникамъ, именно ко второму дню праздника, пріурочивалось празднованіе пологa Богородицы, отчасти удержавшееся и досслѣ. До послѣдняго времени женщины на Волыни, на второй день Рождества Христова, приносили въ церковь хлѣбы, пироги и т. п., что на мѣстномъ нарѣчіи называлось „ходить на родины до Богородицы“. Весь этотъ приносъ, по отправленіи надъ нимъ молитвословія, обращался въ доходъ причту. Этотъ обычай ходить на второй день Рождества Христова „на родины до Богородицы“ въ словѣ христолюбца пріурочивается къ древнему поклоненію роду и рожаницамъ. „То суть идолослужители, говорится здѣсь, иже ставятъ трапезу рожаницамъ, короваи молять... Не тако-же простотою здѣ служимъ, но смѣшаемъ съ идольскою трапезою тропарь св. Богородиця съ рожаницами въ прогнѣваніе Богу“. Патріархъ Іеремія въ окружной грамотѣ своей 1586 г. говоритъ объ этомъ обычаѣ слѣдующее: „на второй день (назавтріе) праздника Рождества Христова празднують пологъ Богородицы и приносятъ въ этотъ день семидаліонъ, муку печеную (а по другимъ актамъ—пироги), что́ есть великое нечестіе“, и проч. [2]). Тѣмъ не менѣе въ уніатской церкви этотъ праздникъ существовалъ во все время существованія уніи и имѣлъ особыя службы, какъ-то: службы посѣщенію пресв. Богородицы, пресвятѣй Богородицѣ рожаницовой, и проч. [3]).

Если прибавить къ этому нѣкоторые сценическіе обряды сѣверно-русской церкви, какъ-то: пещное дѣйствіе, шествіе на осляти, дѣйство страшнаго суда и сохраненную досслѣ церемонію омовенія ногъ, то этимъ и исчерпывается почти весь кругъ зачатковъ религіозныхъ мистерій въ русской церкви. Въ православной церкви,

---

[1]) О народныхъ праздникахъ въ юго-западной Россіи, въ «Трудахъ кіев. дух. академіи», октябрь, 1871 г., стр. 19—20.

[2]) Тамъ-же, сентябрь, 1871 г., стр. 574.

[3]) Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ: А. О. Хойнацкаго, Кіевъ, 1871 г., стр. 79.

гдѣ не предстояло нужды въ разъясненіи того, что такъ ясно говорилъ уму древній, но родственный народу языкъ, стремленіе популяризировать богослуженіе не пошло далѣе пяти—шести обрядовъ, носящихъ въ общихъ чертахъ драматическій характеръ. Этого было слишкомъ недостаточно для зарожденія драмы въ самой церкви, и, еслибъ позднѣе заимствованіе школьной мистеріи не повлекло за собою краткаго періода духовнаго русскаго театра, то самое существованіе его было-бы немыслимо.

Западно-европейскій театръ прокладывалъ себѣ путь въ Россію съ двухъ сторонъ, изъ различныхъ побужденій и источниковъ. Съ одной стороны южная Русь, по примѣру Польши, вводитъ у себя духовныя драмы, воспитываетъ на нихъ цѣлыя поколѣнія будущихъ русскихъ пастырей; съ другой стороны, постепенно усиливающееся тяготѣніе къ европейской жизни, завязывающіяся день ото дня все тѣснѣе связи съ европейскими государствами приводятъ бродячую труппу нѣмецкихъ актеровъ въ варварскую Московію. Ихъ репертуаръ, въ которомъ къ пьесамъ духовнаго содержанія присоединялись свѣтскія комедіи, отражавшія нравы и характеры чуждыхъ народовъ, и пьесы Мольера перемежались съ довольно неуклюжими произведеніями невѣдомыхъ писателей Германіи и Франціи, репертуаръ этотъ внесъ особое оживленіе въ зарождавшійся театръ, ограниченный до этой минуты лишь тѣснымъ кругомъ благочестивыхъ сюжетовъ.

Оставляя въ сторонѣ сѣверно-русскій старинный театръ, какъ не имѣющій отношенія къ нашей цѣли, обратимся собственно къ южно-русскимъ духовнымъ и свѣтскимъ драмамъ подражательнаго характера.

Относительно южно-русскаго духовнаго театра мы не раздѣляемъ мнѣнія нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей, будто этотъ театръ сразу явился здѣсь въ видѣ школьныхъ духовныхъ драмъ, хотя и не оспариваемъ, что школьная духовная драма была здѣсь преобладающею формою. Первые опыты подражательнаго духовнаго театра южно-русскаго были, по нашему мнѣнію, чисто мистеріальнаго характера и даже иногда привязывались къ церковному богослуженію. Мы разумѣемъ здѣсь церковныя пассіи, доселѣ совершаемыя въ нѣкоторыхъ церквахъ южной Россіи. Идея ихъ появилась еще въ Греціи и выразилась здѣсь въ такъ называемомъ Ни-

кодимовомъ евангеліи и передѣлкахъ его. Никодимово-же евангеліе въ отрывкахъ, или въ цѣломъ видѣ, извѣстно было какъ въ Россіи, такъ и на западѣ Европы, и должно было породить одинаковыя по духу религіозно-обрядовыя явленія, хотя и въ разныхъ формахъ. Выработавшаяся отсюда на западѣ Европы форма пассій могла въ свою очередь имѣть вліяніе на учрежденіе южно-русскихъ пассій, содержаніе и составъ которыхъ, однакоже, заимствованы изъ православныхъ источниковъ. На основаніи одной темной замѣтки на рукописи кіево-михайловскаго монастыря, за № 1644-мъ, полагаютъ, что южно-русскія пассіи введены, въ настоящемъ ихъ видѣ, при кіевскомъ митрополитѣ Іовѣ Борецкомъ на кіевскомъ соборѣ 1629 года [1]). Въ слѣдующемъ 1630 году изданы были во Львовѣ „Верше съ трагедіи Христосъ пасхонъ [2]), изъ трагедіи Χριστὸς πάσχων, приписываемой св. Григорію Назіанзену и впервые изданной въ 1549 году Габріелемъ Гарчіа въ латинскомъ переводѣ. Дѣйствія въ этой мистеріи немного: все оно вращается вокругъ немногихъ лицъ—Богоматери, Маріи Магдалины, евангелиста Іоанна, Іосифа, Никодима и хора, играющаго здѣсь, какъ и въ древней трагедіи грековъ, важную роль. Рѣчи ведены предпочтительно діалогомъ, но многія сцены превращаютъ всю пьесу въ мелодраму, состоя изъ длинныхъ тирадъ одного и того-же лица. О событіяхъ внѣ сцены извѣщаютъ вѣстники, не ограничивающіеся при томъ ролью простыхъ гонцовъ, но относящіеся съ своей точки зрѣнія къ сообщаемымъ событіямъ. Слова Спасителя приводятся рѣдко и по возможности ближе къ евангельскому тексту. Хоръ, находящій всегда слово сочувствія и ободренія Богоматери въ ея горѣ, составляющемъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ пьесы, нерѣдко дѣлится на два полухора и исполняетъ, по видимому, свои партіи антифонически [3]).

Къ этимъ мистеріальнымъ и переводнымъ пассіямъ привиты были и первоначальныя школьныя драмы кіевскія, тоже имѣющія своимъ предметомъ страданія Христовы. Таковы пьесы: „Дѣйствіе

---

[1]) Нѣсколько словъ о происхожденіи пассіи, въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», 1876 г., № 8; см. «Кіев. Епарх. Вѣдом.», 1874 г. № 7.

[2]) «Очеркъ славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, 1871 г., № 336.

[3]) Старинный театръ въ Европѣ, А. Веселовскаго, стр. 11—12.

на страсти Христовы списанное", половины XVII вѣка, предположительно приписываемое Лазарю Барановичу, и „Мудрость предвѣчная, чрезъ благородныхъ Россіи младенцовъ въ училищномъ коллегіумѣ кіево-могилеанскомъ стихотворнымъ сложеніемъ явствова(вшая)ся". Печальный конецъ обѣихъ пьесъ даетъ понять, что онѣ писались для возбужденія скорби о распятомъ Господѣ и потому болѣе всего приличествовали великопостнымъ днямъ, посвященнымъ воспоминанію страданій Спасителя [1]).

Вслѣдъ за пассіональными драмами получили развитіе въ южно-русскихъ школахъ рождественскія пьесы, имѣвшія своею цѣлію сценическое представленіе рожденія Спасителя. Мы не говоримъ здѣсь о вертепныхъ представленіяхъ, составляющихъ для насъ пока искомую величину, и имѣемъ въ виду лишь параллельныя съ ними рождественскія драмы. По старшинству къ нимъ прежде всего должна быть отнесена комедія св. Димитрія Ростовскаго на Рождество Христово. Князь Шаховской говоритъ, что драмы Димитрія Ростовскаго „сперва представлялись студентами кіево-печерской лавры (кіевской академіи)" [2]), слѣдовательно написаны имъ еще во время пребыванія его на югѣ Россіи, приблизительно ~~въ~~ въ третьей четверти XVII вѣка. Комедія Димитрія Ростовскаго на Рождество есть какъ-бы оригинальное смѣшеніе трехъ мистеріальныхъ стилей: вступленіе есть чистая moralité; большая часть пьесы не отступаетъ отъ рутиннаго обычнаго пошиба мистеріи; наконецъ, сцена между пастухами есть характерный образчикъ интерлюдіи. Въ общемъ, эта пьеса довольно блѣдна, безцвѣтна. Вступленіе наполнено нескончаемыми разговорами Людской Натуры, Золотаго Вѣка, Зависти, Смерти и т. д. Разговоры эти почти безцѣльны, не могутъ служить настоящимъ прологомъ и словно случайно примкнули къ пьесѣ. Сама пьеса представляетъ обзоръ событій, обставившихъ Рождество, отъ поклоненія пастуховъ до бѣгства въ Египетъ. Но, при своей блѣдности въ общемъ, комедія Димитрія Ростовскаго на Рождество Христово замѣчательна, какъ переходная ступень отъ подражательности къ выработкѣ самобытныхъ мотивовъ. Натура

[1]) О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ старой кіевской академіи, въ «Трудахъ кіев. дух. академіи», за ноябрь, 1866 г., стр. 359—367.

[2]) Старинный театръ въ Европѣ. А. Веселовскаго, стр. 354—5.

людская, выводимая въ этой комедіи, встрѣчается раньше въ траги-комическихъ діалогахъ Bellerophon Sarmaticus, представленныхъ въ краковской академіи въ 1637 году, а кантъ въ пьесѣ Димитрія Ростовскаго, начинающійся словами „Ангелъ пастыремъ вѣститъ“, и проч., есть почти буквальный переводъ польской набожной пѣсни [1]). Несмотря однако на эти несомнѣнные слѣды подражанія, въ пьесѣ есть замѣтные проблески оригинальности: пасторальная сцена въ ней дышетъ бытовою правдою и естественностію. По замѣчанію г. Пекарскаго, въ выводимыхъ здѣсь пастухахъ легко узнать земляковъ св. Димитрія, безпечныхъ и наивныхъ малороссовъ. Одинъ изъ нихъ, Борисъ, стережетъ стадо, тогда какъ двое товарищей его ушли въ Виѳлеемъ за припасами. Когда они приходятъ и начинаютъ ужинъ, вдругъ раздалось чудное пѣніе. Мало по малу они замѣчаютъ, что поютъ какія-то странныя существа на небѣ. Начинаютъ спорить о томъ, кто они: одинъ говоритъ, что это птички, другой—что „робятки невелички“. Когда является съ своею вѣстью ангелъ, они не мало дивятся, что такой воевода для нихъ собственно пришелъ. Ангелъ отвѣчаетъ, что „Пастырь сый всѣмъ пастыремъ, васъ пастырей частъ“, они-же простодушно допытываются, не нужно-ли ему чѣмъ поклониться, дары принести, подобно какъ нашему князю, и т. д.

Какъ скоро упрочены были въ кіевской академіи пассіональныя и рождественскія духовныя драмы, за ними стали появляться и другіе ея виды, постепенно отстающіе отъ духовнаго, клерикальнаго направленія и мало по малу воспринимающіе въ себя элементъ свѣтскій, какъ-то: миракли, драматизированныя священно-историческія хроники, историческія мистеріи или хроники, имѣющія своимъ предметомъ историческія лица или событія, но съ примѣсью духовнаго начала, и проч. Всѣ эти виды южно-русской школьной драмы отражали на себѣ слѣды тѣхъ направленій, какія испытывала на западѣ духовная драма подъ вліяніемъ возрожденія классицизма, борьбы католичества съ протестантизмомъ и іезуитскихъ школъ. Такъ напримѣръ, въ духѣ миракля написанъ діалогъ объ

---

[1]) См. Kancyonal pieśni nabożnych, Poczajow 1820 г.; см. Богогласникъ почаевскаго изданія 1825 г., № 15, гдѣ она передѣлана изъ латинской пѣсни.

Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ, напечатанный въ 1674 году; трагедокомедія Лаврентія Горки „Патріархъ Іосифъ", 1708 года, можетъ быть названа драматизированной священно-исторической хроникой; трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича „Владиміръ", написанная имъ подъ вліяніемъ классическихъ образцовъ, равно какъ и слѣдующія за ней пьесы „Милость Божія, Украйну отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмелницкого свободившая", 1728 г., и трагедокомедія Георгія Щербацкаго „Патріахъ Фотій", 1749 года, могутъ быть названы историческими драмами или хрониками. Трагедокомедія Лащевскаго „О тщетѣ міра сего", 1742 г., и М. Козачинскаго „Благоутробіе Марка Аврелія", 1744 года, напоминаютъ собою позднѣйшія іезуитскія пьесы, то обличая лютеранъ и кальвинистовъ, какъ напримѣръ пьеса Лащевскаго, то смѣшивая языческую миѳологію съ христіанскими именами и обставляя исполненіе пьесы эффектными „сальтами", какъ у М. Козачинскаго [1]).

Всѣ эти пьесы уже значительно уклоняются отъ прежняго мистеріальнаго содержанія и характера духовной драмы и стоятъ какъ-бы на перепутьи отъ этой послѣдней къ свѣтскому театру. Однѣ изъ нихъ излагаютъ чисто гражданскую исторію отечественную, какъ напримѣръ драма „Милость Божія", 1728 года; другія, напримѣръ трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича „Владиміръ", 1705 года, не смотря на серьозный тонъ свой, мѣстами допускаютъ такія живыя, комическія частности, которыя скорѣе могутъ идти къ какой либо комической интерлюдіи, чѣмъ къ серьезной драмѣ. Таковы у него—описаніе жрецомъ Жериволомъ тощаго козла, принесеннаго въ жертву языческимъ богамъ княземъ Владиміромъ, и описаніе самого Жеривола, о которомъ другой жрецъ Пѣяръ разсказываетъ своему товарищу Куроядy слѣдующее:

Видѣхъ, когда напитанный
Многими онъ жертвами лежаше во хладѣ,
А чрево его бяше превеликой кладѣ
Подобное. Обаче въ сытости толикой
Знаменіе бысть глада и алчбы великой:

---

[1]) Подробнѣе о всѣхъ этихъ пьесахъ см. въ брошюрѣ: «Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка». Кіевъ, 1880 г.

Скрежеташе зубами намнозѣ безъ мѣры,
Движа уста и гортань, и достойно вѣры
Слово твое, Исаре! время не имѣетъ,
И во снѣ жретъ Жериволъ.

Самыя пассіональныя драмы въ XVIII вѣкѣ прекращаются, и вмѣсто ихъ появляются теперь пасхальныя пьесы, болѣе веселыя и способныя къ дальнѣйшему развитію.

Всего-же замѣтнѣе обнаруживается прогрессъ развитія южнорусской драматической дѣятельности въ такъ называемыхъ „интермедіяхъ" и „интерлюдіяхъ" или „междувброшенныхъ забавныхъ игралищахъ", которыя, не будучи органически связаны съ самыми школьными пьесами, болѣе или менѣе серьезными, не стѣснялись ихъ серьезностію, смѣло допускали комическій народный элементъ и наконецъ пытались образовать изъ себя самостоятельную область народной комедіи.

Школьная теорія „интерлюдій" несомнѣнно явилась въ Кіевѣ уже въ концѣ XVII вѣка. Въ Лирѣ, рукописной кіевской піитикѣ 1696 года, о комедіи говорится слѣдующее: „въ комедіи выводятся лица легкія, какъ-то—господарь (paterfamilias)", и проч.[1]). Лаврентій Горка въ своей піитикѣ 1707—8 г. говоритъ о комедіи слѣдующее: „въ комедіи выводятся лица легкія, какъ напримѣръ господарь, дѣдъ, слуга и проч." [2]). Митрофанъ Довгалевскій еще болѣе расширилъ кругъ комическихъ лицъ: „въ комедіи,—говоритъ онъ въ своемъ садѣ піитическомъ 1736—7 г.,—выводятся лица легкія, какъ-то: господарь, литвинъ, цыганъ, козакъ, еврей, полякъ, татаринъ, турокъ, грекъ, итальянецъ" [3]). По правиламъ піитикъ 1726 года и Георгія Кониcскаго 1746—7 г. „комедія пишется словами шуточными, низкими, обыденными", иначе—„слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ" [4]). Эти правила о комедіи прилагались собственно къ составленію „интермедій" и „интерлюдій".

---

[1]) Рукоп. кіево-мих. монастыря, № 1719, chord. 1, ton. 2, cant. 3.

[2]) Idea artis poëseos, рукоп. кіев. дух. акад., № 0. 4. 7, pars 1, lib. 2. cap. 9.

[3]) Hortus poëticus, рукоп. кіево-мих. монастыря, № 1713.

[4]) Рукоп. кіев. дух. акад., № I. III. 92, часть III, и № I. III. 82, кн. II. гл. 2.

Первое упоминаніе объ интермедіяхъ и интерлюдіяхъ мы нашли въ пьесѣ Лаврентія Горки, 1708 г., подъ заглавіемъ „Патріархъ Іосифъ“, въ которой послѣ втораго и четвертаго „дѣйствій“ предполагались „интермедіи“ [1]). Интермедіи эти не дошли до насъ, но за то сохранились почти одновременныя имъ „интерлюдіи или междувброшенныя забавныя игралища“ неизвѣстнаго автора, хотя и касающіяся сѣверно-русской жизни, но составленныя какимъ либо южно-русскимъ ученымъ и дающія понятіе объ этого рода южно-русскихъ драматическихъ произведеніяхъ. Въ „интерлюдіяхъ или междувброшенныхъ забавныхъ игралищахъ“ являются живьемъ взятые съ натуры: цыганъ барышникъ, малограмотный дьячекъ, трепещущій при мысли отдать сыновей въ *серимарію* на муку, раскольникъ съ жидомъ, препирающіеся о томъ, чья вѣра старше и правильнѣе, и докторъ—шарлатанъ, говорящій по-латыни предъ цыганомъ, различные секретари и подьячіе, молодцы изъ веселой голи кабацкой, мужикъ и т. п.; словомъ, видимъ здѣсь нѣсколько чертъ, мѣтко схваченныхъ изъ современной жизни [2]). Но собственно изъ кіевскихъ и вообще южно-русскихъ школьныхъ интерлюдій мы имѣемъ болѣе поздніе, относящіяся къ 30-мъ и 40-мъ годамъ XVIII вѣка. Мы разумѣемъ здѣсь интерлюдіи къ рождественской и пасхальной пьесамъ Митрофана Довгалевскаго, 1736—7 г., и интерлюдіи къ трагедокомедіи Георгія Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ, 1747 года [3]), представляющія большую аналогію съ подобными польскими произведеніями, напримѣръ Розмовами Вита Корчевскаго, 1553 г., комедіей Петра Барыки Z chłopa król, комедіей Uciechy 1655 г., комедіей Рыбалтовской и проч.

Едва-ли можно назвать случайнымъ то обстоятельство, что кіевскія интерлюдіи сохранились только при пасхальныхъ драмахъ, замѣнившихъ собою пассіональныя, и при рождественскихъ, т. е. при такихъ, которыя менѣе всего были случайными, получили уже

[1]) Рукоп. кіев. дух. акад., № 0. 4. 7.

[2]) См. о нихъ «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», Пекарскаго, т. I, стр. 447—8.

[3]) Отрывки первыхъ см. въ «Трудахъ кіев. дух. академіи», за февраль 1865 и ноябрь 1866 г.; интерлюдіи-же къ пьесѣ Конисскаго изданы въ «Древней и Новой Россіи», за ноябрь, 1878 года.

нѣкоторую устойчивость и нашли почву для себя въ народныхъ русскихъ обрядахъ, соединенныхъ съ этими важнѣйшими праздниками русской церкви. Имѣя слабую, чисто внѣшнюю связь съ духовными драмами, къ которымъ относятся эти интерлюдіи, онѣ мало по малу стараются завоевать себѣ независимость отъ духовныхъ пьесъ и сдѣлаться самостоятельными.

Интерлюдіи къ школьнымъ духовнымъ пьесамъ Митрофана Довгалевскаго и Георгія Кониского имѣютъ нѣкоторую связь съ ними и слѣдуютъ за духовными пьесами, какъ комическое за высокимъ. Возьмемъ для примѣра не изданную еще вполнѣ пасхальную драму Митрофана Довгалевскаго „Властотворный образъ“, 1737 года, съ относящимися къ ней интерлюдіями, и между ними и явленіями драмы мы увидимъ нѣкоторое соотношеніе и параллель по содержанію. Такъ, въ первомъ явленіи „Властотворнаго образа“ Совѣтъ Божій и Правосудіе Господне препираются между собою относительно сотворенія человѣка; ихъ примиряетъ Милость Божія. Соотвѣтственно этому, и въ первой интерлюдіи выходятъ два мужика-рыболова и спорятъ между собою о мѣстѣ, гдѣ бы поставить сѣти; ихъ примиряетъ третій мужикъ. Во второмъ явленіи „Властотворнаго образа“ Милость Божія вводитъ человѣка въ рай, заключаетъ съ нимъ союзъ и заповѣдуетъ ему не вкушать отъ древа познанія добра и зла, угрожая за нарушеніе этой заповѣди различными бѣдствіями; человѣкъ обѣщаетъ исполнять заповѣдь, но Прелесть склоняетъ его вкусить отъ запрещеннаго плода. Въ параллель этому, во второй интерлюдіи чортъ несетъ жида и заключаетъ съ нимъ договоръ, съ обязательствомъ не ѣсть хлѣба; жидъ соглашается, но, по уходѣ дьявола, разрѣшаетъ себѣ на хлѣбъ и обѣщаетъ не ѣсть одной только свинины; однакожъ при одномъ воспоминаніи о свининѣ у него текутъ слюнки, а тутъ еще является цыганъ и еще болѣе соблазняетъ жида свининою. Въ третьемъ явленіи „Властотворнаго образа“ человѣкъ сѣтуетъ на себя за то, что не уберегся отъ прелести и преступилъ заповѣдь Господню, а Правосудіе Господне, за нарушеніе заповѣди, лишаетъ человѣка дорогихъ одеждъ и украшеній. А въ третьей интерлюдіи мужикъ бранитъ сына за то, что онъ не устерегъ оставленныхъ ему на сохраненіе на возу пироговъ, и лишаетъ его за это шапки, которую прежде обѣщалъ купить ему. Въ пятомъ явленіи „Властотворнаго

образа“ Милость Божія освобождаетъ „стенящихъ и вопіющихъ праведныхъ во адѣ“, повелѣвъ діаволу и смерти вывести ихъ изъ темницы адской. А въ пятой интерлюдіи козакъ освобождаетъ запроданныхъ ляхомъ жиду мужиковъ, забитыхъ въ кандалы и жалобно просившихъ о пощадѣ. Еще больше замѣчается соотвѣтствія между актами трагедокомедіи Георгія Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ и соотвѣтствующими имъ интерлюдіями [1]).

Такая связь интерлюдій съ духовными драмами, довольно внѣшняя и непрочная, не мѣшала первымъ совершенно оставлять иногда почву церковности и авторамъ ихъ углубляться въ область собственныхъ вымысловъ и народныхъ преданій, вѣрованій и легендъ. Авторы этихъ интерлюдій знакомы были съ народнымъ бытомъ, нерѣдко сами выходили изъ среды народа и, стараясь пародировать его воззрѣнія, иногда помимо воли и намѣренія высказывали сочувствіе къ нему и довольно вѣрно изображали его умственное состояніе и соціальное положеніе. Доказательство тому—въ тѣхъ-же интерлюдіяхъ Митрофана Довгалевскаго и Георгія Конисскаго, которыя стоятъ въ близкой связи съ южно-русскими народными преданіями и разсказами. Вотъ примѣры тому. Въ третьей пасхальной интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго мужики-литвины смѣются надъ ксендзомъ и папой и въ заключеніе прогоняютъ ксендза. Ксендзъ вышелъ къ литвину, воскресшему изъ мертвыхъ, „пытатися, що на томъ свѣтѣ дѣется“.

Литвинъ. Брешешь ти! тамъ все святцѣ, то въ піеклѣ (зла)дзіее.
Ксендзъ. Якъ-же се тамъ нашему папижу поводзи?
Литвинъ. Намѣнай ужо якъ звалѣ: пропавъ іонъ да и годзѣ.
Ксендзъ. Свенты-же бы былъ въ пеклѣ, щекашь (лжешь) ты, старушку!
Пиши нимъ еще была ласка Христусова.
Литвинъ. Правда, правда! угадавъ ти:
Сагнувшись саматужки прець до піекла дрова,
А хваришняки акругъ скачуць и играюць,
Гетакими дубцями вотъ такъ поганяюць!

---

[1]) Соотвѣтствіе это указано въ «Древней и Новой Россіи», за ноябрь, 1878 г., стр. 249.

Подобное разсказывается въ южнорусской народной сказкѣ о безсчастномъ Иванѣ, какъ панъ послалъ его довѣдаться на тотъ свѣтъ въ пекло. Воротившись оттуда, Иванъ разсказываетъ пану, что „покойный панъ старый, того пана батько, дрова возитъ у пекло [1]). Въ третьей пасхальной интерлюдіи того-же Довгалевскаго „віиздитъ мужикъ на торгъ и зъ синомъ, и оставивши сина, пойдетъ торговати". Въ отсутствіе его приходятъ къ сыну московскіе „яриги" и показываютъ видъ, будто хотятъ снять рога съ вола. Сынъ старался защитить воловьи рога, но они не нужны были ярыгамъ и остались цѣлыми; за то пропали съ воза пироги съ мѣхами. Тотъ-же пріемъ отводить хозяину глаза отъ предмета поживы и при такой-же обстановкѣ встрѣчается въ малорусской сказкѣ „чоловікъ зъ масломъ и москалі". Мужикъ выѣхалъ на торгъ продавать масло, поставилъ его на землю и самъ сѣлъ на него. Замѣтили его два москаля и сговорились между собой: зайди ты сзади,—говоритъ одинъ,—а я подойду къ нему и начну говорить. Подходитъ москаль къ мужику и все присматривается къ нему, какъ будто узнаетъ его, и наконецъ говоритъ: здоровъ, Иванъ!—Здоровъ!—отвѣчаетъ мужикъ. Слово за-слово, и москаль такъ разговорился съ мужикомъ, какъ будто дѣйствительно былъ знакомъ съ нимъ, и наконецъ объявилъ мужику, что пришелъ царскій указъ, чтобы мужика взять въ солдаты. Только не знаю,—прибавилъ москаль,—годишься-ли ты, потому что нужно, чтобы былъ такого росту, какъ эта палка. Встань, помѣряю!—Мужикъ всталъ. Москаль нѣсколько разъ мѣрялъ его, но нашелъ, что мужикъ не подходитъ подъ мѣру, и пошелъ прочь. Между тѣмъ мужикъ оглянулся назадъ и тутъ только замѣтилъ пропажу своего масла [2]).

Интерлюдіи Георгія Конисскаго по внутреннему достоинству своему стоятъ ниже интерлюдій Митрофана Довгалевскаго; но и онѣ приближаются иногда къ народнымъ понятіямъ, вѣрованіямъ, историческимъ преданіямъ, симпатіямъ и антипатіямъ, и удачно схватываютъ и вѣрно передаютъ ихъ. Въ первой интерлюдіи Конисскаго мужикъ говоритъ о себѣ:

---

[1]) Народныя южно-русскія сказки, Рудченка, Кіевъ, 1869 г., вып. 1, стр. 95.

[2]) Тамъ-же, вып. 2, стр. 167—168.

Мы за его (Бога) ласку и светую волю
Орюмъ и сѣюмъ на всякого долю.

Слова эти находятъ оправданіе себѣ и въ современныхъ обычаяхъ южно-русскаго крестьянина, который, начиная сѣять, приговариваетъ: „роди, Боже, на всякого долю, и бідного, и багатого“. Въ той-же интерлюдіи мужикъ въ ужасъ пришелъ отъ того, что дѣти его поймали на нивѣ бабу, которая будто-бы дѣлала тамъ закрутки. Закрутка есть извѣстнаго рода завивка нѣсколькихъ стеблей на пашнѣ, дѣлаемая лихимъ человѣкомъ и особенно вѣдьмою для уничтоженія посѣяннаго хлѣба. И въ настоящее время закрутка наводитъ неописанный страхъ на суевѣрнаго мужика, который для вырыванія ея въ прежнее время призывалъ или знахаря, или священника.

Наконецъ, и у Довгалевскаго, и у Конисскаго выводимые въ интерлюдіяхъ жиды, ляхи, москали, цыгане, литвины и проч. изображаются съ такими-же характерами, съ какими они представляются въ народныхъ южнорусскихъ сатирическихъ сказкахъ.

Какъ-бы чувствуя контрастъ съ духовными школьными драмами, въ которыя вставлялись первоначально интерлюдіи, эти послѣднія иногда помѣщались не между актами духовныхъ драмъ, а въ концѣ ихъ, какъ нѣчто самостоятельное, и, можетъ быть, разыгрывались даже отдѣльно отъ духовныхъ драмъ. А отсюда уже не далекъ переходъ и къ самостоятельной комедіи, выработавшейся изъ интерлюдій. Образчикъ такой комедіи мы видимъ, въ концѣ прошлаго вѣка, въ комедіи уніатовъ съ православными, священника Саввы Стрѣлецкаго, писанной, впрочемъ, на польскомъ языкѣ [1]). Дальнѣйшее-же развитіе мѣстной южно-русской литературы попало въ общую струю теченія русской литературы.

IV.

Важнѣйшую составную часть стариннаго южно-русскаго театра представляетъ изъ себя такъ называемый вертепъ, или театръ маріонетокъ, изображавшій въ цѣломъ рядѣ драматическихъ сценъ обстоятельства Рождества Спасителя.

---

[1]) Издана въ русскомъ переводѣ въ «Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ», за 1869 годъ.

Рождественскому вертепному представленію предшествовали въ южной Россіи колядные обряды и пѣсни частію полуязыческаго, частію христіанскаго содержанія и характера, и до сихъ поръ удерживающіяся въ средѣ народной. На почвѣ этихъ обрядовъ и пѣсень и въ зависимости отъ церковнаго богослуженія развилось, съ теченіемъ времени, драматическое дѣйствіе, имѣющее цѣлію наглядно представить важнѣйшія обстоятельства Рождества Христова, дѣйствіе простое, несложное, отрывочное. На западѣ Европы такимъ дѣйствіемъ была коротенькая мистерія о поклоненіи волхвовъ родившемуся Спасителю, XI в. [1]). Аналогическое явленіе мы находимъ и на югѣ Россіи, гдѣ и теперь еще, мѣстами, въ рождественскіе праздники исполняются молодыми людьми отрывочныя, незаконченныя сцены, касающіяся событій Рождества Христова и особенно поклоненія волхвовъ Спасителю. Таковы, напримѣръ, сценическія представленія въ селеніи Исаковой, оргѣевскаго уѣзда, кишиневской губерніи, исполняемыя взрослыми съ третьяго дня праздника Рождества и по 5-е января. Группами въ шесть и болѣе душъ, замаскированные въ костюмы воиновъ, съ жезлами въ рукахъ и касками изъ разноцвѣтной бумаги на головахъ, молодые парни представляютъ въ зажиточныхъ домахъ хозяевъ сцену встрѣчи съ Иродомъ трехъ царей-волхвовъ, шедшихъ на поклоненіе родившемуся Спасителю [2]).

Когда вертепъ явился въ юго-западной Россіи, съ точностію неизвѣстно; но несомнѣнно, что онъ существовалъ уже здѣсь въ концѣ XVI вѣка. Изопольскій видѣлъ въ Ставищахъ древнѣйшій экземпляръ вертепа съ отмѣткой 1591 года. Къ сожалѣнію, онъ ничего не говоритъ о составѣ видѣннаго имъ вертепа. Единственнымъ источникомъ свѣдѣній о составѣ и содержаніи старинной вертепной драмы южно-русской доселѣ служилъ списокъ ея, записанный Н. А. Маркевичемъ въ 1848 году отъ своихъ крестьянъ; но этотъ списокъ носитъ уже на себѣ явные слѣды школьнаго происхожденія пьесы. Въ настоящемъ году сталъ извѣстенъ другой списокъ вертепной драмы по изложенію, которое сдѣлано сосѣдомъ

---

[1]) См. «Историческій очеркъ средневѣковой драмы», П. Полеваго. С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 73—77.

[2]) «Кишинев. Епарх. Вѣдомости» за 1881 г, № 1-й.

Н. А. Маркевича по имѣнію, нынѣ членомъ государственнаго совѣта, Г. П. Галаганомъ. Повидимому, этотъ списокъ происходитъ изъ одного источника съ первымъ, но имѣетъ нѣкоторыя, иногда весьма важныя отличія. О происхожденіи своего списка Г. П. Галаганъ сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія: „по разсказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, въ 1770 годахъ къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно, ихъ представленіе принято было съ большимъ сочувствіемъ; потому что мой прадѣдъ, удержавъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, причемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ. Такимъ образомъ вертепное представленіе, будучи постоянно повторяемо на рождественскихъ праздникахъ въ продолженіи стольких лѣтъ, сохранено не въ устныхъ преданіяхъ, а въ писанномъ текстѣ и въ положенной на ноты музыкѣ, хотя безъ сомнѣнія съ теченіемъ времени въ немъ могли появиться нѣкоторыя отступленія отъ стариннаго текста“ [1]). Къ сожалѣнію, полный текстъ этого списка не приводится въ интересномъ сообщеніи Г. П. Галагана, между тѣмъ было-бы весьма важно опредѣлить разночтеніе этого и другихъ, могущихъ быть открытыми списковъ, такъ какъ исторію вертепной южно-русской драмы въ настоящее время только и можно изучать путемъ сличенія различныхъ ея списковъ и сопоставленія ихъ текста съ соотвѣтствующими памятниками. Мы лично, впрочемъ, имѣли возможность сличить извѣстные доселѣ два списка вертепной драмы, т. е. Н. А. Маркевича и Гр. П. Галагана, съ цѣлію извлечь данныя для внутренней исторіи южно-русскаго вертепа, и представляемъ здѣсь результаты своихъ изысканій.

Извѣстно, что дошедшая до насъ вертепная драма раздѣляется на двѣ части: духовную, вращающуюся около обстоятельствъ рожденія Спасителя, и свѣтскую, которая мало имѣетъ отношенія къ этому всемірному событію. Оба извѣстные списки вертепа *въ общихъ чертахъ* сходны между собою въ обѣихъ частяхъ; разность усматривается главнымъ образомъ въ текстѣ второй части и тогда

---

[1]) «Кіевская Старина», октябрь, 1882 г., стр. 9.

какъ первая, духовная часть въ обоихъ спискахъ повторяется почти буквально, лишь съ самыми незначительными измѣненіями и отличіями, въ текстѣ второй встрѣчаются значительныя частныя отличія въ обоихъ спискахъ.

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ покойнаго Н. А. Маркевича, высказаннаго имъ въ своей книгѣ [1]), будто „первоначальное происхожденіе вертепа можно отнести ко временамъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго, къ 1600—1620 годамъ, когда онъ началъ возобновлять кіево-братскую школу и академію“, какъ потому, что существованіе въ это время кіево-богоявленской школы и академіи болѣе, чѣмъ сомнительно, такъ и потому, что стихи даже первой части вертепа не носятъ на себѣ слѣдовъ литературнаго языка того времени. Скорѣе первая часть вертепа можетъ идти въ сравненіе съ комедіей на Рождество Христово св. Димитрія Ростовскаго, второй половины XVII вѣка, и особенно съ „Комическимъ дѣйствіемъ“ на Рождество Христово, Митрофана Довгалевскаго, 1736 года. Для примѣра, приведемъ одно параллельное мѣсто. Въ „Комическомъ дѣйствіи“ Довгалевскаго Декретъ Божій призываетъ Смертъ, а Смерть—Діавола.

Смерть (къ Ироду): Не годѣ будетъ сего, яко посѣцу тя,
Но горѣе будетъ ти, яко во адъ возму тя;
Се приглашу и друга, что̀ дѣлать съ тобою,
И возмемъ тя отсюду на жилье съ собою.
Пріиди, друже искренній, первѣйшій владыко,
И увиждь снѣдь готову, намъ сладку толику!
Долгое бо время сего ожидали,
Дабы въ руцѣ Ирода убійцу пріяли.
Дьяволъ. О гостя вождельнна, о друга прелюбезна!
Давно тя ожидаетъ глубочайши бездна, и проч.

Въ вертепѣ есть очень сходныя съ этимъ мѣста. Здѣсь смерть говоритъ Ироду:

Що ты, Ироде несытый, почто се болтаешь
И мене убити воямъ повелѣваешь?

[1]) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ, Н. Маркевича, Кіевъ, 1860 г., стр. 28.

Изъ пропасти ада будешь ты знати,
Неповинны чада якъ убивати!
Выйди, брате, друже, мени пособити,
Кровопийцю Ирода отъ земли стребити!

Чортъ (къ смерти). Почто, моя другиня, зовешь на пораду?
Тотчасъ умерщвлю и препоручу аду.

И затѣмъ, хватая Ирода въ объятія, говоритъ:

Друже мій вірный, друже прелюбезный!
Довго ждавъ я тебе въ глубочайшей бездни.

Почти буквальное сходство послѣднихъ словъ вертепнаго дѣйствія съ соотвѣтствующими словами „Комическаго дѣйствія" Довгалевскаго показываетъ, что или вертепъ заимствовалъ кое-что у Довгалевскаго, или-же, наоборотъ, Довгалевскій воспользовался нѣкоторыми частностями вертепной драмы. Во всякомъ случаѣ то нужно считать несомнѣннымъ, что около 1736 года текстъ вертепа въ первой своей части заключалъ уже тѣ самыя мѣста, какія находятся и въ теперешнихъ его спискахъ.

Во второй части вертепа существующіе два списка его представляютъ, какъ мы выше сказали, нѣкоторыя значительныя разности. Особенный интересъ представляетъ въ спискѣ Г. П. Галагана явленіе 12-е, въ которомъ выводится на сцену запорожецъ съ его козацкими пѣснями и думами, проливающими нѣкоторый свѣтъ и на исторію самаго вертепа. Правда, этотъ запорожецъ выводится и у Маркевича и поетъ туже самую пѣсню, но отъ думы въ спискѣ Маркевича остались только безсвязные отрывки, тогда какъ въ спискѣ Г. П. Галагана она сохранилась въ цѣломъ видѣ. Такъ какъ по этому списку пѣсня и дума запорожца цѣликомъ приведены въ октябрьской книжкѣ „Кіевской Старины", то, не повторяя ихъ здѣсь, мы замѣтимъ только, что обѣ онѣ отзываются глубокою древностію. Въ частности пѣсня запорожца: „Та не буде лучше, та не буде краще, якъ у насъ та на Украини" въ томъ-же почти видѣ приводится въ сочиненіи Н. И. Костомарова „Богданъ Хмельницкій" и отнесена къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, но безъ указанія, откуда она взята [1]). Текстъ ея воспроизве-

---

[1]) «Богданъ Хмельницкій», Н. И. Костомарова, 1870 г., т. III, стр. 352—353.

денъ также въ пѣснѣ о Швачкѣ, относимой М. А. Максимовичемъ къ 1768 году [1]). Что касается думы, то она носитъ на себѣ слѣды еще болѣе древняго происхожденія своего. Въ этомъ отношеніи драгоцѣнно въ ней въ особенности то сохранившееся въ Галагановскомъ спискѣ мѣсто, въ которомъ приводятся слѣдующія слова запорожца:

Да якъ и *лукъ* натягну, брязну *тетивою*,
То мусить съ поля втікать ханъ крымскій зъ ордою.

Оно ясно говоритъ, что дума относится къ тому переходному времени, когда лукъ и тетива только-что стали замѣняться у запорожцевъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, слѣдовательно во всякомъ случаѣ ко времени болѣе раннему эпохи войнъ Хмельницкаго. Другое доказательство древности этой думы то, что отрывки изъ нея нерѣдко воспроизводились на безъимянныхъ изображеніяхъ запорожца, пріурочиваемыхъ иногда къ разбойнику XVIII вѣка Мамаю и дошедшихъ до насъ отъ XVIII вѣка во множествѣ экземпляровъ. По Галагановскому списку вертепа, дума запорожца начинается слѣдующими словами:

Хоть дивись на мене, та ба не вгадаешъ,
Видкиль родомъ и якъ зовуть, пичичиркъ не знаешъ.
Коли трапилось кому у степахъ бувати,
До той може призвище мое вгадати.
А въ мене имя не одно, а есть ихъ до ката,—
Такъ зовуть, якъ набіжишь на якого свата:
Жидъ зъ біды за рідного батька почитае,
Милостивымъ добродіемъ ляхва называе.
А ты якъ хочь назови,—на все позволяю,
Абы лишъ крамаремъ не назвавъ, за те—то полаю.

По словамъ А. М. Лазаревскаго, въ его собраніи древностей есть изображеніе запорожца, принадлежавшее нѣкогда полковнику Полуботку, казненному Петромъ I въ 1722 году, и подъ этимъ изображеніемъ подписаны приведенныя начальныя слова думы запорожца. Тѣ-же слова съ незначительными измѣненіями помѣщены на акварельномъ снимкѣ съ другаго подобнаго изображенія XVIII в., сдѣланномъ г. Де-ла-Флизомъ съ оригинала въ 1850-хъ годахъ.

[1]) См. Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I. Кіевъ, 1876 г., стр. 613.

Хоть на мене дивися, та не угадаешъ,
Якъ зовуть и видкиль родомъ, и якъ прозываютъ,—нечичиркъ не знаешъ.
Коли трапилось кому у степахъ бувати,
То той можетъ мое прозвище угадати.
Жидъ зъ бѣды за ридного батька почитае,
А ляхва дурно милостивымъ добродіемъ называе.
А ты якъ хочешъ, то такъ мене (назови)...
Абы лишъ не крамаромъ...

Г. Де-ла-Флизъ называетъ этого запорожца Мамаемъ, считаетъ его историческою личностію и указываетъ Мамаевъ дубъ на урочищѣ Васильковскомъ, Мотронинской дачи, возлѣ деревни Херсонки, чигиринскаго уѣзда. По мѣстному преданію, разбойникъ Мамай вѣшалъ на этомъ дубѣ ляховъ и жидовъ и наконецъ самъ былъ повѣшенъ на немъ по распоряженію польскаго правительства [1]). Дѣйствительно, мы читали въ одной перечневой лѣтописи XVIII столѣтія о казни разбойника Мамая, помнится въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка. Но очевидно, что живописный типъ запорожца существовалъ раньше Мамая и только примѣненъ былъ въ данномъ случаѣ къ этому разбойнику. Наконецъ, въ распоряженіи редакціи „Кіевской Старины" находится еще подобное изображеніе безъимяннаго запорожца, половины XVIII вѣка. Внизу и по сторонамъ этого изображенія выписаны четыре отрывка изъ вертепной думы запорожца, именно изъ начала, середины и конца этой думы. Вотъ эти отрывки:

1. Хоть дивись, то одначе не въгадаешъ,—
   Вѣдки я родомъ, правда нѣчичир(к)ъ не знаешъ.
   Називай мене гайдамакою, розбойнікомъ, пяницею...
2. Що то якъ я бувъ молодъ, що во мнѣ була за сіла!
   Якъ ляхѣвъ боровъ, то и рука не трусила.
   А тепера и вошъ одъ мене силнѣйша здаеця.
3. Козакъ душа справедливая, сорочки не мае.
   Коли не пье, то воши бье, то таки не гуляе.
   Того ляхи, не менше попи и чинцѣ, набѣралися жаху.

[1]) Этнографическій альбомъ Де-ла-Флизъ находится въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской дух. академіи.

4. Гей, бандура моя золотая!
Коли бъ до тебе молодиця молодая!
Скакала бъ, спѣвала. До сёго лиха
Не одинъ бы чумакъ отъчурався гроший мѣха.
Бо якъ заграю, то не одинъ и поскаче,
А подождавше с того веселля то не одынъ и заплаче.

Такимъ образомъ, пѣсня и дума запорожца въ 12-мъ явленіи вертепа по происхожденію своему относятся къ глубокой старинѣ, можетъ быть къ началу XVII вѣка или, по крайней мѣрѣ къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго и обѣ пользовались извѣстностію и въ XVIII вѣкѣ. Когда онѣ вошли въ составъ вертепной драмы, неизвѣстно съ точностію; но такъ какъ и пѣсня, и дума, въ цѣломъ видѣ или въ отрывкахъ, помѣщаются въ обоихъ извѣстныхъ спискахъ вертепа, Маркевичевскомъ и Галагановскомъ, то надобно полагать, что онѣ вошли въ составъ вертепной драмы при установленіи основнаго текста второй части вертепа.

Относительно происхожденія основнаго текста второй, свѣтской части вертепа прежде всего нужно замѣтить, что нѣкоторыя ея мѣста носятъ на себѣ слѣды искуственнаго, школьнаго происхожденія. Не смотря на различныя наращенія и передѣлки, какимъ подвергся текстъ второй части вертепа въ устахъ его исполнителей, въ ней и доселѣ еще можно замѣтить слѣды силлабическаго школьнаго стихосложенія, состоявшаго изъ 13, 12, 11 и т. д. слоговъ, съ риѳмою на концѣ и иногда цезурою въ срединѣ. Такъ напримѣръ, тринадцати-сложное силлабическое стихосложеніе съ цезурою замѣчается въ цыганской пѣснѣ 8-го явленія:

Де-жь, цыгане, ты живешь? Я-жъ не маю хаты;
Що выкую та выдурю,—тільки мыни платы, и проч.

Двѣнадцати-сложное силлабическое стихосложеніе замѣчается въ польской пѣснѣ десятаго явленія, напримѣръ въ словахъ:

Не жалуй, дивчина, барилечка вина,
Бо собѣ достанешъ добрей матки сына, и проч.

Отличаясь веселымъ, забавнымъ содержаніемъ и характеромъ, вторая часть вертепа представляетъ прямую аналогію со школьными

интерлюдіями, каковы извѣстныя уже намъ интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго и Георгія Конисскаго. Въ качествѣ интерлюдій, свѣтскія сцены вертепа первоначально соотвѣтствовали своимъ содержаніемъ актамъ или явленіямъ первой духовной части вертепа, къ которой онѣ относились. Примѣры такого соотвѣтствія можно видѣть отчасти и въ настоящее время. Первая, духовная часть вертепа состояла, повидимому, изъ пролога и четырехъ актовъ. Въ первомъ актѣ говорится о поклоненіи пастырей новорожденному Спасителю; во второмъ—о путешествіи волхвовъ на поклоненіе Спасителю, встрѣчѣ ихъ съ Иродомъ и возвращеніи восвояси; въ третьемъ—объ избіеніи виѳлеемскихъ младенцевъ, по повелѣнію Ирода; въ четвертомъ—о смерти Ирода. Первому акту мистеріи соотвѣтствуетъ то явленіе второй части вертепа, гдѣ жидъ, припоминая важнѣйшія событія изъ исторіи еврейскаго народа, высказываетъ надежду на скорое пришествіе Мессіи. Мистеріальной сценѣ поклоненія пастырей рожденному Спасителю и принесенія ему даровъ соотвѣтствуютъ тѣ явленія второй части вертепа, въ которыхъ мужикъ Климъ даритъ блудливую и никуда негодную свинью дьяку за обученіе дѣтей грамотѣ. Въ послѣдней сценѣ рождественской мистеріи смерть и чортъ уносятъ Ирода въ адъ. Подобнымъ образомъ и во второй части вертепа чортъ, по приказанію козака, уноситъ съ собой жида, и наконецъ два чорта хотятъ взять къ себѣ и самого запорожца. Съ теченіемъ времени, различныя сцены второй части вертепа стали перемѣщаться съ одного мѣста на другое, дополняться другими сценами, или сокращаться, какъ это наглядно можно видѣть изъ сличенія списковъ Маркевича и Галагана; а вслѣдствіе этого первоначальная связь вертепныхъ интерлюдій съ самой рождественской мистеріей или затемнилась, или вовсе утратилась.

Если смотрѣть на первоначальную форму свѣтской части вертепа, какъ на интерлюдіи къ рождественской духовной драмѣ; то происхожденіе этой части нужно отнести къ самому раннему времени появленія интерлюдій вообще и школьной теоріи ихъ, т. е. по времени не позже конца XVII вѣка, хотя матеріалъ для интерлюдій могъ быть заимствованъ изъ народнаго обращенія и раньше этого существовать въ иной формѣ. Существовалъ-же въ какой-то формѣ вертепъ, видѣнный Изопольскимъ, съ подписью 1591 г.

Само собою разумѣется, что первоначальный текстъ свѣтской части вертепа или вертепныхъ интерлюдій не могъ оставаться неизмѣннымъ и дойти до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Давая матеріалъ для составленія новыхъ школьныхъ интерлюдій, вертепныя интерлюдіи въ свою очередь могли заимствоваться отъ нихъ и обогащаться новыми матеріалами и сценами. Этимъ взаимнымъ отношеніемъ между первоначальными вертепными интерлюдіями и позднѣйшими школьными объясняется большое сходство въ частностяхъ между вертепными интерлюдіями съ одной стороны и интерлюдіями М. Довгалевскаго и Георгія Конисскаго съ другой, весьма важное для исторіи текста второй части вертепа. Укажемъ нѣсколько примѣровъ такого сходства. Во второй части вертепа запорожецъ издѣвается надъ двумя чертями и одного изъ нихъ, поймавъ за хвостъ, тащитъ къ свѣту, говоря:

Що се я піймавъ? чи се птичка?
Чи перепеличка?
Чи се тая синичка,
Що вона й не дыше,
Тилько хвостикомъ колыше?

Эти слова почти буквально встрѣчаются и въ первой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго. Здѣсь мужикъ Пархимъ обращается съ подобными словами къ поляку—астроному:

А що бакъ ты у чорта и скажи (что) за птиця,—
Чи мишь, чи кажанъ, чи перепелиця?

Голодный цыганъ съ цыганкой во второй части вертепа очень живо напоминаютъ цыганскую чету въ третьей интерлюдіи Георгія Конисскаго. При сходствѣ положенія дѣйствующихъ лицъ въ обѣихъ пьесахъ, мѣстами есть даже буквальное сходство между ними.

У Конисскаго голодный цыганъ говоритъ:

Охъ, істи, істи хочу, панове, ратуйте!
Хотя саломъ смажне губы помаруйте!

А въ вертепѣ онъ говоритъ такъ:

Эхъ, юсти, юсти
Смаженои капусты!
Хочь бы сальцемъ зашаровати!

У Конисскаго цыганка обѣщаетъ накормить цыгана и говоритъ:

Навару тобѣ борщу, испеку комара
И накормлю тебе, мого милого господара...
То-то борщь ситій, то-то страва люба!
Возми лишь да покоштуй, ажъ злипнется губа!

Цыганъ. Се-жъ твуй борщь похюжъ на ракову юшку.
Цыганка. То-то для смаку кидала снитку й петрушку.

И въ вертепѣ цыганка подобнымъ образомъ угощаетъ своего голоднаго мужа.

Цыганка. Принесу тоби борщику
Въ полывяномъ горщику...
Тутъ-то страва, тутъ-то люба!
Якъ покоштуешь, то стынется (звисне) губа...
Цыганъ. Твій борщь походивъ на раковую юшку.
Цыганка. Кидала мій миленькій (й цыбулю) и петрушку;
И для свого господаря
Кидала кусокъ сала зъ комара.

Послѣ интерлюдій Георгія Конисскаго 1746 года, кіевскій вертепъ едва-ли имѣлъ дальнѣйшее развитіе, такъ какъ съ этого приблизительно времени вертепныя рождественскія представленія теряютъ кредитъ и болѣе и болѣе переходятъ въ низменныя сферы училищной жизни. Въ 1736 году Θеофанъ Прокоповичъ, указывая кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому экономическія средства для содержанія кіевской академіи, не благопріятно отозвался о студенческихъ „миркованьяхъ", составлявшихъ, вмѣстѣ съ вертепными представленіями, источникъ доходовъ для бѣднаго студенчества. Что замѣчаніе Θ. Прокоповича принято было къ свѣдѣнію, это видно какъ изъ отсутствія въ послѣдующее время рождественскихъ школьныхъ пьесъ, соотвѣтствующихъ вертепу, за исключеніемъ двухъ отрывковъ, такъ и изъ положительнаго свидѣтельства о томъ, что съ этого приблизительно времени вертепныя представленія пренебрегались лучшими студентами и сдѣлались достояніемъ пьяныхъ пѣвчихъ. Въ одномъ спискѣ „Правила увѣщательнаго пьяницамъ", 1779 г., но встрѣчающагося въ другихъ спискахъ гораздо ранѣе, говорится слѣдующее: „радуйтеся, пиворѣзы, и паки реку радуй-

теся! се радости день приспѣваетъ, день, глаголю, праздника рождественскаго сближается. Востаньте убо отъ ложей своихъ и восприимите всякъ по своему художеству орудія, *содѣлайте вертепи*, склейте звѣзду, составьте партесы! егда-же станите по улицахъ со звукомъ бродя, ищущи сивухи, пріймутъ васъ подъ кровы своя". „Достойно и праведно,—говорится въ другомъ мѣстѣ „Правила",—похулити подвиги и труды ваши, горкопійцы; обтекаете бо вселенную, аки орли во облацѣ парящіе отъ града въ градъ, отъ веси въ весь, творяще лядопивство, и гдѣ изобиліе шинковъ и винницъ жители имѣютъ, тамо... возгнѣздитесь" [1]). Такіе-то, вѣроятно, орлы—пиворѣзы залетѣли въ 1770-хъ годахъ и въ Сокиринцы, имѣніе гг. Галагановъ, и разыгрывали здѣсь вертепное представленіе. Но очевидно, что они уже не были творцами вертепной драмы, а только ея исполнителями, промышлявшими чужимъ добромъ ради собственнаго прибытка.

Сдѣлавшись достояніемъ пьяныхъ пѣвчихъ, а затѣмъ церковныхъ дьяковъ и полуграмотнаго народа, вертепъ мало по малу терялъ свою первоначальную школьную правильность, утрачивалъ прежнія сцены, дѣлавшіяся анахронизмомъ, или переставлялъ ихъ съ одного мѣста на другое и замѣнялъ новыми въ простонародномъ вкусѣ. Это отчасти можно видѣть изъ текста Галагановскаго списка вертепа и сличенія его со спискомъ Маркевича. Дума запорожца почти совсѣмъ выпущена въ спискѣ Маркевича, вѣроятно потому, что этотъ запорожецъ, давно уже и самъ сошедшій со сцены, говоритъ здѣсь о козацкихъ столкновеніяхъ съ турками, татарами и ляхами, о ханѣ крымскомъ съ ордою, и проч. Въ заключительномъ явленіи Галагановскаго списка выходитъ на сцену нищій Савочка, единственный человѣкъ, къ которому благоволитъ запорожецъ. Но въ спискѣ Маркевича это явленіе замѣнено болѣе современнымъ явленіемъ, въ которомъ солдатъ стрѣляетъ изъ пушки и привѣтствуетъ господъ—зрителей словомъ: виватъ! На основаніи архаическихъ мѣстъ, удержавшихся въ Галагановскомъ спискѣ вертепа, мы готовы признать его редакцію болѣе древнею, чѣмъ редакція Маркевичевскаго списка, хотя и въ послѣднемъ мѣстами сохранился болѣе древній текстъ, чѣмъ въ спискѣ Галагановскомъ.

---

[1]) Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в., стр. 76—78.

За небольшими исключеніями, основной текстъ вертепа въ обоихъ спискахъ, Маркевича и Галагана, довольно сходенъ между собою; небольшія разночтенія могутъ служить только къ возстановленію первоначальнаго текста вертепа. Первая, духовная часть вертепа наиболѣе осталась вѣрною первоначальному его тексту, тогда какъ во второй части его чувствуется множество искаженій, распространеній и вставокъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что эта часть вертепа пришлась по вкусу исполнителямъ, которые наложили на нее свою руку. Школьное силлабическое стихосложеніе въ этой части вертепа постоянно перебивается и нарушается размѣромъ украинскихъ думъ.

Извѣстно, что въ составъ древняго эпическаго стиха, распространеннаго у другихъ славянскихъ народовъ, входило десять слоговъ съ двумя удареніями. Размѣръ этотъ выдержанъ въ украинскихъ и особенно въ галицкихъ колядкахъ. Но думы отличаются отъ другихъ украинскихъ пѣсенъ разнообразною, вольною мѣрою своихъ стиховъ, слагающихся изъ неравнаго числа тоническихъ стопъ, и въ неопредѣленномъ числѣ слоговъ: есть стихи многосложные, заключающіе въ себѣ около 30 слоговъ; есть также пятисложные, даже трехсложные. Размѣръ думъ основанъ на внутренней потребности мысли оттѣнить въ каждомъ стихѣ вполнѣ отдѣльную часть ея: гармонія звука вытекаетъ изъ внутренней гармоніи мысли, что̀ и даетъ думамъ право на ихъ названіе. Это именно *думы*, сознательные акты мысли, облеченные въ поэтическую форму воспоминаній о прошедшемъ, которое не настолько отдѣлилось отъ пѣвца, чтобы можно было говорить о немъ вполнѣ безпристрастно, въ спокойно размѣренной формѣ традиціоннаго эпическаго стиха. Пѣвецъ, слагатель думы, самъ былъ очевидцемъ и, можетъ быть, участникомъ совершившихся событій; оттого-то эпическій тонъ думы часто переходитъ въ лирическій и драматическій. Другое отличіе украинскихъ думъ отъ эпическихъ великорусскихъ пѣсенъ и юнацкихъ сербскихъ состоитъ въ риѳмѣ, столь привычной для пѣснопѣнья южно-русскаго. Рѣдко встрѣчается въ думѣ стихъ безъ отвѣтнаго и созвучнаго ему стиха; чаще ихъ бываетъ по нѣскольку (до 10-ти) на одну риѳму [1]).

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II, 1877 г., стр. 459: «Что такое думы». См. «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» П. Житецкаго. Кіевъ, 1876 г., стр. 289—290.

Вотъ это-то стихосложеніе украинскихъ думъ, врываясь мало по-малу въ вертепныя школьныя интерлюдіи, нарушало ихъ силлабическій размѣръ, приближало ихъ къ народному складу и произвело во второй части вертепа тотъ видимый безпорядокъ, который теперь замѣчается въ немъ съ перваго разу. Наглядный примѣръ тому представляютъ сцены цыгана съ цыганкой, встрѣчающіяся и въ интерлюдіяхъ Г. Кониссгаго, и въ вертепѣ. Вмѣсто 13 или 11 слоговъ интерлюдій, въ вертепѣ является, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, отъ 5 до 14 слоговъ. Этому перебою силлабическаго стихосложенія стихосложеніемъ думъ много содѣйствовала риѳма, усвоенная тѣмъ и другимъ стихосложеніемъ, которая вызывала у исполнителей вертепа новые стихи съ такими-же риѳмами и новыя риѳмы даже въ срединѣ стиховъ. Это видно изъ сличенія какъ цыганскихъ вертепныхъ сценъ съ соотвѣтствующими сценами въ третьей интерлюдіи Георгія Кониссгаго, такъ и обоихъ списковъ вертепа между собою. Такъ напримѣръ, въ интерлюдіи Кониссгаго мы видѣли слѣдующій стихъ:

Охъ, исти, исти хочу! панове ратуйте!

Въ другомъ мѣстѣ:

Навару тобѣ борщу, испеку комара, и проч.

Но въ спискахъ вертепа каждый изъ этихъ стиховъ раздѣленъ на два меньшіе, по числу слоговъ, стиха, съ приставкою къ первому полустишію риѳмы и необходимаго для нея текста. Такимъ образомъ изъ перваго стиха вышли два слѣдующіе:

Эхъ, юсти, юсти (вм. исти, исти),
Смаженои капусты.

Изъ втораго-же стиха, при помощи новой риѳмы, образовалось слѣдующее двустишіе:

Принесу тоби борщику
Въ полывяномъ горщику.

Наращеніе нѣсколькихъ риѳмъ, съ соотвѣтствующимъ новымъ текстомъ, на первоначальную риѳму видно изъ сличенія нѣкоторыхъ мѣстъ вертепа по обоимъ его спискамъ. Такъ напримѣръ, первое явленіе второй части вертепа, по Галагановскому списку, начинается слѣдующимъ двустишіемъ:

Отъ, теперъ-же и мы, бабусенько, дождалися, якъ Ирода на світі не стало.
Теперъ, моя молодичко, потанцюймо хоть мало!

Но въ спискѣ Маркевича вмѣсто этого двустишія являются уже три стиха съ одинаковою риѳмою, въ такомъ видѣ:

Отъ, теперъ и намъ припало,
Якъ Ирода вже не стало.
Потанцюймо-жъ, молодычко, мій ружевый квитъ, хоть мало!

Въ спискѣ Маркевича девятое явленіе начинается слѣдующими стихами, сравнительно правильными въ силлабическомъ отношеніи:

А цо тута за галаце?
Нѣхъ дзембло везьме гайдамацѣ!
Идзь, хлопку, ведзь до мнѣ кохану!
Я ту краковьяку вытанцевать стану.

Но въ спискѣ Галагана къ двумъ первымъ риѳмамъ прибавляется третья:

А цо тута слыхъ да галаце?
Нѣхъ дзембле везьмо гайдамацѣ!
Идзь, хлопку, до женской палаце!

Послѣ этого, четвертый стихъ оказался уже неумѣстнымъ въ спискѣ Галагана и выброшенъ изъ него.

Такія и подобныя вторженія народнаго стихосложенія въ текстъ вертепа встрѣчаются въ немъ сплошь и рядомъ и сообщаютъ ему народный колоритъ и букетъ. Этотъ послѣдній усиливается, по мѣстамъ, вставками въ текстъ вертепа цѣлыхъ народныхъ пѣсенъ, или отрывковъ изъ народныхъ произведеній, или очевидныхъ подражаній имъ. Такова, напримѣръ, въ первомъ дѣйствіи второй части вертепа пѣсня: „Ой пидъ вишенькою“, и теперь распѣваемая независимо отъ вертепа.

Благодаря привнесенію народнаго элемента, южно-русскій вертепъ сдѣлался любимымъ народнымъ развлеченіемъ, получилъ широкое распространеніе и перешелъ даже въ Сибирь. Еще въ 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка, говорятъ, онъ разыгрывался въ кіевскихъ балаганахъ, на торговыхъ площадяхъ, и привлекалъ къ себѣ толпы зрителей изъ простаго народа. Поэтому южно-русскій вертепъ имѣетъ право на полное вниманіе со стороны лицъ, заботящихся о развитіи народнаго театра, такъ какъ этотъ вертепъ и знакомитъ насъ съ театральными вкусами простаго здѣшняго народа, и можетъ дать матеріалъ для современнаго народнаго театра.

Н. Петровъ.

БАНДУРИСТЪ ИВАНЪ КРЮКОВСКІЙ.

(Текстъ девяти думъ, съ біографической замѣткой).

Въ томъ переходномъ фазисѣ своей исторической жизни, который переживаетъ теперь малорусское племя, остатки національной старины таютъ и исчезаютъ съ поразительной быстротой. Рѣшительныя и рѣзкія перемѣны послѣдняго двадцатипятилѣтія,—крестьянская реформа, общая воинская повинность, желѣзныя дороги—повліяли сильнымъ образомъ на сложившійся подъ иными условіями народный бытъ. Но нигдѣ исчезновеніе старыхъ преданій незамѣтно такъ сильно, какъ въ области историческаго народнаго самосознанія. Не поддержанное школой и научнымъ путемъ, сознаніе это, отодвинутое отъ стараго строя столѣтіемъ жизни въ иныхъ условіяхъ, теряетъ съ нимъ всякую связь. Подъ вліяніемъ этихъ-же новыхъ условій жизни одинъ изъ факторовъ такого сознанія,—народная историческая поэзія, безвозвратно умираетъ на нашихъ глазахъ.

Хранителей поэтическихъ произведеній историческаго характера,—кобзарей, бандуристовъ, лирниковъ, которыхъ въ пятидесятыхъ годахъ насчитывали еще десятки, въ настоящее время надо считать единицами. Еще недавно почтеннаго Остапа Induльнаго Вересая считали послѣднимъ представителемъ малорусскихъ рапсодовъ. Потомъ нашлось два кобзаря въ нѣжинскомъ уѣздѣ, съ менѣе обширнымъ репертуаромъ. Заключеніе о Вересаѣ, какъ о единственномъ живомъ хранителѣ народнаго эпоса, было слишкомъ поспѣшно. Въ глухихъ уголкахъ Малороссіи есть еще нищіе слѣпцы, прошедшіе свою *науку* въ 50—60 годахъ, когда на искусство ихъ былъ еще нѣкоторый спросъ, и поющіе по двѣ, по три историческихъ пѣсни

общаго характера. Но кобзарей стараго типа, хранящихъ въ памяти большой запасъ думъ и пѣсень, помнящихъ еще то время, когда къ этимъ пѣснямъ прислушивалась народная толпа, на всей Украйнѣ, дѣйствительно, найдется теперь не болѣе двухъ-трехъ, да и тѣ одной ногой стоятъ въ могилѣ. Бандуристъ, именемъ котораго озаглавлена эта замѣтка, одинъ изъ этихъ послѣднихъ могиканъ. Живетъ онъ въ Лохвицѣ, полтавской губерніи, гдѣ я и записалъ отъ него печатаемые нынѣ варіанты думъ.

Первые собиратели произведеній народной поэзіи не оставили намъ никакихъ замѣтокъ о личностяхъ почтенныхъ слѣпыхъ пѣвцовъ, память которыхъ сохранила эту народную святыню. Произошло-ли это отъ того, что въ то время, въ первую четверть нашего вѣка, кобзари были еще явленіемъ общимъ, не обращавшимъ на себя вниманія своею рѣдкостью, или отъ полнаго отсутствія въ то время уваженія къ личности въ людяхъ изъ народа, но ни князь Цертелевъ, ни гг. Срезневскій, Лукашевичъ и Максимовичъ ни словомъ не упоминаютъ о кобзаряхъ, отъ которыхъ заимствовали матеріалъ для своихъ сборниковъ. Впервые кобзари названы въ „Южно-русскихъ пѣсняхъ“ Метлинскаго, вышедшихъ въ 1854 году. Три года спустя П. А. Кулишъ, въ своихъ „Запискахъ о южной Руси“, этой книгѣ, которой нѣтъ равной въ литературѣ малорусской этнографіи, далъ нѣсколько характеристикъ знакомыхъ ему кобзарей, набросанныхъ съ обычнымъ этому писателю живымъ талантомъ. Такимъ образомъ нѣкоторая извѣстность досталась только рапсодамъ позднѣйшаго времени, дольше протянувшимъ нить народнаго историко-поэтическаго преданія и какъ-бы въ награду за то. Наибольшая доля вниманія выпала въ этомъ отношеніи Остапу Вересаю, скромное имя котораго проникло даже на чопорныя страницы „Revue des deux mondes“. Къ маленькой серіи кобзарскихъ біографій должно примкнуть и это сообщеніе о лохвицкомъ бардѣ [1]).

[1]) Къ списку кобзарей, помѣщенному въ статьѣ „Остапъ Вересай, его пѣсни и думы“ („Кіевская Старина“, 1882 г. № 8), составленному главнымъ образомъ по замѣткѣ г. Бѣлозерскаго (въ сборникѣ Метлинскаго), надо прибавить еще имена: лирника Дмитра Погорилого, изъ Звенигородки, кіевск. губ., Ѳедора Кононенка, изъ с. Александровки, лубенскаго уѣзда, полт. губ. и Лександра Михайлюка, изъ того-же уѣзда. Думы отъ нихъ записывалъ Кулишъ. Упомянемъ, кстати, что въ изданіи Л. Жемчужникова „Живописная Украйна“ (1861—62 г.) помѣщено нѣсколько портретовъ кобзарей, нарисованныхъ издателемъ и Кулишемъ. Таковы портреты Андрея Шута, Архипа Никоненка, Дмитра Погорилого и Вересая, лѣтъ 25 назадъ.

Лѣтъ шестьдесятъ назадъ, при въѣздѣ въ печальную и нынѣ, а тогда совершенно захолустную Лохвицу, стояла панская усадьба—обиталище мелкопомѣстныхъ дворянъ Крюковскихъ. Земля ихъ была при городѣ; тутъ-же, близъ исчезнувшей нынѣ усадьбы, при томъ-же „городѣ“, стояли панскія хозяйственныя постройки, а въ убогихъ хаткахъ, размѣщалось десятка два крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 1820 году, на зимняго Миколу, у пана родился сынъ, а три недѣли спустя, тоже сынъ родился у одного изъ его подданныхъ—Григорія Кравченка. Когда мальчику исполнилось три года, его взяли въ комнаты, къ паничу. Пока Иванъ былъ маленькій, назначеніе его было—играться съ паничемъ, когда-же онъ немного подросъ и окрѣпъ и отъ него можно было получить болѣе серьезныя услуги, обязанности его перемѣнились и онъ превратился въ лакея-попыхача. Такъ, въ „комнатахъ“, прожилъ онъ до 15-ти лѣтъ. Въ это время у него стали болѣть глаза и болѣли три года. Наконецъ зрѣніе совсѣмъ стало измѣнять ему и онъ долженъ былъ убѣдиться, что слѣпнетъ. Паничъ не вѣрилъ этому и, по разсказу кобзаря, „все було шуткує: скаже мені—туди иди, або туди,—а я пійду та-й впаду. Звісно—паны тоді знущались надъ людьми!—А після того панъ старый уже бачить, що я сліпый, та й одпустивъ мене“. Ни хаты, ни поля онъ ему не далъ.

— Ты сліпый, сказалъ ему панъ, на що тобі хата? Ты у людей де нѐбудь проживешъ.

Въ то время отецъ Ивана уже умеръ, жива была одна мать. Она то и вздумала отдать сына въ ученье къ кобзарю. Въ село Гапоновку (лохвицкаго уѣзда), незадолго передъ тѣмъ, явился кончившій свою *науку* слѣпецъ Кравченко (однофамилецъ нашего бандуриста). Къ нему-то и отправила мать Ивана на обычные три года, сказавъ: „иди, сыну, може ты у ёго чогось научишся“!

Кравченко былъ старше Ивана и учился въ зѣньковскомъ уѣздѣ у стараго кобзаря Хмельницкаго. Онъ умеръ года три назадъ въ с. Венславовкѣ, близъ Гадяча, куда потомъ переселился. Онъ не былъ, впрочемъ, единственнымъ учителемъ Ивана. Странствованія по ярмаркамъ сближали его и съ другими кобзарями, отъ которыхъ онъ, при хорошей памяти, перенималъ пѣсни и думы. Особенно памятенъ ему старый Гаврило Волкъ, жившій гдѣ-то въ зеньковскомъ уѣздѣ. Ему было лѣтъ 90. „Вінъ такий бувъ, що и

кобзу свою вже покинувъ,—не здужавъ грать. Такъ, словесно було розсказуе. Я ёму за кажду пісню дававъ четвертакъ. У почі оце, було, яхъ посходимось,—вінъ мені разивъ три, чи чотири прокаже, то у мене памьять була до̀-обра, то я й затвержу. То и вінъ каже бувало,—царство Боже!“ „Эге, сыну, не те вже теперъ! Не такихъ співають! Багато и я позубувавъ. А колись чувъ доброго, хороше знавъ!“...

Время шло. Спросъ на думы и пѣсни все болѣе и болѣе уменьшался въ народѣ и нашъ кобзарь повѣсилъ на гвоздь бандуру и почти исключительно занялся витьемъ веревокъ и дѣланьемъ возжей, обычнымъ ремесломъ малороссійскихъ нищихъ-слѣпцовъ.

Надо было устроить какъ нибудь жизнь. Панъ не далъ ничего, кромѣ своего имени: по странной ироніи судьбы кобзарь нашъ является теперь носителемъ и продолжателемъ исчезнувшей фамиліи Крюковскихъ. Такъ назвали его съ самаго начала его скитальческой жизни; подъ этимъ именемъ знаютъ его всѣ и теперь. Въ 27 лѣтъ Иванъ женился. Бракъ этотъ далеко не былъ безплоднымъ: число дѣтей кобзаря достигло, съ лѣтами, числа сыновей Іакова. Изъ этой огромной семьи въ живыхъ осталось только три сына. Жива и жена, еще далеко не старая женщина (она моложе своего мужа на 11 лѣтъ). Вмѣстѣ сколачивали они деньги и два раза было построились, одинъ разъ въ м. Сенчѣ, другой—въ Лохвицѣ, но два раза погорѣли. Послѣ того, лѣтъ двѣнадцать, семья жила въ чужой хатѣ. Въ это время жена и старшій сынъ, поднявшійся уже на ноги, въ теченіи трехъ лѣтъ, ходили на Донъ, на заработки. Жена приносила рублей по 45 (она жала, вязала и проч.), сынъ рублей по 80 (онъ косилъ). Такимъ образомъ они сколотились на грунтъ и на хату. То и другое куплено въ пригородѣ Лохвицы-Прилипкѣ, гдѣ и живетъ теперь Крюковскій.

Быть можетъ кому нибудь будетъ страннымъ представить себѣ кобзаря въ городской обстановкѣ. Бывшіе въ Лохвицѣ поддержатъ меня, а не бывшіе повѣрятъ на слово тому, какъ мало городского въ этомъ „городѣ“. Что-же касается предмѣстья Прилипки, гдѣ стоитъ хата Крюковскаго, то это совершенная деревня. Соломенныя крыши, плетневые заборы, сады и огороды, съ торчащими кое-гдѣ огромными ольхами и липами, клуни, окруженныя скирдами, собаки въ дворахъ и свиньи на улицахъ—все здѣсь, какъ слѣдуетъ быть

въ селѣ. Даже эта строгая деревенская тишина, подъ которой чуется трудовой недосугъ, насущная работа, то очевидное прямое дѣло земледѣльческаго труда, которое наполняетъ все деревенское время, всю деревенскую жизнь и такъ выгодно отличаетъ ее отъ ничѣмъ не наполненнаго, пустого и унылаго прозябанья маленькихъ городковъ.

Колеся по полтавской губерніи и услышавъ о Крюковскомъ, я завернулъ въ Лохвицу и безъ труда нашелъ его хату, а въ ней и самаго хозяина, старика за 60 лѣтъ, средняго роста, сѣдого, съ волосами чубомъ, въ усахъ и съ двухнедѣльной бородой. Лицо его, съ довольно правильными чертами, грубовато, но смягчается оттѣнкомъ добродушія. Мы скоро познакомились и перешли къ интересовавшему меня предмету. Крюковскій охотно диктовалъ мнѣ думы, псальмы и пѣсни и не разъ сѣтовалъ на то, что многое перезабылъ изъ всего этого. „Я іхъ знавъ всіхъ пісень 70, такъ що-жъ?— Рідко приходится співать. Хоть-би кожного году по разу всі проспівавъ, то й то-бъ помнивъ, а то рідко-рідко коли проспіваешъ. На ярмарки я тільки за-молоду ходивъ, а впісля покинувъ. То ти, що зъ лирою,—то вінъ сяде середъ ярмарку та грае, та голосить, то люде его и слухають; а то співай дві чи три,—а тобі достанется ота копійка або дві! Люде старихъ пісéнь и не слухають. Ще прежде старики колись звали співать імъ, а теперъ молоді все позабували; ему співай про старовину, а вінъ не знае, що воно таке и е. Теперъ я такъ, для себе граю, та отъ коли хто зъ панівъ покличе, то граю імъ".

Говорили о кобзаряхъ. Припоминали нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кобзари знаютъ другъ друга и распросы у нихъ лучшій способъ сдѣлать новыя находки въ этой области, еслибъ такія находки были еще возможны. Крюковскій зналъ Андрея Шута, вечірского (пирятинскаго уѣзда) Антона (помéръ торікъ!), Трихона, зъ Великихъ Бубнівъ (роменскаго уѣзда, умеръ два года назадъ), Потапа, въ с. Новой Греблѣ, лохвицкаго уѣзда, Алексѣева изъ Крячковки (пирятинскаго уѣзда), Архипа Никоненка („той далеко живъ, такъ ми рідко стрічались"). Всѣ они поумирали. Знаетъ Вересая, но видѣлся съ нимъ лѣтъ двадцать назадъ.

Самъ онъ *зіньковскоі науки* и, какъ сказано, главный свой пѣсенный фондъ переняль отъ Кравченка, учившагося у Хмель-

ницкаго, въ Зеньковѣ. Хмельницкій умеръ раньше Вовка и съ этимъ учителемъ своего *майстра* онъ не встрѣчался никогда. У самаго Крюковскаго есть ученики, но историческихъ пѣсень онъ пѣть ихъ не учитъ, во первыхъ потому что на это нѣтъ теперь никакого спроса, во вторыхъ потому что это трудно: „Иншому разъ двадцять прокажи—нічого не тямить!“ Также трудно и научить играть на бандурѣ. Одного ученика онъ играть научилъ. То былъ сиротка, плохого здоровья, слѣпой и горбатый и жилъ у нихъ. Теперь онъ ушелъ.

Для меня былъ вынесенъ изъ коморы „струментъ“, хотя я и не затруднялъ старика пѣніемъ всѣхъ думъ и прослушалъ съ бандурой только тѣ, которыя онъ самъ захотѣлъ пѣть. Голосъ у Ивана довольно свѣжъ. Думы поетъ онъ быстрыми речитативами съ протяжными окончаніями при перемѣнѣ мелодіи. Довольно гармонично звучатъ также нѣсколько исполняемыхъ имъ на одной кобзѣ, безъ пѣнія, пьесъ.

Матеріальное положеніе Крюковскаго плохо. Изъ большой семьи, рабочихъ рукъ, этого обычнаго источника крестьянскаго благосостоянія, въ живыхъ осталось только три сына. Младшему всего лѣтъ шесть, средній еще въ ученьи у кузнеца и только старшій, парубокъ, помогаетъ отцу въ его ремеслѣ,—выдѣлкѣ издѣлій изъ конопли, которыя они возятъ продавать на ярмарки и дѣлаютъ, по заказу, на мѣстѣ.

Всѣ девять думъ, записанныя мною отъ Крюковскаго, извѣстны печатно. Тѣмъ не менѣе эти, послѣдніе, можетъ быть, по записи, варіанты не лишены значенія. Сохранились они въ памяти кобзаря довольно полно всѣ, кромѣ думы о Самойлѣ Кошкѣ, изъ которой онъ могъ, по его выраженію, припомнить „хиба десяте слово“. Помѣщеніе и этого послѣдняго варіанта объясняется тѣмъ, что настоящій клочокъ варіанта есть первый, встрѣчающійся собирателямъ пѣсень послѣ того, какъ превосходная дума эта записана была въ 30-хъ годахъ Лукашевичемъ. Сравненіе остальныхъ думъ съ извѣстными прежде текстами обнаружило также отличія. Я не стану, однакожъ, удлиннять безъ надобности размѣры статьи сравненіемъ этихъ варіантовъ съ прежними строка за строкой, указаніемъ что въ нихъ есть и перечисленіемъ чего нѣтъ, по примѣру русскаго композитора, печатавшаго нѣкогда списокъ произведеній, которыхъ

онъ *не пишетъ.* При наличности девяти думъ это потребовало-бы чуть-ли не цѣлой книги. Спеціалисты сдѣлаютъ сравненіе сами; для нихъ нуженъ самый текстъ, который я и передаю въ томъ порядкѣ, въ какомъ самъ записалъ ихъ, начиная, по примѣру Крюковскаго, съ излюбленной думы бандуристовъ.

Олексій Поповичъ.

У святую неділеньку, рано—пораненько,
На Чорному морі, та на камені біленькому,
Сидівъ сокілъ ясненькій, жалібненько квилить—приквиляе,
Свою головку низенько склоняе,
А на Чорне море спильна поглядае,
Що па Чорному морі усе не добре починае:
Береть судно козацьке—молодецкее на три часті розбивае;
Одну часть узяло у орабську землю занесло,
А другу часть ухватило у Дунайске гирло забило,
А третяя часть—де ся мае?—
Посередъ Чорного моря на бистрій хвилі потопае...
А при той часті бувъ гетьманъ Кошовий,—
Грицько Збурівскій.
То вінъ на чердакъ изходжае,
Гірко плаче, та рыдае
Словами промовляе:
—„Ой, вы, сотники и полковники и козаки рядові!
Сповідайтеся, братця, и къ Чорному морю,
И напередъ Богу милосердному и отаману Кошовому:
Который на собі найбільше гріхівъ мае!“
То всі сотники, усі полковники замовчали,
Тільки озывается Олексій Поповичъ Пирятинській, писаръ військовий и козакъ лейстровий,
То вінъ на чердакъ изходжае, словами промовляе:
—„Ой, вы сотники, вы и полковники и козаки рядові,
То добре вы собі учините, возьміть мене, чорвою китайкою очи завьяжите,
Та білий камінь до шиі причепите,
Та візьміть мене самого на Чорне море пустите.
Нехай я буду на Чорному морі своею головою дарувати,
Ажъ не товариства сердешного невинноі души терятя!...

Я то, каже, братця, зъ города Пирятина виїжавъ,
Изъ отцемъ, изъ матірью прощенія не ймавъ,
На свого доброго коня сідавъ,
Свого отця и матіръ въ груди поторкавъ,
И близкихъ сусідівъ зъ хліба и соли збавлявъ,
Свого старшого брата за брата не мавъ,
Добрымъ конемъ по улиці пробігавъ,
И чужихъ дітокъ ростурчавъ,
И кровь христіянську на сыру землю проливавъ;
А мимо церковъ іхавъ, мимо святого Миколи,—
Шличка не скидавъ,
На собі хреста не покладавъ;
А лишъ-бы то я на свого доброго коня поглядавъ,
Та на свое здоровье козацьке-молодецьке уповавъ.
Коли-бъ то мені Богъ помігъ у добромъ здоровьи у сіеі потребі сходити,
То могъ-бы я отцеву й материну молитву рано й пізно споминати!„
То якъ ставъ Олексій Поповичъ свої гріхи милосердному Богу и Чорному морю и отаману Кошовому по правді повідати,
То стало Чорне море унімати.
То такъ воно уимало,
Якъ-бы ніколи и не грало!
Ставъ изъ Днінра тихий вітеръ повивати,
—Стало судно козацьке-молодецьке до буйноі Присли прибувати.
То одну часть взяло—зъ орабськой землі винесло,
А другую часть исхватило—изъ Дунайського горла вырвало,
Та до буйноі Присли прибило...
То всі козаки на сыру землю зхожали,
Къ сырій землі низкі поклоны ударяли;
А Олексій Поповичъ Пирятинській на сыру землю схожае,—
Береть у руки святое письмо читае,
До сотниківъ, до полковниківъ словами промовляе:
—„Ой-же козаки, паны всі молодці,
Отъ тимъ-то, каже, братця, годится отцева й материна молитва!
Хто отцеву и материну молитву споминае,
То отцева и материна молитва и помощь спомагае,
Изо-дна моря душу выймае,
И одъ гріхівъ одъ смертельнихъ искупляе!"...
То всі сотники и полковники тее зачували,
До Лексія Поповича словомъ промовляли:
—„Одъ же, Олексію Поповичу, хотя ты берешъ въ руки святе письмо, читаешъ,

А лишъ-бы то ты більше гріхівъ на собі маешъ?!"...
Та тоді воны на сирій землі проживали,
Молебні наймали,
Отцеву й материну молитву споминали,
Сами поміжду собою дивомъ дивували:
—„Шо на якій-то бистрій филі на Чорнімъ морі мы пробували,
На середини потопали,
Та не одного козака не втеряли!
Шо насъ Господь милосердный вынісъ
На край веселый,
Между миръ хрещеный!"...

—

Дай, Боже, миру царському,
Народу христіянському,
На многі літа,
До конця віка!

Варіантовъ этой думы извѣстно болѣе десяти [1]). Въ четырехъ изъ нихъ героемъ является Олексій Поповичъ пирятинскій, какъ и въ нашемъ спискѣ; въ остальныхъ—передъ смертью, въ виду неминуемой гибели, каются другъ другу въ грѣхахъ два утопающіе брата. Мораль всѣхъ варіантовъ—одна и таже. Это—святость сыновней любви, сыновняго долга, честной жизни и чудодѣйственная сила родительской молитвы.

Въ прекрасно сохранившемся въ памяти нашего кобзаря, варіантѣ этой думы, описываемый козацкій набѣгъ на турецкіе берега представленъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ прежнихъ варіантахъ. Тутъ, подъ начальствомъ гетмана Грицька Збурівского (Самуила Зборовскаго), находятся полковники и сотники и вообще цѣлая козацкая флотилія, что не противорѣчитъ и историческимъ свидѣтельствамъ. Впрочемъ, какова-бы ни была достовѣрность историческихъ подробностей этой прелестной думы, по своимъ высокимъ художественнымъ достоинствамъ, она должна быть отнесена къ самымъ замѣчательнымъ образцамъ малорусской народной поэзіи. Признаніе въ своихъ грѣхахъ ради спасенія ближнихъ, беззавѣтная жажда душевнаго очищенія, открытая исповѣдь предъ Богомъ, людьми и природой въ нарушеніи святѣйшихъ завѣтовъ честной

---

[1]) См. „Историческія пѣсни малорусскаго народа" часть I стр. 176.

жизни честныхъ предковъ и, какъ отвѣтъ на укрощеніе этой душевной бури, наступившій миръ и успокоеніе природы—все это счастливѣйшіе мотивы, какіе могутъ встрѣчаться въ поэзіи. Поразительно сильна, при всей сжатости, описательная, картинная часть думы. Любопытнымъ образчикомъ поэтическаго единоборства являются варіаціи Шевченка на первыя строки „Олексія Поповича“ [1]). По этому граціозному перепѣву, можно убѣдиться, сколько въ произведеніяхъ народной музы кроется живой и свѣжей силы для творческаго вдохновенія поэтовъ.

Слѣдующая дума Крюковскаго „Відчимъ“ встрѣчается въ сборникахъ князя Цертелева и Максимовича („Отъѣздъ козака изъ родины“, „Отъѣздъ козака изъ дому“) и входитъ также въ репертуаръ Вересая. Какъ въ нашемъ варіантѣ, такъ и въ другихъ, приставка объ отчимѣ, по всей вѣроятности, есть позднѣйшее прибавленіе, сдѣланное кобзарями, съ цѣлью сдѣлать думу сочувственною большему числу слушателей, послѣ того какъ основной ея мотивъ,—прощанье козака съ семьей предъ отъѣздомъ въ походъ, съ перемѣной строя жизни, сталъ мотивомъ чуждымъ. Первыя девять строкъ думы какъ-бы оторваны отъ остального и между ними и послѣдующимъ не чувствуется органической связи. Тоже самое еще рельефнѣе выступаетъ въ варіантѣ Максимовича („Украинск. народн. пѣсни“ 1834 г.) который почему-то замѣчаетъ даже отъ себя, что „сія небольшая дума переложена изъ пѣсни „Гомôнъ, гомôнъ по дубровѣ“. На самомъ дѣлѣ у этой думы съ помянутой пѣсней общаго не много.

Відчимъ.

Що у святую неділеньку,
Барзо рано пораненько,
  Мати рідненька
Слізами проливає,
До свого сына словами промовляє:
—„Иди ты, сыну, міжъ чужі люде,

---

[1]) Въ прозаической повѣсти „Матросъ“. Отрывокъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ напечатанъ, въ числѣ другихъ, въ газетѣ „Трудъ“ 1881 г. декабря 12.

Чи не лучше тобі буде!
Нехай тебе вторий отець не лае, не проклинае,
Щастя й долі козацькоі твоеі не теряе!"...
Старша сестра коня выводила,
А середужча сестра зброю выносила,
А найменьша сестра хустину выносила,
Та горко плакала и рыдала
И словами промовляла:
—„Відкіля-жъ тебе, братіку, въ гості выглядати:
Чи зъ буйного вітру,
Чи зъ широкого степу,
Чи зъ славнаго війска Запорожья?"
То братъ тее зачувае,
До сестры словами промовляе:
—„Возьми ты, сестра рідненька, та жовтого піску жменю,
Та посій по білому каміню.
То якъ буде жовтий пісокъ на білому каміню схожати,
Хрещатимъ зеленимъ барвінкомъ білий камінь устилати,
То тоді будешъ мене, сестра, въ гості обжидати!"
То сестра тее зачувае,
Горко плаче та рыдае,
Дрібними слізами проливае:
„Я, каже, братіку, одъ старыхъ людей сёго не чувала,
Шобъ жовтий пісокъ на білому каміні схожавъ,
Хрещатимъ барвінкомъ зеленымъ устилавъ.
То не буде хрещатимъ барвінкомъ білий камінь устилати,
То, мабуть, не буду я тебе, братіку рідненькій, голубоньку сивенькій, більше въ світі видати!"...
Выслухай Господи,
У просьбахъ, у нещетнихъ молитвахъ!...
Дай Боже миру царському,
Народу христіянському,
На многі літа,
До конця віка!

Это прощанье съ сестрами и въ особенности образъ тоскующей младшей сестры одинъ изъ любимыхъ образовъ не только малорусской, но и всей народной славянской поэзіи. Мотивъ этой, популярной нѣкогда, думы перешелъ цѣликомъ въ народныя пѣсни. Въ прилуцкомъ уѣздѣ полтавской губерніи я записалъ пѣсню почти

буквально перефразирующую „Отчима". Привожу ее здѣсь, какъ любопытный образчикъ—одинъ изъ многихъ—переработки формъ въ народной поэзіи:

У неділю рано
Батько сына лае,
Горко проклинае:
—„Иди, сыну, прічъ одъ мене,
Черезъ тебе що дня змага у мене!"...
Шо старша сестра коня веде,
Підстарша сестра сідло несе,
Сама меньша—платокъ дае,
Платокъ дае, та й питае:
—„Ой ты, брате нашъ,
Ты одинъ у насъ,
Покидаешъ насъ, ой коли-жъ ты прибудешъ
У гості до насъ?"
—„Пійди, сестро, по-надъ моремъ,
Візьми піску жменю,
Та посій по камінію;
Та уставай ранесенько,
Поливай пісокъ частесенько,
Коли жовтий пісокъ по камінію зійде,
Тоді вашъ братъ изъ походу прийде!"...
Нема піску, нема сходу,
Нема брата изъ походу!...

Дума „Соколй" принадлежитъ къ циклу „невольницкихъ". До сихъ поръ она записана была только отъ Версcая. Имя Ивана Богословця, упоминаемое въ ней, есть вѣроятно искаженіе Ивана *Богуславця*. Послѣднее встрѣчается въ одной исторической пѣснѣ [1]) и въ „Исторіи руссовъ"—Конисскаго. По свидѣтельству помянутой пѣсни, это былъ ренегатъ, принявшій „бусурманскую вѣру" и вступившій въ бракъ съ турчанкою, женою „Кізлевського" паши (изъ г. Козлова). Въ качествѣ ренегата, онъ могъ отличаться въ неистовствахъ надъ своими плѣнными соотчичами и дума, въ этомъ случаѣ, не дѣлаетъ ошибки противъ психологическаго опыта. Вся она сложена въ формѣ поэтическаго иносказанія и тонъ этотъ вы-

[1]) См. „Историч. пѣсни малорусск. народа" т. I, стр. 241.

держанъ вплоть до освобожденія „бездільного, безрідного ясного соколяти“ отцемъ изъ пышной цареградской неволи.

Думу эту Крюковскій перенялъ отъ кобзаря Клима Губы, учившагося въ прилуцкомъ уѣздѣ.—„Такъ собі кобзаришка бувъ, вспоминалъ онъ о немъ, „вінъ молодымъ и умéръ. Самъ вінъ срібряньскій бувъ (изъ м. Сребного, прилуцк. уѣзда), такъ тутъ у насъ у Жабкахъ приставъ до жінки; такъ года чотири, чи що, поживъ, та й умéръ!“

Присутствіе одинаковыхъ думъ въ репертуарѣ Вересая и Крюковскаго и вообще кобзарей сосѣднихъ мѣстностей объясняется легко тѣмъ, что думы перенимались у учителей и товарищей большею частью ближайшихъ по мѣсту жительства и такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, когда репертуаръ кобзарей перестал обновляться, удерживались, по преданію, *по районамъ.*

Пропѣвши думу, Крюковскій говорилъ: „Це, бачте, такъ у плінъ, у неволю брали“ и, переходя къ собственнымъ, наболѣвшимъ воспоминаніямъ, продолжалъ сравненіемъ: „Якъ, мовлявъ, були панські люде, то візьметь до себе, та мучить, мучить того бідолашнёго чоловіка,—отъ якъ и мене... То воно такъ и зложено. Отъ про христіяньску землю такъ и нема, щобъ измучили підъ конецъ жизни чоловіка,—а все невіра! Тоді воно було такъ,—и теперъ те-жъ саме!“...

Изъ послѣднихъ словъ ясно, что недавніе разсказы о болгарскихъ звѣрствахъ проникли и въ убогую кобзарскую хату.

Соколи.

Вилинули соколи зъ чужоі стороны,
И сіли—упали у лісі, на превольдобному древі орісі;
Звили собі гніздо щерлатне,
А знесли яйце жемчужне,
И вывели собі дитя, бездільне—безрідне ясне соколя.
То якъ полетівъ старый сокілъ
На чужу Украіну живности доставати,
Та живности не доставъ, а свое бездільне та безрідне ясне соколя утерявъ...

Шли стрільці—Булахівці,
Щерлатне гніздо усмотріли,
Та оріхъ—дерево зрубали,
Та бездільне—безрідне ясне соколя забрали.
То старый сокілъ на свою Україну прилітае,
Та свого дитяти, бездільного—безрідного ясного соколяти, на місті не застае.
То вінъ то жалібненько квилить—проквиляе,
Сизокрилого орла у вічі забачае,
Та словами до ёго промовляе,
Горко плаче, дрібними слізами проливае:
—„Чи ты, сизокрилий орле, не чувъ, чи не бачивъ,
Де мое бездільне та безрідне дитя, ясне соколя, поділося?"
То сизокрилий орелъ тее зачувае,
До ясного сокола словами промовляе:
—„Ой, соколе ясний! Шли стрільці—Булахівці,
Та щерлатне гніздо твое усмотріли,
Оріхъ—дерево зрубали,
Та твое безрідне—бездітне ясне соколя забрали,
Та сребраные пута на ноги надівали,
Жемчугомъ очі ёму закрывали,
Та у Царіградъ-городъ, Ивану-Богославцю, на утіху продавали.
То якъ-бы ты, ясний соколе старый, полетівъ на Царіградъ-городъ,
То буде Иванъ-Богославець у Царіграді-городі гуляти,
Твое дитя, ясне соколя, на рукахъ держати,
Самъ себе буде втішати;
То нехай воно въ Ивана-Богословця на рукахъ не такъ безпешно просвіщае,
Головку низенько свою склоняе,
Будто якъ нездорове бувае.
То вінъ будеть, Иванъ-Богославець, великую радість мати,
До своіхъ слугъ словами промовляти:
—„Отъ уже, довжно буть, що бездільне та безрідне дитя, ясне соколя, здорове не бувае!
Ой вы слуги мои вірнии! Вы добру безпешность собі майте,
Сребранні пута зъ ясного соколяти зъ нігъ здіймайте,
И жемчугъ изъ очей искидайте,
Та на высокій валъ ёго выношайте;
Чи не буде тихій вітеръ на ёго повивати,
Чи не буде воно на свое здоровья змагати?"
То слуги тее зачували,

Сребраное путо зъ нігъ здіймали,
И жемчугъ зъ очей скидали
На высокій валъ ясне соколя выношали,
Изъ рукъ его на сыру землю пускали.
То ясний сокілъ велике милосердие мае,
Та на сыру землю сідае,
Та свое дитя, безділне та безрідне ясне соколя, на крыла хватае,
Та підъ высоку высоту залітае,
Жалібненько квилить—проквиляе,
Та Царіградъ-городъ закливае:
—„Ой-же хотя ты, Царіградъ-городъ, дорогими вещами украшеный,
И въ тобі сребра и злата много пробувае,
Ну чоловікові одрадости ніякому немае!“...
Одъ Цариграда-города ясний сокілъ одлітае,
Та до своего дитяти словами промовляе:
—„Чи лучше, каже, безділне—безрідне ясне соколя, у чистому полі безпешно гуляти,
Ніжъ у Цариграді-городі у Ивапа-Богословця на рукахъ проживати“...
Дай, Боже, мирові царському,
Народу христіянському,
На многиі літа,
До конця віка!

Печатаемые далѣе три думы: „Про сестру и брата“, „Про вдову та сынівъ“ и „Озовські браты“—принадлежатъ къ произведеніямъ болѣе общаго характера, почему и задержались долѣе въ памяти кобзарей, какъ доказываютъ многочисленные списки ихъ, существующіе въ сборникахъ. Воспѣвающія не дѣятельность забытыхъ историческихъ лицъ и не описывающія изгладившіяся изъ памяти народа событія, своимъ обще-житейскимъ содержаніемъ, думы эти были ближе слушателямъ недавняго времени и совеременнымъ. И теперь еще попадаются изрѣдка молодые нищіе—слѣпцы, которые, сверхъ своего обычнаго ярмарочнаго репертуара, поютъ ту или другую изъ этихъ думъ. Для тѣхъ, кто странствуетъ еще по малорусскимъ захолустьямъ, укажемъ въ полтавской губерніи молодыхъ кобзарей Ивана и Афанасія въ м. Хомутцѣ, миргородскаго уѣзда, кобзаря въ м. Комышнѣ, того-же уѣзда и лирника въ м. Сенчѣ, близъ Лохвицы. Дума объ азовскихъ братьяхъ должна быть отнесена къ XVI вѣку и описываетъ побѣгъ изъ турецкой неволи:

но преобладающій въ ней моральный элементъ помогъ сохраниться этому благородному образцу малорусскаго эпоса до нашихъ дней.

Про сестру и брата.

У святу неділю, барзо рано пораненько,
Не сива зозуля закувала,
Не дрібна птиця въ бору защебетала,
Якъ сестра до брата, изъ чужоі сторони,
У далекі города листи писала,
Та братіка рідненького, голубонька сивенького, у гости прохала та благала:
—„Братіку мій рідненькій, голубоньку сивенькій,
Прошу я тебе: прибудь ты до мене,
И созвідай мене на чужий чужині,
При бідній, нещаспій моій злій хуртовині!
Шо я, братіку, на чужій чужині проживаю,
Усякий день дрібними слізами проливаю"...
То братъ тее зачувае,
Назадъ листи одсылае,
Та до своій сестры рідненькоі словами промовляе:
—„Радъ-бы я, сестро, къ тобі прибути,
Тебе созвідати,
Такъ не могу за быстрыми водами
И за широкими степами,
За дальпіми, далекими сторонами,
За темними високими лугами![1]"
—„То хотя то ты, мій братику рідненькій,
Голубоньку сивенький,
Черезъ быстриі воды білимъ лебедонькомъ переплыви,
А черезъ широки степи малымъ, невеличкимъ перепелонькомъ перебіжи,
Черезъ дальниі-далекі стороны,
Черезъ темни-високи луги,
Яснимъ соколомъ перелини,
А на мое подвірья сизокрылимъ голубомъ упади,
Та жалібненько заквили, та мое серце звесели!"...

---

[1]) На вопросъ: „Якъ-же це—високий лугъ?"—кобзарь отвѣчалъ:—„Стало быть то птиці—не високий, а чоловікові, якъ далекій,—то темний и високий; добиться якъ его?"

Що вже-жъ то, каже, братіку, идеть праздникъ, Христово пресветле Воскресение,
Людямъ радость—а мені смутость...
Що люде на праздникъ до Божого дому идуть,
Якъ бджола гудуть,
А зъ Божого дому виступають,
Якъ маковимъ білимъ цвітомъ процвітають;
Пола изъ полою схожае,
Братъ изъ сестрою плече о плече черкае,
На хлібъ на сіль завертае,
А на мене, бездільню та бездрідну, братіку, нихто не погляне,
Мовъ-би то насъ нихто и родомъ не знае!
Якъ мы въ свого отця и матери проживали,
Якъ у насъ то пили та гуляли,
Не світъ и не зоря на-добридень давали,
На хлібъ на сіль зазивали;
А якъ пришибла лиха-нещасна хуртовина,
То тоді одреклися усі кумы побратими,
И вся своя названа рідная родина.
Трудно, братику, рибі безъ воды пробувати,
Птиці и звіру безъ ліса у чистімъ полі гуляти,
А ище трудніше, тяжче й важче бездільному та безрідному чоловікові на чужій Украіні проживати!..

Про вдову та сынивъ.

Ой у святую неділеньку рано—пораненько,
То не сосна въ бору зашуміла,
Якъ бідна вдова, стара жена,
Изъ сынами въ своій домівці гомоніла:
—„Ой, сыны-жъ вы мої, діти молодіі!
Якъ я васъ изъ-малу до зросту годувала,
Пучками и ручками хліба и солі заробляла,—
А теперъ—чого я одъ васъ дождала?“..
Стали вдовиченки підростати,—
Стали молоде собі подружжя занімати,
Стали свою матусю рідненьку,
Вдову стареньку,
Изъ свого двора изгоняти.

То у святу неділеньку рано пораненько
Бідна вдова, стара жена, изъ двора выходила,
За дрібними слізами Божого світу не виділа...
Умыется дрібними слізами,
А вдарится о поля білими рученьками,
Плаче горко, бідна вдова, дрібними слізами!
То близкі сусіди тее зачували,
До вдови словами промовляли:
— „Ой, удово, старенькая жоно! —
Не плачъ, не журися!
Иди ты у мій двіръ проживати,
Будешъ ты у мене хатку промітати,
Будешъ ты мені дітокъ маленькихъ доглядати,
Буду я тебе за матіръ рідненьку, вдову старенъку, поважати!"
То бідна вдова, старая жена, на чужому дворі дванадцять літъ проживала,
То всякій день дрібними слёзами проливала.
То вона усякій день дрібними слёзами проливае,
А сынамъ усімъ трёмъ, вдовиченкамъ, на своімъ дворі прожитку не мае.
Стали люди зъ довиченківъ насміхатись,
Ставъ ихъ Господь милосердный невинно карати.
— „Шо то, измовить старшій братъ середульшему, а середульшій — меньшому,
Ой шо то мы, браття, не добре учинили,
Шо мы свою матусю рідненьку, вдову стареньку, прогнівили, изъ двора зогнали!
Добре мы, братця, учінимо,
Та ходімъ удову стареньку, свою матіръ рідненьку, у свій домъ призовімо.
Якъ буде у насъ матіръ рідненька, вдова старенька, проживати,
Чи не буде насъ такъ Богъ милосердный карати?"
Та у святу неділеньку, рано пораненько,
Не сизи орли заклектали, —
Якъ три удовиченка на чужій двіръ прибували,
До своеі матусі рідненькоі и вдови старенькоі низенько до нігъ упали,
Та въ свій домъ прохали іі и благали:
— „Ой иди-жъ ты, мати, на свій двіръ проживати,
Будемъ мы своі жони молодиі исципяти,
Будемъ дітокъ маленькихъ научати,
То не будуть тебе, при старості літъ, чужі діти у плечі торкати,
Будешъ ты у своімъ кутатстві хліба й соли вживати!"

А вдова тое, стара жена, зачувае,
Горко плаче та ридае,
Дрібними слёзами проливае
И до своіхъ сынівъ словами промовляе:
—„Ой, сыны моі діти молодіі,
Шо теперешнёго часу которий чоловікъ отцеву й материну молитву рано й пізно споминае,
То отцева и материна молитва на помощъ спомогае,
Чумакові—въ чумацтві и богатому—въ богатстві
То отцева и материна молитва на всякий часъ помогае!"
Дай, Боже!...
и проч.

Про озовськихъ братівъ.

То не сині тумани вставали,
Не дрібні дощі накрапали
И не чорниі хмари наступали,
А якъ три брата рідненькихъ, голубоньківъ сивенькихъ,
Зъ города Озова, зъ тяжкоі неволи, каторги турецькоі, віри бусурменьскоі втікали...
Два брата кіньми утікали,
Третій братъ міжъ ними пішиий пішаниця, якъ бы й тая чужаниця!
То вінъ біжить-підбігае,
И пожаръ подъ ноги підпадае,
И кровъ христіянськая сліди заливае.
То своіхъ братівъ кінних доганяе,
Межи коні вбігае
И коні за стремена хватае,
До братівъ словами промовляе:
—„Братики моі старші, рідненькі, голубонькі сивенькі!
Добре въ собі учиніте,—
Мене, найменьшого брата, пішого піхотинця, на коні озьміте,
Хошъ мало-немного мене надвезіте,
Шобъ я знавъ, куди въ города христіянскиі до отця до матери, до роду своего дохожати!"
То старший братъ тее зачувае,
До брата найменшого словами промовляе:
—„Братіку нашъ найменшій! У насъ коні не дишлиі,
Мы сами не втечемо
И тебе не ввеземо;

Будеть изъ города Озова великая погоня, віра бусурменьска, каторга турецька, за нами, кінними братами, уганяти,
То буде насъ, кінних братівъ, доганяти,
Або стріляти,
Або рубати,
Або живьемъ у каторгу турецьку, у віру бесурменьску завертати!
То два брата кіньми утікали,
А найменшого брата, пішого піхотинця, у чистому степу, на ясному сонцю, на буйному вітрі при шляху ёго покидали.
То вже-жъ то найменшій братъ па здоровье свое козацьке-молодецьке измагае,
Свої біленькі ніжкі на сире коріння, на біле каміння спотикае,
Та за кінними братами уганяе,
Ажъ пожаръ підъ ноги підпадае,
И кровъ христіянська сліди ёго заливае.
То вінъ мижъ коні убігае,
Коні за стремена хватае,
Горко плаче-ридае,
Дрібними слёзами проливае,
До братівъ словами промовляе:
—„Братики мої старші, якъ голубоньки сивенькі!
Добре вы собі дбайте, булатну шаблю зъ ножна виймайте,
Та мені, козацьку молодецьку, найменшому брату, голову зъ плечей издіймайте,
Тіло мое, козацьке-молодецьке, въ чистому степу хорошенько поховайте,
Птиці звіру на поталу мене не подайте!
То середульшій братъ тее зачувае,
Горко плаче, та ридае,
Словами промовляе:
—„Братику-жъ нашъ найменшій, милий, якъ голубоньку сивий!
Булатна наша шабля шиї найменшого брата не йме,
Рука наша не оздойметця,
Серце не осмілитця,
И душа гріха до смерти не скупитця!"
То два брата кіньми утікали,
А найменшого брата, пішого піхотинця, въ чистому степу покидали...
Якъ стали брати рідненькі, якъ голубоньки сивенькі, у терни, у зелени байраки уїзжати,
Ставъ середульшій братъ велике милосердіе мати,
Ставъ тернами байраками зелене віття верхи истинати,
Та найменшому брату примету давати,

Шобъ и вінъ знавъ, куда въ городи христіянські до отця, до матері, до свого роду доходжати.

То іхали старші брати не день, не два, не три, не чотирі...

Якъ стали старші брати зъ тернівъ, зъ байраківъ виізжати,

До річки до Кримки прибувати,

Ставъ середульший братъ до старшого словами промовляти:

—„Отъ тутъ, каже, брате старший рідненький, голубоньку сивенький, трави зелені, очерета воздобні, а води довольні,

Станьмо мы тутъ, коні попасімо, а найменшого брата пішого піхотинця підождімо!"

А старший братъ зачуває,

До середульшого словами промовляе:

—„Якъ будешь ты, середульший братъ, за найменшимъ жалкувати,

Буду я шаблю булатну изъ ножна выймати,

Та твою голову зъ плечей издіймати,

И твое тіло козацьке—молодецьке на три части рубати,

А въ города христіянські до отця до матері самъ буду доізжати;

То я й самъ знатиму, який отцеві-матусі одвітъ оддавати.

То ты, брате середульший, не знаешъ,

Шо якъ буде найменьший братъ межъ нами пробувати,

То буде отець и мати батьківщину на три части паювати,

То будемъ мы въ трёхъ велику между собою суперску мати".

Середульший братъ тее зачуває,

До старшого словами промовляе:

—„Мы-жъ будемъ въ городи христіянські до отця, до матері, до свого роду доізжати,

Буде насъ отець и мати на здоровье стрічати,

Буде объ своёму сыну и объ нашому брату питати".

—„Тобі-жъ то, каже, брате середульший, сёго не знати,

Якій отцеві и матері одвітъ оддавати?—

Були мы въ городі Озові въ вірі бусурменьскій, въ каторгі турецкій,

То мы ношної доби утікали,

Свого брата найменшого одъ сна будили—не збудили,

Те тамъ ёго въ каторзі турецкій, у вірі бусурменській, у городі Озові, приостановили".

Якъ стали старші браты рідненькі, голубоньки сивеньки, Муравськими шляхами проізжати,

Ставъ середульший братъ велике милосердіе мати:

Та одинъ на собі дорогой каптанъ мае,

Та зъ підъ того киръ-китайку выдирае,

Та найменшому брату, пішому піхотинцю, примету давае,

Шобъ и вінъ знавъ, куди въ города христіянські до отця, до матері, до роду своёго дохожати.

Якъ ставъ найменший братъ, пішпй піхотинець, зъ терпівъ, изъ байраківъ на Муравські шляхи выхожати,

Ставъ киръ-китайку въ вічі забачати,

Ставъ горко плакати та рыдати,

Дрібними слёзами проливати,

И словами промовляти:

—„Шо не дурно моіхъ старшихъ братівъ дорогиі шити киръ-китайки по шляху валяє,

Мабуть іхъ живихъ на світі не має!

Була зъ города Озова велика погоня,

Віра бусурменська, каторга турецька за моіми братами кіньми уганяла,

Может іхъ постріляла, або порубала,

Або живьемъ у каторгу турецьку, у віру бусурменську, у городъ Озовъ, завертала,

А мене, найменшого брата, пішого піхотинця у тернахъ, та у байракахъ на спочинкахъ минала".

Якъ ставъ найменший братъ, пішпй піхотинець, Муравськими шляхами прохожати,

Ставъ буйный вітеръ повівати,

Ставъ бідного козака, найменшого брата, пішого піхотинця, зъ біляхъ нігъ валяти.

„Оттакъ-то, каже, Господи милосердный, у чистому степу,—

Одно безхлібья,

А друге безвіддя,

А трете бездоровья!"...

Якъ ставъ найменший братъ до Саворъ-могилы прихожати,

Спочивати лягати,

Та до ёго сизокрылп орлы налітали,

Въ головахъ насідали...

Та ще вінъ на своє козацьке—молодецьке здоровья измагає,

До сизокрылихъ орлівъ словами промовляє:

—„Братики мої рідненьки, сизокрили орли, гості мої премилп,

Хочъ мало вы мені надождіть,

Поки зъ Дніпра буде тихий вітеръ повивати,

Тоді моя буде душа зъ тіломъ розлучатись".

Якъ ставъ изъ Дніпра тихий вітеръ повивати,

Стала козацька душа, пішого піхотинця, найменшого брата, зъ тіломъ розлучатись.

То сизокрили орля до его налітали,
Въ головахъ насідали,
На чорня кудрі наступали,
И зъ ліба очі вибирали,
Кровъ христіяньску випивали;
А сірохманці-вовки его тіло, козацьке-молодецьке, на Саворъ-могилі знаходили,
Та его жовтні кості по тернахъ по байракахъ разносили,
Та до міста схожали, хорошенько поховали, надъ нимъ похоронъ одправляли;
Та сиви зозулі до его налітали,
Жалібненько закували,
Якъ рідни сестриці оплакали его!..

. . . .

Якъ стали старші браты рідненьки, голубоньки сивеньки, у города христіяньскі, до отця, до матері доізжати,
Ставъ отець и мати на здоровья стрічати,
А не такъ на здоровья, якъ объ меншому сыну, а объ іхъ брату питати.
А старший братъ зачуває,
До своего отця-матері словами промовляє:
— „Мы були у городі Озові у вірі бусурменській, у каторзі турецькій, у тяжкій неволі,
Та вошвої добя утікали,
Своего брата отъ сна будили — не збудили,
Та тамъ его у каторзі турецькій, въ вірі бусурменській, у тяжкій неволі приостановили".
Якъ ставъ середульший братъ изъ отцемъ, изъ матірью, изъ добрыми людьми на підпиткахъ пити та гуляти,
Ставъ горко плакати и ридати,
Дрібні слёзи проливати,
Та отцеві-матусі весь одвітъ открывати...
То отець и мати стали старшого сына зневажати,
Изъ двора своего изгоняти.
Ставъ ёго Господь милосердний невинно карати:
Що якій то вінъ собі домъ коштовний збудувавъ, —
То вінъ громовимъ огнемъ пішовъ...
А середульший братъ ставъ изъ отцемъ изъ матірью проживати,
Ставъ ёму Господь милосердний всегда благодать изъ небесъ посилати;
А старший братъ по чужихъ хатахъ ставъ валятись,
Чужого хліба й соли заробляти...
Отъ-же хотя трёхъ братівъ озовськихъ найменшого брата, пішого піхотинця, голова на Саворі-могилі полягла, —

Такъ ёго слава, козацькая й молодецькая, не помре, не поляже,
Помежду панами,
Помежду козаками,
Отъ нині и до віка
И на многая літа!

Послѣ этой думы, гдѣ мастерской обрисовкѣ трехъ характеровъ и грандіознымъ картинамъ степной природы могъ-бы позавидовать величайшій поэтическій талантъ, я заговорилъ о „Самійлѣ Кішкѣ“. Не легко было выпытать слѣдующіе далѣе обрывки этой думы. Кобзарь говорилъ, что лѣтъ двадцать какъ пѣлъ ее и совершенно забылъ. Въ этомъ, съ грустью, убѣдились мы оба, когда онъ, по моему настоянію, сталъ припоминать стихи думы.—„Воно не такъ!—Такъ що я казатиму?“ постоянно восклицалъ онъ.—„Щекуди! Багацько, багацько немае! Більше літъ двадцяти якъ співавъ! Прежде було старику якому проспіваю, то вінъ те-жъ и собі старовину споминае: отъ-такъ и такъ воно діялось!—А иноді, якъ нікому не трапилось співать, то,—була охота,—самъ собі, було, проспіваю.—Такъ давня вже річъ!—Це може черезъ десяте у двадцяте слово!“

Начало думы въ особенности передано въ видѣ безформенныхъ клочковъ. Вторая часть глаже. Но если къ уясненію этого превосходнаго произведенія прибавится хотя черта, то и тогда надо благодарить Крюковскаго. Какъ извѣстно, до сихъ поръ ни разу не случалось встрѣтить варіанта этой думы и Лукашевичъ, записавшій ее въ переяславскомъ уѣздѣ, близъ м. Березани, отъ замѣчательнаго бандуриста (имя котораго онъ даже не помянулъ), одинъ только украсилъ ею свой сборникъ [1]). Въ нашихъ отрывкахъ отъ списка Лукашевича разнится начало и упомянуто новое лицо—легендарный „дідъ Соленко“, турецкій плѣнникъ. По словамъ Крюковскаго дума эта пѣлась когда-то пирятинскими и переяславскими кобзарями. Онъ зналъ кобзаря Гордія въ Тепловкѣ, пирятинскаго уѣзда, пѣвшаго эту думу. Самъ онъ перенялъ ее отъ Вовка.

---

[1]) Малорос. и червонорусскія народн. пѣсни и думы“. Спб. 1836 г. стр. 15—27.

Самійло Кішка.

У лузі у Базалузі бувъ курінь нетязьській
И тамъ живъ-проживавъ Кішка Самійло, гетьманъ козацькій...

. . . .

И вінъ около себе мавъ сорокъ чоловіка нетягъ...
...Да вони тамъ у лузі—Базалузі проживали
Ніякого горя не знали...

. . . .

Та по Чорному морю молоде паня, турецьке баша, галярою гуляе,
Лугъ-Базалугъ завидало,
До луга до Базалуга поспішно прибувало,
Кішку Самійла, гетьмана козацького и сорокъ чоловікъ нетягъ соннихъ заставало,
Та у плінъ забірало,
И на руки и на ноги залізні пута надівало;
На закови забрало,
И на свою галяру поміщало
И до дівкі до Санджаківни прибувало. .
Тамъ воно одъ неділі до неділі проживае,
И тіхъ біднихъ нетягъ и Кішку Самійла по три раза въ день залізними прутьями въ одно місто затинае...

. . . .

...И коло іхъ дідъ—Бутурлакъ проживае,
На іхъ згрозна гука...

. . . .

Дай той-же іхъ и бье.—Вінъ шістдесятъ літъ живъ у турка у клюшникахъ; то вінъ на его и звірявъ.
...То імъ дівка Санджаківна разні напитки-наідки присилае,
То імъ Бутурлакъ дідъ всего не одкривае,
А тільки по одному стакану въ день вина одпущае...
(—Значить вона імъ хорошо присилае, а вінъ не оддае, та складае...)
А по три раза въ одно місто зализними прутьями затинае...

. . . .

...Що вони у дівкі у Санджаківни одъ неділі до неділі проживали,
На підпиткахъ пробували,
У неділю на Чорне море до свого дому одъізжали,
На галярі почивать всі полягали...
То турецьке паня, молоде баша, отъ сна уставае,
Та до діда до Бутурлака словами промовляе:

—„Ой то то, каже, діду, Бутурлаку, шо то мені сонъ дивний и предивний,
чудний и пречудний снився,
Шо будто мене взято,
У Чорне море заметано,
Ні одного насъ не оставлено!"
Дідъ Бутурлакъ тее зачуває,
До молодого паві, до турецького баші, словами промовляе:
—„Сему сву, каже, ви не потурайте,
Та вньять спочивать лягайте!"
А до Кішкі Самійла, до козака, до гетьмана словами стихенька промовляе
И ключъ зъ кармана виймае:
—„Цитьте, хлопці, не гриміте
И залізомъ не стучите;
Дружка-дружку одмикайте,
Залізо у Чорне море метайте,
И молодого паню, турецького башу, и памьять ёго у Чорне море изъ галяри скидайте!...
Тоді чи не дасть намъ Богъ безпешно по Чорному морю проізжати,
Турецькі калавури минати"...

. . . .

Якъ вони паню, турецького башу у море пометали,
Тоді на себе турецьке платте надівали...

. . . .

То дідъ Бутурлакъ до калавуру проізжае,
Ключі зъ кармана виймае,
До калавуру словами промовляе:
—„Цитьте! каже, не шуміте,
Турецького паню, молодого башу, не збудіте,
Потихеньку ворота одчиніте,
Бо мы у дівки у Санжаківни на гулянні пробували,
То мало мы одночивали" [1])...
. . . То вони, турецькі калавури якъ проізжали,
По Чорному морю тоді безпешно гуляли,
Та турецьку землю, віру бусурменську на віки закликали:
—„Ой-же хотя ты, земле турецькая, віра бусурменськая!
Хотя въ тобі весело проживати,

---

[1]) Шо того, бачь, вже й немае. А ему аби то той калавуръ проіхать, такъ вінъ забувся и думать!.. Не зложу такъ, якъ було!.. Десяте слово, той то не въ ладъ!..

Много сребра и золота въ тебе пробувае,
А чоловікові ніякоі одрадости немае!“...

. . . .

То якъ стали вони по Чорному морю гуляти,
До буйноі Приспи прибувати,
Та до діда до Соленка [1]) у гості заізжати...
. . . Той дідъ Соленко якъ іхъ забачае,
И горко плаче—рыдае,
Дрібними слізами проливае,
До Господа милосердного словами промовляе:
—„Благодарю тебе, Господи милосердный, що за сорокъ літъ Господь мене привівъ
Козака гетьмана Самійла у вічі повидати!“...
. . .То вони тамъ, у діда у Соленка двенадцять день безпешно гуляли,
Та віру православну споминали,
А турецьку славу, віру бесурменьску кляли—проклинали:
Коли-бъ іхъ Богъ милосердный такъ побідивъ,
Якъ вони насъ зобіждали,
Що вони у плінъ забірали,
Ніякоі намъ веселості не оддавали,
Ніякоі мы одради собі не мали
И роду свого у вічи не видали!“...
. . . Та тоді вони речі хороші другъ до друга промовляли,
На галяру всі посідали [2])...
„Винеси, кажуть, насъ, Господи милосердный,
Между миръ хрещеный,
На край веселый!
Чи не дасть намъ Богъ милосердный своіхъ братівъ повидати,
Хочъ-бы мало—немного свою жизнь провождати,
Между миромъ хрещенымъ проживати!...

. . . .

Стараясь не упустить ничего изъ историческаго репертуара Крюковскаго, я изъ разспросовъ узналъ, что, сверхъ продиктованныхъ, ему извѣстна была еще дума о Тарасѣ Бульбѣ. Понятно, такое открытіе крайне возбудило мое любопытство. Кобзарь отго-

[1]) Вінь проживавъ тожъ на острові той дідъ—сорокъ літъ. Его турокъ тежъ заперъ.

[2]) Всі. Значить забравъ и діда того Соленка Кішка Самійло изъ собою.

варивался однако тѣмъ, что совершенно забылъ эту думу. Подозрѣвая, нѣтъ-ли здѣсь какой нибудь ошибки и не измѣняетъ-ли старику память, я выразилъ сомнѣніе въ существованіи такой думы. Но Крюковскій стоялъ на своемъ: „Дума була настояща и співалась, говорилъ онъ, старинна, довга, отъ якъ „Конівченко“, такъ и співалась“... На просьбу мою припомнить хоть содержаніе думы, или сказать, если знаетъ, хоть нѣсколько стиховъ, Крюковскій разсказалъ слѣдующую легенду:

Тарасъ Бульба та сыны.

Тарасъ Бульба самъ чи въ Чигирині проживавъ, чи що... У его три сына було: старшій Терешко, середульший—Дмитро, а меньшого не спомлю якъ... Такъ вони безпешно гуляли у городі Чигрині, та пішли турківъ, чи татаръ, чи ляхівъ воювать, Чигринъ-городъ оборонять. У его и хлопці були хороші! Терешкові було 22 года и 22 пуда вісу, а Дмитрові було 18 годъ и 18 пудовъ... А меньший, якъ пошли вони, значить, розбивать татаръ та ляхівъ, то вінъ взявъ іхъ и покинувъ, та утікъ у Польщу, та тамъ у Польші не багацько проживавъ, та віттиля навстрічъ зъ поляками, та давай на батька итти, щобъ то, бачъ, батька звоевать, чи що... Такъ батько якъ стрівъ его, то голову ему и знявъ, та каже Терешкові:

Якъ будешъ ты віру христіянську теряти,
То буду я тобі зъ плечъ голову здіймати...

. . . .

. . . Эй, ходімо, каже, хлопці, ходімо турківъ та ляхівъ воювати,
Чи не дастъ намъ Богъ якої добичі достати...

. . . .

Такъ вони трое пошли, то той Терешко лігъ на степу спать, а біля себе положивъ свій мечъ и добре молодецьке свое копье (а въ его мечъ бувъ шість пудовъ вісу) и коня доброго молодецького свого вороного поставивъ въ головахъ, а самъ заснувъ въ степу: (звісно якъ вінъ богатырь, то вінъ нічого и не боитця, лігъ собі, заснувъ богатирскимъ сномъ). Такъ его найшли татари, набігли его сонного. А вінъ-то якъ на то саме и прокинувся, та бачить, що іхъ не мало—„э, каже, хлопці, такъ вы хотіли мені смерті придати! Глядіть-же, хлопці, постережіть мені коня и моего копья, а

я, говорить, пійду по цёму степу погуляю, подивлюсь, чи васъ ще де есть?"... Такъ вони стали росказувать, що іхъ ще есть багато; такъ вінъ якъ покинувъ імъ коня и копье, а шаблю взявъ, та якъ пішовъ по тому степу, та найшовъ шайку іхъ, та якъ взявъ колоть, то вибивъ всіхъ. Тільки одинъ, значить, ёго якійсь, чи татаринъ, чи що, обранивъ по плечу: якъ заходився воювать зъ нимъ, такъ по плечу ударивъ, та одрубавъ плече, такъ вінъ байдуже, и не чувъ!... Вінъ изъ нихъ все тамъ познімавъ, череса то що, та пріхавъ до батька, такъ батько каже: „Що у тебе, сыну, таке красніе?"—А вінъ, гулькъ, а у ёго кровъ біжить.—„Та візьми-жъ ты, каже батько, святоі землі, та затопчи, а вінъ каже, що воно на живому чоловіку скоро заживе. Вінъ затоптавъ, такъ воно и зажило, кровъ остановилась, ёму не дуже вредно було. Батько ставъ питатьця: „Де-жъ твій мечъ, копье твое, та кінь добрый, молодецькій?"—„Э, каже, на степу покинувъ".—"Щобъ увівъ хто?".—„Э, ні, каже, не уведе нихто!" А вінъ тімъ приказавъ, якъ покинувъ коня:—якъ будете тікать, то все ровно жизнь вашу порішу, не будете далеко, такъ вони и не тікали. Вінъ до іхъ якъ прийшовъ, та дававъ череси, дававъ вибірать—хай узнаé де чьего родича чересъ, чи батьківъ, чи що... А другимъ каже: „а вы тікайте, біжіть, а то якъ набіжить батько, або братъ Дмитро, то й васъ не буде. Вамъ те буде, що и тімъ.

— Вамъ тутъ, каже, не проживать, Чигрина-города не займать, а якъ тілько Чигринъ-городъ будете займать, такъ и сами на світі не будете проживать!"...

Кто сколько нибудь знакомъ съ характеромъ и складомъ думъ, не допуститъ ни на одну минуту, чтобъ эта легенда была остовомъ исчезнувшей думы. Имя Тараса Бульбы приплетено къ ней совершенно механически. Герой легенды, Терешко—обыкновенный сказочный богатырь, о другихъ-же сыновьяхъ упоминается совсѣмъ вскользъ. Два двустишія, попадающіяся въ разсказѣ, не доказываютъ также ничего. По своему общему характеру они могли быть взяты изъ любой думы. Крюковскій очевидно спуталъ и, смутно помня что-то, прибавилъ имя гоголевскаго героя къ какой нибудь старой сказкѣ. Все это не говоритъ, впрочемъ, противъ того, чтобъ

думы о Бульбѣ не существовало вовсе. Быть можетъ Гоголь слышалъ ее мимоходомъ и взялъ изъ нее сюжетъ и имя героя (какъ взялъ сюжетъ для „Вія" изъ народнаго преданія). Возможно также и то, что пересказъ безсмертной поэмы какими нибудь судьбами дошелъ и до кобзаря и оставилъ въ его памяти свой слѣдъ. Во всякомъ случаѣ историческихъ свидѣтельствъ о Бульбѣ и сыновьяхъ надо искать не въ этой легендѣ, по фантастичности своей оставляющей безконечно далеко позади всѣ историческія „вольности" Гоголя, перенесшаго въ поэмѣ основаніе кіевской бурсы и академіи съ XVII вѣка во времена Наливайка и проч.

Думъ о временахъ Хмельницкаго Крюковскій не зналъ. Относительно думъ о Мазепѣ слышалъ, что много ихъ было забыто въ то время, какъ имя гетмана сдѣлалось опальнымъ и произносить его было рисковано. Насчетъ Палія выразилъ недоумѣніе: „Хиба и про ёго співають? То-жъ только у книгахъ про ёго пишуть".

Двѣ послѣднія думы, хорошо сохранившіяся въ памяти кобзаря, близки къ варіантамъ Вересая, что подтверждаетъ еще обычное сходство варіантовъ по близости мѣста ихъ записыванія.

Хведоръ Безрідный.

По потребі, по потребі барзо то по царській,
Много війска и помнажено и посічено,
То никто-жъ то помижъ тимъ трупомъ живъ не буває,
Тільки джура Ярема промешкає,
Та тільки Хведора Безрідного та бездільнаго, на рани смертельниі постріляного та порубаного, знахожає;
Чотири рани широкихъ, а чотири глибокихъ...
То ще-жъ вінъ шличокъ піднімає,
До Хведора до бездільного та безрідного словами промовляє:
—„Эй здоровъ, здоровъ, Хведоре, бездільний та безрідний!
Чі ты живый пробуваешъ,
Яку ты мені славу козацьку-молодецьку одкриваешъ?"
То ще-жъ Хведоръ бездільний та безрідний зачуває,
До джури до Яреми словами промовляє:
—„Джуронько мій, малий-невеличкий! Возьми ты мого доброго коня вороного!"
И свій каптанъ дорогий изъ себе скидає
И тяги червоні изъ себе знимає,

Та джурі Яремі на руки отдавае:
—„А візьми-жъ ты, джуронько мій, малий-невеличкий Яремо,
Каптанъ дорогий отъ пілъ до коміра золотомъ гаптований,
И тяги червоні на себе надівай,
И на мого доброго коня сідай,
Та передо мною козацький обичай увесь обертай;
Чи можешъ ты знати
Козацький звичай козакамъ отдавати?
Біжи-жъ ты скоренько, та поспішненько по надъ Дніпромъ лугомъ,
Якъ будуть ушкали густи, то ты схоронися,
А якъ будуть козаки Дніпромъ-Славутою ити, то ты озовися,
И про мене Хведора бездільного та безрідного козакамъ обозвися!"...
Шо якъ побігъ джура Ярема по-надъ Дніпромъ-Славутою,
Козацькимъ поспіхомъ поспішненько,
То вінъ іхавъ — не день, не два...
Ушкали гудуть,—
А козаки Славутою не йдуть! [1])...
Якъ ставъ вінъ по-надъ Дніпромъ изъ лугівъ изъ зеленихъ виізжати,
Стали козаки джуру Ярему стрічати,
Стали молодецького доброго коня и тяги червоні и каптанъ дорогій въ вічі забачати,
Стали на ёго згрозна гукати:
—„Эй, джуроньку малий-невеличкий Яремо!
Де ты сёго доброго вороного коня запопавъ,
И тяги червоні и дорогій каптанъ заслуживъ?
Мабуть, каже, ты Хведора бездільного та безрідного, або продавъ,
Або живцемъ у землю закопавъ? [2])
Джура Ярема тее зачувае,
Шличокъ издиймае,
И козацький обичай увесь передъ козаками отдавае.
—„Ні, каже, я Хведора бездільного та безрідного не запродавъ,
Живцемъ у землю не закопавъ,
А тільки чуть живого между трупомъ заставъ,
На чотирі рани глибокихъ,
А на чотирі широкихъ
Посіченного, порубанного знаходивъ;

---

[1]) Не набіжить козаківъ сердешний!

[2]) Значить, вони бачять его заслужчини, такі клопочутця. То-жъ бувъ іхъ атаманъ.

То вы козацькиЙ звичай добре знайте,
Та Хведора безділього та безрідного тіло козацьке-молодецьке
На поталу птиці-звіру не подайте;
Хорошенько тіло его, козацьке-молодецьке, поховайте!"
То вони ті слова зачували,
Сорокъ чоловіка изъ табору одлучали,
Та по Хведора бездільного та безрідного посилали.
То вони-жъ то сорокъ чоловіка та дванадять день помежду трупомъ промешкали,
Поки Хведора бездільного та безрідного тіло козацьке-молодецьке знаходили,
Ну, живого его, козака, не застали.
То вони его тіло козацьке-молодецьке на червону китайку забірали,
Та зъ Двіпра чистоі води набірали,
Та ёго рани глибокиі и широкиі промивали;
Та булатними шаблями глибоку яму копали,
Та ёго тіло, козацьке-молодецьке хорошенько поховали.
Та шличками персть носилі,
И високу могилу висипали;
И въ головахъ дубовий прапірокъ[1]) поставили,
Хорошенько поховали;
А чимъ ёго поминали,
Що въ себе сухарі въ сумкахъ мали[2])...
Хотя Хведора бездільного та безрідного голова полягла,
Такъ ёго слава, козацька молодецька, не вмре, не поляже.
Міжду панами,
Міжду козаками,
Міжду всіма православними христіянами.
Одъ нині до віка,
На многиі літа!

Иванъ Коновченко.

На славній Украіні,
Въ славному городу у Корсуні,
Та тамъ живъ корсунськiй полковникъ Филонъ;
То вінъ по городахъ листи засилавъ

---

[1]) Стовпъ.
[2]) Більше-жъ тамъ нічого не було въ іхъ!

Сотниківъ и полковниківъ и козаківъ радовихъ въ охотне війско викликавъ:
—„Ой вы сотники и полковники и козаки радовиі!
Который охотникъ пійти изо мною на Черкеню-долину гуляти,
Слави-царствія заживати,
За віру христіянську у въ одній стані стати!..
Чи не дасть намъ Богъ якоі добичі собі мати?"
То всі сотники и полковники замовчали.
Тількі жила у городі у Черкасі, по прозванію Коновчиха, а по мужу Грициха, удова·
То вона собі мала Ивася—сына единчика;
То вінъ ті листи у вічі забачае,
До своій матусі рідненькоі, вдови старенькоі словами промовляе:
—„Ой вдово, старенькая жоно, ты мати моя рідненька!
Благослови ты мене мати
Съ корсунськимъ полковникомъ, съ паномъ Филономъ, на Черкеню-долину пійти погуляти,
Слави-царствія заживати,
За віру христіянську у въ одній стані стати!
Чи не дасть намъ Господь милосердний якоі добичі собі мати?"
А вдова сее зачувае,
До свого Ивася единчика, прекрасного лицаря, словами промовляе;
—„Ой Ивасю, сыну единчику, не благословлю я тобі, сыну, на Черкеню-долину гуляти,
А благословлю я тобі, сыну, чотири коні вороні изъ загороди одлучати,
Та ити у поле хліба пахати".
—„Ой хотілось мені, мати, съ корсунськимъ полковникомъ пійти на Черкеню-долину погуляти,
Та хотілось мені, мати, весь козацкій звичай узнати;
Якъ-би ты, вдова старенька, матусею моя рідненька мою волю вволйла,
Та чотири воли чабанні, и чотири коні вороні изъ загородъ одлучила,
Та дванадцять червонцівъ доложила,
Та до города до Крылова одіслала,
Та до жида до Лицаря, та мені доброго молодецького коня купила,
Которого моя душа влюбила та ухвалила".
То вдова тее зачувае,
До свого Ивана нічого словами не промовляе,
Та до Божого дому на моленіе схожае,
А свого Ивася Коновченка, единчика свого, на прочімъ ёго покидае.
То Ивась Коновченко отъ сна уставае,
По стінахъ поглядае,

Шо батьківского ружья по стінахъ и ни одного немас [1]).
По світлиці вінъ прохождае,—
Тільки у запічку батьківска семипьядна пищаль усіяе.
То вінъ козацький звичай знае,
Батьківску семипьядну [2]) пищаль за плечи закладае,
До корсунського полковника сімсотъ верстъ пішиий махае,
Та корсунського полковника на Черкені-долині на спочивкахъ заставае;
То вінъ до палати прихожае,
Шапку скидае,
Громкимъ голосомъ окликае.
То корсунський полковникъ ёго голосъ зачувае,
Отъ сна уставае,
За білу руку ёго береть поспішно хватае,
Словами промовляе,
Здоровъямъ ёго поздоровляе:
—„Эй здоровъ, здоровъ, Ивасю Коновченку, прекрасний лицарю!
Чи то по своій волі зайшовъ, чи тебе добрий конь занісъ?
Чи ты здоровъямъ змагаешъ?
Чи ты въ себе доброго молодецького коня маешъ?"
—„Я, каже, доброго коня не маю,
А на молодецьке на добре здоровъя змагаю;
Благослови, корсунський полковнику, пане Филоне слави-царствия заживати,
И за віру християнськую у одній стані стати
И по Черкені-долині безпешно погуляти!"...
Якъ стали турки и татари по Черкені-долині гуляти,
Та Ивась Коновченко не дуже безпешно пішиий гулявъ:
Сімсотъ душъ рубавъ, а сімсотъ живьемъ на арканъ забравъ,
Те до корсунського полковника на примету представлявъ.
А ёго мати рідненька вдова старенька зъ Божого дому, зъ моленія прохожае,
Та свого Ивася Коновченка у домівці своей не заставае
Та горко илаче да рыдае,
Дрібними слізами проливае,
Та чотирі воли чабанів, чотирі коні вороні изъ загороди одлучае,
Дванадцать червонцівъ докладае,
Та до города до Крилова жида та до линдаря отгоняе,
Та молодецького доброго коня получае,

---

[1]) Мати поховала вже!

[2]) Сімъ пядей. Довга пищаль.

Та донськимъ козакомъ Иваномъ Захарютою одсилае
И низкій поклонъ ёму передавае:
—„Ой, Ивасю, единчику, Коновченку, бодай тебе, сыну, шашка не рубала
И бистра пуля минала!“...
То Иванъ козакъ Захарюта бере коня вороного за шовкові поводи,
На Черкеню-долину приїзжае;
То Ивась Коновченько оддали доброго коня своёго въ вічи забачае,
Та до корсунського полковника словами промовляе:
—„Эй, корсунський полковнику, папе Филоне,
Я-жъ думавъ, що мене мати кляне—проклинае,
Ажъ вона мені хороший гостинець передавае,
Которого коня, доброго молодецького моя душа улюбила, та вже й ухвалила.
Отъ теперъ, корсунський полковнику, благослови на Черкені-долині безпешно погуляти!“
А корсунський полковникъ тее зачувае,
До Ивася—единчика словами промовляе:
—„Не благословлю, каже, я тобі на Черкені-долині безпешно гуляти,
А благословлю я тобі на червоній китайці сидіти,
Бо ще жъ ты дитя молодое“.
То Ивась Коновченко тее зачувае,
До корсунського полковника слова промовляе:
—„Эй, корсунський полковнику, папе Филоне,
Возьми ты утя одно старое, а другее малое,
Та пусти ты на Чорнее море,
Чи не попливе те малое, такъ якъ-бы и старое?
А ты, корсунський полковнику, благослови мені оковитого зеленого вина уживати,
Та тоді пойду на Черкеню-долину безпешно гуляти“!
То корсунський полковникъ тое зачувае,
Словами промовляе:
—„Хиба тобі, Ивасю Коновченку, единчику, прекрасний лицарю, оковитее вино закрите?“
То вінъ козацький звичай знае, до сорокової бочки приступае,
Та зеленого вина скілько вгодно уживае;
То вінъ такъ зеленого вина свій кубокъ наливъ
И козацьке свое сердце звеселивъ...
То тоді свого доброго коня молодецького поспішненько и тугенько сідлае
И по Черкені-долині безпешне гуляе.
Исъ сідьмого часу до четвертого гулявъ,

Такъ ни одного ни турка, ни татарина живого не оставлявъ,
И между тимъ трупомъ безпечно по Черкені-долині гуляє,
Свою головку низенько коневі на гриву склоняє [1])...
А сідобородий татаринъ между трупівъ вставає,
Та ззаді забігає,
То вінъ ёго не дуже вдявъ,
А тільки чуть у пілъ съ конемъ не перерубавъ [2])...
То корсунській полковникъ по Черкені-долині поглядає,
То вже Ивана Коновченка, прекрасного лицаря живого немає;
То ще-жъ то вінъ пожежъ тимъ трупомъ промешкає,
Ёго тіло козацьке-молоденьке знахожає,
На червону китайку забирає,
Та ёго тіло, козацьке-молоденьке, хорошенько на Черкені-долині ховає,
Доброго молоденького коня забирає,
До города до Черкаса до вдови старенької назадъ одсилає,
И самъ у гості до старої вдови заїжжає,
И козаківъ запорожскіхъ засилає,
И низкі поклони отдаває,
До вдови старої, Коновчихи, словами промовляє:
„Эй здорова, здорова, старая жоно, по прозванью Коновчихо, а по мужу Гридихо!
Чи ты горко плачешъ, плачешъ та ридаешъ,
За своімъ Ивасемъ Коновченкомъ и скучаешъ?
А твій сынъ на Черкені-долині одружився,
Взявъ собі жену німкеню!"...
То вона тії слова зачувала,
До корсунського полковника словами промовляла,
У свій домъ зазивала
И корсунського полковника, пана Филона угощала,
И всімъ донськимъ козакамъ запорозськимъ по червонцю награди давала.
А тільки корсунській полковникъ, панъ Филонъ, со двора зъіжжавъ [3]).
То горко заплакавъ, зaридавъ,
Що прекрасного лицаря Ивася Коновченка на Черкені-долині утерявъ.
То въ свою Украіну приіжжає,
До вдови Коновчихи листи посилає:

[1]) Уже нема нікого!
[2]) Той притаівся между трупомъ, а Ивась уже іздивъ,—уморився, ёго и вино розабрало.
[3]) Вінъ ій не признавався тоді, якъ самъ бувъ!

— „Ой удово, старенькая жено, не дуже радуйсь, веселися.
Бо твій сынъ не оженився, а получивъ собі жену високу могилу я вірну дружяну!"
То вона тоді ті листи въ вічі забачае, горко плаче-ридае,
Та корсунського полковника споминае:
— „Бодай ты, корсунській полковнику, щастя свого долю мавъ,
Якъ ты мого сына, прекрасного лицаря, Ивася Коновченка, на Черкені-долині утерявъ!
Отъ-же хоть на Черкені-долині Ивася Коновченка голова полягла,
Такъ ёго слава козацька-молодецька не вмре, не поляже.
Между панами,
Между козаками,
На многая літа
До конця віка!

Два дня на Прилукѣ минули какъ сонъ. „Поважныя" думы, „уродливые", по мнѣнію умниковъ, псальмы, грубоватыя шутливыя пѣсни,—весь этотъ скарбъ сѣдой головы бандуриста выгружался предо мною и погружалъ меня въ какой-то особый міръ крестьянской поэзіи, гдѣ, на ряду съ старыми преданіями, видѣлся цѣликомъ особенный, давній умственный строй. Въ старческомъ голосѣ кобзаря, въ его старосвѣтскихъ речитативахъ, въ тихомъ рокотаньи бандурныхъ струнъ чуялись самые образы старой жизни, вѣяло дыханіе сермяжной музы, слышались голоса прошлаго.

Подвигаясь на сѣверъ, я покидалъ милую Полтавщину съ ея безбрежными равнинами, гдѣ нѣтъ препонъ ни глазу, ни воображенію, мирными селами съ старыми трехглавыми церковками посрединѣ, безконечными, далекими лугами, гдѣ тихо струятся Пселъ и Сула, окружая себя то зеленью лѣсовъ, то сыпучими бѣлыми песками... Среди незначительныхъ дорожныхъ встрѣчъ, столь рѣдкихъ осенью на проселкахъ, почти на выѣздѣ изъ лохвицкаго уѣзда, мнѣ попалась на полѣ кучка людей, какъ-бы землемѣровъ. Протягивали цѣпь, вбивали вѣхи и колки въ землю. То было „изысканіе" будущей желѣзно-дорожной линіи (отъ ст. Талалаевки либаво-роменской ж. д. на Кременчугъ). Инженеръ, „всемірный гражданинъ", въ ботфортахъ, съ шапкой на уши, съ биноклемъ въ рукахъ, стоялъ на полѣ и распоряжался рабочими, направляя ихъ съ инструмен-

тами по проэктированному пути. Какъ разъ на чертѣ будущей дороги пришлась степная могила, какихъ много на границѣ роменскаго и лохвицкаго уѣздовъ. Безстрастный пришелецъ—„изъискатель“ далъ знакъ и заступъ ударился въ грудь старой могилы для водруженія желѣзно-дорожной вѣхи. Глядя на этотъ живой образъ столкновенія стараго міра съ новымъ, думалось невольно о томъ, что принесетъ за собою эта новая „цивилизація“ въ еще дѣвственный край. Что внесетъ она вслѣдъ за этимъ механическимъ сооруженіемъ, которое есть только одно изъ вспомогательныхъ *средствъ* новой жизни, что пробудитъ она въ умственной жизни этого края и какіе новые всходы замѣнятъ хотя-бы тѣ, взрощенные этой почвой, цвѣты поэзіи, которыми полна еще была моя душа?.. Степной вѣтеръ гулялъ надъ могилой и „равнодушная“, безтрепетная предъ будущимъ, созидательница-природа улыбалась подъ лучами осенняго солнца...

В. Горленко.

Самозванный флигель-адъютантъ солдатъ Семеновъ.

(1826 г.)[1])

Извѣстныя изъ исторіи декабристовъ волненія, происшедшія въ 1825 году между войсками расположенными въ юго-западномъ краѣ, отразились въ слѣдующемъ 1826 году между крестьянами множествомъ ложныхъ слуховъ и толковъ о предстоящей въ скоромъ времени рѣзнѣ помѣщиковъ, шляхты и вообще всѣхъ, кто такъ или иначе стоялъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ крестьянству.

По всей южной половинѣ кіевской губерніи пронесся слухъ объ указахъ, будто-бы полученныхъ священниками, въ которыхъ повелѣвалось послѣднимъ покончить исповѣдь прихожанъ къ великому четвергу и освятить пасхи въ этотъ день, потому что на свѣтлый праздникъ всѣ церкви должны быть запечатаны, и крестьяне, отъ мала до велика, должны идти истреблять пановъ. Въ Уманьщинѣ разсказывали о появленіи сына Гонты; говорили, будто-бы онъ разослалъ всѣмъ панамъ указы съ предложеніемъ отдать всю землю крестьянамъ и выбраться, какъ можно поскорѣе, въ Варшаву; кто-же не послушается указа и до свѣтлаго праздника останется на мѣстѣ, тотъ падетъ отъ крестьянской руки.

Крестьяне подъ вліяніемъ такихъ слуховъ становились все смѣлѣе въ заявленіяхъ протеста противъ угнетеній своихъ помѣщиковъ: во многихъ мѣстахъ слышались угрозы, въ другихъ крестьяне не хотѣли отработывать барщины; въ Яблоновкѣ (таращанскаго уѣзда) крестьяне хвалились, что ихъ озеро „достачить“ на сколько угодно человѣкъ оружія; въ Ситковцахъ (того-же уѣзда) составляли списки ополченія.

---

[1]) Настоящій разсказъ извлеченъ изъ дѣла, хранившагося прежде въ архивѣ кіевской уголовной палаты и переданнаго теперь въ кіевскій центральный архивъ.

Но наступили и прошли свѣтлые праздники, а возстаніе не вспыхнуло: тогда народная молва перенесла срокъ его на Ѳомину недѣлю.

Около этого послѣдняго срока, въ субботу, 3-го апрѣля 1826 года, провожатые изъ с. Дзендзелевки привели въ с. Иваньки (уман. уѣзда) къ мѣстному соцкому солдата днѣпровскаго полка Алексѣя Семенова. Онъ возвращался изъ домашняго отпуска (изъ с. Хмѣлеваго, орловской губ.) и, какъ видно, не особенно поспѣшалъ въ свой полкъ: въ каждомъ селеніи проживалъ онъ по два, по три дня. Это замѣтилъ экономъ с. Кутовъ и распорядился о доставленіи Семенова подъ карауломъ къ его полку, стоявшему въ м. Соколовкѣ: онъ съ десяцкими отправилъ Семенова въ сосѣднее село, написавъ всѣмъ лежащимъ по дорогѣ экономіямъ, чтобы съ такимъ-же карауломъ препровождать его дальше.

Теперь привели его въ Иваньки и подали соцкому записку кутовскаго эконома; но случившійся тутъ дьячекъ, котораго соцкій просилъ прочитать, не зналъ по-польски, тогда Семеновъ подсунулъ свой билетъ, а записку спряталъ. Дьячекъ, посмотрѣвъ на билетъ, сказалъ „хорошо", и соцкій повелъ солдата на квартиру.

За „вечерей" въ избѣ крестьянина Григорія Беневя послѣдній сталъ распрашивать Семенова о новостяхъ.

— У насъ прошелъ было слухъ, началъ Семеновъ, что вышелъ отъ царя указъ забирать всѣхъ пановъ въ Петербургъ, и когда всѣхъ заберутъ, то крестьяне будутъ свободны, не будутъ больше на панщину ходить.

— Та и у насъ пішла була поголоска, що-бъ святили паски въ великий четвергъ, бо на Великдень всі, мали й велики, підуть різать панівъ: та отъ и Великдень пройшовъ, а нічого зъ того не вийшло. А, якъ-бы то який чортъ взявъ нашого...

На этомъ и кончился разговоръ. Солдатъ сообразилъ, каково настроеніе крестьянъ и какъ имъ воспользоваться, и въ этотъ-же вечеръ составилъ цѣлый планъ грабежа мѣстныхъ пановъ. Вскорѣ послѣ этого разговора зашелъ въ избу Беневя соцкій, чтобы освѣдомиться, какъ устроился солдатъ на квартирѣ и узнать отъ него что нибудь новое. Семеновъ выслалъ всѣхъ домашнихъ изъ хаты, заперъ на крючекъ двери и, вынувъ изъ ранца записку кутовскаго

эконома, началъ разсказывать соцкому и Бенедю о своемъ мнимомъ назначенiи.

— Вотъ указъ отъ государя императора, въ немъ велѣно мнѣ забирать по всей кiевской губернiи пановъ и везти къ нему въ Петербургъ. Вы не смотрите на то, что я въ простомъ солдатскомъ мундирѣ; но я не солдатъ, у меня оберъ-офицерскiй чинъ и орденовъ, орденовъ; да только мнѣ нельзя такъ показываться, а то какъ увидятъ паны, сейчасъ-же узнаютъ меня и начнутъ прятаться, тогда ищи ихъ. Такъ ты, соцкiй, собери на завтра крѣпкiй караулъ, человѣкъ въ сорокъ, приготовь кандалы и три тройки; я теперь ѣду въ Романовку и другiя села, а завтра вернусь и возьму вашего поссессора, такъ смотри, чтобъ все было готово. Да, смотрите, никому не говорить объ этомъ до моего возвращенiя; а то услышитъ вашъ панъ и уйдетъ, тогда будете искать сами; а не найдете, въ Сибирь, въ каторгу сошлю.

Затѣмъ потребовалъ у соцкаго тройку и уже поздно вечеромъ поскакалъ въ сосѣднее село Романовку. Здѣсь онъ переночевалъ; въ воскресенье утромъ, когда явился къ нему соцкiй и сталъ распрашивать, по какому виду онъ ѣдетъ, то Семеновъ, ударивъ его нѣсколько разъ плеткой, велѣлъ сейчасъ-же подать тройку и къ обѣду собрать значительный караулъ изъ надежныхъ людей, такъ какъ онъ на возвратномъ пути будетъ препровождать очень важныхъ арестантовъ. Тоже продѣлалъ онъ и въ с. Мошуровѣ, и въ Тальномъ, вездѣ разсыпая удары нагайкой всякому, кто сколько-нибудь ослушивался или медлилъ исполнять его приказанiя.

Приготовивъ такимъ образомъ для себя возможность спастись бѣгствомъ, когда откроется его продѣлка и станутъ его преслѣдовать, Семеновъ приступилъ къ выполненiю задуманнаго плана.

Вернувшись изъ Тальнаго въ Мошуровъ, онъ засталъ уже здѣсь собранныхъ соцкимъ до пятидесяти крестьянъ, готовыхъ исполнять всѣ приказанiя столь строгаго начальства.

— Я присланъ отъ царя взять вашего пана и объявить вамъ, что вы съ этого времени свободны, что-бы никто васъ на панщину не требовалъ; идите-же за мной и помогите мнѣ взять его,—такъ зарекомендовалъ себя Семеновъ передъ собравшимися крестьянами.

Толпа, образовавшись, двинулась за Семеновымъ по направленiю къ панскому двору, вооружаясь по дорогѣ кольями, вытяну

тыми изъ встрѣчавшихся по пути плетней. Это происходило въ воскресенье, селяне по большей части отдыхали дома отъ работы недѣльной, поэтому къ двигавшейся по улицѣ толпѣ приставало очень много любопытныхъ, и вскорѣ она возрасла до двухъ сотъ душъ.

Дорогой соцкій началъ жаловаться Семенову, что экономъ Квицинскій запретилъ выдавать ему почту. Семеновъ обѣщалъ раздѣлаться съ нимъ за ослушаніе и, отдѣливъ тридцать человѣкъ, приказалъ имъ пойти и окружить домъ поссесора Ганлея, а самъ съ прочими завернулъ къ эконому.

— Здравствуй, с.... с..., мошенникъ! Ты какъ смѣлъ спрашивать у меня бумагу?—обратился солдатъ къ Квицинскому.

Перепуганный экономъ началъ было извиняться, обзывая солдата чуть не высоко-превосходительствомъ, предлагалъ сейчасъ-же приготовить нѣсколько троекъ; но Семеновъ не слушалъ его.

— Я тебѣ покажу бумагу! У меня ея цѣлый мѣшокъ,—продолжалъ онъ кричать на эконома.

— Эй, соцкій, кандаловъ! Заковать его! А вы чего стоите безъ шапокъ, надѣвайте, уже ихъ панство кончилось; на панщину никто не посмѣетъ гнать васъ.

— Ваше высоко-превосходительство, это имѣніе генерала Нарышкина, проговорилъ едва слышно экономъ.

— А, Нарышкина?! Ну, такъ можно немного работать;—только не много!!

Крестьяне, понуждаемые плетью и кулаками Семенова, быстро заклепали въ желѣза эконома; тогда самозванный царскій посланный, поставивъ подлѣ него караульныхъ, повелъ стоявшихъ тутъ крестьянъ къ поссесору Ганлею.

Между тѣмъ Ганлей, увидавъ такую толпу съ дрекольемъ въ рукахъ и припомнивъ слухи о рѣзнѣ, испугался и велѣлъ затворить всѣ окна и двери и спрятался съ семействомъ въ бывшій подъ домомъ погребъ. Семеновъ приказалъ брать домъ приступомъ: крестьяне принялись бить стекла въ окнахъ, а другіе, подхвативъ лежавшее позади дома бревно, стали разбивать двери. Ударили разъ, другой; двери—дубовыя, не поддаются; за третьимъ разомъ съ грохотомъ и трескомъ повалились въ сѣни. Семеновъ, какъ стоялъ передъ крыльцемъ верхомъ на лошади соцкаго, такъ и двинулся прямо въ панскіе покои.

Въ сѣняхъ стоялъ перепуганный Ганлей.

— Ты, кто таковъ? спросилъ его Семеновъ и ударилъ нѣсколько разъ нагайкой.

— Я хозяинъ дома, отвѣчалъ Ганлей. Семеновъ приказалъ ему слѣдовать за собой въ залу. Здѣсь, ударивъ нѣсколько разъ Ганлея по щекѣ кулакомъ, Семеновъ велѣлъ сельскому атаману заковать пана въ кандалы, перевести въ другую комнату, раздѣть тамъ до нага и обыскать. Крестьяне сняли платье съ Ганлея и подали солдату. Въ карманѣ сюртука лежало полтораста рублей ассигнаціями и шесть рублей серебряной монетой; Семеновъ деньги вынулъ и взялъ себѣ, а платье подалъ назадъ хозяину.

Затѣмъ онъ позвалъ экономическаго писаря и приказалъ ему сейчасъ-же составить опись всего имущества Ганлея, а самъ съ другими крестьянами пошелъ въ кладовую, гдѣ взялъ двѣ серебряныхъ ложки, ножъ и бутылку вина, и воротился назадъ въ покои. Опись была составлена. Семеновъ посмотрѣлъ на нее, сложилъ и сунулъ въ карманъ. Въ это время пришелъ какой-то отставной офицеръ Хржановскій и сталъ ругать Семенова за безчинства; Семеновъ скомандовалъ крестьянамъ дать офицеру двѣсти розокъ, и тѣ исполнили приказаніе; затѣмъ по распоряженію Семенова Хржановскаго забили также въ колодки и посадили подлѣ Ганлея.

Теперь я у васъ покончилъ, нужно ѣхать въ Романовку,—обратился Семеновъ къ крестьянамъ; ты, соцкій, поставь здѣсь крѣпкій караулъ и береги ихъ до моего возвращенія, да приведи сюда также и эконома.

Привели эконома. Семеновъ посадилъ всѣхъ троихъ пановъ посрединѣ комнаты, вокругъ нихъ поставилъ двадцать человѣкъ стражи, потребовалъ себѣ отъ поссесора верховаго козака Захарія Кутерногу для разсылокъ и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Романовку.

Въ Романовкѣ соцкій также собралъ указанное число крестьянъ и дожидалъ пріѣзда Семенова. Да и какъ было не собрать, не послушаться его приказаній? „Вінъ-же вдавъ зъ себе такого строгого началника",—такъ крестьяне объясняли свое увлеченіе на допросѣ. Да, нашъ крестьянинъ того времени, привыкшій встрѣчать отъ засѣдателя и исправника самое грубое обращеніе, создалъ представленіе о высокомъ чиновникѣ, какъ о человѣкѣ съ кнутомъ и крѣпкимъ кулакомъ, разсыпающемъ удары на право и на лѣво, и чѣмъ сильнѣе

эти удары, тѣмъ важнѣе, значитъ, чиновникъ, а Семеновъ такъ искусно выполнялъ столь несложную роль.

Въ Романовкѣ объявили ему, что помѣщика дома нѣтъ, выѣхалъ куда-то, остался только его экономъ Чайковскій, при чемъ жаловались на послѣдняго за его жестокое обращеніе съ крестьянами. Семеновъ велѣлъ написать и подать ему жалобу; обѣщалъ наказать его и послалъ за Чайковскимъ козака Кутерногу. Чайковскій не пошелъ и заперся въ своихъ „официнахъ". Тогда Семеновъ съ шестьюдесятью крестьянами двинулся къ панскому двору, окружилъ домикъ эконома, приказалъ бить стекла въ окнахъ, выбить двери и вытащить Чайковскаго на дворъ.

— Ты какъ смѣлъ ослушаться моихъ приказаній?—закричалъ Семеновъ на Чайковскаго. Разложить его! И Семеновъ отсчиталъ эконому собственноручно двѣсти плетей. Чайковскій сошелъ кровью и лежалъ безъ чувствъ. Ожесточеніе крестьянъ противъ эконома было столь велико, что никто не тронулся пособить ему.

Затѣмъ Семеновъ повелъ крестьянъ къ помѣщичьимъ кладовымъ, отбилъ у нихъ замки и взялъ голову сахару, серебряную сахарницу, ножницы и нѣсколько связокъ табаку.

Было уже около четырехъ часовъ по полудни. Семеновъ почувствовалъ усталость отъ трудовъ и не захотѣлъ уже ѣхать въ Иваньки, а послалъ отъ себя козака Кутерногу съ романовскими сотскимъ и атаманомъ, поручивъ имъ арестовать иваньковскаго посессора Яворскаго и ожидать его пріѣзда. Въ знакъ полномочія онъ надѣлъ на Кутерногу взятую у Ганлея саблю.

Иваньковская громада давно уже съ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда „флигель-адъютанта изъ Петербурга", какъ тутъ окрестили Семенова, и когда полупьяный Кутерногa, указывая на саблю, объяснилъ крестьянамъ свое назначеніе и сказалъ имъ идти за нимъ, то вся толпа ринулась въ панскій дворъ.

На крыльцѣ встрѣтилъ толпу Яворскій и обращаясь къ Кутерногѣ, спросилъ:

— Ты хто такий и звідки взявся?

— Я самъ собі чоловікъ, пріхавъ взять тебе; а отъ, за мною скоро приде жандаръ, такъ пропадешъ тоді, якъ собака,—отвѣтилъ Кутерногa и ударилъ Яворскаго плетью.

Яворскій скрылся въ комнаты и заперъ за собою двери, затѣмъ, увидѣвъ черезъ окно соцкаго, закричалъ ему:

— Эй, соцкій, бійся Бога! що ты робишъ, чомъ не вяжешъ цихъ розбійниківъ? Я ніякого указу не читавъ и не бачивъ, се якійсь обманъ.

— Такъ я бачивъ і чувъ, якъ читали,—отвѣтилъ соцкій; пропала теперъ твоя голова, Яворскій!

Яворскій выслалъ двухъ дюжихъ шляхтичей, чтобы связали козака, но крестьяне не позволили имъ этого сдѣлать и поколотили ихъ. Послѣ этого Кутернога ударилъ плетью по окну, выбилъ стекла и думалъ было черезъ окно пробраться въ комнаты, но былъ оттолкнутъ находившимися тамъ экономами Яворскаго и упалъ на землю. Разсерженный такимъ сопротивленіемъ, онъ приказалъ разбивать двери. Между тѣмъ за это время Яворскій успѣлъ спрятать свое семейство въ безопасное мѣсто, а самъ рѣшился отдаться въ руки взбунтовавшихся крестьянъ, поэтому отперъ двери и пустилъ ихъ въ комнаты. Крестьяне бросились вязать поссесора и его экономовъ: принесли сдѣланныя въ этотъ-же день спеціально для своего пана колодки и набили ихъ на ноги Яворскому. Кутернога съ саблей на-голо расхаживалъ по панскимъ покоямъ и раздавалъ приказанія, копируя своего начальника: писарю онъ велѣлъ описать все имущество Яворскаго, опечатать кладовыя, погреба, а соцкому послать надежныхъ людей въ с. Полковничую и тамъ также арестовать пана и доставить въ Иваньки.

Запировали тогда мошуровскіе, романовскіе и иваньковскіе крестьяне по случаю столь легко и неожиданно полученной воли; Семенова угощали водкой, курами, яйцами. Но не долго продолжалась ихъ радость: вечеромъ того-же дня имъ пришлось разочароваться въ мнимомъ посланникѣ царскомъ, а на слѣдующій день испытать всѣ ужасы экзекуціи.

Въ ту пору, какъ Семеновъ наказывалъ въ Романовкѣ эконома Чайковскаго, черезъ Тальное проѣзжалъ засѣдатель Скинтѣевъ. Увидѣвъ стоявшую подлѣ почтовой станціи толпу крестьянъ, онъ остановился и спросилъ, по какому случаю они тутъ собрались. Соцкій отвѣтилъ ему, что пріѣзжалъ какой-то важный чиновникъ изъ Петербурга, велѣлъ ему приготовить пять троекъ и крѣпкій караулъ для препровожденія арестованныхъ въ сосѣднихъ селахъ

пановъ. Скинтѣевъ въ недоумѣніи, чтобы это значило, помчался по дорогѣ къ Мошурову, куда, какъ указали ему крестьяне, уѣхалъ петербургскій чиновникъ. Дорогой онъ старался угадать, кто-бы это могъ быть, и рѣшилъ, что, вѣроятно, пріѣхало какое нибудь весьма важное лице, чтобы арестовать пановъ, замѣшанныхъ въ исторіи декабристовъ; изо всѣхъ силъ спѣшилъ онъ встрѣтить должнымъ образомъ эту важную особу. Но въ Мошуровѣ его недоумѣніе разсѣялось: видъ разбитыхъ стеколъ и дверей, закованныхъ и избитыхъ пановъ, ограбленіе Ганлея—все этого было дѣломъ, свойственнымъ больше разбойнику, чѣмъ представителю власти. Сообразивъ быстро, Скинтѣевъ помчался по слѣдамъ за Семеновымъ.

Семеновъ въ это время выѣхалъ изъ Романовки по дорогѣ въ Иваньки, но, угостившись черезмѣрно, не могъ дальше ѣхать и тутъ-же, за селомъ, подлѣ стоявшихъ чумаковъ прилегъ и заснулъ. Тутъ его и настигъ Скинтѣевъ.

Разбуженный ударомъ Скинтѣева, Семеновъ поднялся, вынулъ ножъ и уже занесъ его надъ Скинтѣевымъ, но былъ удержанъ чумаками. Его связали, положили на повозку къ Скинтѣеву и подъ карауломъ отвезли въ Мошуровъ.

Не рѣшаясь оставить такого важнаго преступника безъ своего личнаго присмотра, Скинтѣевъ отрядилъ десять дюжихъ шляхтичей и поручилъ имъ арестовать въ Иванькахъ козака Кутерногу и другихъ главныхъ зачинщиковъ, а самъ остался въ Мошуровѣ и арестовалъ мѣстныхъ крестьянъ.

На другой день привели закованнаго и избитаго Кутерногу, явились войска, пріѣхалъ судъ; на улицахъ запылали костры подъ громадными котлами, а по селу бѣгали солдаты, хватая куръ, гусей и поросятъ, и все это тащили къ костру.

Крестьяне долго не знали, кому вѣрить: освобождавшему-ли вчера отъ панщины чиновнику въ солдатскомъ мундирѣ, или закрѣпощавшимъ на другой день засѣдателю и исправнику, рѣшили, что паны подкупили начальство и покорились своей судьбѣ...

Семенова по суду приговорили къ смертной казни, а изъ ста пятидесяти арестованныхъ крестьянъ однихъ сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы, другихъ на поселеніе, третьимъ присудили по пятидесяти ударовъ кнутомъ, нѣкоторыхъ оправдали.

К. К—къ.

КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ.

ВНУТРЕННІЕ РАСПОРЯДКИ.

I.

Приговоръ большой экстраординарной „рады“.

Въ запорожскомъ войскѣ бывали годовыя и полугодовыя „рады“, то есть общія собранія всѣхъ чиновъ „товариства“,—первыя для выбора кошеваго и всей „войсковой“ старшины, то есть судьи, обознаго, эссауловъ и другихъ, а полугодовыя—для отдачи по жеребью степей, рѣчекъ и другихъ угодьевъ. Экстраординарныя „рады“ или сходки собирались по особеннымъ случаямъ, какъ-то: для выслушанія высочайшихъ указовъ, гетманскихъ универсаловъ, внезапному наряду козаковъ на пограничную службу, отпускъ „громадскихъ“ денегъ, а также рѣшенія спорныхъ дѣлъ и принятія особенныхъ мѣръ по внутреннимъ распорядкамъ. Къ этому послѣднему разряду принадлежитъ „рада“ 23 декабря 1764 года, приговоръ которой, списанный нами, къ несчастію съ весьма ветхаго документа, предлагаемъ здѣсь съ возможною точностію. Этотъ документъ весьма любопытенъ и по особенной его формѣ изложенія, и по прикосновенію его къ исторіи гайдамачества, въ томъ особенно смыслѣ, что опровергаетъ категорически участіе Запорожья, какъ общины, въ набѣгахъ на поляковъ и жидовъ.

1764 года декабря въ 23 день.

„Мы всѣхъ куреней атаманы, со всѣми старшими козаками, съ стариками и молодыми, добросовѣстными, въ Кошу запорожскомъ, при собраніи полномъ войсковомъ всѣхъ старшинъ, стариковъ и атамановъ, по приговору и желанію къ доброму порядку всего Коша дали сію въ Кошу роспиcку въ нижписаннемъ:

„Гдѣ есть степами и лугами, нашихъ куреней, воры и злодѣи и какой-бы не былъ ватажекъ, передержатель и покупщикъ воровскаго, не только гдѣ жили, но и гдѣ шатались въ чатахъ и собраніяхъ, до единаго прибрать въ руки, искоренить и удержать вовсе отъ воровства, дабы ни въ татаръ, ни въ Польши ни въ россійскихъ подданныхъ, по шляхамъ и по зимовникамъ, ни на одну копѣйку вѣточь отъ сего дне не чинили-бъ; зо всѣми до единаго козака смотрѣть отнюдъ удержать обовязать; защищать, передерживать виннаго и за нимъ ручиться нигдѣ не будутъ; къ бунтамъ и радамъ ни одного не допускати, и за то худобою своей и горломъ со всѣмъ куренемъ ставить, не щадя единъ одного и по всѣмъ приказамъ всегда будемъ въ послушаніи въ Кошеваго и старшинъ войсковыхъ: воровство вовсе истребить приступаемъ и прійдется (?) вѣрно. А ежели въ какомъ куренѣ атамамъ не исправенъ, ослушенъ и потатчикъ злодѣйствамъ будетъ, то господину Кошевому вольно его покарати и того приказать отставить, а другого изобрать, и только добраго и исправнаго заразъ поставить, а его во всѣхъ куреняхъ всякой чести лишить и въ другой разъ атаманомъ не выбирать и не становити. А господину Кошевому и войсковой старшинѣ отъ сего же дня за нами, якъ и за всѣми куренями такъ смотрѣть, щобъ были мы всегда въ добромъ страду и порядку и на кому что явится, не миновати и всякого воровства не допускать и карати, по войсковому обычаю, потачокъ, дозволенія не на что худое никому не давати, взятковъ зъ винныхъ не брати и ихъ не выпускати безъ наказанія всего Коша, ни за малѣйшую воровскую вину; ни на какіе поруки воровъ и ихъ согласниковъ не давати; а кто прійдетъ за такимъ ручитись, то и того оковати и зъ воромъ равно держати и карати".

„А ежели не такъ поступатиметъ господинъ Кошовій, судія, писарь и асауль, и явится въ чемъ потакунъ, или добрыхъ или невинныхъ козаковъ будетъ напрасно обижать, то, не дожидая рады годовой или полугодовой, атаманамъ и старикамъ такихъ правителей, заразъ съ доносомъ главнымъ командамъ, отъ Коша отставить и никогда того подозрительнаго и слабаго старшину уже не выбирать и въ ни какой чинъ не ставить, и якого дѣла и обидъ не окончить, то зъ самаго того взыскать. При томъ-же они господа въ Кошу правящіе землю войсковую отъ всякихъ утисковъ оберегать и милости отъ ея императорскаго величества высочайшихъ правительствъ и главныхъ командъ искать, за всѣ

нужды и надобности, и не пропускать никакихъ дѣлъ и всегда смотрѣть по всему Кошу о добрыхъ состояніяхъ".

„Дабы въ полномъ послушаніи, чести и вѣрности все могло жити и войсковыми прежними полезными обычаями и привиллегіями на вѣки пользовались и на то все войско въ войсковій особливый скарбецъ и табель восковій сдѣлати, съ чего лучше можно, и умножити такъ, якъ въ другихъ войскахъ, и при сборѣ стариковъ и атамановъ считати, теряти и содержати: скрынку войсковую неподвижную при церкви расходную для Коша [1]) въ судіи и о томъ всемъ стараться правящимъ въ Кошу. Тако-жъ порохъ и свинецъ войсковій неподвижно содержати. На каждую потребность атаманамъ и старшинѣ казны войсковой себѣ никогда не дѣлити и не касаться, безъ стариковъ, до скарбцу неподвижнаго войсковаго, подъ смертнымъ штрафомъ, а кто на то настояти маетъ и сей войсковый уставъ и подписи наше перемѣнитиметь, то горломъ карать и всю худобу его забирать, не уважати ни на старшину, ни на атамановъ и ни на кого. А что-бъ всегда войско запорожское низовое исправно было ружьемъ, коньми со всѣмъ приборомъ, того господину Кошевому и атаманамъ всѣмъ смотрѣти и приказывать безъ забутку, и за всѣми козаками атаманы будутъ неусыпно того наблюдати и на службу его императорскаго величества отъ мала до велика готовы состоять и состоятимуть на вѣки".

„Въ томъ подписуемся всякъ куреня атаманъ зъ стариками и козаками по простотѣ крестами, а кто можетъ письмомъ, и что должны все вышеписанное содержати и исполняти непремѣнно сугубо и охотно обовязуемся, а въ аппробацію и подверждевіе господинъ Кошевый атаманъ и войсковые старшины нынѣшніе и бывшіе на семъ подписываться имѣютъ, и войсковую печать при всѣхъ приложить, и представить всѣмъ высокимъ властямъ, и читать сіе всегда въ радѣ при сборѣ старшинъ".

За симъ слѣдовали цѣлыя тетради подписей, но они пропали, а уцѣлѣли лишь 26 подписей одного титоровского куреня, и во главѣ ихъ подпись, т. е. крестъ „атамана куреннаго Федора Шамрая".

---

[1]) Вѣроятно „съ ключемъ".

II.

Ордеръ по пограничнымъ дѣламъ съ татарами.

„Вамъ Маркови Каженови, куренному (атаману) незамоевскому и знатному войска нашего запорожскаго низоваго товарищеви, такожъ и прочимъ войска нашего при Камянце [1]) сидячимъ и по иныхъ мѣстахъ по близу козакамъ симъ нашимъ войсковымъ открытымъ листомъ, объявивъ, приказуемъ:

„Понеже отъ насъ войска нарочно опредѣленные куренные атаманы, два человѣка: куреня корсунскаго *Павелъ Козелецкій*, да куреня васюринскаго *Иванъ Шостакъ*, и придавъ къ нимъ пристойное число козаковъ, къ перевозу Кизи-Керменскому [2]), поставленному отъ хана крымскаго, для изслѣдствія и распросу, почему оный при Кизи-Кермени перевозъ отъ татарской стороны учрежденъ, и маютъ-ли они отъ кого на то повелительный указъ или нѣтъ, и дабы на томъ ихъ кизи-керменскомъ перевозѣ людей никакихъ купецкихъ и прочихъ не пуская, ихъ оттоль отвергнуть и возить не дерзать, запретить посылаются".

„Того ради и вамъ пригрозя приказуемъ: по ихъ вышеозначенныхъ атамановъ требованію не чинясь ослушными, всякое удобовозможное спомоществованіе чинить, и сами собою потрудитесь, и тако сколько можно будетъ зъ околичныхъ тамошнихъ зимовниковъ козаковъ и взявши оныхъ къ соби, зъ выше прописанными нарочно посланными атаманами, къ перевозу кизикерменскому имѣете поѣхать, и что они прикажутъ вамъ дѣлать, не ослушаясь то и дѣлайте, а сверхъ ихъ приказу отнюдь вамъ ничего не сочинять и жадныхъ ссоровъ и дракъ, такожъ и озлобленій никому не показовать, подъ жесточайшимъ штрафомъ. Данъ зъ Коша сентября 27, 1743 году".

На означенномъ подпись: „Якимъ Игнатовичъ, атаманъ кошевый войска запорожскаго низоваго съ товариствомъ".

(М. П.).

Причиною такого распоряженія было то, что татаре, дабы переманить купцовъ и солевозовъ на свою сторону мимо запорожской переправы въ камянскомъ форпостѣ, устроили свой у нынѣшняго Борислава, существующій доселѣ.

[1]) С. *Каменка* херсонской губер. и уѣзда на рѣчкѣ сего имени, впадающей въ Днѣпръ, выше Берислава. Тамъ въ 1711 году была временная Сѣчь и переправа на крымскую сторону.

[2]) *Кизи-Керменъ*—нынѣ *Бериславъ* херсонской губерніи.

III.

Духовная умершаго запорожскаго козака.

Одинъ польскій губернаторъ прислалъ въ Кошъ духовное завѣщаніе умершаго въ его округѣ запорожца, купца Ивана Высочина, на польскомъ языкѣ написанное и въ Сѣчи переведенное на русскій—и какъ видно полякомъ. Мы списываемъ этотъ документъ буквально, раздѣливъ его только на 3 §, т. е. на *состояніе* умершимъ оставленное, на его *распоряженіе* и на *исполненіе* этого распоряженія. Гдѣ именно умеръ завѣщатель, мы еще не узнали.

„Я *Иванъ Высочинъ*, запорожецъ, симъ моимъ остатнимъ тестаментомъ записую, сколько имѣю собственной своей мизеріи и какъ оказуе, и записую настоящія доказательно такъ, дабы, по смерти моей, турбаціи и споровъ какихъ-либо какъ въ Польской Области, такъ и въ Запорожьѣ не было, всякому кому вѣдать надлежатиметь, объявляя".

1.

„Впервыхъ имѣю я товару: горѣлки ганнусковой (анисовой) пробной до третьи воды спуствивъ [1]) 220, за которую горѣлку выдавши совсѣмъ, вышло суммы. . . . . 420 р. — к.
да Иванъ Шаргородченко виноватъ . . . . 5 р. 50 к.
Яковъ Зерденовскій виноватъ . . . . 2 р. — к.
Грицько Солодивый виноватъ. . . . . 6 р. — к.
При мнѣ готовыхъ. . . . . 18 р. — к.

2.

„Герасимови братови записую коня бѣлаго съ кульбакою и рушницею; ратище, жупанокъ зеленый, опанчу (въ Сѣчи), шаровары синіе, ковдре (одѣяло) и килимъ (коврикъ)".

„Деревни Плещаневѣ, гдѣ были родичи мои, записую на сорокоустія за померших. . . . . 10 р.
На тую жъ церковь записую. . . . . 10 р.
Тамъ-же и за мене грѣшнаго записую . . . . 5 р.

„Что остается денегъ товарискихъ у Грицка Односума (вѣроятно по куреню), то прошу изчисляти при атаманѣ Яцку, и по расчетѣ, что въ мою часть надлежатиметь, прошу каждому просящему дать".

„Такъ-же до „Святыхъ Горъ" (въ харьковской губ.) 20 р. — к.
Въ Камянку до чудного образа Матери Божіей. . 10 р. — к.

[1]) Спустъ—три ведра.

Герасимови братови записую	10 р. — к.
Въ курень прошу обѣдъ справить рублей на	3
За похороны священникамъ: Затковецкому 15 зл. и.	1 р. 5 к.
Мелешневскому	1 р. — к.
Дякамъ съ товарищми	1 р. — к.
Пономарю	— р. 10 к.
Братству	— р. 50 к.

Лошакивъ съ Односумомъ товарищскихъ пять.

Хутро (шубу) и кунтушъ отдать до Сѣчи, и Односумъ нехай продасть и деньги на церковь дасть".

„Сіе взаписую при людяхъ достойныхъ, а именно: Андрен Дубовому, Яцку Пидгѐрносу, Ивану Рудому, Василіи Бѣлицкому, Костѣ Микитису, Якову Шередя и Ивану Шароградскому".

3.

„Реестръ по умершему Ивану Высочину, ще выдано на разные расходы за его покойнаго душу, а именно:

„Зъ денегъ: попу изъ братствомъ того-жъ храма готовыхъ денегъ	12 р. — к.
Дякамъ того-же храма	1 р. — к.
Отцу Василію Мелешковскому	1 р. — к.
Поломареви 10 к.; дякови Мелешковскому 5 к.; братчикамъ того-жъ храма 50 к.; за ладанъ на похороны сдержано 5 коп.	
За кабана на обѣдъ употреблено	1 р. 5 к.
За борошно (муку) пшеничное	1 р. — к.
За маслосвятіе	1 р. — к.

„Горилки на маслосвятіе употреблено полспустъ, на обѣдъ спустъ, а потомъ вторично полспустъ".

„Попу дано хутро (шубу) чорное и кунтушъ.

„Арендарю Шліоми долженъ остался по	4 р. 25 к.
Беркови шинкарю	— р. 5 к.
Писареви	— р. 5 к.
Иванови Шароредску	— р. 5 к.
Въ Ладыжинъ на позвонье	1 р. — к.
За подковку коня и за подковы	— р. 20 к.

Взято на подкову 15 фугъ.

„За росписку, которую далъ покойный Иванъ къ отсылкѣ до Сѣчи, имѣвшуюся отъ жида Затковскаго, то прошу, чтобъ сюда назадъ была прислана чрезъ Ивана Шаргородіенка, яко

жидъ проситъ, что-бъ ему обратно отданъ былъ, о чемъ и Герасимъ сознаетъ, что куда выдано".

Это примѣчаніе сдѣлано вѣроятно губернаторомъ польскимъ, приславшимъ въ Сѣчь духовную Высочина.

Для насъ въ особенности интересна цѣна припасовъ и вознагражденіе церковнослужителей. Кабанъ стоитъ всего 1 руб. 5 коп., да ладанъ 5 к. Дьяку и пономарю дано всего по 5 коп.

На подлинномъ документѣ замѣчено: „переводъ съ польскаго на русскій діалектъ".

IV.

„Печатка" по случаю опасеній наѣзда татаръ, въ 1769 году.

Печатками[1]) назывались въ Запорожьи тѣ приказы Коша, которые разсылались по паланкамъ и перевозамъ, особенно въ началѣ существованія войска, за неимѣніемъ писарей; онѣ состояли изъ одной печати, наклеенной на воскѣ или бумагѣ, а содержаніе ихъ передавалось изустно. Прилагаемая здѣсь „печатка" принадлежитъ уже позднѣйшимъ годамъ. Происхожденіе ея было слѣдующее: по свѣдѣніямъ доставленнымъ полковниками самарской и орельской паланокъ (нынѣ верхнеднѣпровскій уѣздъ, екатеринослав. губерніи), татары сожгли 72 зимовника и въ нихъ убили 54 чел., въ плѣнъ взяли 256 душъ обоего пола и захватили 22,080 штукъ скота, овецъ и лошадей.

„По полученіи сей печатки всѣ по зимовникамъ стоящіе въ Тарасовскомъ, Бѣленкомъ и Хортицахъ[2]) имѣютъ неотмѣнно какъ себя, такъ и тѣхъ, кто съ нихъ господаремъ живетъ, и могущественные и таковые, въ коихъ лошадей не имѣется, а они могутъ за що себѣ купить, ружемъ каждаго и по парѣ лошадей приспособить. Служителей-же своихъ, руже жъ чтобы было у каждаго, а когда хозяинъ пожелаетъ, то и парою лошадей приспособить-же, и всякій козакъ хозяинъ, со всѣми въ зимовнику, быть во всемъ къ походу и отпору противъ татарскаго движенія готови, и такъ что ежели куда повелѣно будетъ выступать, то

---

[1]) Въ 1770-хъ годахъ были еще *карточки* посылаемыя по куренямъ о нарядѣ козаковъ на посты и чаты.

[2]) Херсонской губерніи и уѣзда, на границѣ.

всѣ зъ зимовника какъ конные, такъ и пѣшіе, оставя при скотѣ въ зимовникѣ для смотрѣнія онаго одного человѣка, выступить въ повелѣнное мѣсто; а безъ позволѣнія никуда движенія не имѣть, и всѣ безотлучно находились-бы всегда при зимовникахъ".

„Сію „печатку" посылать зимовникъ отъ зимовника самоскорѣе и какъ всѣ зимовники обойдетъ, то возвратить опять до Коша и отдать въ канцелярію войсковую; посылается-жъ съ Коша, 1768 года, ноября 13".

Наша печатка, къ сожалѣнію, до того была ветха отъ сырости, что мы были принуждены дополнять ее иногда своими собственными словами.

V.

По церковнымъ дѣламъ.

Въ 1759 году запорожское войско пожелало сдѣлать для своей сѣчевой церкви паникадило серебренное, по образцу кіевской печерской лавры. Но такъ какъ это было вѣсомъ въ 7 пудовъ, то рѣшено было заказать въ Москвѣ паникадило серебренное въ 5 пудовъ и 2 аршина вышины. Къ этому случаю относятся слѣдующія два письма запорожскихъ посланцевъ, довольно любопытныя.

1) *1759 года іюня 17, изъ Кіева.* Запорожскій полковникъ Максимъ Куликовскій, посланный въ Кіевъ для снятія образцовъ съ печерскихъ паникадилъ, пишетъ Кошевому (Алексѣю Григорьеву Бѣлицкому) слѣдующее:

„Софійскаго кіевскаго монастыря всечестнѣйшій отецъ намѣстникъ, бывшій въ батурическомъ монастырѣ игуменомъ, Іосифъ Миткевичъ, просилъ къ себѣ, въ котораго въ самый праздникъ (Сошествіе св. Духа) будучи, кушали всѣ и по нашему у его прошенію, за ходатайствомъ, у преосвященнаго митрополита кіевскаго Арсенія были, и благословеніе въ понедѣльникъ на Тройцу получить удостоились; а за скорымъ моимъ съ атаманомъ отходомъ въ квартиру, оставшіеся только два Онисимъ Семеновъ, да писарь у стола преосвященнаго кушали и довольно гуляли, и при отходѣ оба раза въ квартиру нашу въ межигорскій дворецъ [1]) софійскимъ монастыря поѣздомъ (экипажемъ) цугами отвозили и такъ отъ него всечестнаго угощены, что его

---

1) Подворье межигорскаго монастыря на Подолѣ Кіева.

благопріятствомъ весьма проникнуты и предъ В. В. безъ похвалки оставить было невозможно".

Само собой разумѣется, что отъ Софійскаго и другихъ монастырей посланъ былъ въ Сѣчь, съ дозволенія митрополита, монахъ (намѣстникъ батуринскій), для сбора милостыни.

2) *Изъ Глухова, 22 сентября 1759 года* атаманъ дядьковскаго куреня, Онисимъ Семеновичъ, пишетъ тому-же Кошевому:

„По словесному повелѣнію В. В. и общему приговору, я серебро, взятое мною изъ Сѣчи для издѣланія паникадила въ Москву возилъ, и тамо какъ я самъ, такъ и его высокопреподобіе, отецъ архимандритъ новоспасскій въ издѣланіи онаго прилагалъ старанія, только-жъ въ Москвѣ тамошніе золотари, безъ выдачи заразъ денегъ, взять не похотѣли. Хотя-жъ и были тые, что нѣкоторые взять и принимались, но не скоро сдѣлать обѣщевались. Мое-жъ намѣреніе было, что-бъ взявши, по приговору войсковому съ казны жалованной деньги, которые по нашему намѣренію принять желалось въ Москвѣ, самому до сдѣлки прожить. Токмо отъ Статсъ-Конторы выдачу не въ Москвѣ, но въ Кіевѣ ассигновано принимать. Почему я принужденъ тое серебро, ѣдучи обратно, взять отъ отца архимандрита и въ Глуховѣ, по совѣту мѣщанъ, въ томъ числѣ и Григорія Приблудова (кои и ручались), отдать ко издѣланію къ майстру глуховскому мѣщанину и жителю, Карлу Яковлевичу *Кеппину*, съ такимъ договоромъ, что онъ до принятаго отъ мене 1-го пуда 20 фунтовъ и 20 лотовъ, кои состоитъ 8° пробы, своего прибавить 3 пуда и 8 фунтовъ 12-й пробы; фунтъ цѣною по 15 рублей. И съ того всего серебра, т. е. $4^1/_2$ пуда, сдѣлать оное (паникадило) 1760 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ; а деньги съ перваго теперешняго времени, за пріемомъ въ Кіевѣ казны тысячу рублей, а по сдѣлки половинной части паникадила, нѣкоторую часть, да за привозомъ на его коштъ, всѣ остальные отдать роспискою обовязался. О чемъ въ контрактѣ пространнѣе изъяснено".

Подпись: „Онисимъ Семеновъ".

VI.

Инструкція для ревизіи паланокъ и сбора податей 1762 г.

„Изъ Коша войска запорожскаго низоваго панамъ атаманамъ (куреней): деревянковскому Николаю *Тимофѣеву*, левушковскому Якову *Качалову*, дядьковскому Гаврилу *Щироху*".

ИНСТРУКЦІЯ.

„Въ Кошѣ извѣстно учинилось, что по ревизіи въ минувшемъ 1756 году о дворовомъ числѣ въ вѣдомствахъ кодацкомъ и самарскомъ чиненной, по якой отъ означеннаго году по нынѣ и годовой окладъ на войско зъ обивателей взиманъ былъ, за расходомъ зъ прочихъ селъ въ другіе мѣста обивателей, не малое несходство въ написанномъ числѣ имѣется, потому что въ какомъ селѣ написано было дворовъ большимъ числомъ, за сходомъ, нынѣ остается малымъ, а гдѣ меньшимъ было, состоитъ большимъ. Отъ того слѣдуетъ и слѣдовать можетъ народу немалая тяжесть и во взятіи за изшедшихъ излишняго платежа обида и разореніе. Дабы впредь того не слѣдовало, повелѣли Мы, полнымъ Собраніемъ, для учиненія самою вѣрностью: гдѣ именно въ вѣдомствахъ кодацкомъ и самарскомъ, въ селахъ, какимъ числомъ дворовъ тяглыхъ и пѣшихъ состоитъ, въ тѣ вѣдомства для составленія ревизіи отправить васъ, и вы имѣете получа сію нашу инструкцію, учинить нижеписанное:

1.

„Слѣдовать въ вышепрописанные вѣдомства въ кодацкое и самарское, за пріѣздомъ атаманамъ „посполитымъ“ [1]) кодацкому и самарскому приказать о всѣхъ ихъ вѣдомства подданныхъ, наличныхъ, тяглыхъ и пѣшихъ, подать вѣрные списки, по якимъ вы, объѣхавъ обоихъ вѣдомствъ села, освидѣтельствовать и надлежаще безъ упущенія сочинить вѣдомости, и оные, за поворотомъ, намъ въ Кошъ представить.

2.

Живущимъ кодацкаго вѣдомства въ Биленковатомъ, Россоховатомъ и въ прочихъ байракахъ и мѣстахъ, тако-жь гдѣ козацкія зимовники имѣются, и отъ обивателей тѣснятся, объявить, дабы они болѣе уже тамо жителями не были и утѣсненія остаючимъ зимовниками козакамъ холостымъ не дѣлали, приказать въ села войти непремѣнно, по посланному въ кодацкую паланку приказу.

---

[1]) *Посполитыми* они назывались для отличія отъ куренныхъ, т. е. военныхъ, это были семейные поселяне, или „поженившіеся“ козаки.

3.

Богородичанъ[1]), призвавъ въ самарскую паланку, каковые отъ тамошняго атамана Байраке чинятся обиды, озлобленіе и разоренія народу, спросить и по сросѣ учинивъ надлежащее разсмотрѣніе, и буде дойдетъ, что доносимыя намъ сюда обиды богородичанскимъ обивателямъ отъ него же будетъ до прама, то яко ему Байраку не до чиненія богородичанскимъ обивателямъ обидъ отъ Коша атаманску должность править велѣно,—другимъ, кого тамошніе обиватели похотятъ, добронадежнымъ человѣкомъ перемѣнить.

4.

„Воровъ и разбойниковъ, если гдѣ провѣдаете, сискивать, ловить и поступать по войсковымъ обычаямъ; равножъ съ самовольцами, ослушниками и не почитающими команды, поступать безъ понаровки, съ добрыми-же и чесными запорожскаго войска козаками поступать вамъ обходительно.

„Зъ Коша, генваря 9, 1762 года“.

Въ этомъ, вообще интересномъ документѣ, любопытнѣе всего для насъ сдѣланное наставленіе, чтобы вышедшія въ степь на поселеніе „обиватели“ возвращалися въ свои усадьбы, дабы *не стѣснять* козаковъ въ ихъ зимовникахъ. Между тѣмъ въ этихъ двухъ паланкахъ, занимавшихъ большую часть нынѣшняго екатеринославскаго и новомосковскаго уѣздовъ, т. е. на 15,500 квадратныхъ верстъ было всего 2,400 осѣдлыхъ семействъ, или до 8,000 душъ обоего пола, жившихъ въ 31 усадьбахъ, и нѣсколько сотъ козаковъ по зимовникамъ, а теперь здѣсь населенія болѣе, чѣмъ 300 тысячъ душъ обоего пола.

А. Скальковскій.

---

[1]) *Богородицкій* ретраншементъ при впаденіи р. Самары въ Днѣпръ, близъ Новомосковска, построенъ въ 1711 году.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи и переводѣ).

1643—1651 г.

(Окончаніе). *)

Іюля 16. Король продолжалъ предначертанный путь, съ намѣреніемъ преслѣдовать врага до самыхъ его кочевій и тамъ его истребить; но, сообразивъ, что при такой малочисленности своего войска, если онъ отправится лично въ непріятельскую область, то подвергнетъ большой опасности и себя и всю Рѣчь Посполитую, онъ собралъ совѣтъ для обсужденія, не будетъ-ли полезнѣе отправить гетмановъ съ войскомъ въ Украйну, самому же возвратиться для того, чтобы руководить доставкою новыхъ средствъ для продолженія кампаніи. Тщательно взвѣшены были всѣ побужденія, клонившіяся въ ту и въ другую сторону; наконецъ, въ воскресенье, ставъ лагеремъ у Орли, въ полторы мили отъ Кременца и въ мили отъ передоваго отряда, двигавшагося впередъ подъ начальствомъ польнаго гетмана, король объявилъ, что онъ возвратится назадъ съ своимъ дворомъ. Многіе офицеры протестовали весьма грубо противъ этого рѣшенія, особенно-же князь Вишневецкій, требовавшій, чтобы король непремѣнно отправлялся въ дальнѣйшій походъ съ войскомъ; изъ придворныхъ чиновниковъ къ этому-же мнѣнію склонялся канцлеръ (Андрей Лещинскій). Но король заставилъ ихъ замолчать, напомнивъ князю Вишневецкому, что самъ онъ не пожелалъ отправиться въ тылъ козацкаго табора иначе, какъ въ сопровожденіи 15,000 войска, теперь-же требуетъ, чтобы король съ половиною этого количества войска отправлялся въ отдаленный походъ.

---

*) См. январь, февраль, май, іюнь, сентябрь и ноябрь „Кіев. Ст.“

Іюля 17. Король пожелалъ передъ выѣздомъ произвести генеральный смотръ войску, съ этою цѣлью онъ отправился въ понедѣльникъ въ Кременецъ; но такъ какъ случились въ то время проливные дожди, то онъ отмѣнилъ смотръ и во вторникъ уѣхалъ въ одномъ только экипажѣ, даже не попрощавшись съ тѣми полками, которые находились въ передней стражѣ. Вечеромъ этого дня онъ прибылъ въ Броды, гдѣ ночевалъ у хорунжія короннаго (Конецпольскаго), котораго здоровье уже тогда поправилось. На слѣдующій день онъ ночевалъ въ Бѣломъ Камнѣ.

Іюля 20 въ четвергъ король ночевалъ въ Глинянахъ. Во время его путешествія постоянно шелъ проливной дождь, приходилось ѣхать по грязи, оставивъ всѣ возы и подвергаясь всякимъ неудобствамъ; королю путь этотъ опротивѣлъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ пребываніе въ лагерѣ. Если этотъ отъѣздъ короля и былъ невыгоденъ для Рѣчи Посполитой, то вся вина падаетъ на дворянское ополченіе, которое лишило его средствъ продолжать походъ, не только потому, что само удалилось, но и потому, что подало поводъ къ бѣгству всѣмъ тѣмъ, которые состояли въ войскѣ на жалованьѣ, теперь-же подъ предлогомъ поступленія въ новыя милиціи, убѣжали скоропостижно; изъ королевскаго полка осталось только три хоругви, которыя и послѣдовали за королемъ и принесли извѣстіе о томъ, что на остальныя королевскія хоругви нѣтъ никакой надежды. Не смотря на все это, Господь рѣшился до конца не оставлять насъ: панъ Суходольскій возвратился изъ-за Винницы съ извѣстіемъ, что ханъ и Хмельницкій находятся въ Крыму и что татаре вездѣ на обратномъ пути убивали и угоняли въ полонъ крестьянъ и козаковъ; наши также истребляютъ ихъ въ разсыпную. Притомъ Господь послалъ на нихъ повсемѣстный страхъ; наши, двигавшіеся „татарскимъ шляхомъ", встрѣчали на всякой переправѣ множество потонувшихъ коней. Панъ Суходольскій утверждалъ положительно, что повсемѣстно чернь затворяется въ городахъ, и вездѣ, гдѣ встрѣтится съ козаками, убиваетъ ихъ и даже истязаетъ ихъ женъ въ отместку за свои семьи, угнанныя татарами въ Крымъ. Такъ поступило ополченіе черни, которое въ числѣ до 15,000 отправлялось въ помощь козакамъ подъ начальствомъ паволочскаго войта, и по дорогѣ встрѣтивъ татаръ, было ими истреблено на половину. Чернь вездѣ заявляетъ готовность къ покорности и если это настроеніе продолжится, то подлинно можно сказать, что самъ Господь за насъ сражается, ибо мы сами не дѣлаемъ ничего такъ, какъ слѣдуетъ, хотя наши

солдаты и доблестно сражались въ теченіи трехъ дней. Въ войскѣ съ гетманами остался писарь польный Пржыемскій; князь Радзивиллъ и Убальдъ собираются уѣзжать. Король приказалъ, чтобы ротмистры оставались при хоругвяхъ, но многіе изъ нихъ сбѣжали.

Іюля 21. Король прибылъ во Львовъ; онъ явился въ городъ вечеромъ инкогнито и до ночи остановился въ одномъ частномъ саду; затѣмъ ночь провелъ въ забавахъ и развлеченіяхъ вмѣсто того, чтобы начать съ благодарственнаго молебствія Господу за ниспосланный по его милости неожиданный успѣхъ кампаніи. Во Львовѣ король остановился недѣли на двѣ, потому что онъ заболѣлъ вслѣдствіе неудобствъ лагерной жизни. Затѣмъ, излечившись, онъ уѣхалъ въ Варшаву.

Между тѣмъ получились самыя разнообразныя вѣсти отъ разныхъ лицъ о судьбѣ Хмельницкаго: одни утверждали, что онъ въ сопровожденіи 30 козаковъ отправился въ Крымъ вмѣстѣ съ ханомъ и что, потерявъ всякую надежду на возстановленіе козачества, онъ рѣшился принять исламизмъ. Извѣстіе это подверждали гонцы господаря волошскаго, которые находились при ханѣ во время его переправы черезъ Днѣпръ у Саикермена (sic) и увѣряли, что видѣли тамъ Хмельницкаго. Другіе утверждали, что ханъ насильно увелъ съ собою Хмельницкаго въ оковахъ, имѣя намѣреніе отмстить ему за посрамленіе и потерю своего войска, такъ какъ онъ отправился въ походъ, полагаясь на ложныя увѣренія Хмельницкаго, будто войско наше весьма слабо и малочисленно. Многіе, подтверждая послѣднее извѣстіе, прибавляли однако какъ достовѣрное свѣдѣніе, что Хмельницкій откупился отъ хана, уплативъ ему 150,000 злотыхъ или талеровъ, вслѣдствіе чего былъ отпущенъ на свободу. Кажется, что нѣчто подобное случилось дѣйствительно; во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что онъ остался въ Украйнѣ и въ Крымъ не поѣхалъ, доказательствомъ этого служатъ универсалы, разосланные имъ изъ Бѣлой-Церкви 2 іюля, т. е. нѣсколько дней спустя послѣ битвы, въ которыхъ онъ зазываетъ разсѣявшихся хлоповъ вновь собираться. Вотъ ихъ подлинный текстъ:

„Богданъ Хмельницкій, гетманъ, съ войскомъ запорожскимъ господамъ полковникамъ: бѣлоцерковскому, винницкому, брацлавскому, уманьскому и паволоцкому добраго здоровья отъ Господа Бога желаемъ. Извѣщаемъ васъ, что по совѣту съ товариствомъ мы рѣшили: немедленно быть на готовѣ и собираться, не откладывая сбора до двухъ или даже до одной недѣли; по-

тому приказываемъ вамъ стянуть всѣ названные полки къ Бѣлой-Церкви подъ начальство бѣлоцерковскаго полковника, остальные же полки соберутся подъ моимъ начальствомъ у Корсуня. Теперь необходимо намъ принять предосторожности, дабы враги не захватили насъ въ разбродѣ по домамъ. Съ этого времени всѣ извѣстія, какія дойдутъ до васъ, не теряя ни минуты, днемъ и ночью, сообщайте намъ; мы-же, въ свою очередь, будемъ васъ увѣдомлять обо всемъ, что узнаемъ, услышимъ или порѣшимъ въ нашемъ совѣтѣ. Вторично при томъ вамъ напоминаемъ, чтобы вы были на готовѣ и собирались въ одно мѣсто. Орда уже выступила и мы надѣемся, что враги наши не будутъ имѣть успѣха. За симъ поручаемъ васъ покровительству Господа Бога. Дано подъ Бѣлою-Церковью, дня 2 іюля, 1651 года. Богданъ Хмельницкій рукою власною".

Хотя многіе были увѣрены вполнѣ, что Хмельницкій находится въ Крыму, и потому считали эти универсалы подложными и опубликованными исключительно для того, чтобы ввести насъ въ обманъ, но впослѣдствіи истина обнаружилась, когда онъ самъ лично 9-го іюля явился съ нѣсколькими десятками козаковъ въ Любартовъ; вмѣстѣ съ нимъ находилось 2000 татаръ и три мурзы; они расположились лагеремъ у города, но вели себя скромно и смирно. Хмельницкій пообѣдалъ въ городѣ и выѣхалъ изъ него, взявъ съ собою съѣстные припасы, которыми нагрузилъ двѣ повозки.

Описавъ весь ходъ Берестецкой кампаніи и ея послѣдствій, возвращусь къ разсказу о нашемъ походѣ въ Подгорье, который имѣлъ слѣдующій исходъ: выступивъ изъ лагеря 26 іюня, какъ о томъ выше было упомянуто, мы двигались ускореннымъ маршемъ, понуждая къ нему и пѣхоту, для того, чтобы поскорѣе достигнуть Чорштына и потушить намъ вспыхнувшее пламя бунта. Чтобы избѣгнуть замедленія и траты времени на переправахъ въ белзской землѣ, гдѣ онѣ очень многочисленны и трудны, мы, переправившись черезъ Бугъ у Сокаля, раздѣлились на два отряда: мечникъ коронный и староста Сандецкій съ наемнымъ войскомъ отправились по дорогѣ на Нароль, мы-же пошли ближайшимъ путемъ на Любачевъ; мы все болѣе и болѣе ускоряли нашъ походъ, такъ какъ получали частыя вѣсти не только о проискахъ Костки, но и о томъ, что на той границѣ собираетъ войска Сигизмундъ Ракочій, который состоялъ въ связи и съ нашими бунтовщиками и съ Хмельницкимъ. Но какъ его намѣре-

нія оказались тщетными, такъ и наша поспѣшность, стоившая намъ столько трудовъ, была излишня; ибо, еще до нашего прихода, противъ Костки отправилась пѣхота, находившаяся въ Краковѣ въ качествѣ гарнизона, и рать краковскаго епископа; ему не хватило ни пороху, ни съѣстныхъ припасовъ въ чорштынскомъ замкѣ, и потому горцы, которыхъ 40 человѣкъ, отъявленныхъ разбойниковъ, затворилось вмѣстѣ съ нимъ, потерявъ надежду на спасеніе и получивъ обѣщаніе, что будутъ отпущены на волю, выдали его нашимъ 24 іюня вмѣстѣ съ другими начальниками, которыхъ переписка выше была приведена. Всѣхъ ихъ казнили 18 іюля въ устрашеніе другимъ бунтовщикамъ. Начальникъ, называвшійся Косткою, но въ дѣйствительности бывшій или Наперскимъ или Симеономъ Бзовскимъ, и принявши самозванно титулъ старосты Чорштынскаго, былъ посаженъ на колъ; на допросахъ подъ пыткою онъ показалъ, что онъ принялъ фамилію Костки лишь потому, что воспитывался въ домѣ пановъ Костковъ, дѣйствительная же его фамилія Наперскій, притомъ онъ назвалъ себя незаконнорожденнымъ сыномъ короля. Передъ смертью онъ назвалъ себя Симеономъ Бзовскимъ. Маршалокъ Лентовскій былъ четвертованъ, а ректоръ Пцимскій обезглавленъ; тѣло послѣдняго, вслѣдствіе усиленной просьбы его сына, служившаго тогда органистомъ у краковскаго епископа, дозволено было похоронить при церкви св. Катерины, но голову его прибили къ висѣлицѣ, рядомъ съ другими казненными.

Мы очень сожалѣли, что извѣстіе о его поимкѣ сообщено намъ было слишкомъ поздно; ибо мы напрасно утруждались походомъ и лишены были возможности принять участіе въ битвѣ подъ Берестечкомъ. Желая имѣть по крайней мѣрѣ точныя извѣстія, мы поспѣшили впередъ въ Краковъ, оставивъ свой отрядъ назади; здѣсь извѣстіе вполнѣ подтвердилось. Не имѣя повода далѣе оставаться въ этомъ краѣ, мы переговорили съ краковскимъ епископомъ о дальнѣйшихъ мѣрахъ защиты, присутствовали вмѣстѣ съ нимъ на смотру войска, вновь навербованнаго для защиты краковскаго воеводства, и затѣмъ отправились назадъ въ Кальбушовую, намѣреваясь оттуда отправиться обратно въ лагерь, оставивъ лишь пѣхоту, которая была сильно утомлена. Но здѣсь мы получили письма, извѣщавшія насъ о томъ, что войско пошло въ Украйну, что дворянскія ополченія разбрелись по домамъ и что король возвратился въ Варшаву; вслѣдствіе этого мы и отказались отъ предположеннаго похода.

Между тѣмъ войско наше, разставшись съ королемъ, отправилось въ Украйну; но оно двигалось весьма медленно и съ большими затрудненіями, такъ какъ постоянно падалъ дождь, переправы оказались вездѣ плохія и испорченныя, лошади были изнурены и страшно страдали отъ оводовъ. Едва 30 іюля войско достигло Лабуни, но городъ этотъ и замокъ въ немъ были сожжены раньше. Во время этого похода наемныя хоругви поступали весьма своевольно и, желая вознаградить себя за то, что не получали жалованья отъ Рѣчи Посполитой, онѣ страшно грабили и опустошали мѣстности, по которымъ проходили.

Между тѣмъ литовскій гетманъ, князь Радзивиллъ, побуждалъ настоятельными письмами вождей нашихъ, чтобы они поскорѣе двигались къ Кіеву; онъ извѣщалъ ихъ о значительной побѣдѣ, одержанной имъ надъ козаками и о томъ, что онъ приблизился къ Кіеву, надѣясь рѣшительно одержать верхъ въ случаѣ, если оба войска соединятся. Но наше войско не могло ускорить своего движенія какъ по вышеприведеннымъ причинамъ, такъ и вслѣдствіе сильнаго голода, господствовавшаго въ томъ краѣ.

Хлопы украинскіе, ускользнувъ отъ опасности, разбрелись по домамъ своимъ; они совершенно пали духомъ и въ первое время готовы были отказаться отъ всякихъ бунтовъ и своеволія и стали подчиняться панамъ и ихъ прикащикамъ и управляющимъ и исполнять свои повинности; но когда они узнали, что шляхтичи разъѣхались по домамъ, что король, одно имя котораго наводило на нихъ страхъ, оставивъ войско, возвратился въ Варшаву, и что войско наше едва двигается черепашьимъ ходомъ, они немедленно стали опять помышлять о бунтѣ, вождей нашихъ и войско безъ короля они презирали, управляющихъ стали прогонять, распоряженія ихъ и письменныя инструкціи рвали, отъ исполненія повинностей отказывались и, побуждаемые универсалами Хмельницкаго, стали вновь собираться толпами.

Августа 20. Въ этотъ день, послѣ кратковременной болѣзни, скончался въ лагерѣ доблестный рыцарь князь Іеремія-Михаилъ Вишневецкій, воевода русскій, мужъ для отечества полезный во всякое время, но преимущественно теперь, для текущей кампаніи; все войско о немъ глубоко сожалѣло и, если-бы это было возможно, готово было бы собственною кровію искупить его кончину.

Августа 21. Я пріѣхалъ въ свое имѣніе Закоморье, которое сильно опустошили и враги и собственные наши солдаты; я поо-

жилъ здѣсь нѣсколько дней. Въ это время я ѣздилъ въ Берестечко, для того чтобы осмотрѣть мѣстность, прославившуюся столь важными битвами и побѣдою; я видѣлъ непріятельскіе окопы, весьма крѣпкіе какъ вслѣдствіе мѣстоположенія, такъ и по возведеннымъ фортификаціямъ. Затѣмъ я посѣтилъ Броды, резиденцію покойнаго великаго гетмана Конецпольскаго; городъ сожженъ до основанія; остался только замокъ, укрѣпленный на подобіе голландскихъ крѣпостей и превосходящій всѣ другіе замки роскошью украшеній. Въ минувшіе годы крѣпость эта выдержала въ теченіи 12 недѣль осаду отъ 36,000 козаковъ и успѣшно ихъ отразила. Видѣлъ я также мѣстечко Лесневъ, оно все обращено было въ пепелъ татарами, когда они въ первый разъ шли аттаковать наше войско. Съ глубокимъ сожалѣніемъ осматривалъ я Подгорцы, славившіяся нѣкогда во всей Польшѣ крѣпостью и прекраснымъ дворцемъ, украшеннымъ фонтанами, гротами и каскадою. Дворецъ этотъ выстроилъ гетманъ Конецпольскій, предназначая его служить мѣстомъ отдыха послѣ утомительныхъ военныхъ походовъ и другихъ услугъ Рѣчи Посполитой. Мысль эту онъ выразилъ въ слѣдующей надписи, изсѣченной на мраморной доскѣ, помѣщавшейся надъ воротами:

Sudaris Martis—victoria
Victoriae—triumphus
Triumphi praemium—quies [1]).

Теперь все это разрушено и испорчено бѣшенствомъ разъяренныхъ хлоповъ.

Сентября 4. Относительно войска нашего и его похода въ Украйну ничего существенно важнаго не случилось въ теченіи цѣлаго мѣсяца; все это время оно двигалось впередъ крайне медленно по выше указаннымъ причинамъ. Враги сразу смутившіеся не только ободрились въ это время, но успѣли вновь скопить значительныя силы, такъ что они были въ состояніи вести не только оборонительную, но и наступательную войну. Правда на первыхъ порахъ они потерпѣли неудачу: не зная о томъ, что литовское войско выступило изъ Кіева для соединенія съ войскомъ коронымъ, непріятель отправилъ 3,000 отборной конницы къ Кіеву сухимъ путемъ и столько-же водою съ порученіемъ оттѣснить

---

[1]) „Награда трудовъ военныхъ—побѣда, побѣды—тріумфъ, тріумфа-же—отдыхъ" Подгорцы и Лесневъ мѣстечка въ злочевскомъ округѣ въ Галиціи.

литовское войско отъ Кіева, или по крайней мѣрѣ нанести ему чувствительный уронъ. Нашъ передовой отрядъ наткнулся на тѣхъ козаковъ, которые двигались сухимъ путемъ и разбилъ ихъ столь основательно, что немногіе только успѣли спастись; такая-же участь постигла и тотъ отрядъ, который плылъ по Днѣпру. Однако эта потеря была незамѣтна при многолюдствѣ враговъ, которые собирались большими толпами и съ той стороны Днѣпра и со всей Украйны. Впрочемъ самыя упорныя волненія и бунты своевольныхъ хлоповъ происходили по обыкновенію въ Брацлавщинѣ вслѣдствіе подстрекательства Богуна; здѣсь, на берегахъ Днѣстра, скопища безчинствовавшихъ опрышковъ (разбойниковъ) не дозволили возвратиться никому изъ нашихъ. Александренко и Чугай[1]), истребивъ шляхтичей въ окрестности Бара, сожгли въ этомъ городѣ замокъ, экономію и даже скирды хлѣба въ полѣ и затѣмъ, собравъ 10,000 людей, отправились къ своему войску. Чугай былъ убитъ случайно выстрѣломъ, который въ знакъ привѣтствія выпалилъ одинъ изъ хлоповъ, но Александренко, принявъ начальство надъ всѣмъ скопищемъ, расположился лагеремъ у Браилова, разослалъ разъѣзды во всѣ стороны, занялъ волости: Багрыновцы, Ваньковцы, Дубовую и другія помѣстья въ той мѣстности; козаки воспользовались помѣщичьими житницами, шляхту ограбили и истребили. Притомъ среди хлоповъ были распространены универсалы Хмельницкаго, въ которыхъ онъ приглашалъ ихъ обрабатывать и обсѣменять всѣ поля, утверждая, что ляхи находятся у него въ рукахъ, что уже нѣсколько недѣль назадъ къ нему пришло много татаръ. Господарь извѣщалъ насъ обо всемъ этомъ, равно какъ и о намѣреніи хана выступить въ походъ со всею ордою; онъ совѣтовалъ кастеляну краковскому кончать войну скорѣе, предостерегая, что въ Украйнѣ, особенно около Умани, происходитъ наборъ лошадей для татаръ.

Вслѣдствіе того, что враги успѣли собрать значительныя силы и получили помощь отъ татаръ, наше войско, углубившись въ страну, столь отдаленную, очутилось какъ-бы въ осадѣ; враги захватили всѣ дороги и пути сообщенія, прервали всѣ сношенія, безпокоили нашихъ частыми стычками и произвели въ войскѣ нестерпимый голодъ, не допуская въ лагерь подвоза припасовъ. Хлопы въ селахъ и мѣстечкахъ вездѣ насмѣхались надъ нашими, восклицая: „ляхи отрѣзали насъ отъ Днѣпра, а мы ихъ отъ Вислы!“

[1]) Въ подлинникѣ имя этого предводителя названо разъ Чугай, другой разъ Чуйко.

Паны гетманы, видя, что войска его королевской милости и Рѣчи Посполитой сильно страдаютъ какъ отъ безпрестанныхъ стычекъ съ врагами, такъ и отъ голода, что силы враговъ постоянно увеличиваются подходящими къ нимъ отрядами козаковъ, и татаръ (въ лагерѣ Хмельницкаго у Бѣлой-Церкви находилось уже 160,000 козаковъ и 10,000 татаръ подъ начальствомъ Карашъ-мурзы и Мехметъ-мурзы), что всѣ пути ими заняты, наши-же не имѣютъ надежды ни на какія подкрѣпленія, старались изъискивать всѣ средства для того, чтобы покончить дѣло или сраженіемъ или договоромъ на приличныхъ условіяхъ. Враги, какъ казалось, также склонялись къ переговорамъ, но тѣмъ не менѣе они не пропускали малѣйшаго случая для того, чтобы нанести уронъ нашему войску. Наконецъ Хмельницкій прислалъ трехъ козаковъ къ краковскому кастеляну, предлагая ему отправить довѣренное лице для переговоровъ объ условіяхъ мира съ его писаремъ Выговскимъ. Гетманъ отправилъ пана Маховскаго.

Сентября 11. Литовское войско подошло къ коронному и остановилось въ четверти мили отъ него, впослѣдствіи-же оно съ нимъ соединилось. Вечеромъ возвратился отъ Хмельницкаго панъ Маховскій; козаки просили, чтобы гетманы назначили коммисаровъ для веденія съ ними приговоровъ; при чемъ Хмельницкій и полковники принесли клятву, что они будутъ соблюдать международное право и обезпечатъ безопасность коммисаровъ; они просили послѣднихъ пріѣхать въ Бѣлую-Церковь ради собственной безопасности и не совѣтовали вести переговоровъ въ полѣ, опасаясь нападенія на коммисаровъ отъ своевольныхъ татаръ.

Сентября 18. Отправились въ качествѣ коммисаровъ: воеводы Адамъ Кисѣль кіевскій и Лебовичъ смоленскій, также стольникъ литовскій Гонсевскій и подсудокъ брацлавскій Коссаковскій въ сопровожденіи 500 драгунъ и двухъ полковъ кавалеріи; но конвой этотъ возвратился изъ Бѣлой-Церкви.

Переговоры продолжались въ теченіи двухъ дней; согласились на нѣсколько условій, а именно: что Хмельницкій уплотитъ нашему войску жалованье за нѣсколько четвертей года, что козаковъ останется въ регистрѣ только 12,000, что Хмельницкій останется гетманомъ по прежнему. Условія эти вызвали среди козаковъ большое волненіе. Чернь вознегодовала на Хмельницкаго: „ты пріобрѣлъ славу и богатство *нашими головами*, говорили они, *теперь еднаешся* (миришься), изъ регистра насъ исклю-

чаешь, *ляхамъ насъ подаешь* [1]), они сядутъ намъ на шею и т. п.“ Когда они наконецъ притихли, коммисары наши въ среду, на канунѣ дня св. Матѳея, собрались ѣхать въ свой лагерь, для утвержденія предположенныхъ условій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ изъ числа козацкой старшины. Но едва обозъ коммисаровъ выступилъ изъ города, козаки и татаре напали на возы, разграбили ихъ и все бывшее въ нихъ имущество расхитили; при этомъ убили до 30 товарищей, въ томъ числѣ и члена коммисіи пана Нагорецкаго, многихъ челядинцевъ захватили въ плѣнъ. Коммисары уже было тронулись въ путь вслѣдъ за обозомъ, когда получили извѣстіе о томъ, что творится впереди. Немедленно Выговскій и два полковника отвели ихъ обратно въ замокъ и отправились унимать буйство. Хлопы едва не вломились въ замокъ вслѣдъ за коммисарами и стали вынимать палисады; но по ту сторону частокола размѣщены были нѣсколько сотень регистровыхъ козаковъ, которые стали отражать нападавшихъ хлоповъ и рубили имъ руки при палисадѣ.

Когда это происходило въ Бѣлой-Церкви, оба войска наши перешли черезъ рѣчку Ольшанку; тотчасъ 1,000 татаръ подъѣхали подъ нашъ лагерь и нанесли намъ значительный уронъ, захвативъ многихъ солдатъ возвращавшихся съ провіантомъ. Въ то-же время прибѣжалъ одинъ рядовой изъ Бѣлой-Церкви съ извѣстіемъ, что коммисары находятся въ крайней опасности, ибо разъяренная чернь штурмомъ желаетъ добыть ихъ изъ замка и несомнѣнно она-бы ихъ разнесла саблями, если-бы не прибѣжалъ самъ Хмельницкій съ полковниками и не приказалъ казнить тутъже 15 человѣкъ черни. Гетманы и войско были опечалены этимъ извѣстіемъ и стали обдумывать различныя средства для освобожденія ихъ. Уже склонялись къ тому предложенію, чтобы всю конницу направить на Бѣлую-Церковь съ тѣмъ, чтобы или освободить коммисаровъ, или вмѣстѣ съ ними сложить головы. Одинъ только кастелянъ краковскій полагалъ, что нужно повременить. Въ это время пришло извѣстіе, что коммисары уже возвращаются, но что орда ихъ преслѣдуетъ и что они просятъ подать имъ помощь, какъ можно скорѣе. Немедленно ударили въ гетманскіе котлы, войско поспѣшно вскочило на коней и выступило въ поле. Но было уже поздно, ибо всѣ экипажи коммисаровъ были уже разграблены: воевода смоленскій и стольникъ литовскій лишились

[1]) Подчеркнутые слова въ подлинникѣ по русски.

денегъ болѣе, чѣмъ на 100,000 злотыхъ, воевода-же кіевскій и подсудокъ брацлавскій болѣе, чѣмъ на 30,000.

Сентября 21. Въ день св. Матѳея возвратились коммисары наши въ лагерь подъ эскортою нѣсколькихъ тысячъ регистровыхъ козаковъ; вмѣстѣ съ ними Хмельницкій прислалъ Гладкого и еще кого-то другого (Москаленка) для окончательнаго утвержденія условленнаго договора. Но когда пришлось обсуждать его статьи въ палаткѣ кастеляна краковскаго, въ присутствіи гетмановъ, сенаторовъ и полковниковъ, то собралась въ палаткѣ большая толпа товарищей и среди нихъ поднялся шумъ и ропотъ. Гетманъ литовскій (кн. Янушъ Радзивиллъ), нашъ польный гетманъ (Калиновскій) и все войско протестовали противъ статей договора и негодовали за оскорбленіе нашихъ коммисаровъ. Когда кастелянъ краковскій предложилъ сѣсть козацкимъ посламъ, то польный гетманъ вскричалъ: „я приказалъ уже приготовить колы, на которыхъ они будутъ посажены, здѣсь-же среди насъ они недостойны сидѣть!“ Такимъ образомъ переговоры не состоялись; войско должно было двинуться въ походъ къ Бѣлой-Церкви. Когда оно уже остановилось въ виду этого города, прибыло посольство къ краковскому кастеляну отъ Хмельницкаго, спрашивая, почему онъ приблизился съ войскомъ къ городу, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляя, что запорожское войско не можетъ согласиться на предварительныя условія договора и требуетъ возстановленія статей договора зборовскаго.

Сентября 23. Въ виду ихъ двоедушія, кастелянъ краковскій расположилъ войско въ боевой строй такой же, каковъ былъ у насъ въ битвѣ у Берестечка; надъ правымъ крыломъ, которому угрожала самая большая опасность, ибо впереди его находились пасѣки, рвы и болота, принялъ начальство князь гетманъ литовскій, лѣвое крыло было подъ начальствомъ польнаго гетмана, центромъ-же командовалъ кастелянъ краковскій вмѣстѣ съ писаремъ польнымъ Пржыемскимъ. Козаки, которыхъ Хмельницкій угостилъ водкою, вышли въ поле вмѣстѣ съ татарами; многіе изъ нихъ наблюдали съ вершины кургановъ за движеніями нашего войска. Кастелянъ краковскій полагалъ, что не слѣдуетъ вступать въ битву; но всѣ другіе были иного мнѣнія. Между тѣмъ войска сошлись такъ близко, что необходимо было начать сраженіе. Шесть хоругвей нашихъ бросились впередъ и врѣзались въ середину непріятелей, за ними бросился съ своимъ полкомъ хорунжій сандомирскій, ему-же доставлялъ подкрѣпленія воевода подольскій.

Въ то-же время князь гетманъ литовскій наступилъ впередъ весьма быстро правымъ крыломъ; онъ согналъ съ поля враговъ, которые обратились позорно въ бѣгство къ своему табору. Убитыхъ было немного, ибо все дѣло состояло болѣе въ бѣгствѣ, чѣмъ въ сраженіи. Въ этотъ день мы могли одержать если не окончательную, то весьма значительную побѣду, но лѣвое крыло не съумѣло воспользоваться удобнымъ случаемъ, когда литовцы отогнали враговъ отъ болотъ и пасѣкъ на обширную равнину, лежавшую противъ этого крыла.

Сентября 24. Утромъ Хмельницкій прислалъ сказать, что онъ радуется тому, что дѣло обошлось безъ большого кровопролитія; онъ утверждалъ, что вчера противъ насъ выступили только татаре и своевольные люди, которыхъ онъ не могъ удержать; онъ изъявилъ готовность возобновить переговоры. Между тѣмъ около полудня въ поле выступило болѣе 10,000 козаковъ, другіе прокрадывались къ намъ, скрываясь среди болотъ, татаре-же напали сзади на нашъ лагерь, такъ что нашимъ пришлось отражать ихъ. Однако Божіею милостью уронъ нашъ былъ незначителенъ, хотя татаре и захватили многихъ челядинцевъ. Вечеромъ Хмельницкій объявилъ, что завтра начнетъ переговоры.

Сентября 25. Съ утра до вечера происходили постоянныя стычки съ татарами въ разсыпную.

Сентября 26. Опять Хмельницкій прислалъ пословъ, заявляя, что онъ готовъ принять предложенныя коммисарами статьи договора, но только требовалъ, чтобы количество козаковъ было не менѣе 20,000; наши должны были согласиться на это, хотя противъ воли. Притомъ онъ требовалъ, чтобы кастелянъ краковскій уступилъ ему Черкасы и Боровицу; но на это кастелянъ не могъ согласиться безъ соизволенія короля и сейма.

Сентября 28. Взявъ въ качествѣ заложниковъ въ свой таборъ подскарбія литовскаго (Михаила Тризну?) и старосту красноставскаго (Яна Собѣсскаго), Хмельницкій пріѣхалъ въ нашъ лагерь въ сопровожденіи двухъ полковниковъ и Выговскаго; онъ, стоя на колѣнахъ передъ кастеляномъ краковскимъ, просилъ прощенія и благодарилъ за помилованіе. Затѣмъ прочли статьи договора слѣдующаго содержанія:

Статьи договора, заключеннаго съ козаками подъ Бѣлою-Церковью:

1) Козаковъ регистровыхъ полагается 20,000. Они должны жить исключительно въ воеводствѣ кіевскомъ, въ королевскихъ

имѣніяхъ, и не имѣютъ права селиться въ воеводствахъ брацлавскомъ и черниговскомъ, а также въ помѣстьяхъ частныхъ лицъ, откуда предоставляется право переселиться въ королевскія имѣнія тѣмъ, которые будутъ записаны въ регистръ.

2) Составленіе регистра должно быть кончено къ празднику Рождества Христова. Регистръ, за подписью гетмана, долженъ быть представленъ королю и явленъ въ кіевскія гродскія книги.

3) Войско коронное будетъ занимать квартиры въ воеводствахъ брацлавскомъ и кіевскомъ и не будетъ размѣщаться тамъ, гдѣ живутъ козаки.

4) Помѣщики воеводствъ кіевскаго, брацлавскаго и черниговскаго, равно какъ и старосты могутъ немедленно возвратиться въ свои помѣстья или прислать своихъ управляющихъ и принять въ свое распоряженіе имѣнія и всѣ доходы: корчмы, мельницы и т. п., но они не будутъ требовать податей и даней впредъ до составленія регистра, дабы тѣ лица, которыя попадутъ въ регистръ, имѣли время для того, чтобы выселиться и дабы точно опредѣлилось разграниченіе между козаками и подданными.

5) Чигиринъ, согласно выданной королемъ привиллегіи, остается во владѣніи гетмана и его преемниковъ; гетманы козацкіе должны подчиняться верховной власти гетмановъ коронныхъ; они будутъ получать уставныя грамоты и, принимая должность, должны приносить присягу на вѣрность королю. Всѣ полковники и козацкая старшина будутъ назначаться гетманомъ и состоять подъ его властью.

6) Греческая вѣра, исповѣдуемая войскомъ запорожскимъ, остается свободною, согласно съ древними правами; соборы, церкви, монастыри и кіевская коллегія останутся неприкосновенными. Въ случаѣ, еслибы оказалось, что въ смутное время кому-либо были пожалованы церковныя имущества, то такія грамоты теряютъ всякое юридическое значеніе.

7) Общая амнистія дается какъ дворянамъ римскаго и греческаго исповѣданія, принявшимъ сторону козаковъ, такъ и кіевскимъ мѣщанамъ.

8) Евреи имѣютъ право по прежнему проживать и арендовать доходныя статьи въ имѣніяхъ какъ королевскихъ, такъ и шляхетскихъ.

9) Орда, находящаяся нынѣ въ Украйнѣ, должна немедленно удалиться, не причиняя никакого вреда въ областяхъ его королевской милости. Впредь татаре не имѣютъ права останавли-

ваться на кочевья въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой и козацкій гетманъ обѣщаетъ склонить татаръ къ повиновенію волѣ короля. Хмельницкій обязывается за себя и за своихъ преемниковъ не входить никогда въ тайныя сношенія ни съ ордою, ни съ другими сосѣдними народами и монархами и пребывать въ вѣрномъ подданствѣ короля его милости.

10) Такъ какъ козачество никогда не простиралось въ предѣлы великаго княжества литовскаго, то и впредь туда простираться не должно.

11) Такъ какъ Кіевъ есть столица воеводства и мѣстопребываніе суда, то въ городѣ должно быть по мѣрѣ возможности меньше козаковъ зачислено въ регистръ.

Статьи эти для большей вѣры и крѣпости должны быть подтверждены присягою какъ коммисаровъ, такъ и запорожскаго гетмана и старшины, и должны быть точно приведены въ исполненіе.

Послѣ прочета этихъ статей, Хмельницкій исполнилъ присягу. Дай Господи, чтобы онъ ее соблюлъ точнѣе, чѣмъ предшествовавшія!

Послѣ замиренія, коронное войско удалилось немедленно въ назначенныя ему для стоянки мѣста, на которыхъ должно было оставаться впредь до составленія регистра; оно расположилось у Животова, гдѣ назначенъ былъ генеральный смотръ. Литовское войско возвратилось въ Литву. Орда должна была уйти во свояси, а козаки были отпущены по домамъ. На предстоящій сеймъ козаки должны были отправить пословъ съ изъявленіемъ благодарности королю за ихъ помилованіе.

Вышеупомянутый договоръ заключенъ былъ съ козаками на условіяхъ, не отвѣчавшихъ чести и достоинству Рѣчи Посполитой, но вынужденныхъ бѣдственнымъ состояніемъ нашего войска. Тѣмъ не менѣе онъ удовлетворилъ многихъ, особенно тѣхъ, которымъ наскучила война и постоянный сборъ податей на содержаніе войска, и которые, вслѣдствіе этого, желали какъ можно скорѣе заключенія мира, полезнаго какъ для нихъ, такъ и для отечества. Не смотря дѣйствительно на нашу безъурядицу, на малочисленность и страданія войска, договоръ принесъ Рѣчи Посполитой многія выгоды, а именно: 1) помѣщики трехъ воеводствъ: брацлавскаго, кіевскаго и черниговскаго, были освобождены отъ тяжелаго ярма, возложеннаго на нихъ зборовскимъ договоромъ, разрѣшавшимъ записывать въ регистръ козаковъ, жив-

шихъ въ частныхъ помѣстьяхъ, 2) расторженъ былъ опасный союзъ козаковъ съ татарами, который долженъ окончательно прекратиться въ концѣ декабря, 3) войска наши получили вновь право квартировать въ трехъ украинныхъ воеводствахъ, котораго лишены были по зборовскому договору, 4) постыдная и позорная граница, признанная по статьямъ того договора, какъ будто отчуждавшая въ пользу козаковъ три воеводства, теперь была уничтожена и предана забвенію.

Впрочемъ большинству дворянъ и самому королю договоръ не особенно понравился; они были недовольны тѣмъ, что булава гетманская была оставлена Хмельницкому, что признано было законнымъ слишкомъ большое число козаковъ, что обязанность уплаты жалованья войску, возложенная въ началѣ на Хмельницкаго, потомъ не состоялась; особенно-же неудовольствіе происходило отъ того, что въ виду столь счастливаго начала кампаніи, надѣялись завершить ее крайне выгодными условіями договора. Впрочемъ, если результатъ не отвѣчалъ надеждамъ, то на то были весьма важныя и многочисленныя причины, а именно: 1) разстроенное здоровье кастеляна краковскаго, вслѣдствіе чего не только военныя дѣйствія не могли быть ведены энергично, но по временамъ войску угрожала серьезная опасность. 2) Несогласіе вождей, вслѣдствіе котораго въ войскѣ происходили крупные скандалы; ибо польный гетманъ публично оскорблялъ друзей и довѣренныхъ лицъ великаго гетмана, вслѣдствіе чего, что стыдно даже писать, они ругались взаимно матерними словами и хватались за сабли. 3) Войско наше страдало отъ голода, который можетъ безъ битвы привести въ разстройство самыя многочисленныя арміи; въ лагерѣ нашемъ за коровай хлѣба платили по 4 злотыхъ, а за кварту простой водки, если только возможно было ее достать, по 8 злотыхъ. 4) Войско наше, теряя постоянно людей отъ голода и болѣзней, не имѣло надежды на полученіе подкрѣпленій, между тѣмъ какъ таковыя постоянно прибывали къ врагамъ. 5) Большая ошибка сдѣлана была въ выборѣ пути: войско наше попало въ уголъ между рѣками Росью и Руткомъ и не могло оттуда ни возвратиться вспять, ни двинуться впередъ, не подвергаясь большой опасности. 6) Въ помощь козакамъ приближался многочисленный отрядъ орды подъ начальствомъ Нуреддина и находился уже у Корсуня. 7) Существовало постоянное опасеніе, что литовское войско, соскучившись вслѣдствіе голода, недостатка и безъурядицы нашей, оставитъ насъ и

возвратится домой. Литовцы открыто говорили своему гетману, князю Радзивиллу: „напрасно ты привелъ насъ сюда смотрѣть на безначаліе"! Князь едва могъ обуздать неудовольствіе, прибѣгая къ неимовѣрной скромности и вѣжливости; онъ упрашивалъ ихъ успокоиться такъ, какъ будто онъ былъ не вождь, а рядовой воинъ. Вообще о князѣ Радзивиллѣ всѣ отзывались съ похвалою: указывали на его выдающійся умъ въ военныхъ совѣтахъ, на образцовую скромность, на умѣнье удержать среди солдатъ дисциплину и повиновеніе, на несокрушимое мужество въ битвѣ и искреннюю преданность благу Рѣчи Посполитой. Качества эти онъ заявилъ въ дѣлѣ, бывшемъ въ субботу (23 сентября), о которомъ упомянуто выше: князь настаивалъ на необходимости вступить въ сраженіе, атаковалъ храбро непріятеля, принудилъ его очистить поле битвы и вѣроятно уничтожилъ-бы окончательно его силы, еслибы наше войско его поддержало. Но онъ убѣдился въ нашей вялости, и потому на слѣдующій день, когда его спросили въ совѣтѣ: слѣдуетъ-ли продолжать начатые переговоры или нѣтъ, онъ отвѣтилъ: „еслибы вчера я убѣдился въ исправности и мужествѣ короннаго войска, то я предпочелъбы сражаться, но замѣтивъ въ немъ лишь безпорядокъ и апатію, я, по чистой совѣсти, могу вамъ совѣтовать лишь переговоры о мирѣ". 8) Обстоятельство, вызвавшее также уступчивость съ нашей стороны, заключалось въ состояніи погоды: дождь и слякоть, продолжавшіеся безпрерывно въ теченіи трехъ сутокъ, до того были вредны для войска, что въ одну ночь умерло до 300 человѣкъ изъ иностранныхъ наемныхъ полковъ, остальные-же иностранцы, не будучи въ состояніи долѣе выносить нестерпимаго голода и слякоти, стали перебѣгать къ врагамъ. 9) Наконецъ, совершенное почти отсутствіе управленія, этой души военнаго дѣла, проявилось въ такой-же мѣрѣ, какъ и въ предшествовавшихъ событіяхъ, и войско дѣйствовало скорѣе на угадъ по волѣ судьбы, чѣмъ по разумно обдуманному плану. 10) Вслѣдствіе всѣхъ перечисленныхъ причинъ сдѣлана была самая крупная ошибка: въ субботу не послѣдовало рѣшительнаго сраженія, которое могло-бы увѣнчать и закончить кампанію полнымъ успѣхомъ. Сами враги впослѣдствіи сознавались, что когда войско наше въ этотъ день двинулось въ атаку, построенное въ такомъ-же порядкѣ, какъ у Берестечка, по совѣту и стараніями польнаго писаря Пржыемскяго, то всѣ хлопы, объятые страхомъ, бросились въ бѣгство; даже полковники стали отступать за Рось

и самъ Хмельницкій сильно струсилъ. Любимецъ его Выговскій говорилъ: „мы хотѣли бѣжать, подобно тому, какъ бѣжали у Берестечка, но Господь вамъ отнялъ разумъ“.

И такъ, принявъ во вниманіе всѣ перечисленныя обстоятельства, мы должны воздать благодарность Господу за то, что онъ дозволилъ намъ заключить миръ и охранилъ насъ и Рѣчь Посполитую отъ окончательной гибели, которая могла послѣдовать вслѣдствіе нашего неустройства.

Октябрь доказалъ намъ, что на столько-же легко, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, заключить договоръ, на сколько потомъ трудно и тягостно удержать оный и исполнить, когда для этого потребуется нѣкоторое время и когда минуетъ угрожавшая опасность. Примѣръ этого явилъ Хмельницкій, который, показывая полную готовность исполнить подтвержденныя его присягою статьи договора, сталъ ихъ толковать на свой ладъ, согласно съ своими интересами. Онъ сообщилъ пану Маховскому, отправленному къ нему изъ лагеря, что онъ разрѣшаетъ войску занять квартиры въ брацлавскомъ воеводствѣ, но ограничилъ право сбора провіанта и прибавилъ условіе, чтобы солдаты вели себя во всѣхъ отношеніяхъ скромно и сдержанно. Тягостно показалось вождямъ и войску отъ подданнаго получать ограниченія и предписанія, но, уступая тяжелой необходимости и не желая нарушать изъ-за мелочи заключеннаго договора, они подчинились. Войско было распредѣлено въ Украйнѣ по селамъ и мѣстечкамъ, начиная съ Савраня по всей почти Уманьщинѣ; оно, согласно съ требованіемъ Хмельницкаго, получило право на сборъ самаго ничтожнаго провіанта. Панъ Маховскій привезъ еще и другую, болѣе серьезную и тревожную новость, что Хмельницкій намѣренъ отправить своего сына Тимоша съ частью войска въ Молдавію, для бракосочетанія съ дочерью молдавскаго господаря, согласно съ обѣщаніемъ, полученнымъ отъ послѣдняго; съ Тимошемъ онъ рѣшилъ отправить и татаръ, кочевавшихъ на Капустяной долинѣ у Корсуня, и назначилъ время сбора въ походъ черезъ двѣ недѣли. Кастелянъ краковскій, убѣжденный въ томъ, что это предпріятіе клонится къ большой невыгодѣ и опасности для Рѣчи Посполитой, не распустилъ войска на квартиры, но остановилъ его въ сборѣ у Махновки подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Брацлавщинѣ не прекратились еще крестьянскія волненія. По причинѣ тяжелой болѣзни онъ сдалъ начальство польному гетману, самъ же 22 октября уѣхалъ для возстановленія совершенно разстроеннаго

здоровья въ Хмѣльникѣ. Бунты не унялись и за Днѣпромъ, гдѣ хлопы продолжали своевольничать и, не обращая вовсе вниманія на универсалы Хмельницкаго и на его приставовъ, похвалялись выбрать другого гетмана и никого изъ нашихъ не пропускали за Днѣпръ, если-жо кто-либо отваживался переѣзжать туда, то его убивали.

Ноября 20. Скончался въ Хмельникѣ кастелянъ краковскій послѣ продолжительной болѣзни, оставивъ свободное поле для соискательства лицамъ, желавшимъ воспользоваться оставшимися послѣ его смерти вакантными должностями. При дворѣ долго колебались и отстрачивали ихъ раздачу, но наконецъ преимущество было оказано тѣмъ, которые съ своей стороны предложили болѣе возмездія. Должность краковскаго кастеляна была предоставлена воеводѣ мазовецкому Варшицкому, несмотря на то, что по общественному мнѣнію право на нее имѣлъ краковскій воевода. Барское староство передано князю Богуславу Радзивиллу, люблинское—кастеляну сендомирскому Витовскому подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ недавно оказалъ значительную услугу, принявъ на себя должность посланника въ Москву; но въ дѣйствительности его успѣху гораздо болѣе спомоществовало то обстоятельство, что онъ поднесъ въ подарокъ королю 15,000 червонцевъ. Нѣжинское староство предоставлено маршалу коронному (Любомирскому), булаву-же гетмана великаго король пока оставилъ при себѣ до дальнѣйшаго усмотрѣнія. Другія, мелкія доходныя мѣста покойника оставлены были его наслѣдникамъ для того, чтобы помочь имъ уплотить выкупъ, не выплаченный еще татарамъ за его освобожденіе изъ плѣна.

Декабря 15. Между тѣмъ изъ Украйны получались постоянно новыя вѣсти о томъ, что козаки и хлопы не смирились, но безпрестанно возобновляли попытки къ бунтамъ и волненію; они не только продолжали къ намъ относиться враждебно, но производили безпорядки и въ собственной средѣ: такъ они убили бѣлоцерковскаго полковника Громыку, пытавшагося усмирить ихъ своеволіе, а также многихъ другихъ лицъ, желавшихъ прекращенія бунта. Своевольники жившіе за Днѣпромъ, избрали себѣ новаго гетмана, нѣкоего Вдовиченка и вчали междоусобіе. Но Хмельницкій энергически отстоялъ свое положеніе и авторитетъ своей власти и казнилъ до двадцати бунтовщиковъ. Въ виду этихъ событій нашъ польный гетманъ, который вслѣдствіе смерти гетмана великаго принялъ верховное начальство надъ войскомъ, не полагаясь на

строгія мѣры, принятыя Хмельницкимъ и опасаясь, чтобы волненіе, вспыхнувшее между козаками, не разразилось неожиданно бѣдствіемъ для Рѣчи Посполитой, приказалъ немедленно всему войску, расположившемуся было уже на квартирахъ, собираться въ лагерь, назначивъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ полковъ мѣстечко Животовъ; онъ такимъ образомъ принялъ мѣры для того, чтобы всякое возможное, но непредвидѣнное событіе не застигло его въ расплохъ.

Письмо кн. Н. В. Репнина къ императору Николаю Павловичу

(по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ полтавской и черниговской губерній).

Всемилостивѣйшій Государь!

При тягостныхъ событіяхъ отечества нашего, обращающихъ на себя всепопечительное вниманіе вашего императорскаго величества, не дерзнулъ-бы я обременять васъ новымъ представленіемъ моимъ, еслибы не вынужденъ къ тому былъ крайнимъ положеніемъ малороссійскихъ губерній и не побужденъ къ сему священною волею вашего императорскаго величества, чтобы правда невозбранно достигала подножія престола вашего. Я ручался вамъ, всемилостивѣйшій государь, въ первыхъ дняхъ сего года, что ни какіе происки людей злонамѣренныхъ не могутъ нарушить законнаго порядка Малороссіи и что здѣшнее дворянство, гордясь принадлежать вамъ, какъ государю твердому, справедливому и дѣятельному, уповаетъ на милосердіе ваше и въ васъ единомъ находитъ залогъ благоденствія и спокойствія отечества; я утверждалъ тоже, что малороссійскіе козаки, племя народа воинственнаго, съ восторгомъ вооружатся на защиту отечества, и, къ счастью моему, событія истекшаго полугодія оправдали ручательство мое. Но въ тоже время, всемилостивѣйшій государь, исполнилъ я долгъ правды и чести, обращая отеческое вниманіе вашего императорскаго величества на тягостное положеніе малороссійскихъ поселянъ, а черезъ то и дворянства, и въ отношеніи моемъ къ генералу Бенкендорфу, отъ 19 генваря, не льстилъ, яко царедворецъ, но смѣло говорилъ, что побужденіе мѣстнаго начальства къ платежу податей, несоразмѣрныхъ съ силами поселянина, а тѣмъ болѣе недоимокъ за годы неурожайные и общихъ несчастій возраждаютъ ропотъ на правительство, и что нищета и скорбь производятъ часто въ

простолюдинахъ тѣже преступныя дѣйствія, какія возникаютъ отъ пагубныхъ заблужденій людей, ложно образованныхъ.

Ваше императорское величество услышали мольбу подданнаго и истинно вамъ преданнаго, козакамъ простили милліоны и уменьшили подати ихъ на будущее время. Отеческое желаніе ваше исполнилось: полмилліона подданныхъ вашихъ счастливы и съ радостнымъ восторгомъ благословляютъ священное имя ваше; казеннымъ крестьянамъ предстоитъ таже надежда на милосердіе, чрезъ представленіе г-ну министру войти въ положеніе ихъ; въ сложеніи-же недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ комитетъ гг. министровъ положилъ рѣшительно отказать, но взысканіе сіе производить съ нѣкоторою умѣренностію и снисхожденіемъ, не опредѣливъ однакожъ мѣры сего снисхожденія, слѣдовательно дѣлая сіе невозможнымъ для мѣстнаго начальства и обвиненныхъ тѣмъ-же положеніемъ комитета гг. министровъ въ упущеніи и послабленіи! Трудно мнѣ, всемилостивѣйшій государь, оправдать себя и подчиненныхъ мнѣ, ибо на сіе положеніе комитета гг. министровъ послѣдовало уже высочайшее вашего императорскаго величества утвержденіе, и сверхъ того г. министру финансовъ угодно было сдѣлать изъ ходатайства моего о нуждахъ общихъ дѣло частное; но я измѣнилъ-бы вамъ, всемилостивѣйшій государь, и отечеству, еслибы умолкъ, предвидя стонъ шести сотъ тысячъ вашихъ подданныхъ, и разрывъ той связи народа, на коей обезпечено доселѣ спокойствіе Имперіи. Основываясь на свѣдѣніяхъ положительныхъ и на коренныхъ законахъ, осмѣливаюсь я изложить оправданіе наше въ прилагаемой у сего запискѣ, а здѣсь, всемилостивѣйшій государь, представляю на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества важнѣйшую причину испрашиваемаго милосердія.

Прежніе малороссійскіе земледѣльцы (посполъство) мало чѣмъ различествовали отъ козаковъ и коль скоро пріобрѣтали собственность, поступали въ сіе сословіе, покуда пользовались правомъ вольнаго перехода до 1783 года; но въ сіе время порабощены они происками тогдашнихъ царедворцевъ, клевретовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ щастіемъ родины для собственныхъ выгодъ. Каждый шестидесятилѣтній поселянинъ пользовался всѣми выгодами свободы, и память разсказовъ объ ней есть главнѣйшая причина ропота крестьянъ на ихъ помѣщиковъ и зависти къ козакамъ; но сіи вредныя для общаго спокойствія чувства не усугубятся-ли въ помѣщичьихъ кресть-

янахъ, когда увидятъ они милосердіе вашего императорскаго величества оказанное козакамъ и попеченія правительства о собратіяхъ ихъ, казнѣ принадлежащихъ, а на себѣ почувствуютъ всю строгость тягостнаго взысканія податей и недоимокъ?!.. Не покажется-ли имъ рабство ихъ еще тягостнѣе прежняго, не станутъ-ли они проклинать своихъ владѣльцовъ, служащихъ для нихъ, какъ будто преградою отеческаго милосердія вашего императорскаго величества ко всѣмъ вѣрноподданнымъ вашимъ? Наконецъ отобраніемъ дворянскихъ имѣній въ опекунское управленіе и, вслѣдствіе закона, не только удаленіемъ помѣщиковъ изъ ихъ помѣстій на многіе годы, но и запрещеніемъ слушаться ихъ распоряженій, не разрушаетъ-ли само правительство слабую связь здѣшнихъ владѣльцовъ съ ихъ крестьянами?

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, уповаю, донесъ вашему императорскому величеству, что распоряженія о взысканіи недоимокъ по обѣимъ малороссійскимъ губерніямъ сдѣланы мною еще 18 истекшаго мѣсяца, слѣдовательно я не умедлилъ исполнить высочайше утвержденное положеніе комитета гг. министровъ; но признаюсь вамъ, всемилостивѣйшій государь, что я долго колебался обременять ваше императорское величество симъ представительствомъ моимъ, боясь, чтобы оное, по заключенію г. министра финансовъ, не почлось искательствомъ собственныхъ выгодъ; но совѣсть моя не укоряетъ меня въ сей подлости, ни предъ Богомъ, ни предъ вами, ни предъ честью, и я рѣшился исполнить долгъ вѣрности и ходатайствовать въ послѣдній разъ у милосердія вашего императорскаго величества о помощи порученныхъ управленію моему, съ тою откровенностію, правда, которую я всегда дерзалъ имѣть въ донесеніяхъ вашему императорскому величеству. Можетъ быть иные осудятъ меня за сію дерзость; но могу-ли я страшиться послѣдствій, предавъ судьбу и честь мою въ непосредственную защиту вашего императорскаго величества? Справедливость ваша, всемилостивѣйшій государь, взвѣситъ сорокалѣтнюю службу мою, непоколебимую во время оной вѣрность мою Отцу, Брату и вамъ,—терпѣніе, съ коимъ она побуждала меня переносить многія оскорбленія, правду, съ которою осмѣливался я всегда излагать донесенія мои, бескорыстіе въ мѣстахъ, въ коихъ зависѣли отъ распоряженій моихъ многіе милліоны, отчужденіе себя отъ всякихъ происковъ и связей, не разлучныхъ съ высшими званіями въ государствѣ, наконецъ единое упованіе на справедливость и защиту вашу. Вы взвѣсите все сіе, всеми-

лостивѣйшій государь, съ обвиненіемъ меня, и уповаю, ваше императорское величество удостовѣритесь, что я никогда не ограждалъ себя отъ дѣйствій силы закона, но напротивъ былъ всегда ревностнымъ блюстителемъ общаго порядка. Таже справедливость и прозорливость, всемилостивѣйшій государь, оправдаетъ жену, о коей я съ гордостью скажу, что жизнь ея не безполезна отечеству, и ваше императорское величество удостовѣритесь, что если расчесть недоимку, крестьянами ея невыплаченную, по числу душъ, то они ни чѣмъ болѣе другихъ не виновны, и что г. министръ финансовъ ошибается, почитая богатѣйшею помѣщицею владѣтельницу, хотя тринадцати тысячъ душъ крестьянъ, но изъ коихъ пять тысячъ совершенно нищихъ, не дающихъ ей ни одной копѣйки дохода, три тысячи едва усмиренныхъ мятежниковъ нижегородской губерніи и пять тысячъ скудныхъ, и которые она получила отъ родителей своихъ въ наслѣдство съ двумя милліонами восемью стами тысячъ долгу.

Тяжко мнѣ обременять ваше императорское величество частнымъ дѣломъ въ то время, когда благотворное сердце ваше скорбитъ о испытаніяхъ судьбами Всевышняго, на отечество наше налагаемыхъ; но я вынужденъ къ тому, всемилостивѣйшій государь, ибо, оправдая себя, могу только вновь пріобрѣсти довѣріе вашего императорскаго величества, лишась коего, не полезенъ уже буду для службы и чести государства и порученной надзору моему странѣ,—напротивъ совершенно вреденъ. Не могу помыслить, чтобы сіе несчастіе было для меня невозвратно и если польза государства побудитъ ваше императорское величество смѣнить меня въ мѣстѣ, нынѣ мною пятнадцать лѣтъ занимаемомъ, то милосердіе ваше, всемилостивѣйшій государь, навѣрно не откажетъ мольбѣ моей,—употребить меня на защиту отечества въ степени хотя гораздо ниже той, на которую возвела меня благость вашего императорскаго величества. Истинно русскіе должны нынѣ окружать престолъ вашъ и съ вѣрностію и съ восторгомъ принесть въ жертву отечеству жизнь, достояніе и честолюбіе. Скажу, что таковымъ я былъ и до конца дней моихъ пребуду съ благоговѣніемъ навсегда, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданный

Князь Николай Репнинъ.

31 іюля 1831 года.

Приведенный документъ, взятый „во время оно" изъ домашняго хранилища наслѣдниковъ князя Николая Васильевича Репнина, въ Яготинѣ, В. А. Животовскимъ и переданный мнѣ, сохранялся у меня не одинъ десятокъ лѣтъ. Изъ прочтенія недавно изданнаго, цѣннаго труда М. К. Чалаго: „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка" (стр. 41) выясняется обликъ и духовный складъ двухъ лицъ: князя Н. В. Репнина и его дочери Варвары Николаевны, аристократовъ по происхожденію и по существу. Счастливая и богато одаренная семья! Среди окружающей тьмы панскаго „мочемордія", среди животнаго мракобѣсія, какъ ярко свѣтящія солнца блистали эти два лица семьи, именитой въ краѣ. Князь Николай Васильевичъ былъ малороссійскимъ губернаторомъ, имѣя въ своемъ управленіи губерніи черниговскую и полтавскую, которыя одни тогда назывались малороссійскими, и оставилъ по себѣ самую свѣтлую память. Прочитавъ приведенное письмо его къ государю Николаю Павловичу, кто не усмотритъ въ немъ истинно государственнаго человѣка, кто не оцѣнитъ его заботливости о нуждахъ края, его прямоты, съ которою онъ высказываетъ истину строгому государю, и смѣлости, съ которою онъ идетъ противъ цѣлой партіи приближенныхъ государя? Испросивъ прощеніе недоимокъ козакамъ и казеннымъ крестьянамъ, Репнинъ настаиваетъ на сложеніи недоимокъ съ крестьянъ помѣщичьихъ, не смотря на брошенный въ него укоръ въ своекорыстіи. То были дѣйствительно тяжкія времена едва оконченныхъ двухъ войнъ, послѣдовавшихъ за ними чумы, холеры и голода и начавшагося польскаго возстанія. Чуткая къ бѣдствіямъ народа душа князя спѣшитъ къ нему на помощь, рискуя всею своею карьерою. Но не однимъ этимъ драгоцѣнно приведенное письмо его: оно приподнимаетъ завѣсу съ неутвердившагося еще въ лѣвобережной Украйнѣ крѣпостничества, указываетъ на господствовавшія тогда политическія опасенія и политическія-же интриги и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на темный конецъ карьеры князя, съ которымъ пострадали тысячи невинныхъ людей. Мы еще въ дѣтствѣ, живя въ центрѣ бывшаго управленія князя Ник. Вас. Репнина, слышали о проискахъ и клеветѣ нѣкоеи партіи на дѣйствія князя. Кто-бы могъ подумать, что этотъ видный государственный дѣятель, горячій патріотъ, преданнѣйшій слуга престола и отечества былъ заподозрѣнъ и почти обвиненъ ни болѣе, ни менѣе,

какъ, говоря по нынѣшнему, въ сепаратизмѣ и украинофильствѣ. И однако это такъ. И не одинъ князь пострадалъ отъ нелѣпой интриги, но и множество людей ни въ чемъ неповинныхъ. Дѣло въ томъ, что во время возмущенія поляковъ, въ 30-мъ году, энергическимъ и вмѣстѣ заслуженнымъ довѣріемъ Репнинъ сразу поставилъ нѣсколько полковъ козацкихъ. Интрига не усумнилась сію скорость, исправность и чистоту дѣла очернить особеннымъ, опаснымъ для цѣлости государства вліяніемъ... Темное преданіе связываетъ эту печальную исторію съ женитьбой Репнина на дочери гетмана Разумовскаго и родствомъ его съ А. Гудовичемъ, ради котораго якобы императоръ Павелъ хотѣлъ возстановить гетманское достоинство. Какъ-бы то ни-было, но по усмиреніи польскаго возстанія, сформированные по поводу его козаки не возвращены на родину, но отправлены на Кавказъ, гдѣ и образовали линейные полки миргородскій и полтавскій, а когда эти невольные переселенцы заявили, что не могутъ оставаться въ одиночествѣ, то съ мѣста ихъ родины для нихъ отправлено соотвѣтственное количество невѣстъ, а земли ихъ, перешедшія въ другія руки, и въ настоящее время составляютъ предметъ трудно разрѣшимаго вопроса. Въ настоящемъ письмѣ Репнина сквозятъ грустныя черты, перешедшія потомъ въ едва вѣроятный фактъ, а преданіе указываетъ въ лицѣ иноземца Канкрина (сына крещеннаго еврея), главнаго коновода „тогдашнихъ царедворцевъ и клевретовъ ихъ“, какъ выражается князь въ своемъ письмѣ. Другое выраженіе князя: „истинно русскіе должны нынѣ окружать престолъ вашъ“ указываетъ на происходившую тогда борьбу коренныхъ силъ съ иноземными, изъ которой выродилось столь пригодное для многихъ дѣтище въ формѣ подозрѣванія вездѣсущей измѣны. Государственныя заслуги Репнина, были, конечно, неизмѣримо выше того страннаго обвиненія, какимъ враги его старались теперь бросить въ него, и не оно было ближайшею причиною внезапнаго удаленія его въ 1834 г. отъ службы; тутъ примѣшались новыя обстоятельства: растрата якобы суммъ по постройкѣ полтавскаго института и личное столкновеніе строгаго формалиста Репнина съ прибывшимъ по дѣлу постройки института флигель-адъютантомъ Строгановымъ. Въ заключеніе мы находимъ необходимымъ оговорить значеніе словъ князя о томъ, что долгъ превышалъ цѣнность доставшагося ему за женою имѣнія. Не одними

долгами обременены были доставшіяся по наслѣдству имѣнія князя; по нимъ велись нескончаемые и весьма убыточные процессы. Дѣло въ томъ, что въ первое время послѣ уничтоженія гетманщины крѣпостничество, широко развернувъ свои когти, запускало ихъ и въ чисто козачьи поселенія. Изъ таковыхъ очутились въ кабалѣ у Разумовскихъ: часть Батурина, Великій Санборъ, Малый Санборъ и Корибутовъ, и объ нихъ-то и говорится здѣсь. Свободные владѣльцы земель—козаки, очутившись въ объятіяхъ кабалы, не хотѣли остаться въ ней ни пока числились во владѣніи Репниныхъ, ни когда остались „выморочными“ за казною, какъ стоившіе уже свыше стоимости долга. Долго ходаки ихъ хлопотали о возстановленіи ихъ „первобытнаго положенія“, т. е. полной свободы со своимъ земельнымъ достояніемъ, долго возили свои животы, но, уставъ порядкомъ и видя, что дѣло все болѣе затягивается, „плюнули“, сказавши: „то въ панській двіръ ворота широки, а зъ панського вельми тісни“...

Ст. фонъ-Носъ.

Нѣсколько данныхъ о судьбѣ Желѣзняка послѣ его ареста въ Умани.

Послѣ усмиренія „Коліивщины“ судьба человѣка, игравшаго въ ней самую важную роль, Максима Желѣзняка, теряется въ неизвѣстности: изъ польскихъ мемуаровъ знаемъ только, что онъ былъ арестованъ въ лагерѣ у Умани полковникомъ Гурьевымъ и отправленъ въ Кіевъ; затѣмъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о его участи не имѣется. Встрѣтивъ случайно нѣсколько документовъ, относящихся къ Желѣзняку послѣ его ареста, мы находимъ возможнымъ дополнить хотя нѣсколькими незначительными чертами скудныя вообще свѣдѣнія объ этомъ иниціаторѣ „Коліивщины“.

Покойный М. А. Максимовичъ сообщилъ намъ небольшую пачку документовъ, извлеченную изъ „кіевскихъ плацъ-маіорскихъ дѣлъ“, въ которой находится нѣсколько фактическихъ указаній на первое время ареста Желѣзняка и его товарищей. Въ пачкѣ этой сохранились слѣдующіе документы: 1) рапортъ плацъ-маіора кіево-печерской крѣпости Лбова о томъ, что онъ принялъ подъ караулъ Желѣзняка съ 73 его товарищами, 8 іюля (20 іюля по новому стилю) 1768 года; 2) распоряженіе кіевской губернской канцеляріи о выдачѣ суммы для продовольствія арестованныхъ гайдамакъ впредь, пока судьба ихъ не будетъ рѣшена коллегіею иностранныхъ дѣлъ (17 іюля); 3) рапортъ Лбова (отъ 8 августа) о томъ, что онъ израсходовалъ отпущенную на продовольствіе сумму и 4) постановленіе кіевской губернской канцеляріи о вторичномъ отпускѣ суммы на содержаніе арестантовъ до окончанія надъ ними суда (отъ 11 августа). Изъ послѣдняго документа мы узнаемъ, что судъ происходилъ въ кіевской губернской канцеляріи, ибо, давая распоряженіе объ отпускѣ кормовыхъ денегъ, канцелярія эта мотивируетъ свое распоряженіе слѣдующимъ образомъ: „а какъ по при-

сланному изъ оной государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 24 іюля сего году указу велѣно надъ оными присланными изъ польской Украйны, оказавшимися въ разбоѣ и во смертномъ убивствѣ, запорожцами произвести кіевской губернской канцеляріи надлежащій судъ, то въ разсужденіи того приказали... означеннымъ арестантамъ до окончанія объ нихъ суда кормовыхъ денегъ выдать".

И такъ изъ приведенныхъ документовъ видно, что 8 іюля 1768 года Желѣзнякъ съ товарищами были заключены въ кіево-печерскую крѣпость, что въ концѣ іюля послѣдовало распоряженіе о преданіи ихъ суду въ кіевской губернской канцеляріи и что въ началѣ августа судъ уже началъ свои дѣйствія. Приговоръ его неизвѣстенъ намъ, но вѣроятно онъ кончилъ свои дѣйствія только въ октябрѣ и приговорилъ осужденныхъ къ ссылкѣ на востокъ. Послѣднее мы узнаемъ изъ документа, сообщеннаго намъ обязательно А. А. Андріевскимъ, въ которомъ значится, что 1-го ноября Желѣзнякъ съ товарищами былъ уже на пути къ Бѣлгороду (курской губ.). Въ окрестности Ахтырки арестанты обезоружили конвой и спаслись бѣгствомъ, но большинство ихъ, и въ томъ числѣ Желѣзнякъ, были вскорѣ настигнуты и вновь взяты подъ стражу.

Этими немногими данными и ограничиваются тѣ свѣдѣнія, которыя намъ удалось извлечь изъ указанной выше переписки. Въ виду заключающихся въ ней не безъинтересныхъ подробностей, мы сообщаемъ ниже in extenso три изъ числа перечисленныхъ документовъ.

В. А.

1. *Рапортъ кіевскаго плацъ-маіора Василія Лбова о принятіи въ кіево-печерскую крѣпость 74 гайдамакъ и въ числѣ ихъ полковника Максима Желѣзняка. 1768 года, іюня 9.*

Кіевской губернской канцеляріи въ секретную экспедицію отъ кіевскихъ плацъ-маіорскихъ дѣлъ рапортъ.

Сего іюля 8-го дня прислано изъ Польши пойманныхъ гайдамакъ семьдесятъ четыре человѣка, коимъ при семъ именной списокъ прилагается, которые и содержатся въ кіево-печерской крѣпости подъ карауломъ и пропитанія никакова ни откуда не имѣютъ; о семъ секретной экспедиціи симъ представляю: что повелено будетъ съ оными чинить, имѣю ожидать резолюціи. Плацъ-маіоръ Василій Лбовъ. Іюля 9 дня, 1768 году.

Списокъ приведеннымъ за конвоемъ, взятымъ подъ мѣстечкомъ Гуманемъ, запорожскимъ старшинамъ и козакамъ, а именно:

Называемые: атаманъ Павло Таранъ, полковникъ Максимъ Зелѣзнякъ.

Козаки: Власъ Лаевской, Макаръ Черной, Амелко Чубъ, Иванъ Бѣлой, Степанъ Якубовичъ, Михайло Моторный, Кондратъ Верховойтъ, Андрей Калыболоцкій, Иванъ Зеленскій, Иванъ Лысой, Андрей Белой, Лукьянъ Долгопалой, Ефимъ Прейма, Максимъ Рудь, Екимъ Жерлай, Гаврило Таранъ, Власъ Сокуръ, Радко Марковщина, Иванъ Губа, Корней Черной, Давыдъ Вербенко, Степанъ Саганакъ, Семенъ Тарасенко, Андрей Майданникъ, Фома Дурной, Каленикъ Медведевскій, Федоръ Волошинъ, Яковъ Щербитенко, Лытко (sic) Грива, Петръ Бондуренко, Павло Столбовый, Иванъ Таранъ, Грицко Кочаръ, Мосей Неживенко, Евстухъ Бескуздый, Никита Таранъ, Корней Белой, Кирило Стирчакъ, Денисъ Кобинякъ, Иванъ Заверуха, Харко Круглой, Михайло Белоусъ, Филипъ Безрукавый, Грицко Таранъ, Иванъ Шрамъ, Василей Гасной, Демко Балаганъ, Иванъ Жулай, Федоръ Булка, Лецко Бурганъ, Алекса Смишко, Нестеръ Литвиненко, Кирило Мадсейчанъ, Гаврило Губа, Семенъ Ивановичъ Демъянъ Чернявской, Петръ Таранъ, Михайло Черной, Федоръ Кулбаса, Василь Таранъ, Михайло Плохий, Василей Скулчапъ, Ничипоръ Лаштабей, Игнатъ Побошкородичъ, Федоръ Губа, Василей Морчукъ, Трофимъ Чуприна, Иванъ Байрицкій, Фома Сукуръ, Павло Лабазинъ, Мосей Павловъ, Яковъ Безродной.

Итого семьдесятъ четыре человѣка. Плацъ-маіоръ Василей Лбовъ.

2. *Постановленіе кіевской губернской канцеляріи о выдачѣ кормовыхъ денегъ, по двѣ копѣйки въ день на человѣка, для содержанія поименованныхъ гайдамакъ. 1768 года, іюля 17.*

1768 году іюля 17 дня. По указу ея императорскаго величества кіевская губернская канцелярія, слушавъ присланнаго отъ находящагося въ Польшѣ каргопольского карабинерного полку полковника Гурьева рапорта, въ которомъ между протчимъ объявлено: что по командированіи его, полковника Гурьева, съ онымъ каргопольскимъ полкомъ, отъ генералъ-маіора Кречетникова къ польскому мѣстечку Умани для истребленія оказавшихся тамо гайдамаковъ, поймано тамо онымъ полкомъ запорожскихъ козаковъ 48, да предъ тѣмъ поймано жъ тверского карабинерского полку поручикомъ

Калагривовымъ таковыхъ-же запорожскихъ козаковъ 25; итого 73 человѣка, между коими оныхъ разбойниковъ начальникъ называемой полковникъ Железнякъ. И оные гайдамаки присланы въ Кіевъ при приложенномъ при томъ рапортѣ спискѣ, по которому явствуеть, что изъ показанныхъ въ ономъ Гордей Кибитной въ дорогѣ умре; а притомъ кіевского гарнизона плацъ-маіоръ Лбовъ письменно представляетъ, что изъ оныхъ арестантовъ Павла Лабазина надлежитъ исключить, потому что онъ белевского полку бѣглой солдатъ и что настоящее его имя Андрей, а прозваніе Кобызевъ. А по поданному отъ оного плацъ-маіора Лбова списку явствуетъ, что за исключеніемъ изъ оныхъ арестантовъ вышеписанныхъ: умершаго Гордѣя Кибитнаго да бѣглаго солдата Андрея Кобызева, имѣетъ быть присланныхъ отъ онаго полковника Гурьева арестантовъ 71, да прежде того присланныхъ въ Кіевъ съ письмомъ изъ Умани отъ гайдамацкихъ начальниковъ два; итого всѣхъ 73 человѣка. Причомъ оной-же плацъ-маіоръ Лбовъ письменно представляетъ, что на содержаніе оныхъ арестантовъ, то есть на покупку имъ хлѣба, меньшимъ числомъ обойтится не можно, какъ двумя копѣйками на день на каждаго человѣка; а какъ оные арестанты присланы сюда по извѣстнымъ, происходящимъ въ Полшѣ обстоятелствамъ, о которыхъ уже на резолюцію представлено въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, того ради приказали: вышеозначеннымъ присланнымъ каргопольского карабинерного полку отъ полковника Гурьева 71, да отъ гайдамацкихъ начальниковъ двумъ, итого 73 человѣкамъ арестантамъ, до воспослѣдованія объ нихъ на оное, учиненное отсюда, представленіе резолюціи, производить кормовые денги по двѣ копѣйки на день на каждого человѣка, съ приводу ихъ въ Кіевъ, то есть сего іюля съ 8 числа и на произвежденіе имъ тѣхъ кормовыхъ денегъ выдать помянутому плацъ-маіору Лбову 50 рублевъ изъ имѣющейся въ кіевской губернской канцеляріи опредѣленной на заграничныя расходы суммы мѣдною монетою, записавъ въ расходъ съ роспискою и о томъ расходчику, архивариусу Бѣлоезерскому дать указы и плацъ-маіору Лбову на записку тѣхъ денегъ въ приходъ и въ расходъ, за губернскою печатью и за секретарскою по листамъ скрепою, книгу. Означенного же бѣглого солдата Андрея Кобызева, для поступленія о немъ по указамъ и воинскимъ регуламъ, отослать при ордерѣ къ генералъ-маіору, кіевскому оберъ-коменданту Елчанинову. При чемъ оному плацъ-маіору Лбову объявить, чтобы по издержкѣ тѣхъ денегъ, въ приходъ требовалъ выдачи еще на

произвожденіе онымъ арестантамъ кормовыхъ денегъ.—Федоръ Воейковъ. Петръ Веселицкій.

3. *Приказъ кіевской губернской канцеляріи о разысканіи бѣжавшихъ изъ подъ стражи на пути изъ Кіева въ Бѣлгородъ гайдамакъ съ замѣткою о поимкѣ уже 36 изъ бѣжавшихъ, въ томъ числѣ и Максима Желѣзняка. 1768 года, декабря 19.*

1768 году, декабря 19 дня. По указу ея императорскаго величества кіевская губернская канцелярія, слушавъ промеморіи изъ канцеляріи новороссійской губерніи, въ которой объявлено, что изъ отправленной изъ оной канцеляріи за надлежащимъ конвоемъ для препровожденія въ Бѣлгородъ 71 человѣка колодниковъ, Максимъ Желѣзнякъ съ товарищи, согласясь съ протчими 51 человѣкомъ, во время ночлегу ахтырской провинціи въ слободѣ Котельвѣ, ноября 1 дня сего 1768 году, ночью, разбивъ караулъ, и выломавъ двери, и отбивъ у солдатъ десять ружей и у козаковъ копья и ружья; изъ которыхъ колодниковъ 52-хъ человѣкъ Желѣзнякъ съ товарищи 33 человѣки, да въ малороссійскомъ полтавскомъ полку двѣ человѣка пойманы, а 16 человѣкъ за побѣгомъ ихъ не пойманы и тою промеморіею требуется о подтвержденіи, куда надлежитъ, о присматриваніи и поимкѣ, по показаннымъ въ приложенномъ при оной промеморіи спискѣ примѣтамъ, оныхъ бѣглыхъ колодниковъ, и, если пойманы будутъ, о присылкѣ оныхъ въ ту канцелярію новороссійской губерніи подъ карауломъ для отправленія ихъ въ надлежащія мѣста. Приказали: въ кіевской магистратъ, такожъ въ полицмейстерскую контору и на состоящіе въ кіевской губерніи главные пограничные форпосты послать указы и при оныхъ приложить съ оного, присланнаго при промеморіи изъ канцеляріи новороссійской губерніи бѣжавшимъ колодникамъ списка копіи, и велеть тѣхъ бѣжавшихъ 16 человѣкъ колодниковъ, по показаннымъ въ томъ спискѣ примѣтамъ, присматривать и ловить, и ежели гдѣ усмотрены и пойманы будутъ, то, забивъ ихъ въ колодки, прислать подъ крѣпкимъ карауломъ въ кіевскую губернскую канцелярію немедленно, и для ведома о томъ въ оную канцелярію новороссійской губерніи сообщить промеморіею. Наумъ Ск..., Василій Флеровъ, секретарь Василей Чернявской. Подписано 20 декабря 1768 года.

Библіографія.

D-r Antoni I. Opowiadania historyczne—serija trzecia. T. 1—2. Warszawa. 1882.

Д-ръ Антоній I. Историческіе разсказы—серія третья, томъ 1—2. Варшава. 1882.

Подъ этимъ заглавіемъ неутомимый докторъ Антоній издалъ новый рядъ историческихъ очерковъ (числомъ 11), которые, за малымъ исключеніемъ (кромѣ 2-хъ), относятся болѣе или менѣе непосредственно къ исторіи южной Руси. Большинство очерковъ посвящены концу XVIII столѣтія. Въ числѣ ихъ находятся три біографіи болѣе видныхъ дѣятелей тарговицкой конфедераціи: Антонія Злотницкаго, Бенедикта Гулевича и Дызмы Томашевскаго. Не одобряя цѣлей и пріемовъ дѣйствія самой конфедераціи, авторъ старается обрисовать совершенно безпристрастно избранные имъ типы, не произнося надъ ними огульнаго осужденія; онъ видитъ въ Томашевскомъ человѣка искренно-преданнаго старошляхетскимъ идеаламъ, считавшаго старое устройство Рѣчи Посполитой неприкосновенною святынею и всѣ попытки, клонившіяся къ расширенію правъ другихъ сословій, къ установленію вѣротерпимости и къ обузданію дворянскаго произвола—преступленіемъ; такого рода убѣжденія побудили Томашевскаго къ участію въ конфедераціи, имѣвшей, какъ извѣстно, послѣдствіемъ прекращеніе политическаго существованія Польши. Игравшій видную роль въ той же конфедераціи—Гулевичъ дѣйствовалъ также по убѣжденію: онъ ожидалъ только отъ помощи Россіи спасенія для Польши и исключительно руководился въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ этою мыслью. Иной типъ представляетъ, по мнѣнію автора, Злотницкій, который и убѣжденія и

общественное дѣло готовъ былъ посвятить личной наживѣ и карьерѣ. Всѣ три впрочемъ названныя лица носятъ одну общую черту: они всѣ стоятъ въ зависимости въ полу-служебныхъ, полу-дружескихъ отношеніяхъ къ богатому вельможѣ—Феликсу Потоцкому и политическая карьера ихъ является гораздо болѣе результатомъ вліянія на нихъ этого магната, чѣмъ какихъ-либо убѣжденій. Не смотря на собранныя очень тщательно черты индивидуальнаго ихъ характера, помимо воли автора, изображенные имъ типы прежде всего дѣлаютъ впечатлѣніе сателлитовъ и паразитовъ важнаго пана, что конечно также составляетъ черту быта нравственно разложившагося въ XVIII вѣкѣ шляхетскаго общества. Представителемъ того же разложенія является и Іосифъ Стемпковскій, біографію котораго помѣстилъ въ числѣ другихъ докторъ Антоній, подъ эффектнымъ заглавіемъ: „грозный Іосифъ". Эпитетъ „грознаго" данъ ему вслѣдствіе жестокихъ казней, которыми онъ истреблялъ крестьянъ послѣ усмиренія „Коліивщины", но въ сущности, согласно съ меткою характеристикою автора, мы думали бы, что Стемпковскій заслуживаетъ скорѣе эпитета „пошлый". Вся его жизнь посвящена на то, чтобы выслужиться, не разбирая средствъ, сдѣлать карьеру, скопить деньги и потомъ нагроможденныя средства прокутить самымъ легкомысленнымъ и сибаритскимъ образомъ. Жестокія казни крестьянъ въ 1768 году не истекаютъ ни изъ убѣжденій, ни изъ личнаго его нрава, онъ расточаетъ ихъ лишь потому, что ошибочно полагаетъ, что жестокій образъ дѣйствія будетъ угоденъ королю;—убѣдившись въ противномъ, онъ оставляетъ казни и ищетъ другихъ средствъ отличія: мелкія стычки съ гайдамаками раздуваетъ до размѣровъ рѣшительныхъ сраженій и наконецъ добивается того, что легкомысленное столичное и особенно придворное общество, смотритъ на него, какъ на спасителя отечества; затѣмъ онъ является постояннымъ агентомъ и клевретомъ короля въ сеймовыхъ агитаціяхъ, за что выпрашиваетъ должности, староства, ордена, доходныя бенефиціи и т. д.; всѣ эти знаки королевской милости онъ перепродаетъ, закладываетъ и т. п. и вырученныя деньги употребляетъ на изысканную эпикурейскую роскошь, пока наконецъ апоплексическій ударъ не спасъ его отъ банкротства, долговъ и нищеты.

Во второмъ томѣ разсказовъ мы находимъ слѣдующія монографіи, содержаніе которыхъ относится къ XVI и XII столѣтіямъ: 1) Княжескій столъ за женщину, 2) Жизнь на Украйнѣ до

козацкаго возстанія, 3) Одинъ изъ числа многихъ, 4) Немиричи. Предметомъ перваго служитъ неудачное сватовство Криштофа Зборовскаго на сестрѣ молдавскаго господаря Богдана Лопушнано (1569—1572 г.). Оскорбленный отказомъ господаря, Зборовскій схватилъ его на пути и заключилъ въ темницу; когда-же господарь уплатилъ выкупъ и получилъ свободу, то оказалось, что престолъ его уже былъ занятъ однимъ изъ его соперниковъ. Эпизодъ весьма характерный для даннаго времени и для обрисовки отношеній пограничныхъ магнатовъ къ Молдавіи и ея господарямъ; онъ разсказанъ весьма живо и обставленъ подробностями, поясняющими характеръ того времени.

Второй очеркъ, не менѣе интересный, составленъ по архивнымъ матеріаламъ (1570—1642 г.); онъ повѣствуетъ о продолжительной враждѣ двухъ семействъ земянъ брацлавской земли: Микулинскихъ и Козюбъ Якушинскихъ и изобилуетъ многочисленными бытовыми, весьма интересными подробностями.

„Одинъ изъ числа многихъ" — это біографія шляхтича изъ Брацлавщины, нѣкоего Жука-Скоршевскаго, попавшаго въ плѣнъ козакамъ въ 1648 году и спасшагося съ неимовѣрными усиліями бѣгствомъ, благодаря покровительству Адама Киселя. Жукъ поселился потомъ на берегахъ Збруча, въ имѣніи Лянцкоронскаго, но здѣсь навлекъ на себя гнѣвъ этого магната, вслѣдствіе того, что осмѣлился посватать его дочь; подвергшись нападенію со стороны одного изъ родственниковъ Лянцкоронскаго, убилъ его въ дуэли, происходившей ночью на паромѣ, середъ Днѣстра, и вслѣдствіе этого долженъ былъ убѣжать въ одну изъ отдаленныхъ областей Польши.

Послѣдній очеркъ „Немиричи", составленный болѣе обстоятельно, разсказываетъ исторію этого древняго кіевскаго земянскаго рода, начиная съ Ивана Немирича (упоминаемаго въ 1535 году) и до конца XVII столѣтія; въ концѣ прибавлена въ видѣ дополненія небольшая замѣтка о Генрихѣ Немиричѣ, подвергавшемся суду въ исходѣ прошлаго вѣка по обвиненію въ атеизмѣ. Біографіи Немиричей составлены по архивнымъ источникамъ и очерчены весма отчетливо; такъ какъ многія лица, принадлежавшія къ этому роду, исповѣдывали социніанство, то авторъ прибавилъ общій очеркъ распространенія этого религіознаго ученія въ южной Руси. Разсматривая генеалогію Немиричей, авторъ полагаетъ, что дворянскій родъ Немиричей разбогатѣлъ и пріобрѣлъ значеніе потому, что онъ особенно сочув-

ственно отнесся къ люблинской уніи и умѣлъ скорѣе другихъ принаровиться къ новому порядку вещей. Мы полагаемъ, что это положеніе автора ошибочно, такъ какъ Немиричи гораздо раньше люблинской уніи принадлежали къ числу богатыхъ и знатныхъ земянъ кіевской земли. Самъ докторъ Антоній нашелъ одно указаніе на этотъ фактъ въ описаніи овручскаго замка 1552 года, гдѣ Іосифъ Немиричъ помянованъ въ числѣ „пановъ кіевскихъ", въ качествѣ „державцы" 4 селъ; ему также извѣстно, что отецъ Іосифа Иванъ владѣлъ селами Черneховомъ, Марморичами и тремя пустошами. Къ указаніямъ этимъ можемъ прибавить еще нѣсколько свѣденій: въ 1531 году тотъ-же Иванъ Немиричъ пріобрѣлъ покупкою отъ дворянки Ульяны Потаповичевой село „дѣдистое Ворахобовичи у Бѣлыхъ Берегахъ"; онъ былъ женатъ на послѣдней представительницѣ богатаго кіевскаго рода земянъ Скобейковъ, принесшей ему въ качествѣ приданнаго вотчины и выслуги своего рода (въ томъ числѣ и Черneховъ); Іосифъ-же Немиричъ владѣлъ дворами въ замкахъ овручскомъ и житомирскомъ. Такимъ образомъ поземельное состояніе Немиричей и значеніе ихъ рода можно констатировать уже лѣтъ за 30 до люблинской уніи.

Вообще всѣ очерки новой серіи „историческихъ разсказовъ" д-ра Антонія I. написаны съ такимъ-же талантомъ и знаніемъ историческаго матеріала, какія мы отмѣтили и въ прежнихъ сочиненіяхъ того-же автора, хотя и не лишены, какъ намъ кажется, и прежнихъ недостатковъ — злоупотребленія эпитетами и нѣсколько исключительной, предвзятой тенденціи. **В. А.**

Опись актовой книги кіевскаго центральнаго архива. № 13. Составилъ Л. В. Ильницкій (оффиціальное изданіе архива). Кіевъ. 1882 г.

Вышедшая на дняхъ книжка составляетъ уже 24-й выпускъ описей актовыхъ книгъ, издаваемыхъ кіевскимъ центральнымъ архивомъ. Обладая громаднымъ научнымъ матеріаломъ, архивъ позаботился о томъ, чтобы привести этотъ матеріалъ въ извѣстность и, по мѣрѣ возможности, облегчить къ нему доступъ лицамъ, разыскивающимъ нужныя указанія. Съ этою цѣлью съ 1866 года приступлено было къ составленію краткихъ, но отчетливыхъ описей актовъ, хранящихся въ архивѣ и, по мѣрѣ того

какъ подвигалось составленіе этихъ описей, архивъ печаталъ ихъ; каждый выпускъ описей обнимаетъ документы, вписанные въ отдѣльную актовую книгу. Составленіе описей происходитъ по строго выработанному плану и, по нашему мнѣнію, вполнѣ удовлетворяетъ предположенной цѣли: описи дѣлаются кратко и сжато, но притомъ такъ, чтобы не опустить ни характеристическихъ подробностей содержанія, ни личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ каждомъ документѣ. Желающій пользоваться описью можетъ въ теченіи часа ознакомиться съ содержаніемъ каждой описанной книги и вымѣтить себѣ акты, нужные для занимающаго его сюжета, между тѣмъ какъ безъ описи пересмотръ книги и ознакомленіе съ ея содержаніемъ потребовало бы по меньшей мѣрѣ недѣлю усидчиваго труда. Притомъ лица, живущія внѣ Кіева, могутъ по самой описи собрать богатый запасъ фактовъ, хотя лишенныхъ подробностей, но все таки могущихъ доставить значительный научный матеріалъ для любого историческаго или историко-юридическаго сюжета.

Вышедшая нынѣ книжка (№ 13) представляетъ опись актовой книги житомирской гродской, записовой и поточной 1617—1618 годовъ. Огромная эта книга содержитъ до 1500 листовъ, на которыхъ записано 1200 актовъ, въ числѣ которыхъ весьма многіе представляютъ историческій интересъ. Въ числѣ ихъ мы находимъ данныя и для политической исторіи края: о походахъ противъ татаръ и турокъ, о походѣ поляковъ подъ Москву въ 1618 г., о мѣрахъ польскаго правительства для укрощенія козаковъ и т. п. и еще болѣе для исторіи бытовой всѣхъ сословій края: духовенства, дворянъ, мѣщанъ, крестьянъ, козаковъ, жолнеровъ и евреевъ. Сверхъ того есть документы, относящіеся къ всевозможнымъ областямъ общественной и частной жизни давнаго времени: постановленія областныхъ сеймиковъ, мѣры для сбора податей и налоговъ, указанія на копные суды, на производство заводское (поташные заводы) и торговлю, на семейный бытъ и т. п. Для генеалогіи, біографій отдѣльныхъ лицъ, исторической топографіи описи доставляютъ также обильный матеріалъ, такъ напримѣръ въ теченіи двухъ лѣтъ мы находимъ множество матеріаловъ для біографіи: Елисея Плетенецкаго, Веніамина Руцкаго, князя Януша Острожскаго и т. д., обильныя указанія на топографію Кіева и его окрестностей, на исторію кіевскихъ церквей и монастырей и т. п.

Для того, чтобы дать понятіе о томъ, на сколько удовлетворительно составлены описи и насколько онѣ даютъ точное по-

нятіе о содержаніи самихъ актовъ, выпишемъ для примѣра нѣсколько самихъ описей, выбравъ ихъ на угадъ:

№ 226—жалоба вознаго Николая Пузовскаго на дворянина Яна Кучковскаго, приказывавшаго жалобщику съѣсть принесенные имъ позвы и, послѣ отказа въ этомъ, нанесшаго ему тяжкіе побои".

„№ 90. Свидѣтельство вознаго по жалобѣ дворянина Вигинскаго о томъ, что *копа* села Вересова въ дѣтинцѣ житомирскаго замка безвинно и противузаконно подвергла пыткѣ раскаленнымъ желѣзомъ его крестьянина, заподозрѣннаго въ кражѣ лошади у вересовскаго крестьянина".

„№ 631. Жалоба кіево печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго на ложное обвиненіе его кіевскими мѣщанами въ незаконной торговлѣ водкою и въ устройствѣ ярмарки".

„№ 491. Жалоба кіевскаго городничаго Станислава Вигуры о грабежѣ кіевскими мѣщанами сѣна и захватѣ ими подъ г. Кіевомъ острова Муравица въ грунтѣ *Милославицкомъ*".

Полагаемъ, что этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о пріемахъ составленія описей и возможности пользоваться ими для научныхъ цѣлей. **В. А.**

Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych. Wydane przez krajowe biuro statystyczne pod redakcyą prof. d-ra Tadeusza Pilata. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwów. 1881 r.

Мы выписали въ заглавіи одинъ изъ выпусковъ „Статистическихъ Вѣдомостей", издаваемыхъ въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ „Львовскимъ Статистическимъ Бюро", въ видѣ отдѣльныхъ „Стат. Вѣдомостей". Онъ представляетъ собою брошюру въ 48 стр. (отъ 133—182) и состоитъ изъ XII таблицъ, раздѣленныхъ на два отдѣла: первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ цифровыя даты о землѣ, второй—о населеніи Галиціи, подъ особымъ заглавіемъ: „Najważniesze wyniki spisu ludności Galicyi z 31 grudnia 1880 według tymczasowych zestawień powiatowych"...

Какъ видно изъ двухъ коротенькихъ предисловій, которыми снабжены оба отдѣла, свѣдѣнія о землѣ собраны въ самое последнее время при „обычномъ урегулированіи поземельнаго налога", и добыты редакціей изъ краевой коммисіи", учрежденной для урегулированія поземельнаго налога, а данныя о населеніи

представляютъ результатъ однодневной переписи, произведенной 31 декабря 1880 г. во всей австрійской имперіи, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ; систематизація-же тѣхъ и другихъ данныхъ принадлежитъ самому редактору „Стат. Вѣд.", проф. Пилату. Всѣ цифры разверстаны между 74 уѣздами (powiat или starostwo), на которые дѣлится Галиція. Въ 1-мъ отдѣлѣ всего двѣ таблицы, изъ которыхъ въ первой проставлены цифровыя данныя о землѣ по угодьямъ (огороды, поля, луга и т. д.), во 2-мъ—процентныя отношенія по тѣмъ же рубрикамъ. Во второмъ отдѣлѣ X таблицъ.

Таблицы I, II, III, IV содержатъ свѣдѣнія о населеніи по поламъ и мѣсту жительства, съ указаніемъ процентныхъ отношеній, таблица V—а) представляетъ населеніе по вѣроисповѣданіямъ, V—в) и VI по образованію съ процентными отношеніями, табл. VII, VIII и IX—по языку, тоже съ процентными указаніями. Наконецъ въ послѣднюю X-ю таблицу вошли общія цифры о населеніи по судебнымъ округамъ, которыхъ въ Галиціи II.

Какъ источникъ, изъ котораго взяты цифры, такъ и полнота и новизна самыхъ данныхъ (до этого времени не обнародованныхъ) дѣлаетъ эту брошюру, какъ и вообще Статистическія Вѣдомости львовскаго Бюро, весьма цѣнною для всякаго, интересующагося судьбою нашихъ единоплеменниковъ въ Галиціи, и мы со своей стороны рекомендуемъ непосредственно ознакомиться съ этой книжкой „Стат. Вѣдомостей", какъ и вообще съ изданіемъ, богатымъ статистическимъ матеріаломъ.

Мы не станемъ сообщать въ библіографической замѣткѣ подробнаго содержанія самыхъ цифръ, а ограничимся въ этомъ отношеніи только данными относительно русскаго населенія Галиціи, какъ болѣе интереснаго для читателей „Кіевской Старины".

Изъ 74 повѣтовъ Галиціи русское (точнѣе южно-русское) населеніе преобладаетъ въ 46, составляя отъ 89, 926% (это maximum въ повѣтѣ Túrka) до 56,746% (это minimum въ повѣтѣ Sanok). Такимъ образомъ южно-русское населеніе занимаетъ 9,503,854 морга земли изъ общей суммы 13,640,554, т. е. $^{2}/_{3}$ всего пространства Галиціи. Въ этой южно-русской Галиціи живетъ 3,445,101 человѣкъ, а за выключеніемъ пришлого населенія (ludnosci zakrajowa 15,640) постояннаго населенія въ южно-русской Галиціи 3,439,461. По вѣроисповѣданіямъ это населеніе заключаетъ въ себѣ 944,015 католиковъ, 2414 армяно-католиковъ (ormiańsko unickie), 33 staro katolickie, 812 православныхъ, 30,463

лютеранъ, 63 англиканца, 698 менонитовъ, 498,459 іудеевъ, 1153 разныхъ иныхъ вѣроисповѣданій и 2,383,110 греко-уніатовъ. Относительно языка въ указанномъ районѣ: а) говорящихъ польскимъ языкомъ 827,340, b) нѣмецкимъ—274,167, с) на прочихъ языкахъ 2579 и d) на русскомъ 2,452,030. Населеніе южно русское характеризуется въ Галиціи уніатскимъ вѣроисповѣданіемъ и русскимъ языкомъ, а потому цифра уніатовъ 2,516,542 представляетъ контингентъ малоруссовъ въ Галиціи; изъ нихъ 2,383,110 обитаетъ въ 46 округахъ, въ восточной Галиціи, а 133,432 въ западной ея половинѣ.

Въ цитируемыхъ нами данныхъ „Стат. Вѣдом." есть еще весьма характерныя цифры, это цифры табл V b), изъ которыхъ узнаемъ, что въ восточной Галиціи умѣющіе читать и писать составляютъ 8,94%, только читать 2,50%, а совершенно безграмотные 88,29%. Если-же примемъ во вниманіе то обстоятельство, что грамотность, какъ извѣстно, вообще развита больше въ высшемъ классѣ, затѣмъ между горожанами и послѣднее мѣсто занимаетъ населеніе деревень, въ Галиціи-же привилегированный классъ составляютъ поляки, а городское населеніе нѣмцы и евреи, то результатъ получится еще болѣе печальный. Въ южно-русскихъ провинціяхъ поляки составляютъ болѣе 23%, нѣмцы около 8, а вмѣстѣ 31%, такъ что, игнорируя уже цифру еврейскаго населенія, мы увидимъ, что русское населеніе въ Галиціи поголовно безграмотно. Процентъ грамотности въ польской Галиціи болѣе высокъ, именно совершенно неграмотные составляютъ тамъ 72,18%.

И. Житецкій.

Высокопреосвященнѣйшій Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій. Москва. 1882 г.

Поминки по пр. Филаретѣ, епископѣ рижскомъ, въ кишиневской дух. семинаріи, съ портретомъ его. Л. М. Кишиневъ, 1882 г.

Эти двѣ небольшія брошюры, стр. 50—70 каждая, посвящены памяти тѣхъ скончавшихся въ этомъ году архипастырей, именами которыхъ онѣ названы. Это не некрологи и не біографіи, но, какъ говорится, вѣнки на могилу почившихъ: одинъ сплетенъ въ Москвѣ, другой въ Кишиневѣ. Обѣ брошюры вышли почти одновременно и одновременно сошлись въ нашихъ рукахъ;

мы и соединяемъ ихъ въ одной общей о нихъ замѣткѣ, имѣя на то особыя причины.

Имена Макарія Булгакова, митрополита московскаго, и Филарета Филаретова, епископа рижскаго, принадлежатъ къ числу особо чтимыхъ въ сферѣ духовной и въ обществѣ свѣтскомъ. Объ нихъ, по поводу ихъ смерти, много писалось, еще болѣе говорилось. По видимому, намъ тѣмъ болѣе было повода говорить объ нихъ, что оба эти архипастыря по мѣсту окончательнаго ихъ образованія, отчасти службы и дѣятельности принадлежатъ кіевской академіи. Но обезличенная ко времени ихъ академія не положила на нихъ мѣстнаго отпечатка, въ свою очередь и они ничего не сдѣлали и не могли сдѣлать для возрожденія ея историческаго духа и характера, а слѣдовательно какъ ни почтенна ихъ дѣятельность, она мало имѣетъ общаго съ тѣмъ, что составляетъ задачу нашего изданія, чтобы говорить о ней нарочито. Иное дѣло сказать по поводу того, что говорилось и что имѣетъ прямое къ намъ соотношеніе; это мы и исполняемъ теперь, говоря о двухъ названныхъ нами брошюрахъ.

Брошюра московская о митрополитѣ Макаріѣ—это такъ сказать цвѣты краснорѣчія, разсыпанные при гробѣ его и собранные неизвѣстнымъ почитателемъ его памяти. Тутъ въ 15-ти отдѣльныхъ статейкахъ различныхъ авторовъ соединено все, что говорилось (6-ть надгробныхъ словъ и рѣчей) и писалось по поводу смерти и погребенія московскаго архипастыря. Брошюра, можно сказать, не оставляетъ въ немъ ни одной стороны и ни одной черты не разсмотрѣнною; тутъ свѣдѣнія о немъ какъ администраторѣ, богословѣ, проповѣдникѣ, историкѣ и человѣкѣ,—объ его происхожденіи, образованіи, воспитаніи, характерѣ, направленіи, самыхъ разнообразныхъ его отношеніяхъ и домашней жизни и обстановкѣ. Помимо высокихъ достоинствъ и несомнѣнныхъ и великихъ заслугъ ученаго архипастыря, все здѣсь сказанное и написанное имѣетъ видъ хвалебнаго гимна и потому еще, что говорилось и писалось въ виду такъ-сказать не закрытаго еще гроба. Изъ всего этого мы отмѣтимъ, что митрополитъ Макарій—воспитанникъ кіевской академіи, преобразованной уже за 20-ть лѣтъ предъ тѣмъ по общему шаблону, что одно-годичное его въ этой академіи баккалаврство по каѳедрѣ русской церковной исторіи не оставило, конечно, ни въ ней, ни въ немъ никакого слѣда, что вскорѣ потомъ онъ написалъ ея исторію, не обнявъ ея духа и характера, что впослѣдствіи онъ сдѣлалъ для

своей almae matris въ годъ ея юбилея пожертвованіе въ 25,000 р., что наименованный винницкимъ епископомъ, въ должности ректора петербургской академіи, никогда онъ Винницы не видалъ и никакихъ дѣлъ съ нею и подольскою епархіею не имѣлъ, что въ управленіе епархіями харьковскою и литовскою онъ не внесъ ничего такого, что сообразовалось-бы съ историческими ихъ особенностями и что наконецъ въ своемъ монументальномъ трудѣ „Исторія русской церкви" онъ не мало труда приложилъ къ разработкѣ исторіи южно-русской церкви. У насъ сохранились воспоминанія о его мимолетномъ кіевскомъ баккалаврствѣ и необычайномъ его трудолюбіи и аккуратности. Петербургъ выработалъ въ немъ счастливѣйшую, хотя мало цѣнимую людьми способность примѣняться къ людямъ и обстоятельствамъ,—которой онъ, помимо своихъ высокихъ достоинствъ, много обязанъ своею блестящею карьерою. Сохранилось много интересныхъ разсказовъ о томъ, какъ онъ проходилъ сквозь тернія Протасовскаго и послѣдующихъ режимовъ, но насъ это также мало занимаетъ, какъ и поднятый извѣстной партіей вопросъ о томъ, былъ-ли онъ по Москвѣ или Москва по немъ. Положительныя достоинства митрополита Макарія такъ несомнѣнны, заслуги его такъ велики, дѣятельность его такъ обширна и многоплодна, что память о немъ не умретъ между русскими людьми. Своими учено-литературными трудами онъ самъ поставилъ себѣ прочный памятникъ. И къ митрополиту Макарію вполнѣ приложились слова, сказанныя имъ надъ гробомъ С. М. Соловьева. „Онъ умеръ для насъ своимъ тѣломъ, но не умеръ въ своихъ безсмертныхъ ученыхъ твореніяхъ. Онъ разстался съ нами своей душой, воспарившей въ міръ горній; но онъ остался среди насъ сокровищами своей души, которыя завѣщалъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ. Не довольно продолжительна была его земная жизнь, и намъ жалко, что онъ скончался еще рано; но и въ данный ему періодъ онъ совершилъ столько, сколько иные не совершили-бы въ продолженіе даже столѣтней жизни".

Брошюра кишиневская, посвященная памяти пр. Филарета, епископа рижскаго, есть плодъ прекраснаго чувства признательности къ нему его воспитанниковъ и слушателей. Въ немноголюдномъ Кишиневѣ набралось ихъ до 20-ти въ разныхъ вѣдомствахъ. Раздѣленные службою и жизнію, они сошлись, чтобы помянуть своего наставника и начальника не только молитвою, но трапезою и общею бесѣдою. Одинъ изъ нихъ, Л. М., произ-

несъ въ этомъ кружкѣ задушевную рѣчь въ память почившаго, и она-то и составляетъ главное содержаніе брошюры.

Пр. Филаретъ также воспитанникъ кіевской академіи; но онъ посвятилъ ей 20 лѣтъ службы и связь его съ нею продолжительнѣе и тѣснѣе. Сопоставляя однако личность его, какъ она опредѣляется и въ разсматриваемой брошюрѣ, съ личностью митрополита Макарія, мы видимъ итоги жизни далеко неодинаковые. Отъ довольно продолжительной, дѣятельной и даже кипучей жизни человѣка талантливаго и высоко поставленнаго не осталось какъ будто ничего. Литературная производительность пр. Филарета почти совсѣмъ не видна и единственнымъ плодомъ ея осталась диссертація *о книгѣ Іова*, писанная во исполненіе требованій новаго академическаго устава. Въ ней несомнѣнно проявились и обширная эрудиція автора и его глубокій умъ; но покойный митрополитъ Арсеній сдѣлалъ невыгодный о ней отзывъ со стороны духа и направленія и докторантъ не получилъ искомой степени, а потомъ и вовсе уже не стремился къ ней.

Вся жизнь пр. Филарета ушла на административную дѣятельность. Плоды этой дѣтельности, по существу своему, съ трудомъ поддаются точному измѣренію и взвѣшиванію, и достоинство ихъ часто бываетъ спорнымъ. Во всякомъ случаѣ дѣятельность администратора скорѣе можетъ сдѣлаться жертвою забвенія, чѣмъ дѣятельность литератора. Книгу прочтутъ и оцѣнятъ чрезъ 200 лѣтъ; но дѣятельность администратора нужно захватывать, такъ сказать, *по горячимъ слѣдамъ*, чтобы спасти ее отъ забвенія.

Тѣмъ съ большимъ любопытствомъ мы встрѣтили брошюру Л. М., посвященную памяти Филарета, какъ ректора кіевской академіи, которой онъ служилъ такъ долго и въ которой болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могутъ быть видны плоды его дѣятельности, хотя-бы и административной. Заслуги Филарета для академіи, по объясненію Л. М., состояли главнымъ образомъ въ его отношеніяхъ къ академическому журналу и къ академическому музею древностей. „Онъ далъ“ (говорится въ брошюрѣ стр. 15—16) „новую постановку съ 1861 г. академическому журналу *Труды кіевской духовной академіи*; такъ что хотя этотъ журналъ задуманъ и основанъ нѣсколько раньше его ректорства, но настоящимъ организаторомъ его справедливо можно назвать Филарета. Онъ всегда старался держать этотъ академическій органъ на высотѣ *научныхъ* требованій. „Труды кіевской духовной академіи“ въ его время дѣйствительно были трудами ученыхъ людей, имѣвшихъ въ виду всестороннюю разработку

богословской науки; цѣлей *внѣ-научныхъ* они себѣ не поставляли. Когда Филарету замѣчали, что чрезъ это академическій журналъ имѣетъ мало подписчиковъ, онъ отвѣчалъ, что значитъ мало развита наука въ Россіи и что слѣдуетъ водворять эту науку... Научный характеръ „Трудовъ кіевской духовной академіи" привлекалъ къ нимъ симпатіи людей науки и въ этомъ состоитъ существенная оцѣнка ихъ тогдашняго достоинства"...

Достоинство этой заслуги, конечно, вполнѣ понятно лицамъ академическаго кружка, къ которому относятся и кишиневскіе почитатели пр. Филарета, но трудно судить о ней читателю постороннему, въ виду того, что въ наукѣ вообще имя почтеннаго академическаго органа столь-же мало извѣстно, какъ и имя его редактора *ex officio*, каковымъ неизмѣнно становится всякій ректоръ. Мы можемъ отмѣтить, что въ указываемое время въ академическомъ журналѣ разработка мѣстной исторіи сдѣлала значительные успѣхи, но не можемъ сказать, на сколько въ этомъ проявилось личное вліяніе офиціальнаго редактора „Трудовъ". Извѣстно, что самъ онъ ничего не писалъ и какою-либо спеціальностію познаній, кромѣ еврейскаго языка, не обладалъ; но любилъ все новое и смѣлое въ наукѣ, въ какую спеціальную и сухую форму оно ни было-бы облечено. Впрочемъ заслуга, о которой рѣчь, выяснилась и выросла впослѣдствіи, когда академія раздробила и размѣняла на мелочь свою учено-литературную дѣятельность и кромѣ своихъ давнихъ изданій: „Трудовъ" и „Воскреснаго Чтенія", притянула къ себѣ отъ консисторіи и „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости" съ ихъ обязательною подпискою, устремляясь какъ-бы разомъ за многими зайцами...

Другая заслуга пр. Филарета для кіев. академіи указывается въ его отношеніяхъ къ церковно-археологическому музею. „Филаретъ (говорится въ брошюрѣ стр. 16) основалъ при академіи кіевской новое учено-вспомогательное учрежденіе, какихъ нѣтъ (вѣрнѣе сказать: до того времени не было) при другихъ академіяхъ. Разумѣемъ церковно-археологическое общество съ музеемъ древностей при немъ. Для того, чтобы сразу же *поставить*, такъ сказать, *на ноги* это учрежденіе, Филаретъ на собственныя деньги (12 стр.) пріобрѣлъ знаменитую (?) сорокинскую коллекцію древнихъ иконъ и пожертвовалъ ее музею. Въ основаніи археологическаго общества и музея состоитъ важнѣйшая заслуга Филарета для науки, которой никогда не забудутъ будущія поколѣнія". Въ интересахъ истины сдѣлаемъ къ этимъ строкамъ нѣсколько поправокъ. Первая

мысль объ основаніи археологическаго музея принадлежитъ проф. П. А. Лашкареву, который привезъ ее съ 1-го археологическаго съѣзда; Филаретъ на первое время относился къ этой мысли скептически, и только впослѣдствіи расположился къ ней, когда дѣло уже пошло въ ходъ неусыпными трудами другаго профессора, Н. И. Петрова [1]). Далѣе: изъ употребленныхъ на покупку сорокинской коллекціи 12,000 р., только около 2,000 р. с. затрачено лично пр. Филаретомъ, остальные-же 10,000 р. с. пожертвованы въ его личное распоряженіе, безъ означенія цѣли, одною дамою, пытавшеюся однако получить деньги обратно, когда ей стало извѣстно данное имъ назначеніе.

Вообще въ многочисленныхъ воспоминаніяхъ о пр. Филаретѣ, вызванныхъ его внезапною кончиною, ему не мало приписано такого, что вовсе не принадлежитъ ему, какъ напр. основаніе при кіевской семинаріи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей", когда Филаретъ находился еще въ Казани, или-же выдача имъ изъ собственныхъ средствъ пособій наставникамъ академіи, но опущено то, что сдѣлано имъ по собственному почину, какъ напр. капитальное переустройство обоихъ академическихъ зданій и приспособленіе ихъ ко всѣмъ потребностямъ заведенія и академическаго конвикта, обновленіе внутренняго вида братскаго храма и превращеніе онаго въ теплый, измѣненіе порядка студенческихъ испытаній, предоставленіе академической корпораціи большей самостоятельности, не смотря на то, что самъ онъ велъ съ нею иногда упорную борьбу, изгнаніе изъ академической жизни послѣднихъ остатковъ формализма и такъ называвшагося монашескаго духа и наконецъ забота о томъ, чтобы поставить на ноги академическую библіотеку, безъ которой, по выраженію Ѳ. Прокоповича, *какъ безъ души, академія.* Независимо отъ новаго помѣщенія библіотеки и снабженія ея новыми цѣнными изданіями, нельзя не указать на крайнія его въ 1869 г. усилія дать академіи библіотекаря въ лицѣ извѣстнѣйшаго библіографа С. И. Пономарева, хотя сама академическая корпорація оказала ему въ этомъ рѣшительное препятствіе. Не подлежитъ оспариванію, что это былъ замѣчательно свѣтлый и глубокій умъ, характеръ твердый, несокрушимый. Сравнивая пр. Филарета съ митр. Макаріемъ, можно

---

[1]) Впрочемъ Филарету и прежде были присущи археологическія тенденціи, какъ это доказывается его заботами о списываніи портретовъ академ. дѣятелей, для торжеств. акад. залы, на что онъ потратилъ не мало хлопотъ и денегъ.

сказать, что онъ превосходилъ его богатствомъ дарованій. И однако какая громадная разница въ результатахъ и размѣрахъ дѣятельности обоихъ! Причиною сему, между прочимъ, съ одной стороны неровность въ характерѣ пр. Филарета, невыдержанность его и крайняя прямота, съ другой—природная тяжесть, малоподвижность натуры его, нѣкоторая какъ-бы апатія и сонливость, когда ничто ее не возбуждаетъ. Такимъ онъ былъ въ своихъ лекціяхъ, такъ относился онъ къ лекціямъ другихъ, которыхъ никогда не посѣщалъ, такъ глядѣлъ онъ и на всякое заурядное дѣло. Но являлось препятствіе, столкновеніе и—тутъ закипала его страстная натура и много времени и силъ уходило, иногда даже безплодно. Тѣневыя стороны дѣятельности пр. Филарета неумолчаны и въ разсматриваемой брошюрѣ о немъ. „Натура его (говорится въ брошюрѣ стр. 17—18) была *нервная*, горячо ко всему относившаяся... Это горячее, *сердечное* восприятіе всего съ теченіемъ времени развило въ немъ *болѣзненную раздражительность*, которая разумѣется не могла не проявляться такъ или иначе въ его отношеніяхъ къ обѣимъ сторонамъ академической корпораціи, отношеніяхъ и начальническихъ, и человѣческихъ“. И еще: „Филаретъ какъ будто иногда уставалъ—разочаровывался, сердился, раздражался“ (стр. 25). Это вѣрно, и всякій, кто служилъ въ академіи при пр. Филаретѣ, скажетъ, что это вѣрно. Но прямота и честность Филарета были такъ ясны для всѣхъ, что ради ихъ даже люди, недовольные имъ, кое-что такъ сказать сбрасывали ему со счетовъ. Его безкорыстіе и нестяжательность были такъ велики, что, получая едва не министерское содержаніе, онъ нерѣдко занималъ копѣйки у своего-же келейника, и то для того, чтобы отдать другимъ. Его равнодушіе къ тому, что называется карьерою, могло-бы служить для многихъ поучительнымъ примѣромъ. Пожалѣть можно о томъ, что столь свѣтлый умъ и столь сильный характеръ такъ мало принесъ видимыхъ плодовъ академіи, которой онъ такъ долго служилъ, мало, по видимому, интересуясь ея историческимъ характеромъ и задачами. Но его память въ академіи увѣковѣчена устроенною имъ въ большей части на свои средства портретною галлереею въ академической залѣ, въ которой предъ глазами посѣтителя проходитъ вся исторія этого древнѣйшаго въ Россіи училища и вся его многообразная и разносторонняя жизнь.

Л. Т.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ЗАПОРОЖЦЫ.

(народное преданіе).

Не смотря на довольно позднее появленіе въ исторіи запорожскихъ, или низовыхъ козаковъ, наши и польскіе лѣтописцы и историки, какъ извѣстно, отодвинули далеко въ глубь вѣковъ начало запорожскаго козачества и облекли его происхожденіе туманомъ вымысловъ.

Объясняя возникновеніе южно-русскаго козачества, всѣ почти историки, какъ принимавшіе туземное происхожденіе нашихъ козаковъ, такъ и выводившіе ихъ отъ другихъ народовъ, признавали первоначальнымъ пунктомъ появленія козачества Запорожье и уже отъ запорожцевъ выводили городовыхъ козаковъ. Грабянка, напримѣръ, полагалъ, что малороссійскій народъ произошелъ отъ славянскаго племени козаръ: „козаровъ-же нарицаніе малороссійскіе вои мало что перемѣнивши, вмѣсто козаровъ, козаками именуются". Но первые козаки поселились около Днѣпра ниже пороговъ „въ пустыхъ мѣстахъ и въ дикихъ поляхъ"; образовались-же они изъ жителей Украйны, не желавшихъ работать на поляковъ, которые, по присоединеніи Малороссіи, „усовѣтоваша въ работѣ имѣти живущіе въ нихъ (въ малороссійскихъ странахъ) люди" [1]. Было высказываемо и такое мнѣніе, что запорожскіе козаки произошли отъ

[1]) Лѣтопись Григорія Грабянки К. 1854 г. стр. 15—18.

великороссійскихъ: козаки цѣлымъ столѣтіемъ прежде появленія ихъ въ Малой Россіи были уже извѣстны по Волгѣ и на Дону, и въ Рязани въ 1444 году, и за разбои въ княжествѣ курскомъ и мещерскомъ были выгнаны оттуда еще въ началѣ XVI вѣка и ушли въ Запорожье, гдѣ на островахъ могли найти остатки прежнихъ черныхъ клобуковъ, половцевъ и проч. [1]). Польскіе историки также высказывали различныя, болѣе или менѣе произвольныя, предположенія о происхожденіи нашихъ козаковъ, связывая ихъ происхожденіе съ производствомъ имени козаковъ. Между другими, наприм., Веспасіанъ Коховскій производитъ имя козаковъ отъ дикихъ козъ, которымъ они подобны скоростію до брани и ловомъ которыхъ найболѣе упражнялись [2]). Не менѣе запутанности въ вопросѣ о происхожденіи южно-русскаго козачества можно найдти и у прежнихъ историковъ Малороссіи. По мнѣнію Маркевича, запорожское козачество возникало если не три, то, по крайней мѣрѣ, два раза. Въ первый разъ тотчасъ послѣ завоеванія южной Руси монголами горсть безпріютныхъ скитальцевъ, удалившись съ пепелищъ своей родины, поселилась на днѣпровскихъ островахъ... „Тамъ, безъ женъ и дѣтей, питаясь звѣриною и рыбною ловлею, тревожа набѣгами враговъ вѣры и отечества, они приняли имя исчезнувшаго, но знаменитаго войска козаковъ и черкасъ“ (т. е. черныхъ клобуковъ и торковъ). Подъ 1401 г. Маркевичъ упоминаетъ уже о городовыхъ козакахъ, не поясняя ихъ происхожденія. За тѣмъ оказывается, что на островахъ днѣпровскихъ жили козаки въ началѣ XVI столѣтія, но были разсѣяны и неустроены: переходили съ мѣста на мѣсто, и не имѣли постоянной организаціи; первымъ настоящимъ организаторомъ ихъ былъ Евстафій Дашковичъ, котораго они избрали кошевымъ. Организованы они были послѣ 1511 года, т. е. послѣ Піотрковскаго сейма, на которомъ Дашкевичъ защищалъ мысль о необходимости учрежденія постоянной стражи противъ татаръ, у днѣпровскихъ пороговъ [3]). Бантышъ-Каменскій относитъ происхожденіе южно-русскаго козачества къ началу XV столѣтія и считаетъ также, что первыми козаками на югѣ были запорожцы: „Въ сіе

---

[1]) «Черниговъ. Губерн. Вѣдомости» 1852 г. № 5 ст. Раковича о козакахъ.

[2]) Лѣтопись Грабянки, стр. 15.

[3]) Исторія Малороссіи, т. I-й стр. 16, 32, 33.

время впервые появились въ Польшѣ козаки, каковое названіе приняли тогда днѣпровскіе островитяне отъ татаръ" [1]).

Между тѣмъ, изданные въ послѣднее время разнаго рода акты даютъ возможность вполнѣ отчетливо опредѣлить причину и время возникновенія запорожскаго войска. Изъ этихъ документовъ видно, что первоначально были одни городовые козаки, которые жили въ предѣлахъ нынѣшней кіевской губерніи. Эти козаки находились подъ главнымъ завѣдываніемъ кіевскаго воеводы и украинскихъ старостъ: кіевскаго, черкасскаго и каневскаго. Въ XV и XVI-мъ столѣтіяхъ они уже выходятъ ежегодно на югъ для ловли рыбы и звѣрей и время отъ времени появляются тамъ для нападенія на татаръ, но всегда возвращаются осенью домой. Вслѣдствіе того, что кіевскіе воеводы и украинскіе старосты дозволяли козакамъ ходить на татарскіе улусы для добычи, которой козаки дѣлились со старостами, между турецкимъ и татарскимъ правительствомъ, съ одной стороны, и польскимъ съ другой, происходили большія непріятности и столкновенія. Это побуждало польскихъ королей писать украинскимъ воеводамъ и старостамъ со строгими внушеніями, чтобы тѣ приняли мѣры къ воздержанію козаковъ отъ нападеній на татаръ и даже сами указывали и предлагали эти мѣры: въ королевскихъ грамотахъ предлагается старостамъ, чтобы они, отпуская козаковъ на ловлю рыбы и бобровъ, знали точно ихъ число и наблюдали-бы, съ какой добычей возвращаются домой козаки. Чтобъ удержать козаковъ въ повиновеніи, велѣно было всѣхъ ихъ вписать въ реестры [2]). Разумѣется, такія мѣры шли совершенно въ разрѣзъ съ желаніями козаковъ, назначеніемъ которыхъ была борьба съ невѣрными и защита отъ нихъ мирнаго южно-русскаго населенія. Въ видахъ противудѣйствія указаннымъ мѣропріятіямъ, часть городовыхъ козаковъ, безъ приказанія и вѣдома короля и украинскихъ старостъ, удалилась изъ Украины на низовье Днѣпра и стала тамъ „въ полю и на иныхъ входахъ перемѣшкивать (проживать)"; поселясь же тамъ, они начали нападать на подданныхъ турецкаго султана, чабановъ, и татаръ перекопскаго хана. Это было передъ

---

[1]) Исторія Малой Россіи, т. I-й, стр. 114.

[2]) Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, изд. археограф. коммис., т. I-й, стр. 109. Королев. грамота 1541 года.

1568 годомъ, какъ видно изъ универсала, написаннаго въ упомянутомъ году королемъ Сигизмундомъ-Августомъ къ удалившимся козакамъ, которымъ предписывалось возвратиться обратно въ замки и города[1]). Такимъ образомъ приведенные акты свидѣтельствуютъ, что войско запорожское возникло позже всѣхъ другихъ видовъ козачества, именно въ началѣ второй половины XVI столѣтія, но что южно-русскіе козаки раньше этого времени хорошо были знакомы съ низовьями Днѣпра, такъ какъ они ходили туда для нападеній на татаръ и даже временно поселялись на островахъ, какъ наприм это было при Димитріѣ Вишневецкомъ около 1556 г., когда тотъ укрѣпилъ о. Хортицу и засѣлъ на ней съ козаками. Еще лучше знали они низовыя мѣста по той причинѣ, что издавна имѣли тамъ свои „входы", т. е. угодья съ езами и бобровыми гонами, и ежегодно отправлялись туда „въ добытки на рыбы и бобры". Интересенъ тотъ фактъ, что не только козаки правобережной Украйны имѣли право входа въ низовыя мѣста, но даже полтавскіе козаки и севрюки (сѣверяне) нынѣшней черниговской губерніи ходили туда для ловли рыбы и звѣрей[2]), даже въ болѣе позднее время, когда уже существовала Запорожская Сѣчь, и тѣ мѣста должны были, повидимому, принадлежать исключительно низовому войску. Вѣроятно, право пользованія рыбными и звѣриными угодьями на низахъ принадлежало издавна южно-русскому населенію и оно пользовалось этими мѣстами на основаніи изстари установившихся обычаевъ. Если это такъ, то югъ съ давнихъ временъ былъ хорошо знакомъ нашимъ предкамъ и они имѣли въ тѣхъ мѣстахъ временныя жилища, курени и землянки, на подобіе тѣхъ, какіе и теперь устраиваются разнаго рода промышленниками: баштанниками, рыболовами и т. п.

Какъ лѣтописцы и историки наши путались въ своихъ объясненіяхъ причинъ и способовъ возникновенія сѣчеваго козачества, также точно и народъ въ своихъ преданіяхъ о происхожденіи запорожцевъ. Еще во время существованія Запорожья была у сѣчевиковъ легенда, которая относила ихъ происхожденіе къ 948 году. По этой легендѣ, запорожцы обязаны своимъ существованіемъ нѣ-

---

[1]) Архивъ юго-запад. Россіи. Ч. 3-я, т. 1-й, стр. 4.

[2]) «Кіевск. Старина», апрѣль стр. 18 и историко-статистич. описаніе харьков. епархіи Филарета. Отд. 2, стр. 320.

косму Семену, выходцу изъ правобережной Украйны, который поселился сначала одинъ при устьѣ р. Буга для производства промысловъ, „для битья дикихъ козъ, кабановъ и прочей дичи", затѣмъ привлекъ къ себѣ болѣе ста человѣкъ своихъ сосѣдей, которые назвали его своимъ атаманомъ. Они, по словамъ легенды, „спили себѣ кафтаны и штаны изъ кожи дикихъ козъ, и тако произошли въ великую славу, что славные стали быть стрѣльцы, и прозвали ихъ козарами". Упомянутыхъ казаръ съ ихъ атаманомъ Семеномъ призвалъ къ себѣ на службу греческій императоръ для войны съ сарацинами. Умноживъ свои войска добровольцами изъ Украйны, Семенъ счастливо воевалъ съ сарацинами. За это греческій царь по окончаніи войны милостиво жаловалъ ихъ и назвалъ ихъ козаками и писалъ объ нихъ къ королю польскому, чтобы ихъ, за храбрые поступки, подъ своею протекціею имѣлъ и велѣлъ называть козаками, а не козарами. Возвратясь изъ похода, Семенъ поселился по очаковской сторонѣ, при р. Днѣпрѣ [1]).

Настоящее преданіе, подробно изложенное Мышецкимъ въ его исторіи о казакахъ запорожскихъ, по всей вѣроятности дало тему для разнообразныхъ объясненій и толкованій нашихъ лѣтописцевъ относительно происходенія запорожцевъ. Конечно, въ приведенномъ преданіи нельзя не видѣть отраженія книжныхъ извѣстій, и поэтому нужно думать, что оно было сложено какимъ либо грамотнымъ и даже книжнымъ человѣкомъ. Но что оно извѣстно было также простымъ козакамъ, въ этомъ можно убѣдиться, зная о существованіи до сихъ поръ въ народѣ преданія, которое производитъ запорожцевъ отъ козаръ. П. А. Кулишъ записалъ въ Корсунѣ отъ старика преданіе о запорожцахъ, которое именно говоритъ, что запорожцы сначала назывались казары и имѣли свою Сѣчь прежде въ Каневѣ, потомъ въ Романовкѣ и Старомъ Кодакѣ, наконецъ ниже Никополя. „Служило ихъ три у короля. Король заплативъ двомъ жалованне, а третёму сказавъ: отъ же я двомъ заплативъ грошми, а ты, коли хочъ, иди въ Каневъ, осади собі тамъ слободу. Отъ вінъ пишовъ, та й завівъ тамъ Січъ [2]). Такъ кратко, но неясно говоритъ народное преданіе о происхожденіи запорожцевъ.

---

[1]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Мышецкаго. Од. 1851 г., стр. 1—3.

[2]) Записки о южной Руси Кулиша, т. I-й, стр. 150.

Сообщаемое нами ниже преданіе о томъ, откуда взялись запорожцы, уже не носитъ на себѣ никакой книжной окраски и не ищетъ происхожденія сѣчевиковъ въ глубинѣ вѣковъ; напротивъ, оно преисполнено чисто народно-фантастическаго духа, хотя и относитъ основаніе Запорожья къ самому позднѣйшему времени, именно къ царствованію Екатерины 2-й. Причину возникновенія Сѣчи наше преданіе находитъ въ войнѣ между Россіей и Турціей. Если-бы можно было принимать приводимое преданіе лишь какъ объясненіе народомъ возникновенія послѣдней Сѣчи запорожской, то оно имѣло-бы нѣкоторый видъ правдоподобія. Замѣчательно наше преданіе въ томъ отношеніи, что оно желаетъ охватить все время существованія Запорожья, начиная отъ его возникновенія и оканчивая появленіемъ запорожцевъ въ Турціи послѣ паденія Сѣчи.

Приводимый ниже разсказъ, согласно съ другими народными преданіями, представляетъ запорожцевъ людьми сильными, храбрыми, смѣтливыми; онъ называетъ ихъ также *маноцивниками*, т. е. людьми умѣющими напускать *ману*, околдовывать враговъ. Вообще разсказъ рисуетъ запорожцевъ симпатическими чертами и указываетъ на глубокую привязанность народа къ Запорожью.

Говоря объ этой послѣдней сторонѣ народныхъ преданій о запорожцахъ, нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что память народная о запорожцахъ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе позднее время, начинаетъ затемняться и вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ воспоминаній о нихъ раздвояется: тогда какъ одни, болѣе старые люди, высказываютъ большую симпатію къ запорожцамъ, считая ихъ чуть-ли не идеальными рыцарями, другіе, болѣе молодое поколѣніе, хотятъ видѣть въ нихъ лишь разбойниковъ. Послѣдній взглядъ возникъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ затемняющихся преданій о гайдамакахъ. Въ подтвержденіе сказаннаго можно остановиться на одномъ изъ воспоминаній о запорожцахъ, переданномъ въ журналѣ „Устои" за нынѣшній годъ (кн. 1, стр. 78, Записки южно-русскаго крестьянина). Въ упомянутой статьѣ бурлака (бѣглый крестьянинъ) разсказываетъ, какъ онъ въ началѣ 50-хъ годовъ, будучи еще мальчикомъ, встрѣтился въ херсонской губерніи съ однимъ глубокимъ старикомъ изъ козаковъ полтавской губерніи и какой произошелъ между ними разговоръ, по поводу малороссійскихъ козаковъ вообще и запорожцевъ.— То-жъ были разбойники, говорилъ мальчикъ. „Не вѣрь, убѣждаетъ

старикъ, то не розбойники, они были козаки, какъ вотъ теперь солдаты... Было у нихъ своей земли много, а сами они воевали; за-то и назвали ихъ разбойниками и ворами, а они были добрые люди, какъ и всѣ люди". А я говорю: какъ же это: такіе люди, а ихъ назвали такими?—„Потому что они были „*неуваш*", не давали спуску никому". А я и говорю: какъ же это не давали спуску: значитъ, они были разбойники?—А онъ говоритъ: „если кто нападалъ на нихъ, то они были сердиты и зададутъ, бывало, жару; это была ихъ земля". А я думалъ, что они разбойники. Тогда дѣдусь и говоритъ мнѣ: „тогда козаки были, какъ теперь паны: они были военные; у нихъ была своя крѣпость возлѣ Херсона, называлась Сѣчь и этотъ Херсонъ, онъ не Херсонъ назывался, а иначе".

Не такая-ли самая разница во взглядахъ, а можетъ быть и симпатіяхъ, относитильно козачества вообще и Запорожья въ частности, замѣчается въ настоящее время и между нашими изслѣдователями прошлаго, принадлежащими къ двумъ противуположнымъ направленіямъ: централистическому и народническому?

Вотъ самый разсказъ, переданный намъ Г. Я. Стрижевскимъ и записанный послѣднимъ въ 70-хъ годахъ въ г. Полтавѣ отъ семидесятилѣтняго старика, бывшаго крѣпостнаго крестьянина, Павла Кислого.

Була цариця велика, и сама вона царювала. Тильки супостатъ находе, богатырь, що: „подай на войну—выходи"! А вона не сміе—боиться.

„Ну, якъ ты не смієшъ выходити, такъ дай мени двадцятеро чоловіка салдатъ" (такъ, значить, якъ-бы у плінъ).

Вона зраділа и заразъ послала: идіть каже, оттуды й туды! Вони пішли. Ну, послани, есть вони тамъ,—цариця думае.

Пішли; не дійшли до ёго, а відъ ей відійшли. Ократилися собі, кошомъ стали. Каже, „чого мы до ёго підемо: нехай вінъ насъ шука! „Прожили собі годъ въ степу, такъ—бурлаками діло: де вівцю вкрадуть, де корову сгигають.

На другий годъ требуе вньять полководець, каже: „вставай, иди, а то я на тебе йду! Чомъ ты мені не послала двадцятеро чоловіка?" А вона каже: именно, именно послала. Потимъ того

сорокъ чоловіка требує. Вона вспоружила и послала сорокъ чоловіка: абы-бъ тильки ты мене не йшовъ рубати!

Потимъ того ище годъ... То пакъ: ті пишли сорокъ чоловіка, тимъ степомъ, найшли тіхъ перших.

„Здрастуйте!"

— Здорові! куды вы йдете?

„Цариця послала у плінъ".

— Та й мы, каже, йшли, та тутъ окопилися; зоставайтесь и вы тутъ зъ нами, будемо жити!

Вони й остались. И стало ихъ 60 чоловіка.

На третій годъ вінъ, полководецъ, каже: „э, ні, царице Екатерино! ты мотаешъ, ты не посылаешъ салдатъ, якъ казала". А вона одписує, шо я послала, уже 60 чоловіка послала.

„А! ну ще пошли 60 чоловіка!"

Вона послала 60 чоловіка и наказала: идіть-же, каже, та щобъ вы именно тамъ були!

Добре. И ті пішли. И зновъ до тихъ пристали. Якъ разъ саме на перестриті, въ степу.

„А куда йдете?"

— Оттакъ, такъ и такъ.

„Та й мы, каже, йшли. Чого вы туда підете? Оставайтесь тутъ; будемо жити!"

И вже вони припасы зробили, и орудія, и все. И стало ихъ 120-ро чоловіка. И стали вони запорожьці.

Теперъ выходе той полководецъ воюватися. Цариця проситьця, каже: що я тобі винна?

„Ні, каже, давай воюватися!"

Уже цариця йде зъ своими варміями. Тутъ сі йдуть—наши, а тутъ ті йдуть.

(При этомъ разсказщикъ сдѣлалъ движеніе руками съ противуположныхъ сторонъ въ одну точку).

Ще-жъ наши йдуть, а вже ёго дойшли якъ разъ до ціхъ, що въ степу окопилися.

Идуть, ажъ лісъ такий, та терны!

Запорожці поприсідали, попригинались, поставали, а имъ здаєця лісъ, що нибы-то дерева стоять. Якъ почали вони по мижъ тими тернами продиратися. То отце иншого запорожець и

возьме за чуба, то той такъ отчеплюе, дума, що за гильлячку зачепивсь...

Отъ якъ пройшли вони той лісъ, тоді запорожьці прямо стали и хоруговъ выкинули й у трубы заграли. Тіи озирнулись, ажъ страшенне війско за ими стоить (А ихъ усихъ 120-ро чоловіка було!). Вони до орудія: тутъ бахъ! бахъ! изъ орудія—а воно тильки псъ! вода! А запорожьці понаставляли полы, беруть тіи ядра й кули, та имъ кидають.

Запорозьці маноцивники були, такіи лыцари були—страшне діло! Оце розстелють бурку по воді, та сядуть по вуглахъ чотыри чоловіка, та й плывуть, люльки курячи, та ще й у карты граючи! Эге! Якъ-бы оце запорожець изъ нами сидівъ оттутъ биля грубы, то вінъ-бы таке пацуstивъ, що намъ здалося-бъ, що домъ горить: мы-бъ жахнулись, а вінъ-бы сидівъ собі, ій-богу!

Такъ вони такъ и тутъ поробили: тіи стріляють изъ орудія—стріляють гораздъ, здаетьця, якъ слідъ, а выстриле, такъ вода: тильки псъ... та й більшъ ничого. Тоди запорозьці якъ жахнули! такъ чисто все забрали, а татаръ на кгамузъ порубали.

Це-жъ тіхъ татаръ порубали, а тутъ идуть варміи відъ цариці изъ орудіями... Приходять... и сі наткнулися. Побачили, то страшне діло! війско стоить! Заразъ, бахъ! бахъ! изъ орудія, а воно тилько—псъ! вода!

„Э, каже, такъ не візьмемо; тутъ нечиста сила бьеть!"

Прийшлось на штихи. Тутъ запорозьці на колінка впали. Шо-жъ, говорять, мы-бъ васъ и били, такъ шо-жъ, коли вы нашi браты.—(Шо може тамъ чий дядько, або батько есть!)

„Що-жъ вы таке?"—питають.

— Мы, каже, запорозьці, мы тіи саміи, що цариця послала. Такъ и такъ, каже, скажить цариці, що мы есть запорозьці. А татаръ, каже, вже мы порубали. Такъ и царыці скажить.

Вернулися варміи назадъ. А вони зосталися.

Царыці доложили, шо, мовъ, такъ и такъ. Отъ цариця заразъ: „узять ихъ!"

Швидко сказать добре, тилько взять ихъ не добре. Що не робили и солдаты вставали, такъ ничого не зроблять.

Такъ уже зібралысь усі генералы, усі полковники—порадьмося, що имъ зробити, якъ ихъ обгорнути!

Такъ тамъ и межъ ими выбрався одинъ маноцивничокъ. „О, стривайте, каже, вы, каже, не знаете, що робити! Не знаете“?

— Не знаемо! кажуть.

„Пострывайте-жъ каже; розложу я бурку, простелю та въ середыні хлібъ та дрибокъ соли положу; а вы который достаньте, та тільки на бурку не ступай“. Узявъ, бурку прославъ, положивъ хлібъ посередыні и соли дрибокъ изъ-верху.

„А! каже, бачите цей хлібъ? Ну хто зъ васъ, каже, розумнійшій? достань цей хлібъ и сіль, тільки не ступай на бурку. не ступай. Оттутъ стій, осьдечки; нахились тільки, а на бурку не ступай“.

Отъ, котори сміливіши, засміялись, кажуть: то вінъ выгадує?

А той каже: „не смійся, ты достань, та колінъ не згинай, а нахились та достань хлібъ; тутъ стій осьдечки, о! Та не досягнешъ. не досягнешъ“!

Отъ тутъ заходились... такъ и справді не досягнуть. Инший нахилитьця та й не встоіть, та носомъ объ хлібъ. А той маноцивничокъ регочется. „А що“? каже...

Тоді всі до ёго приступили. А ну-жъ, ты, кажуть, и ты не досягнешъ!

„Ні досягну“!

— А-ну, досягни!

„Добре. О, каже, вы не знаєте якъ“.

Лежить бурка розистлана. Вінъ узявъ, одинъ край загнувъ трішечки и—далі: пидійшовъ изъ другого краю, трішечки загнувъ, потимъ изъ третёго—ледви знати, изъ четвертого... Та такъ то зъ того, то зъ того краю пидгинавъ—пидгинавъ—пидгинавъ, де забігъ; усе потропку—поки й бурку згорнувъ! Тоді нахививсь, хлібъ узявъ. „Ось“! каже.

— Ну, такъ!—кажуть [1]).

Якъ узяли-жъ вони турбоватись, якъ узяти, по той бікъ Ворсклы. А то въ букыньщині була гетьманьщина—це були тіи,

[1]) Этотъ маноцивникъ изъ числа русскихъ генераловъ, вѣроятно, и указалъ какъ побѣдить запорожцевъ или, по крайней мѣрѣ, какъ ихъ обуздать.

богатыри, стало буть, були. Якъ почали ихъ то зъ того боку, то зъ того. Отъ вони до Нехворощи подалися и за Орель передалися. А по сей бікъ Орели линія була, а по той бікъ Орели, за Нехворощею, полководчина була. А то, що могилы, то тамъ були сторожи, щобъ уже якъ побачимъ невіру, той тікай.

Тільки вони за Орелью пожили небагато. И відтиль ихъ попхнули. Якъ передались вони черезъ Орель, такъ вони якъ дійшли до Самары, такъ и теперъ церква е зъ дванадцятьма банями. Отъ и теперъ співаєтьця:

Ой Самаръ річка да невеличка
Да промывае кручи...
Ой да заплакавъ та панъ Кошовый
А видъ цариці йдучи!

(При этомъ разскащикъ отеръ слезы).

Значить, вони й цариці жалілись, що-бъ ихъ не руйновали.

Такъ оттамъ, якъ окошились вони, добре, добре жили! Якъ вони добре жили тамъ у Самарі!

Тілько якъ стало сутужно й тамъ, и тамъ ихъ стали обижати, такъ вони рушили тоді підъ турка на островъ. Покинули свое життя й церкву — все, и пішли, бо дуже стали ихъ обижати.

Ото-жъ тіи запорожьці! ото-жъ ихъ завежденія! ото-жъ ихъ завежденія.

Оце недавно, може, пятнадцать... ні, не буде! прислали вони двадцять тысячъ на поправку, щобъ така була, якъ мы покинули; щобъ не руйновалась.

Вони й теперъ у Турещині живуть на острові; и Семенъ Палій изъ ними.

П. Ефименко.

Н. Д. МИЗКО

(некрологъ).

Недавно умеръ въ Москвѣ Николай Дмитріевичъ Мизко. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей изъ среды состоятельныхъ землевладѣльцевъ нашего юга, которые серьезно интересовались русской литературой, а также настоящимъ и прошлымъ

южной Россіи, и писали о нихъ. Вотъ причина, по которой его слѣдуетъ помянуть на страницахъ „Кіевской Старины“.

Родъ Мизокъ происходитъ изъ козаковъ нынѣшняго борзенскаго уѣзда. По свѣдѣніямъ, заключающимся въ историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи, арх. Филарета, прадѣдъ Н. Д. Мизка, Ѳедоръ, былъ козакъ, а дѣдъ Тимофей († 1738—1816 г.) сначала причетникъ, потомъ дьяконъ, много лѣтъ былъ потомъ священникомъ въ г. Борзнѣ; онъ зналъ хорошо иконописаніе, такъ что ему было поручено написать иконы для черниговскаго преображенскаго собора. Отецъ покойнаго, Дмитрій († 1772—1847 г.) учился въ кіевской духовной академіи и по окончаніи курса служилъ почти въ продолженіи 30-ти лѣтъ директоромъ екатеринославской гимназіи, которая была имъ-же и открыта въ 1805 году. Изъ рода Мизокъ извѣстенъ также дядя Николая Дмитріевича Григорій († 1782—1867 г.), который былъ съ 1817 по 1833 г. попечителемъ въ обществѣ израильскихъ христіанъ.

Всѣ члены рода Мизокъ отличались особенной религіозностью, по всей вѣроятности, унаслѣдованной отъ ихъ предка Ѳедора, который направлялъ своего сына на духовное поприще. О священникѣ Тимофеѣ сохранилось свидѣтельство въ его документѣ, что онъ былъ „доброй и набожной жизни“. Директоръ Димитрій особенно любилъ сообщество лицъ духовнаго сана и передалъ эту наклонность сыну, Николаю, памяти котораго посвящены настоящія строки. Григорій принадлежалъ къ тому мистическому направленію, которое было названо масонствомъ. Пріобрѣтя въ Новороссіи хорошія матеріальныя средства, Мизки не забывали своей первоначальной родины, Борзны, жертвуя на церкви этого города разныя церковныя вещи и деньги; на ихъ средства выстроена въ Борзнѣ, надъ могилою священника Тимофея, церковь во имя Воскресенія Христова [1]).

Николай Дмитріевичъ воспитывался въ той-же гимназіи, что и пишущій настоящія строки, т. е. въ екатеринославской. Мы помнимъ его, когда онъ, окончивши курсъ въ гимназіи и подъ ру-

---

[1]) Историко-статист. описаніе черниг. епархіи, кн. 6-я, стр. 424, 428, 435, 436, 439.

ководствомъ учителя гимназіи Андрея Степановича Понятовскаго, замѣчательнаго педагога [1]), готовился къ выдержанію экзамена на званіе дѣйствительнаго студента въ харьковскомъ университетѣ. Помнимъ время 1846—1847 г., когда Мизко уже состоялъ редакторомъ „Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, гдѣ онъ усердно работалъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ мы встрѣчали его въ городахъ Кіевѣ и Борзнѣ, въ домѣ землевладѣльца Н. Д. Бѣлозерскаго, служившаго въ то время сборнымъ пунктомъ для всѣхъ интересовавшихся южно-русскимъ краемъ и работавшихъ для него. Но настоящее знакомство наше съ нимъ относится уже къ 1874 году, когда онъ разстался окончательно съ екатеринославской губерніей и переселился въ г. Воронежъ.

Располагая значительнымъ состояніемъ (онъ въ 1847 г. получилъ отъ отца въ наслѣдство до 6000 десят. земли), Мизко не имѣлъ надобности въ государственной службѣ; онъ все время посвящалъ лишь хозяйству и литературѣ. Во время своихъ хозяйственныхъ поѣздокъ по разнымъ мѣстамъ Малороссіи и новороссійскаго края, Мизко имѣлъ возможность познакомиться со всѣми выдающимися южно-русскими писателями и патріотами 40—50-хъ годовъ. Гулакъ-Артемовскій, Метлинскій, Забѣла, Кулишъ, Шевченко, Аѳанасьевъ, Чужбинскій, Бѣлозерскій и др.—вотъ лица, съ которыми онъ былъ близокъ или знакомъ. Сношенія съ указанными лицами не могли не отразиться на воззрѣніяхъ и симпатіяхъ покойнаго. Онъ принадлежалъ къ такъ называемому украинскому направленію; симпатіи къ родинѣ не помѣшали ему посвятить свои силы русской литературѣ,—онъ много писалъ по исторіи и теоріи словесности въ разныхъ журналахъ 40—70-хъ годовъ: въ „Отечеств. Запискахъ“, „Москвитянинѣ“, журналѣ „Мин. Нар. Просв.“, „Библіографическихъ Запискахъ“, „Филологическихъ Запискахъ“, газетѣ „Донъ“ и др. Изъ отдѣльныхъ его сочиненій стоитъ упомянуть о „Столѣтіи русской литературы“ (Одеса 1849 г.) и книгѣ для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзіи (Москва 1865 г.). Кстати здѣсь сказать, что Мизко принадлежалъ къ числу немногихъ

[1]) Всѣ воспитанники екатеринославской гимназіи 30—40-хъ годовъ помнятъ этого учителя, вкладывавшаго душу въ свое дѣло, и благоговѣйно чтутъ его память; біографія его помѣщена была Н. Д. Мизкомъ въ журн. Мин. Нар. Пр.

лицъ, понявшихъ и оцѣнившихъ въ свое время значеніе произведеній Гоголя—„Мертвыя Души“ и „Ревизоръ“. Ему принадлежитъ статья „Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Мертвыя Души“, появившаяся въ 1843 г. въ „Отечеств. Запискахъ“ и обратившая на себя вниманіе Бѣлинскаго и самаго Гоголя.

Перечислимъ статьи Ник. Дм. касающіяся непосредственно юга.

О самарскомъ монастырѣ и Екатеринославлѣ. „Екатерин. Губ. Вѣдомости“ 1846 г., перепеч. въ „Иллюстраціи“ 1846 г. № 15.

Рецензія проповѣдей протоіерея Гречулевича на малороссійскомъ языкѣ. „Русск. Бесѣда“ 1857 г. кн. 3.

Рецензія на книгу Метлинскаго „Народныя южно-русскія пѣсни“, „Москвитянинъ“ 1855 г. № 4.

Воспоминаніе о Соленикѣ, знаменитомъ украинскомъ актерѣ. „Основа“ 1861 г. № 2.

Изъ с. Карабиновки (тамъ-же № 5).

Краткій историческій очеркъ украинской литературы (по поводу книги Петриченка; тамъ-же, 1862 г. № 3).

Народное образованіе въ новомосковскомъ уѣздѣ, жур. „Мин. Нар. Пр.“ 1868 г. № 5.

Труды Максимовича для русской филологіи и словесности. „Филологич. Записки“ 1871 г.

Наша старина. Извлеченіе изъ рукописи малороссійскаго старожила Писаревскаго. „Донъ“ 1869 г. № 54—57.

По поводу толковъ о малороссійскомъ языкѣ и о малороссійской словесности. „Донъ“ 1881 г. № 53 [1]).

По поводу послѣдней статьи, г. Рябининъ, авторъ воспоминаній о Мизкѣ [2]), говоритъ, что хотя Мизко по образу мыслей принадлежалъ къ украинофиламъ, „но его любовь къ родинѣ и родной народности никогда не увлекала его въ крайнія и нелѣпыя теоріи; онъ не только понималъ, но и чувствовалъ всю неразрывность взаимно-тѣсной связи Малой и Великой Россіи, закрѣпленной исто-

[1]) Кромѣ того ему-же принадлежитъ рукописная статья, переданная имъ въ 1843 г. Гоголю: Историко-статистическія свѣдѣнія о раздачѣ земель въ новорос. краѣ съ 1764 года.

[2]) „Историч. Вѣстникъ“, 1882 г., октябрь. Изъ этой статьи мы извлекли нѣкоторыя свѣдѣнія о Мизкѣ.

рическими ихъ судьбами, и даже въ послѣдней предсмертной статьѣ своей, вызванной современнымъ полемическимъ вопросомъ по поводу малороссійской литературы, силился высказаться въ примирительномъ духѣ, нисколько не стѣсняя, между тѣмъ, кровныхъ своихъ симпатій". Изъ приведенныхъ словъ г. Рябинина должно заключить, что авторъ думаетъ, будто другіе украинофилы придерживаются крайнихъ и нелѣпыхъ теорій, требующихъ разрыва между Малой и Великой Россіей. Въ качествѣ исконнаго украинофила, мы позволимъ себѣ назвать такое заключеніе нелѣпымъ и вотъ почему: никто изъ украинофиловъ подобныхъ теорій не высказывалъ, да ихъ и не существуетъ въ дѣйствительности; украинскій-же политическій сепаратизмъ вымышленъ тѣми лицами, для которыхъ выгодно, чтобы ихъ считали спасителями отечества. Съ ихъ словъ или за ними уже вторятъ объ украинскомъ сепаратизмѣ люди честные, искренно дорожащіе единствомъ отечества. Но послѣдніе не могутъ понять сущности украинофильства и потому оно кажется имъ подозрительнымъ. Въ противуположность славянофильству, украинофильство вытекло не изъ готовой теоріи, а непосредственно, до извѣстной степени, безсознательно, изъ чувства, до сихъ поръ не переработаннаго мыслью надлежащимъ образомъ, не возведеннаго въ теорію. Въ этомъ его слабость, но въ этомъ-же и сила его. Источникъ украинофильства — краевое чувство или чувство любви къ родинѣ, къ своей природѣ, своему народу, къ его рѣчи и проч., отсюда-же и стремленіе къ духовному слитію съ народомъ. Чувство родинное присуще не только малороссійскому простонародью, но часто и интеллигентнымъ людямъ; оно въ особенности проявляется тогда, когда малороссъ попадаетъ внѣ родины. Въ примѣръ можно привести извѣстнаго писателя Максимовича, который, будучи профессоромъ въ Москвѣ, почувствовалъ „*непреодолимое влеченіе къ родинѣ*" и перешелъ въ Кіевъ. Родинное чувство замѣтилъ у малороссовъ еще нѣмецъ Гаксгаузенъ и не нашелъ его у великороссовъ. Дѣйствительно, у великороссовъ чувство родины расширяется въ чувство отечества (государственный патріотизмъ), при которомъ они себя одинаково хорошо чувствуютъ какъ на Соловкахъ, такъ и въ Батумѣ, какъ въ Камчаткѣ, такъ и въ Вержболовѣ. Для нихъ, поэтому, непонятно краевое чувство; они не могутъ понять органически, напримѣръ, выраженія историка Ма-

лороссіи: „отечество выше родины; но для чьей души нѣтъ родины, для того нѣтъ и отечества". Отъ такого непониманія является внутреннее нежеланіе допустить развитіе родиннаго чувства у малороссовъ до его естественныхъ предѣловъ; отсюда-же возникаетъ у нихъ, когда они наталкиваются у малороссовъ на проявленіе родиннаго чувства, боязнь за всероссійское единство. Оттого, тогда какъ на западѣ, напримѣръ, въ Испаніи, Италіи и Франціи, развитіе мѣстныхъ литературъ не считается опаснымъ для цѣлости государства, у насъ подобное-же стремленіе признается опаснымъ признакомъ сепаратизма и вызываетъ противудѣйствіе даже со стороны извѣстной части русской литературы.

Такъ мы понимаемъ основы украинофильства и источники гоненія на него. Также понималъ его и Н. Д. Мизко, съ которымъ намъ приходилось не разъ бесѣдовать на эту тему, во время проживанія его въ г. Воронежѣ.

П. Ефименко.

ЕЩЕ О БУГСКИХЪ КОЗАКАХЪ.

Въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины", на стр. 389—391, помѣщена замѣтка *А. Рутковскаго* о бугскихъ козакахъ. Авторъ оной сѣтуетъ на недостатокъ свѣдѣній объ этихъ козакахъ, о которыхъ, по его мнѣнію, „вообще мало писано", и приводитъ одинъ документъ, какъ историческое свидѣтельство о ихъ существованіи. Этотъ документъ есть указъ объ отставкѣ маіора Лабенскаго.

Если-бъ авторъ потрудился отыскать книгу мою подъ заглавіемъ: *Хронологическое обозрѣніе исторіи новороссійскаго края,* Одесса, 1836—1838 г., 2 ч., то нашелъ-бы въ ней довольно подробностей объ исторіи этого козачества, почерпнутыхъ мною изъ одесскаго генералъ-губернаторскаго архива и свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ послѣднимъ ихъ атаманомъ, княземъ Н. Д. Кантакузеномъ. Но такъ какъ книги мои вообще довольно рѣдки [1]), то я предлагаю при семъ нѣсколько положительныхъ данныхъ для помѣщенія въ „Кіевской Старинѣ".

---

[1]) Особенно въ Кіевѣ, гдѣ въ теченіи 11-ти лѣтъ продано ихъ 3 экземпляра, въ томъ числѣ, 2 въ духовную академію.

„Бугскіе козаки“ явились въ первые въ новороссійскомъ краѣ, въ видѣ самостоятельнаго отряда, въ войну 1768—1774 г., подъ начальствомъ своего кондотіера, польскаго эмигранта *Петра Скаржинскаго*. Это была, по показанію ихъ самихъ, настоящая „голота“, набранная преимущественно изъ молдованъ, болгаръ, польской шляхты и бѣглыхъ козаковъ, и вообще людей бездомныхъ, но храбрыхъ. Изъ нихъ турки составили дружину подъ начальствомъ польскихъ авантюристовъ и за большія деньги, правда, обѣщанныя только, и направили ихъ противъ Россіи. Но наши молодцы, большею частію православные, не оправдали ожиданій турокъ. Познакомившихъ съ запорожскими отрядами, они по совѣту своего начальника, полковника Скаржинскаго, перешли „подъ царскую руку“ и хотя подвизались на свой счетъ и рискъ, служили столь честно и вѣрно, что заслужили довѣріе полководца графа Румянцева-Задунайскаго и даже милости императрицы Екатерины II-й [1]). „По окончаніи войны имъ дарованы были земли, по собственному ихъ избранію, съ обязанностію только служить въ козачьемъ званіи, по образцу слободскихъ и легконконныхъ полковъ. Они избрали для своего водворенія богатыя земли на правой сторонѣ Буга, гдѣ завели отличныя усадьбы и содержали отрядъ въ 1.000 человѣкъ для пограничной службы, по татарско-ногайскому рубежу. Въ 1783 году они составляли часть такъ называемаго „екатеринославскаго козачества“, котораго Потемкинъ былъ гетманомъ. Въ то время они уже носили названіе „бугскихъ козаковъ“ и въ числѣ 1500 человѣкъ служили во всю компанію 1788—1791 г., и отличились особенно при осадѣ Кинбурна и Очакова.

По заключеніи въ 1791 году букарестскаго трактата, бугскіе козаки сдѣлались настоящимъ „военнымъ поселеніемъ“ и хотя содержали кордоны на бессарабской границѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ занимались и сельскимъ хозяйствомъ въ своихъ богатыхъ станицахъ, такъ что къ нимъ стекались на поселеніе и службу поселяне изъ западныхъ губерній и Малороссіи [2]).

Въ 1796 году, при образованіи изъ нынѣшней херсонской и подольской губерній *Вознесенскаго Намѣстничества*, они вошли съ

---

[1]) Именно знамена съ Георгіевскими украшеніями.

[2]) Потемкинъ переманивалъ ихъ въ своя красносельскія имѣнія (алекс. уѣзда херс. губ.), но они рѣшительно отказались.

своими селеніями въ его составъ, подъ названіемъ „вознесенскаго казачьяго войска" и въ ихъ станицѣ *Соколы* на Бугѣ, основанъ былъ главный городъ этого края, подъ названіемъ *Вознесенска*. Судьбы его были весьма неблистательны, а въ концѣ столѣтія онъ обратился въ ничтожный заштатный городокъ.

Но въ 1797-мъ году, когда и самая вознесенская губернія была упразднена, бугскіе козаки изъ вознесенскихъ полковъ исключены, распущены по домамъ (т. е. въ свои села) и тамъ обращены въ крестьянское званіе. Въ 1830-мъ году число этого бугскаго войска, считая съ ними и болгаръ, переселившихся къ нимъ изъ-за границы, и не большую партію арнаутъ, водворенныхъ стараніями князя Николая Кантакузена, составляло 6,383 души мужескаго пола, живущихъ по обѣимъ сторонамъ Буга, т. е. въ ольвіопольскомъ, елисаветградскомъ и херсонскомъ уѣздахъ. Бугскіе козаки, видя, какъ императоръ Александръ милостиво возстанавливалъ въ Новой-Россіи всѣ предположенія императрицы Екатерины, отправили ко двору своихъ депутатовъ, капитановъ: *Хмѣльницкаго* и *Солтыковскаго*, прося, чтобы ихъ освободили изъ крестьянства и обратили въ первобытное военно-земледѣльческое, или козачье состояніе. Правительство, собравъ надлежащія свѣдѣнія чрезъ губернатора Миклашевскаго, поручило военному министру Вязьмитинову и графу Кочубею составить проэктъ объ устройствѣ бугскихъ козаковъ. Проэктъ ихъ былъ утвержденъ указомъ 18-го мая 1803 г. и прежній бытъ бугскаго войска возстановленъ. Оно раздѣлено на 3 полка и многія станицы; учреждена войсковая канцелярія; дарованы войску разныя права; прощены неуплаченныя подати; обозначены служба и повинности. Войсковымъ атаманомъ избранъ былъ государемъ войска донскаго генералъ-маіоръ *Иванъ Красновъ* (указъ 8 іюня 1803 г.), который командовалъ до 1807-го года. Монархъ, въ знакъ своего покровительства и для вящшаго на будущее время поощренія бугскаго козачьяго войска, даровалъ оному 15 знаменъ при милостивой грамотѣ [1]).

[1]) Въ войскѣ прежде было 12 знаменъ: 10 данныхъ Румянцевымъ и Потемкинымъ, съ изображеніемъ Георгіевскаго креста и буквою Е въ срединѣ, и два собственныхъ, вѣроятно еще въ Турціи принятыя войскомъ, съ изображеніемъ св. Троицы и св. Григорія Великой Арменіи.

Атаманъ Красновъ, осмотрѣвъ села и земли принадлежащія войску, нашелъ, что въ составѣ онаго находятся:

I. Въ елисаветградскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Михайловка
2. Красноселье
3. Гумницкая
4. Лозоватка
5. Лагери
6. Кучеровка
7. Нерубайка
8. Новогригорьевка
9. Сердечная
10. Рудая
11. Уховка
12. Водяная.

Въ этихъ станицахъ было: 3,361 душа мужескаго, 840 дворовъ и 43,945 десятинъ удобной земли.

II. Въ ольвіопольскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Троицкое
2. Михайловка
3. Бѣлоусовка
4. Арнаутовка
5. Новогригорьевка
6. *Вознесенскъ* или Соколы.

Здѣсь считалось: 1,592 души мужскаго пола, 308 дворовъ и 62,700 дес. удобной земли.

III. Въ херсонскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Новопетровка
2. Ѳедоровка
3. Касперовка
4. Баловная
5. Себина
6. Матвѣевская
7. Константиновка
8. Гурьевская.

Кромѣ того два села болгарскія, вновь къ войску присоединенныя:

9. Щербиновка.
10. Дымино.

Въ этихъ десяти станицахъ было: 1,430 душъ мужескаго пола, 359 дворовъ и 63,097 десятинъ удобной земли. Всего-же 28 станицъ, 6,383 души обоего пола, 1,597 дворовъ и 169,742 десятины удобной земли. Бугское войско могло поставить на службу 1,308 вооруженныхъ козаковъ. Съ теченіемъ времени присоединилось къ нему нѣсколько малороссійскихъ семействъ и небольшое число без-

земельнаго польскаго шляхетства, такъ что въ концѣ 1804-го года считалось въ войскѣ болѣе 7,000 душъ мужескаго пола [1]).

Въ 1812 году, по случаю отечественной войны, бугское козачье войско, движимое примѣромъ своего наказнаго атамана, князя Николая Кантакузена, донесло герцогу Ришелье, что все ихъ сословіе, не смотря на исключеніе края изъ ополченія, добровольно и на свой счетъ снарядило козачью дружину въ 500 человѣкъ, и просило только оружія, въ которомъ оно имѣло недостатокъ, присовокупляя, что войско, кромѣ того, готовитъ еще 500 человѣкъ, чтобы ими замѣнять убыль въ рядахъ своихъ собратій.

Но въ 1817 году войско это окончательно упраздняется. Наконецъ начальникъ украинской уланской дивизіи генералъ-маіоръ графъ де-Виттъ, отъ 23 апрѣля сего года, донесъ генералъ-губернатору Ланжерону, что воля государя императора есть: „всѣ земли и села бугскаго войска, съ причисленіемъ 18-ти деревень ольвіопольскаго, херсонскаго и елисаветградскаго уѣздовъ, исключить изъ гражданскаго вѣдомства для учрежденія *военнаго поселенія* въ херсонской губерніи". Всѣ бугскіе станицы указомъ 24-го декабря 1817 года вошли въ составъ бугскаго поселенія, котораго центромъ остался упомянутый нами г. Вознесенскъ. Съ того времени наше козачество раздѣляетъ судьбу херсонскаго военнаго поселенія до окончательнаго его упраздненія въ близкіе намъ годы.

Замѣтимъ мимоходомъ, что основатель войска Петръ Скаржинскій, умершій въ чинѣ генералъ-маіора, и послѣдній его атаманъ князь Н. Р. Кантакузенъ, оставили своимъ дѣтямъ и внукамъ въ наслѣдство огромныя земли по обѣимъ сторонамъ Буга херсонской губерніи.

А. Скальковскій.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ [2]).

Къ свѣдѣніямъ о нашихъ старыхъ портретахъ, опубликованнымъ „Кіевской Стариной", по столь компетентному почину г. Ла-

---

[1]) Изъ одесскаго генералъ-губернаторскаго архива.

[2]) «Кіевская Старина» 1882 г., №№ 5, 9 10.

заревскаго, присоединяю указанія на слѣдующіе образцы малорусской портретной живописи XVII и XVIII вѣковъ:

31) *Портретъ гетмана Ив. Степ. Мазепы.* Принадлежитъ мнѣ и находится въ с. Ярошовкѣ, прилуцк. уѣзда, полтавск. губ. Поясной. Принадлежность основана на преданіи. Гетманъ изображенъ здѣсь лѣтъ 45-ти. На немъ разстегнутый темно-зеленый кунтушъ съ золотыми позументами, изъ подъ котораго видна бѣлая узорчатая одежда. Фонъ темный. Лицо мужественное и красивое, совершенно несходное съ извѣстнымъ изображеніемъ, находящимся въ петербургской академіи художествъ. Доказано, впрочемъ, что академическій портретъ, писанный однимъ изъ первыхъ русскихъ живописцевъ Ив. Никитинымъ (1690—1744) и долго считавшійся портретомъ Мазепы,—есть портретъ Скоропадскаго, съ котораго снятъ въ бытность гетмана при дворѣ въ Москвѣ въ 1722 году [1]).

Въ фамиліи Горленковъ, происходящей отъ одного изъ ближайшихъ сподвижниковъ Мазепы, полковника прилуцкаго Дмитрія Горленка, приставшаго вмѣстѣ съ гетманомъ къ Карлу XII, естественно должна была сохраняться память о Мазепѣ. Документы, относящіеся къ этой эпохѣ, и письма гетмана дѣйствительно и сохранились [2]). Но такъ какъ эта близость къ Мазепѣ была источникомъ невзгодъ для лицъ этой фамиліи, то „вещественные знаки", напоминавшіе покойнаго гетмана, едва-ли особенно сохранялись и остались только акты, могущіе служить къ утвержденію тѣхъ или иныхъ имущественныхъ правъ. Описываемый портретъ сохранился также не въ родѣ Горленковъ, пріобрѣтенъ однимъ изъ позднѣйшихъ потомковъ, какъ бы по долгу старой признательности, на распродажѣ замѣчательнаго собранія портретовъ и картинъ, извѣстнаго нѣкогда черниговскаго помѣщика и богача, камергера Будлянскаго, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Будлянскій былъ зятемъ Кирилла Разумовскаго и портретъ Мазепы достался ему изъ дома послѣдняго гетмана. Большой любитель искусствъ и страстный коллекціонеръ, Будлянскій, по преданію, погибъ жертвою своей непомѣрной

---

[1]) Сомовъ, «Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи». С.-Пб. 1872 г.

[2]) Они разобраны были г. де-Пуле въ статьѣ его «Малороссійскіе эмигранты при Петрѣ I». — «Вѣстн. Европы 1872 г., № 5.

тучности, или, какъ невѣжливо выражались въ старину, „лопнулъ отъ жиру“. Его замѣчательная коллекція картинъ разсѣялась по всѣмъ странамъ свѣта. Не помнитъ ли чего о ней кто-нибудь изъ черниговскихъ старожиловъ?—Намъ случалось видѣть вещи изъ нея, дающія высокое понятіе о ея достоинствѣ, напримѣръ поразительную головку Іорданса, воспроизводящую центральную фигуру извѣстной его композиціи „Король оргіи“, находящейся въ вѣнскомъ Бельведерѣ. Судьба частныхъ художественныхъ собраній, находившихся въ Малороссіи, въ родѣ собраній Завадовскаго, князей Репниныхъ и проч., ждетъ еще своего историка.

Снимокъ съ нашего портрета Мазепы сдѣланъ въ Петербургѣ фотографомъ Лушевымъ, издателемъ „фотографическаго альбома лицъ XVI—XVIII вѣковъ“.

Старинныя наши церкви и монастыри, заключающіе въ себѣ такъ много важнаго для знакомства съ малорусскимъ искусствомъ, хранятъ въ себѣ иногда и образцики старой портретной живописи. Особенно относится это къ захолустнымъ монастырямъ, гдѣ портреты могли-бы удержаться дольше, несмотря на воздвигнутыя на нихъ каноническія гоненія, еслибъ ихъ не губило невѣжество, болѣе опасное, чѣмъ всѣ формальныя запрещенія. Вотъ что сохранилось по части портретовъ въ двухъ монастыряхъ полтавской губерніи:

32) *Портретъ гетмана Ив. Самойловича* въ густынскомъ троицкомъ монастырѣ близъ г. Прилуки. Эта обитель, основанная въ 1600 году, на островѣ, образуемомъ рѣкою Удаемъ, „гдѣ прежде сидяще пасѣщемъ зъ Путивля Москвитинъ“, въ области тогдашнихъ православныхъ князей Вишневецкихъ [1]). Самойловичъ былъ строителемъ главной монастырской церкви и щедрымъ продолжателемъ милостей, сыпавшихся раньше на обитель, со стороны князя Михаила Корибута и княгини Раины Могилянки (изъ рода Могилъ) Вишневецкихъ. Портретъ нарисованъ на стѣнѣ главнаго храма. Самойловичъ изображенъ во весь ростъ, въ накинутой на плечи красной киреѣ, подбитой мѣхомъ, и бѣломъ, съ цвѣтами, кафтанѣ, стянутомъ поясомъ. Булава и мѣховая шапка лежатъ на столѣ. Одинъ уголъ картины занятъ приподнятой драпировкой, на другомъ на-

---

[1]) «Лѣтопись о первозачатіи и созданіи густынскаго монастыря» издан. Бодянскимъ, Москва 1848 г.

ходится гербъ. Плотная фигура гетмана кажется немного короче натуры. Типичное лицо, съ чубомъ и чорными усами, задумчиво и важно, руки молитвенно сложены. Внизу подпись: „гетманъ Иванъ Самуйловичъ Самойловичъ, соорудившій сей храмъ въ 1674 г.“

Противъ этого портрета, также въ главной церкви, висѣлъ, писанный масляными красками, портретъ Мих. Вишневецкого [1]), но въ 40-хъ годахъ былъ проданъ настоятелемъ монастыря Паисіемъ какому-то любителю старины. Назначенный въ монастырь, послѣ возобновленія его въ 1845 году, Паисій, ученый (?), какъ его называла братія, ревностно принялся за устройстйо благолѣпія храма и съ этой цѣлью поручилъ какимъ-то богомазамъ расписать всѣ стѣны вновь, поверхъ старой, замѣчательной живописи, по своему. Многочисленныя историческія надписи, украшавшія, по преданію, храмъ—исчезли. Портретъ ктитора-гетмана, къ счастью, тронутъ былъ самую малость. Въ настоящее время въ густынскомъ монастырѣ, кромѣ самаго храма, удивительной прочности и типичной постройки, съ двойными хорами, уцѣлѣла только превосходная рѣзьба иконостаса, да двѣ-три случайно оставшіяся вещи, въ родѣ необычайнаго, узорчатаго замка на дверяхъ, одного изъ тѣхъ предметовъ, которые, при всей своей незначительности, характерностью своей могутъ привесть въ восторгъ антикварія или поэта, живо воскрешая предъ нимъ прошлое. Все остальное увезено было въ Черниговъ, послѣ закрытія монастыря, въ числѣ другихъ, въ 1793 г. Монастырь былъ заброшенъ въ теченіи многихъ лѣтъ и я немогъ найдти даже слѣдовъ могилъ полковниковъ прилуцкихъ, похороненныхъ въ склепѣ подъ главнымъ храмомъ. Нынѣ монастырь бѣденъ и завѣтная мечта братіи, съ настоятелемъ о. Германомъ во главѣ, доказать свои права хотя на часть бывшихъ огромныхъ монастырскихъ имуществъ. Доказательствами, кромѣ густынской „лѣтописи“, выставляются, интересные для историка, „фундуши“ Самойловича, которыхъ у игумена хранится до 15-ти, и старыя купчія. Я читалъ одну изъ этихъ записей, такого содержанія: „куплено монастыремъ земли на пятнадцать дней оранки за 8 рублей“, и позналь справедливость изреченія древней мудрости: tempora mutantur. Въ

---

[1]) Свѣдѣнія о густынскомъ монастырѣ изъ «Матеріаловъ для статистики россійской Имперіи», С.-Пб. 1841 г.

процессѣ, о которомъ мечтаетъ густынская братія, сочувствіе всякой живой души будетъ конечно не на сторонѣ отживщаго, а живого, т. е. казенныхъ крестьянъ, являющихся въ этомъ искѣ противной стороной.

Въ лубенскомъ мгарскомъ монастырѣ, основанномъ въ 1622 г. Исаіей Копинскимъ, кромѣ портретовъ почивающаго тамъ патріарха святителя Аѳанасія и племянника его Серафима, находятся два портрета малорусскихъ духовныхъ дѣятелей:

33) Стѣнной *портретъ* (фрескъ) *Іосифа Тукальскаго*, митрополита кіевскаго и галицкаго (1664—75 г.) во весь ростъ, въ облаченіи. Портретъ этотъ находится близъ могилы митрополита. Самое мѣсто могилы обозначено на стѣнѣ аллегорической фреской, изображающей смерть святителя.

34) *Портретъ Іоасафа Горленка*, епископа бѣлгородскаго (1748—1754 года), бывшаго одно время настоятелемъ лубенскаго монастыря. Святитель изображенъ въ богатомъ епископскомъ облаченіи, съ посохомъ въ рукахъ. Внизу этого поясного портрета начертана краткая біографическая надпись. По письму и по сохранности этотъ портретъ несравненно лучше находящагося въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ (по „Указателю" музея отд. VII, № 17).

Изъ „древностей" въ лубенской обители въ алтарѣ, на престолѣ, находится два великолѣпныхъ, украшенныхъ алмазами, евангелія, пожертвованныхъ Мазепой, да въ ризницѣ—митры временъ Петра Могилы. Иконостасъ лучше сохранился, чѣмъ въ пустыни. Онъ украшенъ обильно деревянной скульптурой. Такъ, надъ среднимъ иконостасомъ, находится скульптурное „Преображеніе"—фигуры Спасителя, пророковъ Моисея и Иліи и Бога-Отца на облакахъ,—всѣ золоченыя. На боковыхъ дверяхъ фигуры архангеловъ. Живопись иконостаса—древняя. Очень хорошъ по письму средній образъ Христа во всей своей славѣ и въ особенности большая икона Богоматери, полная изящества и граціи. Живопись иконостаса должна быть современна эпохѣ основанія обители, какъ современны ей гигантскіе дубы, грабы и ясени, сообщающіе мгарской горѣ и всей этой очаровательной мѣстности столько задумчивой и величавой красоты.

В. Горленко.

ПРОТОПОПЪ КОМАРЪ И ЕГО ВТОРИЧНЫЙ БРАКЪ.

Подобаетъ епископу единыя жены быти мужу.
(Къ Тимоѳею 1 посл., гл. 3, ст. 2.).

Ученіемъ вселенской церкви слова эти съ древнѣйшихъ временъ примѣнены къ пресвитерамъ, или священникамъ, которые во времена апостольскія назывались иногда и епископами. 17 и 18 правила апостольскія, 26 правило VI вселенскаго собора, правила Василія Великаго давно утвердили такой смыслъ за приведенными словами св. ап. Павла и наложили запретъ на второбрачіе священниковъ. О бракахъ епископовъ въ IV и V вѣкахъ не могло быть рѣчи: принимающіе епископскій санъ, если они состояли дотолѣ въ супружествѣ, также должны были оставлять своихъ женъ и дѣтей, какъ принявшіе монашество архіереи должны были оставлять архіерейскія каѳедры и идти въ монастырь. Самое однако изданіе правилъ свидѣтельствуетъ, что до нихъ существовалъ иной порядокъ вещей, на который указываютъ слова того же ап. Павла: *или не имамы власти сестру жену водити, яко и прочіи апостоли* (1 Коринѳ., гл. IX, ст. 4). Запрещеніе впослѣдствіи епископамъ совмѣстнаго жительства съ ихъ женами сдѣлано не по принципу, который стоялъ-бы въ прямомъ противорѣчіи съ приведенными словами апостольскими, а въ виду дознанныхъ неудобствъ отъ такого сожительства и прямыхъ злоупотребленій въ церковномъ управленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что и запрещеніе второбрачія священникамъ вызвано также внѣшними соображеніями, а не какимъ либо принципомъ, который не имѣлъ-бы вовсе значенія, если-бы не былъ подведенъ подъ апостольскія слова, поставленныя въ заглавіи нашей замѣтки.

По неизмѣнному закону природы человѣческой, въ возникающихъ вновь въ человѣчествѣ религіозныхъ обществахъ примѣчается то общее явленіе, что первоначальныя ихъ доктрины и правила отличаются строгостью, превышающею нормальное положеніе человѣческой жизни. Впослѣдствіи природа беретъ свое, опытъ жизни заставляетъ дѣлать отступленія и если они освящены бываютъ установленною въ обществѣ властію, то въ свою очередь получаютъ силу закона и правила, въ противномъ-же случаѣ правило церкви само по себѣ, а жизнь ея членовъ и даже представителей идетъ своимъ чередомъ. Въ строго обрядовой Москвѣ еще въ концѣ XV в. имѣвшій несчастье лишиться жены священникъ считался какъ-бы

отверженнымъ и самое вдовство его, величайшее изъ бѣдствій человѣческихъ, лишало его права священнодѣйствія, а слѣдовательно и всякихъ средствъ къ жизни. Но поступалъ онъ въ монастырь и съ него снималось запрещеніе; ему разрѣшалось священнослуженіе и въ томъ случаѣ, когда онъ переходилъ въ Москву въ одну изъ домовыхъ церквей, которыхъ такъ много тогда было. „Или на Москвѣ попы святы стали"?—протестовалъ попъ Георгій Скрипицынъ и отвоевалъ свободу несчастныхъ, какъ и онъ, братій своихъ.

Религіозная жизнь южно-русскаго народа, исторія церкви южно-русской представляетъ иныя явленія. Слабость польской правительственной власти, неразвитость жизни гражданской, единственная охрана имущественныхъ правъ и отношеній въ судѣ, замѣнявшемъ во многомъ и власть административную, рано вызвали здѣсь, въ средѣ мірянъ, появленіе брака гражданскаго въ связи съ бракомъ церковнымъ, а иногда и независимо отъ него. Раннее проникновеніе сюда въ разныхъ видахъ реформатскаго ученія вносило большую свободу вообще въ сферу религіозной жизни и въ частности въ ученіе о бракѣ, на который въ XVII и даже XVIII в. въ классахъ выше простаго смотрѣли какъ на актъ гражданскій, лишь освящаемый благословеніемъ церкви и сопровождаемый болѣе или менѣе торжественнымъ общественнымъ празднованіемъ. Ясно различались тогда и самымъ временемъ раздѣлялись *интерцыза шлюбная*, или предбрачный договоръ, самый *шлюбъ*, или вѣнчанье, и *актъ весельный, веселле*—свадебное празднество. Актовыя книги кіевскаго центральнаго архива переполнены „интерцызами шлюбными". „Шлюбъ" самъ по себѣ не имѣлъ силы, безъ скрѣпленія его „интерцызою" и „актомъ весельнымъ" и были случаи, что повѣнчанная уже дѣвушка выходила замужъ за другаго, когда свадебная сдѣлка не состоялась. Таже власть судебно-гражданская, которая скрѣпляла брачный союзъ, давала супругамъ и *роспустные листы*, при чемъ обое расходящіеся свободно могли вступать во второй бракъ. Разводъ такимъ образомъ совершался безъ участія духовной власти и если на „роспустныхъ листахъ" встрѣчаемъ подписи священниковъ, то лишь въ качествѣ свидѣтелей [1]).

---

[1]) „Рус. Ст." 1880 г., нояб., статья О. И. Левицкаго: „О семейныхъ отношеніяхъ" и пр.

Духовенство въ южной Руси не было тогда сословіемъ, оно постоянно пополнялось людьми міра, и свободное ученіе о бракѣ, проникшее въ общество, переходило въ его среду и находило тамъ свое примѣненіе, повидимому, никого, кромѣ строгихъ ревнителей древнихъ правилъ, не соблазнявшее. Въ концѣ XVI в. на кіевской митрополичьей каѳедрѣ возсѣдалъ много лѣтъ двоеженецъ Онисифоръ Дѣвочка, епископы Діонисій Збируйскій и Леонтій Пелчицкій жили съ своими женами, второбрачіе священниковъ въ жалобахъ ревнителей приводится, какъ явленіе не рѣдкое. Съ введеніемъ уніи возникшая между православными и уніатами полемика указала въ той и другой сторонѣ не мало опредѣленныхъ случаевъ второбрачія священниковъ.

Всѣ эти свѣдѣнія мы сочли нужнымъ привести прежде того факта, о которомъ хотимъ сказать, дабы самый фактъ не показался или слишкомъ исключительнымъ, или даже маловѣроятнымъ. А фактъ былъ такого рода.

Въ началѣ XVIII ст., на Волыни, въ г. Овручѣ, при церкви св. Василія, жилъ протопопъ Комаръ, по имени Симеонъ. Его постигло одно изъ тѣхъ бѣдствій, которыя особенно тяжестію ложатся на жизнь каждаго человѣка, а тѣмъ болѣе священника,—онъ лишился „своего подружія“. Въ какомъ возрастѣ былъ тогда Комаръ и при какихъ обстоятельствахъ застигло его это несчастіе, объ этомъ, какъ и вообще о его жизни, никакихъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Было это въ то тяжелое время, когда унія на всемъ пространствѣ южной Руси, остававшейся подъ владычествомъ Польши, брала рѣшительный перевѣсъ предъ православіемъ и вытѣсняла его отовсюду. Не смотря на недавній трактатъ 1686 г. между Россіей и Польшею, которымъ, въ предѣлахъ послѣдней, признаны, при полной свободѣ исповѣданія своей вѣры, 5 православныхъ епископій, православные епископы съ пасомыми подвергались крайнимъ притѣсненіямъ за вѣру, или вовсе не были допускаемы въ ихъ епархіи. Въ предѣлахъ древней митрополіи кіевской, обнимавшей всю южную Русь, давно уже считалось два митрополита—православный и уніатскій, теперь и въ епархіяхъ являлось по два епископа, или епархіею въ большинствѣ еще православною управлялъ епископъ уніатъ,—вновь назначенный, или измѣнившій раньше паствы православію. Происходило неимовѣрное давленіе уніатской власти на православное

священство и народъ съ цѣлію склонить ихъ къ уніи. Вліятельнаго священника, тѣмъ болѣе протопопа тянула къ себѣ одна и другая сторона; при томъ въ уніи на всякое отступленіе отъ каноновъ церковныхъ смотрѣли снисходительнѣе, нежели въ церкви православной. Наконецъ тогдашній южно-рускій священникъ въ своемъ положеніи былъ столько-же въ зависимости отъ власти духовной, сколько и свѣтской, доминіальной, т. е. помѣщика—коллятора, имѣвшаго право не принять и удалить его, вопреки распоряженію власти духовной. При епископѣ уніатскомъ, священники православные считали себя, конечно, внѣ всякой зависимости, теперь-же православный епископъ луцкій, Кириллъ Шумлянскій, былъ вовсе изгнанъ, а епархію луцкую досматривалъ епископъ львовскій Іосифъ Шумлянскій, еще съ 1700 г. измѣнившій православію и имѣвшій въ это время титулъ администратора кіевской митрополіи. Этимъ смутнымъ положеніемъ и воспользовался православный еще протопопъ Семіонъ Комаръ и вступилъ во второй бракъ. Когда фактъ этотъ сталъ извѣстенъ Іосифу Шумлянскому, онъ, въ видахъ, конечно, смиренія своенравнаго протопопа и приведенія его въ святую унію, простеръ на него издалека свою власть и запретилъ ему священнодѣйствіе и совершеніе требъ, что равносильно было отрѣшенію отъ прихода. Запрещеніе епископа несомнѣнно поддержано было на мѣстѣ властію помѣщика. Легко понять, въ какую бѣду попалъ Комаръ съ своимъ „новымъ подружіемъ" и какую борьбу онъ долженъ былъ выдерживать въ душѣ, колеблясь между преданностію вѣрѣ отцевъ и привязанностью къ новой женѣ. Епископъ, хотя и уніатъ, стоялъ на твердой почвѣ: унія была *de jure* перемѣною лишь іерархической подчиненности, всѣ догматы и каноны церкви восточной оставлены были за нею. Съ точки зрѣнія православія и уніи Комаръ былъ равно виновенъ и епископъ съ полнымъ основаніемъ указывалъ въ второбрачномъ союзѣ прямое нарушеніе правилъ св. отецъ. Отовсюду было тѣсно Комару. Онъ взмолился, *рыдающе и стенающе*, епископъ не измѣнялъ своего рѣшенія. Комаръ продолжалъ молить, являя „полное смиреніе и раскаяніе", какъ значится въ грамотѣ Шумлянскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту пору рѣшилось его вѣроотступничество. Епископъ не довѣрялъ; онъ сталъ налагать на Комара разныя наказанія,—тотъ терпѣливо ихъ принималъ. Прошло такъ не мало времени, епископъ не сдавался. Явились наконецъ

знатные ходатаи духовнаго и свѣтскаго чина и было ихъ не мало. Епископъ взвѣсилъ все и уступилъ: особою разрѣшительною грамотою онъ объявилъ, что не только принялъ второбрачнаго Комара „въ первшее благословенство, но священнодѣйствовать ему и всякія требы исполнять соизволилъ и поблагословилъ“. Это было въ 1708 г.

Пр. В. Б. Антоновичъ, обнародовавшій этотъ случай въ собранномъ имъ IV томѣ I-й части Архива юго-западной Россіи [1]), сомнѣвается въ дѣйствительности онаго и готовъ видѣть въ немъ вымыслъ уніатской партіи, придуманный съ цѣлію склонить къ уніи вліятельнаго протопопа; но мы нашли новое подтвержденіе приведеннаго факта. Въ томъ-же 1708 г. послѣдовала перемѣна въ уніатской церковной іерархіи: управленіе кіевскою митрополіею, съ званіемъ экзарха, поручено было епископу луцкому и острожскому Діонисію Жабокрицкому, и онъ подтвердилъ данное Комару Шумлянскимъ разрѣшеніе [2]). Оставалось испросить разрѣшеніе помѣщика, который и разрѣшеннаго епископскою властію священника могъ не допустить къ служенію въ церкви, считавшейся, на равнѣ со всѣмъ имѣніемъ, его собственностію. Такое разрѣшеніе или дозволеніе давалось на бумагѣ и носило названіе „презенты“ или „аппробаціи“. Овручскимъ имѣніемъ, подъ названіемъ староства (жалованнаго лично отъ короля), владѣлъ тогда нѣкто Іосифъ Бржуховскій, а управляющимъ у него былъ шляхтичъ Іосифъ Зверюховскій. Этотъ послѣдній и допустилъ Комара къ служенію въ его приходской церкви, а спустя четыре года, именно въ 1712 г., исхлопоталъ для него у своего патрона и самый „презентъ“. На немъ рукою Бржуховскаго было написано: „poniewaź duchowieństwo pozwala drugiego małżeństwa wielebnemu Semionowi y nie oddala go od służby Bożej odpawiania, y ia go nie oddalam od cerkwi swiętey w Owruczu“ (т. е. поелику духовная власть позволяетъ преподобному Симеону второе супружество и не отстраняетъ его отъ священнослуженія, то и я не отстраняю его отъ святой церкви въ Овручѣ) [3]).

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. IV, стр. 283, № CXXVI.

[2]) Книга центр. архива № 27, л. 23.

[3]) Книга центр. архива № 27, л. 66 на оборотѣ.

Такъ уладилъ протопопъ Семіонъ Комаръ стрясшуюся надъ нимъ двойную бѣду—безвременное вдовство и запрещеніе священнослуженія, но купилъ свое благополучіе цѣною вѣры, въ которой такъ непреклонно было тогдашнее православное священство. Только не желаніе разлучиться съ второю женою и вѣроятная къ ней привязанность могли подвинуть Комара на тяжкую измѣну отческой вѣрѣ. Болѣе 5-ти лѣтъ длилась эта тяжелая драма, которой едва слабыя черты дошли до насъ. Полагать надо, что заручившись разрѣшеніемъ двухъ епископовъ и аппробаціею своего пана-коллятора, Комаръ протопопъ продолжалъ уже безмятежно жить съ своимъ „вторымъ подружіемъ“ и оно на языкѣ того времени величало его безсумнительно своимъ „господинкомъ“, какъ онъ ее своею „госпожинькою“, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что ихъ супружеское счастье не разъ было нарушаемо тяжелыми укорами совѣсти, что промѣняли они завѣтъ отцевъ, кровію освященный, на преходящую утѣху жизни.

Что до епископа-отступника, несомнѣнно, что онъ только терзалъ попавшаго въ бѣду Комара, чтобы тѣмъ надежнѣе преклонить его къ уніи, такъ какъ наружное и временное согласіе на унію было тогда дѣломъ частымъ и даже обыкновеннымъ; много, если предположить, что онъ колебался дать открытое разрѣшеніе, мало или вовсе еще не практиковавшееся. Нѣсколько позже вопросъ о подобныхъ казусахъ былъ оформленъ и „диспенсы“, по ходатайству епископовъ, давались, хотя и не безплатно, святѣйшимъ отцемъ римскимъ. Римская церковь, знавшая одно лишь безбрачіе священниковъ, мало понимала въ тонкостяхъ возрѣній восточныхъ аскетовъ на единобрачіе священниковъ и цѣломудріе ихъ невѣстъ, какъ на охрану и свидѣтельство ихъ собственнаго цѣломудрія. Лѣтъ двадцать назадъ намъ случилось видѣть папскую „диспенсу“, исходатайствованную около 40-хъ годовъ XVIII ст. львовскимъ епископомъ Аѳанасіемъ Шептицкимъ одному уніатскому священнику, который, принимая санъ священный, женился на вдовѣ. Конечно, это была лишь формальная уступка догмѣ восточной, еще удерживавшейся въ церкви уніатской.

Наконецъ въ приведенномъ фактѣ нельзя обойти вниманіемъ и того обстоятельства, что нашелся тогда въ средѣ православной священникъ, который повѣнчалъ вторымъ бракомъ протопопа Ко-

мара, нашлись свидѣтели и участники его семейной радости, не слышно протеста и со стороны прихода, все еще православнаго, и только епископъ, самъ недавно измѣнившій православію, простираетъ свою претензію къ кое-какъ устроившемуся вдовцу-протопопу, не подлежавшему его юрисдикціи. По видимому, второй бракъ протопопа въ Овручѣ не выступалъ въ рядъ явленій небывалыхъ и явилось „не мало годныхъ духовнаго и свѣтскаго стану особъ", которые ходатайствовали предъ епископомъ о признаніи за Комаромъ его вторичниго брака и права священнодѣйствовать и учить народъ, что, какъ мы видѣли уже, и исполнилось въ его и многихъ, конечно, удовольствіе.

Такъ разрѣшился въ давніе годы въ смѣшанной православно-уніатской средѣ вопросъ о второбрачіи священниковъ, бывшій и остающійся у насъ самымъ жгучимъ вопросомъ жизни!

ГЕТМАНСКОЕ ПРИГЛАШЕНІЕ НА СВАДЬБУ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы приводимъ доставшееся намъ въ большой массѣ бумагъ[1]) сулиминскаго архива письмо жены гетмана Данила Апостола къ Павлу Акимовичу Скорупнѣ съ приглашеніемъ его на свадьбу гетманской племянницы съ писаремъ Юркевичемъ. Письмо это любопытно не только какъ образчикъ своего рода этикета въ тогдашнемъ высшемъ малороссійскомъ обществѣ, но и какъ одно изъ подтвержденій господствовавшаго въ немъ, какъ и въ другихъ классахъ южно-русскаго населенія, взгляда на бракъ (см. здѣсь-же стр. 607), по которому такъ называемый «актъ весельный", съ предшествовавшею ему «шлюбною интерцызою» или брачнымъ договоромъ, не только отличался отъ брака церковнаго, какъ учрежденіе гражданско-общественное, но и отдѣлялся отъ него значительнымъ, какъ въ данномъ случаѣ трехъ мѣсячнымъ, промежуткомъ времени. Не лишено значенія и то обстоятельство, что это, какъ и всѣ другія, имѣющіяся у насъ письма гетманши Апостоловой, писаны, не исключая подписи, рукою постороннею, изъ чего должно заключать, что эта первая въ Малороссіи особа прекраснаго пола или очень слабо владѣла перомъ, или просто была неграмотна. Впрочемъ тоже почти было тогда и въ высшемъ польскомъ обществѣ и съ русскими великими княжнами, дщерями Великаго Петра. Вотъ текстъ письма гетманши.

---

[1]) За сообщеніе этихъ бумагъ приносимъ искреннюю признательность уважаемому собирателю родной старины Турвонту Венедиктовичу Кибальчичу.—Ред.

Мосцѣ пане Скорупна,
мнѣ велце мосцѣ пане свате и зичливий пріятелю.

Поневажъ изволеніемъ и благословеніемъ вся устраивающаго Бога, послѣдовательно-же и нашимъ благословителнимъ желаніемъ приговорена въ доживотное сожитіе племянница наша панна Іуліана Максимовна пану Григорію Юркевичу, писарю полковому стародубовскому, и тотъ приговоръ еще прошлаго генваря 25 числа по церковному чиноположенію обрученіемъ и вѣнчаніемъ утвержденъ, а за Божіимъ-же и нашимъ благословеніемъ имѣетъ онимъ новобрачнимъ одправоватись веселній актъ здѣсь въ домѣ нашемъ сего априля 22 числа; того ради и вашей мости пана съ вселюбезнѣйшюю сожителницею вашею, а нашею коханою панѣ сватовою, просимъ для присудствія оной веселной компанѣи къ означенному числу въ Глуховъ прибыть, якого вашего благополучного прибытія охотно ожидая, пребываемъ вашей милости пану вседоброжелательнѣйшая сватовая,

Іуліана Данилова Апостолова Гетманова.

Апрѣля 15 дня 1733 году.
Глуховъ.

ЗАМѢТКИ СТАРАГО КІЕВЛЯНИНА.

(Кіевъ въ 1812 и 1824 году).

„Но Кіевъ, на степи глухой
Дивить ужь болѣ неспособный,
Подъ властью ляха роковой
Стоитъ, какъ памятникъ надгробный".

„Наливайко", поэма Рылѣева.

Въ моей сѣдой, восьмой десятокъ лѣтъ доживающей головѣ всего менѣе, кажется, осталось воспоминаній о Кіевѣ, которому я принадлежу по самому рожденію моему. И не удивительно: меня отодвинулъ отъ него слишкомъ длинный промежутокъ времени, лѣтъ въ 60, и сильныя ощущенія послѣдующей жизни вытѣснили изъ памяти нѣжныя впечатлѣнія дѣтства; но исходивъ всю почти Россію, странствуя долго по Европѣ, Азіи и Африкѣ, я всегда

хранилъ святую память о немъ и отдавая теперь ему мои послѣднія воспоминанія, почту себя счастливымъ, если они въ комъ либо изъ читателей пробудятъ память о тѣхъ лицахъ, которыхъ я коснусь, или возбудятъ тотъ сладкій трепетъ, которымъ переполняется и мое сердце при одномъ имени „матери градовъ русскихъ".

Родился я, какъ уже сказалъ, въ Кіевѣ въ апрѣлѣ 1806 года и здѣсь, подъ южнымъ небомъ, подъ сѣнью кіеской святыни протекло мое дѣтство. Въ 1817 году родители мои отвезли меня чрезъ Москву, еще неотстроившуюся послѣ погрома 1812 года, въ Петербургъ, откуда по производствѣ изъ пажей въ офицеры арміи, въ апрѣлѣ 1824 г. я возвратился въ Украйну, гдѣ и провелъ первые годы моей службы въ стоявшемъ не далеко отъ Кіева харьковскомъ драгунскомъ полку, имѣя возможность часто посѣщать Кіевъ. Полкомъ командовалъ сперва старый воинъ Георгій Александровичъ Кончіеловъ, а потомъ Николай Николаевичъ Раевскій, младшій сынъ знаменитаго героя отечественной войны, подъ командою котораго служилъ мой отецъ. Въ то боевое время, когда Россія одна боролась противъ всей почти Европы, часто „родство по штыку" считалось выше родства по рожденію и я не могу не вспомнить здѣсь со мною вмѣстѣ вступившихъ въ полкъ: Александра Будберга, Александра Комара и извѣстнаго впослѣдствіи писателя А. Н. Муравьева, съ которымъ я переписывался до самой его кончины въ Кіевѣ въ 1874 г.

Родной мнѣ Кіевъ остался у меня въ памяти всего болѣе по 1812 г. При первомъ извѣстіи о вторженіи французовъ въ наши предѣлы, мой отецъ, тогда командиръ таврическаго гренадерскаго полка, стоявшаго въ г. Вильно, полковникъ Николай Семеновичъ Сулима, немедля отправилъ матушку съ нами дѣтьми въ Кіевъ, къ ея матери, нашей бабушкѣ, Елизаветѣ Васильевнѣ Репнинской, вдовѣ генералъ-поручика Репнинскаго, временъ Суворовскихъ и Екатерины II-й. Въ Кіевѣ царила тогда ужасная пыль лѣтомъ и бездонная грязь осенью и весной. Мы остановились въ „Липкахъ", лучшей улицѣ, названной такъ по аллеѣ великолѣпныхъ липъ въ ея срединѣ, и расположились во флигелѣ дома бабушки. Какъ тогда, кромѣ люда рабочаго, никто еще не ходилъ „per pedibus apostolorum", а ѣздилъ, какъ могъ, то улицы „матери всѣхъ городовъ русскихъ" и днемъ не были безопасны отъ множества собакъ. Кромѣ

двухъ, вѣчно враждующихъ межъ собою партій, кіевскихъ гвельфовъ и гибелиновъ, — оборванныхъ жидовъ и голодныхъ псовъ, рѣдко случалось встрѣчать христіанскую душу пѣшую на улицахъ Кіева. Тогда въ Кіевѣ часто вспыхивали пожары, выгорѣлъ весь „Подолъ", на перекресткахъ ходили часовые „ратники", въ предохраненіе отъ поджоговъ, въ которыхъ, въ народѣ, подозрѣвали „жидівъ и ляхівъ". Скоро у насъ появилась масса нашихъ раненыхъ и еще огромнѣйшая масса плѣнныхъ французовъ и нѣмцевъ—изъ числа послѣднихъ взятъ былъ и мой „гувернеръ", саксонецъ, Іоганъ-Фридерихъ Апелъ. Кіевляне радушно вездѣ и всегда принимали, угощали и даже одѣвали, какъ нашихъ, такъ и враговъ... Помню французскаго генерала *Раппъ*, который, со многими другими, часто обѣдалъ у моей бабушки и всегда меня ласкалъ. Помню живо, какъ однажды поздно вечеромъ, моя мать, возвратившись отъ бабушки Репнинской, меня уже спящаго выхватила изъ постели и, подкидывая меня, уже здоровеннаго мальчугана, кричала: *„наши въ Парижѣ, Парижъ взятъ!"* —къ великому восторгу сбѣжавшейся дворни.

Помню блестящаго графа Милорадовича, тогдашняго, кажется, генералъ-губернатора кіевскаго. Отсюда отозванъ онъ въ армію, но верхній этажъ дворца еще тогда сгорѣлъ, когда онъ въ немъ жилъ. Помню и почтеннаго старца митрополита Евгенія, который насъ также часто посѣщалъ. Милорадовичъ тогда еще былъ ловкій и красивый мущина, средняго роста, веселаго нрава и занимательный разсказчикъ. Онъ часто начиналъ разсказы свои восклицаніемъ: „Помилуй Богъ!" Меня мальчика онъ ласкалъ и баловалъ. Но еще болѣе баловалъ меня высокій артиллерійскій, не помню, генералъ или полковникъ въ то время, съ густыми черными бакенбардами и волосами, другъ моего отца, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, также частый гость нашъ, который много мною занимался и многое мнѣ объяснялъ, что чрезвычайно льстило моему самолюбію. Къ намъ еще весьма часто ѣздили обѣдать и на цѣлый день эмигранты,—старикъ, когда-то еще королевскій-французскій генералъ, Пупаръ, какъ его называли, съ супругою. Какъ вчерашнее помню его свѣтло-зеленый кафтанъ, съ огромною звѣздою на лѣвой сторонѣ груди, пудреную голову съ тупѣемъ, и его высочайшую, костлявую, надменную злючку-супружницу, съ длиннѣйшими желтымъ лицемъ и табашнымъ носомъ. Я ее ненавидѣлъ за ея безпрестанныя, всегда обидныя на мой счетъ замѣчанія.

Алексѣй Петровичъ также не жаловалъ злую генеральшу. Въ одинъ для меня особенно злосчастный день, когда меня, по ея милости, безцеремонно выпроводили изъ гостинной, вскипѣла во мнѣ негодованіемъ козацкая запорожская кровь и я горько плакалъ. Алексѣй Петровичъ вышелъ за мной, чтобъ меня успокоить, въ чемъ и успѣлъ. Давно уже мнѣ хотѣлось имѣть къ моему козацкому одѣянію маленькую саблю, въ которой мнѣ рѣшительно отказывали. Я сталъ его просить. Онъ обѣщалъ, и дѣйствительно на другой-же день не только привезъ, но и выпросилъ, чтобъ мнѣ, когда послѣ окончанія уроковъ мною будутъ довольны, было дозволено не только саблю надѣвать, но, въ присутствіи гувернера, даже ее обнажать. Когда я учился дурно, по мѣрѣ вины, меня лишали сабли, что дѣйствительно, когда это случалось, приводило меня въ отчаяніе больше, чѣмъ всѣ выговоры и аресты: — какъ, у меня козака, отбирать саблю, данную мнѣ самимъ Алексѣй Петровичемъ! Не была мнѣ позже судьба служить, какъ я желалъ, подъ начальствомъ покорителя Кавказа. Бабушка наша, Елизавета Васильевна, была старушка чистенькая, свѣженькая, добрѣйшая, подвижная. Все вокругъ нея и въ просторномъ домѣ ея дышало какою-то благодатью, чистотой и спокойствіемъ. Большіе во весь ростъ портреты фельдмаршаловъ *Суворова,* Румянцева, Потемкина, подъ начальствомъ которыхъ служилъ дѣдушка и которыхъ и она знала, особенно-же Суворова, котораго письма къ ней сохраняла, какъ святыню,—какъ-то благодушно смотрѣли изъ своихъ рамъ на проходящихъ мимо ихъ по большой залѣ. Въ большой гостинной, подъ огромнымъ портретомъ Екатерины II-й, на диванѣ сидѣла бодрая, привѣтливая, чистенькая, какъ севрская статуетка, старушка, съ вѣчнымъ вязаніемъ въ крошечныхъ ручкахъ. Когда ее спрашивали, когда кончитъ и куда дѣнетъ все это вязанье, она отвѣчала обыкновенно: „ахъ, родной, да какже иначе? не можно-же *имъ* (т. е. бѣднымъ) такъ просто деньги въ руки совать!.. а такъ въ платочкѣ, фуфаечкѣ—не такъ совѣстно... приличнѣй". Надобно было послушать ее, какъ она начнетъ разсказывать, или толковать съ старымъ инженернымъ, временъ Суворовскихъ, генераломъ Ильей Алексѣевичемъ Глуховымъ, съ которымъ служилъ и ея мужъ, или со слезами на глазахъ показывать и читать писанное къ ней письмо богатыря „Рымникскаго и князя Италійскаго"... какъ она оживля-

лась, молодѣла!.. Но когда съ полей Бородина привезли ея тяжко раненнаго сына, надо было видѣть ея дѣятельность и силы... старуха исчезла, осталась одна любящая мать!..

Помню еще изъ русскихъ друга дома и моего покровителя, всѣми сердечно уважаемаго, почтеннаго, добрѣйшаго Христіана Карловича Бунге, его золотыя очки, добрѣйшую жену, сыновей и дочерей. Съ сыновьями его я часто игралъ у насъ и въ ихъ домѣ и саду. Помню еще губернатора Черпанова и вице-губернатора Катеринича. Помню красивыхъ, милыхъ дамъ Семека и ея сына тоже козака, какъ я,—Лошакову и ея мрачнаго супруга, веселую Всеволодскую и нашу родственницу—во всемъ высокую, добрѣйшую Елену Александровну Захаржевскую, рожденную графиню Самойлову, владѣтельницу *историческаго* с. Жаботина. Весело жилось тогда въ Кіевѣ, но когда начались пиры и балы въ торжество побѣдъ штыка русскаго солдата и дубины русскаго мужичка, веселью не было мѣры. Пожаръ жертвовавшей собою Москвы довелъ чувства до восторженности и у насъ—дѣтей... Всякій жертвовалъ, что могъ. Явились картины сраженій у разносчиковъ и новыя пѣсни народныя.

Трогательное было зрѣлище, когда на зимнихъ балахъ вводили на костыляхъ выздоравливающихъ русскихъ офицеровъ и плѣнныхъ французскихъ и саксонскихъ (французовъ приглашали по списку, данному ихъ генераломъ Раппъ), какъ къ русскимъ страдальцамъ кидались на встрѣчу хозяева и дамы и какъ бережно помѣщали ихъ на покойнѣйшія кресла, заранѣе приготовленныя, плѣнныхъ-же принимали весело какъ *своихъ гостей*. Начинались танцы, плѣнные весело плясали, танцы все болѣе и болѣе оживлялись и кончались уже къ утру веселымъ ужиномъ. Было то славное время и для насъ дѣтей, время, которое мы потомъ взрослыми не забывали и въ бою, въ память отцовъ нашихъ.

Французскій генералъ Раппъ и саксонскій Эргардтъ были вездѣ желанными и пріятными гостьми; Эргардтъ рисовалъ, а Раппъ писалъ стишки въ альбомы. Вотъ образчики:

«Coeur pur, amitié fidèle	Сердце чистое, дружба вѣрная,
Tendresse et vertu maternelle	Нѣжность и доброта материнская,
Solide et modeste savoir	Основательная и скромная ученость,

Vanité cédant au devoir
Bonté de coeur et grandeur d'ame
C'est votre portait, Madame.

Rapp. Kieff. 1813.

Гордость преклоняющаяся предъ обязанностію,
Доброта и великодушіе—
Вотъ вашъ портретъ, сударыня.
Раппъ. Кіевъ. 1813 г.

«Chacun vous fait un compliment d'usage,
Dont vous connaissez la valeur;
L'Amitié vient aussi, modeste en son langage
Elle dit peu de mots, mais ils partent du coeur
Et vous combleriez son bonheur,
Si vous en distinguiez l'hommage.
Rapp.

Каждый дѣлаетъ вамъ привѣтствіе,
Цѣна котораго вамъ извѣстна,
Дружба скромна въ рѣчахъ,
Въ немногихъ, сердечныхъ словахъ,
А вы-бы ее осчастливили,
Отличивъ сіе приношеніе.
Раппъ. Числа нѣтъ.

Эргардтъ оставилъ много весьма не дурныхъ рисунковъ въ тѣхъ-же альбомахъ.

Къ лѣту мы уѣхали въ деревню, въ наше село Богоявленское. Помню старинный домъ, съ старинными портретами, картинами, библіотекой, мебелью, доказывающими, что и въ прошлое время край не былъ дикимъ. Помню огромный, прекрасный садъ, грознаго сѣдовласаго управителя Никиту Иванчука, котораго людъ называлъ „Мекита", и огромныхъ дворовыхъ собакъ, съ которыми я скоро подружился. Помню большой складъ всякаго богатаго стариннаго оружія въ домѣ... Помню, какъ игралъ въ солдатики съ мальчишками, которые меня звали Сулименко.

«O, primavera, gioventu dell'anno,
O, gioventu, primavera della vita»

«О, весна! юность года,
О, юность! весна жизни»!

и помню, какъ праздникомъ, прямо изъ церкви, отъ обѣдни, къ намъ являлись ветхіе старцы и старицы съ отрѣзаннымъ ухомъ или одною изъ рукъ!... Съ уваженіемъ къ нимъ приближались мужички и бабы, а самъ „Мекита", спявъ шапку, давалъ имъ подаяніе и пищу; то были, говорили мнѣ шопотомъ, „*гайдамаки*", мученики временъ торжества Уніи!... Народъ ихъ почиталъ почти святыми... Никто не зналъ или боялся сказать, гдѣ они проживаютъ зимой, „або въ степу, або въ байракахъ", въ холода невозможные.

Зиму опять провели мы въ Кіевѣ, при ликованіи побѣдъ нашихъ.... Мы уже жили въ домѣ Безбородко, изъ котораго помню дивный видъ, особенно при закатѣ солнца, на старый Кіевъ, соборъ

святой Софіи [1]) и златоверхій михайловскій монастырь, не хуже, чѣмъ съ уступа верхняго дворцоваго сада. Сколько мнѣ извѣстно, изъ видовъ Кіева и окрестностей многіе еще ждутъ кисти художника. И порядочныхъ литографій еще не видать. Многое зависитъ отъ выбора поры дня, освѣщенія и мѣста, съ котораго слѣдуетъ снимать видъ мѣстностей или строеній.—Продолжаю.

Въ концѣ этой зимы и особенно къ веснѣ началось мое ученіе, а съ нимъ и всякія мученія. Сверхъ Закона Божія и языковъ, начали учить меня исторіи, географіи и, по тогдашнему, не объясняя, а просто въ долбяшку!.. Скоро прибылъ еще новый учитель русскаго языка—москвичь, да давай меня истязать за мягкій знакъ и за мое вообще украинское произношеніе: „усé не до смакý"...

Наступила весна. Послѣ мучительныхъ дня и вечера, я спалъ сномъ праведника, какъ въ одно утро вдругъ—раньше обыкновеннаго—мой гувернеръ, добрый Іоганъ-Фридрихъ Апелъ, меня поспѣшно разбудилъ и, что никогда не случалось, при умываніи и одѣваніи моей особы даже мнѣ помогалъ. На всѣ мои распросы о причинѣ необыкновенной поспѣшности, онъ мнѣ шопотомъ отвѣчалъ: „Ich darf nicht", т. е. не смѣю. Я ожидалъ чего нибудь ужаснаго... въ родѣ новаго учителя-мучителя!.. Вышли...

Въ залѣ у стола сидѣлъ красивый, съ темными бакенбардами, мущина, въ военномъ сюртукѣ, съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Онъ вскочилъ, схватилъ и поднялъ меня, какъ перышко...

О, Боже!.. это былъ мой отецъ!..

Да, *то былъ солдатъ двѣнадцатаго года!..*

Оставивъ родной Кіевъ въ мартѣ 1817 года, я опять попалъ въ него прямо изъ холоднаго, сумрачнаго, прямолинейнаго Петербурга, въ маѣ 1824 года, въ самый разгаръ цвѣтущей украинской весны. Когда мы подвигались отъ станціи Броваровъ, меня уже издали, при утреннемъ солнцѣ, поразила прелесть знакомаго мнѣ вида златоверхой лавры печерской, среди садовъ и строеній, парящей въ высотѣ надъ зеркаломъ водъ широкаго „батюшки" Днѣпра. Забилось мое сердце.

[1]) См. мою брошюру: „Зодчество восточной православной церкви". Кіевъ. 7-го іюня 1873 года.

Не многое могу сказать о Кіевѣ въ ту пору; онъ былъ почти въ такомъ-же положеніи, какъ я его оставилъ восемь годовъ тому назадъ; прибыло нѣсколько новыхъ каменныхъ домовъ и убыло лачужекъ. Подъ великолѣпными липами въ „Липкахъ“ устроили нѣчто въ родѣ бульвара, но все таже пыль по улицамъ и все тѣже искони враждующіе межъ собою партіи монтекки и капулетти, грязныхъ жидовъ и тощихъ псовъ. Изрѣдка несущаяся четверня барина съ визгливымъ *форейторомъ,* или *цугъ* „съ бичемъ“ яснаго пана, обращали на себя вниманіе обоихъ воюющихъ партій, изъ которыхъ дѣти Израиля, остановясь, торопливо, подъ палящимъ солнцемъ, трясли свои мѣховыя шапки, чтобъ не завязли въ нихъ ермолки, и униженно кланялись, а невѣжды собаки, съ воплемъ отчаянія, бросались за лошадьми. Нищихъ они часто пропускали мирно, судя, вѣроятно, по физіономіямъ. Меня, ѣхавшаго на почтовыхъ, въ „перекладной“ повозкѣ, они не удостоили особеннаго вниманія, тявкнувъ лишь нѣсколько разъ, чтобъ явить свою бдительность. Заѣхалъ я, по тогдашнему, прямо къ моей бабушкѣ, доброй Елизаветѣ Васильевнѣ Репнинской, которая уже жила въ своемъ новомъ каменномъ красивомъ домѣ, еще до моего отъѣзда изъ Кіева оконченномъ и отдѣланномъ, окруженномъ тогда вновь разведеннымъ и уже разросшимся молодымъ садомъ, въ которомъ и я работалъ и между прочимъ посадилъ и молодую грушу. Хотя еще было раннее утро, я ее засталъ уже за чаемъ. Добрая, еще бодрая старушка, разцѣловала меня, съ радости не знала, чѣмъ и какъ меня угостить. Наболтавшись и наѣвшись по россійски, я, чтобъ переодѣться, пошелъ въ уже приготовленную мнѣ въ верхнемъ этажѣ, знакомую, большую, свѣтлую комнату, которой три распахнутыя окна открывали мнѣ дивный видъ чрезъ улицу и Бегичева цвѣтущій садъ на „старый Кіевъ“ и въ весеннемъ солнцѣ сіяющіе куполы св. Софіи и златоверхаго михайловскаго монастыря!..

Налюбовавшись, я переодѣлся, и въ каретѣ бабушки отправился явиться коменданту въ крѣпость. Въ комендантѣ нашелъ добраго, ласковаго старика, который, распросивъ меня о моихъ родителяхъ и представивъ, какъ стараго знакомца, своей женѣ, наконецъ меня отпустилъ домой (кажется, то былъ старикъ *Маасъ*). Возвратившись прямо къ бабушкѣ, которая мнѣ запретила къ кому-то ни было заѣзжать, я уже засталъ у ней старыхъ ея и всего

нашего семейства друзей: съ бѣлою уже совсѣмъ головой, но все еще бодраго и какъ верста прямаго, теперь уже генералъ-лейтенанта со звѣздой, знакомаго съ моего дѣтства *Суворовца* [1]), Илью Алексѣевича Глухова, и добрѣйшаго, также все еще бодраго и веселаго Христіана Карловича Бунге, съ тѣми-же золотыми очками. Не буду распространяться, говоря о всѣхъ добрыхъ, незабвенныхъ знакомыхъ и друзьяхъ нашего семейства, которые всѣ обласкали меня, какъ роднаго, и объ ихъ дѣтяхъ, товарищахъ моего дѣтства, изъ которыхъ многіе уже состояли на службѣ, а изъ дѣвушекъ нѣкоторые уже были замужемъ. Изъ семействъ Бунге и Могилянскихъ еще всѣ были на лицѣ, а Глуховы уже стали намъ родня, ибо ихъ дочь Марія уже была замужемъ за сыномъ бабушки, братомъ моей матери, тѣмъ самымъ молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, который послѣ Бородинской битвы пріѣзжалъ, жестоко израненный (три пули), къ бабушкѣ на короткое время и едва излѣчившись, поспѣшилъ догнать полкъ. Я у нихъ часто бывалъ въ Петербургѣ, гдѣ Репнинскій служилъ уже полковникомъ въ гвардіи. У Х. К. Бунге все семейство еще было на лицѣ и всѣ здоровы. Жили они въ прежнемъ своемъ домѣ и ихъ садъ значительно разросся и похорошѣлъ. И бабушкинъ садъ чрезвычайно разросся, и *моя груша* была уже прекраснымъ молодымъ деревомъ, приносившимъ обильные и вкусные плоды. Въ высокихъ, свѣтлыхъ, новыхъ комнатахъ новаго дома висѣли по стѣнамъ мои старые знакомые, перенесенные изъ стараго дома, огромные, старинные, прекрасной живописи, портреты: Суворова, Румянцева, Потемкина, и изъ своихъ старинныхъ рамъ поглядывали на насъ всѣхъ также благосклонно, какъ во времена моего счастливаго дѣтства.

На другой день, посѣтивъ до обѣда всѣхъ знакомыхъ дѣтства моего и прекрасный дворцовый садъ, который мнѣ такъ напоминалъ прежніе годы, я съ прискорбіемъ увидѣлъ, что верхній этажъ дворца со времени пожара 1812 года еще не возстановленъ. Послѣ обѣда поѣхалъ къ вечернѣ въ софійскій соборъ. Въ храмѣ софійскомъ было не мало неопрятности и небрежности; но не смо-

---

[1]) Состоялъ инженернымъ офицеромъ при Суворовѣ; по плану Глухова взята штурмомъ Прага (завислянское предмѣстье Варшавы), что и побудило Варшаву *сдаться безъ боя.*

тря на это, при пѣніи „Взбранной воеводѣ побѣдительная“, сердце мое наполнили тѣже чувства восторженнаго моленія, какъ многіе года позже въ св. Софіи цареградской и при служеніи въ соборѣ св. гроба Спасителя въ Іерусалимѣ. Многое, многое говоритъ русскому сердцу въ нашемъ, все еще прекрасномъ, хотя старомъ Кіевѣ, „матери городовъ русскихъ“. Если зданіе молитвенное, посвященное славословію премудрости Всевышняго, должно выражать чувства и мысли строителей, то какъ-же классическій Пантеонъ, поставленный хоть и самимъ Михелъ-Анжіоло Буенаротти на колоннаду Парѳенона,—выраженіе языческаго культа чувственности и реализму, или дерзкіе шпили почти арабскихъ и мавританскихъ средневѣковыхъ рыцарскихъ катедралей (другаго выраженія не нахожу) могутъ выразить идею смиренія, покорности, моленія и самоотверженія пострадавшаго на крестѣ Искупителя человѣчества? Какъ св. Софія цареградская, такъ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, св. Софія кіевская вполнѣ выражаютъ эту идею. Въ сѣверной Италіи, особенно въ Равеннѣ, я встрѣчалъ храмы выражающіе туже мысль и чувства. Св. Маркъ въ Венеціи лишь не совсѣмъ удачное подражаніе св. Софіи цареградской.

На третій день посѣщалъ я и другія святыни кіевскія, которыя позже описалъ мой другъ и товарищъ, по службѣ въ харьковскомъ драгунскомъ полку, уже покойный Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Да, монгольская эпоха нашего многострадательнаго прошедшаго оставила намъ здѣсь, не смотря на частые погромы татаръ, памятники, которые свидѣтельствуютъ объ свѣтлыхъ зачаткахъ отечества нашего, прерванныхъ, но не совершенно уничтоженныхъ.

Въ 1824 г. въ Кіевѣ жилъ съ своей семьей Н. Н. Раевскій, командуя 3-мъ корпусомъ 1-й арміи, штабъ котораго находился также здѣсь. То было веселое и славное время русскаго представительства въ древнѣйшей столицѣ русской и во всей древней Кіевщинѣ. Раевскіе были изъ числа богатѣйшихъ помѣщиковъ кіевской губерніи (м. Болтышка). Пышно жили они въ Кіевѣ, какъ и ихъ богатые родственники: графиня Браницкая (м. Бѣлая-Церковь), ея братъ Энгельгардтъ (м. Ольшана), генералъ временъ Потемкина, извѣстный силачъ, графъ Николай Самойловъ (м. Смѣла), Алкивіадъ того времени, его сестра Елена Захаржевская (Жаботинъ), Давы-

довы (Грушевка), Высоцкій (м. Злотополь), Лопухины (м. Шпола), Бороздины, Поджіо и многіе другіе, какъ Орловъ (м. Матусово), Кудашевы, Могилянскій и т. д. Могучъ былъ тогда не только въ Кіевѣ, но и во всей Украйнѣ блестящій русскій элементъ, а теперь?... Но съ 1845-го года я въ Кіевѣ не былъ.

Семенъ Сулима.

ВИРША НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

1. Христосъ родивсь, міръ звеселивсь: сёгоднішними часы
Для сихъ родинъ всякъ христянинъ вминае ковбасы.
2. Бабы, діды пиво-меды, горілку варену
Кухликомъ пьють, съ книшами труть свинину печену.
3. Хлопці, дівки навпередки бігають підъ хатки
И якъ вовки, або свинки, скиргичуть колядки.
4. Паны купці, славні кравці, шинкарство, міщаны
Объ сімъ Різдви усі въ нови убрались жупаны.
5. Мати земля уся гуля и взявшись у боки,
Пісни гука, бье гопака въ підківки широки.
6. На небесахъ янголи всі ажъ въ долони
Зъ радости бьють, пісни гудуть Якимовій Доні.
7. Старенькій Бігъ на стілъ излігъ и самъ собі дума:
«Праздникъ душамъ, тільки Адамъ изъ Евою рюма».
8. Важко здихнувъ, потимъ кликнувъ Гаврила швиденько,
Да й приказавъ, щобъ листъ пославъ Адамови хутенько.
9. Архистратигъ метнувся вмигъ, папіръ и чернило,
Де треба, взявъ да й написавъ Адаму такъ мило:
10. „Честный Адамъ, що всімъ людямъ праотець зовешся,
Годі, не плачь, отъ-отъ, якъ бачь, изъ пекла спасешся.
11. Бо вже на світъ, якъ рожа цвітъ, Христосъ народився.
Вінъ адъ стребить, чорта смирить, щобъ той не гордився.
12. Смерть злу ягу зогне въ дугу и зломить ій спину,
Гостру косу и збрую всю стре, якъ павутину.
13. Адьськихъ сіпакъ зомне якъ макъ, зибье ихъ въ макухи.
За ихъ брехню и всю плутню вінъ дасть имъ цукрухи.

14. Вже-жъ бо отъ сихъ катюгъ презлихъ просвітку не мають;
Правъ и не правъ, кого попавъ, знай въ пекло таскають.
15. Катъ-бы ихъ ма! у ихъ нема никому вже спуску:
Хоть-бы чернець, хоть-бы святець, осмалять, якъ гуску.
16. Вопи и вамъ, честный Адамъ, зъ жоною твоею,
Племфи дали, якъ въ гріхъ ввели брехнею своею.
17. Сихъ-то покусъ хитрый искусъ твою молодыцю
На гріхъ пидвівъ, що й ты изъівъ прокляту кислыцю.
18. Отъ сихъ врагівъ вы изъ богівъ голяки зробились;
Рвали листки, шили мішки и тими прикрылись.
19. Одъ ихъ чарівъ вы изъ царівъ чортъ зна чимъ стали
Изъ усіми зъ раю дітьми у пекло попали,
20. Де день и нічь дрова у пічь возите санками,
За той-же трудъ ще васъ и бьють по ребрахъ кійками.
21. Отъ сихъ-то мукъ ты, якъ павукъ, опухъ и хвораешъ;
Ну-жъ лишь вставай, сей листъ читай,—заразъ очуняешъ".
22. Болізнь забувъ, хвабро скакнувъ нашъ прадідъ изъ полу,
Надівъ сірякъ и сякъ то такъ додыбавъ до столу.
23. На лавку сівъ, да й надівъ на нісъ окуляры,
Листъ той хвата, зъ сміхомъ чита, бо одійшли шпары.
24. Тутъ-же сидить, Ева глядить у вічи пильненько,
Все, що чита, Адамъ мота на усъ гарненько.
25. Якъ прочитавъ, Еви сказавъ: „давай варенухи!"
Глечикъ хильнувъ дай махнувъ въ те містце навтрюхи,
26. Де въ пічь дрова кладуть, сзываe всіхъ и репетуе:
„Христосъ родивсь, Христосъ родивсь! намъ янголь віщуе.
27. Потімъ выйма листъ и знима зъ гири капелюху,
На пень-же ставъ, всімъ прочитавъ той листъ до слуху.
28. И увесь тутъ загудівъ людъ, мовъ літомъ ті бджолы;
Беруть жінокъ, ведуть въ танокъ, затыкавши полы.
29. Тіи бычка, ті козачка, ті горлицю скачуть,
Сами-жъ старі, сидя въ шатрі, одъ радости плачуть.
30. Пророкъ Давидъ тамъ-же сидить и въ кобзу играе,
Пісню святу Спасу Христу за псалтири читае

31. Чорнявый Хамъ сидить тежъ тамъ и ріже въ сопілку,
Самъ добре пье и всімъ дае квартою горілку.
32. Куци чорты, мовъ ты хорты голодни скиглять,
Лапы грызуть, изъ себе шкуру рвуть, скрутились и пінять.
33. Старшій ихъ бісь нахлюпивъ ніс, сидить въ куточку,
Скубе виски и на куски шматуе сорочку.
34. Суціга смерть собі-жъ верть-верть, ляпъ-ляпъ кістками.
Біжить въ кутокъ, бере мішокъ зъ косою, зъ ножами.
35. Заступъ хапа, яму копа и все въ ту поклала.
Смерте, вгамуйсь! тобі Іисусъ дасть доброго драла.
36. Нашъ Богъ Христосъ чортівъ, якъ ось, подавить ногою,
Зъ твоихъ кістокъ, смерте, трісокъ наробить и гною.
37. Всіхъ васъ у прахъ потре и шляхъ намъ зробить до раю.
Симъ я Христомъ, паны, зъ Різдвомъ васъ поздравляю.

~~Сообщ. С. И. Пономаревъ.~~

АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ СТАВРОВСКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Когда настоящая книжка закончена была печатаніемъ, мы получили извѣстіе о кончинѣ бывшаго профессора кіевскаго университета А. И. Ставровскаго, послѣдовавшей въ г. Острѣ (черниг. губ.) 14 ноября сего года, послѣ тяжкаго и продолжительнаго недуга.

Покойный Алексѣй Ивановичъ, воспитанникъ бывшаго педагогическаго института, товарищъ славныхъ ученыхъ: Неволина, Богородскаго, Иванишева, все время провелъ на службѣ въ кіевскомъ университетѣ, занимая каѳедру всеобщей, а по временамъ и русской исторіи. Въ теченіи 25-ти лѣтъ его слушали нѣсколько поколѣній учащейся молодежи и среди читателей «Кіевской Старины» найдутся, вѣроятно, его слушатели, для которыхъ вѣсть о кончинѣ ихъ б. профессора можетъ имѣть особое значеніе. Покойный не отличался выдающимися дарованіями, велъ дѣло свое скромно, но честно и добросовѣстно. Въ свое время онъ много работалъ надъ своимъ предметомъ, много писалъ, но не оставилъ ни одного печатнаго труда и только живая память его слушателей можетъ сказать что-либо о его профессорской дѣятельности. Выйдя въ отставку въ 1870 г. и поселившись въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, онъ, отъ недостатка привычной дѣятельности, скоро подвергся параличу и въ этомъ тяжкомъ недугѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, пока смерть не прекратила тяжкихъ его страданій. Послѣ его смерти осталась библіотека до 1,000 изданій, между которыми есть не мало рѣдкихъ и дорогихъ. Сверхъ того у него-же сохранялись весьма цѣнныя бумаги изъ такъ-называемаго рѣшетиловскаго архива, принадлежавшаго наслѣдникамъ бывшаго секретаря Потемкина Попова. Желательно было-бы, въ интересѣ науки, чтобы оставшееся теперь наслѣдство не постигла участь драгоцѣннаго въ своемъ родѣ наслѣдства Потемкинскаго секретаря.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ и примѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ IV-мъ томѣ «Кіевской Старины», 1882 г. *).

*) Цифры указываютъ страницы тома.

—

Библіографическое извѣщеніе.

Въ Львовѣ, съ лѣта нынѣшняго года, издается **„Малорусско-нѣмецкій Словарь“**. Это первый опытъ систематизаціи издававшихся доселѣ по частямъ матеріаловъ такого рода. *Нѣмецко-малорусскій Словарь* былъ изданъ въ 1867 г. профес. Партицкимъ. Необходимость такихъ изданій для пребывающихъ подъ нѣмецкою державою галицкихъ братій нашихъ понятна сама собою; но и раньше присоединенія Галиціи къ Австріи въ малорусскій языкъ вошло много нѣмецкихъ словъ.

Составитель настоящаго словаря—учитель гимназіи въ Станиславовѣ, *Евгеній Желеховскій*. Словарь выходитъ выпусками, по два печатныхъ листа. Полное его изданіе составитъ до 60-ти печатныхъ листовъ. Доселѣ вышло два выпуска; въ послѣднемъ не окончена буква *В*. Цѣна каждаго выпуска 15 коп. Изданіе предполагается окончить до истеченія 1883 г. Составитель ставитъ скорый выходъ изданія въ зависимость отъ успѣха подписки.

Желающіе подписаться на это изданіе могутъ адресоваться или прямо въ г. Станиславовъ къ г. Евгенію Желеховскому, или въ редакцію „Кіевской Старины“.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ IV. 1882 г.

Октябрь.

Ноябрь.

Декабрь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го ноября 1882 года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„СТРАННИКЪ“

(третій годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно книгами отъ **10**-ти до **12**-ти и болѣе листовъ.

Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*.

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*.

3) Церковныя *слова, поученія*, рѣчи, бесѣды и другія нравоучительныя произведенія.

4) *Разсказы, повѣсти, характеристики, очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*.

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*.

12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

15) *Книжная лѣтопись:* ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.

16) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи; объявленія.

Подписная цѣна за годовое изданіе 1883 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: *въ редакцію журнала «Странникъ», въ С. Петербургѣ* (Невскій просп., д. № 105).

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.**

„НОВОРОСІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"

газету политическую, экономическую и литературную

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1883 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.		Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.
На 1 мѣс.	1 р. **30** к.	**1** р. **50** к.	На 7 мѣс.	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	**9** » **60** »	**11** » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	**5** » — »	**6** » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	**7** » — »	**8** » — »	» 12 »	**12** » — »	**14** » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Подписываться можно на какой угодно срокъ, по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіяся позже 1-го числа, получають всѣ предъидущіе №№. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые по 7 руб. (къ 1 января и 1 іюля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 коп. (къ 1 января, 1 марта, 11 іюня и 1 сентября), т. е. всегда ЗА МѢСЯЦЪ ВПЕРЕДЪ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на «Нов. Тел.» въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ, чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1882 года.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1883 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно белетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣси— или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или карикатуры.

ИЗВѢСТІЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1883 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки шесть р. и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики ИЗВѢСТІЙ, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммиссіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4 и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Каждая книжка ИЗВѢСТІЙ, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ III—*физико-математическій*; отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*научная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій.* Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, состав-

При перемѣнѣ адреса гг. подписчики платятъ 20 коп. При перемѣнѣ адреса городского на иногородный, кромѣ 20 коп., гг. подписчики доплачиваютъ разность цѣнъ по пересылкѣ.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» (*Виленская улица, домъ г. Ленскаго*), въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина (*Большая улица, собственный домъ*) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Объявленія для печатанія въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» принимаются: въ Вильнѣ, въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» и въ его конторѣ; въ Петербургѣ, въ центральной конторѣ для объявленій Петрика (*уголъ Невскаго и Малой Морской, домъ № 11*); въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій Метцля (*Покровка, домъ Солодовникова*); въ Варшавѣ, въ конторѣ объявленій Рейхмана и Френдлера (*Сенаторская, домъ № 22*); въ Парижѣ, у Гаваса (*Agence Havas et Cie Paris, place de la Bourse, 8*); въ Лондонѣ, у Даубе (*London, 130, Fleet, street, E. C.*); въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнера *Gänsenmarkt, 58*).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1883 году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе три года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой.

Въ 1883 году число гравюръ, помѣщаемыхъ въ текстѣ журнала, будетъ значительно увеличено; съ этой цѣлью редакція уже сдѣлала заказы граверамъ: *Паннемакеру* въ Парижѣ, *Клоссу* въ Штуттартѣ, *Зубчанинову* и *Рашевскому* въ Петербургѣ.

Для первыхъ книжекъ въ распоряженіи редакціи уже находятся слѣдующія статьи:

Министръ-академикъ. *Д. В. Аверкіева.*—Женщины Пугачевскаго возстанія. *А. В. Арсеньева.*—Выгорѣцкіе совратители. *Его же.*—Генералъ Антоній Езеранскій. *Н. В. Берга.*—Возстаніе поляковъ на кругобайкальской дорогѣ. *Его же.*—Разсказы бабушки. Изъ воспоминаній вдовы инженеръ-лейтенанта *А. Я. Бутковской.*—Ковно во время польскаго мятежа 1863 года. Воспоминанія *Я. Н. Бутковскаго.*—Одинъ изъ забытыхъ писателей (князь А. А. Шаховской) *Е. М. Гаршина.*—Чума и Пугачевщина въ Шацкой провинціи. *И. И. Дубасова.*—Меньшиковъ и видѣніе монаха Порфирія. Разсказъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. *Г. В. Есипова.*—Борьба за существованіе мысли. *В. Р.*

Зотова.—Московскіе люди XVII вѣка. (Съ рисунками). *Е. П. Карновича.*—Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. *Его-же.*—Бытовые очерки изъ русской исторіи. 1. Двѣ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Черви. *Н. И. Костомарова.*—Сербскіе гости въ Бессарабіи. *А. А. Кочубинскаго.*—Шипка въ 1877 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта *В. Д. Кренке.*—Усмиреніе польскаго мятежа въ Кіевской губерніи въ 1863 году. *Его же.*—Женщина древней Греціи. (Съ рисунками). *Д. П. Лебедева.*—Русскіе дѣятели въ Остзейскомъ краѣ. *Н. С. Лѣскова.*—Изъ Кишиневской старины. (Разсказы о Пушкинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). *Л. С. Мацѣевича.*—Петръ Великій на сѣверѣ Россіи. (Съ рисунками). *В. Н. Майнова.*—Отрывки изъ воспоминаній. *А. П. Милюкова.*—Заграничныя воспоминанія *В. И. Модестова.*—Семейство Скавронскихъ. Картинка изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. *В. О. Михневича.*—Скептическое матеріалистическое направленіе въ литературѣ Екатерининскаго времени. *А. И. Незеленова.*—Очерки изъ современной украинской литературы. *Н. И. Петрова.* Исторія моего дяди. Разсказъ изъ семейной хроники. *С. Т. Славутинскаго.*—Отрывки изъ воспоминаній. *П. С. Усова.*—Булгаринъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни. *Его же.*—Воспоминаніе и замѣтки. *Ѳ. В. Чижова.*—Письма изъ Америки и Австраліи. *С. Б. Чичерина* и др.

Обиліе матеріаловъ, поступившихъ въ редакцію **«Историческаго Вѣстника»**, и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе нѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени. *Е. П. Карновича.*—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. *Д. Ф. Кобеко.*—Во славу Божію. Разсказъ *В. Н. Майнова.*—Плавня. Разсказъ *С. В. Максимова.*—Соціалистъ прошлаго вѣка. Повѣсть *Д. Л. Мордовцева.*—Записки ссыльнаго. *А. Насляка.*—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. *Ѳ. М. Уманца.*—Суевѣрія человѣчества. *М. К. Цебриковой* и др.). Статьи эти будутъ непремѣнно помѣщены въ теченіи 1883 года.

Въ приложеніи къ **«Историческому Вѣстнику»**, съ январской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа *Ю. Роденберга* подъ заглавіемъ **«Кромвель»**.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины **«Новаго Времени»**: въ Петербургѣ, Невскій просп., № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

еженедѣльная, иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная

Выходитъ въ 1883 г., безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшеніями. Болѣе 400 рисунковъ и Моды. Особыми приложеніями—художественные рисунки по русской исторіи, изъ которыхъ составится

Чтеніе» съ «Толкованіями» — пять руб. За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ перес.

Иногородные подписчики адресуются: «въ редакцію Церк. Вѣсти. и Христ. Чтенія, въ С.-Петербургѣ». Петербургскіе подписчики подписываются въ отдѣл. конторы ред. близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пер., д. № 5, кв. 5). Или при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета общественная, политическая и литературная

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края», отъ «Международнаго» и «Сѣвернаго» телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія. IX. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». X. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII. Смѣсь. XIV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Стороннія сообщенія. XVIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе, чѣмъ въ ста губернскихъ и уѣздныхъ городахъ южной Россіи.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція озаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ на Московской ул., въ домѣ харьковскаго университета, № 7-й.

Съ іюля мѣсяца 1882 г. газета печатается въ собственной типографіи, шрифтомъ болѣе убористымъ, вслѣдствіе чего текстъ газеты увеличился на одну треть прежняго размѣра.

Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„ВОЛЫНЬ"

Вступая въ пятый годъ своего существованія, съ будущаго 1883 года, газета «Волынь» будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю по слѣдующей программѣ:

1) Телеграммы. 2) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности волынской губерніи. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія во всѣхъ частяхъ свѣта. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Смѣсь, гдѣ будетъ помѣщаться шутки, курьезы, анекдоты и остроты изъ прошлаго и настоящаго времени. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ преимущественно въ предѣлахъ волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій.

Кромѣ того по временамъ будутъ помѣщаться фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ въ домѣ женской гимназіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	3 р.	30 к.
На ½ года	1 „	80 „
На 3 мѣсяца	1 „	— „
На 1 мѣсяцъ	—	40 „

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики на доставленіе адреса и на замѣну таковаго новымъ въ случаѣ перемѣны мѣста жительства приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к., адресуясь въ г. Житоміръ въ редакцію газеты «Волынь».

Редакторъ-издатель С. Блонскій.